

DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

417/835

250.-

Bury

Vigel' Filipp Filippovich

ЗАПИСКИ

"

ФИЛИПА ФИЛИПОВИЧА

ВИГЕЛЯ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ИЗДАНИЕ «РУССКАГО АРХИВА».

(дополненное съ подлинной рукописи).

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи, Страстной бульваръ.

1891.

Digitized by the Internet Archive
in 2019 with funding from
Duke University Libraries

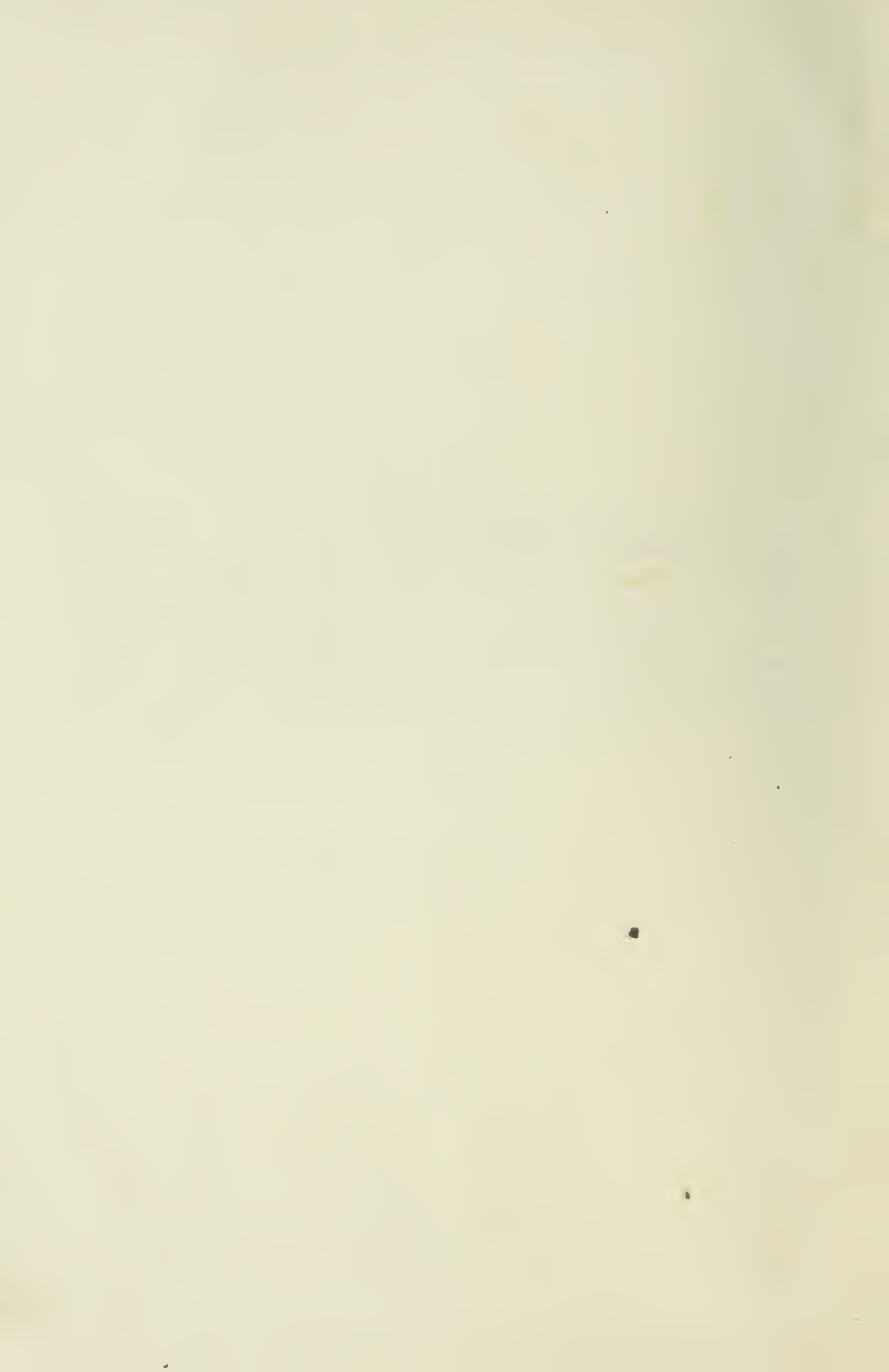
<https://archive.org/details/zapiskifilipafil181vige>

914.7
V 673 Z
§ 11-8

*

Записки Филипа Филиповича Вигеля печатались въ 1864 и 1865 годахъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», и въ 1866 году вышли отдѣльно въ трехъ книгахъ, подъ заглавіемъ «Воспоминаній». Нынѣшнее изданіе этихъ Записокъ печатается въ болѣе полномъ видѣ, съ подлинной рукописи. Ф. Ф. Вигель родился въ 1786 году въ Пензенской деревнѣ, скончался въ Москвѣ 20 Марта 1856 года, въ чинѣ тайнаго совѣтника, полученномъ по выходѣ въ отставку изъ должности директора Департамента Иностранныхъ Исповѣданій.

*

I.

Въ наше время появилось безчисленное множество историческихъ записокъ; ими наводненъ Западъ Европы. Иныя изъ нихъ мало занимательны, другія мало правдивы; но всѣ могутъ, для будущихъ историковъ, быть болѣе или менѣе полезны. Сіи источники, иногда весьма мутные, бывъ собраны, пропущены сквозь безпристрастную критику, очищены вкусомъ и геніемъ, могутъ составить величественный, ясный потокъ, коимъ Карамзины грядущихъ временъ будутъ напоять любопытную жажду къ познаніямъ, болѣе и болѣе увеличивающуюся въ моемъ отечествѣ.

Давно родилась во мнѣ мысль и желаніе обратиться въ одинъ изъ сихъ источниковъ, продлить къ концу приближающееся, тѣнное и мало-значительное бытіе мое, превратить его въ существованіе столь же неизвѣстное, невидимое, въ журчаніе неслышимое, съ надеждою случайно брызнуть когда-нибудь изъ мрака и земли, и быть замѣчену какимъ-нибудь великимъ мужемъ, который удостоитъ приобщить меня къ своему безсмертію или, по крайней мѣрѣ, долголѣтію.

Обстоятельства, неблагопріятствующія намѣренію моему, препятствовали мнѣ доселѣ приводить его въ исполненіе. Они не перемѣнились, но я рѣшился вопреки имъ приступить къ труду сему, столь заманчивому, быть можетъ, бесполезному для другихъ, но для меня уже тѣмъ полезному, что доставляетъ мнѣ занятіе на весь остатокъ дней моихъ.

По большей части историческія записки состояются государственными людьми, полководцами, любимцами царей, однимъ словомъ, дѣйствующими лицами, которыя, описывая происшествія, на кои они имѣли вліяніе и въ коихъ сами участвовали, открываютъ потомству важныя тайны, едва угадываемыя современниками: ихъ записки — главнѣйшіе источники для исторіи. Но если симъ актерамъ вѣдомо все закулисное, то между зрителями развѣ не можетъ быть такихъ, коихъ за-

мѣчанія пригодились бы также потомству? Имъ однимъ могутъ быть извѣстны толки и сужденія партера; прислушиваясь къ нимъ внимательнымъ ухомъ, они въ тоже время могутъ зоркимъ окомъ проникать въ самую глубину сцены, и если они хоть сколько-нибудь одарены умомъ наблюдательнымъ и счастливою памятью, то сколько любопытнаго и неизвѣстнаго могутъ сообщить они своимъ потомкамъ!

Отъ самаго рожденія, природой и фортуной бывъ осужденъ, по мнѣнью моему, болѣе чѣмъ на ничтожество, во всемъ получивъ отъ судьбы посредственность въ удѣлъ, я однакоже бесѣдовалъ много съ мудрѣйшими изъ моихъ соотечественниковъ, былъ въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ съ просвѣщеннѣйшими изъ нихъ; глупцы и невѣжды мнѣ также вовсе не были чужды: я долго жилъ среди ихъ и въ мысляхъ часто мѣрилъ пространство тѣхъ и другихъ отдѣляющее. Я не убѣгалъ также отъ нищеты и не отказывался отъ знакомства съ богатыми: отъ знатнаго до простолюдина, все состоянія мнѣ были извѣстны. Пространнѣйшее государство въ мірѣ проѣзжалъ я отъ Востока до Запада и отъ Юга до Сѣвера и былъ виѣ предѣловъ его; его блестящія столицы и отдаленнѣйшія отъ нихъ провинціи, непроходимые лѣса Сибиря и безлюдныя степи Новороссійскаго края мнѣ равно знакомы. Я пилъ воды Селенги и Сены и отъ вершины Хамаръ-Дабана страствовалъ до Содома Новаго Завѣта, который посѣтилъ я послѣ паденія минутной великой имперіи.

Я родился при Екатеринѣ, записанъ въ службу при Павлѣ, дѣйствительно и дѣятельно продолжалъ оную при Александрѣ и оканчиваю ее при Николаѣ. Еще въ младенческомъ возрастѣ, все окружавшее меня сильно возбуждало во мнѣ вниманіе и любопытство, все врѣзывалось мнѣ въ память, и все въ ней сохранилось. Пока еще лѣта не лишили меня сей способности, желаю я внукамъ моихъ соотечественниковъ, за неимѣніемъ собственныхъ *) завѣщать повѣсть о разнообразныхъ предметахъ, встрѣченныхъ мною на длинномъ пути не совсѣмъ обыкновенной жизни.

О себѣ буду говорить мало: скромность не позволить мнѣ хвалиться добрыми, но весьма обыкновенными свойствами, которыя едва могутъ служить перевѣсомъ безчисленнымъ недостаткамъ или даже порокамъ; а стыдъ, который еще знали въ наше время, не допуститъ меня открывать послѣднихъ. Не имѣя великой славы Жанъ-Жака Руссо, не имѣю и правъ на безстыдство его.

Въ описываемомъ мною я буду ничто: я буду только рама или, лучше сказать, маляръ, вставляющій въ нее попеременно картины и

*) Сочинитель женатъ не былъ. *И. Б.*

портреты и многообразіемъ ихъ старающійся замѣнить недостатокъ въ искусствѣ живописномъ.

Но, дѣлаясь провожатымъ читателя съвозъ мѣста и пропшества, мною видѣнныя, долженъ я необходимо прежде всего говорить ему о себѣ, даже о томъ, что было до меня, о моемъ происхожденіи.

II.

Я долго почиталъ себя Шведомъ. Одинъ нечаянный случай, а еще болѣе любопытство мое и тщеславіе показали мнѣ мою ошибку, открыли мнѣ горькую истину.

Предки мои въ Эстляндіи, въ Везенбергскомъ округѣ, владѣли мызами Иллукъ и Куртна. Мой дѣдъ заложилъ ихъ въ 1765 году на пятьдесятъ лѣтъ, и мнѣ досталось или выкупать ихъ или за нѣкоторую сумму уступить право на вѣчное имъ владѣніе. Я былъ молодъ, жилъ тогда въ Петербургѣ. Эстляндія, которую увидѣлъ я зимой, показалась мнѣ мрачнымъ оледенѣлымъ адомъ; я боялся хлопотъ и радъ былъ за маловажную сумму отказаться отъ права принадлежать къ знаменитому рыцарству. Поспѣшая обратно въ столицу, я не исполнилъ даже священной обязанности посѣтить могилу моего дѣда и не подумалъ заглянуть въ документы, по коимъ фамилія моя владѣла сказанными мызами.

Какое-то аристократическое чувство, дѣйствіе коего я впрочемъ весьма рѣдко ощущалъ, побудило меня гораздо послѣ, лѣтъ шестнадцать спустя, стараться съ точностію узнать эпоху, въ которую могущественные предки мои основали свое владычество за Наровой, тѣмъ болѣе, что представилось къ тому весьма удобное средство: г. Брунъ, шурина г. Ребиндера, коему уступилъ я права своей фамиліи, служилъ тогда подъ моимъ начальствомъ. По просьбѣ моей, скоро доставилъ онъ мнѣ копію съ нужныхъ для меня бумагъ, и что же открылось? Первымъ владѣльцемъ помянутаго имѣнія въ моемъ родѣ былъ только дѣдъ отца моего, именемъ Валдемаръ и, что еще ужаснѣе, онъ назывался Вигеліусомъ.

Кому неизвѣстно нынѣ, что въ Финляндіи природные жители имѣютъ обычай, коль скоро получаютъ какую-нибудь ученую степень, облагораживать прозваніе свое Латинскимъ *усомъ*. И потому-то вѣроятно, что прадѣдъ мой—сынъ какого-нибудь пастора или профессора Финскаго племени, который, исходя изъ низкаго состоянія, украсилъ имя свое сею ненавистною для меня окончательною прибавкой. Почему бы кажется, если онъ былъ докторъ богословія или медицины и коли

непремѣнно ему нужно было себя латинизировать, не называться ему донъ-Вигелемъ, какъ были донъ-Калметъ, донъ-Букетъ. *Донъ* не такъ тѣсно связывается съ именемъ какъ *усъ*; его легче отбросить. Хвала дѣдушкѣ, что, вступивъ въ военную службу, онъ сбрилъ сей ученый усъ.

Но какъ бы то ни было, я не Шведъ. Увы, нѣтъ никакого сомнѣнія: я Финнъ или Эстъ, или, попросту сказать, Чухонецъ! Потомству обязанъ я говорить всю истину, но отъ современниковъ буду тщательно скрывать сію ужасную тайну. Открывъ ее, враги-насмѣшники конечно не оставятъ попрекать меня Чудскою моею породой. Они готовы сдѣлать болѣе: они готовы будутъ сравнивать меня съ теми безчисленными несчастными, презрѣнными тварями, съ теми потерянными женщинами, кои, родясь въ окрестностяхъ сѣверной столицы, такъ легко впадаютъ въ бездну пороковъ, и которыя думаютъ возвысить себя и состояніе свое, называя себя Вѣтками, т. е. Шведками. Впрочемъ, что дѣлать? Если бы сіе и случилось, у меня всегда будетъ чѣмъ заплатить имъ.

Похвастаться дѣдомъ моимъ, Лаврентіемъ Владимировичемъ (какъ Русскіе его называли) имѣю я болѣе причинъ. Почти съ самаго дѣтства слѣдовалъ онъ за побѣдоносными знаменами Карла XII, быстро проходилъ чины и земли его герою покорявшіяся и въ званіи капитана драбантскаго полка, едва имѣя двадцать лѣтъ отъ роду, взятъ былъ Русскими въ плѣнъ подъ Полтавою. Почему съ другими плѣнниками не былъ онъ тогда отправленъ въ Сибирь, мнѣ неизвѣстно; вѣроятно изъ числа ссылаемыхъ были изъяты владѣльцы Остзейскихъ провинцій, сдѣлавшіеся новыми подданными Петра Великаго.

Новаго своего отечества не полюбилъ дѣдъ мой и никогда не хотѣлъ ему служить. Онъ спрятался на мызѣ своей и долго велъ уединенную, мрачную и безбрачную жизнь. Не знаю какъ сіе случилось, но наконецъ полюбилась ему одна благородная дѣвица, Гертруда фонъ-Бриммеръ. Онъ вступилъ съ нею въ законный бракъ, и по ней отецъ мой и дяди удостоились чести быть въ родствѣ съ Буксегвденами, Бревернами, Розенами и другими знаменитыми Лифляндскими баронами—чести, которою я, по крайней мѣрѣ, всегда весьма мало гордился.

Дальнѣйшихъ подробностей о дѣдѣ моемъ я не имѣю, ибо отецъ мой выросъ не при немъ и рано его лишился. Знаю только, что онъ никогда не покидалъ своего помѣстья, былъ столь же трудолюбивымъ хозяиномъ, какъ храбрымъ воиномъ, и что сей капитанъ-Цициннатъ всегда плакалъ при имени Карла XII и постоянно ненавидѣлъ Россію.

Доказательствомъ сей ненависти служить слѣдующее. Изъ семи сыновей своихъ, четырехъ старшихъ, не знаю по какому праву, послалъ онъ за границу служить другому герою, великому Фридриху.

Неблагодарность его противъ Россіи, подъ правленіемъ коей онъ столь долго наслаждался спокойствіемъ и независимостью, была жестоко наказана: одинъ только старшій сынъ, Лаврентій, участвовалъ въ Семилѣтнюю войну; другіе же трое Оттонъ, Фредерикъ и Валдемаръ, въ цвѣтѣ лѣтъ, погибли отъ Русскихъ ядеръ или штыковъ. Старшій же сынъ жилъ, видно, очень долго, ибо въ Прусской службѣ умеръ генераль-майоромъ и комендантомъ крѣпости Торуня. (Дѣтей онъ не оставилъ, а вдова его, урожденная Глазенапъ, какъ она подписывалась, обращалась къ отцу моему съ просьбою объ исходатайствованіи ей пенсіона, посредствомъ нашей миссіи).

Младшихъ трехъ сыновей своихъ, Ивана, Якова и Филипа, рѣшился дѣдъ мой посвятить Россіи; но на то были особливья причины.

Карлъ-Петръ Ульрихъ, герцогъ Гольштейнскій, внукъ сестры Карла XII-го, великій почитатель, какъ извѣстно, великаго Фредерика, былъ также племянникъ императрицы Елисаветы Петровны и наслѣдникъ ея престола. Но его блеска какъ бы не видѣлъ сей слѣпотствующій Германецъ; могущество народа, надъ коимъ ставила его судьба, не могъ понять сей слабоумный, сей слабодушный внукъ Петра Великаго. Почти въ ребячествѣ привезенный въ Россію и крещенный въ нашу вѣру, онъ никакъ не умѣлъ сдѣлаться Русскимъ: воспоминанія младенческихъ лѣтъ и окружавшіе его Нѣмцы, кои сохраняли ихъ въ пемъ и въ его царствованіе, надѣялись воскресить времена Вирона, никакъ его къ тому не допускали. Образцомъ его сдѣлался просвѣщенный геній, но онъ умѣлъ только перенять его ошибки. Подобно Фридриху, обожателю всего Французскаго, который не зналъ истиннаго духа Германцевъ (сихъ мыслителей по превосходству) и видѣлъ въ нихъ только ратныхъ людей и боевыя машины, Всероссійскій наслѣдникъ началъ подражать всему Нѣмецкому, презиралъ все Русское и мундиръ Прусскаго генерала предпочиталъ императорской коронѣ. Забывая или не зная, что создатель Прусской славы вводилъ строгую дисциплину въ войскѣ и образовалъ солдатъ своихъ не для парадовъ, а для побѣдъ, онъ первый у насъ началъ видѣть просвѣщеніе въ маршировкѣ и, говоря словами того времени, въ метаніи артикула. Потому-то Гольштейнскій его баталіонъ и Кадетскій Корпусъ Нѣмецкаго изданія, коего онъ былъ шефомъ, сдѣлались постоянными, единственными предметами его занятій.

Подъ его покровъ поставилъ дѣдъ мой трехъ маленькихъ сыновей, можетъ быть видя въ нихъ тайно будущихъ мстителей, будущихъ повелителей въ ненавистой землѣ. Ихъ приняли въ Кадетскій Корпусъ, и когда половина семейства моего дѣда проливала Русскую кровь,

другая содержалась и воспитывалась на Русскія деньги. Старая Россія, въ незлобїи и безопасности, во всемъ походила на нынѣшнюю.

Изъ трехъ сыновей, о коихъ я выше упомянулъ, одинъ только былъ дѣйствительно уменъ. Въ наукахъ, въ поведенїи, даже самую на-ружностію младшій отличался отъ двухъ старшихъ — это былъ мой отецъ. Но оставимъ сей любезный для меня предметъ: къ сему жи-вѣйшему, сладчайшему изъ моихъ воспоминаній я часто буду возвра-щаться. Теперь посѣшшу окончить рассказъ о моихъ дядяхъ.

Старшій изъ нихъ, Иванъ, всю жизнь свою служилъ въ военной службѣ; другой же, Яковъ, началъ было съ нея, но скоро перешелъ въ гражданскую. Съ ограниченнымъ умомъ, съ пылкими страстями, они не могли пойти далеко. Дядя мой Иванъ былъ то, что въ старину на-зывалось «забубенный»: влюбчивъ, мотовать и весьма не строгихъ пра-вилъ. Онъ не дожилъ до старости и кончилъ жизнь премьеръ-майоромъ и комендантомъ Орской крѣпости, бездѣтенъ, хотя и былъ женатъ на дочери какого-то гарнизоннаго офицера Семенова.

Другой мой дядя, Яковъ Лаврентьевичъ, былъ примѣчательнъ не-обыкновенною честностію въ дѣлахъ. Къ сожалѣнію, безкорыстные, безпристрастные судьи у насъ всегда были рѣдки; они почитались феноменомъ, и когда-то имъ дивились и ихъ уважали. Не въ это время дядя мой былъ судьей въ Санктпетербургскомъ Надворномъ Судѣ: надъ нимъ смѣялись и о немъ жалѣли; въ нынѣшнее просвѣщенное время его бы стали преслѣдовать. Онъ былъ отмѣнно трудолюбивъ и точенъ, занималъ всегда должности мелкія, но какъ говорится, доходныя, жилъ весьма бѣдно и послѣ себя ничего, кромѣ скудной движимости, не оставилъ. Долгое поприще жизни и службы окончилъ онъ въ одно время, въ 1802 году, едва достигнувъ чина коллежскаго совѣтника.

Я его знавалъ и всегда дивился скромности его желаній и удо-вольствій: чтеніе весьма незанимательныхъ Нѣмецкихъ книгъ и изрѣдка бесѣда стариннаго пріятеля коротали для него зимніе вечера; лѣтомъ же нанималъ онъ огородъ въ Екатерингофѣ и, покопавшись въ немъ, отдыхалъ на свѣжемъ воздухѣ. Миръ праху его, сего добраго и по-чтеннаго родственника!

Жизнь его, однакоже, не всегда была безмятежна: онъ зналъ лю-бовь и въ ней только не зналъ постоянства. Онъ не плѣнялся ни знат-ностію рода, ни блескомъ воспитанія; красота овладѣвала имъ, гдѣ-бъ она ему ни являлась, въ прачешной ли, или хотя въ коровникѣ. Но честность его правилъ была видна даже среди волненій его страстей. Слово «наложница» пугало его добродѣтель, и всякій разъ онъ, влюб-ляясь въ какую-нибудь простую дѣвку (самая знатная изъ нихъ была кистерская дочь), спѣшилъ соединиться съ нею законными узами. Какъ

это сходило ему съ рукъ, вотъ чего я никакъ понять не могу. Тогда еще не было устава Евангелическихъ въ Россіи церквей, и протестантизмъ, видно, былъ у насъ не лучше магометанской вѣры (что бы, кажется, ему такъ и не оставаться!) Какъ бы то ни было, но почтенный дядя мой былъ многоженецъ. Я узналъ это послѣ смерти его, когда явилась ко мнѣ одна изъ его вдовъ, прося о помощи; потомъ пришла другая, наконецъ третья; испугавшись многочисленности тетокъ, я не велѣлъ ни одной пускаться. Увы, говорятъ, ихъ было до восьми; одна гдѣ-то жила въ нянькахъ, другая была кухарка, а третья что-то еще хуже. Утверждаютъ, что всѣ тираны имѣютъ склонность къ многоженству и ставятъ въ примѣръ Генриха VIII и Ивана Васильевича, а мой бѣдный дядя скорѣе на все могъ быть похожъ, чѣмъ на тирана.

Между родными съ отцовской стороны былъ еще одинъ чудакъ, о коемъ никакъ умолчать не могу. Это Федоръ Ивановичъ Сандерсъ, единственный сынъ Софіи, старшей сестры отца моего, которая лѣтъ двадцать была его старѣе, такъ что племянникъ былъ почти ровестникомъ дядѣ. Любовь и война были его девизомъ: съ ребячества до глубокой старости онъ жилъ или среди тревогъ ихъ, или ихъ воспоминаніями. Въ первый разъ видѣлъ онъ непріятельскій огонь въ чинѣ поручика при Кагулѣ въ 1770 году, въ послѣдній же разъ въ чинѣ генераль-майора подъ Парижемъ въ 1814-мъ. И такъ сорокъ четыре года воевалъ онъ, и потомъ точно отдыхалъ на лаврахъ въ Измаилѣ (куда его сдѣлали комендантомъ), на приступѣ и при взятіи косяго онъ былъ три раза. Смерть его щадила, но не пули: онъ былъ весь израненъ и, не взирая на то, здоровъ, веселъ и бодръ до самой смерти. Совершенный недостатокъ въ способности мыслить, при воображеніи живомъ, вѣчно юномъ, спасли его отъ нравственныхъ болѣзней и сохранили ему и физическія силы. Подъ конецъ жизни онъ былъ въ отставкѣ генераль-лейтенантомъ, и хотѣлъ еще разъ взглянуть на столицу. Дордогой, въ Твери, одинъ бродяга, котораго въ Измаилѣ онъ взялъ кучеромъ, ударилъ его оглоблей и расшибъ ему руку и ногу съ намѣреніемъ его убить и ограбить; разбойника успѣли схватить, а онъ, на 90-мъ году жизни, черезъ два мѣсяца вылѣчился и явился въ Петербургъ. Казалось, онъ безсмертенъ; однакоже по пріѣздѣ кончилъ онъ необыкновенную жизнь свою весьма необыкновеннымъ образомъ: въ самый день рожденія своего, когда ему исполнилось 90 лѣтъ, 1-го Января 1836 года, онъ, будучи совершенно здоровъ, нарядился, поѣхалъ въ Зимній Дворецъ и умеръ на ступеняхъ парадной онаго лѣстницы, по коей онъ всходилъ.

Къ числу странностей его характера и жизни принадлежитъ и самый бракъ; онъ выигралъ жену свою на биліардѣ. Одна молодая,

прекрасная Кіевская мѣщанка плѣнила богатаго, вѣтреннаго Поляка, князя Яблоновскаго, вышла за него замужъ и черезъ годъ или два ему надоѣла. Сандерсъ съ батальономъ стоялъ тогда на квартирѣ въ одномъ изъ городовъ нашихъ западныхъ губерній, принадлежавшихъ тогда Польшѣ, но занятыхъ нашими войсками; онъ часто игралъ въ биліардъ съ Яблоновскимъ и выигралъ у него нѣсколько тысячъ злотыхъ. Когда онъ сталъ требовать отъ него уплаты, то увидѣлъ его Ариадну, воспламенился и предложилъ ему взаимную уступку. Договоръ былъ скоро заключенъ, ибо всѣ стороны изъявили согласіе, особенно же молодая княгиня, по чувству оскорбленнаго самолюбія. Онъ прожилъ съ ней до самой смерти лѣтъ сорокъ пять. Кажется, искренно она его никогда ни любила, обманывала его, часто измѣняла ему, но будучи гораздо его моложе, будучи умна, хитра и ловка, дѣлала жизнь его весьма счастливою; можетъ быть своею заботливостію она ее продлила, ибо дѣлала его, ухаживала за старымъ мужемъ, какъ за ребенкомъ *). Когда, за нѣсколько лѣтъ до смерти, онъ продолжалъ еще влюбляться, то ей одной повѣрялъ тайны муки своего сердца; она всегда выслушивала его съ участіемъ, то смѣялась, то утѣшала его, и не однимъ только словами, уговаривая молодыхъ красавицъ улыбкою, умилнымъ взглядомъ, ласковымъ словомъ и иногда даже холоднымъ поцѣлуемъ усладить страданія старика.

Конечно, невозможно Марину Игнатьевну ставить въ примѣръ добродѣтели нашимъ губерскимъ барынямъ, супругамъ нашихъ помѣщиковъ: онѣ живутъ тихо, спокойно, и отъ нихъ можно требовать болѣе точности въ исполненіи обязанностей. Но среди безирестанныхъ переходовъ, среди шумной, бурной воинской жизни, какъ иногда не забыться? Сколько я зналъ такихъ воинственныхъ женъ, которыя говорили: «нашъ полкъ», «нашъ эскадронъ»; онѣ готовы были раздѣлять опасности своихъ мужей, готовы были сразиться вмѣстѣ съ ними и жертвовать за нихъ жизнію, а не считали за грѣхъ мимоходомъ любить другихъ. Въ нихъ есть что-то особенное; онѣ млы какою-то солдатскою откровенностію. Жаль, что ни одна изъ нихъ неизвѣстна

*) Слѣдуя сему примѣру, можно совѣтовать всѣмъ холостякамъ и вдовцамъ, достигающимъ глубокой старости и пользующимся пожизненными только достаточными доходами, жещтса на пожилыхъ красавицахъ не строгой правдивости и владѣвшихъ долго искусствомъ плѣнять: по старой привычкѣ, онѣ привязываются къ послѣдней своей жертвѣ, къ послѣднему поклоннику и берегутъ его какъ зеницу ока. Онѣ тѣшатъ его, очаровываютъ и, окруженный призраками, старый мужъ медленно приближается ко гробу. Наши Русскія въ этомъ дѣлѣ еще не мастерицы; по примѣру Польки Шишковой нашель уже подражаніе въ Нѣмкѣ Обрѣзковой. Авось ли сіи оба примѣра возбудить соревнованіе въ нашихъ любезныхъ соотечественницахъ. Какъ мы во всемъ еще отъ Запада отстаемъ!

Жакобу, Сю или Бальзаку: какой бы изъ нихъ прекрасный можно было сдѣлать романъ въ новѣйшемъ вкусѣ! Марина Игнатьевна не во всемъ на нихъ похожа, но можетъ также почитаться совершенно походною женой.

Я счелъ излишнимъ упомянуть объ этомъ старомъ вопнѣ, послѣднемъ близкомъ родственникѣ отца моего (ибо дѣтей * онъ не оставилъ), тѣмъ болѣе, что оригинальность его довольно замѣчательна.

III.

Разсказавъ все, что зналъ, о предкахъ и родственникахъ отца моего, съ чувствомъ нѣкоторой гордости начинаю говорить о Русскомъ происхожденіи моемъ по матери.

Много есть нынѣ такихъ фамилій, кои, гордясь древностію происхожденія, имѣютъ сильныя притязанія на знатность, но коихъ названій отыскать невозможно въ такъ-называемой бархатной книгѣ. Извѣстно, однакоже, что она замѣнила родословныя книги дворянъ, преданныя всесожженію для истребленія мѣстничества при царѣ Θεодорѣ Алексѣевичѣ, то-есть лѣтъ съ не большимъ полтора ста тому назадъ.

Родъ Лебедевыхъ, отъ коихъ происхожу я по матери, въ ней, однакоже, находится. Сіе, впрочемъ, могло бы ничего не доказывать; я зналъ Ушаковыхъ, Новосильцовыхъ, Сабуровыхъ, людей пменующихъ себя въ исторіи Россійской вездѣ встрѣчающимися названіями, кои были, однакоже, или отпущенные на волю, или отданные въ рекруты крѣпостные люди. Я не говорю уже о безчисленныхъ Павловыхъ, Алексѣевыхъ, Яковлевыхъ, Мартыновыхъ, сихъ именныхъ прозванійхъ, кои по отцу всякій принять и потомству передать можетъ. Выслужившись до штабъ-офицерскаго чина, право или неправо наживши имѣніе, женившись на богатой купчихѣ или бѣдной дворянкѣ, они дѣтямъ своимъ, а еще болѣе внукамъ, передаютъ право безъ малѣйшаго препятствія причислиться къ благороднымъ фамиліямъ, имъ вовсе чуждымъ, и даже затмѣвать ихъ, если чины и состояніе то дозволяютъ. Послѣ того пусть еще гордятся у насъ древніе дворяне, почитающіе себя древними!

Дѣдъ мой, Петръ Ивановичъ Лебедевъ, умеръ въ 1752 году, оставивъ вдову, беременною моею матерью, и старшую восьмилѣтнюю дочь Елисавету. Онъ былъ тогда прапорщикомъ гвардіи Измайловскаго полка, а службу началъ простымъ рядовымъ. Это могло бы заставить подумать, что онъ также ничто иное какъ вѣтвь самовольно привившаяся къ древнему, благородному дереву; но вотъ что служить дока-

зательствомъ противному: всѣ дворяне и даже князья, вступая тогда въ войско, начинали быть простыми солдатами; а что еще убѣдительное того, матери моей досталось отъ отца по наслѣдству село Лебедевка, при рѣчкѣ Ардымѣ, въ шести верстахъ отъ Пензы, еще донынѣ въ нашемъ семействѣ сохранившееся. Въ кладбищенской, полусгнившей деревянной церкви сказаннаго села находятся съ надписями могилы Ивана Кондратьевича и Ивана Ивановича Лебедевыхъ, прадѣда и дѣда моей матери, надъ прахомъ коихъ по извѣстнымъ временамъ она служила панихиды. Такъ какъ Пенза сдѣлалась городомъ только въ 1666 году, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, то весьма вѣроятно, что Иванъ Кондратьевичъ былъ основателемъ и первымъ вотчинникомъ селенія, которое назвалъ своимъ фамильнымъ именемъ; если же онъ получилъ его по наслѣдству отъ предковъ, то тѣмъ лучше для дворянскаго нашего тщеславія.

Моя бабка, овдовѣвъ, вышла второй разъ замужъ за одного Рязанскаго помѣщика Трескина, прижила съ нимъ дѣтей, но умерла въ молодости и оставила мать мою у вочима, въ совершенномъ почти ребячествѣ. Вскорѣ потомъ бабка ея съ материнской стороны привяла къ себѣ малютку; но и подъ крыломъ сей послѣдней не долго она осталась. Она была во второмъ бракѣ за однимъ Василиемъ Ивановичемъ Чулковымъ и, не имѣвъ отъ него дѣтей, умирая, отказала ему попеченіе о своей внучкѣ.

Хотя сей г. Чулковъ былъ намъ почти вовсе чужой, но какъ онъ былъ единственный покровитель и единственное воспоминаніе младенческихъ лѣтъ моей матери, такъ рано лишившейся родителей и родныхъ и знавшей ихъ почти только по слуху, то мнѣ желательно сохранивъ здѣсь трогательное семейное о немъ преданіе.

Родившись въ низкомъ состояніи, онъ, неизвѣстно какъ, попалъ въ придворные истоппики на половину цесаревны Елисаветы Петровны; по усердію своему онъ сдѣлался ей извѣстенъ и близокъ и служилъ, какъ божеству, дочери Петра Великаго. Почести на него посыпались съ ея воцареніемъ: онъ вскорѣ сдѣлался дѣйствительнымъ камергеромъ, Александровскимъ кавалеромъ и даже, наконецъ, генераль-аншефомъ, хотя въ военной службѣ никогда не находился. Тогда-то дворянка Кривская, урожденная, хотя Татарская, но все таки княжна Мещерская, не только не погнушалась руки бывшаго истоппика, но съ благодарностію приняла его предложеніе. Сей бракъ былъ устроенъ Провидѣніемъ какъ будто для того, чтобы дать защиту круглой сиротѣ, моей матери.

Я знавалъ людей, кои помнили еще царствованіе Елисаветы Петровны и со слезами умиленія вспоминали о немъ. Сія государыня,

съ добрымъ, нѣжнымъ сердцемъ, получила самое дурное воспитаніе; она выросла среди древнихъ, грубыхъ, но уже не простыхъ и чистыхъ, а Европейскимъ первоначальнымъ образованіемъ испорченныхъ нравовъ тогдашняго времени. Ей было вѣдомо искусство дѣлать подданныхъ счастливыми и заставить чужіе народы уважать имя Русское; но она не знала тѣхъ приличій, кои нынѣ царямъ необходимы, сего кроткаго величія, коимъ Екатерина Вторая умѣла вселять благоговѣйный къ себѣ страхъ. Обхожденіе съ нею было самое простое, хотя и трепетали ея гнѣва, и образъ жизни ея можно было встрѣтить, лѣтъ съ тридцать тому назадъ, между помѣщицами отдаленныхъ губерній.

Во внутренности дворца своего, она была окружена толпою женщинъ изъ простонародья, болтуній, сплетницъ. Суевѣріе, ложные страхи производили въ ней бессонницу, и эти женщины, сидя въ нѣкоторомъ разстояніи отъ ея постели, должны были сначала рассказывать ей сказки, а потомъ, когда замѣчали, что она начинаетъ забываться, продолжали между собою разговоръ шепотомъ, чтобы совершенно усыпить ее. Вѣрный слуга Василій Ивановичъ долженъ былъ также тутъ находиться и, не взирая на разницу лѣтъ и званія, являясь опять прежнимъ истопникомъ, смиренно клалъ на полъ тюфячекъ свой подлѣ кровати императрицы и, какъ безсмѣнный стражъ, ложился у ногъ ея. Зная, что государыня не спитъ еще, гнусныя твари въ разговорахъ своихъ часто злословили царедворцевъ, не довольно къ нимъ *чистыхъ*: тогда правдолюбивый Чулковъ тихо возвышалъ голосъ, чтобы опровергать ихъ клеветы, понося ихъ словами, которыя во дворцѣ слышать бы не должно было, и тѣмъ успокоивалъ раждающіяся подозрѣнія добродушной своей царицы. Случалось, что она, вставая ранѣе утомленнаго старика, талчила его, шутила съ нимъ; а онъ, приподымаясь легонько, потрепывалъ ее, говоря; «охъ, ты моя лебедка бѣлая!».

Не мое дѣло описывать царицу среди великолѣпнѣйшаго пышнаго двора ея, побѣды ея полководцевъ надъ великимъ Фридрихомъ, благоденствіе Россіи подъ ея правленіемъ, раждающіяся при ней художества, театръ и поэзію: для того были Ломоносовы и будутъ еще другіе счастливыя, кои въ исторіи ея изобразятъ золотой вѣкъ Россіи. Миѣ пришлось сказать нѣсколько словъ о домашнемъ бытѣ старинной боярыни на тронѣ и столько, сколько сіе касалось до благодѣтеля моей матери, предка моего не по крови, а по благодѣніямъ. Я увѣренъ, что читатели не причтутъ меня къ числу тѣхъ злонамѣренныхъ людей, коими изобилуетъ наше время, кои, подобно свиньѣ Крылова, ищутъ одного навоза, не хотятъ или не умѣютъ отдѣлить частной жизни царей отъ

политической и, привязываясь къ однѣмъ человѣческимъ ихъ слабостямъ, стараются затмить весь блескъ ихъ царственныхъ дѣяній.

Лѣтъ четырнадцать мать моя лишилась и попечителя своего, который вспоилъ, вскормилъ ее, берегъ и лелѣялъ, оставялъ ей примѣръ своихъ добродѣтелей и нѣсколько отеческихъ наставленій, но едва выучилъ ее грамотѣ, которую самъ плохо зналъ. Она отправилась въ свое помѣстье, вступила въ управленіе, сдѣлалась полною госпожей и... не погибла. Ангель-хранитель ея остался тогда единственнымъ заступникомъ бѣдной спроты; казалось, начертавъ на лицѣ ея свой образъ, онъ въ сердце ея вдохнулъ свою непорочность.

Я не могъ видѣть ея молодости (она родила меня будучи слишкомъ тридцати лѣтъ), но отъ стариковъ, искавшихъ руки ея, много слышалъ о ея разборчивости и красотѣ. Когда я могъ судить объ ней, она уже была въ преклонныхъ лѣтахъ, но и тутъ еще нравилась; для ребенка добрая мать прекраснѣе всего въ мірѣ, а мнѣ казалось и въ совершеннѣйшій, что такой миловидной старушки я не встрѣчалъ никогда.

Въ слѣдующей главѣ буду говорить о ней пространнѣе, но и здѣсь не утерпѣлъ сказать нѣсколько словъ.

IV.

Говоря о младшихъ сыновьяхъ моего дѣда, сказалъ я, что младшій изъ нихъ былъ мой отецъ и вмѣстѣ съ ними воспитывался въ Кадетскомъ Корпусѣ.

Симъ первымъ полезнымъ учебнымъ заведеніемъ Россія обязана Нѣмцамъ. Въ царствованіе Анны Іоанновны, когда они у насъ неистовствовали, безжалостно терзали Россію, грабили ее, унижали, былъ однакоже между ними одинъ знаменитый мужъ, который не довольствовался дарить наше отечество побѣдами, но и думалъ о внутреннемъ его благѣ. Благодарное потомство умѣетъ отличать его отъ единоплеменныхъ ему палачей, и имя Миниха ярко блеститъ среди воспоминаній того мрачнаго времени.

Его мыслию создано, его стараніями, попеченіями устроено первое въ Россіи военное училище. При недостаткѣ въ средствахъ къ домашнему воспитанію, при стремленіи сравниться въ познаніяхъ съ господствовавшими тогда Нѣмцами, лучшіе дворяне, самые вельможи, почитали милостію опредѣленіе дѣтей въ Сухонутный Шляхетный Кадетскій Корпусъ, какъ онъ тогда назывался. Знатные и иностранцы, разумѣется, въ семъ случаѣ предпочитались. Въпослѣдствіи, при Елисаветѣ Петровнѣ, когда основатель Корпуса томился въ ссылкѣ, разсад-

никъ просвѣщенныхъ воиновъ, имъ насажденный, процвѣталъ все болѣе и болѣе, и даже наслѣдникъ престола былъ назначенъ его шефомъ. Сіе назначеніе конечно умножило наружный блескъ заведенія, но ничего не прибавило къ пользѣ внутренняго его устройства. Видно, что оно основано было на твердыхъ началахъ: ибо Петръ III, какъ извѣстно, мало заботился о распространеніи наукъ и, подобно своимъ послѣдователямъ, предпочиталъ имъ маршировку. Однакоже, подъ его управленіемъ образовались въ Корпусѣ почти всѣ государственные люди, прославившіе царствованіе Екатерины II, и, что всего удивительнѣе, ни одинъ почти изъ воспитанныхъ при немъ кадетовъ не былъ причастенъ къ тѣмъ порокамъ, кои безславили и, наконецъ, сгубили несчастнаго государя.

Въ особенности отецъ мой, коего замѣтилъ и полюбилъ онъ еще съ дѣтства, отличался совершенно-дѣвственною чистотою. Пылкій, смѣлый, отважный, онъ однакоже и въ старости готовъ былъ краснѣть отъ всякаго нескромнаго, неблагопріостойнаго изреченія, коими изобилуетъ солдатскій языкъ и коихъ употребленія самъ онъ вовсе не зналъ. Стройный, статный, благообразный, онъ, безъ крайней необходимости, даже передъ слугою, не обнажалъ груди или плеча *).

Можетъ быть, мнѣ не повѣрятъ; но прахомъ его клянусь, что совершеннѣе человѣка, какъ мой отецъ, я не встрѣчалъ. По мнѣнію моему, онъ былъ выродокъ не только въ семействѣ своемъ, но и въ родѣ человѣческомъ. Еслибъ онъ мнѣ былъ и чужой, то мнѣ пріятно было бы изобразить его, какъ самое чудное явленіе въ мірѣ.

Излишество во всемъ бываетъ вредно, и для самыхъ похвальныхъ качествъ есть грапицы, за коими они превращаются въ слабости и даже въ пороки. Такъ, на примѣръ, излишняя щедрость дѣлается расточительностію, а бережливость скупостію; смѣлость обращается въ дерзость, покорность въ раболѣпство, и благородное чувство собственнаго достоинства въ несносную спѣсь. Мудрость человѣческая состоитъ въ способности избѣгать крайности, и въ этомъ отношеніи я не зналъ человѣка, котораго бы болѣе, какъ отца, можно было назвать *l'homme du juste milieu*.

Онъ былъ чрезвычайно вспыльчивъ, а дѣйствіями его всегда управлялъ рассудокъ; страстно любилъ женщинъ, а всегда былъ цѣломудренъ и вѣренъ долгу супружества. Другъ порядка, почитатель установленныхъ властей, онъ однакоже никогда не былъ очень любимъ

*) Иные, можетъ быть, заключать изъ того, что отецъ мой былъ человѣкъ женообразный, жеманный и найдутъ похвалы мои смѣшными. На тѣхъ, кои знавали его, можно сослаться и спросить: смѣхъ или невольное уваженіе производила краска стыда и негодованія, на мужественномъ лицѣ его иногда выступавшая?

начальниками, всегда уважаемъ ими. Точность его ума болѣе всего дѣлала его способнымъ къ математическимъ наукамъ, и онъ примѣрно въ нихъ успѣвалъ, но въ тоже время чрезвычайно любилъ художества и музыку. Въ особенности же имѣлъ онъ страсть къ архитектурѣ: для сосѣдей, для пріятелей, даже иногда просто для знакомыхъ, онъ чертилъ планы домовъ, церквей, заводовъ и потомъ, при производствѣ работъ, помогалъ имъ совѣтами, какъ дешевлѣ и прочнѣе возводить строенія; и все это разумѣется даромъ. Въ провинціяхъ и доселѣ чувствуютъ недостатокъ въ архитекторахъ; проекты маловажныхъ зданій выписываются изъ столицъ. Что же было лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ? Присутствіе моего отца въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ находился, въ семъ отношеніи было точно для нихъ благодѣяніемъ. Однимъ словомъ, человекъ сей, съ правдолюбіемъ, съ простотою нравовъ древнѣйшихъ временъ, соединялъ всю образованность осмнадцатаго столѣтія.

Слогъ есть человекъ, сказалъ кто-то, и справедливость этого изреченія доказывалъ мой отецъ. Не бывъ природнымъ Русскимъ, не имѣвъ никакихъ предъ собою образцовъ (ибо по-русски онъ началъ писать лѣтъ за десять до рожденія Карамзина), Русскія письма его могутъ сами служить образцами. Цѣлую сотню ихъ сохранилъ я какъ святыню, и они могутъ служить тому доказательствомъ. Откуда было взять ему столь чистый слогъ, если не изъ самаго чистаго источника прекрасной души своей? Возможно ли ему было съ такою стройностію, съ такою правильностію выражать мысли, если бы въ самихъ сихъ мысляхъ не было столько ясности и красоты? И это былъ иностранецъ, воспитанникъ Кадетскаго Корпуса 1750-хъ годовъ! И онъ никогда не думалъ быть литераторомъ и, что всего удивительнѣе, въ письмахъ его никогда нельзя найти ни словъ изъ приказнаго слога, сирѣчь, понеже и дондеже, ни сентиментовъ, реверансовъ, онора, конфузиі, словъ иностранныхъ, коими необразованный еще тогда языкъ нашъ столь изобиловалъ. На Нѣмецкомъ языкѣ писалъ онъ, какъ на природномъ, а на Французскомъ писалъ онъ и говорилъ, хотя безошибочно и правильно, но какъ человекъ, который, чувствуя необходимость его въ обществѣ, не безъ усилій ему выучился, и выговоръ на немъ имѣлъ Нѣмецкій.

У людей совѣстливыхъ долгъ и склонность въ безпрестанномъ состязаніи. Отецъ мой ненавидѣлъ низкія, подлыя или незаконныя дѣла, но въ равной степени не терпѣлъ также и злословія. Какъ быть? Какъ ненавидѣть зло и не осуждать его? Смѣшной стороны онъ ни въ комъ не видѣлъ, слабости ему подвластныхъ старался увѣщаніемъ исправлять, слабости чужихъ всегда находилъ средство извинять, на порокъ смотрѣлъ въ грозномъ молчаніи. Любопытно было видѣть,

какъ, убѣжденный въ гнусности какого-нибудь нечестивца, послѣ замѣтной внутренней борьбы, онъ иногда съ тяжкимъ вздохомъ произносилъ наконецъ: «какой негодный человѣкъ!» Какъ всякій праведникъ, терпѣлъ онъ много отъ несправедливости людей, отъ начальниковъ и даже отъ подчиненныхъ. Иногда позволялъ онъ себѣ жаловаться на сіи несправедливости, но не примѣшивая ни единого оскорбительнаго слова для тѣхъ, кои ихъ учинили. Въ обществѣ оставлялъ онъ пересуды безъ вниманія; у себя же дома всегда учтиво просилъ осуждающихъ перемѣнить разговоръ. Изъ сего можно заключить, какъ мало позволялъ онъ семейству своему порицать ближнихъ. Можетъ-быть сія самая строгость произвела во мнѣ дѣйствіе совсѣмъ противное, сіе чувство нетерпѣнія, съ коимъ такъ трудно переносить мнѣ несправедливости не только ко мнѣ, но и къ другимъ, и сію способность обильными словами облегчать страданія, причиняемая мнѣ глупостію или злостію людей.

Люди добродушные, какъ мой отецъ, бывають обыкновенно нѣсколько лѣнивы, весьма невзыскательны насчетъ опрятности и сами мало ее соблюдаютъ; въ старости сей порокъ дѣлается ощутительнѣе и еще тѣмъ болѣе безобразить ее. Съ отцомъ моимъ было совсѣмъ противное: онъ былъ чрезвычайно дѣятеленъ, онъ не знавалъ минуты бездѣйствія и скуки. Съ ранняго утра причесанный, умытый, одѣтый, онъ раздѣвался только, когда ложился спать; халатъ былъ для него эмблемой болѣзни; пятно на мундирѣ или фракѣ почиталъ онъ несчастіемъ не много поменѣе пятна на чести. Таковъ былъ онъ до старости, до послѣдней минуты жизни. Сіе тѣмъ примѣчательнѣе, что въ его молодые годы мы въ Россіи мало знали опрятность, и въ самыхъ знатныхъ домахъ сами барыни были весьма нечистоплотны. Опрятность есть одно изъ малаго числа благодѣяній, коими, по мнѣнію моему, Западу мы обязаны.

Одно изъ воспоминаній объ отцѣ тревожитъ меня и смущаетъ: онъ не былъ набоженъ и всегда избѣгалъ не только споровъ, но и разговоровъ объ религіи. Объяснить это себѣ стараюсь я слѣдующимъ образомъ. Онъ родился и воспитанъ въ Лютеранской вѣрѣ; будучи уже мужемъ и отцомъ семейства, впалъ онъ въ тяжкую болѣзнь, врачи отъ него отказались и осудили его на смерть. Матери моей, отчаянной супругѣ, представилась ужасная мысль, что ей, православной, даже и въ будущей жизни невозможно будетъ встрѣтиться съ обожаемымъ ею еретикомъ; пользуясь его безпамятствомъ, она призвала священника и умоляла его совершить надъ нимъ святое муропомазаніе. Такимъ образомъ поступилъ онъ въ нѣдра Греко-россійской церкви. Едва любовь и вѣра свершили обрядъ, какъ уже лучъ надежды блеснулъ

для моей матери: съ той минуты онъ началъ оживать, воскресъ, узналъ о томъ, что произошло, и не смѣлъ огорчить упрекомъ ту, которая въ выздоровленіи его видѣла чудо небесное. Всѣ дѣянія его были истинно-христіанскія; по присоединеніи къ восточной церкви онъ съ точностію слѣдовалъ ея обрядамъ; но, можетъ быть, чувствуя тайно ложный стыдъ, онъ не любилъ говорить о томъ, что напоминало ему о невольномъ случившейся съ нимъ перемѣнѣ.

Послѣ всего вышесказаннаго, нужно ли говорить, что онъ былъ нѣжный супругъ и отецъ, постоянный другъ, добрый господинъ, справедливый и пріятный въ обхожденіи начальникъ? Все это, хотя не со-всѣмъ обыкновенно, но къ счастью и не весьма рѣдко встрѣчается между людьми. Мнѣ хотѣлось изобразить въ немъ только то, что отличало его отъ другихъ, представить въ немъ противоположности, согласіе или соединеніе коихъ производило совершенство. Блестящій взглядъ его, разговоръ живой и умный и на устахъ почти всегда улыбка непорочнаго веселія, знакомаго только ему подобнымъ, дѣлали его привлекательнымъ еще и въ старости.

Младшій изъ всего многочисленнаго своего семейства, онъ родился 12 Іюня 1740 года; не знаю, когда поступилъ онъ въ Кадетскій Корпусъ, но знаю только, что въ послѣдній годъ царствованія Елисаветы Петровны былъ уже онъ въ немъ прапорщикомъ и преподавалъ науки кадетамъ, изъ коихъ многіе были ему ровесниками.

Нѣмецкое происхожденіе и совершенное знаніе фронтовой службы ввели его въ особенную милость къ наследнику престола. Сдѣлавшись императоромъ, Петръ III сравнилъ кадетскихъ офицеровъ съ гвардейскими и, щедрый на награды, какъ сынъ и внукъ, въ продолженіи шестимѣсячнаго царствованія своего, произвелъ отца моего въ подпоручики, въ поручики и въ капитанъ-поручики. Приближался Петровъ день, царскія именины, и баронъ Унгернъ-Штернбергъ, генераль-адъютантъ и двоюродный дядя моего отца, объявилъ именемъ государя, что въ сей день онъ будетъ пожалованъ флигель-адъютантомъ. Можно посудить о радости двадцати-двухъ-лѣтняго юноши; онъ изъ Ораніенбаума поскакалъ въ Петербургъ, чтобы закупить все нужное къ обмундировкѣ. Но прежде 29 Іюня было 28-е. Въ этотъ день, проходя утромъ чрезъ Исаіевскую площадь и ничего не вѣдая, онъ былъ схваченъ и посаженъ подъ карауль. Екатерина вступила на престолъ.

Тогда попали въ честь Орловы,

а подобно дѣду Пушкина, отецъ мой «въ крѣпость, въ карантинъ». Но онъ не долго въ немъ оставался, не болѣе двухъ недѣль; его выпустили и, не бывши въ числѣ крупныхъ любимцевъ, онъ скоро исчезъ въ толпѣ и возвратился къ своимъ корпуснымъ занятіямъ.

Съ величайшимъ любопытствомъ прислушивался я въ ребячествѣ въ разсказамъ покойнаго отца о благодѣтель его, Петръ III-мъ. Онъ не хвалилъ его наружности, объ умѣ слова не было; но за то съ восторгомъ говаривалъ онъ о душевной его добротѣ и безпримѣрной снисходительности къ окружающимъ. Я росъ въ Кіевѣ, никогда не видалъ царей и представлялъ ихъ себѣ хотя и людьми, намъ подобными, но имѣющими еще болѣе важности и величія, чѣмъ самъ митрополитъ. Оттого бывалъ я въ крайнемъ изумленіи, когда слышалъ объ огромнѣйшей чашѣ съ пуншемъ, о цѣлой горѣ курительнаго табаку и о десяткахъ трубокъ, находившихся по вечерамъ въ пріемной у императора, который расхаживалъ, балагурилъ, и если не приневоливалъ, то усердно приглашалъ всѣхъ этимъ потѣшаться. Мнѣ это казалось слишкомъ милостиво.

Около тридцати пяти лѣтъ служилъ мой отецъ Екатеринѣ Второй вѣрой и правдой, всегда съ благоговѣніемъ произносилъ ея имя, никогда не позволялъ себѣ осуждать ея слабостей (о томъ у насъ въ домѣ и помину не было), но за то никогда и не удавалось мнѣ слышать отъ него тѣхъ заслуженныхъ похвалъ, коими всѣ ея превозносили. Съ растроганнымъ видомъ говаривалъ онъ о ея наслѣдникѣ: по увѣренію его (а ему вѣрить было можно) и многихъ другихъ, Павелъ Петровичъ былъ въ дѣтствѣ прекраснѣйшій ребенокъ и между тѣмъ чрезвычайно похожъ на отца своего, который, однакоже, былъ ни хо-рошъ, ни дурень.

Въ 1764 году отецъ мой, послѣ долгой разлуки, посѣтилъ слѣпаго и умирающаго своего отца, принялъ его благословеніе и послѣдній вздохъ (но наслѣдства никакого) и, возвратясь въ Петербургъ, былъ выпущенъ въ армію съ чиномъ премьеръ-майора и опредѣленъ въ генеральный штабъ.

Въ это время съ новымъ жаромъ начали хлопотать о водвореніи у насъ Европейскаго образованія: надобно было открыть ему всѣ отверстія, дабы оно могло въ самую утробу Россіи проникнуть. Въ Германіи вызвались охотники заселять степи, коими Россія столь изобилуетъ. Какъ было тому не обрадоваться? Цѣлыя массы свѣта должны были влиться къ намъ съ тысячами Нѣмецкихъ мужиковъ, изъ коихъ, какъ извѣстно, особенно Баварцы и Вестфальцы отличаются образованностію! Человѣческій родъ примѣтно умножается, особенно между Славянскими племенами; для сбыта излишества населенія у насъ неистощимые запасы пустошей, и эти запасы не за морями, какъ у другихъ, а такъ сказать подъ руками; ихъ безчисленность насъ долго пугала, тогда какъ другія государства, не имѣя таковыхъ, намъ завидовали. Итакъ, сихъ пришельцевъ приняли съ распростертыми объятіями, и

учреждена канцелярія опекунства иностранныхъ, подъ предсѣдательствомъ самого князя Орлова, тогдашняго фаворита. Императрица Екатерина была еще довольно молода и, несмотря на врожденное въ ней искусство царствовать, по неопытности, не знала еще тогда истинныхъ польвъ своего народа.

Роскошные берега Волги, въ нынѣшней Саратовской губерніи, тогдашней провинціи, были выбраны для принятія дорогихъ гостей. Конечно, поселеніе иностранныхъ колонистовъ менѣе вредно и безразсудно на краю государства, чѣмъ военныя поселенія внутри его; однакоже и пользы отъ того мало: казна тратится, а прибыли не имѣеть; ибо по прошествіи семидесяти лѣтъ сіи колоніи, кажется, и понынѣ пользуются льготою. Хлѣбопашество въ той сторонѣ ничего отъ того не выиграло; только жители Сарепты размножили сѣяніе табаку и горчицы, что и безъ нихъ можно было сдѣлать.

Генераль-фельдцейгмейстеръ и надъ фортификаціями генераль-директоръ, князь Орловъ, искалъ между подчиненными своими, военнoучеными (а ихъ было такъ мало) людей, коимъ бы можно было поручить смотрѣніе за межеваніемъ земель и размѣщеніемъ на нихъ колонистовъ, и выбралъ двухъ друзей: инженеръ-майора Либгарда и отца моего. Симъ выборомъ была навсегда рѣшена участь послѣдняго.

Саратовъ и Пенза, два провинціальныя города, почти въ одно время возникшіе, построены въ двухъ стахъ верстахъ одинъ отъ другаго, и какъ въ старину, такъ и понынѣ находятся въ тѣсномъ союзѣ и безпрестанномъ соперничествѣ или, лучше сказать, соревнованіи; но участь сихъ городовъ совершенно различна.

Первый изъ нихъ стоитъ на берегу величественной Волги, царицы рѣкъ, движущагося моря, и владычествуетъ надъ одною изъ пространнѣйшихъ областей въ государствѣ. Въ сей области находятся и многолюдныя уѣзды, хлѣбопашцами, помѣщичьими крестьянами населенныя, и плодородныя, широкими рѣками орошаемая степи, никѣмъ или еще мало обитаемая, и степи безводныя, и солончакн; въ ней Елтонское озеро, снабжающее солью треть Россіи; въ ней иностранныя колоніи, въ ней Ахтуба и развалины Сарая; въ ней растутъ береза и виноградъ, произведенія Сѣвера и плоды Юга; въ ней и хлѣбопашество, и торговля, и судоходство, и рыбныя ловли, и соляной промыселъ.

Пенза на горѣ возвышается гордо надъ смиренною Сурой. Сія рѣчка, только при устьѣ своемъ достойная названія рѣки, въ одно только время года, и то самое короткое, бываетъ судоходна; она робко и медленно приближается къ спѣсивой Пензѣ и, не смѣя коснуться подошвы ея, въ двухъ или трехъ верстахъ отъ нея протекаетъ *). Гу-

*) Въ сію Суру впадаетъ, однакоже, родимый мой Ардымъ.

бернія Пензенская сжата на маломъ пространствѣ и тѣсно заселена помѣщичьими деревнями. Въ противоположность Саратовскаго разнообразія, въ ней все единообразно, вездѣ равно прекрасныя виды, равно прекрасная почва земли, вездѣ изобиліе плодовъ земныхъ и вездѣ недостатокъ въ средствахъ къ ихъ сбыту. Между дворянами вездѣ почти одинаковая невѣжественно-олигархическая спѣсь, въ простомъ народѣ встрѣчаешь почти одинаковую холопью дерзость или низость.

Однимъ словомъ, сіи двѣ губерніи можно сравнить съ богатымъ купцомъ и довольно-зажиточнымъ дворяниномъ. Но какъ Русское дворянство (нынѣ столь многочисленное) прежде и болѣе другихъ сословій воспріяло Европейское образованіе и съ преимуществомъ происхожденія или заслугъ соединяетъ преимущества воспитанія, то купечество весьма естественно оказываетъ ему невольное уваженіе. Въ замѣнъ того, неимущему невозможно презирать деньгами, и сіе возстановляетъ равновѣсіе какъ между обоими сословіями, такъ и между обѣими губерніями.

Поселившись въ Саратовѣ, отецъ мой охотно посѣщалъ Пензу: тамъ находилъ онъ началъ, нѣкоторые признаки общежитія. Въ особенности же свелъ онъ тамъ дружбу съ воеводою, Андреемъ Алексѣевичемъ Всеволожскимъ, отличавшимся нѣкоторою образованностію, кроткимъ нравомъ и пріятнымъ обхожденіемъ.

Нѣкогда слобода, а со временъ царствованія Алексѣя Михайловича провинціальный городъ, Пенза состояла тогда изъ десятка не весьма большихъ деревянныхъ господскихъ хоромъ и нѣсколькихъ сотенъ обывательскихъ домиковъ, изъ коихъ многіе были крыты соломой и имѣли плетневые заборы. Соборная каменная церковь, которая величиною едва ли превосходила многіе сельскіе храмы, съ тѣхъ поръ построенные, и нѣсколько каменныхъ и деревянныхъ небольшихъ приходскихъ церквей, служили единственнымъ ей украшеніемъ. Чтобы судить о неприхотливости тогдашняго образа жизни Пензенскихъ дворянъ, надобно знать, что ни у одного изъ нихъ не было фаянсовой посуды, у всѣхъ подавали глиняную, муравленую (за то человекъ хотя нѣсколько достаточный не садился за столъ безъ двадцати-четырехъ блюдовъ, похлебокъ, студеней, взваровъ, пирожныхъ). У одного только Михаила Ильича Мартынова, владѣльца тысячи душъ, болѣе другихъ гостепріимнаго и роскошнаго, было съ полдюжины серебряныхъ ложекъ; ихъ клали предъ почетными гостями, а другія должны были довольствоваться оловянными. Многочисленная дварня, псарня и конюшня поглощали тогда всѣ доходы съ господскихъ имѣній.

Двадцать лѣтъ спустя, когда, при учрежденіи губерній, Пенза возвышена была на степень губернскаго города, въ ней все перемѣ-

нилось. Правильныя улицы, и пзъ нихъ иныя мощеныя, украсились каменными двухъ и трехъ-этажными домами и каменными лавками, а въ нихъ показались товары, кои прежде, хотя съ трудомъ, можно было только выписывать изъ Москвы; явилась нѣкоторая опятность, нѣкоторая бережливость, нѣкоторый вкусъ—необходимые спутники просвѣщенія. Перемена во всей Россіи шла гораздо быстрее, чѣмъ при Петрѣ Великомъ, и безъ пытокъ, безъ насилій. Гений и улыбка Екатерины творили сія чудеса. Желѣзная трость Петра Великаго, переходя изъ рукъ въ руки, обратилась въ магическій жезлъ, какъ скоро коснулась ея сія могущественная очаровательница. Сія новая Цирцея хотѣла и умѣла скотовъ обращать въ людей.

Что касается до Пензы, то пусть позволятъ мнѣ часть успѣховъ приписать присутствію въ ней моего отца, уваженію, которое онъ въ ней пріобрѣлъ, дѣятельности его и его совѣтамъ, которыхъ къ счастью слушался.

Верстахъ въ тринадцать отъ Пензы, по Саратовской дорогѣ, находится небольшое помѣстье Симбухино, носящее фамильное имя своихъ прежнихъ владѣльцевъ. Послѣдній изъ нихъ, отставной кирасирскій майоръ, Андрей Петровичъ Симбухинъ не имѣлъ никого близкихъ родныхъ и былъ женатъ на Нѣмкѣ; умирая, отказалъ онъ ей съ малолѣтною дочерью помянутое имѣніе.

Неудивительно, что вдовѣ г. Симбухина, живущей, такъ сказать на чужой сторонѣ, полюбился молодой, красивый и всеми уважаемый землякъ. Едва ея дочь достигла шестнадцатилѣтняго возраста, какъ сама она предложила ее моему отцу. Нетрудно было ему согласиться вступить въ бракъ съ такою молоденькой дѣвочкой, съ нѣкоторымъ состояніемъ, которой могъ онъ надѣяться быть не только супругомъ, но и образователемъ. Сей бракъ былъ счастливъ, но въ семь мѣсяцевъ счастіе бываетъ рѣдко продолжительно: едва прошелъ годъ послѣ замужества Пелагеи Андреевны (такъ звали первую жену моего отца), какъ она родила сына Андрея и черезъ недѣлю спустя вмѣстѣ съ нимъ пошла въ гробъ. Но, какъ бы предчувствуя раннюю кончину свою, она еще во время беременности, по совѣту матери своей, укрѣпила помѣстье свое за отцомъ моимъ. Сіе помѣстье еще и понынѣ находится по владѣнію нашего семейства.

Неутѣшный вдовецъ остался единственнымъ утѣшеніемъ и подпорой горестной, бездѣтной тецѣ: не помня собственной матери своей, коей лишился въ младенчествѣ, онъ въ ней обрѣлъ нѣжиѣйшую мать, а ей замѣнялъ онъ дѣтей, друзей и родныхъ, коихъ у нея не было. Но сія добродѣтельная, благоразумная женщина не хотѣла дарованнаго ей Провидѣніемъ сына осудить на вѣчное вдовство; по прошествіи

траурнаго года, она первая начала ему совѣтовать помышлять о новой женитьбѣ; она сдѣлала болѣе: между дѣвицами, жившими въ Пензѣ, она начала искать достойную его руки.

Между тѣмъ время шло и врачевало горести молодаго вдовца. Еще при жизни первой жены своей, онъ отдавалъ справедливость прелестямъ и дѣвственно-гордому дѣломудрію юной сироты Лебедевой. Не получивъ никакого образованія, въ ней однакоже въ высшей степени господствовало природное чувство, которое Французы называютъ тактомъ. Безъ жеманства другихъ провинціальныхъ дѣвиць, ея обхожденіе было со всѣми непринужденное, но всеяло какую-то робость въ тѣхъ, кои руки ея искали. Иные пытались однакоже являться съ предложеніями, и хотя получали отказы, но въ нихъ было столь много вѣжливаго и утѣшительнаго для самолюбія неудачныхъ искателей, что не оставалось мѣста досадѣ и злословію.

У сей недоступной дѣвы было однакоже сердце, и оно, противъ воли ея, тайно принадлежало человѣку, о коемъ она не смѣла помышлять, ибо онъ былъ женатъ. Никто не вѣдалъ о томъ, а еще менѣе другихъ тотъ, который былъ любимъ. Онъ былъ уже вновь давно свободенъ и все еще не подозрѣвалъ ничего. Одинъ только женскій опытный взглядъ можетъ проникнуть въ сокровенныя тайны женскаго сердца; въ заботливости объ участи отца моего, теща его подмѣтила неравнодушіе къ нему независимой и непорочной дѣвицы, ея ближайшей сосѣдки, и захотѣла вторично сдѣлать его счастливымъ. «Вы любите другъ друга, сказала она наконецъ обоимъ: женитесь». Тутъ не было отказа, ниже минутной притворной колеблемости. Такимъ образомъ состоялся бракъ, коему я обязанъ жизнію.

V.

Вторая женитьба отца моего была въ 1772 или въ 1773 году, хорошенько не припомню, ибо не имѣлъ несчастія быть свидѣтелемъ брака родителей, какъ съ иными сіе случается. Знаю только навѣрно, что первый ребенокъ отъ сего брака, старшая сестра моя Елисавета, родилась въ Іюнь 1774 года.

Вскорѣ послѣ сей второй женитьбы, послѣдовали въ участи отца моего важныя перемѣны. Всего важнѣе было для него оставить Пензу и Саратовъ. Онъ давно уже находился въ одномъ чинѣ, не получалъ никакихъ наградъ, а между тѣмъ весьма добродушный и довольно просвѣщенный начальникъ его, князь Орловъ, былъ къ нему отменно благосклоненъ. Но ему не хотѣлось съ нимъ разстаться, а съ повы-

шеніемъ его онъ долженъ былъ его лишиться. Наконецъ, по чувству справедливости, онъ рѣшился доставить ему чинъ полковника съ назначеніемъ командиромъ батальона, опять не помню, котораго-то егерскаго корпуса *).

Такъ какъ, вѣроятно, мнѣ не придется болѣе говорить о Саратовѣ, въ коемъ я никогда не бывалъ, то я позволяю себѣ сдѣлать небольшое отступленіе и бросить недовольный взглядъ на службу тамъ отца моего. Мѣсто, которое онъ тамъ занималъ, было чтó называется самое наживное: въ томъ краю, который называется денежною стороною, какъ Пенза хлѣбною, тамъ гдѣ все гласить и понынѣ о прибыли, онъ ничего не приобрѣлъ, кромѣ двухъ друзей или можетъ быть только пріятелей, совсѣмъ не одинаковаго съ нимъ образа мыслей, но съ коими сохранилъ связи до послѣдняго конца жизни, безъ чего, по мнѣнію моему, онъ весьма могъ обойтись. Это были секретари Саратовской колониальной конторы, а наконецъ преважные люди и сенаторы: Иванъ Сергѣевичъ Ананьевскій и Петръ Ивановичъ Новосильцовъ.

Можетъ быть, въ толпѣ грубыхъ, жадныхъ чиновниковъ ему пріятно было найти людей болѣе совѣтливыхъ, болѣе умѣренныхъ и благопристойныхъ. Тогда это было рѣдкостію и могло почитаться почти за честность; нынѣ это сдѣлалось весьма обыкновенно. Впрочемъ и нельзя было не полюбить г. Новосильцова за его рѣдкій умъ и необыкновенныя дарованія: они кривому подъячому открыли путь до степени государственнаго человѣка и дали семейству его притязанія и даже нѣкоторое право на знатность. Я помню, съ какимъ удовольствіемъ отецъ мой говаривалъ объ умѣ друга своего, Петра Ивановича; о другихъ качествахъ его онъ слова не говорилъ, и пусть мнѣ позволятъ въ семъ случаѣ послѣдовать его примѣру.

Въ Пензѣ было также два человѣка, съ коими отецъ мой имѣлъ тѣсныя, постоянныя связи. Первый изъ нихъ, Ефимъ Петровичъ Чемесовъ, былъ послѣднимъ Пензенскимъ воеводою и въ душѣ былъ старинный дворянинъ. Онъ отличался честностью, прямодушіемъ, веселоправіемъ, незлобіемъ и необычайнымъ здравымъ смысломъ; но по формамъ своимъ, по выраженіямъ, по пріемамъ, по самому произношенію словъ, казался даже и тогда запоздалымъ, казался выходцемъ изъ временъ допетровскихъ. Другой, Богданъ Ильичъ Огаревъ, былъ человѣкъ съ умомъ пріятнымъ и основательнымъ, твердыми и благородными правилами и, въ тогдашнее время, съ большими свѣдѣніями по части

*) Тогда егерскихъ полковъ не было, а семь или восемь батальоновъ составляли корпусъ, котораго шефомъ былъ обыкновенно одинъ изъ отличѣйшихъ генераловъ. Батальоны назывались нумерами.

агрономической: сими одними средствами умѣлъ онъ умножить и безъ того уже довольно хорошее состояніе *).

Предъ отъѣздомъ изъ Пензы, родители мои имѣли прискорбіе лишиться той, которая для обоихъ была нѣжнѣйшею матерью. Время было тогда для Россіи самое несчастное; на Востока свирѣпствовалъ Пугачевскій бунтъ и близился къ Пензѣ, на Юга чума и война съ Турками. Бѣдная мать моя должна была оторваться отъ теплаго гнѣзда своего, отъ всѣхъ привычекъ, отъ наслажденій первоначальной спокойной супружеской жизни. Она уже имѣла болѣе двадцати лѣтъ отъ роду, но совсѣмъ не знала свѣта, ибо Пензу можно было тогда называть тьмою; но у нея былъ вѣрный и нѣжный путеводитель.

Батальонъ, въ который отецъ мой былъ назначенъ, находился тогда на Кубани. Счастіе ему не всегда благопріятствовало: вмѣсто того, чтобъ подъ знаменами Румянцова идти противъ Турокъ и въ блистательной войнѣ сдѣлать себѣ имя, или по крайней мѣрѣ съ Суворовымъ и Михельсономъ спасти отечество отъ внутреннихъ враговъ, онъ долженъ былъ въ безвѣстной, но не менѣе того въ опасной борьбѣ сражаться съ горцами и еще болѣе съ климатомъ и всякаго рода нуждами, среди пустыннаго края, тогда еще не населеннаго Черноморскими казаками. Закавказскія области намъ еще не принадлежали и, подстрекаемые Турками Черкесы всѣхъ наименованій, съ большею безопасностію, съ большею дерзостію на наши войска нападали. Въ это время мать моя жила попеременно то въ Черкасскѣ на Дону, то въ Таганрогѣ, то въ крѣпости Св. Димитрія, нынѣшнемъ Ростовѣ, убѣгая ужасовъ чумы и вездѣ ею настигаемая.

Наконецъ, насталъ миръ и тишина; мои родители посѣтили мирный уголокъ свой, который въ ихъ отсутствіе переставалъ быть мирнымъ, и многихъ знакомыхъ не нашли уже въ немъ; они погибли отъ Пугачева, и между прочимъ добрый пріятель отца моего, воевода Всеволожскій, который вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Гуляевымъ былъ сожженъ въ томъ домѣ, въ коемъ заперся отъ злодѣевъ. Изъ Пензы поспѣшили они въ Москву, чтобы видѣть извѣстное торжество на Ходынкѣ.

Матери моей, которая Петербургъ оставила почти въ ребячествѣ, въ первый разъ міръ представился въ такомъ блескѣ. Въ ея лѣта, съ ея воображеніемъ, Московскіе праздники оставили неизгладимыя впечатлѣнія, и она съ живостію умѣла ихъ передавать. Миѣ всего памятниѣ одинъ рассказъ ея о мученіи, которое она съ великимъ терпѣніемъ перенесла. За полторы сутки до какого-то славнаго бала,

*) Я обоихъ знавалъ и помню. Первый изъ нихъ былъ мой крестный отецъ.

была она причесана рукою искуснѣйшаго тогда парикмахера, разумѣется Француза, который двое сутокъ сряду долженъ былъ работать надъ головами всѣхъ желавшихъ быть по модѣ. За то что за прическа! Все тутъ было: и бастіоны, и башни, и ленты, и цвѣты, и блонды, и пудра и помада, и все это воздымалось на аршинъ вышины надъ головою. Правда, и цѣна за то была немовѣрная; кажется, пять рублей.

Между тѣмъ егерскій корпусъ, въ которомъ служилъ мой отецъ, былъ переведенъ въ страну не менѣе враждебную чѣмъ Кавказъ, но гораздо болѣе пріятную, въ Польшу. Туда отправились мои родители. Съ перваго раздѣла, Русскія войска почти не покидали Польши, хотя и привыкли въ ней и привыкали видѣть въ ней собственность своихъ царей. Сначала батальонъ отца моего стоялъ въ Люблинѣ, а наконецъ въ самой Варшавѣ.

Природа гораздо сильнѣе искусства; иныхъ женщинъ она одаряетъ такими граціями, которыхъ одно послѣднее дать никакъ не въ состояніи. И потому-то среди образованныхъ, ловкихъ Полекъ, превосходнѣйшихъ кокетокъ въ мірѣ, мать моя не чувствовала ихъ превосходства и въ глазахъ супруга ничего не теряла отъ сравненія съ ними. Напротивъ того, видя молодую Москалку, умную, пріятную, безъ притворства, безъ претензій, Польскія дамы сами полюбили ее до того, что, наконецъ, и самой ей сдѣлались милы, и сію склонность сохранила она цѣлую жизнь.

Что касается до Поляковъ, то въ послѣдствіи она имѣла случай удостовѣриться въ недоброхотствѣ ихъ къ Россіи, а во время пребыванія въ Варшавѣ ничего непріязненнаго не замѣтила: изъ уваженія ли къ дамѣ, скрывали отъ нея вражду къ ея націи, или изъ страха передъ одною знаменитѣйшею Русскою дамой, Екатериною Второй? Отцу моему они также показывали любовь и уваженіе, можетъ быть потому, что онъ самъ отличался вѣжливостію формъ отъ другихъ Русскихъ начальниковъ, которые, по правдѣ сказать, мало тамъ церемонились, въ особенности же начальникъ отца моего, генераль-поручикъ Романюсъ (о которомъ впрочемъ онъ всегда съ большими похвалами отзывался) и пріятель его, гусарскій полковникъ Древиць, который для Поляковъ былъ истинно несносенъ. Они не могли имѣть противъ нихъ нашей національной вражды, а это была просто жестокость, грубость, которою въ завоеванныхъ земляхъ отличались Нѣмецкіе воины, со временъ Тридцатилѣтней войны.

По случаю рожденія перваго внука Екатерины, столь славнаго Александра Павловича, было во всей арміи большое производство по старшинству. Въ сіе производство попалъ и отецъ мой: онъ пожадо-

ванъ полковникомъ въ Нарвскій карабинерный полкъ, сверхъ комплекта ¹⁾). Тогда полковникъ было и чинъ, и мѣсто; названіе полковыхъ командировъ не было употребляемо, а полковники, не имѣющіе полковъ, были приписываемы къ нимъ сверхъ комплекта, какъ бы за урядъ, и могли за то къ нимъ почти и не являться и жить гдѣ угодно, въ ожиданіи назначенія. И потому-то отецъ мой возвратился опять въ свое помѣстье.

Недолго однакоже могъ онъ подышать свободой и заняться хозяйствомъ: ему скоро дали Алексопольскій пѣхотный полкъ, который былъ расположенъ на берегахъ Днѣпра, во вновь занятыхъ тогда степяхъ Новороссійскаго края.

Умы были тогда наполнены Греціей и Востокомъ, которые были любимую мечтой Екатерины. Только не задолго до кончины своей, разсталась она съ нею, когда она уступила мѣсто печальнымъ истинамъ съ Запада, и тогда, вмѣсто того, чтобы разить враговъ просвѣщенія, Екатерина должна была помышлять о борьбѣ съ ужасными его распространителями. Но сіе время еще не пришло, и въ южномъ краѣ, на дорогѣ ведущей въ Константинополь, учреждались этапы и украпались звучными именами не существующихъ Греческихъ городовъ.

Въ память древняго Херсона, гдѣ Св. Владимиръ воспріялъ крещеніе, одинъ изъ подданныхъ Екатерины, но могуществомъ равный сильнѣйшимъ царямъ, захотѣлъ, при устьѣ Днѣпра, поставить новый городъ, такъ сказать, южный Петербургъ. Въ князь Потемкинѣ простительно желаніе быть Петромъ Великимъ, когда Россія и понынѣ полна создателей и преобразователей.

Итакъ начали строить Херсонъ. Читателямъ моимъ уже извѣстна страсть моего отца къ архитектурѣ; онъ тутъ находился съ полкомъ. Какое поле или, лучше сказать, какая степь представилась тогда для его дѣятельности! Неумоимо, безвозмездно началъ онъ трудиться надъ планами, и первый красивый домъ построилъ для себя (въ послѣдствіи съ убыткомъ онъ долженъ былъ продать его въ казну). Сии занятія сблизили его, сдружили съ однимъ «Негромъ, какихъ мало бываетъ бѣлыхъ» ²⁾, съ извѣстнымъ инженеръ-генераль-поручикомъ Иваномъ Абрамовичемъ Ганнибаломъ, главнымъ производителемъ, какъ крѣпостныхъ, такъ и строительныхъ работъ.

Явился самъ Потемкинъ. Быстрота исполненія его воли никакъ его не удивила: едва ли Наполеону были люди болѣе послушны. По-

¹⁾ Карабинерные полки были тогда кавалерійскіе на подобіе драгунскихъ.

²⁾ Названіе одного романа, впрочемъ не весьма замѣчательнаго, нынѣ совсѣмъ забытаго.

добно ему, окруженный лестію и подлостями, Потемкинъ съ трудомъ могъ отличить отъ нихъ долгъ строгой подчиненности и искреннее уваженіе къ его высокимъ дарованіямъ. И потому-то отецъ мой остался въ толпѣ безчисленныхъ, мало извѣстныхъ ему поклонниковъ и былъ мало замѣченъ такимъ человѣкомъ, который умѣлъ отдавать справедливость достоинствамъ, когда могъ до нихъ добраться. Въ младенчествѣ моемъ я такъ много слышалъ о семъ гигантѣ, столь внезапно свалившемся тогда во гробъ, что мнѣ невозможно, хотя вкратцѣ, не изобразить его.

Невиданную еще дотолѣ въ вельможѣ силу свою онъ никогда не употреблялъ во зло. Онъ былъ вовсе не мстителенъ, не злопамятенъ; а его всѣ боялись. Онъ былъ отваженъ, властолюбивъ, иногда лѣнивъ до неподвижности, а иногда дѣятеленъ до невозможности. Однимъ словомъ, въ немъ видно было все, чѣмъ славится Русскій народъ, и все то, чѣмъ по справедливости его упрекаютъ; а со всѣмъ тѣмъ онъ Русскими не былъ любимъ. Сіе покажется загадкой, а ее можно объяснить весьма естественно. Не одна привязанность къ нему Императрицы давала ему сіе могущество, но полученная имъ отъ природы нравственная сила характера и ума ему все покоряла: въ немъ страшились не того, что онъ дѣлаетъ, а того, что можетъ дѣлать. Бранныхъ, ругательныхъ словъ, бои многіе изъ начальниковъ себѣ позволяли съ подчиненными, отъ него никто не слыхивалъ; въ немъ совсѣмъ не было того, что привыкли мы называть снѣсью. Но въ простомъ его обхожденіи было нѣчто особенно-обидное; взоръ его, всѣ тѣлодвиженія, казалось, говорили присутствующимъ: «вы не стоите моего гнѣва». Его невзыскательность, снисходительность весьма очевидно проистекали отъ нестоимаго его презрѣнія къ людямъ; а чѣмъ можно болѣе оскорбить ихъ самолюбіе?

Его разсѣяннo-прихотливый взглядъ въ обществахъ иногда останавливался или, лучше сказать, скользилъ на пріятномъ лицѣ моей матери. Сего достаточно было, чтобы встревожить совсѣмъ не ревниваго, но благородно-самолюбиваго отца моего. Въ одинъ вечеръ, звѣздочносныя шуты тѣшили свѣтлѣйшаго разговорамъ о женской красотѣ; одинъ изъ нихъ объявилъ, что онъ никогда не видалъ столь прелестной маленькой ножки, какъ у моей матери. «Неужели?» сказалъ Потемкинъ. «Я не примѣтилъ. Когда-нибудь приглашу ее къ себѣ и попрошу показать мнѣ безъ чулка». И не прошло двухъ дней, какъ мой отецъ узналъ о семъ разговорѣ. Можно себѣ вообразить страхъ и гнѣвъ, коимъ онъ вскипѣлъ; онъ представлялъ себѣ отчаяніе супруги, еслибъ ей осмѣлились сдѣлать столь обидное предложеніе. Для предупрежденія всякихъ непріятностей, онъ упросилъ ее отыравиться немед-

ленно въ деревню; ничего не подозрѣвая, она изумилась, но должна была повиноваться.

Нѣсколько времени спустя послѣ сей домашней тревоги, о коей виновникъ ея вовсе ничего не зналъ, прибылъ въ Херсонъ Виртембергской принцъ Фридрихъ, для командованія дивизіей, въ которой находился мой отецъ. Это было самое умное и самое капризное созданіе въ мірѣ, столь извѣстный послѣ толстый король Виртембергскій. Уваженія къ высокой его особѣ, точнаго исполненія своихъ обязанностей недостаточно было, чтобъ угодить ему; онъ требовалъ... онъ требовалъ Богъ знаетъ чего; своенравію, странностямъ его не было предѣловъ. Съ такимъ начальникомъ трудно было ужиться отцу моему; съ перваго взгляда онъ не полюбился Монбельярскому принцу, который всячески началъ его тѣснить, а какъ онъ былъ тиранъ въ полномъ смыслѣ сего слова и тиранъ искусный, то скоро положеніе отца моего сдѣлалось несноснымъ.

Князь Потемкинъ не очень баловалъ Нѣмецкихъ принцевъ, въ нашей службѣ находившихся. Глядя на нихъ не только съ той высоты, на которой стояла тогда Россія, но съ той, на которую мечталъ онъ вознести ее, они казались ему менѣ чѣмъ ничто; но родному брату супруги наследника Россійскаго престола онъ долженъ былъ невольно показывать болѣе уваженія. Со всѣмъ тѣмъ, однакоже, онъ будто наперекоръ ему сталъ болѣе покровительствовать моему отцу. Такъ продолжалось нѣсколько времени до тѣхъ поръ, какъ взаимныя жалобы ихъ наскучили князю Потемкину, и онъ рѣшился развести ихъ. Въ разлукѣ съ женою, съ дѣтьми, среди такихъ непріятностей, моему отцу самому желательно было отойти съ честію.

Онъ былъ уже лѣтъ семь полковникомъ; ему доставалось въ бригады, а въ семь чинѣ немногимъ оставляли полки. Потемкинъ представлялъ его къ чину и вмѣстѣ съ тѣмъ полкъ его отдалъ другому. Сіе не совсѣмъ было пріятно, но дѣлать было нечего: онъ былъ, по крайней мѣрѣ, утѣшенъ мыслию близкаго свиданія съ семействомъ и вскорѣ потомъ отправился въ Пензу. Возвратившись туда, онъ недолго дождался производства: онъ получилъ бригадирскій чинъ, но съ назначеніемъ къ опредѣленію въ оберъ-комендантскую или комендантскую должность *).

*) Чтобы генеральскому чину дать болѣе важности, изъ полковниковъ не прямо въ него жаловали: для того надобно было въ бригадахъ года два подождать. Нѣкоторыхъ считали неспособными къ продолженію военной службы; они оставались въ армейскихъ спискахъ и были кандидатами на губернаторскія или комендантскія мѣста; они въ семъ положеніи иногда цѣлый вѣкъ оставались. Екатерина Вторая всегда призывала къ себѣ тѣхъ, кои были представлены въ губернаторы, нѣсколько разъ разговаривала съ

Не прошло года по прибытіи отца моего въ Пензенскую деревню свою Симбухино, какъ я въ ней родился, среди сельской тишины. Здѣсь кончается біографія моихъ родителей и начинается моя собственная; скоро перестану я быть разскащикомъ слышаннаго, а сдѣлаюсь повѣствователемъ видѣннаго мною.

Я всегда уважалъ старшинство, и потому прежде нежели буду говорить о себѣ, считаю долгомъ поименовать братьевъ и сестеръ, прежде меня увидѣвшихъ свѣтъ. Я уже сказалъ, что сестра моя Елисавета родилась въ 1774 году; послѣ нея Наталья въ 1775-мъ, потомъ братъ Александръ въ 1776-мъ, за нимъ Павелъ въ 1777-мъ и наконецъ Николай въ 1778-мъ. Изъ нихъ одинъ только Александръ жилъ недолго; другіе же всѣ достигли совершеннолѣтія, а нѣкоторые и старости. Первые пять лѣтъ мои родители всякій годъ имѣли дѣтей; потомъ моя мать начала родить рѣже, но все-таки до меня еще было три сестры, Катерина, Мавра и Анна, изъ коихъ первая умерла пяти лѣтъ, а другія двѣ въ колыбели (читатель не избѣжитъ со мною ни малѣйшей подробности, до семейства моего касающейся). Послѣ меня, черезъ пять лѣтъ, родилась сестра Александра, которая и донинѣ находится въ живыхъ.

Я былъ еще на рукахъ кормилицы, когда въ жизни моихъ родителей произошла важная перемѣна. Вотъ какъ сіе случилось. Князь Потемкинъ, наконецъ, поссорился съ Виртембергскимъ принцемъ и, такъ сказать, почти его прогналъ. Одинъ изъ его любимцевъ, Василій Степановичъ Поповъ, съ которымъ отецъ мой былъ хорошо знакомъ, но не имѣлъ никакихъ связей, разговорился объ немъ съ княземъ и представилъ какъ жертву своевравія принца. Потемкинъ былъ великодушень, какъ всѣ люди сильные и умные: онъ началъ съ того, что бригадиру, почти въ отставкѣ жившему, доставилъ генераль-майорскій чинъ, а потомъ чрезъ г. Попова прислалъ ему письмо, адресованное на имя тогдашняго статсъ-секретаря (послѣ канцлера) Безбородки. Въ семъ письмѣ, выражаясь съ величайшимъ участіемъ о своемъ клиентѣ, онъ требовалъ повелительно, чтобъ ему дано было первое вакантное мѣсто, согласно съ его желаніемъ.

Съ симъ письмомъ оставалось только отцу моему поскакать въ Петербургъ: съ такимъ талисманомъ въ рукѣ хлопотать ему тамъ было нечего. Безбородко объявилъ ему, что открываются двѣ вакансіи: Оло-

ими и, не прежде какъ убѣдясь въ ихъ способностяхъ, ихъ къ мѣсту опредѣляла. Заслуженные же, но менѣе способные, назначались въ оберъ-коменданты. Сіи послѣдніе, исключая главной крѣпости, имѣли цѣлый рядъ крѣпостей и гарнизоновъ въ своемъ вѣдѣніи, и сверхъ настоящей своей должности были то, что нынѣ называютъ окружные начальники внутренней стражи.

нецкаго губернатора и Кіевскаго оберъ-коменданта. Онъ предпочелъ послѣднее изъ сихъ двухъ мѣстъ, въ хорошемъ климатѣ, почетное, спокойное и законно-прибыльное, ибо доходы съ тысячи душъ давались на содержаніе занимавшихъ оное. Сіе мѣсто было обѣщано другому, но нельзя было идти противъ воли Потемкина.

Отцу моему было тогда отъ роду 47 лѣтъ. Въ эти лѣта еще позволено бы было помышлять о почестяхъ, о дальнѣйшемъ возвышеніи; но тогда, не такъ какъ въ наше время, довольствовались малымъ и вѣрнымъ, умѣли на пути чести останавливаться. Я не смѣю роптать на отца моего за его выборъ; не могу однакоже не пожалѣть о томъ, что онъ не предпочелъ губернаторское мѣсто, хотя въ каменистой, безлюдной Олонецкой губерніи. Это былъ для него единственный случай сдѣлаться лично извѣстнымъ Императрицѣ; а онъ долженъ былъ знать, что съ нею даромъ никто уменъ не бывалъ.

Кіевъ для меня вторая родина, и потому-то намѣренъ я посвятить ему слѣдующую главу.

VI.

Весною 1788 года, мать моя съ довольно-многочисленнымъ семействомъ изъ Пензы отправилась къ отцу моему, на постоянное жительство въ Кіевъ, гдѣ онъ уже нѣсколько мѣсяцевъ находился. Я былъ тогда еще такъ малъ, что этого даже и какъ во снѣ не помню.

Кіевъ! При имени его бьется еще и понинѣ охладѣвшее мое сердце, изъ потухающихъ глазъ моихъ воспоминаніе о немъ еще и понинѣ способно извлекать слезы. Въ теченіи всей жизни моей, ничего прекраснѣе мнѣ не казалось, какъ первые предметы, которые въ немъ поражали младенческіе мои взоры. Подобно Іерусалиму, сей праотець градовъ южной и западной Россіи долго стоналъ подъ игомъ невѣрныхъ; какъ мусульмане у дверей гроба Господня продаютъ христіанамъ позволеніе поклониться ему, такъ Евреи у Поляковъ держали въ немъ на откупѣ православные храмы и безъ платы молящихся въ нихъ не пускали. Уже болѣе полутора ста лѣтъ возвращенъ онъ былъ Россіи, а язвы, нанесенныя ему Татарами, Литвою, но болѣе всего Польскимъ правительствомъ, еще не исцѣлились.

Городъ сей тѣмъ болѣе былъ примѣчателенъ, что вездѣ являлъ контрасты: нищету и великолѣпіе. Безчисленные храмы его съ позлащенными, какъ жаръ горящими куполами, были окружены низкими, едва надъ землею замѣтными хатами; огромныя, живописныя горы служили ему подножіемъ, а позади его разстиались необозримыя, беско-

нечныя равнины; съ одной стороны была спокойная, величественная Россія, съ другой бунтующая, истерзанная Польша *).

Въ Кіевопечерской крѣпости, гдѣ Лавра и пещеры, въ священномъ Сіонѣ древней Россіи, посреди святыни, примѣровъ благочестія и великихъ отечественныхъ воспоминаній, возрасло счастливое мое младенчество. Тамъ набожная мать и сестры учили меня молиться; тамъ почтенный отецъ не столько словами, сколько примѣромъ, научалъ меня почитать добродѣтель; тамъ все ласкало, нѣжило, лелѣяло меня.

Посреди воспоминаній того быстро протекшаго времени, подобныхъ сладчайшему сну, является мнѣ одна старушка, няня моя или мама, какъ ее называли. Слово мама происходитъ отъ названія матери, и потому-то оно было приличнѣе моеѣ незабвенной Аксиныи Ивановны. Своею грудью она вскормила мать мою и потомъ всѣхъ дѣтей ея имѣла на своихъ рукахъ и воспитывала до семилѣтняго возраста. Она была старинная, Русская крѣпостная женщина, не Англичанка, не Швейцарка; но ея усердіе, ея нѣжныя объ насъ попеченія едва не болѣе были для насъ полезны, чѣмъ бы наемная привязанность этихъ иноземокъ. Теперь дѣло другое; но моя мамушка принадлежала къ такому времени, когда господа немного поменѣ чадъ своихъ любили своихъ домочадцевъ, и когда въ глазахъ сихъ послѣднихъ господская власть смягчалась и украшалась отеческою. Просвѣщеніе все это измѣнило; чѣмъ болѣе окцидентальный духъ вѣчалъ между нами распространяться, тѣмъ болѣе рабъ и скотъ, плантація и деревня, начали имѣть въ глазахъ нашихъ одинаковое значеніе. Трудно было бы Простакову съ Еремеевной найти до Петра Великаго и вѣскольکو времени послѣ него, и хотя утверждаютъ, что комедія *Недоросль* есть картина нашего варварства—неправда: она изображаетъ только полупросвѣщеніе Русскихъ.

Но возвратимся къ Аксиныи Ивановнѣ. Она выросла въ домѣ предковъ моихъ по матери, коихъ просвѣщеніе тогдашняго времени, видно, не коснулось, и она всегда съ любовію и слезами объ нихъ вспоминала. Все, что преданность имѣетъ благороднаго, являла въ себѣ сія старуха; почтительно и смѣло говорила она съ моими родителями, нѣжно и строго обходилась со мною. Слово: барское дитя, много для нея значило; но оно все-таки было дитя, и она съ необыкновеннымъ искусствомъ умѣла журить и унимать меня. Сохраненію моего здоровья жертвовала она безпрестанно собственнымъ; сего мало, ей обязанъ я и первымъ нравственнымъ воспитаніемъ. Дѣтскимъ языкомъ, припоровленнымъ къ моимъ понятіямъ, говорила она мнѣ о Богѣ, объ

*) Польская граница находилась тогда въ Васильковѣ, въ 35 верстахъ отъ Кіева.

обязанностяхъ къ Нему человѣка, о любви къ родигелямъ, о любви къ ближнему. Даръ Божій была для меня женщина сія.

Была еще другая, о которой съ равнымъ почти удовольствіемъ вспоминаю: жена гарнизоннаго прапорщика, Василиса Тихоновна (фамильнаго имени ея не запомню, потому что у насъ въ домъ мало объ немъ заботились). Она была природная, чрезвычайно бѣдная Новгородская дворянка, сбытая съ рукъ, вытолкнутая замужъ за проходившаго съ полкомъ столь же бѣднаго офицера. Умная и пріятная женщина, воспитаніе ея было незавидное до того, что она не умѣла грамотѣ; со всѣмъ тѣмъ, ей, дворянкѣ, не могло быть весело водиться съ другими гарнизонными офицершами, совсѣмъ необразованными солдатскими дочерьми; а въ тогдашнее время (я думаю еще и въ нынѣшнее) трудно было прапорщицѣ попасть въ общество къ генеральшѣ. Она однакоже нашла туда дорогу, не искавши ея.

Она повадилась ходить къ Аксинѣ Ивановнѣ, также умной женщицѣ, хотя и не дворянкѣ; гости ея, разумѣется, не могли быть посѣтителями моей матери, но я пристрастился къ Василисѣ Тихоновнѣ. Она была дородная, съѣжая женщина, лѣтъ сорока; каждая черта ея румяно-смуглаго лица выражала веселость, умъ и доброту, свойства, которыя уже въ малолѣтствѣ имѣли для меня притягательную силу. Но всего привлекательнѣе была для меня ея память и просвѣщенная страсть къ повѣстямъ: мужа и кого умѣла найти пограмотнѣе заставляла она по цѣлымъ вечерамъ читать себѣ романы. *Бову Королевича*, *Петра Золотыхъ Ключей* она терпѣть не могла, вообще сказокъ не любила, но плѣнялась *Тысячью и одною ночью*, прислушиваясь со вниманіемъ; всѣ ихъ знала наизусть и мнѣ потомъ рассказывала; однимъ словомъ, была моя Шехеразада. Бывало только и рѣчей у меня, что объ ней, когда приведуть меня къ матери. Ей стало любопытно узнать плѣнившую меня красоту; она сама полюбила ее, и сія женщина сдѣлалась наконецъ у насъ домашнею.

Кругъ знакомства моей мамушки былъ довольно отборный. У нея еще было два пріятели, которые посѣщали ее и слѣдственно и меня. Первый, отецъ Степанъ, духовникъ нашего семейства и священникъ комендантской Воскресенской церкви и Кіевскихъ гарнизонныхъ батальоновъ; другой, Евстафій Яковлевичъ Яновскій, штабъ лѣкарь тѣхъ же батальоновъ и нашъ домашній тѣлесный врачъ, какъ тотъ былъ духовный. Не могу судить о искусствѣ послѣдняго (ибо, сколько припомню, у насъ въ домъ всѣ и всегда были здоровы); но помню, что онъ былъ весьма пріятный человѣкъ, небольшого роста, съ живымъ веселымъ взглядомъ, постоянною улыбкой на устахъ и маленькою лысиной на головѣ, которая не только не безобразила его, но въ цѣ-

ломъ еще умножала оригинальную его пріятность. Онъ былъ Кіевскій бурсакъ, то-есть учился въ духовной академіи; Малороссійскимъ нарѣчіемъ онъ съ жаромъ рассказывалъ происшествія своей Украйны. Отець Степанъ рассказывалъ мнѣ про Адама, про Еву, про грѣхопаденіе, Ноевъ ковчегъ и прочее; мамушка про Русскую старину; Василиса Тихоновна сказывала сказки. Я весь былъ слухъ, весь вниманіе, и издали приготовлялся быть самъ рассказчикомъ.

Во дни оны, Кіевъ былъ проѣзжіи, пограничный городъ и почти столица Малороссіи; кругомъ его были расположены войска; въ немъ стекались и воинскія чиновныя лица, и Украинскіе помѣщики по дѣламъ и тяжбамъ, и Великороссійскіе набожные дворяне съ семействами для поклоненія святымъ мощамъ, и, наконецъ, просто путешественники, которые для развлеченія посѣщали тогда южную Россію, какъ нынѣ ѣздятъ въ чужіе края. Сосѣдство съ Польшей, оборонительныя мѣры давали много заботъ отцу моему, и должность Кіевскаго коменданта была тогда совсѣмъ не синекурой, какъ она послѣ сдѣлалась. Къ тому же съ Европейскимъ вкусомъ и Нѣмецкою бережливостію онъ соединялъ Русское хлѣбосоельство и былъ, какъ тогда называлось, мастеръ жить. Мѣсто, имъ занимаемое, давало ему средства быть гостепріимнымъ, и онъ всѣхъ порядочныхъ людей радушно угощалъ. Съ утра до вечера нашъ домъ былъ наполненъ гостями.

Ему оставалось тогда мало времени думать о моемъ болѣе растительномъ воспитаніи. У матери моей было также много занятій: повинуваясь волѣ отца моего, она большую часть дня должна была посвящать пріятію гостей, а утро занималась хозяйственнымъ дѣломъ и воспитаніемъ дочерей, которыя подрастали и близились къ возрасту невѣсть. Опытъ показалъ ей, что можно положиться на Аксинью Ивановну, и она ограничивалась со мною ласками, поцѣлуями, предоставляя маленькія строгости кормилицѣ своей.

Меня довольно часто водили въ гостиную. Тамъ видѣлъ я и ленты, и звѣзды, и много чопорныхъ разряженныхъ барынь. Въ угожденіе ли матери моей или дѣйствительно я былъ такъ миловиденъ, всѣ въ запуски меня хвалили; все мнѣ позволялось: кататься кубаремъ, лазить по кресламъ, любой вѣшаться на шею; кажется, житье бы мнѣ тамъ, а меня все тянуло домой. Какой-то инстинктъ давалъ мнѣ понимать, что въ одномъ мѣстѣ мною забавляются, а въ другомъ меня забавляютъ, и съ первымъ развитіемъ мыслей уже раждалось во мнѣ самолюбіе. Такимъ образомъ всегда предпочиталъ я свое мѣщанское общество чиновной Кіевской аристократіи и свою дѣтскую гостиную моей матери. Чего у меня не было въ дѣтской? И Аксинья Ивановна, и

Василиса Тихоновна! Прибавить ли еще моську Азорку, первую и послѣднюю собаку, которую я любилъ.

Увы, куда я забрелъ съ своими воспоминаніями! Я чувствую, что въ разсказѣ моемъ нѣтъ ничего занимательнаго; но какой жестокой читатель не проститъ мнѣ продолжительнаго взгляда, который, можетъ быть, въ послѣдній разъ я бросаю на столь же отдаленную, какъ и памятную эпоху моей жизни? Сквозь тьму времени все еще блеститъ оно мнѣ, сіе время непорочности моей и совершеннаго благополучія.

Золотой вѣкъ мой, сіе блаженное время недолго продолжалось: тогда воспитаніе рано начиналось и оканчивалось. Едва исполнилось мнѣ семь лѣтъ, какъ мнѣ наняли учителя. При братьяхъ моихъ находился одинъ, какъ говорятъ, весьма ученый г. Гагеръ; я долженъ былъ наследовать имъ въ его попеченіяхъ. Но онъ пожелалъ возвратиться въ Германію, свое отечество; ихъ отправили въ Петербургъ, въ пансіонъ, сколько припомню, г. Девеля, а ко мнѣ взяли другаго Нѣмца, Христіана Ивановича Мута.

Уже нѣсколько лѣтъ свирѣпствовала тогда революція. Первые ея взрывы уже сбросили мишурную поверхность блестящихъ аристократическихъ обществъ, а вскорѣ потомъ изъ нѣдръ Франціи цѣлые потоки невѣжественнаго дворянства полились на сосѣднія страны, Англію, Германію, Италію. Бѣжать сдѣлалось славою высшихъ Французскихъ сословій, и какъ господа сіи умѣютъ все облекать пышными фразами и щеголеватыми формами, то побѣгъ назвался эмиграціей. Остались во Франціи нѣсколько знаменитыхъ, великодушныхъ жертвъ и святой мученикъ, бывшій король. Его вѣрные подданные издали, внѣ опасностей, старались защищать его воплями и интригами. Со свойственнымъ имъ легкомысліемъ, на унесенныя съ собою деньги и драгоценности жили они весело и роскошно, ожидая нетерпѣливо минуты Возвращенія и мести. Она не пришла, они все прожили, все издержали; надобно было подумать, какъ и чѣмъ промышлять. Отъ познаній эмигрантовъ Нѣмецкая и Англійская ученость не могла ожидать великой пользы: Французская литература въ сихъ земляхъ мало уважалась. Въ Италіи науки были дѣло постороннее, но по художественной части тамъ на Французовъ смотрѣли съ презрѣніемъ, и Гужоны, Жирардоны, Пуссены и Ле-Сюёры едва ли тамъ почитались ваятелями и живописцами. Какъ быть? Французы думаютъ недолго, а иногда и ничего не думаютъ; прежнія свои склонности, служившія имъ забавою, они послѣшили обратить въ пользу. Франція есть царство и отчизна моды; посредствомъ скипетра ея съ гремящими она владычествуетъ надъ просвѣщенною Европой; въ поваренномъ искусствѣ Французская школа не въ шутку имѣетъ превосходство предъ всѣми другими; во Фран-

ціи всякій родится комедіантомъ, тамъ все поддѣльное, все театральное, все нарумяненное, налакированное; и слава Богу, ибо природа людей ужасаетъ тамъ наготой. Сынамъ сей благословенной страны можно было въ другихъ земляхъ не умирать съ голоду. Многие изъ нихъ пошли въ актеры и составили труппы въ Гамбургѣ, Брауншвейгѣ и другихъ мѣстахъ; для инаго бывшаго артилериста кухонный огонь замѣнилъ боевой, и на столы гастрономовъ онъ началъ пускать *bombes à la Sardanaïale*; познакомились тогда Нѣмецкія уста съ бешамелемъ, майонезами, но—хвала имъ!—все не отставая отъ родимаго бирсупа и жаренаго мить-флаумень-ундъ-розиненъ; иной щеголь началъ шить дамскія платья или башмаки, а иной причесывать букли и сочинять шиньоны; однимъ словомъ, кто во что гораздъ!

Но потребность забавъ была не въ соразмѣрности съ числомъ забавниковъ, безпрестанно умножавшимся. Нѣмцы мастера избавляться отъ докучливыхъ и вредныхъ гостей; какъ нѣкогда Жидовъ, въ царствованіе Казимира Великаго, уступили они Польшѣ, такъ Французамъ указали на Россію, страну сѣверную, гдѣ дикая природа людей ожидаетъ искусныхъ рукъ воздѣлывателей. Почуя Русскій хлѣбъ, голодные искусники какъ съ цѣпи сорвались, большими стаями ринулись на бѣдную Русь и начали ее просвѣщать по своему. Отецъ мой былъ до нихъ небольшой охотникъ; а впрочемъ когда началось мое ученіе, то и взять ихъ было негдѣ, ибо они въ небольшомъ еще числѣ начали только появляться въ столицахъ. И такъ, по счастью моему, мнѣ на участь достался Нѣмецъ.

Я распространился о такомъ предметѣ, который повидимому не имѣетъ никакого отношенія къ моему воспитанію; но какъ въ послѣдствіи Французская образованность имѣла большое вліяніе на судьбу мою, то я счелъ приличнымъ здѣсь означить начало зла, въ моихъ глазахъ по всей Россіи распространеннаго.

Трудно вообразить себѣ мое отчаяніе, когда изъ нѣжныхъ рукъ моей мамушки упалъ я въ холодныя лапы Германскаго педагога. Я помню только одно, первую ночь, которую провелъ я въ одной съ нимъ комнатѣ, а уже не въ дѣтской: я не могъ заснуть и всю ночь сію горько проплакалъ. Видъ его не суровый и не нѣжный, обхожденіе его не строгое, но и не ласковое, изумляли и мертвили меня, приученнаго къ демонстраціямъ. Въ глазахъ моихъ въ немъ все напоминало отца моего; но между мною и имъ были всегда нѣжные посредники, мать и сестры, тогда какъ съ учителемъ долженъ былъ я находиться въ безпрерывныхъ, самыхъ близкихъ сношеніяхъ.

Сказать ли истину? Я только поздно узналъ всю цѣну почтеннаго моего родителя. У него были особенныя понятія насчетъ важности

отеческихъ обязанностей; онъ казались ему какимъ-то священнодѣйствіемъ, и малѣйшая фамилярность, особенно съ сыновьями, по мнѣнію его, унижала его въ глазахъ ихъ. Равномѣрно воздерживался онъ съ ними и отъ изъявленій гнѣва; нравоученія дѣлалъ рѣдко, и они имѣли всю краткость оракуловъ; онъ произносилъ ихъ тихо и внятно, но потомъ не позволялъ ни возраженій, ни даже вопросовъ. Никогда рука его не ласкала моего ребячества, никогда не подымалась на меня для наказанія, и потому-то въ чувствѣ, которое поселилъ онъ во мнѣ, была не любовь, а нѣчто богобоязненное. Можетъ быть, все это весьма нужно съ другими дѣтьми; но у меня оно отняло много счастья, и мнѣ кажется, что и самого Бога, Отца вселенной, надобно представлять дѣтямъ не столько грознымъ судіей, какъ пучиной благодати.

Въ послѣдствіи, когда я уже началъ подростать, были нѣкоторые случаи, въ которые, можно сказать, вся страсть его ко мнѣ, долго удержанная, вдругъ, какъ будто противъ воли его, съ необычайною силой обнаруживалась. Я не смѣлъ вѣрить счастью своему, тѣмъ болѣе что вскорѣ потомъ спѣшилъ онъ принять со мною свой прежній, безстрастный и холодный видъ. Родитель строгій и нѣжный! Не смѣю упрекать священную тѣнь твою: ты всѣмъ жертвовалъ тому, что почиталъ своимъ долгомъ; но еслибы ранѣ открылъ мнѣ сокровища твоего сердца, то и въ моемъ ранѣ бы увидѣлъ способность любить тебя и добродѣтель.

Съ матерью моею было дѣло совсѣмъ другое: съ нею зналъ я печали и радости, и гнѣвъ, и нѣжнѣйшіе восторги, и слезы, и поцѣлуи; ея владычеству отдано было первоначальное мое воспитаніе; отъ нея получалъ я всѣ первыя впечатлѣнія; и отъ того удивительно ли, что и съ сѣдыми волосами сохранилъ я раздражительность почти женскую и всю пылкость юноши? Но возвратимся къ первому учителю, отъ котораго я безпрестанно отхожу.

Онъ былъ человѣкъ умный и холодный только по наружности. Онъ прибылъ въ Россію въ царствованіе Екатерины, когда блистательнѣйшая изъ Нѣмокъ землякамъ своимъ подавала примѣръ любви и уваженія къ Россіи. Онъ жилъ сначала у Переяславскаго коменданта подполковника Фонъ-Фока, подчиненнаго и друга отца моего, и воспитывалъ старшаго сына его, столь извѣстнаго потомъ Максима Яковлевича. Когда воспитаніе сего послѣдняго кончилось, и его отправили на службу, то Фонъ-Фокъ предложилъ г. Мута для меня въ наставники. Его приняли съ радостію; ибо Адамовъ Адамычей Вральмановъ было тогда довольно въ Россіи, но люди съ нѣкоторыми дарованіями и познаніями были очень рѣдки. Ему самому было довольно лестно перейти изъ комендантскаго дома въ оберъ-комендантскій: онъ

видѣлъ въ этомъ какое-то повышеніе. Вспомнимъ, что онъ былъ Нѣмецъ, и что мѣста и чины уважались тогда не по нынѣшнему.

Сей человѣкъ не только не позволялъ себѣ говорить съ презрѣніемъ о нашихъ обычаяхъ, сколь бы они странны ни казались, но даже они освящались въ глазахъ его древностію. Впрочемъ сіе происходило, можетъ быть, не столько отъ уваженія къ Русскимъ, сколько отъ природной доброты и душевнаго расположенія видѣть во всемъ хорошую сторону. Онъ былъ Лютеранинъ, а всегда отзывался съ похвалами о папѣ, о великолѣпіяхъ духовнаго Рима; остроуміе Французвъ плѣняло его, равно какъ и основательность и разсчетливость Англичанъ. Въ добротѣ и злости, въ умѣ и въ глупости нравились ему разнообразныя виды, въ коихъ является природа. Станный человѣкъ: онъ готовъ былъ также хвалить силу медвѣдя, неукротимость тигра, какъ и вѣрность собаки. Изъ сего можно бы заключить, что онъ былъ весьма нестрогихъ правилъ; напротивъ, въ разнообразіи природы онъ искалъ для себя и для воспитанника своего все, что ему казалось лучшимъ.

Еще до г. Мута училъ уже меня Русскою грамотою по Псалтырю и Часослову нашъ крѣпостной, молодой человѣкъ Александръ Никитинъ, родъ дядьки при братьяхъ моихъ. Разумѣется, я рѣдко принимался за книгу, но метода моего Русскаго учителя была прекрасная: сколь бы ни ничтожны были успѣхи мои въ чтеніи, онъ всегда дивился чудесной понятливости маленькаго барина и тѣмъ возбуждалъ меня къ новымъ чудесамъ. Совсѣмъ противное дѣлалъ г. Муть: часто пожималъ онъ плечами, съ состраданіемъ говоря о моей безтолковости; наказывалъ рѣдко и то за явныя ослушанія, и какъ наказывалъ! Ставилъ въ уголъ, на колѣни, а иногда билъ по рукамъ линейкой.

Съ дѣтскимъ простодушіемъ человѣкъ сей соединялъ самую чистѣйшую нравственность; вся жизнь его казалась изъявленіемъ благодарности къ Творцу за то, что Онъ въ глазахъ его такъ украсилъ міръ сей: ибо, какъ уже я выше сказалъ, на каждомъ шагу встрѣчалъ онъ предметы, его пріятно удивлявшіе. Я чувствовалъ, что онъ достоинъ любви, все сбирался полюбить его и подъ конецъ успѣлъ такъ въ томъ. Онъ же съ своей стороны, сколь ни казался холоденъ, но съ каждымъ днемъ болѣе прилѣплялся къ своему воспитаннику, и хотя онъ того не говорилъ, но я замѣчалъ иногда, что странности моей природы его восхищаютъ.

Онъ имѣлъ удивительную память и познанія, посредствомъ ея пріобрѣтаемыя: зналъ хорошо исторію, географію, зналъ правильно Французскій языкъ, но выговаривалъ на немъ Богъ знаетъ какъ. Что самъ зналъ, тому по-маленьку училъ и меня. Когда я попривыкъ къ

нему и началъ понимать по-нѣмецки, то разговоры съ нимъ начали для меня становиться занимательнѣе; мало-по-малу началъ я даже заимствовать и нѣкоторыя изъ его привычекъ. Напримѣръ, онъ любилъ собирать гербовыя печати со всѣхъ пакетовъ, получаемыхъ отцомъ моимъ и къмъ бы то ни было, онъ ихъ потомъ наклеивалъ на большіе листы; мнѣ это понравилось, я скоро началъ тоже дѣлать и могъ узнавать гербы всѣхъ извѣстнѣйшихъ въ Россіи фамилій. Хотя онъ не былъ ботаникъ, но собиралъ разные цвѣты, травы и растенія, клалъ ихъ по листамъ, однимъ словомъ составлялъ herbier, и у меня до сихъ поръ страсть къ коллекціямъ. Все что касается до хронологіи достопамятнѣйшихъ происшествій въ мірѣ, до генеологіи знаменитѣйшихъ домовъ въ Европѣ, зналъ онъ наизусть, и въ послѣдствіи по этой части могъ бы и я съ нимъ состязаться.

Нѣкоторое время жили мы съ нимъ, такъ сказать, съ глазу на глазъ, но скоро одиночество мое прекратилось, и общество мое умножилось нѣсколькими товарищами. Средства воспитанія были тогда такъ скудны, что родители у моихъ выпрашивали какъ милости дозволенія дѣтямъ своимъ со мной учиться. Ихъ было трое: сыновья артиллерійскаго генераль-маіора Нилуса, гарнизоннаго маіора Яхонтова и штабъ-лѣкаря Яновскаго, о которомъ уже я какъ-то говорилъ *). Между ними, какъ хозяйскій сынъ, бралъ я натурально первенство; но г. Муть не оказывалъ мнѣ ни малѣйшаго предпочтенія, а иногда въ молчаніи улыбался прилежнѣйшему. Поутру задавалъ онъ намъ уроки, которые мы твердили и должны были сказывать ему передъ обѣдомъ; а онъ между тѣмъ читалъ про себя что-нибудь изъ исторіи и географіи, съ тѣмъ чтобы послѣ обѣда въ видѣ повѣсти намъ это пересказывать. Такимъ образомъ узналъ я исторію Іудеевъ, Ассиріянъ, Мидянъ, Персовъ и Грековъ, но до Рима едва только съ нимъ дошли. Говоря словами Пушкина, мы учились чему-нибудь и какъ-нибудь.

Сверхъ того я бралъ еще другіе уроки: Софійскій каѳедральный протоіерей Сигаревичъ преподавалъ мнѣ Законъ Божій, артиллерійскій штыкъ-юнкеръ Скрипкинъ училъ меня ариѳметикѣ и геометріи, на-

*) Всѣ они были добрые ребята, простые, провинціальныя, гарнизонныя мальчишки, какъ и я. Всѣ трое шли потомъ по военной службѣ, ни одинъ изъ нихъ не гремѣлъ именемъ въ мірѣ; но всѣ они отличались благородствомъ чувствъ, правилъ и поступковъ, и были утѣшеніемъ и опорой овдовѣвшихъ матерей. Послѣдній изъ нихъ, кажется, еще живъ; лѣтъ двѣнадцать тому назадъ видѣлъ я его армейскимъ подполковникомъ. Яхонтовъ убитъ въ Фридрихсбургѣ, а почтенный другъ мой Нилусъ въ генеральскомъ чинѣ, покрытый ранами и крестами Русскими и иностранными, окончилъ достопамятный походъ 1812—13 и 14 годовъ, бывши вездѣ примѣромъ храбрости. Прослуживъ еще нѣсколько лѣтъ и женившись, онъ нашелъ успокоеніе въ окрестностяхъ Одессы, и императоръ Александръ, сохранивъ ему все содержаніе, далъ безсрочный отпускъ.

укамъ, въ коихъ, мимоходомъ сказать, я весьма мало усилъвалъ. Одинъ Малороссійскій виртуозъ, котораго очень хвалили (кажется, звали его Чернецкій), училъ меня играть на фортепіано, а какой-то маляръ училъ рисовать. Не моя вина, если въ обоихъ сихъ искусствахъ я не мастеръ: наипи, что они бесполезны и скоро заставили бросить, тогда какъ къ музыкѣ я всегда чувствовалъ особенную склонность. Старшіе братья, вынужденные гораздо послѣ въ кавалерійскіе полки, учили меня ѣздить верхомъ, а про танцы еще рѣчь впереди.

Я обѣщаль въ началѣ говорить о себѣ очень мало, а теперь ввожу читателя во все подробности ничѣмъ не замѣчательнаго домашняго моего воспитанія. Что дѣлать! Воспоминанія изъ головы моей такъ и лѣзутъ на бумагу. Впрочемъ, Богъ знаетъ, будетъ ли меня кто нибудь еще читать, а память можегь ослабѣть. Если Запискамъ снмъ не повѣрю прошедшаго, для меня столь занимательнаго, то мало-по-малу оно будетъ изглаживаться изъ памяти, и я напрасно буду искать его въ головѣ моей, тогда какъ имъ однимъ уже начинаю я жить.

Иногда, хотя и весьма рѣдко, собирались у моего учителя по вечерамъ пріятели его, единоземцы: губернскій архитекторъ Гельмерсенъ, пасторъ Грааль, аптекарь Бунге, плацъ-маіоръ Брокгаузенъ и капельмейстеръ Дпль. Но гораздо чаще посѣщаль онъ ихъ самъ по очереди и водилъ меня съ собою въ сія общества, степенныя, споконно-веселыя. Они были мнѣ совсѣмъ не по вкусу; вечера обыкновенно начинались разговорами о полптикѣ, въ которой я тогда ничего не понималъ, замѣчанія выслушивались со вниманіемъ, отвѣты были всегда обдуманы, ибо каждому предшествовало нѣсколько минутъ молчанія; потомъ подавали всѣмъ по трубкѣ, потомъ садились играть въ ламушь или въ лото, а все оканчивалось стаканомъ пива, нѣсколькими ломтями бутерброда и прощальнымъ дружескимъ рукожатіемъ. Конечно въ сихъ обществахъ много хвалили Германію, но никогда я не слышалъ ругательства на Россію, какъ сіе случалось мнѣ послѣ иногда слышать между Нѣмцами. Мало-по-малу я было самъ сдѣлался Нѣмцемъ, говорилъ не иначе какъ по-нѣмецки, выражался какъ Нѣмецъ, смотрѣлъ маленькимъ Нѣмцемъ, и покойный отецъ мой имѣлъ слабость этому радоваться. Слава Богу, характеръ у меня остался совершенно Русскій.

Не болѣе четырехъ лѣтъ пользовался я наставленіями г. Мута: все тянуло его въ Переяславль, и, не смотря на возраставшую его привязанность къ нашему дому, Нѣмецко лютеранское семейство г. Фонъ-Фока было ближе къ его сердцу; къ тому же онъ далъ ему слово заняться воспитаніемъ меньшихъ его сыновей, какъ скоро начнутъ подростать. Итакъ онъ оставилъ меня въ началѣ 1797 года,

когда примѣры его и нравоученія могли мнѣ быть болѣе полезны. Я помню прощаніе его со мною: черты его сохранили обычную неподвижность, но изъ глазъ его ручьями текли слезы. Мнѣ случалось потомъ въ самой первой молодости встрѣчаться съ нимъ: лицо его не измѣнялось, а самъ онъ трепеталъ отъ радости.

Недавно узналъ я, что живъ еще сей почтенный старецъ. Когда вступилъ онъ въ домъ нашъ, ему было около сорока лѣтъ; прошло тому болѣе сорока, и слѣдственно ему теперь за восемьдесятъ. Онъ долго оставался въ семействѣ г. Фонъ-Фока, которое послѣ переѣхало въ Бѣлоруссію; наконецъ онъ опять поселился въ окрестностяхъ Переяславля, въ деревнѣ Еввы Яковлевны Дараганъ, старшей дочери Фонъ-Фока, воспитывалъ дѣтей ея, но внукамъ посвятить трудовъ своихъ уже былъ не въ состояніи. Онъ живетъ еще тамъ и понынѣ, среди трехъ поколѣній, предъ нимъ благоговѣющихъ. Съ растроганнымъ сердцемъ читалъ я прошлаго года письмо его къ Петру Яковлевичу, младшему изъ сыновей Фонъ-Фока: оно показало мнѣ, что вечеръ его столь же тихъ и ясенъ, какъ и вся жизнь его была безмятежна.

Хотя въ 1797 году дѣтскій возрастъ мой еще не прошелъ, но какъ это былъ годъ великихъ перемѣнъ въ судьбѣ цѣлой Россіи, равно какъ и въ моей ребячьей жизни, то имъ слѣдуетъ заключить здѣсь главу сію. Въ семь первомъ періодѣ моего существованія являлись мнѣ однакоже нѣкоторые примѣчательныя лица, о коихъ я ни слова не упомянулъ, вопреки обѣщанію данному самому себѣ и читателю. И потому прежде всего прошу позволенія обратиться къ нимъ и въ слѣдующей главѣ исправить сдѣланое мною упущеніе.

VII.

Всего памятиѣ мнѣ одна вельможная дама, которая почти каждый годъ посѣщала Кіевъ и коей пріѣздъ приводилъ въ движеніе, можно сказать въ волненіе, весь домъ нашъ. Это была графиня Браницкая, любимая племянница князя Потемкина и жена Польскаго короннаго гетмана. Не знаю, гдѣ и какъ познакомилась она съ моею матерью; но она ее полюбила и когда ѣзжала въ собственный городокъ, извѣстный подъ именемъ Бѣлой Церкви, находившейся тогда за границей, хотя только въ 80 верстахъ отъ Кіева, то проѣздомъ чрезъ сей городъ всегда у насъ останавливалась и жила по недѣлѣ и по двѣ. Потемкина уже не было на свѣтѣ; но любимица его, принявшая его послѣдній вздохъ, все еще какъ будто бы озарялась его славою. Умнѣйшая изъ пяти сестеръ, урожденныхъ Энгельгартовыхъ, она была ихъ и богаче. Императрица особенно благоволила къ ней и, сверхъ

того, ласкала ее какъ жену довольно сильнаго Польскаго магната, преданнаго Россіи. По всеѣмъ симъ причинамъ, знаки уваженія ей оказываемые были преувеличены, и чтобы посудить объ обычаяхъ тогдашняго времени, чему нынѣ съ трудомъ повѣрять, всеѣ почетнѣйшія дамы и даже генеральши подходили къ ней къ рукѣ; а она, умная, добрая и совсѣмъ не гордая женщина, безъ всякаго затрудненія и преспокойно ее подавала имъ. Мать моя смотрѣла на то безъ удивленія, нимало не осуждала сего, но, вѣроятно чувствуя все неприличіе такого раболѣпства, сама отъ него воздерживалась. Вообще обхожденіе ея съ графиней Браицкой было самое свободное, пріязненное, и разницу во взаимныхъ ихъ отношеніяхъ можно было только замѣтить изъ *ты* и *вы*, которыя они другъ другу говорили.

Могущество Потемкина вызвало изъ Смоленской деревни прекрасныхъ его племянницъ, гдѣ получили они обыкновенное тогдашнее провинціальное воспитаніе. Старшая изъ нихъ, Браицкая, уже неспособна была къ принятію блестящей образованности Екатеринина двора. Но, имѣя умъ, характеръ, бывши въ самыхъ тѣсныхъ, иные говорятъ въ непозволительныхъ, связяхъ со всемогущимъ своимъ дядею, она облеклась въ какую-то величественность и ею прикрывала недостатки своего воспитанія. Вышедши замужъ за человѣка расточительнаго, который былъ вдвое ея старше, въ такой вѣкъ, который нравственностію не отличался, она всю жизнь осталась примѣромъ вѣрности супругу, нѣсколько разъ спасала его отъ раззоренія и бережливостію своею, можетъ-быть и скупостію, удвоила огромное его состояніе.

Когда я началъ знать ее, она была ни стара, ни молода: станъ ея былъ стройный, хотя не гибкій, лицо отмынно-пріятное, свѣжее и серьезно улыбающееся. Любимый нарядъ ея былъ подражаніе костюму Императрицы: длинное нижнее платье съ длинными и узкими рукавами, почти совсѣмъ закрывающее грудь; оно стягивалось узкимъ, почти непримѣтнымъ поясомъ съ одною огромною, широкою и длинною пряжкой*); а сверхъ его было другое платье, коротенькое безъ рукавовъ и спереди совсѣмъ открытое, которое называлось *гречанскою*. Все это напоминало Востокъ и романческо-государственные виды на него Екатерины Второй.

Портретъ сей чудотворной царицы, списанный искусною рукою Демейса съ оригинальнаго портрета извѣстнаго Лампи, висѣлъ въ гостиной нашего казеннаго дома. Когда, бывало, кто взглянетъ на него,

*) Эти пряжки были тогда въ модѣ у всеѣхъ дамъ; ихъ называли *пафталями*; онѣ были самой искусной Азіятской работы съ цѣнными, серебряными, позолоченными или золотыми, смотря по состоянію, съ бирюзой или съ дорогими камнями, также смотря по состоянію.

только что не перекрестится; я же рѣшительно почиталъ его иконой. Вдругъ онъ ожилъ передо мною: я увидѣлъ посреди комнаты женщину, которая показалась мнѣ столь же величавою, точно въ такомъ же нарядѣ, также съ лентою черезъ плечо, и вокругъ ея стоящихъ съ подобострастіемъ. Мудрено ли, что въ головѣ пяти или шестилѣтняго мальчика понятія о величествѣ перепутались, и онъ подданную принялъ за государыню? Я обмеръ, но скоро подозвала она меня къ себѣ и осѣпала ласками; благосклонность ли ея къ матери моей, или дѣйствительно я такъ ей понравился, я съ той минуты сдѣлался ея маленькимъ любимцемъ. Къ сожалѣнію, тщеславіе не чуждо иногда бываетъ и дѣтямъ; я пристрастился къ ней и, бывало, плакалъ, когда меня къ ней не пускали. Лѣтъ пятнадцать тому *), видѣлъ я ее въ послѣдній разъ и уже смотрѣлъ на нее не тѣми глазами. Она не роза, но жила близъ нея, и отпечатокъ величія Екатерины долго еще блисталъ на ней. Она еще жива, но въ глубокой старости осталась теперь какъ полуразрушенный ея памятникъ.

Мнѣ рассказывали про меня самого одинъ анекдотъ, который, по мнѣнію моему, заслуживаетъ найти мѣсто въ сихъ Запискахъ: онъ покажетъ духъ того времени, которымъ были проникнуты даже мозги малыхъ ребятъ. Прежде еще описаннаго мною появленія графини Браницкой, прїѣзжала она уже въ Кіевъ въ такое время, котораго я не запомню, ибо имѣлъ не болѣе трехъ или четырехъ лѣтъ отъ роду. Съ нею былъ старшій сынъ ея, Владиславъ, нынѣшній сенаторъ; мнѣ давали играть съ нимъ, хотя онъ былъ года два или три меня постарѣе. Мы смотрѣли разъ въ окошко на планъ Кіевской крѣпости и на гауптвахту, гдѣ стояли въ караулѣ какіе-то новонабранные Малороссійскіе пѣшіе казаки-стрѣлки, которые были раздѣлены не на полки, а на когорты, и поэтому называли ихъ когортами. Ихъ не успѣли еще обмундировать, и они были въ сѣрыхъ кафтанахъ, какъ ратники 1812 года. Ясновельможный панокъ расхохотался и, оборотясь ко мнѣ, сказалъ: «вотъ какіе жолнеры (воины) у васъ Москалей». Я ли или что-то во мнѣ вступилось за честь Русскихъ, и на замѣчаніе его, какъ смѣю такъ говорить съ Польскимъ графомъ (будто есть настоящіе Польскіе графы), отвѣчалъ, что всякій Русскій важнѣе всякаго Поляка. За это, говорятъ, получилъ я пощечину, на которую отвѣчалъ таковою же, и пошла у насъ сильная драка; насъ розняли, и молодаго графа легонько побравили, а меня чуть ли не наказали. Я бы не осмѣлился похвастаться рановременнымъ патріотизмомъ своимъ и, мо-

*) Графиня А. В. Браницкая скончалась въ 1838 году. Поэтому можно опредѣлить приблизительно время, когда Ф. Ф. Вигель началъ писать свои Записки. П. Б.

жетъ быть, самъ ему бы не повѣрилъ, еслибы нѣсколько разъ не слыпалъ, какъ про него рассказывали, будто бы со смѣхомъ, однакоже съ видомъ самодовольствія.

Первые годы пребыванія нашего въ Кіевѣ, кажется, ни Французовъ, ни Поляковъ, тамъ совсѣмъ почти не было, а Жидовъ очень мало. Послѣднихъ я нѣсколько времени принималъ за первыхъ, и вотъ почему. Едва началъ я ходить и говорить, какъ зналъ уже, что Спаситель рода человѣческаго былъ Жидами поруганъ, мучимъ и умерщвленъ; еще понятія мои не имѣли настоящей ясности, какъ изо всѣхъ устъ услышалъ я проклятія противъ одного народа, безжалостно пролившаго невинную кровь царя своего, кроткаго, мягкосердаго и который за злобу сего народа платилъ ему отеческою любовію. Все это перепуталось въ головѣ моей, и я долго представлялъ себѣ Французовъ весьма нечистыми (въ чемъ и немного ошибся), въ длинныхъ, черныхъ платьяхъ съ бородами, ермолками и фесиками.

Вдругъ одна Французская чета поселилась въ Кіевѣ, въ самой крѣпости, въ нашемъ сосѣдствѣ. У насъ въ Россіи въ старину истинная наука мало уважалась; все гонялось за блескомъ, всѣ молодые дворяне лѣзли въ гвардію, изъ нея выпускались въ армейскіе полки не менѣе какъ капитанами, а на артилерію, на генеральный штабъ, особенно на инженерный корпусъ смотрѣли съ пренебреженіемъ: сіи части необходимыя для войска, за исключеніемъ малаго числа благомыслящихъ дворянъ, наполнялись обыкновенно или людьми низкаго происхожденія, съ похвальными, природными склонностями къ познаніямъ, или чужестранцами, изъ коихъ, какъ извѣстно, было въ то время на половину бродягъ *). Не знаю, какъ и когда нѣкто г. Шардонъ или де-Шардонъ, какъ онъ требовалъ чтобы къ нему надписывали, вступилъ въ нашу службу инженеромъ. Онъ давно уже въ ней находился и все еще ни слова почти не зналъ по-русски, когда въ генеральскомъ чинѣ назначили его инженернымъ командиромъ въ Кіевъ. Никто не хотѣлъ взять труда дѣискиваться, откуда онъ родомъ и происхожденіемъ; Французъ да и только: этого было довольно. Дородная его супруга успѣшила сдѣлать визиты дамамъ и, разумѣется, первую почитла своимъ посѣщеніемъ сосѣдку свою, мать мою. Меня, не знаю почему, всегда водили на показъ пріѣзжимъ гостямъ. Мнѣ сказали, что я увижу Француженку и повели въ гостиную; съ потупленными взорами, съ ужасомъ и ненавистью подступилъ я къ ней; наконецъ, поднялъ глаза, взглянулъ на нее, и весь страхъ мой исчезъ. Я расхохо-

*) Иныя мы стали умнѣе и просвѣщеннѣе, и едва ли есть десятая доля.

тался, и какъ ни старались унять меня, это было дѣло невозможное, пока меня не увели.

Представьте себѣ, любезный читатель, старую, полную, румянами крѣпко натертую, смѣющуюся рожу, и посреди ея длинный ястребинный носъ съ двумя широкими отверстіями, источниками двухъ табачныхъ ручьевъ; усы, по коимъ они протекаютъ, потомъ зобъ, тройной подбородокъ и подъ нимъ старую, наморщенную, бронзоваго цвѣта шею и такую же полуоткрытую грудь, украшенную алмазами Тульской работы и осыпанную табакомъ. Все это на огромномъ туловищѣ, въ странномъ, пестромъ нарядѣ, въ платьѣ яркаго цвѣта, разъ тридцать перекрещеннаго и перешитаго по послѣдней модѣ. Прибавьте къ этому вокругъ нея атмосферу, которою обыкновенно дышать только по близости сельдяныхъ буюновъ. Вы человѣкъ благородный, умѣете владѣть собою, и при видѣ ея, вѣроятно, даже не улыбнулись бы; но не требуйте того отъ ребенка, которому красоты сіи случилось столь внезапно созерцать.

Эта Француженка была баба умная, веселая, страстная охотница до свѣтскихъ забавъ, весьма искательная и совсѣмъ невзыскательная, большая мастерица играть въ бостонъ и неутомимая въ семъ упражненіи; не знаю, какъ-то, наконецъ, мы всѣ къ ней принюхались. Къ намъ ѣздить повадилась она очень часто; всякій вечеръ находила у насъ гостей, находила партію и увѣряла, что никого въ свѣтѣ такъ не любить, какъ моихъ родителей. Она опрокидывала всѣ понятія, которыя тогда имѣли о важности генеральскаго чина: не было возможности съ ней церемониться; у насъ въ домѣ до того дошло, что только лишь ея хватятся, то, смотря по погодѣ, бывало повелительнымъ тономъ скажутъ: послать карету или человѣка за *Шардоншей!* Такъ называли ее позаочности, но въ глаза поступали съ ней почтительно. У нея спросили: какъ звали батюшку? потомъ изъ семи или восьми именъ, данныхъ ей при крещеніи, выбрали легчайшее для произношенія, и изъ всего этого составили Марью Леонтьевну.

Она меня также удостоивала своего вниманія, отцу моему давала совѣты касательно моего воспитанія, и мнѣ самому дѣлала наставленія. Въ чемъ же они состояли? Держать себя какъ можно прямѣе, стараться лучше выговаривать по-французски (а на этомъ языкѣ говорилъ я тогда хуже чѣмъ она по-русски), наконецъ, стараться быть какъ можно любезнѣе съ маленькими дѣвочками и тѣмъ готовить себя къ будущимъ успѣхамъ съ большими. Любопытнымъ, внимательнымъ окомъ смотрѣлъ я часто на сіе странное существо. Мнѣ все хотѣлось вникнуть въ причины мезитизма, ея распространяемаго; ихъ объяснилъ мнѣ съ самымъ важнымъ, съ самымъ ученымъ видомъ учитель мой,

Карамзинъ. Какой тутъ быть прозѣ, какимъ стихамъ, думалъ я, и стоить ли о томъ говорить? За то въ мысляхъ о Франціи и энтузіазмъ къ ней были мы совершенно согласны; въ этомъ онъ былъ мой оракуль, а Лагарпъ его законодатель. И тутъ являлось его правовѣріе: роялизмъ былъ его политическою, а классики литературною вѣрой.

Кажется, болѣе всего соединяла насъ въ это время страсть къ Французской сценѣ, которая во мнѣ доходила до безумія. Мнѣ случилось не допивать, не доѣдать; случалось довольствоваться людскими щами и кашей, чтобы послѣдній мѣдный рубль нести въ театр: тамъ была вся услада, все утѣшеніе моей жизни; тамъ я былъ увѣренъ встрѣтить Блудова, и мы оба во всемъ смыслѣ могли называться пиластрами партера, какъ говорятъ Французы.

И вотъ тутъ-то примусь я описывать со всею подробностію (читай меня, иль не читай) любопытнѣйшее занятіе праздной моей молодости. Я говорилъ уже о Петербургскомъ театрѣ при Павлѣ Первомъ, когда я только что прозрѣлъ его. Вскорѣ послѣ кончины сего императора, удалилась или была выслана красавица-пѣвица Шевалье съ балетмейстеромъ мужемъ своимъ, и опера безъ нея осиротѣла. Прошелъ траурный годъ, въ продолженіе коего придворные актеры не могли являться на сценѣ, и о театрѣ, до котораго императоръ Александръ никогда не былъ большой охотникъ, какъ будто позабыли. Но когда весною 1802 года онъ опять былъ открытъ, среди всеобщаго стремленія къ веселостямъ, тогда всѣ почувствовали необходимость его въ столичномъ городѣ. Для самого Государя, тогда еще совершенно молодаго, публичныя увеселенія имѣли еще нѣкоторую заманчивость. Каменный или Большой театръ, возвыгнутый въ Коломнѣ при Екатеринѣ, велѣно архитектору Томону перестроить заново и съ большею противъ прежняго роскошью; а покамѣсть, дабы не прерывать представлений, отысканъ деревянный или малый театръ, никому неизвѣстный, построенный великолѣпнымъ княземъ Потемкинымъ на дворѣ принадлежавшаго ему Аничковскаго дворца. Самъ директоръ императорскихъ театровъ, расточительный оберъ-камергеръ Нарышкинъ, отправился въ примиренный съ нами Парижъ и навербовалъ тамъ два или три комплекта артистовъ всякаго рода. Все наѣхало, все поспѣло въ послѣдніе мѣсяцы сего 1802 года, первые пребыванія моего въ Петербургѣ. Перестроенный Большой театръ открытъ 30 Ноября; меня чуть не задавили при входѣ, и я все-таки въ него не попалъ. Нѣсколько дней спустя, было воскресеніе Французской оперы, то-есть первый дебютъ знаменитой у насъ Филисъ.

Незабвенная Филисъ! Какими я блаженными минутами ей обязанъ! Девять лѣтъ сряду восхищала она меня. Но не подумайте, читатель,

чтобъ я въ нее хотя сколько-нибудь былъ влюбленъ; это было невозможно, впервыхъ, потому что я никогда вблизи ея не видывалъ, и потому, вовторыхъ, что на самой сценѣ, не смотря на оптическій обманъ, она мнѣ казалась болѣе дурна, чѣмъ хороша собою. Она была уроженка изъ Бордо и 24 лѣтъ, когда къ намъ пріѣхала. Всѣмъ извѣстно, что подъ жаркимъ, южнымъ небомъ все сладчайшее, плоды и женщины, зрѣеть гораздо ранѣе, чѣмъ у насъ, и, не смотря на молодые свои годы, моя Филисъ казалась едва ли не перезрѣлою. У нея же былъ длинный носъ и смуглое лицо, чего я терпѣть не могу. Но все чтò только можетъ замѣнить свѣжесть и красоту, все въ ней находилось; все было плѣнительно, очаровательно: и взглядъ ея, и поступь, и игра, и голосъ, когда она имъ говорила, и умѣнье владѣть имъ, когда она пѣла, и умѣнье наряжаться со вкусомъ. Никто не влюблялся въ нее какъ женщину, всѣ обожали какъ пѣвицу и актрису. Въ Парижѣ прелести ея цѣнились выше, чѣмъ у насъ; онѣ произвели страсть и гоненія брата Бонапарте, Иеронима. Видно, что власть семейства перваго консула была очень велика, ибо свободѣ Андріе (мужа или любовника Филисъ) угрожала опасность, и они, сдѣлавъ условія съ Нарышкинымъ, тайно бѣжали въ Россію...

Въ продолженіи 1803 года не проходило почти недѣли, чтобы не было на Французскомъ театрѣ дебюта и одной или двухъ новыхъ піесъ. Въ аристократическомъ обществѣ, между нашими боярами, были Французы и Француженки разныхъ временъ и возрастовъ. По ихъ требованію, въ угожденіе имъ, начали отыскивать всѣ современныя имъ музыкальныя произведенія, и стали восходить до Монсиньи и Рамо; къ счастію, современниковъ Лулли никого уже не было. Глюкъ и Пиччини мирно встрѣтились у насъ на одной сценѣ, пропѣтые одними и тѣми же артистами, и одни и тѣже зрители, не давая одному передъ другимъ преимущества, обоимъ съ одинаковымъ равнодушіемъ рукоплескали. Только для немногихъ *Ифигенія, Орфей и Эдипъ въ Колоннѣ* воскрешали былое; когда хоромъ запѣли *Achille sera votre époque*, говорятъ, старикъ графъ Строгановъ затрепеталъ отъ восторга; когда Андріе, играя Блонделя въ *Рихардъ Львиномъ Сердцѣ*, несноснымъ голосомъ своимъ затянулъ *O Richard, o mon roi*, одна престарѣлая княгиня, пораженная воспоминаніями, въ ложѣ своей зарыдала. Для нашего же поколѣнія Грётри казался уже ветхъ, и неистощимый Далеиракъ былъ часто несносенъ. Но чтò я говорю о нашемъ поколѣніи! Поминками о Филисъ не похожъ ли я на тѣхъ, о коихъ сейчасъ говорилъ? Съ тою однакоже разницею, что музыка, отъ коей въ молодости былъ я внѣ себя, является мнѣ нынѣ изрѣдка и противъ воли

Отъ изображенія въ родѣ Гогарта, долженъ я теперь перейти къ картинѣ въ родѣ Рафаэля, и не знаю, другая сія попытка не будетъ ли еще менѣе удачна чѣмъ первая. Не помню, въ 1793-мъ или въ 1794-мъ году, Кіевскій вице-губернаторъ Башиловъ (отецъ сенатора-забавника) пожалованъ былъ оберъ-прокуроромъ въ Сенатъ; какъ я его совсѣмъ почти не помню, то и нечего мнѣ о немъ говорить. На его мѣсто прибылъ изъ Москвы князь Василій Алексѣевичъ Хованскій, въ лѣтахъ еще довольно молодыхъ, служившій въ гвардіи до капитановъ и при отставкѣ получившій бригадирскій чинъ *). Въ первой молодости онъ путешествовалъ по всей Европѣ, зналъ иностранные языки, былъ славный музыкантъ, мастеръ танцовать, брался о всемъ судить и, покрытый симъ мишурнымъ блескомъ, совсѣмъ было ослѣпилъ насъ, провинціаловъ. Но въ Русскихъ есть врожденная догадливость, которая въ молодости заглушается страстями, но тѣмъ сильнѣе обнаруживается въ ихъ зрѣлыхъ лѣтахъ; изумленные, увлеченные сначала щеголеватостію формъ, изысканностію фразъ, они начинаютъ потомъ требовать болѣе совершенства, истинныхъ достоинствъ. Когда первое удивленіе прошло, наши Кіевляне увидѣли въ рѣчахъ князя Хованскаго пустословіе, въ дѣлахъ по службѣ совершенное его невѣжество, въ поступкахъ непростительную вѣтренность и тщеславіе. Онъ не являлся даже тогдашнимъ Европейцемъ; въ тонѣ, въ манерахъ его, можно сказать, видна была смѣсь Французскаго не съ Нижегородскимъ, а съ Московскимъ. Совсѣмъ противное случилось съ бывшею съ нимъ супругою его.

Скромная, тихая, малорѣчивая, просто одѣтая, она съ перваго взгляда много теряла въ сравненіи съ мужемъ, котораго, сверхъ того, года два была и постарѣе. Но скоро обнаружилась любезность ея ума, и кротость нрава; и святость ея дѣяній. Она была урожденная Нарышкина и родная племянница фельдмаршала князя Репнина; но въ ней не было замѣтно ни тѣни нынѣшней аристократической гордости, ни слѣдовъ тогдашней барской слѣси. Не будучи красавицей, она имѣла правильныя черты и самую пріятную наружность. На лицѣ ея, необыкновенной бѣлизны и прозрачности, часто проступалъ яркій румянецъ, предвѣстникъ смерти, а улыбка печальнаго ангела придавала

*) Сихъ бригадировъ называли дюжинными, потому что ежегодно ихъ выпускалось по трое изъ cadaго гвардейскаго полка, копѣхъ было четыре; это были обыкновенно люди добрые, честные, достаточные, но ни къ чему неспособные. Князь Виземскій ошибается, полагая, что Фонъ-Визинъ комедіей своею заклеилъ бригадирскій чинъ; его *Бригадаръ* старинный служака, а въ долготѣпсе царствованіе Екатерины отставными изъ гвардіи бригадирами наполнилась Москва, и именно безчисленность, невѣжество и ничтожество Московскихъ бригадировъ составляютъ смѣшную сторону бригадирства. Скорѣе Дмитріевъ убилъ сей чинъ, да еще и положилъ надъ нимъ эпитафію.

лицу сему трогательную прелесть. Она страдала тѣлесными и душевными недугами, но никому о томъ ни слова не поминала, всякій день принимала у себя или бывала въ обществѣ съ видомъ не веселымъ, но ласковымъ, во всемъ привѣтливымъ, никогда себѣ злословія не позволяла, втайнѣ молилась и творила добро, отказывая себѣ иногда въ самонужнѣйшемъ. Dulde, lächle und stirb (терпи, улыбайся и умирай): такъ въ трехъ словахъ одинъ Нѣмецкій писатель изобразилъ судьбу добродѣтельной женщины, какъ будто имѣя въ виду кн. Хованскую.

Домъ вице-губернаторскій находился также въ крѣпости и рядомъ съ нашимъ. Не одно сосѣдство, но взаимная любовь и уваженіе сблизили моихъ родителей съ сею княгиней, и дружба съ нею была всемъ иного рода чѣмъ съ г-жею де-Шардонъ. Отецъ мой, столь же мало расточительный на похвалы, какъ и скупой на порицанія, сознавался однакоже, что въ жизни ничего совершеннѣе не встрѣчалъ. Мать моя, будучи нѣсколько лѣтъ ея постарѣе, была ей послушна, какъ ребенокъ. Пользуясь симъ и чувствуя всю цѣну добрѣйшаго изъ сердець, княгиня Хованская съ нѣжностію сестры позволяла себѣ указывать ей на нѣкоторые, впрочемъ, весьма простительные ея недостатки, молила ее воздерживаться отъ нѣкоторой вспыльчивости, любить мужа безъ ревности, дѣтей безъ баловства и, если возможно, еще болѣе облегчать участь, и безъ того уже не тягостную, домашней крѣпостной прислуги; однимъ словомъ, она сдѣлалась ея второю совѣстію. Жаль только, что сама никогда не хотѣла открыть ей тайныхъ мукъ своего сердца, рѣшившись, видно, повѣрять ихъ единому Богу.

Давно уже свѣтъ если не одобряетъ, то, по крайней мѣрѣ, извиняетъ невѣрность мужей. Но когда невѣрность сія выказывается съ величайшимъ безстыдствомъ, съ забвеніемъ всякой благопристойности, какъ бы съ нѣкоторымъ хвастовствомъ, когда предметъ ея достоинъ презрѣнія, то она дѣлается отвратительною даже въ глазахъ безнравственныхъ людей. Князь Хованскій любилъ крѣпостную свою дѣвку, стройную, ловкую, но лицомъ столь же непріятную какъ, говорили, и нравомъ. Рядомъ съ спальною своей жены далъ онъ ей комнату, убранную со всевозможною, по состоянію его, роскошью. Сія несчастная, всегда разряженная какъ кукла, всемъ повелѣвала въ домѣ, всѣ трепетали передъ ней; но въ свою очередь, какъ бы повинуюсь невольному чувству, нечистое созданіе нѣмѣло, смущалось, когда встрѣчало тихіе взоры своей жертвы. Всѣ эти гадости были баснею цѣлаго рода; онѣ принадлежали бы къ разряду обыкновенныхъ, даже самыхъ низкихъ сплетней, еслибы не отравили жизнь посвященную добродѣтели.

Для вѣрной супруги, что можетъ быть горестнѣе, униженнѣе сего положенія? Исполняя долгъ христіанки, она покорялась волѣ мужа

органъ звучный и громкій, но всѣми дарами ея не умѣлъ онъ воспользоваться. Я не виню его. Говорять, что у Дмитревскаго не было образцовъ; напрасно: онъ видѣлъ ихъ за границей и по нимъ образовалъ природный даръ свой, весьма необыкновенный. Когда онъ воротился и показался на сценѣ, въ Петербургѣ не было ни одного иностраннаго театра, и онъ имѣлъ судіями и зрителями дворъ, лучшее общество и много людей, которые сами образцы его видѣли. Яковлевъ игралъ передъ многочисленною толпой, въ которой самая малая часть принадлежала къ среднему состоянію; остальное было ближе къ простонародью, даже къ черни. Какъ актеру не искать рукоплесканій? И какъ, желая нравиться такой публикѣ, не исказить свой талантъ? А какъ въ этомъ родѣ посредственности быть не можетъ, то Яковлевъ былъ мало сказать что плохъ, онъ былъ скверенъ. Отъ истовыхъ криковъ и частаго употребленія водки голосъ его осипъ, и онъ свирѣпствовалъ истинно каррикатурно. Подруга его на сценѣ, и какъ утверждали въ домашней жизни, госпожа Каратыгина, жена плохаго актера, игравшаго молодыхъ людей въ комедіи, была довольно красива, но играла не хорошо, все всхлипывала, и не глаза, а горло казалось у нея вѣчно исполненнымъ слезъ.

Кто знаетъ? Нынѣ, можетъ-быть, ими бы восхищались; такъ мнѣнія и вкусы перемѣнились. Трагедій было мало; всѣ прежнія, Майковскія, Николевскія и даже нѣкоторыя Сумароковскія брошены, а объ Озеровѣ еще не было слышно. Играли покамѣстъ плохо переведенныя, чудовищныя Нѣмецкія драмы, и ими обуревался, и имъ хлопалъ площадной партеръ.

Въ мірѣ былъ когда-то народъ, у котораго чувство изящнаго проникло во всѣ состоянія; онъ давно уже исчезъ. Былъ другой народъ, завоевавшій богатства цѣлаго свѣта и въ числѣ ихъ, какъ сокровище, захватившій у перваго чистоту и строгость вкуса его; отъ него осталось его громкое имя. Послѣ столѣтій, этотъ правильный вкусъ явился у третьяго народа, нѣкогда второму подвластнаго. Ознаменованныя печатію сего вкуса литературныя произведенія его распространили его вліяніе и языкъ по всей Европѣ, и прежде нежели мечомъ посягнулъ онъ на свободу народовъ, уже ему покорила ихъ лира. Когда этотъ народъ сталъ терзать себя и сосѣдей и все опрокидывать, еще высоко стояла среди него сія вѣчная лира, и онъ не переставалъ ей поклоняться; теперь она не разбита, во валяется въ прахъ. Нѣтъ, классицизмъ и желаніе владѣть міромъ не могли быть врожденнымъ чувствомъ у потомства легкомысленныхъ Галловъ и черствыхъ Франковъ; первый былъ одно подражаніе и долго господствовавшая мода; другое родилось и умерло въ головѣ единаго человѣка,

Итальянца, потомка Римлянъ. Когда Европа уняла Францію, то нѣсколько времени она гнѣбалась, волновалась, но непримѣтнымъ образомъ принимала уставы своихъ сосѣдей, Англичанъ и Нѣмцевъ; все Готеско-тевтоническое, какъ нѣчто родное и такъ непринуждено, въ ней возобладало и выдавило, такъ сказать, мечты о древнемъ величїи Рима. Тѣмъ лучше! Я чуть было не сказалъ для нашей будущности, но вспомнилъ и наше идолопоклонство не одной уже Франціи, но въ совокупности съ ней цѣлой Европѣ.

Какое отступленіе! И все это по случаю игры Яковлева, правда, не понятаго и опередившаго свой вѣкъ. Теперь немного словъ еще о тогдашнемъ нашемъ театрѣ. Комедія шла не много лучше трагедїи. Рахманова, въ роляхъ сердитыхъ, сварливыхъ старухъ, какими были тогда въ Русскихъ провинціяхъ всѣ старухи (отъ бездѣйствїя и скуки терзавшія все имъ подвластное) и Пономаревъ, олицетворенное подъячество, были оригинально забавны. Между не выпущенными еще воспитанниками и воспитанницами тогда уже существовавшей Театральной Школы начинали въ комедїи являться талантики.

Пѣвцы и пѣвицы были достойны играемыхъ тогда Русскихъ оперъ. Но между ними было нѣчто чрезвычайно примѣчательное, чѣчто совершенное, это буффъ въ Русскомъ родѣ, Воробьевъ. Онъ смѣшилъ когда онъ пѣлъ, когда онъ говорилъ, когда онъ стоялъ, смотрѣлъ, даже когда онъ только показывался на сценѣ. Жена его, толстенъкая, слабоглазая и неуклюжая, занимала первыя роли, обыкновенно царевенъ и княжонъ. Когда число дѣйствующихъ лицъ того требовало, то голоски брали на прокатъ изъ Театральной Школы.

Отъ Русскаго театра весьма естественнымъ образомъ переходить къ тогдашней Русской литературѣ. Сжатая при Павлѣ, омельвша до Шалиговской приторности при Александрѣ, она стала возвышаться и течь съ быстротою. Еще долженъ повторить, что я совсѣмъ ею не занимался, и если что узналъ о самомъ современномъ ходѣ ея, то по изустнымъ преданїямъ Блудова. Но сего достаточно, чтобы вкратцѣ описать тогдашнее ея состояніе. Она, какъ всѣмъ извѣстно, родилась въ Петербургѣ; всѣ прежніе сочинители, отъ Ломоносова до Державина и отъ Тредьяковскаго до Хвостова, въ немъ образовались, жили, служили и писали. Позднѣе Москва сдѣлалась ея центромъ, и она тѣмъ обязана постоянному пребыванію двухъ знаменитыхъ писателей въ стихахъ и прозѣ, Дмитріева и Карамзина. Съ поръ тѣхъ все лучшее въ нашей словесности родится и произростаетъ тамъ, плоды же собираетъ Петербургъ. Съ воцаренїемъ Александра, послѣ тягостнаго сна, все благородное воспрянуло, и Карамзинъ, столь привлекательный въ своихъ Бездѣлкахъ, прилежно и сильно принялся за дѣло. Онъ сдѣлался

первымъ издателемъ перваго у насъ журнала, достойнаго сего названія. Его Вѣстникъ Европы началъ насъ знакомить какъ съ ея произведеніями, такъ и съ нашею древностію. Какое мужество, какое терпѣніе и какое безкорыстіе были потребны Карамзину! Какая бѣдность въ матеріалахъ! Какой недостатокъ въ сотрудникахъ! Какое малое число подписчиковъ, и какая низкая цѣна за изданіе! Едва прикрывались издержки, а трудъ шель почти даромъ. Онъ принужденъ былъ почти одинъ постоянно заниматься, сочинять, переводить. Но великій писатель достигнулъ своей цѣли; онъ водрузилъ знамя, подъ которое стали собираться молодые таланты и развиваться подъ его сѣнію. Между тѣмъ и самый слогъ Карамзина, дотошъ красивый, стройный, милый, какъ прелесть молодости, среди упорныхъ, всеневныхъ трудовъ примѣтнымъ образомъ сталъ укрѣпляться и подниматься, и во всей мужественной красотѣ явился въ героѣ-женщинѣ, Марѣѣ Посадницѣ. Вѣстникъ Европы становился слишкомъ приманчивъ, чтобы быстро не умножилось число его читателей и подписчиковъ; тогда только, когда Карамзинъ могъ ожидать себѣ отъ него прибылц, предоставилъ онъ его людямъ, его ученіемъ образованнымъ.

Въ это же время (и все въ той же Москвѣ) сдѣлались извѣстны два молодые стихотворца, Мерзляковъ и Жуковскій. Мерзляковъ возгремѣлъ одой молодому Императору при полученіи извѣстія о кончинѣ Павла, и она найдена лучшею изъ десяти или пятнадцати другихъ, написанныхъ по случаю сего происшествія. Далѣе слава его не пошла; извѣстность его умножилась. Онъ былъ ученѣйшій изъ нашихъ литераторовъ и подъ конецъ профессоръ въ Московскомъ университетѣ, много и правильно писалъ; но читали его безъ удовольствія. Впослѣдствіи я тоже попытался и нашелъ въ немъ мало вкуса, много педантства.

Участь Жуковскаго была совсѣмъ иная. Какъ новый, какъ ясный мѣсяцъ, имъ такъ часто воспѣтый, народился тогда Жуковскій. Я разъ сказалъ уже, что, не зная его, позавидовалъ золотой его медали. Потомъ много былъ о немъ наслышанъ отъ друга его, Блудова, и хотя лично познакомился съ нимъ годомъ или двумя позже описываемаго времени, не могу отказать себѣ въ удовольствіи говорить о столь примѣчательномъ человѣкѣ.

Бездомный сирота, онъ выросъ въ Бѣлевѣ, среди умнаго и просвѣщеннаго семейства Буниныхъ. Знать Жуковскаго и не любить его было дѣло невозможное, а любить ребенка и баловать его всегда почти одно и то же; но инымъ дѣтямъ баловство идетъ въ прокъ; такъ, кажется, было и съ нашимъ поэтомъ. Когда онъ былъ уже на своей волѣ, и въ службѣ, и въ лѣтахъ, долго оставался онъ незлоби-

могилу и нашель, что, отъ небреженія, время стерло надпись на ея надгробномъ камнѣ; въ самомъ семействѣ ея объ ней никогда не поминалось. Грустно подумать, что примѣръ столь высокихъ добродѣтелей совсѣмъ потерянь для людей; но я уже счастливъ тѣмъ, что галерею мою, гдѣ столько безобразія, могъ украсить ея священнымъ ликомъ и утѣшаюсь надеждою, что когда случайно появятся Записки сіи, когда кости мои будутъ истлѣвать въ утробѣ земли, на поверхности оной ея нетлѣнные останки будутъ чтимы православными.

Возвратясь изъ столицы, князь Хованскій, на печальныя ему привѣтствія, сказалъ нѣсколько словъ въ похвалу покойной, и тотчасъ же потомъ пустился танцовать на Кіевскихъ балахъ. Ему довольно понравилась дѣвица де-Рювиль, но роялистка древней фамиліи требовала серьезной законной любви. Шардонша ладила сдѣлать ее княгиней; дѣло не состоялось, она уѣхала, и для меня, по крайней мѣрѣ, слухъ объ ней пропалъ на вѣки.

Послѣ смерти княгини Хованской, наши семейства рѣже видѣлись; одинъ несчастный случай опять ихъ на время сблизилъ. Вновь перестроенный комендантскій домъ загорѣлся очень рано утромъ; я жилъ тогда на антресолѣ и еще спалъ. Въ ужасной суматохѣ, не знаю какъ все это случилось, что всѣ меня забыли, и родители, и учитель, и слуга, который за мной ходилъ, и хватились только тогда, какъ весь домъ былъ въ пламени. Лакей князя Хованскаго, высокій, сильный и смѣлый, по прозванію Соколовъ, соколомъ бросился вверхъ и нашель, что я преспокойно сплю; не давъ мнѣ опомниться, успѣлъ схватить меня, обернуть въ простыню и сквозь дымъ и пламя бѣгомъ снести по загорѣвшейся уже лѣстницѣ. Я очнулся только на площади, гдѣ нашель моихъ родителей. Не стану описывать ни радости ихъ, ни благодарности къ мужественному Соколову. Какъ я былъ босъ и полунагъ, а время было холодное, то меня отнесли въ сосѣдній домъ, къ князю Хованскому; тамъ оставался я недѣли двѣ, пока занали другой домъ, и все спать пришло въ порядокъ.

Семейство князя Хованскаго, коего пребываніе въ Кіевѣ мнѣ пришлось столь подробно описывать, послѣ того недолго въ немъ оставалось. Подобно предмѣстнику его, Башилову, князя Хованскаго сдѣлали оберъ-прокуроромъ въ Сенатѣ, и онъ отправился въ Петербургъ. Нѣсколько разъ въ жизни случалось мнѣ встрѣчаться съ нимъ и съ его дочерьми. Онъ всякій разъ припоминалъ мнѣ о пожарѣ и о Соколовѣ, какъ будто почитая самого себя моимъ спасителемъ.

Въ Екатеринино время было еще въ Кіевѣ нѣсколько примѣчательныхъ лицъ, съ коими непременно надобно мнѣ познакомить читателя, дабы дать ему понятіе о тогдашнемъ Кіевскомъ обществѣ. На сіе намѣренья я посвятилъ слѣдующую главу.

VIII.

Жилъ-былъ тогда въ Кіевѣ одинъ баринъ, да еще же и князь, который, кажется, почиталъ себя выше обыкновенной знати. Фамилія Дашковыхъ происходила отъ рода князей Смоленскихъ, потомство коихъ, за исключеніемъ Вяземскихъ, при Польскомъ правительствѣ утратило княжеское свое достоинство. Князья Дашковы не размножились, какъ другіе княжескіе роды, и ихъ имя въ Русской исторіи нигдѣ не встрѣчается. Первый и послѣдній блескъ дала ему честолюбивая женщина, которая почитала себя рожденною съ тѣмъ, чтобы располагать судьбою царей. Сынъ ея, послѣдній въ своемъ родѣ, былъ ею воспитанъ на славу; она возила его съ собою по всѣмъ иностраннымъ государствамъ, всему его учила и въ Единбургѣ доставила ему дипломъ на званіе доктора правъ, богословія и даже медицины. Но ученіе и самый опытъ не даютъ того, что природа отняла.

Участію матери своей въ возведеніи на престолъ Екатерины Второй былъ обязанъ князь Дашковъ быстрому повышенію въ чинахъ: въ двадцать пять лѣтъ онъ командовалъ уже Сибирскимъ гренадерскимъ полкомъ и стоялъ съ нимъ въ Кіевѣ. Тутъ ему приглянулась одна дѣвочка, дочь облагороженнаго чинами купца Семена Никифоровича Алферова. По высокимъ, философическимъ понятіямъ, которыя почерпнулъ онъ въ своихъ путешествіяхъ, по примѣру Англійскихъ лордовъ, коимъ онъ старался подражать и кои часто ничтожныхъ тварей, изъ одной оригинальности, возводятъ въ званіе супруговъ своихъ, онъ долго не задумался, взялъ да и женился, не бывъ даже серьезно влюбленъ. Сей бракъ поссорилъ его съ матерью, разорвалъ связи его съ обществомъ столицъ и заставилъ его поселиться въ Кіевѣ. Онъ сдалъ полкъ; но, по старой памяти къ услугамъ матери, производство для него не остановилось, и онъ получилъ чины бригадира и генераль-майора.

Горе ученымъ глупцамъ! Для головы ихъ обширныя познанія тоже, что жирная пища для слабаго желудка: ихъ безпрестанно несетъ вздоромъ.

Самолюбивѣйшій изъ смертныхъ, Дашковъ полагалъ, что способенъ управлять государствомъ и осужденъ былъ скрывать свое величіе въ низенькомъ домѣ самаго грязнаго Кіевского переулка. Тамъ собиралъ онъ около себя веселыхъ людей, какихъ могъ найти въ Кіевѣ, шутовъ, всякую иностранную сволочь, и шумомъ сего общества старался заглушить страданія своей гордости. Несчастный утѣшался презрѣніемъ, которое могъ онъ изливать на всѣхъ окружающихъ его, на жену, на тестя, на всю родню ихъ.

Не смотря на несправедливое пренебреженіе, которое онъ также оказывалъ какъ жителямъ того города, который выбралъ онъ постояннымъ мѣстопробываніемъ, такъ и обычаямъ ихъ, они сначала приглашали его на всѣ праздники свои, на всѣ вечеринки. Онъ былъ красивый, видный мужчина и также, какъ Хованскій, страстный охотникъ до танцевъ, которые тогда были едва ли не болѣе въ модѣ, чѣмъ нынѣ; но онъ не хотѣлъ на вечерахъ сихъ ни одну даму, ни одну дѣвицу пригласить, а съ начала до конца безпрестанно танцевалъ съ одной своей женой. Какъ бы не замѣчая, что есть хозяйева, есть гости, онъ безъ церемоніи сажалъ ее къ себѣ на колѣни и цѣловалъ въ засосъ; потомъ, за что-нибудь повсорившись съ ней, при всѣхъ начиналъ ее бить по щекамъ.

Мои родители застали его уже женатаго и сначала, какъ и всѣ другіе, водили съ нимъ знакомство. Досадуя на цѣлый міръ, онъ всѣхъ поносилъ, всѣхъ клеветалъ и тѣмъ уже охолодилъ отца моего. Одинъ вечеръ, будучи у насъ, онъ за что-то прогнѣвался на жену и далъ ей толчка; тогда отецъ мой ему напомнилъ, что онъ не дома и просилъ для супружескихъ исправленій избрать другое мѣсто. Онъ гордо поглядѣлъ на него, не сказавъ ни слова, потомъ взялъ подъ руку битую жену и вышелъ съ нею съ тѣмъ, чтобы никогда не возвращаться; съ тѣхъ поръ онъ сдѣлался непримиримымъ врагомъ отца моего. Сей примѣръ подѣйствовалъ на Кіевлянъ; наскучивъ его отвратительными странностями, одинъ за другимъ перестали къ нему ѣздить и звать его къ себѣ. Нѣсколько лѣтъ прожилъ онъ потомъ въ шумномъ своемъ уединеніи, среди грубыхъ, отчаянныхъ наслажденій, ни на что неупотребляемый, забытый дворомъ и ненавидимый обществомъ.

Въ Россіи есть губернскіе и уѣздные города; въ числѣ тѣхъ и другихъ есть такіе, кои должно назвать казенными, потому что въ нихъ встрѣчаются по большей части одни только должностныя лица; помѣщики же бывають въ нихъ только иногда, по дѣламъ. Въ нихъ безпрестанно мѣняется картина общества, которое черезъ десять лѣтъ, можно сказать, возобновляется во всемъ своемъ составѣ. Кіевъ болѣе чѣмъ всякій другой принадлежалъ къ числу сихъ казенныхъ городовъ.

Малороссія, которая нынѣ раздѣлена на двѣ губерніи, Черниговскую и Полтавскую, тогда составлена была изъ трехъ: Кіевской, Черниговской и Новгородско-Сѣверской; большая часть нынѣшней Полтавской губерніи составляла тогдашнюю Кіевскую. Жители Черниговскихъ уѣздовъ, а еще болѣе Новгородско-Сѣверскихъ, сохранили или приняли много Русскихъ навыковъ, бывши неоднократно подъ владычествомъ Московскихъ государей; жители же южной Малороссіи остались почти такими же казаками, какими были при Хмѣльницкомъ.

Богатѣйшіе изъ тогдашнихъ Кіевскихъ помѣщиковъ рѣдко покидали свои хутора, съ крестьянами своими, кои лѣтъ десятка два-три передъ тѣмъ были имъ равными, имѣли одинаковые вкусы, одинаковые обычаи, одинаковую пищу, также всему предпочитали борщъ и галушки, столь же нѣжно любили свиней, въ одеждѣ сохраняли ту же Запорожскую неопрятность. Ихъ губерпскій городъ былъ за Днѣпромъ, почти въ ненавистной имъ Польшѣ, и со времянь Петра Великаго въ немъ непрерывно начальствовали Москали и Нѣмцы. Они чуждались его, хотя въ немъ ни языкъ, ни происхожденіе простаго народа имъ вовсе не были чужды; однакоже въ послѣдніе годы царствованія Екатерины, то обязанные служить по выборамъ, то привлекаемые пріятностями общежитія, они начали чаще и въ большемъ количествѣ появляться.

Въ изображеніи лицъ, составлявшихъ тогдашнее Кіевское общество, долженъ буду я слѣдовать, такъ-сказать, іерархическому порядку мѣстъ, ими занимаемыхъ, и потому долженъ начать съ губернатора или правителя намѣстничества, какъ Екатерина Вторая, сія Нѣмка, страстная ко всему Русскому и вводившая вездѣ Русскія названія, повелѣла имъ именоваться.

Тогда управлялъ Кіевскимъ намѣстничествомъ осьмидесяти-лѣтній, полумертвый старецъ, Семень Ермолаевичъ Ширковъ, старшій генераль-поручикъ по арміи, въ Польской лентѣ Вѣлаго Орла. Онъ разрушался, но все упрямялся оставаться на губернаторствѣ; наконецъ его уволили съ честію и пенсіей. Объ немъ самомъ осталось у меня самое тусклое воспоминаніе, но мнѣ очень памяты почести, ему воздаваемая. Изъ уваженія ли къ его глубокой старости, или слѣдуя чинопочитанію, которое въ то время строго соблюдалось, мой отецъ всегда на крыльцѣ его встрѣчалъ и до крыльца его провожалъ. Его довольно любили, но семейство его было самое странное; вообще весь этотъ родъ Ширковыхъ, Курскихъ помѣщиковъ, какъ прежде такъ и послѣ, имѣлъ весьма худую славу; членовъ его обвиняли въ насиліяхъ, убійствахъ, кровосмѣшеніи, разнаго рода преступленіяхъ, изъ коихъ нѣкоторыя были доказаны по дѣламъ. Такъ какъ семейство сіе недолго при насъ оставалось и я чуть его помню, то и почитаю себя въ правѣ не входить въ описаніе всѣхъ ужасовъ, кои слышалъ я послѣ о сихъ Русскихъ Атридахъ.

Послѣ Ширкова былъ губернаторомъ Василій Ивановичъ Красномилашевичъ, Смольянинъ, человекъ умный и пріятный, израненный, извѣстный храбростію генераль, который и на гражданскомъ поприщѣ умѣлъ показать усердіе и способности. Онъ былъ холостъ и не слишкомъ богатъ, слѣдственно и не могъ имѣть открытый домъ, однакоже

нѣсколько разъ въ годъ давалъ балы. О вице-губернаторахъ или поручикахъ правителя я уже говорилъ.

Изъ губерскихъ предводителей мнѣ памятенъ Демьянъ Демьяновичъ Оболенской, человекъ уже пожилой, но еще видный и здоровый. Онъ имѣлъ семь или восемь тысячъ душъ и жену красавицу и кокетку*). Тѣмъ и другой онъ чрезвычайно гордился; а послѣднюю гордились или, лучше сказать, хвалились еще и другіе. Онъ лѣтомъ обыкновенно живалъ въ деревнѣ, а только по зимамъ пріѣзжалъ, какъ онъ говаривалъ, покормить бѣдняковъ. Дѣйствительно, говорятъ, у него столъ не накрывался, а не раскрывался: цѣлый день пили и ѣли: завтракъ оканчивался водкой, за которой непосредственно слѣдовалъ продолжительный обѣдъ; послѣ обѣда закуски или заѣдки, какъ ихъ называли, не сходили со стола; послѣ чаю было кратковременное отдохновеніе, и все это заключалось столъ же изобильнымъ ужиномъ. Ну ужъ желудки были въ старину! Два раза въ недѣлю пировалъ у него весь городъ; по тогдашнему обычаю, всѣ съѣзжались передъ обѣдомъ и разъѣзжались послѣ ужина. Меня какъ-то разъ взяли съ собой на одинъ изъ сихъ вечеровъ. Вотъ что я нашелъ: двѣ пріемныя комнаты, длинную и низенькую залу и гостиную немного ея поменьше, обѣ обклеенныя самыми обыкновенными бумажными обоями и освѣщенныя довольно плохо, однакоже восковыми свѣчами, что тогда почиталось роскошью; всѣ мебели простаго дерева, обитыя разноцвѣтными ситцами; и посреди такой простоты, на карточныхъ столахъ шандалы, а по угламъ канделябры, литые, тяжеловѣсные, серебряные, а иные позолоченые; цѣлый полкъ служителей, не совсѣмъ худо одѣтыхъ, на огромныхъ серебряныхъ подносахъ разносящихъ питія и яствы. Жена г. Оболенскаго носила бриліанты, жемчуги и богатая платья, изъ которыхъ каждое, однакоже, въ зиму разъ по десяти или по пятнадцати, безъ всякой на немъ перемѣны, появлялось на балахъ. Изъ всѣхъ Малороссійскихъ помѣщиковъ, исключая Разумовскихъ, одинъ Оболенской позволялъ себѣ такъ жить. Но вся эта роскошь, какъ можно видѣть, была весьма не раззорительна тѣмъ болѣе, что цѣны на съѣстные припасы были самыя низкія. Имѣніе свое оставилъ онъ по смерти въ цѣлости, безъ долговъ, единственному сыну своему, неразсчетливому, необузданному, сластолюбивому, который началъ жить въ прихотливый вѣкъ и предаваться всѣмъ прихотямъ своимъ, который, гнушаясь вандальскимъ гостепріимствомъ отца, составилъ себѣ въ Петербургѣ избранный кругъ повѣсь и съ ними, невидимымъ образомъ, умѣлъ промотать не только отцовское наслѣдіе, но и другія ему доставшіяся,

*) Она была родная тетка известнаго Якубовича.

во Французскихъ трактирахъ на Страсбургскихъ пирогахъ и Шампанскомъ винѣ. Вотъ у насъ въ Россіи постепенный ходъ просвѣщенія.

Я часто говорилъ о Кіевскихъ балахъ, не описавъ ни одного изъ нихъ, тогда какъ имѣю къ тому возможность, каждую недѣлю видѣвши ихъ у себя дома; ибо дѣтей не только не отсылали къ себѣ въ комнату, но даже возили иногда на нихъ съ собою въ чужіе дома. Они начинались рѣдко позже семи часовъ вечера. Хозяинъ дома открывалъ ихъ обыкновенно Польскимъ *) съ почетнѣйшею изъ дамъ; мушкетеры выступали важно, выдѣлывали па, мѣняли руки, и этотъ церемоніальный маршъ продолжался не менѣе получаса. Потомъ начинались англезы или контрдансы, какъ ихъ называли; рядъ мушкетеровъ становился противъ ряда женщинъ. Старались сколь можно болѣе разнообразить фигуры и самыя названія сихъ контрдансовъ: одному дано было имя Данилы Купера, вѣроятно въ честь композитора его, какого-нибудь Англичанина, Соорег; другому имя Березани, въ честь какой-то побѣды надъ Турками, еще другія назывались Соважъ, *Préjugé vaincu*, Англійскій променадъ. О мазуркѣ и краковякѣ и слуху еще не было, хотя мы жили въ двухъ шагахъ отъ Польши; также о матрадурѣ и тампетѣ, которые гораздо новѣйшаго изобрѣтенія. Въмѣсто Французской кадрили танцовали какой-то монюмаскъ, а потомъ чего уже не было! Наскучивъ веселыми звуками, принимались иногда за менуэты, а тамъ за аллемандъ, и въ немъ особенно отличался одинъ Нѣмецъ, полусумашедшій нарумяненный докторъ Шёнфогель. Кто бы могъ подумать, вальсовъ еще не знали. На сихъ балахъ можно было видѣть и Малороссійскую метелицу, и голубца, и казачка; плясали и по-русски, и по-цыгански, кто во чтѣ гораздъ. Какъ сіи балы всегда должны были начинаться Польскимъ, такъ непременно должны были оканчиваться алагрекомъ, который не что иное былъ какъ нынѣшній, чуть ли не покойный, гроефатеръ.

Когда пожилые люди не волнуются страстями, когда ихъ не мучатъ ни чрезмѣрная алчность къ золоту, ни зависть, ни пожирающее, безпредѣльное честолюбіе, когда они блаженствуютъ подъ сѣнію мудраго и твердаго правительства, которое равно охраняетъ ихъ безопасность и не допускаетъ возможности преступныхъ, дерзкихъ замысловъ: тогда, спокойные духомъ, они дѣлаются почти молоды и готовы иногда рѣзвиться какъ дѣти. Молодые же люди всегда расположены къ веселости, лишь бы имѣли благоразуміе не отказываться прежде-

*) Любимый Польскій былъ тогда сочиненія, кажется, Козловскаго; онъ былъ извѣстенъ подъ названіемъ: „славься симъ Екатерина“, по первымъ словамъ, на кои онъ былъ положенъ. Съ какою-то восторженною гордостью ходили тогда Русскіе подъ гремящіе его звуки.

временно отъ юности, блага невозвратнаго. Таковыми были почти всѣ тогда въ Кіевѣ. У одного князя Дашкова начинался новый вѣкъ: у него были уже трубки, и пуншъ, и смѣлое обхожденіе безъ разбора лѣтъ и пола; но за то отъ дома его бѣжали, какъ отъ заразы. Беззаботная же, непринужденная, хотя и пристойная веселость, коей предавались въ описываемыхъ мною собраніяхъ люди разныхъ возрастовъ и состояній, дѣлала всю прелессть старинныхъ нашихъ баловъ. Ководеомъ на нихъ былъ шестидесяти-семилѣтній старикъ-Нѣмецъ, артилерійскій генераль Нилусъ, отецъ моего товарища; онъ распоряжалъ танцами, приказывалъ музыкантамъ и съ неимовѣрною живостию плясалъ весь вечеръ до упада. Надобно знать также, что онъ былъ подагрикъ; когда сія мучительная болѣзнь его удерживала дома, то отсутствіе его было очень замѣтно, и веселость уменьшалась на вечеринкахъ; но лишь только немного отпустить ему, онъ опять явится въ бархатныхъ сапогахъ, и уже сидя, взоромъ, крикомъ, движеніями, хлопаньемъ возбуждаетъ танцующихъ. Всѣ, кои не были записные бостонисты, несмотря на лѣта, участвовали въ танцахъ, и отъ старика Нилуса до меня, осьми или девятилѣтняго мальчика, неудачнаго ученика г. Потѣ, все бывало въ движеніи. Одно отца моего, не знаю почему, исключая Польскихъ, я никогда не видалъ танцующимъ.

Какъ бы мы теперь казались смѣшны! Сорокъ лѣтъ времени и тысяча двѣсти верстъ разстоянія дѣлаютъ большую разницу въ понятіяхъ и мнѣніяхъ людей. Танцы были нѣкогда пріятнымъ и для здоровья полезнымъ тѣлеснымъ упражненіемъ, какъ верховая ѣзда, фехтованіе, игра въ воланъ или въ помъ: тогда могъ всякій безъ претензій въ нихъ участвовать. Они сдѣлались исключительною принадлежностію молодости, съ тѣхъ поръ какъ имъ дана цѣль, и они обращены въ средство. Теперь въ состарившихся и въ старѣющихъ, которые танцовать не перестаютъ, позволено подозрѣвать жалкое намѣреніе еще прельщать и нравиться; теперь для немолодыхъ дѣвицъ есть въ обществѣ рѣзкая черта, преступая за кою, онѣ становятся смѣшны, если добровольно не хотятъ покинуть забаву первой молодости; прежде невинному веселію границъ не ставили. Говорятъ, что нынѣшніе танцы способствуютъ сближенію молодыхъ людей обоюго пола, что они даютъ имъ средства короче узнать другъ друга и сокращаютъ имъ путь къ браку. Это бы весьма хорошо, но полно такъ ли? Развѣ нынѣ болѣе женятся? Развѣ нынѣ мы видимъ болѣе супружествъ по склонности? А для молодыхъ замужнихъ женщинъ, къ чему нынѣшніе танцы сокращаютъ имъ путь? Не знаю; но мнѣ все кажется, что, въ продолженіи двухъ или трехъ часовъ, однообразный шумъ мазурки или котильона, столь утомительный для слуха, долженъ непременно усы-

пить осторожность дѣвицъ, для нихъ столь необходимую. Безчеловѣчіе къ музыкантамъ, невнимательность, неучтивость ко всѣмъ не танцующимъ, которые во многихъ домахъ, нѣсколько часовъ сряду, состоять въ блокадѣ, запираются непроходимую комнатою и отрѣзываются отъ своихъ шубъ и шинелей: вотъ, по мнѣнію моему, большія неудобства нынѣшнихъ танцевъ.

Я все забываюсь и невольно переносусь въ настоящее время: спѣшу переброшиться лѣтъ за сорокъ тому назадъ, въ мой любезный Кіевъ, чтобы продолжать списокъ чиновныхъ особъ обоего пола, составлявшихъ его общество.

Въ Уголовной Палатѣ предсѣдательствовалъ Иванъ Гавриловичъ Вишневской, человѣколюбивѣйшій изъ судей, что, кажется, довольно великая похвала для уголовного предсѣдателя. Онъ былъ домосѣдъ и, какъ говорили тогда, человѣкъ начитанный и просвѣщенный. вмѣсто себя посылалъ онъ въ общество дородную жену свою Ульяну Степановну, сестру нашего посланника въ Константинополь Тамары, добрую и почтенную даму. Съ нею было у него два сына, которые воспитывались въ Вѣнѣ, и коихъ возвращеніе отняло у Кіевскихъ родителей желаніе посылать дѣтей за границу; да еще куча дочерей, очень хорошихъ дѣвокъ, между коими были и хорошенькія. Замѣчательно то, что при нихъ находилась Русская мамзель, Прасковья Ивановна: другаго прозванія ей не было. Богъ вѣсть гдѣ и какъ выучилась она иностраннымъ языкамъ, была строгой нравственности и имѣла сверхъ того другія познанія, которыя нельзя найти у выписныхъ мамзелей. Сямъ доказываетя, какъ давно можно было бы завести у насъ сей полезный классъ женщинъ.

До Вишневскаго былъ уголовнымъ предсѣдателемъ г. Москотиньевъ совсѣмъ противныхъ ему свойствъ, грубый невѣжа и страшный взяточникъ. Его я совсѣмъ не помню. Вдова его осталась жить въ Кіевѣ, часто насъ посѣщала, и вообще вездѣ ее можно было встрѣтить. Она была до чрезвычайности ко всѣмъ ласкова, ни съ кѣмъ не спорила, никого не пересуживала, все хвалила и всѣмъ старалась угождать, а все ея не любили и довольно сухо принимали; это происходило оттого, что она слыла отмѣнно жестокосердою дѣвою: увѣряли, будто двухъ или трехъ несчастныхъ крѣпостныхъ дѣвокъ своихъ, единственное свое недвижимое имущество, она таскала всякій день за волосы по полу и била плетью. Явное къ ней недоброжелательство не доказываетъ ли состраданность, добрыя чувства моихъ тогдашнихъ Кіевлянъ?

Предсѣдателемъ Гражданской Палаты былъ человѣкъ одной изъ извѣстнѣйшихъ фамилій въ Малороссіи, Иванъ Григорьевичъ Туман-

ской, который дѣлалъ величайшую честь сословію старыхъ холостяковъ. Онъ судилъ по справедливости и законамъ, слѣдственно къ не-удовольствію половины тяжущихся; а не было ни одного человѣка, который бы не любилъ его и не уважалъ. Его спокойная совѣсть изображалась на спокойномъ лицѣ его вмѣстѣ съ тихимъ веселиемъ, ея неразлучнымъ спутникомъ; скромность его была въ совершенной противоположности съ несомною спѣсью, коею всѣ родные его, однофамильцы, даже до четвертаго поколѣнія, еще и понынѣ одержимы.

Совѣстный судья, Иванъ Михайловичъ Корбе, ужасалъ безобразіемъ, но какъ увѣряли, плѣнялъ умомъ и удивлялъ ученостію, что утверждать я не смѣю, ибо тогда не былъ въ состояніи о томъ судить. Жена его, коей имя не запомню, напротивъ, была хороша собой, хотя и не молода. Сего нельзя было сказать о пяти или шести его дочеряхъ: онѣ всѣ были въ него, одна другой дурнѣе, одна другой добрѣе. Богъ благословилъ сіе семейство; мнѣ сказывали, что всѣ онѣ вышли замужъ очень счастливо.

Говорить ли еще о чиновникахъ, занимавшихъ мѣста нынѣ почитаемыя мелкими, которыя тогда считались крупными и доставляли уваженіе занимавшимъ ихъ, о совѣтникахъ губернскаго правленія и палатъ? Здѣсь еще не мѣсто говорить о постепенномъ упадкѣ сихъ должностей въ общемъ мнѣніи, упадкѣ столь вредномъ для пользы государственной службы; тогда еще искали ихъ и старинные дворяне, и заслуженные чиновники, и люди съ достаткомъ, и получивши ихъ, вмѣстѣ съ семействами своими, играли почетную роль въ губернскихъ городахъ. Платя дань нынѣшнему образу мыслей, я умолчу о многихъ, а о другихъ скажу только нѣсколько словъ.

Въ Губернскомъ Правленіи было тогда только два совѣтника, Николай Ивановичъ Ергольской и Прокофій Ѳеодоровичъ Пражевской; строгимъ безкорыстіемъ, умомъ, знаніемъ дѣлъ и какою-то природною важностію, безъ примѣси чванства, могли оба украсить Сенатъ, если бы въ немъ засѣдали. У перваго изъ нихъ было домашнее горе, добрая и любимая жена, Наталья Егоровна, но которая, къ несчастію, имѣла два порока: была пристрашная лгунья и вечеркомъ наединѣ любила выпить. Послѣдній былъ счастливѣе. Странно было видѣть его, малорослаго, рыжеватаго, невзрачнаго, съ женою высокою, дородною, черноволосою, смуглою, всегда и во всемъ ему покорною какъ дитя. Татьяна Екимовна, такъ звали ее, урожденная, если не ошибаюсь, Сахновская, была тѣмъ особенно замѣчательна, что быстрые, огненные ея взоры изображали необыкновенное сердечное добродушіе, и что каждое слово, на выразительномъ Малороссійскомъ нарѣчій ея произнесенное, подтверждавало то, что глаза ея говорили; за то отъ

стара до мала всё равно любили ее. Одну только замѣтили въ ней слабость: будучи двоюродною сестрою *Безбородьки* (какъ она выговаривала) она часто любила о томъ напоминать *).

Ничего, кромѣ похвалъ, не могу я сказать и о другихъ чиновникахъ воинскихъ и гражданскихъ, тогда въ Кіевѣ находившихся и мнѣ нынѣ на память приходящихъ. Но какъ самое лучшее безпрестанно повторяемое можетъ наскучить, то для перемѣны скажу нѣсколько словъ о губернскомъ прокурорѣ, Григоріи Ивановичѣ Краснокутскомъ. Его никто не могъ упрекнуть въ издоимствѣ, но чрезмѣрное самолюбіе и безпокойный нравъ дѣлали его привязчивымъ и сварливымъ. Онъ былъ бѣденъ и гордъ, чистъ и золъ, и я не берусь его осуждать, хотя онъ причинилъ много досадъ отцу моему. Сынъ его былъ одинъ изъ заговорщиковъ 14-го Декабря.

Можетъ быть, отдаленіе украшаетъ въ глазахъ моихъ всё предметы; можетъ-быть, имѣя въ сердцѣ обильный источникъ любви къ ближнимъ, ничто не препятствовало ему разливаться на все меня окружавшее, и я другихъ ссужалъ собственными чувствами; какъ бы то ни было, мнѣ кажется, что нигдѣ еще не собиралось въ одно время столь много добрыхъ, умныхъ и честныхъ людей, какъ тогда въ Кіевѣ, и, по моему мнѣнію, сей городъ былъ тогда вмѣстѣ святой и благочестивый. Одна минута все перемѣнила, и тѣмъ доказывается, что время сіе, не для однихъ ребятъ, было золотымъ вѣкомъ Россіи.

Посреди сего всеобщаго благочестія, жилъ одинъ старецъ, ознаменованный небесною благодатію, и молитвы его, конечно, низводили ее на ввѣренную ему паству: святитель Самуиль управлялъ тогда древнѣйшею епархіей въ Россіи. Онъ былъ выраженіе всего, чтò есть прекраснаго въ ученіи Христовомъ, олицетворенная христіанская любовь и, если смѣю сказать, воплощенное слово Божіе; смотря на него, можно было постигать высоту, на кою христіанскія добродѣтели возводятъ человѣка посвятившаго себя единственно Небу. Сей великій іерархъ удостоивалъ мать мою отеческою любовію; обремененный не столько еще лѣтами, какъ слѣдствіями труженнической жизни, онъ рѣдко покидалъ свое уединеніе, однакоже два или три раза въ годъ посѣ-

*) У нихъ было довольно многочисленное семейство. Одна изъ дочерей ихъ была замужемъ за генераломъ Левицкимъ, который до 1830 года игралъ столь важную роль въ Варшавѣ; одинъ же изъ сыновей былъ назначенъ въ 1829 году губернаторомъ въ Бессарабію. Когда онъ пріѣхалъ въ Кишиневъ и увидѣлъ его кривыя, неопытные, воюющія улицы, когда предъ нимъ отверзлась бездна столь же кривыхъ и запутанныхъ дѣлъ, на каждомъ шагу встрѣчая нечистоту или нравственную, или физическую, онъ до того испугался, что, пробывъ только двѣ недѣли; пожертвовалъ себѣ, бросилъ все и губернаторское мѣсто, и службу, и надежду на повышение, и будущіе успѣхи.

шалъ домъ нашъ. Всякій разъ призывалъ онъ меня къ себѣ, сажалъ на колѣна и цѣловалъ. Какъ описать мнѣ ощущенія мои при его ласкахъ? Невольный трепеть, неизъяснимую радость, священный страхъ? Одинъ непорочный отрокъ можетъ сіе чувствовать; нынѣ же, грѣшный, изнуренный пагубными страстями, едва могу себѣ все это припомнить и съ трудомъ выразить. Можетъ быть, въ другомъ мірѣ и языкъ неземнымъ буду въ состояніи объяснить сіе.

Не задолго до смерти Екатерины угасъ сей свѣтильникъ вѣры. Похороны происходили въ Софійскомъ соборѣ безъ всякой пышности, не было ни катафалка, ни балдахина; меня, какъ малолѣтняго, имъ любимаго, поставили близь самаго гроба, который довольно низко стоялъ посреди церкви. Я не спускалъ глазъ съ неподвижнаго лица усопшаго праведника; но чтó было со мною, когда знаменитый краснорѣчіемъ протоіерей Леванда, его возлюбленное чадо, приблизился къ гробу и началъ произносить извѣстную рѣчь свою, которая начинается словами: «Пастырь успе, дѣлатель винограда Христова отъ дѣлъ своихъ почилъ!» Съ прекрасною наружностію Леванда соединялъ звонкій и отмѣнно пріятный голосъ, и проповѣди свои, которыя и понынѣ могутъ служить образцами, говорилъ онъ еще лучше, нежели писалъ; въ эту минуту онъ былъ очарователенъ: слезы текли ручьями изъ глазъ его, и отъ рыданій онъ долженъ былъ по временамъ останавливаться. Я никогда не забуду этого трогательнаго часа и если въ послѣдствіи я не предпочелъ всему монашескую жизнь, если я остался только твердъ въ правилахъ моей вѣры и не сдѣлался даже набожнымъ: то, видно, нѣтъ во мнѣ той благодати, которая необходима для труднаго и славнаго поприща истиннаго христіанина.

IX.

Я говорилъ обо всѣхъ и обо всемъ, чтó только могъ припомнить въ первомъ моемъ младенствѣ, но не сказалъ ни слова о семействѣ моемъ, то-есть о братьяхъ и сестрахъ. О близкихъ сердцу говорить весьма трудно: все похвальное въ нихъ хочется украсить, всѣ несовершенства хотѣлось бы скрыть, а я обѣщался вѣщать одну только истину. Итакъ пусть ее одну только узнаютъ мои читатели.

Лѣта старшихъ сестеръ моихъ и братьевъ имъ уже извѣстны. Воспитаніе ихъ было не худо; ограниченность состоянія, недостатокъ тогдашняго времени въ хорошихъ учителяхъ, а еще болѣе въ гувернанткахъ, и жизнь въ провинціи не дозволили родителямъ моимъ сдѣлать его блестящимъ; для нравственнаго же образованія имъ достаточно было родительскихъ примѣровъ и наставленій. При сестрахъ

моихъ, какъ мнѣ сказывали, являлись по временамъ какія-то мамзели, Нѣмки или Француженки, а можетъ-быть крещенныя Жидовки, которыя за таковыхъ себя выдавали; но доказанныя невѣжество или безнравственность скоро заставляли отсылать ихъ. Пограничный Кіевъ представлялъ возможность дать сестрамъ нѣкоторые таланты: ихъ учили танцовать и играть на фортепіано; послѣднее, начатое по минованіи уже ребяческихъ лѣтъ, не имѣло большаго успѣха.

Природа не была скупа къ старшимъ сестрамъ моимъ: лучшій ей подарокъ — доброе сердце, и она обѣихъ имъ надѣлила. Старшая Елисавета умомъ и красотой уступала младшей Натальѣ, но едва ли не превосходила ее въ добросердечіи: въ этомъ сравниться съ нею трудно; ни голубицы, ни агницы не могутъ быть незлобивѣе. Она никогда не подзрѣвала существованія зла, ниже хотѣла ему повѣрить; она знала, что есть люди раздражительные и опасно сердить ихъ, но ихъ мщенію, хитрой, постоянной злобы она никогда не могла понять. Когда случатся маленькія, семейныя, минутныя междуособія, или горничныя, употребляя во зло ея снисходительность, не внимательны къ ея требованіямъ, она, бывало, надуется, въ ней замѣтно что-то похожее на досаду; но до гнѣва, до брани, до ссоры она отъ роду не умѣла доходить.

Иные скажутъ, что это доказываетъ необыкновенную слабость характера; но въ соединеніи съ строжайшими правилами нравственности, такая слабость не могла имѣть никакихъ неудобствъ для женщины или даже дѣвицы, которой опредѣлено было долго ничѣмъ не управлять и ни надъ кѣмъ не властвовать. Съ такими милыми свойствами сохранены были и нѣкоторые недостатки: легковѣріе, легкомысліе, чрезмѣрное иногда любопытство; врожденная въ ней набожность съ лѣтами обратилась въ суевѣріе, въ наблюденіе странныхъ, нѣсколько смѣшныхъ формулъ. Все это вмѣстѣ сохранило въ ней, среди преклонныхъ уже лѣтъ, необыкновенную молодость души: она всѣмъ тѣшится какъ дитя, міръ не теряетъ для нея своей свѣжести, своихъ прелестей. Какъ будто нарочно для нея Создатель ниспослалъ въ него надежду: она никогда съ ней не разставалась. Когда тяжкая болѣзнь постигнетъ одного изъ родителей или котораго-нибудь изъ родныхъ, она тиха, печальна, заботлива, но одна только не предается отчаянію; врачи объявляютъ, что опасность съ каждою минутой умножается, она бѣжитъ въ свою комнату, помолится тамъ, поплачетъ передъ образами, и выходитъ оттуда съ лицомъ спокойнымъ, почти веселымъ, какъ будто вынося съ собою жпзнь и исцѣленіе. Когда же смерть погаситъ передъ нею послѣдній лучъ надежды, она дѣлается молчалива, грустна, но надежды свои быстро переноситъ въ другой

миръ, совершенно убѣжденная, что милые ея сердцу тамъ блаженствуютъ, и счастлива мыслію о свиданіи съ ними.

Она никогда не была хороша собою, но имѣла весьма правильныя черты, и постоянное выраженіе благосклонности придавало имъ большую пріятность. Были люди, которые искали ея руки, но или ей, или родителямъ не нравились, и Богъ не судилъ ей быть супругой и матерью; она бы могла быть ихъ образцомъ, судя по безпредѣльной любви ея къ роднымъ. Съ самой первой молодости разливала она между ими утѣшеніе и миръ; если кто-нибудь изъ насъ прогнѣваетъ родителей, она не покойна, пока не вымолить прощеніе; братьевъ и сестеръ она не только мирила, но старалась предупреждать малѣйшее несогласіе, всему находила извиненіе, всегда готова была вину взять на себя. Обманутыя надежды, безбрачная жизнь, необходимость покорности въ такія лѣта, когда уже можно располагать собою и другими, весьма естественно портятъ нравъ старѣющихъ дѣвицъ; кротость же сестры моей съ лѣтами, кажется, все умножалась. О достохвальныхъ ея подвигахъ мнѣ не разъ придется говорить, если продлятся Записки сіи; покамѣсть ограничусь сказаннымъ. Счастливъ, если сего достаточно, чтобы заставить полюбить ее. Беззащитное, безобидное существо! У одра полумертвой матери поглялся я быть твоею подпорой, но что бы могъ я для тебя сдѣлать? Награждая твои добродѣтели, самъ Всемогущій, среди старости, бѣдности, сиротства твоего, послалъ незнакомаго тебѣ благодѣтеля *), который душевною добротою даже съ тобою поспорить можетъ.

Ко второй сестрѣ моей природа еще была щедрѣе. Всѣ называли ее красавицей; это былъ портретъ красивой матери, списанный искуснымъ живописцемъ, который бы захотѣлъ польстить ей; нравомъ же совершенно походила на отца. Тогда какъ старшая сестра вездѣ видѣла друзей и тайны невинной души своей готова была повѣрить каждому, меньшая была осторожна, осмотрительна, даже нѣсколько недовѣрчива, и веселостямъ своего возраста предавалась съ умѣренностію, какъ бы повинуюсь необходимости. Не было ли это предчувствіемъ всѣхъ горестей, которыя она должна была испытать въ жизни? Ничего чувствительнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ менѣе демонстративнаго я не знавала; высокія чувства, коимъ тогда не знали даже названія, таились въ глубинѣ ея сердца и иногда изливались въ дѣяніяхъ, но не въ рѣчахъ; старые люди дивились чрезвычайному благоразумію молодой дѣвочки, и въ обхожденіи съ нею самихъ родите-

*) Министръ Блудовъ, выпросившій ей пенсію, на которую по законамъ она не имѣла никакого права.

лей замѣтно было какое-то особенное уваженіе. Скромность, чувство приличія и собственнаго достоинства инымъ казались гордостію; но они скоро узнавали ошибку свою, увидя, сколько она строга къ себѣ и снисходительна къ недостаткамъ другихъ. Умъ самый основательный, сужденія всегда логическія, вывели ее рано изъ ряда подругъ и ровесницъ, и тогда какъ они занимались исключительно нарядами и городскими забавами, предметомъ ея нѣжнѣйшихъ попеченій сдѣлался маленькій братъ, который только десятью годами былъ ея моложе.

Мои читатели вспомнить, можетъ-быть, о княгинѣ Хованской; сіи двѣ женщины умѣли понять другъ друга, не смотря на великую разницу въ лѣтахъ. Ея примѣру, ея нѣжной любви обязана сестра моя отчасти развитіемъ прекрасныхъ свойствъ, насажденныхъ въ ней природою. Первые годы моей юности, внѣ родительскаго дома, провелъ я вмѣстѣ съ нею, слѣдственно буду часто имѣть случай говорить объ ней и потому считаю лишнимъ здѣсь далѣе распространяться.

Таже самая разница, которую можно было найти въ характерѣ двухъ сестеръ, встрѣчалась также въ обоихъ старшихъ братьяхъ. Оба были исполнены доброты, правдолюбія и чести, но старшій тысячью преимуществами блисталъ передъ младшимъ. Онъ былъ уживчивѣе, уступчивѣе, острѣе и веселонравнѣе, не говоря уже о природныхъ способностяхъ его ко всякаго рода серіознымъ занятіямъ, которыя показалъ онъ въ продолженіи службы. Меньшой же Николай былъ праву весьма крутаго, чрезвычайно вспыльчивъ и потомъ упряма, какъ всѣ люди неодаренные хорошимъ разсудкомъ. Страшная охота спорить, совершенное отсутствіе логики и всегда кривые толки дѣлали его тягостнымъ не только для постороннихъ, но даже для родныхъ. Намѣренія же его всегда были чисты и похвальны. Изобразивъ его недостатки, мнѣ пріятно отдать справедливость и добрымъ его качествамъ. Замѣтно было, что онъ менѣе всѣхъ любимъ родителями; онъ самъ это зналъ, а со всѣмъ тѣмъ никто изъ насъ не могъ равняться съ нимъ въ безпредѣльной къ нимъ преданности, въ безусловной покорности: онъ видѣлъ въ нихъ нѣчто божественное. Не смотря на законечные его споры, онъ страстно любилъ сестеръ и особливо брата и съ неспритворнымъ удовольствіемъ признавалъ его превосходство надъ собою; сей же послѣдній, въ безпрестанномъ съ нимъ обществѣ, вѣроятно научился терпѣливости, которую отличается.

Старшій братъ Павелъ былъ весьма недурень собою. Одинъ несчастный случай его нѣсколько обезобразилъ: кусокъ фаянса, отскокнвшій отъ лопнувшей чашки, попалъ ему въ глазъ, когда еще онъ былъ ребенкомъ, и всѣ старанія, чтобъ его вылѣчить потомъ, остались тщетны. Наружность меньшаго не имѣла ничего привлекательнаго:

у него были сѣрые глаза и лице блѣдное, ничего не выражающее, испорченное оспой. Наружные недостатки старался онъ замѣнить франтовствомъ, былъ чистоплотенъ и въ мелочахъ акуратенъ до крайности, имѣлъ однакоже наклонность къ расточительности, но былъ всегда удержанъ страхомъ прогнѣвить родителей. Вообще онъ, кажется, родился болѣе въ братьевъ отца нашего, чѣмъ въ него самого: Нѣмецкая кровь громче въ немъ говорила, чѣмъ въ комъ-либо изъ насъ, и съ малолѣтства курительный табакъ сдѣлался уже одною изъ потребностей его души.

Братья мои получили весьма хорошее воспитаніе. Въ Пензенскомъ уединеніи, въ промежутки времени между полковничествомъ и комендантствомъ, отецъ былъ самъ первымъ ихъ наставникомъ. По пріѣздѣ въ Кіевъ вручилъ онъ ихъ г. Гагеру, и изъ всего, что я слышалъ объ немъ, можно заключить, что онъ имѣлъ основательныя познанія и былъ почтеннаго характера. Въ 1792 году мать моя со всѣми старшими дѣтьми отправилась въ Петербургъ, съ тѣмъ чтобы въ первый разъ показать его дочерямъ, а сыновей окончательнымъ ученіемъ приготовить ко вступленію въ службу и въ свѣтъ. Къ счастью, ей указали весьма хорошій пансіонъ г. Девеля, куда всѣ почтенные, просвѣщенные и благоразумные родители отдавали тогда дѣтей; знатные же своихъ воспитывали дома или за границей, ибо объ аббатѣ Николѣ тогда еще и помину не было. Пристроивши ихъ, она скоро воротилась въ Кіевъ.

Странные были тогда обычаи, въ сіе, впрочемъ, столь счастливое для Россіи время: въ пятнадцать лѣтъ обыкновенно уже оканчивалось воспитаніе мальчиковъ. Полагали, что они уже всему выучены и спѣшили ихъ отдавать въ службу, чтобы они ранѣе могли выйти въ чины. Многіе изъ родителей съ сокрушеннымъ сердцемъ смотрѣли на пагубу, которая угрожала вѣжному возрасту и неопытности сыновей ихъ, но не властны были не слѣдовать общему примѣру, опасаясь обвиненія, что они препятствовали счастью и возвышенію своихъ дѣтей.

Была еще другая странность, которую можно даже назвать злоупотребленіемъ: въ каждомъ гвардейскомъ полку сотнями считались сержанты, вахмистры, унтеръ-офицеры, каптенармусы, капралы; всѣ они были малолѣтныя, живущіе дома и ожидающіе очереди къ производству. Каждому изъ сихъ гвардейскихъ нижнихъ чиновъ соответствовалъ въ арміи одинъ изъ оберъ-офицерскихъ, и потому при записываніи дѣти получали сіи чины, смотря по связямъ родителей съ начальниками, по покровительству, а иногда и по заслугамъ ихъ.

Благодаря весьма дальнему родству матери моей съ конногвардейскимъ премьеръ-майоромъ, отъ арміи генераль-поручикомъ Петромъ

Ивановичемъ Боборыкинымъ, насъ всѣхъ троихъ, братьевъ за азбукой, а меня въ колыбели, записали вахмистрами лейбъ-гвардіи въ конный полкъ. Старшинство между тѣмъ сохранялось, и для братьевъ приближалось уже время производства въ офицеры; стоило только подождать годъ-другой; но какимъ мальчикамъ не хочется ранѣе быть на свободѣ? Они убѣдили родителей дозволить имъ, какъ говорилось тогда, подать въ армію и, едва показавшись на службу, они были выпущены 1 Января 1795 года ротмистрами въ Нѣжинскій карабинерный полкъ. Подобная участь въ послѣдствіи ожидала и меня, и я, признаюсь, ожидалъ ея также съ нетерпѣніемъ.

Тотъ полкъ, въ который вышли братья мои, стоялъ тогда на квартирахъ во вновь присоединенной отъ Польши Изяславской губерніи, нынѣшней Волынской, бывшемъ Заславскомъ воеводствѣ, не очень далеко отъ Кіева. По снисходительности начальства и вообще по обращенію въ мирное время строгаго на то вниманія, они большую часть года проводили у родителей. Пріѣздъ ихъ меня совсѣмъ не обрадовалъ: три года отсутствія въ тогдашнія мои лѣта были цѣлая вѣчность, я ихъ совсѣмъ почти не помнилъ и, смотря на ласки, расточаемыя имъ матерью и сестрами, видѣлъ въ нихъ только пришлецевъ, похищающихъ мои права.

Непріязненное къ нимъ чувство еще умножилось, когда они начали мнѣ приказывать, на мнѣ взыскивать. Пусть бы сестры, думалъ я: онѣ бранятъ такимъ нѣжнымъ голосомъ; когда онѣ принуждены даже взять за ухо, отъ прикосновенія ихъ менѣе боли, чѣмъ удовольствія; а эти карабинеры, по какому праву? Сіе право я нынѣ уважаю, право старѣйшинства между родными; оно было тогда освящено обычаемъ и проистекало изъ самыхъ ясныхъ понятій о взаимныхъ обязанностяхъ единокровныхъ. Имъ крѣпится союзъ въ семействахъ; никакой ребенокъ не могъ тогда остаться совершенно сиротой, напрасно смерть похищала у него отца и мать: дади и тетки, старшіе братья и сестры, при жизни ихъ, уже участвовавшіе въ ихъ обязанностяхъ, тотчасъ заступали ихъ мѣсто и становились естественными покровителями младенца, отрока или даже юноши. Общее мнѣніе поручало имъ беззащитнаго и требовало отъ нихъ строгаго отчета; безжалостный братъ или хищный дядя были имъ преслѣдуемы и были столь же рѣдки, какъ жестокосердые родители; но за то и они находили въ питомцахъ своихъ покорность и нѣжность. Узелъ, прикрѣпляющій дѣтей къ родителямъ, а за немнѣніемъ ихъ къ старшимъ въ родѣ, слугъ къ господамъ и взаимно, сей самый узелъ связывалъ гражданъ между собою и привязывалъ ихъ къ правительству, вѣрѣ и отечеству. Горькая истина!

Всѣ сіи узы до того нынѣ ослабѣли, что стѣбитъ бездѣлицы, дабы совсѣмъ развязать ихъ. О всегубительный вихоръ Запада!

Напрасно будутъ говорить, что народы всегда любятъ правительства, коихъ благотворные законы ограждаютъ ихъ безопасность и собственность, что людямъ необходима какая-либо вѣра, и сія необходимость заставляетъ любить ее, что общія выгоды всегда соединяютъ людей на защиту ихъ, что слуги волею или неволею и теперь повинуются господамъ; что если дѣти и не оказываютъ нынѣ родителямъ принужденнаго уваженія какъ прежде, если позволяютъ себѣ безпрестанно съ ними обо всемъ спорить и смѣются надъ ихъ ветхими предразсудками, то не менѣе того ихъ любятъ по привычкѣ, по воспоминаніямъ о младенчествѣ. Хорошо, еслибъ и такъ; но это дѣйствіе необходимости, разсудка, разсчета, а прежде все это было чувство, и, кажется, что одно всегда бывало сильнѣе другаго.

Настоящее заставляетъ меня часто забывать прошедшее; спѣшу опять въ немъ утѣшиться. Итакъ братья мною командовали; изъ нихъ старшій, а изъ сестеръ средняя преимущественно мною занимались, мнѣ покровительствовали, меня предпочитали, тогда какъ старшая сестра и средній братъ всегда оказывали совершенное пристрастіе къ самой меньшей сестрѣ нашей Александрѣ, которая, какъ уже сказала я, была шестью годами меня моложе.

Сія послѣдняя отъ природы получила все, и умъ, и красоту, и доброе сердце; но, къ сожалѣнію, все это напрасно. Если оспа не совсѣмъ ее изуродовала, то по крайней мѣрѣ весьма попортила ея лицо; кожѣ необыкновенной бѣлизны и тонкости и чертамъ самымъ привлекательнымъ дала нѣкоторую грубость и выраженіе не совсѣмъ пріятное, оставивъ ей одни только прекрасные глаза. Дурное воспитаніе еще болѣе испортило ея нравъ и не дало природному уму ея развиться и украситься. Сей Веніаминъ женскаго пола былъ идоломъ покойнаго родителя; не отягченный еще, но уже побѣжденный лѣтами, онъ не могъ сохранить съ нею притворнаго равнодушія, которое показывалъ старшимъ дѣтямъ; вся нѣжность отца, усиленная продолжительнымъ воздержаніемъ отъ ея изъявленія, излилась на малютку, послѣдній плодъ счастливаго его супружества. Ея появленіе всякій разъ рождало улыбку на устахъ его, при ней терялъ онъ обычную свою важность; чадолюбивѣйшая изъ матерей не хотѣла или не смѣла показать ей малѣйшей строгости; старшіе братья и сестры тѣшились ею какъ куклой, а одинъ изъ нихъ, отличающійся нѣкоторою суровостію въ характерѣ, позволялъ ей все съ собою; наконецъ, и тотъ, который въ ребячествѣ имѣлъ склонность къ постыднымъ и зависти и ревности, ни минуту не приходило на сердце ей

вать, и мы по близости лѣтъ чрезвычайно другъ друга любили. Все позволялось ей, всѣ ея прихоти исполнялись; долго не рѣшались занимать ее учениемъ, а когда и принялись за то, никто не смѣлъ ее приневоливать; однимъ словомъ, это было самое избалованное дитя, и если Веніаминъ не сдѣлался, наконецъ, Митрофанушкой въ юбкѣ, то его спасли единственно хорошіе примѣры въ семействѣ, а можетъ быть и счастливые дары природы.

Коротко познакомивъ читателей со всѣмъ моимъ семействомъ, мнѣ предстоитъ теперь обязанность доставить имъ новыя знакомства съ посторонними лицами и приступить къ описанію совсѣмъ новой эпохи въ моей жизни.

Х.

Кому изъ пожилыхъ нынѣ людей не памятенъ роковой 1796 годъ? Великія народныя бѣдствія постигли Россію въ первое десятилѣтіе царствованія Екатерины; на Югѣ война пылала съ Турціей, Польша волновалась и угрожала опасностію ея западнымъ границамъ, всѣ ея юго-восточныя области кипѣли ужаснымъ Пугачевскимъ бунтомъ, и моровая язва, опустошивъ южные предѣлы, проникла въ самое сердце ея, Москву. Твердostí, счастіемъ и мудрыми выборами Екатерины зло физическое и нравственное было вездѣ побѣждено, когда Румянцовъ предписывалъ Туркамъ условія мира, Бибиковы, Панины, Суворовы укрощали мятежъ, а Еропкины и Орловы спасали древнюю столицу. Бѣдствія миновались, и наступила для Россіи славная тишина, какой нельзя дотолѣ найти во всѣхъ ея лѣтописяхъ. Тишина не есть однакоже бездѣйствіе: спокойствіе, коимъ болѣе двадцати лѣтъ наслаждалась Россія при Екатеринѣ, можно уподобить лѣтнему зною, когда въ молчаніи поля и лѣсъ, люди и стада ищутъ прохлады, а силою великаго свѣтила зрѣютъ жатва и плоды.

Въ сіи двадцать слишкомъ лѣтъ быстро, хотя сначала едва примѣтно, естественно и непринужденно, просвѣщеніе разливалось по всѣмъ отраслямъ управленія, проникало въ цѣлый составъ народный. Подъ государственное зданіе, наскоро, нетерпѣливою, насильственной рукою Петра Великаго воздвигнутое, подведенъ прочный фундаментъ, котораго оно не имѣло; грубый чертежъ его во многомъ измѣнился, и въ сей передѣлкѣ, приспособленной къ нашему народному быту, соблюдены стройность и пріятность формъ. Народный духъ, болѣе пятидесяти лѣтъ подавляемый сначала Петромъ, а послѣ него Меншиковымъ и Бирономъ, воспрянулъ уже при Елисаветѣ; но въ немъ была замѣтна не столько привязанность къ достоинству Русскаго имени, сколько къ предрасудкамъ, къ варварскимъ обычаямъ старины. Пер-

выя искры національнаго самолюбія, просвѣщеннаго патріотизма показались при Екатеринѣ; при ней родились и вкусъ, и общее мнѣніе, и первыя понятія о чести, о личной свободѣ, о власти законовъ.

Пустоши, необитаемыя степи покрылись при ней селеніями; мало извѣстныя селенія обратились въ многолюдныя, губернскіе города, и зацвѣли торговлей и общежитіемъ. Она никого не принуждала, но во всѣхъ умѣла возбуждать желаніе учиться, и Русскіе, какъ будто бы слѣдуя собственному внушенію, стремились сравняться съ народами, многими вѣками въ образованіи ихъ опередившими. Все шло какъ бы само собою, и очарованная ею Россія, упоенная славой, пресыщенная завоеваніями, предавалась какому-то сладкому забвенію, отъ котораго только по временамъ столь же пріятно была пробуждаема громомъ заграничныхъ нашихъ побѣдъ.

Говорятъ, что ея придворные, какъ и вездѣ, пресмыкались, завидовали и клеветали, пристально вглядывались въ царскія слабости, старались угождать имъ и въ тоже время нескромными рѣчами старались поносить ихъ. Но въ дали солнце Россіи являлось намъ во всемъ своемъ блескѣ. Державинъ пѣлъ его, Суворовъ ему служилъ, мы согрѣвались его лучами, мы озарялись его свѣтомъ. Мы блаженствовали, мы ликовали, мы все болѣе и болѣе предавались врожденной намъ безпечности, забывая о прошедшемъ, не думая о будущемъ, какъ будто бы безсмертная дѣлами была также безсмертна и тѣломъ.

Въ Ноябрь мѣсяцѣ 1796 года ужасная вѣсть о ея внезапной кончинѣ прервала плѣнительный сонъ, въ который погружена была вся Россія. День именинъ моихъ съ покойнымъ отцомъ, 14-го Ноября, былъ днемъ торжественнымъ для нашего семейства и праздникомъ для цѣлаго города. Въ этотъ день съ ранняго утра до обѣденнаго времени посѣтители и даже посѣтительницы являлись безпрестанно съ поздравленіями; между тѣмъ во всѣхъ комнатахъ накрывались столы, за которые тѣсно садились потомъ духовные, воинскіе и гражданскіе чиновники и нѣсколько почетнѣйшихъ Кіевскихъ купцовъ; это былъ, какъ говорилось, пиръ про весь міръ. Лишь только исчезали столы, какъ начинали сѣжаться на вечеръ и далеко за полночь веселились: самый пріятный и утомительный для насъ день.

Онъ возшелъ какъ обыкновенно: домъ нашъ наполнился всякаго званія людьми; со всѣхъ сторонъ доброжелательныя лица и нелѣстивыя уста привѣтствовали добраго, всѣми любимаго хозяина и его семейство. Сѣли за обѣдъ, и къ концу его, радость, кажется, болѣе нежели когда-либо блистала на всѣхъ лицахъ и изливалась въ шумныхъ не складныхъ рѣчахъ. Вотъ уже встали изъ-за стола, уже наступилъ вечеръ, и молодежь съ нетерпѣніемъ ожидала первыхъ ударовъ смычка,

какъ вдругъ вызвали губернатора Милашевича, а за нимъ и отца моего, и чрезъ нѣсколько минутъ они воротились съ видомъ мрачнымъ и безпокойнымъ. Немногіе это замѣтили; но, спустя полчаса, отецъ мой объявилъ, что музыканты отосланы и пляски не будетъ. Старыя барыни приступили къ нему съ убѣжденіями и съ требованіемъ отмѣнить сей безчеловѣчный приговоръ, молоденькія дѣвицы взорами молили его о томъ же; онъ остался непреклоненъ; одна мать моя, которая знала, что онъ никогда не дѣйствовалъ по капризамъ и подозрѣвала важную тайну, была сильно встревожена. Вечеръ прошелъ довольно скучно, и всѣ рано разъѣхались по домамъ.

На другой день поутру весь городъ узналъ ужасную тайну. Проѣхавшій наканунѣ изъ Петербурга курьеръ къ фельдмаршалу графу Румянцову, генераль-губернатору Малороссіи, съ подорожной, на которой было выставлено имя Павла Перваго, былъ остановленъ на почтѣ и проведенъ къ губернатору, который тогда находился у отца моего, и они оба узнали отъ него нѣкоторыя подробности о кончинѣ Екатерины Второй, которыхъ никому не спѣшили сообщить. Ночью пріѣхалъ другой курьеръ съ манифестомъ о восшествіи на престолъ императора Павла.

Какъ описать видѣнное мною? Я помню всеобщее оцѣпенѣніе; я помню, какъ сквозь слезы поздравляли другъ друга съ новымъ государемъ; помню изъявленіе надежды, что онъ будетъ милосердъ къ своимъ подданнымъ, тогда какъ печальные взоры говорили всѣмъ противное. Молва заносила къ намъ вѣсти о его раздражительномъ и слабомъ характерѣ, по коему онъ невольно покорялся той, предъ коюю всѣ смирялись; намъ рассказывали о его странностяхъ, о его мрачномъ житіи въ Гатчинѣ, среди лѣса и болотъ, въ семь Минтурнѣ*), гдѣ онъ помышлялъ о мести. Многіе видѣли въ немъ жертву, но жертву озлобленную, и при имени его чувство состраданія сливалось съ какимъ-то тайнымъ ужасомъ. Онъ явился на тронѣ, и Россія въ безмолвіи, съ благоговѣніемъ и трепетомъ преклонила колѣна предъ сыномъ Екатерины и правнукомъ Петра.

Первыя извѣстія, полученныя потомъ изъ Петербурга, многихъ обрадовали: щедроты лились рѣкою. Но благоразумные люди рассчитывали, что если такъ продлится, то наружные знаки отличія потеряютъ всю цѣну, а раздача денегъ и деревень скоро истощитъ государство; впрочемъ, они приписывали сіе избытку радости при достиженіи давно желаемаго вѣнца.

*) Минтурнѣ—городъ въ древнемъ Лаціумѣ, гдѣ скрывался изгнанный Марій. П. Б.

Вскорѣ потомъ другія извѣстія, быстро одно за другимъ приходящія, всѣхъ изумили. Явно преслѣдуя память матери своей, новый императоръ съ особенною торжественностью поклонялся праху отца. Извлекая его изъ могилы, вѣнчая во гробѣ, онъ только воскресилъ неуваженіе къ сему давно забытому государю. Какъ святой Реми завоевателю Клодовигу, казалось, онъ говорилъ Русскому народу: жги что ты боготворилъ и боготвори что ты жогъ. Минерва въ баснословіи не имѣла матери, а сыну Минервы можно было бы забыть, что онъ имѣлъ отца.

Всѣ окружавшіе Петра III были призваны ко двору и осыпаны милостями. Вѣроятно, въ списокѣ не столь важныхъ лицъ при немъ находившихся, нашлось и имя отца моего; такъ должно полагать: ибо, безъ всякаго представленія, безъ всякой извѣстной причины, вдругъ получилъ онъ милостивый рескриптъ отъ царя и на шею Анненскій крестъ, огромную бляху, составленную изъ красныхъ и бѣлыхъ стеколъ, изображающихъ яхонты и алмазы. Награда нынѣ маловажная, даже обидная для генерала, но въ первые мѣсяцы царствованія Павла она почиталась лестною; отмѣнивъ раздачу орденовъ, учрежденныхъ Екатериною, Георгіевскаго и Владимирскаго, онъ хотѣлъ замѣнить ихъ своимъ наслѣдственнымъ Голштинскимъ и для того раздѣлилъ его на три степени, почитая вторую наравнѣ съ второю степенью Владимирскаго ордена. Получивъ крестъ отъ сына Петра III и въ память его, отецъ мой надѣлъ оный съ растроганнымъ сердцемъ.

Ровно черезъ мѣсяць послѣ Екатерины, 6 Декабря, скончался близъ Кіева одинъ изъ знаменитѣйшихъ ея полководцевъ, Румянцовъ-Задунайскій. Онъ съ давняго времени жилъ въ помѣстьѣ своемъ Ташани, во ста верстахъ отъ Кіева, и оттуда управлялъ Малороссіей, то-есть имѣлъ главное наблюденіе надъ ходомъ въ ней дѣлъ, но все время нашего тамъ пребыванія ни разу не посѣтилъ Кіева. Заслуженные войны, поклонники отечественной воинской славы, съ разныхъ сторонъ стекались къ нему какъ на богомолье. Изъ подчиненныхъ его отецъ мой, имъ особенно любимый, раза два или три въ годъ посѣщалъ его и гостилъ у него по недѣлѣ. Преданный ему душею, онъ не безъ сожалѣнія видѣлъ, что благорасположеніе его раздѣляетъ онъ съ княземъ Дашковымъ, и сіе, можетъ быть, умножило его отвращеніе къ сему человѣку. Графъ Румянцовъ воспитывался въ Кадетскомъ Корпусѣ при Аннѣ Ивановнѣ, слѣдственно тогда еще былъ напѣтанъ Германскимъ духомъ; подъ начальствомъ графа Фермора сражался съ великимъ Фридерикомъ и, среди самыхъ побѣдъ нашихъ надъ вѣнчаннымъ полководцемъ, дивился его искусству и генію; въ послѣдствіи имѣлъ случай узнать его лично и безъ восторга не могъ

говорить объ немъ. Отечественное онъ мало уважалъ и жилъ всегда окруженный Нѣмцами. За то и Россія, платя ему дань удивленія, ограничивалась симъ холоднымъ чувствомъ, тогда какъ имя Суворова еще и понынѣ заставляетъ биться сердца патриотовъ *).

Тѣло покойнаго фельдмаршала привезено было въ Кіево-печерскую крѣпость и, по приказанію Павла, предано землѣ въ Лаврѣ съ величайшими военными почестями. Три холостые сына, изъ коихъ младшему, Сергѣю Петровичу, было уже за сорокъ лѣтъ, прибыли къ печальной церемоніи. Они принимали посѣщенія, но сами ихъ никому не дѣлали, и одинъ только изъ нихъ, Николай Петровичъ, умѣлъ со всѣми быть любезенъ и привѣтливъ. Въ память уваженія отца своего къ моему, подарилъ онъ ему богатую конскую сбрую и любимую лошадь покойника, вороную, откормленную, на которой онъ изрѣдка

* Въ новѣйшее время у Русскаго войска было также два любимица: Воронцовъ и Ермоловъ. Первый изъ нихъ и доселѣ еще управляетъ обширнымъ, мало населеннымъ, пограничнымъ краемъ; онъ живетъ его, устраиваетъ, заселяетъ и посвящаетъ ему весь умъ свой, познанія, дѣятельность, могущество и богатство. Последній во многомъ обвиняемъ, а болѣе всего въ ошибкахъ, устраненный отъ дѣлъ, неимущій, зарылся въ деревнѣ, величаво уединился. Пусть объ нихъ спросятъ у любого. Въ обоихъ видятъ погибшія надежды; но перваго никто терпѣть не можетъ, послѣднимъ все еще кланутся. Отчего же такая несправедливость? До двадцатилѣтняго возраста воспитанный въ Лондонѣ, графъ Воронцовъ имѣетъ всѣ Англійскіе навыки; въ частной жизни, какъ и въ общественной, являетъ себя болѣе лордомъ чѣмъ бояриномъ; всякой Англичанинъ, хотя бы былъ небогатый купецъ, идетъ до самаго кабинета его въ шляпѣ, войдя же въ него безъ наклопенія головы трясетъ ему просто руку; тогда какъ отъ Русскихъ подчиненныхъ своихъ онъ требуетъ знаковъ низжайшей покорности. Онъ женатъ на полу-русской и бредитъ европеизмомъ. Ермоловъ, напротивъ того, видитъ въ Русскихъ (среди ихъ варварства или просвѣщенія, все равно) первый народъ въ мірѣ; какъ они, онъ властолюбивъ иногда до жестокосердія, мраченъ и остроуменъ изъ насмѣшкахъ, и какъ они, имѣетъ великодушіе, отважность и самую наружность царя лѣсовъ. Его обвиняютъ, а на каждомъ шагу вы можете найдти между военными, гражданами и купцами сильныхъ и усердныхъ его адвокатовъ; старая, вѣрная Москва хотѣла утѣшить его избраніемъ въ свои предводители; самая милости къ нему правительства, не весьма хорошо къ нему расположеннаго, имѣютъ значеніе, главнымъ образомъ, какъ знаки уваженія къ обществу и мнѣнію и принимаются имъ съ восторгами благодарности. Послѣ этого пусть скажутъ, что у насъ вовсе нѣтъ національности. Мы въ этомъ случаѣ нѣсколько похожи на древнихъ Грековъ: въ пашняхъ богачъ и полубогачъ мы любимъ находить пашни слабости и даже наши пороки; мы желаемъ, чтобъ они были мы же, но гораздо въ большемъ размѣрѣ. Когда мы были погружены въ пучину золь, то сострадательное Небо послало намъ архангела Скопица-Шуйскаго; теперь же торжествующіе, надменные, мы такого чуда ожидать не можемъ и готовы удовольствоваться какимъ-нибудь Ляпуновымъ или Ахиллесомъ, dont la rage est d'un tigre et les vertus d'un dieu.

выѣзжалъ и которая потомъ болѣе шести лѣтъ служила отцу моему для прогулокъ.

Хвалясь вниманіемъ Румянцова къ покойному родителю, я было забылъ похвастаться ласками къ нему Суворова. Это еще было на Кубани, гдѣ Суворовъ сражался съ горцами и жилъ съ молодою, добродушною женой, которую отменно тогда любилъ. Она была красавица въ Русскомъ вкусѣ, бѣла, румяна и полна, ума не высокаго, съ воспитаніемъ стариннымъ. Въ Таганрогъ и Черкасскъ, среди тогдашнихъ казачекъ, пріятно было встрѣтиться Русскимъ барынямъ, и она очень сдружилась съ моею матерью. Самъ Суворовъ, навѣщая жену, очень полюбилъ ее, былъ съ нею чрезвычайно любезенъ и часто при ней геніально дурачился. Но съ тѣхъ поръ мои родители уже съ ними нигдѣ не встрѣчались.

Великій Суворовъ, Оденъ Русскаго воинства, вдругъ былъ отставленъ, какъ простой офицеръ и посланъ жить въ деревню. Не знаю, насильственная смерть герцога Ангіенскаго произвела ли во Франціи между роялистами тотъ ужасъ, коимъ сіе извѣстіе поразило всю Россію. Она содрогнулась. Симъ ударомъ, нанесеннымъ національной чести, властелинъ хотѣлъ какъ будто показать, что ни заслуги, ни добродѣтели, ниже самая слава не могутъ спасти отъ его гнѣва, справедливаго или несправедливаго, коль скоро къ возбужденію его поданъ малѣйшій поводъ. Симъ не довольствуясь, по какому-то неосновательному подозрѣнію, онъ велѣлъ схватить всѣхъ адъютантовъ его, всю многочисленную его свиту, посадить въ Кіевской крѣпости, и бѣдный отецъ мой осужденъ былъ стеречь сподвижниковъ великаго человѣка!

Екатерина и Румянцовъ во гробѣ, Суворовъ за-живо похороненный, многіе вельможи, подпоры трона, опрокинутые слѣпымъ самовластіемъ, представляли картину разрушенія Россіи въ началѣ 1797 года. Скоро, скоро отъ прежняго, недавняго ея величія осталась одна только ея колоссальность, служащая подножіемъ маленькой фигурѣ, которая на ней кривлялась и топорила.

ХІ.

Перемѣны шли при Павлѣ съ неимовѣрною быстротою, болѣе еще чѣмъ при Петрѣ; онѣ совершались не годами, не мѣсяцами, а часами. Тридцать пять лѣтъ пріучали насъ почитать себя въ Европѣ; вдругъ мы переброшены въ самую глубину Азіи и должны трепетать передъ восточнымъ владыкою, одѣтымъ однакоже въ мундиръ Прусскаго покроя, съ претензіями на новѣйшую Французскую любезность и рыцарскій духъ среднихъ вѣковъ. Версаль, Іерусалимъ и Берлинъ были

его девизомъ, и такимъ образомъ всю строгость военной дисциплины и феодальное самоуправіе умѣлъ онъ соединить въ себѣ съ необузданною властію ханскою и прихотливымъ деспотизмомъ Французскаго дореволюціоннаго правительства.

Званіе намѣстниковъ и генераль-губернаторовъ уничтожено и замѣнено званіемъ военныхъ губернаторовъ, управляющихъ и гражданскою частію. Въ сію должность назначали того же самаго графа Румянцова; но онъ умеръ, и на его мѣсто прибылъ вновь пожалованный фельдмаршалъ графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ. Военные генералы, управлявшіе губерніями, переименованы въ соотвѣтствующій ихъ классу гражданскій чинъ и названы гражданскими губернаторами. Оберъ-коменданты лишились сего названія, остались просто комендантами, и у нихъ отняли инспекцію надъ крѣпостями и гарнизонами; но за то въ ихъ вѣдѣніе поступила полиція губернскихъ городовъ, и въ случаѣ отсутствія военнаго губернатора не гражданскіе губернаторы, а они заступали его мѣсто.

Не самая важная, но для наружности самая примѣчательная перемѣна произошла въ воинскомъ нарядѣ. Щеголеватость одежды Екатерининскихъ воиновъ найдена женоподобною. Въ самое короткое время, сначала гвардія, а потомъ вся армія обмундированы по новой формѣ; и что за форма! Милліоны истрачены, чтобы Русскихъ сдѣлать уродами. Описаніе сего безобразнаго костюма довольно, кажется, любопытно: онъ состоялъ изъ длиннаго и широкаго мундира довольно толстаго сукна, не съ отложнымъ, а лежащимъ воротникомъ и съ фалдами, которыя спереди совсѣмъ почти сходились; изъ шпаги между ними фалдами, воткнутой сзади; изъ ботфортовъ съ штибель-манжетами или штиблетъ чернаго сукна; изъ низкой, сплюснутой треугольной шляпы; узкаго чернаго галстука, коимъ офицеры казались почти удавленными; перчатокъ съ огромными раструбами; простаго дерева форменной палки съ костянымъ набалдашникомъ и, наконецъ, изъ двухъ насаленныхъ надъ ушами буколь съ длинною, туго проволокою и лентою перевитою косою. Все это въ подражаніе подражателю Фридерика Втораго, отцу своему, тогда какъ въ самой Пруссіи сей странный нарядъ давно уже былъ брошенъ. Исключая кавалеріи, всѣ одѣты были въ мундиры одинаковаго цвѣта; но за то отвороты и обшлага были и розовые, и абрикосовые, песочные, кирпичные, всѣхъ въ мірѣ цвѣтовъ: удивительное единообразіе и пестрота въ одно время, живое изображеніе единства воли и безпорядка мыслей ее движущихъ.

По неограниченной любви моей къ истинѣ и справедливости долженъ я сознаться, что въ началѣ сего царствованія, сдѣланы были и такія перемѣны, которыя были весьма полезны для службы, хотя иныя

и оскорбили тогда ребяческое мое самолюбие. Безчисленные толпы гвардейскихъ сержантовъ и вахмистровъ потребованы на службу; иные оставлены въ гвардіи, другіе выпущены въ армію не болѣе какъ прапорщиками, а малолѣтныя за неявку исключены вовсе изъ полковъ. Нѣтъ нужды говорить, что я попалъ въ число послѣднихъ.

Но что значитъ исправленіе мелкихъ злоупотребленій въ сравненіи со всеобщими, губительными распоряженіями, противными политикѣ и здравому разсудку? Начало сего несчастнаго 1797 года, между прочимъ, ознаменовано одною важною государственною ошибкой, коей зловредныя послѣдствія ощущаемъ мы и понынѣ. Сіе дѣло было для меня предметомъ постоянныхъ горестныхъ размышленій, и я позволю себѣ изложить его съ нѣкоторою подробностію.

Остзейскія провинціи были нѣкогда достояніемъ великаго Новгорода и Полоцкихъ князей. Онѣ были обитаемы тѣми же самыми малочисленными, смиренными, слабыми дикарями, которые нынѣ стонутъ подъ тяжкимъ игомъ жестокосердыхъ своихъ завоевателей, а прежде платили легкую дань своимъ добрымъ и сильнымъ сосѣдямъ. Не задолго до нашествія Татаръ и вторженій Литовскихъ, начали изъ-подтишка въ маломъ числѣ показываться монахи и рыцари на Ливонскихъ берегахъ и съ дозволенія безпечныхъ Новгородцевъ и Полочанъ строить замки и кирки. Когда двѣ кровавыя тучи, одна послѣ другой, съ Востока и Запада, покрыли почти всю раздробленную Россію, тогда и наши Нѣмцы, усиленные прибытіемъ многочисленныхъ сподвижниковъ, начали расширяться на Сѣверѣ. Татары нагрянули, вломились; Нѣмцы же воспользовались гостепріимствомъ и засѣли, мечомъ начали крестить несчастныхъ Эстовъ и скоро захватили два Русскіе города, Юрьевъ и Ругодивъ, нынѣшніе Дерптъ и Нарву. Еслибы не могущество республикъ Новгородской и Псковской, они бы проникли во внутренность Россіи.

Итакъ хищные враги со всѣхъ сторонъ рвали на части и до того уже междоусобіями раздираемое наше отечество. Какъ оно не погибло, а возродилось, вознеслось, это чудо Провидѣнія, о которомъ здѣсь не мѣсто говорить. Лишь только установилось у насъ единодержавіе, лишь только справились съ Татарами, какъ тотчасъ хватились отнятаго у насъ Нѣмцами. Мужество Баторія не допустило грознаго царя удержатъ за собою завоеванную уже Ливонію. Безчеловѣчныя же ея владычители, истребители ея тишины и свободы, давно уже утратили неукротимое мужество предковъ и утопали въ нѣгѣ, въ роскоши, въ развратѣ; тѣсными сильными государствами, они должны были попеременно признавать надъ собою господство Польши, Даніи и Швеціи. Они принадлежали послѣдней, когда возгорѣлась война между Карломъ

ХІІ и Петромъ Великимъ: перваго ненавидѣли они за отнятіе будто бы какихъ-то правъ, а послѣднему поддались бы неохотно. Правда, дѣло шло объ нихъ и за нихъ, но не съ ними; имъ оставалось ожидать, кому они достанутся.

По праву побѣды и завоеванія, по праву прежняго владѣнія и по Ништадскому трактату, не съ ними, а съ Шведскимъ правительствомъ заключенному, земли, ими захваченныя, возвращены опять Россіи. При сдачѣ одного города, Риги, были сдѣланы нѣкоторыя условія, и они увѣряють, будто на сихъ условіяхъ вся Ливонія добровольно покорилась Россійской державѣ. Петръ Великій, извѣстный по своему пристрастію ко всему Европейскому, обрадовался новымъ подданнымъ, просвѣщеннымъ, напудреннымъ и выбритымъ, и утвердилъ всѣ ихъ привиллегіи, вредныя, даже унизительныя для Россіи. Солиманъ, при взятіи Родоса и Англичане въ Мальтѣ не позаботились о правахъ существовавшаго еще ордена; а мы хотѣли показать великодушіе и учтивость хищникамъ нашей собственности. Всѣмъ извѣстно, какъ возблагодарили они насъ за то, сіи завоеванные наши тираны, во время Бирона, да и всякій разъ, когда случай къ тому представлялся. При Екатеринѣ Второй дѣла пошли иначе, сближеніе ихъ съ нами сдѣлалось возможнымъ; но смерть ея навсегда отдѣлила ихъ отъ насъ. Одна Нѣмка, коей поручила она воспитаніе своихъ внуковъ, мадамъ Ливень, Шарлота Карловна, осыпанная ея милостями, не устыдилась сыну ея представить нѣкоторыя нововведенія, какъ посягательство на священнѣйшія права Лифляндскаго и Эстляндскаго дворянства. Не довольствуясь симъ, она успѣла увѣрить его, что и введеніе Русскаго языка и законовъ въ губерніяхъ, вновь пріобрѣтенныхъ отъ Польши, есть вопіющее насиліе. Павлу Первому стоило указать на мнимыя несправедливости его матери, чтобы возбудить его къ противодѣйствію.

Не станемъ говорить о справедливости или несправедливости присоединенія Литвы, Украйны и Бѣлоруссіи; тому, кто знаетъ хорошо Русскую исторію, разрѣшить вопросъ сей будетъ не трудно. Къ несчастію, Павелъ Первый зналъ ее плохо; онъ переписывался съ Лагарпомъ, который весьма исправно сообщалъ ему литературно-драматическія извѣстія, закулисные анекдоты, Парижскія сплетни; но едва ли зналъ наслѣдникъ Всероссійскій, кѣмъ и когда перенесена столица изъ Кіева во Владимиръ, кто первый у насъ возсталъ противъ Татаръ, какимъ образомъ и кѣмъ Москва освобождена отъ Поляковъ; имена мамзелей, хотя и не дѣвицъ, Лекуврёръ и Клеронъ ему были извѣстны, чѣмъ имена Пожарскаго и Минина.

Жители разорванной на трое, несчастной Польши покорились судьбѣ, начинали привыкать къ новому порядку вещей, особенно же тѣ,

кои по раздѣлу поступили въ подданство къ Россіи. Они были присоединены къ народу Славянскому, не чужому; простой народъ въ томъ краю не переставалъ называть себя Русскимъ, двѣ трети его исповѣдывали Греко-Россійскую вѣру; а остальные, насильно вовлеченные въ латинство и унию, готовы были возвратиться въ нѣдра Православія. Дворянамъ не постыдно было промѣнять имя храбрыхъ Поляковъ на имя доблестныхъ Россіянъ, которое носили ихъ предки. Опредѣляя однихъ только коренныхъ Русскихъ на все мѣста въ новыхъ губерніяхъ, употребляя Поляковъ въ арміи и внутри государства, такъ сказать, тасуя два народа, Екатерина изглаживала слѣды взаимной ихъ вражды. Ея преемникамъ оставалось только, слѣдуя по пути ею проложенному, собирать плоды ея мудрой системы. Примѣръ Смоленска, а еще болѣе Бѣлоруссіи, въ самое короткое время забывшей, что она принадлежала Польшѣ, показалъ на опытѣ, какъ легко и естественно сливаются Славянскія племена подъ однимъ управленіемъ. Какъ подживаетъ переломленный членъ, осторожно перевязанный искуснымъ врачомъ, такъ Украина начинала было приростать къ Россіи. И вдругъ толчокъ, и пробужденіе усыпленной боли, и волненіе замысловъ, и несбыточныя надежды, и ветхій Литовскій статутъ! Я тогда не въ состояніи былъ чувствовать всю безпредѣльность зла, Россіи причиненнаго; но нынѣ сердце обливается кровію всякій разъ, что вспомнишь, какъ безумно играли судьбами великаго народа.

Въ началѣ сего самаго 1797 года сдѣлано генеральное переименованіе губерній, то-есть весьма многія изъ нихъ упразднены и причислены къ сосѣднимъ, въ томъ числѣ и наша Пензенская; но для чего? Это одинъ Богъ знаетъ. Три Малороссійскія губерніи слились въ одну. Кіевъ отъ нихъ отдѣлился и сдѣлался главнымъ городомъ Брацлавской губерніи, наполненной Польскими помѣщиками. Вскорѣ потомъ изъ Дубно, мѣстечка Волынской губерніи, переведены въ него контракты, родъ дворянской биржи, на которую дворяне, въ извѣстное время года, съѣзжались для разнаго рода сдѣлокъ, покупки и продажи имѣній, отдачи капиталовъ въ займы и прочаго. Тутъ опять представляется вопросъ: для чего это? Не съ намѣреніемъ ли сблизить Поляковъ съ Русскими? Но какъ въ это царствованіе все дѣлалось безъ цѣли и по однимъ только прихотямъ, то и отвѣчать опять будетъ трудно.

Итакъ, я въ малолѣтствѣ своемъ сдѣлался свидѣтелемъ великой метаморфозы. Древняя столица великихъ князей Русскихъ, даже при Польскомъ правительствѣ сохранившая себя невредимою отъ Польскаго вліянія, вдругъ ополячилась. Въ продолженіи 1797 года число Русскихъ чиновниковъ и Малороссійскихъ дворянъ начало примѣтно въ ней уменьшаться, а число пановъ въ той же пропорціи увеличивалось.

Но таковы были слѣдствія направленія, даннаго умамъ въ предшествовавшее царствованіе, что они не только не чуждались общества Русскихъ, но сами искали его, были ласковы до униженія, чтобы не сказать до подлости и даже, какъ умѣли, старались говорить по-русски. О Екатеринѣ говорили съ почтеніемъ и съ восторгомъ о ея сынѣ, называя его своимъ благодѣтелемъ. Не знаю, ненависть ли къ памяти Екатерины, или безразсудство, въ которомъ ихъ обвиняють, рождали ихъ симпатію къ сему царю; но они его дѣйствительно любили. Странное однакоже дѣло: они при немъ не смѣли питать тѣхъ надеждъ, кои съ такою силою обнаруживали при его преемникѣ. Можетъ быть, они чувствовали, что съ нимъ невозможно ни на что положиться и что въ иную минуту ему могло бы вздуматься заставить ихъ перемѣнить вѣру: отъ него все бы сталося.

Немного времени спустя послѣ коронаціи императора Павла, не смотря на траурный годъ, начались у насъ въ Кіевѣ потѣхи и празднества. Начальники губерній, сбросивъ трауръ, заботясь объ увеселеніяхъ, дѣлали сіе конечно въ угожденіе царю. Въ одной изъ крытыхъ аллей прекраснаго дворцоваго сада настлали гладкій полъ и надъ нимъ изъ двухъ или трехъ палатокъ сдѣлали наметъ. Въ сей крытой галлерей новаго рода, ярко освѣщенной, танцовали два раза въ недѣлю; право входа имѣли въ нее всѣ безъ исключенія, начиная отъ высшихъ классовъ до порядочно одѣтыхъ людей. Сверхъ того всякую недѣлю былъ балъ у военнаго губернатора графа Салтыкова; онъ жилъ тогда въ построенномъ давно, но дотолѣ никѣмъ не обитаемомъ, обширномъ деревянномъ домѣ графа Разумовскаго, который, такъ-сказать, висѣлъ надъ стремниной и изъ коего были чудесные виды за Днѣпръ. Домъ сей казался волшебнымъ, когда, въ лѣтнюю, темную ночь полуденнаго края, онъ блисталъ огнями; сверхъ того, въ царскіе дни были маленькіе фейерверки, иллюминаціи, и иногда спускались небольшіе воздушные шары; однимъ словомъ, всѣхъ насильно хотѣли заставить веселиться.

Тутъ въ первый разъ увидѣли мы привлекательныхъ Poleкъ; онѣ отличались не столько еще красотой и любезностію ума, сколько ловкостію и смѣлостію. Ихъ самонадѣянность, ихъ ласковое, веселое, и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько насмѣшливое обхожденіе приводило въ смятеніе нашихъ добрыхъ барынь и барышень; отъ разговоровъ ихъ онѣ часто должны были краснѣть. Чтò касается до меня, то мнѣ казалось, что я въ первый разъ вижу женщинъ. Онѣ къ намъ въ домъ очень часто начали ѣздить; я не зналъ кого предпочесть, которую изъ двухъ Залѣскихъ, панью ли Гурковскую, или Росцишевскую, или Пупертову? Наше Кіевское общество составляло одно семейство;

и взрослые, и молодыя дѣвицы, какъ будто видя во мнѣ маленькаго брата, обходились со мной какъ съ мальчикомъ. А эти милыя Польки, онѣ шутили, рѣзвились со мной, щипали меня, и даже съ ребенкомъ не забывали кокетствовать.

Между сими Польками были тогда двѣ старухи, довольно замѣчательныя. Одна изъ нихъ была вдовствующая княгиня Яблоновская, урожденная княжна Корибуть-Воронецкая, женщина лѣтъ шестидесяти, довольно добрая, не надменная, но тщеславная, не столько глупая, сколько помѣшанная. Двѣ знатныя фамиліи, къ которымъ она принадлежала, были въ родствѣ съ Чарторыйскими и Радзивилами, кои, какъ извѣстно, породнились съ домами Прусскимъ и Виртембергскимъ; она была въ свойствѣ съ Понятовскимъ, который сидѣлъ на Польскомъ тронѣ, и съ Понинскими, изъ коихъ одна была за Курляндскимъ герцогомъ. Все это вскружило голову ея покойному супругу; онъ возмечталъ, что самъ онъ царь, и промотался на милостяхъ къ своимъ подданнымъ. Поврежденіе ума его привилось и къ ней; въ небольшомъ помѣстьѣ Стебловѣ, какъ-то уцѣлѣвшемъ, въ ветхомъ, не весьма обширномъ домѣ, который величала она замкомъ и палацомъ, сидѣла она, окруженная портретами родственниковъ своихъ, императоровъ и королей; дворню свою называла дворомъ, имѣла нѣсколько голодныхъ фрейлинь, пановъ-служонцевъ, а изъ мелкой, дробной шляхты ей не трудно было набрать маршалковъ и шталмейстеровъ; когда же посѣщала сосѣдей, то два казака съ пиками должны были всегда передъ ней ѣхать верхомъ *). Визитныя ея карточки были огромныя панкарты, на которыхъ былъ напечатанъ весь ея титуль, кастелянша такая-то и такая-то, кавалерша Австрійскаго ордена звѣзднаго креста (*dame de la croix étoilée*) и владѣтельница города Стеблова. Впрочемъ, она была очень тиха и благосклонна, особливо когда ей говорили о знаменитыхъ ея связяхъ и тѣшили титуломъ свѣтлости. Такія затѣи и такихъ чудачковъ случалось мнѣ послѣ видѣть и внутри Россіи.

Оригинальность другой старухи, также княгини, была инаго рода. Богъ знаетъ какимъ образомъ, однофамильцы или родственники несчастнаго царя Василя Ивановича Шуйскаго остались въ Польшѣ и вступили въ ея подданство; можетъ быть, кто-нибудь и присвоилъ себѣ самовольно сіе униженное имя, никѣмъ не оспариваемое, судьбою гонимое. Какъ бы то ни было, но послѣдній, который носилъ его, жилъ въ помѣстьѣ своемъ Ясногородкѣ, въ бывшемъ Кіевскомъ воеводствѣ.

*) Сей обычай соблюдается и понынѣ между Польскими помѣщиками въ Украинѣ. Его бы слѣдовало строго отмѣнить, ибо оцъ напоминаетъ давно уже не существующее Польское тиранское владычество надъ храбрымъ народомъ Русскаго племени.

Вдова его слыла вѣкогда красавицей, жила долго и никогда этого не могла забыть. Не знаю какихъ лѣтъ была она, когда мы ее увидѣли, но на взглядъ ей казалось болѣе семисядесяти. Какъ бы описать ее? Это былъ вѣнчаный розами изсохшій трупъ, въ которомъ, однакоже, замѣтны еще были признаки жизни; сухощавая, сгорбленная, вся дрожавшая старушка, одѣтая, какъ шестнадцатилѣтняя дѣвочка, предметъ ужаса, состраданія и смѣха. Румяны и бѣлила съ нея сыпались; но она была мрачна, угрюма, и въ очахъ ея впадшихъ неподвижные взоры горѣли какимъ-то страшнымъ жаромъ. Любовь оспаривала у смерти сію жертву, но торжество послѣдней казалось весьма близкимъ. Любопытно было видѣть этотъ мосоль подлѣ жирной Шардонши; обѣ съ удовольствіемъ говорили объ любви, но для послѣдней была она только веселымъ воспоминаніемъ, а для первой серьезнымъ, всеневнымъ упражненіемъ; и не удивительно: у одной было тощее тѣло, у другой былъ тощій карманъ. Три или четыре Поляка, красивые атлеты, записные обожатели княгини Шуйской, безъ стыда и ревности всюду ее сопровождали; надобно признаться, что въ семъ случаѣ наши Русскіе уступали въ храбрости Полякамъ: ни одинъ изъ нихъ не дерзнулъ вступить въ ея свиту.

У нея было двѣ дочери, изъ коихъ старшая была прекрасна собою, а меньшая весьма не дурна. Въ сію послѣднюю влюбился старшій братъ мой, и дѣло шло на ладъ; но онъ былъ еще слишкомъ молодъ, да и мать моя, которая въ обществѣ любила видѣть Полекъ, всегда страшилась видѣть ихъ своими невѣстками. Однакоже дурной примѣръ и дурное воспитаніе, видно, не подѣйствовали на этихъ княжёнъ: обѣ, какъ говорятъ, въ послѣдствіи подавали собою примѣръ цѣломудрія и кротости *).

Изъ Русскихъ домовъ, ни въ одномъ столько Поляковъ не собиралось какъ у насъ; учтивость и образованность хозяина, врожденная любезность и умное добродушіе хозяйки, мѣсто, которое отецъ мой занималъ и что-то гостепріимное, которымъ все у насъ дышало, привлекали ихъ къ намъ. Я часто видѣлъ настоящихъ или такъ-называемыхъ графовъ Чацкаго, Ржевускаго, Грохольскаго, Дульскаго, Олизара и многихъ другихъ, людей отмѣнно вѣжливыхъ, хорошаго тона, остатки лучшаго Варшавскаго общества. Нужно ли повторять здѣсь, что въ нихъ не было замѣтно и тѣни недоброжелательства къ Россіи? Отечество за отечество, они предпочитали ее Австріи и Пруссіи, гдѣ ихъ обирали и гнули въ дугу.

*) Старшая была замужемъ за Русскимъ полковникомъ Марченкой. Оставшійся послѣ нея единственный сынъ въ Петербургскихъ гостинныхъ блисталъ свѣжестью лица и франтовствомъ и, кажется, болѣе ничѣмъ.

Я не могу воздержаться, чтобы не сказать здѣсь нѣсколько словъ о Полякахъ вообще, тѣмъ болѣе, что мнѣ не скоро придется опять говорить объ нихъ. При описаніи событій настоящаго времени, я долженъ буду представить ихъ, какъ народъ совсѣмъ другой; ибо разныя происшествія, для нихъ благопріятныя или пагубныя, которыя въ продолженіи сорока лѣтъ имѣли вліяніе на судьбу ихъ, во многомъ измѣнили ихъ характеръ. Итакъ я позволяю себѣ теперь объяснить мысли мои о прежнихъ Полякахъ.

Славянскія племена, основавшіяся на Сѣверо-востокѣ Европы, въ странахъ почти неизвѣстныхъ, въ девятомъ и десятомъ столѣтіяхъ слились въ одинъ могущественный народъ, который назывался Русскимъ. Другія племена Славянскія, подвигавшіяся на Западъ, раздробились на мелкія княжества; иныя изъ нихъ втѣснились въ самое сердце Германіи, но встрѣтившись съ силою оружія Карла Великаго, а потомъ императора Оттона, не только были побѣждены, но и вошли въ составъ народовъ Германскихъ. Между сими западными и сѣверо-восточными Славянами образовалось не весьма обширное государство и отъ тѣхъ и отъ другихъ начало отдѣльно существовать. Поляки, не смотря на слабость силъ своихъ, какъ всѣ единоплеменные имъ народы, властолюбивые, храбрые, даже дерзкіе, не хотѣли признать передъ собою первенства безконечной, бездонной Россіи и не утрастились вступить въ опасное для нихъ соперничество. Рѣдко побѣдители, часто, весьма часто побѣждаемые, они избѣгнули завоеванія, благодаря кровавымъ междоусобіямъ князей, слѣдствіямъ пагубной удѣльной системы; но еще болѣе они симъ были обязаны для самихъ Русскихъ непонятному, тайному влеченію на Югъ, куда стремились они за славою, за золотомъ и гдѣ обрѣли они лучшее сокровище: сохранившій ихъ въ бѣдствіяхъ спасительный свѣтъ христіанской вѣры.

Симъ свѣтомъ озарились Русскіе и Поляки почти въ одно и тоже время; но первые приняли Греко-восточную вѣру, послѣдніе Латинскую. Несогласія двухъ церквей умножили несогласія двухъ народовъ; они приняли направленія совсѣмъ противоположныя, и препятствія къ ихъ соединенію сдѣлались неодолимы. Когда внезапно гнѣвъ Божій наложилъ на Русскій народъ ярмо Татарское, тогда Польша начала добровольно налагать на себя иго западныхъ народовъ; сосѣдство съ Нѣмцами, зависимость отъ папы, а болѣе всего прельщенія Франціи развратили нравы ея жителей, испортили ихъ языкъ и породили безчисленные безпорядки, коихъ она не преставала быть жертвою.

Посреди двухвѣковыхъ жестокихъ испытаній, Русскіе сохранили нравы и обычаи предковъ, утвердились въ любви къ отечеству, научились терпѣнію, не переставали презирать хищныхъ своихъ властите-

лей, гнушаться ихъ вѣроу и, какъ драгоцѣнный металлъ, вышли чисты изъ горнила, плѣна Монгольскаго. А бѣдная Польша! Все болѣе и болѣе предавалась она обычаямъ Запада, принимала къ себѣ феодальныя, готическія учрежденія, совсѣмъ не сродныя Славянскимъ племенамъ, сначала лишилась Силезіи, а потомъ Нѣмецкій орденъ отрѣзалъ ее отъ моря. Скоро, подобно Богеміи, превратилась бы она въ Нѣмецкое курфиршество, и существованіе ея, какъ независимаго государства, должно было прекратиться; но брачный союзъ католички Ядвиги съ язычникомъ Ягелло перемѣнилъ судьбу ея, и варвары. Литовцы дали ей новую жизнь, новыя силы.

Симъ возрожденіемъ воспользовался одинъ только духовный Римъ; въ послѣдствіи оно сдѣлалось вредно для Россіи, а для Польши было бесполезно. Правда, распространивъ въ Литвѣ Римско-католическую вѣру, она взяла въ ней перевѣсъ, начала въ ней преобладать и, такъ сказать, всосала ее наконецъ въ себя со всѣми ея обширными, блестящими завоеваніями. Но чтѣ значитъ распространеніе предѣловъ государства, когда въ немъ теряется духъ народности? Бѣдная Польша! Изгнанные отовсюду Жиды стеклись въ нее и обратили ее въ помойную яму Европы. Сіи вѣчные враги рода христіанскаго стали между господами и ихъ вассалами, первымъ облегчили средства къ полученію и умноженію доходовъ и тѣмъ умножили склонность къ расточительности, послѣднихъ изнурили до невозможности поборами; развращали и раззоряли тѣхъ и другихъ. Бравши все на откупъ, они вездѣ истребили вкусъ къ домашнему и сельскому хозяйству. Высшіе класы предались отъ того праздности, а бѣдный простой народъ доведенъ ими до безнадежности, до безчувственности, до истуканства, почти до состоянія скотовъ.

Потомъ начали на Польскомъ тронѣ являться Француженки *). Ихъ вліяніе на судьбу Польши было самое пагубное. Онѣ взялись образовать въ ней прекрасный полъ и совершенно въ томъ успѣли. Жены и дѣвы Славянскія славилась дотолѣ своею непорочною, набожною, трогательною покорностію ко власти родителей и супружеской; отъ сего тяжкаго ига избавили ихъ Француженки: онѣ сдѣлали болѣе, онѣ научили ихъ распалять страсти въ мущинахъ, возбуждать въ нихъ и месть, и злобу, однимъ словомъ, научили ихъ надъ ними властвовать. Сдѣлавшись честолюбивыми, алчными, ничѣмъ не удержив-

*) Марія де-Гонзагъ де-Неверъ была замужемъ за послѣднимъ Владиславомъ и потомъ вышла за роднаго брата его, къ тому же кардинала, Яна Казимира, который отрекся отъ духовнаго званія и сдѣлался королемъ. Дѣвица д'Аркіенъ была женою Іоанна Собѣскаго. Въ числѣ Польскихъ королей не надобно забывать и женоподобнаго Генриха Валуа.

ваемыя, ни страхомъ Божиимъ, ни законами человѣческими, могли ли Польки не забыть обязанностей супругъ и матерей? Бракъ, ими безпрестанно разрываемый, потерялъ всю святость свою и обратился въ законное наложничество; онѣ сами превратились въ очаровательныхъ Цирцей; какая-то волшебная сила заступила въ нихъ мѣсто силы небесной, кою прежде они были одарены, и тогда-то въ Польшѣ, говоря словами незабвеннаго, вѣчно-милаго поэта нашего, прекрасный полъ

. утратилъ навсегда
Стройность робкую движеній,
Прелесть нѣги и стыда.

Но что же дѣлали тогда мушкетеры? Какими глазами смотрѣли они на сей ужасный переворотъ? Ихъ также Француженки увѣрили, что ревность постыдный порокъ, свойственный однимъ только варварамъ, что въ просвѣщенныхъ земляхъ женщины должны быть свободны какъ воздухъ, какъ солнечный свѣтъ, что ими составляются, поддерживаются и украшаются общества, что малѣйшая прихоть ихъ должна быть закономъ для мужчинъ и что сіи послѣдніе одними угожденіями могутъ имъ быть любезны. Вотъ наши Поляки принялись посвоему рыцарствовать, пить Венгерское вино изъ женскихъ башмаковъ и отечество свое обратили въ царство женщинъ и пародію Франціи.

Къ умноженію золь и безпорядковъ, нагрянули іезуиты и съ извѣстною ихъ хитростію овладѣли умами. На праздность, расточительность, тщеславіе, легкомысліе Поляковъ смотрѣли они снисходительнымъ окомъ; ничего отъ нихъ не требовали, кромѣ слѣпаго повиновенія Римской власти; главный догматъ ихъ, что нѣтъ преступленія, которое бы не могло быть отпущено католику, и нѣтъ добродѣтельной жизни, которая бы могла спасти еретика, сдѣлалъ богатыхъ Поляковъ совершенно необузданными. Я не хочу входить въ разсмотрѣніе чудовищнаго образованія Польши, королевства и республики въ одно время, и многихъ другихъ разрушительныхъ причинъ, но скажу только: могло ли ожидать славной будущности государство, коимъ управляли женщины, іезуиты и Жиды, то-есть, страсти, обманъ и корысть? Горьки были для Польши плоды Европейскаго образованія!

Когда всѣ язвы сіи не глубоко еще проникли въ цѣлый составъ Польши, она встрѣтилась опять съ сестрой своею, сосѣдкой-соперницей. Но она предстала ей не въ прежнемъ уже видѣ малолюднаго княжества, хранимаго только одною отвагою своихъ жителей; она явилась ей могущею, грозною, обогащенною ея же безчисленными потерями. Поюнѣвшая же, изъ пепла, какъ фениксъ, возникшая Россія была также сильна своею новою молодостію и въ тоже время опытомъ,

ученикъ превзошелъ наставника, и его выигрышъ часто замѣнялъ неудачи послѣдняго; въ обоихъ, кажется, недоставало рѣшимости подняться на тѣ смѣлыя спекуляціи, отъ коихъ единственно по сей части обогащаются. Воспитанный эмигрантомъ Виконтомъ де-Мельвиль, молодой Дринскій изрядно говорилъ по-французски; стараясь подражать манерамъ отца своего, онъ черезчуръ пересластилъ, сдѣлался приторенъ и жеманенъ. Онъ слылъ красавцемъ, ему было осмнадцать или девятнадцать лѣтъ, когда увидѣлъ я его въ первый мой прїѣздъ, и я совсѣмъ этого не нашель: черты довольно правильныя, но совсѣмъ обыкновенныя, ничего не выражающія, лицо блѣдное, нѣсколько желтоватое, характеръ и разговоръ столь же безцвѣтныя, какъ и лицо, которое одно только иногда умѣлъ онъ искусно расцвѣчивать; вотъ весь онъ. Совсѣмъ этимъ, какъ онъ былъ единственный молодой человѣкъ въ Пензѣ, то и почитался опаснымъ для женскихъ сердець; и дѣйствительно, не столько изъ собственныхъ злыхъ побужденій, сколько по наущенію отца, который думалъ оживать въ немъ, успѣлъ онъ завлечь нѣсколько легкомысленныхъ, чтобы хвалиться ихъ слабостию. Прокуроръ Бекетовъ также взялся быть его вожатымъ; но въ немъ не было довольно энергіи, чтобы когда либо дойти до высочайшей безнравственности.

Безпристрастіе, коимъ я все хвалюсь, къ сожалѣнію не дозволяетъ, какъ бы мнѣ хотѣлось, превознести похвалами людей, которые постоянно показывали приверженность отцу моему. Однакоже между ними одни отличались умомъ, другіе честностию и добротою; но были и такіе, или лучше сказать такой, въ которомъ ничего этого нельзя было найти. Такого звали Дмитрій Владимировичъ Елагинъ. Также, какъ г. Жедринскій, служилъ онъ въ Семеновскомъ полку и изъ капитановъ вышелъ въ отставку бригадиромъ и, также какъ онъ, опредѣленъ былъ въ Пензу предсѣдателемъ, но только Уголовной Палаты. Что-то такое похожее на воспитаніе оставило на немъ едва замѣтныя слѣды, тогда какъ дурная компанія, посреди коей онъ жилъ, отзывалась во всѣхъ его сужденіяхъ, разговорахъ и даже тѣлодвиженіяхъ. Однакоже не надобно думать, чтобы онъ былъ забіяка, игрокъ, мотъ, или пьяница; въ немъ ничего не было такого, чтò въ старпну называли гвардейское молодечество, а скорѣе гаерство, которое можно было находить между нижними чинами во всякой гвардейской ротѣ. Тотъ, кто бы вздумалъ назвать его повѣсой, конечно захотѣлъ бы польстить ему: онъ просто былъ пакостникъ, лгунъ и пустомеля. Начиная старѣть, любилъ онъ вспоминать молодость и ко всему придирался, чтобы съ восхищеніемъ поговорить о царствованіи Екатерины, на которую возносилъ величайшія нелѣпости, между прочимъ, будто она удо-

стойвала его разговорами и называла *mon enfant*. Онъ былъ только дерзокъ на словахъ и чрезвычайно злорѣчивъ; это почти со всѣми его поссорило; но въ тоже время (чего я до сихъ поръ не могу понять), съ столь низкими пороками, человекъ этотъ былъ исполненъ страха и обожанія къ отцу моему, который его презиралъ и даже рѣдко съ нимъ говорилъ. Отогнать его было труднѣе, чѣмъ вѣрнуть собаку, и такъ терпѣли его, пока къ нему не привыкли. Чтò бы мы ни дѣлали, а все болѣе или менѣе принадлежимъ къ своему вѣку: какъ въ молодости моей матери вельзя было жить безъ шутовъ, то со всѣмъ ея умомъ Елагинъ казался ей иногда забавенъ. Другое еще дѣло было со мною, когда г. предсѣдатель не былъ удерживаемъ законами благопристойности; отъ его рассказней, отъ простонародныхъ прибаутокъ, отъ сквернословія его часто валялся я со смѣху. Простите меня, читатель: я былъ такъ молодъ, а въ Пензѣ была такая тоска! Чтò касается до службы его, то не знаю чтò сказать; а говорили, будто онъ на пенсіи у секретаря своей палаты.

Одинъ бѣдный, выслужившійся дворянинъ, собою очень видный, женился на доброй, глупой и богатой невѣстѣ, дочери Василья Николаевича Зубова, двсюродной сестрѣ князя и графовъ Зубовыхъ. Иванъ Андреевичъ Маленинъ, въ званіи городничаго, начальствовалъ въ Пензѣ, когда, при Павлѣ, была она уѣзднымъ городомъ, и до нѣкоторой степени напоминалъ собою прежнихъ ея воеводъ и губернаторовъ. Безпеченъ, хотя и тщеславенъ, довольствовался онъ тою порціей величія, которая въ сей аристократической республикѣ, какъ единственному официальному лицу, ему на долю доставалась, и съ дворянами довольно ладила. При вторичномъ открытіи губерніи онъ уже въ прежней должности остаться не хотѣлъ и сдѣланъ совѣтникомъ Казенной Палаты; тогда сталъ онъ въ ряды другихъ бояръ, получивъ въ городѣ великій вѣсъ отъ роли, которую передъ этимъ игралъ, отъ знатнаго родства, хорошаго состоянія и большаго хлѣбосольтва. Онъ былъ мужикъ честный, правдивый, чистосердечный, но, вмѣстѣ съ тѣмъ и осторожный: никогда не говорилъ неправды, но не всегда говорилъ правду. Его преданность отцу моему, безъ малѣйшей подлости, свободомыслящіе въ Пензѣ именовали подобострастіемъ, а онъ не хотѣлъ даже брать труда на нихъ сердиться. Маленькое чванство, лошади, псарня, вотъ всѣ его извинительныя слабости. Ученостію ни онъ, ни жена его не могли похвастаться: домашняго маляра своего называлъ онъ въ шутку Сократомъ, увѣренъ будучи, что Сократъ былъ великій живописецъ. Супруга его, Александра Васильевна, долго полагала, что всѣхъ медиковъ зовутъ Петерсонами, потому что первый, который ее лѣчилъ, носилъ сіе имя.

гихъ городахъ вновь пріобрѣтеннаго края. По крайней мѣрѣ съ этой стороны твореніе Екатерины еще не начинало разрушаться, ея духомъ еще исполнена была Россія, и государственныя лица, совѣтники царскіе въ дѣлахъ политическихъ, все еще шли путемъ, ею начертаннымъ.

ХII.

На преобразование войска было обращено главнѣйшее вниманіе императора. Подобно отцу, онъ былъ страстенъ къ фронту и всегда восхищался порядкомъ и устройствомъ, кои видѣлъ въ Прусской арміи. Въ послѣднее время Екатерины дисциплина дѣйствительно нѣсколько ослабѣла въ нашемъ войскѣ, но ее можно было возстановить менѣе крутыми средствами; я даже не знаю, необходима ли она столько для Русскихъ воиновъ, сколько для Нѣмцовъ.

Названія армій, корпусовъ и бригадъ не существовали первые два года при Павлѣ Первомъ. Была одна только армія безъ главнокомандующаго, раздѣленная на двѣнадцать дивизій, и каждая изъ нихъ имѣла по два инспектора, одного по пѣхотѣ и артилеріи, а другаго— по кавалеріи. Такимъ образомъ генералы остались бы безъ занятія, еслибы каждому изъ нихъ не дано было по полку съ названіемъ шефа. Все это я очень помню, ибо жилъ тогда въ крѣпости и мечталь только о военной службѣ.

Изъ инвалидовъ, болѣе чѣмъ гарнизонныхъ, Кіевскихъ батальоновъ, велѣно вдругъ составить гарнизонный полкъ, совсѣмъ на полевой ногѣ. Всѣ старые изувѣченные солдаты отосланы въ инвалидныя команды и замѣнены новонабранными рекрутами. Отецъ мой, который былъ шефомъ этого полка и который долженъ былъ отвыкнуть отъ фронтовой службы, но который нѣкогда былъ кадетскимъ офицеромъ Петра III, вспомнилъ молодость и сдѣлалъ чудеса. Несмотря даже на недостатокъ въ хорошихъ офицерахъ, черезъ три мѣсяца полкъ его ни въ чемъ не уступалъ лучшимъ старымъ линейнымъ полкамъ. Это было доведено до свѣдѣнія императора, и онъ не замедлилъ наградить его чиномъ генераль-лейтенанта, который, впрочемъ, ему слѣдовалъ и по старшинству.

Чтобъ удостовѣриться въ успѣхахъ предпринятаго имъ военнаго преобразованія, сверхъ инспекторовъ, находившихся при каждой дивизіи, Павелъ Первый разсылалъ еще инспекторовъ полки приближенныхъ своихъ, такъ-называемыхъ Гатчинскихъ офицеровъ, пережалованныхъ имъ въ генералы и полковники. Это были по большей части люди грубые, совсѣмъ необразованные, соръ нашей арміи: выгнанные изъ полковъ за дурное поведеніе, пьянство или трусость, эти люди

находили убѣжище въ Гатчинскихъ баталіонахъ и тамъ, добровольно обратясь въ машины, безъ всякаго неудовольствія переносили всякій день отъ наслѣдника брань, а можетъ быть, иногда и побои. Между сими подлыми людьми были и чрезвычайно злые. Изъ Гатчинскихъ болотъ своихъ они смотрѣли съ завистью на счастливицевъ, кои смѣло и гордо шли по дорогѣ почестей. Когда, наконецъ, счастье имъ также улыбнулось, они закипѣли местію: развѣзжая по полкамъ, вездѣ искали жертвъ, дѣлали непріятности всѣмъ, кто отличался богатствомъ, пріятною наружностію или воспитаніемъ, а потомъ на нихъ доносили. Изъ сихъ злодѣевъ болѣе всѣхъ былъ извѣстенъ своею лютостію одинъ бѣглый Прусскій гусарь, именемъ Линденеръ, котораго Павелъ произвелъ въ генералы. Въ кавалерійскихъ полкахъ долго помнили его имя; онъ сотнями считалъ людей, коихъ удалось ему погубить; наконецъ дошло до того, что, несмотря на покровительство императора, преслѣдуемый общею ненавистію, онъ долженъ былъ оставить службу и куда-то скрылся. У насъ былъ свой терроризмъ.

Войска, въ Кіевской губерніи расположенныя, были счастливѣе другихъ. Узнали, что пріѣхалъ изъ Петербурга генераль-адъютантъ Баратынскій *), о которомъ дотолѣ не слыхивали. Всѣ вздрогнули, всѣ ожидали видѣть людоѣда; тѣмъ пріятнѣе всѣ были изумлены, когда узнали сего почтеннаго, тогда еще довольно молодаго человѣка, благонамѣреннаго, ласковаго, съ столь же пріятными формами лица, какъ и обхожденія. Казалось, онъ пріѣхалъ не столько осматривать полки, сколько учить ихъ по новому уставу, и онъ дѣлалъ сіе съ чрезвычайнымъ усердіемъ, съ неимовѣрнымъ терпѣніемъ, какъ будто обязаный наравнѣ съ ихъ начальниками отвѣчать за ихъ исправность. Онъ охотно разговаривалъ о своемъ государѣ и благодѣтелѣ, увѣряя всѣхъ въ извѣстной ему добротѣ его сердца, стараясь всѣхъ успокоить на счетъ ужасовъ его гнѣва и чуть-чуть было не заставилъ полюбить его.

Мѣсяца черезъ три пріѣхалъ инспекторъ, другой Гатчинецъ, молодой Измайловскій полковникъ Малютинъ: новый страхъ, новое успокоеніе. Этотъ Малютинъ былъ добрый малый, гуляка, великій другъ роскоши и всякихъ увеселеній, который имѣлъ особенное искусство придавать щеголеватость даже безобразному тогдашнему военному костюму. Но это въ немъ было не главное: въ фронтовомъ дѣлѣ былъ онъ величайшій мастеръ; за то все ему прощалось, даже страсть его

*) Отецъ извѣстнаго поэта Баратынскаго. Онъ не долго оставался въ милости; вскорѣ узнали въ Кіевѣ съ прискорбіемъ, что онъ отставленъ отъ службы и едва ли не сосланъ въ деревню.

къ щегольству, порокъ непростительный въ глазахъ Павла Перваго, такъ какъ цинизмъ казался ему почти добродѣтелю.

Въ числѣ полковъ, коимъ въ Кіевѣ Малютинъ дѣлалъ смотръ, былъ также и Кіевскій гренадерскій. Его шефомъ былъ тогда знаменитый графъ Ферзенъ, побѣдитель Косцюшки, Нѣмецъ, какихъ давай Богъ болѣе Русскимъ. Онъ не скрывалъ, сколь тяжело ему *поникнуть лавровой главой* почти передъ мальчикомъ; очень умно и вѣжливо сказалъ онъ это ему самому; но Малютинъ не былъ, видно, потомокъ Малюты Скуратова, а если и былъ, то не походилъ на своего предка, ибо съ благоговѣніемъ и стыдомъ принялъ рапортъ отъ Ферзена.

Послѣ такого героя, отцу моему уже не стыдно было представить новый полкъ свой на смотръ г. Малютину. Мнѣ въ первый разъ случилось тутъ увидѣть покойнаго отца передъ фронтомъ. Я не могъ имъ налюбоваться. Ему было тогда около шестидесяти лѣтъ, но всѣмъ кто тутъ былъ показался онъ двадцатью годами моложе. Самъ Малютинъ удостоилъ его величайшихъ похвалъ.

Мимоходомъ сказалъ я нѣсколько словъ о графѣ Ферзенѣ. Я никакъ не могу симъ ограничиться; ибо сей человекъ, коего именованъ украшаются наши военныя лѣтописи, былъ частымъ посѣтителемъ нашего дома, и мнѣ не рѣдко удавалось слышать любопытный его разговоръ. Онъ былъ тѣлеснаго, роста небольшого, имѣлъ носъ длинный, щеки впалыя, лицо блѣдное; голосъ его былъ тихъ, и наружность всегда спокойна, даже тогда какъ говорилъ онъ съ жаромъ; только одни глаза его разгорались огнемъ ума и чувства. Воинъ Екатерины, онъ, подобно ей, всѣми силами пламенной души своей, прилѣпился къ нашему великому отечеству и служилъ ему не какъ наемникъ, а какъ преданнѣйшій сынъ. Германія сдѣлалась ему вовсе чуждою; несправедливость ея сыновъ противъ народа, его благороднымъ сердцемъ избраннаго, противъ земли, подательницы побѣдъ и славы, его жестоко оскорбляла. Когда соотечественники его сдѣлались образцами для нашего войска, онъ не скрывалъ намѣренія оставить службу, прибавляя, что если возгорится у насъ война съ Пруссіей, либо съ Австріей, то онъ опять готовъ вступить въ нее, хотя бы простымъ рядовымъ.

Домашнія несогласія давно разлучили его съ женой, и единственнаго сына своего онъ видѣлъ только въ колыбели. Этотъ сынъ, молодой мальчикъ, вызванный имъ изъ Лифляндіи, къ горю его, пріѣхалъ въ Кіевъ. «Посудите», говорилъ Ферзенъ отцу моему, «каково мнѣ глядѣть на него? И глупъ, и ни слова не знаетъ по-русски». А между тѣмъ ни одинъ портретъ, ни одна статуя ни могли быть такъ схожи съ подлинникомъ какъ отецъ съ сыномъ: послѣдній былъ совершенно старикъ Ферзенъ, помолодѣвшій и не одушевленный.

Примѣчательно, что при Екатеринѣ всѣ Нѣмцы, служившіе въ нашей арміи, дѣлались наконецъ Русскими. Взаимная ихъ ненависть съ нами, возбужденная при Аннѣ Іоанновнѣ, не совсѣмъ потухла еще при Елисаветѣ Петровнѣ и на минуту опять было пробудилась при Петрѣ III, но искусствомъ Екатерины совершенно погашена. При ней одинъ Нѣмецкій генераль обрекъъ себя на вѣрную гибель, чтобы цѣною ея купить для Россіи побѣду, которую онъ не долженъ былъ раздѣлять: Вейсманъ былъ Русскимъ Леонидомъ, какъ образовавшійся при ней Барклай былъ послѣ Русскимъ Эпаминондомъ. Нельзя винить Нѣмцевъ, если въ послѣдующія царствованія они начали отдѣляться отъ насъ, составлять между собою какое-то братство и обратились наконецъ въ *status in statu*. Безпрестанно оказываемое предпочтеніе Ливонскому дворянству передъ кореными жителями Россіи должно было возгордить его и озлобить послѣднихъ. Веселая безопасность Русская мститъ покамѣстъ Нѣмцамъ одними эпитафиями, точно такъ какъ протцы наши злились тайкомъ и подтрунивали надъ Татарами. Если ничто не перемѣнится, то рано или поздно должно ожидать ужасныхъ послѣдствій для нихъ или для насъ; лучше бы, кажется, примиреніемъ стараться предупредить ихъ.

Мнѣ необходимо говорить теперь о вельможѣ, въ 1797 году начальствовавшемъ въ Кіевѣ. Его пребываніе въ семъ городѣ имѣло большое вліяніе на судьбу нѣкоторыхъ членовъ моего семейства и на мою собственную. Въ предыдущей главѣ, кажется, упомянулъ уже я о графѣ Иванѣ Петровичѣ Салтыковѣ. Въ немъ можно было видѣть типъ стариннаго барства, но уже привыкшаго къ Европейскому образу жизни; онъ любилъ жить не столько прихотливо какъ широко, имѣлъ многочисленную, но хорошо одѣтую прислугу, дорогіе экипажи, красивыхъ лошадей, блестящую сбрую; если не всякій, то по крайней мѣрѣ весьма многіе имѣли право ежедневно садиться за его обильный и вкусный столъ. Въ обхожденіи его, весьма простомъ, былъ всегда замѣтенъ навыкъ первенства и начальства; вообще онъ былъ ума не высокаго, однакоже не безъ способностей и сметливости; онъ не чуждъ былъ даже хитрости, но она въ немъ такъ перемѣшана была съ добродушіемъ, что его же за то хвалили. Какъ воинъ, онъ болѣе былъ извѣстенъ храбростію, чѣмъ искусствомъ.

Семейство его находилось въ Петербургѣ. Кто въ званіи генераль-губернатора не любитъ одиночества, тотъ чувствовать его не будетъ: къ графу Салтыкову каждый вечеръ собирались на бостонъ, иногда даже и дамы. Но для перемѣны любилъ онъ разъ или два въ недѣлю проводить вечера у насъ, и обыкновенно въ сопровожденіи Алексѣева, любимѣйшаго изъ своихъ адъютантовъ.

Необыкновенная привязанность графа Ивана Петровича къ это м молодому челоѣку, носящему прозваніе, которое могъ всякій принять, и котораго, сверхъ того, звали еще Ильей Ивановичемъ, заставляла думать, что онъ его побочный сынъ. Но онъ былъ просто небогатый дворянинъ Московской губерніи, рано лишившійся отца, и по симъ двумъ причинамъ не получивъ никакого образованія, еще въ дѣтствѣ былъ отданъ въ военную службу. Графъ Салтыковъ, который прежде командовалъ конною гвардіей, увидѣлъ у себя на ординарцахъ хорошенькаго, живаго, проворнаго мальчишка, у котораго любовь и усердіе въ начальству и службѣ были написаны на лицѣ, велѣлъ чаще его наряжать, полюбилъ его и наконецъ оставилъ при себѣ.

У этого Алексѣева была самая счастливая физіономія, самый счастливый характеръ; я не зналъ почти людей, которые бы его не любили и ни одного, котораго бы онъ не любилъ. Апатія равнодушныхъ людей спасаетъ ихъ отъ враговъ, они обыкновенно ихъ не имѣютъ, но за то не имѣютъ и друзей; Алексѣевъ же былъ исполненъ огня и былъ веселый другъ вселенной. Случалось, иногда онъ вскипнеть, но тотчасъ же и простынетъ; съ нимъ бывали часто минуты гнѣва, но часовъ досады онъ не знавалъ. Его филантропія не была дѣйствиємъ разсудка, слѣдствіємъ правилъ (гдѣ было ему взять ихъ?), но горячее, врожденное сердечное чувство, коего притягательная сила дѣйствовала на все его окружавшее. Это былъ геній доброты. Что дѣлать, если другаго генія въ немъ было?

Умному отцу моему и умной сестрѣ Натальѣ съ самаго начала полюбилось въ немъ что-то такое, что лучше богатства, ума и знатности: прекрасная душа въ стройномъ тѣлѣ, которая отражалась на свѣжемъ какъ утро, румяномъ, красивомъ лицѣ. Онъ влюбился въ сестру мою и, видно, очень страстно, потому что обыкновенно-смѣлый, онъ сдѣлался робокъ и долго не рѣшался открыться. Дочери знаютъ только что любить; а матери, забывая, что сами тоже дѣлали, гордясь красотою и достоинствами дочерей, болѣе чѣмъ цѣнили собственные, всегда бываютъ разборчивы. Наша мать, которая въ цѣлой Россіи не видѣла столь завиднаго жениха, котораго бы, по ея мнѣнію, любимая дочь ея не была достойна, разумѣется, обидѣлась предложеніемъ двадцати-пяти-лѣтняго адъютанта, майора, у котораго всего только было 40 душъ. Но всѣ его любили, всѣ были въ заговорѣ противъ нея; самъ старый фельдмаршалъ принялся сватать; какъ челоѣкъ придворный, не поскупился на убѣжденія, на обѣщанія, и она почти противъ воли принуждена была, наконецъ, дать свое согласіе.

Въ нашемъ семействѣ было одно маленькое существо, которому бракъ сей не нравился еще болѣе чѣмъ матери моей: это былъ я.

Свободное обхожденіе съ сестрой моей мушины, который наканунѣ еще былъ намъ постороннимъ, мнѣ казалось верхомъ неблагопристойности, которая должна была стыдомъ покрыть сестру и всѣхъ ея родныхъ. Я сказалъ уже, что любилъ ее, и въ тайной досадѣ моей было много ревности. Мнѣ трудно было привыкнуть къ мысли, что она перестанетъ носить одно со мною фамильное имя.

Не прошло мѣсяца послѣ сговора, который былъ 14-го Октября 1797 года, какъ графъ Салтыковъ получилъ извѣстіе, что онъ переведенъ военнымъ губернаторомъ въ Москву. Сіе извѣстіе, возвѣщающее отцу моему разлуку съ дочерью, его опечалило, но матери моей подало надежду, что скорый отъѣздъ Алексѣева, а потомъ продолжительное отсутствіе, отдалять не совсѣмъ пріятный для нея бракъ, а можетъ-быть и не дадутъ ему состояться. Напрасно: графъ Салтыковъ, который тогда пользовался особою довѣренностію царя и вслѣдствіе ея большими правами, уѣзжая объявилъ, что онъ адъютанта своего оставляетъ въ Кіевѣ на неопредѣленное время.

Итакъ двойное горе: надобно было приготовляться въ одно время и къ свадьбѣ, и къ разлукѣ. Среди сихъ приготовленій, отцу моему пришло на мысль отправить меня съ зятемъ и сестрой, коей попеченіямъ, несмотря на ея молодость, можно было поручить меня съ полною довѣренностію. Около года у меня не было учителя: послѣ отъѣзда г. Мута, старались безуспѣшно пріискать кого-нибудь на его мѣсто, и я жилъ въ праздности, пагубной для столь нѣжнаго возраста. У меня была особливая комната, и при мнѣ находились изъ крѣпостныхъ людей пьяный дядька Быковъ для присмотра за мною, и шаловливый мальчигъ для прислуги. Первый обыкновенно напивался тайкомъ, только не отъ меня; а я старался скрывать его пороки, сколько изъ состраданія къ нему, столько изъ опасенія, что заступившій его мѣсто будетъ мнѣ менѣе потворствовать; наконецъ, однакоже, его наказали и прогнали.

Къ счастію, я страстно любилъ читать, и мнѣ открыта была маленькая бібліотека отца моего, вся состоявшая изъ Нѣмецкихъ книгъ; я зналъ хорошо по-нѣмецки и нѣкоторыя изъ нихъ по нѣскольку разъ перечитывалъ. Болѣе всего любилъ я путешествія, исторію и географію, описанія земель и происшествій; Шрёкка и Бюшинга зналъ я почти наизусть, также и басни Геллерта, хотя не любилъ тогда поэзію; но за то какой же Геллертъ поэтъ?—Въ такомъ положеніи мнѣ оставаться было невозможно; что бы изъ меня вышло? Дѣло рѣшено, чтобы воспользоваться удобнымъ случаемъ и везти меня доучиваться въ Москву.

Послѣ отъѣзда графа Салтыкова, отецъ мой около мѣсяца исправлялъ должность военнаго губернатора, до прибытія вновь назначеннаго въ сію должность генерала Розенберга. Когда новый начальникъ пріѣдетъ въ провинцію, то первое дѣло ея жителей сравнивать его съ предмѣстникомъ: по склонности людей къ переменѣ, сравненія сіи бывають рѣдко въ пользу оставляющаго мѣсто. Сіе, однакоже, случилось въ Кіевѣ, когда увидѣли Розенберга. Какой контрастъ! Старый Нѣмецъ, который столицу видѣлъ только въ первой молодости, который болѣе двадцати лѣтъ жилъ въ забытіи и чѣмъ-то командовалъ, то на Кавказѣ, то въ Крыму, человекъ весьма небогатый, а еще болѣе разчетливый, чтобы не сказать скупой, невзначай, какъ часто бывало въ то время, попалъ по старшинству на мѣсто знатнаго Русскаго барина, жившаго пышно, всѣмъ милостиво улыбавагося. Розенбергъ никогда не улыбался, а былъ однакоже, вечельчакъ, то что Нѣмцы называютъ «брудеръ люстихъ», и безпрестанно любилъ пошучивать; но извѣстно, что веселость Нѣмца всегда тяжела и несообщительна и веселить его только самого. То ли дѣло Французы!

Этотъ г. Розенбергъ былъ великій чудакъ; онъ никогда не хотѣлъ жениться, а до того любилъ женскій полъ, что дѣвки у него подавали чай и даже, говорятъ, служили за столомъ, что, впрочемъ, въ Кіевѣ бывало не часто; ибо признавъ отца моего за земляка, онъ въ домѣ у насъ почти поселился и всякій день обѣдалъ. Онъ у себя дома не выпускалъ трубки изо рта, а какъ при дамахъ тогда вѣжливость дѣлать сего не позволяла, то отъ насъ, кажется, ѣздилъ онъ домой только покурить. Въ царскіе дни, всѣ обѣдненные столы, долженъ былъ, какъ говорилось тогда, справлять отецъ мой, любезный ландманъ (землякъ): это было гораздо экономнѣе для г. Розенберга. Когда насъ съ сестрой уже не было въ Кіевѣ, пріѣхали туда принцъ Конде съ герцогомъ Ангіенскимъ и со всѣмъ своимъ главнымъ штабомъ и прожили тамъ три дня; показывая отвращеніе отъ Французовъ и извиняясь незнаніемъ Французскаго языка, Розенбергъ предоставилъ отцу моему заниматься ими и ихъ угощать *).

Приближались для меня дни радости и дни печали: первое путешествіе и первая разлука съ семействомъ. Что касается до свадьбы сестры моей, то я съ чувствомъ дѣтскаго удовольствія приготовлялся держать надъ нею вѣнецъ, такъ какъ старшій братъ мой назначенъ былъ въ шаферы къ жениху. Но и въ семъ утѣшеніи мнѣ было отка-

*) Странная была участь генерала Розенберга. До шестидесяти пяти лѣтъ, никогда не оставляя военной службы, онъ не видалъ войны. Въ первый разъ увидѣлъ онъ неприятельскій огонь въ Италіанскую компанію 1799 года; хладнокровнымъ мужествомъ и знаніемъ военнаго дѣла заставилъ онъ Суворова жалѣть, что не ранѣе былъ употребленъ

зано: на бѣду мою, въ самый день свадьбы пріѣхалъ средній братъ изъ Петербурга, куда онъ отъ полку былъ посланъ для наученія кавалерійской службѣ. Итакъ я долженъ былъ удовольствоваться послѣднею ролью, то-есть нести только образъ.

Кстати о братьяхъ: я было и позабылъ сказать, что въ послѣдніе мѣсяцы царствованія Екатерины, за какіе то подвиги при усмиреніи какихъ-то мятежниковъ въ западныхъ губерніяхъ, произвели ихъ въ майоры, тогда какъ у старшаго еще не было и пуху на подбородкѣ. Такъ какъ при Павлѣ нельзя было часто отлучаться отъ полку, а родители наши желали имѣть при себѣ котораго нибудь изъ сыновей, то и выпросили они, чтобы старшаго, любимѣйшаго, будто бы по неспособности къ кавалеріи, перевели въ пѣхоту, изъ Нѣжинскаго карабинернаго (тогда уже кирасирскаго) въ Кіевскій гренадерскій полкъ, который тогда квартировалъ въ самомъ Кіевѣ.

Свадѣбу сыграли мы 20-го Января 1798 года, а въ путь отправились 16-го Февраля. Въ слѣдующей главѣ вступаю я въ новый міръ и повлеку въ него за собою читателя, если онъ не остановится, наскучивъ мелочными моими разсказами.

ХІІІ.

Есть чувствованія, которыя не только другимъ, но и самому себѣ объяснить весьма трудно. Первый разъ въ жизни покидалъ я все родное, все мнѣ любезное, священный Кіевъ и благословенное семейство, въ которомъ я родился. Какъ будто нарочно, все сдѣлалось передъ отъѣздомъ ко мнѣ ласковѣе, самъ отецъ мой мнѣ началъ улыбаться; даже дворовые люди наши и женщины находили сказать мнѣ что-нибудь необыкновенно-нѣжное. Безпрестанно былъ я въ горестномъ волненіи, и слезы нерѣдко наворачивались на глазахъ моихъ, но въ то же время сердце было наполнено неописаннымъ восторгомъ. Какъ часто изъ окошекъ своихъ, любопытнымъ, жаднымъ взоромъ глядѣлъ я на Заднѣпровье, на этотъ густой, темный боръ, для меня зановѣдной, какъ будто заколдованный, который сколько разъ уже то зеленѣлъ, то чернѣлъ въ глазахъ моихъ. Никогда еще не ступалъ я въ него ногой; теперь проникну въ глубину его; что я говорю? Онъ только занавѣсь, скрывающая отъ меня незнакомый мнѣ міръ: его увижу я, его узнаю. Голова моя была полна слышанными разсказами про Москову бѣлокаменную, про ея обширность, ея велелѣпіе, ея сорокъ-сороковъ церквей. Въ семъ расположеніи духа, съ печалію и радостію вмѣстѣ, выѣхалъ я изъ Кіева.

Въ трехъ кибиткахъ быстро мчались мы по снѣжной дорогѣ. Единообразіе зимняго пути меня скоро утомило. Февральское солнце, которое въ Малороссіи грѣетъ сильнѣе и свѣтитъ ярче, чѣмъ на Сѣверѣ, и снѣгъ, который отъ него блисталъ и таялъ, днемъ еще кое-какъ развеселяли мои мысли; но какъ пришла ночь, я почувствовалъ тоску необычайную. Даромъ что я былъ съ сестрой и зятемъ, и что старшій братъ провожалъ насъ до перваго маленькаго города Козельца, мнѣ вдругъ показалось, что я совсѣмъ осиротѣлъ: сидя одинъ въ кибиткѣ, въ потьмахъ, я не могъ заснуть и заливался слезами. Такъ прошелъ первый день; слѣдующіе были не забавнѣе.

Мнѣ стало еще грустнѣе, когда, въѣхавъ въ Орловскую губернію, въ первый разъ увидѣлъ я себя въ черной закопченной избѣ, куда спаслись мы отъ мятели и гдѣ долженъ былъ я ночевать между телятами и поросятами: изнѣженному мальчику, каковымъ былъ я тогда, это показалось верхомъ злополучія.

Въ то время между Малороссійскими деревнями и мѣстечками и Малороссійскими городами не было замѣтно почти никакой разницы. Въ тѣхъ и въ другихъ встрѣчались, почти одинаковой величины, чистенькія мазанки, съ чистыми окнами, которыя ежемѣсячно бѣллись свнутри и снаружи. Всѣ онѣ между собою, равно какъ и отъ улицы, отдѣлялись садиками, коихъ высокія деревья осѣняли ихъ кровли, что нѣкоторымъ изъ деревень давало видъ пріятныхъ родей, въ коихъ бѣлѣлись разбѣянные сельскіе домики. Все показывало, что тутъ живетъ народъ, который столь же мало знакомъ съ роскошью, какъ и съ нищетой; общество, коего члены были всѣ равны между собою и отличались однѣми заслугами, оказанными войску, и почестями, личною храбростію или личными достоинствами пріобрѣтенными. И потому-то образъ жизни помѣщиковъ столь же мало разнился тогда отъ быта крестьянскаго, какъ видъ городовъ отъ наружности селеній.

Но коль скоро переѣдешь за Глуховъ, картина совсѣмъ перемѣняется: бѣдность и нечистота деревенскихъ хижинъ, особенно же въ господскихъ имѣніяхъ, поражаетъ своею противоположностью съ прочностію строеній городскихъ. Когда увидѣлъ я первыя Великороссійскія деревни, то полагалъ, что города немного развѣ лучше, и оттого не весьма красивый Сѣвскъ изумилъ меня своими каменными палатами. Вслѣдъ за тѣмъ Орелъ и, наконецъ, Тула показали мнѣ столицами.

Москва произвела на меня то дѣйствіе, которое обыкновенно производятъ большія столицы на провинціаловъ, никогда ихъ не видавшихъ, старыхъ ли или малыхъ: я былъ еще болѣе оглушенъ ея шумомъ, чѣмъ удивленъ огромностію ея зданій. По набожности сестры моей, мы отъ заставы отправились прямо къ Воскресенскимъ воро-

тамъ помолиться Иверской Богоматери; вокругъ часовни, гдѣ поставленъ ея образъ, въ двухъ узкихъ отверстіяхъ, ведущихъ къ Кремлю, безпрестанно кипить народъ, ломаются экипажи. Во время молебна мнѣ все казалось, что подлѣ насъ идутъ на приступъ.

Квартира, которую дали зятю моему въ казенномъ домѣ, называемомъ Тверскимъ, или Чернышовскимъ, или домомъ главнокомандующаго, была просторна, довольно красива, а мнѣ показалась даже великолѣпна. Мы занимали комнату двѣнадцать въ одномъ изъ загнутыхъ флигелей внутри двора сказаннаго дома. Изъ окошекъ были видны только высокія палаты, въ коихъ жилъ начальникъ Москвы и зятя моего и предъ коимъ нашъ флигель казался на колѣняхъ, да еще не весьма обширный дворъ, съ утра до вечера наполненный каретами, въ коихъ пріѣзжали не къ намъ съ посѣщеніями, а съ поклоненіемъ къ фельдмаршалу и женѣ его.

Сестрѣ моей нужно было нѣсколько дней, чтобъ обмундироваться по модѣ и приготовиться предстать предъ графиней Салтыковой, коей надменностію всѣхъ пугали. Обрядъ сей совершился не совсѣмъ къ ея удовольствію. Потомъ пустилась она развозить рекомендательныя письма, данныя ей отъ родителей, и имѣла причины быть болѣе довольна сдѣланными ей приемами. Двѣ статсъ-дамы, фельдмаршалша графиня Каменская и княгиня Долгорукова, жена князя Юрія Владимировича, предмѣстника графа Салтыкова, не замедлили сами сдѣлать ей визиты и осыпали ласками робкую провинціалку. Обѣ бывали въ Кіевѣ и были очень знакомы съ нашею матерью; первая же одинъ разъ провела въ немъ цѣлое лѣто. Другія дамы, менѣе знатныя, оказали пріѣзжей еще болѣе вѣжливости; но графиня Салтыкова не обратила ни малѣйшаго вниманія на бѣдную сестру мою, никогда къ себѣ не приглашала, дозволяя развѣ только по временамъ къ себѣ являться. Это было совсѣмъ необходимо, это было даже безчеловѣчно въ отношеніи къ молодой женщинѣ, которая, по тогдашнимъ понятіямъ, находилась, такъ сказать, при дворѣ ея сіятельства.

Сія графиня, Дарья Петровна Салтыкова, была между тѣмъ женщина чрезвычайно умная и отмѣнно добродушная. Наружности своей, отъ природы суровой, старалась она, по примѣру Екатерины, придать нѣкоторую величественность и тѣмъ пугала не коротко ее знавшихъ. Она была, дѣйствительно, самой строгой добродѣтели; примѣромъ и наставленіями старалась внушить она ее дочерямъ, но была, можетъ быть, слишкомъ снисходительна къ единственному сыну и вообще въ постороннихъ расположена была видѣть одну только хорошую сторону. Будучи дочерью графа Чернышова, болѣе двадцати лѣтъ Русскаго посла въ Лондонъ и Парижъ, она всю первую

молодость провела за границей и оттого не совсѣмъ свободно объяснялась по-русски, тогда какъ Французскій языкъ не былъ еще въ столь общемъ употребленіи, какъ нынѣ. Сіе затрудненіе дѣлало ее часто молчаливою съ другими женщинами; но за то она строго соблюдала всѣ формы вѣжливости, всѣмъ безъ изъятія платила визиты, и у себя была внимательною къ каждому, никого не оставляя безъ того, чтобы не сказать нѣсколько словъ.

Отчего же столь почтенная женщина показывала болѣе чѣмъ холодность существу, ничѣмъ ее не оскорбившему, существу, которое имѣло даже нужду въ ея покровительствѣ? Это надобно объяснить. Графиня Салтыкова была превыше мужа своего столько же умомъ, сколько нравственностью; частыя его невѣрности, несмотря на преклонныя лѣта, не могли отъ нея совершенно укрыться; она никогда не унизилась до ревности, но съ отвращеніемъ смотрѣла на невоздержность супруга. У нея въ домѣ находилась тогда одна Француженка, *madame Laurent*, ловкая, хитрая, довольно пригожая и не старая, въ качествѣ болѣе собесѣдницы чѣмъ гувернантки при взрослыхъ ея дочеряхъ; сверхъ того имѣла она особую, секретную должность при самомъ графѣ Салтыковѣ: она умѣла пользоваться въ одно время довѣренностію жены и нѣжностію мужа. Преувеличенныя похвалы графа Салтыкова красотѣ невѣсты любимаго имъ адъютанта возбудили мерзкія подозрѣнія въ душѣ Француженки; она посмѣшила сообщить ихъ обманутой графинѣ еще прежде нашего пріѣзда.

Опасенія госпожи Лоранъ должны были исчезнуть, коль скоро она только увидѣла сестру мою; порокъ узнаётъ тотчасъ добродѣтель по тайному стыду, который она въ немъ производитъ; но она не вдругъ еще успокоилась. Графъ Салтыковъ поступилъ въ семь случаевъ благоразумно и деликатно: онъ только одинъ разъ, по пріѣздѣ ихъ, навѣститъ молодыхъ супруговъ. Можно легко себѣ представить весь ужасъ положенія несчастной тогда сестры моей. Дотоли уважаемая, любимая и достойная того и другаго, она вдругъ встрѣчаетъ забвеніе всякаго приличія въ обхожденіи съ нею жены начальника своего мужа и осуждена жить съ нею въ одномъ домѣ. Она не вдругъ могла постигнуть, отчего это происходитъ; но когда, по инстинкту, коимъ женщины одарены, она вникнула въ причины явнаго презрѣнія, ей оказываемаго, то содрогнулась отъ негодованія. Она, которая почиталась въ Кіевѣ цвѣтомъ непорочности, въ первые дни, въ первыя минуты счастливаго нѣжнѣйшаго союза, подозрѣвается въ пзмѣнѣ, и въ какой же пзмѣнѣ? Осмѣливаются считать ее наложницею старика изъ подлыхъ видовъ корыстолюбія. Сей первый, тяжелый крестъ, посланный ей въ жизни, понесла она съ терпѣніемъ, призвавъ на по-

мощь вѣру и чувство собственнаго достоинства. На чужой сторонущкѣ, съ кѣмъ было залетной пташечкѣ раздѣлить жестокую скорбь свою? Кому ее повѣрить? Людямъ ли, едва знакомымъ, или мужу, который въ обѣихъ супругахъ видѣлъ свое провидѣніе, но, не смотря на то, въ изступленіи обиженнаго самолюбія, готовъ бы былъ погубить себя дерзостію противъ нихъ? Или малолѣтнему брату, которому неприлично и опасно было довѣрять такого рода тайны? Но я часто заставлялъ ее въ слезахъ передъ иконами; я одинъ былъ свидѣтелемъ ея печали, которую болѣе всего старалась она скрывать отъ мужа, и я почти угадалъ ея тайну.

Впрочемъ, безразсудныя подозрѣнія не выходили изъ тѣснаго круга, въ которомъ родились, и не долго существовали. Прошелъ мѣсяць или два, и графиня Салтыкова приглашеніями, привѣтами старалась заставить забыть свою первую несправедливость; но оскорбленная сестра моя осталась непреклонна и долго еще чуждалась ея высокаго общества. Для мужа все это было непонятно; онъ дивился своеюравію жены, но не смѣлъ ее упрекать въ томъ.

Мы жили почти въ совершенномъ уединеніи: сестра рѣдко дѣлала и принимала визиты. Шумъ и блескъ были вокругъ стѣнъ нашихъ, а внутри царствовали тишина и молчаніе. Я начиналъ сравнивать настоящее положеніе наше съ прошедшимъ... Тяжело вздохнулъ я; мнѣ казалось, что наша доля самая низкая въ мірѣ. Моральная болѣзнь, врожденная, хотя и не наслѣдственная, которую ни религія, ни разсудокъ, ни опытъ доселѣ совершенно излѣчить не могли, жестокое самолюбіе, источникъ немногихъ для меня наслажденій и безчисленныхъ страданій въ жизни, сія болѣзнь въ первый разъ открылась во мнѣ съ нѣкоторою силою; тогда-то заронились мнѣ въ сердце первыя сѣмяна отвращенія отъ аристократіи, впоследствии столь постоянно развивавшіяся.

Въ Кіевѣ мечталъ я о Москвѣ; въ Москвѣ только и думалъ что о Кіевѣ. Но безъ насъ все уже тамъ перемѣнилось. Въ Мартѣ мѣсяцѣ генераль Розенбергъ переведенъ военнымъ губернаторомъ въ Смоленскъ, а на его мѣсто назначенъ графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ. Сей послѣдній не успѣлъ еще съ Кавказа пріѣхать въ Кіевъ, какъ его перевели въ Каменецъ-Подольскъ, а на его мѣсто назначили... кто бы могъ ожидать? того самаго князя Дашкова, который жилъ въ Кіевѣ брошенный всѣми. Онъ находился шефомъ какого-то полка, былъ за чѣмъ-то вызванъ въ Петербургъ и тамъ до того полюбился императору, что вдругъ получилъ ленту, чинъ генераль-лейтенанта и мѣсто Кіевскаго военнаго губернатора. Трудно объяснить, что побудило кн. Дашкова говорить царю объ отцѣ моемъ? Чувство ли великодушное

или желаніе мести? Мнѣ пріятно думать, что онъ надѣялся доставить ему новое, высшее назначеніе. Онъ съ видомъ откровенности сказалъ, что ему совѣстно сдѣлаться начальникомъ заслуженнаго человѣка, который старѣе его въ чинѣ и гораздо старѣе лѣтами. Павелъ Первый не задумался, онъ церемониться не любилъ: вдругъ приказалъ безъ всякой другой причины отца моего отставить отъ службы. Лишить почетнаго, выгоднаго мѣста человѣка, который десять лѣтъ занималъ его съ честію, который въ глазахъ его ничѣмъ не провинился и даже былъ ему угоденъ, ему казалось дѣломъ самымъ обыкновеннымъ, никакая несправедливость его не утрашала: помазанникъ Божій, онъ твердо вѣровалъ въ свою непогрѣшимость; во всѣхъ жестокихъ проказахъ своихъ видѣлъ онъ волю небесъ.

Будучи въ отставкѣ, не имѣя болѣе средствъ жить въ прежнемъ изобиліи, отецъ мой желалъ оставить Кіевъ, куда личный его непріятель прибылъ начальникомъ, и отправиться въ Пензу, которую онъ любилъ и куда призывали его хозяйственныя дѣла. Къ несчастію, въ послѣдній годъ своей службы, онъ увлекся страстію къ строеніямъ и затѣялъ огромный домъ, который надѣялся или выгодно отдавать внаймы или съ прибылью продать: ему необходимо было его окончить. Князь же Дашковъ, втайнѣ торжествуя, желалъ явить умѣренность, первый посѣтилъ отца моего, и потомъ при всякой встрѣчѣ показывалъ видъ, будто ему вездѣ уступаетъ мѣсто.

Въ Москвѣ жилъ я, между тѣмъ, въ совершенной праздности и скукѣ, не имѣлъ знакомыхъ, не имѣлъ книгъ и нетерпѣливо ожидалъ минуты, когда отдадутъ меня въ какое-нибудь учебное заведеніе. Но зять мой, по своему пекшійся о моемъ благѣ, полагалъ, что для меня будетъ величайшая честь воспитываться вмѣстѣ съ молодымъ графомъ, сыномъ его начальника: у него шли о томъ негоціаціи, и отъ того медлили рѣшить мою участь. Я зналъ о его намѣреніи и трепеталъ отъ ужаса сдѣлаться наперникомъ Московскаго дофина. Въ Кіевѣ естественнымъ образомъ бралъ я верхъ надъ своими маленькими товарищами, въ Москвѣ я ожидать сего не смѣлъ; но все-таки не хотѣлось же находиться въ свитѣ сына, какъ зять мой былъ при особѣ отца *). Въ одномъ равенствѣ видѣлъ я свое спасеніе.

Моего мнѣнія не спрашивали, и дѣло было почти положено. Въ одинъ вечеръ пригласили меня, то-есть призвали, къ знатному моему ровеснику. Я чувствовалъ, что иду на смотръ: Московское житъе сдѣлало меня робкимъ, застѣпчивымъ; но отчаяніе дало мнѣ силы, и я

*) Кажется, съ этихъ поръ началъ я вездѣ, и особенно въ службѣ, ненавидѣть слово *при* и *у* и всегда предпочитать имъ частицу *съ*.

вооружился невѣдомою мнѣ дотолѣ наглостію. Я нашелъ графчика одного; я ожидалъ найти въ немъ спѣсь, но онъ мнѣ показался въ смущеніи, въ замѣшательствѣ. Притворная смѣлость моя его ободрила, мы начали говорить вздоръ и, какъ водится между мальчиками, черезъ нѣсколько минутъ коротко познакомились. Я уже умягчался душой, какъ вдругъ показались мои судьи, сперва мусью Моринѡ, наставникъ графа, за нимъ г. Лоранъ, воспитатель его, и, наконецъ, сама г-жа Лоранъ, супруга послѣдняго. Она была вся разряжена и, благосклонно улыбаясь, сказала мнѣ: «*bon jour, mon petit*»; не имѣя понятія о ея интригахъ, не знаю самъ отъ чего, я весь вспыхнулъ и готовъ былъ въ нее вцѣпиться. Съ трехъ сторонъ посыпались на меня вопросы. Я прескверно говорилъ по-французски; тутъ нарочно я коверкалъ языкъ, вралъ и дурачился. Плеча пожимались, уста насмѣшливо улыбались, и все мнѣ показывало, что я успѣлъ въ своемъ намѣреніи. Можетъ быть, я и напрасно приписываю себѣ успѣхъ въ семъ дѣлѣ; я не имѣлъ довольно ума и искусства, чтобы прикидываться глупымъ; можетъ быть я показался бы имъ неуклюжимъ и безъ всякихъ усилій; но какъ бы то ни было, я торжествовалъ, чувствуя, что мнѣ не выбрали затылокъ.

Послѣ того я съ сыномъ графа Салтыкова встрѣчался только изрѣдка въ манежѣ отца его, куда ходилъ я учиться верховой ѣздѣ. Онъ всегда ласково протягивалъ мнѣ руку, говоря съ сожалѣніемъ о невозможности намъ часто видѣться. Онъ былъ преблагородный, предобрый малый, не имѣлъ понятія о спѣси, но къ сожалѣнію и ни о чемъ не имѣлъ понятія. Единственный наслѣдникъ большаго состоянія и знатнаго имени, природою не обиженный, онъ достоинъ былъ лучшаго воспитанія. Лораны были просто интриганы и пройдохи, которые мало заботились о своемъ воспитанникѣ, но имѣли по крайней мѣрѣ свѣтское образованіе; поклонникъ же ихъ Моринѡ, какъ узналъ я послѣ, былъ пошлый дуракъ, совершенный невѣжда и въ обращеніи настоящій мужикъ. Въ то время стоило лишь быть Французомъ, чтобы заслужить довѣренность знатныхъ родителей.

Я сказалъ выше, что у меня въ Москвѣ не было знакомыхъ, забывъ, что одному нечаянному случаю былъ я обязанъ весьма пріятнымъ знакомствомъ. Мы жили въ приходѣ Косьмы и Даміана, куда по воскресеньямъ и по праздникамъ ходилъ я слушать обѣдню; однажды я замѣтилъ группу женщинъ, откуда смотрѣли на меня съ Московскимъ любопытствомъ, которое тогда было гораздо сильнѣе и выразительнѣе, чѣмъ нынѣ. По окончаніи богослуженія, одна изъ сихъ женщинъ, постарѣе другихъ, отдѣлилась отъ группы, подошла ко мнѣ и спросила: «чей ты, голубчикъ?» Я покраснѣлъ отъ сего вопроса, который мнѣ показался обиднымъ, однакоже назвалъ. За отвѣтомъ моимъ

послѣдовало громкое восклицаніе: «ахъ, Боже мой, какъ я рада; да какъ миль, какъ хорошь!» Потомъ пожилая дама потребовала, чтобъ я слѣдовалъ за нею, прибавляя, что она живетъ въ двухъ шагахъ; я отговаривался тѣмъ, что не смѣю ни къ кому ходить безъ позволенія сестры. «Пустое, пустое, батюшка», сказала она, «мы ведемъ тебя не въ худое какое мѣсто; пошлемъ слугу твоего сказать сестрицѣ, что ты у насъ, и она успокоится». Взглянулъ я на нихъ: старыя показались мнѣ такъ добры, молодыя такъ милы, что я пересталъ отговариваться. По узкому переулку пришли мы къ калиткѣ, чрезъ нее вошли въ садъ; потомъ пройдя дворъ, я очутился въ барскихъ, разукрашенныхъ хоромахъ *).

Надобно, однакоже, объяснить причины столь внезапнаго знакомства. Почти за годъ до того, въ Іюльскій палящій зной, у насъ кто-то смотрѣлъ въ окошко и указалъ матери моей старую, дряхлую женщину, которую два дюжихъ лакея болѣе тащатъ, чѣмъ ведутъ подъ руки, а за нею толпу женщинъ въ дорожномъ платьѣ. Изнеможеніе, страданія были на лицѣ старушки; мать моя послала предложить ей карету и просить ее покамѣсть къ себѣ отдохнуть, что приняла она съ благодарностію. Это вышла одна почетная дама, Авдотья Ивановна Талызина, пріѣхавшая на богомолье; у нея что-то изломалось, да и лошади рѣшительно отказались взвезти тяжелый экипажъ ея на крутую, сыпучую, Печерскую гору. Ее успокоили, угостили и не прежде отпустили, пока не пріискали хорошей квартиры. Она была чрезвычайно тронута гостепрѣимствомъ незнакомыхъ ей людей и потомъ, хотя имѣла намѣреніе посѣщать одни только монастыри и церкви, пріѣзжала и къ намъ, увѣряя, что въ назидательно-веселой бесѣдѣ матери моей находитъ столько же услажденій, какъ и въ молитвѣ.

Съ нею была одна родственница, Александра Николаевна Полтева, зрѣлая дѣва, которая, оплакивая потерю жениха, рѣшилась посвятить себя иноческой жизни въ Кіево-Флоровскомъ монастырѣ: благое намѣреніе, которое сохранила она всю жизнь свою, не приводя его въ исполненіе. Возвращаясь въ Москву, г-жа Талызина поручила ее утѣшеніямъ и попеченіямъ моей матери. Ея-то старшая сестра Анна Николаевна Полтева замѣтила меня въ храмѣ и, узнавъ фамильное имя мое, увлекла съ собою. Она жила у третьей сестры своей, которая была замужемъ за княземъ Петромъ Ивановичемъ Одоевскимъ, братомъ г-жи Талызиной.

*) Это домъ въ Камергерскомъ переулкѣ, нынѣ Лянозова (гдѣ театръ Горевой). Садъ его и заднія строенія еще въ 50-хъ годахъ простирались до переулка Козмодемьянскаго и выходили противъ зданія Тверской Части. П. Б.

Домъ князя Одоевскаго, коего сдѣлался я частымъ посѣтителемъ, не былъ шуменъ, пышенъ, какъ другіе дома богатыхъ въ Москвѣ людей, но онъ былъ, однакоже, вѣрное изображеніе тогдашнихъ нравовъ древней столицы; въ описаніи его вижу я обязанность принятаго мною званія рассказчика. Въ одѣяніи, поступи, въ самомъ выраженіи лицъ господскихъ людей виденъ характеръ господина: тамъ, гдѣ безпорядокъ, они лѣнны, неопрятны, оборваны; тамъ, гдѣ ихъ содержатъ въ строгости, они одѣты довольно чисто, вытянуты въ струнку, но торопливы и печальны. Видъ спокойствія, довольство, даже тучность домашней прислуги князя Одоевскаго, почтительно-свободное ея обхожденіе съ хозяевами и гостями, вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтный порядокъ и чистота показывали, что онъ отечески управляетъ домомъ. Дѣйствительно, онъ былъ баричъ, который, по достиженіи совершеннолѣтія, долго путешествовалъ за границей и, возвратясь оттуда, сохранилъ въ домѣ своемъ обычай старины, прибавивъ къ нимъ устройство и опрятность, которыя заимствовалъ онъ у Европейскихъ народовъ *).

Онъ былъ сухенькій старичокъ, но весьма живой и, какъ говорятъ Французы, еще зеленый. Мнѣ сказали, что онъ отставной полковникъ; а я, признаюсь, сначала принялъ его за отставнаго камергера. Онъ нисколько не походилъ на тѣхъ отважныхъ Екатерининскихъ полковниковъ, которыхъ прежде я видѣлъ въ Кіевѣ; не смотря на имя его, я даже не вдругъ повѣрилъ, что онъ Русскій: не знаю, природа ли или искусство дали ему совершенно Французскую наружность, хрустальныя ножки и какое-то затрудненіе въ выговорѣ. Но въ домѣ его все напоминало Русское барство, и въ немъ только онъ одинъ былъ аристократъ. Различіе между сими двумя названіями — аристократіей и барствомъ, надѣюсь я объяснить въ другомъ мѣстѣ.

Онъ не гнался за почестями: въ это время бригадирскимъ шитьемъ или камергерскимъ ключомъ заключалось обыкновенно поприще честолюбивѣйшихъ или тщеславнѣйшихъ изъ Москвичей. Онъ жилъ въ кругу родныхъ и коротко-знакомыхъ, довольствовался ихъ любовью и уваженіемъ, наслаждался спокойствіемъ, богатствомъ и воспоминаніемъ молодости, проведенной въ Парижѣ. Тамъ былъ онъ въ концѣ царствованія Лудовика XV и, въ качествѣ Русскаго принца, былъ представленъ ко двору его. Такъ очарователемъ примѣръ старой грѣховодницы-Франціи, что добрый и честный князь завелъ свою мадамъ де-Помпадуръ.

*) Изъ цѣлой Москвы едва ли не у него только была передняя, въ которой можно было дышать не зараженнымъ воздухомъ.

Больная, набожная княгиня рѣдко выходила изъ внутреннихъ своихъ покоевъ. Это было ненужно: какъ въ гостиной, такъ и въ сердцѣ ея супруга, мѣсто ея занимала молодая дворянка, Анна Васильевна Сабурова, неимущая сирота, не столько ею, сколько мужемъ ея признанная. Но это еще не все; была въ одно и тоже время и мадамъ Дюбарри. Видно, въ это время Французскія гувернантки занимали вездѣ болѣе одной должности. Мамзель Дюбуа, которая воспитывала двѣнадцатилѣтнюю дочь князя Одоевскаго, была совершенная красавица и до того мила, что во мнѣ.. стыдно сказать, родилось сожалѣніе, что я не дѣвочка и что не она моя наставница. Я не могу понять, какъ согласилась она играть второстепенную роль, тогда какъ подлѣ дѣвицы Сабуровой казалась она какъ пышный цвѣтъ подлѣ миниатюрнаго скелета; предпочтеніе же Аннѣ Васильевнѣ было очевидно.

Несмотря на эти княжескія прихоти, которыя у насъ въ Россіи могли бы войти въ пословицу, какъ за границей баронскія фантазіи, совершенное согласіе царствовало въ семь домѣ. Посѣтителей въ немъ видѣлъ я весьма мало, молодыхъ ни одного; но за то посѣтительницами онѣ изобиловали. Большая часть изъ нихъ были такъ называемыя Московскія старыя дѣвки. Въ Москвѣ было въ старину одно почтенное, трогательное обыкновеніе: въ каждомъ домѣ, смотря по состоянію, принималось на жительство нѣкоторое число убогихъ дѣвицъ, преимущественно дворянокъ; однѣ старѣлись въ нихъ и даже умирали, другихъ съ хорошимъ приданымъ выдавали замужъ; связи первыхъ съ своими благодѣтельницами отъ времени становились иногда крѣпче, чѣмъ самыя родственныя узы. Въ домахъ женатыхъ людей положеніе сихъ дѣвицъ было не совсѣмъ безопасно, но у вдовъ и у незамужныхъ старушекъ, ихъ общества составляли родъ свѣтскихъ монастырей или, лучше сказать, капитуловъ, коихъ они были канониссами. Ихъ жизнь была дѣятельно - праздная; въ домѣ онѣ кой за-чѣмъ присматривали, исполняли нѣкоторыя комиссіи своей хозяйки-аббатиссы, раскладывали съ ней грань-пасьянсъ, посѣщали иногда подругъ своихъ. Ихъ набожность ограничивалась одними наружными обрядами религіи, но онѣ соблюдали ихъ съ точностію мелочною; онѣ знали всѣ храмовыя праздники и тамъ, гдѣ бывало архіерейское служеніе, ими наполнялась половина церкви. Такъ проходила ихъ безпорочная, ихъ бесполезная жизнь.

Цѣлыми стаями слетались эти барышни къ своимъ знакомымъ у князя Одоевскаго; бывало спросишь: кто онѣ такія? скажутъ такая-то живетъ у княгини Марьи Ивановны, такая-то у княжны Лисаветы Федоровны. Нельзя себѣ представить ихъ дѣтскаго добродушія; разговоръ ихъ былъ невинный лепетъ перваго возраста. Онѣ меня чрез-

вычайно любили, осыпали ласками и, будучи сами пристрашныя лакомки, и меня прикармливали вареньями и пастилой: сладко мнѣ о нихъ воспоминаніе! Изрѣдка попадаются нынѣ такого рода женщины, и я всегда встрѣчаю ихъ съ сердечнымъ удовольствіемъ. Дому Одоевскихъ останусь я всегда благодаренъ за пріятныя минуты, въ немъ проведенныя, хотя, впрочемъ меня, свѣжаго мальчиѣа, довольно оригинальнаго, любили тамъ и тѣшились мною среди единообразной жизни, какъ забавляются обезьяной, карлицей или попугаемъ. Князя Одоевского благодарить мнѣ нечего: онъ, кажется, не любилъ мой полъ, я же былъ не совсѣмъ ребенокъ, и онъ всегда на меня косился. Когда послѣ воротился я въ Москву уже взрослымъ мальчикомъ, то не могъ быть принятъ въ его домъ, гдѣ, видно, наблюдались всѣ строгія правила гаремовъ.

Мнѣ было весьма трудно уговорить сестру сдѣлать первое посѣщеніе княгини Одоевской; съ каждымъ днемъ она болѣе дичала, но рѣшилась, наконецъ, сіе сдѣлать, чтобы поблагодарить за оказанныя мнѣ ласки. Въ разговорѣ о затрудненіяхъ, куда бы меня лучше пристроить, была призвана на совѣтъ мамзель Дюбуа; она разсыпалась въ похвалахъ пансіону г-жи Форсевиль, своей единоземки. Мнѣ чрезвычайно хотѣлось учиться въ Университетскомъ пансіонѣ; но Французскій языкъ, коимъ преимущественно и почти исключительно говорили тогда высшія сословія, былъ вывѣскою совершенства воспитанія; я на немъ объяснялся плохо, а воспитанники университетскіе не славились его знаніемъ. Это замѣтила мамзель Дюбуа, прибавляя, что изъ рукъ г-жи Форсевиль молодые люди выходятъ настоящими Французами. Разсуждая, что мнѣ предназначено быть свѣтскимъ и военнымъ человекомъ, а не ученымъ и юристомъ, сестра моя нашла, что дѣйствиительно лучше отдать меня къ Французамъ. Видно, на роду у меня было написано не получить основательнаго образованія.

Исполненіе намѣренія предать меня въ руки мадамы замедлилось нѣсколько дней по случаю тревоги, въ которой находилась вся Москва, и особенно свита графа Салтыкова. Ожидали скорого прибытія императора, полки собирались на маневры, и всѣ исполнены были страха, надеждъ и любопытства. Я стоялъ съ трепетомъ 10-го Мая *) на Тверской, подлѣ дома главнокомандующаго, когда Павелъ Первый въ нѣсколькихъ шагахъ проѣхалъ мимо меня. Онъ сидѣлъ въ открытой коляскѣ съ своимъ наслѣдникомъ и съ улыбкой кланялся (безобразіемъ его я былъ столько же пораженъ, какъ и красотою Александра). Въ продолженіе шестидневнаго пребыванія своего въ Москвѣ

*) 1798 года. П. Б.

онъ всѣхъ изумилъ своею снисходительностію: щедротами онъ удивить уже не могъ. Войскамъ объявилъ совершенное свое удовольствіе. Шефа одного полка, который былъ дѣйствительно очень дурень, онъ наказалъ только тѣмъ, что ничего ему не далъ, но не позволилъ себѣ сдѣлать ему даже выговора; всѣхъ же другихъ завѣшалъ орденами, засыпалъ подарками. Никто не могъ постигнуть причины такого необыкновеннаго благодушія; узнали ее послѣ. Любовь, усмиряющая царя звѣрей, побѣдила и нашего грознаго царя: пылающіе взоры извѣстной Анны Петровны Лопухиной растопили тогда его сердце, которое въ эту минуту умѣло только миловать. Графу Салтыкову пожаловалъ онъ четыре тысячи душъ въ Подольской губерніи, а всѣхъ адъютантовъ его, въ томъ числѣ и зятя моего, произвелъ въ слѣдующіе чины.

Въ пансіонѣ, въ который, наконецъ, отвезли меня, воспитывались дѣти обоего пола, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ содержательницы его. Я ожидалъ найти въ ней другую мамзель Дюбуа; можетъ быть, лѣтъ двадцать до нашего знакомства была она и лучше. Тогда она была женщина лѣтъ сорока пяти, высокая, полная, бѣлая, которая задыхалась отъ здоровья, у которой щеки алѣли всегда отъ удовольствія, когда не багровѣли отъ гнѣва. Она деспотически управляла ввѣренными ей ребятишками, и мнѣ казалось обиднымъ, что меня ставятъ на одну съ ними ногу, тогда какъ почти всѣ они были меня моложе. Я, напротивъ, имѣлъ притязанія на совершенную свободу, кою пользовался соученикъ мой Лутовиновъ, пятнадцати или шестнадцати-лѣтній дюжій мальчикъ, который ничему не учился, ничего не дѣлалъ или, лучше сказать, дѣлалъ все что ему было угодно. Еслибъ я былъ нѣсколько постарѣе, то можетъ быть умѣлъ бы присвоить себѣ равныя съ нимъ права; а можетъ быть и нѣтъ, ибо румянецъ осенняго листа, ветчинная свѣжесть г-жи Форсевиль мнѣ были вовсе не по вкусу.

Былъ также и мусью Форсевиль; онъ принадлежалъ къ тому роду незамѣтныхъ мужей, коихъ существованіе поглощается и исчезаетъ въ великой знаменитости супругъ, какъ мужъ г-жи Жоффренъ или г-жи Каталани. Заведеніе находилось подъ его фирмой, но въ немъ почти ни во что онъ не мѣшался. Онъ мало выходилъ изъ своей каморки, прозванный кабинетомъ, развѣ только потому, что въ ней находился маленькій шкафъ, съ двумя дюжинами какихъ-то книгъ, прозванный библіотеккой. Тутъ не было ни письменнаго столика, ни даже чернильницы, а одни станки, да пилы, буравы, всѣ принадлежности токарной и столярной работы: все было засорено стружками и опилкамъ, и все обличало присутствіе болѣе мастераго, чѣмъ грамотнаго человека. На природномъ языкѣ говорилъ онъ какъ простолюдинъ, за

то увѣрялъ, что весьма хорошо знаетъ Англійскій, и взялся два раза въ недѣлю учить меня оному. Недостатокъ ли въ его знаніи или въ моихъ способностяхъ былъ причиною, что я никакихъ успѣховъ не сдѣлалъ. Онъ былъ совершенный сморчокъ, старичишка добрый, по крайней мѣрѣ для меня; довѣренность его ко мнѣ до того простиралась, что изъ учениковъ я только одинъ имѣлъ входъ въ такъ называемый кабинетъ его, гдѣ тайнственно предавался онъ своимъ занятіямъ. Онъ долго жилъ въ Англии и всегда предпочиталъ ее своему отечеству; теперь я увѣренъ, что онъ тамъ былъ ремесленникомъ. Богъ вѣсть, какъ занесло его къ намъ и какъ встрѣтился и совокупился онъ съ Француженкой, въ Россіи родившеюся, хотя безграмотною, но досужею и проворною бабой. Обо всемъ онъ говорилъ равнодушно, кромѣ Англии; самая покорность его супругѣ, кажется, была не что иное, какъ слѣдствіе уваженія его къ той землѣ, гдѣ королевы женятся.

Пребываніе мое въ пансионѣ мнѣ сначала полюбилось. Лѣто было прекрасное: отъ барства, шуму, духоты городской, мнѣ казалось, что я перенесенъ въ тихое, сельское уединеніе. Домъ, въ которомъ помещался Форсевилевъ пансионъ, находился у подошвы невысокой горы, на которой построены упраздненный Новинскій монастырь; сей пригорокъ заслонялъ намъ видъ городскихъ строеній, а съ другой стороны открывался прекрасный видъ къ Москвѣ-рѣкѣ, на рощи, сады и невысокіе деревянные дома, между ними разсѣянные. Товарищи мои рѣчами и манерами также напоминали деревню: каждый изъ нихъ былъ оттуда прямо привезенъ въ училище, въ Москвѣ никого почти не зналъ и могъ только, въ незанимательныхъ разговорахъ своихъ, познакомить меня съ образомъ жизни нашихъ мелкопомѣстныхъ дворянъ. Ихъ было человекъ тридцать; каждого изъ нихъ могъ бы я и теперь назвать по имени и отчеству, хотя, съ самой минуты нашей первой разлуки, я ни съ однимъ не встрѣчался, ни объ одномъ ни слыхивалъ ни слова. Въ пространномъ мірѣ, называемомъ Россія, въ сей цѣлой части свѣта болѣе чѣмъ въ государствѣ, люди, съ которыми долго живешь и бесѣдуешь, не переставая существовать, часто исчезаютъ какъ атомы, теряются въ безызнѣтности. Куда дѣвались мои товарищи? Не зная ничего о судьбѣ ихъ, но судя по ихъ способностямъ и образу воспитанія, могу съ достовѣрностію рассказать ихъ исторію. Въ пятнадцать или въ шестнадцать лѣтъ ихъ опредѣлили въ армейскіе полки унтеръ-офицерами, потомъ черезъ годъ или два произвели въ прапорщики; одни воспользовались симъ первымъ чинномъ, чтобы выйти въ отставку; другіе, болѣе алчные къ почестямъ, дослужились до поручиковъ или до штабсъ-капитановъ, но наскучивъ службою, также ее оставили. Всѣ

они зарылись въ деревнѣ, начали гоняться за зайцами, бить мужиковъ, обольщать дѣвокъ, потомъ завелись женой и дѣтьми; одни спились, промотались и потомство свое привели въ состояніе однодворцевъ; другіе, болѣе степенные, пошли служить по выборамъ и попали уже вѣрно не болѣе какъ въ засѣдатели или исправники; безъ угрызенія совѣсти, слѣдуя общему примѣру, стали неправо наживаться, чтобы каждаго сына, сколь бы ихъ много ни было, поставить на ту точку, съ которой сами пошли.

Дѣвицы, которыя съ нами воспитывались, обѣдали, а иногда и учились за однимъ съ нами столомъ, жили, однакоже, въ особой половинѣ. Онѣ были также маленькія провинціалки, но граціознѣе и остроумнѣе мальчиковъ. Изъ двадцати или изъ двадцати пяти, одну только Ложечникову можно было назвать хорошенькою; не знаю, гдѣ умѣли набрать такихъ уродцевъ. Обхожденіе съ ними Форсевильши было болѣе строгое: отъ взгляда ея, отъ одного движенія губъ, бѣдняжки приходили въ ужасъ. Болѣе всѣхъ тирански преслѣдовала она бѣдную, четырнадцати или пятнадцати-лѣтнюю Француженку, дочь какого-то пріятеля, которая училась у нея даромъ, а за то употреблялась для разныхъ домашнихъ упражненій безъ платы; расцвѣтающія прелести были ея виною въ глазахъ отцвѣтшей мадамы. Ее звали Лавордъ; она родомъ казалась болѣе изъ Индіи, чѣмъ изъ Франціи: весь пламень Востока и Юга блисталъ въ черныхъ глазахъ ея, самый яркій румянецъ выступалъ на смугло-свѣжихъ ея щекахъ; ея волосы, уста и губы позволилъ бы я себѣ сравнить съ эбеномъ, коралломъ и перлами, еслибъ отъ частаго употребленія сіи сравненія мнѣ самому не надоѣли; выраженіе же лица юной одалиски словами невыразимо. Живши съ ней подъ одною кровлей, видя ее часто, я бы влюбился въ нее, еслибы былъ постарѣе; однакоже, не смотря на отрочество мое, я не былъ къ ней совершенно равнодушенъ, написалъ какой-то вздоръ и всунулъ ей потихоньку въ руку во время танцевальнаго класса, который для дѣвочекъ почти столь же опасенъ, какъ балы для дѣвицъ, а для меня всегда былъ часомъ искушеній. Я ожидалъ отвѣта, но тиранка-Форсевиль имѣла свою тайную полицію: кто-то изъ уродцевъ подсмотрѣлъ и донесъ. На другой день тревога, позоръ и срамъ: призывали виновныхъ, осыпали ихъ ругательствами, самыми грубыми, непристойными укоризнами; я стоялъ какъ вкопанный, не внималъ имъ, а только смотрѣлъ на слезы и на тяжело вздохами волнуемую грудь, и былъ весь раскаяніе. Определено обоихъ выгнать изъ пансіона, и приговоръ исполненъ въ тотъ же день; меня отослали къ роднымъ, но какъ шурина адъютанта главнокомандующаго, я на другой же день воротился съ письменнымъ увѣреніемъ, что дома строго былъ нака-

зань. Наказаніе мое состояло въ грустныхъ, нѣжныхъ упрекахъ сестры; зять же мой расхохотался, называя меня молодцомъ. Черезъ три дня явилась и бѣдная Лабордъ, но съ тѣхъ поръ я не смѣлъ уже подходить къ ней, а она на меня даже и глазъ не подымала *). Примѣръ сей не нуженъ, чтобы доказать, сколь опасно воспитывать вмѣстѣ дѣтей разнаго пола; теперь это вывелось, а въ старину полагали, что до пятнадцати лѣтъ всѣ дѣти должны быть столь же безстрастны, какъ грудные младенцы.

Главный вопросъ, который долженъ былъ сдѣлать всякій и который могу я самъ себѣ сдѣлать: да чему же мы тамъ учились? Богъ знаетъ; помнится всему, только элементарно. Эти иностранные пансіоны, коихъ тогда въ Москвѣ считалось до двадцати, были хуже чѣмъ народныя школы, отъ которыхъ отличались только тѣмъ, что въ нихъ преподавались иностранныя языки. Учители ходили изъ сихъ школъ давать намъ уроки, которые всегда спѣшили они кончить; одинъ только Нѣмецкій учитель, нѣкто Гильфердингъ, былъ похожъ на что-нибудь. Онъ одинъ только бралъ на себя трудъ разсуждать съ нами и толковать намъ правила грамматики; другіе же разсѣянно выслушивали заданное и вытверженное учениками, которые все забывали тотчасъ послѣ классовъ. Мы были настоящее училище попугаевъ. Догадливые родители не долго оставляли тутъ дѣтей, а отдавали ихъ потомъ въ пансіонъ Университетскій. Сіе неминуемо должно было со мной случиться, но странность судьбы мой къ тому не допустила.

Четыре тысячи душъ въ Подольской губерніи, пожалованныя императоромъ графу Салтыкову, предоставлены были его выбору. Пользуясь необыкновенною милостью царя, онъ выпросилъ у него позволеніе отправить адъютанта своего, подполковника Алексѣева, чтобы сдѣлать сей выборъ. Оказывая неограниченную довѣренность зятю моему, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ доставлялъ ему безсрочный отпускъ. Въ концѣ Августа собралась сестра моя съ мужемъ въ Кіевъ къ родителямъ, а въ началѣ Сентября оставила меня одного въ Москвѣ.

Мое одиночество показалось мнѣ ужаснымъ, хотя въ положеніи оставленнаго въ пансіонѣ мальчика не было ничего необыкновеннаго. Сестра, отъѣзжая, поручила меня попеченіямъ близкой родственницы мужа своего, не очень старой, но и не весьма молодой дѣвицы, Дарьи Ивановны Корольковой, которая имѣла собственный домъ за Сухаревою башней. Сей доброй и умной, кроткой и твердой женщиной недо-

*) Я тщетно старался послѣ развѣдать о ея участи. Черезъ нѣсколько лѣтъ только узналъ я, что она замужемъ за старымъ, ревнивымъ Нѣмцемъ, клавикордаымъ мастеромъ, и что нѣтъ возможности ее видѣть. Милая Лабордъ, я почти увѣренъ, что она погибла во двѣтъ лѣтъ жертвою пылкихъ страстей!

ставало только воспитанія; своимъ примѣромъ она доказывала, что оно не всегда бываетъ необходимо для собственнаго счастья и для блага окружающихъ. У нея также жили двѣ барышни, подъ именемъ компаньенокъ, и онѣ всѣ вмѣстѣ старались утѣшать меня. Всякую Субботу или наканунѣ праздника, у подъѣзда пансіона всегда являлся замною экипажъ и отвозилъ меня къ моей попечительницѣ. Главныя заботы ея обо мнѣ состояли въ томъ, чтобы меня исправно водили у нея въ баню, вычесывали голову, чаще мѣняли бѣлье, и чтобы поутру къ чаю всегда подавали мнѣ свѣжіе крендели. Поведеніемъ моимъ она не могла нахвалиться, и какъ не быть довольну такимъ человѣкомъ, который сидитъ сложивъ руки, все молчитъ и тайкомъ зѣваетъ? Она меня очень полюбила и потому неохотно отпускала меня иногда въ домъ Одоевскихъ, гдѣ, признаюсь, мнѣ всегда было гораздо веселѣе съ губительницей моею Дюбуа.

Письмами своими старался я разжалобить родителей и въ томъ успѣлъ; но не вполне достигъ я своей цѣли, ибо, вмѣсто того чтобы отдать меня въ Университетскій пансіонъ, велѣно обратно меня отправить въ Кіевъ. Причина тому была нижеслѣдующая. Въ числѣ имѣній князя Потемкина, коимъ наследовали племянницы его, находилось въ Кіевской губерніи село Казацкое, доставшееся на часть княгини Голицыной, женѣ извѣстнаго князя Сергія Теодоровича. Мужъ ея нѣкогда воспитывался въ Кадетскомъ Корпусѣ, въ одно время съ отцомъ моимъ, и хотя нѣсколько лѣтъ былъ его моложе, всегда помнилъ его, любилъ и сохранялъ съ нимъ сношенія; она же была родная сестра графини Браницкой. По снмъ уваженіямъ (какъ часто говорится въ канцелярскихъ бумагахъ), проѣзжая въ сказанное имѣніе чрезъ Кіевъ, она прямо остановилась у моей матери, хотя до того не была съ ней знакома. Ея супругъ начальствовалъ тогда надъ корпусомъ, посылаемымъ на помощь Австріи противъ Французовъ, а она намѣревалась нѣсколько лѣтъ прожить въ деревнѣ, для поправленія разстроенныхъ хозяйственныхъ дѣлъ. Покойная мать моя, которая съ ней скоро подружилась, не въ состояніи была не говорить о томъ, что ей казалось моею милостивостію и зачѣйливостію, и о тяжелой для нея разлукѣ со мною; слушая ее, княгиня Голицына предложила ей взять меня къ себѣ, чтобы не подалеку отъ Кіева воспитываться вмѣстѣ съ ея сыновьями, и прибавила, что многочисленность ея семейства и разные учителя дѣлаютъ изъ ея дома настоящій пансіонъ. Предложеніе было принято, и я, ничего о томъ не вѣдая, неслыханно возрадовался, въ упованіи вновь узрѣть богоспасаемый градъ Кіевъ.

Одну Московскую барыню, на житье переселившуюся въ Кіевъ и находившуюся тогда въ Москвѣ, по какому-то дѣламъ, просила мать

моя привезти меня съ собою. Итакъ госпожа Королькова взяла меня отъ госпожи Форсевиль и передала госпожѣ Турчаниновой: тогда судьба моя была переходить изъ рукъ въ руки къ женщинамъ.

Но прежде чѣмъ отправлюсь изъ Москвы, хочу описать, сколь можно вкратцѣ, какъ особу, съ которою долженъ былъ совершить путешествіе, такъ и семейство ея.

Во время походовъ Миниха и Ласси, маленькой Турченкоу былъ взятъ Русскими въ плѣнъ и привезенъ въ Петербургъ къ Аннѣ Іоанновнѣ, которая его крестила. Елисавета Петровна отдала его въ услуженіе наслѣднику своему; онъ сдѣлался Кутайсовъ Петра III-го. Господинъ и государь его не имѣлъ времени пожаловать его графомъ или свѣтлѣйшимъ княземъ, и въ день кончины его онъ назывался только Александромъ Александровичемъ Турчаниновымъ, камердинеромъ полковничьяго ранга. При Екатеринѣ онъ скрывался, потомъ на сбереженныя деньги купилъ имѣніе въ Орловской губерніи, потомъ женился на сосѣдкѣ, дѣвицѣ Сибилевой, также съ нѣкоторымъ достаткомъ. Семейство ихъ въ тихомолку плодилось и множилось, равно какъ и состояніе; наконецъ, они имѣли даже домъ въ Москвѣ у Пречистенскихъ воротъ.

Воцареніе Павла пробудило давно заснувшія надежды малаго числа приверженцевъ Петра III; въ числѣ ихъ предсталъ и г. Турчаниновъ предъ новымъ императоромъ, который приказалъ производить ему все содержаніе, кое получалъ онъ при отцѣ его, а сверхъ того выдать ему оное за все время царствованія Екатерины съ паросшими процентами и рекамбіями. Составился значительный капиталъ, на который искалъ онъ купить хорошее имѣніе. Тогда въ Кіевской губерніи продавались за ничто помѣстья князя Станислава Понятовскаго, брата послѣдняго короля; для сбыта ихъ былъ данъ ему самый краткій срокъ, ибо онъ переѣхалъ въ Австрію и не хотѣлъ сдѣлаться Русскимъ подданнымъ. Бывши въ Кіевѣ на богомольѣ, г-жа Турчанинова о томъ провѣдала, купила селеніе Степанцы, состоявшее изъ 1000 душъ, кажется, не болѣе какъ за 60000 рублей и потомъ подвластнаго ей мужа выписала изъ Орла.

Онъ былъ сухонькій, сладенькій старичокъ, который всегда улыбался и до того ко всѣмъ былъ ласковъ, что рождалъ недовѣрчивость. Супруга его, женщина еще видная, соединяла твердость съ добротою душевною; слабость ея, впрочемъ весьма простибельная, была желаніе казаться моложе, и потому-то погибшія на лицѣ ея розы и лиліи она весьма неискусно замѣняла искусственными. Изъ многочисленнаго семейства ихъ одна только младшая дочь была примѣчательна и сдѣлалась даже въ послѣдствіи извѣстною.

Не имѣя еще двадцати лѣтъ отъ роду, она избѣгала общества, одѣвалась неряхою, занималась преимущественно математическими науками, знала Латинскій и Греческій языки, собиралась учиться по-еврейски и даже пописывала стихи, хотя весьма неудачно; у насъ ее знали подъ именемъ философи. Вся Кіевская ученость скрывалась тогда подъ иноческими мантиями въ стѣнахъ Братскаго монастыря; она открыла ее и, чуждая мірскихъ слабостей, не побоялась свести явную, тѣсную дружбу съ нѣкоторыми монахами, преподававшими науки въ духовной академіи. Съ такой высоты вдругъ опустила она вниманіе на маленькаго невѣжду, котораго пугали и странность ея наряда, и мрачное выраженіе ея лица.

Когда она выпросила меня къ себѣ въ гости, и меня въ первый разъ къ ней послали, то я отправился весьма неохотно. Только сей первый шагъ былъ для меня труденъ, а потомъ я надоѣдалъ просьбами о дозволеніи посѣтить ее. Чистота ли ея души, сквозь неопрятную оболочку, сообщалась младенческой душѣ моей, или магнетическая сила ея глазъ, коихъ дѣйствіе испытывали въ послѣдствіи изувѣченныя дѣти, дѣйствовала тогда и на меня: я находился подъ очарованіемъ. Я не нашелъ въ ней и тѣни педантизма: всегда веселая, часто шутивая, она объяснялась съ дѣтскою простотою. Правда, иногда бралась она допрашивать меня о томъ, чему я учился, и ужасалась глубинѣ моего невѣдѣнія; но вдругъ потомъ, какъ Пинѣя на тревожникѣ, какъ бы содрогаясь отъ вдохновенія, сверкала очами и начинала предречь мнѣ знаменитость. Увы, пророчества ея столь же мало сбылись, какъ и удалось ея лѣченіе!

Разговоры ея были для меня чрезвычайно привлекательны: она охотно рассказывала мнѣ про связи свои съ почтенными учеными мужами, профессорами Московскаго университета, хвалилась любовію и покровительствомъ стараго Хераскова, дружбою Ермила Кострова и писательницы княжны Урусовой. Поэзія доступна понятіямъ младенчествующихъ какъ народовъ, такъ и людей, и хотя она была для меня Халдейскимъ языкомъ, дѣвица Турчанинова заставляла меня иногда читать нѣкоторыя мѣста изъ Россіады и негодовала, когда неподобная зѣвота мѣшала мнѣ продолжать сіе чтеніе. Тогда принималась она за мелкія стихотворенія, потчивала меня ими, упрашивала выучить наизусть, и одно только изъ нихъ, «Ода на смерть сына моего», Капниста, мнѣ полюбилося и осталось доселѣ у меня въ памяти. Первое знакомство съ Русскими музами сдѣлалъ я въ запыленномъ, засаженномъ кабинетцѣ моей любезной Турчаниновой.

Лѣтъ тридцать спустя, увидѣлъ я ее опять въ Петербургѣ, вскорѣ послѣ того какъ имя ея надѣлало въ немъ великій шумъ, но столь же

кратковременный какъ и надежды, копъ возбудила она въ сердцахъ скорбныхъ родителей обѣщаніемъ исцѣлить ихъ дѣтей. Я не нашель въ ней почти никакой перемѣны: черные, прекрасные, мутные и блуждающіе глаза ея все еще горѣли прежнимъ жаромъ; черныя, длинныя нечесанныя космы, какъ и прежде, выбивались изъ подъ черной скуфы, и вся она, какъ черная труфель въ маслѣ, совершенно сохранилась въ своемъ сальномъ одѣяніи. Я не упомянулъ объ ней, говоря о Кіевѣ; тамъ видѣлъ я еще много другихъ примѣчательныхъ особъ и умолчалъ объ нихъ съ намѣреніемъ послѣ описать ихъ, по мѣрѣ какъ въ совершеннолѣтій случай опять сводилъ меня съ ними.

Съ ея родительницей я долженъ былъ отправиться, и отъѣздъ нашъ былъ назначенъ на третій день послѣ Рождества. Я былъ въ себя отъ радости; но, въ самую почти минуту сего отъѣзда, къ ней примѣшалось маленькое горе. Младшій сынъ г-жи Турчаниновой, по совѣту сестры, учился въ Университетскомъ пансіонѣ; къ нему пришли товарищи и начали при мнѣ чигать *Московскія Выдомости*, лежавшія на столѣ. Въ нихъ было помѣщено извѣстіе объ экзаменѣ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ въ семъ пансіонѣ происходившемъ, и имена учениковъ, получившихъ награды. Двумъ только даны были золотыя медали; одинъ изъ нихъ г. Бириченко-Астромовъ, находился тутъ на лицо; привѣтствія ему и поздравленія хозяйки были мнѣ какъ острый ножъ. Отецъ его занималъ какую-то маленькую должность въ Кіевѣ, и онъ ласково подошелъ ко мнѣ, называя себя моимъ землякомъ; но я спѣсиво и холодно отвѣчалъ ему, что никогда имени его не слыхивалъ (этой глупости я въ вѣкъ себѣ не прощу). Имя другаго ученика, цѣлой Россіи послѣ знакомое, имя Жуковского, было тогда столь же мало извѣстно. Увѣряли, будто онъ Полякъ; другіе утверждали, что онъ Малороссіянинъ; онъ самъ долго не могъ рѣшиться, чѣмъ ему быть и оставался покаместъ Русскимъ, слава наше отечество и имъ славимый. Послѣ восторговъ, произведенныхъ во мнѣ его стихами, мнѣ нечего раскаиваться въ зависти, которую возбудило во мнѣ имя его, въ первый разъ какъ я его услышалъ.

XIV.

Несмотря на весьма хорошій гладкій, зимній путь, мы ѣхали медленно на Лихвинъ, Калугу, Бѣлевъ и Болховъ. Близъ новой сей для меня дороги жили родные г-жи Турчаниновой, Панины, Кривцовы и другіе, и она безпрестанно къ нимъ сворачивала. Я сидѣлъ съ ней рядомъ въ четверомѣстномъ возкѣ, а противъ насъ довольно толстая и безобразная горничная, которую прозвала она бомбой. Я находилъ

довольно разсѣянности въ разговорахъ самой г-жи: она любила рассказывать, я любилъ слушать и узналъ отъ нея множество старинныхъ анекдотовъ и генеалогію знатнѣйшихъ въ Москвѣ домовъ. Страсть ея казаться моложе не покидала ее и дорѣгой: всякій день покрывала она румянами синеу, которую сильный холодъ производитъ на старыхъ лицахъ; въ городахъ же и въ гостяхъ у родныхъ, вездѣ гдѣ только останавливалась она на сутки, не упустила бѣлиться и проводить себѣ синія жилки, и лицо ея, какъ трехцвѣтное знамя, гордо подымалось противъ законнаго могущества времени.

Украина была для меня настоящая родина; сильно забилося во мнѣ сердце, когда, послѣ годоваго отсутствія, я опять ее увидѣлъ. Когда въ Есмани, первой Малороссійской ставціи, вошелъ я въ хату и услышалъ: «що, пане», то едва не заплакалъ отъ радости. Старая спутница моя, которая часто бывала недовольна моимъ упрямымъ молчаніемъ, удивилась моей внезапной болтливости: я вступалъ въ разговоры со всѣми мужиками и крестьянками, которыхъ находилъ на станціяхъ. Нарѣчіе Хохловъ, по мнѣнію нашему столь грубое, мнѣ казалось райскимъ пѣніемъ; какъ Батюшкову, знакомыми звуками хотѣлось мнѣ насытить свой жадный слухъ. Но что сдѣлалось со мною, когда, оставя Бровары, сквозь чащу лѣса въ глазахъ моихъ

Какъ звѣздочка зажглася
Глава Печерская съ крестомъ?

Турчаниновой показалось, что я сошелъ съ ума: я крестился, я плакалъ, я дрожалъ. Давно уже зналъ я что такое любовь къ ближнимъ и, къ несчастію, до сихъ поръ не совсѣмъ еще тому разучился; тогда въ первый разъ ощутилъ я, какъ сильно и неодушевленные любимые предметы могутъ говорить нашимъ чувствамъ. Отъ восторга къ восторгу, очутился я наконецъ въ объятіяхъ родителей, сестеръ и братьевъ.

Это было въ половинѣ Генваря 1799 года. Все наше семейство довольно тѣсно помѣщалось тогда въ одномъ флигелѣ, вновь построеннаго, но еще неотдѣланнаго дома на Печерскомъ форштатѣ, близъ Никольскаго монастыря. Отецъ мой жилъ благородно, довольно открыто, но уже не было слѣдовъ маленькой роскоши, въ которой домъ нашъ я оставилъ. Сестра моя медленно оправлялась послѣ первыхъ, мучительныхъ родовъ мертвесою дочерью. Братья были оба въ отставкѣ: старшій получилъ ее по просьбѣ, а о меньшомъ прочитали разъ въ приказахъ, что онъ отставляется отъ службы, безъ всякой оговорки. Никто не зналъ причины, и никто тому не удивлялся: это случалось ежедневно, и всякій въ свою очередь могъ того же ожидать. Вообще въ образѣ жизни моихъ родителей нашелъ я большую перемену: ме-

нѣе шуму, менѣе суеты, но за то еще болѣе семейственнаго согласія, семейственнаго счастья и тихаго веселія.

Князя Дашкова уже въ Кіевѣ не было. Новымъ поведеніемъ своимъ онъ заставлялъ забывать прежніе свои поступки, съ усердіемъ исправлялъ лежація на немъ обязанности, и всѣ имъ были довольны. По какому-то недоразумѣнію, или наговору, Богъ вѣсть за что, царь на него прогнѣвался и, безъ всякой церемоніи, просто отставилъ его отъ службы; онъ поклонился и уѣхалъ въ деревню.

Объ немъ бы стали можетъ быть даже жалѣть, но преемникъ его того не допустилъ. Это былъ извѣстный природнымъ умомъ, правдивостію и опытностію въ дѣлахъ, Александръ Андреевичъ Беклешовъ, одинъ изъ государственныхъ людей, образованныхъ Екатеринной. Воспитанный въ Кадетскомъ Корпусѣ вмѣстѣ съ отцомъ моимъ, въ такое время когда юношество училось Нѣмецкому языку болѣе чѣмъ Французскому, онъ зналъ его лучше другихъ и для того былъ императрицей опредѣленъ губернаторомъ въ Ригу, гдѣ и пробылъ онъ лѣтъ пятнадцать. Онъ имѣлъ отъ нея тайное порученіе, которое онъ одинъ только въ состояніи былъ выполнить: стараться познакомить Нѣмцевъ съ Русскимъ языкомъ и приучить ихъ къ нашимъ обычаямъ, законамъ и нравамъ. Наружное безобразіе, видъ брюзгливый, всегда недовольный, голосъ грубый, сначала рождали въ подвластныхъ ему отвращеніе и страхъ; твердость воли и что-то откровенное въ обхожденіи вселяли потомъ къ нему довѣренность; наконецъ, благодарность за добро, которое онъ никогда не отказывалъ дѣлать кому только могъ, обращала все это въ искреннее къ нему уваженіе. Въ немъ была и Русская хитрость; но онъ не тратилъ ея на мелочи, а употреблялъ для видовъ государственной пользы, не для собственныхъ успѣховъ при дворѣ.

Потомъ былъ онъ генераль-губернаторомъ Орловскимъ и Курскимъ; въ послѣднемъ изъ сихъ городовъ имѣлъ онъ постоянное пребываніе и былъ настоящимъ его основателемъ, обстроивъ его, украсивъ и введя въ немъ пріятности общежитія. Курская губернія, коей уѣзды примыкающіе къ Малороссіи были искони наполнены бѣглецами, бродягами, преступниками, при немъ только переставала быть разбойничьимъ вертепомъ. При Павлѣ дали ему въ управленіе Подолію и Волынь; потомъ перевели его въ Малороссію и придали ему наконецъ Кіевъ и Минскую губернію.

Старинную дружбу, сведенную съ отцомъ моимъ въ молодыхъ лѣтахъ, возобновилъ онъ въ старости и часто наединѣ требовалъ его совѣтовъ. Какъ въ Ригѣ плѣнилъ онъ Нѣмцевъ, заставляя ихъ однакоже, какъ говорится, плясать по своей дудкѣ, такъ въ Кіевѣ умѣлъ

обворожить Поляковъ, которые для него рады были все сдѣлать, мнѣ кажется, даже переимѣнить вѣру. Пѣсколько такихъ людей какъ Беклешовъ были драгоцѣннѣйшее наслѣдство оставленное Екатериной, и нѣкоторое время ими только и жила Россія, въ безразсудное царствованіе ея преемника.

Только въ одной наружности Кіева не нашелъ я ни малѣйшей перемѣны; въ обществѣ же его почти на половину встрѣчались мнѣ совершенно новыя лица. Я не успѣлъ еще ознакомиться съ ними, не успѣлъ еще хорошенько узнать ихъ имена, какъ родители мои объявили мнѣ о намѣреніи своемъ отдать меня въ домъ Голицыныхъ для усовершенствованія моего образованія и самимъ везти меня туда. Мнѣ это было очень не по сердцу, но дѣлать было нечего. Итакъ Кіевъ мелькнулъ только передо мною, ибо въ первыхъ числахъ Февраля отправились мы въ новое для меня мѣстопробываніе.

Въ первый день остановились мы въ Бѣлой Церкви и весь слѣдующій провели у графини Браницкой; я говорю у графини, ибо супругъ ея въ домѣ ничего не значилъ, такъ точно какъ мужья госпожъ Форсевиль и Турчаниновой. Онъ былъ человекъ старый, но образованный и довольно еще любезный, ума весьма посредственнаго; славился же онъ безпримѣрнымъ аппетитомъ вмѣстѣ съ утонченнымъ вкусомъ въ гастрономіи. Несмотря на свою скупость, графиня Браницкая нанимала изящнѣйшаго повара-Француза и ничего не щадила для стола, дабы симъ пріятнымъ занятіемъ отвлечь супруга отъ хозяйственныхъ дѣлъ, въ которыхъ онъ ничего не понималъ и въ кои отъ скуки онъ захотѣлъ бы, можетъ-быть, мѣшаться. Они жили въ обширномъ деревянномъ домѣ, внутри оштукатуренномъ, коего стѣны были выкрашены просто, а потолки выбѣлены. Но главныя комнаты сего дома были наполнены драгоцѣнными вещами, бронзовыми, мраморными, фарфоровыми, хрустальными, изъ коихъ, какъ увѣряли, ни одна не была куплена графиней Браницкой: всѣ онѣ были даны дружбою и щедротою Екатерины, а нѣкоторыя подарены или завѣщаны княземъ Потемкинымъ. Изъ всѣхъ мнѣ болѣе показала примѣчательна одна высокая бронзовая гора, на вершинѣ коей сидѣлъ двуглавый Русскій орелъ; изъ боковъ ея струились живоносныя хрустальные ручьи, а внутри ея устроенный механизмъ производилъ музыку, которая подражала журчанію водъ. На полугорѣ сидѣлъ Сатурнъ съ косою за плечами, одною рукой опираясь объ часы, а другою держа миниатюрный портретъ Екатерины на мѣди писанный, въ оправѣ изъ стразовъ, какъ бы забывшая время свое и любующаяся въ изображеніемъ.

При двухъ сыновьяхъ и трехъ дочеряхъ, также какъ у графа Салтыкова, находились учитель и гувернеръ съ гувернанткой, мужъ

съ женой, г-нъ и г-жа Дориньи и мусью Бробекъ. Сверхъ того, жили въ семь домѣ Польскія и Русскія дамы и барышни, иностранный медикъ и нѣсколько отставныхъ военныхъ, неимущихъ, довольно образованныхъ чиновныхъ людей, занимавшихъ должности домоправителей, прикащиковъ надъ деревнями, конюшихъ и тому подобное *). Двѣ враждебныя націи жили тутъ въ совершенномъ согласіи. Домашняя услуга вся состояла изъ шляхтичей, и въ семь домѣ, безъ лишнихъ прихотей, все напоминало однакоже феодальное могущество.

Княгиня Голицына, къ которой везли меня, была родная сестра графини Браницкой; но въ это время произошла между ними если не явная ссора, то, по крайней мѣрѣ, сильная простуда родственной любви. Обѣ хотѣли купить Корсунь, помѣстье князя Понятовскаго, которое вмѣстѣ съ окружавшими его деревнями имѣло до восьми тысячъ душъ. У Браницкой были огромные капиталы, а у Голицыной не было даже большаго кредита; слѣдственно первая сторговала имѣніе. Павелъ Первый помирилъ ихъ, купивъ оное для Петра Васильевича Лопухина, отца своей любимицы, котораго, вмѣстѣ съ тѣмъ, пожаловалъ свѣтлѣйшимъ княземъ. Мать моя взялась довершить примиреніе начатое императоромъ и, кажется, въ томъ успѣла.

Село или мѣстечко Казацкое, въ которое мы пріѣхали, было изъ числа тѣхъ имѣній, кои Польскіе короли раздавали магнатамъ въ Украинѣ, послѣ раздѣленія ея на Русскую и Польскую и по совершенномъ порабоженіи послѣдней. Магнаты никогда въ нихъ не пріѣзжали, жили въ Варшавѣ или Вильнѣ и получали съ нихъ только доходы; казацкая вольница не страдала отъ панскаго присутствія. Князь Потемкинъ, еще при Польскомъ правительствѣ, властію и деньгами пріобрѣлъ все тѣ имѣнія, которыя находились въ сосѣдствѣ съ Новороссійскимъ краемъ; по смерти его, они достались его наслѣдникамъ. Проѣзжая чрезъ сіи имѣнія, чрезъ Богуславъ, Корсунь, я не могъ надивиться тому, что вездѣ вижу православныя церкви, вездѣ слышу Малороссійское нарѣчіе и только изрѣдка встрѣчаю Поляковъ. Невѣжество мое, которое, впрочемъ, раздѣлялъ я со всѣми жителями внутренней Россіи, заставляло меня думать, что все находящееся за старою нашею границей есть и было всегда настоящая Польша.

*) Нельзя себѣ представить, сколько добрыхъ и честныхъ людей, безъ всякой вины оставленныхъ или исключенныхъ изъ службы, въ сіе мрачное время скиталось безъ пропитанія. Они принимали всякія низкія должности въ знатныхъ и помѣщичьихъ домахъ. У князя Куракина жилъ въ деревнѣ одинъ видный собою маіоръ, котораго обязанность состояла только въ томъ, чтобы съ палкою въ рукѣ ходить передъ княземъ, когда онъ изволилъ шествовать въ свою домовую церковь.

Еще не было году, что семейство Голицыныхъ поселилось въ Казацкомъ. Мы пріѣхали туда въ сумерки. Безконечный дворъ, обнесенный тыномъ, въ глубинѣ коего открывались деревянные барскіе хоромы, наскоро выстроенныя, а по бокамъ находились шесть довольно просторныхъ мазанокъ, вмѣсто флигелей, и садъ разведенный только осенью и представляющій одни только ряды прутьевъ, все это занесенное снѣгомъ, имѣло въ глазахъ моихъ видъ мрачный и угрюмый. Тѣ, кои вспомнятъ, какъ тяжела мнѣ была мысль сдѣлаться пріемышемъ въ знатномъ домѣ, даже среди шума блестящей столицы, могутъ посудить о томъ, что во мнѣ происходило въ сію истинно-горестную для меня минуту.

Намъ отвели особливныя комнаты. Въ тотъ же самый вечеръ меня представили княгинѣ, и я познакомился какъ съ гувернеромъ, коему меня поручили, такъ и съ маленькими моими товарищами. Я не скажу теперь ни слова о впечатлѣніи, которое произвело на меня мое новое знакомство: ибо всѣхъ членовъ многочисленнаго семейства, среди коего пришло мнѣ жить, также и всѣ лица, кои, находясь въ семъ домѣ, составляли его общество, намѣренъ я въ послѣдствіи перебрать поодиночкѣ. Права гостепріимства я почитаю священными; но я ни мало не нарушу моихъ обязанностей, если о постороннихъ людяхъ скажу истину съ такою же откровенностью, съ какою говорилъ о самыхъ близкихъ родныхъ. Черезъ два дни родители мои воротились въ Кіевъ, оставивъ меня между людьми мнѣ дотолѣ вовсе незнакомыми.

Съ нетерпѣніемъ ожидала княгиня Варвара Васильевна (такъ звали г-жу Голицыну) извѣстій отъ мужа изъ арміи, которая на походѣ находилась тогда въ Литвѣ; съ изступленіемъ бѣшенства скоро получила она письмо его, коимъ онъ ее увѣдомлялъ, что государь за что-то на него прогнѣвался, отставилъ его отъ службы, отдалъ корпусъ его генералу де-Ласси, велѣлъ ему жить въ деревнѣ, и что фельд-егеръ не замедлитъ привезти его къ намъ. Конечно, было за что по досадовать, но гнѣвъ княгини Голицыной превосходитъ всякое описаніе. Столь ужаснѣйшаго гнѣва я никогда еще не видывалъ; онъ превратилъ ее въ фурію, исказилъ всѣ черты еще прекраснаго ея лица. Забывая, что свидѣтелями она имѣетъ дѣтей и слугъ, она проклинала царя, всѣхъ, народъ и войско, которые ему повинуются, и успокоилась только отъ изнеможенія силъ. Этотъ первый взрывъ яркими чертами освѣтилъ въ глазахъ моихъ весь характеръ той особы, у которой я находился въ зависимости и заставилъ меня въ поступкахъ своихъ быть весьма осторожнымъ.

Дни три спустя послѣ того прибылъ, или былъ привезенъ, самъ князь Голицынъ, въ сопровожденіи втораго сына своего, Федора, от-

ставнаго гвардіи корнета, который отправился къ нему въ армію, въ надеждѣ подъ начальствомъ его опять вступить въ службу, но, встрѣтясь съ нимъ на дорогѣ, вмѣстѣ воротился. Не прошло недѣли, какъ изъ Петербурга прислали старшаго сына его князя Григорія, генераль-адъютанта и любимца Павла Перваго, внезапно отставленнаго и высланнаго изъ столицы. Это было въ Февралѣ, а въ половинѣ лѣта еще прислали къ намъ третьяго и четвертаго сыновей князя Голицына, Сергія и Михаила, Семеновскихъ офицеровъ, также безъ просьбы отставленныхъ, но не совсѣмъ однакоже безъ вины и причины. Итакъ Казацкое сдѣлалось мѣстомъ заточенія цѣлаго семейства, мнѣ совершенно чуждаго, но которое однакоже я долженъ былъ съ нимъ раздѣлять.

Я не былъ свидѣтелемъ свиданія супруговъ; мы въ это время сидѣли за книгами; когда же кончился классъ, и меня представили хозяину дома, то видъ его, спокойный, довольно - веселый, и ласково-покровительственный мнѣ пріемъ меня чрезвычайно ободрили.

Теперь приступлю къ обѣщанному выше, къ изображенію людей, съ коими прожилъ я около года въ совершенномъ удаленіи отъ міра и коихъ характеръ слѣдственно могъ хорошо изучить. Чтобы успокоить читателя, сиѣшу предупредить его, что между ними были лица отмѣнно-замѣчательныя и начинаю съ главы семейства.

Воспитанный въ Кадетскомъ Корпусѣ, въ концѣ царствованія императрицы Елисаветы, князь Сергій Ѳедоровичъ учился съ успѣхомъ математическимъ наукамъ и, исключая Русскаго, зналъ еще хорошо Нѣмецкій языкъ. Вышедъ изъ него, онъ въ обществѣ получилъ навыкъ къ Французскому; знаніе языковъ было тогда не бездѣлица: оно вело къ повышенію. Онъ не принадлежалъ къ знаменитой вѣтви Голицыныхъ, Дмитрія и двухъ Михайловъ Михайловичей, коихъ счастье при Петрѣ Великомъ равнялось великимъ ихъ заслугамъ и коихъ семейства пріобрѣли новую славу въ глазахъ Русскаго народа, падая умилительными жертвами Нѣмецкаго тиранства при Аннѣ Іоанновнѣ. Его отецъ, князь Ѳедоръ Сергѣевичъ, былъ человѣкъ и не чиновный, и не богатый, и не расчетливый: прельстившись всѣмъ заграничнымъ, куда какъ-то его занесло, онъ получилъ необоримое отвращеніе ко всему отечественному. Рассказывали, что, по возвращеніи изъ путешествій, онъ тотчасъ завелъ флѣровую фабрику и потомъ, гнушаясь названіями ржи и проса, онъ всѣ поля свои засѣялъ Французскимъ табакомъ, и скоро до того раззорился, что наконецъ не на чемъ ему было посѣять и рѣпы. Когда просвѣщеніе блеснетъ передъ полуварварами, то прежде всего хватаются они за роскошь, какъ дѣти, котормя ловятъ огонь...

Къ счастью молодого сына, онъ вовсе не походилъ на отца; въ немъ билось истинно Русское сердце, онъ былъ наружности пріятной, былъ добръ, уменъ и храбръ: безъ того, не смотря на сіятельное свое происхожденіе, ему бы невозможно было выбиться изъ княжеской толпы *). Много ему способствовало къ тому родство съ извѣстнымъ фельдмаршаломъ, графомъ Захаромъ Григорьевичемъ Чернышовымъ, президентомъ Военной Коллегіи, коего по матери былъ онъ родной племянникъ; а еще болѣе женитьба на племянницѣ князя Потемкина, который, впрочемъ, не очень его любилъ, но не могъ отказать ему въ уваженіи. Тоже самое было и съ другими тогда царскими любимцами.

Это зналъ Павелъ Первый и, вступивъ на престолъ, осыпалъ его ласками и наградами. Долго это продлиться не могло: только въ Екатеринино время можно было безнаказанно соединять вѣрную службу и преданность престолу съ нѣкоторою независимостію характера. Скоро долженъ былъ князь Голицынъ оставить службу и поселиться въ Москвѣ. Но когда война съ Французами заставила вызвать Суворова изъ заточенія, тогда вспомнили и о другихъ брошенныхъ мечахъ Екатерины: на Гатчинскихъ фрунтовикахъ трудно бы было выѣхать. Призванный въ Петербургъ, обласканный Голицынъ отправился ко ввѣренному ему корпусу, а вскорѣ потомъ въ ссылку, за какое-то откровенное письмо къ императору.

Онъ былъ тогда полный генералъ и обвѣшенъ всѣми первостепенными орденами, за военные подвиги полученными. Онъ былъ въ

*) Наша Россія въ этомъ отношеніи не сходствуетъ ни съ сопредѣльною съ нею Азіей, въ которой рѣдко гдѣ можно найти аристократическія наследственные права, ни съ сосѣдственною феодальною Европой, гдѣ до конца послѣдняго столѣтія привилегированныя касты такъ много еще толковали о геральдикѣ, о своихъ родословныхъ, о своихъ пергаменахъ и гордились длиннымъ рядомъ предковъ всегда болѣе, чѣмъ богатствомъ, чѣмъ талантами и доблестями. У насъ пути къ славѣ, чинамъ и богатству открыты для всѣхъ состояній; сего мало: новое имя, получившее великую знаменитость, всеобщую извѣстность, самая противоположность низкаго происхожденія и высокой степени, до которой изъ него достигаютъ люди счастливые или способные, имѣетъ для Русскихъ особую привлекательность. Люди, которые, безъ личныхъ достоинствъ, хвастаются предками, у насъ становятся смѣшны; за то вельможи, которые не красѣются отъ родства съ простодушными, пріобрѣтаютъ новыя права на уваженіе. Со всѣмъ тѣмъ, однакоже, дворянскимъ достоинствомъ никто не пренебрегаетъ; ибо дворянство имѣетъ у насъ право, какимъ нигдѣ оно въ другихъ земляхъ не пользуется: право собственности надъ единокранными людьми. Въ понятіяхъ о благородствѣ, какъ и во многомъ, у насъ еще можно найти смѣшеніе Европейскаго съ Азіатскимъ. Въ нашемъ холодномъ климатѣ мы привыкли къ снѣжности, мы любимъ ее; какъ, опрочные, каменные дома наши почти ежегодно починиваются и перекрашиваются, чтобы чѣшше наши взоры, такъ и древніе роды должны безпрестанно успѣхами по службѣ или при дворѣ наводить на себя новыя ласки, чтобы оставаться на нѣкоторой высотѣ въ глазахъ соотечественниковъ.

крѣпости силъ и лѣтъ, ибо ему еще не было пятидесяти, и по его опытности, дѣятельности и безстрашію казалось, что судьба предназначала его быть однимъ изъ лучшихъ нашихъ полководцевъ; сіи ожиданія никогда не сбылись. Но можно утвердительно сказать, что еслибъ ему поручень былъ корпусъ Корсакова или Германа, то слава Русскаго оружія въ Голландіи или Швейцаріи прогремѣла бы тогда не менѣе чѣмъ въ Италиі; самыя важныя происшествія взяли бы тогда, можетъ быть, иной оборотъ.

Росту былъ онъ небольшого, но сложенія очень плотнаго и чрезвычайнаго полнокровенъ. Одинъ глазъ его былъ косою, и онъ имѣлъ обыкновеніе его прищуривать; сіе придавало ему видъ нѣсколько насмѣшливый, улыбка же его всегда выражала добродушіе, и это вмѣстѣ дѣлало лицо его весьма примѣчательнымъ. Кажется, кромѣ военной исторіи и стратегическихъ книгъ, онъ другаго чтенія не любилъ; о литературѣ и помину не было. Въ хозяйственныя дѣла онъ не мѣшался; по тогдашнему обычаю, воспитаніе дѣтей предоставлялъ гувернёрамъ и учителямъ. Въ чемъ состояли кабинетныя его занятія, мнѣ неизвѣстно; ибо мы видѣли его только въ обѣденное время, и по вечерамъ онъ долженъ былъ часто скучать. Въ хорошую погоду ѣздилъ онъ прогуливаться въ коляскѣ или верхомъ, а въ вечеру сражался иногда съ кѣмъ-нибудь на шахматной доскѣ и почти всегда побѣждалъ противниковъ. Осень и начало зимы было для него самое лучшее время года: тогда по дѣлымъ днямъ могъ онъ гоняться за зайцами.

Всѣ склонности его были молодецкія. Говорятъ, что смолоду онъ былъ отчаянный игрокъ, часто до послѣдней копѣйки все проигрывалъ, пока фортуна не сдѣлалась къ нему благосклоннѣе, и онъ нѣсколько сотъ тысячъ не приобрѣлъ игрою; тогда онъ побѣдилъ сію страсть и карты пересталъ брать въ руки. Къ вину онъ никогда не былъ склоненъ, а страсть къ женщинамъ превратилась у него въ постоянную любовь къ одной. Благородство души его было неимовѣрное, оно не позволяло зависти ея коснуться. Надобно было видѣть его сердечную радость, его восторги при чтеніи тогда новостей изъ Италиі! Сраженіе при Нови готовъ онъ былъ торжествовать какъ собственную побѣду; за то надобно было видѣть и его глубокую печаль при полученіи извѣстія о Цюрихскомъ дѣлѣ. Изгнанникъ восхищался тѣмъ, что умножало славу правленія его гонителя и рукоплескалъ соперникамъ! Жестокая несправедливость царя не могла перемѣнить его чувствъ къ Россіи. Какой запасъ славныхъ, отличныхъ людей оставила Екатерина! И какъ расточительность ея двухъ наслѣдниковъ умѣла сдѣлать его бесполезнымъ!

Какъ домашнимъ, такъ и деревенскимъ хозяйствомъ исключительно занималась княгиня, «его супруга златовласа, Плѣнира сердцемъ и лицомъ» *). Когда я началъ знать ее, такое названіе уже ей не было прилично, хотя черты ея были безподобныя, и въ сорокъ лѣтъ она сохраняла свѣжесть двадцатилѣтней дѣвы. Но сильныя страсти, коихъ вслѣдствіе дурнаго воспитанія она никогда не умѣла обуздывать, дали ея лицу весьма непріятное выраженіе. Въ ея власти находились чада и домочадцы, слуги и крестьяне; однакоже мужъ не переставалъ быть господиномъ, и хотя всѣмъ она управляла, всѣмъ повелѣвала, но онъ сохранялъ права генеральной инспекціи и контроля: самый благоразумный образъ правленія въ домѣ.

Я худо объяснился, если мои читатели увидятъ въ княгинѣ Голицыной злую женщину: между злою и сердитою разница превеликая. Еслибы гнѣвъ ея иногда не былъ продолжителенъ, то ее просто можно было бы назвать вспыльчивою. Она чрезвычайно любила власть и деньги, любила безъ памяти мужа и одного изъ сыновей своихъ и терпѣть не могла противорѣчій; а какъ разсудокъ ея былъ не весьма обширенъ, то никакіе доводы не могли ее убѣждать. Сообразуясь съ симъ, можно было избѣгать непріятныхъ съ нею столкновеній, и въ ея управленіи не было замѣтно и тѣни тиранства; но горе тому, кто, возбудивъ ея гнѣвъ, не спѣшилъ покорностію смягчить его: тогда она забывала все, и свой санъ, и свой полъ, и начинала даже рукамъ давать волю. Рассказывали ужасы, будто бы одинъ разъ она пріятельницу свою, помѣщицу Шевелеву, у себя въ гостиной, при всѣхъ таскала за волосы; будто бы дорѣгой, измучившись отъ несправности, въ которой она находилась, она среди поля при себѣ велѣла разложить сопровождавшаго ее засѣдателя и высѣчь плетьюми: тогда еще былъ живъ князь Потемкинъ, и не было даже возможности жаловаться на нее. Надобно сказать, однакоже, къ ея чести, что на совершенно-беззащитныхъ, напримѣръ на горничныхъ дѣвокъ, никогда рука ея не подымалась.

Съ такимъ правомъ ей не легко было жить въ обществѣ. Въ столицахъ она обыкновенно вела жизнь уединенную, стараясь окружать себя одними только угодниками и угодницами, а въ деревнѣ тогда не трудно было знатной барынѣ сосѣднихъ мелкопомѣстныхъ дворянокъ обращать въ свои прислужницы. Потому-то ея Зубриловка, въ Саратовской губерніи, была любимымъ ея мѣстопробываніемъ: тамъ степень ея довѣренности указывала мѣста всѣмъ уѣзднымъ барынямъ.

*) Такъ называетъ ее Державинъ въ известномъ стихотвореніи: *Осень во время осады Очакова.*

Получивъ село Казацкое по наслѣдству отъ дяди, она долго не рѣшалась въ него пріѣхать. Одиѣ только сильныя привычки удерживали тогда на Сѣверѣ новыхъ помѣщиковъ завоеваннаго края; но они восхищались мыслію, что могутъ, когда захотятъ, поселиться въ тепломъ, прекрасномъ климатѣ; нынѣ, еслибъ государь имѣлъ власть раздавать имѣнія близъ Ниццы и Флоренціи, то получившіе ихъ наши Руссо-Европейцы едва ли бы тому такъ радовались. Княгиню Голицыну къ переселенію побудили другія причины: всѣ эти имѣнія, находящіяся въ рукахъ арендаторовъ, заброшенныя, забытыя Польскими помѣщиками, приносили чрезвычайно мало дохода въ сравненіи съ Великороссійскими деревнями; она хотѣла личнымъ присутствіемъ стараться его умножить.

Часто, часто вздыхала она о своей Зубриловкѣ. Въ благословенной странѣ, среди роскошной природы, она жила какъ въ пустынѣ; вокругъ были одни крупныя помѣстья, и самыя ближніе сосѣди во ста верстахъ. Всѣ ея навыки, всѣ ея вкусы были старинныя Русскіе. Кому было угождать имъ, кому было раздѣлять ихъ съ нею? Конечно, она бы могла собрать разсѣянныхъ въ округѣ шляхтянокъ, но какъ ихъ подпустить къ себѣ? Въ глазахъ ея онѣ стояли ниже ея служанокъ. Одна своя семья и живущіе въ ней составляли ея безсмѣнное, единообразное общество. Поутру она занималась дѣломъ, за обѣдомъ хорошо кушала (и по большой части одни Русскія блюда); послѣ обѣда она сидѣла *за столикомъ въ софѣ*, какъ изобразилъ ее Державинъ. Скука ее одолѣвала. «Что бы намъ дѣлать?» иногда говорила она, «чего бы намъ поѣсть?» И моченныя яблоки, и рябинная пастила, и брусничная вода, и клюковный морсъ, и морошка въ сахарѣ, иногда просто липовый медъ, всѣ Сѣверныя лакомства предпочтительно южнымъ плодамъ, смѣняли другъ друга, чтобы проговяты нашу скуку. Добрая, сердитая княгиня! Истая боярыня! Несмотря на твой постоянно-угрюмый видъ, на твои страшныя иногда взоры, я чту, я люблю твою память; прости мнѣ мою откровенность: ты теперь въ обители вѣчной истины и дозволишь мнѣ говорить ее о тебѣ.

Десять сыновей родила княгиня Голицына мужу своему, и одинъ только изъ нихъ умеръ въ малолѣтствѣ. Старшій, князь Григорій, при рожденіи былъ пожалованъ гвардіи капитаномъ, какъ первенецъ изъ внуковъ Потемкина, то-есть сыновей его племянницы. Императоръ Павелъ, при вступленіи на престолъ, сдѣлалъ его, тогда семнадцатилѣтняго мальчика, полковникомъ и своимъ флигель-адъютантомъ, а года черезъ полтора генераль-адъютантомъ. Тутъ нѣтъ ничего мудренаго, и цари могутъ, когда имъ угодно, жаловать новорожденныхъ фельдмаршалами; но вотъ что удивительно: онъ нѣсколько времени

управлялъ военною канцеляріей и докладывалъ по дѣламъ ея государю, слѣдственно былъ родъ начальника штаба; кто его зналъ прежде и послѣ, тому это покажется вовсе непонятнымъ. Онъ лицомъ походилъ на отца, хотя былъ красивѣе его и ростомъ выше; не имѣлъ пылаго характера матери, но у нея заимствовалъ страсть первенства надъ мелкими людьми. Его воспитывалъ какой-то баронъ Эйбенъ, который, даромъ что Нѣмецъ, ни самъ ничего не зналъ, ни его ничему не училъ. Много придется мнѣ говорить объ этомъ человѣкѣ въ послѣдствіи времени; теперь сказаннаго здѣсь почитаю достаточнымъ.

Второй сынъ, восемнадцатилѣтній князь Федоръ, не только въ нашемъ маленькомъ обществѣ, но и въ самомъ блистательномъ, многочисленномъ, былъ бы замѣчательнъ. Получивъ столь же плохое воспитаніе, какъ и братья, онъ пріобрѣлъ, однакоже, въ большомъ свѣтѣ этотъ хорошій тонъ, который человѣку, одаренному умомъ, даетъ такъ много средствъ его высказывать, а неимущему скрывать его недостатки. Болѣе всего помогаетъ онъ обходить затруднительные вопросы, которые могли бы изобличить въ невѣжествѣ; имѣя самыя поверхностныя познанія, можно съ нимъ прослыть едва ли не ученымъ. Во Франціи, гдѣ родился онъ, прикрывались имъ пороки и даже злодѣйства, пока революція не истребила его, какъ бесполезный покровъ. Давно уже вывели его къ намъ молодые, знатные наши путешественники, Шуваловы, Бѣлосельскіе, Чернышovy, но болѣе всего эмигранты распространили его въ лучшемъ обществѣ. Въ немъ образовался князь Федоръ Голицынъ; а какъ Французскій языкъ былъ исключительный органъ хорошаго тона, безъ котораго и понынѣ онъ у насъ не существуетъ, то онъ выражался на немъ такъ свободно и пріятно, какъ я дотолѣ не слыхивалъ.

Казалось, что онъ взялъ себѣ девизомъ: все для большаго свѣга, его успѣховъ и наслажденій. И потому-то я мало зналъ людей, которые бы имѣли столько свѣтской любезности и ума. Лицо Русской кормилицы, бѣлое, полное, широкое, румяное, но съ огненнымъ взглядомъ и привлекательною улыбкой, дѣлали наружность его весьма пріятною; самой необычайной толщинѣ своей умѣлъ онъ въ молодости, посредствомъ туалета, давать щеголеватую форму. Онъ прекрасно пѣлъ романсы и прилежно читалъ романы; въ этомъ, кажется, заключались всѣ его знанія.

Сверхъ того, былъ онъ одаренъ необыкновеннымъ вкусомъ, не тѣмъ изящнымъ вкусомъ, который умѣетъ давать цѣну произведеніямъ ваятеля, зодчаго или живописца и котораго одобреніе почитаютъ они лучшею наградою,—нѣтъ, онъ самъ сознавался, что ничего не смыслить въ паружной архитектурѣ, что красоты ея для него не суще-

ствують, и никогда не хотѣлъ взглянуть на картину. Но что касается до внутренняго расположенія комнатъ, до убранства ихъ всеми драгоценными бездѣлками, то на вымыслы въ этомъ родѣ былъ онъ настоящій гений. Еслибъ онъ остался живъ и захотѣлъ бы себя на то для другихъ употребить, то я увѣренъ, что въ нынѣшнее время онъ бы затмилъ, уничтожилъ Монферрана *).

Еще одну великую способность имѣлъ князь Феодоръ: никто въ Россіи не умѣлъ такъ славно готовить великолѣпные праздники и быть ихъ распорядителемъ. Съ большимъ состояніемъ, которое наконецъ онъ получилъ и съ маленькою бережливостію, которой никогда онъ не имѣлъ, такіе люди, какъ онъ, служатъ если не подпорою государства, то по крайней мѣрѣ украшеніемъ двора.

Моложе его годомъ, князь Сергій, третій братъ, былъ похожъ на него лицомъ, но лучше его, выше ростомъ и не такъ толстъ. Онъ его взялъ за образецъ, и сіе искусное подражаніе была одна только его блестящая сторона.

Но четвертымъ, Михаиломъ, не безъ причины гордился отецъ; его любила мать, любили братья, товарищи по службѣ, весь домъ, всѣ знакомые. Нельзя было сыскать дурнаго лица столь пріятнаго, въ невысокомъ ростѣ нельзя было найти болѣе мужественнаго вида; изъ-подъ наморщенного чела, изъ-подъ нахмуренныхъ всегда бровей, никакіе глаза не выражали столько сердечной доброты, столько веселой смѣлости. Онъ безъ памяти любилъ женщинъ и былъ столько въ нихъ счастливъ, сколько скромнъ на счетъ успѣховъ своихъ. Съ перваго взгляда физиогномистъ могъ узнать въ немъ Русскаго человѣка. Изъ всего семейства своего онъ одинъ былъ одаренъ основательнымъ умомъ и любознаниемъ и одинъ былъ бы въ состояніи поддержать весь падшій нынѣ родъ князя Сергѣя Феодоровича. Но смерть всегда выбираетъ лучшія жертвы, и онъ погибъ въ сраженіи при Прейсишъ-Эйлау, имѣя не болѣе двадцати трехъ лѣтъ отъ роду.

За нимъ слѣдовалъ пятый братъ, Николай, несчастный, больной, искаженный въ ребячествѣ отъ испуга, лишенный разсудка, и который потомъ, двадцати лѣтъ, умеръ на рукахъ у няньки.

Шестой и седьмой, Павелъ и Александръ, были мои товарищи, но двумя или тремя годами моложе меня. Ни тотъ, ни другой далеко не пошли. Первый, весьма плохоголовый, еще въ ребячествѣ имѣлъ

*) Французикъ, славный рисовальщикъ и декоратёръ, котораго у насъ указомъ сдѣлали архитекторомъ и которому указомъ велѣно строить мраморный соборъ, на который потребны десятки лѣтъ и десятки милліоновъ. И онъ строить его! Пусть скажутъ, что у насъ на Руси нѣтъ болѣе чудесъ.

лакейскія манеры и самыя подлыя наклонности; онъ долго страдалъ слѣдствіями порочной жизни и въ низкихъ должностяхъ старался держать себя вдали не только отъ столичныхъ, но и отъ губернскихъ городовъ. Другой, Александръ, былъ уменъ и храбръ; но ложныя понятія о чести и слишкомъ упрямый нравъ рано остановили его на военномъ поприщѣ, которое бы онъ могъ съ успѣхомъ проходить.

Самые меньшіе, Василій и Владимиръ, едва выходили тогда изъ младенчества. Первый весьма не глупъ и всегда оставался добрымъ и честнымъ человѣкомъ; онъ могъ бы быть человѣкомъ болѣе полезнымъ, но баловство страстной къ нему матери много повредило ему. Вообще все члены этого семейства гибли, одни въ блестящемъ, другіе въ жалкомъ ничтожествѣ. Болѣе всехъ изъ братьевъ надѣлалъ шуму меньшей, Владимиръ, употребляя во зло дары природы. Его называли Аполлономъ, онъ имѣлъ силу Геркулеса и былъ ума веселаго, затѣйливаго, и отъ того вся жизнь его была сцѣпленіе проказъ, иногда жестокихъ, иногда преступныхъ, рѣдко безвинныхъ.

Источникомъ всехъ непріятностей въ жизни, неудачъ по службѣ, раззоренія, для этихъ Голицыныхъ было дурное ихъ воспитаніе.

Отецъ болѣе всего заботился о физическомъ образованіи дѣтей: ему желалось ихъ всехъ видѣть молодцами. Конечно, это весьма похвально, особливо въ то время, когда родители не только высшаго, но и средняго состоянія думали отличиться отъ простонародья, воспитывая дѣтей своихъ въ совершенной илѣгѣ, державши ихъ вѣчно въ теплѣ и не давая никакой свободы ни ихъ мыслямъ, ни ихъ движеніямъ. Человѣкъ, однакоже, не растеніе, и нужно приготовить его къ перенесенію непогодъ и нравственной атмосферы. Объ этомъ, кажется, никто не думалъ въ томъ домѣ, гдѣ я находился. Молодые князья были искусны во всехъ гимнастическихъ упражненіяхъ: они шибко бѣгали, высоко лазили, славно катались на конькахъ, мастерски перепрыгивали черезъ рвы; смотря по возрасту, у каждаго изъ нихъ были разныхъ величинъ свайки, и они тѣнились ими между собою или дворовыми людьми; зимою и лѣтомъ каждое утро обливали ихъ холодною водою. Развитіе же ихъ умственныхъ способностей оставлено было на произволь судьбы; никакихъ наставленій они не получали, никакихъ правилъ объ обязанностяхъ человѣка имъ преподаваемо не было. Губернеръ ими очень мало занимался и только изрѣдка, какъ Оиѳгина, *слегка бранилъ*. Дядьки говаривали: «Полноте, ваше сіятельство; вѣдь за васъ на мнѣ взыщутъ».

Что касается до наукъ, то, исключая губернера, который училъ ихъ по-французски и зналъ хорошо правописаніе, несмотря на то что онъ былъ эмигрантъ, находился еще при нихъ учитель математики.

Имѣя намѣреніе ихъ всѣхъ посвятить военной службѣ, отецъ чувствовалъ всю необходимость для нихъ сей науки.

Будучи воспитанъ какъ благородное дитя, то-есть лѣнивый тѣломъ и мало пріученный къ холоду, новая метода, которой и я долженъ былъ слѣдовать, была мнѣ вовсе не по вкусу. Дѣлать было нечего, и я привыкъ къ ней. Здоровое и крѣпкое сложеніе, которое получилъ я отъ природы, могло бы со временемъ быть обезсилено тѣлеснымъ бездѣйствіемъ, и я весьма благодаренъ дому Голицыныхъ за сохраненіе многихъ физическихъ способностей. Но какъ добро бываетъ рѣдко безъ худа, то въ семъ же домѣ (съ горестію долженъ въ томъ признаться) въ первый разъ познакомился я съ идеями порока и разврата. Опасность явилась съ той стороны, гдѣ ея менѣе ожидать было можно. Старшій изъ моихъ маленькихъ товарищей, моложе меня, какъ сказалъ я выше, заговорилъ со мной такимъ языкомъ, который сначала показался мнѣ непонятенъ; я покраснѣлъ отъ стыда и ужаса, когда его понялъ, но вскорѣ потомъ началъ слушать его съ удовольствіемъ.

Кто бы могъ повѣрить? Другой соблазнитель мой былъ самъ нашъ гувернёръ, шевалье де-Роленъ-де-Бельвиль, Французскій подполковникъ, человекъ лѣтъ сорока. Не слишкомъ молодой, умный и весьма осторожный, сей повѣса старался со всѣми быть любезенъ и умѣлъ всѣмъ нравиться, старымъ и молодымъ, господамъ и даже слугамъ. Обхожденіе его со мною съ самой первой минуты меня плѣнило. Я еще помнилъ строгую мораль, которую читалъ въ глазахъ г. Мута; недавно разстался съ брюзгливымъ Форсевилемъ, и вдругъ нахожу наставника, который хочетъ увѣрить меня, что я уже не ребенокъ; а въ отроческія лѣта кому не хотѣлось быть постарѣе! Онъ началъ давать мнѣ дружескіе совѣты и одну только неловкость мою исправлять тонкими насмѣшками; я чувствовалъ себя совсѣмъ на свободѣ. Во время нашихъ прогулокъ, которыя начались съ открывшеюся весной, онъ часто забавлялъ меня остроумною болтовней; объ отечествѣ своемъ говорилъ какъ всѣ Французы, безъ чувства, но съ хвастовствомъ, и съ состраданіемъ, болѣе чѣмъ съ презрѣніемъ, о нашемъ варварствѣ. Мало-по-малу пріучилъ онъ меня видѣть во Франціи прекраснѣйшую изъ земель, вѣчно озаренную блескомъ солнца и ума, а въ ея жителяхъ избранный народъ, надъ всѣми другими поставленный. Революціонеры, новые Титаны по словамъ его, только временно овладѣли симъ Олимпомъ, но, подобно имъ, будутъ низвергнуты въ бездну. При словѣ религія онъ съ улыбкой потуплялъ глаза, не позволяя себѣ однакоже ничего противъ нея говорить; какъ средствомъ, видно, по мнѣнію его, пренебрегать ею было нельзя. Онъ познакомилъ меня съ

именами (не съ сочиненіями) Расина, Мольера и Буало, о которыхъ я, къ стыду моему, дотолѣ не слыхивалъ, и возбудилъ во мнѣ желаніе ихъ прочесть.

Посреди сихъ разговоровъ, вдругъ началъ онъ заводить со мною нескромныя рѣчи и рассказывать самыя непристойныя, даже отвратительныя анекдоты. Я не зналъ что мнѣ дѣлать: я такъ уже привыкъ въ него вѣровать, что стыдился своего стыда; а онъ, злодѣй, наслаждался моимъ смятеніемъ. Еще пріятнѣе было ему видѣть, какъ постепенно исчезала моя робость и умножалось безстыдство. Кабая была цѣль его? Просто, въ этихъ людяхъ есть нѣчто демонское. Когда между Французами таковы были поборники вѣры и законнаго правительства, то что же такое были ихъ противники?

Изобразивъ поступки этого человѣка, надобно сказать нѣсколько словъ и о наружности его. Онъ былъ высокъ и сухощавъ, имѣлъ самыя маленькіе, сѣрые, сверкающіе глаза и огромный носъ, который, описывая правильную дугу, составлялъ четверть круга. Онъ былъ чрезвычайно опрятенъ и никогда не покидалъ крестика Св. Лазаря, который доставляли не заслуги, а доказательства стариннаго дворянства.

И вотъ въ какихъ рукахъ находилась тогда, конечно, половина благороднаго Русскаго юношества! При Павлѣ, въ числѣ другихъ золь и безпорядковъ, размножились у насъ эмигранты: не было полка въ арміи, въ коемъ бы не находилось ихъ по два и по три человѣка. Вообще тѣмъ, коимъ удалось попасть въ службу, болѣе другихъ поспчастливилось. Графскій титулъ, который по безчисленности носящихъ его мелкихъ, мало извѣстныхъ дворянъ, во Франціи уже былъ ни почемъ, у насъ тогда еще былъ въ рѣдкость, и наши знатныя или богатая невѣсты охотно выходили за сихъ мнимознатныхъ людей, особливо когда они имѣли Русскій чинъ. Такимъ образомъ Лавали, Модены, Кенсонá *) у насъ сдѣлались величайшими аристократами, не только сравнивались съ знаменитѣйшими нашими фамиліями, но начали почитать себя выше ихъ. Не такова была участь тѣхъ, кои принуждены были приняться за воспитаніе дѣтей: званіе учителя, въ нашихъ варварскихъ понятіяхъ, казалось намъ немного выше холопа-дядьки, вѣчнаго соперника *мусы*. Французы это замѣтили; но какъ не было возможности ихъ всѣхъ помѣстить, ибо прибывающія ихъ толпы безпрестанно увеличивались, то, слѣдуя нашей пословицѣ (я думаю у нихъ же заимствованной) «плоха честь, когда нечего вѣсть», они разсѣялись по лицу земли Русской, чтобы какимъ-либо образомъ добывать себѣ хлѣбъ. Умножающееся употребленіе Французскаго языка

*) За одного изъ Кенсонá вышла дочь описаннаго выше князя П. П. Одоевскаго. П. Б.

способствовало имъ къ отысканію мѣсть; скоро, въ самыхъ отдаленныхъ губерніяхъ, всякій небогатый даже помѣщикъ началъ имѣть своего маркиза *). Не было у насъ для Французовъ середины: ils devenaient outchitels ou grands seigneurs

Когда между Французами, между эмигрантами, встрѣтится человѣкъ благоразумный, просвѣщенный, скромный, съ религіозными чувствами и строгою нравственностью, то надобно говорить объ немъ какъ о диковинкѣ. Такая диковинка находилась у насъ въ селѣ Казацкомъ. Къ сожалѣнію, не ему было поручено воспитаніе наше: онъ только давалъ намъ уроки. Г. Керлеръ, о коемъ хочу говорить, не пріѣхалъ, а пришелъ въ Россію съ корпусомъ принца Конде. Какъ искуснаго инженернаго офицера, его бы охотно приняли во всякую иностранную службу; но онъ предпочелъ надѣть ледунку, взять ружье, и стать въ ряды простыхъ воиновъ, защитниковъ королевскихъ правъ, кои почитали они священными; когда корпусъ, къ коему принадлежалъ онъ, былъ принятъ въ Русскую службу, то скоро, наскучивъ гарнизонною жизнію, онъ опредѣлился учителемъ въ домъ Голицыныхъ.

Въ этомъ коротенькомъ и крѣпкомъ человѣчкѣ нельзя было предположить ни костей, ни мяса, ни жиру, а одни только мускулы: онъ весь былъ какъ одна только сильная пружина. Родомъ былъ онъ изъ Бретани. Я не знаю, должно ли Бретонцевъ почитать Французами. Изъ завоеванныхъ Кельтическихъ племенъ они одни подъ Римскимъ владычествомъ сохранили нѣкоторую твердость, независимость, честные и дикіе нравы и неблагозвучный свой языкъ, когда вся Галлія приняла обычаи своихъ завоевателей. Гордые ихъ единоплеменники, отдѣленные отъ нихъ проливомъ, также легко переродились въ Англосаксовъ и Норманновъ, коль скоро были ими покорены. Оружіе Франковъ позже всего проникло въ ихъ Арморіку, и Вандея была послѣдняя защитница прежняго порядка. Пусть назовутъ ихъ непреклонными или упрямыми; таковы остались они и понынѣ. Таковъ былъ и мой любезный Керлеръ.

Онъ съ добродушною настойчивостію побѣдилъ во мнѣ отвращеніе къ математическимъ наукамъ, и въ одно лѣто прошли мы съ нимъ геометрію и алгебру; ему обязанъ я тѣмъ, что не остался совсѣмъ безсчетнымъ. Съ величайшимъ терпѣніемъ училъ онъ маленькихъ князьковъ, но усердно и успѣшно занимался съ шестнадцатилѣтнимъ от-

*) Я зналъ въ Пензенской губерніи одного г. Жедринскаго, у котораго было не болѣе трехъ сотъ душъ обремененныхъ долгами. Его сына воспитывалъ виконтъ де-Мельвиль.

ставнымъ офицеромъ, княземъ Михайломъ, который одинъ изъ братьевъ пожелалъ вознаградить потерянное на службѣ время.

И такъ въ семь домѣ было два Француза. Было еще и два Нѣмца: отставной ротмистръ, который, завѣдывалъ конюшнею и смотрѣлъ за лошадьми, и лѣкарь, который морилъ людей; послѣдній былъ женатъ. Потомъ былъ Грекъ, отставной майоръ, главный управитель надъ деревнями, который всегда улыбался, пришучивалъ и обкрадывалъ своихъ вѣрителей. Въ немъ одно только мнѣ памятно: отъ него ужасно несло курительнымъ табакомъ; цвѣтъ лица онъ имѣлъ совсѣмъ кофейный и ежедневно пилъ по двѣнадцати чашекъ кофе. Всѣхъ вышесказанныхъ, но не вышеименованныхъ особъ, лѣтъ двадцать тому назадъ, могъ бы я назвать читателю, который впрочемъ немного бы отъ того выигралъ, и горе только одному мнѣ, кому память столь примѣтно измѣняетъ *). Наконецъ, былъ и Полякъ, Загурскій, панъ-экономъ съ своей паньей. Грекъ и Нѣмцы обѣдали съ нами только по праздникамъ и по воскресеньямъ, а шляхтича съ женой, тоже по воскресеньямъ, пускали только по утру съ поклономъ къ княгинѣ, которая милостиво давала имъ цѣловать ручку.

Все это были должностныя лица; но въ нашемъ обществѣ находились еще два почетные члена, изъ коихъ одинъ давно уже членомъ Россійской Академіи, а другой доселѣ тщетно ожидаетъ сей чести.

Родной племянникъ Александра Петровича Сумарокова, одного изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ старинныхъ писателей, Павелъ Ивановичъ служилъ въ Преображенскомъ полку подъ начальствомъ князя Сергія Ѳедоровича и женился на двоюродной сестрѣ его, княгинѣ Маріи Васильевнѣ Голицыной. Онъ свелъ ее съ ума, гдѣ-то оставилъ, а прижитыхъ съ нею двухъ дѣтей, сына и дочь, отдалъ онъ на воспитаніе въ домъ своего родственника и покровителя. Принужденъ будучи, подобно многимъ, оставить службу при Павлѣ и не имѣя большаго состоянія, онъ находился тогда вмѣстѣ съ ними и гостилъ въ Казацкомъ.

Весьма бы любопытно было сдѣлать психологическое изысканіе, отчего люди, имѣющіе сколько-нибудь разсудка, иногда до того бываютъ ослѣплены высокимъ о себѣ мнѣніемъ, что выказываютъ его на каждомъ шагу, при каждомъ словѣ, не замѣчая, сколь неприлично сіе въ общежитіи, сколь противно для самолюбія другихъ. Каждый изъ насъ, если только захочетъ взять трудъ разсмотрѣть себя, то найдетъ

*) Чтобъ имѣть по образику каждой націи, учился съ нами маленькій, красивый Англичанинъ, Джонъ Личъ, сынъ какого-то ремесленника. Я недавно зналъ его архитекторомъ Медико-хирургической Академіи, во что опредѣлилъ его извѣстный его единоклассникъ Владіе, хотя онъ никогда архитектуръ и не думалъ учиться.

внутреннее, вѣрное чувство, которое поможетъ ему лучше другихъ сдѣлать самому себѣ оцѣнку. Многие, ужасаясь умственной нищеты своей, холоднымъ молчаніемъ ограждаютъ ее отъ пронизательности людей; высокомѣрнымъ обхожденіемъ, какъ плотною мантией, прикрываютъ они природныя свои рубища. Все это предполагаетъ нѣкоторый разсудокъ, нѣкоторое искусство и слѣдственно нѣкоторый умъ. Но тѣхъ, кои, будучи словоохотны, вѣчно повторяютъ глупое я, когда въ ихъ взглядахъ вы всегда видите бессмысленное самодовольство, тѣхъ позволено рѣшительно назвать дураками.

Непомѣрная спѣсь г. Сумарокова превосходила всякое описаніе: никакіе успѣхи не смягчали его гордости; безчисленныя неудачи не могли никогда его образумить. Въ обращеніи со всѣми, кого смолоду не привыкъ онъ почитать выше себя, было всегда что-то грубое, жесткое, нестерпимое. Въ глубокой старости онъ остался также тяжелъ и несносенъ, какъ въ первой молодости; болѣе онъ сдѣлаться не могъ. Два раза былъ онъ губернаторомъ, объ губерніи долженъ былъ оставить, истощивъ терпѣніе начальства, подчиненныхъ и жителей; теперь онъ состоитъ инвалиднымъ сенаторомъ.

Онъ одинъ видѣлъ въ себѣ государственнаго человѣка и литературнаго генія; никто даже въ шутку его въ томъ не увѣрялъ. Вѣроятно, у него былъ двойникъ, и ихъ взаимное удивленіе, обожаніе, утѣшало его въ мнимой несправедливости людей. Нельзя думать, чтобы творенія его дошли до потомства; библіоманамъ было бы однакоже не худо ихъ сохранять: они могутъ служить образцами дурнаго слога, дурнаго вкуса, наглости, самохвальства и самой грубой неблагопристойности. Стараясь спасти ихъ отъ забвенія, въ которомъ, можетъ-быть, и самъ потону, спѣшу назвать извѣстнѣйшія: *Досуи Крымскаго судьи*, *Прогулка за границу* и повѣсть: *Теодора*, которая такая же дура, какъ и самъ сочинитель.

Дочь его, Марія Павловна, нынѣ пожилая дѣва, была тогда двѣнадцатилѣтняя дѣвочка; воспитанная съ дѣтьми другаго пола, она имѣла и сохранила много ухватокъ мальчика. Сыну Сергѣю Павловичу, славному артиллеристу и генераль-адъютанту, было тогда лѣтъ восемь или девять. Они оба были вовсе не въ отца. Первая необыкновенною любезностію ума, послѣдній заслугами, храбростію и добросердечіемъ всегда искупали недостатки его и пріобрѣтенными въ обществѣ любовію и уваженіемъ украшаютъ незавидную его старость.

Въ Казацкомъ г. Сумарокову не было передъ кѣмъ гордиться: хозяева были къ нему расположены пріязненно, а прочіе уму его вѣвѣрили на слово. Со мной былъ онъ довольно ласковъ, спускался иногда до шутокъ и забавлялся моимъ невѣдѣніемъ, моею неопытно-

стію. Замѣтивъ однакоже возрастающую дружбу мою къ дочери, взаимную, дѣтскую, невинную, онъ прогнѣвался, мнѣ запретилъ къ ней подходить, ей говорить со мною и съ того времени сталъ сурово на меня смотрѣть.

Въ ненастное время пернатые пѣвцы скрываются въ густотѣ лѣса: деревню и домъ князя Голицына избралъ тогда убѣжищемъ одинъ весьма мохнатый пѣвецъ, извѣстный чудесными дарованіями. Я назвалъ его пѣвцомъ мохматымъ, потому что въ поступи его и манерахъ, въ ростѣ и дородствѣ, равно какъ и въ слогѣ, есть нѣчто медвѣжье: та же сила, та же спокойная угрюмость, при неуклюжествѣ, та же смысленность, затѣйливость и ловкость. Его никто не назоветъ лучшимъ, первѣйшимъ нашимъ поэтомъ; но конечно онъ долго останется извѣстнѣйшимъ, любимѣйшимъ изъ нихъ. Многіе догадаются, что я хочу говорить о Крыловѣ.

Онъ былъ тогда лѣтъ тридцати шести и болѣе двѣнадцати извѣстенъ въ литературѣ. Онъ находился у насъ въ качествѣ пріятнаго собесѣдника и весьма умнаго человѣка, а о сочиненіяхъ его никто, даже онъ самъ, никогда не говорилъ. Мнѣ это доселѣ еще непонятно. Отъ того ли сіе происходило, что онъ не былъ иностранный писатель? Отъ того ли, что въ это время у насъ дорожили одною только воинскою славой? Какъ бы то ни было, но я не подозрѣвалъ, что каждый день вижу человѣка, коего творенія печатаются, играютъ на сценѣ и читаются всѣми просвѣщенными людьми въ Россіи; еслибы зналъ это, то конечно смотрѣлъ бы на него совсѣмъ иными глазами.

Собственное его молчаніе не можетъ почитаться слѣдствіемъ скромности, а болѣе сметливости: онъ выказывалъ только то, что въ состояніи были оцѣнить; истинныя же сокровища ума своего ему не передъ кѣмъ было расточать.

Происхожденіе его мало извѣстно; кажется, онъ долженъ быть сыномъ новаго, мелкаго, бѣднаго дворянина. Природа сама указала ему путь, на которомъ онъ встрѣтился съ фортуной; потому-то онъ мало заботился о службѣ. Но въ Россіи, особливо лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, никакъ нельзя было оставаться безъ чина, и его куда-то записали. Неимуцій, безпечный юноша, онъ долго не имѣлъ собственнаго угла и всегда гостилъ у кого-нибудь. Такимъ образомъ попалъ онъ къ князю Голицыну и жилъ у него уже года два до нашей встрѣчи. Онъ сопутствовалъ ему въ армію въ званіи частнаго секретаря, надѣялся за границей получить новыя впечатлѣнія, приобрести новыя познанія; но неблагопріятный оборотъ, который взяли дѣла его патрона, заставилъ его съ нимъ вмѣстѣ укрыться въ деревнѣ.

Въ тучномъ тѣлѣ его обращалась кровь не столь медленно какъ нынѣ, въ немъ было болѣе живости, даже болѣе воображенія; но уже тогда былъ онъ замѣчательнъ неопытною, лѣнностію и обжорствомъ. Въ этомъ необыкновенномъ человѣкѣ были положены зародыши всѣхъ талантовъ, всѣхъ искусствъ. Природа сказала ему: выбирай любое, и онъ началъ пользоваться ея богатыми дарами, сдѣлался поэтъ, хорошій музыкантъ, математикъ. Скоро тяжестью тѣла какъ бы прикованный къ землѣ и самымъ пошлымъ ея удовольствіямъ, его умъ сталъ рѣже и ниже парить. Одного ему дано не было: душевнаго жара, священнаго огня, коимъ согрѣлась, растопилась бы сія масса, поглотившая у насъ столь много наслажденій. Мы дивимся, мы восхищаемся тѣмъ, что ускользнуло отъ могущества плоти: что бы мы увидѣли, еслибъ она могла быть побѣждена!

Крылова называютъ Русскимъ Лафонтеномъ; тотъ и другой первые баснописцы въ своей землѣ; но какъ поэтъ, мнѣ кажется, Французъ стоитъ выше. Какъ онъ бываетъ иногда трогателенъ, увлекателенъ, на примѣръ въ баснѣ: «Два Голубя»! Читая его, никто не спроситъ: былъ ли онъ добрый человѣкъ? Всякій это почувствуетъ. Еслибъ о Крыловѣ мнѣ сдѣлали сей вопросъ, то я долженъ бы былъ отвѣчать отрицательно. Чрезмѣрное себялюбіе, даже безъ злости, нельзя назвать добротой; въ дѣянїяхъ Крылова, въ его разговорахъ былъ всегда одинъ только расчетъ; въ его стихахъ чистота, стройность и размѣръ, вездѣ умъ, нигдѣ не проглянетъ чувство, а умъ безъ чувства тоже что свѣтъ безъ теплоты. Человѣкъ этотъ никогда не зналъ ни дружбы, ни любви, никого не удостоивалъ своего гнѣва, никого не ненавидѣлъ, ни о комъ не жалѣлъ. Никогда не вспоминалъ онъ о прошедшемъ, никогда не радовался ни славѣ нашего оружія, ни успѣхамъ просвѣщенія; если онъ и завидовалъ другимъ знаменитымъ современнымъ нашимъ писателямъ, то развѣ въ тайнѣ; былъ съ ними привѣтливъ, но никогда ихъ не читалъ, никогда не хотѣлъ говорить о ихъ сочиненїяхъ. Единственную страсть, или лучше сказать что-то похожее на нее, имѣлъ онъ къ карточной игрѣ, но и въ ней былъ всегда остороженъ и всегда презиралъ игроковъ, съ коими однакоже прожилъ вѣкъ. Двѣ трети столѣтія прошелъ онъ одинъ сквозь нѣсколько поколѣній, одинаково равнодушный какъ къ отцвѣтшимъ, такъ и къ зрѣющимъ.

Съ хозяевами домовъ, кои, по привычкѣ, онъ часто посѣщалъ, гдѣ ему было весело, гдѣ его лелѣяли, откармливали, былъ онъ очень ласковъ, любезенъ; но если печаль какая ихъ постигала, онъ неохотно ее раздѣлялъ. Еслибъ его спросили, какое слово въ Русскомъ языкѣ ему кажется нѣжнѣйшимъ, то я увѣренъ, что онъ бы отвѣчалъ: кор-

милецъ мой. Чтò дѣлать! Видно, сердце у него въ желудкѣ; изъ сего источника почерпнулъ онъ большую часть своихъ мыслей, и надобно сказать правду, онъ имъ нехудо былъ вдохновенъ.

Тотъ, кто остается чуждъ житейскихъ бурь, кто на страсти людей, благородныя или пагубныя, смотритъ съ улыбкою презрѣнія, тотъ не долженъ имѣть ихъ слабостей, а еще менѣе ихъ предразсудковъ. Но таковы несообразности въ каждомъ изъ насъ, такое несогласіе бываетъ между разсудкомъ и наклонностями, что не сыщется нынѣ человѣка, который бы болѣе Крылова благоговѣлъ передъ высокимъ чиномъ или титуломъ, въ глазахъ коего сіятельство или звѣзда имѣли бы болѣе блеска. Положимъ, это слѣдствіе господствовавшаго прежде мнѣнія, подъ вліяніемъ коего онъ выросъ, и я очень далекъ, чтобы видѣть тутъ что-нибудь худое; но зачѣмъ же богатство имѣетъ равное право на его почтительную нѣжность? Отчего же такое жестокое невниманіе ко всѣмъ, кто обиженъ не природой, а фортуной? Гдѣ же твердый мужъ? Гдѣ же философъ? Надобно было видѣть въ Казацкомъ его умное, искусное, смѣлое раболѣпство съ хозяевами; надобно было видѣть, какъ онъ самъ возбуждалъ ихъ къ шуткамъ, какъ часто въ угожденіе имъ трунилъ надъ собою.

Грустно это вспомнить, а еще грустнѣе подумать, что на немъ выпечатанъ весь характеръ простаго Русскаго народа, какимъ сдѣлали его Татарское иго, тиранство Іоанна, крѣпостное надъ нимъ право и желѣзная рука Петра. Часто этотъ народъ долженъ трепетать передъ тѣмъ, чтò онъ презираетъ, и если Крыловъ — вѣрное изображеніе его недостатковъ, то онъ же и представитель его великихъ способностей. Въ простомъ языкѣ его, который иногда употребляетъ онъ и въ разговорѣ, изъ простыхъ его изреченій схватилъ онъ все, чтò показываетъ его глубокомысліе, и безъ лишнихъ украшеній, безъ приправы, составилъ изъ нихъ оригинальныя свои творенія, какъ славный поваръ изъ простыхъ, но самыхъ свѣжихъ припасовъ готовить вкусный столъ, который можетъ удовлетворить прихотямъ взыскательнѣйшаго гастронома. Подобно восточнымъ стихотворцамъ, въ копѣ самовластіе не могло заглушить таланта, но кои не дерзаютъ явно говорить истину, рѣшился и онъ яснымъ мыслямъ своимъ, вѣрнымъ наблюденіямъ дать форму аполога.

Несмотря на свою лѣность, онъ отъ скуки предложилъ князю Голицыну преподавать Русскій языкъ младшимъ сыновьямъ его и слѣдственно и соучащимся съ ними. И въ этомъ дѣлѣ показалъ онъ себя мастеромъ. Уроки наши проходили почти всѣ въ разговорахъ; онъ умѣлъ возбуждать любопытство, любилъ вопросы и отвѣчалъ на нихъ также толковито, также ясно, какъ писалъ свои басни. Онъ не до-

вольствовался однимъ Русскимъ языкомъ, а къ наставленіямъ своимъ примѣшивалъ много нравственныхъ поученій и объясненій разныхъ предметовъ изъ другихъ наукъ. Изъ слушателей его никого не было внимательнѣе меня, и я долженъ признаться, что если имѣю сколько-нибудь ума, то много въ то время около него набрался.

Обхожденіемъ его со мной я былъ очень доволенъ: правда, онъ напоминалъ мнѣ иногда о почтеніи, коимъ обязанъ я ребятамъ, молодымъ князьямъ, моимъ товарищамъ, что мнѣ было весьма не по сердцу; но за то маленькому Англичанину Личу при мнѣ говаривалъ онъ, что ему не слѣдуетъ забываться передо мной, генеральскимъ сыномъ.

Чтобы никого не пропустить изъ нашего деревенскаго общества, долженъ я назвать еще два лица: отставнаго капитана Таманскаго, побочнаго сына князя Сергія Ѳедоровича, и живущую у княгини Русскую барышню, Прасковью Андреевну, которыя ничтожества свои, во время пребыванія моего въ Казацкомъ, совокупили законными брачными узами.

Насъ человѣкъ двадцать каждый день садилось за столъ, но по праздникамъ бывало и болѣе двадцати пяти. Казалось, будто мы океаномъ или непроходимыми горами отдѣлены отъ другихъ частей міра, и только одинъ разъ въ недѣлю, посредствомъ почты, имѣемъ съ нимъ сообщеніе. Меня увѣряли послѣ, будто за нами присматривали; но кажется, кому бы было? Земской полиціи мы въ глаза не видали, а между нами не было ни одного человѣка, который бы когда-либо запятналъ себя предательствомъ.

Почтовые дни были для насъ днями радости. Я зналъ тогда хорошо по-нѣмецки и съ жадностію бросался на Гамбургскія газеты, которыя по прочтеніи вручалъ мнѣ князь съ одобрительною улыбкой. *Московскія Вѣдомости* не менѣе тогда были любопытны: не было номера, въ коемъ бы не упоминалось о Суворовѣ. Я шелъ за нимъ черезъ Адижъ, Требію и По, за нимъ летѣлъ на высоты Альповъ и съ нетерпѣніемъ ожидалъ его въ Парижѣ; голова моя горѣла, сердце билось при чтеніи блистательныхъ его реляцій. Я дома былъ изнѣженъ и слѣдственно трусливъ; тутъ откуда взялась бодрость: съ восхищеніемъ мечталъ я объ опасностяхъ, стыдился малѣйшей робости и побѣждалъ ее. Такъ сильно дѣйствуютъ великіе люди, въ отдалениѣйшихъ отъ насъ мѣстахъ, на самые низшіе классы и на самый нѣжный возрастъ.

Слава Суворова отражалась на пославшемъ его, ослабляла чувство ненависти къ нему, утѣшала угнетенныхъ имъ, ссыльныхъ, и раздѣляла радостный свѣтъ среди скорбной тьмы его царствованія. Дер-

зали даже ликовать, и извѣстія изъ Кіева говорили о безпрестанныхъ тамъ увеселеніяхъ.

Тутъ въ первый разъ узналъ я сладостное чувство любви къ отечеству, меня потомъ никогда не покидавшее; въ этотъ достопамятный для меня годъ познакомился я съ пороками и добродѣтелями, мнѣ дотолѣ неизвѣстными; въ уединенномъ углу Россіи вкусилъ я отъ древа познанія добра и зла. Скудны были мы настоящими происшествіями; но за то, исключая дѣтей, всѣ были богаты воспоминаніями, и потому-то бѣльшая часть разговоровъ проходила въ разсказахъ. Изъ разныхъ странъ собрались тутъ обрашники разныхъ націй и состояній; съ обыкновеннымъ вниманіемъ я все выслушивалъ, позволялъ себѣ мѣшаться въ разговоры, дѣлать вопросы и получалъ снисходительные и удовлетворительные отвѣты. Такимъ образомъ, въ самомъ тѣсномъ кругу, въ коемъ прожилъ я тогда близъ года, чрезвычайно расширился кругъ моихъ идей.

Напримѣръ, я узналъ между прочимъ, что знатный родъ и блестящія связи не только замѣняютъ заслуги и чины, кои они доставляютъ или должны доставлять, но стоятъ на высотѣ, для сихъ послѣднихъ недосыгаемой. Сію вѣру исповѣдывали всѣ члены семейства, въ коемъ я жилъ; изъ нихъ, кажется, первый князь Ѳедоръ припалъ ее въ тогдашнихъ Петербургскихъ гостиныхъ, куда вывезена была она прямо изъ Сенъ-Жерменскаго предмѣстія статскою совѣтницей княгиней Натальей Петровной Голицыной, урожденной графиней Чернышовой, сестрой фельдмаршалыши Салтыковой. Находясь въ Парижѣ во время революціи, сія знаменитая дама схватила священный огонь, угасающій во Франціи и возжгла его у насъ на Сѣверѣ. Сотни свѣтскаго и духовнаго званія эмигрантовъ способствовали ей распространить свѣтъ его въ нашей столицѣ. Составилась компанія на акціяхъ, куда вносились тутулы, богатства, кредитъ при дворѣ, знаніе Французскаго языка, а еще болѣе незнаніе Русскаго. Присвоивъ себѣ важныя привилегіи, компанія сія назвалась высшимъ обществомъ и правила Французской аристократіи начала прилаживать къ Русскимъ нравамъ, столь же удачно, какъ въ нынѣшнихъ Французскихъ водевиляхъ маркизы де-Сенваль и виконтессы де-Жюссакъ на нашей сценѣ перерождаются Авдотьями Дмитріевнами и Марьями Семеновнами. Екатерина благодпріятствовала сему обществу, видя въ немъ одинъ изъ оплотовъ престола противъ вольнодумства, а Павелъ Первый даже покровительствовалъ его, предоставляя себѣ, однакоже, право немилосердно тузить его членовъ, чего Французскіе короли себѣ позволять не могли.

Не одинъ разъ придется мнѣ говорить о семъ высококомъ сословіи, не болѣе какъ съ полсотни лѣтъ у насъ образовавшемся, о пре-

имуществѣхъ, коими оно пользуется, о сомнительныхъ правахъ нѣкоторыхъ изъ его членовъ. Чтобы съ нѣкоторою подробностію изобразить его, я хочу дождаться времени, когда мнѣ дано было почтительно приблизиться къ его святилицамъ; сказанное теперь почитаю пока мѣсть достаточнымъ. Въ малолѣтствѣ не совсѣмъ деликатно давали мнѣ чувствовать его могущество, но оно еще являлось мнѣ какъ огромный блестящій фантомъ, коего образъ сокрытъ былъ отъ меня таинственнымъ покровомъ, коего не видѣлъ я слабыхъ сторонъ и коего власти не зналъ я границъ.

Барская спѣсь, съ примѣсю Францускихъ предрасудковъ, дѣлала самохвальство молодыхъ Голицыныхъ иногда несноснымъ. Ни у одного не было дурнаго сердца, не было даже гордости, но губительное для нихъ въ послѣдствіи тщеславіе и легкомысліе. Имъ все еще грезилась тѣнь дѣдушки Потемкина; изъ словъ ихъ можно было узнать, что они болѣе видятъ въ себѣ побѣжденныхъ сильнымъ противникомъ, чѣмъ караемыхъ грознымъ владыкой. Съ своими слугами они обходились такъ же просто, какъ и съ живущими у нихъ въ домѣ; эта ласка была такого рода, какая оказывается любимой лошади, собакѣ или птицѣ. Такой ласки я снести не могъ и смѣю похвастаться, что умѣлъ отразить покровительственный тонъ, который хотѣли взять со мною молодые люди; съ родителями ихъ было дѣло другое.

Прошло лѣто, наступила осень, и уже близилась зима; съ каждымъ днемъ все у насъ въ деревнѣ становилось мрачнѣе и печальнѣе. Заграничныя извѣстія сдѣлались менѣе радостны, уменьшалась быстрота полета Суворова; сколь ни славенъ былъ переходъ его чрезъ Альпы, но онъ отдалялъ насъ отъ цѣли; наши Французы - роялисты повѣсили голову, а я чуть не плакалъ отъ досады.

Мои родители изъ Кіева отправились въ Москву, чтобы быть при родахъ сестры моей Алексѣевой, которая въ Октябрѣ благополучно и разрѣшилась сыномъ Александромъ. Это извѣстіе меня обрадовало и возгордило: въ первый разъ я сдѣлался дядей.

Къ концу года приготовились для меня новыя перемѣны въ жизни. Тайный іезуитъ, аббатъ Николь, завелъ въ Петербургѣ аристократическій пансіонъ. Онъ объявилъ, что сыновья вельможъ одни только въ немъ будутъ воспитываться; и сколько съ намѣреніемъ затруднить вступленіе въ него дѣтямъ небогатыхъ состояній, столько изъ видовъ корысти положилъ немовѣрную плату: ежегодно по 1.500 рублей, нынѣшнихъ шесть тысячъ. Обстоятельства способствовали успѣхамъ сего заведенія, которое находилось у Обухова моста, на Фонтанкѣ, рядомъ съ великолѣпнымъ домомъ князя Юсупова. Супруга его, княгиня Татьяна Васильевна, отдала сына своего къ аббату Николу, ко-

его чрезвычайно поддерживала; будучи сестрою княгини Голицыной, она письменно и ее убѣждала прислать туда же младшихъ сыновей своихъ, на что послѣдняя долго не изъявляла согласія. Но какъ невозможно было наконецъ не подмѣтить безнравственности г. Ролена, такъ какъ совѣстились ему прямо отказать и затруднились въ пріисканіи ему преемника, то и рѣшились отправить мальчиковъ въ Петербургъ. О семъ намѣреніи уведомили также и моихъ родителей, возвращавшихся тогда изъ Москвы.

Едва успѣли они воротиться, какъ прислали за мной довѣреннаго слугу. Исключая Михаила Голицына и учителя Керлерд, я разстался почти безъ всякаго сожалѣнія съ людьми, съ коими, казалось, одна свычка должна уже была меня связать; не меня винить надобно, а ихъ равнодушіе даже между собою, даже другъ къ другу. Въ самое Рождество, отужинавъ, простился я со всѣми довольно холодно и пошелъ къ себѣ спать, съ тѣмъ чтобы до свѣта выѣхать. Странное дѣло! Лишь только пришелъ въ свою комнату и сталъ раздѣваться, какъ мнѣ сдѣлалось грустно. Такъ послѣ со мною бывало и вездѣ, особенно тамъ, гдѣ люди не оказывали мнѣ и не возбуждали во мнѣ большаго участія: вмѣсто ихъ, родился я съ мѣстами и ихъ только покидалъ, какъ друзей. Менѣе сутокъ пробылъ я въ дорогѣ и далеко за полночь, когда уже у насъ всѣ спали, пріѣхалъ я въ Кіевъ.

XV.

Когда по утру увидѣли меня родители, то едва могли узнать: такъ много съ небольшимъ въ десять мѣсяцевъ измѣнилась моя наружность. Они оставили меня отрокомъ, я предсталъ имъ юношей. Я похудѣлъ, я вытянулся какъ спаржа; въ телицѣ порока насильственно и быстро я созрѣлъ.

Они не знали что со мной дѣлать: мои лѣта требовали еще продолженія учебныхъ занятій, мой ростъ и тогдашніе обычаи дѣлали меня годнымъ для службы. Къ тому же имъ жаль было со мной разстаться; изъ многочисленнаго семейства находился я при нихъ тогда почти одинъ, ибо старшая сестра и старшій братъ остались гостить у замужней сестры въ Москвѣ, а средній братъ поѣхалъ въ Петербургъ попытаться войти опять въ службу.

Въ Кіевѣ былъ тогда одинъ пріѣзжій Нѣмецкій профессоръ, г. Граффъ, человекъ ученый и кроткій, который не хотѣлъ заводить школы, а только для образованія въ наукахъ взялъ къ себѣ жить пять или шесть молодыхъ людей. Мой отецъ хотѣлъ меня къ нему отдать; но мать моя, которая весьма была на то согласна, выпросила меня только недѣли на три, чтобы мной потѣшиться.

Въ это время военнымъ губернаторомъ былъ Беклешовъ, но не тотъ, котораго я оставилъ, а меньшей братъ его, Сергѣй Андреевичъ. Старшаго же императоръ еще лѣтомъ вызвалъ въ Петербургъ и сдѣлалъ генераль-прокуроромъ. Выборы, кои обыкновенно онъ дѣлалъ на удачу, были иногда весьма удачны. Завѣдывая всѣми частями государственнаго управленія, Беклешовъ сохранилъ однакоже военное званіе и военный мундиръ. Императоръ Павелъ, подобно отцу и наслѣдникамъ, имѣлъ отвращеніе отъ гражданскихъ чиновниковъ и отъ гражданской службы, почиталъ подлыми ея занятія, особенно въ нижнихъ должностяхъ, и воспретилъ дворянству первоначально въ нее вступать.

Въ званіи военнаго и гражданскаго чиновника вмѣстѣ, Беклешовъ, дабы въ глазахъ государя облагородить одно званіе другимъ, предложилъ ему составить новый пѣхотный полкъ, подъ именемъ Сенатскаго, и его назначить шефомъ того полка; не ограничивать числа вступающихъ въ него подпрапорщиковъ изъ дворянъ, а симъ послѣднимъ, въ одно время преподавать законовѣдѣніе и учить ихъ фронтовой службѣ. Сія мысль была довольно курьозна, чтобы полюбитъ Павлу Первому, и она немедленно была приведена въ исполненіе. Брату моему, находившемуся тогда въ Петербургѣ, поручилъ Беклешовъ написать къ моимъ родителямъ, чтобъ они прислали меня къ нему для опредѣленія въ этотъ полкъ, и не заботились потомъ о моей судьбѣ. Выгоды казались очевидны; сей новый планъ разстроилъ прежній (отдать меня къ г. Граффу) и только ожидали случая, чтобъ отправить меня въ Петербургъ.

Кіевъ оживился тогда контрактами и ярмаркой, но мы съ матерью почти все сидѣли дома, чтобы рѣже разлучаться. Во время вторичнаго отсутствія моего, число незнакомыхъ мнѣ лицъ еще болѣе въ немъ умножилось; должностные же успѣли въ это время раза два перемѣниться, а прежніе, Екатерининскіе, между прочимъ Шардонъ съ Шардоншей, были всѣ въ отставкѣ и тихо доживали вѣкъ.

Одно поразило меня тогда въ Кіевѣ: новые костюмы. Казня въ безумствѣ не камень, какъ говоритъ Жуковскій о Наполеонѣ, а платье, Павелъ вооружился противъ круглыхъ шляпъ, фраковъ, жилетовъ, панталонъ, ботинокъ и сапоговъ съ отворотами, строго запретилъ носить ихъ и велѣлъ замѣнить однобортными кафтанами съ стоячимъ воротникомъ, трехугольными шляпами, камзолами, короткимъ нижнимъ платьемъ и ботфортами. Въ столицахъ уже давно успѣли привыкнуть къ сей уродливости, въ провинціяхъ позже, а къ намъ въ деревню или приказаніе не дошло, или оно въ ней не исполнялось. И мнѣ все платье пришлось перекроить, ибо уже года два ходилъ я въ галстукъ и снялъ куртку.

Въ первыхъ числахъ Февраля княгиня Варвара Васильевна прислала къ намъ въ домъ двухъ сыновей своихъ, Павла и Александра, чтобы всемъ нужнымъ запастись для дальнѣйшаго пути. Сихъ законныхъ сыновей князя Голицына привезъ въ Кіевъ незаконный сынъ его Таманскій, о коемъ въ предыдущей главѣ я, кажется, что-то сказалъ; онъ долженъ былъ сопровождать ихъ до самаго Петербурга. Вотъ и удобный случай меня отпрavitить; имъ воспользовались, наскоро меня снарядили и поручили попеченіямъ и надзору г. Таманскаго.

Этотъ разъ поѣхалъ я уже безъ всякаго восторга, съ однимъ только чувствомъ горести. Въ чужбинѣ такъ мало испыталъ я радостей, что въ будущемъ ничего не смѣлъ себѣ пріятнаго обѣщать. Въ виду у меня были двойныя занятія и военная служба, въ которой, какъ увѣряли, дворяне не имѣющіе офицерскаго чина не избавлялись тогда отъ тѣлесныхъ наказаній. Зима была ужасная и продолжительная; мы сидѣли закутанные въ крытыхъ кибиткахъ и свѣта Божьяго не видѣли. Но насъ было четыре мальчика сорвавшихся съ узды: двое Голицыныхъ, Англичанинъ Личъ и я, а надъ нами Таманскій, котораго никто не слушался, на котораго никто изъ насъ не хотѣлъ глядѣть. Въ такой веселой компаніи скоро можно было забыть горе; Таманскій разчитывался, расплачивался, суетился, а мы, безъ заботъ, даже безъ замѣчаній, скакали день и ночь, мѣняли лошадей, а на станціяхъ только что проказничали и рѣзвились: послѣдній разъ въ жизни былъ я ребенкомъ!

Въ одномъ только Витебскѣ чрезвычайная стужа заставила насъ остановиться на сутки, чтобы отдохнуть и обогрѣться. Въ Порховѣ уснали мы отъ одного проѣзжаго, что Беклешовъ отставленъ и уже уѣхалъ изъ Петербурга: «Что же Сенатскій полкъ?» спросилъ я у проѣзжаго.—«Переименованъ въ Литовскій, отвѣчалъ онъ, у Сената нѣтъ уже гвардіи: одинъ государь можетъ ее имѣть».—«Что же со мной будетъ?» подумалъ я и тяжело вздохнулъ.

Наконецъ, 18 Февраля 1800 года, поутру въ Гатчинѣ едва выпивъ чашку чаю въ торопяхъ, къ полдню въ первый разъ я увидѣлъ Петербургъ. Спустившись съ Пулковой горы, наши извозчики остановились, чтобы поправить лошадей; я этимъ воспользовался, чтобы въ находившейся тутъ каменной лавочкѣ купить пряничныхъ орѣховъ на послѣднія десять копѣекъ мѣдью, которыя у меня въ карманѣ оставалась: деньги же на прогоны и другія потребности были моими родителями отданы въ распоряженіе г. Таманскаго, который ихъ всѣ уже издержалъ.

У самой заставы объявилъ мнѣ онъ, вѣроятно наскучивъ мною дорогой, что мнѣ открыты всѣ четыре стороны, что онъ взялся меня только довести, но отнюдь не намѣренъ заботиться обо мнѣ въ столицѣ; и самъ съ молодыми людьми отправился прямо къ княгинѣ Юсуповой. Что мнѣ было дѣлать? Изъ писемъ зналъ я, что братъ мой живетъ у одного Кіевскаго пріятеля нашего семейства, артилерійскаго генерала Бѣгичева; но гдѣ? Я думалъ, что объ этомъ знать на заставѣ караульный офицеръ; онъ улыбнулся моему вопросу и совѣтовалъ мнѣ узнать о томъ въ Ордонансъ-Гаузѣ. Онъ находился въ Миліонной, на углу Мошкова переулка; туда я и отправился. Тамъ ничего мнѣ не могли сказать, а полагали, что мнѣ надобно искать его на Литейной, гдѣ живутъ всѣ артилеристы, и что квартиру его мнѣ, вѣроятно, укажетъ первый попавшійся мнѣ артилерійскій солдатъ.

Когда я объявилъ о томъ своему ямщику, то онъ наморщился, однакоже повезъ меня далѣе. Это былъ послѣдній день масленицы; не знаю, хотѣлось ли ему погулять, или дѣйствительно лошади были измучены, но онъ безпрестанно съ нетерпѣніемъ оборачивался ко мнѣ, спрашивая: скоро ли кончатся наши странствованія? Я молчалъ; вдругъ онъ вновь поворотился ко мнѣ съ вопросомъ, много ли я ему дамъ на водку? Мы уже были на Литейной, противъ Арсенала. Я имѣлъ нескромность отвѣчать ему, что у меня нѣтъ ни копѣйки; тогда онъ остановился и самымъ грубымъ образомъ объявилъ мнѣ, что онъ отпрягаетъ лошадей и бросаетъ меня на улицѣ. Со мною, для прислуги, былъ только глупый деревенскій мальчикъ Лѣвка, мой ровесникъ. Я обомлѣлъ; онъ, кажется, испугался еще болѣе меня.

Пусть представятъ себѣ положеніе провинціального недоросля, брошеннаго среди улицъ, которыхъ онъ не знаетъ, въ столицѣ, гдѣ ему никто не знакомъ, и безъ гроша денегъ. Но этимъ бѣда еще не кончается. Вдругъ налетаетъ полицейскій офицеръ, и кричитъ намъ: «Шапки долой, становись за кибитку!» Только успѣлъ я безмолвно исполнить сіе приказаніе, какъ вижу, что отъ Литейнаго двора несутся сани, запряженные парой красивыхъ, лихихъ лошадей, покрытыхъ огромными бѣлыми фартуками. Я въ нихъ узналъ самого государя, котораго одинъ разъ уже въ жизни видѣлъ. Онъ сидѣлъ съ императрицей и ѣхалъ кататься на горы, которыя тогда устроены были близъ Смольнаго монастыря. Лишь только промчался царь, полицейскій грозно возопилъ ко мнѣ: какъ смѣю я быть въ запрещенномъ нарядѣ? Но, вѣроятно, тронутый моими лѣтами, невѣдѣніемъ, совѣтовалъ скорѣе куда-нибудь убраться, чтобы меня не взяли на

сѣзжіи дворъ. На мнѣ была черная шапка съ длинными ушами, и онѣ недавно передъ тѣмъ были запрещены въ столицѣ.

Между тѣмъ нашъ ямщикъ медлилъ откладывать лошадей, можетъ быть и не посмѣлъ бы сего сдѣлать; но я не зналъ своихъ правъ, и лишь только опомнился отъ испуга, то вмѣстѣ съ Лѣвкой прибѣгнувъ къ мольбамъ. Проходящій въ это время солдатъ сказалъ намъ, что генералъ Бѣгичевъ живетъ на концѣ Кирочной улицы, у самага Таврическаго сада, въ деревянномъ угольномъ домѣ. Берегъ былъ видѣнъ, хотя еще въ отдаленіи, и жестокій ямщикъ сѣлъ опять на мѣсто и поѣхалъ далѣе, но во время переѣзда поминутно осыпалъ насъ ужасными ругательствами, изъ коихъ названіе нищихъ было еще самое сносное.

Вотъ, наконецъ, мы въѣхали на дворъ; но что же? Новое горе: ни Бѣгичева, ни брата, ни ихъ людей не было дома; все гуляли на масляницѣ или были въ гостяхъ; остались какіе-то два деньщика, которые не только не соглашались пустить меня въ комнату, но даже хотѣли прогнать со двора, принимая Бога въсть за кого. На бѣду и на счастье мое, ямщикъ нашъ былъ человѣкъ отчаянный, дерзкій: онъ прикрикнувъ на нихъ, ихъ не послушался, проворно отпрягъ лошадей и опрометью ускакалъ.

Мнѣ оставалось только сидѣть въ кибиткѣ и ожидать возвращенія брата. Я то и сдѣлалъ, но мнѣ было скучно и холодно. Я рѣшился оставить Лѣвку, а самъ пошелъ ходить по улицѣ, не отдаляясь однакоже отъ жилища своего, то-есть кибитки. Попавшіеся мнѣ какіе-то люди, съ коими завязалъ я разговоръ, сказали мнѣ, что если пойду вдоль Таврическаго сада и потомъ поворочу влѣво, то выйду къ самымъ горамъ и увижу увеселенія Русскаго народа. Любопытство, юношеская вѣтренность и надежда встрѣтить, можетъ быть, брата, заставили меня пойти. Нынѣшній Преображенскій плацъ былъ тогда безконечное поле, занесенное снѣгомъ, на краю котораго едва видѣлись низкія лачужки; я держался той стороны, которою онъ примыкаетъ къ саду, шелъ медленно, ибо вязнулъ безпрестанно въ глубокомъ снѣгу и былъ отягченъ дорожнымъ платьемъ. Дорогой я никого не встрѣтилъ, и мнѣ казалось, что я иду степью. Когда, пройдя садъ, заворотилъ я влѣво, то замѣтилъ, что начинаетъ смеркаться и вспомнилъ несчастную свою черную шапку; взмученный, истомленный, голодный, ибо ничего этотъ день не ѣлъ, кромѣ пряничныхъ орѣховъ, еще медленнѣе потянулся я назадъ. Когда я воротился, то почти уже смерклось, но я нашелъ счастливую переменъ въ моихъ дѣлахъ: слуга моего брата пришелъ домой и помогаль уже Лѣвкѣ перетаскивать мои пожитки.

Мнѣ ужасно хотѣлось ѣсть. Къ несчастію, люди г. Бѣгичева не возвращались; безъ нихъ все было заперто, а избавитель мой въ этотъ день прогулялъ свои деньги. Въ комнатѣ, которую братъ мой занималъ, кое-какъ устроили и мнѣ кровать. Я бросился на нее; за недостаткомъ пищи, спѣшилъ укрѣпить себя сномъ и безъ просыпа полсутки проспалъ. Въ эту ночь, не знаю, видѣлъ ли я что во снѣ; но если мнѣ снилось, то вѣрно ужъ сѣбственное. Случайное сіе негостепримство Петербурга оставило во мнѣ непріязненное къ нему впечатлѣніе, которое двѣ трети жизни въ немъ проведенныя не могли совершенно изгладить.

На другой день братъ меня разбудилъ и неодѣлаго повелъ къ нашему хозяину. Онъ былъ самый почтенный, самый добродѣтельный чудакъ, уменъ, благороденъ, но непреклоненъ и дикъ, не любилъ большаго общества. При видѣ малознакомыхъ, сердце его какъ будто замерзало, и онъ обдавалъ ихъ холодомъ, за то оно совершенно таяло съ ближними и пріятелями; наконецъ, страсть его къ трубкѣ довершала сходство его съ однимъ государственнымъ человѣкомъ, котораго я послѣ зналъ. Онъ меня раздѣловалъ и скорѣе велѣлъ накормить завтракомъ. Послѣ того отправились мы съ братомъ по лавкамъ и къ портному, дабы заказать мнѣ нарядъ, въ коемъ бы согласованы были законы моды съ государственными постановленіями. Тутъ только могъ я полюбоваться зданіями Петербурга; наканунѣ мнѣ не до того было.

Я былъ привезенъ въ Петербургъ для опредѣленія въ службу; но куда, теперъ сдѣлалось неизвѣстно. Надобно было брату подумать, что изъ меня сдѣлать: продолжать ли меня занимать ученіемъ, или просто отдать въ какой-нибудь полкъ. Онъ ни на что не смѣлъ рѣшиться, не спросясь напередъ родителей, и завелъ о томъ съ ними переписку. Пока онъ получилъ ихъ согласіе, а въ послѣдствіи и полномочіе располагать моею судьбой, пока онъ хлопоталъ объ опредѣленіи меня въ Пажескій корпусъ, пока ему это обѣщали и водили его, пока, убѣдясь, что ожиданія его тщетны, онъ началъ пріискивать для меня другой родъ службы,—прошло пять мѣсяцевъ. По истеченіи ихъ, наши родители, не видя никакого успѣха, полагая, что забавы Петербурга удерживаютъ въ немъ брата столько же, какъ и хлопоты (въ чемъ и не совсѣмъ ошибались), къ тому же не въ состояніи будучи продолжать издержекъ на наше содержаніе, приказали намъ немедленно отправиться въ Москву и тамъ ожидать новыхъ приказаній.

Въ продолженіи сихъ пяти мѣсяцевъ сдѣлалъ я нѣсколько новыхъ знакомствъ, впрочемъ не весьма интересныхъ; о самыхъ занимательныхъ не могу оставить читателя въ невѣдѣніи.

Мой братъ не былъ знакомъ въ аристократическомъ кругу, который въ Петербургѣ тогда и не очень былъ обширенъ: большая часть вельможъ жили въ Москвѣ, или въ удаленіи, въ деревнѣ; небольшое число изъ нихъ имѣли дозволеніе путешествовать за границей. Первое знакомство, доставленное мнѣ братомъ, было въ домѣ одного стараго Француза, шевалье де-Лабать де-Виванса*), который, вслѣдствіе какого-то поединка, долженъ былъ оставить Францію гораздо прежде революціи и эмиграціи. Вступивъ у насъ въ военную службу, онъ Гасконскою оригинальнію скоро понравился начальникамъ и сдѣлался наконецъ любимцемъ самого князя Потемкина, который, причисливъ его къ своему штату, назначилъ смотрителемъ собственныхъ дворца и сада, нынѣшнихъ Таврическихъ. По смерти Потемкина, они поступили въ казну, а его мѣсто изъ партикулярнаго обратилось въ придворное. При Павлѣ Таврической дворецъ превращенъ въ казармы лейбъ-гусарскаго полка, а г. Лабать, который и его смѣшилъ, сдѣланъ кастеланомъ строившагося Михайловскаго замка, и императоръ еще болѣе полюбилъ въ немъ титулъ рыцарскихъ временъ, для него имъ выдуманный.

Оставивъ въ отечествѣ дворянскіе предразсудки, Лабать въ Россіи женился на дочери извѣстнаго въ свое время Французскаго парикмахера Мармюна. Его супруга хотѣла играть роль знатной дамы, никогда не теряла важности и строгимъ взоромъ часто останавливала неприличные, по мнѣнію ея, порывы веселости своего мужа. Она, къ счастію, рѣдко показывалась; а гостей принимали двѣ дочери ея, добрыя, милыя, весьма уже зрѣлыя, но еще не пожилыя дѣвы, съ которыми мнѣ было чрезвычайно пріятно и весело.

Онъ когда-то былъ одинъ изъ проѣзжихъ, безчисленныхъ посѣтителей нашего дома въ Кіевѣ и за гостепрѣимство желалъ заплатить услугой. Онъ вызвался брату хлопотать объ опредѣленіи меня въ Пажескій корпусъ у двухъ вельможъ, оберъ-камергера графа Шереметева и оберъ-гофмаршала Нарышкина, съ которыми онъ былъ на короткой ногѣ. Но иное, видно, вышучивать трудно: бояре забавникамъ обѣщаютъ, водятъ ихъ, отшучиваются, и все дѣло наконецъ обращается въ шутку. Впрочемъ, главнымъ препятствіемъ къ моему опредѣленію былъ мой ростъ: тогда обыкновенно принимали мальчиковъ двѣнадцати лѣтъ, а я казался семнадцати.

Еще были мы вхожи въ домъ одного пріятеля нашихъ родителей, если только Никита Ивановичъ Пещуровъ могъ быть кому-нибудь пріятелемъ. Онъ вѣровалъ въ одно только могущество при дворѣ; любим-

*) О немъ часто говоритъ Жихаревъ въ своемъ «Дневникѣ». II. Б.

цы царей, любимцы вельможъ и ихъ любимцы составляли его Олимпъ, небесную іерархію, которой онъ униженно кланялся. Чтò всего страннѣе, онъ не былъ честолюбивъ, не искалъ власти, а любилъ ее въ другихъ; ему нужно было молиться, и какъ праздныя женщины, которыя въ Москвѣ всякое утро таскаются отъ часовень къ соборамъ и отъ приходскихъ церквей къ монастырямъ, такъ и онъ, прежде нежели отправится къ должности, любилъ возить набожность свою по приемнымъ. За другихъ онъ никогда не хотѣлъ просить, а за себя очень рѣдко. Онъ ѣздилъ безъ всякой нужды; просто пріѣдетъ, подождетъ; выйдетъ бояринъ, скажетъ «здравствуй, братецъ Никита Ивановичъ, каковъ ты?» а онъ съ благодарностію поклонится, слава-моль Богу, и потомъ на цѣлый день доволенъ, а когда пригласятъ откушать, то и совершенно счастливъ. Говоря всегда съ восхищеніемъ о сильныхъ, онъ никогда не позволялъ себѣ злословить падшихъ, въ ожиданіи, что они когда-нибудь возстанутъ; онъ не шелъ противъ нихъ, а почтительно и молчаливо ихъ убѣгалъ: это была въ одно время и врожденная, и систематическая, и самая откровенная, и самая утонченная подлость. Генеральскій чинъ нашего отца, который въ то время предполагалъ нѣкоторыя важныя связи, давалъ намъ право на его улыбку, по крайней мѣрѣ на ласковый, разсѣянно-покровительственный его пріемъ.

Бывало, мы по праздникамъ дѣлаемъ ему утреннія посѣщенія. Мнѣ памятно: простыня разостланная посреди комнаты, на ней стоящій стулъ и Никита Ивановичъ, на немъ сидящій въ пудрамантелѣ. Мы и нѣкоторыя другія, не весьма высокія, однакоже привилегированныя особы, сидѣли вдоль стѣны въ почтительномъ разстояніи, въ которомъ впрочемъ держали насъ и облака пудры, летѣвшія на тупей г. Пещурова; тѣ, которые стояли сзади его, конечно играли въ мірѣ весьма скромныя роли. Обычай принимать людей ниже себя за туалетомъ былъ, кажется, введенъ императрицей Екатериной; у нея переняли его вельможи, а отъ нихъ, видно, перешелъ онъ и къ подчиненнымъ ихъ. Никита Ивановичъ былъ тогда статскій совѣтникъ и совѣтникъ Ассигнаціоннаго Банка; теперь это менѣе чѣмъ ничто, а тогда, о блаженное время! это было что-то, такъ сказать, полугенеральство, и маленькое его чванство казалось весьма естественнымъ, нимало несмѣшнымъ. Въ теченіе долгодѣтней службы своей онъ не имѣлъ случая оказать великихъ услугъ государству, двѣ трети жизни своей онъ подписывалъ ассигнаціи, онъ началъ и кончилъ свое поприще въ этомъ банкѣ и умеръ въ чинѣ тайнаго совѣтника, управляя онымъ. Онъ всегда слылъ самымъ добрымъ человѣкомъ въ Петербургѣ; но, вспоминая его, я никогда не завидовалъ его репутаціи.

О женѣ его говорить мнѣ не хочется; низкіе пороки между женщинами худо образованными въ это время встрѣчались нерѣдко; вино согрѣвало и веселило тогда женскія сердца чаще, чѣмъ любовь. Съ двумя сыновьями его, тогда офицерами Семеновскаго полка *), я сблизился, несмотря на разность нашихъ лѣтъ. Какъ всё молодые люди того времени, они были образованы для свѣта и для военной службы, но и въ этомъ не имѣли ничего блестящаго. Они были со всѣми отмѣнно вѣжливы, а ко мнѣ особенно внимательны. Я много имъ обязанъ тѣмъ, что не совсѣмъ праздно провелъ тогда время въ Петербургѣ: они ссудили меня новыми Новостями Флоріана, и я перевелъ ихъ на Русскій языкъ, но уже какъ? Это бы мнѣ любопытно было теперь знать. Я полагаю, что этотъ переводъ не существуетъ; ибо мой братъ, который былъ невеликій литераторъ, хотя любилъ чтеніе, нашель, что онъ достоинъ быть напечатанъ и съ этимъ намѣреніемъ взялъ его къ себѣ, а потомъ затерялъ.

Странный былъ составъ маленькой библіотеки молодыхъ Пещуровыхъ, особливо для офицеровъ: полное собраніе сочиненій Флоріана, всё творенія Дората, маленькій томъ Буффлера, Театръ Мариво, Письма къ Эмилиіи о мѳологіи г. Демутье, Шольё и Лафаръ, Бернисъ и Жанти Бернаръ; все легкое, розовое, амурное, ни одной военной, ни одной Русской книги. вмѣстѣ съ Версальскими предразсудками вошла у насъ въ моду и Французская литература; въ высшемъ обществѣ знали наизусть классическихъ ея авторовъ, и вѣкъ Лудовика XIV ставили выше вѣковъ Августа и Перикла: знатныя дамы съ восхищеніемъ читали Массильйона и Бурдалу, и нѣкоторыя изъ нихъ аббатами приготовлялись уже къ воспріятію католицизма; полупросвѣщенные повѣсы проповѣдывали безбожіе и клялись Вольтеромъ и Дидеротомъ; чувствительные юноши, женщины принадлежащія ко второстепеннымъ обществамъ и молодые литераторы, также чуждые высшему кругу, плѣнялись нѣжностями, мадригалами, гримасными улыбками мелкихъ Французскихъ писателей. Духомъ сего времени созданы Измайловы и Шаликовы съ ихъ отвратительною чувствительностію.

Третій домъ нами посѣщаемый былъ полуаристократическій, не по знатности, не по тону, а по богатству, по связямъ, а еще болѣе по претензіямъ. Мой братъ учился въ пансіонѣ вмѣстѣ съ однимъ молодымъ Демидовымъ, свель и сохранилъ съ нимъ дружбу и сдѣлался домашнимъ у его родителей. Потомки знаменитаго кузнеца, во дни Петра Великаго открытіемъ рудъ и усовершенствованіемъ желѣзныхъ

*) Меньшой убитъ въ Фридриандѣ, а старшій былъ въ послѣдствіи губернаторомъ въ Псковѣ.

работъ стяжавшаго столь великое богатство, что каждая изъ раздробленныхъ между многочисленными его правнуками частицъ составляетъ еще миллионы, потомки сїи почти всѣ отличаются желѣзнымъ упрямствомъ и удивительными причудами. Внуку сего Акинѳія Демидова, Петръ Григорьевичъ, отецъ товарища моего брата, тотъ самый, къ которому мы ѣздили, если всѣхъ ихъ не превосходилъ странностями, то никому и не уступалъ. Я скажу только о тѣхъ, кои въ глазахъ свѣта казались смѣшными, а по моему мнѣнію, ему дѣлаютъ честь.

Около тридцати лѣтъ былъ онъ тогда уже женатъ. Заведенный имъ порядокъ съ тѣхъ поръ ни на волосъ не измѣнялся, и сей порядокъ, кажется, существовалъ еще въ домѣ его отца и дѣда. Въ убранствѣ комнатъ, въ обычаяхъ, въ распредѣленіи времени, во всемъ было замѣтно нѣчто Голандско-нѣмецкое. Сверхъ нижняго жилья, одноэтажный каменный домъ его въ Большой Мѣщанской сохранилъ еще и понынѣ старинный свой фасадъ. Нѣсколько узкихъ длинныхъ комнатъ сего дома были назначены для пріема гостей; гораздо же большее число внутреннихъ, какъ сердце г. Демидова, открывалось только задушевымъ его друзьямъ. Всѣ онѣ были съ прочными сводами, украшены лѣпными изображеніями; стѣны однихъ были завѣшаны множествомъ хорошихъ и дурныхъ картинъ, въ другихъ онѣ были составлены изъ изразцовъ, въ иныхъ видна была дубовая рѣзная работа; столовые и стѣнные часы, люстры, всѣ мебели одни другимъ соответствовали: вездѣ встрѣчались опрятность и роскошь Монплезира и маленькаго Екатерингофскаго дворца. Одна изъ комнатъ была убрана Китайскими шелковыми обоями; она называлась чайною, и въ шесть часовъ вечера, не позже, разливали въ ней сей горячій напитокъ, разводили огонь въ каминѣ, и гостямъ мужескаго пола подавали каждому по маленькой бѣлой трубкѣ съ табакомъ: обычай, который конечно ни въ одномъ порядочномъ Петербургскомъ домѣ тогда встрѣтить было невозможно.

Изъ сего можно видѣть, что Петръ Григорьевичъ чрезвычайно любилъ старину*). Однѣ сѣдины и морщины давали право на его привѣтливость; на молодыхъ людей, даже на молодыхъ женщинъ, онъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія. Ими съ большею любезностію занималась супруга его, Екатерина Алексѣевна, урожденная Жеребцова.

*) Старину, а не древность Русскую; ибо Голандско-нѣмецкая, мѣщанская, чисто-плотная роскошь, введенная у насъ при Петрѣ Великомъ и не во многихъ домахъ едва сохранившаяся до времени Екатерины, не имѣетъ ничего общаго съ древнимъ боярскимъ житьемъ, хлѣбосольнымъ, довольно безпорядочнымъ, не весьма опрятнымъ, которое и доселѣ пробивается сквозь Европейскія утонченности и grand genre нынѣшнихъ аристократовъ.

Родной братъ ея былъ женатъ на извѣстной некогда въ Петербургѣ Ольгѣ Александровнѣ, родной сестрѣ князя Зубова, любимца Екатерины; родная же племянница г. Демидова была замужемъ за однимъ графомъ Головкинымъ, а родной племянникъ, также Демидовъ, женатъ на княжнѣ Лопухиной, родной сестрѣ княгини Гагаринной, любимицы Павла Перваго. Столь знатное родство, посѣщавшее сей домъ, давало ему нѣкоторый блескъ; но странности въ немъ встрѣчаемыя всегда удаляли отъ него цвѣтъ тогдашняго лучшаго общества.

Странная мысль вошла тогда брату моему въ голову. Онъ никогда не бывалъ въ домѣ у Григорія Александровича, племянника г. Демидова, а съ молодою, прекрасною, меланхолическою женой его, которую мужъ ревновалъ къ цѣлому свѣту, рѣдко имѣлъ случай разговаривать. Ему показалось, впрочемъ весьма неосновательно, будто она къ нему неравнодушна. Желая казаться болѣе интереснымъ и воспользоваться мнимымъ ея хорошимъ расположеніемъ, онъ сталъ описывать ей братскую ко мнѣ любовь и нѣжныя попеченія о моей участи. Женское ли самолюбіе, которое дало угадать сильное впечатлѣніе сдѣланное на человѣка, хотя не красиваго, но молодаго, смѣлаго и пылкаго, просто ли доброта женскаго сердца возбудили въ ней состраданіе къ бѣдному мальчику; но она сама вызвалась говорить обо мнѣ графу Растопчину, министру иностранныхъ дѣлъ, и сдержала слово. Трудно было тогда отказать въ чемъ-нибудь сестрѣ княгини Гагаринной, и министръ черезъ нее велѣлъ мнѣ подать просьбу объ опредѣленіи въ службу.

Запрещеніе принимать въ гражданскую службу молодыхъ дворянъ все еще существовало, но изъ сего правила сдѣлано было изъятіе для дипломатической части. Дозволено было при Иностранной Коллегіи имѣть двадцать человѣкъ юнкеровъ 14 класса и десять при Московскомъ ея архивѣ, дабы такимъ образомъ ограничить число привилегированныхъ юношей. Легко себѣ можно представить, какъ много было желающихъ занять такия мѣста и какое нужно было покровительство, чтобы получить ихъ.

Вмѣстѣ съ дворомъ находился тогда графъ Растопчинъ въ Петергофѣ. Надобно было лично подать ему просьбу, и однимъ утромъ мы отправились туда съ братомъ въ наемныхъ дрожкахъ. Этой поѣздки я вѣкъ не забуду. Страхъ былъ во мнѣ сильнѣе радости. Я видѣлъ много вельможъ, ласкавшихъ мое отрочество, робѣть мнѣ, казалось, было нечего; но во всѣхъ официальныхъ дѣйствіяхъ и отношеніяхъ при Павлѣ былъ сокрытъ какой-то тайный ужасъ, и приближенные его, подобно ему, прослыли грозными. День былъ прекрасный, воздухъ жаркій, но безиреганно прохлаждаемый вѣтеркомъ, дующимъ со

вморья. Петергофская дорога, по которой ѣхалъ я въ первый разъ, была тогда, въ окрестностяхъ столицы, единственное мѣсто, гдѣ богачи всѣхъ сословій проводили лѣто, люди же другихъ состояній такой притомъ себѣ не позволяли и жили все въ городѣ. Двадцать шесть верстъ почти непрерывно тянулась предо мною двойная цѣпь красивыхъ дачъ, нынѣ въ развалинахъ или обращенныхъ въ фабрики, дворцы, барскія палаты, кіоски и пагоды, монументы, мѣстами каскады и фонтаны, каналы и затѣйливые черезъ нихъ мостики; цѣлыя рощи цвѣтовъ, украшающія крыльца и балконы, попеременно мелькали передо мною, и я съ жаднымъ вниманіемъ смотрѣлъ на все то, чѣмъ искусства и произведенія чуждыхъ намъ климатовъ такъ удачно прикрываютъ уродливую Петербургскую природу. Я былъ очарованъ, переходилъ отъ изумленія къ изумленію, и во всю дорогу забылъ и горе свое, и свои надежды.

На заставѣ у Петергофа долженъ былъ я о томъ вспомнить. Караванный офицеръ посмотрѣлъ на насъ съ видомъ подозрительнымъ, спросилъ наши имена, зачѣмъ мы пріѣхали и долго ли пробудемъ; и записавъ все это, потребовалъ, чтобы мы долѣ назначеннаго нами времени не оставались. Растопчинъ жилъ въ деревянныхъ, такъ-называемыхъ кавалерскихъ домикахъ, близко отъ дворца, и чтобы сколько возможно миновать сіе мѣсто ужаса, мы, оставя дрожки наши гдѣ-то въ полѣ, старались пробраться оконечностію нижняго сада. Когда мы пришли, то насъ ввели въ небольшую комнату и, оставя въ ней однихъ, тотчасъ пошли объ насъ докладывать. Мы дожидались недолго: отворилась дверь, и вышелъ графъ Растопчинъ, съ видомъ довольно угрюмымъ. Звѣрообразное, калмыковатое лицо его и свирѣпый взглядъ, когда онъ бывалъ невеселъ, должны были въ каждомъ производить страхъ. Братъ мой назвалъ госпожу Демидову, а у меня чуть не подкосились ноги, когда я безмолвно подалъ просьбу. Принявъ ее, министръ сказалъ только: «хорошо, посмотримъ»; и мы, поклонясь, тѣмъ же путемъ отправились обратно въ Петербургъ.

Не прошло двухъ дней послѣ того, какъ мы получили грозное письмо отъ родителей. Пятимѣсячное пребываніе наше въ столицѣ становилось для нихъ тягостно; они дѣлали всевозможныя пожертвованія, чтобы содержать насъ прилично, но братъ мой, какъ сказалъ я гдѣ-то выше, былъ болѣе чѣмъ неразсчетливъ и надѣлалъ долговъ. Не видя никакого успѣха въ моемъ опредѣленіи, нашъ отецъ рѣшился приказать намъ немедленно оставить Петербургъ и отправиться въ Москву къ зятю и сестрѣ, чтобъ отдать меня тамъ въ Егатеринославскій кирасирскій полкъ, тогда называвшійся именемъ шефа своего, фельдмаршала графа Салтыкова. Дѣлать было нечего: малѣйшее отлагательство въ испол-

неніи родительской воли казалось дѣломъ невозможнымъ, а согласіе, изъявленное графомъ Растищичинымъ, весьма походило на отказъ. Сборы наши были недолги; нѣсколько дней спустя, съ двумя слугами, сѣли мы въ двѣ телѣги и на перекладныхъ поскакали въ Москву.

Я было и забылъ сказать, что въ это время мы жили въ Коломнѣ, близъ Никольскаго рынка, у добраго дяди нашего Якова Лаврентьевича, въ тѣсной, но уютной и чистенькой квартирѣ его и раздѣляли почти ежедневно скромную его трапезу. Ни одной изъ женъ его тогда при немъ не было, а хозяйствомъ его и его старостію управляла нѣкая Авдотья, служанка-госпожа или кухарка-сударка, какъ иные такихъ женщинъ называютъ. Онъ меня чрезвычайно любилъ и часто бывалъ моимъ защитникомъ отъ брата, съ коимъ житье по истинѣ было несносное. Отъ родителей онъ былъ надо мною уполномоченъ и дѣйствительно не щадилъ стараній, чтобы выгоднымъ образомъ меня пристроить; сіе дало ему высокую мысль о неограниченности его правъ, кои не весьма охотно я соглашался признавать. Онъ былъ восемью годами меня старѣе, но все-таки, по мнѣнію моему, равный мнѣ братъ, и мнѣ все казалось, что въ незрѣломъ мозгу моемъ болѣе идей и соображеній, чѣмъ въ зрѣломъ умѣ его. Безразсудная его взыскательность была въ безпрестанномъ столкновеніи съ моимъ упрямствомъ, съ моимъ самолюбіемъ; ибо тогда, какъ и нынѣ, почиталъ я унижительнымъ не только виниться, но даже и оправдываться. Мое сердитое молчаніе приводило его въ бѣшенство; возставали сильныя буря, и одинъ лишь старый дядя нашъ умѣлъ ихъ усмирять. Грѣха тайтъ нечего: дѣло иногда доходило и до побоевъ.

Прежде нежели оставлю я Петербургъ, молодой городъ, который тогда не праздновалъ еще и перваго своего юбилея, мнѣ хочется вкратцѣ описать его и дать понятіе о тогдашнемъ его состояніи; читатели не только простятъ мнѣ сіе, но можетъ быть и поблагодарятъ за то. Всѣ увѣряють, будто, послѣ двадцатилѣтняго или даже десятилѣтняго отсутствія, никто не можетъ узнать Петербурга. Сіе могло быть справедливо при Екатеринѣ; но при ней сдѣлано въ немъ все основное; перемѣны же, которыя съ тѣхъ поръ послѣдовали, суть только прибавленія къ цѣлому (accessoires). Къ несчастію, она усвоила себѣ гибельную мысль Петра Великаго, развила ее и, такъ сказать, осуществила. Всѣ творенія ея носятъ печаль вѣчности, и городъ сей, который тридцати-пятилѣтними ея стараніями возвысился и распространился, городъ, которымъ щеголяетъ Россія, забывая, что кости сотенъ тысячъ нашихъ братій, погибшихъ при ископаніи сей бездны, служатъ ему основаніемъ, сей городъ простоятъ въ веелѣтній столъ же долго, какъ и слава царства Русскаго. Безъ Екатерины онъ скоро

потонулъ бы въ болотѣ, среди коего возникъ. Въ моихъ глазахъ онъ какъ зданіе, которое, близъ сорока лѣтъ тому назадъ, увидѣлъ я въ первый разъ совсѣмъ оконченнымъ, но коего нѣкоторыя только части не были совсѣмъ отдѣланы и изъ коихъ многія потомъ изукрасились. Главныя примѣчательнѣйшія строенія тогда уже существовали и почти въ такомъ же видѣ, въ какомъ находятся и понынѣ: дворцы—Зимній, Аничковскій, Мраморный, Таврическій, три академіи, Большой театръ; кадетскіе корпуса, церкви—Спаса на Сѣнной и Николаи Морскаго; стѣны Петропавловской крѣпости и берега Невы, Фонтанки и Екатерининскаго канала были уже выложены гранитомъ, рѣшетка Лѣтняго сада уже изумляла красотой. Михайловскій, что нынѣ Инженерный, замокъ тогда достраивался.

Число и самая величина частныхъ каменныхъ домовъ въ Петербургѣ, съ умноженіемъ народонаселенія, конечно, съ тѣхъ поръ утроились. Послѣдній годъ жизни Екатерины въ немъ жителей, говорятъ, было до полутора ста тысячъ; при Павлѣ число сіе значительно уменьшилось, съ тѣмъ, чтобы при наслѣдникѣ его опять быстро увеличиться. Въ Большой Коломнѣ можно встрѣтить теперь болѣе экипажей и народу, чѣмъ тогда на Невскомъ проспектѣ; но сіе происходило не столько отъ недостатка народонаселенія, какъ отъ ежедневныхъ верховыхъ прогулокъ императора. Въ сопровожденіи Кутайсова императоръ всякій день объѣзжалъ обѣ набережныя, обѣ Морскія, всѣ главныя улицы столицы своей; плохо бывало тѣмъ, коихъ нарядъ или фізіономія ему не полюбятся. Всѣ ѣдущіе въ каретахъ обязаны были, поровнявшись съ нимъ, останавливаться и, не исключая даже престарѣлыхъ дамъ, выходить изъ нихъ, не смотря ни на какую погоду; мужчины же въ такихъ случаяхъ должны были сбрасывать плащи и шубы *). Завидѣвъ его издали, иные пѣшеходы спасались бѣгствомъ, бросались въ первыя открытыя ворота; но если зоркій взглядъ его замѣчалъ таковыхъ, то полицейскіе драгуны скакали, чтобы схватить ихъ и привести къ нему. Онъ не позволялъ даже бояться; подобно Туркамъ, ему хотѣлось, чтобы мы сдѣлались фаталисты и видѣли въ немъ неизбѣжную судьбу свою.

Одна только часть Петербурга была въ 1800 году еще въ совершенномъ заустѣннн. Невскіе острова были тогда острова необитаемые. На Крестовскомъ—ветхій домъ, на Каменномъ—пустой, невысокій дворецъ и маленькая церковь являли тогда только слѣды че-

*) Одна шутиха, Французская актриса Леруа, поскользнулась со ступеньки и упала къ ногамъ его лошади. Со смѣлостію, свойственною ея націи, она воскликнула къ нему Волтеровымъ стихомъ: *Que voulez-vous de plus? Mérope à vos pieds*, и онъ расхохотался.

ловѣческаго присутствія. Мосты еще не существовали, сообщенія между острововъ не было; вездѣ дичь, вездѣ непроходимый лѣсъ и болото. Одинъ разъ братъ возилъ меня туда кататься на шлюбокѣ; дедалъ протоковъ, густая зелень сихъ острововъ, отражаемая зеркаломъ Невы, меня восхищали; самое глубокое молчаніе, которое вокругъ насъ царствовало и было только прерываемо шумомъ нашихъ веселъ, имѣло что-то величественное. Изрѣдка попадались намъ ялики, нагруженные купеческою семьей и самоваромъ; они приставали къ влажнымъ берегамъ, и гуляющіе, выбравъ какое-нибудь маленькое возвышеніе, располагались на немъ почайничать. Но пѣсенъ мы не слышали; оглашать сію пустыню звуками заунывнаго Русскаго удалства не было дозволено: они какъ будто выражаютъ тоску по свободѣ.

Ничто такъ меня не прельстило въ Петербургѣ, какъ театръ, который увидѣлъ я первый разъ въ жизни; ибо въ Кіевѣ его не было, а въ Москвѣ меня туда еще не пускали. Нѣсколько о томъ словъ будутъ здѣсь не лишнія. Русской труппы я тогда не видалъ или, лучше сказать, о ней и не слыхалъ, и названіе ни одного изъ актеровъ мнѣ не было извѣстно; знающихъ по-французски въ сравненіи съ нынѣшнимъ временемъ не было и десятой доли, и отличающимся знаніемъ сего языка было бы стыдно, еслибъ ихъ увидѣли въ Русскомъ театрѣ: онъ былъ оставленъ толпѣ пріѣзжихъ помѣщиковъ, купцовъ и разночинцевъ. Тоціей нашъ репертуаръ ей казался нестоющимъ; безъ скуки и утомленія слушала она безпрестанно повторяемая передъ ней трагедіи Сумарокова и Княжнина; національныя оперы: *Мельникъ*, *Сбитенщикъ*, *Розана и Любимъ*, *Добрый Солдатъ*, *Федулъ съ дѣтьми*, *Иванъ Царевичъ* лѣтъ двадцать сряду имѣли ежегодно отъ двадцати до тридцати преставленій. Въ это же время переведенныя съ Итальянскаго оперы придворнаго капельмейстера Мартини *Рѣдкая Вещь* и *Діанино Древо* начали знакомить нашу публику съ хорошею музыкой, а комедіи Фонъ-Визина чистить вкусъ и нравы. Сей вкусъ, однакоже, былъ угрожаемъ порчей отъ драматическихъ произведеній Коцебу, коими переводчики наводнили тогда нашъ театръ.

Когда братъ бывалъ мною доволенъ, что случалось весьма рѣдко, то бралъ съ собою во Французскій театръ. Такъ какъ кресель было тогда не болѣе двухъ рядовъ, то обыкновенно всѣ ходили въ партеръ, куда за входъ платили только по одному рублю. Всего удалось мнѣ видѣть спектакль три раза, и слѣдственно награды мнѣ за хорошее поведеніе стоили не болѣе трехъ рублей мѣдью. Въ первый разъ играли комедію *Le Vieux Célibataire*, какъ бы въ предзнаменованіе моей будущей судьбы. Я не въ состояніи былъ судить объ искусствѣ, и потому-то, вѣроятно, чудесная игра г-жи Вальвиль не могла

примирить меня съ ея безобразіемъ; старый Офренъ игралъ стараго холостяка и для этой роли мнѣ показался слишкомъ старъ; онъ былъ знаменитый трагическій актеръ: комедія была не его дѣло. Несмотря на все это, я не дышалъ во время представленія, боялся проронить слово; новое удовольствіе, которое ощутилъ я тогда, было столь сильно, что въ этотъ вечеръ далъ я себѣ слово не пропускать спектакля, коль скоро позволено мнѣ будетъ располагать собою и своимъ карманомъ.

Отъ втораго представленія, которое я видѣлъ, я было совсѣмъ сошелъ съ ума. Давали оперу Гретри *Прекрасную Арсену*, коей музыка и тогда была не весьма новая, но всѣхъ еще восхищала. Оркестръ, богатые костюмы, декорации, превращенія, все меня очаровало, но болѣе всего мадамъ Шевалье—красавица, столь же славная пѣвица, какъ и актриса. Когда она запѣла: *et je régnerai dans les cieux*, мнѣ казалось, что она меня туда за собою увлекала. Въ послѣдній разъ видѣлъ я вторично эту сирену въ маленькой оперѣ *Le Prisonnier*; ничего не могло быть милѣе, и ни одна актриса меня съ тѣхъ поръ такъ не плѣняла. Послѣ оперы былъ балетъ или дивертисментъ, утвердительно сказать не могу; помню, что были пастухи и пастушки, гирлянды и амурь. Были двѣ молодыя танцовщицы, которыя въ то время другъ у друга оспаривали пальму первенства, и на которыхъ смотрѣлъ я съ большимъ удовольствіемъ, даже тотчасъ послѣ Шевалье. Одна изъ нихъ Французенка, Роза Колинетъ, вышла потомъ замужъ за извѣстнаго балетмейстера Дидло и, кажется, еще и понынѣ находится въ живыхъ; другая—Русская, Берилова, болѣе извѣстная подъ простымъ, вѣжнымъ названіемъ Настеньки, воплощенная грація, которая черезъ годъ или два послѣ того увяла цвѣткомъ. Я никогда не былъ великій охотникъ до балетовъ и всегда полагалъ, что лишь языкъ можетъ говорить уму и сердцу, а одни прыжки и тѣлодвиженія говорятъ только чувственности, и сего рода наслажденія я никогда не искалъ на сценѣ. Привязанность графа Кутайсова *), женатаго человѣка и отца семейства, къ г-жѣ Шевалье и щедрость его къ ней казались многимъ весьма извинительными; но вліяніе ея на дѣла посредствомъ сего временщика, продажное ея покровительство, раздача мѣстъ за деньги всѣхъ возмущали. Увѣряли, будто Кутайсовъ ея любовію дѣлился съ господиномъ своимъ, будто она была прислана сюда съ секретными порученіями отъ Бонапарте, что подвержено сомнѣнію, ибо онъ былъ еще въ Египтѣ, когда она въ Россію пріѣхала; но въ

*) Графъ Кутайсовъ до конца († 1830 г. отъ холеры) носилъ на груди вмѣстѣ съ образками портретъ г-жи Шевалье. (Слышано отъ Пр. Никол. Барановой). П. Б.

послѣдствіи, будучи уже первымъ консуломъ республики, могъ онъ употребить ее, какъ тайнаго агента. Какъ бы то ни было, но она почиталась одною изъ сильныхъ властей государственныхъ; царедворцы старались ей угождать, а объ ней, о мужѣ ея, плохомъ балетмейстерѣ, и о братѣ ея, танцовщикѣ Огюстѣ, говорили какъ о знатномъ семействѣ; а когда она въ гордости своей воспротивилась браку сего Огюста съ дочерью актера Фрожера, то находили сіе весьма естественнымъ. Она все рѣже и рѣже стала являться публикѣ, какъ бы гнушаясь городскимъ обществомъ и сберегая прелести лица своего и таланта для одного Двора, на театрѣ Эрмитажа. Слѣдующей зимою пожаловали мужа ея прямо коллежскимъ ассесоромъ; тогда ея высокоблагородіе, говорятъ, совсѣмъ перестала показываться.

Въ Петербургѣ былъ тогда одинъ только театръ, Большой или Каменный, близъ Коломны; ибо манежъ, отведенный для Нѣмцевъ въ домѣ Ланскаго, чтó нынѣ главнаго штаба, на Дворцовой площади, сего имени не заслуживаетъ. Русскіе, Французы и Итальянцы играли попеременно на Большомъ театрѣ; первые обыкновенно по Воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ, когда торговый народъ, который весь почти у насъ Русскій, ничего не дѣлаетъ, и онъ-то поддерживалъ національныя представленія. Ремесленный же классъ, всегда состоящій здѣсь изъ разсчетливыхъ Нѣмцевъ, охотно, за весьма умѣренную цѣну, ходилъ слушать на сценѣ Ифланда и Коцебу; общество и образованные иностранцы наполняли Французскій театръ. Но откуда брались слушатели для Итальянской оперы, когда и теперь еще у насъ такъ мало дилетанства? И чтó всего удивительнѣе, первая Итальянская труппа была выписана при Елисаветѣ Петровнѣ, когда еще не существовало ни Французскаго, ни Нѣмецкаго здѣсь театра, а Русскій былъ еще въ пеленкахъ. Какъ тогда, такъ и теперь, музыка у насъ роскошь, въ Италіи—потребность, въ Германіи—наука. Представленія Итальянскихъ оперъ были весьма рѣдки; со всѣмъ тѣмъ, какъ увѣряли, чудесный голосъ Павла Мандини гремѣлъ, и волшебные звуки Маджіорлетти раздавались часто въ пустой почти залѣ.

Я хотѣлъ сказать нѣсколько словъ о театрѣ и напечалъ три страницы о любимомъ предметѣ. Кто, не посвящая себя литературѣ и музыкѣ, подобно мнѣ, страстно ихъ любить и имѣлъ много празднаго времени, тотъ въ хорошемъ театрѣ находитъ свое блаженство. Я тогда едва хлебнулъ только отъ чаши наслажденій, которая потомъ такъ упоила мою молодость.

Но пора оставить Петербургъ; я слишкомъ долго прощаюсь съ нимъ, хотя и не на долгое время.

XVI.

Первая молодость сливается съ телѣгой въ воспоминавіяхъ всѣхъ Русскихъ моихъ современниковъ; ни дорожнаго, ни домашняго комфорта мы столько не знали, какъ нынѣшніе молодые люди. Недавно остроумнѣйшій изъ нашихъ стихотворцевъ *) украсилъ телѣжную ѣзду всею прелестію поэзіи; трогательная шутка его расшевелила мнѣ сердце до самой глубины. Улыбаясь, сквозь слезы, читалъ я прекрасные его стихи къ Орловскому о быломъ мученіи, которое мы такъ весело выносили. Мнѣ казалось, онъ описывалъ первую поѣздку мою изъ Петербурга въ Москву. Все нашель я тутъ: и вихрю подобный бѣгъ тройки, и ловкость ухарскаго ямщика, и шляпу его, украшенную даровою лентой, и руку его, вооруженную *вдохновительнымъ кнутомъ*, и русокосыхъ красотокъ, коими любовался, несмотря на боль моихъ реберъ. Ни я, ни онъ, хотя меня моложе, добровольно не согласились бы теперь безъ памяти и скакать, и прыгать по крупнымъ камнямъ и мелкимъ бревешкамъ тогдашней мостовой, а вспоминать о томъ, право, пріятно!

Первую ночь я никакъ не могъ уснуть отъ быстроты и силы движенія, въ коемъ находился; на другую ночь довольно крѣпко заснулъ, а третій день, при безпрестанныхъ толчкахъ, почти весь проспалъ преспокойно. Конечно, я съ нетерпѣніемъ ожидалъ конца того, что почиталъ моею пыткой; однакоже, любопытство, коимъ я одаренъ или одержимъ, какъ угодно, не дозволяло мнѣ ни единого предмета пропустить безъ особаго вниманія: ни башенъ и куполовъ древняго Новгорода, ни Валдайскихъ горъ, ни дѣвокъ и баранокъ, ни Вышневолоцкихъ шлюзовъ, ни сафьянныхъ издѣлій Торжка, ни улицъ Твери, по указу и шнурку выстроенныхъ.

Мы спѣшили пріѣхать въ Москву 20 Іюля, день именинъ нашего зятя, а прибыли только 21-го передъ разсвѣтомъ, и ни его, ни сестры не нашли въ городѣ: они были это время въ подмосковной графа Салтыкова. Я и забылъ сказать, что зятя моего произвели въ полковники и что вслѣдъ за тѣмъ не безъ причины онъ былъ отставленъ отъ службы. Государь прогнѣвался на графа Салтыкова, который младшую дочь свою выдалъ за графа Орлова, роднаго племянника ненавистныхъ ему Орловыхъ. Онъ безъ церемоніи отставилъ бы его, но былъ удержанъ уваженіемъ къ графинѣ, которая, какъ одна изъ пожилыхъ дамъ, внушала ему къ себѣ почтеніе и которая пріѣзжала въ

*) Князь П. А. Вяземскій (1838). П. Б.

Петербургъ ходатайствовать за мужа. Но чтобы какимъ-нибудь образомъ показать ему свою немилость, отставилъ онъ его адъютантовъ. Итакъ бѣдный Алексѣевъ нѣсколько времени долженъ былъ жить одною помощію своего бывшего начальника.

Я увидѣлъ Москву съ великимъ удовольствіемъ, какъ старую знакомку; одинъ Кіевъ тогда почиталъ я роднымъ мѣстомъ. Мы въѣхали на квартиру зятя и сестры, которые сохранили ее, по милости главноначальствовавшего въ Москвѣ, въ томъ же самомъ загнutomъ флигелѣ казеннаго Тверскаго дома, гдѣ жили и прежде. Узнавъ о пріѣздѣ нашемъ, они дня черезъ два успѣшили воротиться. Какъ положеніе ихъ, такъ и склонности заставили ихъ жить въ тѣсномъ, неблестящемъ кругу знакомства. Удовольствіе быть вмѣстѣ было одно, которымъ могли мы тогда пользоваться.

Надобно было приготовить меня къ кавалерійской службѣ. Главное было тотчасъ сдѣлано: надѣли на меня ботфорты, которыхъ потомъ при Павлѣ уже я болѣе не снималъ. Я отвыкъ отъ верховой ѣзды, ни въ Казацкомъ, ни въ Петербургѣ не имѣвъ случая въ ней упражняться. Послали меня опять въ тотъ же манежъ графа Салтыкова; близъ мѣсяца по шести разъ въ недѣлю я учился ѣздить, и усилія мои, вѣроятно, были успѣшны, ибо заготовлена уже была просьба къ полковому командиру того полка, куда я долженъ былъ вступить. Мнѣ теперь самому странно о томъ подумать; но вѣдь я Русскій по матери, а изъ Русскаго человѣка можно сдѣлать все, чѣмъ ему велятъ быть: онъ ко всему пригодится. Кто знаетъ, что бѣ изъ меня вышло; нимало не было бы удивительно, еслибъ я сдѣлался хорошей наѣздникъ и воинъ. Судьба расположила иначе.

Время и опытъ дали узнать графинѣ Салтыковой милая и почтенныя свойства моей сестры; она ее душевно уважала, а жалкое состояніе, въ которомъ находились тогда супруги, заставляло ее принимать самое искреннее участіе въ ихъ дѣлахъ. Сестра посѣщала ее гораздо чаще. Въ одинъ вечеръ, между разговорами, она не скрыла отъ нея опасеній своихъ насчетъ моей участи, находя, что незамѣтно было во мнѣ ни охоты, ни способностей къ тому роду службы, который принуждены были для меня избрать, и упомянула о неудачной попыткѣ у графа Растопчина. Услышавъ его имя, графиня воскликнула: «Зачѣмъ же вы мнѣ прежде не сказали! Вѣдь мы съ нимъ большіе друзья; онъ мнѣ ни въ чемъ отказать не можетъ; завтра же пишу къ нему».

Разумѣется, что съ просьбою къ полковому командиру мы пріостановились. Отвѣтъ графа Растопчина не заставилъ себя долго ждать: мы получили его не съ большимъ черезъ недѣлю. Вотъ содержаніе

его письма: «покровительствуемый-де вами давнымъ давно опредѣленъ въ число юнкеровъ при коллегіи положенныхъ, но доселѣ неизвѣстно было, куда онъ дѣвался; если вамъ непрѣнно угодно его имѣть въ Москвѣ, то хотя въ архивѣ комплектъ уже наполненъ, я беру на свою отвѣтственность перевести его туда сверхъ штата».

Служба теперь въ Россіи есть жизнь; почти всё у насъ идутъ въ отставку, какъ живые въ могилу, въ которой имъ тѣсно и душно, и изъ которой, при первомъ удобномъ случаѣ, они вырываются. Въ старину, на этотъ счетъ, были благоразумнѣе. Были, однакоже, семейства, и мое въ томъ числѣ, которыя въ отставкѣ видѣли уничтоженіе, потерю всѣхъ надеждъ, лишеніе всѣхъ удовольствій самолюбія. Всѣ члены моего семейства, одинъ за другимъ, были удалены отъ службы; самый младшій изъ нихъ вступалъ въ нее, и прямо офицерскимъ чиномъ. Можно себѣ представить, по тогдашнимъ понятіямъ, какую радость сіе происшествіе произвело между нами!

Въ самый день именинъ сестры моей, 26 Августа, графиня Салтыкова прислала ей письмо министра, вмѣсто подарка; лучшаго она ей сдѣлать не могла. Повезли меня къ обѣднѣ, отслужили молебень, послали за портнымъ, заказали мнѣ мундиръ, созвали кого успѣли изъ пріятелей и въ два часа пополудни сѣли пировать. На другой день поручили господину Яковлеву, чиновнику почтамта, представить меня господину Бантышу-Каменскому, его старинному знакомому, а моему новому и первому начальнику. Бумага обо мнѣ еще не была получена, и только въ первыхъ числахъ Сентября началъ являться я на службу въ Московскій Архивъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.

Эти двѣ недѣли былъ я въ безпрерывномъ восторгѣ: я пользовался всѣми выгодами службы, не подозрѣвая ни одной изъ ея непріятностей. Мнѣ принесли мундиръ. Я не зналъ что дѣлать; прежде нежели облекся я въ сію одежду мужа, *robe virile*, мнѣ хотѣлось расцѣловать ее*). Я пошелъ благодарить графиню Салтыкову, которую въ первый разъ увидѣлъ и вблизи; она обласкала меня и даже поцѣловала съ чувствомъ содѣяннаго благодаренія, а на другой день, уже какъ юношу, прислала пригласить обѣдать. Дѣла въ шутку величали меня благородіемъ, а я не шутя тѣмъ гордился. Не одинъ только чинъ 14 класса возвышалъ такъ меня въ глазахъ моихъ; всякое званіе имѣетъ только ту цѣну, которую даетъ ему общее мнѣніе; а молоденькіе децемвиры архива, коллегіи юнкера, казались существами привилегированными. Въ Московскихъ обществахъ, на Московскихъ балахъ, архивные юноши

*) Ботфорты, которые вѣчно было носить штатскимъ, въ службѣ находящихся, а въ ея позволено всѣмъ желающимъ, я уже прежде того надѣлъ.

долго, очень долго заступали мѣсто Екатеринбургскихъ гвардіи сержантовъ и уступили его, наконецъ, только числу вынѣшнихъ камеръ-юнкеровъ.

Никакая эпоха такъ живо не осталась въ моей памяти, какъ первые мѣсяцы по вступленіи моемъ на службу. Никогда еще, ни прежде, ни послѣ, не встрѣчалъ я сближенія такихъ противоположностей, соединенія такихъ странностей, какъ въ первомъ мѣстѣ моего служенія. Разсказъ мой о томъ будетъ длиненъ, но для читателя, если въ половину столь занимателенъ, какъ для меня самого, то мнѣ нечего у него просить прощенія.

Въ одномъ изъ отдаленныхъ кварталовъ Москвы, въ глухомъ и кривомъ переулкѣ, за Покровкой, старинное, каменное зданіе возвышается на пригоркѣ, коего отлогость, мѣстами усѣянная кустарникомъ, служитъ ему дворомъ. Темные подвалы нижняго его этажа, узкія окна, стѣны чрезмѣрной толщины и низкіе своды верхняго жилья показываютъ, что оно было жилищемъ одного изъ древнихъ бояръ, которые, во время Петра Великаго, держались еще обычаевъ старины. Для храненія древнихъ хартій, копій съ договоровъ, ничего нельзя было приискать безопаснѣе и приличнѣе сего стариннаго каменнаго шкапа, съ желѣзными дверьми, ставнями и кровлею. Все строеніе было наполнено, завалено кипами частью разобранныхъ, частью неразобранныхъ старыхъ дѣлъ: только три комнаты оставлены были для присутствующихъ и канцелярскихъ.

Въ мрачномъ Сентябрѣ, предсталъ я въ мрачной храмнѣ предъ мрачнаго старца, всегда сердитаго и озабоченнаго. Онъ позвалъ какого-то худоцаваго, безобразнаго человѣка, съ отвислою, распухшею нижнею губою въ нарывахъ, и указалъ ему на меня. Тотъ меня усадилъ въ той же комнатѣ противъ самаго брызги-начальника и зачѣмъ-то ушелъ. Прежде нежели онъ воротился, сдѣлался я, какъ новичокъ, предметомъ любопытнаго, но непродолжительнаго вниманія моихъ новыхъ товарищей. Скоро притащилъ безобразный человѣкъ тетрадь чистой бумаги и огромный пукъ полунстлѣвшихъ столбцовъ, наполненныхъ мертвыми для меня буквами, въ чистыхъ оберткахъ съ номерами и надписями о ихъ содержаніи, и велѣлъ надписи сіи переписывать въ тетрадь. Работа нетрудная, но всякій день это дѣлать и видѣть то что я увидѣлъ, мнѣ показалось тяжело. Тоска уже мной овладѣла, какъ вдругъ легкій, но внятный шопоть началъ пробѣгать по всей комнатѣ. Я сталъ прислушиваться; отрывистый, шутливый, довольно умный разговоръ окружавшей меня молодежи оживилъ меня и изумилъ. Съ перваго взгляда всѣ лица мнѣ показались печальны, и въ такомъ мѣстѣ я не ожидалъ ни встрѣтить улыбки, ни услышать веселаго

слова. Тихіе вокругъ меня звуки голосовъ мнѣ были столь же пріятны, какъ бы шумъ живаго, игриваго ручейка, среди могильнаго молчанія. Но я скоро замѣтилъ, что разговаривающіе не смѣютъ ни поднять головы, ни возвысить голоса.

Нашъ начальникъ имѣлъ несчастіе лишиться слуха отъ побоевъ разъяренной черни, когда она, во время чумы, вломившись въ комнаты роднаго дяди его, Московскаго архіепископа Амвросія Зертысъ-Каменскаго, убила мудраго своего пастыря. Изъ уваженія къ памяти сего мученика, приложилъ онъ Русское фамильное его имя къ своему Молдавскому прозванію. Дѣдъ его, Константинъ Бантышъ, при Петрѣ Великомъ, прибылъ въ Россію въ свитѣ князя Кантемира, а отецъ вступилъ въ службу и женился на его матери, священнической дочери Каменской, сестрѣ убитаго архіерея.

Итакъ онъ былъ глухъ. Люди одержимые симъ недугомъ бываютъ обыкновенно подозрительны, въ каждомъ движеніи губъ видятъ они предательство. Вотъ почему Николай Николаевичъ, управлявшій архивомъ, не любилъ, чтобы при немъ разговаривали: прилежаніе къ дѣлу, котораго было такъ мало, служило ему предлогомъ требовать всеобщаго молчанія. Сейчасъ мы видѣли, какъ исполнялись, въ этомъ случаѣ, его приказанія.

Наше высшее духовенство, до архіерейскаго сана, обыкновенно ничего не видѣло кромѣ родительской хижины, семинаріи и келій монастырскихъ. Сначала богословскіе диспуты, потомъ уединенная жизнь и молчаніе, среди коего безъ всякаго противорѣчія образуются ихъ мысли и правила, наконецъ неограниченная власть, къ которой переходятъ они вдругъ отъ безпредѣльной покорности, даютъ характеру сихъ людей непреклонность, упрямство, кои, вмѣстѣ съ незнаніемъ приличій общежитія, дѣлаютъ часто сношенія съ ними весьма непріятными. Мужичи строгой нравственности, великіе витіи встрѣчаются между ними не рѣдко; но какъ мірскія испытанія не смягчили ихъ сердца, то весьма немногіе изъ нихъ знаютъ христіанскую кротость, которая, я увѣренъ въ томъ, между новѣйшими народами есть основаніе учтивости, неизвѣстной древнимъ.

Г. Каменскій, который выросъ при дядѣ и воспитанъ въ Славяно-греко-латинской академіи, еще съ молода, физическимъ недостаткомъ и склонностію къ кабинетной жизни, былъ удаленъ отъ общественной. Лицо примѣчательное, которое рѣшительно не принадлежало ни къ одному изъ двухъ состояній: это былъ старый семинаристъ, бѣлый монахъ, свѣтскій архіерей. Со всѣми преосвященными велъ онъ обширную и частую переписку и былъ совѣтникомъ и повѣреннымъ во всѣхъ ихъ дѣлахъ; онъ умственно жилъ въ духовномъ мірѣ семъ, и, такъ-

онъ въ потьмахъ изволить тѣшиться; каково было ихъ удивленіе, когда по утру на слѣдующей станціи нашли они его истерзаннаго, почти помѣшаннаго. Вотъ что случилось съ нимъ. Едва успѣлъ онъ отѣхать три версты отъ переправы, какъ нѣкто стоявшій посреди дороги, имъ въ темнотѣ не замѣченный, схватилъ лошадей его и остановилъ ихъ. Гурьевъ, полагая, что онъ имѣетъ дѣло съ однимъ человѣкомъ, не трусилъ, выстрѣлилъ въ него и не попалъ; въ ту же минуту самъ услышалъ нѣсколько выстрѣловъ и увидѣлъ себя спереди, сзади и съ боковъ окруженнымъ вооруженными людьми, выскочившими изъ лѣса. Сопротивленіе было невозможно; они обезоружили его, связали какъ его, такъ и слугу и ямщика, и всѣхъ трехъ вмѣстѣ съ лошадьми и телѣгой поволокли въ глубину лѣса. Тамъ отыскиали они знакомую имъ поляну, остановились на ней, завязали глаза тремъ плѣнникамъ своимъ, а ихъ самихъ, стоямя, руками назадъ, привязали къ деревьямъ; потомъ разложили огонь, открыли чемоданъ и стали въ немъ копаться.

Обыскъ вѣроятно не отвѣчалъ ихъ ожиданіямъ, ибо они начали съ досадою говорить о сдѣланной ими ошибкѣ. Изъ словъ ихъ видно было, что они поджидали какого-то купческаго прикащика съ десятками тысячъ рублей, и что же нашли? немного платья, немного бѣлья, вышитый мундиръ, который могъ быть для нихъ уликой, и денегъ только что на прогоны. Пошли между ними совѣщанія, отъ коихъ бѣднаго Гурьева по кожѣ подирало; мнѣнія были несогласны: одни требовали чтобы людей зарѣзать, а лошадей и пожитки увезти; другіе, болѣе склонные къ милосердію, полагали, что надлежитъ довольствоваться малою наживой, захваченныхъ же ими слѣдуетъ выпроводить на большую дорогу, взявъ съ нихъ напередъ клятвенное обѣщаніе, что, во мзду даруемой имъ жизни, они никому не будутъ говорить о томъ что съ ними происходило. Спорили долго, наконецъ остановились на мысли одного разбойничьяго доктринѣра, чтобы взять деньги и золотые часы, а плѣнниковъ, не убивая и не отвязывая, предоставить произволу судьбы. Приговоръ исполненъ, они удалились.

Я не люблю Гурьева, но и до сихъ поръ не могу вспомнить безъ состраданія объ ужасѣ его положенія. Подобно мнѣ, и еще болѣе беззащитенъ, могъ онъ ожидать нападенія хищныхъ звѣрей. Занялась заря и поднялись насѣкомыя, Сибирскія страшныя насѣкомыя и начали покрывать язвами всѣ открытыя части его тѣла. Среди этой пытки въ безпамятствѣ рвался и метался онъ, и отъ того веревки, коими онъ былъ прикрѣпленъ, вытягиваясь, оставили нѣкоторую свободу его рукамъ; онъ воспользовался тѣмъ, вооружился терпѣніемъ и наконецъ высвободилъ какъ себя, такъ и сомучимыхъ своихъ. Лошади, телѣга, чемоданъ, все тутъ было, и даже одинъ забытый разбойниками пред-

него входъ: скоро производство въ переводчики опять его отпираетъ. Старики спѣшатъ удалиться; одинъ изъ нихъ остается, чувствуя въ себѣ довольно силы, чтобъ укротить ярость бурныхъ волвъ, смѣшавъ ихъ съ землею, съ старыми подчиненными.

Вотъ въ какомъ положеніи нашель я этотъ архивъ. По разнымъ возрастамъ служившихъ въ немъ юношей и ребятъ, можно было видѣть въ немъ и университетъ, и гимназію, и приходское училище; онъ былъ вмѣстѣ и канцелярія, и кунстъ-камера. Самая ранняя заря жизни встрѣчалась въ немъ съ позднимъ ея вечеромъ; семидесятилѣтній надворный совѣтникъ Ивановъ сидѣлъ близко отъ одиннадцатилѣтнаго переводчика Васильцовскаго; манерные, раздушенные Евреиновы и Курбатовы писали вмѣстѣ съ Большаковыми и Щученковыми, которые сморкались въ руку. Подлѣ князя Гагарина и графа Мусина-Пушкина, молодыхъ людей принадлежавшихъ къ знатнѣйшимъ, богатѣйшимъ фамиліямъ въ Москвѣ, вы бы увидѣли Тархова, въ старомъ фризомъ сюртукѣ, того уroda, который надѣлялъ насъ работою и, во мзду своей снисходительности, выпрашивалъ у насъ старое исподнее платье и бамзолы. Конечно, и теперь молодые люди хорошихъ фамилій во множествѣ занимаются, по канцеляріямъ разныхъ вѣдомствъ, съ людьми разныхъ состояній; но теперь это вошло уже въ обыкновеніе, а тогда было ново; къ тому же сослуживцы ихъ, къ какому бы сословію ни принадлежали, и лѣтами, и образованностію, и приличіемъ одѣянія мало, а часто и ничѣмъ, нынѣ отъ нихъ не разступуютъ.

Въ помощь къ г. Бантышу-Каменскому, управлявшему архивомъ, данъ былъ г. Малиновскій, въ званіи канцеляріи совѣтника или младшаго члена. Лѣтъ двадцать моложе его, сей послѣдній былъ у насъ представителемъ новѣйшихъ временъ. Онъ былъ, уже безъ примѣси, Русскаго и духовнаго происхожденія: ибо протоіерей, отецъ его, находился тогда законоучителемъ въ Московскомъ университетѣ. Контрастъ между нашими двумя начальниками былъ разителенъ. Г. Малиновскій, кислосладкій, какъ прозваніе его, чуждался всего, что напоминало его левитизмъ, гонялся за ученостію, но еще болѣе имѣлъ притязаній на свѣтскую любезность. Одинъ обижалъ насъ краткими, энергическими, бранными словами; другой всѣхъ казнилъ безконечными, поучительными, изысканными фразами. Онъ засѣдалъ во второй комнатѣ, немного поменѣе первой, гдѣ всегда копался или ворчалъ г. Каменскій; а въ третьей находился секретарь архива г. Ждановскій, тихій человекъ, который ни передъ кѣмъ пивнуть не смѣлъ. Такимъ образомъ, на столь маломъ пространствѣ можно было найдти три разныя формы правленія: въ первой комнатѣ деспотизмъ со всѣми его

ужасами, во второй вѣчто конституціонное, въ третьей совершенное безначаліе. Я не попалъ туда; слѣпой случай располагалъ мѣстами нашего сидѣнія, и онъ мнѣ не благопріятствовалъ.

Изъ сослуживцевъ моихъ одни часто будутъ встрѣчаться мнѣ въ жизни, съ другими, оставивъ архивъ, я мало имѣлъ сношеній. Говорить о первыхъ буду имѣть много случаевъ, а изображеніе послѣднихъ представить мало занимательнаго. По большей части, всѣ они, закоренѣлые Москвичи, рѣдко покидали обширное и великолѣпное гнѣздо свое и преспокойно тонуть или потонули въ неизвѣстности. Ни высокими добродѣтелями они не блистали, ни постыдными пороками не занялись; если имѣли нѣкоторыя странности, то общія своему времени и мѣсту своего жительства. Мнѣ однакоже весьма памяты сильныя впечатлѣнія, которыя оставили во мнѣ нѣкоторыя изъ моихъ товарищей, и я не могу упустить, чтобы не описать ихъ.

Къ старшему сыну моего главнаго начальника, уже надворному совѣтнику и весьма зрѣлому молодому человѣку, я почувствовалъ омерзѣніе, при первыхъ словахъ, которыя обратилъ онъ ко мнѣ. Не краснѣя, нельзя говорить объ немъ; болѣе ничего я не скажу: его глупостію, его низостію и пороками не стану пачкать сихъ страницъ. Меньшой сынъ, Димитрій, едва выходилъ изъ дѣтства; между нами онъ прослылъ дурачкомъ. Съ тѣхъ поръ онъ сдѣлался и литераторомъ, и компилаторомъ, и губернаторомъ; но многіе еще и понынѣ раздѣляютъ ребячье наше мнѣніе объ немъ.

Двое братьевъ Евреиновыхъ, взрослые молодые люди, о коихъ я уже упомянулъ, жили въ большомъ свѣтѣ, ко всѣмъ знатнымъ ѣздили на балы. Голова вскружилась у нихъ отъ сего счастья; они бредили имъ и часто, съ самодовольнымъ состраданіемъ, рассказывали мнѣ о томъ, стараясь, но тщетно, возбудить во мнѣ зависть.

Что не могли братья Евреиновы, то сдѣлали братья Булгаковы. И было чему позавидовать! Два красавца, лѣтъ по двадцати, сыновья знаменитаго и чиновнаго человѣка, неоднократно прославившагося въ посольствахъ, Якова Ивановича Булгакова, предъ всѣми своими сослуживцами брали неоспоримое первенство какъ въ архивѣ, такъ и въ обществахъ. Они родились въ Константинополь отъ чужестранной матери, которая, къ несчастію ихъ, не имѣла тогда мужа. И они носили на себѣ отпечатокъ Востока. Старшій, Александръ, имѣлъ лицо болѣе нѣжное и веселое, выражавшее одну чувственность сладострастія, что на молодомъ лицѣ весьма непротивно; меньшой, Константинъ, былъ одаренъ красотой мужественною и тогда уже смотрѣлъ на женщинъ съ видомъ скромнаго побѣдителя, какъ бы приглашая ихъ къ безопасному паденію. Съ самой колыбели сии братья были связаны

тѣснѣйшею дружбой: одно прекрасное чувство, коимъ могли они хвалиться. Дѣйствуя за одно, къ достиженію желаемаго употребляли двойныя силы и каждымъ успѣхомъ вдвойнѣ наслаждались. Но старшій долженъ былъ чаще заимствовать помощь у младшаго, который въ высшей степени владѣлъ искусствомъ, немногимъ тогда извѣстнымъ: онъ имѣлъ то, что Французы называютъ *à plomb* и что по-русски не иначе можно перевести какъ смѣшеніе наглости съ пристойностію и приличіемъ. И умъ, и любезность, и знаніе, и добродушіе, все имъ приписывалось и старыми, и молодыми, и мужчинами, и женщинами; а они имѣли одну только наружную красоту. Сколько разъ потомъ, въ продолженіи жизни моей, готовъ я былъ, глядя на нихъ, воскликнуть, какъ Ипполитъ о Федрѣ: «Боги, кои знаете ихъ и награждаете, неужели за добродѣтели!» Но богъ любви незаконной не награждаетъ, а только всегда покровительствуетъ родившихся подъ его владычествомъ и незаконный ихъ путь усѣваетъ успѣхами. По неопытности моей, и я нѣкогда вѣровалъ въ ихъ совершенства.

Другой юноша, о коемъ похвалы не гремѣли въ Московскихъ гостиныхъ, цвѣлъ тогда уединенно въ семейномъ кругу и украшалъ собою молодое наше архивное сословіе. Андрей Тургеневъ, со всею скромностію великихъ достоинствъ, стоялъ тогда на распутіи всѣхъ дорогъ ведущихъ къ славѣ: какую ни избралъ бы онъ, можно утвердительно сказать, что онъ далеко бы по ней ушелъ. Но изъ отличныхъ людей Провидѣніе сохраняетъ только нужное число для Его благотворныхъ видовъ; остальные гибнутъ рано, и старшій Тургеневъ не долго оставался на свѣтѣ. Ему завидовать я не смѣлъ; не смотря на свое самолюбіе, я чувствовалъ, что успѣховъ, какіе сулитъ ему будущность, я обѣщать себѣ не могъ. Меньшой братъ его Александръ былъ совсѣмъ не то, чѣмъ мы его послѣ видѣли: тоненькій, жиденькій, румяный, ласковый мальчикъ, чрезвычайно застѣнчивый.

Этого нельзя было сказать о другомъ молодомъ мальчикѣ, котораго всякій съ перваго взгляда въ нашей толпѣ могъ бы замѣтить. Чрезвычайная живость его, необыкновенная смѣлость слова и взгляда непріятнымъ образомъ меня поразили, и я избѣгалъ съ нимъ разговоровъ; а между тѣмъ, когда онъ велъ рѣчь съ другими, я заслушивался. Въ идеяхъ, кои выражалъ онъ, все мнѣ казалось такъ ново, такъ внезапно, и, всегда лакомый до ума, я невольнымъ образомъ началъ съ нимъ сближаться. Непонятно мнѣ было чувство, которое онъ во мнѣ производилъ: все меня отталкивало отъ него, и все меня къ нему привлекало. Не доказываетъ ли это, что между людьми, какъ и между небесными тѣлами, есть также законы тяготѣнія, гравитациі? Маленькій Влудовъ былъ тогда блуждающая комета, которая, какъ бы безъ

цѣли быстро несясь въ пространство міровъ, могла въ немъ встрѣтить разрушеніе. Я не могъ тогда предвидѣть, что скоро ходъ ея сдѣлается столь правильнымъ, но уже какъ будто предчувствовалъ, что мнѣ суждено долго обращаться вокругъ нея и даже содѣлаться однимъ изъ ея спутниковъ, когда, достигнувъ созвѣздія министерства, она будетъ сіять въ немъ столь тихимъ, чистымъ и благотворнымъ свѣтомъ.

Жеманство, которое встрѣчалось тогда въ литературѣ, можно было также найти въ манерахъ и обращеніи нѣкоторыхъ молодыхъ людей. Женоподобіе не совсѣмъ почиталось стыдомъ, и ужимки, которыя противно было бы видѣть и въ женщинахъ, казались утонченностями свѣтскаго образованія. Тѣ, которые этимъ промышляли, выказывали какую-то изнѣженность, неприличную нашему полу, не скрывали никакой боязни и, чтò всего удивительнѣе, не совсѣмъ были смѣшны. Между нами были также два молодца, или лучше сказать, двѣ дѣвочки, которыя въ этомъ родѣ дошли до совершенства, Кольчевъ и Ижоринъ. Время ихъ наружность и все вокругъ нихъ измѣнило, но не измѣнило ихъ склонностей и характера; теперь обѣ уже старушки, а послѣдняя весьма добрая и почтенная. Истребляя между нашими молодыми людьми наружныя формы, столь поносныя, особенно для Русскихъ, нынѣшній вѣкъ перенесъ ихъ въ другую крайность и мужественности ихъ часто придаетъ мужиковатость.

Послѣдствія прежняго Французскаго воспитанія сильно между нами обнаруживались: почти всѣ мои товарищи не могли ступить безъ Французскаго языка. Говоря на немъ, хотя многіе дѣлали часто ошибки, но съ Русскою переимчивостію весьма удачно умѣли перенять голосъ и манеры Французовъ, жившихъ у ихъ родителей. Никто однакоже не успѣлъ столько въ томъ, какъ молодой Ефимовичъ; онъ былъ вылитый Французъ: маленькій ростъ, тоненькія ножки, увертки его и самое безобразное его старообразіе, дѣлали его настоящимъ маркизомъ. Для многихъ изъ насъ былъ онъ предметомъ уваженія и подражанія. Впрочемъ онъ былъ не безъ ума, хорошо занимался литературой и принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые берутся за все, обѣщаютъ много и изъ которыхъ, наконецъ, не выходитъ ничего.

Исключая двухъ Тургеневыхъ и Блудова, едва ли кто зналъ изъ моихъ товарищей, что есть уже Русская словесность. Живши въ одномъ городѣ съ Дмитріевымъ и Карамзиннымъ, они слышали объ нихъ, можетъ быть, встрѣчались съ ними, знали, что они что-то пишутъ, почитать ихъ? этого не приходило имъ въ голову. Честь и хвала малому числу избранныхъ юношей-отроковъ, которые, плѣняясь и заграничнымъ просвѣщеніемъ, не заражались однакоже окружающими ихъ призрами. Геній Россіи съ раннихъ лѣтъ вдохнулъ въ сердца ихъ чув-

ство ея величія, а уму ихъ даль способность постигать красоты благозвучнаго языка нашего и искусство выражаться на немъ. Увы, сихъ похвалъ я не заслуживалъ. Въ домѣ Голицыныхъ положено основаніе моей галломаніи, которая такъ быстро усилилась въ кругу архивныхъ юношей. Они снабжали меня Французскими книгами, по большей части романами, и я воображалъ, что занимаюсь полезнымъ чтеніемъ, когда пожиралъ ихъ по ночамъ; часто бывалъ я внѣ себя отъ ужасовъ г-жи Радклифъ, кои мучительно пріятнымъ образомъ дѣйствовали на раздражительные нервы моихъ товарищей.

Въ продолженіи зимы занимали насъ переводами съ Французскаго. Не знаю были ли они хороши, по крайней мѣрѣ не мои; а впрочемъ, какъ мнѣ кажется, г. Малиновскій, руководитель нашъ въ семь дѣлъ, не весьма былъ въ состояніи о томъ судить. Потомъ г. Бантынь-Каменскій заставлялъ насъ въ одивъ форматъ переписывать на-чисто древніе грамоты и договоры, съ намѣреніемъ отдать собраніе ихъ потомъ въ печать. Въ послѣдствіи я сдѣлался съ нимъ гораздо смѣлѣе, а онъ ко мнѣ снисходительнѣе. Одна только бѣда: мой почеркъ ему не нравился; въ угожденіе ему я началъ прямишь свои литеры по старинному до того, что пишу теперь какъ церковникъ.

Я напрасно хвалюсь иногда твердостію: я всегда былъ довольно челоувѣкоугодливъ; старшимъ, равнымъ и даже подчиненнымъ всегда готовъ былъ сказать или сдѣлать что-нибудь пріятное; когда же поступки ихъ лично противъ меня, а еще болѣе противъ совѣсти или закона, заставляютъ меня дѣлать противное, они мнѣ становятся ненавистны, ибо лишаютъ меня величайшаго удовольствія. Въ нѣжномъ возрастѣ, кто не чувствовалъ вліянія людей и обстоятельствъ, среди коихъ жилъ? Но ни на кого они столь сильно не дѣйствовали какъ на меня: мнѣ кажется, я былъ восковой. Всякое впечатлѣніе сглаживалось, но не совсѣмъ изглаживалось повымъ; каждое положеніе, въ коемъ я находился, каждое общество, чрезъ кое проходилъ, оставляли на мнѣ слѣды, и такъ-то въ описываемые мною послѣдніе два-три года образовались всѣ странности моего характера. Къ счастью, посреди сего сохранилось во мнѣ чувство справедливости и чести, данное мнѣ природой и первымъ воспитаніемъ и никогда меня не покидавшее.

Мѣсяца черезъ полтора по вступленіи моемъ въ службу, вновь былъ принятъ въ нее и зять мой, отставной полковникъ Алексѣевъ. Причины сего обстоятельства, повидимому маловажнаго, заслуживаютъ, однакоже, чтобъ ихъ объяснить. Въ царяхъ вѣрнѣйшій признакъ высокаго дара господствовать надъ людьми есть искусство открывать способнѣйшихъ и ввѣрять имъ именно тѣ только мѣста, гдѣ они могутъ быть полезны. Съ такимъ искусствомъ цари бываютъ рѣдки, имъ

принадлежитъ названіе великихъ; но иногда и слѣпой случай подсовываетъ подъ царскую руку такихъ людей, коихъ для нѣкоторыхъ должностей и съ величайшими усиліями трудно было бы отыскать. Между Гатчинскими офицерами былъ Пруссакъ Эртель, котораго сама природа создала начальникомъ полиціи: онъ былъ весь составленъ изъ капральской точности и полицейскихъ хитростей. Съ конца 1798 года былъ онъ оберъ-полицеймейстеромъ въ Москвѣ. Графъ Салтыковъ сначала никакъ не могъ догадаться, что къ нему приставленъ дядька, а когда убѣдился въ томъ, то началъ искать средствъ отъ него избавиться. Сдѣлать это было нелегко: Эртель пользовался особою довѣренностію Павла I-го, жилъ вдали отъ него и отъ неожиданныхъ его вспышекъ, и сохранялъ тѣсныя связи съ самыми приближенными ему людьми. Не прошло года, и онъ едва не успѣлъ свергнуть самого графа Салтыкова; тотъ покорился необходимости, оставилъ себѣ весь блескъ представительности, оставилъ себѣ гражданскую часть по губерніи и военную по гарнизону, сдѣлался, такъ сказать, гражданскимъ генераль-губернаторомъ и оберъ-комендантомъ, а полицейскую часть столицы предоставилъ совершенно распоряженіямъ оберъ-полицеймейстера. Эртель былъ человѣкъ живой, веселый, дѣятельный и совсѣмъ немстительный; онъ симъ раздѣломъ остался совершенно доволенъ, сталъ любезничать съ начальникомъ, угождать ему и, чтобы скрѣпить съ нимъ союзъ, испросилъ у него позволенія представить отставнаго, любимаго его адъютанта къ должности полицеймейстера, что онъ и сдѣлалъ прямо отъ себя.

Когда, бывало, попадешь на Эртеля, то трудно отъ него отвязаться, и потому долженъ я еще нѣсколько объ немъ поговорить. Москва весьма его не любила, потому что не любила Павла и никогда не любила большого порядка. Всѣ знали, сверхъ того, что онъ часто дѣлалъ тайныя донесенія о состояніи умовъ въ старой столицѣ; всякій могъ опасаться сдѣлаться предметомъ обвиненія неотразимаго, часто ложнаго, всегда незаконнаго, и хотя нельзя было указать ни на одинъ примѣръ человѣка чрезъ него пострадавшаго, но ужасъ невидимой гибели, который вокругъ себя распространяютъ такого рода люди, самымъ непріязненнымъ образомъ располагалъ къ нему жителей Москвы. Но они не могли однакоже не согласиться, что цѣль хорошей полиціи, спокойствіе ихъ, была совершенно при немъ достигнута. Въ немъ была врожденная страсть наступать и хватать разбойниковъ и плутовъ, столь же сильная какъ въ кошкѣ ловить крысъ и мышей. Никакой воръ, никакое воровство не могли отъ него укрыться; можно вездѣ было наконецъ держать двери на отперти: ни одинъ большой сѣздъ, ни одно народное увеселеніе не ознаменовались при немъ несчастнымъ

приключеніемъ; на пожарахъ пламень какъ будто гаснулъ отъ его приближенія. Онъ былъ совсѣмъ неспѣсивъ, въ обхожденіи нецеремоненъ и негрубъ, но только жестокъ съ людьми, хотя бы дворянами, коихъ мошенничество было доказано.

Главная, непростительная вина его въ глазахъ Москвичей было строгое наблюденіе за сохраненіемъ странныхъ формъ одѣянія, предписанныхъ императоромъ. Москва разнообразна, пестра и причудлива какъ сама природа: гнуть и тѣснить ее столь же трудно, какъ и бесполезно. Въ ней выдуманы слова приволье, раздолье, разгулье, выражающія наклонности ея жителей. Какъ въ старину, такъ и нынѣ, никто почти изъ нихъ не мечталъ о политической свободѣ; за то всякій любилъ совершенную независимость какъ въ общественной, такъ и въ домашней жизни. Между ними и западными вольнодумцами таже разница, что между поэтомъ, составившимъ себѣ идеалъ совершенства, котораго всю жизнь онъ проищетъ напрасно, и простымъ человѣкомъ, который скоро найдетъ любимую женщину, безъ великихъ затрудненій женится на ней, и преспокойно въ любви и совѣтѣ проведетъ съ нею вѣкъ. Только не касайся ихъ всеневныхъ привычекъ, ихъ безвинныхъ предразсудковъ, и Москвичи предовольны. Но коль скоро самодержавіе вздумаетъ слишкомъ распрямлять своевольную старушку, она закричитъ голосами тысячи вралей своихъ, тысячи своихъ болтуній, и прavitельство, если безъ уваженія, то не совсѣмъ однакоже безъ вниманія можетъ оставить безсмысленный сей шумъ. Даже въ царствованіе Павла, удары его самовластія, которые такъ мѣтко, такъ разительно на всѣхъ упали въ Петербургѣ и въ цѣлой Россіи, смягчались надъ царственной Москвой. Капуа для всѣхъ Нѣмцевъ, она, въ нѣдрахъ своихъ, разогрѣвала ихъ холодность, развеселяла ихъ угрюмость, ослабляла ихъ строгость, уменьшала ихъ расчетливость и..... самъ Эртель долженъ былъ по времени возчувствовать всесильное ея дѣйствіе. Но въ немъ оставалось еще довольно Нѣмецкаго, чтобы не спастись отъ ея проклятій. Голубушка-Москва любитъ маленькій безпорядокъ; она почитаетъ себя заключенною въ монастырѣ, коль скоро видитъ вокругъ себя порядокъ, слишкомъ строго соблюдаемый. Хорошо ли это? Худо ли это? Богъ знаетъ! Биронъ съ Анной Ивановной бѣжали изъ нея, Елисавета Петровна проводила въ ней половину жизни; первые терзали Россію, при послѣдней она блаженствовала.

Зять мой, человѣкъ недостаточный, поневолѣ принужденъ былъ принять должность полицеймейстера и сдѣлался весьма полезнымъ сотрудникомъ Эртеля, хотя не имѣлъ ничего съ нимъ общаго ни въ правилахъ, ни въ нравѣ. Странное дѣло, онъ съ такою же неутомимою дѣятельностію, какъ и начальникъ его, началъ преслѣдовать безпорядки,

а былъ столько же любимъ, особливо простымъ народомъ, сколько тотъ былъ ненавидимъ. Не отъ того ли, что онъ былъ Русскій? Не отъ того ли, что въ самой строгости Русскаго есть что-то добродушное? Не отъ того ли, что въ нашемъ народѣ чувство справедливости сильнѣе, чѣмъ въ высшихъ классахъ, и что простолюдинъ, пойманный въ преступленіи столь же мало видитъ врага въ исполнителѣ надъ нимъ законовъ, какъ въ камнѣ, о который онъ ушибся, неосторожно на него падая?

Обычай не позволялъ въ старину Русскимъ боярамъ входить въ подряды и откупа, ни въ какія торговыя дѣла, а еще менѣе отдавать въ наймы палаты свои по частямъ или въ цѣлости. Какъ бы долго ни продолжалось ихъ отсутствіе, жилища ихъ должны были безъ нихъ вдовствовать и въ безмолвіи ожидать ихъ возвращенія, какъ дворцы царскіе. Друзья и родственники имѣли часто, однакоже, право безъ платы и даже безъ позволенія въ нихъ останавливаться. Барыши, золото, одно золото оставлено было людямъ среднихъ состояній въ замѣнъ блестящихъ преимуществъ, коими пользовались одни только знаменитые роды. Заслуги, щедроты монарховъ и бережливость могли только умножать достояніе бояръ. Почтенному сему предразсудку слѣдовали еще болѣе на Западѣ, пока герцогъ Орлеанскій не обратилъ жилища своего въ базаръ и подъ именемъ Королевскаго Дворца не стали разумѣть средоточія Парижской торговли. Чтобы разбогатѣть, князья и графы теперь у насъ, даже самые богатые, употребляютъ одинакія средства съ мѣщанами, строятъ пивоварни, торгуютъ въ кабакахъ и все-таки предъ послѣдними кичатся своими громкими именами; возможно ли, чтобъ ихъ уважали? Поклоненіе златому тельцу равняетъ всѣ состоянія. Не такъ было при Павлѣ, лѣтъ сорокъ тому назадъ. У графа Салтыкова было въ Москвѣ три дома; въ одномъ, на Дмитровкѣ, жила дочь его, г-жа Мятлева съ семействомъ; другой, загородный, служилъ ему для прогулокъ, а третій, маленькій каменный у Тверскихъ воротъ, подлѣ церкви Димитрія Селунскаго, стоялъ совсѣмъ пустой. При новой должности Алексѣева не было положено казенной квартиры; желая избавить его отъ убытковъ наемной, графиня Салтыкова, которой принадлежалъ собственно послѣдній изъ сихъ домовъ, предложила ему помѣститься въ немъ, и мы переехали въ него около половины Ноября.

Я тогда вблизи увидѣлъ полицейскую жизнь и чиновниковъ полиціи. Въ Москвѣ въ то время, когда не было столько роскоши, столько потребностей и слѣдственно такой жадности къ прибыли, полицейскіе чиновники, обезпеченные доходами, которые почитались почти законными, не прибѣгали къ ужаснымъ, пригнѣнительнымъ средствамъ,

чтобъ у бѣдныхъ обывателей выжимать деньги. Частные пристава жили роскошнѣе полицеймейстеровъ, и никто не ставилъ имъ этого въ вину. То что называется нынѣ красть, называлось тогда брать и было дѣйствительно болѣе добровольнымъ даромъ, чѣмъ грабежомъ. Отъ лицъ, какъ слышалъ я, они ничего не принимали; а только общества торговцевъ, мастеровыхъ, въ ихъ части живущихъ, дѣлали между собою умѣренныя складки и по большимъ праздникамъ подносили имъ въ видѣ почтительныхъ приношеній. Почитая себя нѣкоторымъ образомъ честными людьми, они съ успокоенною совѣстію могли безпристрастно исполнять свои обязанности; общее же мнѣніе въ Москвѣ никогда ихъ не клеймило, и бѣдные дворяне, армейскіе офицеры, съ честію служившіе, могли безъ стыда принимать полицейскія должности.

Имѣя офицерское званіе, мнѣ казалось, что я въ правѣ почитать себя совершеннолѣтнимъ. Отецъ мой, который опредѣленіемъ меня въ службу болѣе всѣхъ былъ обрадованъ, въ письмахъ своихъ перемѣнилъ со мною тонъ и изъ Филипушекъ произвелъ меня въ Филипы Филиповичи; только въ письмахъ и устахъ матери моей долго сохранялъ я еще дѣтское свое имя. Первый разъ въ жизни получилъ я деньги на собственные, безотчетныя издержки; мнѣ прислали сто рублей, огромную сумму, изъ которой употребленіе я не скоро началъ дѣлать, желая все пріобрѣсть и не умѣя рѣшиться въ выборѣ. Послѣ того прискорбно мнѣ было замѣтить, что узда только опущена, а не совсѣмъ снята еще съ меня: я все еще оставался подъ строгимъ надзоромъ сестры и брата. Впрочемъ, важный шагъ сдѣланъ: мнѣ позволено ходить по улицамъ безъ сопровожденія слуги, чего до толѣ не было; отъ дурной привычки страхъ вмѣстѣ съ радостію ощутилъ я, когда въ первый разъ увидѣлъ себя такимъ образомъ на свободѣ.

Отлучаясь, долженъ я былъ однакоже всякій разъ спрашиваться и сказывать, куда иду. Три раза въ продолженіи зимы воспользовался я такими позволеніями, чтобы видѣть Московскій театръ, не знаю зачѣмъ названный Петровскимъ, ибо во всемъ городѣ былъ онъ тогда одинъ *). Играли на немъ одни только Русскіе актеры. Изъ нихъ чета Сандуновыхъ болѣе всѣхъ приманивала публику; мужъ игралъ лакейскія роли въ комедіяхъ, а жена была примадонной въ оперѣ; ни тотъ, ни другой мнѣ что-то не повравились. Думая искусно подражать природѣ, Сандуновъ былъ чрезвычайно подлѣ на сценѣ; а жена, лѣтъ

*) Онъ сгорѣлъ еще до большаго пожара 1812 года, а въ 1823 перестроенъ въ увеличенномъ размѣрѣ.

двадцати пяти, не болѣе, почитаемая красавицей, казалась гораздо старѣе, ибо имѣла большія, правильныя черты, черныя глаза и волосы, Римскій носъ, и была чрезвычайно дородна. Играя почти всегда роли молодыхъ дѣвочекъ, она была довольно отвратительна; сверхъ того, имѣла привычку часто хохотать самымъ непристойнымъ образомъ. Голосъ ея былъ силенъ, чистъ, но не имѣлъ для меня ни малѣйшей пріятности.

Въ комедіяхъ, драмахъ и трагедіяхъ замѣчательны были Плавильщиковъ и Померанцевъ. Первый—литераторъ и актеръ, занималъ главныя роли и по моему былъ очень дурень, хотя ему и рукоплескали. Послѣдній превосходно игралъ стариковъ; онъ имѣлъ благородную осанку, нѣжный и трогательный голосъ и, если можно такъ сказать, всю прелесть маститости, настоящей или искусственной. Главная трагическая актриса была госпожа Сахарова. Пусть представятъ себѣ Дидоной Рязанскую или Симбирскую помѣщицу, уже пожилыхъ лѣтъ, мало знакомую съ столицей и великую охотницу декламировать стихи: это была Сахарова. Какъ въ дочери госпожи Спявской, первой женщины, которая у насъ въ Россіи согласилась выступить на сцену и нѣкогда блистала въ *Хоревѣ*, въ *Синавѣ* и *Труворѣ*, въ ней особенно уважалась кулисная ея знатность.

Болѣе изъ тщеславія чѣмъ изъ охоты, многіе богатые помѣщики составляли изъ крѣпостныхъ людей своихъ оркестры и заводили цѣлыя труппы актеровъ, которые, какъ говорили тогда въ насмѣшку, ломали передъ ними камедь. Когда дѣла ихъ разстраивались, они слугъ своихъ заставляли въ губернскихъ городахъ играть за деньги; одинъ между ними, г. Столыпинъ, нашель, что выгоднѣе отдать свою труппу внаймы на Московскій театръ, который тогда не находился въ казенномъ управленіи. Содержатель его былъ нѣкто Медоксъ—Жидъ*), вѣроятно, крещеный. Умѣренная плата симъ лицедѣямъ, жалкое одѣяніе, въ коемъ являлись они передъ зрителями, соответствовали ихъ талантамъ. Все это было ниже посредственности. Жидъ, видно, былъ не очень разсчетливъ; и какъ было ему не раззориться? Всѣ три раза, что зимой я былъ въ театрѣ, видѣлъ я почти пустой партеръ. Когда я слышу строгія замѣчанія критиковъ на нынѣшній Московскій театръ, мнѣ всегда досадно; я вспомню прежній и нахожу, что одного столѣтія мало, чтобы произвести удивительную между ними разницу.

Въ эту зиму увидѣлъ я и Московскіе балы; два раза былъ я въ Благородномъ Собраніи. Зданіе его построено близъ Кремля, въ центрѣ Москвы, которая сама почитается средоточіемъ нашего отечества. Не одно Московское дворянство, но и дворяне всѣхъ почти Великорос-

*) Медоксъ былъ происхожденія англійскаго. П. В.

сійскихъ губерній, стекались сюда каждую зиму, чтобы повеселить въ немъ женъ и дочерей. Въ огромной его залѣ, какъ въ величественномъ храмѣ, какъ въ сердцѣ Россіи, поставленъ былъ кумиръ Екатерины, и никакая зависть къ ея памяти не могла его исторгнуть. Чертогъ въ три яруса, весь бѣлый, весь въ колоннахъ, отъ яркаго освѣщенія весь какъ въ огнѣ горящій, тысячи толпящихся въ немъ посѣтителей и посѣтительницъ, въ лучшихъ нарядахъ, гремящіе въ немъ хоры музыки, и въ концѣ его, на нѣкоторомъ возвышеніи, улыбающійся всеобщему веселью мраморный ликъ Екатерины, какъ во дни ея жизни и нашего блаженства! Симвъ чудеснымъ зрѣлищемъ я былъ пораженъ, очарованъ. Когда первое удивленіе прошло, я началъ пристальнѣе разсматривать безчисленное общество, въ коемъ находился; сколько прекрасныхъ лицъ, сколько важныхъ фигуръ и сколько блестящихъ нарядовъ! Но еще болѣе, сколько странныхъ рожей и одѣяній!

Помѣщики сосѣдственныхъ губерній почитали обязанностію каждый годъ, въ Декабрѣ, со всѣмъ семействомъ отправляться изъ деревни, на собственныхъ лошадяхъ, и пріѣзжать въ Москву около Рождества, а на первой недѣлѣ поста возвращаться опять въ деревню. Сіи поѣздки имъ недорого стоили. Имъ предшествовали обыкновенно на крестьянскихъ лошадяхъ длинные обозы съ замороженными поросятами, гусями и курами, съ крупю, мукою и масломъ, со всѣми жизненными припасами. Каждаго ожидалъ собственный деревянный домъ, неприхотливо убранный, съ широкимъ дворомъ и садомъ безъ дорожекъ, заглохшимъ крапивою, но гдѣ можно было, однакоже, найти дюжину дикихъ яблонь и сотню кустовъ малины и смородины. Все Замоскворѣчье было застроено сими помѣщичьими домами. Въ короткое время ихъ пребыванія въ Москвѣ, они не успѣвали дѣлать новыхъ знакомствъ и жили между собою въ обществѣ пріѣзжихъ, деревенскихъ сосѣдей: каждая губернія имѣла свой особый кругъ. Но по Четвергамъ всѣ они соединялись въ большомъ кругу Благороднаго Собранія; тутъ увидать они статсъ-дамъ съ портретами, фрейлинь съ вензелями, а сколько лентъ, сколько крестовъ, сколько богатыхъ одеждъ и алмазовъ! Есть про что цѣлые девять мѣсяцевъ рассказывать въ уѣздѣ, и все это съ удивленіемъ, безъ зависти: недостигаемою для нихъ высотой знати они любовались, какъ путешественникъ блестящею вершиной Эльбруса.

Не одно маленькое тщеславіе проводить вечера вмѣстѣ съ высшими представителями Россійскаго дворянства привлекало ихъ въ Собраніе. Нѣтъ почти Русской семьи, въ которой бы не было полдюжины дочерей: авось ли Дунюшка или Параша приглянутся какому-нибудь хорошему человѣку! Но если хорошій человѣкъ не знакомъ ни-

кому изъ ихъ знакомыхъ, какъ быть? И на это есть средство. Въ старину (не знаю, можетъ быть и теперь) существовало въ Москвѣ цѣлое сословіе свахъ; имъ сообщались лѣта невѣсть, описи приданого и брачныя условія; къ нимъ можно было прямо адресоваться, и онѣ договаривали родителямъ все то, что въ Собраніи не могли высказать дѣвицѣ одни только взгляды жениха. Пусть другіе смѣются, а въ простотѣ сихъ дѣдовскихъ нравовъ я вижу что-то трогательное. Для любопытныхъ наблюдателей было много пици въ сихъ собраніяхъ; они могли легко замѣтить озабоченныхъ матерей, идущихъ объ руку съ дочерьми, и прочитать въ глазахъ ихъ безпокойную мысль, что можетъ быть въ сію минуту рѣшается ихъ участь; по веселому добродушію на лицахъ провинціаловъ легко можно было отличить ихъ отъ постоянныхъ жителей Москвы.

Московское Благородное Собрание существуетъ и понынѣ; зала его удивляетъ попрежнему простотою величія, попрежнему украшается единственно изображеніемъ Екатерины, но увы! она уже не форумъ Русскаго дворянства: почти весь годъ стоитъ она пустая; только разъ или два, по случаю пріѣзда царя, или другаго какого торжества, наполняется она опять людьми, но уже не въ такомъ числѣ, въ какомъ прежде собирались они въ нее еженедѣльно. Двѣнадцатый годъ болѣе всего сему Собранію нанесъ рѣшительный ударъ.

Если Москва не изобильна была публичными увеселеніями для образованнаго класса людей, то зато ни въ одномъ городѣ не было столько партикулярныхъ баловъ. Ни одного я не видалъ, меня никуда не звали, а я не имѣлъ ни воли, ни желанія куда-либо самъ называться. Партикулярнымъ баломъ нельзя почитать тотъ, на который и я былъ приглашенъ и который данъ былъ графомъ Салтыковымъ 6 Ноября, послѣдній день, въ который праздновали восшествіе на престолъ императора Павла. Тутъ было нѣчто офиціальное; неявка на сей балъ, особенно для знатныхъ и чиновныхъ людей, могла бы почесться неуваженіемъ къ особѣ царя. А никогда еще Москва, какъ въ это время, не была наполнена такими людьми, коихъ у насъ называютъ вельможами, то-есть тѣхъ, кои съ высокимъ чиномъ соединяютъ знаменитость заслугъ, блестящій титулъ и огромное состояніе, и живутъ соотвѣтственно своему сану. Одни, обремененные лѣтами, при Екатеринѣ еще сошли съ поприща, чтобъ успокоиться въ градѣ бояръ; другіе, при Павлѣ, или сами поспѣшили оставить службу, или были отставлены съ позволеніемъ жить, гдѣ пожелаютъ. Всѣ они предстали тутъ, сіи нѣкогда мужи войны и совѣта, съ своими сѣдинами и Андреевскими лентами. Тутъ увидѣлъ я фельдмаршала Каменскаго, бывшаго канцлера Остермана съ братомъ, Еропкина, избавителя Мос-

квы отъ чумы, и прежняго ея начальника Юрія Долгорукаго, оберъ-камергера князя Голицына, обоихъ братьевъ Куракиныхъ, бывшихъ вице-канцлера и генералъ-прокурора, и многихъ другихъ. Не принимая участія въ игрѣ, почти всѣ они сѣли полукружіемъ, и я съ почтительнымъ вниманіемъ смотрѣлъ на сонмъ опальныхъ бояръ, какъ на галерею историческихъ портретовъ. Еслибы не было пляски, то можно было бы вообразить себѣ, что они собрались въ думу для совѣщаній о дѣлахъ государственныхъ.

Девятнадцатое столѣтіе началось для меня довольно счастливо. Въ Генварѣ 1801 года произвели меня въ переводчики коллегіи, то есть въ 10-й классъ, безъ заслугъ, безъ покровительства, а только для того, чтобъ очистить мѣсто желающимъ поступить въ опредѣленное число юнкеровъ. Изъ новонабранныхъ двое имѣли довольно оригинальности, чтобы найти мѣсто въ сихъ Запискахъ.

Молва уже говорила намъ объ одномъ князѣ Козловскомъ, молодомъ мудрецѣ, который имѣлъ намѣреніе опредѣлиться къ намъ въ товарищи, и мы съ любопытствомъ ожидали обѣщанное намъ чудо. вмѣсто чуда увидѣли мы просто чудака. Правда, толщина не по лѣтамъ, въ голосѣ и походкѣ натуральная важность, а на лицѣ удивительное сходство съ портретами Бурбоновъ старшей линіи, заставили сначала самого г. Бантыша-Каменскаго принять его съ нѣкоторымъ уваженіемъ; разглядѣвъ же его пристальнѣе, узнали мы въ немъ совсѣмъ не педанта, но добраго малаго, общительнаго, веселаго и даже легкомысленнаго. Способностей въ немъ было много, учености никакой, даже познаній весьма мало; но онъ славно говорилъ по-французски и порядочно писалъ Русскіе стихи. Откормленный, румяный, онъ всегда смѣлся и смѣшиль, имѣлъ, однакоже, искусство, не давать себя осмѣивать, несмотря на свое обжорство и умышленный цинизмъ въ нарядѣ, коимъ прикрывалъ онъ бѣдность или скудость родителей.

Оставаясь въ Россіи, добросовѣстно, усердно посвящая себя занятіямъ по какой-либо части управленія, князь Козловскій могъ бы, наконецъ, быть однимъ изъ полезныхъ людей государства. Но онъ въ первой молодости получилъ мѣсто за границей, находился при разныхъ миссіяхъ и нѣсколько лѣтъ въ Сардиніи раздѣлялъ ссылку Сардинскаго короля, при коемъ былъ посланникомъ. Въ послѣдствіи, когда онъ былъ въ Штутгартѣ, неосновательность его поступковъ заставила правительство отозвать его; но, сдѣлавшись совершенно чуждъ своему отечеству, онъ не захотѣлъ въ него возвратиться. Несчастный, но не первый примѣръ, встрѣчаемый между нашими земляками, для коихъ навыки заграничной жизни дороже родины, священнѣе всѣхъ обязанностей. На это смотрѣли у насъ доселѣ съ преступнымъ равно-

душіемъ. Пользуясь во Франціи приличнымъ содержаніемъ, которое оставило ему правительство, князь Козловскій казался жертвой, прослылъ чуть ли не геніемъ, коему не умѣютъ отдавать справедливость. У кого хороша память и кто много читаетъ, тому куда какъ легко быть геніемъ въ наше время, когда говорится и пишется такъ много умнаго! Необходимость привудила недавно Козловскаго посѣтить Петербургъ, и ему дивились, какъ всему заграничному. Миѣ казалось, что я вижу предъ собой густую массу, которая болѣе тридцати лѣтъ каталась по Европѣ, получила почти шарообразный видъ и, какъ гіероглифами, вся испещрена идеями, для насъ уже не новыми, и множествомъ несогласныхъ между собою чужихъ мнѣній, которыя по клейкости ея такъ удобно къ ней приставали. Теперь масса сія въ совершенномъ бездѣйствіи остановилась въ Варшавѣ (все-таки какъ будто не въ Россіи) и сохраняется тамъ благодѣянiami презираемаго ею отечества.

Другой новобранникъ былъ Макаровъ, человѣкъ смирный, но не спокойный, ибо тогда уже былъ мучимъ желаніемъ прославиться въ литературѣ. Онъ, Данаида нашей словесности, болѣе тридцати пяти лѣтъ льетъ чернилу, наполняетъ журналы и ни на шагъ не подвигается ни въ искусствѣ, ни въ знаменитости. Вообще между тогдашними архивными юношами было довольно талантовъ въ зернѣ; отъ чего, не созрѣвъ, они гибли? Богъ вѣсть, обстоятельства ли и недостатки воспитанія препятствовали ихъ развитію? Обѣщали многіе, а одинъ только сдержалъ слово.

Скоро узнали мы вѣсть неприятную для нашего чиновлюбія: далѣе мы ничего не видѣли. Къ концу Февраля графъ Растопчинъ былъ отставленъ, а на его мѣсто первоприсутствующимъ въ Иностранной Коллегіи и начальствующимъ надъ почтовою частію былъ назначенъ графъ Паленъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ сохранялъ и должность Петербургскаго военнаго губернатора. Внезапныя немилости Павла давно уже перестали удивлять; но удаленіе вѣрнѣйшаго, изъ преданныхъ ему, человѣка, который въ продолженіе всего царствованія его ни на минуту не переставалъ пользоваться его довѣренностію, опытнымъ людямъ казалось худымъ предзнаменованіемъ для самого царя; эта перемѣна, по мнѣнію ихъ, должна была повлечь за собою другія важнѣйшія перемѣны. И они не ошиблись, какъ это теперь всѣмъ извѣстно.

XVII.

Опять вступает Россія въ новую блистательную эпоху, въ новый міръ, сначала столь очаровательный. Съ обыкновеннымъ любопытствомъ и необычайнымъ страхомъ ожидала Москва видѣть императора въ половинѣ Мая, на большихъ маневрахъ, которые къ тому времени приготовлялись въ ея окрестностяхъ....

Необыкновенно раннее открытіе весны предшествовало раннему Свѣтлomu Воскресенію: еще до половины Марта снѣгъ началъ исчезать, и наступила ясная, совершенно теплая погода. Въ Пятницу на Вербной недѣль, 15 Марта, былъ я въ архивѣ; становилось поздно, многіе уже разошлись по домамъ; изъ начальниковъ оставался одинъ только г. Бантышъ-Каменскій, разбирая какія-то рукописи. Вдругъ вбѣгаетъ меньшей Тургеневъ въ радостномъ изумленіи, краснѣя, только не отъ застѣнчивости, и прерывающимся голосомъ объявляетъ намъ, что Павла нѣтъ уже на свѣтѣ и что царствуетъ Александръ. «Что ты говоришь!» воскликнулъ Каменскій и съ ужасомъ перекрестился. Тотъ продолжаетъ рассказывать нижеслѣдующее.

Проѣзжая черезъ Кремль, онъ увидѣлъ толпу народа вокругъ Успенскаго собора; желая узнать причину такого стеченія, онъ втиснулся во храмъ и нашелъ въ немъ графа Салтыкова съ другими главными должностными лицами, которыя присягаютъ новому императору. Болѣе всего онъ замѣтилъ двухъ генераловъ въ Анненскихъ лентахъ, неумытыхъ, невыбритыхъ, забрызганныхъ грязью. Ему сказали, что одинъ изъ нихъ князь Сергій Долгоруковъ, который привезъ манифестъ о кончинѣ Павла и о воцареніи Александра, а другой бывший оберъ-полицеймейстеръ Каверинъ, присланный смѣнить Эртеля и вступить въ прежнюю должность. Къ тому прибавили, что видѣли ихъ вмѣстѣ на одной перекладной телѣгѣ скачущими отъ Тверской заставы до дому главнокомандующаго, и что всѣхъ встрѣчающихся они какъ будто взорами поздравляли и привѣтствовали.

Никакого не осталось сомнѣнія. Но какъ это случилось? Онъ даже не былъ боленъ! Все это надѣялся узнать я дома и поспѣшилъ уйти. Отъ Покровки до Тверскихъ воротъ путь не близокъ; я долженъ былъ сдѣлать его пѣшкомъ, ибо денегъ на извозчика у меня не было, и вѣроятно въ тревогѣ забыли прислать за мною лошадь. Я болѣе бѣжалъ, чѣмъ шелъ; однакоже внимательно смотрѣлъ на всѣхъ попадавшихся мнѣ въ простыхъ армякахъ, равно какъ и на людей порядочно-одѣтыхъ. Замѣтно было, что важная вѣсть разнесена по всѣмъ частямъ города и уже не тайна для самаго простаго народа. Это одно

изъ тѣхъ воспоминаній, которыхъ время никогда истребить не можетъ: иная, всеобщая радость, освѣщаемая яркимъ весеннимъ солнцемъ. Возвратившись домой, я никакъ не могъ добиться толку: знакомые безпрестанно пріѣзжали и уѣзжали, всё говорили въ одно время, всё обнимались, какъ въ день Свѣтлаго Воскресенія; ни слова о покойномъ, чтобы и мигутно не помрачить сердечнаго веселія, которое горѣло во всѣхъ глазахъ; ни слова о прошедшемъ, все о настоящемъ и будущемъ. Сей день, столь вождѣленный для всѣхъ, казался вѣстовщицамъ и вѣстовщицамъ особенно благополучнымъ: вездѣ принимали ихъ съ отверстыми объятіями.

Кто бы могъ повѣрить? На восторгъ, конки наполнена была древняя столица, смотрѣлъ я съ чувствомъ непѣзясимой грусти. Я не зналъ еще..., что вся Россія, торжествующая сіе событіе, принимаетъ за него на себя отвѣтственность; но тайный голосъ какъ будто нашептывалъ мнѣ, что будущее мнѣ и моимъ мало сулитъ радости и что въ немъ бѣдствія и успѣхи, слава и униженіе равно ожидаютъ мое отечество. Я вспомнилъ, что изъ наградъ и милостей, кои бросалъ покойный безъ счету и безъ мѣры на извѣстныхъ и неизвѣстныхъ ему, по заслугамъ или безъ заслугъ, упали на меня два чина, а благодарность — ярмо, отъ котораго я никогда не умѣлъ и не хотѣлъ освободиться, и я, признаюсь, вздохнулъ о Павлѣ. Сообщить моихъ мыслей, разумѣется, было никакъ невозможно: во мнѣ бы увидѣли сумасшедшаго или общаго врага.

На другой день, 16 числа, къ вечеру, наканунѣ Вербнаго Воскресенія, въ Охотномъ ряду, вокругъ Кремля и Китая, гдѣ продавали вербы, не доставало только качелей, чтобы увидѣть гулянье, которое бываетъ на Святой недѣлѣ: народъ веселился, а отъ каретъ, колясокъ и дрожекъ цѣлой Москвы заперлись сосѣднія улицы...

...Время, все истребляющее, все болѣе и болѣе покрываетъ забвеніемъ странности сего несчастнаго царствованія; послѣдніе памятники его — укрѣпленія Михайловскаго замка и шутовской нарядъ Брызгалова *) — недавно исчезли. Стариковъ, которые были свидѣтелями происшествій и могли основательно судить объ нихъ, остается мало. Для насъ, тогда несовершеннолѣтнихъ, воспоминаніе о сѣмъ времени тоже что о краткомъ, удушливомъ снѣ, о кошмарѣ, который мы забыли, коль скоро пересталъ оны давить насъ. Новыя же поколѣнія, видя разсказы, видятъ болѣе смѣшную, чѣмъ ужасную сторону сей эпохи, чрезъ которую прошло ихъ отечество....

*) Бывшій кастелянъ Михайловскаго замка, чудакомъ болѣе тридцати лѣтъ не снимавшій костюмъ или придворную ливрею, которую носилъ при Павлѣ: малиновый мундиръ, шаръ и длиннѣе всякаго сертука, съ золотыми погуменами, бахромою и кистями.

Итакъ, вдали отъ причинъ ненависти и любви, можно, кажется, безпристрастно судить теперь о человѣкѣ, который... былъ нашъ Людовикъ XIV-й. Слово сего послѣдняго, которое нынѣ всѣхъ возмущаетъ—*l'état c'est moi*—принялъ онъ въ точномъ смыслѣ....

Подобно Людовику XI-му имѣлъ онъ своего любимца-брадобрѣя, своего *Olivier le Dain*; но если далеко стоитъ онъ отъ него въ жестокостяхъ, то еще гораздо далѣе въ искусствѣ правительственномъ. Какая цѣль была у Павла Перваго? Какія препятствія встрѣчалъ онъ? Внутри государства, гдѣ были могущественные враги, коихъ надлежало ему сокрушить для собственной безопасности? Благоустроенное, спокойное, сильное, великое государство получилъ онъ въ наслѣдство отъ той, коей обязанъ былъ жизнью; не терновый, а самый блестящій вѣнецъ оставила ему Екатерина. Что еслибы онъ жилъ во времена Людовика XI-го и былъ въ подобныхъ ему обстоятельствахъ!....

Въ наружной политикѣ тоже что и во внутреннемъ управленіи: никакой предусмотрительности, никакихъ видовъ, никакой осторожности; одни только царскія его личности. Онъ золь на революцію и посылаетъ Суворова въ Италію, разсердился на Австрію и приказываетъ арміи воротиться, прогнѣвался на Англію и преждевременно грозитъ ей, а она, какъ увѣряютъ, безъ угрозъ его губить. Дѣйствуя безъ всякихъ правилъ, безъ всякаго плана, по однимъ внезапнымъ побужденіямъ... знаменитому изгнаннику по праву рожденія, королю Французскому, которому далъ онъ убѣжище въ Митавѣ, безъ всякой политической причины велитъ безжалостно въ одни сутки оставить свои владѣнія; посѣтившаго его гостя, короля Шведскаго Густава IV-го, по одному капризу, высылаетъ изъ Петербурга. Онъ жилъ славою и силою Екатерины. Она ихъ стяжала; а онъ, какъ расточительный наслѣдникъ, скоро умѣлъ бы ихъ утратить....

...Состраданіе, признательность, а пуще всего всегдашняя склонность не покоряться безусловно общему мнѣнію заставляли меня нѣкоторое время быть его защитникомъ. Въ четыре года съ половиною дѣтскаго возраста привыкъ я къ тревоженіямъ его царствованія; всякій могъ почитать себя накануне гибели или быстрого повышенія, а эта живость, это лихорадочное состояніе юношеству не совсѣмъ бываетъ противно. Но теперь, какъ начну припоминать безчисленные, несносныя обиды, какъ общія, такъ и частныя, нанесенныя Россіи и Русскимъ, то трудно бываетъ мнѣ воздержаться отъ глубокаго негодованія.

Сіи поминки Павлу Первому суть послѣднія, которыя я себѣ позволю. Гораздо пріятнѣе мнѣ будетъ говорить о восторгахъ, коими привѣтствовали зарю, весну новаго царствованія.

Послѣ четырехъ лѣтъ, воскресаетъ Екатерина отъ гроба, въ прекрасномъ юношѣ. Чадо ея сердца, милый внукъ ея, возвѣщаетъ манифестомъ, что возвратитъ памъ ея времена. Увидимъ послѣ, какъ сдержалъ онъ сіе обѣщаніе.

Но нѣтъ: даже и при ней не знали того чувства благосостоянія, коимъ объята была вся Россія въ первые шесть мѣсяцевъ владычества Александра. Любовь ею управляла, и свобода вмѣстѣ съ порядкомъ водворялись въ ней. Не знаю какъ описать то, что происходило тогда; всѣ чувствовали какой-то нравственный просторъ, взгляды сдѣлались у всѣхъ благосклоннѣе, поступъ смѣлѣе, дыханіе свободнѣе.

Приписать сіе должно отчасти хорошему выбору людей, коими всемогущій тогда графъ Паленъ окружилъ молодаго императора. Всѣ они были употребляемы и уважаемы его бабкою. Беклешовъ, Мордвиновъ, Троицкій, благонамѣренныя, умныя и опытыя люди заняли тогда важнѣйшія мѣста въ государствѣ. Только три человека принесены въ жертву общему негодованію: Обольяниновъ, Кутайсовъ и Эртель. Они уволены отъ службы безъ всякихъ преслѣдованій; первые два никогда въ нее болѣе не вступали, послѣдній не одинъ разъ потомъ правительству пригождался.

Первое употребленіе, которое сдѣлали молодые люди изъ данной имъ воли, была перемѣна костюма: не прошло двухъ дней послѣ извѣстія о кончинѣ Павла, круглыя шляпы явились на улицахъ; дѣя черезъ четыре стали показываться фраки, панталоны и жилеты, хотя запрещеніе съ нихъ не было снято; впрочемъ, и въ Петербургѣ всѣ перерядились въ нѣсколько дней. Къ концу Апрѣля кое-гдѣ еще встрѣчались старинныя однобортныя кафтаны и камзолы, и то на людяхъ самыхъ бѣдныхъ.

Въ военномъ нарядѣ сдѣланы перемѣны гораздо примѣчательнѣйшія: широкіе и длинныя мундиры перешиты въ узкіе и черезъ мѣру короткіе, едва покрывающіе грудь; низкіе отложные воротники сдѣлались стоячими и до того возвысились, что голова казалась въ ящикѣ, и трудно было ее поворачивать. Перешли изъ одной крайности въ другую, и всѣ восхищались новою обмундировкой, которая теперь показала бы весьма странною. Со временъ Петра Великаго зеленый цвѣтъ былъ національнымъ въ Русской арміи, но до Павла употреблялся одинъ только свѣтлый; преемникъ сохранилъ введенный имъ темно-зеленый цвѣтъ.

Траура въ Москвѣ подъ разными предлогами почти никто не послѣ. Да и лучше сказать, въ траурномъ платьѣ я помню одну только вдову генераль-лейтенантшу Акулину Борисовну Кемпель, одну изъ нашихъ Киевскихъ знакомокъ, которая въ первомъ замужествѣ

была за Московскимъ купцомъ Дудышкинымъ и оттого чрезвычайно гордилась потомъ своимъ чиномъ. Не смотря на необъятную толщину свою, она все лѣто прѣла подъ черною байкой, для того чтобъ имѣть удовольствіе показывать шлейфъ чрезмѣрной длины.

Въ Апрѣлѣ все пришло въ движеніе. Не смотря на распутицу, на разлитіе рѣкъ, на время самое неблагоприятное для путешествій, всѣ дороги покрылись путешественниками: изгнанники спѣшили возвращаться изъ мѣстъ заточенія, отставные или выключенные потянулись толпами, чтобы проситься въ службу, весьма многіе поскакали за тѣмъ только въ Петербургъ, чтобы полюбоваться царемъ. Исключая дѣйствительно порочныхъ и виновныхъ, всѣ желавшіе вступить въ службу были безъ затрудненія въ нее принимаемы. Сотнямъ жалованныхъ и потомъ выброшенныхъ генераловъ невозможно было дать мѣсть по чину: имъ велѣно числиться по арміи съ жалованьемъ, въ ожиданіи назначенія; во всѣхъ полкахъ удвоился и утроился комплектъ штабъ-и оберъ-офицеровъ. Сначала средній братъ мой поступилъ въ Малороссійскій кирасирскій полкъ, а потомъ мѣсяца два спустя и старшій опредѣленъ въ провіантскій штатъ. Онъ было пытался проситься въ армію, хотя состояніе здоровья его не позволяло тогда думать ему о фронтѣ; но ему отказали, ибо число просящихся подъ конецъ такъ увеличилось, что не было возможности удовлетворять ихъ желаній. По молодости лѣтъ ему хотѣлось однакоже носить военный мундиръ, который тогда былъ присвоенъ провіантскому вѣдомству; итакъ, несмотря на худую славу его, рѣшился онъ въ него вступить.

Къ числу нашихъ семейныхъ происшествій въ семь году принадлежить и маленькое приращеніе его: сестра моя Алексѣева въ Апрѣлѣ родила втораго и послѣдняго сына своего Николая.

Первые три мѣсяца послѣ кончины Павла графъ Паленъ... хотѣлъ быть главою государства; старый, преступный временщикъ былъ однакоже обманутъ притворною скромностію молодаго царя и въ одинъ мигъ съ высоты могущества низринуть въ ссылку. Сей первый примѣръ искусства и рѣшимости новаго государя, боготворимаго и угрожаемаго въ одно время и коего положеніе было не безъ затрудненій, могъ бы удивить и при Павлѣ, когда такія извѣстія почитались самыми обыкновенными. Но Москва и Россія утопали тогда въ веселіи; сіе важное происшествіе едва было замѣчено людьми еще хмѣльными отъ радости. Вице-канцлеръ князь Александръ Борисовичъ Куракинъ сдѣлался тогда нашимъ единственнымъ начальникомъ въ Иностранной Коллегіи.

Мы почти не видали, какъ прошло лѣто. Нѣкоторую онаго часть провелъ я за городомъ, въ Марѣинѣ, деревнѣ графа Салтыкова. Отецъ

и дѣдъ его, Петръ Семеновичъ и Семень Андреевичъ, такъ же какъ и онъ долго начальствовавшіе въ старой столицѣ, всегда жилали лѣтомъ въ семь паслѣдственномъ помѣстьѣ, которое находится въ тридцати верстахъ отъ Москвы по Дмитровской дорогѣ*). Необширный, двухъэтажный каменный домъ, кудрявой архитектуры возрожденія, стоялъ тамъ тогда на высотѣ надъ широкимъ прудомъ съ островами. Два флигеля, одинаковой вышины и въ одну линію съ нимъ построенные, соединялись съ нимъ галереями и терасами, что, растягивая фасадъ его, давало ему видъ довольно огромный. Съ одной стороны былъ длинный, регулярный садъ съ безконечными, прямыми, липовыми аллеями, а съ другой примыкала къ нему прекрасная, густая, молодая роща, идущая внизъ по скату горы, до самаго пруда или озера. Приемнымъ комнатамъ нижняго этажа служило украшеніемъ многочисленное собраніе старинныхъ фамильныхъ портретовъ; бѣльшая же часть верхняго, подъ именемъ оружейной, обращена была въ хранилище не только воинскихъ доспѣховъ, принадлежавшихъ предкамъ, но и всякой домашней утвари, даже платья ихъ и посуды, серебряной и фарфоровой, вышедшей изъ употребленія.

*) Въ Россіи со временъ Петра Великаго такіе примѣры чрезвычайно рѣдки. Къ новизнамъ, къ нововведеніямъ, къ коимъ такъ жестоко приневоливалъ онъ насъ, мы до того привыкли, что гнушаемся всякою стариной. Боярскія вотчины дѣлятся, подраздѣляются, чрезъ женщинъ переходятъ въ другіе роды, очень часто проматываются и продаются въ постороннія руки съ семейными воспоминаніями, съ древними храмами и съ гробницами предковъ. Городскіе дома сбываются сыновьями, вскорѣ послѣ кончины родителей, или перестраиваются заново, чтобы не оставить и слѣдовъ прежняго варварскаго вкуса, который иногда бывасть лучше новѣйшаго; одежда отца и дѣда, дорогія вещи имъ принадлежавшія, все что могло бы напомнить о ихъ существованіи, отдается за безцѣнокъ, какъ старье, какъ ветошь; даже изъ фамильныхъ документовъ тѣ, кои не даютъ правъ на какое-нибудь владѣніе, но кои могли бы быть драгоцѣнными памятниками для потомковъ, теряются и гибнутъ отъ небрежности людей равнодушныхъ, какъ въ семейной чести, такъ и къ отечественной славы. У насъ нѣтъ прошедшаго. Петръ Великій отецъ его у насъ, и какъ будто нѣтъ и будущаго; лишь бы стало по нашъ вѣкъ, а тамъ хоть не цвѣти Россія. Чудное дѣло! Не Татары, а Западъ, гдѣ исторія, генеалогія и майораты, сдѣлалъ насъ почти кочевымъ народомъ. Не предчувствіе ли это недолговѣчія Россіи? Неужели она, убѣжище и упованіе всѣхъ друзей порядка и тишины, не что иное какъ огромный метеоръ, который столь же быстро погружится въ глубокій мракъ, сколь свѣтло и величаво онъ вышелъ изъ него? О, помилуй, Господи! Не принадлежитъ уже Марѣино роду Салтыковыхъ: графъ Владимиръ Орловъ купилъ его и отдалъ дочери своей, графинѣ Пашной, которая настроила тамъ виллы и коттеджи; теперь оно пошло переходить изъ роды въ роды. (Послѣднее не оправдалось. Ш. Б.).

Пріятности сего лѣтняго мѣстопребыванія умножились еще любезностію двухъ хозяекъ, самой графини Салтыковой и старшей дочери ея, Прасковьи Ивановны Мятлевой. Не знаю, откуда могли онѣ взять совершенство неподражаемаго своего тона, всю важность Русскихъ боярынь вмѣстѣ съ непринужденною учтивостію, съ точностію приличій, которыми отличались дюшесы прежнихъ временъ. Еслибъ онѣ были гораздо старѣе, то можно бы было подумать, что часть молодости своей провели онѣ въ палатахъ царя Алексѣя Михайловича, съ сестрами и дочерьми его, а другую при дворѣ Лудовика XIV. Ни развратно-грубая Россія отъ Петра до Екатерины, ни гнусно-развратная Франція отъ регентства до революціи, не могли показать имъ образцовъ достойныхъ ихъ подражанія. Изъ преданія обѣихъ земель составили онѣ себѣ благороднѣйшій характеръ аристократин, смѣшавъ гостепримство Русской старины съ образованностію временъ просвѣщеннѣйшихъ.

Великую страсть имѣла г-жа Мятлева являться на сценѣ въ домашнемъ театрѣ, разумѣется, во Французскихъ піесахъ. Бѣлосельскіе и Чернышовы, молодые путешественники, возвратившіеся съ клеймомъ Версали и Фернея, Кобенцели и Сегюры, чужестранные посланники, отличавшіеся любезностію, ввели представленія сіи въ употребленіе при дворѣ Екатерины. Избраннѣйшее общество участвовало въ сихъ просвѣщенныхъ забавахъ, и Эрмитажъ былъ однимъ изъ каналовъ, чрезъ кою начало вливаться къ намъ могущество Франціи. Сюрпризы именинникамъ были тогда также новостію и принадлежностію одного высшаго общества. Большія затѣи приготовлялись тогда въ Марѣинѣ къ 23 и 24-му Іюня, днямъ рожденія и именинъ фельдмаршала.

Вѣроятно лицо мое выражало страсть къ театру, ибо намѣреніе завербовать меня въ число актеровъ заставило пригласить меня въ Марѣино. Но какъ не только мнѣ самому никогда не случалось играть, я всего не болѣе семи или восьми разъ бывалъ въ театрѣ: то легко можно себѣ представить, какъ при первой попыткѣ исчезли надежды на удачное мое соучастіе въ предпринимаемомъ важномъ дѣлѣ. Мнѣ, однакоже, не показали ни малѣйшаго неудовольствія; это было-бы уже слишкомъ жестоко: напротивъ, первую робость, застѣнчивость мальчика, взброшеннаго въ едва знакомый ему кругъ, дня черезъ два привѣтствіями, вниманіемъ умѣли превратить въ смѣлое, свободное обхожденіе; и какъ мнѣ все правилось, то, кажется, я и самъ полюбился. Я не помню, чтобы гдѣ-нибудь потомъ я такъ живо, такъ искренно, такъ безвинно всеѣмъ наслаждался, какъ тогда въ деревнѣ гр. Салтыкова. Начинаясь только весна моей жизни, и это было въ первые мѣсяцы владычества Александра, когда въ воображеніи поддан-

ныхъ онъ былъ еще прекраснѣе чѣмъ въ существѣ, когда всѣ стремились ему уподобиться, когда исчезли ужасы, погасли зависть и вражда и, возлюбивъ другъ друга, въ единомысліи всѣ Русскіе мечтали только о добрѣ.... Въ первый разъ былъ я совершенно свободенъ, въ самое благоприятное время года, въ прекрасномъ помѣстьи, гдѣ жили непринужденно, и однѣ веселости смѣнялись другими. Можетъ быть (кто не безъ грѣха, даже и дѣти), любезность ко мнѣ семейства, которое уважалось въ Петербургѣ и коему поклонялась вся Москва, льстила моему самолюбію; можетъ быть, очарованіе маленькаго двора, къ коему начиналъ я принадлежать, сильно на меня подѣйствовало; но все вмѣстѣ исполнило меня чувствомъ такого благосостоянія, что оно выражалось у меня въ словахъ, во взглядахъ, во всѣхъ движеніяхъ. И потому-то, какъ было всѣмъ не улыбаться моей юности и моему счастью!

Графиня Салтыкова съ каждымъ днемъ становилась ко мнѣ милостивѣе. Поощряемый возрастающимъ ея снисхожденіемъ, я рѣшился разъ сказать ей со всею откровенностію, что въ МарѢинѣ я вижу убѣжище, которое равно спасаетъ меня какъ отъ весьма нетягостной власти сестры моей, такъ и отъ тяжкаго ига г. Балтыша-Каменскаго, и она обѣщала у обоихъ испросить мнѣ дозволеніе еще на нѣкоторое время не разставаться съ моимъ эдемомъ *).

Общество наше было многочисленное. Всякій день пріѣзжали гости изъ Москвы; постоянными же жителями МарѢина были всѣ тѣ, кои должны были участвовать въ сюрпризахъ и представленіяхъ: музыканты, пѣвуны, дамы и дѣвицы, взявшія роли. Между сими послѣдними встрѣтилъ я прежнихъ своихъ знакомокъ, трехъ молоденькихъ княженъ Хованскихъ, дочерей бывшаго Кіевскаго вице-губернатора, который при Павлѣ былъ оберъ-прокуроромъ Синода, а потомъ отставленъ и сосланъ въ Симбирскъ, откуда только что воротился. Сильно забилось во мнѣ сердце при сей встрѣчѣ, и онѣ, кажется, не безъ удовольствія увидѣли товарища своего дѣтства; но взаимныя отношенія наши совсѣмъ уже перемѣнились. Въ меньшихъ я нашелъ еще простодушіе и невинность перваго возраста, но въ старшей, Наталіи, ничего уже не оставалось дѣтскаго. Въ шестнадцать лѣтъ, смѣлые ея взоры уже искали высокихъ жертвъ и, къ счастью, почти на мнѣ не

*) Въ это время князь Козловскій, толстый мой товарищъ по службѣ, прислалъ куплеты въ честь графа Салтыкова; на нихъ тотчасъ сдѣлали какую-ту музыку, а автора, какъ слѣдовало, пригласили на праздникъ. Каждый куплетъ оканчивался словами: «удовольны мы своей судьбѣй, МарѢино намъ раи земной». Онъ это написалъ, а я это чувствовалъ.

останавливались. Пѣвительный голосъ ея всѣхъ удивлялъ, и она готовилась восхищать имъ въ оперѣ Паэзіелло *La Servante Maitresse*.

Сверхъ того, еще двѣ оперы: одна старинная Французская, *Два охотника*, и Русская *Мельникъ*, да двѣ прескучныя комедіи МаривѸ были представлены въ три дня, что продолжались МарѢинскія увеселенія. Исключая г-жи Мятлевой, которая игрой напоминала мадамъ Вальвиль, и княжны Хованской, которая пѣла и играла какъ записная артистка, всѣ прочіе мнѣ показались довольно плохи; особенно же мужчины, съ своимъ Нижегородско-Французскимъ выговоромъ, совсѣмъ не за свое дѣло взялись. Всего примѣчательнѣе была пѣса, интермедія, прологъ или маленькій Русскій водевиль подъ названіемъ: *Только для МарѢина*, сочиненіе Карамзина. Содержаніе, сколько могу припомнить, довольно обыкновенное: деревенская любовь, соперничество, злые люди, которые препятствуютъ союзу любовниковъ, и нетерпѣливо ожидаемый пріѣздъ изъ арміи добраго господина, графа Петра Семеновича, который ихъ соединяетъ; потомъ великая радость, пѣсни и куплеты оканчиваютъ пѣсу. Такъ какъ всѣ роли были коротенькія, то одну изъ нихъ, роль бурмистра, мнѣ поручили. Я надѣлъ Русскій кафтанъ, привязалъ себѣ бороду и старался говорить грубымъ голосомъ. Какъ нарочно пришлось спѣть мнѣ слѣдующій куплетъ:

Будемъ жить, друзья, съ женами,
Какъ живали въ старину.
Худо быть намъ ихъ рабами,
Воли портить лишь жену.
ДѸма имъ не посидится,
Все бы, все бы по гостимъ.
Это право не годится,
Приберемте ихъ къ рукамъ.

Ва х м и с т р ь .

Нашъ бурмистръ посеть пустое,
Не указъ намъ старина.
Воля дѣло золотое, и проч.

Другія представленія даны были въ небольшомъ деревянномъ театрѣ, построенномъ въ саду; но мы играли днемъ, на открытомъ воздухѣ. Въ двухъ верстахъ отъ господскаго дома, среди прекрасной рощи, названной Дарьиной, поляна, состоящая изъ двухъ противоположно-идущихъ отлогостей, образовала природный театръ; сцена заключалась въ правильномъ продолговатомъ полукружій: тутъ первый разъ въ жизни, чуть ли не въ послѣдній, являлся я передъ публикой.

Самъ Карамзинъ пріѣхалъ наканунѣ представленія, училъ насъ и даже игралъ съ нами графа Петра Семеновича Салтыкова. Я обо-

мѣлъ, когда невзначай пришлось ему сказать мнѣ нѣсколько словъ: власти и заслуженныя почести всегда всеяли во мнѣ уваженіе, но этотъ благоговѣйный страхъ могли произвести только добродѣтели и высокій талантъ. Встрѣтившись съ симъ необычайнымъ человѣкомъ, я бросаю на время Марѣинскія забавы, чтобы предаться наслажденію говорить объ немъ.

Уже былъ онъ извѣстенъ, уже былъ онъ славенъ, уже зависть и клевета въ страшное царствованіе Павла возставали, чтобъ его погубить. Но Богъ Россіи хранилъ его; подъ Его щитомъ, съ кротостію улыбаясь самимъ врагамъ своимъ, шелъ онъ спокойно, смиренно, прекрасною, цвѣтущею стезею, ведущею его къ цѣли, которую, вѣроятно, тогда еще самъ онъ не предугадывалъ. До него не было у насъ инаго слога, кромѣ высокопарнаго или площаднаго; онъ изобрѣлъ новый, благородный и простой, и написалъ имъ путешествіе свое за границу и плѣнительныя повѣсти, кои своею новостію такъ пріятно изумили Россію. Можно сказать, что онъ же создалъ и разговорный у насъ языкъ и былъ основателемъ новой школы, долго поддерживавшей лучшія правила въ литературѣ. Казалось, чего бы болѣе для обыкновеннаго авторскаго самолюбія? Но онъ не зналъ его, а твореніями своими, какъ врожденнымъ добромъ, дѣлился съ читателями. Скоро почувствовалъ онъ еще другое, высшее призваніе; скоро лавры должны были заступить мѣсто розъ, блиставшихъ на молодомъ челѣ его. Не тщетно получилъ онъ отъ природы трудолюбіе и жажду къ познаніямъ, не даромъ даны ему были пламенное сердце, высокій умъ и чистыя уста; ими предназначено ему было вѣщать современникамъ и потомству о древней, почти забытой славѣ предковъ. Онъ долженъ былъ дать новую безконечную жизнь Васильку и Мономаху, Ляпунову и Скопину Шуйскому и грозно судить грознаго царя. Промыслу угодно было, какъ въ чистѣйшемъ сосудѣ, воспалить въ немъ жаръ просвѣщенной любви къ отечеству, угасавшій между высшими сословіями отъ безразсудной страсти къ иноземному,—не грубый, самохвальный патріотизмъ провинціаловъ и невѣждъ. Слѣдуя за духомъ вѣка, напрасно завистливые соперники хотятъ затмить его славу, стараются своими помоями залить священный огонь, имъ распространенный: отъ времени до времени онъ болѣе умножается и усиливается.

Такіе люди посылаются на землю, чтобы производить въ умахъ великіе и счастливые перевороты, и онъ былъ въ Москвѣ кумиромъ всѣхъ благородно-мыслящихъ юношей и всѣхъ женщинъ истинно-чувствительныхъ. Въ тогдашнее еще чиновничье-поклонительное время, было даже нѣсколько страшно видѣть стариковъ-вельможъ, почти какъ съ равнымъ, въ обхожденіи съ тридцатилѣтнимъ оставшимъ поручикомъ. Мнѣ

не нужно описывать его наружность; портреты его чрезвычайно схожи; они очень вѣрно выражаютъ глубокія думы на его челѣ и добродушіе во взорахъ его; конечно, изображенія его сохраняются у всѣхъ просвѣщенныхъ Россіянь.

Изъ тѣхъ Марейскихъ посѣтителей выбираю я для описанія однихъ только литераторовъ. Тутъ былъ еще одинъ поэтъ, весьма извѣстный въ свое время, болѣе по странностямъ своимъ, чѣмъ по числу и изяществу произведеній. Пушкинъ (не племянникъ, а дядя) Василій Львовичъ почитался въ нѣкоторыхъ Московскихъ обществахъ, а еще болѣе почиталъ самъ себя, образцомъ хорошаго тона, любезности и щегольства. Екатерининскій офицеръ гвардіи, которая по малочисленности своей и отсутствію дисциплины могла считаться болѣе дворомъ чѣмъ войскомъ, онъ совсѣмъ не имѣлъ мужественнаго вида. Онъ казался сначала не тѣмъ чѣмъ былъ дѣйствительно, а тѣмъ чѣмъ ему хотѣлось быть; за важною его постоуью и довольно гордымъ взглядомъ скрывались легкомысліе и добродушіе; въ восемнадцать лѣтъ на званыхъ вечерахъ читалъ онъ длинныя тирады изъ трагедій Расина и Вольтера, авторовъ мало извѣстныхъ въ Россіи, и такимъ образомъ знакомилъ ее съ ними; двадцати лѣтъ на домашнихъ театрахъ игралъ уже онъ Оросмана въ *Заиръ* и писалъ Французскіе куплеты. Какъ мало тогда надобно было для пріобрѣтенія знаменитости! Блестящее существованіе его въ свѣтѣ умножалось еще женитьбой на красавицѣ, Капитолинѣ Михайловнѣ.

Самъ онъ былъ весьма не красивъ. Рыхлое, толстѣющее туловище на жидкихъ ногахъ, косое брюхо, кривой носъ, лицо треугольникомъ, ротъ и подбородокъ à la Charles-Quint, а болѣе всего рѣдѣющіе волосы не съ большимъ въ тридцать лѣтъ его старообразили. Къ тому же беззубіе увлаживало разговоръ его, и друзья внимали ему хотя съ удовольствіемъ, но въ нѣкоторомъ отъ него отдаленіи. Вообще дурнота его не имѣла ничего отвратительнаго, а была только забавна.

Какъ сверстникъ и сослуживецъ Дмитріева по гвардіи и какъ ровесникъ Карамзина, шелъ онъ нѣсколько времени какъ будто равнымъ съ ними шагомъ въ обществахъ и на Царнасъ, и оба позволяли ему называться ихъ другомъ. Но вскорѣ первый прибралъ его въ руки, обративъ въ безсмѣнные свои потѣшники. Карамзинъ же, глядя на него, не могъ иногда не улыбнуться, но съ видомъ тайнаго, необиднаго сожалѣнія: не только на преступленія и пороки, даже на странности и слабости людей смотрѣлъ онъ съ грустію и, казалось, радъ бы былъ все человѣчество поднять до себя. Дмитріевъ вѣрно въ шутку посовѣтовалъ ему приняться за Русскіе стихи, а онъ и въ

правду сдѣлался весьма неплохимъ поэтомъ. Онъ писалъ и басни, и коротенькія посланія, и всякаго рода мелочи, и изъ всего этого, подъ конецъ его жизни, составился небольшой томъ, не богатый идеями, но изобильный пріятными звуками и плавными стихами. Главнымъ его недостаткомъ было удивительное его легковѣріе, проистекавшее, впрочемъ, отъ весьма похвальныхъ свойствъ, добросердечія и довѣрчивости къ людямъ; никакія безпрестанно повторяемыя мистификаціи не могли его отъ сей слабости излѣчить. Онъ былъ у насъ то, что во Франціи Poincinet de Sivry, также авторъ, который нѣсколько мѣсяцевъ жарился передъ каминомъ, чтобы пріучить себя къ обѣщанной ему должности королевскаго экрана.

Въ это время завязывались у насъ первыя сношенія съ Французскою республикой. Еще до кончины Павла отправлены были въ Парижъ сначала графъ Спренгиортенъ, для размѣна плѣнныхъ, а потомъ Колычевъ, для переговоровъ. Въ Маѣ прибылъ въ Петербургъ отъ перваго консула Бонапарте молодой другъ его Дюрокъ, дипломатическимъ агентомъ и картинкой моднаго журнала. Василій Львовичъ мало заботился о политикѣ, но послѣ стиховъ мода была важнѣйшимъ для него дѣломъ. Отъ ея поклоненія близъ четырехъ лѣтъ были мы удерживаемы полицейскими мѣрами; прихотливое божество вновь показалось въ Петербургѣ, и онъ устремился туда, дабы, принявъ ея новыя законы, первому привезти ихъ въ Москву. Онъ оставался тамъ столько времени, сколько нужно ему было, чтобы съ ногъ до головы перерядиться. Едва успѣлъ онъ воротиться, какъ явился въ Маренинъ и всѣхъ изумилъ толстымъ и длиннымъ жабо, короткимъ фраккомъ и головою въ мелкихъ, курчавыхъ завиткахъ, какъ баранья шерсть, что называлось тогда à la Дюрокъ. Мы скоро съ нимъ познакомились. Въ глазахъ моихъ былъ онъ человѣкъ пожилой, хотя и модникъ; вдругъ сближается онъ съ мальчишкой, беретъ его за руку, потомъ подъ руку, гуляетъ съ нимъ, рассказываетъ ему разнаго рода неблагопріистойности про любовныя свои успѣхи, однимъ словомъ, братается со мной. Мнѣ это чрезвычайно полюбилось: тогда почитали чинъ чинъ и годъ года; вдругъ я повмелся десятью годами, увидѣлъ въ немъ товарища, почти ровесника, а потомъ началъ смотрѣть на него какъ на шалунишку, и еслибы знакомство наше на нѣкоторое время тогда не прервалось, то скоро сталъ бы унимать его и журить.

Шумная осень должна была смѣнить веселое, урожайное, благословенное лѣто, въ продолженіи коего, казалось, и въ сердцахъ была одна радость. Съ первыхъ чиселъ Августа начали черезъ день, одинъ послѣ другаго, вступать батальоны гвардейскихъ полковъ, коихъ противъ нынѣшняго не было тогда и третьей доли. Всѣ царедворцы и

всѣ помѣщики Московской губерніи, жители Петербурга и дворяне изъ отдаленныхъ провинцій, въ Августѣ же стали съѣзжаться на коронацію. Никогда еще такого стеченія не было; трудно было пріѣзжому сыскать себѣ уголокъ въ обширной Москвѣ, и съ 1-го Сентября она совершенно закипѣла многолюдствомъ и веселіемъ. Общая радость умножалась еще тысячью частныхъ, маленькихъ благополучій: друзья, угрывшіеся въ тишинѣ деревни, не чаявшіе когда-либо увидѣться, встрѣчались тутъ послѣ долгой разлуки; просто знакомые обнимались съ восторгомъ, рассказывая о горестяхъ, перенесенныхъ ими или въ крѣпости или въ Сибири; а сколько семейныхъ свиданій! О своихъ чувствахъ я говорить не буду: мои родители пріѣхали также изъ Кіева съ старшею сестрой и у насъ остановились. Едва ли не въ первый разъ отецъ такъ крѣпко прижалъ меня къ груди, а мать дня два почти не спускала съ меня глазъ.

Толпы народа бросились 5 Сентября за заставу, къ Петровскому подъѣздному дворцу; туда послѣ обѣда прибылъ государь съ молодою супругой. Удовлетворенное любопытство простаго народа, шумныя его восклицанія часто бываютъ похожи на восторгъ; лишь бы ему не мѣшали, онъ ура прокричать готовъ и тирану. Тутъ, говорятъ, было иначе: при видѣ вѣнценосной, юной, красивой четы, всѣ онѣмѣли отъ радости и удивленія; одни лишь взоры высказывали благоговѣйную любовь. Я помню, что къ зятю моему пріѣхалъ въ этотъ день другой полицеймейстеръ Ивашкинъ, чтобы вмѣстѣ отправиться въ Петровское, для сохраненія порядка. Они собирались какъ на пиръ: не было и тѣни того страха, той суетливости, съ которою ожидаютъ прибытія даже обыкновеннаго начальника.

На другой день, возвращаясь пѣшкомъ изъ архива и выходя на Тверскую улицу, увидѣлъ я группы людей, разговаривающихъ между собою съ живостію; прислушавшись къ ихъ разговорамъ, я узналъ слѣдующее. Государю вздумалось прогуляться, одному, верхомъ по Московскимъ улицамъ; его узнали, къ нему кинулись, его окружили, его, такъ сказать, стиснули, но не заслоня ему пути и не замедляя его. Онъ былъ прижатъ народомъ такъ сильно и осторожно, какъ страстная мать сжимаетъ въ объятіяхъ младенца своего. Ни крику, ни шуму; но сквозь легкой шепотъ услышалъ онъ вокругъ себя и «батюшка», и «родимый», и «красное наше солнышко», и все что въ простонародномъ нашемъ языкѣ есть нѣжно-выразительнаго. Царскій конь, сбруя и одежда, все въ глазахъ народа освящалось его прикосновеніемъ; цѣловали его лошадь, его сапоги, ко всему прикладывались съ набожностію. Предъ владыками Востока народъ въ ужасѣ падаетъ ницъ, на Западѣ смотрѣли нѣкогда на королей въ почтитель-

номъ молчаніи; на одной только Руси цари бывають иногда такъ смѣло и явно обожаемы. Какое доказательство, что въ нравахъ сей части свѣта совершенная разница съ двумя другими!

На протяженіи нѣсколькихъ верстъ отъ Тверской заставы до Кремля и оттуда до дворца въ Нѣмецкой Слободѣ устроены были передъ всѣми домами подмостки, въ три и болѣе ярусовъ, чтобы смотрѣть на торжественный въѣздъ императора, который назначенъ былъ 8 Сентября. Съ подмостковъ передъ нашею квартирою глядѣлъ я на сіе шествіе. Ни одного облачка не было на небѣ; этотъ день былъ почти жаркій, также какъ и предшествовавшіе ему и послѣдующіе. На позлащенные кареты, на великолѣпные цуги, на шитьемъ и галунами покрытые мундиры и ливреи, на весь блескъ сей обыкновенной, хотя къ счастью рѣдко возобновляемой, церемоніи, смотрѣли почти разсѣянно. Всѣ терпѣливо ожидали одного человѣка, всѣ взоры въ него вперились, когда онъ появился, и далеко за нимъ слѣдовали. О какъ онъ былъ чудесенъ! Въ сорокъ лѣтъ знали мы его еще молодымъ и красавцемъ; что же былъ онъ въ двадцать три? Онъ почти все время вѣхалъ съ обнаженною (еще не отъ волосъ) головою: ибо у каждой церкви, конхъ въ Москвѣ такъ много, встрѣчаемъ былъ съ хоругвями и иконами и долженъ былъ останавливаться и молиться. Никто такъ прекрасно и вѣрно не выразилъ того что мы тогда видѣли и чувствовали, какъ Жуковскій въ извѣстномъ своемъ къ нему посланіи:

Свѣтъ утѣшительный окрестъ тебя сіялъ,
Намъ обреченный вождь ко счастью и славѣ!

Черезъ два дня потомъ было послѣ обѣда гулянье въ Слободскомъ дворцовомъ саду. Вечеръ былъ лѣтній, теплый; тѣспота и давка чрезвычайныя, такъ что инымъ по неволѣ приходилось коснуться самого императора, и многіе, какъ говорили, насладились снмъ осязаніемъ.

Только наканунѣ дня коронаціи, 14 числа, погода къ вечеру нѣсколько измѣнилась. Миѣ этотъ день чрезвычайно памятенъ. Подлѣ Ивановской колокольни, противъ дворца и соборовъ, сдѣланы были мѣста, куда по билетамъ пускались по большей части однѣ только дамы; по чрезвычайной молодости моей, по тѣснотѣ и темнотѣ можно было принять меня за женщину, и я получилъ дамскій билетъ. Въ три или четыре часа по полуночи отправились мы въ каретѣ съ матерью и двумя сестрами; отецъ же мой по чину своему имѣлъ мѣсто въ соборѣ. Странная была эта ночь; сырая мгла лежала на небѣ и на землѣ; стукъ каретъ останавливался у въѣзда въ Кремль, а онъ наполнялся войскомъ и разнаго званія людьми, и не смотря на то, цар-

ствовали въ немъ глубокой мракъ и совершенная тишина. Мало по малу начали увеличиваться глухой гулъ и невнятный говоръ. Когда стало свѣтать, туманъ разсѣялся; но солнце еще не показывалось. Мы могли видѣть только то, что происходило внѣ храма. Когда императоръ изъ дверей его выступилъ въ коронѣ, то солнечный блескъ внезапно освѣтилъ ее и всю величественную процессію, которая довольно близко мимо насъ потянулась. Въ тоже мгновеніе громогласное ура, громъ пушекъ и звонъ въ тысячи колоколовъ раздался въ воздухъ; все было ослѣпительно и оглушительно въ эти четверть часа, все было радостно, трогательно и восхитительно.

Солнце скрылось опять вмѣстѣ съ государемъ, когда онъ вошелъ во внутренность дворца, облака сгустились, и къ вечеру сталъ накрапывать дождикъ; но при пасмурномъ небѣ, на утомленныхъ лицахъ, въ усталыхъ взорахъ, не переставало блистать веселіе. Блага, наполнявшая воздухъ, отражала чудесно великолѣпную иллюминацію, которая ночью зажглась изъ края въ край Москвы, и восторгъ при видѣ сего безконечнаго зарева могъ только равняться ужасу, съ которымъ, одиннадцать лѣтъ спустя, бѣгущіе жители смотрѣли на ея пожаръ.

Никто не обидѣлся, никто не удивился бережливости царя при раздачѣ милостей въ сей памятный день. Всѣ были напуганы столько же жестокостію, какъ и расточительностію его родителя*). И дѣйствительно, искусство награждать есть великое искусство. Все, что бросается, сыплется безъ осмотрительности, безъ расчета, теряетъ цѣну, унижается въ глазахъ получающихъ, а еще болѣе въ глазахъ получившихъ; итакъ, нѣкоторымъ образомъ, то что дается однимъ отнимается у другихъ. Средства къ удовлетворенію честолюбія уменьшаются по мѣрѣ какъ возрастаетъ его алчность. Раждается зависть, желаніе такихъ наградъ, коихъ полученіе перестаетъ уже быть лестнымъ. Въ день коронаціи розданы были двѣ Андреевскія ленты и пять или шесть Александровскихъ, менѣе чѣмъ нынѣ иногда въ обыкновенный праздникъ. Зять мой ожидалъ креста, а получилъ перстень

*) За нѣсколько мѣсяцовъ до смерти, императоръ Павелъ, замѣтивъ, что число пожалованныхъ имъ служащихъ генераловъ превосходитъ всякую мѣру, вздумалъ въ одинъ день отставить безъ просьбы шесть наимущихъ гарнизонныхъ генераль-лейтенантовъ и тридцать таковыхъ же генераль-маіоровъ, всѣхъ съ чиномъ и мундиромъ, но безъ пенсій, не оставивъ ни одному изъ нихъ рубля на пропитаніе. Со времени Петра Великаго до званія полнаго генерала достигали одиѣ только военныя знаменитости и, по достиженіи сего высокаго сана, получали обширныя средства къ поддержанію его; одному Павлу дано было творить, безъ всякихъ заслугъ, никому неизвѣстныхъ, нищихъ генераль-апщеровъ. Всѣго царствованія Александра едва достаточно было, чтобы привести въ нѣкоторое равновѣсіе состоянія, чины, мѣста и ордена. Послѣ него, кажется, опять это нѣсколько поразстроилось.

съ вензелемъ и остался предоволенъ. Страсть къ формамъ и униформамъ, кажется, въ это царствованіе еще болѣе увеличилась. Одинъ смѣлый и весьма чиновный человѣкъ, отставленный при Павлѣ безъ мундира, получилъ при Александрѣ, какъ милость, дозволеніе носить его, но принялъ оное не иначе, какъ съ условіемъ въ обыкновенные дни пользоваться правомъ надѣвать такъ-называемое партикулярное платье, чего дотогѣ никакъ допускаемо не было. Изъявленное на то согласіе необходимо было распространить и на другихъ военныхъ, съ мундиромъ отставленныхъ, и доставило имъ возможность покойно одѣваться.

Смѣльчакъ этотъ былъ никто иной, какъ князь Сергій Федоровичъ Голицынъ, у котораго годъ я прожилъ въ деревнѣ. Онъ вслѣдъ затѣмъ назначенъ былъ генераль-губернаторомъ Остзейскихъ провинцій. Съ семействомъ своимъ и женою, прибывшею изъ Казацкаго, встрѣтился онъ въ Москвѣ передъ коронаціей. Всѣ старшіе сыновья его были приняты опять въ службу, и домъ его (у Арбатскихъ воротъ) сдѣлался въ это время однимъ изъ самыхъ пріятнѣйшихъ, по крайней мѣрѣ для меня.

Сколько старыхъ знакомыхъ встрѣтили мои родители! Изъ знатныхъ или случайныхъ людей три человѣка особенно благоволили къ отцу моему. Одинъ изъ нихъ, графъ Николай Петровичъ Румянцовъ, изъ почтенія къ памяти своего отца; другой, князь Александръ Борисовичъ Курakinъ, по давнишнему знакомству и сосѣдству въ Пензенской губерніи; оба они были отличаемы и любимы вдовствующею императрицей. О пріязни генераль-прокурора Беклешова я не одинъ разъ имѣлъ уже случай упоминать.

Новые любимцы, по большей части молодые, смотрѣли на нихъ какъ на людей прошедшаго времени, съ обвѣтшалыми идеями, и готовились скоро затмить ихъ и устранить отъ дѣлъ; но первый годъ сохраняли они еще нѣкоторую силу и вѣсъ.

Желая по возможности возстановить созданное Екатериной, Беклешовъ предложилъ открыть вновь нѣсколько губерній, упраздненныхъ при Павлѣ, и между прочимъ Пензенскую. Нужны были губернаторы; охотниковъ явилось много. Графъ Румянцовъ сказалъ о томъ отцу моему, спросивъ, не пожелаетъ ли онъ еще нѣсколько лѣтъ жизни посвятить царской службѣ? Онъ отклонилъ было сіе предложеніе; но, услышавъ, что Пенза дѣлается опять губернскимъ городомъ (любезная сердцу его Пенза, гдѣ провелъ онъ молодость, гдѣ два раза былъ счастливымъ супругомъ, гдѣ прахъ дѣтей и первой жены его, гдѣ все его имуществу) къ несчастію, не могъ устоять противъ желанія въ ней начальствовать. Беклешовъ не хотѣлъ сначала тому вѣрять, по-

лагая, что должность гражданскаго губернатора (хотя и почиталась тогда важнѣе чѣмъ нынѣ) не могла отцу моему казаться лестною, когда всѣ сверстники его давно уже занимали мѣста генераль-губернаторовъ, убѣдившись, однакоже, въ противномъ, съ своей стороны способствовалъ его назначенію. Сіе случилось передъ самымъ отбытіемъ двора изъ Москвы, около половины Октября. Отцу моему не оставили даже военнаго чина, а переименовали въ тайные совѣтники.

Въ продолженіе шестинедѣльнаго пребыванія императорской фамиліи, цѣль празднествъ и увеселеній въ Москвѣ почти не прерывалась. Бояре, то-есть богатые, чиновные и знатные люди, живущіе въ Петербургѣ, придерживались еще тогда обыкновенія имѣть и въ старой столицѣ огромные городскіе и славные загородные дома; имъ удобно было и въ ней угощать царя. Но никто не превзошелъ въ великолѣпіи богатѣйшаго изъ нихъ, графа Шереметева. Отъ заставы, называемой у Креста, до селенія его Останкина на три версты путь ярко былъ освѣщенъ. Роскошное убранство дома, въ прежнемъ видѣ и доселѣ сохранившееся, теперь никого не удивляетъ, а тогда казалось волшебствомъ. Мои родители получали приглашенія отовсюду; но мнѣ случилось быть только на одномъ изъ такихъ праздниковъ, у начальника моего, вице-канцлера князя Куракина.

Сему вельможѣ былъ я передъ тѣмъ представленъ, и особенно-ласковый пріемъ его останется мнѣ навсегда памятнымъ. Это одно изъ тѣхъ лицъ, мимо коихъ въ воспоминаніяхъ, не останавливаясь, никакъ пройти невозможно: его достохвальныя свойства и извинительныя слабости равно заслуживаютъ быть извѣстными читателямъ. Князь Александръ Борисовичъ, правнукъ того князя Бориса Ивановича, свояка Петра Великаго, который при немъ былъ первымъ посланникомъ въ Парижъ, выполнилъ въ ихъ семействѣ наслѣдственную съ тѣхъ поръ обязанность образовать свою молодость въ сей такъ-называемой столицѣ просвѣщенія; но до того, какъ внукъ сестры графа Никиты Ивановича Панина, главнаго наставника Павла Перваго, вмѣстѣ съ нимъ воспитывался. Чистосердечная, безкорыстная, безпредѣльная его преданность къ наслѣднику престола была весьма непріятна не столько императрицѣ Екатеринѣ, сколько окружающимъ ее. Онъ долго былъ какъ бы въ опалѣ и, въ званіи отставнаго камергера, жилъ въ богатомъ помѣстьѣ своемъ Надеждинѣ, въ Саратовской и на самой границѣ Пензенской губерніи. Тутъ онъ познакомился съ отцомъ моимъ, посѣщалъ его и по нѣсколькимъ днямъ иногда живалъ у насъ въ деревнѣ.

Въ великолѣпномъ уединеніи своемъ сотворилъ онъ себѣ, на подобіе посѣщенныхъ имъ дворовъ (не знаю, Дармштадтскаго или Веймарскаго, но вѣрно уже не Кобургскаго) также нѣчто похожее на

дворъ. Совершенно бѣдные дворяне за большую плату принимали у него должности главныхъ дворецкихъ, управителей, даже шталмейстеровъ и церемоніймейстеровъ; потомъ секретарь, медикъ, капельмейстеръ и библіотекаръ и множество любезниковъ безъ должностей составляли свиту его и оживляли его пустыню. Всякій день, даже въ будни, за столомъ гремѣла у него музыка, а по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ были большіе выходы; раздѣленіе времени, дѣла, какъ и забавы, все было подчинено строгому порядку и этикету. Изображенія великаго князя Павла Петровича находились у него во всѣхъ комнатахъ; въ саду и роцѣ, тамъ-сямъ встрѣчались не весьма изящныя памятники знаменитымъ друзьямъ и родственникамъ.... Онъ наслаждался и мучился воспоминаніями Трианона и Маріи Антоанеты, посвятилъ ей деревянный храмъ и назвалъ ея именемъ длинную, ведущую къ нему аллею. Въ глуши, изобиліе и пышность, сквозь кои являлись такія державныя затѣи, отнимали у нихъ смѣшную ихъ сторону. Чтò сдѣлалось теперь съ памятниками и храмами? Чтò сдѣлалось теперь съ самимъ Надеждинымъ? О горе!.... *)

Съ молодости князь Куракинъ былъ очень красивъ и получилъ отъ природы крѣпкое, даже атлетическое сложеніе. Но роскошь, которую онъ такъ любилъ и среди коей всегда жилъ, и сладострастіе, къ коему имѣлъ всегдашнюю склонность, размягчили тѣлесную и душевную его энергію, и эпикуреизмъ былъ виденъ во всѣхъ его движеніяхъ. Когда онъ началъ служебное свое поприще и долго въ продолженіи онаго, честолюбіе въ Россіи умѣрялось удовольствіями наружнаго тщеславія; никто болѣе князя Куракина не увлекался ими, никто болѣе его не любилъ наряжаться. Легкомысленно и раболѣпно онъ не хотѣлъ, однакоже, подчиняться модѣ: онъ хотѣлъ казаться не модникомъ, а великимъ господиномъ и всегда въ бархатѣ или парчѣ, всегда съ алмазными пряжками и пуговицами, перстами и табатерками. Лучезарное тихонравіе его долго плѣняло и уважалось; но въ новое царствованіе, съ новыми идеями, кои постараюсь объяснить я далѣе, оно дало поводъ сравнивать его съ павлиномъ.

При вступленіи на престолъ Павелъ Первый пожаловалъ его вице-канцлеромъ, осыпалъ богатствами, обвѣшалъ орденами. Года черезъ два онъ отставилъ его отъ службы, сослалъ въ Надеждино; потомъ позволилъ ему жить въ Москвѣ, и незадолго до смерти своей вновь сдѣлалъ его вице-канцлеромъ. Осторожная, довольно плавная, хотя съ нѣкоторыми разстановками, рѣчь его заставляла въ немъ видѣть дипломата; а между тѣмъ, надобно сказать правду, безчисленныя фразы, затвер-

*) Оно досталось родному его племяннику, князю Борису Алексѣевичу Куракину.

женныя имъ нѣкогда во Франціи, гдѣ на нихъ такое изобиліе, и отчасти переведенныя имъ даже по-русски, составляли всю политическую его мудрость. За то, какою искусною представительностію, какимъ благородствомъ, какимъ постоянствомъ и нѣжностію въ дружбѣ, замѣнялъ онъ всѣ недостатки свои!

Мнѣ предстояла завидная участь служить при немъ, и онъ самъ вызвался опредѣлить меня въ свою канцелярію; обстоятельства того не позволили. Съ первыхъ чиселъ Октября напала на меня странная и ужасная болѣзнь: я всегда былъ на ногахъ, могъ даже выѣзжать, но вдругъ началъ худѣть, сонъ и аппетитъ меня совершенно покинули, неизъяснимая тоска мною овладѣла; въ одно время чувствовалъ я ознобъ и жаръ, я весь горѣлъ, а спина и ноги были какъ ледъ; память, которой иногда я самъ дивился, внезапно притупѣла; я сохнулъ, я таялъ, и врачи объявили, что въ одну минуту могу угаснуть. Все это было слѣдствіе невоздержности еще не юношеской, а ребячей. О Французы, о шевалье де-Ролень, какъ мнѣ не проклинать васъ!

Не было возможности и подумать въ такомъ состояніи отправить меня въ Петербургъ. Сестра моя, Алексѣева, скрыла отъ родителей причину и опасность моей болѣзни и уговорила ихъ, выпросивъ мнѣ отпускъ, взять меня съ собою. Они обратились прямо къ князю Куракину, который, щедрый на все, приказалъ Бантышу-Каменскому отпустить меня на шесть мѣсяцевъ. Когда къ сему послѣднему, полумертвый, пріѣхалъ я за паспортомъ, то, вѣроятно, недовольный тѣмъ, что дѣло безъ него сдѣлалось, а можетъ-быть и по врожденной и привычной вмѣстѣ грубости, сказалъ онъ мнѣ: «Что, зачѣмъ ѣдешь? Что будешь дѣлать? Голубей гонять!» Я ничего не умѣлъ ему отвѣчать. Жестокій! Съ этой минуты, право, кажется, я сталъ его ненавидѣть.

Отцу моему должно было спѣшить, чтобы все приготовить къ открытію новой губерніи; для него былъ бы я только настоящее бремя. Итакъ мнѣ оставались нѣжныя попеченія моей безцѣнной матери, которая собиралась обратно въ Кіевъ. Тамъ были у родителей моихъ обширный, новопостроенный домъ и хорошенькій хуторъ за городомъ; тамъ была большая дворня, экипажи, лошади, многочисленные пожитки, все, что копилось и заводилось въ теченіи тринадцати лѣтъ; тамъ были и долги. Одно надобно было заплатить, другое продать и движимость поднять съ мѣста: много заботъ и горя ей предстояло. Въ сумерки 27 Октября, посадили или, лучше сказать, положили меня въ четверомѣстную карету и, при холодномъ дождѣ, пополамъ съ снѣгомъ, выѣхали мы печально изъ Москвы.

XVIII.

Насъ было въ каретѣ четверо: мы съ матерью и старшею сестрой Елисаветой, да дѣвица Турчанинова, которую, въ замѣнъ услуги, оказанной ея матерью, отвозили мы въ Кіевъ къ родителямъ. Это была та самая ученая и засаленная Анна Александровна, о которой уже имѣлъ я случай говорить, магнетизерка, цѣломудренная естествоиспытательница. За нами слѣдовали двѣ или три кибитки, загроможенные горничными и тюфяками: тогда еще въ Россіи странствовали по-авраамовски, съ рабынями, рабами и навьюченными верблюдами.

Я сидѣлъ рядомъ съ матерью, а сестра и Турчанинова насупротивъ тѣснились въ углу, чтобы дать мѣсто ногамъ моимъ. Какъ мучительно для всѣхъ насъ было начало этой дороги! Особенно же положеніе бѣдной сестры моей было ужасное. При отъѣздѣ вручили ей медики для меня лѣкарство, объявивъ ей одной, что если до назначеннаго имъ времени оно не подѣйствуетъ, то смерть моя неизбѣжна. Нѣтъ, этой заботливости, которая, по разстройству нервъ моихъ, меня иногда даже сердила, я въ вѣкъ не забуду. Лицо ея отражало безпрестанно выраженіе моего: когда что-то похожее на улыбку показывалось на немъ, она какъ будто на минуту отдыхала отъ страданій. Болѣе двухъ сутокъ продолжалось для нея сіе жестокое волненіе; мы пріѣхали въ Тулу, когда, по мнѣнію ея, наступила рѣшительная минута, и мать моя не могла понять причины неотступныхъ ея моленій, чтобы тамъ остановиться. Переломъ совершился, молодость свое взяла, и сестра ожила вмѣстѣ со мною.

Чѣмъ далѣе подвигались мы на Югъ, тѣмъ воздухъ становился чище и теплѣе. Запасъ жизненныхъ силъ въ тогдашнія мои лѣта бываетъ столь изобилень, что возвращеніе ихъ, безъ преувеличенія, можно уподобить быстротѣ потока. Еще нѣсколько дней, и уже я въ состояніи былъ ощутить радость, вступая въ Малороссію и предчувствуя Кіевъ.

Когда мы къ нему подъѣхали, горы его зеленѣлись новою травой, и золотые его куполы горѣли отъ лучей еще яркаго, но уже не знойнаго солнца. Отъ одного взгляда на святой городъ какъ бы чудесно довершилось мое исцѣленіе. Это было въ самый Михайловъ день. Прежде всего остановились мы у Печерской лавры, чтобъ отслужить благодарственный молебенъ за благополучное окончаніе путешествія, начатаго въ столь мрачномъ расположеніи.

Почти два года не былъ я въ Кіевѣ: въ это время сколько переимѣнъ со мною и съ нимъ! Старики и старушки, которыя потихоньку доживали въ немъ вѣкъ, питаясь скуднымъ казеннымъ содержаніемъ,

лишившись его при Павлѣ, скоро переселились на тотъ свѣтъ и оставили нищія семейства. Онъ дождалъ на моря, на вельможъ своихъ, а бѣдныя нивы гибли неорошенныя ни каплей его щедротъ. Помѣщики Малороссійскіе, изъ коихъ одни служили, другіе пріѣзжали пожить въ Кіевъ, удалились изъ него почти до одинаго. Преобладаніе Польши съ каждымъ годомъ увеличивалось; но и сами Поляки, служившіе по выборамъ, жили въ немъ съ семействами своими только два мѣсяца въ году, во время контрактовъ, а остальное время навѣщали ихъ иногда въ деревняхъ. Два полка, стоявшіе въ немъ на квартирахъ, нѣсколько оживляли пустынный видъ его.

Представительницей прежняго, согласнаго, благополучнаго Кіевскаго общества оставалась одна почтенная, умная, добрая и даже еще красивая старушка, о которой не понимаю какъ я забылъ прежде говорить. Впрочемъ, весьма кстати она мнѣ здѣсь пригодилась. Іульяна Константиновна Веселицкая, по первому мужу Бѣлуха-Кохановская, имѣла рѣшительно пристрастіе къ Кіеву; не только власть Поляковъ, нашествіе Татаръ не могло бы заставить ее изъ него выѣхать, тѣмъ болѣе что она долго жила съ ними: второй мужъ ея былъ послѣднимъ Русскимъ посланникомъ при предпослѣднемъ ханѣ Крымскомъ; но онъ дани ему не платилъ, а по состоянію вдовы его, по драгоцѣннымъ вещамъ, коими она владѣла, замѣтно было, что дани онъ самъ отъ него принималъ.

Отъ обоихъ браковъ госпожа Веселицкая имѣла по нѣсколько сыновей и по нѣсколько дочерей; одни были давно женаты, другія за мужемъ. Посреди нѣжно-подобострастнаго, многочисленнаго потомства, коимъ она кротко повелѣвала, казалась она въ домѣ своемъ какою-то царицей. Въ это время выдавала она замужъ одну изъ своихъ внучекъ, и въ день свадьбы нарумянилась, принарядилась, право, хоть бы самой къ вѣнцу. Когда я къ ней явился, по старой привычкѣ, погладила она меня по головѣ, взяла за подбородокъ и поцѣловала въ уста, называя своимъ «гарнымъ хлопцемъ». Вообще постоянное ея веселоравіе, приличная ея лѣтамъ шутливость и Украинскій ея языкъ дѣлали ее для всѣхъ пріятно-оригинальною.

Домъ госпожи Веселицкой былъ столь же веселый, какъ названіе ея и она сама. Хлѣбосольство въ старину имѣло свою худую сторону: неучтиво было не потчивать, неучтиво было не ѣсть, а кушанье было прескверное. У Іульяны Константиновны была другая крайность; подчиваніе шло своимъ порядкомъ, но и безъ него можно было объѣсться: все было свѣжее, хорошее, хотя и не весьма затѣйливое. Въ изящныхъ художествахъ, какъ и въ поваренномъ дѣлѣ, конечно, вкусъ долженъ образоваться; но иногда бываетъ онъ и врожденный, какъ у мо-

ей милой старушки. Ея совѣтамъ и приказаніямъ повара ея были обязаны своимъ искусствомъ; она заимствовала у Москалей блины, ватрушки и кулебяки, усвоила ихъ себѣ, усовершенствовала ихъ приготовленіе и умѣла сочетать ихъ съ Малороссійскими блюдами, варениками и галушками. За ея столомъ сливались обычаи и нравы обѣихъ Россій, Восточной и Западной, Великой и Малой. Въ дѣтствѣ меня рѣдко брали къ ней; теперь никто не осмѣливался препятствовать ей меня кормить, а аппетитъ у меня былъ преужасный.

Нельзя себѣ представить, какъ эта женщина была любима и уважаема своими знакомыми. Родственники ея зятей и невѣстокъ и ея собственные, Иваненки, Гудимы, Масюковы и другіе, да и просто знакомые, безпрестанно пріѣзжали изъ-за Днѣпра, единственно за тѣмъ, чтобы съ нею видѣться; одни останавливались у нея, другіе нанимали квартирки; они никуда не выѣзжали: въ ея домѣ видѣли весь Кіевъ и, пробывъ нѣкоторое время, возвращались къ себѣ. Ни одного Поляка нельзя было у нея встрѣтить, за то Русскіе бывали всякій кто хотѣлъ.

А хотѣли того многіе; ибо не было тогда ни одного Русскаго дома, куда бы ежедневно за-просто можно было ѣздить. Гражданскій губернаторъ, г. Коробѣинъ, старый артиллеристъ, хорошій дворянинъ, добрый и честный человѣкъ и не безъ состоянія, любилъ приглашать иногда къ себѣ земляковъ на обѣдъ или на вечеръ, но большую часть времени проводилъ въ уединеніи. Вице-губернаторъ Четвериковъ и другіе Русскіе чиновники жили всѣ про себя; а въ Кіевѣ, казенномъ городѣ, какъ я сказалъ и прежде, общество только и поддерживается что служащими людьми.

Поляки же, какъ видѣли выше, даже семейные, жили на холостую ногу. Одинъ только изъ нихъ, весьма почтенный человѣкъ, богатый вдовецъ, губернскаго маршала, тайный совѣтникъ Козловскій, имѣлъ, что называлось, открытый домъ. Когда судьба отечества его рѣшилась, не прежде, чистосердечно сдѣлался онъ преданъ Россіи и двухъ сыновей своихъ опредѣлилъ въ гвардію *). Онъ, безъ различія, принималъ Поляковъ и Русскихъ, и какъ съ тѣми, такъ и съ другими, обходился вѣжливо и ласково.

Всего охотнѣе собирались Поляки не у соотечественника своего, а у Англичанина, который тогда былъ военнымъ или генераль-губернаторомъ Кіевскимъ. Вслѣдствіе какой-то несчастной исторіи, господинъ Феньшъ или Феньша (Fenshaw) долженъ былъ навсегда оставить свое отечество; онъ пріѣхалъ въ Россію и вступилъ въ военную службу

*) Одинъ изъ нихъ въ послѣдствіи командовалъ Преображенскимъ полкомъ.

бу. Ни въ особѣ, ни въ заслугахъ его не было ничего блистательнаго; онъ всегда служилъ въ арміи, полегоньку подвигался въ чинахъ и кое-какъ перебивался, чтобы содержать жену и семейство. Когда его произвели въ полковники, то дали ему Елецкій пѣхотный полкъ и Московскій, вмѣстѣ съ генеральскимъ чиномъ. При Павлѣ, оставаясь не болѣе какъ шефомъ этого полка, онъ успѣлъ въ короткое время получить по старшинству чинъ генерала отъ инфантеріи, и когда предмѣстникъ его, Повало-Швыйковскій, восьмой въ четырехлѣтнее царствованіе Павла Кіевскій военный губернаторъ, чѣмъ-то передъ императоромъ провинился, то сей послѣдній, заглянувъ въ списокъ, назначилъ на его мѣсто неизвѣстнаго ему Феньша. Онъ за что-то ожидалъ также себѣ отставки, когда пришло извѣстіе о кончинѣ царя.

Про него говорили, что въ военномъ дѣлѣ онъ смыслить очень мало, въ гражданскомъ же ровно ничего, а попалъ въ начальники двухъ или трехъ губерній! Такіе примѣры теперь уже не рѣдки, и никого болѣе не удивляютъ. Самая наружность его не могла вселить къ нему уваженіе: коротенькій, толстенкій человѣчекъ, не имѣющій ни одной оригинальной черты Англичанъ, съ самыми безцвѣтными характеромъ и фізіономіей, не умный и не глупый, не добрый и не злой, не привѣтливый и не грубый. Находили, однакоже, что онъ имѣетъ нѣкоторую ученость, потому что хорошо умѣетъ говорить по англійски и знаетъ что такое парламентъ, о которомъ немногіе у насъ тогда слыхали. Жена его, Софья Карловна, была, по крайней мѣрѣ, похожа на что-нибудь: она напоминала собою нянекъ и ключницъ своей націи, и по-французски Англійскимъ нарѣчіемъ говорила очень забавно.

Чета сія забила въ уголокъ просторнаго деревяннаго дворца, построеннаго Елисаветой Петровной, во вкусъ всѣхъ публичныхъ зданій ея времени. Чтобы отыскать ихъ, надобно было проходить рядъ нетопленныхъ комнатъ, изъ коихъ двѣ были обиты атласомъ въ позолоченныхъ, отчасти облупившихся рамахъ: роскошь, которую, по крайней мѣрѣ въ Кіевѣ, можно было тогда найти въ одномъ только царскомъ жилищѣ. Сіи двѣ комнаты изрѣдка отоплялись и освѣщались, и въ нихъ давали они не балы, а балики, на которые приглашаемо было самое отборное общество, то-есть Поляки, иностранцы, да изъ Русскихъ тѣ только, которые знали не одинъ свой отечественный языкъ. Такъ какъ Французскимъ языкомъ промышлялъ я тогда уже очень порядочно и готовъ былъ плясать до упаду, то на сихъ балахъ не только былъ я не лишнимъ, но даже желаемымъ гостемъ. Всѣхъ моложе и лучше бывала тутъ недавно вышедшая замужъ Мошковская, урож-

денная Ворцель; всѣхъ старѣе и страшнѣе овдовѣвшая, все еще полная жизни, Шардонша.

Вотъ въ какихъ отношеніяхъ находились другъ къ другу члены разнороднаго тогдашняго Кіевскаго общества. Упрямые, милые мои Хохлы показывали твердость, непреклонность, которая во многихъ случаяхъ намъ бы не худо было перенимать: они жили особнякомъ, удалялись отъ Поляковъ, но съ Русскими обходились какъ съ братьями; домъ г-жи Веселицкой, какъ сказалъ я, былъ ихъ сборнымъ мѣстомъ. Наши же любезные Русаки, столь забывчивые, слишкомъ общительные, готовы были водиться со всѣми; нѣкоторые, однакоже, и самые почтенные, недовольные военнымъ губернаторомъ и явно его презирающіе, собирались иногда у гражданскаго, который съ нимъ не совсѣмъ былъ въ ладахъ. Поляки, чуя уже близкое могущество свое въ Петербургѣ, съ каждымъ днемъ становились болѣе наглы и надменны. Главный пріютъ ихъ былъ у Феньша.

Ихъ дерзость обнаружилась еще болѣе, когда передъ Новымъ Годомъ начались контракты и ярмарка. Изъ всѣхъ юго-западныхъ губерній стекались ихъ земляки, и сильные числомъ, они позволяли себѣ въ обществѣ разныя неблагопристойности, а въ городѣ даже безчинства и неистовства, вламываясь ночью насильно въ хижины убогихъ вдовъ, матерей сиротъ-красавицъ, но сосѣдами и работниками всегда съ побоями и стыдомъ были прогоняемы. На балахъ, которые два раза въ недѣлю давались за деньги въ контрактномъ домѣ, то есть въ биржевой залѣ, многіе изъ нихъ вздумали являться въ народномъ костюмѣ и даже танцовать мазурку въ шапкахъ, напивались пьяны, дѣлали обиды и думали, что настало опять время ихъ грубой вольницы. Молодые армейскіе офицеры, которые съ воцареніемъ Александра также чувствовали себя болѣе свободными, начали вступаться за себя, за дамъ и за знакомыхъ; отъ того заводились ужасныя ссоры, оканчивавшіяся обыкновенно толчками и пинками, съ коими провоживали Поляковъ. Къ счастью, до поединковъ никогда не доходило. Феньшгъ, разумѣется, держалъ ихъ сторону и офицеровъ сажалъ подъ карауль. Но ихъ было множество, и разгнѣванные Поляки, объявивъ, что перестанутъ ѣздить на контрактные балы, если тѣхъ не прогонять, сдержали свое слово; не могли однакоже удержать жепъ и дочерей своихъ, которая ни за что бы не отказались отъ удовольствія танцовать съ ловкими Москалками. Итакъ поле сраженія и тутъ осталось за Русскими. Къ стыду моему, долженъ признаться, что внутренно былъ я за Поляковъ, во первыхъ, какъ за побѣжденныхъ, а вовторыхъ, какъ за людей, по мнѣнію моему, болѣе образованныхъ.

Жизнь моя вообще текла весьма пріятно, со всѣми былъ я хорошъ и на тайныя и явныя несогласія смотрѣлъ довольно равнодушно; только пользовался свободой менѣе чѣмъ въ Москвѣ: я даже не имѣлъ права безъ слуги ходить пѣшкомъ по улицѣ. Въ этомъ не было никакой стѣснительной мѣры; но, по старому баловству, матушка все опасалась, чтобъ я не ушибся, или не былъ къмъ обиженъ. Изъ молодыхъ людей моего возраста, всего чаще бывалъ я съ прежнимъ моимъ товарищемъ Нилусомъ и съ старшимъ сыномъ Феньша, его адъютантомъ, малымъ весьма добрымъ и веселымъ *).

Для матери моей житье было хлопотливое; она никуда почти не выѣзжала, стараясь сколь можно скорѣе окончить свои домашнія дѣла, и едва къ концу Января успѣла съ ними управиться. Извѣстія изъ Пензы были самыя радостныя: отецъ мой прибылъ въ нее благополучно и былъ встрѣченъ съ восторгомъ; не говоря уже о долготѣ-нихъ любви и уваженіи, коими онъ тамъ пользовался, онъ явился туда какъ милостивая грамота, возвращающая прежнее достоинство разжалованному городу. Дворяне, желая угодить правительству, на первомъ съѣздѣ сдѣлали большія пожертвованія для основанія училища, и сумма изъ того составившаяся обращена въ послѣдствіи на учрежденіе губернской гимназіи. Послѣ тьмы, въ которую четыре года старались погрузить Россію, всѣ съ рвеніемъ начали искать въ ней свѣта наукъ. Во время выборовъ помѣщики безпрестанно пировали, объѣдались и опивались, опаивали и окармливали другъ друга.

Наконецъ, пришла и намъ пора туда отправиться. Хотя я всегда чрезвычайно любилъ Кіевъ, хотя маленькая, сердечная, но совсѣмъ безвинная связь, о которой, впрочемъ, не стоило бы и говорить, умножала тогда въ глазахъ моихъ его прелесть, я не безъ удовольствія помышлялъ о сей дорогѣ. Мнѣ казалось, что въ Кіевѣ я какъ принцъ путешествующій инкогнито, а туда ѣду какъ бы на царство. Къ тому же я возбуждаемъ былъ и любопытствомъ увидѣть сторону, которую никогда не видалъ и о которой такъ много слышалъ. Я всегда жила въ оконечностяхъ Россіи, бывалъ и въ сердцѣ ея, Москвѣ, но во внутреннія, нечистыя, такъ сказать пищеварительныя ея части, Симбирскъ, Пензу, Саратовъ и Тамбовъ, никогда не заглядывалъ.

Итакъ 31 Января, выѣхавъ изъ Кіева не безъ грусти, я однакоже свою страстишку, свой любовный хмѣль проспалъ на первомъ ночлегѣ.

*) Я говорю съ старшимъ въ Россіи, ибо самый старшій всегда оставался въ Англіи. Его мать имѣла неосторожность хвалиться имъ, какъ славнымъ проповѣдникомъ. Мысль, что сынъ ихъ попь, ее и мужа совершенно уронила въ мѣтніи Русскихъ.

Зима была непостоянная: два раза въ Малороссіи выпадалъ снѣгъ и замерзали рѣки, и два раза онъ пропадалъ и онѣ вскрывались. По тонкому льду перешли мы черезъ Днѣпръ пѣшкомъ и съ опасностію и трудомъ переправили повозки. На другой сторонѣ ожидало насъ новое горе: замерзшая, голая земля, по которой въ четверомѣстномъ возкѣ не знаю какъ дотащились мы до первой станціи на лошадяхъ. Желая выиграть время, мать моя разочла, что для сокращенія пути лучше всего ѣхать почти проселочными дорогами, на мѣстечко Басань, на Прилуки, Ромѣнь и Сумы. Лошадей вездѣ было мало, но и полсотни ихъ съ трудомъ могли бы насъ везти на полозьяхъ безъ крохи снѣгу. Къ счастью, Украина, какъ и Молдавія, отчизна воловъ; на нихъ, шагъ за шагомъ, должны мы были проѣхать 250 верстъ. Покрывая все небо, густыя снѣжныя облака висѣли надъ нами и какъ будто насъ дразнили: это было несносно. За предѣлами Малороссіи перешли мы въ другую крайность: мы тонули въ снѣгахъ. Но чтò разказывать о бѣдствіяхъ, столь обыкновенныхъ во время зимнихъ странствованій по Россіи? Мы проѣхали Курскъ и пріѣхали въ Воронежъ.

Тамъ находился на квартирахъ Малороссійскій кирасирскій полкъ, въ коемъ служилъ средній братъ мой Николай, и у него мы остановились. Наканунѣ, сбившись съ дороги въ сильную мятель, мы плутали половину ночи и измученные пріѣхали часу въ десятомъ утра. Матушка съ сестрами, старшею и маленькою, цѣлый день посвятили отдохновенію; а меня тотчасъ братъ повезъ смотрѣть городъ и представлять главнымъ онаго лицамъ. Все это было какъ на лету, и я ихъ всѣхъ перезабылъ, кромѣ двухъ: шефа братнина полка, генерала князя Ромодановскаго, и главнаго Воронежскаго откупщика, который садился съ гостями за жирный и званый обѣдъ и насъ убѣдительно пригласилъ остаться. Про него нѣсколько словъ.

Это былъ дворянинъ въ купечествѣ, отставной гвардіи полковникъ Ѳедоръ Николаевичъ П... - С..., праправнукъ древнихъ бояръ, изъ столбовыхъ первый у насъ, который, сбросивъ предразсудки старины, прозрѣлъ будущность Россіи. Мужъ дальновидный, по ходу дѣлъ и по направленію умовъ, онъ предусмотрѣлъ, что скоро не чины, не заслуги, не добродѣтели будутъ въ Россіи доставлять уваженіе и вести къ знатности, а богатство, единое богатство; онъ не погнушался предводительствовать цѣловальниками и собирать дань съ порока и одинъ попятился, дабы съ потомствомъ и семействомъ (коего еще не имѣлъ*) далеко скакнуть потомъ впередъ

*) Онъ векорѣ потомъ женился на красавицѣ княжнѣ Щербатовой. Сынъ его женатъ на княжнѣ Гагариной, родной племянницѣ адмирала князи Меншикова. Дочь его за

Послѣ убійственно-сытнаго обѣда, на часокъ завернули мы домой, чтобы навѣстить матушку, а въ пять часовъ были уже въ театрѣ. Изъ всѣхъ Русскихъ городовъ въ одномъ только Воронежѣ была тогда вольная труппа, составившаяся изъ охотниковъ и отпущенныхъ на волю крѣпостныхъ актеровъ. Она не совсѣмъ плохо играла *Независть къ людямъ и Раскаяніе*, Коцебу. Въ восемь часовъ былъ я на балѣ у богатаго фабриканта Горденина (который почги наканунѣ выдалъ дочь за дипломата Муратова, въ послѣдствіи Харьковскаго губернатора) и проплясалъ до втораго часа ночи, имѣя въ виду со свѣтомъ отправиться далѣе въ путь. Подвиги неимовѣрные даже въ тридцать лѣтъ, и весьма естественные въ пятнадцать или шестнадцать, когда скука болѣе всего утомляетъ, и забавы служатъ отдохновеніемъ.

Братъ поѣхалъ провожать насъ, получивъ отъ князя Ромодановскаго отпускъ на двѣ недѣли. Опять пустились мы по ухабамъ, какъ по замершимъ волнамъ и, минуя Тамбовъ, безъ дальнихъ приключеній проѣхали степныя мѣста, на Югъ отъ него лежащія. Вотъ, наконецъ, въѣзжаемъ мы въ Пензенскую губернію; это было за полночь. Ужаснѣйшая вьюга, какую могу только запомнить, какъ бы предвѣстіе всѣхъ непріятностей, ожидающихъ моихъ родителей, насъ тутъ встрѣтила. Мы потеряли дорогу, ѣхали цѣликомъ, люди и лошади выбились изъ силъ, и мы готовы были остановиться и, лишь бы не замерзнуть, кое-какъ укутавшись, ожидать дневнаго свѣта, какъ вдругъ завидѣли вблизи небольшую деревню. Скорѣе туда, и въ избѣ, довольно опрятной, согрѣлись и отдохнули. На другой день все было тихо и ясно; крестьяне, узнавъ, что у нихъ ночевала губернаторша, привалили толпой, чтобы помочь намъ, посмотреть на насъ и выпроводить на большую дорогу, которая недалеко оттуда пролегалла; староста или волостной голова также явился съ хлѣбомъ и солью. Я полюбопытствовалъ спросить названіе сей деревни; мнѣ отвѣчали Чембарь. Проѣзжая по улицѣ, я видѣлъ однѣ только соломенные кровли и ветхую, большую, деревянную церковь; мнѣ никакъ не могло придти тогда въ голову, что скоро тутъ будетъ уѣздный городъ, что учредителемъ его будетъ мой отецъ, что въ немъ построится нѣсколько каменныхъ зданій, и что лѣтъ черезъ тридцать Русскій царь проживетъ въ немъ двѣ недѣли, ожидая исцѣленія.

Еще оставалось намъ сдѣлать 120 верстъ. Не смотря на наше губернаторство, на военный мундиръ и крики моего брата, не смотря

высокоумнымъ К. Прибавляетъ ли сіе что-нибудь къ знатности этого семейства? Нѣтъ, ничего; но прибавитъ, если сей послѣдній разбогатѣетъ, какъ онъ надѣется, и если въ Россіи не перемѣнится общее мнѣніе.

на покорность и всеусердіе смотрителей и ямщиковъ, должны мы были имѣть еще одинъ почлегъ и пробыть болѣе сутокъ въ дорогѣ.

Остановившись въ 13-ти верстахъ отъ Пензы, въ деревнѣ нашей Симбухинѣ, мѣстѣ рожденія моего, отправили мы брата съ извѣстіемъ о нашемъ пріѣздѣ. За нѣсколько дней до того, прибыли изъ Москвы сестра Алексѣева съ маленькимъ сыномъ и провіантскій братъ нашъ Павелъ изъ Казани, куда онъ былъ посланъ по какой-то комиссіи. вмѣстѣ съ ними покойный отецъ не замедлилъ прискакать къ намъ. Сдѣлался общій съѣздъ. Давно уже члены согласнаго нашего семейства не бывали всѣ вмѣстѣ; тутъ, исключая зятя, соединились всѣ, можно сказать, живые и мертвые, ибо въ нѣсколькихъ шагахъ лежали усопшіе мои братья и сестры. Въ семействѣ нашемъ любили мы другъ друга по старинѣ, долго не знали *твое* и *мое*, все было общее; можно посудить о нашей радости, сколько разсказовъ, сколько отвѣтовъ, прерываемыхъ новыми вопросами, сколько ласкъ и даже сколько поцѣлунковъ! Сладостные часы мелькнули какъ минута, и когда совсѣмъ почти смерклося, пустились мы въ Пензу.

При имени сего города что-то чудное во мнѣ происходитъ: я чувствую умиленіе и негодованіе вмѣстѣ. Тамъ принялъ я жизнь, тамъ отецъ мой долго вкушалъ верховное въ мірѣ блаженство, тамъ лежитъ онъ съ обѣими своими супругами, тамъ единственная моя собственность. Но тамъ же горестями и страданіями, сократившими дни его, зазлатилъ онъ за прошедшія радости; тамъ каждый изъ насъ испыталъ множество непріятностей, оскорбительныхъ для самолюбія.

Совсѣмъ было темно, когда мы въѣхали въ этотъ городъ. Красивые виды его были скрыты отъ глазъ; я не могъ даже замѣтить, что онъ стоитъ на горѣ; чернѣя, мелькнули передо мною избы, домики и дома его. Мнѣ стало грустно, самъ не знаю отъ чего. Ни почетный пріемъ, сдѣланный матери моей у самаго подъѣзда, гдѣ дожидались ея нѣсколько чиновниковъ и городничій *), ни обширный, теплый и ярко на этотъ случай освѣщенный домъ, куда вошли мы, ни радости протекшаго дня, ничто меня не веселило. Сіе было 19 Февраля, въ Среду на масланицѣ; четыре дня увеселеній предстояли мнѣ, и это меня болѣе пугало: я бы хотѣлъ провести ихъ съ семействомъ въ Симбухинѣ. Никого не зналъ я изъ жителей, и заранѣе всѣ они мнѣ не нравились.

Посѣщеніямъ мужскимъ и дамскимъ и разнаго рода приглашеніямъ на другое утро не было конца, такъ что матери моей не оставалось времени ни порядочно отдохнуть, ни сдѣлать визиты, и она по

*) Полицеймейстеры были тогда въ однихъ только столицахъ.

незолѣ должна была казаться неучтивою. Въ двадцать, въ тридцать домовъ, одинъ неизвѣстнѣ мнѣ другаго, повезли меня. Всякій день, въ 10 часовъ утра, бывали гдѣ-нибудь завтракъ и блины, а потомъ катанье за городъ, волчья травля, садка или бѣгъ; послѣ того званый обѣдъ, за которымъ обыкновенно слѣдовало при фонаряхъ катанье съ горъ; наконецъ, въ третьемъ мѣстѣ балъ и ужинъ. Такъ продолжалось четыре дня до самаго чистаго Понедѣльника, и это отчаянное веселіе, этотъ шумъ нѣсколько заглушили непонятную во мнѣ тоску. Я бы болѣе насладился, еслибы сквозь учтивости и ласки, мнѣ оказанныя, проглянуло сколько-нибудь добродушія: его я ни въ комъ не замѣтилъ. Ни живаго, сердечнаго веселія прежнихъ Кіевскихъ баловъ, ни пристойности столичныхъ собраній не нашелъ я тутъ; казалось,

Послѣ ужасовъ набѣга
Татаринъ буйный пироваль.

Какъ праздникъ встрѣтилъ я Великій постъ. Противоположность сырной недѣли и первой поста была въ провинціи, если возможно, еще болѣе рѣзкая, чѣмъ нынѣ. Мы вновь уединились и, какъ бы предвидя, что никогда уже, всѣ безъ изъятія, не будемъ соединены, почти не разставались. Въ день Сборнаго Воскресенія, въ день православія, послѣ обѣдни, сестра и братъ не отлучены были отъ семейства, а разлучились съ нимъ: одна отправилась обратно въ Москву, а другой въ Воронежъ, не съ проклятіями, а съ благословіемъ родительскимъ.

Прежде нежели я примусь описывать Пензу, ея жителей, духъ ея общества, попрошу у читателя дозволенія на страну, ее окружающую, бросить взглядъ въ историческомъ отношеніи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что нѣкогда пролегалъ тутъ главный путь изъ Россіи въ Орду. Сколько князей и бояръ тутъ проѣхало! Баскаки спѣшили чрезъ сія мѣста, чтобы грабить нашу землю; великіе князья и митрополиты Московскіе раскидывали тутъ свои шатры, и въ нихъ горестно молили Бога о защитѣ. Монгольское племя, болѣе всѣхъ другихъ привязанное къ кочевой жизни, могло основаться только среди необозримости степей и покидало ихъ тогда только, когда стремилось за добычей. Татары, народъ отъ Монголовъ совершенно отличный и имъ подвластный, давшій имъ свое имя и пережившій ихъ владычество, не столько чуждались осѣдлости. По всѣмъ вѣроятіямъ, Татары, какъ передовое войско Монголовъ, заняли опушку Русской земли, пространство между Волгой и Мокшей, но по малочисленности своей могли на немъ жить только разсѣянно. Для нихъ гористыя и плодородныя мѣста, изобильныя водой и лѣсомъ, представляли удобства, о коихъ Монголы не могли помышлять. Названія мѣстъ и рѣкъ, въ Пензенской и со-

сѣднихъ съ нею губерніяхъ, показываютъ, что тутъ сдѣлалась настоящая Татарія: Ардымъ, Кевда, Мелсита, Кучюкъ, Поръ, Анзыбей, Инсара, Селикса, Чембаръ, самая Пенза и множество другихъ, коихъ и не перечесть и въ коихъ не сыщешь и слѣдовъ Славянскаго корня *).

Послѣ завоеванія Казани, Русскіе безъ опасенія и безъ спросу стали захватывать земли, занятыя ихъ врагами. Тогда все что было народное было царское, и все что было царское было народное; въ древнія варварскія времена, какъ у насъ, такъ и въ Европѣ, главы народовъ дѣлились славою и богатствомъ съ тѣми кто раздѣлялъ ихъ опасности, съ вѣрными своими сподвижниками, кои за нихъ и съ ними проливали кровь свою. Въ новѣйшее же время челоуѣколюбіе и просвѣщеніе государей.. судятъ о томъ иначе: они усыновляютъ новыхъ подданныхъ, не только равняютъ въ правахъ побѣжденныхъ съ побѣдителями, но даже первымъ передъ послѣдними даютъ неизчетныя преимущества; орудія бросаютъ съ презрѣніемъ и обнимаютъ съ любовію пріобрѣтенія, ими добытыя. Теперь Боже спаси отъ завоеваній! Они суть только тягость, а не сила государства.

Но не о томъ рѣчь. Итакъ Русскіе селились между Татарами. Какъ предки ихъ, подвигаясь на Сѣверо-востокъ, гнали передъ собою Мерю, Вель и Финскія племена, и строили Муромъ, Ростовъ и Суздаль, такъ и они, расширяясь на Юго-востокъ, тѣснили потомство своихъ властителей и поглощали самое ихъ народонаселеніе. Увѣряютъ, что при Берисѣ Годуновѣ потокъ до того усилился, что начали опасаться, чтобы не изсякнулъ самый источникъ его, и что сіе заставило укрѣпить за помѣщиками живущихъ на землѣ ихъ людей. Кажется, приливъ всего сильнѣе былъ около Пензы, равно какъ и число встрѣченныхъ имъ Татаръ, и оттого сіе мѣсто сдѣлалось средоточіемъ Руссо-татарской помѣси.

Всякій, кто ѣдетъ изъ Москвы, проѣхавъ Арзамасъ, можетъ легко въ томъ убѣдиться: все измѣняется вдругъ, природа и люди; горы становятся все выше и круче, лѣса тѣнистыѣ, избы ниже и неопрятнѣе, лица смуглѣе, фізіономіи выразительнѣе и суровѣе. Переселившіеся туда Русскіе дворяне переженились на дочеряхъ безчисленныхъ Татарскихъ мурзъ или князей, Маматказиныхъ, Мамлѣевыхъ, Колунчаковыхъ, Девлеткильдѣевыхъ, Чегодаевыхъ, Мансыревыхъ, коихъ потомство встрѣчается во всѣхъ городахъ и селахъ и во многихъ мѣстахъ па-

*) Въ другихъ губерніяхъ: Арзамасъ, Ардатовъ, Алатырь, а далѣе Чебоксарь, Уфа, Бугульма и Велебей суть чисто-татарскія названія. Надобно же было за ними поставить Нѣмецкій *буръ*—Оренбургъ!

шетъ нынѣ землю. Слѣдственно, и высшій классъ въ томъ краю не совсѣмъ уже Русскій.

На берегу рѣчки Пензы, близъ втока ея въ Суру, стояло самое большое изъ новыхъ селеній. По негостепріимному, неуживчивому, бранчивому нраву его жителей, обрусѣвшихъ Татаръ, или отатарившихся Русскихъ, дано ему было названіе Облай-Слобода. Въ 1666 году (апокалипсическое число) царю Алексѣю Михайловичу угодно было возвести его въ званіе города и дать ему другое имя по рѣкѣ, на которой оно было построено. Съ тѣхъ поръ постоянно управляли имъ воеводы, до самаго учрежденія губерній при Екатеринѣ.

Когда-то отцу моему, какъ Орфею, удавалось плѣнять сихъ лю-
тыхъ звѣрей; по его совѣтамъ, какъ по голосу Амфіона, когда-то поднимались камни и, стройно ложась другъ на друга, образовывали стѣны и дома. Но сіе время прошло; съ тѣхъ поръ простота оставила ихъ черствыя души, а просвѣщеніе не успѣло еще смягчить ихъ. Я гдѣ-то говорилъ уже о Пензѣ и сказалъ, что помѣщики съ своею прислугою составляютъ бѣольшую часть, а купцы и мѣщане едва треть ея населенія. Въ такомъ уѣздномъ городѣ, стоящемъ вдали отъ губернскихъ, внѣ главныхъ путей сообщенія, городничій не могъ быть важнымъ лицомъ, а напротивъ долженъ былъ стараться всѣмъ угождать; обществомъ же управляли одни предрасудки и партіи. Самые ужасы Павловыхъ временъ не заглядывали въ сію глушь. Это была республика въ забытомъ углу, какъ Санъ-Марино въ Италіи. Такъ продолжалось пять лѣтъ, и послѣ того во всякомъ начальникѣ, поступающемъ по законамъ и соблюдающемъ порядокъ, должны были сіи люди видѣть тирана.

Надобно знать, какое мнѣніе сами губернаторы и вообще всѣ жители имѣли прежде о высокомъ ихъ званіи. Губернаторъ былъ лучъ сіянія царскаго, хозяинъ губерніи, защитникъ ея правъ, ходатай у престола. Не обремененные тысячею мелочей, какъ нынѣ, не стѣсняемые безчисленными формами, не обязанные безпрестанно отправлять срочныя вѣдомости, коихъ никто не читаетъ, не окруженные лазутчиками, не устрашаемые отвѣтственностію за всякую бездѣлицу, не видящіе равносильныхъ управленій другихъ вѣдомствъ, отъ нихъ вовсе не зависящихъ, спокойные, уважаемые, могли они безпрепятственно творить добро и въ благѣ ввѣреннаго имъ края видѣть собственное. Но и къ достиженію сего завиднаго положенія, охотно сохраняемаго бѣольшую часть жизни, были также нужны права, зрѣлый умъ и зрѣлыя лѣта, опытность въ дѣлахъ, несомнительная нравственность, сотворенное себѣ честное имя, уваженіе прибрѣтенное собственными поступками. Послѣ выбора первыхъ сановниковъ государства, самымъ

труднѣйшимъ почитался выборъ губернаторовъ. Не смотря на безпорядки Павлова правленія, пусть вспомнятъ, кого нашелъ императоръ Александръ и кого сначала опредѣлилъ въ сіи должности. Имена Львова, Панкратьева, Руновскаго, Миклашевскаго, Рунча и другихъ понынѣ произносимы съ душевнымъ уваженіемъ и благословляемы въ тѣхъ мѣстахъ, коими они управляли. Если повѣрять мнѣ въ изображеніи отца моего, то кто болѣе его могъ надѣяться украсить собою мѣсто начальника губерніи? А едва прошелъ Мартъ мѣсяць, какъ появились уже неудовольствія и несогласія. Я долженъ объяснить здѣсь начало и причину ихъ.

Въ Пензенской губерніи было тогда семейство ***, безобразныхъ гигантовъ, величающихся, высящихся, яко кедры Ливанскіе; и прошелъ вѣкъ мой, и увы! не могъ я сказать: се не бѣ! И кто взыщетъ мѣсто ихъ, тотъ обрѣтетъ еще нечестивое ихъ высокомеріе въ Симбирскѣ и Саратовѣ. Тамъ живутъ еще старшіе члены семейства ***. Глава его,, былъ человекъ неглупый, съ большимъ состояніемъ: онъ имѣлъ труппу актеровъ и музыкантовъ, имѣлъ каменный домъ въ Москвѣ, и давалъ балы, какихъ тогда можно было найти въ ней по двадцати каждый день. Въ чинѣ отставнаго поручика (дѣло дотолѣ неслыханное) былъ онъ разъ выбранъ губернскимъ предводителемъ; если прибавить къ тому чрезвычайно высокій его ростъ, то сколько причинъ, чтобы почитать себя выше обыкновенныхъ смертныхъ! Въ немъ и въ пяти гайдукахъ, имъ порожденныхъ, была странная склонность не искать власти, но сколько возможно противиться ей, въ чьихъ бы рукахъ она ни находилась.

Огромнѣйшій изъ его дѣтницъ, А., служилъ при Павлѣ въ генераль-прокурорской канцеляріи; тамъ сошелся, сблизился онъ съ человекомъ самаго необыкновеннаго ума, о коемъ преждевременно говорить здѣсь не хочу. Отъ него заимствовалъ онъ фразы, мысли, правила, кои къ представляющимся случаямъ прилагалъ потомъ вкривъ и вкось. Извѣстно, какъ быстро при Павлѣ вездѣ шло производство: въ двадцать два года былъ онъ уже надворный совѣтникъ и назначенъ губернскимъ прокуроромъ въ Пензу. Природа, дѣлая лишнія усилія, часто истощаетъ себя, и чрезъ мѣру вытягивая великановъ, отнимаетъ у нихъ тѣлесныя силы. Такъ то было съ этимъ ***. Глядя на его ростъ, на его плеча, внимая его грубому и охриплому голосу, можно было принять его за богатыря; но согнутый хребетъ обличалъ его хилость, и въ двадцать лѣтъ не съ большимъ одолѣваюція его хиратра и подагра заставляли его часто носить плюсовые сапоги и перчатки. Бессиліе его ума также подавляемо было тяжестію идей, кои почерпнулъ онъ въ разговорахъ съ знаменитымъ другомъ своимъ и

кои составляли все его знаніе... Первые мѣсяцы оставался онъ спокоенъ, принимая участіе въ общемъ веселіи и не разстраивая общаго согласія. Одно происшествіе подало ему поводъ себя обнаружить. Шатающійся въ Пензѣ отставной офицеръ, по имени Чудаковскій, пьяный, дерзкій и развратный, сдѣлалъ одно изъ тѣхъ преступленій, которыя въ Россіи были тогда почти неслыханы: насильственно былъ онъ причиною смерти одной несовершеннолѣтней дѣвочки. По принесенной о томъ жалобѣ, отецъ мой велѣлъ его засадить и предать уголовному суду. *** немедленно вошелъ съ протестомъ, въ коемъ, самымъ неприличнымъ образомъ порицая злоупотребленіе власти, старается оправдывать виновнаго, увлеченнаго яко бы силою любви. Это было въ началѣ Страстной недѣли; все что было порядочныхъ людей, пришло въ ужасъ, а въ другихъ сначала сіе возбудило одно только любопытство. Бумагу сію можно почитать манифестомъ зла противъ добра. Безнаказанность такой наглости, нѣсколько времени спустя, ободрила всѣхъ враговъ порядка: знамя было поднято, они спѣшили къ нему... Наконецъ, малѣйшее неудовольствіе на губернатора, за всякую бездѣлицу, за невниманіе, за разсѣянность (чего бы прежде не смѣли и замѣтить) бросало въ составившуюся оппозицію многихъ помѣщиковъ, впрочемъ, не весьма дурныхъ людей, но необразованныхъ и щекотливыхъ.

Нескоро отецъ мой могъ все это понять; служивши долго при Екатеринѣ, когда власть уважали и любили, и нѣсколько времени при Павлѣ, когда трепетали передъ нею, ему не вѣрилось, чтобы было возможно столь несправедливо, безразсудно и нахально возставать противъ нея. Онъ не скрывалъ своего негодованія и жаловался старому другу своему Беклешову; а тотъ съ одной стороны успокаивалъ его конфиденціальными, совершенно пріязненными письмами, а съ другой грозилъ офиціально *** , что выкинетъ его изъ службы, если онъ не уймет-ся. Но сей послѣдній умѣлъ скрывать получаемыя имъ бумаги, коихъ содержаніе сдѣлалось извѣстно только по оставленіи имъ должности: казался веселъ, покоенъ, и каждый день затѣвалъ новые протесты. Отецъ мой былъ въ отчаяніи, не зная что подумать о генералѣ - прокурорѣ, а *** ничего не страшился: онъ зналъ что происходитъ въ Петербургѣ и ничего такъ не желалъ, какъ, надѣлавъ шуму, явиться туда жертвою двухъ старовѣровъ. Наконецъ, дѣйствительно велѣно ему подать въ отставку, и онъ послалъ просьбу; но она пришла уже къ преемнику Беклешова, который, съ честію его уволивъ, причислилъ къ себѣ. Я не знаю ничего позорнѣе этой краткой борьбы между умнымъ, пылкимъ и благороднымъ старцемъ и бессмысленнымъ, безстрастнымъ и безнравственнымъ юношей.

Въ поступкахъ этого человѣка можно было видѣть нѣчто отчаянно-смѣлое и можно было въ немъ предполагать необычайную силу духа; напротивъ, трудно было сыскать человѣка болѣе его трусливаго. Старшіе братья мои и иные молодые люди говорили ему въ глаза жестокия истины, отъ коихъ всякаго другаго бы взорвало; мнѣ случилось видѣть, какъ одинъ графъ Толстой въ бѣшенствѣ взялъ его за воротъ, но онъ остался непоколебимъ, понюхивалъ табакъ и, величественно улыбаясь, старался все обратить въ шутку. Мнѣ сказывали потомъ, какъ при всѣхъ объявлялъ онъ, что не согласится ни за что въ мірѣ на поединокъ. Подобно одному глупцу нынѣшняго времени, онъ любилъ твердить о своей магистратурѣ; ею, по словамъ его, какъ священной мантией, прикрывался онъ отъ ножа или кинжала убійцы (чего опасаться, кажется, было трудно), но никогда не упоминалъ о шпагѣ или пулѣ противника, который однакоже могъ бы явиться.

Я видѣлъ только самое начало этой брани, ибо шестимѣсячный срокъ моего отпуска миновался, и далѣе Мая мѣсяца мнѣ въ Пензѣ нельзя было оставаться.

Но и послѣ ***, война не прекращалась. Передъ отъѣздомъ моимъ мнѣ хотѣлось бы показать главныя лица, въ ней подвизавшіяся. Жители Петербурга, привыкшіе съ такимъ презрѣніемъ смотрѣть на все что происходитъ въ провинціяхъ, улыбнутся при чтеніи описываемаго мною и назовутъ это бурей въ стаканѣ воды. Но въ этомъ стаканѣ считается до миліона жителей, и онъ заключаетъ въ себѣ не менѣе десяти Нѣмецкихъ герцогствъ съ ихъ дворами, министрами и войсками. Не бѣда, если легкомысленный и праздный столичный народъ почитаетъ недостойнымъ своего вниманія благосостояніе цѣлой области; но правительству необходимо заботиться о ея спокойствіи и быть осмотрительну въ выборѣ людей, туда посылаемыхъ. Въ изображеніи Пензенскихъ безпорядковъ оно могло бы увидѣть тѣ, которые происходили или происходят и нынѣ въ другихъ губерніяхъ.

Мнѣ было очень больно, что земляки мои по сердцу, Малороссіяне, сдѣлались первыми нашими врагами. Изъ совѣтниковъ Черниговскаго губернскаго правленія, Иванъ Андреевичъ Войцеховичъ назначенъ былъ предсѣдателемъ Пензенской Гражданской Палаты. Его почитали тонкимъ и хитрымъ, а онъ по природѣ былъ только человѣкъ скрытный, но не злой и не коварный. Кажется, къ чему бы ему было хитрить, зачѣмъ бы интриговать? Онъ не былъ ни честолюбивъ, ни алченъ къ деньгамъ, и честность его въ дѣлахъ могла бы обратиться въ пословицу. *) Но у него была жена, гораздо моложе его, Прасковья

*) Во время величайшихъ несогласій съ предсѣдателемъ, мы имѣли дѣло въ Гражданской Палатѣ. Родители мои не хотѣли противъ него подать подозрѣнія и не смотря на то, онъ судилъ бы противъ насъ, еслибы наши требованія были несправедливы; но наше право было неоспоримо, и онъ рѣшилъ совершенно въ пользу нашу.

Акимовна, изъ фамиліи Сулимовъ, самолюбивая и завистливая. Губернаторство моей матери ее мучило, и она къ чему-то придралась, чтобы поссориться и, какъ говорится въ провинціяхъ, развѣхаться домами. Тогда развѣхавшійся домъ ея сдѣлался прибѣжищемъ всѣхъ недовольныхъ. Между ними первые явились два единомыслица ея, одинъ, Данилевскій (былъ послѣ директоромъ гимназіи), а другой.. видно было лицо не весьма примѣчательное, потому что имя его ускользнуло отъ моей памяти. Съ нею ли въ одно время они пріѣхали или прежде? Зачѣмъ они пріѣхали, и за что прогнѣвались на насъ? Кажется, нѣтъ никакой нужды знать, даже мнѣ самому, а кольми паче другимъ: довольно, что они были очень злы. Въ кругу семейства и соотчичей, намъ столь враждебныхъ, могъ ли Иванъ Андреевичъ оставаться совершенно безпристрастнымъ? По крайней мѣрѣ онъ никогда не переставалъ быть скромнѣе въ рѣчахъ, учтивѣе во встрѣчахъ, не переставалъ также до нѣкоторой степени, какъ Греческій мудрецъ, покоряться неукротимой своей Ксантиппѣ. Въ тридцать лѣтъ, госпожа Войцеховичева могла бы быть довольно недурна собою. Но внутренняя ярость, часто выступавшая на лицо ея, успѣла рано провесть на немъ нѣсколько морщинокъ; улыбка, всегда язвительная, не придавала никакой пріятности устамъ, которыя, какъ увѣряють, открывались для одной только хулы; надъ самымъ челомъ ея, среди черныхъ волосъ, являлся уединенно цѣлый густой клокъ сѣдыхъ. Итакъ она была не красавица; не въ состояніи будучи воспалить любовь, она, искусно проповѣдуя независимость и равенство, умѣла возбуждать вражду и мщеніе. Я бы назвалъ ее Пензенскою мадамъ Roland, еслибы не было у нея пріятельницы, необузданностию и дерзостию ее превосходящей.

Низенькая, толстенная, почти четвероугольная крикунья, Степанида Андреевна Кекъ, была женщина умная, воспитанная въ Смольномъ монастырѣ, украшенная золотымъ вензелемъ Екатерины Второй. Въ ней можно было видѣть разницу между просвѣщеніемъ и образованностию. Занятія ея жизни были новостию для Пензенскихъ барынь: она любила много читать и даже переводить книги, сама учила дѣтей, украшала свой садъ, выписывала рѣдкія растенія, разводила ихъ и прекрасными цвѣтами могла бы снабдить весь городъ. За то всякая баба, торгующая на базарѣ, всякій мужикъ былъ ея вѣжливѣе и пристойнѣе; даже нынѣ, когда приличія свѣта все болѣе и болѣе почитаются предразсудками, ея манеры были бы нестерпимы. Чистосердечная грубость предполагаетъ обыкновенно доброе сердце, а у этой толстухи весь жиръ разведенъ былъ желчью. Ея мужъ, изъ Нѣмцевъ, гдѣ то служилъ, когда-то получилъ какой-то чинъ, военный или статскій, и разбогатѣлъ, отдавая деньги въ ростъ. Года за два до нашего

прѣзда, купилъ онъ имѣніе неподалеку отъ Пензы и поселился въ ней съ супругою своею и тещей, также Нѣмками. Про него ничего не говорили, его никогда не видѣли и знали только подъ именемъ мужа Кекши. Кажется, онъ помаленьку занимался прежнимъ ремесломъ и въ уединенной тишинѣ любовался только звонкимъ металомъ, умножающимъ невыносимое громогласіе жены его, которая за него раздѣзжала, дѣйствовала, а говорила за десятерыхъ. Мать моя никакъ не умѣла или не хотѣла скрывать, сколь посѣщенія этой женщины ей непріятны; она должна была знать, что въ провинціи изъявленная холодность, хотя впрочемъ безъ малѣйшей неучтивости, разрываетъ знакомство, и что разрывъ знакомства возжигаетъ непримиримую вражду; она боялась оглохнуть и на все рѣшилась.

Къ симъ двумъ пріятельницамъ начали приставать всѣ горделивыя жены Пензы. Ни малѣйшей причины къ неудовольствію имъ не было подаваемо; онѣ искали предлоговъ. Имъ казалось тягостнымъ обыкновеніе, искони, заведенное въ губернскихъ городахъ, съѣзжаться по воскресеньямъ на вечеръ къ губернаторшѣ; къ тому ихъ никто не приневоливалъ, а онѣ требовали невозможнаго: чтобы въ продолженіи недѣли всѣмъ имъ отданы были визиты. Онѣ поудержались и ожидали упрековъ, кои не оставили бы назвать взыскательностію; но ихъ отсутствія не замѣтили, онѣ продлили его и, наконецъ, объявили, что видно общество ихъ не нужно. Цѣлый легионъ демоновъ въ женскомъ образѣ ополчился тогда противъ моихъ родителей, и еще болѣе противъ доброй моей матери. Въ семь полчищъ особенно примѣчательны были только двѣ сестры, старыя, кслонравныя дѣвки, недавно запасшіяся послушными мужьями—Бровцына и Есипова; онѣ были ехиднѣ самой Войцеховичевой и бѣшенѣ Кекши.

Дамъ, хотя и не совсѣмъ достойныхъ сего названія, пустилъ я впередъ, во первыхъ изъ учтивости и во вторыхъ потому, что непосредственно послѣ *** онѣ первыя повели атаку; да еще по тому уваженію, что женская злость, равно какъ и женская доброта, всегда далеко превосходятъ мужскую. Столь же ничтожныя причины подвигли противъ отца моего и нѣкоторыхъ помѣщиковъ, живущихъ въ Пензѣ. Могли выйти непріятности по дѣламъ, по службѣ; можно было жаловаться на несправедливости, претерпѣваемыя отъ подчиненныхъ, но этого ничего не было; наговоры, сплетни, косой взглядъ, вотъ чего достаточно было, чтобы породить ненависть. Отъявленнымъ, главнымъ врагомъ нашимъ почитался нѣкто ст. с. П. А. Г., семидесятилѣтній старикъ, утопавшій въ постыдномъ любострастіи. Владѣя хорошимъ родовымъ имѣніемъ, онъ чрезвычайно умножилъ его экономическими средствами, будучи экономіи директоромъ и потомъ вице-губернато-

ромъ въ Вятской губерніи, населенной какъ извѣстно, почти одними только казенными крестьянами; его экономическая система что-то не понравилась; нашли, что она накладна для казны и не совсѣмъ учтиво отказали ему отъ должности. Онъ пріѣхалъ на житье въ уѣздный тогда городъ Пензу, гдѣ всѣхъ онъ былъ богаче, всѣхъ старѣе лѣтами и чиномъ, гдѣ не весьма строго смотрѣли на средства къ обогащенію и охотно раздѣляли удовольствія ими доставляемыя. Старость его, которую называли маститою, была отиѣнно уважаема: ибо за дешевый, хотя множествомъ блюдъ обремененный, столъ его садилось ежедневно человѣкъ по тридцати. Только что за обоняніе, вкусъ и желудки были у гостей его! Кашами съ горькимъ масломъ, ветчиной со ржавчиной, разными похлебками, вареными часто въ недуженой посудѣ, потчивалъ ихъ этотъ человѣкъ, въ коемъ тщеславіе спорило съ ужасною скупостію. Однимъ обыкновеннымъ хлѣбосольствомъ не ограничивалось его великолѣпіе; длинный рядъ комнатъ довольно низкаго, одноэтажнаго, деревяннаго дома его былъ убранъ съ большими претензіями; но все тамъ было неопратно, нечисто какъ совѣсть хозяина. Въ огромномъ мезонинѣ, подавлявшемъ сей низенькій домъ, помѣщался театръ, гдѣ играли доморощенные его актеры и музыканты *). Офиціальная сила отца моего не могла нравиться народности Пензенскаго гранда; къ тому же самая противоположность характеровъ не допускала ихъ сблизиться. Оказывая ему всевозможную учтивость, отецъ мой воздерживался однако отъ всего, что могло произвести короткость, и одинъ разъ, захворавъ отъ его обѣда, старательно отклонялъ потомъ новыя его приглашенія. Чего же болѣе для совершеннаго разрыва?

Тотъ о коемъ кончилъ я рассказъ, можетъ почитаться добродѣтельнымъ въ сравненіи съ тѣмъ, о комъ я стану говорить и о комъ безъ омерзѣнія не могу я вспомнить. Нравомъ, сердцемъ, правилами и поступками, равно какъ и лицомъ, фигурой, взглядомъ и голосомъ. я не звалъ человѣка хуже Семена Алексѣевича **.... Въ немъ одно совершенно отвѣчало другому и равно было гнусно и отвратительно. Распространяться объ немъ я много не буду. опасаясь, чтобы не стошнилось, а скажу только о необыкновенномъ способѣ, который употреблялъ онъ для стяжанія себѣ богатства. Онъ заводилъ тяжбы со всѣми сосѣдами, преимущественно же съ мелкими дворянами; когда онъ приводилъ ихъ въ отчаяніе, то мирился съ ними не иначе какъ съ условіемъ уступить ему ихъ малые участки на низкую цѣну, ко-

*) Житье г. Г., подъ именемъ Рукавицына, очень удачно описано въ *Искуситель*, романъ Загоскина. Тамъ же очень вѣрно изображены бывший при Екатеринѣ губернаторъ Ступицынъ и родственникъ его Еф. Петр. Чемесовъ, подъ именемъ Двинскаго

торую онъ сполна не выплачивалъ, и они отступались отъ нея, чтобы отъ него какъ-нибудь отвязаться. Когда у другихъ шелъ споръ объ имѣніи, то съ предложеніями о покупкѣ его онъ обращался единственно къ тѣмъ, кои лишались надежды выиграть дѣло и такимъ образомъ, за самую умѣренную цѣну пріобрѣталъ помѣстье и процессъ. Этотъ ябедникъ дѣйствовалъ не подкупомъ, а страхомъ; онъ во всѣхъ судахъ былъ ужасъ и бичъ присутствующихъ, секретарей и повитчиковъ. Когда мы пріѣхали въ Пензу, говорили, что у него въ одно время было тридцать два процесса. Такіе люди рѣдко бываютъ щекотливы, а этотъ еще требовалъ уваженія: дѣло невозможное для человѣка съ честію, каковъ былъ отецъ мой; а вотъ еще и новый злодѣй!

Многочисленное семейство его было примѣчательно родовымъ, наследственнымъ свинообразіемъ. Жена его никуда не показывалась: какая-то ужасная болѣзнь, коей начало приписывали сожитію ея съ мужемъ, до того изуродовала лицо ея, и такъ уже весьма некрасивое, что лишила ее даже носа. Изъ его дѣтей мнѣ особенно памятна одна дочь его, Авдотья, которую, по преувеличеннымъ пропорціямъ тѣла ея, сами родители прозвали Дунаемъ, и у которой была удивительная страсть ловить мухъ и глотать ихъ. Со взоромъ дикаго звѣря, имѣла она туловище коровы и птицѣй вкусъ: Ламайскіе язычники могли бы почестъ ее божествомъ.

На другой дочери его женился нѣсколько лѣтъ потомъ спустя, одинъ изъ главъ коалиціи, игрокъ О.... Выгнанный сперва изъ столицъ, потомъ изъ губернскихъ городовъ, сей смѣлый, но видно не довольно искусный человѣкъ, неоднократно изобличенный въ мошенничествѣ и воровствѣ, избралъ убѣжищемъ свободную тогда Пензу. Довольно уже неопытныхъ юношей, довольно неосторожныхъ мужей прошло чрезъ хищныя его руки, чтобы дать ему средства завести хорошій домъ и жить въ немъ прилично. Нѣкоторая роскошь есть одна изъ приманокъ, одно изъ необходимыхъ условій для промышленниковъ такого рода и обращается имъ подъ конецъ въ привычку и потребность; она домъ его сдѣлала привлекательнымъ. Мѣры при стѣ моемъ принятыя полиціей къ прекращенію публичныхъ засѣданій въ семь домѣ ожесточили г. О...., хотя никто не могъ воспретить ему дѣйствовать тайно, и хотя для ловитвы его открыто широкое поле на всѣхъ окрестныхъ ярмаркахъ.

Не высчитывать же мнѣ всѣхъ пакостниковъ, вошедшихъ въ сообщество съ вышесказанными людьми, всѣхъ подлыхъ ихъ приверженцевъ! Не безъ труда и съ частыми позывами ко рвотѣ могъ изобразить я змѣй, а до ядовитыхъ насѣкомыхъ уже не спущусь. Сія нечистыя стихіи образовали не тучу, какъ говорятъ пословица, а на-

возную кучу, изъ которой однакоже громъ не переставалъ гремѣть во время управленія отца моего. Она составилаь, разумѣется, не въ одинъ день. *** положилъ ея начало, но обстоятельства, въ коихъ находилась тогда вся Россія ее умножили и усилили.

Спросять, можетъ быть, какъ человѣкъ съ умомъ и твердостью, какимъ представленъ мой отецъ, могъ не пренебречь дерзостью и происками людей запятнанныхъ, по большей части столь ничтожныхъ? Какъ не умѣлъ онъ обуздать ихъ? Я уже сказалъ выше, что при Павлѣ невинно-гонимые прятались по деревнямъ, а множество сиравадно-преслѣдуемыхъ наполнило Пензу. Число—весьма важное дѣло, тамъ гдѣ начальникъ, безъ подпоры въ столицѣ, долженъ вооружаться противъ всякаго рода зла одною своею правотою и благонамѣренностью. И дѣйствительно, онъ долго сражался и часто побѣждалъ; но чего ему это стоило! Времена были необыкновенныя: грубое свободомысліе, которое при Екатеринѣ допустили разойтись по Россіи, притѣсненіями Павла получило нѣкоторую сущность и благостію Александра думало утвердиться. Какъ вскорѣ послѣ изобрѣтенія пороха и огнестрѣльныхъ орудій, въ эту минуту открыть новый образъ войны противъ начальствъ и правителей, и первый опытъ сдѣланъ въ Пензѣ. Старому рыцарю, отцу моему, мало помогали сначала щитъ его и копье, добродѣтель и честь; но онъ образумился и убѣдился подъ конецъ, что и одною храбростію можно иногда одолѣвать число и искусство. Стратегическія правила этой войны усовершенствовались нынѣ, когда не только губернаторы, но и сами министры, по ввѣряемымъ имъ частямъ, идутъ какъ на бой; тогда же люди, облачаемые высокою довѣренностью царскою, спокойно садились на мѣста свои, на коихъ по долгу совѣсти и присяги безспорно творили судъ и расправу.

Пусть смѣются надо мной, а въ низкихъ и глухихъ безпорядкахъ Пензы я и доселѣ вижу глухой, невнятный отголосокъ 1789-го года. Только послѣ двоекратнаго посѣщенія нами Парижа въ 1814 и 1815 годахъ, страшные звуки его начали становиться у насъ понятнѣе и яснѣе. Но какъ либерализмъ и безвѣріе такъ рано забрались въ такое захолустье, когда ни въ Кіевѣ, ни въ Петербургѣ и Москвѣ я, по крайней мѣрѣ, объ нихъ и не слыхивалъ? Кіевъ отъ заблужденій Запада былъ защищаемъ ненавистію и презрѣніемъ къ Польшѣ, откуда могли они въ него проникнуть; въ Петербургѣ и въ Москвѣ видалъ я только людей, напуганныхъ ужасами революціи. Въ нечестивой Пензѣ услышалъ я въ первый разъ насмѣшки надъ религіей, хулы на Бога, эпіграммы на Богородицу отъ такихъ людей, которые были совершенные неучи; впрочемъ, они толковали уже о Ноноттѣ, о Фреронѣ и объ аббатѣ Гене, и топтали ихъ въ грязь, превознося похвалами *Кан-*

дида и *Бълаго Быка*: авторы и сочиненія мнѣ были тогда вовсе неизвѣстны. Я не хочу быть пророкомъ; но, судя о будущемъ по прошедшему и настоящему, и теперь увѣренъ въ душѣ моей, что еслибъ когда-нибудь (помилуй насъ Боже) до дна расколыхалась Россія, еслибъ западные вѣтры надули на нее свирѣщую бурю, то первые ея валы воздыматься будутъ въ Пензѣ *). Во время Пугачевского бунта вѣроломствомъ и жестокостію никто не превзошелъ ея жителей; въ 1812 году, изъ всѣхъ ополченій одно только Пензенское возмутилось въ самую минуту выступленія противъ непріятеля.

Да, такъ: почти сорокалѣтнее негодование мое и по днесъ не истощилось; неугасимая ненависть къ Пензѣ и понынѣ наполняетъ мое сердце. Пусть люди добрые, но не знающіе глубокихъ ощущеній, равнодушные къ добру и злу, въ шумѣ свѣтскихъ увеселеній или въ заботахъ службы теряющіе память о иныхъ обязанностяхъ, пусть подозрѣваютъ они меня въ клеветѣ, пусть обвиняютъ въ жестокосердіи, въ ужаснѣйшей злобѣ! Я не ропщу на нихъ: имъ не понять меня. Не всякому дано священное, небесное чувство безпредѣльной сыновней любви, не у всякаго отецъ былъ праведникъ, не у всякаго распинали его, какъ у меня.

Я назвалъ главныхъ злодѣевъ нашихъ, не сказавъ, въ чемъ состояли ихъ нападенія и какой имѣли они успѣхъ. Все это такъ тѣсно связано съ тѣмъ, что я видѣлъ потомъ въ Петербургѣ, что отдѣлать отъ того почти невозможно, и я предоставляю себѣ рассказать о томъ въ слѣдующихъ главахъ.

Но и вездѣ не безъ добрыхъ же людей; ихъ было довольно и въ Пензѣ. Не знаю, показались ли бы они такими въ другомъ мѣстѣ, но тамъ ихъ общество было услажденіемъ: нравственности были они не строгой, любезностью ума не плѣвляли, о просвѣщеніи уже и не спрашивай, болѣе или менѣе заражены были невѣжественною спѣсью; но многіе изъ нихъ были забавны своими странностями и не были чужды понятіямъ объ обязанностяхъ и достоинствѣ человѣка. Частыя поѣздки мои въ Пензу доставятъ мнѣ много случаевъ говорить о нихъ, и потому ограничусь я теперь описаніемъ вообще ихъ образа жизни.

На самомъ темени высокой горы, на которой построена Пенза, выше главной площади, гдѣ соборъ, губернаторскій домъ и присутственныя мѣста, идетъ улица, называемая Дворянскою. Ни одной лавки, ни одного купеческаго дома въ ней не находилось. Не весьма вы-

*) Нельзя обвинять ***, что первый бросилъ онъ въ Пензѣ зловредныя сѣмена; но очень удачно сдѣлалъ онъ первую вспашку на почвѣ самой удобной для воспріятія разрушительныхъ идей.

сокія, деревянныя строенія, обыкновенно въ девять окошекъ, довольно въ дальнемъ другъ отъ друга разстояніи, жилища аристократіи, украшали ее. Здѣсь жили помѣщики точно также, какъ лѣтомъ въ деревнѣ, гдѣ господскіе хоромы ихъ также широкимъ и длиннымъ дворомъ отдѣлялись отъ регулярнаго сада, гдѣ входъ въ него также находился между конюшнями, сараями и коровникомъ и затрудняемъ былъ соромъ, навозомъ и помоями. Можно изъ сего посудить, какъ рѣдко сады сіи были посѣщаемы: невинныхъ, тихихъ наслажденій тамъ еще не знали, въ чистомъ воздухѣ не имѣли потребности, восхищаться природой не умѣли.

Описавъ расположеніе одного изъ сихъ домовъ, городскихъ или деревенскихъ, могу я дать понятіе о прочихъ: такъ велико было ихъ единообразіе. Невысокая лѣстница обыкновенно сдѣлана была въ пристройкѣ изъ досокъ, коей цѣлая половина дѣлилась еще на двое, для двухъ отхожихъ мѣстъ: господскаго и лакейскаго. Зажавъ носъ, скорѣе иду мимо и вступаю въ переднюю, гдѣ встрѣчаетъ меня другаго рода зловоніе. Толпа дворовыхъ людей наполняетъ ее; всѣ оципаны, всѣ оборваны; одни лежа на прилавкѣ, другіе сидя или стоя говорятъ вздоръ, то смѣются, то зѣваютъ. Въ одномъ углу поставленъ столъ, на коемъ разложены или камзолъ, или исподнее платье, которое кроится, шьется или починивается; въ другомъ подшиваются подметки подъ сапоги, кои иногда намазываются дегтемъ. Запахъ лука, чеснока и капусты мѣшается тутъ съ другими испареніями сего лѣтняго и вѣтренаго народа. За симъ слѣдуетъ анфилада, состоящая изъ трехъ комнатъ: залы (она же и столовая) въ четыре окошка, гостиной въ три, и диванной въ два; онѣ составляютъ лицевую сторону, и воздухъ въ нихъ чище. Спальная, уборная и дѣвичья смотрѣли на дворъ, а дѣтскія помѣщались въ антресоли. Кабинетъ, поставленный рядомъ съ буфетомъ, уступалъ ему въ величинѣ и, не смотря на свою укромность, казался еще слишкомъ просторнымъ для ученыхъ занятій хозяина и хранилища его книгъ.

Внутреннее убранство было также вездѣ почти одинаковое. Зала была обставлена плетеными стульями и складными столами для игры; гостиная украшалась хрустальною люстрой и въ простѣнкахъ двумя зеркалами съ подстольниками изъ крашеннаго дерева; вдоль стѣны, просто выкрашенной, стояло въ серединѣ такого же дерева большое канапе, по бокамъ два маленькихъ, а между ними чинно разставлены были кресла; въ диванной угольной, разумѣется, диванъ. Въ сохраненіи мебели видна была только бережливость Пензенцевъ; обивка ситцевая, или изъ полинялаго сафьяна, оберегалась чехлами изъ толстаго полотна. Ни воображенія, ни вкуса, ни денегъ на украшеніе комнатъ тогда много не тратилось.

Когда бывалъ званый обѣдъ, то мушцины тѣснились въ залъ, вокругъ накрытаго стола; дамы, люди пожилые и почетные и тѣ, кои садились въ карты, занимали гостиную, дѣвицы укрывались въ гинесеѣ, въ диванной. Всякая пріѣзжающая дама должна была проходить сквозь строй, подавая руку направо и налево стоящимъ мушцинамъ и цѣлуя ихъ въ щеку; всякій мушцива обязанъ былъ сперва войти въ гостиную и обойти всѣхъ сидящихъ дамъ, подходя къ ручкѣ каждой изъ нихъ. За столомъ сначала нѣсколько холодныхъ, потомъ нѣсколько горячихъ, нѣсколько жаренныхъ и нѣсколько хлѣбныхъ являлись по очереди, а между ними неизбѣжныя два бѣлыхъ и два красныхъ соуса дѣлили обѣдъ на двое. Странное обыкновеніе состояло въ обязанности слугъ, подавая кушанье и напитки, называть каждаго гостя по имени.

Вообще Пенза была, какъ Китай, не весьма учтива, но чрезвычайно церемонна; этикетъ въ ней бывалъ иногда мучителенъ. Барыни не садились въ кареты свои или колымаги, не имѣя двухъ лакеевъ сзади; чиновники штабъ-офицерскаго чина отменно дорожили правомъ ѣздить въ четыре лошади; а статскій совѣтникъ не выѣзжалъ безъ шести клячъ, конхъ называлъ онъ цугомъ. Случалось, когда ворота его стояли рядомъ съ сосѣдними, то передній форрейторъ подѣзжалъ уже къ чужому крыльцу, а онъ не выѣзжалъ еще съ своего двора. Съ воцареніемъ Александра дамы вездѣ перестали пудриться, только въ Пензѣ многія ихъ нѣхъ не кидали обычая носить пудру. Щеголеватостью ни формъ, ни нарядовъ прекрасный полъ въ Пензѣ не отличался, ни даже пріятною наружностію. Только въ первые дни пребыванія моего тамъ, на Масляной, двѣ красавицы мелькнули предо мною, какъ мимолетныя видѣнія: одна генеральша Львова, урожденная Колокольцова, была тутъ проѣздомъ; другая госпожа Бекетова, урожденная Опочинина, три четверти года жила въ Саратовской деревнѣ, и скромная добродѣтель ея часто походила на суровость.

Одинъ почтенный, степенный и богатый человекъ, Николай Васильевичъ Смирновъ, жилъ въ Пензѣ прилично и благородно. При малолѣтнемъ сынѣ его былъ гувернеромъ меньшей братъ извѣстнаго уже шевалье де-Ролена. Не имѣя ни любезности, ни ума старшаго брата, онъ былъ гораздо его нравственнѣе. До революціи стоялъ онъ съ полкомъ въ Аяччіо, гдѣ хорошо зналъ семейство Бонапарте и выучился по-итальянски. Чтобы не совсѣмъ празднично проводить мнѣ время, пригласили его посѣщать меня и давать мнѣ Французскіе и Итальянскіе уроки; въ послѣднемъ я не имѣлъ времени сдѣлать большихъ успѣховъ, достаточно, однакоже, чтобы въ послѣдствіи понимать слова въ операхъ; а мнѣ только и было нужно. Изъ Москвы сдѣланы были Ев-

генію Ролену выгоднѣйшія предложенія, и онъ оставилъ домъ г. Смирнова. Давно уже срокъ моего отпуска прошелъ, но не знали съ кѣмъ меня отправить, а одного, по глупости моей, не рѣшались; и потому воспользовались отъѣздомъ г. Ролена.

Какъ мнѣ ни жаль было разстаться съ родителями, но я сдѣлалъ сіе не безъ удовольствія, покидая вмѣстѣ съ нимъ непріятную и непріязненную Пензу. Мы выѣхали, помнится, 29-го Мая, въ одной изъ широкихъ и глубокихъ кибитокъ, которыя употреблялись тогда для дальнихъ дорогъ. Путевыя издержки, разумѣется, были на счетъ моихъ родителей. Погода была чудесная, дорога какъ скатерть, я лежалъ какъ въ колыбели, и хотя сухощавый Французъ, у котораго пересчитать можно было косточки, иногда и морщился отъ ѣзды, не совсѣмъ для него покойной, но только на минуту, а потомъ опять начиналъ смѣяться и шутить. Разказами его, и весьма занимательнымъ, не было конца, и мнѣ кажется, ни одного путешествія я такъ скоро не совершилъ. До Саранска и далѣе, до самой границы Пензенской губерніи, проворно закладывали намъ лошадей, служивали намъ и, какъ передъ дофиномъ Пензенскимъ, снимали передо мной шапки. Подъѣзжая къ Арзамасу, пренебреженіе къ проѣзжимъ, мальчику и Французу, сдѣлалось очень примѣтно; я гнѣвался, а Французъ хохоталъ, рассуждая о превратностяхъ міра и паденіи царствъ. По дорогѣ отъ Пензы до Москвы, на Муромѣ и Владимирѣ я столько разъ потомъ проѣзжалъ, что описаніе ея мнѣ кажется столь же мало любопытно, какъ разсказъ о путешествіи съ Невскаго проспекта на Крестовскій островъ.

Въ Москвѣ нашелъ я сестру и зятя, поселившихся почти за городомъ. Не все же было хорошо при обожаемой мною Екатери-нѣ: не довольствуясь отнятіемъ имѣній у монастырей (чѣмъ уменьшились, едва ли не уничтожились власть и вліяніе духовенства, а слѣдственно уваженіе къ нему), князь Потемкинъ нанесъ при ней святотатственную руку на самое существованіе многихъ изъ обителей; въ томъ числѣ упразднены были въ Москвѣ знаменитый цынѣ Симоновъ, и прежде Крутицкій монастыри. Сей послѣдній долго былъ мѣстопробываніемъ епархіальнаго архіерея, коему вмѣстѣ съ епархіей давалъ даже свое имя *). Опустѣвшія кельи его об-

*) Нищета составляетъ силу возникающихъ сектъ и религій; но постепенно умножающаяся бѣдность церкви, нѣкогда могущественной и богатой, доказываетъ упадокъ самой вѣры. Зачѣмъ же потрясать алтарь въ Россіи, гдѣ онъ всегда былъ и есть самая твердая, надежнѣйшая опора трона, до того, что понятія объ нихъ сливаются въ названіи престола, обоямъ присвоеннаго? Это и преступленіе, какъ говорилъ Талейранъ, это и политическая ошибка.

ращены были въ казармы полицейскихъ драгунъ. Изъ нихъ сформировалъ Алексѣевъ два эскадрона и былъ назначенъ ихъ командиромъ. Они служили менѣе для пользы, чѣмъ для украшенія полиціи, и были потѣхой для ихъ начальника, который отъ полицейскихъ заботъ отдыхалъ, научая ихъ кавалерійской службѣ. Очень порядочные дворяне соглашались вступитъ въ сіи эскадроны и носить бѣлый султанъ, коимъ украшались офицеры; промотавшіеся, буйные, молодые купчики плѣнялись также высокими касками, и многіе входили въ нихъ рядовыми. Алексѣевъ баловалъ ихъ, приголубливалъ, иныхъ производилъ въ унтеръ-офицеры, всячески приманивалъ и составилъ изъ того что-то весьма красивое.

Помѣщенія внутри монастыря для него самого не было: архіерейскія келья отдалъ онъ офицерамъ. Но лѣтомъ какъ можно менѣе хотѣлъ онъ разставаться съ своими любезными эскадронами, и потому близко отъ нихъ занялъ онъ пустой, невысокій, деревянный домъ, съ обширнымъ садомъ, принадлежащій отсутствующему его пріятелю князя Жевахову. Туда перевезъ онъ жену и дѣтей, и тамъ нашелъ я ихъ.

Тамъ же провелъ я все лѣто, могу сказать, въ нѣдрахъ природы и полиціи. Оно прошло для меня быстро, слѣдственно чрезвычайно пріятно: я полюбилъ долгія уединенныя прогулки, которыя мнѣ уже не возбранялись. Крутицы находятся между Новоспасскимъ монастыремъ и Симоновымъ, въ равномъ почти разстояніи какъ отъ того, такъ и отъ другаго; въ семь пространствъ обыкновенно заключались мои прогулки. Во мнѣ родились новыя чувства, которымъ не было имени; я любилъ безъ предмета, желалъ безъ цѣли, наслаждался безъ всякой чувственности, думалъ безъ мыслей, столь же мало какъ птица, которая летаетъ по ясному небу. Какъ назвать это, сумасшествіемъ или мечтательностію? Знаю только, что мнѣ было очень хорошо и что ничего подобнаго никогда уже послѣ я не ощущалъ. Я полагаю, что это было лихорадочное состояніе самой первой молодости, какой то избытокъ жизни, безъ всякой причины, безъ всякаго потрясенія готовый на все изливаться. Не въ состояніи будучи выразить того, чтò я чувствовалъ тогда, пусть позволено мнѣ будетъ сказать нѣсколько словъ о мѣстахъ, кои были свидѣтелями моего страннаго блаженства.

Пространство, занимаемое бывшимъ Крутицкимъ монастыремъ, очень велико; монахи насадили внутри стѣнъ его прекрасную липовую рощу, а затѣмъ остается еще, также внутри ограды, довольно обширная площадь, чтобы дѣлать на ней кавалерійское ученье. Двойные ворота, служившіе ему входомъ, съ маленькою церковью надъ ними, украшены и понынѣ множествомъ каменныхъ столбчиковъ, на коихъ

искусно высѣчены вѣтви, листья и птицы, покрытые зеленою и другими красками. Новая, большая церковь стоитъ у самаго входа и обращена въ приходскую; старая же соединялась съ бывшими архіерейскими вельями посредствомъ открытой галереи или переходовъ, также поддержанныхъ кручеными столбчиками, съ навислыми между ними сосульками; но все это не каменное, а муравленое, облитое разноцвѣтною глазурью *). Чудо какъ это было хорошо! Но безъ всякаго присмотра все это билось, ломалось, портилось. Въ самой же церкви сдѣланъ былъ шейгаузъ. Я полюбопытствовалъ разъ заглянуть туда и, не смотря на мою молодость, смутился духомъ: отъ верху до низу стѣны сохраняли еще изображенія святыхъ угодниковъ, а внутренность завалена сукнами и кожами; на сохранившемся каменномъ алтарѣ, о срамъ, о ужасъ! лежали сѣдла и уздечки. Такой вандализмъ, что право хотъ бы въ революціонной Франціи.

Съ Новоспасскимъ монастыремъ почти соединяется бывший Крутицкій примыкающею къ нему слободкою, а отъ Симонова отдѣлялся тогда длиннымъ полемъ, нынѣ частію застроеннымъ. Симоновская обитель едва начинала тогда вновь подыматься; она все еще казалась опустѣвшею: такъ мало иноконъ еще въ ней собралось. Какъ часто, среди тишины ея, даже въ сумерки, бродилъ я между могильными камнями, безъ робости и печали, а съ какимъ-то душевнымъ спокойствіемъ! Самая смерть въ глазахъ моихъ не имѣла тогда ничего угрюмаго. Мнѣ неизвѣстны были историческія лица двухъ героев-отшельниковъ. Ослаби и Пересвѣта, похороненныхъ въ старомъ Симонѣ, во ста саженьяхъ отъ новаго; но кто въ Москвѣ не зналъ вымышленнаго лица Бѣдой Лизы? И я не рѣдко посѣщалъ Лизинъ прудъ. Повѣсть Карамзина привлекала чувствительныхъ къ нему на поклоненіе; она первая указала на красоту Симоновскихъ видовъ, открыла вновь дорогу къ забытымъ стѣнамъ его и, вѣроятно, подала мысль о его воскресеніи.

Впрочемъ, не всегда мечтательнымъ, но иногда и положительнымъ, грубымъ наслажденіямъ я предавался. Получивъ не задолго передъ тѣмъ, за открытіе большаго заведенія фальшивыхъ ассигнацій, Аннинскій крестъ на шею, зять мой праздновалъ сіе важное, по тогдашнимъ понятіямъ, для него событіе веселымъ пиршествомъ, и жалѣлъ, что не могъ угостить начальника своего, графа Салтыкова, который съ своею графиней и семействомъ уѣхалъ на все дѣло въ Петербургъ. Случалось, что полиція съ нами любезничала, дѣлая маленькія иллюминаціи въ рошѣ и маленькіе фейерверки въ полѣ. Иногда

*) Нѣмецъ баронъ Боде сказывалъ мнѣ, что для возобновленія и украшенія Брехлевскихъ теремовъ бралъ онъ за образецъ единственно Крутицы.

пѣсельники, балалаешники, плясуны, такого рода потѣхи, которыя пріятны только лѣтомъ на открытомъ воздухѣ, забавляли насъ. Иногда въ слѣдъ за этими самыми пѣсельниками, въ темную ночь, спускались мы къ Москвѣ-рѣкѣ и слушали, какъ, съ рожками разѣзжая въ лодкахъ, они оглашали берега ея. Въ день Преображенія Господня и Успенія Богоматери, вся Москва пѣшкомъ, верхомъ, въ каретахъ и телѣгахъ, подымалась на гулянье вокругъ сосѣднихъ съ нами монастырей.

Просрочивъ и опасаясь грубостей Бантыша-Каменскаго, я не спѣшилъ къ нему явиться; но онъ принялъ меня, о диво! какъ бы ни въ чемъ не бывало. Умный старикъ смѣтилъ, наконецъ, что взыскательность съ мальчиками, кои на годъ или на два записываются въ его архивъ для полученія чина, совсѣмъ неумѣстна, когда все гласить о снисходительности.

Но вмѣстѣ съ уменьшеніемъ его строгости, архивъ лишился многихъ пріятностей. Никто уже (и я въ томъ числѣ) такъ часто въ него не ходилъ: скука была ужасная, не съ кѣмъ почти было слова вымолвить. Куда дѣвались всѣ наши молодцы? Одни переселились въ спокойный уже Петербургъ подъ покровительство къ роднымъ; другіе получили мѣста при миссіяхъ; одни путешествовали за границей, другіе доучивались въ иностранныхъ университетахъ; а иные, не покидая архива, выпросились на лѣто въ деревню. Единственною для меня отрадой были встрѣчи съ двумя сослуживцами, прежнимъ Блудовымъ, и новымъ Губаревымъ. Я нашелъ, что первый чрезвычайно выросъ, потерялъ немного прежней живости (чему причины я тогда не зналъ), за то, кажется, еще болѣе поумнѣлъ; другой былъ добрый, остроумный сельчакъ, который потомъ деревенскую жизнь предпочелъ исканію почестей.

Многіе изъ жителей Москвы и оставшихся моихъ товарищей все твердили о Петербургѣ, жилищѣ свѣтозарнаго ангела, земномъ раѣ, гдѣ люди свободны, блаженствуютъ и трудятся единственно только для добра. Очарованіе все еще длилось. Вѣнчаный юноша уже хладѣлъ въ пламенныхъ объятіяхъ Россіи, уже невѣрные взоры его съ любовію обращались къ Западу; а ея восторги не истощились. Всѣ завидовали тѣмъ счастливымъ, кои, служа въ столицѣ, могли участвовать въ великихъ гражданскихъ подвигахъ, преднамѣреваемыхъ царемъ. Увы, несчастный! Зачѣмъ увлекся я общею молвою! Зачѣмъ послушали меня родители! Зачѣмъ вице-канцлеръ исполнилъ ихъ желаніе! Около половины Августа причисленъ я къ дѣламъ коллегіи, съ тѣмъ чтобы, по прибытіи въ Петербургъ, поступить въ канцелярію князя Куракина.

Я бы могъ спокойно жить въ безпечной Москвѣ; изрѣдка повышаемый въ чинахъ, я бы до сѣдыхъ волосъ могъ оставаться архив-

нымъ юношей. Въ старикѣ Каменскомъ привычка обращалась въ чувство; я бы сталъ копаться съ нимъ въ древнихъ рукописяхъ и могъ бы сдѣлаться полезнымъ ему сотрудникомъ. А если бы недостаточное состояніе понудило меня искать содержанія болѣе выгоднаго, то сколько мѣстъ въ Москвѣ, гдѣ служба—продолжительный, пріятный сонъ! Кремлевская Экспедиція, Почтамтъ, Опекунскій Совѣтъ и другія. Нѣтъ, всею будущиностью, спокойствіемъ всей жизни пожертвовалъ я честолюбію, которое велѣли мнѣ имѣть и котораго даже во мнѣ не было. Кто знаетъ? Не столь разборчивый, я могъ бы встрѣтить скромную, тихую дѣву, безъ причудъ и шумихи Петербургскаго воспитанія; я былъ бы ею счастливъ, а она мною. Въ благорастворенномъ климатѣ, ближе къ природѣ, можетъ быть я полюбилъ бы сельскую жизнь, малый недостатокъ жены соединивъ съ собственнымъ; врожденною моею бережливостію я могъ бы ихъ умножить; семейство, научаемое мною умѣренности, наслѣдовало бы моему скромному счастью, и нынѣ ясный день тихо догоралъ бы для меня. Но нѣтъ! На путь жестокихъ испытаній круто своротила меня судьба съ той мирной стези, которую указывали мнѣ и природныя склонности, и положеніе; въ коемъ я находился.

И что же? Много ли я выигралъ передъ тѣми, кои никогда не знали Петербургской службы? То я прыгалъ, то долженъ былъ на время останавливаться; а они спокойно шли ровнымъ, тихимъ шагомъ, и отъ меня не отставали. И чтò за жизнь моя была, о Боже! Почти вся она протекла среди болотъ Петрограда, гдѣ воздухъ физически стольже заразителенъ, какъ нравственно. Сколько нуждъ перенесъ я въ семь городѣ! Какъ постоянно рвался я изъ него! И въ преклонныхъ лѣтахъ еще осужденъ я влачить въ немъ тяжелыя оковы службы.

Но мнѣ ли роптать? Ахъ, нѣтъ! Благодарю Тебя, Господи: по волѣ Твоей, необыкновенный, низкій жребій мнѣ выпалъ. Во тьмѣ заблужденій, въ кою ввергнута была моя неопытная, праздная молодость, никогда не переставали свѣтить мнѣ честь и вѣра, и голосъ совѣсти моей, иногда мучительный, никогда не умолкалъ. Близъ четверти столѣтія поставленъ я въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ врагами моей отчизны: то съ иностранцами, коихъ она обогащаетъ и коихъ ненависть возрастаетъ по мѣрѣ ея благодѣяній, то съ неблагодарными единовѣрцами, для коихъ она должна быть свѣтиломъ и упованіемъ; то съ единокровными ея злодѣями, нѣкогда случайно отторгнувшими ея области и насильственно водворившими въ нихъ чуждую ей вѣру, но болѣе всего съ безразсудными ея сынами, не постигающими истинныхъ ея и собственныхъ своихъ пользы и славы. Почти съ перваго шага осмѣлился я вступить не въ скрытый, но въ явный съ ними бой;

Часто, часто изнемогалъ я подъ ихъ ударами; иногда долженъ былъ бѣжать отъ однихъ и вдругъ являлся передъ другими. Благонамѣренное, благотворное мнѣ начальство само скучало иногда неблагоразумнымъ моимъ рвеніемъ, готово было отступить отъ меня и предать на произволь обстоятельствъ, но чѣмъ-то было удерживаемо. Недостатокъ въ знаніи, разстроенное здоровье, часто слѣдствіе его — недостатокъ въ дѣятельности, хитрость и сила враговъ, ничто не изумляло меня, ничто не пугало. Нѣтъ сомнѣнія, что паденіе мое близко; но я еще не погибъ, но я все еще стою, одинъ, цѣль и невредимъ. Кто же сіялъ мнѣ въ пропасти? Кто говорилъ мнѣ языкомъ совѣсти моей? Кто спасалъ меня отъ видимыхъ и невидимыхъ силъ? Тотъ, Котораго всегда осмѣливаюсь называть я Русскимъ.

Пусть услышитъ Онъ мольбу благодарнаго и утомленнаго существа! Буди Его воля, если мнѣ суждено до конца дней моихъ мучительно бороться! Но умилосердись, о Боже, пошли конецъ моимъ страданіямъ! Какъ одержимымъ тяжкими болѣзнями, дай вкусить мнѣ предсмертное спокойствіе хотя на малое время; дай окончить мнѣ жизнь и уснуть вѣчнымъ сномъ въ нѣдрахъ праотца или праматери городовъ Россійскихъ, въ Москвѣ или въ Кіевѣ, въ виду священнаго Кремля или лавры Печерской, вдали отъ Татарской, ненавистой мнѣ Пензы, отъ Фипскаго, постылаго мнѣ Петербурга!

Въ немъ начинается совершенно новая для меня эпоха жизни, чрезвычайно важная для самой Россіи, эпоха нововведеній, все перепортившихъ улучшеній. Я намѣренъ описать ее въ слѣдующихъ уже не главахъ, а томахъ, если достанетъ у меня на то времени, здоровья и терпѣнія. Мнѣ нетрудно было изобразить первые годы моей жизни. Переносясь въ сіе отдаленное время, я начиналъ вновь существовать, живость воспоминаній оживляла мой рассказъ; но отсель смѣхъ и шутка должны рѣже показываться въ моемъ повѣствованіи. Я перестаю уже быть мальчикомъ, живу въ одиночествѣ, имѣю собственную волю, дѣйствую по собственному разуму, смотрю внимательно на ходъ общественныхъ дѣлъ, однимъ словомъ становлюсь гражданиномъ. Въ описаніи предметовъ болѣе важныхъ, не знаю, будетъ ли мнѣ столько удачи?

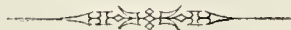
Въ послѣдній разъ сопровождаемъ я былъ спасительнымъ обо мнѣ попеченіемъ моего семейства; мнѣ не дозволили ѣхать одному. Старшій братъ мой Павелъ, за болѣзнію, опять оставилъ службу; его прислали изъ Пензы въ Москву, чтобъ отвезти меня и устроить на новомъ жительство. Мы отправились 31 Августа, а 4 Сентября 1802 года прибыли въ Петербургъ.

ЗАПИСКИ
ФИЛИПА ФИЛИПОВИЧА
ВИГЕЛЯ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ИЗДАНИЕ «РУССКАГО АРХИВА».

(СЪ ПОДЛИННОЙ РУКОПИСИ).

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульваръ.

1892

(1802 г.)

I.

Мы остановились въ «Лондонѣ», въ одномъ изъ двухъ только извѣстныхъ тогда трактировъ и заѣзжихъ домовъ, изъ коихъ другой, Демуровъ, принадлежащій къ малому числу древностей столѣтняго Петербурга, одинъ еще не тронуть съ мѣста и не перестроенъ.

Большой живости не было замѣтно. Городъ только черезъ десять лѣтъ началъ такъ быстро наполняться жителями; тогда еще населеніемъ онъ не былъ столь богатъ; обычай же проводить лѣто на дачахъ въ два года между всѣми классами уже распространился: съ нихъ не успѣли еще переѣхать, и Петербургъ казался пустъ.

Но если по наружности не было замѣтно большаго движенія, то въ правительственныхъ мѣстахъ и канцеляріяхъ была тогда большая дѣятельность; ибо 8 Сентября изданъ достопамятный указъ объ учрежденіи министерствъ.

Дворъ находился тогда въ Гатчинѣ, и потому-то мы не нашли ни генераль-прокурора Беклешова, къ которому братъ имѣлъ порученіе отъ отца, ни вице-канцлера князя Куракина, къ которому я ходилъ являться. По странному стеченію обстоятельствъ, пріѣздъ мой былъ вторично какъ будто сигналомъ удаленія для Беклешова; меня же другой разъ встрѣтили въ Петербургѣ обманутыя надежды.

Съ учрежденіемъ министерствъ можно сказать уничтожался весь прежній ходъ дѣлъ въ государствѣ и устанавливался совершенно новый. Упрямство ли или дальновидность стариковъ заставляла ихъ всѣми силами противиться опаснымъ, по мнѣнію ихъ, перемѣнамъ. Ихъ представили какъ людей, правда, опытныхъ, но искусныхъ только на практикѣ, безъ единой государственной, созидательной мысли. Всѣ они поспорили и покорились необходимости; одинъ Беклешовъ вышелъ въ отставку. Князя Куракина, кажется, не спросясь уволили отъ управленія Иностранною Коллегіей и утѣшили его тщеславіе званіемъ канцлера Россійскихъ орденовъ, что почиталось тогда въ гражданской службѣ самымъ высшимъ мѣстомъ *).

*) Тогда еще не было Государственнаго Совѣта и его предсѣдателя.

О неудобствахъ, о вредныхъ послѣдствіяхъ сего важнаго событія, по крайней мѣрѣ по моему мнѣнію пагубнаго для Россіи, долженъ я буду часто, почти безпрестанно, говорить въ сихъ Запискахъ. Здѣсь ограничусь объясненіемъ, какъ умѣю, въ чемъ состояла разница между старымъ и новымъ порядкомъ вещей.

Кажется, простой разсудокъ въ самодержавныхъ государствахъ указываетъ на необходимость коллегіальнаго управленія. Тамъ, гдѣ верховная, неограниченная власть находится въ однихъ рукахъ, и гласъ народа, чрезъ представителей его, не можетъ до нея доходить, власть главныхъ правительственныхъ лицъ должна быть умѣряема совѣщательными сословіями, составленными изъ мужей болѣе или менѣе опытныхъ. Если сужденія ихъ, споры, даже несогласія нѣсколько замедляютъ ходъ дѣлъ: за то передъ государемъ они одни только обнажаютъ истину, выказываютъ ему способныхъ людей для каждаго мѣста и такимъ образомъ облегчаютъ ему выборы. Такъ было въ Россіи до Петра Великаго. Приказы, думы, суды превратились при немъ въ коллегіи; число ихъ умножилось: перемѣнились названія, но не измѣнился существовавшій порядокъ. Предъ обновленною имъ древностію благоговѣли всѣ его преемники до Александра.

Молодость сего государя, по образу мыслей, данному ему воспитаніемъ и по внушеніямъ почти столь же юныхъ совѣтниковъ, пренебрегла опытомъ вѣковъ.... Необходимо будетъ кратко и рѣзко изобразить новыя лица, которыя выступаютъ на сцену.

Всѣхъ старѣе если не лѣтами, то чиномъ, былъ графъ Кочубей, родной племянникъ умершаго канцлера князя Безбородки. Чтобы составить геній одного человѣка, натура часто принуждена бываетъ отобрать умственные способности у всего рода его. Такъ поступила она съ великимъ Суворовымъ и славнымъ Безбородкой. Окнувъ взоромъ всѣхъ ближнихъ и дальнихъ родственниковъ, покойный канцлеръ въ одномъ только изъ нихъ замѣтилъ необыкновенный умъ, то-есть что-то на него самого похожее: смѣтливость, чудесную память и гордую таинственность; и племянника своего, Виктора Павловича, предназначилъ быть преемникомъ счастья своего и знаменитости. Ничего не пощадивъ на его воспитаніе, въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ отправилъ онъ его въ Лондонскую миссію, къ искусному дипломату, посланнику нашему графу Воронцову, на выучку. Оттуда прямо, черезъ нѣсколько лѣтъ, нашелъ онъ средство, съ чиномъ камергера, перевести его самаго посланникомъ въ Константинополь. До смерти своей сохранивъ при Павлѣ неограниченный кредитъ, онъ сначала вызвалъ его оттуда членомъ Иностранной Коллегіи, а потомъ, въ короткое время, успѣлъ доставить ему графское достоинство и званіе вице-канцлера. Одинъ,

безъ дяди, при Павлѣ, Кочубей долго не могъ оставаться и, какъ многіе другіе, былъ сосланъ въ деревню.

Въ царствованіе Александра надобно уже было ему жить собственнымъ умомъ; ему было тогда не съ большимъ тридцать лѣтъ. Онъ пренебрегъ обыкновенными ничтожными занятіями дипломатовъ, по большей части сплетнями хорошаго тона, и хотѣлъ посвятить себя внутреннему преобразованію государства. Передъ соотечественниками ему было чѣмъ блеснуть: онъ лучше другихъ зналъ составъ парламента, правá его членовъ, прочиталъ всѣхъ Англійскихъ публицистовъ и, какъ львенокъ Крыловой басни, собирался учить звѣрей вить гнѣзда. Красивая наружность, иногда молчаливая задумчивость, испытующій взглядъ, надменная учтивость—были блестящія завѣсы, за кои искусно пряталъ онъ свои недостатки, и имя государственнаго человѣка принадлежало ему, когда еще ничѣмъ онъ его не заслужилъ.

Другой сообщникъ въ важномъ предпріятіи былъ тайный, непримиримый врагъ Россіи, слишкомъ извѣстный потомъ, измѣнникъ Чарторыйскій. Изступленнымъ патріотизмомъ его мать заслужила отъ Поляковъ названіе *матки ойчизны*; въ объятіяхъ этой матки, Польской Юдиои, Русскій Олофернъ нашъ, князь Репнинъ, не потерялъ, однакоже, головы, и ойчизну ея, когда былъ посломъ въ Варшавѣ, заставлялъ трепетать передъ собою. Князь Адамъ былъ плодомъ всѣмъ извѣстнаго сего чудовищнаго союза. Съ малолѣтства налитанный чувствами жесточайшей ненависти къ истинному своему отечеству, онъ посвященъ былъ его же служенію. Нѣсколько времени находился онъ адъютантомъ при Александрѣ Павловичѣ, когда тотъ былъ наслѣдникомъ престола, умѣя угодить ему, и составленную съ нимъ связь сохранилъ почти всю жизнь его. При его воцареніи вызванъ онъ былъ изъ Рима, гдѣ находился посланникомъ нашимъ при Сардинскомъ королѣ, который, лишившись Пиемонта, не очень спѣшилъ отправиться въ Сардинію. Чтобы сойтись съ другими любимцами царя, надобно было ему притвориться англоманомъ, чтó ему небольшого стоило. Кромѣ зла, не могъ онъ желать Россіи, и участіе его въ замышляемомъ ея преобразованіи, по крайней мѣрѣ, показываетъ въ немъ много ума.

Третій соучастникъ былъ двадцатидевятилѣтній Павелъ Строгановъ, единственный сынъ графа Александра Сергѣевича, извѣстнаго покровителя художествъ и Музъ. Совершеннымъ мальчикомъ видѣлъ онъ въ Парижѣ ужасы революціи и былъ въ восхищеніи отъ сего народнаго волкана. Съ трудомъ могли его извлечь оттуда и перевести въ Лондонъ, гдѣ глазамъ его представилось другое зрѣлище. Тамъ увидѣлъ онъ блестящій призракъ свободы, коимъ искусный деспотизмъ

лордовъ тѣшилъ народъ, и еще болѣе плѣвился; и молодой Русскій лордъ долго еще потомъ бредилъ Англiей. Прiятное лицо и любезный умъ жены его сблизили съ нимъ императора Александра, а ея добродѣтель не могла его послѣ разлучить съ нимъ. Ума самаго посредственнаго, онъ могъ только именемъ и фортуною усилить свою партiю.

Весьма еще нестарый морякъ былъ тогда уже контръ-адмираломъ. Онъ симъ обязанъ былъ не собственнымъ заслугамъ, а славъ отца, одержавшаго надъ Шведами знаменитую морскую побѣду. Имя Чичагова, прославленное отцомъ, впоследствии осквернено было сыномъ. Онъ также въ душѣ былъ Англичанинъ, въ Англiи учился мореплаванiю и женатъ былъ на Англчанкѣ. Въ послѣднiе дни царствованiя Павла, смѣлые, даже дерзкiе отвѣты его нетерпѣливому деспоту, за которые засажень былъ онъ въ крѣпость, приобрѣли ему общее уваженiе, которое сохранилъ онъ, пока другой извѣстности не имѣлъ. Суровость моряка, въ соединенiи съ надменностiю Англичанина, сдѣлала его потомъ ненавистнымъ для Русскихъ; послѣднiй же его подвигъ заставилъ ихъ всѣхъ презирать его. Проклиная Россiю, оставилъ онъ ее навсегда и съ лихвою платитъ ей за ненависть и презрѣнiе, коими она его обременяетъ. Онъ былъ въ числѣ затѣйниковъ, которые думали устроить счастье ея на прочномъ основанiи.

Всѣхъ старѣе лѣтами и, конечно, всѣхъ выше умомъ былъ Николай Николаевичъ Новосильцовъ. Будучи сыномъ побочной сестры стараго графа Строганова, онъ-то въ Парижѣ ѣздилъ выручать молодого, и сей услугой еще болѣе скрѣпилъ родственныя связи съ дядей. Это было не одно путешествiе, которое на его счетъ дѣлалъ онъ за границу. Англiя совершенно обворожила его; въ ней только могла утолиться жажда его къ познанiямъ, какъ и всякаго другаго рода его жажда. Тамъ увидѣлъ онъ, что великiй развратъ не мѣшаетъ быть великимъ человѣкомъ и, кажется, Фокса взялъ онъ себѣ за образецъ. Отчизну портера и эля, гдѣ не родятся, а лютуютъ мадера и портвейнъ, гдѣ опрятность и роскошь у самыхъ грубыхъ наслажденiй отнимаютъ все чтѣ есть въ нихъ отвратительнаго, сiю землю въ тайнѣ сердца избралъ онъ своимъ отечествомъ. Онъ числился въ армiи подполковникомъ и оставилъ службу велѣдъ за смертiю Екатерины. При Александрѣ, который прежде его зналъ, сдѣланъ онъ былъ тотчасъ камергеромъ и статсъ-секретаремъ. Молодой царь видѣлъ въ немъ умнаго, способнаго и свѣдущаго сотрудника, веселаго и прiятнаго собесѣдника, преданнаго и откровеннаго друга, паче всѣхъ другихъ любилъ его и помѣстилъ у себя во дворцѣ. Его друзья держались имъ болѣе всего и чрезъ его посредство только могли дѣйствовать на Государя.

И вотъ люди, которые, едва достигнувъ зрѣлости, хотѣли быть опекунами Россіи и брались ее перевоспитывать. Нѣтъ сомнѣнія, что они не могли бы имѣть такого успѣха, еслибъ самъ Царь не имѣлъ склонности подражать всему Англинскому. Его воспитаніе было одною изъ великихъ ошибокъ Екатерины. Образование его ума поручила она Женевцу Лагарпу, который, оставляя Россію, столь же мало зналъ ее, какъ и въ день своего пріѣзда и который карманную республику свою поставилъ образцомъ правленія будущему самодержцу величайшей имперіи въ мірѣ. Идеями, которыя едва могутъ развиваться и созрѣть въ головѣ двадцатилѣтняго юноши, начинили мозгъ ребенка, котораго женили ранѣе шестнадцати лѣтъ. Не разжевавши ихъ, можно сказать, не переваривши ихъ, призвалъ онъ ихъ себѣ на память въ тотъ день, въ который началъ царствовать. Иногда у себя спрашиваешь: что было бы съ красотою его души, еслибъ любовь къ отечеству сохранила ее, еслибъ ея не исказило безотчетное пристрастіе къ иноземному? И гдѣ бы тогда въ лѣтописяхъ найти подобнаго ему царя?

Со временъ Петра Великаго судьба велитъ Россіи покорствовать которому-нибудь изъ государствъ или народовъ Европейскихъ и поклоняться ему, какъ идолу. Чтобъ угодить Петру, надобно было сдѣлаться Голандцемъ; Германія владычествовала надъ нами при Аннѣ Иоанновнѣ и Биронѣ; при Елисаветѣ Петровнѣ появился Лашетарди, и начались соблазны Франціи; они умножились и усилились страстію Екатерины Второй къ Французской литературѣ и дружбою ея съ философами восемнадцатаго вѣка. Петръ III-й и Павелъ I-й хотѣли сдѣлать насъ Прусаками; въ первые годы Александрова царствованія Англія была нашею патроншей. Ужъ не Польша-ли стѣновится нашимъ кумиромъ?

Изъ-за пентархіи, мною описанной, какъ будто скрываясь, выглядывалъ Сперанскій. Сіе ненавистное имя въ первый разъ еще является въ сихъ Запискахъ. Человѣкъ сей быстро возникъ изъ ничтожества. Сынъ сельскаго священника, возросшій подъ сѣнію алтарей, онъ воспитывался сперва во Владимирской семинаріи и учился потомъ въ Александроневской Духовной Академіи. Духъ гордыни рано имъ овладѣлъ; какъ падшіе ангелы, тайно возставалъ онъ противъ самаго Бога и въ первой молодости уже отвергалъ бытіе Его. А между тѣмъ невѣрующій сей дѣлалъ удивительные успѣхи въ богословскихъ наукахъ, и врагъ церкви приготавлился быть ея служителемъ. Въ лѣта непорочности и чистосердечія пріучалъ онъ такимъ образомъ лживыя уста свои выражать то, чего онъ не думалъ. Можетъ быть, оставаясь въ духовномъ званіи, келейная жизнь дала бы другое направленіе его

мыслямъ, и демонъ, вынужденный хвалить Господа, убѣдился бы, наконецъ, въ истиннахъ, кои обязанъ былъ вседневно возвѣщать. Но случайно онъ былъ перенесенъ на сцену мірской жизни.

Меньшой братъ князя Куракина, Алексѣй Борисовичъ, хотѣлъ единственнаго сына своего воспитаніемъ приготовить къ занятію со временемъ одного изъ высшхъ мѣстъ въ государствѣ и для того просилъ митрополита Гавріила выбрать ему наставника изъ студентовъ или магистровъ Духовной Академіи. Онъ прислалъ ему двухъ, изъ коихъ предпочтенъ Сперанскій *). Въ сей новой сферѣ угождалъ онъ отцу, нравился матери, баловалъ сына и прельщеніями очищалъ себѣ дорогу къ будущимъ успѣхамъ. Онъ причисленъ къ экспедиціи казначейства, коею управлялъ князь Куракинъ; когда же сей послѣдній при Павлѣ сдѣланъ генераль-прокуроромъ и пробылъ имъ два года, то можно себѣ представить, какъ побѣждалъ онъ по ступенямъ почестей. При трехъ преемникахъ Куракина, князѣ Допухинѣ, Беклешовѣ и Оболяниновѣ, былъ онъ также дѣятельно употребленъ и награждаемъ, но не имѣлъ главнаго вліянія на дѣла.

Фортуны его сдѣлалъ графъ Паленъ, человекъ столь же мало, какъ и онъ, проникнутый свѣтомъ христіанской морали. Находясь въ канцеляріи генераль-прокурорской, онъ въ то же время былъ правителемъ канцеляріи какой-то комиссіи о снабженіи резиденціи припасами, коей Паленъ былъ президентомъ, по званію военнаго губернатора. Имъ былъ онъ представленъ молодому императору, который тотчасъ же сдѣлалъ его своимъ статсъ-секретаремъ. Замѣтивъ склонность Александра къ нововведеніямъ, онъ предложилъ, какъ первый опытъ, раздѣленіе дѣлъ тогдашняго Императорскаго Совѣта на экспедиціи и взялъ одну изъ нихъ въ свое управленіе.

Никто изъ пяти преобразователей не умѣлъ ничего написать. Сперанскій предложилъ имъ искусное перо свое и, принимая видъ, какъ будто собираетъ ихъ мнѣнія, соглашаетъ ихъ, приводитъ въ порядокъ, дѣйствительно одинъ составилъ проектъ учрежденія министерствъ. Тутъ увидѣлъ онъ всю пустоту претензій людей, почитавшихъ себя у насъ государственными, узналъ все ихъ ничтожество, опытность старцевъ и зрѣлыхъ мужей презиралъ, уважалъ одну только ученость, въ этомъ отношеніи на гражданскомъ поприщѣ рав-

*) Оба брата Куракины любилъ показывать пышность. За двумя студентами послана была цугомъ великолѣпная четверомѣтная карета съ гербами и ливрейными лакеями. Неопытный въ дѣлахъ свѣта, Сперанскій, говорятъ, до того изумился, что бросился становиться на запятыи и рѣшился сѣсть въ карету, послѣдуя только примѣру своего товарища, болѣе смѣлаго.

ныхъ себѣ не видѣлъ и съ тѣхъ поръ пріучился ставить себя выше всѣхъ.

Въ высокихъ, блестящихъ качествахъ ума никто, даже его враги, ему никогда не отказывали. Не смотря на безнравственность его правилъ (хотя и не поведенія), въ другихъ обстоятельствахъ, въ другое время, онъ могъ бы оказать чрезвычайныя услуги государству и пользоваться чистою славой. Онъ былъ еще молодъ, спѣшилъ блеснуть, и въ торопяхъ не нашель ничего лучшаго, какъ списать точь-въ-точь учрежденіе министерствъ, коимъ Французская Директорія надѣялась поболѣе людей привязать къ своему существованію, со всѣмъ преувеличеннымъ его содержаніемъ, со всѣмъ излишествомъ должностей. Въ немъ признали творца, точно также какъ предки наши, не знавшіе Корнеля и Расина, дивились изобрѣтательности Сумарокова и Княжнина. Потомство будетъ умѣть оцѣнить созданія Сперанскаго.

Хотя онъ (пусть простятъ мнѣ сіе простонародное выраженіе) и корчилъ иностранца, но въ немъ замѣтна была отличительная черта истинно-Русскаго человѣка: онъ не зналъ мести, не умѣлъ ненавидѣть. Но за то никто изъ его соотечественниковъ, даже самъ Потемкинъ, такъ глубоко не умѣлъ все презирать, съ тою только разницей, что онъ умѣлъ дѣлать сіе непримѣтно. Я полагаю, что это происходило отъ совершеннаго равнодушія ко всему, кромѣ самого себя и своихъ твореній. Онъ не любилъ дворянства, коего презрѣніе испыталь онъ къ прежнему своему состоянію; онъ не любилъ религіи, коей правила стѣсняли его дѣйствія и противились его обширнымъ замысламъ; онъ не любилъ монархическаго правленія, которое заслоняло ему путь на самую высоту; онъ не любилъ своего отечества, ибо почиталь его не довольно просвѣщеннымъ и его недостойнымъ. Тайный недругъ православія, самодержавія и Руси, и въ ней особенно одного сословія, онъ однакоже ихъ не ненавидѣлъ, въ будущемъ довольствуясь мысленно ихъ паденіемъ, не истребленіемъ. Никто никогда ни въ чемъ не могъ его уличить; но кто зналъ его характеръ и правила, тотъ изъ дѣйствій его могъ вывести достовѣрное заключеніе, что всѣ они направлены къ сей отдаленной цѣли. Когда сей зловѣщій духъ показался на нашемъ горизонтѣ, никто его не понялъ; всѣ любили, ласкали его, дивились ему, даже гордились имъ, для всѣхъ былъ онъ надежа-Сперанскій. Неблагодарный! И онъ могъ не любить своего отечества? Только въ послѣдствіи, когда воспарилъ онъ гораздо выше и заключился въ самомъ тѣсномъ кругу, когда онъ окружилъ себя какою-то таинственною, непроницаемою атмосферой, тогда только открылось поле для догадокъ и невыгодныхъ объ немъ толковъ.

Онъ имѣлъ лицо весьма пріятное и близку молочнаго цвѣта. Голубые взоры его ни на что не устремлялись, никогда не блуждали, никогда не потупывались, но, медленно поворачиваясь въ сторону, какъ будто избѣгали встрѣчи съ другими взорами *); голосъ его былъ тихъ и нѣсколько протяженъ, улыбка привужденно-гасковая. Въ одѣвѣнн, въ образѣ жизни старался онъ прилаживаться къ господствовавшему вкусу. Къ счастью его, былъ онъ жевать на дѣвицѣ Стивенсъ, дочери бывшей Англійской гувернантки въ домѣ графини Шуваловой; онъ ея лишился, но сохранилъ много изъ привычекъ ея земли. Напримѣръ, тогда уже завтракалъ онъ въ одиннадцать часовъ, и завтракъ его состоялъ изъ брѣвнаго чая, хлѣба съ масломъ, тонкихъ ломтей ветчины и вареныхъ яицъ. Онъ не звалъ по-англійски; умѣлъ однакоже говорить маленькой дочери своей, внѣшней Толстой-Багрѣевой: *my dear, my pretty child, my sweet girl*. Лѣтомъ думалъ онъ вздти верхомъ, едва держась на ялячѣ съ отрубленнымъ хвостомъ. Вотъ единственно смѣшная его сторона, которую неохотно я представилъ: мнѣ не хотѣлось бы ничего въ немъ видѣть смѣшнаго, а одно удивляющее, ужасающее. Впрочемъ, можетъ-быть, и это было притворство, а не претензія.

Читатель увидитъ далѣе, что мнѣ случилось быть съ нимъ, если не въ близкихъ, то въ частыхъ отношеніяхъ. Я раздѣлялъ всеобщее къ нему уваженіе; но и тогда близъ него мнѣ все казалось, что я слышу сѣрный запахъ и въ голубыхъ очахъ его вижу синеватое пламя подземнаго міра.

Невозможно было вдругъ разрушить старое, вѣковое зданіе; надобно было впередъ вывести новыя стѣны. Три министерства, иностранныхъ дѣлъ, военное и морское, дѣйствительно, всегда существовали подъ названіемъ государственныхъ коллегій: съ другими коллегіями ихъ смѣшивать не должно. Президенты трехъ коллегій были фельд-маршальскаго чина и ходили прямо съ докладомъ къ царю; члены же ихъ, иногда втораго класса, никогда менѣе четвертаго, управляли экспедиціями (вмѣстными департаментами), на кои были раздѣлены дѣла ихъ. Прочія коллегіи не имѣли ни одинаковой съ ними важности, ни равныхъ съ ними правъ. Ихъ президенты, обыкновенно тайные совѣтники, часто и выше, посылали доклады ихъ чрезъ статсъ-секретарей. дѣйствовали, однакоже, совершенно отъ нихъ независимо и чрезъ прокуроровъ состояли только подъ наблюденіемъ генераль-прокурора. Изъ нихъ одна только медицинская передѣлана тогда въ экспедицію; прочія же коллегіи, оставаясь поны въ прежнемъ составѣ и съ прежними

*) Одна изъ умныхъ современницъ Сперанскаго говорила какъ, что глаза у него были точно у ея дѣвочкинаго ребенка (у нея ехиднати, что полнорречивый и вѣрный и вѣрный П. Б.

названіями, подчинены были вѣдомству пяти вновь учрежденныхъ министерствъ.

Слово министерство было мало употребляемо: ихъ знали болѣе подъ названіемъ департаментовъ, ибо при каждомъ министрѣ находилось ихъ первоначально не болѣе, какъ по одному. Только въ послѣдствіи, съ нѣкоторымъ уменьшеніемъ, превратились иныя въ канцеляріи, а подвѣдомственные министрамъ коллегіи образовались въ департаменты. Иные читатели полюбопытствуютъ, можетъ быть, знать составъ перваго министерства въ Россіи.

Министромъ иностранныхъ дѣлъ и государственнымъ канцлеромъ назначенъ былъ престарѣлый графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ. Послѣдняя должность, которую занималъ онъ при Екатеринѣ, было мѣсто президента комерцъ - коллегіи, гдѣ до того прославился онъ безстыднымъ грабительствомъ, что она принуждена была его выгнать, а Павелъ Первый никогда не хотѣлъ его употребить. Къ брату его, Семену Романовичу, почти двадцать лѣтъ сряду послу нашему въ Лондонѣ, любимцы государя имѣли сыновнее уваженіе; онъ же самъ былъ извѣстенъ угодливію молодымъ людямъ. Причины гоненія на него были забыты, онъ казался жертвой, былъ уменъ, сговорчивъ, на все согласенъ и, не смотря на внутреннее и наружное его безобразіе, на его неопрятность, на столь же запачканное платье, какъ и репутацію, занялъ онъ первое мѣсто въ государствѣ. Товарищемъ его назначенъ князь Адамъ Чарторыжскій.

Президенты военной и адмиралтействъ - коллегій, фельдмаршалы графъ Николай Ивановичъ Салтыковъ и Иванъ Логиновичъ Геленищевъ-Кутузовъ уволены отъ упраздняемыхъ должностей, а вице-президенты сихъ коллегій, Вязмитиновъ и Мордвиновъ, назначены министрами. Покорность къ преобладающей власти была девизомъ старика Сергѣя Кузьмича. Его доброта и честность были столь же извѣстны, какъ умъ его и дѣятельность: трудолюбіемъ и долговременною безпорочною службой единственно попалъ онъ, наконецъ, въ люди. Къ сожалѣнію, нахожденіе его въ малыхъ чинахъ при лицахъ строгихъ и не весьма вѣжливыхъ начальниковъ оставило въ немъ какое-то раболѣпство, не согласное съ достоинствомъ, которое необходимо для человѣка, поставленнаго на высокую степень. Ни Англійскаго, ни какаго другаго иностраннаго, въ немъ рѣшительно ничего не было; въ немъ также никто не могъ бы узнать и древняго Русскаго боярина, а стариннаго, честнаго, вѣрнаго и преданнаго Русскаго холопа. Это былъ не Беклешовъ, и такой человѣкъ долженъ былъ пригодиться при составленіи министерства. Товарища ему не дали, и оттого онъ долѣе могъ усидѣть на мѣстѣ; ибо генераль-адъютантъ графъ Ливень, управ-

ляющій Военною Канцеляріей при Государѣ, чаще его видѣлъ и не имѣлъ нужды быть министромъ.

Извѣстный своимъ добрымъ намѣреніями, обширными свѣдѣніями, живымъ воображеніемъ и притязаніями на прямодушіе, Николай Семеновичъ Мордвиновъ болѣе нежели когда кипѣлъ въ это время проектами. Онъ почитался нашимъ Сократомъ, Цицерономъ, Катсономъ и Сенекой. Политическій сей мечтатель, съ превыспренними идеями, съ ложными повятіями о Россіи и ея пользахъ, долженъ былъ естественнымъ образомъ сойтись въ мысляхъ съ молодыми законодателями. Къ тому же и онъ былъ женатъ на Англичанкѣ Кобле, говорилъ и жпелъ совершенно по-англійски. Но не болѣе трехъ мѣсяцевъ пробылъ онъ морскимъ министромъ. Онъ вообразилъ себѣ, что у насъ подлинно парламентъ; мнѣнія, имъ подаваемые, были столь смѣлы, что черезъ два года послѣ Павла показались даже мятежными, и онъ долженъ былъ оставить мѣсто товарищу своему Чичагову.

Державинъ, геній и дитя, поэтъ и пророкъ, какъ Давидъ, видя на тронѣ воспѣтаго имъ при рожденіи порфиророднаго отрока, увлекался сладчайшими мечтами. Все чтó происходило въ глазахъ его слишкомъ отзывалось поэзіей, чтобъ ему не нравиться, и онъ съ благодарностію принялъ званіе министра юстиціи и все чтó уцѣлѣло отъ генераль-прокурорской должности. Годъ спустя послѣ учрежденія министерствъ, всесильный Новосильцовъ имѣлъ скромность не отвергнуть названія товарища министра юстиціи.

Вышеописанные мною графъ Кочубей и графъ Строгановъ сдѣлались: первый министромъ внутреннихъ дѣлъ, послѣдній его товарищемъ.

Столь благосклонный къ отцу моему, графъ Румявцовъ былъ президентомъ комерць - коллегіи, съ званіемъ министра, еще до учрежденія министерствъ. Въ повомъ порядкѣ другой перемѣны для него не послѣдовало, кромѣ умноженія власти и правъ. Съ нимъ началось и прекратилось министерство комерціи.

Между министрами, наконецъ, встрѣчаемъ лицо, сохранившее фізіономію прежнихъ временъ. Необходимость заставила молодежь пріобщить графа Васильева къ своимъ предпріятіямъ; а онъ, не въ силахъ будучи остановить потока, рѣшился, по крайней мѣрѣ, пустивъ огромную ладью свою по его теченію, стараться, сколько возможно, спасти ее отъ бурь. Финансовая наука была не столь трудна и многосложна, какъ выпѣ; однакоже, кромѣ его, некому было часть сію поручить. Онъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ и малыхъ чиновъ всегда прилежно занимался ею, и хотя въ званіи государственнаго казначея и подчиненъ былъ генераль-прокурору, но дѣйствовалъ почти неза-

вспомо. Въ немъ была вся скромность великихъ истинныхъ достоинствъ; онъ былъ въ отношеніи къ Мордвинову, какъ мудрецъ къ софисту. Простота его жизни была не притязаніе на оригинальность, не слѣдствіе расчетовъ, а умѣренности желаній и давнишнихъ привычекъ. Будучи происхожденія незнатнаго, едва ли дворянскаго, онъ не ослѣплялся счастьемъ, никогда не забывался среди успѣховъ. Самъ Сперанскій рассказывалъ при мнѣ, какъ даже онъ былъ тронутъ патріархальностію, которою все дышало въ его домѣ. Вѣроятно для контраста дали ему Гурьева въ товарищи; но о семъ послѣднемъ пока ни слова.

Человѣкъ, который нѣкогда красотою столько же славился какъ и умомъ и не однимъ послѣднимъ умѣлъ нравиться Екатеринѣ, который, не зная опалы, видѣлъ множество переменъ при ея дворѣ и, безъ всякихъ для себя непріятностей, осторожно и спокойно прошелъ бурные года царствованія Павла, при Александрѣ принимаетъ участіе въ новообразуемомъ министерствѣ. Графъ Завадовскій, украинская умная голова, когда-то любимый секретарь Румянцова-Задунайскаго, всегда умѣлъ пользоваться жизнію и обстоятельствами. Исключая Сперанскаго, онъ одинъ только зналъ по-латыни, а вѣдь это ученость: кому же приличнѣе его поручить министерство просвѣщенія? Правда, его было весьма мало, но сначала нужно было только извѣстное имя, подъ которымъ Сперанскій брался распространить его. Товарищемъ къ сему министру назначенъ Михайло Никитичъ Муравьевъ, мужъ ученый, кроткій и добросердечный, умный и пріятный писатель, одинъ изъ наставниковъ Императора, къ сожалѣнію не довольно пылкой и твердый, чтобы содѣлаться однимъ изъ довѣренныхъ его совѣтниковъ. Онъ вездѣ и во всемъ видѣлъ добро и столь же страстно любилъ его, какъ и искренно въ него вѣровалъ.

Назначеніемъ пожилыхъ людей въ должности министровъ правительство хотѣло сообразоваться съ тогдашнимъ общественнымъ мнѣніемъ, которое, видя у кормила государственнаго одну только юность, неохотно бы ей ввѣрялось. Симъ назначеніемъ молодые претенденты хотѣли прикрыть свои намѣренія, которыя состояли въ томъ, чтобы, приложивъ практику къ теоріи политическихъ наукъ, кою думали они имѣть, пріобрѣсти чрезъ то нѣкоторую опытность, чтобы пріучить публику видѣть въ нихъ правителей и при первомъ удобномъ случаѣ, безъ всякихъ усилій, спихнуть стариковъ. Всѣ эти предосторожности были напрасны: ни одинъ голосъ не поднялся противъ столь крутаго переворота, всѣ ему рукоплескали. Еслибъ Государь составилъ совѣтъ свой изъ пятнадцатилѣтнихъ мальчиковъ, то и его постановленія были бы приняты какъ плоды высокой мудрости. Молодая Россія была безъ памяти влюблена въ молодаго Александра. А когда любовь бываетъ не слѣпа?

Утверждаютъ, что въ это время благонамѣренный и неопытный Царь, подстрекаемый письмами изъ Женева отъ учителя своего Лагарпа (кои послѣ имѣлъ я случай читать и даже переписывать), хотѣлъ безъ всякаго приготовленія, единымъ махомъ, издать для Россіи какую-то конституцію. Увѣряютъ, будто приближенные его, не смотря на свое невѣдѣніе и англomanію, столько еще смыслили, чтобы знать великую разницу между Англіей и Россіей, что они убѣдили его на время отложить свое намѣреніе и въ замѣнъ предложили учрежденія министерствъ, какъ первый къ тому шагъ. Хороши бы мы тогда были! Родившись въ Россіи и никогда дотолѣ ея не покидавши, напитанный Рускимъ воздухомъ самодержавія, Александръ любилъ свободу, какъ забаву ума. Въ этомъ отношеніи былъ онъ совершенно Русской человѣкъ: въ жилахъ его вмѣстѣ съ кровію текло властолюбіе, умѣряемое только лѣнностію и безпечностію. Дай Русскому народу Нѣмецкое прилежаніе и терпѣливость, и онъ владыка цѣлаго міра. Сейчас мы видѣли, какъ, пренебрегая общимъ мнѣніемъ, столь выгоднымъ для Мордвинова, за нѣсколько смѣлыхъ его выраженій, Императоръ внезапно удалилъ его. Съ другой стороны, невѣжественный нашъ народъ и непросвѣщенное наше дворянство и теперь еще въ свободѣ видятъ лишь право своевольничать. Чтò бы произошло отъ столкновенія властей? Богъ знаетъ. А можетъ быть, мы бы мигомъ прошли кровавое время безпорядковъ, и давнымъ давно изъ хаоса образовались бы устройство и народность. Но все-таки лучше, чтобы наши правнуки собирали плоды повесенныхъ ими опасностей.

Итакъ министерства были первымъ изъ тѣхъ безчисленныхъ опытовъ, кои мы видимъ въ теченіе почти сорока лѣтъ. Долго ли еще намъ будетъ пытаться? Страшно подумать, что эти безпрестанныя пробы могутъ довести насъ, наконецъ, до какого-нибудь ужаснаго представленія.

Я долженъ былъ посвятить изображенію сего важнаго событія, имѣвшаго неисчислимое вліяніе на судьбу моего отечества, моего семейства и мою собственную, всю первую главу второй части сихъ Записокъ. Теперь пора мнѣ возвратиться къ самому себѣ и представить читателю первые шаги малоумнаго мальчика, брошеннаго безъ всякой подпоры въ опасный для каждаго столичный міръ.

II.

Узнавъ о великихъ перемѣнахъ, кои занимали весь городъ, въ недоумѣніи чтò мнѣ дѣлать, я пошелъ отыскивать архивскаго своего знакома, князя Козловскаго, служившаго въ канцеляріи князя Буракина. Имѣя весьма скудное состояніе, онъ на его иждивеніи жилъ въ самомъ верхнемъ этажѣ занимаемаго имъ дома. Къ удивленію

моему нашель я его въ десятомъ часу по утру на постелѣ, хотя здороваго; онъ дружески протянулъ мнѣ руку, но воскликнулъ: какъ ты здѣсь, зачѣмъ ты пріѣхалъ? Я сказалъ ему причину и пріѣзда моего, и посѣщенія, сказалъ, что пришелъ къ нему развѣдать о всемъ по обстоятельству и требовать его добрыхъ совѣтовъ. Онъ заговорилъ со мной непонятнымъ для меня тогда языкомъ Петербургскихъ гостиныхъ. Я увидѣлъ, что онъ попалъ въ большой свѣтъ, имѣ только и бредить, и внѣ его все кажется ему ничтожнымъ. Легкомысленный толстякъ очень равнодушно говорилъ о перемѣнѣ, послѣдовавшей съ его начальникомъ, какъ будто она не должна была имѣть никакого вліянія на его участь; онъ оставался въ томъ же кругу, не переставалъ ѣздить въ тѣ же общества. Изъ вздора, который онъ мнѣ наговорилъ, могъ я заключить только одно, что, зная мой нравъ, мои привычки, судя по моимъ манерамъ, онъ предсказывалъ мнѣ, что я никогда не буду блистать въ Петербургскомъ свѣтѣ, и что лучше было бы оставаться въ Москвѣ. Дѣло шло совсѣмъ не о томъ, и я вышелъ отъ него очень недоволенъ. По крайней мѣрѣ взялся онъ предупредить обо мнѣ Куракина и сказалъ время, въ которое онъ принимаетъ. Все это было совершенно не нужно; но почему мнѣ было это знать?

Бывшій вице-канцлеръ принялъ меня по обыкновенію своему чрезвычайно ласково, разспросилъ о родителяхъ, о службѣ ни слова, и пригласилъ на другой день на вечеръ. Дѣйствительно, вотъ все, что онъ могъ для меня сдѣлать; а я по невѣдѣнію моему полагалъ, что найду случай просить его о рекомендаціи, чего при всѣхъ сдѣлать не осмѣлился. Въмѣсто того очутился я въ ярко освѣщенныхъ гостиныхъ, наполненныхъ мушкетерами и дамами самаго высшаго круга, мнѣ вовсе незнакомыми. Князь сидѣлъ за бостономъ и называлъ меня тѣмъ, кои близко его находились. Козловскій подошелъ ко мнѣ съ видомъ половину-дружескимъ, половину-покровительственнымъ, поговорилъ немного и пожалъ руку, какъ будто поздравляя съ первымъ успѣхомъ, который, можетъ-быть, онъ же и приготовилъ. Мнѣ отъ того было нелегче, я прижался въ уголь. Къ счастью, сынъ никогда неженатаго хозяина, Сердобинъ имѣлъ челолюбіе подойти ко мнѣ и немного заняться мною. Всего несноснѣе, всего досаднѣе показался мнѣ одинъ весьма красивый мальчикъ, самонадѣянный, заносчивый, многорѣчивый, который громогласно, безъ всякаго милосердія, разсуждалъ о Французской литературѣ и театрѣ: это былъ нынѣшній министръ Уваровъ. Тѣ, кои отъ самолюбія застѣнчивы, поймутъ, какъ мучителенъ для меня былъ этотъ вечеръ. Черезъ нѣсколько дней князь Куракинъ уѣхалъ въ Москву.

Итакъ мнѣ ничего не оставалось какъ потащиться въ колегію и представиться оберъ-секретарю ея, Ильѣ Карловичу Вестману, человѣку очень пріятному, совсѣмъ не похожему на Бантыша и Малиновскаго. Онъ мнѣ сказалъ, что по возможности будутъ занимать меня и пригласилъ, а не приказалъ явиться въ колегію въ такой день, въ который она осчастливлена будетъ посѣщеніемъ канцлера графа Воронцова, товарища его и другихъ ея членовъ. Сіи послѣдніе, исключая столь важныхъ случаевъ, не знали какъ отворяются въ нее двери.

Въ это утро, обыкновенно почти пустыя, чертоги колегіи наполнились чиновниками. Можно было ужаснуться собравшагося полчища. Прежніе барьеры при Александрѣ были сняты, число опредѣляемыхъ безъ жалованья ничѣмъ не было ограничено, мода влекла къ сему роду службы, и добрый князь Куракинъ не любилъ никому отказывать. Исключая дежурства, весь этотъ народъ не зналъ никакой другой службы; самолюбіе у многихъ ограничивалось желаніемъ схватить даромъ чина два-три. Тутъ въ одинъ разъ увидѣлъ я всю праздную Петербургскую молодежь; съ удовольствіемъ встрѣтилъ я и возобновилъ знакомство съ архивскими товарищами, Колычевымъ и Ефимовичемъ: въ первые дни пребыванія въ столицѣ, всякую знакомую встрѣчу можно почитать находкой.

Я слѣдовалъ общему примѣру, бывалъ какъ можно рѣже въ колегіи, гдѣ мнѣ нечего было дѣлать и не съ кѣмъ слова молвить. Не имѣя штабъ-офицерскаго чина, я не былъ въ числѣ дежурныхъ, а только дневальныхъ, и въ этомъ званіи долженъ былъ чрезъ каждыя двѣ - три недѣли ночевать въ колегіи, въ ожиданіи будто бы курьеровъ изъ-за границы, которые пріѣзжали прямо въ канцелярію министерства. Ко концу Октября пришла графу Воронцову счастливая идея: онъ велѣлъ раздѣлить между молодыми чиновниками, показывающими нѣкоторую способность, дѣла Петербургскаго архива, и подъ руководствомъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Топоркова, дипломата стариннаго покроя, заставить ихъ дѣлать выписки, чтобы по нимъ судить о знаніи и талантахъ cadaго. Мнѣ достались на долю сношенія Россіи съ Венеціанскою республикой. Труда своего я не успѣлъ окончить, ибо скоро потомъ оставилъ колегію, и потому не знаю, какъ бы онъ былъ принятъ; но теперь смѣло могу ручаться, что онъ никуда не годился.

Сколь ни молодъ я былъ, но въ первую зиму пребыванія моего въ Петербургѣ могъ я увидѣть, что въ немъ только двѣ дороги—общество и служба, выводятъ молодыхъ людей изъ безвѣстности, въ ней погрязаютъ изъ нихъ девять десятыхъ. Самые успѣхи въ Русской

литературѣ, кою такъ мало тогда занимались, если они не были чрезвычайныя, не могли спасти отъ забвенія.

Высокое общество не совсѣмъ похоже было на нынѣшнее. Оно было не столько еще снимокъ съ прежняго Парижскаго, сколько копія съ Вѣнскаго. Тамъ Венгерскіе магнаты, на собственномъ содержаніи имѣющіе войска, тамъ Нѣмецкіе князья, изъ коихъ многіе пользуются правами, присвоенными владѣтельнымъ государямъ, имперскіе графы, фамиліи коихъ обладаютъ нѣсколькими майоратами, Польскіе, Богемскіе и Итальянскіе роды, соединяющіе древность происхожденій съ огромными богатствами. Изъ нихъ составилаь плотная масса, совершенно отдѣленная отъ другихъ сословій, заимствующая часть блеска своего отъ императора и его двора, но самостоятельная, совершенно отъ нихъ независимая. Кому извѣстна Россія, тотъ знаетъ, на какомъ зыблемомъ основаніи поставлена наша, такъ называемая, аристократія. Казалось, подражаніе тутъ дѣло невозможное; однакоже оно отчасти удалось: мы гдѣ что подмѣтимъ, то хотя на время, а уже вѣрно искусно переймемъ.

Богатыя фортуны не были еще раздѣлены между потомками, не были еще въ раздробь промотаны. Онѣ принадлежали по большей части людямъ, коимъ титулъ и высокій чинъ давали, хотя иногда новую, но настоящую знатность. Камергерство четвертаго класса и камеръ-юнкерство пятаго сыновьямъ ихъ, однимъ въ двадцать пять, другимъ въ восемнадцать лѣтъ, открывали рано дорогу къ почестямъ. Унизительная, убійственная обязанность переписывать въ канцеляріяхъ бумаги для нихъ не существовала. Предшественники Екатерины, какъ и она сама, какъ и сынъ ея, возводя кого-нибудь на высокую степень, давали ему средства не только поддержать блескъ даруемаго ему титула, но даже разливать его на своихъ потомковъ. Все было въ гармоніи, пока неосмотрительная щедрость Павла Перваго не повисила чинами людей, коихъ *всѣхъ* не въ состояніи былъ онъ обогатить. Въ такомъ положеніи (какъ говорилъ я въ другомъ мѣстѣ) не совсѣмъ было трудно усастой княгинѣ Голицыной, съ умомъ, съ твердымъ характеромъ, безъ всякихъ женскихъ слабостей, сдѣлаться законодательницей и составить нѣчто похожее на аристократію западныхъ государствъ. Къ тому же въ ней самой оставалось еще довольно много Русскаго, чтобы переходъ къ новымъ идеямъ не былъ столь оцутителенъ.

Къ чести сего общества, коего и понынѣ сохранилось еще нѣсколько образцовъ, должно сказать, что оно отличалось чрезвычайно учтивостію, то-есть ласковою, нимало нецеремонною, строго соблюдаемою, взаимною внимательностію. Холодная же учтивость, безъ малѣйшаго вида пренебреженія, служила ему защитой отъ вторженій

въ его собранія такихъ людей, коихъ почитало оно того недостойнымъ. Оно вынуждено было при Павлѣ поставить главнымъ своимъ догматомъ, что чины суть ничто: предпочтеніе, сдѣланное тогдашнему генералитету, скоро обратило бы его въ кабакъ. Бѣда только въ томъ, что Французскій языкъ былъ также первымъ его условіемъ и сдѣлалъ его доступнымъ людямъ, коихъ не слѣдовало бы въ немъ видѣть: всякаго рода иностранцамъ, аферистамъ, даже актерамъ.

Тогдашній дворъ сему обществу служилъ также прекраснымъ образцомъ. Имъ правила вдовствующая императрица Марія Ѳеодоровна, примѣръ всѣхъ семейныхъ и общественныхъ добродѣтелей, «жена сильная», о коей гласитъ Святое Писаніе, въ преклонныхъ лѣтахъ еще блиставшая величественною красотой, пышность истинно-царскую умѣвшая сочетать съ бережливостію истинно-народолюбивою. Въ тиномъ величій скромно стояла близъ нея Елисавета Алексѣевна, и нѣмому безсильному божеству тѣмъ не менѣ усердныя возсылались моленія. Наконецъ, самъ Императоръ знаніемъ приличій превосходилъ всѣхъ современныхъ государей. Правда, желая, можетъ быть, чтобы видѣли, какъ онъ хранимъ народною любовію, одинъ прогуливался онъ пѣшкомъ по набережнымъ и такимъ образомъ ежедневно царствіе свое показывалъ на улицѣ. Но онъ дѣйствительно былъ ненаглядень; ему всегда радовались, какъ солнцу, которое однакоже никому не въ диковинку; какая-то сила, право волшебная, спасала его отъ неуваженія, которое мы, особенно Русскіе, невольно получаемъ къ предметамъ безпрестанно и вездѣ встрѣчаемымъ. Даже во время первой молодости, въ публичныхъ мѣстахъ видѣли его очень рѣдко, въ частныхъ домахъ—почти никогда; посѣщеніе его одному изъ первыхъ его вельможъ почиталось историческимъ происшествіемъ, ставилось выше всѣхъ оказанныхъ имъ милостей. О вечернихъ собраніяхъ у Императрицы, весьма немногочисленныхъ, въ публикѣ знали очень мало; извѣстно было только, что съ одной стороны являлась тамъ самая милостивая снисходительность, съ другой—искреннѣйшее благоговѣніе; фамиліарства—ни съ которой.

Въ гостиныхъ лучшаго общества также царствовала величайшая пристойность: ни слишкомъ возвысить голоса, ни безъ пощады злословить тамъ не было позволено. Такіе вечера не могли быть чрезвычайно веселы, и на нихъ иному не разъ приходилось украдкою зѣвнуть; но въ нихъ искали не столько удовольствія, сколько чести быть принятымъ. Самимъ женщинамъ нѣкоторая принужденность въ манерахъ давала болѣе правильности въ поступкахъ, а онѣ въ обществѣ всегда служатъ примѣромъ для мужчинъ. Гораздо позже, когда Кочубей и Гурьевы, какими-то финансовыми оборотами болѣе чѣмъ щедротами

Монарха, стяжали себѣ великое состояніе и сдѣлались первыми вельможами, тонъ общества сталъ примѣтно грубѣть; понятія о чести начали измѣняться и уступать мѣсто всемогуществу золота. Но все это было очень далеко отъ того, до чего мы нынѣ дожили.

Особыя милости двора, кому бы онѣ ни были оказаны, конечно и тогда служили лучшей рекомендаціей въ лучшее общество. Иногда прихоть старой дамы, ея покровительство, иногда докучливость и наглость искателя, въ него и тогда открывали входъ; но эти случаи были рѣдки, и оно почти все составлено было изъ людей въ немъ родившихся, выросшихъ и, такъ сказать, въ день крестинъ своихъ получившихъ отъ него приглашеніе. Новое лицо, неизвѣстное имя челоувѣка самаго образованнаго, всегда сначала вооружали противъ него. Люди среднихъ лѣтъ, незнакомые съ уставами сего общества, менѣе другихъ могли надѣяться въ него вступить; но они впрочемъ о томъ мало и заботились. Молодость была счастливѣе: тамъ гдѣ нравственность не послѣднее дѣло, робость юноши принимается за добрый знакъ, и всѣ стараются поощрить его.

Принадлежать къ сему обществу было верхомъ желаній моего тщеславія. Въ средствахъ къ тому, казалось, не было недостатка. Отецъ мой готовъ былъ прислать мнѣ письма, которыя открыли бы мнѣ двери двухъ или трехъ знатныхъ домовъ, съ хозяевами коихъ былъ онъ хорошо знакомъ. Было другое средство еще вѣрнѣйшее: князь Феодоръ Голицынъ, съ которымъ провелъ я годъ въ деревнѣ отца его, одаренный изящнымъ тактомъ, былъ однимъ изъ корифеевъ общества; безъ всякой дружбы онъ меня очень любилъ; ему казалось, что нѣкоторою образованностію обязанъ я ему, и онъ мнѣ предложилъ вездѣ меня представить. Но тутъ-то и было первое затрудненіе: просить объ опредѣленіи въ службу, о мѣстѣ, о какомъ-нибудь тяжёломъ дѣлѣ мнѣ никогда не казалось унижительнымъ; а мысль испрашивать, какъ милости, дозволенія къ кому-нибудь ѣздить, меня всегда пугала. Я всегда дожидался приглашеній и почти всегда дожидался ихъ тщетно: нерасчетливѣе, глупѣе моего самолюбія, признаюсь, я ни въ комъ еще не встрѣчалъ.

Къ тому же, слова Козловскаго и вечеръ у князя Курагина сильно на меня подѣйствовали, лишили меня всей бодрости. Главное же, неодолимое препятствіе было въ пустотѣ моего кармана: надобно было вдвое, втрое болѣе того, что давали мнѣ родители, чтобы сколько-нибудь съ пристойностію показываться въ большомъ свѣтѣ. А между тѣмъ, къ несчастію, будучи съ малыхъ лѣтъ въ сообществѣ съ ровесниками, которыхъ фортуна гораздо лучше меня надѣлила, я имѣлъ ихъ вкусы и склонности, и думалъ, что имѣю равныя съ ними пра-

ва. Безразсудный, я долженъ былъ знать, что я сынъ почтеннаго, но весьма небогатаго отца, и что, подобно ему, одними трудами только мнѣ возможно прокладывать себѣ дорогу. Еслибъ я могъ забыть о томъ, то его мудрые совѣты каждую почту письменно мнѣ о томъ напоминали. Но какого толку спрашивать у молодого человѣка, едва вышедшаго изъ отрочества?

Нѣкоторое время былъ я какъ сынъ раззорившагося и недавно умершаго богатаго вельможи. Успѣхи въ свѣтѣ, столь легко прибрѣтаемые моими товарищами, молодыми знакомыми, подробные ихъ разсказы о томъ меня терзали, но, Богъ свидѣтель, не завистию, а непзъяснимымъ, отчаяннымъ уныніемъ. Сколько разъ на чердакѣ, или почти въ подвалѣ, въ уединенной кельѣ моей, при тускломъ свѣтѣ одной сальной свѣчп, сравнивалъ я участь ихъ съ моею; въ эту минуту, когда дурная погода не позволяла мнѣ даже прогуляться, «они», думалъ я, въ позлащенныхъ салонахъ танцуютъ, любезничаютъ съ дамами. Я не имѣлъ даже утѣшенія нынѣшней безвѣстной молодежи—либеральныхъ идей; я все уважалъ, что другіе уважали, и не умѣлъ еще, какъ нынѣ, становиться на дыбы противъ общаго мнѣнія. О, какъ тяжело мнѣ бывало! Долго, долго не переставалъ я видѣть въ себѣ какое-то отверженное, падшее существо.

Такого рода несчастія могутъ быть только у насъ въ Россіи, гдѣ нѣтъ настоящей аристократіи и гдѣ между ею и другими состояніями не проведена рѣзкая черта, какъ въ нѣкоторыхъ Европейскихъ земляхъ. Въ мое время подобныхъ мнѣ было, вѣрно, очень мало; я, по крайней мѣрѣ, никому не смѣлъ говорить о моихъ страданіяхъ: меня бы осмѣяли. Теперь же, когда кругъ такъ-называемаго большаго свѣта до невѣроятія расширился, когда доступъ къ нему сдѣлался такъ свободенъ и законы его стали такъ снисходительны, не принадлежать къ нему гораздо унижительноѣе, чѣмъ прежде, и предполагать уже или совершенную нищету, или самое дурное поведеніе. Число требующихъ въ немъ права гражданства должно быть непмобѣрно, а какъ нѣтъ возможности всѣхъ удовлетворить, то и досадатѣхъ, коимъ не удалось добиться столь ничтожнаго преимущества, должна быть также чрезвычайно велика.

Мнимо-несчастное положеніе мое было, однакоже, весьма благопріятно для прибрѣтенія и умноженія познаній. Я мало воспользовался этимъ, и это новое прегрѣшеніе въ числѣ тѣхъ, въ коихъ, какъ духовному отцу, долженъ я каяться читателю. Всѣ надежды свои возлагалъ я на службу; а она, какъ увидимъ, что-то долго мнѣ не давалась. Мнѣ иногда ужасно подумать, сколько времени, и самаго дра-

гоцѣннаго, погубилъ я понапрасну. Я готовъ винить самого себя, но обстоятельства, въ которыхъ находился, еще гораздо болѣе.

Старшій братъ мой, умный провинціалъ, отличающійся непри-
нужденною вѣжливостію, отличный и въ поведеніи армейскій офицеръ,
по исключительности, по взыскательности тогдашняго Петербургскаго
общества, долженъ былъ казаться въ немъ страннымъ. Онъ это зналъ
и имѣлъ благоразуміе не только не искать его, но и, сколь возможно,
его чуждаться. Дѣло удивительное! Въ отношеніи къ обществу онъ
цѣлымъ поколѣніемъ казался старѣе отца своего. Даже второстепен-
ныя общества Петербурга были не по немъ: онъ ихъ убѣгалъ. Онъ
полагалъ, что меньшей братъ его обреченъ быть жертвой бонтона и
всѣхъ его прихотей, а меньшей братъ былъ совсѣмъ отъ того не
прочъ: ему не доставало только путеводаителя и денегъ на дорогу. Еще
гораздо болѣе имѣлъ братъ мой отвращенія отъ собраній людей раз-
вратныхъ: попойки, оргіи, въ то время столь обыкновенныя, казались
ему нестерпимы. Гдѣ же собирались умные люди безъ умничанья, ка-
кихъ бы лѣтъ они ни были, съ свѣдѣніями, которыя они любили со-
общать въ разговорахъ, тамъ, гдѣ были пріятныя, скромныя женщи-
ны, безъ лишнихъ вычуръ моды, тамъ только былъ онъ въ своемъ
элементѣ. Домашнее житье наше съ симъ братомъ было совершенно
согласное; въ упрекахъ, кои рѣдко я заслуживалъ, а еще рѣже позво-
лялъ онъ себѣ, всегда щадилъ онъ мое самолюбіе. Когда замѣчалъ
во мнѣ маленькую грусть, спѣшилъ развеселить меня и, сколько по-
зволяли наши скудныя средства, старался доставлять мнѣ всѣ возмож-
ныя, безвинныя удовольствія: то покупкой книжки, то билетомъ въ
театръ, а иногда и обѣдомъ послаще. Разница съ другимъ братомъ
была совершенная; правда, со времени его владычества прошло почти
три года: я сдѣлался старѣе и былъ уже въ службѣ.

Братъ мой свелъ знакомство съ однимъ весьма извѣстнымъ въ свое
время откупщикомъ Василиемъ Алексѣевичемъ Злобинымъ; или, лучше
сказать, тотъ самъ нашелъ его. Онъ держалъ винный откупъ во всей Пен-
зенской губерніи, и слѣдственно приглашенія его были не совсѣмъ безко-
рыстны. Счастіе, умъ и смѣлость сего простаго мѣщанина Саратовской
губерніи, города Вольска, способствовали ему сдѣлаться въ своемъ родѣ
знаменитымъ: онъ самъ рассчитывалъ, что имѣетъ барыша по тысячѣ
рублей въ день, сумма въ тогдашнее время необъятная. Старикъ Зло-
бинъ былъ типъ нашихъ православныхъ мужичковъ, то есть человѣкъ
и добрый, и хитрый; онъ сохранилъ и поступь, и рѣчи, и поговорки
своего первобытнаго состоянія, однимъ словомъ все, даже одежду и
бороду. Этимъ самымъ отличился онъ отъ братіи своей, откупщиковъ
и, какъ говорится нынѣ, создалъ себѣ позицію въ свѣтѣ. Никогда не

хотѣлъ онъ чиновъ, когда всѣ за ними гонялись, и довольствовался званіемъ именитаго гражданина. Золотыя медали на шеѣ давались тогда купцамъ еще гораздо рѣже, чѣмъ кресты чиновникамъ; ихъ-то онъ и желалъ, и одинъ только (полно, не первый ли?) получилъ такую съ алмазами. Въ богатомъ Русскомъ кафтанѣ своемъ онъ не оставлялъ по большимъ праздникамъ всегда являться во дворцѣ, и не было въ Петербургѣ ни одного человѣка, который бы не зналъ его. Съ боярами, съ случайными людьми употреблялъ онъ необыкновенную уловку: съ видомъ простодушнымъ, откровеннымъ, въ смѣлыхъ будто выраженіяхъ, умѣлъ онъ всегда льстить ихъ самолюбію, часто угащивалъ ихъ у себя и заставлялъ думать, что онъ съ ними на пріятельской самой короткой ногѣ. Чтобы поддержать сіе мнѣніе, брался онъ за всѣхъ хлопотать и многочисленнымъ кліентамъ своимъ, когда выпрашивалъ, когда вымаливалъ, когда вымучивалъ милости, по большей части, не весьма важныя. Великое достоинство брадатаго мецената состояло въ томъ, что съ молящими его о помощи обходился онъ дружески ласково, совсѣмъ не покровительственно, что въ купцѣ было бы несносно: вообще и тогда богатству кланялись, но только съ условіемъ, чтобъ и оно откланивалось. Такимъ образомъ, задабривая всѣхъ, ставилъ онъ вездѣ себѣ опоры и распространилъ о себѣ славу, которая, возвращаясь къ своему началу, возвышала его въ глазахъ тѣхъ самыхъ, конимъ ею былъ онъ обязанъ.

Въ немъ было видно и чувство: полжизни проведя въ Петербургѣ, онъ себя и другихъ хотѣлъ увѣрить, что остается въ немъ только для приведенія дѣлъ своихъ къ окончанію; и, дѣйствительно, ни дома, ни дачи не хотѣлъ въ немъ купить. Построенныя имъ заочно каменные палаты въ Вольскѣ, разведенныя безъ него сады, безпрестанно украшалъ онъ, посылая ежегодно разныя драгоценности изъ столицы, гдѣ жилъ онъ какъ на ночлегѣ. При имени родины его, въ которой надѣялся провести остатокъ жизни, наворачивались у него иногда слезы.

Однакоже, ночлегъ его былъ нанятый трехъ-этажный домъ, который хотѣлъ онъ также сколько-нибудь поукрасить: кто-то закупилъ ему картинъ, мебели и бронзовыхъ вещей и всѣмъ этимъ безъ вкуса и порядка завѣшалъ стѣны, загородилъ комнаты. Но лучшимъ украшеніемъ сего дома была молоденькая его невѣстка, жена единственнаго его сына. Она была меньшая сестра умершей жены Сперанскаго и нѣсколько времени жила у него вмѣстѣ съ матерью, Англичанкою Стивенсъ, при оставшейся ему малолѣтней дочери. Тамъ увидѣлъ ее молодой Злобинъ, не совсѣмъ похожій на отца своего, съ большою образованностію, только не свѣтскою, съ плохимъ здоровьемъ, лицомъ печальнымъ и нравомъ угрюмымъ. Онъ плѣнился дѣвочкою живою,

избалованною, почти бѣшенною, и Сперанскій, для коего такое родство было тогда находкой и который, какъ увѣряли, имѣлъ особливныя причины спѣшить замужествомъ свояченицы, скоро этимъ дѣломъ поладилъ. Оно уже тѣмъ ему было полезно, что избавляло его отъ издержекъ на содержаніе маленькаго семейства его, тещи и дочери, которыя совсѣмъ переселились къ Злобину. Старикъ не воспротивился сему браку: суеты Петербургской жизни изгладили въ немъ слѣды старовѣрства, въ коемъ онъ родился, какъ кажется, ослабили въ немъ самое православіе; къ тому же, и свойство съ Сперанскимъ, восходящимъ солнцемъ, должно было радовать такого рода человѣка. Но едва прошло шесть мѣсяцевъ, какъ молодые супруги, по совершенному несогласію въ нравахъ, увидѣли невозможность дальнѣйшаго сожитія. Желая временною разлукой ихъ примирить, ближніе ихъ выдумали госпожу Стивенсъ съ дочерью и внучкой, подъ предлогомъ какой-то болѣзни, отправить къ Балдонскимъ водамъ (за границу тогда было не такъ легко). Они медлили возвращеніемъ; ибо сынъ Злобина, не въ состояніи уже будучи скрывать злобы своей къ Сперанскому, рѣшительно объявилъ, что оставить отчій домъ, что дѣйствительно и сдѣлалъ онъ, лишь только узналъ, что онъ въ позднее осеннее время предприняли обратный путь. Онъ бросилъ службу и ускакалъ въ Вольскъ управлять дѣлами отца. Болѣе года еще сохраняли надежду сблизить супруговъ, и присутствіе женскаго пола въ домѣ Злобина дѣлало его болѣе пристойнымъ, умножало его пріятности.

Въ это время братъ мой сталъ туда ѣздить. Отъ него узнавъ обо мнѣ, женщины просили его привезти меня съ собою. Прошло нѣсколько дней, и я расположился тамъ, какъ дома. Гувернантка, очень долго жившая въ знатномъ домѣ, имѣла аристократическій тонъ, для меня весьма привлекательный; дочь ея, о воспитаніи коей она не имѣла времени много заботиться, была другимъ образомъ привлекательна своею молодостію, не столь красивымъ, сколь пріятнымъ лицомъ и живостію, которую изобразить трудно. Около нихъ собирался маленькій кругъ, состоящій изъ Сперанскаго и самыхъ короткихъ его пріятелей. Народъ дѣловой, оберъ-секретари и секретари сенатскіе, откупщики, которые толковали только о барышахъ, и даже молодые офицеры, которые приходили попить и поѣсть, а поговорить умѣли только о парадѣ и мундирныхъ формахъ, не могли быть очень пріятны симъ дамамъ и держались отъ нихъ поодаль.

Явное предпочтеніе, оказанное мнѣ передъ сими людьми, сначала только польстило моему самолюбію. Братъ мой, будучи самъ еще молодъ, но гораздо болѣе меня опытенъ, первый замѣтилъ, что тутъ не одно простое предпочтеніе, а нѣчто болѣе нѣжное и пылкое. Находя,

что пришла уже для меня пора любви и надѣясь, что воспитаніе ея предохранитъ меня отъ разврата, онъ видѣлъ въ этомъ самый счастливый къ тому случай. Чтò сказать мнѣ болѣе? Въ столь отдаленномъ времени мнѣ кажется говорю я не о себѣ, а совсѣмъ о другомъ чловѣкѣ, и потому не краснѣя могу признаться, что онъ былъ любимъ и что самъ былъ болѣе чѣмъ равнодушенъ. Все это такъ мало скрывалось отъ постороннихъ глазъ, что я, право, не знаю, какъ это сходило намъ съ рукъ. Надъ нашимъ добрымъ согласіемъ, маленькими ссорами, потомъ примиреніями всѣ еще смѣялись и смотрѣли на то, какъ на ребячество.

Сперанскій также ничего не видѣлъ тутъ серьезнаго, не думалъ ревновать и, напротивъ, былъ со мною чрезмѣрно любезенъ. Онъ былъ заваленъ дѣломъ и тогда уже довольно недоступенъ; послѣднее извиняется первымъ. Для чловѣка, какъ говорится, въ ходу приглашеній не бываетъ конца, а удаленіе отъ свѣтскихъ забавъ придаетъ какую-то важность занятіямъ государственнаго чловѣка. Самое положеніе Сперанскаго заставляло его уединиться. Онъ имѣлъ все право почитать себя выше родовыхъ дворянъ безъ заслугъ; до равенства съ зватыми еще онъ не дошелъ, а извѣстность его, быстрые успѣхи; высокое просвѣщеніе вывели его изъ ряду другихъ гражданскихъ чиновниковъ, обыкновенными трудами по службѣ пріобрѣтающихъ себѣ чины и состояніе. Сначала имѣлъ я право приходить къ нему во всякое время, но не употреблялъ его во зло. Онъ даже любилъ иногда слегка пошутить, потомъ переходилъ къ предметамъ довольно важнымъ, мнѣ (долженъ признаться) тогда мало понятнымъ. Не смотря на всю его снисходительность, я чувствовалъ при немъ какой-то страхъ: все въ немъ меня дивило, ничто не увлекало. Кажется, изъ молодыхъ людей, случаемъ ему насылаемыхъ, хотѣлъ онъ дѣлать своихъ Сеидовъ. Чистота правилъ вмѣстѣ съ моимъ невѣжествомъ сдѣлали попытку его со мною неудачною. Замѣтивъ сіе, онъ не вдругъ перемѣнился, а мало-по-малу отдалилъ меня отъ себя, сталъ менѣе говорить, рѣже принимать, а я сталъ рѣже являться къ нему.

Такъ было мѣсяца три или четыре, въ продолженіе коихъ не разъ случалось мнѣ видѣть его среди малаго числа избранныхъ имъ друзей или приверженцевъ. Ихъ было до пяти или до шести; они одни безпрепятственно могли посѣщать его, и нѣкоторые довольно замѣчательны, чтобы объ нихъ здѣсь упомянуть.

Съ однимъ изъ нихъ **** читатель мой уже знакомъ. Возвратясь изъ Пензы, ему не совсѣмъ пріятно было встрѣтить меня у Сперанскаго; появленіе его однакоже не имѣло никакого вліянія на обращеніе со мною сего послѣдняго. Другой, слишкомъ извѣстный

Магницкій, всегда ругался дерзко надъ общимъ мнѣніемъ, дорожа единственно благосклонностію предрѣжащихъ властей. Это одинъ изъ чудеснѣйшихъ феноменовъ нравственнаго міра. Какъ младенцы, которые выходятъ въ свѣтъ безъ рукъ или безъ ногъ, такъ и онъ родился совсѣмъ безъ стыда и безъ совѣсти. Онъ крещенъ во имя архангела Михаила; но, кажется, выростая, онъ еще гораздо болѣе, чѣмъ соимянный ему Сперанскій, предпочелъ покровительство побѣжденнаго Архистратигомъ противника. Отъ сего безплотнаго получилъ воплощенный врагъ рода человѣческаго сладкорѣчіе, даръ убѣжденія, искусство принимать всѣ виды. Если вѣрить аду, то нельзя сомнѣваться, что онъ посланъ былъ изъ него, дабы довершить соращеніе могущаго умомъ Сперанскаго, и вѣроятно сего другаго демона, не совсѣмъ лишеннаго человѣческихъ чувствъ, что-то похожее на раскаяніе заставило подъ конецъ жизни отъ него отдалиться. Въ дѣйствіяхъ же, въ рѣчахъ Магницкаго, все носило на себѣ печать отверженія: какъ онъ не вѣровалъ добру, какъ онъ тѣшился слабостями, глупостями людей, какъ онъ радовался ихъ порокамъ, какъ онъ восхищался ихъ преступленіями! Какъ часто онъ долженъ былъ проклинать судьбу свою, избравшую Россію ему отечествомъ, Россію не знавшую ни революцій, ни гоненій на вѣру, гдѣ такъ мало средствъ соблазнять и терзать цѣлыя народонаселенія, столь бесплодную землю для террориста или инквизитора!

Онъ былъ воспитанъ въ Московскомъ Университетскомъ Пансіонѣ, писалъ изрядно Русскіе стихи и старѣе двадцати лѣтъ оставилъ Россію. Пробывъ года два или три за границей при миссіяхъ Вѣнской, а потомъ Парижской, возвратясь, онъ сталъ коверкать Русскій языкъ и никогда уже не могъ отвыкнуть отъ дурнаго выговора, къ которому себя насильно приучилъ. Когда я началъ знать его, онъ былъ франтъ, нахальный безбожникъ и выдавалъ себя за дуэлиста; но былъ вѣжливъ, блистателенъ, отменно пріятенъ и изо всего этого общества мнѣ болѣе всѣхъ полюбился. Много еще можно говорить объ немъ, но я берегу его для продолженія сихъ Записокъ, когда мнѣ придется рассказывать послѣднія дѣянія сего апостола зла.—Лубяновскій былъ чинный, осторожный, любостыжательный Магницкій, не имѣлъ ни его хамелеонизма, ни его смѣлаго полета, никогда такъ высоко, какъ онъ, не подымался, никогда такъ низко не упалъ. Онъ всѣхъ рѣже бывалъ у Сперанскаго, но былъ не менѣе въ тѣсныхъ съ нимъ связяхъ; объ немъ также еще рѣчь впереди. Маленькій, чванный, тщедушный сидѣлецъ изъ Нюрнбергской лавки, Цейеръ, былъ также дѣйствительнымъ, хотя довольно безгласнымъ, членомъ сего общества; это, какъ говорятъ Французы, былъ бѣдный чортъ, добрый чортъ. Онъ славился

знаніемъ Французскаго языка, потому онъ сдѣлался нуженъ Сперанскому, который взялъ его почти мальчикомъ жить къ себѣ въ домъ; онъ оставался потомъ почти цѣлый вѣкъ при немъ въ родѣ адъютанта, секретаря или собесѣдника, и на хвостѣ орла паукъ сей взлетѣлъ, наконецъ, до превосходительнаго званія. Другихъ еще (Жерве, Словоцова) я не видѣлъ: ихъ вѣрно тогда не было въ Петербургѣ, и я только слышалъ объ нихъ, какъ объ отсутствующихъ членахъ.

Въ кабинетѣ Сперанскаго, въ его гостиной, въ его обществѣ, въ это самое время зародилось совсѣмъ новое сословіе, дотолѣ неизвѣстное, которое, безпрестанно умножаясь, можно сказать, какъ сѣткой поврываетъ нынѣ всю Россію,—сословіе бюрократовъ. Всѣ высшія мѣста президентовъ и вице-президентовъ коллегій, губернаторовъ, оберъ-прокуроровъ береглись для дворянъ, въ военной или гражданской службѣ или и при дворѣ показывающихъ способности и знанія: не законъ или правило какое, а обычай, какой-то предразсудокъ рѣдко подпускалъ къ нимъ людей другихъ состояній, для коихъ мѣста совѣтниковъ въ губерніяхъ, оберъ-секретарей или и членовъ коллегій, были мѣтою, достиженіемъ коей удовлетворялось честолюбіе ихъ послѣ долговременной службы. Однакоже между ними тѣ, которые одарены были умомъ государственнымъ, имѣли всѣ средства его выказывать и скоро были отличаемы отъ другихъ, которые были только нужными, просто-дѣловыми людьми. Для первыхъ всюду была открыта дорога, на ихъ возвышеніе смотрѣло дворянство безъ зависти, охотно подчинялось имъ, и они сами, дорожа пріобрѣтенными правами, дѣлались новыми и отъ того еще болѣе усердными членами благороднаго сословія. Въ послѣднихъ ограниченность ихъ горизонта удерживала стремленіе къ почестямъ; но необходимое для безостановочнаго теченія дѣлъ, полезное ихъ трудолюбіе должно же было чѣмъ-нибудь вознаграждаться? Изъ дневнаго пропитанія своего что могли отдѣлять они для успокоенія своей старости? Беззаконныя, обычаемъ если не освящаемыя, то извиняемыя средства, оставались единственнымъ ихъ утѣшеніемъ. За то отъ мірскихъ крупницъ какъ смиренно собирали они свое малое благосостояніе! Повторяя, что всякое даяніе благо, они дѣйствительно довольствовались немногимъ. Тамъ, гдѣ не было адвокатовъ, судьи и секретари должны были нѣкоторымъ образомъ заступать ихъ мѣсто, и тайное чувство справедливости не допускало помѣщиковъ роптать противъ такого рода поборовъ, обыкновенно весьма умеренныхъ. Они никакъ не думали спѣситься, съ просителями были ласковы, вѣжливы, дары ихъ принимали съ благодарностію; не дѣлая изъ нихъ никакого употребленія, они сохраняли ихъ до окончанія процесса и въ случаѣ его потери возвращали ихъ проигравшему. Къ

нимъ приступали смѣло, и они дѣйствовали довольно откровенно *). Ихъ образъ жизни, предметы ихъ разговоръ, странность нарядовъ ихъ женъ и дочерей, всегда запоздалыхъ въ модѣ, отдѣляли ихъ даже въ провинціи отъ другихъ обществъ, приближая ихъ однакоже болѣе къ купеческому. Ихъ все-таки клеймили названіемъ подъячихъ, прежде ненавистнымъ, тогда унижительнымъ. Это было не совсѣмъ несправедливо, ибо въ нихъ можно было видѣть потомковъ или преемниковъ тѣхъ безсовѣстныхъ, безчеловѣчныхъ, ненасытныхъ вампировъ, коихъ Капнистъ такъ вѣрно изобразилъ въ комедіи своей *Ябедъ*, конечно болѣе по воспоминаніямъ, чѣмъ по примѣрамъ, которые имѣлъ передъ глазами. Вѣкъ Екатерины преобразилъ ихъ въ піявокъ, высасывающихъ лишнюю кровь, и тѣмъ составилось второе поколѣніе сего словія.

Нельзя винить Сперанскаго въ умыслѣ, умноживъ ихъ силу, дать имъ болѣе средствъ воровать; его намѣренія конечно были чище, возвышеннѣе. Какъ всѣ честолюбивые люди, любилъ онъ власть болѣе чѣмъ деньги, и состояніе, совсѣмъ не огромное, которое оставилъ онъ дочери, имѣло (нѣтъ въ томъ сомнѣнія) источникомъ расчетливости его и испрашиваемыя большія пособія у царей. Въ клеветѣ его, ***, говорила еще дворянская кровь и торжествовали старинныя дворянскія правила: въ издоимствѣ не только уличаемъ, ни даже подозрѣваемъ онъ никогда не былъ. Они оба, можетъ быть, какъ и я, смотрѣли на сіи безпорядки, какъ на слѣдствіе несчастной необходимости и извиняли ихъ уже вѣрно гораздо болѣе чѣмъ я. Желая облагородить гражданскую службу, Сперанскій думалъ сдѣлать сіе посредствомъ просвѣщенія. По нуждѣ въ добромъ согласіи съ закоренѣлыми въ лихоимствѣ умными людьми, Голиковымъ, Познякомъ и другими, онъ въ то же время хотѣлъ въ иныхъ правилахъ воспитывать новое поколѣніе чиновниковъ, которое мысленно составлялъ онъ изъ людей неизвѣстнаго происхожденія. Но на нихъ дѣйствовать могъ онъ не самъ, а чрезъ пріятелей своихъ, подчиненныхъ и сотрульниковъ, Магницкаго, Лубяновскаго, потомъ Кавелина и другихъ приверженцевъ, кои вмѣстѣ съ Европейскимъ образованіемъ проповѣдывали и Европейскую безнравственность.

Канцеляріи министерствъ должны были сдѣлаться нормами и разсадниками для присутственныхъ мѣстъ въ губерніяхъ. И дѣйствительно, молодые люди, преимущественно воспитанники духовныхъ академій

*) Все это знаю я ни по преданіямъ, ни по опыту, ибо никогда никому ничего не давалъ, и ни отъ кого ничего не получалъ. Не нужно было большаго любопытства, что бы выискнуть въ сіи тайны, всѣмъ открытыя.

или студенты единственнаго Московскаго Университета, привесли въ нихъ сначала всѣ мечты юности о благѣ, объ общей пользѣ. Жестокія строгости военной службы при Павлѣ заставили недорослей изъ дворянъ искать спасенія въ штатской, а запрещеніе вступать въ нее еще болѣе ихъ къ тому возбудило; но по врезнымъ предразсудкамъ всѣ почти кинулись въ Иностранную Коллегію; тутъ вдругъ, при учрежденіи министерствъ, явилась мода въ нихъ изъ нея переходить. Казалось, все способствовало возвышенію въ мнѣніи свѣта презираемаго дотолѣ званія канцелярскихъ чиновниковъ, особенно же приличное содержаніе, которое дано было бѣднымъ, малочиновнымъ людямъ и которое давало имъ средства чисто одѣваться и въ свободное время дозволительныя, не разорительныя, не грубыя удовольствія.

Такимъ образомъ для нашего сословія начался третій періодъ. Нѣсколько лѣтъ все шло какъ нельзя лучше, и тѣ, которые вѣрують въ усовершенствованіе рода человѣческаго, должны были на то смотрѣть съ удовольствіемъ. Столь прекрасныя начала стали мало по малу измѣняться; духомъ нечестія, коимъ исполнены были преобразователи, заразилось зрѣющее въ дѣлахъ юношество; сохранявшіе прежніе предразсудки, по большей части изъ дворянъ, были тщательно устранимы отъ должностей и принуждены были удалиться. Когда въ 1807 году курсъ на звонкую монету сталъ вдругъ упадать, и служащіе начали получать только четвертую долю противъ прежняго, тогда бѣдность сдѣлалась вновь предлогомъ и извиненіемъ ихъ жадности. Либерализмъ и невѣріе развратили ихъ умы и сердца, и цитаты изъ Священнаго Писанія, коими прежніе подъячіе любили приправлять свои разговоры, замѣнились въ устахъ ихъ изреченіями философовъ восемнадцатаго вѣка и революціонныхъ ораторовъ. Съ распространеніемъ просвѣщенія, съ умноженіемъ роскоши, усовершенствовалось и искусство неправеднымъ образомъ добывать деньги; далѣе нынѣшняго оно, кажется, идти не можетъ.

Записавшись, я нарушаю порядокъ, принятый мною для повѣствованія и нечувствительно перехожу въ настоящее время. Для избѣжанія сего, довольствуюсь изображеніемъ бюрократическаго типа, какимъ я зналъ его лѣтъ двадцать тому назадъ. Бюрократъ, коль скоро получитъ мѣсто сколько нибудь видное, думаетъ быть министромъ. Онъ дѣлается гордъ, въ обращеніи холоденъ и въ то же время словоохотливъ, но только съ тѣми, которые въ молчаніи по цѣлымъ часамъ готовы его слушать. Онъ одѣтъ щегольски, имѣетъ хорошаго повара, жену-модницу и фортепіано въ гостиной; живетъ же не очень открыто, принимая только тѣхъ, кто въ немъ имѣетъ нужду или въ комъ онъ имѣетъ нужду. Онъ знаетъ иностранныя языки и имѣетъ столько на-

читанности, чтобы съ видомъ ученымъ разсуждать о предметахъ, которые менѣ всего его занимаютъ; о дѣлахъ службы въ обществѣ говорить мало: на то есть кабинетъ и департаментъ. Государственная польза, польза человѣчества никогда не приходили ему въ голову; онъ не унижить себя даже упоминать объ нихъ и въ ихъ ревнителяхъ видить ребяческое слабоуміе. Кромѣ страсти властвовать и наживаться, онъ не имѣетъ ни слабостей, ни пороковъ, но любить и поощрять ихъ въ другихъ, ибо уважать ему несносно, презирать усладительно. Какъ бы ни мало было занимаемое имъ мѣсто, онъ заставляетъ просителей дожидаться въ передней, обходится съ ними свысока, и даже беретъ взятки, какъ будто собираетъ дань съ побѣжденныхъ. Сотраданія онъ никогда не зналъ, ничего священнаго въ мірѣ для него не было: это былъ просвѣщенный и для большой дороги не довольно смѣлый грабитель *). Я представилъ здѣсь одинъ образецъ совершенства бюрократическаго; не всѣ могутъ съ нимъ равняться, но болѣе или менѣ къ нему приближаются.

Судьба ко мнѣ жестокая и вмѣстѣ милосердая, во дни самой первой молодости, ввергнула меня въ сію пучину, и потомъ всю жизнь мою, какъ Аретузу, провела чистою струей сквозь океанъ низкихъ пороковъ, съ тѣмъ, чтобы къ истоку дней моихъ сберечь мнѣ смѣшанныя съ горестными, сладчайшія воспоминанія.

Вниманіе ко мнѣ Сперанскаго, нѣжное расположеніе его свояченицы брату моему подало мысль, что подъ его руководствомъ и начальствомъ откроется для меня самое блестящее поприще. Едва ли не самъ онъ это предложилъ; я хорошенько не помню, такъ это все ладилось, клеилось само собою. Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, коего Сперанскій былъ настоящій создатель, тогда только-что начало образоваться. Оно состояло первоначально изъ одного департамента, раздѣленнаго на три экспедиціи: государственнаго хозяйства (что нынѣ хозяйственный департаментъ), государственнаго благоустройства (въ послѣдствіи департаментъ полиціи исполнительной) и медицинскую. Управляющимъ первою изъ нихъ назначенъ былъ тайный совѣтникъ Габлицъ, послѣдней баронъ Кампенгаузенъ, а вторую взялъ самъ Сперанскій. Въ мои лѣта, съ малымъ моимъ смысломъ и знаніемъ, какое мѣсто можно мнѣ было дать, если не писца? Годъ-два переписывая бумаги, неужели я не довольно бы могъ познакомиться съ дѣлами, чтобы самому не въ состояніи быть занятымъ редакціей? Я уже сказалъ, что съ величайшимъ смиреніемъ готовъ былъ жертвовать покоемъ и самолюбіемъ, въ надеждѣ далеко подвинуться на избранномъ

*) Въ этомъ портретѣ пусть кому угодно будетъ узнать Лубяновскаго.

для меня пути; но лучшія намѣренія мои остались тщетны. При второй экспедиціи положено было учредить статистическое отдѣленіе, составивъ его, подъ управленіемъ ученаго Вирста, изъ десяти образованныхъ молодыхъ людей, въ число коихъ долженъ былъ и я попасть. Вѣрно, тогда въ Петербургѣ и едва ли въ цѣлой Россіи было десять человѣкъ, которые знали что такое статистика, которые слышали объ этой наукѣ, и къ числу ихъ уже, конечно, я не принадлежалъ. Когда мнѣ сказали о томъ, я со всею самонадѣянностію невѣжества подумалъ: Что за нужда! Увижу, такъ и узнаю.

Тутъ представилось одно обстоятельство, повидимому, весьма благопріятное для моей службы, но которое въ послѣдствіи чрезвычайно ей повредило. Не было еще тогда постановленія, чтобы чинъ, получаемый при отставкѣ, снимался при поступленіи вновь на службу. Кто-то посоветовалъ намъ, при переходѣ изъ Иностранной Коллегіи въ департаментъ внутреннихъ дѣлъ, симъ воспользоваться, и въ Генварѣ 1803 года при увольненіи произведенъ я коллежскимъ ассесоромъ. Я очень обрадовался случаю, какъ говорилось, даромъ схватить чинъ, и какой же чинъ? Штабъ-офицерскій, высокоблагородный, который равнялъ меня съ братьями, семь и восемь лѣтъ меня старѣе! Родные мои также обрадовались но не отецъ, который, съ обыкновеннымъ своимъ благоразуміемъ во всѣхъ дѣлахъ, симъ огорчился и бранилъ насъ за то. И дѣйствительно, возвышеніе безъ заслугъ (какъ опытъ то жестоко мнѣ доказалъ) обращается въ постоянное препятствіе къ полученію мѣстъ и можетъ только быть полезно богатымъ и знатнымъ людямъ.

Что потомъ со мной случилось, того уже вѣрно никогда ни съ кѣмъ ни бывало: мистификація, которая болѣе двухъ лѣтъ продолжалась. Мнѣ объявилъ Сперанскій, что я могу почитать себя причисленнымъ къ департаменту, что онъ далъ о томъ приказаніе, но что ходить въ него мнѣ нѣтъ никакой надобности; ибо ближе шести мѣсяцевъ статистическое отдѣленіе образоваться не можетъ. Не знаю, хотѣлъ ли онъ меня обманывать, или пренебрегалъ формами, или по множеству важныхъ дѣлъ забылъ о томъ, какъ бы то ни было, я ему повѣрилъ и два года былъ въ отставкѣ, когда всѣ и я самъ себя считалъ въ службѣ. Что всего страннѣе, я лѣтомъ началъ ходить въ экспедицію, кое-чѣмъ занимался тамъ, какъ увидать далѣе, и никто не сыскался, кто бы предупредилъ меня, что я дурачусь.

Въ увѣренности, что онъ устроилъ будущую судьбу мою, братъ мой полагалъ, что ему ничего не остается болѣе дѣлать, какъ возвратиться въ Пензу. Онъ нанялъ мнѣ квартиру, приказалъ купить на толкучемъ рынкѣ и поставить въ ней не весьма дорогую, не весьма прочную и не весьма красивую мебель, оставилъ мнѣ небольшое ко-

личество денегъ, небольшой запасъ дровъ и не безъ грусти разстался со мною около половины Февраля.

III.

Съ самаго основанія своего, Петербургъ, главное звѣно пристегнувшее Россію къ Европѣ, представлялъ Вавилонское столпотвореніе, являлъ въ себѣ ужасное смѣшеніе языковъ, обычаевъ и нарядовъ. Но могущество народа, коего послушнымъ усиліямъ былъ онъ обязанъ своимъ вынужденнымъ, почти противуестественнымъ существованіемъ, болѣе всего въ немъ выказывалось: Русскій духъ не переставалъ въ немъ преобладать. Въ наружной архитектурѣ домовъ своихъ, какъ и во внутреннемъ ихъ украшеніи, богатые и знатные люди старались подражать отелямъ Сенъ-Жерменскаго предмѣстія; но все это было гораздо въ большемъ размѣрѣ, какъ сама Россія. Заморскія вина подавались за столомъ, но въ меньшемъ еще количествѣ и для отборныхъ лишь гостей, а наливки, медъ и квасъ обременяли еще сіи столы. Французскія блюда почитались какъ бы необходимымъ церемоніаломъ званыхъ обѣдовъ, а Русскія кушанья, пироги, студени, ботвиньи, оставались привычною, любимую пищей. По примѣру Москвы, въ извѣстные храмовые праздники, лучшее общество не гнушалось еще, въ длинныхъ рядахъ экипажей, являться на такъ-называемыхъ гуляньяхъ; оживляемое какимъ-то сочувствіемъ, оно съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ смотрѣло на народныя увеселенія. Въ образѣ жизни самихъ царедворцевъ и вельможъ, а тѣмъ паче чиновниковъ и купечества, даже въ Петербургѣ, все еще отзывалось Русскою стариною. При Петрѣ Великомъ Европа начала учить насъ, при Аннѣ Ивановнѣ она насъ мучила; но царствованіе Александра есть эпоха совершеннаго нашего ей покоренія. Двадцатипятилѣтнія постоянныя его старанія, если не во всей Россіи, то по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ, загнали чувство народности въ послѣдній, самый низшій классъ.

Я не хвалю и не порицаю, а только рассказываю. Начало рѣшительнаго перехода отъ прежней Русской жизни къ европеанизму было для меня чрезвычайно полезно. Всѣ еще гнушались площадною, уличною, трактирною жизнію; особенно молодымъ людямъ благородно рожденнымъ и воспитаннымъ она ставилась въ преступленіе. Обѣдать за свои деньги въ рестораціяхъ едва ли не почиталось развратомъ; а обѣдать даромъ у дядюшекъ, у тетюшекъ, даже у пріятелей родителейскихъ, или ихъ коротко-знакомыхъ, было обязанностію *). Съ

*) Я увѣренъ, что между Русскими, въ Петербургѣ живущими, и теперь не менѣе хлѣбосольства чѣмъ прежде; но тогда хотѣли только кормить и сами быть сыты: ни большихъ прихотей у хозяевъ, ни взыскательности у гостей не было. Теперь же всѣдневный открытый для всѣхъ знакомыхъ столъ не въ состояніи пмѣть первые бочаги.

другой стороны, для приличія, дотолъ необходимо было имѣть экипажъ; даже на прїѣзжающихъ въ дрожкахъ смотрѣли не такъ-то привѣтливо, и тотъ, который на чердакъ своемъ не имѣлъ иногда чашки чаю, часто разѣзжалъ въ каретѣ. При Александрѣ вдругъ пѣшеходство вошло въ моду: самъ Царь подавалъ тому примѣръ. Всѣ стали гоняться за какою-то простотой, ордена и звѣзды спрятались, и штатскіе мундиры можно было встрѣтить только во дворцѣ. Нельзя себѣ представить, какое было ребячество въ этомъ цивизмѣ, въ этомъ мнимомъ Аглинскомъ свободолубіи. Но для меня, сказала я, все это вмѣстѣ было весьма выгодно. Я могъ безъ угрызенія совѣсти ходить пѣшкомъ обѣдать къ знакомымъ, а какъ таковыхъ домовъ набралось у меня болѣе десяти, то посѣщая каждый изъ нихъ недѣли въ двѣ не болѣе одного раза, ни въ которомъ нельзя было почитать меня нахлѣбникомъ; такимъ образомъ сберегались и тощій мой карманъ, и только-что прозябающая моя репутація.

На моемъ мѣстѣ всякій другой могъ бы почитать себя счастливымъ: самая первая молодость, цвѣтущее здоровье, совершенная независимость и удовлетвореніе всѣхъ первыхъ потребностей жизни! Въ семнадцать лѣтъ чего же болѣе для наслажденій? Я уже сознался въ грѣхѣ своемъ, меня мучило самолюбіе; но сколько припомню, ничто не должно было его тревожить. Со мной обходились, можетъ-быть, лучше, чѣмъ я того заслуживалъ; меня отличали отъ десятковъ молодыхъ людей, подобно мнѣ, ничѣмъ не замѣчательныхъ. Многіе находили, что я пригожъ и что неловкость въ манерахъ замѣняется во мнѣ смѣтливостію и живостію ума, пристойностію и занимательностію разговоровъ. Я повторяю чужое, а не свое; самъ же каюсь въ глупости и неблагодарности своей: я брезгалъ обществомъ и почтенными домами, въ кои былъ вхожъ, потому что они не принадлежали къ самому высшему кругу.

Во время перваго пребыванія моего въ Петербургѣ ввелъ я читателя въ два дома: въ полуаристократическій Голандскій Демидова и Французскій, нѣсколько обрусѣвшій, Лабата. Въ обоихъ ту зиму давались балы и собиралось почти одно и то же общество; разница была въ томъ, что въ первомъ изъ нихъ болѣе сіяло звѣздъ и чаще повторялось слово превосходительство, а въ послѣднемъ изобиловали маркизы, виконты и шевалье, все старые эмигранты, которые однакоже баламъ предпочитали обѣды.

Между ними были большіе чудаки: напримѣръ, одинъ Ліонскій каноникъ, графъ Монфоконъ, одной изъ самыхъ знатныхъ фамилій во Франціи, который никогда не говорилъ о религіи, всякій день бывалъ въ театрѣ, былъ весьма безграмотенъ, но въ литературныхъ спорахъ

иногда доходилъ до изступленія, когда не хотѣли согласиться съ его мнѣніемъ, особливо когда трагика Кребильона не хотѣли признавать первымъ писателемъ въ мірѣ. Другой, нѣкто шевалье де-Ламоттъ былъ ростомъ очень малъ, щедущень, чрезвычайно косъ, лицо имѣлъ самое отвратительное и на довольно большомъ пространствѣ жестоко поражалъ всякое чувствительное обоняніе, а между тѣмъ увѣрялъ, что ко вступленію въ отборный полкъ, въ которомъ до революціи служилъ онъ капитаномъ, первыми условіями были молодечество и красота. Какъ духовное, такъ и свѣтское лицо, какъ священникъ, такъ и кавалеръ, оба они торговали тогда винами, выписываемыми изъ Бордо.

Молодыхъ эмигрантовъ, служившихъ тогда у насъ въ гвардіи, съ которыми я тутъ познакомился, можно было почитать цвѣтомъ Франціи. Сіи школьники несчастія были скромны, вѣжливы, приличны, хорошо учились и во всѣхъ сужденіяхъ, исключая о революціи своей, были или основательны, или остроумны. Въ нихъ было нѣчто дѣвственно-религіозно-мужественное; видно было, что они хотѣли осуществить собою тотъ идеалъ совершенства древнихъ рыцарей, который представляли романы, но который исторія такъ жестоко заставляетъ исчезать. Тутъ были: Сенъ-При, славный послѣ Русскій генералъ, который въ нашихъ рядахъ палъ при Реймсѣ; Броглю, также убитый въ войнѣ нашей съ Французами; Дамась, бывший при Карлѣ X министромъ иностранныхъ дѣлъ; Лагардъ, при немъ же посланникомъ въ Гишпаніи. Еще были другіе, между коими одинъ только Растиньякъ былъ вѣтренъ, болтливъ и заносчивъ.

Старые грѣшники, съ поношенными ленточками и поломанными крестиками Св. Лудовика, были смѣшны, слѣдственно забавны; молодые люди были достойны уваженія, любезны и привлекательны. Одни меня тѣшили, и я ихъ за то любилъ; другіе казались мнѣ неподражаемымъ примѣромъ, и я ихъ сердечно уважалъ. Все это рождало во мнѣ пристрастіе, которое прежде имѣлъ я ко всему Французскому. Въ это же время началъ я упитываться злостію противъ Бонапарта, офицеришка, который не дерзалъ еще тогда возсѣсть на престолѣ великаго Лудовика Четырехдесятаго, но уже шелъ къ нему большими шагами.

О другихъ домахъ, съ коими въ это время я случайно познакомился, не стоить много говорить, не потому чтобъ я позволялъ себѣ нынѣ пренебрегать ихъ хозяевами, но отъ того, что они не имѣли никакого вліянія ни на службу мою, ни на образъ моихъ мыслей. Одинъ только требуетъ исключенія. Въ предшествовавшее лѣто, проведенное мною въ Москвѣ, Θεодоръ Александровичъ Голубцовъ былъ въ Пензѣ, для покупки большаго имѣнія, Пыркина. Тамъ познакомился онъ съ моимъ отцомъ, то-есть полюбилъ его и сталъ уважать, то-есть онъ

самъ былъ умный и почтенный человекъ. Онъ съ меньшимъ братомъ Иваномъ Александровичемъ были родные племянники графа Васильева, подъ начальствомъ и руководствомъ коего они начали службу при князѣ Вяземскомъ: канцелярія генераль-прокурора сего была разсадникомъ полезныхъ для государства людей. Оба они были тайными совѣтниками и управляли экспедиціями казначейства, какъ въ Сентябрѣ 1802 года меньшей умеръ, а старшій, по случаю назначенія графа Васильева министромъ финансовъ, сдѣланъ государственнымъ казначеемъ на его мѣсто, но подъ его же начальствомъ. Немногосложность тогдашней финансовой науки дѣлала изъ него самаго искуснаго человека по сей части, и общее мнѣніе предназначало его преемникомъ дяди, какъ сіе въ послѣдствіи и случилось.

Отъ отца имѣлъ я къ нему письмо, которое непременно долженъ былъ ему отдать, чего мнѣ не весьма хотѣлось. У него все было поминистерски; передняя, гдѣ дожидались, чиновники, которые ходили докладывать о приходящихъ: все это меня нѣсколько смущало. Но когда вышелъ хилый, желтенькій, опрятненькій этотъ человекъ, привѣтствовалъ меня добродушною улыбкой и обошелся такъ ласково, какъ никто изъ должностныхъ въ Петербургѣ людей, то, кажется, я согласился бы и часто его навѣщать. Къ несчастію, я ему очень полюбился; онъ напелъ меня столь образованнымъ, что служба въ подвѣдомственной ему части казалась ему для меня неприличною; и когда узналъ, что я попалъ подъ крыль генія-Сперанскаго, то поздравилъ меня съ тѣмъ и хотѣлъ его просить за меня, какъ за роднаго. Онъ былъ полуженатъ; въ послѣдствіи сама церковь, но тогда одно только время освящало давнишній союзъ его съ какой-то Меланіей Ивановной. И потому онъ у себя не охотно принималъ, исключая самыхъ короткихъ, и едва ли случилось мнѣ три раза въ жизни у него обѣдать. Чтобы меня чаще видѣть (сказалъ онъ мнѣ), желалъ бы онъ познакомиться съ овдовѣвшею своею невѣсткой, но она тогда была въ самомъ глубокомъ траурѣ.

Сіе сдѣлалось безъ него. Спустя нѣсколько времени, къ неутѣтливой вдовѣ Голубцовой изъ Пензенской деревни пріѣхали родители ея, Огаревы, поселились у нея и сдѣлались хозяевами ея дома. О Богданѣ Ильичѣ упомянулъ уже я въ самомъ началѣ сихъ Записокъ. Какъ задушевный другъ моего отца, потребовалъ онъ меня къ себѣ и объявилъ, что если у нихъ я буду иначе какъ у себя дома, то онъ будетъ на меня жаловаться. Когда вспомнишь старину и начнешь объ ней безпристрастно судить, то, право, только о потерѣ эдакихъ людей въ ней пожалѣешь.

Съ Марьей Богдановной Голубцовой жилъ единственный братъ ея, Платонъ Богдановичъ Огаревъ, человекъ чрезвычайно добродуш-

ный. Вотъ все что могу объ немъ сказать. Къ сожалѣнію, отецъ его оставилъ ему только большое состояніе; кажется, онъ могъ бы дать ему и много ума. Какъ родительское наслѣдство, предложилъ онъ мнѣ свою дружбу, и хотя онъ былъ меня гораздо старѣе, я охотно принялъ ее, умѣя цѣнить качества сердца. Въ слѣдующее лѣто, когда всѣ родные его уѣхали въ деревню, воспользовался я другимъ его предложеніемъ, жить у него на квартирѣ, и долженъ сознаться, что не одна пріязнь къ нему, но и нужда заставила меня на сіе согласиться.

Пріязненное расположеніе ко мнѣ сестры его, когда прошло время первой супружеской горести, мнѣ показалось еще сильнѣе и нѣжнѣе. Какъ чувствъ ея не могъ я раздѣлять, то мнѣ пришлось притворяться, что я ихъ не понимаю, и до сихъ поръ дивлюсь, какъ могла она мнѣ сіе простить. Это объясняется необыкновенною ея добротою; мпновавъ любовь, она даже послѣ не отказывала мнѣ въ дружбѣ. Она была тогда лѣтъ тридцати, чрезвычайно смугла, нехороша собою, отменно слаба умомъ и сердцемъ и часто влюблялась. А какъ, по правиламъ строгаго цѣломудрїя, въ коихъ она была воспитана, она искала болѣе мужа чѣмъ любовника, то могла сдѣлать весьма худой выборъ, понасть за мальчика или за какого-нибудь сорванца. Она довольно счастливо сіе избѣжала, хотя второе супружество ея и нельзя назвать совершенно выгоднымъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, она вышла за Поляка Сосновскаго, весьма хорошей и извѣстной фамиліи, не столь молодаго, сколь моложаваго красавчика, который весьма долго, искусно и удачно спасалъ лицо свое отъ дѣйствій всесокрушающаго времени. Послѣ полумертвой княгини Шуйской, у которой въ Кіевѣ, во время малолѣтства моего, видѣлъ я его наемнымъ ласкателемъ, соединеніе съ Марьей Богдановной должно было ему казаться весьма прїятнымъ.

Фамилія Голубцовыхъ, по близкому родству съ графомъ Васильевымъ, женатымъ на княжнѣ Урусовой, родственницѣ княгини Вяземской, вдовы генераль-прокурора, была въ свойствѣ и съ сею послѣднею. Въ домѣ этой княгини, которая одну дочь выдала за Неаполитанскаго посланника дюка-де-Серра-Капріола, а другую за Датскаго Розенкранца, собирався весь дипломатическій корпусъ, слѣдственно и высшій кругъ Петербурга. И потому-то отблески его часто мелькали и у Марьи Богдановны, и еслибъ она умѣла быть столь же любезна какъ и добра, то гостиную свою сдѣлала бы одною изъ самыхъ прїятныхъ въ столицѣ *).

*) У госпожи Сосновской (прежде Голубцовой) былъ отъ перваго мужа сынъ Платонъ, женатый на графинѣ Толстой, внучкѣ княгини Вяземской, который умеръ, будучи довольно молодъ и оставивъ нѣсколько сыновей. Дочь ея, Катерина Ивановна, была лю-

Въ большой связи съ Голубцовыми былъ сенаторъ Петръ Ивановичъ Новосильцовъ, также старинный другъ моего отца, о которомъ также упомянулъ я въ началѣ сихъ Записокъ и къ которому также я долженъ былъ явиться. Сначала меня пугала жена его, Катерина Александровна; ничего страшнѣе ея взгляда и голоса, ничего добрѣе ея сердца. Когда первый страхъ во мнѣ прошелъ, я сдѣлался у нея въ домѣ какъ свой. Съ старшимъ сыномъ ихъ, моимъ ровесникомъ, я очень сошелся, чтобы не сказать подружился; и, право, не знаю отъ чего, развѣ потому, что его никто терпѣть не могъ, что онъ самъ, кажется, никого не любилъ, а мнѣ одному оказывалъ ласку и пріязнь. Онъ былъ наружности непривлекательной, имѣлъ желтокрасныя щеки, всегда недовольный видъ и весьма спѣсиво вздернутый къверху крючкомъ не носъ, а подбородокъ. Надобно полагать, что замѣченное имъ всеобщее недоброжелательство дало такое странное расположеніе его лицу, выражающему всегдашнюю готовность отразить насмѣшку или грубость. Нашли, что онъ похожъ на продаваемыхъ тогда деревянныхъ раскрашенныхъ мужичковъ для щелканія орѣховъ, и прозваніе касноазета сохранилъ онъ до смерти и даже послѣ. Гораздо позже отдалился я отъ него, когда узналъ, что правила и поступки его не красивѣе его фигуры. Единственный братъ госпожи Новосильцовой, Ардаліонъ Александровичъ Торсуковъ, былъ оберъ-гофмейстеромъ при дворѣ и женатъ на племянницѣ и наслѣдницѣ знаменитой при Екатеринѣ Марьи Савишны Перекусихиной. Онъ былъ въ большой дружбѣ съ сестрою, и ихъ два дома составляли почти одинъ; потому-то между всякой всячиной встрѣчался въ нихъ и народъ придворный, и люди хорошаго тона.

Одно семейство, которое встрѣчалъ я вездѣ, съ нѣкоторыми членами коего былъ знакомъ и о житѣіи коего я такъ слышался, какъ будто самъ бывалъ у нихъ въ домѣ, было тогда весьма примѣчательно. Теперь въ Петербургѣ едва ли кто знаетъ, что такое были Арбены, а тогда, бывало, лишь назовешь Асафа Ивелича и Марѳу Ивановну, знакомые и незнакомые люди всѣхъ состояній, всякій знаетъ, о комъ идетъ рѣчь. Сія супруги прославились своими странностями, а смертію своею нѣсколько времени оставили въ обществѣ пустоту. Честный и добрый старикъ былъ служакой при Екатеринѣ, когда ихъ было такъ мало, и отъ того долго командовалъ при ней Измайловскимъ

бояио и радостію всѣхъ родныхъ и знакомыхъ. Болѣе десяти лѣтъ чувствовалъ къ ней взаимную страсть Виртембергскій посланникъ принцъ Гогендое - Кирхбергъ. Нѣмецкому князьку неприлично было вступить въ бракъ съ Русскою дворянкою, и онъ могъ сіе исполнить тогда только, какъ королежъ его предварительно пожаловалъ ее графинею своего королевства.

полкомъ; манеры его нѣсколько отзывались фронтомъ и отъ того должны были казаться странными въ гостиныхъ. Примѣчательно въ жизни Юасафа Іевлевича и то, что онъ—изъ малаго числа людей, кои при Павлѣ оставили службу съ честію и миромъ, съ пенсіей и мундиромъ; даже при отставкѣ получилъ онъ чинъ полнаго генерала и остался на житьѣ въ Петербургѣ. Въ Марѣѣ же Ивановнѣ смѣшнымъ казалось то, что, наперекоръ природѣ, она хотѣла оставаться молодою въ шестьдесятъ лѣтъ и для того все у себя красила и перекрашивала, и все это для того только, чтобы лучше понравиться мужу, съ которымъ они жили, какъ голубки. Ихъ домъ, собственный, на Малой Морской, былъ единственное мѣсто, гдѣ самый высшій Петербургскій кругъ встрѣчался съ второстепеннымъ и даже съ третьекласснымъ обществомъ. Въ извиненіе себѣ знатные говорили, что ѣздить посмѣяться, а еслибы сказали правду, то для того, чтобы повеселиться. Говорятъ, дѣйствительно, радушіе было старинное, гостепріимство тогдашнее Московское. Всякій вечеръ чтó хозяева не на званомъ балѣ, у нихъ самихъ незваный балъ: наѣдетъ молодежь, домъ набьется биткомъ, все засмѣется, все запляшетъ. Правда, говорятъ, зажгутся сальныя свѣчи, для прохлады разнесется квасъ; уже ничего прихотливаго не спрашивай въ угощеніи; но за то веселіе, самое живое веселіе, которое, право, лучше одной роскоши, замѣнившей его въ настоящее время. Однакоже, и съ такимъ житьемъ, когда принимаешь у себя весь городъ, небольшому состоянію трудно то выдержать и, кажется, Арбенева не оставили много средствъ жить также весело своему семейству, которое съ тѣхъ поръ удалилось въ провинцію. Какъ ни говори, но чтобъ умѣть постоянно собирать у себя разнородныя общества, необходима въ хозяинѣ или хозяйкѣ особливая приманчивость.

Въ домахъ, гдѣ видѣлъ я сію странную и почтенную чету, у Лабатовыхъ, у тогдашней красавицы Воеводской, которая давала балы, вездѣ играла она самую важную роль: ей принадлежало первое мѣсто на канапе, рука хозяевъ къ столу и лучшіе куски за ужиномъ. Тотъ кругъ, гдѣ на вечерахъ предсѣдательствовала сія чета, былъ довольно обширенъ; къ нему принадлежалъ и домъ Танѣевыхъ, о коемъ послѣ буду говорить, и домъ Морелли-де-Розетти, отставнаго полковника, Французскаго музыканта, который принялъ Итальянское прозваніе, прибавивъ къ нему своевольно графскій титулъ, вышелъ при Потемкинѣ въ чины и женился на достаточной вдовѣ генерала Байкова, и еще многіе другіе. У меня иногда спрашивали, какъ умѣлъ я сдѣлать, чтобы не попасть къ Арбеновымъ, на чтó я отвѣчалъ, что никогда и ни къ кому не любилъ напрашиваться.

Теперь нѣсколько словъ о тогдашнихъ нарядахъ мужскихъ и женскихъ. Мода, которой престоль въ Парижѣ и которая, повидимому, такъ своею властью надъ людьми, сама въ свою очередь слѣпо повинуется господствующему мнѣнію въ отчизнѣ своей, Франціи, и служить, такъ сказать, ему выраженіемъ. При Лудовикѣ XIV, когда онъ Францію поставилъ съ собою на ходули, необъятные парики покрывали головы, люди какъ бы росли на высокихъ каблукахъ, и огромные банты съ длинными, какъ полотенца изъ кружева, висящими концами, прикрѣплялись къ галстукамъ; женщины тонули въ обширныхъ вертюгаденахъ, съ тяжелыми накладками, съ фижмами и шлейфами; вездѣ было преувеличеніе, все топорщилось, гигантствовало, фанфаронило. При Лудовикѣ XV, когда забавы и амурь смѣнили славу, платья начали коротѣть и суживаться, парики понижаться и наконецъ исчезать; ихъ замѣнили чопорные туши, головы осѣнились голубиными крылышками, ailes de pigeon. При несчастномъ Лудовикѣ XVI, когда философизмъ и Американская война заставили мечтать о свободѣ, Франція отъ свободной сосѣдки своей Англій перенесла къ себѣ фракы, панталоны и круглыя шляпы; между женщинами появились шпенцеры. Вспыхнула революція, престоль и церковь пошатнулись и рухнули, всѣ прежнія власти испровергнуты, сама мода нѣкоторое время потеряла свое могущество, ничего не умѣла изобрѣтать, кромѣ красныхъ колпаковъ и безштанства, и террористы должны были въ одеждѣ придерживаться старинны, причесываться и пудриться. Но новые Бруты и Тимолеоны захотѣли, наконецъ, возстановить у себя образцовую для нихъ древность: пудра брошена съ презрѣніемъ, головы завилась а-ла-Титюсъ и а-ла-Каракала, и еслибы республика не скоро началадохнуть въ рукахъ Бонапарте, то показали бы тоги, сандалии и латиклавы. Что касается до женщинъ, то всѣ онѣ хотѣли казаться древними статуями, съ пьедестала сошедшими: которая одѣлась Корнелией, которая Аспазіей. Итакъ Французы одѣваются, какъ думаютъ; но зачѣмъ же другимъ націямъ, особливо же нашей отдаленной Россіи, не понимая значенія ихъ варядовъ, бессмысленно подражать имъ, носить на себѣ ихъ бредни и, такъ сказать, ихъ ливрею? Какъ бы то ни было, но костюмы, коихъ память одно ваяніе сохранило на берегахъ Егейскаго моря и Тибра, возобновлены на Сепѣ и переняты на Невѣ. Еслибы не мундиры и не фракы, то на балы можно было бы тогда глядѣть какъ на древніе барельефы и на Этрусскія вазы. И право, было недурно: на молодыхъ женщинахъ и дѣвнцахъ все было такъ чисто, просто и свѣжо; собранные въ видѣ діадемы волосы такъ украшали ихъ молодое чело. Не страшась ужасовъ зимы *),

*) Многія сдѣлались тогда жертвами несогласія климата съ одеждой. Между прочимъ прелестная княгиня Тюякина погибла въ цвѣтъ лѣтъ и красоты.

онѣ были въ полупрозрачныхъ платьяхъ, кои плотно обхватывали гибкій станъ и вѣрно обрисовывали прелестныя формы; по истинѣ казалось, что легкокрылыя Психеи порхаютъ на паркетѣ. Но каково же было пожилымъ и дороднымъ женщинамъ? Имъ не такъ выгодно было выказывать формы; ну что-жь, и онѣ также изъ Русскихъ Матрешъ перешли въ Римскія матроны.

Послѣ расхищенія гардемѣбля, по увезеніи эмигрантами всѣхъ легковѣсныхъ драгоценностей, кажется, не оставалось во Франціи ни одного камушка. Фортуны раздробились, сравнялись; новыя, кои война и торговля потомъ такъ быстро создали, не успѣли еще составиться, и женщины, вмѣсто алмазовъ, принуждены были украшаться камнями и мозаиками, ихъ мужьями и родственниками награбленными въ Италіи. Намъ и тутъ надобно было подражать. Бриліанты, коими наши дамы были такъ богаты, всѣ попрытаны и предоставлены для ношенія царской фамиліи и купчихамъ. За неимовѣрную цѣну стали доставать рѣзные камни, оправлять золотомъ и вставлять въ браслеты и ожерелья. Это было гораздо античнѣе.

О мужскомъ платьѣ говорить много нечего. Съ тѣхъ поръ какъ я себя помню, умы портныхъ и франтовъ вертятся около вѣчныхъ, несносныхъ, кургузыхъ и непристойныхъ фраковъ: то подыметя, то опустится лифъ или воротникъ, рукава сдѣлаются то уже, то шире, то длиннѣе, то короче. Никакъ не могутъ дойти, чтобы чѣмъ нибудь болѣе живописнымъ замѣнить сей неблагообразный костюмъ.

Вообще мода не что иное какъ вкусъ, дурной или хорошей, который по временамъ мѣняется, какъ и все на свѣтѣ. Слѣдственно какъ о вкусахъ, такъ и о модахъ судить мудро: невозможно съ математическою точностію опредѣлить, въ чемъ красота, въ чемъ безобразіе. Напримѣръ, я слышалъ прежде, что все то, гдѣ простота, правильность линій и округлостей, все что легко, не обременено лишними украшениями—все это ближе къ природѣ, и въ этомъ только состоитъ изящество; я тоже думалъ и думаю нынѣ. Теперь же говорятъ, что сама природа пестра, прихотлива, вычурна, не знаетъ симетріи и иногда прекрасна въ самыхъ ужасахъ своихъ. И это правда, я не спорю и не соглашаюсь; но вѣроятно по привычкѣ все прежнее мнѣ лучше нравится.

Въ области моды и вкуса, какъ угодно, находится и домашнее убранство или меблировка. И по этой части законы предписывалъ намъ Парижъ. Штофныя обои въ позолоченыхъ рамахъ были изорваны, истреблены разъяренною его чернію, да и мирнымъ его мѣщанамъ были противны, ибо напоминали имъ отели ненавистной для нихъ аристократіи. Когда они поразжились, повысились въ должностяхъ, то

захотѣли жилища свои украсить богатою простотою, и для того, вмѣсто позолоты, стали во всемъ употреблять красное дерево съ бронзой, то-есть съ накладною латуною, чтó было довольно гадко; ткани же шелковыя и бумажныя замѣнили сафьянами разныхъ цвѣтовъ и кринолиной, вытканною изъ лошадиной гривы. Прежде простѣвки покрывались огромными трюмо съ позолотою кругомъ, съ мраморными консолями снизу, а сверху съ хорошенькими картинками, представляющими обыкновенно идилліи, писанными рукою Буше или въ его родѣ. Они также свои зеркала стали обдѣлывать въ красное дерево съ мѣдными бляхами и вмѣсто картинокъ вставлятъ надъ ними овальныя стекла, съ подложеннымъ кускомъ синей бумаги *). Шелковыя занавѣси также были изгнаны модою, а дѣлались изъ бѣлаго колена или другой холщовой матеріи съ накладкою прорѣзнаго казимира, по большей части краснаго, съ такого же цвѣта бахрамою и кистями. Эта мода вошла къ намъ въ концѣ 1800 года и продолжалась до 1804 или 1805 годовъ. Павелъ ни къ кому не ѣздилъ и еслибъ увидѣлъ, то конечно воспретилъ бы ее, какъ якобинизмъ.

Консульское правленіе рѣшительно возстановило во Франціи общество и его пристойныя увеселенія: тогда родился и вкусъ, болѣе тонкій, менѣе мѣщанскій, и выказался въ убранствѣ комнатъ. Все дѣлалось а л'антикъ (открытіе Помпей и Геркуланума чрезвычайно тому способствовало). Парижане мало заботились о Ліонѣ и его мануфактурахъ, но правителю Франціи надобно было поощрить ихъ: и шелковыя ткани опять явились, но уже по прежнему не натягивались на стѣнахъ, а щеголевато драпировались вокругъ нихъ и вокругъ колоннъ, въ иныхъ мѣстахъ ихъ замѣвляющихъ. Вездѣ показались албатовыя вазы, съ изсѣченными митологическими изображеніями, курительницы и столики въ видѣ треножниковъ, курульскія кресла, длинныя кушетки, гдѣ руки опирались на орловъ, грифоновъ или сфинксовъ. Позолоченое или крашеное и лакированное дерево давно уже забыто, гадкая латунь тоже брошена; а красное дерево, вошедшее во всеобщее употребленіе, пачало украшаться вызолоченными бронзовыми фигурами, прекрасной отработки, лирами, головками: медузиными, львиными и даже баральными. Все это пришло къ намъ не ранѣе 1805 года, и по моему, въ этомъ родѣ ничего лучше придумать невозможно. Могли ли жители окрестностей Везувія вообразить себѣ, что черезъ полторы тысячи лѣтъ изъ ихъ могилъ весь житейскій ихъ бытъ вдругъ перейдетъ въ Гиперборейскія страны? Одно было въ этомъ нѣсколько смѣш-

*) Ихъ и понынѣ можно найти въ старыхъ мебельныхъ лавкахъ и въ нѣкоторыхъ Русскихъ трактирахъ, куда ходятъ люди простаго званія.

но: всѣ тѣ вещи, кои у древнихъ были для обыкновеннаго, домашняго употребленія, у Французовъ и у насъ служили однимъ украшеніемъ; на примѣръ, вазы не сохраняли у насъ никакихъ жидкостей, треножники не курились, и лампы въ древнемъ вкусѣ, съ своими длинными носиками, никогда не зажигались.

Теперь отъ внутренняго убранства перейдемъ къ наружному, то есть къ архитектурѣ. Въ ней также воскресъ вкусъ Римской и Греческой древности. Когда у Персидскаго посла въ 1815 году спросили, нравится ли ему Петербургъ? онъ отвѣчалъ, что сей только-что вновь строящійся городъ будетъ вѣкогда чудесенъ. Это скорѣе можно было сказать въ началѣ царствованія императора Александра, а еще скорѣе въ нынѣшніе годы. Тогда въ одно время начинались конно-гвардейскій манежъ и всѣ, по разнымъ частямъ города разсѣянные, великолѣпныя гвардейскія казармы, и огромная биржевая зала, одѣтая въ колонны, съ пристанью и набережными вокругъ нея, и быстро подымался Казанскій соборъ съ своею рощей изъ колоннъ и уже примѣтно передражничивалъ церковь Св. Петра въ Римѣ; обывательскіе же трехъ и четырехъ-этажные каменные дома на всѣхъ улицахъ росли не по днямъ, а по часамъ. Въ то же время чистили и дѣлали судоходною рѣчку Пряжку, бока Мойки выкладывали камнемъ и перегибали черезъ нее чугунные мосты; по Невскому проспекту и на Васильевскомъ острову протягивали бульвары и, наконецъ, отъ самой подошвы перестраивали заново старое, кирпичное, съ землянымъ валомъ, Адмиралтейство. Такъ какъ Государь единственнымъ, любимымъ своимъ лѣтнимъ мѣстопребываніемъ избралъ небольшой Каменно-островскій дворецъ, то вдругъ прервалось угрюмое молчаніе окрестъ лежащихъ острововъ. Вездѣ на нихъ застучали топоръ и молотъ, и засвистѣла пила; болота ихъ осушились и поросли дачами. Можно себѣ представить, какая строительная дѣятельность была тогда во всемъ Петербургѣ.

Четыре архитектора были тогда извѣстны: двое Русскихъ, Захаровъ и Воронихинъ, Итальянецъ Гваренги и Французъ Томонъ. Первый изъ нихъ, по части зодчества, въ художественной нашей исторіи стоитъ пониже поэта въ архитектурѣ, Баженова, и наравнѣ съ Старовымъ и Кокориновымъ. Надобно было его искусство, чтобы растянутому фасаду Адмиралтейства дать тотъ красивый видъ, ту правильность и гармонію, которыми мы понынѣ любуемся. Другой же, Воронихинъ, былъ холопъ графа Строганова, президента Академіи и мецената художествъ; а какъ въ старину баре, даже и знатные, отдавали мальчиковъ въ ученье, не справляясь съ ихъ склонностями, то, вѣроятно, и Воронихинъ, природой назначенный къ сапожному ремеслу,

ученіемъ попалъ въ зодчіе. И онъ по рекомендаціи своего господина построилъ Казанскій соборъ, этотъ копінстъ въ архитектурѣ, который ничего не могъ сдѣлать, какъ самымъ сквернымъ почеркомъ переписать намъ Микель-Анджело. Старикъ Гваренги часто ходилъ пѣшкомъ, и всякъ зналъ его, ибо онъ былъ замѣчательнъ по огромной синеватой луковицѣ, которую природа вмѣсто носа приклеила къ его лицу. Этотъ человѣкъ соединялъ все, и знаніе, и вкусъ, и его твореніями болѣе всего красится Петербургъ; къ сожалѣнію, въ это время, кажется, его ни на что не употребляли. Мусью Томонъ или Томасъ де-Томонъ, какъ онъ подписывался и печатался, былъ человѣкъ не безъ таланта, какъ то доказывается построенною имъ Биржею. Онъ также былъ извѣстенъ какъ бѣшенный роялистъ и пламенный католикъ; земляки его, средняго состоянія, составлявшіе религіозно-легитимистскую партію, которая такъ безкорыстно стояла за тронъ и церковь, говорятъ, всё у него собирались.

Былъ еще одинъ Французъ, архитекторъ, конечно, гораздо выше другихъ товарищей своихъ въ искусствѣ, которые съ тѣхъ поръ къ намъ изъ Франціи пожаловали. Это Камеронъ, построившій Царскосельскую колоннаду, который тогда былъ живъ, здоровъ и находился въ Петербургѣ. Непонятно, какъ, имѣя въ своемъ распоряженіи Гваренги и Камерона, можно было что-нибудь великое поручить Воронихину? Тутъ бы національность въ сторону: съ такими людьми народная слава скорѣе теряетъ, чѣмъ выигрываетъ.

Безо всякаго дѣла, какъ настоящій фланёръ, часто посѣщалъ я публичныя работы, которыя мнѣ какъ будто были приказаны. Какъ это занимало меня, дивило, восхищало! И возможно ли перемѣниться такъ въ чувствахъ? Нынѣ безъ сердечной горести, безъ глубокаго увннія не могу я видѣть, какъ громоздятся у насъ дворцы и храмы. Всякій разъ, что взгляну я на нихъ, невольно вспомню, что крытый соломою Римъ покорилъ вселенную, а когда воздымались въ немъ Коллизей, Нероновы бани и Адриановъ мавзолей, то начали появляться варвары и отхватывать отдаленныя его провинціи; вспомню, что среди развалинъ сего самаго Рима возникла папская власть, которая распространилась по всему христіанству, а когда соорудился Ватиканъ и храмъ апостола Петра сталъ возноситься на удивленіе всего просвѣщеннаго христіанскаго міра, бѣдная его половина оторвана отъ него Лютеромъ и Кальвиномъ; вспомню, что построеніе Алабры незадолго предшествовало покоренію Гренады, и съ того времени, какъ поднялся Эскуриаль, начался постепенный упадокъ Гиппаніи; вспомню также, что Святая Софія, Пиподромъ и Влахернскій дворецъ созидались почти въ виду непріятельскихъ становъ. Наконецъ, спрошу у себя,

на чью славу простояли вѣка Египетскія пирамиды, когда попеременно онѣ дѣлались добычею Камбиза, Александра Великаго, Юлія Кесаря, Омара, Наполеона, и нынѣ, подъ именемъ Мегемета - Али, неизвѣстно кто владычествуетъ надъ ними: Турки, Французы или Англичане? Нѣтъ, роскошь, расточительность не есть величіе царское, и огромныя зданія изящной архитектуры—часто одни только великолѣпныя занавѣсы, закрывающія народную нищету.

IV.

Въ отдаленномъ времени, о коемъ пишу, нельзя вдругъ припомнить всѣхъ замѣчательныхъ и пріятныхъ знакомствъ, которыя въ это время я сдѣлалъ. Я было и забылъ одного почтеннаго человѣка, за непосѣщеніе коего получилъ я отъ отца выговоръ и строгое приказаніе къ нему явиться. Это былъ Голандецъ Сухтеленъ, мужъ ученый, кроткій и добродѣтельный, который при Павлѣ на мѣсто Шардона начальствовалъ въ Кіевской крѣпости надъ инженерами; тутъ составила у нихъ съ отцомъ моимъ дружба, которую одна смерть только прекратила. При Александрѣ былъ онъ его любимцемъ, генераль-инженеромъ и генераль-квартирмейстромъ, управляя обѣими частями почти независимо отъ Военнаго Министерства, и помѣщался въ великолѣпныхъ покояхъ оставленнаго Михайловскаго замка. Въ длинномъ ряду воспомнаній, кои такъ тревожатъ, утомляютъ душу, встрѣчаются изрѣдка такія, на коихъ она отдыхаетъ, сладостно успокоивается; въ числѣ ихъ находится у меня и Петръ Корниловичъ Сухтеленъ, котораго едва ли я чувствую себя достойнымъ изобразить. Онъ былъ росту небольшого, нѣсколько сутуловатъ, имѣлъ лицо чистое, на которомъ еще въ старости игралъ румянецъ, и голосъ, коему небольшой недостатокъ въ произношеніи (вмѣсто *m* говорилъ онъ всегда *c*) придавалъ еще болѣе пріятности. Съ кипящимъ любовію къ добру сердцемъ, при неутомимой дѣятельности, наружность его сохраняла спокойствіе, почти неподвижное, озаряемое легкою улыбкой. Этотъ человѣкъ ужасалъ своимъ знаніемъ, но такъ былъ скромень, что не только пугать, но даже удивлять имъ никого не думалъ. Страсть къ учености была въ немъ тихій, неугасаемый жаръ, его жизнь, его отрада, коею готовъ онъ былъ дѣлиться со всѣми, кто болѣе или мѣнѣе поклонялся свѣтильнику наукъ. Тотъ, кто, казалось, не обидѣлъ бы мухи, въ полѣ былъ неустрашимый воинъ, и всевѣдущій сей, въ обществѣ невѣждъ, былъ ласковъ, пріветливъ, не давая подозрѣвать о своемъ знаніи. Всѣ математическія науки, всѣ отрасли литературы,

Философія, богословіе равно ему были знакомы; въ художестваль былъ онъ вѣрный и искусный судья. Но какъ успѣвалъ онъ копить сокровище своего знанія, когда половина дня поглощаема у него была занятіями по службѣ—это суцая загадка.

Разъ въ недѣлю долженъ былъ я у него обѣдать и, наконецъ, удостоился быть въ его кабинетъ-библіотекѣ, который заслуживаетъ быть описаннымъ. Можно представить себѣ мое изумленіе, когда вошелъ я въ бывшую тронную залу императора Павла. Она была въ два свѣта; на великолѣпно расписанномъ плафовѣ изображенъ былъ Юпитеръ-Промовержецъ и весь его Олимпъ; подъ вызолоченнымъ карнизомъ видны были гербы всѣхъ княжествъ Россійскихъ; мѣсто, гдѣ былъ тронъ, было замѣтно по сохранившимся надъ нимъ рѣзнымъ фигурамъ, и огромное зеркало въ 12 или 13 аршинъ вышины было въ числѣ забытыхъ или оставленныхъ украшеній. Но стѣны чертога были голы, даже не покрыты краскою; вдоль оныхъ до половины ихъ вышины тѣсно поставлены были выкрашенные простаго дерева шкапы безъ стеколъ и завѣсокъ. А между тѣмъ ихъ полки поддерживали драгоцѣнности, коимъ могъ позавидовать всякій библіофилъ: кажется, одни Эльзевиры были безъ счету. На серединѣ залы стояли, одинъ за другимъ, престрашные столы съ ящичками до полу, которые въ нѣдрахъ своихъ хранили другія сокровища: рѣдкія рукописи, собранія эстамповъ и медалей, а сверху были обременены неразставленными еще фоліантами. Память о покойномъ государѣ была такъ еще свѣжа, что я невольно вздрогнулъ, и была минута, въ которую мнѣ показалось, что разгнѣванная тѣнь его пронеслась по мирному кабинету мудреца. Какая противоположность! Тамъ, гдѣ еще недавно съ трепетомъ проходили царедворцы, тамъ ежедневно по цѣлымъ часамъ блаженствовалъ мужъ добра и науки.

Онъ былъ настоящій библіоманъ. Это такого рода роскошь, на удовлетвореніе коей болѣе всего потребны время и разчетливость. Генераль Сухтеленъ, не бѣдный и не богатый, всю жизнь свою употреблялъ половину доходовъ на покупку книгъ и по смерти своей наслѣдникамъ своимъ оставилъ такую библіотеку, которую приобрѣла казна, ибо ни одинъ частный человекъ не въ состояніи былъ купить ее.

Въ обществѣ его, обыкновенно составленномъ изъ знаменитыхъ путешественниковъ, художниковъ и ученыхъ, могъ я тогда быть голько слушателемъ. Однакоже всегда быть лицомъ безъ рѣчей могло бы мнѣ, наконецъ, наскучить; отъ сей опасности былъ я огражденъ разговорами дочери его Марьи Петровны, фрейлины, весьма остроумной, оригинальной и даже курьезной дѣвицы, некрасивой собою, чрезвычайно

смѣшливой и немного насмѣшливой. Еще занимательнѣе былъ для меня братъ ея Павелъ Петровичъ, молоденькій мальчикъ, въ офицерскомъ мундирѣ квартирмейстерской части, живой, веселый, добрый, умный, но который, приглядѣвшись ко всему, что имѣетъ истинное достоинство, какъ будто не зналъ ему тогда цѣны и плѣнялся единственно блестящей шумихой гвардейскихъ мундировъ, двора и свѣта. Онъ не долго вздыхалъ о кавалергардскомъ полку, годъ или полтора: съ покровительствомъ такого отца ему не слишкомъ трудно было въ него перейти. Офицеры этого полка славились тѣмъ, чему въ Русскомъ языкѣ нѣтъ имени—*fatuité*, что нельзя перевести названіями самодовольства, хвастовства, чванства; ибо ни которое отдѣльно, но все вмѣстѣ входятъ въ составъ сего недостатка. Эта врожденная склонность почти всѣхъ молодыхъ и многихъ старыхъ Французовъ у насъ сдѣлалась исключительно принадлежностью одного полка, который за то, почти не исключая женщинъ, все терпѣть не могли. Особенно ненавидѣли его гвардейцы другихъ полковъ, начиная съ брата государева Константина Павловича; съ негодованіемъ смотрѣли на первенство его и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ будто его признавали *). Мой Сухтеленъ также сначала со мною поднялъ носъ; но онъ такъ не ловко чванился, такъ мило пришепетывалъ, что я не могъ на него долго сердиться, и онъ самъ, наконецъ, почувствовалъ, какъ это смѣшно. Когда съ лѣтами прошло его легкомысліе, остались одни его прекрасныя, благородныя свойства. Онъ былъ полезенъ какъ воинъ и какъ гражданинъ, стоялъ уже на высокой степени, начиналъ Россіи замѣнять отца, какъ внезапная смерть похитила его у обоихъ, и пережившій его старецъ осужденъ былъ нѣсколько лѣтъ оплакивать его потерю.

Изъ всѣхъ юношей-ровесниковъ чаще всѣхъ видѣлъ я тогда Блудова, товарища моего по службѣ въ Московскомъ архивѣ. Ни въ образѣ воспитанія, ни въ характерѣ, ни въ привычкахъ, ни въ склонностяхъ, ни въ чемъ у насъ ничего не было общаго; мы отправились съ столь различныхъ точекъ, что, казалось, никогда сойдтись не можемъ. Единственный сынъ нѣжной, умной, попечительной и хворой матери, коей былъ онъ и единственною отрадой и упованіемъ, онъ никогда еще не разлучался съ нею, выросъ, такъ сказать, въ теплицѣ ея заботливости, въ тѣсномъ кругу людей ею избранныхъ. Я въ

*) Кто бы могъ ожидать, чтобы въ полку, гдѣ на все дѣльное смотрѣли съ презрѣніемъ, коего сущность была искусное наѣздничество, франтовство и фразы, что въ этомъ полку увидимъ мы, наконецъ, знаменитую школу, образовавшую намъ всѣхъ нашихъ великихъ государственныхъ людей? Чернышовъ, Левашовъ, Киселевъ, все эти орлы изъ одного гнѣзда вылетѣли.

Кіевъ получилъ, можно сказать, площадное воспитаніе; гостинная монахъ родителей была волшебный фонарь, гдѣ безпрестанно однѣ проѣзжія фигуры смѣняли другія, былъ потомъ въ публичномъ заведеніи, жилъ по чужимъ домамъ и изъѣздилъ уже почти половину Россіи. Но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ наше положеніе въ Петербургѣ было сходно: наше одиночество, самолюбіе, которое не допускало насъ искательствомъ приобрѣтать полезныя знакомства, все это насъ сблизило.

Еще и донинѣ благодарю я Провидѣніе, пославшее мнѣ наставника, едва вышедшаго изъ отроческихъ лѣтъ. Съ самаго рожденія видѣлъ я въ отцѣ примѣръ всѣхъ добродѣтелей; но онѣ стояли такъ высоко передо мною, что я не смѣлъ надѣяться до нихъ когда-либо возвыситься; въ отчаяніи, въ пренебреженіи къ самому себѣ, я почиталъ себя добычей, обреченною пороку. Еслибы былъ я тогда въ частыхъ сношеніяхъ съ угрюмымъ педагогомъ, который бы ежедневно проповѣдовалъ мнѣ о моихъ обязанностяхъ, то еще бы болѣе утвердился въ семь мнѣніи. Но мнѣ предстала нравственность въ самомъ миломъ видѣ: тотъ, котораго годъ или два назадъ зналъ я умненькимъ шалуномъ, ничего не утративъ изъ веселонравія своего, живости, остроумія, словомъ и дѣломъ строго повиновался всѣмъ уставамъ чести и добродѣтели.

Мнѣ предстоитъ подвигъ трудный: изобразить этого человѣка. Если, увлекаясь пристрастіемъ, умолчу я о слабостяхъ его, то что будетъ съ истиною, съ даннымъ мною обѣщаніемъ? И какъ нѣтъ ничего совершеннаго въ мірѣ, то какое правдоподобіе будетъ имѣть мой рассказъ? А говорить о его недостаткахъ куды не хочется! Впрочемъ, мнѣ бояться нечего: они такъ потоплены блистательными, рѣдкими, въ наше время необычайными качествами, что покажутся развѣ какъ родимое пятнышко на красивомъ лицѣ.

Природа создала его порочнымъ. Она сдѣлала болѣе, она открыла въ немъ два главныхъ источника всѣхъ пороковъ: гордость и лѣность; но въ тоже время вложила въ него искру того небеснаго огня, отъ котораго, рано или поздно, сіи источники должны были иссякнуть, и душа его спозаранку получила удивительную способность быстро воспламеняться отъ малѣйшаго прикосновенія всего изыскаго въ нравственномъ мірѣ. Непорочная любовь съ ея чистѣйшими, нѣжнѣйшими восторгамъ, и дружба весьма немногимъ прежде, нынѣ же почти никому непонятная, и вѣра съ ея тихими неземными наслажденіями, и честь со всею строгостію ея законовъ, и патриотизмъ со всею возвышенностію чувствъ имъ возбуждаемыхъ, обхватили и проникли сію почти отроческую душу. Все въ ней сдѣлалось поэзія, и

страсть къ ея произведеніямъ была главнѣйшею въ первой молодости Блудова. Можетъ-быть, она отвлекла его отъ другихъ занятій, въ мнѣніи свѣта, болѣе полезныхъ; но она очаровала его юность, расцвѣтила воображеніе и спасла его сердце отъ жестокаго эгоизма, къ которому, грѣха таить нечего, оно имѣло склонность. Время не могло истребить счастливыхъ впечатлѣній, сею первою эпохою жизни оставленныхъ; ихъ не могло совершенно подавить бремя государственныхъ дѣлъ, и не остыли они отъ холода лѣтъ и высшаго общества, въ которомъ живетъ онъ. И вотъ почему въ Россіи, увы! онъ почти единственный государственный человѣкъ, который о благѣ ея мечтаетъ болѣе чѣмъ о почестяхъ.

Не надобно забыть, что восемнадцатый вѣкъ едва только кончился въ то время, о которомъ пишу. Въ то время невѣріе почиталось непремѣннымъ условіемъ просвѣщенія, и цѣломудріе юноши казалось вѣрнымъ признакомъ его слабоумія. Итакъ Блудову предстояла борьба не только съ самимъ собою, но и съ мнѣніемъ большинства людей. Онъ не хвастался своими чувствами, но и не скрывалъ ихъ; все это въ молодомъ мальчикѣ не показываетъ ли и силу характера и силу убѣжденія? Правда, на мерзости людскія смотрѣлъ онъ не совсѣмъ по-христіански, не съ братскимъ соболѣзнованіемъ, не только съ гордостью и презрѣніемъ, но и съ постоянною досадой, и эпиграмы, коними языкъ и перо его были вооружены какъ иглами, съ обоихъ такъ и сыпались. И ненависть глупцовъ уже почтила его въ первые годы пребыванія его въ Петербургѣ; особенно не влюбили его молодые люди, много и скверно болтавшіе по-французски: они уже дали ему названія и мешана, и костика.

Всего болѣе нравъ его выказывался въ бесѣдахъ съ молодыми друзьями. Приучивъ себя къ какому-то первенству между ними, онъ часто какъ будто требовалъ исполненія воли своей и потомъ, какъ бы опомнясь, переходилъ къ неожиданной уступчивости. Глядя со стороны, нельзя было рѣшительно сказать, тиранъ ли онъ друзей своихъ, или ихъ жертва? Это объясню я двумя словами: онъ властвовалъ надъ ними умомъ и покорялся имъ сердцемъ.

Этого человѣка искалъ я, вмѣстѣ и страшился. Трусости сей я не красябю и нынѣ готовъ ея похвалиться: я боялся его какъ совѣсти своей. Въ одномъ чувствовалъ я превосходство свое передъ нимъ: мнѣ жаль было видѣть, какъ, при умѣ его, могъ онъ съ такимъ участіемъ, иногда съ восхищеніемъ, говорить о Русской словесности; мнѣ казалось, что между высокопарно-скучнымъ церковнымъ и стихотворнымъ языкомъ нашимъ и гадкимъ языкомъ простонародья неизмѣримое пространство, на срединѣ коего, какъ едва примѣтная точка, стоялъ

Карамзинъ. Какой тутъ быть прозѣ, какимъ стихамъ, думалъ я, и стоить ли о томъ говорить? За то въ мысляхъ о Франціи и энтузіазмѣ къ ней были мы совершенно согласны; въ этомъ онъ былъ мой оракулъ, а Лагарпъ его законодатель. И тутъ являлось его правовѣріе: роялизмъ былъ его политическою, а классики литературною вѣрой.

Кажется, болѣе всего соединяла насъ въ это время страсть къ Французской сценѣ, которая во мнѣ доходила до безумія. Мнѣ случилось не допивать, не доѣдать; случалось довольствоваться людскими щами и кашей, чтобы послѣдній мѣдный рубль нести въ театръ: тамъ была вся услада, все утѣшеніе моей жизни; тамъ я былъ увѣренъ встрѣтить Блудова, и мы оба во всемъ смыслѣ могли называться пиластрами партера, какъ говорятъ Французы.

И вотъ тутъ-то примусь я описывать со всею подробностію (читай меня, или не читай) любопытнѣйшее занятіе праздной моей молодости. Я говорилъ уже о Петербургскомъ театрѣ при Павлѣ Первомъ, когда я только что прозрѣлъ его. Вскорѣ послѣ кончины сего императора, удалилась или была выслана красавица-пѣвица Шевалье съ балетмейстеромъ мужемъ своимъ, и опера безъ нея осиротѣла. Прошелъ траурный годъ, въ продолженіе коего придворные актеры не могли являться на сценѣ, и о театрѣ, до котораго императоръ Александръ никогда не былъ большой охотникъ, какъ будто позабыли. Но когда весной 1802 года онъ опять былъ открытъ, среди всеобщаго стремленія къ веселостямъ, тогда всѣ почувствовали необходимость его въ столичномъ городѣ. Для самого Государя, тогда еще совершенно молодого, публичныя увеселенія имѣли еще нѣкоторую заманчивость. Каменный или Большой театръ, воздвигнутый въ Коломнѣ при Екатеринѣ, велѣно архитектору Томону перестроить заново и съ большою противъ прежняго роскошью; а покамѣстъ, дабы не прерывать представлений, отысканъ деревянный или малый театръ, никому неизвѣстный, построенный великолѣпнымъ княземъ Потемкинымъ на дворѣ принадлежавшаго ему Аничковскаго дворца. Самъ директоръ императорскихъ театровъ, расточительный оберъ-камергеръ Нарышкинъ, отправился въ примиренный съ нами Парижъ и навербовалъ тамъ два или три комплекта артистовъ всякаго рода. Все наѣхало, все поспѣло въ послѣдніе мѣсяцы сего 1802 года, первые пребыванія моего въ Петербургѣ. Перестроенный Большой театръ открытъ 30 Ноября; меня чуть не задавили при входѣ, и я все-таки въ него не попалъ. Нѣсколько дней спустя, было воскресеніе Французской оперы, то-есть первый дебютъ знаменитой у насъ Фились.

Незабвенная Фились! Какими я блаженными минутами ей обязанъ! Девять лѣтъ сряду восхищала она меня. Но не подумайте, читатель,

чтобъ я въ нее хотя сколько-нибудь былъ влюбленъ; это было невозможно, вопервыхъ, потому что я никогда вблизи ея не видывалъ, и потому, вовторыхъ, что на самой сценѣ, не смотря на оптическій обманъ, она мнѣ казалась болѣе дурна, чѣмъ хороша собою. Она была уроженка изъ Бордо и 24 лѣтъ, когда къ намъ пріѣхала. Всѣмъ извѣстно, что подъ жаркимъ, южнымъ небомъ все сладчайшее, плоды и женщины, зрѣеть гораздо ранѣе, чѣмъ у насъ, и, не смотря на молодые свои годы, моя Филисъ казалась едва ли не перезрѣлою. У нея же былъ длинный носъ и смуглое лицо, чего я терпѣть не могу. Но все что только можетъ замѣнить свѣжесть и красоту, все въ ней находилось; все было плѣнительно, очаровательно: и взглядъ ея, и поступь, и игра, и голосъ, когда она имъ говорила, и умѣнье владѣть имъ, когда она пѣла, и умѣнье наряжаться со вкусомъ. Никто не влюблялся въ нее какъ женщину, всѣ обожали какъ пѣвицу и актрису. Въ Парижѣ прелести ея цѣнились выше, чѣмъ у насъ; онѣ произвели страсть и гоненія брата Бонапарте, Иеронима. Видно, что власть семейства перваго консула была очень велика, ибо свободѣ Андріе (мужа или любовника Филисъ) угрожала опасность, и они, сдѣлавъ условія съ Нарышкинымъ, тайно бѣжали въ Россію...

Въ продолженіи 1803 года не проходило почти недѣли, чтобы не было на Французскомъ театрѣ дебюта и одной или двухъ новыхъ пьесъ. Въ аристократическомъ обществѣ, между нашими боярами, были Французы и Француженки разныхъ временъ и возрастовъ. По ихъ требованію, въ угожденіе имъ, начали отыскивать всѣ современныя имъ музыкальныя произведенія, и стали восходить до Монсиньи и Рамò; къ счастью, современниковъ Лулли никого уже не было. Глюкъ и Пиччини мирно встрѣтились у насъ на одной сценѣ, пропѣтые одними и тѣми же артистами, и одни и тѣже зрители, не давая одному передъ другимъ преимущества, обоимъ съ одинаковымъ равнодушіемъ рукоплескали. Только для немногихъ *Ифигенія*, *Орфей* и *Эдипъ въ Колоннѣ* воскрешали бывшее; когда хоромъ запѣли *Achille sera votre époux*, говорятъ, старикъ графъ Строгановъ затрепеталъ отъ восторга; когда Андріе, играя Блонделя въ *Рихардъ Львиномъ Сердцѣ*, несноснымъ голосомъ своимъ затянулъ *O Richard, o mon roi*, одна престарѣлая княгиня, пораженная воспоминаніями, въ ложѣ своей зарыдала. Для нашего же поколѣнія Грёттри казался уже ветхъ, и неистощимый Далеиракъ былъ часто несносенъ. Но что я говорю о нашемъ поколѣніи! Поминками о Филисъ не похожъ ли я на тѣхъ, о коихъ сейчасъ говорилъ? Съ тою однакоже разницей, что музыка, отъ коей въ молодости былъ я внѣ себя, является мнѣ нынѣ изрѣдка и противъ воли

моей, какъ старая, давно забытая любовница, вся въ сѣдинахъ и морщинахъ....

Съ Французскимъ театромъ почти неразрывно связаны балеты; они чисто Французскія произведенія. Ихъ составлялъ тогда и потомъ блисталъ въ нихъ примѣчательный Дидло съ женою своею. Увѣряли, что нашимъ молодымъ Русскимъ танцовщикамъ и танцовщицамъ потомъ и кровью доставалось плясовое искусство: Дидло, всегда вооруженный пристрашнымъ арапникомъ, посредствомъ его (какъ нѣкогда Пото со мною) давалъ имъ уроки. Другой танцовщикъ назывался Дютакъ, и про него кто-то сказалъ, что онъ Нетакъ. Тогда было не то, что нынѣ: давали почти одни серьезные балеты, плясовыя трагедіи, *Медя и Язонъ*, *Апеллесъ и Кампасна*, *Пирамъ и Тизбе*, которые казались еще скучнѣе нынѣшнихъ.

Двору и обществу, какъ ребятамъ, всего хотѣлось: все еще имъ мало было забавъ. Прежняя Итальянская труппа была распущена; имъ захотѣлось новой, а какъ императоръ не былъ охотникъ до музыки, какъ уже сказалъ я, то безъ всякаго казеннаго участія дозволилъ ее только выписать, и вмѣсто всякой другой помощи, велѣлъ отдать ей даромъ, по открытіи Большаго театра, малый, Аничковскій. Антрепренеру Казасси посчастливилось сманить славные таланты, но не удалось приобрѣсти выгодъ отъ своего предпріятія; онъ едва не сдѣлался банкротомъ, и тогда уже убѣдили Государя бѣдную труппу взять подъ свое покровительство и назвать придворною. А если эта труппа не умѣла сдѣлать Петербурга музыкальнѣе, то видно никогда ему такимъ не быть.... Преимущественно играли они тогда музыку Чимароза, Паэзіэлло, Назолини, Фіораванти. Какъ изученіе Итальянскихъ оперъ требуетъ болѣе времени чѣмъ водевилей, то частымъ повтореніемъ своимъ онѣ скоро надѣли, и въ 1806 году совсѣмъ прекратилось ихъ здѣсь существованіе.

Не знаю, какъ другимъ молодымъ людямъ, но мнѣ случалось быть въ Нѣмецкомъ и въ Русскомъ театрѣ, какъ и въ балаганахъ о Святой, т. е. очень рѣдко. Я винился знакомымъ, что видѣлъ три Нѣмецкія оперы, именно *Волшебную Флейту* Моцарта, Вѣнскую народную *Донаувейбхенъ* и весьма забавный фарсъ *die Schwestern aus Prag*, и надо мной готовы были смѣяться. Наша новорожденная драматическая литература стояла въ глазахъ нашихъ все-таки выше Нѣмецкой; она была по крайней мѣрѣ блѣдная копія Французской, которая обществомъ почиталась тогда первѣйшею въ мірѣ. Играли, однакоже, Нѣмецкія комедіи и трагедіи передъ Нѣмецкою публикой, которая въ Петербургѣ всегда бываетъ многочисленна и которая тогда бредила Шиллеровыми *Разбойниками* и *Донъ-Карлосомъ*. Въ это время (да

полно, не такъ ли и нынѣ?) на Нѣмецкомъ языкѣ все серіозное казалось мнѣ нестерпимымъ, все пристойно-веселое скучнымъ, все нѣжное отвратительнымъ; нравились мнѣ одни только фарсы. Вотъ отчего остались у меня въ памяти только два искусные забавника, Штейнбергъ и Линденштейнъ, да еще одна молоденькая пѣвица, демоазель Брюкль, совсѣмъ не забавная, но примѣчательная по огромному голосу своему, не скажу пріятному, и по Нѣмецкой постоянности, съ какою слушали ее въ однѣхъ роляхъ болѣе тридцати лѣтъ и съ какою она занимала ихъ.

Русскій театръ, въ первые два-три года Александрова царствованія, оставался еще Россійскимъ театромъ, созданнымъ Сумароковымъ, и почти не подвигался впередъ. Незадолго до пріѣзда моего, представленіе одной новой пьесы, *Лиза* или *Торжество благодарности*, весьма ничтожной и давно забытой, было важнымъ происшествіемъ и возбудило не только вниманіе, но и удивленіе публики, и авторъ г. Ильинъ удостоился чести совершенно новой, дотолѣ у насъ неслыханной: его вызвали на сцену. Ободренный симъ примѣромъ, другой, столь же неизвѣстный авторъ г. Федоровъ, слѣдующею весною, вывелъ свою драму, другую Лизу, взятую изъ *Бѣдной Лизы* Карамзина, но имѣлъ успѣхъ уже посредственный. Недолго жалкіе сіи люди одни владѣли Русскою сценою, пока не явились сперва Крыловъ, а вскорѣ потомъ и Шаховской и продлили цѣль Русскихъ комиковъ, прерванную смертію Княжнина и Фонъ-Визина и молчаніемъ Капниста. Крыловъ, съ которымъ я тогда рѣдко и довольно сухо встрѣчался, пересталъ уже жить по добрымъ людямъ и испытывалъ силы свои въ разныхъ литературныхъ родахъ. Каждый бы ему дался, и тому служить доказательствомъ двѣ написанныя имъ въ это время комедіи: *Урокъ дочкамъ* и *Модная лавка*. Но чтобы на этомъ поприщѣ достигнуть возможнаго совершенства, не доставало ему одного—прилежанія. Басни избралъ онъ не потому, чтобы почиталъ ихъ единственною стезею, могущею вести его къ извѣстности и славѣ, а потому что находилъ ее удобнѣйшею, легчайшею и прибыльнѣйшею*). О Шаховскомъ, съ которымъ я послѣ такъ коротко былъ знакомъ, о его слабостяхъ и достоинствахъ, нахожу, что здѣсь еще не мѣсто говорить.

Что сказать о лицедѣяхъ нашихъ того времени? Начнемъ съ трагическихъ, съ Яковлева и Каратыгиной. Первому искусство ничего не дало, природа все: мужественное лицо, высокій, стройный станъ,

*) На вопросъ одного умершаго пынѣ поэта, который спрашивалъ его: отчего онъ басни предпочелъ другимъ стихотвореніямъ, онъ отвѣчалъ: „Этотъ родъ понятенъ каждому; его читаютъ и слуги, и дѣти... ну, и скоро рвутъ“.

органъ звучный и громкій, но всѣми дарами ея не умѣлъ онъ воспользоваться. Я не виню его. Говорятъ, что у Дмитревскаго не было образцовъ; напрасно: онъ видѣлъ ихъ за границей и по нимъ образовалъ природный даръ свой, весьма необыкновенный. Когда онъ вошелъ и показался на сценѣ, въ Петербургѣ не было ни одного иностраннаго театра, и онъ имѣлъ судіями и зрителями дворъ, лучшее общество и много людей, которые сами образцы его видѣли. Яковлевъ игралъ передъ многочисленною толпой, въ которой самая малая часть принадлежала къ среднему состоянію; остальное было ближе къ простонародью, даже къ черни. Какъ актеру не искать рукоплесканій? И какъ, желая нравиться такой публикѣ, не исказить свой талантъ? А какъ въ этомъ родѣ посредственности быть не можетъ, то Яковлевъ былъ мало сказать что плохъ, онъ былъ скверенъ. Отъ неистовыхъ криковъ и частаго употребленія водки голосъ его осипъ, и онъ свирѣпствовалъ истинно каррикатурно. Подруга его на сценѣ, и какъ утверждали въ домашней жизни, госпожа Каратыгина, жена плохаго актера, игравшаго молодыхъ людей въ комедіи, была довольно красива, но играла не хорошо, все всхлипывала, и не глаза, а горло казалось у нея вѣчно исполненнымъ слезъ.

Кто знаетъ? Нынѣ, можетъ-быть, ими бы восхищались; такъ мнѣнія и вкусы перемѣнились. Трагедій было мало; всѣ прежнія, Майковскія, Николевскія и даже нѣкоторыя Сумароковскія брошены, а объ Озеровѣ еще не было слышно. Играли покамѣстъ плохо переведенныя, чудовищныя Нѣмецкія драмы, и ими обуревался, и имъ хлопалъ площадной партеръ.

Въ мірѣ былъ когда-то народъ, у котораго чувство изящнаго проникло во всѣ состоянія; онъ давно уже исчезъ. Былъ другой народъ, завоевавшій богатства цѣлаго свѣта и въ числѣ ихъ, какъ сокровище, захватившій у перваго чистоту и строгость вкуса его; отъ него осталось его громкое имя. Послѣ столѣтій, этотъ правильный вкусъ явился у третьяго народа, нѣкогда второму подвластнаго. Ознаменованныя печатію сего вкуса литературныя произведенія его распространили его вліяніе и языкъ по всей Европѣ, и прежде нежели мечомъ посягнулъ онъ на свободу народовъ, уже ему покорила ихъ лира. Когда этотъ народъ сталъ терзать себя и сосѣдей и все опрокидывать, еще высоко стояла среди него сія вѣнчанная лира, и онъ не переставалъ ей поклоняться; теперь она не разбита, но валяется въ прахѣ. Нѣтъ, классицизмъ и желаніе владѣть міромъ не могли быть врожденнымъ чувствомъ у потомства легкомысленныхъ Галловъ и черствыхъ Франковъ; первый былъ одно подражаніе и долго господствовавшая мода; другое родилось и умерло въ головѣ единаго человѣка,

Итальянца, потомка Римлянъ. Когда Европа уняла Францію, то нѣсколько времени она гнѣбалась, волновалась, но непримѣтнымъ образомъ принимала уставы своихъ сосѣдей, Англичанъ и Нѣмцевъ; все Готеско-тевтоническое, какъ нѣчто родное и такъ непринуждено, въ ней возобладало и выдавило, такъ сказать, мечты о древнемъ величїи Рима. Тѣмъ лучше! Я чуть было не сказалъ для нашей будущности, но вспомнилъ и наше идолопоклонство не одной уже Франціи, но въ совокупности съ ней цѣлой Европѣ.

Какое отступленіе! И все это по случаю игры Яковлева, правда, не понятаго и опередившаго свой вѣкъ. Теперь немного словъ еще о тогдашнемъ нашемъ театрѣ. Комедія шла не много лучше трагедїи. Рахманова, въ роляхъ сердитыхъ, сварливыхъ старухъ, какими были тогда въ Русскихъ провинціяхъ всѣ старухи (отъ бездѣйствїя и скуки терзавшія все имъ подвластное) и Пономаревъ, олицетворенное подъячество, были оригинально забавны. Между не выпущенными еще воспитанниками и воспитанницами тогда уже существовавшей Театральной Школы начинали въ комедїи являться талантики.

Пѣвцы и пѣвицы были достойны играемыхъ тогда Русскихъ оперъ. Но между ними было нѣчто чрезвычайно примѣчательное, нѣчто совершенное, это буффъ въ Русскомъ родѣ, Воробьевъ. Онъ смѣшилъ когда онъ пѣлъ, когда онъ говорилъ, когда онъ стоялъ, смотрѣлъ, даже когда онъ только показывался на сценѣ. Жена его, толстенъкая, слабозрачная и неуклюжая, занимала первыя роли, обыкновенно царевенъ и княжонъ. Когда число дѣйствующихъ лицъ того требовало, то голоски брали на прокатъ изъ Театральной Школы.

Отъ Русскаго театра весьма естественнымъ образомъ переходить къ тогдашней Русской литературѣ. Сжатая при Павлѣ, омельвша до Шаликовской приторности при Александрѣ, она стала возвышаться и течь съ быстротою. Еще долженъ повторить, что я совсѣмъ ею не занимался, и если что узналъ о самомъ современномъ ходѣ ея, то по изустнымъ преданїямъ Влудова. Но сего достаточно, чтобы вкратцѣ описать тогдашнее ея состояніе. Она, какъ всѣмъ извѣстно, родилась въ Петербургѣ; всѣ прежніе сочинители, отъ Ломоносова до Державина и отъ Тредьяковскаго до Хвостова, въ немъ образовались, жили, служили и писали. Позднѣе Москва сдѣлалась ея центромъ, и она тѣмъ обязана постоянному пребыванію двухъ знаменитыхъ писателей въ стихахъ и прозѣ, Дмитріева и Карамзина. Съ поръ тѣхъ все лучшее въ нашей словесности рождается и произростаетъ тамъ, плоды же собираетъ Петербургъ. Съ воцаренїемъ Александра, послѣ тягостнаго сна, все благородное воспрянуло, и Карамзинъ, столь привлекательный въ своихъ Вездѣлкахъ, прилежно и сильно принялся за дѣло. Онъ сдѣлался

первымъ издателемъ перваго у насъ журнала, достойнаго сего названія. Его Вѣстникъ Европы началъ насъ знакомить какъ съ ея произведеніями, такъ и съ нашею древностію. Какое мужество, какое терпѣніе и какое безкорыстіе были потребны Карамзину! Какая бѣдность въ матеріалахъ! Какой недостатокъ въ сотрудникахъ! Какое малое число подписчиковъ, и какая низкая цѣна за изданіе! Едва прикрывались издержки, а трудъ шель почти даромъ. Онъ принужденъ былъ почти одинъ постоянно заниматься, сочинять, переводить. Но великій писатель достигнулъ своей цѣли; онъ водрузилъ знамя, подъ которое стали собираться молодые таланты и развиваться подъ его сѣнію. Между тѣмъ и самый слогъ Карамзина, дотошъ красивый, стройный, милый, какъ прелесть молодости, среди упорныхъ, всеневныхъ трудовъ примѣтнымъ образомъ сталъ укрѣпляться и подниматься, и во всей мужественной красотѣ явился въ героѣ-женщинѣ, Марѣѣ Посадницѣ. Вѣстникъ Европы становился слишкомъ приманчивъ, чтобы быстро не умножилось число его читателей и подписчиковъ; тогда только, когда Карамзинъ могъ ожидать себѣ отъ него прибыли, предоставилъ онъ его людямъ, его ученіемъ образованнымъ.

Въ это же время (и все въ той же Москвѣ) сдѣлались извѣстны два молодые стихотворца, Мерзляковъ и Жуковский. Мерзляковъ возгремѣлъ одой молодому Императору при полученіи извѣстія о кончинѣ Павла, и она найдена лучшею изъ десяти или пятнадцати другихъ, написанныхъ по случаю сего происшествія. Далѣе слава его не пошла; извѣстность его умножилась. Онъ былъ ученѣйшій изъ нашихъ литераторовъ и подъ конецъ профессоръ въ Московскомъ университетѣ, много и правильно писалъ; но читали его безъ удовольствія. Впослѣдствіи я тоже попытался и нашелъ въ немъ мало вкуса, много педантства.

Участь Жуковскаго была совсѣмъ иная. Какъ новый, какъ ясный мѣсяцъ, имъ такъ часто воспѣтый, родился тогда Жуковский. Я разъ сказалъ уже, что, не зная его, позавидовалъ золотой его медали. Потомъ много былъ о немъ слышанъ отъ друга его, Блудова, и хотя лично познакомился съ нимъ годомъ или двумя позже описываемаго времени, не могу отказать себѣ въ удовольствіи говорить о столь примѣчательномъ человѣкѣ.

Бездомный сирота, онъ выросъ въ Бѣлевѣ, среди умнаго и просвѣщеннаго семейства Бунныхъ. Знать Жуковскаго и не любить его было дѣло невозможное, а любить ребенка и баловать его всегда почти одно и тоже; но инымъ дѣтямъ баловство идетъ въ прокъ; такъ, кажется, было и съ нашимъ поэтомъ. Когда онъ былъ уже на своей волѣ, и въ службѣ, и въ лѣтахъ, долго оставался онъ незлоби-

вое, веселое, безпечное дитя. Любить все близко его окружающее, даже просто знакомое, сдѣлалось необходимою его привычкою. Но въ этой всеобщей любви, разумѣется, были степени, были мѣра и границы; ненавистнаго же ему человѣка не существовало въ мірѣ. Избытокъ чувствъ его рано началъ выливаться въ плавныхъ стихахъ; а потомъ вся жизнь его, какъ извѣстно будетъ потомству, была пѣснь, молитва, вѣчный гимнъ Божеству и добродѣтели, дружбѣ и любви. Какое любопытное существо былъ этотъ человѣкъ! Ни на одного изъ другихъ поэтовъ онъ не былъ похожъ. Какъ можно всегда подражать и всегда быть оригинальнымъ? Какъ можно умѣть такъ трогательно, всею душой грустить и потомъ ото всего сердца смѣяться? Не знаю, право, съ чѣмъ бы сравнить его? Съ инструментомъ ли или съ машиною какою, приводимою въ движеніе только постороннимъ дуновеніемъ? Чужезычные звуки, какіе-бъ ни были, Нѣмецкіе, Англійскіе, Французскіе, налетая на сей Русскій инструментъ и коснувшись въ немъ чего-то, поэтической души, выходили изъ него всегда плѣнительнѣе, во сто разъ нѣжнѣе. Лишь бы ему не быть подлинникомъ: дайте ему что хотите, онъ все украситъ, Французскую ничтожную пѣсенку обратитъ вамъ въ чудо, совершенство, въ *Узника* и *Мотылька* и, мнѣ кажется, еслибъ онъ былъ живописецъ, то изъ Погребенія Кота умѣлъ бы онъ сдѣлать chef d'oeuvre.

Такимъ людямъ, какъ онъ съ Блудовымъ, стоило только сойтись одинъ разъ, чтобы навсегда сомкнуться. Что касается до меня, то скажу безъ хвастовства и скромности, что и у меня была одна сторона чистая, неповрежденная, и ею только могъ я прислониться и сколько нибудь прильнуть къ такого рода людямъ. Жуковскій меня любилъ, но не всегда и не много дорожилъ моею пріязнію; тѣмъ пріятнѣе мнѣ отдавать ему справедливость. Истинѣ всегда я жертвовалъ самолюбіемъ, и это свойство, не весьма обыкновенное, есть, можетъ быть, одно, которымъ позволено мнѣ гордиться.

Но дѣло не обо мнѣ, а о литературѣ. Въ Петербургѣ жилъ одинъ человѣкъ, пожилой, чиновный, честный и почтенный, но, какъ писатель, состарѣвшійся въ безызвѣстности. Онъ имѣлъ славу быть первымъ у насъ Славянофиломъ; въ молодости плѣнился церковнымъ нашимъ языкомъ, его изреченіями, его оборотами и цѣлый вѣкъ хлопоталъ о томъ, чтобы ввести его и въ письмена, и въ разговоры. Это былъ извѣстный вице-адмиралъ Александръ Семеновичъ Шिशковъ, еще менѣе морякъ, чѣмъ авторъ. Любимый свой Славянскій языкъ искалъ онъ не только въ земляхъ, нынѣ или прежде обитаемыхъ Славянами, но и вездѣ откапывалъ корни словесъ его. Предпріятіе важное, дѣло похвальное, страсть благородная! Только жаль, что къ по-

лезному удовлетворенію ея у него не было средствъ, не было достаточнаго ума и свѣдѣній. Трудясь въ безплодныхъ изысканіяхъ, онъ сдѣлался угрюмъ и бранчивъ. Проведя всю жизнь въ Петербургѣ и мастерски играя въ карты, ему не трудно было сдѣлать связи съ знатными людьми, съ знатными домами; а какъ наши баре не учились Русской грамотѣ, то и повѣрили ему на слово, что онъ великій чело-вѣкъ, коему опредѣлено исправить, передѣлать, очистить усовершенствовать прекрасный Русскій языкъ, какъ говорили они, но о коемъ они не имѣли ни малѣйшаго понятія. На прежніе успѣхи Карамзина смотрѣлъ онъ съ презрѣніемъ; но когда сей послѣдній примѣтно началъ становиться основателемъ школы, то онъ жестоко вознегодовалъ. Въ такомъ расположеніи духа издалъ онъ памфлетъ, подъ названіемъ: *О старомъ и новомъ Русскомъ слоѣ*, гдѣ сильно и довольно грубо напалъ на галлицизмы, на нововведенія Московскихъ писателей. Это былъ первый пушечный залпъ изъ собравшагося непріятельскаго стана, но онъ остался безъ отвѣта.

Странное однакоже дѣло! Тогдашніе Петербургскіе литераторы, Львовы, Гераковы и другіе, народъ все нужный, должностной, поклонники Шишкова, не слѣдовали его ученію и славянизмъ у себя не вводили, въ угожденіе ему довольствуясь дурно писать. Да и самъ почтенный Александръ Семеновичъ поучалъ болѣе словами, чѣмъ примѣромъ.

Спустя нѣсколько времени, другой выстрѣлъ послѣдовалъ со сцены ¹⁾. Князь Шаховской, служившій въ театральнѣй дирекціи (котораго берегѣ я для будущаго) написалъ комедію: *Новый Стернъ*, въ которой дурачить сентиментальность какихъ-то небывалыхъ писателей, шепнувъ всѣмъ на ухо, что онъ мѣтитъ на Карамзина. Въ языкѣ Шаховскаго также никогда Славянскаго ничего не было; но Шишковъ охотно прощалъ ему, какъ сильному и полезному союзнику. На этотъ второй вызовъ также не было отвѣта; развѣ почитать отвѣтомъ веселую эпиграмму молоденькаго тогда Блудова. Вотъ она:

Хотите ль, господа, между пѣвцами
Узнать Карамзина въ записныхъ враговъ?
Вотъ комикъ Шаховской съ плачевными стихами,
И вотъ блѣднѣющій надъ святыми Шишковъ.
Они умою равны, обѣихъ зависть мучить;
Но одного сушатъ она, другаго пучить ²⁾.

Однакоже, эта иголка на нѣкоторое время какъ будто прекратила дѣйствіе тяжелыхъ орудій. Послѣ этого долго не было явной

¹⁾ Это малепькій анахронизмъ; но я описываю не годъ, а эпоху.

²⁾ Шишковъ, какъ дунь бѣлый, былъ всегда очень худощавъ; Шаховской же и въ молодости былъ неблагопристойно жиренъ.

войны. Она было возгорѣлась въ 1810 году, но скоро остановлена происшествіями другой войны, болѣе кровопролитной. Послѣ вторичнаго занятія Парижа, наша литературная война возобновилась съ новою яростію; послѣднія ея жестокія сраженія происходили въ 1816-мъ. Если я останусь живъ, и будетъ у меня время, то я неминуемо долженъ быть ея историкомъ.

Никто въ этомъ не замѣтилъ необыкновенной странности. Новенькій Петербургъ, полуиѣмцевый городъ, каналъ, чрезъ который втекала къ намъ иностранная словесность и разливалась по всей Россіи, воевалъ съ старою Москвою за пренебреженіе къ древнему нашему языку, за порчу его, искаженіе, за заимствованіе множества словъ изъ языковъ западныхъ.

За симъ долѣветъ мнѣ говорить о предметѣ, какъ для меня, такъ я полагаю, и для другихъ, менѣе занимательномъ: о мнимои службѣ моей.

V.

Не прежде какъ въ Іюнь или въ Іюль, по приказанію Сперанскаго, явился я въ первое отдѣленіе экспедиціи государственнаго благоустройства, къ начальнику его Дмитрію Семеновичу Серебрякову. Молодые статисты*), какъ мы себя называли, впредь до образованія особеннаго для нихъ статистическаго отдѣленія, для занятій поставлены были подъ его начальство. Онъ родомъ былъ съ Дону, изъ казаковъ; но никто бы не могъ о томъ догадаться, судя по миниатюрной его фигуркѣ, по пріятному голоску, по его вротости и добродушной улыбкѣ. Его пріемъ меня очень ободрилъ, но тѣмъ все и кончилось. Я просилъ у него занятія; онъ велѣлъ подождать, потомъ общалъ, все откладывая и изрѣдка давалъ переписать какую-нибудь коротенькую бумажку. Съ другими моими товарищами было не лучше; они имѣли право разгуливать по комнатамъ канцеляріи, разговаривать между собою, только не слишкомъ громко, и мѣшать другимъ заниматься. Имѣющіе штатныя мѣста и канцелярскіе обходились съ нами вѣжливо, но смотрѣли косо, какъ на трутней. Изрѣдка, съ досадою, но тихо произнесенныя слова: баричи, бѣлоручки, доходили до нашего слуха; инымъ казались обидны, другимъ лестны для самолюбія. Тогда уже было замѣтно составившееся намѣреніе всѣхъ невоспитанныхъ въ канцеляріяхъ, въ семинаріяхъ и университетѣ не подпускать къ должностямъ.

*) Статисты у насъ солдаты, а компаньсы за границей вольные люди, которые называются представлять народъ или войско и въ нарядѣ ходятъ по сценѣ.

Чего-то ожидая, толковать о вздорѣ, переливать, какъ говорите, изъ пустаго въ порожнее съ праздными товарищами моими, весьма не занимательными, было совсѣмъ незабавно. Мнѣ скоро все это надоѣло, я пересталъ ходить въ экспедицію, много одинъ разъ въ мѣсяцъ показывался въ ней, и никто не думалъ съ меня за то взыскивать.

Къ числу странностей моей судьбы принадлежитъ и то, что куда бы я ни попадалъ, куда бы ни опредѣлялся, никогда не встрѣчалъ я ни одного знакомаго лица: все были новыя, мнѣ дотолѣ неизвѣстныя. Всякій разъ долженъ былъ знакомиться, изучать людей, посреди коихъ долженъ былъ жить. Ни во время ученія, ни на службѣ никто дважды товарищемъ моимъ не бывалъ. Можетъ-быть, это самое приучило меня такъ наблюдать характеры людей.

Изъ десятка, къ коему я принадлежалъ, только двое или трое заслуживаютъ (и то не очень) найти здѣсь мѣсто. Первымъ, важнѣйшимъ между нами, почитался Александръ Михайловичъ Безобразовъ, хороший, старинный, столбовой дворянинъ, какъ часто упоминалъ онъ о томъ, въ родственныхъ связяхъ съ лучшими дворянскими фамиліями. Природа захотѣла уподобить его фамильному его имени; а фортуна, ей наперекоръ, взяла къ себѣ на колѣни и доселѣ не перестаетъ ласкать его и тѣшить. Всѣ тѣ успѣхи, кои могутъ дать красота, любезность, высокая нравственность, обширныя свѣдѣнія и умъ свѣтскій, и умъ дѣловой, всѣ сіи успѣхи онъ безъ нихъ получилъ. Какъ же удалось ему? Какъ удается глупцу, который крѣпко на себя надѣется, ни въ чемъ не сомнѣвается, который смѣлъ, безстыденъ, настойчивъ и всякимъ благопріятнымъ случаемъ умѣетъ пользоваться. Онъ былъ совсѣмъ необразованный человѣкъ, а въ молодости камеръ-юнкеръ при дворѣ Александра, не то что нынѣ, и никто не находилъ это страннымъ; онъ былъ уродливо-дуревъ собою, а въ него влюбилась богатая красавица, вопреки волѣ матери, ушла съ нимъ и обвѣнчалась; онъ едва умѣлъ грамотѣ, а написалъ и напечаталъ книжку; онъ ничего не смыслилъ въ дѣлахъ, а попеременно въ трехъ губерніяхъ губернаторъ, ставился другимъ въ примѣръ, давно уже сенаторъ и мѣтитъ въ Государственный Совѣтъ.

О другомъ моемъ сослуживцѣ, Ранцовѣ, потому только здѣсь упоминаю, что онъ былъ мнѣ и землякъ, Пензенскій помѣщикъ, и болѣе другихъ искалъ моего знакомства. Умершій отецъ его, Иванъ Романовичъ, былъ побочный сынъ графа Романа Ларионовича Воронцова: мать и семейство его постоянно жили въ Петербургѣ и меня часто къ себѣ приглашали. Онъ былъ очень пристоеенъ и скромненъ въ обществѣ; но только почтеніемъ къ матери былъ удерживаемъ отъ нетрезвой развратной жизни. Послѣ смерти ея бросилъ службу, уѣхалъ въ Пензенскую деревню и тамъ въ распутствѣ кончилъ вѣкъ.

Одинъ только третій нашъ товарищъ Вельяминовъ-Зерновъ отличался прилежаніемъ и основательными познаніями, но былъ несносно скученъ и неопрятенъ. Онъ послѣ занимался законовѣдѣніемъ, писалъ что-то о законахъ, могъ быть очень полезенъ, но всегда имѣлъ неудачи по службѣ.

Экспедиція государственнаго благоустройства, нынѣ департаментъ полиціи исполнительной, состояла изъ четырехъ отдѣленій. Первымъ, какъ сказалъ я, управлялъ Серебряковъ, добрый человекъ, Екатерининскихъ временъ приказная строка. Начальникъ втораго отдѣленія былъ Николай Спиридоновичъ Тихомировъ; онъ слылъ человекомъ самымъ благороднымъ и такимъ казался; я его только что видѣлъ, оставался онъ не долго и не знаю, куда дѣвался. Третьимъ отдѣленіемъ управлялъ Магницкій, а четвертымъ Михаилъ Никитичъ Баккаревичъ, бывший профессоръ Московскаго университета, самый нестерпимый и злой педантъ, который съ подчиненными обходился какъ съ школьниками. Ни единого слова мы другъ другу никогда не сказали, за то мѣнялись взорами и читали въ нихъ взаимную ненависть и презрѣніе. Чиновниковъ другихъ отдѣленій я никого не зналъ, но въ нашемъ примѣчательны были два столоначальника.

Первый, Гаврило Семеновичъ Покровскій, былъ въ Александроневской Духовной Академіи соученикъ Сперанскаго, который и заманилъ его въ гражданскую службу. Притворство одного и скромность другаго составляли единственное между ними сходство. Покровскій началъ съ генераль-прокурорской канцеляріи; потомъ вмѣстѣ съ дѣлами ему ввѣренными перенесенъ изъ нея въ министерство или департаментъ внутреннихъ, гдѣ при тѣхъ же дѣлахъ и кончилъ длинное свое поприще. Есть люди, для которыхъ столъ, коимъ они управляютъ, долженъ быть столбы Геркулесовы; природа, на сей столъ имъ указывая, говоритъ: ты далѣе не пойдешь; но въ Россіи какая-то могущественная сила тянетъ людей вверхъ, иногда противъ воли ихъ. Такимъ образомъ и мой Гаврило Семеновичъ, увлеченный сею силой, и даже въ бореніи съ ней, перелѣзъ черезъ свой столъ и подъ конецъ дней своихъ очутился надъ департаментомъ. Орлиный полетъ Сперанскаго былъ ему не по крыльямъ; онъ не завидовалъ ему, а только имъ любовался. Я не знавалъ человека менѣе его словоохотнаго: вотъ то-то былъ молчальникъ. Но за краткостію словъ, за неподвижностію чертъ и взглядовъ видна была сильная страсть, страсть къ бумагамъ, страсть съ утра до вечера надъ ними сидѣть, ихъ перебирать, въ нихъ копаться, наблюдать за правильнымъ ходомъ, заботясь впрочемъ мало о ихъ содержаніи. Это была какая-то болѣзнь, форміазмъ, бумагоманіе, разстройство нервъ, которое утихало только отъ бумажнаго ося-

занія. Въ Петербургѣ знавалъ онъ обыкновенно только ту часть города, чрезъ которую лежала дорога отъ квартиры его къ церкви и въ канцелярію; въ день Свѣтлаго Воскресенія послѣ обѣдни безъ всякаго дѣла сидѣлъ онъ одинъ въ департаментѣ, съ пріѣзда своего въ малолѣтствѣ никогда не бывалъ за заставой, отъ роду не бывалъ въ театрахъ, не посѣщалъ никакихъ гульбищъ; долго не зналъ, гдѣ Лѣтній садъ и когда одинъ разъ потребовали его туда съ дѣлами къ министру, жившему въ маломъ дворцѣ Петра Великаго, то онъ было запутался.

Совершенную противоположность являлъ въ себѣ другой столоначальникъ, Петръ Петровичъ Кильдюшевскій, весельчакъ, говорунъ, добрый и умный малый. Этому бы утро хорошенько поработать, за то остальное время дня погулять, попить, только пристойно, съ хорошими и образованными людьми. Какъ это случилось, что онъ попалъ въ Казанскую Семинарію, когда прозваніе у него было Татарское, лицо, фигура и выговоръ какіе-то Чувашскіе? Отецъ его изъ мурлы не перешелъ ли въ православные священники? Онъ неизмѣнно былъ со мною хорошъ; много и часто толковалъ со мною, но не довольно ясно, и я долго не могъ понять, чтó онъ такое, чего ему хочется? Теперь, когда Кильдюшевскіе такъ размножились, съ перваго слова догадался бы я, что онъ либераль. Это было слѣдствіемъ маленькой слабости: онъ очень хорошо учился, зналъ иностранные языки, даже говорилъ по французски очень смѣшно, однимъ словомъ былъ созданиемъ дѣлъ своихъ, и оттого почиталъ себя великимъ человекомъ. Онъ любилъ сердечно и восхищался только тѣми, кто самъ проложилъ дорогу или можетъ ее проложить себѣ, въ число копѣекъ дѣлалъ честь и меня включать. Отъ обѣихъ отцовскихъ религій, кажется, не оставалось у него ни одной, и оттого-то Бонапарте ставилъ онъ выше Бога, а Сперанскаго выше Бонапарте. Его живость, его нескромность, его всеприсутствіе въ послѣдствіи много повредили ему въ глазахъ правительства, и уже въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, не по доброй волѣ, долженъ былъ онъ оставить службу. Къ похвалѣ его должно сказать, что отъ мѣстъ имъ занимаемыхъ онъ, кромѣ жалованья, ничего не получалъ; а когда, въ послѣдствіи, положеніе его сдѣлалось роскошнѣе, то еще въ похвалу ему скажу, что онъ тѣмъ обязанъ былъ честной и счастливой игрѣ. Онъ былъ самый усердный членъ Англійскаго клуба, долго веселилъ его своими любезными странностями и опечалилъ только своею смертію.

Служеніе мое въ департаментѣ внутреннихъ дѣлъ имѣло еще одну невыгодную, можно сказать мучительную сторону. Губернаторы находились въ прямой зависимости отъ министра и его департамента;

слѣдственно отецъ мой былъ въ самыхъ частыхъ съ ними сношеніяхъ; слѣдственно, состоя тамъ на службѣ, обязанъ я былъ находиться его повѣреннымъ, его постояннымъ ходатаемъ, если не заступникомъ. Тогда люди ранѣе зрѣли, ранѣе старѣлись; въ тогдашнія мои лѣта, нынѣ мнѣ только что вступить въ университетъ или приготовляться къ вступленію въ него: тогда отъ меня требовали опытности и дѣятельности. А чтó могъ я дѣлать? Ничью довѣренностью не могъ я пользоваться. Сперанскій пересталъ пускать меня къ себѣ, а до Кочубея было высоко какъ до царя. Между тѣмъ, ***, получившій мѣсто начальника отдѣленія въ департаментѣ юстиціи и распро­странявшій здѣсь свои связи, подбивалъ отсюда безпрестанно Пензенскихъ негодяевъ къ продолженію наступательной войны.

Чтó тогда происходило въ Пензѣ, тому трудно повѣрить. Мнѣ бы теперь самому казалось, что память меня обманываетъ, если бы не имѣлъ въ рукахъ письменныхъ доказательствъ, копій съ жалобъ, посылаемыхъ къ министру. Пригласить ли кто моего отца обѣдать, онъ осмѣлится занемочь и пришлетъ извиниться, за эту грубость жалуются Кочубею; какой-нибудь мерзавецъ до того ли себя дурно ведетъ, что даже въ Пензѣ закрываются ему всѣ дома, онъ называетъ это гоненіемъ моего отца и приносить жалобу; побранятся ли два помѣщика, идутъ на судъ къ отцу моему, грозно требуя отъ него справедливости, и когда онъ имъ докажетъ, что это сущій вздоръ, они мирятся, а не менѣе того жалуются высшему начальству, что въ ихъ городѣ нѣтъ суда. Разумѣется, здѣсь этому смѣются, хотя ***, чрезъ коего подаются просьбы, и умѣетъ всякое подобное дѣло выставить въ дурномъ видѣ. Но снисходительное министерство, не терпя никакихъ жестокостей, обращается къ губернатору съ требованіемъ поясненій, а къ губернскому предводителю съ порученіемъ склонить просителей къ оставленію дѣла, повидимому не заключающему въ себѣ большой важности. Еженедѣльная переписка съ родителями имѣла предметомъ почти исключительно всѣ эти непріятности. По словамъ брата почитали меня весьма близкимъ къ Сперанскому, дивились моей вѣтренности, моей безпечности и не могли понять, какъ возможно такъ мало заниматься отцовскими дѣлами. Я не зналъ чтó отвѣчать, иногда даже лгалъ, чтобы сколько-нибудь успокоить бѣднаго моего родителя.

Вѣчная эта тревога, волненіе, разстроили здоровье отца моего до того, что въ концѣ Августа впалъ онъ въ тяжкую болѣзнь, получили желчную, нервическую горячку, отъ которой чрезъ нѣсколько недѣль единый Богъ, а ужъ конечно не тогдашніе Пензенскіе врачи, его избавили. По выздоровленіи его умолялъ я его всячески, чтобы пріѣхалъ въ столицу; онъ самъ имѣлъ намѣреніе это сдѣлать въ началѣ зимы,

чтобы выйти наконецъ изъ несноснаго положенія, изъ разговоровъ съ Кочубеемъ и другими министрами усмотрѣть, можетъ ли онъ далѣе продолжать службу или долженъ ее бросить.

Одно семейное обстоятельство тому воспрепятствовало и заставило сію поѣздку на нѣкоторое время отложить. Средній братъ мой Николай, какъ видѣли выше, стоялъ съ Малороссійскимъ крпассирскимъ полкомъ въ Воронежѣ. Онъ влюбился тамъ въ одну молоденькую дѣвочку. Со времянь Петра Великаго, два трудолюбивыя купеческія семейства, Горденины и Тулиновы, водворили промышленность въ Воронежѣ, устроили близъ него первыя суконныя фабрики. Не знаю, что сдѣлалось съ Гордениными, объ нихъ что-то не слышать; но Тулиновы, хотя въ послѣдствіи времени и раздѣлились на нѣсколько вѣтвей, хотя уже давно получили дворянское достоинство, и хотя нынѣ нѣкоторые изъ нихъ служатъ въ гвардіи, а другіе имѣютъ придворныя чины, никогда не хотѣли удалиться отъ источника своей извѣстности и богатства. Одинъ изъ нихъ, предобрѣйшій и препочтеннѣйшій человекъ, отставной отъ арміи капитанъ, Иванъ Ивановичъ, въ числѣ другихъ дѣтей имѣлъ дочку Варвару, не столь красивую, какъ миловидную. Въ семнадцать или въ восемнадцать лѣтъ, съ удивительною бѣлпзною, съ вѣчно играющимъ румянцемъ, съ добротою и нѣжностію въ голубыхъ взорахъ, какъ не понравиться? Пылкій братъ мой сдѣлался безъ ума отъ нея. Не скоро могъ онъ получить ея руку. Зная его крутой нравъ, родители колебались ее выдать; но разсудивъ, вѣроятно, что столь почтительный сынъ, столь нѣжный братъ, долженъ быть непременно и примѣрнымъ мужемъ, какъ вообще прекраснымъ семьяниномъ, рѣшились изъявить свое согласіе и не ошиблись въ своемъ предположеніи.

Будущій тесть моего брата не имѣлъ большаго состоянія: невдали отъ Воронежа прекрасное помѣстье Рамонъ, да суконная фабрика, отъ которой въ тѣ поры прибылъ была незначительная, вотъ все, что онъ имѣлъ. Запретительная система 1808 года, какъ ни вредна была для Россіи во многихъ отношеніяхъ, для фабрикантовъ была очень выгодна; съ тѣхъ поръ положеніе родныхъ моего брата примѣтнымъ образомъ стало улучшаться. Почти единственный примѣръ въ Россіи: родъ Тулиновыхъ, не оставляя одного дѣла и города въ теченіи болѣе полутораста лѣтъ, отъ поколѣнія до поколѣнія, все усовершенствовалъ издѣлія своихъ мануфактуръ и умножалъ свое благосостояніе. Тогда же Иванъ Ивановичъ, кромѣ приличнаго приданаго и небольшого капитала, ничего за дочерью дать не могъ. А какъ у насъ въ семействѣ давно уже дурной обычай за богатствомъ не гоняться, то мои родители нивакого препятствія не поставили сыну, когда онъ началъ просить ихъ благословенія. Сговору назначено быть въ Ноябрь мѣ-

сяцѣ, а свадьбѣ въ Январѣ 1804 года, послѣ чего въ Февралѣ молодые съ поклономъ должны были явиться въ Пензу. Такъ и случилось, и только въ Мартѣ по послѣднему зимнему пути могли родители мои предпринять путешествіе въ Петербургъ.

Они прибыли 23-го числа и нашли меня въ довольно просторныхъ комнатахъ, изрядно меблированныхъ, на Невскомъ Проспектѣ, для ихъ пріѣзда за нѣсколько дней передъ тѣмъ нанятыхъ, но совсемъ не топленныхъ, ибо у меня было много жару въ крови и ни гроша денегъ въ карманѣ. Радость свиданія на нѣсколько минутъ могла согрѣть моихъ родителей, но потомъ надобно было поспѣшнѣе послать за дровами.

Точно такъ какъ я съ малою опытностію моею предвидѣлъ, пріѣздъ моего отца имѣлъ на дѣла его самое полезное вліяніе. Первый приемъ Кочубея былъ обыкновенный его приемъ, учтивый, холодный, важный, но послѣ двухъ или трехъ свиданій онъ совершенно переѣнился. Надобно отдать справедливость этому Кочубею: онъ имѣлъ одно достоинство, которое исключительно должно бы принадлежать царямъ. Въ немъ была удивительная способность выбрать людей, умѣть ихъ употреблять и знать имъ цѣну. Отъ природы бѣденъ, онъ былъ самый искусный оцѣнщикъ чужихъ сокровищъ и безъ собственныхъ капиталовъ, однимъ кредитомъ, былъ цѣлый вѣкъ богатъ. Онъ увидѣлъ, сколь мнѣніе, внушенное ему насчетъ отца моего, было ошибочно и всѣми силами старался загладить свою ошибку. Другіе министры: графъ Румянцовъ, графъ Васильевъ, Вязмитиновъ встрѣтили отца моего дружелюбно. Только двое: полуотставной Трошинскій, возбуждаемый земляками своими, Пензенскими хохлами, да недавно поступившій, на мѣсто уволеннаго Державина, князь Лопухинъ, бывшій при Павлѣ генераль - прокуроромъ, къ которому *** попалъ въ милость, не скрывали даже своего недоброжелательства.

Десять лѣтъ не бывалъ отецъ мой въ Петербургѣ; сколько перемѣнъ нашелъ онъ въ немъ! Но изъ старыхъ знакомыхъ никто къ нему не перемѣнился. Самые почетнѣйшіе изъ нихъ, князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, Сухтеленъ, Беклешовъ, Кіевскій знакомый генераль Розенбергъ, всѣ неоднократно его посѣщали. Офиціальныя-же отношенія не столь были лестны. Государь при представленіи не удостоилъ его ни единымъ словомъ. Министры почли излишнимъ прислать ему визитныя карточки, и Сперанскій, только что директоръ департамента, сдѣлавъ сіе, почиталъ оное со стороны своей необычайною вѣжливостію. Не знаю, не было-ли принято за правило чрезъ мѣру возвышать министровъ и унижать званіе губернаторовъ? Если было, то мы видимъ плоды сей мудрой системы.

Пребываніе моихъ родителей въ Петербургъ не могло быть продолжительно; сопряженныя съ тѣмъ издержки для ихъ состоянія были слишкомъ обременительны. Весьма было замѣтно, что отецъ мой, обвешанный графу Кочубею, симъ послѣднимъ не съ выгодной стороны былъ представленъ самому Государю. Надѣясь на время, чтобы сіе исправить и выпросить ему наружный знакъ отличія, который бы въ провинціи могъ произвести полезное для него дѣйствіе, онъ покаместъ предложилъ ему представить къ наградамъ всѣхъ чиновниковъ, которые, по мнѣнію его, то заслуживаютъ, и чрезъ нѣсколько дней всѣмъ безъ исключенія оныя испросилъ: это по тогдашнему было очень важно. Послѣ того отцу моему, обезпеченному насчетъ будущей защиты Кочубея, оставалось только приготовиться къ отъѣзду.

Желаніе матери моей было не такъ скоро со мною разставаться; да и мнѣ самому хотѣлось на время отдохнуть не отъ трудовъ, а отъ нужды мною претерпѣнныхъ въ столицѣ. Итакъ рѣшено было ѣхать и мнѣ, но напередъ испросить совсѣмъ ненужное дозволеніе министра. По сему случаю былъ я отцомъ лично ему представленъ. Я увидѣлъ его въ первый разъ и не оробѣлъ отъ его важности; онъ съ улыбкой съвоязъ зубы сказалъ мнѣ что-то, кажется, пріятное и ободрительное. Сперанскій объявилъ отцу, что пачпорта мнѣ не нужно, что это въ числѣ отброшенныхъ формальностей; какъ было ему не повѣрить? Но уже тутъ видно было не забвеніе, а дурной умыселъ держать меня безъ службы. До сихъ поръ не могу понять глупаго стыда своего, который заставилъ меня это важное для меня обстоятельство утаить отъ родителей. Но какъ бы то ни было, 22-го Мая мы оставили Петербургъ.

Эти тысячу четыреста верстъ между Петербургомъ и Пензой, это пространство, по которому въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ сновала я, какъ челнокъ у ткача, описывать мнѣ нечего; скажу только, что меня посадили одного въ препокойную, вновъ купленную коляску, и что сидя въ ней и вспоминая кибитки и телѣги, въ которыхъ я по этой дорогѣ батался, мнѣ казалось, что я въ раю.

По пріѣздѣ въ Москву, мы недѣли на двѣ остановились въ ней у зятя Алексѣева. Въ это время, передъ самымъ нашимъ пріѣздомъ, послѣдовала тамъ важная перемѣна. Я было и забылъ сказать, что графиня Дарья Петровна Салтыкова, съ сопровожденіемъ супруга своего, отправившись въ Декабрѣ 1802 года изъ Петербурга, отъ разстроеннаго желудка занемогла дорогой и скончалась на станціи Хотиловъ. Ударъ этотъ такъ поразилъ бѣднаго старика, что съ тѣхъ поръ какъ умственные, такъ и тѣлесныя его силы примѣтно начали слабѣть. Не въ состояніи будучи далѣе продолжать службу, онъ въ концѣ Апрѣля

уволень отъ должности, и за нѣсколько дней до насъ прибылъ назначенный на его мѣсто многоречивый Безлешовъ, дважы генераль-прокуроръ.

Первый выѣздъ въ Москвѣ отца моего былъ въ новому военному губернатору, который тотъ же день пригласилъ его обѣдать, а на другой день пріѣхалъ самъ вечеромъ съ граціанскимъ губернаторомъ Барановымъ и Кіевскимъ знакомымъ визземъ Хованскимъ на бостонъ. Такія пріязненныя отношенія были очень полезны Алексѣеву, который увидѣлъ, что съ графомъ Салтыковымъ онъ не всего лишился.

Я замѣтилъ, что полицеймейстерская должность зятя моего въ глазахъ Московской публики очень упала, самъ же онъ сталъ еще болѣе любимъ. Полиція тогда только и уважаема, когда она страшна; а въ первые годы царствованія Александра, зромъ настоящихъ преступниковъ, кому и чего было бояться? А все шло, какъ нельзя лучше. Русскихъ надобно сколько нибудь баловать, чтобъ они не шалили: однимъ страхомъ ихъ удержишь, можетъ-быть, а не исправишь.

Двѣ недѣли, проведенныя нами въ тогдашней Москвѣ, прошли какъ двѣ блаженныя минуты. Я не люблю этихъ мимолетныхъ радостей; лучше бы ихъ не знать, или бы онѣ были продолжительнѣе.

Мы поѣхали не прямо въ Пензу, а съѣздили верстъ триста кресту, чтобъ въ Воронежѣ познаться съ новыми родными. До Тулы была мнѣ знакомая дорога; Ефремовъ и Елецъ были только для меня новые города. Съ нами не случилось никакого важнаго приключенія, зромъ одного, которое однакоже не имѣло несчастныхъ послѣдствій, зокъ ожидать было можно. Съѣзжалась гроза, и мы съ сестрой Елизаветой сидѣли закутавшись въ коляскѣ, какъ ужасный громовой ударъ, завихъ я не запомню, испугалъ лошадей, и онѣ безъ памяти повели насъ внизъ по преврутой и превсокой горѣ нагъ самую станцію Пальвѣй; отъ проливнаго дождя съѣзжавшаяся гроза могла одна удержать стремленіе нашего бѣга и спасти нашу жизнь. Сестра моя, великая трусиха, помертвѣла, та и я едва ли мнѣ ее излугала. Чтобъ дать понятіе о сей горѣ, скажу, что озрестые помѣщики збрыть не хотять, чтобъ Альпы и Пиринеи могли быть выше и ужаснѣе ея.

Мы нашли городъ пустымъ; всѣ разѣхались по деревнямъ, зромъ Тулиновыхъ, которые, бывъ превварены, овладели нашего пріѣзда. Благословенная семья, патриархальныя нравы, но не безъ просвѣщенія. Семейство сіе состояло тогда, исключая отсутствующей дочери, моей невѣстки *), изъ мужа съ женой, двадцати двухъ или двадцати-трехъ-

*) Тотчасъ послѣ свадьбы брата моего, Малороссійскій ядрасирскій полкъ былъ переведенъ изъ Воронежа въ городокъ Галачь Полтавской губерніи. Тамъ выжили молодые супруги.

лѣтнаго сына Алексѣя, другаго сына Димитрія, лѣтъ четырнадцати, и маленькой двѣнадцатилѣтней дочери. Рѣдко случалось мнѣ встрѣчать столько кротости и добродушія, вмѣстѣ съ умомъ и пристойностію, какъ въ тещѣ брата моего, Аннѣ Семеновнѣ. Старшій сынъ былъ добрый малый, но принадлежалъ болѣе къ нынѣшнему, чѣмъ къ своему времени: деньги предпочиталъ онъ знаніямъ и почестямъ, и до того мечталъ безпрестанно о богатствѣ, что лишился наконецъ ума. Отецъ Тулиновъ, какъ сказалъ я прежде, былъ добрый и почтенный чело-вѣкъ, съ стариннымъ воспитаніемъ и старинными правилами. О двухъ другихъ дѣтяхъ, тогда еще малолѣтнихъ, кажется, говорить здѣсь нечего.

Семейство Тулиновыхъ, столь извѣстное въ Воронежѣ по своему гостепріимству, удвоило старанія, чтобъ насъ лучше принять; можетъ, быть, по старой пословицѣ: не для зятя собаки, а для милаго дитяти; но кажется и родство съ такимъ чело-вѣкомъ, какимъ былъ мой отецъ, должно было для нихъ быть лестно. Собственный домъ ихъ, каменный, двухъ-этажный, хорошо и прилично убранный, съ большою усадьбой, находился почти за городомъ, и мы могли почитать себя какъ бы въ гостяхъ у помѣщика-сосѣда. Два раза былъ я въ Воронежѣ, а не могу сказать, чтобы видѣлъ этотъ городъ; первый разъ зимой въ темнотѣ и во время вьюги катался я въ немъ закутанный, другой разъ почти въ него не вѣзжалъ.

Пробывъ не болѣе двухъ дней въ Воронежѣ, мы пустились да-лѣе въ Тамбовъ, куда прибыли подъ вечеръ, ночевали у нашего зна-комаго почтъ-директора Треборна и на другой день обѣдали у него. Время становилось самое жаркое, и мы рѣшились ѣхать ночью, сво-ротивъ съ большой дороги на другую, кратчайшую, черезъ степь, по которой намъ выставлены были лошади. Нельзя выразить того удо-вольствія, которое чувствуешь въ первой молодости, когда во время ночной прохлады, въ покойномъ экипажѣ, летишь по благовонной степи, по гладкой, какъ полъ, дорогѣ; какъ сладостно засыпаешь, и по временамъ какъ сладостно просыпаешься! Это испыталъ я въ ту ночь, въ которую оставили мы Тамбовъ.

Опять и по той же дорогѣ приблизился я къ Пензенской губер-ніи, но уже не ночью, а днемъ, не въ ужасную вьюгу, а среди па-лящаго зноя. Чембаръ назывался уже городомъ и былъ все еще де-ревней; однакоже пять или шесть домиковъ, съ крышами изъ досокъ, въ полтора года въ немъ выросли. Въ одномъ изъ нихъ мы остано-вились, и пока отецъ мой пошелъ по избамъ, въ которыхъ помѣща-лись присутственныя мѣста, насъ посѣтила сперва нотабельная пер-сона въ городѣ, купчиха Коробчиха, ни дать ни взять Пошлепкина изъ комедіи *Ревизоръ*, пустилась всѣхъ ругать, болѣе всѣхъ городничиху

Реймерсъ и потомъ какъ ей, такъ и другимъ судейшамъ, одна за другой прибывавшимъ, кланяться въ поясъ. Но что всѣ сіи уѣздные оригиналы, противъ тѣхъ, кои ожидаютъ меня въ Пензѣ!

VI.

Всю злость свою на этотъ городъ излилъ я при первомъ его описаніи; теперь постараюсь быть умѣреннѣе, чтобы не надобѣсть повтореніями. Я надѣюсь даже быть забавенъ, съ помощію многихъ чудаковъ, представителей образа мыслей и духа того времени. Не знаю, благорастворенный ли воздухъ лѣтній на меня дѣйствовалъ, или, зная Пензу по опыту, я вооружился противъ нея терпѣніемъ; какъ бы ни было, на этотъ разъ прибылъ я въ нее съ какою-то тихою покорностію къ волѣ судьбы.

Дни два или три спустя послѣ нашего пріѣзда (однакоже не по сему случаю) городъ вдругъ наполнился и оживился: наступила Петровская ярмарка, которая начинается съ Иванова дня, съ 24 Іюня, и продолжается недѣлю, до 1 Іюля. Тутъ увидѣлъ я первый разъ въ жизни сіе ежегодное, но для провинціи тѣмъ не менѣе, важное событіе *).

Внизу подъ горой, на которой построена Пенза, въ малонаселенной части ея, среди довольно обширной площади, стоитъ церковь апостоловъ Петра и Павла. Въ день праздника сихъ святыхъ, вокругъ церкви собирался народъ и происходилъ торгъ. Но какъ жители, покупатели, купцы и товары размножились и стало тѣсно, то и перенесли лавки немного отдалъ, на пространный поле, которое тоже получило названіе площади, потому что окраено едва видѣющимися лачужками.

Тутъ стояли ряды, сколоченные изъ досокъ и крытые лубками; между ними была также лубками крытая дорога для проходящихъ. Вездѣ сквозило, отовсюду могли проникать солнце, дождь и пыль. Съ утра до вечера можно было тутъ находить разряженныхъ дамъ и дѣвицъ и услужливыхъ кавалеровъ. Но покупать можно было только по утру, и то довольно рано: остальное время дня ряды дѣлались мѣстомъ всеобщаго свиданія. Не терпяція пѣшеходства, по большей части весьма тучныя барыни, съ дочерьми, толстенъкими барышнями, преспокойно садились на широкіе прилавки, не оставляя бѣдному торговцу

*) Во время Кіевскихъ контрактовъ видѣлъ я уже ярмарку, но она не имѣла ничего похожаго на наши внутреннія ярмарки. Тамъ бываетъ она зимой, въ Январѣ, и на Подоль всѣ обывательскіе домики обращаются въ теплыя лавки, куда забѣгаютъ одни только покупатели.

ни полъ-аршина для показа товаровъ. Вокругъ суетились франты, и съ ихъ ужимками, вотъ какъ обыкновенно начинался разговоръ: «Что покупаете-съ?» — «Да ничего, батюшка, ни къ чему приступу нѣтъ»; а купецъ: «Помилуйте, сударыня, да почти за свою цѣну отдаю», и такъ далѣе. Такъ по нѣсколькимъ часамъ оставались неподвижны сіи массы, и часто маски въ то же время: сдвинуть ихъ съ мѣста было совершенно невозможно; не помогли бы ни убѣжденія, ни самыя учтивыя просьбы, а начальству бѣда бы была въ это вступаться. А между тѣмъ, это одна только въ году эпоха, въ которую можно было запасаться всѣмъ привознымъ *). И потому-то матери семействъ, жены чиновниковъ, бѣдныя помѣщицы, въ простенькихъ платьяхъ, чѣмъ свѣтъ спѣшили дѣлать закупи, до прибытія дурацкой аристократіи.

Одна весьма важная торговля начиналась только въ рядахъ, но условія ея совершались послѣ ярмарки. Это былъ ловъ сердець и приданныхъ: какъ на Азіатскихъ базарахъ, на прилавкахъ, взрослые дѣвки также выставялись, какъ товаръ.

Помѣщикамъ и ихъ семействамъ, съѣхавшимся почти изо всей губерніи, можно было бы, кажется, умѣть пріятнымъ образомъ недѣлку повеселиться. И было бы гдѣ: вокругъ Пензы, въ одной и въ двухъ верстахъ отъ нея, есть прелестныя рощицы; нѣтъ, они предпочитали грязь, пыль и духоту ярморочную. Одно увеселеніе, которое похоже на что нибудь, бывало въ Петровъ день: это назывался воксаль или балъ въ регулярномъ саду г. Горихвостова, куда въ этотъ день платили за входъ. Садъ былъ не великъ; но *галдарея*, какъ еще говорили тогда, была преогромная, правда, однако, также досчатая. Она была обита выбѣленою холстиной и украшена пребольшущою жестяною люстрой; въ окнахъ же стояли деревянныя треугольники, къ коимъ прибывались желѣзные шандалы. Тутъ довершались побѣды красоты: статуи, кои какъ вкопанныя сидѣли на ярмаркѣ, здѣсь одушевлялись, приходили въ сильное движеніе, при блескѣ сальныхъ свѣчъ и звукахъ громкой музыки.

Кстати объ увеселеніяхъ. Кто бы могъ повѣрить? Въ это время было въ Пензѣ три театра и три труппы актеровъ. Такое чудо нужно объяснить. У насъ все такъ шло съ временъ Петра Великаго: кроется крыша, когда нѣтъ еще фундамента; были уже университеты, академіи, гимназіи, когда еще не было ни учителей ни учениковъ; вездѣ

*) Замѣчательно также, что Пензенскіе купцы, коихъ число и состояніе столь малы, передъ самою ярмаркой стараются выписывать свой тонаръ, зная напередъ, что только въ это время можетъ онъ почти весь быть распроданъ. И отъ того-то въ остальные мѣсяцы года въ Пензѣ ничего почти нельзя было найти.

были театры, когда не было ни піесъ, ни сколько-нибудь порадочныхъ актеровъ. Право жаль, что, забывъ пословицу: поспѣшишь да людей насмѣшишь, мы надорвались, гоняясь за Европой. Итакъ въ Пензѣ три театра, оттого что полубарскія затѣи, забытыя въ Петербургѣ, кое-гдѣ еще встрѣчались въ Москвѣ, а въ провинціяхъ были еще во всей силѣ обычая.

Труппа г. Горихвостова посвящена была игранію оперъ и исключительно Итальянской музыкѣ; особенно славилась въ ней какая-то Аринушва. Сія труппа играла даромъ для увеселенія почтенной публики, собиравшейся у почтеннаго г. Горихвостова. Я къ этому обществу не принадлежалъ, сихъ пѣвицъ не слыхалъ и крайне о томъ жалѣю: это въ карикатурномъ родѣ должно было быть совершенство.

Григорій Васильевичъ Гладковъ*), самый безобразный, самый безнравственный, жестокій, но довольно умный человекъ, съ нѣкоторыми свѣдѣніями, имѣлъ пристрастіе къ театру. Подлѣ дома своего, на городской площади, построилъ онъ небольшой, однакоже каменный театръ, и въ немъ все было, какъ водится, и партеръ, и ложи и сцена. На эту сцену выгонялъ онъ всю дворню свою отъ дворецкаго до конюха и отъ горничной до портомойки. Онъ предпочиталъ трагедіи и драмы, но для перемѣны заставлялъ иногда играть и комедіи. Последнія шли хуже, если могло быть только что-нибудь хуже первыхъ. Все это были какія-то страдальческія фигуры, все какъ-то отзывалось побоями, и нѣкоторые увѣряли, будто на лицахъ, сквозь румяна и бѣлила, были иногда замѣтны синія пятна. Эти представленія я видѣлъ, но что сказать мнѣ объ нихъ? Даже и вспомнить и жалко, и гадко. За деньги (которыя, разумѣется, получалъ господинъ) играли несчастные по зимамъ. Зрители принадлежали не къ самому высшему состоянію.

Самаго стариннаго покроя баринъ, носастый и брюкастый Василій Ивановичъ Кожинъ, безъ всякой особой къ тому склонности, изъ подражанія, или такъ для препровожденія времени, затѣялъ также у себя камедь; и что удивительнѣе, сдѣлалъ сіе удачнѣе другихъ. Но о труппѣ его потолкуемъ послѣ; а теперь поговоримъ о томъ, что занимательнѣе, о его домашней жизни. Почти до шестидесяти лѣтъ прожилъ онъ холостой, въ деревнѣ, рѣдко изъ нея выѣзжая, какъ вдругъ въ сосѣдствѣ его появилась одна старая, на помадѣ, на духахъ и на блондахъ промотавшаяся сіятельная чета. Князь Василій Сергѣевичъ и княгиня Настасья Ивановна Долгоруковы, въ близкомъ родствѣ со

*) Братъ его Иванъ Васильевичъ былъ при Александрѣ оберъ-полицеймейстеромъ въ обѣихъ столицахъ.

всѣми знатнѣйшими фамиліями, имѣя сыновей генераловъ, при концѣ дней своихъ принуждены были поселиться въ оставшейся имъ Пензенской деревнѣ. Съ ними была дочка Катерина Васильевна, сорокалѣтняя дѣва; не знаю была ли она разборчива въ Москвѣ, но въ глуши, куда она попалась, *рада-рада ужъ была*, чтобъ выйти... за Василія Ивановича; добрые сосѣди это дѣло какъ-то состряпали. Она была воспитана въ Смольномъ монастырѣ, безъ Французскаго языка не могладохнуть, а на немъ между сосѣдями ей не было съ кѣмъ слова молвить. Цѣлый вѣкъ съ старымъ медвѣдемъ, хотя смирнымъ, ручнымъ, но прожить въ его берлогѣ! Это ужасно. Дѣло рѣшено; она купила въ Пензѣ обширный, ветхій, деревянный домъ и перевезла въ него мужа со всѣми его театральными затѣями. Благодарю за то судьбу мою: во всякій пріѣздъ мой въ Пензу, они были моею отрадой.

Есть странности, коихъ прелесть на словахъ или перомъ никакъ передать невозможно: надобно было ихъ видѣть. Странности сихъ супруговъ происходили отъ сочетанія въ нихъ всевозможныхъ противоположностей. У обоихъ было добрѣйшее сердце, но въ немъ дворянская спѣсь чрезвычайно умножилась княжескимъ родствомъ. Надобно было видѣть ихъ обхожденіе; слова *ты* они не знали между собой. Еслибъ онъ былъ женатъ на великой княжнѣ, то, кажется, болѣе почтенія онъ не могъ бы ей оказывать; она платила ему тѣмъ же, стараясь другимъ дать чувствовать, что молодая жена обязана уважать стараго лѣтами мужа.

Трудно было назвать ее уродливою, а красивую еще труднѣе: какъ для красоты женской, такъ и для безобразія есть нѣкоторыя условія; она имъ всѣмъ была чуждою. Похожаго на ея лицо я нигдѣ не встрѣчалъ и увѣренъ, что никто не встрѣтитъ. Все то, что у другихъ бываетъ продолговато, у нея было совершенно круглое, и глаза, и носъ, и ротъ. Съ брюшкомъ нѣсколько скривленнымъ, она никогда не была, но вѣчно казалась, беременною. Цвѣтъ лица у нея былъ свѣтло-мѣдный, тѣло плотное, но не регулярное какъ у Василія Львовича Пушкина, если въ сихъ Запискахъ его кто припомнить. Съ нимъ имѣла она много сходства и въ характерѣ: была также добродушна, чрезвычайно легковѣрна и также хотѣла всѣхъ любить и всѣми быть любимою. Но чего въ немъ не было, она была безмѣрно вспыльчива; гнѣвъ ея бывалъ мгновененъ, но ужасенъ, и казалось, что въ углу ея добрѣйшаго сердца хранится для запаса злость безъ всякаго употребленія; но когда нужда потребуетъ, она является, и тогда бѣда! Самые жесточайшія, язвительныя истины осыпаютъ оскорбителя Катерины Васильевны. Вообще до глубокой старости на ней оставался отпечатокъ первобытнаго Смольнаго воспитанія; она сохраняла дѣтскую, ми-

люю откровенность. Пороки, или лучше сказать, недостатки ея были малочисленны и безвредны для общества: она была неопрятна, скупа и прожорлива, любила ѣздить по чужимъ обѣдамъ и подъ именемъ ридибюля всегда носила съ собою огромный мѣшокъ, куда клала фрукты, сласти, конфеты, на сихъ обѣдахъ собираемые, и имп же потомъ у себя гостей потчивала. Въ дополненіе скажу, что она говорила голосомъ удушливо-перхотнымъ и къ тому же картавила.

Одно не могу я похвалить въ ней: ея безчеловѣчный эгоизмъ. Со строгою супружескою вѣрностью, съ безчувствіемъ, съ равнодушіемъ, хотѣла она плѣнять; не раздѣляя ихъ, возбуждать сильныя страсти, сводить людей съ ума. Многіе прикидывались влюбленными: тогда поглядѣли бы вы, съ какимъ гордымъ самодовольствіемъ смотрѣла она на свои мнимыя жертвы! Въ числѣ ихъ былъ и я; а Василій Ивановичъ и не думалъ ко мнѣ ревновать: онъ зналъ, что полубогиня не можетъ имѣть слабостей, и даже соболѣзновалъ робкой моею любви. Въ его отсутствіе, она дѣлалась иногда гораздо смѣлѣе, но разумѣется до извѣстныхъ границъ, которыя мы съ ея супругомъ умѣли ей ставить: когда она казалась встревоженною, изумленною, я становился отчаянно почтительнымъ и удалялся. Не знаю, отчего эта мистификація могла меня нѣкоторое время занимать; я думаю, отъ скуки.

У такихъ добрыхъ господъ-содержателей труппа не могла быть иначе какъ веселою, прекуріозною. Кожнымъ удалось гдѣ-то нанять вольнаго актера Грузинова, который препорядочно зналъ свое дѣло; да и между дѣвками ихъ нашлась одна, Дуняша, у которой, невзначай, былъ природный талантъ. Катерина Васильевна, помня, какъ въ Смольномъ сама госпожа Лафонъ учила ее играть Гоеолію, преподавала свои наставленія, кои въ настоящемъ случаѣ, мнѣ кажется, были бесполезны; ея актеры могли играть однѣ только комедіи съ пѣніемъ и безъ пѣнія. Эту труппу называли губернаторскою, ибо мой отецъ дѣйствительно ей покровительствовалъ и для ея представленій выпросилъ у предводителей пребольшую залу дворянскаго собранія, исключая выборовъ почти всегда пустую. Завелось, чтобы туда ѣздили (разумѣется, за деньги) люди лучшаго тона, какія бы ни были ихъ политическія мнѣнія. Къ Гладкову же въ партеръ ходила одна чернь, а въ ложи ѣздила зѣвать злѣйшая оппозиція, къ которой однакоже онъ самъ отнюдь не принадлежалъ.

Этотъ разъ прожилъ я въ Пензѣ не съ большимъ пять мѣсяцевъ, но дѣлалъ изъ нея частыя отлучки. Первая поѣздка моя была вскорѣ послѣ Петровской ярмарки, Саратовской губерніи, Балашовскаго уѣзда, въ село Зубриловку, о которомъ было помянуто въ первой части сихъ Записокъ. Въ проѣздъ нашъ чрезъ Москву, обѣдалъ у насъ мо-

лодой, великій господинъ, князь Ѳедоръ Сергѣевичъ Голицынъ, также читателю знакомый, и взялъ съ моихъ родителей слово отпустить меня въ ихъ деревню въ 5 Юля, дню именинъ отца его. За годъ до того, будучи Рижскимъ военнымъ губернаторомъ, князь Сергій Ѳедоровичъ, по какому-то небольшому неудовольствію, вышелъ въ отставку и поѣхалъ жить на зиму, какъ всѣ тогдашніе бояре, въ Москву, а на лѣто въ свою Зубриловку. Въ Казацкомъ мнѣ такъ ее расхвалили, что я съ нетерпѣливымъ удовольствіемъ туда отправился.

Мнѣ надобно было сдѣлать 130 верстъ проселочными дорогами, но я вездѣ находилъ славныхъ лошадей за умѣревную цѣну. Сперва ночевалъ я въ нашемъ Симбухинѣ, а потомъ въ тридцати верстахъ оттуда, въ селѣ Бекетовкѣ, нашелъ я Хоперь почти ручейкомъ, и во всю дорогу рѣдко разставался съ его берегами. Если онъ самъ выбралъ мѣста, чрезъ кои началъ протекать, то надобно предполагать въ немъ много вкуса, ибо они очаровательны; взялъ бы овъ немного лѣвѣе, и овъ былъ бы въ пустынь, а тутъ, что за виды, что за рощи, или лучше сказать, что за лѣса, темные, но не дремучіе! Проѣзжая ими въ лѣтвій день, дышешь какою-то жаркою, душистою влагой, подобною (но во сто разъ лучше) тѣмъ парамъ, которые подвигаются съ горячей плитки, когда льютъ на нее спиртовые духи. Досадно, что я никогда не умѣлъ описывать природу, ни чувствъ, которыя она во мнѣ производитъ; право жаль, ибо, любуясь ея красотами, я всегда дѣлаюсь чрезвычайно добръ и вселюбителенъ. Между тѣмъ, по всей дорогѣ безпрестанно находилъ въ нѣсколькихъ верстахъ, иногда даже въ нѣсколькихъ сотняхъ сажень, отъ голой степи, которая начиняется внезапно и тянется на сотни верстъ, какъ великій постъ, въ одну минуту прерывающій шумную масляницу. Вѣрво послѣдній ящикъ, который везъ меня къ вечеру, былъ, какъ и я, обвороженъ прелестью воздуха и неба, что, не замѣтивъ узкаго Хопра, переѣхалъ чрезъ него, сбился съ дороги, и мы попали въ степь, гдѣ, плутовавъ нѣсколько времени, только послѣ полуночи, почти передъ разсвѣтомъ, могъ я пріѣхать въ Зубриловку. Тамъ, однакоже, по заведенному славному порядку, мнѣ тотчасъ отвели хорошую комнату съ хорошею постелью.

Когда я проснулся и одѣлся, то было уже около десяти часовъ утра, и всѣ, для поздравленія хозяина-имевинника, собиравшись въ залу, гдѣ поставленъ былъ завтракъ. Я какъ будто предугадалъ, что взялъ съ собою мундиръ; ибо всѣ пріѣзжіе гости, сосѣдвіе дворяне и даже самые сыновья князя были при мундирахъ, при шпагахъ, и кто ихъ имѣлъ, при орденахъ. Кому нынѣ изъ отставныхъ вельможъ будетъ оказана подобная почестъ? Теперь сбылась гадкая Русская поговорка, что отъ кого чають, того только и величаютъ.

Хотя ему было не въ диковинку, но князь Голицынъ былъ тронуть сими знаками уваженія и вообще со всѣми обошелся скорѣе какъ съ дорогими гостями, чѣмъ съ людьми, пріѣхавшими къ нему на поклоненіе. Объ немъ говорить нечего, онъ ко мнѣ всегда былъ очень добръ; да и сама сердитая княгиня была этотъ разъ со мною безмѣрно ласкова.

Зубриловка есть одно изъ немногихъ мѣстъ въ Россіи, подобныхъ палацамъ и замкамъ, коими усѣяна Польша. Тамъ Славянское племя долго и тщетно гнули подъ феодальныя формы: ни Радзивилы, ни Садѣги, ни Чарторыйскіе, не смотря на несмѣтныя богатства, на многочисленныя дружины, ихъ окружавшія, никогда не могли сдѣлаться совершенно независимыми владѣтелями, какъ высокіе бароны въ Германіи, Франціи и Италіи. Ихъ неограниченная, ихъ необузданная власть, все оставалась насиліе, не законъ. Въ Россіи удѣльные князья являли когда-то и что-то тому подобное; съ истребленіемъ удѣлизма, съ утвержденіемъ единодержавія, намѣстники государевы, начальники городовъ и областей, съ ограниченою властью, получали помѣстья, вмѣсто жалованья, и вѣроятно палаты для жительства. Хоромы владѣющихъ помѣстьями, какъ и богатыхъ вотчинниковъ, въ старинное неприхотливое время, могли отличаться отъ избъ простолюдиновъ только бѣльшимъ размѣромъ и бѣльшею опрятностью. Мало-по-малу блескъ двора сталъ привлекать богатыхъ владѣльцевъ въ Москву, а исканіе мѣстъ и почестей удерживать ихъ въ ней; съ улучшеніемъ вкуса, съ умноженіемъ потребностей начали строиться шире и прочнѣе, и тогда деревянная Москва сдѣлалась Москвою бѣлокаменною. Какъ видно изъ исторіи, не одни опальные царедворцы и воеводы ссылались въ свои деревни; но и другіе, послуживъ Богу и Царю, удалялись на отдохновеніе въ свои родовыя или жалованныя имѣнія. Долго существовалъ сей обычай, и въ отдаленныхъ отъ столицы мѣстахъ нерѣдко можно было найдти маститую старость вельможи, окруженную всеобщимъ благоговѣніемъ и отражающую блескъ, заимствованный ею отъ свѣтлаго лица государева (я говорю ея языкомъ), при коемъ она нѣкогда находилась. Въ такого рода жизни, кажется, нѣтъ ничего феодальнаго.

Нѣсколько позже, привычка къ солнцу не позволяла далеко удаляться отъ лучей его. Тогда, кажется, родилось названіе подмосковныхъ и умножилась цѣнность ихъ. Тогда, не переставая быть царедворцемъ, не покидая любезныхъ ему золотыхъ цѣпей, могъ бояринъ на дѣто освобождаться отъ ихъ тягости, такъ однакоже, чтобы, при первомъ позывѣ царя или честолюбія своего, могъ онъ скорѣе возложить ихъ на себя. Во временныхъ убѣжищахъ начали, на подобіе

царскихъ, заводиться въ маломъ видѣ дворцы и сады, а въ отдаленныхъ богатыхъ вотчинахъ, ветхія зданія господскія стали клониться къ паденію и замѣняться, гдѣ волостною избой, гдѣ домикомъ для прикащика или управителя.

Но время текло, нравы мѣнялись, и строился Петербургъ. Съ начала однакоже, въ новую столицу перенесены обычаи старой, и среди окрестностей первой явилось великолѣпіе по большей части уже новыхъ боярскихъ фамилій, въ Гостилицахъ, въ Славянкѣ, въ Копрровѣ, въ Мурзинкѣ, въ Муринѣ, въ Парголово. Это было не долго, это казалось слишкомъ далеко отъ двора, и всѣ названныя мѣста опустѣли. Тогда богатые, прекрасныя дачи по Петербургской дорогѣ, на царскомъ пути, всѣ разряженныя, съ обѣихъ сторонъ вытянулись почтительнымъ фрунтомъ. Кто бы могъ прежде ожидать? И онѣ брошены, и онѣ распроданы подъ фабрики. Нынѣ, въ самомъ Царскомъ Селѣ, въ Павловскомъ, въ Петергофѣ или на островахъ, поближе къ Каменному и Елагину дворцамъ, Русская знать, въ хорошенькихъ, разубранныхъ уютныхъ дачкахъ гнѣздится, жметя, какъ дворянъ въ людскихъ. И эти люди называютъ себя аристократами!

Въ старину, то-есть какъ говорится въ Россіи, лѣтъ сорокъ тому назадъ, всѣ отставные вельможи полагали, что имъ нигдѣ приличнѣе жить нельзя какъ въ отставной столицѣ. Нѣкоторые изъ нихъ не оставляли ея во все лѣто, имѣя въ самомъ городѣ сады, въ десять или въ двѣнадцать разъ болѣе иныхъ Каменноостровскихъ дачъ; другіе ѣздили въ свои подмосковныя, кои продолжали беречь и украшать; немногіе, какъ князь Сергій Феодоровичъ, отправлялись въ дальнія деревни.

Итакъ Зубриловка его, равно и лежащее въ тридцати верстахъ отъ нея, село Надеждино, князя Куракина, еще красовалась тогда и славилась не только во всемъ околоткѣ, но и во всѣхъ сосѣднихъ губерніяхъ. Грустно теперь подумать объ нихъ. Чтѣ сдѣлалось и съ вами, Ташавъ, Батуринъ, гдѣ долго и тихо догасали два фельдмаршала, герой Россіи и геній доброты? Гдѣ ихъ потомство, и кому вы нынѣ принадлежите? А ты, Бѣлая Церковь, мѣсто знаменитое въ лѣтописяхъ воинственной, вольной Украины, чтѣ стало съ тобою? Пятидесятилѣтнія просвѣщенныя старанія одной Русской женщины превратили степь твою въ безконечный прелестный вертоградъ; ты сдѣлалась добычею горделивой, злой, неблагодарной Польки, ея невѣстки, ненавистницы имени Русскаго, и она обрекла тебя забвенію и запустѣнію.

Какъ въ предшествующую ночь, за Хопромъ, верчусь я все около Зубриловки, и насилу могу въ нее попасть. Деревня построена въ низу и отдѣляется прудомъ и плотиною отъ горы, на которой

стоитъ господскій домъ, каменный, трехъ-этажный. Въ соединеніи съ двумя большими каменными-же двухъ-этажными флигелями, посредствомъ двухъ предлинныхъ оранжерей и имѣя подлѣ себя церковь, величиною превосходящую самый большой уѣздный соборъ, домъ сей, вся эта масса зданій представляются глазу довольно поразительно. Исключая той горы, на которой находятся строенія, съ лѣвой ея стороны, есть еще двѣ другія гораздо ея выше; всѣ они покрыты густымъ лѣсомъ, а въ ихъ промежуткахъ долины, ущелья и пригорки чрезвычайно разнообразятъ мѣстоположеніе и безпрестанно производятъ новые виды. Горы сіи наполнены родниками, которые изъ боковъ ихъ вырываются сильно бьющими ключами ¹⁾. Легко можно повѣрить, послѣ такого Эдема, какою пустыней должно было казаться, хотя и въ лучшемъ климатѣ, плоское Казацкое: на его равнинѣ только что было гарцовать казакамъ.

Только вокругъ господскаго дома видна рука искусства, но и тутъ, въ этихъ бассейнахъ, каскадахъ, сильно помогала ей природа. Имѣніе сіе было не родовое; князь Голицынъ купилъ его и потомъ три года сряду стоялъ въ немъ на безсмѣнныхъ квартирахъ съ двадцати-четырехъ-эскадроннымъ Смоленскимъ драгунскимъ полкомъ, коего онъ былъ начальникомъ. Утверждаютъ, что всѣ построенія Зубриловки были дѣло рукъ солдатскихъ; это извиняется дурнымъ обычаемъ: полкъ давался тогда какъ аренда, и въ самомъ Петербургѣ, начальники гвардіи симъ дешевымъ способомъ возводили себѣ дома.

Хотя я былъ въ новомъ мѣстѣ, однакоже въ знакомой сторонѣ: всѣ сыновья князя Сергѣя Θεодоровича (исключая Михаила, который служилъ тогда въ Семеновскомъ полку) были на лицо. Меньшіе, Василій и Владиміръ, все еще находились въ малолѣтствѣ; двое постарѣе ихъ, Павелъ и Александръ, прежніе мои соученики, только что взяты изъ пансіона аббата Николая, гдѣ кончили ученіе ²⁾; Θεодоръ былъ камергеромъ и въ отпуску, Сергѣй и Григорій въ отставкѣ.

Сей послѣдній при новомъ Государѣ вступилъ бымо въ службу, не генераль-адъютантомъ какъ прежде, а генераль-майоромъ по арміи;

¹⁾ Насъ князь Сергѣй, третій сынъ хозяина, повезъ кататься въ открытыхъ линейкахъ, чтобы показать намъ окрестности. Мы остановились и вышли погулять по одной долинкѣ, исполненной благоуханія и пересѣченной свѣтлыми бвгущими ручьями. Я бы назвалъ ее долиной счастья, готовъ бы построить тамъ домикъ и оставаться въ ней вѣкъ. Съ нами первою гостей была генеральша, Агнія Дмитриевна Ступишина, наша Пензенская и бывшая губернаторша; она не могла понять, зачѣмъ мы тутъ остановились. „Помилуй, батюшка, князь Сергѣй Сергѣевичъ, куда ты насъ это завезъ, сказала она, али деревьевъ-то не видалц, али травы?“ Меня такъ и взорвало.

²⁾ Чтò это было за ученье! Всѣ воспитанники этого пансіона, которые знаютъ что-нибудь, начали учиться уже по выходѣ изъ него.

но въ вслѣдъ за отцомъ опять ее оставилъ. Во время коронаціи Александра, женился онъ на молодой дѣвицѣ, графинѣ Катеринѣ Ивановнѣ Сологубъ, дочери известной при Екатеринѣ красавицы Натальи Львовны и племянницѣ Александра и Дмитрія Львовичей Нарышкиныхъ. Она была изъ числа тѣхъ женщинъ, кои, къ чести прежняго времени и къ стыду настоящаго, встрѣчались тогда чаще чѣмъ нынѣ. Ихъ образцомъ была императрица Елисавета Алексѣевна. Пріятности лица молодой княгини Голицыной были ничто въ сравненіи съ ея скромною любезностію: не покидая земли, она все казалась на дорогѣ къ небу, и еслибы могла быть убьель въ ангелахъ, то, я увѣренъ, что изъ такихъ существъ дѣлали бы ихъ новый наборъ.

Житіе въ Зубриловкѣ мнѣ показалось славное; оно напоминало, какъ богатые и знатные бары жилали въ старину. Нѣтъ лишнихъ прихотей, но всего вдоволь; столъ изобильный, сытный и вкусный, прислуга многочисленная, ворота настежь, сосѣди, мелкіе дворяне, такъ и валять, но не обременяя собою: предовольны, когда хозяинъ скажетъ имъ привѣтливыхъ слова два-три. Князь Федоръ, мой милый аристократъ, будущій владѣлецъ Зубриловки, тогда уже поговаривалъ объ *vie de château*. объ удовольствіи по временамъ удаляться въ свой замокъ, среди малаго, но избраннаго круга; толпу же сосѣдей показывать только въ важныхъ случаяхъ, на празднествахъ, какъ декорацію. Они съ отцомъ имѣли разныя понятія о деревенской жизни.

Пробывъ въ отсутствіи четыре или пять дней, воротился я въ Пензу. Она нѣсколько присмирѣла послѣ тѣхъ отзывовъ, которые сообщены были ей изъ Петербурга. *** въ ней не было, и по заочности не могъ бы онъ такъ сильно на нее дѣйствовать, еслибъ, какъ Илія возносясь, не бросилъ онъ мантии своей, какъ Елисею, нѣкому г. Бекетову.

Преемникомъ его былъ въ званіи прокурора г. Ламановъ, человекъ тихій и благородный; но въ немъ оставался онъ не болѣе полтора года, бывъ переведенъ вице-губернаторомъ во вновь учрежденную Томскую губернію. Тогда отставной майоръ Бекетовъ, по ходатайству друга своего, ***, произведенъ въ надворные совѣтники и назначенъ на его мѣсто. Въ умѣ и познаніяхъ этотъ человекъ отсталъ даже отъ ***, но въ дерзости и безнравственности его самого превзошелъ.

Онъ былъ двоюродный братъ знаменитаго нашего поэта Дмитріева; къ тому же его звали Аполлонъ Николаевичъ, поэтому почиталъ онъ себя въ обязанности быть въ знакомствѣ съ музами и въ правѣ судить о литературѣ. И по этой части былъ онъ оракуломъ въ Пензѣ, то есть его сужденія принимались слѣпо, почтительно, но въ

тоже время невнимательно, какъ о дѣлѣ постороннемъ, ни до кого не касающемся, какъ рѣчь на непонятномъ языкѣ. А что́ это было за глубочайшее невѣжество!

Первый годъ своего прокурорства онъ былъ довольно умѣренъ, пристоенъ; мы были тогда знакомы, и онъ просилъ меня съ скромною гордостію заглянуть въ оставленное имъ для службы его сельское убѣжище. На возвратномъ пути изъ Зубриловки долженъ я былъ перемѣнить лошадей въ селѣ его Черкасскомъ, и въ отсутствіе хозяина, но по его приглашенію, пошелъ смотрѣть его домъ. Онъ былъ каменный, двухъэтажный и поставленъ совсѣмъ поперекъ большой дороги; съ правой стороны была роща, съ лѣвой садъ; малое пространство между ними и домомъ было еще наполнено двумя откосами или пандусами въ нихъ ведущими. Только подлѣ самаго дома, подъ откосами, съ обѣихъ сторонъ оставлено было для проѣзда по аркѣ, дабы никто не могъ ни проѣхать, ни пройти, не полюбуясь, не подивясь причудливости г. Бекетова. Внутренность дома отвѣчала наружности его: вездѣ безпорядокъ, по моему совсѣмъ непріятный, вездѣ претензіи на странность, все не на своемъ мѣстѣ. Напримѣръ, среди кабинета его нашелъ я гипсовую статую Амура (я ожидалъ найти Бахуса) съ извѣстною надписью, *qui que tu sois*, на столикѣ визитную карточку хозяина, на которой написано: *pour prendre congé*; наконецъ на крытой соломою конюшнѣ замѣтилъ я *honny soit qui mal y pense*. И что́ всего страннѣе, г. Бекетовъ прескверно говорилъ по-французски и не могъ почти слова сказать безъ ошибки.

Описывая первый пріѣздъ мой въ Пензу, упомянулъ уже я о госпожѣ Бекетовой, красотѣ холодной и суровой, блиставшей какъ солнце на снѣжныхъ равнинахъ. Такія женщины въ многочисленныхъ обществахъ служатъ ему только наружнымъ украшеніемъ, но въ семейной жизни они ея благополучіе. Какъ бы не замѣчая пороковъ мужа и слабостей отца, Прасковья Петровна Бекетова обоихъ почти-тельно и нѣжно любила, какъ долгъ, для матери была утѣшеніе, Провидѣніе для дѣтей, и она осталась до конца жизни набожною, благотворною, любимою и всепочитаемою. Какъ я всякому люблю отдавать справедливость, то и о самомъ Бекетовѣ долженъ сказать, что въ поступкахъ противъ жены его нечѣмъ было упрекнуть, равно какъ и въ лихоимствѣ. Эти двѣ обязанности почиталъ онъ священными.

Родители Бекетовой также находились тогда въ Пензѣ. Отецъ ея, Петръ Михайловичъ Опочининъ былъ добрѣ и слабѣ характеромъ. Онъ былъ богатый Ярославскій помѣщикъ, но въ первой половинѣ жизни, черезчуръ любя ея наслажденія, какъ многіе другіе наши дво-

ряне, съ безопасностію истинно-русскою, успѣлъ все имѣніе прожить *); подъ старость лѣтъ въ чинѣ статскаго совѣтника, принужденъ онъ былъ принять должность совѣтника Пензенской Уголовной Палаты, въ тѣ поры еще довольно уважаемую.

О женѣ его, Александрѣ Федоровнѣ, урожденной Ладыженской, скажу только, что она служила образцомъ дочери. При воспомнаніи о прежней роскоши, ни жалобы, ни упрека никогда изъ устъ ея не выходило: она имѣла эту тихую твердость, героизмъ женщинъ. Не знаю право, куда такія жены дѣвались? Нынѣ малѣйшая слабость мужа служитъ женѣ предлогомъ его преслѣдовать и, среди собственныхъ безпорядковъ, еще казаться жертвою. Въ этомъ отношеніи Европейскіе обычаи не моремъ, не прямо вошли къ намъ, а черезъ Польшу.

Пріязнь матери моей съ г-жей Опочининой, подчиненность мужа ея отцу моему, и увѣщанія сына ихъ, служившаго въ Петербургѣ, до нѣкотораго времени удерживали буйные порывы противъ насъ г. Бекетова. А этотъ шуринъ былъ ему весьма полезенъ, ибо находился въ самомъ завидномъ положеніи для молодаго человѣка. Ротмистръ конной гвардіи и любимый адъютантъ цесаревича Константина Павловича, съ пріятною наружностью и гибкимъ вкрадчивымъ характеромъ, онъ удивительно всѣмъ нравился и мужчинамъ, и женщинамъ. Онъ былъ ростомъ не великъ, но чудесно сложенъ, въ самомъ голосѣ имѣлъ что-то привлекательное, хотя въ немъ ничего не было женоподобнаго, а развѣ только одинъ императоръ Александръ болѣе его одаренъ былъ мужскимъ кокетствомъ. Ни передъ кѣмъ не унижаясь, онъ однакоже никому не показывалъ гордости, и, вѣроятно не любя печальныхъ лицъ, самъ старался всѣмъ улыбаться. Было ли это въ немъ врожденное благосклонное ко всѣмъ чувство, то сіе дѣлаетъ честь его сердцу; или въ столь молодыхъ лѣтахъ это уже было слѣдствіемъ разсчета, тогда оно служитъ доказательствомъ тонкаго ума. Всякій ищетъ пути къ возвышенію; а онъ не ошибся въ томъ, который избралъ. Передъ тѣмъ зимой я съ нимъ познакомился; но видѣлся съ нимъ не часто, или мнѣ такъ казалось, потому что всякій разъ

*) Не знаю, дозволено ли порицать слабость, когда она дѣлается почти всѣмъ общою и когда, такъ сказать, она есть дѣйствіе мѣстностей. Стѣсненные въ извѣстныхъ границахъ, во всемъ размежеванные, западные народы давно уже принуждены разсчитывать. Но въ Россіи все еще такъ безпредѣльно, и власть царя, и настоящія границы, и будущее ея предвазначеніе, что неудивительно, если въ коренныхъ ея жителяхъ такъ много преувеличеннаго и все такъ дѣлается на широкую руку. Болѣе всего это выказывалось въ Москвѣ. Но подождемъ: уже и въ ней ультрамотовство примѣтно уменьшилось; число помѣщиковъ въ Россіи павѣрное удесятирилось съ тѣхъ поръ, а число промотавшихся, конечно, не составляетъ и десятой доли протѣсъ прежняго. Не доказываетъ ли это, что Нѣмцы не напрасно насъ обрабатываютъ?

обращеніе его и разговоръ были столь милы, что я бы его не наслушался.

Я объщалъ нѣсколько новыхъ портретовъ, нѣкоторые уже намараль, а остается еще довольно. При представленіи ихъ я не буду, какъ въ Кіевѣ, слѣдовать порядку адресъ-календаря: Пенза всегда была городъ дворянскій, а не казенный. Но какъ надобно какого нибудь порядка держаться, то я раздѣляю ихъ на враговъ, на пріятелей и на преданныхъ дому нашему.

Въ числѣ первыхъ къ сожалѣнію находились два семейства, долѣ связанныхъ съ моими родителями узами самой тѣсной дружбы. Одно изъ нихъ, семейство Ступининыхъ, состояло изъ четырехъ лицъ и трехъ поколѣній. Я только что говорилъ объ Агнии Дмитріевнѣ, которую видѣлъ въ Зубриловкѣ; у нея была мать, у нея былъ мужъ, у нея была дочь. Сама она была женщина простая, суетливая, ни добрая ни злая и великая хлопотунья. За то мать ея, Елисавета Петровна Леонтьева, была одарена необыкновеннымъ умомъ, которымъ прикрывала всѣ недостатки стариннаго воспитанія; будучи малочинная и небогатая вдова, и не самой строгой нравственности, она умѣла себя поставить на такую ногу, что никто не смѣлъ ей отказывать въ знакахъ наружнаго уваженія. Когда же она единственную дочь свою выдала за Пензенскаго губернатора, тогда похищенное ею право первенства обратилось въ законное, неоспоримое.

Иванъ Алексѣевичъ Ступининъ открывалъ Пензенскую губернію, былъ первымъ въ ней губернаторомъ. Трудно было найти человѣка, у котораго голова была бы пустѣе; а между тѣмъ онъ избранъ Екатериной и, что еще удивительнѣе, выборъ сей нельзя было осудить. Находившись долго въ военной службѣ, онъ былъ изъ числа тѣхъ строгихъ, точныхъ исполнителей даваемыхъ имъ предписаній, которые бываютъ полезны тамъ, гдѣ умствованія могли бы только запутывать дѣла. Какъ онъ былъ права серьезнаго и весь исполненъ чести, доброты и справедливости и какъ онъ попалъ въ то счастливое время, когда правительство само поддерживало поставляемыхъ имъ начальниковъ, то, волею или неволею, всѣ почтительно ему повиновались. Къ тому же и дѣлъ сначала было немного; и въ нихъ, кажется, было столь же мало отвлеченностей, какъ и въ мысляхъ Ивана Алексѣевича. Оставивъ службу, онъ рѣдко показывался въ Пензѣ, хотя и жилъ въ тридцати верстахъ отъ нея, въ деревнѣ своей Пановкѣ.

Полученное имъ довольно большое наслѣдство послѣ брата и пожалованное ему имѣніе, вмѣстѣ съ небольшимъ родовымъ, составило ему до полуторы тысячи душъ; а какъ у него была одна только дочь, то и могла она почитаться богатою невѣстой, особенно въ провинціи.

Эта молоденькая, бѣленькая, полненькая дочь его, Александра Ивановна, имѣла самое пріятное изъ дурныхъ лицъ. Ея воспитаніемъ занималась преимущественно умная бабка ея Леонтьева, и хотѣла имъ прославиться, стараясь одарить ее всѣмъ, чего въ самой недоставало, и не щадя на то денегъ. Внучка оправдала ея ожиданія: отъ всѣхъ другихъ дѣвицъ въ Пензѣ отличалась скромностію, любезностію, знала иностранные языки и по-французски выражалась, какъ говорили тогда на немъ въ большемъ свѣтѣ; много читала, переводила и казалась чуждою даже маленькимъ дѣвичьимъ сплетнямъ. Голосъ ея былъ пріятный и въ согласіи съ нѣжностію, съ чувствительностію, которыя, какъ имѣлъ я случай узнать послѣ, были въ ней не столько врожденные, какъ внушенные иностранными гувернантками.

Никто изъ молодыхъ людей (которыхъ, впрочемъ, было немного) не смѣлъ къ ней подступиться, и еслибы маленькое, едва замѣтное предпочтеніе не ободрило старшаго брата моего Павла, которому она чрезвычайно нравилась, то онъ довольствовался бы любить ее въ молчаніи. Однакоже, они поняли другъ друга, воспламенились и объяснились; но дѣвица Ступишина, зная уже виды и надежды, не столько родителей, какъ гордой честолюбивой бабки, просила его до удобнаго случая хранить ихъ взаимную страсть. И дѣйствительно, г-жа Леонтьева, выдавъ глупую бѣдную спроту свою за генераль-поручика и губернатора, могла надѣяться, что такая внука будетъ за канцлеромъ или за фельдмаршаломъ. А между тѣмъ дѣвочкѣ, восторженной отъ чтенія романовъ, довольно пріятно, въ тиши уединенія, на яву длить собственный романъ. Одинъ учитель, Французъ (эти люди всегда мѣшались въ любовныя дѣла), который прежде того давалъ уроки, часто навѣщаль Пановку, отвозилъ туда письма отъ брата и привозилъ оттуда на нихъ отвѣты. Письма ея были по-французски, а какъ братъ мой на этомъ языкѣ говорилъ нехорошо, а писалъ еще хуже, то тотъ же самый Французъ, болѣе со словъ, переводилъ Русскія его письма, а онъ уже потомъ списывалъ. Когда случилось мнѣ послѣ читать эти посланія молодой Ступишиной, то мнѣ казалось, что страсть и искусство выражать ее далѣе идти не могутъ; но еще позднѣе, когда я болѣе начался романовъ, нашелъ въ нихъ цѣлыя страницы, уже мною читанныя. Какъ все это болѣе переписывалось чѣмъ сочинялось, то никакая любовная *переписка* названія сего такъ не заслуживаетъ.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и оба семейства, ничего не подозрѣвая, продолжали свои дружественныя сношенія и, не смотря на тридцать верстъ разстоянія, довольно часто другъ друга посѣщали. Наконецъ робкая дѣва осмѣлилась признаться во всемъ отцу, который одобрилъ ея желанія, и она успѣшила сообщить о томъ моему брату.

Въ нетерпѣливой радости своей онъ обратился къ родителямъ, и они нашли все это дѣломъ весьма обыкновеннымъ, естественнымъ. Партія была самая выгодная, неравенство могло только быть въ одномъ состояніи; къ тому же въ провинціи это могло казаться соединеніемъ двухъ династій. Но не такъ думали Леонтьева и дочь ея; узнавъ истину отъ неосторожнаго старика, онъ въ два-три дня успѣли совсѣмъ сбить его съ толку, и когда мать моя пріѣхала къ нимъ съ формальнымъ предложеніемъ, то госпожа Леонтьева, отъ имени всѣхъ, не весьма искусно, но довольно учтиво сдѣлала отказъ.

Можно себѣ представить, что изъ того послѣ произошло, видя съ одной стороны женщину живую, самолюбивую какъ мать моя, а съ другой—раздраженную, бранчивую дуру Леонтьеву и дочь ея, и между ними услужливыхъ сплетчицъ и переносицъ. Болѣе года прошло послѣ этого разрыва, когда во второй разъ пріѣхалъ я въ Пензу, и вражда была тогда во всей силѣ; за то и любовь молодыхъ людей также не угасала, и тайная переписка продолжалась еще года два.

Другое семейство, о коемъ я упомянулъ, было нѣкоторымъ образомъ продолженіемъ перваго. Говоря о молодости отца моего и о первыхъ связяхъ его въ Пензѣ, я назвалъ Ефима Петровича Чемесова, мужа древнихъ временъ. Болѣе тридцати лѣтъ существовала у него съ отцомъ моимъ дружба старинная, непоколебимая. Онъ былъ еще довольно молодъ, когда безошадный для дворянъ Пугачевскій бунтъ достигнулъ Пензы. Всѣ бѣжали. Онъ остался, примѣромъ своимъ ободрилъ нѣкоторыхъ молодыхъ помѣщиковъ и, пользуясь довѣренностію и уваженіемъ, которыя имѣлъ даже между простымъ народомъ, изъ господскихъ людей, изъ мѣщанъ и изъ нѣсколькихъ поселянъ успѣлъ собрать почти цѣлый полкъ, который вооружилъ наскоро и назвалъ уланскимъ; надобно знать, что ни самъ онъ и никто изъ его сподвижниковъ никогда не бывалъ въ военной службѣ*). Съ этимъ войскомъ онъ выступилъ противъ непріятеля, но къ счастью былъ такъ уменъ

*) Не доказываетъ ли это, что всякій Русскій въ одинъ мигъ изъ мирнаго гражданина можетъ превратиться въ смѣлаго воина? И послѣ того какъ не видѣть, сколь бесполезенъ отяготительный, изнурительный для государства обычай держать въ мирное время полмилліона подъ ружьемъ? Мнѣ кажется достаточно бы было однихъ кадровъ, когда могучій голосъ Царя можетъ въ короткое время и пятаго отъ сохи вызвать къ оружію. Неужели солдаты только для потѣхи и помпы царей? Тогда это тягостнѣе, чѣмъ роскошь десяти дворовъ. Мнѣ все кажется, что Славянское племя, разумѣется кромѣ Поляковъ (которые въ немъ выродки), имѣетъ въ себѣ что-то молочное, что-то бѣлое, свѣжее, прѣсное. Турки, равно какъ и Нѣмцы, берегутъ его въ погребѣ, въ преисподней; Пруссаки квасятъ его, гноятъ, чтобы сдѣлать изъ него какой-то сыръ; но тамъ, гдѣ оно свободно, появленіе непріятеля кинятъ его какъ огонь, оно клокочетъ, и горячія его волны какъ лава поглощаютъ враговъ.

и остороженъ, что не хотѣлъ дать себя и людей своихъ даромъ зарѣзать. Сила мятежниковъ была уже такъ велика, что при первомъ явленіи его бы истребили; онъ довольствовался вести партизанскую войну, нападать врасплохъ на отряды вражьи, отбивать конвой, затруднять сообщенія, спасать бѣгущихъ отъ злодѣевъ, сохранять духъ повинновенія въ крестьянахъ. Онъ ничего не бралъ у жителей, ничего не стоилъ казнь, и содержалъ команду свою единственно отхваченнымъ у мятежниковъ. Удивительно, что такіе подвиги не были награждены, но въ нихъ самихъ находилъ онъ уже себѣ награду; ибо этою эпохой, по всей справедливости, всю жизнь свою гордился. Нѣсколько времени былъ онъ потомъ провинціальнымъ прокуроромъ и наконецъ воеводою (съ нимъ и прекратилось Пензенское воеводство). Такъ какъ маленькое тщеславіе всегда бываетъ слабая сторона добродушныхъ людей, то и онъ не былъ его чуждъ: на низкомъ каменномъ жильѣ построилъ онъ обширный деревянный домъ, понынѣ еще существующій, и сколь возможно лучше, по тогдашнему времени, его убралъ; почитая себя представителемъ царской власти, онъ называлъ его дворцомъ, и когда въ торжественные дни послѣ молебна приглашалъ онъ къ себѣ чиновниковъ обѣдать, то всегда говорилъ: «Покорно прошу ко мнѣ во дворецъ».

Большую страсть имѣлъ онъ къ чтенію: все, что было писано, печатано по-русски, подлинники и переводы, по какой бы части наукъ, о какомъ бы предметѣ то ни было, все онъ прочиталъ, но все безъ разбора, безъ системы, и еслибъ онъ приготовленъ былъ образованіемъ, то конечно былъ бы ученѣйшимъ тогда человѣкомъ. Страсть къ наукамъ изобразилъ очень хорошо въ немъ Загоскинъ, въ романѣ своемъ *Искуситель*. Но еще болѣе былъ онъ падохъ на умъ; умныхъ людей обожалъ онъ, и потому ни мало ни удивительно особенное пристрастіе его къ единственной сестрѣ своей, вышесказанной Елисаветѣ Петровнѣ Леонтьевой. Несмотря на то, онъ однакоже сначала не хотѣлъ никакого участія въ ссорѣ ея съ нашимъ семействомъ. Къ сожалѣнію, вмѣстѣ съ честностію, съ благородствомъ души, не соединялъ онъ тѣхъ строгихъ, твердыхъ правилъ, коими руководствовался отецъ мой; былъ снисходителенъ къ негодяямъ: довольствуясь на нихъ не походить, онъ выслушивалъ ихъ вранье и жалобы, оспаривалъ ихъ, потомъ молчалъ и, наконецъ, чуть ли не готовъ былъ съ ними соглашаться. Къ тому же онъ старѣлъ, слабѣлъ, начиналъ слѣпнуть и съ каждымъ днемъ становился подвластнѣе хитрой сестрѣ своей. Онъ не побранился, не поссорился съ отцомъ моимъ, къ тому не было ни малѣйшаго повода; но онъ вдругъ остылъ къ нему и такъ остался до смерти

своей. Впрочемъ съ обѣихъ сторонъ никто не слыхалъ отъ нихъ ни малѣйшей жалобы, ни малѣйшаго осужденія.

Когда отецъ мой прибылъ въ Пензу на губернаторство, тогда дворянство, обрадованное его прїѣздомъ, желая чѣмъ нибудь ему угодить, не нашло ничего лучше, какъ друга его Чемесова единогласно избрать своимъ губернскимъ предводителемъ. Тѣже самые люди, прибѣгая къ нему потомъ, старались увѣрить его, что долгъ и безпристрастіе требуютъ отъ него, чтобъ онъ былъ защитникомъ ихъ правъ противъ насилія; но ему не было случая за нихъ вступаться: никто не думалъ нападать на нихъ. Желая сколько нибудь сблизиться съ ослѣпленнымъ другомъ, отецъ мой, будучи въ Петербургѣ, настоятельно, убѣдительно, чрезъ Кочубея выпросилъ ему чинъ статскаго совѣтника. Сначала это старика было потѣшило; но Леонтьева скоро успѣла его увѣрить, что это сдѣлано было съ намѣреніемъ его унизить, и онъ почиталъ это жесточайшею обидой. Я былъ крестный сынъ его и, слѣдуя старому обычаю, по духовному родству обязанъ былъ его посѣщать. Какъ онъ, такъ и семейство его всегда встрѣчали меня съ распростертыми объятіями.

Семейство сіе было многочисленное; у него было четыре сына и пять дочерей. Супруга его, Марѳа Адриановна, имѣла въ себѣ много оригинальнаго, была типомъ старинной дворянской спѣси и фамиліи Чемесовыхъ и Киселевыхъ, къ коимъ принадлежала по замужеству и происхожденію, почитала выше всѣхъ другихъ дворянскихъ родовъ въ Россіи. Она вела жизнь самую праздную; ни деревенскимъ, ни домашнимъ хозяйствомъ, ни воспитаніемъ дѣтей, ни даже угощеніемъ посѣщавшихъ ее, она никогда не занималась; не понимала другой любви, кромѣ супружеской, не предавалась особенной набожности, не любила выѣзжать, не думала о нарядахъ, не умѣла играть въ карты; а между тѣмъ никогда не знала скуки. Тѣфу-пропасть, скажутъ иные, да что же она дѣлала? А вотъ что: у ней была чудесная желѣзная память, вмѣстѣ (чему трудно повѣрить) съ чрезвычайнымъ любопытствомъ и удивительною скромностію. Она любила собирать вѣсти, но не разглашать ихъ; она ихъ копила, прятала и, не обременяя ее, наполняла ими память свою. Она была мастерица выспрашивать; все, что отъ нея болѣе или менѣе зависѣло, служанки, даже мелкія дворянки и чиновницы не смѣли къ ней являться безъ короба вѣстей. Однакоже, далѣе Пензенской губерніи, изъ которой она никогда не выѣзжала, ни любопытство, ни свѣдѣнія ея не простирались. Зато уже въ ней знала она рѣшительно все: годъ, мѣсяцъ и день рожденія каждаго изъ дворянъ, у кого сколько душъ, сколько земли, сколько долгу и кому онъ долженъ. Этого мало, въ каждомъ домѣ извѣстна ей была вся его под-

наготная, она знала имена всѣхъ дворовыхъ людей и женщинъ, ихъ родство, ихъ поведеніе, милостивое или жестокое обращеніе съ ними господъ; ничего не записывая, всему вела она вѣрный счетъ. Въ этой женщинѣ можно было предполагать много философіи, она ни къ кому не имѣла пристрастія и никогда не чувствовала гнѣва, она была откровенна, правдолюбива и не терпѣла лжи; но сіи качества были иногда бичомъ общества. Вообще она рѣдко говорила о томъ, что знала, но иногда совсѣмъ неожиданно приходила ей фантазія при всѣхъ начинать свои допросы. «Скажите, матушка, сколько вамъ лѣтъ?» или: «Какъ велико ваше состояніе?» Молодыя женщины, переходящія въ зрѣлыя лѣта, обыкновенно отъ словъ сихъ блѣднѣли: не было возможности утаить отъ нея ни одной недѣли; обличенія, доказательства были у нея тотчасъ готовы. «Не правда, случилось мнѣ слышать, я помню, это было тогда-то и такъ-то». И всѣ сіи публичныя испытанія дѣлались съ убійственнымъ хладнокровіемъ неумолимаго судьи. Имя Марѣы было дано ей очень кстати, ибо ей можно было сказать, какъ въ Св. Писаніи: *Марѣа, Марѣа, печешися о мнозыхъ.*

Всѣ четыре сына Ефима Петровича служили; одинъ изъ нихъ достигъ генеральскаго чина, но ни который изъ нихъ не возвысилъ его имени, ни продлилъ его рода. Объ одной изъ дочерей его впослѣдствіи долженъ буду говорить съ подробностію.

Людей умѣренныхъ, которые не интриговали, избѣгали ссоръ съ нашими непріятелями, но и не дружились съ ними, въ глаза и за глаза были почтительны къ начальству, но и не искали съ нимъ короткости, однимъ словомъ, держались середины, такихъ людей было немного; почти всѣ они не были родомъ изъ Пензы, а находились въ ней только на службѣ. Перваго назову я вице-губернатора Сергѣя Яковлевича Тинькова, человекъ довольно пожилаго, малорослаго и щедущаго, добраго и честнаго, который при Екатеринѣ еще былъ вице-губернаторомъ въ Тулѣ *). Его не любили, но онъ какъ-то всегда ускользалъ отъ Пензенской злости. Жѣну его Аннису Никаноровну, урожденную Анненкову, я бы назвалъ Пензенской Шардоншей: она столь же широка была въ объемѣ, также была нашею вседневною, также румянилась до самыхъ рѣсницъ; два ряда крѣпкихъ, хотя и зеленыхъ, зубовъ посредствомъ постоянной улыбки она также всегда выставляла и также любила свѣтскія увеселенія, то есть хорошій, вкусный обѣдъ, наряды и бостонъ.

*) Утѣшительно было бы думать, что добродушіе доставляетъ долговѣчіе. Тиньковъ недавно только что умеръ 97 лѣтъ.

Вмѣстѣ съ Тиньковымъ засѣдалъ въ Казенной Палатѣ совѣтникъ ея, Аѳанасій Аѳанасіевичъ Докторовъ, двоюродный братъ извѣстнаго у насъ генерала. Онъ былъ Орловскій помѣщикъ, попромотавшійся, попроигравшійся старый франтъ, который служилъ по необходимости. Казались въ немъ странны не дѣянія его, а манеры, нарядъ и какой-то особенный, весьма забавный Французскій языкъ. Тогда въ платьѣ все было просто, гладко, одноцвѣтно; его же полосатые фраки, пестрые клѣтчатые жилеты, тканые, вязанные, вышитые, размалеванные отличали его ото всѣхъ; въ пятьдесятъ лѣтъ онъ румянился, сурмилъ брови, чернилъ себѣ волосы. Слѣдуя старинной модѣ, носилъ онъ двое-часовъ, или, по крайней мѣрѣ, двѣ цѣпочки отъ нихъ, томпаковыя, или симилоровыя съ брелокками, которыя длинно висѣли изъ жилетныхъ его кармановъ и которыми онъ поигрывалъ, побрякивалъ. Передъ этимъ, былъ онъ директоромъ училищъ въ Перми и Тобольскѣ, и тамъ имѣлъ онъ случай набрать множество если не драгоценныхъ, то самоцвѣтныхъ каменьевъ и употребить ихъ на разные мелкіе предметы, табакерочки изъ яшмы и порфира, перстеньки бирюзовые, аметистовые, коими покрыты были его пальцы и, наконецъ, двѣ цѣпочки изъ разныхъ камешковъ; которыя сверхъ жилета носилъ онъ крестообразно; всего же примѣчательнѣе въ его сокровищницѣ былъ огромный лаллъ, который при важныхъ оказіяхъ, въ видѣ застежки, являлся у него на груди.

Человѣкъ этотъ былъ опасенъ; онъ смѣшилъ при первомъ на него взглядѣ, и селадонство его, его ужимочная учтивость позволяли думать, что можно смѣяться надъ нимъ безнаказанно. Но бѣда, если онъ то замѣтитъ; голосъ его возвысится, глаза нальются кровію, онъ распѣтушится, заговоритъ о шнагѣ и заговоритъ серьезно. Страсть къ игрѣ его не покидала, и онъ въ ней почти всегда былъ несчастливъ. Любопытно было видѣть, съ какою учтивою улыбкою человѣкъ этотъ, обремененный семействомъ, проигрывалъ иногда послѣдній свой рубль; все заложить, все продать готовъ былъ онъ, чтобы быть исправнымъ въ платежѣ игорнаго долга. Своего, кажется, у него ничего не было, и онъ жилъ помощію богатаго брата глухой жены своей, Варвары Ѳедоровны, Орловскаго Креза, графа Степана Ѳедоровича Толстаго. О другомъ его ресурсѣ мнѣ что-то совѣстно говорить; по званію совѣтника Казенной Палаты онъ долженъ былъ находиться въ рекрутскомъ присутствіи, и эта обязанность доставляла ему средства и жить, и проживать. Какія противорѣчія бываютъ въ человѣкѣ! Съ весьма здравымъ разсудкомъ Докторовъ такъ дурачился и съ такою щекотливостію въ отношеніи къ чести прибѣгалъ къ средствамъ столь беззаконнымъ, можно сказать, столь безчеловѣчнымъ!

Дочери его были слегка помазаны свѣтскимъ образованіемъ и чрезвычайно какъ ломались. Въ молодости онѣ были несносны своимъ жеманствомъ, а нынѣ, въ старости почтенны твердостію, съ какою умѣютъ переносить бѣдность. Одна изъ нихъ пошла въ гувернантки и добросовѣстно, прилежно и съ великимъ успѣхомъ занимается воспитаніемъ дѣвиць; другая всегда имѣла страсть къ живописи, пишетъ портреты и тѣмъ пристойно себя содержить. Право, можно подумать, что дѣло идетъ о Французскихъ эмигранткахъ.

По обстоятельствамъ, болѣе чѣмъ по склонности, принадлежалъ къ умѣренной партіи одинъ изъ почетнѣйшихъ жителей Пензы, дѣйствительный статскій совѣтникъ Егоръ Михайловичъ Жедринскій. Въ Петербургѣ провелъ онъ всю молодость свою, которую умѣлъ продлить за сорокъ лѣтъ. Онъ служилъ въ гвардіи, былъ только что сержантомъ въ Семеновскомъ полку, какъ нечаянный бракъ вывелъ его въ люди. Начальникъ этого полка, генераль-аншефъ и Андреевскій кавалеръ Федоръ Ивановичъ Вадковскій, долженъ былъ, какъ говорятъ, поспѣшить замужествомъ старшей изъ своихъ дочерей; надобно было сыскать жениха не слишкомъ взыскательнаго и потомъ наградить его за снисходительность. Это доставило Жедринскому не только скорое повышеніе, но и знакомство съ людьми лучшаго тогда общества въ Петербургѣ. Когда онъ овдовѣлъ, изъ гвардіи капитановъ вышелъ въ отставку бригадиромъ и пріѣхалъ потомъ въ Пензу председателемъ Гражданской Палаты, то отъ всѣхъ ея жителей постоянно отличался неизвѣстною имъ пристойностію въ разговорахъ и вѣжливостію въ обращеніи, особенно съ дамами. Хотя онъ былъ весьма уже не молодъ и некрасивъ собою, но съ любезностію, которой въ другихъ тогда не было, умѣлъ еще нравиться женщинамъ. Читалъ онъ мало, и такъ называемый духъ философіи и правила разврата, непосредственно отъ него вытекающія, почерпнулъ онъ, кажется, изъ разговоровъ, а не изъ книгъ. Потому-то безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти соблазнилъ онъ одну сиротку, Нѣмку, дворянку Раутенштернъ, жившую въ домѣ Чемесовыхъ. Когда состояніе ея сдѣлалось несомнѣнно, и стыдъ ея сталъ всѣмъ извѣстенъ въ маленькомъ городѣ, тогда она должна была лишиться покровительства своихъ благодѣтелей и могла найти убѣжище только у самого похитителя ея чести: вступить за нее было некому, она была круглая сирота. Къ счастью ея, человекъ безъ сердца, воплощенный грѣхъ, прилѣпился къ младенцу, ея рожденному: безъ того онъ бы ее прогналъ. Вѣрно уже не ради Христа, Коего божества онъ не признавалъ, вѣрно не изъ состраданія, котораго никогда не зналъ, далъ онъ ей уголокъ, обязавъ быть его ключницей и нянькой его ребенка; всегда обременялъ

онъ ее потомъ своимъ презрѣніемъ, не уважая въ ней даже своей жертвы и матери своего сына.

Въ совершенномъ заточеніи, не смѣя никому показать лица своего, такъ провела лучшіе годы своей жизни хорошенькая, скромная дѣвушка, рожденная для добродѣтели, которой, разъ измѣнивъ ей, всегда потомъ оставалась она вѣрна. Мальчикъ подросталь, отецъ отсѣкъ первый слогъ фамильнаго своего имени и оставилъ ему названіе Дринскаго. По связямъ, которыя сохранилъ онъ еще въ Петербургѣ, незаконнаго сына его записали сержантомъ въ гвардію и даже, слѣдуя тогдашнему злоупотребленію, въ малолѣтствѣ выпустили капитаномъ въ какой-то армейскій полкъ, стоявшій въ Пензѣ. Съ кончиною Екатерины, съ упраздненіемъ Пензенской губерніи, кончилась какъ его служба, такъ и служба несовершеннолѣтняго его сына.

Нѣжность къ сему сыну, неотступныя мольбы его, и участіе, которое самые равнодушные люди принимали въ злополучной судьбѣ бѣдной Раутенштернъ, въ началѣ царствованія Александра, заставили сѣдаго Ловеласа съ нею обвѣнчаться и болѣе для того, чтобы узаконить сына и дать ему свое имя. Нескоро бѣдная женщина рѣшилась показаться между людьми, несмотря на свое новое превосходительство, все искала послѣдняго мѣста въ обществѣ и долго еще сидѣла въ немъ, потупя взоры, какъ преступница.

Старику Жедринскому было болѣе семидесяти лѣтъ, когда жена его была полна, свѣжа и имѣла блестящіе взгляды. Но онъ былъ еще привѣтливъ, опрятенъ, говорилъ неглупо, подшучивалъ довольно остро и по большей части на счетъ добродѣтели, церкви, духовныхъ лицъ и обрядовъ. Не смотря на его ласки ко мнѣ, я чувствовалъ тайное отвращеніе отъ сего повапленнаго гроба; я все видѣлъ печать ада въ сардонической улыбкѣ, до ушей обнажавшей беззубый ротъ его, и мнѣ казалось, что, говоря о немъ совсѣмъ не въ смыслѣ брани, можно было употребить названіе стараго чорта. Наказаніемъ его была страсть къ игрѣ; отъ нея онъ былъ весь опутанъ долгами, и это дѣлало его еще искательнѣе, ко всѣмъ ласковѣе. Не надѣясь много выиграть, но и не опасаясь проиграть, онъ съ госпожею Тиньковой былъ ежевечернимъ партнеромъ моего отца, который, не уважая его, но по сочувствію старыхъ людей къ другимъ старикамъ, жалѣлъ о немъ и не одинъ разъ имѣлъ случай дѣлать ему одолженія.

Совершенно въ его духѣ, въ его правилахъ былъ воспитанъ любимый сынъ его, Владимиръ Егоровичъ; но въ немъ было болѣе чувства и гораздо менѣе ума, чѣмъ въ отцѣ. Еще въ ребячествѣ, самъ родитель наставлялъ его во всѣхъ карточныхъ играхъ; и въ двѣнадцать лѣтъ сидѣлъ уже онъ съ большими за бостономъ; впоследствии

ученикъ превзошелъ наставника, и его выигрышъ часто замѣнялъ неудачи послѣдняго; въ обоихъ, кажется, недоставало рѣшимости подняться на тѣ смѣлыя спекуляціи, отъ коихъ единственно по сей части обогащаются. Воспитанный эмигрантомъ Виконтомъ де-Мельвиль, молодой Дринскій изрядно говорилъ по-французски; стараясь подражать манерамъ отца своего, онъ черезчуръ пересластилъ, сдѣлался пригорень и жеманень. Онъ слылъ красавцемъ, ему было осмнадцать или девятнадцать лѣтъ, когда увидѣлъ я его въ первый мой прїѣздъ, и я совсѣмъ этого не нашель: черты довольно правильныя, но совсѣмъ обыкновенныя, ничего не выражающія, лицо блѣдное, нѣсколько желтоватое, характеръ и разговоръ столь же безцвѣтныя, какъ и лицо, которое одно только иногда умѣлъ онъ искусно расцвѣчивать; вотъ весь онъ. Совсѣмъ этимъ, какъ онъ былъ единственный молодой человѣкъ въ Пензѣ, то и почитался опаснымъ для женскихъ сердецъ; и дѣйствительно, не столько изъ собственныхъ злыхъ побужденій, сколько по наущенію отца, который думалъ оживать въ немъ, успѣлъ онъ завлечь нѣсколько легкомысленныхъ, чтобы хвалиться ихъ слабостію. Прокуроръ Бекетовъ также взялся быть его вожатымъ; но въ немъ не было довольно эпергіи, чтобы когда либо дойти до высочайшей безнравственности.

Безпристрастіе, коимъ я все хвалюсь, къ сожалѣнію не дозволяетъ, какъ бы мнѣ хотѣлось, превознести похвалами людей, которые постоянно показывали приверженность отцу моему. Однакоже между ними одни отличались умомъ, другіе честностію и добротою; но были и такіе, или лучше сказать такой, въ которомъ ничего этого нельзя было найти. Такого звали Дмитрій Владимировичъ Елагинъ. Также, какъ г. Кедринскій, служилъ онъ въ Семеновскомъ полку и изъ капитановъ вышелъ въ отставку бригадиромъ и, также какъ онъ, опредѣленъ былъ въ Пензу предсѣдателемъ, но только Уголовной Палаты. Что-то такое похожее на воспитаніе оставило на немъ едва замѣтныя слѣды, тогда какъ дурная компанія, посреди коей онъ жилъ, отзывалась во всѣхъ его сужденіяхъ, разговорахъ и даже тѣлодвиженіяхъ. Однакоже не надобно думать, чтобы онъ былъ забіяка, игрокъ, мотъ, или пьяница; въ немъ ничего не было такого, что въ старину называли гвардейское молодечество, а скорѣе гаерство, которое можно было находить между нижними чинами во всякой гвардейской ротѣ. Тотъ, ктобы вздумалъ назвать его повѣсой, конечно захотѣлъ бы польстить ему: онъ просто былъ пакостникъ, лгунъ и пустомеля. Начиная старѣть, любилъ онъ вспоминать молодость и ко всему придирался, чтобы съ восхищеніемъ поговорить о царствованіи Екатерины, на которую возносилъ величайшія вѣдпости, между прочимъ, будто она удо-

стоявала его разговорами и называла *mon enfant*. Онъ былъ только дерзокъ на словахъ и чрезвычайно злорѣчивъ; это почти со всѣми его поссорило; но въ тоже время (чего я до сихъ поръ не могу понять), съ столь низкими пороками, человекъ этотъ былъ исполненъ страха и обожанія къ отцу моему, который его презиралъ и даже рѣдко съ нимъ говорилъ. Отогнать его было труднѣе, чѣмъ вѣрную собаку, и такъ терпѣли его, пока къ нему не привыкли. Чтò бы мы ни дѣлали, а все болѣе или менѣе принадлежимъ къ своему вѣку: какъ въ молодости моей матери нельзя было жить безъ шутовъ, то со всѣмъ ея умомъ Елагинъ казался ей иногда забавенъ. Другое еще дѣло было со мною, когда г. предсѣдатель не былъ удерживаемъ законами благопристойности; отъ его расказней, отъ простонародныхъ прибаутокъ, отъ сквернословія его часто валялся я со смѣху. Простите меня, читатель: я былъ такъ молодъ, а въ Пензѣ была такая тоска! Чтò касается до службы его, то не знаю чтò сказать; а говорили, будто онъ на пенсiи у секретаря своей палаты.

Одинъ бѣдный, выслужившійся дворянинъ, собою очень видный, женился на доброй, глупой и богатой невѣстѣ, дочери Василья Николаевича Зубова, двоюродной сестрѣ князя и графовъ Зубовыхъ. Иванъ Андреевичъ Маленинъ, въ званiи городничаго, начальствовалъ въ Пензѣ, когда, при Павлѣ, была она уѣзднымъ городомъ, и до нѣкоторой степени напоминалъ собою прежнихъ ея воеводъ и губернаторовъ. Безпечень, хотя и тщеславенъ, довольствовался онъ тою порціей величiя, которая въ сей аристократической республикѣ, какъ единственному официальному лицу, ему на долю доставалась, и съ дворянами довольно ладилъ. При вторичномъ открытiи губернiи онъ уже въ прежней должности остаться не хотѣлъ и сдѣланъ совѣтникомъ Казенной Палаты; тогда сталъ онъ въ ряды другихъ бояръ, получивъ въ городѣ великiй вѣсъ отъ роли, которую передъ этимъ игралъ, отъ знатнаго родства, хорошаго состоянiя и большаго хлѣбосольтва. Онъ былъ мужикъ честный, правдивый, чистосердечный, но, вмѣстѣ съ тѣмъ и осторожный: никогда не говорилъ неправды, но не всегда говорилъ правду. Его преданность отцу моему, безъ малѣйшей подлости, свободомыслящiе въ Пензѣ именовали подобострастiемъ, а онъ не хотѣлъ даже брать труда на нихъ сердиться. Маленькое чванство, лошади, псарня, вотъ всѣ его извинительныя слабости. Ученостiю ни онъ, ни жена его не могли похвастаться: домашняго маляра своего называлъ онъ въ шутку Сократомъ, увѣренъ будучи, что Сократъ былъ великiй живописецъ. Супруга его, Александра Васильевна, долго полагала, что всѣхъ медиковъ зовутъ Петерсонами, потому что первый, который ее лѣчилъ, носилъ сіе имя.

Господинъ и госпожа Дубенскіе, Григорій Львовичъ и Анна Егоровна, привязаны были не столько къ лицу, какъ къ мѣсту губернатора, и отъ одного къ другому переходили по наслѣдству. Онъ былъ молчаливъ и довольно угрюмъ, а она добрая женщина, большая болтунья и первая вѣстовщица въ городѣ. Между ними существовало странное условіе, предписанное мужемъ: она, которая наединѣ трепетала отъ его взгляда, должна была при людяхъ на него покрикивать, а онъ отмалчивался и казался у нея въ загонѣ.

Нѣкто Андрей Сергѣевичъ Мартыновъ, весьма еще не старый помѣщикъ и богатѣйшій женихъ въ провинціи, также какъ и Дубенскіе, любилъ безъ памяти власть; но свѣтской ему было мало: онъ прибавилъ еще къ ней духовную и былъ всегда на безсмѣнныхъ ординарцахъ какъ у епископа, такъ и у начальника губерніи. Въ его гостиной, на первомъ мѣстѣ, всегда висѣло изображеніе архіерея между портретами губернатора и губернаторши, разумѣется, господствующими: по мѣрѣ какъ назначаемы были новые, высылались они въ залу, гдѣ, по прошествіи двухъ десятковъ лѣтъ, составила презанятельная портретная галерея.

Я бы никогда не кончилъ, еслибъ захотѣлъ представить всѣхъ странныхъ людей, коими тогда населена была Пенза. Я выбиралъ любопытнѣйшихъ изъ нихъ, а остальныхъ берегу въ запасъ для будущихъ посѣщеній. Но объ одномъ человѣкѣ не могу здѣсь умолчать: онъ былъ мнѣ слишкомъ памятенъ.

Тяжкій, горькій опытъ показалъ мнѣ, что въ нашей Россіи каждый честный, умный и благородно-мыслящій человѣкъ, коему ввѣряется начальство, долженъ имѣть своего плута. При опредѣленіи отца моего, рекомендовали ему въ Москвѣ нѣкоего Арфалова или Арфалоса, бывшаго секретаремъ при Курскомъ губернаторѣ Бурнашевѣ, человѣкѣ извѣстномъ и почтенномъ, и вмѣстѣ съ нимъ оставившаго службу: это одно уже говорило въ его пользу. Огромная голова, высоко поднятая, твердый голосъ, смѣлая поступь, все, что служить вывѣской честности, все это къ нему могло возбудить довѣренность самыхъ опытныхъ людей; но гордость, злоба, хитрая месть и алчность до времени скрывались за этою личиною. Онъ родомъ былъ Грекъ, не знавшій, однакоже, природнаго языка своего; но родился ли онъ въ Россіи или въ малолѣтствѣ вывезенъ откуда нибудь? Къ какому состоянію принадлежалъ онъ, гдѣ учился и какъ поступилъ на службу? Все это умѣлъ онъ задерживать непроницаемою завѣсой. Онъ былъ чрезвычайно уменъ и трудолюбивъ, и коварство Грека, какъ броню, облекъ еще въ Русское подъячество. Ему нуженъ былъ одинъ только человѣкъ, начальникъ его; но и съ нимъ отвергалъ онъ обыкновенныя

средства униженій и лести. Съ нимъ позволялъ онъ себѣ иногда отрывистыя возраженія, но видя настойчивость, отвѣчалъ на нее неодобрительнымъ молчаніемъ, за которымъ всегда слѣдовало быстрое исполненіе приказаній. Онъ старался изучить характеръ начальника, съ каждымъ днемъ становиться ему необходимѣе и мало-по-малу успѣвалъ увѣрить его, что за него готовъ онъ и въ огонь, и въ воду. Сильнѣйшій государственный человѣкъ въ послѣдніе годы жизни Александра слѣдовалъ этой же самой методѣ; но Арфаловъ можетъ почитаться изобрѣтателемъ ея.

Грустно было видѣть, какъ дерзкій этотъ мошенникъ овладѣлъ старостію бѣднаго отца моего. По большей части онъ же былъ причиною негодованія на него, а прикидывался добровольною жертвой, за вѣрность къ нему радостно выносящею отъ всѣхъ гоненія и такимъ образомъ нечестіе свое сплеталъ съ честію почтеннаго моего родителя. Почти со всѣми обходился онъ холодно, сухо; въ случаѣ же нужды всегда у него были готовы рѣзкіе обидные отвѣты: какое было ему дѣло! Будучи только секретаремъ губернатора, изъ-за него дѣйствовалъ онъ, какъ изъ-за укрѣпленія; смѣнять его, что за бѣда? Онъ примется за другаго. Съ самаго начала возненавидѣли мы другъ друга, никогда не говорили и не кланялись; и какъ ни молодъ я былъ, какъ ни робокъ при отцѣ, не страшась его гнѣва, при первомъ словѣ объ Арфаловѣ приходила ко мнѣ чудесная смѣлость, и я принимался его обвинять. Бѣдность, въ которой жилъ онъ съ своимъ семействомъ, была всегда побѣдоноснымъ отвѣтомъ въ устахъ моего родителя. Только при его преемникѣ построилъ онъ каменный домъ и купилъ деревню.

Чтобы скорѣе забыть этого человѣка, отправимся въ дорогу, на ярмарку, въ Саранскъ. Она обыкновенно бываетъ въ половинѣ Августа, около Успеньева дня, вскорѣ послѣ Макарьевской, которая от нея была не далеко и оканчивалась тогда къ 1-му Августа. Всѣ на сей послѣдней нераспроданныя товары привозились на Саранскую, гдѣ и продавались дешевле, отчего она была богаче и многлюднѣе Пензенской. Сверхъ того, въ уѣздныхъ городкахъ, на небольшомъ пространствѣ, въ хорошее время года, ярмарки всегда бываютъ живѣе, кипучѣе, чѣмъ въ губернскихъ городахъ; на нихъ что-то похожее на лагерное житѣе, или на ту беззаботную, безцеремонную жизнь, которую ведутъ на минеральныхъ водахъ. Нѣсколько дней, проведенныхъ тамъ съ моимъ семействомъ, чрезвычайно возвеселили духъ мой. Только для того, чтобы показать, какъ мало въ это время дворяне брезгали мѣстами, и какъ они еще были уважены, скажу, что городничимъ въ Саранскѣ былъ тогда человѣкъ извѣстной фамиліи, имѣвшій тысячу душъ, братъ сенатора, Алексѣй Ѳеодоровичъ Желтухинъ.

Въ самый день Успенія былъ въ Саранскѣ, проѣздомъ изъ Петербурга въ Саратовъ, оберъ-камергеръ Александръ Львовичъ Нарышкинъ и остановился въ немъ на цѣлыя сутки. Зачѣмъ бы, кажется, человѣку, который совсѣмъ не былъ хозяинъ, предпринимать столь трудныя путешествія въ дальнія свои деревни? Особенно тогда, какъ на столь великомъ пространствѣ, при каждомъ шагѣ долженъ былъ онъ встрѣчать недостатокъ и худое качество съѣстныхъ припасовъ? За тѣмъ-то именно онъ и ѣздилъ. Крѣпкое сложеніе самаго Русскаго человѣка онъ нѣсколько поразстроилъ вседневною, изысканною, прихотливою пищей; впрочемъ, здоровье его цвѣло, но вкусъ иногда притуплялся; доктора, вмѣсто діеты, совѣтовали ему путешествовать по Россіи, онъ долженъ былъ проголодаться; однимъ словомъ, въ Саратовъ ѣздилъ онъ за апетитомъ. Отецъ мой былъ съ нимъ знакомъ, и я было забылъ, что передъ этимъ, въ Апрѣлѣ, онъ меня ему представилъ, и первый разъ въ жизни былъ я у него въ Петербургѣ на истинно-аристократическомъ балѣ.

Кому тогда въ Россіи не извѣстны были наслѣдственные веселость духа, умъ, острота и любезность этихъ Нарышкиныхъ, не столько потѣшниковъ, какъ часто утѣшителей дальнихъ родственниковъ своихъ, членовъ императорской фамилии. Старина еще показывалась въ широкомъ ихъ боярскомъ житѣ, когда уже всѣ удовольствія новой образованной жизни блистали въ ихъ бесѣдахъ; и сія встрѣча, сіе соединеніе лучшаго изъ двухъ разныхъ временъ, дѣлаеть ихъ незабвенными. Особенно, говорятъ, былъ примѣчателенъ Левъ Александровичъ, отецъ того, о комъ пишу; у того, говорятъ, все подавай на столъ и всѣхъ давай за столъ, и сколько бѣдныхъ дворянъ, возвращаясь въ свою провинцію, хвалились тѣмъ, что у него обѣдали: они могли думать, что были при дворѣ, ибо дворъ и Нарышкины всегда въ совокупности тогда являлись мыслямъ *). Александръ Львовичъ былъ уже гораздо разборчивѣе, а еще болѣе сыновья его.

Но и онъ сохранялъ еще въ себѣ типъ прежняго вельможества. Онъ не зналъ, что такое неучтивость, со всѣми, съ кѣмъ имѣлъ дѣло, не только былъ ласковъ, даже фамильяренъ, безъ малѣйшаго, однакоже, урона своего достоинства. Вообще эти люди, съ пьедестала своего, какъ-то свободно, безбоязненно нагибались, какъ будто чувствуя, что упасть имъ никакъ невозможно. Будучи и въ Петербургѣ ко всѣмъ привѣтливъ, въ провинціи Нарышкинъ былъ особенно любезенъ съ гу-

*) Кто бы могъ ожидать! Когда я сіе пишу, ни одного Нарышкина нѣтъ при дворѣ, хотя еще ихъ довольно есть въ Россіи. Когда всѣ при дворѣ то, видно, Нарышкинымъ нѣтъ уже тамъ мѣста.

бернаторомъ и его сыномъ. Тутъ случился одинъ богатый помѣщикъ, Вельяшевъ, у котораго поваръ почитался и былъ дѣйствительно лучшимъ во всей губерніи; къ нему позвалъ отецъ мой его обѣдать, а къ себѣ на вечеръ и ужинъ; въ дорогѣ тѣмъ и другимъ остался онъ чрезвычайно доволенъ. Съ нимъ былъ меньшей сынъ его, Кирила Александровичъ, съ которымъ въ Петербургѣ пришлось мнѣ сказать слова два-три; тутъ я съ нимъ немного поболѣе познакомился, но гораздо короче въ слѣдующемъ году.

Возвратясь въ Пензу, я опять недолго въ ней оставался: отцу моему въ Сентябрѣ нужно было объѣзжать губернію, и онъ взялъ меня съ собою. Въ столь отдаленное время и въ столь отдаленной провинціи, проѣздъ губернатора могъ нѣсколько походить на триумфальное шествіе; вездѣ ожиданія, вездѣ суета, вездѣ встрѣчи, вездѣ толпы народа, которыя стоятъ съ почтеніемъ, смотрять съ любопытствомъ; во всѣхъ уѣздныхъ городахъ лучшія квартиры, во всѣхъ деревняхъ лучшія комнаты господскаго дома. Обзорѣніе судовъ, тюремъ, дорогъ, мостовъ, переправъ, множество заботъ, у самихъ губернаторовъ отнимали все, что такія путешествія могли имѣть для нихъ пріятнаго. Но губернаторскому сыну оставались одни только удовольствія: наперерывъ старались угостить его, доставить ему разнаго рода наслажденія, разумѣется самыя грубыя, матеріальныя, и между ними, сказать ли правду?.. и довольно постыдныя, кои юноша, менѣе пылкій и болѣе цѣломудренный, чѣмъ я, отвергъ бы съ презрѣніемъ. Но что дѣлать, такъ ужъ тогда водилось.

Между селами въ Пензенской губерніи, Екатериною произведенными въ города, считались два: Мокшанъ и Городище, которыя, если возможно, были еще хуже Чембара. За то Краснослободскъ, Саранскъ, и Инсаръ, по народонаселенію своему, по торговлѣ и по числу церквей, и тогда уже были достойны названія городовъ. Многіе и поныиѣ смѣются надъ бѣдностію и ничтожествомъ всѣхъ этихъ мѣстечекъ, разсыпанныхъ въ Россіи, именующихся городами, забывая, что каждое изъ нихъ можетъ быть зародышемъ большаго города и не примѣчая великихъ переменъ, отъ одного только даннаго имъ имени въ нихъ послѣдовавшихъ. Еслибы одни только правильность линій, чистота и порядокъ ихъ отличали отъ другихъ казенныхъ селеній, то и тѣмъ бы они много выиграли. Какъ часто видимъ мы людей низкаго состоянія, мѣщанъ, даже простыхъ крестьянъ, внезапно разбогатѣвшихъ счастьемъ и оборотливостію въ торговыхъ дѣлахъ; любовь къ родимому мѣсту есть замѣчательная черта въ сихъ выходцахъ изъ бѣдности; къ ней примѣшивается маленькое тщеславіе, и они, на удивленіе и на зависть земляковъ, громоздятъ каменные палаты. Глядя на нихъ и же-

дая не совершенно отъ нихъ отстать и заслужить имя настоящихъ горожанъ, другіе также начинаютъ строить опрятные домики и могутъ имѣть надежду съ нѣкоторою выгодною отдавать ихъ въ наймы судьямъ и канцелярскимъ. Раздробленіе имѣній и потребность общегитія также способствуютъ умноженію жителей въ сихъ городкахъ; самые мелкопомѣстные дворяне все уже не прежніе варвары, три времени года потрудясь въ полѣ надъ хлѣбопашествомъ своимъ, зимой свучаютъ въ домикахъ своихъ, занесенныхъ снѣгомъ; дороговизна губернскихъ городовъ пугаетъ ихъ бѣдностью, а въ уѣздныхъ вмѣстѣ съ должностными лицами могутъ они составить нѣчто похожее на общество.

Разумѣется, я здѣсь говорю не объ уѣздныхъ городахъ, кои, будучи прибрежны большими рѣкамъ, ведутъ обширную торговлю, или имѣютъ давно заведенную промышленность, которая годъ отъ году болѣе процвѣтаетъ, но только о городкахъ, кои, лишены будучи всѣхъ способовъ, кромѣ тѣхъ, на кои я указалъ, однакоже, не падаютъ, а по маленьку все идутъ впередъ. Въ продолженіи почти сорока лѣтъ, неоднократно со вниманіемъ проѣзжая черезъ нихъ, я утвердительно могу сказать, что всѣ эти центрики растутъ и расширяются. Они порождены великою мыслию Екатерины, отъ нея ведутъ свое начало и развѣ тогда только погибнутъ, когда исчезнетъ объ ней память. Шестидесятилѣтняя жизнь для города младенчество, а наши ребята-города, право, не тощатъ, а примѣтно укрѣпляются.

Усердствуя, если не благосостоянію, которое доставляютъ только время и труды, то по крайней мѣрѣ украшенію Пензенскихъ уѣздныхъ городовъ, отецъ мой выпросилъ чрезъ министровъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ двѣсти тысячъ рублей ассигнаціями, съ тѣмъ, чтобы, раздавъ ихъ дворянамъ, подъ вѣрныя залого, на положенные сроки, изъ капитала и процента, въ семь лѣтъ выстроить въ каждомъ изъ девяти городовъ большое каменное двухъ-этажное зданіе съ таковыми же флигелями, для присутственныхъ мѣстъ и жительства городничаго. Мнѣ пріятно теперь вспомнить, что всѣ сии города сохраняютъ понынѣ памятники полезной заботливости отца моего *).

Изъ числа помѣщиковъ, коихъ посѣтили мы на семь пути, двое-трое жили истинно по-барски; это были братья Хрущовы, Араповъ и Вельяшевъ. Если когда-нибудь случится мнѣ опять встрѣтиться съ ними въ моихъ воспоминавіяхъ, то, можетъ быть, скажу объ нихъ нѣ-

*) Я забылъ сказать, что отецъ мой склонилъ помѣщика Колокольцова продать въ казну за двадцать тысячъ рублей ассигнаціями два каменные дома, одинъ трехъ-этажный, а другой двухъ-этажный, которые по тогдашнему стоили полторасти тысячъ, и успѣлъ только за оказанную имъ умѣренность выпросить ему монаршее благоволеніе. Одинъ изъ сихъ домовъ доселѣ губернаторскій.

сколько словъ. Теперь поговорю объ одномъ прїѣзжемъ изъ Петербурга баринѣ, у котораго въ деревнѣ довольно скучно (для меня по крайней мѣрѣ) должны мы были пробить почти сутки. Еще въ Кіевѣ, останавливаясь съ кавалерійскимъ полкомъ, коимъ онъ начальствовалъ, Михайло Алексѣевичъ Обрѣзковъ познакомился съ моими родителями. При Павлѣ подвергся онъ общей участи, былъ произведенъ генераломъ, украшенъ лентой, потомъ отставленъ и сосланъ; при Александрѣ опять былъ принятъ въ службу, но сначала только числился въ ней и жилъ, гдѣ хотѣлъ. Послѣ покойной жены его, урожденной Талызиной, досталось ему съ дѣтьми богатое наслѣдство въ Пензенской губерніи,—безконечная лѣсная дача, при коей устроилъ онъ обширный винокуренный заводъ; въ это имѣніе, которое тогда было единственнымъ источникомъ его доходовъ, прїѣзжалъ онъ по временамъ хозяйничать.

Отецъ его былъ нашимъ посланникомъ въ Константинополь; тамъ нашелъ онъ себѣ жену, въ этой странной кастѣ, въ этой помѣси, составленной изъ людей всѣхъ Европейскихъ націй, не имѣющихъ отечества и употребляемыхъ миссіями всѣхъ державъ; отъ нея произошелъ нашъ Обрѣзковъ и, кажется, наслѣдовалъ всей безнравственности ея родственниковъ. Есть пороки, которые вредятъ успѣхамъ человѣка, имѣя подвластнаго, которые даже губятъ его; есть напротивъ другіе, которые способствуютъ его возвышенію, обогащенію. Одни только послѣдніе имѣлъ г. Обрѣзковъ. Отъ Востока, гдѣ онъ родился, принялъ онъ вмѣстѣ съ жизнію неутомимую алчность къ ея наслажденіямъ; а Европа восемнадцатаго вѣка научила его дѣйствовать осторожно, но не отступать ни отъ какихъ средствъ къ достиженію желаемаго. Онъ получилъ прекрасное свѣтское образованіе, имѣлъ много основательности, особенно расчетливости въ умѣ; но ни единаго похвальнаго, благороднаго чувства, я увѣренъ въ томъ, не ощутилъ онъ ни разу въ душѣ своей. Не знаю, чему болѣе можно было удивляться, безумію ли его спѣси, или безстыдству его подлости? Отъ одного къ другому никто еще, какъ онъ, такъ быстро не умѣлъ переходить: сегодня имѣеть онъ въ васъ нужду, хотя не очень великую, и готовъ вмѣсто ковра разстилаться подъ ногами вашими; но она удовлетворена, вы ему бесполезны, и завтра же станетъ онъ васъ мѣрять глазами и обдастъ презрительнымъ, нестерпимымъ холодомъ. Въ Петербургѣ жилъ онъ въ самомъ аристократическомъ кругу и (еще разъ прошу позволенія заимствовать у Французскаго языка, чего нѣтъ въ нашемъ), владѣя въ совершенствѣ жаргономъ большаго свѣта, постоянно въ немъ удерживался. Тамъ разумѣется былъ онъ умѣреннѣе, тамъ съ каждымъ умѣлъ онъ очень тонко отгнать свое обхожденіе; только внѣ его предавался

онъ крайностямъ и готовъ былъ плевать на ту руку, которую вчера лизалъ.

Страсть его (никогда истинная любовь) къ женскому полу и желаніе ему нравиться тогда уже начинали его дѣлать смѣшнымъ. Ему было за сорокъ лѣтъ; однакоже, онъ еще очень молодилъ себя. Онъ былъ небольшого роста, тонокъ, строенъ и чрезвычайно ловко танцовалъ; искусственная бѣлизна его лица спорила съ искусственной чернотой его волосъ, и яркій искусственный румянецъ покрывалъ его щеки; но раннее употребленіе косметическихъ средствъ повредило его кожь: она уже тогда казалась выкрашеною подошвой. Ничто не могло быть совершеннѣе механизма его наряда и въ изобрѣтеніи его непременно долженъ былъ участвовать какой-нибудь скульпторъ: такъ было все пропорціонально, такъ все хорошо пригнато, гдѣ дополнено, гдѣ убавлено; вездѣ шнурованіе, тамъ винтъ, тамъ пружина; и въ этой бронѣ, въ которой выступалъ онъ противъ спокойствія женскихъ сердецъ, всѣ тѣлодвиженія его были такъ свободны, что никто не могъ бы подозрѣвать тутъ чего-нибудь поддѣльнаго. Чтобъ открыть всѣ таинства сего туалета, нуженъ былъ зоркій, любопытный мой взглядъ; по тѣснотѣ деревенскаго дома его, я спалъ съ нимъ почти въ одной комнатѣ; онъ вставалъ очень рано, а я, притворяясь спящимъ, въ открытую дверь, полуоткрытымъ глазомъ могъ прозрѣть весь этотъ снарядъ и даже самую подошву лица его, къ утру уже полинявшую и пожелтѣвшую.

Туже самую осень посѣтилъ онъ насъ въ Пензѣ, остановился у насъ въ домѣ, прожилъ двѣ недѣли и по собственному выбору помѣщался въ занимаемыхъ мною комнатахъ; но дверь уже не отворялась, и я могъ его видѣть только въ полномъ блескѣ и устройствѣ. Онъ вставалъ всегда рано; иногда, когда я лежалъ еще въ постели, заходилъ онъ ко мнѣ и журилъ за лѣность, безъ церемоніи садясь ко мнѣ на кровать. Иногда необыкновенныя его ласки меня смущали, но онъ расточалъ ихъ всему семейству, всему дому и не оставлялъ безъ вниманія даже любимой собачки моей матери.

Полгода спустя, сдѣланъ онъ генераль-кригскомисаромъ. Въ семъ званіи оставался онъ не болѣе двухъ лѣтъ; хищничество его сдѣлалось такъ очевидно, что, несмотря на сильное покровительство, онъ удаленъ отъ должности и преданъ суду, который однакоже оправдалъ его. Послѣ того приискалъ онъ другое мѣсто, гдѣ болѣе наживы и менѣе отвѣтственности, мѣсто директора департамента внѣшней торговли, и очень долго занималъ его. Въ званіи сенатора сохранялъ онъ военный чинъ и мундиръ и продолжалъ въ немъ тянуться и паяться; подъ конецъ съ размалеванной рожей казался онъ даже страшенъ. Но

когда производство въ дѣйствительныя тайны совѣтниками лишило его эполетовъ, то съ отчаянія умыль онъ лицо, бросилъ шнуровки и парики, обнажилъ сѣдины свои и принялъ человѣческій видъ.

Нѣсколько лѣтъ еще въ знакомствѣ со мною продолжалъ онъ оказывать прежнюю благосклонность; всѣ сношенія мои съ нимъ должны были прекратиться службой отца моего. При первой встрѣчѣ послѣ того, показалъ онъ мнѣ столь удивильное, столь наглое высокомеріе, что съ тѣхъ поръ довольствовался я мѣняться съ нимъ презрительными взглядами. Гораздо послѣ, когда мнѣ счастье нѣсколько улыбнулось, встрѣтись со мною, вздумалъ онъ дружелюбно протянуть мнѣ руку; я обрадовался случаю, вспомня, что у него хирагра, схватилъ ее и такъ сильно сжалъ, что онъ долженъ былъ закричать, послѣ чего отошелъ я съ извиненіемъ и поклономъ.

Нѣтъ, гнусень былъ человѣкъ, и севера объ немъ память! Я говорю *быль*, ибо въ живыхъ его не почитаю, хотя физически онъ не умиралъ. Его гордость, безчувствіе, эгоизмъ, сребролюбіе, развратъ безъ примѣси малѣйшей добродѣтели, нынѣ жестоко наказаны. Тамъ, гдѣ другіе находятъ награду и вѣнецъ долговременно понесенныхъ трудовъ, тамъ, гдѣ другихъ ожидаетъ уваженіе людей въ высокомъ чинѣ и глубокой старости, тамъ подавляется онъ всеобщимъ презрѣніемъ. Тотъ, который всю жизнь прельщеніями и деньгами соблазнялъ невинность и вучу жертвъ принесъ своему сластолюбію, на старости палъ безоруженъ въ сѣти, разставленныя распутницей, которая безъ большаго искусства умѣла превратить ихъ въ брачныя узы. Мгновенно прежній міръ исчезъ передъ нимъ: знакомые, родные, даже дѣти его оставили. Сямъ послѣднимъ долженъ былъ онъ отдать родовое имѣніе первой жены, а награбленное скоро похитила у него вторая. Недуги, тѣлесныя страданія посѣтили его, и на одрѣ болѣзни онъ не утѣшенъ даже присутствіемъ той безстыдной женщины, которой онъ всѣмъ пожертвовалъ: она развѣзжаетъ, тѣшится и рѣдко его навѣщаетъ. Сколько лѣтъ такимъ образомъ онъ уже не живетъ и умереть не можетъ! Если онъ сохранилъ рассудокъ и память, то ничего ужаснѣе сего положенія я не знаю. Сямъ примѣромъ не хочетъ ли справедливое Небо устрашить ему подобныхъ? Или въ милосердіи Своемъ еще на этомъ свѣтѣ, для очищенія отъ грѣховъ, не послало ли Оно ему сей несчастный бракъ?—Я не понимаю, какъ столь ничтожное воспоминаніе могло такъ далеко меня увлечь. Вѣдь вышелъ цѣлый эпизодъ, который, можетъ-быть, я весьма не кстати здѣсь вклеилъ.

Прежде нежели оставлю Пензу, долженъ я поговорить о родственникахъ, которыхъ я въ ней имѣлъ и о коихъ я доселѣ умалчивалъ, потому что они жили болѣе въ деревнѣ, чѣмъ въ городѣ. Тетка моей

матери была второю женою Михаила Ильича Мартынова, у котораго ихъ было три; слѣдственно только дѣти втораго брака его были довольно въ близкомъ съ нами родствѣ. Изъ нихъ находилось тогда въ Пензѣ двое: Ѳедоръ Михайловичъ Мартыновъ и Наталья Михайловна Загоскина. Первый былъ не послѣдній въ Пензѣ чудакъ. О немъ нельзя говорить, не объяснивъ напередъ, что такое была супруга его, послѣдняя, какъ говорили, изъ своего роду и, кажется, послѣдняя въ родѣ тѣхъ женщинъ прежняго вѣка, коихъ Фонъ-Визинъ и Капнистъ такъ вѣрно изобразили, а Рахманова такъ удачно представляла на сценѣ. Она предпочитала деревенское житье городскому и постоянно имѣла пребываніе, въ сорока верстахъ отъ Пензы, въ селеніи своемъ Кучкахъ. Тамъ, среди сельской тишины, почти ежедневно свирѣпствовали бури ея гнѣва; тамъ все трепетало передъ ней, тамъ была она дѣвкѣ, свѣла мужиковъ и терзала словами двухъ взрослыхъ падчерицъ. Но коль скоро завидитъ издали приближающуюся коляску или телѣжку на ресорахъ, слѣшитъ укротить свое бѣшенство и всякаго пріѣзжаго, внутренно посылая къ чорту, встрѣчаетъ съ отверстыми объятіями и словами: «Ахъ, батюшка, отецъ ты мой родной! Да какъ тебя Богъ занесъ, да какъ разодолжилъ, что пожаловалъ.» Погомь, угощая дорогаго гостя, выжимала она улыбку на уста и нѣжнымъ голосомъ говорила слугамъ: «Другъ мой, голубчикъ Андрюша, подай это, прими то-то», а Ѳедя и Андрюша дрожали какъ листъ, ибо при улыбкѣ взоры ея свергали еще яростію.

Мужъ ея былъ совсѣмъ тому противное, ни къ кому не ласковъ, ко всѣмъ доброжелателенъ. Въ обществѣ иногда бывалъ онъ довольно непріятенъ, всѣхъ прерывалъ, говорилъ громко, хохоталъ во все горло. Самый добрый и честный крикунъ, часто вралъ, а иногда и лгунъ по легковѣрію, потому что готовъ былъ повторять всякій слышанный имъ вздоръ, всякую умышленно сказанную нелѣпость, нужно ли къ этому прибавить, что въ Пензѣ былъ онъ первымъ вѣстовщикомъ? Съ такими склонностями и съ такою женою ему не очень весело было оставаться въ деревнѣ, и отъ того бѣольшую часть времени проводилъ онъ въ городѣ, гдѣ имѣлъ скромную квартиру: зачѣмъ ему бѣольшая, когда съ утра до ночи развѣзжалъ онъ по гостямъ, собиралъ и развозилъ новости? Впрочемъ, съ сожительницею своею былъ онъ всегда въ совершенномъ согласіи, потому что злодѣйка любила его безъ памяти, берегла и тѣшила, потому что онъ былъ простосердеченъ, а она хитра, потому что онъ не имѣлъ большаго достатка, а она весьма хорошее состояніе и, наконецъ, потому что она одна занималась хозяйствомъ, предоставляя ему въ полное распоряженіе все время его, которое, какъ мы видѣли, онъ съ такою пользою умѣлъ употреблять.

Глядя на сіе супружество, казалось, что видишь союзъ пѣтуха съ кошкою.

Потомство этого Михаила Ильича Мартынова, отъ всѣхъ трехъ браковъ, при многихъ похвальныхъ качествахъ, отличалось однимъ общимъ порокомъ—удивительнымъ чванствомъ, которое проявлялось въ разныхъ видахъ, смотря по характеру, положенію или образу воспитанія каждаго изъ происходящихъ отъ него лицъ. Такъ напримѣръ, Θεодоръ Михайловичъ чванился тѣмъ, что остался старшимъ въ родѣ Мартыновыхъ и, на подобіе сеніоровъ въ Нѣмецкихъ княжескихъ домахъ (о существованіи коихъ впрочемъ онъ не вѣдалъ), хотѣлъ быть главою многочисленнаго потомства отца своего, требуя отъ членовъ сего семейства знаковъ не только покорности, но и подобострастія, и тѣмъ не только не раздражалъ, даже потѣшалъ ихъ тщеславіе. Другое было въ немъ еще забавнѣе: это притязаніе на ученость, хотя въ Пензѣ, и въ то время, немногіе превосходили его въ невѣжествѣ. Въ доказательство просвѣщеннаго вкуса и любви къ наукамъ, завелъ онъ у себя въ деревнѣ кабинетъ рѣдкостей. Чтò это такое было, трудно себѣ представить! Сову ли кто убьетъ, ужа ли поймаетъ, скорѣе несетъ къ доброму барину; изъ одной велитъ онъ набить чучелу, кожу съ другаго натянетъ на палку. Пріятели, родные, старались посѣщать его не всегда съ пустыми руками, но не разорялись на покупку игрушекъ, коими дарили стараго ребенка: кто доставитъ ему заржавленный кусокъ желѣза, увѣряя, что это отломокъ сѣкиры или бердыша, найденный на древнемъ полѣ битвы; иной привезетъ ему свиной клыкъ, выдавая его за зубъ какого-нибудь рѣдкаго Американскаго дикаго звѣря; изъ Петербурга насылались ему купленные на толкучемъ рынкѣ подъ именемъ картинъ намалеванныя корки. Немногіе совѣстились и надѣялись его довольно порядочными вещицами. Для сего драгоценнаго собранія не было, однакоже, особеннаго помѣщенія; все это громоздилось въ трехъ низенькихъ пріемныхъ его комнатахъ, столовой и двухъ гостиныхъ; поворотиться бывало трудно, и особенно непріятно обѣдать посреди чучель. Странно въ немъ и то, что онъ увѣренъ былъ и другихъ увѣрялъ, будто читалъ всѣхъ иностранныхъ писателей, котораго бы при немъ ни назвали, только не помнить содержанія ихъ твореній; когда же начнутъ ему доказывать, что они никогда не были переведены на Русскій языкъ, а другаго кромѣ его онъ не знаетъ, то другихъ возраженій, кромѣ грубостей, онъ не находитъ.

Сестра, гораздо моложе его, не совсѣмъ была чуждою Мартыновской спѣси; но сія спѣсь едва была замѣтна среди любезности ея, привѣтливости ко всѣмъ.

Въ Пензѣ не находилось хозяйки дома болѣе пріятной Натальи Михайловны Загоскиной. Замѣчено, что тяжкія испытанія разнымъ образомъ дѣйствуютъ на людей: они болѣе раздражаютъ злыхъ, а добрыхъ научаютъ терпѣнію и снисходительности. Такъ было съ Натальей Михайловной. Почти въ ребячествѣ выдали ее за человѣка, хотя молодого, но весьма страннаго. Съ самыми кипящими страстями, Николай Михайловичъ Загоскинъ любилъ добродѣтель и исполненъ былъ религіозныхъ чувствъ; безъ родителей, безъ совѣтовъ, совершенно свободный, хотѣлъ онъ отъ силы страстей оградиться неодолимымъ оплотемъ и затворился въ стѣнахъ монастыря. Тамъ болѣе года постился онъ, молился и готовъ былъ принять постриженіе, а плоть все одолѣвала духъ. Добросовѣстные монахи убѣдили его предпочесть супружество, какъ состояніе истинно-христіанское, если не столь святое, какъ монашество. Какъ онъ былъ весьма не бѣденъ, не старъ и не дурень собою, то легко было найти ему невѣсту, и въ награду за его добросердечіе Небо послало ему дѣвочку кроткую, умную и веселую. Съ нею обрѣлъ онъ счастье, а она только благоразуміемъ и осторожностію могла наконецъ до него достигнуть; непримѣтно исправляя ихъ, должна была она переносить кучу странностей, которыя были слѣдствіемъ борьбы человѣческихъ слабостей съ упорною волею побѣдить ихъ. Проведя нѣсколько лѣтъ съ нимъ въ добровольномъ заточеніи, она умѣла извлечь его изъ него вмѣстѣ съ народившимся семействомъ.

Сіе семейство уже тогда было многочисленно. Нынѣ столь извѣстный Загоскинъ былъ первымъ плодомъ сего брака, и странности, которыя первые примѣры и первое воспитаніе въ немъ оставили, ни временемъ, ни треніемъ объ людей высшихъ сословій не могли быть изглажены. Ему было тогда лѣтъ четырнадцать, и уже по тогдашнему обычаю его готовили на службу, хотя ученіе его не только не было кончено, мнѣ кажется даже не было начато. Имя Миши, коимъ звали его, было ему весьма прилично; дюжій и неуклюжій какъ медвѣженокъ, имѣлъ онъ довольно суровое, но свѣжее и красивое личико. Мнѣ онъ не нравился по тѣмъ же самымъ причинамъ, по коимъ многіе и теперь имѣютъ несправедливость не любить его: прежде не зналъ онъ существованія приличій свѣта, а послѣ мало объ нихъ заботился. Многіе и тогда обижались слишкомъ фамиліярнымъ его обхожденіемъ. Какъ истинно-Русскій весельчакъ, любилъ онъ всегда безъ желчи, безъ злости, безъ малѣйшаго дурнаго умысла, подшучивать въ глаза надъ слабостями людей и такимъ образомъ, задѣвая самыя чувствительныя струны ихъ самолюбія, часто творилъ изъ нихъ непримиримыхъ себѣ враговъ; потомъ онъ же удивлялся и готовъ былъ сказать: да, ка-

жется, за что бы? Не только тогда, но и гораздо послѣ не могъ я подозрѣвать удивительнаго, оригинальнаго таланта, который такъ внезапно и ярко въ немъ развился; при всегдашней его разсѣянности, которая давала ему видъ легкомыслія, могъ ли я предполагать въ немъ тѣ постоянныя, глубокія наблюденія, кои снабдили сочиненія его столь живыми, вѣрно изображенными картинами? Кто бы какъ ни любилъ перо его, но кто узнаетъ сердце, которое имъ водило, тотъ полюбитъ человѣка, я увѣренъ въ томъ, еще болѣе, чѣмъ автора. Я скажу объ немъ, какъ Иисусъ объ Магдалинѣ: многое должно ему простить, ибо много любилъ онъ добро, исполненіе своихъ обязанностей, много любилъ Бога, отечество свое и весь родъ человѣческій. Его отпускали въ Петербургъ со мною, поручая его братскимъ моимъ объ немъ попеченіямъ. Ну, умѣли же найти ему наставника!

Во время нашихъ сборовъ, явился въ Пензѣ умный, богатый и бородатый Василій Алексѣевичъ Злобинъ, на обратномъ пути въ Петербургъ изъ Волжска и Саратова. Мнѣ теперь совѣстно вспомнить, какъ тогда за нимъ ухаживали: лучшаго приѣма нельзя было бы сдѣлать вельможѣ; всѣ чиновники ходили къ нему являться, и у губернатора обѣдалъ онъ всякій день, занимая, какъ пріѣзжій гость, первое мѣсто. Послѣ того, кажется, трудно новыя поколѣнія слишкомъ упрекать въ поклоненіи злату. Однакожъ не мнѣ осуждать почести, оказанныя Злобину: онъ въ это время самымъ любезнымъ образомъ вызвался сдѣлать мнѣ великое одолженіе. Привыкнувъ къ нѣгѣ, онъ ѣхалъ одинъ въ просторной четверомѣстной каретѣ; я захворалъ, и онъ предложилъ мнѣ половину оной, съ обѣщаніемъ дорѣгой оберегать меня. Наши двѣ зимнія кибитки, моя и Загоскина, применили къ его поѣзду, и мы 4 Ноября отправились въ путь.

Старики прежде не охотно входили въ сужденія съ молодежью, и я Злобина зналъ только поверхностно; но тутъ, запершись въ каретѣ, въ безпрестанныхъ съ нимъ разговорахъ, узналъ я, сколько, безъ всякаго ученія, въ простомъ Русскомъ человѣкѣ можетъ быть природнаго ума: въ каждомъ словѣ сколько толку, какой великій смыслъ! Иногда онъ меня ими ужасалъ. Порабощеніе у насъ никогда до того не простиралось, чтобы, какъ у невольниковъ древняго міра и Новаго Свѣта, оно у крѣпостныхъ нашихъ отнимало даже время на размышленіе, а опасеніе проговориться заставляло ихъ быть осторожными въ рѣчахъ и краткими въ выраженіяхъ. Изъ того произошли миліоны поговорокъ и пословиць, составляющихъ народную мудрость, которая изъ рода въ родъ переходитъ, какъ умственное наслѣдство, все болѣе обогащается новыми мыслями. Въ этомъ, мнѣ кажется, ни одинъ народъ въ мірѣ не можетъ сравниться съ нашимъ.

Передъ самымъ нашимъ отъѣздомъ выпалъ снѣгъ, стали морозы и сдѣлалось первопутье; оттого мы не ѣхали, а летѣли, и хотя по откупнымъ дѣламъ Злобинъ долженъ былъ останавливаться въ Саранскѣ и Арзамасѣ и премѣшкалъ въ обоихъ болѣе полутора сутокъ, все-таки пріѣхали мы въ Москву 8 числа, въ самый Михайловъ день. Тутъ мы разстались: онъ на другой день поѣхалъ далѣе, а я остался погостить у сестры.

Что сказать мнѣ о тогдашней Москвѣ? Трудно изобразить вихорь. Съ самаго вступленія на престолъ императора Александра, каждая зима походила въ ней на шумную недѣлю масленицы. Я помню, какъ малолѣтнимъ случилось мнѣ быть въ комнатѣ, гдѣ изъ большихъ бутылей переливали наливки въ жестяной чанъ, а изъ него разливали по бутылкамъ, и какъ, не проглотивъ ни капли, я опьянѣлъ отъ одного пріятнаго ягодно-спиртоваго запаху. Тоже было со мною и въ Москвѣ: не имѣя ни много знакомыхъ, ни намѣренія долго въ ней оставаться, я подобно другимъ не веселился, а отъ однихъ разказовъ объ обѣдахъ и приготовленій на балы кружилась у меня голова. Въ ночи съ 28 на 29 Ноября поскакалъ я въ Петербургъ.

Дорогой случилось со мной нѣчто довольно забавное. Въ Твери остановился я въ извѣстномъ трактирѣ Итальянца Гальяни (который давно уже померъ, но котораго имя до сихъ поръ сохранила заведенная имъ гостиница). Я проголодался, промерзъ и спросилъ поѣсть; тутъ были офицеры какого-то кавалерійскаго полку, которые кого-то угощали, кого-то провожали и меня очень ласково пригласили съ собою обѣдать. Я даромъ наѣлся и, уступая потчиванію, еще болѣе напился, потомъ поблагодарилъ ихъ и пошелъ ложиться въ кибитку. Я проснулся передъ разсвѣтомъ и когда спросилъ, скоро ли пріѣдемъ на станцію, мнѣ сказали, что мы проѣхали Валдай и что я проспалъ болѣе двухъ сотъ верстъ. Чѣмъ свѣтъ, 1-го Декабря, прибылъ я въ неизбѣжный мнѣ Петербургъ, пробывъ не съ большимъ двое сутокъ въ дороге. Я не знаю, какъ это случилось: я не ѣхалъ на курьерскихъ, не имѣлъ права торопить, слуга мой ничего лишняго не платилъ; но видно, счастье приходило ко мнѣ во снѣ и приводило съ собою лихія тройки и лихихъ ямщиковъ.

VII.

Вотъ уже третій разъ, что я пріѣзжаю въ Петербургъ, подумалъ я; неужели и нынѣ не болѣе посчастливится мнѣ въ немъ, какъ было досель? Теперь я пріѣхалъ одинъ, никто не привозилъ меня, и даже я самъ привезъ младаго птенца, совсѣмъ не питомца Музь, но который въ послѣдствіи долженъ былъ содѣлаться однимъ изъ ихъ отличнѣйшихъ служителей. Теперь надлежало мнѣ самому промышлять о себѣ.

Какъ немущіе провинціалы, начали мы съ Ямской и оттуда, сдѣлавъ нѣсколько поисковъ во внутренность города и открывъ довольно удобную квартирку неподалеку отъ Невскаго Проспекта, черезъ три дня съ Загоскинымъ въ нее переѣхали.

Едва счелъ я нужнымъ явиться къ Сперанскому и, не объявляя ему о моемъ намѣреніи, мимо его прямо графу Кочубею подалъ прошеніе, въ коемъ объяснилъ всю странность положенія моего. Опредѣленіе меня въ министерство не заставило себя долго дожидаться; черезъ два дня подписана бумага, но не совсѣмъ согласно съ моимъ желаніемъ и требованіемъ: ибо найдено невозможнымъ зачислить мнѣ въ службу все то время, въ которое ничего офиціальнаго обо мнѣ не было. Я и тѣмъ остался доволенъ; попавъ разъ на мѣсто, могъ я изъ него пріискивать другую, болѣе пріятную или выгодную службу. Пока я фиктивно служилъ, то ходилъ еще иногда въ экспедицію, а со дня опредѣленія въ нее, началъ забывать, какъ отворяются ея двери.

Веселость, царствующую въ Москвѣ, можно было также найти тогда и въ Петербургѣ, и въ той же степени, но въ умѣреннѣйшемъ, болѣе пристойномъ видѣ. Сколько припомню, я не видалъ тогда мрачныхъ лицъ, не слыхалъ недовольныхъ рѣчей. На награды были очень скупы; попасть въ службу ко двору, кромѣ тѣхъ, коимъ знатный родъ, вмѣстѣ съ богатствомъ, давалъ на то право, никто не смѣлъ и помышлять; доступъ въ большой свѣтъ былъ очень труденъ; ничто не возбуждало ни чрезмѣрнаго честолюбія, ни тщеславія, слѣдственно и зависти, и всякій жилъ про себя, отъ всего сердца веселясь въ своемъ кругу и не думая о лучшемъ. Дворъ отличался болѣе величіемъ, чѣмъ изысканностію и разорительною прихотливостію роскоши; въ частныхъ домахъ вмѣсто нея было изобиліе и съ златою умѣренностію всѣ души были въ покоѣ.

Меня одного, можетъ быть, терзало тогда желаніе чего-то лучшаго, чего-то высшаго. Прежняя скудость и расчетливость Петербургской моей жизни мнѣ вдругъ наскучили; я сталъ гораздо лучше одѣваться, чаще нанимать лошадей, искать знакомствъ, ѣздить по вечерамъ и баламъ. Все это было гораздо забавнѣе, но кошелекъ мой примѣтно сталъ тощать, и я начиналъ (чего дотолѣ никогда не было) думать о томъ, гдѣ бы, въ случаѣ нужды, занять мнѣ денегъ? Изъ сихъ затрудненій былъ я выведенъ однимъ представившимся къ тому весьма удобнымъ случаемъ.

Въ Февралѣ мѣсяцѣ 1805 года всѣ начали толковать о посольствѣ, отправляемомъ въ Китай. Въ аристократическомъ мірѣ только о томъ и было разговоровъ; потому что знатный баринъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, оберъ церемоніймейстеръ, графъ Юрій Алек-

сандровичъ Головкинъ назначенъ былъ чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ. Столь многочисленнаго посольства никогда еще нигуда отправляемо не было: оно должно было состояться изъ военныхъ, ученыхъ, духовныхъ лицъ и гражданскихъ чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ. Чего же лучше? сказалъ я себѣ и, много не подумавъ, началъ проситься о причисленіи меня къ свитѣ сего посольства.

Пользуясь ласковымъ приглашеніемъ Александра Львовича Нарышкина, сдѣланнымъ въ Саранскѣ и ободренный ласковымъ его приемомъ въ Петербургѣ, раза два или три въ зиму былъ я у него на балахъ, удостоился даже нѣсколькихъ словъ отъ его Марьи Алексѣевны, и на вечерахъ сихъ почти успѣлъ побѣдить гордую свою застенчивость. Графъ Головкинъ былъ женатъ на родной сестрѣ его, Катеринѣ Львовнѣ, и почти всякій день бывалъ у него. Какого мнѣ пути еще искать было? Но я вспомнилъ, что, передъ этимъ лѣтъ за пять, тотъ же самый Нарышкинъ все обѣщалъ опредѣлить меня пажемъ и ничего не сдѣлалъ. Какъ быть? Другаго средства не было, и я приступилъ къ нему съ своею просьбой. На этотъ разъ стоило мнѣ только намегнуть добрѣйшему Александру Львовичу о моемъ желаніи, и на другой же день письмо графа Головкина къ графу Кочубею испрашивало его согласія на временное увольненіе меня изъ его вѣдомства. Я даже не успѣлъ еще быть представленъ послу, и мнѣ пришлось являться къ нему и благодарить его въ одно время.

Не польза наукъ, коихъ не было во мнѣ положено и первоначальнаго основанія, заставляла меня предпринять столь отдаленное путешествіе, ни даже любопытство увидѣть землю, никѣмъ изъ Русскихъ моихъ современниковъ тогда не посѣщенную: поѣздка въ Германію мнѣ показалась бы гораздо привлекательнѣе. Я уже признался въ томъ, какія причины побуждали меня рѣшиться на двухгодичное странствованіе: я былъ угрожаемъ совершеннымъ безденежемъ. Подъ именемъ дворянина посольства, опредѣленъ я былъ въ число его канцелярскихъ служителей; каждому изъ нихъ назначено по шести сотъ рублей серебромъ годоваго жалованья и, сверхъ прогоновъ, по тысячѣ рублей на подъемъ. Въ мои расчеты входила также и родительская помощь: ибо я увѣренъ былъ, что отецъ, одобривъ мое намѣреніе, въ семь случаевъ не пожалѣетъ для меня денегъ, въ чемъ и не ошибся.

Съ какою цѣлію было отправляемо столь великолѣпное посольство? Вотъ о чемъ не догадался я даже спросить. Я былъ матросъ, который, сѣвъ на корабль, не подумаетъ узнать, зачѣмъ онъ плыветъ въ Остъ-Индію, Бразилію или Канаду. При сей мысли мнѣ право стыдно иногда бываетъ самого себя; но какъ я вспомню бѣдшую часть моихъ товарищей, которые, какъ мнѣ кажется, также въ этомъ

предпріятіи видѣли одну продолжительную, веселую прогулку, то и нахожу себя извинительнымъ.

Признаюсь, я и до сихъ поръ полагаю, что само правительство въ этотъ дѣлъ не имѣло никакого твердаго намѣренія и въ Китай посылало Головкина, такъ, на всякій случай, на удачу, на авось. Все было такъ молодо, такъ зелено, все дѣлалось такъ необдуманно; но всѣ побужденія были великія, прекрасныя. Молодость царя имѣла нужду въ дѣятельности, а продолжающійся миръ съ Европейскими державами давалъ ей мало пищи; тогда въ благородныхъ порывахъ своихъ обратился онъ къ Востоку и къ другимъ частямъ свѣта, дабы и первые мирные годы царствованія своего ознаменовать какими нибудь полезными, памятными событіями. Вотъ почему Русскіе корабли подъ начальствомъ Крузенштерна и Лисянскаго сдѣлали первое путешествіе вокругъ свѣта; съ ними Рѣзановъ отправленъ былъ посланникомъ въ Японію; ему же поручено было въ Америкѣ стараться о распространеніи нашей торговли и нашихъ владѣній; на берегахъ Чернаго и Азовскаго морей строились новые города, открывались новые порты; за Кавказомъ Циціановъ велъ счастливую, славную войну съ Персіянами; надобно было, наконецъ, подумать и о Китайцахъ, отдаленнѣйшихъ нашихъ сосѣдяхъ. Тутъ явились Іезуиты, съ предложеніемъ усердныхъ услугъ, Іезуиты, которые при Екатеринѣ и до нея, при Польскомъ правительствѣ, имѣли столицу свою въ Полоцкѣ, а со временъ Павла поселились и въ Петербургѣ. Ихъ предложенія были чистосердечны: не зная никакой національности, сія папская милиція готова всегда удружить правительству, коего покровительствомъ она пользуется или отъ коего имѣетъ право его ожидать. Патеръ Груберъ, генераль Ордена, чрезъ миссіонеровъ своихъ, имѣвшихъ тогда большое вліяніе въ Пекинѣ, приготовилъ Китайское правительство къ благосклонному намъ приему. Князь Чарторыйскій управлялъ Коллегіей Иностранныхъ Дѣлъ и, способствуя нашимъ затѣямъ, съ столь великими издержками сопряженнымъ, можетъ быть внутренно смѣялся надъ ними. Нѣтъ, въ Россіи не должно было ожидать благословеннаго окончанія дѣлу, начатому подъ руководствомъ Поляка и Римско-католическихъ монаховъ.

При Аннѣ Іоанновнѣ и Биронѣ, когда Нѣмцы такъ заботились о пользѣ и чести Русскихъ, Савва Владиславичъ Рагузинскій, посланникъ ихъ, безъ всякой причины, вѣроятно изъ одной учтивости, отступился отъ владѣній нашихъ по самую рѣку Амуръ, на берегу которой наши крѣпостцы составляли уже цѣлую линію и былъ выстроенъ городъ Албазинъ. Сія земля, Даурія, имѣющая до полуторы тысячи верстъ протяженія и изобилующая всеми дарами природы, до сихъ

поръ остается незаселенною и нейтральною, дабы Небесное царство не одною каменной стѣной, но и мѣстами необитаемыми было ограждено отъ опаснаго нашего сосѣдства. Надѣялись (такъ меня послѣ увѣряли) посредствомъ искусныхъ переговоровъ склонить Китайцевъ къ измѣненію сего условія и къ допущенію Русскихъ въ прежнія ихъ владѣнія.

Такъ какъ Китайцы самый церемонный народъ въ мірѣ, то чего же приличнѣе какъ послать къ нимъ оберъ-церемоніймейстера? Такъ какъ сношенія наши съ ними болѣе торговыя, чѣмъ политическія, то чего же выгоднѣе, какъ отправить къ нимъ президента Коммерцъ-Коллегии? Графъ Головкинъ былъ и то, и другое; а сверхъ того человѣкъ весьма высокаго роста, величавъ, осанистъ, съ большимъ орлинымъ носомъ, умными глазами и медоточивымъ языкомъ: появленіе его должно было производить почтительный страхъ, довѣренность и любовь. Забыли только объ одномъ, о довольно важномъ во всякихъ дѣлахъ: о характерѣ человѣка.

Кажется, все потомство бывшаго при Петрѣ Великомъ, перваго графа Головкина, Гаврилы Ивановича, поселилось за границей, не отказываясь, однакоже, отъ Русскаго подданства и, не знаю по какому праву, продолжая владѣть имѣніями въ Россіи и пользуясь съ нихъ доходами. Сей пагубный примѣръ, который такъ распространился, и нынѣ заставляеть только роптать, но всеобщаго негодованія еще произвести не можетъ. Когда Россія къ Европѣ станетъ въ такомъ же отношеніи, какъ Ирландія къ Англіи, и столицы Запада будутъ поглощать всѣ плоды потовыхъ, кровавыхъ трудовъ нашихъ поселянъ: тогда только противъ сихъ добровольныхъ, вѣчныхъ, преступныхъ отчужденій отъ отчизны будутъ приняты сильныя мѣры. Какъ бы то ни было, отецъ посла Головкина никогда не бывалъ въ Россіи, женился на какой-то Швейцарской аристократкѣ и дѣтей крестилъ въ Реформатскую вѣру.

Когда сынъ его явился ко двору Екатерины, въ немъ, кромѣ имени, ничего Русскаго не было. Она приняла его въ гвардію, опредѣлила ко двору, женила на дочери любимаго своего Нарышкина и милостивыми словами привлекла его къ престолу своему, привязала и къ государству. Всѣ знатные молодые люди тогдашняго времени старались быть тѣмъ, чѣмъ ихъ сдѣлала судьба и воспитаніе: быть иностранцами съ Русскимъ именемъ; слѣдственно ничто не могло побудить его преобразоваться въ Русскаго. И онъ остался настоящимъ дореволюціоннымъ Французомъ, сохранивъ до глубокой старости всю ихъ любезность, ихъ самонадѣянность и легкомысліе. Одно только напоминало Швейцарское его происхожденіе по матери: удивительная его расчет-

ливость, которую въ роскошной, мотоватой нашей Россіи позволяли себѣ называть скупостію.

Съ поверхностными познаніями, кои онъ имѣлъ, могъ онъ въ обществѣ, гдѣ никогда не углубляются въ обсуживаемые предметы и скользятъ по нимъ, казаться свѣдущимъ во всѣхъ наукахъ. Только въ дѣлахъ это было все ничтожество Русскихъ знатныхъ господъ новѣйшихъ временъ. За тѣ, что за выходы, что за важность, что за представительность!

И это все было бы очень хорошо, еслибъ по крайней мѣрѣ дали ему сколько нибудь дѣльнаго и просвѣщеннаго секретаря посольства; но и тутъ умѣли сдѣлать выборъ еще хуже самого Головкина. Одинъ нахаль, по имени Левъ Сергѣевичъ Байковъ, служившій въ конной гвардіи, подбилъ къ графу Маркову и въ 1801 году въ званіи канцелярскаго служителя поѣхалъ съ нимъ въ Парижъ; послѣ разрыва съ Бонапарте, онъ послѣдній изъ нашихъ оттуда выѣхалъ. Въ трехгодичное свое тамъ пребываніе, онъ исполнился не революціоннаго духа, который при первомъ консулѣ началъ исчезать, но нестерпимаго, неблагопрістойнаго тона новой Франціи. Магницкій, его товарищъ, въ сравненіи съ нимъ казался скромнымъ; однимъ словомъ, съ ногъ до головы, въ немъ было что-то такое непотребное, что порядочной женщинѣ, кажется, не краснѣя нельзя было съ нимъ говорить. Въ буйной молодости цесаревичъ Константинъ Павловичъ охотно окружалъ себя подобными людьми; ихъ наглые пороки казались ему молодечествомъ, и Байковъ былъ въ числѣ его любимцевъ. Эта связь, смѣлость его и рассказы о Парижѣ дали ему большой ходъ въ обществѣ. Его пожаловали камеръ-юнкеромъ, хотя ему было гораздо за тридцать лѣтъ; но это для того, чтобы доставить ему пятый классъ и право на мѣсто перваго секретаря посольства въ Китай. Къ занятію сего мѣста считали его болѣе кого-либо способнымъ: онъ умѣлъ къ кому захочетъ подольститься, ничего не стыдился, не зналъ совѣсти, лгалъ безъ милосердія. Какъ же ему было не провести или, по-просту сказать, не надуть Китайцевъ?

Второй секретарь былъ уже настоящій, природный Французъ графъ Ламбертъ *), который однакоже гораздо менѣ имъ казался, чѣмъ оба предыдущія лица. Какъ иностранецъ въ Русской службѣ, стараясь онъ съ ними ладить, хотя впрочемъ нельзя было его упрекнуть въ гибкости характера; онъ былъ довольно вѣжливъ, но холоденъ,

*) Его братъ былъ однимъ изъ извѣстныхъ, храбрѣйшихъ генераловъ нашей арміи. Солдаты его очень любили, находя въ немъ совершенно Русскаго человека. Они были эмигранты.

остороженъ, скупъ на слова и до того спѣсивъ, что никому почти не кланялся, а только легкимъ, едва замѣтнымъ наклоненіемъ головы давалъ знать, что отвѣчаетъ на поклонъ. Передъ этимъ, кажется, былъ онъ употребленъ при миссіяхъ нашихъ въ Копенгагенъ и Мадритъ; но дипломатическихъ способностей, видно, въ немъ или не было, или ихъ не умѣли оцѣнить: ибо, не смотря на предпочтеніе, даваемое у насъ иностранцамъ для занятія посланническаго мѣста, онъ въ послѣдствіи никогда его получить не могъ.

Третій секретарь посольства назывался Андрей Мпхайловичъ Доброславскій, который ни доброй, ни худой славы никогда заслужить не могъ. Онъ былъ въ числѣ тѣхъ людей смиренныхъ, трудолюбивыхъ, покорныхъ, бездарныхъ, можно сказать удобныхъ, коихъ начальство такъ любитъ и мало уважаетъ, которые въ тихомолку продолжаютъ службу и непримѣтно ее оставляютъ. Этотъ былъ уже совсѣмъ не Французъ, ибо ничего не зналъ кромѣ Русскаго языка, и хотя на немъ говорилъ чисто, а все-таки съ примѣсью Украинскаго нарѣчія. Находясь въ Коммерцъ-Коллегіи, изъ которой онъ никогда не выходилъ, зналъ онъ хорошо только одну таможенную часть; тамъ сдѣлался онъ извѣстенъ президенту коллегіи графу Головкину, который (я было и позабылъ сказать), по званію сенатора, получилъ порученіе обозрѣть и ревизовать всѣ губерніи, чрезъ кои онъ долженъ былъ проскакать. И на сей предметъ взялъ онъ съ собою сего великаго искусника.

Вотъ все почти, чтó составляло дипломатическую или дѣловую, письменную часть посольства; за тѣмъ слѣдовала ученая часть, и наконецъ мы, которые молодостію, развязностію, красивымъ нарядомъ, даже самымъ числомъ, должны были служить къ возвышенію блеска посольства и важности посла.

И въ этомъ отношеніи, безъ хвастовства скажу, все было очень удовлетворительно. Изъ аристократическихъ гостинныхъ молодые люди такъ и ринулись въ невиданное, неслыханное посольство. Семи мѣстъ кавалеровъ и столькихъ же дворянъ посольства не было достаточно, чтобъ опредѣлить всѣхъ просившихся, и это особенно шевелило мое самолюбіе: съ кѣмъ ни встрѣтишься изъ знакомой молодежи, всякій спрашиваетъ съ недовольнымъ видомъ (по крайней мѣрѣ мнѣ такъ казалось), какія у насъ дѣлаются приготовленія, скоро ли поѣдемъ; а какъ ни бранимъ мы зависть, какъ ни презираемъ ея, а все болѣе изъ того хлопочемъ, чтобы произвести ее. Во время странствованія успѣемъ мы познакомиться съ моими сопутниками, но считаю не лишнимъ на первый случай здѣсь ихъ представить.

Между кавалерами, первыми стояли по списку два дѣйствительныхъ камергера, Васильчиковъ и князь Голицынъ. Алексѣй Васильевичъ былъ одинъ изъ тѣхъ четырехъ братьевъ Васильчиковыхъ, изъ коихъ Иларіонъ Васильевичъ болѣе всѣхъ возвысился въ почестяхъ и сдѣлался извѣстнѣе. Ихъ рыцарями назвать было не можно; имя благородныхъ витязей имъ было приличнѣе, ибо всѣ они были Русскіе дворяне въ душѣ, и давно уже Псковская губернія гордится ихъ родомъ. Нашъ Васильчиковъ былъ не слишкомъ высокаго ума, за то высокъ былъ онъ сердцемъ, и еслибъ одного усердія, прилежанія было достаточно, чтобъ сдѣлаться искуснымъ въ дѣлахъ гражданской службы, то могъ бы онъ быть со временемъ лучшимъ изъ нашихъ государственныхъ людей.— Ни объ одномъ Голицынѣ скоро нельзя будетъ говорить безъ его родословной въ рукѣ: до того они размножились. Голицына, который находился при посольствѣ, звали Дмитрій Николаевичъ; онъ былъ сынъ одного богатаго князя Николая Алексѣевича и княгини Марьи Адамовны, урожденной Олсуфьевой, и съ братомъ своимъ оставались они единственными потомками знаменитаго Дмитрія Михайловича, пережившаго двухъ меньшихъ братьевъ, фельдмаршаловъ, Михайловъ Михайловичей^и, по милости Бирона, кончившаго дни въ ссылкѣ. Объяснивъ такимъ образомъ родословную этого Голицына, кажется болѣе объ немъ сказать нечего, развѣ только то, что онъ былъ добрый малый, безъ претензій, чрезвычайно угревать и не виденъ собою. Онъ умеръ смертію героевъ на войнѣ съ Французами.

За тѣмъ слѣдуютъ четыре камеръ-юнкера: Нарышкинъ, Бенкендорфъ, Гурьевъ и Нелидовъ. Я уже сказалъ, что съ Кириломъ Александровичемъ познакомился я въ Саранскѣ; послѣ того въ Петербургѣ, въ домѣ отца его, знакомство сіе сдѣлалось короче; во время же путешествія нашего, его пріязнь, его постоянно хорошее ко мнѣ расположеніе не одинъ разъ были мнѣ весьма полезны. Онъ былъ примѣчательнъ тѣмъ, что въ немъ сливались и смѣшивались два противоположные характера его родителей: онъ соединялъ въ себѣ Нарышкинское барство, роскошество и даже шутливость вмѣстѣ съ крутымъ нравомъ, благородными чувствами, бережливостію и аристократическою гордостію матери своей Марьи Алексѣевны. Онъ былъ еще весьма молодъ, но умѣлъ братъ какой-то верхъ надъ своими товарищами, къ чему впрочемъ ему много способствовала любовь къ нему посла, по женѣ роднаго его дяди.

Константинъ Бенкендорфъ былъ меньшей и единственный братъ послѣ всѣмъ столь извѣстнаго, Александра Христофоровича. Онъ во мнѣ, какъ и во всѣхъ знакомыхъ своихъ, оставилъ по себѣ самую пріятную память. Не трудно было любить его: онъ былъ чрезвычайно

доброжелателенъ, съ тѣмъ вмѣстѣ уменъ и образованъ. Его мать изъ Германіи послѣдовала за великою княгиней, послѣ императрицей Маріей Феодоровной, въ Россію, вышла замужъ за Русскаго генерала, но прожила недолго на чужой сторонѣ и четырехъ сиротъ своихъ завѣщала сей государынѣ. Съ такимъ покровительствомъ и съ счастливыми способностями, Константинъ Бенкендорфъ на всѣхъ путяхъ, кои иногда мѣнялъ онъ, встрѣчалъ успѣхи и честь. По его веселому нраву, по его разсѣянности можно было иногда принять его за Француза; но Нѣмецъ былъ виденъ въ Нѣмецкомъ прямотушии, твердости, правдолюбіи, которыя, по крайней мѣрѣ у насъ въ Россіи, скоро останутся однимъ историческимъ воспоминаніемъ. По чувствамъ привязанности къ Россіи былъ онъ истинно Русскій, и сіе доказалъ онъ тѣмъ, что за границей въ поединкахъ стоялъ за честь ея.

Молодой, свѣжій, откормленный, упитанный тѣлецъ, туго начиненный словами, а не мыслями, сынъ будущаго министра финансовъ Гурьева, находился между нами и думалъ, что дѣлаетъ тѣмъ великую честь посольству. Онъ вмѣстѣ съ Бенкендорфомъ и Нарышкинымъ былъ воспитанъ въ пансіонѣ аббата Николая, почти въ одно время произведенъ съ ними камеръ-юнкеромъ и вмѣстѣ отправлялся въ Китай; въ семь тріумвиратѣ конечно могъ онъ почитаться Крассомъ по его жадности и златолюбію. Въ самой молодости, когда все такъ живо представляется сердцу и уму, до одного ничто къ нему не доходило, другой былъ окутанъ какою-то густою оболочкою, чрезъ кою съ трудомъ проникали понятія. Когда, бывало, онъ просыпается и глядитъ во всѣ глаза, то долго, очень долго, не можетъ понять, что говорятъ; около часу ему, бывало, нужно, чтобы въ мозгу своемъ пробудить способность мыслить. Все въ немъ было тупо и тяжело; это просто былъ желудокъ, облеченный въ челоуѣка. Но оставимъ его; судьба столько разъ носъ съ носомъ сводила меня съ нимъ, что въ случаяхъ поговорить о немъ не будетъ недостатка.

Нелидовъ, Любимъ Ивановичъ, былъ всѣми любимъ, ибо имѣлъ сердце столь же кроткое, нѣжное, какъ и наружность. Онъ былъ флигель-адъютантомъ при Павлѣ, когда старшій братъ его Аркадій Ивановичъ былъ его молодымъ любимцемъ и генераль-адъютантомъ; оба они не избѣжали общей при немъ участи, были отставлены и высланы изъ столицы.

Седьмой и послѣдній изъ кавалеровъ посольства былъ коллежскій совѣтникъ Павелъ Петровичъ Карауловъ, передъ этимъ полковникъ Преображенскаго полка, высокій и красивый мужчина, но отвратительный своею приторностію и жеманствомъ. Полагая вѣроятно, что этимъ тономъ можно болѣе нравиться старымъ и богатымъ женщи-

намъ, къ коимъ не одинъ разъ нанимался онъ въ любовники, сохранялъ онъ его по привычкѣ и съ мужчинами. Взыскательность этихъ барынь провела уже нѣсколько морщинъ по лбу его, и вообще онъ, Васильчиковъ и Нелидовъ почитались у насъ стариками, потому что они были лѣтъ тридцати или безъ малаго, а мы лѣтъ двадцати или около того.

Между нами, семью дворянами посольства, самый знатный былъ Николай Ивановичъ (не знаю почему) Перовскій, побочный сынъ графа Алексѣя Кириловича Разумовскаго; такъ по крайней мѣрѣ думалъ онъ и показывалъ то. У родителя его, какъ у Людовика XIV-го, были такія дѣти отъ разныхъ, не браковъ, а сожитій. Этотъ былъ отъ перваго, но воспитывался не въ родительскомъ домѣ, а у тетки Наталіи Кириловны Загряжской, гдѣ съ малолѣтства дышалъ онъ придворной атмосферой. И надобно сказать правду, онъ имѣлъ все, что отличаетъ Русскаго аристократа: манеры большаго свѣта, совершенное знаніе Французскаго языка, а во всемъ прочемъ большое невѣжество. Другіе братья его, рожденные отъ послѣдующихъ сожитій, такъ же, какъ и онъ, получили названіе свое отъ Перовой роци подь Москвой, принадлежащей ихъ отцу, но, кажется, были имъ болѣе любимы и передъ старшимъ имѣли преимущество носить отческое его имя и называться Алексѣевичами. Они получили тщательное воспитаніе людей средняго состоянія, долженствующихъ пробиться службой и трудами. Онъ теперь почти ничто; они занимаютъ первыя мѣста въ государствѣ. Незаконнорожденные дѣти находятся вообще въ фальшивомъ положеніи: природа даетъ имъ права, въ коихъ отказываютъ имъ законы; они стоятъ выше и ниже людей обыкновенныхъ состояній, такъ сказать внѣ общества; они не иначе какъ штурмомъ могутъ въ немъ брать свои мѣста. Въ этомъ случаѣ нашъ Перовскій былъ истинный герой: грудью шелъ онъ впередъ, продираясь, затиралъ слабыхъ, обходилъ сильныхъ; дивились его дерзости, смѣялись надъ нею, но не мѣшали ему; и онъ, равный всѣмъ высшимъ, преспокойно сталъ смотрѣть великимъ бариномъ.

Исключая сына сенатора Теплова, также ничѣмъ кромѣ дурацкой спѣси непримѣчательнаго, да еще меня, Перовскій никого изъ другихъ товарищей своихъ не удостоивалъ разговорами. Сіи остальные собратія мои были нижеслѣдующіе.

Францъ Александровичъ Юни, маленькій, сухощавый, старообразный, увертливый Нѣмчикъ, не безъ ума, не безъ способностей, не безъ хитрости и слегка балагуръ. Онъ высоко не лѣзъ; едва знаемый графомъ Головкинымъ, онъ все увивался около Байкова и вмѣстѣ съ

секретаремъ Доброславскимъ и нѣкоторыми другими составлялъ его свиту и партію.

Корнѣевъ, коллежскій ассесоръ, лѣтъ тридцати отъ роду, служилъ въ Иностранной Коллегіи и не зналъ ни одного иностраннаго языка. Непонятно, какъ его всунули въ это посольство. Онъ былъ отменно простъ и толстъ, неопрятенъ, лѣнивъ и вѣчно заспанъ; онъ, весь какъ будто былъ налитъ растопленнымъ жиромъ; когда шелъ онъ, то тѣло его трепетало какъ несомый на блюдѣ картофельный кисель; когда же лежалъ онъ, то похожъ былъ на засаленный тюфякъ.

Живой и веселый мальчикъ, Александръ Хвостовъ, сынъ столь извѣстнаго чрезвычайными порученіями въ Константинополь, эпикуреизмомъ, остроумный шутками и стихами Александра Семеновича Хвостова, былъ однимъ изъ пріятнѣйшихъ для меня сотоварищей. О послѣднемъ, также весьма молодомъ мальчикѣ, Клементѣ, рѣшительно нечего сказать.

Столь же принужденное молчаніе долженъ я хранить и въ разсужденіи нѣкоторыхъ другихъ лицъ, о которыхъ говорить не стоить, но о коихъ упомянуть я считаю обязанностію. Напримѣръ, что бы я сказалъ о казначеѣ посольства, надворномъ совѣтникѣ Осиповѣ, о комиссарѣ посольства, коллежскомъ совѣтникѣ Алексѣевѣ, о двухъ фельдъегеряхъ офицерскаго чина, Штосѣ и Михайловѣ? Наконецъ, объ аптекарѣ Гельмѣ? Ибо чего не было у насъ, въ нашей подвижной колоніи! Только изъ этого народа надобно изъять одного человѣка или, если вѣрнѣе говорить, изъ этого стада хочется мнѣ выхватить одну паршивую овцу.

У вышесказаннаго комиссара Алексѣева, которому самому дѣлать было нечего, былъ еще помощникъ Эдуаръ Карловичъ Цирлейнъ. Сынъ бѣднаго Нѣмецкаго ремесленника, онъ выучился немножко по-русски и по-французски и, съ этимъ малымъ запасомъ, пустился въ службу и дошелъ до того, чего люди съ достоинствами не часто достигаютъ. Онъ былъ маленькій, гаденькій, гниленькій, совсѣмъ пустой и безграмотный человѣкъ и въ посольствѣ почитался послѣднимъ изъ послѣднихъ. Головкинъ, у котораго служилъ онъ въ Церемоніальномъ Департаментѣ, взялъ его съ собою болѣе какъ прислугу, чѣмъ въ видѣ чиновника. Этотъ Нѣмецъ былъ еще скромнѣе Нѣмца Юни. Куда ему до Байкова! Онъ водилъ дружбу съ камердинеромъ посла и съ его поваромъ и по-пріятельски ходилъ къ нимъ завтракать. Долго послѣ того, изъ Церемоніальнаго Департамента перешелъ онъ въ Петербургскій Почтамтъ, гдѣ и понынѣ занимаетъ мѣсто равное званію старшаго столоначальника: выше сего по недостатку въ способностяхъ онъ никакъ стать не можетъ. И въ этомъ званіи онъ превосходитель-

ный, весь въ лентахъ и звѣздахъ, и получаетъ огромное содержаніе; чѣмъ могъ онъ заслужить сіе въ столь пустыхъ должностяхъ? Но онъ Нѣмецъ; а у насъ Нѣмецъ, лишь попади на тропу, безъ заслугъ, безъ стараній, одною силою существующаго между ними согласія, такъ и начнетъ подыматься вверхъ. Я не изъ зависти сіе говорю: можно ли завидовать Цирлейну? Еще менѣе изъ злобы: онъ малый смиренный, и еслибы хотѣлъ, то и мухи не умѣлъ бы обидѣть; но мнѣ досадно и стыдно за Россію.

Еще не кончено, еще не всѣ названы и описаны, еще были при посольствѣ: исторіографъ, три переводчика, профессоръ живописи изъ Академіи Художествъ и съ нимъ два воспитанника, изъ нея выпущенныхъ, для снятія видовъ и костюмовъ; наконецъ, докторъ медицины, штабъ-лѣкаръ и аптекаръ, котораго я уже назвалъ.

Званіе или, пожалуй, должность исторіографа дана была меньшому брату почтеннаго генерала Сухтелена. Чтѣ такое былъ онъ въ Голландіи, мнѣ неизвѣстно; вѣроятно дворянинъ, ибо все семейство называлось фанъ-Сухтеленъ; но какія у него тамъ были занятія, какое мѣсто? Вотъ чего въ самомъ короткомъ съ нимъ знакомствѣ не могъ я у него вывѣдать. Видно, это мѣсто было не послѣднее, когда, въ соотвѣтственность тому, приняли его въ Русскую службу прямо коллежскимъ совѣтникомъ, передъ самымъ отправленіемъ въ Китай. Ему было гораздо за пятьдесятъ лѣтъ, чуть ли не подъ шестьдесятъ, и ничто уже въ немъ не было молодо: ни завидное его здоровье, подерживаемое однакоже тщательными стараніями о его сохраненіи, ни самая всегдашняя веселость его, часто забавная, но никогда не живая. Въ немъ было слишкомъ много ума, хладнокровія и лѣности, чтобъ имѣть злое сердце; за то и чувствительности искать въ немъ было бы напрасно. Руфъ (то-есть Рохъ) Корниловичъ Сухтеленъ, былъ человѣкъ нынѣшняго времени, наипрѣятнѣйшій эгоистъ. Тогда еще ихъ было у насъ мало, и они почитались добрѣйшими людьми; и дѣйствительно, онъ словомъ никого не захотѣлъ бы обидѣть, по заочности едва задѣлъ бы человѣка легкою шуткой (все опасаясь сдѣлать изъ него врага, не изъ чего другаго), но уже не пошевелилъ бы пальцемъ, чтобъ оказать малѣйшую услугу. Онъ все житейское размѣрилъ по масштабу; вычислилъ всѣ пріятности жизни, равно какъ и всю тягость ея, всѣ ея страданія, и нашелъ, что въ совершенномъ спокойствіи духа и тѣла можно единственно обрѣсти блаженство въ мірѣ. Онъ спѣшилъ погасить въ себѣ первыя искры страстей и, размысливъ, какъ много стоитъ труда сдѣлать самого себя счастливымъ, счелъ излишнимъ пецись не только объ общемъ благѣ людей, но и кого-либо изъ нихъ въ особенности; всю нѣжную заботливость свою обращалъ

къ себѣ и, соблюдая сію нравственную діету, долго и спокойно прожилъ вѣкъ.

Онъ тогда только оставилъ Голландію, когда Французская революція проникла въ нее съ оружіемъ и, пріѣхавъ къ брату въ Россію, всюду потомъ за нимъ слѣдовалъ. Находясь подъ крыломъ у ангела, вездѣ должно было ему казаться раемъ; холостой, но окруженный почтительнымъ къ нему, любезнымъ семействомъ, котораго не имѣлъ онъ труда ни воспитывать, ни содержать, имѣлъ онъ всякаго рода утѣшенія, и дни его текли безъ заботъ, но не безъ дѣла. Онъ любилъ читать и проводилъ жизнь у обильнаго для того источника: въ библіотекѣ брата своего. Чего онъ не зналъ? И что за необъятная, и съ тѣмъ вмѣстѣ для свѣта бесполезная была въ немъ ученость! Въ первой молодости, когда въ числѣ не совсѣмъ потухшихъ страстей оставалось въ немъ сильное любопытство, ѣздилъ онъ за Океанъ, въ Голландскую Гвіану. Этотъ подвигъ, для него самого неимовѣрный, до того поразилъ его, что онъ никогда не упускалъ случая объ немъ поговорить, и я самъ столько разъ слышалъ названія Демерари, Эссеквебо и Суринами, что затвердилъ ихъ. Семейство генерала Сухтелена иногда скучало сими частыми повтореніями и, можетъ-быть, желая, чтобы новое впечатлѣніе изгладило старое, и свѣжіе любопытнѣйшіе рассказы замѣнили надобвшіе ему, уговорило старика отправиться въ Китай.

Изъ трехъ переводчиковъ, одинъ былъ для Монгольскаго языка, другой для Китайскаго, третій для Латинскаго, необходимаго въ сношеніяхъ нашихъ съ іезуитскими миссіонерами. Первый изъ нихъ, на дворный совѣтникъ Игумновъ дожидался насъ на Китайской границѣ. Другой былъ коллежскій ассессоръ Владыкинъ, крещеный Киргизъ, который, не знаю какимъ образомъ, провелъ нѣсколько лѣтъ въ Китаѣ, выучился трудному его языку, и потому былъ опредѣленъ въ Иностранную Коллегію и получалъ въ ней чины. Онъ мало говорилъ, много улыбался и почитался у насъ не столько человѣкомъ, какъ запасною вещью, необходимою только на границѣ и за границей. Третій былъ коллежскій ассессоръ Христіанъ Андреевичъ Струве, отъ котораго не такъ легко отдѣлаешься, какъ отъ двухъ предъидущихъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ завелась въ Россіи дипломатическая часть, служить въ ней фамилія Струве непрерывно, исключительно; она плодуща и многочисленна, и потому нѣтъ у насъ почти миссіи, къ которой не былъ бы приткнутъ какой-нибудь Струве. Это цѣлый родъ общихъ мѣстъ, все люди самые обыкновенные, никогда выше, никогда ниже посредственности, которыхъ употреблять не бесполезно, слишкомъ возвышать трудно. Изъ нихъ выродокъ, то-есть какъ карло въ семей-

ствѣ людей средняго роста, достался на долю Китайскому посольству. Онъ былъ, какъ сухарикъ, тоненькій и крошечный, тихъ нравомъ, нѣженъ сердцемъ, пылокъ воображеніемъ. Путешествіе, которое началъ онъ съ нами, было для него не первое въ этомъ родѣ: лѣтъ двѣнадцать передъ этимъ, находился онъ въ свитѣ Кутузова, когда, послѣ Яскаго мира, ѣздилъ онъ посломъ въ Константинополь; восточные обычаи ему уже были извѣстны. Онъ былъ тогда еще невинный юноша и любилъ предаваться мечтаніямъ, среди коихъ одинъ разъ забрелъ онъ въ какое-то мѣсто, далеко отъ жилищъ, гдѣ былъ встрѣченъ наединѣ неистовымъ янычаромъ, который жестоко оскорбилъ его честь; сіе происшествіе сильно подѣйствовало на его нервы и навсегда оставило въ немъ примѣтную робость. Онъ съ ребячества исполненъ былъ религіознаго чувства; на бѣду его, явились мистическіе писатели, Сведенборгъ, Экартсгаузенъ и Юнгъ-Штилингъ; чтеніе сихъ авторовъ, въ которое погрузился онъ, изсушило и безъ того уже тощій мозгъ его. Онъ сталъ грезить на яву и всѣмъ рассказывать, какъ на Невскомъ Проспектѣ, среди дня, видѣлъ онъ отца своего, давно уже умершаго, въ алмазныхъ сапогахъ; житель другаго міра не могъ сообщаться съ нимъ языкомъ смертныхъ, а хотѣлъ показать ему, что онъ на пути къ вѣчному блаженству. Въ Петербургѣ все предвѣщало, что бѣдный духовидѣцъ будетъ жертвой и забавой вѣтренной нашей молодежи. Мнѣ одному былъ онъ жалокъ: его простодушіе, его дѣтская улыбка, когда изрѣдка бывалъ онъ веселъ, даже неудовольствіе, которое показывалъ онъ, какъ ребенокъ, который дуется и не смѣетъ заплакать, все располагало меня къ состраданію, котораго не понимаю какъ другіе не раздѣляли.

Никакого сожалѣнія не возбуждалъ во мнѣ другой чудакъ, также отмѣченный еще въ Петербургѣ мѣломъ и назначенный кандидатомъ въ придворные шуты Головкина; этотъ былъ зубастъ, громогласенъ и всѣмъ такъ и рѣзалъ правду. Русскій живописецъ, Андрей Ефимовичъ Мартыновъ, дѣйствительно былъ чрезвычайно смѣшонъ. Онъ былъ не безъ таланта, и хотя онъ почиталъ себя выше Рубенса и едва ли не выше Рафаэля, имя его не блеститъ въ художественной нашей лѣтописи, и Академія не гордится его произведеніями. Виноватъ и каюсь: маленькою лестію успѣлъ я овладѣть имъ, и когда бывало разсержусь на кого изъ сильныхъ, то заряду его своею злостію и изъ устъ его, какъ изъ отверстія пистолета, пуцу выстрѣлъ. Бывало, бѣсясь, расхохочутся; но въ послѣдствіи, замѣчая, что не всегда онъ неудачно замахивается, а иногда довольно тяжело умѣетъ ранить, стали рѣже его дразнить и болѣе остерегаться.

Два рисовальщика, данные ему въ помощь, Александровъ и Васильевъ, довольно хорошо знали свое дѣло, но были замѣчаемы тогда только, когда приносили и показывали свои рисунки. Ни который изъ нихъ не прославился послѣ въ живописи.

Главнымъ медякомъ при посольствѣ былъ Реманъ, только что прибывшій изъ Германіи. Это путешествіе и знакомство, которыя оно ему доставило, было первымъ его успѣхомъ въ Россіи; но и безъ того имѣлъ онъ все, чтобы сдѣлать себѣ въ ней имя и состояніе: былъ уменъ и добръ, веселъ и остороженъ, искателенъ и благороденъ, а какъ врачъ ученъ и искусенъ. Къ счастью, кажется, никто не имѣлъ нужды прибѣгать къ его помощи въ продолженіи нашего странствованія, и по окончаніи его почитался онъ только пріятнымъ собесѣдникомъ. Извѣстность приобрѣлъ онъ вскорѣ послѣ того, жилъ счастливо и умеръ гражданскимъ генераль-штабъ-докторомъ.

Штабъ-лѣкарь Гарри, Англичанинъ, взятый прямо съ корабля и посаженный въ посольскую коляску, былъ молодъ, красивъ, молчаливъ, гораздо серіознѣе Ремана и, также какъ онъ, не имѣлъ у насъ случая показать своего искусства. Послѣ того служилъ онъ при дворѣ.

Уфъ, какъ я усталъ, и какъ бы хотѣлось скорѣе кончить сію длинную номенклатуру! Но когда я упомянулъ даже о фельдъегерѣ Штосѣ, то какъ же пропустить графа Ивана Потоцкаго, просвѣщеннѣйшаго и оригинальнѣйшаго изъ Поляковъ, который по случаю отпращиванія нашего посольства былъ принятъ въ Русскую службу тайнымъ совѣтникомъ? Какъ не говорить о людяхъ, составлявшихъ у насъ ученую часть, которой управленіе или, лучше сказать, направленіе, поручено было сему Потоцкому? Онъ почти столько же, какъ и старшій братъ его, графъ Северинъ Осиповичъ, умѣлъ наукѣ давать удивительную привлекательность и насъ, невѣждъ, заставлялъ приступать къ ней не только безъ боязни, но и съ особеннымъ наслажденіемъ. Въ историческихъ и другихъ изысканіяхъ своихъ былъ онъ упорно трудолюбивъ, какъ Нѣмецъ, а въ заключеніяхъ, кои выводилъ онъ изъ своихъ открытій, легкомысленъ, какъ Полякъ. Неутомимыя его упражненія, безпрестанное напряженіе умственныхъ силъ, вмѣстѣ съ игривостію самаго живаго воображенія, кажется, были нѣсколько вредны для его разсудка. Говорятъ, что жемчужины не чтó иное, какъ накипа въ морскихъ раковинахъ, ихъ болѣзнь: такъ точно и легкое поврежденіе разсудка у Потоцкаго произвело прекрасныя перлы, два Французскіе романа. Немногіе, кои читали ихъ тогда, дивились ихъ смѣлой новости; въ нихъ былъ виденъ и наблюдатель, и мечтатель, и изобрѣтатель, и свѣтскій, и ученый человекъ. Кажется, въ нихъ также можно видѣть и типъ нынѣшнихъ романовъ; они, по крайней мѣрѣ,

могли бы служить имъ образцами: такъ всё безобразныя, отвратительныя и ужасающіе предметы въ нихъ сврашены искусствомъ и прстойностію автора.

Странности его были замѣтны въ самомъ нарядѣ; онъ былъ въ одно время и небреженъ, и чистоплотенъ, совсѣмъ не заботился о покроѣ платья своего, но всегда былъ изысканно опрятенъ. Иногда по недосугамъ не имѣлъ онъ времени дать обрѣзать себѣ волосы, и они почти до плечъ у него развѣвались, какъ вдругъ, въ минуту нетерпѣнія, хваталъ онъ ножницы и самъ стригъ ихъ у себя на головѣ и вкривъ и вкось, послѣ чего, разумѣется, смѣшили всѣхъ своею прической. Въ отношеніи къ Головкину, велъ онъ себя отменно прилично, не подавалъ ему ни малѣйшаго повода къ неудовольствію, за то и не баловалъ излишнею почитательностію. Всегда углубленный въ науку, онъ заслонялъ себя ею отъ нашихъ сплетенъ, хотя и жилъ посреди ихъ. Онъ былъ немного кривобокъ, и правое плечо было у него выше лѣваго; имѣлъ лицо блѣдное, черты довольно пріятныя, глаза голубые и, нѣтъ въ томъ сомнѣнія, точно помѣшанные.

Онъ уже нѣсколько лѣтъ былъ женатъ на одной изъ двѣнадцати или пятнадцати дочерей графа Потоцкаго же, Феликса, котораго въ переводѣ Поляки называли Щеннымъ, то есть Счастливымъ, вѣроятно потому, что онъ весьма счастливо измѣнилъ старому своему отечеству; сыновья же сего Феликса, чтобы загладить его преступленіе, измѣняли новому, а дочери измѣняли только мужьямъ. Ту, которая была за нашимъ Яномъ Потоцкимъ, звали Констанція, хотя она была непостоянна, какъ всѣ Польки, ни болѣе, ни менѣе, и мужъ любилъ ее безъ памяти, хотя она была хромяя и хотя она его терпѣть не могла, потому что почитала горбатымъ. Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ нашего путешествія, она бѣжала отъ него съ какимъ-то родственникомъ; но по крайней мѣрѣ не хотѣла, подобно другимъ своимъ соотечественницамъ, вмѣшивать религію въ дѣла распутства, не разводилась съ нимъ и не выходила ни за кого замужъ. Въ отчаяніи о ея потерѣ онъ зарѣзался бритвою.

Профессоръ астрономіи, статскій совѣтникъ Шубертъ, почитался въ посольствѣ старшимъ между своими собратіями. Чтò мнѣ говорить о его знаніи? По наукѣ своей онъ давно уже у насъ знаменитъ и препрославленъ; только нѣсколько словъ о его наружности и характерѣ. Онъ былъ длинный, сухощавый, учтивый, но иногда весьма сердитый и взыскательный старикъ. Съ самаго начала не полюбился онъ Головкину и окружавшей его молодежи. Чтòбъ осадить его гордость, старался посоль держать его наравнѣ съ другими профессорами, которые и по лѣтамъ могли бы годиться ему въ сыновья. Самъ

же Шубертъ, забывая, что онъ князь звѣздочетовъ, мало дорожилъ своимъ достоинствомъ и предпочиталъ ему свѣтскія отличія; онъ видѣлъ въ себѣ генерала, потому что на шляпѣ имѣлъ плюмажъ, а на шеѣ сіяющій огромный Анненскій крестъ, еще довольно рѣдкій, носящихъ который простой народъ величалъ тогда превосходительствомъ. При немъ официально находился шестнадцатилѣтній его сыночекъ, ласковый, бѣлокуренькій мальчикъ, нынѣ сѣдовласый неспособный старикъ, тогда по квартирмейстерской части едва произведенный подпоручикъ, нынѣ генераль-квартирмейстеръ.

Другіе профессора, коихъ было четыре, немного болѣе могли похвалиться расположеніемъ къ себѣ посла, и если Шубертъ довольно явно ненавидѣлъ его, то и они тайкомъ не менѣе его презирали. И по моему это было бы несправедливо, еслибъ сіе чувство съ обѣихъ сторонъ не было взаимное. Презрительное негодованіе едва было замѣтно только въ Клапротѣ, и онъ дѣйствительно изъ нихъ болѣе всѣхъ заслуживалъ уваженія. Въ послѣдствіи отомстилъ онъ посольству маленькою Нѣмецкою брошюрой, въ которой представилъ все безразсудство главныхъ его дѣйствующихъ лицъ. Онъ занимался, кажется, частію историческою и словесною.

Для занятій по части естественной исторіи посланы были три профессора, Редовскій по минералогіи, Адамсъ по зоологіи и Пансеръ по ботаникѣ. Всѣ четверо были ребята довольно молодые; одинъ только Редовскій перешелъ за тридцать лѣтъ. Онъ былъ Пруссскій Полякъ, Адамсъ же Русскій Нѣмецъ; первый ничего не зналъ ни по-польски, ни по-русски, другой плохо говорилъ по-нѣмецки и вообще совсѣмъ не похожъ былъ на ученаго. А еще менѣе Пансеръ, невысокій, но плотный, широкоплечій, плосколицый, обжорливый здоровякъ, мало говорившій и повидимому мало думавшій и мало занимавшійся до того, что многіе сомнѣвались въ его знаніи. Трое, Клапротъ, Редовскій и Пансеръ были выписаны изъ Германіи, одинъ только Адамсъ доморощенный. Примѣчательнѣе и пріятнѣе всѣхъ мнѣ казался Редовскій, человекъ кроткій, влюбленный въ науку, при весьма незавидномъ здоровьѣ. Онъ одинъ только не воротился изъ Китайскаго посольства: на обратномъ пути онъ остался въ Сибири и за новыми открытіями отправился сначала по Ленѣ въ Якутскъ, а оттуда въ Охотскъ, гдѣ и погибъ отъ убійственнаго его климата.

Подъ начальствомъ графа Потоцкаго и начальникомъ надъ офицерами свиты по квартирмейстерской части поставленъ былъ полковникъ Θεодоръ Филиповичъ Довре, полу-Французъ, родомъ изъ Брабанта (когда онъ принадлежалъ еще Австріи), въ первой молодости

находившійся въ Польской службѣ и перешедшій потомъ изъ нея въ Русскую. Съ отличнымъ образованіемъ и большою опытностію, онъ умѣлъ со всѣми быть хорошъ. Не добръ и не золъ, не безобразенъ и не красивъ, а какъ умный и ученый, если не великій богачъ, то по крайней мѣрѣ достаточный человѣкъ, онъ находился въ посольствѣ, вѣроятно какъ и вездѣ, не возбуждая ничего чрезвычайнаго и не творя ничего отмѣнно замѣчательнаго. Никого не обгоняя и не отставая ни отъ кого, всю жизнь прослужилъ онъ въ военной службѣ, бывалъ въ сраженіяхъ, и никогда не далъ молвѣ ничего сказать о себѣ. Золотая посредственность, а не просто посредственность была его удѣломъ. Онъ давно полный генералъ, но по глубокой старости, кажется, нигдѣ не употребляется.

Капитанъ Теслевъ и четыре подпоручика, Теннеръ, Ивановъ, Богдановичъ и Мошинскій, даны были въ его распоряженіе, гдѣ будетъ возможно, для снятія плановъ въ Китаѣ. Всѣ они какъ будто были выточены по формѣ, данной генераломъ Сухтеленемъ, ихъ начальникомъ и образователемъ; имъ отзывалось отъ нихъ: такое же какъ и въ немъ смиреніе безъ низости, и ученья свѣдѣнія безъ педантства. Чувствительный Ивановъ рано кончилъ жизнь самоубійствомъ, а Мошинскій пропалъ для меня безъ вѣсти. Другіе же всѣ генералы, и одинъ изъ нихъ, Теслевъ, исправляетъ должность Финляндскаго генералъ-губернатора.

Кажется, конецъ; но нѣтъ, еще не совсѣмъ. Какія-то еще двѣтри фигуры въ рясахъ, какъ будто сквозь туманъ являются моей памяти, и между ними немного болѣе явственное лицо двадцати-пятилѣтняго архимандрита Аполлоса, начальника духовной миссіи, отправленной съ нами для смѣны прежней, для коей кончился положенный десятилѣтній срокъ. Архимандрита, его монаховъ и студентовъ мы рѣдко, почти никогда не видѣли; наши сильные не болно уважали православіе: Головкинъ былъ реформатъ, Потоцкій католикъ, а Байковъ не принадлежалъ ни къ какой вѣрѣ. Мнѣ Аполлосъ казался что-то жалокъ. Ему не было болѣе двадцати пяти лѣтъ отъ роду, а въ отношеніи къ свѣту это еще младенчество для человѣка, который никогда не покидалъ стѣнъ Духовной Академіи. Еслибы молодой монахъ, при всей неопытности своей, хотя и въ другую часть свѣта, въ новый для него міръ, подобно предшественникамъ своимъ, отправленъ былъ обыкновеннымъ путемъ и порядкомъ, то послѣ десяти лѣтъ, созрѣвъ въ Пекинѣ, онъ со свѣдѣніями, другимъ мало извѣстными, воротился бы въ отечество свое примѣчательнымъ лицомъ. Но на его несчастіе онъ попался въ вертлявое, насмѣшливое посольство, не былъ съ нимъ принятъ и послѣ меня, говорятъ, надѣлалъ какихъ-то глупо-

стей. Дорого и долго онъ за нихъ платилъ; ибо, какъ я слышалъ, онъ и повинѣ только что архимандритомъ въ какомъ-то отдаленномъ монастырѣ.

Приготовленія наши къ отъѣзду были самыя веселыя и забавныя. Въ нѣжномъ попеченіи о подчиненныхъ, самъ посоль, разумѣется, по-французски, сочинилъ для нихъ длинную инструкцію, съ которой до сихъ поръ храню я копию и въ которой предписываетъ онъ имъ разныя средства къ предохраненію себя отъ великихъ бѣдствій, угрожающимъ имъ на ужасномъ пути, имъ предстоящемъ. Хотя бы пораспросилъ онъ немного Сибиряковъ, чтобы не быть такъ смѣшнымъ! Право, можно было подумать, что чрезъ Нубію и Абиссинію надлежитъ намъ проникнуть во внутренность Африки. Сіе твореніе мудраго его предвѣднія читали мы всѣ и даже переписывали съ благоговѣніемъ.

Исключая военныхъ, всѣмъ чинамъ посольства, какого бы вѣдомства они ни были, выпросилъ графъ Головкинъ мундиръ Иностранной Коллегіи, который тогда былъ очень простъ: зеленый съ бѣлыми пуговицами и чернымъ бархатнымъ воротникомъ и обшлагами. Онъ сдѣлалъ болѣе: онъ испросилъ дозволеніе украсить его богатымъ серебрянымъ шитьемъ, котораго онъ тогда еще не имѣлъ и, вмѣсто обыкновенныхъ статскихъ шпажекъ, носить намъ форменныя военныя сабли, на черной лакированной, черезъ плечо носимой, перевязи, съ вызолоченными, бронзовыми двуглавымъ орломъ и вензелемъ императора. Въ дополненіе, вмѣсто шляпъ даны намъ были зеленыя фуражки, похожія и на киверъ, и на каску, также съ прибавкой серебрянаго шитья. Какъ хотѣлось симъ нарядомъ щегольнуть намъ въ Петербургѣ! Но какъ театральнй костюмъ, имѣли мы право надѣть его только при выходѣ на сцену, то-есть при выѣздѣ за заставу.

Мои занятія въ Петербургѣ при посольствѣ были довольно мало-важны: они ограничивались еженедѣльнымъ дежурствомъ въ залѣ (она же и канцелярія) посла, которая служила входомъ прямо въ его кабинетъ. Отъ переписки бумагъ уклонялся я не отъ лѣни, а вопервыхъ потому, что изъ моихъ товарищей только три плебейскія фигуры, Карвѣевъ, Юнн и Клементъ, были на то посвящены, и потому ввторыхъ, что сіе поставило бы меня въ зависимость или отъ Байкова, который мнѣ казался нестерпимъ, или отъ Доброславскаго, который былъ мнѣ жалко-смѣшонъ. Вмѣстѣ съ патриціями Перовскимъ и Тепловымъ старался я все становиться въ рядъ величаво-праздныхъ камеръ-юнкеровъ и лѣзъ прямо къ послу. Не знаю, худо ли, хорошо ли я дѣлалъ, что не скрывалъ отвращенія своего отъ Байкова. Еслибъ я болѣе умѣлъ владѣть собою, то, можетъ-быть, онъ меня бы полюбилъ, за то сдѣлался бы со мною фамильяренъ и сталъ бы повелѣвать. Но

онъ возненавидѣлъ меня; не смѣю сказать, чтобъ онъ боялся меня, но по крайней мѣрѣ не позволялъ себѣ ни малѣйшей неучтивости; былъ только что холоденъ и тайкомъ только противъ меня одного старался возбуждать посла. Что же вышло изъ того? Правда, я одинъ только сдѣлался предметомъ если не гоненій, то частыхъ придирокъ и нападокъ. Напримѣръ, если я опоздаю на дежурство или по болѣзни не могу на него явиться, то именемъ Головкина посылается докторъ Романъ меня свидѣтельствовать; иногда какое нибудь нескромное слово мое перетолковывается Байковымъ. За тѣмъ обыкновенно слѣдовали наединѣ личныя объясненія съ посломъ; я ихъ не боялся: я уже зналъ какъ обходиться съ Французами; маленькая лесть, всунутая въ оправданіе, тотчасъ обезоруживала его, и дѣла мои шли потомъ лучше прежняго. Байкову никакъ не удалось тогда почать меня.

Отъ дѣлъ посольства перейду я на нѣсколько строкъ къ семейнымъ дѣламъ моимъ. Какъ будто мнѣ на смѣну, прибылъ братъ мой Павелъ, старшій и отставной. Онъ не долго имъ оставался, ибо слѣдующимъ лѣтомъ опять вступилъ въ проклятый провинтскій штатъ. Онъ остановился у меня, и намъ втроемъ съ Загоскинымъ было немного тѣсненько. Тутъ надобно сказать, что и съ симъ послѣднимъ сдѣлалось: по протекціи Злобина, когда впрочемъ никакой протекціи на то не было нужно, опредѣлили его въ канцелярію государственнаго казначея Голубцова, и мнѣ казалось, что канцелярскія занятія и ему не совсѣмъ по сердцу.

Другой братъ мой, Николай, ожидалъ тогда быть отцомъ. Женатые люди, кои не имѣютъ высокихъ чиновъ, рѣдко остаются въ военной службѣ, особливо когда нѣтъ войны. Неудобныя помѣщенія въ маленькихъ городахъ, иногда въ бѣдныхъ селеніяхъ, частые переходы дѣлаютъ для семействъ ихъ жизнь весьма тягостною. Братъ мой подалъ въ отставку и былъ уволенъ съ чиномъ подполковника. Въ то же время (2 Марта 1805 года) жена родила ему сына, которому въ честь родителя моего, конечно уже не мнѣ, дано было имя Филипа. Супруги были довольно молоды, чтобы надѣяться видѣть его большимъ; но имъ не суждено было испытать великихъ горестей и радостей родительскихъ. Пробывъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Воронежѣ, они къ концу лѣта пріѣхали на житье въ Пензу.

Отъ сего города не слишкомъ далеко пролегала дорога въ Сибирь. Я улучилъ удобную минуку, чтобы, мимо Байкова, выпросить у графа Головкина дозволеніе отправиться сперва одному для прощанія съ родителями, а потомъ уже въ Казани дожидаться прибытія посольства. Въ разговорахъ съ глазу на глазъ, посоль всегда былъ ко мнѣ весьма

снисходителенъ. И такъ 21 Мая, благословясь, отправился я въ дальній свой путь.

VIII.

Послѣ отъѣзда моего изъ Петербурга, нѣсколько времени еще длилось въ немъ очарованіе, въ которомъ близъ пяти лѣтъ находилась вся земля Русская и которое неоднократно усиливался я изобразить. Но уже приближался конецъ блаженнаго времени, того незабвеннаго пятилѣтія, которое не для меня одного быстро просіяло, какъ одинъ только веселый, ясный, праздничный день. Пока я странствовалъ среди отдаленнѣйшихъ населеній Россіи, происходила въ ней ощутительная переменна, и наступала вторая эпоха царствованія Александра. Когда, послѣ кратковременнаго отсутствія, водворился я въ счастливое дотолѣ мое отечество, то многое въ немъ измѣнилось; поколебалась вѣра въ его несокрушимость; на долго, можетъ быть, на всегда нарушены взаимныя любовь и довѣренность царя и народа.

Здѣсь долженъ я проститься съ мечтами моей молодости, хотя она тогда была еще во всей силѣ перваго цвѣта; здѣсь позволю я себѣ взглянуть на Европу, то-есть на Францію, начинавшую въ ней владычествовать, на Францію, источникъ нашихъ золъ, на эту Францію, на которую смотрѣлъ я доселѣ только что съ удовольствіемъ, какъ на модную лавку или на книжный магазинъ.

Бонапарте, отнынѣ императоръ Наполеонъ, еще и безъ сего титула спокойно въ ней царствовалъ. Когда ступени сооружаемаго имъ престола обогрѣлъ онъ кровію Бурбона, то болѣе всѣхъ Русскій дворъ изъявилъ негодованіе. Екатерининскій Марковъ находился тогда въ Парижѣ; онъ думалъ, что онъ въ Варшавѣ и имѣеть дѣло съ Польскимъ сеймомъ, и поведеніемъ своимъ ускорилъ разрывъ; но отъ разрыва до войны еще не близко. Въ отвѣтъ на упреки и угрозы Европейскихъ государей, надѣлъ на себя Наполеонъ и лавровый вѣнецъ Кесарей и Августовъ, и желѣзную корону Карла Великаго; такимъ образомъ всемірно объявлялъ онъ притязанія свои на равное имъ владычество и, несмотря на тысячелѣтнюю давность, во второй разъ хотѣлъ воскресить Западную имперію.

Между тѣмъ Англія хотѣла въ этомъ видѣть одно только неосторожное его тщеславіе и, замѣчая сколь жестоко тѣмъ оскорбляются права Австрійской имперіи, такъ смиренно и не страшно носящей названіе Римской, она старалась возбудить не только ее одну къ войнѣ, но посредствомъ преданныхъ ей министровъ и отдаленную Россію. Всѣ эти тайны кабинетовъ были неизвѣстны публикѣ, мнѣ кажется болѣе отъ того, что она ими мало занималась, и при отъѣздѣ моемъ ничто не предвѣщало еще скорого поднятія оружія.

Съ безпечностію силы (какъ столь удачно выразился пѣвецъ двѣнадцатаго года) смотрѣла Россія на грозныя тучи, собирающіяся на Западѣ. Она измѣряла пространство, отъ бурныхъ мѣстъ ее отдѣляющее, помнила Суворова и Нови, помнила, какъ одинъ ея батальионъ возстановлялъ Неаполитанское королевство, и думала, что всегда будетъ время унять затѣйника. Но когда блеснуло передъ ней кровавое солнце Аустерлица, она изумилась, не скрыла своего неудовольствія и тѣмъ возбудила его и безъ того уже въ охладѣвшей къ ней душѣ Императора.

Отъ величественнаго и печальнаго зрѣлица, на которое указаль я здѣсь, скорѣе перекидываюсь въ телѣгу, въ которой такъ радостно мчался я по Московской дорогѣ. Много мнѣ было съ нею хлопотъ, отъ необыкновенной ея постройки болѣе изъ прутьевъ, чѣмъ изъ дерева. Это была просто Польская бричка, за дешевую цѣну добытая мною въ Петербургѣ, длинная, укладистая и легкая. Къ несчастію, я первый показаль такого рода экипажъ; она новостію своею удивляла ямщиковъ и огромностію пугала ихъ; называли ее то баней, то анбаромъ; они вѣрить не хотѣли, чтобы, не уморивъ тройки, можно было ее везти. Тщетно въ ихъ присутствіи, вмѣстѣ съ слугою моимъ, употребляя легкое усиліе, приводиль я ее въ движеніе: они предполагали тутъ особенную какую-нибудь уловку или колдовство, и я увѣренъ въ томъ, что еслибъ я не имѣль подорожной по казенной надобности, то мнѣ рѣшительно отказали бы въ требуемомъ мною числѣ лошадей.

Москву нашель я столь же полною жителей какъ и зимой. Въ концѣ Мая дворяне не слишкомъ торопились въ свои подмосковныя: любили тогда повеселиться и отъ столичнаго шума не очень слѣшили къ сельской тишинѣ. Къ тому же, большая часть помѣщиковъ, въ Москвѣ живущихъ, мало была знакома съ мелочною роскошью и долгами: имъ не нужно было двѣ трети года жить нищенски въ деревнѣ, чтобы три мѣсяца поблестать въ ней зимой наравнѣ съ другими.

Одѣвшись въ нарядный свой костюмъ, слѣшилъ я въ немъ явиться къ начальнику столицы, Беклешову, и когда онъ не обратиль на него никакого вниманія, то мнѣ стало очень обидно. «Мнѣ теперь некогда съ тобой много толковать, сказалъ мнѣ сей старый другъ отца моего, а пріѣзжай-ка сегодня обѣдать: тогда поговоримъ». Я надѣялся, что за столомъ будетъ что-нибудь болѣе лестное для моего самолюбія; но и тутъ ошибся: старики мало удостоивали молодыхъ своими разговорами, и все ограничилось двумя-тремя маловажными вопросами. Мнѣ было предосадно, и разумѣется, послѣ того я его не видѣль: видно, что я начиналь уже идти за вѣкомъ.

Не смотря на то, я не оставилъ однакоже, чтобы не побывать у другихъ довольно важныхъ лицъ и былъ счастливѣе. Москвичи на все курьозное смотрять съ любопытствомъ и удовольствіемъ и меня не оставили безъ замѣчанія. Между прочимъ, посѣтилъ я и прежняго своего начальника, Бантышъ-Каменскаго, который принялъ меня очень ласково, пригласилъ обѣдать и предложилъ мнѣ навѣдываться въ архивъ для прочтенія весьма важныхъ документовъ, относящихся къ прежнимъ Китайскимъ посольствамъ. Мнѣ было не до того, мнѣ хотѣлось нагуляться въ Москвѣ; впрочемъ еслибъ и была охота заняться, то не достало бы на то времени. Раза два побывалъ я въ архивѣ и довольно разсвѣянно пробѣжалъ данныя мнѣ бумаги, что весьма не полюбилось Николаю Николаевичу и, кажется, не возвысило меня въ его мнѣніи.

Я всего пробылъ тогда съ недѣлю въ Москвѣ и жилъ почти за городомъ, остановившись у зятя и сестры въ Крутицкихъ казармахъ, гдѣ для начальника выстроены были вновь прекрасныя деревянныя хоромы въ два жилья, съ прекраснымъ видомъ на Москву-рѣку. Добрѣйшая моя чета пользовалась въ это время всѣмъ возможнымъ на свѣтѣ счастіемъ. Графъ Салтыковъ купилъ для бывшаго, любимаго своего адъютанта хорошенькую, прибыльную подмосковную; безбѣдное состояніе, молодость, здоровье, спокойная совѣсть, совершенное между собою согласіе, всеобщая любовь, миленькіе, подрастающіе сынки, все это дѣлало существованіе ихъ завиднымъ, все украшалось для нихъ цвѣтами. Увы, тернія были впереди, и близко! И сколько тамъ гнѣздъ разрушено было потомъ западными вихрями!

Въ первый разъ увидѣлъ я съ удовольствіемъ Пензу. Въ ней никого почти не было, кромѣ моего семейства: исключая служащихъ, всѣ разъѣхались по деревнямъ, а собираться на ярмарку еще было не время. Безпокойства моей матери насчетъ опасностей, которыя, по ея мнѣнію, мнѣ предстояли, радость моего отца, который наконецъ начиналъ во мнѣ видѣть что-то дѣльное, умножали, если возможно, ихъ нѣжность ко мнѣ, а меня дѣлали совершенно счастливымъ. Окруженный одними родными, пріятелями и приверженцами отца моего, я вполне насладился удовольствіемъ быть такъ искренно любимымъ и, хотя на малое время, могъ обрѣсти рай среди самаго Пензенскаго ада. Но пріятное никогда не бываетъ продолжительно: отпраздновавъ самымъ веселымъ образомъ, въ селѣ нашемъ Симбухинѣ, день рожденія отца моего, 12 Іюня, чрезъ нѣсколько дней надобно было думать о разлукѣ. Медлить было невозможно, ибо съ первыхъ чиселъ Іюня посольство должно было отдѣленіями начать отправляться въ путь; а

какъ распоряженія сдѣланы были послѣ меня, то я и не зналъ, къ которому принадлежу.

Снаряжая меня въ дорогу, не однѣми деньгами снабдили меня родители, но и многими нужными для меня вещами; сверхъ того, отняли у себя необходимаго почти для нихъ крѣпостнаго человѣка, берейтора Гаврилу Олисова, и дали мнѣ въ услуженіе на все время моего странствованія. Мать и сестры со слезами разстались со мною 17 Юня у заставы, а до перваго уѣзднаго городка, въ сорока верстахъ отъ Пензы находящагося, взялся меня проводить г. де-Руссель.

За это доброе дѣло и за доброе ко мнѣ расположеніе обязанъ я, кажется, заплатить ему какою-нибудь услугой и думаю, что сдѣлаю сіе, передавъ имя его потомству, если только мое до него дойдетъ. До перваго еще открытія Пензенской губерніи, былъ онъ нарочно выписанъ изъ Франціи, чтобы быть учителемъ въ домѣ воеводы Чемесова; но какъ и черезъ кого, этого я не вѣдаю. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ соотечественниковъ своихъ онъ первый явился въ Пензѣ, и потому-то не диво, что онъ въ ней дивомъ казался. Кажется, онъ былъ простой селянинъ (какъ сіе произношеніемъ его доказывалось), но смѣтливый, предприимчивый и кое-какъ выучившійся грамотѣ, и Россія своимъ варварствомъ не столько испугала его, какъ приманила. Когда онъ прибылъ въ нее, то почти никого не нашелъ съ кѣмъ бы ово рить на природномъ языкѣ, и чтобъ учить по-французски, долженъ былъ самъ напередъ выучиться по-русски: такимъ образомъ Руссель совсѣмъ обрусѣлъ. Онъ былъ молодъ и дюжъ и, говорятъ, имѣлъ довольно прибыльные любовные успѣхи. Когда онъ понакопилъ нѣсколько денегъ, то взялся за умъ, то-есть принялся за торговлю; и какъ онъ былъ добръ, честенъ и внушалъ къ себѣ довѣренность, то скоро и нажился. Только то странно, что когда онъ сдѣлался Русскимъ купцомъ и изъ Жанъ Жозефа переименовалъ себя въ Иваны Осиповичи, то къ простому имени своему вздумалъ прибавить Французское благородное *де*. Наконецъ, въ званіи прикащика управлялъ онъ виннымъ откупомъ въ Городищѣ, куда онъ провожалъ меня и гдѣ онъ имѣлъ домъ лучше и опрятнѣе другихъ. Никакая Русская барышня въ старину не пошла бы за иностранца, учителя или купца, и потому де-Руссель долженъ былъ удовольствоваться супружествомъ съ Нѣмкой-колонистской, съ которою и имѣлъ уже взрослыхъ сыновей. Все это: онъ самъ, нажитое имѣніе и прижитое семейство какъ-то вдругъ исчезло, все осталось, все легло въ землѣ Русской.

Рано по утру оставилъ я Городище и простился съ добрымъ Иваномъ Осиповичемъ, который въ немъ угостилъ и успокоилъ меня. Дорога изъ Пензы въ Симбирскъ самая безмолвная, самая уединен-

ная, какъ всѣ дороги въ Россіи, кои, далеко отъ столицъ и въ сторонѣ отъ большихъ трактовъ, служатъ только соединеніемъ двухъ губернскихъ городовъ. Отъ Городища я проѣхалъ версты полтораста, во весь день не встрѣтивъ болѣе двухъ или трехъ крестьянскихъ телѣгъ. На всемъ этомъ протяженіи, не слишкомъ широкій путь лежалъ мнѣ черезъ лѣсъ, и я смотрѣлъ на небо сквозь продолговатое, узкое отверстіе. Лишь только переѣдешь за Суру, начинаются вѣковыя дубравы, черезъ кои нѣкогда безъ имени она протекала; долго, почти до половины прошедшаго столѣтія сѣкира не нарушала ихъ молчанія, и подъ тѣнію ихъ пять зимнихъ мѣсяцевъ накопившіеся снѣга, тая три лѣтнихъ, питали ея воды и весь годъ дѣлали ее судоходною. Берега сей рѣки, нынѣ рѣчки, начинали уже обнажаться; но когда въ это время проѣзжалъ я безконечный Засурскій лѣсъ, кажется, что хищная рука форштмейстеровъ не проникала еще въ глубину его священнаго мрака, не вырубался онъ для варенія хмѣльнаго напитка, развратителя Русскаго народа, не рѣдѣлъ онъ отъ мотовства распутныхъ дворянскихъ наслѣдниковъ, нынѣ въ одинъ день цѣлыя десятины его поглощающихъ, и явился мнѣ во всемъ своемъ величіи.

Одни чувствуютъ, другіе чувствуютъ и умѣютъ выражаться. Я принадлежалъ къ числу первыхъ и потому съ восторгомъ, года полтора спустя, прочиталъ я въ Шатобріанѣ описаніе своихъ ощущеній. Все, чтò говоритъ онъ о пустынныхъ лѣсахъ Америки, могло относиться тогда и къ Засурскому; тоже шумное молчаніе, тѣже невнятные звуки, невѣдомо откуда выходящіе, тотъ же благоуханной влагой умѣряемый жаръ. Жужжаніе миллиардовъ невидимыхъ насѣкомыхъ, щебетанье и чириканіе миллионовъ птицъ, перескакиваніе бѣлокъ, трепетанье и чоканье вѣтвей, хрустѣнье листьевъ и хвороста подъ ногами идущаго звѣря, все сливалось въ одинъ тихій гулъ, все бору давало голосъ, какъ говоритъ Шатобріанъ. Могли же близко тутъ быть волки, медвѣди, а мнѣ и въ голову не приходило бояться: такъ былъ я очарованъ, такъ все окружающее меня казалось мнѣ спокойно, торжественно, хвалебно.

Прелестное въ мірѣ всегда бываетъ и опасно: Засурскій лѣсъ не однихъ лютыхъ звѣрей скрывалъ тогда въ своей чащѣ, но и недобрыхъ людей. Это узналъ я, когда, выѣхавъ изъ него въ открытыя мѣста и подѣзжая къ одному уѣздному городу, замѣтилъ множество разставленныхъ пикетовъ. Въ этомъ городѣ, который не знаю почему названъ Корсунемъ (когда онъ ничего не имѣетъ общаго съ Херсономъ и Херсонисомъ) бываетъ одна изъ многочислѣннѣйшихъ ярмарокъ въ Россіи, и на везущихъ на нее товары дѣлались еще изъ сего лѣса частыя нападенія. Не смотря на средства къ огражденію, Корсунь

столь же мало представляет примѣчательнаго какъ и другой городъ, Тагай, который я въ тотъ же день проѣхалъ.

Мнѣ не судьба была видѣть Симбирскъ. Я подъѣзжалъ къ нему ночью; передъ разсвѣтомъ пошелъ проливной дождь, отъ котораго защитился я всѣми застѣжками моей брички, и не смѣлъ изъ нея выглядывать: такимъ образомъ пріѣхалъ я на весьма незавидный почтовый дворъ. Я спѣшилъ ѣхать, дождь не унимался, и я выѣхалъ изъ Симбирска также укрытый какъ и въѣхалъ въ него.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Симбирска погода разгулялась, и небо опять просіяло, но вскорѣ потомъ сокрылось отъ глазъ моихъ; крѣпкій сонъ одолѣлъ меня, и я проспалъ почти до самаго вечера. Выѣхавъ изъ одной грязной деревни, гдѣ долженъ я былъ починить колесо, гдѣ поѣлъ и напился чаю, узналъ я, что зовутъ ее городъ Буинскъ. На другой день часу въ десятомъ утра пріѣхалъ я въ Услонъ, деревню въ семи верстахъ отъ Казани, на превысокомъ и прекрутомъ берегу Волги лежащую. Тутъ въ первый разъ увидѣлъ я издали нашу Татарскую столицу и у ногъ моихъ царицу рѣкъ въ настоящей красѣ ея. Я говорю въ настоящей, а не въ полной, ибо она возвратилась уже изъ ежегоднаго посѣщенія, которое она дѣлаетъ Казани и вошла въ берега свои. Но и тутъ переправа черезъ нее была продолжительна и мнѣ показалась опасна. Ровно въ двѣнадцать часовъ 21 Юня пріѣхалъ я въ Казань.

Я изъ Петербурга имѣлъ письмо къ одному молодому человѣку отъ отца его, богатаго купца Василья Васильевича Евреина, который въ столицѣ хлопоталъ по дѣламъ своимъ, видѣлъ меня у Злобина и предложилъ остановиться въ собственномъ его Казанскомъ домѣ. Этотъ домъ находился близъ крѣпости, противъ Гостиннаго двора, на самой главной улицѣ, которой имя я теперь забылъ. Я прямо туда въѣхалъ, но мнѣ сказали, что молодой хозяинъ кому-то домъ свой отдалъ на лѣто, а самъ живетъ за городомъ на мыльномъ заводѣ. Куда мнѣ было дѣваться? Мнѣ рядомъ указали на Нѣмецкій трактиръ.

Хозяиномъ его былъ Иванъ Иванычъ Шварцъ; столь же пошлое имя между Нѣмцами, какъ Смирновъ и Поповъ между Русскими. Мнѣ все въ немъ показалось *шварцъ*, и рожа, и душа, и я, кажется, не ошибся. Нельзя себѣ представить, какъ Нѣмцы въ старину у насъ бывали дерзки! По всему было видно, что этотъ человѣкъ изъ простыхъ мужиковъ; онъ былъ грубиянъ и плутъ, съ проѣзжими обходился невѣжливо и дралъ съ нихъ безъ милосердія, а у него останавливалось и ему покровительствовало губернское начальство; за то, разумѣется, и съ нимъ былъ онъ почителенъ и угодливъ. Пріѣзжіе изъ уѣздовъ и сосѣднихъ губерній въ это время скупались и стыдились жить

въ гостиницахъ; а родные и знакомые, преслѣдуя своимъ гостепріимствомъ, ихъ до того не допускали. Одна только необходимость заставляла никому незнакомыхъ людей, какъ и я, селиться въ единственномъ заѣзжемъ домѣ сего большаго города; и потому-то Шварцъ вымещалъ на нихъ свои недоборы и видѣлъ въ нихъ беззащитныя жертвы своей алчности. Онъ былъ не простой трактирщикъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и содержатель клуба или благороднаго собранія: оно помѣщалось въ семь же самомъ домѣ и имѣло преобладающую залу, въ которой по зимамъ танцовали.

Какъ отъ публичнаго лица въ Казани, надѣялся я отъ г. Шварца узнать что-нибудь на счетъ поѣзда чиновниковъ посольства. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что мало о томъ заботится, но слышалъ однакоже, что какіе-то посольскіе обозы проходили черезъ Казань. Уставъ отъ дороги, я послѣ обѣда легъ отдохнуть, а слугу своего послалъ между тѣмъ поразвѣдать о томъ въ городѣ. Онъ ходилъ не даромъ и къ вечеру пришелъ мнѣ сказать, что улицы черезъ двѣ отъ нашего жилища, одинъ купеческій, пустой, просторный, каменный домъ отведенъ подъ постройку для посольства, что всѣ принадлежащія къ нему въ немъ останавливаются и что даже въ это время наполненъ онъ пріѣзжими.

Рано по утру на другой день пошелъ я туда и нашелъ Шуберта съ сыномъ, Довре со всеми его офицерами и лѣкаря Гарри. Мы дотолѣ были мало знакомы, но, какъ будто на чужой сторонѣ, встрѣтились дружески. Вотъ что узналъ я отъ нихъ: чтобы не имѣть затрудненія въ лошадяхъ, графъ Головкинъ раздѣлилъ весь нашъ поѣздъ на десять, не помню, на двѣнадцать отдѣленій, отправляя ихъ черезъ три или четыре дня одно послѣ другаго. Графъ Потоцкій съ четырьмя профессорами открывалъ шествіе; за нимъ слѣдовала духовная миссія; Шубертъ и Довре составляли третье отдѣленіе. Въ слѣдующихъ за тѣмъ отдѣленіяхъ, каждое подъ управленіемъ котораго нибудь изъ не столь важныхъ чиновниковъ, Осипова, Алексѣева, Корнѣева и другихъ, везены были всѣ тяжести посольства: богатые подарки императору и его двору, палатки на всякій случай, множество дорожной складной мебели, большой казенный серебряный сервизъ для нашего употребленія, и мало ли чего, между прочимъ цѣлый оркестръ музыкантовъ. Всю эту истинно царскую помпу заключалъ посольскій штатъ своимъ и канцеляріей. Меня къ тому Байковъ не допустилъ, а приписалъ къ предпоследнему отдѣленію, коимъ заправлялъ камеръ-юнкеръ Нелидовъ. Слѣдственно долго еще мнѣ было дожидаться своей очереди, и мнѣ предстояло довольно времени, чтобы изучить Казань и соскучиться въ ней.

Любезные мои товарищи приглашали меня умѣститься съ ними, но сего предложенія я принять не могъ. Правда, домъ снаружи и внутри былъ очень хорошо выбѣленъ, за то болѣе уже не спрашивай: ни зеркальца, ни занавѣски; двѣ, много три досчатая кровати и нѣсколько большихъ столовъ изъ простаго дерева составляли всю его меблировку. Старику Шуберту отвели уголокъ покойнѣ; прочіе же жили съ неприхотливостію совершенно-военною; каждая комната была въ одно время и спальня, и столовая, и чертежная, ибо столы были покрыты планами и рисунками, и всѣ спали, кажется, въ повалку.

Погулявъ по городу, прежде нежели возвратился я домой, зашелъ я въ домъ Евреинова, чтобъ узнать, какимъ образомъ могу я сыну доставить письмо данное мнѣ отцемъ. Я взошелъ по лѣстницѣ; не встрѣтивъ никого въ передней и пройдя первую большую комнату, во второй нашелъ я сидящихъ три дамы: одну старую и двухъ молодыхъ; я извинился передъ ними въ своей нескромности и объяснилъ причину моего внезапнаго посѣщенія; онѣ просили меня сѣсть, и знакомство сдѣлалось у насъ очень скоро. Пожилая барыня была Анна Давыдовна Кикина, урожденная Панчулидзева, сестра весьма извѣстнаго въ нашихъ мѣстахъ Саратовскаго вице-губернатора; другія же двѣ были ея дочери, одна замужня и одна дѣвица. Мужъ старшей дочери, служащій въ провіантскомъ штатѣ подполковникъ Шеваревъ, находился въ какомъ-то свойствѣ съ Евреиновыми и жилъ тутъ у нихъ даромъ. Ничего не могло быть благосклоннѣе моихъ новыхъ знакомыхъ; онѣ взяли у меня письмо къ хозяину дома и, какъ приближался обѣденный часъ, то-есть было болѣе двѣнадцати часовъ полудня, пригласили съ собой обѣдать. Вскорѣ пришелъ и зять госпожи Кикиной, и мы сѣли за столъ. Анна Давыдовна должна была смолоду быть очень хороша собою: Грузинскія правильныя черты сочетались на лицѣ ея съ бѣлизною сѣверныхъ женщинъ; въ ней виденъ былъ тотъ природный умъ, который угадываетъ законы общежитія; старшая дочь ея, Шеварева, была хороша и глупа, меньшая дурна и ума самаго пріятнаго; о зятѣ не стоитъ говорить. Я чрезвычайно обрадовался сему первому нечаянному знакомству. Пенза, которая отъ Казани отдѣлена одною только Симбирскою губерніей, тогда почти столь же мало имѣла съ ней сношеній, какъ съ Гамбургомъ, и потому изъ нея я ни къ кому не могъ быть адресованъ.

Тотъ же день, въ сумерки, пріѣхалъ ко мнѣ получившій уже письмо отъ отца своего, Иванъ Васильевичъ Евреиновъ и сталъ убѣдительно просить меня переѣхать къ нему на заводъ, который хотя и находился въ двухъ съ половиною верстахъ отъ мѣста моего жительства, но былъ смеженъ съ городомъ. Для пѣшехода разстояніе ужас-

ное! Возраженія мои побѣдилъ онъ обѣщаніемъ дать къ полное распоряженіе мое легонькія дрожки съ парюю борзыхъ, отчаянныхъ коней, которые, по моему велѣнію, въ одинъ мигъ вихремъ будутъ переносить меня куда угодно. Противъ этого устоять я не могъ; нервы у меня не были разстроены, я не былъ такимъ трусомъ какъ нынѣ, и скакать мнѣ казалось блаженствомъ. Уже было поздно, и мы положили, что перенесеніе мое совершится въ слѣдующее утро.

Три чистыя, покойныя комнаты, которыя самъ онъ занималъ, уступилъ мнѣ хозяинъ мой и перешелъ на отцовскую половину. Онъ былъ человѣкъ лѣтъ двадцати пяти; высокій, сухощавый и смуглый, добрый и степенный, своею бережливостію, расчетливостію, трудами безпрестанно поправлявшій дѣла отца своего, котораго предприимчивость часто грозила имъ разореніемъ. Я началъ жить на всемъ готовомъ, но скучая уединеніемъ, велъ себя весьма нескромно, цѣлый день разъѣзжалъ и возвращался домой только что обѣдать и ночевать. А добрый мой хозяинъ хотя бы взглядомъ упрекнулъ меня за невниманіе къ нему. Не понимаю, изъ чего онъ бился? И говоря языкомъ нынѣшняго вѣка, спрашиваю у себя, на какую потребу былъ ему молодой человѣкъ, котораго онъ дотолѣ вовсе не зналъ и въ это время мало видѣлъ? Да такъ просто, представился случай одолжить, а такіе люди ни за что его не пропустятъ. Если онъ ожидалъ благодарности, то и въ этомъ ошибся; ибо вскорѣ потомъ забылъ я одолженіе его, и его самого, и только теперь съ чувствомъ о томъ вспоминаю. Пусть нынѣ поищутъ подобныхъ ему людей!

Житіе въ Казани для свитскихъ офицеровъ было еще пріятнѣе; жители ея носили ихъ на рукахъ; не довольствуясь каждый день звать ихъ обѣдать, они посылали къ нимъ на домъ множество съѣстнаго, сухарей, кренделей, пироговъ, пирожковъ и тому подобное. Эти господа не безъ сожалѣнія разставались съ симъ городомъ, и дабы сдѣлать меня участникомъ и преемникомъ изобилія, въ коимъ они находились, полковникъ Довре, наканунѣ отъѣзда своего, повезъ меня въ нѣкоторыя изъ тѣхъ домовъ, съ коими успѣлъ познакомиться.

Между прочимъ заѣхали мы къ одному члену Военной Коллегіи, генераль-маіору Петру Дмитріевичу Бестужеву-Рюмину, который находился тутъ на слѣдствіи по одному пустому дѣлу въ провіантской комиссіи; онъ давно его кончилъ, но медлилъ отъѣздомъ, чтобы продлить пріятную для него роль ревизора. Онъ прежде того былъ адъютантомъ у Наслѣдника и вмѣстѣ съ тѣмъ шпиономъ, приставленнымъ къ нему Павломъ Цервымъ, о чемъ Императоръ узналъ по восшествіи на престолъ; разумѣется, что онъ его при себѣ не оставилъ, однако же и не почелъ его достойнымъ своей мести. Это былъ препустѣйшій

человѣкъ въ мѣрѣ, который тщетно силился придать себѣ какую-то важность: природа и обстоятельства тому препятствовали. Онъ иахальнымъ образомъ поселился въ домѣ у губернатора, который тогда былъ въ отсутствіи, и безъ его вѣдома, на его счетъ, приказывалъ готовить себѣ кушанье и даже на сіи обѣды звалъ гостей.

Пока мы съ нимъ разговаривали, пріѣхалъ губернаторъ изъ дороги, и наморщась, весь запыленный, вошелъ въ комнату. Бестужевъ встрѣтилъ его какъ ни въ чемъ не бывало, а мы съ Довре натурально ему представились. Онъ, какъ умѣлъ, насъ привѣтствовалъ и пригласилъ на другой день обѣдать. Довре, поблагодаря, извинился отъѣздомъ.

Этотъ губернаторъ, Борисъ Александровичъ Мансуровъ, былъ человекъ вдовый, довольно пожилой, отменно добрый, до губернаторства находившійся все въ военной службѣ. Не знаю почему искалъ я въ немъ сходства съ отцомъ моимъ, но кромѣ доброты и честности никакого не находилъ; вообще онъ былъ очень любимъ, но мало уважаемъ, что происходило отъ вредной для власти со всѣми фамильярности. Дня въ два мы коротко съ нимъ познакомились, и онъ успѣлъ уже мнѣ жаловаться на безстыдство Бестужева, который мало что безъ его приглашенія живетъ въ его домѣ, но и позволяетъ себѣ въ немъ хозяйничать.

Видно, я казался ему менѣе тягостнымъ, ибо онъ признался мнѣ, что болѣе для того желаетъ выжить Бестужева, чтобы меня помѣстить у себя. Дѣло было трудное, едва ли возможное, и потому губернаторъ придумалъ другое средство, чтобы приблизить меня къ себѣ. Въ Казани было два брата, Порфирій и Христофоръ Львовичи Молоствовы, весьма богатые и уважаемые помѣщики, которые лѣтомъ жили въ деревнѣ. Съ ними, и особенно съ первымъ, жилъ Мансуровъ въ тѣсной дружбѣ. Домъ сего Порфирія Молостова находился напротивъ губернаторскаго, и располагая имъ какъ собственнымъ, онъ предложилъ мнѣ занять въ немъ двѣ-три комнаты. Онъ былъ не слишкомъ веселаго нрава, но любилъ веселость и молодежь, и ею окружалъ себя. Въ числѣ его приближенныхъ находился, по моему, тогда не совсѣмъ молодой человекъ, Андрей Андреевичъ Нечаевъ, шурина Молостова, который также жилъ въ семъ домѣ и которому поручилъ онъ угощать меня.

О перемѣщеніи своемъ гордо возвѣстилъ я Евреинову, какъ будто объ освобожденіи отъ плѣна. Добродушіе сего почтеннаго человека заставило его думать, что онъ чѣмъ-нибудь не угодилъ мнѣ, оскорбилъ меня: онъ началъ извиняться; тогда я почувствовалъ что-то похожее на угрызеніе совѣсти и первыми ласковыми словами спѣшилъ его успокоить.

Тутъ началась для меня самая веселая жизнь, въ холостой губернаторской компаніи, такъ что я не имѣлъ никакой нужды ѣздить въ тѣ дома, куда Довре возилъ меня знакомить и которые лѣтомъ никогда, или по крайней-мѣрѣ на короткое время, разставались съ городомъ. Примѣчательны были только два семейства, коимъ я былъ представленъ и коихъ, въ свою очередь, не излишнимъ считаю представить здѣсь читателю.

Отставной сенаторъ, Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ Желтухинъ, жилъ тогда въ Казани. При Екатеринѣ былъ онъ Вятскимъ губернаторомъ. Жителей сей губерніи, почти все казенныхъ крестьянъ, управляющіе оною, кажется, и понынѣ почитаютъ своими собственными; видно, что г. Желтухинъ слишкомъ сильно въ томъ убѣдился, ибо его призвали къ отвѣту въ Петербургъ. Судъ продолжался, медлилъ приговоромъ, а покамѣстъ тѣснилъ обвиненнаго и все высосанное имъ мало-по-малу изъ него выжималъ. Наступило грозное царствованіе Павла, и Желтухинъ рѣшился на отчаянное средство. Онъ явился въ пріемный день у генераль-прокурора съ запечатаннымъ огромнымъ пакетомъ въ рукахъ. Въ короткихъ словахъ изобразилъ онъ униженіе, въ которомъ находится, униженіе, которое терпитъ, и при всѣхъ просилъ тщательно рассмотреть заключенныя въ пакетѣ бумаги, которыя по его увѣренію послужатъ къ совершенному его оправданію. Вельможа, котораго благодарность не позволяетъ мнѣ назвать, довольно разсвѣяно приказалъ секретарю принять пакетъ изъ рукъ его и отнести къ себѣ въ кабинетъ. Тамъ наединѣ принялся онъ разсматривать документы и насчиталъ, говорятъ, до ста тысячъ неоспоримыхъ доказательствъ въ его пользу; вытребовалъ дѣло, доложилъ Императору, и черезъ два дня Желтухинъ изъ подсудимаго въ Сенатѣ пересѣлъ въ судящіе. Тутъ поспѣшилъ онъ вознаградить себя за понесенные убытки и сдѣлалъ хорошо, ибо при Павлѣ, какъ извѣстно, даже на недвижимомъ мѣстѣ сенатора никто долго усидѣть не могъ. Онъ былъ отставленъ и высланъ изъ столицы.

Сей почтенный человѣкъ былъ не любящъ, не любезенъ и не любимъ. Жилъ онъ уединенно, посѣщали его немногіе; но при встрѣчахъ всѣ обазывали ему тѣ знаки уваженія, въ которыхъ тогда лѣтамъ и званію отказывать было не позволено. Когда Доврѣ привезъ меня къ нему, онъ поблагодарилъ и его, и меня. Братъ его Алексѣй Ѳеодоровичъ, о коемъ мимоходомъ я упомянулъ, былъ городничимъ въ Саранскѣ и находился подъ начальствомъ отца моего; это одно уже располагало его быть со мною ласковымъ, и дня два спустя прислалъ онъ звать меня обѣдать. Этого обѣда я не забуду. Я не говорю о столѣ, который могъ быть очень хорошъ или очень дурень, я не могъ

судить о томъ, ибо все, что у меня было передъ глазами, отнимало у меня аппетитъ. Насъ было только четверо: хозяйнъ съ женою и дочерью, да я четвертый. Никогда, ни прежде, ни послѣ не встрѣчалъ я лицъ, болѣе выражающихъ злобу, какъ лица обоихъ супруговъ, Федора Федоровича и Анны Николаевны, урожденной Мельгуновой. Между тѣмъ привычная улыбка не покидала ихъ устъ, но въ ней было что-то презрительное и злорадное, (съ такою улыбкою убиваютъ врага), и она становилась нѣжнѣе, когда только взоры супруговъ, созданныхъ другъ для друга, встрѣчались между собою. Разговоръ со мною хозяина былъ вѣжливый, совсѣмъ не глупый, но весьма обыкновенный; видно, что въ приглашеніи меня послѣдовалъ онъ только принятому обычаю. А я охотно бы избавилъ его отъ того. Худоба, блѣдность и вѣчный трепеть слугъ, глубокая печаль и страхи, изображенные на чертахъ замужней, разводной его дочери Каховской *), молчаніе ея и потупленные взоры, все мнѣ показывало, что я нахожуся въ царствѣ ужаса, какъ городская молва велѣдъ за тѣмъ мнѣ подтвердила. Вставши отъ стола, я спѣшилъ вонъ, и къ счастью меня не удерживали. Выходя изъ сего дома, мнѣ пришла смѣшная мысль сравнивать себя съ Данииломъ, когда по милосердію Божию онъ исходилъ невредимъ изъ львиной ямы.

Другое семейство, съ которымъ меня познакомили, также слыло немного добрѣе Желтухиныхъ, но по крайней мѣрѣ не посятители его могли на то жаловаться.

У Ивана Осиповича и Натальи Ипатовны Юшковыхъ было пять сыновей и столько же дочерей, отъ сорока лѣтъ до пятнадцати и ниже; и это было менѣе половины рожденныхъ ими дѣтей; бѣольшую же половину они похоронили. Только у насъ въ Россіи, и то въ старину, смотрѣли безъ удивленія на такое плодородіе семействъ, коимъ болѣе принадлежитъ названіе рода или племени. Никуда такъ охотно не стекаются гости какъ въ тѣ дома, гдѣ между хозяевами можно встрѣтить оба пола и всѣ возрасты. Вотъ почему домъ Юшковыхъ почитался и былъ дѣйствительно однимъ изъ самыхъ веселыхъ въ Казани. Старшіе сыновья служили въ Преображенскомъ полку; двое изъ нихъ, одинъ недавно вышедшій въ отставку, а другой по болѣзни въ отпуску, находились тогда при родителяхъ и помогали имъ принимать гостей!

*) Сверхъ того было у нихъ еще четыре сына, изъ коихъ двое сдѣлались извѣстны. Старшій Сергій Федоровичъ былъ трусъ и глупъ; другой Петръ Федоровичъ уменъ и храбръ; но оба злы и жестоки. Оба кончили жизнь генераль-лейтенантами; послѣдній умеръ предсѣдателемъ Молдавскаго Дивана во время послѣдней Турецкой войны.

Не въ столь веселый, но болѣе пріятный домъ повезъ меня губернаторъ Мансуровъ: ко вдовѣ одного изъ предмѣстниковъ своихъ, князя Семена Михайловича Баратаева, матери пяти красавицъ. Одну изъ нихъ и, какъ увѣряли меня, самую прелестную, я не нашель: смерть похитила ее у семейства за мѣсяць до моего пріѣзда. Черное платье и печальный видъ дѣлали еще трогательнѣе красоту четырехъ оставшихся. Безъ блестящаго воспитанія, безъ малѣйшаго кокетства, всѣ онѣ были привлекательны, и какъ ни хороши были собою, поговоривъ съ ними немного, можно было почувствовать, что наружность ихъ только красивый футляръ, вмѣщающій въ себѣ нѣчто болѣе драгоцѣнное, ангельскую душу. Какъ мать, такъ и дочери, были пріветливы и скромны, и все въ домѣ семъ показывало благочестіе и прстойность.

Какъ бы мнѣ не позабыть пару добрыхъ людей, которые сами старались со мной познакомиться: старика коменданта, генераль-майора Кастелли и жену его Софью Васильевну, урожденную Нелюбову. Съ Итальянскимъ прозваніемъ, былъ онъ простой Русскій солдатъ, не зналъ никакого иностраннаго языка и даже походомъ Суворова въ Италію, въ которомъ находился, не умѣлъ воспользоваться, чтобы выучиться по-итальянски. Жена его имѣла недостатокъ, дурную привычку (порокомъ, право, назвать грѣшно) все рассказываемое преувеличивать. Примѣчательно, что въ ней это было врожденное, общее со всѣми членами ея семейства; братья, сестры, всѣ безъ краснаго словца ступить не могли. Изъ нихъ я помню одну, генеральшу Елисавету Васильевну Репнинскую, которую знавалъ я въ Кіевѣ, и артилерійскаго генерала Василья Васильевича Нелюбова, которые искусство сіе доводили до совершенства; и онъ самъ, бывало, шутя говорилъ: «Нелюбова не слушай, а лгать не мѣшай». Добродушіе Казанцевъ не дозволяло имъ оспаривать госпожу Кастелли, ни поднимать ее на смѣхъ.

Не знаю, что мнѣ сказать объ обществѣ, въ которомъ я жилъ. Молодыхъ людей, служащихъ и не служащихъ, окружавшихъ тогда губернатора, всѣхъ до одного я помню; но сдѣлаю будто ихъ перебыль, потому что, право, они того стоить: ни одного порока, ни одной доблести. Каковы были они, таково было Казанское общество, или по крайней мѣрѣ та часть его, которую въ трехнедѣльное пребываніе успѣлъ я узнать. А между тѣмъ собирались, разговаривали безъ умолку, толковали, а о чемъ? Богъ вѣсть, хотя бы о собакахъ или объ урожаѣ. Анъ нѣтъ! ни пересудовъ и злословія, ни политики, ни литературы, а такъ какой-нибудь вздоръ взбредеть, не на умъ, который тутъ не вмѣшивался, а на языкъ, и какъ на жерновѣ начнетъ перемалываться. Однакоже не худо ли я дѣлаю, что почти съ

пренебреженіемъ говорю о томъ, что меня самого тѣшило и тогда какъ я самъ все зря говорилъ? Вспоминая вѣчныя претензіи, вѣчную клевету, грубыя, иногда язвительныя шутки Пензенскія, я какъ будто успокоивался веселымъ, безвиннымъ Казанскимъ пустословіемъ.

Новорожденный Казанскій Университетъ видѣлъ я въ пеленкахъ. Кончились первые его экзамены, и я присутствовалъ на торжественномъ актѣ, когда призы раздавались студентамъ. Строеніе было довольно обширно, не то что послѣ, когда его распространили; но нынѣ нѣтъ ни одной гимназіи, которой публичныя испытанія не представляли бы зрѣлища, болѣе уваженія возбуждающаго. Чтобы дать понятіе о степени младенческаго его ничтожества, скажу только, что Яковкинъ былъ его ректоромъ.

Дважды пламя пожирало Казань, послѣ того какъ я былъ въ семь городѣ, и онъ, говорятъ, въ новой красотѣ подымался изъ развалинъ. Съ тѣхъ поръ какъ я его видѣлъ, долженъ былъ онъ перемѣниться, и можетъ быть теперь я не узналъ бы его. Но и тогда, по населенію, по числу и прочности зданій, если не по красотѣ, могъ онъ дѣйствительно почитаться третьимъ Русскимъ городомъ: ибо Рига Нѣмецкій, Вильно Польскій, а Одесса Вавилонскій городъ. Сначала ожидалъ и искалъ я въ Казани Азіятской фізіономіи, но вездѣ передо мной подымались куполы съ крестами, и только издали глаза мои открыли потомъ минареты. Казань, сколько могла, старалась рабски все перенимать у побѣдительницы своей, Москвы; въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ столѣтіи Россія повелительно, а не всепокорно дѣлала завоеванія, какъ въ восемнадцатомъ и девятнадцатомъ вѣкѣ. Не знаю почему госпожа Сталь называла Москву Татарскимъ Римомъ; гораздо справедливѣе и основательнѣе можно было назвать Казань Татарскою Москвою: также кремль, также древніе соборы и храмы, въ одномъ стилѣ и современные Московскимъ церквамъ, ибо новое зодчество началось у насъ при обоихъ Іоаннахъ. Купцы, чиновники и мелкіе дворяне, также какъ въ Москвѣ за Москвой-рѣкой и за Яузой, жили здѣсь за Казанкой и за Булакомъ. Сплошное каменное строеніе было при мнѣ только по Большой улицѣ и вокругъ такъ-называемаго Чернаго озера; тутъ были всѣ публичныя зданія, торговля, и жило лучшее дворянство; въ другихъ кварталахъ каменное строеніе мѣшалось съ деревяннымъ.

На самыхъ окраинахъ города поселены были первобытные жители Казани, побѣжденное племя Татарское. Тамъ только, когда я жилъ на заводѣ Евреинова, могъ я часто ихъ встрѣчать. Я заходилъ въ ихъ мечети и безвозбранно смотрѣлъ на ихъ моленіе. Я любилъ ихъ смѣлый, откровенный взглядъ, ихъ довѣрчивый характеръ; одной

храбрости Русскихъ они бы не уступили, но хитрость и соединенныя силы ихъ задавили. Примѣчательно, что хотя они народъ торговый, а никто изъ нихъ не богатѣетъ подобно Русскимъ купцамъ, которые въ глазахъ ихъ дѣлаются милліонерами; стало быть и въ оборотливости наши ихъ превзошли. Изъ ихъ древностей видѣлъ я только въ крѣпости какіе-то переходы, бывшіе при царицѣ Сумбекѣ и носящіе ея имя. Въ окрестностяхъ Казани посѣтилъ я одинъ только весьма не замѣчательный Хижицкій монастырь, мѣсто погребенія богатыхъ людей, куда ежегодно бываетъ крестный ходъ изъ собора.

Внутренность видѣнныхъ мною домовъ богатствомъ и обширностію мало разнствовали отъ Пензенскихъ; только я замѣтилъ, что бумажныя обои продолжали здѣсь быть въ употребленіи, когда въ Москвѣ и даже Пензѣ они совсѣмъ были брошены. Одинъ только губернаторскій казенный домъ, не знаю у кого купленный, великолѣпіемъ превосходилъ другіе; къ украшенію его много послужила Китайская торговля. Большая гостиная была обита шелковою матеріей, по которой въ Китайскомъ вкусѣ очень пестро разрисованы были цвѣты и листья; въ диванной стѣны были настоящія Китайскія, разноцвѣтныя, лакированныя, и на нихъ были выпуклыя фигуры, какъ будто изъ фивоти.

Былъ также въ Казани и театръ, преобладающій, деревянный, посреди одной изъ ея площадей; но лѣтомъ на немъ не играли. Содержатель его, Петръ Васильевичъ Есиповъ, былъ одинъ изъ тѣхъ Русскихъ дворянъ, ушибенныхъ театромъ, которые имъ же потомъ лѣчились. Онъ жилъ тогда въ деревнѣ, я думаю, единственной, ему оставшейся, верстахъ въ сорока отъ Казани, и съ самаго пріѣзда моего слышалъ я все о замышляемомъ на него набѣгѣ губернатора съ своимъ обществомъ: въ семъ предпріятіи долженъ былъ я участвовать. Почти передъ самымъ концомъ пребыванія моего въ Казани собрались, наконецъ, на сію партію удовольствія, какъ говорятъ Французы. Предувѣдомленный о нашемъ нашествіи, хозяинъ ожидалъ насъ твердою ногой. Какъ эта поѣздка была для меня единственною въ своемъ родѣ, то нѣтъ возможности не поразсказать объ ней.

Насъ восемь человекъ отправилось въ линейкѣ, въ томъ числѣ губернаторъ и Бестужевъ. Это было въ шесть часовъ вечера; многіе другіе, въ разныхъ экипажахъ, пустились еще съ утра. Мы ѣхали не шибко, перемѣняли лошадей и переправлялись черезъ Волгу, а между тѣмъ не видѣли, какъ проѣхали болѣе сорока верстъ; всю дорогу смѣялись, а чему? какъ говоритъ нашъ простой народъ, своему смѣху. Генераль Бестужевъ, развеселясь, также хотѣлъ насъ потѣшить; онъ не умѣлъ пѣть, но прекрасно насвистывалъ, даже съ варіаціями, всѣ извѣстныя пѣсни. Часу въ двѣнадцатомъ могли мы только пріѣхать,

но домъ горѣлъ, какъ въ огнѣ, и хозяинъ встрѣтилъ насъ на крыльцѣ съ музыкой и пѣніемъ. Черезъ полчаса мы были за ужиномъ.

Господинъ Есиповъ былъ рано состарившійся холостякъ, добрый и пустой человекъ, который никакого понятія не имѣлъ о порядкѣ, не умѣлъ ни въ чемъ себѣ отказывать и чувственнымъ наслажденіямъ своимъ не зналъ ни мѣры, ни границъ. Онъ насъ употчивалъ по своему. Я зналъ, что дамы его не посѣщаютъ и крайне удивился, увидѣвъ съ дюжину довольно нарядныхъ женщинъ, которыя что-то больно почтительно обошлись съ губернаторомъ: все это были Фени, Матреша, Ариша, крѣпостныя актрисы Есиповской труппы. Я еще болѣе изумился, когда онѣ пошли съ нами къ столу, и когда, въ противность тогдашняго обычая, чтобы женщины садились все на одной сторонѣ, онѣ размѣстились между нами, такъ что я очутился промежъ двухъ красавицъ. Я очень проголодался; столъ былъ заставленъ блюдами и обставленъ бутылками; внѣ себя я думалъ, что всякаго рода удовольствія ожидаютъ меня. Какъ жестоко былъ я обманутъ! Первый кусокъ, который хотѣлъ я пропустить, остановился у меня въ горлѣ. Я думалъ голодъ утолить питьемъ: еще хуже. Не было хозяевъ; слѣдственно, къ счастью, некому было заставлятъ меня ѣсть; за то гости и гостыи приневоливали пить. Не знаю, какое названіе можно было дать этимъ ужаснымъ напиткамъ, этимъ отравленнымъ помоямъ. Это какое-то смѣшеніе водокъ, винъ, настоекъ съ примѣсью, кажется, пива, и все это подслащенное медомъ, подкрашенное сандаломъ. Этого мало, настойчивыя приглашенія сопровождались горячими лобзаніями дѣвъ съ припѣвами: «Обнимай сосѣдъ сосѣда, поцѣлуй сосѣдъ сосѣда, подливай сосѣдъ сосѣду». Я пилъ, и мнѣ былъ девятнадцатый годъ отъ роду; можно себѣ представить, въ какомъ расположеніи духа я находился! На другомъ концѣ стола сидѣли, можно ли повѣрить? актеры и музыканты Есипова, то-есть слуги его, которые смѣнялись, вставали изъ-за стола, служили намъ и потомъ опять за него садились. Въ Шотландіи, говорятъ, существовалъ обычай, чтобы господа и служители одного клана садились за одинъ столъ; въ этомъ можно видѣть нѣчто патріархальное, а тутъ какая была патріархальность!

Сатурналіи, вакханаліи сіи продолжались гораздо далеко за полночь. Когда кончился ужинъ, я съ любопытствомъ ожидалъ, какому новому обряду насъ подвергнуть. Самому простому: исключая губернатора и Бестужева, которымъ отвели особыя комнаты, проводили насъ всѣхъ въ просторную горницу, родъ пустой залы, и пожелали намъ доброй ночи. На полу лежали тюфячки, подушки и шерстяныя одѣяла, отнятыя на время у актеровъ и актрисъ. Я нагнулся, чтобы взглянуть на подлежащую мнѣ простыню и вздрогнулъ отъ ея пестро-

ты. Сопутники мои, вѣроятно зная напередъ обычаи сего дома, спокойно стали раздѣваться и весело бросились на поганыя свои ложа. Нечего было дѣлать, я долженъ былъ послѣдовать ихъ примѣру. Разгоряченный виномъ, или тѣмъ что называли симъ именемъ, разъяренный поцѣлуями, я млѣлъ, я кипѣлъ. Жаръ крови моей и воображенія можетъ быть, наконецъ, бы утихъ, еслибы темнота и молчаніе водворились вокругъ меня; самый отвратительный запахъ коровьяго тухлаго масла, коимъ напитано было мое изголовье, не помѣшалъ бы мнѣ успокоиться; но при свѣтѣ сальныхъ свѣчъ, каляканье, дурацкій нашъ дорожный разговоръ возобновился, и другіе, пріѣхавшіе прежде насъ, подливали въ него новый вздоръ. Не одинъ разъ подымалъ я не грозный, но молящій голосъ; полупьяные смѣялись надо мной, не столь учтиво, какъ справедливо, называя меня нѣженкой. Одинъ за другимъ начали засыпать; но когда послѣдніе два болтуна умолкли, занялась заря, которая безпрепятственно вливалась въ наши окошки безъ занавѣсъ. Между тѣмъ, сверху мухи и комары, снизу клопы и блохи, всѣ колючія насѣкомыя объявили мнѣ жестокою войну. Ни на минуту не сомкнувъ очей, истерзанный, я всталъ, кое-какъ одѣлся и побрелъ въ садъ, чтобъ освѣжиться утреннимъ воздухомъ. Такъ кончилась для меня сія адская ночь.

Солнце освѣтило мнѣ печальное зрѣлище. Длинныя аллеи прекрасно насаженнаго сада, съ неподобными липами и дубами, заросли не только высокою травой, въ иныхъ мѣстахъ даже кустарникомъ; изрядныя статуи, къ счастью, не мраморныя, а гипсовыя, были всѣ въ инвалидномъ состояніи; изъ довольно красиваго фонтана, прежде, говорятъ, высоко бившаго воду, она легонько сочилась. Взглядъ на домъ былъ еще непріятнѣе; онъ былъ длинный, на каменномъ жильѣ, во вкусѣ большихъ деревянныхъ домовъ временъ Елисаветы Петровны, обшитый тесомъ, съ частыми пилястрами и разными фестонами на карнизахъ, съ полукруглымъ наружнымъ крыльцомъ, ведущимъ сперва къ деревянной терасѣ; всѣ ступени были перегнивши, наружныя украшенія поломаны, инныя обвалились; если заустѣніе было въ саду, то раззореніе въ домѣ. Одинъ только новопостроенный театръ въ боку содержался въ порядкѣ. Видно, что отецъ жилъ баринномъ, а сынъ фиглярномъ.

Вся честная компанія собралась къ чаю; послѣ того всѣ принялись за карты; никто не подумалъ пойти прогуляться. Я приступилъ къ губернатору съ просьбою, даже съ требованіемъ, велѣть мнѣ дать телѣгу съ парюю лошадей, чтобы воротиться въ Казань, и изобразилъ ему весь ужасъ ночи, проведенной безъ сна. Вздумали было шутить, но истинная горестъ всегда бываетъ трогательна и краснорѣчива; ей

вняли и начали совѣтоваться какъ бы утѣшить меня и успокоить на слѣдующую ночь. Мансурову необходимо было спать одному: онъ имѣлъ на то свои причины (всѣ губернаторы, бывшіе и настоящіе, пользуются нѣкоторыми господскими правами); Бестужевъ, хотя и генералъ, ихъ не имѣлъ; положено было поставить мнѣ кровать въ его комнатѣ и даже занавѣской оградить меня отъ свѣта и насѣкомыхъ. За обѣдомъ я ѣлъ какъ Французъ, на обратномъ походѣ въ 1812 году; онъ былъ шумень, весель, но болѣе пристоеень чѣмъ ужинъ, ибо драматическихъ артистовъ съ нами не было: всѣ они наряжались и готовились тотчасъ послѣ обѣда потѣшить насъ оперой *Коза рара* или *Рѣдкая вещь*. Играли и пѣли они, какъ всѣ тогдашніе провинціальныя актеры, не хуже, не лучше. Наученный опытомъ, я былъ остороженъ за ужиномъ, надежда меня болѣе не оживляла, я отворачивался отъ поцѣлуевъ, не слушалъ припѣвовъ, и oprичъ кваса ничего не хотѣлъ пить. Послѣ спокойной ночи, проведенной съ почтеннымъ Бестужевымъ, я всталъ, и мы въ той же линейкѣ, но другою дорогою отправились обратно въ Казань. Ну, господинъ Есиповъ! На томъ свѣтѣ да отпустятся тебѣ твои прегрѣшенія, а здѣсь ты былъ хуже Буянова и опаснѣе Опаснаго Сосѣда. На половинѣ дороги заѣхали мы обѣдать къ сестрѣ и зятю Есипова, бригадиру Ѳедору Ѳедоровичу Гергену, которые, кажется, рѣдко съ нимъ видѣлись и совсѣмъ инымъ образомъ жили, какъ онъ.

Отдѣленія посольства черезъ три-четыре дня слѣдовали одно за другимъ, останавливаясь въ Казани для починки и отдыха, такъ что иногда одно настигало другое и гнало впередъ, ибо для каждаго потребно было не менѣе сорока лошадей. Чиновники, ими управлявшіе и ихъ сопровождавшіе, иные меня навѣщали, у другихъ я навѣдывался; отъ нихъ узналъ я, что посолъ намѣренъ, отправивъ послѣднее отдѣленіе, не ранѣе какъ спустя двѣ недѣли послѣ него, выѣхать изъ Петербурга. Однимъ утромъ, не хозяинъ, а угоститель мой, г. Нечаевъ, сказалъ мнѣ, возвратясь отъ губернатора, что въ рапортѣ, поданномъ ему о пріѣзжихъ, находится камеръ-юнкеръ Нелидовъ съ отдѣленіемъ своимъ, состоящимъ по большей части изъ чиновниковъ. Это было для меня почти сигналомъ отъѣзда. Я пошелъ отыскивать временнаго, дорожнаго своего начальника и нашелъ его вмѣстѣ съ Сухтеленемъ въ трактирѣ у Шварца; (въ каменномъ пустомъ домѣ, гдѣ всѣ посольскіе останавливались, они жить не захотѣли. Въ немъ остались дворяне посольства, Хвостовъ и Клементъ, аптекарь Гельмъ и обозъ отдѣленія).

Съ величайшимъ удовольствіемъ встрѣтилъ я большое согласіе въ этомъ странствующемъ обществѣ. Кротость Нелидова, спокойный духъ

и просвѣщенный умъ Сухтелена, веселая живость Хвостова и простодушіе Клемента обѣщали мнѣ пріятныхъ и уживчивыхъ спутниковъ и сдержали обѣщанное. Чтобы удружить симъ господамъ, началъ я ихъ угащивать Казанью, все показывать, всюду возить, со всѣми знакомить: я уже почиталъ себя въ правѣ въ ней хозяйничать. Нелидову и даже Сухтелену такъ полюбилось, что вмѣсто предполагаемыхъ трехъ дней они прожили пять, и только 13 Юля, послѣ позднаго прощальнаго обѣда у Мансурова, рѣшились оставить Казань. У меня были еще кое-какія дѣла, и я выѣхалъ нѣсколько позже, но догналъ ихъ на первой станціи, гдѣ мы и ночевали.

Здѣсь начинаешь какъ будто прощаться съ матушкой-Россіей и близиться къ огромной ея дочери, Сибири. Отсюда начинается также мое официальное путешествіе, и описаніе его переношу я въ слѣдующую главу.

IX.

Не должно ожидать отъ меня того, что требуется отъ другихъ путешественниковъ, ученыхъ или литераторовъ. Любопытныхъ открытій по части естественной, глубокихъ наблюденій по части нравственной и политической, я дѣлать не могъ. Если какой-нибудь странный обычай возбуждалъ мое вниманіе, если величіе новой для меня природы иногда поражало меня, то произведенными во мнѣ ощущеніями, сколько могу, готовъ подѣлиться съ читателемъ, но многого обѣщать не смѣю. Когда я ѣду одинъ, то на предметы, встрѣчающіеся мнѣ на пути, смотрю обыкновенно прилежнѣе; а тутъ я находился въ обществѣ, гдѣ каждый разговорами старался развлекать скуку другихъ, скуку безконечной дороги. Въ самый же первый день мы съ Сухтеленомъ распорядились слѣдующимъ образомъ: у него была новая, легкая, погонная, двумѣстная коляска, дорѣгой немного пострадавшая отъ лишней нагрузки; мы условились чтобы мнѣ сидѣть въ ней вмѣстѣ съ нимъ, а бричку мою обратить въ кладовую какъ для его, такъ и для моихъ пожитковъ. Общество мое ему показалось пріятнымъ: не столько собесѣдникъ, сколько внимательный слушатель былъ ему нуженъ, и мнѣ пришлось Голландіей и Америкой заниматься болѣе, чѣмъ Сибирью.

Въ день прибытія послѣдняго посольскаго отдѣленія, семейство Юшковыхъ отправилось въ деревню, съ небольшимъ во ста верстахъ отъ Казани и въ одной верстѣ отъ Сибирскаго тракта находящуюся. Сыновья взяли съ меня слово, пригласивъ моихъ товарищей, сворочить къ нимъ съ дороги, погулять, попить у нихъ и дали обѣщаніе отпустить насъ съ пирогами и другими съѣстными припасами.

Я объявилъ о томъ Сухтелену: онъ любилъ покушать, ибо у эгоистовъ всегда славный желудокъ. Разыгрался въ немъ аппетитъ тѣмъ болѣе, что въ упраздненномъ городѣ Арскѣ и въ слѣдующихъ за нимъ селеніяхъ въ тотъ день никого найти и ничего достать было нельзя. Къ вечеру, вступивъ въ Вятскую губернію, пріѣхали мы въ богатое татарское селеніе Янгуть и остановились у зажиточнѣйшаго изъ жителей. Хозяинъ, видно, былъ плохой магометанинъ, потому что встрѣтилъ насъ съ полдюжиной нарумяненныхъ и набѣленныхъ женщинъ; они что-то праздновали и пригласили насъ съ собой за трапезу; но не было возможности: такъ на столѣ все было неопрятно и такъ чувствителенъ былъ духъ кобыльаго мяса. Между тѣмъ присланный нарочно отъ больного исправника объявилъ намъ, что онъ было велѣлъ тутъ готовить для насъ обѣдъ, но что Юшковы тому воспрепятствовали, сказавъ, что они сами насъ цѣлый день будутъ дожидаться. И такъ мы къ нимъ отправились. Давно уже смерклось, и подлѣ меня, въ темнотѣ, Сухтеленъ безпрестанно восклицалъ: «Ахъ, далеко ли намъ еще до пироговъ!» Мы въѣхали на широкой дворъ, и одинъ лай собакъ насъ встрѣтилъ; всѣ уже улеглись. Кто-то во тьмѣ появился, и мы отъ него настоятельно стали требовать, чтобъ онъ разбудилъ и вызвалъ къ намъ молодыхъ господъ. Они потихоньку вышли въ халатахъ и шепотомъ стали извиняться, что не могутъ насъ принять, ибо боятся потревожить сонъ семидесятилѣтней матери, указали намъ на городокъ Малмыжъ, въ десяти верстахъ отъ нихъ лежащій, и обѣщались на другой день сами туда къ намъ пріѣхать. Нѣтъ, досады обыкновенно-хладнокровнаго Сухтелена описать невозможно; къ счастію она обратилась не на меня. «Какіе неучи, повторялъ онъ, а еще дворяне и гвардіи офицеры! Ихъ мать, ихъ мать! Чтò намъ до ихъ матери? Развѣ я пріѣхалъ обольщать, соблазнять ее? Я пріѣхалъ, чтобъ ѣсть».

Утѣшеніе ожидало насъ въ Малмыжѣ. Онъ еще не былъ опять возведенъ въ званіе уѣзднаго города, однакоже въ немъ жилъ прежній городничій, безъ должности, но не безъ дѣла. Любовь жителей давала ему содержаніе, и они добровольно шли къ нему на судъ. Забыть его имя могло бы еще быть извинительно, но не спросить даже о немъ, право, гадко; а мы это сдѣлали. У него была страсть ловить всѣхъ проѣзжихъ и угощать у себя, и потому-то насъ прямо къ нему и ввезли. Комнаты были высогія, домъ не очень великъ, но отменно опрятенъ; черезъ пять минутъ онъ освѣтился, а черезъ полчаса поспѣлъ ужинъ, который стѣбилъ двухъ обѣдовъ: все было изобильно, просто, свѣжо и хорошо приготовлено; у людей съ похвальными наклонностями всегда бываетъ и вкусъ. Чело Сухтелена просіяло; не умѣя говорить по-русски, онъ хозяину за столомъ безпрестанно дѣ-

лалъ ручкой, какъ бы мысленными поцѣлуями желая изъяснить ему свою благодарность; похвалямъ ему не было конца, равно какъ и брани Юшковымъ. Я умиралъ со смѣху и не замѣчалъ, что тутъ есть нѣчто обидное, презрительное отъ иностранца и жителя столицы къ Русскимъ и провинціаламъ, коихъ они почитаютъ обязанными имъ угождать. Мы спали также хорошо какъ и ужинали.

Мы едва успѣли проснуться часу въ десятомъ, какъ нагрянули братья Юшковы, на собственныхъ лихихъ шестеркахъ. Нелидовъ встрѣтилъ ихъ чрезвычайно вѣжливо, а Сухтеленъ очень холодно. Хозяинъ сунулся было съ завтракомъ, но они едва дозволили намъ выпить по чашкѣ чаю. Въ двадцати верстахъ было ихъ селеніе Гоньба съ винокурненнымъ заводомъ, на берегу широкой рѣки Вятки и у самой переправы черезъ нее. Повара съ ранняго утра были туда отправлены, и тамъ происходила страшная стряпня, чтобы сколько-нибудь вознаградить за тщетныя наши ожиданія наканунѣ. Не болѣе какъ въ часъ прилетѣли мы туда на борзыхъ коняхъ и въ просторной избѣ прикащика нашли уже накрытый столъ. Скоро сталъ онъ гнуться подъ тяжестію приносимыхъ блюдъ, и Сухтеленъ у Юшковыхъ начиналъ уже пожимать руку. Пресыщенный, упоенный старикъ былъ растроганъ, и когда въ лодкѣ, переплывъ рѣку, гостепріимные братья на другомъ берегу ея стали съ нами прощаться, онъ съ нѣжностію ихъ поцаловалъ. «Вотъ примѣръ, говорилъ онъ мнѣ потомъ наставительно, что никогда не надобно спѣшить съ сужденіями своими о людяхъ». А я позволилъ себѣ замѣтить ему, что кажется только въ Россіи можно быть такъ взыскательну съ незнакомыми, и онъ замолчалъ.

Этотъ случай напомнилъ намъ, что необходимо нужно заботиться о дальнѣйшемъ нашемъ продовольствіи. Я предложилъ Нелидову слѣдующій планъ. У каждаго изъ насъ было по одному слугѣ; камердинеръ Нелидова, какъ Метръ-Жакъ, былъ въ тоже время и поварь; отъ первой должности каждый день надлежало увольнять его на все то время, чтó онъ будетъ заниматься другою, а покамѣстъ все наши люди должны находиться къ услугамъ его господина. Вотъ еще другое. Я успѣлъ замѣтить, что молодому Клементу хочется играть какую-нибудь роль, хотя бы весьма не важную; его надзору были поручены три или четыре качалки *) съ нами отправленные. Но этого было мало

*) Качалки эти были четверугольные, продолговатые ящики, величиною съ карету, повѣшенные на ремняхъ и пазахъ. Онѣ чѣмъ-то были плотно набиты; можетъ быть, въ нихъ были и панталоны Байкова, а можетъ быть золотыя или серебряныя вещи, назначенныя въ подарокъ Пекинскому двору. Храненіе ихъ было строго намъ наказано, содержаніе ихъ было намъ неизвѣстно.

для его дѣятельности. Онъ былъ очень чиновочитателенъ, а какъ онъ находился въ четырнадцатомъ классѣ, а Нелидовъ въ пятомъ, то мнѣ пришло въ голову создать для него новую должность, родъ адъютанта при начальникѣ нашего отдѣленія. Въ семъ званіи, долженъ онъ будетъ каждое утро ранѣе отправляться для заготовленія провіанта въ томъ мѣстѣ, гдѣ у насъ назначенъ обѣдъ и съ Метръ-Жакомъ тамъ насъ дожидаться. Скромный Нелидовъ боялся обидѣть его такимъ предложеніемъ, но я взялся сдѣлать оное отъ его имени и имѣлъ совершенный успѣхъ. Новыя заботы чрезвычайно полюбились Клементу и польстили его честолюбію, которое между людьми въ такихъ разныхъ видахъ является.

Отъ рѣки Вятки начинаются селенія того народа или Финскаго племени, которому она дала свое имя, равно какъ и всей области и главному ея городу, прежнему Хлынову. Тогда была рабочая пора; жители сіи, Вотяки, цѣлый день были въ полѣ, и мы мало ихъ видѣли. Они рослѣе, дороднѣе и опрятнѣе другихъ Чухонцевъ, но мнѣ показались столь же безмысленны. Языкъ ихъ долженъ быть не весьма благозвученъ, судя по названіямъ ихъ деревень, въ коихъ учреждены были станціи: Какси, Можги, Пумсы, Бокчегурты, Чемошурь. Они пугали избалованный мой слухъ, ибо тогда всѣ романисты и поэты именами старались ласкать его: нынѣ съ такими именами не только можно написать героическую поэму, но пожалуй втереть ихъ и въ идиллію.

Мы ѣхали дремучими лѣсами, почти того не примѣчая; просѣка были сажень во ста ширины, и вѣчно подлѣ тѣни, мы никогда не знали ея: а жаръ былъ лѣтне-сѣверный, то-есть нестерпимый. Потому-то рѣшились мы ѣхать только ночью, а днемъ отдыхать; станціонныя же избы представляли къ тому большія удобства, ибо просторомъ своимъ онѣ бы въ маленькихъ городахъ могли называться домами. Лѣсу было вдоволь, щадить его было нечего, и строеніе сихъ избъ стоило не дорого.

Во время отдыха на одной изъ сихъ станцій, мы съ удивленіемъ увидѣли вошедшаго къ намъ офицера въ Преображенскомъ мундирѣ. Это былъ графъ Толстой Ѳедоръ Ивановичъ, доселѣ столь извѣстный подъ именемъ Американца. Онъ дѣлалъ путешествіе вокругъ свѣта съ Крузенштерномъ и Рѣзановымъ, со всѣми перессорился, всѣхъ перессорилъ, какъ опасный челоувѣкъ былъ высаженъ на берегъ въ Камчаткѣ и сухимъ путемъ возвращался въ Петербургъ. Чего про него не рассказывали! Будто бы въ отрочествѣ имѣлъ онъ страсть ловить крысъ и лягушекъ, перочиннымъ ножикомъ разрѣзывать имъ брюхо и по цѣлымъ часамъ тѣшиться ихъ смертельною мукою; будто бы во

время мореплаванія, когда только начинали чувствовать нѣкоторый недостатокъ въ пищѣ, любезную ему обезьяну женскаго пола онъ застрѣлилъ, пжарилъ и съѣлъ; однимъ словомъ, не было лютаго звѣря, съ боего неустрашимостію и кровожадностію не сравнивали бы его наклонностей. Дѣйствительно онъ поразилъ насъ своею наружностію. Природа на головѣ его круто завила густые, черные его волосы; глаза его, вѣроятно отъ жара и пыли покраснѣвшіе, намъ показались налитыми кровью, почти же меланхолическій его взглядъ и самый тихій говоръ его настраченнымъ моимъ товарищамъ казался омутомъ. Я же, не понимаю какъ, не почувствовалъ ни малѣйшаго страха, а напротивъ, сильное къ нему влеченіе. Онъ пробылъ съ нами не долго, говорилъ все обыкновенное, но самую простую рѣчь велъ такъ умно, что мнѣ внутренно было жаль, зачѣмъ онъ отъ насъ, а не съ нами ѣдетъ. Можетъ быть, онъ сіе замѣтилъ, потому что со мною былъ ласковѣе, чѣмъ съ другими и на дорогу подарилъ мнѣ стекляницу смородинаго сиропа, увѣряя, что, приближаясь къ боѣе обитаемымъ мѣстамъ, онъ въ ней нужды не имѣеть. Столь примѣчательное лицо заслуживаетъ, чтобы на немъ остановиться, но я надѣюсь еще съ нимъ встрѣтиться въ сихъ Запискахъ и поговорить объ немъ пообстоятельнѣе.

Своро вступили мы въ переднюю Сибири, въ Пермскую губернію; тутъ опять появились Русскія селенія. Мы нашли одинъ только трупъ городишка Оханска, который за мѣсяцъ до нашего пріѣзда весь выгорѣлъ; на крутомъ берегу Камы, высоко и одиноко торчалъ еще домъ, занимаемый прикащикомъ Злобина, содержателя питейнаго откупа во всей губерніи. Онъ угостилъ насъ по-злобински, пока черезъ рѣку переправляли наши повозки. Славное вино развеселило сердца наши, и радость въ насъ умножилась, когда въ сопровожденіи сего прикащика, на двѣнадцативесельномъ его катерѣ, оглашенные пѣснями его гребцовъ, мы стрѣлой полетѣли черезъ широкую Каму. Долгъ благодарности заставилъ насъ вспомнить о Юшковыхъ, о Гоньбѣ и о рѣкѣ Вяткѣ. Но что она въ сравненіи съ Камой, съ этимъ обращикомъ рѣкъ зауральскихъ! Всѣмъ она взяла, сія величественная Кама, и шириной, и глубиной, и быстротой, и я не могу понять, почему полагають, что она въ Волгу, а не Волга въ нее впадаетъ.

Ночью, часу во второмъ, пріѣхали мы въ губернской городъ Пермь и достучались у городничаго до указанія намъ квартиры. Въѣхавъ въ Пермь, особенно при темнотѣ, нѣкоторое время почитали мы себя въ полѣ: не было тогда города, гдѣ бы улицы были шире и дома ниже. Это не было царство какъ Казань и Астрахань, не княжескій удѣльный городъ, даже не слобода, которая, распространяясь,

заставила посадить въ себя сперва воеводу; это было пустое мѣсто, которому лѣтъ за двадцать передъ тѣмъ вѣрно было губернскимъ городомъ, и оно послушалось, но только медленно. Торговля есть первое условіе существованія новыхъ городовъ; и здѣсь, хотя слабо, но она одна его поддерживала. Десятокъ каменныхъ двухъэтажныхъ купеческихъ домовъ красовались уже въ сторонѣ на берегу Камы, тогда какъ главный вѣздъ и главныя улицы находились въ томъ видѣ, въ которомъ ночью не столько узрѣли мы, какъ угадали ихъ. Утромъ мы еще болѣе изумились пустотѣ города Перми: только одна узкая дорога посреди улицы была наѣзжена; все остальное обратилось въ тучныя луга, на которыхъ паслись сотни гусей.

Пріѣхавшій прежде насъ и зажившійся за починками, казначей посольства Осиповъ напугалъ насъ рассказомъ о начальникѣ губерніи, котораго представилъ сущимъ медвѣдемъ. Это былъ Карлъ Фёдоровичъ Модерахъ, сынъ одного учителя математики въ кадетскомъ корпусѣ, какъ я слышалъ отъ отца моего. Вѣрно, сынъ хорошо учился у отца, ибо въ свое время почитался у насъ однимъ изъ лучшихъ инженеровъ; по его проекту и подъ его наблюденіемъ берегъ Фонтанки выложены были гранитомъ. Года за два до смерти Екатерины назначенъ онъ былъ губернаторомъ въ Пермь и съ тѣхъ поръ никогда не выѣзжалъ изъ своей губерніи; мысль о благѣ ввѣреннаго ему края такъ овладѣла имъ, что онъ день отлучки почиталъ вреднымъ для него; однакоже и по заочности былъ онъ уважаемъ и награждаемъ при Павлѣ и при Александрѣ. И въ этомъ самомъ 1805 году къ Пермской его губерніи прибавили ему Вятскую, поставивъ его надъ обѣими генераль-губернаторомъ; въ Пермь же покамѣстъ губернатора не назначали. По истинѣ онъ не былъ любезенъ, сей камергерской добродѣтели въ немъ не было; уединенная и вмѣстѣ дѣятельная жизнь въ отдаленномъ мѣстѣ хотъ кого заставить потерять желаніе и забыть о способахъ нравиться, кольми паче людей серіозныхъ, со строгою нравственностію. Модерахъ былъ честенъ, добръ, уменъ и свѣдущъ въ дѣлахъ; но какъ все великими трудами пріобрѣтенное цѣнится болѣе, чѣмъ даровое, то и генераль-губернаторство свое, кажется, ставилъ онъ наравнѣ съ владѣтельнымъ герцогствомъ. Къ тому же, какъ въ Перми нѣтъ другихъ дворянъ, какъ богатыхъ заводчиковъ, живущихъ въ столицахъ, то болѣе десяти лѣтъ и не видѣлъ онъ никого кромѣ подчиненныхъ, а между проѣзжими по большей части мелкихъ чиновниковъ и ссыльныхъ: вотъ что обращенію его давало холодность, сухость, которыя не совсѣмъ были пріятны.

Мы нарядились въ мундиры и пошли къ нему *in cognate*. Рядомъ съ его домомъ былъ другой, одинаковой съ нимъ величины, въ кото-

ромъ находилось Губернское Правленіе; онъ въ это время тамъ присутствовалъ, и насъ, Богъ вѣсть зачѣмъ, туда повели. Доложили объ насъ, и онъ велѣлъ намъ сказать, чтобы мы приходили въ другой часъ, а что тутъ ни мѣсто, ни время ему насъ принимать; мы тоже думали, но только можно было отвѣтъ сдѣлать поучтивѣе. Все это такъ намъ не понравилось, что мы, возвратясь домой, замыслили, не выдавшись съ нимъ, на другое утро пуститься далѣе. По крайней мѣрѣ мы были довольны нашею квартирой въ чистенькомъ домѣ часовыхъ дѣлъ мастера Розенберга, который увѣрялъ насъ, будто онъ двоюродный братъ генерала сего имени. Мы обѣдали въ его саду, въ который выходъ былъ прямо изъ нашихъ комнатъ. Послѣ обѣда пріѣхалъ городничій отъ имени генераль-губернатора звать насъ на другой день къ нему обѣдать; и такъ отъѣздъ нашъ должны мы были отложить до слѣдующаго вечера.

Мы нашли г. Модераха чрезвычайно важнымъ, что намъ весьма не полюбилось, особливо послѣ черезчуръ добраго Мансурова. Семейство его состояло на лицо изъ жены и шести дочерей, двухъ замужнихъ и четырехъ дѣвицъ; единственный сынъ былъ въ военной службѣ и въ отсутствіи. Генераль-губернаторша была добрая Нѣмка, которая, какъ намъ казалось, охотно должна была ходить и на кухню, и на погребъ. Старшая дочь, женщина весьма обыкновенная, была замужемъ за председателемъ Уголовной Палаты, статскимъ совѣтникомъ Иваномъ Михайловичемъ Энгельгардтомъ, какъ бы то ни было двоюроднымъ братомъ графинь Браницкой и Литты, княгинь Голицыной и Юсуповой, что ему было весьма не къ рожѣ. Четыре взрослыя дѣвки были только что молоды.

Но какъ алмазь вправленный въ олово, такъ сіяла посреди сего семейства вторая дочь Модераха, Софья Карловна, выданная за Гатчинскаго генераль-лейтенанта Аггея Степановича Пѣвцова, инспектора пѣхотной дивизіи и шефа Екатеринбургскаго полка, который въ томъ городѣ и стоялъ на квартирахъ. Мужъ поѣхалъ осматривать полки, а жену покаместъ отправилъ къ родителямъ. Она была двадцати трехъ лѣтъ. Столь милаго личика и столь пристойнаго, умнаго рокетства трудно было найдти. Отъ ея взоровъ и рѣчей все наше отдѣленіе вдругъ воспламенилось; самъ ледяной Сухтеленъ началъ таять, а бѣдный нашъ Нелидовъ! Онъ не на шутку влюбился, за то болѣе всѣхъ и полюбился; впрочемъ, и каждый изъ насъ сначала могъ считать себя предпочтеннымъ. Чудесная сія женщина была вмѣстѣ съ тѣмъ и просвѣщеннѣйшая изъ всѣхъ тѣхъ, коихъ дотолѣ я видѣлъ; свободно выражаясь на иностранныхъ языкахъ, наслаждалась всѣми цвѣтами литературы и въ преддверіи Азіи, читая журналы, знала все, что про-

исходить въ Европѣ. Разумѣется, что нашъ отъѣздъ былъ еще отложенъ; насъ тотъ же день пригласили еще на вечеръ.

Исключая Сухтелена (старика и брата генераль-инженера), Модерахъ почти никого изъ насъ не замѣчалъ. Надобно думать, что старшія дочери, въ отсутствіе наше, шепнули ему что-нибудь для насъ выгодное, представивъ людьми довольно порядочными и, можетъ-быть, кто знаетъ, женихами для меньшихъ его дочерей; потому что вечеромъ былъ онъ внимательнѣе и привѣтливѣе къ намъ. Были собраны какіе-то два-три аматёра, чтобы сопровождать (аккомпанировать) одну изъ сихъ младшихъ дочерей, которая передъ нами хотѣла блеснуть музыкальнымъ искусствомъ, довольно страннымъ для женщины: она играла на скрипкѣ. Но еслибъ она играла и на контрабасѣ, то я мало бы тому удивился, бывъ совершенно углубленъ въ созерцаніе сестры ея, Пѣвцовой *). Сія чародѣйка, желая продлить наше пребываніе въ Перми, заставила зятя своего, Энгельгардта, пригласить насъ на другой день къ себѣ обѣдать. Третій день, 22 Юля, былъ табельный, именины императрицы Маріи Θεодоровны, въ который генераль-губернатору надлежало дать официальный обѣдъ. Какъ Модерахъ былъ бѣденъ и расчетливъ, то отпраздновали мы сей день партикулярнымъ образомъ. На обѣдъ, на балъ и на ужинъ пригласилъ насъ Пермскій амфитріонъ, губернской казначей Дягилевъ, у котораго въ этотъ день жена была именинница. Мы было хотѣли отговориться, но Софья Карловна намъ не велѣла. Мы знали одно только семейство Модераха; тутъ увидѣли мы все Пермское общество, и я нашелъ, что оно двумя десятками годовъ отстало отъ Пензенскаго и Казанскаго. Мущины безъ всеижайшаго поклона не подходили къ дамамъ и говорили имъ съ безпрестаннымъ словоерсомъ. Итакъ вмѣсто однѣхъ сутокъ, прожили мы почти пять, и только 23 Юля вырвались изъ пустаго города, оживленнаго присутствіемъ одного превосходнаго существа.

Объ немъ были всѣ помышленія, всѣ разговоры согласныхъ соперниковъ въ первый день разлуки съ нимъ; но дорожныя впечатлѣнія, какъ бы сильны ни были, скоро изглаживаются новыми. На другой же день, по прибытіи въ уѣздный городъ Кунгуръ, свѣжія прелести двадцатилѣтней городничихи, княгини Маматгазиной, жены шестидесятипятилѣтняго городничаго, насъ взволновали: взоры ея и даже слова сулили намъ счастье и конечно по одиночкѣ каждому умѣли бы дать его; но къ сожалѣнію, мы ѣхали толпой и не могли долго останавливаться.

*) Будучи вдовою, она была назначена начальницей Екатерининскаго Института въ Москвѣ.

Городъ Кунгуръ, самый старинный въ Пермской губерніи, былъ прежде мѣстопребываніемъ воеводы и, такъ сказать, столицей Біарми или Великой Перми, когда города сего имени еще не было. Онъ не имѣлъ и третей доли пространства занимаемаго Пермью, за то жителей втрое болѣе. Все въ немъ возвѣщало жизнь и дѣйствіе, и онъ казался въ отношеніи къ Перми какъ плотный, здоровый старичокъ, невысокаго росту, къ длинному, вытянутому юношѣ, который едва держится на ногахъ. Строеніе въ немъ было довольно не регулярно; но оно стоитъ на высокомъ мѣстѣ, въ пріятномъ положеніи и орошается двумя рѣчками, конхъ берега столь же красивы какъ и названіе: ихъ зовутъ Ирень и Сильва.

Съ самаго вѣзда въ Пермскую губернію ощутительна въ ней становилась рука Модераха: онъ устроилъ въ ней такія дороги, съ которыми можно было бы обойтись безъ шоссе. Посыпты горы, накатаны, убиты дороги, со спусками для воды въ канавы, прорытыя по бокамъ; для предохраненія откосовъ горъ отъ осыпи, укрѣплены онѣ простыми плетнями во всю ихъ высоту и за нихъ брошены сѣмена разныхъ растений; проростая сквозь сіи плетни, обвивая ихъ и покрывая ихъ цвѣтами онѣ давали имъ видъ пестрыхъ тканей и зававѣсокъ. По ту сторону Перми дороги сіи недавно были кончены, а къ Кунгуру и за нимъ уже успѣли утвердиться. Къ несчастію, да, точно можно сказать, къ несчастію, черезъ нѣсколько лѣтъ провѣдали о томъ въ Петербургѣ и, видя съ какими малыми средствами и какъ успѣшно произведены сіи работы, вздумали имъ подражать. Забыли только, что Модерахъ дѣлалъ все исподволь, годъ за годомъ, со знаніемъ пиженера и съ бережливостію Нѣмца. Въ Великороссійскихъ же нашихъ губерніяхъ, гдѣ всему велятъ кипѣть, построеніе новыхъ дорогъ перепортило, истребило только старыя, разорило жителей, обогатило надсмотрщиковъ и губернаторамъ доставило награды.

Въ пятидесяти верстахъ отъ Кунгура, начинается непримѣтно постепенное возвышеніе Уральскаго хребта, и тутъ ступаешь на землю, чреватую металлическими богатствами. Тутъ, не далеко въ сторонѣ отъ большой дороги, верстахъ въ двухъ, находится желѣзный Суксунскій заводъ, принадлежавшій Николаю Никитичу Демидову. О его роскоши и о скупости вмѣстѣ гласятъ Россія, Франція и Италія; но знаетъ ли кто, слыхалъ ли кто о безпримѣрномъ гостепріимствѣ, заведенномъ имъ на Суксунскомъ заводѣ? Всякій проѣзжій, какого бы званія онъ ни былъ, въ одиночку или съ обозомъ, казеннымъ или собственнымъ, имѣетъ право на семь заводѣ остановиться и требовать, чтобы въ экипажахъ или повозкахъ его починки, какъ бы велики ни были, сдѣланы были даромъ. Сего мало: во все время чтò продолжается

сія починка, имѣеть онъ, также даромъ, квартиру со столомъ, а въ зимнее время съ отопленіемъ и съ освѣщеніемъ.

Сими щедротами мы воспользовались и хорошо сдѣлали, что въ этомъ случаѣ не поспѣсивились. Наши экипажи были въ жалкомъ состояніи по неопытности или небрежности служителей при насъ находящихся, и мы о томъ не догадывались; по осмотру оказалось, что потребуется по крайней мѣрѣ полторы сутки на ихъ совершенную починку. Намъ отвели просторный и покойный домъ, достаточно снабженный мебелью, и доставили съѣстныхъ припасовъ сутокъ на трое. Управитель Пермиковъ, простой крестьянинъ съ бородою, котораго по всей справедливости можно было назвать господиномъ Пермиковымъ (такъ онъ былъ уменъ и учтивъ), явился къ намъ, какъ сказалъ онъ, за прибавленіями и съ просьбою посѣтить его жилище. Оно было въ каменномъ домѣ о двухъ этажахъ, съ преобладающимъ садомъ надъ преобладающимъ прудомъ; полы лоснились чистотою; главнымъ украшеніемъ просто выбѣленныхъ комнатъ были картины, довольно искусно писанныя на жести; всѣ онѣ были произведенія мастеровъ другаго дальняго Демидовскаго завода, называемаго Тагильскимъ. Отъ скуки ходили мы бродить по окрестностямъ и находили мѣста живописныя; когда бы не климатъ, тутъ можно бы было вѣкъ остаться. Производства работъ на заводѣ мы не могли видѣть, ибо рабочіе лѣтомъ трудятся въ полѣ.

Русское населеніе, по большой Сибирской дорогѣ, какъ будто на двое разрѣзываетъ Пермскую губернію, отбросивъ Пермиковъ, Зырянъ и Вогуличей, корейныхъ, первобытныхъ жителей на Сѣверъ, а на Югъ Тептерей и Башкирцевъ. Сіи послѣдніе не разъ бунтовали и принимались за оружіе; для обузданія ихъ выстроено было рядъ крѣпостей по восточной отлогости Урала. Когда Башкирцы присмирѣли, укрѣпленія пали, и только имена крѣпостей Ачитской, Бисерской, Киргишанской, Кленовской сохранились селеніямъ заступившимъ ихъ мѣсто. Мы мѣняли въ нихъ лошадей; одно только, называемое Кленовская крѣпость, мнѣ показалось примѣчательно и осталось памятно по ужасу произведенному во мнѣ мѣстами его окружающими, мрачнымъ сосновымъ лѣсомъ, оврагами, пропастями, на каждой верстѣ встрѣчаемыми.

Казенный Билимбаевскій заводъ находился на самой вершинѣ Урала; слѣдующая же за нимъ станція Рѣшета на противоположномъ спускѣ. Мы не замѣтили какъ перевалились черезъ эту знаменитую цѣпь Уральскихъ горъ; болѣе ста верстъ, все на изволокъ взвѣзжали мы и немного круче стали спускаться. Ужаснѣйшая гроза встрѣтила насъ на рубежѣ Европы и Азіи; молнія поминутно сверкала, дождь водопадомъ лился съ неба, и эхо невидимыхъ для насъ горъ повторя-

ло сильныя громовыя удары. Это принудило насъ болѣе двухъ часовъ остановиться въ Билимбаевѣ. Ручей болѣе чѣмъ рѣчка, Чусовая (последняя, на сей сторонѣ Урала) ниспадающая съ горъ, отъ дождевой воды до того раздулась, что черезъ нее нужно было сдѣлать переправу; это еще насъ остановило, такъ что въ этотъ день опоздали мы прїѣздомъ въ Екатеринбургъ, отъ котораго находились менѣе чѣмъ въ пятидесяти верстахъ.

Сосѣдству съ первыми въ Россіи золотыми прїисками обязанъ сей городъ своимъ рожденіемъ; за два года до кончины своей Петръ Великій окрестилъ его во имя супруги своей, съ прибавкою неизбѣжнаго для всѣхъ новосозидаемыхъ при немъ городовъ Нѣмецкаго бурга; при Биронѣ, кажется, учрежденъ въ немъ первый бергамтъ. Городá, подобно людямъ, наружностію показываютъ свои лѣта. Екатеринбургъ не былъ старикъ, какъ Кунгуръ, ни мальчикъ какъ Пермь: въ немъ было чувствительно недавнее, но не вчерашнее. По сю сторону длинной плотины черезъ рѣку Исеть, приводящую въ движеніе шлифовальныя и золотопромывальныя фабрики, помѣстили насъ въ просторномъ двухъ-этажномъ деревянномъ домѣ. Онъ намъ показался новостію, потому что былъ построенъ совсѣмъ по образцу Молдавскихъ домовъ, съ длинною и широкою поперечною комнатою, съ четырьмя малыми по четыремъ ея угламъ, съ крытою галлереей вокругъ всего дома и съ верхнимъ этажемъ, совершенно подобнымъ нижнему.

Домъ сей былъ ветхъ и запущенъ; давно уже не жила въ немъ владѣлица его, довольно богатая заводчица, госпожа Фелицата Турчанинова *). Ея имущество, тогда еще въ однѣхъ рукахъ, сравнивала одна умная женщина съ порядочнымъ слиткомъ золота, который расколосъ на кусочки между тремя сыновьями ея и пятью дочерьми, Титовой, Кокошкиной, Ивеличевой, Зубовой и Колтовской; послѣ нихъ же кусочки разлетѣлись на блески, за которыя третье поколѣніе, кажется, по сю пору грызется и рѣжется.

Мы пробыли три дня въ Екатеринбургѣ, не познакомившись ни съ кѣмъ изъ его жителей. Пользуясь прекраснѣйшею погодою, мы предпочли гуляя, осматривать все примѣчательное въ немъ; видѣли какъ промываютъ въ немъ золото, какъ изъ большой глыбы желтокрасноватаго песку добывается металла менѣе чѣмъ на полчервонца; заходили въ мастерскія, гдѣ для Петербургскихъ дворцовъ отдѣлываются

*) Между постоянными нашими образцами, Французами, въ этой свободной землѣ, гдѣ всѣ рабы моды, завелся обычай, чтобы къ фампльному имени знаменитостей всегда прибавлять крестное. По неволѣ дѣлаясь подражателемъ, я назвалъ Фелицату Турчанинову, какъ бы Амабль Тастю, Делфинну Ге или Жоржъ Зэпда.

огромной величины и превосходной работы, малахитовыя, порфиroyыя, яшмовыя разныхъ цвѣтовъ вазы, также табакерки и другія издѣлія для продажи. Ходили за городъ, видѣли лагерь Екатеринбургскаго пѣхотнаго полка, коего шефа, мужа нашей Пѣвцовой, все еще не было; подлѣ самаго почти лагера любовались богатыми, тамъ дешевыми, мраморными памятниками надъ усопшими, въ монастырѣ поставленными.

Отъ Екатеринбурга пролегають двѣ дороги во внутренность Сибири: одна идетъ на Тобольскъ, другая чрезъ уѣздный городъ Ишимъ, и послѣдняя тремя стами верстами короче первой. Мы избрали послѣднюю, тѣмъ болѣе, что на ней было для насъ приготовлено большее число лошадей. Съ первой станціи Косулиной, гдѣ дорога дѣлится на двое, своротили мы вправо и чрезъ нѣсколько часовъ пріѣхали на казенный, чугуноплавильный Каменскій заводъ. Какъ для жителей Петербурга отработка чугуна не представляетъ ничего новаго, то и отклонили мы предложеніе идти смотрѣть ее; но какъ заводы въ Сибири суть настоящіе города, то и воспользовались приглашеніемъ управляющаго провести у него вечеръ и ночь. Это было съ 31-го Юля на 1-е Августа. Когда мы встали чтобы продолжать путь, то съ чувствомъ не совсѣмъ пріятнымъ нашли, что воздухъ сдѣлался вдругъ гораздо свѣжѣе; и въ Россіи Августъ почитается осеннимъ мѣсяцемъ, а мы ѣхали въ Сибирь.

Мы стали болѣе торопиться, чтобы менѣе времени провести въ дорогѣ, и для того начали скакать день и ночь. Такимъ образомъ рѣшительно не видѣлъ я заштатнаго города Долматова, ибо спалъ, когда перемѣняли въ немъ лошадей; въ уѣздномъ же за тѣмъ городѣ Шадринскѣ мы едва кое-что успѣли перекусить. Спѣшили, мучились мы напрасно, проѣзжая чрезъ мѣста изобильныя, пріятныя, гдѣ вездѣ можно было найти припасы и чистые, удобные ночлеги; тамъ только, гдѣ нѣтъ ихъ, надобно вести екакую жизнь въ коляскѣ. Чрезмѣрно уставши, на общемъ совѣтѣ положили мы остановиться и переночевать въ селѣ Сопининѣ и тамъ проститься съ Пермскою губерніей и Модерахомъ, то-есть съ прекрасными его дорогами. Однакоже въ этомъ селеніи не могъ я много отдохнуть: мнѣ отвели особую избу, гдѣ первый разъ въ жизни увидѣлъ я человѣка съ рваными ноздрями; это былъ ея хозяинъ. Каюсъ въ своей трусости: я заставилъ солдата нашего отдѣленія ночевать съ собою.

Грустною улыбкой встрѣтила насъ Тобольская губернія: стало опять жарче, но небо покрылось сѣрыми тучами, и теплый, тихій, мелкій дождикъ началъ портить дорогу и безъ того незавидную, когда мы прибыли на станцію Мостовскую, людное и зажиточное селеніе съ самымъ живописнымъ мѣстоположеніемъ. Послѣ этой станціи, отѣхавъ

верстѣ сто, за рѣчкою Тоболомъ, которая шириною съ Каму, природа начинаетъ примѣтно дурнѣть, болотныя мѣста показываются чаще, и лѣсъ становится мельче. Тутъ, на одной изъ станцій, помнится Голышмановой, остановились мы въ необыкновенномъ жилищѣ, составленномъ изъ четырехъ флигелей, соединенныхъ между собою переходами. Хозяинъ съ бородой и въ простомъ крестьянскомъ платьѣ встрѣтилъ насъ съ учтивостію и привѣтами образованныхъ людей; на скромный вопросъ кѣмъ-то изъ насъ сдѣланный: кто онъ таковъ,—отвѣчалъ онъ нахмуясь и очень сухо, что простой мужикъ; потомъ удалился и не возвращался, но прислалъ намъ довольно порядочный обѣдъ.

На безлюдьи, говорить пословица, и Тома челоуѣкъ, и въ малонаселенныхъ мѣстахъ смотреть на малые города почти какъ на маленькія столицы; мы сами, Петербургскіе жители, подъѣзжая къ Ишиму, видѣли въ немъ какъ будто нѣчто важное. Этотъ чистенькій городъ былъ не очень малъ. Во время нашего проѣзда гордился и славился онъ тѣмъ, что былъ мѣстомъ рожденія колежскаго совѣтника Бакулина, перваго министра, то-есть правителя канцеляріи господина Селифонтова, генераль-губернатора всея Сибири, и лѣтнимъ мѣстопробываніемъ госпожи Бакулиной, которая въ немъ жила и царствовала. Я самъ видѣлъ, какъ, встрѣтясь на улицѣ съ сопровождавшимъ насъ въ прогулкѣ городничимъ, она величественно, почти повелительно съ нимъ говорила и какъ подобострастно, съ непокрытою и опущенною головою, отвѣчалъ онъ ей. Увы, все это могущество и слава скоро должны были исчезнуть какъ дымъ!

Отъѣхавъ верстѣ триста отъ Ишима, у станціи Крупенской, мы переправились черезъ знаменитый Иртышъ, въ водахъ котораго погибъ Ермакъ, нашъ Кортесъ, нашъ Пизарро. Я тогда прочелъ еще немного Русскихъ стиховъ, но это немногое зналъ наизусть: какъ мнѣ обидно показалось, когда я увидѣлъ что Иртышъ, въ этомъ мѣстѣ, совсѣмъ не крутитъ и не сверкаетъ какъ у Димитріева, а въ ровныхъ берегахъ медленно катитъ желтоватую, отъ глины погустѣвшую волну.

Вдоль этой дороги, отъ самаго вѣзда въ Тобольскую губернію, находились мы въ близкомъ разстояніи отъ Сибирской линіи, по которой регулярныя войска и казаки охраняютъ эту сторону отъ вторженій Киргизъ-кайсацкихъ. Но они вѣдь не Черкесы; однакоже иногда сквозь кордонъ, не пробивались они, а прокрадывались, не отважно дѣйствовали, а говоря словами жителей, пошаливали, то-есть захватывали стада и кое-когда ихъ стрегущихъ. Разказы о томъ возбуждали если не опасенія пашп, то по крайней мѣрѣ вниманіе. Однажды, поднявъ верхъ коляски, по ровной дорогѣ, мы съ Сухтеленемъ медленно ѣхали на усталыхъ коняхъ и крѣпко заснули, какъ вдругъ про-

буждены были страшнымъ топотомъ, ржаньемъ и криками. Старикъ и молодой, оба онѣмѣли; съ ужасомъ брошенный другъ на друга взглядъ сказалъ: мы въ плѣну! Мы не смѣли выглянуть и чувствовали, что вокругъ насъ несутся эскадроны. Что же вышло? Цѣлыя сотни, «косяки», какъ ихъ тамъ называютъ, цѣлые табуны лошадей перегонялись жителями съ одного пастбищнаго мѣста на другое. Можно себѣ представить, какъ смѣшно и стыдно намъ стало самихъ себя.

Ужаснѣе сего происшествія въ сихъ ужасныхъ мѣстахъ мы ничего не видѣли. Еслибъ я былъ одаренъ живымъ воображеніемъ нынѣшнихъ Французскихъ писателей, то какими прелестными выдумками могъ бы украсить свой рассказъ; хочется, да не могу, какъ-то совѣстно: хотя я и путешествовалъ, а все лгать не выучился. Вотъ-таки, на примѣръ, недавно появился романъ г. Александра Дюма, подъ названіемъ Метръ-д'Армъ. У меня волосы становились дыбомъ, когда я читалъ о всѣхъ лишеніяхъ и мученіяхъ, претерпѣнныхъ бѣднымъ мусью Метръ-д'Армъ, на пути изъ Казани въ Тобольскъ; а между тѣмъ лѣтъ за тридцать прежде описываемаго имъ, по тѣмъ же самымъ мѣстамъ преспокойно проѣхалъ я взадъ и впередъ, находя вездѣ селенія, просторныя, чистыя, теплыя избы, въ которыхъ днемъ сытно ѣлъ, а ночью сладко спалъ. Еслибъ я имѣлъ случай встрѣтиться съ сочинителемъ, то со всѣмъ уваженіемъ къ его великому таланту, позволилъ бы себѣ сказать ему: «Послушайте, г. Александръ Дюма, не будьте правдивы, это всякому Французу дозволено; но по крайней мѣрѣ будьте сколько-нибудь правдоподобны. Вѣдь всѣ нынѣ смѣются надъ вашимъ же соотечественникомъ Левальяномъ, который никогда не бывалъ во внутренности Африки, хотя вмѣсто дичи и настрѣлялъ тамъ множество тигровъ и гіенъ. Вы также всѣхъ волковъ и медвѣдей изо всей Россіи загнали на встрѣчу вашему Метръ-д'Армъ; вы изъ нихъ составили цѣлыя полчища, и на необитаемой, безпредѣльной, снѣжной равнинѣ, при сорока градусахъ мороза и при свѣтѣ сѣвернаго сіянія, заставляете его съ ними сражаться. Несчастный, если онъ и побѣдилъ, то какъ онъ не умеръ или не сошелъ съ ума! Нѣтъ, г. Дюма, вы слишкомъ безчеловѣчны». Что дѣлать! У Французовъ такъ уже ведется: между ними есть нѣкоторыя условныя истины, которымъ они вѣрятъ болѣе чѣмъ настоящимъ.

Надобно сказать правду, что мѣста, чрезъ кои мы проѣзжали, совсѣмъ не были привлекательны красотою, что въ избахъ тараканы хозяйничали и жили въ совершенномъ согласіи съ людьми, и наконецъ, что все это было лишь приготовленіемъ къ величайшимъ непріятностямъ путешествія и къ возрѣнію на настоящее безобразіе природы. Мы приближались къ Барабинской степи.

Не знаю, можно ли дать названіе степи величайшему изъ благовъ земнаго шара? Бараба въ Сибири въ самомъ огромномъ размѣрѣ то что Понтійскія болота въ Италіи. Ниспадающія съ Апениновъ воды въ застоѣ и нагноеніи своемъ производятъ близъ Рима зловредныя испаренія; что же такое должно быть, когда низменное мѣсто, имѣющее нѣсколько сотъ верстъ длины и ширины, кажется, какъ губка, принимаетъ въ себя всю влагу трехъ цѣпей горъ, въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи его окружающихъ: Урала, Становаго или Яблоннаго хребта и Алтайскаго. Многіе полагаютъ, съ большимъ вѣроятіемъ, будто въ этомъ мѣстѣ было внутреннее море, подобное Каспійскому и Аральскому и что послѣ какого-то сильнаго переворота на землѣ, воды его утекли, неизвѣстно куда. Сіе предположеніе подтверждается изобиліемъ озеръ, по Барабѣ разсѣянныхъ: многія изъ нихъ, въ близкомъ разстояніи и соединеніи между собою, подъ именемъ Чановъ, удостоиваются названія моря.

На станціи Копьевой попали мы опять на большой Сибирскій трактъ, уже отъ Тобольска идущій: слѣдующая за нею станція Резина есть послѣдняя въ Тобольской губерніи, а послѣдующая Мурашева первая въ новоучрежденной тогда Томской. Станція сія почитается началомъ нестерпимой Барабинской степи; но еще прежде нея почувствовали мы вліяніе дурнаго воздуха. Каково намъ было слышать, что все видимое и обоняемое нами одно только вступленіе въ сіи печальныя мѣста!

Скоро прибыли мы въ столицу Барабы, посадъ Каинскъ, упраздненный было и только за годъ до насъ опять уѣздный городъ. Около него замѣтилъ я лѣсочки, наполненные одними осиновыми деревьями; сіе заставило меня думать, что названіе Каинска дано ему въ честь Каина, который за первое братоубійство осужденъ былъ трястись какъ осиновый листъ. И въ немъ были жители, былъ городничій, присутственныя мѣста и даже недостроенная каменная церковь, въ придѣлѣ которой совершалось богослуженіе. Насъ не обманули, сказавъ, что предыдущее ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что насъ за Каинскомъ ожидаетъ.

По дорогѣ были устроены гати изъ хворостины и тростника; наполняясь клейкою грязью, въ сухое время представляли онѣ гладкую и твердую поверхность, по которой скакать было легко. И этого утѣшенія судьба не оставила намъ: въ минуту нашего выѣзда изъ Каинска пошелъ частый и мелкій дождикъ и продолжался безпрерывно. Къ несчастію, былъ онъ довольно теплый и служилъ, такъ сказать, растворомъ всему ядовитому, сокрытому между мховъ, одинъ надъ другимъ цѣлыми поколѣніями поросшихъ, изъ коихъ составляется тутъ

грунтъ земли. Чѣмъ за отвратительный запахъ мы почувствовали! Какъ сгустилась атмосфера, которая въ этомъ состояніи порождаетъ обыкновенно болѣзнь, столь извѣстную подъ именемъ Сибирской язвы! Пока мы ѣхали, нѣсколько людей успѣли уже ею заразиться.

Описать же самую дорогу невозможно; о подобной ей могутъ имѣть понятіе только тѣ, кои зимой, въ дождливое время, ѣздили по Одесскимъ улицамъ. Почти не подвигаясь, плыли мы по смрадному морю, выбивались изъ сей пучины золь. Какъ жалко было смотрѣть на лошадей! Бѣдныя твари тщетно рвались, чтобы поскакать; кнута было не нужно: ихъ подстрекали тысячи живыхъ иголокъ. Почуя сырость, Сибирскія насѣкомыя, гиганты въ сравненіи съ нашими, поднялись всѣ изъ щелей, въ которыхъ прятались отъ солнечнаго свѣта и зноя. Одни скоты оставались имъ въ жертву; люди же были одѣты и замаскированы: у каждаго изъ насъ, не исключая ямщиковъ, на головѣ была сѣтка изъ лошадиной гривы, сквозь которую трудно было пролѣзть толстымъ комарамъ и мошкамъ; случалось однакоже, что, найдя скважину въ перчаткѣ, они запускаютъ чрезъ нее свое жало, и тогда на нѣсколько часовъ пухнетъ рука. На ночлегахъ вокругъ избъ и внутри ихъ защищались [мы отъ сихъ злодѣевъ безпрестаннымъ куревомъ.

Человѣкъ человѣка осуждаетъ часто на вѣчную муку; это иногда заставляло меня думать, что адъ его выдумка. И еслибъ онъ дѣлалъ сіе изъ мести, а то по большей части для своихъ выгодъ, для прибыли. Кто бы добровольно пожелалъ остаться въ Барабѣ? Конечно, правительство поступало справедливо, заселяя ее людьми, ссылаемыми за преступленія. Но чѣмъ же виноваты ихъ несчастные потомки? А впрочемъ, еслибы не было по ней цѣпи деревень, то было бы почти разорвано сообщеніе между Восточною и Западною Сибирью. Какъ эти бѣдныя жители малорослы, худощавы, какая синеватая блѣдность покрываетъ ихъ лица! Жилища ихъ однакоже не такъ дурны, какъ бы можно ожидать въ мѣстахъ совершенно безлѣсныхъ, у людей, которые ни пастыри, ни хлѣбопашцы; ибо у нихъ нѣтъ ни луговъ, ни полей, годныхъ для засѣва. Избы ихъ суть постоянныя дворы для безконечныхъ обозовъ, которые всю зиму тутъ тянутся. Симъ промысломъ, равно какъ и рыболовлей, живутъ они; иные наживаются и отъ того не слишкомъ жалуются на судьбу свою. Зима для нихъ лучшее время года, здоровое и прибыльное, и они начинаютъ оживать, когда природа замираетъ.

Страданія наши наконецъ прекратились; топи, туманы, дожди, непогодь, все исчезло вмѣстѣ съ Барабой. Мы благополучно достигли до Чаускаго острога, принадлежащаго вѣдомству Колывано-Воскресен-

скихъ горныхъ заводовъ. Главное ихъ мѣсто, городъ Барнаулъ, былъ губернскимъ въ бывшемъ при Екатеринѣ Колыванскомъ намѣстничествѣ, при Павлѣ упраздненномъ. Польза края заставила, при Александрѣ, учредить вновь третью Сибирскую губернію, и она въ началѣ 1804 года открыта въ Томскѣ, куда мы ѣхали. Губернаторомъ тамъ былъ Василій Семеновичъ Хвостовъ, родной дядя ѣхавшаго съ нами молодаго человѣка.

Когда мы отдыхали въ Чаускомъ острогѣ, ѣхавшій изъ Томска чиновникъ горнаго вѣдомства сказалъ намъ, что губернаторъ только что воротился изъ дальняго путешествія въ сѣверную часть своей губерніи. Молодой Хвостовъ изъявилъ Нелидову желаніе скорѣе увидѣться съ дядей; вида, что есть возможность отлучаться изъ отдѣленія, и мнѣ пришла охота ему сопутствовать, а Нелидовъ не умѣлъ иначе сдѣлать какъ дать свое согласіе на наши предложенія. И такъ въ ту же ночь, вдвоемъ, поскакали мы въ Томскъ.

Селенія, черезъ кои мы проѣзжали, принадлежали всѣ горному управленію. Меня удивили въ нихъ просторъ и опрятность двухъ-этажныхъ деревянныхъ домовъ и видъ довольства и зажиточности мужиковъ; не знаю, къ чему отнести ихъ благосостояніе, къ собственному ли ихъ трудолюбію, къ мѣстнымъ ли выгодамъ, или къ попеченіямъ о нихъ начальства. Къ сожалѣнію, я не могъ вполне насладиться удовольствіемъ такого зрѣлища: я бодро выдержалъ муку Барабинскую, а тутъ первый разъ еще въ дорогѣ почувствовалъ себя нездоровымъ. Во время двухчасовой переправы черезъ необъятную Обь, тутъ же среди парома варилась уха на славу, изъ самыхъ лучшихъ рыбъ, и стоила бездѣлицу; я заплатилъ за нее, но не въ состояніи былъ даже прикоснуться къ ней губами. Чѣмъ хуже я себя чувствовалъ, тѣмъ болѣе торопился своего товарища и, пробывъ въ дорогѣ не съ большимъ сутки, 18 Августа на разсвѣтѣ пріѣхалъ въ новый губернской городъ.

Губернаторъ былъ уже на ногахъ, съ нѣжностію облобызалъ племянничка и со мною обошелся очень ласково. Между тѣмъ я успѣлъ уже выздоровѣть; чѣмъ же я вылѣчился? Чѣмъ такъ часто лѣчится молодость: однимъ краснымъ днемъ. Домъ, который занималъ Василій Семеновичъ, былъ незавидный, разумѣется, для губернатора. Будучи вдовъ и безъ семейства, сказалъ онъ, помѣщеніе для него одного кажется ему достаточнымъ; но только жалѣеть о томъ, прибавилъ онъ, что не можетъ удержать у себя столь любезныхъ гостей. И потому какъ можно ближе отъ себя приказалъ намъ отвести покойную квартиру.

Онъ былъ человѣкъ тучный, тяжеловѣсный, степенный и разсудительный, всю живость ума предоставившій брату своему Александру Семеновичу; лицо онъ имѣлъ багровое, говорилъ тихо и размѣрно, дѣйствовалъ осторожно, однакоже не медленно. Если прибавить къ тому, что онъ былъ самыхъ честныхъ правилъ и исполненъ человѣколюбія, то надобно признаться, что лучшихъ качествъ для занимаемаго имъ мѣста требовать не можно. Впослѣдствіи увидимъ, какъ съ нимъ было поступлено. Въ Томскѣ видна была прочная основа для губернскаго города. Замѣтно было, что онъ поднялся самъ собою, выросъ естественнымъ образомъ, безъ усилій правительства, и что, слѣдую теченію времени, онъ отъ младенчества постепенно перешелъ въ зрѣлый возрастъ. Въ немъ считалось болѣе восьми тысячъ жителей и шесть или семь каменныхъ церквей, исключая двухъ; дома же всѣ были деревянные. Общества никакого не было; мѣста еще не всѣ были заняты, а тѣ, кои на нихъ были назначены, не всѣ еще прибыли.

У губернатора за обѣдомъ, къ удивленію нашему, встрѣтили мы Доврѣ съ его свитскими офицерами. Они ѣхали еще тише насъ; дорогой фуры ихъ всѣ поломались, и уже нѣсколько дней жили они въ Томскѣ, чтобы совершенно ихъ вычинить; нетерпѣливый Шубертъ съ сыномъ ускакалъ впередъ. Впрочемъ это было уже не въ первый разъ, что мы догоняли и обгоняли посольскіе транспорты, которые тѣми же причинами были останавливаемы; также и они насъ обгоняли иногда. Порядокъ шествія нашего былъ вовсе разрушенъ. Цѣлыми сутками послѣ насъ прибылъ Нелидовъ съ Сухтеленемъ, когда еще Доврѣ не уѣхалъ, и чтобъ имѣть лошадей въ дорогѣ, по неволѣ должны были они на нѣсколько дней тутъ остановиться.

Скучно, томительно было намъ въ Томскѣ. Губернаторъ былъ человѣкъ прекрасный, даже багровый, сказалъ я выше, но слишкомъ серьезный, и предметы разговоровъ его мнѣ казались совсѣмъ не занимательны; Сухтелену полюбился онъ болѣе всѣхъ, ибо хорошо кормилъ насъ. Дни стояли ясные, но начинали коротѣть, а ночью небо покрывалось обыкновенно тучами, такъ что зги было не видать. Нелидовъ съ отдѣленіемъ жилъ на другомъ концѣ города, въ полуторѣ верстѣ отъ насъ и спозаранку убирался домой; во всемъ городѣ мало еще было дрожекъ, а объ извозчикахъ уже и не спрашивай; чтобъ увидѣться съ своими товарищами, должны мы были ночью съ фонаремъ въ рукахъ странствовать по пустымъ улицамъ.

Вдругъ прискакалъ курьеръ съ извѣстіемъ, что за нимъ слѣдуетъ самъ посоль со свитою своею. Какая быстрота и какая дѣятельность! Онъ только въ половинѣ Іюля оставилъ Петербургъ и въ одинъ мѣсяцъ успѣлъ не только сдѣлать 4500 верстъ и промчатся черезъ во-

семь или девять губерній, но на бѣгу обрѣзывать въ нихъ дѣла и на лету написать о томъ донесенія. Мы ахнули, ибо Доврѣ только что наканунѣ выѣхалъ: посоль, можетъ быть, не захочетъ остановиться, мы должны будемъ его пропустить, на нѣсколько дней остаться въ Томскѣ и обратиться въ хвостъ главы нашей, Головкина.

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ пріѣзда курьера узнали мы, что губернаторъ поѣхалъ самъ встрѣтить посла на берегу рѣки Томи и проводить его оттуда въ приготовленный для него каменный домъ купца Мыльниковъ, лучшей въ городѣ. Мы не замедлили туда явиться во всей формѣ и были привѣтствованы мило. Мы нашли его окруженнаго Байковымъ, Ламбертомъ, Нарышкинымъ, Доброславскимъ, Реманомъ; другіе чиновники еще не прибыли, а нѣкоторые съ его дозволенія изъ Екатеринбурга отдѣлились отъ него, чтобы взглянуть на Тобольскъ. Онъ объявилъ намъ, что намѣренъ три дня пробыть въ Томскѣ, чтобы осмотрѣть присутственныя мѣста; они едва были открыты, и крайней надобности въ томъ не было, но отъ Екатеринбурга скакалъ онъ безъ памяти, и ему хотѣлось отдохнуть. Вслѣдствіе того и приказалъ онъ намъ немедленно отправиться и дожидаться его въ первомъ городѣ, до котораго однакоже было еще пятьсотъ верстъ.

Мы съ Хвостовымъ преспокойно легли спать и на другой день не слишкомъ рано отправились. На второй станціи нашли мы Клемента, Гельма и нашъ обозъ, примкнули къ нимъ и вмѣстѣ пустились гнаться за Сухтеленемъ и Нелидовымъ, которые, желая въ точности выполнить приказаніе начальника, еще до свѣту выѣхали. Мы догнали ихъ только ночью на одной станціи, на которой рѣшились они нѣсколько часовъ отдохнуть и насъ дожидаться.

Мы шибко ѣхали тѣми безпредѣльными лѣсами, которые неизвѣстны старому міру. Во времена Тацита существовали они въ отчизнѣ Тевтоновъ, въ глухой тогда Германіи и имъ были описаны; въ Америкѣ поэтически вдохновенъ ими былъ Шатобрианъ; въ Засурскомъ лѣсѣ вдѣлъ я ихъ обрацкъ. Но не мнѣ дано изобразить ихъ величественный ужасъ. Гдѣ мы ни ѣхали дотолѣ, псключая Барабинской пустыни, вездѣ пахло жильемъ; а тутъ начинаешь чувствовать отсутствіе населенія. Правда, каждая станція деревня, но другихъ мы не видѣли; еще далѣе, и находишь болѣе почтовыхъ дворовъ, нежели селеній. Между тѣмъ положеніе мѣстъ становится тутъ опять болѣе и болѣе гористо. Ачинская крѣпость, тогда посадъ, а послѣ насъ уѣздный городъ Ачинскъ, вѣроятно былъ укрѣпленъ не для защиты отъ непріятелей, а отъ разбойниковъ, въ ущельяхъ гнѣздившихся. Слѣдуютъ за тѣмъ двѣ ужасныя станціи, Большія и Малыя Кемчуги, каждая по 35 верстъ; пространство между ними наполнено вертепами.

Посреди сихъ мрачныхъ мѣстъ находится открытое, и на немъ является вамъ чистенькій и веселенькій городокъ: это Красноярскъ, гдѣ намъ вѣдѣно было дожидаться проѣзда посла. Мы все подвигались на Востокъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и на Югъ, и отъ того-то внутри Сибири, къ концу Августа, въ Красноярскѣ встрѣчены еще были красными днями. Что можетъ быть лучше? Мы имѣли жаръ съ прохладой. Впрочемъ, не насъ однихъ погода хотѣла собой попотчевать: она тутъ круглый годъ поступаетъ такъ съ жителями, какъ они насъ увѣряли. Болѣе двѣнадцати пасмурныхъ дней не бываетъ у нихъ въ году, сказывали они намъ, то-есть по одному на мѣсяць, и обыкновенно въ эти дни или сыплетъ снѣгъ, или ливня льетъ дождигъ, покрываетъ или освѣжаетъ землю, а потомъ дѣлается опять чисто, дѣлается жаръ или морозъ. Не завидно ли это покажется Петербургскимъ жителямъ и особливо жительницамъ? Старухи шестидесяти и болѣе лѣтъ сохраняютъ въ этомъ чудномъ городкѣ здоровье и всѣ признаки его: бѣлые зубы, алая щеки и черные волосы. Величайшимъ же украшеніемъ Красноярску служитъ Енисей, рѣка-море, которой нѣтъ равной, нѣтъ подобной ни въ Европѣ, ни въ Россіи. Здѣсь не клубится безпредѣльный Енисей, какъ сказалъ первый изъ нынѣшнихъ нашихъ поэтовъ *), можетъ быть далѣе, можетъ быть въ другое время, а передъ нами столь же величаво, какъ и быстро, катилъ онъ прозрачныя, какъ стекло, студеныя струи свои. А за нимъ вдали, какъ будто вблизи, рисовались и красовались высокія Саянскія горы, отрасль Алтайскихъ. Величайшая изъ нихъ казалась досягаемою для руки, а была въ 20 верстахъ отъ Енисея; отличающая ее отъ другихъ горъ нагота служила доказательствомъ недавняго ея существованія: лѣтъ за пятьдесятъ передъ тѣмъ, силою подземнаго огня, часто тутъ колеблющаго землю, была она вытолкнута изъ нѣдръ ея и воздвигнута на этомъ мѣстѣ.

Насъ посѣтилъ одинъ ученый, который имѣлъ постоянное пребываніе въ этомъ городѣ. Г. Спасскій посвятилъ себя изысканію всѣхъ предметовъ, могущихъ сколько-нибудь объяснить древность Сибири. Онъ полагалъ, что вѣроятное переселеніе черезъ нее народовъ должно было оставить за собою ихъ слѣды, и всюду искалъ его. Для того лазилъ онъ по горамъ, списывалъ на ребрахъ ихъ изсѣченныя надписи на непонятномъ языкѣ, съ удивительнымъ чутьемъ угадывалъ мѣста старыхъ могилъ и довольно удачно иногда въ нихъ рылся. Такимъ образомъ составилъ онъ себѣ изрядный музей изъ хартій, оружія и маленькихъ бурхановъ или мѣдныхъ идоловъ. Труды его были признаны полезными, одобряемы и поддерживаемы Академіей Наукъ.

*) А. С. Хомяковъ. П. Б.

Знатные люди въ Россіи ничего долго вынести не могутъ, ни труда, ни покоя, ни даже веселья. Графъ Головкинъ прискакалъ, когда мы еще не ожидали его, кажется, на другой день послѣ насъ; побѣждалъ взглянуть на стѣны присутственныхъ мѣстъ, пригласилъ насъ къ себѣ обѣдать, много шутилъ за столомъ, а послѣ обѣда опять сѣлъ въ коляску. Черезъ два дня и мы за нимъ послѣдовали.

Отъ Канскаго острога, нынѣ города, и рѣки Кана, одной изъ главнѣйшихъ между второстепенными Сибирскими рѣками, начиналась Иркутская губернія. Безконечный лѣсъ и тутъ продолжаетъ тянуться въ ужасной красотѣ съ столѣтними дубами своими, вѣковыми кедрами и необъятными лиственницами. Одно происшествіе, тутъ случившееся со мною, довольно ужасно, чтобы рассказать здѣсь объ немъ. Начинало смеркаться, и тучи заволакивали небо. Сухтеленъ пожелалъ остановиться на весьма хорошемъ почтовомъ дворѣ, куда мы пріѣхали. Спѣшить было не къ чему; но я рассчитывалъ, что еще рано, что мы легко можемъ сдѣлать одну станцію, мнѣ хотѣлось выиграть ее, и я уговорилъ Нелидова не слушать старика. Онъ разсердился на меня за то и не пустилъ къ себѣ въ коляску; я же преспокойно залегъ въ кладовую, на этотъ разъ ссылочную мою бричку и крѣпко заснулъ, лишь только тронулись съ мѣста. Жестоко былъ я наказанъ за неуваженіе къ старости: когда я проснулся, измученныя лошади, самыя худшія изъ всѣхъ, которыхъ намъ дали, стояли неподвижно, не смотря на успія и побои ямщика и моего Гаврилы; а между тѣмъ дождь, котораго во снѣ не слыхалъ я, болѣе часа лилъ какъ изъ ведра. Ночь была такая, что хоть глазъ выколи, а отъ спутниковъ моихъ мы давнымъ-давно отстали. Мнѣ объявлено, что другаго средства нѣтъ, какъ отпрячь одну изъ четырехъ лошадей, самую крѣпкую, сѣсть на нее и шажкомъ за свѣжими конями поѣхать на станцію, до которой однакоже было болѣе шести верстъ. Меня взяло раздумье, кому изъ насъ ѣхать. Страшная рожа ямщика, которую видѣлъ я съ вечера, и грубый, охрипый голосъ его, который я слышалъ, заставляли меня подозревать со стороны его дурной умыселъ—привести къ намъ своихъ товарищей; оставаться съ нимъ было не весело, а ѣхать одному, лѣсомъ, въ такую ночь, также не совсѣмъ было пріятно. Я рѣшился однакоже на послѣднее; перекрестясь, тряхъ-тряхъ потащился я верхомъ, весь орошаемый сверху шумнымъ водопадомъ. Сбиться съ пути было невозможно: широкая просѣка шла на тысячу верстъ, боковыхъ, проселочныхъ дорогъ не было. Не знаю, проѣхалъ ли я болѣе половины лежащаго мнѣ пространства, какъ вдругъ услышалъ въ лѣсу страшное завываніе стаи волковъ. Я обмеръ; конь мой вздрогнулъ, то останавливался, то пытался идти рысью. Снаружи леденѣлъ я отъ сы-

рости и холода, снутри кровь начинала застывать въ жилахъ моихъ. Машинально, безъ памяти сидѣлъ я, и теперь не понимаю какъ меня пронесло.

Привычный конь самъ собою остановился у крыльца почтоваго дома, изъ котораго высыпали любопытные. Меня должно было снять, и всѣ изумились моею блѣдності, когда ввели меня въ комнату. Разспрашивать было нечего: еще и тутъ былъ слышанъ вой. Когда я немного опомнился, первое слово мое было моленіе о помощи оставленнымъ мною въ лѣсу, и тотчасъ за ними были посланы вооруженные ямщики. Всѣ съ безпокойствомъ старались меня отогрѣть, напоить горячимъ; самъ Сухтеленъ много хлопоталъ, сопровождая однакоже заботливостъ свою ворчаньемъ и упреками. Странно, что я забылъ названіе сихъ станцій: видно, страхъ отшибъ у меня память.

Слѣдующую ночь провели мы въ жалкомъ городѣ Нижнеудинскѣ, въ которомъ отъ общества выстроенъ былъ особый домъ для проезжихъ по казенной надобности. Мы еще не успѣли встать съ постели, какъ явилось четыре проезжихъ, именно тѣ, кои, сопутствуя послу, оставили его, чтобъ увидѣть Тобольскъ: Васильчиковъ, Бенкендорфъ, Гурьевъ и Перовской. Мы одѣлись и, заказавъ общій большой обѣдъ, пошли съ ними прогуливаться не столько по городу какъ вокругъ его: ибо въ немъ видѣть было нечего. Такъ-какъ эти господа ѣхали въ двухъ коляскахъ, и не могло быть большой разницы въ числѣ лошадей, то и согласились мы отправиться компаніей до Иркутска, къ которому подѣзжая, казалось, мы на послѣдней станціи; и дѣйствительно, до него оставалась бездѣлица, всего только пять-сотъ верстъ. За обѣдомъ, Бенкендорфъ довольно разсѣянно сказалъ намъ одну вѣсть, которую мы столь же равнодушно и спокойно приняли: въ Тобольскѣ получено было извѣстіе, что гвардія начинаетъ выступать изъ Петербурга. Противъ кого? Да, разумѣется, противъ Французовъ; когда мы воротимся изъ Пекина, то успѣемъ еще узнать о побѣдахъ нашихъ, подумалъ я.

Менѣе сутокъ проѣхали мы вмѣстѣ съ нашими же новыми товарищами; наша медленность, тяжесть нашихъ фуръ, дурная привычка каждый день ночевать, имъ не понравились, и они насъ кинули. Однакоже, на бѣду одного изъ нихъ, рѣшились они переночевать въ одной деревнѣ, на берегу широкой рѣки, которой имя не вспомню: ихъ было такъ много. Гурьевъ не согласился, оставилъ коляску свою Бенкендорфу, а самъ съ однимъ слугою, переправясь черезъ рѣку, поскакалъ въ перекладной телѣгѣ, чтобы первому явиться къ послу въ Иркутскѣ, вмѣстѣ общаго нашего сборища. Оставшіеся еще не спали, когда услышали нѣсколько глухо до нихъ дошедшихъ выстрѣловъ и думали, что

онъ въ постѣмахъ изволить тѣшиться; каково было ихъ удивленіе, когда по утру на слѣдующей станціи нашли они его истерзаннаго, почти помѣшаннаго. Вотъ что случилось съ нимъ. Едва успѣлъ онъ отѣхать три версты отъ переправы, какъ нѣкто стоявшій посреди дороги, имъ въ темнотѣ не замѣченный, схватилъ лошадей его и остановилъ ихъ. Гурьевъ, полагая, что онъ имѣетъ дѣло съ однимъ человѣкомъ, не трусилъ, выстрѣлилъ въ него и не попалъ; въ ту же минуту самъ услышалъ нѣсколько выстрѣловъ и увидѣлъ себя спереди, сзади и съ боковъ окруженнымъ вооруженными людьми, выскочившими изъ лѣса. Сопротивленіе было невозможно; они обезоружили его, связали какъ его, такъ и слугу и ямщика, и всѣхъ трехъ вмѣстѣ съ лошадьми и телѣгой поволокли въ глубину лѣса. Тамъ отыскиали они знакомую имъ поляну, остановились на ней, завязали глаза тремъ плѣнникамъ своимъ, а ихъ самихъ, стоямя, руками назадъ, привязали къ деревьямъ; потомъ разложили огонь, открыли чемоданъ и стали въ немъ копаться.

Обыскъ вѣроятно не отвѣчалъ ихъ ожиданіямъ, ибо они начали съ досадою говорить о сдѣланной ими ошибкѣ. Изъ словъ ихъ видно было, что они поджидали какого-то купческаго прикащика съ десятками тысячъ рублей, и что же нашли? немного платья, немного бѣлья, вышитый мундиръ, который могъ быть для нихъ уликой, и денегъ только что на прогоны. Пошли между ними совѣщанія, отъ коихъ бѣднаго Гурьева по кожѣ подирало; мнѣнія были несогласны: одни требовали чтобы людей зарѣзать, а лошадей и пожитки увезти; другіе, болѣе склонные къ милосердію, полагали, что надлежитъ довольствоваться малою наживой, захваченныхъ же ими слѣдуетъ выпроводить на большую дорогу, взявъ съ нихъ напередъ клятвенное обѣщаніе, что, во мзду даруемой имъ жизни, они никому не будутъ говорить о томъ что съ ними происходило. Спорили долго, наконецъ остановились на мысли одного разбойничьяго доктринера, чтобы взять деньги и золотые часы, а плѣнниковъ, не убивая и не отвязывая, предоставить произволу судьбы. Проговоръ исполненъ, они удалились.

Я не люблю Гурьева, но и до сихъ поръ не могу вспомнить безъ состраданія объ ужасѣ его положенія. Подобно мнѣ, и еще болѣе беззащитенъ, могъ онъ ожидать нападенія хищныхъ звѣрей. Занялась заря и поднялись насѣкомыя, Сибирскія страшныя насѣкомыя и начали покрывать язвами все открытыя части его тѣла. Среди этой пытки въ безпамятствѣ рвался и метался онъ, и отъ того веревки, коими онъ былъ прикрѣпленъ, вытягиваясь, оставили нѣкоторую свободу его рукамъ; онъ воспользовался тѣмъ, вооружился терпѣніемъ и наконецъ высвободилъ какъ себя, такъ и сомучимыхъ своихъ. Лошади, телѣга, чемоданъ, все тутъ было, и даже одинъ забытый разбойниками пред-

метъ, который онъ не оставилъ взять съ собою: длинный ножъ съ примѣчательною рукоятью. Не безъ труда выбрался онъ на дорогу и прѣхалъ на станцію, почти вмѣстѣ съ товарищами своими, которые эту ночь весьма спокойно проспали.

По представленному Гурьевымъ ножу, виновные были потомъ отысканы. Въ близости отъ сей дороги существовала казенная суконная фабрика, основанная при князѣ Потемкинѣ, когда сей необыкновенный человекъ мечталъ между прочимъ и о завоеваніи Китая; туда изъ Россіи ссылались на вѣчную работу люди пойманные въ разбоѣ; за ними былъ плохой присмотръ, и нѣкоторые изъ нихъ, шатаясь, по старой привычкѣ, брались за прежнее ремесло.

На свѣжіе, на горячіе слѣды прѣхали мы на станцію, черезъ нѣсколько часовъ послѣ происшествія, о которомъ съ великими подробностями рассказалъ намъ станціонный смотритель. Слѣдующую ночь, разумѣется, остановились мы, хотя находились близко отъ Иркутска. Сія ночь была послѣдняя, которую провелъ я въ обществѣ моихъ, скажу, милыхъ спутниковъ, всегда свисходительныхъ, всегда веселыхъ. Во время продолжительнаго пути кто ни ссорится? А мы два мѣсяца на большой дорогѣ жили душа въ душу.

Хотя мы и были въ Сибири, но все-таки на самомъ Югѣ ея, подъ 52-мъ градусомъ сѣверной широты, и отъ того-то Сентябрь совсѣмъ не Сентяремъ смотрѣлъ на насъ: погода стояла прекрасная, такая, какъ въ Петербургѣ иногда бываетъ она невзначай среди Августа. Въ день Рождества Богородицы, 8 числа, остановились мы въ виду Иркутска, у Вознесенскаго монастыря, вошли въ церковь, исключая еретиковъ Сухтелена и Гельма, приложились къ мощамъ Св. Иннокентія, просвѣтителя сихъ странъ. Потомъ начали мы переправляться черезъ широкую Ангару, рѣку-потокъ, съ яростію вырвавшуюся изъ Байкала; быстрѣе и прозрачѣе ея, кажется, нѣтъ рѣки въ мірѣ: на глубокомъ днѣ ея видны всѣ песчинки. Долго продолжалась церемонія нашей переправы, пбо далеко надобно было подыматься противъ теченія, чтобъ оттуда стрѣлой спуститься къ пристани. Весь Иркутскъ, на ровномъ мѣстѣ, вытянутъ ко Ангарѣ. Солнце такъ и сіяло, что придавало ему какой-то праздничный видъ, когда мы подплыли къ нему. Надобно было случиться, чтобы посоль, который жилъ на самомъ берегу, вышелъ въ это время прогуляться; но онъ вышелъ не инкогнито, а въ шитьѣ, въ лентахъ и звѣздахъ, въ сопровожденіи всей собравшейся, многочисленной свиты своей, когда кругомъ народъ валилъ, чтобы поглазѣть на его величіе. Онъ остановился у пристани и первый въ Иркутскѣ встрѣтилъ насъ ласковыми словами. Глаза мои въ толпѣ устремились на Гурьева; красныхъ пятенъ не было на лицѣ его, но онъ

похудѣлъ, и я разчелъ, что нѣсколько фунтовъ жиру должно было въ немъ растаять въ жаркую для него ночь. Тутъ же при послѣ былъ и городничій, который сталъ разводить насъ, то-есть далъ по проводнику, чтобы указать назначенную каждому изъ насъ квартиру. Въ этой суматохѣ мы не успѣли порядочно проститься.

Я еще тогда не брился, слѣдственно туалетъ мой не могъ долго продолжаться; помѣстили же меня близко отъ посла, и я поспѣшилъ къ его обѣденному столу, на который сдѣлалъ онъ намъ общее приглашеніе.

Домъ, гдѣ онъ имѣлъ жительство, былъ выстроенъ при Екатеринѣ генераль-губернаторомъ Якоби, который такъ долго начальствовалъ въ Иркутскѣ и еще долѣе находился потомъ подъ судомъ. Его называли дворцомъ, всѣ генераль-губернаторы жили въ немъ, и послѣдній, тутъ находящійся, Силифоновъ уступилъ его пріѣзжему гостю. Домъ этотъ былъ деревянный, въ одинъ этажъ, но чрезвычайно длиненъ и высокъ; комнаты были огромныя, особенно три: пріемная зала, столовая и большая гостиная; первыя двѣ были пестро расписаны по штукатуркѣ, послѣдняя обита зеленымъ атласомъ въ позолоченныхъ рамкахъ. Посвятивъ нѣсколько дней отдохновенію, посолъ первый разъ принималъ въ сихъ чертогахъ; все посольство на лицо, до пятидесяти человѣкъ вмѣстѣ наполняли ихъ и сажались за одинъ столъ, за которымъ находились и мѣстные начальники: генераль-губернаторъ Селифоновъ, бывшій военный губернаторъ генераль-лейтенантъ Лебедевъ, гражданскій губернаторъ Корниловъ, вице-губернаторъ Шишковъ и многіе другіе. Въ боковой комнатѣ гремѣла музыка, отличный поваръ Французъ приготавливалъ обѣдъ, который подавали на богатомъ казенномъ серебрянномъ сервизѣ, и тщеславный графъ Головкинъ сіялъ веселіемъ.

Начиная съ этого дня, сіи торжественныя, сіи пышныя обѣды сдѣлались ежедневными; мы имѣли право, а отнюдь не обязанность, являться на нихъ, хотя впрочемъ въ этомъ только состояла тогда вся служба наша. Мы бы могли въ пные дни пользоваться и приглашеніями Иркутскихъ жителей; мы не получили ихъ, ибо сіи жители были одни чиновники и купцы. Мы часто слышали похвалы какому-то старинному Русскому хлѣбосольству; если оно и существовало когда-нибудь, то въ одномъ только дворянскомъ сословіи: можетъ ли въ мірѣ быть что-нибудь негостепримнѣе Русскаго купечества? Обычай и тщеславіе заставляютъ нашихъ купцовъ праздновать крестины и именины, свадьбы и похороны; тогда только, безъ мѣры и безъ вкуса, кормятъ они званныхъ на убой; остальное же время, двери на запоръ, въ кругу своего семейства довольствуются они самою умѣренною, простонародною пи-

щею. Въ нашъ разсчетливый вѣкъ и дворяне начинаютъ перенимать у купцовъ. Въ знойныхъ пустыняхъ Аравіи гостепріимство между Бедуинами есть исполненіе долга, предписываемаго Кораномъ; такого гостепріимства мы имѣть не обязаны: у насъ вездѣ постоянныя дворы, заѣзжіе дома и гостинницы. Въ Европѣ гостепріимство есть слѣдствіе потребности въ общежитіи; мы его также имѣть не можемъ, ибо сей потребности не чувствуемъ.

Между Иркутскими купцами, ведущими обширную торговлю съ Китаемъ, были миліонщики, Мыльниковы, Сибиряковы и другіе; но всѣ они оставались вѣрны стариннымъ Русскимъ, отцовскимъ и дѣдовскимъ обычаямъ: въ каменныхъ домахъ большія комнаты содержали въ совершенной чистотѣ, и для того никогда въ нихъ не ходили, ежились въ двухъ-трехъ чуланахъ, спали на сундукахъ, въ коихъ прятали свое золото, и при неимовѣрной, даже смѣшной дешевизнѣ, ѣли съ семьей одну солянку, запивали ее квасомъ или пивомъ.

Совсѣмъ не таковъ былъ купчикъ, къ которому судьба привела меня на квартиру. Алексѣй Ивановъ Полевой, родомъ изъ Курска, лѣтъ сорока съ небольшимъ, былъ весьма не богатъ, но весьма торговать, словоохотенъ и любознателенъ. Жена у него была красавица, хотя уже дочь выдана замужъ; онъ держалъ ее на заперти, и мы, кажется, другъ другу очень понравились. Онъ гордился не столько ею самою, какъ ея рожденіемъ: у нихъ былъ девятилѣтній сынишка, Николай, нѣжненькій, бѣленькій, худенькій мальчикъ, который влюбленъ былъ въ грамоту и бредилъ стихами. Съ худой ли, съ хорошей ли стороны онъ теперь извѣстенъ всей Россіи. Я всякій день ходилъ обѣдать къ послу и только вечеромъ зналъ хлѣбосолецтво моихъ хозяевъ. Можно было подумать, что они хотятъ меня окормить. Насытись отъ Французскаго обѣда, я за ужиномъ безъ пощады опоражнивалъ Русскія блюда; не знаю, кого изъ супруговъ мнѣ благодарить или бранить за сіе пресыщеніе. Я думаю однакоже скорѣе жену.

Никакой нужды не имѣлъ я искать въ Иркутскѣ знакомства; я не успѣлъ еще хорошенько свести его въ Петербургъ со многими изъ моихъ товарищей, въ Иркутскѣ сдѣлалось это скорѣе, и мы проводили вечера во взаимныхъ посѣщеніяхъ. Къ счастью, погода не мѣнялась, и пѣшеходство не было для насъ тягостію. Нѣкоторые изъ насъ сочли однакоже неизлишнею учтивостію сдѣлать утренніе визиты двумъ старшимъ начальникамъ, генераль-губернатору и гражданскому губернатору, о которыхъ необходимо приходится мнѣ здѣсь говорить.

Семидесятилѣтній старецъ, Иванъ Осиповичъ Селифонтовъ, еще дюжій и плотный, хотя не весьма большаго роста, былъ въ молодости

своей морякъ. Нечаянный случай сдѣлалъ его лично извѣстнымъ Екаторинѣ, которая, угадавъ въ немъ хорошаго губернатора, въ семь званіи назначила его въ Рязань; надобно полагать, что она не раскаевалась въ семь выборѣ, потому что девять лѣтъ спустя сдѣлала его генераль-губернаторомъ Пермскимъ и Тобольскимъ. Съ упраздненіемъ сего мѣста при Павлѣ посаженъ онъ въ Сенатъ и долго слылъ въ немъ чудомъ безкорыстія и правосудія. Между тѣмъ Тобольская губернія почиталась внутреннею, а Иркутская, пограничная, находилась подъ управленіемъ военныхъ губернаторовъ. Когда въ 1803 году признали за благо изъ сихъ двухъ губерній сдѣлать три, подъ общимъ названіемъ Сибирскихъ, поставивъ надъ ними одного генераль-губернатора, то общее мнѣніе на сіе мѣсто призвало Селифонтова. Онъ сначала отговаривался и насилу принялъ должность, многотрудную для добросовѣстнаго человѣка. Онъ поселился въ знакомомъ ему Тобольскѣ и, оставивъ тамъ все семейство свое, пріѣхалъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ Иркутскъ, когда на бѣду его и на несчастіе Сибири судьба пригнала въ нее Китайское наше посольство.

Съ появленіемъ Головкина наступило полное его затмѣніе. Онъ не кичился, не соперничалъ съ нимъ, но, будучи въ одномъ съ нимъ чинѣ и званіи сенатора, не хотѣлъ слишкомъ кланяться. Отъ самой Москвы, посоль встрѣтилъ перваго человѣка, который не согнулъ передъ нимъ колѣна и почиталъ себя ему равнымъ: этого гордость его перенести не могла. Были, можетъ-быть, нѣкоторые безпорядки: на такомъ обширномъ пространствѣ какъ исправить ихъ въ короткое время? Правитель канцеляріи, Бакулинъ, немного чванился и пользовался недозволеннымъ выгодами; но отъ нихъ былъ онъ только что сытъ, а отнюдь не богатѣлъ. Ни объ одной вопіющей несправедливости мы не слышали: веселость, довольство и изобиліе между людьми простаго званія, которое вездѣ встрѣчали мы, служили явнымъ доказательствомъ добраго управленія. Грубыя шутки Байкова, которыя имѣли мы глупость повторять, дошли до жителей, а люди всегда готовы жаловаться изъ пустяковъ, когда подается имъ малѣйшій къ тому поводъ. Не знаю, что именно писалъ Головкинъ въ Петербургъ, лишь знаю, что въ доносеніяхъ своихъ представилъ положеніе Сибири въ самомъ черномъ видѣ.

Почтенный Алексѣй Михайловичъ Корниловъ, къ сожалѣнію, также не совсѣмъ ладилъ съ Селифонтовымъ, и отъ этого былъ въ большой милости у посла. Домъ его могъ почитаться единственнымъ въ Иркутскѣ; миловидная и добродушная жена его Александра Ефремовна, урожденная Фанъ-дерь-Флитъ, въ немъ угощала насъ и своею непринужденною, можно сказать, неумышленною любезностію всѣмъ правилась.

Въ день коронаціи, 15 Сентября, была она хозяйкою на многолюдномъ, и, говорятъ, престранномъ балѣ, который городу давалъ Головкинъ. Я не опишу его, ибо простудившись не былъ на немъ.

О прибытіи своемъ въ Иркутскъ, графъ Головкинъ, чрезъ нарочно посланнаго курьера на границу, увѣдомилъ Китайское правительство; вмѣстѣ съ тѣмъ сообщилъ онъ ему подробный списокъ о всѣхъ находившихся при немъ чиновникахъ и служителяхъ. На посланіе свое не замедлилъ онъ получить отвѣтъ, въ коемъ правительство сіе, всегда склонное къ подозрѣніямъ, непремѣнно требовало отъ него уменьшенія свиты. Желая показать свисходительность, графъ послалъ новый списокъ съ значительною убавкою его сопровождающихъ. Тайна сихъ переговоровъ была извѣстна только Байкову и Ламберту; надобно однакоже было, наконецъ, объявить объ ней, и какъ посоль вообще не любилъ старости и въ особенности чувствовалъ отвращеніе отъ астронома Шуберта, то онъ съ сыномъ первые были пожертвованы. Можно себѣ представить бѣшенство надменнаго старика: онъ въ ту же минуту потребовалъ подорожную и на другой же день уѣхалъ изъ Иркутска.

Между тѣмъ съ нимъ поступили вѣжливо въ сравненіи съ тѣми, отъ коихъ сочли нужнымъ скрыть ихъ выключку. Ихъ, Богъ вѣсть зачѣмъ, потащили на границу, чтобы, въ минуту переѣзда черезъ нее, сказать имъ: «теперь ступайте назадъ». Я находился въ числѣ ихъ.

Полагая, что за тѣмъ нѣтъ ужъ никакихъ препятствій ко вступленію ему въ Зайцынское царство, посоль началъ приготовляться къ отъѣзду. Прежде всего надобно было отиравить наши тяжести, накопившіяся въ Иркутскѣ. Я никакъ не могъ думать, что буду имѣть честь, вслѣдствіе новаго распредѣленія, слѣдаться начальникомъ перваго обознаго отдѣленія. Я узналъ руку Байкова, который хотѣлъ низвести меня на степень низшаго разряда чиновниковъ. Что было дѣлать? Я повиновался, утѣшаясь надеждою, что буду въ Китаѣ, если хотятъ обратить меня въ нужнаго челоуѣка. На меня взвалили съ полдюжины зеркаловъ, которыя, необъятною своею величиною, должны были ужаснуть и прельстить Китайцевъ; не думалъ ли Байковъ, что я разобью ихъ? Но мнѣ дали двухъ проворныхъ унтеръ-офицеровъ, которые отъ самаго Петербурга во всю дорогу неотлучно при нихъ находились.

Предводительствуя зеркалами, первый и одинъ отправился я изъ Иркутска 22 Сентября послѣ обѣда. Тутъ кончается для меня Сибирь и начинается все то, что имѣлъ я общаго съ Китаемъ. Для описанія того нужна мнѣ особая глава.

X.

Только что выйдешь из Иркутска, начинаются чрезвычайно высокія горы, покрытыя лѣсомъ, по обѣимъ сторонамъ Ангары. У подошвы сихъ горъ, по берегу сей быстрой рѣки, въ нѣсколько часовъ проѣхавъ шестьдесятъ верстъ, увидѣлъ я Байкаль, изъ котораго она вытекаетъ. Далѣе, направо и налѣво, тѣже самыя горы, все болѣе и болѣе воздымаясь, идутъ на нѣсколько сотъ верстъ вокругъ всего этого чуднаго озера, прозваннаго съ сѣмъ краю сердитымъ и святымъ моремъ. Они обхватываютъ его на всемъ его протяженіи и образуютъ какъ бы продолговатую чашу, на днѣ которой колышались его воды.

Обыкновенно, отъ Лисвинишнаго мыса, на которомъ я остановился, до Зимовья Голоушнаго, дѣлаютъ еще шестьдесятъ верстъ вдоль Байкала, чтобы переправиться черезъ него въ самомъ узкомъ мѣстѣ, гдѣ онъ имѣетъ только 55 верстъ ширины. Но тутъ, у истока Ангары, нашель я суда, назначенныя для перевозки тяжестей посольства. Немного поодаль, въ сторонѣ, стоялъ на якорѣ единственный фрегатъ сего моря и дожидался посла и его свиты, имъ управлялъ какой-то флотскій офицеръ.

Какъ я на Лисвинишный мысъ пріѣхалъ вечеромъ поздно, то и не могъ ранѣе слѣдующаго утра начать нагрузку порученныхъ моему надзору огромныхъ ящиковъ, чтò надлежало дѣлать съ величайшею осторожностію. Весь этотъ день, 23-е число, былъ на то употребленъ: какъ въ сѣмъ дѣлѣ я ничего не смыслилъ, то и положился совершенно на своихъ унтеръ-офицеровъ, а самъ, пользуясь наипрїятнѣйшею погодой, карабкался по горамъ, чтобъ открывать оттуда удивительныя, хотя и пустынные виды.

Суда на Байкалѣ, называемыя досчаниками, суть не чтò иное, какъ большія барки, немного болѣе тѣхъ, кои ходятъ по Волгѣ, ими также управляютъ лоцманы, которые въ знаніи мореплаванія должны уступить простымъ матросамъ. Я никакъ не подозрѣвалъ опасности своего положенія, когда безтрепетно ступилъ на свой досчаникъ 24-го числа, часу во второмъ по полудни. Въ это утро, какъ и наканунѣ, погода стояла довольно тихая, намъ дулъ попутный вѣтеръ, не съ большимъ сто верстъ должны мы были переплыть, и я разчитывалъ, что буду ночевать на противномъ берегу.

Лишь только вышли мы въ открытое море, какъ сталъ накрапывать дождикъ, и вѣтеръ началъ мѣняться. Я этого не замѣтилъ, а отъ дождя укрылся внизу, гдѣ было довольно свѣтло, чтобы мнѣ приняться за чтеніе. Когда стало смеркаться, вышелъ я на палубу и

спросилъ: далеко ли мы еще отъ пристани? Тутъ узналъ я, что мы плывемъ сами не знаемъ куда, что иногда берегъ теряется изъ вида, иногда опять открывается, но что утвердительно сказать гдѣ мы, никакъ невозможно и что, вѣроятно, будемъ мы кататься во всю ночь. Это меня крайне озадачило; однакоже я подумалъ, что качка усыпитъ меня, а утромъ мы опять найдемъ дорогу. Между тѣмъ, вѣтеръ, часто мѣняясь, около полуночи до того усилился, что сдѣлалось страшно; съ своей стороны, дождь не только не уменьшался, но по временамъ казался воздушнымъ моремъ, и я ни на минуту не могъ заснуть. Мои унтеръ-офицеры, люди Петербургскіе, старались скрыть отъ меня опасность; но, при свѣтѣ фонаря, я прочелъ ее въ отчаянныхъ взорахъ лоцмана и его работниковъ. Итакъ я могу похвастать, что разъ въ жизни видѣлъ морскую бурю; представить же ее не берусь. Читая описаніе кораблекрушеній въ романахъ Эжена Сю и капитана Марріэта, которые въ этомъ дѣлѣ великіе мастера, мнѣ всегда становится и страшно и скучно; куда же мнѣ за ними гнаться! Однакоже, все было какъ слѣдовало, все шло обыкновеннымъ порядкомъ: и паруса рвались, и снасти трещали, равно какъ и самый корпусъ утлой нашей ладьи. Я не молился, не плакалъ, не ропталъ, не клялъ на судьбу свою, а просто какъ-то одурѣлъ. Но скорѣе къ концу; утромъ все опять утихло, прояснилось, мы открыли дорогу и передъ вечеромъ причалили къ длинной косѣ, ведущей къ такъ-называемому Посольскому монастырю.

Тутъ были двѣ-три избы для странниковъ и тройка съ телѣгой, чтобы посылать за лошадьми въ слободку, находящуюся у сказаннаго монастыря. Съ слугою своимъ и имуществомъ сѣлъ я въ телѣгу и посккалъ, поручивъ команду свою старшему изъ унтеръ-офицеровъ и уполномочивъ его дѣйствовать въ мое отсутствіе по своему усмотрѣнію. Пока продолжалась выгрузка, думалъ я отдохнуть въ стѣнахъ святой обители. Когда я подъѣхалъ къ ней, ударили въ колоколь къ вечернѣ, я отъ души перекрестился и вошелъ въ церковь. Это было наканунѣ Іоанна Богослова, и въ семь монастырѣ, называемомъ Преображенскимъ (Посольскимъ не знаю почему) былъ придѣлъ во имя сего евангелиста; можно себѣ представить, какъ усердно молился я ему. Игуменъ позвалъ меня къ себѣ и сталъ подчивать, чѣмъ бы вы думали? ломтями разрѣзаннаго большаго огурца, пересыпанными мелкимъ сахаромъ. А я, который полторы сутки ничего въ ротъ не бралъ, кромѣ чаю и вареныхъ скверныхъ омулей (Байкальскихъ сельдей), и которому такъ нужно было укрѣпить себя пищей, я чуть было къ чорту не послалъ святаго отца и съ братіей. Вообще же въ этомъ монастырѣ, въ коемъ самая ограда была деревянная и одна только церковь камен-

ная, какъ показалось мнѣ, царствуютъ такое невѣжество, грубость, нищета и нечистота, что я не рѣшился въ немъ остаться. Выпросивъ лоскутъ бѣлаго бумажнаго, написалъ я къ унтеръ-офицеру, что поручаю ему свою бричку и продолжаю время его владычества до прїѣзда въ первый городъ, гдѣ я буду его дожидаться. Какъ люди, которые во всемъ себѣ отказываютъ, чтобы послѣ вполне насладиться, такъ не щадя покоя, чтобы скорѣе добиться его, ѣхалъ я всю ночь и, сдѣлавъ полтора ста верстъ, прибылъ рано поутру въ уѣздный городъ Верхнеудинскъ. Онъ былъ гораздо обширнѣе, красивѣе и опрятнѣе Нижнеудинска и считался первымъ въ этомъ Забайкальскомъ краѣ. Въ немъ болѣе пятнадцати лѣтъ городничествовалъ Иванъ Алексѣевичъ Сѣнной, толстенный, веселый старичекъ, съ Георгіевскимъ крестомъ въ петлицѣ, который постоемъ у себя отвелъ мнѣ квартиру. Съ перваго взгляда домикъ его напоминалъ мнѣ Петербургскія дачки; онъ стоялъ на дворѣ съ крылечкомъ прямо изъ комнатъ въ большой палисадникъ, отдѣляющій его отъ улицы; въ семь садикъ замѣтилъ я нѣсколько кустовъ и стебли подсолнечниковъ, но лѣтомъ, по словамъ хозяина, наполнялся онъ бархатцами, желтофіюлями, настурціями и бальзамивами. Вообще было много въ г-нѣ Сѣнномъ, по моему мнѣнію, похвальныхъ прихотей. Въ домѣ его, гдѣ все было вымыто и выметено, видѣлъ я бѣленькія занавѣски у оконъ и зеркальцы между ими; множество птицъ въ клеткахъ и картинокъ въ рамкахъ было развѣшено на потолкахъ и по стѣнамъ; все житье его и столъ показывали въ немъ если не совсѣмъ образованный, то образующійся вкусъ.

Семья его состояла изъ жены и молоденькой, изрядненькой дочки. Предметомъ разговоровъ моихъ съ ними все было какой-то артиллерійскій поручикъ де-Барбишъ, который два года тутъ прожилъ, потомъ уѣхалъ, но непременно къ нимъ воротится. Этотъ настоящій, или Русскій, Французикъ, успѣлъ вскружить голову всему семейству; его рисунокъ подъ стеклами въ почетъ висѣлъ отдѣльно отъ другихъ картинокъ, дѣвочку онъ выучилъ играть на гитарѣ и пѣть Русскія пѣсенки, матери помогалъ вышивать; воспоминанія о немъ примѣшивались ко всѣмъ ежедневнымъ ихъ упражненіямъ. Одинъ разъ позволилъ я себѣ бѣдной дѣвушкѣ шепнуть на ухо, что завидую участи де-Барбиша: посмотрѣли бы, какъ, вспыхнувъ, она сердито на меня взглянула! Не случилось мнѣ узнать, что сдѣлалось послѣ меня; но какъ Сибирскіе жители суть, или по крайней мѣрѣ были при мнѣ, весьма легковѣрны и неопытны, то боюсь за бѣдныхъ Сѣнныхъ.

Какъ изъ посольства я первый показался за Байкаломъ, то въ Верхнеудинскѣ игралъ роль знаменитаго путешественника и вмѣстѣ отменно-довѣренной особы, когда попеченіямъ моимъ поручены столъ же

огромные, какъ и драгоценные предметы. Бѣгали смѣрять на меня по улицамъ, и самъ почтенный Сѣиной былъ со мною чрезвычайно почителенъ; дома же не зналъ чѣмъ накормить. Такимъ образомъ катался я только два дни какъ сыръ въ маслѣ, пока въ цѣлости не подвезли мнѣ моихъ зеркаловъ. Я бы еще побылъ, какъ вдругъ наѣхали Тепловъ, Хвостовъ, Струве, Мартыновъ и другіе чиновники съ обоими: я почувствовалъ, что моя роль кончена и въ ту же минуту поспѣшилъ появленіемъ моимъ удивлять другія мѣста.

Немного оставалось мнѣ пространства и времени: въ тотъ же вечеръ, неподалеку отъ города Селенгинска, обогналъ меня секретарь посольства графъ Ламбертъ и довольно повелительно сказалъ мнѣ, чтобъ я болѣе торопился. Меня это удивило: я не зналъ, что Головкинъ послалъ его вмѣсто себя на границу принять начальство надъ всѣми отправленными туда чиновниками. Не менѣе того сталъ я спѣшить, и какъ отъ Селенгинска оставалось мнѣ всего ѣзды 90 верстъ, то я перемѣнилъ въ немъ только лошадей и на развѣтѣ 29 Сентября пріѣхалъ въ Кяхту.

Я ошибся, въ Троицкосавскую крѣпость. Настоящая Кяхта, въ которой живутъ одни купеческіе прикащики, всего на все не болѣе полутора ста душъ, находится четыре версты далѣе, на самой чертѣ нашей границы, разстояніемъ на пушечный выстрѣлъ отъ Китайскаго торговаго селенія Маймачина. А Троицкосавскъ, довольно большой городокъ, на ручьѣ Кяхтѣ, заложенный въ Троицынъ день посломъ Саввою Рагузинскимъ, вмѣщаетъ въ себѣ главную таможеню, ея чиновниковъ, купцовъ и значительное число жителей; сверхъ того, пограничную военную команду. Примѣчательно, что, слѣдуя общему правилу, принятому для пограничныхъ мѣстъ, въ Троицкосавскѣ не позволено имѣть ни одной кирпичной стѣнки; кажется, нападательной войны съ этой стороны ожидать не можно, развѣ возсталъ бы какой-нибудь новый Чингисъ-хань. Самое названіе крѣпости и острокольный, бревенчатый, полуразрушенный заборъ, подъ именемъ укрѣпленія, также довольно смѣшны.

Лучшіе дома въ Кяхтѣ (для сокращенія такъ буду называть я Троицкосавскъ) принадлежали таможеннымъ чиновникамъ; по нимъ размѣстили насъ. Какъ о трактирахъ тутъ понятія не имѣли, то они же вызвались и обязались продовольствовать насъ пищею. Мнѣ на долю, или я ему, достался великій чудакъ, нѣкто Семеновъ, самый тяжелый, несносный, мрачный и нѣсколько помѣшанный человекъ. Насъ раздѣляли сѣни; одну половину, состоящую изъ двухъ малыхъ комнатъ, уступилъ онъ мнѣ, другую, такую же, оставилъ для себя съ женою, пожилыхъ лѣтъ, какъ и онъ. Не довольствуясь всегда у меня со мною

обѣдать, какъ хозяинъ, почиталъ онъ себя въ правѣ входить ко мнѣ во всякое время, когда заблагоразсудитъ; сидитъ по цѣлымъ часамъ, смотритъ печально, каждыя десять минутъ выпускаетъ по слову. Спасенія не было отъ него; скажешь, что хочется спать, ложитесь; что хочу читать: читайте, скажетъ онъ, не трогаясь съ мѣста. Дорого платилъ я ему за гостепрѣимство; такого мучителя еще у меня не бывало; въ послѣдствіи долженъ былъ я прибѣгнуть къ отчаяннымъ средствамъ, чтобъ избавиться отъ него.

Не долгъ, а любопытство заставило меня тотчасъ по приѣздѣ пойти къ Ламберту въ дорожномъ платьѣ. Онъ объявилъ мнѣ о новыхъ правахъ своихъ и съ видомъ неудовольствія далъ замѣтить, что мнѣ не слѣдовало придти къ нему въ такомъ нарядѣ. Я отвѣчалъ, что, выѣхавъ изъ Иркутска прежде него, не зналъ о сдѣланныхъ новыхъ распоряженіяхъ, что я зашелъ навѣстить его, какъ знакомаго, но что если ему угодно, я черезъ часъ могу явиться въ мундирѣ. Онъ и безъ того почиталъ себя моимъ начальникомъ, и такой отвѣтъ сдѣлалъ мнѣ новаго непріятеля.

Съ каждымъ днемъ Кяхта становилась многолюднѣе: по нѣсколькимъ чиновниковъ вмѣстѣ приѣзжали въ нее и, наконецъ, 6 Октября прибылъ самъ посольскій. На другой день начались опять Иркутскіе ежедневныя обѣды для всего посольства; но казенный домъ, въ которомъ посольскій остановился, не соотвѣтствовалъ ихъ пышности. Длинныхъ деревянныхъ два ящика, соединенныхъ третьимъ поперечнымъ и нѣсколькимъ ларчиковъ, сзади къ нимъ приклепанныхъ, составляли этотъ дворецъ. Впрочемъ, мы располагали не долго оставаться и смотрѣли на него, какъ на посольскую ставку болѣе, чѣмъ на домъ.

Между тѣмъ проходили дни и недѣли, и ничто не предвѣщало нашего скорого отъѣзда. Чрезвычайная медленность въ отвѣтахъ Китайскаго правительства послѣдовала за первую его поспѣшностію; придижки, неумѣстныя требованія умножились, и время длилось въ перепискѣ. Главнымъ препятствіемъ къ сближенію была все-таки многочисленность свиты; болѣе всего пугали Китайцевъ сорокъ драгунъ съ капитаномъ и двадцать казаковъ съ сотникомъ, данныхъ послу въ видѣ тѣлохранителей. Они разсуждали, зачѣмъ воины въ мирной и союзной землѣ? Они могли бы прибавить, что въ случаѣ непріязненныхъ поступковъ такая горсточка была бы слабою защитой; Головкинъ же увѣрялъ, что сіи воины неотъемлемая принадлежность его достоинства и на этомъ пунктѣ стоялъ твердо. Во всемъ прочемъ былъ онъ уступчивѣе; на примѣръ, на двухъ чиновниковъ оставилъ онъ по одному служителю, ихъ же самихъ въ новый списокъ внесъ подъ названіемъ служителей. Такой обманъ могъ легко открыться и навлечь ему непріятностей; не

лучше ли бы было, безъ малѣйшихъ для себя униженія и опасности, на половину уменьшить свое войско?

Были еще другія, постороннія причины, дѣйствовавшія на нерѣшительность и сварливость Китайцевъ. Въ началѣ весны умеръ благонамѣренный іезуитскій генераль Патеръ Груберъ, великій помощникъ нашъ въ семь дѣлъ; узнавъ о сей смерти, агенты его къ намъ охладѣли. Мы любимъ похвастаться, поугатъ, и чужестранныя газеты давно уже говорили о великихъ приготовленіяхъ нашихъ и какомъ-то замыслѣ на Китай; добрые же наши союзники, Англичане, не оставивъ того безъ вниманія, имѣли время предупредить насъ и встрѣтить своими происками. Коварное это правительство, которое завистливыми очами глядитъ на всѣ концы міра, въ мысляхъ тайно пожираетъ Китайскую торговлю и кончитъ тѣмъ, что у насъ на носу ею овладѣетъ.

Все чтò происходило, скрывалось отъ насъ въ глубокой тайнѣ; у насъ всегда не кстати секретничаютъ. Но чтò было жестоко и несправедливо, это требованіе, чтобы мы не показывали нетерпѣнія; изъясненіе скуки, малѣйшее любопытство въ семь случаѣ ставились намъ въ величайшую вину. Люди прибѣжали къ дверямъ, которыхъ не открываютъ и не соглашаются имъ отпереть, и стой они какъ истуканы у нихъ! Не знаю право, за кого Головкинъ принималъ своихъ подчиненныхъ. Всѣхъ болѣе или менѣе спасала безпечность. Стараясь сохранить всю важность государственнаго достоинства своего, посоль, до окончанія переговоровъ, ни себѣ ни намъ не позволялъ видѣть Китайцевъ; для того намъ воспрещено было ѣздить въ торговую Кяхту, а ихъ не пускали въ Троицкосавскъ.

Странное было житіе разнороднаго общества, собравшагося на краю свѣта. Обѣдали всѣ вмѣстѣ у посла, но чтò дѣлать изъ длинныхъ осеннихъ вечеровъ? Основались приѣмные дома, и разобраны дни. Нарышкинъ жилъ съ Бенкендорфомъ и Гурьевымъ, Васильчиковъ съ Перовскимъ, Нелидовъ съ Сухтеленемъ и Голицынъ съ Карауловымъ. Симъ превосходительствамъ и высокородіямъ въ совокупности отведены были квартиры попросторіѣ, они были хозяевами четырехъ сборныхъ мѣсть, а посѣтителями Тепловъ, Довре, Струве, Хвостовъ, Мартыновъ и я. Ламбертъ иногда показывался между ними; Байковъ никогда. Остальные вечера проводили каждый у себя дома; я же, бѣгая отъ своего Семенова, изъ Кяхтинскаго аристократическаго круга заглядывалъ и въ ученый міръ, и въ плебейское общество посольства. Спросятъ, чтò дѣлали на сихъ вечерахъ? Одни важничали, другіе ввали, буфонили, рассказывали, всѣ разговаривали, никто не курилъ; подчивали однимъ чаемъ, который тутъ былъ не въ диковинку; наконецъ, все переговоривши, иные достали карты и засѣли въ бостонъ.

Послу, который жилъ въ совершенномъ уединеніи съ своимъ секретаремъ посольства, провѣдавъ о томъ, стало завидно. Кавалеровъ посольства пригласилъ онъ къ себѣ на всѣ вечера, а изъ насъ выбралъ четырехъ, Хвостова, Перовскаго, Теплова и меня, и велѣлъ поочередно на сихъ вечерахъ дежурить. Какая разница! Тамъ были мы въ сюртукахъ, а иногда и ихъ снимали, а тутъ слѣдовало быть во всей формѣ. Это всѣмъ не полюбилось; надобно было какъ-нибудь помочь бѣдѣ, и для того положили по перемѣнкамъ двумъ только отпрапляться, чтобы съ Байковымъ составить партію послу. Я никогда не любилъ картъ и почиталъ великимъ мученіемъ чрезъ три дня просиживать цѣлые часы подлѣ стола и смотрѣть, какъ въ нихъ играютъ.

Также никогда не былъ я великій наѣздникъ, хотя и собрался въ кавалерійскую службу, а послу вздумалось верхомъ разгонять скуку по полямъ и рощамъ, въ сопровожденіи приближенныхъ своихъ, въ числѣ коихъ, не знаю почему, и меня помѣстилъ. Обобрали казачьихъ лошадей, и мы (по крайней мѣрѣ въ дорожномъ платьѣ, однако форменномъ, съромъ) летучимъ эскадрономъ носились по окрестностямъ Кяхты.

Мы были подъ 50-мъ градусомъ сѣверной широты и хотя на Востоку, почти въ сосѣдствѣ съ Становымъ хребтомъ, почитаемымъ за одно изъ высочайшихъ мѣстъ въ мѣрѣ, однакоже въ Ноябрьѣ еще не чувствовали зимы. Снѣгъ иногда перепадалъ, но былъ тотчасъ поглощаемъ песчанымъ грунтомъ земли, на которомъ построена Кяхта. Обыкновенно ее почитаютъ началомъ Кобійской степи, отдѣляющей насъ отъ Китая, а я полагаю его въ Селенгинскѣ; ибо природа въ сихъ странахъ вездѣ почти одинакова; вездѣ ровное мѣсто, песчаные холмы, мелкія рѣчки и тощія лѣски.

Верховья наши прогулки бывали и забавны; по приглашенію Головкина иногда сопровождалъ насъ сморщенный Нѣмчикъ Струве. Великій мистификаторъ, Бенкендорфъ, успѣлъ увѣрить его, что послу будетъ весьма, приятно если онъ одѣнется въ казацкое платье. Надобно было видѣть несчастную, печальную фигурку латиниста, педанта, иллюмината верхомъ, въ этомъ нарядѣ, съ высокою шапкой и парюю столетовъ за поясомъ. Покорность этого человѣчка, которому нельзя было не видѣть, что его дурачатъ, не знаю чему приписать: подлости ли, Нѣмецкому ли, или христіанскому терпѣнію? Подходилъ Юрьевъ день, 26 Ноября, именины Головкина; стали думать, какой ему сдѣлать сюрпризъ, чѣмъ бы его развеселить? Безъ Струве дѣло обойтись не могло. Нашли какую-то Французскую фарсу, шараду въ стихахъ, *Кокатриксъ*, въ которой нѣсколько мужскихъ лицъ и одна женская роль; онъ согласился ее принять и явился въ юбокѣ, въ діадемѣ, въ рюмахахъ и въ локонахъ, съ неподвижно-серіознымъ лицомъ.

Одного нельзя было сдѣлать: заставить его плясать, ибо не съ кѣмъ было. Мы затѣвали балъ и для того выписали изъ Селенгинска единственную даму, которая собою могла другимъ подать примѣръ, жену генераль-маіора Винклера начальника гарнизона. Ей до смерти хотѣлось. Родившись въ Усть-Каменгорской крѣпости на Иртышѣ, она тамъ выросла и вышла замужъ и, переѣхавъ прямо съ Сибирской линіи на Китайскую границу, она достигла тридцатилѣтняго возраста, никогда не выдавши какъ танцуютъ. Она обѣдала и проводила вечера у Головкина. Ничто не подѣйствовало на Кяхтинскихъ невидимокъ-жительницъ, ни ея примѣръ, ни власть посла и генераль-ревизора. Азіятскіе нравы существовали тутъ во всей своей силѣ.

Всему виною былъ статскій совѣтникъ Петръ Дмитріевичъ Вонифатьевъ, который болѣе пятнадцати лѣтъ управлялъ Кяхтинскою таможеней. Такого хитраго и смѣлаго плута еще свѣтъ или по крайней мѣрѣ Россія не производила; онъ успѣлъ Русскимъ внушить страхъ и повиновеніе къ себѣ и пріобрѣсть совершенную довѣренность Китайцевъ. Такимъ образомъ господствовалъ онъ по всей границѣ: ничто не дѣлалось безъ его спроса; его воля была законъ, вся Китайская торговля на немъ какъ на оси вертѣлась. Нужно ли сказать, что онъ исполненъ былъ ума и твердости. Будучи низкаго происхожденія и занимая до толѣ одни низшія мѣста въ отчизнѣ своей, онъ, кажется, не слишкомъ ее любилъ и почиталъ отечествомъ своимъ то мѣсто, гдѣ владычествовалъ. Говорили о несмѣтномъ его богатствѣ; но время показало, что оно совсѣмъ не было такъ огромно, какъ полагали; слѣдуя обычаю, онъ пользовался выгодами, которыя получали тогда всѣ таможенные чиновники, но корыстолюбіе всегда уступало у него мѣсто властолюбію. Въ Петербургѣ имѣлъ онъ большія связи съ Коммерцъ-коллегіей и пользовался особымъ покровительствомъ министра графа Румянцова, личнаго непріятеля Нарышкиныхъ и зятя ихъ Головкина.

Человѣкъ этотъ былъ деспотомъ и въ семействѣ своемъ; жену съ двумя хорошенькими дочерьми, кромѣ церкви, никуда не пускалъ; когда же мы пріѣхали, то и храма Божія онѣ лишились. По существующему ли прежде или по введенному имъ порядку, и другія женщины никогда не показывались мужчинамъ, и даже едвали посѣщали другъ друга. Головкину, великому обожателю прекраснаго пола, захотѣлось въ Кяхтѣ освободить его отъ оковъ; для того обратился онъ къ Вонифатьеву, стараясь объяснить ему, что онъ упускаетъ единственный случай выгоднымъ образомъ выдать дочерей своихъ замужъ; что, оставаясь невидимыми, онѣ полюбитъ не могутъ, и кончилъ приглашеніемъ ихъ къ себѣ на вечеръ. Вонифатьевъ довольно сухо отклонилъ предложеніе сіе. Любезность и величавость графа Головкина никакого

дѣйствія на него не производили. Однимъ праздничнымъ утромъ, окруженный всею свитой, посоль (какъ всѣ знатные люди, которые думаютъ славно говорить по-русски, когда употребляютъ простонародныя выраженія) иностраннымъ нарѣчіемъ своимъ сказалъ ему: «Пасматрите, Петеръ Митричъ, у мена малатцофъ што сакалофъ». А тотъ, посмотрѣвъ на насъ пристально, очень холодно отвѣчалъ: «нѣтъ, ваше сіятельство, ни одинъ изъ нихъ не годится мнѣ въ зятя», такимъ образомъ оставивъ насъ въ недоумѣніи: гордость ли или скромность внушила ему сей отвѣтъ.

Можно себѣ представить, какъ не взлюбилъ его великій баринъ, начальникъ его, какъ президентъ Коммерцъ-коллегіи. Но онъ былъ подъ крыломъ самого министра коммерціи и велъ себя такъ осторожно, что не было возможности къ нему придратъся. Въ обращеніи съ посломъ былъ онъ молчаливъ, угрюмъ и почителенъ; ненавистью же своею предупредилъ его. Ему посольство не нравилось; онъ зналъ, что оно будетъ бесполезно и опасался даже, чтобъ оно не произвело у насъ разрыва къ Китаемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что у Китайцевъ онъ тайно старался вредить Головкину, однакоже такъ, чтобы неудовольствія отнеслись къ лицу его, а не къ правительству, его употребившему. У этого чваннаго, чопорнаго, неподвижнаго народа, въ человѣкѣ высокаго званія веселость почитается преступленіемъ, а черезъ Вонифатьева знали они всѣ подробности нашей захватской жизни.

Я на минуту ворочусь домой къ хозяину своему. Мнѣ не было житья отъ него. На однѣхъ со мною сѣняхъ, онъ рѣшительно держалъ меня въ осадѣ; кто бы ни вошелъ въ нихъ, онъ высовывался въ двери, чтобы поглядѣть или, лучше сказать, подглядѣть идущаго ко мнѣ. Вдругъ сталъ ревновать къ старухѣ—женѣ, отъ которой жилъ я въ двухъ шагахъ, но которой ни разу даже вскользь не видѣлъ. Заботясь какъ о чести дома своего, такъ и о цѣломудріи моемъ, не позволялъ онъ моему слугѣ принимать прачку, привоспѣвшую бѣлье, иначе какъ на дворѣ. Я сталъ отъ него запирается, и когда онъ стучался, отвѣчалъ просто, что не пушу къ себѣ: тогда онъ обманомъ умѣлъ прокрадываться; особенно же когда меня не было дома, вездѣ шарилъ, за шкафомъ и за печкой, не найдетъ ли какой-нибудь женщины. Мнѣ черезчуръ сдѣлалось досадно, и я, никому не жалуясь, просилъ полицеймейстера отвести мнѣ другую квартиру, хотя бы похуже. Пока онъ ее прискивалъ, вступился за меня, кто бы могъ ожидать? Байковъ. Онъ съ Головкинымъ смотрѣли на губернскихъ чиновниковъ какъ на поганую челядь, слишкомъ осчастливленную постоемъ такихъ людей какъ мы; сверхъ того, были и сердиты на Кяхтинскую таможеню. Узнавъ нечаянно о моихъ досадно смѣшныхъ несогласіяхъ, Байковъ за меня

обидѣлся и донесъ о томъ послу, который упрекнулъ меня излишнею терпѣливостію, не велѣлъ мѣнять квартиры и, призвавъ полицеймейстера, отправилъ его съ фельдъегеремъ Штосомъ сказать Семенову его грозное слово. Онъ приказалъ объявить ему, что если впередъ будетъ меня тревожить, то угодить Богъ вѣсть куда, и что еслибъ я навелъ къ себѣ дюжину наемныхъ прелестницъ и сдѣлалъ оргію, то и въ такомъ случаѣ не имѣлъ бы онъ права мнѣ мѣшать. Пораженный Семеновъ бросился было къ Вонифатьеву; но и тотъ обвинилъ его, хотя никогда не хотѣлъ и глядѣть на меня. Съ тѣхъ поръ бѣднякъ умолкъ, все плакалъ да вздыхалъ и никому не показывался; онъ точно былъ помѣшанъ.

Письма и газеты изъ Петербурга приходили къ намъ исправно; только новости никогда не были свѣжи, потому что почта ходила оттуда полтора мѣсяца, иногда и долѣе. Узнали мы, что Государь отправился къ арміи и всѣ тому обрадовались. Со смерти Петра Великаго, около ста лѣтъ, ратное поле не видѣло Русскаго царя; опасаться же за него намъ и въ голову не приходило: возможно ли, чтобы прекрасный представитель великой Россіи не былъ хранимъ самимъ Богомъ? Въ это время совершенно плѣнился я Константиномъ Бенкендорфомъ; болѣе всѣхъ и почти одинъ запылалъ онъ энтузіазмомъ. Какъ любилъ онъ славу Россіи! И я также вспомнилъ 1799-й годъ и ребячьи мои слезы восторга при имени Суворова. Бенкендорфъ понялъ меня, и такое единомысліе, сочувствіе, скоро насъ сблизили. Какими благословеніями напутствовали мы Царя! Мы уже гордились его красотою, его доблестями; еще не доставало ему геройства.

Бенкендорфъ нѣсколько времени находился въ Берлинской миссіи; ему было очень больно видѣть, что Пруссія колеблется пристать къ союзу нашему съ Австріей. Какъ всѣ Нѣмцы, бредилъ онъ молодою королевою, которая, какъ звѣзда, сіяла тогда на Сѣверѣ Германіи. Она была добра, великодушна, чувствительна и прелестна; съ такими качествами можно обойтись безъ большаго ума. На ея посредничество Бенкендорфъ возлагалъ свои надежды. Однимъ утромъ нашелъ я его, съ газетою въ рукахъ, трепещущимъ отъ радости: наше красное солнышко, Александръ Павловичъ, прикатилъ въ Берлинъ, все тамъ оживилъ, все воспалилъ, все очаровалъ. Въ избыткѣ чувствъ хотѣлось ему что-нибудь написать, а безпорядокъ мыслей мѣшалъ тому; онъ призвалъ меня на помощь, и мы придумали соединенными силами сочинить акростихъ на имя королевы Луизы. Мы бились съ нимъ болѣе получаса, и что же вышло? Еслибъ онъ былъ похожъ на что-нибудь, я не рѣшился бы его здѣсь помѣстить; но какъ не было въ немъ ни складу, ни ладу, то готовъ имъ посмѣшить читателя.

Les grâces aujourd'hui favorisent nos armes;
 O Reine, c'est vous dont les yeux, pleins de charmes,
 Usant du pouvoir qu'ils ont sur vos guerriers,
 Inspirent le désir de cueillir les lauriers.
 Soyez pour les Russes et pour leur Souverain,
 Et vos drapeaux bientôt flotteront sur le Rhin.

Каковы стихи? Не правда ли? Прошу не прогнѣваться. Горячо испеку, а за вкусъ не берусь, могли бы мы сказать. Не долго могли мы вмѣстѣ, забывъ Китай, заниматься Европейскими дѣлами: скоро наступила для насъ мнута разлуки.

Въ послѣднихъ числахъ Ноября, не знаю по какому случаю или по какой причинѣ, Байковъ верхомъ поскакалъ въ Ургу, разстояніемъ 350 верстъ отъ Кяхты. Это не городъ, а главное кочевье въ Кобійской или Монгольской степи и мѣстопробываніе двухъ первостатейныхъ мандариновъ, Вана и Амбана, намѣстника и вице-намѣстника ханскихъ; до этого мѣста, не далѣе, ѣздятъ обыкновенно посланцы нашего губернскаго Иркутскаго начальства. Онъ, кажется, возилъ ультиматумъ Головкина и, не дождавшись отвѣта изъ Пекина, черезъ недѣлю воротился.

Около половины Декабря дзругучей или комендантъ Маймачинскій потребовалъ аудіенціи у посла, и мы въ первый разъ увидѣли Китайцевъ. Онъ явился съ приятнымъ извѣстіемъ, что молодой родственникъ императора, Бейсь, съ многочисленною свитой уже на пути изъ Пекина, чтобы встрѣтить и проводить туда наше посольство. За тѣмъ снято запрещеніе ѣздить намъ въ торговую Кяхту и въ Маймачинъ, и я не изъ послѣднихъ симъ дозволеніемъ воспользовался.

Маймачинъ—единственный Китайскій городокъ, который я видѣлъ, и потому не лишнимъ считаю сказать о немъ здѣсь нѣсколько словъ. Онъ построенъ правильнымъ четверугольникомъ и весь обнесенъ пре-высокимъ заборомъ; разбитъ онъ, какъ регулярный садъ, и самыя улицы его могутъ почитаться узкими аллеями; строеніе на-нихъ совершенно одинаковой вышины, низкое, сплошное, безъ малѣйшаго разрыва и еди-наго окна. Такою улицей идешь, какъ коридоромъ, между двухъ стѣнъ, вымазанныхъ сѣрватою глиной, не выкрашенныхъ и не бѣленыхъ; справа и слѣва домъ различаются только всегда закрытыми отвер-стіями, раскрашенными воротами со столбиками и пестрыми надъ ними навѣсами. На каждомъ перекресткѣ есть крытое мѣсто съ четырьмя воротами, такъ что всякая улица можетъ заператься, какъ домъ; надъ крытымъ же мѣстомъ всегда возвышается деревянная башня, въ два или три яруса, расцвѣченная, съ драконами, колокольчиками, бубен-чиками, какіе вы видѣли на картинкахъ или въ садахъ. Это давало

Маймачину довольно красивый видъ, особливо въ сравненіи съ двумя Кяхтами, большою и малою; но бѣда если пожаръ: ничто не уцѣлѣетъ! Во внутренности дворовъ, вокругъ всей стѣны, идетъ открытая, наружная галлерей на столбикахъ, служащая соединеніемъ жилыхъ покоевъ съ амбарами и конюшнями; какъ всѣ окна выходятъ на галлерей сию, то можно посудить о темнотѣ, которая бываетъ въ комнатахъ. На другомъ концѣ города пустили меня въ Китайскую божницу, посвященную богу брани; онъ находится въ особенномъ мѣстѣ или придѣлѣ и стоя держитъ за узду бѣшенаго коня. Въ главномъ же храмѣ видѣлъ я колоссальнаго Конфуція, богато разодѣтаго, высоко на тронѣ сидящаго, и массивную, пудъ въ двадцать, желѣзную полированную лампаду, день и ночь передъ нимъ горящую.

Тѣмъ, кои были въ Китаѣ, предоставляю я право описывать въ подробности образъ жизни, обычаи и костюмы сего любопытнаго народа. Я же, который видѣлъ Китайцевъ лишь мелькомъ, на краю ихъ владѣній, я почитаю себя свободнымъ отъ обязанности много говорить о нихъ.

Лишь только посоль узналъ о прибытіи Бейса въ Маймачинъ, призвалъ меня и съ видомъ сердечнаго сожалѣнія объявилъ о необходимости разстаться со мною. Въмѣсто отвѣта, я только поклонился и вышелъ: ни просить, ни жаловаться, ни благодарить, кажется, было нечего. Исключая двухъ Шубертовъ, отца и сына, да меня, еще четыре человѣка были пожертвованы необходимости, какъ говорилъ Головкинъ: кавалеръ посольства Васильчиковъ, профессоръ Клапротъ, Корнѣевъ и Клементъ. Съ двумя послѣдними не считали нужнымъ много церемониться, а въ прочихъ былъ замѣченъ не знаю какой-то духъ непокорности. Не говорю о себѣ; но отослать двухъ самыхъ ученыхъ профессоровъ, чтобъ взять съ собою лишнихъ два-три драгуна, кому бы не показалось безразсудно?

Когда Вонифатьевъ узналъ о моей выключкѣ, то, встрѣтясь со мною на улицѣ, бросился обнимать. Онъ нашелъ какой-то предлогъ и прежней холодной со мною суровости, и внезапной своей пріязни, затащилъ къ себѣ, сталъ потчивать и расточать грубыя свои ласки. Какъ знатокъ, предложилъ онъ дешево купить нѣкоторыя Китайскія бездѣлицы и досталъ ихъ почти даромъ, наконецъ прислалъ мнѣ на дорогу огромный ящикъ чаю*). О Головкинѣ пока ни слова; но, видя меня разъ довольно печальнымъ, потихоньку сказалъ онъ мнѣ: «Не горюй, братъ; повѣрь мнѣ, не бывать имъ далѣе Урги; мѣсяца пол-

*) Въ юго-восточной Сибири чай почитается поклономъ: не принять его значитъ не отвѣчать на поклонъ и за вѣжливость заплатить неучтивостію.

тора попляшутъ на морозѣ, а что увидятъ? почти тоже, что здѣсь». Мнѣ стало гадко, а не менѣе того онъ утѣшилъ меня своими словами.

Сначала Бейсъ у посла имѣлъ публичную аудіенцію, на которой мы всѣ присутствовали, потомъ другую приватную. Головкинъ, стараясь приноровиться къ восточной напыщенности рѣчей, черезъ переводчика такъ и сыпалъ гиперболами, на кои Бейсъ отвѣчалъ тихо и скромно; а между тѣмъ Байковъ въ углу, со смѣхомъ, ругалъ Китайцевъ непотребными словами, не замѣчая, что въ свитѣ Бейса находились Маймачинцы, очень хорошо понимающіе Русскій языкъ и любимаыя народныя поговорки. Китайскій принцъ совсѣмъ не похожъ былъ на Китайца, худощавъ, смуглъ, съ правильными чертами, черными глазами и усиками, съ нѣжнымъ и пріятнымъ голосомъ; онъ всѣмъ понравился. Нарядъ Китайцевъ неволью смѣшилъ насъ: куріозно было видѣть мужчинъ въ кофтахъ съ юбками. Всего страннѣе показался мнѣ экипажъ, въ которомъ привезли Бейса: это были употребляемыя въ Европѣ носилки (*porte-chaise*), на двухъ колесахъ съ оглоблями.

Забавны были также и воины Китайскіе, Азіатскіе амурь, съ лугомъ и колчаномъ за спиной, со стеклянною шишкой на шапкѣ и съ прикрѣпленнымъ къ ней павлиньимъ перомъ. Я видѣлъ, какъ сіи герои, обступивъ нашихъ драгунъ, сидящихъ на конѣ, смотрѣли на нихъ съ ужасомъ: правда, народъ былъ подобранъ все рослый, усастый, лошади подъ ними были, какъ слоны, и каски на нихъ въ аршинъ вышиною; но все-таки солдаты другой Азіатской націи, при видѣ ихъ, умѣли бы скрыть свой страхъ.

И въ Петербургѣ смѣялись надъ ними, когда, возвратясь, говорили мы о войнѣ съ Китаемъ, какъ о дѣлѣ не только сбыточномъ, но и весьма не затруднительномъ въ исполненіи. У тѣхъ, кои по крайней мѣрѣ брали трудъ оспаривать насъ, вѣчнымъ аргументомъ была степь. Конечно, она имѣетъ до восьми сотъ верстъ ширины; но эта степь вся заселена кочующими Монголами, не слишкомъ преданными Китайско-Манжурскому племени, съ которымъ не принадлежатъ даже къ одной вѣрѣ; но эту степь вездѣ пересѣкаютъ рѣчки и роци, вездѣ есть топливо и вода. Для продовольствія десятки степныхъ кораблей, верблюдовъ, могутъ замѣнить тысячи подъемныхъ лошадей; а ихъ цѣлыя сотни можно разомъ купить на границѣ. Главное же то, что предъ тридцатью тысячами Русскаго войска не устоитъ полмиліона Китайцевъ; кажется, это ясно. У насъ и безъ того слишкомъ много владѣній, продолжаютъ спорщики; да кто говорить о завоеваніи Китая, о присоединеніи его къ Россіи? Но когда судьба или, лучше сказать, само Провидѣніе, насъ съ завязанными глазами подвело почти къ каменной стѣнѣ, какъ не внять его гласу? Какъ не стать на Амурѣ и, воору-

живъ берега его твердынями, какъ не предписывать законовъ гордому Китаю, дабы для подданныхъ извлечь изъ того неисчислимыя выгоды? Какъ не взять его въ опеку и не защитить отъ вторженій другихъ Европейскихъ народовъ? Какъ на устьѣ Амура, гдѣ такъ много удобныхъ пристаней, не сдѣлать новаго порта и не замѣнить имъ несчастныя Охотскую и Авачинскую гавани? Это во сто разъ было бы полезнѣе, чѣмъ наши глупыя Американскія владѣнія, всѣ эти Курильскіе и Алеутскіе острова. Наконецъ, какъ оставлять въ запустѣній великое, плодородное пространство земли и не открыть его на Сѣверѣ Сибири прозябающимъ племенамъ Якутамъ, Тунгусамъ, Корякамъ, чтобъ изъ животныхъ превратить ихъ въ людей? Гласъ Божій—гласъ народа; въ Иркутскѣ, Нерчинскѣ и за Байкаломъ нѣту жителя, который бы не говорилъ о Дауріи, какъ о потерянномъ раѣ; эти бѣдные люди не могутъ понять, чѣмъ прогнѣвали они такъ Бѣлаго Царя, что онъ имъ не хочетъ отпереть его.

Европа поглощаетъ все вниманіе правительства, и ему мало времени думать объ Азіатскихъ выгодахъ. Къ тому же почти всегда дипломатическая часть поручалась у насъ иностранцамъ, и они болѣе заботились о томъ, что къ нимъ ближе. Виронъ, Нѣмецъ или Латышъ, Богъ его знаетъ, даромъ отдалъ Даурію, а Русскій Потемкинъ хотѣлъ опять ее завоевать. Всѣ великіе помыслы о славѣ Россіи, исключая одной женщины, рождаются только въ головахъ однихъ Русскихъ: Годунова, Петра, Потемкина.

Наступилъ для посольства день отъѣзда, 21 Декабря. Снѣгу не было; холодъ нѣсколько дней началъ усиливаться; въ это утро термометръ на солнцѣ спустился на 14 градусовъ ниже точки замерзанія. Перспектива была неутѣшительна: дни проводить въ коляскахъ или верхомъ, а ночью въ клѣтчатыхъ войлокомъ укутанныхъ юртахъ или кибиткахъ; посоль былъ мраченъ, всѣ другіе печальны. Первый разъ въ жизни услышалъ я слово бивуакъ, не зная, что чрезъ нѣсколько дней долженъ буду испытать его значеніе. Съ кѣмъ-то, на дрожкахъ, рано по утру отправился я въ малую Кяхту. Скоро прибылъ посоль съ дружиной и въ деревянной церкви выслушалъ путешественный молебенъ, что исполнилъ онъ какъ простой обрядъ, который ему присовѣтовали; вышедши изъ церкви, поспѣшилъ онъ сѣсть на лошадь. У меня сердце сжалось, когда пришлось мнѣ разставаться съ товарищами; три мѣсяца свыкъся я съ ними въ ссылкѣ; всѣ простились со мной дружески, всѣ наканунѣ снабдили меня письмами въ Петербургъ.

На улицѣ и по дорогѣ зрѣлище было любопытное, совсѣмъ необыкновенное. Обѣ Кяхты, Маймачинъ ходили вокругъ обоза, который тянулся болѣе чѣмъ на версту. Все, что шло черезъ Сибирь отдѣле-

ніями было тутъ собрано вмѣстѣ съ присоединеніемъ драгунъ, казаковъ и свиты Китайскаго князька, которая была вдвое болѣе посольской. Цѣлыя табуны дикихъ, степныхъ лошадей были впряжены въ повозки и Европейскія коляски, какихъ они отъ роду не видывали; онѣ ржали, бѣспились, становились на дабы и часто рвали веревочныя постромки. На козлахъ сидѣли Монголы съ Русскими людьми, которые учили ихъ править. Другіе Монголы, привлеченные любопытствомъ, носились кругомъ на своихъ лошаденкахъ. Впереди, ужасно величественъ, посоль ѣхалъ верхомъ съ своею кавалькадой. Шумъ, гвалтъ, кутерьма! Я отказался проводить посольство до перваго ночлега; довольно было съ меня слѣдовать за нимъ версты двѣ или три, чтобы полюбоваться симъ удивительнымъ поѣздомъ.

Возвратясь въ Тропецкосавскъ, обѣдалъ я у Вонифатьева, по его приглашенію. До тѣхъ поръ онъ былъ довольно скромнъ въ рѣчахъ о Головкинѣ, а тутъ совсѣмъ распоясаяся на его счетъ. Я былъ расстроганъ, чувство великодушія во мнѣ не погасало, и я отвѣчалъ ему довольно рѣзко и зло, чтобы разсердить его. Болѣе мы съ нимъ не видѣлись; кажется, послѣ того, онъ еще многія, многія лѣта царствовалъ въ Китаѣ.

Намъ, покинутымъ, должно было промышлять о себѣ. Клапротъ, подобно Шуберту, коль скоро узналъ объ отчужденіи своемъ отъ посольства, дня не хотѣлъ съ нимъ оставаться и тотчасъ уѣхалъ, съ намѣреніемъ предпринять ученое путешествіе по Сибирю. Корнѣевъ располагался прожить въ Кяхтѣ до весны. Клементъ совсѣмъ осиротѣлъ безъ Нелидова, къ коему всякій день являлся за приказаніями, которыхъ никогда не получалъ: этому плещу пужно было дерево. Васильчиковъ состоялъ въ четвертомъ классѣ, слѣдственно еще выше Нелидова, и я безъ большаго труда поладилъ съ нимъ. Изъ Иркутска Алексѣй Васильевичъ въ ту же зиму собрался прокатиться въ Якутскъ (охота же ему была), и добровольно подчиненный собесѣдникъ пришелся ему весьма кстатц. Мнѣ же скорѣе хотѣлось въ Петербургъ.

Байкаль въ это время года былъ непроходимъ: огромныя льдины носились по немъ и только къ концу Января могли его оковать. Мнѣ оставалась другая дорога, вокругъ Байкала, не весьма пріятная, особливо зимой: изъ семи сотъ верстъ до Иркутска, триста необходимо было ѣхать верхомъ. Тоска меня одолевала, и я на все готовъ былъ рѣшиться, чтобы не оставаться одному съ Вонифатьевымъ, Корнѣевымъ, Семеновымъ и офицерами Селенгинскаго гарнизоннаго полка.

Но напередъ хотѣлось мнѣ еще разъ побывать въ Маймачинѣ и взглянуть на Китайцевъ. На другой день послѣ отбытія посольства, 22 Декабря, купецъ Сизовъ, родственникъ Полеваго, возилъ меня туда

обѣдать къ одному богатому Китайскому торговцу. Меня чрезвычайно забавлялъ разговоръ гостя съ хозяевами ¹⁾; два народа создали какой-то средній языкъ, которымъ говорятъ и который понимаютъ одни живущіе на границѣ, и вотъ между прочимъ, что услышалъ я на немъ: «а много отсель до Печински походи?» Это былъ переводъ вопроса моего, далеко ли отсюда до Пекина. Отъ кушанья же, вѣроятно по непривычкѣ, мнѣ два раза стошнило: гадко было видѣть, какъ Китаецъ запускаетъ длинныя когти свои въ баранье мясо и рваные куски кладетъ себѣ въ ротъ. Десертъ также не слишкомъ былъ вкусенъ: леденцы съ померанцами, съ миндалемъ и чеснокомъ.

Я продалъ свою бричку и на перекладныхъ телѣгахъ вмѣстѣ съ Васильчиковымъ и съ Клементомъ, 23 Декабря отправился въ обратный путь.

Мѣстами почти ровными, по голой замерзшей землѣ, проскакавъ версть почти двѣсти, пріѣхали мы на другой день въ Харацайскую крѣпость ²⁾. Не въ дальнемъ отъ нея разстояніи, начинаются страшныя Алтайскія горы, черезъ кои не иначе можно перебраться, какъ на тощихъ, но надежныхъ и къ нимъ привычныхъ коняхъ. Дорога, сначала довольно широкая, все болѣе и болѣе суживается по мѣрѣ какъ подымается въ гору, и превращается наконецъ въ тропинку. Первый день моего всадничества напала на меня храбрость, и я не отставалъ отъ Васильчикова, стараго коцногвардейца; можетъ быть, рѣшился бы я слѣдовать за нимъ и ночью, если бы, проѣхавъ версть семдесятъ, съ непривычки не почувствовалъ себя совершенно разбитымъ. Мы простились: онъ съ Клементомъ пустился въ опасный путь, а я остался ночевать почти на открытомъ воздухѣ.

Какъ Богъ пронесъ его въ темнотѣ! подумалъ я, взглянувъ на ужасы, меня окружающіе; но скоро и самъ среди дня долженъ былъ поручить себя Его святому покрову. Это было въ самый день Рождества Христова; мученія, которыя потомъ перенесъ я въ первые три дня праздниковъ, безъ всякаго преувеличенія позволю я себѣ назвать адскими. Морозъ, въ полдень солнечными лучами нѣсколько смягчаемый, ночью дѣлался трескучимъ. Весь закутанный отъ него и затаянутый, не могъ я безъ большихъ усилій владѣть членами и, сидя неподвижно на конѣ, коимъ не управлялъ, слѣдовалъ въ молчаніи за проводникомъ-Бурятомъ. Скалы неимоверной вышины, почти безъ отвѣса, перпендикулярно иногда поднимались передо мной, и я долженъ былъ

¹⁾ Все одни мушпны; Китайки никогда за каменную стѣну не переѣзжаютъ.

²⁾ Единожды навсегда названіе крѣпости или острога въ Сибирѣ принадлежитъ по старой памяти мѣстамъ нѣкогда худо укрѣпленнымъ деревяннымъ налесадамъ.

лѣзть на нихъ тропою, зигзагомъ пробитою по ихъ бокамъ. Съ ихъ вершины, кедровые лѣса, растущіе въ долинахъ (тутъ называемыхъ падями) казались мнѣ засохшею травой, и я съ такою же опасностію, долженъ былъ въ нихъ спускаться. Шумные водопады образовали внизу рѣчки, коимъ быстрое теченіе не давало замерзать; чтобы переходить ихъ въ бродъ, надобно было погружаться въ ихъ, имѣя воды по грудь лошади; онѣ часто грозили намъ потопленіемъ, и сверхъ того летящія отъ ихъ брызги замерзали на моемъ платьѣ и обуви. Насъ всего шесть человекъ: я, слуга мой Гаврила, проводникъ, да три верховые Бурята, которые подъ уздцы вели выючныхъ лошадей. Къ счастью не показывались дикіе звѣри, кои во множествѣ тутъ витають; а то бы плохо намъ было: Буряты вооружены были широкими ножами, но ружей и пистолетовъ у нихъ вовсе не было.

Тотъ, кто по этому пути проѣхалъ бы лѣтомъ, несмотря на все его неудобства и опасности, могъ бы замѣтить дивныя красоты сихъ мѣстъ: мнѣ было не до того: я былъ въ совершенномъ отчаяніи и почти безпамятствѣ. Одна неприступная громада служила подножіемъ другой, и мнѣ казалось, что я достигаю до небесъ; я былъ выше того, что такъ называютъ, и у ногъ моихъ могъ бы видѣть облака, еслибы не вездѣ было ясно. Изрѣдка попадались мнѣ равнины, длиною съ версту или немного болѣе; тогда не имѣлъ я нужды каблуками возбуждать къ быстротѣ спасительную подъ собой скотину: надъ пропастями съ осторожностію переступая нога за ногу, тутъ, какъ бы поймавая меня, принималась она скакать во всю прыть.

Бѣда одна никогда не приходитъ. Васильчиковъ взялъ съ собою единственнаго Бурята, который немного зналъ по-русски, и я съ моими спутниками могъ объясняться только пантомимой. Въ торопяхъ, уже вѣрно неумышленно, служитель его захватилъ все съѣстное, запасенное нами, частію въ Кяхтѣ, частію въ Харацайской крѣпости, вареное и жареное мясо, вино, хлѣбъ и сухари. Подъ именемъ станцій въ тридцати пяти, иногда въ сорока верстахъ одна отъ другой, построены были юрты, то-есть осмугольныя бревенчатыя избы безъ печей, съ широкимъ отверстіемъ посреди крыши; при нихъ находились проводники и лошади. Самыя Монгольскія названія ихъ пугали слухъ: Укырѣ Чолоцѣ, Баянѣ Хусунѣ, Шарѣ Озорга, Мондокуль. На нихъ надѣялся я немного утолить свой голодь. Что же ѣли сіи несчастные? Баранье сало, да кирпичный чай! *) У меня вся внутренность поворо-

*) Кирпичный чай дѣлается изъ молоденькихъ, тоненькихъ прутиковъ чайнаго дерева, которые плотно сколачиваются въ кирпичи. Ихъ рѣжутъ Монголы, толкутъ и варятъ въ водѣ, прибавляя овечьяго масла; это ихъ щи.

тилась. Только по двѣ таковыхъ станцій въ состояніи былъ я сдѣлать въ одинъ день и по ночамъ останавливался въ юртахъ; а въ нихъ что за ужасъ и что за мерзость! Я ложился на нары, подлѣ стѣны, которая была не законопачена, ибо не было возможности приблизиться къ пылающему посерединѣ костру: вокругъ него сидѣли на корточкахъ Буряты обоего пола, старые и малые, закопченные, совсѣмъ нагишомъ, съ овчиннымъ тулупомъ на плечахъ и за спиною. Простите мнѣ, чувствительный читатель; ихъ главное занятіе состояло тутъ въ ловлѣ насѣкомыхъ, коими наполнена была ихъ одежда.

Итакъ, почти четверо сутокъ, ни одной минуты не подышавъ теплымъ воздухомъ, ничего не ѣвши, изнуренный, разбитый, полузамерзшій, наконецъ 27-го числа въ вечеру почувалъ я берегъ. Десять верстъ не доѣзжая Тункинскаго острога, открылись мнѣ ровное мѣсто и глубокой снѣгъ. Онъ одинъ свѣтлѣлся въ темнотѣ, а я съ остервенѣніемъ, безжалостно толкалъ подъ бока бѣдную лошадь свою и мчался во весь опоръ по узкой дорогѣ. Напрасно кричалъ мнѣ берейторъ Гаврила, что я сломаю себѣ шею: я не слушалъ его, и мои спутники должны были за мной слѣдовать. Три раза измученный конь, на весь скаку, падалъ на колѣна, а я ему черезъ голову; но всякое паденіе оканчивалось счастливо: теплая шинель, шуба, халатъ и прочее и прочее, во что я былъ закутанъ, превратили меня въ подушку, и меня бросало на снѣгъ.

Вотъ я въѣхалъ въ Тункинскій острогъ; въ немъ была улица, были дома, въ нихъ свѣтился еще огонь, и я обрадовался, какъ будто лѣтъ десять того не впадалъ. Изъ состраданія, Васильчиковъ возвѣстилъ о скоромъ пріѣздѣ моемъ; меня дожидались и отвели ту самую квартиру, на которой онъ останавливался. Хозяинъ былъ старый, оставшой казачій офицеръ, который праздновалъ именины или рожденіе одного изъ членовъ многочисленной своей семьи. Къ счастью, когда я пріѣхалъ, вечерній пиръ приходилъ къ концу; такъ много было напечено и наварено, что можно было еще десять голодныхъ накормить, а не меня одного. Давъ мнѣ большую, опрятную, выбѣленную, теплую, даже жаркую комнату, скоро оставили меня въ покоѣ; прежде нежели я легъ, выпросилъ я горячей воды и весь вымылся. Нѣтъ, не забыть мнѣ той блаженной минуты, когда послѣ толикихъ страданій увидѣлъ я себя на мягкомъ пуховикѣ, покрытомъ чистою простыней подъ славнымъ стеганнымъ одѣяломъ!

Прежде нежели оставлю Тункинскій острогъ, хочу обернуться къ презрѣннымъ Бурятамъ, которыхъ наше правительство почитаетъ ни за что; а они — одинъ изъ тѣхъ безцѣнныхъ подарковъ, кои въ неистощимой щедрости сдѣлало намъ Провидѣніе. Что еслибъ они одарены

были энергіей, подобно Черкесамъ? Алтай сдѣлался бы для насъ хуже Кавказа; вѣдь ихъ предки были первыми сподвижниками Чингисъ-Хана; а они, старый и вмѣстѣ младенчествующій народъ, смиренно и покорно населяютъ всѣ владѣнія наши отъ Бухтармы до Нерчинска и вокругъ всего Байкала. Я уже познакомился съ ними въ Кяхтѣ *). Во время прогулки изъ нея въ Кударинскую слободу, своротивъ съ дороги, заѣзжалъ я въ извѣстную, большую, деревянную ихъ кумирню: я нашелъ ея стѣны отъ потолка до низу обитыя холстомъ, на коемъ въ семь или въ восемь ярусовъ изображены были сторукіе, столгазые, иные весьма неблагопрістойные уроды, ихъ идолы. Вокругъ кумирни была ограда, и внутри ея видѣлъ я первое основаніе ихъ новѣйшаго образованія, школу, и двадцать мальчиковъ, учащихся грамотѣ, только не-Русской. Не болѣе ста лѣтъ тому, принадлежали они еще къ шаманству; кто-то изъ Тибета завезъ къ нимъ священныя книги, и они всѣ приняли Ламайскую вѣру: вотъ доказательство, что разсудокъ можетъ на нихъ дѣйствовать. Гораздо послѣ насъ, Англичане прислали къ нимъ просвѣтителя, г. Свана, методиста или квакера; онъ нѣсколько лѣтъ прожилъ въ Иркутскѣ на Русскомъ жалованьи и, о счастье! ни одного не успѣлъ обратить въ христіанство; это было бы черезчуръ стыдно нашему духовенству. Теперь слышу я, что двадцать тысячъ Бурятъ сдѣлались православными, шесть тысячъ учатся Русской грамотѣ съ успѣхомъ, и почти всѣ принялись за соху, когда въ мое время они и хлѣба не умѣли ѣсть. Благословенъ будь, кто бы онъ ни былъ, виновникъ ихъ перерожденія! Буряты или Братскіе, какъ ихъ тамъ называютъ, не чтò иное какъ Монголы, достигнутые Русскими и отъ нихъ не бѣжавшіе; они въ безпрестанныхъ сношеніяхъ со степными братьями своими, Китайскими подданными. Я вижу въ нихъ цѣпь, которую Россіи самъ Богъ вложилъ въ руку; стѣнитъ только нѣжненько ее потянуть, чтобы привлечь всѣ другія Монгольскія племена.

Послѣ жестокихъ морозовъ сдѣлалась почти оттепель, когда, проспавши полсутки, 28-го Декабря, изъ Тункинскаго острога отправился я въ перекладныхъ, крытыхъ саяхъ. Право, человекъ болѣе плоть чѣмъ духъ: всломиная еще вчерашнее, чувствовалъ я себя совершенно счастливымъ. На другой день, 29-го числа, пріѣхалъ я въ Иркутскъ и остановился у прежняго хозяина своего, г. Полеваго.

*) Ихъ тайши или князьки были два раза у Головкина съ своими супругами, Онъ и ихъ даже не посадилъ, а черезъ переводчика только что любезничалъ съ ними. Когда они выходили, то долго надобно было курить, чтобы изгнать несносный духъ ихъ копченыхъ овчинъ, кои онѣ одни только покрывали сукномъ.

Для удовлетворенія любопытства, ничего не могъ я лучше избрать: Полевой занимался Европейскою политикою гораздо болѣе чѣмъ Азіятскою своею торговлей. Въ немъ была замѣтна наклонность къ тому, чему тогда не было еще имени и что нынѣ называютъ либерализмъ, и онъ выписывалъ всѣ газеты, на Русскомъ языкѣ тогда выходившія. Во время послѣдняго моего пребыванія въ Иркутскѣ, узналъ я у него о томъ, что мѣсяца два передъ тѣмъ происходило въ Германіи; какъ подлець Макъ положилъ оружіе при Ульмѣ, какъ Австрійская армія ретировалась, какъ ученикъ Суворова, Багратионъ, дрался уже съ Французами и при Голлабрюнѣ и Вишау далъ имъ сильный отпоръ. Маленькій сынъ Полеваго не питалъ еще тогда ненависти къ своему отечеству; напротивъ прельщался его славою и написалъ четверостишіе, въ которомъ вклеплъ, играя словами: Богъ рати онъ и На полѣ онъ. Послѣ тоже самое слышалъ я въ Москвѣ, и теперь не знаю, гдѣ было эхо, тамъ ли, или въ Иркутскѣ? Гдѣ повторяли, и кто у кого перенялъ? Я покамѣстъ былъ доволенъ и пріятными извѣстіями изъ арміи надѣялся насладиться по возвращеніи моемъ въ столицу.

Изъ знаменитаго посольства насъ было тогда четверо изгнанниковъ въ Иркутскѣ, и всѣ мы, не исключая профессора Клапрота, проводили жизнь у губернатора Корнилова. Генераль-губернаторъ Селифонтовъ давно уже возвратился въ Тобольскъ. Александра Ефремовна, губернаторша, умѣла такъ быть любезна съ купцами и женами ихъ, что для нея согласились они на одинъ вечеръ отказаться отъ своихъ предразсудковъ и встрѣтить у нея новый 1806-й годъ.

Всѣмъ снабжаютъ Сибирь преступленія содѣланныя въ Россіи: въ Иркутскѣ было даже человѣкъ до десяти музыкантовъ. На этомъ вечерѣ у губернатора поработали они. Васильчиковъ открылъ балъ съ хозяйкой, а послѣ того какъ онъ, такъ и она, такъ и почти всѣ мы танцевали до упада; худо ли, хорошо ли, только отъ всего сердца. Дамы были все жены чиновниковъ, а кавалеры (такъ называли тогда танцующихъ) были все мужья чиновницъ. Жены же и дочери купеческія, разряженныя по старинѣ, въ бархатныхъ и парчевыхъ кофтахъ и юбкахъ, съ шелковыми платками, шитыми серебромъ и золотомъ, повязанными на головѣ, нѣкоторыя изъ нихъ съ кружевами и косынками на плечахъ, бриліантовыми нитками на шеѣ, такими же серьгами въ ушахъ, перстнями на всѣхъ пальцахъ, сидѣли неподвижны и какъ будто поневолѣ смотрѣли на богоотступныя забавы. Желая угостить какъ ихъ самихъ, такъ и мужей ихъ, согласно ихъ вкусамъ и обычаямъ, хозяинъ приказалъ, чтобы весь вечеръ подносили имъ не прохладительныя, а болѣе горячительныя напитки; онѣ не отказывались, пили, краснѣли и молчали. Надобно было чѣмъ-нибудь и другимъ развеселить

ихъ; на нѣкоторое время прекратились танцы и начались фанты; хоронили золото, пѣли подблюдныя пѣсни. Между этими бабочками, были прекрасненькія; слѣдуя наставленіямъ Иркутскихъ франтовъ, я ни съ одной не позволилъ себѣ слова сказать, онѣ бы обидѣлись; за то, во время игрища, ни одно изъ тайныхъ мюнхъ рукожатій не осталось безъ отвѣта отъ нихъ. Какіе странные нравы! Послѣ имѣлъ я причины благодарить себя за воздержность въ словахъ.

Были въ Иркутскѣ музыканты, были и актеры, слѣдственно былъ театръ, были и содержатели его; все это составилось изъ ссыльныхъ и ихъ дѣтей, и должно бы быть изрядно. Играли, однакоже, такъ дурно, что хотъ бы на Великороссійскомъ губернскомъ театрѣ.

Въ первый мой пріѣздъ, былъ я, хотя весьма маловажное, однакоже, офціальное лицо и потому ссыльныхъ не могъ принимать у себя; они же сами держали себя отъ насъ поодаль. Теперь же, какъ частный человѣкъ, я не отказывался видѣться съ ними, тѣмъ болѣе, что они всѣхъ посѣщали, и я вездѣ ихъ встрѣчалъ. Несчастіе почитается здѣсь почти невиновностію, и сосланнымъ, лишеннымъ чиновъ и дворянства, подъ именемъ несчастныхъ, оказывается отъ жителей такое вниманіе, что можно подумать, будто общее мнѣніе, собственной силой, хочеть возстановить ихъ въ прежнемъ достоинствѣ. Нѣкоторые изъ нихъ употребляютъ иногда во зло такую снисходительность.

Двое несчастныхъ, какъ ихъ называютъ въ Сибири, устроили въ Иркутскѣ театръ. Одинъ изъ нихъ имѣлъ большой чинъ и носилъ знатное имя, князь Василій Николаевичъ Горчаковъ. Отъ природы расточитель и плутъ, еще въ первой молодости, разными постыдными средствами и обманомъ проживалъ онъ чужія деньги. Онъ попалъ въ милость къ императору Павлу, который, подъ именемъ главнаго военнаго комиссара, опредѣлилъ его лазутчикомъ къ принцу Конде. Съ его корпусомъ дѣлалъ онъ походъ въ Германію и безжалостно обиралъ бѣдныхъ, храбрыхъ эмигрантовъ, удерживая часть суммъ, отъ щедротъ Царя черезъ него имъ доставляемыхъ. Послѣ того съ полновластію ѣздилъ онъ къ казакамъ на Донъ и, наконецъ, назначенъ будучи военнымъ губернаторомъ въ Ревель, только что было принимался грабить Нѣмцевъ, какъ императоръ Александръ, вступивъ на престолъ, удалилъ его отъ должности. Въ то же время богатая жена *), которой имѣніе начиналъ онъ проматывать, разошлась съ нимъ. Лишенный всѣхъ способовъ кидать деньги, онъ прибѣгнулъ къ дѣланію фальшивыхъ век-

*) Единственная дочь, которую имѣлъ онъ отъ нея, была замужемъ за Львомъ Алексѣевичемъ Перовскимъ и умерла бездѣтна.

селей; мошенничество его скоро открылось, и онъ очутился въ Иркутскѣ.

Другой, Алексѣй Петровичъ Шубинъ, былъ жалкое, ничтожное созданіе, блудливый какъ кошка, глупый какъ баранъ. Онъ сдѣлался жертвой мерзкихъ интригъ одного таварища своего въ Семеновскомъ полку, Константина Полторацкаго, который былъ ложнымъ его другомъ и любовникомъ его жены. Тотъ подучилъ его выдумать какой-то заговоръ противъ Александра, въ которомъ будто бы отказался онъ участвовать. Чтобы попасть къ Царю въ милость, въ доказательство мести людей, копяхъ не умѣлъ онъ назвать и кои страшились его нескромности, ночью въ Лѣтнемъ саду прострѣлилъ онъ себѣ руку. Его сослали, а наставникъ и предатель его Полторацкій, который совсѣмъ не уменъ, а только изворотливый и смѣлый буффонъ, остался правъ, какъ послѣ того неоднократно, изъ пакостей своихъ, какъ изъ грязи, всегда выходилъ онъ чистъ и сухъ.

Горчаковъ, лицомъ и взглядомъ, походилъ на ястреба. Шубинъ — на овцу. Ссылка связала ихъ дружбой, любовь ихъ поссорила. Примадонна, дочь одного сосланнаго Польскаго шляхтича, тайно оказывала милости обоимъ антрепренѣрамъ; когда невѣрность ея открылась, сумашедшіе вызвали другъ друга на поединокъ. Ихъ до него не допустили, и всѣ взяли сторону Шубина; Горчакова же послали въ Тункинскій острогъ. Черезъ нѣсколько времени воротился онъ изъ него; но Шубинъ торжествовалъ, оставшись одинъ властелиномъ театра и примадонны. Оба, признаюсь, были мнѣ гадки; но Горчаковъ во сто разъ гаже низостью души и откровенностію порока.

Третій изгнанникъ, который явился ко мнѣ, казался мнѣ забавнѣе. Это былъ опрятненькій, сухенькій, живой и здоровый шестидесятилѣтній старичокъ, послѣдняя отрасль не весьма извѣстнаго, но не менѣе того истиннаго Русскаго княжескаго рода Гундоровыхъ. Спросить его, за чтò онъ былъ сосланъ, почиталъ я нескромностію; а онъ такъ давно находился въ Сибири, что никто не помнилъ причины его заточенія. Самъ же онъ очепь хорошо помнилъ веселую молодость въ Москвѣ и былъ для меня хроникой стариннаго Московскаго скандала.

Другихъ примѣчательныхъ людей въ этомъ родѣ я еще не видѣлъ, кромѣ одного Эстляндскаго дворянина, Сталь фонъ-Голстейнъ; но этотъ обществъ не посѣщаль. Онъ видно смолоду былъ великій гастрономъ, училъ за деньги поваровъ и на каждомъ большомъ званомъ обѣдѣ, во фракѣ, чисто одѣтый, являлся въ видѣ метръ-дотеля и распоряджалъ столомъ. У себя за столомъ имѣлъ я честь видѣть однофамильца, можетъ быть и родственника, знаменитой писательницы.

Святки хотѣлъ я взять въ Иркутскѣ. Я не очень спѣшилъ изъ него: такой родъ жизни, какой велъ я тогда въ немъ, нравится молодости. Однакоже, натѣшась до сыта, 7-го Января, оставилъ я его въ купленной мною огромной зимней кибиткѣ. Главу сію началъ я первымъ выѣздомъ моимъ изъ Иркутска, оканчиваю ее послѣднимъ моимъ изъ него отъѣздомъ.

ХІ.

Переправа черезъ Ангару была еще затруднительнѣе, чѣмъ лѣтомъ. Рѣка сія, выходя изъ Байкала, какъ увѣряютъ, имѣетъ по двѣ сажени склоненія на каждую версту; можно себѣ представить ея быстрину. День стоялъ совершенно ясный, морозъ былъ брещенскій, ледъ на ней еще не показывался, и паръ, подобный самому густому туману, подымался съ ея поверхности. Вездѣ кругомъ было свѣтло, а на паромѣ съ трудомъ могли мы различать предметы и поднимались, такъ сказать, ощупью.

Когда же на противоположномъ берегу запрягли мнѣ лошадей, тогда я точно стрѣлой пустился по дорогѣ. Сибирскую зимнюю ѣзду только съ желѣзною дорогою можно сравнить. Пока запрягаютъ, что дѣлается очень скоро, сильный ямщикъ стоитъ передъ тройкой; но лишь только другой сѣлъ на облучокъ, онъ съ необыкновеннымъ проворствомъ отскакиваетъ прочь. Тогда борзые со станціи на станцію мчатся, не останавливаясь ни на минуту, не переводя духу, по горамъ и оврагамъ. Даже меня, любителя скорой ѣзды, такая вихрю подобная скачка сначала изумила; но я скоро привыкъ, и среди скуки нескончаемаго пути была она единственною моею отрадой.

Въ Нижнеудинскѣ зашелъ я только погрѣться на ту общественную квартиру, на которой передъ этимъ ночевалъ я съ своими товарищами. Чтобы дать понятіе о шибкой ѣздѣ въ Сибири, скажу, что, выѣхавъ 7-го числа въ самый полдень изъ Иркутска и сдѣлавъ тысячу верстъ, безъ малаго въ трое сутокъ прибылъ я въ Красноярскѣ.

Жестокіе морозы и скорая ѣзда утомили меня. Я захотѣлъ вздохнуть на томъ мѣстѣ, которое лѣтомъ показалось мнѣ столь пріятнымъ, и расположился, пробывъ полсутки, переночевать въ немъ. Ученаго Спасскаго не было, я оставилъ его въ Иркутскѣ; городскія власти не сочли нужнымъ меня видѣть, и я долженъ былъ въ совершенномъ уединеніи провести время; между тѣмъ удовольствія совсѣмъ необычайныя ожидали меня въ Красноярскѣ.

Меня отвели къ одному жилищному мѣщанину Тимофѣеву. Новый деревянный домъ его, узкій и длинный, имѣлъ два жплья, верхнее и нижнее, и въ каждомъ было по четыре комнаты длинныхъ и высо-

кихъ; одна изъ нихъ мнѣ досталась. Стѣны, ничѣмъ не бывъ обиты, издавали тотъ свѣжій запахъ дерева, который такъ люблю я въ новопостроенныхъ домахъ; широкія дубовыя лавки, такой же столъ, образъ Спасителя съ лампадой въ углу и большая кровать съ бѣлымъ полотнянымъ пологомъ, вотъ что составляло меблировку моего пріюта, гдѣ все лоснилось чистотой *).

Пусть сими подробностями скучаютъ читающіе меня; они властны перевернуть страницу, чтобъ избавиться отъ нихъ: для меня же все драгоценно въ томъ, что привожу здѣсь на память.

Семейство моего хозяина состояло изъ матери его, жены и двухъ дѣтей, двадцатидвухлѣтняго сына и шестнадцатилѣтней дочери. Въ этомъ семействѣ, не исключая даже бабушки, все блистало здоровьемъ, свѣжестью и красотой. Не знаю, удовлетвореніе ли всѣхъ первыхъ потребностей жизни, равенство ли фортуны, отсутствіе ли дурныхъ примѣровъ, вездѣ встрѣчаемыхъ въ нашихъ большихъ городахъ, дѣлали изъ потомства преступниковъ, сосланныхъ въ Сибирь, людей самыхъ добросердечныхъ, сострадательныхъ, простодушныхъ и легковѣрныхъ; особенно же въ Красноярскѣ, можетъ-быть, и самая чистота воздуха сохраняла чистоту нравовъ. Какія бы ни были причины, я, въ моральномъ смыслѣ, попалъ въ рай. Сердитый на морозъ, вошелъ я въ отведенную мнѣ комнату съ видомъ угрюмымъ, едва ли не съ бранью на устахъ. Не изъ боязни, а изъ сожалѣнія все засуетилось, чтобы смягчить мою досаду. Когда я отогрѣлся, успокоился, переодѣлся, предложили мнѣ сѣсть за семейную трапезу; я не только не отказался, но, желая загладить свою грубость, старался съ каждымъ изъ членовъ этой семьи быть порознь любезнымъ. Вдругъ я обомлѣлъ: глаза мои остановились на предметѣ, которому подобнаго они еще не встрѣчали. Съ кѣмъ сравнить его, если не съ безплотными небожителями? Я готовъ былъ преклонить колѣна.

Я растерялся въ словахъ, и дѣйствіе, произведенное на меня дочерью, было слишкомъ сильно, чтобы не замѣтили его родители. Бѣдняжки, это польстило ихъ самолюбію, и вскорѣ потомъ остался я съ нею наединѣ. А она, ангелъ непорочности, не скоро могла понять меня; но любовь магнетизмъ, когда магнетизѣру девятнадцать лѣтъ и онъ немного опытенъ. Тотъ же вечеръ признанъ я женихомъ и съ симъ

*) Обвиняютъ Русскихъ въ неопрятности; гдѣ же встрѣчалась она съ нищетой? Въ комфортабельной Англіи заглянуть бы въ убожища послѣдней. Суровый климатъ и крайніе недостатки заставляютъ нашего мужика на узкомъ пространствѣ собирать въ тепломъ гнѣздѣ все, что ему дорого, семью и достояніе свое, дѣтей и скотину. Но лишь только выбьется онъ изъ нужды, посмотрите, какъ раскраситъ онъ свою свѣтлицу, какъ начнетъ ею любоваться, холить и мыть ее.

званіемъ пріобрѣлъ много вольностей и привилегій. Что мнѣ было дѣлать? Ничего не требуя, я на все готовъ былъ согласиться; я не обманывалъ, а обманывался. Выдумалъ же я только важныя бумаги, которыя приказано мнѣ будто отдать въ столицѣ, да родительское благословеніе, котораго никогда бы не получилъ; а до того просилъ все дѣло держать какъ семейный секретъ. Въмѣсто полусутокъ, пробылъ я три дня; я бы пробылъ тридцать, триста шестьдесятъ, я бы пробылъ всю жизнь, еслибы разсудокъ не восторжествовалъ. И не онъ одинъ: я слишкомъ любилъ, чтобы хотя на минуту забыть долгъ чести.

Но что за блаженство любить со всею свѣжестію, неспорченностію чувствъ и находить взаимность въ созданіи чистомъ, неопытномъ! Какой источникъ нѣжности женское сердце, когда Вѣрочка, почти безграмотный ребенокъ, такъ живо умѣла объяснять ее! Всѣ слова ея до единого я помню и могъ бы здѣсь помѣстить; но разговоры наши останутся вѣчною тайной между нами и Небомъ. Какъ ни влюбленъ я былъ, но я чувствовалъ, что нельзя было такую жену представить роднымъ и проклятому обществу, которому мы такъ много жертвуемъ. Вѣрочка была только богата красою и чувствомъ. Разставаясь, мы заливались слезами; когда я пошелъ садиться въ повозку и отецъ сказалъ мнѣ: «батюшка-зятюшка, да обойми еще разъ, поцѣлуй невѣсту», я просто зарыдалъ. Съ тѣхъ поръ ничего не слыхалъ я объ нихъ. Милая Вѣрочка, дружокъ, незабвенный, если ты еще жива, что ты такое теперь? Заботливая хозяйка, добрая старуха, на лицѣ которой сквозь морщины нельзя добраться и до слѣдовъ прежнихъ прелестей. Но есть мѣсто, у меня подъ грудью, на которомъ однажды отразилась небесная красота твоя, и тамъ, по крайней мѣрѣ, остается она неувыдаемою.

Трехдневный мой романъ покажется очень глупъ; иные сочтутъ меня дуракомъ, который не умѣлъ пользоваться случаемъ; другіе назовутъ подлымъ обманщикомъ, обольстившимъ невинность; многіе скажутъ, что не стоило писать о такихъ пустякахъ. Воля ихъ; но чтобы среди грустныхъ и тяжкихъ воспоминаній, не останавливаясь, въ ихъ угодность прошелъ я мимо самаго усладительнаго, это дѣло невозможное. Какъ требовать отъ путника, чтобы, встрѣтивъ цвѣтокъ на бесплодной степи, онъ не остановился полюбоваться имъ, или звѣздочкой, сквозь облака ему сіяющей?

Дордогой былъ я грустенъ, часто наворачивались у меня слезы, и я много разсуждалъ съ собою о предразсудкахъ свѣта, такъ тиранствующихъ межъ людьми. О войнѣ съ Французами вспомнилъ я только, приближаясь къ Томску. Я пріѣхалъ въ него за полночь и долженъ былъ остановиться на почтовомъ дворѣ. Лишь только разсвѣтало, былъ я уже у губернатора Хвостова, Василій Семеновичъ обошелся со мною

учтиво и даже церемонно, но не сдѣлалъ мнѣ никакого приглашенія, ни малѣйшаго вопроса на счетъ посольства. Этотъ почтенный и скучный человѣкъ былъ великій тянисловъ, и на мои вопросы о томъ, что происходило въ Германіи отвѣчалъ такъ неопредѣлительно, отвлеченно, двусмысленно, что я ничего не могъ понять. Я увидѣлъ, что мнѣ въ Томскѣ дѣлать нечего, воротился домой, поѣлъ, спросилъ лошадей и пустился далѣе.

Какъ трупы нѣкоторыхъ людей въ гробу бываютъ лучше, чѣмъ живые, когда исчезаютъ безобразившіе ихъ угри и волдыри, такъ и Бараба понравилась мнѣ одѣтая въ бѣлую ризу, особенно же когда въ холодную, ясную, но тихую ночь, катился я во весь духъ по гладкой ея тогда равнинѣ, которую луна всю осыпала серебряными блестками. Въ Каинскѣ, въ Каиновомъ городкѣ, какъ называлъ я его, пришло мнѣ въ голову сдѣлать лишнихъ триста верстъ, чтобы не выѣзжать изъ Сибири, не увидѣвъ главнаго, древнѣйшаго ея города, Тобольска.

При лунномъ свѣтѣ выѣхалъ я въ незнакомый еще мнѣ городъ Тару, который когда-то, при царяхъ, былъ крѣпостію, но который, до царствованія Павла, имѣлъ комендантовъ. Послѣдній изъ нихъ оставался тутъ на жительство. Лишь только узналъ онъ о моемъ пріѣздѣ (что въ маленькихъ городахъ дѣлается очень скоро), то самъ пріѣхалъ за мною, чтобы тащить къ себѣ на вечеринку, какъ неуклюже, по дорожному, ни былъ я одѣтъ. На ней нашелъ я гусли, флейту, танцы и барынь; самъ же старый комендантъ, съ своими шестьюдесятію и болѣе годами, пошелъ очень важно выступать *полоною*. Онъ прозывался Иванъ Васильевичъ Зеленой, хотя по лѣтамъ былъ онъ совсѣмъ не зеленъ, а лицомъ весьма багровъ; о Европѣ какъ онъ, такъ и гости его мало заботились, и я ничего не могъ у нихъ узнать; о самой Россіи, гдѣ онъ никогда не бывалъ, говорилъ онъ почти какъ о чужомъ государствѣ; признавался однакоже, что передъ смертію хотѣлось бы ему хотя разъ взглянуть на *Питенбургъ*. Мнѣ стало скучно, карикатурные балы были мнѣ не въ диковинку, я усталъ и скоро отретировался и поспавъ часика три-четыре, до свѣта уѣхалъ изъ Тары.

Я продолжалъ ѣхать все также быстро, и станціи, право, какъ будто мелькали передо мной. Вотъ показался и Тобольскъ? Главнымъ украшеніемъ служила ему крутая укрѣпленная гора, на высотѣ которой стояли каменный сгорѣвшій намѣстнической домъ, соборная церковь и арсеналь, въ коемъ какъ святыня хранилось знамя Ермака и доспѣхи его; самый же городъ выстроенъ былъ внизу. Слѣдуя обычаю старины, безъ всякаго приглашенія, выѣхалъ я прямо къ старинному Кіевскому знакомому, пріятелю моихъ родителей, Никол. Никол. Дурасову,

Сибирскому почтъ-директору. Они оба съ женой Варварой Яковлевной, Кіевскою уроженкой, обрадовались мнѣ какъ земляку, какъ родному. Онъ былъ человѣкъ благоразумный и весьма пріятнаго обхожденія; она же добрая, милая говорунья. Тутъ у почтъ-директора за новостями мнѣ недалеко было ходить: всѣ прочитанныя газеты принесены мнѣ. Увы, зачѣмъ мнѣ было такъ спѣшить! Все разомъ узналъ я и былъ убитъ какъ громомъ.

Не знаю, откуда у пныхъ берется патріотизмъ, когда я вижу такъ много людей, лишенныхъ чувства любви къ отечеству? Много хвалиться имъ кажется нечего; я полагаю, что оно должно быть врожденное, какъ всякая другая страсть, похвальная, простительная или постыдная, какъ страсть къ музыкѣ, къ древностямъ, или къ игрѣ и къ вину. Можетъ быть, это не чтó иное какъ особаго рода хвастовство; одни чванятся жилетомъ, прической, другой лихими рысаками, а я люблю хвастаться пространствомъ, силою и богатствомъ моей отчизны, умомъ и храбростію моихъ согражданъ; у всякаго свое. Виновать ли же я, что нахожѹ мало охотниковъ до того, чтó самъ такъ люблю?

Дикіе народы соединяются на защиту существованія и собственности и на похищеніе ихъ у сосѣдей: у нихъ общее горе, общія радости, вотъ весь ихъ патріотизмъ. Но и сіп узы еще довольно крѣпки. Когда же просвѣщеніе, коснувшись народа новаго, станетъ въ немъ распространяться, то малое число имъ образованныхъ начинаетъ презирать толпу согражданъ и почитать земляками опередившихъ ихъ въ знаніи, и тогда любовь къ роднѣ дѣлается принадлежностію однихъ нпзшихъ классовъ. Кажется Невтонъ (ни за чтó не назову его Ньютономъ) сказалъ, что поверхностная философія истребляетъ религію, а глубокая утверждаетъ въ ней людей. Такъ точно начало просвѣщенія бываетъ вредно для патріотизма; надобно ему всюду разлиться, чтобъ сказанное чувство обратилось въ благородное достояніе всей націи. Сыпъ крестьянскій, котораго взяли на барской дворъ, особливо когда онъ побываетъ въ народномъ училищѣ, смотритъ съ отвращеніемъ на родимую пзбу и на братьевъ-неучей; но не гадко ли на него самого смотрѣть благомыслящимъ людямъ? Но если съ высокими чувствами достигаетъ онъ высшаго просвѣщенія, то съ покорностію поклонится матери и съ вѣжностію обниметъ ее.

Тутъ въ Тобольскѣ, правда въ Сибири, печаль моя казалась непонятною, чуть ли не смѣшною. Казалось, говорили, да какое ему дѣло? Приказана ему что ли Россія? Аустерлицъ ровно ударилъ меня по щекѣ. Величіе пропшества должно бы было меня вѣсколько утѣшить: битва трехъ императоровъ напоминала и Фарсалу, и Акціумъ. Больно мнѣ было даже самое имя Острѣльницъ, обстрѣленными на-

шими солдатами угаданное названіе, данное мѣсту сраженія; оно какъ будто находилось уже въ Польшѣ, въ землѣ Славянской, нашей. Безъ грусти не могъ я также вспомнить царя, боготворимаго Александра, столь скромнаго въ счастіи, нынѣ съ поникшимъ отъ стыда челомъ возвратившагося въ свою столицу, и безъ досады слышать грубыя замѣчанія, что ему не слѣдовало бы путаться не въ свое дѣло.

Хозяева, можетъ быть, не раздѣляя моей печали, старались, однакоже, утѣшить меня. Дурасовъ повезъ меня ко всѣмъ властямъ и потомъ пригласилъ ихъ къ себѣ на обѣдъ, данный, какъ увѣрялъ онъ, по случаю моего пріѣзда. Генераль-губернаторъ Селифонтовъ, которому представлялся я въ Иркутскѣ, первый позвалъ меня обѣдать; послѣ него два Нѣмца, гражданскій губернаторъ Гермесъ и вице-губернаторъ Штейнгель, сдѣлали тоже.

Первый изъ двухъ, бывшій артиллеристъ, Богданъ Андреевичъ Гермесъ, съ многочисленнымъ семействомъ, жилъ однимъ жалованьемъ, слѣдственно скромно, даже скудно; къ тому же не охотникъ былъ много говорить, и потому въ Великороссійскихъ губерніяхъ нашли бы его дурнымъ губернаторомъ. Но въ Сибири его любили и уважали за его безкорыстіе, доброту и строгость только въ случаѣ надобности. Другой, отставной морякъ, Иванъ Ѳедоровичъ Штейнгель, немного богаче перваго, но столько же честень, былъ общительнѣе и правомъ нѣсколько веселѣе его.

Почтенный старикъ, Иванъ Осиповичъ, жилъ также не слишкомъ великолѣпно, хотя получалъ содержаніе, по тогдашнему времени, довольно большое. Скоро долженъ былъ наступить для него чернѣйшій день, и онъ на него какъ будто берегъ денежку. Съ нимъ были жена и дочь; да сверхъ того находились при немъ, въ званіи чиновниковъ по особымъ порученіямъ, два сына, молодые люди, ничѣмъ не замѣчательные.

Онъ казался уныль, не зная, впрочемъ, до какой степени повѣрять въ Петербургѣ неосновательному, можно сказать, ложному доносу посла. Богу дать онъ отвѣтъ, этотъ графъ Головкинъ, не столько еще за легкомысленную жестокость, съ которою свергнулъ онъ невиннаго, заслуженнаго старца, сколько за ужасныя отъ того послѣдствія для Сибири. Болѣе двадцати лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ не терзаетъ ее преемникъ Селифонтова, Пестель, а имя его жителями ея съ проклятіями еще передается внукамъ. Какъ имя сіе напоминаетъ моровую язву, такъ самъ онъ былъ продолжительнымъ бѣдствіемъ въ Сибири. Другіе люди бываютъ жестоки изъ трусости, изъ мщенія, изъ желанія выслужиться, можетъ быть, съ намѣреніемъ быть полезными; а этотъ человѣкъ любилъ зло, какъ стихію, безъ которой онъ дышать не можетъ, какъ рыба любить воду. Никогда еще Сибирскій

край не быть управляемъ столь достойными людьми, каковы были три губернатора, Гермесь, Хвостовъ и Корниловъ; при Пестелѣ скоро ни одинъ изъ нихъ не остался на мѣстѣ. Гермесь съ Штейнгелемъ заблаговременно успѣли убраться въ Пермь къ Модераху; Корниловъ же и Хвостовъ, мало-по-малу опутанные его кознями, привлечены имъ были къ отвѣту въ Сенатъ. Не смѣя показаться въ Сибири, гдѣ ожидало его убійство, онъ правилъ ею изъ Петербурга посредствомъ подобныхъ себѣ изверговъ, коимъ выпросилъ онъ тамъ губернаторскія мѣста. Находясь въ столицѣ, онъ безпрестанно новыми обвиненіями преслѣдовалъ двухъ несчастныхъ, которые около десяти лѣтъ томилсь подъ судомъ. Истина наконецъ восторжествовала: они оправданы, сдѣланы сенаторами, а онъ удаленъ отъ службы. Въ другомъ государствѣ былъ бы онъ повѣшенъ. Надъ преступнымъ сыномъ его свершилась въ послѣдствіи сія праведная казнь, которую, можетъ быть, онъ гораздо болѣе его заслуживалъ.

Разставаясь съ Сибирью, которую, если Богъ милостивъ, никогда не увижу, позволю себѣ здѣсь нѣкоторыя размышленія о ней. Она была завоевана, можно сказать, открыта въ одно время почти съ Англійскими колоніями, нынѣшними Сѣверо-Американскими Штатами. Британское правительство ничего не щадило, чтобы сдѣлать для себя полезнымъ пріобрѣтеніе первыхъ владѣній своихъ за океаномъ; для заселенія ихъ употребляло самыя безчеловѣчныя средства. Двухвѣковыя усилія сего правительства мудраго, искуснаго, дѣятельнаго увѣнчались совершеннымъ успѣхомъ. Много способствовали ему просвѣщеніе, расчетливый умъ и предпріимчивость частныхъ лицъ, богатѣвшихъ на пріобрѣтенной ими землѣ. Чѣмъ же кончилось? Миліоны сыновъ Англіи отреглись отъ нея, возстали на нее, побѣдили, освободились и сдѣлались первыми, почти единственными ея соперниками. Кто знаетъ! Тоже самое когда-нибудь случится и съ Вандименовою землей: у торговаго народа нѣтъ другихъ узъ, кромѣ барышей.

Безпечная Россія всегда смотрѣла на Сибирь, какъ богатая барыня на дальнее помѣстье, случайно ей доставшееся, куда она никогда не заглядывала, управленіе коего совершенно ввѣрено прикащикамъ, болѣе или менѣе честнымъ, болѣе или менѣе искуснымъ. Помѣстье всегда исправно платитъ оброкъ золотомъ, серебромъ, желѣзомъ, мѣхами: ей только и надобно; о нравственномъ и политическомъ состояніи его она мало заботится. Крестьяне, ходя на промыселъ и подвигаясь все впередъ, наткнулись на транзитную Китайскую торговлю: тѣмъ лучше: и имъ прибыль, и господамъ.

Какъ не признать, что во время дремоты нашей, у изголовья самимъ Богомъ приставленъ къ намъ ангель-хранитель? Зачѣмъ же намъ

слишкомъ хлопотать? Въ свое время все полезное придетъ къ намъ само собою. Когда мы больно начнемъ мудрить, всегда надѣлаемъ глупостей; извѣстно, что мы мастера все испортить. Все идетъ намъ въ прокъ, даже лѣность и невѣжество нашихъ дворянъ. Что еслибъ, отъ природы ко всему способные, они вздумали почти задаромъ покупать въ Сибири большія пространства дѣвственной земли и переводить на нихъ крестьянъ (что никогда запрещено не было)? Какими бы владѣтельными князьями могли они сдѣлаться!*) Но къ счастью, имъ это не приходило въ голову; имъ пріятнѣе было вести праздную жизнь въ деревняхъ или въ столицахъ, щеголять Европейскою болтовней. Итакъ въ Сибири нѣтъ ни одного помѣщика: все казенное, все Божье, да государево. Чиновники всѣ присылаются изъ Россіи; пробывъ нѣсколько лѣтъ, когда они волею или неволею оставляютъ службу, то опять въ нее же возвращаются. Духовенство вездѣ у насъ бѣдно; миліонщики-купцы также не владѣютъ землею, имѣютъ только дома и капиталы и торгъ ведутъ по большей части черезъ Россію. Однимъ словомъ, Сибирь, какъ медвѣдь, сидитъ у нея на привязи.

Кто можетъ знать будущее? Но судя по настоящему, не видно и возможности отдѣлиться ей отъ насъ. Она такъ велика, такъ бѣдна жителями, сообщенія между ними такъ затруднительны, что всякая попытка будетъ неудачна. Тогда какая польза для государства владѣть безпредѣльными, необработанными пустошами? Развѣ мало пользы имѣтъ на вѣчныя времена въ запасѣ достаточное количество земли для умножающагося народонаселенія? Оно только можетъ идти опять изъ той же Россіи: когда Оренбургская губернія и южная часть Пермской преисполнятся жителей, тогда они ровными, довольно густыми массами будутъ подвигаться и населять Тобольскую. Такимъ образомъ, Россія будетъ все расти, по мѣрѣ того какъ Сибирь будетъ укорачиваться. Только Китайская граница и особенно Амуръ суть мѣста, о коихъ позаботиться было бы не худо.

Съ самаго выѣзда изъ Красноярска, чувствовалъ я неодолимую тоску; извѣстія, полученныя мною въ Тобольскѣ, должны были ее умножить, а образъ жизни, который въ немъ вели, не могъ уменьшить ее. Всѣ веселія ограничились для меня четырьмя сытными обѣдами, и хотя

*) Недавно въ Саратовской губерніи, на степи, близъ Иргиза, на нетронутой землѣ, съ малыми средствами поселился одинъ помѣщикъ, Колокольцовъ. Прилежно занимаясь разработкой ея, посредствомъ не рабовъ-Негровъ, даже не крѣпостныхъ мужиковъ, а вольнонаемныхъ, онъ въ нѣсколько лѣтъ до того успѣлъ разбогатѣть, что этого человека, гениа агрономѣи, стали подозрѣвать въ разбояхъ и въ дѣланіи фальшивыхъ ассигнацій. Примѣръ его могъ бы возбудить къ подражанію; къ несчастію, онъ убитъ въ степи невѣдомо кѣмъ.

по вечерамъ была несносная скука, я не искалъ развлеченій и не любопытствовалъ даже взглянуть на театръ, который тутъ находился подъ управленіемъ также сосланнаго дворянина, Василя Васильевича Пассева. Я бы скоро оставилъ Тобольскъ, но морозы начали доходить до сорока градусовъ, и я все выжидалъ, чтобы холодъ уменьшился. Долѣе пяти или шести дней прождать я не могъ и выѣхалъ въ ужаснѣйшій морозъ, какой я запомню.

Въ закутанной отовсюду кибиткѣ, надобно было еще мнѣ думать о спасеніи ушей и носа; приподнявъ шубу и завязавъ ее надъ головою, сидѣлъ я въ совершенныхъ потьмахъ; куда какъ мнѣ весело было! Съ двумя уѣздными городами, Тюменемъ въ Тобольской губерніи и Камышловымъ Пермской, обошелся, я какъ съ простыми станціями, только что погрѣлся въ нихъ, да перемѣнилъ лошадей. Въ одиннадцать часовъ вечера, 3 Февраля, пріѣхалъ я въ Екатеринбургъ.

Не скоро ночью могъ я отыскать какого-то полицейскаго, который привелъ меня къ какимъ-то мѣщанамъ на краю города. Они что-то косо посмотрѣли на меня, однакоже отвели въ небольшую горенку, гдѣ, уставъ отъ мороза, съ удовольствіемъ я началъ дышать теплымъ воздухомъ и расправлять отъ неподвижности и холода онѣмѣвшіе мои члены. Прежде нежели легъ спать, немного укрѣпилъ я себя простою пищею; вдругъ среди сладости перваго сна пробужденъ я былъ необыкновеннымъ шумомъ. Тонкая перегородка отдѣляла меня отъ образной или молельной; хозяева мои были раскольники, это было наканунѣ воскреснаго дня и, ровно въ полночь, начали они безъ священника совершать свое богослуженіе. Какъ объяснить, сколь нестерпимы были для слуха чтеніе и пѣснопѣніе ихъ? Какъ описать мое бѣшенство, отчаяніе мое? Много нагрѣшилъ я въ эту ночь. Вдали отъ слуги моего, который спалъ въ другомъ мѣстѣ, забывъ и страхъ, и долгъ христіанства, не владея собою, громкими ругательствами и проклятіями сопровождалъ я моленія ихъ; ими покрывалъ я иногда голоса ихъ, но мой чаще былъ заглушаемъ ихъ возгласами и бормотаньемъ. Я давно уже умолялъ, а они долго еще продолжали крики и визги свои. Какъ бы отчитавъ бѣснующагося, незадолго передъ разсвѣтомъ оставили они меня въ покоѣ. Сильное волненіе въ крови рано разбудило меня.

Я вспомнилъ Софью Карловну Пѣвцову, одѣлся и въ морозъ пошелъ пѣшкомъ ее отыскивать. Найти было нетрудно, въ уѣздномъ городѣ, генеральскій собственный, каменный домъ въ два этажа. Я былъ допущенъ къ генералу, котораго нашелъ я въ залѣ, среди стоящихъ вокругъ него штабъ-и оберъ-офицеровъ его полка. Я огнюдь не былъ пораженъ величіемъ сего зрѣлища, тѣмъ болѣе что съ перваго взгляда, Аггей Степановичъ показался мнѣ фельдфебелемъ, который

только что надѣлъ генеральскій мундиръ и ленту. Объяснивъ ему свое имя и качество, я прибавилъ, что, пользуясь приглашеніемъ его супруги, желалъ бы и ей представиться. Онъ отвѣчалъ мнѣ сухо и даже сурово: «она на сносяхъ брюхата, вамъ нельзя ее видѣть». Я поклонился, повернулся и вышелъ. На лѣстницѣ слышу, что кто то меня догоняетъ; поровнявшись со мной, невысокаго роста, толстенкій человекъ въ военномъ мундирѣ обратилъ ко мнѣ слѣдующія слова: «Мнѣ, право совѣстно за нашего генерала, онъ совсѣмъ не умѣетъ жить; такіе гости, какъ вы, у насъ рѣдки; надобно стараться ихъ удерживать. Позвольте мнѣ предложить вамъ мои сани и проводить васъ въ одинъ домъ, гдѣ уже, конечно, будутъ умѣть оцѣнить васъ.» Что могло быть любезнѣе такого предложенія? я принялъ его.

Проводникъ мой былъ Екатеринбургскаго полка подполковникъ Кореневъ, а повезъ онъ меня къ женѣ генерала, то-есть оберъ-берггауптмана четвертаго класса, Ивана Филиповича Германа, начальника Горнаго Правленія, Елисаветѣ Гавриловнѣ, урожденной Качкѣ. Мужъ былъ въ Петербургѣ, а жена дѣйствительно заставила меня краснѣть отъ любезности ея привѣтовъ. Она не хотѣла отпустить меня до обѣда, на который пригласила къ себѣ; и когда, по окончаніи его, началъ я раскланиваться, чтобъ идти домой и въ тотъ же день отправиться далѣе въ дорогу, она объявила мнѣ, что этому не бывать, что повозка моя у нея въ сараѣ, а пожитки мои въ пустомъ кабинетѣ ея мужа. Когда же я сталъ отговариваться, она отвѣчала мнѣ: «Неужели въ Петербургѣ молодые люди такъ грубы, что не уважаютъ просьбами женщинъ? Нѣтъ, вы не будете такъ неучтивы, чтобъ отказаться отъ бала, который сегодня я даю въ честь вашу и на который созвала я весь городъ». Что мнѣ было дѣлать? Послѣ худо проведенной ночи, послѣ дурнаго приѣма утромъ, я совершенно былъ оглушенъ расточаемыми мнѣ ласками, и далъ г-жѣ Германѣ распоряжаться мною, какъ ей было угодно.

Надобно, однакоже, описать наружность любезной моей хозяйки и внутренность ея семейства. Отъ роду было ей лѣтъ сорокъ, если не болѣе; вѣсу въ ней было пудовъ сорокъ, если не болѣе; она была рыжевласая, и рябины на лицѣ ея спорили за мѣсто съ веснушками. Она должна была имѣть великую тѣлесную силу, ибо толщину свою носила съ необычайною живостію и легкостію. При ней находились двое дѣтей, девятнадцатилѣтняя дочь и восемнадцатилѣтній сынъ, уже горный офицеръ; меньшіе сыновья отданы были въ Горный Корпусъ. Дочь была не дурна собою и чрезвычайно свромна; я скоро замѣтилъ, что представившій меня Кореневъ въ нее влюбленъ, ищетъ руки ея и всячески старается угодить матерн.

Но зачѣмъ при такой взрослой дѣвицѣ, подумалъ я, гувернантка четырьмя годами ея только старѣе? Мадамъ Легранъ, какъ замѣтилъ я, принадлежала къ такому роду женщинъ, которыя похищаютъ названіе мадамы, хотя, впрочемъ, онѣ сами съ достовѣрностію не помнятъ эпохи, въ которую лишились права называться мамзелями. Она пустилась рассказывать про мадамъ Браншю и другихъ оперныхъ пѣвицъ въ Парижѣ, какъ будто про какихъ принцессъ; въ вольномъ семь рассказѣ не утаила она ни одной изъ ихъ слабостей, а изъ простонароднаго слога, *жонъ* и *жавонъ*, ея повѣствованія, заключилъ я, что у которой-нибудь изъ нихъ должна она была находиться служанкой. Къ счастію молодой Германъ, была она болѣе повѣренною въ дѣлахъ матери, чѣмъ ея наставницей. Чтобы дать понятіе о непринужденности ея обхожденія съ мужчинами, скажу, что, во время бала, найдя меня въ кабинетѣ, куда зашелъ я отдохнуть, она безъ церемоніи сѣла мнѣ на колѣни и обѣ руки закинула мнѣ за голову; внезапно показалась хозяйка и громоносный взглядъ ея заставилъ ее вскочить.

Не съ одной этой стороны поведена была противъ меня атака: Елисавета Гавриловна все со мной танцевала, и я сначала думалъ, что отъ усталости такъ крѣпко жметъ она мнѣ руку. На этотъ счетъ былъ я отъ природы тупъ, совсѣмъ не избалованъ прекраснымъ поломъ и нескоро могъ догадаться, чего отъ меня хотятъ; но тутъ уже дѣло было очевидное. Въ цѣлыя сутки я почти минуты не имѣлъ отдыха и когда пошелъ къ себѣ въ комнату спать, то заперся; ну что много извиняться, виновать, струсилъ!

Я ожидалъ, что на другое утро встрѣтятъ меня съ холодностію; вмѣсто того, меня просто начали гнать съ двора, говорить, что меня не удерживаютъ, что въ дорогѣ заживаться не должно. Мнѣ стало досадно. Наканунѣ на балѣ одинъ горный чиновникъ, пятого класса Иванъ Козмичъ Савковъ, подошелъ ко мнѣ и сказалъ потихоньку, что Софья Карловна въ отчаяніи отъ неучтивости своего мужа, что она проситъ меня не уѣзжать, не повидавшись съ нею и не принявъ отъ нея порученій къ родителямъ въ Пермь и что самъ мужъ ея приказалъ принять меня, коль скоро я приду. Этимъ случаемъ не оставилъ я воспользоваться.

Я уже успѣлъ замѣтить, что въ Екатеринбургѣ нѣтъ большаго согласія между двумя вѣдомствами: военнымъ, и горнымъ, и что въ обоихъ станахъ встрѣчаются переметчики. Я гордо возвѣстилъ г-жѣ Германъ, что немедленно уѣду, но что напередъ долженъ увидѣться съ г-жей Пѣвцовой, и пошелъ къ сей послѣдней.

Мужъ ея былъ правъ, она едва могла передвигаться, но и въ семь состояніи была мила и пріятна. Не такъ уже смотрѣлъ я на нее,

какъ за семь мѣсяцевъ передъ этимъ: въ головѣ моей все еще былъ одинъ свѣжій женскій образъ, при которомъ въ глазахъ моихъ померкли другія женскія прелести. Пѣвцова расхохоталась, когда я съ видомъ горести и смиренія сталъ разсказывать ей о непонятной для меня внезапной переменѣ въ обхожденіи со мною почтенной Елисаветы Гавриловны Германъ. По приказанію генерала, нашли мнѣ квартиру близко отъ его дома.

Скоро пришелъ ко мнѣ молоденькій Германъ *), который никакого не хотѣлъ принять участія въ несправедливомъ на меня гнѣвѣ своей матери и предложилъ мнѣ съѣздить съ нимъ на Березовскій казенный заводъ, гдѣ добывается золото. Тамъ потрапезничавъ, спустились мы въ рудники, и такимъ образомъ разъ въ жизни случилось мнѣ побывать подъ землею. Я былъ слишкомъ разсѣянъ во время сего сошествія въ преисподнюю и ничего особенно любопытнаго не могу сообщить о немъ читателю; только пораженъ я былъ безстыдствомъ и развратомъ работниковъ обоого пола. Вечеръ провелъ я у Пѣвцовыхъ и на другой день уѣхалъ изъ Екатеринбурга, не простясь съ Германшей.

По пріѣздѣ въ Пермь, остановился я у прежняго своего хозяина, часовыхъ дѣлъ мастера Розенберга. Городъ сей имѣлъ видъ еще болѣе унылый чѣмъ лѣтомъ: передъ каждымъ рядомъ низкихъ домовъ стоялъ валъ изъ снѣгу, на широкихъ улицахъ метелями нанесеннаго. Не располагая тутъ долго пробыть, я въ тотъ же вечеръ пошелъ къ Модераху съ письмомъ отъ Пѣвцовой. Жена его была нездорова, дочери не показывались, и я пробылъ съ нимъ наединѣ. Онъ сдѣлался разговорчивѣе; замѣтивъ какое участіе, несмотря на мою молодость, принимаю я въ заграничныхъ происшествіяхъ, началъ онъ изъясняться объ нихъ съ чувствомъ, какъ Нѣмецъ временъ Екатерины, который дорожитъ Русскою честію. Съ прискорбіемъ говорилъ онъ о послѣдствіяхъ Аустерлицкаго сраженія и Пресбургскаго мира; съ негодованіемъ о принятіи двумя курфирстами короны изъ рукъ не всѣми признаннаго императора и объ униженіи чрезъ то королевскаго достоинства; но вѣровалъ еще въ могущество Россіи и надѣялся на сильное содѣйствіе Пруссіи. Утѣшенный имъ, преисполненный къ нему уваженія, оставилъ я его.

*) Его зовутъ Федоръ Ивановичъ. Въ немъ были необыкновенный умъ, удивительныя способности и чрезвычайная безправственность. Послѣ перешелъ онъ въ военную службу и находился при Оренбургскомъ (нынѣшнемъ Санктпетербургскомъ) военномъ губернаторѣ Эссенѣ. Въ званіи адъютанта управлялъ онъ всѣмъ краемъ и до того прославился, что изъ Петербурга вѣрно было начальнику его удалить сего слишкомъ искуснаго адъютанта.

Отъ Пермѣ въ Казань дорога показалась мнѣ весьма пріятною, потому что воздухъ сдѣлался вдругъ гораздо теплѣе: послѣ продолжительныхъ морозовъ въ пути оттепель покажется всегда благополучіемъ. При масленничной погодѣ, во Вторникъ на Масляницѣ пріѣхалъ я въ Казань.

Передъ отъѣздомъ изъ сего города, лѣтомъ, далъ я сыну коменданта Кастелли, Николаю Степановичу, обѣщаніе на обратномъ пути у него остановиться. Онъ былъ добрый, молодой, веселый морячокъ, недавно оставившій службу и женившійся на одной изъ дѣвицъ Юшковыхъ; сдержать данное ему слово было мнѣ легко и пріятно. Я присталъ у него, и мы пустились съ нимъ по городу, который тогда исполненъ былъ веселыхъ пиршествъ.

Губернаторша почитается необходимостію въ губернскомъ управленіи: возлагая на нее заботы домоводства и общественной жизни, что входитъ въ составъ его обязанностей, губернаторъ имѣетъ болѣе свободы заниматься дѣлами по службѣ; когда сіе второе мѣсто въ губерніи остается вакантнымъ, то какъ будто чего-то не достаетъ въ губернскомъ городѣ. Добрѣйшій Борисъ Александровичъ Мансуровъ, вдали отъ дѣтей своихъ, которыя воспитывались у родныхъ въ столицѣ, скучая одиночествомъ и вдовствомъ своимъ и внимая преслѣдовательнымъ убѣжденіямъ жителей, передъ самою Масляницей вступилъ во второй бракъ со старшею изъ княженъ Баратаевыхъ, Елисаветой Семеновной, и Казанцы не знали какъ изъяснить радость по случаю сего важнаго для нихъ событія.

Недавняя, почти вчерашняя госпожа Мансурова была годами вдвое моложе своего мужа, а степенностію едва ли не старѣе его. Она помнила еще отца своего на губернаторствѣ, слѣдственно оно ей было не въ диковинку; однакоже, по природной скромности, всегда приходила въ замѣшательство, когда старыя дамы уступали ей мѣсто. Самъ же Мансуровъ на радости былъ со мною, если возможно, еще добрѣе и ласковѣе. Мы проводили вмѣстѣ дни и вечера, на званыхъ свадебныхъ обѣдахъ, на катаньяхъ и на балахъ. Это было тоже что въ Пензѣ, да не то: въ помѣщикахъ Казанскихъ были радушіе и искренность, которыхъ не было въ Пензенскихъ; а Пензенскія дамы имѣли жеманство и претензіи, которыхъ не было въ Казанскихъ. Сплетни однакоже неизбѣжное зло губернскихъ городовъ, и я былъ провозглашенъ женихомъ Александры Семеновны, одной изъ меньшихъ Баратаевыхъ потому только, что часто бывалъ у ея матери, чаще съ нею танцевалъ и дѣйствительно находилъ ее красивѣе и милѣе другихъ дѣвицъ *).

*) Она теперь замужемъ за попечителемъ Казанскаго университета Мусинымъ-Пушкинымъ

Въ Казани находился тогда одинъ выходецъ, я чуть было не сказалъ бѣглецъ, изъ дѣйствовавшей арміи, сынъ Желтухина, Измайловскаго полку полковникъ Сергѣй Федоровичъ, который былъ въ Аустерлицкомъ сраженіи или близь его и послѣ угрожавшихъ ему издали опасностей пріѣхалъ успокоиться къ родителямъ. Я было къ нему съ распросами; онъ отвѣчалъ такъ не ясно, такъ отрывисто, что я приписалъ это его гордости или скромности; послѣ въ Петербургѣ узналъ, что это происходило отъ его невѣдѣнія и что вообще самое воспоминаніе о сраженіяхъ его сильно тревожило.

Во Вторникъ на первой недѣлѣ поста выѣхалъ я изъ Казани. Находясь такъ близко отъ Пензы, куда я долженъ былъ опять заѣхать, въ другое время не прожилъ бы я недѣли въ семь городѣ, но я предпочелъ пиршества въ Казани и тишину семейной жизни въ Пензѣ. Опять проѣхалъ я черезъ Симбирскъ, не выдавши его, ибо это было въ темную ночь, когда мятель только что начинала разыгрываться; я выждалъ на почтовомъ дворѣ, чтобъ она прошла, и выѣхалъ до свѣту. Спѣшить было не къ чему: я не нашелъ въ Пензѣ ни родителей, ни родныхъ своихъ.

Въ бытность отца моего въ Петербургѣ, военный губернаторъ графъ Петръ Александровичъ Толстой уговорилъ его, посредствомъ своихъ подчиненныхъ, принять на себя закупку муки въ Пензѣ и доставку ея Сурой и Волгой въ столицу. Онъ находилъ, что провіантскими чиновниками дѣлается сіе слишкомъ накладнымъ образомъ для казны, и отецъ мой имѣлъ неосторожность согласиться. Сія опасная операція совершена съ успѣхомъ, то-есть въ половину дешевле противъ прежнихъ годовъ. Но караванъ имѣлъ остановки въ плаваніи, и поверхность муки подверглась нѣкоторой порчѣ. Это подало поводъ управляющему запасными магазинами, статскому совѣтнику Романовскому, лишенному при семъ случаѣ обыкновенныхъ своихъ ежегодныхъ барышей, забраковать всю муку. Почтеннаго графа Толстаго тогда не было въ Петербургѣ; онъ командовалъ корпусомъ, дѣлалъ съ нимъ высадку въ Померанію и ходилъ на помощь къ ГанOVERу. Онъ сохранялъ свое званіе, но мѣсто его временно занималъ военный министръ Вязмитиновъ, хорошій знакомый отцу моему, добрый человекъ, но слабый, робкій и склонный къ подозрѣніямъ. Чтобы спасти себя отъ совершеннаго разоренія, принужденъ былъ отецъ мой съ семействомъ отправиться въ Петербургъ; и сдѣлалъ хорошо, ибо въ послѣдствіи все дѣло обратилось къ стыду г. Романовскаго. Что было мнѣ дѣлать въ пустой для меня Пензѣ? Не выдавъ почти никого, отдохнулъ я въ ней сутки и пустился опять въ безконечный свой обратный путь.

Въ Москвѣ нашелъ я сестру и зятя веселыми и довольными. Причина ихъ радости, для человѣка равнаго съ полковникомъ Алексѣевымъ чина, едва ли въ нынѣшнее время не была бы причиною печали: зятю моему, послѣ Аннинскаго креста на шеѣ, дали Владимирскій въ петлицу. Два Екатерининскихъ ордена, военнаго и гражданскаго достоинства, которыхъ Павелъ не раздавалъ и на раздачу которыхъ Александръ былъ очень скупъ, цѣнились еще весьма дорого. Не нужно говорить объ удовольствіи, съ которымъ увидѣло меня почти все мое семейство, ибо и другія двѣ сестры родителямъ оставлены были въ Москвѣ у Алексѣевыхъ; не временемъ, а отдаленіемъ мѣрили мое отсутствіе, и мы увидѣлись какъ послѣ десятилѣтней разлуки.

Несмотря на великій постъ, въ Москвѣ казалось шумно и весело. Въ ней только тогда побѣдителей ожидали триумфы, и князь Багратионъ, почти единственный изъ военачальниковъ, поддержавшихъ честь Русскаго оружія, пріѣхалъ въ нее за вѣнками, со множествомъ молодыхъ знатныхъ людей, подвизавшихся съ нимъ въ послѣднюю кампанію. Изъ нихъ, у князя Сергія Θεодоровича Голицына, видѣлъ я только одного, третьяго сына его князя Сергія, который имѣлъ на головѣ рану и весьма красиво и кокетски надѣтую черную повязку. Множество праздниковъ съ похвальными куплетами даны были въ честь Багратиона и его сподвижниковъ. На одномъ изъ нихъ, въ благородномъ собраніи, самомъ блистательномъ и многолюдномъ, явилась старшая изъ трехъ дочерей князя Василя Алексѣевича Хованскаго, о которыхъ не одинъ разъ я упоминалъ. Она была одѣта какой то воинственной дѣвой, съ каской на головѣ, въ куртку свѣтло зеленаго цвѣта съ оранжевымъ, вмѣсто обыкновенныхъ лентъ, украшенная Георгіевскими, принадлежащими гвардейскому егерскому полку, коего Багратионъ былъ шефомъ, и своимъ прекраснымъ голосомъ пропѣла стихи во славу его. Все это было очень трогательно и немного смѣшно. Возвратившись, какъ мнѣ казалось, со стыдомъ, я никуда не показывался, и пишу здѣсь все одно слышанное.

Мнѣ такъ надоѣла дорога всю зиму и такъ хорошо мнѣ было съ родными, что я дней десять откладывалъ все выѣздъ свой. Но послѣдній зимній путь начиналъ портиться, и я долженъ былъ сѣсть, чтобы воспользоваться имъ. Итакъ, 12 Марта покинувъ Москву, 16-го прибылъ я въ Петербургъ, послѣ десятимѣсячнаго изъ него отсутствія.

XII.

Я имѣлъ адресъ квартиры нанятой моимъ отцомъ и нашелъ въ ней особо приготовленную для меня комнату. Сестры въ Москвѣ были мнѣ безъ памяти рады; но то ли дѣло было въ Петербургѣ съ родителями! Только отецъ мой нѣсколько сожалѣлъ о неудачномъ для меня окончаніи столь дальняго путешествія.

Семейство Тулиновыхъ также находилось тогда въ Петербургѣ. Запрещенія ввоза иностранныхъ издѣлій тогда еще не существовало, и суконными фабриками можно было тогда только что жить, а не наживаться. Старшій сынъ, Алексѣй Ивановичъ, какъ сказалъ я въ одной изъ предыдущихъ главъ, несмотря на свою молодость и при весьма похвальныхъ свойствахъ, имѣлъ чрезвычайную алчность къ богатству, а единственные почти источники его находились тогда въ питейныхъ домахъ: откупщики были настоящіе алхимики, которые нашли не камень философскій, а жидкость. Въ Сенатѣ назначены были торги на новые питейные откупа, и молодой Тулиновъ уговорилъ родителей испытать счастье на семъ новомъ для ихъ семейства торговомъ поприщѣ. Но толпа искателей фортуны противъ прежнихъ четырехлѣтій чрезвычайно увеличилась, и въ той же мѣрѣ и цѣны на право продавать водку, равно какъ и казенные доходы. Такимъ образомъ не слишкомъ выгодно взялъ Тулиновъ на откупъ Пензенскую губернію, что отцу моему было весьма непріятно: ибо явно помогать ему въ его кабацкихъ дѣлахъ было бы неблаговидно, а отказывать въ помощи родственнику и жестоко, и несправедливо.

Такимъ случаемъ, каковымъ было пребываніе въ столицѣ двухъ столь близкихъ ему семействъ, не оставилъ братъ мой Николай воспользоваться, чтобы въ первый разъ молодой женѣ показать Петербургъ. Я до тѣхъ поръ еще не видывалъ ея, и хотя грѣшно позавидовать брату, признаюсь, что сдѣлалъ сіе. Она была изъ числа тѣхъ существъ, которыя посылаются минутой погостить на землѣ, чтобы показать, до какой степени смертные могутъ уподобиться небожителямъ, и потомъ опять улетѣть домой.

Весною въ концѣ Апрѣля пріѣхалъ и старшій братъ мой, Павелъ. Онъ во время похода слѣдовалъ за арміей; когда я перебирался черезъ горы вокругъ Байкала, проѣзжалъ онъ съ войсками черезъ Венгрію, и когда со столь отдаленныхъ, противоположныхъ точекъ сошлись мы вмѣстѣ, то имѣли что другъ другу поразказать. Моимъ родителямъ, на чужой сторонѣ, было усладительно видѣть себя окруженными большею частію своего семейства. Припомнивъ себѣ все что

въ это время до него относилось, что мнѣ казалось дороже всего, скажу о томъ что могъ тогда видѣть и замѣтить въ городѣ и въ обществѣ.

Расположеніе умовъ нашелъ я въ Петербургѣ иное чѣмъ въ Москвѣ. Тамъ позволяли себѣ осуждать Царя, даже смѣяться надъ нимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обременять ругательствами побѣдителя его, съ презрѣніемъ называя его Наполеошкой. Здѣсь напротивъ были воздержнѣе: всѣ чувствовали, что униженіе, понесенное главою народа неизбежно должно раздѣлять съ нимъ все государство. Самое негодование на сильнаго противника нашего было глубже и пристойнѣе; большаго униженія не показывали, всѣ храбрились, послѣднюю побѣду его усиливались приписывать болѣе счастью чѣмъ искусству, и желаніе новой съ нимъ войны было общее. Знатная молодежь, воспитанная эмигрантами и участвовавшая въ сей войнѣ, не столько ненавидѣла въ немъ врага своего отечества, какъ маленькаго поручика, дерзнувшаго возсѣсть на престолѣ великаго Лудовика; она спѣшно и грозно толковала о будущихъ своихъ подвигахъ, надъ чѣмъ иные тайкомъ смѣялись, будто по ошибкѣ вмѣсто *геро* называя ихъ *зеро*, и розданнымъ ей во множествѣ Анненскимъ шпагамъ давая названіе ослиныхъ шпагъ: *âne* вмѣсто *Арне*. Чувствами выражаемыми лучшимъ обществомъ, дворомъ и гвардіей, долженъ былъ Государь остаться доволенъ, хотя Французскій роялизмъ, а еще болѣе рабелѣпство въ семь случаевъ принимали цвѣтъ патриотизма; къ сожалѣнію другаго почти не бываетъ въ новой столицѣ. Съ другой стороны, приверженцы Англіи указывали на нее какъ на якорь нашего спасенія, и вліяніе ея на дѣла наши сдѣлалось еще сильнѣе прежняго. Несмотря на мое невѣдѣніе, съ этого времени началъ я ее ненавидѣть: мнѣ казалась обидна мысль, что мы въ числѣ народовъ, конхъ гордые островитяне, внѣ континентальныхъ опасностей, нанимаютъ, чтобы сражаться за ихъ выгоды.

Одного изъ послѣдователей Англійской системы не щадило тогда общее мнѣніе. Князь Адамъ Чарторижскій, управлявшій иностранными дѣлами и находившійся во время путешествія и Аустерлицкаго сраженія при Государѣ, сдѣлался всѣмъ ненавистенъ. Въ среднихъ классахъ называли его просто измѣнникомъ; а тайная радость его, при видѣ неблагопріятныхъ для насъ событій, не избѣжала также отъ глазъ высшей публики. Императоръ въ это время дорожилъ еще мнѣніемъ Россіи, которая громко зывала къ нему объ удаленіи предателя, и Чарторижскій, къ концу лѣта, долженъ былъ оставить министерство, сохранивъ только званіе попечителя Виленскаго университета. Мнѣ сказали, что по возвращеніи изъ посольства долженъ я

былъ непременно къ нему явиться, и я исполнилъ сіе какъ весьма тягостную для меня обязанность. Въ прихожей нашелъ я дежурнаго, который пошелъ обо мнѣ докладывать; онъ былъ одняъ и чрезъ пять минутъ велѣлъ позвать меня къ себѣ. Пройдя длинный рядъ комнатъ, я вошелъ въ его кабинетъ; онъ не сядѣлъ, а стоялъ за высокимъ письменнымъ столомъ, оборотился ко мнѣ съ пріятною улыбкой, сказалъ нѣсколько вѣжливыхъ вопросовъ и кончилъ предложеніемъ вступить подъ его начальство. Я, поклонясь только, поблагодарилъ, не стараясь давать отказу своему никакого благовиднаго предлога. Послѣ не одинъ разъ жалѣлъ я о томъ; но тутъ, когда онъ былъ такъ добръ со мною, право, кажется, готовъ бы я былъ его зарѣзать. Не знаю, чѣмъ заслужилъ я его милость. Наружность ли ему моя понравилась, или не-Русское мое прозваніе, или предполагаемое во мнѣ неудовольствіе за сдѣланную мнѣ несправедливость? Это былъ единственный разъ, что я его видѣлъ, и предубѣжденіе мое до того не простиралось, чтобы не замѣтить, какъ пріятно было выраженіе лица его, не смотря на слишкомъ выдвинутую впередъ нижнюю челюсть.

Прежде того, успѣлъ я являться къ настоящимъ моимъ начальникамъ, Кочубею и Сперанскому! Оба приняли меня холодно и сухо, ни о чемъ не спросили и сказали только, что я по прежнему могу заниматься въ канцеляріи, то-есть, въ переводѣ, по прежнему могу ничего не дѣлать. Болѣе любезности, гораздо болѣе внимательности нашелъ я въ гостиныхъ, куда ввели меня привезенныя отъ товарищей письма. Я не думалъ ими воспользоваться и сначала, развозя ихъ, отдавалъ просто швейцару; но мнѣ суждено было имѣть свою минуту извѣстности. Меня отыскиали, я получилъ приглашенія и былъ осыпанъ учтивостями и разспросами. Нѣсколько мѣсяцевъ прежде меня воротился Шубертъ съ сыномъ; но въ большемъ свѣтѣ онъ ни съ кѣмъ не былъ знакомъ, никуда не показывался и прибылъ въ такую минуту, когда всѣ умы заняты были происшествіями на Западѣ. Сверхъ того онъ пріѣхалъ изъ Иркутска, слѣдовательно изъ Сибири, что совсѣмъ было не диковинка; я же первый какъ будто прямо изъ Китая. Вотъ тутъ-то, и только въ это время, случилось мнѣ раза два или три быть въ домѣ Гурьевыхъ. Дмитрій Александровичъ тогда еще не былъ министромъ; но и тогда подвѣдомственныхъ ему чиновниковъ въ Кабинетѣ и Удѣльномъ Департаментѣ подавлялъ тяжестью ума своего; въ свѣтѣ же имѣлъ всѣ замашки величайшаго аристократа, хотя отецъ его, едва ли не изъ податнаго состоянія, былъ управителемъ у одного богатаго, но не знатнаго и провинціальнаго помѣщика. За то самъ онъ женился на графинѣ Салтыковой, престарѣлой дѣвкѣ, отъ руки коей, не смотря на ея большое состояніе, долго всѣ бѣгали. Прасковья

Николаевна, тогда уже дама довольно пожилая, была расточительна на ласки съ тѣми, коихъ почитала себѣ равными или съ коими хотѣла сравняться, и раздавительно горда со всѣми, кои казались ей ниже ея. Сія чета, въ началѣ девятнадцатаго вѣка, открывала у насъ торжественное шествіе его финансовой знатности; въ семь домѣ имѣлъ вѣсь титулъ, но только въ соединеніи съ кредитомъ при дворѣ; одно богатство, но только самое огромное, и наконецъ мода, которая какъ изъ людей, такъ и изъ нарядовъ, не всегда самое лучшее выставляетъ и вводитъ въ употребленіе. Вотъ куда я попался, и вотъ какова сила предразсудковъ, что, внимая привѣтамъ хозяевъ, нѣкоторое время я чувствовалъ себя нѣсколькими вершками выше прежняго.

У Нарышкиныхъ не имѣлъ я нужды въ новой рекомендаціи, чтобы хорошо быть принятымъ. Однакоже чадолюбіе Александра Львовича заставило его быть еще любезнѣе съ человѣкомъ, котораго сынъ его письменно называлъ своимъ пріятелемъ.

Сестра его, жена нашего посла Головкина, Катерина Львовна, которая послѣ отъѣзда моего воротилась изъ Италіи и къ которой не имѣлъ я письма, сама пожелала со мной познакомиться. Не знаяши, трудно было сказать, сколько ей отъ роду лѣтъ. Еще съ молодости имѣла она мужскія черты, была непригожа и старообразна. А какъ дурнота лица имѣетъ въ себѣ какую-то твердость, одеревенѣлость, которая долго противустоитъ дѣйствию времени, тогда какъ цвѣтъ красоты такъ скоро отъ него вянетъ, то Катерина Львовна лѣтъ въ сорокъ пять была тоже, что въ шестнадцать: дурна собою и не стара. Прибавьте къ этому, что она была стройна, какъ двадцатилѣтняя дѣва и что нарядъ ея соотвѣтствовалъ ея стану; еще прибавьте къ тому ея ловкость, умъ, необыкновенную любезность, сильное желаніе нравиться (мнѣ бы не хотѣлось прибавить—ея щедрость), и вы безъ труда повѣрите, что были люди, которые охотно соглашались ее любить. Я не былъ въ числѣ ихъ; безъ всякихъ видовъ была она мила со мною, и я безкорыстно любилъ ея общество и разговоръ. Опытныя женщины единымъ взглядомъ умѣютъ измѣрять силу чувства, которую могутъ онѣ ожидать отъ предстоящаго мужчины, и вообще зрѣлость лѣтъ предпочитаютъ красивой незрѣлости. Графиня Головкина была уже давно только по имени супругою; искренняя, нѣжная, взаимная дружба съ мужемъ давно уже заступила мѣсто, даже я думаю, не любви супружеской, а только ея обязанностей.

Еслибъ у единственной дочери ихъ, Наталіи Юрьевны, не были слишкомъ крупныя черты, то она могла бы почитаться совершенной красавицей. Однакоже молодость ея, свѣжесть, тогда еще пристойное и тѣмъ еще болѣе привлекательное ея кокетство, многихъ сводили съ

ума. Она лѣтъ шестнадцати была выдана за графа Александра Николаевича Салтыкова, втораго сына фельдмаршала Николая Ивановича, и хотя смотрѣла еще невѣстою, но была уже тогда матерью четырехъ дочерей *). Мужъ ея былъ блѣденъ и сухъ и казался старѣе своихъ лѣтъ. Выросши вмѣстѣ съ императоромъ Александромъ, коего главнымъ воспитателемъ былъ отецъ его, имѣлъ онъ въ манерахъ что-то съ нимъ сходное: важность безъ спѣси и учтивость, удерживающую всякую короткость. Умственнымъ образованіемъ онъ мало отличался отъ другихъ вельможескихъ дѣтей того времени, напнтанъ былъ Французской литературой, проникнуть духомъ Французской аристократіи и исполненъ званія Французской исторіи. Нужно ли сказать, что на Французскимъ языкѣ объяснялся онъ лучше, чѣмъ на природномъ? На немъ однакоже не упускалъ онъ случая искренно хвалить свое отечество: онъ былъ воспитанъ при Екатеринѣ. Какая-то дѣтская ссора, какое-то непріятное происшествіе во время ихъ младенчества съ Государемъ, сего послѣдняго болѣе чѣмъ охладили къ нему. За то общее мнѣніе сильно его поддерживало: предполагаемыя въ немъ познанія, видъ спокойствія, непоколебимости, любовь къ отчизнѣ заставляли въ немъ видѣть истинно-великаго государственнаго человѣка и сѣтовать, что онъ занимаетъ ничтожное мѣсто члена Иностранной Коллегіи. Александръ, который въ жизни столько разъ жертвовалъ сердечными склонностями общему желанію, общему благу, впоследствии призывалъ его къ высокимъ должностямъ; но, къ сожалѣнію, въ дѣлахъ оказался онъ ниже своей репутаціи.

Молодая графиня, безъ большаго ума, была очаровательна до невозможности. Познакомившись со мною у матери, она пригласила къ себѣ и представила мужу, который обошелся довольно вѣжливо, чтобы побудить меня къ продолженію посѣщеній. Грустно подумать, что обѣ эти женщины, которыхъ зналъ я во всемъ блескѣ — мать и дочь — такъ печально кончили свое поприще. Когда, наскучивъ свѣтомъ, протискиваясь съ его суетами и прельщеніями, женщины покидаютъ его для набожной или просто спокойной жизни, то уваженіе слѣдуетъ за ними въ ихъ убѣжище; но горе тѣмъ, кои, разрывая съ нимъ связи, удаляются отъ нѣмыхъ его приговоровъ для того, чтобы свободнѣе предаваться осуждаемымъ имъ наслажденіямъ! Графини Головкиной давнымъ давно уже нѣтъ на свѣтѣ; а дочь ея видѣлъ я недавно, столь же добрую, столь же милую, какъ и прежде, даже немного

*) Всѣ онѣ выданы за людей знатныхъ фамилій: старшая за Голицына, вторая за Долгорукаго, третья за Шувалова, четвертая за Потоцкаго.

состарѣвшуюся, и душевно пожалѣлъ объ ней, увидѣвъ, до какой степени она сдѣлалась нечувствительна къ общему неуваженію.

Невская вода имѣетъ свойство струй Леты, рѣки забвенія. Вотъ отчего, люди прибывшіе изъ провинціи, принимавшіе живѣйшее участіе въ дѣлахъ ея, съ негодованіемъ смотрѣвшіе въ ней на несправедливости, на неустройства, лишь только хлебнуть немного этой заколдованной воды, такъ скоро дѣлаются равнодушны къ благу провинціи, чуждаются воспоминаній объ ней. Не прошло недѣли послѣ того, что увидѣлъ я берега сей канальной рѣки, какъ забылъ и Сибирь, и Вѣрочку, и посольство. Но о семъ послѣднемъ скоро пришлось мнѣ вспомнить.

Мнѣ вдругъ сказали, что пріѣхалъ Байковъ; я не повѣрилъ, тѣмъ болѣе, что сіе случилось 1-го Апрѣля. Однако я вспомнилъ пророчество Вонифатьева; оно сбылось слово въ слово.

Нѣкоторое время старались держать втайнѣ причину возвращенія Байкова. Не бывъ свидѣтелемъ происходившаго на Ургѣ, я не могу ручаться за достовѣрность сообщаемого здѣсь разсказа и передаю его какъ послѣ слышалъ отъ возвратившихся моихъ сопутниковъ.

Безконечный караванъ, при постоянныхъ, морозахъ шагъ за шагомъ три недѣли тянулся до Урги. Тутъ посольство расположилось станомъ и примкнуло къ сему большому Монгольскому стану, посреди коего находилось одно только прочное жилище двухъ мавдариновъ, намѣстниковъ ханскихъ. Первые дни прошли въ посѣщеніяхъ, во взаимныхъ учтивостяхъ, то-есть въ церемоніяхъ и въ пересылкѣ подарковъ. Посоль болѣе чѣмъ когда старался показать Европейскую ловкость и любезность. Но Китайцы (если позволено мнѣ сдѣлать весьма неблагоприятно и часто употребляемое сравненіе) въ этомъ дѣлѣ столь же плохіе судьи, какъ свиньи въ апельсинахъ. Гораздо полезнѣе было бы послать къ нимъ какого-нибудь увальня: его истуканству они охотнѣе стали бы поклоняться. На Головкина и Байкова смотрѣли мавдарины, какъ на фигляровъ, имъ на смѣхъ присланныхъ, и съ каждымъ днемъ начали умножать свои требованія; терпѣніе бѣднаго посла подвергнуто было жесточайшимъ испытаніямъ. Въ одинъ день, по полученнымъ изъ Пекина наставленіямъ, приглашенъ былъ онъ къ вану на какое-то празднество; тутъ предложена ему была репетиція того церемоніала, который долженъ былъ онъ соблюсти при представленіи императору. Въ комнату, въ которой поставлено было изображеніе сего послѣдняго (полно, вѣрить ли тому?) долженъ былъ онъ войти на четверенькахъ, имѣя на спинѣ шитую подушку, на которую положится кредитная его грамота. Онъ отвѣчалъ, что согласится на такое униженіе тогда только, какъ получить на то дозволеніе отъ своего двора; можетъ-

быть надѣялся онъ испугать Китайцевъ твердымъ намѣреніемъ долго жить на ихъ счетъ. На другой день, всѣ подарки имъ сдѣланные, въ сундукахъ и ящикахъ, были не выставлены, а брошены передъ его посольскою палаткой. Послѣ того ему ничего не оставалось болѣе, какъ ѣхать въ Сибирь дожидаться приказаній двора своего. Обратный путь былъ ужасенъ: къ холоду скоро присоединился голодъ; по цѣлымъ суткамъ тщетно ожидая съѣстныхъ припасовъ, посольство вмѣсто мяса получало иногда живыхъ барановъ въ небольшомъ количествѣ и, не имѣя съ собою мясниковъ, должно было еще платить за ихъ рѣзаніе. Не было неприятностей, коихъ бы оно не претерпѣло отъ сихъ варваровъ. Какъ было въ глубинѣ сердца не возблагодарить мнѣ Бога, пославшаго злодѣю моему Байкову мысль спасти меня отъ всѣхъ этихъ напрасныхъ мученій! Послѣ пятидесятипятидневнаго странствованія въ пустынь, Головкинъ, подобно Моисею, не узрѣвъ обѣтованной земли, возвратился въ Кяхту.

Надобно было въ неудачѣ своей оправдаться передъ царемъ. По прибытіи въ Иркутскъ, Байковъ предложилъ свои услуги, которыя посольство приняло съ благодарностію; онъ былъ мастеръ пускать въ глаза пыль, и можно было надѣяться, что онъ дѣло будетъ умѣть представить въ красивѣйшемъ видѣ, чѣмъ оно было. Итакъ Байковъ поскакалъ, а Головкинъ остался въ Иркутскѣ ожидать рѣшенія судьбы своей.

Но лишь только предатель успѣлъ пріѣхать въ столицу, какъ пустился оправдывать одного себя, выставя великія свои заслуги, взваливая всю вину на вѣрителя своего, всевозможнымъ образомъ стараясь очернить его. Послѣ урона, претерпѣннаго на Западѣ, Государь не очень расположенъ былъ къ снисходительности, и бѣдный Головкинъ понесъ опалу. Но друзья его, возмущенные наглостію и нечестіемъ Байкова, съ своей стороны и этого молодца отработали: черезъ недѣлю былъ онъ отправленъ обратно въ Иркутскъ съ приказаніемъ ему и Головкину оставаться тамъ до тѣхъ поръ, пока ихъ оттуда не вызовутъ. Всѣмъ же другимъ чиновникамъ посольства позволено возвратиться, какъ и когда они того пожелаютъ.

Остаться въ видѣ изгнанника тамъ, гдѣ такъ недавно онъ господствовалъ, и можно сказать съ глазу на глазъ съ подлецомъ, уже отъявленнымъ врагомъ своимъ — наказаніе, по мнѣнію моему, слишкомъ жестоко за вину неумышленную. Надобно признаться, что въ искательности, медленности и продолжительности наказаній Александръ былъ знатокъ. Чтò за бѣда для Россіи, если Головкинъ не попалъ въ Пекинъ? Вѣдь тамъ онъ тоже ровно ничего не могъ бы сдѣлать; а о брошенномъ понапрасну миліонѣ надобно было подумать прежде.

Чтобы не смѣшивать другихъ воспоминаній съ тѣми, кои относятся къ сему посольству, имѣвшему столь смѣшной и жалкій конецъ, хотѣлъ я окончательно о немъ повѣствованію почти исключительно посвятить сію главу.

Молодые наши люди, въ продолженіи всего лѣта, одинъ за другимъ, по одиночкѣ возвращались въ Петербургъ. Одни только неодушевленные предметы, зеркала и другія дорогія вещи, остались на вѣки въ Иркутскѣ, чтобы въ немъ украшать собою въ послѣдствіи построенные дома генераль-губернатора и губернатора. Когда послѣдній изъ чиновниковъ прибылъ обратно, что было въ началѣ Сентября, тогда только бывшему послу и его секретарю посольства дано позволеніе оставить Сибирь. А какъ они не могли получить его ранѣе половины Октября, то не совсѣмъ покойнымъ образомъ, разумѣется, не вмѣстѣ, совершили они сей обратный путь и, переворачивая стихи Расина въ Ифигеніи, могъ Головкинъ сказать:

*Et moi, qui arrivais, triomphant, entouré,
Je m'en retournerais, seul et désespéré.*

Въ обществѣ, коего былъ онъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ гражданъ, явился онъ спокойно и безбоязненно, но при дворѣ долго не показывался. Въ продолженіи всего царствованія Александра, не могъ онъ заставить его забыть свою первую неудачу; иногда приподнимался, но никогда совершенно не могъ стать на ноги. Найдя меня довольно короткимъ въ своемъ семействѣ, онъ смотрѣлъ на то одобрительно, и воспоминаніе недоброжелательства Байкова чрезвычайно умножало его ко мнѣ благосклонность.

XIII.

Въ началѣ Іюня 1806 года, успѣшнымъ образомъ окончивъ дѣла свои, отецъ мой отправился въ Пензу. Вскорѣ послѣ него братъ мой беременную жену повезъ въ Воронежъ.

Я опять остался одинъ и принялся за прежнюю праздную Петербургскую жизнь. Нѣкоторое время имѣлъ я средства проводить ее довольно пріятно; во время пребыванія родителей моихъ въ столицѣ, содержаніе мнѣ почти ничего не стоило; сбереженные какъ отъ того, такъ и отъ продолжительнаго и дешеваго путешествія деньги въ семъ случаѣ были мнѣ очень полезны.

Давно уже не упоминалъ я о домѣ Француза Шевалье-Лабатаде Виванса, Русскаго превосходительства и кастелляна Михайловскаго замка. Онъ пересталъ быть шуменъ и веселъ, ибо физическія и фи-

нансовыя силы старика-хозяина примѣтно истопились; но въ это лѣто посіялъ онъ еще послѣднимъ блескомъ. Число роялистовъ умножилось въ Петербургѣ; не знаю откуда они попадахали. Аустерлицкое наше пораженіе воскресило ихъ надежды: первый неудачный опытъ, по мнѣнію ихъ, ничего не значилъ; но они съ радостію замѣтили, что Русскіе на національной чести видятъ пятно, которое горятъ желаніемъ изгладить. Тогда начали они смотрѣть на нихъ не столько какъ на покровителей, а какъ на союзниковъ, и стали выше подымать головы. Каждую недѣлю раза два или три собирались они во множествѣ у престарѣлаго Лабата для совѣщаній, и тамъ, со знаками всеижайшаго уваженія, окружали графа Блакаса, тайнаго повѣреннаго въ дѣлахъ Французскаго претендента, жившаго тогда въ Митавѣ. А онъ держалъ себя такъ высоко, какъ бы только прилично было послу Лудовика XIV, въ самую блестящую эпоху его царствованія. Сіе зрѣлище было смѣшно и трогательно въ одно время.

Года за два передъ этимъ, открытъ источникъ Липецкихъ минеральныхъ водъ. Недужные и друзья ихъ тому обрадовались. Наполеонъ, все болѣе и болѣе отхватывая, закрывалъ отъ насъ Европу, Кавказъ казался ужасенъ, путешествіе къ его цѣлебнымъ ключамъ сопряжено было съ великими издержками, трудностями и даже опасностію, и Липецкъ внутри Россіи отъ стеченія больныхъ и ихъ семействъ быстро началъ выростать. Блаженное время нашего невѣжества, когда думали, что всякій минеральный колодезь можетъ лѣчить отъ всякаго рода болѣзней, когда поутру, дѣлая движеніе, пили на здравіе Зельтерскую воду, какъ бы нынѣ Карлсбадскую или Пирмонтскую. Желѣзными частицами исполненная Липецкая вода, возвращая силы, исцѣляя изнуренныя тѣла, убивала людей одержимыхъ обструкціями и другими болѣзнями и скоро потеряла свою репутацію. Предшествующимъ лѣтомъ семейство Лабатовыхъ возило въ Липецкъ разбитаго параличомъ отца; тамъ познакомился онъ съ другимъ старцемъ, тайнымъ совѣтникомъ Тургеневымъ, и я съ великимъ удовольствіемъ въ гостиной г. Лабата встрѣтилъ сына сего Тургенева, бывшаго товарища моего въ Московскомъ архивѣ.

Описывая вступленіе мое въ службу въ помянутый архивъ, говорилъ я объ Андреѣ Тургеневѣ, о ранвременной его кончинѣ, о великой потерѣ, которую сдѣлали въ немъ отечество, дружба и словесность. Тамъ же слегка упомянулъ я о меньшомъ братѣ его Александрѣ, застѣнчивомъ, ого всего краснѣющемъ мальчикѣ. Тутъ показался онъ мнѣ совсѣмъ въ иномъ видѣ. Настоящей дружбы между нами никогда не было, никакого вліянія на судьбу мою онъ не имѣлъ; но въ частыхъ сношеніяхъ, въ частыхъ свиданіяхъ прошли наша мо-

лодость, зрѣлыя наши лѣта и встрѣтила насъ старость. И поэтому мнѣ кажется, что на мнѣ лежитъ трудная обязанность, забывъ и старинное мое къ нему пріязненное расположеніе, и настоящее негодованіе, изобразить его съ безпристрастіемъ. А какъ вообще все это семейство (не родъ, я говорю) Тургеневыхъ, котораго у насъ на Руси скоро и слѣдовъ не останется, было въ ней очень примѣчательно, какъ правила и поступки сего самаго Александра Тургенева, по большей части, были слѣдствіемъ какого-то общаго направленія взятаго симъ семействомъ, то отъ него отдѣлять его почти невозможно, и можетъ-быть во мзду многихъ пріятныхъ часовъ, проведенныхъ мною съ членами его, суждено мнѣ, если самъ только спасусь, спасти и его отъ забвенія.

Отца Тургенева, Ивана Петровича, я никогда не знавалъ: онъ умеръ вскорѣ послѣ Липецкаго лѣченія. Онъ слылъ умнымъ, добродѣтельнымъ и просвѣщеннымъ человѣкомъ. Къ счастью или на бѣду его, въ послѣдней половинѣ царствованія Екатерины показалась въ Москвѣ секта Мартинистовъ. Чтò это такое, право сказать не умѣю и долженъ признаться въ своемъ невѣжествѣ. Но полно, стыдиться ли мнѣ того? Чтобъ объяснить духъ каждой изъ религіозно-философическихъ сектъ, возникшихъ въ Германіи, надобно изучить ихъ исторію и посвятить на то цѣлую жизнь, а стòитъ ли того? Давно уже испытующій духъ народовъ Германскихъ ищетъ проникнуть въ таинства Христовой вѣры. Отъ Юга до Востока церковь разсѣлась на двое; но трещину задрѣлать остается возможность, ибо основаніе не пошатнулось; мрачному и дѣятельному уму потомковъ сѣверныхъ варваровъ, испровергнувшихъ Римскую имперію, дано было устремиться къ его разрушенію. Во Франціи, шуты, вооруженные эпиграммами, сарказмами, блестящими софизмами, конечно нанесли нѣкоторый легкій, наружный вредъ вѣчному зданію; но тамъ, посмѣявшись съ ними, надъ ними же сталъ смѣяться. То ли дѣло въ Германіи? Тамъ работа продолжительная, постоянная, истинно-Нѣмецкая, методическая, систематическая, ведущая свое начало отъ Цвингля и Лютера. И Германія, въ надменности своей, полагаетъ, что она не только сравнялась съ древнею Греціей, но и превзошла ее, и когда ей называютъ Пифагора, Сократа, Платона, Эпиктета, она съ гордостію и презрѣніемъ отвѣчаетъ: Кантъ, Фихте, Шеллингъ, Гегель, и чтò всего досадише, всѣ эти истолкователи и ученики ихъ, какъ переодѣтые лазутчики, прикрываются именемъ христіанъ. Безумцы, хотѣлось бы мнѣ имъ сказать: да вѣдь Греческіе философы существовали до святаго откровенія; поиски ихъ къ открытію истины почтенны, и самыя заблужденія ихъ отзываются всею прелестію поэзіи, и тогда какъ алмазу подобныя капли росы, ихъ системы

исчезли при появленіи вѣчнаго свѣтила, неужели вашимъ туманомъ вы думаете навсегда заслонить его?

Мартинизмъ, какъ кажется, исключительно филантропическая секта, ибо послѣдователи его все толкуютъ о святомъ чловѣколюбіи и вѣроятно полагаютъ, что можно исполнять его обязанности безъ помощи христіанской вѣры. Нѣмецкое злое сѣмя на Русской почвѣ не могло или не успѣло развиться. Чловѣкъ просвѣщенный, Николай Новиковъ, духовный отецъ всѣхъ въ Россіи Мартинистовъ, завербовавъ нѣсколько знатныхъ и богатыхъ людей, съ помощію ихъ и на ихъ счетъ завелъ лучшую и обширнѣйшую типографію въ Москвѣ, дорого платилъ авторамъ за право печатать ихъ сочиненія, дешево уступалъ ихъ книгопродавцамъ, поощрялъ всѣ молодые таланты, отправлялъ за границу отличнѣйшихъ между воспитанниками университета; и когда частное лицо не способствовало такъ у насъ распространенію просвѣщенія. Но успѣхи Французской революціи сдѣлали наше правительство и самоё Екатерину подозрительными и осторожными: посреди ихъ благотворныхъ дѣйствій, открыли (съ позволенія сказать) заднюю мысль, *aggrège pensée* Мартинистовъ, и разослали ихъ по разнымъ отдаленнымъ мѣстамъ государства, Трубецкихъ, Ивана Владимировича Лопухина и многихъ другихъ; пощадили только фельдмаршала князя Репнина. Отецъ Тургеневыхъ сосланъ былъ въ Симбирскъ, гдѣ и оставался до царствованія Павла, который освобождалъ десятки жертвъ мнимой несправедливости своей матери, чтобы послѣ ссылатъ тысячи жертвъ своихъ прихотей.

Такъ о Мартинистахъ гласятъ преданія, и если въ мой рассказъ вкралась кабая-нибудь невѣрность, то это ихъ вина, а можетъ-быть и моя, ибо я слушалъ ихъ безъ большаго вниманія. Итакъ возможно ли, чтобы сыновья мученика, воспитанные имъ въ заточеніи, не приняли его вѣры? Чтобы они не возненавидѣли власть тирановъ, отъ которой онъ пострадалъ? Сдѣлавшись при Павлѣ директоромъ Московскаго университета, г. Тургеневъ имѣлъ всѣ средства дать самое лучшее образованіе сыновьямъ своимъ, и они тѣмъ воспользовались. Заблужденія ума не всегда мѣшаютъ добротѣ сердца и добрымъ нравамъ, и семейство Тургеневыхъ было вообще любимо и уважаемо.

Вмѣсто того чтобы, подобно намъ, молодымъ неучамъ, искать въ канцеляріяхъ занятій и чиновъ, Александръ Тургеневъ, о которомъ идетъ рѣчь, получилъ отпускъ и отправился доучиваться въ Геттингенскій университетъ. По окончаніи курса, путешествовалъ онъ по всей Нѣмеціи, стоялъ лицомъ къ лицу съ Виландомъ, съ Шиллеромъ и даже съ Гёте и, напитанный ученымъ и расчетливымъ духомъ Германіи, за неизбѣжными успѣхами явился наконецъ въ Петербургъ.

Онъ все имѣлъ, что можетъ ихъ дать; отъ него такъ и несло учено-стию, до того онъ былъ весь ею вымазанъ, а этотъ духъ въ то время притягивалъ мѣста и отличія; умѣренное вольнодумство также было тогда въ модѣ. Его легкомысліе, обдуманная его разсѣянность и несвѣдомость приняты за откровенность благородной души; филантропическія изреченія, съ малолѣтства имъ вытверженные, названы выраженіями высокой добродѣтели; самые тѣлесные его недостатки пошли за цѣломудріе, и каплуновый жиръ его за дѣвственную свѣжесть. Ну, просто совершенство человѣческое, да и только! Объ его смѣлости, настойчивости у начальства вырывать потомъ награды, скажу я только, что она была въ самой крайней противоположности съ его прежнею дѣтскою стыдливостію.

Какимъ почиталъ его свѣтъ, такимъ онъ и мнѣ казался. Только иногда начиналъ онъ педантствовать и тогда становился мнѣ тяжелъ; вдругъ потомъ приходила ему охота дурачиться, бѣситься, и онъ дѣлался смѣшонъ. Обыкновенно же притворство его со всѣми было такъ велико и всегда такъ весело, что мнѣ никогда не приходило въ голову его подозрѣвать.

Онъ скоро увидѣлъ, что прослыть необыкновеннымъ человѣкомъ въ одномъ городѣ еще недостаточно для быстрыхъ успѣховъ по службѣ, и что труднѣе ослѣпить ученый міръ чѣмъ большой свѣтъ. Попасть въ него было ему не трудно; но ему хотѣлось въ немъ блеснуть, чтобы ускорить ходъ своей фортуны. Онъ немного зналъ полатыни, и, еслибы нужда потребовала, могъ бы сказать наизусть первыя стихи изъ нѣкоторыхъ пѣсней Энеиды, изъ одъ и посланій Горация, изъ элегій Тибулла; могъ назвать всѣ Нѣмецкія книги и ихъ сочинителей. Но на Нѣмецкихъ авторахъ въ салонахъ не далеко можно было уфхаты: тамъ подавай Французскую литературу, которою онъ дотолѣ совсѣмъ почти не занимался. Теперь я вижу ясно, что тѣсная дружба его съ Блудовымъ свачала имѣла цѣль и только послѣ на нѣкоторое время превратилась въ привычку. Никто изъ тогдашнихъ молодыхъ людей, не исключая даже Уварова, такъ осповательно не зналъ этой литературы какъ Блудовъ, такъ хорошо не умѣлъ судить о ней; а какъ Тургеневъ рѣдко заглядывалъ въ книги, и знанія свои почерпалъ болѣе изъ разговоровъ свѣдущихъ людей, то и отъ связи сей ожидалъ себѣ пользу. Блудовъ же, легковѣрный какъ всѣ люди, коимъ съ высотъ ума трудно сойдти до мелкимъ расчетамъ посредственности, предавался всѣмъ сладостямъ этой мнимой дружбы. Черезъ него, что-то на то похожее составилось и у меня съ Тургеневымъ.

Онъ не ошибся въ своихъ расчетахъ. Будучи отъ природы довольно остроуменъ (не обмолвился ли я, не сказала ли уменъ?), свѣт-

ская болтовня скоро сдѣлалась для него природнымъ языкомъ, который иногда удачно приправлялъ онъ техническими терминами изъ законовѣдѣнія, богословія и другихъ наукъ. Тѣмъ немного пугаль онъ непривычный къ тому слухъ знатныхъ людей и дамъ, за то поселялъ въ нихъ высокую о себѣ мысль. Сначала опредѣлился онъ въ канцелярію любимца государева, Новосильцова, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ Комиссію составленія законовъ. Послѣ того всегда умѣлъ онъ занимать три или четыре мѣста въ одно время, кюмюлировать ихъ, какъ говорятъ Французы, по вѣсѣмъ получая жалованье и трудными занятіями одного извиняясь въ неисполненіи обязанностей другаго. Дѣятельный и лѣнивый вмѣстѣ, первая забава его была хлопотать, суетиться, находиться въ движеніи, главное искусство—какъ можно менѣе принимаясь за настоящее дѣло, казаться вѣчно озабоченнымъ. Весь вѣкъ, можно сказать, прожилъ онъ займообразно, чужимъ умомъ, чужими знаніями, чужими трудами, чужою славой. Въ друзьяхъ, въ знакомыхъ, а кольми паче въ подчиненныхъ видѣлъ онъ всегда кошекъ, которыя изъ огня должны таскать ему каштаны, чтобъ ему не обжечь обезьянной своей лапки. Болѣе восемнадцати лѣтъ сія фальшивая монета находилась въ обращеніи и принималась въ той цѣнѣ, которую ей самой хотѣлось себѣ дать. Для живописца характеровъ такой странный, удивительный человѣкъ сущая находка; не знаю искусно ли, но по крайней мѣрѣ очень вѣрно его изобразилъ я здѣсь.

Въ гостинной тѣхъ же Лабатовыхъ и въ тоже время показался другой юноша, еще юнѣе Тургенева и меня, и также на Липецкихъ водахъ съ ними познакомившійся. Тогда я рѣдко видѣлся съ Жихаревымъ; лѣтъ восемь спустя, начались дружественныя мои связи съ нимъ, и онъ имѣлъ случай сдѣлать мнѣ великое одолженіе. Какъ я всегда любилъ слѣдовать хронологическому порядку, то постараюсь описать его тогда только, когда допишусь до эпохи моей съ нимъ короткости.

Все лѣто 1806 года прошло для правительства въ приготовленіяхъ къ новой войнѣ съ Наполеономъ. Великая тягость, которую съ такимъ трудомъ выносить Россія, многочисленная, можно сказать, безчисленная ея армія, въ этомъ году начала увеличиваться; дотолѣ не было и третьей доли ея противъ нынѣшней. Никто не смѣлъ роптать: всѣ видѣли, что честь политическая, независимость и безопасность государства того требовали. На первый случай сформированы одна пѣхотная дивизія и три конныя полка, одинъ гусарскій и два драгунскіе. Шефомъ одного изъ сихъ двухъ полковъ, названнаго Митавскимъ, назначенъ зять мой Алексѣевъ, Московскій полицеймейстеръ: для полковника отличіе большое, когда званіе шефа почти исключительно принадлежало генеральскому чину. Онъ имѣлъ неосторожность

князю Багратиону и любимцу Александра, генераль-адъютанту князю Долгорукову, показывать ученіе своихъ полицейскихъ драгунъ, которые дѣйствительно находились въ такомъ устройствѣ, что хоть бы тотъ же часъ въ сраженіе. Эти господа расхвалили царю Алексѣевскихъ драгунъ, и къ его двумъ эскадронамъ велѣно прикомандировать третій изъ какого-то коннаго полка, стоящаго на квартирахъ въ Псковской губерніи; для составленія же цѣлаго полка велѣно ему набирать охотниковъ изъ Московской вольницы, изъ буйныхъ молодцовъ, шатающихся по трактирамъ. Пробывъ шесть лѣтъ полицеймейстеромъ, онъ очень хорошо зналъ простой народъ и былъ имъ любимъ, и потому ему было удобнѣе чѣмъ кому-либо исполнить сіе удачно. Въ концѣ Іюня назначенъ онъ шефомъ, а въ началѣ Сентября съ готовымъ почти полкомъ выступилъ онъ изъ Москвы въ городъ Порховъ, гдѣ ожидалъ его поступившій подъ его начальство старый эскадронъ.

Спокойная, тихая жизнь кончилась тогда для бѣдной сестры моей. Для богатыхъ людей странствованіе болѣе забава, чѣмъ тягость; для женъ не болно страстно любящихъ мужей своихъ, разлука съ ними есть несчастіе, которое они довольно великодушно переносятъ; но съ малымъ состояніемъ моей сестры и съ великою привязанностію ея къ мужу, она не могла имѣть другаго жительства, какъ въ городишкѣ или селеніи, гдѣ находилась полковая его квартира. А въ бурныя времена Наполеоновы, гдѣ можно было долго оставаться на мѣстѣ? Гдѣ можно было чѣмъ-нибудь завестись? Малыхъ дѣтей, коимъ она хотѣла дать приличное воспитаніе и конхъ надѣялась сама быть наставницей, должно было или таскать съ собой по походамъ, или бросить на руки наемниковъ.

Въ началѣ этого года благодѣтель ея мужа, графъ Салтыковъ скончался, и связи его съ семействомъ покойнаго фельдмаршала съ тѣхъ поръ почти были разорваны. Въ этомъ же году, другой начальникъ, также отечески къ нему расположенный, Беклеповъ, оставилъ службу. Никто его къ тому не неволилъ, старая столица любила его, Государь его уважалъ; но чудно устроенная голова этого старика сама умѣла судить о своихъ силахъ и замѣтила ихъ ослабленіе. Никогда пары тщеславія не могли затмить его яснаго разсудка и, слѣдуя правилу имъ часто повторяемому, «что надобно служить да не переслуживаться», онъ настойчиво выпросилъ себѣ увольненіе. На его мѣсто опредѣленъ былъ Тимоѣей Ивановичъ Тутолминъ, родственникъ его, имѣвшій почти столько же ума, но не одного съ нимъ покрая. При Екатеринѣ, послѣднее время, былъ онъ намѣстникомъ четырехъ западныхъ губерній, только что отъ Польши присоединенныхъ.

Онъ не смѣлъ и подумать противиться намѣренію этой великой женщины ввѣренный ему край сдѣлать совершенно Русскимъ и даже споспѣшествовалъ его исполненію, сколько того выгоды его дозволяли. Но онъ любилъ жить по-царски, и самыя щедроты Императрицы были недостаточны для поддержанія его вышности, а Поляки на колѣняхъ подносили ему золото и тѣмъ нѣсколько препятствовали быстротѣ перемѣнъ, у нихъ происходящихъ. Десять лѣтъ пробылъ онъ потомъ въ отставкѣ, отвыкъ отъ дѣлъ управленія, а не отъ привычекъ, полученныхъ имъ на Югозападѣ Россіи. Отъ такого начальника спасъ Алексѣева Митавскій драгунскій полкъ.

Пріятная вѣсть сначала шопотомъ, потомъ громко, разнеслась по Петербургу: Императрица сдѣлалась беременна. Добрые нравы на тронѣ всегда плѣняли Русскій народъ; богамъ своимъ не дозволяетъ онъ имѣть слабости простыхъ смертныхъ, и Греческому баснословію никогда бы онъ не поклонился. Уважаемая, но оставленная супругомъ, горестная мать, лишившаяся единственнаго утѣшенія своего, единственной малолѣтней дочери, Елисавета Алексѣевна была предметомъ его состраданія и благоговѣнія. Ее обожали, Константина Павловича ненавидѣли; а Государь, полюбивъ войну, показывалъ желаніе всегда лично находиться въ сраженіяхъ. Всѣхъ возрадовала надежда увидѣть наследника престола, подобнаго родителямъ; всѣ благословляли возобновленный союзъ царской четы, всѣ забыли Аустерлицкій стыдъ.

Посреди столь пріятныхъ ожиданій наступила осень.

Послѣ Берлинскаго посѣщенія, болѣе чѣмъ политическій союзъ, тѣснѣйшая дружба связывала императора Александра съ королемъ Прусскимъ. По обыкновенію своему, Наполеонъ уступилъ послѣдному не принадлежащій ему, чужой Ганверъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, основавъ Германскій Союзъ подъ именемъ Рейнскаго и объявивъ себя его главою, совершенно отдѣлилъ, выгородилъ Пруссію отъ Германіи. Послѣ того съ одной стороны подавала ей Франція всевозможные поводы къ неудовольствіямъ, а съ другой Россія всячески возбуждала ее къ войнѣ. Имѣя двѣсти пятьдесятъ тысячъ человѣкъ прекраснѣйшей арміи и позади себя сильно вооружающуюся Россію, она не замедлила объявить ее. Съ восторгомъ получили сіе извѣстіе въ Петербургѣ.

Матеріальныя силы Пруссіи были огромныя; великій порядокъ въ финансахъ, войско свѣжее, славно выученное; нравственныхъ же силъ, кромѣ памяти о побѣдахъ Великаго Фридриха и энтузіазма къ смѣлой, доброй, прекрасной королевѣ, въ семь составномъ государствѣ никакихъ не было. Основатель его великаго значенія въ Европѣ былъ и первымъ его развратителемъ: сражаясь съ Французами, побѣждая ихъ и ругаясь надъ ними, онъ у нихъ же перенималъ все то, что ихъ

древнюю монархію вело къ разрушенію. Во всю мирную половину своего царствованія старался онъ офранцузить подданныхъ своихъ полуварваровъ и трудился надъ истребленіемъ между ними религіи, слѣдственно и нравственности. Распутный и малодушный его преемникъ, съ фанфаронскимъ манифестомъ пославъ стараго полководца, герцога Брауншвейгскаго, самъ гордо ополчился было противъ революціи, но отъ Вердена скорѣе давай Богъ ноги. Тотчасъ потомъ призналъ онъ республику, сталъ жить въ добромъ согласіи съ террористами и растригу Сіеса имѣлъ при себѣ отъ нихъ посланникомъ. При обоихъ Вильгельмахъ, старомъ и молодомъ, Пруссія, забившись въ сѣверный уголь, всегда смѣялась тщетнымъ и благороднымъ усиліямъ соперницы, нѣкогда госпожи своей, Австріи и никогда не хотѣла подать ей руку помощи. Невѣріе и несчастіе между тѣмъ свободно распространялись по землѣ, устроенной и возвеличенной безбожнымъ царемъ; червь безнравственности все точилъ молодое, быстро растущее дерево; чтó удивительнаго, если одинъ громовой ударъ сломилъ его? У насъ забыли про постыдный походъ Вильгельма II и ожидали Росбаха. Въ началѣ Октября, вмѣсто Росбаха, была Іена.

Нѣтъ, столь счастливаго, столь блестящаго похода никогда еще Наполеонъ не дѣлалъ: лишь коснется крѣпости, она падаетъ передъ нимъ безъ защиты; лишь настигнетъ бѣгущій корпусъ, хватается его руками. Отъ стыда Пруссіи покраснѣли наши щеки; каждое ея пораженіе какъ кинжаломъ ударило насъ въ сердце: они не знаютъ того, неблагодарные, нынѣшніе наши ненавистники, какъ всѣ Русскіе въ душѣ своей тогда побратались съ ними. Уже не за Аустерлицъ, а за чуждую нашей чести Іену, кричали всѣ отмщеніе.

Въ ночи съ 3-го на 4-е Ноября, разбудилъ меня пушечный громъ; я сосчиталъ болѣе ста выстрѣловъ и въ радости своей скоро не могъ потомъ опять заснуть. Поутру узнали всѣ, что наслѣдникъ, какъ говорили придворные, изъ учтивости пустилъ впередъ сестру свою, что опять не Росбахъ, а Іену, не сына Богъ далъ намъ, а дочь, и что, зная сильное желаніе жителей столицы, не хотѣли вдругъ опечалить ихъ малымъ числомъ выстрѣловъ. Бѣдное дитя, названное по матери Елисаветою, было принято народомъ съ досадою, какъ неудача; тѣмъ болѣе привязалась къ ней мать, которая однакоже, какъ и первую дочерью Марію, была ею счастлива только полтора года.

Между тѣмъ дѣло шло не на шутку. Въ первый разъ еще Французы начали близиться къ нашимъ границамъ; они были уже въ Мазовіи, то-есть въ бывшей Польшѣ, и ненавистью къ намъ ея жителей противъ насъ усиливались. Всѣ полагали, что Пруссія по крайней мѣрѣ нѣсколько мѣсяцевъ постоитъ за себя, а мы въ это время успѣ-

емъ собрать всё силы, чтобы съ нею довершить пораженіе злодѣевъ или, въ случаѣ дурнаго успѣха, придти къ ней на помощь. Но Наполеонъ такъ скоро съ нею раздѣлался, что можно сказать засталъ насъ въ расплохъ, до того, что главнаго не успѣли мы сдѣлать—выбора надежнаго предводителя арміи. О старикѣ Кутузовѣ слышать не хотѣли: онъ провинился тѣмъ, что молодые генераль-адъютанты на зло ему проиграли Аустерлицкое сраженіе. И такъ въ оставленномъ Екатериною богатомъ славою магазинѣ надобно было отыскать другое орудіе для защиты отечества: послали на-скоро въ Орловскую деревню за старымъ фельдмаршаломъ графомъ Каменскимъ.

Въ первый и въ послѣдній разъ является онъ въ моихъ Запискахъ. Къ женѣ его, графинѣ Аннѣ Павловнѣ, когда-то коротко знакомой моей матери, раза два въ Москвѣ возила меня сестра, когда я учился еще въ пансіонѣ. Тутъ видѣлъ я графа Михаила Ѳедотовича, и въ старости остроумнаго живчика, невысокаго роста. Послѣ того какой-то карточный долгъ, денежный разчетъ у брата моего Николая съ однимъ изъ его сыновей, прогнѣвилъ его на моихъ родителей, и всякое знакомство съ его семействомъ у насъ за тѣмъ прекратилось. Изъ Русскихъ былъ онъ почти одинъ, который въ первой молодости находился въ иностранной службѣ, для пріобрѣтенія опытности въ военномъ искусствѣ. Онъ прославился при Екатеринѣ въ обѣихъ войнахъ съ Турками, но она никогда его не любила за крутой и вмѣстѣ вспыльчивый его нравъ и за его жестокость. Она употребляла его и по гражданской службѣ. Рассказываютъ, что когда онъ былъ генераль-губернаторомъ въ Рязани, однажды впустили къ нему съ просьбою какую-то барыню, въ ту минуту, какъ онъ хлопоталъ около любимой суки и щенковъ ея клалъ въ полу своего сюртука, и будто взбѣшенный за нарушеніе такого занятія, въ бѣдную просительницу сталъ онъ кидать щенятъ. Увѣряли, что совершеннолѣтнихъ сыновей, въ штабъ-офицерскомъ чинѣ, приказывалъ онъ иногда тѣлесно при себѣ наказывать. За это, разумѣется, не хвалили его; но всё признавали въ немъ ученаго тактика, неустрашимаго въ бояхъ. Тогда, подражая Суворову, многіе изъ генераловъ гнались за оригинальнію; въ томъ числѣ и графъ Каменской, и этою юродивостію онъ еще болѣе рождалъ къ себѣ вѣру.

Какъ спасителя приняли его въ Петербургѣ. Передъ отъѣздомъ его въ армію, пожелала его видѣть лежащая въ родахъ Императрица. Подходя къ постели, онъ согнулъ передъ ней колѣно и поцѣловалъ руку, которую она ему протянула. Обыкновенно скромная и воздержная въ рѣчахъ, она тутъ съ жаромъ и чувствомъ говорила ему о защитѣ и спасеніи любезной ей Россіи, и ему казалось, какъ онъ

сказывалъ, что онъ слышитъ небесный голосъ. Дѣда Елисаветы Алексѣевны Наполеонъ изъ маркграфовъ Баденскихъ пожаловалъ курфирстомъ и переименовалъ потомъ великимъ герцогомъ; но она мало о томъ заботилась. Она не нашла счастья въ Россіи и не могла его дать ей; за то она обрѣла въ ней любовь, и ни одна изъ иностранныхъ принцессъ на Русскомъ тронѣ такъ щедро ей тѣмъ же не платила.

Около половины Ноября чуть ли не первый разъ въ жизни сестра моя Алексѣева пріѣхала въ Петербургъ. Во всю осень съ малыми дѣтьми слѣдовала она за мужемъ и его полкомъ. Не доходя ста верстъ до Порхова, гдѣ она надѣялась отдохнуть, зять мой получилъ повелѣніе, не останавливаясь, идти далѣе въ Литву, на дорогѣ продолжать формированіе полка и, прибывъ въ назначенное мѣсто, поступить въ одинъ изъ корпусовъ дѣйствующей арміи. Куда ей было дѣваться? Желая какъ можно ближе находиться отъ мужа и чаще имѣть объ немъ извѣстія, она рѣшилась ѣхать въ Петербургъ. Можно себѣ представить, въ какомъ расположеніи духа пріѣхала она въ него послѣ первой разлуки съ мужемъ, которая могла сдѣлаться вѣчною: ибо хотя дѣйствія еще не начались, она знала, что онъ шелъ на войну.

Я отыскалъ ей квартиру въ верхнемъ этажѣ одного изъ вновь построенныхъ высокихъ домовъ въ концѣ Невскаго проспекта, пройдя Литейную и не доходя Знаменія, и тамъ помѣстился съ нею вмѣстѣ. Знакомствъ имѣла она мало и ихъ не искала. Болѣе мѣсяца стояла погода Петербургская, осенне-зимняя, когда о солнцѣ и слуха не бываетъ, когда морозъ спорить съ морскими, сырыми, пронзительными вѣтрами, и мостовая покрывается навозомъ, попеременно тающимъ и замерзающимъ. Въ это время года смертность обыкновенно умножается, и для препровожденія времени могли мы нерѣдко любоваться похоронными процессіями, которыя мимо насъ тянулись въ Невскую Лавру. Все было грустно, все было мрачно.

Простое горе одно никогда не приходитъ: оно всегда влечетъ за собою великія печали. Скоро пришло къ намъ извѣстіе о первомъ семейномъ несчастіи, случившемся на моей памяти. Когда женщины или дѣвицы гибнутъ въ самой первой молодости, обыкновенно уподобляютъ ихъ цвѣткамъ, скошеннымъ неумолимою смертію, и какъ сравненіе сіе сдѣлалось ни пошло, я лучшаго здѣсь не нахожу. Въ нашемъ семействѣ зацвѣла недавно не роскошная роза, не пышная лилея, а скромная фіалка, которая благоуханіе разливала только въ тѣсномъ кругу своихъ родныхъ. Невѣстка моя Варвара Ивановна наполняла тихую радостію весь домъ моихъ родителей, въ немъ всѣ отъ души ее любили; но никто такъ утѣшенъ, такъ очарованъ ею не былъ, какъ престарѣлый нашъ отецъ: цвѣтокъ этотъ точно былъ приколотъ къ

его сердцу. Она съ мужемъ выпросилась у него въ Воронежъ, чтобы время беременности и родовъ провести у родителей своихъ Тулиновыхъ. Тамъ дала она жизнь дочери Елисаветѣ, а сама лишилась ея на двадцатомъ году отъ роду.

Мы съ сестрой мало ее знали, но уже много любили. Еслибъ и этого не было, то глубокая скорбь, въ которую ввергнута была старость отца нашего, отчаяніе несчастья нашего брата должны уже была чувствительно насъ тронуть. Горесть вдовца описать не возможно; она равнялась счастию, коимъ онъ наслаждался. Всѣ ищуть его, кто въ богатствѣ, кто во власти, кто въ житейскихъ удовольствіяхъ, а найти его можно только въ одномъ: въ законной, постоянной, непорочной, взаимной любви. Кто можетъ такимъ образомъ обрѣсти его, тотъ, не покидая земли, стоитъ уже въ преддверіи рая. Двое сиротъ не могли даже утѣшить бѣднаго моего брата; оставаясь вѣренъ памяти жены, онъ до конца жизни своей все нылъ, все чахъ, все тосковалъ объ ней.

Въ этомъ печальномъ Ноябрьѣ, не смотря на многочисленную армию, которая прикрывала наши границы, увидѣли необходимость подумать, въ случаѣ непріятельскаго вторженія, и о защитѣ внутреннихъ областей нашихъ. И для того 30 числа изданъ указъ, коимъ сзываются къ оружію отставные воинскіе чины и разныхъ сословій люди, и изъ нихъ, въ видѣ резервной арміи, учреждается милиція или земское войско, раздѣленное на семь округовъ. Зная, какое сильное дѣйствіе производило имя Екатерины, какъ имъ одушевлялись еще всѣ Русскіе, въ окружные начальники набраны все люди, при ней извѣстные, ею уважаемые или употребляемые, и имъ подчинены генералы, военные губернскіе начальники. Въ Петербургъ назначенъ окружнымъ начальникомъ графъ Татищевъ, командовавшій нѣкогда гвардіей, въ Москву военный губернаторъ Тутомлинъ, въ Курскъ графъ Орловъ-Чесменскій, въ Ригу Беклешовъ, которому не дали успокоиться и который при столь важныхъ обстоятельствахъ не отказался сослужить послѣднюю службу; въ Казань князь Юрій Владимировичъ Долгорукій, въ Смоленскъ князь Сергѣй Ѳедоровичъ Голицынъ, въ Кіевъ князь Александръ Александровичъ Прозоровскій. Нѣкоторыя изъ отдаленныхъ губерній, въ томъ числѣ и Пензенская, не должны были участвовать въ семъ общемъ вооруженіи, за то обязаны были ставить болѣе рекрутъ. Чтобы завлечь молодыхъ людей гражданскаго вѣдомства въ милицію, данъ ей былъ красивый, щеголеватый мундиръ, и этотъ способъ былъ отмѣнно удаченъ, особливо въ Москвѣ, гдѣ всѣ были увѣрены, что непріятелю никогда до нея не добратъся. Въ одно утро, къ удивленію моему, прислалъ за мною Сперанскій, котораго я уже давно не видалъ (каждый годъ доступъ дѣлался къ нему затруднительнѣе) но

меня тотчасъ пустилъ. Онъ съ злою улыбкой предложилъ мнѣ вступить въ милицію, изъ чего заключилъ я, что онъ смѣется надъ нею и надо мной; мнѣ было досадно, и я отвѣчалъ ему, «что еслибъ чувствовалъ собственное побужденіе къ тому, то сталъ бы его о томъ просить, не дожидаясь его предложенія». Можетъ быть, это было причиною что я не надѣлъ тогда полувоеннаго мундира.

Между тѣмъ Наполеонъ все подвигался. Данцигъ и крѣпость Грауденцъ не сдались ему, но не могли остановить его на Вислѣ: жалкіе остатки Прусской арміи примкнули къ Русскому корпусу Беннгсона. Всѣ съ нетерпѣніемъ и безпокойствомъ ожидали извѣстій изъ арміи.

Наканунъ Рождества ихъ получили. Они были тревожны и утѣшительны вмѣстѣ. Графъ Каменскій, послѣдній мечъ Екатерины, видно, слишкомъ долго лежалъ въ ножнахъ и отъ того позаржавѣлъ. Геморроидальные ли припадки, старость ли, или (слѣдствіе обоихъ) страхъ подѣйствовали на него, только онъ вдругъ лишился разсудка. Едва успѣлъ принять онъ начальство надъ арміей, какъ внезапно отказался отъ него, наканунъ перваго сраженія съ Наполеономъ, и написалъ неблагопристойное, сумасбродное письмо къ Государю *). Старшій по немъ, Беннгсонъ, самъ собою принужденъ былъ вступить въ званіе главнокомандующаго, и 14 Декабря (памятное число) при Пултускѣ одержалъ побѣду надъ Французами. Такъ по крайней мѣрѣ доносили онъ о томъ и такъ всѣ въ Петербургѣ тогда о томъ подумали. Нѣтъ нужды говорить, что послѣ того онъ утвержденъ главнокомандующимъ арміей.

Этотъ человекъ былъ въ числѣ заговорщиковъ 12 Марта, не любимъ былъ дворомъ и не смѣлъ показываться въ Петербургѣ, какъ вдругъ сама судьба вручила ему спасеніе государства. Но въ надежныхъ ли оно было рукахъ? Извѣстны были его искусство и храбрость, равно какъ и кротость, за которую любили его офицеры и солдаты; но она же могла произвести ослабленіе въ дисциплинѣ, что пагубно для арміи въ военное время.

Загадочная Пултуская побѣда, повидимому, оставалась безъ результата; дѣйствія однакоже продолжались, но они скорѣе похожи были на маневры, чѣмъ на битвы. Тѣснимый Наполеономъ, Беннгсонъ пятился бокомъ вправо и вступилъ наконецъ въ настоящую Пруссію. Сія приморская земля, подобно нашимъ Курляндіи и Лифляндіи, отхвачена Нѣмцами у Славянъ и обитаема племенами, обоимъ народамъ

*) Три года потомъ прожилъ онъ безвыѣздно въ Орловской деревнѣ. Правъ его тамъ не смягчили, онъ мучилъ крестьянъ, и одинъ изъ нихъ убилъ его топоромъ.

чуждыми. Сдѣлавшись добычею Тевтоническихъ рыцарей, жители какъ Пруссіи, такъ и Ливоніи приняли отъ нихъ кровавое крещеніе, и города ихъ названы Нѣмецкими именами. Какъ въ той, такъ и въ другой магистры ордена сдѣлались независимыми владѣтельными герцогами. Но княжество Лифляндское вошло въ безчисленные титулы царя Русскаго; Пруссія же ближе къ родимому краю дала свое имя всему изъ лоскутьевъ шитому государству. Хорошо, что мы плохо тогда знали исторію и географію и, читая въ реляціяхъ названія Морунгена, Ландсберга и другія, думали, что Бенигсонъ Бонапарта погналъ назадъ въ Германію. Это насъ очень успокоивало.

Новыя поколѣнія находятъ непонятною, можетъ быть, смѣшною живость участія, принимаемаго тогда нами, мирными гражданами, въ происшествіяхъ войны. Нынѣ едва изъ любопытства хотимъ мы узнать, сколь блестящи успѣхи нашего оружія или сколь великъ уронъ, нами претерпѣнный въ отдаленной части Имперіи нашей или вдали отъ ея границъ. Тогда дѣло было другое: всѣ наши войны до Наполеона и послѣ него, даже при немъ, но не съ нимъ, возбуждали въ насъ мало опасеній; этому же искусному счастливцу удалось войну изъ коммерческой игры превратить въ азартную, и въ каждомъ съ нимъ сраженіи государство ставилось на карту.

Сестра моя довольно исправно получала извѣстія отъ мужа своего; онъ былъ, какъ говорится, лишь взять, то и повѣшенъ, aussitôt pris, aussitôt pendu: съ полкомъ своимъ, еще некомплектнымъ, полувыученнымъ, полуустроеннымъ успѣлъ онъ уже два раза побывать въ боевомъ огнѣ. При всеобщемъ тревожномъ состояніи и особенно среди печальнаго положенія сестры моей, нашли мы съ нею нѣкоторую отраду въ одномъ весьма пріятномъ сосѣдствѣ. Подъ нами жила одна дама, знакомствомъ съ которой семейство мое во время моего малолѣтства также обязано было Кіеву; это была Александра Петровна Хвостова, надъ изображеніемъ которой пріятно мнѣ будетъ потрудиться.

Никакого женскаго воображенія сильныя страсти такъ еще не воспаляли, никакого женскаго сердца такъ не волновали онѣ. Она по себѣ была Хераскова и родная племянница поэта, несмотря на свою посредственность у насъ столь знаменитаго. Родъ Херасковыхъ не такъ еще давно, едва ли при Петрѣ Великомъ, поселился въ Россіи, и я между Валахами зналъ Херескудовъ, которые имъ были дальніе родственники. Вотъ почему пламень Юга, пройдя черезъ одно или два поколѣнія, кипятилъ еще кровь Хвостовой и блистала въ ея взорахъ. Въ первой молодости выдали ее за Димитрія Семеновича Хвостова (не брата, а въ дальномъ родствѣ съ Александромъ и Василиемъ Семено-

вичамп, о коихъ я говорилъ), за человѣка глупаго, грубаго и порочнаго. По матери своей былъ онъ въ близкой связи со всеми графами Чернышевыми и ихъ потомствомъ; а Александра Петровна была племянница Трубецкихъ, и поэтому она родилась, выросла и провела первые годы замужества въ аристократическомъ мѣрѣ.

Она приняла все его формы; ей мало того: она умѣла отличиться и отъ знатной толпы и стать выше ея. По-французски писала развѣ только хуже Севинье, голосъ имѣла очаровательный и въ свое время была первою въ столицѣ музыканткой и пѣвицей. Собою была не хороша (смолода круглый носъ ея начиналъ уже синѣть), но дурною быть, какъ кто-то сказалъ про Делиля, никогда не имѣла времени: до того все черты лица ея отъ живости чувствъ были всегда подвижны и выразительны. И придворные, и дипломаты, и писатели, и Русскіе, и иностранцы, все были у ногъ ея; она была молода въ царствованіе Екатерины, когда съ прекрасными манерами дурное поведеніе извинялось въ женщинахъ, и имѣла мужа, котораго не дѣлать рогоносцемъ, право, было бы грѣшно. Однакоже, такъ какъ ей надобно было въ жизни все перелюбить, то годъ, другой послѣ замужества страстно была она привязана къ его молодости и своему долгу. Онъ же первый началъ показывать ей презрѣніе, явно и подло сталъ измѣнять ей, искалъ въ низшихъ классахъ наемной любви и обрадовался, когда замѣтилъ, что она отдалась отъ него сердцемъ. Проговоры свѣта бываютъ обыкновенно столь же несправедливы, столь же слѣпо жестоки, какъ и законы всехъ уголовныхъ кодексовъ въ мѣрѣ; онъ требовалъ, чтобы женщина, исполненная огня, ума и талантовъ, на вѣки прикованная къ отвратительному истукану, умѣла казаться счастливою и быть вѣрною супругой. Чтò въ немъ ужаснѣе, онъ почти всегда щадитъ тѣхъ, кои находятся подъ защитою молодости своей, ея прелестей и выгодъ фортуны; но состарясь, обѣднѣй слабая женщина, тогда только беззащитную примется онъ терзать.

Мужъ Хвостовой прожилъ сначала ея приданое, потомъ проматывалъ второе или третье наслѣдство. Онъ самъ имѣлъ часто недостатокъ въ деньгахъ, жилъ однакоже съ женою подъ одною кровлей, никогда ея не видѣлъ и готовъ былъ отказать ей въ малѣйшей помощи. Спасли ее отъ совершенной нищеты ея великодушіе и героизмъ: на улицѣ пала она къ стопамъ грознаго Павла и вымолила помплованіе преступному старцу, отцу невѣрнаго своего мужа. Тронутый симъ поступкомъ, свекоръ умирая завѣщалъ ей порядочное содержаніе и обязалъ сына выплачивать ей оное. Сіе дѣлалъ онъ не слишкомъ исправно, и въ образѣ жизни ея часто проглядывала бѣдность. Ей было тогда за сорокъ лѣтъ; гордая нечувствительность по-

казывала видъ добродѣтельнаго негодованія, посредственность всегда ей завидовала и стала клеветать на нее, и весь свѣтъ противъ нея вооружился.

Покинутая имъ, она не унывала: въ уединеніи ей оставалось еще довольно занятій и утѣшеній. Ея гостиная и кабинетъ, не богато, но щегольски и со вкусомъ убранные, наполнены были художественными предметами, прекрасными рисунками лучшихъ артистовъ, поднесенными ими какъ дань удивленія къ ней, разными рѣдкостями и древностями, путешестввенниками по Востоку и Европѣ ей на память оставленными. Почти каждый вечеръ въ сихъ комнатахъ собиралось прелюбезное общество, составленное по большей части изъ отборныхъ иностранцевъ, изъ малаго числа молодыхъ женщинъ, строгихъ къ себѣ и снисходительныхъ къ другимъ, изъ немногихъ Русскихъ, довольно образованныхъ, чтобы знать цѣну пріятностей такого дома. Между частыми посѣтителями его всѣхъ примѣчательнѣе были два брата, графы Местры, болѣе Французы чѣмъ Италіянцы. Старшій, Іосифъ, находился у насъ посланникомъ жившаго въ заточеніи Сардинскаго короля, былъ чрезвычайно умный человекъ, краснорѣчивый легитимистъ и бѣшеный католикъ, и написалъ, въ послѣдствіи, двѣ книги, исполненныя изувѣрства, *Le Pape* и *Soirées de Pétersbourg*; довольно явно показывалъ онъ нелюбовь къ Россіи, и единственно только за ея схизму. Другой, Ксаверій, въ Русской службѣ полковникъ, былъ менѣе пылокъ, и хотя столь же серіозенъ и разсвѣянь, но болѣе пріятель въ обществѣ; онъ авторъ разныхъ мелкихъ твореній въ стихахъ и прозѣ, между коими болѣе всего извѣстны: *Путешествіе вокругъ моей комнаты* и *Прокаженный въ долину Аосты*. Навѣщалъ также Александру Петровну одинъ знатный баринъ, чудакъ князь Бѣлосельскій, и читалъ ей и обществу ея свои уродливо-смѣшныя произведенія на Русскомъ и Французскомъ языкахъ. На этихъ вечерахъ никто не гонялся за умомъ, никто ни у кого его не требовалъ, почти у каждого было его про себя вдоволь, и непринужденно являлся онъ самъ собою въ разговорахъ; порывы веселости останавливались на самой границѣ благопристойности. Во всемъ этомъ было нѣчто единственное, безъ примѣровъ у насъ и безъ подражанія; только напоминало собою учено-пріятныя собранія, бывшія до революціи у госпожъ Дюдефанъ и Жофренъ. Плохое освѣщеніе и скверный ужинъ довершали сходство съ вечерами этихъ Парижскихъ дамъ.

Болѣе всего нравилась мнѣ въ этой милой Хвостовой ея непри- творная и въ свѣтской женщинѣ тогда непонятная любовь къ своему отечеству. Кто изъ дамъ не пренебрегалъ тогда Русскимъ языкомъ? Которая изъ нихъ читала на немъ что-нибудь? Хвостова, по чувствамъ

точно выше своего вѣка, рѣшилась сдѣлать первый опытъ и принялась на немъ писать. Я не назову примѣромъ для нея писанныя слогомъ семинариста оды тетки ея княжны Екатерины Сергѣевны Урусовой. Въ двухъ цвѣткахъ, въ двухъ незабудкахъ, ею произведенныхъ, *Каминь* и *Ручейки*, скорѣе Карамзинъ могъ служить ей образцомъ и одобреніемъ; однакоже и то ложно, что онъ помогаль ей въ ихъ сочиненіи; новыя, живыя идеи, небрежность, съ коею онѣ изложены и самыя ошибки противъ грамматики, составляютъ всю ихъ прелесть.

Такого гибкаго ума, какъ въ ней, я ни въ комъ еще не встрѣчалъ. Она ничѣмъ не гнушалась; съ такимъ же участіемъ, съ такимъ же вниманіемъ входила она въ сужденія съ попомъ, съ деревенскою барыней или съ степеннымъ дворяниномъ, какъ и съ первымъ государственнымъ человѣкомъ; съ одними также готова была она толковать о соленіи огурцовъ и грибовъ, какъ съ послѣднимъ о преніяхъ парламента; разговорный языкъ лучшаго свѣта былъ ей также знакомъ какъ и всѣ наши простонародныя поговорки. Обо всемъ умѣла она судить, правда довольно поверхностно, но всегда умно и пріятно.

И этой женщиной не знали у насъ цѣны. За клевету, за гоненія, за обиды она платила иногда веселыми эпиграмами; ей хотѣлось бы все любить и она сердилась какъ ребенокъ, когда ей мѣшали въ семь привычномъ занятіи, сама же до вражды никогда не умѣла дойти. Сострадательность была главною чертою ея характера; денегъ у нея не было, и несчастнымъ помогала она не одними слезами, а неимовѣрною дѣятельностію; мучила друзей, наряжала ихъ преслѣдовать сильныхъ и богатыхъ, дабы исторгнуть у нихъ помощь страждущимъ. Она была великая пскусыница утѣшать и успокоивать печальныхъ и съ мастерствомъ своимъ довольно часто являлась къ сестрѣ моей, которая посѣщала ее только по утрамъ. Я же ходилъ къ ней на вечера, за тѣмъ чтобы наслушаться тамъ болѣе чѣмъ наговориться.

Наконецъ въ началѣ Февраля 1807 года узнали мы о рѣшительной побѣдѣ надъ Французами при Прейсишъ-Эйлау, 27 Января. Казалось, что только этого извѣстія и ожидали; оно подало знакъ зимнимъ увеселеніямъ. Чтò ни говори Французы, сраженіе это мы выиграли, и лучшимъ доказательствомъ тому служить четырехмѣсячное послѣ него бездѣйствіе Наполеона, который не очень любилъ отдыхать на лаврахъ. Напротивъ того, Нѣмецъ Бенигсонъ, отколотивъ исполина, самъ изумленный чудомъ совершеннымъ не столько имъ какъ Русскими солдатами, увѣренный въ невозможности новаго нападенія со стороны непріятеля, захотѣлъ вкусить сладостное успокоеніе. По заочности судить трудно, особливо человѣку не принадлежащему къ военному ремеслу; однакоже всѣ меня послѣ увѣряли, что Суворовъ и Кутузовъ

такъ бы не поступили: не довольствуясь симъ пораженіемъ, они бы заставили Наполеона не по сю сторону Вислы, а за Одеромъ и можетъ быть за Эльбой расположиться на зимнихъ квартирахъ. Надобно отдать справедливость нашимъ Нѣмецкимъ генераламъ, они великіе мастера останавливать во-время Русское войско; послѣ того Кноррингъ и Дибичъ нашимъ храбрымъ ребятамъ не дали и взглянуть ни на Стекольной, ни на Царьградъ, ни на Аршаву, куда они съ такою жадностію рвались; у самыхъ воротъ злодѣи умѣли удержать ихъ стремленіе.

Не долго послѣ сего радостнаго извѣстія оставались мы въ Петербургѣ. Убитый горестію братъ нашъ Николай находился тогда у родителей, и отецъ мой, приглашая къ себѣ почти столь же печальную дочь, приказывалъ мнѣ проводить ее въ Пензу: онъ надѣялся, что цѣлымъ семействомъ раздѣленное горе скорѣе облегчится. Между тѣмъ и не слишкомъ тяжеловѣсный кошелекъ сестры моей въ столицѣ довольно оскудѣлъ; мои финансы тоже были не въ самомъ лучшемъ состояніи. Итакъ, полонъ надеждъ, произведенныхъ во мнѣ успѣхами нашего оружія, и еще умноженныхъ выступленіемъ въ то время гвардіи, выѣхалъ я съ сестрой въ половинѣ Февраля.

По прибытіи въ Москву, сестру мою взяло раздумье: ее ужасало пространство, все болѣе и болѣе ее отъ мужа отдѣляющее. Она нашла добрую родственницу его, Дарью Ивановну Корселькову, которую, можетъ быть, читатель припомнитъ въ малолѣтствѣ моемъ и которая домъ свой за Сухаревою башней и саму себя отдала въ ея распоряженіе; подмосковная деревенька была близка и также могла прокормить ее. Недѣли двѣ колебалась она, какъ наступила ранняя весенняя погода; опасности пути послужили ей предлогомъ отложить свой выѣздъ. Тогда я долженъ былъ отправиться одинъ и сей послѣдній зимній путь совершилъ не весьма покойнымъ и пріятнымъ образомъ: подъ Муромомъ, на Окѣ, ледъ трещалъ подо мной, и проливной дождь обливалъ меня сверху.

XIV.

Великимъ постомъ пріѣхалъ я въ Пензу, и великопостныя лица встрѣтилъ я въ моемъ семействѣ; при свиданіи со мной на минуту озарились они слабою улыбкой. Въ это самое время отецъ мой чуть было не сдѣлался жертвой самой подлой злобы людей.

Министръ внутреннихъ дѣлъ получилъ отъ него собственноручное письмо, въ коемъ, съ тономъ оскорбленнаго самолюбія, жалуется онъ на претерпѣваемые имъ несправедливости и проситъ исходатайствовать ему увольненіе отъ службы. Графъ Кочубей отвѣчалъ ему,

что онъ не замедлилъ бы его просьбу представить на высочайшее усмотрѣніе, но что Государь отправился къ арміи; а онъ, между тѣмъ, надѣясь, что отецъ мой перемѣнитъ мысли, будетъ ожидать повторенія его требованія, чтобы препроводить его въ главную квартиру. Дѣло состояло въ томъ, что отецъ мой къ Кочубею совсѣмъ не писалъ и не думалъ еще тогда выходить въ отставку.

Въ канцеляріи его служилъ нѣкто Тезиковъ, хорошій каллиграфъ, молодой человекъ не безъ способностей, проворный и дѣятельный, но самой дурной нравственности, особенно извѣстенъ онъ былъ искусствомъ подражать всякому почерку. Секретарь, надѣясь на его исправленіе, не выгонялъ его, а подвергалъ частымъ наказаніямъ. Губернскій прокуроръ Бекетовъ переманилъ его къ себѣ, сталъ ласкать его, поить и самъ иногда пить съ нимъ. Подъ пьяную руку, чтобы сказать въ риему, видно, затѣяли они съ нимъ эту штуку. Полученный Бекетовымъ отпускъ, поѣздка его въ Петербургъ, приѣздъ его туда въ одно время съ полученіемъ мнимой просьбы отца моего не оставляли никакого сомнѣнія насчетъ участія его въ семь подлогъ. Какова Пенза?

Послѣ письменнаго объясненія губернатора съ министромъ, дѣло завязалось довольно важное. Отецъ мой не могъ скрывать подозрѣній своихъ на Бекетова и кромѣ какъ по дѣламъ, никакого сношенія съ нимъ имѣть не хотѣлъ. Слѣдствіе продолжалось болѣе полутора года; благодаря искусству слѣдователей, наконецъ, уличенный Тезиковъ сознался и былъ сосланъ въ Сибирь на поселеніе. Я не могу однакоже не похвалить твердости, съ которою спасалъ онъ честь своего соблазителя, котораго почиталъ онъ благодѣтелемъ своимъ.

Въ два приѣма познакомилъ я читателя своего со всею тогдашнею Пензою; сомнѣваюсь, чтобы онъ сталъ благодарить меня за то. На этотъ разъ не могу никого ему представить кромѣ одного новаго лица, явившагося во время моихъ частыхъ переѣздовъ. Добрый Тинковъ, за старостію лѣтъ, самъ пожелалъ выйти въ отставку; на его мѣсто назначенъ вице-губернаторомъ Александръ Михайловичъ Евреиновъ, бывшій нѣкогда полицеймейстеромъ въ Петербургѣ, человекъ дрянной, хвастливый и трусливый. Онъ былъ женатъ на одномъ видномъ мужчинѣ, Александрѣ Алексѣевнѣ, родной сестрѣ огромныхъ С**** и потому долженъ былъ питать, хотя весьма недавнюю, но уже какъ будто наслѣдственную вражду ихъ противъ насъ. Однакоже за что-то поссорился онъ съ Бекетовымъ и на зло ему началъ сблизаться съ нашимъ домомъ, угождать моимъ родителямъ, и въ это время дѣйствительно сталъ нѣсколько благороднѣе и честнѣе.

Мнѣ было тогда не до Пензы и до ея жителей: я жаждалъ только побѣдъ, а все молчало изъ Петербурга и изъ арміи. Вотъ уже настала и весна, а Государь все жилъ покойно съ королемъ Прусскимъ въ какомъ-то Бартенштейнѣ, королева же въ Кенигсбергѣ, какъ будто по доброй волѣ, во второй своей столицѣ. Да будетъ ли конецъ? думалъ я, а онъ, къ несчастію, былъ довольно близокъ.

По великой отдаленности отъ театра войны, не могли мы имѣть никакихъ частныхъ обстоятельныхъ объ ней свѣдѣній: изъ однѣхъ вѣдомостей дозволено намъ было узнавать одни официальные извѣстія. Публичности у насъ никакой не было, газетъ и журналовъ менѣе чѣмъ нынѣ, и они подобно Европейскимъ не слѣдили шагъ за шагомъ за политическими происшествіями. Вотъ почему, внутри Россіи, мы настоящимъ образомъ не знали объ опасности ей угрожающей. Только замѣтно было, что съ обѣихъ сторонъ приготавлиются, съ одной къ сильному нападенію, съ другой къ такому же отпору. Въ нѣсколько недѣль Наполеонъ успѣлъ пріобрѣсть неизчислимыя передъ нами преимущества: къ Франціи, Италіи и Голландіи, которыя у него давно уже были въ рукахъ, присоединилъ онъ почти всю Германію и часть Польши, и все это вооружалъ противъ насъ. Можно сказать, что въ двѣнадцатомъ году Россія не въ первый разъ сражалась съ цѣлою Европой.

Одинъ разъ въ недѣлю, по Понедѣльникамъ, приходила къ намъ почта. Въ одинъ изъ сихъ Понедѣльниковъ, въ самый Ивановъ день, когда начиналась Петровская ярмарка и собрались на нее дворянство и купечество, прочитали мы въ Московскихъ газетахъ о сраженіяхъ, происходившихъ 24 Маія при Гутштатѣ и 29-го при Гейльсбергѣ. Ихъ выдавали за побѣды, и всѣ тому повѣрили. Я уже извѣрился, онѣ мнѣ показались что-то сомнительны; однакоже я увидѣлъ въ нихъ по крайней мѣрѣ благопріятное начало военныхъ дѣйствій.

Самая медленность въ сообщеніи пріятныхъ извѣстій меня безпокоила; съ нетерпѣніемъ ожидалъ я 1-го Іюля слѣдующей почты: ничего! Для развлеченія скорбнаго отца моего, уговорили его поѣхать на другую ярмарку, которая бываетъ вслѣдъ за Пензенской въ Нижнемъ-Ломовѣ и оканчивается 8-го Іюля, въ день Казанской Богородицы. Онъ взялъ меня съ собою, и я опять увидѣлъ тутъ почтенное Пензенское дворянство въ полномъ собраніи. Городокъ Ломовъ менѣе Саранска, домъ въ немъ плохъ; но ярмарка была въ немъ значительнѣе и веселѣе, отъ того, если можно сказать, что была лагернѣе.

Тамъ за одинъ разъ узнали мы обо всемъ, и о Фридландѣ, и о свиданіи въ Тильзитѣ; письма и извѣстія, вѣроятно дотолѣ удерживаемыя, такъ ко всѣмъ и посыпались. Насъ съ отцомъ поразило какъ

громомъ, и развѣ только насъ однихъ; все прочее веселилось, шумѣло, какъ бы ни въ чемъ не бывало. Чтѣ за толки услышалъ я, Боже мой! Вотъ ихъ сущность: «Ну что-жъ, была война, мы побили непріятелей, потомъ они насъ побили, а тамъ обыкновенно, какъ водится, миръ; и слава Богу, не будетъ новаго рекрутскаго набора». Чтѣ такимъ людямъ до народной чести, до государственной независимости? Были бы у нихъ только карты, гончія, зайцы, водка, пироги, шуты, балалаешники, плясуны, Цыганскія пѣсни, вотъ все ихъ блаженство. Лѣтъ пять спустя, заговорили они другимъ языкомъ, но тогда дѣло дошло до ихъ личности, тогда схватило ихъ за живое. Ненавидѣть мнѣ Пензенскихъ дворянъ болѣе чѣмъ прежде было невозможно; но съ этого времени, кажется, началъ я ихъ еще болѣе презирать.

Изъ Ломова поѣхали мы въ селеніе Лашму, къ одному весьма богатому помѣщику и славному гастроному, Николаю Андреевичу Арапову, который приглашалъ насъ на именины супруги своей, Ольги Александровны, 11-го Іюля Ихъ отпраздновали очень великолѣпно. Хозяйка, барыня необъятной толщины, почиталась въ губерніи отиѣвно тонкою въ политикѣ и любила о ней говорить. Съ веселымъ видомъ объявила намъ она, будто кто-то къ ней пишетъ, что Наполеонъ, *какъ любезный и утиный Французъ*, за обѣдомъ въ Тильзитѣ налилъ бокалъ Шампанскаго и выпилъ за здоровье Прусской *императрицы*. Мнѣ что-то и смѣяться не захотѣлось.

На Петербургъ, даже на Москву и на всѣ тѣ мѣста въ Россіи, коихъ просвѣщеніе болѣе коснулось, Тильзитскій миръ, произвелъ самое грустное впечатлѣніе: тамъ знали, что союзъ съ Наполеономъ не чтѣ иное можетъ быть какъ порабощеніе ему, какъ признаніе его надъ собою власти. И вотъ эпоха, въ которую нѣжнѣйшая любовь, какую могутъ только имѣть подданные къ своему государю, превратилась вдругъ въ нѣчто хуже вражды, въ чувство какого-то омерзения. Я не хвалюсь великою мудростію; но въ этомъ увидѣлъ я жестокую несправедливость Русскихъ. Мнѣ за нихъ стало стыдно: такъ презираемые ими Черемисы и Чуваши сѣкутъ своихъ боговъ, когда они не исполняютъ ихъ желаній. Все, чтѣ человекъ не рожденный полководцемъ можетъ сдѣлать, все то сдѣлалъ императоръ Александръ. Чтѣ оставалось ему, когда онъ увидѣлъ безчисленную рать непріятельскую, разбитое свое войско, подкрѣпленное одною только свѣжею новосформированною дивизіею князя Лобанова, и всѣмъ ужаснаго Наполеона, стоящаго уже на границѣ его государства? Чтѣ бы сказали Русскіе, еслибы за нее впустилъ онъ его? И въ этомъ тяжкомъ для его сердца примиреніи развѣ не сохранилъ онъ своего достоинства? Развѣ не умѣлъ онъ, побѣжденный, стать совершенно наравнѣ съ побѣдителемъ

и тутъ явиться еще покровителемъ короля? Такимъ ли бѣдствіямъ, такимъ ли униженіямъ подвергался императоръ Францъ II-й? Чтò дѣлали его подданные? Дѣлили съ нимъ горе и съ каждымъ новымъ несчастіемъ крѣпче тѣснились къ нему и сыновнѣе его любили. Лѣтъ пятнадцать послѣ того, наказаніе Божіе едва было не постигнуло насъ за неблагодарность нашу къ Александру: онъ былъ долготерпѣливъ и мстителенъ и все вспомянулъ во дни славы своей. Когда вмѣстѣ со счастіемъ возвратилось къ нему обожаніе подданныхъ, на распростертый передъ нимъ народъ взглянулъ онъ съ досаднымъ презрѣніемъ, и не было слова его потомъ, не было дѣйствія, которое бы его не выражало. Онъ думалъ, что съ нимъ можно все себѣ позволить. Тогда въ головѣ его родились неслыханные еще преступные замыслы противъ вѣреннаго ему Богомъ государства, которые уже началъ онъ приводить въ исполненіе и не имѣлъ только времени совершить. Тогда-то народный гласъ долженъ былъ возгремѣть ему въ услышаніе; но тогда стоялъ онъ на высотѣ своего могущества, сзывалъ царей на конгрессы и располагалъ судьбами народовъ Европейскихъ. Немногіе дерзнули робко напомнить ему о священномъ долгѣ, который онъ забывалъ. Народы бываютъ иногда также подлы, какъ и люди.

Срокъ отгулка для меня давно уже прошелъ, но по роду службы моей на мнѣ бы не взыскали, еслибъ и годъ я просрочилъ. Отцу моему всегда неприятно было продолжительное пребываніе мое въ Пензѣ, онъ все надѣялся, что въ Петербургѣ мнѣ праздность скорѣе надобѣсть; мнѣ самому любопытно было видѣть, чтò тамъ дѣлается послѣ столь важнаго происшествія, слышать, чтò говорятъ о немъ, и при первомъ словѣ о томъ, изъяснилъ онъ согласіе на мой отъѣздъ. Супруги, находившіеся проѣздомъ изъ Саратова въ Москву, предложили мнѣ ѣхать съ ними въ четверомѣстной каретѣ, и мы отправились въ концѣ Іюля.

Чету, которой я сопутствовалъ, надлежитъ мнѣ описать.

Въ самомъ началѣ сихъ Записокъ говорилъ я о старыхъ друзьяхъ отца моего, Богданѣ Ильичѣ Огаревѣ и Андреѣ Алексѣевичѣ Всеволожскомъ, Пензенскомъ воеводѣ, который погибъ въ огнѣ во время Пугачевского бунта. У перваго былъ братъ Иванъ Ильичъ, одаренный столь же свѣтлымъ умомъ, какъ и мрачною душою; послѣдній оставилъ трехъ сыновей, изъ коихъ одинъ поселился въ Саратовѣ. Алексѣй Андреевичъ, Саратовскій сынъ его, былъ женатъ на Варварѣ Ивановнѣ, дочери Ивана Ильича Огарева. Эта женщина была вся въ отца: безъ сердца и безъ красоты, но съ умомъ и съ чувственностію, хотѣла и умѣла она правиться нѣкоторымъ мужчинамъ. Въ Саратовѣ господствовала и распутствовала она въ глазахъ ослѣпленнаго мужа, который довѣрчивостію и добродушіемъ превосходилъ всѣхъ мужей на

свѣтъ. Она занесла меня въ списокъ покорныхъ къ ея услугамъ; но по окончаніи путешествія должна была вымарать. Мнѣ некогда здѣсь много говорить о ней; придетъ время и, если съумѣю, въ короткихъ словахъ постараюсь изобразить жизнь ея, въ которой осуществила она всѣ ужасы новѣйшихъ Французскихъ романовъ. Этотъ эпизодъ берегу я для будущаго.

Проведя четыре дня съ безстыднымъ и отвратительнымъ порокомъ, пріятно мнѣ было въ Москвѣ найти родную непорочность. Сестра моя все собиралась ѣхать въ Пензу; возобновеніе войны и вскорѣ затѣмъ послѣдовавшій миръ ее остановили. Мужъ ея чрезвычайно отличился въ эту войну, находился во всѣхъ дѣлахъ, дрался храбро, и былъ столько счастливъ, что ни разу не раненъ, если не считать легкой контузій, полученной въ послѣднемъ дѣлѣ. За то награжденъ онъ былъ Аннинскимъ брилліантовымъ крестомъ на шеѣ, Владимирскимъ третьей степени, чиномъ генераль-майора и золотою шпагой съ брилліантами и съ надписью за храбрость. Онъ увѣдомлялъ жену, что армія, перешедшая подъ начальство графа Буксгевдена, идетъ въ Витебскъ, чтобы тамъ расположиться лагеремъ и оттуда разойтись по другимъ мѣстамъ государства, и звалъ ее туда къ себѣ. Привыкнувъ жить на одномъ мѣстѣ, она не пріобрѣла еще того мужества, съ коимъ послѣ такъ легко было ей странствовать одной, и просила меня быть ея проводникомъ. Несмотря на довольно большой, предстоящій мнѣ крюкъ, мнѣ пріятно было сдѣлать ей угодное и желательно увидѣть обломки той храброй арміи, которую почти безъ предводителя, въ продолженіе одной недѣли, въ трехъ большихъ сраженіяхъ, громилъ Наполеонъ и едва могъ принудить къ отступленію.

Только одинъ разъ въ жизни проѣхалъ я по этой дорогѣ. Я любовался на ней тучными пажитями, тѣнистыми лѣсами, цвѣтущимъ состояніемъ селеній, устройствомъ и видомъ изобилія нѣкоторыхъ городовъ, и въ голову не приходило мнѣ думать, что не далеко время, въ которое чрезъ счастливыя сіи мѣста война промчится назадъ и впередъ со всѣми ужасами опустошенія. Я жалѣю теперь, что не посмотрѣлъ внимательнѣе на Можайскъ и на его окрестности. Въ Гжатскѣ остановилъ сестру мою, чѣмъ-то обязанный ея мужу, богатый купецъ Григорій Петровичъ Чороковъ и въ бѣлокаменномъ домѣ своемъ, внутри чрезмѣрно испещренномъ, роскошно насъ угостилъ; въ Вязмѣ надѣялся я полакомиться пряниками и не успѣлъ ихъ найти; Дорогобужа что-то совсѣмъ почти не помню.

Въ Смоленскѣ пріѣхали мы ночью и остановились въ плохомъ домикѣ какого-то бѣднаго предмѣстья. Я уговаривалъ сестру пробить въ немъ по крайней мѣрѣ сутки, чтобы успѣть мнѣ осмотрѣть сей

достопримѣчательный и старинный городъ. Есть ли какая-нибудь чело-
вѣческая сила, которая бы могла удержать жену, ѣдущую на сви-
даніе съ мужемъ послѣ войны? Поутру, пока закладывали лошадей,
сбѣгалъ я на гору, чтобъ составить себѣ какое-нибудь понятіе о Смо-
ленскѣ. За Порѣчьемъ начинается Бѣлоруссія; при видѣ сей тощей
земли и ея тощихъ жителей, грязныхъ корчмъ и содержателей ихъ,
засаленныхъ жидовъ, я началъ торопиться болѣе сестры; но палящій
зной, измученныя лошади и сыпучіе пески чувство нетерпѣнія моего
превратили въ сущую пытку. Подъ Велижемъ болѣе четырехъ верстъ
не могли мы сдѣлать въ часъ.

На послѣдней станціи къ Витебску, куда пріѣхали мы 14 Авгу-
ста, приготовился я къ восхитительному зрѣлищу радостнаго свиданія
двухъ супруговъ. И что же! Одинъ мучительною болѣзнію прикованъ
былъ къ постелѣ; другая, не предупрежденная о томъ, предалась
страху и отчаянію. Какъ всѣ сѣверные жители, подверженъ былъ
онъ геморoidalнымъ припадкамъ, которые при дѣятельной жизни такъ
легко переносятся; во время зимней кампаніи долженъ былъ онъ часто
дни проводить на лошади, ночью валяться на снѣгу среди бивуаковъ,
и отъ замерзанія спастись ромомъ; это воспалило кровь его, полу-
ченная имъ контузія пуще раздражила болѣзнь, все бросилось въ одно
мѣсто и произвело фистулу. Страданія его были жестоки; корпусные
и дивизионные доктора старались облегчить ихъ, не умѣя сладить съ
столь серіозною болѣзнію. Стеченіе военныхъ чиновниковъ было ужа-
сное, и зятю моему могли отвести только маленькую, тѣсную квар-
тиру, и то какъ генералу, трудно больному. Ничто не предвѣщало
мнѣ пріятнаго пребыванія въ Витебскѣ.

Вдругъ бросить сестру было мнѣ невозможно, разсѣянностей
искать трудно, ибо изъ военныхъ всѣ знакомства мои были въ гвар-
діи, а тутъ надобно было дѣлать новыя. Оставалось мнѣ только по-
сѣщать публичныя мѣста, и тѣ, въ коихъ веселятся и тѣ, въ коихъ
молятся.

Сперва пошелъ я вечеромъ въ небольшой садъ, посреди города,
для ежедневныхъ прогулокъ его жителей на высокой горѣ, надъ Дви-
ною, устроенный. Было людно и тѣсно, а для меня довольно весело:
играла военная музыка, и надъ толпами возвышалась роща изъ сул-
тановъ. Никого не зная и никѣмъ не знаемый, ходилъ я какъ въ
маскарадѣ и видѣлъ прекраснѣйшія маски. Я прислушивался къ раз-
говорамъ панночекъ, и съ удовольствіемъ внималъ Польскому языку,
который я всегда такъ любилъ въ женскихъ устахъ и который мнѣ
напоминалъ мое ребячество.

На другой день почти тоже общество увидѣлъ я въ дворянскомъ клубѣ или благородномъ собраніи (не знаю какъ называли эту обыкновенную принадлежность всѣхъ губернскихъ городовъ). Зала публичныхъ увеселеній была не великолѣпная, просто выѣленная, длинная и широкая, но низкая и съ двухъ сторонъ вся въ окошкахъ, какъ оранжерея. Мнѣ показалось, что я обращаю на себя вниманіе какъ одѣтый во фракъ, ибо подобныхъ мнѣ можно было пересчитать: все было генеральство да офицерство. Дамъ было также довольно; но господъ помѣщики этого края, который болѣе другихъ однакоже обрусьлъ, видно, и тогда не очень полюбивали Русскихъ и не охотно дѣлили съ ними время. Графъ Буксгевденъ своимъ присутвіемъ не удостоилъ сего бала, а только семейство свое прислалъ на него.

Въ семь окатоличенномъ городѣ божественная литургія на Русскомъ языкѣ производилась въ единомъ храмѣ и только однажды въ недѣлю, по воскреснымъ днямъ. Прекрасный и просторный соборъ выстроенъ былъ нашимъ правительствомъ не на концѣ Витебска, а внѣ его; при Екатеринѣ и при Потемкинѣ все думали объ увеличеніи городовъ и полагали, что ихъ края со временемъ непременно должны сдѣлаться серединой, а Полякамъ пріятно было видѣть, что изгнанное православіе едва осмѣливается показывать себя у вратъ городскихъ. Въ первое Воскресенье пошелъ я помолиться и посмотреть на народъ православный; его было много, христоролюбивое воинство наполняло всѣ окрестныя мѣста. Когда обѣдня кончилась, и стали расходиться, одинъ молодой воинъ увидѣлъ меня въ толпѣ и бросился обнимать. Я обрадовался бы тутъ всякому хорошему знакомому, еслибъ онъ былъ и не графъ Александръ Кутайсовъ.

Какъ объ немъ не сказала я еще ни слова, право, не понимаю. Гдѣ-то, помнится въ домѣ Демидовыхъ, встрѣтился я съ нимъ и познакомился; послѣ того видѣлъ его часто; но это продолжалось не долго: изъ гвардейской артилеріи перевели его въ армейскую. Все то что можетъ льстить только тщеславію, все то что можетъ жестоко оскорбить самолюбіе, все то испыталъ онъ почти въ ребячествѣ. Сынъ любимца Павла Перваго, который и на все семейство сыпалъ свои милости, въ шестнадцать лѣтъ сдѣланъ былъ онъ полковникомъ. Послѣ перемѣны царствованія, всякій почиталъ обязанностію лягнуть въ падшаго фаворита; онъ спѣшилъ удалиться за границу, а жену и дѣтей оставилъ въ Петербургѣ на жертву ненависти и презрѣнія. Однакоже на спокойное, благородное и прекрасное лицо меньшаго сына его ни одинъ дерзкій, гордый взглядъ не смѣлъ подняться. Какъ этотъ мальчикъ не давалъ счастья баловать себя, такъ и передъ несчастіемъ не понизнулъ онъ головой; какъ бы не замѣчая никакой перемѣны, онъ

столь же ясно и привѣтливо смотрѣлъ на людей, когда они оказывали ему холодность, какъ и тогда, какъ они ласкались къ нему; безъ всякихъ усилій, обнажая только душу свою, онъ кончилъ тѣмъ, что всѣхъ обворожилъ. Онъ славно зналъ артилерійскую науку и прилежно ею занимался; въ музыкѣ же и въ поэзіи видѣлъ только для себя забаву, но и онѣ ему дались. Какъ чудесно онъ выражался! У него былъ какой-то особенный, свой собственный языкъ, простой, для всѣхъ понятный, а неподражаемый. Что удивительнаго, если всѣ женщины были отъ него безъ ума, когда мужчины имъ плѣнялись? Не знаю, кого бы онъ не любилъ, но нѣкоторыхъ любилъ болѣе прочихъ, и мнѣ кажется, что я былъ въ числѣ ихъ.

На войнѣ прославился онъ мужествомъ и талантами: подъ Прейсишъ-Эйлау, въ генеральскомъ чинѣ, командовалъ онъ почти всею артилеріей и батареями своими болѣе всѣхъ наносилъ вредъ Французской арміи. Какъ пріятно было мнѣ увидѣть сего милаго мнѣ юношу, годомъ или двумя меня постарѣе, съ Георгіевскимъ крестомъ на шеѣ. Не давъ мнѣ опомниться, онъ посадилъ меня въ коляску, повезъ къ себѣ въ лагерь и почти насильно оставилъ у себя обѣдать.

Въ большой ставкѣ, гдѣ мы усѣлись и въ которой накрытъ былъ длинный столъ, черезъ нѣсколько времени начали собираться подчиненные Кутайсова, артилерійскіе штабъ и оберъ-офицеры. Обращенія его съ ними я никогда не забуду; я бы назвалъ его чрезвычайно искуснымъ, если бы не зналъ, что въ этомъ человѣкѣ все было натуральное. Въ ласкахъ, въ фамилярности его съ людьми, изъ коихъ половина была старѣе его, чувствительно было начальство; они же, отменно свободно съ нимъ разговаривая, ни на минуту не забывались передъ нимъ. Всѣ глядѣли ему въ глаза, чтобы предугадать его желанія, и онъ казался старшимъ братомъ между меньшими, которые любятъ и боятся его: въ немъ была какая-то магія.

Я пробылъ еще нѣсколько времени въ Витебскѣ и почти каждый день, иногда и пѣшкомъ, посѣщалъ этотъ лагерь, который былъ въ двухъ верстахъ отъ города. Вокругъ Кутайсова было все такъ живо, такъ весело и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ пристойно, какъ онъ самъ; молодые дамы могли бы не краснѣя находиться въ его военномъ обществѣ. Прибавить ли къ тому еще одно, чему нынѣ съ трудомъ повѣрятъ: всѣ эти войны, окуренные пороховымъ дымомъ, не знали табачнаго; у Кутайсова не было ни одной трубки. Я болѣе его не видѣлъ: скорѣе потомъ умеръ онъ героемъ, какъ умереть ему надлежало. Спасибо Жуковскому, что онъ въ прекрасныхъ стихахъ сохранилъ память о столь прекрасномъ существованіи: безъ него простылъ бы и слѣдъ такого диковиннаго человѣка.

Приближеніе осени заставило меня торопиться, я согласился остаться съ сестрою только день ея именинь 26-е Августа, а 28-го по Бѣлорусскому тракту отправился въ Петербургъ.

Симъ обратнымъ путешествіемъ хочу я заключить вторую часть моихъ Записокъ. Наступилъ второй періодъ царствованія императора Александра, когда все измѣнилось въ немъ и вокругъ него, когда онъ долженъ былъ разорвать прежніе союзы, удалить отъ себя прежнихъ любимцевъ, когда, насильно влекомый Наполеономъ, долженъ былъ онъ казаться идущимъ съ нимъ рука объ руку, когда притворство сдѣлалось для него необходимостію и спасеніемъ.

Въ томъ же году вступилъ я въ законное совершеннолѣтіе, кончилась первая моя юность, а ее только одну признавалъ я всегда за настоящую. Уже румянецъ началъ спадать съ моихъ щекъ, и густой, черный волосъ заступилъ мѣсто нѣжнаго пуха на подбородкѣ моемъ; вошедъ въ лѣтніе годы моей жизни, сталъ я сильнѣе любить, за то глубже и постояннѣе ненавидѣть, чаще сердиться, рѣже смѣяться, рѣже и плакать: все миновалось. Прости же моя молодость, время дорогое, золотое, невозвратное, вѣчно памятное! Кто не жалѣлъ о тебѣ; но признаюсь, увы, кто болѣе меня? Всѣ истинныя, сердечныя радости зналъ я только съ тобою. Благодарю тебя, молодость, за неоцѣненные дары твои, за друзей, коихъ дала ты мнѣ и коихъ большая часть вмѣстѣ съ тобою отъ меня удалились, за нѣжные взоры, за безкорыстную, непритворную ко мнѣ любовь, за которую тебѣ же я обязанъ и которая вслѣдъ за тобою отъ меня скрылась. Благодарю за все, за все, даже за горести, тобою мнѣ посланныя и тобою же услажденные.

Вотъ этимъ, кажется, бредилъ я дорогой. Въ день выѣзда моего, изъ Витебска, къ вечеру, погода переменилась, пошелъ дождь, и за одну ночь лѣто превратилось въ холодную осень. Я былъ, какъ говорится, на лѣтнемъ ходу; ничего со мною не было теплаго, и въ Великихъ Лукахъ почувствовалъ я первый легкій ознобъ; меня напоили чаемъ съ виномъ, мнѣ показалось, что я согрѣлся, но это былъ лихорадочный жаръ. Пароксизмы возобновлялись и проходили; я все упрямяствовалъ ѣхать. А что за погода! Что за дорога! На деревянной мостовой бревешки прыгали подо мной, какъ клавиши. Когда приходило на меня безпамятство, слуга при мнѣ находившійся бралъ на себя останавливать меня. Въ Лугѣ сдѣлалось мнѣ такъ дурно, что я самъ рѣшился остановиться. Я думалъ, что наступилъ мой послѣдній часъ и не жалѣлъ о жизни: молодость моя прошла, а безъ нея, казалось мнѣ, на что мнѣ жизнь? Однакоже мнѣ отлегло, и рано поутру 2 Сентября приѣхалъ я въ Петербургъ.

ЗАПИСКИ Ф. Ф. ВИГЕЛЯ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

	Стр.
I. Введеніе.....	5
II. Финское происхожденіе.—Ф. И. Сандерсъ.....	7
III. П. И. Лебедевъ.—В. И. Чулковъ.—Мать.....	13
IV. Филиппъ Лаврентьевичъ Вигель.....	16
V. Служба отца на Кубани, въ Варшавѣ и Херсонѣ.....	25
VI. Дѣтство въ Кіевѣ.—Х. И. Мутъ.....	33
VII. Графиня А. В. Браницкая.—Шардонъ и Шардонша.—Князь В. А. Хованскій.....	43
VIII. Князь П. М. Дашковъ въ Кіевѣ.—Кіевскій намѣстникъ С. Е. Ширковъ.—Митрополитъ Самуилъ.....	56
IX. Сестры и братья.....	65
X. Вѣкъ Екатерины Великой.....	72
XI. Кіевъ при Павлѣ.—Характеристика Поляковъ.....	77
XII. Гатчинцы.—Графъ И. П. Салтыковъ.—Илья Ивановичъ Але- ксѣевъ.—Свадьба сестры.....	90
XIII. Въ Московскомъ генераль-губернаторскомъ домѣ.—Князь Петръ Ивановичъ Одоевскій.—Форсевиль.—Ученье во Фран- цузскомъ пансіонѣ.—Дѣвица Турчанинова.....	97
XIV. Мѣстечко Казацкое.—Князь С. Ф. Голицынъ.—Павелъ Ива- новичъ Сумароковъ.—И. А. Крыловъ.....	115
XV. Изъ Кіева въ Петербургъ (1800).—Встрѣча съ императоромъ Павломъ.—И. Г. Демидовъ.—Исканіе службы.—Графъ Ростоп- чинъ (1800).—Прогулки Павла Перваго.—Актриса Шевалье.	140
XVI. Московскій Архивъ Иностранныхъ Дѣлъ.....	157
XVII. Воцареніе Александра I-го.—Марѣино.—П. И. Мятлева.— Карамзинъ.—В. Л. Пушкинъ.—Князь А. Б. Куракинъ.....	177

- XVIII. Изъ Кіева въ Пензу.—Старина Пензенскаго края.—Значеніе губернатора.—Симоновъ монастырь.—Отъѣздъ въ Петербургъ (1802)..... 196

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

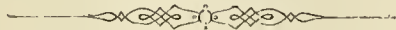
- I. Министерства.—Сперанскій..... 3
- II. Петербургская знать.—Магницкій..... 14
- III. Французы-эмигранты.—Голубцовы.—Арбенева..... 31
- IV. Графъ Сухтеленъ.—Д. Н. Блудовъ..... 43
- V. Служба въ Петербургѣ..... 57
- VI. Театръ въ Пензѣ.—Зубриловка.—Обрѣзковъ.—Мартыновъ.—Злобинъ..... 67
- VII. Посольство въ Китай..... 102
- VIII. Москва 1805.—Казань.—Мансуровы.—Юшковы.—Есиповы.. 122
- IX. Вятская и Пермская губерніи.—Сибирь..... 141
- X. Байкаль.—Кяхта.—Вонифатьевъ.—Алтай.—Ссылные 168
- XI. Обратный путь изъ Сибири..... 190
- XII. Туляновы.—Салтыковы..... 205
- XIII. Мартинисты.—А. И. Тургеневъ.—Милѣція.—А. П. Хвостова. 212
- XIV. Пензенская служба отца.—Тильзитъ.—Поѣздка въ Витебскъ.—
Графъ А. И. Кутайсовъ (Сентябрь 1807)..... 229
-

ЗАПИСКИ
ФИЛИПА ФИЛИПОВИЧА
ВИГЕЛЯ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ИЗДАНИЕ «РУССКАГО АРХИВА».

(ДОПОЛНЕННОЕ СЪ ПОДЛИННОЙ РУКОПИСИ).

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульварь.

1892.

I.

По приѣздѣ въ Петербургъ, въ болѣзненномъ состояніи духа и плоти, прежде всего искалъ я отрады, зная, что ею начнется исцѣленіе и телѣснаго моего недуга. Для того взѣхалъ я прямо къ Блудову, увѣренъ будучи, что онъ не поскучаетъ ни хандрой моей, ни лихорадкой, и въ томъ не ошибся. Его нравъ не переставалъ быть живымъ и веселымъ, а сердце сострадательнымъ. Въ началѣ предыдущаго года имѣлъ онъ горестъ лишиться обожаемой матери и почти въ то же время утѣшеніе наслѣдовать довольно богатому дядѣ. Это давало ему возможность къ другимъ похвальнымъ или любезнымъ качествамъ присоединить и гостепріимство. Онъ послалъ за врачомъ своимъ, Англичаниномъ Беверлеемъ, заставлялъ самого меня смѣяться надъ мрачными моими мыслями, и дни въ три или четыре все у меня прошло, какъ будто ни въ чемъ не бывало.

Какъ ровно за пять лѣтъ передъ тѣмъ, въ началѣ Сентября 1802 года, прибылъ я тутъ въ Петербургъ, чтобы быть свидѣтелемъ любопытнаго зрѣлища: важныхъ перемѣнъ во всемъ государственномъ управленіи. Какъ бы не обращая никакого вниманія на пристрастіе своихъ подданныхъ къ союзной съ нимъ дотолѣ Англіи, на явную ненависть ихъ къ омрачившимъ ихъ воинскую славу великому Французскому полководцу и его побѣдоносному народу, Государь во всемъ обнаруживалъ новую симпатію свою къ нимъ и удивленіе. Изъявленій всеобщаго за то неудовольствія не было возможности не только наказывать, ни даже удерживать: ибо отъ знатнаго царедворца до малограмотнаго писца, отъ генерала до солдата все, повинуваясь, роптало съ негодованіемъ. А онъ, примѣръ долготерпѣнія на тронѣ, долженъ былъ все выслушивать съ молчаніемъ, когда, по мнѣнію его, въ глубинѣ души своей, онъ былъ увѣренъ, что сдѣлалъ все для спасенія Россіи и будущаго ея величія.

Многіе годы прошли, люди исчезли, страсти погасли, и теперь можно съ нѣкоторою справедливою судить о тогдашнихъ поступкахъ Александра. Франція, воинственная и блестящая, хвастливая и заносчивая, была постоянно предметомъ страха и зависти всѣхъ со-

сѣдей своихъ, Австріи, Великобританіи и Гишпаніи, Германскихъ и Итальянскихъ владѣтелей. Окруженная со всѣхъ сторонъ естественными врагами, она весьма благоразумно и успѣшно искала всегда союзниковъ въ отдаленныхъ отъ нея странахъ, въ Швеціи, въ Польшѣ и въ Турціи. Изъ-за нихъ встало неслыханное государство, по обширности своего размѣра и по быстротѣ своихъ успѣховъ, можно сказать, невиданное въ мірѣ. Менѣе чѣмъ въ полвѣка, оно заступило мѣсто всѣхъ старыхъ союзниковъ Франціи, унизивъ одного, уничтоживъ другаго, обезсиливъ третьяго. Препрежне Французское правительство не могло еще понять важность значенія Россіи. Въ горячкѣ, въ бѣшенствѣ своемъ, революція слѣпо вооружалась, безъ разбора, противъ всѣхъ монархій; но когда, уставъ отъ судорожныхъ усилій, она подчинилась порядку, то воинственный геній, его водворившій, не довольствуясь сплюю оружія, призвалъ на помощь и политику для обузданія мятежнаго духа, ею распространеннаго. Орлинымъ взглядомъ своимъ Наполеонъ увидѣлъ первый для Франціи всю выгоду союза съ Россіей; самодержавіе на Сѣверѣ плѣняло его властолюбивый умъ, онъ искалъ сближенія, и восторженный Павелъ, передъ смертію, раздѣлялъ уже величіе его замысловъ. Сильное вліяніе Англіи разсѣкло сей едва завязанный узелъ; кротость Александра, его желаніе мира и добра отдаляли его отъ честолюбца; но сей послѣдній не упустилъ случая, чтобы возстановить съ нимъ согласіе. Наканунѣ Аустерлица онъ еще мирволилъ и просилъ о свиданіи и, наконецъ, получилъ его въ Тильзитѣ.

Кто былъ свидѣтелемъ тайной бесѣды на роковомъ паромѣ? О, какъ любопытенъ былъ сей разговоръ, когда въ состязаніи были съ одной стороны вся прелесть наружности, благородство осанки, нѣжность голоса, тонкость и гибкость ума, однимъ словомъ почти женская привлекательность, которая покоряла сердца подданныхъ и чужеземцевъ, а съ другой—Итальянская хитрость, прикрытая солдатскою откровенностію, почти сверхъестественная сила убѣжденія и очарованіе великаго имени. Ужасная буря породила спящаго человѣка, который усмирилъ ее; оковавъ мятежь, онъ превратилъ его въ какое-то словобѣсіе; болѣе десяти лѣтъ ужасомъ своего имени наполнялъ онъ Европу; казалось, сами небеса изъ ада на землю вызвали его какъ исполнителя ихъ воли, и онъ стоялъ лицомъ къ лицу передъ Александромъ. При его появленіи, въ виду его, сей громовержецъ погасилъ свои перуны, и руку, которая за мигъ до того держала ихъ, протянулъ къ нему почтительно и дружелюбно. Кто бы устоялъ противъ того, особливо въ минуту явной опасности? Не трудно было Наполеону доказать, сколь выгодна могла быть для Россіи дружба съ нимъ, то-есть съ Франціей, коей былъ онъ тогда главою, представителемъ и выраженіемъ.

емъ. Это такая истина, которую въ послѣдствіи одно только безпримѣрное его властолюбіе могло сдѣлать сомнительною, но которой люди съ здравымъ смысломъ всегда вѣрили и нынѣ менѣе нежели когда оспариваютъ. «Доселѣ былъ одинъ Наполеонъ, отнынѣ да будетъ ихъ двое, вѣроятно сказалъ онъ; соединивъ свои силы, довершатъ они покореніе свѣта, и потомъ, общими же силами, среди всеобщаго мира, будутъ пещись объ устройствѣ всеобщаго благоденствія». Признаюсь, я еще и понынѣ вѣрю честосердечію обоихъ договаривавшихся государей: при произнесеніи клятвы въ вѣчной любви, кто думалъ о ея нарушеніи и кто не нарушалъ ея? Хотя Европа не берлога, однакоже трудно было медвѣдю долго ужиться въ ней со львомъ; но все-таки, наконецъ, медвѣдю удалось задушить его.

Подражаніе обычаю или одѣянію какого-нибудь народа всегда въ Россіи есть вѣрнѣйшій признакъ добраго съ нимъ согласія. Уже съ Сентября мѣсяца начали всю гвардію переодѣвать по-французски; въ слѣдующемъ году сдѣлано это и со всею арміею. Дотолѣ слѣдовали простотѣ Австрійскихъ мундировъ; исключая бѣлаго плюмажа на шляпѣ, ничто не отличало генерала отъ простаго офицера; тутъ шитье и эполеты, все богаче по мѣрѣ возвышенія въ чинахъ, начали обозначать каждый изъ нихъ. Косы обрѣзаны, пудра и помада брошены и оставлены гражданскимъ чиновникамъ, которые также начали употреблять ихъ только при мундирахъ и въ дни пріѣзда ко двору. Всѣ военные люди были вытянуты, затынуты, такъ что инымъ трудно было дышать; новый покрой сдѣлалъ одежду ихъ просторнѣе и далъ полную свободу ихъ тѣлодвиженіямъ. Они и этимъ были недовольны: въ новыхъ мундирахъ своихъ видѣли Французскую ливрею и, съ насмѣшливою досадою поглядывая на новое украшеніе свое, на эполеты, говорили, что Наполеонъ у всѣхъ Русскихъ офицеровъ сидитъ на плечахъ.

Можно себѣ представить, какъ все это было больно для Петербургской знати, заимствовавшей всѣ повѣрія свои отъ эмигрантовъ; съ какою явною холодностію сія искусственная аристократія, вся проникнутая легитимизмомъ, принимала присланнаго отъ Наполеона на первый случай Савари. Въ разсужденіи его исполняла она всѣ обязанности общежитія, платила ему визиты, приглашала его на всѣ большіе званые вечера свои, но обходилась съ нимъ съ тою убійственною учтивостію, въ которой она такая мастерица и которой тайна ей одной извѣстна.

Упрекнуть его было не въ чемъ: онъ все переносилъ съ терпѣніемъ и старался быть любезенъ. Въ одномъ только знатномъ домѣ былъ онъ принятъ съ отверстыми объятіями: старуха княгиня Елена Никитишна Вяземская, вдова генераль-прокурора, выдавшая двухъ дочерей

за посланниковъ Неаполитанскаго и Датскаго, всегда любила безъ памяти иностранцевъ и въ особенности Французовъ, и для нихъ была у нея всегда притонъ. Прежде многіе старались ей подражать; но продолжительною связью съ Французскимъ посольствомъ она обезславилась свою старость; были люди, которые не побоялись взвести на нее клевету, будто за угощеніе Французовъ она получала деньги отъ правительства.

Родною племянницей этой княгини Вяземской была Александра Петровна Хвостова, о которой говорилъ я въ концѣ второй части сихъ Записокъ. Не смотря на свой патриотизмъ и легитимизмъ, въ угожденіе тетки, должна была она принимать Савари и его свиту; впрочемъ, съ живостию ея ума и характера, и ей самой любопытно и пріятно было ихъ видѣть у себя. Тутъ имѣлъ я случай ихъ встрѣчать, и могу сказать нѣсколько словъ объ нихъ. Умнѣе всѣхъ былъ конечно Ле Лорнъ (Le Logne), который въ видѣ путешественника бывалъ уже въ Россіи, жывалъ въ Москвѣ и выучился немного по-русски. Онъ былъ малый лѣтъ тридцати, ловкій, смѣлый, даже иногда наглый, и вмѣстѣ съ тѣмъ вкрадчивый; такіе люди вездѣ или вламываются, или пролѣзаютъ. Замѣтно однакоже было, что ласковый пріемъ, сдѣланный ему до того въ Россіи, сильно на него подѣйствовалъ, и что онъ искренно любилъ ее, а со всѣмъ тѣмъ охотно пожертвовалъ бы ею кумиру Франціи: онъ одинъ, кажется, у Савари занимался письменною частію.

Благороднѣе всѣхъ именовъ и осанкой былъ Монтекиу-Фезенсакъ, ведущій родъ свой отъ Лупа, герцога Гасконскаго, слѣдственно отъ Карловинговъ. Примѣсью такихъ людей Наполеонъ любилъ скрашивать свои полки и миссіи.

Всѣхъ красивѣе собою былъ молоденькій Талуеть. Онъ вмѣстѣ съ другимъ, Фодоасомъ, принадлежалъ къ новой республиканско-имперской аристократіи, то-есть они оба были сыновья во время революціи чрезмѣрно обогатившихся плебеевъ. Оба сіи *жюкриса* *), невѣдѣніемъ свѣтскаго обращенія, разговорами и манерами смѣшили Петербургскія гостиныя. Одинъ изъ нихъ, Фодоасъ, любезничая разъ съ какою-то дамой, игралъ лежащимъ на ея столикѣ аметистовымъ сердцемъ, бралъ его въ ротъ и нечаянно проглотилъ его. На другой день, изверженное и вымытое сердце сіе, при учтливой запискѣ, было возвращено той, которой оно принадлежало.

Къ симъ двумъ примыкалъ еще третій молодой мальчикъ, Антоанъ, сынъ богатаго Марсельскаго негоціанта и, не менѣе того, по матери родной племянникъ женъ Іосифа Бонапарте и Бернадота, то

*) Простофили. П. Б.

есть будущихъ королей Гишпанскаго и Шведскаго. Въ это время Иосифъ уже былъ Неаполитанскимъ королемъ. Слухъ прошелъ, будто Марія-Каролина, настоящая королева, находившаяся тогда въ Сицили, не только опасно занемогла, но и скончалась. О томъ неосторожно сказали при Антоанѣ, который, полагая, что рѣчь идетъ о его теткѣ, счелъ долгомъ притвориться падающимъ въ обморокъ. Все это чрезвычайно забавляло знатныхъ, которые насмѣшками надъ цвѣтомъ юности, неудачно присланнымъ Наполеономъ, думали мстить ему за его славу.

Какъ странно было видѣть сихъ обрачиковъ ново-французскаго двора встрѣчающихся у Хвостовой съ Лагардами, Дамасами и другими молодыми роялистами древнихъ фамилій, офицерами въ Русской гвардіи! Послѣдніе даже въ общемъ разговорѣ старались, чтобъ однимъ словомъ не задѣтъ кого-нибудь изъ этой ротюры; одинъ только дерзкій Растиньякъ подступилъ разъ къ Монтескю и громко спросилъ его: при комъ онъ камергеромъ, при Бонапарте или при женѣ его? Тотъ скромно отвѣчалъ: «при императрицѣ».

Попытку Хвостовой соединить у себя тѣхъ и другихъ Французовъ одобрить нельзя. Сама она часто не могла утерпѣть, чтобы не оказать предпочтенія прежнимъ своимъ знакомымъ и не похвастать иногда славой своей Россіи, когда Наполеонисты слишкомъ завирались о его безсмертіи. Съ другой стороны роялисты и многіе Русскіе съ смертельною досадою должны были бесѣдовать съ тѣми, коихъ почитали сволочью и коихъ по неволѣ встрѣчали только среди толпы въ большихъ собраніяхъ. Едва прошла осень и наступила зима, какъ тѣ и другіе ее покинули, и одни только искренніе ея друзья остались постоянными и вѣрными ея посѣтителями.

Кажется, Наполеону хотѣлось, оказавъ Россіи первую учтивость, показать съ тѣмъ вмѣстѣ и преимущество свое надъ нею. Для того прислалъ онъ Савари съ одними комплиментами, безъ всякаго уполномочія, и ожидалъ прежде назначенія къ намъ чрезвычайнаго посла, чтобы кто-нибудь отъ насъ въ семъ званіи къ нему былъ отправленъ. Выборъ палъ на графа Петра Александровича Толстаго, прежде бывшаго Петербургскаго военнаго губернатора, но оставившаго сію должность, чтобы подвизаться на войнѣ. Его любили и уважали; но, согласившись ѣхать посломъ въ Парижъ, онъ сдѣлался виновнымъ въ мнѣніи публики. Плохая эпиграмма въ дурныхъ Французскихъ стихахъ, ходившая по городу, была его выраженіемъ. Вотъ она:

Nous imitons le grand: on le savait d'avance.
Caius fit son cheval consul de Rome,
Et nous faisons tout comme
En envoyant un âne ambassadeur en France.

Сущая несправедливость! Графъ Толстой былъ человѣкъ усердный, вѣрный, на котораго совершенно положиться было можно: Русскій въ душѣ и Русскій по уму, то-есть, какъ говорится, изъ просту лукавъ. Такіе люди, съ притворною разсѣянностію, какъ бы ничего не помня, ничего не замѣчая, за всѣмъ слѣдятъ глазомъ зоркимъ и наблюдательнымъ и ни на минуту не теряютъ изъ вида пользы и чести своего отечества. Кажется, у насъ въ Россіи изстари велось, чтобы мужи, предназначающіе себя на великіе подвиги, болѣе или менѣе на себя накидывали какое-то юродство. Стѣитъ только вспомнить Суворова, который въ семь родѣ былъ не первый и въ наше время не одинъ. Тутъ есть что-то похожее и на Брута, и на Сикста Пятаго.

По прибытіи въ Парижъ, графъ Толстой нашелъ приготовленное уже для него жилище. Слѣдуя системѣ прельщеній съ Россіей, Наполеонъ купилъ Отель-Телусонъ, довольно большой и красивый домъ, въ лучшей части города, съ прекраснымъ садомъ его отъ улицы отдѣляющимъ, и отдалъ его Русскому посольству. Мы не могли остаться въ долгу и хотѣли заплатить съ лихвою, и для того только что отдѣланный великолѣпный домъ князя Волконскаго, на Дворцовой набережной, за дорогую цѣну купленъ въ казну для ожидаемаго Коленкура.

Пріѣздъ его въ Январѣ мѣсяцѣ былъ сигналомъ отъѣзда для Савари съ компаніей. Почти всѣ полагали, что нестерпимая спѣсь Коленкура была слѣдствіемъ данныхъ ему наставленій. Я совсѣмъ другаго мнѣнія: этотъ человѣкъ былъ просто дерзкій холопъ, который, гордясь успѣхами, могуществомъ своего господина, какъ всѣ низкія души забывался въ счастіи. Можетъ-быть, по примѣру Савари, приготовленный къ холодному приему отъ общества, онъ съ перваго шага хотѣлъ предупредить его своею надменностію. Доказательствомъ, что раздраженіе противъ себя Русскихъ не могло входить въ намѣренія Наполеона, служить то, что предтеча Коленкура, Савари, и преемникъ его, Лористонъ, всегда оказывали, первый величайшую терпѣливость, послѣдній — умѣренность и скромность въ сношеніяхъ съ дворомъ и вельможами, даже тогда, какъ все клонилось къ совершенному разрыву съ Россіей.

Цѣлыя пять лѣтъ съ Сентября 1802 года, министерство, прозванное Англійскимъ, управляло государственными дѣлами. Кажется, въ самодержавныхъ правленіяхъ министры, которые просто орудія воли государевой, должны только слѣдовать, хотя бы и не одобряли ея, новой политической системѣ, имъ принятой. Не такъ думали наши Фоксы и Питты; жаль имъ было расставаться съ мѣстами и властію, они ихъ какъ будто противъ воли сохраняли; но самъ Императоръ подалъ имъ средства съ благовидностію освободиться отъ тяжести дѣлъ. Не вдругъ, какъ въ Англій, а въ продолженіе послѣднихъ четырехъ мѣсяцевъ

1807 года министерство измѣнилось и возобновилось почти въ цѣломъ составѣ своемъ.

Началось съ министра финансовъ, почтеннаго графа Васильева. Онъ бы не удался, и его бы не отпустили: онъ былъ еще не слишкомъ старъ, но изнуренный долготѣнными трудами и опытный въ дѣлахъ, онъ можетъ быть съ трепетомъ смотрѣлъ на приближающееся несогласіе съ Великобританіей, царицей торговли, и чувствовалъ, что затрудненія, въ которыя оно его поставитъ, будутъ превыше силъ его. Счастіе сопутствовало ему всегда въ жизни и не покинуло его при концѣ ея: ибо что можетъ быть счастливѣе какъ во-время умереть? Онъ скончался въ концѣ Августа, а въ половинѣ Сентября объявлена война Англии. Время, имъ носимое, само собою легло на давно уже подставившаго подъ него рамена свои, племянника его, Федора Александровича Голубцова, и черезъ два года потомъ его раздавило.

За годъ до того, князь Чарторыйскій, уступая силѣ общаго мнѣнія, долженъ былъ портфель иностранныхъ дѣлъ передать нѣкому барону Будбергу; не покидая однакоже Государя, онъ тайно оставался главнымъ совѣтникомъ его въ дѣлахъ дипломатическихъ. Этотъ Будбергъ былъ, кажется, лицо совсѣмъ безъ фizioноміи. При воспитаніи императора Александра, находился онъ въ числѣ наставниковъ, и объ немъ ничего не говорили. Потомъ еще при Екатеринѣ былъ онъ назначенъ посланникомъ въ Стокгольмъ и тамъ ничего не умѣлъ сдѣлать, даже сосватать великую княжну Александру Павловну за Шведскаго короля; его однакоже не отозвали. Безъ особыхъ милостей и безъ гоненій отъ Павла, оставался онъ при немъ на прежнемъ мѣстѣ почти въ забвеніи. Въ 1802 году попытались было сдѣлать его Петербургскимъ военнымъ губернаторомъ; мѣсяца два или три мѣсто сіе оставалось какъ будто вакантнымъ, объ немъ и помину не было, и его опять назадъ отправили въ Стокгольмъ. Какъ подставку, какъ подтычку вызвали его оттуда въ 1806 году, чтобы дать ему названіе министра иностранныхъ дѣлъ. Съ симъ званіемъ случился онъ въ Тильзитѣ при переговорахъ, и неумышленно, безвинно подписать мирный трактатъ; и за то никто не думалъ на него сердиться и поносить его, а вся досада обратилась на бывшаго тутъ, также случайно, Русскаго князя. Трудно опредѣлительно сказать что-нибудь на счетъ характера такого человѣка, который сквозь столь важныя мѣста и событія прошелъ невидимкой; судя по догадкамъ можно себѣ вообразить его Нѣмцемъ, довольно образованнымъ для того времени, гдѣ нужно искательнымъ, терпѣливымъ и молчаливымъ, и слѣдственно по наружности глубоко-

мысленнымъ. Познавъ наконецъ весь нудлителъ его, Государь, видно безъ обиняковъ сказалъ ему: «Ступай, братъ, на покой!» *)

Мѣсто жалкаго Нѣмца занялъ Русскій съ громкимъ именемъ, высокою образованностію, благородною душею, незлобивымъ характеромъ и съ умомъ, давно ознакомленнымъ съ дѣлами дипломатическими и ходомъ Французской революціи. И единоземцы его громко возроптали на то. Я не осуждаю ихъ; сердце у Русскихъ наболѣло отъ двухгодоваго стыда, и все приводило его въ раздраженіе; они безъ ужаса не могли видѣть сына знаменитаго ихъ полководца усерднымъ посредникомъ Россіи съ похитителемъ ея славы. Самое даже согласіе графа Николая Петровича Румянцова на принятіе званія министра иностранныхъ дѣлъ показываетъ въ немъ сильный духъ, готовый, со вступленіемъ въ должность, вступить въ борьбу со всеобщимъ мнѣніемъ, самоотверженіе, съ которымъ онъ въ настоящемъ жертвовалъ своею честію для будущей пользы своего отечества. Время, конечно, показало, что онъ обманывался; но кто изъ подвизавшихся тогда, въ концѣ 1807 года, не былъ обманутъ, не исключая даже самихъ Александра и Наполеона? Онъ смотрѣлъ не съ той точки зрѣнія какъ высшая и низшая публика, и обѣими былъ не понятъ. Уже вѣрно Румянцовъ не могъ быть подкупленъ золотомъ, онъ, который, живши всегда умѣренно, расточалъ его единственно на умноженіе просвѣщенія въ Россіи. И онъ бы сталъ измѣнять ей! Такъ чтоже? Онъ былъ очарованъ величіемъ дотолѣ врага и вдругъ ревностнаго союзника Россіи, онъ былъ увлеченъ плѣнительною мыслию о великомъ союзѣ Сѣверовостока съ Югозападомъ, предъ коими все должно было покориться: такъ ошибаются только люди съ необыкновенною душею.

До того еще, безпрестанныя шутки Александра Львовича Нарышкина на счетъ графа Румянцова много повредили ему въ мнѣніи свѣта. Тетка его, Анна Никитишна, была замужемъ за дядею Нарышкиныхъ и полученное отъ мужа имѣніе во вдовствѣ хотѣла отказать своему племяннику; изъ того вышелъ процессъ, который, наконецъ, Нарышкины же выиграли. Но придворный шутникъ никогда не могъ простить своему противнику, вѣчно преслѣдовалъ его своими острыми насмѣшками и успѣлъ въ глазахъ людей сдѣлать его смѣшнымъ; а что смѣшно, то кажется и глупымъ. Съ другой стороны зависть, которая оставляетъ въ покоѣ одну только посредственность, которая готова заглядывать въ нужныя мѣста, подслушивать холопскія рѣчи, не гнушается ничего нечистаго, чтобъ осквернить имъ уважаемыхъ людей, изощряла про-

*) Попробовалъ бы Русскій быть столь ничтожнымъ, какъ Андрей Яковлевичъ Будбергъ; ему много, много бы удалось быть членомъ Московскаго Англинскаго клуба.

тивъ него свое жало и приписывала ему какія-то слабости, противныя нравственности. На каламбуры Нарышкина, не всегда удачныя, на клевету мірскую, какъ бы не вѣдая о нихъ, отвѣчалъ Румянцовъ одними великими, безпримѣрными въ Россіи дѣлами: снаряжалъ на свой счетъ корабли и для открытій отправлялъ ихъ вокругъ свѣта, съ издержками и трудами отыскивалъ и собиралъ любопытныя, отечественныя древнія рукописи и хартіи и посредствомъ великолѣпныхъ изданій дарилъ ими читающую публику, заводилъ для всѣхъ открытыя библіотеки, учреждалъ музеи. Содѣянное имъ блеситъ на Англійской набережной въ Петербургѣ и лучше меня оправдаетъ его предъ потомствомъ.

Въ началѣ второй части сказалъ я, что онъ былъ министромъ комерціи; сдѣлавшись министромъ иностранныхъ дѣлъ, сохранялъ онъ два года оба министерства, доколѣ первое не было упразднено. Предмѣстникъ его, Будбергъ, до того утрашился одного имени министра, что спѣшилъ выпросить себѣ въ товарищи сына покровителя своего, фельдмаршала Николая Ивановича Салтыкова, Александра Николаевича, зятя графа Головкина (объ немъ я также говорилъ въ своемъ мѣстѣ). По родственнымъ связямъ съ Нарышкиными былъ онъ въ числѣ недоброжелателей Румянцова, который нашелъ его въ министерствѣ. По великому тогда кредиту сего послѣдняго, стоило ему только изъяснить желаніе удалить отъ себя сего товарища, чтобъ оно было исполнено. Онъ того не сдѣлалъ, оказывалъ уваженіе и довѣренность Салтыкову и великодушіемъ старался, но не успѣвалъ обезоруживать своихъ непріятелей.

На сіи перемѣны могъ я смотрѣть равнодушно; скоро однакоже должны онѣ были коснуться и мѣста моего служенія. Лордъ Кочубей, который въ продолженіе пяти лѣтъ усиливался при дворѣ, расширялъ свое министерство, распространялъ свою власть, казался первымъ министромъ. Для соблюденія пристойности, чтобъ явно не измѣнить исповѣдуемымъ имъ политическимъ правиламъ, показывалъ онъ видъ недовольный, безмолвное порицаніе, не зная, что и безъ того уже онъ сдѣлался не угоденъ Царю. Не будучи слишкомъ богатъ, а чиновенъ, гордъ и расчетливъ, онъ хотѣлъ, не разоряясь, жить соотвѣтственно притязаніямъ своимъ на высокую знатность. Ему одному извѣстны были средства, кои употреблялъ онъ, чтобы согласовать великолѣпіе съ бережливостію. Сначала дивились, наконецъ стали приписывать колдовству быстрое и чрезвычайное приращеніе его состоянія, тогда какъ не уменьшались его расходы; долговъ онъ не дѣлалъ, помощи отъ Государя не получалъ и при заботахъ государственныхъ едва ли имѣлъ время заниматься собственными хозяйственными дѣлами. Изъ двухъ тысячъ не съ большимъ душъ выросло у него вдругъ до двадцати. Въ непріятеле-

ляхъ недостатка у него не было; надменность его, хотя умѣряемая вѣжливостію, вселяла къ нему нелюбовь, которая въ иныхъ доходила до ненависти. Отъ того пошли толки о тѣсныхъ связяхъ его съ Перещомъ, съ Штиглицомъ, Евреями-миліонерами, кои по его покровительству имѣли въ рукахъ своихъ важныя отрасли государственныхъ доходовъ. Начали замѣчать, что изъ начальниковъ губерній тѣ только пользовались особою его милостію, кои управляли богатѣйшими изъ нихъ и умѣли наживаться; имъ только безпрестанно выпрашивалъ онъ награды. Сіи толки, сіи подозрѣнія тайными каналами достигли, наконецъ, до царскаго слуха.

Передъ отъѣздомъ Государя въ армію, оберъ-прокуроръ Петръ Степановичъ Молчановъ, преданный Куракинымъ, отправленъ былъ въ Саратовъ по какому-то пустому дѣлу, но съ тайнымъ порученіемъ обстоятельно развѣдать о поступкахъ губернатора Бѣлякова. Подъ разными ничтожными предлогами проживъ тамъ все лѣто, онъ осенью воротился съ возомъ обвиненій и неоспоримыхъ доказательствъ хищности любимца Кочубеева. Бѣляковъ былъ призванъ въ Петербургъ и преданъ суду. Ударъ сей нанесенъ былъ самому министру, который горячо въ сіе дѣло вступился. Утверждаютъ, будто въ жару разговора о томъ съ Государемъ, разгнѣванный Александръ далъ ему почувствовать, что почитаетъ его прикосновеннымъ къ злоупотребленіямъ въ Саратовской губерніи; будто обиженный тѣмъ Кочубей сказалъ, что «послѣ того оставаться ему невозможно» и получилъ въ отвѣтъ, «что никто его не удерживаетъ».

Преемникъ его былъ уже на пути изъ Полтавы въ Петербургъ. Нѣкогда Безбородко, дядя Кочубея, при Павлѣ, посредствомъ Лопухиной и Лопухиныхъ, умѣлъ испровергнуть такъ-называемую партію императрицы Маріи Феодоровны, Куракиныхъ, Лобановыхъ, Неллидовой, Буксгѣвдена. Съ тѣхъ поръ между первымъ изъ сихъ семействъ и его племянникомъ продолжало существовать какое-то непріязненное соперничество. Князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, бывший два года при Павлѣ генераль-прокуроромъ, можно сказать генераль-министромъ, долженъ былъ при Александрѣ довольствоваться должностію Малороссійскаго генераль-губернатора и находится нѣкоторымъ образомъ въ зависимости своего противника. Призваніе его къ занятію мѣста Кочубея показывало уже явную немилость къ сему послѣднему, который, однакоже, имѣлъ утѣшеніе видѣть, что, при всеобщемъ расположеніи умовъ, безчисленность недовольныхъ смотрѣла на паденіе его какъ на торжество возрастающей Французской партіи, какъ ее называли, оказывала ему участіе и уваженіе и не слишкомъ спѣшила привѣтствовать восходъ Куракина. Мнѣ долженъ былъ онъ

казаться радостнымъ, ибо, по давнишнимъ связямъ отца моего съ старшимъ братомъ новаго министра, могъ онъ ожидать отъ него болѣе защиты и покровительства.

Въ Ноябрь случилась сія перемѣна. Въ послѣдней половинѣ царствованія Екатерины, можетъ быть, съ ея одобренія, всѣ молодые люди богатыхъ и знатныхъ фамилій искали только мѣсть при Дворѣ и къ занятію ихъ однихъ лишь были способны. И потому-то князь Алексѣй Куравинъ, который изъ нихъ одинъ смолода посвятилъ себя изученію законовъ и трудностямъ гражданской службы, между ними былъ лицо замѣчательное. Въ жизни его были пятна, но да позволено мнѣ будетъ умолчать о всемъ, что не клонится къ чести его.

Во время послѣдней кампаніи противъ Французовъ, Императоръ собственными глазами убѣдился во многихъ беспорядкахъ по военному управленію, кои, по мнѣнію его, были причиною послѣднихъ неудачъ нашего войска; одною артилеріей, доведенною до совершенства графомъ Аракчеевымъ, остался онъ доволенъ. Зная, сколь имя сего чело-вѣка, дотолѣ одними только отдѣльными частями управлявшаго, было уже ненавистно всѣмъ Русскимъ, но полагая, что извѣстная его энергія одна лишь въ состояніи будетъ возстановить дисциплину въ войскѣ и обуздать хищность комисаріатскихъ и провіантскихъ чиновниковъ, онъ не поколебался назначить его военнымъ министромъ. Состарѣвшемуся Вязмитинову было дѣйствительно не подъ силу занимать сію должность, когда армія умножилась сотнею тысячъ воиновъ, когда онъ не пользовался никакою довѣренностію, когда, безъ малѣйшей отвѣтственности, вся власть находилась въ рукахъ у докладчика по военной части генераль-адъютанта графа Ливена и когда, сверхъ того, подъ именемъ главнокомандующаго, взвалили на него управленіе столицей. Еще въ ребячествѣ слышалъ я, какъ съ омерзениемъ и ужасомъ говорили о людоедѣ Аракчеевѣ. Съ конца 1796 года по 1801-й былъ у насъ свой торроризмъ, и Аракчеевъ почитался нашимъ Русскимъ Маратомъ. Въ кроткое царствованіе Александра такіе люди казались невозможны; этотъ умѣлъ сдѣлаться необходимъ и всемогущъ. Сначала былъ онъ употребленъ имъ какъ исправительная мѣра для артилеріи, потомъ какъ наказаніе всей арміи и подъ конецъ, какъ мщеніе всему Русскому народу. Давно уже вся Россія говорила о семъ чело-вѣкѣ; а я не сказалъ ни одного слова; но здѣсь только нашелъ я мѣсто вкратцѣ, по своему, начертать его жизнь и характеръ, впрочемъ всѣмъ извѣстные.

Сынъ самаго бѣднаго дворянина Новгородской губерніи, онъ въ малолѣтствѣ отданъ былъ въ артилерійскій кадетскій корпусъ. Одаренный умомъ и спльною надъ собою волею, онъ съ ребячества

умѣлъ укрощать порывы врожденной своей злости: не только покорялся всегда высшимъ надъ собою, но, кажется, любилъ ихъ власть, видя въ ней источникъ, изъ коего единственно могъ онъ почерпать собственную. Не занимаясь изученіемъ иностранныхъ языковъ, пренебрегая исторіей, словесными науками, до того что плохо выучился Русской грамотѣ, чуждый совершенно чувству всего изящнаго, молодой кадетъ, любя только все разчетливое, положительное, прилѣпился къ однѣмъ наукамъ математическимъ и въ нихъ усовершенствовался. Выпущенный въ офицеры, онъ попалъ въ артилерійскую роту, которая для потѣхи дана была наслѣднику престола и находилась при немъ въ Гатчинѣ.

Лучшей школы раболѣпства и самовластия найти бы онъ не могъ; онъ возмужалъ среди людей отверженныхъ, презираемыхъ, покорныхъ, хотя завистливыхъ и недовольныхъ, среди этой малой гвардіи, которая должна была впоследствии осрамить, измучить и унижить настоящую, старую гвардію. Чувствуя все превосходство свое передъ другими Гатчинцами, Аракчеевъ не хотѣлъ имъ быть подобенъ даже и въ изъявленіяхъ холопской своей преданности.

Употребляя съ пользою данную ему отъ природы суровость, онъ давалъ ей видъ какой-то откровенности и казался бульдогомъ, который, не смѣя никогда ласкаться къ господину, всегда готовъ напасть и загрызть тѣхъ, кои бы воспротивились его волю. Такимъ образомъ приобрѣлъ онъ особую довѣренность Павла Перваго.

При вступленіи его на престолъ, былъ онъ подполковникъ, черезъ два дня послѣ того генераль-майоръ, въ Аннинской лентѣ и имѣлъ двѣ тысячи душъ. Не довольствуясь обогащеніемъ, быстрымъ возвышеніемъ его, новый Императоръ открывалъ широкое поле его извѣстной дѣятельности, создавъ для него новую должность коменданта города Петербурга (не крѣпости) и въ тоже время назначивъ его генераль-квартирмейстеромъ арміи и начальникомъ Преображенскаго полка. На просторѣ, разъяренный бульдогъ, какъ бы сорвавшись съ цѣпп, пустился рвать и терзать все ему подчиненное: офицеровъ убивалъ поносными, обидными для нихъ словами, а съ нижними чинами поступалъ совершенно по-собачьи; у одного гренадера укусилъ носъ, у другаго вырвалъ усть, а дворянчиковъ утеръ-офицеровъ изъ своихъ рукъ билъ палкою. Онъ былъ тогда еще весьма не старъ, не совсѣмъ опытенъ и въ пылу молодости спѣшилъ по своему натѣшиться. Впоследствии выучился онъ кусать и инымъ образомъ. И такія дѣянія, объ ужасѣ коихъ не смѣли ему доложить, почитались милостивцемъ его за ревностное исполненіе обязанностей. Годъ спустя, чрезмѣрное его усердіе изумило самого Царя, и въ одну изъ добрыхъ его минутъ, внимая

общему воплю, рѣшилъ онъ его отставить и сослать въ пожалованную имъ деревню.

Не болѣе года оставался онъ въ ней. Она была въ близости отъ Петербурга и какъ Государю стоило, такъ сказать, протянуть къ нему руку, то онъ и не утерпѣлъ, чтобы не призвать проученнаго имъ приверженца и не назначить инспекторомъ всей артилеріи. Мнѣ неизвѣстна причина новой немилости къ нему Царя; вѣроятно наговоры и пропуски безчисленныхъ непріятелей; только вторично долженъ былъ онъ удалиться. Вызванный въ послѣдній разъ, онъ вѣзжалъ въ заставу столицы въ ту самую минуту, когда прекращалась жизнь его благодѣтеля.

Сельское житіе его было мучительно для несчастныхъ его крестьянъ, между коими завелъ онъ дисциплину совершенно военную. Ни покоя, ни малѣйшей свободы, ни веселія, плясокъ и пѣсней не знали жители села Грузина, нѣкогда помѣстья князя Меншикова. Вездѣ видны были тамъ чистота, порядокъ и устройство, за то вездѣ одни труды, молчаніе и трепеть. И эта каторга должна была служить послѣ того образцомъ изобрѣтенныхъ имъ военныхъ поселеній. Непонятно, какъ могъ императоръ Александръ, который зналъ, что въ царствованіе отца его Аракчееву поручено было тайно присматривать за его дѣяніями, какъ могъ онъ вновь избрать его начальникомъ всей артилеріи? Не служить ли это доказательствомъ, что личностями умѣлъ онъ иногда жертвовать пользѣ службы? Войдя разъ въ частыя сношенія съ молодымъ Императоромъ, онъ, лучше чѣмъ отца его, успѣлъ его обольстить своею грубою, мнимо-откровенною покорностію; все убѣждало Александра въ его чистосердечіи, самый девизъ въ гербѣ, при пожалованіи ему Павломъ графскаго достоинства, имъ избранный, «безъ лести преданъ». Онъ умѣлъ увѣрить Царя, что кромѣ двухъ боговъ, одного на небѣ, другаго на землѣ, онъ ничего въ мірѣ не знаетъ и знать не хочетъ, имъ однимъ служить, имъ однимъ поклоняется.

Въ явномъ несогласіи съ общимъ мнѣніемъ, во многомъ къ нему несправедливымъ, Государь выборомъ графа Аракчеева въ военные министры какъ будто хотѣлъ показать, что онъ симъ мнѣніемъ не дорожить и болѣе падить его не намѣренъ.

Такой человѣкъ какъ Аракчеевъ безусловно не могъ принять министерства. Онъ потребовалъ устраненія графа Ливена отъ военныхъ дѣлъ, уничтоженія канцеляріи военно-походной, причисленія ея къ его собственной канцеляріи и распространенія его власти до того, чтобы сами главнокомандующіе арміями должны были принимать его приказанія. Обстоятельства ему благопріятствовали; на зло недовольнымъ, Государь на все изъявилъ свое согласіе.

Чтобы хотя на время дать совершенный покой старикъ Сержю Кузьмичу Вязмитинову, освободили его и отъ главнаго начальства надъ столицей, назначивъ военнымъ губернаторомъ князя Дмитрія Ивановича Лобанова-Ростовскаго. Кажется, и онъ своей строптивости обязанъ былъ симъ мѣстомъ. При Екатеринѣ храбрый полковникъ, при Павлѣ генераль-лейтенантъ, отставленный отъ службы, жилъ онъ долго въ деревнѣ, забытый всѣми. Объ немъ бы никогда не вспомнили (пбо нечѣмъ добрымъ было помянуть его), еслибы опасность, угрожающая нашимъ границамъ, не заставила вызвать на защиту отечества всѣхъ заслуженныхъ воиновъ. По его проворству поручено ему было сформировать наскоро совсѣмъ новую пѣхотную дивизію; она поспѣла весной, и онъ привелъ ее къ Нѣману въ самое то время, какъ на берегахъ рѣки сей побѣда остановлена была миромъ. Двоюродный братъ его, князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, бывший вице-канцлеръ, назначенный посломъ въ Вѣну, на пути туда, случился тутъ также проѣздомъ и предложилъ его въ число уполномоченныхъ. Тогда они втроемъ съ Будбергомъ имѣли славу подписать знаменитый Тильзитскій трактатъ, за что Лобановъ произведенъ былъ полнымъ генераломъ. Не знаю, почему именно онъ, а не другіе, этимъ огадилъ всѣмъ и, въ насмѣшку надъ кривлявою заносчивостію своею, получилъ прозвание Князя Мира. Никогда еще ничтожество не бывало самолюбивѣе и злѣе, какъ въ этомъ сокращенномъ человѣкѣ, въ этомъ сердитомъ карлѣ, у котораго на маленькой Калмыцкой харѣ рѣзко было начертано грѣхопаденіе, не знаю, матери или бабки его.

Вотъ почти всѣ новыя лица, которые явились тогда на политической сценѣ у насъ. Прежніе любимцы, мало-по-малу, одинъ за другимъ начали удаляться: Чарторыйскій уѣхалъ въ Австрію и никогда уже въ Петербургъ не возвращался*); Кочубей продалъ домъ и слѣдующею весною поѣхалъ путешествовать за границу; Новосильцовъ сдѣланъ просто сенаторомъ и, получивъ безсрочный отпускъ, поселился въ Вѣнѣ; товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, графъ Павелъ Строгановъ, во фракѣ отличавшійся съ казаками противъ Французовъ, поступилъ въ военную службу генераль-майоромъ. Одинъ только Чичаговъ сохранилъ покаместъ прежнее мѣсто.

Благодарный Сперанскій, мѣняясь съ обстоятельствами, потихоньку, непримѣтнымъ образомъ, перешелъ изъ почитателей Великобританіи въ обожатели Наполеона, изъ Англичанина сдѣлался Французомъ. Сія перемѣна въ правилахъ и въ образѣ мыслей была для него

*) Авторъ ошибается: князь Чарторыйскій былъ въ Петербургѣ напр. въ 1817 году. П. Б.

чрезвычайно полезна, ибо еще болѣе приблизила его къ Царю, при особѣ котораго единственно остался онъ статсъ-секретаремъ, получивъ увольненіе отъ должности своей въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ. Вскорѣ потомъ назначенъ онъ товарищемъ министра юстиціи и управляющимъ Коммиссіей составленія законовъ. Не въ однѣхъ двухъ должностяхъ сихъ наслѣдовалъ Сперанскій Новосильцову, но и въ безпредѣльной довѣренности, кою сей послѣдній пользовался у Александра, а слѣдующее затѣмъ пятилѣтіе есть періодъ, который по всей справедливости получилъ его названіе.

II.

Въ Октябрѣ мѣсяцѣ Государь поѣхалъ въ Витебскъ для осмотра большой арміи, которая возсоздавалась изъ своихъ развалинъ. Послѣ того нѣкоторая часть ея взяла направленіе къ Сѣверу; но, приближаясь къ Петербургу, полки, не вступая въ него, обходомъ шли далѣе. Никто не зналъ намѣреній Императора: легко сохранить тамъ тайну, гдѣ никто не ищетъ ее проникнуть, а въ это время всѣ были очень равнодушны ко всему, что не относилось прямо къ Наполеону и его дѣйствіямъ.

Одинъ изъ сихъ полковъ былъ въ совершенномъ разстройствѣ; его остановили и спрятали въ Подгорномъ Пулковѣ, чрезъ которое Царскосельская дорога тогда еще не пролегала: это былъ полкъ зятя моего, Митавскій драгунскій. Дѣлая ему смотръ, великій князь Константинъ Павловичъ сказалъ, что онъ отъ роду еще ничего хуже не видалъ; впрочемъ, сказалъ онъ сіе безъ гнѣва, ибо зналъ, что въ совершенномъ младенчествѣ, не созрѣвъ, полкъ сей ничего не дѣлалъ какъ только храбро дрался, что командуетъ имъ майоръ, что полковой командиръ еще не назначенъ, а шефъ его въ это время лежалъ безгласенъ, бездыханенъ.

Болѣзнь бѣднаго генерала Алексѣева усилилась отъ недостатка въ медицинскихъ пособіяхъ. Будучи въ Витебскѣ, Государь оказалъ ему великое участіе и для излѣченія дозволилъ ему ѣхать въ Москву. Это было въ глухую осень, и я воображаю, какія мученія долженъ былъ онъ выдержать дорогой, и едва ли менѣе того сопровождавшая его супруга; но въ Москвѣ ожидало его спасеніе.

Отъ послѣдняго разгрома въ Пруссіи множество отличнѣйшихъ людей въ разныхъ родахъ спасалось въ Россію. Между ими одинъ соединялъ въ себѣ высокое знаніе врача, долготѣтную практику съ величайшимъ искусствомъ оператора: это извѣстный Лодеръ, который находился тогда въ Москвѣ. Алексѣеву, привыкшему ходить на встрѣчу

непріятельскимъ пулямъ и картечамъ, не столь страшно было подставить себя благотворному ножу Лодера, хотя сей послѣдній и объявилъ ему, что операція фистулы можетъ быть для него опаснѣе самаго сраженія и что въ продолженіи ея можетъ испустить онъ духъ. Все это перенесъ онъ съ необычайною твердостью и послѣ того скоро началъ поправляться въ здоровьѣ своемъ.

Съ симъ добрымъ извѣстіемъ пріѣхалъ ко мнѣ въ Петербургъ вдовый братъ мой Николай. Когда онъ служилъ въ Малороссійскомъ кирасирскомъ полку и жилъ въ уѣздномъ городѣ Гадячѣ, то съ молодою женой часто посѣщалъ по близости губернской городъ Полтаву, мѣстопробываніе генераль-губернатора князя Куракина. Въ провинціи знатные не могутъ быть столь разборчивы насчетъ общества какъ въ столицѣ, и молодая женщина, хорошенькая и образованная, должна была казаться украшеніемъ гостиной княгини Куракиной, и оттого мужъ и жена скоро сдѣлались у нея короткими. Желая испытать, не будетъ ли новый министръ внутреннихъ дѣлъ къ нему столь же благосклоненъ, какъ былъ генераль-губернаторъ, братъ мой пріѣхалъ изъ Пензы чрезъ Москву и явился къ нему съ покорнѣйшимъ привѣтствіемъ отъ отца моего. Для себя братъ мой ничего не хотѣлъ: лишившись подруги, онъ жилъ единственно для дѣтей и для родныхъ; въ неутолимой его горести одна къ нимъ любовь была для него услажденіемъ. И потому-то онъ несказанно былъ утѣшенъ ласковымъ пріемомъ Куракина, который поручилъ ему написать къ нашему родителю, что, зная связи его съ его братомъ Александромъ Борисовичемъ, онъ всегда желалъ быть участникомъ въ этой дружбѣ, а меня велѣлъ себѣ представить. Со мною обошелся онъ какъ съ мальчикомъ, котораго хотятъ приласкать, и я пока и этимъ остался доволенъ.

Но брата моего удовлетворить этимъ было невозможно. Употребляя во зло снисходительность министра, онъ началъ его преслѣдовать неотступными просьбами о доставленіи мнѣ слѣдующаго, но совсѣмъ не слѣдуемаго чина. Сперанскій пересталъ уже быть моимъ начальникомъ, и сладить съ этимъ дѣломъ казалось легче. На его мѣсто поступилъ Григорій Григорьевичъ Пшеничный, изъ Малороссіянъ, нѣкогда правитель канцеляріи генераль-прокурора князя Куракина, слѣдственно начальникъ Сперанскаго. Человѣкъ этотъ былъ, видно, какъ Фигаро, какъ я, какъ бѣдная часть Русскихъ, дѣятеленъ по необходимости и лѣнивъ по природѣ. Бѣдность заставляла его трудиться въ молодости; когда же онъ поднялся въ чинахъ и нажилъ состояніе, то уже втянулся въ работу, и она обратилась ему въ привычку. Князь Куракинъ, по старому знакомству, призвавъ его опять на службу, забылъ или не зналъ, что десятилѣтній покой послѣ трудовъ отнимаетъ у человѣка

много способностей и охоты. Пшеничный показался намъ человѣкомъ тяжеловѣснымъ, сдобнымъ и мягкимъ какъ вновь испеченный пшеничный пирогъ. Въ экспедиціи засѣлъ онъ какъ бревно; но начальники отдѣленій и другіе чиновники, желая, видно, не походить на лягушекъ басни, обходились съ нимъ весьма почтительно. Все показывало, что отъ него нельзя было ожидать ни пользы, ни вреда. Рассказывали намъ, что на старости лѣтъ пристрастился онъ къ своей національной музыкѣ и проводилъ дни въ играніи на гусяхъ Малороссійскихъ пѣсень. Послѣ Сперанскаго, такой-то человѣкъ и былъ мнѣ надобенъ; ему вѣлно представить меня къ чину, а для такихъ людей воля начальника есть законъ. Представленія къ наградамъ чрезъ Комитетъ Министровъ дѣлались тогда съ величайшею тайной, и я никогда не узналъ, какіе искусно вымышленные труды могли мнѣ быть приписаны. Какъ бы то ни было, черезъ три мѣсяца послѣ представленія, произведенъ я за отличіе въ надворные совѣтники, со старшинствомъ съ 31 Декабря 1807 года. Вотъ какимъ образомъ добрый братъ мой, въ отставкѣ, въ Петербургѣ заѣзжій, руководимый единымъ горячимъ желаніемъ мнѣ добра, во второй разъ мнѣ благодѣтельствовалъ.

Онъ нѣсколько времени оставался еще въ Петербургѣ, выжидая прїѣзда выздоравливающаго зятя нашего, который, изрѣзанный, похуѣвшій, въ Январѣ мѣсяцѣ прибылъ къ столь же хворому полку своему. Константинъ Павловичъ особенно благоволилъ къ Алексѣеву; съ его высокою помощію и съ собственною врожденною дѣятельностію, въ два мѣсяца онъ успѣлъ поставить полкъ сей на ряду съ лучшими кавалерійскими.

Неожиданная вѣсть разнеслась въ Февралѣ мѣсяцѣ: новая война возгорѣлась почти у воротъ столицы; Русскія войска вступили въ Шведскую Финляндію. За чѣмъ или за что? Упрямый король Густавъ IV думалъ, что походить на Карла XII, ибо имѣлъ нѣкоторыя изъ его странностей, забывъ, что не имѣлъ совсѣмъ воинской его храбрости, забывъ его уроны и жалкій конецъ. Онъ одинъ изъ Европейскихъ монарховъ (исключая Англіи) не соглашался еще признать Наполеона императоромъ, не хотѣлъ съ нимъ мириться. Россія должна была приневолить его ко вступленію въ общій союзъ противъ острова, враждебнаго всей твердой землѣ. Роль которую игралъ тогда Александръ, конечно могла казаться незавидною: во исполненіе какъ будто не собственной, а чужой воли, онъ вооружался всею силою своею противъ слабаго сосѣда, близкаго родственника, свояка, ничѣмъ его не оскорбившаго. Наше правительство, т. е. Государь и новые его министры, смотрѣли на это иначе, какъ на начало развитія плана, съ общаго условія въ Тильзитѣ начертаннаго. Къ тому же, храбрость

Шведовъ, неограниченная власть и благородное безразсудство ихъ короля представляли единственный случай къ завоеванію Финляндіи; а опытъ показалъ, еще при Екатеринѣ, сколь Шведское сосѣдство можетъ быть опасно для Петербурга.

Въ первый разъ еще, можетъ-быть, съ тѣхъ поръ какъ Россія существуетъ, наступательная война противъ старинныхъ ея враговъ была всеѣми Русскими громко осуждаема, и успѣхи нашихъ войскъ почитаемы безславіемъ. Какъ бы то ни было, наши солдаты, подъ предводительствомъ главнокомандующаго графа Буксгёвдена, дѣлали свое дѣло, шли все впередъ, встрѣчая мало сопротивленія, находя даже помощь въ измѣнѣ многихъ недовольныхъ королямъ. Сей послѣдній изумился, не хотѣлъ сначала повѣрить такой несправедливости; но, убѣдясь въ ней, поступилъ, несчастный, какъ Азіатскій деспотъ: велѣлъ Русскаго посланника лишить свободы и тѣмъ далъ справедливый поводъ къ войнѣ, которая дотолѣ ограничивалась какъ будто одними демонстраціями.

Съ напряженными силами начала Швеція защищаться. Говорить объ этой войнѣ мнѣ еще придется; но описывать, даже начало ея, кажется, не мое дѣло. Истинно-военные люди всегда находятъ причины ко всякой войнѣ справедливыми: имъ лишь бы подраться. Вотъ почему зять мой скорбѣлъ о томъ, что разстройство, неисправность его полка осуждаютъ его на мирное пребываніе въ уѣздномъ городѣ Тихвинѣ, куда въ Мартѣ мѣсяцѣ велѣно было ему полкъ сей отвести. Онъ не зналъ, что война сія безъ него не кончится, или, лучше сказать, имъ кончится.

Мѣсяца два или три прожилъ я самымъ пріятнымъ образомъ, въ семейномъ кругу, что въ Петербургѣ случалось со мной рѣдко. Только въ Апрѣлѣ сестра моя поѣхала къ мужу, а братъ мой Николай отправился въ Воронежъ, гдѣ находились его дѣти.

На смѣну той и другому скоро пріѣхалъ старшій, тогда несчастный братъ мой Павелъ. Часто невинные страдаютъ за виновныхъ и вмѣстѣ съ ними. Трудно было Императору отличить тѣхъ отъ другихъ, когда позднее доставленіе амуниціи и съѣстныхъ припасовъ къ дѣйствующей арміи и худое ихъ качество обличали комисаріатскихъ и провіантскихъ чиновниковъ въ умысленной, злонамѣренной неисправности. Еще осенью обоимъ штатамъ объявлена опала, и служащіе въ нихъ лишены чести носить общій армейскій мундиръ. Взамѣнъ никакого имъ дано не было; впоследствии сочинили для нихъ мундиръ, весьма бѣдный, похожій на тотъ, который носятъ полковые лѣкаря, и назначили его въ награду только тѣмъ чиновникамъ, которые на дѣлѣ докажутъ свое усердіе и безкорыстіе. Сіе общее клеймо

пало и на брата моего, котораго оно убивало. Въ провіантской службѣ былъ ему лестенъ одинъ только военный мундиръ; въ продолженіе двухъ кампаній противъ Французовъ старался онъ отличиться отъ другихъ своихъ сослуживцевъ, имѣлъ право ожидать награды, ибо атестованъ и представленъ къ оной былъ отъ главнокомандующаго и корпусныхъ командировъ, и вмѣсто того подвергся общему наказанію. Съ отчетами вызванъ онъ былъ въ Петербургъ и по прибытіи немедленно представилъ ихъ военному министру. Никакого начету на него сдѣлать было не можно; но что всего ужаснѣе было для него, графъ Аракчевъ, опасаясь, чтобы малое число честныхъ людей не поспѣшило оставить службу, выпросилъ, вопреки дворянской грамоты, запрещеніе подавать въ отставку даже и тѣмъ, кои найдены будутъ совершенно исправными.

Въ это время внезапный упадокъ государственнаго кредита производилъ чрезвычайное уныніе и какъ будто оправдывалъ жалобы людей, болѣе другихъ вопіявшихъ противъ союза съ Наполеономъ. Не знаю, правда ли, что разрывъ съ Англійей и остановка морской торговли были тому причиной. Я могу только судить о дѣйствіяхъ и объ нихъ только могу здѣсь упомянуть. Асигнаціонный рубль, который въ Сентябрѣ еще стоилъ 90 копѣекъ серебромъ, къ 1 Января 1808 года упалъ на семьдесятъ пять, а весною давали за него только 50 копѣекъ серебромъ; далѣе и болѣе, черезъ три года, серебряный рубль ходилъ въ четыре рубля асигнаціями. Для помѣщиковъ, владѣльцевъ домовъ и купечества такое пониженіе курса не имѣло никакихъ вредныхъ послѣдствій, ибо цѣны на всѣ продукты по той же мѣрѣ стали возвышаться. Для капиталистовъ же и людей живущихъ однимъ жалованьемъ было оно сущимъ разореніемъ; кажется, съ этого времени начали чиновники вознаграждать себя незаконными прибытками. Людямъ, недавно купившимъ въ долгъ имѣнія на асигнаціи, пониженіе курса послужило обогащеніемъ и спасеніемъ вообще всѣмъ задолжавшимъ.

Прослыть честнымъ въ провіантскомъ штатѣ было также бѣда. Брата моего вызвали въ Петербургъ нарочно съ тѣмъ, чтобы скорѣе послать его въ Финляндскую армію. Едва недѣли двѣ или три успѣли мы пожить вмѣстѣ, какъ онъ долженъ былъ отправиться, полонъ грусти и унынія, безъ всякой надежды на повышеніе, даже безъ правъ на уваженіе, котораго военный министръ всѣхъ сихъ опальныхъ старался лишить.

Мнѣ вошло въ привычку, на свободѣ, вмѣсто дачи ѣздить каждое лѣто въ Пензу. Мой родитель, становясь старѣе, сдѣлался гораздо снисходительнѣе, если позволено мнѣ сказать, слабѣе къ дѣтямъ, и потому мнѣ нетрудно было получить его позволеніе на новую отлучку;

министерство также не затруднилось дать мнѣ отпускъ. Разставшись съ братомъ, мнѣ что-то стало грустно; къ тому же, отправляясь налегкѣ, опъ оставилъ въ полное мое распоряженіе хорошенькую дорожную коляску; я хотѣлъ ею воспользоваться и 22 Мая, помнится, выѣхалъ изъ Петербурга.

III.

Что достопримѣчательное могъ я встрѣтить отъ Петербурга до Москвы по дорогѣ, по которой проѣзжалъ я восьмой разъ въ жизни? Сама Москва, въ когорой никого не было изъ моихъ родныхъ и весьма мало знакомыхъ, представлялась мнѣ какъ покойный ночлегъ. Но Русскому какъ будго грѣшно проѣхать Москву, не остановившись въ ней по крайней мѣрѣ дня три; къ тому же, заставили меня сіе сдѣлать нѣкоторыя необходимыя починки въ коляскѣ.

Мало заботясь о томъ, что происходило въ Европѣ, всѣ заняты были тогда домашнимъ важнымъ происшествіемъ, открытіемъ новаго гулянья на Прѣсненскихъ прудахъ. Я помню, когда я жилъ въ пансіонѣ Форсевилы, по близости случалось мнѣ съ товарищами проходить по топкимъ и смраднымъ берегамъ запруженнаго ручья Прѣсни. Искусство умѣло тутъ изъ безобразія сотворить красоту. Не совсѣмъ прямая, но широкая аллея, обсаженная густыми кучами деревъ, обвилась вокругъ спокойныхъ и прозрачныхъ водъ двухъ озеровидныхъ прудовъ; подмья гати замѣнены каменными плотинами, чрезъ кои прорвались кипящіе шумные водопады; цвѣтники, бѣсѣдки украсили сіе мѣсто, которое обнеслось хорошею желѣзною рѣшеткой. Два раза въ недѣлю музыка раздавалась надъ сими прудами, старъ и малъ, богатъ и убогъ толпились вокругъ нихъ. Съ великимъ удовольствіемъ былъ я на этомъ гуляньѣ; оно и по сю пору еще существуетъ въ прежнемъ видѣ, но почти совсѣмъ оставлено посѣтителами. Москвичи, какъ и всѣ мы Русскіе, въ этомъ случаѣ похожи на ребятъ: всегда обрадуются новой игрушкѣ, потомъ скоро она имъ надоѣстъ, и безпрестанно подавай имъ новое.

Честъ и хвала [однакоже] учредителю гулянья сего. Въ прежнія времена, при Екатеринѣ и при Павлѣ камергеры, князь Тюфякинъ, князь Масальской завѣдывали мелкими, брошенными Московскими городскими и загородными дворцами, при каждомъ изъ коихъ было по смотрителю и по малочисленной прислугѣ. Императоръ Александръ, хотя послѣ коронаціи ни разу не заглядывалъ въ Москву, однакоже будучи, какъ извѣстно, великій строитель, чрезвычайно пекся объ ея украшеніи. Воспользовавшись сею склонностію, старый царедворецъ, Петръ Степановичъ Валуевъ подалъ мысль учредить родъ строитель-

ной комисіи, подъ именемъ Кремлевской Экспедиціи, съ значительнымъ штатомъ и сдѣлать его начальникомъ оной. Москва много отъ этого выиграла: онъ былъ человѣкъ со вкусомъ, къ тому же гибкій, угодительный, часто ѣздилъ въ Петербургъ и умѣлъ выпрашивать суммы на поддержаніе старыхъ зданій, на распространеніе ихъ и на возведеніе новыхъ. Рядовой и весьма небогатый дворянинъ, онъ задумалъ быть знатнымъ, и какъ ни трудно было при Екатеринѣ достигнуть сего безъ заслугъ (чего не дѣлаетъ сильное желаніе!), онъ успѣлъ въ томъ. Женившись на дѣвицѣ, которая была въ близкомъ родствѣ съ сильными вельможами, онъ умѣлъ ими овладѣть и увѣрить, что честь ихъ требуетъ возвысить новаго родственника. Всѣхъ перещеголялъ онъ въ искусствѣ ловко нагибаться передъ любимцами Императрицы и презрительно смотрѣть на толпу, отъ коей началъ отдѣляться. Онъ былъ сдѣланъ камеръ-юнкеромъ, камергеромъ, а при Павлѣ оберъ-церемоній-мейстеромъ, потомъ при немъ же все таже пѣсня: осыпанъ наградами, отставленъ и высланъ изъ Петербурга. Послѣ того въ Москвѣ, убѣжищѣ всѣхъ удалившихся отъ двора вельможъ, естественнымъ образомъ онъ сталъ въ ихъ ряду, пока не создалъ себѣ въ ней пріятнаго служенія. Оставаясь однимъ изъ ея кумировъ (въ числѣ коихъ такъ много истукановъ), онъ самъ однакоже не забывалъ часто ѣздить на идоломоленіе въ Петербургъ. Мнѣ случалось только его видѣть иногда; знавшіе же его лично сказывали мнѣ, что ничего не могло быть гибче его передъ силой и упруже передъ слабостью. Пусть оно такъ, наружная сторона Вознесенскаго монастыря, Синодальная типографія и Прѣсенскіе пруды останутся всегда славными его памятниками.

Послѣ недовольнаго Петербурга, поглядѣвъ на безпечную Москву съ удовольствіемъ, не совсѣмъ для нея лестнымъ, я отправился въ Пензу. Подъѣзжая къ Мурому, замѣтилъ я что-то неисправное въ колесѣ и взялъ осторожность поѣхать тише. Пріѣхавъ благополучно, увидѣлъ я, что если бы сотню сажень далѣе, былъ бы я съ коляской на боку: желѣзная ось совсѣмъ почти была переломлена. Братнину коляску оставилъ я на сохраненіе почтмейстеру, къ которому случайно имѣлъ письмо; безпрестанныя починки мнѣ надоѣли, и я поскакалъ на перекладныхъ, чтò мнѣ было не въ диковинку. Далѣе Саранска, когда я выѣхалъ со станціи Ермоловки, жаръ сдѣлался нестерпимый, въ Россіи, въ первыхъ числахъ Іюня можно сказать невѣроятный: земля и небо казались раскаленными. Отъ совершеннаго изнеможенія, не смотря на частые толчки, я заснулъ. Когда черезъ часъ я проснулся, мнѣ показалось, что уже сумерки и меня кто-то давитъ; совершенно же очнувшись, я увидѣлъ, что черныя тучи совсѣмъ заволокли небо и до того спустились на землю, что сдѣлались какъ бы досягаемы для

руки. Въ воздухѣ, который отъ сильнаго ихъ давленія сталъ удушливъ, царствовала грозная тишина. Она продолжалась не долго; цѣлые катарақты низвергались на грѣшную главу мою, и страшные громовые удары падали такъ близко, что казалось искали ея. Ямщикъ мой безпрестанно крестился и едва управлялъ лошадьми, которыя отъ испуга часто падали ницъ. Я потому позволяю себѣ говорить объ этой грозѣ, что подобной ей въ жизни не видывалъ. Мракъ озарялся не однимъ блескомъ молній, но и пламенемъ зажженныхъ ими окрестъ лежащихъ деревень. На самой же дорогѣ, верстѣ на десять до перваго селенія, Пелетмы, не было ни одного мѣста, гдѣ бы я могъ остановиться. Того не могъ я сдѣлать и въѣхавъ въ селеніе; ибо всѣ суетились, бѣгали, и я оглушенъ былъ крикомъ женщинъ, которыя вопили объ отцахъ или мужьяхъ, родственникахъ или сосѣдяхъ, убитыхъ грозою; на самой улицѣ видѣлъ я народъ, толпящійся вокругъ одного изъ тѣлъ. Итакъ, освѣщаемый молніями, долженъ былъ я ѣхать далѣе до станціи Кутли. Я никогда не хвалился храбростію, и потому не безъ труда повѣрять мнѣ, если скажу, что мало робѣлъ во время этого воздушнаго мятежа. Это много зависитъ отъ состоянія нервовъ; когда столь страшныя явленія не производятъ жестокаго испуга, то рождаютъ обыкновенно какой-то восторгъ. Его я болѣе чувствовалъ: блескъ, въ которомъ являлась мнѣ смерть, отнималъ бѣольшую часть ея ужаса.

Въ Кутлѣ унялись громъ и молнія; кончилась поэзія грозы, но не прекращалась прозаическая часть ея, проливной дождь, который охолодилъ воздухъ. Въ открытой телѣгѣ, пробитый имъ до костей, дрожалъ я отъ лихорадки, а продолжалъ все ѣхать далѣе. Въ Пензенской губерніи вездѣ черпоземъ; накатанная по немъ дорога въ сухое время становится тверда, какъ камень; растворенный же дождевою влагой превращается онъ въ клейкое вещество, которое липнетъ къ экипажамъ и колесамъ и отстать болѣе не можетъ; оттого-то тройка славныхъ коней съ трудомъ и медленно тащила мою легкую повозку. Наступила ночь, зги не было видно, безпрестанно встрѣчались овраги и новыя промоины, и дорога сдѣлалась совсѣмъ не забавна. Между тѣмъ грязь, насылаемая мнѣ копытами лошадей, покрывала весь плащъ мой, а на лицѣ моемъ образовала плотную маску. Проѣхавъ послѣднюю къ Пензѣ станцію Вазерки, налѣво отъ дороги увидѣлъ я огни въ господскомъ домѣ села Грабовки; измученный не могъ я долѣе выдержать, велѣлъ туда повернуть и рѣшился предстать хозяевамъ во всемъ своемъ безобразіи. Дѣйствительно они испугались и не вдругъ узнали меня. Какъ было не принять и не угостить губернаторскаго сынка? Они сажались ужинать, но подождали, чтобы дать мнѣ время умыться. Пока продол-

жается ужинъ, дайте мнѣ, читатель, поразсказать вамъ, кто таковы были владѣльцы села Грабовки, меня гостепріимно призрѣвшіе.

Давно, очень давно, прежде описываемаго мною времени, близъ Пензы жилъ счастливо одинъ добродушный и богатый помѣщикъ, Аполонъ Николѣвичъ Колокольцовъ, степенный, кроткій, всѣми уважаемый. Молодая, веселая и прекрасная жена, Елисавета Григорьевна и вокругъ нея пять цвѣтущихъ младенцевъ были радостію его жизни. какъ вдругъ злой судьбѣ захотѣлось посѣтить его жесточайшею изъ печалей. Внутри Россіи войска весьма рѣдко проходятъ черезъ города, а еще рѣже останавливаются въ нихъ; безпрестанныя войны и великое протяженіе границъ требуютъ тамъ ихъ присутствія; когда же невзначай показываются среди жителей, къ нимъ непривычныхъ, то обыкновенно горе мужьямъ и родителямъ! Послѣ Пугачевского бунта какой-то драгунскій полкъ цѣлый годъ простоялъ въ Пензѣ на безсмѣнныхъ квартирахъ; имъ начальствовалъ не старый еще полковникъ Петръ Алексѣевичъ Исленьевъ, смѣлый и предприимчивый, рослый и плечистый. Онъ умѣлъ понравился госпожѣ Колокольцовой; однакоже сія связь оставалась неизвѣстною не только довѣрчивому супругу (мужья суть обыкновенно послѣдніе, до коихъ такого рода тайны доходятъ), но и всѣмъ любопытнымъ кумушкамъ обоего пола, коими провинціальныя города всегда такъ наполнены.

Наконецъ, полкъ долженъ былъ выступить, и для любовниковъ пришла минута разлуки. Они, то-есть болѣе она была въ отчаяніи и рѣшилась, по мнѣнію моему, на дѣло преступное. Желая въ послѣдній разъ угостить мнимаго друга, котораго полкъ былъ уже на дорогѣ, несчастный Колокольцовъ пригласилъ всю Пензу на прощальный для него пиръ въ то самое село Грабовку, о которомъ говорю. Онъ едва замѣтилъ смущеніе, въ коемъ хозяйка сѣла за столъ; когда же поднялась чаша за здравіе отъѣзжающаго, она вдругъ встала и, заливаясь слезами, объявила, что не имѣетъ силъ съ нимъ разстаться и готова слѣдовать за нимъ всюду. Всѣ гости поражены были симъ театральнымъ ударомъ, вѣроятно приготовленнымъ самимъ Исленьевымъ, которому желалось цѣлый городъ сдѣлать свидѣтелемъ торжества своего и стыда почтеннаго Колокольцова. Сей послѣдній отъ изумленія онѣмѣлъ; любовь превозмогла справедливый его гнѣвъ, онъ палъ къ ногамъ виновной, прощая ея заблужденіе, именемъ дѣтей умолялъ ее не покидать ихъ и его. Она колебалась, когда Исленьевъ показалъ въ открытое окошко, какъ солдаты его выносятъ сундуки и чемоданы, въ которые наканунѣ тайкомъ уложила она свои пожитки. Колокольцовъ велѣлъ было дворнѣ своей оставить солдатъ; Исленьевъ указалъ на стоящій вблизи на коняхъ вооруженный эскадронъ, готовый по знаку его окружить домъ и сдѣлать

всякое сопротивление невозможнымъ. Кромѣ дневнаго разбоя, трудно такому поступку приискать приличное названіе. Хозяйка и гости поспѣшно оставили домъ, за часъ до того шумный и веселый; онъ опустѣлъ и наполнился единою горестію. Будемъ справедливы къ настоящему времени: согласимся, что при нынѣшнемъ правительствѣ и съ нынѣшними нравами столь безстыдная жестокость не могла бы быть терпима и не осталась бы безнаказанною.

Если не люди, то справедливое Небо почти всегда наказываетъ преступленія. Долго странствовала госпожа Колокольцова, таскаясь безпрестанно по походамъ за соблазнителемъ своимъ; она претерпѣвала всякаго рода нужды, въ городахъ чуждалась общества, но нѣкоторое время все была утѣшена продолжающеюся его привязанностію. Между тѣмъ онъ, какъ будто для приличія, женился; законную жену держалъ въ Москвѣ, а наложницу при полку или бригадѣ на полевой ногѣ. Время шло и поневолѣ все болѣе ихъ связывало; она старѣлась, онъ холодѣлъ къ ней; кончилось тѣмъ, что она надоѣла, омерзѣла ему, и сколь они оба ни желали того, ни онъ отвязаться отъ нея, ни она оставить его долго не могли. Наконецъ, рѣшился онъ эту Ариадну бросить въ нищетѣ гдѣ-то на берегу Азовскаго моря*).

Тамъ нашли ее дѣти ея, давно уже совершеннолѣтнія. Соединенными мольбами склонили они оскорбленнаго отца дать кровь у себя въ домѣ блудной женѣ, болѣе двадцати пяти лѣтъ отъ него отлучившейся. Милосердія двери отверзлись передъ ней, а прежняя любовь за нею ихъ затворила. Дѣло удивительное! Престарѣлый Колокольцовъ влюбился въ обезчещенную старуху столь же страстно, какъ нѣкогда въ нее же, свою непорочную невѣсту. Счастіе и спокойствіе, блиставшіе на первой зарѣ ея жизни, освѣтили опять и вечернюю.

Грабовка была оставлена владѣльцемъ своимъ; онъ уединился во вновь построенномъ для себя убѣжищѣ, въ другой, болѣе отдаленной отъ города деревнѣ; тамъ принялъ онъ заблудшую овцу свою. Еще нѣсколько лѣтъ до возвращенія ея, началъ онъ посѣщать Пензу и, въ намѣреніи жить открыто и пышно, построилъ въ ней самый большой, лучшій каменный трехъэтажный домъ, который послѣ отецъ мой такъ дешево купилъ въ казну для губернаторовъ. Кающаяся грѣшница въ немъ не бывала: она не могла ожидать великой снисходительности отъ Пензенской публики и потому не смѣла или не хотѣла ей показываться,

*) Мерзкіе поступки не мѣшали Пислеву быть отчасти храбрымъ и искуснымъ воиномъ. При Екатеринѣ былъ онъ уже генераль-поручикомъ, а при Павлѣ отставленъ тѣмъ же чиномъ. Его неизвѣрному мужеству приписывалъ отчасти Суворовъ удачный штурмъ Праги. Онъ тѣмъ былъ отличенъ, что получилъ прямо Владимирскую ленту 1-й степени, другой во всю жизнь не получалъ, слѣдственно и не носилъ.

заперлась съ мужемъ въ деревнѣ, а онъ для нея готовъ былъ забыть цѣлый свѣтъ. Однакоже въ первые мѣсяцы губернаторства отца моего, стариннаго ея пріятеля и по первой его женѣ, родственника, любезное, даже нѣжное письмо его къ ней, въ первый и въ послѣдній разъ, вызвало ее въ Пензу изъ добровольнаго ея заточенія. Обхожденіе съ нею добродѣтельной и сострадательной матери моей послужило примѣромъ для другихъ женщинъ. Глядя на сихъ старыхъ, нѣжныхъ супруговъ, подумалъ я: кто бы могъ вообразить, чтобы въ промежуткѣ начала и конца согласной ихъ жизни былъ ужасный, даже отвратительный романъ.

Старшему сыну Димитрію Аполоновичу, женатому на дочери многорѣченнаго Богдана Ильича Огарева, Александрѣ Богдановнѣ, отдана была Грабовка во владѣніе еще при жизни родителей. Жена нравомъ схожа была съ отцомъ, а мужъ съ матерью своею. Она имѣла всѣ тѣ свойства, кои особенно похвальны въ мужчинахъ, строгія и твердыя правила, умѣренность въ рѣчахъ, осторожность въ поступкахъ, за то сухость и холодность въ женщинѣ непріятныя. Онъ же имѣлъ нѣкоторыя изъ женскихъ слабостей, былъ нескромный, легкомысленъ, добръ сердцемъ и золъ на словахъ. Онъ имѣлъ нѣкоторую образованность, зналъ иностранныя языки, довольно успѣшно занимался хозяйственными дѣлами, выписывалъ всѣ дозволенныя газеты, отчасти любилъ политическія новости, а еще болѣе городскія и за слишкомъ поспѣшное разглашеніе ихъ ссорился иногда съ знакомыми. Отъ отца своего получилъ онъ по наслѣдству любовь и уваженіе къ моему и всегда сохранялъ ихъ. Этой связи сылъ онъ обязанъ должностію губернскаго предводителя, на которую выбрали его уѣздные дворяне, почти всѣ преданные моему отцу и почти вездѣ составляющіе большинство.

Къ этой четѣ явился я ночью въ запачканномъ видѣ. Они уговаривали меня переночевать; я не согласился, ибо всего оставалось мнѣ только 24 версты до Пензы, и, насытись, обогрѣвшись, спѣшилъ я кончить мое путешествіе. Тогда велѣли они шестерню лучшихъ лошадей съ ихъ конюшни заложить въ легкую и покойную коляску и, не смотря на грязь, на горы и овраги, я благополучно въ ней доѣхалъ, хотя впрочемъ далеко за полночь.

Я остановился въ нижнемъ этажѣ опустѣвшаго губернаторскаго дома. За нѣсколько дней до того отецъ мой переѣхалъ въ собственный, деревянный, на Дворянской улицѣ вновь выстроенный домъ, не столь большой какъ красивый: страсть его къ строеніямъ не оставляла его до конца жизни. Къ перемѣщенію его на новоселье была еще особая причина: въ Пензѣ съ любопытствомъ и нетерпѣніемъ, со страхомъ и надеждой ожидали одну важную особу, ни болѣе, ни менѣ

какъ сенатора, какъ ревизора. Кто знаетъ провинцію, тому извѣстно, сколь великимъ это почитается тамъ происшествіемъ. Отецъ мой придрался къ случаю, оказавъ ему учтивость уступкою казеннаго своего жилища и не обременивъ никого постоемъ, пожить въ домѣ, отъ котораго онъ былъ безъ памяти.

Надобно рассказать по порядку, какимъ образомъ, въ первый разъ еще во время управленія отца моего Пензенскою губерніей, велѣно было ревизовать ее. Послѣ отставки Бѣлякова никто не назначенъ былъ Саратовскимъ губернаторомъ. Временно управлялъ губернію вице-губернаторъ Алексѣй Давыдовичъ Панчулидзевъ. Это такое лицо, которое давно желалъ изобразить я; не доставало только къ тому удобнаго случая.

Кажется, нѣтъ ни одного народа ни въ Европѣ, ни въ Азіи, ко-его бы представителя, обрачки, не находились въ Русской службѣ и слѣдственно, наконецъ, не дѣлались Русскими дворянами, отчего сіе сословіе у насъ такъ отличается отъ другихъ, чисто-Русскихъ, и становится помѣсью всѣхъ породъ. Нѣкто Давыдъ Панчулидзе, выходецъ изъ Грузіи, вѣроятно въ числѣ слугъ Грузинскихъ царевичей по временамъ въ Россіи поселяющихся, получилъ какой-то небольшой чинъ, а сыновей успѣлъ опредѣлить въ казенныя учебныя заведенія, въ кадетскіе корпуса, и они всѣ вышли въ люди. Грузинцы вообще не славятся великимъ умомъ, но на что онъ годится? И для успѣховъ не во сто ли разъ полезнѣе хитрость, свойственная всѣмъ жителямъ порабощенной Азіи? Старшій сынъ Давыда, Алексѣй Панчулидзе съ 14-го класса служилъ въ Казенной Палатѣ и, не покидая ея, дослужился до чина статскаго совѣтника и должности вице-губернатора. Можно себѣ представить, какую великую опытность приобрѣлъ онъ въ финансовыхъ дѣлахъ столь богатой губерніи. Два раза былъ онъ вдовцомъ и женился въ третій разъ; но приданое всѣхъ трехъ супруговъ далеко не было достоточно, чтобы поддержать то великолѣпіе, коимъ изумлялъ онъ въ Саратовѣ. Не одинъ принадлежащій ему огромный и помѣстительный домъ, а два или три соединенные между собою галереями, и при нихъ множество службъ, обширный дворъ и безконечный садъ, почти внѣ города, занимали болѣе пространства, чѣмъ увеселительныя замки многихъ изъ Нѣмецкихъ владѣтельныхъ князей. Этотъ очарованный замокъ служилъ гостинницей и ловушкой для всѣхъ пріѣзжихъ изъ обѣихъ столицъ и другихъ провинцій; во время пребыванія ихъ въ Саратовѣ, каждый изъ нихъ пользовался въ немъ помѣщеніемъ, освѣщеніемъ, отопленіемъ, столомъ и прислугой. Этого мало: бібліотека, каждый годъ умножаемая вновь издаваемыми книгами на Русскомъ и иностранныхъ языкахъ, въ которую самъ хозяинъ никогда не заглядывалъ, была къ услугамъ малаго

числа читающихъ его посѣтителей; оркестръ, при коемъ находились два-три Нѣмца капельмейстера, долженъ былъ при изъявленіи малѣйшаго желанія тѣшить столь же малое число любителей музыки; конюшня его, наполненная славными рысаками, и псовая охота были въ распоряженіи его гостей болѣе, чѣмъ въ его собственномъ. Возможно ли было устоять противъ обольщеній столь милаго хозяина, въ мѣстѣ, исключая дома его, лишенномъ всякихъ забавъ? Все это было для иногородныхъ; для служащихъ же въ Саратовской губерніи былъ онъ еще болѣе дѣрогъ и полезенъ: карманъ его сдѣлался каналомъ, чрезъ который протекая, Пактоль *) дѣлился на мелкіе ручьи и разливался по тощимъ ихъ нивамъ. Безкорыстнымъ губернаторамъ (кажется, былъ одинъ таковой, Нефедьевъ) умѣлъ онъ угождать всѣмъ, чѣмъ, исключая денегъ, угождать только было можно; съ другими ладилъ онъ посредствомъ дѣлежа. Всѣ оставались довольны, всѣ восхваляли всещедраго, чудеснаго вице губернатора; всѣ знали, къ сотворенію такихъ чудесъ какія употреблялъ онъ средства, и всѣ согласно молчали о томъ. Но вы не знаете о томъ, читатель; объясните ли вамъ сію тайну? Не говоря о множествѣ другихъ богатыхъ источниковъ, между которыми откупная часть, продажа горячаго вина, можетъ почитаться не послѣднимъ, въ Саратовской губерніи находится одинъ неисчерпаемый кладезь, Елтонское соляное озеро: теперь вы понимаете, я надѣюсь. Скажите, что такое казна? Общественный капиталъ. Послѣ того можно ли почитать похищеніемъ ея все то, что употреблено для пользы общества? Такими разсужденіями многіе, вѣроятно, извиняли г. Панчулидзева, всѣ тѣ, въ коихъ оставалось сколько-нибудь совѣсти.

Онъ самъ своею особой былъ вовсе не любезенъ; малъ ростомъ, блѣденъ, долгоносъ, угрюмъ и молчаливъ; яблонное дерево совсѣмъ не красиво, а любятъ его, ибо плоды его вкусны и сочны. Единственною или, по крайней мѣрѣ, главною его страстію было разчетливое тщеславіе. Никогда, ничего и никого не позволялъ онъ себѣ осуждать; напротивъ, ко всѣмъ порокамъ былъ болѣе чѣмъ снисходителенъ, смотрѣлъ на нихъ одобрительно, всѣхъ запятнанныхъ людей утѣшалъ своимъ участіемъ. Это уже много. Онъ дѣлалъ еще болѣе: не возставалъ даже противъ честности, никогда не преслѣдовалъ ея, почитая ее весьма извинительнымъ заблужденіемъ ума и, разсчитывая, что сколь ни постоянно она гонима въ Россіи, однакоже по временамъ честные люди поднимаются въ ней и дѣлаются сильны.

Пока онъ послѣ Бѣлякова временно управлялъ губерніей, показалась въ ней какая-то повальная болѣзнь. Дѣйствительно ли онъ испугался

*) Рѣка въ Лидіи, съ золотымъ пескомъ. П. Б.

или хотѣлъ придать болѣе важности своему донесенію, но онъ представилъ министру, что у него открылась чума. Въ такихъ случаяхъ, туда гдѣ нѣтъ генераль-губернаторовъ, для скорѣйшаго прекращенія зла, посылаются обыкновенно сенаторы съ особеннымъ полномочіемъ; выборъ же предоставляется министру внутреннихъ дѣлъ. Князь Куракинъ предложилъ Государю Козодавлева, преданнаго ему и имъ взысканнаго человѣка, во время его генераль-прокурорства бывшаго оберъ-прокуроромъ Сената, а потомъ герольдмейстеромъ. Въ концѣ Февраля отправился онъ со свитою чиновниковъ въ Саратовъ.

Такого ли человѣка, какъ Панчулидзевъ, сталъ бы такой человѣкъ, каковъ былъ Козодавлевъ, уличать во лжи или обвинять въ ошибкѣ, которая ввела правительство въ чрезвычайныя, совсѣмъ излишнія издержки? Къ тому же, прилично ли было сенатору прокатиться даромъ и, надѣлавъ шуму, подобно синицѣ, не зажечь моря? Всѣ мѣры приняты, разставлены карантинныя, оцѣплены деревни, а отъ страшной заразы умерло всего девять человѣкъ. Не трудно было къ сему числу прибавить нуль, и сколь ни мало оно еще было, увѣрить въ донесеніи, что если тысячи не погибли, то отчасти государство должно за то благодарить бдительность неутомимаго вице-губернатора. Мѣсяца два съ половиною прошли прежде чѣмъ сдѣлано было это донесеніе, и тогда только когда зародыши, самые слѣды жестокой язвы были совершенно истреблены. Такъ безстыдно обмануть Царя тонкаго, недовѣрчиваго, осторожнаго! И никто не взялъ труда объяснить ему смыслъ этой басни. Право, вмѣсто того чтобы гордиться пространствомъ Россіи, приходится иногда жалѣть о томъ, что разстояніе такъ часто мѣшаетъ истинѣ доходить до трона. Козодавлеву дали Александровскую ленту; всѣ сопровождавшіе его и съ хорошей стороны имъ замѣченныя губернскіе чиновники получили награды. Мнимая чума совсѣмъ кончилась, а началось настоящее, продолжительное, нравственное опустошеніе Саратовской губерніи: Панчулидзевъ назначенъ губернаторомъ.

Сколь званіе сіе ни лестно было для его самолюбія, онъ безусловно принять его не могъ. Сдѣлать его губернаторомъ, лишивъ его Елтонскаго озера, значило тоже, что, подобно Антею, возвысить его, отдѣливъ отъ земли. Что такое былъ бы онъ безъ солянаго озера? Самсонъ безъ волосъ. Въ удовольствіе его, управленіе соляною частию перенесено и причислено къ должности гражданскаго губернатора.

Чтобы продлить на все лѣто пріятное внѣ столицы сенаторское пребываніе Козодавлева, министръ внутреннихъ дѣлъ придумалъ попросить ему приказаніе проѣздомъ обозрѣть Пензенскую губернію, рассмотреть нѣкоторыя оставшіяся безъ отвѣта прежнія жалобы жителей и производящееся дѣло по подложной просьбѣ въ отставку отца моего.

Тутъ былъ еще противъ него тайный умыселъ князя Куракина, какъ послѣ сіе открылось; въ секретномъ письмѣ просилъ онъ, Козодавлева именемъ старой дружбы, расхвалить все, даже то что не найдеть онъ слишкомъ исправнымъ. Не мнѣ осуждать его за то.

Объ этомъ отецъ мой, разумѣется, ничего не зналъ и, слыша, какъ Панчулидзевъ превосходилъ самого себя, какъ разнообразно потѣшалъ онъ пребывающаго въ Саратовѣ сенатора, не имѣя ни средствъ, ни намѣренія въ чемъ-нибудь равняться съ нимъ, нѣсколько затруднялся въ томъ, какимъ образомъ ему принять избалованнаго угощеніями Козодавлева. При мнѣ болѣе недѣли со дня на день его ожидали; наконецъ, пріѣхалъ онъ съ семействомъ своимъ и довольно большею свитой. Въ уступкѣ для его жительства казеннаго дома видѣлъ онъ знакъ отмѣннаго къ нему уваженія и хотѣлъ отвѣчать на то вѣжливостію; потому отказался, опасаясь, какъ говорилъ онъ, подвергнуть губернатора и кратковременному стѣсненію. Родитель же мой, какъ отцы къ младшимъ дѣтямъ, какъ авторы къ послѣднимъ своимъ сочиненіямъ, такъ прилѣпился къ новому архитектурному творенію своему, что уже все лѣто не хотѣлъ съ нимъ разстаться, и я одинъ остался на раздольѣ въ губернаторскомъ домѣ. Отказъ занять его наши Пензенскіе недоброжелатели сочли немилостію сенаторскою, тѣмъ болѣе, что, по приглашенію одного помѣщика, который безъ ссоры чуждался нашего семейства, остановился онъ въ его домѣ. О семъ помѣщикѣ не сказала я еще ни слова, и развѣ здѣсь придется о немъ поговорить.

Осипъ Петровичъ и Анна Петровна Козодавлевы родились въ одномъ году и въ одномъ городѣ; потомъ встрѣтились, влюбились, женились и, наконецъ, въ одномъ и томъ же году оба умерли. Сама природа приготовила ихъ другъ для друга, и судьба споспѣшествовала ихъ соединенію. Столь согласныхъ и нѣжныхъ супруговъ встрѣтить можно было не часто; ученію Апостола касательно браковъ «да будутъ двѣ плоти во едино» слѣдовали они съ точностію. Дѣйствительно они были какъ бы одно тѣло, изъ коего на долю одному достались кожа да кости, а другой мясо и жиръ. Каждый отдѣльно являлся болѣе или менѣе дробью; только въ приложеніи другъ къ другу составляли они цѣлое. Оттого во всю жизнь ни на одни сутки они не разлучались; къ счастью, Осипъ Петровичъ не былъ воинъ, не то Анна Петровна сражалась бы рядомъ съ нимъ. Оба замѣчательны были одинаковымъ безобразіемъ, и что еще удивительнѣе, въ обоихъ оно было не безъ пріятности. Имъ было тогда за пятьдесятъ лѣтъ; слѣдственно въ молодости это безобразіе могло быть и привлекательно, и тѣмъ объясняется взаимная ихъ страсть.

Одного семейнаго счастья не доставало имъ: у нихъ не было дѣтей. Имъ замѣнила ихъ любимая воспитанница. У Анны Петровны была

сестра, княгиня Елисавета Петровна Хилкова *), обѣ урожденныя княжны Голлицыны; сей послѣдней Богъ не далъ ума, коимъ наградила старшую, за то благословилъ чрево ея. Одну изъ ея дочерей, въ честь теткы названную Анною, крестила Козодавлева и груднымъ младенцемъ взяла къ себѣ съ кормилицей. Родную дочь нельзя было болѣе любить, и дѣвочка, называя ихъ отцомъ и матерью, платила имъ величайшею нѣжностію, за то непростительнымъ образомъ чуждалась, даже глушалась тѣхъ, коимъ обязана была жизнью. Съ перваго взгляда была она очень хороша собою, стройна какъ пальма, румяна какъ роза, бѣла какъ мраморъ. Пріятности, однакоже, черты лица ея не имѣли, и цвѣтъ волосъ у нея былъ самый странный: видно было, что время изъ рыжихъ сдѣлало ихъ темнорусыми, пбо изъ темноты ихъ все выскакивали яркія искры; они обрусѣли какъ бы рѣчь чужестранца, который бы правильно говорилъ по-русски, но съ иноземнымъ выговоромъ. Воспитана она была хорошо и въ семнадцать лѣтъ совсѣмъ не застѣнчива, съ невинною веселостію не подозрѣвала могущества красоты и никому не имѣла желанія нравиться. Гораздо послѣ, весьма уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ и будучи замужемъ за однимъ княземъ Щербатовымъ, какъ мнѣ сказывали, расчетливость произвела въ ней сіе желаніе. Но въ то время, никогда не выдавъ Петербургскихъ баловъ, на кои ея не вывозили еще, плясать на Саратовскихъ и Пензенскихъ казалось ей верхомъ блаженства.

При отправленіи Козодавлева, нѣсколько чиновниковъ дано было въ его распоряженіе, и на возвратномъ пути его трое изъ нихъ находились при немъ въ Пензѣ. Флоръ Осиповичъ Доливо-Добровольскій, человекъ самый дѣятельный и проворный, былъ полицеймейстеромъ въ Могилевѣ, когда, при обзорѣнн сей губерніи, Козодавлевъ узналъ, оцѣнилъ и понялъ его. Онъ его вытребовалъ въ видѣ старшаго адъютанта, когда ополчился противъ Саратовской чумы. Родъ Добровольскихъ и Кршижановскихъ въ Польшѣ и Западныхъ губерніяхъ и Евренновыхъ въ Россіи весьма многочисленъ; ихъ названія ознаменованы крестомъ (кршижъ по-польски) и будутъ гласить позднѣйшему ихъ потомству о доброй волѣ, съ какою Израильскіе предки ихъ приняли христіанскую вѣру. Судя по красивымъ, но совершенно Іудейскимъ чертамъ лица Флора Осиповича, можно было полагать, что святое мѣропомазаніе, изъ семейства его, надъ нимъ первымъ совершено было. По происхожденію его и по должности, которую онъ занималъ, состояніе его

*) Въ Москвѣ я слышалъ, что эта женщина была гениально глупа. Ее кто-то увѣрилъ, что преставленіе свѣта будетъ въ тотъ годъ, когда Свѣтлое Воскресеніе придется въ Великій Четвергъ, и при началѣ каждаго года она съ треномъ о томъ справлялась.

могло быть и родовое, и благопріобрѣтенное; денегъ было у него много, онъ не скупъ былъ на нихъ, но умѣлъ дѣлать изъ нихъ полезное для себя употребленіе. Въ искусствѣ угождать начальству (не одною ревностною службой), въ то время довольно обыкновенномъ, былъ онъ не послѣдній. Особенно имѣлъ онъ даръ дарить нужныхъ ему людей и дамъ, усердно и ловко подъ именемъ бездѣлицъ предлагая имъ мелкія драгоценныя вещи, которыя подъ именемъ же бездѣлицъ безъ затрудненія могли быть приняты. Отъ сихъ бездѣлицъ, удачно посѣянныхъ, собиралъ онъ въ послѣдствіи весьма полезные плоды. Дѣятельность не покинула его и въ старости: служба въ почтовомъ вѣдомствѣ, въ сѣдинахъ и въ лентахъ, и понынѣ скачетъ онъ по станціямъ, для осмотра будто бы состоянія почтъ въ Россіи.

Другой сенаторскій адъютантъ или секретарь былъ Андрей Петровичъ Римской-Корсаковъ, молодой человѣкъ небольшого роста, и я готовъ прибавить, и ума, въ которомъ корыстолюбіе только что развивалось, а самолюбіе было въ полномъ развитіи. Отецъ его, Петръ Воиновичъ, по деревнѣ, былъ сосѣдомъ графа Аракчеева, который, какъ извѣстно, въ собесѣдникахъ своихъ не искалъ ни высокаго просвѣщенія, ни любезностей общежитія. Онъ коротко сошелся съ старымъ Корсаковымъ, потому что тотъ былъ великій весельчакъ, ѣдунъ и любодѣй, и выпросилъ у Государя фамиліное имя его и права законныхъ дѣтей пяти сыновьямъ его внѣ брака рожденнымъ; въ числѣ ихъ былъ и тотъ, о коемъ говорю. Козодавлевъ, какъ человѣкъ придворный, любилъ въ немъ сына Аракчеевскаго друга, любилъ трудолюбіе его и политическое воспитаніе, которое надѣялся ему дать *).

Если третьему чиновнику Козодавлевъ оказывалъ менѣе вѣжливости и вниманія, за то любилъ его паче другихъ. Сего весьма зрѣлаго юношу звали Иванъ Никитичъ Бѣлокловъ. Слыхали ли вы когда-нибудь такое названіе? Ужъ вѣрно нѣтъ и никогда болѣе не услышите: безъ рода и безъ племени, онъ умеръ безъ жены и безъ потомства. Вышедъ изъ тьмы неизвѣстности, сей малый метеоръ посіялъ малое время заимствованнымъ отъ Козодавлева тусклымъ блескомъ и опять послѣ него погрузился во мракъ. Онъ былъ довольно добрый малый, но неспособный ни на какую должность, кромѣ той, которая составляетъ середину между приватнымъ секретаремъ и камердинеромъ. Если кто вспомнить, что говорилъ я о безплодіи друга моего Тургенева, тотъ конечно удивится, когда узнаетъ, что я почитаю его родоначальникомъ особаго рода людей въ Русской службѣ, которыхъ я на-

*) Изъ послѣдней должности, которую занималъ этотъ Римской-Корсаковъ, Волынскаго гражданскаго губернатора, былъ онъ навсегда выгнанъ.

зову чиновниками-хлопотунами. До него въ колегіяхъ и канцеляріяхъ находились просто люди занятые или праздные, трудящіеся или числящіеся; онъ вымыслилъ нѣчто новое, подобно симъ искуснымъ женщинамъ, которыя, при наслажденіи порокомъ, умѣютъ пользоваться всѣми почестями добродѣтели. Послѣдователи въ изобрѣтенномъ имъ искусствѣ далеко его опередили. Нынѣ каждый министръ имѣетъ при себѣ по чиновнику-хлопотуну, рѣдко болѣе одного. Они находятся при немъ неотлучно, безсмѣнно дневальными, всегда подъ рукой; они чинятъ ему перья, ничего не пишутъ, кромѣ пригласительныхъ его записокъ, рассылаютъ ихъ, исполняютъ его комисіи по дѣламъ службы, равно какъ и по домашнимъ его дѣламъ. Они ходятъ къ нему прямо въ кабинетъ, въ спальню, даже далѣе; имъ однимъ является онъ въ халатѣ, иногда въ рубашкѣ; при нихъ брѣтается, умывается. Тѣ, которые пользуются уже неограниченною его довѣренностію, проникаютъ въ слѣдъ за нимъ въ уединеннѣйшее мѣсто его жительства; тамъ, вдали отъ взоровъ другихъ докладчиковъ и толпы просителей, одни они присутствуютъ при семъ тайномъ возсѣданіи и даже тутъ представляютъ ему нѣкоторыя черновыя бумаги. Они гроза курьеровъ, предметъ любезностей директоровъ, глубочайшаго почтенія начальниковъ отдѣленій. При испрошеніи или раздачѣ награды, разумѣется, самые лакомые куски имъ достаются. Общая страсть ихъ *покровительствовать*: уставая отъ безпрестанно-согбеннаго и сжатаго положенія, они любятъ расправляться передъ тѣми, кто въ нихъ ищетъ. Но кругъ министерства, въ коемъ служатъ, для нихъ слишкомъ тѣсенъ: они выпрашиваютъ у своего министра рекомендательныя письма къ другимъ; о мѣстахъ, о чинахъ, о денежномъ пособіи хлопочутъ у директоровъ департаментовъ; по тяжебнымъ дѣламъ, за деньги или даромъ, ходатайствуютъ у сенаторовъ, у оберъ-прокуроровъ; за каждое оказанное имъ свисхожденіе требуется и отъ нихъ какая-нибудь послуга, и они становятся настоящими мѣнялами. Этой вѣчной суетѣ посвящаютъ они все свободное время, которое оставляютъ имъ занятія по прямой, или, лучше сказать, по косвенной ихъ обязанности, и это даетъ имъ, болѣе чѣмъ кому, видъ озабоченныхъ людей въ столицѣ. Послѣ всего сказаннаго нужно ли болѣе объяснять, какой родъ должности при Козодавлевъ исправлялъ Вѣлоклоковъ, одинъ изъ первыхъ порожденій Тургенева *)?

Еще одинъ Пензенскій помѣщикъ самъ приписалъ себя къ свитѣ Козодавлева. Я объ немъ не говорилъ: дворянство сей губерніи такъ многочисленно, что нѣтъ возможности назвать всѣхъ членовъ его

*) Въ новѣйшее время, въ семъ родѣ болѣе всѣхъ были замѣчательны два человека: Николай Феодоровичъ Рѣмеръ и Гаврило Степановичъ Поповъ.

вдругъ, а только постепенно, при удобномъ случаѣ, выводить ихъ на сцену. Николай Порфирьевичъ Дубенскій былъ сынъ Порфирія и племянникъ Ксенофонта Гавриловичей, которые оба, если вѣрить преданіямъ, при умѣ и нѣкоторыхъ свѣдѣніяхъ, имѣли удивительную, непонятную охоту откармливать свиней. Изъ этого заключить можно, что ни который изъ нихъ не могъ служить Фонъ-Визину образцомъ въ изображеніи характера Скоттиина. Однакоже время охоту сію превратило въ страсть, когда поля ихъ покрылись цѣлыми стадами сихъ животныхъ, и они ростомъ и дородствомъ стали равняться съ кабанями. Если пристально станешь разсматривать лица, то на физиономіи дѣтей почти всегда найдешь отпечатокъ склонностей, которыя имѣли ихъ родители. Желтовато-смуглое лицо молодого Дубенскаго всегда имѣло цвѣтъ и подобіе слегка копченаго окорока; изъ поръ его, даже безъ большаго жара, вмѣсто обыкновенной потной влаги, все проступали какъ бы частицы растопленнаго сала; сурово-потушенный взглядъ давалъ ему тоже нѣкоторое сходство съ любимцами его отца; но на этомъ оно и останавливалось. Кажется, онъ имѣлъ расположеніе къ толщинѣ, если бы желчь, которою онъ былъ преисполненъ, не поглощала бы и не истребляла въ немъ зародышей жира до того, что съ лѣтами кожа лица его потеряла свою первоначальную влажность.

Виновать, я находилъ большое удовольствіе въ его обществѣ: въ Пензѣ никто не могъ равняться съ нимъ умомъ и знаніемъ; въ другихъ мѣстахъ встрѣчалъ я много людей умнѣе его, но злѣе и завистливѣе никого не встрѣчалъ. Онъ готовъ былъ вредить всякому успѣху самаго добраго знакомаго (друзей у него не бывало): полученіе кѣмъ-либо меньшаго чина, маловажный выигрышъ въ карты, любовь къ кому-нибудь даже противной ему женщины, все производило его досаду и весьма острыя, язвительныя насмѣшки. Умомъ побѣждалъ онъ однакоже иногда злость: онъ не любилъ отца моего, но гнушался подлыми его противниками и не хотѣлъ мѣшаться въ ихъ интриги. Жена его Елисавета Петровна, урожденная Гартунгъ, воспитанная въ Смольномъ монастырѣ, была въ Петербургѣ какъ-то знакома съ семействомъ Козодавлева; онъ же самъ, выпущенный при Екатеринѣ капитаномъ, не съ большимъ въ тридцать лѣтъ былъ оставленнымъ полковникомъ, не видавъ никогда непріятельскаго огня. Потому и желалъ онъ сразиться по крайней мѣрѣ съ опасностями морской язвы, чрезъ покровительство жены вызванъ сенаторомъ къ нему въ помощь и за великіе подвиги въ дѣлѣ семъ произведенъ въ статскіе совѣтники. У него въ домѣ остановился Козодавлевъ. Всѣмъ извѣстно, какимъ блестящимъ образомъ служилъ онъ потѣмъ и какъ внезапно и постыдно упалъ онъ съ высоты, до коей достигъ.

Въ сношеніяхъ своихъ съ отцомъ моимъ, г-нъ Козодавлевъ не подавалъ повода къ малѣйшему неудовольствію; напротивъ, какъ будто нехотя бралъ первенство передъ нимъ, и часто упоминалъ о томъ, что въ чинѣ его моложе. Что касается до части угостительной, то онъ вывелъ его изъ затрудненія угадывать что можетъ ему быть пріятнѣе, и самъ указалъ на средство удовлетворить его желанія. Онъ просилъ губернатора о приказаніи ежедневно доставлять въ его домъ нужные для него съѣстные припасы и вести тому вѣрный счетъ, по которому при отъѣздѣ не оставитъ онъ сдѣлать уплату. Такъ какъ въ Пензѣ трудно было достать хорошаго вина, которымъ былъ наполненъ погребъ отца моего, то онъ его же просилъ снабжать своимъ, обѣщаясь по возвращеніи въ Петербургъ въ замѣну прислать ему цѣлый транспортъ. Болѣе ничего онъ не требовалъ, а то ли дѣло было въ Саратовѣ! Однакоже и этого было довольно и было бы даже слишкомъ много, еслибъ пребываніе его въ Пензѣ продолжилось. Онъ былъ человекъ умный, добрый и просвѣщенный, съ весьма хорошимъ состояніемъ, и такое отсутствіе деликатности, конечно, было ни что иное какъ остатокъ дурныхъ обычаевъ прежнихъ временъ.

Приблизилось время Петровской ярмарки, и обыкновенный съездъ на нее чрезвычайно умножился прибытіемъ Саратовскихъ жителей и помѣщиковъ, пріѣхавшихъ на поклоненіе сенатору-благодѣтелю. Дворянство, купечество начали въ честь его давать праздники, на коихъ царицею была любимая дочь-племянница, княжна Анна Михайловна. Сдѣлавшись почти домашнимъ у Козодавлевыхъ, я замѣтилъ, что они того же ожидаютъ отъ отца моего, и такъ уже обремененнаго чрезвычайными расходами. Я началъ его уговаривать; дѣлать было нечего, и онъ рѣшился дать пиръ въ селѣ своемъ Спмбухинѣ, который въ провинціи могъ почитаться великолѣпнымъ. Онъ думалъ, что тѣмъ и кончится; нимало: Козодавлевымъ полюбілось пировать на чужой счетъ, и они уже безъ зазрѣнія совѣсти стали сами напрашиваться. Въ Іюль мѣсяцѣ, не смотря на жары, должно было дать еще два бала: одинъ въ собственномъ домѣ, въ которомъ жилъ отецъ мой, а другой въ пустомъ губернаторскомъ, 22-го числа, въ день именинъ вдовствующей Императрицы. Все это, говорили, было ничто въ сравненіи съ Саратовомъ, гдѣ однакоже пиршества только сопровождали другія, гораздо важнѣйшія, пожертвованія. Великая разница въ положеніи двухъ губернаторовъ: одинъ только что вступилъ въ должность и имѣлъ тысячу средствъ къ вознагражденію себя за убытки, другой ни прежде, ни послѣ не имѣлъ ни одного и думалъ уже объ оставленіи службы.

Давно уже окончены были ничтожныя дѣла, порученныя въ Пензѣ разсмотрѣнію Козодавлева; а онъ все медлилъ отъѣздомъ, котораго

мы ожидали съ нетерпѣніемъ, не смотря на ласки, на любезности намъ расточаемыя какъ имъ самимъ, такъ и окружающими его. Ко всему этому присоединилось еще одно обстоятельство довольно непріятное и затруднительное. Бѣлоклоковъ, который игралъ столь важную и столь низкую роль при сенаторѣ, затѣялъ влюбиться въ меньшую сестру мою Александру. Нравиться ей онъ не могъ: онъ не былъ даже душень, а имѣлъ одну изъ тѣхъ пошлыхъ физіономій, которыхъ никогда не замѣчаешь, которыя видишь двадцать разъ, каждый разъ полагая, что это въ первый; но благодарность ли, или женское самолюбіе—онъ казался ей менѣе отвратителенъ, чѣмъ другимъ. Козодавлевъ ни мало не затруднился съ предложеніями обратиться къ отцу моему. Это была его любимая дочь. Онъ жестоко обидѣлся, но, стараясь не показывать того, только что нахмурился и отослалъ къ матери моей, говоря, что онъ въ эти дѣла не мѣшается. Она же, будучи предупреждена, отвѣчала, что ни за что не согласится прежде восемнадцати лѣтъ выдать замужъ дочь, которая едва только вступила въ семнадцатый годъ. Кажется, можно было это принять за учтивый отказъ; но Козодавлевы упрямылись видѣть въ томъ отстрочку, и внезапную холодность, которую показывала сестра моя, когда узнала, что дѣло становится серьезнымъ, почитать застѣнчивостію, стыдливостію провинціальной дѣвочки.

Наконецъ, въ Августѣ мѣсяцѣ, который у насъ считается первымъ осеннимъ, начались ихъ сборы къ отъѣзду. На дорогѣ былъ Саранскъ и его Успенская ярмарка; нѣжность Козодавлевыхъ къ моимъ родителямъ до того увеличилась, что, желая какъ можно позже съ ними разстаться, они начали уговаривать ихъ съ ними туда доѣхать. Больно было отцу моему провожать сенатора, тащиться за нимъ; но трудно отказывать людямъ, которые умоляютъ и въ которыхъ имѣешь нужду. Итакъ, послѣ завтрака у насъ, всѣ вмѣстѣ отправились мы въ путь. На половинѣ дороги, своротивъ немного влѣво, пригостовленъ намъ былъ ночлеги у одного помѣщика, весьма замѣчательнаго человѣка, по его предварительному приглашенію.

Благодатный родъ чудаковъ, которыми и Москва, и провинція въ старину такъ были обильны, нынѣ совсѣмъ почти исчезъ. На перепутьи, у одного изъ сихъ послѣднихъ Могикановъ, не могу отказать себѣ въ удовольствіи остановиться передъ его памятию. Иванъ Ѳедоровичъ Кошкарровъ былъ счастливымъ смертнымъ: онъ былъ всегда веселъ, здоровъ, жилъ почти всегда въ деревнѣ, имѣлъ тысячу душъ. На туловищѣ его, имѣвшемъ видъ четверугольнаго обруба или терма, торчала голова, какъ бы изсѣченная изъ темносѣраго мрамора съ бѣлыми крапинами, то-есть лицо его было смуглое и рябоватое. Пріятную, забавную свою уродливость соединилъ онъ съ чудеснѣйшею кра-

сотою одной Ольги Васильевны. Въ первые годы супружества оставалась она ему вѣрною, и отъ того, къ сожалѣнію, всѣ дѣти наружностію въ него удались. До конца дней своихъ былъ онъ влюбленъ въ свою Оленьку и могъ любоваться собою, глядясь въ восемь пли девять зеркальцевъ, отражавшихъ его самодовольную харю. Нѣчто однакоже любилъ онъ едва ли не болѣе жены: музыкальное чувство было въ немъ врожденное, онъ имѣлъ вѣрный слухъ и самоучкою изрядно игралъ на скрипкѣ; ко всѣмъ странностямъ стариннаго покроя помѣщика прибавлялъ онъ всѣ проказы бѣшенаго меломана. Изрѣдка посѣщалъ онъ Петербургъ и имѣлъ причины всегда тамъ быть доволенъ сдѣланнымъ ему приемомъ: во многіе знатные дома на расхватъ его приглашали. Онъ никакъ не разбиралъ ни лѣтъ, ни званія, со всѣми обходился равно фамплярно и, чрезвычайно смѣшно изъясняясь по-французски, всѣхъ называлъ *mon cher*. Какъ кладу обрадовался ему Шаховской, снялъ съ него скорѣе слѣпокъ и по немъ удачно успѣлъ изваять двѣ оригинальныя фигуры Пентюхина и Транжирина въ своихъ комедіяхъ. Мнѣ случилось сидѣть подлѣ этого Кошкарова, во время концерта знаменитаго скрипача Роде; ничего не могло быть забавнѣе, какъ видѣть огромное его пузо, трепещущее отъ восторга и слышать тихо, чуть внятно произнесенныя слова: «Батюшка, Родюшка, голубчикъ, другъ мой!» Нужно ли говорить, что у такого человѣка былъ отличный оркестръ, когда въ это время, слѣдуя обычаю, другіе помѣщики, менѣе его богатые и не имѣвшіе понятія о музыкѣ, заводили свои капеллы. Смѣшно и жалко было смотрѣть на поминутныя ласки его Русскому капельмейстеру, который завелъ ему роговую музыку, можетъ быть лучшую въ Россіи и въ то же время явно былъ любовникомъ жены его. Она же, гораздо за сорокъ лѣтъ, все еще совершенная красавица, прекрасно насъ угостила. Сенатору и губернатору съ супругами, разумѣется, отведены были особыя комнаты, а насъ, другихъ прочихъ, кое-какъ уложили спать. На другой день, съ ранняго утра до поздняго завтрака, потчивали насъ музыкой; послѣ того отправились мы далѣе и къ вечеру пріѣхали въ Саранскъ.

Ярмарка въ самомъ разгарѣ: скачка, шумъ, крикъ въ небольшомъ городѣ, тѣсное помѣщеніе въ жаркое время года, все это, къ счастью, весьма не полюбилось Козодавлевымъ; угощеніе, впрочемъ, довольно богатаго городничаго Евсюкова также не слишкомъ понравилось имъ и, пробывъ только два праздничные дня, 15 и 16 числа, они 17-го насъ оставили. Отецъ мой поспѣшилъ обратно въ Пензу, куда призвали его и повѣрка собственныхъ домашнихъ счетовъ, и накопленіе дѣлъ во время веселой суматохи, произведенной присутствіемъ сенатора. Слѣдствіемъ оной между прочимъ была продажа любимаго его

новаго дома, который построилъ онъ экономически, долго отказывая себѣ во многихъ прихотяхъ.

Мнѣ также была пора скоро воротиться въ Петербургъ; до зимняго пути было еще далеко, а поздній осенній въ тогдашнее время, еще болѣе чѣмъ теперъ, у насъ былъ настоящая пытка. Помаленьку сталъ я собираться и совсѣмъ готовъ былъ отправиться, какъ одинъ весьма пріятный случай заставилъ меня на нѣсколько дней отложить свой выѣздъ. По утру, 7 Сентября, почтмейстеръ къ отцу моему принесъ съ почты пакетъ, въ коемъ находились Государевъ рескриптъ и Аннинская лента. Куракинъ ожидалъ только окончательнаго, требуемаго имъ донесенія Козодавлева, чтобы сдѣлать сильное, убѣдительное представленіе Царю. Это было торжество, побѣда надъ врагами, но объ одержаніи ея такъ много и такъ долго, право, не стоило заботиться, а не лучше ли бы было давно отойти съ миромъ, особенно тогда, какъ званіе губернатора годъ отъ году примѣтно упадало? Какъ однакоже ордена въ то время не потеряли еще совсѣмъ цѣну свою, особенно же ленты и звѣзды, то полученіе такой награды, хотя довольно поздно, обрадовало моихъ родителей. Семь лѣтъ отецъ мой былъ на губернаторствѣ, и я заставилъ его засмѣяться, когда, поздравляя его съ царской милостью, сказалъ, что онъ получилъ ее за семилѣтнюю войну съ негодьями. Многіе изъ его приверженцевъ хотѣли давать ему обѣды, балы; онъ отклонилъ отъ себя сіи почести, ибо съ Козодавлевымъ долженъ былъ напередъ отпраздновать послѣдній успѣхъ свой по службѣ. Въ семейномъ кругу, съ малымъ числомъ коротко знакомыхъ, провели мы нѣсколько пріятныхъ дней.

Въ братниной коляскѣ, привезенной мнѣ изъ Муромъ, выѣхалъ я изъ Пензы въ день Воздвиженія Креста, 14 Сентября. Отъѣхавъ не болѣе двѣнадцати верстъ, встрѣтилъ я тяжело нагруженную четверомѣстную карету; сидѣвшая въ ней вскрикнула и велѣла остановиться. Это была сестра моя Алексѣева. Ея мужъ выступилъ въ походъ противъ Шведовъ, а она, въ разлукѣ съ нимъ, спѣшила къ родителямъ и къ двумъ малымъ сыновьямъ, которые съ учителемъ около года находились въ домѣ у дѣдушки. Отъ этой встрѣчи цѣлымъ получасомъ опоздала она къ нимъ на свиданіе.

Время мнѣ благопріятствовало, оно было сухое, теплое; въ сутки часа на три или на четыре становилось даже жарко. Ночью однакоже бывало холодно. Отъ частыхъ перемѣнъ въ температурѣ я простудился, и въ самый день пріѣзда моего въ Москву схватила меня лихорадка; но два-три дня были для меня достаточны, чтобъ отъ нея освободиться. Французская трупна съ Филисой изъ Петербурга находилась тогда на время въ Москвѣ; я пошелъ ее смотрѣть во вновь открытый, деревян-

ный, обширный, прекрасный театръ на Арбатской площади, который былъ построенъ въ замѣнъ сгорѣвшаго стараго, каменнаго Петровскаго театра и который черезъ четыре года самъ долженъ былъ сдѣлаться жертвою пламени. Одною только знакомаго встрѣтилъ я тамъ, и то довольно новаго; обрадовался же я Жуковскому, какъ будто вѣкъ съ нимъ жилъ. Цвѣтъ поэзіи въ немъ только что совершенно распустился, и въ непритворныхъ, неискусственныхъ, веселыхъ разговорахъ благоухала вся душа его. Мнѣ показалось, что я въ Петербургѣ во Французскомъ театрѣ, сижу съ Блудовымъ; объ немъ мы не наговорились поневолѣ долженъ былъ я нѣсколько лишнихъ дней пребыть въ Москвѣ.

Хорошая, ясная погода между тѣмъ все какъ будто поджидала меня, чтобы сопутствовать мнѣ въ Петербургъ. Не было ни облачка на небѣ, ни малѣйшаго трепетанья въ пожелтѣвшихъ листьяхъ; такая осень случается иногда на Сѣверѣ, но очень рѣдко. Въ день Покрова Богородицы, 1-го Октября, когда я приблизился къ Петербургу, уже смерклось; я могъ однакоже замѣтить, что дачь еще не покидали, ибо со многихъ сторонъ подымались въ воздухъ фузен и ракеты.

IV.

Хотя и пріѣхалъ я въ Петербургъ, но въ этой главѣ буду объ немъ говорить мало. Съ начала моего пріѣзда ничего особенно примѣчательнаго въ немъ не случилось. Государь находился въ Эрфуртѣ, для свиданія съ Наполеономъ въ сопровожденіи Румянцова, Аракчеева, Сперанскаго и многихъ другихъ приближенныхъ къ нему особъ. Императрицы продолжали жить въ загородныхъ дворцахъ, и знатные люди, изъ вѣрноподданческаго подражанія, забнули отъ сырости и стужи на своихъ дачахъ. Какъ я пишу для себя столько же, какъ и для другихъ, то главу сію намѣренъ посвятить однимъ семейнымъ воспоминаніямъ, которыя могли бы быть вовсе не занимательны для читателя, если бы сколько-нибудь не были связаны съ политическими происшествіями того года.

Недолго зятю моему Алексѣеву, шефу Митавскаго драгунскаго полка, дали оставаться съ нимъ въ Тихвинѣ. Въ Іюль мѣсяцъ велѣно было ему, съ полкомъ своимъ, идти позади Ладожскаго озера въ Сердоболь, лежащій на старой нашей Финляндской границѣ; тамъ получилъ онъ приказаніе пробираться черезъ лѣсистую и каменистую Карелію далѣе на Сѣверъ, чтобы соединиться съ корпусомъ генерала Тучкова.

Въ продолженіи лѣта, бѣольшая часть Финляндіи была занята Русскими войсками; главный городъ ея, Абовъ, находился въ ихъ рукахъ; Свеаборгъ, неодолимая твердыня, сѣверный Гибралтаръ, былъ взятъ или купленъ часто поминаемымъ мною графомъ Сухтеленемъ. Рѣдкіе и малые наши уроны противъ Шведовъ были тотчасъ вознаграждаемы важными надъ ними успѣхами. Корпусъ Тучкова (Николая Алексѣевича), по направленію къ Сѣверу, проникалъ во внутренность земли; другой корпусъ, подъ начальствомъ одного молодого генерала, подававшего дотолѣ однѣ надежды, а тутъ оправдавшаго ихъ, подвигался впередъ вдоль берега Ботническаго залива.

Императрица Екатерина полководцевъ своихъ любила награждать въ ихъ дѣтахъ, повышая ихъ въ малолѣтствѣ. Младшій сынъ фельд-маршала Каменскаго, графъ Николай Михайловичъ, не имѣя двадцати лѣтъ отъ роду, былъ при ней полковникъ. Я лично его знавалъ; онъ учился въ одномъ пансіонѣ съ братьями моими, остался съ ними пріятелемъ, и потому когда бывалъ въ Кіевѣ, какъ родной живалъ у насъ въ домѣ. Онъ былъ скромнѣ, ласковѣ, весьма недуренѣ собою, въ голосѣ имѣлъ что-то нѣжное; я помнилъ постоянно пріятную его улыбку и съ трудомъ могъ повѣрить, что гнѣвъ его, подобно отцу, доходилъ иногда до изступленія. Пылкій, влюбчивый, онъ въ тоже время былъ чрезвычайно застѣнчивѣ, могъ и не умѣлъ нравиться женщинамъ; слѣдствіе того тайныя наслажденія и муки еще въ молодости изсушили его тѣло и разстроили его нервы. Оттого-то, вѣроятно, не всегда онъ могъ владѣть собою; не смотря на то, всѣ подчиненные любили и уважали его за его умъ, за его благородное, доброе сердце. Едва начиная брить усы, былъ онъ уже генералъ-майоромъ и на Альпійскихъ высотахъ дѣйствовалъ отчаянно-геройски въ глазахъ героя Суворова, соперника отца своего; восхищенный имъ старецъ благословилъ его, и послѣ того онъ, Багратіонъ и Милорадовичъ почитались въ арміи крестниками Суворова, какъ бы усыновленными имъ на полѣ битвы. Въ день Аустерлица, подъ Прейсшъ-Эйлау, подъ стѣнами Данцига, командуя бригадой или дивизіей, поддержалъ онъ свою репутацію неустрашимости и военного знанія. Когда въ Финляндіи поручили ему корпусъ, счастье продолжало ему улыбаться; ибо первое важное дѣло при Куортанѣ, гдѣ онъ отдѣльно начальствовалъ, было имъ выиграно. На время оставимъ его.

Жители малолюдной, бесплодной Кареліи почти не знали употребленія хлѣба: имъ замѣняли его рыба, изобилующая въ ихъ озерахъ, и дичь, которою наполнены были ихъ густыя, непроходимыя дебри; всѣ они были звѣроловы. Когда Алексѣевъ, предводительствуя горстію своихъ всадниковъ, вступилъ въ ихъ предѣлы, то по невѣжеству сво-

ему, полагая, что идутъ грабить ихъ скудную собственность, и ободренные малочисленностію непріятелей, они всѣ вооружились. Первый переходъ черезъ лѣсистыя горы совершилъ Алексѣевъ благополучно, не встрѣтивъ ни малѣйшаго нападенія; но на другой день, чѣмъ далѣе сталъ онъ углубляться въ лѣсъ, положеніе его становилось опаснѣе: казалось, что каждое дерево превращалось въ стрѣлку, во всякомъ ущельѣ была засада. Онъ потерялъ уже нѣсколько драгунъ и началъ рассчитывать, что, подъ ударами невидимыхъ и вездѣсущихъ враговъ, ему не останется ни единого человѣка, когда онъ едва достигнетъ половины лежащаго ему длиннаго пути. Потому рѣшился онъ воротиться въ Сердоболь и донести, что не видитъ возможности исполнить даннаго ему повелѣнія, если не дадутъ ему болѣе помощи.

Аракчеевъ, который никогда не видалъ непріятельскаго огня, который никогда не бывалъ на войнѣ, а изъ кабинета своего распоряжалъ однакоже въ то время военными дѣйствіями, увидѣлъ въ этомъ поступкѣ явную трусость. Еслибы Государь лично не зналъ Алексѣева и не вступился бы за него, то за осторожность свою могъ бы онъ жестоко пострадать. Придворные генералы смотрѣли съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ на опасности сей, по мнѣнію ихъ, побочной войны; однакоже, отъ нечего дѣлать, для прогулки, чтобы не терять привычки къ сраженіямъ и мимоходомъ схватить лишнюю награду, вызывались иногда въ ней участвовать. Умершій въ 1806 году отъ болѣзни, молодой любимецъ государевъ, князь Петръ Петровичъ Долгоруковъ, который въ жизни имѣлъ одну только славу нагрубить Наполеону наканунѣ Аустерлица, оставилъ по себѣ брата-близнеца и друга, князя Михаила Петровича, который заступилъ мѣсто его въ сердцѣ царевомъ и въ званіи генераль-адъютанта. Онъ въ этомъ случаѣ предложилъ свои услуги, которыя охотно были приняты.

Онъ пріѣхалъ въ Сердоболь и въ первыя минуты не захотѣлъ скрыть отъ Алексѣева инструкціи, данной ему Аракчеевымъ, въ которой онъ не весьма лестно отзывался насчетъ его храбрости. Можно себѣ представить отчаяніе и бѣшенство беззащитнаго противъ власти воина. Долгоруковъ, нѣсколько осмотрѣвшись, поразвѣдавъ, въ донесеніи своемъ поспѣшилъ оправдать Алексѣева и объявить, что онъ не тронется съ мѣста, если отрядъ его не будетъ усиленъ пѣхотой и артилеріей. Любимца Царя криводушный Аракчеевъ не смѣлъ обвинить въ слабости духа и отказать ему въ помощи.

Съ отрядомъ, вчетверо усиленнымъ, выступилъ князь Долгоруковъ. Сначала шелъ онъ осторожно; но испуганные жители не смѣли уже показываться, и на всемъ пути не слышалъ онъ ни одного выстрѣла. О благополучномъ совершеніи похода донесъ онъ въ Петербургъ и

за сей трудный подвигъ произведенъ былъ въ генераль-лейтенанты. Соединившись съ Тучковымъ, онъ поставилъ его въ затруднительное положеніе, не хотѣлъ себя подчинить ему и началъ дѣйствовать отдѣльно. Онъ велѣлъ генералу Алексѣеву атаковать Шведовъ въ укрѣпленныхъ киркѣ и мызѣ Индесальми, а самъ съ веселымъ духомъ сталъ на пушечный выстрѣлъ отъ мѣста сраженія, чтобы распоряжаться движеніями. Онъ родился для войны, любилъ ее, говорятъ, болѣе всего, былъ блистательно отваженъ и обѣщалъ Россіи хорошаго полководца. Случается иногда, хотя рѣдко, что слабые и угнетенные бываютъ явно покровительствуемы Небомъ, тогда какъ гордые, сильные между людьми гибнуть посреди торжества своего. Пока оскорбленный въ своей чести Алексѣевъ рвался доказать нелѣпность обвиненій Аракчеева и шелъ по узкой плотинѣ, черезъ малое озеро, прямо къ укрѣпленіямъ Индесальми, осыпaeмый картечью и пулями, пущенное оттуда ядро вырвало бока у князя Долгорукова, который довольно еще далеко стоялъ верхомъ. Смерть генерала обыкновенно изумляетъ, смущаетъ, разстраиваетъ солдатъ, но только не Русскихъ: оживленные примѣромъ другаго начальника, воспламененные самою опасностію своего положенія, наши воины продолжали идти отчаянно на бой, непріатели выгнаны изъ укрѣпленій, разбиты, взяты въ плѣнъ, и дѣло совершенно выиграно. Алексѣевъ вышелъ изъ него цѣлъ и невредимъ, и честь этого дня конечно ему принадлежала.

Это было въ концѣ Октября, когда Государь только что воротился изъ Эрфурта. Онъ съ величайшею горестію узналъ о смерти Долгорукова, и не одинъ: всѣ надѣялись, что если одинъ братъ побранился съ Наполеономъ, то другому удастся побить его. Всѣ говорили, что подобно Эпаминонду, послѣдніе взоры его устремлены были на бѣгущаго непріателя. Какъ это несправедливо! Еслибъ онъ остался живъ, то могъ бы имъ быть; но сраженіе только что начиналось, когда ядро въ одну секунду, безъ страданій, прекратило его жизнь. Тѣло его съ великими почестями привезено въ Петербургъ и предано землѣ въ Невской Лаврѣ *). Вступившій опять во всѣ свои права, Тучковъ, въ

*) Графъ Толстой, прозванный Американцемъ, о встрѣчѣ съ коимъ въ Сибири говорилъ я во второй части сихъ Записокъ, былъ остановленъ у Петербургской заставы, когда возвращался изъ путешествія вокругъ свѣта, потомъ провезенъ только чрезъ столицу и отправленъ въ Нейшлотскую крѣпость. Приказомъ того же дня переведенъ онъ изъ Преображенскаго въ тамошній гарнизонный полкъ тѣмъ же чиномъ. Наказаніе жестокое для храбреца, который никогда не видалъ сраженій, и въ то самое время, когда отъ Востока до Запада во всей Европѣ загорѣлась война. По прибытіи Алексѣева въ Сердоболь, явился онъ къ нему и молилъ взять его съ собою. Молодой левъ наружностію и сердцемъ полюбился Алексѣеву, и онъ представилъ о томъ въ Петербургъ, но съ выговоромъ получилъ отказъ. Другое дѣло было съ Долгоруковымъ: тому отказывать не

донесеніи своемъ, отдалъ полную справедливость Алексѣеву, которому, въ награду за его подвиги и въ вознагражденіе за понесенную имъ напраслину, дали Аннинскую ленту.

Почти въ то же время, съ другой стороны, графъ Каменскій одержалъ свою вторую еще блистательнѣйшую побѣду при Оровайсѣ, послѣ которой могъ онъ дойти до послѣднихъ предѣловъ Финляндіи и Остѣ-Ботніи: онъ сталъ на границѣ Лапландіи. Между тѣмъ, главнокомандующій графъ Буксгевденъ все оставался, съ главною квартирой, въ главномъ городѣ Абовѣ. Военный министръ въ перепискѣ съ нимъ обходился какъ съ подчиненнымъ, и давалъ ему предписанія, что Буксгевденъ не соглашался переносить терпѣливо; отъ того родились между ими ужаснѣйшая вражда и перекоры. Изъ мщенія подалъ Аракчеевъ къ подписанію Императора рескриптъ Каменскому на Георгіевскій орденъ второй степени, въ которомъ приписываетъ ему успѣхъ всей войны и называетъ его завоевателемъ цѣлой Финляндіи. Общее мнѣніе въ этомъ случаѣ только было согласно съ Аракчеевымъ; хотя всѣ и почитали Шведскую войну величайшею несправедливостію, утѣшались однакоже мыслию, что она служитъ приготовительною школой для будущихъ противниковъ Наполеона. А какъ онъ двадцати шести лѣтъ побѣждалъ при Арколѣ и Лоди, то во всякомъ молодомъ отличившемся генералѣ видѣли будущаго его соперника и защитника Россіи. Вотъ почему съ пзъявленіями живѣйшаго восторга былъ принятъ Каменскій, когда, по окончаніи кампаніи, въ началѣ зимы, пріѣхалъ онъ въ Петербургъ.

Я ничего не говорилъ объ участи бѣднаго брата моего Павла, находившагося также въ Финляндіи. Она сдѣлалась ужасна. Не помню, въ какомъ корпусѣ или дивизіи былъ онъ провіантскимъ комиссіонеромъ, какъ отъ осенняго, сыраго холода, въ угрюмомъ климатѣ сѣвѣрной Финляндіи, впалъ онъ въ тяжкую болѣзнь и долженъ былъ на время сдать свою должность. Хотя незаконное, даже противузаконное самоуправіе въ Россіи удивлять не можетъ, но что за тѣмъ послѣдоваало, едва ли považется вѣроятнымъ. Въ Эрфрутѣ получилъ Аракчеевъ о томъ донесеніе и, полагая, что братъ мой отъ лѣности сказался больнымъ, написалъ собственноручно: «до вступленія опять въ должность и по поступленіи въ нее, для поправленія здоровья, во время

смѣли. Онъ за адъютанта находился подлѣ него въ ту минуту, какъ его убили. Онъ находился и въ свитѣ, сопровождавшей его тѣло; но какъ воспрещеніе вѣззвать въ столицу свято съ него не было, то овиъ остановили его на заставѣ. Ему вельно было только присутствовать при церемоніи погребенія и тотъ же часъ опять выѣхать изъ Петербурга, только уже къ Преображенскому батальону, находившемуся въ Абовѣ, куда перевели его въ память Долгорукова.

сраженій посылать его въ самыя опасныя мѣста». Отъ Кюопіо до Эрфуртъ довольно далеко, и до полученія отвѣта, къ счастью, братъ мой успѣлъ уже выздоровѣть; начальники однакоже не осмѣлились не исполнить сдѣланнаго надъ нимъ приговора, и онъ, не одинъ разъ, какъ бесполезная жертва, развѣзжалъ во фракъ подъ непріятельскими пулями. Всякое размышленіе о такомъ поступкѣ почитаю излишнимъ и привожу его здѣсь, какъ одинъ изъ тысячи примѣровъ безразсудной жестокости Аракчеева, которою омрачилась, можно сказать, осквернилась большая половина царствованія чловѣколюбиваго Александра.

Встрѣтись гдѣ-то съ братомъ, графъ Каменскій тотчасъ узналъ въ немъ прежняго пріятеля и школьнаго товарища, и бросился къ нему на шею. Всѣхъ предстоящихъ пріятно изумило такое обхожденіе корпуснаго командира, героя той эпохи, съ провіантскимъ комисіонеромъ. Не ручаясь за успѣхъ, онъ далъ ему слово сильно ходатайствовать за него по пріѣздѣ въ Петербургъ.

Я гдѣ-то упомянулъ о домѣ Т...ыхъ, котораго чуждался, предвидя въ немъ скуку. Отставной генераль-маіоръ Сергѣй Михайловичъ Т...въ былъ баринъ совсѣмъ стариннаго покроя; жена же его Катерина Николаевна, урожденная Дурасова, почти однихъ съ нимъ лѣтъ, была напротивъ модница и пристрашная щеголиха. Кто въ Петербургѣ не знавалъ тогда его бѣлокураго, почти сѣдаго, парика, лоснящагося искусственной бѣлизной лица ея, карминомъ натертыхъ щекъ и вѣчныя ея пунцовыхъ лентъ? Кто во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ не встрѣчалъ ихъ всегда? Шли слухи, что Аракчеевъ, только что выпущенный въ офицеры и едва ли не будучи кадетомъ, въ объятіяхъ этой женщины, тогда давно уже опытной, позналъ первые опыты любви. Если это одна клевета, то нѣтъ грѣха повторять ее: ибо, когда Аракчеевъ сдѣлался случайнымъ, сама г-жа Т...ва старалась, будто невольнымъ образомъ, выдавать ее за истину. Какъ сія добрая, хотя весьма не добродѣтельная дама, воспитывая молодаго тигра, не умѣла смягчить его нрава! Впрочемъ ей ли было укрощать его ярость, которая, можетъ быть, болѣе всего плѣняла ее въ немъ? Мальчикомъ, никому не знакомымъ, ему лестно было имѣть входъ въ гостиную и въ спальню генеральши; въ зрѣлыхъ лѣтахъ остался онъ вѣренъ сладостнымъ воспоминаніямъ и дружбѣ, которая скоро должна была замѣнить имъ любовь. Все это зналъ я, и собою пожертвовалъ для брата. При первой встрѣчѣ, лишь только показалъ я себя Катеринѣ Николаевнѣ особенно пріятливымъ, какъ получилъ приглашеніе посѣщать ея домъ. Не знаю, какіе имѣла она на меня виды. Неужели во второмъ или въ третьемъ поколѣніи—сдѣлать меня наслѣдникомъ любезнаго ей лютаго звѣря? И не скорѣе ли ласкала она меня для меньшей дочери, хоро-

шенькой и бѣдной невѣсты? Съ своей стороны старался я со всеѣми быть любезенъ. Мнѣ одному извѣстно, чего мнѣ стоило, чтобы сблизиться съ единственнымъ ея сыномъ Александромъ Сергѣевичемъ, моимъ ровесникомъ. Это былъ какой-то недоносокъ, недоростокъ, недоумокъ, худенькой и жиденькой, желтишкой и синенькой человѣчекъ, который, не бывъ малаго роста, лѣтъ до сорока казался мальчикомъ въ морщинахъ. Самой славной ворожеѣ не повѣрили бы тогда, еслибъ стала она предсказывать, что онъ будетъ нѣкогда важнымъ въ государствѣ человекомъ. Какъ отъ Т...вой, такъ и отъ графа Каменскаго, къ которому ходилъ я въ Петербургъ являться, узналъ я, что Аракчеевъ несправедливый гнѣвъ свой положилъ на милость и что братъ мой сдѣланъ постояннымъ членомъ главной провіантской комисиі въ Абовѣ.

Много удовольствій и много горестей должны были родители мои почувствовать въ этомъ 1808 году; самая жесточайшая ожидала ихъ въ концѣ его. Въ молодости своей лишились они пятерыхъ малолѣтнихъ дѣтей обоюго пола, изъ коихъ долѣе всѣхъ жила дочь Катерина, умершая пяти лѣтъ. Съ тѣхъ поръ смерть какъ будто щадила ихъ чадолубіе и не похищала ни одного изъ взрослыхъ членовъ ихъ семейства. Первою жертвою ея была любимая ихъ невѣстка, Варвара Ивановна. Два года оплакивалъ ее неутѣшный мужъ; тягостную жизнь свою посвятилъ онъ заботамъ о двухъ младенцахъ, ею оставленныхъ; они воспитывались въ Воронежѣ, у Тулиновыхъ, и онъ часто отрывался отъ нихъ, чтобы ѣздить къ родителямъ въ Пензу. Въ началѣ Ноября установился санный путь, и онъ собирался въ дорогу, чтобы поспѣть къ 14 числу, дню именинъ отца нашего; лошади были запряжены, повозка подвезена, онъ началъ уже надѣвать шубу, какъ вдругъ неосторожно задѣлъ рукавомъ за заряженный пистолетъ, который хотѣлъ взять съ собою. Ударъ попалъ прямо въ середину лѣвой ладони и пробилъ ему руку насквозь. Рана была бы не смертельная, еслибы врачи были искуснѣе; но они спѣшили закрыть ее: тогда вся боль кинулась въ сердце, которое, какъ увѣряютъ, находится посредствомъ жилъ въ прямомъ соединеніи съ лѣвою рукой. Не оставалось никакой надежды на его спасеніе, и послѣ жестокихъ мученій, на третій день предалъ онъ Богу душу свою, непорочную, незлобивую, исполненную безпримѣрной любви ко всеѣмъ своимъ близкимъ. Ему только что исполнилось тридцать лѣтъ. Привязанность его къ памяти жены такъ всеѣмъ была извѣстна, что многіе полагали, будто онъ съ умысломъ прострѣлилъ себѣ руку; мнѣніе это было совершенно ложное: отцовскою нѣжностію былъ онъ прикованъ къ жизни и добровольно съ нею бы не разстался.

Его поджидали въ Пензу, когда онъ лежалъ уже въ землѣ; сестра моя Алексѣева, у родителей находившаяся, осуждена была объявить имъ о томъ наканунѣ того дня, который надѣялись они вмѣстѣ съ нимъ праздновать. Тогда только семейство мое узнало, какъ онъ былъ ему дѣрогъ. Скорбь о его потерѣ была у насъ общая, ощущаемая однакоже не всѣми въ равной степени. Во мнѣ она была смѣшана съ упреками совѣсти: дважды былъ онъ моимъ благодѣтелемъ, а я долго не могъ забыть отроческихъ огорченій, имъ когда-то мнѣ причиненныхъ! Отчаяніе матери моей было безпредѣльное, зато не столько продолжительное. Болѣе всѣхъ пораженъ былъ престарѣлый мой отецъ; сначала онъ какъ будто твердо устоялъ противъ сего удара, вскорѣ же потомъ самъ примѣтно началъ клониться къ паденію. Въ первый разъ еще въ жизни, служба и возлагаемая ею обязанности показались ему несносными, и онъ рѣшительно приступилъ къ исполненію намѣренія своего ее оставить.

У.

Въ Декабрѣ мѣсяцѣ разошелся слухъ, который возбудилъ любопытство и участіе во всѣхъ жителяхъ Петербурга, отъ вельможи до мѣщанина. Государь ожидалъ къ себѣ дорогихъ гостей: королеву Прусскую, предметъ нѣжнѣйшаго и почтительнѣйшаго состраданія всѣхъ Русскихъ, и короля супруга ея. Нивакое государство, не переставая существовать, не доходило еще до столь глубокаго униженія, въ какомъ находилась тогда Пруссія: столицы ея, крѣпости, всѣ главные города были заняты Французскими войсками, до выплаты огромной контрибуціи; въ одномъ только нетронutomъ углу, на самой Русской границѣ, въ небольшомъ городѣ Мемелѣ, въ небольшомъ частномъ домѣ жило, забившись, королевское семейство. Душевно соболѣзнуя о томъ, императоръ Александръ былъ въ Эрфуртѣ искуснымъ и жаркимъ адвокатомъ Пруссіи. Наполеонъ, у котораго начиналась война съ Гишпаніей, гораздо серіознѣе чѣмъ онъ ожидалъ, и готовилась другая, съ Австріей, имѣя нужду собрать вокругъ себя всѣ войска свои, показавъ, будто ни въ чемъ не умѣетъ ему отказывать и согласился очистить путь королю въ Берлинъ. Кажется, оба императора начинали уже тогда хитрить другъ съ другомъ. Тронутые симъ новымъ опытомъ дружбы нашего Царя, для изъявленія ему благодарности, король и королева захотѣли посѣтить его столицу, прежде возвращенія въ собственную.

Въ Петербургѣ всѣ толки шли болѣе о королевѣ, которая блистала прелестію красоты и въ то же время двойнымъ величіемъ сана и несчастія. Любовь къ ней Русскихъ умножалась всею ненавистью

ихъ къ Наполеону, столь не рыцарски изливавшему всю злость свою противъ нея. Въ день Рождества, вечеромъ, ожидаемая чета, въ сопровожденіи принцевъ своего дома, прибыла въ Стрѣльну. На другое утро, 26 Декабря, были они встрѣчены съ почестями, можетъ быть, не совсѣмъ приличными, но всѣми одобряемыми, какъ великое утѣшеніе въ великихъ горестяхъ. Погода стояла суровая и холодная; какъ нарочно въ этотъ день сдѣлалась совершенная оттепель. Не доѣзжая до Петербургской заставы, отъ которой гвардейскіе полки стояли по обѣимъ сторонамъ улицъ до Зимняго дворца, королева остановилась на дачѣ Бергина, чтобъ переодѣться въ нарядное платье и сѣсть въ приготовленную для нея осмистекольную, раззолоченную карету. У этой заставы, Императоръ въ сопровожденіи великаго князя Константина Павловича, множества военныхъ генераловъ и нѣкоторыхъ посланниковъ иностранныхъ дворовъ, встрѣтилъ ее и оттуда вмѣстѣ съ королемъ и его свитой имѣлъ торжественный вѣздъ. Палили изъ пушекъ, это бы такъ; но въ православныхъ церквахъ звонили въ колокола: этого бы, кажется, не слѣдовало дѣлать въ честь вѣнценосныхъ еретиковъ.

Одинъ человѣкъ былъ весьма примѣчателенъ въ это утро, безстыдно и нагло пользуясь большими правами своими: Французскій посоль Коленкуръ, когда всѣ были въ парадныхъ мундирахъ, и полиція никого не пускала по улицамъ, по которымъ долженъ былъ пройти церемоніальный поѣздъ, разъѣзжалъ верхомъ между полками, одинъ, въ сюртучкѣ и круглой шляпѣ, съ видомъ величайшаго неудовольствія и даже досады; когда же проѣхалъ мимо его Государь съ королемъ, онъ пожалъ плечами и злобно усмѣхнулся. Это видѣлъ народъ, и еслибъ не былъ удерживаемъ страхомъ, закидалъ бы его грязью и камнями. Тутъ не было ничего обиднаго для Россіи, какъ послѣ оказалось: привыкнувъ видѣть своего императора окруженнаго толпою королей имъ побѣжденныхъ или имъ пожалованныхъ, Коленкуръ находилъ, что другой, равный ему императоръ, унижаетъ свое достоинство, воздавая такую честь тому, котораго бы могъ онъ почитать едва ли не вассаломъ своимъ. Также увѣряли послѣ, будто онъ проникъ тайный замыселъ королевы, чтобы склонить Государя къ новому союзу съ Австріей, къ которому бы пристала Пруссія, и чтобы такимъ образомъ общими силами подавить, наконецъ, общаго врага. Если у нея было такое намѣреніе, то оно не имѣло никакого успѣха.

Начались въ Петербургѣ безконечныя празднества. Не смотря на склонность мою противорѣчить общему мнѣнію, не смотря на убѣжденіе, что намъ полезно доброе согласіе съ Франціей, я не могъ безъ умиленія думать о прекрасной жертвѣ ея властолюбія; не смотря на

свой трауръ, я искалъ всё случаи, чтобъ ее видѣть. Для насъ, горожанъ, не принадлежащихъ ко Двору и къ нему не представленныхъ, ихъ было немного; я всёми воспользовался и до сыта налюбовался ея красивымъ станомъ, неподобными плечами, очаровательною улыбкой и взоромъ. Между тѣмъ я видѣлъ только тѣ прелести, которыя двухгодное горе не совсѣмъ еще успѣло истребить въ ней.

Не одинъ прїѣздъ королевы, но также и обрученіе великой княжны Екатерины Павловны съ принцемъ Георгіемъ Ольденбургскимъ, которое совершено 1-го Января 1809 года, было причиною необычайныхъ празднествъ этой зимы, фейерверковъ, иллюминацій, придворныхъ маскарадовъ и великолѣпныхъ баловъ. До сихъ поръ не знаю, правда ли, что Наполеонъ тогда же хотѣлъ разводиться съ Іозефиной, чтобы свататься за нашу красотку? Правда ли, что, узнавъ о томъ, она исполнилась ужаса и негодованія и, для избѣжанія такой участи, спѣшила замужествомъ съ бѣднымъ родственникомъ, младшимъ сыномъ весьма немогущественнаго Нѣмецкаго владѣтельнаго герцога? Странный выборъ ея, невзрачность, только что не безобразіе жениха могли бы заставить сему повѣрить, еслибъ дѣло не объяснилось желаніемъ ея не покидать Россіи и обѣщаніемъ будущаго супруга навсегда въ ней остаться. Впрочемъ могъ онъ ей и понравиться: о вкусахъ спорить нельзя. Она могла бы, если бы хотѣла, предпочесть ему другаго молодца, красиваго, виднаго, статнаго, принца Фердинанда Кобургскаго, который прискакалъ нарочно, чтобы искать ея руки и, будучи также меньшимъ, согласился бы на всё условія, какія бы захотѣли ему предписать. Плодовитый родъ Кобурговъ тогда уже начиналъ промышленять собою, но не такъ удачно, какъ въ нынѣшнее время *).

Замѣчательно было, что во всѣхъ иллюминированныхъ домахъ, какъ казенныхъ, такъ и частныхъ, согласно волѣ Императора, вездѣ горѣли одни вензелевыя имена короля и королевы Прусскихъ, какъ бы въ доказательство, что всѣ сіи торжества происходили только по случаю ихъ прїѣзда. Одинъ лишь Коленкуръ, постоянно изъявлявшій къ нимъ презрѣніе, не согласился сообразоваться съ симъ, и на домѣ своемъ выставилъ одну огромную литеру Е, вензель невѣсты.

Въ продолженіе всего пребыванія короля и королевы стояли жестокіе морозы, и одинъ балагуръ замѣтилъ, что въ Петербургѣ вы-

*) Этотъ бѣдный Фердинандъ имѣлъ неудовольствіе не только тайно получить отказъ, но и жестокое приглашеніе быть свидѣтелемъ торжества своего соперника. Нѣсколько лѣтъ спустя, онъ утѣшился пріобрѣтеніемъ пребогатѣйшей Венгерки, которая заставила его принять фамильное имя свое—Когари и вступить въ подданство Австріи, даже, кажется, принять Католическую вѣру. Изъ корысти чего Нѣмецкіе князья не сдѣлаютъ!

живають Прусаковъ (такъ называется особый родъ таракановъ), точно также какъ въ деревенскихъ избахъ. Только въ день выѣзда ихъ, 20-го Января, сдѣлалась опять такая же оттепель, какъ и въ день ихъ пріѣзда.

Во дни оны, жизнь каждаго частнаго лица такъ связана была съ политическими происшествіями, такъ много отъ нихъ зависѣла, что мнѣ приходится, хотя бы и не совсѣмъ мое дѣло, все говорить о союзахъ, о войнахъ, о мирныхъ трактатахъ. Къ концу зимы начали приготовляться къ новой кампаніи противъ Шведовъ; хотѣли нанести имъ рѣшительные удары и приневолить ихъ къ выгодному для насъ миру. На всемъ правѣмъ берегу Ботническаго залива не оставалось болѣе непріятельскихъ войскъ; чтобы напасть на нихъ, надобно было перейти на лѣвый берегъ, для чего открывался одинъ только путь, который огибалъ заливъ и пролегалъ чрезъ вѣчно-снѣжную Лапландію. Дѣло казалось затруднительнымъ; но морозы, противъ которыхъ нынѣ такъ вопіетъ наша изнѣженность, всегда въ время были нашими сильными союзниками какъ въ нападательной, такъ и въ оборонительной войнѣ. Они оковали бурныя волны залива, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ усѣянный островами и шкерами онъ болѣе суживается.

Тогда въ головѣ Государя родился одинъ изъ тѣхъ дерзкихъ плановъ, коихъ выполненіе возможно только съ Русскими солдатами. Несогласіе между военнымъ министромъ и главнокомандующимъ Финляндскою арміей дошло до того, что одному изъ нихъ непремѣнно надлежало удалиться, и конечно уже не Аракчееву. Одинъ Русскій генераль изъ Нѣмцевъ, Богданъ Ѳедоровичъ Кнорингъ, отличившійся вѣкогда при Екатеринѣ, прослывшій великимъ тактикомъ, призванъ былъ на мѣсто Буксгѣдена. Ему велѣно было раздѣлить армію на три корпуса: первый отданъ былъ подъ начальство князя Багратиона, другой порученъ Барклаю-де-Толли, третій генераль-адъютанту графу Шувалову. Только послѣдній могъ идти естественнымъ путемъ, по твердой землѣ, чрезъ Торнео. Другіе же два, новые Фараоны, должны были проходить по морю аки по суху, по пучинамъ, покрытымъ лдяною корою. Чтѣ такое воинская слава въ Россіи, когда соотечественники и даже современники совершенно забываютъ столь отважныя предпріятія, увѣнчанныя успѣхомъ?

Всѣхъ удивило послѣ, что Каменскій не пожелалъ участвовать въ семъ дѣлѣ и во всемъ блескѣ своемъ закатился въ Орловской деревнѣ. Никто не подозрѣвалъ, какъ трудно ему было въ пылу сраженій сохранить свое хладнокровіе, съ какимъ напряженіемъ душевныхъ силъ старался онъ подчиненнымъ подавать примѣръ мужества и какъ съ разстройствомъ его нервъ нужно ему было на время ихъ успокоеніе.

Со смѣлостью почти безразсудною, свойственною однимъ только Русскимъ, на трехъ указанныхъ имъ пунктахъ, въ половинѣ Марта, генералы со ввѣреннымъ имъ войскомъ совершили чудесно-геройскіе свои подвиги; особенно же Багратіонъ и Барклай, кои въ продолженіи трехъ или четырехъ-дневнаго перехода, при малѣйшей перемѣнѣ вѣтра, могли быть поглощены морскою бездною. Барклай изъ Вазы въ Умео перешелъ заливъ черезъ Кваркенъ, группу необитаемыхъ скалъ среди моря. Багратіонъ овладѣлъ Аландскими островами, а передовой отрядъ его, подъ начальствомъ генерала Кульнева, на противоположномъ берегу, занялъ Гриссельгамъ въ виду Шведской столицы. О дѣйствіяхъ Шувалова пока говорить не буду.

Въ трепетномъ ожиданіи самъ императоръ Александръ отправился въ Абовъ. Весь планъ этого необычайнаго похода былъ имъ самимъ составленъ; ему хотѣлось показать міру, что вступать въ столицы, подобно Наполеону, для него дѣло также возможное. И что же? Воля его исполнена, войско его не погибло, а онъ воскипѣлъ гнѣвомъ и отчаяніемъ. При появленіи Русскихъ вблизи Стокгольма, сдѣлался тамъ бунтъ, и несчастный Густавъ IV, дѣйствительно нѣсколько помѣшанный, былъ свергнутъ съ престола, на который посаженъ дядя его, герцогъ Зюдерманландскій подъ именемъ Карла XIII. Узнавъ о томъ, разсудительный, благоразумный Нѣмецъ Кнорингъ въ семь домашнемъ переворотѣ увидѣлъ конецъ войны и, не проникнувъ намѣреній Императора и не дожидаясь дальнѣйшихъ его повелѣній, думалъ сдѣлать ему угодное, давъ приказаніе генераламъ идти обратно тѣмъ же опаснымъ путемъ. Я бы, мнѣ кажется, его задушилъ; терпѣливый Александръ удовольствовался наказать убійственно - презрительными словами и взглядами. Этотъ примѣръ долженъ былъ показать Государю, что на все рѣшительное, отчаянное предпочтительно должно употреблять Русскихъ; онъ бы вспомнилъ Бенигсена послѣ Прейсишъ-Эйлау и могъ бы убѣдиться, что часто Нѣмецкая осторожность отнимаетъ у насъ весь плодъ нашихъ успѣховъ. Именемъ Царя дали Кнорингу почувствовать, что ослу не долѣетъ оставаться начальникомъ арміи. На его мѣсто назначили Барклая-де-Толли, котораго вмѣстѣ съ Багратіономъ произвели въ полные генералы; послѣднему дали другое назначеніе.

По прибытіи къ своему корпусу, графъ Шуваловъ объявилъ Алексѣеву, что какъ въ предстоящемъ походѣ кавалерія можетъ быть только затрудненіемъ, то, по распоряженіямъ военнаго министра, полкъ его велѣно отослать внутрь Финляндіи. Что же касается собственно до него, то именемъ Государя предложилъ онъ ему, какъ человѣку необходимому, участвовать въ предпринимаемомъ опасномъ дѣлѣ. Можно

себѣ представить, какъ предложеніе сіе обрадовало Алексѣева, а еще болѣе когда онъ получилъ рескриптъ отъ Царя, коимъ за изъявленное имъ согласіе объявлялъ онъ ему особое свое благоволеніе.

Тутъ случился одинъ человекъ, котораго, безъ всякаго преувеличенія, можно назвать совершеннымъ негодяемъ, но которому одинъ разъ, именно въ это время, удалось пригодиться Русскому войску. Нѣкто (настоящаго его имени до сихъ поръ еще никто не знаетъ), называющій себя Ансельмъ-де-Жибори, былъ офицеромъ въ томъ отрядѣ Французской арміи, который, по Пресбургскому трактату, занялъ Илірію и Далмацію. Въ Боконди-Катаро укралъ онъ полковой ящикъ съ казною и патентъ своего полковника; съ нимъ бѣжалъ онъ сперва въ Корфу и очутился наконецъ на флотѣ адмирала Синявина, находившагося тогда въ Средиземномъ морѣ. На адмиралтейскомъ кораблѣ былъ онъ только что свидѣтелемъ побѣды, одержанной Синявинымъ надъ Турками близъ Тенедоса и Аѳонской горы. Съ Французскою наглостію выпросилъ онъ у Русскаго добродушія сильную о себѣ рекомендацію и мѣсто въ лодкѣ, повозкѣ или коляскѣ отправляемаго съ извѣстіемъ о побѣдѣ морскаго штабъ-офицера.

Прежде нежели пріѣхалъ онъ въ Петербургъ, былъ уже заключенъ Тильзитскій миръ, чѣмъ нѣкоторымъ образомъ должно было разстроить его замыслы. Онъ, однакоже, не оробѣлъ, и пока отлучившійся, скромный морякъ представлялъ официально донесенія своего начальства, разливаясь уже онъ по гостивымъ и съ притворнымъ восторгомъ, въ преувеличенномъ видѣ, не забывая себя, описывалъ чудесные подвиги Русскихъ офицеровъ и матросовъ. Угождая общему мнѣнію, выдавалъ онъ себя за стариннаго дворянина, въ душѣ роялиста, поневолѣ служившаго тирану Франціи, и въ тоже время за бывшаго адъютанта, друга и приверженца республиканскаго генерала Моро, извѣстнаго врага и соперника Бонапарте. Гоненія имъ отъ того претерпѣваемаго заставили его, наконецъ, покинуть побѣдоносныя Французскія знамена. На украденный имъ и будто полученный знакъ Почетнаго Легіона при всѣхъ онъ плевалъ. И всѣмъ этимъ вельпицамъ вѣрили и вездѣ осыпали его похвалами. Онъ потребовалъ себѣ Георгіевскій крестъ на шею, а ему дали Владимирскій третьей степени, и онъ казался тѣмъ не совсѣмъ доволенъ. Потомъ сталъ онъ проситься въ службу, а какъ тирана его уже признали императоромъ, то и приняли его тѣмъ чиномъ, въ которомъ онъ ему будто бы служилъ, то-есть полковникомъ по кавалеріи, и отправили въ Финляндію. Тогда уже были на лицо Савари и Коленкуръ и имѣли все право вытребовать бѣглеца и вора; они того не сдѣлали: можетъ быть тайно смѣя-

лись надъ легковѣріемъ Русскихъ, можетъ быть, тайно и употребляли его.

Онъ не показывалъ трусости при встрѣчахъ съ непріателемъ, и это одно въ Русской арміи спасло его отъ совершеннаго пренебреженія, которое безъ того постигло бы сего безстыдника, лгуна и сквернослова. Товарищи смѣялись надъ нимъ, а начальники сдѣлали изъ него шута. Онъ являлся къ Шувалову (который до того о немъ не слыхивалъ) и съ первыхъ словъ ему чрезвычайно понравился. Графъ Павелъ Андреевичъ Шуваловъ, сынъ графа Андрея Петровича, пріятеля Вольтера и Лагарпа, писателя Французскихъ стиховъ, автора посланія къ Нинонѣ, былъ воспитанъ совершенно на Французскій манеръ, какъ всѣ баричи того времени. Онъ былъ человѣкъ добродушный, благородный и храбрый, одинъ изъ любимцевъ Императора, и долженъ бы былъ быстрее шагать на военномъ поприщѣ, если бы смолоду не имѣлъ несчастной совсѣмъ не аристократической привычки придерживаться хмѣльнаго.

Не ожидая съ другихъ сторонъ нападенія, почитая его невозможнымъ, Шведы сосредоточили всѣ остатки силъ своихъ въ Торнео, на единственномъ пунктѣ, который Шувалову надлежало атаковать. Числомъ были они гораздо сильнѣе, чѣмъ десяти тысячный Русскій корпусъ. Дѣло едва только началось; послѣ небольшой перестрѣлки, отъ которой съ обѣихъ сторонъ убито и ранено человѣкъ десятка полтора, всѣ изумились, когда увидѣли, что Шведы, прекративъ пальбу, прислали сказать, что они сдаются въ плѣнъ со всѣмъ оружіемъ и военными снарядами. На всякой случай легкой отрядъ былъ посланъ къ нимъ въ тылъ, а между тѣмъ Ансельмъ-де-Жибори, съ согласія Шувалова, явился въ ихъ станъ болѣе въ видѣ переметчика, чѣмъ парламентаря. Изобразивъ имъ всю ненависть свою противъ Русскихъ варваровъ, среди коихъ завелъ его несчастный случай, всю братскую нѣжность, которая соединяетъ южныхъ Французовъ съ сѣверными (какъ Шведы любятъ чтобъ ихъ называли), онъ учетверилъ въ глазахъ ихъ число нашихъ солдатъ, увѣрилъ ихъ, что они отрѣзаны, что они въ западнѣ и, не видя для нихъ другаго спасенія, дружески совѣтовалъ имъ положить оружіе. Они его послушались, и когда уже поздно увидѣли свою ошибку, многіе изъ нихъ приходили въ такое бѣшенство, что ломали шпаги и ружья, которыя должны были класть передъ побѣдителями. И говорить нечего! Вся слава этого дѣла принадлежитъ обманщику Французу; за это произвели его въ генераль-майоры.

Не видя передъ собою болѣе препятствій и, по чрезвычайной отдаленности отъ главной квартиры, гораздо позже другихъ получивъ

отъ Кноринга приказаніе воротиться, графъ Шуваловъ продолжалъ подвигаться уже съ Сѣвера на Югъ.

Въ продолженіе всей зимы, отецъ мой неоднократно обращался къ князю Куракину съ просьбой о дарованіи ему свободы, то-есть о испрошеніи ему всемплоднѣйшаго увольненія отъ службы. Еще чаще писалъ онъ о томъ къ Козодавлеву, котораго въ началѣ зимы министръ внутреннихъ дѣлъ выпросилъ къ себѣ въ товарищи. Съ своей стороны, исполняя родительскую волю, я не оставлялъ напоминать о томъ Осипу Петровичу, котораго домъ я нерѣдко посѣщалъ, пользуясь приглашеніемъ обоихъ супруговъ и ласковымъ ихъ приемомъ. Домъ ихъ, не совсѣмъ еще вошедъ въ составъ высшей аристократіи, примѣтно однакоже начиналъ подыматься. Нѣ министръ, ни товарищъ его не хотѣли вѣрить истосердечному желанію отца моего. Смерть сына, и еще не единственнаго, не казалась имъ такимъ несчастіемъ, въ которомъ нельзя бы быть утѣшену временемъ, разсѣянностію, даже заботами, и особенно же почестями. Они забывали, что ему было подъ семьдесятъ лѣтъ; не понимали, что рановременная смерть сына какъ будто возвѣщала ему близость собственной; не знали, что въ жизни, особенно въ преклонныхъ лѣтахъ, для человѣка, испытавшаго всѣ горести ея, приходитъ время, въ которое становятся ему противны даже ея наслажденія. Въ день рожденія Императора, 12 Декабря (1809) три или четыре сенатора, моложе отца моего въ чинѣ, были по старшинству произведены въ дѣйствительные тайные совѣтники; они полагали что это его огорчило. Доброжелательный ему честолюбецъ Куракинъ, видя въ мѣстѣ имъ занимаемомъ препятствіе къ повышенію, хотѣлъ его утѣшить сенаторствомъ и искалъ только удобнаго случая доложить о томъ Государю. Этого нельзя было сдѣлать безъ министра юстиціи, а князь Лопухинъ, преемникъ Куракина въ генераль-прокурорской должности, давнишній соперникъ его при Павлѣ, тайный недругъ его, хотя и не отказывалъ, но и медлилъ дать свое согласіе. Въ это время съ Государемъ въ Абовъ поѣхалъ Сперанскій, любимѣйшій изъ гражданскихъ чиновниковъ его окружавшихъ, къ тому же товарищъ министра юстиціи; съ нимъ отправленъ былъ за подписаніемъ двухъ министровъ докладъ о назначеніи отца моего сенаторомъ. Онъ совсѣмъ забылъ, что Куракину обязанъ былъ первыми, быстрыми шагами своего счастливаго поприща, но не забылъ и никогда не могъ простить ему того, что былъ у сына его учителемъ. Пользуясь раздраженіемъ Царя противъ Кноринга, онъ умѣлъ сдѣлать ему такой докладъ, что заставилъ его поступить совсѣмъ по-отцовски.

Довольно замѣчательно, что указъ, данный въ Абовѣ, коимъ отецъ мой увольняется отъ службы съ пенсіономъ, послѣдовалъ 5 Апрѣля, въ

то самое число и мѣсяць, въ которые, одиннадцать лѣтъ передъ тѣмъ, былъ онъ отставленъ Павломъ Первымъ, и что въ этомъ указѣ также ничего не упомянуто о его просьбѣ. Довольно странно и то, что 5-е Апрѣля, число несчастное для отца моего, въ послѣдствіи было для меня счастливымъ днемъ и что три раза въ этотъ день получалъ я потомъ пріятнѣйшія награды. Родителя моего это вѣрно менѣе огорчило, чѣмъ князя Куракина: онъ призвалъ меня къ себѣ и, объявляя о томъ, обѣщаль, что меня по крайней мѣрѣ постарается вознаграждать за то, чего не успѣлъ сдѣлать для него.

Извѣстіе объ отставкѣ родителя принялъ я, долженъ признаться, съ великимъ удовольствіемъ. Унизительная борьба его съ людьми, недостойными взгляда сего необыкновеннаго человѣка, хотя и прекратилась, могла однакоже возобновиться. Спокойствіе, которымъ долженъ былъ онъ пользоваться среди деревенской жизни, обѣщало мнѣ сохранить на долго драгоцѣнные для насъ дни его. Того же мнѣнія была вѣчно странствующая сестра моя Алексѣева; она находилась тогда въ Петербургѣ проѣздомъ въ Абовъ, гдѣ скорѣе надѣялась имѣть извѣстія о мужѣ, а можетъ-быть и дожидаться его. Не зная какъ раздѣлить себя между нимъ и дѣтьми, бѣдняжка скакала изъ края въ край Россіи.

VI.

Ежелѣтною поѣздку свою въ Пензу въ этомъ 1809 году я не намѣренъ былъ сдѣлать: мнѣ больно было бы видѣть тамъ злобную радость враговъ моего отца. Къ тому же, я твердо рѣшился искать серіозныхъ занятій по службѣ, штатнаго мѣста, и оно было мнѣ обѣщано.

Новаго Пензенскаго губернатора, преемника отца моего, въ предъидущіе годы имѣлъ я случай не одинъ разъ видѣть и разговаривать съ нимъ. Обыкновенно встрѣчалъ я его въ домахъ богатыхъ откупщиковъ, Злобина, Кусовникова, Чоблокова, Кавдалинцева, куда иногда зазывалъ меня аппетитъ молодого человѣка, весьма здороваго и не всегда сытаго. Жирный обѣдъ, стерляжья уха, Шампанское рѣкою, шумъ веселый и не всегда пристойный, могли быть привлекательны даже для юноши поставленнаго въ лучшее, въ высшее положеніе, чѣмъ то, въ которомъ я находился. Манерами я не совсѣмъ походилъ на другихъ, частыхъ посѣтителей сихъ домовъ, и то чтѣ должно было лишить меня благосклонности хозяевъ, напротивъ давало мнѣ права на какое-то первенство между гостями. Особенно былъ я угоденъ преврасному полу, котораго всегда видѣлъ передъ собою три поколѣнія: бабушекъ, съ головою повязанною шелковымъ платкомъ, въ обьярин-

ныхъ и штофныхъ кофтахъ и юбкахъ, матерей, довольно чопорныхъ, пристойно и богато одѣтыхъ и, наконецъ, шеголеватыхъ, разряженныхъ по модѣ дочерей, которыя хорошо танцовали, кое-какъ болтали по-французски и на клавесинѣ играли валъы и экосесы. Тогда какъ я, съ чрезвычайнымъ и ни на чемъ не основаннымъ самолюбіемъ, прощаль себѣ посѣщенія сихъ домовъ, какъ проказы молодости, дѣйствительный статскій совѣтникъ Александръ Ѳедоровичъ Крыжановскій гордился знакомствомъ этой финансовой знати.

Онъ былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, довольно высокаго роста и наружности непротивной. Фамильное имя его заставляло подозрѣвать, что онъ крещенъ не вскорѣ послѣ рожденія. Впрочемъ, при первомъ взглядѣ ни въ чемъ не можно было замѣтить въ немъ чего-либо Еврейскаго, ни въ чертахъ лица, ни въ выговорѣ, развѣ только въ цвѣтѣ волосъ. У этой пламенной породы волосъ всегда бываетъ черенъ какъ уголь или яркъ какъ огонь, и оттого-то, кажется, г. Крыжановскій былъ рыжеватъ. Про себя сказывалъ онъ только, что былъ уроженецъ Подольской губерніи и долго находился при *свѣтлейшемъ*, то есть Потемкинѣ. Это дѣло возможное: при военно-походномъ дворѣ этого вельможи-царя состояло нѣсколько сотъ человѣкъ. Должно полагать, что онъ служилъ въ канцеляріи его, ибо всегда пользовался покровительствомъ Василя Степановича Попова, правителя оной, который даже выдалъ за него Марію Константиновну, любовницу свою, Гречанку, простую дѣвку, имъ гдѣ-то добытую; за таковое избавленіе Поповъ всегда почиталъ себя ему обязаннымъ.

Приятная, можно сказать, забавная сторона характера Александра Ѳедоровича была его изобрѣтательность; онъ одаренъ былъ цвѣтущимъ воображеніемъ восточныхъ разсказчиковъ; видно было, что предки его жили близъ страны, гдѣ сочинена «Тысяча одна ночь». Въ разговорахъ онъ ничего не умѣлъ представить иначе, какъ въ преувеличенномъ видѣ; это весьма несправедливо называли ложью. Не знаю, какъ до сихъ поръ не хотять понять великой разницы, которая существуетъ между ложью и лганьемъ; первая просто обманъ, другое почти поэзія. Одинъ или два примѣра поэзіи Крыжановскаго приведу я здѣсь. Онъ находился (будто бы) въ лагерѣ во время достопамятной осады Очакова, гдѣ Русскіе такъ великодушно переносили стужу и голодъ; у него не было палатки, онъ спалъ въ брчкѣ, за которою привязаны были его лошади. Разъ проснувшись, увидѣлъ онъ, что нѣтъ надъ нимъ кожанаго навѣса, подъ которымъ онъ заснулъ; бѣдные бонн, пзмученные голодомъ, во время сна его, въ одну ночь съѣли кожу. Другой разъ находился онъ (будто бы) на какомъ-то военномъ суднѣ, подлѣ какой-то осаждаемой крѣпости, лежащей на какомъ-то мысу.

Вдругъ сдѣлалась буря, поднялся ужасный вихрь, и корабль сорвало съ якоря; пассажиры нѣсколько минутъ были безъ памяти и не могли понять спокойнаго, едва замѣтнаго плаванія своего, какъ вдругъ увидѣли себя на другой сторонѣ мыса: сильнымъ вѣтромъ перенесены они были туда по воздуху поверху непріятельской крѣпости. Онъ не смѣлъ сердиться, когда откупщики помирали со смѣху, слушая его рассказы.

И вотъ человекъ, который долженъ былъ наследовать отцу моему въ губернаторской должности! И вотъ на какую степень упала она послѣ семи лѣтъ съ половиною! Будучи отставнымъ, жилъ Василій Степановичъ Поповъ въ селѣ своемъ Рѣшетиковкѣ подлѣ самой Полтавы и свелъ тѣсную дружбу съ Куракинымъ; находясь тогда опять въ службѣ, онъ выпросилъ у него это мѣсто для Крыжановскаго; за то, что онъ нѣкогда развязалъ его съ надѣвшею ему любовницею, навязалъ онъ его Пензѣ. Сначала мнѣ показалось это обиднымъ; но послѣ, вспомня дворянскую спѣсь Пензенцевъ, зная, какъ тяжело имъ будетъ оказывать знаки самомалѣйшей покорности такому губернатору, я совершенно утѣшился. Я не зналъ еще его властолюбія, его дерзости, его искусства обирать людей, имѣющихъ до него нужду; если бы зналъ, тогда признаюсь, еще болѣе бы обрадовался.

По возвращеніи Государя изъ Абова, въ Петербургъ ожидали его другія заботы, приготовленія къ новой необыкновенной войнѣ и свадьба любимой сестры его Екатерины Павловны. Война Австріи съ Франціей уже начиналась, она была объявлена, и Наполеонъ не соглашался, чтобы Россія оставалась спокойною свидѣтельницей оной. Вслѣдствіе сего, почти наканунѣ бракосочетанія великой княжны, 18-го Апрѣля, воспрещенъ пріѣздъ ко двору находившемуся тогда въ Петербургѣ послу Австріи, послѣ знаменитому ея полководцу, князю Шварценбергу. Какъ бы въ доказательство того, что онъ не вѣрится вынужденному недоброжелательству Россіи, иллюминировалъ онъ домъ свой вензеловыми именами новобрачныхъ. Необычайно-странно было видѣть въ самодержавномъ государствѣ явную протестацію царедворцевъ противъ воли Императора: они ежедневно посѣщали Шварценберга, и всегда десятокъ каретъ можно было найти у его подъѣзда. Когда же онъ совсѣмъ отправился въ путь, то многія дамы провожали его до первой станціи.

Начальникомъ арміи, которая должна была дѣйствовать противъ Австрійцевъ, назначенъ былъ извѣстный читателю князь Сергій Федоровичъ Голицынъ, у котораго въ деревнѣ провелъ я годъ моего ребячества. Неужели за Наполеона будетъ онъ проливать Русскую кровь? спрашивали другъ у друга. Непонятно, какъ человекъ съ та-

кими военными способностями могъ отказаться отъ побѣдъ и согласиться на притворную войну; но въ этомъ случаѣ бездѣйствіе было для него истинною славой въ глазахъ соотечественниковъ. Голицынъ вступилъ въ Галицію, занятую войсками эрцгерцога Фердинанда; въ продолженіе всего лѣта искали они другъ друга, не находили, нигдѣ не встрѣчались и не имѣли ни одной стычки. Генералы тайно переписывались между собою.

Итакъ, въ одно время Россія имѣла за границей четыре дѣйствующія арміи: Тормасовъ сражался съ Персіянами, въ Молдавіи и Валахіи осмидесятилѣтній старецъ, фельдмаршалъ князь Прозоровскій готовился перейти Дунай, чтобы напасть на Турокъ, и въ Финляндіи дѣйствія еще не прекращались. Вотъ плоды мира съ Наполеономъ, четыре войны вдругъ, говорили недовольные; я твердилъ все свое, и часто доставалось мнѣ за то въ обществѣ. Меня все утѣшала мысль, что, придавленные съ Запада, мы быстро распространяемся на Сѣверѣ и на Югѣ.

Четыре войны имѣла Россія, и о пропшествахъ ихъ никто не заботился. За то съ самаго начала лѣта, бывало, кто бы знакомый ни встрѣтился на улицѣ, всякій спрашиваетъ о новостяхъ или самъ рассказываетъ вѣсти о войнахъ въ Германіи: туда только было обращено всеобщее вниманіе. Побѣда при Аспернѣ произвела радостный восторгъ; всѣ гордились успѣхами Австрійцевъ, какъ собственными; послѣ Ваграма пришли въ бѣшенное отчаяніе, а не повѣсили головы; и Шилля, и Гофера, еретиковъ погибшихъ за дѣло освобожденія Европы, готовы были сопричислить къ святому сонму мучениковъ и угодниковъ. Послѣ того странно, что Наполеонъ три года спустя потомъ могъ ожидать содѣйствія, а не отчаяннаго сопротивленія отъ націи, столь глубоко проникнутой къ нему ненавистью, которая отъ неудачъ приходила въ уныніе, но никогда не разставалась съ надеждою его побѣдить, которой начальники и воины, сегодня разбитые въ прахъ, завтра готовы были возстать изъ него, чтобъ отмстить за вчерашнюю обиду. Нѣтъ, говорили многіе, не Австріи, видно, сладить съ этимъ великаномъ! И какъ будто въ прозрѣніи будущаго, видѣли уже перстъ Божій, указующій на ихъ Россію, какъ на обреченную сему кровавому и славному дѣлу.

Въ разсужденіи Россіи, цѣль Наполеона была отчасти достигнута: если въ этой странной для нея войнѣ, изъ угожденія ему, не потеряла она ни одного солдата, то, по крайней мѣрѣ, оказала ему великую услугу, сдѣлавъ въ пользу его сильную диверсію; если не явной вражды, то, по крайней мѣрѣ большаго охлажденія могъ онъ ожидать между нею и Австріей. Для умноженія его, при заключеніи мира отрѣ-

заль онъ ломтикъ отъ Галиціи, Тарнопольскій уѣздъ, и ей бросилъ его какъ будто Христа ради.

Знакомство одно, сдѣланное мною незадолго передъ этимъ, нѣсколько поколебало вѣрованіе мое въ продолжительный и для насъ полезный союзъ съ Наполеономъ. У Хвостовой встрѣчался я съ Михаиломъ Александровичемъ Салтыковымъ, человѣкомъ чрезвычайно умнымъ, исполненнымъ многихъ свѣдѣній, красивымъ и даже милостивымъ почти въ сорокъ лѣтъ и тона самаго пріятнаго. Пасынокъ сильнаго при дворѣ Екатерины Петра Богдановича Пассека, съ фамильнымъ именемъ довольно громко въ Россіи звучащимъ, но съ состояніемъ весьма ограниченнымъ, могъ онъ только почитаться полужнатнымъ. Хотя, какъ настоящій баринъ, получилъ онъ совершенно Французское образованіе, былъ однакоже у другихъ молодыхъ бояръ цѣлымъ поколѣніемъ впереди. Классиковъ вѣка Людовика XIV уважалъ онъ только за чистоту ихъ неподражаемаго слога, болѣе же плѣнялся роскошью мыслей философовъ восемнадцатаго вѣка; но тѣхъ и другихъ готовъ онъ былъ повергнуть къ ногамъ Жанъ-Жака Руссо; въ немъ все было: и чувствительность, и воображеніе, и мысли, и слогъ. Послѣ него признавалъ онъ только двухъ хорошихъ писателей: Бернардена де-Сенъ-Пьера въ прозѣ и Делиля въ стихахъ. О Нѣмецкой, объ Англійской литературѣ не имѣлъ онъ понятія; на Русскую словесность смотрѣлъ онъ не такъ какъ другіе аристократы, гордо отворачивающіеся отъ нея какъ отъ уроды, при самомъ рожденіи умирающаго, а видѣлъ въ ней невпняга младенца, коего лепетъ можетъ иногда забавлять. Въ первой молодости былъ онъ уже подполковникомъ и адъютантомъ князя Потемкина, и если далѣе не пошелъ впередъ, то самъ былъ виноватъ. Онъ былъ изъ числа тѣхъ людей, кои, зная цѣну достоинствъ и способностей своихъ, думаютъ, что правительство, признавая въ нихъ оныя, обязано ихъ награждать, употребляютъ ли или не употребляютъ ихъ на пользу государственную. Какъ всѣ люди честолюбивые и лѣнивые вмѣстѣ, ожидалъ онъ, что почести, безъ всякаго труда, сами собою должны были бѣ ему приходить. Во время революціи превозносилъ онъ жирондистовъ, а террористовъ, ихъ ужасныхъ побѣдителей, проклиналъ; но какъ въ то время у насъ не видѣли большой разницы между Барнавомъ и Робеспьеромъ, то едва ли не прослылъ онъ якобинцемъ. Всегда и всѣми недовольный, кинулъ онъ службу и общество и въ среднемъ состояніи нашель себѣ молоденькую жену, Француженку, дочь содержательницы пансіона Ришаръ. При Павлѣ его было не слышать, не видать. При Александрѣ республиканецъ пожелалъ и получилъ камергерскій ключъ, который далъ ему четвертый классъ и который въ старину однимъ открывалъ путь къ дальнѣйшимъ поче-

стямъ, а для другихъ запереть его навсегда. Онъ сердился, что не получаетъ мѣста, и никого не хотѣлъ удостоить просьбою о томъ. Нѣсколько позже сталъ онъ занимать довольно важныя должности, но по незнанію дѣлъ, по совершенному презрѣнію къ нимъ, всѣ мѣста умѣлъ превращать въ коновикатства. Онъ всегда имѣлъ видъ спокойный, говорилъ тихо, умно и красно. Обольщенный имъ, я обрадовался, когда вздумалось ему въ первый разъ пригласить меня къ себѣ. Съ величайшимъ хладнокровіемъ хвалилъ онъ и порицалъ; разгорался же только нѣжностію, когда называли Руссо, или гнѣвомъ при имени Бонапарте. Не знаю какое чувство, монархическое ли, врожденное во всякомъ Русскомъ, или привитое республиканское (не оба ли вмѣстѣ?) такъ сильно возбуждали его противъ похитителя престоловъ и истребителя свободы; только никто столь убѣдительно не проповѣдывалъ противъ него какъ этотъ Салтыковъ. Какъ ни больно мнѣ было сознаться, что я ошибался, онъ заставилъ меня сіе сдѣлать.

Послѣ неудачной попытки на Стокгольмъ, Государю надоѣла Шведская война, и онъ желалъ кончить ее добрымъ миромъ. Новый старый король не смѣлъ еще подаваться на него, ибо война сдѣлалась національною, и она медленно продолжалась. Одинъ только корпусъ Шувалова оставался дѣйствующимъ.

По примѣру Австріи, Аракчеевъ, какъ графъ Тугутъ, изъ кабинета своего распоряжалъ военными дѣйствіями въ Финляндіи, и Барклай не смѣлъ или покамѣстъ не хотѣлъ ему противиться. Говорили, что онъ (Аракчеевъ) весьма покойно водилъ пальцемъ по картѣ и не могъ вѣрять никакимъ естественнымъ препятствіямъ. Исполняя приказанія его, Шуваловъ нѣкоторое время продолжалъ идти впередъ въ Вестъ-Ботніи, вдоль лѣваго уже берега залива, имѣя передъ собою малочисленный Шведскій отрядъ, который, по мѣрѣ его приближенія, безъ бою все отступалъ назадъ. Надоѣлъ онъ ему; чтобы принудить его сражаться, захотѣлъ Шуваловъ потѣшиться славнымъ дѣломъ. Додѣлши до мѣстечка Шелефта, нашелъ онъ небольшой заливъ, углубляющійся внутрь земли, который перегораживалъ ему дорогу; этотъ заливъ имѣлъ около двадцати верстъ ширины и весь покрытъ былъ еще льдинами, хотя это было 3 Мая, то есть 15 новаго стиля. Онъ сталъ кличь кликать; предложилъ генераламъ, кому изъ нихъ угодно будетъ, пока онъ пойдетъ вокругъ залива вслѣдъ за Шведскимъ отрядомъ, переправиться черезъ него по рыхлому льду, чтобы Шведамъ перерѣзать дорогу; всѣ отказались, безъ крайней надобности не желая идти на вѣрную гибель; одинъ изъ нихъ вызвался; это былъ Алексѣевъ. За смѣльчакомъ пошли Русскіе солдаты по гибкому, ломкому льду, часто проваливались и вытаскивали другъ друга изъ во-

ды, потомъ опять продолжали бодро идти впередъ. Богъ, видно, помогъ имъ, и черезъ нѣсколько часовъ очутились они на другой сторонѣ. Какъ съ неба упали они передъ ретирующимися Шведами, которые едва могли повѣрить такому чуду. Поставленные между двухъ огней, сдались они со всѣми своими пушками и знаменами. Это очень полюбилось въ Петербургѣ, и Алексѣеву данъ за то Георгіевскій крестъ третьей степени на шею.

Послѣ такого подвига Шуваловъ почиталъ себя въ правѣ говорить громче и смѣлѣе. Онъ остановился и рѣшительно отказался идти далѣе впередъ; онъ представлялъ о великомъ отдаленіи его отъ главной квартиры, о чрезвычайныхъ затрудненіяхъ въ продовольствіи. Съ какою цѣлію могъ онъ идти далѣе? Не ожидая никакого новаго подкрѣпленія, съ убавленнымъ отъ похода числомъ воиновъ, если бы и удалось ему подойти къ Стокгольму, то одного вооруженнаго народонаселенія достаточно бы было, чтобы раздавить его малочисленный корпусъ. Аракчеевъ прогнѣвался за такое ослушаніе; во всѣхъ подозрѣвалъ онъ трусость и сталъ обвинять въ оной Шувалова. Онъ столько имѣлъ уже власти надъ умомъ Царя, что любимца его усилъ подвергнуть жестокому наказанію.

Послушному и смѣлому Алексѣеву велѣно принять начальство надъ корпусомъ, а графу Шувалову находиться неотлучно при немъ, вчерашнемъ его подчиненномъ. Одинъ приказъ, одно наставленіе дано было Алексѣеву: впередъ и впередъ. Онъ исполнилъ приказаніе, влача за собою разобиженнаго, разогорченнаго Шувалова. Какъ судьба играетъ людьми! Алексѣевъ, одинъ изъ младшихъ генераль-маіоровъ Русской арміи, который за годъ передъ тѣмъ, или еще и менѣе, за благоразумное представленіе едва не лишился чести, предводительствуетъ корпусомъ, правда, числомъ воиновъ едва превышающимъ комплектную дивизію, но который по совершенно отдѣльному положенію своему могъ почитаться маленькою арміей, и одинъ идетъ противъ цѣлаго Шведскаго королевства. Онъ торжественно вступилъ въ Умео, главный городъ Вестъ-Ботниці, въ пятистахъ верстахъ отъ Торнео и въ полтора тысячѣ сухимъ путемъ отъ Абова. Отдохнувъ немного, собирался онъ продолжать походъ свой къ Гернезанду.

Не всѣ были довольны излишнею, по мнѣнію ихъ, покорностію своего новаго начальника: съ каждымъ шагомъ впередъ положеніе ихъ становилось затруднительнѣе и опаснѣе. Многіе полагали, что Алексѣевъ дѣйствуетъ по собственнымъ побужденіямъ и, обезпамятѣвъ отъ радости начальствовать корпусомъ, себя и ихъ ведетъ на вѣрную погибель. Болѣе всѣхъ возропталъ вновь пожалованный генераль Ансельмъ-де-Жибори, который скучалъ среди холодныхъ Ботническихъ

пустынь, которому хотѣлось скорѣе поцеголять шитьемъ и эполетами въ Петербургскихъ гостиныхъ, попить и покошунствовать въ Петербургскихъ трактирахъ. Его подбили сдѣлать доносъ. Онъ писалъ къ министру, что войско гибнетъ отъ безразсудности неученаго и неопытнаго начальника, который только что отчаянно-храбръ, а съ военнымъ искусствомъ вовсе не знакомъ. Это до нѣкоторой степени была правда; сколько однакоже было генераловъ въ Русской арміи, которые Тюрениа и Фридерика знали только по имени, а объ Коментаріяхъ Кесаря и не слыхивали, но которые, одарены будучи особеннымъ инстинктомъ, зоркимъ взглядомъ болѣе угадывали, чѣмъ видѣли опасности и съ необыкновеннымъ присутствіемъ духа ихъ отвращали; однимъ словомъ, которые самоучкой побѣждали. Лучше Багратиона я примѣра не нахожу. Ничего о томъ не вѣдая, Алексѣевъ съ своей стороны доносилъ Аракчееву, что по волѣ Царя готовъ онъ въ огонь и въ воду, какъ онъ сіе успѣлъ уже и доказать, но что для успѣха такого дѣла, какое ему поручено, одного усердія и смѣлости мало, и потому съ чистою совѣстію, признавая себя къ тому неспособнымъ, просилъ прислать другаго начальника, болѣе его свѣдущаго въ ратномъ искусствѣ. Государь былъ тронутъ его скромностію, она полюбилась ему, и графъ Каменскій опять нехотя былъ вызванъ изъ Орловской губерніи.

Между тѣмъ узналъ Алексѣевъ о тайномъ доносѣ Ансельма. Увидѣвъ его у себя и не зная ни одного слова по-французски, черезъ переводчика пустился онъ съ нимъ въ объясненія въ присутствіи другихъ генераловъ. Человѣкъ этотъ, который при исполненіи своихъ обязанностей въ мирѣ и въ войнѣ никогда не терялъ головы, въ обыкновенномъ быту жизни, съ чрезвычайно-добрымъ сердцемъ, бывалъ до бѣшенства запальчивъ, къ тому же для свѣта не совсѣмъ образованъ. Разгорячившись, онъ неоднократно повторялъ: скажите отъ меня этой Французской канальѣ то-то и то-то. Кажется, и для Француза это могло быть понятно. Того мало: онъ сопровождалъ разговоръ свой тѣми особенно энергическими выраженіями, которыя подобно Англійскому *Годдему*, какъ говоритъ Фигаро, служатъ основой нашему солдатскому и простонародному языку и которыя всякій иностранецъ, вступающій въ Русскую службу, такъ скоро изучаетъ. Ансельмъ притворился, будто ничего не понимаетъ и честію своей націи клялся, что никогда ничего объ немъ въ Петербургъ не писывалъ. «Ну, полно врать», отвѣчалъ наконецъ Алексѣевъ, «вижу, что ты лжешь, по тагъ и быть, Богъ съ тобой; приходи ко мнѣ, мусью, обѣдать». И тотъ пришелъ.

Съ успокоенными нервами, въ первыхъ числахъ Августа, прибылъ графъ Каменскій къ корпусу, не совсѣмъ на радость. Отъ похода, отъ недостатковъ, отъ болѣзней этотъ корпусъ примѣтно уменьшился. Не прошло двухъ дней, Каменскій не успѣлъ еще составить никакого плана, какъ вдругъ узнали, что довольно многочисленное Шведское свѣжее войско, подъ предводительствомъ графа Вахмейстера, высажено на берегъ и идетъ къ нимъ съ тылу. Одинъ только берегъ былъ населенъ, съ одной стороны море, съ другой необитаемая пустыня. Другаго средства не было, какъ идти назадъ къ Шведамъ на встрѣчу, чтобы сквозь нихъ пробиваться. Превосходство мѣстоположенія и числа было совершенно на ихъ сторонѣ. Въ день Преображенія, 6 Августа, началось жаркое, отчаянное дѣло при мѣстечкѣ Сефварѣ. Шведы надѣялись всѣхъ Русскихъ солдатъ побрать руками и могли то сдѣлать; но не такъ-то легко даются они неприятелямъ. Искусство тутъ ничего бы не помогло, а одна только всемогущая Русская храбрость. Алексѣевъ, какъ на своемъ мѣстѣ, былъ вездѣ впереди; Каменскій же находился въ нѣкоторомъ разстояніи и съ ужасомъ смотрѣлъ на происходящее. Онъ клялъ свою жизнь, рвалъ на себѣ волосы, не давалъ никакихъ приказаній, однимъ словомъ, совсѣмъ терялъ голову *). Надобно полагать, для его чести, что онъ болѣе тревожимъ былъ мыслию о потерѣ сраженія, чѣмъ о потерѣ жизни. Вдругъ пальба какъ будто умолкла, и несутъ къ нему Алексѣева съ веселымъ лицомъ и прострѣленною ногою. «Ну что, мой бѣдный Илья Ивановичъ? Что съ вами, и что съ нами? Мы пропали!» бросившись къ нему воскликнулъ Каменскій. «Какъ такъ? Да не обо мнѣ дѣло, ваше сіятельство, а честь имѣю васъ поздравить съ побѣдою», отвѣчалъ онъ. «Неужели?» сказалъ Каменскій. «Конечно: Шведы бѣгутъ, усаживаются на свои суда и скоро отплывутъ. У насъ въ рукахъ остались ихъ плѣнные и часть ихъ обоза и артилеріи». Безъ словъ, съ слезами на глазахъ, кинулся Каменскій его обнимать. Когда бѣгущіе Шведы отстрѣливались отъ преслѣдователей своихъ, послѣдняя ихъ пуля попала въ ногу Алексѣева; вотъ почему сказалъ я выше, что имъ и должна была кончиться Шведская война.

Послѣ того, Каменскій, не дожидаясь никакихъ уже предписаній изъ Петербурга, поспѣшно началъ ретироваться къ Умео и далѣе. Въ столицѣ, гдѣ довольно поздно получено было извѣстіе о Сефварскомъ дѣлѣ, принято оно было за пораженіе. Аракчеевъ готовилъ уже свои

*) Немного было тому свидѣтелей. Пятнадцать лѣтъ спустя, одинъ очевидецъ, полковникъ Липранди, который любилъ Каменскаго и имѣлъ нѣкоторыя неудовольствія на Алексѣева, съ сожалѣніемъ рассказывалъ мнѣ объ этомъ. Какъ было ему не повѣрить?

перуны протпвъ Каменскаго: онъ никакъ не хотѣлъ понять, чтобы послѣ побѣды можно было идти назадъ.

Но уже нѣсколько недѣль министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Румянцовъ находился для переговоровъ въ Фридрихсгамѣ съ Шведскими полномочными. Они долго были неуступчивы; наконецъ, 5 Сентября подписанъ ими славный и выгодный для насъ миръ. Благородный и правдивый Румянцовъ увѣдомлялъ, что, послѣ полученія въ Стокгольмѣ извѣстія о Сефварскомъ дѣлѣ, Шведское правительство, котораго оно было послѣднимъ усиленіемъ, вдругъ перемѣнило тонъ, и что не его дипломатическимъ уловкамъ, а скорѣе побѣдѣ Каменскаго Россія обязана за скорѣйшее заключеніе мирныхъ условій. Тогда только Румянцова пожаловали канцлеромъ, а графа Каменскаго генераломъ-отъ-инфантеріи, но положили объявить ему о томъ по возвращеніи его въ Петербургъ. Алексѣеву же моему послѣ залѣпили рану бриліантовой Аннинской звѣздой, да, какъ инвалиду, дали для прокормленія аренду въ полторы тысячи рублей серебромъ. Онъ и тѣмъ остался очень доволенъ.

Ничего не могло быть удивительнѣе мнѣнія публики, когда пушечные выстрѣлы съ Петропавловской крѣпости 8 Сентября возвѣстили о заключеніи мира, и Дворъ изъ Зимняго дворца парадомъ отправился въ Таврической для совершенія молебствія. Всѣ спрашивали другъ у друга, въ чемъ состоятъ условія. Неужели бѣольшая часть Финляндіи отходить къ Россіи? Нѣтъ, вся Финляндія присоединяется къ ней. Неужели по Торнео? Даже и Торнео съ частію Лапландіи. Неужели и Аландскіе острова? И Аландскіе острова. О, Боже мой! О, бѣдная Швеція! О, бѣдная Швеція! Вотъ что было слышно со всѣхъ сторонъ. Пусть отыщутъ другой народъ, въ коемъ бы было сильнѣе чувство справедливости, Англичане не захотятъ тому повѣрить. Русскіе видѣли въ новомъ завоеваніи своемъ одно только незаконное, постыдное насиліе. Во всей Россіи, дотолѣ славной и безъ потерь владѣній униженной все болѣе и болѣе, господствовала одна мысль, что у нея, именно у нея, а не у Государя ея, есть на Западѣ страшный соперникъ, который долженъ положить преграду величественному теченію ея великихъ судебъ, если сама она не будетъ умѣть потушить сей блестящій, ей грозящій метеоръ. Съ самаго Тильзитскаго мира смотрѣла она на приобрѣтенія свои съ омерзениемъ, какъ на подачки Наполеона.

Тѣ изъ Русскихъ, кои нѣсколько были знакомы съ Исторіей, не столько негодовали за присоединеніе Финляндіи, сколько благодарили за то Небо.

Обезсиленіе Швеціи упрочивало, обезпечивало наши сѣверныя владѣнія, коихъ сохраненіе съ построеніемъ Петербурга сдѣлалось для насъ необходимымъ. Если спросить, по какому праву Швеція владѣла Финляндіей? По праву завоеванія, слѣдственно по праву сильнаго; тогда тотъ изъ сосѣдей, который былъ сильнѣе ея и воспользовался имъ, имѣлъ еще болѣе ея правъ. Къ тому же, самое названіе Финляндіи, земли Финновъ, не показываетъ ли, что жители ея суть соплеменные множеству другихъ Финскихъ родовъ, подвластныхъ Россіи, внутри ея и на берегахъ Балтійскаго моря обитающихъ? Бóльшая часть Финляндіи, Ижора, Копорье, Корела или Карелія не принадлежали ли нѣкогда Великому Новгороду? Когда онъ сдѣлался добычей великихъ князей Московскихъ, тогда не могъ уже онъ самъ себя защитить и не одинъ разъ видѣлъ Шведскія полчища грабящія его области, а въ царствованіе Шуйскаго и его самого терзавшія. Финны всегда ненавидѣли Шведовъ, подъ коихъ иго подпали. Послѣ Русскаго завоеванія могли они надѣяться, что отъ него избавлены: ни мало, челоуѣколюбіе Александра не сняло его съ нихъ. И что такое сама Швеція, даже съ Норвегіей вмѣстѣ, весь Скандинавскій полуостровъ? Большая, холодная, бѣдная, бесплодная земля, давнымъ-давно уже опустѣвшая, послѣ непрерывныхъ побѣговъ удалыхъ своихъ сыновъ, кои безчисленными стаями рыскали по вселенной, искали приключеній и добычи, переходили земли, переплывали моря и подъ именемъ Варяговъ-Руссовъ или Нормановъ, основывали государства въ Нейстріи, Англіи, Сициліи, Неаполѣ и Россіи. Незапамятно оставленная ими отчизна не могла съ ними имѣть ничего уже общаго. Только въ шестнадцатомъ вѣкѣ начала опять Швеція проявляться Европѣ изъ-за тумановъ и снѣговъ своихъ. Предпримчивый духъ предковъ показался и между потомками, и слабая Швеція хотѣла попасть въ число сильныхъ державъ Европейскихъ. Къ счастью или къ несчастію ея, имѣла она цѣлый рядъ знаменитыхъ или чѣмъ-нибудь особенно примѣчательныхъ государей, въ числѣ коихъ былъ одинъ и великій. Кто изъ просвѣщенныхъ людей не знаетъ жестокаго Христіерна, мудраго Густава-Вазу, великаго Густава Адольфа, проказницу Христину, воинственныхъ Карла Густава и Карла XII? Только ими и красна была Швеція, а сама по себѣ ничего не значила. Особливо избаловала ее Тридцатилѣтняя война, когда ея Густавъ съ своими Торстенсонами и Оксенштіернами рѣшаль судьбу Германскихъ народовъ. Еще болѣе зазнались Шведы, когда двое изъ его преемниковъ хотѣли располагать Польскою короной, пока одинъ Русскій великанъ подъ Полтавой не далъ имъ, съ позволенія сказать, такого щелчка, послѣ котораго они присѣли, притихли и долго не могли опомниться. Однакоже и послѣ, развѣ не могли

они въ нѣсколько часовъ приплывать изъ Гельсингфорса къ Ревелю и овладѣть имъ? Развѣ не могли они надѣлать суматохи въ Петербургѣ? Развѣ Екатерина въ Царскосельскомъ дворцѣ своемъ не считала всѣхъ пушечныхъ выстрѣловъ морскаго съ ними сраженія подъ Красной горкой? Нѣтъ, не надобно имъ давать волп, не надобно позволять имъ почитать себя выше Баваріи и Виртемберга. Что бъ ни говорили, завоеваніе Финляндіи есть слава Александра, а не преступленіе его. Нельзя однакоже умолчать о томъ, что сдѣланное имъ изъ нея послѣ можно назвать измѣной... такъ точно, первой его измѣной Россіи. Но что снѣшить съ размышленіями о печальныхъ событіяхъ, кои въ послѣдствіи осужденъ я буду описывать.

Если этотъ 1809-й годъ былъ довольно обилень военными происшествіями, то еще болѣе долженъ быть памятенъ для нашихъ гражданскихъ чиновниковъ. Какъ всѣ люди по-неволѣ дѣятельные и трудами обремененные, императоръ Александръ терпѣть не могъ въ другихъ праздности и лѣни. Къ тому же, какъ либераль и властолюбецъ вмѣстѣ, онъ болѣе переносилъ, чѣмъ поощрялъ аристократическій образъ мыслей и всѣ преимущества отъ него независяція и не отъ него проистекающія ненавидѣль. Всегда смотрѣлъ онъ косо на придворные чины: въ молодыхъ камергерахъ и камеръ-юнкерахъ, обязанныхъ находиться при большихъ выходахъ, танцовать на придворныхъ балахъ, украшать собою общества, служить единственно для умноженія царской помпы, видѣлъ онъ людей только что шаркающихъ по паркету и называлъ ихъ полотерами. Изъ ничего, безъ всякихъ заслугъ и для бездѣйствія произвелись они прямо въ четвертый и пятый классъ, тогда какъ другіе могли только достигать до того многолѣтними трудами. Оно, конечно, съ перваго взгляда можетъ казаться несправедливостію; въ какой однакоже монархіи нѣтъ множества привилегированныхъ фамилій? И въ Англіи, молодые лорды, по достиженіи совершеннолѣтія, не засѣдаютъ ли въ верхней камерѣ парламента и не берутъ ли шагъ у старыхъ заслуженныхъ генераловъ? Въ Россіи дѣло совсѣмъ другое: въ ней никогда истинной аристократіи не бывало, и мѣстничество было одно постоянное пригязаніе, а не право. Петръ Великій установилъ чинъ; послѣ того кто былъ чиновникъ, тотъ и долженъ былъ, кажется, у насъ быть знатникъ. Вышло однакоже не совсѣмъ такъ: слѣды старины не могли вдругъ изгладиться; движеніе къ званію бояръ уже не существующихъ и къ древнимъ родамъ ихъ все еще сохранялось, и новыя понятія въ частыхъ сношеніяхъ со старой Европой, у нея заимствованныя, еще болѣе его усиливало. Воля царская, которая въ Россіи превыше всего, могла между тѣмъ единымъ дуновеніемъ создавать знатныхъ, т. е. многозначущихъ и вельможъ, т. е. вельми мощныхъ

и даже изъ самой черни извлекать первыхъ сановниковъ государства и ставигъ ихъ не только наравнѣ, но и выше потомковъ князей и бояръ. Императоры и императрицы однакоже мало употребляли сіе право и до Павла, исключая Меншикова и Разумовскихъ, едвали можно найти примѣръ, что кто-либо изъ престонародья, т. е. изъ самаго низшаго состоянія, возведенъ былъ въ самое высшее. Не довольствуясь избранныхъ своихъ награждать чинами и титулами, они жаловали ихъ большими помѣстьями, зная, что на низшій классъ болѣе всего дѣйствуетъ наружный блескъ и широкое житье и желая заставить уважать свое твореніе.

Людей полезныхъ ей, но по мнѣнію ея не довольно способныхъ къ занятію первыхъ мѣстъ въ государствѣ, Екатерина производила медленно. Особенно второй классъ, то есть чинъ генерала-аншефа, адмирала и дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, при ней для весьма многихъ недосагаемо подымался; онъ-то рѣшительно давалъ знатность тѣмъ, которые наследственно ея не имѣли. Сыновья людей съ знатнымъ фамильнымъ именемъ соединяющихъ богатое состояніе, равно какъ и сыновья сихъ новознатныхъ, получившіе хорошее образованіе, но не чувствовавшіе въ себѣ склонности къ военной службѣ, обыкновенно одни жаловались въ камерь-юнкеры, не для ихъ удовольствія, а въ награду заслугъ отцовскихъ, для украшенія общимъ мнѣніемъ уважаемыми именами придворнаго списка, для умноженія пышности столицы, гдѣ необходимы великолѣпныя палаты и роскошныя праздники. Безъ камерь-юнкерства, можетъ быть, предпочли бы они жить великокняжески въ своихъ помѣстьяхъ. Какъ часто видимъ мы людей, уже уставшихъ, а все продолжающихъ идти по трудному пути честей для того единственно, чтобы подавать ругу сыновьямъ своимъ, которые безъ нихъ, можетъ быть, стали бы на немъ спотыкаться: успѣхи предметовъ ихъ нѣжности бывають для нихъ дороже собственныхъ. Екатерина вѣдала то и, про ихъ дѣтей, держала камерь-юнкерство какъ одно изъ лучшихъ средствъ дѣлать ихъ самихъ счастливыми.

Александръ хотѣлъ вездѣ одной пользы, забывая, что сама природа производитъ не одно полезное, но и пріятное. Вмѣсто цвѣтовъ, во множествѣ украшающихъ сады его и коими любилъ онъ тѣшить взоръ свой, не велѣлъ же онъ сѣять капусту и рѣдьку. Онъ задумалъ положить преграду существующему, по мнѣнію его, злоупотребленію и о средствахъ къ тому сталъ совѣтываться съ Сперанскимъ.

Такъ какъ камергерство и камерь-юнкерство должны были почитать единственно чрезвычайными, особыми знаками царской милости, а отнюдь не наградой за личныя заслуги, то и стоило только продолжать ихъ раздачу съ большею противъ прежняго бережливостью и

только тѣмъ юношамъ, о коихъ я выше сказалъ и для коихъ слѣпая фортуна и слѣпой случай рожденія сдѣлали болѣе, чѣмъ природа.

Когда я началъ знать Сперанскаго, изъ дьячковъ перешагнувъ онъ черезъ простое дворянство и лѣзъ прямо въ знатные. На новой высотѣ, на которой онъ находился, не знаю, чѣмъ почиталъ онъ себя; извѣстно только, что самую уже знатность хотѣлось ему топтать. Примѣръ Наполеона вскружилъ ему голову. Онъ не имѣлъ сына, не думалъ жениться и одну славу собственнаго имени хотѣлъ передать потомству. Онъ сочинилъ проектъ указа, утвержденный подписью Государя, коимъ велѣно всѣмъ настоящимъ камергерамъ и камеръ-юнкерамъ, сверхъ придворной, избрать себѣ другой родъ службы, точно такъ, какъ отъ вольноотпущенныхъ требуется, чтобы они избрали себѣ родъ жизни. Нѣсколько трудно было для превосходительныхъ и высокородныхъ, изъ коихъ нѣкоторые были лѣтъ сорока, приисканіемъ стъ соотвѣтствующихъ ихъ чинамъ (въ коллегіи не опредѣляли новыхъ членовъ): по нѣскольгу человекъ посадили ихъ за оберъ-прокурорскіе столы, другихъ разсовали по министерствамъ. Чувствуя униженіе свое, никто изъ нихъ, даже тѣ, которые имѣли нѣкоторыя способности, не хотѣли заняться дѣломъ, къ которому никто не смѣлъ ихъ приневодивать.

Всѣ послѣ этого указа вновь жалуемые камергеры и камеръ-юнкеры должны были оставаться въ тѣхъ чинахъ, въ коихъ прежде находились, и всѣ сіи малочинные, также какъ и чиновные, должны были занимать какую нибудь должность въ гражданской службѣ. Можно ли было ожидать отъ графчика или князька, наследника двадцати, тридцати или пятидесяти тысячъ душъ, чтобы онъ охотно, въ званіи канцелярскаго служителя, подчинилъ себя засаленному повытчибу и по его приказанію переписывалъ бумажки? Въ Россіи всякій несправедливый законъ исправляется неисполненіемъ его. Всѣ эти баричи числились только по департаментамъ, а главное начальство само способствовало ихъ повышенію.

Этимъ указомъ съ своею знатію похристосовался Государь въ день Свѣтлаго Воскресенья. Между нею произвелъ онъ нѣкоторый ропоть; дворяне же и развочинцы тому обрадовались, особенно же тѣ, кои, подобно мнѣ, воспитаніемъ, образованіемъ своимъ почитали себя равными баричамъ, но дотолѣ не смѣли имъ завидовать.

Спрашивается послѣ этого: не самъ ли Государь возбуждалъ подданныхъ своихъ къ идеямъ о равенствѣ и свободѣ? Какъ никто не умѣлъ тогда замѣтить, что отъ этого единаго удара волшебнаго царскаго прутига исчезъ существовавшій у насъ дотолѣ призракъ аристократіи. Сперанскому хотѣлось республики, въ томъ нѣтъ никакого

сомнѣнія. Но чего же хотѣлось Александру? Неужели представительнаго монархическаго правленія? Оно нигдѣ безъ высшихъ, привилегированныхъ сословій не существовало. Ему хотѣлось Турецкаго правленія, гдѣ одинъ только Оттоманскій родъ пользуется наслѣдственными правами и гдѣ сынъ верховнаго визиря рождается простымъ Туркомъ и наравнѣ съ поселяниномъ платитъ подать.

Указъ, о коемъ говорю, былъ только прелюдіемъ другаго болѣе жестокаго и несправедливаго указа: великій преобразователь Россіи, Сперанскій, объявилъ его въ день Преображенія Господня, 6 Августа. Онъ давно смотрѣлъ съ негодованіемъ и нѣкоторою завистію на молодыхъ дворянъ, которые, безъ большихъ трудовъ, подвигались въ чинахъ, благодаря покровительству родныхъ и друзей ихъ семействъ. Нельзя этого одобрять, однакоже и никакой большой бѣды отъ того не было. Чины не были такъ расточаемы какъ нынѣ, сохраняли еще свою цѣну; люди были умѣреннѣе въ своихъ желаніяхъ, и немногіе упорно лѣзли вверхъ. Чины получать даромъ можно было только въ Петербургѣ, и немногіе соглашались оставаться въ немъ цѣлую жизнь. Иной, подобно Простодуму въ *Хвастунъ* Княжнина, поклонами добившись до *штабскаго шиншика*, спѣшилъ похвастать имъ въ провинціи, и его высокоблагородіе оставалось навсегда въ своемъ помѣстьѣ, спокойно имъ управляя, и было пресчастливо, когда подъ старость дворянство выбирало его своимъ уѣзднымъ предводителемъ. Другіе довольно пріятно и весело (по большей части въ Англійскомъ клубѣ) выживали сроки, положенные для выслуги лѣтъ въ каждомъ чинѣ; они не думали занимать высокихъ мѣстъ, для которыхъ чувствовали себя неспособными и, зная напередъ, что не пойдутъ далѣе чина коллежскаго совѣтника, имъ оканчивали расчеты своего чрезмѣрнаго честолюбія. Такіе люди, обыкновенно достаточные помѣщики, съ семействами и прислугой поселяясь въ Петербургъ, умножали въ немъ число потребителей и хорошее, пристойное общество, которое знатная спѣсь называла среднимъ состояніемъ. Чины были весьма легкимъ, хотя единственнымъ средствомъ для правительства, чтобы приманивать ихъ въ свою холодную, негостепріимную столицу. Если Европейское просвѣщеніе почитать благомъ для Россіи, то и въ этомъ отношеніи пребываніе ихъ въ Петербургъ было полезно для его распространенія. Было много и такихъ людей, кои не почитали обязанностію часто посѣщать департаменты, къ коимъ принадлежали, лучше сказать, были только приписаны, и не хотѣли изнушать, убивать умственные свои способности ежедневными мелочными канцелярскими трудами. Ихъ почитали праздными, тогда какъ бѣдшую часть своего времени посвящали они чтенію, изученію иностранныхъ твореній о законодательствѣ, о политической экономіи;

когда слѣдили они всѣ распоряженія правительства, въ тайнѣ порицали или одобряли ихъ и, не участвуя въ дѣлахъ его, безпрестанно ими занимались. Они медленно подымались по лѣстницѣ чиновъ, за то шли они непринужденно, благородно и всегда готовые перейти на другую, на лѣстницу мѣсть, гдѣ теорію своихъ знаній могли бы съ пользою приложить къ практикѣ дѣлъ текущихъ. Они не заслоняли дороги подъячимъ, которые шли путемъ людей дѣловыхъ, а они надѣялись быть государственными. Тѣхъ и другихъ задумалъ Сперанскій уничтожить однимъ ударомъ.

До 1803 или 1804 года во всей Россіи былъ одинъ только университетъ, Московскій, и не вошло еще во всеобщій обычай посылать молодыхъ дворянъ доканчивать въ немъ ученіе. Не смотря на скудость тогдашнихъ средствъ, родители предпочитали домашнее воспитаніе, тѣмъ болѣе, что, при вступленіи въ службу, отъ сыновей ихъ не требовалось большой учености. Не прошло двухъ или трехъ лѣтъ послѣ основанія Министерства Народнаго Просвѣщенія, какъ вдругъ учреждены и уже открыты пять новыхъ университетовъ. У насъ на Руси все такъ быстро дѣлается: *да будетъ свѣтъ и бысть*. Не смотря, однакоже, на размноженіе сихъ, наскоро созданныхъ университетовъ, число учащихъ въ нихъ было не велико. Государь и безъ того уже не слишкомъ благоволилъ къ своимъ Русскимъ подданнымъ; Сперанскій воспользовался тѣмъ, чтобы ихъ представить ему какъ народъ упрямый, лѣнивый, неблагодарный, не чувствующій цѣны мудрыхъ о немъ попеченій, народъ, коему не иначе, какъ насильно можно творить добро. вмѣстѣ съ тѣмъ увеличилъ онъ въ глазахъ его число праздношатающихся молодыхъ дворянъ-чиновниковъ. Сего было болѣе чѣмъ достаточно, чтобы склонить Царя на принятіе такой мѣры, которая, по увѣреніямъ Сперанскаго, въ будущемъ обѣщала большую пользу гражданской службѣ, а въ настоящемъ сокрушала всѣ надежды на повышение дѣлага, почти безъ изъятія, безчисленнаго сословія нашего.

Что распространяться о содержаніи указа, многія лѣта, многими тысячами проклинаемаго? Скажемъ о немъ нѣсколько словъ. Для полученія чиновъ статскаго совѣтника и коллежскаго асессора, обязаны были чиновники, представлять университетскій атестатъ объ экзаменѣ въ наукахъ въ числѣ коихъ были нѣкоторыя, о коихъ они прежде и не слыхивали, кои по роду службы ихъ были имъ вовсе бесполезны, какъ напримѣръ, химія для дипломата и тригонометрія для судьи, и которыя тогдашніе профессеры сами плохо знали. Не безразсудно ли было заставлять не только совершеннолѣтняго, но даже и пожилаго человѣка возвращаться къ школьнымъ лавкамъ? Люди живущіе од-

нимъ жалованьемъ и занимающіе должности, которыя мало оставляли имъ свободнаго времени, могли ли отъ нихъ отрываться, чтобъ ежедневно на нѣсколько часовъ дѣлаться учениками? Не рѣшаясь на то, съ лучшими способностями осуждены они были вѣкъ пресмыкаться въ самыхъ низкихъ должностяхъ. Безкорыстнымъ и благомыслящимъ людямъ, имѣющимъ насущный хлѣбъ, что оставалось дѣлать, если не бросить службу? Недобросовѣстные же и неимущіе вынуждены были незаконною прибылью утѣшать, вознаграждать себя за лишеніе всего, что служба имѣла для нихъ привлекательнаго. Нелѣпность этого указа ослабляла въ общемъ мнѣніи всю жестокую его несправедливость.

Никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы строгое его исполненіе было возможно. Всѣ полагали, что оно, послѣ временной остановки въ производствѣ, будетъ только относиться къ юношамъ, вновь поступающимъ на службу. Какъ бы на смѣхъ, какъ бы на зло правительству, университеты долго еще оставались почти пусты; ни старый, ни малый, ни служащій, ни служившій, ни даже приготовляющійся на службу не спѣшили посѣщать ихъ. Съ своей стороны цари не любятъ сознаваться въ ошибкахъ, и Александръ въ этомъ случаѣ никакъ не хотѣлъ уступать всеобщему ропоту. Въ продолженіе всего царствованія его указъ этотъ отмѣненъ не былъ; только гораздо позже послѣдовали въ немъ нѣкоторыя измѣненія.

Зло, имъ причиненное, неисчислимо, хотя совсѣмъ не то, котораго могъ ожидать Сперанскій. Онъ зналъ (да и кто же не зналъ тогда?), какъ всѣ состоянія были недовольны Государемъ, который всю армію свою казнилъ Аракчеевымъ. Налоги ежегодно увеличивались, торговля страдала отъ запретительной системы, введенной въ угожденіе Франціи; капиталисты разорялись отъ безпрестаннаго пониженія курса на асигнаціи. Онъ убѣдилъ Александра вдругъ поразить Дворъ, все гражданское вѣдомство и цѣлое дворянство. Отъ всюду разсѣянныхъ и вездѣ возрастающихъ неудовольствій чего могъ ожидать онъ, если не смуть, заговоры и возмущеній, въ виду торжествующаго Наполеона? Но слава долготерпѣнію твоему, народъ Русскій! Претерпѣваяя до конца, не одинъ разъ ты спасенъ былъ. Въ случаѣ неудачи, могъ Сперанскій надѣяться другаго. «Сыновья людей духовнаго званія учатся всѣ въ семинаріяхъ, думалъ онъ; почти всѣ они не любятъ отцовскаго состоянія и предпочитаютъ ему гражданскую службу; множество изъ нихъ въ ней уже находится. Семинарскимъ ученіемъ приготовленные къ университетскому, они и нынѣ составляютъ большую часть студентовъ ихъ: новый указъ ихъ всѣхъ туда заманить. Придавленные имъ дворянчики не захотятъ продолжать службы; пройдетъ немного времени, и управленіе цѣлой Россіи будетъ въ рукахъ семинаристовъ».

Такъ вѣрно думалъ онъ, но не совсѣмъ такъ случилось. Въ одномъ онъ только не ошибся: самолюбіе заставляло служить почти всѣхъ дворянъ. Чины еще были въ уваженіи; для полученія ихъ смолоду вступали они въ службу, привыкали къ ней, полегоньку болѣе или менѣе знакомились съ дѣлами и, достигнувъ зрѣлыхъ лѣтъ, ѣхали въ провинцію облагораживать, украшать своимъ именемъ, своимъ состояніемъ, своею честностію мѣста предсѣдателей, прокуроровъ и совѣтниковъ. Подъ старость титулъ превосходительства ожидалъ ихъ, какъ вѣнецъ на концѣ съ честію пройденнаго, длиннаго поприща. Внезапно на немъ остановлены они. Сколько было между ними людей умныхъ и способныхъ, которые скорѣе проживали имѣнія, чѣмъ наживались на службѣ! Мало-по-малу, другъ за другомъ, стали они убираться. Кѣмъ было замѣщать во множествѣ оставляемыя имъ мѣста? Для занятія ихъ дотолѣ былъ необходимъ соотвѣтствующій имъ чинъ; но производства не было, и надо было спускаться. Не прошло двухъ лѣтъ, какъ на мѣста пятого класса, вице-губернаторовъ и предсѣдателей, начали опредѣлять надворныхъ совѣтниковъ; на мѣста же совѣтничьи шестаго класса стали сажать коллежскихъ секретарей. Бывало, въ министерствѣ не знаютъ, что дѣлать съ помощникомъ столоначальника, ни къ чему не способнымъ: посылаютъ его совѣтникомъ въ губернію. Послѣ того можно себѣ представить, какіе люди соглашались оставаться тамъ секретарями и помытчиками. Всѣ мѣста вдругъ начали упадать, а чины не возвысились. Напротивъ, начался противъ нихъ какой-то заговоръ, какое-то нѣмое согласіе оказывать къ нимъ пренебреженіе, которое, время отъ времени увеличиваясь, въ нынѣшніе дни совершенно уничтожило ихъ прежнее значеніе. Чѣмъ малочиннѣе былъ богатый помѣщикъ, тѣмъ, нарочно, болѣе стали показывать къ нему уваженія. По тяжбамъ своимъ готовы были дворяне давать судьямъ своимъ, что было имъ угодно, только не пускать ихъ въ гостиныя свои.

Оставалось, однакоже, въ столицахъ довольно разъяреннаго честолюбія, чтобъ одержимые имъ, для удовлетворенія производимой имъ нестерпимой жажды, дерзали на все, даже на посрамленіе свое. Мы видѣли людей съ сѣдьющими волосами, покупающихъ книги, будто ихъ изучающихъ и смѣло потомъ идущихъ въ университеты на экзамень, какъ на торговую казнь. Безъ тайнаго у нихъ согласія съ экзаменаторами (впрочемъ, весьма несвѣдущими), не могли бѣ они получить атестата. Послѣднихъ надобно было задобрить. Итакъ, гнусное лпхонство, благодаря Сперанскому, проникло даже въ святилища наукъ. Люди, дотолѣ извѣстные чистотою правилъ, безсребренники-профессора осквернились взятками. Нѣсколько позже, провѣдавъ о томъ,

молодые дворяне, желающіе вступить въ службу, не брали труда ходить слушать лекціи, а просто за деньги получали атестатъ, открывающій имъ дорогу къ почестямъ: самый нѣжный возрастъ научался дѣйствовать подкупомъ. Лѣтъ пять такъ продолжалось, пока не приняты были мѣры къ пресѣченію постыднаго торга ученостію. Между тѣмъ вкусившіе отъ запрещеннаго плода преподаватели наукъ бросились туда, гдѣ жатва его была обильнѣе; простиившись съ докторствомъ и магистерствомъ, они спѣшили на путь, на которомъ имъ однимъ дозволено было идти быстро и до всего доходить. Сколько людей, обѣщавшихъ блистать на каѳедрѣ, погребло дарованія свои въ канцеляріяхъ! Университеты и гимназіи, сама ученая часть пострадала отъ чрезвычайныхъ привилегій ей дарованныхъ.

Всемирно завлекая студентовъ и семинаристовъ въ гражданскую службу, Сперанскій лишилъ и церковь твердыхъ ея опоръ, достойныхъ пастырей, вѣщателей Слова Божія, образцовыхъ проповѣдниковъ. Можетъ быть, и это входило въ его намѣренія. Дѣйствительно, всѣ наши свѣтильники вѣры, Филареты, Теофилакты явились до изданія пагубнаго указа; почти черезъ тридцать лѣтъ воскресло у насъ духовное краснорѣчіе съ Иннокентіемъ. Храмы Божіи, храмы наукъ опустошались нечестивецъ своими затѣями. Онъ втайнѣ приготовлялся тогда къ одному важному дѣлу, къ перестройкѣ государственнаго зданія и, въ угожденіе Государю, дѣлалъ опытъ надъ экспедиціей водяныхъ комуникацій. Она дотолѣ входила въ составъ издыхающаго министерства комерціи, о которомъ канцлеръ Румянцовъ, при другихъ занятіяхъ, уже мало заботился. Изъ сей экспедиціи, съ помощію друга своего Лубяновскаго, состряпалъ онъ новое министерство, подъ именемъ путей сообщенія. Но какъ Императоръ намѣренъ былъ поручить его управленію зятя своего, мужа любимой сестры своей Екатерины Павловны, молодаго принца Ольденбургскаго, и званіе простаго министра ему было неприлично, то и названо оно Главною Дирекціей. Тогда же съ великими издержками основаны институтъ и корпусъ инженеровъ путей сообщенія. Во всѣхъ Европейскихъ странахъ гражданскіе инженеры были давно уже извѣстны; въ Россіи это показалось новостію. Оно что-то похоже было на архитектурство; а какъ у насъ художества тогда мало отличались отъ ремеслъ, и молодые дворяне, хотя изгоняемые изъ статской службы, не охотно бы за нихъ принялись: то, чтобъ открыть имъ какую-нибудь дорогу и привлечь ихъ, принцъ выпросилъ симъ новымъ инженерамъ военные мундиры и чины. вмѣстѣ съ назначеніемъ его главнымъ директоромъ путей сообщенія сдѣлали его генераль-губернаторомъ Новгородскимъ, Тверскимъ и Ярославскимъ. Для великой княгини составили дворъ; въ Твери генераль-губернаторскій домъ наскоро, но пышно

передѣлали въ дворецъ, и въ концѣ Августа они на жительство туда отправились. И Тверь, не одинъ разъ великокняжеская столица, нѣкогда соперница Москвы, еще на нѣкоторое время опять блеснула между Русскими городами.

Желая навѣстить милую сестру и взглянуть на ея молодое, царское хозяйство, Государь отправился въ Тверь ко дню именинъ ея, 24-го Ноября. Видно, что старое, давно уснувшее соперничество Москвы въ ней опять пробудилось; ей казалось, что будетъ обидно, если Царь, находясь въ столь близкомъ отъ нея разстояніи, не захочетъ удостоить ее своимъ посѣщеніемъ. Два маститые старца, графъ Остерманъ и князь Голицынъ, явились въ Тверь отъ имени всего сонма заслуженныхъ, на покоѣ живущихъ бояръ и вельможъ, всего стариннаго Русскаго дворянства, коими наполнялась и гордилась тогда Москва, умолять Его Величество показать себя ей. Не знаю, какъ принялъ онъ это приглашеніе, однакоже согласился ѣхать, только не иначе, какъ съ сестрой, желая вѣроятно тѣмъ показать, что единственно для нея предпринялъ все это путешествіе. Тогда Цари не скакали еще на курьерскихъ изъ края въ край своихъ государствъ; ихъ странствованія, ихъ появленія, вдали отъ постояннаго мѣста ихъ жительства, почитались еще великими событіями, долженствующими занять важное мѣсто въ скрижаляхъ народной исторіи. Болѣе восьми лѣтъ, со времени его коронаціи, Москвитяне не видали Александра; ни Сперанскаго, ни Аракчеева съ нимъ не было; все забыто; радость и восторгъ были неописанные. Если не самъ онъ, то, по крайней мѣрѣ, прелестная Екатерина, достойная славнаго имени бабки своей, раздѣляла ихъ. Праздникъ за праздникомъ, пробылъ онъ въ Москвѣ цѣлую недѣлю и даже провелъ въ ней день рожденія своего, 12-го Декабря. Въ этотъ день вечеромъ онъ довольно милостиво и нѣжно съ нею распростился ¹⁾.

Въ концѣ мрачнаго Октября сестра моя Алексѣева привезла раненаго мужа своего изъ Абова ²⁾. На костыляхъ представлялся онъ Го-

¹⁾ Нынѣ извѣстно, что эта повѣзка Государя въ Тверь и потомъ въ Москву имѣла значеніе политическое: нуженъ былъ лишній предлогъ, чтобы замедлить отвѣтомъ Наполеону на его предложеніе жениться на великой княгинѣ Аннѣ Павловнѣ и, въ переговорахъ о бывшей Польшѣ, которые велись тогда же, выговорить побольше для Россіи. См. Русскій Архивъ 1877 года. II. Б.

²⁾ Мнѣ все приходится говорить о графѣ Федорѣ Ивановичѣ Толстомъ, прозванномъ Американцемъ. У раненаго Алексѣева, нѣсколько времени жившаго въ Абовѣ, каждый вечеръ собиралась гвардейская молодежь, между прочими старый знакомый его Толстой и молодая Нарышкинъ. Они оба были влюблены въ какую-то Шведку, Финляндку или Чухонку, и ревновали ее другъ къ другу. Въ одинъ изъ сихъ вечеровъ, слѣдя они рядомъ за большимъ карточнымъ столомъ, шепотомъ разобрались, на другое утро дрались, и бѣдный Нарышкинъ палъ отъ перваго выстрѣла своего противника. Велѣвъ за тѣмъ гвардія выступила обратно походомъ въ Петербургъ, откуда было прислано прика-

сударю и Аракчееву; и даже послѣдній принялъ его ласково, и даже посадилъ, чего не дѣлалъ онъ съ корпусными генералами. Вообще въ Петербургѣ никогда ему не было такого житья, какъ въ эту осень и зиму. Изъ военныхъ, всѣ вельможные часто посѣщали его, оказывали ему участіе и уваженіе, особливо же недавніе начальники его, Каменскій и Шуваловъ. Послѣ трудностей похода, послѣ недостатковъ, часто голода, армейскіе вообще любятъ погулять, не заботясь о состояніи своего кармана; въ мирное время, какъ говорится, у нихъ копѣйка ребромъ. А этотъ былъ особенно добродушный и неразсчетливый весельчакъ. Натѣшившись въ столицѣ болѣе двухъ мѣсяцевъ, получивъ безсрочный отпускъ съ сохраненіемъ жалованья и окладовъ, да сверхъ того нѣкоторую помощь отъ казны, въ самый новый годъ отправился онъ съ женою, сперва въ родимую Москву, а потомъ къ родимымъ въ Пензу, къ отцу-матери, къ малымъ дѣтушкамъ.

Проживши все это время съ зятемъ и сестрою, могъ бы я провести его довольно пріятно, еслибы на сердцѣ было повеселѣе. Я вступилъ въ тотъ возрастъ, въ которомъ люди серіозно начинаютъ думать о будущемъ, а оно мнѣ представлялось совсѣмъ не въ розовомъ видѣ. Еще съ весны началъ я настойчиво просить о должности, о штатномъ мѣстѣ. Въ такомъ случаѣ ищутъ обыкновенно въ младшихъ. Я полагалъ, что не имѣю въ томъ нужды, пользуясь покровительствомъ министра и его товарища. По волѣ перваго и ходатайству послѣдняго, въ Іюлѣ прикомандированъ я былъ къ экспедиціи государственнаго хозяйства, коею все продолжалъ управлять почтенный и ученый тайный совѣтникъ Карлъ Ивановичъ Габлицъ; его попеченіямъ былъ я порученъ отъ министра. Онъ передалъ меня Егору Васильевичу Корнѣеву *), начальнику третьяго отдѣленія, который долженъ былъ посвятить меня въ тайнства соляныхъ дѣлъ, въ этомъ отдѣленіи производящихся. Онъ былъ чрезвычайно кость, говорилъ со мною мало и смотрѣлъ на меня костье обыкновеннаго. Будучи настоящимъ бюрократъ, видѣлъ онъ во мнѣ бѣлоручку, барченка. Вся эта порода ко мнѣ не благоволила; были въ ней, однакоже, выродки и, между прочимъ, одинъ столоначальникъ этого отдѣленія, надворный совѣтникъ Богдановичъ, съ которымъ я долженъ былъ заниматься. Съ весьма добрымъ сердцемъ, съ большою опытностію, имѣлъ онъ плохое здоровье, собирався въ отпускъ и возвращаться къ должности не хотѣлъ, если здоровье

заіе везти Толстаго арестованнымъ. У Выборгской заставы его опять остановили и послали прямо въ крѣость. Нѣсколько лѣтъ вертѣлся онъ около Петербурга и въ третій разъ едва успѣлъ въ него попасть.

*) Нынѣ, въ глубокой старости, онъ инвалидный сенаторъ. Не смотря на то, женился на какой-то молодкѣ.

ему не позволить. Я предназначенъ былъ его преемникомъ, и онъ употреблялъ всё средства, чтобы,ознакомивъ меня со ввѣренными ему дѣлами, сдѣлать меня способнѣе къ занятію его мѣста. Онъ уѣхалъ, и я три мѣсяца исправлялъ его должность. Въ столѣ моемъ были дѣла по Крымскому солянному производству, и въ занятіи ими никакого не было колдовства. Корнѣевъ былъ со мною вовсе не любезенъ, обходился холодно, даже нѣсколько сурово, но ни малѣйшей неучтивости не позволялъ себѣ: видно, что я былъ исправенъ въ должности и въ обхожденіи съ нимъ умѣлъ быть вѣжливъ и вмѣстѣ съ тѣмъ показывать нѣкоторую твердость.

Въ это время явился жестокій указъ 6 Августа: послѣднимъ предѣломъ моего честолюбія поставлены были чинъ коллежскаго совѣтника и мѣсто начальника отдѣленія. Еслибъ у меня были свобода и состояніе, я немедленно бы оставилъ службу. Небольшое жалованье было для меня необходимостію, и я готовъ былъ терпѣливо переносить и Корнѣева, и всё указы Сперанскаго.

Когда Богдановичъ прислалъ просьбу объ отставкѣ, я считалъ излишнимъ напоминать о себѣ, обращаться къ министру, къ товарищу его или къ управляющему экспедиціей съ новыми искательствами: мѣсто столоначальника казалось принадлежащимъ мнѣ по праву. Вдругъ Лошкаревъ, своякъ Корнѣева, изъ другаго вѣдомства, назначенъ на это мѣсто, и я долженъ сдать ему бумаги. Я было бросился съ упреками: Корнѣевъ косо посмотрѣлъ на меня и ни слова не отвѣчалъ; Габлицъ сказалъ, что у него какъ-то вышло изъ памяти и что я напрасно ему не напомнилъ; «какъ быть», прибавилъ онъ, «дѣло сдѣлано». Итакъ, четыре мѣсяца самолюбіемъ, свободою и лѣнностію напрасно жертвовалъ я желанію быть себѣ и службѣ полезнымъ! Зло меня взяло, и я готовъ былъ изъ Петербурга бѣжать въ какую-нибудь пустыню.

Въ Декабрѣ, въ одно тихое, ясное, холодное утро встрѣтилъ я на дворцовой набережной управляющаго министерствомъ финансовъ, почтеннаго Федора Александровича Голубцова, котораго давно я не видалъ. Онъ остановилъ меня ласково и велѣлъ идти съ собою; потомъ сталъ спрашивать о службѣ и съ участіемъ выслушивалъ подробности о неудачахъ моихъ по ней. «Батинька, голубчикъ (названія, кои употреблялъ онъ съ тѣми, къ коимъ благоволилъ), приходи ко мнѣ», сказалъ онъ, «тамъ кое о чемъ на просторѣ поговоримъ». Въ назначенный часъ явился я къ нему и былъ тотчасъ допущенъ; онъ объявилъ мнѣ намѣренія свои. Колегіи, полуразрушенныя, все стояли еще, все еще не совсѣмъ были повалены; ударъ, готовый навсегда сокрушить сіи ветхія, а еще твердыя зданія, былъ уже занесенъ, но

никто о томъ еще не вѣдалъ. Министерства все еще сохраняли названія департаментовъ, ибо каждое изъ нихъ состояло изъ одного; была между ними, однакоже, нѣкоторая разниа, напримѣръ, всеобъемлющій департаментъ внутреннихъ дѣлъ былъ раздѣленъ на три экспедиціи, изъ коихъ каждая имѣла свои отдѣленія и равнялась числомъ служащихъ съ другими департаментами, тогда какъ департаментъ финансовъ весь состоялъ изъ нѣсколькихъ только отдѣленій. Одно изъ нихъ было по кредитной части. Государственный долгъ былъ не великъ, и она далеко не была столь важною, какъ нынѣ, къ несчастію, она почитается. Отдѣленіемъ симъ управлялъ статскій совѣтникъ Семень Николаевичъ Озеровъ, человѣкъ честный, съ познаніями и усердіемъ. Пословица говоритъ: рыба ищетъ гдѣ глубже, а человѣкъ—гдѣ лучше; въ Россіи не совсѣмъ такъ: а человѣкъ—гдѣ выше. Озеровъ желалъ получить мѣсто оберъ-прокурора въ Сенатѣ, и оно ему было уже обѣщано. Не зная, кѣмъ замѣнить его, Голубцовъ предложилъ мнѣ вступить въ его департаментъ, сдѣлаться ученикомъ Озерова мѣсяцевъ на семь или на восемь, можетъ-быть на годъ, и заступить его потомъ въ мѣстѣ начальника отдѣленія. Можно себѣ представить, какъ я обрадовался такому предложенію.

Я скорѣе подалъ Габлицу просьбу объ увольненіи меня изъ департамента внутреннихъ дѣлъ, но Корнѣевъ докладывалъ по ней министру. Не знаю, какъ онъ ему представилъ ее, только князь Куракинъ чрезвычайно прогнѣвался. Онъ зналъ, что кредитъ его при Дворѣ падаетъ, что Сперанскій, который никогда не могъ простить ему того, что былъ у него въ домѣ учителемъ, давно уже подъ него подкапывается; можетъ-быть полагалъ, что это извѣстно его подчиненнымъ и былъ въ весьма дурномъ расположеніи духа. Въ атестатѣ, мнѣ выданномъ при увольненіи, ни единого слова не сказано мнѣ въ похвалу. По вечерамъ посѣщалъ я иногда домъ Козодавлева; когда послѣ того увидѣлъ онъ меня у себя, то подошелъ съ видомъ досады и сказалъ, что я напрасно поторопился, не предупредивъ его, что молодые люди всегда теряютъ отъ нетерпѣнія своего и тому подобное. Можетъ-быть, былъ онъ правъ, но какъ мнѣ было знать это тогда? Я отвѣчалъ не дерзко, но довольно смѣло; онъ отворотился отъ меня и всегда уже потомъ былъ холоденъ со мною.

Когда, наканунѣ Рождества, пришелъ я благодарить почтенно-милѣйшаго моего Федора Александровича за опредѣленіе въ департаментъ финансовъ, сказалъ онъ мнѣ: «Батинька, голубчикъ, еще покамѣстъ не за что благодарить. Теперь къ концу года мы чрезвычайно заняты отчетами, а подожди недѣльки двѣ или три: тогда авось изъ экстраординарной суммы прищу тебѣ содержаніе, съ которымъ ты безбѣдно мо-

жешь прожить до получения настоящаго мѣста. Вотъ съ какою славною надеждою заснулъ я въ 1809 году и проснулся въ 1810-мъ.

VII.

Въ день Новаго Года всѣ воротившіеся изъ дворца отъ обѣдни, не одинъ коробъ, а цѣлый возъ привезли съ собою вѣстей. Одна изъ нихъ поразила меня, какъ громовымъ ударомъ: Голубцовъ былъ отставленъ. Но я не иначе люблю рассказывать, какъ все по порядку.

Со временъ Петра Великаго былъ при царяхъ Тайный Совѣтъ *). Онъ не имѣлъ постоянныхъ засѣданій и созывался въ нужныхъ, чрезвычайныхъ случаяхъ. Потомъ продолжалъ онъ существовать подъ именемъ Совѣта Его или Ея Императорскаго Величества. По вступленіи на престолъ Александра, Сперанскій, чрезъ покровителя своего графа Палена, предложилъ раздѣлить канцелярію его на четыре экспедиціи, какъ я гдѣ-то выше сказалъ, и умножить въ ней число дѣлъ. Этотъ первый опытъ назову я удачнымъ, ибо Совѣтъ никогда менѣе не занимался, ничего не могъ сдѣлать, ничего не дѣлалъ и въ новомъ образованіи своемъ успѣлъ уже состарѣться. Сперанскій задумалъ дать ему новую жизнь, новую силу и посредствомъ его управлять цѣлою Россіей. Онъ названъ Государственнымъ Совѣтомъ и долженъ былъ имѣть предсѣдателя, чего дотолѣ не было. Сперанскій былъ только что тайный совѣтникъ и, не смѣя себя предложить на это мѣсто, указалъ на государственнаго канцлера графа Румянцева, котораго все время поглощали затруднительныя тогда дипломатическія занятія.

Не канцелярію Совѣта, а самый Совѣтъ раздѣлялъ онъ на четыре департамента: законовъ, военныхъ дѣлъ, сухопутныхъ и морскихъ, гражданскихъ и государственной экономіи. Каждый изъ нихъ получилъ особаго предсѣдателя и нѣсколько членовъ. Всѣ дѣла особенной важности должны были подлежать разсмотрѣнію одного изъ департаментовъ или общаго ихъ собранія. Жалобы тяжущихся Государю на рѣшенія Сената, пропущенныя чрезъ вновь учрежденную Комисію Прошеній, также должны въ Совѣтѣ разсматриваться и перерѣшаться. Однимъ словомъ, онъ сдѣлался высшею инстанціей, соединяющею въ себѣ правительственную, законодательную и судебную власти.

Правителемъ канцеляріи Совѣта въ прежнемъ ея составѣ былъ пѣкто тайный совѣтникъ Иванъ Андреевичъ Вейдемейеръ. Незаконно-рожденный сынъ Русскихъ родителей, православной вѣры, получилъ онъ отъ нихъ Нѣмецкое прозваніе, какъ талисманъ; и дѣйствительно,

*) Отъ того названія и мѣста, вышѣ чины, тайныхъ и дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ.

оно одно отверзло ему путь къ почестямъ, на которомъ ничтожество его, наконецъ, остановило. При новомъ преобразованіи Совѣта назначень онъ его членомъ, а Сперанскій смиренно заступилъ мѣсто этого жалкаго творенія, только уже подъ созданнымъ имъ названіемъ государственнаго секретаря. Подчиненные ему, управляющіе канцеляріями департаментовъ, получили титулъ статсъ-секретарей.

Въ картинахъ, въ романахъ, даже въ исторіи смотримъ мы съ удовольствіемъ на ужасы, при видѣ коихъ въ сущности мы бы содрогнулись. Такъ то было и съ императоромъ Александромъ: отецъ его, какъ увѣряютъ, не охотно бы согласился лично находиться въ сраженіяхъ, а безъ памяти любилъ маневры; сынъ же всегда любилъ тѣшиться искусственнымъ изображеніемъ представительнаго правленія. Кому лучше Сперанскаго можно было знать это? Государственный Совѣтъ и Правительствующій Сенатъ умѣлъ онъ въ глазахъ Царя представить подобіемъ верхней и нижней камеръ парламента, тогдашнихъ Французскаго Сената и Законодательнаго Корпуса, тогда какъ они съ ними ничего не имѣли общаго. Совѣтъ былъ ни что иное, какъ самъ Сперанскій, который предлагалъ въ немъ къ слушанію дѣла, потомъ, среди общаго молчанія членовъ, самъ разсуждалъ о нихъ и опредѣленія свои давалъ имъ подписывать. Сенатъ же упалъ ниже прежняго, превратился въ какую-то кассационную палату.

Мѣста председателей департаментовъ Совѣта, поставленные выше званій министровъ, какъ въ томъ скоро убѣдились, были не что иное, какъ необходимое, благовидное отъ сихъ послѣднихъ увольненіе. Для занятія должности председателя департамента экономіи вырыли вѣчнаго Николая Семеновича Мордвинова. Министръ юстиціи, князь Лопухинъ, и министръ народнаго просвѣщенія, графъ Завадовскій, уволены отъ должностей; первый назначень председателемъ департамента законовъ, послѣдній—департамента гражданскихъ дѣлъ. Соединеніе званій председателя всего Совѣта и министра иностранныхъ дѣлъ въ лицѣ графа Румянцова доказывало, что и ихъ можно было бы оставить при обоихъ мѣстахъ (оба были извѣстны своимъ умомъ и опытностію); но Сперанскому нужны были министры помоложе и попокорнѣе.

Но что всего было важнѣе, непонятнѣе, изумительнѣе, Аракчеевъ, самъ графъ Алексій Андреевичъ, оставилъ Военное Министерство, чтобы занять мѣсто председателя департамента военныхъ, сухопутныхъ и морскихъ дѣлъ. Кто въ этомъ дѣлѣ былъ обмануть, Государь ли или Аракчеевъ? И не оба ли вмѣстѣ? Первый послѣднему никогда не оказывалъ болѣе любви и довѣренности. Можетъ-быть, думалъ онъ этимъ распространить его занятія и власть. А можетъ-быть, наскучивъ безпрестаннымъ несогласіемъ его съ главнокомандующими арміями, ожидая отъ

того вредныхъ послѣдствій въ случаѣ болѣе обширной войны, внимая жалобамъ всего войска, которыя были слишкомъ громки, чтобы не доходить до него; можетъ быть, тайно негодуя за то, что Аракчеевъ, не уважая его выборовъ, не хотѣлъ щадить ни единого изъ его военныхъ любимцевъ, а между тѣмъ, желая показать, что онъ не уступаетъ общему мнѣнью, Государь искалъ средства, какъ будто возвышая его, устранить отъ такой части, которою самъ онъ тогда исключительно любилъ заниматься и въ которой министръ его не оставлялъ ему почти никакого дѣла. Помогъ ему Сперанскій, если сей послѣдній не самъ желалъ парализировать могущество Аракчеева. А этотъ показывалъ видъ весьма довольный; онъ, кажется, полагалъ, что не одна армія, но наконецъ и весь флотъ попался въ его желѣзныя лапы. Такъ всѣ по крайней мѣрѣ думали, и бѣдные моряки чрезвычайно опустили было голову.

Посредствомъ всѣхъ этихъ перемѣщеній, по примѣру Англіи, возобновленъ былъ почти весь кабинетъ, что также было по вкусу Императора. И мнѣ приходится въ третій разъ изображать лица новыхъ министровъ *).

Военнымъ назначенъ главнокомандующій Финляндскою арміею Барклай-де-Толли. Онъ былъ Нѣмецъ, а никто изъ Русскихъ не позволилъ себѣ тогда поднять голоса противъ его назначенія. Высокая добродѣтель, высокій умъ самихъ враговъ своихъ заставляютъ невольно уважать себя. Происхожденіемъ изъ Шотландіи, сынъ Ревельскаго купца и бургомистра, женатый на дворянкѣ Смиттенъ, Барклай, казалось, не принадлежалъ ни къ какой націи, ни къ какому сословію: онъ принадлежалъ только къ чрезмѣрно-ограниченному въ мірѣ разряду мудрецовъ и героевъ. Оставивъ начальство на двѣ трети уменьшенной арміи своей, подъ именемъ корпуса, генералъ-лейтенанту Штейнгелю, прибылъ онъ въ Петербургъ въ половинѣ Января. Съ первыхъ минутъ показалъ онъ твердость и умѣренность. Онъ не согласился подчинить себя Аракчееву (что Государь уже предвидѣлъ), потребовалъ власти равной той, которою предшественникъ его пользовался, и въ тоже время дѣйствіями своими доказывалъ, что не употребитъ ее во зло.

Извѣстный лично Государю, сенаторъ Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ былъ призванъ изъ Москвы, чтобы на мѣсто Лопухина быть министромъ юстиціи. Это былъ первый примѣръ тайнаго совѣтника, поступающаго

*) Надо отдать справедливость Александру и Сперанскому: никто лучше ихъ не умѣлъ хранить тайну. Никто не имѣлъ ни малѣйшаго подозрѣнія на счетъ приготовляемыхъ перемѣнъ. Сами министры узнали о томъ, развѣ только наканунѣ новаго года, дня, въ который перемѣны сіи послѣдовали.

прямо въ министры. Кажется, нѣтъ сомнѣнiя, что Сперанскiй, перепутывая чины и мѣста, думалъ уже объ уничтоженiи первыхъ. Зная Дмитрiева, какъ отличнаго поэта, вспоминая Державина, полагая, что несовершенное знанiе дѣлъ подчинить ему его, онъ не противился выбору Царя, мысленно сдѣланному во время недавняго посѣщенiя Москвы. Странное дѣло, что Александръ не любилъ стиховъ, презиралъ ими даже, а высоко цѣнили поэтовъ. Онъ полагалъ, что стихи не что иначе, какъ блестящiя шалости, мотовство богатаго ума, сокровища свои попусту расточающаго. Во всякомъ поэтѣ видѣлъ онъ искуснаго правителя, судью, котораго стѣдитъ только поставить на истинный путь, ему природой указанный, съ котораго сила воображенiя своротила его, и тогда отъ него болѣе чѣмъ отъ другихъ государство можетъ ожидать пользы. Все польза да польза, а какая польза безъ наслажденiй вкуса, ума и сердца! Какъ не зналъ Александръ, что не стихи-поэзiя, а любовь, которую въ молодости онъ такъ сильно ощущалъ, слава, которою онъ былъ очарованъ, религiозныя чувства, которымъ онъ такъ искренно предавался, наконецъ, всѣ благородныя страсти, кои тѣмъ сильнѣе волновали грудь его, чѣмъ болѣе онъ старался скрывать ихъ, желая всегда казаться только мудрымъ и хладнокровнымъ.

Когда, при вступленiи на престолъ, Павелъ наслѣдника своего сдѣлалъ шефомъ Семеновскаго полка, Дмитрiевъ былъ въ немъ капитаномъ. Мужественная красота его поразила юношу; остроумiе его забавляло и плѣняло однополчанъ, тогда какъ въ тоже время какая-то природная важность въ присутствii его удерживала лишнiе порывы ихъ веселости: они почтительно наслаждались имъ. Изъ офицеровъ тогдашней гвардii немногiе отличались образованностию; за то всѣ они, почти безъ изъятiя, подобно Дмитрiеву, гордились извѣстностию, древностию благородныхъ своихъ именъ. Въ самомъ же Дмитрiевѣ (пусть нынѣ назовутъ это предрасудкомъ) старинный дворянинъ былъ еще чувствительнѣе, чѣмъ поэтъ и офицеръ. Оттого товарищи еще болѣе любили его, въ этомъ только почитали себя ему равными, во всемъ же прочемъ признавали его первенство между собою. По какому-то недоразумѣнiю схваченъ былъ онъ (разумѣется при Павлѣ) и какъ преступникъ посаженъ въ крѣпость. Не прошло сутокъ, какъ истина открылась, и онъ призванъ въ кабинетъ Царя, куда явился съ покорностию подданства и смѣлостию невинности. Павелъ восхитился имъ и, по обыкновенiю своему, переходя изъ одной крайности въ другую, изъ гвардii капитановъ произвелъ его прямо въ оберъ-прокуроры Сената, съ опредѣленiемъ на первую могущую открыться вакансiю. Вотъ въ какихъ обстоятельствахъ узналъ его Александръ и послѣ того всегда сохранялъ о немъ высокое мнѣнiе.

Какъ стихотворецъ, будетъ всегда занимать онъ на Русскомъ Парнасъ замѣчательное мѣсто. До него свѣтскіе люди и женщины не читали Русскихъ стиховъ или, читая, не понимали ихъ. Не было середины: съ одной стороны Ломоносовъ и Державинъ, съ другой Майковъ и Барковъ, или восторженное, превыспренное, или площадное и непотребное, ода *Богъ* или *Елисей*. Скажутъ конечно, что Княжнинъ прежде его написалъ въ стихахъ двѣ хорошія комедіи—*Хвастунъ* и *Чудаки*; да развѣ въ нихъ есть разговорный языкъ хорошаго общества? Доказавъ Ермакомъ и Освобожденіемъ Москвы все, что въ лирическомъ родѣ онъ въ состояніи сдѣлать, не отъ безсилія перешелъ онъ къ другому, на первый взглядъ болѣе легкому роду. Его *Модную Жену*, *Воздушныя Замки* и даже множество пѣсенокъ начали дамы знать наизусть. Съ недостигаемыхъ для публики высотъ свелъ онъ Музу свою и во всей красѣ поставилъ ее гораздо выше гніющаго болота, гдѣ воспѣвали Панкратій Сумароковъ и ему подобные: однимъ словомъ, онъ представилъ ее въ гостиныхъ. То, что предпринялъ онъ въ стихахъ, сдѣлалъ въ прозѣ землякъ его, другъ и братъ о Аполлонъ, Карамзинъ, и долго оба они сіяли Москвѣ, какъ созвѣздіе Кастора и Полукса.

Государь не ошибся, избравъ министромъ поэта Дмитріева; но только не поэта, а кореннаго Русскаго человѣка по отцу и по матери. Эти люди, исключая особаго какого-нибудь дара, всегда имѣютъ еще врожденныя способности ко всему. Оттого часто мы видимъ у себя моряковъ, которые, не покидая морской службы, хорошо выучиваются фронтовой, гусаровъ, которые дѣлаются инженерами; оттого, когда нужда потребовала, видѣли мы канцелярскихъ, бросающихъ перо, хватающихся за ружье и саблю и славно владѣющихъ ими противъ непріятеля. Оттого не должны мы слишкомъ строго осуждать помѣщиковъ, твердо въ томъ увѣренныхъ, которые, не справляясь со склонностями крѣпостныхъ своихъ мальчиковъ, безъ разбора, по прихоти отдають ихъ учиться ремесламъ: если не всѣ выходятъ изъ нихъ мастера, то, по крайней мѣрѣ, хорошіе работники. Русскіе отличаются этою смѣтливостію не только отъ другихъ народовъ, но и отъ всѣхъ Славянскихъ племенъ. Дмитріевъ, который, можетъ быть, никогда не думалъ о судебной части, долженъ былъ заняться ею, вслѣдствіе счастливаго каприза императора Павла. Съ его необыкновеннымъ умомъ, съ его любовію къ справедливости, ему не трудно было съ сею частію скоро ознакомиться, и Русское правосудіе сдѣлало въ немъ важное пріобрѣтеніе. Но оно отвлекало его отъ любимыхъ его стихотворныхъ занятій, коимъ надѣялся онъ посвятить всю жизнь, и нѣсколько лѣтъ провелъ онъ въ отставкѣ. Желая уму его дать болѣе солидную пищу,

Александръ сдѣлалъ его сперва сенаторомъ, а вскорѣ потомъ министромъ. Тогда не былъ я столь счастливъ, чтобы лично съ нимъ познакомиться (это случилось гораздо позже), но какъ всѣ короткіе пріатели мои пользовались его благосклонностію, которую въ послѣдствіи и на меня простеръ онъ, то и тогда я уже зналъ характеръ его, какъ будто вѣкъ съ нимъ жилъ. Какъ во всякомъ необыкновенномъ человѣкѣ, было въ немъ много противоположностей: въ немъ все было размѣрено, чинно, опрятно, даже чопорно, какъ въ Нѣмцѣ; всѣ же привычки, вкусы его были совершенно Русскаго барина; квасъ, пироги, паче всего малина со сливками были его наслажденіемъ. Любилъ онъ также и шутовъ, но въ нихъ посвящалъ обыкновенно чванныхъ стихоплетовъ. Многіе почитали его эгоистомъ*), потому что онъ былъ холостъ и казался холостень. Любилъ онъ немногихъ, за то любилъ ихъ горячо; прочимъ всегда желалъ онъ добра; чего требовать болѣе отъ человѣческаго сердца? Крупные и мелкіе Московскіе литераторы всегда составляли его семью, общество и свиту; въ молодости и въ зрѣлыхъ лѣтахъ былъ онъ ихъ коноводомъ, въ старости патріархомъ ихъ. Человѣка, не имѣющаго никакихъ слабостей, мнѣ кажется любить нельзя, можно ему только что дивиться; Дмитріевъ, съ прекрасными свойствами истинныхъ поэтовъ, имѣлъ нѣкоторыя изъ ихъ слабостей: въ немъ была чрезвычайная раздражительность и маленькое тщеславіе. Съ этою приправой, самая важность его, серіозный видъ дѣлались привлекательны.

Министромъ народнаго просвѣщенія назначенъ былъ графъ Алексѣй Кирилловичъ Разумовскій, попечитель Московскаго университета. Онъ также посѣщенію Москвы Государемъ былъ обязанъ за его выборъ. Всѣ сыновья добродушнаго, но всѣмъ радушнаго Кирида Григорьевича были не въ него спѣсны и не доступны. А казалось бы ему скорѣе можно было въ молодости зазнаться при быстромъ переходѣ отъ состоянія пастуха къ званію гетмана Малороссіи, отъ нищеты къ несмѣтному богатству. Всѣ они воспитаны были за границей, начтены Французскою литературой, облечены въ иностранныя формы и почитали себя Русскими Монморанси. Трое изъ нихъ были просто любезные при Дворѣ и несносные внѣ его аристократы; одинъ Андрей былъ извѣстнымъ дипломатомъ, а двое, Григорій и Алексѣй, предались наукамъ, первый минералогіи, послѣдній ботаникѣ. Можетъ быть, Линней и былъ бы хорошимъ министромъ просвѣщенія, но между ученымъ

*) Дружбы не знаютъ эгоисты, а сердце Дмитріева какъ будто осиротѣло, овдовѣло послѣ смерти Карамзина. Однѣ разъ со мною, разговаривая объ умершемъ другѣ своемъ съ чувствомъ, съ похвалою, но безъ большаго жара, вдругъ забылся онъ до слезъ. Изъяснить не могу, какъ я былъ глубока этимъ трогать.

и только что любителемъ наукъ великая разница. Изъ познаній своихъ дѣлалъ графъ Алексѣй Разумовскій тоже употребленіе, что и изъ богатства: онъ наслаждался ими одинъ, безъ малѣйшаго удовольствія, безъ всякой пользы для другихъ. Въ подмосковномъ великолѣпномъ помѣстьѣ своемъ Горенкахъ, среди царской роскоши, заперся онъ одинъ съ своими растеніями. Тогда все почиталось великою ученостью; отъ любезныхъ ему теплицъ оторвали его, чтобы поручить ему разсадники наукъ: казалось, право, что Русское юношество считали принадлежащимъ къ царству прозябаемыхъ. Еще разъ должно сказать, что всѣ эти баричи, при Екатеринѣ и послѣ нея, на Французскій знатный манеръ воспитанные, въ дѣлахъ были ни къ чему не годны, слѣдственно съ властію и вредны; и къ сотнямъ доказательствъ того принадлежитъ Разумовскій. Никакой памяти не оставилъ онъ по себѣ въ министерствѣ. Онъ имѣлъ одну только незаконную славу быть отцомъ Перовскихъ.

Если трое названныхъ мною новыхъ министровъ были выписные, изъ арміи, изъ Москвы, то четвертый былъ Петербургскій, доморощенный, при Дворѣ откормленный, Дмитрій Александровичъ Гурьевъ. При первомъ учрежденіи министерствъ умѣлъ онъ какъ-то припутаться къ партіи Новосильцовыхъ, Кочубеевъ, Чарторыйскихъ и попалъ въ товарищи министра финансовъ. Въ тоже время управлялъ онъ Кабинетомъ его величества, то-есть карманными его деньгами. Когда въ 1805 году Троицкскій вышелъ въ отставку, сдѣланъ былъ онъ сверхъ того министромъ удѣловъ; удѣлы, какъ извѣстно, почитаются министерствомъ за урядъ и въ отношеніи къ другимъ тоже самое, что Марокская имперія къ имперіи Австрійской или Россійской.

Послѣ кончины графа Васильева надѣялся онъ быть его преемникомъ; но всѣмъ извѣстная, высокая, огромная его неспособность до того не допустила. Голубцова сдѣлалъ управляющимъ министерствомъ; а Гурьеву, старѣе его чиномъ, нельзя было оставаться его товарищемъ. Съ тѣхъ поръ не переставалъ онъ думать объ этомъ министерствѣ и гайно интриговать о полученіи его. Осторожность, робость и вмѣстѣ съ тѣмъ самостоятельность Голубцова не могли нравиться Сперанскому: онъ почиталъ его человѣкомъ завязшимъ въ старинной, изъѣженной колѣѣ. Онъ все страшился чрезвычайныхъ займовъ. Безмысленный! Развѣ, развѣ не зналъ онъ, что Англія богатѣетъ, благоденствуетъ въ неоплатныхъ долгахъ: этого рода блаженство желалъ Сперанскій доставить Россіи. Въ учрежденіи Совѣта такъ было все устроено, что онъ могъ любое министерство или изъ него любую часть забирать къ себѣ въ руки; при тогдашнихъ обстоятельствахъ финансовая начинала почитаться важнѣйшею, а отъ Голуб-

цова не могъ онъ ожидать совершенной покорности. Онъ даже не хотѣлъ ему дать мѣста въ новомъ своемъ Совѣтѣ и въ указѣ о его увольненіи ни слова не упомянулъ о его просьбѣ. Послѣ того Гурьевъ оставался только именемъ министрѣ финансовъ; настоящимъ не переставалъ быть Сперанскій до самаго паденія своего, не входя впрочемъ ни въ какія внутреннія по канцеляріямъ распоряженія.

Другой разъ встрѣчаюсь я съ этимъ Гурьевымъ, однимъ изъ долговѣчнѣйшихъ нашихъ министровъ и все какъ будто избѣгаю входить на счетъ его особы и управленія въ какія-либо подробности. Признаюсь, предметъ не самый пріятный; но такъ и быть, начну ab ovo, съ яйца, изъ котораго онъ вылутился. Если вѣрить словамъ одного стариннаго разскащика, бывшаго при дворѣ Екатерины, не покидавшаго Петербурга, знающаго настоящихъ отцовъ многихъ изъ нынѣшнихъ пожилыхъ уже людей, яйцо это было не орлиное. Большіе баре въ старину любили камердинеровъ своихъ, домоправителей, управителей выводить въ чины; они гордились этимъ, они даже смотрѣли равнодушно, иные даже съ удовольствіемъ, какъ, распоряжая ихъ имѣніями, эти люди наживали собственныя; въ моей молодости это я еще помню. Одинъ изъ сихъ управителей, отецъ Гурьева, былъ чрезвычайно любимъ своимъ господиномъ, котораго разскащикъ мой *) назвать мнѣ не умѣлъ, но говорилъ какъ о дѣлѣ въ его время всемъ извѣстномъ. Не только отпустилъ онъ его на волю, не только доставилъ ему штабъ-офицерскій чинъ, но малолѣтнаго его сына позволилъ воспитывать съ собственными дѣтьми. Когда мальчикъ выросъ, отецъ его имѣлъ уже хорошее состояніе и могъ, записавъ его въ артилерію, дать ему приличное содержаніе. Гурьевъ никогда не былъ ни хорошъ, ни уменъ; только въ тѣ поры былъ онъ молодъ, свѣжъ, дюжъ, бѣлъ и румянъ, вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно искателенъ и угодителенъ; ему хотѣлось во что бы ни стало попасть въ люди, и слѣпое счастье услышало мольбы его. Онъ случайно познакомился съ однимъ молодымъ, женоподобнымъ миліонеромъ, графомъ Павломъ Мартыновичемъ Скавронскимъ, внукомъ роднаго брата Екатерины I, отправлявшимся за границу. Гурьевъ умѣлъ ему полюбитися, даже овладѣть имъ, и болѣе трехъ лѣтъ странствовалъ съ нимъ по Европѣ. Этотъ молодой Скавронской, какъ говорятъ, былъ великій чудакъ: никакая земля не нравилась ему, кромѣ Италіи, всему предпочиталъ онъ музыку, самъ сочинялъ какую-то ералашъ, давалъ концерты, и слуги его не иначе имѣли дозволеніе говорить съ нимъ какъ речитативами, какъ на рас-

*) Сергѣй Васильевичъ Салтыковъ.

пѣвъ. Вѣроятно и Гурьевъ изъ угожденія принужденъ былъ иногда пѣть съ нимъ дуэты. Когда Скавронской воротился въ Петербургъ, всѣ молодыя знатныя дѣвицы стали искать его руки, а онъ о женитьбѣ и слышать не хотѣлъ. Наконецъ, самъ князь Потемкинъ пожелалъ выдать за него племянницу свою Энгельгардтъ, сестру графини Браницкой и княгини Голицыной. Одинъ только Гурьевъ могъ этимъ дѣломъ поладить, но онъ торговался и требовалъ по тогдашнему невозможнаго: онъ хотѣлъ быть камеръ-юнкеромъ. Всякаго другаго, но только не Потемкина, это бы остановило; и такъ сей бракъ стараніями его состоялся. Не только получилъ онъ камеръ-юнкерство, но сверхъ того отъ Скавронскаго три тысячи душъ въ знакъ памяти и вѣрной дружбы. Молодость, иностранная образованность, придворный чинъ, богатство, все это позволяло думать ему о выгодной партіи, только новость его имени все еще мѣшала ему получить право гражданства въ аристократическомъ мірѣ; онъ скоро пріобрѣлъ ихъ, женившись на графинѣ Прасковѣ Николаевнѣ Салтыковой, тридцатилѣтней дѣвкѣ, уродливой и злой, на которой никто не хотѣлъ жениться, не смотря на ея три тысячи душъ.

Гурьевъ не даромъ путешествовалъ за границей: онъ тамъ усовершенствовалъ себя по части гастрономической. У него въ этомъ родѣ былъ дѣйствительно геній изобрѣтательный и, кажется, есть паштеты, есть котлеты, которые носятъ его имя. Онъ давалъ обѣды знатымъ, новымъ роднымъ своимъ, и только имъ однимъ; домъ его сталъ почитаться однимъ изъ лучшихъ, и самъ онъ попалъ въ число первыхъ патриціевъ Петрополя.

Восшествіе Гурьева на знатность можно почитать пагубной для нея эпохой. Дворъ Екатерины и Павла, заимствовавшій тонъ и манеры у Версальскаго, наслѣдовалъ ему послѣ его паденія и разсѣянія его представителей, сдѣлался убѣжищемъ вкуса и пристойности и начиналъ служить образцомъ другимъ дворамъ Европейскимъ. Мужчины и женщины старались въ немъ отличаться вѣжливостію; непринужденно отдѣляясь отъ толпы, они привѣтливо ей улыбались: чѣмъ знатнѣе кто считалъ себя, тѣмъ учтивѣе былъ онъ съ тѣми, кого почиталъ себя ниже. Восходящіе изъ ничтожества спѣшили имъ уподобляться, чтобы сравниться съ ними, и подражаніе начинало распространяться по провинціямъ, къ чему Русское добродушіе много способствовало. Революція породила борьбу демократіи съ высшимъ дворянствомъ во Франціи и, можетъ быть, нѣкоторымъ образомъ въ сосѣдственныхъ съ нею земляхъ; мы же оставались внѣ ея дѣйствія. Происшествія заставили въ Европѣ настоящихъ аристократовъ принять видъ непріязненный противъ притязаній высшихъ классовъ: имъ нужно было надменностію

осадить заносчивость людей средняго состоянія. Въ Россіи никто не думалъ оспаривать правъ знатности, сколь впрочемъ они ни были мнимы и ни на чемъ не основаны: уважали ея возвышеніе, любили ея привѣтливость. Но все Европейское, рано или поздно или въ непопадъ, непременно должно къ намъ перейти. Кочубей былъ первый, который берегъ улыбки для равносильныхъ ему при Дворѣ, для приближенныхъ своихъ, необходимыхъ ему по дѣламъ службы и по денежнымъ дѣламъ его: всѣхъ прочихъ встрѣчало его надменное, угрюмое чело, скупость словъ и убійственный холодъ. Не говоря о давно-прошедшемъ при Аннѣ и Елисаветѣ, въ новѣйшее время онъ первый началъ входить въ постыдныя для министра спекуляціи.

Но обхожденіе его можно было назвать ласкою въ сравненіи съ дурацкою напыщенностію Гурьева. Еслибъ посредствомъ родственныхъ и другихъ связей заранѣе не водворился бы онъ въ такъ называемомъ высшемъ кругу, еслибъ по достиженіи министерства перемѣнилъ бы онъ обращеніе съ людьми, его составляющими, то неизбѣжно постигнуло бы его названіе... Сего не случилось, ибо въ возвышеніи его Русская знать видѣла торжество своей касты. Семейства обоихъ, Кочубей и Гурьева, подражая имъ, сдѣлались въ обществѣ нестерпимы и наглы со всѣми, коихъ не признавали своими, то-есть (чинъ, титулъ и древность рода въ сторону) со всѣми, коихъ богатство и кредитъ при Дворѣ были незначительны. Мало-по-малу, умножая число своихъ приверженцевъ, семейство Гурьево похитило законодательство и полицію гостиныхъ. Можетъ быть, примѣръ вѣчно образцовой для насъ Франціи также дѣйствовалъ тогда: тамъ одинъ только Талейранъ умѣлъ еще быть учтивымъ; новые же герцоги, маршалы, министры, префекты, равно какъ и супруги ихъ, всѣ вылѣзшіе изъ харчевень, конюшень, кабаковъ, вѣрно не хуже Гурьевыхъ умѣли подавлять своею спѣсью. Министерство Внутреннихъ Дѣлъ при Кочубей было такъ обширно, что въ немъ самомъ видѣли перваго министра; послѣ того Министерство Финансовъ при Гурьевѣ почиталось выше другихъ; наконецъ, зять этого Гурьева долго управлялъ и до сихъ поръ управляетъ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ; и какъ бы прежде ни хвалилась Петербургская аристократія своею независимостію отъ милостей Двора, официальная сила сихъ трехъ человѣкъ имѣла на составъ ея рѣшительное вліяніе. Всѣ трое извѣстны были алчностью къ прибыли, и по всей справедливости можно почитать ихъ у насъ основателями явнаго поклоненія золоту тельцу, столь пагубнаго для нашей чести и нравственности.

Трое только изъ прежнихъ министровъ сохранили свои портфели: Румянцовъ, Чичаговъ и Куракинъ; послѣдній не на долго. Сперанскій,

какъ всё гордыя и подлыя души, для коихъ благодарность—бремя и скука, не зная, какъ совершенно отдѣлаться отъ перваго своего патрона и искалъ только удобнаго случая его выпроводить; онъ скоро представился. Дочь императора Австрійскаго, эрцгерцогиня Марія Луиза, была, какъ извѣстно, залогомъ послѣдняго мира его съ Наполеономъ. Всемирный этотъ владыка хотѣлъ, чтобъ и семейныя его происшествія были ознаменованы печатію побѣдъ и торжества. Подвластные ему короли и королевы должны были лично присутствовать при его бракосочетаніи; союзные же государи, коихъ число было не велико, почитали необходимостію отправить вмѣсто себя знатнѣйшихъ сановниковъ своихъ, чтобы быть свидѣтелями сего великаго происшествія. Зная, какъ всё Курякины болѣе или менѣе заражены тщеславіемъ, Сперанскій увѣренъ былъ, что князь Алексѣй Борисовичъ не откажется отъ таковой чести и совѣтовалъ Государю предложить ему сію поѣздку, въ надеждѣ воспользоваться его отсутствіемъ, чтобы, какъ говорится, доканать его. Въ Мартѣ отправился онъ на свадьбу въ Парижъ, гдѣ старшій братъ его, князь Александръ Борисовичъ, переведенный изъ Вѣны, находился чрезвычайнымъ посломъ. По отъѣздѣ его, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ поручено товарищу его Козодавлеву.

По окончаніи маневровъ, болѣе чѣмъ военныхъ дѣйствій, противъ Австріи въ Галиціи, по заключеніи мира съ Швеціей, все вниманіе обратилось на войну съ Турками. Съ 1806 года Молдавія и Валахія по Дунай заняты были Михельсономъ, который въ слѣдующемъ году умеръ. Семидесятилѣтній, полумертвый фельдмаршалъ князь Прозоровскій, заступившій его мѣсто, болѣе двухъ лѣтъ мирно управлялъ княжествами и спокойно начальствовалъ неподвижною арміей. Церемонились съ нимъ, не хотѣли обидѣть его, не рѣшались отозвать, а между тѣмъ жаждали расшевелить старика и оживить гаснущую войну. Для того выдумали послать въ нему въ помощь знаменитаго воина, князя Багратиона, который въ концѣ лѣта 1809 года дѣйствительно успѣлъ усадить его въ коня и перетянуть за Дунай. Бравнымъ шумомъ и движеніемъ гальванизированный трупъ Прозоровскаго на нѣсколько дней какъ будто оживъ; но это была послѣдняя вспышка догорающей лампы: огнемъ утромъ нашлъ его въ палатѣ заснуваго вѣчнымъ сномъ. Багратионъ не принялъ начальства надъ арміей, второе и безъ того уже имѣлъ, а получилъ только званіе главнокомандующаго. Войска было у него не слишкомъ много; однакоже, въ продолженіи осени успѣлъ онъ безъ всякаго сопротивленія взять двѣ важныя крѣпости, Браиловъ и Мамаиль, а за Дунаемъ, безъ главнаго дѣла, во всѣхъ частяхъ встрѣчалъ Турки были разбиты и прогнаны.

Война съ Швеціей приучила Петербургъ въ быстрымъ успѣхамъ, и потому дѣйствія Багратіона казались весьма неудовлетворительными. «Вотъ диковинка, что перешелъ Дунай; лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ можно было этому удивляться, а теперь никого не польститъ названіе Задунайскаго; нѣтъ, братъ, ступай за Балканы». Такъ разсуждали въ Англійскомъ клубѣ. Въ Петербургѣ неслужащихъ весьма мало, а праздныхъ людей чрезвычайно много; всѣ тѣ, которые имѣли претензіи на просвѣщеніе, старались быть членами этого клуба, чтобы поврать о политикѣ. Не имѣя понятія ни о трудахъ, ни объ опасностяхъ, аренопагъ сей, упиваясь Шампанскимъ, произносилъ строгіе приговоры генераламъ; къ сожалѣнію, находили они отголоски въ обществахъ. «Сражаться съ просвѣщенными Шведами, кажется, труднѣе, находили они, чѣмъ съ варварами, не знающими ни дисциплины, ни тактики. Впрочемъ, этотъ Багратіонъ и самъ невѣжда, который знаетъ войну только по практикѣ». Между тѣмъ и Аракчеевъ, который мыслилъ видно не болѣе ихъ, также гнѣвался на него за медленность и начиналъ уже ссориться. Багратіонъ сталъ просить объ увольненіи, не зная еще, что самъ Аракчеевъ получилъ его. Государь, общее мѣненіе и новый министръ Барклай прочили его мѣсто графу Каменскому, и потому никакихъ, можетъ быть тайно ожидаемыхъ имъ, препятствій къ исполненію его вынужденной просьбы не встрѣтилось.

Назначеніе Каменскаго главнокомандующимъ Молдавскою арміею всѣхъ обрадовало: всѣ любили его, всѣ уважали, всѣмъ извѣстны были его воинскіе таланты; никто не зналъ его болѣзненнаго состоянія. Союзъ съ Наполеономъ все еще продолжался, но ясно можно было видѣть, что разрывъ замедляется единственно жестокими затрудненіями, имъ встрѣчаемыми на Гипшанскомъ полуостровѣ: Гипшанская война, какъ Шпанская муха, оттягивала отъ насъ бѣдствія. Пока онъ не успѣлъ еще управиться съ великодушными, храбрыми Кастиланцами и Арагонцами, надобно было стараться намъ кончить всѣ наши расчеты съ сосѣдями и блестящимъ образомъ, если можно взятіемъ Константинополя, заключить войну нашу съ Турками. Усиленная всеми войсками, находившимися въ Галиціи, предводительствуемая Каменскимъ, чего, казалось, не могла совершить Молдавская армія?

Въ первыхъ числахъ Февраля, благословляемый всею Россіей, Каменскій отправился въ Букарештъ. Съ нимъ поѣхалъ одинъ молодой человекъ, о которомъ много и довольно часто говорилъ я въ сихъ Запискахъ, но о коемъ давно уже не упоминалъ. Возвратившись осенью 1808 года въ Петербургъ, я не нашелъ въ немъ Блудова. Занимаясь, наконецъ, дѣятельно, при товарищѣ министра иностранныхъ дѣлъ графѣ Салтыковѣ, во время отсутствія Румянцева управлявшемъ министерствомъ, еще бо-

лѣе уважающемъ его, чѣмъ любящемъ, отправленъ былъ онъ съ Андреевскою лентой къ брату Наполеона, Голандскому королю Лудовику. Молодой Корсиканецъ, отъ искренняго сердца сдѣлавшись Голандцемъ, какъ всѣ новые соотечественники его, полюбилъ Россію; какъ они, гордился онъ славою Сардама, которая навсегда связала ихъ съ нами, но которою, какъ мнѣ кажется, мы не слишкомъ должны гордиться. Молодой человѣкъ былъ отмѣнно хорошо принятъ при молодомъ дворѣ, не совсѣмъ еще устроенномъ, и самъ король вручилъ ему бриліантовый знакъ вновь учрежденнаго имъ Ордена Союза. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ возвратившись, нашелъ онъ, что при Румянцовѣ самъ Салтыковъ мало имѣеть занятій, и онъ опять остался безъ дѣла.

Покойная мать его, почти всегда хворая, жила уединенно въ Москвѣ, въ сосѣдствѣ и тѣсной дружбѣ съ статсъ-дамою графиней Каменскою, женою фельдмаршала и матерью главнокомандующаго, которая также семейную жизнь предпочитала свѣтской: рѣдко можно было видѣть двухъ сестеръ столь нѣжно любящихъ другъ друга. Передъ коронаціей Александра пріѣхалъ изъ Петербурга къ графинѣ Каменской родной дядя ея, князь Андрей Николаевичъ Щербатовъ съ женою и дочерью и остановился у нея. Молодая княжна Анна Андреевна Щербатова примѣчательна была нѣжными чертами лица, и при дворѣ, гдѣ она находилась фрейлной, многіе находили въ ней сходство съ императрицею Елисаветою Алексѣевной; одни давали ей преимущество, другіе императрицѣ. Присутствіе Петербургской дѣвицы оживило однообразіе графини Каменской. Не трудно было княжнѣ Щербатовой, съ прелестями, которыя она еще имѣла, съ ангельскою кротостію, которою всегда отличалась, съ знаніемъ приличій большаго свѣта, вскружить голову пятнадцати или шестнадцатилѣтнему кипучему мальчику, не знакомому еще со свѣтскимъ и женскимъ кокетствомъ, совершенно невинному, но въ которомъ отъ силы воображенія страсти успѣли уже созрѣть. Она плѣнила его, хотя никакъ о томъ не думала и нѣсколькими годами была его старѣе. Эта страсть въ слѣдующемъ году привлекла его въ Петербургъ. За нее долженъ благодарить онъ Небо: она истребила въ немъ всѣ порочныя побужденія, жаръ души его направилъ къ добру и чести. Какъ можно было почти ребенку помышлять о женитьбѣ? Долго оставалась она для него только кумиромъ добродѣтели, источникомъ чистѣйшихъ помышлений и чувствованій. Исключая несовершеннolѣтіе его, къ брачному съ нею союзу представлялись еще другія препятствія. Княгиня Щербатова, женщина извѣстная своею набожностію, строгими правилами, примѣрною преданностію и вѣрностію супругу. (тридцатью годами ея старѣе), гордясь его знатностію и своими добродѣтелями, была сурова и надменна. Многимъ молодымъ

людямъ достойнымъ ея дочери отказывала она уже въ рукѣ ея; чего же можно было ожидать малочинному дворянчику, у котораго, правда, была родословная длиною въ восемь столѣтій, наполненная именами бояръ и воеводъ, но что это значить въ Россіи? Подъ словомъ знатность разумѣется въ ней совсѣмъ новая или, по крайней мѣрѣ, подновленная знаменитость. Время и постоянство одолѣваютъ все: графиня Каменская, принявшая на себя всѣ обязанности умершей матери Блудова, вступилась въ это дѣло, и гордая княгиня изъявила, наконецъ, свое согласіе. Для доставленія скорѣйшаго повышенія будущему родственнику, Каменскій назначилъ его правителемъ своей заграничной канцеляріи, что было очень важно для надворнаго совѣтника, которому не было двадцати пяти лѣтъ отъ роду.

VIII.

Если счастье наконецъ улыбалось Блудову, то отъ меня оно совсѣмъ отвратило лицо свое; другому я бы можетъ-быть позавидовалъ, а его успѣхи были для меня утѣшеніемъ.

Я принадлежалъ къ канцеляріи министра финансовъ, которой еще не видалъ, въ которой рѣшительно никого не зналъ и ни къ кому не являлся. Собравшись съ духомъ, посѣтилъ я Озерова *), которому извѣстны были намѣренія Голубцова; онъ откровенно сказалъ мнѣ, что самъ находится въ затруднительномъ положеніи, не думаетъ долго сохранить мѣста и совѣтовалъ мнѣ пока оставаться спокойнымъ, повременить, осмотрѣться, увидѣть, какое возмутъ направленіе дѣла и люди.

Возвратившись изъ Китайскаго посольства, былъ я у Гурьева съ письмомъ отъ сына его. Какъ имъ самимъ, такъ и супругой его, къ которой водилъ онъ меня рекомендовать, былъ я принятъ учтиво и получилъ приглашеніе ихъ посѣщать, чѣмъ вечера два, кажется, и воспользовался. Не могъ я жаловаться, не могъ я много и хвастаться ихъ обращеніемъ со мною; но, чувствуя необоримую антипатію къ нимъ, пересталъ ѣздить, послѣ чего, встрѣчая меня въ другихъ домахъ, они меня не узнавали. По прошествіи четырехъ лѣтъ возобновленіе этого знакомства было не только трудно, даже невозможно. Къ тому же, сынъ ихъ, чрезъ котораго могло бы сіе сдѣлаться, съ которымъ никогда не имѣлъ я связей, но и не прекращалъ знакомства, который по временамъ то оказывалъ мнѣ пріязнь, то досадно бывалъ холоденъ, находился тогда при миссіи въ Парижѣ. Хорошие люди, съ которыми я

*) Семень Николаевичъ Озеровъ, недавно умершій въ Москвѣ сенаторомъ.

на этотъ счетъ объяснялся, совѣтовали мнѣ никакихъ не дѣлать попытокъ, увѣряя, что, исключая немногихъ, чиновники, подчиненные Гурьеву, должны почитать себя счастливыми, когда лишены его лицезрѣнія.

Уступая постояннымъ жестокостямъ неумолимой ко мнѣ судьбы, я желалъ только уклониться отъ ея ударовъ, оставить навсегда службу, зарыть молодость свою въ Пензенской деревнѣ и обратиться въ прилежнаго хлѣбопашца. Чтобы склонить отца моего дать на то согласіе, нужны были сильные доводы, убѣжденія: я не надѣялся успѣть въ томъ посредствомъ переписки и рѣшился воспользоваться послѣднимъ зимнемъ путемъ, чтобы самому отправиться въ Пензу. Я пошелъ за паспортомъ къ г. Дружинину, новому правителю канцеляріи (директоровъ канцеляріи тогда еще не было) и безъ затрудненія получилъ его. О г. Дружининѣ здѣсь распространяться не буду, ибо тогда еще мало зналъ объ немъ.

Я спѣшилъ оставить Петербургъ, имѣя причину опасаться, чтобы отъ распутицы не засѣсть гдѣ-нибудь на дорогѣ. Совершенная оттепель продолжалась около полуторы недѣли, и въ тонкомъ черепкѣ на улицахъ было менѣе льду чѣмъ навозу, какъ въ самый день выѣзда моего, 12-го Марта, воротилась зима въ такомъ видѣ, въ которомъ не худо бы было ей всегда являться: выпалъ снѣгъ, потомъ прояснѣло, по ночамъ морозы доходили до двѣнадцати градусовъ, днемъ при тихой погодѣ красное солнце опять согрѣвало воздухъ, и послѣдній путь сдѣлался лучше и глаже первопутя.

Нѣсколькими часами послѣ меня выѣхала по той же дорогѣ вдовствующая императрица Марія Θεодоровна, и я вездѣ встрѣчалъ радостныя ожиданія жителей. Она спѣшила въ Тверь навѣстить Екатерину Павловну, милое, балованное дитя цѣлаго семейства. Это была большая жертва въ то время, когда царскія особы старались оставаться неподвижны въ столицахъ своихъ, какъ изображенія боговъ въ храмахъ и, надобно признаться, умножали тѣмъ въ народѣ къ себѣ уваженіе. Какъ шибко ни скакалъ я, лошади, приготовленныя для Императрицы, видно, были лучше моихъ, и на станціи Хотиловъ былъ я настигнуть ея величествомъ.

Вмѣстѣ съ народною толпою подошелъ я довольно близко къ зимнему экипажу, изъ котораго, не выходя, остановилась она, пока перемѣняли лошадей. Ласково улыбаясь, говорила она что-то, невнятно, худымъ Русскимъ выговоромъ; народъ слушалъ съ умиленіемъ непонятныя для него слова, вѣроятно, думалъ онъ, на какомъ-нибудь божественномъ языкѣ. Въ первый разъ еще видѣлъ я мужиковъ, ямщиковъ, млѣющихъ, трепещущихъ отъ восторга. Бабы приговаривали: «Матуш-

ка, государыня, старушка *)). Не знаю, доходили ли слова сіи до нея; по крайней мѣрѣ не казалась ими оскорбленною эта старушка, красивая и которой пятьдесятъ лѣтъ едва ли тогда исполнилось. Когда я пріѣхалъ въ Вышній Волочокъ, уже смерклось, и я видѣлъ Императрицу, отправляющуюся далѣе при свѣтѣ факеловъ; во всѣхъ окошкахъ маленькаго города зажжены были свѣчки, тутъ развѣшаны были фонари, тамъ горѣли плошки. Радостный шумъ, гуляющія толпы нашелъ я также въ Твери; огни нигдѣ не потухали, хотя было за-полночь, часъ, въ который жители губернскихъ городовъ обыкновенно давно уже спятъ.

Таковъ народъ Русскій: онъ любитъ то, чего боится, Бога и тѣхъ, кои отъ Него надъ нимъ поставлены. Можетъ быть, писатели Запада и правы, видя въ этомъ врожденную подлость, называя то закоренѣлымъ рабствомъ; только, воля ихъ, не всѣхъ же увѣрять они, что долгъ въ соединеніи съ чувствомъ достоинъ презрѣнія. Тамъ гдѣ люди повинуются по необходимости, изъ одного страха, тамъ они жалки и до нѣкоторой степени гадки; но примѣшайся къ тому любовь, и все облагорожено. Горе роду человѣческому, когда предметами всеобщаго посмѣянія, а не восторга его, какъ было донинѣ, сдѣлаются любовники, тысячу разъ готовые жертвовать жизнію для обожаемой женщины, вѣрныя долгу супруги, втайнѣ оплакивающія неблагодарность и непостоянство мужей и не думающія мстить имъ; покорныя съ нѣжностію дѣти къ строгимъ, даже несправедливымъ родителямъ. Горе намъ, когда въ цѣломъ свѣтѣ терпѣніе и кротость будутъ почитаться признаками низкой души, а всякое возмущеніе благородствомъ ея: тогда міръ нашъ сдѣлается настоящимъ адомъ.

Погода все не мѣнялась. Ясное небо, болѣе свѣжій чѣмъ холодный воздухъ мало-по-малу успокоивали меня, проливали свѣтъ надежды въ мракомъ исполненную душу мою; чистоту и неподвижность атмосферы принималъ я какъ предзнаменованіе безмятежной жизни, которая ожидала меня среди сельской тишины. Увы, никогда не долженъ былъ я насладиться ею! По заведенному обычаю, въ Москвѣ остановился я на нѣсколько дней. Въ этомъ городѣ, гдѣ провелъ я нѣсколько лѣтъ моего отрочества, число знакомыхъ моихъ съ каждымъ новымъ посѣщеніемъ примѣтно убавлялось; въ этотъ пріѣздъ совершенно не помню, съ кѣмъ я видѣлся и что я дѣлалъ.

*) Старостію въ старину не презирали Русскіе. Напротивъ того, по достиженіи тридцати лѣтъ, крестьяне и крестьянки сдѣлали выдавать себя за стариковъ и старухъ, чтобы скорѣе пользоваться правами на уваженіе молодыхъ. Названія: дядя, тетка, говоря съ пожилыми людьми, хотя посторонними, всегда произносились съ нѣжностію; старичокъ и старушка еще болѣе.

Напрасно останавливался я въ Москвѣ въ такое время года, когда однихъ сутокъ достаточно, чтобы испортить всю дорогу. До Мурома доѣхалъ я благополучно; за Окой начались дожди, но по крайней мѣрѣ ѣхалъ я зимнимъ путемъ; отъ Арзамаса же почти все долженъ былъ тащиться по голой землѣ и счастливъ бывалъ, когда выдадутся сотни двѣ сажень грязнаго льду. Въ гористой Пензенской губерніи каждый оврагъ превратился въ рѣчку, черезъ которую въ кибиткѣ на полозьяхъ долженъ былъ я почти переплывать. Кое-какъ однакоже 20 Марта пріѣхалъ я въ Пензу.

Отецъ мой, для двухъ или трехмѣсячнаго зимняго пребыванія въ Пензѣ, купилъ на Лѣкарской улицѣ *) домъ, небольшой, но весьма помѣстительный. Однакоже, какъ насъ собралось много (исключая родителей моихъ и двухъ незамужнихъ сестеръ, жилъ еще зять мой Алексѣевъ съ женою, съ двумя сыновьями и учителемъ), то намъ становилось немного тѣсненько. Но, какъ говоритъ пословица, въ тѣснотѣ люди живутъ, лишь не въ обидѣ; а мы никто другъ друга не думали обижать.

Къ удовольствію моему, Крыжановскій царствовалъ тирански, деспотически. Онъ дѣйствовалъ какъ человѣкъ, который убѣжденъ, что лихоимство есть неотъемлемое, священное право всѣхъ тѣхъ, кои облечены какою-либо властію, и говорилъ о томъ непринужденно, откровенно. Мнѣ, признаюсь, это нравилось: истинное убѣжденіе во всякомъ человѣкѣ готовъ я уважать. У каждаго, кто имѣлъ къ нему просьбу, безъ обиняковъ требовалъ онъ денегъ; въ случаѣ отказа сердился и, сплюю законовъ, которыхъ онъ былъ искусный толкователь, заставлялъ раскаяваться скупаго просителя. Иногда въ присутствіи Пензенскихъ жителей позволялъ онъ себѣ смѣяться надъ недостаткомъ ихъ въ щедрости. «Хороша здѣсь ярмарка! говорилъ онъ имъ съ досадною насмѣшкой. Бердичевская въ Волынской губерніи даетъ тридцать тысячъ рублей серебромъ губернатору; а мнѣ здѣсь купчихи поднесли три пуда сахару; вотъ я же ихъ!»

Что дѣлать? Виноватъ ли онъ былъ, если всегда жилъ съ такими людьми, въ такихъ обществахъ, гдѣ чести, безкорыстію и притворныхъ похвалъ не слыхивалъ? Не надобно также забыть его происхо-

*) Не ранѣе какъ въ царствованіе Екатерины II, пріѣхалъ въ Пензу первый лѣкаръ Петерсонъ, онъ же и аптекаръ. Онъ поразбогатѣлъ, выстроилъ домъ и каждой изъ трехъ дочерей своихъ, которыхъ выдавалъ за вновь поселившихся тамъ по временамъ медиковъ, построилъ въ придачу по дому на той же улицѣ, которая отъ нихъ и получила названіе Лѣкарской. Петерсонъ, какъ скипетръ, держалъ Эскулаповъ жезлъ, и размножившееся его семейство располагало жизнью и здоровьемъ обывателей. Имъ прописывались лѣкарства, и у него же они приготовлялись: какая убійственная монополія!

ждение: сребролюбіе у Евреевъ течеть съ кровію. Нѣтъ въ мірѣ народа самолюбивѣе, нѣтъ въ мірѣ народа болѣе униженнаго; въ горькой участи его, золото—его утѣшеніе, его спасеніе, единственное его могущество. Онъ любитъ его болѣе какъ средство, нежели какъ цѣль. Спасительная вода Св. Крещенія можетъ скоро смыть съ Еврея кровавыя пятна, на него и на чадѣхъ его положенныя; но не скоро, развѣ черезъ нѣсколько поколѣній, въ потомкахъ его вымоетъ алчность къ блестящимъ металамъ. Жители Пензы губернаторство Крыжановскаго не хотѣли признавать настоящимъ, законнымъ управленіемъ; они почитали его междуцарствіемъ, его же самого называли Вторымъ Лжедмитріемъ, Тушинскимъ воромъ.

Надобно признаться, жалки были Пензенцы: какъ новые Филистимляне, поработены были они тогда племенемъ Іудейскимъ. Вице-губернаторъ, о которомъ давно уже я говорилъ, былъ все тотъ же еще Александръ Михайловичъ Евреиновъ. Поведеніе сего единокровнаго губернатору могло казаться упрекомъ: предсѣдательствуя въ Казенной Палатѣ, имѣя много случаевъ незаконно наживаться, онъ ими не пользовался, хотя чувствовалъ сильное къ тому поползновеніе, но чѣмъ-то былъ удерживаемъ. Онъ былъ въ явномъ несогласіи, даже во враждѣ съ Крыжановскимъ; каждый изъ нихъ съ удовольствіемъ выслушивалъ всякое злословіе на счетъ непріятели своего, не позволяя однакоже ни малѣйшей шутки касательно предковъ его. Къ сожалѣнію, время показало, что честность Евреинова была одна только робость и что ненавидѣлъ онъ Крыжановскаго, завидуя лишь его смѣлости.

Сей послѣдній не былъ изъ числа тѣхъ подлыхъ взяточниковъ, коимъ нужна одна только прибыль: деньги деньгами, а почестъ почестію. На первомъ, такъ и быть, Пензенскіе помѣщики готовы бы были помириться; но необходимость показывать уваженіе безстыдному плуту, дерзкому и свѣдущему въ дѣлахъ, слѣдственно для нихъ иногда опасному, была для нихъ настоящая мука. Жена его была для нихъ еще несноснѣе: вѣкогда наемная наложница Василя Степановича Попова, она манерами напоминала Польскихъ служанокъ въ Жидовскихъ корчмахъ. Разъ попавъ на губернаторство, полагала она, что ей все позволено: отъ разговоровъ, отъ рассказовъ ея, женщины, даже легкомысленныя, съ негодованіемъ потупляли взоры, нѣкоторые мужчины съ омерзѣніемъ отворачивались, тогда какъ другіе съ подобострастіемъ улыбались. И она же, злодѣйка, называла это варварствомъ и непотребное свое просвѣщеніе думала распространить въ обществѣ, а между тѣмъ никому не позволяла съ собою слишкомъ забываться. Великая искусница была она давать комиссіи: отъѣзжающему въ Петербургъ любителю музыки поручала она купить фортепіано для

дочери; отправляющагося въ Москву, гдѣ дешево пушной товаръ, просила она прислать ей оттуда шубу; вѣдушіе на Макарьевскую ярмонку должны были привезти ей: кто шаль, кто нѣсколько цибиковъ чаю. Дѣлая сіи порученія, всегда прибавляла она: послѣ сочтемся. Тѣмъ, кои отказывались, увѣряя, что у нихъ едва достаточно денегъ для собственныхъ издержекъ, вѣкогда она не прощала.

Мои родители между тѣмъ жили спокойно въ селѣ своемъ Симбухинѣ, въ 13 верстахъ отъ Пензы. Первое посѣщеніе зятя, который привезъ съ собою свѣжія лавры, человѣка военнаго, веселонравнаго, который зимой умеръ бы со скуки въ деревнѣ, изъ нея вызвало ихъ. Этотъ переѣздъ былъ весьма непріятенъ Крыжановскому, который ни старшихъ, ни равныхъ себѣ не любилъ видѣть въ своей столицѣ. Однакоже какъ умѣлъ, съ обоими обошелся онъ хотя сухо, но учтиво, и сталъ изрѣдка посѣщать домъ нашъ. Только вотъ бѣда: всѣ тѣ, кои, безъ явнаго неудовольствія держали себя хладно-почтительно въ сношеніяхъ своихъ съ отцомъ моимъ, сдѣлались вдругъ къ нему отмѣнно-вѣжными: тѣ же, кои, не умѣли скрывать вражды своей, употребляли всѣ средства, чтобы съ нимъ сблизиться и, не смѣя подступить къ нему, обращались къ членамъ его семейства съ изъясненіями покорности своей и раскаянія. Какъ было не простить кающихся грѣшниковъ? Въ губернскихъ городахъ есть обычай, существующій и понынѣ, по воскресеньямъ безъ приглашенія собираться на вечеръ къ женатымъ губернаторамъ; лишь только отецъ мой переѣхалъ въ городъ, когда приходили воскресные вечера, въ небольшомъ домѣ его не было почти возможности повернуться: становилось тѣсно, душно, тогда какъ губернаторъ сидѣлъ дома одинъ съ своимъ семействомъ. Это, какъ говорили провинціалы, дѣлалось въ пику Крыжановскому. Ему бы на то не обращать никакого вниманія, а онъ сталъ яриться, бушевать, всѣхъ упрекать въ измѣнѣ. Извиняясь невозможностію раздѣлить себя на два вечера, затѣйливые Пензяки выдумали, собравшись міромъ, нахлынуть къ нему въ Субботу, въ день шабаша. Эта дурная шутка пуще прогнѣвала его, и въ слѣдующую Субботу онъ никого не велѣлъ къ себѣ пускать.

Отецъ мой не искалъ ни дружбы, ни ссоры съ Крыжановскимъ; послѣдней же избѣжать однако не могъ. Господинъ Миленинъ (котораго читатель помнитъ, а можетъ быть и не помнитъ, все равно) имѣлъ столь мало такту, что, сдѣлавъ обѣдъ въ честь пріѣзжаго генерала Алексѣева, позвалъ на него какъ новаго, такъ и стараго губернатора. Тестю не могло быть непріятно предпочтеніе слѣланное въ этомъ случаѣ зятю его, который былъ, какъ говорятъ Французы, героемъ праздника; Крыжановскій же сильно вознегодовалъ. Къ концу обѣда, вѣро-

ятно разгоряченный виномъ, сталъ онъ съ грубостями придирается къ хозяевамъ и къ посѣтителю, человѣку, не весьма терпѣливому. Тотъ сначала отмалчивался, наконецъ, вышедъ изъ себя, не прибѣгая ни къ какимъ обинякамъ, ни къ какимъ колкостямъ, просто разругалъ его и чѣмъ-то погрозилъ. Эта угроза имѣла полезное дѣйствіе, ибо въ мигъ охладила запальчивость начальника губерніи; а между тѣмъ хозяйка была вся въ слезахъ, съ другими дамами, тутъ находившимися, сдѣлалась дурнота. Сіе происшествіе, весьма маловажное, довольно смѣшное, было однакоже какъ бы сигналомъ всеобщаго возмущенія; всѣ взяли сторону болѣе обидѣвшаго, чѣмъ обиженнаго гостя. Ободряя другъ друга, съ каждымъ днемъ Пензенцы дѣлались болѣе дерзки, съ каждымъ днемъ союзъ противъ грабителя становился плотнѣе. Все это казалось прискорбно отцу моему, и онъ нетерпѣливо ожидалъ весны, чтобы скорѣе воротиться въ деревню.

Это произошло до пріѣзда моего. Какъ человѣкъ служащій, долгомъ я счелъ явиться къ губернатору, и онъ обошелся со мной иначе, какъ съ другими. Онъ принадлежалъ къ новому поколѣнію губернаторовъ, воспитанныхъ въ страхѣ министровъ, и въ глазахъ которыхъ всякій мелкій чиновникъ министерства имѣетъ нѣкоторую важность. Учтивость свою простеръ онъ до того, что посѣтилъ меня въ банѣ, въ которой жилъ я за неимѣніемъ другаго мѣста.

Въ числѣ тѣхъ, кои пожелали вновь сойтиться съ отцомъ моимъ, было и семейство предмѣстника его Ступишина, съ тѣхъ поръ, какъ говорилъ я объ немъ, уменьшившееся и умножившееся. Почтенный старикъ, Иванъ Алексѣевичъ, отошелъ въ вѣчность; романъ дочери его съ братомъ моимъ не могъ вѣчно длиться: отъ безпрестанной разлуки должна была погаснуть любовь, которая менѣе была въ сердцѣ, нежели въ головѣ. Тщеславная бабка Леонтьева, опасаясь, чтобы зрѣлая, хотя достаточная внучка не засидѣлась въ дѣвкахъ, нашла средство выписать для нея славнаго жениха. Человѣкъ лѣтъ сорока пяти, совсѣмъ безъ состоянія, армейскій генераль-маіоръ Семень Давыдовичъ Панчулидзевъ, на дорогѣ въ Саратовъ къ брату, роскошному губернатору, долженъ былъ мимоѣздомъ осмотрѣть невѣсту. Первое привѣтствіе его было: «вы совсѣмъ не такъ дурны, какъ мнѣ васъ описывали». Послѣ того можно судить о любезности его; но онъ былъ крѣпокъ и плечистъ, у него были генеральскія шитье и эполеты и нѣсколько крестовъ въ петлицѣ и на шеѣ, и всѣ романическія мечты должны были уступить столь надежной сущности. Еще разъ не служить ли это доказательствомъ, сколь силенъ былъ тогда въ Россіи предрасудокъ чина и какъ легко было позолотить его выгоднымъ супружествомъ. Къ другимъ горестямъ брата моего, нахо-

дившагося тогда въ Финляндіи, умѣющаго искренно и постоянно любить, присоединилось еще извѣстіе о семъ бракѣ. Болѣе года прошло послѣ того, и госпожа Леонтьева пріѣзжала при мнѣ къ матери моей объявить о рожденіи двухъ правнуковъ-близнецовъ, какъ бы о новомъ торжествѣ своемъ.

Великихъ усилій стоило мнѣ съ матерью и сестрами убѣдить родителя моего въ томъ, что служба сдѣлалась для меня невозможною. Лишившись одного сына, онъ недавно самъ ее оставилъ; получено было извѣстіе, что и другой сынъ его, отъ благорасположенія лично знакомаго ему новаго военнаго министра Барклая-де-Толли, ничего не требовалъ, кромѣ отставки, и получилъ ее; наконецъ, послѣдній сынъ желалъ того же. По понятіямъ тогдашняго времени прискорбна была ему мысль, что нигдѣ въ служебныхъ спискахъ и имени его уже не встрѣтится. Успѣвъ поколебать его твердость и почти увѣренъ будучи въ его согласіи, я не спѣшилъ съ отправленіемъ просьбы.

Въ концѣ Апрѣля переѣхали мы въ деревню. Я устроилъ себѣ уютный уголокъ, который старался украсить, какъ можно болѣе цвѣтами; мысленно дѣлилъ уже я время на часы, посвященные чтенію, прогулкѣ, сельскимъ занятіямъ, семейнымъ обязанностямъ, отдохновенію: изъ будущей жизни своей сочинилъ я настоящую идиллію. Отъ брата моего, вышедшаго въ отставку и остановившагося въ Петербургѣ для сдачи отчетовъ, получили родители мои письмо; это было 13 Мая, ужасное число, которое осталось мнѣ памятно. Симъ письмомъ увѣдомлялъ онъ, что министръ финансовъ приказалъ чиновниковъ, числящихся по его министерству и не занимающихъ штатныхъ мѣстъ, прикомандировать къ асигнаціонному банку; тѣхъ же изъ нихъ, кои находятся въ отпуску и не явятся къ сроку, велѣлъ исключить изъ службы. Въмѣстѣ съ тѣмъ заботливый братъ мой писалъ, что по сему случаю видѣлся онъ съ Никитою Ивановичемъ Пещуровымъ, управляющимъ банкомъ, старымъ знакомымъ моихъ родителей, также и читателя моего, если у него память хороша, и что г. Пещуровъ общается сдѣлать служеніе мое съ нимъ какъ можно пріятнѣе, доставить мнѣ занятіе, соотвѣтствующее моему чину и даже по оному выпросить мнѣ жалованье. Послѣ того можно себѣ представить, что родитель объ отставкѣ моей ничего слышать не хотѣлъ и что я къ поддержанію справедливости моихъ желаній ничего болѣе сказать не могъ. Сборы не могли быть велики для человѣка, который отправлялся на перекладныхъ. Первый разъ еще думалъ я о Петербургѣ съ отращеніемъ и ужасомъ и о Пензѣ съ сожалѣніемъ: какой-то тайный голосъ увѣрялъ меня, что надежды уже не мои, а отца моего, и на этотъ разъ еще не сбудутся. Какъ бы то ни было, дня черезъ три-

четыре по полученіи письма отъ брата моего, опрометью поскакалъ я въ Петербургъ, куда 24 Мая и пріѣхалъ.

IX.

Брата, у котораго присталъ я на квартирѣ, вмѣсто ожидаемой имъ благодарности, встрѣтилъ я грустными упреками. И дѣйствительно, какой родъ службы доставался мнѣ на часть въ цвѣтущіе годы моей жизни!

Государственный асигнаціонный банкъ есть одно изъ благодѣтельныхъ учрежденій Екатерины. Пока печатные царскіе векселя не превышаютъ цѣну государственныхъ имуществъ, ихъ даже нельзя почитать государственнымъ долгомъ. Тамъ, гдѣ по примѣру Европейскихъ городовъ, исключая столицъ, нѣтъ нигдѣ банкировъ, тамъ они одни облегчаютъ торговые обороты; польза ихъ какъ для правительства, такъ и для частныхъ лицъ столь очевидна, что распространяться объ ней не нужно. Дальновидный и смѣлый Сперанскій, для прикрытія безпрестанно умножающихся издержекъ, ничего лучше не выдумалъ, какъ чрезвычайно великій ихъ выпускъ; отъ чрезвычайнаго ихъ упадка не ожидалъ ли онъ, какъ во время Французской революціи, какихъ-нибудь важныхъ послѣдствій? Для того, Гурьевъ нагналъ въ этотъ банкъ всѣхъ безъ занятій находящихся чиновниковъ своего министерства и подписаніемъ асигнацій занялъ ихъ праздныя руки.

Первые вельможи почитали за честь быть президентами банковъ. Старшіе члены присутствія назывались совѣтниками, младшіе директорами; первые состояли въ пятомъ классѣ, послѣдніе въ шестомъ. Сперанскій не успѣлъ еще коснуться сего состава; однакоже подчиненность президента министру финансовъ заставила управленіе банка перейти изъ рукъ вельможескихъ въ руки великаго почитателя ихъ Пещурова. Горько было мнѣ идти къ нему являться; дѣлать было нечего. Къ счастью, нашелъ я его уже причесаннымъ и напудреннымъ*), и не принужденъ былъ присутствовать при его туалетѣ. Маленькая тѣнь важности была наведена на свѣтъ его привѣтливаго взора и улыбки. Онъ объявилъ мнѣ, что еще до пріѣзда моего распорядился онъ такимъ образомъ, дабы я могъ занять мѣсто сверхштатнаго директора, и что, въ случаѣ умноженія штата или открытія вакансіи, надѣется онъ доставить мнѣ и слѣдующее по оному жалованье, всего 1.200 рублей асигнаціями. Важность моего новаго мѣста состояла въ томъ, что я долженъ былъ подписывать асигнацію выше кассира, хотя немного ниже совѣтника.

*) См. первую часть сихъ Записокъ, главу XV.

Я пошелъ въ то прекрасное зданіе на Садовой улицѣ, лучшій памятникъ архитектуры, коимъ Петербургъ обязанъ Гваренги, котораго наружность такъ прельщаетъ взоры, а внутренность вмѣщаетъ такъ много ничтожества и скуки. Я сказался; какой-то присяжный поднесъ мнѣ пукъ новенькихъ печатныхъ бумажекъ, стиснутыхъ въ плоскіе щипцы, и я пустился ихъ подписывать. Когда рука моя уставала, я озирался и въ обширной залѣ, гдѣ насъ сидѣло десятка три подпизиковъ, старался разглядѣть моихъ сотрудниковъ: что за неподвижность въ чертахъ, что за безсмысліе во взорахъ! Каноникатствъ, синекуръ съ хорошимъ содержаніемъ тогда не было такъ много; людямъ неспособнымъ или лѣнивымъ тогда не было такого житья какъ нынѣ. Тѣ, коимъ сильныя особы хотѣли благотворить, но которыхъ пугало все головоломное, какъ говорили они, должны были, по крайней мѣрѣ, не даромъ ѣсть доставленный имъ насущный хлѣбъ и принимались за руководѣліе, на которое безъ всякой платы былъ я осужденъ. Если симъ людямъ скупая къ нимъ природа изъ милости и пожаловала немного способности мыслить и сколько-нибудь воображенія, то оно должно было въ нихъ погаснуть, когда ежедневно на нѣсколько часовъ превращались они въ машины и, привыкая къ сему состоянію, могли оставаться имъ довольны.

Обыкновенно, когда, бывало, пробѣетъ два часа, всѣ автоматы сіи начнутъ медленно подыматься одинъ за другимъ и мѣняться нѣсколькими словами. Всегда почти одинъ разговоръ, одни вопросы и отвѣты: сколько удалось кому подписать бумажекъ? Тотъ, который быстротою пальцевъ успѣлъ перещегоолять другихъ, скромно объявлялъ о томъ; другіе слегка ему дивились. Былъ, помнится, одинъ жирный Нѣмецъ, баронъ Дольствъ, который въ этомъ искусствѣ всѣхъ превосходилъ, и каждый день тысячами считалъ подписки своего имени. Не смотря на то, не думаю, чтобъ оно дошло до потомства, и на всякій случай, въ этой сомнительной надеждѣ, помѣщаю его здѣсь.

Еслибъ тогда мнѣ дали жалованье по мѣсту, то съ отчаянія можетъ быть рѣшился бы я вѣкъ оставаться автоматомъ; къ счастью сего не случилось. Прошло лѣто, Іюнь, Іюль мѣсяцы, даже болѣе половны Августа, и мнѣ приходилось не въ мочь. Прогуливаясь разъ по Невскому проспекту, встрѣтилъ я давнишняго знакомаго своего Опочинина, котораго нѣсколько времени не видалъ (со стыда и досады я старался никому не показываться). Онъ ласково остановилъ меня за обѣ руки, пристально посмотрѣлъ мнѣ въ глаза и, видя, что я не спѣшу начать съ нимъ разговоръ, спросилъ, отчего я такъ унылъ? Въ двухъ словахъ объяснилъ я ему положеніе мое. Онъ пригласилъ меня къ себѣ, чтобы наединѣ пообстоятельнѣе поговорить о средствахъ изъ него выйти.

Онъ былъ величайшій эгоистъ, грѣха таить нечего; но въ кадкѣ его себялюбія, конечно, вмѣщалась, по крайней мѣрѣ, ложка необыкновеннаго добродушія. Онъ навѣрно употребилъ бы всѣ средства, чтобы выдавить, если можно, раздавить человѣка, стоящаго поперекъ его дороги; онъ не сталъ бы много беспокоиться, чтобы сдѣлать добро кому бы то ни было; если же, однако, представлялся случай безъ всякаго труда одолжить хорошаго знакомаго, онъ принимался за то съ радостію, съ сердечнымъ удовольствіемъ. Онъ только-что недавно оставилъ военную службу; но, продолжая пользоваться величайшею милостію цесаревича Константина Павловича, при коемъ дотошъ былъ адъютантомъ, и даже жительствомъ въ принадлежащемъ его высочеству Мраморномъ дворцѣ, ему не трудно было у Гурьева, изъ полковниковъ гвардіи, съ чиномъ статскаго совѣтника получить мѣсто С.-Петербургскаго вице-губернатора. Это поставило его въ частыя сношенія со всѣми матадорами Министерства Финансовъ, коихъ онъ мягкостію характера, пріятностію формъ умѣлъ привлечь къ себѣ. Надобно прибавить, что онъ женился на любимой дочери полководца Михаила Ларионовича Кутузова и тѣмъ умножилъ связи свои съ большимъ свѣтомъ. Помощь такого человѣка, конечно, могла мнѣ быть полезна. Онъ нашелъ, что ничего для меня не можетъ быть лучше, какъ возвратиться къ прежнему намѣренію и занимать въ канцеляріи министра по кредитной части, если не первое мѣсто, какъ я прежде надѣялся, то, по крайней мѣрѣ, приготовиться къ занятію его со временемъ. Озеровъ оставилъ его; преемникомъ его сдѣлался Рибопьеръ, родственникъ жены Опочинина, и онъ предложилъ мнѣ дружественно рекомендательное къ нему письмо. Я зналъ сего подростоющаго вельможу, и предложеніе Опочинина мнѣ было вовсе не по сердцу; убѣжденія его однакоже были столь сладки, что я наконецъ согласился нести письмо его.

Часто случается, что люди, сами по себѣ ничего незначущіе, не имѣющіе никакого особаго достоинства или недостатка, порока, дѣлаются примѣчательны потому только, что носятъ на себѣ отпечатокъ времени и обстоятельствъ, въ коихъ находились. Въ этомъ отношеніи Рибопьеръ заслуживаетъ вниманія, и я готовъ просить читателя не отказать въ немъ изображенію его, которое здѣсь попытаюсь я сдѣлать. Какъ исторія происхожденія его, такъ и его собственная довольно любопытны.

Возвратясь изъ заграничнаго путешествія, молодой богачъ и баричъ Степанъ Степановичъ Апраксинъ, единственный сынъ умершаго фельдмаршала, привезъ съ собою изъ Швейцаріи молодаго (говорятъ) камердинера, котораго, по пріѣздѣ въ Россію, произвелъ въ домашніе

секретари; онъ назывался Рибопьеръ. Вождедѣнный женихъ всѣхъ знатныхъ невѣстъ, Апраксинъ велъ себя, какъ Французскій *goué* тогдашняго времени... Въ числѣ его жертвъ была одна фрейлина, помѣщенная Екатериною жительствою во дворцѣ, какъ сирота, оставшаяся послѣ знаменитаго въ войнѣ и мирѣ Александра Ильича Бибикова. Молодой секретарь сочинялъ ему письма къ ней, тайно ихъ передавалъ... Онъ былъ сострадательнъ, она чувствительна, онъ старался утѣшить ее и до того успѣлъ въ томъ, что она рѣшилась *за него* выйти замужъ. Не смотря на негодованіе всѣхъ родныхъ, на гнѣвъ Императрицы, она устояла въ своемъ намѣреніи. Иностранныя имена, особенно Французскія, были тогда въ большой модѣ; гораздо болѣе препятствій встрѣтила бы дѣвица Бибикова, еслибъ пришлось ей соединиться бракомъ съ человѣкомъ, который бы носилъ Русское неизвѣстное названіе, хотя бы старинное дворянское, напримѣръ Терпигорева. Когда дѣло было сдѣлано и помочь ему было нельзя, Женевскаго мѣщанина *) записали гвардіи сержантомъ и, какъ водилось тогда, черезъ нѣсколько времени выпустили въ армію капитаномъ. Онъ былъ, говорятъ, красивъ, благороденъ и храбръ, служилъ хорошо, на войнѣ получилъ Георгіевскій крестъ и въ чинѣ бригадира, начальствуя какимъ-то пѣхотнымъ полкомъ, убитъ при штурмѣ Измаила. Послѣ него остался одинъ малолѣтній сынъ, Александръ Рибопьеръ, о которомъ идетъ рѣчь.

Необыкновенная красота мальчика, геройская смерть отца и великіе подвиги дѣда заставили строгую иногда по необходимости, но всегда чувствительную и добрую Екатерину... взять отрока подъ особое свое покровительство: она сдѣлала его офицеромъ конной гвардіи, часто призывала къ себѣ и любовалась имъ. Въ восемнадцать лѣтъ, когда Павелъ пожаловалъ его камергеромъ, на плечахъ у него такая была головка, за которую всякая, даже довольно пригожая, дѣвица готова была бы помѣняться своею. Въ послѣдніе дни его царствованія, имѣлъ онъ поединокъ съ княземъ Четвертинскимъ за одну придворную красавицу; бредя рыцарствомъ, Павелъ, обыкновенно въ этихъ случаяхъ, бывалъ не слишкомъ строгъ; но какъ ему показалось, что любимая его княгиня Гагарина на него иногда заглядывалась, то изъ ревности велѣлъ онъ его съ разрубленной рукой, исходящаго кровію, засадить въ казематъ, откуда при Александрѣ не скоро можно было его выпустить по совершенному разслабленію, въ которое онъ отъ того пришелъ. Послѣ того сдѣлался

*) Это несправедливо. И. С. Рибопьеръ происходилъ изъ древняго, но обвѣдѣннаго рода. См. Записки его сына въ Русскомъ Архивѣ 1877 года. II. Б.

онъ кумиромъ прекраснаго пола. Самъ не менѣе того началъ онъ обожать себя. И могло ли быть иначе послѣ такого младенчества и въ такомъ блескѣ проведенной молодости?

Мнѣ случилось иногда видѣть его довольно важно танцующаго на балахъ съ какимъ-то тихимъ самодовольствіемъ; также случалось мнѣ встрѣчать его у князя Θεодора Сергѣевича Голицына, въ которомъ видѣлъ онъ своего Пилада, тогда какъ тотъ почиталъ себя его Орестомъ. Можетъ-быть, для твердости дружественныхъ узъ дѣйстви-тельно необходима противоположность характеровъ: сколько въ Голицынѣ было веселости, любезности, общительности, столько въ Рибопьерѣ было неподвижности, расчетливости, учливой надменности.

Хотя они были ровесники, первый казался принадлежащимъ къ прежнему, послѣдній—къ новому изданію Русской аристократіи; одинъ хотѣлъ какъ будто властвовать надъ нисшими любовію, другой поражать ихъ своимъ величіемъ. Ума болѣе чѣмъ посредственнаго, этотъ человѣкъ имѣлъ однакоже даръ довольно кстати помѣщать въ разговоры затверженныя имъ фразы; общія мѣста, съ тономъ приговора имъ произносимыя, людьми несвѣдущими или невнимательными принимались за новыя и глубокія мысли. Амуръ и гений вмѣстѣ, онъ плѣнялъ въ одно время и изумлялъ Петербургское общество, за которое, право, я готовъ краснѣть. Наконецъ, сама холодная и гордая Баденская принцесса Амалія, сестра Императрицы, находившаяся тогда въ Петербургѣ, говорила объ немъ съ восторгомъ, весьма похожимъ на любовь. Выдумать себя онъ не былъ въ состояніи, а умѣлъ лишь нѣсколько приблизительно быть подражаніемъ Кочубея; онъ былъ плохая съ него литографія. Красотою, умомъ онъ не столько еще гордился, какъ (кто бы подумалъ?) знатностію своею и, не краснѣя, часто любилъ объ ней твердить: однихъ убѣждалъ онъ въ ней, другимъ безпрестанно напоминалъ о ея свѣжести. Онъ былъ женатъ на дѣвицѣ Потемкиной, дочери княгини Юсуповой отъ перваго брака и родственниковъ жены и матери своей не иначе называлъ, какъ съ прибавленіемъ степени родства ихъ съ нимъ: дядя мой Голицынъ, тетка моя Браницкая, тетка моя Кутузова *). Приобщенный къ сонму полубоговъ, онъ совершенно забывалъ смертныхъ, единокровныхъ ему Швейцарскихъ молочницъ. Въ обществѣ многіе находили, что столь необыкновенный человѣкъ крадетъ себя у государства, не посвящая ему великія свои способности; а онъ давалъ чувствовать, что не его вина, когда не умѣютъ употребить его съ пользою. Указъ Сперанскаго о ка-

*) Катерина Ильинишна Кутузова, теща Опочинина, была родная сестра Александра Ильича Бибикова, дѣда Рибопьера.

мергерствѣ заставилъ его, наконецъ, искать мѣста; но все было не по немъ. Въ судьбѣ, въ происхожденіи и въ притязаніяхъ Гурьева и Рибопьера было слишкомъ много сходства, чтобы у послѣдняго не составились связи съ семействомъ перваго и съ нимъ самимъ. Первое мѣсто, сдѣлавшееся вакантнымъ въ его министерствѣ, получилъ Рибопьеръ, который, принимая его, согласился попятиться, въ надеждѣ скоро далѣе прыгнуть.

Вотъ къ какому человѣку былъ я адресованъ, вотъ кому долженъ былъ я подчинить себя! Я бы могъ употребить на то Феодора Голицына; но это никогда не могло бы придти мнѣ въ голову, еслибы не прельщенія Опочинина, еслибы, закупоренный въ Банкѣ, я чуть не задыхался.

У начальника отдѣленія, Рибопьера, нашелъ я весь порядокъ, заведенный у министровъ: курьера, прихожую, ожидающихъ въ ней (впрочемъ, кажется, только одного), докладчика и выходъ; новаго покроя аристократъ никакъ не пренебрегъ окружить себя канцелярской помпой. «Что, сказалъ я себѣ, вѣдь Озерову или мнѣ никакъ бы не придумать такихъ затѣй! Надобно признаться, что глупцы имѣютъ особый даръ придавать необыкновенную наружную важность всякому мѣсту, которое занимаютъ». Двери отворились; я подалъ записку. Хотя г. Рибопьеръ никогда не удостоивалъ меня взглядомъ, однакоже невозможно было ему не знать меня: какъ было ему не замѣтить человека, который никогда не гнулъ передъ нимъ выи, слушая его, никогда не изъявлялъ удивленія? «Мнѣ кажется, я васъ знаю, сказалъ онъ; я гдѣ-то васъ видѣлъ». — «Можетъ-быть, не помню», отвѣчалъ я съ видомъ смиреннымъ и гордымъ вмѣстѣ. Онъ спросилъ меня о чинѣ и узнавъ воскликнулъ: «возможно ли, въ такія лѣта?» Ему еще не было тридцати; болѣе десяти былъ онъ превосходительнымъ, его звали Рибопьеръ, и онъ дивился. Впрочемъ объявилъ онъ мнѣ, что желаніе мое будетъ немедленно исполнено. Онъ, право, былъ совсѣмъ не дурной человекъ; но баловство свѣта для слабоумныхъ еще хуже чѣмъ баловство родительское.

Въ третьемъ отдѣленіи канцеляріи, коимъ онъ управлялъ въ этомъ году, число дѣлъ весьма умножилось. Завязалась не весьма обширная и не весьма мудреная переписка съ иностранными банкирами, особенно съ домомъ Гоппе и компаніей; а какъ никто изъ служащихъ въ отдѣленіи не зналъ довольно правильно Французскаго языка, чтобы сочинить на немъ бумагу или даже безъ ошибокъ переписать ее, то въ этомъ случаѣ я пригодился. Составленіемъ этихъ важныхъ бумагъ по-французски занимался самъ Рибопьеръ; когда ему не хотѣлось или было некогда (что случалось довольно рѣдко), то мнѣ поручалъ онъ

ихъ. Раза два-три еженедѣльно ходилъ я въ канцелярію; все это было веселѣе, чѣмъ банкъ, но какъ тамъ, такъ и тутъ ничего я не видѣлъ впереди. Было довольно безъ меня практикантовъ, народа чернорабочаго и тѣмъ болѣе нужнаго; нѣкто Никандръ Самойловичъ Рубцовъ, родъ вице-начальника отдѣленія, старѣе меня чиномъ и гораздо старѣе лѣтами, да еще нѣсколько братьевъ Ламанскихъ, которые родились, выросли сперва въ столѣ, потомъ отдѣленіи по этой части, состарѣлись въ немъ и вѣроятно умрутъ и изъ коихъ, кажется, одному подъ конецъ дней удалось въ немъ быть начальникомъ. Другаго мѣста, кромѣ того, которое занималъ Рибошьеръ, желать я не могъ. «А гдѣ ему впереди, думалъ я, хорошенько разглядѣвши его: безъ покровительства Гурьева не усидѣтъ бы ему и на этомъ мѣстѣ».

Надоѣлъ я самому себѣ, а кольми паче читателю безпрестанными повтореніями о горестяхъ и неудачахъ своихъ. Для того, устраняя себя вовсе отъ разказа сего, примусь говорить о томъ, что въ этомъ году болѣе интересовало публику, о военныхъ происшествіяхъ новой кампаніи противъ Турокъ и о великихъ перемѣнахъ по гражданской части.

Бури, свирѣпствовавшія по Дунаю, не ранѣе половины Мая дозволили Каменскому переправиться черезъ него. Кампанія открылась самымъ блестящимъ образомъ: войска, подъ начальствомъ старшаго брата главнокомандующаго, графа Сергія Михайловича (не самъ онъ, говорятъ) 24 Мая среди бѣлаго дня взяли приступомъ укрѣпленный городъ Базарджикъ. Черезъ нѣсколько дней спустя, 30 Мая, сдалась важная крѣпость Силистрія. Послѣ того армія безпрепятственно пустилась въ походъ къ Балкаву. Къ несчастію, наткнулась она на Шумлу, дѣвственную твердыню, вѣчный камень преткновенія для нашихъ войскъ. Много потерялъ времени графъ Каменскій на осажденіе этого мѣста, болѣе природой, чѣмъ искусствомъ укрѣпленнаго, въ которомъ самъ визирь засѣлъ со всѣми своими вооруженными Турками. Частыя стычки, въ которыхъ Русскіе всегда имѣли верхъ, ничего не доказывали и ни къ чему не вели. Нетерпѣливый Каменскій, среди принужденнаго бездѣйствія, изнывая отъ досады, пожелалъ хотя на другомъ пунктѣ нанести непріятелю какой-нибудь новый, рѣшительный ударъ. Для того по новому направленію пошелъ онъ обратно къ Дунаю, и 22 Іюля, въ день именинъ вдовствующей Императрицы, далъ онъ несчастно-памятный штурмъ неприступной крѣпости Рущуку.

Отраженіе непріятельское было совершенно пораженіемъ нашей арміи. О горе, о стыдѣ, о дѣло неслыханное! Русскіе побитые на голову Турками! Очевидцы рассказывали, что Каменскій, увидя совершенную неудачу свою и съ отчаянья забывъ весь страхъ, жаждать

смерти и становился въ самыя опасныя мѣста, куда изъ крѣпости долетали непріятельскія ядра. Полагаясь на умъ, на дружбу и на усердіе Блудова, съ печальнымъ извѣстіемъ отправилъ онъ его въ Петербургъ. Онъ надѣялся, что онъ искусно будетъ умѣть ослабить впечатлѣніе, которое оно должно тамъ было произвести; это было трудно, это было невозможно. Напрасно лишилъ онъ себя Блудова: изъ числа людей его окружавшихъ, такъ мало осталось вѣрныхъ его несчастію. Какъ войско, такъ и народъ въ Россіи чрезъ мѣру любитъ побѣдителей: все готовы прощать имъ, все готовы переносить отъ нихъ, и всегда забываютъ прежнія заслуги побѣжденныхъ.

Всю жизнь прослуживши въ арміи, Каменскій не былъ знакомъ съ тонкостями выраженій, употребляемыми въ столицѣ, которыя смягчаютъ выговоръ, которыя слѣпую покорность военныхъ людей дѣлаютъ имъ сносною. Привыкнувъ самъ безропотно повиноваться начальству, онъ въ свою очередь требовалъ строгаго исполненія своихъ приказаній. Любезенъ, привѣтливъ въ обществѣ, даже съ простыми офицерами, онъ все забывалъ, когда дѣло доходило до службы, особливо во время войны. Съ усиленіемъ его тѣлесныхъ страданій, умножилась и неровность его характера, и тѣ, коимъ за нѣсколько часовъ нѣжно и грустно онъ улыбался, нерѣдко встрѣчали его съ угрозою и бранью на устахъ. Нѣсколько придворныхъ генераловъ, между коими были Уваровъ, Строгоновъ, Трубецкой, множество штабъ и оберъ-офицеровъ гвардейскихъ, прискакали въ Молдавскую армію за вѣрными успѣхами и наградами. Они болѣе затрудняли, обременяли его чѣмъ были ему въ помощь; онъ не умѣлъ довольно скрывать того и не хотѣлъ давать имъ явнаго предпочтенія передъ другими заслуженными воинами. Среди нихъ родились неудовольствія на него, возросли, умножились, и еще прежде Рущука окруженъ онъ былъ интригами, въ коихъ непоследнее участіе принималъ Французъ, Ансельмъ-де-Жибори, котораго имѣлъ онъ слабость взять съ собою. Послѣ же этого несчастнаго дѣла, всѣ тайно противъ него возстали, и самъ старшій братъ его, этотъ гнусный, подлый и завистливый Сергій Михайловичъ публично за обѣдомъ пилъ за здоровье Бошнякъ-Аги, начальника Рущука, побѣдителя брата своего, какъ онъ его называлъ. Въ Петербургѣ чѣмъ болѣе возлагали на него надеждъ, тѣмъ менѣе прощали ему неисполненіе ихъ. Отцы семействъ, въ семь кровопролитія лишившіеся сыновей, кляли его за эту потерю, какъ будто онъ былъ обязанъ беречь дѣтей ихъ. Однимъ словомъ, Рущукская пушка убила вдругъ его счастье, его славу, общую къ нему любовь.

Однакоже, отдохнувъ нѣсколько времени, съ остатками войскъ пошелъ онъ противъ собранной новой, сильной, ободренной Турец-

кой арміи, и 26 Августа (многократными событіями памятный для Россіи день) разбилъ ее въ прахъ при селеніи Батинѣ. Вслѣдствіе сей побѣды пали послѣднія Турецкія крѣпости на Дунаѣ — Журжа и этотъ ужасный Русчукъ. Уже былъ Сентябрь, ничего новаго предпринять было невозможно, и кампанія кончилась не совсѣмъ неудачно.

Что происходило въ Петербургѣ, стоило Русчукскаго дѣла. Въ продолженіе цѣлаго лѣта все государственное зданіе трещало и ломилось подъ всеокрушительною и всезидительною десницею Сперанскаго. Спокойно-величаво стоявшія дотолѣ collegii падали одна за другою, и изъ развалинъ ихъ скромно поднимались департаменты. Уже названіе сіе перестало было присвоено цѣлому министерскому управленію, а только частямъ его, которыя наслѣдовали покойнымъ collegіямъ. Наименованіе управляющихъ экспедиціями исчезло и замѣнилось названіемъ директоровъ. Іерархія мѣстъ и лицъ сдѣлалась весьма не длинна и не сложна: министерства дѣлились на департаменты, департаменты на отдѣленія, отдѣленія на столы, коими управляли министры, директора, начальники отдѣленій и столоначальники, точно такъ какъ во Франціи; новаго тутъ ничего не было придумано. Не все однакоже, что на взглядъ просто, бываетъ удобно и легко. Всѣ другія мѣста, нынѣ въ министерствахъ существующія, суть вставки сдѣланныя позже.

Названіе директора банка, которое временно и даже минутно носилъ я, не могло сдѣлать много вреда званію директора департамента: великая разница между ними была слишкомъ очевидна, и никто не сталъ бы смѣшивать перваго консула Французской республики съ нашимъ консуломъ въ Марсели. Но Сперанскій умѣлъ уронить, убить титулъ директора, при самомъ его созданіи, распространивъ его на правителей канцелярій министровъ. Это пріучило сихъ послѣднихъ видѣть во всѣхъ директорахъ простыхъ, обыкновенныхъ, хотя болѣе чиновныхъ секретарей. А эти люди въ новомъ государственномъ порядкѣ должны были представлять президентовъ collegій, изъ коихъ нѣкоторые еще недавно украшались Андреевскою лентой. Я помню изумленіе одного провинціала, недавно изъ губерніи пріѣхавшаго и давно не бывшаго въ столицѣ, который ожидалъ министра въ его пріемной; тутъ молчаливо сидѣлъ въ углу человекъ съ портфелемъ и съ Аннинской звѣздой, директоръ департамента Политковскій; вдругъ позвали его громко къ владыкѣ, онъ съ трепетомъ вскочилъ и съ быстротою кинулся къ нему въ кабинетъ. Мой провинціаль не хотѣлъ вѣрить глазамъ своимъ. «Какъ, забывшись воскликнулъ онъ: у министровъ и секретари нынче въ лентахъ!»

Министры съ познаніями, съ образованіемъ понимаютъ всю важность званія начальника департамента и видятъ въ нихъ своихъ товарищей, главныхъ своихъ сотрудниковъ. Но царскій выборъ не падаетъ ли иногда на грубіяна, на невѣжду, на неуча, взятаго изъ военныхъ рядовъ, гдѣ не годился онъ? Случайно достигнувъ власти, иной не думаетъ о пользѣ, для которой она ему дана, а спѣшитъ показать ее надъ подчиненными. Ближайшими, первыми жертвами его кто? Директоры департаментовъ. Я не стану описывать ихъ мученій при объясненіи дѣлъ министру несвѣдущему, безтолковому, и между тѣмъ самонадѣянному, а буду только говорить о формѣ взаимныхъ ихъ сношеній. Во всякое время дня и ночи, министръ имѣетъ право призвать директора и заставить его заниматься. Если первый любитъ точность, то промедленіе въ явкѣ послѣдняго можетъ навлечь ему жесточайшій выговоръ, хотя бы разница была въ нѣсколькихъ минутахъ и происходила отъ невѣрности часовъ. Когда же, напротивъ, министръ распоряжается своимъ временемъ не съ великою точностію, то еще хуже для директора. Прибывъ по волѣ его въ назначенное имъ время, по нѣскольку часовъ, иногда голодный и изнуренный, принужденъ бываетъ онъ дожидаться, пока начальникъ его принимаетъ или дѣлаетъ посѣщенія, или забылъ о немъ, или занимается другимъ дѣломъ; хорошо еще, когда учтивость заставитъ его слегка предъ нимъ извиниться. Были министры, которые директорамъ своимъ говорили: «гей ты, какъ бишь тебя!» Я не говорю, чтобъ это всегда было, но иногда бываетъ и всегда безпрепятственно можетъ быть. Скажутъ, зачѣмъ же они это терпятъ и не виноваты ли они сами, когда не умѣютъ болѣе внушить къ себѣ уваженія? Въ сношеніяхъ такого рода мнѣ кажется все болѣе относится къ должности чѣмъ къ лицу: если бъ мусью Викторъ Гюго принужденъ былъ сдѣлаться моимъ камердинеромъ, и я не имѣлъ бы другаго слуги, я не знаю, почему не могъ бы я сказать ему: «братецъ, сними съ меня сапоги», можетъ, изъ уваженія къ его таланту прибавивъ «пожалуйста». А тотъ кто не знаетъ по-французски и не любитъ стиховъ?

Упадокъ директорства совершился не вдругъ, а постепенно. Аристократы, которыхъ императоръ Александръ почти насильно нагналъ въ гражданское вѣдомство, вмѣсто того, чтобы его облагородить, были для него настоящею язвою. Въ малыхъ чинахъ и мѣстахъ, они ничего не дѣлали, гнушались своими сослуживцами и, поддержанные цѣлою кастою своею, ругались надъ ближайшими своими начальниками; тѣ, которые занимали высшія мѣста, сдѣлались скоро добычею бюрократовъ и Нѣмцевъ. Опытность и раболѣпство тѣхъ и другихъ должны были нравиться ихъ надменности и маловѣдѣнію. Ихъ тайно

предпочитали они людямъ благородно-рожденнымъ и благородно-мыслящимъ, покорнымъ, но не согнутымъ передъ ними; ихъ старались выводить, изъ нихъ министры выбирали директоровъ, директоры начальниковъ отдѣленій. Тщеславію аристократовъ лестно было видѣть въ чинахъ и лентахъ тѣхъ, коихъ они могли почитать своими челядинцами. Мало по малу все то, что сначала могло казаться злоупотребленіемъ власти, къ которому начальство не слишкомъ смѣло приступало, обратилось, наконецъ, въ общепринятый обычай. Никакого права, на которое могли бы опереться сіи беззащитные передъ министромъ, Сперанскимъ дано имъ не было, что не доказываетъ дурной его умыслъ, а только недалководность. Вотъ почему нельзя винить ни министровъ, которые слишкомъ забываются, ни директоровъ, которые все переносятъ отъ нихъ: все происходитъ отъ недостатковъ въ учрежденіи министерствъ.

Государи, коимъ Сперанскій такъ долго докладывалъ и могъ бы объяснить достоинство званія директоровъ, сами видятъ въ нихъ ничто иное, какъ канцелярскихъ служителей. Не такъ давно одинъ изъ нихъ за описку въ какой-то бумагѣ былъ посаженъ на таубтвахту и, черезъ два дня вышедъ изъ нея, вступилъ опять въ управленіе департаментомъ. Послѣ того, въ случаѣ несправедливости министра, какъ могутъ поднять они голосъ? Какой судъ могутъ они найти? Въ этомъ случаѣ ихъ подчиненные счастливѣе: до министра ближе, чѣмъ до Бога и Царя. Обиженный директоръ, вслѣдствіе неудовольствія, не вдругъ смѣетъ подать и въ отставку; въ самодержавномъ правленіи и это можетъ быть сочтено за возмущеніе противъ власти.

Надобно посмотрѣть, какъ и нѣкоторые директора неудовольствія свои вымещаютъ на подчиненныхъ, какъ съ ними вознаграждаютъ они себя за претерпѣваемыя униженія! Въ свою очередь, у себя дома или въ департаментѣ, какъ мастерски перенимаютъ они роль у министровъ! Лучше всѣхъ изъ нихъ выполняютъ сіе аристократы, когда случайно занимаютъ такія должности, какъ недавно видѣли мы сіе въ Рибопьерѣ. Имъ удобнѣе то дѣлать; подобострастіе къ министру, въ которомъ не уступаютъ они бюрократамъ, цѣнится гораздо выше, и они служащихъ подъ ихъ начальствомъ рѣшительно подавляютъ своею слѣсью. Тѣ, которые до директорства дошли изъ низкаго состоянія, поступками своими напоминаютъ Римскихъ отпущенниковъ, *affranchis*. Все министерское управленіе у насъ состоитъ изъ деспотовъ. Сперанскій говорилъ, что точно также и во Франціи; но тамъ была революція, а насъ Богъ избавилъ отъ нея.

Если ни аристократовъ, ни бюрократовъ ты не хочешь въ министерствахъ, могутъ спросить у меня, то кого же тебѣ надобно? Дво-

рянъ, природныхъ, наслѣдственныхъ Русскихъ дворянъ; кажется, въ нихъ недостатка нѣтъ. Если между знатными покажутся выродки, чего однакоже мнѣ почти никогда не случалось видѣть, то почему не сажать ихъ въ Сенатъ, а по испытаніи ихъ способностей и еще болѣе патріотизма, не дѣлать и министрами? Вообще нашей знати въ такомъ видѣ, въ которомъ она находится, должны принадлежать исключительно гофмаршалство, камергерство, придворные чины, золотые мундиры и блескъ. Первыя и вторыя мѣста въ государственномъ управленіи должны быть достояніемъ однихъ родовыхъ дворянъ; средніе и низшіе пусть займутъ семинаристы. Дѣти ихъ уже могутъ идти на ряду съ старинными, такъ называемыми у насъ столбовыми дворянами. Сперанскаго указы все перепутали: придворныхъ разослали по канцеляріямъ, а дворець наполнился разночинцами, людьми съ странными и неслыханными именами, отъ которыхъ стало въ немъ и душно, и смрадно. Все умѣлъ уронить этотъ человѣкъ. Зачѣмъ было смѣшивать то, что при Екатеринѣ и ея предшественникахъ такъ мудро было раздѣлено?

Вмѣсто повѣствованія пустился я болѣе въ разсужденія; но какъ они не чужды предмету разсказа моего, то, не перескакивая, могу къ нему воротиться.

Ни къ одному изъ министерствъ не было отмежевано столько департаментовъ, какъ министерству финансовъ. Такъ какъ я служилъ въ немъ, то позволю себѣ здѣсь ихъ изочестъ. 1) Департаментъ внѣшней торговли, бывшая комерцъ-колегія, до того министерство; 2) департаментъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ, бывшая бергъ-колегія, съ соляною частію, у министерства внутреннихъ дѣлъ отнятою; 3) департаментъ податей и сборовъ, въ который поступили дѣла бывшей камеръ-колегіи; 4) департаментъ казначейства, часть, коею управлялъ дотолѣ государственный казначей, почти министръ и перешедшій въ званіе простаго директора; 5) вновь учрежденный департаментъ государственныхъ имуществъ, составленный изъ бывшаго лѣснаго департамента и частей по разнымъ другимъ вѣдомствамъ разсѣянныхъ и, наконецъ 6) канцелярія, которая обширностію своею могла равняться съ другими департаментами. Сверхъ того три банка: заемный, асигнаціонный и комерческій. Двигателей сей огромной машины, въ составѣ которой, въ продолженіе болѣе тридцати лѣтъ, происходило мало измѣненій, если не считать Сперанскаго, было всего два человѣка.

Что касается до Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, которое Сперанскій любилъ, образовалъ, въ которомъ пять лѣтъ служилъ онъ управляющимъ экспедиціей государственнаго благоустройства (переименованной имъ въ департаментъ полиціи исполнительной), то оно

какъ будто попало къ нему въ немилость. Онъ раскололъ его на двое, второй половинѣ давъ названіе Министерства Полиціи. Точно также было и у Наполеона, слѣдственно и въ этомъ виднo одно только подражаніе. Преобразователь Россіи забылъ или не хотѣлъ вспомнить, что въ положеніи двухъ императоровъ была великая разница. Двѣ трети подданныхъ Наполеона почитали его хищникомъ престола и всегда готовы были къ заговорамъ и возмущеніямъ: пока онъ сражался съ внѣшними врагами своими, для удержанія внутреннихъ былъ ему необходимъ искусникъ Фуше. То ли самое было въ Россіи? Сперанскому сильно того хотѣлось и, можетъ быть, преступныя желанія свои принималъ онъ за существованность. Какъ бы то ни было, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, которое при Кочубеѣ и Куракинѣ, равно какъ и вездѣ, во всѣхъ другихъ Европейскихъ государствахъ, почиталось всегда первымъ, никогда не могло подняться послѣ удара, въ семь году ему нанесеннаго. Играя въ департаменты, иногда дѣлало оно нѣкоторыя приобрѣтенія, но подъ конецъ всегда оставалось въ проигрышѣ и безпрестанно коротѣло.

Мы видѣли, какъ въ предыдущемъ 1809 году изъ экспедиціи водныхъ комуникацій скоро передѣлано было для принца Георгія Ольденбургскаго новое министерство, подъ именемъ главной дирекціи путей сообщенія. Въ этомъ году родилось еще три министерства: полиціи, о коемъ сейчасъ говорено, государственный контроль и главное управленіе духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій. Сперанскій разъ навсегда показалъ, сколь мало затруднительно и даже какъ удобно въ Россіи кроить и перешивать министерства и департаменты. Сколько разъ потомъ видѣли мы, какъ послѣднихъ производили въ первые, а первымъ велѣли быть послѣдними. Еслибъ умноженіе дѣлъ и сложность ихъ, для быстрѣйшаго ихъ производства, непременно требовали умноженія мѣстъ и вѣдомствъ, то кто бы сталъ не одобрять сего, какъ мѣръ, принимаемыхъ мудростію правительства? Но какъ мы видимъ часто, что сіе дѣлается лишь въ удовлетвореніе честолюбія любимцевъ царскихъ, то какъ не пожалѣть о казнѣ и не опасаться еще болѣе путаницы въ дѣлахъ? Управленіе Россійской имперіи похоже на новую ея столицу: все идетъ ломка и перестройка.

Изъ прежняго министерства Внутреннихъ Дѣлъ оставили новому только два департамента: бывшую экспедицію государственнаго хозяйства, въ которой нѣкоторое время я занимался и изъ которой кое-что повыбрали, чтобъ отдать Министерству Финансовъ, да еще почтовый департаментъ, недавно въ сіе министерство поступившій и называвшійся дотолѣ главнымъ почтовымъ правленіемъ. Чтобы сколько-нибудь скрыть худобу его, сочинили ему третій департаментъ, кото-

рому не умѣли сыскать другаго названія, какъ хозяйственнаго, хотя былъ уже департаментъ государственнаго хозяйства, что сначала въ перепискѣ много спутывало губернаторовъ. Департаментъ сей долженъ былъ заниматься по дѣламъ приказовъ общественнаго призрѣнія и богоугодныхъ заведеній, отъ нихъ завѣсящихъ.

Не знаю, подъ какими предлогами князь Куракина цѣлое лѣто держали въ Парижѣ. Во время отсутствія его происходили всѣ большія перемѣны въ его министерствѣ, съ согласія и, говорятъ, съ участіемъ товарища его Козодавлева, которому въ награду за покорность обѣщано было его мѣсто. Нѣтъ сомнѣнія, что г. Козодавлевъ согласился бы управлять и отдѣленіемъ, еслибъ только оному было дано названіе министерства. По возвращеніи осенью, найдя министерство свое разсѣченнымъ, оборваннымъ, Куракинъ, несмотря на любовь свою къ власти и почестямъ, отказался отъ него, какъ товарищъ его сіе предусмотрѣлъ, и сей послѣдній получилъ его мѣсто.

Приверженцы Куракина благодѣтельствованнаго имъ преемника его обвиняли въ предательствѣ. Но кто же себѣ добра не желаетъ?

Кажется, я уже познакомилъ читателя съ Осипомъ Петровичемъ; только боюсь, неумышленно не далъ ли я объ немъ худаго мнѣнія, котораго, право, я самъ вовсе не имѣлъ. Не все хорошо въ людяхъ, не все и худо. Слабость, которую раздѣлялъ онъ съ большею частію людей, занимающихъ въ Петербургѣ высшія мѣста, конечно являлась въ немъ нѣсколько въ преувеличенномъ видѣ: онъ любилъ Дворъ до обожанія и для полученія милости Царя или даже хорошаго расположенія его приближенныхъ, готовъ онъ все былъ сдѣлать. Знакомые его могли на немъ, какъ на барометрѣ, справляться о состояніи придворной атмосферы. Готовыя мнѣнія получалъ онъ прямо изъ дворца или изъ кабинета Сперанскаго и никакихъ другихъ себѣ не позволялъ. Я помню сначала, какъ онъ съ женой не произнесилъ никогда имени Наполеона безъ почтительнаго восклицанія. Нѣкоторое время, гораздо позже и то недолго, либеральныя идеи были въ модѣ при Дворѣ: изъ раболѣпнаго подражанія находилъ онъ тогда холопскія чувства въ нѣкоторыхъ басняхъ Крылова. Что это все доказываетъ, если не вѣроподданничество, которое съ нынѣшними испорченными понятіями только можетъ казаться страннымъ? Корыстолюбіе его, впрочемъ весьма умѣренное, никто не думалъ порицать: всякій зналъ, что онъ предается ему не съ намѣреніемъ обогатиться, не изъ алчности къ прибыли, а для поддержанія высокаго сана, на который былъ онъ поставленъ. Еслибы императоръ Александръ былъ пощедрѣе къ своимъ министрамъ, то нѣкоторымъ изъ нихъ не нужно было бы прибѣгать къ средствамъ, не совсемъ одобряемымъ строгою нравственностію.

Козодавлевъ былъ литераторъ и членъ Россійской Академіи. Ему нужно было щегольнуть словесностію въ министерствѣ своемъ: для того учредилъ онъ при немъ газету, подъ именемъ *Съверной Почты*, и самъ наблюдалъ за ея изданіемъ. Весьма мало заграничныхъ извѣстій помѣщалось въ сей газетѣ, все изъ опасенія, чтобы не провраться; за то всё столбцы ея наполнялись статьями о свекловицѣхъ и кунжутѣхъ, и о средствахъ изъ сихъ растений выдѣлывать сахаръ и масло. Послѣ того начали появляться въ ней мериносы, шерсть и суконныя фабрики *). Запретительная система была тогда во всей своей силѣ, и онъ старался доказывать, сколь выгодно произведенія иностранной промышленности замѣнять отечественными.

Я не скрылъ его недостатковъ; послѣ того грѣшно бы было умолчать о его любезныхъ, въ столичномъ мірѣ рѣдкихъ, свойствахъ. Онъ былъ по истинѣ добрѣйшій человѣкъ, не зналъ ни злобы, ни зависти: надобно было видѣть его радость, когда узнавалъ онъ о чьемъ-нибудь повышеніи, о чьихъ либо успѣхахъ! Когда же самому удавалось ему выпрашивать награды, спасать кого отъ бѣды, то онъ совершенно бывалъ счастливъ. Безъ всякаго притворства былъ онъ исполненъ религіозныхъ чувствъ; послѣ конечно это пригодилось ему; но онъ показывалъ набожность, когда еще она не была въ модѣ. Какъ было разгадать его? Онъ былъ уменъ, просвѣщенъ, добръ, христіолоубивъ, а со всѣмъ тѣмъ!... Можетъ-быть, добротою сердца своего измѣряя пучину благости Господней, онъ болѣе надѣялся на милосердіе Его, чѣмъ на правосудіе. Со мною продолжалъ быть онъ ласковъ, когда сдѣлался министромъ; но по наговору окружающихъ, почитая меня человѣкомъ неуживчивымъ, вѣчно недовольнымъ, слышать не хотѣлъ, чтобы имѣть меня подъ своимъ начальствомъ.

Министерство полиціи, составленное только изъ двухъ департаментовъ (полиціи исполнительной и медицинской), было чрезвычайно сильно небольшою прибавкой, въ немъ сдѣланною, какъ иногда въ письмѣ *post-scriptum* изображаетъ всю важность цѣли его. Сія прибавка названа Особою Канцеляріей.

Многіе видѣли въ ней возрожденіе Тайной Канцеляріи, стыда и ужаса прошедшихъ временъ Россіи, при коронаціи Александра его благостію уничтоженной. Для чего было создавать ее вновь? Посредствомъ ея что можно было узнавать и удерживать? Вся Россія сдѣлалась нескромною, злилась на Государя своего, а все-таки, безъ памяти его любя, готова была всѣмъ ему пожертвовать.

*) Я было и забылъ сказать, что въ послѣдствіи увеличили его министерство присоединеніемъ къ нему мануфактуръ-колегіи, названной департаментомъ мануфактуръ и внутренней торговли.

Со времянь царя Ивана Васильевича Грознаго секретною этою частію почти всегда у насъ завѣдываютъ Нѣмцы. Мы находимъ въ исторіи, что какой-то Колбе, да еще пасторъ Вестерманъ и многіе другіе плѣнники, желая мстить Русскимъ за ихъ жестокости въ Лифляндіи, добровольно остались при ихъ мучителѣ и составили изъ себя особаго рода полицію. Они тайно и ложно доносили на боярѣ, на всякаго рода людей и были изобрѣтателями новыхъ истязаній, коими возбуждали и тѣшили утомленную душу лютаго Іоанна. Съ тѣхъ поръ ихъ родъ не переводился ни въ Москвѣ, ни въ цѣлой Россіи. Всякому новому вѣнценосцу предлагали они услуги свои, и чѣмъ власть его была колеблемѣе и сомнительнѣе, тѣмъ вліяніе ихъ становилось сильнѣе, какъ сіе видно при Годуновѣ и Лжедмитріѣ. Оставляя въ сторону кровавое ихъ могущество при Петрѣ и Биронѣ, въ новѣйшія времена находимъ мы имена Шварца, Толя, Эртеля гремящими въ полицейскихъ лѣтописяхъ. Можно было ожидать, что Нѣмецъ будетъ министромъ полиціи; но на этотъ разъ Небо избавило отъ того Россію.

Должность сія поручена была человѣку, который успѣлъ выказать способности свои въ званіи, сперва Московскаго, затѣмъ Петербургскаго оберъ-полицеймейстера. Природа дала все Александру Дмитриевичу Балашову, въ замѣнъ пріятности наружной, въ которой отказала ему; дала ему все чтò нужно для успѣховъ: хитрость Грека, смѣтливость и смѣлость Русскаго, терпѣніе и скромность Нѣмца. Въ ученомъ смыслѣ, какъ всѣ тогда въ Россіи, получилъ онъ плохое образованіе; но, по мѣрѣ возвышенія въ чинахъ и мѣстахъ, болѣе чувствовалъ онъ потребности въ познаніяхъ, кидался на нихъ съ жадностію и съ быстротою все пожиралъ. Заронись одна благородная искра въ этотъ необыкновенный умъ, воспламени его, и отечество гордилось бы имъ.

Я его помню еще тогда, когда онъ служилъ въ Москвѣ и былъ болѣе товарищемъ, чѣмъ начальникомъ зятя моего Алексѣева. Онъ жилъ съ нимъ весьма дружно и часто посѣщалъ его: видно, правда, что оконечности охотно сходятся. У одного ни одной заповѣдной думы не оставалось на душѣ, все выходило на языкъ; другой, совсѣмъ не молчаливый, однакоже, бывало, не выронитъ лишняго слова. Онъ ростомъ былъ малъ, только что не безобразенъ, и черты лица его были неблагородно выразительны; а когда слушаешь его немного, то начнешь и смотрѣть на него съ удовольвіемъ. Никакого умничанья, умствованія, витійства онъ себѣ не позволялъ, ничего любезнаго, трогательнаго не было въ его разговорахъ, а все было просто, хорошо и умно. Свѣтлый зимній день имѣетъ также свои пріятности; рѣчи Бала-

шова были столь же ясны, какъ его разсудокъ и такъ же холодны, какъ душа его...

Онъ былъ женатъ сперва на одной дѣвицѣ Коновницыной, которая оставила ему дѣтей и весьма хорошее имущество; потомъ женился онъ въ другой разъ на дѣвицѣ Бекетовой, которая была еще гораздо богаче первой жены его, и онъ сими двумя состояніями пока довольствовался, когда его сдѣлали министромъ.

Доказательствомъ удивительной его ловкости служить то, что онъ успѣвалъ въ своихъ намѣреніяхъ, никогда не придерживаясь ни Сперанскаго, ни Аракчеева; послѣдній почиталъ его даже врагомъ своимъ и старался ему вредить. Въ началѣ 1809 года удалось ему уже спихнуть начальника своего, безпокойнаго князя Лобанова, и самому сѣсть на его мѣсто; это еще первый примѣръ человѣка изъ оберъ-полицеймейстеровъ поступающаго прямо въ военные губернаторы столицы; съ симъ назначеніемъ вмѣстѣ произвели его генераль-лейтенантомъ и генераль-адъютантомъ. Съ опредѣленіемъ въ министры сохранилъ онъ и должность С.-Петербургскаго военнаго губернатора.

По секретной части, въ такъ-называемой Особой Канцеляріи, однакоже дѣло не обошлось безъ Нѣмца. Правителемъ сей канцеляріи (еще пока не директоромъ) назначенъ былъ надворный совѣтникъ Яковъ де-Сангленъ, вѣроятно потомокъ одной изъ Французскихъ семей, которыя бѣжали въ Германію во время гоненій на реформатскую вѣру. Передъ тѣмъ, кажется, былъ онъ частнымъ приставомъ и прославился наглостію, подлостію и проворствомъ своимъ. Не знаю, отъ того ли, что Русскіе были тогда избалованы Александромъ или отъ того, что они чувствовали себя сильными единодушіемъ своимъ, единомысліемъ, только никто изъ нихъ не хотѣлъ скрывать глубокаго презрѣнія къ такого рода людямъ. Сколь ни опасенъ, сколь ни страшенъ для каждаго изъ нихъ былъ этотъ де-Сангленъ, никто не хотѣлъ ни говорить съ нимъ, ни кланяться ему.

Государственный контроль было единственное изъятіе, сдѣланное изъ прежняго Министерства Финансовъ. Когда о сию пору губернской контроль остается только частію казенной палаты, то право не знаю, зачѣмъ бы общую ревизію счетовъ отдѣлять отъ министра, отъ котораго казенныя палаты зависятъ? Чтò могло побудить къ тому Сперанскаго? Развѣ желаніе доставить министерское мѣсто пріятелю своему, прежнему сослуживцу (надѣюсь не соумышленнику) Кампенгаузену. Части, составлявшія контроль, были столь малы, что Сперанскій посоветился дать имъ названіе департаментовъ, а оставилъ ихъ по прежнему экспедиціями. Само министерство, не получивъ наименованія сего, образовалось въ видѣ какой-то просто отдѣльной части: самъ

Кампенгаузенъ принялъ титулъ не министра, а государственнаго контролера *).

Онъ съ великою пользою могъ бы занять и не столь пустую должность. Съ умомъ сухимъ, холоднымъ, но весьма обширнымъ, съ характеромъ твердымъ, соединялъ онъ старинную, прежнюю, пространную, добросовѣстную Нѣмецкую ученость, неутомимость въ трудахъ и всё познанія, нужныя для государственнаго человѣка. Ему бы быть министромъ финансовъ, а не Гурьеву; но и самъ Сперанскій не всегда могъ противиться дворцовымъ интригамъ, къ тому же часть сію въ Совѣтъ взялъ онъ подъ непосредственную свою опеку. Кампенгаузенъ былъ управляющимъ третьею или медицинскою экспедиціей въ первоначальномъ департаментѣ внутреннихъ дѣлъ, когда Сперанскій управлялъ второю, а Габлицъ первою. Потомъ былъ онъ градоначальникомъ въ Таганрогѣ, котораго и можно почитать его настоящимъ основателемъ. Оттуда прямо онъ переведенъ министромъ.

Главное управленіе духовныхъ дѣлъ иностраннаго исповѣданія сначала было еще миниатюрнѣе государственнаго контроля. Это министерство было ни что иное, какъ одинъ человѣкъ, для котораго оно было создано. Исторія этого человѣка любопытна, занимательна. Какъ бы у насъ ни чванились князья безъ состоянія и безъ чиновъ, никто на нихъ смотрѣть не хочетъ, даже богатые ихъ однофамильцы; хвала тѣмъ, кои, отбрасывая родовое пусточванство, принимаются за дѣло и становятся, наконецъ, на ряду, иногда и выше другихъ знатныхъ. Одинъ изъ бѣднѣйшихъ князьковъ Голицыныхъ отданъ былъ малолѣтнимъ въ Пажескій корпусъ. Онъ былъ мальчикъ крошечный, веселенькій, миленькій, остренькій, одаренный чудесною мимикой, искусствомъ подражать голосу, походкѣ, манерамъ особъ каждаго пола и возраста. Весьма близкая къ императрицѣ Еватеринѣ, старая, довѣ-

*) Осенью 1810 года случился одинъ забавный анекдотъ, который ходилъ по цѣлому городу. Молоденькій армейскій офицеръ стоялъ въ караулѣ у одной изъ Петербургскихъ заставъ. Тогда былъ обычай, какъ и нынѣ, у проезжающихъ въ городскихъ экипажахъ, не требуя вида, спрашивать объ именахъ и записывать ихъ; какой-то проказникъ вздумалъ назвать себя Рохусъ Пумперникель, шутовская роль въ известной тогда Нѣмецкой комедіи. Почему было знать и какая нужда была знать офицеру о существованіи этой комедіи? Но внесеніе Рохуса въ вечерній рапортъ было приписано его глупости и невѣжеству. Онъ былъ осужденъ на безсмысленный караулъ по заставамъ, пока не отыщется дерзновенный, осмѣлившійся наружиться надъ распоряженіями правительства. Ѣдетъ въ коляскѣ съ дачи худенькій человѣкъ; его спрашиваютъ, какъ зовутъ его; онъ отвѣчаетъ: баронъ фонъ-Кампенгаузенъ. Имя и отчество? Балтазаръ Балтазаровичъ. Чпль и должность? Государственный контролеръ. „Тебя-то, голубчикъ, мнѣ и надобно!“ воскликнулъ бѣдный офицеръ и, вытащивъ министра изъ коляски, посадилъ его подъ стражу и немедленно донесъ о томъ по начальству. Увѣряли, что офицера перевели за то въ гарнизонный полкъ.

ренная ея камеръ-юнгфера Марья Савишна Перекусихина какъ-то узнала его, полюбила, тѣшила забавнымъ мальчикомъ и, наконецъ, представила его государынѣ, которая, какъ извѣстно, чрезвычайно любила дѣтей, чтѣ обыкновенно служить лучшимъ признакомъ добросердечія. Это составило счастье маленькаго князя Александра Николаевича. Какое умственное образованіе можно было получать въ пажескихъ корпусахъ вообще? Всегда были они только школами затѣливыхъ шалостей. Вѣрные первоначальной цѣли учрежденія своего, пышности двора, совсѣмъ не государственной пользы, пажи хорошо только выучивались танцевать, фехтовать, ѣздить верхомъ. Не знаю, въ семъ послѣднемъ успѣвалъ ли нашъ Голицынъ, только въ немъ не было замѣтно и тѣни склонности къ военному ремеслу. Онъ рожденъ былъ для Двора. Счастливымъ случаемъ въ него попавъ ребенкомъ, воспитанный, такъ сказать, у юбки Марьи Савишны, онъ навсегда долженъ былъ въ немъ оставаться. Это не избѣжало отъ благосклоннаго и проникательнаго взгляда Екатерины: когда она женила шестнадцатилѣтняго любимаго внука своего Александра и составила ему маленькій дворъ, то помѣстила въ него Голицына, изъ камеръ-пажей пожаловавъ его прямо въ камеръ-юнкеры и доставивъ ему средства прилично себя содержать. Съ нѣжностію его чувствъ, какъ было не прилѣпиться ему ко внуку своей благодѣтельницы и съ забавнымъ его умомъ, какъ не полюбитъ молодецкому царевичу! Павелъ произвелъ его сначала камергеромъ; а потомъ, за годъ до своей кончины, по какому-то неудовольствію на сына, отставилъ отъ службы, выслалъ и изъ особой милости дозволилъ жить въ Москвѣ.

Первый призванный въ Петербургъ, по воцареніи Александра, былъ разумѣется, жертва преданности къ нему, веселіе его домашней жизни. Князь Голицынъ былъ столько скромнень, благоразумнень, что сперва ничего не желалъ, ничего не требовалъ, кромѣ счастья ежедневно находиться при Царѣ, наслаждаться его лицезрѣніемъ, иногда разсѣвать, если нужно, грусть его. Но не таковъ былъ расчетъ Государя: между окружающими его не хотѣлъ онъ видѣть ни единого празднаго царедворца. У князя Александра Николаевича была одна изъ тѣхъ камергерскихъ, пустопорозжихъ головъ, которыя императоръ Александръ, на переборъ природѣ и воспитанію, хотѣлъ непременно удобрить, вспахать, засѣять дѣловыми, государственными идеями. Это лужочки, которые весьма удобно покрываются цвѣтами; но на неблагодарной почвѣ ихъ посади сѣмяна полезныхъ овощей, и они почти всегда поростутъ дурманомъ. Только сначала куда было ему въ слѣдъ за Новосильцовыми, Строгановыми, Чарторижскими лѣзть на министерство. Творя волю пославшаго его въ Сенатъ, онъ тамъ посидѣлъ

за оберъ-прокурорскимъ столомъ, потомъ самъ сдѣлался оберъ-прокуроромъ. Съ помощію добрыхъ или недобрыхъ людей, имъ тамъ найденныхъ, онъ, видно, этимъ дѣломъ какъ-то поладилъ.

Апетитъ, говорятъ, приходитъ съ ѣдою: вотъ моего князя взяла честолюбивая зѣчь; а почему бы и ему не въ министры?

Должность оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода сдѣлалась вакантною; это не министерство, но легко можно изъ того сотворить отдѣльную часть. Дотолѣ синодальные оберъ-прокуроры, точно также какъ и сенатскіе, находились въ зависимости генераль-прокурора и наслѣдовавшаго ему министра юстиціи. При полученіи сего мѣста, Голицынъ выпросилъ себѣ званіе статсъ-секретаря и право вносить доклады свои прямо къ Государю, безъ посредства какого-либо министра. Въ безпрестанныхъ сношеніяхъ съ архіереями и монахами, какъ старѣющая дѣва, теряющая прелести свои, началъ онъ поменьку вдаваться въ набожность; сперва пріятнымъ образомъ занимали его одни церковные обряды, наконецъ, совсѣмъ къ тому не приготовленный, принялся онъ разсуждать о догматахъ. Прошло нѣсколько годовъ, и однихъ православныхъ служителей церкви ему сдѣлалось мало. Министерства Духовныхъ Дѣлъ тогда учредить не рѣшались: это было бы уже слишкомъ явно духовную власть подчинить мірской. Гораздо удобнѣе было сдѣлать сіе съ духовенствомъ терпимыхъ вѣръ христіанскихъ и нехристіанскихъ, и потому-то, оставаясь синодальнымъ оберъ-прокуроромъ, назначенъ былъ онъ главноуправляющимъ духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій.

Этотъ добрый, этотъ бѣдный князь дѣлался всегда собственностію людей при немъ находившихся: то сумасбродовъ, то злоумышленниковъ, то невѣждъ, то изувѣровъ, и дѣянія его тотчасъ окрашивались ихъ мнѣніями и характеромъ. Неисчислимо зло, причиненное цѣлому государству симъ кроткимъ созданіемъ, которое, какъ слонъ Крыловой басни, съ умысломъ бы мухи не обидѣло. Дѣло чудное, примѣчанія достойное! Всѣ тѣ, кои были его двигателями, всѣ тѣ, кои направляли его къ посягательству на священныя права нашей вѣры, всѣ они печальнымъ, даже несчастнымъ образомъ кончили поприще свое. Правосудное Небо какъ будто ихъ всѣхъ карало: изъ нихъ кто сосланъ былъ въ Сибирь, кто сошелъ съ ума, кто живетъ въ заточеніи, кто подвергъ себя добровольному изгнанію; его одного доселѣ щадило оно, какъ бы невѣдавшаго что творилъ. Много бы говорить объ немъ; но здѣсь не мѣсто: не одинъ разъ найдется оно, если только Записки сіи продлятся.

Послѣ князя Голицына, первымъ чиновникомъ въ главномъ управленіи сдѣланъ былъ многорѣченный Александръ Тургеневъ, который

придумалъ для себя названіе управляющаго перепиской, ибо съ самаго начала въ карманномъ министерствѣ не было ни единой экспедиціи, ни единого отдѣленія, а только небольшая канцелярія, зародышъ департамента, мнѣ послѣ столь коротко знакомаго.

Х.

Первый цвѣтъ моей молодости увялъ, и я бы могъ тогда уже сказать съ Державинымъ:

Не сильно вѣжить красота,
 Не столько восхищаетъ радость,
 Не столько легкомысленъ умъ,
 Не столько я благополученъ.

Не столько уже я любилъ театръ, и это замѣтить можно изъ того, что во всей этой части Записокъ моихъ ни разу не упомянулъ объ немъ. А все-таки довольно часто бывалъ онъ для меня развлеченіемъ въ горестномъ положеніи моемъ.

Послѣ того, что въ послѣдній разъ говорилъ я о Петербургской Французской труппѣ, сдѣлала она много богатыхъ пріобрѣтеній и все становилась лучше. Не смотря на общее недоброжелательство къ Наполеоновой Франціи, лучшая публика продолжала Французскій театръ предпочитать всѣмъ прочимъ. Пріѣхавшая въ 1805 году дѣвица Туссень, послѣ того госпожа Туссень-Мезьеръ, было такое чудо, которому подобнаго въ роляхъ субретокъ я никогда не видалъ: непонятно, какъ выпустили ее изъ Франціи. Въ Парижѣ могла бы она поспорить съ дѣвицею Марсъ, хотя и выполняла неодинаковыя съ нею роли. Въмѣсто состарѣвшагося Лароша, явился въ комедіи еще нестарый Дюранъ. Въ немъ было что-то приготовленное, манерное, болѣе выученное чѣмъ естественное; это однакоже не мѣшало ему нравиться старымъ барынямъ съ молодымъ сердцемъ, и его искусственная къ нимъ любовь, говорятъ, не менѣе того ихъ плѣняла. Старикъ Фрожеръ изъ сценическихъ шутовъ перешелъ въ комнатные, въ домашніе..

Трагедія Французская въ Петербургѣ высоко вознеслась въ 1808 году прибытіемъ или, лучше сказать, бѣгствомъ изъ Парижа, казалось, самой Мельпомены. Что бы ни говорили новыя поколѣнія, какъ бы ни брезгали Французы старѣвшимися искусствомъ дѣвицы Жоржъ, подобнаго ей не скоро они увидятъ. Голова ея могла служить моделью еще болѣе ваятелю, чѣмъ живописцу: въ ней виденъ былъ типъ преж-

ней Греческой женской красоты, которую находимъ мы только въ сохранившихся бюстахъ, на древнихъ медаляхъ и барельефахъ, и которой форма какъ будто разбита или потеряна. Самая толщина ея была пріятна въ настоящемъ, только страшила за нее въ будущемъ: замѣтно было, что ея развитіе со временемъ много грацій отыметъ у ея стана и движеній. Болѣе всего въ ней очаровательнымъ казался мнѣ голосъ ея, нѣжный, чистый, внятный; она говорила стихи нарасивъ, и то, что восхищало въ ней, въ другой было бы противно. Въ игрѣ ея было не столько нѣжности, сколько жара; въ *Гермионь*, въ *Роксанн*, въ *Клитемнестръ*, вездѣ, гдѣ нужно было выразить благородный гнѣвъ или глубокое отчаяніе, была она неподражаема. Ксавье, великанъ въ юпкѣ, не стыдилась показываться вмѣстѣ съ ней; однакоже, какъ должно было страдать ея самолюбіе, видя всѣхъ прежнихъ рукоплескателей своихъ превратившихся въ шикателей!

Для забавы друга своего Александра, въ Эрфуртѣ, и на удивленіе толпы прибывшихъ туда королей, Наполеонъ выписалъ изъ Парижа труппу лучшихъ комедіантовъ. Между ними Русскому императору болѣе всѣхъ игрой полюбилась дѣвица Бургоэнь; замѣтивъ то, Наполеонъ велѣлъ ей отправиться въ Петербургъ, чего сама она внутренно желала. Замѣчено, что Парижскіе актеры охотно мѣняютъ его только на Петербургъ, и Россія есть единственная страна, которая оттуда умѣетъ сманивать великіе таланты. Щедрѣ ли другихъ она платитъ, или касаясь предѣловъ Китая и Персіи, по весьма извинительному честолюбію въ артистахъ, надѣются они, что черезъ нее лишь слава ихъ можетъ достигнуть до концовъ вселенной? Публикѣ мамзель Бургоэнь очень полюбилась; но Царь и дворъ его не обратили на нее особеннаго вниманія. Она также играла на обѣ руки, молодыхъ дѣвицъ и женщинъ въ комедіяхъ и трагедіяхъ. Одинъ изъ зрителей, весьма энергически, совершенно по-русски, прозвалъ ее настоящею разбѣрой; и дѣйствительно, при милой ея рожицѣ и отличномъ талантѣ, въ ней было что-то черезъ-чуръ удалое. Когда она играла пажа въ *Фигаровой Женитбѣ*, всѣ были отъ нея безъ памяти; когда же хотѣла быть трогательною въ *Ифигеніи*, неволью располагала всѣхъ къ смѣху. Года полтора или два она оставалась въ Петербургѣ, потомъ соскучилась о Парижѣ и въ него вернулась.

Вмѣстѣ съ Жоржъ бѣжалъ къ намъ первый Парижскій танцовщикъ Дюпоръ. О причинахъ ихъ бѣгства, о связи ихъ, о чей-то ревности, о чьихъ-то преслѣдованіяхъ, о всѣхъ по сему случаю закулисныхъ интригахъ мнѣ подробно тогда рассказывали; но, признаюсь, я ничего не припомню, и, право, кажется, нѣтъ въ томъ большой надобности. Самого же Дюпора я никакъ не забылъ: какъ теперь гляжу

на него. Всѣ тѣлодвиженія его были исполнены пріятности и быстроты; не весьма большого роста былъ онъ плотенъ и гибокъ, какъ резиновый шаръ; полъ, на который падалъ онъ ногою, какъ будто отталкивалъ его вверхъ; бывало, изъ глубины сцены на ея край въ три прыжка являлся онъ передъ зрителями; послѣ того танцы можно было болѣе назвать полетами. Въ короткое время образовалъ онъ шестнадцати или семнадцатилѣтнюю танцовщицу, Данилову, въ которую скоро влюбился весь Петербургъ и которая была превыше всего, что въ этомъ родѣ онъ дотолѣ видывалъ. Страсть къ ней зрителей желая удовлетворить и деспотически распоряжаясь своими воспитанницами, дирекція безпрестанно заставляла ее показываться, не давъ ей распусться, убила ее во цвѣтѣ, и она погибла, какъ бабочка, проблиставъ одно только лѣто. Для образованія ея Дюпоръ, какъ увѣряли, употреблялъ гораздо болѣе нѣжныя средства, чѣмъ жестокосердый Дидело, который между тѣмъ все продолжалъ быть балетмейстеромъ. Собираясь съ новымъ вкусомъ, онъ началъ ставить на сцену одни только анакреонтическіе балеты, тѣмъ болѣе, что Дюпоръ въ нихъ однихъ приглашался танцовать. Исключая Даниловой, были тогда еще двѣ замѣчательныя Русскія танцовщицы; одна изъ нихъ, гораздо прежде на сценѣ и гораздо старѣе лѣтами, должна была вдругъ остаться почти безъ употребленія. Съ выразительными чертами лица, съ прекрасною фигурой, съ величавою поступью, Колосова, лучше чѣмъ языкомъ, умѣла говорить пантомимой, взорами, движеніями; но трагическіе балеты брошены, и нашей Медеѣ ничего не оставалось, какъ, пожимая плечиками плясать по-русски. Другая, Иконина, была хороша собою, высока ростомъ, молода, стройна, неутомима и танцевала весьма правильно; но всякій разъ, что появлялась, заставляла со вздохомъ вспоминать о Даниловой. Вдругъ напала на нее ужасная худоба, румяна валились съ ея сухихъ и блѣдныхъ щекъ, и она сдѣлалась настоящимъ скелетомъ. Тогда еще менѣе она стала нравиться, ибо кому пріятно смотрѣть на пляску мертвецовъ?

Менѣе всего въ послѣднія семь или восемь лѣтъ произошло перемѣнъ во Французской оперѣ. Все таже Фились продолжала царствовать въ ней съ своимъ ничтожнымъ Андріею, какъ бы какая нибудь Англинская королева съ какимъ нибудь Кобургскимъ принцемъ. Голось ея, кажется, сдѣлался еще сильнѣе, ея искусство еще усовершенствовалось; только одного лица ея годы не пощадили. Она не хотѣла никакого соперничества и къ одинаковымъ съ своими ролямъ подпускала только сестру свою Бертенъ, да старую Монготье. Попыталась было дочь знаменитаго композитора Пиччини, довольно изрядная пѣвица, показаться въ операхъ отца своего; куда! Фились съ своимъ семей-

ствомъ и съ своею партіей скоро ее выжила. Она даже не хотѣла другаго тенора, какъ мужа; но это было рѣшительно невозможно; наконецъ, онъ сталъ просто говорить подъ музыку. Тогда два порядочные пѣвца, Дюмушель и особенно Лебланъ, приняты дирекціей. Одно семейство, которое знало Фились, было ею самою приглашено; оно состояло изъ Месса, хорошаго баса, жены его для старушечьихъ ролей, и дочери ихъ, мадамъ Бонне, для ролей женщинъ среднихъ лѣтъ.

Итальянская опера не могла поддержаться въ Петербургѣ; въ 1806 году надолго прекратилось въ немъ ея существованіе. Однакоже она оставила по себѣ память: она нѣсколько обработала вкусъ любителей музыки и сдѣлала ее строже и разборчивѣе къ ея произведеніямъ. Всѣ мы продолжали любить Французскія комическія оперы; но уже начинали въ нихъ чувствовать превосходство Херубини передъ другими, и когда въ 1809 году показалась *Весталки*, сочпеніе Спонтини, Французская опера съ италіанизированною музыкой, то приняли ее съ восторгомъ.

Чуть было въ это время не опротивѣла намъ Итальянская музыка отъ прибывающихъ старыхъ, отставныхъ примадоннъ, которыя, за ненахожденіемъ сцены, давали слушать себя въ концертахъ. Мадамъ Марà, которой печатные портреты вездѣ продавались и которая долго гремѣла въ Европѣ, давно уже умолкла. Кто-то подбилъ ее пріѣхать въ Россію: «этимъ, дескать, сѣвернымъ варварамъ нужна одна только слава имени, а недостатковъ пѣнія они не въ состояніи будутъ разобратъ». Можетъ быть, дѣйствительно, были мы тогда плохіе судьи въ искусствахъ; но что касается до свѣжести лица и голоса, то въ этомъ Русскіе всегда были любители и знатоки. Уваженіе ихъ къ знаменитости таланта также не служило признакомъ ихъ невѣжества, и они показали то, въ почтительномъ молчаніи выслушавъ Марà. Когда же, одобренная спмъ полууспѣхомъ, явилась другая старуха, Фантоцци Маркетти, то и они нашли, что это дурная шутка, уже не были столь учтивы и расхохотались послѣ первой аріи. Странно, что послѣ того обѣ онѣ остались навсегда въ Россіи и кончили въ ней вѣкъ: видно въ тогдашней хлѣбосольной нашей странѣ всякій могъ какъ-нибудь прокормиться.

Не одна онѣ, но еще и другіе обветшалые, поношенные таланты повадились тогда къ намъ ѣздить. Пріѣхала мамзель Сенваль, которая гораздо прежде революціи извлекала слезы у Маріи-Антуанетты и принцессы Ламбаль; но послѣ того прошло около тридцати лѣтъ, а она и смолоду была неуклюжа и неблагообразна. Ну, такъ и быть, подавай ее сюда: графы и князья, которые видѣли блескъ Версаля, утверждаютъ, что она чудо. У каждой актрисы есть своя любимая

роль, въ которую для дебюта облагается она, какъ въ праздничное платье; Сенваль явилась намъ Аменапдой. Я не буду говорить о лицѣ ея; но какъ не содрогнуться, увидѣвъ страстную любовницу, малорослую, толстую, кривобокою, съ короткою шеей и въ карикатурномъ нарядѣ! Въ продолженіи первыхъ двухъ дѣйствій зрители были удерживаемы отъ смѣха чувствомъ отвращенія. Коль же скоро, въ третьемъ дѣйствіи, осужденная на смерть, показала она въ цѣпяхъ, въ бѣломъ платьѣ съ распущенными волосами, тогда самый голосъ ея, до толѣ охрипый, казалось, вдругъ сдѣлался чистъ и трогателенъ; изъ глубины ея сердца потекли рѣкою прекрасные стихи Вольтера. Такъ было до конца, и между зрителями остались нерастроганными только тѣ, которые на сценѣ въ женщинахъ ищутъ одной красоты. Нельзя себѣ представить, сколько истиннаго чувства было въ этой женщинѣ: она была воплощенная трагедія, къ несчастію, въ самой безобразной оболочкѣ. Она не думала затмить Жоржъ (ихъ роли были совсѣмъ не одинаковыя), но сравненіе ихъ наружности было убійственно для бѣдной Сенваль. Всего еще въ двухъ трагедіяхъ играла она, въ *Китайской Сиротѣ* да въ *Ипермнестрѣ*, только почти безъ всякаго успѣха. Со стыда, сердечная, скорѣе куда-то уѣхала.

Три четверти Петербургской публики изъ однихъ афишекъ только знали, что даютъ на Нѣмецкомъ театрѣ; а чего на немъ не давали? Число драматическихъ писателей въ послѣднее двадцатипятилѣтіе въ Германіи чрезвычайно расплодилось, и каждый изъ нихъ былъ отмѣнно плодovitъ. Сей огромный репертуаръ безпрестанно умножался еще переводами Итальянскихъ и Французскихъ оперъ и Англійскихъ трагедій. И все это у насъ играли, и Нѣмецкая ненасытимость все это поглощала. Источникъ такого богатства былъ у насъ подъ носомъ, и никто не думалъ черпать изъ него; никто не спѣшилъ ознакомиться съ геніальными твореніями Лессинга, Шиллера и Гёте. Таковъ былъ вѣкъ.

Мы, вслѣдъ за Французами, почитали Аристотелево правило о трехъ единствахъ на сценѣ нашею драматическою вѣрой, тогда какъ, въ творческой гордости своей, Нѣмцы совершенно пренебрегали имъ. Французы, наши наставники, приучили насъ видѣть въ Нѣмцахъ одно смѣшное, а мы на счетъ сихъ послѣднихъ охотно раздѣляли мнѣніе ихъ, по врожденной, такъ сказать, инстинктивной къ нимъ ненависти. Тогда она чрезвычайно ослабѣла; лежачаго не бьютъ, говорятъ Русскіе, а мы того и глядѣли, что сами ляжемъ съ ними подъ каблукъ Наполеона. Не смотря на то, въ хорошемъ обществѣ кто бы осмѣлился быть защитникомъ Нѣмецкой литературы, Нѣмецкаго театра? Сами молодые Нѣмцы, въ немъ отлично принятые, Палены, Бенкендорфы, Шёпинги, если не образомъ мыслей, то манерами, были еще болѣе

Французы чѣмъ мы. Нѣкоторые изъ нихъ со смѣхомъ рассказывали сами, какъ въ иныхъ пьесахъ герой, котораго видѣли юношей въ первомъ дѣйствіи, въ послѣднемъ является старикомъ, какъ первое происходитъ въ Греціи, а послѣднее въ Индіи; тридцать или сорокъ дѣйствующихъ лицъ были также предметомъ общихъ насмѣшекъ. Названія играемыхъ трагедій или драмъ: *Минна фонъ-Барнхельмъ*, *Гётцъ-фонъ-Берхлингенъ*, *Докторъ Фаустъ*, казались уродливы, чудовищны. И что это за Мефистофель? И какъ можно чорта пустить на сцену? Это тоже, что пьянаго сапожника представить въ гостиную знатной модницы. Все это казалось неприличіемъ, отвратительною неблагопрстойностью. Я помню разъ въ театрѣ стараго графа Строганова, который такъ и катался, читая *Damen, Senatoren und Banditen* на концѣ афишкп, возвѣщающей первое представленіе Абеллино. Пристрастные къ собственности своей, Нѣмцы между тѣмъ молчали и себѣ на умѣ думали, что придетъ время, когда они поставятъ на своемъ. Оно пришло. Никому нынѣ не осмѣлюсь я сказать того, но въ сей тайной исповѣди долженъ признаться, что въ этомъ отношеніи о прошедшемъ времени я часто вздыхаю.

Что бы сказать мнѣ о Нѣмецкой труппѣ? Я уже разъ говорилъ объ ней, называлъ Брюкля, Штейнсберга, Линденштейна; они оставались безсмѣнны. Пьесы давались безпрестанно новыя, а играли ихъ актеры все старыя. Упомянуть ли мнѣ объ одной, довольно плохой актрисѣ, о которой много говорено было въ обществѣ молодыхъ людей? Дѣвица Лѣве была совершенная красавица; одни только немущіе обожатели сей разчетливой Нѣмки находили, что она достойна своего имени, что въ ней жестокость львицы; щедрые же богачи видѣли въ ней кротость агнца. Увѣряли, что прежній мой начальникъ, скупой графъ Головкинъ, для нея только былъ отмѣнно чивъ.

Русскимъ театромъ хочу я заключить: успѣхи его тѣсно связаны съ успѣхами нашей словесности, и переходъ съ одного къ другой будетъ естественнѣе. Объ одномъ, какъ и о другой говорилъ я очень мало въ предшествующей второй части сихъ Записокъ; да и правду сказать, говорить много было бы трудно: успѣхи обоихъ шли слишкомъ медленно въ первое пятилѣтіе нынѣшняго вѣка.

Пристрастіе ко всему иностранному и особенно къ Французскому, образуящагося Русскаго общества, при Елисаветѣ и Екатеринѣ, сильно возбуждало досаду и насмѣшки первыхъ двухъ лучшихъ нашихъ комическихъ авторовъ, Княжнина и Фонъ-Визина, какъ оно возбуждало ихъ тогда и возбуждаетъ еще и понынѣ во всѣхъ здравомыслящихъ нашихъ соотечественникахъ. Еслибы что-нибудь могло ему противодействовать, то, конечно, это были забавныя роли Фирюлиныхъ въ

Несчастіи отъ кареты, и въ *Бригадиръ*—глупаго бригадирскаго сына, котораго душа, какъ говоритъ онъ, принадлежитъ Французской коронѣ. Но теченіе подражательнаго потока, въ ихъ время, было слишкомъ сильно, чтобы какими-нибудь благоразумными или даже остроумными преградами можно было остановить его, тогда какъ не только намъ, потомкамъ ихъ, едва ли нашимъ потомкамъ когда-нибудь удастся сіе сдѣлать.

Воспитанный въ ихъ школѣ, Крыловъ, если можно сказать, еще быстрогляднѣе ихъ на несовершенства наши, думалъ, что приспѣло къ тому время, когда, въ надменности нашей, при Александрѣ, забыли мы даже сердиться на Нѣмцевъ и, казалось, въ непримиримой враждѣ съ революціей и Бонапарте. Онъ жестоко ошибся. Чтò могло быть веселѣе, умнѣе, затѣйливѣе его двухъ комедій, *Урока Доккамъ* и *Модной Лазки*, игранныхъ въ 1805 и 1806 годахъ? Можно ли было колче какъ въ нихъ осмѣять нашу столичную и провинціальную галломанію? Во время частыхъ представленій, партеръ былъ всегда полонъ, и наполнявшіе его отъ души хохотали. Конечно, это былъ успѣхъ, но не тотъ, котораго ожидалъ Крыловъ. Только этотъ разъ въ жизни пытался сей разсѣянный, повидимому, ко всему равнодушный, но глубоко-мысленный писатель, сдѣлать переворотъ въ общественномъ мнѣніи и нравахъ. Ему не удалось, и это, кажется, навсегда охолодило его къ сценѣ.

Высшее общество, болѣе чѣмъ когда, въ это время было управляемо женщинами: въ ихъ рукахъ были законодательство и расправа его. Французскій языкъ въ ихъ глазахъ былъ одинъ способенъ выражать благородныя чувства, высокія мысли и всѣ тонкости ума, и онъ же былъ ихъ исключительная собственность. И жены чиновниковъ, жительницы предмѣстій Петербурга, и молодыя дворянки въ Москвѣ и въ провинціяхъ, думаютъ смѣшнымъ образомъ пользоваться одинаковыми съ ними правами. Какія дуры! Спасибо Крылову, и онѣ одобряли его усилія и улыбались имъ. Чтò можетъ быть общаго у Французскаго языка, сдѣлавшагося ихъ отечественнымъ, съ тѣмъ, чтò происходитъ во Франціи? И она, грозившая овладѣть полвселенною, въ ихъ глазахъ находилась въ переходномъ состояніи. Таково было упорное мнѣніе эмигрантокъ, ихъ воспитывавшихъ, которое онѣ съ ними усердно раздѣляли. И къ счастью, онѣ не ошиблись.

Все это гораздо легче Крылова могъ подмѣтить другой драматическій писатель, болѣе его на семь поприщѣ извѣстный, князь Александръ Александровичъ Шаховской. Сперва военная служба въ гвардіи, гдѣ онъ находился, потомъ придворная, мало льстили его самолюбію. Онъ рожденъ былъ для театра: съ малолѣтства всѣ помышленія

его къ нему стремились, всё радости и мученія ожидали его на сценѣ и въ партерѣ. Какъ актеръ, утвердительно можно сказать, онъ бы во сто разъ болѣе прославился чѣмъ какъ комикъ: не будь онъ князь, безобразенъ и толстъ, мы бы имѣли своего Тальму, своего Гаррика. Согласно его склонностямъ, былъ онъ въ послѣдствіи опредѣленъ управляющимъ по репертуарной части императорскихъ публичныхъ зрѣлищъ, подъ начальствомъ главнаго директора Александра Львовича Нарышкина. Тогда онъ сдѣлался безсмѣннымъ посѣтителемъ дома своего начальника, въ которомъ соединялось и блпстало все первостепенное въ столицѣ, но въ которомъ оставалось много простора для ума и гдѣ можно было (однакоже не забываясь) предаваться всѣмъ порывамъ веселости. Страненъ былъ этотъ человекъ, странна и судьба его; и стѣдить того, чтобы безпристрастно разобрать какъ похвалы, нѣкогда ему расточаемыя, такъ и жестокія обвиненія на него возводимыя.

Права рожденія, воспитанія спозаранку поставили его въ короткія сношенія съ людьми, принадлежащими къ лучшему обществу; вкусъ къ литературѣ сблизилъ его съ писателями и учеными; наконецъ, страсть къ театру кинула его совершенно въ закулисную сволочь. Первую половину жизни своей безпрестанно толкался онъ между сими разнородными стихіями, пока подъ конецъ совсѣмъ не погрязъ онъ между актерами и актрисами. Много дано ему было природою живаго, наблюдательнаго ума, много чтеніемъ пріобрѣлъ онъ и познаний; все это обезсилено было въ немъ легкомысліемъ и слабостію характера. Каждое изъ сословій имъ посѣщаемыхъ оставляло на немъ окраску; но невоздержность, безразсудность, завистливость жрецовъ Талии всего явственнѣе выступала въ его дѣйствіяхъ и образѣ мыслей. Оттого-то всякая высокоподрастающая знаменитость, особенно же драматическая, приводила его въ отчаяніе и бѣшенство, которыхъ не имѣлъ онъ силы ни одолѣть, ни скрыть. Противъ одной давно утвердившейся знаменитости не смѣлъ онъ возставать и одной только посредственности умѣлъ онъ прощать. И совсѣмъ тѣмъ онъ былъ чрезвычайно добръ сердцемъ, не злобивъ, не злопамятенъ; во всемъ что не касалось словесности и театра, видѣлъ онъ одно восхитительное, или забавное, или сожалѣнія достойное.

Какъ ни горячился онъ, но, почти живши въ домѣ у Нарышкиныхъ, всегда имѣлъ онъ смѣтливость не идти противъ господствующаго мнѣнія въ большомъ обществѣ. Онъ охотнѣе нападалъ на тѣхъ, коихъ болѣе почиталъ себѣ подъ силу. Петербургъ мало дорожилъ тогда Москвою. Карамзинъ, живущій въ ней, казался ему безопасенъ. Карамзинъ, предметъ обожанія Москвичей, весьма преувеличеннаго молвою, приводилъ его въ ярость, и онъ хватилъ въ него *Новымъ Стен-*

номъ. Онъ увѣрялъ, что хочетъ истребить отвратительную сентиментальность, порожденную будто имъ между молодыми писателями и, въ тоже время, сознавался, что мѣтитъ прямо на него. Послѣ того, въ двухъ комедіяхъ, впрочемъ весьма забавныхъ, *Любовная Почта* и *Полубарскія Затѣи*, безъ милосердія предавалъ онъ осмѣянію деревенскихъ меломановъ и учредителей домашнихъ оркестровъ, труппъ и балетовъ, все какъ будто похитителей принадлежащихъ ему привилегій и монополіи. Потомъ съ каждымъ годомъ, становился онъ плодовитѣе. Сдѣлавшись властелиномъ Русской сцены, онъ превратилъ ее въ лобное мѣсто, на которомъ по произволу для торговой казни выводилъ онъ своихъ соперниковъ. Надобно, однакоже, признаться, что страсть его, не совсѣмъ дворянская и княжеская, имѣла самое благодѣтельное дѣйствіе на нашъ театръ: его «комедій шумный рой», какъ сказалъ одинъ изъ нашихъ поэтовъ, долго одинъ разнообразилъ и поддерживалъ его. Чтò еще важнѣе, онъ былъ неутомимымъ и искуснымъ образователемъ всего новаго, молодаго поколѣнія нашихъ лицедѣевъ.

Около описываемаго мною времени, жилъ онъ въ большомъ согласіи съ однимъ поэтомъ, мало дотогѣ извѣстнымъ, хотя онъ былъ уже въ чинахъ и довольно зрѣлыхъ лѣтахъ. Мнѣ случалось видѣть и не одинъ разъ разговаривать съ Владиславомъ Александровичемъ Озеровымъ, потому что онъ былъ двоюроднымъ братомъ Блудова и что сей послѣдній, по чрезвычайной молодости лѣтъ, вѣжется, съ начала пріѣзда своего былъ поручень его попеченіямъ. Многіе утверждали, что онъ ума не обширнаго; мнѣ казалось совсѣмъ противное: я слушалъ его съ величайшимъ удовольствіемъ, а отъ произведеній его бывалъ внѣ себя. Только въ концѣ 1804 года началась его литературная извѣстность, самымъ блестящимъ образомъ. Всѣ старыя трагедіи Сумарокова и даже Княжнина, по малому достоинству своему и по обветшалости языка, были совсѣмъ забыты и брошены. Переводу Шиллеровыхъ *Разбойниковъ* названія трагедіи давать не хотѣли, и казалось, что разлука наша съ *Мельмоной* сдѣлалась вѣчною. Вдругъ Озеровъ опять возвратилъ ее намъ. Появленіе его *Эдипа въ Ливнахъ* самымъ приятнымъ образомъ изумило Петербургскую публику. Трагедія эта исполнена торгательныхъ мѣстъ и вся усыпана прекрасными стихами, изъ коихъ многіе до сихъ поръ сохранились еще въ памяти знатоковъ и любителей поэзіи. Много способствовалъ также успѣху этой піесы первый дебютъ молоденькой актрисы Семеновой въ роли Антигоны: съ превосходствомъ игры, съ благозвучіемъ голоса, съ благородствомъ осанки, соединяла она красоту именно той Музы, которой служенію она себя посвящала.

Въ концѣ слѣдующаго года показался его *Фингалъ*. Тутъ было гораздо болѣе энергіи, и дикая природа Сѣвера, которою отзываются характеры всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, нашимъ сѣвернымъ зрителямъ, *Spectateurs du Nord* *), весьма пришлась по вкусу. Едва прошелъ годъ, и *Дмитрій Донской* былъ представленъ въ самую ту минуту, когда загорѣлась у насъ предпоследняя война съ Наполеономъ. Ничего не могло быть *апротте*, какъ говаривалъ одинъ старинный забавникъ. Аристократія наполняла всѣ ложи перваго яруса съ видомъ живѣйшаго участія; при последнемъ словѣ послѣдняго стиха: *Великъ Россійскій Богъ*, рыданія раздались въ партерѣ, восторгъ былъ неописанный. Озеровъ былъ поднятъ до облаковъ, какъ говорятъ Французы. Сіе необычайное торжество, увы, было для него послѣднее. Столь быстрыхъ, столь непрерывныхъ успѣховъ бѣдный Шаховской никакъ не могъ перенести.

Сколько припомню, въ 1808 году, поставлена была на сцену послѣдняя трагедія Озерова, *Поликсена*. Въ пособіяхъ, которыми до толѣ Шаховской такъ щедро надѣлялъ его, какъ сказывали мнѣ, сталъ онъ вдругъ ему отказывать и, напротивъ, сколько могъ, во всемъ началъ ставить ему препятствія. Наша публика, неизвѣстно чьими пропсками предупрежденная не въ пользу новаго творенія, на этотъ разъ не возбуждаемая болѣе патріотизмомъ и не довольно еще образованная, чтобы быть чувствительною къ простотѣ и изяществу красотъ Гомерическихкихъ, чрезвычайно холодно приняла піесу. Ничто не могло расшевелить ее, ни даже пророчество Кассандры, которымъ оканчивается трагедія и въ которомъ, предрекая Грекамъ паденіе ихъ и возрожденіе, она говоритъ имъ, что придетъ народъ

отъ странъ полвоцныхъ
Оковы снѣтъ съ Ахейнъ маломощныхъ.

Сіи стихи, которые бы должны были наполнить наши груди восторгомъ благородной гордости (и которые, кромѣ меня, едва ли кто помнитъ) были лебединою пѣснію несчастнаго Озерова.

Онъ всегда расположенъ былъ къ ипохондріи; чрезвычайная раздражительность нервовъ его къ тому располагала, и оттого-то такъ сильно принималъ онъ къ сердцу всякую неудачу. Послѣдняя поразила его, и онъ видѣлъ въ ней совершенное свое паденіе. Онъ началъ убѣгать общества, уединялся, дичалъ, наконецъ бросилъ службу и

*) Названіе издаваемаго тогда въ Гамбургѣ Французскаго журнала, у насъ многими получаемаго.

скрылся въ какой-то отдаленной деревнѣ. Тамъ рѣшился онъ ума и, къ счастью, вскорѣ потомъ и жизни.

Но примѣръ его прошедшихъ успѣховъ былъ заразителенъ для цѣлой толпы недавно проявившихся мелкихъ стихотворцевъ: всѣ захотѣли быть трагиками. Одному только изъ нихъ, Крюковскому, удалось сладить съ оригинальною трагедіей, *Пожарскій*, довольно хорошими стихами писанною; всѣ же другіе думали прославить себя одними переводами. Молодой воинъ Маринъ перевелъ *Мерону*, и старый Хвостовъ *Андромаху* *). По слѣдамъ ихъ Гнѣдичъ перевелъ *Танкредъ*, Жихаревъ *Атрея*, а Катенинъ *Сиды и Аталію* (по его Говелію). Затѣмъ уже составила цѣлая компанія переводчиковъ, которые надѣялись имѣть успѣхи посредствомъ складчины дарованій своихъ: графъ Сергѣй Потемкинъ, какой-то Шапошниковъ, какой-то Висковатовъ и еще другіе, по-двое или по-трое вмѣстѣ, пустились въ запуски, кто кого хуже, изводить извѣстныя Французскія трагедіи, чтобъ угодить общему вкусу. Необходимость въ помощи Шаховскаго для постановки сихъ искаженныхъ классическихъ твореній на время окружила его искателями. Ему пріятно было покровительствовать новымъ, только что на свѣтъ показавшіеся таланты, тѣмъ болѣе, что и въ глазахъ его они въ будущемъ ничего не обѣщали. Каждая изъ сихъ трагедій имѣла по нѣскольку представленій, и наша покорная публика, которой воспрещено тогда было не только свистать, но даже и шивать, первые раза два довольно спокойно и терпѣливо ихъ выносила; но вскорѣ потомъ отсутствіемъ своимъ, какъ единымъ средствомъ ей на то оставленнымъ, пользовалась она, чтобъ изъяслять неодобреніе свое. Весь этотъ потокъ черезъ сцену прямо утекалъ въ Лету; *Мерона* и *Танкредъ* однѣ только на нѣкоторое время удержались. Съ самодовольствіемъ окинувъ взоромъ всю толпу сихъ бездарныхъ людей, но въ то же время увлекаемый примѣромъ, самъ Шаховской задумалъ высоко подняться надъ ними; этого мало, онъ затѣялъ въ творчествѣ состязаться съ самимъ Расиномъ, и для того въ Библіи началъ искать сюжетъ для оригинальной своей трагедіи. Немалое время мучился онъ и, наконецъ, разразился ужасною своею *Деборой*. Съ любопытствомъ всѣ кинулись на нее; устрешенные же, скоро стали отъ нея удаляться. Но не такъ-то легко какъ другихъ, можно было одолѣть театральнаго директора: съ каждымъ представленіемъ зала все болѣе пустѣла, а Дебору все играли, играли, пока ни одного зрителя не стало.

*) Александръ Львовичъ Нарышкинъ называлъ эти переводы *Mérove tragique* и *Andromaque déracinée*.

Переводныхъ комедій было очень мало: по всей справедливости, Шаховской не любилъ ихъ и не подпускалъ къ нашей сценѣ. Водевиль, если дѣломъ изрѣдка показывались, то словомъ, то есть именемъ, тогда неизвѣстны были на Русскомъ театрѣ. За то операми замѣствовались мы у всѣхъ, у Французовъ, у Нѣмцевъ, а когда стали богаче голосами, то и у Итальянцевъ. Началось съ безконечной *Donauweibchen*; ея веселія, легкія, пріятныя Вѣнскія мелодіи не трудно было перенять нашимъ плохимъ тогда пѣвцамъ, не трудно было имъ плѣнить и нашихъ слушателей. Все это, вмѣстѣ съ богатыми декораціями, безпрестанными превращеніями и уморительнымъ шутовствомъ Воробьева, около года привлекало многочисленную публику и умножало барыши дпрекціи. Ее перепменовали *Русалкой* и сцену перевели на Двѣпръ, что также немало полюбилось брадытымъ зрителямъ. Когда замѣтили, что она имъ приглядѣлась и посѣщенія становятся рѣже, то, чтобы возбудить къ ней погасающую въ нихъ страсть, создали ей наслѣдницу, вторую часть, или *Днѣпровскую Русалку*. Слѣдуя все той же методѣ прельщеній, черезъ нѣкоторое время сочинили и третью часть, уже *Лесту, Днѣпровскую Русалку*. Сильная къ нимъ любовь со всѣмъ истощилась, когда показалаь четвертая часть подъ именемъ просто опять *Русалка*, безъ всякаго прибавленія; успѣхъ ея былъ довольно плохой. Между Русалками возсталъ *Илья Богатырь*, волшебная опера, которую написать упросили Крылова. Онъ сдѣлалъ это небрежно, шутя, но такъ умно, такъ удачно, что герой его неумышленно убилъ волшебницу-Нѣмку, для соблазна Русскихъ обратившуюся въ ихъ соотечественницу.

Ихъ вкусъ между тѣмъ все исправлялся и чистился. Декораціи переставали имъ быть необходимы; они болѣе стали понимать музыку, но все-таки ее одну безъ словъ не любили. Тогда (я все говорю о среднемъ и низкомъ классѣ) начали переводить для нихъ Французскія оперы, *Калифа Багдадскаго*, *Мнимый Кладъ*, *Двое Слышѣтъ*, а наконецъ и *Водосоза*. Познакомивъ ихъ съ Боіелдіе, съ Мегюлемъ, приготовили ихъ быть способными чувствовать и Херубини. Глядь, и *Древенскія Пльзицы* Фіорованти явились передъ ними. Своихъ композиторовъ у насъ тогда еще не было: произведенія Кавоса, управлявшаго оркестромъ, были такъ слабы; къ тому же онъ былъ чужестранный, Итальянецъ, что и считали его нечего. Кажется, не заставляя себя трудиться, легче бы было ходить имъ во Французскій театръ; нѣтъ, подавай имъ свое: тамъ ни слова они не понимали, а звуки могли имъ быть пріятны только въ соединеніи съ мыслями. Правда, у нихъ не было Филисъ, за то не было и Андріе. Мѣсто первой въ Русской оперѣ занимала недавно образовавшаяся, молоденькая, хорошенькая

актриса, Черникова, съ небольшимъ, но пріятнымъ голоскомъ. У молодого же тенора, Самойлова, былъ такой голосъ, который Итальянцы превозносили и ему завидовали. Въ послѣдствіи выучился онъ очень хорошо играть, и еслибъ не спѣша насладиться успѣхами доставленными ему чудеснымъ, природнымъ его даромъ, онъ прилежно постарался его усовершенствовать, то навѣрное можно сказать, что не мнѣе Рубини прогремѣлъ бы онъ въ Европѣ. По примѣру Фились и Андріе, и сія чета соединилась законнымъ бракомъ. Отъ частыхъ родовъ голосъ у Самойловой началъ слабѣть и упадать.

Какъ бы ей на смѣну, театральная школа произвела нѣчто чудесное. Еще не выпущенная изъ нея воспитанница Бѣлина красотой затмѣвала подругъ своихъ, а голосомъ едва ли не болѣе еще плѣняла чѣмъ красотой. Только одну зиму насладились ею публика. Одинъ молодой дворянинъ, Марковъ, сынъ умершаго богатаго отца, имѣвшій болѣе сорока тысячъ рублей дохода, совершенно свободный, влюбился въ нее безъ памяти. Онъ предложилъ ей руку, а дирекціи выкупъ, сколько бы ни потребовалось за ея воспитаніе и освобожденіе. Согласиться съ его желаніями до выпуска ея никакъ не было возможно. Тогда рѣшился онъ увезти ее, обвѣнчаться съ нею и за то цѣлый мѣсяць долженъ былъ просидѣть на гауптвахтѣ. На ней толпами посѣщала его безразсудная молодежь, видя въ наказаніи его жестокою несправедливостю, при всеобщемъ тогда неудовольствіи на правительство, думая дразнить его тѣмъ и забывая, что для нея изсякъ источникъ живѣйшихъ удовольствій и, что Марковъ былъ похитителемъ ихъ. Какія у насъ обо всемъ ложныя понятія! Права казны и общества должны быть еще неотъемлемѣ правъ частной собственности. И что же? Осмнадцатилѣтняя цѣвица, которая могла бы долго быть украшеніемъ сцены и упиваться восторгами ею производимыми, сдѣлалась несчаствѣйшею изъ помѣщицъ. Сперва изъ ревности, а потомъ стыдясь неровнаго брака, мужъ всегда поступалъ съ нею жестоко и не давалъ ей нигдѣ показываться. Не получивъ въ школѣ приличнаго воспитанія будущему ея званію, ни свѣтскаго образованія потомъ, изъ нея вышло нѣчто совершенно пошлое. Лѣтъ двадцать спустя, по его приглашенію, случилось мнѣ разъ у нихъ обѣдать: о Боже! въ Граціи, которою я нѣкогда такъ восхищался; нашелъ я что-то хуже деревенской барыни, простую кухарку, неповоротливую, робкую, которая не умѣла ни ходить, ни сидѣть, ни кланяться; и какъ будто не смѣла и говорить. Я узналъ послѣ, что Маркова сдѣлали губернаторомъ; ну, подумалъ я, для жены его роль губернаторши будетъ потруднѣе ролей Зетюдбе и Алины.

Въ школѣ, въ запасномъ магазинѣ драматическихъ талантовъ, не нашлось ни одной дѣвочки, которая бы могла замѣнить Боллну. Попеременно ихъ выставляли; одна только Карайкина, въ замужствѣ Лебедева, могла нѣкоторое время удержаться.

Не въ театральной школѣ долженъ былъ образоваться великій талантъ для нашей оперы. Въ Петербургѣ былъ тогда одинъ домъ, въ которомъ еженедѣльно собиравались большіе любители музыки и лучшіе виртуозы. Домъ этотъ сенатора Теплова, который имѣлъ и собственный славный оркестръ, былъ совершенно музыкальный. Познакомившись въ немъ черезъ сына Теплова, бывшего товарища моего во время путешествія по Сибири, я нерѣдко посѣщала ихъ вечера. На одномъ изъ нихъ услышала я пѣніе Нѣмочки, дочери придворнаго музыканта Фодора, и оно показалось мнѣ пискомъ. Мнѣ непонятно было, какъ могли великіе знатоки восхвалять его и въ пророческомъ восторгѣ сулить ему славу. Въ этомъ дѣлѣ и въ это время, Петербургская публика, видно, столько же смыслила какъ и я; ибо года три спустя, когда Фодоръ явилась на Русской сценѣ, была она принята ею съ удовольствіемъ, не совсѣмъ преувеличеннымъ. Въ большомъ обществѣ такъ много еще было тогда пристрастія ко всему Французскому, что въ немъ обижались сравненіями, которыя нѣкоторые позволяли себѣ дѣлать между нею и старѣющею Фились. Не для того ли чтобы поднять себя въ его мнѣніи и нѣсколько офранцузить себя, вышла она послѣ за Французскаго комическаго актера Менвиеля? Нѣтъ, ничто не помогло. Имѣя однакоже въ себѣ чувство превосходства своего, наконецъ, стала она требовать по крайней мѣрѣ прибавки жалованья; ей и въ этомъ отказали; тогда Россію она навсегда оставила. Вся Европа узнала ее потомъ, засыпала золотомъ и заглушила рукоплесканіями.

Гораздо болѣе Фодоръ-Менвиель полюбилась семнадцати-лѣтняя красотка, которая хотя послѣ нея, но еще при ней показала въ оперѣ. Это была Нимфодора, меньшая сестра трагической актрисы Семеновой. Голосокъ у нея былъ только что изрядный, за то быть милѣе ея въ игрѣ было трудно. Красотою обѣ сестры были равны, только въ родахъ ея различествовали между собою. У старшей былъ Греческій профиль и что-то великолѣпное въ чертахъ; меньшая выполняла всѣ условія Русской красоты, бѣлизну груди, полноту и румянецъ щекъ, живость въ очахъ, тонкость и пристойную веселость въ улыбкѣ. Исключая небольшой разницы, и судьба сихъ сестеръ была одинакова. Обѣ соединились незаконнымъ бракомъ съ дѣйствительными тайными совѣтниками: старшая, Катерина, съ княземъ Иваномъ Алексѣевичемъ Гагаринымъ, меньшая съ графомъ Василюмъ Валентиновичемъ Муси-

нымъ-Пушкинымъ-Брюсомъ. Одна старшая умѣла обратить его, наконецъ, въ законный.

Ничего болѣе о театрѣ сказать я не имѣю. Читатель, можетъ-быть, скажетъ: «да кажется и этого не слишкомъ ли много?» На это позволю я себѣ замѣтить ему, что бѣлая половина этой главы посвящена была драматической литературѣ, а она въ это время едва ли не составляла всю нашу словесность.

Итакъ объ ней остается мнѣ мало говорить, но много о множествѣ словесниковъ, какъ о сдѣлавшихся въ это время извѣстными, такъ и объ оставшихся съ тѣхъ поръ неизвѣстными.

Въ послѣдніе годы царствованія Екатерины Второй, между литературами двухъ столицъ возникли какія-то несогласія; но не только до расколу, ни даже до сильныхъ распрей дѣло не доходило. При Павлѣ, въ Москвѣ, куда бѣлая часть писателей удалилась, отъ столкновенія несогласныхъ начали взаимныя неудовольствія умножаться и превращаться въ нѣчто похожее на вражду. Исключая стараго Хераскова, который въ старой Москвѣ доживалъ свой вѣкъ, всѣхъ знаменитѣе были Дмитріевъ и Карамзинъ; съ ними въ тѣсной связи находился Тургеневъ, директоръ Университета, отецъ многорѣченнаго въ сихъ Запискахъ Тургенева, не писатель, но великій другъ просвѣщенія. Въ томъ же Университетѣ, однимъ изъ трехъ кураторовъ былъ Павелъ Ивановичъ Голенищевъ-Кутузовъ, человекъ умный и свѣдущій, но какъ стихотворецъ никѣмъ не замѣченный, не хвалимый и не осуждаемый. Вѣроятно сіе невниманіе встревожило его самолюбіе и возбудило досаду на двухъ сочинителей, болѣе его счастливыхъ. Къ нему, какъ бы въ видѣ наперсника, присталъ Шатровъ, поэтъ съ большими дарованіями, которыя преимущественно посвятилъ онъ переводу псалмовъ. Онъ усердно вдавался въ мартинизмъ подобно Тургеневу и также какъ Карамзинъ въ первой молодости былъ поддержанъ и поощряемъ Николаемъ Новиковымъ, главою мартинистовъ. Вотъ почему не понятно, какъ въ послѣдствіи сдѣлался онъ врагомъ столь почтенныхъ людей.

Подъ именемъ критики разумѣли тогда брань и поношеніе, мало знали ее, мало употребляли. Не знаю, правда ли, но меня увѣряли потомъ неоднократно, будто который-то изъ сихъ господъ (и полно, не оба ли) прибѣгнули къ другому средству нападенія, къ средству постыдному и жестокому, къ ложному доносу на Карамзина: они обвиняли его въ якобинизмѣ, и передъ кѣмъ же? Передъ Павломъ! Конечно, какъ всѣ великодушные и неопытные юноши, въ первоначальныхъ порывахъ къ добру, создавалъ онъ нѣкогда утопіи, вѣровалъ въ свободу, въ братскую любовь, въ усовершенствованіе рода человѣческаго. Когда

началось его воспитаніе, въ Россіи, по примѣру другихъ Европейскихъ, даже самыхъ деспотическихъ государствъ, наставники воспитанникамъ все указывали на блескъ Греческихъ республикъ, на величіе Римской; твердили, что съ свободой ихъ были неразлучны добродѣтели, счастье и слава, и что съ ея утратою они всего лишились; въ вѣкахъ ближе къ нашему старались они возбуждать ихъ восторгъ къ Швейцаріи и Вильгельму Телю, къ Нидерландамъ и Эгмонту; наконецъ, Сѣверная Америка съ своими Вашингтономъ и Франклиномъ должна была осуществитъ для нихъ прекрасныя мечты ихъ отрочества. Съ такими поученіями, съ чистою и пылкою душой, въ самой первой молодости Карамзинъ отправленъ былъ путешествовать по Европѣ, которая тогда полна была надеждъ и ожиданій благополучнѣйшихъ послѣдствій отъ едва начавшейся Французской революціи. Возвратившись, нѣкоторое время не скрывалъ онъ своихъ благородныхъ заблужденій, пока видъ Польши, погибшей отъ и посреди безначалія, и Франціи, политой кровію, не разочаровалъ его. Чадъ его давно прошелъ, но незабываемый врагами послужилъ къ его обвиненію. Невѣжество или доброта людей, управлявшихъ тогда дѣлами, спасли его: въ гнусномъ дѣлѣ увидѣли они одно литературное соперничество и съ пренебреженіемъ бросили его, не доводя до Императора. Въ первобытной невинности нашихъ правительственныхъ лицъ (не хуже, чѣмъ въ преступномъ знаніи вынѣшнихъ) такъ мало обращали вниманія на то, что касалось до словесности, политики и религіи, такъ мало вникали въ настоящій смыслъ преподаваемыхъ злонамѣреніемъ правилъ (лишь не говори на прямки), что переводились, печатались и съ дозволенія цензуры продавались всѣ забавныя, веселыя и богомерзкія романы Вольтера, *Кандидъ*, *Бѣлый Быкъ* и *Принцесса Вавилонская*; за ними даже показался и *Кумъ Матвій*. Вотъ новое и еще сильнѣйшее доказательство этой безопасности или невѣднія. Со времени Еватерины, черезъ все царствованіе Павла и долго при Александрѣ издавался въ Москвѣ нѣкимъ Матвѣемъ Гавриловичемъ Гавриловымъ Политическій Журналъ. Если гдѣ нибудь уцѣлѣли экземпляры его, то пусть заглянуть въ нихъ и подивятся: тамъ между прочимъ найдутъ цѣликомъ рѣчи Мирабо, Жирондистовъ и Робеспьера. Такая смѣлость должна бы была произвестъ, по крайней мѣрѣ, удивленіе; никто не вѣдалъ про содержаніе журнала, и никто его нынѣ не помнитъ. Лѣнивые цензоры съ разсѣянностію пропускали его нумера, а названіе политическаго пугало и отталкивало праздныхъ тогда и невѣжественныхъ Москвичей; малое же число читателей, тайно принимающихъ живое участіе въ сохраненіи его, не спѣшило разглашеніями. На это никто не доносилъ, и горе тому, кто бы осмѣлился сіе сдѣлать: искони старая Москва любила потворство-

вать всякаго рода маленькому своеволію. Самъ издатель, Гавриловъ, невѣдомо откуда имѣвшій средства къ поддержанію себя и журнала своего, лично былъ знакомъ съ немногими, чуждался сношеній съ извѣстными писателями, выставялъ свое имя и скрывалъ свою особу, и какъ будто любилъ мракъ, въ который старался погрузиться.

Также особнякомъ, только не въ тѣни, жилъ и писалъ тогда въ Москвѣ еще одинъ сочинитель, князь Иванъ Михайловичъ Долгорукой, бывшій при Екатеринѣ Пензенскимъ вице-губернаторомъ. Въ твореніяхъ его было столько же ума, оригинальности и безобразія, какъ, говорятъ, и въ наружности его; только о первыхъ могу я судить, послѣдней же никогда не видывалъ. Мнѣ кажется, ему не довольно отдавали справедливости: между стихами его много такихъ замѣчательныхъ по силѣ чувства, мысли и выраженія, что не затверживая сохранилъ я ихъ въ памяти.

Все это при Павлѣ. Число литераторовъ при немъ было не весьма большое въ большой столицѣ. Но сколько въ обѣихъ столицахъ существовало ихъ непримѣтнымъ образомъ, сколько скрывалось по деревнямъ, сколько зрѣющихъ и даже назрѣвшихъ талантовъ, чтобы воспрянуть, дожидалось какъ будто назначеннаго часа. Онъ пробилъ 12-го Марта. Я былъ тогда въ Москвѣ и помню этотъ часъ; откуда чтò взялось? Какъ будто изъ земли выросло! Все съ истиннымъ, равнымъ восторгомъ, но не съ равнымъ искусствомъ пустилось привѣтствовать и славословить Александра; все кинулось, кто къ трубамъ и къ лирамъ, кто къ балалайкамъ и гудкамъ, принимая одни за другіе, все загремѣло, запѣло, запищало; однимъ одамъ счету не было; старый Херасковъ и студентъ Мерзляковъ удачнѣе всѣхъ воспѣли пришествіе молодого Царя.

Прошелъ годъ; все поустоялось, поутихло, и примѣтно увеличившееся сословіе начало приниматься за дѣло, еще мало писать, во составлять изъ себя общества и избирать предводителей. Настоящихъ партій, кромѣ Петербургской и Московской, быть не могло. Петербургская не замедлила обнаружить свой честолюбивый и нападательный духъ; она разсуждала логически: тамъ гдѣ Царь, тамъ должна быть и первенствующая власть. Московская же, по примѣру не главы своего, а образца и кумира, Карамзина, старалась сколь можно болѣе сохранять спокойствія и равнодушія къ симъ нападеніямъ.

Впрочемъ, кажется, и довольно трудно было бы кому-либо изъ сей партіи вступить въ ратоборство. Всѣ эти тогдашніе Московскіе литераторы по большей части были народъ смирный. Постараемся перечесть и изобразить ихъ.

Первымъ, послѣ главныхъ, почитался Василій Львовичъ Пушкинъ, о которомъ сказали, что эпиграмы его дѣлають болѣе чести его сердцу, чѣмъ уму. Сибаритъ, франтъ, свѣтскій человѣкъ, онъ имѣлъ великое достоинство приучать ушеса щеголихъ, княгинь и графинь къ звукамъ отечественной лиры. Стихи его не были геніальны, за то благозвучны и напоминали собой благовоспитанный кругъ, въ которомъ родились. Только подъ конецъ, разгнѣванному до неблагопристойности, случилось ему въ одно время выйдти изъ себя и превзойти себя. Въ такомъ расположеніи, съ помощію природныхъ добродушія и веселонравія, удалось ему написать небольшую сатиру *Опасный Сосѣдъ*, которая изумила, поразила его насмѣшниковъ и заставила самыхъ строгихъ, серіозныхъ людей улыбаться соблазнительнымъ сценамъ, съ неимовѣрною живостію разсказа, однакоже съ нѣкоторою пристойностію, имъ изображеннымъ. Напечатать такого рода стиховъ не было возможно; но тысячи ихъ рукописныхъ копій, кажется, еще доселѣ сохранились. Не въ первый разъ приходится мнѣ говорить о семъ Пушкинѣ, можетъ-быть и не въ послѣдній.

О Мерзляковѣ говорить мнѣ будетъ трудно: много слышалъ я о немъ и о сочиненіяхъ его, только безъ вниманія, и оттого ихъ почти, а его вовсе не знаю. Мнѣ сдается, что въ словесномъ дѣлѣ былъ онъ тоже, что въ военномъ искусствѣ великій тактикъ, которому не удалось выиграть ни одного сраженія. На нападки, на придирки изъ Петербурга, кажется, смотрѣлъ онъ какъ на дразги, недостойныя его вниманія. Гораздо, гораздо послѣ былъ онъ первый, который читалъ публичныя лекціи о Русской словесности и въ университетской залѣ залѣ собиралъ вокругъ себя многочисленныхъ слушателей и слушательницъ.

Жуковскій еще мало былъ извѣстенъ въ первое пятилѣтіе Александрово. Куда ему было вступать въ полемику, когда всю жизнь онъ ея чуждался? Просторѣчивый и дѣтски пли, лучше сказать, школьнически шутливый, онъ уже былъ тогда весь исполненъ вдохновеній, но стыдливый, скромный, какъ будто колебался обнаружить ихъ передъ свѣтомъ. Не помню, въ 1803 или въ 1804 году, дерзнулъ онъ показаться ему. Первый трудъ его, переводъ Греевой элегіи *Сельское Кладбище*, остался не замѣченъ толпою обыкновенныхъ читателей; только немногіе, способные постигать высокое и давать цѣну изящному, съ перваго взгляда въ небольшомъ твореніи узнали великаго мастера. Года два спустя, узнали его и, не умѣя еще дивиться ему, уже полюбили, когда, подобно пѣвцу о полку Игоревѣ, въ чудесныхъ стихахъ оплакалъ онъ падшихъ въ пораженіи Аустерлицкомъ. Видно въ Славянской природѣ есть особенное свойство веллчественно и трогательно

воспѣвать то, что другіе народы почитаютъ для себя унижительнымъ; доказательствомъ тому служатъ и Сербскія пѣсни.

Въ Бѣлевскомъ уединеніи своемъ, гдѣ проводилъ онъ половину года, Жуковскій пристрастился къ Нѣмецкой литературѣ и сталъ насъ подчивать потомъ ея произведеніями, которыя по формѣ и содержанію своему не совсѣмъ приходились намъ по вкусу. Упитанные литературою древнихъ и Французскою, ея покорною подражательницей (я говорю только о просвѣщенныхъ людяхъ), мы въ выборахъ его увидѣли нѣчто чудовищное. Мертвецы, привидѣнія, чертовщина, убійства, освѣщаемыя луною, да это все принадлежитъ къ сказкамъ, да развѣ Англійскимъ романамъ; вмѣсто Геро, съ нѣжнымъ трепетомъ ожидающей утопающаго Леандра, представить намъ бѣшено-страстную Ленору со скачущимъ трупомъ любовника! Надобенъ былъ его чудный даръ, чтобы заставить насъ не только безъ отвращенія читать его баллады, но, наконецъ, даже полюбить ихъ. Не знаю, испортилъ ли онъ нашъ вкусъ; по крайней мѣрѣ создалъ намъ новыя ощущенія, новыя наслажденія. Вотъ и начало у насъ романтизма.

Много говорилъ я о немъ и о талантѣ его во второй части Записокъ моихъ. Боюсь повторять себя, но о необыкновенномъ человѣкѣ всегда сыщется сказать въ прибавкахъ что-нибудь новое. Въ бесѣдахъ съ короткими людьми, въ разговорахъ съ ними часто до того увлекался онъ душевнымъ, полнымъ, чистымъ веселіемъ, что начиналъ молоть премилый вздоръ. Когда же думы засядутъ въ головѣ у него, то съ исключительнымъ участіемъ на землѣ начинаетъ онъ искать одну грусть, а живыя радости видитъ въ одномъ только небѣ. Оттого-то, мало создавая, все имъ выбранное на ней спѣшилъ онъ облекать въ его свѣтъ. Все тянуло его къ неизвѣстному, незримому и имъ уже сильно чувствуемому. Не такою ли нѣжною тоской наполнялись души первыхъ христіанъ? Отъ гадкаго всегда умѣлъ онъ удачно отвращиваться и, говоря его стихами, всю низость настоящаго онъ смолоду еще позабылъ и пренебрегъ. Въ немъ точно смѣшеніе ребенка съ ангеломъ, и жизнь его кажется длящимся превращеніемъ изъ перваго состоянія прямо въ послѣднее. Какъ я записался о немъ и какъ трудно разстаться мнѣ съ Жуковскимъ! Когда только вспомню о немъ, мнѣ всегда становится такъ отрадно: я самъ себя кажусь лучше.

Чтобы переходъ отъ него къ глупцамъ сдѣлать менѣе рѣзкимъ, назову я Макарова. Только не надобно смѣшивать; между литераторами тогда въ Москвѣ ихъ было двое: Петръ и Михаилъ; одинъ былъ чрезвычайно уменъ, другой... не совсѣмъ. Этотъ Петръ Ивановичъ Макаровъ былъ отличный критикъ, ученый, добросовѣстный, безпристрастный, пристойный. Онъ подвизался въ журналѣ, имъ самимъ из-

даваемомъ, кажется, въ *Московскомъ Меркуріи* и, разумѣется, болѣе за Карамзина. Это продолжалось недолго: онъ умеръ слишкомъ рано, едва въ зрѣлыхъ лѣтахъ, какъ много другихъ у насъ полезныхъ и достойныхъ людей. А Макаровъ 2-й уцѣлѣлъ; я уже упоминалъ о немъ, какъ о товарищѣ моемъ въ *Московскомъ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ*, какъ о трудолюбивомъ, бездарномъ, безконечномъ, нескончаемомъ писателѣ.

Каковъ бы онъ ни былъ, этотъ Михаилъ Николаевичъ Макаровъ, мнѣ все непонятно, какъ могъ онъ Шаликову позволить взять передъ собой первенство? Развѣ изъ уваженія къ старшинству лѣтъ и заслугъ. Между сими двумя мужами и еще однимъ третьимъ составилъ крѣпкій союзъ, долго существовавшій. У меня глупая привычка всегда узнавать имя и отчество человѣка и потомъ сохранять ихъ въ памяти. Итакъ третьяго звали Борисъ Карловичъ Бланкъ (хорошо, что и это еще упомянулъ, за то уже ничего болѣе о немъ не знаю). Эти люди, въ совокупности съ какими-то другими, много, много, долго, долго писали, а что они писали? Этого нынѣ въ Москвѣ почти никто не помнитъ, и ихъ творенія, еще при жизни ихъ, только съ трудомъ отыскивались въ *собраніяхъ древнихъ рѣдкостей*. Всѣ они, не спросясь здраваго разсудка и Карамзина, даже ему незнакомые, принялись его передражничать; и это въ Петербургѣ называли его партіей.

Одинъ только изъ нихъ, Шалпковъ, и то странностями своими, получилъ нѣкоторую извѣстность. Еще при Павлѣ писалъ онъ и печаталъ написанное. Какъ во дни терроризма, подъ стукъ безпрестанно движущейся гильотины, Французскіе поэты воспѣвали прелести природы, весны, невинную любовь и забавы, такъ и онъ въ это время, среди общаго испуга, почти одинъ любезничалъ и вѣжничалъ. Его почти одного только было и слышно въ Москвѣ, и оттого-то вѣроятно между не весьма грамотными тогда Москвичами пользовался онъ особеннымъ уваженіемъ *). У него видѣли манеру Карамзина и почитали будущимъ его преемникомъ

Карамзинъ довольствовался тѣмъ, что у себя никого изъ сихъ господъ не принималъ, но полагалъ, что для нихъ жестоко обидно будетъ, если онъ явно станетъ отрекаться отъ нихъ. Они же оставались преспокойны, почитая себя въ совершенной безопасности отъ

*) Мнѣ сказывалъ Загоскинъ, что во время малолѣтства случалось ему съ родителями гулять на Тверскомъ бульварѣ. Онъ помнитъ тоину, съ любопытствомъ, въ почтительномъ разстояніи идущую за небольшимъ человѣчкомъ, который то шибко шель, то останавливался, вынималъ бумажку и на ней что-то писалъ, а потомъ опять пускался бѣжать. „Вотъ Шалпковъ“, говорили шепотомъ, указывая на него, „и вотъ минуты его вдохновенія“.

Петербургскихъ нападеній и думая, что всѣ стрѣлы недоброжелательства должны падать на избраннаго ими. Правда, въ Петербургѣ объ нихъ и не думали, а наоборотъ изрѣченія: «поражу пастыря и разыдутся овцы», хотѣли, нападаая на паршивыхъ овецъ, истребить пастыря, который имъ никогда даже не бывалъ.

Только Димитріевъ окружалъ себя этимъ народомъ и въ особенности любилъ тѣшиться Шаликовымъ. Оно, конечно, довольно забавно видѣть ворону, которая воркуетъ голубкомъ; но, кажется, скоро это должно прискучить. Вотъ до чего насъ, старыхъ холостяковъ, доводитъ иногда скука одиночества! Не знаю, какъ Димитріевъ могъ съ этимъ ладить. Онъ очень дорого цѣнилъ высокое званіе свое и умѣлъ его поддерживать, а до министерства своего и послѣ него, жилъ въ Москвѣ всегда въ обществѣ такъ называемыхъ литераторовъ. Извѣстно, что всѣ эти мелкіе писачки, все людъ заносчивый и тщеславный: напечатаетъ четверостишіе и думаетъ уже имѣть права на безсмертіе и на равенство съ Вольтеромъ. Еслибъ Данте и Шекспиръ воскресли, мнѣ кажется, что самый послѣдній изъ нихъ не задумавшись сѣлъ бы съ ними рядомъ и началъ говорить имъ ты. Ничего не можетъ быть труднѣе, какъ удерживать тварей, всегда готовыхъ положить ноги на столъ, а этой работѣ посвятилъ себя Иванъ Ивановичъ. Онъ стоялъ такъ высоко, что она ему была легче, чѣмъ кому другому; однакоже не разъ и онъ вынужденъ былъ забывающимъ себя отказывать отъ дому. И какъ ни говори, это нѣсколько роняло его въ мнѣніи и приготавлило то нестерпимое обращеніе словесниковъ, которое мы нынѣ видимъ. Нѣтъ, я придерживаюсь Французской поговорки, что лучше быть одному, чѣмъ худо сопровождаемому.

Ни съ Жуковскимъ, ни съ Шаликовымъ не нашелъ я приличнымъ назвать вмѣстѣ Владимира Васильевича Измайлова. Онъ, говорятъ, былъ человѣкъ почтенный и добрый, только также черезъ-чуръ вдавался въ ложную чувствительность. Недавно попытался я прочесть Путешествіе его въ полуденную Россію; и что же? слогомъ отмѣнно обратнымъ написаны все пустяки, о коихъ не стоило говорить. Нѣтъ возможности читать это наркотическое произведеніе: скука и зѣвота такъ и одолеваетъ.

Около 1806 года Карамзинъ пересталъ издавать *Вѣстникъ Европы* и передалъ его молодому другу своему, Жуковскому. Я говорилъ уже объ этомъ журналѣ въ предшествующей части сихъ Записокъ. Примѣчательно въ немъ было быстрое развитіе таланта издателя, и до того уже необычайнаго; онъ росъ не по днямъ, а по часамъ, такъ что сама Бѣдная, милая Лиза уже казалась дѣвченкой въ сравненіи съ величественною Марѳой: что эта за красота, и что за сила въ ея изобра-

женіи! Съ этого времени онъ умолкъ и предался великому, безсмертному труду, съ высочайшаго соизволенія имъ предпринятому.

Про другіе Московскіе тогдашніе журналы слышалъ я только вскользь. Помню, что еще до *Вѣстника* при *Московскихъ Вѣдомостяхъ* еженедѣльно выдавался литературный листокъ, подъ названіемъ *Иппокрены*, и что сей мутный, непримѣтный ручей текъ безъ всякаго шума. Послѣ, если не ошибаюсь, были и *Эфемериды*; а послѣ еще и *Меркурій*, издаваемый Макаровымъ, про который я уже говорилъ. Вдругъ вздумалось затѣйнику Макарову 2-му, который первому совсѣмъ не не былъ родня, объявить объ изданіи *Амура*, подъ вымышленнымъ именемъ небывалой княжны Елисаветы Трубецкой. Дорого было пришлось ему расплатиться за эту совсѣмъ неумную проказу: всѣ Трубецкіе возстали, и начальство архивское едва могло дѣло сіе утушить. Эротическими названіями надѣялись эти господа привлечь и женщинъ. Такимъ образомъ явилась и Шаликовская Аглая, и были читатели, которые дуру эту принимали за Грацію.

Совсѣмъ въ иномъ духѣ, въ иномъ родѣ показался, наконецъ, *Русскій Вѣстникъ*. Для успѣховъ болѣе всего нужно умѣніе выбирать время. Когда изданіемъ сего журнала Сергѣй Николаевичъ Глинка сдѣлался извѣстенъ, Москвитчамъ начинало уже тошниться отъ подслащеннаго рвотнаго, приготавлиаемаго другими журналпстами и ихъ сотрудниками, и любовь къ отечеству примѣтно возрастала съ видимоумножающимися для него опасностями. Глинка былъ истинный патріотъ, безъ исключенія превозносилъ все отечественное, безъ исключенія поносилъ все иностранное. Пусть нынѣ смѣются надъ такими людьми: я люблю ихъ непреклонный характеръ цѣликомъ. Въ обстоятельствахъ, въ которыхъ мы тогда находились, журналъ его, при всемъ несовершенствѣ своемъ, былъ полезенъ, даже благодѣтеленъ для провинцій.

Они съ Николаемъ Николаевичемъ Муравьевымъ въ одно время сдѣлались въ Москвѣ основателями двухъ своекоштныхъ, военныхъ, патріотическихъ школъ. Войны были тогда нужнѣе всего. Муравьевъ взялся образовать молодыхъ дворянъ для пополненія ими великаго недостатка въ офицерахъ, чувствуемаго въ генеральномъ штабѣ и по части артилерійской и пнженерной. Преподавая имъ высшія математическія науки, онъ вселялъ въ нихъ и высокія чувства народной гордости. Глинка захотѣлъ быть просвѣтителемъ Донскихъ казаковъ и принялся за умъ и за сердце пылкихъ, дикихъ мальчиковъ. Довольно грубымъ, но пламеннымъ и имъ понятнымъ языкомъ вливалъ онъ въ нихъ любовь къ познаніямъ и къ великому ихъ Россійскому отечеству.

Кто нынѣ рѣшится на столь славные и безкорыстные подвиги? Кто хвалить ихъ, или кто помнитъ ихъ? Или, лучше, кто знаетъ объ

нихъ? Конечно патріотизмъ, эта неземная любовь къ земному, есть чувство, которое въ самомъ себѣ находитъ муку и отраду: его ни поощрять, ни награждать нечего. Но все-таки кажется, что совершенное забвеніе и, еще хуже того, строгое наказаніе не должны же быть слѣдствіемъ сей, по крайней мѣрѣ, простибельной страсти. Одинъ изъ тѣхъ, о коихъ говорилъ, давно забытый, окончилъ вѣкъ въ сельскомъ уединеніи; другой просидѣлъ на гауптвахтѣ за неумышленное упущеніе по цензурѣ, но скорѣе за чистосердечную неукротимость свою, что навсегда и положило храненіе устамъ его. Почтенные люди, если послѣ меня въ какомъ-нибудь углу уцѣлѣютъ небрежно составляемыя мною Записки, то потому уже почитаю ихъ достойными храненія, что о заслугахъ вашихъ скажутъ они болѣе насъ, можетъ-быть, благодарному потомству.

Да что же ты ничего не говоришь о сенаторѣ-кураторѣ Кутузовѣ? Скажутъ мнѣ, что съ нимъ сдѣлалось? Или что онъ дѣлалъ? Онъ отмалчивался, ни съ кѣмъ не ссорился и оставался представителемъ и корреспондентомъ Петербурга.

Гораздо опаснѣе его и гораздо его сердитѣе былъ новый противникъ, который сначала тайно, а потомъ явно возставалъ на Карамзина. Онъ, также какъ и Зоиль, былъ родомъ и душою Грекъ, находился профессоромъ исторіи въ Московскомъ университетѣ и назывался Михайль Троимовичъ Каченовскій. Всѣ недруги его, а ихъ было много, отдавали справедливость его уму и учености; но вмѣстѣ тѣмъ имѣлъ онъ всѣ тѣ ненавистныя свойства, которыя отличаютъ Грековъ нынѣшняго и всѣхъ прошедшихъ временъ и которыя послѣ имѣлъ я случай такъ коротко узнать: непокойный духъ, ужасное высокомеріе, пронырство, неблагодарность, раздражительность и вѣчная жажда мести. Можно себѣ представить, какъ все выше и выше полетъ Карамзина долженъ былъ терзать его мрачную душу. Долго, весьма долго одинъ парилъ, какъ орелъ; а другой не переставалъ шипѣть, какъ змѣя.

Въ это же время въ Москвѣ явилось маленькое чудо. Несовершеннолѣтній мальчикъ Вяземскій вдругъ выступилъ впередъ, и защитникомъ Карамзина отъ непріятелей, и грозою пачкуновъ, которые, прикрываясь именемъ и знаменемъ его, безславили ихъ. Одинъ изъ богатыхъ и просвѣщеннѣйшихъ Московскихъ вельможъ, князь Андрей Ивановичъ Вяземскій, вручилъ судьбу и руку прекрасной любимицы своей, дочери сердца своего, другу своему Карамзину и, чувствуя приближеніе смерти ему же поручилъ воспитаніе и будущую участь единственнаго малолѣтняго своего сына. Со всею силой нѣжнаго и пылкаго сердца, ребенокъ привязался къ зятю, опекуну, второму отцу своему;

а этому казалось, что Богъ даровалъ ему сына, и какого же?—исполненнаго благородства, ума и чувствительности. Можетъ быть, снисходительность, слѣпое къ нему пристрастіе его, послѣ, во многомъ повредили отроку, который слишкомъ рано захотѣлъ быть юношей и мужемъ. Карамзинъ никогда не любилъ сатиръ, эпиграмъ и вообще литературныхъ ссоръ, а никакъ не могъ въ воспитанникѣ своемъ обуздать браннаго духа, любовію же къ нему возбуждаемаго. А впрочемъ что за бѣда? Дитя молодое, пусть его тѣшится; а дитя куда тяжелъ былъ на руку! Какъ Иванъ-царевичъ, бывало князь Петръ Андреевичъ, кого за руку, рука прочь, кого за голову, голова прочь. И это было въ Москвѣ, гдѣ всегда съ нѣжнымъ восторгомъ говорятъ о Западѣ и стараются подражать ему, а между тѣмъ въ обыкновенномъ быту сохраняютъ всё навыки Востока, гдѣ глупцы всегда стояли и стоять еще подъ защитою законовъ цѣлаго общества, высшаго, низшаго; гдѣ животныя всякаго рода хранимы также всеобщимъ скотолоубіемъ, какъ въ Царѣградѣ собаки и кошки; гдѣ юродивые почитаются существами священными, какъ делибаши во всей Азій. Въ этомъ странномъ, старинномъ Русскомъ, европействующемъ городѣ, гдѣ всякій, не опасаясь названія клеветника, не обвинуясь, можетъ по заочности такого то и такого-то, иногда весьма честнаго человѣка, назвать мошенникомъ, воромъ, злодѣемъ, бѣда если кто острымъ словцомъ задѣнетъ дурака; а изъ Вяземскаго они такъ и сыпались.

Онъ могъ бы пострадать: какъ ни зубастъ онъ былъ, его бы забили; но онъ былъ молодъ, богатый женихъ и чрезвычайно влюбчивъ. И женщины-матери, и дочери, охотно видя въ немъ будущаго зятя, любовника или мужа, стояли за него горой. Къ тому же вездѣ женщины болѣе способны понимать тонкости ума и во всѣхъ странахъ любятъ смѣлость мушкетъ: то и другое онѣ въ немъ находили и всѣмъ составомъ своего пола отстаивали его. И не одинъ еще: онъ скоро сдѣлался идоломъ молодежи, которую роскошно угащивалъ и съ которою дѣлалъ ея буйныя забавы. Да не подумаютъ, однакоже, что этотъ острякъ, смѣльчакъ былъ съ кѣмъ бы либо дерзокъ въ обращеніи; онъ всегда умѣлъ уважать полъ и лѣта. Баловень родныхъ, друзей и прекраснаго пола, при постоянныхъ успѣхахъ и среди многихъ заблужденій своей счастливой молодости, онъ никогда не зазнавался, всегда оставался доброжелателемъ, сострадателемъ и любящъ. Онъ служилъ доказательствомъ, что остроуміе совсѣмъ не плодъ дурнаго сердца, а скорѣе живаго, веселаго нрава. О чрезвычайномъ стихотворномъ его талантѣ пока ни слова; будетъ еще мѣсто и время поговорить объ немъ, если поживется.

Мнѣ, однакоже, пришла охота показать здѣсь обращикъ этого таланта, тогда еще не созрѣвшаго. Шаликовъ объявилъ всѣмъ о намѣреніи своемъ отправиться за границу; за однимъ стало дѣло, за деньгами. Вяземскій воспѣлъ сіе несостоявшееся отбытіе. Я помѣщу здѣсь только то, что изъ этихъ стиховъ припомню.

Съ собачкой, съ посохомъ, съ лорнеткой,
 И съ миртовой отъ мошекъ вѣткой,
 Подвизанъ розовымъ платкомъ,
 Въ карманѣ пара мадригаловъ,
 Съ едва звенящимъ кошелькомъ,
 Вотъ какъ пустился нашъ Вздыхаловъ
 По свѣту странствовать пѣшкомъ.

Прежде того, прощаясь съ друзьями, Шаликовъ говоритъ имъ:

Прости, Макаровъ, Фебомъ чтимый,
 И ты, о Бланкъ неистощимый,
 Единственный читатель мой.

Недавно дѣлалъ я поиски, и въ свѣдѣніяхъ только что мною полученныхъ открылъ бездну литературныхъ сокровищъ того времени, зарытыхъ въ забвеніи, и симъ кладомъ хочу подѣлиться съ читателемъ. Исключая *Вѣстника Европы* (о которомъ ошибочно сказалъ я, что Карамзинъ передалъ его прямо Жуковскому, тогда какъ сей послѣдній гораздо послѣ два года издавалъ его вмѣстѣ съ Каченовскимъ, тогда еще не обнаруживавшимъ свои прекрасныя свойства) было еще нѣсколько неназванныхъ мною журналовъ, и вотъ ихъ названія: 1) *Журналъ пріятнаго, любопытнаго и забавнаго чтенія*, съ 1802 по 1804 годъ, издаваемый Панкратіемъ Сумароковымъ, 2) *Новости Русской Литературы* съ 1802 по 1805 г., издаваемыя Сохацкимъ и Побѣдоносцевымъ, 3) *Другъ Просвѣщенія*, въ 1804 г., издаваемый двумя сенаторами: графомъ Хвостовымъ и Кутузовымъ, 4) *Журналъ для милыхъ*, въ 1804 же г., издаваемый, разумѣется, Макаровымъ 2-мъ, 5) *Патріотъ, журналъ воспитанія*, въ 1804 же г., издаваемый Владиміромъ Измайловымъ, 6) *Московскій Курьеръ*, въ 1805 и въ 1806 гг., издаваемый опять Макаровымъ 2-мъ, 7) *Ученныя Вѣдомости*, въ 1805 и 1806 гг., издаваемыя при университетѣ какимъ-то профессоромъ Буле.

Не даромъ Дмитріевъ въ одной эпиграмѣ сказалъ тогда:

Журналовъ тысячу, а книги ни одной.

Съ Москвою кое-какъ еще я справился; не знаю какъ-то будетъ съ Петербургомъ.

Державинъ находился въ немъ въ томъ же самомъ состояніи успокоившагося патріарха, какъ Херасковъ въ Москвѣ, и тѣмъ са-

мымъ передъ нею давалъ уже ему перевѣсъ, въ отношеніи къ словесности. Заживо онъ сопричтенъ уже былъ къ сонму боговъ: два верховные жреца, Шишковъ и Шаховской, ему поклялись и именемъ его управляли толпою мелкихъ слугителей, дьячковъ, пономарей, звонарей Аполлона.

О счастливой мысли перваго посредствомъ Славянскихъ изреченій и оборотовъ украсить и усилить Русскій языкъ я уже говорилъ. Она родилась въ головѣ совсѣмъ не гениальной; тѣмъ не менѣе должны мы чтить память весьма почтеннаго, хотя немного смѣшнаго старца. Много говорилъ я и о послѣднемъ, можетъ быть, слишкомъ много.

О Крыловѣ неоднократно упоминалъ я. Въ изображеніи Русскаго театра объ Озеровѣ высказалъ все, что зналъ. Мнѣ остается еще представить множество рядовыхъ писателей, которые слѣпо шли подъ знаменами двухъ вышесказанныхъ предводителей, особенно же Шишкова; простыхъ работниковъ, которые словесностію, какъ ремесломъ, въ тихомолку промышляли. Ихъ ничтожество давно поглощено забвеніемъ, я не вижу ни возможности, ни нужды ихъ оттуда вытаскивать. Если же который взбредетъ на память, то, да проститъ мнѣ читатель, я не оставлю назвать его.

Между сими мелкими лицами, въ памяти моей возникаетъ одно крупное лицо, которое раза два мимоходомъ пришлось мнѣ назвать. Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ, первый и предпослѣдній графъ сего имени (ибо пожилой сынъ его вѣроятно не женится), былъ извѣстенъ всей читающей Россіи. Для знаменитости, даже въ словесности, великіе недостатки болѣе нужны, чѣмъ небольшія достоинства. Когда и какъ затѣялъ онъ нѣсколько поколѣній смѣшать своими стихами, этого я не знаю; знаю только по наслышкѣ, что въ первой и въ послѣдующихъ за нею молодостяхъ, лѣтъ до тридцати пяти, слылъ онъ богатымъ женихомъ и потому присватывался ко всѣмъ знатнымъ невестамъ, которыя съ отвращеніемъ отвергали его руку. Наконецъ, пришла по немъ одна княжна Горчакова, которая едвали не столько же славилась глупостію, какъ родной дядя ея Суворовъ—побѣдами. Этотъ союзъ вдругъ поднялъ его: будучи не совсѣмъ молодъ, неблагообразенъ и неуклюжъ, пожалованъ былъ онъ камеръ-юнкеромъ пятаго класса—звание завидуемое, хотя обыкновенно оно давалось осмнадцатилѣтнимъ знатнымъ юношамъ. Это такъ показалось странно при Дворѣ, что были люди, которые осмѣлились замѣтить о томъ Екатеринѣ. «Что мнѣ дѣлать, отвѣчала она, я ни въ чемъ не могу отказать Суворову: я бы этого человѣка сдѣлала фрейлиной, еслибъ онъ того потребовалъ».

Тутъ начинается его извѣстность. Придворный чинъ, родство съ Суворовымъ, большое состояніе, все это высоко цѣнилось; при этомъ поэзія его шла даромъ: никто не обращалъ на нее вниманія. А въ ней-то и видѣлъ онъ надежды на будущее свое величіе. Оберъ-прокурорство, сенаторство, лента, наконецъ графское достоинство, въ память Суворова Сардинскимъ королемъ ему дарованное, все это, конечно, тѣшило его тщеславіе, но не удовлетворяло честолюбія: ему хотѣлось прославиться, жить въ вѣкахъ. Обманывалъ ли онъ самъ себя насчетъ дарованія своего, или морочить хотѣлъ людей, чтобы при жизни насладиться ихъ рукоплесканіями, вотъ что трудно разобрать. Всю долготѣнную жизнь свою просуетился, промучился онъ напрасно только изъ того, чтобъ его похвалили; желаніе это обратилось у него въ болѣзнь, въ чесотку, въ бѣшенство. Чего онъ не дѣлалъ? Подличалъ извѣстнымъ авторамъ, дарилъ сочиненія свои книгопродавцамъ и нераспроданное самъ покупалъ, чтобы приступить къ другому изданію; кормилъ, угощалъ голодныхъ стихотворцевъ, ссужалъ ихъ деньгами. Хвалить его было имъ невозможно: никто не рѣшился бы на столь позорное дѣло; совѣстливые молчали, а безсовѣстные надъ нимъ же ругались въ стихахъ. Вошло въ обыкновеніе, чтобы всѣ молодые писатели объ него оттачивали перо свое, и безъ эпиграмы на Хвостова какъ будто нельзя было вступить въ литературное сословіе; входя въ лѣта, уступали его новымъ пришельцамъ на Парнасъ, и такимъ образомъ цѣлый вѣкъ молодымъ ребятамъ служилъ онъ потѣхой.

Такое общее ожесточеніе можно бы назвать безчеловѣчіемъ, если бы самъ онъ поступками своими не безпрестанно подавалъ поводъ къ насмѣшкамъ. За все брался онъ: сочинялъ, переводилъ трагедіи, комедіи, поэмы, оды, посланія, басни, одно хуже, одно нелѣпѣе другаго; метроманія нигдѣ еще не являлась въ столь смѣшномъ, неугомонномъ и запачканномъ видѣ. Онъ имѣлъ характеръ неблагородный, наружность подлую и нарядъ всегда засаленный. Неизвѣстно, примѣчательная нечистоплотность отъ жены ли къ нему привилась, или отъ него къ ней; только неопрятность обоихъ супруговъ была баснею Петербурга. Кажется, самъ онъ никогда не умывался, а въ комнатахъ его, подобныхъ хлѣвамъ, до того дышало заразительнымъ воздухомъ, что мезетизмъ стали знать подъ названіемъ хвостовизма. Онъ не принадлежалъ ни къ какой партіи, но втирался безъ разбору во всѣ литературныя общества и во всѣхъ оставался нулемъ, хотя, разумѣется, нигдѣ въ глаза не смѣли его дурачить.

Примѣчательны были также два Украинца: одинъ поэтъ въ отставкѣ, другой въ семь званій только-что поступившій на службу. Оба

они, несмотря на единовѣріе, единокровіе, единоезваніе, на двухвѣковое соединеніе ихъ родины съ Россіей, тайкомъ ненавидѣли ее и Русскихъ, Москалей, кацаповъ. Это были Капнисть и Гнѣдичь.

Василій Васильевичъ Капнисть женился на родной сестрѣ жены Державина, и даже эти брачныя узы не могли привязать его къ Россіи. Онъ много написалъ стиховъ и весьма хорошихъ и, заключивъ поприще свое великимъ твореніемъ своимъ, называемымъ *Ябеда*, опустился на лавры. Не обращая вниманія на наши слабости, пороки, на наши смѣшныя стороны, онъ въ преувеличенномъ видѣ, на позоръ свѣту, представилъ преступныя мерзости нашихъ главныхъ судей и ихъ подчиненныхъ. Тутъ ни въ дѣйствіи, ни въ лицахъ нѣтъ ничего веселаго, забавнаго, а одно только ужасающее, и не знаю почему назвалъ онъ это комедіей. Лѣтъ сорокъ спустя, одинъ изъ единоеземецвъ его, малорослый Малороссъ, коего назвать здѣсь еще не мѣсто, движимый тѣми же побужденіями, въ такомъ же духѣ написалъ свои комедіи и повѣсти. Не выводя на сцену ни одного честнаго Русскаго человѣка, онъ предалъ насъ всеобщему поруганію въ лицахъ (по большей части вымышленныхъ) нашихъ губернскихъ и уѣздныхъ чиновниковъ. И за то, о Боже, половина Россіи провозгласила циника сего великимъ!

Природа поставила Николая Ивановича Гнѣдича на той самой точкѣ, гдѣ кончается глупость и начинается умъ; но въ него съ этой точки довольно часто умѣлъ онъ дѣлать набѣги. Лицо его, которому говорятъ, суждена была красота, изуродовано и изрыто было оспою, которая въ опустошительной ярости своей лишила его глаза. Муза его была чопорна, опрятна, суха и холодна, какъ онъ самъ; на выдумки не была она великая мастерица, да и въ подражаніяхъ и переводахъ болѣе всего отличалась точностію и вѣрностію. По пріѣздѣ его первый разъ въ Петербургъ, обстоятельства его, видно, были до того плохи, что онъ рѣшился на неслыханное средство, на исканіе покровительства и помощи графа Хвостова. Въ посланіи къ нему, которое, къ счастью его, не было напечатано, но съ котораго, къ несчастью его, не всё успѣлъ онъ потомъ истребить копіи, въ семъ посланіи, гдѣ умоляя его, старается онъ его разжалобить, находится между прочимъ этотъ стихъ:

И дурень я, и кривъ, и денегъ не имѣю.

Счастіе ему помогло: онъ скоро нашелъ другаго покровителя по-сильнѣе, по-умнѣе и по-благороднѣе Хвостова, который, во вѣранныхъ управленію его частяхъ, успѣлъ доставить ему покойныхъ мѣста два съ хорошимъ содержаніемъ. Тогда задумалъ онъ приступить къ труду важному, долготѣнному, который успѣшно онъ продолжалъ и счастливо

кончилъ, къ переводу *Илиады*. Для поддержанія его въ семь трудѣ испрошено ему было великое поощреніе, пенсіонъ въ полторы тысячи рублей отъ великой княгини Екатерины Павловны. Все, кажется, налагало на него долгъ благодарности къ Россіи, а онъ питалъ къ ней совсѣмъ противное чувство, которое гораздо послѣ, противъ воли его, мнѣ часто обнаруживалось въ короткихъ съ нимъ бесѣдахъ.

Говоря о Русскомъ театрѣ, я называлъ нѣсколько человекъ, переводившихъ трагедіи. Литературныя ихъ достоинства были такъ слабы, что сего было бы достаточно, еслибы въ нѣкоторыхъ изъ нихъ не было бы чего другаго примѣчательнаго. Напримѣръ, Преображенскій офицеръ, потомъ полковникъ и флигель-адъютантъ, Сергѣй Никифоровичъ Маринъ, переводчикъ *Меропы*, былъ военный острякъ, отъ котораго въ стихахъ крѣпко доставалось и словесникамъ, и свѣтскимъ людямъ. Они съ Шаховскимъ, будучи безсмѣнными у Александра Львовича Нарышкина, сдѣлались почти его домашними поэтами. Былъ еще къ нимъ въ прибавку и третій авторъ, не на одной ногѣ съ ними принятый. Не знаю, какъ попалъ въ этотъ домъ одинъ бѣдный, своенравный и самолюбивый Грекъ, воспитанный въ кадетскомъ корпусѣ и въ немъ же потомъ служившій. Имя его было Геракосъ, которое на Славяно-россійскій языкъ перевелъ онъ Гавріиломъ Гераковымъ и любилъ, чтобы такъ его называли. Извѣстно, что между Греками для ума нѣтъ средняго состоянія: все богачи или нищіе и что имъ убогіе всегда горды душою. Тогда въ Россіи стоило что-нибудь написать, да только напечатать, чтобы приписаться къ цеху даже ученыхъ; столько было смѣтливости въ Гераковѣ, чтобъ это увидѣть, и онъ началъ что-то писать и отдавать въ печать. Его тщеславіе безпрестанно тревожили и кололи, а когда начиналъ онъ выходить изъ терпѣнія, то спѣшили успокоивать его какою-нибудь похвалою или лаской; право похвастать тѣмъ что онъ коротокъ въ знатномъ домѣ было лучшей бальзамъ, врачевавшій раны, наносимыя его кичливости, и ослѣпленіе его на счетъ его достоинствъ не позволяло ему видѣть, что входъ въ него доставляетъ ему единственно титулъ шута. Маринъ былъ его казнію; въ пародіи стиховъ Державина на рожденіе порфиророднаго отрока онъ собираетъ у колыбели его колдуновъ и такимъ образомъ заставляетъ ихъ предрекать его будущность:

Будешь, будешь сочинитель
И читателей тиранъ.
Будешь въ корпусѣ учитель,
Будешь вѣчно капитанъ.
Будешь, и судьбы рѣшили,
Ростомъ двухъ аршинъ съ вершкомъ,
И всѣ старцы подтвердили:
Будешь вѣкъ ходить пѣшкомъ.

Онъ пылалъ страстію ко всему прекрасному полу, восхвалялъ его въ прозѣ и вѣчно ругалъ нѣжныхъ своихъ Московскихъ соперниковъ. Этимъ угодилъ онъ Шишкову и заслуживалъ отъ него самые лестные отзывы.

Нѣсколько словъ еще объ одномъ военномъ стихотворцѣ, однополчанинѣ Марина, объ офицерчикѣ Павлѣ Александровичѣ Катенинѣ, переводчикѣ *Цида* и *Говоли*. Круглолицый, полнощекій и румяный какъ херувимъ на вербѣ, этотъ мальчикъ вѣчно кипѣлъ какъ кофейникъ на конфоркѣ. Онъ былъ довольно хорошъ съ Шаховскимъ, ибо далеко превосходилъ его въ неистощимой хулѣ писателямъ: ни одному изъ нихъ не было отъ него пощады, ни Русскимъ, ни иностраннымъ, ни древнимъ, ни новымъ, и Виргилій всегда бывалъ первую его жертвой. Мудрено завидовать людямъ двѣ тысячи лѣтъ назадъ умершимъ; можетъ-быть, ему не хотѣлось быть на ряду съ обыкновенными людьми, почтительными къ давно признаннымъ достоинствамъ, и смѣлостію сужденій стать выше ихъ; а скорѣе не было ли это слѣдствіемъ страсти его къ спорамъ? Въ новѣйшее время мы также знали одного поэта, только настоящаго, который въ словесной борьбѣ находилъ величайшее наслажденіе; но онъ бралъ діалектикой, умомъ и всегда умѣлъ сохранять въ ней учтивость и хладнокровіе *). Катенину же много помогали твердая память и сильная грудь; съ ихъ помощію онъ всякаго перекрикивалъ и долго продолжалъ еще спорить, когда утомленный противникъ давно отвѣчалъ ему молчаніемъ. Не изъ угожденія Шишкову (ибо онъ никому не хотѣлъ нравиться, а всѣхъ поражать), а такъ изъ оригинальности, въ надеждѣ служить примѣромъ, Катенинъ свои трагедіи, стихотворенія безъ мѣры и безъ искусства начиналъ славянизмами. И что это было? Верхъ безвкусія и безмыслія! Видалъ я людей самолюбивыхъ до безумія, но подобнаго ему не встрѣчалъ. У него было самое странное авторское самолюбіе: мнѣ случилось отъ него самаго слышать, что онъ охотнѣе проститъ такому человѣку, который назоветъ его мерзавцемъ, плутомъ, нежели тому, который хотя бы по заочности назвалъ его плохимъ писателемъ; за это готовъ онъ вступить съ оружіемъ въ рукахъ. Еслибъ онъ сталъ лучше прислушиваться, то ему пришлось бы драться съ цѣлымъ свѣтомъ.

И графъ Сергѣй Павловичъ Потемкинъ былъ тоже поэтъ и офицеръ, и того же Преображенскаго полка. Тройственный союзъ его съ Шапошниковымъ и Висковатовымъ не долго продолжался. Стихотворство у него была прихоть богача, роскошь его: онъ любилъ не театръ, а актрисъ, не литературу, а маленькое меценатство. Онъ соскучился,

*) Хомяковъ.

женился, переѣхалъ въ Москву и тамъ принялся за другаго рода роскошь, болѣе блистательную, въ которой показалъ онъ гораздо болѣе вкуса и умѣнья, но которая довела его почти до нищеты. Оба товарища его пропали потомъ безъ вѣсти, какъ будто канули въ воду. Наши предки, которые, вѣроятно, слышали о Лейбъ, подъ этимъ разумѣли быть поглощену забвеніемъ.

Была еще пара писателей, которые, по сходству названій, всегда вмѣстѣ близнецами приходятъ мнѣ на память. Одинъ изъ нихъ, Евстафій Станевичъ, кажется Малороссіянинъ, переводчикъ Юнговыхъ *Ночей*, съ душою мрачною, почитался у насъ Рембрандтомъ поэзіи. Другой, Анастасевичъ, Полякъ, употребляемъ былъ графомъ Хвостовымъ для разныхъ послугъ, замѣчательнъ былъ тѣмъ, что въ Русскіе свои переводы и сочиненія вводилъ множество Польскихъ словъ, западныхъ императоровъ называлъ *заходными* и слугъ именовалъ всегда холоуями.

Пора мнѣ остановиться. Я вѣдь не взялся писать біографіи литераторовъ и исторію тогдашней литературы, а представить только то, что въ это время объ ней придетъ мнѣ на память. Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ, и я вижу, что если стану подбирать всё щепки, то никогда не кончу сей главы.

Вообще въ первое десятилѣтіе Александрово, Петербургскій, такъ-называемый, ученый міръ молодечествомъ и самохвальствомъ старался взять верхъ надъ Московскимъ; а въ сей послѣдней, какъ бы смотря съ презрѣніемъ на варваровъ, хотѣли отличить себя отъ нихъ любезностію и нѣжностію, и какъ Довъ-Кишотъ, въ Дмитріевой баснѣ, говоритъ грубіянамъ: «не бей меня, но пой», одни облекались въ броню и вооружались мечомъ, другіе вѣнчались розами и въ рукахъ держали свирѣль. Жаль только, что Петербургскіе писатели со смѣлостію соединяли мало ума и таланта и что вѣчныя похвалы ихъ отечеству, какъ на примѣръ въ *Храмъ славы Россійскихъ проевъ*, Новгородскаго губернскаго прокурора Павла Юрьевича Львова, никого не воспламеняя, на всѣхъ наводили сонъ и зѣвоту.

Владѣя безспорно Парнасомъ, не позволяя никому имѣть литературнаго мнѣнія противнаго ихъ мнѣніямъ и полагая, что мнимые ихъ противники осуждены никогда не покидать Москвы, Петербургскіе главные писатели не могли предвидѣть, что противъ ихъ неограниченной власти можетъ скоро составиться союзъ и заговоръ. И дѣйствительно, въ цѣломъ Петербургѣ всего на все былъ одинъ только не съ большимъ двадцати лѣтъ молодой человекъ, Влудовъ, полный ума и вкуса, который позволялъ себѣ явно осмѣивать ихъ недостатки и претензіи и писать на нихъ эпиграммы. Для обузданія его хотѣли они,

хотя тщетно, употребить даже высшую власть. Прибывшій въ 1805 году Александръ Тургеневъ присталъ къ нему, но былъ болѣе его остороженъ. Я слушалъ ихъ съ удивленіемъ: мнѣ казалось странно и непонятно живое участіе, принимаемое ими въ семь дѣлъ. Мнѣ было не до Шишкова: я бредилъ тогда Лагарпомъ, Парни, Фонтаномъ и Шатобрианомъ.

Вдругъ пришла ужасная вѣсть. Въ Твери, у Екатерины Павловны, Карамзинъ читалъ императору Александру нѣсколько главъ своей исторіи, этой исторіи, гдѣ по словамъ ихъ должны были встрѣчаться все одни милые Святополки и нѣжные Мстиславы. Не прошло мѣсяца какъ Дмитріевъ назначенъ министромъ юстиціи и скоро прибылъ въ Петербургъ; и онъ прибылъ не одинъ, а привелъ съ собою немногочисленную, но избранную дружину. Его сопровождали три юноши, Милоновъ, Граматинъ и Дашковъ; первые два были только-что поэтами, послѣдній тѣмъ, чѣмъ бы только захотѣлъ онъ быть. Огромный талантъ Милонова можно сравнить съ прекрасною зарей никогда не подыавшагося дня; много было его и въ Граматинѣ, но онъ также далеко не пошелъ. Первый талантъ свой потопилъ въ винѣ или лучше сказать въ водкѣ; послѣдній зарылъ его въ деревнѣ, куда навсегда переселился хозяйничать. О Дашковѣ, о незабвенномъ Дашковѣ, о которомъ воспоминаніе останется всегда прекраснѣйшимъ въ моей жизни, здѣсь говорить не буду: въ эту минуту я не чувствую себя способнымъ достойнымъ образомъ изобразить его.

Глава Славянофиловъ или Варягороссовъ, какъ ихъ тогда называть начали, со товарищи видѣли въ министерствѣ Дмитріева опасность для своего всемогущества, тогда какъ обязанности государственнаго сановника вовсе не оставляли времени Дмитріеву заниматься литературой. Правда, онъ часто принималъ у себя Блудова и Тургенева, за тихую трапезой съ ними и съ живущимъ у него Дашковымъ часто любилъ бесѣдовать о любимомъ предметѣ, между ними почиталъ себя какъ бы главою семейства, былъ отечески ласковъ и оказывалъ нѣжную снисходительность и покровительство Граматину и Милонову. Конечно, все это можно было почитать зародышемъ оппозиціи; но ея еще не было, а противники замышляли уже задушить ее при самомъ рожденіи.

Этого мало: имъ хотѣлось, въ случаѣ первой неудачи, поставить твердый оплотъ противъ распространенія ея дальнѣйшихъ успѣховъ. Россійская Академія была тогда ветхое укрѣпленіе, почти на двѣ трети защищаемое ветеранами литературы. И хотя Шишковъ былъ уже ея душою и убылая въ ней мѣста пополнялъ одними своими клеветами, но все еще упрямылся жить и президентствовать въ ней полумертвый,

дѣйствительный тайный совѣтникъ Андрей Андреевичъ Нартовъ, не совсѣмъ ему покорный. Надобно было изъ-за нея воздвигнуть твердыню, которая, держа ее въ повиновеніи, служила бы ей въ одно время и защитою. Слѣдствіемъ глубоко-обдуманыхъ мѣръ, плодомъ искусно-начертаннаго стратегическаго плана было, въ Октябрѣ мѣсяцѣ 1810 года, рожденіе *Бесѣды Любителей Россійскаго Слова*.

Обстоятельства чрезвычайно благоприятствовали ея учрежденію и началамъ. Мудрено объяснить состояніе умовъ тогда въ Россіи и ея столицахъ. По вкоренившейся привычкѣ не переставали почитать Западъ наставникомъ, образцомъ и кумиромъ своимъ; но на немъ тихо и явственно собиралась страшная буря, грозящая намъ истребленіемъ или порабощеніемъ; вѣра въ природнаго, законнаго защитника нашего была потеряна, и люди, умѣющіе размышлять и предвидѣть, невольно тѣснились вокругъ знамени, нѣкогда водруженнаго на Голгоѣ и вокругъ другаго невидимаго еще знамени, на которомъ уже читали они слово: отечество. Пристрастіе къ Европѣ примѣтно начало слабѣть и готово было превратиться въ нѣчто враждебное; но въ ней была порабощенная Италія, страдающая и борющаяся Гиппанія, Германія, которая тайно молила о помощи, и Англія, которая не переставала предлагать ее. Воспрянувшее въ разныхъ состояніяхъ чувство патриотизма по дѣйствовало, наконецъ, на высшее общество: знатныя барыни на Французскомъ языкѣ начали восхвалять Русскій, изъявлять желаніе выучиться ему или притворно показывать будто его знаютъ. Имъ и придворнымъ людямъ натоковали, что онъ искаженъ, зараженъ, начиненъ словами и оборотами, заимствованными у иностранныхъ языковъ, и что Бесѣда составила единственно съ цѣлю возвратить и сохранить ему его чистоту и непорочность; и онѣ всѣ взялись быть главными ея поборницами.

Маститый Державинъ, который воспѣлъ всѣ минувшія славы Россіи, для засѣданій Бесѣды отдалъ великолѣпную залу прекраснаго дома своего на Фонтанкѣ. Въ этой залѣ, ярко освѣщенной, какъ во храмѣ бога свѣта, не помню сколько разъ, зимой бывали вечернія, торжественныя собранія Бесѣды. Члены вокругъ столовъ занимали середину, тамъ же разставлены были кресла для почетнѣйшихъ гостей, а вдоль стѣнъ въ три уступа хорошо устроены были сѣдалища для прочихъ посѣтителей, по билетамъ впускаемыхъ. Чтобы придать симъ собраніямъ болѣе блеску, прекрасный полъ являлся въ бальныхъ нарядахъ, штатсъ-дамы въ портретахъ, вельможи и генералы были въ лентахъ и звѣздахъ, и всѣ вообще въ мундирахъ. Часть театральная, декоративная была совершенство; управлялъ ею, кажется, самъ Шаховской. Чтеніе обыкновенно продолжалось болѣе трехъ часовъ и какъ

содержаніемъ, такъ и слогомъ статей отнюдь не отвѣчало паружному убранству великой храмины. Дамы и свѣтскіе люди, которые ровно ничего не понимали, не показывали, а можетъ-быть, и не чувствовали скуки: они исполнены были мысли, что совершаютъ великій патриотическій подвигъ, и дѣлали сіе съ примѣрнымъ самоотверженіемъ. Горе было только тѣмъ, которые понимали и принуждены были безпрестанно удерживать зѣвоту. Модный свѣтъ полагалъ, что торжество отечественной словесности должно предшествовать торжеству вѣры и отечества.

На подобіе Государственнаго Совѣта, составленнаго изъ четырехъ департаментовъ, и Бесѣду раздѣлили на четыре разряда, и такъ же какъ у него, въ каждый посадили по предсѣдателю, да еще каждому дали по попечителю. Это былъ сущій вздоръ, ибо въ предметахъ занятій между разрядами не было никакого различія. Потомъ было въ каждомъ изъ нихъ по нѣскольку членовъ и по нѣскольку членовъ-сотрудниковъ, которые составляли какъ бы канцелярію Бесѣды. Вообще, она имѣла болѣе видъ казеннаго мѣста чѣмъ ученаго сословія, и даже въ распредѣленіи мѣстъ держались болѣе табели о рангахъ, чѣмъ о талантахъ. Попечителями были предсѣдатели въ Совѣтѣ, графъ Завадовскій и Мордвиновъ и министръ просвѣщенія графъ Разумовскій; какъ будто на смѣхъ, четвертымъ посадили министра юстиціи, Дмитріева. Почти всѣ вышепоименованные писатели попали въ члены, коихъ списокъ украшался именемъ Крылова, какъ вечернія собранія ихъ оживлялись немногимъ чтеніемъ его басенъ. Въ числѣ сотрудниковъ находились и нашъ Жихаревъ, который тогда еще былъ не нашъ, и Гречъ, о которомъ я тогда не имѣлъ еще никакого понятія. Крыловъ, хотя и выдалъ особу свою Бесѣдѣ, но, говорятъ, тайкомъ подсмѣивался надъ нею. Доказательствомъ тому поставляютъ вскорѣ послѣ ея открытія выданную имъ басню *Квартетъ*, гдѣ проказница мартышка, осель, козель, да косолапый мишка спорятъ о мѣстахъ, и авторъ говоритъ имъ: «Друзья, какъ ни садитесь, а въ музыканты не годитесь».

Чтобы ни говорили, а Бесѣда, можетъ-быть, не весьма съ похвальными намѣреніями основанная, по мнѣнію моему, была во многомъ полезна. Вопервыхъ, самого Карамзина грубости Шишкова сдѣлали нѣсколько осмотрительнымъ; онъ указывалъ ему на средства дать болѣе важности и достоинства историческому слогу (болѣе онъ сдѣлать не могъ), а тотъ съ своимъ чудеснымъ умомъ и талантомъ не оставилъ ими воспользоваться. Нѣсколько молодыхъ писателей были поудержаны отъ жеманства, въ которое, по неопытности, могли бы впасть, глядя на Московскихъ вздыхателей. Наконецъ, покровительство и уваженіе, оказываемыя въ столицѣ отечественной словесности правительствомъ

и высшими сословіями, имѣли благотворное дѣйствіе на провинціи и нѣкоторымъ образомъ способствовали сближенію разныхъ состояній и согласію между ними, столь необходимыхъ въ эту памятную эпоху.

Какъ ни велико было авторское полчище, набранное Бесѣдою, все еще оставалось много людей, упражняющихся въ литературѣ, которыхъ она воспріять не захотѣла или которые сами въ ней быть не пожелали. Въ это время число ихъ до того увеличилось, что можно было, по примѣру Ривароля до революціи, составить въ одномъ Петербургѣ маленькій словарь маловеликихъ людей. Служащій въ министерствѣ просвѣщенія Димитрій Ивановичъ Языковъ, человѣкъ ученый, переводчикъ Шлецерова *Нестора*, нашелъ, что изъ сихъ остатковъ можно создать еще новое особое общество, предложилъ имъ о томъ, получилъ ихъ согласіе, для засѣданій выпросилъ одну изъ залъ опустѣвшаго Михайловскаго замка и сдѣлался первымъ президентомъ Общества Любителей Наукъ, Словесности и Художествъ.

Никто изъ членовъ его не смѣлъ и подумать вступить въ соперничество и борьбу съ Бесѣдой; хотя Дашковъ, Милоновъ и Грамматинъ были приняты въ число ихъ, однакоже умѣли сохранить нѣкоторую отъ нея независимость. Между ними были примѣчательны два человѣка: Петербургскій Измаиловъ, котораго звали Александръ Еюимовичъ, да еще Александръ Христофоровичъ Востоковъ, который изъ любви къ Россіи бросилъ Нѣмецкое прозваніе Остенекъ.

Первый былъ всѣмъ извѣстный баснописецъ въ родѣ Крылова. Между ними была та разница, что Крыловъ умѣлъ облагораживать простонародный языкъ, а этотъ сохранялъ ему всю первобытную его нечистоту. Однимъ словомъ, и всѣ въ томъ соглашались, это былъ Крыловъ на-веселѣ, зашедшій въ казарму, въ харчевню или въ питейный домъ.

Востоковъ, кажется, былъ нѣчто въ родѣ Мерзлякова, болѣе профессоръ поэзіи, чѣмъ поэтъ, искусный учитель пѣнія, у котораго не было голоса. Онъ заикался, и это напоминаетъ мнѣ стихи его, о самомъ себѣ написанные:

Языкъ ему не доданъ смертныхъ,
Но данъ языкъ боговъ.

Многіе увѣряли, что и на этомъ онъ заикается.

Еще было одно общество, но не столько литературное или ученое, сколько пріятельское. Оно состояло тогда изъ пяти или шести человѣкъ и собиралось только отобѣдать, потолковать или провести вечеръ у мецената своего, Алексѣя Николаевича Оленина, о которомъ также не здѣсь, а далѣе долженъ буду много говорить. Принадлежа ко всѣмъ и ни къ которой изъ партій или обществъ, члены Оленинскіе:

даже въ домѣ его, хлѣбосольномъ, для всѣхъ открытомъ, и принимая участіе въ общей веселости, составляли какой-то особый міръ, имѣющій особыя мнѣнія, особыя правила. Отличнѣйшими или отличенными между ними были Крыловъ и Гнѣдичъ. Другихъ не назову кромѣ одного, Александра Ивановича Ермолаева, скромнаго, молчаливаго и ученаго человѣка по части Русскихъ древностей. Онъ былъ изъ числа тѣхъ людей, кои, оторвавшись отъ житейскаго, всѣмъ духомъ своимъ погружаются въ любимую науку.

Труды свои одна только Бесѣда издавала періодически, книжками, послѣ каждаго собранія и публичнаго чтенія. Журналовъ въ продолженіе этого времени было много въ Петербургѣ, все менѣе, чѣмъ въ Москвѣ; но какъ уже я сказалъ, я мало ими занимался и немногіе помню. *Сѣверную Почту* называть бы не слѣдовало, ибо это была официальная газета, называемая политическою, но которой страницы обыкновенно наполнялись только однимъ почти извѣстіями объ успѣхахъ выдѣлыванія свекловичнаго сахара и кунжутнаго масла, что было слѣдствіемъ продолжавшейся у насъ, по милости Наполеона, запретительной системы торговли. Она издавалась при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, подъ управленіемъ и покровительствомъ самого министра, Козодавлева, который хотѣлъ показать, какъ усердно онъ занимается мануфактурною частію *).

Еще былъ *С.-Петербургскій Вѣстникъ*, да еще *Улей*, журналъ непозволительно-безобразный и глухой, какъ по содержанію своему, такъ и по наружной формѣ: оберткой служила ему темносѣрая, толстая бумага съ волосьями, а издателемъ Анастасевичъ, подъ руководствомъ графа Хвостова.

Какъ бы мнѣ еще не забыть *Сіонскій Вѣстникъ* и имъ заключить сію длиннѣйшую изъ всѣхъ главъ моихъ Записокъ. Издателемъ его былъ Александръ Ѳедоровичъ Лабзинъ, конференцъ-секретарь Академіи Художествъ, часть, которою онъ совсѣмъ почти не занимался. Сказывали, что онъ былъ человѣкъ строгой нравственности, живаго и пылкаго характера и что чистосердечіе его часто обращалось въ грубость. Онъ былъ ученикъ Николая Новикова, и журналъ его, можно сказать, былъ продолженіемъ *Утренняго Свѣта* и *Вечерней Зари*, тѣхъ, кои наставникъ его нѣкогда издавалъ въ Москвѣ. Нужно ли говорить, что онъ былъ чисто-религіознаго содержанія, но въ духѣ мартинизма, имъ исповѣдуемаго, и наполненъ былъ мечтательностію, отвлеченно-

*) Я начинаю повторять себя. О *Сѣверной Почтѣ* уже я говорилъ, и мнѣ бы слѣдовало вымарать строки сіи, но я ихъ оставляю, желая подвиги министра Козодавлева тверже сохранить въ памяти читателя.

стями, немногимъ понятными, и что оттого немногіе и читали его? По моему мнѣнію, христіанскій журналъ тогда только можетъ быть у насъ полезенъ, когда онъ будетъ вѣрующихъ еще болѣе утверждать въ Православіи и распространять свѣтъ его между невѣрующими, а *Сіонскій Вѣстникъ* былъ явнымъ посягательствомъ на его права. Сильное дѣйствіе его обнаружилось послѣ, когда источникомъ мистицизма сдѣлалась сама верховная власть, и онъ усиливался разлиться по всему лицу земли Русской. Зданіе ему, въ охраненіе и въ честь его, воздвигнутое, Библейское Общество, внезапно рушилось, расшиблось, и рѣдко гдѣ нынѣ можно встрѣтить его дребезги.

XI.

Несчастливымъ происшествіемъ начался печальный 1811-й годъ. Въ то самое время, когда всѣ тѣшились и плясали, встрѣчая его, Большой каменный театръ, близъ Коломны, заново отдѣланный, славный и обширный, ровно въ полночь загорѣлся; никакими средствами не могли унять пламя, и зарево его до утра освѣщало весь испуганный Петербургъ. Люди, которые ждуть бѣды, во всемъ готовы видѣть худое предзнаменованіе. Одинъ только главный директоръ театра, Нарышкинъ, не терялъ веселости и присутствія духа: онъ сказалъ пофранцузски прибывшему на пожаръ, встревоженному Царю: «Ничего нѣтъ болѣе: ни ложь, ни райка, ни сцены, все одинъ партеръ, tout est par terre».

Я шелъ въ это время пѣшкомъ къ себѣ на Малую Воскресенскую улицу съ Фурштатской, отъ сестры и зятя Алексѣевыхъ, которые за недѣлю до того пріѣхали. На столь дальнемъ разстояніи, меня такъ и обдало свѣтомъ. Вылѣчившись совершенно отъ ранъ, генераль Алексѣевъ спѣшилъ въ Финляндію принять начальство надъ доставшеюся, въ мирное время, ему на часть бригадою и недѣли черезъ двѣ потомъ туда уѣхалъ.

По убѣжденію Александры Петровны Хвостовой, съ которою дружба все продолжалась у насъ попрежнему, съ самой осени жилъ я противъ ея квартиры въ домѣ одного сенатора Болотникова. Заборъ этого не совсѣмъ еще достроеннаго дома, близъ Литейнаго двора, выходилъ прямо на Неву, и тѣмъ представлялось мнѣ пріятное удобство спокойно прогуливаться во всякое время, даже ночью, по гладкимъ, всегда вычищеннымъ гранитамъ ея набережной.

Согласно желанію той же Хвостовой, познакомился я и съ хозяевами дома, и они должны непременно войти въ опись встрѣченныхъ мною въ жизни странныхъ людей. Начнемъ съ супруга.

Во время первой молодости графа Бобринскаго, когда императрица Екатерина могла еще надѣяться, что изъ него выйдетъ что нибудь путное, велѣла она между кадетами Сухопутнаго Корпуса выбрать двухъ молодыхъ людей, которые бы отъ другихъ отличались особымъ прилежаніемъ къ наукамъ и примѣрнымъ поведеніемъ, чтобы сопутствовать ему за границу, куда посылала она его для довершенія его воспитанія. Выбраны были Борисовъ и Болотниковъ, произведены въ гвардіи офицеры и отправлены путешествовать. Про Борисова я ничего не знаю; а степенный, неподвижно-серіозный Болотниковъ, вѣроятно, долженъ былъ находиться въ вѣчномъ разладѣ съ невоздержаннымъ, расточительнымъ Бобринскимъ; они воротились непріятелями. Не смотря на то, Государыня не лишила его своего покровительства, и неимущій, мелкій дворянинъ, съ самымъ малымъ состояніемъ, но съ великою бережливостію и порядочнымъ пособіемъ могъ поддержать себя въ гвардіи до капитанскаго чина. Въ Шведскую войну, при Екатеринѣ, находился онъ въ походѣ, влюбился во вдову убитаго подполковника фонъ-Бушена и женился на ней. Она была дочерью Шлиссельбургскаго достаточнаго фабриканта, крещенаго Еврея Лемана, и отъ того и денежные его обстоятельства значительно поправились. Онъ былъ полковникомъ и командовалъ какимъ-то пѣхотнымъ полкомъ, когда Павелъ воцарился; при немъ успѣлъ онъ быть произведенъ генераль-лейтенантомъ и при немъ же, какъ водилось, успѣлъ онъ быть отставленъ. «Будетъ съ меня», сказалъ онъ, поселился въ деревушкѣ, гдѣ-то въ сосѣдствѣ съ Аракчеевымъ, и рѣдко являлся въ Петербургѣ.

Елисавета Христіановна, вдова фонъ-Бушенъ, урожденная Леманъ, имѣла всѣ права называться Нѣмкой, и она воспользовалась ими, чтобы сдѣлаться любезною и угодною графинѣ Ливенъ, воспитательницѣ великихъ княженъ. По ней, и второй супругъ ея, Алексѣй Ульяновичъ, пользовался милостію и покровительствомъ графини, тѣмъ болѣе что расчетливость его и точность, совсѣмъ не-Русскія, ей были очень извѣстны. Когда просватали Екатерину Павловну за принца Ольденбургскаго и начали заниматься составленіемъ ей особаго двора, то графиня Шарлотта Карловна рекомендовала генерала Болотникова вдовствующей императрицѣ, какъ человекъ самаго способнаго къ занятію должности гофмейстера, а съ другой стороны Аракчеевъ подержалъ это предложеніе у Государя. И дѣйствительно, съ качествами хорошаго Нѣмецкаго эконома соединялъ онъ усердіе и смѣлость Русскаго дядьки, который барское добро бережетъ какъ глазъ и, въ случаѣ нужды, можетъ поудерживать молодыхъ господъ. Съ этою мыслию отправился онъ въ Тверь и, принявшись за дѣло, цѣлый дворъ заставилъ во всемъ нуждаться. Все воцѣло, и когда великая княгиня поз-

волила себѣ ласково замѣтить ему, что въ такомъ усердіи есть нѣкоторая преувеличенность, то получила въ отвѣтъ, что обязанность его смотрѣть за тѣмъ, чтобъ она не предавалась излишней расточительности и, въ доказательство своихъ правъ, её самоё началъ онъ морить съ голоду. Я замѣтилъ, что для людей и особенно для женщинъ, одаренныхъ необыкновеннымъ умомъ, нѣтъ болѣе мученія, какъ обязанность всегда находиться въ обществѣ и въ безпрестанныхъ сношеніяхъ съ людьми самодовольными и безтолковыми; это у нихъ обращается въ нѣкотораго рода болѣзнь, которую другіе не хотятъ, или не могутъ понять. Можно себѣ представить досаду женщины, довольно самонравной, именемъ и головою подобной своей великой бабкѣ, смотря на неподвижное бревно, во всѣхъ самыхъ простыхъ дѣйствіяхъ ея жизни загораживающее ей дорогу. Долѣе пяти мѣсяцевъ онъ при ней оставаться не могъ, и окружающіе ее находили и это удивительнымъ. Заставили этого человѣка Богу молиться, а онъ лобъ расшибъ, только къ счастью немного.

Онъ долго служилъ въ Семеновскомъ полку вмѣстѣ съ Дмитріевымъ. Вѣроятно сей послѣдній находилъ его странности забавными, тайкомъ подсмѣивался надъ нимъ, ласкалъ его какъ нужнаго для себя человѣка, а тотъ привязался къ нему, и наконецъ самъ Дмитріевъ былъ нѣжно къ нему расположенъ. Его сдѣлали министромъ юстиціи въ то самое время, когда шло дѣло объ избавленіи Екатерины Павловны, объ удаленіи Болотникова изъ Твери. Онъ могъ непріятнымъ образомъ быть отставленъ; но Дмитріевъ, пользуясь первоначальнымъ кредитомъ своимъ у Государя, выпросилъ ему сенаторство, съ сохраненіемъ придворнаго мундира и всего весьма большаго содержанія, по званію гофмейстера имъ получаемаго. Вѣдь всегда же счастье... нѣтъ, не скажу кому.

Несмотря на безразсудность его поведенія при дворѣ великой княгини, слылъ онъ человѣкомъ чрезвычайно дѣльнымъ, и по всей справедливости называли его весьма трудолюбивымъ. Онъ хотѣлъ быть безпристрастнымъ и свѣдущимъ судіею и вникнуть въ существо каждаго дѣла, а понять дѣла самаго простаго не могъ безъ величайшаго труда. Оттого Дмитріевъ въ шутку, хотя и въ глаза, называлъ его Долбилинымъ, находя, что каждый вопросъ долбитъ онъ, чтобы добраться до его смысла. Съ этимъ сравненіемъ я не согласенъ; по моему, напротивъ, каждую мысль надобно было какъ гвоздемъ вколачивать въ твердый какъ гранитъ его черепъ и въ одеревенѣлый мозгъ. Я что-то ему не полюбился: во мнѣ еще оставалось довольно живости и откровенности, чтобы въ глазахъ его это казалось вертопрашествомъ. Онъ на меня косо смотрѣлъ, едва мнѣ кланялся и мало со

мною говорилъ, чему, признаюсь, я очень былъ радъ, ибо онъ мнѣ казался нестерпимо-скученъ. Отношеній у насъ другъ къ другу, кажется, никакихъ не могло быть, кромѣ исправнаго платежа денегъ за квартиру мою. Такъ зачѣмъ же ты у него бывалъ? спросить меня. Знакомство съ Болотниковыми есть грѣхъ, который долженъ лежать на душѣ моей любезной Хвостовой.

Она по сосѣдству познакомилась съ Елисаветой Христіановной и полюбила ее; и было за что: она была весьма привѣтливая, прегостепріимная и предобрая барыня. Видя меня у нея нѣсколько разъ, она пожелала увидѣть у себя въ домѣ и просила ее меня на то склонить, послѣ того довольно часто присылала приглашать на вечеръ и всегда осыпала ласками. Я долго не понималъ, на что я могу быть ей надобенъ; Александра Петровна взялась мнѣ это объяснить. Ей хотѣлось женить меня на старшей изъ трехъ дочерей своихъ отъ перваго брака *); но на такого рода предпріятіе я не дерзнулъ бы рѣшиться. Софья Николаевна была дѣвочка худенькая, собой не весьма красивая, съ желто-синеватымъ цвѣтомъ лица и вѣчно какъ будто въ лихорадкѣ; къ тому же (непростительная тогда вина въ моихъ глазахъ) не говорила по французски. Она часто весьма неосторожно побрякивала ключами въ карманѣ и за всякой бездѣлицей изъ гостиной безпрестанно бѣгала въ кладовую и на погребъ. Разъ случилось, что въ день какого-то званнаго обѣда, когда кого-то долго дожидались, она вбѣжала съ безпокойствомъ и при всѣхъ объявила вотчиму, что если ожиданіе продлится, то клѣчки разварятся и супъ никуда годиться не будетъ. Однимъ словомъ, въ ней видна была воспитанница Алексѣя Ульяновича, и она достойна была называться не падчерицей, а родной его дочерью. Ея мать часто говорила мнѣ о ея хозяйственныхъ добродѣтеляхъ и увѣряла, что мужъ долженъ найти въ ней суцій кладъ; я же оставался весьма равнодушень къ симъ внушеніямъ, ибо никогда не приходило мнѣ въ голову искать счастья въ брачномъ союзѣ съ ключницей. Да впрочемъ, какъ у насъ у обоихъ ничего не было, то и запирать было бы нечего. Начиная съ самого Болотникова, все въ этомъ домѣ находилъ я ультра-мѣщанскимъ. А что было дѣлать? Живши въ одномъ домѣ нельзя было, всякій разъ отказываться отъ приглашеній. Иногда, скрѣпя сердце, позволялъ я себѣ подступать съ разговорами къ дѣвицѣ; а она всегда казалась въ смущеніи, въ смятеніи, только совсѣмъ не любовномъ. Нѣтъ, мы, видно, не рождены были другъ для друга.

*) Меньшія воспитывались тогда въ институтѣ. Моя невѣста вышла потомъ за одного господина Кондоиди, вторая за какого-то Рипга; а третья—Амалия Николаевна, весьма умная и образованная, за весьма неумнаго и необразованнаго Пензенскаго помѣщика Олсуфьева.

Изрѣдка посѣщаль моихъ хозяевъ одинъ мой знакомый, мой землякъ, Пензенскій помѣщикъ, отставной генераль-маіоръ Алексѣй Даниловичъ Кошіевъ. Это лицо было гораздо примѣчательнѣе тески своего Болотникова, съ характеромъ котораго имѣло и нѣкоторое сходство и много противоположностей. Онъ былъ извѣстенъ всей Россіи, въ сихъ Запискахъ часто мимо его проходилъ я съ перомъ въ рукѣ; не знаю какъ онъ ускользалъ отъ него; теперь не долженъ вернуться. Начертаніе его біографіи если не для читателя, то для меня самого будетъ весьма занимательно.

Правда или нѣтъ, что отецъ его былъ Еврейскаго происхожденія, какое мнѣ до того дѣло; довольно съ меня и того, что Даниилъ Самойловичъ Кошіевъ (котораго знаю только по наслышкѣ) принадлежалъ къ націи благородно-мыслящихъ и дѣйствующихъ людей. Онъ былъ первымъ вице-губернаторомъ въ Пензѣ, когда Ступишинъ былъ губернаторомъ; они равны были честностію, а не умомъ; но въ томъ было его еще достаточно, чтобы его уважить въ Кошіевѣ и пользоваться имъ. Вдову его, Надежду Карповну, урожденную Ельчанинову, я знавалъ; она до глубокой старости оставалась въ Пензѣ, гдѣ и скончалась. Говоря по большей части о недостойныхъ или ничтожныхъ людяхъ, въ ней живущихъ, я не смѣлъ между ними назвать эту праведницу. При большомъ природномъ умѣ, не было ни одной женской добродѣтели, которой бы она не имѣла, а слабость одну—чрезмѣрную любовь къ дѣтямъ своимъ. Въ злости людской видѣла она одну только болѣзнь и молила Бога объ исцѣленіи ея одержимыхъ. И въ городѣ, гдѣ были довольно равнодушны къ сверхъестественнымъ доблестямъ, всѣ ее уважали, ибо смиреніе ея было исполнено достоинства.

Отъ этой четы, сверхъ четырехъ или пяти дочерей, родилось одно чадо мужескаго пола: это нашъ герой. Въ немъ не было ни злости, ни недостатка въ умѣ, ни одного изъ пороковъ молодости, которые иногда остаются и въ старости; а со всѣмъ тѣмъ трудно было бы приискать что-нибудь ему въ похвалу. Всѣ его молодые современники щеголяли безбожествомъ и безнравственностію болѣе въ рѣчахъ, чѣмъ въ поступкахъ, и это давало имъ видъ веселаго, но нестерпимаго безстыдства: онъ старался ихъ превзойти. Будучи офицеромъ гвардіи въ Измайловскомъ полку, онъ прославился насмѣшками надъ честнымъ, довольно-строгимъ, но слабодушнымъ начальникомъ своимъ, Арбеневымъ, о которомъ я уже говорилъ. Все сходило ему съ рукъ, по добродушію и невниманію этого начальника, и все болѣе умножало его смѣлость. Его репутація, какъ остряка и балагура, дошла до князя Зубова, который, по примѣру князя Потемкина, имѣлъ свиту огромную, безчисленную, составленную изъ адъютантовъ, ординарцевъ и чиновниковъ

для порученій; онъ помѣстилъ его при себѣ съ чиномъ армейскаго подполковника. Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, послѣднихъ царствованія Екатерины, всѣ покровительствуемые Зубовымъ и при немъ состоявшіе пользовались совершенною безнаказанностію. Копевъ былъ еще довольно молодъ, а молодости если не все, то многое прощается; проказничать же онъ болѣе рѣчами, и къ его забавной наглости были снисходительны даже въ большомъ обществѣ. Онъ не замѣчалъ, что нечувствительнымъ образомъ превращался въ княжескаго шута и что сего рода людямъ въ Россіи все дозволялось. Только лестно ли такимъ правомъ пользоваться?

По вступленіи Павла на престолъ Зубовъ низвергнуть, и Копевъ остался безъ опоры съ своими пресловутыми фарсами. Всѣхъ возмущала тогда переменна мундирной формы по старинному Прусскому образцу, всѣ возроптали, и Копевъ пожелалъ угодить общему мнѣнію. Онъ, какъ говорили тогда, выкинулъ штуку: заказалъ себѣ въ преувеличенномъ видѣ все, ботфорты, перчатки съ раструбами, прицѣпилъ уродливыя косу и пукли, и въ этомъ шутовскомъ нарядѣ явился къ Павлу, который шутить не любилъ. Но въ первые дни онъ хотѣлъ казаться милостивымъ и снисходительнымъ, удовольствовался тѣмъ; что виновнаго посадилъ на сутки подъ арестъ и велѣлъ отправить въ драгунскій полкъ, къ которому онъ принадлежалъ и который стоялъ въ Финляндіи. Анекдотовъ про него была куча; онъ не унимался, по старой привычкѣ неосторожно вралъ и ругательными насмѣшками продолжалъ преслѣдовать Царя. Тутъ ему даромъ не прошло: онъ разжалованъ въ рядовые и записанъ въ гарнизонный полкъ тамъ же въ Финляндіи. Въ семь горестномъ положеніи влюбился онъ въ единственную дочь одной небогатой помѣщицы, которая, къ его счастью, согласилась ее за него выдать *). Донесеніемъ этого событія умѣли искусно растрогать, разжалобить императора, который велѣлъ отставить его прежнимъ подполковничьимъ чиномъ, но тамъ же въ Финляндіи оставить на жительство. Тогда самъ онъ купилъ тамъ помѣстье и думалъ поселиться въ немъ на вѣки. Въ первые мѣсяцы при Александрѣ, Паленъ и Зубовы дѣлали чтó хотѣли; они вызвали Копева изъ заточенія и въ сравненіи съ сверстниками доставили ему прямо чинъ генераль-маіора; но времена переменились, и послѣ того никогда уже онъ употребленъ быть не могъ.

*) Въ фамильномъ ея прозваніи, казись, ничего не было ни Шведскаго, ни Чухонскаго, а скорѣе Шотландское: оно было Скотъ, и какъ оно туда пошло! По-русски оно показало Копеву не довольно благородно, и онъ всегда выдавалъ тещу свою за баронессу фонъ-Шкоттъ. Тогда еще о Вальтеръ-Скоттъ и помину не было; а то Копевъ этого бы не сдѣлалъ, а скорѣе сталъ бы причитаться къ нему въ родню.

Онъ теперь болѣе чѣмъ въ пожилыхъ годахъ. Не одинъ десятокъ лѣтъ оставался онъ, можно сказать, въ неподвижномъ состояніи; самыя черты лица его почти не измѣнялись, но отношенія къ нему общества совсѣмъ перемѣнились. Безчинство и богохульство въ старости во всякомъ должны производить омерзѣніе; его циническая неопрятность и совершенно Еврейская алчность къ прибыли, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти и какъ бы на показъ выставяемая, должны были рождать къ нему отвращеніе. Странно, какъ съ умомъ его онъ былъ всегда нечувствителенъ ко всеобщему неуваженію: лишь бы сорвать улыбку, хотя бы презрительную, и онъ оставался доволенъ. Съ Болотниковымъ онъ сходствовалъ скупостію; но у того хоть все было въ обрѣзъ, за то все опрятно, а у этого и мебель, и люди, и самъ онъ все оборвано, все запачкано, все засалено, не отъ небрежности, а отъ износки. Онъ вѣкъ проходилъ въ зеленомъ фракѣ; увѣряли, что для того скупаетъ онъ поношенное сукно съ биліардовъ, и что замѣтны были даже пятна, напоминающія мѣста, гдѣ становились шары. И онъ же всегда ругался надъ графомъ Хвостовымъ, утверждая, будто его назвать нельзя безъ «съ позволенія сказать». Веселый умъ всегда встрѣчалъ я съ удовольствіемъ, и я вкушалъ Копіева, какъ говорятъ Французы; но, признаюсь, иногда и мнѣ отъ него тошнилось.

Я не называлъ его между литераторами, потому что онъ совсѣмъ съ ними не водился, хотя, такъ про себя, и писалъ стихи и драматическія творенія. Его шутовски-забавныя комедіи: *Лебедянская Ярмарка*, *Княгиня-Муха* и другія были играны при Екаторинѣ съ успѣхомъ и напечатаны. Онъ любилъ русить иностранныя слова; у него выше сего заимствовалъ я слово *апронте*; про Лифляндскихъ помѣщиковъ говорилъ онъ, что у кого изъ нихъ болѣе помѣстьевъ, тотъ и *фонте*. Изъ множества стиховъ, коими иногда душилъ онъ меня, одно четверостишіе осталось у меня въ памяти. Онъ питалъ любовь къ какой-то княжнѣ, которая на нее не отвѣчала, что приписывалъ онъ холодности ея сердца, и онъ написалъ:

Боже Ты, ее создавши,
Иль мой пламень утуши,
Иль всѣ прелести ей давши,
Дай хоть крошечку души.

Кажется, какъ бы легко сдѣлаться ему порядочнымъ человѣкомъ. Онъ никогда не былъ развратникъ, а только что срамословъ; всегда шутилъ надъ семейными и супружескими добродѣтелями, а былъ вѣренъ и преданъ женѣ своей, благонравной, скромной и пристойной, и безъ памяти любилъ дѣтей; ни противъ кого не имѣлъ ни злобы, ни зависти, а не о комъ не умѣлъ сказать хорошаго слова; для краснаго

словца, какъ говорилось тогда, не щадилъ онъ, если не отца, то матери и сестеръ, къ коимъ, впрочемъ, чрезвычайно былъ привязанъ. Наклонности, полученные нами въ первой молодости, видно, ничто исправить не можетъ.

Разъ, вечеромъ, встрѣтилъ я его у Болотниговой, и онъ вдругъ предложилъ мнѣ прокатиться съ нимъ въ Финляндію, для свиданія съ сестрою и зятемъ. Это было въ концѣ Марта, и между многими другими препятствіями замѣтилъ я ему, что совершенная распутица; онъ увѣрялъ меня, что зимній путь тамъ еще мѣсяць простой. Вотъ какая была у него цѣль: онъ жену и весь домъ давно уже отправилъ на все лѣто въ деревню, а при немъ находился одинъ только человѣкъ, котораго непременно надобно было ему оставить въ Петербургѣ; онъ рассчитывалъ, что при мнѣ вѣрно будетъ слуга и что въ зимней перекладной повозкѣ, издержки пополамъ, ѣзда будетъ стоить ему дешевлѣ, и что такимъ образомъ выиграетъ онъ и деньги, и прислугу, и общество. Не знаю, какъ онъ сдѣлалъ, только меня подговорилъ. Не видя никакой надежды скоро получить мѣсто съ жалованьемъ, я все рѣже сталъ являться въ канцелярію къ Рибошьеру и едва въ мѣсяць разъ туда показывался; для кратковременной отлучки мнѣ отпуска просить было не нужно, такъ я думалъ по крайней мѣрѣ. Подорожная была у Копіева, и сборы мои не могли также быть велики.

Мы выѣхали или, лучше сказать, мы вышли изъ Петербурга 30 Марта, въ Четвергъ на Страстной недѣлѣ. Какъ выше сказалъ, я жилъ на берегу Невы; онъ зашелъ ко мнѣ, и мы стали перебраться по настланнымъ мосткамъ черезъ гибкій и мѣстами треснувшій ледъ на Выборгскую сторону; за нами несли наши чемоданы. На противоположномъ берегу въ это время обыкновенно дожидаются повозки съ конями; но какъ на улицахъ была вездѣ одна жидкая грязь, то, положивъ въ нихъ пожитки наши, мы сами не сѣли, а предпочли идти пѣшкомъ по доскамъ, возлѣ домовъ, до самой заставы. За нею едвали было лучше, и мы шагомъ до станціи Дранишниковой должны были тащиться по голой землѣ. Далѣе, дѣйствительно Копіевъ былъ правъ, и мы нашли зимній путь, если не лучшій, то, по крайней мѣрѣ, возможный.

Мы лежали покойно въ извѣстныхъ Чухонскихъ, длинныхъ и крытыхъ саняхъ, которыхъ, не знаю, сохранилось ли еще употребленіе. Веселость его, которую никакая печаль не въ силахъ была омрачить, многорѣчіе его, которое никакое приличіе не могло остановить, дорѣгой, въ темнотѣ, сначала служили мнѣ пріятнымъ развлеченіемъ; но когда сонъ сталъ меня одолевать, то превратились въ столь нестер-

пимое мученіе, что я, наконецъ, принужденъ былъ униженно просить его превосходительство, чтобъ оно умолкло.

На другой день, рано поутру, пріѣхали мы въ Кексгольмъ, сдѣлавъ всего только 140, верстъ и остановились на все утро у какого-то Финна, пріятеля г. Копіева. Я ходилъ смотрѣть упраздненную крѣпость, и въ ней показывали мнѣ семейство Пугачова, не знаю зачѣмъ все еще содержавшееся подъ стражею, хотя не весьма строгою. Оно состояло изъ престарѣлаго сына и двухъ дочерей: простой мужикъ и крестьянки, которые показались мнѣ смиренными и робкими. Обѣдали мы не весьма вкусно: насъ подчивали Чухонскимъ кушаньемъ; между прочимъ кормили салакушкой съ молокомъ, и въ молоко же вареною черникой, да кнакебрѣ, сушеными лепешками, а поили швадрикомъ, квасопивомъ. Послѣ обѣда отправились мы прямо на мызу Копіева, отъ Кексгольма въ 20 верстахъ лежащую.

Какой странный былъ онъ человѣкъ! Ко всемъ другимъ недостаткамъ своимъ присовокуплялъ онъ удивительное хвастство или, по просту сказать, безстыдную ложь. Мы ѣхали къ нему, и онъ увѣрялъ меня, что я увижу чудеса, замокъ на скалѣ, съ идущею внизъ мраморною лѣстницей прямо къ озеру и стоящему на немъ маленькому флоту изъ мачтовыхъ судовъ разныхъ величинъ. Онъ не подумалъ, что часа черезъ полтора, черезъ два, обманъ его долженъ мнѣ открыться. Мы подѣхали, и дѣйствительно тутъ были скала и озеро (земля Финновъ ими изобилуетъ); но на скалѣ, вмѣсто замка, стоялъ самый простой деревянный домъ, какіе внутри Россіи бывають у мелкопомѣстныхъ дворянъ; неправильно выдолбленныя въ гранитѣ ступени замѣняли выдуманную имъ лѣстницу, и двѣ рыбацьи лодки, затертая еще льдомъ, составляли его флотъ. Взглянувъ на это, я не утерпѣлъ, улыбаясь, замѣтить ему, что 1-е Апрѣля еще не наступило, а будетъ только завтра, и онъ ни мало не разсердился. Хорошая хозяйка меня встрѣтила съ удовольствіемъ, хотя нѣсколько смутилась отъ неожиданнаго моего пріѣзда: ей совѣстно было кому-нибудь изъ Петербурга показать свое деревенское житье. Однакоже ея попеченіямъ остался я обязанъ за тощій ужинъ и опрятную постель, которые мнѣ дали. Самъ же хозяинъ чрезвычайно торопилъ меня ѣхать, чтобы мнѣ поспѣть къ свѣтлому празднику въ назначенное мнѣ мѣсто, до котораго оставалось еще 150 верстъ. Чтобы не дать мнѣ у себя обѣдать, онъ безъ всякаго дѣла провелъ то утро въ Кексгольмѣ и рано на другой день отпустилъ меня безъ чаю.

Названія Копіевской мызы я теперь не знаю; только помню, что оно оканчивалось на ярви или на лаксъ. Изъ нея путешествіе было для меня не совсѣмъ веселое: я могъ на каждой станціи быть оста-

новленъ. Къ счастію, въ этомъ захоластьѣ ни на одной не было смотрителя, и нигдѣ не спрашивали у меня подорожной, которой у меня не было. Ужасы дикой природы могли бы лѣтомъ быть очаровательны, а зимой я не прельщался ими даже среди Алтайскихъ горъ; ѣхалъ я не шибко, ибо мѣстами санный путь прерывался, и я тащился по обнаженнымъ уже камнямъ; наконецъ, что всего досаднѣе, цѣлые сутки я голодалъ, ничего не находя, кромѣ черстватаго ржанатаго съ мякиной хлѣба, и послѣдній день поста былъ осужденъ на самый строгій постъ. Ночью сдѣлалось очень холодно; морозу, я думаю, было градусовъ пять или шесть; закрытый въ повозкѣ, я вдругъ услышалъ вопли. Пойга, какъ зовутъ Чухонскихъ мальчиковъ, который везъ меня, плохо одѣтый, весь оборванный, рыдалъ и плакалъ; высунувшись, мы съ человѣкомъ моимъ спросили: о чемъ? Бѣдняжка, весь окоченѣвъ, не могъ и на своемъ языкѣ намъ отвѣчать и уже не держалъ возжей. Слуга мой предложилъ сѣсть на его мѣсто и на волю Божию править лошадыми, а его положить въ повозку и прикрыть бывшимъ со мною заячьимъ одѣяломъ. Это было около полуночи или за полночь. Вотъ положеніе, подумалъ я, когда добрые люди, православные христіане, стоятъ у заутрени, молятся и радостно внимаютъ восклицанію Христосъ воскресъ, я не знаю даже, не потерялъ ли дороги и не пропаду ли среди незнакомыхъ мнѣ мѣстъ. Однакоже Богъ помогъ, и мы пріѣхали на станцію, на которой и сдали мальчишку съ отмороженными пальцами на одной ногѣ; а часу въ десятомъ утра и въ самый городъ Нейшлотъ, гдѣ находился штабъ бригады и полка моего зятя.

Онъ меня совсѣмъ не ожидалъ, и отъ того пріѣздъ мой въ такой день, въ такой пустынѣ, его съ женой еще болѣе обрадовалъ. Я самъ на нѣсколько минутъ позабылъ свой голодъ, но потомъ съ необыкновеннымъ рвеніемъ приступилъ къ гуличу, къ пасхѣ и къ крутымъ яйцамъ. Долго я не хотѣлъ оставаться; но родные просятъ, сегодня да завтра, постой да погоди, такъ что я пробылъ тутъ до 15 Апрѣля, слѣдовательно болѣе чѣмъ достаточно имѣлъ времени узнать все Нейшлотское общество; да узнать-то было почти нечего.

Два Нѣмецкія семейства, Брамбургъ и Шаренбергъ, не знаю какъ туда попавшихъ, да третье Финское Тавастъ, составляли это общество. Послѣднія два жили больно скромно, а первый г. Брамбургъ почитался роскошнымъ человѣкомъ, мотомъ. Судя по вечеринкѣ, которую онъ далъ намъ на мызѣ своей, въ двухъ верстахъ отъ города, можно было полагать, что проматывать ему нечего. Былъ также въ крѣпости Русскій комендантъ, подполковникъ Лопотевъ, со своею комендантшей, прекуріозно-забавною женщиной, дочерью какого-то генераль-майора Горемыкина, о чемъ она безпрестанно твердила. Примѣчательнѣйшее

же лицо былъ бургомистръ или ратманъ, Русскій купецъ Илья Родіоновъ, который славно выучился по-шведски и по-фински, для котораго, кажется, нарочно придумано названіе продувной и который тамъ всѣмъ ворочалъ. Такіе люди, если умѣть ихъ употребить, довершаютъ завоеваніе края, начатое оружіемъ. Вообще же у всѣхъ Русскихъ и не-Русскихъ видны были чистота и бѣдность.

Одинъ весьма небогатый человекъ жилъ между ними царкомъ, это Алексѣевъ; но онъ былъ хлѣбосоль, былъ Русскій генераль съ Русскими привычками. На его частые и сытные обѣды, хотя немногочленные по тѣснотѣ дома, приходилъ попеременно откармливаться весь этотъ голодный народъ: изъ кушанья, сколько бы его ни было, ничего не оставалось, ниже крохи хлѣба. Дивясь черезчуръ почтительному его обхожденію съ пасторомъ и важности, съ которою сей послѣдній принималъ ото всѣхъ привѣтствія, я спросилъ его о причинѣ. «Что дѣлать, братецъ? отвѣчалъ онъ мнѣ, я люблю хорошо поѣсть, а эти проклятые Чухонцы безъ его приказанія за мои же деньги ничего не смѣютъ мнѣ отпустить; по его милости я всегда сытъ». Надъ низшимъ сословіемъ, надъ мужиками имѣлъ онъ ту же моральную власть, которую Родіоновъ имѣлъ тутъ надъ высшимъ.

Какъ ни малъ былъ городокъ Нейшлотъ, но въ немъ находился тогда танцовальный клубъ, помѣщавшійся въ невысокомъ и весьма не обширномъ домѣ. Въ продолженіи двухнедѣльнаго моего тамъ пребыванія, семь разъ я видѣлъ танцы: два раза въ клубѣ, четыре раза у зятя моего и одинъ разъ у Брамбурга. Тамъ гдѣ есть Нѣмочки, кавалерійскіе офицеры и полковая музыка, и нѣтъ большихъ прихотей, тамъ состряпать балъ дѣло весьма нетрудное. Только странно, что между танцующими дѣвицами и молодыми женщинами не находилъ я ни одного путнаго лица; отъ того-то еще прелестнѣе казалась жена полковаго командира Митавскаго драгунскаго полка Родіона Ѳедоровича Гернгроса, Анна Ѳедоровна, урожденная фонъ-Брадке. Она была великая мучительница, ибо была прекрасна, привлекательна, привлекающая и недоступна.

Одна улица, не слишкомъ длинная, выстроенная на продолговатой скалѣ, составляетъ весь городъ Нейшлотъ. Крѣпость, коей стѣны выложены камнемъ, построена на каменистомъ острову большаго озера Соймы, величиною уступающаго одному только Ладожскому, ему сосѣднему озеру. Посредствомъ небольшого моста, чрезъ узкій проливъ, крѣпость соединяется съ городомъ. Отъ бездѣлья, мнѣ часто случалось гулять по крѣпостному валу и глядѣть на необозримое водное пространство, не оживляемое ни одною ладьей, и это зрѣлище, даже освѣщаемое яркимъ солнечнымъ свѣтомъ, всегда наводило на меня ужасную

тоску. Мнѣ сказывали, что крѣпость эта нынѣ упразднена; она прежде находилась на самой Шведской границѣ, но года за полтора до этого граница была уже отодвинута на восемьсотъ верстъ.

Воротиться по той дорогѣ, по которой я пріѣхалъ, сдѣлалось невозможно. Мнѣ оставалось одно средство—ѣхать небольшими озерами, еще покрытыми крѣпкимъ льдомъ, по другой дорогѣ, сдѣлавъ небольшой крюкъ. Итакъ, взявъ подорожную на имя моего служителя, я отправился въ обратный путь. Далѣе маленькаго города Вильманштранда сей удобною ѣздой я пользоваться не могъ, но все-таки нѣкоторое время могъ ѣхать на полозьяхъ. Извѣстно, что въ Финляндіи употребляютъ большіе треугольники для разчистки и углаживанія зимнихъ дорогъ; они, раздвояя снѣгъ и отбрасывая его по обѣимъ сторонамъ, наконецъ образуютъ изъ него двѣ высокія стѣны, между которыми ѣдешь какъ въ ящикѣ. Когда наступитъ весна, то безпрестанно сметаемый съ дороги снѣгъ скоро на ней исчезаетъ, и ящикъ, наполняясь водой, превращается въ канаву. Это нашелъ я; но, на счастье мое, къ вечеру сдѣлался изрядный морозъ, отъ котораго поверхность снѣжной стѣны окрѣпла и оледенѣла, и по этой гладкой равнинѣ всю ночь быстро проскакалъ я до самаго губернскаго города Выборга.

Мнѣ хотѣлось на него хорошенько взглянуть, и для того на почтовомъ дворѣ часа на два остановился я въ немъ. Наружность его мнѣ довольно понравилась; я могъ почитать себя въ одномъ изъ Петербургскихъ предмѣстій, тѣмъ болѣе, что на улицахъ встрѣчалъ я почти одинъ Русскій народъ и слышалъ одинъ Русскій языкъ. Также какъ и въ Нейшлотѣ, во всѣхъ другихъ малыхъ городахъ Старой Финляндіи, Карелии или Саволакса, всѣ главныя лица отъ купеческихъ и мѣщанскихъ выборовъ были изъ Русскихъ. Оно иначе быть не могло: на столь близкомъ разстояніи отъ первенствующаго града царства Русскаго, его побѣдоносные жители, въ продолженіи почти цѣлаго столѣтія, должны были въ семь краю заступить мѣсто удалившихся Шведовъ и взять верхъ надъ слабыми Финнами и Карелами, его населяющими. Удержусь на этотъ разъ отъ горькихъ и досадныхъ размышленій, возбуждаемыхъ во мнѣ воспоминаніемъ о добровольномъ отчужденіи сего края отъ Россіи: скоро придется мнѣ о томъ говорить.

Въ Выборгѣ *) долженъ былъ я уже сѣсть въ Чухонскую одноколку, короткій ящикъ на двухъ довольно высокыхъ колесахъ. Оставалось мнѣ еще 132 версты, и всякій шагъ впередъ къ Петербургу было все менѣе снѣга. Эта ѣзда мнѣ показалась гораздо покойнѣе,

*) То чѣмъ этотъ городъ славится, его знаменитые Выборгскіе предѣлы, какъ я въ томъ удостовѣрился, суть изобрѣтеніе одного бывшаго тамъ Русскаго булочника.

чѣмъ на нашихъ перекладныхъ: я долженъ былъ сидѣть на корточкахъ, согнутый вдвое. Утомившись, измучившись, ночью на какой-то станціи рѣшился я остановиться, чтобы нѣсколько часиковъ отдохнуть. На другой день, 18 Апрѣля, рано по утру, былъ уже я на берегу Невы, черезъ которую мосты еще не были наведены, хотя уже шесть дней до того она очистилась отъ льду. Итакъ, я переплылъ ее въ лодкѣ прямо къ моему болоту, то-есть къ Болотниковскому дому.

Вся эта моя Финляндская экспедиція показываетъ много безразсудности, много легкомыслія, но вмѣстѣ съ тѣмъ доказываетъ, что молодость моя не совсѣмъ еще исчезла. Главная во всемъ этомъ дѣлѣ ошибка была—напрасная потрага денегъ, и я долженъ былъ восчувствовать ея послѣдствія. Еще въ началѣ Апрѣля по моему расчету долженъ былъ я получить слѣдующія мнѣ отъ родителей деньги; я ходилъ справляться на почту, повѣстки не было, и приближался срокъ уплаты за квартиру неумолимому, жестокому Болотникову. Кое у кого перехватилъ десятки рублей, расплатился съ хозяиномъ, но затѣмъ остался почти безъ гроша. Надобно же случиться такой бѣдѣ! У пріятелей моихъ кошелекъ въ это время былъ почти также пустъ, какъ и мой, и занять было не у кого; знакомые, къ которымъ за просто могъ ходить обѣдать, были нездоровы или въ отлучкѣ, кухаркѣ долженъ былъ отказать и довольствоваться пищею моего слуги: совершенная нищета угрожала мнѣ. А по безпечности, все-таки дѣйствию юныхъ лѣтъ, видѣлъ я болѣе смѣшную, чѣмъ ужасную сторону моего положенія, въ которомъ первый разъ въ жизни, впрочемъ, я находился.

Наступилъ памятный мнѣ, страшный день, 29 Апрѣля. Слуга пришелъ мнѣ сказать, что онъ въ послѣдній разъ напоилъ меня чаемъ, который весь вышелъ, что онъ самъ не знаетъ чѣмъ этотъ день прокормится, что ложки и часть посуды заложены, и что въ лавочкѣ копѣйки болѣе вѣрить не хотятъ. Стоически дотолѣ переносивъ бѣдствіе, я тутъ пришелъ въ совершенное отчаяніе. Я не зналъ что начать; одѣлся и хотѣлъ идти со двора, чтобы дорѣгой придумать какъ пособить горю. Но лишь только спустился съ лѣстницы, какъ встрѣтилъ какого-то отставнаго унтеръ-офицера, присяжнаго или сторожа, въ сюртукѣ съ галуномъ и съ огромнымъ ин-фоліо подъ мышкою, который спросилъ у меня, тутъ ли я живу? «Это я, что тебѣ отъ меня надобно, любезный?» отвѣчалъ я. Росписаться въ этой книгѣ, былъ его отвѣтъ. Въ замѣшательствѣ, въ смущеніи, въ которомъ я находился, мнѣ показись, что на меня падаетъ какое-то казенное взысканіе; не знаю что сказалъ я унтеръ-офицеру, только онъ отвѣчалъ мнѣ: «да нѣтъ, ваше высокоблагородіе, это вамъ деньги; извольте ихъ напередъ получить, а потомъ роспишитесь».

Что же вышло? Чиновники, отряженные въ банкъ для подписыванія ассигнацій, вопіяли, что работаютъ безъ всякаго возмездія, и министръ финансовъ согласился, наконецъ, не назначая имъ жалованья, выдать трудящимся и трудившимся за прежнее время по сту рублей на мѣсяцъ; такимъ образомъ и на мою долю досталось слишкомъ четыреста. Какъ съ неба онѣ мнѣ упали. Нѣтъ, утопающій, котораго вытащили изъ воды, не можетъ ощутить той радости, которую я чувствовалъ! Въ тотъ же день, разумѣется, явился опять чай и кухарка, а на другой день получилъ я и повѣстку съ почты.

Вскорѣ послѣ этого, случилось у меня другое, небольшое домашнее безпокойство. Разъ, въ мое отсутствіе изъ дому, слуга мой и кухарка по какой-то надобности пошли со двора, и первый, на случай моего возвращенія, оставилъ ключъ отъ комнатъ моихъ одному изъ слугъ Болотникова, живущему на одной со мною лѣстницѣ. Когда я воротился домой прежде моего Василья, то этотъ человѣкъ отперъ мнѣ двери, но ключа отдать мнѣ не хотѣлъ, утверждая, что онъ похищенъ изъ комнатъ его господина, хотя я и увѣрялъ его, что онъ болѣе шести мѣсяцевъ находится у меня въ рукахъ. Совсѣмъ незабавно было думать, что посторонніе люди безъ меня, когда захотятъ, могутъ безвозбранно входить въ мое жилище.

Утромъ на другой день пошелъ я жаловаться г. Болотникову. Выслушавъ меня со всею важностію судьи, онъ приказалъ позвать своего лакея; я думалъ за тѣмъ, чтобъ его побранить и велѣть отдать мнѣ отнятое. Ни мало: онъ потребовалъ отъ него объясненій противъ обвиненія моего. Смѣшно и досадно было мнѣ слушать, особенно когда онъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ, что имѣю я противъ этого сказать? Ничего, отвѣчалъ я: дѣло самое простое, вы можете мнѣ вѣрить или слугѣ вашему, съ которымъ, признаюсь, никакъ не ожидалъ тягаться и стоять на одной доскѣ. Строго взглянувъ на меня, онъ отвѣчалъ, что во всемъ любить справедливость и никогда односторонне не судить, и что я долженъ передъ нимъ не забываться. На это возразилъ я, что въ настоящемъ случаѣ имѣю дѣло не съ сенаторомъ, а съ хозяиномъ дома, и что еслибы слѣдовать справедливости, то я имѣлъ бы право на него просить полицію; но для скорѣйшаго прекращенія предпочитаю оставить домъ его, въ полномъ смыслѣ, такъ чтобы нога моя никогда въ немъ не бывала. Онъ затрясся отъ досады, грозно посмотрѣлъ на меня, но ни слова не молвилъ, а я съ поклономъ вышелъ. И эта дубина, нѣсколько лѣтъ спустя, болѣе года временно управляла Министерствомъ Юстиціи и, наконецъ, засѣла въ Государственномъ Совѣтѣ!

Я приказалъ слугѣ моему немедленно отправиться искать мнѣ квартиру, какую бы то ни было и гдѣ бы то ни было, туда перенести мои пожитки и только адресъ ея оставить дворнику, а самъ пошелъ по городу шататься. День былъ прекрасный, какіе изрѣдка бываютъ въ Петербургѣ весною; я загулялся и когда уже смерклось пришелъ справиться о новомъ своемъ жилищѣ. Адресъ былъ сдѣланъ очень глупо, выставлено названіе части, квартала и номеръ дома, а не означена ни улица, ни прозваніе владѣльца. Днемъ отыскать было легко, а ночью весьма затруднительно: однимъ словомъ, около часу не зналъ я, гдѣ живу и чуть было не принужденъ былъ ночевать на улицѣ.

Служитель мой исполнилъ приказаніе мое въ точности, отыскалъ мнѣ квартиру *какую-нибудь*: она находилась въ самомъ верхнемъ жильѣ, на весьма узкомъ проходномъ дворѣ между Милліонной и Мойкой, куда никогда солнце не заглядывало и гдѣ жили всякаго рода люди. Это было одно изъ тѣхъ жилищъ, кои, по примѣру Эжена-Сю въ *Таинствахъ Парижа*, сочинители романовъ нынѣ такъ любятъ описывать, одно изъ убѣжищъ, знакомыхъ или пороку или крайней бѣдности и милосердію, приносящему ей утѣшеніе и помощь. Первый, который открылъ меня въ моей труппѣ, былъ Блудовъ, и нашелъ, что я живу не en petite maîtresse. Я объяснилъ ему причину моего внезапнаго перемѣщенія, прибавивъ, что не знаю куда бы не бѣжалъ, чтобъ избавиться отъ Болотникова. Тотъ же день собирался я самъ искать новую квартиру; но Блудовъ меня уговорилъ покамѣсть тутъ остаться, ибо на Петербургской Сторонѣ, близъ Аптекарскаго острова, нанялъ онъ на все лѣто большой домъ г. Фока съ преобладающимъ садомъ и предложилъ мнѣ сожительствовать съ нимъ на этой полудачѣ. На такое предложеніе кто бы не согласился на моемъ мѣстѣ, и дня черезъ три перешелъ я отъ зловонія къ благорастворенному воздуху, въ наипрекраснѣйшую Майскую погоду.

Такимъ образомъ прошла для меня первая треть 1811 года, которая, равно какъ и глава эта, вся наполнена была двумя Алексѣями: Болотниковымъ и Копіевымъ. Съ первымъ хотя иногда и встрѣчался, но къ счастію ни дѣлъ, ни даже никакихъ сношеній съ нимъ болѣе въ жизни не имѣлъ.

XII.

Предчувствуя, предвидя общую для насъ войну съ Западомъ, весь Петербургъ въ 1811 году нетерпѣливо желалъ скорѣйшаго окончанія частной войны нашей съ Турками. Никто уже не мечталъ о томъ, чтобы нашъ молодой полководецъ, по примѣру и по слѣдамъ Олега, прибилъ Русскій щитъ ко вратамъ Цареграда; но всѣ были увѣрены, что графъ Каменскій, хорошо познакомившись съ мѣстностями Заду-

наискими, будетъ умѣть въ слѣдующую кампанію нанести непріятельскому войску столь сильныя удары, что привудитъ Турокъ къ выгодному для насъ миру, какъ вдругъ, въ концѣ Февраля, получено было извѣстіе, что сей, съ небольшимъ тридцатилѣтній воинъ лежитъ въ Бухарестѣ на смертномъ одрѣ.

Кому было вмѣсто его поручить армію? Въ это время вопросъ сей былъ довольно затруднителенъ. Искусный старикъ, Михаилъ Ларионовичъ Кутузовъ, лучше другихъ зналъ Турецкую войну: во время первой при Екатеринѣ въ 1770 годахъ, когда былъ онъ еще молодъ, и въ продолженіе послѣдней, когда былъ онъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ, безпрестанно отличался онъ подъ начальствомъ Румянцова, Потемкина и Суворова и, наконецъ, по заключеніи послѣдняго мира, находился чрезвычайнымъ посломъ въ Константинополь. Но онъ былъ разбитъ; послѣ не имъ проиграннаго Аустерлицкаго дѣла, онъ, въ званіи военнаго губернатора, отпращенъ былъ въ Кіевъ, почти какъ въ ссылку; оттуда былъ онъ вызванъ для второстепенной роли дядьки при впадающемъ во младенчество главнокомандующемъ Прозоровскомъ, который его ни въ чемъ не слушался, съ нимъ ссорился и которому онъ былъ пожертвованъ, отозванъ и замѣненъ Багратиономъ. Однакоже знали его честолюбіе, и онъ охотно согласился принять начальство надъ Молдавскою арміей, къ которой послѣшно и отправился.

Онъ нашелъ молодаго предмѣстника своего распростертаго, безгласна, бездыханна, окружилъ его самыми нѣжнѣйшими попеченіями (старикъ былъ самый привлекательный, когда хотѣлъ), и какъ скоро въ южномъ краю наступило теплое время, съ бережливостію отправилъ его въ Одессу, въ сопровожденіи адъютантовъ его и медиковъ. Я говорилъ уже о причинахъ разстройства его здоровья; но дѣйствія ихъ не могли развиваться съ такою быстротою, тѣмъ болѣе что всю зиму чувствовалъ онъ себя совершенно здоровымъ. Послѣ вѣчера, проведеннаго у жены одного Грека, консула не помню какой державы, на которомъ выпилъ онъ стаканъ лимонаду, приключилась съ нимъ сія скоропостижная болѣзнь, и подозрѣнія въ отравѣ были единогласны. Ненависть всегда охотно взводитъ клевету на враговъ; многіе увѣрены были, что сіе сдѣлано по наущенію генерала Себастьяни, бывшаго Французскимъ посланникомъ въ Константинополь. Это не стоить опроверженія; ибо гдѣ примѣры, чтобы Наполеонъ пытался чрезъ довѣренныхъ своихъ изводить сильныхъ и опасныхъ противниковъ, которыхъ такъ много было на свѣтѣ? Скорѣе въ этомъ видно нѣчто Византійское, Фанаріотское. По прибытіи въ Одессу онъ прожилъ недолго; онъ таялъ какъ воскъ и, говорятъ, что какъ воскъ были мягки его кости, когда, послѣ кончины его, около половины Мая, вскрывали его тѣло. Его смерть

можно было сравнить съ кончиной другаго Русскаго молодаго героя, князя Скопина-Шуйскаго; но о семъ послѣднемъ никто тогда не вѣдалъ у насъ. Мы жили вмѣстѣ съ Блудовымъ почти за городомъ, когда получено сіе извѣстіе, которое хотя и было вседневнo ожидаемо, но со всѣмъ тѣмъ крайне его опечалило. Потеря друга-начальника и, можетъ-быть, скоро родственника и для равнодушнаго человѣка была бы чувствительна. Тогда между благовоспитанными Русскими все еще существовала мода писать Французскіе стихи, и онъ, въ подраженіе надписи къ портрету Паскаля, сдѣлалъ ей подобную къ изображенію графа Каменскаго. Я помню только послѣдніе три стиха:

...Balança sous Dantzic les destins de la France,
Enchaîna la Finlande et fit trembler Byzance.
Admirez et pleurez: il mourut à trente ans.

Третій разъ въ продолженіи этой войны, Русская армія перешла черезъ Дунай. Она была подъ предводительствомъ опытнаго полководца; всѣ крѣпости, затруднявшія начало кампаніи, были въ нашихъ рукахъ, а со всѣмъ тѣмъ войско, уменьшенное на половину и не видя начальниковъ своихъ, одушевленныхъ блестящими надеждами предыдущаго похода, лишалось бодрости и нравственной силы. Однакоже все исполняло свой долгъ, и въ половинѣ Іюня Кутузовъ одержалъ немаловажную побѣду надъ собравшеюся довольно многочисленною Турецкою арміей. Потомъ все лѣто въ частыхъ встрѣчахъ съ непріятелемъ Русскіе всегда брали верхъ, и за каждымъ успѣхомъ послѣдовало предложеніе о мирѣ, который одинъ былъ только цѣлю желаній правительства и войска. Главнымъ его условіемъ все-таки оставались Молдавія и Валахія, столько разъ нами занимаемая, которыя полтора лѣта, какъ кладъ, намъ не даются.

Осенью узнали, что Наполеонъ перенесъ Францію за Эльбу и ея гранью поставилъ Любекъ на Балтійскомъ морѣ, и такимъ образомъ захватилъ не только Ганзеатическіе города, но и владѣнія герцога Ольденбургскаго, Россіи преданнаго и многими родственными узами съ императорскимъ домомъ связаннаго. Тогда не осталось ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ намѣреній всемірнаго завоевателя, быстро къ намъ приближавшагося, никакихъ надеждъ не только на продолженіе съ нимъ мира, но и на кратковременную отсрочку войны. Мы съ Турками сдѣлались уступчивѣе, сбавили спѣси и, вмѣсто двухъ большихъ княжествъ, стали ограничиваться рѣкою Прутомъ и узкою Бессарабіей, мнѣ послѣ столько знакомою. Съ этимъ дѣломъ скорѣе можно было поладить; прошелъ даже слухъ, что Кутузовъ, столько же дипломатъ, какъ и воинъ, успѣлъ уже подписать о томъ и трактатъ,

и Маринъ, болѣе царедворецъ, чѣмъ поэтъ и воинъ, успѣлъ уже на этотъ случай написать стихи, въ которые вкленлъ каламбуръ, что старикъ наказалъ мусульманъ *и мечемъ, и Прутомъ*. Ожиданія не сбылись: хотя трактатъ и дѣйствительно былъ подписанъ, но стараніями Французскаго посольства въ Константинополь не былъ ратификованъ, и всю зиму на этотъ счетъ остались мы въ безпокойномъ состояніи.

Я говорю все *мы*, разумѣя подъ этимъ бѣольшую часть жителей Петербурга, а внутри Россіи только тѣхъ людей, кои, одарены будучи разсудкомъ и чувствомъ, имѣли довольно просвѣщенія, чтобы видѣть опасность, грозящую ихъ отечеству и скорбѣть о томъ. Число безчувственныхъ невѣждъ, разумѣется, было всотеро больше, и они, какъ говорится о мужикахъ, тогда только перекрестились, когда громъ грянулъ надъ ними.

Мнѣ хотѣлось имъ уподобиться и по крайней мѣрѣ въ продолженіи этого прекраснаго лѣта вести жизнь беззаботной твари. Я старался ничего не дѣлать, какъ только пить, ѣсть, спать и разгуливать по дачамъ безъ всякихъ мыслей, и сначала мнѣ сіе удавалось. Вдругъ одно небесное явленіе смутило меня: показалась на горизонтѣ ужасная, великолѣпная, блестящая комета съ огромнымъ хвостомъ, которой подобной я во всю жизнь мою не видывалъ ни прежде, ни послѣ. Все лѣто, вплоть до осени, горѣла она на нашемъ небѣ и освѣщала мои вечернія и ночныя прогулки. Какъ простолюдинъ, вѣровалъ я въ сіе страшное знаменіе и въ мрачныхъ мысляхъ невольно сталъ переноситься въ будущее.

Одинъ случай, который можно было бы назвать пріятнымъ, еслибы причина его не была весьма незабавная, неожиданный для меня пріѣздъ моихъ родителей, еще болѣе нарушилъ то животное спокойствіе, которое въ это лѣто надѣялся я сохранять. Предупредивъ меня письмомъ только дня за два, прибыли они 24 Іюня. Непріятный процессъ, какіе впрочемъ всѣ они бывають, вызвалъ ихъ въ столицу.

Прежде нежели объясню я несправедливость, съ какою Сенатъ поступилъ противъ моей матери, да позволено мнѣ будетъ, чтобъ отдохнуть отъ тогдашняго грустнаго настоящаго, нынѣ пршедшаго, перенестись въ давно-прошедшее и приняться за разсказъ, которому здѣсь мѣсто, а при самомъ началѣ сихъ Записокъ. Но подробности нѣкоторыхъ семейныхъ обстоятельствъ мнѣ не были извѣстны, когда я приступилъ къ сему труду: покойная родительница моя никогда не хотѣла ихъ мнѣ открывать, и только послѣ, одна девяностолѣтняя старуха, сохранившая твердо память, передала мнѣ слышанное отъ своей матери. Все нижеслѣдующее мой читатель можетъ пропустить; я писалъ болѣе для потомства моихъ братьевъ и сестеръ.

Когда при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, въ 1666 году, Пенза сдѣлана была городомъ, то первымъ въ нее воеводою посаженъ былъ мой пращуръ, Иванъ Кондратьевичъ Лебедевъ, мною уже упомянутый, человѣкъ великомощный, богатый и щедрый. Въ шести верстахъ отъ города поселилъ онъ крестьянъ, построилъ имъ деревянную церковь и основалъ село Лебедевку, нынѣ принадлежащее моему племяннику. А потомъ въ самомъ городѣ, за рѣкою Пензой воздвигъ онъ на свой счетъ каменную церковь во имя Казанской Божіей Матери и черезъ рѣку построилъ мостъ, который доселѣ носить его фамильное имя, называется Лебедевскимъ; все это для того времени было очень важно. У него было два сына, между которыми, по его смерти, раздѣлилось его имущество: старшему, котораго не знаю какъ звали, отдалъ онъ вотчины свои близъ Казани, откуда онъ былъ родомъ; меньшому же Ивану (отъ кого мы приходимъ)—приобрѣтенныя имѣнія около Пензы, гдѣ онъ былъ пришедьцемъ. Старшая отъ него отрасль сохранила, если еще не умножила, его богатство; меньшая не столько была счастлива. Въ проѣздъ мой черезъ Казань, зимою 1806 года, правнукъ его Евграфъ Алексѣевичъ Лебедевъ, внучатный братъ моей матери, принялъ меня не такъ какъ дальняго, а какъ близкаго родственника, и въ славномъ каменномъ домѣ своемъ радушно и роскошно угостилъ. Я о томъ забылъ упомянуть; но, право, всего вдругъ не припомнишь.

Прадѣдъ мой Иванъ Ивановичъ Лебедевъ, уже вдовый, умеръ довольно молодъ и оставилъ по себѣ единственнаго сына, осмилѣтнаго сироту, дѣда моего Петра Ивановича. Съ горестію надобно признаться, что Татарское иго на долго истребило между Русскими чувство сираведливости и поселило между ними смѣлую, безстыдную склонность къ похищенію чужой собственности. Богатому мальчику дана была опека, которая, безпрестанно грабя его, въ нѣсколько лѣтъ успѣла сдѣлать его почти нищимъ; и онъ, рѣшившись искать счастья въ службѣ, вступилъ простымъ рядовымъ въ гвардейскій Измайловскій полкъ. Тутъ начинается разсказъ моей старухи.

Въ это время въ Петербургѣ славился своею честностію, прямодушіемъ, любовію къ истинѣ генераль-аншефъ Василій Ивановичъ Чулковъ, любимый императрицею Елисаветою Петровной и ею изъ простыхъ придворныхъ истопниковъ возведенный на знатную степень, котораго, можетъ быть, читатель мой помнить (по крайней мѣрѣ, я того желаю). Къ сему извѣстному защитнику отъ притѣсненій, для всѣхъ доступному вельможѣ, рѣшился прибѣгнуть робкій, обиженный дѣдъ мой. «Что тебѣ надобно?» спросилъ онъ его въ просительской прихожей; тотъ объяснился, какъ умѣлъ. «Да что за хорошенькій! Ну точно писанный мальчикъ!» сказалъ онъ, погладилъ по головкѣ и велѣлъ на

другой день въ назначенный часъ быть у себя, чтобы выслушать наединѣ.

Когда тотъ явился и обстоятельно разсказалъ ему свое горе, завязался между ними слѣдующій разговоръ. «Сколько тебѣ лѣтъ?» — «Восемнадцать». — «Хочешь ли жениться?» — «У меня о томъ и въ помысленіи не было». — «Ну а если я тебѣ сыщу хорошую невѣсту?» И вмѣстѣ съ этимъ велѣлъ вывести падчерицу свою, Марю Григорьевну Кривскую. Она была дѣвица лѣтъ тридцати, толстая, черная, рябая и, какъ сказывали (боюсь прогнѣвить ея тѣнь), ума болѣе чѣмъ ограниченнаго. Обомлѣвъ мой бѣдный малый и съ простотою невинности отказалъ на отрѣзъ; предложенная удалилась. «Ну, такъ послушай же», сказалъ Чулковъ, «тебя никто не неволить; но знай, что если ты не согласишься, я въ дѣло твое не вступаю. И то всего имѣнія спасти не берусь, а только выручу тебѣ хорошій кусокъ хлѣба. Пораздумай хорошенько, и что придумаешь, приди мнѣ сказать». Ни живъ, ни мертвъ вышелъ несчастный. Такая грубость была тогда еще въ нравахъ, что человѣкъ дѣйствительно-добрѣйшій, благонамѣреннѣйшій, не посовѣтился воспользоваться безнадежнымъ положеніемъ сироты, чтобы навязать ему свою падчерицу.

У женщиа, кромѣ состоянія было все: онъ былъ совершенный красавецъ, миль, добрѣ и чрезвычайно уменъ; у невѣсты ничего, ни даже состоянія. Недѣли двѣ (говорить преданіе старухи) поплакалъ онъ, погрустилъ, помолился Богу и, видно, воля небесная положила ему на сердце принести себя въ жертву: его женили и возвратили ему часть его имѣнія (безъ этого вынужденнаго брака и меня не было бы на свѣтѣ). Таковъ Русскій человѣкъ: неволя его не убиваетъ, какъ людей другихъ націй, а напротивъ дѣлаетъ ко всему способнымъ, и онъ всегда готовъ покорить себѣ волю свою, а самъ покориться обстоятельствамъ. Женившись дѣдъ мой прожилъ всего только восемь лѣтъ и умеръ офицеромъ того же Измайловскаго полка. Трое дѣтей были плодомъ сего союза, въ послѣдствіи довольно счастливаго: дочь Елисавета, семью годами старѣе моей матери, бывшая въ замужествѣ за надворнымъ совѣтникомъ Сергѣемъ Семеновичемъ Тухачевскимъ, сынъ Илья, умершій въ малолѣтствѣ, и наконецъ, меньшая дочь, мать моя, Мавра, родившаяся три недѣли послѣ кончины отца своего.

Моя бабушка, которой такъ трудно было сыскать перваго мужа, легко нашла втораго. Въ семь второмъ бракѣ съ Иваномъ Львовичемъ Трескинымъ прожила она недолго и умерла, оставивъ ему двухъ малолѣтнихъ дѣтей, сына Петра, всегда остававшася холостымъ, и дочь Надежду, вышедшую послѣ за одного господина Тютчева. Законная седьмая часть, во вдовствѣ полученная ею изъ Лебедевскаго имѣ-

нія, разумѣется досталась сыну, за исключеніемъ трехъ мелкихъ дробей дочерямъ. Вотчимъ Трескинъ успѣлъ склонить своихъ падчерицъ (моихъ—тетку и мать), еще несовершеннолѣтнихъ, къ подписанію отреченія отъ мелкихъ дробей своихъ въ пользу брата. Прошли десятки лѣтъ, и когда сей братъ, Петръ Ивановичъ Трескинъ, скончался бездѣтенъ, то имѣніе, полученное имъ отъ матери, раздѣлилось между ея тремя дочерьми. Младшей, Надеждѣ Ивановны Тютчевой, уже не было на свѣтѣ, и ея мѣсто заступалъ малолѣтній сынъ.

Вступивъ въ совершеннолѣтіе, онъ сталъ жаловаться на несправедливость дѣлежа, утверждая, что тетки его, отреченіемъ отъ слѣдующихъ имъ послѣ матери долей, отказались и отъ правъ на всякое послѣ нея наслѣдство. По неясности законовъ, всякое у насъ неосновательное притязаніе служило доселѣ предлогомъ къ тяжбѣ; уѣздный судъ и гражданская палата присудили въ нашу пользу, и дѣло по апелляціи поступило въ Сенатъ. Московскіе его департаменты, не находясь подъ близкимъ надзоромъ Министерства Юстиціи, всегда извѣстны были лѣнностію, безпечностію или пристрастіемъ сенаторовъ, лихоимствомъ оберъ-секретарей и секретарей. Одинъ изъ сихъ послѣднихъ Шлыковъ, въ вѣдомостяхъ вызывая тяжущихся, поставилъ будто по ошибкѣ, титулярную совѣтницу Марью Васильеву, вмѣсто тайной совѣтницы Мавры Вигелевой, дабы тѣмъ устранить съ нашей стороны ходженіе по дѣлу. Какъ бы то ни было, оно нами проиграно въ Сенатѣ. Престарѣлаго отца моего взволновало такое мошенничество, и вслѣдствіе его столь явная несправедливость (какъ будто онъ не цѣлый вѣкъ прожилъ въ Россіи!), и онъ рѣшился ѣхать въ Петербургъ, съ намѣреніемъ, не довѣряя никому, самому хлопотать чрезъ Коммисію Прошеній о высочайшемъ повелѣніи пересмотрѣть дѣло въ общемъ собраніи департаментовъ *).

Живши почти на дачѣ, я не иначе какъ на другой день послѣ пріѣзда моихъ родителей могъ узнать о немъ и съ того дни, разумѣется, находился на безсмѣнномъ дежурствѣ при нихъ, ночевалъ же у Блудова; но только рѣдко, послѣ обѣда, могъ отлучаться домой.

Я содрогнулся, когда, послѣ годовой разлуки, въ первый разъ я увидѣлъ отца моего; мнѣ казалось, что не его самого, а только его тѣнь я вижу передъ собою. Хотя, конечно, былъ уже ему семьдесятъ второй годъ отъ роду, но не съ большимъ за годъ передъ тѣмъ былъ

*) Согласно его желанію, дѣло было разсматриваемо какъ въ общемъ собраніи Сената, такъ и въ Государственномъ Совѣтѣ; но онъ не имѣлъ горести видѣть рѣшенія обоихъ сихъ главныхъ судилищъ. Безъ особыхъ побужденій рѣдко случается, чтобы въ нихъ внимательно обсуживали рѣшенія Сената. Окончательно мы вездѣ проиграли.

онъ еще довольно свѣжъ и бодръ, а потомъ въ столь короткое время совершенно рухнулъ. Горести долго подкапывали и, наконецъ, сломили эту твердую натуру. Обидная отставка безъ вины, обвиненія и просьбы, потеря любимой невѣстки, а вскорѣ послѣ нея одного изъ сыновей, неудачное служеніе оставшихся, долги, опасное состояніе отечества, самая жизнь въ провинціи, гдѣ онъ прежде начальствовалъ и сошелъ на степень небогатаго помѣщика, наконецъ этотъ глупый процессъ, все соединилось, чтобы убивать его безотрадную старость; надежда ни откуда ему не свѣтила. Онъ все былъ на ногахъ, съ самаго утра до вечера одѣтъ съ головы до ногъ; у него была не болѣзнь, а расслабленіе всѣхъ нравственныхъ и физическихъ силъ, совершенное ихъ разрушеніе. Нервная система до того поражена была въ немъ, что онъ сдѣлался раздражителенъ, нетерпѣливъ, какъ ребенокъ. Увы! Чтò случилось съ этимъ человѣкомъ! Охъ, какъ тяжело и жалко было смотрѣть на него. Чего не дѣлали мы съ матерью и съ прибывшею изъ Финляндіи для свиданія съ нимъ сестрою, чтобы какънибудь его развеселить, развлечь, ободрить! Усилія наши почти всегда оставались тщетны.

Я вообразилъ себѣ, что шумъ, многолюдство, блескъ праздника могутъ сколько-нибудь оживить, такъ сказать, гальванизировать сіе гаснущее, дорогое мнѣ существо. Приближался день именинъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, 22 Іюля, въ который ежегодно бывалъ въ Петергофѣ всенародный праздникъ; я сталъ уговаривать его туда поѣхать и не безъ труда могъ получить на то согласіе. Чтобы не утомить его въ одинъ день болѣе чѣмъ пятидесятиверстнымъ путешествіемъ взадъ и впередъ, мы приготовили ему въ Стрѣльнѣ, на квартирѣ конногвардейскихъ офицеровъ, двухъ братьевъ Беклемишевыхъ (племянниковъ зятя Алексѣева), удобный и покойный ночлеги, и наканунѣ праздника туда отправились; на другой день только послѣ обѣда мы были въ Петергофѣ. И чтò же? Все его сердило. Зачѣмъ тянется эта несносная, безконечная цѣпь экипажей? Зачѣмъ толпы народа такъ весело спѣшаютъ на праздникъ? Зачѣмъ такое безчисленное множество огней? Это скорѣе похоже на пожаръ, чѣмъ на иллюминацію. И хоть бы, по крайней мѣрѣ, былъ гнѣвъ, досада, пусть бы брань; а то все неудовольствіе — какой-то брюзгливый, невнятный ропоть. Мы были при немъ безотлучно, какъ три няньки; на насъ совсѣмъ были нерадостныя лица, и куда какъ не веселъ былъ намъ этотъ вечеръ! Переночевавъ опять въ Стрѣльнѣ, на другой день воротились мы въ городъ.

Желаніе его исполнилось: дѣло съ Тютчевымъ велѣно пересмотрѣть въ общемъ собраніи Московскихъ департаментовъ Сената, и онъ, нѣсколько успокоенный, началъ собираться въ обратный путь. Въ пер-

выхъ числахъ Августа проводилъ я моихъ родителей до Средней Рогатки, что нынѣ называется Четыре Руки; прощаясь съ ними и чувствуя, что съ отцомъ расстаюсь на вѣки, не могъ я удержаться отъ слезъ, и это скорѣе огорчило его, чѣмъ тронуло. Возвратясь къ себѣ на Петербургскую Сторону, началъ я жить не веселѣе, но нѣсколько покойнѣе, въ обществѣ постояннаго утѣшителя, скорого помощника моего Блудова. Черезъ мѣсяць надобно было подумать о переселеніи опять въ центръ города.

ХІІІ.

Осень стояла сначала столь же ясная, тихая и жаркая, какъ лѣто; многіе приписывали это дѣйствию кометы, которая все продолжала еще бѣдой сверкать намъ въ очи. Эта осень замѣчательна была двумя событіями въ столицѣ: окончаніемъ и освященіемъ Казанскаго собора и основаніемъ Царскосельскаго Лицея.

Вообще цари, и особенно самодержавные, любятъ оставлять потомству огромные памятники своего царствованія; и замѣчательно, что чѣмъ болѣе народъ былъ угнетенъ, униженъ, тѣмъ выше они воздымались: доказательствомъ тому служатъ въ преданіяхъ существующій Вавилонъ, пирамиды, Колизей и все Египетское и Римское гигантское зодчество (Греческія произведенія въ семь родѣ болѣе отличаются граціей и совершенствомъ формъ). Когда императоръ Павелъ окончилъ свой по мнѣнію его чудо-дворецъ, что нынѣ Михайловскій или Инженерный замокъ, и на короткое время поселился въ семь сооруженномъ себѣ храмѣ, то задумалъ воздвигнуть другой храмъ и Божеству, и незадолго передъ смертію своею заложилъ новый Казанскій соборъ. Старый, даже при Елисаветѣ, стоялъ почти на краю нераспространившагося еще города, надъ мутнымъ ручьемъ, называемымъ Черною рѣчкой, что нынѣ вычищенный, но все-таки грязный Екатерининскій каналъ. Подобно нѣкоторымъ, находящимся донинѣ въ Петербургѣ церквамъ, былъ онъ ничто иное какъ продолговатый, просторный каменный сарай съ довольно-высокимъ деревяннымъ куполомъ; позади его находилось обширное мѣсто, избранное для помѣщенія его великаго преемника.

Великимъ строителемъ новаго храма назначенъ былъ графъ Александръ Сергѣевичъ Строгоновъ. Онъ всегда былъ покровитель художниковъ и любитель художествъ, не знаю до какой степени въ нихъ свѣдующій; съ иностраннымъ воспитаніемъ и вкусами сочетая Русскіе навыки и хлѣбосоольство, жилъ онъ барски, по Воскресеньямъ угощалъ у себя не однимъ рожденіемъ, но и талантами отличающихся людей. Онъ былъ старикъ просвѣщенный, умный и благородный, однакоже,

вмѣстѣ съ тѣмъ, довольно искусный царедворецъ, чтобы ладить со всѣми любимцами царей и пользоваться благосклонностію четырехъ вѣнценосцевъ. Ему удалось устранить отъ строенія собора, строившаго Михайловскій замокъ, самозванца архитектора Бренну, весьма любимаго Павломъ, бывшаго въ Италіи едва ли посредственнымъ маляромъ *), и предложить доморощеннаго своего зодчаго Воронихина. У Павла совсѣмъ не было вкуса, у Александра очень много; но въ первые годы своего царствованія чрезвычайно любилъ онъ колонны, вездѣ онѣ были ему надобны, и оттого-то сохранилъ онъ утвержденный отцомъ его планъ, ибо на немъ находились онѣ въ большомъ изобиліи.

Все огороженное мѣсто вокругъ новостроящагося храма, равно какъ и входъ во внутренность его, когда строеніе его начало приходить къ окончанію, оставались открыты для любопытныхъ; не такъ какъ нынѣ, когда никому, исключая самыхъ избранныхъ, не дозволяется взглянуть на работы, производящіяся десятки лѣтъ, когда какъ будто опасаются, чтобы порядочно одѣтые люди днемъ не утащили лежащія кирпичъ и известку, когда фиглярство строителей хочетъ какою-то таинственностію закрыть отъ народа совершаемыя имъ чудеса. Мнѣ иногда случалось входить въ достраивающееся зданіе, и нельзя было не подивиться богатству, расточаемому для внутренняго его убранства. Мраморный узорчатый помостъ, необъятной величпыи полированные монолиты, составляющіе длинную колоннаду, серебряныя рѣшетки, двери и паникадилы, покрытыя золотомъ и облитыя брилліантами иконы, все должно было изумлять входящихъ во храмъ. Нѣкоторые однакоже позволяли себѣ сравнивать архитектора съ нескуснымъ поваромъ, который, начиня всѣ кушанья свои перцемъ, инбиремъ, корицей, всякими пряностями, думаетъ стряпнѣ своей придать необычайно-пріятный вкусъ.

Ровно черезъ десять лѣтъ послѣ вѣнчанія на царство императора Александра, 15 Сентября, происходило освященіе новаго храма. Всѣ носящія мундиръ, безъ изъятія, были допущены во внутренность его; у меня мундира не было, и я на улицѣ скромно стоялъ между фраками и крестьянскими кафтанами, въ народной толпѣ. День былъ жаркій, ни вѣтра, ни облачка на небѣ, и умиленный народъ радостно смотрѣлъ на крестный ходъ и на свѣтлыя очи и веселый ликъ идущаго въ немъ

*) Если кто умѣетъ сколько-нибудь рисовать, тому у насъ нетрудно назвать себя архитекторомъ. Стоитъ только проводить линіи подлиннѣе, давать проектировавшому зданію большія пропорціи, отовсюду заимствовать для него орнаменты и на чертежѣ вкось и вкривь ихъ прилаживать: за прочность строенія отвѣчаетъ каменныхъ дѣлъ мастеръ. Такимъ образомъ прославился у насъ Монферранъ.

Царя, что уже такъ рѣдко случалось ему видѣть. Тутъ первый разъ въ жизни узрѣлъ я пятнадцатилѣтняго мальчика, будущаго властелина моего, будущую судьбу мою, Николая Павловича.

Въ этотъ день Государь былъ щедръ: старика Строгонова изъ дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ пожаловалъ онъ въ первый классъ, награда столь рѣдкая, что почиталась тогда происшествіемъ. Всякое сильное ощущеніе въ старости служить придирою для смерти: печаль и радость равно убиваютъ ее. Отчего же, если не отъ радости, черезъ десять дней скоропостижно было умереть здоровому графу Строгонову? Незадолго, 26 Августа, видѣли его на дачѣ, когда онъ праздновалъ именины сватки своей Голицыной, гуляющаго вечеромъ въ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ. Тѣло его предано землѣ въ построенномъ подъ надзоромъ его соборѣ. И въ этомъ увидѣли худое для Россіи предзнаменованіе.

Не столь блестящимъ образомъ, въ Октябрѣ было открытіе Царскосельскаго лицея. Кто подалъ мысль или кто первый имѣлъ ее объ его основаніи, не знаю, но если не ошибаюсь, то кажется самъ Государь. Въ первоначальные счастливые годы его царствованія, любилъ онъ свою простонародность (слово, которымъ я думаю замѣнить употребляемое нынѣ популярность *). Наскучивъ пышностію и величіемъ, среди коихъ возросъ, всегда любилъ онъ также простоту, какъ въ одѣяніи, такъ и въ образѣ жизни. Изъ всѣхъ дворцовъ своихъ, самый укромнѣйшій, совсѣмъ забытый Каменноостровскій дворецъ, выбралъ онъ лѣтнимъ своимъ мѣстопребываніемъ. Одна сторона его обращена была къ рѣкѣ, другая къ саду, въ которомъ два большіе входа, одинъ противъ другаго, дѣлали его проходнымъ, такъ что люди всякаго званія, даже простые мужики, могли безвозбранно толпами ходить (и ходили) подъ самыми окнами, не высоко надъ землею стоящаго царскаго кабинета и почти въ него заглядывать. Это его чрезвычайно тѣшило и радовало. Такъ было до Тильзитскаго мира, послѣ котораго сталъ онъ предпочитать Царское Село.

Странная была участь этого казеннаго городка и дворца его! Онъ никогда при началѣ, а всегда подъ конецъ царствованія государей дѣлался любимымъ ихъ убѣжищемъ. Мѣсто подаренное Петромъ Великимъ Екатеринѣ I-й, въ сторонѣ отъ большой Московской дороги, тайкомъ отъ него засадила она липовыми деревьями и построила на немъ трехъэтажное высокое, но не обширное зданіе. Въ Августѣ 1724 года въ первый разъ угощала она тутъ своего дарителя; все ему чрезвычайно понравилось, и онъ возвѣстилъ, что не только гостить, но даже

*) Народность въ переводѣ значитъ nationalité.

часто будетъ жить у нея; въ слѣдующемъ Январѣ онъ скончался. Говорятъ, что Анна Ивановна передъ смертію неоднократно сбиралась туда переѣхать, но что Биронъ всегда ее отговаривалъ отъ того. Елисавета Петровна строила Зимній дворецъ, а въ окрестностяхъ Петербурга, на островахъ Крестовскомъ, Петровскомъ, на Средней Рогаткѣ, на мызѣ Пеллѣ, небольшіе крестообразные дома, велчаемые дворцами, не для жительства своего, а для отдохновенія во время частыхъ своихъ прогулокъ. Постояннѣе всего жила она въ Петергофѣ; въ Царское Село никогда не заглядывала, какъ вдругъ, во второй половинѣ своего правленія, плѣнилась имъ, растянула фасадъ построеннаго ею матерью дворца, не будучи расточительна, посадила въ него миліоны и сдѣлалась настоящею основательницей сего истинно-царскаго жилища. Нѣсколько лѣтъ Екатерина II также предпочитала Петергофскій видъ на взморье другимъ увеселительнымъ мѣстамъ своей столицы, пока не прилѣпилась къ Царскому Селу; тогда наложила она на него свою могущественную руку и тутъ, какъ и во всемъ что предпринимала, творила чудеса, такъ что сынъ ея, малолѣтній, когда она вступала на престолъ, все почиталъ тутъ ея созданиемъ. Конечно не изъ сыновней нѣжности совершенно бросилъ онъ Царское Село и на поддержаніе его никакихъ суммъ не велѣлъ отпускать; все начало глхнуть, поростать крапивой, покрываться тиной, все портиться, валиться, и сіе грозящее разрушеніе пѣвецъ Екатерины, Державинъ, грустно изобразилъ въ стихахъ своихъ, подъ названіемъ *Развалины*. Обружающимъ Павла I жалко стало Русскаго Версаля, и они, убѣдивъ его, что оно твореніе не одной матери его, но бабки и прабабки, склонили въ Іюль 1800 года въ него переѣхать. Онъ прожилъ тутъ до Сентября, съ быстротою, съ которой отъ одного чувства переходилъ къ другому, нашелъ мѣсто сіе очаровательнымъ, гораздо лучше его Павловска, и объявилъ намѣреніе свое каждое лѣто проводить въ немъ по два мѣсяца. Онъ не могъ его исполнить: въ Мартѣ его не стало.

Я помню то почтительное удивленіе, смѣшанное съ тоской, съ которыми раза два случалось мнѣ посѣтить садъ и дворецъ Царско-сельскіе, въ первые годы Александра. Присмотръ за тѣмъ и за другимъ казался дѣйствиємъ одного приличія; небрежность, съ какою сохраняютъ у насъ пышные надгробные памятники, и тутъ была замѣтна: вездѣ царствовала пустота. Все это перемѣнилось въ 1808 году. Императоръ Александръ сталъ убѣгать сближенія съ подданными, въ преданности коихъ началъ сомнѣваться; въ расположеніи духа, въ которомъ онъ находился, уединеніе сдѣлалось для него привлекательно: онъ поселился въ Царскомъ Селѣ и часто бывалъ въ немъ и зимой. Густой, сосновый боръ, обнесенный каменною оградой, называемый

Звѣринцемъ, но въ которомъ не дикіе звѣри были видны, а одна дикая природа, нерѣдко посѣщать онъ и любилъ теряться въ чащѣ его вѣковыхъ деревьевъ съ мрачными мыслями, глубоко въ головѣ его затаенными; гораздо послѣ украсилъ онъ сіе любимое мѣсто и превратилъ его въ неподобный паркъ.

Но надобно было сколько нибудь оживить сію пустыню. Чадолюбіе было всегда отличительною чертою характера четырехъ братьевъ, сыновей Павла I-го, и этимъ они совсѣмъ не походили на отца. Два раза надежда поманила родительскимъ счастьемъ и два раза она обманула Александра. Но вчужѣ не переставалъ онъ любить нѣжный дѣтскій возрастъ и полагалъ, что рассадникъ будущихъ, вѣрныхъ ему служителей, составленный изъ невинныхъ, веселыхъ отроковъ, будетъ утѣшителемъ для его взоровъ. И для того, кажется, и помѣстилъ онъ его подлѣ самаго дворца, въ высокомъ и длинномъ павильонѣ, построенномъ Екатериною для великихъ княжонъ, малолѣтнихъ ея внучекъ.

При торжественномъ открытіи лицея находился Тургеневъ; отъ него узналъ я нѣкоторыя о томъ подробности. Вычитывая воспитанниковъ, сыновей извѣстныхъ отцовъ, между прочимъ назвалъ онъ одного двѣнадцатилѣтняго мальчика, племянника Василья Львовича, маленькаго Пушкина, который, по словамъ его, всѣхъ удивлялъ остроуміемъ и живостію. Странное дѣло! Дотолѣ слушалъ я его довольно разсѣянно, а когда произнесъ онъ это имя, то въ мигъ пробудилось все мое вниманіе. Мнѣ какъ будто послышался первый далекій гулъ той славы, которая вскорѣ потомъ должна была гремѣть по всей Россіи; какъ будто впередъ что-то сказало мнѣ, что бесѣда его доставить мнѣ въ жизни столько радостныхъ, усладительныхъ, а чтеніе его столько восторженныхъ часовъ.

Какъ водится въ природѣ, за осенью пришла зима, въ этотъ годъ для меня скучная, невыносимая. Чтобы не раздражить слабости родителя моего, я продолжалъ все числиться на службѣ, нуждаться во всемъ и жить день за день, ничего лучшаго не видя впереди. Въ этомъ состояніи я охотно принялъ приглашеніе сестры моей встрѣтить у нея новый годъ въ Финляндскомъ уѣздномъ городкѣ, уже не въ Нейшлотѣ, а гораздо ближе, въ Кексгольмѣ, куда бригада и полкъ мужа ея были переведены. Туда отправился я на третій день послѣ Рождества.

Помѣщеніе имѣли тутъ супруги гораздо удобнѣе и просторнѣе, чѣмъ въ Нейшлотѣ: большой одноэтажный каменный домъ, бывший комендантскій, въ упраздненной крѣпости. Припасы всѣ были дешевы, а нѣкоторые предметы роскоши, по близости, можно было легко выписывать изъ Петербурга; житье, да и только! У меня на сердцѣ до того было не

весело, что изъ новыхъ лицъ, посѣтителей и посѣтительницъ, я никого не замѣчалъ, никого не помню. Чтобы сколько-нибудь развеселить меня, хотя на одинъ вечеръ разсѣять и собственную тоску и весело начать наступающій годъ, добрая сестра моя наканунѣ 1 Января затѣяла большой пиръ. Какъ не вѣрить примѣтамъ? Вѣдь этотъ начинающійся годъ былъ нашъ роковой двѣнадцатый годъ; что ни дѣлала бѣдная сестра, судьба такъ устроила, чтобы намъ печально его встрѣтить. Вечеромъ полученныя съ почты бумаги и прїѣздъ одного человека разстроили всѣ наши намѣренія и на нѣсколько часовъ даже не дали забыть намъ горе. Вечеринку, однакоже, не отложили; но для насъ съ сестрой она совсѣмъ не была забавна. Молодые люди обоого пола веселились, плясали; а я, хотя по лѣтамъ и принадлежалъ еще къ ихъ возрасту, смотрѣлъ на нихъ съ досадою и удивленіемъ, какъ будто бы они обязаны были раздѣлять мои чувства.

Отъ военнаго министра тотъ вечеръ получено приказаніе зятю моему, по волѣ Государя, отправиться въ Абовъ, для принятія временнаго начальства надъ пѣхотною дивизіей генерала Демидова, заболѣваго и уволеннаго въ отпускъ. Это было знакомъ довѣренности, совсѣмъ не несчастіемъ, но въ то же время величайшимъ разстройствомъ въ домашнихъ обстоятельствахъ.

Другая вѣсть была для насъ не менѣе тревожна. вмѣсто матери, которая не въ силахъ была уже писать, брать и сестры увѣдомляли насъ изъ Пензы, что нашъ отецъ совершенно упадаетъ духомъ и даже примѣтно слабѣетъ и тѣломъ; и хотя все на ногахъ и продолжаетъ выѣзжать, но они мало имѣютъ надежды долго сохранить его.

Наконецъ, прискакавшій Алексѣй Даниловичъ Копіевъ съ бодрымъ духомъ и не совсѣмъ сокрушеннымъ сердцемъ объявилъ имъ еще вѣсть, которая мнѣ показалась бѣдственною. Передъ отъѣздомъ, я тоже что-то слышалъ, но никакъ не могъ тому повѣрить, чтобы Выборгскую губернію захотѣли отнять у Россіи и, присоединивъ къ новымъ завоеваніямъ, составить изъ нихъ какое-то отдѣльное отъ нея государство, подъ названіемъ Великаго Княжества Финляндскаго. Какъ ни тайно производилось о томъ дѣло, хлопотунъ Копіевъ, заблаговременно о немъ провѣдавъ и зная, какое плохое житье будетъ Русскимъ подъ управленіемъ высшаго сословія туземцевъ, все однихъ Шведовъ, ненавидящихъ Россію, зная, что Русскіе владѣльцы вынуждены будутъ за безцѣнокъ кидать свои имѣнія, первый поспѣшилъ довольно выгоднымъ образомъ сбить свою мызу, получить за нее деньги и прїѣхалъ совершить только продажный актъ. Конечно и Копіеву не совсѣмъ прїятно было расстаться съ гнѣздомъ имъ самимъ свитымъ, куда лѣтомъ мирно удалялся онъ съ семействомъ, откуда въ столицѣ имѣлъ

всегда свѣжіе запасы, и онъ не старался скрывать своего сожалѣнія; но по крайней мѣрѣ безъ убытка лишился онъ своего пріюта. Другіе же тутъ случившіеся Русскіе чиновники и владѣльцы, пораженные симъ извѣстіемъ, точно какъ одурѣли.

Манифестъ о семь событіи, въ этомъ краю столь важномъ, положено было обнародовать въ новый годъ; слѣдовательно тутъ онъ не могъ еще быть полученъ. Такими подарками, étrennes, при наступленіи года, Государь, съ помощію Сперанскаго, любилъ насъ дарить. Въ эту же эпоху, во всемъ, что было вредно и постыдно для Россіи, всегда находишь руку Сперанскаго. Императоръ Александръ имѣлъ нѣкоторыя собственныя мнѣнія, которыя лучшими доводами трудно было поколебать; напримѣръ, мысль о маленькихъ царствахъ, ему подвластныхъ, а отъ Россіи вовсе независимыхъ, нѣтъ сомнѣнія, родилась въ его головѣ. Но всякій приближенный къ нему патриотъ и честный человѣкъ обязанъ былъ объяснить ему весь вредъ, который можетъ произойти отъ того для главнаго государства. Сперанскій, имѣя свои особенные виды, того не сдѣлалъ; напротивъ, онъ одобрилъ намѣреніе, поощрялъ приступить къ его исполненію и предложилъ себя главнымъ орудіемъ въ этомъ дѣлѣ.

«Какое право имѣете вы, государь, можно было бы сказать ему, безъ бою, безъ всякой видимой причины, безъ многократныхъ поражений и слѣдствія ихъ (вынужденнаго примиренія), не для спасенія цѣлаго государства, по одному произволу вашему, отрывать отъ Россіи области, не вами, а вашими предками и ихъ подданными пріобрѣтенныя? Для чего дѣлаются завоеванія, если не для усиленія государственнаго тѣла? Они достояніе не только еще царя, какъ народа, ихъ совершившаго; онъ старается распространить предѣлы земли своей для того, чтобы внутри ея пользоваться бѣльшею безопасностію; а вы опасности опять къ нему приближаете. Знаете ли вы исторію этого народа, государь? Читали-ли вы ее? Если вы свѣдѣнія ваши о ней почерпнули только изъ уроковъ вашего Лагарпа или изъ чтенія невѣжды и лжеца Рюльера, то плохо же вы ее знаете. Стало быть, вамъ неизвѣстно, что этотъ народъ, ослабленный, изнеможенный, со всѣхъ сторонъ тѣснимый, давимый сильными, лютыми врагами, болѣе его въ ратномъ дѣлѣ свѣдущими, Татарами, Турками, Поляками, Литвою, Ливоніей и Швеціей, медленно приподнявшись и поддержанный единою вѣрою отцовъ своихъ и силою великаго своего имени, не убоился подставить имъ грудь свою, пять столѣтій на смерть съ ними бился и, о чудо! устоялъ и всѣхъ одолѣлъ. И теперь, когда, благодаря его вѣковымъ усиліямъ, вы, помоги избранныхъ имъ Романовыхъ, красуетесь и возвышаетесь предъ другими земными владыками, задумали вы въ руки злодѣямъ его, побѣ-

жденнымъ, но не обезоруженнымъ, предать дѣтей вашихъ, ихъ побѣдителей, ихъ прежнія жертвы. О горе! О стыдъ! Въ исторіи народовъ найдите мнѣ другой примѣръ столь несправедливому дѣйствию необузданной воли царской: ни великій Петръ, ни могущій Наполеонъ ни на что подобное бы не рѣшились. Откуда взяли вы, что вамъ дана власть, по прихоти вашей, единымъ почеркомъ пера и одною каплею чернилъ, уничтожать то что сотворено сотнями тысячъ штыковъ и цѣлыми рѣками крови? Нѣтъ, нѣтъ, будьте велики, но да будетъ велика и Россія ваша! Само Провидѣніе доселѣ вело ее за руку, и не вамъ дано будетъ разрушать то что въ вѣчной мудрости Своей Оно устрояетъ». Такъ конечно въ презираемой нами старинѣ заговорилъ бы не одинъ брадатый бояринъ, зная, что вмѣстѣ съ тѣмъ подъ топоръ подставляетъ онъ голову свою. Теперь по большей части своекорыстные льстецы и обманщики, тайные непріатели, а при случаѣ и мятежники, а не вѣрные и смѣлые слуги государей, окружаютъ ихъ въ Европѣ.

Все вышесказанное, разумѣется, не столько относится къ Финляндіи, какъ къ другой гораздо обширнѣйшей странѣ, которую впоследствии намѣревались отмежевать отъ Россіи. Кажется, само Небо насылало внезапныя пропсшествія и нѣкоторыхъ людей, каковы Карамзинъ, Поццо-ди-Борго, чтобы препятствовать исполненію дурнаго умысла, коего послѣдствія могли бы быть ужасны. Незлопамятный народъ Русскій давно забылъ вѣковыя обиды, врагами нанесенныя; но главѣ его не должно ихъ забывать, не для отмщенія, а для истребленія возможности имъ возобновиться. Богъ любилъ еще Александра: Онъ не попустилъ ему совершить замышляемое преступленіе.

Можетъ быть, Сперанскій полагалъ, что при всеобщемъ неудовольствіи столь смѣлая несправедливость Царя еще болѣе возстановитъ противъ него подданныхъ. Ни мало: онъ ошибся, и такой поступокъ, который въ другомъ государствѣ взволновалъ бы всѣхъ, остался незамѣченнымъ. При неизмѣримомъ пространствѣ земель, коимъ владѣетъ Россія, нѣкоторые только посмотрѣли на то какъ на уступку немногихъ десятинъ, богатою вотчиною, другой небольшой сосѣдней деревнѣ, одному же съ нею помѣщичку принадлежащей. Всѣ взоры устремлены были на Западъ и на Югъ, а до Сѣвера никому дѣла не было. Лучше сказать, никто почти не узналъ о томъ; въ этомъ случаѣ Россія была, какъ огромная хоромина, для пзображенія величины которой есть поговорка, что въ одномъ углу обѣдаютъ, а въ другомъ не вѣдаютъ. По самому названію, присоединеніе Старой Финляндіи къ Новой показалось дѣломъ весьма естественнымъ, простою правительственною мѣрою, совсѣмъ не политическимъ фактомъ.

Нынѣ плоды этого отчужденія видимы очень явственно, но никто не хочетъ взять труда замѣтить ихъ. Старанія правителей изжить нашихъ соотечественниковъ имѣли совершенный успѣхъ; какъ говорить простой народъ, Русскимъ духомъ тамъ уже нигдѣ не пахнетъ, онъ нетерпимъ, и въ шестидесяти верстахъ отъ столицы можно себя почитать совсѣмъ въ чужой землѣ. Въ военныхъ и торговыхъ приморскихъ городахъ, гдѣ стоятъ или куда показываются наши корабли, люди, составляющіе ихъ экипажи, не могутъ имѣть никакихъ сношеній съ жителями высшаго рязряда, а только пируютъ по трактирамъ, да веселятся и пляшутъ съ непристойными женщинами. Число Русскихъ, заглядывающихъ въ Финляндію, ничтожно; черезъ все лежитъ дорога только что въ Стокгольмъ, а кому охота туда ѣздить? Да къ тому же моремъ можно сдѣлать сіе скорѣе, и покойнѣе, и дешевле. Лѣтомъ, во время морскихъ купаній, бываетъ много охотниковъ, которые, пользуясь близостію разстоянія и удобностію пароходства, изъ Ревеля дѣлаютъ прогулки въ Гельсингфорсъ. Тамъ, оглянувъ городъ и его окрестности, накупивъ дешево множество иностранныхъ, у насъ запрещенныхъ, а тамъ дозволенныхъ товаровъ и ни съ кѣмъ не познакомившись, черезъ нѣсколько дней спѣшатъ оттуда воротиться. Бываютъ также лѣтомъ изъ Петербурга поѣздки любопытныхъ, чтобы полюбоваться водопадомъ Иматры, который охотно называлъ бы я Русской Ніагарой, еслибъ тутъ что нибудь Русскаго оставалось; эти путешествія бываютъ, такъ сказать, мгновенныя, и ни тѣ ни другія никакихъ слѣдовъ за собою не оставляютъ. Вотъ всѣ сношенія, которыя остались у Россіи съ покореннымъ ею краемъ. Благодаря бѣшенной страсти нашей къ заграпичнымъ путешествіямъ, нѣтъ Итальянскаго или Нѣмецкаго небольшого города, гдѣ бы нынѣ не нашли вы болѣе Русскихъ, чѣмъ въ главномъ городѣ Финляндіи.

Ни мы, ни Шведы—не коренные ея жители. Кромѣ права завоеванія, ни мы, ни они другаго права надъ нею не имѣемъ и, кажется оно обыкновенно принадлежитъ послѣднему. Для бѣдныхъ Финновъ совершенно равно, кто бы ни управлялъ ими—южные или западные ихъ завоеватели, лишь бы управляемы они были правосудно. Кому же пожертвованы права, честь и выгоды государства? Горсти иноземныхъ его враговъ. Будь всеобщая война, къ которой Швеція непременно противъ насъ пристанетъ, и тогда мы увидимъ, какъ поступать сіи новые вѣрноподданные. Впрочемъ и теперь, чтобы увидѣть это, стобитъ только побывать въ Гельсингфорсѣ: почти ото всѣхъ посѣтившихъ его единоземцевъ моихъ слышалъ я о ненавистныхъ, дерзкихъ взглядахъ, коими тамошніе авторитеты встрѣчали ихъ въ публичныхъ мѣстахъ, коль скоро узнавали, что они Русскіе. Въ Петербургѣ оно

не совсѣмъ такъ: Шведо-Финскія бѣдныя красавицы охотно выходятъ за Русскихъ богачей, и у нихъ только можно изрѣдка встрѣчать небольшое число ихъ земляковъ, въ столицѣ живущихъ. Нѣкоторые изъ нихъ числятся при дворѣ и являются на придворныхъ и званыхъ балахъ, короткости ни съ кѣмъ изъ Русскихъ не имѣютъ, всѣхъ ихъ вообще чуждаются. Надобно правду сказать, что и наши не очень охотно ищутъ ихъ общества.

Такъ какъ съ тѣхъ поръ никогда не случилось мнѣ и надѣюсь никогда не случится болѣе быть въ Финляндіи, то я нашель, что здѣсь единственное мѣсто, гдѣ могу я говорить объ ней и о причинахъ, которыя вѣчно совершенно отдѣлять ее будутъ отъ Россіи, если въ отношеніяхъ ихъ никакой перемѣны не послѣдуетъ *).

Въ день Крещенія Господня, въ который былъ точно крещенскій морозъ, видѣлъ я зрѣлище изумительное. Не знаю, какъ тамъ теперь, а тогда Русскіе священники ходили еще въ этотъ день съ крестами на воду, къ устроенной для того Иордани. Лишь только освященіе воды кончилось, откуда ни возмись голая женщина, которая съ необыкновенною быстротой кинулась въ прорубь, пробывъ въ ней съ минуту, выскочила и также быстро исчезла. Это была семидесятипятилѣтняя вдова Русскаго унтеръ-офицера, у которой на душѣ тяготѣлъ какой-то важный грѣхъ, и она ежегодно такимъ образомъ старалась очищать себя отъ него.

На другой день поѣхалъ я обратно въ Петербургъ.

Возвратясь послѣ краткаго отсутствія, я нашель его жителей нѣсколько уже въ тревожномъ ожиданіи. Находясь гораздо болѣе въ сѣдствѣ съ Европой, по образу жизни и по всякаго рода сношеніямъ принадлежа къ ней болѣе, чѣмъ внутреннія части государства, Петербургъ сильнѣе чувялъ приближающуюся грозу, которая однакоже не пасть нимъ должна была разразиться. Трудно объяснить состояніе, въ которомъ находились тогда умы; не видно было унынія, отчаянія, но

*) Лѣтъ черезъ двадцать послѣ соединенія двухъ Финляндіи былъ я очень коротко знакомъ съ министромъ статсъ-секретаремъ Великаго Княжества Финляндскаго графомъ Ревиндеромъ и могу сказать, что пользовался пріязнію этого почтеннаго человѣка, искренно, но тайно любящаго Россію, которой онъ всѣмъ былъ обязанъ. Не рѣдко посѣщаль онъ меня, и его тоже, но всегда принять былъ у него только что въ кабинетѣ. Разъ пришло мнѣ въ голову спросить его: зачѣмъ не представляетъ онъ меня своей графией и почему считаетъ недостойнымъ быть въ его гостини? Онъ вздохнулъ и, пожавъ мнѣ руку, сказалъ, что онъ пожелъ бы себя счастливымъ, еслибъ могъ онъ сіе сдѣлать, но что знакомство наше принужденъ выдавать онъ за официальное: пбо по извѣстному моему патріотизму, всякая связь между нами могла бы навлечь на него подозрѣніе въ любви къ Русскимъ, сдѣлать его ненавистнымъ для Финляндцевъ, возбудить ихъ интриги противъ него и нанести ему великій вредъ. Все это просилъ онъ меня сохранить въ тайнѣ, и его смерть дала мнѣ право нарушить мой обѣтъ.

также и смѣлой въ себѣ увѣренности: замѣтно было какое-то грустное чувство, не совсѣмъ лишенное надежды. Казалось, всѣ думали, а многіе и говорили: ну что дѣлать, увидимъ, что-то Богъ дастъ! Въ высшемъ кругу старались веселиться, чтобы показать или придать себѣ болѣе бодрости. Такъ иногда испуганные громко распѣваютъ, чтобы заглушить въ себѣ страхъ.

Забыты прежнія неудовольствія на правительство. Противъ чрезвычайнаго умноженія налоговъ, требованія добровольныхъ приношеній не поднялся ни малѣйшій ропотъ: всѣ чувствовали, что при наступленіи рѣшительной, окончательной борьбы, государству нужны всевозможныя вспомогательныя средства. Гвардіи вѣрно приготовиться къ выступленію въ походъ и, нѣжно смотря на нее, напередъ всѣ уже напутствовали ее благословеніями; офицеры вдругъ всѣ выросли и въ глазахъ гражданъ сдѣлались существами священными. Воззрѣніе на спокойно-печальный Петербургъ было тогда истинно-трогательно. Въ немъ много иностраннаго и иностранцевъ; за то онъ заключаетъ въ себѣ все лучшее, что производитъ земля Русская, цвѣтъ юношества ея и все что въ ней есть образованнѣйшаго. Его Русскихъ жителей упрекаютъ въ холодности къ отечеству единственно оттого, что въ другой древней столицѣ чувства выражаются обыкновенно съ чрезвычайнымъ преувеличеніемъ; но это свойство скорѣе простонародія, чѣмъ образованныхъ классовъ.

Разставшись съ мужемъ, къ концу Генваря, сестра моя привезла въ Петербургъ двухъ малолѣтнихъ сыновей, которые, въ награду за заслуги отца ихъ, пожалованы были пажами, но только не опредѣлены еще въ Пажескій корпусъ. Она пріѣхала о томъ просить; ибо въ кочевой жизни, которая вновь ей предстояла, десяти или двѣнадцатилѣтніе мальчики были бы для нея великою обузой.

Мы поселились вмѣстѣ и, какъ умѣли, старались другъ друга утѣшать, какъ вдругъ получили странное письмо отъ брата изъ Пензы. Онъ, который во всемъ былъ примѣромъ точности, такъ неясно, такъ неопредѣленно, съ такимъ примѣтнымъ смущеніемъ писалъ о внезапно умножившейся болѣзни отца нашего, что понять истину было бы не трудно, еслибъ люди до послѣдней минуты не отказывались вѣрить тому, чего страшатся. Онъ прибавлялъ, что отецъ не только соглашается на мой пріѣздъ, но и самъ изъявилъ желаніе скорѣе меня видѣть, и что онъ съ своей стороны приглашаетъ меня поспѣшить отъѣздомъ. Сборы мои, въ томъ числѣ и полученіе отпуска, продолжались не болѣе сутокъ; 14 Февраля оставилъ я Петербургъ и въ слезахъ горестную сестру.

До Москвы я быстро домчался, но въ ней взяло меня раздумье. Къ чему я спѣшу? подумалъ я. Еслибъ я былъ увѣренъ, что въ нашемъ домѣ все благополучно, то и часу бы не остался; еслибы, по крайней мѣрѣ, могъ ожидать, что приму его послѣдній вздохъ, то, кажется, не остановился бы и на минуту; но теперь, дня на два, на три пусть хотя невѣдѣніе замѣнитъ мнѣ надежду.

Я остановился въ домѣ трехъ братьевъ Товаровыхъ, изъ которыхъ съ меньшимъ были мы великіе пріятели. Этотъ большой деревянный домъ находился (и что удивительно послѣ всего около него происходившаго, находится и понынѣ) близъ Кузнецкаго моста, на концѣ Газетнаго переулка. Мой милый хозяинъ Александръ Григорьевичъ, чувствительный, сердобольный, скрывалъ отъ меня ему уже извѣстную истину, старался всячески развлекать и для меня отказался отъ прішествія наступившей суматошной Масляницы. За то старшіе братья, великіе Московскіе франты, безъ памяти веселились. Безпрестанно появлялись и исчезали посѣтители, то собирались шумною толпой, то разсѣвались по лицу разгульной Москвы. Я только что оставилъ Петербургъ, и такая противоположность меня поразила. Вслѣдствіе сдѣланныхъ мною разспросовъ, узналъ я, что Масляница совсѣмъ тутъ не виновата и что такъ продолжается всю зиму. Молодежь никогда еще столько не вертопрашничала, франтики никогда еще пестрѣе и смѣшнѣе не одѣвались, никогда столько не разорялись на наряды, простой народъ никогда еще столько не пилъ и не буянилъ. Одинъ богатый и скупой старикъ, Позняковъ, который вѣкъ копилъ деньги, при концѣ дней своихъ вздумалъ купить огромный домъ, великолѣпно отдѣлалъ его и эту зиму пустился промотываться на шире.

Невольно приходилось мнѣ иногда заговаривать о предметѣ, который, не смотря на собственное горе, не переставалъ еще наполнять мое воображеніе, о грядущемъ на насъ ураганѣ; а весельчаки не весьма учтиво принимались хохотать. Одинъ изъ нихъ, близкій родственникъ Товаровыхъ, Макаровъ 2-й, извѣстный читателю, сказалъ мнѣ: «Да какое вамъ дѣло до Европы? Пусть тамъ воюють, дерутся, мрутся; мы здѣсь веселимся, пируемъ и ничего знать не хотимъ». Какіе-то молодые люди, которые за нимъ начинали карабкаться на Парнасъ, и также, какъ онъ, вѣчно обрывались, ему поддакивали съ улыбкой. «Гнѣвъ Господень надъ старою грѣшницей, подумалъ я; не сдобровать Русскому Вавилону». Можетъ быть, я ошибаюсь; но бывали минуты въ моей жизни, въ которыя мнѣ казалось, что я одаренъ ясновидѣніемъ. Бывало на старый, на священный Кремль не взгляну я безъ благоговѣнія, а тутъ смотрѣлъ на него съ ужасомъ: мнѣ чудилось, что на башняхъ его вижу я *Мане-Фекель-Фаресъ*, тѣ страш-

ныя слова, которыя невидимая рука огненными буквами писала на стѣнѣ во время пиршества Валтазарова.

Оставилъ я городъ, который уже въ иномъ видѣ долженъ былъ узрѣть. Въ самую минугу выѣзда моего изъ Рогожской заставы, вмѣстѣ со мною проѣхала чья-то погребальная процессія, и потомъ, странное дѣло, во всю дорогу все говорило мнѣ о смерти, все напоминало объ ней. На станціи Мошки, близъ Муромъ, захотѣлось мнѣ отдохнуть; я былъ тогда непрехотливъ и растянулся на голой лавкѣ. На ней же, повыше меня, лежало что-то длинное, покрытое простыней; входя въ избу, съ просонья мнѣ показалось, что это собранный холстъ. Проснувшись поутру, я увидѣлъ, что это трупъ покойника, положенный подъ образа, и что я проспалъ у ногъ его. На другой станціи за Муромомъ нашель я въ почтовой избѣ выносъ тѣла младенца. Далѣе за Арзамасомъ, гласъ смерти сдѣлался мнѣ какъ будто еще слышимѣе; у меня правилъ лошадьми молодой, красивый парень, который такъ и заливался слезами; когда я спросилъ его о причинѣ, онъ отвѣчалъ мнѣ: «Да что, баринъ, у меня и руки и ноги трясутся, я себя не помню; ребята сказывали, что у меня отецъ померъ на той станціи, куда мы ѣдемъ. Охъ, да кабы ты зналъ, какъ я люблю его!» Подѣвжая ночью къ Саранску, въ сильномъ волненіи, сквозь слезы смотрѣлъ я на чистое небо, усѣянное звѣздами; вдругъ одна отдѣлилась отъ нихъ и упала. Я упряился, а небо не хотѣло оставить мнѣ минуты сомнѣнія. Я все это помню какъ диво, хотя и очень знаю, что не для меня многогрѣшнаго могутъ твориться чудеса, и передаю это просто, какъ оно было, читателю: повѣрить ли онъ мнѣ или не повѣрить, мнѣ все равно. Съ этого времени началось мое суевѣріе.

Наконецъ, въ Саранскѣ безжалостный станціонный смотритель поспѣшилъ объявить мнѣ извѣстіе, къ которому болѣе недѣли я былъ приготовленъ. Не смотря на то, что произошло со мною, не буду описывать. Рано по утру, 21 Февраля, привезли меня въ Пензу.

Я здѣсь остановлюсь. Въ продолженіи немногихъ лѣтъ совершаются величайшія перемѣны въ судьбахъ нашего отечества, равно какъ и цѣлаго міра. Для меня тоже начинается новая жизнь. Не знаю, для изображенія сихъ перемѣнъ едва ли достаточно будетъ одной, послѣдующей части.

ЗАПИСКИ
ФИЛИПА ФИЛИПОВИЧА
ВИГЕЛЯ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ИЗДАНИЕ «РУССКАГО АРХИВА».

(ДОПОЛНЕННОЕ СЪ ПОДЛИННОЙ РУКОПИСИ).

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульварь.

1892.

I.

Ужаснѣйшую и славнѣйшую эпоху нашего времени приходится мнѣ описывать. Но прежде нежели приступлю къ исполненію обязанности, которую, не спросясь моихъ читателей, возложилъ я на себя, будто для ихъ пользы и удовольствія, постараюсь на время потерять ихъ изъ виду; равномерно и ихъ охотно разрѣшаю, можетъ быть, отъ скуки читать сію первую главу. Я буду писать ее единственно для внуковъ и правнуковъ братьевъ и сестеръ моихъ; имъ посвящаю ее и въ ней изображаю послѣднія минуты примѣрной жизни того необыкновеннаго чловѣка, происхожденіемъ отъ котораго имѣть право гордиться тотъ изъ нихъ, который будетъ сколько-нибудь достоинъ называться его потомкомъ.

Я пріѣхалъ въ опустѣлый безъ него домъ. Онъ мнѣ показался трупомъ, отъ котораго отлѣгъла душа, хотя унылая, обезсиленная, но дотолъ все одна его оживлявшая. Въ избыткѣ горести, моя мать казалась даже нечувствительною къ пріѣзду любимаго сына. Выраженіе этой горести инымъ могло бы показаться преувеличеннымъ, и неестественнымъ только тѣмъ, которые не знали безпредѣльной ея любви къ покойному мужу; въ Пензѣ же никто не позволялъ себѣ осуждать ее, всѣ изъявляли участіе и сожалѣніе; даже дивились, какъ она могла пережить свое несчастіе. Я нашелъ, что занавѣски у кровати матери моей, равно какъ и у окошекъ ея комнаты, были черныя, закрытыя, того же цвѣта были одѣяло и чехлы на креслахъ; этотъ усиленный трауръ, этотъ мракъ, которымъ она окружала себя, всѣ знаки глубокой скорби ея, одни были для нея усладительны. Она лежала неподвижна, безсловесна. Врачи опасались, что продолженіе такого состоянія будетъ имѣть самыя вредныя послѣдствія вообще для здоровья ея и особенно для разсудка, и для того, чтобъ выводить ее изъ онѣмѣнія, одеревененія, прибѣгали къ средству сильному, къ припоминанію причины ея горести. Успѣхъ бывалъ ужасенъ: нечеловѣчскій, страшный и тяжкій стонъ, раздирающій душу присутствующихъ, начиналъ выходить изъ глубины ея груди. Одному только простодушному, свя-

тому старцу, епископу Афанасію, самому удрученному болѣзнями, удавалось врачевать ея душу. Его сердце было исполнено челоуѣколюбія, а уста нѣжныхъ, утѣшительныхъ словесъ; о предчувствуемомъ небѣ умѣлъ говорить онъ какъ о знакомомъ почти мѣстѣ. Слушая его, она тихо проливала потоки слезъ и чувствовала на время облегченіе сердечной скорби своей.

Такъ продолжалось около двухъ мѣсяцевъ. Наконецъ, Небо послало ей нѣкоторую твердость, и она начертала себѣ новый образъ жизни, которому слѣдовала до конца ея. Ровно двадцать лѣтъ осуждена была она влачить свое вдовство, и ничто не измѣнилось въ принятомъ ею порядкѣ. Она всегда носила черное платье, только по большимъ праздникамъ надѣвала бѣлое. Прежде любила она играть иногда въ вистъ; на карты наложено запрещеніе въ домѣ ея; не только въ какія-нибудь собранія, ни даже запросто ни къ кому она не ѣздила, посѣщала одни Божіи храмы, да навѣщала больныхъ и скорбныхъ. Однимъ словомъ, безъ постриженія, вела она всегда иноческую жизнь. О печали, которая никогда ея не покидала, никому не говорила; за то трудно было дожидаться улыбки на лицѣ ея, прежде всегда веселомъ, довольномъ.

Возвратясь изъ Петербурга, какъ мнѣ рассказывали, покойный отецъ мой нѣсколько было ожилъ. Онъ принялся опять за любимую страсть свою, продолжалъ отдѣлывать вновь имъ выстроенную каменную церковь въ селѣ Лебедевкѣ и доканчивать новый, большой деревянный домъ въ селѣ Симбухинѣ, который началъ возводить онъ, не имѣя средствъ отдѣлать другой каменный трехэтажный домъ, тутъ же давно имъ построенный. Къ этому примѣшалась еще другая страсть. Въ первой части сихъ Записокъ говорилъ уже я о привязанности его къ меньшей дочери, которую любилъ онъ паче всѣхъ другихъ дѣтей своихъ: онъ не видѣлъ въ ней никакихъ несовершенствъ, хотя, къ сожалѣнію, они были. Ее призвалъ онъ на совѣтъ при составленіи плана новаго строенія; она не имѣла понятія объ архитектурѣ и такъ, шутя, наобумъ стала проводить линіи карандашомъ. Этотъ странный чертежъ рѣшился онъ привести въ исполненіе, тѣшась мыслию, что онъ твореніе любимой дочери. Къ счастью, вышло что-то совсѣмъ необыкновенное, по не совсѣмъ дурное. Разумѣется, и во внутреннемъ небогатомъ убранствѣ слѣдовали ея же вкусу. Наконецъ, домъ поспѣлъ, и 14 Ноября, день именинъ его, жители Пензы за 13 верстъ во множествѣ пріѣхали праздновать съ нимъ новоселье. Веселились, пили, ѣли, танцовали, и звуки музыка тутъ послѣдній разъ раздавались въ домѣ нашемъ.

Конечно, эти строенія *разстраивали* все болѣе семейное состояніе; но какъ они были послѣднею, единственною его утѣхой, то бѣд-

ная, бережливая мать моя не хотѣла, показывая ему истину, отговаривать его отъ сихъ непомерныхъ издержекъ. Когда домъ былъ совсѣмъ оконченъ, и прекратились его занятія, онъ опять началъ впадать въ уныніе и тоску; это было совершенно состояніе больного дитяти, котораго можно только развлекать игрушками. Къ Рождеству уговорили его переѣхать въ городъ; почтительное состраданіе вкралось въ сердца прежнихъ враговъ его: всѣ оказывали ему знаки не притворнаго уваженія; но всему оставался онъ невнимателенъ, равнодушенъ.

Вдругъ 25 Января захворалъ онъ сильною простудой, пересталъ выѣзжать изъ дому, однако не слегъ. Отмѣнно досадно казалось ему, что онъ не можетъ быть на какомъ-то пирѣ, на какомъ-то балѣ, который дворянство, не знаю по какому случаю, хотѣло дать въ Благородномъ Собраніи своемъ, и тамъ полюбоваться пляскою дочери. Часу въ двѣнадцатомъ вечера, 27 числа, когда всѣ улеглись, кромѣ его, но еще не спали, побрелъ онъ въ комнату дочерей, присѣлъ на кровать меньшей и велѣлъ подать новое бальное платье, въ которомъ она должна была явиться на помянутомъ пирѣ. Посмотрѣлъ на него грустно, потомъ всталъ и, прощаясь съ необыкновенною нѣжностію, поцѣловалъ обѣихъ дочерей. Среди ночи, часу въ четвертомъ, мать моя была пробуждена какимъ-то страннымъ шорохомъ, и при свѣтѣ лампы, передъ образомъ зажженной, увидѣла его какъ тѣнь бродящаго по комнатѣ. Онъ сказалъ, что чувствуетъ сильное круженіе головы, приливъ къ ней крови и надѣется, что ходьбою оно пройдетъ. Потомъ, уставши, прилежъ на диванъ и минутъ черезъ десять страшно захрипѣлъ. Его не стало.

Съ крикомъ бросилась къ нему испуганная супруга. Менѣе чѣмъ черезъ четверть часа весь домъ былъ на ногахъ, и гонцы верхомъ посланы за священникомъ и врачомъ. Они явились; къ счастью, мать моя находилась тогда въ совершенномъ безпамятствѣ, и это брату моему дало возможность сказать ей простительную въ семь случаевъ ложь, будто въ это время покойный на нѣсколько минутъ открылъ глаза и успѣлъ причаститься святыхъ таинъ. Съ ея набожностію, безъ этого успокоительнаго обмана, она бы промучилась всю жизнь. Черезъ три дня жители Пензы, въ томъ числѣ множество простаго народа, 13 верстъ провожали тѣло бывшего начальника губерніи, до села Симбухина, гдѣ недавно праздновалъ онъ временное новоселье, а этотъ разъ поселялся на вѣчное. Тамъ, въ имѣ же построенной каменной церкви сего помѣстья, которое отъ первой супруги по наслѣдству ему досталось и носить ея фамильное имя, лежитъ онъ, подобно графу Глейхену, близъ нея и рядомъ со второю супругою своею.

Не одна тяжкая печаль ожидала меня въ Пензѣ, но и заботы до-толѣ мнѣ вовсе незнакомыя. Все имѣніе, состоявшее не съ большимъ изъ шести сотъ душъ, было опутано долгами, такъ что десятками тысячъ рублей ихъ считалось. Прежде предохранявшая его отъ разоренія, заботливая мать первоначально отказалась отъ всего и объявила дѣтямъ, чтобъ они спасались какъ хотятъ и умѣютъ, а что ей ничего не нужно. Изъ двухъ сестеръ одна близилась къ сорока годамъ, другая едва перешла за двадцать. Старшая дала обѣтъ никогда не отлучаться отъ матери, совершенно посвятить себя ей и не имѣть иныхъ заботъ. Меньшая никогда ихъ не знала, думала объ однихъ только на-рядахъ и удовольствіяхъ жизни, которыя по возможности были ей до-ставляемы; ничѣмъ нѣсколько серіознымъ не умѣла заниматься, ни чтеніемъ, ни даже руководѣіемъ. Первое горе, ее постигшее, и самое для нея тяжкое, не могла она, по примѣру сестры, перенести съ по-корностію къ волѣ Божіей, и отчаяніе ея походило на сумасшествіе. Наконецъ, старшій братъ Павелъ давно замышлялъ омыть хотя бы своею кровію незаслуженное пятно, которое правительство и общее имѣніе наложили на провіантское вѣдомство, къ которому онъ при-надлежалъ. И для того, еще при жизни отца, умолялъ онъ военнаго министра Барклая-де-Толли, лично его съ хорошей стороны знаваго, объ опредѣленіи его по прежнему и съ прежнимъ чиномъ въ военную службу. Тотъ отвѣчалъ ему, что воспользуется первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы выполнить его желаніе, но что это для него самого даже трудно: ибо съ 1807 года не было примѣра, чтобы кто-нибудь, служившій въ провіантскомъ штатѣ былъ принятъ въ службу армей-скимъ чиномъ. Съ недѣли на недѣлю ожидая рѣшенія судьбы своей, онъ также совершенно не могъ приступить къ управленію имѣніемъ.

Итакъ вся обуза должна была лечь на меня. Много помогали мнѣ сначала совѣты старшаго опытнаго брата. Изъ всѣхъ затруднитель-ныхъ обстоятельствъ жизни моей, при всей моей торопливости, часто необдуманности поступковъ, всегда выходилъ я довольно благополучно. Не смѣю и подумать, чтобы чѣмъ-либо заслужилъ особое милосердіе Божіе, но оно одно всегда явно выводило меня изъ пучины золъ мнѣ угрожавшихъ. Какъ же мнѣ было не любить и не страшиться эгого невидимаго всемогущества? Какъ отъ всей души не вѣровать было въ него, посреди общаго почти невѣрія? И въ этомъ случаѣ явило оно благодать свою надо мною и надъ моими, такъ что къ концу года де-нежныя дѣла наши взяли самый благопріятный оборотъ.

За Сурой, въ большомъ лѣсномъ участкѣ, намъ принадлежащемъ, называемомъ Кичкилейка, былъ у насъ винокуренный заводъ. Такого рода заведенія обыкновенно даютъ значительный доходъ; только нуженъ

хорошій присмотръ, а его-то послѣднее время и не было. Къ тому же десятилѣтнее существованіе этого завода истребило дѣсь и разорило мужиковъ. Необходимость заставила его погасить. Послѣ него осталось большое количество мѣдной посуды, которую можно было продать только на вѣсъ; къ счастью, одинъ добрый сосѣдъ, который въ это время приступалъ къ такого же рода предпріятію, не сталъ торговаться, а купилъ посуду почти по той же цѣнѣ, по которой она намъ обошлась, и такимъ образомъ можно было выручить нѣсколько тысячъ рублей. Еще другія тысячи получили мы благодаря угасшему заводу. Правительство, полагая, что всѣ сѣверо-западные области изобилуютъ рогатымъ скотомъ, обратилось къ нимъ съ предложеніемъ пожертвовать нѣкоторую часть онаго для прокормленія собравшейся на границѣ арміи. Въ Симбирской и въ Саратовской губерніяхъ, особливо же за Волгою, было тогда еще болѣе, чѣмъ нынѣ, необозримыхъ степей, на которыхъ тысячами паслись стада: для нихъ эта жертва была совсѣмъ не значительна. Но для Пензенской губерніи, которая такъ туго заселена, гдѣ такъ мало пастбищныхъ мѣстъ, которую мясомъ по большей части продовольствуютъ сосѣди, для нея это было довольно накладно. Приятно было видѣть радостную готовность, которую, не смотря на то, изъявило Пензенское дворянство въ семъ случаѣ: она въ моихъ глазахъ, по крайней мѣрѣ, была предзнаменованіемъ того великодушнаго всеобщаго, дружнаго возстанія, которое не замедлило потомъ обнаружиться во всей Россіи. Положено было купить 2.400 быковъ, по какой бы то цѣнѣ ни было, и съ надежнымъ чиновникомъ, на дворянскій счетъ, отправить къ войску, разложивъ сумму, для того употребленную, на помѣщиковъ по числу душъ ими владѣемыхъ. На нашу долю пришлось весьма мало, или лучше сказать, ничего, или лучше сказать, меньше чѣмъ ничего: на нашемъ заводѣ были десятки быковъ, которыхъ содержаніе дотолѣ намъ приходилось даромъ, которые сдѣлались не нужны, а кормить ихъ становилось дорого. Представился единственный случай ихъ дорого сбыть съ рукъ, и я не упустилъ имъ воспользоваться.

Одинъ Нижегородскій откупщикъ Мартыновъ, за проданную и поставленную ему водку, былъ долженъ пятнадцать тысячъ рублей отцу моему, но подъ разными предлогами отказывался уплачивать сіи деньги, какъ ни просили его и на него, такъ что долгъ сей почитали мы пропавшимъ. Видно, вдругъ ему стало совѣстно, ибо онъ прислалъ мнѣ эту сумму сполна, при письмѣ, въ которомъ объясняетъ, что, узнавъ о стѣсненномъ положеніи нашего семейства, хотя и самъ находится въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, далѣе откладывать уплаты не хочетъ.

Въ душевной тоскѣ и тѣлесномъ разслабленіи, метаясь, можно сказать, не зная куда, отецъ мой задумалъ было поселиться въ Москвѣ и для того послѣднею осенью купилъ въ ней за шесть тысячъ рублей небольшой деревянный домъ въ какомъ-то переулкѣ, близъ Арбата: этотъ домъ намѣренъ былъ онъ послѣ себя отдать любимой дочери. Въ благополучные дни нашего семейства, было у матери моей и у сестеръ нѣсколько алмазовъ, въ томъ числѣ одна сохранившаяся бриліантовая нитка, которая имѣла нѣкоторую цѣнность и была предназначена старшей сестрѣ, болѣе въ видѣ капитала, чѣмъ украшенія. Той и другой предметы сіи были обѣщаны, а не отданы. Однакоже, для продажи я счелъ долгомъ испросить ихъ согласія, и онѣ, безъ малѣйшаго затрудненія, дали его. Но гдѣ было сыскать покупателей въ такое время, когда всѣ, чуя приближеніе чернаго дня, берегли про него деньги, а многіе даже прятали ихъ? Судьба послала ихъ. Одинъ богатый помѣщикъ, Вельяшевъ, просваталъ въ это время единственную дочь свою за богатаго же помѣщика Ранцова и хотѣлъ дать ей приличное обоимъ состояніямъ приданое: бриліантовую нитку купилъ онъ у насъ за пять тысячъ рублей. Сыскался и другой, человѣкъ неблаго-разумный, неосторожный, котораго прозванія не запомню, но котораго не мнѣ осуждать: онъ купилъ Московскій домъ за десять тысячъ рублей, четырьмя тысячами дороже того, что онъ былъ заплаченъ, домъ, который, черезъ два мѣсяца спустя, съ тысячею другихъ, долженъ былъ обратиться въ пепель.

Было еще нѣсколько такихъ неожиданныхъ, благопріятныхъ случаевъ, о коихъ говорить не буду и которые помогли мнѣ въ полгода совсѣмъ почти выпутать изъ долговъ семейство мое. Всѣ эти мелочи, подробности, можетъ-быть, вовсе не занимательны, не скажу только для читателей моихъ (отъ нихъ уже отрекся я въ началѣ сей главы), но даже и для потомковъ моихъ родителей. Но мнѣ не упоминать о нихъ было бы и стыдно, и грѣшно, когда во всемъ этомъ видѣлъ я несомнѣнные знаки милосердія небеснаго къ осиротѣвшему семейству честнѣйшаго человѣка въ мірѣ, которое простодушіемъ и любовію къ ближнимъ было его достойно, и къ неопытному молодому человѣку, пожираемому желаніемъ быть полезнымъ еще болѣе ему, чѣмъ самому себѣ. Одинъ умный человѣкъ сказалъ, что то въ чемъ черствыя души видятъ одинъ слѣпой случай, не что иное, какъ инкогнито Провидѣнія, и что одни чувствительныя, благодарныя сердца способны Его угадывать.

Осенью другія заботы мнѣ представлялись, и тогда, закрывъ свою коммиссію погашенія долговъ, всѣ дѣла при вѣрномъ отчетѣ вручилъ я матери моей, которая, изъявивъ мнѣ свое удовольствіе, къ счастью, въ состояніи была опять успѣшно и прилежно заниматься ими.

II.

Около года Крыжановскаго не было въ Пензѣ. Грубіянь, безстыдный лгунъ, грабитель, который явно лѣзъ ко всѣмъ за пазуху, и непотребная жена его, которые два года наполняли ненавистью и омерзѣніемъ цѣлую губернію, были живымъ упрекомъ правительству, такихъ людей для управленія областями употребляющему. Молва о ихъ неслыханныхъ дѣяніяхъ разнеслась по всѣмъ сосѣднимъ губерніямъ и достигла столицы. Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, какъ видѣли выше, раздвоилось, и губернаторы поставлены были болѣе въ зависимость министра полиціи. Балашовъ былъ не изъ числа тѣхъ людей, которыхъ возмущаютъ дѣла Крыжановскихъ; не зная его лично, онъ, кажется, его покровительствовалъ, и вѣроятно при немъ онъ долго усидѣлъ бы на мѣстѣ. Хорошо, что человекъ, который пожелалъ этого мѣста, имѣлъ большія связи при дворѣ и умѣлъ о непристойностяхъ Крыжановскаго распускать слухи даже въ гостиныхъ большаго свѣта. Такимъ образомъ дошло до самого Государя, и онъ велѣлъ министру немедленно смѣнить его. По какому-то инстинктивному благорасположенію къ такого рода людямъ Балашовъ, однакоже, спасъ его отъ простой отставки, а выпросилъ дозволеніе причислить его по особымъ порученіямъ къ своему министерству. Имѣя его подъ рукой, могъ онъ ожидать, что употребить его съ большею пользою.

При полученіи о томъ извѣстія, въ Пензѣ случился довольно забавный анекдотъ. Будучи тайно предувѣдомленъ о своемъ паденіи, Крыжановскій сталъ наскоро собирать жену свою въ дорогу, дабы негубернаторшей ей тутъ и дня не оставаться. Такъ какъ она внутри Россіи никогда еще одна не путешествовала, то онъ предложилъ приверженцу своему Андрею Сергѣевичу Мартынову быть ея проводникомъ до Москвы, на что сей послѣдній охотно согласился. Съ этимъ Мартыновымъ я уже познакомилъ читателя, но это было давно, во второй части сихъ Записокъ; знакомство вѣроятно забыто, и я осмѣлюсь вновь его представить. Въ семь дворянинъ древняго происхожденія и весьма достаточномъ была врожденная склонность подличать. Во время сборовъ догадался ли онъ или провѣдалъ о чемъ, только отказаться уже не смѣлъ. Доѣхавъ до Саранска, на первомъ ночлегѣ прикинулся онъ больнымъ, кричалъ, жалуясь на нестерпимыя боли въ животѣ, въ головѣ, не хуже Жилблаза въ Роландовой Пещерѣ, такъ что перепугалъ спутницу свою. Она должна была отправиться одна далѣе; а онъ, какъ Сикстъ Пятый, вскочивъ, захохотавъ, спросилъ у предстоящихъ, каково сыгралъ онъ комедію? Когда въ Пензѣ спросили его, зачѣмъ онъ

такъ дурачился, онъ отвѣчалъ, что вѣдь указъ объ увольненіи еще полученъ не былъ ¹⁾. Когда же его получили, еще до возвращенія Мартынова, то г. Крыжановскій, совсѣмъ готовый къ отбытію, не медля усакалъ. Проводовъ ему не было: его отъѣздъ похожъ былъ на побѣгъ.

Вскорѣ прибылъ его преемникъ; но полно, такъ ли я сказалъ? Это было не вступленіе въ должность губернатора, а восшествіе, воцареніе владѣтельнаго князя. Послѣ смерти князя Сергія Ѳеодоровича Голицына, въ началѣ 1810 года, неутѣшная вдова его, Варвара Васильевна, рѣшилась удалиться отъ свѣта въ любимую свою Зубриловку, куда изъ Галиціи и привезено было его тѣло ²⁾. При ней находились неотлучно младшіе сыновья ея, на службѣ числящіеся, и самый старшій, отставной князь Григорій Сергѣевичъ съ женою и семействомъ. Но какъ поладить съ тѣмъ, чтобы, не разлучаясь съ нею, могли одинъ, продолжать службу, а другой поступить въ нее опять? Вотъ почему князь Григорій, будучи въ генеральскомъ чинѣ, началъ искать мѣста Пензенскаго губернатора и получилъ его, вмѣстѣ съ дозволеніемъ каждой лѣто за 130 верстъ ѣздить въ деревню къ матери. Весною и осенью могъ онъ проживать у нея подъ предлогомъ обозрѣнія губерніи, а зимою могла она пріѣзжать къ нему. Меньшіе три брата были всѣ камеръ-юнкеры; только средній, Василій, былъ пожалованъ до изданія указа о семь званіи и состоялъ въ пятомъ классѣ, а другіе два (Павелъ) и Владимиръ, послѣ, и имѣли только оберъ-офицерскіе чины. Ихъ опредѣлили къ брату чиновниками по особымъ порученіямъ, а Василья, помѣстили совѣтникомъ, сверхъ штата, въ Губернское Правленіе. Разумѣется, всѣ сохранили право жить въ Зубриловкѣ, когда они или мать ихъ того пожелаютъ.

Я нашелъ князя Голицына утвердившагося на своемъ губернаторско-княжескомъ престолѣ. По прошествіи шестинедѣльнаго траурнаго срока явился я къ нему и былъ милостиво принятъ; но и до того не одинъ разъ имѣлъ я случай его видѣть. Моя мать была имъ откровенно довольна: изъ уваженія къ званію предмѣстника, онъ былъ распорядителемъ похоронъ отца моего и потомъ разъ или два въ недѣлю посѣ-

¹⁾ Чистосердечіе въ такомъ поступкѣ отнимаетъ у него почти всю гадость. Обманъ и подлость суть пороки, которые татарщина ввела междумышленными предками нашими. Провести, надуть совсѣмъ не значило просто обманывать, а слыло доказательствомъ тонкости и прегосходства ума. Все это нынѣ чрезвычайно рѣдко встрѣчается, развѣ между мелкими кушачами и простыми народомъ.

²⁾ Онъ начальствовалъ тамъ вспомогательною арміею Наполеону противъ Австрійцевъ, въ извѣстной войнѣ безъ сраженій. Миръ былъ заключенъ, армія мало-по-малу возвращалась, и онъ скончался въ минуту отъѣзда своего.

щаль ее. По старинному знакомству какъ съ нимъ, такъ и съ братьями, по пріятностямъ тогдашней свѣтской ихъ образованности, могъ я дѣйствительно домъ его почитать для себя отрадою; но, въ продолженіи пребыванія моего въ Пензѣ, не всегда мы ладили, какъ увидятъ послѣ.

Большая часть Пензенцевъ были отъ него безъ памяти, и какъ не быть? Послѣ смутныхъ временъ Крыжановскаго, имъ казалось, что насталъ для нихъ настоящій золотой вѣкъ: губернаторъ, еще молодой, красивый, ласковый, пріивѣтливый, принадлежащій къ княжескому роду, почитаемому однимъ изъ первыхъ въ Россіи, въ близкомъ родствѣ со всѣмъ, что Петербургъ являетъ высокаго и знатнаго при дворѣ. Обыкновенно эти люди, когда невзначай попадали въ провинцію, чтобы не остаться однимъ, поневолѣ сближались съ почетнѣйшими изъ ея жителей и совсѣмъ не скупились на любезности, которыми, по крайней мѣрѣ, въ прошедшее время они славились. Въ столицахъ дѣло было другое; не переставая быть учтивыми, ихъ обращеніе примѣтно дѣлалось холоднѣе со сдѣланными тамъ знакомствами, и наши добрые люди никакъ не могли понять причинъ такой переменѣ. Итакъ, мои теще-славные земляки были очарованы: «ну, подлинно, говорили они, можно сказать, что баричъ такъ баричъ, не то что иной, другой какой-нибудь, нашъ братъ рядовой дворянинъ». Знавши такъ давно и такъ коротко всю эту Голицынскую семью, я не могъ раздѣлять ихъ восторговъ, но и не думалъ стараться умѣрять ихъ.

«И какъ такому вельможѣ захотѣлось у насъ поселиться?» говорили иные. Дѣйствительно, оно могло казаться страннымъ и тогда, а еще страннѣе нынѣ, когда губернаторскія мѣста болѣе упали въ общемъ мнѣніи. Восемнадцати лѣтъ былъ онъ уже генераль-майоромъ, генераль-адъютантомъ и докладчикомъ по военному вѣдомству при императорѣ Павлѣ; но какъ одинъ царскій капризъ создалъ его, такъ другой уничтожилъ, и никогда уже съ тѣхъ поръ не могъ онъ поднаться. Когда при Александрѣ воротились всѣ изгнанные отцомъ его, то онъ сталъ проситься въ службу при особѣ Государя; нашли, что онъ годится только въ дѣйствительные камергеры; а какъ и это званіе почиталось тогда во сто разъ важнѣе, чѣмъ нынѣ, то онъ охотно его и принялъ. Замѣтивъ, что этотъ титулъ совсѣмъ не въ почетъ у новаго Царя, сталъ проситься въ военную службу прежнимъ чиномъ, и его приняли съ состояніемъ по арміи и съ нахожденіемъ при отцѣ, тогда Рижскомъ военномъ губернаторѣ; съ нимъ вмѣстѣ опять вышелъ онъ въ отставку. Послѣ того, во время первой милиціи 1807 года, не вступая въ дѣйствительную службу, находился онъ при немъ же по какимъ-то порученіямъ; но какъ, видно, знали, что онъ тутъ (какъ и вездѣ) ничего не дѣлалъ, то и сочли достаточнымъ дать ему Аннин-

ской крестъ на шею. Въ армию противъ Австрійцевъ съ отцомъ онъ не поѣхалъ, а остался при матери. Большаго свѣта онъ не любилъ, хотя въ немъ вездѣ былъ принять, но вовсе незамѣчаемъ. Государь, который его лично зналъ, былъ весьма плохаго мнѣнія объ его способностяхъ и только вслѣдствіе одного сильнаго ходатайства *), назначилъ его губернаторомъ, съ переименованіемъ однакоже въ дѣйствительные статскіе совѣтники. И наши Пензенцы находили, что онъ спустился на губернаторство.

Будучи малолѣтнимъ, около года прожилъ я у Голицыныхъ въ селѣ Казацкомъ и, кажется, довольно вѣрно изобразилъ характеръ княгини. Полагая, что того не забыли читавшіе меня, почитаю излишнимъ какъ повторять сказанное мною, такъ и указывать на него. Оба они, мать и сынъ, не очень любили видѣть равныхъ себѣ, ибо между ними находили по большей части превосходящихъ ихъ въ образованности. Гораздо пріятнѣе имъ было окружать себя существами подчиненными, подвластными; ей—деревенскими барынями и барскими барынями; ему, пока онъ ни надъ кѣмъ не начальствовалъ—избранными холопами, изъ которыхъ творилъ онъ собесѣдниковъ. Въ отдаленномъ краю, гдѣ сходятся двѣ губерніи, Саратовская и Тамбовская, и по соседству съ Пензенской, создала себѣ княгиня Голицына маленькое царство, которое, по назначеніи сына ея въ правители, чрезвычайно умножилось присоединеніемъ къ нему цѣлой губерніи.

Нашъ князь Григорій Пензенскій былъ аристократъ совсѣмъ особаго покроя, совершенно отличный отъ брата своего Θεодора, который настоящей тогдашней аристократіи служилъ образцомъ. Онъ находилъ, что не иначе можно блистать какъ въ столицѣ и при дворѣ; а какъ всѣ усилія ума его, котораго у него было довольно, къ тому были направлены, то онъ совершенно и успѣвалъ. Много способствовалъ ему выгодный бракъ съ единственною дочерью фельдмаршала князя Прозоровскаго, у которой было 14 тысячъ душъ, изъ коихъ послѣ едва ли осталась у нея десятая доля. Его ласково-вѣжливое обхожденіе не допускало однакоже никакой короткости съ тѣми, съ кѣмъ онъ имѣть ея не хотѣлъ. Старшій же братъ, напротивъ, охотно балагурилъ, вралъ, полагая, что со всѣми можетъ безнаказанно быть фамиліаренъ. Онъ любилъ угощать у себя, попить, поѣсть, поплясать. По моему онъ былъ правъ: такими только манерами можно было тогда понравиться въ провинціи; grand-gente князя Θεодора тамъ бы не поняли. Два брата были вѣрнымъ изображеніемъ—одинъ новѣйшаго ари-

*) Марья Антоновна Нарышкиной, которой мужъ, Дмитрій Львовичъ, былъ родной дядя жены Голицына.

стократизма, заимствованнаго у Запада, другой—стариннаго Русскаго барства. Только, къ сожалѣнію, легкомысліемъ, прихотями, странностями онъ совсѣмъ не походилъ на древнихъ бояръ, которые отъ толпы обязаны были отличатся основательностію въ мысляхъ, обдуманностію въ поступкахъ.

Нашъ губернаторъ былъ чрезвычайный оригиналь, и главныя черты его характера непременно я долженъ здѣсь представить. Съ природною смышленостію, Русскіе равно способны и къ изобрѣтательности, и къ переимчивости; но съ природною же ихъ лѣнью и съ навыками, которые даны имъ лѣтъ полтора ста тому назадъ, превратились они совершенно въ постоянныхъ подражателей всего западнаго. Въ каждомъ изъ насъ болѣе или менѣе есть что-то обезьянное, кого-нибудь или что-нибудь должны мы непременно копировать; нашъ Голицынъ всѣхъ насъ превзошелъ, избравъ себѣ не одинъ, а нѣсколько образцовъ. Ему было лѣтъ двѣнадцать, когда умеръ дѣдушка Потемкинъ; онъ очень хорошо могъ помнитъ открытую грудь, босыя ноги, халатъ на распашку, въ которомъ принималъ онъ первыхъ вельможъ, сырыя рѣпу и морковь, которыя, всѣмъ пресыщенный, при нихъ же онъ грызаль; помнилъ также царскую его представительность и всѣ алмазы Востока, коими потомъ онъ осыпался. До губернаторства не имѣлъ онъ случая, подобно ему, являть попеременно такую простоту и такое величіе. Жаль только, что онъ не имѣлъ сокровищъ, коими владѣлъ его дѣдъ-образецъ: изъ десяти тысячъ душъ, послѣ смерти отца раздѣленныхъ между семью братьями, на долю его досталось не слишкомъ огромное состояніе, и онъ проматывалъ его, стараясь, елико возможно, не отставать отъ великолѣпнаго князя Тавриды.

Извѣстно, что императоръ Александръ умѣлъ скрывать свой гнѣвъ и народу являлъ всегда одну милостивую улыбку. И это довольно удачно умѣли мы перенять. По воскреснымъ днямъ, вмѣсто собора, князь съ своею княгиней предпочиталъ ѣздить къ обѣднѣ въ женскій монастырь; тамъ отъ святыхъ воротъ до храма было пространство, которое надобно было проходить пѣшкомъ и которое наполнено бывало народомъ, и онъ шествовалъ объ руку съ супругою, ласково кланяясь направо и налево восторженной толпѣ. Княгиня Катерина Ивановна, жена его, урожденная Сологубъ, своею кротостію и благовидностію, совсѣмъ не думая о томъ, была дѣйствительно сколкомъ съ Елисаветы Алексѣевны.

Онъ любилъ ее и уважалъ и всегда былъ ей вѣренъ, но полагалъ, что владѣтельной особѣ для вида необходимо имѣть метрессъ, какъ ихъ тогда называли. Онъ слыхалъ о Лудовигѣ XIV, и кто же изъ находившихся тогда при дворѣ не слыхалъ о немъ? Двѣ пожилыя женщины, одна вдова, другая дѣва, влюбились въ князя, и онъ обра-

довался тому, какъ способу въ глазахъ свѣта—сихъ мнимыхъ наложницъ выдавать за настоящихъ.

Родъ есть одинъ изъ древнѣйшихъ въ Русскихъ родословныхъ книгахъ. Послѣдній, кажется, изъ него, надворный совѣтникъ, Левъ Васильевичъ жилъ въ Пензѣ. Онъ былъ старичишка весьма неглупый, маленькаго роста, съ маленькимъ въ морщинахъ лицомъ и съ сверкающими плутовскими сѣрыми глазами. Извѣстенъ былъ онъ какъ скряга, ростовщикъ и безстыдный подлецъ, который, искусно раздражая своихъ должниковъ, часто терпѣлъ отъ нихъ побои, дабы заставить ихъ послѣ заплатить себѣ за безчестіе и увѣчье. Зато отъ 150 душъ нажилъ онъ болѣе тысячи и вмѣстѣ съ полумиліономъ денегъ оставилъ ихъ меньшему сыну и дѣтямъ вдовы старшаго. Эта вдова, опекуна малолѣтныхъ наслѣдниковъ, Александра Степановна урожденная Топорнина, была дѣйствительно топорной работы, баба здоровенная, провинціалка съ ногъ до головы и, кажись простая, но какъ говорили тогда, себѣ на умѣ. При жизни свекора, который умеръ не задолго до прибытія Голицына и который ей ничего не давалъ, съ собственнымъ малымъ состояніемъ, жила она скромно, скудно, объ ней мало было слышно, и презрѣніе къ покойному, ею совсѣмъ незаслуженное, какъ будто разливалось и на нее. Тутъ она воспрянула: замѣтивъ, что Голицыну очень хочется, чтобъ его обожали, стала прехладнокровно его обожать, начала для него дѣлать обѣды, принимать гостей; за то онъ пожаловалъ ее маркизою де-Монтеспанъ, и помнится я подсунулъ ему этотъ титулъ. Она всегда составляла его партію въ бостонъ, и какъ лучше его играла, то всегда обыгрывала; сверхъ того, давала ему деньги взаймы, только за высокіе проценты и на вѣрные векселя, за что къ первому ея титулу онъ прибавилъ второй, мадамъ ла-Рессурсъ. Вотъ, кажется, чѣмъ ограничивались любовныя связи Монтеспанъ съ Пензенскимъ Лудовикомъ. Ни про нее; ни про ея свекора, я доселѣ ни слова не сказалъ; но Пензенское дворянство неисчислимо и, право, всѣхъ не припомнишь.

Другая связь была гораздо интереснѣе. Сестрѣ многолѣтнему въ предыдущей части Алексѣя Даниловича Копіева, дѣвицѣ Александрѣ Даниловнѣ, было гораздо за сорокъ лѣтъ; нескромная толщина тѣла и смуглость ея не молодили, но для пылкихъ сердецъ нѣтъ возраста. Въ молодости она полюбила какого-то маіора Неймича, а смерть похитила ея возлюбленнаго, когда онъ готовился быть ей супругомъ. Убитая горестію, она хотѣла идти въ монастырь, убѣжище всѣхъ мученицъ чувствительности. Чтобы приготовить себя къ тому, оставила она свѣтъ, надѣла черное платье, постомъ и молитвой старалась заглушить память объ ожидавшемъ ее блаженствѣ; устремившись мыслію къ Богу,

надѣялась забыть боготворимаго. Время, видно, истребляетъ всѣ впечатлѣнія, всѣ воспоминанія (кромя моихъ). Оно успокоило ея сердце, а свѣтъ приманилъ ее опять къ себѣ, но когда плѣняться ей было еще легко, а плѣняться уже поздно. Никогда еще у брата съ сестрой не было менѣе сходства, какъ у этихъ Копіевыхъ. Она была тиха, скромна и до того не злорѣчива, что когда одинъ разъ при ней стали говорить о человѣкѣ уличенномъ въ отцеубійствѣ, она вскрикнула: ахъ какъ онъ дурно сдѣлалъ! Никого не могла она ненавидѣть, но за то слишкомъ расположена была любить. Чтеніе Французскихъ романовъ пуще воспламенило ея воображеніе; въ мнѣніи ея мадамъ Жанлисъ оспаривала первенство у мадамъ Сталь и всегда одерживала верхъ; главною же ея любимицею была мадамъ Коттенъ. Уважая ея добрыя, милыя свойства, никто изъ провинціаловъ не хотѣлъ замѣтить ея смѣшной стороны и для потѣхи показать чувство, котораго не имѣлъ. Напрасно: это оживило бы ея тоскливое существованіе. Наконецъ явился спаситель,—это былъ Голицынъ. Возбужденною въ ней страстію онъ гордился, смѣялся надъ ней, выставлялъ ее на позоръ, а она не въ силахъ была ее скрывать. Она вся предалась ей; не суждено было ей узнать сущности любви, она прилѣпилась къ ея призраку. Въ умѣ у нея недостатка не было, и она должна была замѣтить, что все это вздоръ и что она сдѣлалась посмѣшищемъ цѣлаго города; но что дѣлать, такъ и быть! Она тѣшилась въ мечтахъ и, казалось, говорила: обманывай, обманывай меня, ради Бога не переставай! Ее посвятилъ онъ въ дѣвицы ла-Валлиеръ. И, что всего забавнѣе, онъ заставлялъ жену показывать чрезвычайную холодность къ обѣимъ симъ дамамъ. Я воображаю, какъ этой почтенной женщинѣ тяжело было въ угожденіе ему дурачиться.

Продолжая примѣры свой братъ свысока, онъ захотѣлъ быть и преобразователемъ Пензы, какъ Петръ Великій. Въ чемъ же состояли предпріятыя имъ перемѣны? Онъ нашелъ въ одеждѣ мушинъ и женщинъ много отсталаго, запоздалаго; легкими, но часто повторяемыми шутками насчетъ ихъ нарядовъ онъ многихъ заставилъ переодѣться по модѣ. Странность экипажей также не избѣгла его замѣчаній и насмѣшекъ; скоро начали исчезать старыя колымаги и четверомѣстныя дрожки-линейки, столь удобныя для живущихъ въ провинціи недостаточныхъ семействъ. Всѣ крѣпко держались привилегіи, данной первымъ чинамъ до статскаго совѣтника включительно, ѣздить цугомъ или шестерней; штабъ-офицеры ѣздили четверней, а оберъ-офицеры не смѣли у себя впрягать болѣе пары лошадей; тутъ было нужно нѣчто похожее на насиліе, чтобъ у пятиклассныхъ отпречь пару и припречь ее къ каретамъ людей четырнадцатаго класса. У этого человѣка ни

чемъ настоящаго понятія не было. Такимъ образомъ, съ одной стороны, стараясь распространить все новосвѣтское, съ другой онъ любилъ при-держиваться старины, во всемъ что только могло умножить личное его величїе. О святкахъ всегда создавалъ онъ маскарады и на нихъ являлся одинъ безъ маски, въ богатомъ длинномъ платьѣ старинныхъ Русскихъ бояръ, стараясь разыгрывать ихъ роль, тогда какъ всѣ другіе, въ угожденіе ему, были въ личинахъ и какъ можно шутовски наряжены: ему казалось, что все это дворня, которая на игрищѣ тѣшитъ своего боярина. А иногда такъ у себя дома облакался онъ въ тотъ же аксамитъ, бархатъ и парчу. Сіятельный изволить тѣшиться, говорили иные съ подбострастіемъ, а нѣкоторые уже съ насмѣшливою улыбкой.

Куда какой онъ былъ затѣйникъ, этотъ князь Григорій Сергѣевичъ! Кого бы вы думали поставилъ онъ въ число образцовъ своихъ? Давида, Іудейскаго царя-пророка. Въ первой молодости, говорятъ, выучился онъ довольно изрядно играть на арфѣ, потомъ бросилъ ее, и на губернаторствѣ уже, видно отъ нечего дѣлать, принялся опять за сіе музыкальное искусство. По утрамъ находили его иногда въ какомъ-то костюмѣ, драпированнаго, за этимъ инструментомъ, съ звуками коего сочеталъ онъ голосъ свой и на наивысшій разныхъ пѣсень или арій, *При долинушкѣ стояла, Выйду-ль я на рѣченьку* или *Lison dormait dans un bocage*, воспѣвалъ онъ исалмы. Вообще онъ имѣлъ небольшую склонность къ набожности, а вкусъ къ церковнымъ обрядамъ. Въ деревнѣ, какъ увѣряли, наряжалъ самого себя и любимѣйшихъ слугъ въ стихари, пѣвалъ съ ними на клиросѣ и читалъ апостольскія посланія. Утверждали, что онъ читаетъ духовныя книги; я увѣренъ, что однѣ только литургическія, за то уже другихъ никакихъ въ руки не бралъ. Съ этой стороны, то есть со стороны любви къ церковно-служительству, опять сближался онъ въ сходствѣ съ высокомощнымъ дѣдомъ своимъ.

Нужно ли говорить, что онъ составилъ себѣ дворъ? Между прочимъ для молоденькихъ писцовъ канцеляріи своей, изъ низкаго происхожденія, нанялъ онъ гдѣ-то танцмейстера, одѣлъ ихъ на свой счетъ и представилъ въ свѣтъ, гдѣ всѣ дѣвицы обязаны были съ ними танцовать. Онъ называлъ ихъ своими камеръ-юнкерами, и они отличались отъ другихъ однообразнымъ цвѣтомъ жилетовъ. Секретарь жаловался, что некому переписывать въ канцеляріи, что они ничего дѣлать не хотятъ; онъ велѣлъ набрать другихъ, ихъ считать сверхъ штата, и далъ имъ отъ себя содержаніе.

Всему, что до него относилось, умѣлъ онъ давать какой-то державный видъ. Занеможетъ ли у него жена, по всѣмъ церквамъ велить онъ служить молебствія о ея выздоровленіи. Родится ли у него сынъ,

онъ своеручно пишетъ церемоніаль его крестинъ: отъ губернаторскаго дома до собора, по улицѣ, несутъ младенца на подушкѣ, окруженнаго разряженными повивальною бабкой, нянькою, кормилицей и для прислуги дѣвочкою; впереди и сзади два ливрейные лакея; курьеръ открываетъ шествіе, другой замыкаетъ его. Весною, при отправленіи въ Зубриловку (за 130 верстъ), семейства, свиты, живущихъ, дворни и конюшни, соблюдались также официальные формы, составлялся также маршрутъ, поѣздъ дѣлился на три отдѣленія, назначались роздыхи, ночлеги, и по дорогѣ разсылались копии съ письменнаго распоряженія.

При такихъ мелочныхъ, но многоразличныхъ занятіяхъ, когда ему было входить въ дѣла по управленію губерніей? Онъ рѣшительно ничего не дѣлалъ. Тотъ же плутъ Арфаловъ, уже не секретарь губернаторской, а совѣтникъ Губернскаго Правленія, который вкрался въ довѣренность къ отцу моему, который сдружился съ Крыжановскимъ, при немъ самовластно всѣмъ заправлялъ.

Человѣкъ этотъ былъ и не глупый и не злой; умнымъ и добрымъ опять назвать было его нельзя. Да что же былъ онъ? Да такъ, Богъ знаетъ что-то такое. Только утвердительно могу сказать, что въ немъ не было ни искры чувства, ни капли разсудка. Проказамъ, причудамъ его не было конца. Меня, признаюсь, часто онъ весьма забавляли; но иногда, глядя на нихъ, становилось и досадно, и скучно.

Съ удивленіемъ должно замѣтить, что всѣ члены не одного этого семейства, но всего многочисленнаго, безчисленнаго рода Голицыныхъ, болѣе или менѣе, всѣ на одинъ покрой: довольно не глупы, иные весьма остроумны, веселонравны, храбры, услужливы; все это прекрасно... Правда, когда загорится война, они бросаются въ службу, во многихъ изъ нихъ удалство пробуждается; видно, что кровь Литовскихъ героевъ кипитъ еще въ ихъ жилахъ; но настанетъ миръ, они погружаются въ прежнюю праздность. Это напоминаетъ дикія времена ихъ великихъ предковъ; но въ нынѣшній вѣкъ, именующій себя просвѣщеннымъ, не совсѣмъ это ловко. Весьма немногіе изъ нихъ (а ихъ такъ много!) пытались быть поэтами, музыкантами, даже живописцами; ни одинъ не сталъ выше посредственности, ни одинъ не обѣщаетъ Россіи хорошаго полководца или искуснаго государственнаго человѣка. Я все говорю не о прошедшемъ, а объ настоящемъ.

Нѣкоторые изъ внуковъ Гедмина явились при Василиѣ Дмитриевичѣ въ Московской Россіи, когда, послѣ кроваваго хаоса, начинала понемногу принимать она тѣнь устройства. Сперва женились они на дочеряхъ великокняжескихъ, сроднились потомъ съ другими Русскими князьями и породили Голицыныхъ, Куракиныхъ, Корецкихъ, Трубецкихъ и иныхъ. Впослѣдствіи потомство ихъ, размножаясь, стало на-

равнѣ, ни выше, ни ниже другихъ княжескихъ семействъ племени Рюрикова. Въ исторіи Голицыныхъ что-то не видать *) до правленія Софіи Алексѣевны; при ней любимецъ ея Василій Васильевичъ между ними вдругъ выросъ, какъ великанъ. Могущество его въ государствѣ равнялось силѣ его ума. Сія чета должна была вмѣстѣ пасть въ борьбѣ съ юношей сильнѣе ея и гениемъ и правами. Карая достойныхъ его противниковъ, Петръ Великій всѣми мѣрами возвышалъ крѣпкихъ мужей, сподвижниковъ своихъ, какъ всѣ великіе государи, которые не страшатся соперничества съ необыкновенными людьми своего государства. При немъ два брата, близкіе родственники погубленнаго имъ Голицына, заняли первыя мѣста, одинъ въ арміи, другой во флотѣ, оба въ думѣ государственной; онъ осыпалъ ихъ богатствами, а они покрыли себя славою, коей блескъ разлился на всѣхъ однофамильцевъ ихъ, тогда еще не столь многочисленныхъ. Пять лѣтъ послѣ его кончины воцарилась Анна Ивановна; при ней руссоненавистникъ Биронъ между Русскими искалъ преимущественно высокихъ жертвъ; имя Голицыныхъ паче другихъ тогда возносилось, и казнь и заточеніе сдѣлалось удѣломъ главнѣйшихъ изъ нихъ. За то наступило для нихъ время новаго рода знаменитости, всенародной любви и участія. Пережившіе жестокія гоненія съ торжествомъ возвратились ко двору Елисаветы. Съ тѣхъ поръ ихъ порода примѣтно стала меркнуть, хотя еще далеко было до нынѣшняго полнаго ея загмѣнія: они все болѣе плодидились и мелѣли. Во второй половинѣ прошедшаго столѣтія только трое изъ нихъ сдѣлались извѣстными: первый фельдмаршалъ, князь Александръ Михайловичъ, котораго по доказанному неискусству пришлось отозвать отъ начальствованія арміей, не смотря на взятіе имъ приступомъ пустаго, никѣмъ не защищаемаго Хотина съ брошенными пушками; другой также князь Александръ Михайловичъ, плохой дипломатъ, котораго изъ вице-канцлеровъ перевели въ оберъ-камергеры; наконецъ, третій князь Сергій Ѳедоровичъ, отлично храбрый генералъ, котораго судьба, къ счастью или къ несчастію его, никогда не доустигла показать себя хорошимъ полководцемъ. Еще былъ четвертый князь Дмитрій Михайловичъ; честь и хвала ему, воздвигнувшему себѣ памятникъ—Московскую Голицынскую больницу.

Взысканные царскими милостями, обогащаемые царскими щедротами, немногіе изъ нихъ умѣли по крайней мѣрѣ умножать собою блескъ

*) Я было забылъ, что послѣ Годунова, Лжедмитрія и Шуйскаго, былъ одинъ Голицынъ въ числѣ искателей Русскаго престола, тогда какъ смѣшная его претензія никѣмъ не была поддержана, тогда какъ Метиславскій, правитель Россіи и Пожарскій, спаситель ея, не дерзнулъ воевать на то.

двора. Вѣкъ Екатерины былъ для нихъ особенно пагубенъ именно потому, что она особенно къ нимъ благоволила. Не смотря на ея философствованіе, въ Царскомъ Селѣ ей хотѣлось Версали; въ ея угожденіе изъ Голицыныхъ богатая молодежь разъѣздила по чужимъ краямъ и во Франціи обрѣла рай, по возвращеніи же награждаема была камергерствомъ и камеръ-юнкерствомъ. Изъ-за границы вывезли они новыя понятія о преимуществахъ аристократіи и стали почитать себя по крайней мѣрѣ наравнѣ съ дюками и пѣрами той земли, гдѣ ихъ величали принцами; начали, и не одни, свой новый аристократизмъ прилагивать къ Русскому боярству; начали явно пренебрегать не столько еще простымъ народомъ, какъ мелкими, хотя бы и старинными дворянами и стараться понизить ихъ до своей домашней прислуги, которую, выводя въ мелкіе чины, старались съ ними сравнивать. Въ ихъ предпріятіяхъ большою помощницею была княгиня Наталья Петровна, умная и гордая женщина, съ твердымъ, даже крутымъ нравомъ, вошедшая въ ихъ семейство; она лучше всякаго мужчины умѣла поддержать на нѣкоторой высотѣ родъ ихъ, клонившійся къ паденію. Они, не думая о томъ, хотѣли вводить къ намъ все то, что, раздражая самолюбіе среднихъ классовъ, породило ужасную революцію 1789-го года.

А между тѣмъ нѣкоторыя отдаленныя вѣтви и тогда уже не цвѣли, а прозябали пустоцвѣтомъ въ провинціяхъ, вдали отъ твердаго еще своего корня. Въ Саранскѣ было пять бѣдныхъ Голицыныхъ, родныхъ братьевъ и двоюродныхъ князю Сергію Ѳеодоровичу, изъ которыхъ трое не служили. А какъ они, такъ и другіе немущіе ихъ соплеменники, не смотря на свою малозначительность, кичились своимъ именемъ и полагали, что послѣ императорской фамиліи ихъ родъ есть первый въ Россіи! Кто это вложилъ имъ въ голову? И не странно-ли, что съ такими предразсудками соименные имъ, счастливые и могущіе въ Петербургѣ, безъ всякой причины чуждаются ихъ? Сколько разъ приходилось мнѣ отъ нихъ слышать: «да, они тоже Голицыны, да только не изъ тѣхъ».—Да изъ какихъ же? Лѣньность, тщеславіе и мысль, что ихъ имя выше достоинствъ, прибрѣтаемыхъ заслугами, все болѣе и болѣе отдаляютъ ихъ отъ дороги, по которой могли бы они дойти до прежней высоты. Множатся же они не по-княжески, а по-мѣщански. Потому-то части богатаго наслѣдства предковъ едва ли доходятъ до третьяго поколѣнія, отъ безпрестаннаго дѣлежа, отъ безразсудности, нерасчетливости, неимовѣрной жажды къ наслажденіямъ, однимъ словомъ отъ мотовства потомковъ. Особенное свойство этого уже не рода, а народа, есть страсть не столько къ женщинамъ, какъ къ женидбѣ, какое-то матримоніальное бѣшенство, которое впрочемъ чрезвычайно для нихъ бываетъ полезно: женидба всегда возстановляетъ

разрушенное ихъ состояніе. Можно, но трудно найти Нѣмца или Голицына, который бы женился не по расчету, на бѣдной дѣвицѣ; они такъ стерегутъ богатыхъ невѣсть, какъ Ливонія и Литва въ старину добычи всегда искали въ Россіи. Имя Голицыныхъ, не смотря на то, что носящимъ его скоро нужно будетъ сдѣлать особую перепись или ревизію, и понынѣ имѣетъ еще нѣкоторую цѣну въ глазахъ провинціаловъ, хотя съ другой стороны насмѣшливыя прозвища рябчиковъ, куликовъ показываютъ, что она много понизилась. И хотя бы брачными союзами пріобрѣтаемыя имѣнія сохранялись въ родѣ! Но нѣтъ, они также истребляются для поддержанія великаго имени великою роскошью. Наконецъ, что такое нынѣ Голицыны? Люди, которые, не хотѣвши знать ни подчиненности, ни трудовъ, ни порядка, по полученіи первыхъ офицерскихъ чиновъ оставляютъ службу, женятся, чванятся жениннымъ имѣніемъ, проживаютъ его, множатся и плодятся. У одного князя Григорія Сергѣевича, о которомъ я здѣсь такъ много говорилъ, пять сыновей малочиновныхъ, отставныхъ, женатыхъ, невоздержныхъ и плодородныхъ. Всѣ вкупѣ представляютъ они нѣчто, какъ бы чудище обло, озорно, о тысячѣ зѣвахъ, поглощающихъ плоды долголѣтнихъ усилій трудолюбивыхъ семействъ, но которые насытить его не могутъ; или какъ бы все ширѣющій каналъ, чрезъ который богатства земли только что протекаютъ. Въ этомъ только отношеніи конечно они полезны государству; ибо, приводя въ движеніе расточаемые ими капиталы, они способствуютъ развитію промышленности; да сверхъ того, при безпрестанномъ переводѣ имѣній изъ рукъ въ руки, пошлинами обогащаютъ казну. И пусть бы, такъ и быть, разорялись сами въ Россіи; этого имъ мало: съ нѣкотораго времени начали они и ее разорять. Самые богатѣйшіе изъ нихъ *) продаютъ здѣсь свои имѣнія, селятся за границей, переводятъ туда миліоны и передаютъ ихъ въ руки Іезуитовъ, лютейшихъ враговъ Православія. Если между Русскими захотите вы узнать измѣнниковъ вѣрѣ отцовъ своихъ, не ищите ихъ въ другихъ семействахъ, ихъ тамъ нѣтъ; всѣхъ найдете вы между одними Голицыными обоего пола.

Увы, все, что сказалъ я о сихъ падшихъ, до нѣкоторой степени можетъ относиться и до большей половины моихъ соотечественниковъ изъ дворянъ, почитающихъ себя просвѣщенными, разумѣется только въ гораздо уменьшенномъ видѣ.

Вся эта Голицынская исторія приводитъ насъ къ вопросу, кото-

*) Родные племянники и единственные наследники нашего Креста, бездѣтнаго князя, Сергія Михайловича, который необыкновеннымъ добросердечіемъ заставляетъ часто забывать гдѣную силу свою.

рый неоднократно самъ себѣ и другимъ я дѣлалъ и который ни я, ни они никакъ разрѣшить не могли: въ чемъ состоитъ у насъ знатность, аристократія или высшее сословіе? То, что подъ симъ именемъ разумѣютъ на Западѣ, не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, что мы у себя называемъ вельможествомъ. Тамъ оно вѣками утвержденное, хотя въ иныхъ мѣстахъ пошатнувшееся, но все еще довольно прочно существующее состояніе; оно имѣетъ смыслъ: у насъ оно состояніе переходящее. Тамъ оно—зѣмокъ въ развалинахъ, у насъ оно—великолѣпная палатка.

Когда Германскія Готескія племена стали нападать на порабощенные Римомъ народы, они совсѣмъ не сильны были числомъ: силу свою получали они отъ воли Всевышняго; ихъ отчаянную храбрость избрала она какъ орудіе для сокрушенія человѣческой гордости, злости и пороковъ, олицетворенныхъ обладателями тогдашняго міра. Жители Галліи, Испаніи, Лузитаніи, части Британіи и, наконецъ, самой Италиі, раздавленные Римскимъ ярмомъ, потеряли энергію предковъ, не могли долго сопротивляться дикимъ варварамъ Сѣвера и перешли подъ новое иго. Началъ исчезать весь прежній бытъ, и съ нимъ вмѣстѣ названія патриціевъ и плебеевъ; ихъ замѣнили названія завоевателей и завоеванныхъ. Первые послѣднихъ начали дѣлить какъ стада, но только съ Нѣмецкою точностію, съ своимъ особымъ законодательствомъ, и составили феодализмъ. Главные ихъ предводители, нѣсколько олатинившись, начали охотно изъ кѣниговъ, герцоговъ и графовъ переименовывать себя въ рексы, дукы и комесы. Всѣ эти народныя волны, всемірною бурей на высоты земныя вознесенныя, на нихъ остались и какъ будто окаменѣли. Главные вассалы, вспомнивъ, что предки ихъ, во время завоеванія, повиновались королямъ, какъ равные старшему или главному между ними и, пользуясь слабостію Карловинговъ, сдѣлались почти независимы; въ свою очередь ихъ подвассалы (*argtières-vassaux*) также безусловно имъ покорились; вся Европа покрылась безчисленными, разностепенными, крупными и мелкими государствами. На прочномъ основаніи воздвигнутое Готическое зданіе устояло противъ дѣйствія времени, простояло десять столѣтій. Наконецъ, и давно уже (первоначально во Франціи) гордые и хищные бароны стали покидать свои каменные гнѣзда; опустѣвшіе послѣ нихъ зѣмки, нѣкогда устрашавшіе путниковъ, нынѣ плѣняютъ ихъ взоры. Подобно кризалидѣ, перерождающейся въ мотылька, сбросивъ рыцарскія латы, превратились они въ напудренныхъ, раздушенныхъ маркизовъ, въ шитыхъ бархатныхъ кафтанахъ въ шелковыхъ чулкахъ, съ фарфоровыми шпагами и красными габлуками. Но и тутъ названія провинцій, городовъ и зѣмковъ, ими носимыя, богатства, сохранившіяся посредствомъ майоратовъ, блескъ

двора, въ коемъ наслѣдственно занимали они первыя мѣста, долго внушали къ нимъ невольное уваженіе другихъ сословій, пока развратъ и мотовство совсѣмъ не уронили ихъ въ общемъ мнѣніи еще до начала революціи. Нынѣ они почтенны въ глазахъ моихъ, когда противъ всѣхъ упорно защищаютъ древнія права свои еще не столько изъ тщеславія, какъ по священной обязанности, завѣщанной имъ предками.

То ли же самое было въ Россіи? При рожденіи ея, какихъ иноземцовъ покорили мы или къъмъ были покорены? Новгородцы добровольно призвали Рюрика съ горстью Варягъ, чтобы защищалъ ихъ и водворилъ между ними правосудіе. Преемникъ его съ умножившеюся дружиною быстро и безвозбранно протекъ всю нашу землю до Кіева, гдѣ встрѣтилъ первое сопротивленіе, и изо всѣхъ племенъ Славянскихъ отъ Сѣвера до Юга разомъ сплотилъ великую Россію; его наслѣдники между Славянскими же народами расширили ее на Западъ и на Востокъ. Но какими особенными правами пользовались малочисленные сподвижники Олега, Игоря и Святослава? И гдѣ ихъ потомство? Въ родословныхъ книгахъ находимъ мы только Одинцовыхъ да Блудовыхъ, которые показаны изъ Кіевлянъ; всѣ прочіе пришельцы-позднѣйшихъ временъ, кто изъ Татаръ, кто будто изъ Рима, будто изъ Англій; все какіе нибудь фигляры, потѣшники великихъ князей или мастеровой народъ, имъ такъ нужный. Столь сильный сперва Рюриковъ родъ одинъ умѣлъ удержать за собою верховную власть. Такъ тому и слѣдовало быть. Славянскіе народы, послѣдніе выходцы изъ невѣдомыхъ странъ Востока и Азій, сохраняли ихъ духъ и вѣрованія: великихъ завоевателей принимали за боговъ, въ однихъ потомкахъ ихъ видѣли нѣчто божественное, отдѣляющее ихъ отъ земнородныхъ и возвышающее ихъ надъ ними. Такъ было нѣкогда съ Арзасидами, такъ было съ потомствомъ Чингисъ-Хана, съ Гиреями въ Крыму, такъ существуетъ нынѣ Оттоманскій домъ: имъ однимъ предоставлены священныя наслѣдственныя права. Въ правителяхъ же областей, въ военачальникахъ своихъ видѣлъ всегда народъ равныхъ себѣ людей, временно, случайно надъ нимъ поставленныхъ, дуновеніемъ вѣщеносцевъ созданныхъ. Самы вольные Новгородцы, нѣсколько сблизившіеся съ германизмомъ, чрезъ торговлю съ Ганзой и сосѣдство съ Ливоніей, преимущественно избирали въ князья или предводители войска потомковъ нѣкогда избраннаго ими Рюрика.

Эти Рюриковичи, сыны небесъ въ глазахъ предковъ нашихъ, къ несчастію Россіи и ихъ потомства, имѣли чрезвычайно производительную силу и были слишкомъ чадолюбивы. Безирестанно раздробляемыя ими владѣнія между дѣтей составили удѣлизмъ, нѣчто похожее на феодализмъ Запада. Татары еще не положили ему конца, но только на-

чали дѣло, довершенное Іоанномъ III-мъ. Сей гордый властелинъ, почитавшій себя наслѣдникомъ Византійскаго престола, послѣдній удѣлъ истребившій, хотѣлъ поставить неизмѣримое пространство между собою и единокровными мелкими князьями, дабы заставить ихъ даже забыть, что они одного съ нимъ происхожденія. Въ этомъ случаѣ онъ похожъ былъ на людей изъ низкаго состоянія, заслугами или Фортуной на высокую степень возведенныхъ, которые гнушаются своими родственниками. По крайней мѣрѣ ни съ однимъ изъ нихъ не хотѣлъ онъ вступить въ ближайшее родство: сперва женился на дочери послѣдняго владѣтельнаго Тверскаго князя, почти ему равносильнаго; во второй бракъ вступилъ съ извѣстною Софіею Ѳомишиною, племянницею послѣдняго Восточнаго императора Константина Палеолога; старшаго сына женилъ на дочери еще сильнаго владѣтельнаго государя Молдавскаго Стефана Воеводы. Онъ старался князьковъ вдавить въ толпы другихъ своихъ подданныхъ, и это не трудно было ему сдѣлать: во время двухвѣковаго владычества Татаръ, они не переставали размножаться, бѣднѣть отъ безпрестанныхъ поборовъ, которые истощали тогда Россію, и до того упали въ народномъ мѣнѣи, что подобно простолюдинамъ стали получать отъ него прозвища, которыя перешли къ ихъ потомству, такъ напримѣръ: Лыко, Буйнось, Касатка, Гагара, Тюфякъ, Голица. Княжескій титулъ до того сдѣлался пошлымъ, что многія семейства сами собою отъ него отказались, какъ напримѣръ Татищевы, Ржевскіе, Всеволожскіе, Еропкины *). Всенародное обожапіе осталось одной счастливой вѣтви великихъ князей Московскихъ; даже самыя жестокости Іоанна IV-го почиталъ народъ исполненіемъ воли Божіей, Его наказаніемъ. Когда царскій родъ внезапно прекратился смертію Ѳеодора Іоанновича, какого князя пожелали Русскіе видѣть на престолѣ? Ни объ одномъ даже не подумали они; всѣ бросились къ простому боярину, честолюбивому шурину послѣдняго царя. Вдругъ слухъ прошелъ, что священная для нихъ кровь не изсякла, что живъ еще сынъ бича ихъ; съ какою неизмовѣрною радостію, съ какимъ легковѣріемъ ухватились они за тѣнь его, и возстали на стараго и мудраго правителя своего. Обманъ открылся стараніями одного хитраго князя; тогда съ остервенѣніемъ, равнымъ ихъ недавнимъ восторгамъ, сокрушили они кумиръ свой. На-скоро, не одумавшись, на его мѣсто посадили они возмутившаго ихъ князя, и не потому что онъ былъ

*) Немногія княжескія фамиліи, всего пять или шесть, сохранили названія городовъ, конми владѣли ихъ предки: Одоевскіе, Козловскіе, Елецкіе, Волховскіе, Звенигородскіе, Вяземскіе. Говорятъ, что въ Польшѣ можно найти еще Шуйскихъ. Нѣкоторые стали въ послѣдствіи къ прозваніямъ имъ даннымъ прибавлять имена городовъ: Ростова, Вѣлозерска и Мосальска.

князь, а потому что онъ первый имъ попался. За то неповиновеніемъ, презрѣніемъ къ его власти четыре года казнили они его на тронѣ и безжалостно передали его въ руки враговъ своихъ. Дѣло почти неслыханное въ исторіи Русской, чтобы подданные были гонителями своихъ государей. А чтó перетерпѣли отъ нихъ Годуновы, Лжедмитрій и Шуйскій? Они видѣли въ нихъ святотатцевъ (сперва по ихъ же желанію), осквернившихъ собою мѣсто, принадлежащее единому роду, Богомъ избранному, престолъ, подъ названіемъ котораго равно мы разумѣемъ и тронъ, и алтарь. Среди всеобщаго волненія, когда Россія безъ кормчаго неслась прямо въ бездну, кому рѣшились вручить кормило? Были воеводы сильные княжескаго рода, освободившіе Москву отъ Поляковъ, Пожарскій, Трубецкой; объ нихъ никто и не загнулся. Изъ стѣнъ монастыря извлекли испуганнаго отрока, ни отъ Рюрика, ни отъ Гедимина не происходящаго. Но онъ былъ по тогдашнему родочисленію внукомъ царицы Анастасіи, коей добродѣтели жили еще въ памяти народной; онъ былъ двоюродный племянникъ кроткаго, христіюлюбиваго, послѣдняго законнаго царя; онъ былъ сынъ посвятившаго себя Церкви мученика, измѣннически похищеннаго ненавистными Поляками, и почтенной инокини, въ страхъ Божию воспитавшей его; онъ казался Россіи какъ бы весь озаренный небесною благодатію. Въ страшныя години народъ Русскій мало ждетъ помощи отъ людей, а молить о ней Всевышняго; избраніе Ромапова было дѣломъ вѣры, и въ этомъ случаѣ сбылись слова Господни: «Вѣра твоя спасетъ тя». Въ дни безначалія, всякій имѣлъ право оспорить этотъ выборъ; но радостные воили миліоновъ людей подтвердили его.

При Романовыхъ князья начали опять подыматься. Какъ юный Михаилъ, такъ и преемники его, чувствовали себя слишкомъ прочно утвердившимися, чтобы мысль о какомъ либо съ ними соперничествѣ не показалась имъ безумною, даже для нихъ обидною. Однакоже и при нихъ никакими особыми преимуществами передъ другими они не пользовались, и въ старинныхъ дѣлахъ мы часто находимъ, что князь на боярина и бояринъ на князя бьетъ челомъ за мѣсто. Счастливыя войны, которыя велъ уже Алексѣй Михайловичъ, а еще болѣе сынъ его, дали имъ средства подѣлиться завоеваннымъ съ храбрыми князьями, участвовавшими въ ихъ побѣдахъ. Вотъ начало ихъ новаго богатства; другіе же не столь чистые источники, изъ коихъ черпали они золото, были воеводства и намѣстничества, на которыя ихъ часто сажали. Петръ Великій многихъ изъ нихъ насильно сталъ посылать путешествовать за границу (охота же ему была!), имъ стертѣлось и слюбилось. Тамъ позвакомились они съ Польскими магнатами, съ Нѣмецкими маркъ-ландъ-бургъ-алтъ-вилдъ и рейсъ-графами, съ Французскими дюкь-

э-пэрами, съ Англинскими лордами, съ Испанскими грандами и съ Итальянскими принчипе; болѣе всего плѣнились они регентствомъ Орлеанскимъ и его милыми, знатными злодѣями, которые такъ весело, такъ остроумно и безнаказанно ругались надъ народомъ и развращали его. «Вотъ житье, подумали они; а мы несчастные, какаѣ наша участь! Этотъ грубіянь, этотъ неучъ съ своимъ плотничьимъ топоромъ (вѣроятно продолжали они, какъ гуси Крыловской басни) забываетъ, что его предки были подданными нашихъ; все твердить о трудахъ и о пользѣ; пусть требуетъ ихъ отъ черни, она и создана на то». Дѣйствіе, произведенное на нихъ зрѣлищемъ Европейской аристократіи, скоро обнаружилось. Послѣ кончины Петра II-го, когда не знали которой изъ наслѣдницъ его принадлежитъ право ему наслѣдовать, нѣкоторые изъ нихъ въ Москвѣ составили изъ себя временное правленіе, которое надѣялись превратить въ вѣчное, начертали какую-то конституцію, которая всю власть предавала въ ихъ руки и, желая показать, что они могутъ располагать короною, предложили ее вдовствующей герцогинѣ Курляндской, мимо старшей сестры ея, мимо дочери Петра Великаго и малолѣтнаго сына ея старшей сестры. Въмѣстѣ съ тѣмъ предписали они ей условія, которыя всѣ она приняла и ни одного не исполнила. Первымъ ихъ нарушеніемъ былъ пріѣздъ Бирона, главнѣйшая изъ воспретительныхъ кондицій. Замѣтивъ, что новый образъ правленія совсѣмъ не въ духѣ народномъ, что онъ вовсе ему не правится, поспѣшилъ онъ такъ круто поворотить дѣломъ, что всѣ олигархи съ высоты своей стремглавъ полетѣли въ Сибирь. Такъ часто Нѣмцы неумышленно дѣлаютъ услуги Россіи. Но разъяренный Латынь тѣмъ не довольствовался: во все время владычества своего не переставалъ онъ мстить высшему дворянству, казнить, вѣшать его и тѣмъ самымъ для будущихъ временъ оказалъ еще новую услугу, ибо породилъ столь сильную вражду къ Нѣмцамъ, что рѣшительно овладѣть Россіей они никогда уже не могутъ. Чувствуя всю свою немощь при Елисаветѣ, князя попричихли, а Екатериной были окованы, очарованы.

Но вопросъ все еще не разрѣшенъ: да развѣ кромѣ князей въ Россіи нѣтъ аристократіи? Какъ не быть, да еще безчисленная; княжескія фамиліи суть только сама малѣйшая часть ея. Да изъ кого же состоитъ она? Это трудно было бы объяснить, еслибы не было отвѣта императора Павла королю Шведскому: «у меня нѣтъ въ Россіи другихъ знатныхъ, кромѣ тѣхъ, съ которыми говорю и пока я съ ними говорю». А между тѣмъ сколько разъ случалось мнѣ слышать отъ людей, принадлежащихъ къ высшему кругу, что они совсѣмъ не нуждаются въ милостяхъ двора и существуютъ совсѣмъ отъ него независимо. И тогда было нѣчто на то похожее. Я помню, жена князя Тео-

дора Голицына, урожденная Прозоровская, разъ спросила у меня: «Я слышала, вы знакомы съ Козодавлевыми (министръ внутреннихъ дѣлъ и жена его, урожденная Голицына же); скажите мнѣ, что это за люди и что у нихъ за общество, я понятія о томъ не имѣю; ихъ племянница Щербатова очень искала моего знакомства, я бы не прочь, да какъ-то случая не было». Другой разъ уже г-жа Козодавлева сказала мнѣ: «Я вчера провела вечеръ на балѣ у Барклаевой; мужа наши министры, и я принуждена была туда ѣхать; я встрѣтила тамъ вашу сестру и чрезвычайно ей обрадовалась, какъ единственной своей знакомкѣ. Что это за фигуры! Вы понимаете, что это совсѣмъ не мое общество». Такъ всѣ старались стать одна выше другой. До революціи аристократію составляли всѣ тѣ, коимъ хорошо было у двора; а при дворѣ Екатерины хорошо было всѣмъ тѣмъ, кои съ весьма извѣстнымъ именемъ, съ большимъ состояніемъ умѣли пріятно объясняться и болѣе или менѣе быть любезными. Послѣ революціи число аристократовъ умножилось прибытіемъ изъ Парижа бѣжавшихъ ихъ собратій, которые потеряли прежнюю веселость духа и вездѣ видѣли плебеевъ-заговорщиковъ; тогда высшее общество совсѣмъ офранцузилось, сдѣлалось гордѣе, недоступнѣе, стало отталкивать тѣхъ, кои не имѣли предписанныхъ имъ формъ и, по наущенію эмигрантовъ, начало сражаться съ фантомами, которымъ наконецъ дало существованность. При Александрѣ оно было просто котерія, которая взяла себѣ девизомъ: никто ни уменъ, ни знатенъ, кромѣ насъ и нашихъ. Странно вспомнить: ни высокій чинъ, ни княжеское старинное имя, ни придворныя званія камергеровъ и камеръ-юнкеровъ, ни большой умъ и познанія преимущественно никакъ тутъ не давали правъ, въ этотъ храмъ не отпирали дверей, а однѣ только прихоти заключающихся въ немъ. Напримѣръ, одинъ торгашъ, Грекъ Пали, весьма проворный, изворотливый, но вмѣстѣ съ тѣмъ надменный, помогать мотоватымъ великимъ господамъ занимать деньги; кажется, должность не высокая, но онъ умѣлъ себя поставить на такую ногу, что обходился съ ними какъ съ равными, около нихъ же наживаясь; въ ихъ кругу прожилъ вѣкъ и состарился, изъ него на всѣхъ смотритъ свысока и бѣда тому, о комъ онъ скажетъ: я его вовсе не знаю. Другіе мерзавцы знатымъ особамъ обоого пола помогали въ ихъ любовныхъ дѣлахъ, за эти великія услуги были ими всюду вводимы, всюду приняты. Иногда хорошенькій юноша, ничѣмъ не отличающійся кромѣ силы и красоты, полюбится какой-нибудь старой или молодой боярыней и тотчасъ подъ ея покровительствомъ между знатью получаетъ право гражданства. А сколько Гагариныхъ, Волконскихъ, Трубецкихъ, весьма порядочныхъ и образованныхъ людей, которымъ отказано было въ приѣмѣ, знавалъ я. Я не совсѣмъ это

осуждаю: нельзя знакомиться съ цѣлымъ міромъ; но если хочешь быть уваженъ, умѣй выбирать своихъ знакомыхъ и пріятелей; а если они дурны, не презирай тѣхъ, которые лучше ихъ.

Нынѣ все это совершенно измѣнилось. Было нѣкогда у насъ увѣсистое боярство, послѣ того довольно вѣрная копія съ Французской аристократіи прошедшаго вѣка. Что такое нынѣ? Право, не разберешь. Немного есть еще людей, которые хвастаютъ тѣмъ, что ѣздятъ на скучные вечера старыхъ штатсъ-дамъ играть съ ними въ вистъ или въ бостонъ; все стремится къ наслажденіямъ, туда, гдѣ раззолоченные салоны, гдѣ объяденіе, шумъ, музыка и пляска. Въ Петербургѣ между тѣми, коихъ мы называемъ знатными, есть довольно еще людей богатыхъ, чтобы общество не имѣло нужды бросаться на вечера къ людямъ, коихъ извѣстность и Фортуна вчера созданы; въ Москвѣ же барская спѣсь совсѣмъ преклонила выю передъ золотымъ тельцомъ. Лучше ли это? По моему, нѣтъ. Но обо всемъ этомъ еще рѣчь впереди.

Не смѣшны ли иностранцы, когда въ печатныхъ сочиненіяхъ своихъ они такъ важно разсуждаютъ о могуществѣ древней Русской аристократіи, коего само правительство имѣетъ причины опасаться? И г. Альмагро *), кажется, утвердилъ ихъ въ семъ мнѣніи. Долго почти всѣ мы знали о себѣ только изъ Французскихъ и Нѣмецкихъ книгъ; намъ казалось, что до Петра Великаго у насъ былъ хаосъ, тьма, времена неизвѣстныя, мнѣстическія. Были однакоже писатели, Ломоносовъ, Щербатовъ, Татищевъ, Болтинъ, которые усердно и пристально занимались отечественной исторіей; но ихъ читали только люди, исключительно посвятившіе себя наукѣ. Первый Карамзинъ, очаровательнымъ слогомъ своимъ освѣтивъ нашу древность, показалъ намъ, сколь она привлекательна; но въ огромной картинѣ творенія своего не могъ онъ помѣстить всѣхъ подробностей. Тогда для любопытныхъ, имъ разохоченныхъ, желающихъ проникнуть въ эту глубину, явилось множество небольшихъ свѣтильниковъ. Въ числѣ ихъ находится одинъ писатель, мало въ свѣтѣ извѣстный, а по моему мнѣнію въ этомъ дѣлѣ болѣе всѣхъ оказавшій услуги, трудолюбивый профессоръ Харьковскаго университета Успенскій, сочинитель опыта *Повѣствованія о древностяхъ Русскихъ*. Если бы прежде прочтенія его книги меня кто-нибудь сталъ увѣрять, что до Петра Великаго у насъ не было родоваго наследственнаго дворянства, я бы сказалъ ему, что онъ вретъ. Въ этой книгѣ такъ ясно и просто изложены доказательства о томъ, кто изъ нашихъ

*) Однанъ князекъ Долгоруковъ, который подъ сямъ пименемъ написалъ Французскую брошюрку.

и какими правами пользовался, что всякій скоро пойметъ, и мнѣ хочется сказанное въ ней какъ можно вкратцѣ передать читателю.

Успенскій утверждаетъ, что у насъ первоначально было только два класса свободныхъ людей, изъ коихъ одни передъ другими пользовались большими преимуществами; одни плѣнные были рабами. Онъ сравниваетъ это съ обычаями древнихъ Германцевъ, у коихъ также были *Männer* и *Leute*; онъ основываетъ это болѣе на сходствѣ именъ: мужи или бояре и людины. Если оно было такъ, то вѣрно уже не между Славянами, а вѣроятно введено Норманами-Варягами, единоплеменными и, если можно сказать, единообычными съ Германцами. Только послѣ утверженія великаго княженія въ Москвѣ, при Димитріѣ Донскомъ, начинается то, что мы нынѣ называемъ чины и мѣста. Также какъ нынѣ четырнадцать, первыхъ было тогда восемь степеней, и вотъ онѣ: 1) бояре, 2) окольнічіе, 3) думные дворяне, 4) стольники, 5) стряпчіе, 6) дворяне, прежде гридни, 7) жильцы, 8) дѣти боярскія. Носящіе сіи званія могли занимать вмѣстѣ и должности воеводъ, намѣстниковъ, печатниковъ, стряпчихъ съ ключемъ (камергеровъ), по военной части становщиковъ и знаменщиковъ и рындъ (родъ фл.-адъютантовъ). Одни только думные дѣяки, дѣяки и поддѣяки, всѣ изъ духовнаго званія, были нѣчто отдѣльное, не очень любимое, но при тогдашней всеобщей безграмотности по необходимости многопочитаемое: это были наши статсъ-секретари, оберъ-секретари и секретари. Все тѣже первостепенные, вышепоказанные (назовемъ ихъ чиновники) занимали и главныя должности при дворѣ: 1) *дворецкаго*, оберъ-гофмаршала, 2) *конюшого*, и 3) *ясельничаго*, оберъ-шталмейстера и шталмейстера, 4) *крайчаго*, оберъ-шенка, 5) *постельничаго*, оберъ-камергера, 6) *оружейничаго*, 7) *казначая*, 8) *ювчаго*, оберъ-егермейстера, 9) *сокольничаго*, егермейстера и 10) *чашника*, мундшенка. Потомъ люди изъ тѣхъ же чиновниковъ пониже занимали мелкія должности комнатныхъ дворянъ, путевыхъ ключниковъ, шатерничаго и другихъ. Также подробно входитъ онъ въ описаніе состоянія смердовъ, половниковъ, холопей, кабалы, всѣхъ низшихъ классовъ; но сіе до предмета моего не касается. Выбравъ изъ него нѣкоторыя мѣста, постараюсь показать, какая въ старину у насъ была знатность.

Во времена Владимира и вообще до нашествія Татаръ, когда были *бояре да люди*, говоритъ онъ, «къ потомкамъ, отличившимъ себя храбростію и прославившимся въ ратоборныхъ подвигахъ народъ всегда сохранялъ преимущественное уваженіе, которое они должны были поддерживать или богатствомъ своимъ, или личными достоинствами; а безъ того, лишась своего наследственнаго предъ другими преимущества, входили въ сословіе *людей*. Сіи, потомъ находясь подъ начальствомъ и руководствомъ бояръ, могли опять приобрѣтать

богатства, почести и уваженіе службою, трудами и храбростію; а, снискавъ оныя, паки удобно поступали въ сословіе *мужей* и званіе сіе оставляли *иногда* въ наслѣдіе дѣтямъ своимъ».

Гораздо далѣе вотъ что еще говоритъ онъ: «Въ старину дворянинъ былъ у насъ тотъ, кто въ сей чинъ жалованъ по указу государеву лично. Сіе достоинство давалось тогда на одну особу, но въ родъ и дѣтямъ въ наслѣдство не переходило; словомъ, дворянство составляло чинъ, а не званіе. Дворяне назывались отъ двора государева, къ которому имѣли всегда свободный доступъ и отправляли при ономъ нѣкоторыя должности. Въ дворяне жаловали государи не токмо жильцовъ, но часто изъ думныхъ людей, и даже княжескія дѣти въ семь чинъ служить начинали». Изъ князей жаловать въ дворяне! Да отъ этого вскринешь.

Вотъ еще слова его: «Ни въ которомъ архивѣ, говоритъ ученый Миллеръ, точныхъ указаній о дворянствѣ до временъ Петра Великаго не находится и, кажется, продолжаетъ онъ, что и въ самомъ дѣлѣ оныхъ не было; потому что еслибъ они были и утратились, то бы когда-нибудь, по какимъ ни есть дѣламъ, въ грамотахъ, указахъ, челобитныхъ, приговорахъ и выписяхъ на оныя ссылались; но сего вовсе не видно. Въмѣсто указаній служили древнія обыкновенія».

Я продолжаю выписывать изъ Успенскаго. «Въ старину не было въ Россійскомъ языкѣ такового слова, которое бы означало то, что мы нынѣ разумѣемъ подъ названіями дворянинъ и дворянство. Равнымъ образомъ и на другихъ Славянскихъ языкахъ такого слова нѣтъ; а Польское шляхтичъ и шляхетство заимствовано отъ Нѣмецкаго *Geschlecht*. Чинъ дворянина былъ невысокій и не наслѣдственный, хотя изъ него происходили въ стольники и доходили иногда до боярства. Нестерпимо было бы тогда боярину, еслибъ сказали ему, что онъ дворянинъ. Когда же, при Петрѣ Великомъ, старые чины были оставлены, то слово дворянинъ введено въ употребленіе за общее названіе всѣхъ, которые находились въ старыхъ чинахъ. Миллеръ справедливо удивляется, что такая немаловажная перемѣна во всей Россіи произведена съ великимъ единомысліемъ, безъ особливаго о томъ указа и безъ общаго народоваго отъ верховныхъ судебныхъ мѣстъ опредѣленія; а извѣстно-де только то, что перемѣна сія послѣдовала по возвращеніи Государевомъ изъ перваго путешествія въ чужіе края».

О князьяхъ вотъ что онъ глаголетъ: «Іоаннъ Васильевичъ, сокупа подъ единоначаліе удѣльныя княжества, включилъ въ число бояръ и удѣльныхъ князей, а потомки ихъ остались въ числѣ простаго дворянства. Нѣкоторые изъ князей, пришедъ въ бѣдность, записались въ дѣти боярскія и титулъ княжескій оставили. Когда царства Казанское и Астраханское присовокуплены къ Россіи, тогда находившееся въ оныхъ многочисленное Татарское дворянство, извѣстное подъ названіемъ мурзь, опасаясь, что ихъ сравнятъ съ простолюдинами, просили побѣдителя о своемъ отъ простаго народа отличеніи наименованіемъ ихъ князьями».

Вышесказанное не доказываетъ ли намъ, что въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій, не смотря на перемѣну названій, мы все держимся

прежняго порядка и сохраняемъ прежнія повѣрія? Обычай есть сильный царь, котораго Петръ Великій не совсѣмъ побѣдилъ. Какъ у древнихъ, такъ и у новѣйшихъ Восточныхъ народовъ нѣтъ такой привилегированной касты, праздною, бесполезной, которая бы съ тѣмъ вмѣстѣ пользовалась наслѣдственнымъ правомъ на уваженіе другихъ сословій. Не знаю, какъ было въ Византійской имперіи; чего не знаю того сказать не могу; только кажется, что послѣ паденія ея, потомки побѣжденныхъ должны бы сохранить какія-нибудь письменныя или словесныя преданія о преимуществахъ предковъ своихъ; а этого нѣтъ. У Турокъ, сынъ верховнаго визиря, пока не поступитъ въ султанскую службу, равенъ сыну всякаго поселяннина. Замѣчено, что особенно всѣ Славянскіе народы имѣютъ врожденное отвращеніе отъ всякой наслѣдственной аристократіи, наслѣдственнаго дворянства.

Чтобы составить себѣ понятіе о томъ, что въ старину была Россія, стоитъ только съѣздить въ Молдавію и Валахію. Тамъ найдете вы и повыше пять крупныхъ чиновъ подъ общимъ Славянскимъ названіемъ бояръ; другіе пониже и, наконецъ, нѣсколько мелкихъ чиновъ, всего четырнадцать. Между ними найдете вы и Латинскій титулъ спатаря, и Славянскій постельничаго, исправника, шатраря, и Греческій логовета, и Турецкій аги. Тамъ чинъ есть должность; но, по оставленіи послѣдней, сохраняется первый. Не подумайте однакоже, чтобы шатрари, медельничеры, жигничеры могли надѣяться когда либо попасть на высокія степени: вѣками засѣвшіе въ боярствѣ Стурдзы, Росеты, Бальши, Гики и другіе ихъ къ нимъ не подпустятъ; они берегутъ эти мѣста для сыновей, которые, не занявъ ихъ и гнушаясь послѣдними мѣстами, остались бы въ податномъ состояніи. Всѣ эти вышепомыянованныя мною первостатейныя семейства крѣпко держатся между собою, и ни которое изъ нихъ не согласилось бы войти въ брачный родственныи союзъ съ какимъ нибудь Балачаномъ, Прункулемъ или подобнымъ имъ, хотя бы разбогатѣвшимъ человѣкомъ. Вотъ аристократія на дѣлѣ (*de fait*), а не по праву (*de droit*). Когда Бессарабію отъ Молдавіи отмежевали къ Россіи, и нужно было приступить къ выборамъ, то подавай дворянъ. А гдѣ ихъ взять? Ихъ никогда и не бывало. Ну вынь, да положь. Что дѣлать? Такъ и быть: всѣхъ мелкочиновныхъ Молдаванъ пожаловали въ сіе званіе, и какъ Молдавскій языкъ на половину состоитъ изъ Славянскихъ словъ, то между ними это невѣдомое названіе и легко нашло себѣ мѣсто.

Подобно сему, если и у насъ не было наслѣдственнаго дворянства, то было нѣчто лучше его: были знаменитые роды, родословные люди, какъ ихъ тогда называли. Они съ точностію вписывали въ книги имена дѣтей своихъ, числа ихъ рожденія и брака, ихъ и свои дѣянія,

награды за то отъ царей получаемыя и съ сими документами, не всёмъ бесполезными для самой Исторіи, считались съ равными и мѣстничали. Чтобы не упасть, чтобы съ цѣлымъ племенемъ своимъ удержаться на вершинѣ, нужны имъ были величайшая дѣятельность, безпрестанно возобновляемыя усилія. Я увѣренъ, что всё обрадовались наследственному праву, которое даровалъ Петръ Великій созданному имъ дворянству. Это умножило его силу и число приверженцевъ его; въ стремленіи своемъ подражать Западу скоро установилъ онъ и майораты. Сіи ошибки великаго человѣка при немъ не могли быть очень важны (еще не было дано вольности дворянству), и посреди его водрузилъ онъ *чинъ*, что на Русскомъ языкѣ въ настоящемъ смыслѣ значить *порядокъ* или степень *). Не разъ приходится мнѣ сказать, что Нѣмцы часто неумышленно дѣлають много добра Россіи. Биронъ, въ бѣшенной злости своей на Русскую знать, склонилъ императрицу Анну уничтожить законъ о майоратствахъ и тѣмъ цѣлой Россіи оказалъ великую услугу. За то другіе Нѣмцы, подальновиднѣе его, болѣе ознакомленные съ характеромъ нашей націи, предложили Петру III-му издать знаменитую грамоту о вольности дворянства. Они были увѣрены, что, обезпеченные на счетъ правъ своего потомства, лѣнивые наши дворяне станутъ убѣгать отъ службы, и всё мѣста, вся власть останутся въ ихъ рукахъ. Но древній обычай служить не могъ такъ скоро измѣниться; презрительное названіе недоросля всёмъ было противно, и Екатерина, особенно въ семъ дѣлѣ дѣйствительно мудрая, умѣла дворянство заманивать въ службу, возбуждая въ немъ честолюбивую зачесь и въ молодости облегчая ему всё средства къ быстрому повышенію; за то умѣла также останавливать нетерпѣніе его при достиженіи высшихъ степеней. Все предвидѣнное Нѣмцами Петра III-го должно было въ наше время только сбыться.

Всѣ Славянскіе народы менѣе или болѣе одарены храбростію, добродушіемъ и смышленностію; но грѣха таить нечего, съ тѣмъ вмѣстѣ они лѣнивы, нетерпѣливы, алчны къ чувственнымъ наслажденіямъ, золоту, ихъ доставляющему, небрежны, тщеславны болѣе, чѣмъ горды и честолюбивы: почти у каждаго изъ нихъ на высотѣ кружится голова. Оттого-то вездѣ должны были они уступать и покоряться или дикой энергіи Турокъ или твердости Германскихъ народовъ, не болѣе ихъ храбрыхъ, но гораздо болѣе ихъ хладнокровныхъ, терпѣливыхъ, осторожныхъ, разсудительныхъ и разсчетливыхъ. Одна Россія, выросшая подъ прессомъ тяжкихъ испытаній, выправленная, направленная

*) Чинъ—ordre. Монахи по чину Св. Василія, religieux de l'ordre de S-t Basile. Благочиніе, благоустройство. Безчиніе, безчинство, безпорядокъ.

къ великому, могла въ двѣсти лѣтъ совершить такъ много чудесъ. У Славянъ для вельможей, аристократовъ, въ чаду ихъ личныхъ успѣховъ, нѣтъ отечества; во времена мирныя, спокойныя, нѣтъ его у народа и у людей средняго состоянія; одна только царская власть дорожитъ имъ: ибо ея выгоды тѣсно связаны съ его благосостояніемъ. Олигархія всегда была гибелью Славянскихъ государствъ. Галицкое княжество или королевство лишилось существованія, благодаря хищности бояръ своихъ, продававшихъ его попеременно то Венгріи, то Польшѣ, и навсегда отторгнуто отъ единоплеменной Россіи. Источниками всѣхъ несчастій Польши были несмѣтныя богатства и необузданная власть ея магнатовъ, вѣчныхъ противниковъ короля. Изъ видовъ корысти или честолюбія предавали они отчизну: Чарторижскіе—Австріи, Браницкіе, Потоцкіе, Коссаковскіе—Россіи. Оковы, въ которыхъ Австрія держитъ Богемію, суть также Лобковичи, Кинскіе, Сѣдлицкіе, Коловраты, Червины и другіе первые вельможи Чешскіе. А у насъ бояре (разумѣется, не всѣ) искони любили не свое, питали вражду къ непреклоннымъ, благороднымъ, вѣрнымъ сынамъ отечества, не сгибающимъ предъ ними хребта, и покровительствовали измѣнниковъ, льстившихъ ихъ самолюбію. Не они ли умнаго Алексѣя Михайловича умѣли почти поссорить съ доблестнымъ Хмѣльницкимъ и отравить послѣдніе дни почтеннаго мужа, подарившаго насъ Украиной? Не они ли были друзьями Мазепы? Не они ли на счетъ его ввели въ заблужденіе прозорливаго Петра и склонили выдать предателю двухъ вѣрныхъ обвинителей его? А нынѣ что уже и говорить! Даже тѣ, которые занимаютъ первыя мѣста въ государственномъ управленіи, половину жизни проводятъ за границей; а если въ отставку, то непременно тамъ поселяются. Какъ быть, не мила имъ Россія, и особенно противна ихъ женамъ. Вся вина возлагается на дурной климатъ, вездѣ одинаковый отъ Торнео до Ленкорана. Пагубный примѣръ сихъ господъ множество Русскихъ, даже провинціаловъ, превращаетъ въ странствующихъ Жидовъ. Примѣчательно, что Русскій народъ, въ томъ числѣ купцы и малочиновные, имѣетъ инстинктивное отвращеніе отъ аристократіи *). Вообще этотъ народъ слѣпо повинуется по необходимости, не любитъ надъ собою властей, обожаетъ одну только царскую, и то сильную и побѣдоносную. Мнѣ случалось иногда въ присутствіи самихъ аристократовъ объясняться нѣ-

*) Лѣтъ тридцать поболѣе тому назадъ, давали еще водевилъ г. Малиновскаго или оперу весьма незамысловатую подъ названіемъ „Старинныя Русскіе Святки“. Она оканчивалась куплетами; когда запоютъ: „Слава Богу на небѣ, Русскому царю на землѣ слава!“ а потомъ: „Слава храброму Русскому воинству, слава!“ то отъ рукоплесканій можно было оглохнуть. Когда же запоютъ: „Слава великимъ Русскимъ боярамъ-вельможамъ, слава!“ бывало, ни одна рука не поднимется, чтобы ударить въ ладоши.

сколько откровенно на счетъ сомнительности ихъ правъ; тогда, взглянувъ на меня съ презрѣніемъ, давали они мнѣ чувствовать, что почитаютъ меня Якобинцомъ; а мнѣ хотѣлось отвѣчать имъ стихомъ Буало:

Qui n'aime pas Cotin, n'aime pas son roi
Et n'a, selon Cotin, ni Dieu, ni foi, ni loi.

Теперь намъ извѣстно, что такое были бояре въ старину. Знаемъ также, что въ новѣйшія времена аристократія наша была довольно вѣрной копіей съ Французскаго подлинника: гордость свою прикрывала учтивостію и нестрогую нравственность благопристойностію. Всего затруднительнѣе представить послѣднюю ея метаморфозу—нынѣшнее загадочное ея состояніе. Здѣсь не мѣсто, а пайдется при описаніи настоящихъ временъ. Конечно во всѣ времена аристократія была у насъ царство прозябаемыхъ, которые не иначе могли зрѣть и возрастать какъ согрѣваемые сильными лучами солнышка-царя; однакоже были и люди, болѣе всѣхъ пользующіеся довѣренностію Государя, которые аристократами не почитались и о коихъ они говорили съ презрѣніемъ, на примѣръ Аракчеевъ. Я увѣренъ, что еслибъ онъ говорилъ по-французски, ѣздилъ въ общества и имѣлъ у себя швейцара, то между ними былъ бы не послѣдній. Но этотъ странный человѣкъ почиталъ себя ихъ выше и довольствовался тѣмъ, что видѣлъ всѣхъ ихъ ползающими у ногъ его.

Нынѣшняя Россія является мнѣ какъ бы высокая гора, коей вершина ярко озарена свѣтомъ царскаго величія. Съ одной стороны толпы людей взбираются, лѣзутъ по дорогѣ, къ ней ведущей, уставленной грядями; нѣкоторые, болѣе счастливые или проворные, бѣгомъ бѣгутъ по крутизнѣ; иные, уставъ, останавливаются; иные же совсѣмъ обрываются. Одно, два, много три поколѣнія остаются на темѣ горы; потомъ съ противоположной стороны начинаютъ спускаться все ниже и ниже, многіе изъ нихъ внизъ катятся кубаремъ въ ту мрачную долину, которая у подошвы горы наполнена миліонами людей. Однакоже исходъ изъ нея открыть: вмѣстѣ съ тѣми, которые никогда изъ нея не выходили, падшіе могутъ опять подыматься вверхъ. Мнѣ кажется, ничего не можетъ быть естественнѣе этого кругообращенія. Пусть бы оно такъ и оставалось, нусть бы аристократія наша продолжала существовать въ томъ безголовомъ видѣ, въ которомъ находится; дай Богъ ей много лѣтъ здравствовать! Но увы, большія общія перемѣны не перестаютъ угрожать намъ; одинъ Господь знаетъ, что мы такое: консерватёры или реформатёры? Давно уже собираются истребить чины, то есть порядокъ, учрежденный Великимъ Петромъ, которымъ замѣнилъ онъ прежній порядокъ, который ничѣмъ замѣнить нельзя и который одинъ исправилъ всѣ его ошибки. Говорятъ, что общее мнѣніе того требуетъ. Дѣйстви-

тельно, лѣнивое и тщеславное дворянство наше твердить о томъ; сотни тысячъ отставныхъ поручиковъ и регистраторовъ, владѣльцы сотни, двухъ или трехъ сотъ душъ, населяющихъ Москву и провинціи, желаютъ, чтобы ихъ праздность, бесполезность, ничтожество поставлены были наравнѣ или даже выше заслугъ трудолюбивыхъ людей; злонамѣренные же люди замышляютъ изъ рукъ правительства исхитить важнѣйшій способъ къ поощренію ему преданныхъ.

Не знаю, правда ли, а говорятъ, что затѣваютъ нѣчто еще худшее, что хотятъ возстановить майораты. Да къ какой стати? спрашивается. Или смѣшная, жалкая страсть къ подражаніямъ такъ еще въ насъ сильна, что мы хотимъ вводить у себя даже обвѣтшалою на Западѣ, то, что, подобно полуразрушеннымъ его замкамъ, сегодня или завтра должно упасть. Къ счастію, можно предсказать, что сначала это встрѣтитъ большія затрудненія въ исполненіи. Но кто можетъ знать будущее? Огромныя состоянія будутъ возрастать и увѣковѣчиваться въ рукахъ немногихъ семействъ и умножать силу владѣльцевъ своихъ. Не смотря на слишкомъ поздно принятые мѣры, дворянство безпрестанно будетъ размножаться и тяжестію числа непременно канетъ на дно. Мѣста привлекаютъ еще къ себѣ большимъ жалованьемъ; но ихъ такъ умѣли уронить въ мнѣніи, что въ отставкѣ носимыя ихъ названія никакого не будутъ возбуждать уваженія: чины уничтожатся. Что же останется? Высокомоціе бояръ. Тогда-то водворится у насъ Европа; тогда-то воскреснутъ между нами средніе ея вѣка; о, блаженное время! Или лучше сказать, постигнетъ насъ участь благополучной Польши съ ея завидной анархіей, и наши Юсуповы будутъ сзывать сеймы, составлять конфедераціи. Хороши мы тогда будемъ! Право, уже лучше бы удѣльные княжества! Богъ вамъ судія, господа великіе законодатели наши, великіе преобразователи; дѣлайте по своему, только будете отвѣчать Ему и потомству. Если всѣ наши государи, подражая Петру Великому, захотятъ все перестроить, то неизбѣжно ослабнуть подпоры государственнаго зданія и, наконецъ, оно рухнетъ вмѣстѣ со спасительною въ существѣ, но неискусно употребленною ихъ властію.

Удалившись отъ суесть міра сего и его превратностей, мнѣ бы хотѣлось и слѣдовало жить только въ прошедшемъ и даже въ давно прошедшемъ и о немъ только вѣщать. Но какъ быть? Я еще живъ, не ослѣпъ, не оглохъ, не могу не знать и не видѣть происходящаго вокругъ меня. Такимъ образомъ, говоря о быломъ, какъ избѣгнуть того, чтобы иногда не коснуться настоящаго? У меня нѣтъ ни родныхъ, ни друзей, я все пережилъ, всего лишился, ко всему охладѣлъ; даже между оставшимися у меня родными нѣтъ ни одного, въ которомъ бы я могъ найти сочувствіе, единомысліе: состояніе горестное! Но есть чув-

ство, которое, въ милосердіи Своемъ, самъ Создатель, кажется, вложилъ мнѣ въ сердце; оно одно животворитъ меня и привязываетъ къ землѣ, на которой не знаю долго ли буду скитаться. И хотя оно было для меня источникомъ многихъ горестей, я не могу разстаться съ нимъ. Я не назову его: на каждой страницѣ сихъ Записокъ оно само собою выказывается. Все къ нему относится, и если иногда на бумагу изливалась желчь моя, если я позволялъ себѣ порицать моихъ согражданъ, то клянусь, что съ сокрушеннымъ сердцемъ. Еслибы я могъ вдохнуть въ нихъ національное самолюбіе, которому непременно уступило бы мѣсто жалкое, мелочное, личное ихъ самолюбіе, съ какою радостію я осыпалъ бы ихъ похвалами! Я то и дѣлалъ, когда случай къ тому представлялся. Было время, когда въ Россіи некого было осуждать, и я приступаю къ его изображенію.

III.

Менѣ полуторы тысячи верстъ отдѣляютъ Пензу отъ Петербурга. Въ нашемъ необъятномъ государствѣ, кажется, пространство не слишкомъ великое, а насчетъ любопытныхъ извѣстій оттуда мы жили словно въ Иркутскѣ. Горизонтъ нашъ былъ весьма ограниченъ; еще менѣ чѣмъ въ Москвѣ думали мы о томъ что насъ ожидаетъ, и вседневный вздоръ, который слышалъ я вокругъ себя, непримѣтно успокоивалъ волнуемую страхомъ душу мою.

Первая важная вѣсть, которую получили мы въ концѣ Марта, была о неожиданныхъ отставкѣ и ссылкѣ Сперанскаго; но эта вѣсть громко разнеслась по всей Россіи. Не знаю, смерть лютаго тирана могла ли бы произвести такую всеобщую радость. А это былъ человекъ, который никого не оскорбилъ обиднымъ словомъ, который никогда не искалъ погибели ни единаго изъ многочисленныхъ личныхъ враговъ своихъ, который, мало показываясь, въ продолженіи многихъ лѣтъ трудился въ тишинѣ кабинета своего. Но на кабинетъ сей смотрѣли всѣ какъ на Пандоринъ ящикъ, наполненный бѣдствіями, готовыми излетѣть и покрыть собою все наше отечество. Всѣ были увѣрены, что неоспоримыя доказательства въ его виновности открыли, наконецъ, глаза обманутому Государю; только дивились милосердію его и роптали. Какъ можно было не казнить преступника, государственнаго изменника, предателя, и довольствоваться удаленіемъ его изъ столицы и устраненіемъ отъ дѣлъ! Не менѣ того сію мѣру, слишкомъ строгую, если человекъ былъ безвиновенъ, торжествовали какъ первую побѣду надъ Французами. Многіе, помню, приходили меня съ этимъ поздравлять, и, виноватъ, я принималъ поздравленія.

Непонятно также казалось молчаніе хранимое вѣдомостями о столь важной перемѣнѣ, тогда какъ онѣ всегда возвѣщали объ отставкѣ чиновниковъ, невысокія мѣста занимавшихъ. Оттого многіе не хотѣли вѣрить своему счастью, пока изъ сосѣдняго Нижняго Новгорода, совсѣмъ неужаснаго мѣста заточенія его, не были получены точныя свѣдѣнія о прибытіи его туда, о спусходительномъ приѣмѣ сдѣланномъ ему губернаторомъ и объ уединенномъ образѣ жизни, который онѣ началъ тамъ вести. Между тѣмъ слухъ о его измѣнѣ, настоящей или мнимой, распространился и между простымъ народомъ: не подозрѣвая того, лѣтомъ отправился онѣ взглянуть на Макарьевскую ярмарку; проходя гостиннымъ дворомъ, онѣ едва не былъ умерщвленъ разъяренною чернью и спасся черезъ лавку знакомаго ему купца. Главное тогда областное начальство, желая будто спасти дни его, а вѣроятно движимое местию, отправило его на жительство въ холодный, скучный губернской городъ Пермь.

Уже давно все это было, уже давно нѣтъ того, кто былъ благомъ и казнію Сперанскаго, его самаго уже нѣтъ; а повѣсть объ его изгнаніи все еще остается для насъ загадкою, и вѣроятно даже потомствомъ нашимъ не будетъ разгадана. Въ преданіяхъ Русскихъ она останется тоже что во Франціи исторія о Желѣзной маскѣ. Я полагаю, что онѣ былъ виновенъ, но не совсѣмъ. Сопровождая Александра въ Эрфуртъ, онѣ былъ очарованъ величіемъ Наполеона; замѣчено уже, что всѣ люди, изъ ничего высоко поднявшіеся, не смѣя завидовать избраннику счастья и славы, видѣли въ немъ свой образецъ и кумиръ и почтительнѣе другихъ ему поклонялись. Мало заботясь объ участи отечества, будучи увѣренъ, что Наполеонъ одолѣетъ насъ, могъ онѣ отъ послѣдствій сей войны ожидать чего-то для себя полезнаго, могъ питать какія-нибудь неясныя надежды; но чтобъ онѣ вошелъ въ тайныя сношенія съ непріятелемъ, это дѣло невозможное: онѣ былъ слишкомъ остороженъ. Какъ ни воздерженъ былъ онѣ въ рѣчахъ своихъ, но пріятныхъ, сильныхъ своихъ ощущеній при имени нашего врага онѣ скрывать не могъ. Въ глазахъ людей, окружавшихъ Царя, и особенно сестры его, Екатерины Павловны, это одно уже было великое преступленіе и было важнѣйшимъ орудіемъ къ обвиненію его. Въ безпокойствѣ духа, въ которомъ находился Государь при ожиданіи великихъ событій, предался онѣ подозрѣніямъ и рѣшился величію обстоятельство принести великую жертву. Вся Россія требовала ея, и на этотъ разъ только въ гласѣ народа слышался Александру. гласъ Божій. Иначе я этого дѣла объяснить не умѣю.

Не помню, какой-то Французскій писатель (нынѣ ихъ такъ много),

но уже вѣрно не добрый человѣкъ *), сказалъ, что въ несчастіяхъ, самихъ друзей нашихъ, для всякаго изъ насъ есть всегда какая-нибудь отрадная сторона. Мнѣ кажется напротивъ: я не скрою, что, паденіе Сперанскаго мнѣ было пріятно, ибо я раздѣлялъ общее мнѣніе объ немъ; но съ тѣмъ вмѣстѣ, вспоминая его счастливые дни, представляя себѣ страданія его при переѣздѣ изъ одной ссылки въ другую, подъ проклятіями народными, грустное чувство-противъ воли моей закрадывалось мнѣ въ сердце.

На мѣсто его посаженъ былъ старый вице-адмиралъ Александръ Семеновичъ Шишковъ, плохой писатель, но самый пылкій патріотъ. Вездѣ, гдѣ говорилъ я о литературѣ нашей, имя его всегда поминается. Вскорѣ потомъ, въ Апрѣлѣ, отправился онъ къ арміи съ Государемъ въ Вильну. Изъ его назначенія могъ я заключить, что люди, отличающіеся особою любовію къ отечеству, должны быть всѣ въ ходу. Мнѣніе сіе подтвердилось другимъ назначеніемъ, сдѣланнымъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ.

Съ 1809 года начальствовалъ въ Москвѣ старый фельдмаршалъ, графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ. Въ арміи былъ онъ извѣстенъ какъ храбрый генералъ, отнюдь не какъ полководецъ. Онъ умѣлъ хорошо поддерживать высокое званіе главнокомандующаго въ столицѣ, т. е. заставлялъ себѣ повиноваться, окружалъ себя помпой и давалъ официальные обѣды и балы. Можетъ быть, въ зрѣлыхъ лѣтахъ имѣлъ онъ много твердости, но подъ старость она превратилась у него въ своенравіе. Не смотря на то, такъ сказать выживъ изъ дѣтъ, онъ совершенно отдалъ себя въ руки меньшаго брата графа Михаила Васильевича, который слылъ человѣкомъ весьма корыстолюбивымъ. Оттого-то управление Москвою шло не лучше нынѣшняго: все было продажное, все было на откупѣ. Подручникомъ послѣдняго былъ какой-то медикъ, Французо-Итальянецъ, если не ошибаюсь, Салватори, и они между собою дѣлили прибыль. Такъ по крайней мѣрѣ всѣ утверждали, и въ то же время были увѣрены, что медикъ не что иное какъ тайный агентъ Французскаго правительства. Москва находилась далеко отъ театра могущей быть войны, но по какому-то предчувствію на состояніе ея обращено было особсе вниманіе правительства. Надлежало непременно смѣнить Гудовича, и Государь сдѣлалъ сіе съ обычными ему привлекательными формами, при весьма лестномъ рескриптѣ, препроводивъ къ нему портретъ свой алмазами украшенный.

Можно сказать, что Александръ былъ вдохновенъ свыше, когда въ преемники ему выбралъ графа Растопчина. Я говорилъ только о

*) Этотъ неизвѣстный писатель былъ извѣстный Ларошфуко. Сію грубую ошибку со стыдомъ пополамъ слѣдуетъ исправить не издатель, а самъ сочинитель Записокъ.

дѣйствию, произведенномъ на меня угрюмымъ лицомъ его, когда въ Петергофѣ, будучи еще отрокомъ, трепетною рукою подалъ я ему просьбу объ опредѣленіи меня въ Иностранную Коллегію, а объ немъ собственно ничего не говорилъ. Когда онъ былъ еще министромъ, а я находился подъ его главнымъ начальствомъ, отецъ его, Василій Федоровичъ, сталъ часто посѣщать зятя моего Алексѣева, тогда полицей-мейстера въ Москвѣ. Не разъ случалось мнѣ слышать рассказы его о томъ, какъ онъ выкупился изъ крѣпостнаго состоянія, вступилъ на службу, получилъ небольшіе чины, нажилъ небольшое состояніе, и какъ ничего не щадилъ, чтобы дать хорошее воспитаніе единственному сыну своему. За то сынъ хорошо ему и отплатилъ: пользуясь удобною минутой у щедрого Павла, изъ отставныхъ майоровъ выпросилъ ему прямо чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и Аннинскую ленту. Съ природнымъ необыкновеннымъ умомъ и полученнымъ образованіемъ, молодой Растопчинъ не могъ бы имѣть столь великихъ успѣховъ, если бы не женился на родной племянницѣ Анны Степановны Протасовой, любимицы Екатерины Второй. Черезъ нее попалъ онъ къ большому двору, но предпочелъ ему дворъ наслѣдника въ Гатчинѣ. Это составило его счастье.

Нѣкоторые люди видѣли въ Растопчинѣ препятствіе къ исполненію ихъ тайныхъ замысловъ; они знали его какъ человѣка благороднаго, твердаго, который ни за что не измѣнитъ благодѣтелю своему и готовъ пожертвовать жизнью, чтобы спасти дни его. Ихъ происки успѣли ниспровергнуть его за нѣсколько дней до кончины Павла. Первый годъ скрывался онъ въ деревнѣ, а потомъ постоянно жилъ въ Москвѣ. Тамъ скоро сталъ онъ наряду съ вельможами, сошедшими съ поприща, коихъ пребываніемъ она такъ гордилась. Это было не легко: всѣ они были семидесяти или шестидесятилѣтніе старцы, а онъ едва перешелъ за сорокъ; всѣ они болѣе или менѣе были древняго происхожденія, а онъ своимъ хвалиться не могъ. За то всѣхъ выше былъ онъ душою и чувствами, и большую часть изъ нихъ превосходилъ умомъ. Но это самое нѣсколько вредило ему въ мнѣніи Москвичей. Одна изъ принадлежностей необыкновенныхъ умовъ есть живость ихъ; она отнимаетъ у разговоровъ ихъ ту тяжеловѣсную важность, которая такъ почтенна въ глазахъ глупцовъ: искры ума и воображенія имъ кажутся или опасными для нихъ, готовыми ихъ обжечь, или потѣшнымъ огнемъ, для ихъ забавы сожигаемымъ. Извѣстное острословіе свое умѣлъ Растопчинъ удерживать, пока былъ государственнымъ сановникомъ; но тутъ, сдѣлавшись мирнымъ обитателемъ старой столицы, онъ захотѣлъ сложить оковы этикета, налагаемыя на людей, находящихся въ высокихъ должностяхъ. Тогда далъ онъ волю рѣчамъ своимъ, но скоро

увидѣлъ съ кѣмъ имѣеть дѣло. Можно было найти тогда въ Москвѣ довольно людей, которые, какъ говорится, были ему по плечу, уже вѣрно болѣе чѣмъ нынѣ: имъ однимъ могъ онъ передавать высокія думы свои, сообщать свои оригинальные рассказы. Съ прочими же обходился онъ просто, былъ словоохотенъ, любилъ пошучивать и употреблялъ съ ними языкъ, которымъ говорятъ совершеннолѣтніе, играя съ дѣтьми. Его не поняли: «Да это видно нашъ братъ», сказали Москвичи, а нѣкоторые даже: «да онъ просто шутъ». Между тѣмъ прилежно изучалъ онъ нравы какъ дворянства Московскаго, такъ и простаго народа. Станный, непонятный былъ онъ человѣкъ! Безъ малѣйшаго отвращенія смотрѣлъ онъ на совершенное отсутствіе мыслей Московскихъ, даже высшихъ обществъ, и чрезвычайно забавлялся ихъ нелѣпыми толками, сплетнями, пересудами.

Вмѣстѣ съ тѣмъ вспоминалъ онъ дни славы своей, время управленія его Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ и союза нашего съ Австріей, когда Русскія войска стояли на границѣ Франціи и готовы бы ворваться въ ея предѣлы. Съ бѣшенною яростію, какую могутъ только чувствовать сильные души истинныхъ патріотовъ, въ 1807 году видѣлъ онъ, что дѣло пошло наоборотъ, и Наполеонъ недалеко уже отъ Нѣмана. Кажется, что въ раздраженномъ состояніи, въ коемъ онъ находился, наконецъ, надоѣла ему болтовня Московскихъ пустомелей, и онъ излилъ свою на нее досаду въ горькой, язвительной шуткѣ, въ небольшой комедіи, подъ названіемъ: *Вѣсти или Живо Убитый*. Ее прочитали, одни посмѣялись, другіе посердились, и вскорѣ потомъ забыли; а она весьма примѣчанія достойна, какъ изображеніе тогдашнихъ нравовъ. Гдѣ-то отыскалъ онъ или выдумалъ Силу Андреевича Богатырева, одного изъ тѣхъ кремней, изъ коихъ при Екатеринѣ составлена была вся неодолимая Русская армія: такіе люди во множествѣ доживали почтенія достойный вѣкъ свой по закоулкамъ Москвы, и никто не зналъ объ нихъ. Этотъ просваталъ дочь свою за офицера; женихъ на войнѣ, и онъ ждетъ отъ него извѣстій, какъ вдругъ дѣятельнѣйшая изъ вѣстовщицъ безжалостно спѣшитъ объявить ему, что будущій зять его убить, съ такими подробностями, которыя не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ истины ея словъ. Все семейство въ отчаяніи, ибо всѣ безъ памяти отъ храбраго молодца; а онъ, получивши отпускъ, является посреди его живъ и здоровъ. Тутъ-то Растопчинъ, подъ маскою разгнѣваннаго старца, принимается позорить злую вѣщунью, ее и подобныхъ ей особъ обоого пола, а она отбранивается по своему. Вотъ неважное содержаніе піесы; послѣдняя

сцена составляет двѣ трети оной и, кажется, для нея она была и написана *).

Когда въ 1809 году Императоръ посѣтилъ Москву, то въ первый разъ по воцареніи увидѣлъ Ростопчина, сталъ разговаривать съ нимъ и былъ увлеченъ силою и ясностію ума его. Тутъ же онъ сошелся съ Еватеришою Павловной, и вслѣдствіе ея приглашеній не разъ навѣщалъ ее въ Твери. Затѣмъ получилъ онъ еще лестнѣйшее приглашеніе прибыть въ Петербургъ, гдѣ его сдѣлали оберъ-камергеромъ и членомъ Государственнаго Совѣта, съ дозволеніемъ жить въ Москвѣ, откуда, по сдѣланной привычкѣ, онъ рѣдко отлучался. Говорятъ, что онъ былъ въ числѣ обвинителей Сперанскаго и что письмо его о семъ предметѣ сильнѣе всего на Государя подѣйствовало.

Все жители Москвы чрезвычайно обрадовались, когда въ пеходѣ Мая 1812 года назначили его къ нимъ главнокомандующимъ, съ переименованіемъ въ военный чинъ; только радость была не продолжительна. Онъ выпрямился во всю вышину роста и ума своего, и вдругъ явился грознымъ повелителемъ, съ своими нахмуренными бровями, какъ бы Юпитеромъ-громовержцемъ. Это было необходимо. Онъ совершенно зналъ духъ непокорности дворянъ, зналъ также своеволіе, предразсудки, повѣрія простаго народа; онъ зналъ, что сей послѣдній въ свирѣдомъ видѣ всегда предполагаетъ смѣлость и силу. Сжавъ тѣхъ и другихъ въ мощной рукѣ своей, онъ въ тоже время умѣлъ овладѣть ихъ умами и привязать къ себѣ. Искусство удивительное, которое не умѣли у насъ довольно оцѣнить. Если вспомнить, что Москва имѣла тогда сильное вліяніе на внутреннія провинціи и что примѣръ ея дѣйствовалъ на все государство, то надобно признаться, что заслуги его въ семъ году суть безсмертны.

Третье извѣстіе порадовало меня не менѣе двухъ первыхъ. Когда совсѣмъ потеряли надежду на миръ съ Турками, его заключили въ Бухарестѣ 26-го Мая. Онъ былъ если не весьма славецъ, то по крайней мѣрѣ весьма выгодець для насъ. Граница наша отъ Днѣстра отодвинута къ Пруту, на протяженіи нѣсколькихъ сотъ верстъ; что важнѣе того, Русскіе опять стали на берегахъ, давно, при первыхъ ихъ князьяхъ, знакомаго имъ и никогда не забытаго Дуная, воспѣтаго въ ихъ старинныхъ пѣсняхъ; Бессарабія, мнѣ послѣ столь извѣстная, присоединена къ Россіи.

*) Въ вѣстовницѣ Маремьянѣ Бобринѣ Пабатовой вѣснѣй узналъ знаменитую Настасью Дмитріевну Офросимову, лѣтъ сорокъ сряду законодательницу Московскихъ гостинныхъ. Она была воплощенная неблагопристойность, ругала дамъ въ глаза, топкала мужчинъ кулаками въ грудь или во что попало и была грозой женщинъ зазорнаго поведенія, пока оцѣ совершенно ей не покорялись: тогда брала ихъ подъ свою защиту и покровительство. Поэтому можно посудить о тонѣ тогдашнихъ Московскихъ обществъ.

Сказывали, что Кутузовъ, столь же искусный дипломатъ, какъ и воинъ, провѣдавъ, что, скучая медленностію, съ какою ведетъ онъ переговоры, Государь рѣшился назначить ему преемника (да еще какого же?), тайно просилъ о пособіи Англійское посольство въ Константинополѣ, единственной столицѣ, гдѣ оно могло встрѣтиться съ Французскимъ. Англія, съ которою не былъ еще возобновленъ у насъ союзъ, но которой желательно было умножить силы наши противъ заклятаго ея врага, употребила старанія свои, чтобы помочь Кутузову въ семь дѣлъ. Княжеское достоинство съ титуломъ свѣтлости было его наградю.

Черезъ два дня послѣ подписанія мирнаго трактата, прибылъ въ Бухарестъ адмиралъ, Павелъ Васильевичъ Чичаговъ, бывшій морской министръ, и Кутузовъ тогда съ удовольствіемъ передалъ ему главное начальство надъ арміей. Онъ по женѣ былъ Англичанинъ. При такомъ званіи въ 1807 году счелъ онъ для себя неприличнымъ оставаться въ министерствѣ, когда Россія примирилась съ непріателемъ имъ избраннаго отечества. Однакоже къ этому непріателю отправился онъ въ Парижъ и тамъ, видно, имѣлъ великій вѣсъ, ибо самъ собою пошелъ прямо къ Наполеону объявить ему, что при его свадьбѣ не подобаешь Русской великой княгинѣ Марьѣ Павловнѣ находиться въ толпѣ королевы и великихъ герцогинь, долженствующихъ окружать его молодую императрицу. Смѣлость его была не безуспѣшна, и по возвращеніи его въ Россію для него не бесполезна. Этотъ самолюбивый и мстительный человѣкъ за все хватался и ни въ чемъ не имѣлъ удачи, а можетъ-быть, по нелюбви его къ родимому краю, неудачи его были и умысленныя. Такогого человѣка, право, безгрѣшно можно подозревать, особливо послѣ знаменитаго дѣла, коимъ заключилъ онъ свое поприще.

Всѣ эти вѣсти утѣшали и нѣсколько успокоивали меня среди скорби, которая меня окружала, и заботъ, въ кои я былъ погруженъ. Въ это время одно небольшое горе, если только можно назвать его симъ именемъ, посѣтило наше семейство. Вслѣдствіе неотступной просьбы къ Барклаю, тогда начальствовавшему надъ главной арміей, старшій братъ мой, Павелъ, былъ принятъ въ военную службу прежнимъ майорскимъ чиномъ и опредѣленъ въ Курляндскій драгунскій полкъ. Его по крайней мѣрѣ это чрезвычайно обрадовало: это стирало съ него провіантское пятно, и его увѣдомляли, что онъ долженъ принять сіе какъ знакъ особой милости, ему оказанной. Но для насъ разлука съ нимъ была весьма тягостна, особенно для меня, который терпѣлъ въ немъ опытнаго помощника и друга. Въ первыхъ числахъ Іюня отправился онъ въ армію.

Сколько лѣтъ семейство мое праздновало 12 Іюня, день рожденія покойнаго родителя нашего! Въ этомъ году матери моей угодно было, чтобы сей день отпразднованъ былъ печальнымъ обрядомъ поминованія надъ его могилою. Ни сама она, ни меньшая сестра, по совершенному разстройству нервъ, не могли тамъ находиться. Мы одни съ старшею сестрой отправились въ село Симбухино и встрѣтили тамъ архимандрита и соборныхъ протоіереевъ съ церковнымъ причтомъ. По окончаніи обѣдни и торжественной панихиды, довольно роскошно угощали мы ихъ трапезой, въ домѣ, недавно отдѣланномъ покойникомъ. Горесть мою время смягчло, ослабило и во время богослуженія молился я усердно о душѣ давашаго мнѣ жизнь, но признаюсь, безъ чувства первой глубокой печали. Во время же обѣда и совершаемой по немъ тризны, вдругъ почувствовалъ я сильное волненіе въ груди; непонятныя мнѣ грусть и тоска овладѣли мною, и, стараясь скрыть невольныя слезы, я даже зарыдалъ. Дѣло чудное: въ семь тяжкомъ чувствѣ былъ какой-то и восторгъ. Пусть не вѣрятъ предчувствіямъ, пусть смѣются надъ ними, а мнѣ столько разъ возвѣщали они печали и радости, что я принужденъ въ нихъ вѣрить. Наполеонова армія въ этотъ день переправлялась черезъ Нѣманъ.

Съ конца Мая въ Пензѣ царствовала мертвая тишина: всѣ помѣщики разъѣхались по деревнямъ, и самъ губернаторъ Голицынъ, пользуясь даннымъ ему правомъ, съ семействомъ и братьями жилъ у матери въ Зубриловкѣ. Я тоже только два раза въ недѣлю покидалъ Симбухино, чтобы навѣстить мою мать, которой отсовѣтовали жить въ деревнѣ и которая, оставивъ прежде занимаемый ею собственный домъ, гдѣ, какъ говорила, лишилась она своего счастья, жила на горѣ, близъ рощи, въ самомъ уединенномъ углу Пензы, въ небольшомъ домикѣ, состоящемъ изъ трехъ или четырехъ келій. Я не скучалъ деревенскою жизнію и моимъ одиночествомъ; занимался хозяйствомъ, читалъ книги изъ множества въ послѣднее время отцомъ моимъ накупленныхъ, гулялъ по саду, имъ насажденному, бродилъ по рощамъ, наше селеніе окружающимъ, иногда для перемѣны ѣздилъ верхомъ. Ничто не говорило о войнѣ, лѣто стояло прекраснѣйшее, и все было такъ успокоительно. Передъ ярмаркой, къ 24 Іюня, всѣ опять начали сбираться. Въ это время былъ тутъ, не помню изъ арміи или изъ Петербурга, какой-то свитскій полковникъ Энгельсонъ, проѣздомъ въ Оренбургъ. Онъ всѣмъ рассказывалъ, что ничего еще не слыхать о разрывѣ съ Наполеономъ, что посолье его Лористонъ все еще находится въ Петербургѣ и со многими бѣется объ закладъ, что войнѣ не бывать, и что самъ онъ полагаетъ, что безъ нея дѣло обойдется. Я не видѣлъ его, но слышанному повѣрилъ съ провинціальнымъ легковѣріемъ. На-

ходятъ же на людей дни глупости, и на меня чаще чѣмъ на другихъ. Газеты наши, правда, были скромнѣе нежели когда либо; однакоже и въ нихъ видѣли мы, что Наполеонъ прибылъ въ Дрезденъ, что онъ предсѣдательствуетъ въ сонмѣ королей, какъ бы для совѣщанія о великомъ предпріятіи, что самъ тестюшка, императоръ Австрійскій, явился тутъ болѣе въ видѣ главнаго вассала, чѣмъ союзника его и, наконецъ, что король Прусскій (точные слова газеты) всячески старается ему угодить и ни въ чемъ не смѣетъ отказывать. И послѣ того думать, что громовыя тучи, со всѣхъ концовъ сошедшіяся, сгустившіяся, навислыя, безъ столкновенія опять разойдутся! Однакоже, оно было такъ и, что всего страннѣе, въ Вильнѣ точно также, какъ и въ Пензѣ. И если бы даже предполагать возможность возобновленія союза съ этимъ человѣкомъ, то можно ли было надѣяться, что сіе будетъ безъ величайшихъ пожертвованій для чести и выгоды Россіи? А въ такомъ случаѣ всякому благородно-мыслящему Русскому должно было желать войны, какъ послѣдняго, отчаяннаго средства. Но мы были какъ боязливые люди, которые, встрѣчаясь съ чѣмъ-нибудь ужаснымъ, закрываютъ глаза.

Ярмарка была чрезвычайно многолюдна и шумна. Сдѣлавшись сперва гораздо спокойнѣе, сталъ я и повеселѣе: не отказывался отъ званыхъ обѣдовъ и даже въ Петровъ день, 29-го Іюня, конецъ кратковременной ярмарки, хотя будучи въ траурѣ и не имѣлъ права быть на балѣ, который дворянство давало во вновь выстроенной большой галереѣ, разгуливалъ, однакоже, въ освѣщенномъ вокругъ ея садѣ и все видѣлъ. Я попросилъ бы читателя припомнить себѣ нѣкую Катерину Васильевну Кожину, урожденную княжну Долгорукову, жену любителя и содержателя театра, а тутъ уже вдову, которая, имѣя гораздо болѣе сорока лѣтъ, любила еще невиннымъ образомъ покетничать. Она избрала себѣ въ обожатели равнаго себѣ, князя Василя, одного изъ меньшихъ братьевъ губернатора Голицына: онъ будто бы влюбленъ былъ въ нее, а я будто бы ревновалъ. Гдѣ-то на вечерѣ 30-го Іюня, пригласила она обоихъ насъ на слѣдующее утро къ ней завтракать; а мы уговорились между собою, чтобъ играть у нея роли, ему торжествующаго, а мнѣ отчаяннаго любовника. Въ пріятномъ ожиданіи этой комедіи, заснулъ я, не зная что на другой день меня ожидаетъ.

IV.

Часу въ одиннадцатомъ утра, 1-го Іюля, зашелъ я къ Голицынымъ, которые жили отдѣльно отъ брата въ купленномъ ихъ матерью особомъ домѣ. Я сталъ торопить князя Василя, чтобъ онъ скорѣе одѣвался, и мы совсѣмъ готовы были въ походъ, какъ вдругъ вбѣжалъ

самый менѣйшій изъ братьевъ Владимиръ, всегдашній повѣса и вѣчный хохотунъ, въ столь смущенномъ видѣ, что вѣроятно, онъ развѣ въ жизни только его имѣлъ. Онъ пришелъ отъ князя Григорія, и вотъ что онъ намъ разсказалъ: чиновникъ, посланный отъ губернатора съ гуртомъ быковъ, пожертвованныхъ дворянствомъ, не могъ довести ихъ до мѣста ихъ назначенія, ибо довольно далеко отъ него встрѣтилъ онъ армію, поспѣшно ретирующуюся и съ трудомъ могъ добиться кому ихъ сдать. Онъ воротился на курьерскихъ и сказывалъ, между прочимъ, что Наполеонъ уже въ Вильнѣ. Я былъ пораженъ извѣстіемъ, но не менѣе того изумленъ дѣйствіемъ, которое произвело оно на Василю Голыцына: онъ поблѣднѣлъ, и право не отъ страха, и выронилъ изъ рукъ трость, которую держалъ. Какъ? И это тѣ легкомысленные мальчуганы, которымъ отъ роду серьезная мысль не входила въ голову! О, Господи, подумалъ я, дай, чтобы вторженіе Французовъ во всѣхъ произвело подобное дѣйствіе, и мы спасены. «Нѣтъ, видно намъ сегодня не идти къ Кожинѣ», сказалъ Василій. «И я тоже думаю», отвѣчалъ я, и мы послали слугу съ извиненіемъ.

Задумавшись медленными шагами пошелъ я домой, и вотъ какъ разсуждалъ я. Невозможно, чтобы армія такъ быстро отступала, не проигравъ генеральнаго сраженія: теперь гдѣ она остановится? Этому человѣку открыть путь во внутрь Россіи, и что съ нами будетъ! Я одинъ занималъ собственный домъ, въ коемъ скончался отецъ мой, довольно далеко отъ наемной квартиры, которую мать моя занимала, и все временилъ, чтобы идти къ ней, не зная, какъ ей объявить нерадостную вѣсть; но я нашелъ, что она объ ней уже знала и гораздо болѣе меня.

Почта изъ столицъ обыкновенно приходила по Понедѣльникамъ, чѣмъ свѣтъ; въ этотъ день, который также былъ Понедѣльникъ, она опоздала нѣсколькими часами. Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, которыя привезла она, находился рескриптъ Государя на имя графа Салтыкова, предсѣдателя Государственнаго Совѣта, который можно было почитать объявленіемъ войны *). Въ прибавленіяхъ припечатано было извѣстіе о попятномъ движеніи корпусовъ первой арміи, дабы болѣе сосредоточить ее. Рескриптъ былъ отъ 13 Іюня изъ Вильны; пока онъ дошелъ до Петербурга, оттуда до Москвы, тамъ напечатанъ и по почтѣ у насъ полученъ, прошло 18 дней. Газеты поспѣшили доставить къ матери моей и до меня еще успѣли ей прочесть ихъ.

*) Нѣкоторые люди находили, что рескриптъ этотъ показываетъ большую робость, потому что Наполеонъ въ немъ не былъ разруганъ. Я замѣтилъ имъ, что человѣкъ, который говоритъ, что не положить оружія, пока единый непріятель останется въ землѣ его, напротивъ, долженъ быть исполненъ твердости и рѣшимости.

Нельзя мнѣ было не удивиться внезапной переměнѣ, которую нашелъ я въ ней. Она съ мужемъ похоронила свое счастье, всѣ радости свои и почитала себя чуждою всему что происходитъ въ мѣръ семь. Такъ оно и было, пока голосъ отечества не отозвался въ сердцѣ ея; погибель ему грозящая дала ей почувствовать, что па свѣтѣ есть еще что ей любить, за что ей страшиться. Она какъ будто ожила и вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣпилась вѣрою: я нашелъ ее почти спокойною. Видя мое уныніе, она сказала мнѣ только: «молись, молись; повѣрь, это одно только можетъ спасти насъ». Итакъ, появленіе врага, особѣ разнаго пола и возраста въ одинъ мигъ заставило забыть и горе, и веселіе.

Къ печальному и великому какъ часто примѣшивается и смѣшное. Вскорѣ послѣ меня прѣѣхала къ матери моей разгнѣвавшая Кожина и самымъ неучтивымъ образомъ принялась упрекать меня въ неучливости: она никакъ понять не могла, что съ полученнымъ извѣстіемъ можетъ имѣть общаго приготовленный на славу ея завтракъ; я даже не хотѣлъ и слушать ея. Наконецъ вступилась за меня мать моя, которая гораздо старѣе ея была лѣтами и подобно ей не была воспитана въ Смольномъ монастырѣ, но гораздо ея богаче была умомъ и чувствами. Она сказала ей: «И, матушка, полно, объ чемъ тутъ толковать! Да пропадай твой завтракъ; до него ли, помилуй». Тогда меня она оставила въ покоѣ.

По прочтеніи газетъ у меня немного отлегло на сердцѣ. Стало быть, армія пѣла, сказалъ я самъ себѣ; да еще ихъ четыре, какъ вижу изъ газетъ; первую и вторую начальствуютъ Барклай и Багратионъ, третья резервная подъ начальствомъ Тормасова, а четвертую изъ Молдавіи ведетъ Чичаговъ. Еслибъ имъ сойтись на какомъ-нибудь укрѣпленномъ пунктѣ, то, кажется, трудно будетъ Наполеону разбить ихъ. Не менѣе того ободряло меня совершенное перерожденіе большей части нашихъ помѣщиковъ: они не хвастались, не храбрились, а показывали спокойную рѣшимость жертвовать всѣмъ, и жизнию, и состояніемъ, чтобы спасти честь и независимость Россіи. Весьма немногіе не объ ней думали, а о своей особѣ и о своемъ ларцѣ, и тѣ втихомолку только вздыхали. Все это похоже было на чудо, совершающееся въ глазахъ нашихъ.

Я опять уѣхалъ въ деревню, но жизнь моя тамъ не была уже какъ прежде спокойна и безмятежна; часто не понималъ я что читаю и, прогуливаясь, иногда сбивался съ дороги. Болѣе всего страшилъ меня поносный миръ послѣ рѣшительной побѣды надъ нашею арміей. Въ городъ ѣздилъ я только по почтовымъ днямъ за новостями; въ газетахъ ничего не видѣлъ такого, что бы могло умножить наши опасенія, за то и ничего утѣшительнаго въ нихъ не находилъ. Казалось

сперва, что войска наши хотять упереться на Двину; но потомъ замѣтно было, что и за эту линію намѣрены перейти. Такъ оно было по 19 Іюля.

Въ этотъ день къ вечеру пріѣхала навѣстить меня осмидесятилѣтняя старушка, мамушка моя, Аксиныя Ивановна, которую можно найти въ началѣ моихъ воспоминаній о давнопрошедшемъ. Между разговорами сказала она мнѣ, что въ городѣ большая суматоха, что пришелъ-дескать указъ, и назначенъ пристрашный рекрутскій наборъ, по четыре человекъ со ста душъ. Это меня озадачило. Что-то не къ добру, подумалъ я: вѣдь это почти поголовщина. Ночью я мало спалъ и рано поутру поскакалъ въ Пензу.

Дѣло совсѣмъ не было такъ страшно, какъ я вообразилъ себѣ. Никакой побѣды Французъ еще не одержалъ надъ Русскими, но 18-го числа полученъ былъ съ курьеромъ знаменитый манифестъ изъ Полоцка отъ 6-го Іюля, въ коемъ Государь, величая дворянъ Пожарскими, купцовъ Мпниными и духовенство Палицыными, всѣхъ призываетъ къ оружію. Ему неизвѣстно, кажется, еще было, что силы, Наполеономъ противъ насъ собранныя, несмѣтны: шестьюстами тысячь воиновъ предводительствовалъ этотъ искусный и счастливый полководецъ, и его Европейская орда посильнѣе была Батыевой. И, о диво! этотъ манифестъ, *salve qui reut*, который могъ бы привести въ отчаяніе жителей другой страны, вдругъ возвысилъ духъ нашихъ согражданъ. Они увлечены были величіемъ зрѣлища, въ коемъ отечество наше готовилось сразиться съ цѣлою частію міра, и почувствовали, что хотять и должны быть въ немъ дѣйствующими лицами.

Губернаторъ дожидался только распоряженій правительства, чтобы созвать дворянство; они получены съ почтою 22 Іюля. Народное ополченіе должно составиться изъ трехъ главныхъ отдѣленій; главноначальствующими надъ ними назначены: въ Петербургѣ, прибывшій изъ Бухареста князь Михайлъ Ларіоновичъ Кутузовъ, въ Москвѣ графъ Растопчинъ, въ Нижнемъ Новгородѣ графъ Петръ Александровичъ Толстой, бывшій военный губернаторъ въ Петербургѣ, бывшій посоль въ Парижѣ; по полученнымъ въ тотъ же день извѣстіямъ сей послѣдній прибылъ уже къ мѣсту назначенія своего. Въ составъ третьяго отдѣленія входила и Пензенская губернія, которая одна должна была выставить 10 тысячь ратниковъ.

По письмамъ изъ Москвы, съ тою же почтой полученнымъ, узнали мы, что Государь, оставивъ армію, явился въ ней печальный, встревоженный. Описывали въ нихъ почтительное къ нему состраданіе дворянства и купечества, трогательныя ихъ сцены съ нимъ; какъ одинъ смѣлый купецъ подступилъ къ нему и сказалъ: «батюшка, посмотри

здѣсь сколько насъ, а въ Россіи у тебя насъ въ тысячу разъ больше; когда ни одного не останется, когда всѣхъ перебьютъ, тогда только унывай». Между тѣмъ, сгарая огнемъ любви къ отечеству, отважный, неутомимый Растопчинъ всѣми силами раздувалъ благородное пламя между жителями ввѣреннаго ему города; онъ успѣлъ въ нихъ пробудить, давно уснувшій въ лѣни и праздности, доблестный духъ предковъ ихъ. Подобно нашимъ знатымъ, былъ онъ воспитанъ за границею и зналъ въ совершенствѣ иностранные языки, но тѣмъ отличался отъ вельможныхъ, что славно выучился и отечественному и не гнушался даже простонароднымъ. Онъ пригодился ему, когда, среди волненія, произведеннаго грозными обстоятельствами, ежедневно разговаривалъ онъ съ народомъ посредствомъ печатныхъ афишекъ, которыя приправлялъ онъ разными прибаутками и коими веселилъ, ободрялъ и воспламенялъ его къ добру. Эта была не война обыкновенная государства съ государствомъ, а великое возстаніе, общее дѣло, въ которомъ необходимо было и простой народъ сдѣлать участникомъ.

Все съ тою же почтой семейство наше обрадовано было письмомъ отъ брата изъ арміи. Болѣе мѣсяца не имѣли мы объ немъ никакого извѣстія послѣ послѣдняго письма его изъ Москвы. Онъ увѣдомлялъ насъ, что пользуется особымъ случаемъ писать къ намъ, а что сообщенія весьма затруднены. Мы не понимали, отчего это, вѣроятно, чтобы внутри государства не знали навѣрное, что происходитъ въ арміи.

Извѣстія изъ нея, официально объявляемыя, становились однакоже живѣе и любопытнѣе. Пораженіямъ Французовъ Платовымъ при Мирѣ, Остерманомъ при Островнѣ и Багратиономъ при Дашковкѣ мы что-то плохо вѣрили и почитали ихъ болѣе стычками, въ которыхъ едва удалось непріятелю дать отпоръ. Я былъ не великій стратегъ и не умѣлъ понять, что дѣло Багратиона стоить великой побѣды; ибо онъ пробился сквозь Французскую армію, чтобы соединиться съ Барклаемъ, тогда какъ намѣреніе Наполеона было непременно отрѣзать его. Но первая, настоящая побѣда графа Витгенштейна при Клястицахъ всѣхъ чрезвычайно восхитила. Не было побѣды, даже семейнаго, на которомъ бы не пили за здоровье побѣдителя. Имя его, дотолѣ вовсе неизвѣстное, съ шумомъ пронеслось по всей Россіи; всѣ находили, что спасеніе часто приходитъ къ намъ оттуда, откуда мы его не ожидаемъ, и оттого еще болѣе утверждались въ вѣрѣ на помощь Всевышняго.

Въ Москвѣ, послѣ посѣщенія сдѣланнаго ей Государемъ (который, пробывъ два дня, отправился въ Петербургъ), все закипѣло, все запылало усердіемъ къ великому дѣлу спасенія отечества. Все въ ней

дѣлалось на широкую руку. Но боярское тщеславіе и тутъ не забыло себя выказать: молодые люди, знатные и богатые, не владѣющіе однакоже миліонами, мѣтившіе въ вельможи или, лучше сказать, по праву наслѣдства почитающіе себя ими, предложили на свой счетъ сформировать полки, съ тѣмъ условіемъ; чтобъ они назначены были ихъ шефами и полки носили ихъ имена. Отставной гвардіи ротмистръ, графъ Салтыковъ, добрый малый, о которомъ мнѣ случалось упоминать, сынъ графа Ивана Петровича, обремененный долгами, взялся поставить гусарскій полкъ; казачій конный полкъ началъ собирать падменный мальчишкѣ графъ Мамоновъ, который въ послѣдствіи отъ спѣси сошелъ съ ума, сынъ одного изъ любимцевъ Екатерины, первый изъ Мамоновыхъ родившійся графомъ; камеръ-юнкеръ князь Николай Сергѣевичъ Гагаринъ хотѣлъ набрать егерскій полкъ, а Николай Никитичъ Демидовъ, всѣхъ ихъ вмѣстѣ гораздо богаче, чтобы не отстать, довольствовался простымъ пѣхотнымъ. Купцы не брались формировать полки, но такъ и посыпали золотомъ. Въ Петербургѣ безъ шума, безъ преувеличенія, безъ возгласовъ, дѣло шло точно также: не щадили капиталовъ, поспѣшно и дѣятельно собирали и вооружали войско.

Дошла и до насъ очередь. Въ концѣ Іюля съѣхалось дворянство, чтобы приступить къ расчету суммъ, потребныхъ на обмундированіе и вооруженіе десяти тысячъ воиновъ и къ назначенію мѣръ для исправнаго собиранія ихъ съ помѣщиковъ по числу душъ ими владѣемыхъ; также должно оно было поспѣшить избраніемъ какъ начальника всего ополченія, такъ и полковыхъ и сотенныхъ начальниковъ. Дѣло пошло какъ нельзя лучше. Отставныхъ военныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ не было и десятой доли противъ пишущаго, а все-таки ихъ было много; не сыскалось ни единого, который бы пожелалъ остаться дома, всѣ явились на службу. Однакоже для пополненія всѣхъ мѣстъ ихъ было недостаточно; дозволено было гражданскимъ чиновникамъ, служащимъ и отставнымъ, вступать въ ополченіе, только съ потерю двухъ или трехъ чиновъ; это ничего не удержало: сотни предложили свои услуги. И это были не одни помѣщики и дѣти ихъ: канцеляріи присутственныхъ мѣстъ начали пустѣть. Накопецъ, множество семинаристовъ, сыновей священниковъ и церкѣвнослужителей, бросились въ простые рядовые, впрочемъ увѣрены будучи, что, какъ людей письменныхъ, грамотныхъ, не замедлятъ ихъ сдѣлать урядниками.

Начальникомъ Пензенскаго ополченія былъ выбранъ отставной генераль-майоръ Николай Ѳеодоровичъ Кишенскій, который давно уже не служилъ, однакоже былъ еще не старъ. Онъ рѣшился жениться на чрезвычайно безобразной и хворой единственной дочери Александра Васильевича Салтыкова, не знаю почему прозваннаго а-ла-Кокъ, ко-

торый умеръ, не успѣвъ промотать послѣднее имѣніе свое, тысячи полторы душъ въ селѣ Безсоновкѣ, подъ самой Пензой находящейся. Госпожа Кишенская прожила недолго и, умирая, все имѣніе отказала мужу. Онъ былъ человѣкъ дюжій, широкоплечій, довольно простой, ласковый, даже черезчуръ, ибо обходился со всѣми, какъ говорится, за-панибрата. Его генеральскій чинъ, мужественный видъ, обходительность и большое состояніе рѣшили выборъ дворянства.

Многіе изъ помѣщиковъ опасались, что приближеніе Французской арміи и тайно подсланные отъ нея люди, прельщеніями, подговорами возмутятъ противъ нихъ крестьянъ и дворовыхъ людей. Напротивъ, въ это время казалось, что съ дворянами и купцами слились они въ одно тѣло. Ничто такъ не раздираетъ душу, какъ зрѣлище обыкновенныхъ рекрутскихъ наборовъ: отовсюду слышны стонъ и вой. Мирные поселяне, отъ самого рожденія привычкою прикованные къ землѣ, не имѣютъ другихъ желаній, кромѣ хорошаго урожая; повышение, слава суть для нихъ слова непонятныя; вдругъ отрываютъ ихъ отъ всего роднаго, привычнаго; они трудолюбивы и не знаютъ боязни, но невѣдомое ужасаетъ ихъ; всѣ ближніе ихъ заживо хоронятъ; чтó удивительнаго, если горькій плачь и ропотъ всегда бывають при исполненіи сего насильственнаго дѣйствія? Тутъ, при наборѣ ратниковъ, видѣли мы совсѣмъ тому противное: радость была написана на лицѣ тѣхъ, на коихъ палъ жребій; семейства ихъ, жены, матери осыпали ихъ ласками, цѣловали, миловали, дарили чѣмъ могли. «Голубчикъ, вѣдь ты идешь за насъ, да за Божье дѣло», повторяли они.

Названія дружинъ, ратниковъ ополченія, совершенно отечественныя, всѣмъ были пріятны. Самый нарядъ ополченныхъ, совсѣмъ уже не богатый, но отличающій ихъ отъ линейнаго войска, чрезвычайно всѣмъ понравился. Онъ состоялъ изъ казацкаго платья, кафтана и шароваръ свѣтлосѣраго простаго сукна съ зеленымъ воротникомъ, цвѣтомъ Пензенскаго герба. Офицеры и ихъ начальники имѣли право носить тонкое сукно и наплечники (имя, которое хотѣли дать тогда эполетамъ); ратникамъ же, имѣющимъ бороду, дозволено было и даже велѣно не брить ея. Вооруженіе состояло изъ самыхъ простыхъ сабель и пикъ; другихъ оружій достать было негдѣ и не на чтó; правительство обѣщало само доставить ихъ. Наконецъ, шапка, украшенная мѣднымъ крестомъ, къ которому, подобно Лудовику XI, многіе изъ ратниковъ прикладывались, прежде чѣмъ ее надѣвали, довершала давать этому сборищу видъ воинства Христова. Все это было въ такомъ восторженномъ состояніи, что, право, описать его нельзя.

Читателю покажется удивительнымъ, что, при описаніи всеобщаго сильнаго движенія умовъ, я ничего не упоминаю о себѣ. Человѣкъ

этотъ видно толковалъ все о любви къ отечеству, пока дѣло не дошло до опасности, скажетъ онъ. Я никогда не хвастался храбростію, и мнѣ пріятно думать, что сограждане мои въ этомъ году превзошли меня въ патріотическихъ чувствахъ. Но въ прекрасномъ чаду, въ которомъ кружились тогда всѣ головы (и который, увы, въ слѣдующемъ же году разсѣялся) никто не думалъ о жизни; и мнѣ оставалось, никого не возбуждая, слѣдовать только общему примѣру: я такъ и сдѣлалъ. Ни съ кѣмъ не посовѣтовавшись, пошелъ я къ генералу Кишенскому и предложилъ ему себя, не имѣя никакого понятія о фронтовой службѣ и полагая, что подъ непріятельскимъ огнемъ все равно быть, начальствуя ли взводомъ, исполняя ли приказанія начальника. Я сказалъ ему, что мнѣ бы пріятно было находиться при его высокой особѣ. Тогда, принявъ видъ уже главнокомандующаго, объявилъ онъ мнѣ, что число желающихъ окружать его очень велико и что потому затрудняется онъ исполнить мою просьбу. Не обидясь отказомъ человѣка, съ которымъ нѣсколько дней передъ тѣмъ, опасаясь скуки, я не охотно вступалъ въ разговоры, такъ почтительно, такъ убѣдительно повторилъ я свою просьбу, что наконецъ изъявилъ онъ согласіе и черезъ два дня велѣлъ подать просьбу.

Но въ тотъ же день успѣлъ онъ рассказать въ городѣ о моленіяхъ моихъ, о моей настойчивости. Если не обманываетъ меня самолюбіе, то я вижу тутъ маленькое его хвастовство: въ Пензѣ не прослылъ я человѣкомъ слишкомъ низкопоклоннымъ. Разумѣется, на другой же день дошло это до матери моей, которая, призвавъ меня, слезно стала убѣждать оставить мое намѣреніе. Она обратила ко мнѣ сію для самолюбія моего не совсѣмъ лестную рѣчь. «Послушай: братъ и зять твой на войнѣ, имѣніе разстроено, ты видишь въ какомъ я положеніи, мы съ сестрами твоими безъ тебя совершенно сироты; я знаю, мушкетеръ ты ледащій, да все-таки мушкетеръ; пока ты тутъ, все-таки есть у насъ опора и защита. Подумай, и въ крестьянской семьѣ послѣдняго не берутъ въ рекруты; много ли въ войскѣ однимъ собою ты прибавишь? Ну, если Всевышнему такъ угодно, чтобы злодѣй добрался до насъ, тогда удерживать тебя не буду, ступай съ Богомъ, я сама благословлю». Не знаю, на моемъ мѣстѣ кто-либо другой поступилъ ли бы иначе, какъ я. Скоро представился случай въ этой экстраординарной службѣ и мнѣ не остаться безполезнымъ.

Съ тою же почтительною покорностію, съ которою ходилъ я просить генерала Кишенскаго, пошелъ я благодарить его за данное мнѣ позволеніе и объяснить невозможность воспользоваться имъ. Въ Пензѣ, гдѣ дворянство почти всегда не въ мѣру было спѣсиво и гдѣ состояніе всегда предпочиталось чинамъ, вы бы съ удивленіемъ увидѣли почтеніе

и послушаніе, оказываемыя людьми довольно богатыми, вступившими въ ополченіе, тѣмъ, кои становились ихъ начальниками. Самолюбіе было первою жертвой, которое дворянство, въ этотъ чудный годъ, предавало закланію на жертвенникѣ отечества. Самый простой народъ сдѣлался гораздо смѣлѣе въ поступи и рѣчахъ *), за то въ дѣйствіяхъ никогда не показывалъ такого повиновенія. Право, глядя на все это, сердце не нарадовалось. Это всегда спасало Россію и отличало отъ другихъ государствъ, какъ на примѣръ отъ Польши или отъ Франціи: тамъ лишь народъ почуветь, что узда опущена и что онъ дѣлается нуженъ, начнетъ шумѣть, бурлить, и съ нимъ неладишь.

Въ первой половинѣ Августа начали появляться у насъ, еще не эмигранты изъ захваченныхъ Наполеономъ областей (дотолѣ все были однѣ такъ-называемыя Польскія губерніи), а ссыльные по высочайшему повелѣнію.

Первою изъ нихъ была графиня Рыщевская, урожденная Холоневская, богатая и пожилая Польшка, которая слишкомъ много любила заниматься политикой. Волынскій губернаторъ, Михаилъ Ивановичъ Комбурлей, не могъ остаться равнодушнъ, зная о воззваніяхъ ея къ помѣщикамъ, когда непріятельская армія показалась въ Россіи: по праву ему данному, въ критическихъ обстоятельствахъ, въ коихъ находилась его губернія, онъ именемъ Государя отправилъ ее во внутреннія губерніи, и Пензѣ досталась она на долю. Нѣкоторые, только весьма немногіе, обвиняли Комбурлея въ жестокости къ слабой женщинѣ, знатной и образованной; но вскорѣ всѣ ее раскусили. Въ ней былъ самый злой полонизмъ, умѣряемый свѣтскимъ знаніемъ и пріятнымъ обхожденіемъ, и если въ глубинѣ Россіи, въ заточеніи своемъ, она не хотѣла скрывать ни желаній, ни надеждъ своихъ, видя себя окруженною народомъ, вооружающимся для сопротивленія ихъ исполненію, то можно посудить о дѣяніяхъ ея, когда она находилась на свободѣ и на Волыни. Она наняла самый лучшій домъ въ Пензѣ, привезла съ собою славнаго повара и сдѣлала визиты всѣмъ дамамъ, изъ коихъ весьма немногія ихъ отплатили ей. Мать моя, которая ни къ кому не ѣздила и, не зная иностранныхъ языковъ, не могла съ ней объясняться, передала ее моему угощенію. Мы очень хорошо сошлись; было намъ о чемъ

*) Я помню одного стараго слугу, который съ своими господами довольно свободно вступалъ въ разговоры и самъ съ молодымъ баринномъ попросился въ ополченіе. „Что это, господа, говорилъ онъ, вѣдь это все Государь да Константинъ Павловичъ, народъ молодой, намъ наука: раздразили мужика сердитаго, а теперь что дѣлать, хоть головы положимъ, пойдемъ выручать ихъ“. Другой слуга, при которомъ рассказывали, что Барклай не поладилъ съ Константиномъ Павловичемъ и отправилъ его въ Петербургъ, сказалъ: „Да вѣдь онъ правъ этотъ Барклай; ужъ не до поросать, коли саму свинью пацать“.

потолковать. Я долженъ былъ прикидываться раздѣляющимъ не чувства ея, а мнѣнія насчетъ неизбежнаго паденія Россіи. Но *однакоже*, всегда оканчивалъ я тѣмъ наши разговоры, и начиналъ, какъ умѣлъ, указывать на средства къ ея спасенію и даже возвеличенію. Сіи часто поворяемыя *однакоже* начинали ее сердить, и какъ она была женщина умная, то и не могла не догадаться, что я всепокорнѣйше ее дразню. Она не вытерпѣла и стала мнѣ грубить; я тоже снялъ маску и самымъ учтивымъ образомъ явилъ ея національное самолюбіе. Мы, слава Богу, наконецъ совсѣмъ поссорились.

Другой изгнанникъ былъ Французъ въ Русской службѣ, полковникъ Радюльфъ, который сосланъ былъ за то, что не согласился идти воевать противъ соотечественниковъ. Всѣ косились на него; а мнѣ понравился онъ, какъ человѣкъ скромный, честный, который, не принадлежа къ дореволюціонной Франціи, хотѣлъ исполнить долгъ свой; въ самой ссылкѣ его видѣлъ я одну мѣру предосторожности правительства. Третій, вѣроятно, по ошибкѣ попалъ въ Пензу: его бы слѣдовало отправить въ Нерчинскъ, ибо онъ былъ совершенно каторжный. Я слыхалъ и читывалъ о санкюлотизмѣ, бывшемъ въ ужаснѣйшіе и отвратительнѣйшіе дни Французской революціи, а не имѣлъ объ немъ настоящаго понятія; онъ мнѣ предсталъ въ лицѣ г. Магіё. Наглость и дерзость, безнравственность и невѣріе, перешли въ немъ за границы возможнаго. Не понимаю, какъ пустили его въ Россію, а еще менѣе какъ одна нѣжная и попечительная мать могла поручить ему воспитаніе любимѣйшаго сына. Мальчикъ, съ сердцемъ нѣжнымъ и благороднымъ, съ умомъ быстропонятливымъ и любознательнымъ, съ дарованіями необыкновенными, которыя могли бы послужить къ чести и пользѣ отечества, отъ пагубныхъ правилъ почти въ младенчествѣ внушенныхъ ему симъ отравителемъ, сдѣлался почти преступнымъ и кончилъ несчастную жизнь, едва перешедъ за обыкновенную половину пути ея. И въ глубокой старости, гордая и упрямая мать не хочетъ сознаться, что она была главнѣйшею, единственною виной гибели сыновей своихъ. Я бы ее назвалъ, но теперь еще не до нея. Въ послѣднее время находился онъ при образованіи безобразнаго сына уродливаго графа Хвостова, котораго шуринъ князь Алексѣй Ивановичъ Горчаковъ управлялъ тогда министерствомъ военнымъ, на время командованія Барклаемъ одною изъ дѣйствующихъ армій. Вслушавшись въ дерзкія рѣчи его, Горчаковъ счелъ его опаснымъ и отправилъ въ Пензу; а онъ тамъ рассказывалъ, будто это сдѣлано было съ намѣреніемъ разорвать любовныя связи его съ какою-то кузиной, княжной Горчаковой, какъ всякій Французъ, который самохвальству своему честь женщины приносить въ жертву. Но никто не хотѣлъ ему вѣрить.

Наканунѣ Успеньева дня пришли мнѣ сказать, что нѣкто Мордвиновъ желаетъ меня видѣть. Я одѣлся наскоро, чтобы къ нему выйти и, взглянувъ на него, изумился: я не имѣлъ понятія о необыкновенной красотѣ, которую можетъ имѣть старость. Передо мною былъ человекъ не съ большимъ лѣтъ шестидесяти, невысокаго роста, одѣтый съ изысканною опрятностью, въ черномъ фракѣ не новаго покроя, съ расчесанными и па обѣ стороны распущенными бѣлыми волосами, съ чрезвычайною живостію во взорахъ, съ удивительною пріятностію въ голосѣ, что-то напоминающій собою Вакефильдскаго священника: передо мною былъ прославившійся въ государствѣ Николай Семеновичъ Мордвиновъ. Пріѣхавъ наканунѣ вечеромъ въ Пензу, онъ съ семействомъ своимъ, состоящимъ изъ жены, трехъ молодыхъ дочерей и малолѣтняго сына, остановился въ какомъ-то заѣзжемъ домѣ, въ нижней части города. Неизвѣстно, по какимъ причинамъ, находясь въ службѣ, намѣревался онъ провести у насъ всю зиму и для того искалъ для себя удобную квартиру. Какъ лучшей домъ былъ занять Полькою Рыщевской, ему указали на нашъ, который не великъ и не красивъ былъ, однакоже чрезвычайно помѣстителенъ; но мать моя, переѣхавъ изъ него, не хотѣла ни отдавать его въ наймы, ни сама возвращаться въ него, а оставить его въ томъ видѣ, въ которомъ онъ находился въ минуту кончины отца моего. Смущенный внезапнымъ появленіемъ г. Мордвинова, я не умѣлъ порядочно съ нимъ объясниться и почти-тельно повелъ его показывать ему комнаты. Онъ остался доволенъ какъ числомъ, такъ и расположеніемъ ихъ и вдругъ спросилъ меня о цѣнѣ? Еще болѣе смѣшавшись, я запросилъ 1500 рублей въ годъ, сумму тогда необъятную въ провинціи, въ надеждѣ, что онъ начнетъ торговаться, и я могу отослать его къ настоящей владѣлицѣ дома. Но онъ этого не сдѣлалъ и въ мигъ согласился дать мнѣ требуемую сумму. Тогда рѣшился я объявить ему, что мнѣ нужно переговорить о томъ съ матерью, а онъ сказалъ мнѣ, что за отвѣтомъ самъ придетъ къ ней послѣ обѣда. Скорѣе побѣждалъ я къ ней и не безъ труда могъ получить ея согласіе, представляя ей, что само Небо, кажется, со всѣхъ сторонъ посылаетъ намъ средства къ скорѣйшей уплатѣ долговъ нашихъ.

Неожиданный пріѣздъ столь знаменитаго человѣка, какъ Мордвиновъ, бывшаго морскаго министра, настоящаго предсѣдателя одного изъ департаментовъ Государственнаго Совѣта, въ другое время взволновалъ бы весь нашъ губернской городъ. Тутъ этого не было. Голицынская спѣсь заставила губернатора оказать пріѣзжему совершенное невниманіе: чтобы не совсѣмъ показаться ему неучтивымъ, поспѣшилъ онъ уѣхать на ярмарку въ Саранскъ. Въ Петербургѣ отъ Мордвинова совершенно зависѣло принадлежать къ высшей аристократіи, но онъ

любилъ дѣлать все по своему. Женившись въ Ливорно на скромной дѣвицѣ, дочери Английскаго консула Кобле, всегда велъ онъ съ нею жизнь довольно уединенную, въ кругу своего семейства, въ кругу близкихъ и дальнихъ родственниковъ, старинныхъ, просвѣщенныхъ и достаточныхъ дворянъ, которые не думали гоняться за знатностью; охотно принималъ онъ у себя также ученыхъ, артистовъ и литераторовъ. Отъ того между аристократами прослылъ онъ вольнодумцемъ, республиканцемъ; внутри Россіи почитали его усерднымъ, смѣлымъ патриотомъ. Ничего этого не было. У него была страсть риторствовать, изумлять довольно смѣлыми, на Западѣ совсѣмъ не новыми мыслями; но сильныхъ, внутреннихъ убѣжденій, но положительныхъ, твердыхъ мнѣній ни о чемъ у него не было. Пожалуй, это можно назвать безпристрастіемъ, умѣренностію. Напримѣръ, онъ былъ однимъ изъ основателей *Бесѣды Россійскаго Слова* и почитался задушевнымъ другомъ руссомана до безумія Александра Семеновича Шишкова, новаго государственнаго секретаря; въ то же время всѣмъ извѣстны были связи его съ Сперанскимъ, и онъ явно и громко порицалъ строгость, употребленную съ нимъ падшимъ временщикомъ. Неизвѣстно, немилость ли къ нему двора, или его собственное неудовольствіе на правительство, заставили его выѣхать изъ Петербурга. Такъ по крайней мѣрѣ казалось; и это, въ тогдашнихъ обстоятельствахъ, вмѣстѣ съ внушеніями Голицына, удержало дворянъ отъ изъявленій знаковъ долгаго къ нему уваженія, отъ которыхъ, впрочемъ, и самъ онъ уклонялся. За годъ передъ этимъ, рассчитывая на плодородіе Пензенской губерніи, купилъ онъ въ ней тысячу душъ; но имѣніе было малоземельное, и онъ никакого почти не получалъ съ него дохода: онъ хотѣлъ накупить земель въ Саратовскихъ степяхъ, чтобы переселить туда половину крестьянъ, и по словамъ его, вотъ была причина появленія его между нами.

Итакъ, я сталъ тѣсниться въ банѣ, на одномъ дворѣ съ матерью моею, оставивъ чертоги свои; но, по приглашенію напимателя, иногда посѣщалъ ихъ. Супруга его Генріетта Александровна, милая и почтенная дама, въ уединеніи своемъ (ибо никто къ нимъ не ѣздилъ), всегда мнѣ была очень рада; но молоденькія миссъ Мордвиновы были отменно дики и, казалось, страшилась дуновенія мужчинъ. Самого же Николая Семеновича я всегда слушалъ съ жаднымъ любопытствомъ и, кажется, иногда понималъ; я находилъ много ума, бездну познаній, но, признаюсь, толку никакого. Къ несчастію моему, осенью маленькое семейное его общество умножилось прибытіемъ къ нему одного молодаго ученаго, весьма почтеннаго Гульянова, который въ послѣдствіи сдѣлался такъ извѣстенъ соперничествомъ съ Шампольономъ въ объясненіи гіероглифическихъ знаковъ. Онъ все разсуждалъ со мною о Санскрит-

скомъ языкѣ, котораго даже названія я дотолѣ не слыхивалъ. Не подозрѣвая, что онъ говоритъ со мною о прародителѣ нашего Русскаго и всѣхъ Славянскихъ языковъ, мнѣ казалось, что дѣло идетъ о священномъ писаніи, *sancto scripto*, и это недоразумѣніе, обнаруживая все невѣжество мое, совершенно погубило меня въ мнѣніи Мордвинска; я замѣтилъ это и совсѣмъ отсталъ отъ дому его.

Со всѣми этими пріѣзжими я какъ будто потерялъ изъ виду великій предметъ, который тогда всѣхъ и cadaго, безпрестанно, исключительно занималъ, какъ будто позабылъ о войнѣ. Правда, недѣли двѣ уже никакихъ почти о ней извѣстій не было, все какъ будто поумолкло, попритихло, и что-то такое похожее на надежду стало оживлять насъ. Мы знали или, лучше сказать, слышали, что двѣ главныя арміи, Барклай и Багратиона, должны были соединиться или уже соединились подъ укрѣпленнымъ Смоленскомъ, надъ трудною переправой черезъ Днѣпръ. Этотъ оплотъ былъ упованіе наше, мы въ немъ для Наполеона видѣли столпы Геркулесовы, за которые сила его не прорвется.

Между тѣмъ губернаторъ отправился въ Саранскъ совсѣмъ не на ярмарку, а болѣе для свиданія съ главноначальствовавшимъ надъ ополченіями графомъ Петромъ Александровичемъ Толстымъ, для совѣщаній съ нимъ и для принятія его приказаній по дѣлу вооруженія. Въ Воскресенье 18-го Августа (мнѣ такъ памяты всѣ эти числа), день былъ прекрасный, вечеръ теплый и ясный, и мнѣ почти было весело. Гуляя по городу, вдругъ повстрѣчался я съ канцелярскимъ чиновникомъ, любимцемъ Голицына, котораго бралъ онъ съ собою.

— Вы уже опять здѣсь, сказалъ я ему, какъ вы скоро воротились!— Да-чтò дѣлать отвѣчалъ онъ: бѣда, пришло ужасное извѣстіе, была большая рѣзня, и въ самый день Преображенія Французы штурмомъ взяли Смоленскъ; графъ въ отчаяніи поспѣшилъ обратно въ Нижній-Новгородъ, и намъ уже безъ него въ Саранскѣ ничего не оставалось дѣлать.

Было уже поздно; какъ одурѣлый побрѣлъ я домой и не зашелъ къ матери, чтобы не испугать ее отчаяннымъ видомъ своимъ.

Это былъ третій электрическій ударъ, который раздался по всей Россіи, который, поражая печалью сердца Русскихъ, какъ будто всякій разъ все болѣе возжигалъ въ нихъ мужество и усердіе защищать отечество. На другой день, въ Понедѣльникъ, 19-го числа, многіе сбѣжали на почту, въ томъ числѣ и я. Вотъ какія вѣсти привезла она намъ: Государь отлучался изъ Петербурга для свиданія въ Абовѣ съ Шведскимъ вронпринцемъ, бывшимъ Французскимъ генераломъ Бернадотомъ. Хотя то и показалось намъ нѣсколько унижительнымъ для императорскаго достоинства, но такое согласіе успокоивало насъ

насчетъ опасности для Петербурга и нашей крайней сѣверной границы. Узнавъ о взятіи Смоленска, Государь прискакалъ обратно въ Петербургъ, чтобы назначить искуснаго полководца, старика князя Кутузова, главнокомандующимъ надъ всѣми дѣйствующими арміями. Приписывая всѣ неудачи наши разброду, въ которомъ какъ будто они находились, мы ободрены были мыслию, что главная власть сосредоточится въ однѣхъ рукахъ; жалѣли только, что не ранѣе о томъ подумали. Къ тому же, самое имя Кутузова напоминало Екатерину и побѣды.

Въ это время были у меня еще другія заботы, въ которыхъ, къ удовольствію моему, мать моя принимала дѣятельное участіе. Покойный отецъ мой, не столько изъ усердія къ православію, какъ по извѣстной читателю архитектурной его страсти, впродолженіи пяти лѣтъ, исподоволь, экономическимъ образомъ сооружалъ въ приданомъ матери моей селѣ Лебедевкѣ каменную, небольшую, но хорошенькую церковь во имя Владимирской Божіей Матери, коей икона была ея же родительскимъ благословеніемъ. Строеніе церкви было окончено, и она внутри совсѣмъ почти была отдѣлана, когда смерть его постигла. Лѣто прошло у насъ въ сборахъ; надобно было, наконецъ, подумать о ея освященіи, и для совершенія того мать моя назначила 26-е Августа, день, въ который празднуются чудеса сказанной иконы. Обрядъ сей, въ селеніяхъ всегда радостный, веселый, призываетъ къ себѣ обыкновенно всѣхъ сосѣднихъ помѣщиковъ и ихъ крестьянъ и долго остается у нихъ въ памяти. Тутъ, къ сожалѣнію, ничего этого не было.

У всѣхъ на умѣ было тогда одно только: Москва. Болѣе двухъ сотъ верстъ еще отдѣляли ее отъ непріятели; большая, сильная армія, еще не истребленная, находилась впереди ея, и, какъ утверждали, всѣ ея жители готовы были пасть съ оружіемъ въ рукахъ. Но буря шла прямо на нее; сколько разъ уже потоки Литовскихъ, Польскихъ и Татарскихъ полчищъ истребляли ее! Какая ждетъ ее участь? Мы хотѣли вѣрить спасенію ея и не могли. Нашему воображенію представлялась она вѣнчанною мученицей, съ христіанскимъ терпѣніемъ, спокойно ожидающею неизбѣжной казни. О, какъ величественна и прекрасна была она тогда въ глазахъ нашихъ, сія родная Москва, наша древность, наша святыня, колыбель новаго могущества нашего! Нѣтъ, развѣ только дѣти въ послѣднія минуты жизни обожаемой матери могутъ такъ трепетать, видя приближеніе конца ея.

Итакъ, въ самый день Бородинской битвы, 26-го Августа, происходило у насъ, въ шести верстахъ отъ Пензы, освященіе новаго храма. Маленькій домъ не былъ достаточенъ для помѣщенія прибывшихъ изъ города гостей; для большей половины ихъ столъ былъ накрытъ въ особой палаткѣ. Воздухъ былъ теплый, душливый, и ни

одинъ листокъ не колыхался; небо было темносѣраго цвѣта, и сквозь облака ни единое голубое пятнышко не проглядывало. Прѣосвященный Аѳанасій, хворый старецъ, съ добродушнымъ взглядомъ своимъ и грустною улыбкой совершалъ богослуженіе; по слабости нервовъ онъ не могъ выносить громогласнаго пѣнія, и отъ того въ голосѣ пѣвчихъ было нѣчто заунывное. Все было тихо и печально. Мать моя въ этотъ день старалась укрѣпиться духомъ и въ первый разъ послѣ кончины супруга нарядилась въ бѣлое платье; во время служенія не проронила ни одной слезки, не испустила ни единого вздоха, но когда вмѣсто многолѣтія создателю храма возгласили вѣчную память, она упала замертво и вѣрно бы расшиблась, еслибы не успѣли ее поддержать. Послѣ того была одна неожиданно-трогательная минута: когда вокругъ церкви понесли икону Владимирской Божіей Матери и запѣли ей извѣстный тропарь: «Днесь свѣтло красуется славнѣйшій градъ Москва, яко зарю солнечную воспріемше чудотворную Твою икону... Молися воплощенному Христу Богу нашему, да избавитъ градъ сей», всѣ отъ перваго гостя до послѣдняго мужика въ одинъ голосъ зарыдали.

Грустно подумать, что въ это самое время и въ этой самой Москвѣ, для насъ провинціаловъ столь священной, находились люди безъ ума и безъ сердца, которые смотрѣли не только равнодушно на приближеніе врага, но еще радовались тому. Послѣ описаннаго мною, дня черезъ два могъ я въ томъ удостовѣриться. Въ день Ивана Постнаго, 29-го Августа, мнѣ сказали послѣ обѣда, что изъ Москвы пріѣхали два Пензенскихъ помѣщика, года три туда переселившіеся. То были: Савва Михайловичъ Мартыновъ и Владимиръ Егоровичъ Жедринской. Послѣдній, провинціальный франтъ и соблазнитель, нѣсколько уже знакомъ моимъ читателямъ. Первый былъ въ нѣкоторомъ съ нами свойствѣ: отецъ его, Михайлъ Ильичъ, былъ женатъ на теткѣ моей матери, и дѣти отъ сего брака приходились ей двоюродными; будучи уже старъ, вступилъ онъ въ третій бракъ съ дочерью какого-то подъячаго Дрындина, и послѣднимъ плодомъ онаго былъ этотъ Савва. Съ ребячества былъ онъ примѣчательнъ гнуснымъ безобразіемъ и чрезмѣрнымъ самолюбіемъ; въ первой молодости, получивъ первый офицерскій чинъ и владѣя только ста душами, оставилъ онъ службу и началъ думать о средствахъ замѣнить искусствомъ скудость даровъ Фортуны. Онъ началъ, какъ говорится, служить четыремъ королямъ и вѣровать въ одного Вольтера, котораго, выучившись по-французски, онъ одного только прочиталъ: можно посудить о его правилахъ и религіозныхъ чувствахъ. Посвященный наконецъ во всѣ тайнства картежной игры, онъ примѣтно началъ разживаться; удачно и расчетливо выставляемая имъ роскошь и смѣлая болтовня дали въ Пензѣ большой ему вѣсъ. Но онъ оставилъ ее, ибо

Москва представляла ему гораздо богатѣйшую добычу. Жедринской, малый простой, пошелъ къ нему въ опеку, но никогда не могъ подняться до высоты его, хотя, впрочемъ, и гениальность Мартынова не простиралась далѣе обмана и фанфаронства. Оба они въ Пензѣ щеголяли Французскимъ діалектомъ; у Жедринскаго былъ выговоръ лучше, зато Мартыновъ говорилъ бѣгло и безошибочно: это вѣроятно дало имъ надежду, что Наполеонъ, покоривъ Россію, назначить ихъ, прапорщика и титулярнаго совѣтника, префектами въ завоеванныя имъ провинціи. Вотъ къ какимъ людямъ побѣждалъ я за извѣстіями, можетъ-быть, утѣшительными! Я нашелъ ихъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа; на вопросъ мой отвѣчали они мнѣ, что оставили Москву, такъ сказать, почти наканунѣ ея сдачи. «Согласитесь», улыбаясь сказалъ мнѣ Мартыновъ, «что смѣшно и безразсудно противиться великому человѣку, у котораго полмиліона войска и двѣ тысячи пятьсотъ пушекъ» Негодованіе оковало мнѣ языкъ; но, видно, глаза мои выразительно говорили, ибо въ обоихъ скоро замѣтилъ я смущеніе и досаду. Не говоря ни слова, всталъ я и вышелъ, и долго молчаніе мое съ ними не прерывалось. И эти люди прямо изъ православной, подумалъ я; ну, если подобныхъ имъ много тамъ? А впрочемъ, что за важность: и въ самихъ Божіихъ храмахъ, по небрежности церковнослужителей, часто разводятся крысы и всякая гадина. Однакоже, ихъ слова навели на меня неизъяснимую тоску, которая могла нѣсколько быть разсѣяна только трудными занятіями, мнѣ предстоявшими.

Во всякой изъ ополчающихся губерній учреждался комитетъ для принятія и храненія какъ отъ дворянства поступающихъ, такъ и другими сословіями жертвуемыхъ суммъ, для производства жалованія ратникамъ, для обмундированія, вооруженія и продовольствія ихъ, до выступленія въ походъ за предѣлы губерній; однимъ словомъ, для каждаго ополченія учреждалась особая комисаріатская и провіантская вмѣстѣ комісія. Предсѣдателями сихъ комитетовъ вездѣ были губернскіе предводители дворянства. Но по несогласіямъ Пензенскаго Колокольцова съ губернаторомъ, сей послѣдній выпросилъ у графа Толстаго, чтобъ отъ дворянства былъ выбранъ особый предсѣдатель. Къ 1-му Сентября собралось оно для выборовъ на убылыя мѣста поступившихъ въ ополченіе, и такъ поспѣшно поворотило дѣломъ, что въ два дня все было кончено.

Комитетъ пожертвованій для ополченія долженъ былъ состоять изъ предсѣдателя и трехъ членовъ, одного отъ правительства, другаго отъ дворянства, третьяго отъ купечества. Въ предсѣдатели выбранъ былъ бывший Екатеринбургскій гвардіи капитанъ, отставной бригадиръ Николай Степановичъ Кашкаръ, человѣкъ лѣтъ около шестидесяти,

родной дядя описаннаго мною меломана того же имени. Трудно сказать, чего болѣе былъ онъ достоинъ, любви или уваженія. Въ дѣйствіяхъ и рѣчахъ его было нѣчто особенно-благородное, отличающее его отъ другихъ дворянъ. Членомъ избрали дворяне отставнаго гвардіи поручика, Алексѣя Гавриловича Караулова, человѣка довольно пожилаго, степеннаго, который слова выпускалъ на мѣру и на вѣсъ, у котораго немного было идей, но довольно смыслу, чтобы по пустому не говорить. Купцы посадили въ комитетъ торговца, не весьма богатаго, добраго и толстаго простяка, Петра Васильевича Козицына. Не знаю, какіе были толки у матери моей съ княземъ Голицынымъ; но въ одно утро предложили они мнѣ мѣсто члена отъ правительства въ семь комитетъ. Я прінялъ это предложеніе съ удовольствіемъ и благодарностію; ибо тяжело бы мнѣ было во всеобщемъ движеніи оставаться простымъ зрителемъ всего происходящаго. Я продолжалъ числиться въ Министерствѣ Финансовъ и въ отпуску, и объ этомъ назначеніи мнѣ стоило только увѣдомить мое начальство. Сверхъ того, въ нашъ комитетъ назначены были секретаремъ: Иванъ Ефимовичъ Афанасьевъ, малый проворный, великій писака, и казначеемъ—Андрей Сергѣевичъ Мартыновъ, помѣщикъ весьма достаточный, извѣстный губернаторскій и архіерейскій угодникъ, самый добрый и откровенный изъ подлецовъ и трусовъ.

Засѣданія наши открыли мы въ Понедѣльникъ, 2 Сентября, день также весьма памятный въ этомъ году. Среди занятій нашихъ мы одинаково нетерпѣливо ожидали прибытія почты; она пришла и привезла намъ, увы, послѣднія Московскія газеты. Въ нихъ прочитали мы реляцію о великомъ Бородинскомъ дѣлѣ 24 и 26 чиселъ; узнали, что поле битвы осталось за нашими и.. не смѣли радоваться. Кто побѣдитель? Кто побѣжденный? Этого опредѣлительно сказано не было, и сіе недоумѣніе насъ пуще тревожило. А между тѣмъ воздухъ охолодѣлъ, дождикъ лилъ ливмя; городъ былъ наполненъ пріѣзжими, и по грязнымъ улицамъ его въ этотъ день скакали они изъ дома въ домъ, въ какой-то тоскливой суетѣ.

Куды какъ всю эту недѣлю тяжело было у меня на сердцѣ! Къ счастью, заботы по новому временному служенію моему оставляли мнѣ немного часовъ для грустныхъ размышленій. Наборъ ратниковъ почти уже кончился; съ одной стороны требованія, а съ другой деньги начали поступать къ намъ въ большомъ количествѣ; надобно было наскоро завести канцелярскій порядокъ и счетную часть; съ помощію моихъ добрыхъ товарищей, въ семь дѣлъ столь же неопытныхъ какъ и я, все какъ-то уладилось. Въ Русской землѣ, когда нужда того требуетъ, все должно скоро вскипѣть и поспѣвать.

Какъ странно было видѣть, въ продолженіе этой недѣли, что при постоянно сырой, ненастной погодѣ, на Пензенскихъ улицахъ затрудняется проѣздъ отъ множества неизвѣстныхъ экипажей, запачканныхъ, забрызганныхъ грязью, каретъ, колясокъ, колымагъ и цѣлыхъ дорожныхъ обозовъ. Мы сначала подумали, что всѣ семейства уѣздныхъ помѣщиковъ рѣшились поселиться въ губернскомъ городѣ; но вскорѣ узнали, что то были эмигранты изъ Смоленской губерніи, которые хотѣли у насъ пріютиться и съ трудомъ искали квартиръ: за довольно большія деньги находили они себѣ помѣщенія въ небольшихъ домахъ мелкихъ чиновниковъ и мѣщанъ въ нижней части города.

Никто не хотѣлъ или не умѣлъ въ ихъ появленіи между нами видѣть одно изъ чудесъ царствованія Екатерины. Древній Русскій городъ Смоленскъ, въ несчастное время смуть, Лжедмитріевъ и междуцарствія, сдѣлался добычей Польши; силою оружія царь Алексѣй Михайловичъ возвратилъ его опять Россіи, но въ короткое время Польскаго владычества, онъ до того ополячился, что еще внука сего самаго Алексѣя Михайловича, государыня Елисавета Петровна, къ кому то писала: «Какъ мнѣ быть съ Смольянами? Я ли ихъ не тѣшу? Но какъ видно по пословицѣ, какъ волка не корми, онъ все въ лѣсъ глядитъ». Настоящей преемницѣ ея, Екатерины Второй, которая не тѣшила и не угнетала ихъ, достаточно было тридцати четырехъ лѣтъ, чтобы совершенно перелить ихъ въ Русскихъ, да еще въ какихъ! Самыхъ вѣрныхъ и преданныхъ престолу и своему истинному отечеству.

Такими явили они себя въ началѣ этой войны. Нѣкоторые помѣщики сами собою вооружили дворовыхъ людей и крестьянъ и составили изъ нихъ небольшіе партизанскіе отряды, которые при переходѣ Французовъ тревожили ихъ, нападали на ихъ обозы и захватывали отсталыхъ, и такимъ образомъ подали примѣръ и мысль о партизанской войнѣ и всеобщемъ вооруженіи. Одинъ изъ нихъ, доблестный Энгельгардтъ, попавшійся въ плѣнъ, правосуднымъ Французскимъ начальствомъ былъ разстрѣлянъ. Семейства свои, послѣ паденія Смоленска, съ полною довѣренностію отправили они въ самую глубь родной Россіи. Сначала не могли они слишкомъ быть довольны гостепрѣимствомъ Пензы; но вскорѣ потомъ, какъ объясню я далѣе, поступлено было съ ними истинно по-братски.

Приблизился, наконецъ, тотъ день, въ который, лишившись послѣдней надежды спасти наше сокровище, мы вмѣстѣ съ тѣмъ освободились отъ всякаго страха: день сильнаго перелома, въ который война совершенно превратилась въ отечественную, въ народную, и, для пришельцевъ наступило время погибели.

V.

Въ Воскресенье, 8 Сентября, день Рождества Богородицы, пошелъ я на поклоненіе губернатору, какъ будто уже моему начальнику. Я нашель его въ залѣ, провожающаго князя Четвертинскаго. Я худо повѣрилъ глазамъ своимъ, и у меня въ нихъ помутилось. Не будучи съ нимъ лично знакомъ, много разъ встрѣчалъ я въ Петербургскихъ гостинныхъ этого красавца, молодца, опаснаго для мужей, страшнаго для непріятелей, обвѣшаннаго крестами, добытыми въ сраженіяхъ съ Французами. Я зналъ, что сей извѣстный гусарскій полковникъ, наѣздникъ, долго владѣвшій женскими сердцами, наконецъ самъ страстно влюбился въ одну княжну Гагарину, женился на ней и сдѣлался мирнымъ жителемъ Москвы; зналъ также, что, по усиленной просьбѣ графа Мамонова, онъ взялся сформировать его конный казачій полкъ. Какими судьбами онъ въ Пензѣ? Чтò имѣеть онъ съ нею общаго? Оборотясь къ одному изъ братьевъ Голицыныхъ и на него указывая: «чтò это значить?» спросилъ я. «Онъ пріѣхалъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, навѣститъ жену свою, которая теперь съ матерью находится въ Пензѣ, проѣздомъ въ Саратовское имѣніе».—«А чтò армія?» спросилъ я.—«Онъ видѣлъ ее на Поклонной горѣ, гдѣ собирались, кажется, дать послѣднее рѣшительное сраженіе». Пріѣздъ Четвертинскаго мнѣ все сказалъ. Онъ не хочетъ быть дурнымъ вѣстникомъ, подумалъ я, и на день, на два оставляетъ намъ еще надежду.

Цѣлый день ходилъ я какъ шальной, избѣгая, елико возможно, дѣлать вопросы. Вечеромъ навѣстили меня братья Ранцовы, изъ коихъ старшій былъ нѣкогда моимъ товарищемъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ; видъ ихъ показался мраченъ и угрюмъ. Говоря о томъ о семь, «завтра Понедѣльникъ, сказалъ я, чтò-то привезеть намъ завтрашняя почта?»—«Нѣтъ, сказалъ мнѣ младшій Ранцовъ, не ждите ея, она уже не придетъ», и... объявилъ мнѣ истину. Четвертинскій не могъ скрыть ее отъ губернатора, а сей скромный человекъ сказалъ ее на ухо двумъ или тремъ столь же скромнымъ людямъ, такъ что къ вечеру, кромѣ меня, почти весь городъ зналъ, что Москва сдана безъ бою.

Не помню, чтò было со мною въ слѣдующіе дни; только кажется, что безъ заботъ комитета я сошелъ бы съ ума. Въ эти горестные дни семейство наше, 11 Сентября, было нѣсколько утѣшено и обрадовано пріѣздомъ брата моего, который на время отлучился отъ арміи для свиданія съ родными. Разказъ сего достовѣрнаго очевидца въ семейномъ кругу, сколько припомню, передаю здѣсь читателю.

Отъ самаго Смоленска, Курляндскій драгунскій полкъ, въ коемъ онъ служилъ, находился въ арьергардѣ и прикрывалъ отступленіе нашей арміи, слѣдственно ежедневно имѣлъ или сильную драку или, по крайней мѣрѣ, перестрѣлку съ непріятелемъ. На великомъ пространствѣ, коимъ проходило войско, каждый день и каждую ночь самыя печальныя зрѣлища представлялись ему. Не проходило ночи, чтобы горизонтъ во многихъ мѣстахъ не былъ освѣщаемъ заревомъ окрестъ-пылающихъ селъ. Кто зажигалъ ихъ? Неужели Французы? Это было бы верхъ безумія: какъ истреблять все по единственной линіи сообщенія ихъ съ Польшей и Европой? Развѣ только наше войско? Но пожары всегда были видны позади его, въ той сторонѣ, куда приходило непріятельское. Въ иныхъ мѣстахъ, можетъ быть, отчаяніе жителей предавало огню то чего не хотѣлось имъ отдать въ руки нехристей, какъ они полагали; а въ другихъ, можетъ-быть, причиною была неосторожность при разведеніи биваковъ. Въ селеніяхъ, куда приходили они днемъ, вездѣ находили они крестьянъ или убирающихъ скромныя свои пожитки, или уже ихъ уложившихъ на возы и готовыхъ къ отъѣзду; всюду спрашивали они ихъ: «скажите, батюшки, далеко ли еще злодѣйство, извергъ рода человѣческаго?» Женскій полъ являлъ сцены трогательныя, раздирающія душу. Старыя крестьянки, въ обыкновенное время столь крикливыя и сварливыя, казались молчаливо-сердиты. Молодыя же, въ избыткѣ чувствъ и горести, по-своему краснорѣчиво выражали ее, разставаясь съ родимымъ гнѣздомъ. «Прости, моя милая горенка; долго холила, чистила и мыла я тебя; теперь, видно, пришлось въ послѣдній разъ омыть тебя только горячими слезами», приговаривали онѣ. Бывало, что инныя въ этомъ случаѣ падали въ непритворный обморокъ. Особою же братъ мой не могъ смотрѣть равнодушно на семейства спихъ простыхъ людей, когда, готовясь снять со стѣны наслѣдственныя иконы, они съ мольбою упали ницъ предъ ними и потомъ нѣжно, уныло и почтительно изъ избы выносили съ собою пеленаты свои. И это, говорятъ, кочевой народъ! Это варвары, неумѣющіе ничего чувствовать и понимать!

За два дня до большаго Бородинскаго дѣла, 24 Августа, былъ прологъ его, который отдѣльно самъ могъ бы почитаться великимъ сраженіемъ. Въ этотъ день братъ мой получилъ сильную контузію въ правую ногу, такъ что съ трудомъ могли снять его съ лошади, положили въ телѣгу, запряженную двумя его лошадьми, верховою и вьючною, и отправили за 10 верстъ въ столь же извѣстный какъ и маловажный городокъ Можайскъ. Въ семь опустѣломъ мѣстѣ раненые, коихъ число было еще не такъ велико, могли выбрать любыя квартиры. 25-е число прошло для него довольно тихо, по 26-го

былъ онъ пробужденъ такимъ пушечнымъ громомъ, какового, не взирая на разстояніе, онъ дотолѣ не слыхивалъ. Такъ продолжалось почти до вечера; тогда раздались другіе, ужаснѣйшіе звуки. Всѣми ранеными, коихъ можно было только свезти съ поля сраженія, наполнился городокъ; въ домахъ его ни чулана, ни чердака не осталось пустаго. Но всего этого было мало: двѣ трети сихъ несчастныхъ не могли помѣститься, и они тысячами страдали и умирали на улицахъ, кои были ими завалены. Стоны и крики слышны были всю ночь: кто тщетно просилъ воды, чтобъ утолить его смертельную жажду, кто просилъ, чтобъ его приколоты. Брату было не до собственныхъ страданій и, не смотря на нихъ, рѣшился онъ на другое утро, безъ всякаго вида, отправиться въ Москву, куда и прибылъ онъ 29 числа.

Онъ гдѣ-то остановился близъ Дорогомиловскаго моста. Вообще имѣлъ онъ мало знакомыхъ въ Москвѣ, а тутъ, съ помощію слуги своего, нашелъ только одного, полицеймейстера полковника Адама Омича Брокера, великаго пріятеля зятя нашего и любимца Растопчина. Изъ пріязни и состраданія привезъ онъ ему медика, и самъ раза по два въ день навѣщалъ его. Въ день Александра Невскаго, именины Императора, пріѣхалъ онъ къ нему поздно ночью прямо изъ маскарада, послѣдняго публичнаго увеселенія въ Москвѣ, послѣ котораго не скоро должны были они возобновиться въ этомъ всесожженію обреченномъ городѣ. Залы по обыкновенію, сказывалъ онъ, были ярко освѣщены; но посѣтителями ихъ были только съ полдюжины раненыхъ молодыхъ офицеровъ, да съ дюжину не весьма пристойныхъ дѣвицъ. Черезъ два дня въ такую же пору пріѣхалъ онъ ему сказать, что онъ долженъ поспѣшить выѣздомъ изъ Москвы, если не хочетъ попасться въ плѣнъ къ Французамъ. Въ брошенныхъ хозяевами домахъ находилось множество забытыхъ ими или оставленныхъ экипажей; въ минуту, когда они должны были сдѣлаться добычею непріятели, всякій, кто имѣлъ въ томъ нужду, бралъ ихъ себѣ безъ всякаго зазрѣнія совѣсти. Въ спасительной заботливости своей, Брокеръ привезъ брату, изъ числа ихъ, одну весьма хорошую коляску, какъ будто никому не принадлежащую; да сверхъ того, вручилъ ему видъ за подписаніемъ графа Растопчина. Это были уже не услуги, а настоящія благодѣянія.

Въ семь часовъ утра, 2 Сентября, поднялся братъ мой, а въ восемь былъ уже за Покровскою заставой. Ужасомъ наполнилось сердце его, когда проѣзжалъ онъ по опустѣвшимъ безконечнымъ улицамъ Москвы, мимо высокихъ зданій, коихъ жители, казалось, всѣ вымерли: ни лица, ни голоса человѣческаго. На пути изъ края въ край обширнѣйшаго города, встрѣтилъ онъ всего человѣкъ семь или восемь оципаныхъ, оборванныхъ, съ подозрительными фигурами, которые какъ

будто еще прятались, зловѣщія тѣни, которыя быстро исчезали. Но, приближаясь къ заставѣ, для всѣхъ уже открытой, толпы людей становились все гуще и гуще; проѣхавъ же ее, съ трудомъ могъ онъ двигаться впередъ посреди плотной массы удаляющихся. Безпорядокъ, въ которомъ остатокъ народонаселенія Московскаго спѣшилъ изъ нея, являлъ картину, единственную въ своемъ родѣ, ужасную и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько карикатурную. Тамъ виденъ, былъ попъ, надѣвший одну на другую всѣ ризы и державшій въ рукахъ узелъ съ церковною утварью, сосудами и прочимъ; тамъ четверомѣстную, тяжелую карету тащили двѣ лошади, тогда какъ въ нынѣ дрожки впряжено было пять или шесть; тамъ въ телѣжкѣ, которыя и понинѣ еще въ большомъ употребленіи между среднимъ состояніемъ, сидѣла достаточная мѣщанка или купчиха, въ парчевомъ нарядѣ и въ жемчугахъ, во всемъ, чего не успѣла уложить; конные, ишіе валили кругомъ; гнали коровъ, овецъ; собаки въ великомъ множествѣ слѣдовали за всеобщимъ побѣгомъ, и печальный ихъ вой, чуя горе, сливался съ мычаніемъ, съ блеяніемъ, со ржаніемъ другихъ животныхъ. Шагъ за шагомъ, въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ проѣхавъ такимъ образомъ верстъ пятнадцать, братъ мой рѣшился остановиться, опасаясь, что далѣе не найдетъ убѣжища по безчисленности спутниковъ. Немногіе послѣдовали его примѣру; болѣе боязливые весь день и часть ночи продолжали печальное свое шествіе. Ночью сдѣлалось почти свѣтло: огненный столбъ поднялся надъ Москвою, когда загорѣлись въ ней винныя или водочныя магазины. Какъ ни привыкъ мой братъ къ зрѣлищамъ разрушенія, ни которое такъ сильно его не поразило.

Проѣхавъ Коломну и Оку, многочисленное общество, съ которымъ онъ долженъ былъ ѣхать, примѣтно стало уменьшаться, и онъ, хромою, дотащился наконецъ до Пензы, гдѣ былъ встрѣченъ и окруженъ попеченіями близкихъ родныхъ и знакомыхъ врачей. Но не долѣе какъ три или четыре недѣли оставался онъ съ нами; чувствуя совершенное облегченіе, онъ опять поспѣшилъ къ знаменамъ, вскорѣ потомъ уже побѣдоноснымъ. Чтобы не забыть, скажу я здѣсь, что слѣдующей зимой за эту кампанію былъ онъ, наконецъ, произведенъ въ подполковники.

Городъ Пенза, между тѣмъ, съ каждымъ днемъ становился многолуднѣе. Изъ первыхъ привъзжихъ, Мордвиновъ никуда не показывался, а Рыщевскую всѣ бросили *). Послѣ Смольянцъ, изъ всѣхъ уѣздовъ

*) На другой день по полученіи извѣстія о взятіи Москвы, праздновала она у себя сіе счастливое событіе съ двумя Французами, Радольфомъ и Магіеромъ. Всѣ компань были освѣщены. Но радостное спокойствіе сего торжества было внезапно нарушено. Градъ камней

семейства помѣщиковъ дѣйствительно начали прибывать и какъ будто спасаться въ губернской городъ. Въ числѣ ихъ можно назвать и самоѳ княгиню Голицыну, мать губернатора, которая къ сыну на всю зиму переселилась изъ Зубриловки. Съ половины Сентября стали наѣзжать уже Московскіе эмигранты, а въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, въ великомъ множествѣ начали, какъ говорилъ народъ, пригонять плѣнныхъ. Наконецъ, поворотиться у насъ было трудно.

Пріѣзжіе Москвичи почти всѣ были люди достаточные, владѣющіе въ Пензенской губерніи или въ сосѣдственныхъ съ нею хорошими помѣстьями и ни въ чемъ не могли нуждаться. Въ домахъ, Пензенскому обществу, такъ-называемому лучшему, вовсе неизвѣстныхъ, но не менѣе опрятныхъ, теплыхъ и просторныхъ, принадлежащихъ купцамъ и нѣкоторымъ чиновникамъ, нашли они себѣ удобныя квартиры, и такимъ образомъ самимъ жителямъ открыли сокровенныя отъ нихъ богатства.

Но бѣдные Смольняне, въ такомъ дальнемъ разстояніи отъ имѣній своихъ, истратившіе взятыя съ собою небольшія суммы, угрожаемы были совершенною нищетой. Тутъ дворянство наше въ отношеніи къ нимъ явило себя истинно-достойнымъ своего имени: всякій, кто только могъ, потѣсился, чтобы дать у себя мѣсто хотя одному Смоленскому семейству; разумѣется, что для дорогихъ гостей столъ былъ готовый; что овощи, картофель, рѣпа, горохъ, мука, крупа для людей, а сѣно и овесъ лошадямъ были даровые. И это довольно накладное гостеприимство сопровождалось ласками, привѣтствіями, которыя давали ему еще болѣе цѣны. Сколько разъ мать моя упрекала меня за поспѣшность, съ которою отдалъ я домъ нашъ Мордвинову. «Три семейства, потѣсвившись, могли бы въ немъ помѣститься», говорила она, «а отъ полуторы тысячи рублей мы не разбогатѣемъ». Однакоже представился случай быть полезными Смольнянамъ. Одна госпожа Поваловшвейковская выдала дочь за господина Гернгросса; не только съ нею и съ зятемъ своимъ, но и съ его матерью и тремя сестрами, Полоцкими жительницами, пріѣхала она; трудно было такой гурьбѣ помѣститься, и она согласилась жить въ селѣ Симбухинѣ, въ старомъ господскомъ домѣ нашемъ, гдѣ, разумѣется, всѣ провізіи были къ услугамъ ея. Тутъ у насъ на

изъ кармановъ и рукъ двухъ человѣкъ, ѣхавшихъ мимо верхомъ, посыпался въ ея окна, и всѣ стекла разбилъ въ дребезги; верховые ускакали потомъ неизвѣстно куда, и никогда не могли ихъ отыскать. Черезъ нѣсколько времени мнѣ одному открылась тайна, но я никому не объявлялъ о ней, не изъ скромности, а изъ опасенія быть подозрѣваемымъ въ подученіи. Это были—одинъ молодой малый, прежде бывшій у меня въ услуженіи, родными моими отпущенный на волю и находившійся тогда канцелярскимъ служителемъ въ Губернскомъ Правленіи; а другой—пріятель и товарищъ его въ томъ же правленіи. Оба они поступили въ ополченіе, а изъ него перешли въ настоящую военную службу.

то была еще особая причина: братъ этого Гернгросса былъ полковнымъ командиромъ Митавскаго драгунскаго полка, коего генераль Алексѣевъ былъ шефомъ, и онъ съ женою жили въ большой дружбѣ съ сестрою моею и зятемъ. Но о сихъ послѣднихъ давно уже не сказалъ я ни слова, какъ будто вовсе о нихъ позабывъ.

Не скоро могли мы получить извѣстія изъ Петербурга, который былъ отрѣзанъ отъ насъ непріятельскою арміею; только во второй половинѣ Сентября установилось съ нимъ регулярное сообщеніе чрезъ Ярославль, Кострому и Нижній Новгородъ. Письмомъ, полученнымъ, наконецъ, по почтѣ симъ новымъ трактомъ отъ сестры Натальи Филиповны были мы насчетъ ея нѣсколько успокоены; предыдущія неизвѣстно куда пропадали. До свиданія въ Абовѣ Государя съ Шведскимъ кронпринцемъ войска въ Финляндіи оставались неподвижны; но послѣ того велѣно имъ, двумъ пѣхотнымъ дивизіямъ и одной кавалерійской бригадѣ, быстро двинуться въ Петербургъ. Едва лишь успѣли они туда придти, какъ имъ приказано готовиться къ дальнѣйшему походу. Петербургское ополченіе съ такою неизвѣстною поспѣшностію было набрано, выучено и вооружено, что оно готово было присоединиться къ прибывшему изъ Финляндіи войску, чтобы вмѣстѣ съ нимъ выступить къ Полоцку для поддержанія корпуса графа Витгенштейна. Зять мой, Алексѣевъ, простоялъ недѣли полторы съ бригадою своею въ Новой Деревнѣ, прежде занимаемой кавалергардскимъ полкомъ, и вмѣстѣ съ ополченіемъ оставилъ Петербургъ 8-го Сентября. Тогда бѣдная сестра на всю зиму осталась въ немъ одна. Не было возможности ѣхать къ роднымъ. Государь приказалъ отвести ей славную генеральскую квартиру въ кавалергардскихъ казармахъ, съ отопленіемъ и съ освѣщеніемъ, а сыновей ея велѣлъ принять въ Пажескій корпусъ, и ими одними была она только утѣшена. Вотъ о чемъ увѣдомляла она насъ въ письмѣ своемъ.

О Москвѣ получали мы свѣдѣнія самымъ страннымъ образомъ. Когда непріятель вступилъ въ нее, оставалось еще въ ней, говорятъ, до двадцати тысячъ жителей: однимъ не съ чѣмъ было подняться, другихъ, не предупреденныхъ, застали Французы въ расплохъ; другіе же полагали, что имъ нечего ихъ бояться; а иные, питая преступныя надежды, даже ожидали ихъ съ нетерпѣніемъ. Но когда, на второй или на третій день по вступленіи, въ войскѣ Наполеона безпорядокъ и своеволие возрасли до такой степени, что начался дневной разбой; когда ни пищи въ домахъ, ни одежды и обуви на улицахъ солдаты не оставляли несчастнымъ жителямъ, тогда всякій изъ нихъ, кто могъ и какъ могъ, старался спастись бѣгствомъ. Помѣщики многихъ губерній, въ томъ числѣ и Пензенской, посылали мальчиковъ въ Москву и ог-

давали ихъ тамъ въ ученіе къ мастеровымъ; многіе изъ нихъ подросли и возмужали. Они первые, какъ говорили они, дали тягу; валь, на великомъ протяженіи окружающій Москву, такъ низокъ, что вездѣ могли они легко перепрыгнуть или даже перешагнуть черезъ него; далѣе лѣсами и болотами также не трудно было имъ прокрасться. Покрытые рубищемъ, пробирались они въ родину, питаясь мірскимъ подаяніемъ. Въ Пензу одинъ за другимъ пришло ихъ нѣсколько, и между прочимъ въ наибъ домъ двое, портной и сапожничій ученикъ. Въ нѣкоторые дома призывали ихъ для разспросовъ; отъ нихъ узнали мы много подробностей о неистовствахъ, творимыхъ врагами въ падшей столицѣ: напримѣръ, объ оскверненіи святыни, какъ знаменитую часовню Иверскія Богоматери превратили они въ нужное мѣсто; потомъ, какъ изъ лѣни и прихоти, чтобы не дѣлать крюку, переходя черезъ Каменный мостъ, заставляли они дюжихъ мужиковъ переплывать черезъ Москву-рѣку, неся ихъ на спинѣ своей. Никого изъ Французовъ столько не обвиняли они въ жестокостяхъ, какъ тѣхъ, кои, по словамъ ихъ, хорошо умѣли по-русски, хотя плохо выговаривали: всякій понялъ, что они говорятъ о Полякахъ. Въ продолженіе Сентября ежедневно сотни людей бѣжали изъ Москвы, такъ что изъ тѣхъ, кои видѣли не совсѣмъ торжественный въѣздъ Наполеона, едва осталась десятая доля, чтобы быть свидѣтелями его ужаснаго выѣзда.

Можно себѣ представить, что породили во всей Россіи рассказы людей, по всѣмъ направленіямъ изъ Москвы бѣжавшихъ. Но еще до того, при полученіи перваго извѣстія о взятіи ея, показалось между Русскими, особенно между дворянами, нѣчто страшное, давно небывалое: въ нихъ загорѣлась неутолимая, казалось, жажда мести. Москва перестала для нихъ существовать; оплакавъ какъ слѣдуетъ родимую, они съ нѣкоторою радостію смотрѣли, какъ злодѣи терзаютъ трупъ ея, мысленно приготавливая ей кровавые поминки и какъ будто предчувствуя, что не далеко день мщенія. Всѣ опасались одного—мира съ Наполеономъ, и продолженіе войны возвеличило въ глазахъ ихъ Александра. Дѣло странное, непонятное! Едва Наполеонъ успѣлъ войти въ Москву, какъ внутри Россіи всѣ начали видѣть въ ней западню для него и желать, чтобы онъ долѣе въ ней оставался. Надобно было видѣть тогда, что при одномъ имени его дѣлалось съ большею частію Русскихъ: черты лица оставались неподвижны; но чело являло гнѣвъ, и уста шептали угрозы. О, вѣчно памятный Наполеонъ! Могущій, славный нашъ врагъ, гроза и жертва наша, какихъ чудесъ ты не творилъ! Тебѣ одному дано было народу бѣшенному, яростному въ пылу сраженій, но вообще безпечному, незлобивому, равнодушному, забывчивому,

вдохнуть на время всю спокойную, неистощимую Корсиканскую твою злость.

За то что можетъ сравниться съ добрымъ согласіемъ, которое съ самаго начала войны, какъ сказалъ я выше, стало водворяться между всѣми состояніями? Съ силою вѣры въ Промысль Всевышняго, ихъ оживлявшей, не слабѣвшей, а безпрестанно возраставшей съ несчастными событіями, которыя другой народъ ввергнули бы въ отчаяніе? Прекратились всѣ ссоры, всѣ неудовольствія; составилось общее братство молящееся и отважное. Время быстро протекшее! Время вмѣстѣ ужасное и блаженное, когда, возлюбивъ другъ друга, едиными устами и единымъ сердцемъ не переставали мы призывать великое имя Его, нашего Бога и Спасителя! Кто видѣлъ это время, тотъ по гробъ его не забудетъ.

Всю осень, по крайней мѣрѣ у насъ въ Пензѣ, въ самыхъ мелочахъ старались выказывать патриотизмъ. Дамы отказались отъ Французскаго языка. Пожертвованіе жестокое! А вышло на повѣрку, что по-русски говорить имъ легче, что на нашемъ языкѣ изъясняются онѣ лучше, и что онѣ весьма способны къ употребленію въ гостиныхъ. Многія изъ нихъ, почти всѣ, одѣлись въ сарафаны, надѣли кокошники и повязки; поглядѣвши въ зеркало, нашли, что нарядъ сей къ нимъ очень присталъ и нескоро съ нимъ разстались. Что касается до насъ, мужчинъ, то, во первыхъ, члены комитета, въ коемъ я находился, яко принадлежащіе нѣкоторымъ образомъ къ ополченію, получили право, подобно ему, одѣться въ сѣрые кафтаны и привѣсить себѣ саблю; однихъ эполетъ имъ дано не было. Губернаторъ не могъ упустить случая пощеголять новымъ костюмомъ: онъ нарядился, не знаю съ чьего дозволенія, также въ казацкое платье, только темнозеленаго цвѣта съ свѣтлозеленою выпушкой. Изъ губернскихъ чиновниковъ и дворянъ всѣ тѣ, которые желали ему угодить, послѣдовали его примѣру. Слугъ своихъ одѣлъ онъ также по-казацки, и двое изъ нихъ, вооруженные пиками, ѣздили верхомъ передъ его каретою.

Въ столь смутное время, гдѣ было собираться большому обществу? Кому была охота дѣлать званые вечера? Однакоже туземные и пріѣзжіе, на столь небольшомъ пространствѣ скопившіеся, скоро ознакомились, и чтобы раздѣлить горе свое, а иногда и забыть о немъ, часто за-просто навѣщали другъ друга и ѣздили изъ дома въ домъ; и оттого вездѣ можно было найти толпы людей. Московскіе... какъ бы назвать ихъ? изъ учтивости, *par courtoisie* (какъ сыновей Англинскихъ пэровъ именуютъ лордами) назову ихъ аристократы, держали себѣ нѣсколько поотдалъ, неохотно искали знакомствъ и все болѣе дѣпились около князя-губернатора и его семейства; однакоже, при встрѣчахъ

со всѣми были вѣжливы и ласковы безъ притворства. Примѣчательныхъ лицъ между ими не было; и все-таки тѣхъ, коихъ не забыть, долгомъ считаю здѣсь представить. Объ аристократіи же, которую и я самъ признавалъ за настоящую, которая никого не чуждалась, всѣхъ искала привязать къ себѣ, буду говорить послѣ.

Быль у насъ нѣкто Андрей Михайловичъ Рябининъ, сынъ вице-адмирала, дѣйствительный камергеръ, который очень хорошо говорилъ по-французски, имѣлъ достатокъ и былъ женатъ на княжнѣ Шаховской. Изъ всѣхъ условій сихъ, съ точностію выполненныхъ, легко ему было состряпать себѣ Русскую знатность, и онъ пользовался всѣми правами ея безспорно и самодовольно, даже въ самой Москвѣ. Супруга его, со-всѣмъ не миловидная, еще болѣе его, казалось, дорожила сими законно-приобрѣтенными правами.

Другое семейство у насъ, именовъ къ аристократіи болѣе принадлежащее, были Шереметевы. Оно состояло изъ Сергѣя Васильевича *), отставнаго коллежскаго асессора, самаго добраго и простаго человѣка, изъ матери его, изъ жены его Варвары Петровны, столь же доброй и нельзя сказать геніальной женщины, которая нѣкогда, подъ фамильнымъ именовъ дѣвицы Алмазовой, сіяла красотой, и наконецъ изъ сестры его, Екатерины Васильевны, которой природа отказала въ красотѣ и щедро наградила необыкновенно-пріятнымъ неувядаемымъ умомъ.

Къ этой, тогда кочующей, аристократіи принадлежалъ, кто бы подумалъ? Докторъ Скюдери, не потому, что онъ былъ искусный врачъ, не потому, что онъ былъ весьма хорошій и любезный человѣкъ, а потому, что онъ вѣздилъ во всѣ первые Московскіе дома и женился на Русской дѣвицѣ Храповицкой, которая съ сими домами была въ какомъ-то дальнемъ родствѣ.

Ни изъ однихъ Москвы и Смоленска были у насъ эмигранты: изъ отдаленнѣйшаго края, изъ Литвы, изъ Гродненской губерніи, прибыла въ Пензу вдовствующая княгиня Четвертинская. Она помнила мученическую смерть мужа своего, убитаго Варшавскою чернью за настоящую или мнимую любовь къ Россіи; помнила отеческую нѣжность Суворова къ ея семейству, неисчетныя благодѣянія, коими оное осыпала Екатерина. Не говоря уже о помѣстьяхъ ему дарованныхъ, двѣ несовершеннолѣтнія падчерицы ея сдѣланы были фрейлинами, а малолѣтній пасынокъ и два младенца-сына пожалованы прямо офицерами гвардіи. Все это были преступленія въ глазахъ Поляковъ, и она могла

*) Дочь его, тогда въ пленкахъ, нынѣ за первымъ богачемъ нашимъ графомъ Димитріемъ Николаевичемъ Шереметевымъ.

страшиться ихъ мести; къ тому же, вѣроятно, она помнила еще священные обязанности, налагаемыя благодарностію, и сыновей своихъ, не поступившихъ еще на службу, хотя весьма уже взрослыхъ, преданныхъ душою врагамъ Россіи, не хотѣла допустить присоединиться къ нимъ. Для того, сама не зная куда, рѣшилась ѣхать внутрь государства. Гдѣ-то узнала она, что родная сестра ея Рыщевская, сослана въ Пензу, и туда направила путь. Тутъ нашла она не ее одну, но еще и пасынка своего, о коемъ упомянулъ я въ самомъ началѣ сей главы. Для молодыхъ людей, сыновей ея (одного бѣлокураго, другаго чернаго) Константина и Густава, тетка и братъ были въ Пензѣ Ариманомъ и Оромзадомъ, съ двухъ сторонъ ихъ влекшими къ добру и злу; но Ариманъ-Рыщевская натурально взяла верхъ. Отъ меня такъ и несло Русскимъ духомъ, и они съ Польскимъ чутьемъ своимъ тотчасъ почувствовали отвращеніе отъ меня; я же возненавидѣлъ ихъ съ перваго взгляда. Совсѣмъ противное сему чувство внушилъ мнѣ къ себѣ старшій, родной, но не единоутробный братъ ихъ.

Родъ князей Четвертинскихъ происходитъ отъ Русскихъ государей, отъ Святаго Владиміра и отъ правнука его Святополка, князя Черниговскаго. Потомство послѣдняго, а ихъ прѣдки, имѣли удѣлы въ Волиннѣ и сдѣлались подвластны Литвѣ, когда, въ несчастное для Россіи время, этотъ край отдѣлился отъ нея. Потомъ, подобно единокровнымъ князьямъ внутри Россіи, разножаясь, они бѣднѣли. При Польскомъ правительствѣ они ни разбогатѣть, ни высоко подняться не могли: ибо ни одинъ изъ княжескихъ родовъ въ Западной Россіи столь долго не стоялъ за вѣру отцовъ своихъ, столь упорно не боролся съ насиліями и прельщеніями Іезуитовъ, такъ что еще при Петрѣ Великомъ, Геденъ, князь Четвертинскій, былъ православнымъ митрополитомъ въ Кіевѣ; наконецъ, и они, и уже вѣрно самые послѣдніе, впали въ католицизмъ и возвысились въ почестяхъ. Кто знаетъ? Для самолюбія ихъ было лестно вспомнить, что предки ихъ возсѣдали нѣкогда на престолѣ, сдѣлавшемся столь блистательнымъ, и оттого-то, можетъ, въ разныхъ вѣтвяхъ сего рода встрѣчались люди, увлекаемые чувствомъ любви къ истинному своему отечеству. Не былъ ли въ числѣ ихъ и князь Антоній, заплатившій жизнію за подозрѣваемое въ немъ чувство сіе? Не низкая доля ожидала семейство его въ Россіи.

Старшая дочь его, Жанета, оставалась долго безбрачною. Привязанность къ ней цесаревича Константина Павловича до того простиралась, что хотя онъ былъ уже женатъ, хотѣлъ онъ развестись со своею Анною Теодоровною, чтобы на ней жениться. Вдовствующая Императрица всѣми силами противилась сему союзу, и напрасно: ибо этотъ бракъ былъ бы въ тысячу разъ приличнѣе, чѣмъ тотъ, въ кото-

рый онъ послѣ вступилъ. Блестящія партіи представлялись для этой княжны, но съ честолюбивыми своими надеждами она отвергала ихъ.

Меньшая дочь, въ самой нѣжной молодости, выдана была за Дмитрія Львовича Нарышкина. Родство съ царствующимъ домомъ, высокія, первыя должности при дворѣ, пятью поколѣніями постоянно, безпрерывно занимаемая, и великое богатство между ними въ цѣлости сохранившееся, составили бы вездѣ дѣйствительную знатность, а у насъ могла она почитаться дивною. Такими преимуществами пользовалась эта отрасль Нарышкиныхъ, и вотъ начало поприща, на кое вступила сія молодая женщина. Кому въ Россіи неизвѣстно имя Марьи Антоновны? Я помню, какъ, въ первый годъ пребыванія моего въ Петербургѣ, разиня ротъ стоялъ я передъ ея ложей и преглунымъ образомъ дивился ея красотѣ, до того совершенной, что она казалась неестественною, невозможною; скажу только одно: въ Петербургѣ, тогда изобиловавшемъ красавицами, она была гораздо лучше всѣхъ. О взаимной любви ея съ императоромъ Александромъ я не позволю себѣ говорить, еслибы для кого нибудь она оставалась тайной; но эта связь не имѣла ничего похожего съ тѣми, кои обыкновенно бываютъ у другихъ вѣнценосцевъ съ подданными. Молодая чета, однихъ лѣтъ, равной красоты покорила всесильной любви, предалась страсти своей, хотя и съ опасеніемъ общаго порицанія. Но кто могъ устоять противъ плѣнительнаго Александра, не царя, а юноши? Кто бы не влюбился въ Марью Антоновну, хотя бы она была и горничная? Честолюбіе, властолюбіе, подлая корысть были тутъ дѣло постороннее! Госпожа Нарышкина рожденіемъ, именемъ, саномъ, богатствомъ высоко стояла въ обществѣ.....; никакія новыя, высокія титула, несмѣтныя сокровища или наружные блестящіе знаки отличія не обезславили ея приязанности.

Славное житье было тогда меньшому ихъ брату, князю Борису Антоновичу, молоденькому полковнику, милому, доброму, отважному, живому, веселому, писаному, какъ говорится, красавчику. Въ старости сохраняемъ мы часто привычки молодости; а въ молодости всегда остается у насъ много ребяческаго. Такъ и Четвертинскій, служившій въ Преображенскомъ полку, все бредилъ однимъ гусарскимъ мундиромъ и легко-кавалерійскою службой, пока желанія его наконецъ не исполнились, и его перевели въ гусары. Въ любимомъ мундирѣ дѣлалъ онъ кампаніи противъ Французовъ и дрался съ тою храбростію, съ какою дерутся только Поляки да Русскіе. Во время мира, пресыщенный наслажденіями, дарами Марса и Амура, онъ начиналъ уже скучать жизнію, какъ вдругъ настоящая любовь опять оживила его; скоро сдѣдалась она законною, и онъ съ молодою женою поселился въ Москвѣ.

Тутъ опять настигла его война среди первоначальныхъ восторговъ счастливаго супружества; онъ однакоже не отказался сослужить еще службу Россіи; но какъ полкъ, надъ коимъ принялъ онъ начальство, пошелъ въ Ярославль и не прежде слѣдующей весны могъ быть сформированъ, то и предпочелъ онъ ѣхать отыскивать отправленную имъ жену туда, гдѣ онъ ее настигнетъ. Между тѣмъ военныя обстоятельства приняли для насъ благопріятный оборотъ, и защищать Россію уже было нечего; тогда, махнувъ рукой славы и почестямъ, сказалъ онъ себѣ: «j'aime mieux ma mie, o gué!» и на время остался у насъ.

Молодая княгиня Четвертинская была изъ тѣхъ женщинъ, коихъ стѣбитъ любить. Не знаю, какъ сказать мнѣ о ея наружности? Если прямой, гибкій станъ, правильныя черты лица, большіе глаза, пріятнѣйшая улыбка и матовая, прозрачная бѣлизна неполированного мрамора, суть условія красоты, то она ее имѣла. Съ особами обоего пола была она равно пріятлива и обходительна. Ее звали Надежда Ѳедоровна; но для мужчинъ на челѣ этой Надежды была всегда надпись Дантова ада: «оставь надежду навсегда» *). Кто кого болѣе любилъ; мужъ или жена? Право сказать не могу.

Она пріѣхала въ Пензу съ матерью своею. Сія послѣдняя была столь долго въ Москвѣ извѣстная Прасковья Юрьевна, урожденная княжна Трубецкая, родная племянница фельдмаршала Румянцева-Задунайскаго, въ первомъ замужествѣ за полковникомъ княземъ Ѳедоромъ Сергѣевичемъ Гагаринымъ. Странная встрѣча случаевъ! Отецъ княгини Четвертинской погибъ, бывъ умерщвленъ въ 1794 году, во время Варшавскаго возмущенія, почти въ одинъ день съ отцомъ мужа ея. Неутѣшная молодая вдова, мать нѣсколькихъ малолѣтнихъ дѣтей, взята была въ плѣнъ и въ темницѣ родила меньшую дочь, какъ гдѣ-то сказалъ я; вмѣстѣ съ другими была она освобождена Суворовымъ послѣ взятія Праги. Долго отвергала она всякія утѣшенія, въ серыгѣ носила землю съ могилы мужа своего; но вмѣстѣ съ твердостью имѣла она необычныя, можно сказать, невиданныя живость и веселость характера; разъ предавшись удовольствіямъ свѣта, она не переставала имъ слѣдовать.

Она жила въ Москвѣ, въ странномъ городѣ, гдѣ на все смотрять, всему подражаютъ, все дѣлаютъ въ преувеличенномъ видѣ. Правнуки степенныхъ княгинь и боярынь, рѣдко покидавшихъ свои терема, пользовались въ немъ совершенною свободой, смѣю даже прибавить излишнею. Сбросивъ иго старинныхъ предразсудковъ, онѣ часто не хотѣли повиноваться и законамъ приличія. Тридцать или сорокъ лѣтъ спустя;

*) Извѣстнѣйшій нашъ поэтъ въ досадѣ сказалъ тоже о Петербургскихъ дамахъ.

родился коммунизмъ, и показались львицы; но тогда никто не могъ имѣть объ нихъ понятія; однакоже названіе *бойкихъ* Московскихъ дамъ и барышень и тогда вселяло страхъ и уваженіе въ провинціалкахъ, не смѣвшихъ имъ подражать. Смотри безпристрастно, я нахожу, что нравы были дурны, но не испорчены; я полагаю, судя по холодности Русскихъ женщинъ, что грѣха было мало, или и вовсе его не было, но соблазна много. Худо было то въ этомъ жестокомъ и снисходительномъ городѣ, что клевета или злословіе не оставляли безъ вниманія ни одной женщины. И все это дѣлалось (и дѣлается) безъ всякаго дурнаго умысла; всѣ эти примѣчанія, выдумки совсѣмъ не были камнями, которыми бы хотѣли бросать въ грѣшницъ; ибо каждый зналъ, что онъ самъ можетъ быть ими закиданъ. Радуюсь чужому паденію, казалось, говорили: нашего полку прибыло. Чтобы сохранить чистое имя, должны были женщины приниматься за *pruderie*, что иначе не умѣю я перевести, какъ словомъ жеманство. Ихъ число было немалое, но ихъ не терпѣли и надъ ними смѣялись, тогда какъ торжество и побѣды ожидали истинно или мнимо-виновныхъ. Бѣда вся оттого, что въ Москвѣ не было регулятора—двора и тѣхъ бдительныхъ полицеймейстеровъ въ юбкахъ, которые въ другихъ столицахъ наблюдаютъ за порядкомъ въ гостинныхъ большаго свѣта. Прасковья Юрьевна, которая всему охотно смѣялась, особенно вранью, никакъ не хотѣла разсердиться за то, что про нее распускали.

Но время шло, дѣти росли, и когда она совсѣмъ почти начинала терять свои прелести, явился обожатель. То былъ Петръ Александровичъ Кологривовъ, отставной полковникъ, служившій при Павлѣ въ кавалергардскомъ полку. Утверждаютъ, что онъ былъ въ нее безъ памяти влюбленъ. *Où l'amour va-t-il se nicher?* Любовь, куда тебя занесло? хотѣлось бы сказать. А между тѣмъ оно было такъ: надобно было имѣть необыкновенную привлекательность, чтобы въ утробѣ этого человѣка расшевелить нѣчто нѣжное, пламенное. Дотошъ и послѣ ничего подобнаго нельзя было въ немъ найти. Въ душѣ его, въ умѣ, равно какъ и въ тѣлѣ, все было аляповато и неотесано. Я не знавалъ человѣка болѣе его лишеннаго чувства, называемаго тактъ: онъ безъ намѣренія дѣлалъ грубости, шутилъ обидно и говорилъ не въ попадѣ. Любовь такихъ людей бываетъ обыкновенно настойчива, докучлива, неотвязчива. Во Франціи, говорятъ, какая-то дама, чтобы отвязаться отъ преслѣдованій влюбленнаго, вышла за него; въ Россіи это не водится, и Прасковья Юрьевна не безъ причины согласилась отдать ему свою руку. Какъ всѣ знатные у насъ, не однѣ женщины, но и мужчины, не думала она о хозяйственныхъ дѣлахъ своихъ, которыя пришли въ совершенное разстройство. Она до безумія любила дѣтей сво-

ихъ; мальчики вступали въ тотъ возрастъ, въ который по тогдашнему обычаю надобно было готовить ихъ на службу, дѣвочки съ каждымъ годомъ милѣе разцвѣтали. Какъ для нихъ не пожертвовать собою? Какъ не дать имъ защитника, опекуна и опору? Вообще же женщины любятъ любовь, и не такъ какъ мы, видя ее къ себѣ въ существахъ даже имъ противныхъ, не могутъ отказать имъ въ участіи и состраданіи; а тамъ, поглядишь, онѣ уже и раздѣляютъ ее. Кологривовъ имѣлъ весьма богатое состояніе, да сверхъ того, не смотря на военное званіе свое, былъ великій хлопотунъ и дѣлецъ.

На полдорогѣ, между Пензой и Зубриловкой, было у него обширное помѣстье, село Мещерское, на три версты растянутое. Туда пробираясь, остановился онъ на всю зиму въ Пензѣ съ семействомъ, то есть съ женою и съ двумя падчерицами, княжнами Софьею и Любовью; съ ними вмѣстѣ жили и Четвертинскіе.

Я написалъ почти исторію этого дома, оттого, что онъ сдѣлался моею отрадой: бывало погрузятся о Москвѣ, а тамъ и примется за хохоть, за растабары, и нечувствительнымъ образомъ забудешься и, хотя на время, уймется сердечная тоска.

Польско-Французская компанія, не смотря на родство, очень рѣдко тутъ показывалась: сборнымъ мѣстомъ ея былъ домъ госпожи Рыщевской. Прибытіемъ въ Октябрѣ плѣнныхъ Французскихъ офицеровъ сдѣлалось въ немъ большое приращеніе, но не умножились пріятности и достоинство его. Всѣ эти господа были въ поношенномъ, а мѣстами истертомъ и изорванномъ платьѣ; бѣдѣ этой помочь легко, лишь были бы деньги, а Рыщевская не жалѣла ихъ, чтобы обмундировать любезныхъ Французовъ. Но манеры ихъ и казарменные рѣчи поправить она не могла; всѣ они отъ сохи перешли прямо къ ружью и шпагѣ, воспитаны были въ лагерѣ и не могли произнести ни одного слова, не сопровождая его слишкомъ энергическими, непристойными терминами, такъ что сама Рыщевская, кажется, принуждена была, наконецъ, отказать отъ ихъ посѣщеній.

VI.

Наступила глухая осень. Желаніе Русскихъ исполнялось: Наполеонъ не трогался съ мѣста; казалось, его взяло какое-то раздумье. Мы не могли знать причинъ его нерѣшимости, да, лучше сказать, и ничего не знали о томъ, что происходитъ въ арміи. Извѣстія о ней, печатаемая въ Петербургскихъ газетахъ, которыхъ никто прежде у насъ не получалъ, дѣлая великій объѣздъ, приходили къ намъ весьма поздно. Мы знали только, что въ селеніи Леташевкѣ, на Калужской дорогѣ, находится главная квартира новопожалованнаго фельдмаршала.

Кутузова. Надежда, между тѣмъ, закралась и ко мнѣ въ сердце и съ каждымъ днемъ болѣе возрастала. Про себя проходя мысленно исторію чуднаго града Москвы, вспоминалъ я, вычитывалъ всѣ Татарскія, Литовскія и Польскія нашествія, которыя, разрушая ее, объ нее сокрушались. Сходство между настоящимъ и давнопрошедшими событіями становилось очевидно, когда непобѣдимые воины бродили голодными стаями по опустошеннымъ окрестностямъ обгорѣвшей столицы и всегда почти дѣлались жертвами неустрашимости даже поповъ и деревенскихъ бабъ. Какъ было твердо не уповать на помощь небесную!

О первомъ настоящемъ успѣхѣ нашего войска узналъ я первый, и пресмѣшнымъ образомъ. Былъ нѣкто майоръ Францовъ, обрусѣвшій Полякъ Нѣмецкаго происхожденія, который, всю жизнь прослуживъ въ гарнизонныхъ полкахъ, сдѣлался наконецъ командиромъ Пензенской штатной роты, и на этомъ покойномъ мѣстѣ надѣялся окончить вѣкъ. Но въ 1811 году роты сіи были взяты изъ-подъ начальства губернаторовъ и послужили основаніемъ составлявшагося тогда корпуса внутренней стражи; и бѣдный Францовъ, здоровый еще тѣломъ, но вѣчный инвалидъ умомъ, надѣвъ эполеты, долженъ былъ опять приняться за фронтъ. Замѣчательнъ былъ онъ также великимъ невѣдѣніемъ своимъ и, кажется, былъ не изъ храбраго десятка: когда въ 1812 году потребовали и внутреннюю стражу, и она стала въ ряды сражающихся, не знаю какъ Францовъ умѣлъ это дѣлать, только безпрестанно, не вдаваясь въ опасности, отводилъ и приводилъ онъ какія-то команды и рекрутскія партіи. Не помню, 16 или 17 Октября сказали мнѣ, что онъ пріѣхалъ изъ Рязанской губерніи; я скорѣе къ нему, и онъ встрѣтилъ меня радостною вѣстію о пораженіи Французовъ, о которомъ достовѣрно слышалъ онъ въ Рязани. «Да гдѣ это было? и кто командовалъ?» спросилъ я его. «Да кому же? Нашъ генераль-майоръ Русановъ». Это былъ окружной генераль внутренней стражи и его начальникъ, и онъ выше его никого въ арміи не полагалъ. «Да это просто вздоръ; охота же мнѣ слушать дурака!» съ досадою подумалъ я. Не менѣе того, въ тотъ же вечеръ не утерпѣлъ я, чтобы не объявить о пустой вѣсти нѣкоторымъ знакомымъ; одни смѣялись, а другіе, хватаясь за все что льстило ихъ надеждамъ, находили, что тутъ можетъ быть и правда. На другой же день всѣхъ взяло тревожное любопытство: стали развѣдывать, сторожить всякаго пріѣзжаго, какого бы званія онъ ни былъ, спрашивать его, и дня черезъ два узнали, наконецъ, что Францовъ не совсѣмъ совралъ и что, дѣйствительно, не Русановъ, а Бенигсенъ, 6-го числа при Тарутинѣ, одержалъ великую побѣду надъ Мюратомъ. Это было только прелюдіемъ другихъ, еще болѣе важныхъ, болѣе радостныхъ извѣстій.

Домоправители, прикащики оставленныхъ въ Москвѣ господскихъ домовъ, изъ нея бѣжавшіе, жили однакоже не очень вдалекѣ отъ нея. Другіе, изъ усердія, чтобы спасти господское добро, не покидали ея и претерпѣвали всѣ мученія и нужды, коимъ подвергнута была горсть оставшихся въ ней жителей; нѣкоторымъ изъ нихъ удавалось разжалобить полковниковъ и офицеровъ, и подъ ихъ защитою сберегать имущество, ихъ храненію ввѣренное. Первые кинулись въ Москву; коль скоро узнали только, что она очищена отъ непріятеля; тѣ и другіе, приведя въ извѣстность сколько чего погибло и что сохранилось, поспѣшили съ нарочно-посланными отправить донесенія свои къ владѣльцамъ въ мѣста ихъ пребыванія. Одинъ изъ сихъ посланныхъ, первый прискакалъ въ Пензу къ Кологривову, рано поутру, 22-го числа, въ день Казанской Божіей Матери.

Можно себѣ представить чувство радости и печали вмѣстѣ, при полученіи сопровождаемаго подробностями привезеннаго имъ извѣстія. Церкви въ этотъ день наполнены были народомъ, и благодарственнымъ молебнамъ не было конца. Нашимъ Москвичамъ посчастливилось: почти у всѣхъ уцѣлѣли дома; нѣкоторые были деревянные, а пламя, которое вокругъ все пожирало, какъ будто съ осторожностію обошло ихъ. Этого мало: въ иные снесены были, среди всеобщаго разгрома, захваченныя дорогія вещи, картины, зеркала, бронзы, цѣлыя бібліотеки книгъ, которыя Французы, при великой поспѣшности, съ какою выходили, увезти съ собою не имѣли средствъ. Разбирать, кому вещи эти принадлежали прежде, не было возможности, и онѣ остались собственностію тѣхъ, къ кому попали.

Прощаніе Наполеона съ Москвою было жестокое, варварское; одни только Вандалы, безъ всякой нужды, любили истреблять памятники древности. Всякаго рода славы хотѣлось этому человѣку, даже—Эрострата и Омара. Онъ задумалъ внутренность холма, на коемъ поставленъ Кремль, начинить тысячами центнеровъ пороха, дабы въ одно мгновеніе, знаменующее его отбытіе, разрушить созданіе вѣковъ; въ бѣшенствѣ неудачъ ему такъ и хотѣлось вырвать самое сердце Россіи. Но Богъ не попустилъ: цѣлые водопады, по сказаніямъ самихъ Французовъ, низринуты съ неба на землю, чтобы въ утробѣ ея заглушить адскій огонь. Уголь Арсенала, часть стѣны и Никольской башни взлетѣли только на воздухъ; но, о чудо новое, не только икона на башнѣ висящая, даже стекло ее покрывающее остались невредимы. Великъ ли былъ въ эти дни великій Наполеонъ, когда въ дѣйствіяхъ своихъ являлъ одну только злость безсилія? Пусть о томъ посудятъ нынѣшніе его почитатели. Онъ еще не палъ тогда, и здѣсь еще не мѣсто выговорить послѣднее слово безпристрастнаго сужденія моего о немъ.

Но куда онъ направить теперь разрушительный свой ходъ? Куда онъ пойдетъ? Онъ пошелъ, куда повела его рука Божія. Она подъ Малымъ Ярославцемъ заслонила ему дорогу во внутреннія области; въ изобильную и теплую Украйну, и насильно поворотила его на тотъ самый путь, гдѣ, незадолго передъ тѣмъ, земля стонала подъ шагами шести-сотъ-тысячной его арміи, гдѣ отъ приближенія ея все гибло, все превращалось въ пепель, гдѣ, слѣпое орудіе Провидѣнія, онъ самъ себя готовилъ гибель. Когда съ неописанною радостію узнали у насъ о томъ, то всѣ вскрикнули: «ну, теперь ему конецъ!» «Нѣтъ, еще не совсѣмъ», отвѣтъ былъ свыше, «но онъ уже недалекъ».

Отъ добрыхъ вѣстей, одна за другою быстро слѣдовавшихъ, не вдругъ мы опомнились; но когда, въ началѣ Ноября, мрачныя тучи совсѣмъ закрыли отъ насъ небо, и снѣгъ покрылъ вдругъ всю землю; когда зима, съ своими ужасами, прежде обыкновеннаго времени къ намъ поспѣшила, намъ показалось тогда, что горизонтъ совершенно прояснился. По мѣрѣ удаленія Наполеона, угрюмость стала исчезать съ лицъ нашихъ, морщины—со лбовъ; но увы, какъ будто понемногу началъ слабѣть и энтузіазмъ моихъ соотечественниковъ. Таковъ-то еще народъ Русскій въ своей незрѣлости, отъ барина до мужика: бѣда проходитъ, бѣда едва прошла, а ее какъ будто бы уже никогда и не бывало.

Въ день именинъ моихъ, 14 Ноября, получилъ я прекрасный подарокъ: мнѣ принесли первый нумеръ вновь выходящей Московской газеты, и я нашелъ въ ней подробности какъ о разстройствѣ, о всѣхъ беспорядкахъ быстрого побѣга Наполеоновой арміи, такъ и о столь же быстромъ преслѣдованіи ея самимъ Кутузовымъ, о новыхъ подвигахъ прославившихся въ эту войну партизановъ: Давыдова, Сеславина, Фигнера; о летучихъ стаяхъ казацкихъ, которыя со всѣхъ сторонъ теребили бѣгущихъ, пока не уступили ихъ хищнымъ звѣрямъ и птицамъ, псамъ и коршунамъ. Казалось дѣло конченнымъ, и погибель враговъ нашихъ неизбѣжною.

Еще болѣе утвердились мы въ этомъ мнѣніи, когда 22 числа получили мы извѣстіе о дѣлѣ, бывшемъ 4-го подъ Краснымъ. Ужасный сѣверный вѣтеръ, какъ гнѣвъ Божій, внезапно настигъ еще многочисленныя толпы несчастныхъ, полуодѣтыхъ, полуобутыхъ. Одни, еще согрѣтые мужествомъ, отстрѣливались; другіе, не въ силахъ владѣть оружіемъ, роняли его изъ окоченѣлыхъ рукъ и тысячами сдавались. Небо явно споспѣшествовало намъ: стихіи сдѣлались нашими союзницами; отъ проливнаго дождя, спасшаго древній Кремль, до жестокаго мороза, близъ Смоленска истребившаго большую, лучшую часть неприятельской арміи, едва прошло три недѣли.

Все оживилось, все радостно зашумѣло у насъ. Въ злобѣ еще не совсѣмъ угасшей, никто изъ насъ не подумалъ пожалѣть о тысячахъ несчастныхъ жертвъ, насильно противъ насъ привлеченныхъ; во всѣхъ нихъ видѣли мы еще лютыхъ звѣрей, въ погонѣ за коими ни единого Кутузовъ не долженъ былъ пощадить.

Губернатору Голицыну давно уже хотѣлось поплясать; но въ обстоятельствахъ, въ которыхъ находилась тогда Россія, балъ могъ бы почестся верхомъ неприличія. Тутъ показалось ему, что всѣ находятся въ одинаковомъ съ нимъ расположеніи, и онъ всѣхъ, туземныхъ и пріѣзжихъ, послѣшилъ пригласить на большую вечеринку въ день именинъ жены своей, 24 Ноября. Губернаторскій домъ довольно великъ, а въ комнатахъ его едва продратъся было возможно. Веселѣе и забавнѣе этого бала я не видалъ: онъ былъ вмѣстѣ и рауть, и маскарадъ безъ масокъ. Многіе изъ мушкетеровъ, находя, что на именнинный вечеръ къ губернаторшѣ, къ княгинѣ, пріѣхать не въ гражданскомъ мундирѣ будетъ слишкомъ непочтительно, явились въ немъ при шпагахъ; другіе дерзнули облечься опять во вражій костюмъ, во фраки, и самъ хозяинъ въ этомъ случаѣ послужилъ имъ примѣромъ (казачій кафтанъ успѣлъ уже ему надѣсть); ополченые, затянутые, съ эполетами и саблями, имѣли довольно воинственный видъ; другіе же, въ томъ числѣ и я, въ широкихъ сѣрыхъ или зеленыхъ зипунахъ казались нѣсколько мужиковаты. Еще болѣе пестроты являлось между прекраснымъ поломъ: бѣлая половина дамъ была красивѣе въ сарафанахъ и повязкахъ; другія же, по склонности къ перемѣнѣ, нарядились по послѣдней извѣстной имъ модѣ; пожилая Поляка Рыщевская была въ чалмѣ и казалась бунтующимъ Турецкимъ пашею. Эмигрантки одѣты были слишкомъ скромно; однакоже замѣтно было, что Смольянки, по недостатку въ деньгахъ и въ модныхъ торговкахъ, надѣли довольно поношеное простое платье, тогда какъ гордыя Московки для Пензенскаго общества не захотѣли позаботиться о туалетѣ. Но кто бы въ какомъ нарядѣ ни былъ, вниманіе мало обращалось на то: угощеніе, освѣщеніе были славныя, и всѣ плавали въ удовольствіи, въ веселіи.

Праздникъ этотъ былъ только сигналомъ другихъ увеселеній, продолжавшихся во всю зиму; Голицыну удалось заманить въ Пензу и остановить въ ней два богатыхъ, увеселительныхъ семейства, которыя нѣкоторымъ образомъ какъ будто одно изъ себя составляли; объ одномъ изъ нихъ упомянуль я мелькомъ.

Двѣ сестры, дѣвицы Машковы, Ольга и Елисавета Александровны, были выданы замужъ, одна за Николая Андреевича Арапова, другая за нѣкоего г. Улыбышева. О первой я уже говорилъ, когда попалъ къ ней въ

деревню въ то самое время, какъ получено было извѣстіе о свиданіи Наполеона съ Александромъ въ Тильзитѣ. Она имѣла ростъ высокій, осанку важную, тѣло обширное и ошибалась, почитая столь же обширнымъ и умъ свой. Мужъ ея былъ старинный дворянинъ, богатѣющій откупамъ, къ тому же знаменитѣйшій гастрономъ, и что почти всегда съ тѣмъ неразлучно и самъ искуснѣйшій поваръ во всей нашей околосѣ. Съ большимъ состояніемъ супруги скорбѣли о томъ, что не имѣютъ дѣтей, то-есть не могутъ сохранить ихъ. Уже четырнадцать душъ Ольга Александровна народила Николаю Андреевичу, и ни единого живаго дѣтища у нихъ не оставалось, какъ вдругъ употребила она съ великою пользою одно указанное ей средство: велѣла пригласить перваго встрѣчнаго быть воспріемникомъ новорожденного ею пятнадцатаго младенца, и по его имени назвали его Пименомъ *). Первый шагъ только трудень; всѣ послѣдующіе затѣмъ семь или восемь чловѣкъ дѣтей обоего пола остались живы и здоровы, крѣпки и толсты. Въ 1812 году истощилось уже плодородіе г-жи Араповой; но она все казалась еще беременною и, подобно Mère Gigogne, бывало того и гляди, что изъ кармана выскочитъ у нея ребенокъ.

Другая сестра, Елисавета Александровна, нисколько на нее не походила. Она была коротенькая, полненькая, смугленькая, картавая бабочка, исполненная живости и пріятнаго ума. Сильныя страсти обуревали жизнь ея. Дѣвочкой выдали ее за глупаго и пьянаго Улыбышева, который, слѣдуя древнему Русскому обычаю, только между нетрезвыми сохранившемся, иногда ее бивалъ; и безъ того былъ онъ ей давно уже противень. Тогда вице-губернаторомъ въ Пензѣ былъ поэтъ князь Иванъ Михайловичъ Долгоруковъ, прозванный Балкономъ по нижней челюсти необычайной величины, выдвигающей въ видѣ сего архитектурнаго прибавленія столь же большую губу. Это безобразіе не помѣшало Улыбышевой влюбиться въ него. Давно замѣчено уже, что однѣ женщины способны плѣняться красотами душевными или умственными предпочтительно наружнымъ. Ревнивый мужъ, вооружась многовѣсною дубиной, дождался соперника своего у подъѣзда, при выходѣ изъ присутствія, и съ такимъ бѣшенствомъ внезапно напалъ на него, что едва за безчестіе свое не заставилъ заплатить его жизнью подъ сильными ударами палки, еслибы не подоспѣла помощь. Из-

*) Этотъ Пимень Николаевичъ всегда оставался примѣчательнъ своими смиренными странностями, бесплодіемъ ума и тѣла. Имъ заключился рядъ несовершенныхъ произведеній Ольги Александровны, и вся жизнь его отзывалась симъ несовершенствомъ. Вѣчно хлопоталъ онъ около словесности, гражданской службы и красивой жены: слыветъ литераторомъ, дѣятельнымъ чиновникомъ и мужемъ, но въ исполненіи всѣхъ принятыхъ имъ обязанностей оказался совершенно несостоятельнымъ.

увѣченнѣй Долгоруковъ сталъ обвинять его въ замышляемомъ смертоубійствѣ; а тотъ въ оправданіе свое представилъ всѣ любовныя письма жены своей, которыя посредствомъ подкупа умѣлъ онъ достать. Изъ этого возникъ длинный, ужасный уголовный процессъ, прекратившійся уже въ Сенатѣ смертію, постигнутою обвиняемаго Улыбышева. Письма понынѣ находятся при дѣлѣ, и не такъ давно съ великимъ удовольствіемъ имѣлъ я случай читать ихъ въ подлинникѣ. Нельзя не подивиться страннымъ, новымъ, оригинальнымъ оборотамъ и выраженіямъ, которыя сила чувства внушила страстной женщинѣ на Русскомъ языкѣ, на которомъ особы ея пола тогда порядочно писать не умѣли. Родственники тщетно старались истребить сіи любопытные документы; а по моему ихъ слѣдовало бы напечатать безъ имени. Преданіе еще было живо, когда я узналъ ее, и оттого казалась она мнѣ еще милѣе.

Если Елисавета Александровна не была примѣромъ вѣрности супружеской, за то могла служить образцомъ материнской нѣжности къ единственной дочери, которую имѣла отъ ненавистнаго мужа и которая, право, этого не заслуживала. По сосѣдству съ удалившейся отъ свѣта Улыбышевой жили въ чудесномъ согласіи два брата Хруцовы, изъ которыхъ у каждаго было по тысячѣ душъ крестьянъ. Старшій Петръ Петровичъ былъ красивъ и видѣнъ собою; другой же Александръ Петровичъ, хотя и гораздо моложе его, наружностію похвастать не могъ. Старшій чрезвычайно понравился еще нестарой матери, меньшаго полюбила семнадцатилѣтняя дочь. Какъ быть въ этомъ случаѣ? Въ столь близкомъ родствѣ два брака могли быть дозволены только всемогущему Наполеону среди несовсѣмъ еще христіанской Франціи. Обязанностями религіи Улыбышева пожертвовала обязанностямъ матери: дозволила дочери своей вступить въ законный бракъ съ меньшимъ Хруцовымъ; а сама всю жизнь осталась въ незаконной связи съ старшимъ. Доброе согласіе отъ времени все болѣе умножалось между сими двумя четами; онѣ не покидали деревни, и четыре имѣнія, скопившіяся такъ сказать въ однѣхъ рукахъ, дали имъ возможность посредствомъ бережливости, винокурень и откуповъ въ нѣсколько лѣтъ удвоить состояніе свое. Зависть стала приписывать ихъ успѣхи дѣланію фальшивыхъ ассигнацій; но одни только безсовѣстные усиливались вѣрять этой глупой клеветѣ. Все было хорошо, богато и пристойно въ домѣ семъ, кромѣ молодой хозяйки. Къ несчастію матери, она вся была въ отца: имѣла грубыя манеры простой крестьянки и что еще хуже того, отъ скуки ли посреди однообразія деревенской жизни или до наслѣдственной, врожденной къ тому склонности, съ позаранку начала она явно придержываться хмѣльнаго. Пить и родить, вотъ все что Агаея

Ивановна умѣла дѣлать въ жизни сей и въ семь послѣднемъ занятіи, кажется, перещеголяла даже тетку свою Арапову.

Не долженъ ли я просить извиненія у читателя въ томъ, что позволилъ себѣ представить здѣсь, можетъ быть и не у мѣста, сіи два семейства, совсѣмъ не изъ историческихъ лицъ состояція, и въ описаніе грознаго 1812 года вклеить эпизодомъ незанимательную повѣсть о нихъ. Но отъ воспоминаній сего года я никакъ не могу отодрать ихъ; ибо они стоятъ на самомъ рубежѣ, отдѣляющемъ мрачное, гнѣвное отчаяніе наше отъ безумныхъ удовольствій, которыми какъ будто хотѣли истребить мы память о горѣ, только что минувшемъ. Во всю зиму, еженедѣльно разъ у Голицына, разъ у Арапова и два раза у Хрущовыхъ плясала вся Певза со всѣми невольни ея посѣтившими. Большую роль на сихъ балахъ играла одна Московская старая дѣвка и франтиха, Наталья Павловна Машкова. Съ отцовской стороны была она двоюродная сестра Араповой и Улыбышевой, которыя оказывали ей знаки глубочайшаго уваженія по той причинѣ, что съ материнской стороны была она также двоюродная сестра кн. Ивана Сергѣевича Барятинскаго, женатаго на Гольштинской принцессѣ. Позорная хроника Московская, никакъ не осуждая ея, утверждала, будто родственныя связи съ княземъ симъ скрѣпляла она другими пріятнѣйшими узами. Не оттого ли почитала она себя знатною и съ такимъ пренебреженіемъ говорила не только о провинціалахъ, даже о Москвичахъ, не принадлежавшихъ къ ея обществу? Мы было сначала подружились съ ней, и она любила рассказывать мнѣ о блестящей амфирѣ, въ которой жила; но какъ я провелъ молодость въ Петербургѣ, оттого что-то плохо вѣровалъ въ преимущества Московскаго бомонда, едва признавалъ его существованіе и не счумѣлъ этого скрыть отъ нея, то она совсѣмъ ко мнѣ охолодѣла.

Итакъ, при свѣтѣ лампъ и люстръ примѣтно начиналъ гаснуть огонь патріотическаго энтузіазма нашего. А, кажется, было чѣмъ питать въ насъ сіе священное пламя! Непрiятель хотя и бѣжалъ опрометью, но еще не выбѣжалъ за предѣлы Россійскаго государства. Въ Петербургѣ, вѣрномъ подражателѣ всего Европейскаго, придумано было новое, дотолѣ не употребляемое средство къ возбужденію народа противъ враговъ. У Англичанъ переняли обычай рисовать и печатать карикатуры на Наполеона и стали кипами разсылать ихъ по всей Россіи. Тамъ въ присядку пляшетъ Наполеонъ подъ Русскую дудку, тамъ голодные воины его варятъ вороній супъ. Нѣкто Тербеневъ прославился въ этомъ дѣлѣ и въ это время. Русскіе отъ души начали смѣяться; тѣмъ хуже: съ ихъ незлобіемъ и врожденнымъ великодушіемъ, смѣхъ почти всегда обезоруживаетъ ихъ.

Другое средство внушено было Нѣмцами, тогда только искренними, вѣрными, преданными намъ союзниками. Никто у насъ не умѣлъ или, лучше сказать, не смѣлъ отважно и основательно писать о политическихъ дѣлахъ. Газеты, издаваемые отъ правительства или отъ правительственныхъ мѣстъ, рассказывали о происшествіяхъ, не позволяя себѣ никакихъ сужденій: не только о другѣ Наполеонѣ, даже о злодѣѣ Бонапарте говорили съ нѣкоторою почтительностію и робостію. Самые такъ-называемые литературные журналы наши почти не выходили изъ предѣловъ словесности, а когда изрѣдка случалось имъ коснуться до происходящаго въ Европѣ, тотчасъ окрашивались они какимъ-то официальнымъ колоритомъ. Въ 1812 году, два человѣка спаслись къ намъ отъ гоненій мучителя Германіи: знаменитый государственный мужъ баронъ Штейнъ и столь же извѣстный профессоръ и писатель Арндтъ. Оба были политическіе вольнодумцы и прибѣгнули подъ крыло либеральнаго деспота. Надобно полагать, что первый изъ нихъ склонилъ Александра употребить магическое слово *волюность*, дабы всѣ Европейскіе народы воззвать къ оружію противъ насильственной Французской власти. Предложеніе не могло быть отвергнуто: оно тѣшило любимую мысль Царя нашего, забаву ума его. Совѣтъ былъ недуренъ, и средство казалось вѣрнымъ; жаль только, что не подумано было о послѣдствіяхъ въ случаѣ побѣды, которая все еще казалась не совсѣмъ вѣроятною: возбуждать легко, унимать трудно. Какъ бы то ни было, ученые и восторженные Нѣмцы нашли, что наступило уже время откровенно говорить съ просвѣщенною частію жителей и, чтобы взволновать до дна океанъ народовъ, населяющихъ Россію, необходимо приступить немедленно къ изданію политическаго журнала. Дѣло уже и безъ того было сдѣлано, и Шишковымъ дурно написаннаго манифеста въ Полоцкѣ было на то достаточно. Но гдѣ вдругъ найдешь матеріалы? Портфели Арндта наполнены были неизданными проклятіями на Наполеона, а между Нѣмцами какъ не найдти трудолюбиваго переводчика? Нѣмецъ Гречъ избранъ былъ издателемъ; и еженедѣльно сталъ появляться *Сынъ Отечества*. Кажется, это было около половины Ноября; ибо въ началѣ Декабря уже читалъ я съ жадностію жиденькія книжки его, исполненныя выразительныхъ, даже бѣшенныхъ статей. Были люди, которые находили, что это послѣ ужина горчица, только не тѣ, которые пылали безкорыстною любовію къ отечеству, дорожили его честію и надѣялись видѣть совершенное торжество его. Для справедливаго негодованія ихъ журналъ сей былъ пищей.

Судьба Наполеона, казалось, рѣшена. Всѣ только рассчитывали пространство, по коему оставалось ему бѣжать, и съ нетерпѣливымъ

любопытством ожидали, какъ зрѣлица, рѣшительную его гибель. Странно и непонятно! Безъ всякаго знанія мѣстностей, еще прежде чѣмъ достигъ онъ Березины, народный гласъ уже избралъ берега ея мѣстомъ его казни. Молдавская армія въ соединеніи съ резервною, подъ предводительствомъ Чичагова, шла съ Юга къ нему на встрѣчу; большая армія съ начала шла по пятамъ его, но, утомленная непрерывною погоней за нимъ, начинала отставать; при первой же оставовкѣ его всегда могла его настичь. Съ правой стороны шибко приближался къ нему Витгенштейнъ, побѣдигель трехъ маршаловъ, Макдональда, Удино и Виктора, съ корпусомъ усиленнымъ Петербургскимъ ополченіемъ и войсками изъ Финляндіи выведенными *).

Ужасами переправы черезъ знаменитую съ тѣхъ поръ Березину не могла быть удовлетворена въ насъ жажда мести: намъ подавай самаго Наполеона, а онъ ускользнулъ. И теперь еще не знаю, обвинять ли слѣдуетъ Чичагова или оправдывать его? Нельзя изобразить общаго на него негодованія: всѣ состоянія подозрѣвали его въ измѣнѣ, снисходительнѣйшіе кляли его неискusstво, и Крыловъ написалъ басню о пирожникѣ, который берется шить сапоги, то-есть, о морякѣ начальствующемъ надъ сухопутнымъ войскомъ. Отъ воиновъ, безпристрастныхъ очевидцевъ и свѣдущихъ въ этомъ дѣлѣ судей, гораздо послѣ слышалъ я, что Чичаговъ невзначай оказалъ тутъ великую услугу Россіи. Онъ не пошелъ туда, гдѣ могъ бы остановить Наполеона; но кто знаетъ: сей послѣдній, въ отчаянномъ положеніи, могъ бы опрокинуть его небольшую армію и пойдти въ Минскъ, гдѣ, среди изобилія, находился Шварценбергъ съ Австрійскими и Саксонскими войсками, сомнительными союзниками, но тогда еще обязанными подкрѣпить его. Узнавъ, гдѣ Чичаговъ стережетъ его, Наполеонъ предпочелъ кинуться на открытый, но ужасный путь къ Вильнѣ, который безъ сраженій довершилъ истребленіе его арміи.

Я того мнѣнія, что гордый и злой Чичаговъ, ненавистникъ своего отечества, неумышленно, по ошибкѣ въ семь случаевъ, услужилъ ему, подобно другимъ заклятымъ врагамъ его, которыхъ Провидѣнію угодно обращать въ полезныя для Него орудія. Вражда за вражду; Русскіе въ несправедливости своей, по мнѣнію моему, извинительнѣе Чичагова.

Для подданныхъ Александра 1812 годъ памятенъ еще тѣмъ, что въ душѣ его послѣдовала необычайная перемѣна. Онъ всегда любилъ

*) Въ день побѣды Беннгсена при Тарутинѣ, 6-го Октября, Витгенштейнъ одержалъ таковую же подъ Полоцкомъ. Кому до кого, а мнѣ до своихъ: зять мой, генералъ Алексѣевъ въ этотъ день былъ откомандированъ на рѣчку Струню, чтобы штурмомъ взять возведенныя надъ нею укрѣпленія. Онъ сдѣлалъ сіе съ обычною ему неустрашимостію, за что и награжденъ былъ Владимирскою звѣздою второй степени.

и уважалъ добродѣтель; ложными понятіями, въ малолѣтствѣ данными ему о свободѣ, столь плѣнительной въ теоріи, увлекался онъ большую часть своей жизни. Но воспитанному въ вѣкъ невѣрія не доставало ему религіознаго чувства. Онъ былъ нѣженъ сердцемъ; наслажденіями его никто еще изъ смертныхъ такъ упоенъ не былъ. Нѣсколько лѣтъ сряду былъ онъ предметомъ обожанія не одной Россіи, но и цѣлаго міра и, наконецъ, самый противникъ его, гевій зла, какъ онъ почитался гениемъ добра, былъ побѣжденъ не оружіемъ его, а благостію. Вдругъ все стало измѣнять ему, счастье и вмѣстѣ съ нимъ и люди. Тогда, не находя уже любви, которая дотолѣ всюду встрѣчала его на землѣ, сталъ онъ искать ее на небѣ. Наступила тяжкая та година, въ которую онъ, владѣя громадной имперіей, вмѣстѣ съ нею казался раздавленнымъ громадными силами всего Запада. Въ невольномъ бездѣйствіи въ Царско-сельскомъ уединеніи своемъ, вдали отъ браней, среди мрачной осени, какая лютая, великая царская скорбь должна была раздирать душу его! И гдѣ было искать ему утѣшеній, если не у престола Того, Кто Самъ претерпѣлъ муки для спасенія рода человѣческаго? Въ это же время съ лица всей земли Русской согласнымъ хоромъ подымалась молитва; ею наполненъ, кажется, былъ весь воздухъ, и какъ сей священной заразѣ не коснуться было души готовой къ ея воспріятію! Въ пожарѣ Москвы, какъ въ горящемъ кустѣ Моисею, явился ему Господь; и когда среди радостныхъ кликовъ освобожденія послышался ему небесный отвѣтъ: вѣра твоя спасла тебя; тогда съ благодарностію, упованіемъ и покорностію къ волѣ Всевышняго смѣло устремился онъ на Западъ, куда самъ перстъ Его указывалъ ему путь. Но увы, не въ славу нашей православной Греко-Россійской церкви исполнился онъ тогда христіанскаго духа!

Со временъ Петра Великаго между нашимъ духовенствомъ нерѣдко встрѣчались люди, которые, не умѣя сильно чувствовать, любили умствовать и разсуждать о вѣрѣ. Всѣ они, начиная съ Теофана Прокоповича, показывали склонность къ ученію Лютера. Около этого времени число ихъ размножилось; примѣчательнѣе всѣхъ былъ одинъ молодой монахъ, одаренный столь же сильнымъ характеромъ, какъ и чудесно-свѣтлымъ умомъ. Это нашъ знаменитый Филаретъ. Не трудно было необыкновенному юношѣ поработить набожнаго, недалковиднаго и слабаго любимца государева, министра духовныхъ дѣлъ Голицына и сдѣлать его покровителемъ распространяющагося у насъ мистицизма, съ помощію правителя дѣлъ его Мартиниста Тургенева, впрочемъ ни во чтѣ не вѣрующаго. Этотъ Голицынъ во дни печали вмѣстѣ съ Императоромъ вздыхалъ и молился и тѣмъ еще болѣе пріобрѣлъ любовь его и довѣренность. Когда загорѣлась война 1812 го-

да, то Россія не отверзла объятій своихъ Англіи (это много сказать), но открыла ей двери настежь, и жители трехъ королевствъ толпами къ намъ привалили. Въ числѣ ихъ находился и Шотландецъ Пинкертонъ, не знаю хорошенько: основатель ли или главный двигатель Библейскаго Общества. Для введенія его къ намъ нашелъ онъ готовыя орудія, исключая духовныхъ лицъ, Лабзина съ Сіонскимъ Вѣстникомъ. Чтеніе Библии полезно для людей глубокомысленныхъ и твердыхъ въ религіозныхъ правилахъ своихъ, тогда какъ между другими, которые легкомысленно приступаютъ къ разбору и пересмотру Священнаго Писанія, порождаетъ много сомнѣній; и для того во всѣхъ Римско-католическихъ странахъ, для простонародія Ветхій Завѣтъ вездѣ запрещенный плодъ. Поборнику Христіанства и другу челоѣчества Александру мысль объ учрежденіи этого Общества въ Россіи чрезвычайно полюбилась; космополитизму, въ которомъ онъ былъ воспитанъ, пріятно было видѣть въ немъ средство къ соединенію всѣхъ вѣръ и сліянію всего міра христіанскаго въ одно согласное семейство. Въ Петербургѣ духовенство всѣхъ исповѣданій покорилось его волѣ, и митрополитъ Римско-католическихъ въ Россіи церквей, Сестренцевичъ, началъ возсѣдать между схизматиками и еретиками. Среди шума и треска все еще продолжающихся военныхъ дѣйствій и, прибавить должно, среди тогдашняго дѣтскаго невѣдѣнія нашего, сія новизна внутри государства сочтена небесною благодатію: никому не пришло въ голову подозрѣвать настоящей цѣли Библейскаго Общества, столь опаснаго для чистоты Православія.

Когда въ дѣлѣ Россіи съ Наполеономъ судъ Божій произнесъ рѣшительный свой приговоръ, когда изъ разсѣянной огромной тучи непріятельской слабый остатокъ ея, въ видѣ легкаго облачка, гонимаго бурнымъ вѣтромъ, сталъ быстро удаляться отъ границъ нашихъ, тогда богобоязненный Царь, смиренно повинувшись высокому призыванію, почувствовалъ, что наступило и для него время великихъ подвиговъ. Онъ оставилъ Петербургъ и прибылъ въ Вильну, 12 Декабря, съ побѣдоноснымъ войскомъ праздновать день рожденія своего, ровно черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ того, какъ въ той же самой Вильнѣ объявилъ, что не положитъ оружія, доколѣ единый непріятельскій воинъ останется на землѣ Русской. Онъ сдержалъ слово, но не совсѣмъ: ибо оружія не положилъ. Да благословенъ будетъ тотъ, кто подалъ ему смѣлую мысль, не останавливаясь, продолжать идти впередъ, чтобы захватить задорную Польшу и ободрить напуганную Нѣмечину, пока Франція не успѣла опомниться и оправиться. Мнѣ пріятно думать, что отнынѣ Александръ дѣйствовалъ единственно по вдохновеніямъ, ниспосылаемымъ ему свыше.

Бросаясь въ объятія Кутузова, недавно украшеннаго великолѣпнымъ титуломъ Смоленскаго князя, но что еще гораздо важнѣе того, цѣлою Россіей провозглашеннаго спасителемъ отечества, Государь возложилъ на него знаки ордена, по моему, перваго въ мірѣ *). Любопытно было бы знать, что происходило тогда въ душѣ Кутузова? Всѣ современники согласны въ томъ, что онъ имѣлъ высокое образованіе, былъ чрезвычайно уменъ и пріятенъ въ обществѣ, неустрашимъ въ бояхъ и равно искусенъ въ дѣлахъ войны, какъ и мира. Все это служить доказательствомъ необыкновеннаго ума и твердости, и соотечественники по всей справедливости могутъ гордиться имъ. Утверждаютъ однакоже, что онъ былъ также уклончивый и тонкій царедворецъ; это заставляетъ уже сомнѣваться въ высотѣ его чувствъ. Какъ бы ни было, но невозможно, чтобъ онъ не раздѣлялъ восторговъ имъ производимыхъ: миліоны людей безпрестанно насылали ему нѣжнѣйшія хвалы и благословенія. Какъ все это должно было волновать и молодить его сердце! И какой блескъ юности можетъ сравниться съ пламенною зарей его заката! Онъ едва было не сдѣлалъ Русскихъ неблагодарными: чуть было не заставилъ ихъ забыть Суворова.

Всѣ были увѣрены, что неудачи сопутствуютъ Александру и являются вездѣ, гдѣ онъ лично присутствуетъ. Оттого всѣ не одобряли ни прибытія его къ арміи, ни намѣренія идти съ нею за границу. «Да и зачѣмъ? спрашивали у насъ въ Пензѣ; уже коли дома не успѣли поймать вора, гдѣ станешь ловить его вчужбѣ? Да, кажется, мы и хорошо его проучили: другой равъ не полѣзетъ къ намъ». Хорошо же они знали его! Дурацкія эти сужденія были мнѣ какъ острый ножъ. Думая, что все уже кончено, не хотѣлось Пензякамъ отпустить со всѣмъ уже готовое къ выступленію, но все еще не тронувшееся ополченіе.

Приблизился конецъ этого вѣчнопамятнаго года, и все что въ продолженіе его я перечувствовалъ, имѣло сильное вліяніе на здоровье мое. Я впалъ въ нервную болѣзнь, довольно серіозную, и въ страданіяхъ встрѣтилъ 1813 годъ. Я здѣсь останавлиюсь, чтобы бросить взглядъ на сію чудную эпоху въ нашей исторіи. Желая польстить нашему самолюбію, Англинскіе журналы начали сравнивать тогда подвиги Русскихъ съ тѣми, кои въ это время на противоположномъ концѣ Европы совершали у себя Гишпанцы. Кто изъ насъ позволитъ себѣ оспаривать славу великодушной защиты Саррагосы и вообще всѣхъ отчаянныхъ, неимовѣрныхъ усилій Кастиланской гордости, Ар-

*) Съ самаго учрежденія Георгіевскаго ордена въ 1769 году, кавалеровъ его первой степени всего было понынѣ только шестнадцать, а въ это время ни одного.

рагонскаго и Бискайскаго упрямства, особенно когда нѣкоторымъ образомъ были они для насъ полезны? Нынѣ, признаюсь, сіе сравненіе мнѣ кажется обиднымъ. Въ одинакихъ ли отношеніяхъ съ Гишпаніей Россія находилась тогда къ Франціи? Давно подвластная республикѣ и имперіи, Гишпанія тогда только возмутилась, когда ей стало не въ мочь: это былъ мятежь вассаловъ противъ притѣсненій власти, надъ ними господствовавшей. Природа на каждомъ пунктѣ жителямъ этой страны представляла удобныя средства къ отпору непріятелей: непроходимыя горы и дебри, и Сіерра Морена, и всѣ другія Сіерры не напоминаютъ ли скорѣе Кавказъ и борьбу горцевъ съ Россіей? Если симъ послѣднимъ и сыпались сотни тысячъ гиней, то это тайкомъ; за то нѣтъ десятковъ тысячъ вооруженныхъ Англичанъ, которые бы явно сражались за нихъ. Безъ помощи Англии, новой госпожи своей, что бы сдѣлали Гишпанцы?

Какихъ союзниковъ имѣла Россія въ началѣ войны 1812 года, кромѣ Бога, безпредѣльной вѣры въ Его могущество и мужества ея внушеннаго? Она одна встрѣтила напоръ двадцати языкъ, или, вѣрнѣе сказать, по крайней мѣрѣ десяти народовъ, изнемогала подъ ударами ихъ, но не пала; и ихъ же дружелюбно взявъ за руку, повела на предводительствовавшаго ими. Шести мѣсяцевъ было ей достаточно, чтобы произвести совершенный переломъ въ судьбахъ цѣлаго міра. Шесть лѣтъ боролась Гишпанія съ нѣсколькими отрядами Наполеоновскими, и едва успѣла не одолѣть Франціи, а только освободиться отъ ея ига, и то, благодаря быстротѣ бурнаго потока, какъ будто на помощь ей съ Сѣверо-Востока текущаго. Гдѣ же тутъ сходство?

Изъ неприступнаго острова своего, какъ съ высоты амфитеатра, смотрѣли Англичане на гладіаторовъ, проливающихъ кровь свою будто для ихъ забавы и пользы и, рукоплеская Русскимъ, хотѣли сравнить ихъ съ наемниками своими Гишпанцами. Даже и тогда, какъ спасительная рать ея явилась посреди Европы, чтобы избавить ее отъ тягости вѣчной войны, Россія сдѣлалась уже предметомъ зависти для западныхъ народовъ. Извинительно было неправдолюбивою и пристыженной Франціи приписывать неслыханный уронъ свой единственно суровости климата; но мнѣніе сіе, не раздѣляя его, старались также поддерживать Англичане и Нѣмцы. Извѣстно, что горячая кровь полуденныхъ людей сильнѣе противится дѣйствию холода, чѣмъ медленнѣе обращающаяся кровь жителей Сѣвера. Послѣднимъ сама природа дала защиту, звѣриныя кожи, въ которыя съ малолѣтства, такъ сказать, пеленаясь, они прячутся въ невыносимо-жаркихъ своихъ избахъ. Первые цѣлый вѣкъ любятъ жить на воздухѣ, который при всякой температурѣ, обхватывая весь составъ ихъ, пріучаетъ его къ перенесе-

нію всякихъ непогодъ. Кто не видѣлъ Французовъ въ однихъ фракахъ, съ руками въ карманахъ, весело пляшущихъ на морозѣ *), когда термометръ показывалъ десять или двѣнадцать градусовъ? Цыгане, не погибая, въ кибиткахъ своихъ всю зиму кочуютъ у насъ на Сѣверѣ. Отчего же Русскіе, преслѣдуя Французовъ, подобно имъ не падали какъ мухи? Оттого что они были въ шапкахъ, въ шубахъ, даже въ лаптяхъ и не съ пустыми желудками; оттого что воины непобѣдимой арміи шли наги, босы и голодны. Въ такомъ состояніи должны бы они были гибнуть и среди лѣта. А кто привелъ ихъ къ нему? Прозорливый, терпѣливый нашъ Фабій, великій Русскій вождь все разчелъ, все предугадалъ: умудрилъ его Господь, «насылая слѣпоту на того, кто мысленно дерзалъ уже почитать себя Ему равнымъ». Съ самыхъ первыхъ шаговъ Наполеона въ Россіи замѣтны были въ немъ нетерпѣливость, самонадѣянность, опрометчивость; замѣтно было, что надежды не столько возлагаетъ онъ на геніяльность свою, какъ на счастье и на сплоченныя имъ массы, огромный запасъ людей. «Двадцать пять тысячъ человѣкъ могу я прожить ежемѣсячно», говорилъ онъ; и онъ промотался и бѣжалъ изъ Россіи, какъ должникъ отъ тюрьмы. Не столько храбрость и число солдатъ, сколько искусство полководцевъ даруетъ побѣды. Спрашивается: кто изъ двухъ показалъ тутъ болѣе искусства? Ужъ конечно тотъ, кто съ меньшимъ числомъ войскъ предводительствовавшаго несмѣтными силами заставилъ обратиться въ бѣгство. Все еще толкуютъ о генераль-морозѣ, забывая, что этотъ годъ осень стояла у насъ теплѣе чѣмъ во Франціи, что первыя пораженія при Тарутинѣ и Маломъ Ярославцѣ были въ началѣ Октября, и что на протяженіи почти четырехъ сотъ верстъ отъ Москвы до Смоленска, когда еще генераль этотъ не думалъ показываться, уже цѣлыя бригады и дивизіи начинали исчезать въ непріятельской арміи.

Все въ этомъ году было необычайно, неожиданно, чудесно; изображеніе его, по мнѣнію моему, принадлежитъ эпопеѣ еще болѣе чѣмъ исторіи. Запрятанный въ уголъ той огромной сцены, на которой разыгрывалась великая драма, какъ почти всѣ тогда, былъ и я нѣкоторымъ образомъ вовлеченъ въ ея движеніе, и изъ тогдашнихъ событій могъ собрать нѣкоторыя черты, достойныя вниманія читателя. Какой же славный трудъ предстоить будущему творцу Русской Иліады! Но гдѣ онъ? Родился ли онъ, тотъ, который, соединяя въ себѣ одномъ геніи Карамзина и Пушкина, Тацита и Гомера, былъ бы въ состояніи достойнымъ образомъ начертать потомству величіе его предковъ? Сии

*) Подъ Прейсвиль-Эйлау, 27 Января, въ Пруссіи вѣрно было не теплѣе, чѣмъ осенью въ Бѣлороссіи, а Французы, если и не побѣдили, но и побѣждены не были.

шесть мѣсяцевъ великому писателю едва ли не болѣе представляютъ матеріаловъ, чѣмъ десятилѣтіе Троянской войны. Для кисти его сколько красивыхъ, мужественныхъ лицъ, коймъ въ стихахъ тогда же сдѣланъ былъ обрисъ! И почти у всѣхъ Русскія названія: Платовъ и Милорадовичъ, Раевскій и Дохтуровъ, и молодой еще тогда, храбрый Воронцовъ, богатый золотомъ и доблестями, который всю тягость и опасности воинской жизни предпочелъ забавамъ и пышности двора,— нѣжный, попечительный отецъ для подчиненныхъ, товарищъ, братъ и другъ соратствующимъ. И ты предстанешь тутъ, близнецъ его во славу, менѣе его счастливый, но гораздо болѣе чтимый, чудный Ермоловъ, чье имя, священное для Русскихъ, почти въ первый разъ тогда имъ прогремѣло. Какъ бы нарочно, во станъ христолюбиваго воинства Провидѣніе послало юношу достойнаго воспѣть его подвиги, чистаго душой и тѣломъ, восторженнаго Жуковскаго. Цари тутъ также сражались подъ знаменами Царя царей, передъ которымъ Агамемнонъ можетъ казаться Терситомъ. Только изъ пепла нашей Трои возникла гибель новымъ Грекамъ, ибо на нашей сторонѣ былъ опытный, мудрый Несторъ, съ хитростью Улисса и отважностію Ахилла. Неимовѣрное, почти тоже, чтò баснословное, — его тутъ было вдоволь; и какъ иначе назвать внезапную казнь гордынѣ и спасеніе погибающимъ, съ высоты могущества паденіе исполина, и изъ пучины золь быстрое вознесеніе народа? У насъ боги, съ человѣческими страстями, непристойнымъ образомъ не мѣшались въ дѣла смертныхъ; за то вездѣ и во всемъ было чувствуемо присутствіе чего-то невидимаго и всеильнаго. Я почти увѣренъ, что Александръ и Кутузовъ Его прозрѣли, и что даже самому Наполеону блеснулъ гнѣвный ликъ Его.

Въ недавнемъ времени, одинъ сенаторъ-воинъ взялся написать намъ исторію этой войны. Вышло, какъ въ наше время и ожидать было должно, что офиціальное твореніе его не чтò иное какъ собраніе раскрашенныхъ реляцій, съ прибавкою похвальныхъ словъ Чернышеву и всѣмъ, въ живыхъ еще находящимся, сильнымъ міра сего. Вы правы, г. Данилевскій-Михайловскій, если имѣли только въ виду почести и деньги; вы получили ихъ. Но я надѣюсь, что вы не погонитесь за безсмертіемъ. Куды вамъ до него! Даже и нынѣ никто не хочетъ вѣрить льстивымъ устами вашимъ.

VII.

Въ болѣзненномъ состояніи, въ которомъ находился я при наступленіи 1813 года, какъ сказалъ я выше, утѣшали меня вѣсти, по лучаемыя уже изъ-за границы; ибо во второй половинѣ Декабря заняты нашими войсками восточная Пруссія и даже Варшава въ самый

день Рождества; какъ вдругъ былъ я встревоженъ и сильно огорченъ однимъ неожиданнымъ и для Русской чести постыднымъ происшествіемъ, о коемъ хотѣлось бы мнѣ, но не смѣю, умолчать.

Изъ полковъ новонабраннаго Пензенскаго ополченія одинъ только формировался и стоялъ на квартирахъ въ губернскомъ городѣ, другіе размѣщены были въ уѣздахъ. Двое изъ начальствовавшихъ надъ ними полковниковъ, люди черезъ мѣру разчетливые, нашли, что о прокормленіи ратниковъ много заботиться нечего, и что, при всеобщемъ усердіи жителей, они безъ пищи ихъ не оставятъ, а между тѣмъ исправно принимали и клали себѣ въ карманъ суммы, изъ нашего комитета отпускаемыя, для продовольствія воиновъ. Названіе одного я къ счастью позабылъ; имени другаго не скрою.

Иванъ Дмитріевичъ Дмитріевъ былъ приглашенъ, упрошенъ оставить кавалергардскій полкъ, въ которомъ дослужился до полковничьяго чина. По моему мнѣнію, неправы были господа офицеры, а онъ совсѣмъ не виноватъ, если, будучи сыномъ бѣднаго помѣщика Мокшанскаго уѣзда, попалъ онъ нечаянно въ такой полкъ, гдѣ тогда однимъ богачамъ служить было подъ силу, и что для поддержанія требуемаго велелѣпія долженъ былъ онъ прибѣгать къ такъ-называемымъ невольнительнымъ средствамъ. Дѣло не обошлось безъ драки, разумѣется не рукопашной. Говорятъ, онъ былъ не трусливъ и между военными товарищами своими; въ провинціи же, среди мирныхъ земляковъ, смѣлость его часто доходила до дерзости. Чтѣ удивительнаго? Все на свѣтѣ, даже уваженіе согражданъ, долженъ былъ брать онъ съ бою; самые дары Фортуны могъ онъ не иначе похищать, какъ насильственнымъ образомъ: вотъ отчего всегда находился онъ въ бранномъ состояніи. Простое воровство въ обществѣ презирается: необходимо надобно нѣсколько облагородить его разбойничьими формами. Въ Москвѣ, главномъ центрѣ тогдашнихъ картежныхъ операцій, поселился г. Дмитріевъ и подвизался тамъ въ сообществѣ съ родственникомъ своимъ Саввою Мартыновымъ, мною не разъ упомянутымъ. Онъ оставилъ ее въ 1812 году, когда въ ней ничего ему дѣлать не оставалось, и прибылъ въ Пензу, гдѣ удалцу сему предложенъ былъ полкъ.

Оба полковника сіи прежде всего принялись за полковую экономію. Пока средства не истощались у жителей, ни они, ни ратники роптать не смѣли. Но когда голодъ привелъ ихъ въ отчаяніе, послѣдніе возмутились, изъ своей среды выбрали себѣ начальниковъ, а офицеровъ перевязали и вѣроятно сдѣлали бы тоже съ полковниками, еслибъ сіи послѣдніе заблаговременно не успѣли спастись бѣгствомъ.

Сіе происходило въ двухъ городахъ, Саранскѣ и Чембарѣ, полтора верста одинъ отъ другаго отстоящихъ. Ни безчинства, ни

грабежа не было; войны требовали одной пищи, и понаѣвшись сдѣлались спокойнѣе и смиреннѣе. Ужасу было много у насъ въ продолженіе двухъ или трехъ дней. Но скоро подошѣли другіе ополченныя, самъ графъ Толстой прискакалъ въ Саранскъ, и мятежь утушенъ безъ кровопролитія. Дѣло обошлось какъ нельзя лучше: виновныхъ не нашлось, полковники съ глазу на глазъ названы мошенниками, а рядовымъ передъ фронтомъ объявлено, что ихъ хорошо будутъ кормить; но если впередъ что нибудь подобное они затѣять, то десятый изъ нихъ будетъ разстрѣлянъ; все же дѣло подъ шумокъ представлено выше дѣйствіемъ неудачнаго подговора какихъ-то небывалыхъ лазутчиковъ. Въ половинѣ Января, бунтовавшіе и уже покорные, равно какъ и разруганные, связанные и уже освобожденные, и начальствующие, преспокойно отправились вмѣстѣ въ дальній походъ по направленію къ Кіеву.

Съ отбытіемъ ополченія, казалось, что занятія нашего комитета, кромѣ приготовленія отчетовъ, должны бы были прекратиться; ни мало. Не зная, достанетъ ли у Нѣмцевъ довольно смѣлости, чтобъ явно присоединиться къ нему; съ другой стороны, видя съ какимъ рвеніемъ и поспѣшностію, по единому слову его, земля Русская рождаетъ и образуетъ рати; желая имѣть достаточный запасъ воиновъ, въ случаѣ несогласія съ Нѣмцами, — Государь повелѣлъ, чтобы набрано было, подъ именемъ резерва, второе ополченіе, только въ половину меньше перваго. Изъ него велѣно отдѣлить нѣсколько штабъ- и оберъ-офицеровъ, если не въ ратномъ, то во фронтовомъ дѣлѣ искусившихся. Геройскій жаръ въ нѣкоторыхъ успѣлъ уже погаснуть, и они охотно воспользовались случаемъ на нѣсколько мѣсяцевъ еще остаться, не покидать родимаго края. Не оставалось болѣе военныхъ людей, высокое званіе носящихъ, и надлежало довольствоваться менѣе чиновными. Казань избрана мѣстомъ пребыванія главнаго начальства новаго ополченія, и оно поручено отставному артилеріи генераль-маіору, Дмитрію Александровичу Булыгину, съ тѣми же правами, кои присвоены были графу Петру Александровичу Толстому.

Я знавалъ этого Булыгина, только немного. Онъ слылъ весьма умнымъ; объ этомъ судить я не могу, ибо вниманіе мое не столько обращено было на его рѣчи, сколько на наружность. Отецъ его былъ женатъ на придворной Калмычкѣ, и образъ ея, въ преувеличенномъ видѣ, рѣзкими чертами напечатанъ былъ на лицѣ сына. Говорили также, что онъ былъ отличный артиллеристъ, добрый и честный человѣкъ.

Губернскимъ же начальникомъ, вмѣсто отбывшаго генерала Кишенскаго, выбранъ былъ у насъ отставной бригадиръ, графъ Федоръ Андреевичъ Толстой; какъ говорилось въ старину между военными: за неимѣніемъ маркиганта блинникъ служить. На вопросъ (если мнѣ

сдѣлають его): какой это былъ Толстой? вмѣсто отвѣта, отошлю я читателя къ краткой родословной сей многочисленной нынѣ фамиліи, здѣсь ниже въ особой выноскѣ помѣщенной *). Онъ и нѣкоторые изъ братьевъ его служили припѣваючи при Еваторининской гвардіи до капитанскаго чина, потомъ вышли въ отставку бригадирами, поселились въ Москвѣ и стали искать богатыхъ невѣстъ; употребляли самыя легкія и простыя средства, чтобы быть счастливыми. Ему посчастливилось болѣе другихъ: со Степанидою Алексѣевною Дурасовой, на коей онъ женился, приобрѣлъ онъ большой достатокъ. Даже для умѣреннаго удовлетворенія его вкусовъ надобно было много денегъ, и онъ бы раззорился, еслибы не былъ удержанъ бережливостію, можно сказать, скупостію жены своей. Онъ былъ несвѣдущій, а не менѣе того страстный антикварій и собиратель всякаго рода рѣдкостей. Но какъ при покупкѣ картинъ, манускриптовъ, медалей, всегда руководствовался онъ совѣтами свѣдущихъ людей, то въ собраніе его немного попадало ничтожныхъ вещей, и оно наполнено было драгоценностями. По природѣ мягконравный, онъ всегда казался веселъ, оставался спокойнень духомъ и оттого-то, кажется, и поднесъ тянется жизнь его. Воинъ былъ бы онъ плохой, и если вступилъ въ ополченіе, то вѣроятно для того, чтобы нѣсколько времени, хотя бы съ сѣрымъ кафтаномъ, пощеголять генеральскими эполетами.

Супруга его рѣшительно была и нелюбезна, и немилостива. Она, по матери, была въ числѣ наслѣдницъ знаменитаго Твердышева, простаго мужика, который съ пятью только рублями, но съ умомъ и честностію, съ неимовѣрною дѣятельностію, изворотливостію и смѣтливостію, началъ созидать огромную фортуна свою. Онъ соорудилъ двадцать шесть желѣзныхъ и мѣдиплавильныхъ заводовъ, тѣмъ оживилъ и обогатилъ заброшенный дотолѣ Оренбургскій край, и каждой изъ четырехъ племянницъ своихъ, Дурасовой, Пашковой, Бекетовой и Козицкой, сверхъ сказанныхъ заводовъ, оставилъ по шестнадцати тысячъ душъ крестьянъ. Каждый обломокъ раздробленнаго послѣ нихъ имѣнія стѣитъ еще не менѣе миліона.

*) У первопожалованнаго графа Толстаго, въ исторіи Петра Великаго столь извѣстнаго Петра Андреевича, любимца его и преданнаго ему до готовности къ преступеніямъ, было два сына, Иванъ да Петръ, которые при Аннѣ Иоанновнѣ пошлѣ въ немилость. Старшій Иванъ былъ сосланъ въ Архангельскъ, гдѣ отъ скуки женился на дочери какого-то неважнаго чиновника и прижилъ съ нею семь сыновей. Всѣ они послѣдовали его примѣру, всѣ переженились, оставили погостомъ; одинъ изъ нихъ, Андрей Ивановичъ, подражаніе довелъ до совершенства, имѣлъ также семь сыновей, въ томъ числѣ и нашего Федора Андреевича. Другая линія, отъ Петра происходящая, не была такъ плодуща, оттого сохранила богатство и знатность тогда какъ прочіе графы Толстые нынѣ въ Москвѣ стали на ряду и едва ли не иже простыхъ дворянъ.

Графиня Толстая, подобно дѣду, не наживала богатства, а только умѣла сохранять его; заботливость ея о томъ назову я чрезмѣрною, даже непристойною. Въ продолженіе всего времени, что Москва занята была Французами, на свѣтъ Божій не смотрѣла она, кляла Ростопчина и о томъ только жалѣла, что Наполеона не приняли съ честію и не дозволили откупиться отъ него посредствомъ сильной контрибуціи. Мнѣ случилось обѣдать у нихъ въ тотъ самый день, въ который получила она извѣстіе о томъ, что великолѣпный домъ ея на Большой Дмитровкѣ остался цѣль, что сдѣланы въ немъ нѣкоторыя поврежденія, за то весь онъ загроможденъ нанесенными въ него дорогими предметами; какъ сохранившемуся, такъ и пріобрѣтенному при донесеніи приложена была опись. Во время чтенія улыбка показалась было на лицѣ ея, какъ вдругъ залилась она слезами, воскликнувъ: «Я никакъ не нахожу тутъ прекраснаго тюфика моего, обшитаго шелковой обьяриной матеріей; злодѣи погубили его!» Всѣхъ изумило и всѣмъ показалось это чрезвычайно гадко. Въ послѣдствіи единственную дочь свою выдала она за единственнаго графа Закревскаго.

И такъ наши помѣщики покряхтѣли, поморщились; но дѣлать было нечего, принялись опять за наборъ людей и за пожертвованія; черезъ то на неопредѣленное время должно было продлиться существованіе нашего комитета. Это испугало почтеннаго предсѣдателя нашего Кашкарова. Болѣе двадцати лѣтъ былъ онъ въ отставкѣ съ бригадирскимъ чиномъ, изрѣдка показывался въ Москвѣ и, хотя былъ холостой, совершенно свыкъся съ деревенскою жизнію. Долгъ дворянина, въ тяжкій годъ для отчизны, вызвалъ его опять на временную службу; но бѣдствія миновались, дни становились все длиннѣе, солнышко краснѣе и ярче, и все тянуло его въ мирное убѣжище, гдѣ жилъ онъ отцомъ и благотворителемъ дворян и крестьянъ. Ему не стерпѣлось, онъ отказался отъ мѣста и сказался больнымъ.

Въ великое затрудненіе поставленъ былъ губернаторъ Голицынъ. По вздорнымъ несогласіямъ съ губернскимъ предводителемъ Колокольниковымъ, какъ сказалъ я выше, умѣлъ онъ, чрезъ посредство главноначальствовавшаго графа Толстаго, совершенно устранить его отъ сего предсѣдательства. Тогда надлежало на мѣсто Кашкарова вызвать старшаго по немъ кандидата, который былъ ему во сто разъ противнѣе Колокольцова. И кто же былъ сей кандидатъ? Отставной уже тогда оберъ-прокуроръ, ***, высокомѣрный, высокорослый челоувѣкъ, о которомъ что-то очень давно я ни слова не упоминалъ. Съ тѣхъ поръ, какъ въ сихъ Запискахъ разстался я съ нимъ, продолжалъ онъ служить экспедиторомъ, или начальникомъ отдѣленія, въ канцеляріи министра юстиціи и по возможности вредить моему отцу,

Наконецъ назначенъ онъ оберъ-прокуроромъ въ одинъ изъ Московскихъ департаментовъ Сената и находился тамъ въ видѣ делегата Сперанскаго. Если сей послѣдній имѣлъ намѣреніе черезъ него распространить что нибудь въ древней столицѣ, то весьма ошибся въ своихъ расчетахъ: ***, всегда покорный, преклонный передъ государственными властями, вооружался только противъ мѣстныхъ. Главнѣйшій, фельдмаршалъ Гудовичъ, засѣдалъ тогда въ Сенатѣ и въ немъ хотѣлъ деспотствовать точно также, какъ и въ городѣ; можетъ быть, весьма основательно противился *** его незаконнымъ требованіямъ; но въ протестахъ своихъ употреблялъ выраженія столь грубыя, столь дерзкія, что далъ старику все право справедливо жаловаться на него самому Государю. Еще за полгода до паденія Сперанскаго, не смотря на его покровительство, былъ онъ отставленъ и поселился въ своей Пензенской деревнѣ. Въ началѣ Сентября 1812 года, внезапно явился онъ на дворянскомъ съѣздѣ и дѣйствовалъ такъ быстро и такъ тайно, что едва не попалъ въ председатели комитета для пожертвованій. Дворяне имѣли только въ виду его ростъ и его чинъ, и ахнули, когда имъ объяснили, что они выбрали друга и соумышленника подозрѣваемаго въ измѣнѣ Сперанскаго. Голицынъ, яко знатный, почиталъ себя въ обязанности ненавидѣть сего послѣдняго и, желая показать то ***—ну, обошелся съ нимъ неучтиво; тотъ, кажется, отвѣчалъ ему тѣмъ же.

Недѣли полторы или двѣ, губернаторъ все медлил съ извѣщеніемъ его объ отбытіи Кашкарова и съ приглашеніемъ занять его мѣсто. Бумага о томъ была уже подписана, а онъ не рѣшался ее отправить и надѣялся, что наступившая совершенная распутица воспрепятствуетъ ***—ну скоро пріѣхать. Между тѣмъ, по званію старшаго члена, вступилъ я въ должность председателя. Кто повѣритъ, чтобы мнѣ, молодому человѣку, совсѣмъ не польстила временная честь наследовать старику-бригадиру? Но съ нею сопряжены были затрудненія, которыя долженъ буду здѣсь объяснить.

Между оставшимися отъ перваго ополченія, для образованія новаго, находился одинъ отставной конной гвардіи штабъ-ротмистръ, Ѳедоръ Ивановичъ Левинъ. Человѣкъ былъ онъ еще довольно молодой, весьма неглупый, исполненный чести. Другъ порядка, безъ малѣйшей подлости, всегда оказывалъ онъ должное уваженіе начальству, что въ нынѣшнее время непременно бы названо было холопствомъ. Жаль только, что, при столь похвальныхъ свойствахъ, чрезмѣрная живость въ крови часто затмѣвала у него разсудокъ, такъ что названіе «взбалмошный» какъ бы нарочно для него было придумано. Ему поручено было сформировать конницу втораго ополченія, то-есть всего только

два эскадрона, и онъ захотѣлъ блеснуть ими передъ Пензенской публикой. Для того, затѣялъ онъ для нихъ какія-то куртки, съ широкими свѣтлозелеными отворотами и краснымъ кушакомъ, сабли, мѣдные эполеты и мѣховыя, за неизмѣнимъ медвѣжьихъ, собачьи шапки. Все это шутовство, по его счету, должно было обойтись въ сорокъ пять, а навѣрное стоило бы не менѣе семидесяти тысячъ рублей; тогда какъ по распоряженіямъ главнаго, въ Петербургѣ, комитета, подъ предсѣдательствомъ Аракчеева, все должно было ограничиваться пиками и простыми сѣрыми кафтанами. Въ семь видѣ конный полкъ перваго ополченія вышелъ и въ походъ.

По связямъ своимъ съ губернаторомъ Голицынымъ и губернскимъ начальникомъ Толстымъ, Левинъ безъ затрудненія склонилъ ихъ утвердить его затѣи; князь отнесся къ намъ о томъ, а графъ потребовалъ денегъ. Я не зналъ что дѣлать. Осторожный, даже боязливый членъ отъ правительства, Карауловъ, прикинулся больнымъ и не участвовалъ въ засѣданіяхъ; безграмотный купецъ Козицынъ сдѣлалъ бы только то, что я приказалъ бы ему, слѣдственно я оставался совершенно одинъ, и вся отвѣтственность лежала на мнѣ. Немногіе паличные дворяне тайкомъ убѣждали меня понапрасну не сорить деньгами, и мнѣ самому не хотѣлось заплатить, можетъ быть, цѣлымъ имѣніемъ за чужія прихоти; но я опредѣленъ былъ правительствомъ, то-есть губернаторомъ, и трудно мнѣ было опять идти противъ него. Я не отказывалъ и не соглашался, и старался выиграть только время; къ счастью, Левинъ, не полагая возможнымъ какое-нибудь съ моей стороны сопротивленіе, дѣломъ не торопилъ. Насчетъ нелѣпныхъ требованій его рѣшился я однимъ вечеромъ объяснить съ губернаторомъ; тотъ отвѣчалъ мнѣ ласками и шутками. Тогда составилъ я себѣ планъ и хотѣлъ дѣйствовать смѣло.

На слѣдующее утро, когда еще лежалъ я въ постелѣ, въ мою низенькую комнату ввалилось огромное туловище ***—на безъ всякаго предваренія. Это было въ началѣ Апрѣля. Не дождавшись официальнаго извѣщенія, онъ рѣшился сдѣлать болѣе ста верстъ по непроходимымъ дорогамъ, тамъ завязая въ глубокой грязи, тамъ преплывая быстрые потоки и, ни съ кѣмъ не увидѣвшись, показался мнѣ первому. У меня голова закружилась, такъ озадачилъ онъ меня и неожиданнымъ появленіемъ своимъ, и расточительностію похвалъ: отъ имени цѣлаго дворянства благодарилъ онъ меня; и защитникъ-то я былъ правъ его, и блюститель его выгодъ. «Да я еще ничего не сдѣлалъ», отвѣчалъ я. «Все равно, вы медлили и хотѣли сумасбродамъ дать время образумиться. И я пріѣхалъ вамъ на помощь, пріѣхалъ выручать васъ». Что было дѣлать? По неволѣ пришлось сойтись съ

врагомъ отца моего, съ недругомъ цѣлаго моего семейства и противъ человѣка, дотолѣ мнѣ благопріятствовавшаго.

*** не замедлилъ вступить въ должность, и первымъ дѣйствіемъ его, вмѣстѣ съ комитетомъ, былъ отказъ въ удовлетвореніи фантазій г. Левина. Но, противъ обыкновенія своего, согласно съ моимъ желаніемъ, сдѣлалъ онъ его въ умѣренныхъ и почтительныхъ терминахъ, съ сожалѣніемъ представляя всю невозможность исполнить требованіе начальства, по неимѣнію на то достаточныхъ правъ. Вскорѣ получили мы отвѣтъ, полный угрозъ и писанный самымъ повелительнымъ тономъ; Левинъ являлся также въ засѣданіе комитета съ дерзостію объявить гнѣвную волю губернатора. Тогда *** задумалъ посѣщеніе и слова его внести въ журналъ, а Комитетъ объявить въ опасности: этому человѣку вездѣ хотѣлось какихъ-то конституціонныхъ, чтобы не сказать, революціонныхъ формъ. Я возсталъ противъ того, доказавъ ему, что это будетъ черезчуръ смѣшно и скандально.

Была тогда Страстная недѣля. *** самъ мараль возраженіе и, чтобы выслушать его, въ Великую Пятницу, подъ предлогомъ нездоровья, пригласилъ меня къ себѣ въ домъ. Меня нѣсколько удивило, что опредѣленіе и отпускъ уже написаны были на бѣло. Съ видомъ самодовольствія, охриплымъ голосомъ своимъ началъ онъ мнѣ читать свое твореніе; не подозрѣвая никакой хитрости, видѣлъ я тутъ одно только авторское наслажденіе; а онъ, злодѣй, съ умысломъ искусно пропускалъ всѣ рѣзкія, язвительныя мѣста, противъ которыхъ я могъ бы возставать. Чтобы кончить все передъ праздникомъ, онъ разсѣянно предложилъ мнѣ скорѣе подписать бумаги; я то и сдѣлалъ. На другой день поступилъ онъ также съ членомъ отъ купечества Козицынымъ, призвалъ его къ себѣ, показалъ только свою и мою подписи, а тотъ, по обыкновенію своему, подъ ними всепокорнѣйше подмахнулъ и свое купеческое прозваніе. Притворная болѣзнь г. Караулова все еще продолжалась, и сею искусною, по мнѣнію его, уловкою онъ выигралъ одно только то, что съ обѣихъ сторонъ на него досадовали.

Въ свѣтлый день Пасхи былъ я съ поздравленіемъ у сіятельнаго. Онъ похристосовался со мною ласково, только слегка пошучивалъ на счетъ новыхъ связей моихъ, но не получалъ еще нашей бумаги, а если и получилъ, то вѣрно не распечатывалъ еще; сіе послѣдовало на другой день. Онъ былъ человѣкъ, нельзя сказать, добрый, но легкомысленный, разсѣянный, который ничего не умѣлъ дѣлать серіозно, особенно сердиться. Тутъ, говорятъ, онъ на себя не походилъ: ярился, свирѣпствовалъ,—и было стъ чего! Онъ объявилъ, что никогда уже

со мной не увидится и не велить къ себѣ даже на крыльцо пускать. А за Козицынымъ послалъ на другой же день.

— Какъ смѣлъ ты, купчишка мерзкой, написать ко мнѣ ругательную бумагу? сказалъ онъ ему.

— Да возможно ли, да какъ бы осмѣлился я евто сдѣлать? О семи что ли я головахъ?

— Да чья же это подпись?

— Охъ, виноватъ, согрѣшилъ: мнѣ велѣли подписать, а я и самъ не знаю что подписалъ.

— Да какъ же ты не читавши подписываешь?

— Да что дѣлать? Умилосердитесь, батюшка, ваше сіятельство! Человѣкъ я темный: еслибы я сталъ читать, вѣдь все бы равно, вѣдь я ничего бы не повялъ.

Голицынъ расхохотался.

Не житье было тогда ***—ну въ Пензѣ. Тѣ, которые тайно одобряли поступокъ сего новаго Мирабо, явно не смѣли того показывать. Другіе какъ будто боялись зачумиться близъ него; иные позволяли себѣ дѣлать ему грубости.

Такъ времена переходчивы. Смирный графъ Толстой болѣе всѣхъ пѣтушился, хорохорился; въ домѣ у зятя его, мужа сестры его, вице-губернатора Евреинова, онъ до того разъярился, что схватилъ его за воротъ. Онъ былъ холоденъ и твердъ, какъ гранить; я это сказалъ ему, и это, кажется, весьма его потѣшило.

Мое положеніе было также не совсѣмъ пріятное. Мнѣ бы обидно было уподобиться Козицыну; я ни отъ чего не отрекался и не хотѣлъ признаться въ томъ, что также, какъ и онъ, не читавши подписалъ бумагу; даже самому ***—ну не сдѣлалъ ни малѣйшаго упрека. Кому-то изъ друзей моего семейства вздумалось выдавать меня за невинную жертву, опутанную сатанинскими сѣтями ***—на; такъ по крайней мѣрѣ дѣло представлено моей матери, которая крайне скорбѣла о происходящемъ. Все таки невесело было видѣть, что люди смотрять на меня съ горделивымъ состраданіемъ.

Новые перуны готовилъ на насъ Голицынъ, но не самъ хотѣлъ грянуть ими, а грозу вызвалъ изъ Казани. Нѣсколько дней писали, писали у него, сочиняли ужасную бумагу къ главноначальствовавшему, генералу Булыгину, и отправили ее съ нарочнымъ. Въ ней представленъ бунтовщикъ ***, какъ человѣкъ весьма опасный въ настоящихъ обстоятельствахъ. «Будучи въ тѣсной связи съ предателемъ Сперанскимъ, можетъ имѣть онъ и тайныя сношенія съ Наполеономъ. Вотъ почему, вѣроятно, старается онъ препятствовать скорому образованію новаго ополченія, и особенно Левинскихъ эскадроновъ, кото-

рые могли бы нанести послѣдніе удары неприятелю». О другихъ членахъ ни слова не сказано.

Дороги были ужасныя, ручьи, рѣчки и рѣки выступили изъ береговъ своихъ и покрывали поля; во многихъ мѣстахъ не было переправъ, и пятьсотъ верстъ надобно было сдѣлать курьеру. И потому-то болѣе двухъ недѣль прождали мы, пока получили отвѣтъ отъ Булыгина, который былъ довольно благоразуменъ. Приписывая все несогласія, неудовольствія, недоумѣнія, нарушенію общеутвержденнаго порядка при назначеніи предсѣдателя въ комитетъ, для возстановленія его онъ требовалъ, чтобы губернской предводитель занялъ сіе мѣсто. А этотъ предводитель, какъ не разъ уже сказалъ я, былъ Димитрій Аполонovichъ Колокольниковъ, котораго Голицынъ не терпѣлъ единственно за то, что изъ-подтишка онъ иногда трюнилъ надъ нимъ. Но все таки, въ глазахъ его, это было лучше чѣмъ ***.

Сей послѣдній дня два-три хотѣлъ было воспротивиться распоряженіямъ Булыгина, и собирался писать уже протестъ, какъ вдругъ ото всего отступился. Мнѣ первому, какъ увѣрялъ онъ меня, объявилъ онъ за тайну, что замыслилъ жениться, просватанъ и даже помолвленъ на Вѣрѣ Николаевичѣ... Сіе единственно заставляетъ его бросить эту дурацкую распрю. Онъ спѣшитъ въ деревню, гдѣ послѣ отца остался ему огромный домъ; въ немъ станеть ожидать будущаго тестя, невесту и все ихъ семейство, и тамъ надѣется безъ промедленія сыграть свадьбу. На другой день все о томъ узнали, и въ обществѣ Голицына не оставили приписать сей союзъ духу революціонной партіи Сперанскаго, не совсѣмъ еще въ Россіи подавленному. Сватовство происходило въ домѣ нашемъ; постоялецъ, несмотря на извѣстную скупость свою, заплатилъ мнѣ за весь годъ, хотя прожилъ въ немъ не болѣе девяти мѣсяцевъ. Изъ конкурки своей перебрался я въ него опять и принялся жить на просторѣ.

Никакихъ болѣе сношеній съ тѣхъ поръ у меня съ ***—мнѣ не было, и ни разу въ сихъ Запискахъ не грѣдется мнѣ упомянуть объ немъ. Потому-то мнѣ хочется досказать здѣсь біографію его. Говорятъ: женишься—перемѣнишься; послѣ женитьбы сдѣлался онъ осторожнѣе и гибче и, переходя изъ одной крайности съ другую, изумлялъ раболѣпствомъ своимъ передъ министрами юстиціи и финансовъ. Онъ вступилъ опять въ службу оберъ-прокуроромъ и былъ наконецъ сенаторомъ въ Петербургѣ. Съ сердцемъ, источеннымъ червемъ честолюбія и съ тѣломъ, пожираемымъ худосочиемъ крови, онъ долго прожить не могъ и умеръ при Александрѣ, не имѣя еще сорока пяти лѣтъ отъ роду.

Между тѣмъ Левинская исторія все не кончилась. Губернскій предводитель, Колокольниковъ, пользуясь отпускомъ, жилъ въ деревнѣ, и мѣсто его заступалъ уѣздный предводитель, Николай Степановичъ Ермолаевъ, милый и кроткій чудакъ, дѣйствительно, а иногда притворно разсѣянный, который въ дѣлахъ, какъ и въ разговорахъ, своимъ уступчиво-упорнымъ обхожденіемъ не допускалъ возможности разсердиться на него. За отсутствіемъ Колокольцова, по предложенію губернатора, занялъ онъ мѣсто предсѣдателя комитета. Онъ не одобрялъ поступковъ ***—на; не спѣшилъ однакоже и повиноваться: еще успѣемъ, сегодня да завтра, подождемъ да погодимъ, все откладывалъ, все медлилъ. Начинали уже меня въ томъ обвинять и изъ жертвы произвели въ соблазнители. Такимъ образомъ прошло еще дней десять.

Вдругъ Колокольниковъ явился къ должности, хотя срокъ отпуска его еще не кончился. Представился единственный случай подразнить ему Голицына, и онъ не хотѣлъ его упустить. Ермолаевъ опрометью бѣжалъ отъ насъ. Съ первой минуты, Колокольниковъ, дотошъ довольно робкій и покорный, какъ возмутившійся трусъ, объявилъ намѣреніе противиться неправильнымъ требованіямъ губернскаго начальства. Дабы сколько-нибудь законнымъ образомъ оградить себя отъ буйныхъ набѣговъ Левина, какъ говорилъ онъ всѣмъ, перенесъ онъ присутствіе комитета въ депутатское собраніе и на столъ поставилъ зеркало. Озлобленный Карауловъ, видя, что нимало не угодилъ тѣмъ, что устранилъ себя отъ соучастія въ дерзостяхъ ***—на, выписался изъ больныхъ и вновь засѣлъ у насъ, съ желаніемъ усилить оппозицію. Купеческое сердце Козицына умѣлъ я тронуть, предрекая раззореніе скудной лавкѣ его, въ случаѣ какаго-нибудь взысканія. Видя тогда, что большинства будетъ достаточно, чтобы не попустить нападчикамъ нашимъ восторжествовать при составленіи новаго опредѣленія, вошелъ я съ особливимъ мнѣніемъ. Въ немъ одинъ соглашался я на выдачу большой суммы, уступая волѣ пославшаго мя и убѣдившись, наконецъ, въ пользѣ и необходимости собачьихъ шапокъ и красныхъ кушаковъ. Мнѣ непремѣнно нужно было примириться съ Голицынымъ, какъ для того чтобы успокоить бѣдную мать мою, такъ и по другимъ причинамъ, которыя гораздо послѣ долженъ буду объяснить.

Губернаторъ не зналъ что ему дѣлать. Все это ему надоѣло, и человѣкъ былъ онъ весьма не упрямый; но Толстой и Левинъ подбивали его, стараясь ему доказать, что онъ совсѣмъ останется въ дуракахъ, если прекратитъ свои настаиванія.

Въ половинѣ Мая, изъ главной императорской квартиры пришло примиреніе—развязка всему дѣлу: приказаніе распустить это ополченіе и ратниковъ возвратитъ по домамъ. Всѣ чрезвычайно обрадовались

тому, кромѣ Левина, который одинъ остался съ носомъ и съ убыткомъ: ибо многое для эскадроновъ своихъ уже закупилъ, иное заказалъ, въ увѣренности, что дворянскія деньги уплатятъ сіи издержки, и все за безцѣнокъ должепъ былъ сбывать.

Изъ чего же спорили, ссорились? Изъ чего вся эта возня? Не менѣе того сія буря въ нашей лужѣ безъ малаго три мѣсяца сильно волновала ее. Вотъ такъ-то между людьми. Шести недѣль было для насъ достаточно, чтобы свести всѣ наши счеты; вышло, что, за удовлетвореніемъ потребностей обоихъ ополченій, осталось еще 150 тысячъ рублей ассигнаціями, которыя для приращенія положены въ Приказъ Общественнаго Призрѣнія. Сбереженіе по крайней мѣрѣ половины этой суммы имѣю, кажется, я право приписывать себѣ; ибо, при безпрестанной перемѣнѣ предсѣдателей и отлучекъ члена, я одинъ постоянно отстаивалъ ее. И чтѣ же? На первыхъ дворянскихъ выборахъ положено небольшой капиталъ этотъ превратить въ вспомогательную кассу для неимущихъ и задолжавшихъ дворянъ, дабы за малые проценты ссужать ихъ небольшими суммами, а комитету объявить благодарность дворянства. Но и этого спасибо я не получалъ, равно и ни малѣйшаго изъясненія благоволенія отъ правительства за временную, однакоже, довольно заботливую тутъ службу мою. Такъ-то всегда со мною было и послѣ; такъ, видно, у меня на роду написано. Я не ропщу; это видно компенсація, ибо сначала все приходило мнѣ даромъ.

Если подробности, въ кои входилъ я, найдутъ излишними и пустыми, я съ этимъ не соглашусь. Я пишу воспоминанія свои, и это дѣло занимаетъ въ нихъ просторное мѣсто. Въ отдаленіи тридцати лѣтъ, описаніе обстоятельствъ его нахожу я даже забавнымъ, и такимъ, по мнѣнію моему, должно оно казаться читателю. Къ тому же оно изображаетъ состояніе, въ коемъ находилась Россія послѣ сильной брани и тревогъ, во время продолжительнаго отсутствія Государя своего, когда при слабомъ управленіи предсѣдателя Государственнаго Совѣтника, Салтыкова, царствовало въ ней нѣчто похожее на безначаліе.

Военныя происшествія перестали столь сильно занимать насъ, провинціаловъ; слухи и извѣстія о движеніи арміи изъ-за границы стали все позже доходить до насъ; во мнѣ любопытство и участіе никакъ не уменьшались. Русскія войска безостановочно такъ и катились по слѣдамъ полчищъ Наполеоновскихъ, растаявшихъ какъ воскъ отъ лица Господня. Бывало въ вѣдомостяхъ только и читаешь, какъ они заняли то Кенигсбергъ, то Варшаву, то Берлинъ, то Гамбургъ, то Дрезденъ. Прусская монархія, всѣмъ составомъ своимъ, примкнула къ намъ; но она только одна. Разобиженный, униженный, не менѣе правдивый и достопочтенный король ея, укряпясь духомъ, въ Бреславлѣ наскоро подписалъ миръ и

поскакалъ въ Калишъ, чтобы пасть въ объятія великодушнаго, уже счастливаго Александра, который въ глубинѣ души не переставалъ быть его союзникомъ. Сердце мое исполнено было надеждъ и благодарности къ промыслу Всевышняго.

Одно только смущало меня: это было явное пристрастіе, которое Государь оказывалъ враждовавшимъ намъ Полякамъ, во время послѣдняго похода, болѣе чѣмъ когда ознаменовавшимъ себя жестокостями противъ Русскаго народа. Это не было прощеніе, христіанское забвеніе зла, а скорѣе походило на любовь, на награду. По его особенному приказанію, Рыцевская освобождена и весною провалилась отъ насъ.

Вскорѣ послѣ нея стали покидать насъ и другіе наши посѣтители. Въ числѣ ихъ находилось и семейство Кологриво-Гагаринское, къ которому принадлежалъ и князь Четвертинскій. Главѣ семейства сего, какъ сказалъ я выше, принадлежало село Мещерское, по дорогѣ къ Зубриловкѣ, верстахъ въ сорока не доѣзжая ея. Тамъ не было пріюта; но въ продолженіе зимы, съ Русскою поспѣшностью, настроено множество отдѣльныхъ деревянныхъ хоромъ, такъ что къ лѣту для всѣхъ готово было просторное помѣщеніе. Я принялъ приглашеніе прогуляться туда на нѣсколько дней, пока приводились къ концу отчеты по дѣламъ и суммамъ комитета моего.

На обратномъ пути, остановился я переночевать въ селѣ Бекетовкѣ, принадлежащемъ помѣщику того же имени, только не Аполону Николаевичу, неугомонному и многорѣченному прокурору, который давно уже былъ въ отставкѣ и жилъ смирно. Вотъ еще новое лицо, новый членъ безчисленнаго Пензенскаго дворянства, котораго не случилось еще мнѣ назвать.

Жизнь Алексѣя Матвѣевича Бекетова и самъ онъ похожи были на тѣ образцовыя письма, которыя можно находить въ письмовникахъ: слогъ чистъ, все правильно, и всѣ формы соблюдены. Онъ не былъ ни скупъ, ни мотовать, ни съ кѣмъ ни заносчивъ, ни подобострастенъ, имѣлъ хорошій разсудокъ, хорошее состояніе—всего вдоволь, ничего лишняго. Въ Пензѣ, преисполненной тогда одними чудачами, совершенное отсутствіе оригинальности одно только дѣлало его оригиналомъ. Странно было только то, что супруга его Анна Матвѣевна, урожденная Солнцева *), была вся въ него, даже лицомъ; а какъ она носила одинаковое съ нимъ отчество, то можно было подумать, что онъ женатъ на родной сестрѣ своей.

*) Родная тетка извѣстному въ Москвѣ камергеру Матвѣю Михайловичу «Кровному» Солнцову, какъ назвалъ его въ стихахъ поэтъ-племянникъ Пушкинъ.

Если сія чета, о которой съ душевнымъ уваженіемъ я вспоминаю, прошла сквозь міръ сей, не возбуждая въ немъ особеннаго вниманія, за то изъ шести человѣкъ дѣтей ея было одно чадо, весьма примѣчательнаго достойное. Три сына были на войнѣ, а изъ трехъ дочерей одна была только замужемъ: полно, такъ ли я сказалъ? безошибочно можно было ее назвать женою. У Катерины Алексѣевны Дмитрій Васильевичъ Золотаревъ, нашъ Симбухинскій сосѣдь, былъ плохой мужишка, но отличный хозяинъ, котораго умѣла употребить она съ большою пользою, опредѣливъ его прикащикомъ надъ общимъ ихъ имѣніемъ и предоставивъ себѣ главное надъ онымъ распоряженіе. Природа дѣлаетъ такого рода, ошибки; но онѣ случаются такъ часто, что, право, можно подумать, будто она творитъ сіе съ умысломъ. Она дала Катеринѣ Алексѣевнѣ то удалство, которое львицы нынѣшняго времени пріобрѣтаютъ только искусствомъ. Ея откровенный видъ, всегда веселое лицо и дебелость, довольно преувеличенная съ перваго взгляда, заставляли предполагать въ ней много простодушія и даже какую-то рыхлость въ характерѣ. Это было обманчиво: твердость воли была у нея мужская, и злоязычіе ея всегда бывало остроумно. Паче всего любила она упражненія нашего пола. Сколько разъ видѣли ее по дорогѣ стоймя въ телѣгѣ, съ шапкою на бекрень, погоняющую тройку лихихъ коней, съ ямскою приговоркой: «съ горки на горку, дастъ баринъ на водку».

Откуда ни возьмись ей подстать одна иностранка, поселившаяся въ домѣ ея родителей. За весьма умѣренную цѣну напаялась она быть гувернанткой при двухъ взрослыхъ, почти двадцатилѣтнихъ, меньшихъ сестрахъ ея. Француженка съ Нѣмецкимъ прозваніемъ, мадамъ Гофъ, — все въ ней казалось загадочнымъ. Она была малаго роста, худая, дряблая, косая, въ морщинахъ и имѣла голосъ мужающаго отрока. Также какъ у Золотаревой, были у нея всѣ склонности не женскія: чрезвычайно любила играть въ биліардъ и курить трубку, и отъ того-то у сихъ женщинъ свелась самая тѣсная дружба. Времена были старинныя, варварскія, всѣмъ это казалось зазорно; нынѣшнее новое, смѣлое женское поколѣніе можетъ почитать ихъ своими прародительницами.

Съ Золотаревой были у насъ лады, но Француженкѣ я не полюбился, и она старалась насъ поссорить. Съ первою бывало мнѣ очень весело, можно было похохотать съ нею и надъ нею; но когда подлѣ этой сосѣдки появилась мрачная сова, и мы съ сею послѣднею не могли скрывать взаимнаго другъ отъ друга отвращенія, то знакомство наше на время прекратилось. Когда разгорѣлась война, то на Француженку стали падать какія-то подозрѣнія: она часто начала посѣщать Рыщевскую и водиться съ Французами, которые были сосланы. Въ обѣихъ нашихъ столицахъ не бывала, ни въ какомъ другомъ домѣ

прежде она не жила, никто не зналъ ея, и за годъ до войны она какъ будто съ неба свалилась въ Пензу. Голицынъ хотѣлъ было ее выслать, но его упросили, а меня стали подозрѣвать въ склоненіи его къ сей строгой мѣрѣ; я же, напротивъ, находилъ, что въ расположеніи, въ которомъ были умы, никакой лазутчикъ не могъ быть опасенъ; напраслина всегда была моя участь. Весною г-жа Гофъ сама уѣхала съ г-жею Рыщевской, и только года два спустя узнали настоящее ея фамильное имя. Она писала изъ Вѣны, что обстоятельства, о которыхъ она умалчиваетъ, заставляли ее нѣкоторое время искать убѣжища въ Россіи, и подписалась,—графиня Куденговенъ: это названіе одной изъ извѣстнѣйшихъ и знатнѣйшихъ Австро-баварскихъ фамилій. Ея уже не было, когда я рѣшился посѣтить Бекетовку; самого хозяина не было дома, и по усильному приглашенію почтенной хозяйки согласился я переночевать.

Рано поутру слышались мнѣ голоса въ сосѣдней комнатѣ, отъ которой отдѣленъ я былъ запертою дверью. Семейство собралось въ кабинетъ отца читать въ слухъ только-что полученныя изъ Пензы *Московскія Вѣдомости*, и до меня невнятно доходили слова: сраженіе, Кутузовъ, Витгенштейнъ. Это совсѣмъ прогнало у меня сонъ; я наскоро одѣлся и за чаемъ узналъ множество новостей. Дивному Наполеону достаточно было трехъ-четырехъ мѣсяцевъ, чтобы набрать новыя, огромныя силы, поднять ихъ на Россію и сразиться съ нею въ самомъ сердцѣ Германіи. И уже не долженъ былъ онъ встрѣтить искуснаго, престарѣлаго побѣдителя своего, который въ это самое время на одрѣ болѣзни исчезалъ, озаренный своей славой. Какъ всякому сыну стечества, прискорбна мнѣ была утрата, имъ сдѣланная; но утѣшеніе являлось вмѣстѣ съ горестью: Люценское сраженіе выдали намъ за побѣду; присоединясь къ намъ, вся Пруссія возстала, и войсками предводительствовалъ недавно прославившійся полководецъ.

Театръ войны такъ отдалился отъ насъ, что только въ концѣ Мая получены были нами извѣстія сіи, болѣе чѣмъ черезъ мѣсяць послѣ происшествія: о желѣзныхъ дорогахъ и даже о пароходахъ тогда еще у насъ и помину не было.

Лѣто прошло почти непримѣтнымъ образомъ. Война продолжалась вдали, реляціи искусно умѣли скрадывать наши уроны, въ нихъ находились все названія Нѣмецкихъ городовъ и, послѣ прошлогоднихъ тревогъ, это казалось обыкновеннымъ браннымъ состояніемъ, которое дотолѣ для Россіи никогда почти не прекращалось. Только не могли понять земляки мои, отчего мы все вертимся на одномъ мѣстѣ, не двигаясь ни назадъ, ни впередъ; невѣдѣніе иногда бываетъ дѣло весьма полезное. Немногимъ, которые подобно мнѣ, не смотря на сходство

именъ, знали, что Бауценъ далеко отстоитъ отъ Люцена, не хотѣлось сознаться, что вѣроятно мы принуждены были много отступить.

Я рѣдко посѣщалъ Пензу. Мать моя, построивъ себѣ небольшой домикъ въ подгородномъ селѣ Лебедевкѣ, туда переѣхала, а я поселился опять въ томъ же Симбухинѣ, въ семи верстахъ отъ нея; слѣдственно, въ городъ мнѣ почти и не зачѣмъ было ѣздить. Си два-три мѣсяца были если не пріятнѣйшимъ, то едва ли не спокойнѣйшимъ временемъ въ моей жизни. Перемиріе, заключенное съ Франціей, и Прагскій конгрессъ подавали надежду на прочный, продолжительный миръ. Я полагаю, что Наполеонъ не захочетъ продлить борьбы истощенной Франціи съ торжествующею Россіей и раздраженною, возставшею, ополчающеюся почти цѣлою Германіей,—захочетъ взять отдыхъ и исполненіе дальнѣйшихъ замысловъ отложить до удобнѣйшаго времени. Я старался не узнавать что происходитъ въ свѣтѣ, не читалъ даже вѣдомостей. Успокоенный духомъ, пользуясь совершенною независимостію и не имѣя ни какихъ заботъ (ибо мать моя опять вступила въ совершенное распоряженіе имѣніемъ), я съ наслажденіемъ предавался моей лѣни и праздности, которыя могутъ быть только пріятны послѣ сильныхъ душевныхъ волненій и тяжкихъ умственныхъ трудовъ. Тишина, меня окружавшая, благорастворенный воздухъ, тѣнь сада и рощъ, ослабляя во мнѣ даже способность мыслить, создавали мнѣ то матеріальное благосостояніе, которое испытываютъ выздоравливающіе послѣ жестокой болѣзни. Не на долго судьба дала мнѣ отпускъ отъ печалей жизни сей, на которыя, кажется, постоянно она осуждала меня. Онѣ ожидали меня слѣдующей зимой, и нынѣ въ старости не безъ стыда приступлю я къ изображенію ихъ въ слѣдующей главѣ.

VIII.

Въ концѣ Сентября узнали мы, что Австрія съ Юга и Швеція съ Сѣвера пристали къ великому союзу нашему противъ Наполеона; что послѣдняя на Нѣмецкій берегъ высадила уже войска свои, которыя прикрываютъ Берлинъ; что искусные и храбрые Французскіе генералы, Моро и Бернадотъ, находятся въ рядахъ нашихъ противъ поработеннаго отечества и, наконецъ, что военныя дѣйствія уже начались.

Опять съ новою силой запылала еще неугасшая всеобщая Европейская война, въ которой всѣ народы ея должны были принять непосредственное участіе. О, неизгладимыя воспоминанія послѣдней гигантской борьбы, въ которой все было велико,—и цѣль, и люди, и средства, и усилія, и чувства, кои оживляли царей и народы, вождей.

и ратниковъ! Что нынѣ съ вами сравниться можетъ? Франція, которая билась на смерть, упорно защищая прибрѣтенныя славу и могущество, Германія, съ отчаяннымъ мужествомъ поднимающаяся изъ праха на завоеваніе своей независимости, Россія, идущая освободить народы, Англія, напрягающая все силы для поддержанія союза, ибо въ низложеніи своего безсмертнаго противника видѣла единственное спасеніе своихъ всемірныхъ богатствъ,—вотъ зрѣлище, которое являлось тогда на сценѣ міра и которое въ продолженіе немногихъ мѣсяцевъ быстро стремилось къ развязкѣ чудной революціонной драмы. Кто изъ подвизавшихся въ сію великую эпоху можетъ вспомнить объ ней безъ восторга, особливо когда сравнить ее со скудостью и съ подлостью настоящаго? Страданія, конечно, были велики, язвы наносимыя народамъ глубоки, боль была живая, но утишаема, умѣряема высокими чувствами патриотизма и чести. Она ничего не имѣла общаго съ глухою болью, съ тоскою и ломотою, которыя нынѣ одолѣваютъ составъ общественнаго тѣла и въ будущемъ предвѣщаютъ ему много золь. Тогдашнее общее волненіе въ отношеніи къ нынѣшнему мирному состоянію тоже самое, что быстрыя движенія сильнаго бойца къ судорожнымъ движеніямъ гальванизированнаго трупа. Но оставимъ настоящее: грустно смотрѣть на него!

Хотя, при открытіи сей новой кампаніи, первая попытка союзныхъ войскъ на Дрезденъ и весьма походила на пораженіе, но мы вдали едва могли это замѣтить, ибо оно въ тоже время было заглушено тремя побѣдами: кронъ-принца Шведскаго при Гросъ-Бееренѣ, Блюхера при Кацбахѣ и, наконецъ, одной Русской гвардіи при Кульмѣ, въ ущеліяхъ Богемскихъ. Отъ сей послѣдней мы все были безъ памяти и ужасно какъ ею возгордились.

Одинъ изъ отличавшихся въ сію знаменитую войну находился тогда у насъ, среди нашего семейства: это былъ зять мой Алексѣевъ. Жена его, по недостаточному состоянію, долго жить въ Петербургѣ не могла; поручивъ Богу двухъ малолѣтнихъ сыновей и оставивъ ихъ въ Пажескомъ корпусѣ, еще въ Мартѣ мѣсяцѣ пріѣхала она къ намъ въ Пензу. Генераль же Алексѣевъ находился въ сраженіи при Люценѣ и получилъ сильную контузію въ ногу. Этотъ совершенно Русскій человекъ не умѣлъ какъ-то угодить возрастающему тогда въ могущество Нѣмцу Дибичу, имѣлъ нѣкоторыя непріятности и воспользовался заключеннымъ перемиріемъ, чтобы отпроситься домой, отдохнуть, полѣчиться и навѣстить жену и родныхъ. Съ Іюля мѣсяца жилъ онъ въ Пензѣ. Неблагорасположенные къ нему въ главной квартирѣ воспользовались его отсутствіемъ, чтобы вмѣсто какой-нибудь лестной награды испросить ему подарокъ въ десять тысячъ рублей, да Прус-

скій король далъ ему орденъ Краснаго Орла второй степени. Когда пришли къ намъ вѣсти о новыхъ Русскихъ побѣдахъ, сильно забилось въ немъ ретивое. Несмотря на неудовольствія, которыя онъ уже имѣлъ и которыхъ еще ожидать могъ, его такъ и позывало въ армію. Какъ ни старались его удержать, въ половинѣ Октября отправился онъ по пути къ Кіеву, а мы съ сестрой провожали его до Чембара.

Верстахъ въ пятидесяти отъ Чембара, черезъ степныя и мало населенныя мѣста, находилась Зубриловка. Князь Θεодоръ Голицынъ, которому селеніе сіе досталось по раздѣлу, на зиму съ семействомъ своимъ уединился въ немъ и, вѣрно скуки ради, меня убѣдительно приглашалъ навѣстить его. Пользуясь сосѣдствомъ, далъ я сестрѣ одной отправиться обратно въ Пензу; а самъ, не смотря на непріятности осеннихъ дорогъ и погоды, отправился къ нему.

Я пріѣхалъ поздно вечеромъ и нашелъ его вдвоемъ съ женой въ слабо освѣщенной комнатѣ нижняго этажа. Они умирали со скуки, и нѣтъ ничего удивительнаго, если пріѣздъ новаго лица, человѣка сколько-нибудь образованнаго, ихъ обрадовалъ. Тутъ только, могу сказать, познакомился я съ этою княгиней; въ Петербургской многолюдной ея гостиной, гдѣ на софѣ, какъ на тронѣ, предсѣдала она, это дѣло было невозможное; тамъ можно было довольствоваться отъ нея двумя-тремя словами, какъ отъ особъ царской фамиліи. Она имѣла всѣ свойства Европейскихъ аристократокъ прежняго времени: вмѣстѣ съ умомъ и добротою была холодна и надменна; дѣлалась любезна только съ короткими людьми. Такія женщины своимъ примѣромъ поддерживали лучшее общество, но въ провинціи онѣ не годились. Учтивость безъ малѣйшей улыбки, которую княгиня Голицына оказывала сосѣдкамъ своимъ, имъ казалась обидною; и онѣ вмѣстѣ съ мужьями своими перестали тутъ показываться. Домашній весьма тѣсный кругъ, составленный изъ наемныхъ иностранцевъ и иностранокъ, былъ единственнымъ обществомъ знатной четы.

Но саженьяхъ въ семидесяти отъ ея жительства можно было еще иногда встрѣчать барынь, прежнихъ частыхъ посѣтительницъ Зубриловки. Тамъ, подлѣ церкви и близъ праха супруга, старая княгиня построила себѣ небольшіе деревянные хоромы, какъ внутри какъ и снаружи отличающіеся совершенною простотою, и въ нихъ поселилась, большія палаты предоставивъ сѣдющему на княжествѣ наслѣднику своему. Пока мы вечеромъ разговаривали, хозяинъ получилъ отъ матери маленькую записку, въ которой поручаетъ она ему пригласить меня на другой день къ ней обѣдать. Я во вдовствѣ еще не видалъ ея; хотя она пріѣзжала въ Пензу, но рѣдко кому показывала свѣтлое лицо свое. Не предвидя ничего для себя непріятнаго, безъ малѣйшей боязни по-

шелъ я къ ней. Она встрѣтила меня съ какою-то лзвительною улыбкой, превративъ старинное, знакомое *ты* въ учтиво-укоризненное *вы*. Когда я усѣлся противъ нея, спросила она меня, часто ли я получаю письма отъ друга моего ***—на? Я отвѣчалъ, что имѣлъ сношенія съ нимъ по службѣ, но переписки никогда *). Тутъ пустилась она всячески поносить его и меня, утверждая, будто изъ подлости, изъ пустой надежды на покровительство Мордвинова (тогда не служащаго), рѣшился я попрать всѣ обязанности сына и пріятеля, не убоаясь оскорбить два семейства, коимъ злодѣйствовалъ ***, и тому подобное. Я призвалъ на помощь все достоинство свое, стараясь ей напомнить, что я уже не тотъ отрокъ, котораго знала она въ Казацкомъ, а едва ли не юноша, за-урядъ. Куда тебѣ! Глаза у нея засверкали, губы задрожали и, послѣ минутнаго молчанія, она вскрикнула: «Да знаешь ли, что ты у меня въ рукахъ? Знаешь ли что я могу съ тобою сдѣлать? Могу велѣть разложить тебя и высѣчь». Я вспомнилъ то, что слышалъ про подвиги ея молодости и обмеръ. Сынъ ея, мигая мнѣ глазомъ, бросился къ ней съ словами: «Полноте, матушка, вѣдь они давно съ братомъ помирились; дайте и вы ему вашу руку поцѣловать». Дѣлать было нечего, я подошелъ, а она то подавала, то отдергивала руку свою. Черезъ минуту пришли сказать, что обѣдъ готовъ; она встала, увѣряя, что меня не надобно за столъ пускать, а между тѣмъ сама повела къ нему и посадила подлѣ себя. За обѣдомъ повторяла, что мнѣ не надобно ѣсть давать, а всякаго кушанья сама накладывала мнѣ на тарелку. Такія взбалмошныя злы не бываютъ: это доказываетъ, что сердитыя женщины въ существѣ всегда предобрыя; только избави Богъ и отъ нихъ. Невѣстка была свидѣтельницей сей траги-комической сцены и отъ нея, конечно, не менѣе меня страдала: она вся была исполнена важности и приличія и вѣрно въ жизни ни разу не забывалась. Между ею и свекровью находилось какъ будто цѣлое столѣтіе; одна казалась боярыней временъ Елисаветы Петровны, другая—дамой двора Елисаветы Алексѣевны.

Вечеромъ объявилъ я любезному хозяину моему, что Зубриловка его становится страшна, опасна, и что на другой день, рано поутру, намѣренъ я бѣжать изъ нея. Онъ увѣрялъ меня, что мать его опомнилась, въ отчаяніи отъ случившагося и хочетъ удвоенными ласками меня заставить забыть его. На безлюдьи Юма человекъ, готовъ я сказать, можетъ-быть, съ излишнею скромностію: оттого то хозяева мои употребили всѣ убѣжденія, чтобы удержать меня долѣе, и я про-

*) Думала ли она, что внукъ ея, сынъ князя Теодора, будетъ нѣкогда женатъ на дочери этого ***—на.

былъ цѣлую недѣлю въ добромъ согласіи съ обѣими княгинями. Грязь замерзала отъ сильныхъ утренниковъ, а днемъ солнце сіяло на чистомъ небѣ, и прогулки по рощамъ были не безъ пріятности.

Не прошло еще пяти лѣтъ какъ князь Феодоръ былъ женатъ на пребогатой единственной дочери фельдмаршала князя Прозоровскаго; затѣи его не успѣли еще разстроить имѣніе, и раззореніе даже издали еще не грозило ему. Отъ великолѣпнѣйшаго двора по временамъ отдалялся онъ, чтобы мѣнять ихъ на пышности собственнаго великокняжескаго житія, которое намѣренъ былъ завести онъ въ отдаленномъ помѣстьѣ. Ему хотѣлось, чтобы замокъ его походилъ на Павловскій дворецъ; и средній и верхній этажъ его въ это время передѣлывались самымъ великолѣпнымъ образомъ, а самъ онъ покамѣстъ помѣщался въ нижнемъ, который также съ большимъ вкусомъ и роскошью отдѣланъ. Этого мало: огромный, красивый прудъ хотѣлъ онъ обратить въ широкую рѣчку; для открытія видовъ дѣлалъ просѣки и рубилъ славныя деревья въ степныхъ мѣстахъ, гдѣ лѣсъ цѣнится золотомъ; однимъ словомъ, знатнымъ образомъ куралесилъ. Въ этомъ состояли его деревенскія занятія; княгиня занималась дѣтьми, чтеніемъ классическихъ авторовъ и изученіемъ древней исторіи; хозяйствомъ, кажется, никто. Право, жаль мнѣ было на все это смотрѣть.

Можетъ быть, читатель подивится терпѣливости моей въ отношеніи къ Голицынымъ. Чтобы оправдать себя передъ нимъ, долженъ я войти въ нѣкоторыя подробности, въ описаніе нѣкоторыхъ семейныхъ и провинціальныхъ сплетенъ, коими, можетъ быть, ему наскучу; но что дѣлать? Безъ этого я никакъ обойтись не могу.

Да вспомнить читатель стариннаго друга, потомъ недруга отца моего, Еѣнна Петровича Чемесова; его уже не было на свѣтѣ; о немъ и о супругѣ его я много говорилъ, а о семействѣ его едва упомянулъ. Изъ трехъ меньшихъ дочерей его средняя, Марѣа, была некрасавица; но миловидность ея была лучше красоты. Ея черные, огня исполненные глаза и самая пріятная улыбка были отмѣнно привлекательны. Она хорошо умѣла воспользоваться воспитаніемъ, полученнымъ въ Екатерининскомъ институтѣ, со всѣми была отмѣнно любезна и умомъ превосходила все семейство свое. Честолюбивая тетка, Елисавета Петровна Леонтьева, которую также прошу не забывать и которая брата моего не допустила жениться на внучкѣ своей Ступишиной, имѣла на племянницу великіе виды. Не знаю по какому случаю были у нея давнишнія, короткія связи съ княгинею Варварой Васильевною Голицыной, и въ Пензѣ выдавала она себя за опекуншу трехъ маленькихъ сыновей ея, братьевъ губернатора. Она положила одного изъ нихъ непременно женить на Марѣѣ Чемесовой, и старшій, Павелъ, оказался болѣе другихъ къ

тому склонень. Такой женихъ право не могъ почитаться находкой; въ немъ не было ни крошечки ума, а тьма пороковъ. Лицомъ не совсѣмъ дурень, былъ онъ записной и несчастливый игрокъ, любилъ лишнее выпить и въ отношеніи къ женскому полу велъ жизнь самую развратную. Ни мысли, ни движенія благороднаго, а уже способностей никакихъ. Семейство его не было ослѣплено на счетъ его недостатковъ, а со всѣмъ тѣмъ Голицынская гордость сильно возмутилась, когда изъявилъ онъ желаніе соединиться бракомъ съ простою дворянкою. Сначала мать слышать не хотѣла, но какъ это было въ самый разгаръ войны, и молодой человекъ вступилъ въ ополченіе, то, дабы выиграть время, изъявила она согласіе, съ условіемъ, чтобы свадьбѣ быть по заключеніи мира. А между тѣмъ женихъ такъ захворалъ, что все тѣло его покрылось злокачественными ранами, и вмѣсто арміи, среди зимы, долженъ былъ онъ ѣхать лѣчиться на Кавказъ.

Въ тоже время другое горе посѣтило Голицынскую семью: любимецъ княгини, Василій, почувствовалъ также необоримую склонность къ дѣвочкѣ, можно сказать сироткѣ, воспитывавшейся въ домѣ у брата его Григорія. Это уже было дѣло совсѣмъ нешуточное; моложе Павла четырьмя годами, Василій совсѣмъ былъ не чета старшему брату, во всемъ бралъ первенство передъ нимъ, и если взять въ соображеніе и чины, то и тутъ стоялъ выше его, будучи камеръ-юнкеромъ пятаго класса, когда тотъ находился въ десятомъ; въ самомъ обращеніи съ нимъ онъ какъ будто удостоивалъ его братствомъ. Хотя въ немъ не было ничего необыкновеннаго, но по мнѣнію матери и братьевъ, ему предстояло самое блестящее поприще, и также подобная женитьба ожидала его въ будущемъ. Война и это дѣло поправила: онъ вступилъ въ Пензенское ополченіе и отправился съ нимъ въ походъ.

Исторія красотки, къ ногамъ которой Василій Голицынъ надѣялся, по возвращеніи, бросить лавры свои, вѣроятно потому мнѣ кажется *занимательною*, что въ воспоминаніяхъ моихъ *занимаетъ* важное мѣсто. Лѣтъ двадцать тому назадъ, мнѣ бы еще пріятно было ее рассказывать, подъ перомъ моимъ ей бы конца не было; а нынѣ, да успокоится читатель, мнѣ нетрудно будетъ ее сократить.

Дочь пребогатаго и презнатнаго Польскаго пана, князя Ксаверія Любомирскаго, Клементина, влюбилась въ шляхтича Петра Крөгера, сына одного изъ управителей отцовскихъ имѣній, бѣжала съ нимъ и, противъ воли отца, съ нимъ обвѣнчалась. Жестокое наказаніе, какъ бы самимъ небомъ ниспосланное, было послѣдствіемъ сего дѣтскаго неповиновенія—преступленія, которое въ глазахъ моихъ извиняется силою любви. Отецъ никогда не хотѣлъ ее простить, лишилъ наслѣдства и выдѣлилъ ей только законную часть изъ имѣнія умершей матери.

Въ продолженіе немногихъ лѣтъ, неблагодарный мужъ, которому всёю она пожертвовала, и который всёю ей былъ обязанъ, успѣвъ присвоить себѣ все небольшое имущество ея, прогналъ ее и отнял у нея даже двухъ малолѣтнихъ дѣтей, дочь и сына. Лишившись всего, гдѣ было искать ей утѣшеній, если не тамъ, гдѣ всё несчастные находятъ его? Она нашла убѣжище въ женскомъ Кармелитскомъ монастырѣ, въ городѣ Дубнѣ, Волынской губерніи, и спустя нѣсколько времени въ немъ постриглась.

Во время предпоследней войны нашей съ Французами, когда наши Поляки не смѣли еще и думать, чтобъ имъ возможно было отдѣлиться отъ Россіи, Бѣлорусскій помѣщикъ Петръ Крогеръ вступилъ въ милицію, которою въ этомъ краю начальствовалъ князь Сергѣй Θεодоровичъ Голицынъ. Человѣкъ былъ онъ проворный, полюбился ему и припелся къ его свитѣ. Случись, что брошенная имъ жена находилась въ родствѣ, и весьма недалекомъ, съ невѣсткою князя, женою Григорія, урожденною Сологубъ. Сія послѣдняя, благочестивая и сострадательная, выпросила къ себѣ у Крогера несчастную дѣвочку, дочь его, которая не получала никакого воспитанія, и онъ отказать ей въ томъ не смѣлъ, а можетъ быть и радъ былъ освободиться отъ дочери, какъ отъ обременительной заботы.

Когда первый разъ увидѣлъ я въ Пензѣ эту дѣвочку, которую звали Теофила, ей было лѣтъ шестнадцать, но въ сужденіяхъ и разговорахъ она была еще совершенное дитя. Создавая ее на славу и украсивъ всѣми наружными прелестями, сама природа, видно, такъ залюбовалась своимъ произведеніемъ, что въ разсѣянности забыла ей дать многое, которое для женщинъ въ жизни бываетъ не излишнимъ. Тоже самое дѣлали и люди: пораженные ея очаровательною красотой, не думали справляться, подъ этою небесною оболочкою есть ли чувство и умъ? Просто какъ совершенствомъ творенія величайшаго изъ артистовъ, долго любовался я симъ цвѣткомъ, который все пышиѣе въ глазахъ моихъ распускался. Братья Голицыны всё до единого были люди весьма любострастные; но истинная любовь ни одному изъ нихъ не была извѣстна: семейства менѣе поэтическаго я не знавалъ. Василью полюбилась дѣвочка, препятствій желаніямъ своимъ онъ еще не встрѣчалъ, и потребовать дозволенія жениться на ней. Она же, безъ всякой особой къ нему склонности, охотно была на то согласна; но когда, послѣ отъѣзда его, запрещено было ей о томъ думать, она немало не огорчилась. Все это была семейная тайна, о которой я не имѣлъ никакого понятія, тогда какъ сватовство Павла на Чемесовой было извѣстно цѣлому городу.

Не надобно было полагаться на дѣйствіе времени, забвеніе, охлажденіе двухъ влюбленныхъ; нужно было воспользоваться ихъ отсутствіемъ, чтобы пріискать жениховъ для ихъ невѣсть, а гдѣ ихъ было взять тогда? Губернаторъ Голицынъ подмѣтилъ необыкновенное удовольствіе, съ которымъ слушалъ я милый вздоръ изъ устъ ихъ воспитанницы, сталъ подозрѣвать чувство, котораго во мнѣ вовсе еще тогда не было, и ожидалъ его развитія, чтобы поощрить его; исторія съ ***—нымъ на время все это остановила.

Вскорѣ послѣ примиренія нашего, не могъ я не замѣтить, что какъ будто невзначай мнѣ случается часто оставаться наединѣ съ молоденькою красавицей, дозволяется дѣлать прогулки иѣшкомъ и въ коляскѣ за городъ съ нею и съ Нѣмкою, болѣе нянькою чѣмъ гувернанткою, что въ обращеніи со мною она сдѣлалась скромнѣе, что отъ малѣйшей похвалы, у меня вырывавшейся, она улыбается, краснѣетъ и потупляетъ глаза; эдакъ она мнѣ еще болѣе нравилась. Да что же? подумалъ я, почему бы мнѣ прелестною подругой не украсить жизнь мою, которая въ будущемъ является мнѣ столь одинокою и тоскливою? Я шутя началъ говорить о томъ матери моей; она сильно и гнѣвно возстала противъ намѣренія моего. Живши долго въ Варшавѣ, въ Люблинѣ, наконецъ въ Кіевѣ, имѣла она сильное предубѣжденіе противъ Полекъ: всѣ онѣ кокетки, невѣрныя жены, твердила она. Я зналъ, что въ важныхъ случаяхъ воля ея бываетъ очень тверда и, дабы положить всему конецъ, рѣшился переѣхать въ наше Симбухино. Напрасно: препятствія раздражили меня; въ бездѣйствіи, въ уединеніи деревенской жизни воображеніе мое пуце воспламенилось, и все мелькало передо мною чудесный образъ; то, что едва зародилось въ сердцѣ, развилось въ головѣ. Такъ-то, я думаю, почти и всегда бываетъ съ любовію.

Когда осенью воротился я въ Пензу, то эта была уже настоящая страсть. Описывать ее не буду, во первыхъ потому, что теперь не сумѣю, во вторыхъ потому, что какъ-то совѣстно въ нынѣшнія лѣта мой за это приниматься. Еслибы, паче чаянія, читатель захотѣлъ узнать о томъ, то пусть раскроетъ любой романъ: тамъ изображено все то, что я перечувствовалъ. Мнѣ кажется нынѣ, что это должно походить на сонъ, въ который погружаетъ опіумъ послѣ сильнаго его приѣма; въ опьяненіи, которое онъ производитъ, чувствуешь, говорятъ, незъяснимыя муку и блаженство. Вообще, изъ всѣхъ моихъ воспоминаній это одно, которое постоянно я отталкиваю. Любовь есть безпрерывное самоотверженіе; но когда разгоряченное самолюбіе восторжествуетъ надъ ней, она становится ненавистна. Никогда еще въ жизни не игралъ я столь глупой роли; въ провинціяхъ всякій несчастный

любовникъ казался смѣшонъ, и я былъ баснею Пензы. А отъ чего я былъ несчастливъ? Оттого единственно, что былъ покорный сынъ.

Итакъ, любовь была причиною, истребившею во мнѣ духъ оппозиціи. На Голицына въ началѣ зимы, я никакъ жаловаться не могъ; онъ какъ нельзя болѣе былъ доволенъ моею покорностію и часто шутилъ со мною насчетъ моей страсти. Въ случаяхъ объясниться съ Теофилой у меня недостатка не было, но я не рѣшался; когда же сіе сдѣлалось противъ воли моей, она отвѣчала мнѣ глупою улыбкой, которую называлъ я невинною и прелестною, и принялъ за согласіе. Вскорѣ потомъ все перемѣнилось. Въ Январѣ получилъ я наконецъ согласіе матери моей, и она поручила сестрѣ моей Алексѣевой сдѣлать формальное предложеніе Голицыну; онъ отвѣчалъ, что у воспитанницы его есть отецъ, который одинъ можетъ располагать ея судьбою, что онъ въ концѣ Марта долженъ пріѣхать въ Пензу, слѣдственно переписка объ этомъ предметѣ будетъ напрасна, а что, по пріѣздѣ его, онъ самъ беретъ быть моимъ сватомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ онъ сестру мою, чтобъ она убѣдила меня воздерживаться отъ прежней короткости съ невѣстою; ибо дѣло, становясь серіознымъ и будучи не рѣшеннымъ, должно оставаться тайною, иначе было бы неприлично въ глазахъ публики. Пензенской публики! Я какъ дуракъ повѣрилъ, и дня два или три былъ совершенно счастливъ.

Вдругъ увидѣлъ я, что моя возлюбленная совсѣмъ отъ меня отворачивается и всегда такъ окружена, что нѣтъ для меня возможности лишняго слова съ нею молвить. Я подумалъ сперва, что это какой-нибудь брачный этикетъ, мнѣ вовсе неизвѣстный, но скорѣ потомъ со всѣхъ сторонъ начали обращаться ко мнѣ съ вопросомъ: «скажете, правда ли, что вы сватались, и вамъ отказали?» Легкомысленный и нескромный Голицынъ двумъ или тремъ знакомымъ успѣлъ разказать, что онъ лучше отъ меня отдѣлаться не умѣлъ, какъ выдумать пріѣздъ Кюгера. Мнѣ показалось, что все это было сдѣлано съ намѣреніемъ меня одурачить. Мое положеніе сдѣлалось ужаснымъ: я кипѣлъ досадою и не смѣлъ показывать ее; это значило бы навсегда проститься съ надеждой, которая одна только живила меня тогда. Я не прервалъ знакомства съ домомъ губернатора, но когда, разговаривая съ нимъ, выжималъ на уста улыбку, глаза мои горѣли негодованіемъ. Замѣтивъ это, разъ опуская голосъ, такъ чтобы окружающіе не слышали его, сказалъ онъ мнѣ: «пожалуста ничему не вѣрьте, имѣйте только маленькое терпѣніе, мы всѣмъ этимъ дѣломъ поладимъ».

Вотъ что было причиною этой внезапной перемѣны. Осенью пришли слухи, что Павелъ Голицынъ умеръ на Кавказѣ; онъ дѣйствительно умиралъ, но ожилъ, и здоровый въ Декабрѣ явился къ матери

въ Зубриловку; тамъ наложили на него секвестръ и въ Пензу не пустили. Въ это же время губернаторша Голицына съ цѣлымъ семействомъ, ѣздила навѣстить свекровь; пріѣзжій нашелъ, что дѣвица Крогеръ выросла, похорошѣла и сказала, что она ему очень приглянулась. Тогда между членами этого семейства родилась новая комбинація. «Нѣтъ Германской принцессы, руки которой бы братъ Василій не былъ достоинъ, но для глупаго, пьянаго, гнилаго Павла, чего же лучше?—красотка, какъ бы уже принадлежащая къ семейству и по матери въ родствѣ со всею Польскою знатью. Состояніе, правда, весьма небольшое; но для человѣка, котораго нельзя показать въ столицѣ и его будетъ достаточно; главное же, чтобы спастись отъ Пензенскаго родства и однимъ махомъ сдѣлать два удара». Тогда, кажется, положено бросить веденную на меня атаку, а напротивъ, поставить себя въ оборонительное состояніе. Не понимаю, отчего нескоро послѣдовало исполненіе общаго приговора. Она все дѣлала по приказу: не было ни мыслей, ни чувствъ, ни воли въ этомъ жалкомъ, прекрасномъ созданіи, а онъ всегда былъ существо самое безхарактерное, неосновательное.

Спѣшу кончить романъ сей, котораго я былъ весьма не блестящій прой, съ тѣмъ чтобы впередъ никогда о немъ не поминать. Когда уже меня не было въ Пензѣ, ровно черезъ годъ послѣ предложенія моего, совершился ненавистный мнѣ бракъ. Василій Голицынъ возвратился почти наканунѣ свадьбы; братья не поссорились; я повторяю: они не знали истинной любви. Что касается до меня, то нескоро могъ я забыть близость недостижимаго блаженства. Бывало, когда случится мнѣ сдѣлать доброе дѣло, или сердце мое исполнится состраданія къ несчастію ближняго, или внезапно чувство набожности наполнить душу мою,—въ эти рѣдкія и прекрасныя минуты жизни моей, бывало, всегда посѣтитъ меня нѣжный образъ Теофилы и напомнитъ мнѣ время чистѣйшей любви. Но, наконецъ, призракъ исчезъ навсегда. Увы, зачѣмъ увидѣлъ я ее вдовою, лѣтъ черезъ двадцать послѣ ея замужества! Еслибы, по крайней мѣрѣ, и станъ и черты ея вовсе измѣнились, я бы могъ еще увѣрить себя, что вижу совсѣмъ иную женщину; но нѣтъ, почти все тоже, а со всѣмъ тѣмъ! какъ сказать мнѣ?... Въ прекрасной Теофилѣ, или Теофилѣ, увидѣлъ я настоящую Фефѣлу. Заимствуя выраженіе у Французовъ скажу, что я нашелъ въ ней горькую дуру.

Извѣстіе о знаменитой Лейпцигской битвѣ, самой рѣшительной изъ всѣхъ бывшихъ въ эту войну, получено у насъ въ половинѣ Ноября. Со всѣхъ концовъ Европы собрались тутъ сражающіеся: съ четырехъ сторонъ, четыре арміи устремились на одинъ пунктъ сей,

защищаемый Наполеономъ. Французы приписываютъ потерю этого сраженія какому-то капралу, который успѣшилъ взорвать мостъ и чрезъ то предалъ бѣгущихъ въ руки непріятеля; да вѣдь надобно же было напередъ, чтобъ они обращены были въ бѣгство. Тутъ нельзя уже было взвалить вину на морозы, а очевидцы увѣряютъ, что послѣ того ретирада ихъ совершенно походила на прошлогоднее бѣгство изъ подъ Краснаго. Кажется, Французы взяли девизомъ: побѣдить непріятеля или бѣгомъ бѣжать отъ него; надобно отдать имъ справедливость, они великіе мастера бороться съ истиной. Съ другой стороны, Нѣмцы въ этомъ дѣлѣ и понынѣ почитаютъ себя единственными побѣдителями, забывая, что съ ними вмѣстѣ сражалась вся огромная Русская армія, сражались Шведы, Венгры, Славяне по всѣмъ наименованіямъ, даже изъ отдаленныхъ мѣстъ Башкиры и Татары. И кто былъ душею, двигателемъ, можно сказать, главою этого безчисленнаго сборища, между которымъ такъ трудно было сохранить согласіе? Кто поставилъ на ноги Пруссакаго короля? Кто вытаскилъ на поприще великихъ событій самого мирнаго Австрійскаго императора? Кто, если не нашъ молодой Агамемнонъ, какъ въ стихахъ называлъ его Жуковскій, если не тотъ, надъ которымъ въ этотъ день и въ послѣдующіе за нимъ мѣсяцы видимо сіяла благодать небесная?

У насъ въ провинціяхъ отъ этой вѣсти и отъ многихъ другихъ, быстро одна за другою получаемихъ, только-что съ ума не сошли отъ радости. Давно ли, кажется, дрались наши на берегахъ Москвы-рѣки, и вотъ уже они на Рейнѣ и, въ свою очередь, Франція угрожается нашествіемъ иноплеменныхъ! Если Наполеонъ не совсѣмъ рехнулся, онъ успѣшитъ заключить миръ. И въ этихъ провинціальныхъ сужденіяхъ, право, было болѣе благоразумія, чѣмъ въ его тогдашнихъ дѣйствіяхъ. Особенно нашимъ Пензенскимъ пріятно было узнать, что ихъ ополченіе участвовало въ славной битвѣ, и что изъ ихъ родныхъ никто въ немъ не погибъ. Ополченіе это, принадлежавшее къ арміи Беннигсена, направлено было потомъ къ Гамбургу, а малая часть его причислена къ гарнизону, занявшему Дрезденъ.

Все располагало моихъ дворянъ къ веселостямъ; но въ предшествующемъ году они крѣпко поиздержались, а безъ денегъ какъ можно веселиться? Не смотря на то, къ Рождеству, откуда взялись наши помѣщики: изъ всѣхъ уѣздовъ понаѣхали, и пошла потѣха! Отъ самаго Рождества вплоть до послѣдняго дня масляницы, только два дня были безъ пляски, въ томъ числѣ одинъ сочельникъ. Весело проживался Голицынъ и другихъ въ мотовство умѣлъ втягивать. Изъ Зубриловки, по его вызову, пріѣхалъ и братъ его, князь Θεодоръ съ супругой сво-

ею; но она ни съ кѣмъ почти не говорила, ни на что не хотѣла смотреть и вскорѣ потомъ уѣхала.

Что я дѣлалъ въ это время общаго сумасброднаго разгуля? То же, но иначе,—сумасбродствовалъ! Я ничего не вѣдалъ о замышляемыхъ бракахъ Василя и Павла Голицыныхъ, викакъ не подозрѣвалъ, что Теофила невѣста трехъ жениховъ, и все еще предавался слабой надеждѣ. Она въ такихъ случаяхъ настоящее зло и похожа на продолжительныя предсмертныя страданія, когда человѣкъ невольно хватается за жизнь; скорое ея пресѣченіе дѣлается тогда счастіемъ. Еслибы не глупая страсть, я, кажется, всю эту зиму плавалъ бы въ радостныхъ восторгахъ: Россія наша вездѣ торжествовала! Но что дѣлать? Никогда еще судьба не дала мнѣ вполне насладиться удовольствіями жизни, и въ розы, которыми изрѣдка украшала ее, всегда вилетала самыя колючія тернія.

IX.

Прошла зима, первые мѣсяцы 1814 года; наступила Русская весна, Мартовская великопостная оттепель; все возвѣщало скорое появленіе жизни. Но праздникъ Свѣтлаго Воскресенія, въ самомъ концѣ Марта, встрѣтили мы невесело: воротилась стужа съ вѣтрами, метелями и непогодю. Къ тому же и самыя извѣстія изъ арміи почитали мы неудовлетворительными,—мы, уже избалованные постоянными и быстрыми успѣхами. Казалось, что союзная армія разгуливаетъ по Франціи, напрягая всѣ силы, чтобы гдѣ нибудь прорваться къ Парижу, но что вездѣ, гдѣ только встрѣтится ей Самъ, всюду покажетъ еще себя прежнимъ, несокрушимымъ Наполеономъ. Такъ было гораздо за половину Апрѣля мѣсяца.

Въ это время создалъ я себѣ новую забаву, вовсе непохвальную: я золь былъ на все человѣчество, и кого бы ни было сердить, огорчать сдѣлалось для меня наслажденіемъ. Я избѣгалъ сосланныхъ Французовъ, Радюльфа и Магіера, а еще болѣе плѣнныхъ; тутъ началъ я сближаться съ ними, ихъ посѣщать и принимать у себя. Ни Рыщевской, ни сестры ея Четвертинской, ни котораго изъ Поляковъ и даже изъ Москвичей, которые съ ними были знакомы, давно уже не было, а въ нашихъ случайный патріотизмъ не успѣлъ еще довольно простыть, чтобы съ ними водиться. По-русски ни одинъ изъ нихъ не зналъ ни слова, иностранныхъ газетъ мы не получали; откуда было имъ знать что происходитъ въ мірѣ, и я былъ для нихъ газетой. Особенно примѣчательнъ былъ плѣнный полковникъ Пюнь, который молодымъ солдатомъ, съ молодымъ генераломъ Бонапарте, воевалъ еще въ Египтѣ, былъ имъ замѣченъ, отличенъ, всегда лично ему извѣстенъ и

находился потомъ во всѣхъ съ нимъ кампаніяхъ. Другіе плънные также говорили о Наполеонѣ съ восхищеніемъ, но въ этомъ преданность доходила до изувѣрства, и я увидѣлъ, какъ человекъ изъ другаго человека можетъ сотворить себѣ Бога. Я всегда спѣшилъ возвѣщать ему наши успѣхи, а онъ бѣсился и отвергалъ истину моихъ словъ.

— Вѣдь это не мое, а напечатано въ вѣдомостяхъ.

— Да ваши газеты лгутъ, также какъ и наши.

— Можетъ быть, и я готовъ согласиться, что Французы вездѣ бьютъ Русскихъ, отвѣчалъ я; только странно, что подъ ихъ ударами они все идутъ впередъ отъ Москвы до Рейна и далѣе.

Онъ пересталъ со мною видѣться и другимъ заказалъ. Но нѣтъ, любопытство его проняло, и онъ опять ко мнѣ явился. Я заговорилъ съ нимъ о дѣлахъ совсѣмъ постороннихъ войнѣ; онъ вѣрно подумалъ, что мнѣ нечѣмъ передъ нимъ похвастаться, и рѣшился меня спросить. «Я ничего не скажу вамъ: вы мнѣ не вѣрите, все сердитесь, а мнѣ совсѣмъ не хочется васъ печалить», и такимъ образомъ заставлялъ его умолять меня о вѣстяхъ, а я съ нѣкоторою прикраскою ихъ общалъ ему. Бѣдняжка! Нынѣ, право, мнѣ жаль его.

Въ концѣ Апрѣля, помнится 28-го числа, на безоблачномъ небѣ запылало вновь яркое солнце. Въ этотъ же день какой-то пріѣзжій или проѣзжій изъ Петербурга кому-то сказалъ, что Парижъ взять штурмомъ и, подобно Москвѣ, другой день какъ горить: вѣрно ему этого хотѣлось. Побѣда! Торжество! Но не такое, какого бы я желалъ. Для другихъ было все равно, и радостная вѣсть изъ устъ въ уста вездѣ разнеслась. На другой день къ вечеру, съ присланнымъ отъ министерства курьеромъ, получилъ губернаторъ предписаніе распорядиться о совершеніи благодарственнаго молебствія по случаю сего чрезвычайно-важнаго событія. Къ предписанію приложены были два печатныхъ листочка. Въ одномъ находилось извѣстіе, что Парижъ сданъ на капитуляцію, послѣ сраженія, бывшаго подъ стѣнами его, и что Русскій генералъ Сакенъ назначенъ военнымъ его губернаторомъ. Въ другомъ было объявленіе Парижу и Франціи, что союзные монархи болѣе не намѣрены входить въ какія-либо условія съ Наполеономъ и членами его семейства: оно подписано однимъ только Александромъ, котораго имя гремѣло тогда во всѣхъ концахъ міра, и скрѣплено Нессельродомъ, коего имя и въ Россіи тогда было вовсе неизвѣстно. Дальнѣйшихъ подробностей мы не могли еще имѣть; но и этого было довольно и гораздо лучше слуховъ, пришедшихъ наканунѣ.

Вотъ тутъ-то Россія заликовала и, правду сказать, было чѣмъ возгордиться! Чтò бы ни говорили Нѣмцы, все главное дѣло сдѣлано Русскимъ царемъ и Русскимъ войскомъ; тѣ, которые, полтора года

передъ тѣмъ по Владимирской дорогѣ отступали къ Клязьмѣ, готовы были потянуться къ Лоарѣ.

Губернаторъ хорошо сдѣлалъ, что на нѣсколько дней отложилъ молебствіе, дабы побольше дворянъ могли къ нему съѣхаться, и черезъ то приданъ ему былъ видъ болѣе торжественный. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ему хотѣлось, чтобы данъ былъ великолѣпный пиръ, обѣдъ и балъ; это уже было неумѣстно. Съѣхавшіеся помѣщики на радостяхъ изъ кошельковъ и шкатулокъ потащили послѣднее; кто-то указалъ имъ на средство сдѣлать лучшее употребленіе изъ значительной суммы ими собранной. Отдѣливъ нѣкоторую часть на какое-нибудь престолярное увеселеніе, все остальное должно было принадлежать вдовамъ и сиротамъ, инвалидамъ, увѣчнымъ, страждущимъ, нищимъ, такъ что въ этотъ памятный день не оставалось въ городѣ ни одного человѣка, который не ощутилъ бы радости. Въ эти дни я опять было полюбилъ Пензу: я не слыхалъ ни одной хвастливой рѣчи, а всѣ казались исполнены трогательнаго умиленія и благодарности какъ къ небесному, такъ и земному Создателю ихъ благъ.

Въ Воскресенье 3 Мая, день именинъ и рожденія матери моей, у насъ въ домѣ былъ семейный, а въ городѣ общественный праздникъ. Въ этотъ день мать моя была почти весела, и я почти забылъ сердечное свое горе. Поутру соборный храмъ не могъ вмѣстить въ себѣ стекшагося народа, и онъ густыми толпами тѣснился вокругъ него, и всѣ мы съ восторгомъ внимали побѣдную пѣснь поющимъ. Купцы и откупщикъ угощали потомъ народъ пивомъ, водкой и пирогами.

Между губернаторскимъ домомъ и соборомъ былъ просторный, пустой квадратъ, который Голицынъ засадилъ березами, и на нихъ, какъ нарочно, къ этому дню распустились листья; на этомъ мѣстѣ сочинили кой-какую иллюминацію. Въ серединѣ горѣлъ щитъ, на которомъ выставлены были слова: Парижъ, 19 Марта, и вензелевое имя Государя, и онъ окруженъ былъ рамкой изъ разноцвѣтныхъ стаканчиковъ, разумѣется, раскрашенныхъ. Вечеромъ, въ этомъ небольшомъ пространствѣ вся Пенза старалась умѣститься. Поодаль, въ темнотѣ, замѣтилъ я Французскихъ плѣнныхъ, ласково подошелъ къ нимъ, но не утерпѣлъ, чтобы, указывая на щитъ, не спросить Пюна, все ли онъ еще сомнѣвается. «Вы можете правы, отвѣчалъ онъ, а я все-таки не могу повѣрить». Я улыбнулся и вспомнилъ Чванкину въ *Хвастуннѣ*, комедіи Княжнина: «знаю, да не вѣрю», также говорить она.

Надобно признаться, что и намъ едва вѣрилось: все то, что прочитали мы въ полученныхъ на другой день газетахъ, казалось обворожительнымъ сномъ. Какъ? Бурбоны провозглашены, и Наполеонъ изъявляетъ согласіе отказаться отъ престола! Да это конецъ революціи, конецъ

всѣмъ бѣдствіямъ. Миръ мірови дарованъ, и источникомъ благоденствія Европы, будущаго ея спокойствія все-таки останется наша Россія. О, какъ попрасть Господь гордыню народовъ западныхъ, и какъ высоко вознесъ Онъ наше смиреніе!

Черезъ нѣсколько дней долженъ былъ я находиться на другомъ празднествѣ, хотя частномъ, но болѣе великолѣпномъ. Зимой, изъ Петербурга, къ Θεодору Голицыну пріѣхалъ погостить Рибопьеръ, другъ его и родственникъ по женѣ, урожденной Потемкиной, со всѣмъ семействомъ. Послѣ Парижскихъ извѣстій, кому была охота оставаться въ глуши! Всѣ спѣшили показаться на свѣтъ и, на прощанье съ Зубриловкой, князю Θεодору хотѣлось задать огромный пиръ; для того избралъ онъ день рожденія Рибопьера, 13 Мая. Онъ какъ можно болѣе разослалъ пригласительныхъ грамотъ, и я получилъ собственноручную записку отъ самой княгини. Мнѣ бы не ѣхать; но губернаторъ отправлялся туда на все лѣто со всѣмъ семействомъ своимъ, и мнѣ хотѣлось хоть бы еще поглядѣть на нее.

Пиръ былъ пребогатый, только не гостями: изъ приглашенныхъ немногіе на него пріѣхали. Наши дворяне начинали уже чувствовать чѣмъ обязаны своему, начинали уже считаться съ боярами. Однакоже человѣкъ до пятидесяти было за обѣдомъ; въ томъ числѣ изъ сосѣднихъ уѣздныхъ городовъ нѣсколько плѣнныхъ Французскихъ офицеровъ. Одинъ изъ нихъ, вѣроятно, полагая, что Россія раздѣлена на мелкія княжества, также какъ Германія, въ которой онъ воевалъ, почиталъ себя въ гостяхъ у владѣтельнаго герцога и весьма искренно поздравлялъ меня съ особою милостью, которою, по замѣчаніямъ его, я пользуюсь у его свѣтлости; я не оставилъ этимъ потѣшить добраго и чваннаго нашего хозяина. Вечеромъ, на всѣхъ возвышенныхъ мѣстахъ горѣли смоляныя бочки; вся роца была освѣщена плашками, и по ней въ разныхъ мѣстахъ раздавались пѣсни разныхъ народовъ Европейскихъ: тамъ были Русскіе пѣсельники, коихъ нетрудно было найти; тамъ труппы Тирольцевъ, Итальянцевъ, Славянъ и другихъ, все набранные изъ плѣнныхъ солдатъ разнородной разрушенной Наполеоновой арміи. На щитахъ въ одномъ мѣстѣ видно было 19 Марта, въ другомъ 13 Мая: свобода Европы и рожденіе Рибопьера. Когда онъ былъ моимъ начальникомъ (онъ оставилъ уже должность свою въ Министерствѣ Финансовъ), держалъ онъ себя такъ высоко, что мнѣ трудно было коротко узнать его; тутъ же въ Зубриловкѣ, гдѣ послѣ праздника еще оставался я нѣсколько дней, могъ я измѣрить всю пучину его ничтожества.

Возвратясь въ Пензу, пошли у насъ совѣты, что мнѣ изъ себя сдѣлать? Я въ службѣ себя болѣе не почиталъ: по поступленіи въ

Певзенскій комитетъ для пожертвованій, просилъ я министерство уволить меня изъ онаго вовсе, а получилъ увольненіе, вѣрно по ошибкѣ, для продолженія занятій по сказанному комитету, и это недоразумѣніе въ послѣдствіи было для меня весьма полезно. Мать моя, тайно радуясь моимъ любовнымъ неудачамъ, весьма желала, чтобы для развлеченія оставилъ я Пензу; но я, сколько могъ, тому противился. Она доказала мнѣ, наконецъ, сколь несбыточны мои мечты, и самого заставила желать удалиться.

Но меня въ сторону, и нѣсколько словъ о моихъ военныхъ родныхъ. Зять мой, Алексѣевъ, никакъ не могъ догнать армію, которая двинулась изъ Лейпцига прежде, чѣмъ выѣхалъ онъ изъ Пензы. Путемъ-дорогой остановился онъ въ Дрезденѣ, у царствующаго тогда въ Саксоніи князя Рейнина, и съ нимъ нѣкоторое время пропировалъ, до чего оба были великіе охотники. Явясь въ армію, находился при осадѣ Метца и вскорѣ тамъ узналъ о взятіи Парижа, куда поспѣшно и отправился: слѣдственно, прокатался даромъ. Братъ же мой Павелъ въ началѣ 1813 года назначенъ былъ комендантомъ Варшавскаго извѣстнаго укрѣпленія Праги, а потомъ опять находился въ арміи, гдѣ въ сраженіяхъ, вѣроятно, успѣлъ отличиться: ибо во время двухъ кампаній получилъ двѣ шпаги, Аннинскую и золотую за *храбрость*, Владимирскій крестъ съ бантомъ, Аннинскій на шею, да Пруссскій Пуръ-ле-Меритъ и Французскій Почетнаго Легіона въ петлицу и, наконецъ, чинъ полковника. Отъ обоихъ получили мы радостныя, веселыя письма изъ Парижа.

Конечно, и холодный Петербургъ ощутилъ восторги не менѣе чѣмъ у насъ въ провинціяхъ. Тамъ начали приготовляться къ торжественной встрѣчѣ миротворца-побѣдителя. Совѣтъ, Сенатъ и Синодъ, въ совокупности, опредѣлили поднести ему титулъ «Благословеннаго»; два верховныхъ государственныхъ сановника должны были ѣхать ему на встрѣчу съ поздравленіемъ и изъявленіемъ вѣрноподданнической благодарности и, наконецъ, для сего же предмета вызваны въ Петербургъ изъ всѣхъ губерній депутаты отъ дворянства. Все это весьма милостиво и кротко онъ однакоже отвергъ. Что побудило его къ тому? По усилившейся въ немъ набожности, можетъ быть, желалъ онъ только награды небесныхъ и пренебрегалъ величіемъ мірскимъ? Или, не смотря на нее и на мнимый свой либерализмъ, среди успѣховъ своихъ, помнилъ еще зло и никакихъ почестей не хотѣлъ принимать отъ подданныхъ? Гордость ли или смиреніе заставили его сіе сдѣлать? Это одному Богу извѣстно.

Ничего о томъ не зная, у насъ въ Пензѣ, около половины Іюня, дворянство, чрезъ губернскаго предводителя, сдѣлало мнѣ приглашеніе

отправиться въ Петербургъ, чтобы тамъ вмѣстѣ съ генераль-майоромъ Сергѣемъ Адамовичемъ Олсуфьевымъ и дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Платономъ Богдановичемъ Огаревымъ, сыномъ не разъ реченнаго мною Богдана Ильича, составить отъ него депутацію къ Царю. Предложеніе было слишкомъ лестно, чтобы отказаться отъ него. Я готовъ былъ это сдѣлать подъ предлогомъ, что, исключая подорожной безъ пошлины, дворянство не соглашается ничего мнѣ дать на путевыя издержки; но мать моя объявила, что въ этомъ случаѣ замѣнить она дворянство. И такъ дѣло рѣшено; я опять ѣду въ Петербургъ и опять дѣлаюсь искателемъ фортуны.

Между тѣмъ мать моя и сама дѣлала сборы къ отъѣзду: она хотѣла съ двумя дочерьми ѣхать въ Кіевъ, чтобы поклониться тамъ святымъ угодникамъ и взглянуть еще на мѣсто, гдѣ провела столько счастливыхъ дней. Третья сестра, Алексѣева, должна была ей сопутствовать, дабы изъ Кіева отправиться навстрѣчу къ мужу. Отслуживъ молебенъ 23 Іюня, благословясь пустились онѣ въ путь. Я остался совершенно одинъ; не было для меня ни малѣйшей причины длить мое пребываніе въ Пензѣ, но начиналась ярмарка, и она послужила мнѣ предлогомъ пребыть въ ней еще нѣсколько дней.

Въ Москву дотолѣ обыкновенно ѣзжалъ я по Владимирской дорогѣ, на этотъ разъ захотѣлось мнѣ испытать ѣзду по Рязанской, которая была нѣсколько длиннѣе, но за то, говорили, гораздо лучше и покойнѣе. Чтобы укоротить ее, я задумалъ ѣхать не на Чембарь, а проселочными дорогами на Зубриловку: разницы было всего верстъ двадцать или тридцать; но да позволено мнѣ будетъ не сказать здѣсь, почему я предпочелъ ее. Въ день Сергія чудотворца, 5 Іюля, выѣхалъ я, наконецъ, изъ Пензы.

Въ Зубриловкѣ царствовала совершенная пустота: въ ней напелъ я одного Павла Голицына, котораго никакъ еще не думалъ подозревать въ соперничествѣ. Старая княгиня, такъ же какъ и мать моя, уѣхала на богомолье въ Кіевъ и для свиданія съ сестрой своей Браницкой. Князь Θεодоръ со всѣмъ дворомъ своимъ отправился въ подмосковную, въ Петербургъ или въ чужія края: въ день отъѣзда своего онъ еще навѣрное не зналъ. Оставшійся въ Зубриловкѣ единственный членъ Голицынской фамилии, не знаю почему, отказался ѣхать со мной до селенія Макарова, въ десяти верстахъ отъ нея лежащаго. Оно принадлежало брату его, нашему губернатору, который съ семействомъ своимъ на все лѣто тамъ паходился. Оно было на самой дорогѣ, пролегающей оттуда въ Тамбовъ, и объѣхать его было бы странно. Вотъ тутъ-то насмотрѣлся я его княжескихъ проказъ. Хоромы деревянные, не весьма большіе, но которые стоили очень дорого, ибо безпрестанно

перестраивались, прислонены были къ хорошенькой рощицѣ и были мѣстомъ жительства владѣльца. Маленькій дворъ, составленный изъ увезенныхъ имъ писцовъ губернаторской канцеляріи, одѣтъ былъ единообразно, въ казачьи кафтаны сѣраго цвѣта изъ холщевой матеріи съ синимъ холстиннымъ стоячимъ воротникомъ, на которомъ бѣлыми нитками было вышито слово *Макарово*; потомъ дворня, раздѣленная на три класса, изъ коихъ каждый отличался цвѣтомъ жилета; по праздникамъ производство въ сіи классы и допущеніе къ цѣлованію руки; лакейскіе балы, въ которыхъ, исключая князя и княгини, должна была еще привимать участіе и самая мелочь изъ сосѣднихъ дворянъ, и на которыхъ, вмѣсто лакомства, подавались брусника и моченныя яблоки, — и многое множество другихъ нелѣпостей. Все это было странно, смѣшно, но въ расположеніи духа, въ которомъ я находился, мнѣ совсѣмъ не казалось забавно. Я далъ слово читателю не докучать ему болѣе моимъ любовнымъ вздыхательствомъ, и потому скажу только, что тяжело мнѣ было оставаться нѣсколько дней въ этомъ Макаровѣ, а можетъ быть еще тяжелѣе было разстаться съ нимъ.

Проѣхавъ оттуда версть пятьдесятъ по дорогѣ ведущей въ Тамбовъ, въ какомъ-то бѣшенномъ отчаяніи пріѣхалъ я въ селеніе Оржевку, Кирсановскаго уѣзда, и тамъ остановился. Другаго названія не умѣю дать Оржевкѣ; мѣстечекъ у насъ въ Россіи нѣтъ, а пригородомъ или посадомъ нельзя назвать нѣсколько деревень, собранныхъ вмѣстѣ на большомъ пространствѣ, на которомъ живутъ сорокъ помѣщиковъ, изъ коихъ десять или двѣнадцать весьма зажиточныхъ и даже довольно богатыхъ. Въ числѣ ихъ была у меня тамъ одна родственница, которую давно обѣщалъ я посѣтить. Кто изъ читателей моихъ вспомнитъ чудака Федора Михайловича Мартынова, двоюроднаго брата матери моей, тому скажу я, что у него былъ братъ Димитрій Михайловичъ, уже умершій, который оставилъ по себѣ вдову Елисавету Петровну, урожденную Сабурову, и что къ ней я заѣхалъ. Ничего не могло быть добродушнѣе ея самой и многочисленнаго ея семейства; у нея было четыре молодца сына, всѣ въ отставкѣ, и четыре красотки дочери, всѣ невѣсты. Обо всѣхъ ихъ ничего не скажу, что бы могло походить на осужденіе или насмѣшку; все что можно сказать въ похвалу ихъ сердца и наружности, я сказалъ, и сего довольно.

Уѣздное любопытство гораздо сильнѣе губернскаго, но и оно ничто въ сравненіи съ деревенскимъ. Лишь только узнали, что къ Мартыновой пріѣхалъ гость, наѣхали сосѣди и осыпали меня приглашеніями на обѣды и вечера; отъ нѣкоторыхъ умѣлъ я отдѣлаться, но не ото всѣхъ; и такъ дня три-четыре пришлось мнѣ тутъ остаться. Все такъ быстро измѣняется у насъ въ Россіи, что, по протеченіи двадца-

ти пяти лѣтъ, наше старинное дворянское житье въ помѣстьяхъ, даже у меня, видѣвшаго его, осталось въ памяти какъ сонъ; на яву же ни я, нынѣ, и вѣрно, никто его уже не узритъ. И потому я счелъ излишнимъ дать здѣсь о немъ нѣкоторое понятіе. Весьма немногіе изъ помѣщиковъ занимались тогда сельскимъ хозяйствомъ, хлѣбопашествомъ; осеннее время было для нихъ лучшее въ году: они могли гоняться за зайцами; карты не были еще въ такомъ всеобщемъ употребленіи какъ нынѣ. Ихъ жпзнь была совершенно праздная, однакоже они не скучали, безпрестанно посѣщая другъ друга, пируя вмѣстѣ. За обѣдомъ и по вечерамъ шли у нихъ растабары о всякой всячинѣ; они шутили не весьма приличнымъ образомъ, подтрунивали другъ надъ другомъ въ глаза и весело выслушивали насмѣшки, въ отсутствіи вступаясь за каждаго, однимъ словомъ, въ образѣ жпзни приближались къ низшему сословію. Барыни и барышни занимались нарядами, а когда съѣзжались вмѣстѣ, то маленькимъ злословіемъ и сплетнями, точно такъ же какъ въ небольшихъ городахъ.

Оржевка, будучи ни городъ, ни деревня, имѣла пріятности и неудобства обоихъ. Не сказываться дома не было возможности, а ежедневнымъ посѣтелямъ конца не бывало. Дѣвицы не позволяли себѣ не только привозить съ собою рукодѣлье, но даже заниматься имъ въ присутствіи гостей. Шутихи, дураки, которые были принадлежностью каждаго довольно богатаго дворянина, также много способствовали къ увеселенію особъ обоего пола и всѣхъ возрастовъ. Такое житье для человѣка съ просвѣщеннымъ разсудкомъ, конечно, должно было казаться мѣкою; но у меня его тогда не было, и оно мнѣ полюбилось. Беззаботность, веселое простодушіе этихъ владѣльцевъ, безтрепетность ихъ слугъ, которые смѣло разговаривали съ ними, даже во время обѣда, стоя за ихъ стуломъ,—вся эта патріархальность нравовъ дѣйствительно имѣла въ себѣ что-то пріятное. Къ тому же, въ это время, нѣкоторыми изъ сихъ господъ получены были самыя радостныя вѣсти изъ-за границы: ихъ братья и сыновья писали къ нимъ, что вышли живы, здоровы и невредимы изъ кровопролитной войны, получили награды и осенью надѣются ихъ обнять. По сему случаю начались безконечныя пиры, и я попался въ самый разгулъ, чтѣ мнѣ, горемычному, показалось весьма отрадно. Человѣкъ въ пныя минуты жизни своей совсѣмъ бываетъ не похожъ на себя; а въ эти дни шумъ, смѣхъ, громкіе и нестройные звуки домашнихъ оркестровъ, Цыганская пляска съ взгливимъ пѣніемъ горничныхъ дѣвокъ, объяденіе и безпрестанно пѣняціеся бокалы, могли одни на время заглушить тоску моего сердца. Взятіе Парижа положило начало совсѣмъ у насъ повому (какъ называютъ его) гражданскому развитію, которое мало-по-малу пстребгло,

даже въ провинціяхъ, весь нашъ старинный Русскій бытъ, и я здѣсь сотворилъ ему поминку.

Проведя нѣсколько дней въ Оржевѣ совсѣмъ непривычнымъ для меня образомъ, пустился я далѣе. Прошелъ слухъ, что Государю не угодно принимать никакихъ депутацій, и мнѣ казалось, что я могу располагать своимъ временемъ. Однакоже оттуда, благодаря казенной подорожной и расточаемымъ мною гривнамъ на водку, поскакалъ я, какъ говорится, сломя голову. Я никуда и ни къ чему не спѣшилъ, но быстрота ѣзды какъ-то оживляла упавшій мой духъ.

Начиная отъ самаго Тамбова, проѣзжалъ я по дорогѣ совсѣмъ для меня новой, но никогда еще я не былъ менѣе внимателенъ къ окружающимъ меня предметамъ. На Козловъ и на Рязскъ я едва взглянулъ; въ послѣдствіи, проѣзжая разъ черезъ первый, могъ я замѣтить, что онъ одинъ изъ красивѣйшихъ нашихъ уѣздныхъ городовъ. Все-таки губернскій городъ хотѣлось мнѣ посмотреть, и для того въ Рязани намѣренъ я былъ провести нѣсколько часовъ; судьба того не хотѣла. Передъ пріѣздомъ туда, грустныя размышленія во всю ночь не дали мнѣ сомкнуть глазъ моихъ, и только передъ разсвѣтомъ, утомленный, заснулъ я крѣпкимъ, сладкимъ сномъ. Когда солнце взошло, меня разбудили; я взглянулъ на какой-то бѣлый домъ, что-то пробормоталъ и опять въ сонъ погрузился. Изъ невнятныхъ словъ моихъ слуга понялъ приказаніе запрягать лошадей и ѣхать далѣе, и когда я совсѣмъ проснулся, Рязань была уже далеко за мною. Я было хотѣлъ разсердиться на слугу своего, но равнодушіе ко всему восторжествовало надъ моимъ гнѣвомъ. На Зарайскѣ, и даже на Коломну, поглядѣлъ я съ тѣмъ же вниманіемъ какъ на Козловъ и на Рязскъ.

Около полудня, 18 Юля, увидѣлъ я издали Москву, и сердце опять забилось во мнѣ любовью, которую другая не могла погасить. Золотая шапка Ивана Великаго горѣла вся въ солнечныхъ лучахъ, какъ бы вѣнецъ сей новой великомученицы. Надъ нимъ сіялъ крестъ, сорванный безбожіемъ и возстановленный вѣрою, и я бы воскликнулъ съ Жуговскимъ, пѣвцомъ въ Кремль:

Свѣтлѣй вознесъ ты къ небесамъ
Свой крестъ непобѣдимый.

Но эти славные стихи его тогда еще не были написаны.

Все было ясно, тихо, весело окрестъ Москвы многострадательной, недавно успокоенной и возвеличенной. Сама она, въ отдаленіи, по-прежнему казалась громадною, и только проѣхавъ Коломенскую заставу могъ я увидѣть ужасные слѣды разрушенія. Тѣ части города, чрезъ кои я проѣзжалъ, кажется, Таганская и Рогожская, со-

вершенно опустошены были огнемъ. Вымощенная улица имѣла видъ большой дороги, деревянныхъ домовъ не встрѣчалось, и только кой-гдѣ начинали подыматься заборы. Далѣе стали показываться каменные двухъ и трехъэтажные обгорѣлые дома, сквозные какъ рѣшето, безъ кровель и оконъ. Только приближаясь къ Яузскому мосту и Воспитательному дому, увидѣлъ я, наконецъ, жилые дома, уцѣлѣвшіе или вновь отдѣлаанные. Подумавъ гдѣ бы мнѣ пристать, вспомнилъ я добраго моего пріятеля, Александра Григорьевича Товарова, у котораго въ послѣдній проѣздъ черезъ Москву я останавливался. Къ счастью моему, деревянный домъ его былъ цѣлъ, и самъ хозяинъ въ Москвѣ. Мы обрадовались другъ другу, обнялись и стали бесѣдовать: было намъ что одинъ другому поразсказать.

Послѣ обѣда поспѣшилъ я въ Кремль, оскверненный и поруганный. Чудомъ спасенный нашъ Сіонъ, нашъ Капитолій, наполненъ еще былъ знаками лютаго, безсильнаго мщенія врага нашего. Цѣлый уголъ Арсенала, прилегающій къ Никольской башнѣ, косообразно былъ оторванъ; вся площадь вокругъ соборовъ завалена мусоромъ, отломками обрушившихся зданій; дворца не было, и Грановитая Палата безъ него казалась печально вдовствующею. Но сами соборы были очищены и приведены въ прежнее состояніе; всѣ двери въ нихъ были открыты, съ утра до вечера народъ въ нихъ толпился, и священники едва успѣвали служить молебны: вѣра и любовь Русскихъ къ сему священному мѣсту, послѣ временнаго его пораженія, кажется, еще болѣе усилились. Въ слѣдующіе дни не пощадилъ я денегъ на извозчиковъ, чтобы изѣздить Москву по всевозможнымъ направленіямъ, право, не столько изъ любопытства, какъ по чувству искренняго участія. Я находилъ цѣлыя улицы нетронутыя пожаромъ, точно въ томъ видѣ, въ какомъ я зналъ ихъ прежде; въ другихъ видѣлъ каменные дома, коихъ владѣльцы, вѣроятно богатые, съ большими пожертвованіями начинали ихъ вновь отдѣлывать; въ иныхъ мѣстахъ стукъ топора возвѣщалъ мнѣ подымающееся надворное деревянное строеніе; но гораздо болѣе показывались мнѣ дворы, совсѣмъ поросшіе травой. Вообще, возбуждающее во мнѣ сожалѣніе встрѣчалъ я чаще, чѣмъ утѣшительное. И посреди сей картины разоренія, все одни довольныя и веселыя лица! Привычка смотрѣть на пепелища, успокоеніе послѣ ужасовъ, новыя надежды и даже благопріятная погода истребили между всѣми сословіями печальныя мысли.

Хозяйина моего Товарова разъ при мнѣ посѣтили двѣ пожилыя дѣвицы, его дальнія родственницы (названія ихъ не помню) и доставили мнѣ большое удовольствіе. Съ гнѣвомъ разсказывали онѣ, какъ работающій па нихъ женскій портной, дабы попасть въ моду, принялъ

Французское названіе и на вывѣскѣ своей поставилъ *Ажуръ*; какъ въ негодованіи своемъ поѣхали онѣ сами къ нему и объявили, что если не смараетъ онѣ ненавистнаго прозвища, то онѣ донесутъ о томъ Сергѣю Глинкѣ. Нравственное могущество этого человѣка было еще такъ велико, что испуганный портной исполнилъ ихъ требованіе. Я подумалъ, что и лучшее общество въ столицахъ дышетъ тѣмъ же патриотизмомъ. Какъ я ошибся, и вскорѣ въ томъ удостовѣрился!

Отъ Прасковьи Юрьевны Кологривовой имѣлъ я письмо къ старшей дочери ея и зятю, Вяземскимъ. Отъ Петербурга до Пензы былъ я слышанъ объ очаровательности княгини Вѣры; о мужѣ ея много я говорилъ въ предыдущей части, а еще болѣе слышалъ: общіе пріатели наши заочно всегда восхищались его остроуміемъ. Не знаю, отчего не вдругъ рѣшился я къ нимъ ѣхать, хотя умъ въ другихъ я болѣе любилъ, чѣмъ боялся его. Они жили въ такомъ кварталѣ, въ которомъ нынѣ едва ли сыщется порядочный человѣкъ. Сему мѣсту, между Грузинами и Тверскими воротами, кѣмъ-то дано было пріятное названіе *Тишина*; нынѣ называется оно прежнимъ подлымъ именемъ *Живодерки*. Тутъ находился длинный, деревянный, одноэтажный, негорѣвшій домъ, принадлежавшій г. Кологривову *), вотчиму княгини, со множествомъ службъ, съ обширнымъ садомъ, огородами и прочимъ, однимъ словомъ — господская усадьба среди столичнаго города.

Меня сначала смутила холодность, съ какою, казалось мнѣ, былъ я принятъ. Вяземскій, съ своими прекрасными свойствами, талантами и недостатками, есть лицо ни на какое другое не похожее, и потому необходимо изобразить его здѣсь особенно. Онъ былъ женатъ, былъ уже отцомъ, имѣлъ видъ серіозный, даже угрюмый, и только что начиналъ брить бороду. Не трудно было угадать, что много мыслей роится въ головѣ его; но съ перваго взгляда никто не могъ бы подумать, что съ малолѣтства сильныя чувства тревожили его сердце: эта тайна открыта была однѣмъ женщинамъ. Съ ними только былъ онъ живъ и любезенъ какъ Французъ прежняго времени; съ мужчинами холоденъ какъ Англичанинъ; въ кругу молодыхъ друзей былъ онъ Русскій гуляка. Я не принадлежалъ къ числу ихъ и не имѣлъ правъ на его привѣтливую искренность. Но съ неподвижными чертами и взглядомъ, съ голосомъ немного охриплымъ, сдѣлалъ онъ мнѣ нѣсколько предложеній, которыя все клонились къ тому, чтобы въ краткое пребываніе мое въ опустѣвшей Москвѣ доставить мнѣ какъ можно болѣе развлеченій. Онъ поспѣшилъ записать меня въ Англійскій клубъ (куда одна-

*) Въ этомъ домѣ, нѣсколько лѣтъ спустя, Кологривовы имѣли счастье видѣть у себя на балѣ самого Государя Императора.

кожъ я не поѣхалъ), пригласилъ меня на другой день къ себѣ обѣдать и назначилъ мнѣ въ тотъ же вечеръ свиданіе на Тверскомъ бульварѣ, лишенномъ почти половины своихъ деревьевъ, куда два раза въ недѣлю остатки Московской публики собирались слушать музыку, имѣя въ виду цѣлый рядъ обгорѣвшихъ домовъ.

Супруга его, Віра Ѳеодоровна, была также существо весьма необыкновенное. Я зналъ трехъ меньшихъ сестеръ ея, милыхъ, скромновеселыхъ; она не совсѣмъ походила на нихъ. При непостоянной веселости ея нрава, никто не сталъ бы подозрѣвать въ ней глубокой чувствительности, а я менѣе чѣмъ кто другой. Какъ другія любятъ выказывать ее, такъ она ее прятала передъ свѣтомъ, и только время могло открыть ее передъ нимъ. Не было истинной скорби, которая бы не произвела не только ея сочувствія, но и желанія облегчить ее. Ко всему человѣчеству вообще была она сострадательна, а немилосердна только къ нашему полу. Какая женщина не хочетъ нравиться, и я готовъ прибавить, какой мужчина? Въ пей это желаніе было сильнѣе чѣмъ въ другихъ. Плѣвники красоты суть ея подданные. Въ молодости женскій полъ любитъ царствовать такимъ образомъ и долго не соглашается отказаться отъ престола, воздвигнутаго страстями. Иныя дорого платятъ за успѣхи кратковременнаго своего владычества. Такого рода честолюбія вовсе не было въ княгинѣ Вяземской: всѣ влюбленные казались ей смѣшны; страсти, ею производимыя, въ глазахъ ея были ни что иное, какъ сочпенныя ею комедіи, которыя передъ ней разыгрывались и ее забавляли. Не служить ли это доказательствомъ, что, при добрѣтѣ ея сердца, то, что мы называемъ любовію, никогда не касалось его? Если бы она могла понять ея мученія, то содрогнулась бы. Самымъ прекраснѣйшимъ изъ женщинъ одной красоты недостаточно, чтобы увлекать въ свои сѣти; необходимы нѣкоторое притворство, тонкость, уловки, однимъ словомъ, вся стратегія кокетства. Отъ нихъ она тѣмъ отличалась, что никогда не прибѣгала къ подобнымъ средствамъ, употребляя, если можно сказать, простыя, естественныя чары. Никого не поощряя, она частыми насмѣшками болѣе производила досаду въ тѣхъ, коихъ умѣла привлекать къ себѣ. Какъ между ископаемыми, въ царствѣ животныхъ нѣтъ ли также существъ одаренныхъ магнитною силой? Не будучи красавицей, она гораздо болѣе ихъ нравилась; немного старѣе мужа и сестеръ, она всѣхъ ихъ казалась моложе. Небольшой ростъ, маленькій носъ, огненный, провозительный взглядъ, невыразимое перомъ выраженіе лица и граціозная непринужденность движеній долго молодили ее. Смѣлымъ обхожденіемъ она никакъ не походила на вынѣшнихъ львицъ: оно въ ней казалось не наглостію, а остаткомъ дѣтской рѣзвости. Чистый и громкій хохотъ

ея въ другой казался бы непристойнымъ, а въ пей восхищаль; ибо она скрашивала и приправляла его умомъ, которымъ безпреставно искрился разговоръ ея. Такія женщины иногда рождаются, чтобы населять сумасшедшіе дома. Въ это время я самъ годился бы туда; но, можетъ быть, это и спасло меня. Я не могъ прельститься умомъ, тогда какъ я плѣнялся простодушіемъ, то-есть глупостію. Увы, и безъ меня сколько было безумцевъ, закланныхъ подобно баранамъ на жертвенникъ супружеской вѣрности тою, которая и мужа своего любила болѣе всего, любила нѣжно, но не страстно!

У Вяземскихъ увидѣлъ я въ первый разъ Катерину Андреевну Карамзину и былъ ей представленъ. Она обошла со мною, также какъ и со всѣми незнакомыми и даже со многими давно знакомыми, не весьма привѣтливо; это не помѣшало мнѣ отдать справедливость ея наружности. Что мнѣ сказать о ней? Она была бѣла, холодна, прекрасна, какъ статуя древности. Еслибы въ головѣ язычника Фидіаса могла бы блеснуть христіанская мысль, и онъ захотѣлъ бы изваять Мадонну, то, конечно, далъ бы ей черты Карамзиной въ молодости. Одно имя, ею носимое, уже освящало ее въ глазахъ моихъ: я любовался ею робко и подобострастно, и хотя уже былъ зрѣлый, и едва ли не перезрѣлый юноша, но, какъ пажъ Херубини о графинѣ Альмавива готовъ былъ сказать о ней «*qu'elle est belle, mais qu'elle est impo-sante!*» А душевный жаръ, скрытый подъ этою мраморною оболочкой, могъ узнать я только позже. Послѣ обѣда пріѣхалъ самъ Карамзинъ и разговаривалъ со мною; ему нельзя было узнать челоуѣка, котораго, вѣроятно, едва замѣтилъ онъ мальчикомъ, а я не смѣлъ ему напомнить о себѣ въ Марѣинѣ.

Тутъ за обѣдомъ находился одинъ персонажъ, съ которымъ меня познакомили и который мнѣ вовсе не понравился. Это былъ многоглаголивый генералъ и камергеръ Алексѣй Михайловичъ Пушкінъ, острякъ, волтеріанецъ, циникъ и безбожникъ. Онъ былъ гораздо просвѣщеннѣе современника своего Кошіева; его умъ былъ забавенъ, но не довольно высокъ, чтобы снять съ него печать, наложенную обществами восемнадцатаго вѣка. Странно и довольно гадко было мнѣ слушать обветшалыя сужденія и правила философизма, отчасти породившаго революцію, въ ту самую минуту, когда казалось, что она сокрушена была навсегда. Этотъ Пушкинъ былъ родственникъ кроткаго, безобиднаго Василя Львовича и вѣчный его гонитель, мучитель.

Также прискорбно показалось мнѣ, что въ два или три посѣщенія, сдѣланныхъ мною Вяземскимъ, не слыхалъ я ни одного Русскаго слова. Въ городѣ, который нашествіе Французовъ недавно обратило въ пепель, всѣ говорили языкомъ ихъ. Одинъ только Карамзинъ гово-

рилъ языкомъ, можно сказать, имъ созданнымъ. Стыдно, право, Вяземскому, который такъ славно писалъ на немъ, такъ чудесно выражался на немъ въ разговорахъ, что онъ не попытался ввести его въ употребленіе въ Московскомъ обществѣ, гдѣ имѣлъ онъ такой вѣсъ. Но онъ съ малолѣтства, такъ же какъ и я съ первой молодости, прельстился Французскою литературой, а отъ пристрастія къ твореніямъ, до любви къ сочинителямъ недалеко. И мнѣ ли упрекать его, когда съ любезными ему Французами онъ храбро сражался и въ славной Бородинской битвѣ готовъ былъ проливать кровь за отечество, тогда какъ я, въ Пензѣ, объ участи его проливалъ однѣ только слезы?

Вообще, примиреніе съ милою Франціей казалось искреннимъ, вѣчнымъ. И за чтò ихъ ненавидѣть, голубчиковъ Французовъ? Вѣдь они противъ воли увлечены были ненасытнымъ честолюбіемъ вождя своего. Забыты всѣ ихъ злодѣянія, ихъ несносное хвастовство, ихъ живые бюллетени, въ которыхъ Русскихъ топтали они въ грязь. Всѣ вины взвалены на одного Наполеона: и по дѣломъ ему, разбойнику! Весь міръ, который хотѣлъ онъ завоевать, обрушился на преступную главу его; пусть же задыхается теперь на островкѣ своемъ Эльбѣ. Слушая членовъ офранцуженнаго нашего высшаго общества, право, можно было подумать, что наша война съ Наполеономъ была не что иное какъ междоусобіе: Россія въ борьбѣ своей оживлена, поддержана была духомъ противной ему партіи; эта партія восторжествовала, и вся наша знатность предовольна.

Извѣстно было, что 13-го Іюля побѣдоносный Александръ возвратился въ восторженную свою столицу; рассказывали о трогательномъ первомъ свиданіи его съ счастливою матерью, съ этою Маріей, благословенною въ женахъ, коей плодъ чрева вся Россія назвала «Благословеннымъ», о великолѣпномъ праздникѣ, данномъ ею въ Павловскѣ, по случаю его возвращенія. Узнали также съ сожалѣніемъ, но безъ ропота, что онъ продолжаетъ отклонять отъ себя всякое изъявленіе общественной благодарности: другимъ народамъ даровавъ независимость, своему не дозволяетъ даже вѣявъ любить себя.

Узнали также, что онъ соглашается, наконецъ, принять со всѣхъ краевъ Россіи съѣхавшіяся дворянскія депутаціи не вдругъ, но поочередно. Раздѣляя общее чувство, мнѣ желательно было, хотя на минуту вблизи посмотрѣть на него и услышать его голосъ, и я вмгъ собрался къ отъѣзду. Я поскакалъ по дорогѣ тогда безпокойной, тряской, столько разъ мною проѣханной, все такимъ же бѣднякомъ, въ такой же кибиткѣ, какъ и прежде. Ничего примѣчательнаго на этой дорогѣ мнѣ не встрѣтилось, и послѣдній день Іюля къ вечеру пріѣхалъ я въ Петербургъ.

X.

Какъ сущій провинціалъ повѣрилъ я словамъ ямщика, который меня привезъ, и послушался его совѣта. Онъ увѣрилъ меня, что Петербургъ такъ наполненъ прїѣзжими, что ни въ одной гостинницѣ не найду я для себя помѣщенія, и уговорилъ меня пристать на какомъ-то постояломъ дворѣ, на межѣ Разъѣзжей улицы и Ямской, близъ Глазова кабака. И за этотъ тѣсный и зловонный уголь, въ которомъ я пробылъ не болѣе сутокъ, долженъ былъ я заплатить вдвое болѣе, чѣмъ бы за комнату въ хорошемъ трактирѣ.

Однакоже, въ немъ на слѣдующее утро, 1-го Августа, принарядился я, вымылся, выбрился, натянулъ мундиръ и, вышедъ изъ него, сѣлъ въ карету, чтобъ ѣхать въ Большую Морскую являться къ главнокомандующему въ Петербургъ, Сергѣю Кузьмичу Вязмитинову.

Какъ въ столицѣ начальствовалъ онъ, такъ и управлялъ Министерствомъ Полиціи только временно, по случаю постоянного отсутствія Балашова, который, по должности генераль-адъютанта, во все время войны сопровождалъ Императора, сохраняя, впрочемъ, званія министра и военнаго губернатора. Нельзя сказать, чтобъ онъ находился неотлучно при Государѣ, ибо безпрестанно былъ на посылкахъ, то къ Наполеону, то къ Мюрату, то къ Англійскому принцу-регенту; оно могло казаться доказательствомъ особой къ нему довѣренности, но рысьи очи царедворцевъ ясно видѣли, что кредитъ его примѣтно упадаетъ. Даже воротившись изъ походовъ, онъ къ должностямъ своимъ допущенъ не былъ.

Прождавъ болѣе часа не совѣмъ въ прихожей, а въ комнатѣ передъ кабинетомъ вельможи не по рожденію, а по сану, когда онъ вошелъ, подалъ я почтенному старцу бумагу отъ моихъ вѣрителей. Онъ спросилъ меня, не сынъ ли я отца моего, котораго онъ коротко зналъ и съ коимъ нѣкогда былъ товарищемъ по службѣ. Послѣ того объявилъ онъ мнѣ, что я опоздалъ двумя сутками, что списки отъ него уже посланы, и что на другой день, 2-го числа, Пензенская депутация вмѣстѣ съ двумя или тремя другими въ 10 часовъ утра, на Каменномъ острову, будетъ представляться Государю. Странное дѣло! Всякій разъ, что прїѣзжалъ я въ Петербургъ, встрѣчала меня въ немъ какая-нибудь неудача, какъ читатель сіе замѣтитъ можетъ.

Большіе столичныя города въ тѣхъ, кои никогда въ нихъ не бывали и прїѣзжаютъ въ первый разъ, производятъ невольное почти-тельное изумленіе, въ которомъ они охотно никогда не признаются. Обширность города, многолюдство его, роскошь вездѣ выказываемая,

шумъ, движеніе на улицахъ, все поражаетъ непривыкшаго къ тому. Все, что ни встрѣчается ему, кажется принадлежащимъ къ этой огромной машинѣ и участвующимъ въ ея дѣйствіяхъ. Тоже самое впечатлѣніе, хотя въ меньшей степени, дѣлаютъ столицы на людей, кои подобно мнѣ возвращаются въ нихъ послѣ долгаго отсутствія. Это чувство, не совсѣмъ пріятное для самолюбія, было не одно, которое по пріѣздѣ моемъ сначала я долженъ былъ испытать.

Я долженъ былъ спросить у себя, зачѣмъ я пріѣхалъ, и на то никакъ не могъ дать себѣ отвѣта. Я почиталъ себя въ отставкѣ, неохотно вступилъ бы въ службу, а еслибъ и пожелалъ, то встрѣтилъ бы много препятствій: у меня не было никакого покровительства, никакой поддержки. Что же? Приняться опять за прежнюю жизнь, скучную, одинокую, бѣдную, праздную, которую только легкомысліе первой молодости помогало мнѣ весело переносить. А тутъ, достигая совершенной зрѣлости, опять, какъ говорится, бить мостовую, жить безъ цѣли, безъ надеждъ, тогда какъ всѣ ровесники мои давно меня опередили, не говоря уже о томъ, о чемъ читателю далъ я слово не поминать! Сообразивъ все это вмѣстѣ, можно себѣ представить всю тягость моего тогдашняго положенія.

Но въ это время холодный Петербургъ былъ такъ оживленъ, такъ весь исполненъ радости, что даже я, горемычный, наконецъ былъ ею потопленъ. Общему счастью какъ можно завидовать? Имъ всегда я былъ утѣшенъ. Само небо, казалось, праздновало торжество Россіи: Іюнь и начало Іюля, говорятъ, были холодные и дождливые, но Августъ сами пріѣзжіе изъ Южной Европы называли Итальянскимъ. И дѣйствительно, вмѣсто свѣтлыхъ и сырыхъ ночей, которыя обыкновенно бывають на Сѣверѣ, въ этомъ феноменальномъ году имѣли мы ночи темныя, совершенно темныя и почти жаркія. Въ день Успенія Богородицы была ужаснѣйшая гроза и чуть-чуть освѣжила только воздухъ.

Зрѣлище совершенно новое и отъ того довольно странное въ воинственно-придворномъ Петербургѣ было тогда: какъ на улицахъ, такъ и вездѣ, отсутствіе военныхъ мундировъ, генеральскихъ и офицерскихъ; всѣ ходили во фракахъ. Самолюбивые офицеры Французской арміи, дотолѣ непобѣдимой, приписывали однимъ Русскимъ (Русскіе всегда во всемъ виноваты) ея уроны, ея паденіе, и въ Парижѣ во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ придирались къ нашимъ офицерамъ, чтобъ оскорбить ихъ честь, отъ чего выходили частые поединки. Дабы положить тому препоны, Государь приказалъ, чтобы они всѣ одѣлись во фраки; по возвращеніи же въ Россію сія обязанность обратилась имъ въ право, коего лишены были они со временъ Екатерины. Были люди, которые въ этомъ видѣли начало торжества

гражданственности: по ихъ мнѣнію, самъ мечъ уничтожилъ царствіе меча.

Однакоже подъ этимъ (какъ называютъ его у насъ) партикулярнымъ платьемъ легко было узнавать молодыхъ гвардейцевъ, по ихъ скромно-самодовольному виду. Изъ нихъ нѣкоторая только часть, четыре полка старой гвардіи, за нѣсколько дней до пріѣзда моего, возвратилась изъ похода. Ихъ посадили на Англійскіе корабли, они представляли сутокъ на двое къ Англинскому порту Дилю, потомъ привезены были моремъ и высажены на берегъ въ Петергофъ, гдѣ уготовлены имъ были успокоеніе и пиры, и откуда церемоніальнымъ маршемъ вступили они въ Петербургъ. Тѣлохранители, сотрудники, сподвижники Александра сдѣлались въ это время его любезнымъ семействомъ; имъ предоставилъ онъ все торжество его ожидавшее. Черезъ триумфальныя ворота, хотя деревянные, но богато изукрашенные, на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ у Петергофской новой заставы возвышаются нынѣ гранитныя и мѣдныя, не хотѣлъ онъ самъ вѣзжать, а черезъ нихъ имъ велѣлъ вступить. Великолѣпную иллюминацію во всемъ городѣ, къ пріѣзду его приготовленную, по ихъ возвращеніи, имъ въ честь велѣлъ онъ зажечь. За то и ихъ энтузіазмъ къ нему изобразить невозможно: по возможности желая уподобиться кумиру своему, они въ разказахъ не думали хвастаться подвигами своими, съ сердечною радостью обнимали знакомыхъ, всѣхъ мирныхъ согражданъ встрѣчали улыбкою и ласковыми привѣтами. Что за время! Особенно, какъ миль казался нѣжный возрастъ самой первой молодости, уже опаленной порохомъ! Забывая совершенно о славныхъ опасностяхъ, въ кои вдавался, не умолкалъ онъ о Парижскихъ своихъ наслажденіяхъ, о Пале-Роялѣ, о Вери, о тысячеколонномъ кафе и прекрасной лимонадьерѣ, о театрахъ, о *Жокондѣ*. Увы, кто могъ бы тогда подумать, что между ними зародятся первыя мысли о возстаніи противъ законной, благотворной имъ власти!

Итакъ, съ душевнымъ удовольствіемъ смотрѣлъ я на то, что едва ли кому удастся когда-либо видѣть: смотрѣлъ на Петербургъ не зѣвующій, не суетящійся и не чванный. Отъ хорошихъ знакомыхъ желательно мнѣ было узнать, какой видъ имѣлъ онъ въ предыдущихъ годахъ, и слышанное отъ нихъ могу здѣсь передать. Во время отсутствія Государя, въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, въ коихъ находилась Россія, дворъ притихъ, замолкъ; веселиться ему было бы неприлично. Когда, въ началѣ зимы, императрица Елисавета Алексѣевна, въ первый разъ по замужествѣ, поѣхала для свиданія съ Германскими своими родными, а вслѣдъ затѣмъ молоденькіе великіе князья, братья государевы, отправились въ армію, то знатные, при дворѣ состоящіе,

рѣшительно стали гнушаться столицей. Въ модномъ свѣтѣ вошло въ моду покидать Петербургъ. Одни, болѣе богатые, еще прошлогоднею весной отплыли въ союзную намъ роскошную Англiю, гдѣ въ это время всякому Русскому было житье; другіе поспѣшили въ освобожденную Германiю услышать благословенiя спасительному нашему оружію; многіе удалились въ деревни, какъ мы видѣли Голицына и Рибоьера. Тогда-то Петербургъ изъ придворнаго города превратился въ казенный: всѣ тѣ, кои занимали въ немъ высшія должности, заняли также и первыя мѣста въ обществѣ.

Полумертвый Николай Ивановичъ Салтыковъ, вскорѣ пожалованный свѣтлѣйшимъ княземъ, однимъ только именемъ управлялъ Россiей и въ шутку называемъ былъ принцемъ-регентомъ. Онъ почти не двигался съ мѣста, нигдѣ не показывался, и жизнь его была продолжительная агонiя. Всѣмъ завѣдывалъ бывшій оберъ-прокуроръ Петръ Степановичъ Молчановъ, который, доказывая виновность Саратовскаго губернатора Бѣлякова, былъ причиною паденiя Кочубея; онъ чрезъ то сдѣлался извѣстенъ и попалъ въ милость. Онъ былъ тогда въ одно время сенаторъ, статсъ-секретарь въ комиссiи прошеній и управляющій дѣлами Комитета Министровъ; да сверхъ того князь Салтыковъ безъ него ничего не дѣлалъ по Государственному Совѣту, въ которомъ предсѣдательствовалъ.

Онъ былъ не изъ дворянъ. Въ Россiи извѣстно, что старинное дворянское фамильное имя есть одна только собственность, которой похищеніе не воспрещается законами. Отецъ его управлялъ гдѣ-то имѣніемъ князя Куракина и сына записалъ въ его генераль-прокурорскую канцелярiю. Мальчикъ удался; онъ отличался не однимъ знаніемъ, но и большимъ просвѣщеніемъ и свѣтскою любезностію. Когда былъ онъ уже во временіи, то женился на богатой невѣстѣ, дочери сенатора Ивана Ивановича Кушелева, родной племянницѣ и одной изъ наслѣдницъ фаворита Ланскаго. Сіе пріобрѣтенное имѣніе началъ онъ слишкомъ много и скоро умножать благопріобрѣтеннымъ, безпрестанно строилъ огромные дома, покупалъ деревни и тѣмъ возбудилъ завистливое вниманіе Петербургской публики. Не смотря на то, вся она бросилась на славные балы, которые началъ онъ давать; пирами успѣлъ онъ почти заглушить общій голосъ, и домъ его, за непмѣніемъ другихъ открытыхъ домовъ, сдѣлался первымъ.

Однимъ изъ самаважнѣйшихъ лицъ былъ тогда управляющій Военнымъ Министерствомъ, князь Алексѣй Ивановичъ Горчаковъ, человекъ добрый, весьма простой, который, будучи племянникомъ Суворова, почиталъ обязанностію подражать ему въ странностяхъ и только что передражнивалъ его. Хотя и жилъ онъ розно со своею женою, Вар-

варой Юрьевной, урожденной княжной Долгоруковой, но, по ней будучи племянникомъ Салтыкова, на старика также имѣлъ большое вліяніе. Его канцелярія, свита, любимцы дѣлали что имъ было угодно и, во всеобщемъ волненіи видя мутную воду, ловили въ ней что хотѣли. Все это вмѣстѣ съ Молчановымъ составляло правительственную камариллѹ.

Самъ князь Горчаковъ у себя гостей не принималъ, а у сестры своей графини Хвостовой. У нея начались балы, и домъ ея, куда прежде люди хорошаго тона не ѣздили, сдѣлался однимъ изъ первыхъ въ Петербургѣ. Тяжело было бѣдному Димитрію Ивановичу къ авторскимъ издержкамъ прибавить еще полубоярскія, и это, говорятъ, весьма разстроило его состояніе.

Весьма важную ролю также игралъ въ это время одинъ частный человѣкъ, отставной статскій совѣтникъ Иванъ Антоновичъ ***. Онъ женился на побочной дочери какого-то богатаго боярина, которому для нея былъ нуженъ чинъ, чтобы законнымъ образомъ оставить ей свое наслѣдство. *** былъ слишкомъ благоразуменъ, чтобы ревновать жену моложе его тридцатью годами. Онъ пользовался ея имѣніемъ; она пользовалась совершенной свободой. Я знавалъ ее лично, эту всѣмъ извѣстную Варвару Петровну, полненькую, кругленькую, бѣленькую безстыдницу. Она была типомъ Русскихъ Лапсъ, Русскихъ Фринъ. Изъ Славянскихъ женъ однѣ только Польки умѣютъ быть увлекательны, прелестны, даже довольно пристойны и благородны среди студодѣянній своихъ; Русскія въ этомъ искусствѣ все какъ будто не за свое дѣло берутся.

Аракчеевъ, сначала сопровождавшій Государя, еще изъ Праги давно уже воротился. Онъ жилъ, казалось, совсѣмъ безъ дѣла и по видимому ни во что не вмѣшивался. Но чрезъ происки свои интересованныя въ томъ лица дознались, что онъ ведетъ тайную частую переписку съ Императоромъ и отъ того оказывали ему всевозможное почтеніе. На досугъ завелъ онъ любовныя связи съ ***. Съ грубостію его чувствъ, утонченность ума не могла бы уловить его сердце; его расчетливости правилась и самая дешевизна этой связи, ибо *** изъ чести лишь одной предалась ему. За то отъ другихъ, отъ искателей фортуны, принимала она подарки, выпрашивала, даже вытребовала ихъ. Она стала показываться на всѣхъ балахъ и изумлять своею наглостію. Всѣ высокомошныя стали ухаживать за нею и за мужемъ ея. А сей нечестивецъ, сей плутъ, всѣхъ увѣрилъ, что черезъ жену дѣлаетъ изъ Аракчеева что хочетъ. У Салтыкова, Горчакова, Молчанова почитался онъ домашнимъ другомъ; да и многіе другіе, въ надеждѣ на его подпору, ни въ чемъ ему отказывать не умѣли.

Онъ прослылъ источникомъ всѣхъ благъ и просящимъ, разумѣется не даромъ, раздавалъ мѣста. Между тѣмъ самъ Аракчеевъ охотно принималъ его, ласкалъ, все изъ него вывѣдывалъ, все помѣчалъ и обо всемъ доносилъ. Любовь надъ симъ твердымъ мужемъ не имѣла довольно силы, чтобы заставить его забыть свой долгъ.

Но время кары еще не приспѣло; оно отсрочено, ибо Государь почиталъ себя въ Петербургѣ какъ бы проѣздомъ, какъ бы въ гостяхъ. Въ Парижѣ положено было только основаніе всеобщаго мира, устроена участь одной только Франціи; на знаменитомъ Вѣнскомъ конгрессѣ, имъ созванномъ, надѣялся онъ упрочить сей миръ, стараясь по возможности удовлетворять требованія Европейскихъ государей, согласовать между собою, охранять выгоды каждаго изъ воевавшихъ народовъ и устроить на будущее время малѣйшія причины къ раздорамъ. Сии высокія мысли занимали его, и въ концѣ Августа намѣренъ былъ онъ опять отправиться въ путь, дабы, возвратясь зимой, приняться за внутреннее устройство собственнаго государства.

Прежде отъѣзда Государь хотѣлъ обрадовать Петербургъ столь же умилительнымъ, какъ и великолѣпнымъ врѣлищемъ. Въ день Свѣтлаго Воскресенія, въ прекраснѣйшій весенній день, на площади мятежа, гдѣ совершенно было величайшее изъ преступленій, воздвигъ онъ высокій помостъ, на которомъ православное духовенство громко возгласило: *Христосъ Воскресъ!* При семъ возгласѣ, всякое Русское сердце радостнымъ трепетомъ наполняющемъ, православный Царь и за нимъ воины всѣхъ христіанскихъ народовъ и вѣроисповѣданій пали на колѣна передъ Богомъ браней и Богомъ мира, благословившимъ однѣ и даровавшимъ имъ другой. Безчисленныя толпы нечестивыхъ зрителей составляли раму этой картины, изображающей торжество вѣры, примиреніе неба съ землею. Есть въ исторіи минуты, которыя должны гремѣть въ вѣкахъ, и Русскій молебенъ на Парижской площади принадлежитъ къ нимъ. У насъ давнымъ давно объ ней забыли, но кичливые иностранцы-пновѣрцы помнятъ ее и не могутъ ее простить намъ.

Сіе благодарственное торжество повторено было на Царицыномъ лугу 18-го Августа, въ день воспоминанія Кульмскаго сраженія. Большая часть участвовавшихъ въ немъ, ровно за годъ передъ тѣмъ, находилась въ парадѣ. Это также одно изъ нашихъ славнѣйшихъ воспоминаній въ нынѣшнемъ вѣкѣ, когда избраннѣйшая часть Русскаго войска въ Богемскихъ ущеліяхъ возобновила чудеса Оермопилъ. Въ этотъ же самый день учрежденъ благотворный комитетъ для раненыхъ воиновъ, и десятина со всего жалуемаго Государемъ должна собираться на содержаніе и успокоеніе ихъ.

Къ отъѣзду Государя ожидали большихъ перемѣнъ въ министерствахъ, и нѣкоторыя изъ нихъ дѣйствительно послѣдовали. Министръ иностранныхъ дѣлъ, государственный канцлеръ графъ Румянцовъ, еще въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ самовольно и безнаказанно сложилъ съ себя должности сіи. Онъ былъ ненавидимъ: чистосердечно дивясь и уважая Наполеона, союзника Россіи, онъ не могъ и не хотѣлъ никого увѣрить въ перемѣнѣ чувствъ своихъ къ нему, когда онъ возсталъ на нее. При началѣ войны, лишился онъ мѣста предсѣдателя Государственного Совѣта, переданнаго Салтыкову, потому что послѣдовалъ за Государемъ въ Вильну; потомъ въ Великихъ Лукахъ заключилъ онъ союзный трактатъ съ Гишпанскимъ правительствомъ и находился, наконецъ, въ Абовѣ во время свиданія кронъ-принца Бернадотта съ Императоромъ, но послѣ того оставался въ Петербургѣ безъ всякаго значенія, безъ всякой довѣренности. Радуясь успѣхамъ нашего оружія, онъ явно не одобрялъ средствъ, употребляемыхъ къ умноженію нашего нравственнаго могущества, и время показало, какъ былъ онъ правъ. А его почитали недругомъ отечества, и онъ оставался въ самомъ фальшивомъ положеніи, изъ коего онъ вышелъ, наконецъ, смѣло и благородно. Товарищъ его, сынъ князя Салтыкова, Александръ Николаевичъ, видя, что всѣ важные дипломатическіе акты совершаются за границей безъ участія ихъ обоихъ, прежде его еще вышелъ въ отставку. Управление (все еще) Коллегіей Иностранныхъ Дѣлъ само собою пало на жалкаго члена ея, тайнаго совѣтника Ивана Андреевича Вейдемейера, который, вѣроятно слишкомъ обрадовавшись столь неожиданной для него чести, тотчасъ послѣ того и умеръ. Тогда управление сей коллегіи перешло къ старшему ея чиновнику, начальнику одной изъ экспедицій ея, тайному совѣтнику Павлу Гавриловичу Дивову, человѣку весьма образованному, но не довольно способному къ занятію столь важной должности. Такъ оставалось оно болѣе полутора года.

Во время походовъ своихъ, при свиданіяхъ съ присоединяющимися къ нему одинъ за другимъ Европейскими государями и при личныхъ его переговорахъ съ ихъ министрами, императоръ Александръ позналъ истинное призваніе свое: онъ также родился дипломатомъ, какъ Наполеонъ полководцемъ. Тогда онъ нашель, что министръ иностранныхъ дѣлъ ему вовсе не нуженъ и что онъ самъ можетъ замѣнить его. Онъ ошибался; по Русской пословицѣ: умъ хорошо, а два лучше; онъ послѣ призналъ эту истину, когда по этой части взялъ себѣ въ помощь славнаго сотрудника. Но покамѣстъ сталъ употреблять перваго попавшагося ему подъ руку, не знаю въ какомъ качествѣ слѣдовавшаго за арміей, Нессельроде. Онъ сдѣлалъ изъ него статсъ-секретаря и родъ правителя военно-походной дипломатической канцеляріи своей. Онъ

взялъ его съ собою и въ Вѣпу, гдѣ для совершенія великаго труда ожидали опытные люди: Разумовскіе, Стакельберги, Анстеты; Нессельроде же безсловесно долженъ былъ возсѣдать на конгрессѣ. Можетъ быть, царскому самолюбію нравилась самая ничтожность этого чело-вѣка, безотвѣтная его робость, его покорность.

Люди съ такимъ свойствами, поставленные на самую высокую степень, почти всегда бываютъ вредны для государства, полезны же только самимъ себѣ. Имъ ли указывать на путь славы и величія? Ихъ угодливость—язва самодержавія. Въ сильномъ движеніи огромной машины Русскаго государства быстро уносятся люди и учрежденія; Нессельроде одинъ устоялъ противъ бурнаго потока; счастье постоянно ласкало его. Его начинаютъ уже называть Вѣчнымъ Жидомъ, и точно кажется, что съ нечистою силою заключилъ онъ тайный трактатъ. Изъ развалинъ прошедшаго этотъ поганый грибокъ все еще торчитъ одинъ, цѣлъ и невредимъ. Но оставимъ его; если смерть не остановитъ руки моей, не разъ придется еще объ немъ писать.

Наканунѣ отъѣзда своего, въ день своихъ именинъ, 30 Августа, Государь роздалъ много наградъ и сдѣлалъ нѣсколько новыхъ назначеній. Главнокомандовавшій не весьма удачно арміями, Александръ Петровичъ Тормасовъ, въ семь же званіи опредѣленъ въ Москву на мѣсто графа Растопчина. «Онъ сжегъ Москву», начали кричать пострадавшіе отъ пожара и недовольные строгимъ порядкомъ имъ вводимымъ. Не знаю, но думаю, что неблагодарность соотечественниковъ возмутила его строптивый духъ, и онъ самъ пожелалъ отойти, а Государь вѣроятно не захотѣлъ воспротивиться общему желанію. Послѣ того Растопчинъ на долго уѣхалъ за границу.

Призваніе Дмитрія Прокофьевича Троцинскаго къ должности министра юстиціи было также большою новостію этого дня. Въ первые полтора года царствованія Александра былъ онъ главною пружиной управленія. Послѣ того обидно ему казалось оставаться при однихъ почтахъ и удѣлахъ, и онъ оставилъ службу. Но видно, бездѣйствіе тяготило его точно такъ же, какъ дѣятельностію скучалъ его предмѣстникъ. Дмитріевъ по прошенію весьма милостиво уволенъ. Мнѣ случилось послѣ отъ него самого слышать, что какія-то несогласія съ Молчановымъ побудили его выйти. Признаюсь, я въ этомъ видѣлъ одинъ предлогъ. Оторванный отъ мирной жизни и любимыхъ занятій поэтъ, я думаю, часто вздыхалъ о свободѣ. Доказательствомъ того, что онъ мечталъ о ней, служить годовой отпускъ его въ 1813 году. Онъ воспользовался имъ, чтобы на пожарницѣ Москвы уготовить для себя укромный и красивый пріютъ. Во время отсутствія его министерствомъ

управлялъ преданный ему Болотниковъ, кажется, знакомый моему читателю.

При этомъ вспомнилъ я разсказанные мнѣ довольно забавныя анекдоты, и ими хочу кончить сію главу. Когда Дмитріевъ уѣхалъ, Болотниковы, не спросясь его и отдавъ собственный домъ въ наймы, перебрались въ казенный домъ Министерства Юстиціи, въ старинномъ вкусѣ просторный отель, во времена Екатерины построенный генералъ-прокуроромъ княземъ Вяземскимъ, и перевезли туда весь хламъ свой. Тамъ расположились они въ богатыхъ комнатахъ со штофными обоями и бархатомъ обитыми креслами, но никакъ не отказались отъ мѣщанскихъ привычекъ своихъ. Каждое утро, падчерница Софья Николаевна Бушенъ, которой нѣкогда былъ я обреченъ, въ большой-приемной залѣ проходила сквозь толпу просителей и докладчиковъ, взлѣзала на стулъ и собственноручно заводила стѣнные деревянные часы съ кукушкой, вѣроятно родовые, наслѣдственные. Елисавета Христіановна подлѣ самой спальни министерской, съ раззолоченною альковой, устроила себѣ кухню съ плитой. Со времени прекрасныхъ дней Французской революціи, послѣ мадамъ Роланъ, ни одна министерша въ житиѣ своемъ не являла столь милой простоты.

За мѣсяцъ до возвращенія своего, Дмитріевъ письменно извѣщалъ объ немъ Болотникова и просилъ очистить для него домъ. Но супругъ его полюбилось широкое житиѣ, и она не хотѣла съ нимъ разстаться. Въ одну ночь, когда, возвратясь съ бала, можетъ быть отъ Хвостова, она начинала раздѣваться и обнажать прелести свои, безъ спросу вошелъ къ ней Дмитріевъ въ дорожномъ платьѣ, и пошли у нихъ пререканія. Въ эту ночь Иванъ Ивановичъ въ одной изъ комнатъ нашелъ себѣ мѣсто для отдохновенія, а на другое утро Алексѣй Ульяновичъ, какъ съ чужаго коня среди грязи, долженъ былъ выѣхать изъ дома. И это ихъ навсегда поссорило.

XI.

Совершенное выздоровленіе вскорѣ послѣ тяжелой болѣзни есть самое пріятное состояніе для человѣка. Въ немъ, казалось, всю осень и всю зиму находился Петербургъ. Никакихъ заботъ, неудовольствій, искательствъ, ничего что бы похоже было на обманутое честолюбіе не было замѣтно: ну точно какъ будто въ прежніе годы въ Москвѣ. О политикѣ не было помину; впрочемъ, подъ этимъ словомъ разумѣли дотолѣ толки о побѣдахъ и завоеваніяхъ или о пораженіяхъ Наполеона.

Все что происходило въ Вѣнѣ, какъ межевали тамъ Европу, какія представлялись затрудненія, какія возникли несогласія, все это

было великою тайной, которую никто проникнуть не старался. Знали только, что Польша будетъ наша. Говорили также, что конгрессъ не идетъ, а пляшетъ: увеселеніямъ, празднествамъ конца тамъ не было.

Утраты придворнаго общества въ эту зиму еще болѣе умножились. Сама императрица съ супругомъ находилась въ Вѣнѣ. Знатные сотнями кинулись за границу, въ отпертую имъ со всѣхъ сторонъ Европу; это совершенно походило на эмиграцію. Оттого Петербургское общество сохранило прошлогодній цвѣтъ, и графиня Хвостова съ компаніей продолжала бальничать. Изъ высшаго круга нѣкоторые члены посѣщали сіи вечернія собранія и жестоко надъ ними насмѣхались.

Я возобновилъ въ это время много старыхъ знакомствъ и сдѣлалъ нѣсколько новыхъ. Послѣ долгой разлуки, первое свиданіе мое съ Дмитріемъ Николаевичемъ Блудовымъ было одною изъ радостныхъ минутъ моей жизни. Въ продолженіе двухъ лѣтъ съ половиною сколько перемѣнъ! Нужно ли говорить, что взаимныя чувства наши не измѣнились? Любопытно мнѣ было человѣка, котораго оставилъ я безопаснымъ юношей, найти мужемъ, отцомъ и хозяиномъ дома. Желанія его совершились: весной 1812 года вступилъ онъ въ бракъ съ княжною Щербатовой. Военныя происшествія омрачили первые мѣсяцы его супружества, и вскорѣ потомъ, когда собирался онъ къ новому мѣсту назначенія, совѣтника посольства въ Стокгольмѣ, долженъ былъ похоронить онъ тещу. Онъ оставилъ эту должность и пріѣхалъ въ Петербургъ, не задолго до возвращенія моего въ сію столицу.

Находясь въ Стокгольмѣ, онъ имѣлъ случай близко узнать славнаго воина Бернадота, мудраго и дальновиднаго человѣка, который, не смотря на всѣ быстрыя перемѣны обстоятельствъ, умѣлъ твердо удержаться на ступеняхъ Шведскаго престола и на немъ самомъ. Потомъ былъ онъ въ короткихъ сношеніяхъ съ ученымъ и достопочтеннымъ библіофиломъ, графомъ Сухтеленемъ, о которомъ много говорилъ я въ первой части сихъ Записокъ и который находился тогда при этомъ дворѣ въ качествѣ не посланника, а чего-то болѣе. Тутъ познакомился онъ и сблизился съ знаменитою Сталь, которая, бѣгая отъ Наполеона изъ государства въ государство, цѣлую зиму провела въ Швеціи. Чужой умъ пристаеетъ только къ тѣмъ, кои сами имъ избилуютъ; имъ только однимъ идетъ онъ въ прокъ. Обмѣнъ мыслей есть обширная торговля, въ которой непремѣнно надобно быть капиталистомъ, чтобы сдѣлаться миліонеромъ, и въ этомъ смыслѣ я нашелъ, что Блудовъ еще болѣе разбогатѣлъ. Онъ часто удивлялъ меня своимъ умомъ, а послѣ возвращенія его изъ Швеціи и моего изъ Пензы, начиналъ онъ ужасать меня имъ.

Какъ пріятно мнѣ было видѣть его счастливымъ въ домашней жизни! Болѣе по слуху уже изобразилъ я Анну Андреевну; лично узнавъ ее, не могу здѣсь умолчать о ея почтенныхъ и любезныхъ свойствахъ. Природа одарила ее чувствами самыми вѣжными и кроткими: я не знавалъ женщины болѣе способной любить ближнихъ, любить не пылко, но искренно и постоянно. Около нея была атмосфера добра и благосклонности; разумѣется, что тѣ, кои были ближе къ ней, мужъ, дѣти и родственники, болѣе другихъ испытывали усладительное дѣйствіе оной; но и друзья и знакомые ихъ, вступая въ этотъ благородный кругъ, подчинялись его пріятному вліянію.

Если сначала я нѣсколько завидовалъ Влудову какъ супругу, то отнюдь не какъ отцу. На рукахъ терпѣливой Шведской дады (кормилицы) было маленькое созданіе, въ которомъ уже можно было угадывать умъ, затѣйливость, по прихотямъ, кои возрастали по мѣрѣ безпрестаннаго удовлетворенія ихъ. Отецъ въ полномъ смыслѣ боготворилъ дочь свою, а мнѣ дѣвочка казалась несносною. Могъ ли я думать тогда, что придетъ время, въ которое высокія чувства души, любезность ея, доброта и успѣхи въ свѣтѣ, будутъ радовать меня какъ роднаго и, повторяя слова Пушкина, я буду гордиться ею, какъ старая няня своею барышней?

Въ числѣ новыхъ знакомствъ не надлежало бы упоминать мнѣ о мимоходныхъ, о тѣхъ, кои по себѣ не оставили никакихъ слѣдовъ. Но когда это весьма замѣчательныя лица, то какъ не помѣстить ихъ здѣсь? Не знаю почему, Четвертинскому такъ полюбилась Пенза, что покамѣстъ онъ все еще оставался въ ней. Когда я началъ собираться въ дорогу, желая мнѣ много добра, сказалъ онъ мнѣ, что знакомство съ его сестрой можетъ быть мнѣ полезно и по службѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ признался, что дружба ихъ до того охолодѣла, что они болѣе не переписываются, и предложилъ мнѣ только письмо къ зятю своему, Димитрію Львовичу Нарышкину, который и введетъ меня въ гостиную, а можетъ-быть и въ кабинетъ жены своей.

Марья Антоновна жила тогда (и кажется, въ послѣдній разъ) на дачѣ своей у Крестовскаго перевоза. Хотя домъ былъ довольно просторенъ и красивъ, и передъ нимъ растилался къ рѣкѣ прекрасный цвѣтникъ, но это никакъ не походило на замокъ какой-нибудь Діаны де-Поатье. Соображаясь съ простотою вкусовъ Императора, который въ первые годы своего царствованія всѣмъ загороднымъ дворцамъ своимъ предпочиталъ Каменноостровскій, она по близости его купила сію дачу у наслѣдниковъ Петра Ивановича Мелиссино, который, истративъ большія суммы на обсушеніе и возвышеніе сего небольшого уголка, далъ ему названіе *Ma Folie*. Отдѣленное Карповкой отъ другихъ

дачь Аптекарскаго острова, сіе мѣсто представляло ей удобство сосѣдства и уединенія для принятія тайныхъ посѣщеній Царя.

Одичавъ въ провинціи, я не тотчасъ по прїѣздѣ рѣшился везти письмо къ Нарышкину. Хорошимъ пріемомъ онъ ободрилъ меня. Онъ принадлежалъ къ небольшому остатку придворныхъ вельможъ прежняго времени, со всѣми былъ непринужденно учтивъ, благороденъ сердцемъ и манерами, но также, какъ почти всѣ они, сластолюбивъ, роскошенъ, расточителенъ, при умѣ и характерѣ не весьма твердомъ.

Попросивъ меня немного подождать, черезъ нѣсколько комнатъ пошелъ онъ самъ доложить обо мнѣ, и вскорѣ потомъ черезъ нихъ проводилъ меня въ храмъ красоты. Она была одна, приняла меня стоя, не посадила, а только по Польскому или не знаю какому другому обычаю протянула мнѣ руку, которую поцѣловалъ я. Наружный жаръ былъ умѣряемъ спущенными маркизами и прохладительнымъ вѣтеркомъ; среди благовонія цвѣтовъ и тысячи великолѣпныхъ бездѣлокъ, которыя начинали тогда входить въ моду, смотрѣть на совершенную красавицу было бы весьма пріятно; но я въ ней видѣлъ полу-царя и немного смѣшался, только не на долго. Она была женщина добрая и не спѣсивая, спрашивала меня о братѣ, о его семействѣ и житѣи, наконецъ, пригласила меня, и довольно настоятельно, обѣдать у нея по воскреснымъ днямъ, когда бываетъ у нея много гостей и передъ окнами играетъ музыка, въ виду гуляющихъ на Крестовскомъ острову.

Въ первое Воскресенье воспользовался я сдѣланнымъ мнѣ приглашеніемъ. Общество было отборное, съ хозяйкой свободно-почтительное. Она обошла со мной весьма ласково и рекомендовала меня сестрѣ своей, княжнѣ Жанетѣ Четвертинской и Поляку Вышковскому, который, какъ послѣ узналъ я, былъ ея суженый. Наружность сей послѣдней мнѣ показалась бы непріятною, еслибъ она была со мною и невнимательнѣе; изъ нѣсколькихъ словъ Поляка, довольно пожилаго и невзначуаго, не менѣе того весьма надменнаго, могъ я замѣтить, что онъ великій руссоненавистникъ. И вотъ кто долженъ былъ замѣнить ей Цесаревича! Двѣ воспитанницы или собесѣдницы, право не знаю, одна дородная, свѣжая и пригожая Полька Студилловская, другая молоденькая, тоненькая, хорошенькая Англичаночка, которую звали просто Салли, подошли ко мнѣ сами знакомиться, были отиѣнно любезны и сказали мнѣ, что, во вниманіи къ прїязни моей съ братомъ, котораго Марья Антоновна никогда не переставала любить, желаетъ она, чтобы я сдѣлался у нея домашнимъ. Братья Нарышкины были извѣстные гастрономы: столъ и вина были чудесные.

Все это мнѣ очень полюбилось, и въ слѣдующее Воскресенье явился я опять къ обѣду, хотя и зналъ уже, что на покровительство г-жи Нарышкиной надѣяться мнѣ нечего. Намъ съ братомъ ея въ Пензѣ еще не было извѣстно, что царственная связь, увѣ! уже совершенно разорвана. Это нимало не помѣшало бы мнѣ повторять мои посѣщенія; но наступилъ Сентябрь, Нарышкины переѣхали въ городъ и въ томъ же мѣсяцѣ Марья Антоновна на долго отправилась въ чужіе края. Мнѣ больно было бы сказать здѣсь, какую нашелъ я ее, когда, послѣ десятилѣтій, встрѣтись съ ней за границей, возобновилъ я знакомство съ нею и часто видѣлся.

Передъ отъѣздомъ моимъ изъ Пензы, часто началъ посѣщать меня плутъ Магіёръ, который перессорился съ плѣнными Наполеоновскими Французами. Онъ старался увѣрить меня, что втайнѣ никогда не переставалъ быть преданъ законнымъ государямъ своимъ, Бурбонамъ, и прочиталъ письмо или просьбу къ герцогу Ангулемскому, въ которомъ, объясняя, что отецъ его (не упоминая въ какой должности) служилъ графу д'Артуа, отцу герцога, онъ, наслѣдникъ вѣрности, желаетъ посвятить жизнь свою его высочеству. Когда совсѣмъ собрался я въ путь, вручилъ онъ мнѣ другое письмо къ Екатеринѣ Феодоровнѣ Муравьевой, желая, чтобы я отдалъ его лично, присоединивъ мои просьбы къ его моленіямъ о помощи, дабы могъ онъ освободиться отъ ссылки и возвратиться въ отечество. Я радъ бы былъ избавить Россію отъ всѣхъ иностранныхъ негодяевъ и далъ ему слово исполнить его требованіе.

Даму, къ которой адресовалъ онъ меня, я лично не зналъ. Она слыла добродушною и добродѣтельною, то-есть строгой нравственности въ отношеніи къ супружескому долгу. Послѣднее было справедливо и, я думаю, не весьма трудно, ибо она была дурна какъ смертельный грѣхъ и съ богатымъ приданымъ лѣтъ тридцати едва могла найти жениха. Я немного совѣстился быть ходатаемъ за мошенника и старался разжалобить ее; къ изумленію моему, она горячо принялась за это дѣло, и участіе мое въ немъ послужило мнѣ лучшею у нея рекомендаціей. Она оказала мнѣ много благосклонности и просила считать себя у нея какъ дома.

Мужъ ея, Михаилъ Никитичъ, былъ примѣромъ всѣхъ добродѣтелей и послѣ Карамзина, въ прозѣ, лучшимъ у насъ писателемъ своего времени. Онъ вмѣстѣ съ Лагарпомъ находился при воспитаніи императора Александра, платилъ дань своему вѣку и мечталъ о народной свободѣ, пока она была еще прекрасною мечтою, а не ужасною истиной; кроткую душу его возмущало слово тиранство. Свои правила передалъ онъ женѣ, и они сдѣлались наслѣдіемъ его семейства. Но

втайнѣ она была исполнена гордости и тщеславія, а только по наружности заимствовала у мужа видъ смиренія. По мнѣнію ея, онъ не былъ достойнымъ образомъ награжденъ по воцареніи воспитанника своего за попеченія его объ немъ.

Онъ не одинъ пользовался его довѣренностію и былъ только товарищемъ министра народнаго просвѣщенія; при первомъ случаѣ вѣрно былъ бы онъ и министромъ, но смерть рано его похитила, и Государь забылъ о вдовѣ его, которую впрочемъ и не знавалъ. Неудовольствіе на правительство часто обращается въ постоянную оппозицію и принимаетъ видъ свободомыслія. Сія малорослая женщина, худая какъ сухарь, вѣчно судорожно-тревожная, отъ природы умная и образованная мужемъ, въ гостиныхъ умѣла быть тиха, воздерживаться отъ гнѣва и всѣхъ дарить улыбками. Горе только тѣмъ, кои находились въ прямой отъ нея зависимости: она была ихъ мучительницей, ихъ губительницей. Но подобно самкамъ всѣхъ лютыхъ животныхъ, чувство материнской нѣжности превосходило въ ней все, что вообразить можно.

У нея было два сына, которые оба походили на отца душой и сердцемъ, а старшій даже и умомъ. Меньшой, малолѣтній, находился при ней; старшаго Никиту, офицера Генеральнаго Штаба, ожидала она съ нетерпѣніемъ изъ арміи. Всѣ радости, всѣ надежды ея сосредоточивались на немъ, и онъ былъ дѣйствительно того достоинъ. Къ несчастію, поручила она образованіе его сорванцу, Якобинцу Магіёру. Идеями, согласными съ ея образомъ мыслей, вкрался онъ въ ея довѣренность и заразилъ имъ воображеніе отрока, но не могъ испортить его сердца. Не могла того сдѣлать и мать, вливая въ него желчь свою и раздражая его противъ верховной власти.

Я сказалъ, что она была богата; тогда пользовалась она только частію слѣдуемаго ей имуществва. У нея живъ былъ еще отецъ, осмидесятилѣтній скупой старецъ, сенаторъ Ѳедоръ Михайловичъ Колокольниковъ, баронъ по неволѣ *). Долго, очень долго голосъ опытнаго, умнаго и злаго старика увлекалъ въ Сенатъ невнимательныхъ или не свѣдущихъ сочленовъ. Онъ уже слабѣлъ и вскорѣ потомъ умолкъ. Тогда домъ разбогатѣвшей его дочери сдѣлался однимъ изъ роскошнѣйшихъ и пріятнѣйшихъ въ столицѣ. Встрѣчая въ немъ почти всѣхъ моихъ знакомыхъ, сдѣлался я частымъ его посѣтителемъ. Что я послѣ

*) Надѣясь на кредитъ зятя, въ коронацію Александра, Колокольниковъ изъявилъ желаніе получить графское достоинство. Государь, улыбаясь, пожаловалъ его барономъ, и раздосадованный Колокольниковъ, даже въ официальныхъ бумагахъ, никогда не хотѣлъ употреблять сего титула.

въ немъ увидѣль, увидать и читатели, если Записки сіи не прекратятся.

Въ домахъ Блудова и Муравьевой познакомился я съ двумя молодыми людьми, коихъ пріязнію и благорасположеніемъ имѣю право гордиться. Я только что назвалъ Дмитрія Васильевича Дашкова, когда онъ пріѣхалъ съ Дмитріевымъ служить въ Петербургъ; нѣсколько разъ видѣль я его, кажется, даже и разговаривалъ съ нимъ, но вообще онъ не спѣшилъ знакомиться. Онъ былъ въ лучшихъ годахъ жизни, высокъ ростомъ, имѣлъ черты правильныя и красивыя, видъ мужественный и скромный вмѣстѣ. Въ обществѣ казался онъ даже нѣсколько угрюмъ, смотрѣлъ задумчиво и разсѣянно, и рѣдко кому улыбался; за то улыбка его была пріятна, какъ отъ скупаго дорогой подарокъ; только въ пріятельскомъ кругу скупой дѣлался расточителемъ. Незнакомые почитали Дашкова холоднымъ и мрачнымъ: онъ весь былъ любовь и чувство; былъ чрезвычайно вспыльчивъ и нетерпѣливъ, но необычайная сила разсудка, коимъ одарила его природа, останавливала его въ предѣлахъ умѣренности. Эта вѣчная борьба съ самимъ собою, въ которой почти всегда оставался онъ побѣдителемъ, проявлялась и въ рѣчахъ его, затрудняла его выговоръ: онъ заикался. Когда же касался важнаго предмета, то говорилъ плавно, чисто, безостановочно; таже чистота была въ душѣ его, въ слогѣ и даже въ почеркѣ пера.

Онъ принадлежалъ къ древнему дворянскому роду, но не былъ богатъ. Когда былъ онъ еще мальчикомъ, Дмитріевъ замѣтилъ его литературныя способности и поощрялъ ихъ. Онъ служилъ въ Иностранной Коллегіи, когда Дмитріева сдѣлали министромъ юстиціи; привлеченный имъ, онъ перешелъ на другую стезю. На трехъ дорогахъ, по которымъ въ самой первой молодости повела его судьба, умѣлъ онъ отличиться. Упражняясь пристально въ дѣлахъ судебныхъ, въ минуты отдохновенія продолжалъ онъ предаваться любимымъ юношескимъ занятіямъ своимъ. Маленькая брошюра, подъ названіемъ: *О легчайшемъ способѣ отвѣчать на критики*, была праца, съ которою сей новый Давидъ вступилъ въ борьбу съ тогдашнимъ Голиаѳомъ, Шишковымъ. Я счелъ не излишнимъ означить здѣсь первыя начала прекрасной полезной жизни, которой конецъ осужденъ я былъ оплакать. Я знавалъ людей, которые имѣли несчастіе ненавидѣть Дашкова; презирать его никто не смѣлъ и не умѣлъ.

Двоюродный племянникъ покойнаго Муравьева, Константинъ Николаевичъ Батюшковъ, въ домѣ его вдовы былъ принятъ какъ сынъ родной. Подъ руководствомъ благодѣтельнаго дяди, съ малолѣтства посвятилъ онъ себя поэзіи. Но лишь только прошелъ первый слухъ о

дальней опасности, грозящей отечеству, бросилъ онъ лиру и схватилъ мечъ. Онъ вступилъ въ Петербургскую милицію, и съ нею, будучи почти мальчкомъ, сражался въ 1807 году и былъ раненъ. Изъ военной службы его не выпустили и перевели офицеромъ въ гвардейскій егерскій полкъ; тутъ опять пошелъ онъ въ походъ противъ Шведовъ, опять дрался и опять былъ раненъ. Сложенія былъ онъ не крѣпкаго, здоровье и нервы его послѣ того разстроились; онъ долженъ былъ оставить службу. Когда силы возвратились къ нему, въ 1813 году поспѣшилъ онъ къ знаменамъ отчизны и подъ ними вступилъ въ Парижъ. Потомъ опять принялся онъ пѣть стихи свои; я говорю пѣть, ибо они—музыка. Въ нихъ и въ его гармонической прозѣ видна вся душа его, чистая, благородная, то дѣтски веселая, то нѣжно унылая. Въ такія лѣта, когда разсудокъ еще не образовался, врожденный вкусъ уже указалъ ему на недостатки многихъ бездарныхъ нашихъ писателей, и когда другіе безотчетно поклонялись имъ, онъ въ забавныхъ стихахъ: *Видніе на берегахъ Леты*, позволилъ себѣ ихъ осмѣять. Имъ почти никого не раздражилъ онъ; не то еслибы намъ грѣшнымъ! И вотъ привилегія добродушія: его насмѣшки получаютъ всегда просто названіе шутокъ.

Онъ давно уже былъ завербованъ въ Оленинское общество, о коемъ говорилъ я въ предыдущей части. Во время долгаго отсутствія моего изъ Петербурга, согласіе въ образѣ мыслей сблизило его сперва съ Тургеневымъ, потомъ съ Дашковымъ и Блудовымъ. Составилась пріятная, безпритворная, холостая компанія, и вечернія бесѣды наши оживлялъ Батюшковъ веселымъ, незлобивымъ остроуміемъ своимъ. Мы недавно были знакомы, а его уже беспокоило затруднительное положеніе мое, и онъ помышлялъ о средствахъ меня изъ него вывести.

Послѣ смерти графа Строгонова, Оленинъ былъ назначенъ президентомъ Академіи Художествъ и директоромъ Императорской Публичной Библіотеки. Она помѣщена была въ прекрасномъ закругленномъ зданіи, построенномъ при Екатеринѣ на углу Невскаго проспекта и Садовой улицы, и на двѣ трети составлена была изъ завоеванной въ Варшавѣ библіотеки графа Залуцкаго. Съ пріобрѣтенными прежде и вновь пріобрѣтаемыми твореніями, число книгъ было довольно значительно, но всѣ онѣ, неразобранныя, лежали грудами. Заботливый Оленинъ составилъ новое положеніе и новый штатъ для заведенія сего, и они были утверждены въ началѣ 1812 года; послѣ того книги кое-какъ приведены въ нѣкоторый порядокъ. Тутъ нужны были ученые, а новыя мѣста, раздѣленныя на библіотекарей и ихъ помощниковъ, Оленинъ роздалъ поэтамъ и приближеннымъ своимъ. Въ числѣ первыхъ прежде его находился одинъ человекъ, который бы могъ быть весьма

полезенъ, братъ генерала графа Сухтелена, Руфъ Коркиловичъ, съ которымъ путешествовалъ я по Сибири. Но онъ устарѣлъ, безъ брата жить не могъ и, получивъ отпускъ, отправился къ нему въ Стокгольмъ; оттуда прислалъ онъ просьбу объ отставкѣ. Его-то мѣсто втайнѣ прочилъ мнѣ Батюшковъ и для того желалъ познакомить меня съ домомъ Олениныхъ. Симъ мѣстомъ могли быть удовлетворены скромныя желанія мои: хорошая квартира съ дровами, полторы тысячи рублей ассигнаціями жалованья и занятія по вкусу, вотъ чтò, по тогдашнему мнѣнію моему, казалось достаточнымъ на цѣлую жизнь.

Хотя по извѣстности Батюшкова, его чрезвычайно и приголубляли у Олениныхъ, но онъ на одного себя не понадѣялся, зная, что есть существо, которое мало-по-малу овладѣло всѣмъ этимъ домомъ. Разъ, прогуливаясь со мною вмѣстѣ, какъ будто не нарочно завелъ онъ меня къ другу своему, Гнѣдичу. Кривому Пилладу было мало одного Ореста, Крылова; тотъ никогда не отпирался отъ его дружбы, но никогда и не сознавался въ ней; легче было приобрести ее у пылкаго Батюшкова. Тѣсная связь между ими сплетена была какъ изъ хитрости Украинца, такъ и изъ добросердечія и довѣрчивости Русскаго. Предупредивъ Гнѣдича о своихъ и моихъ намѣреніяхъ, онъ какъ будто нечаянно вспомнилъ о томъ, дабы у перваго посѣщенія отнять видъ презентаціи и просительности. Приемомъ остался я доволенъ; въ немъ было даже нѣчто пріязненное. Черезъ нѣсколько дней Гнѣдичъ самъ зашелъ навѣстить меня и объявить, что дѣло можно почитать, какъ говорится, въ шляпѣ; что оно могло бы тотчасъ быть окончено, но что Сухтеленъ при отставкѣ требуетъ полный пенсіонъ и чинъ статскаго совѣтника, чего нельзя сдѣлать безъ Государя, а онъ кромѣ самаважнѣйшихъ бумагъ не велѣлъ ничего присылать къ себѣ въ Вѣну, но вѣроятно скоро возвратится. Онъ сказалъ мнѣ, что Оленинъ самъ очень желаетъ познакомиться со мной, но что чрезвычайно озабоченъ по новой должности на него возложенной, и свободныя минуты посвящаетъ семейству своему, живущему до зимы на дачѣ его, Пріютицкѣ, въ двадцати верстахъ отъ Петербурга. И дѣйствительно, контрастъ между Сперанскимъ, столь примѣчательнымъ по необыкновенному уму своему и познаніямъ, и преемникомъ его Шишковымъ, который внѣ Славянской лингвистики ничего не смыслилъ, былъ слишкомъ разителенъ, чтобы сей послѣдній могъ долго оставаться на его мѣстѣ государственнымъ секретаремъ. Онъ уволенъ, и исправленіе этой должности поручено было Оленину.

Живши посреди друзей Русской литературы, я непримѣтнымъ образомъ съ нею ознакомился и сталъ болѣе заниматься ею. Все чтò ни затѣвалъ я въ жизни, приходило мнѣ въ голову внезапно, неужи-

данно; разъ поутру сказалъ я самъ себѣ: дай попробую, и принялся писать, что бы вы думали? историческій словарь великихъ мужей въ Россіи. Этотъ трудъ уже самъ по себѣ мнѣ былъ не подъ силу; но былъ еще другой, гораздо важнѣе, отрывать источники, копаться въ нихъ; сей послѣдній испугалъ меня, отнял у меня всю бодрость. А покамѣстъ написалъ я нѣсколько статей и имѣлъ безстыдство показать ихъ Влудову. Его неистощимая снисходительность ко мнѣ ослѣпила ли его, или онъ нашелъ, что для неопытнаго дѣйствительно недурно и надѣялся что со временемъ могу набить я руку, только похвалилъ меня. Похвала изъ устъ такого строгаго судьи въ литературѣ чрезвычайно возбуждательна и... и, какъ говорится, пошла писать! Судя по связямъ моимъ, хотя написалъ я немного строкъ и ни одной не напечаталъ, безграмотные начали подозрѣвать меня въ авторствѣ, и сіе дало мнѣ новое право на званіе бібліотекаря.

Наконецъ, въ Ноябрѣ, Алексѣй Николаевичъ и Елисавета Марковна Оленины возвратились изъ Пріютина и открыли домъ свой. Я вступилъ въ него твердою ногой, упираясь на трехъ поэтовъ, на прежняго наставника моего Крылова, на Гнѣдича и на Батюшкова. Подобнаго дома трудно было бы сыскать тогда въ Петербургѣ, нынѣ невозможно, и я думаю услужить потомству, изобразивъ его. Начнемъ съ хозяина. Принадлежа по матери къ Русской знати, будучи роднымъ племянникомъ князя Григорія Семеновича Волконскаго, Оленинъ получилъ аристократическое воспитаніе, выученъ былъ иностраннымъ языкамъ, посылаемъ былъ за границу. Древность дворянскаго рода его и состояніе весьма достаточное не дозволили бы однакоже ему, подобно знатнымъ, ожидать въ праздности наградъ и отличій, подобно имъ быть знакому съ одною роскошью и любезностью гостиныхъ. Вѣроятно, онъ это почувствовалъ, а можетъ-быть, по врожденной склонности, сталъ прилежать къ наукамъ, приучать себя къ трудамъ; онъ прослужилъ цѣлый вѣкъ и приобрѣлъ много познаній, правда, весьма поверхностныхъ, но которыя въ его время и въ его кругу заставили видѣть въ немъ ученаго и дѣловаго человѣка. Его чрезмѣрно сокращенная особа была отмѣнно мила; въ маленькомъ живчикѣ можно было найти тонкій умъ, веселый нравъ и доброе сердце. Онъ не имѣлъ пороковъ, а нѣсколько слабостей, свѣтомъ извиняемыхъ и даже раздѣляемыхъ. Напримѣръ, иногда не измѣняя чести, былъ онъ, какъ всѣ служащіе въ Петербургѣ быть должны, искателемъ въ сильныхъ при дворѣ и чрезвычайно уступчивъ въ сношеніяхъ съ ними. Также, по пословицѣ, всегда гонялся онъ за всѣми зайцами вдругъ; но, не по пословицѣ, наступалъ ихъ: у котораго оторветъ лоскутъ уха, у котораго клочекъ шерсти, и сими трофеями любилъ онъ украшать не только

кабинетъ свой, а отчасти и гостиную. Онъ имѣлъ притязанія на званіе литератора, артиста, археолога; даже тѣ люди, кои видѣли несомнѣтельную сихъ претензій, любя его, всегда готовы были признавать ихъ правами. Самъ Александръ шутилъ прозвалъ его Tausendkünstler, тысячейскусникомъ.

Его подруга, исключая роста, была во многомъ съ нимъ схожа. Эта умная женщина исполнена была доброжелательства ко всѣмъ; но въ изъявленіи его нѣкоторая преувеличенность заставляла иныхъ весьма несправедливо сомнѣваться въ его искренности. Она была дочь извѣстнаго при Елисаветѣ и потомъ долго при Екатеринѣ Марка Федоровича Полторацкаго, основателя придворной капеллы пѣвчихъ и чрезвычайно многочисленнаго потомства. Характеръ имѣетъ также свою особую физіономію какъ и лицо, и единообразіе ся выпечатано было на всѣхъ дѣтяхъ его обоого пола; всѣ они склонны были, смотря по уму каждаго, къ пріятному или скучному балагурству; объ одномъ изъ нихъ, Константинѣ, гдѣ-то вскользь я упомянулъ. Склонность, о которой сейчасъ говорилъ я, и любовь къ общежитію, побѣждали въ Елисаветѣ Марковнѣ самыя тѣлесныя страданія, коимъ такъ часто была она подвержена. Часто, лежа на широкомъ диванѣ, окруженная посѣтителеми, видимо мучась, умѣла она улыбаться гостямъ. Я находилъ, что тутъ и мужская твердость воли, и ангельское терпѣніе, которое дается однимъ только женщинамъ. Ей хотѣлось, чтобы всѣ у нея были веселы и довольны, и желаніе безпрестанно выполнялось. Нигдѣ нельзя было встрѣтить столько свободы удовольствія и пристойности вмѣстѣ, ни въ одномъ семействѣ—такого добраго согласія, такой взаимной нѣжности, ни въ какихъ хозяевахъ—столь образованной пріятливости. Всего примѣчательнѣе было искусное сочетаніе всѣхъ пріятностей Европейской жизни съ простотой, съ обычаями Русской старины. Гувернантки и наставники, Французы, Англичанки и дальнія родственницы, проживающія барышни и нѣсколько подчиненныхъ, обратившихся въ домочадцевъ, наполняли домъ сей какъ Ноевъ ковчегъ, составляли въ немъ разнородное, не менѣе того весьма согласное, общество и давали ему видъ трогательной патріархальности. Я увѣренъ, что Крыловъ болѣе всѣхъ умѣлъ окрасить его въ Русскій цвѣтъ. Замѣтно было, какъ пріятно было умному и уже нѣсколько пожилому тогда холостяку давать себя откармливать въ немъ и баловать. Посѣщаемый знатно и лучшимъ обществомъ Петербургскимъ, домъ сей былъ уважаемъ; по моему онъ могъ назваться образцовымъ, хотя имѣлъ и мало подражателей. Въ послѣдніе годы существованія старыхъ супруговъ, когда Россія такъ и вѣлалась въ европеизмъ, онъ сдѣлался анахронизмомъ. Миръ праху вашему, чета неоцѣненная! Оставайтесь

неразлучны въ другомъ мірѣ, какъ связаны были въ этомъ! Я иногда тоскую по васъ. Простите мнѣ, если безпристрастіе и правдолюбіе мое вынудили меня коснуться нѣкоторыхъ несовершенствъ, нераздѣльныхъ съ человѣческою слабостію. Тѣни, наведенныя мною на свѣтлую картину жизни вашей, я думаю, еще болѣе выказываютъ всѣ красоты ея.

Итакъ, зиму эту провелъ я довольно пріятнымъ образомъ, стараясь помаленьку забывать свое Пензенское горе. Въ продолженіе сей зимы пришлось мнѣ сдѣлать небольшое путешествіе. Въ самомъ началѣ сихъ Записокъ сказалъ я, что дѣдъ мой съ отцовской стороны заложилъ на пятьдесятъ лѣтъ все маленькое имуществъ свое, состоящее изъ двухъ мызъ въ Везенбергскомъ округѣ, въ Евскомъ кирхшпилѣ, съ такимъ условіемъ, чтобы залогодержатель, владѣя имъ, вмѣсто процентовъ пользовался доходами съ него. Отцу моему чрезвычайно хотѣлось, чтобы родовое имѣніе сіе возвращено было фамиліи его. Во исполненіе желанія его, для нея священнаго, мать моя, согласно съ условіемъ, за два года до истеченія срока предъявила Эстляндскому Губернскому Правленію намѣреніе свое имѣніе выкупить. Срокъ приблизился, и она прислала мнѣ бумагу, уполномочивающую меня дѣйствовать отъ имени всего семейства съ нѣкімъ Александромъ Никитинымъ, крѣпостнымъ человѣкомъ, прикащикомъ ея, проворнымъ, вѣрнымъ и рачительнымъ о барскихъ выгодахъ: такихъ нынѣ уже болѣе нѣтъ.

На другой день Богоявленія, мы выѣхали съ нимъ по Рижскому тракту на наемныхъ извозчикахъ. На всемъ этомъ пути до самой границы, частному лицу и съ подорожной невозможно было имѣть почтовыхъ лошадей, развѣ платя двойные или тройные прогоны. Смотрители на станціяхъ и трактирщики все были одни Нѣмцы; первые прижимали путешествующихъ, послѣдніе обирали ихъ. Внутри Россіи можно было еще иногда на шута прикрикнуть; тутъ было дѣло другое: народъ былъ хотя хищный, но гордый и самолюбивый, потому что умѣлъ пріобрѣсть покровителей въ почтовомъ департаментѣ. До Нарвы на всѣхъ станціяхъ выстроены уже были красивые, каменные дома для проѣзжающихъ, съ просторными, свѣтлыми и чистыми комнатами, довольно хорошо меблированными; окончательно и поспѣшно были они отдѣланы для проѣзда королевы Прусской. На входъ въ нихъ, мнѣ безподорожному, давало право требованіе обѣда, ужина или чая; плата за входъ обходилась довольно дорого. Дома сіи называли шагами къ просвѣщенію; съ этимъ я согласенъ и желаю, чтобы по большей части такими шагами подвигались мы къ нему.

Прибывши въ Нарву, не знаю по чьему совѣту, остановился я въ маленькомъ предмѣстіи, Ивангородѣ, у трактирщика Юргенса. Оттуда

отправилъ я Александра Никитина къ владѣющему имѣніемъ, изъ руки въ руки переходившимъ, отставному полковнику Борису Владимировичу Ребиндеру, возвѣстить о моемъ прїѣздѣ и спросить: гдѣ ему угодно будетъ назначить мѣсто для совѣщаній. Оставшись безъ него одинъ, и первый разъ въ жизни совсѣмъ безъ слуги, мнѣ было весьма невесело. Горе мое умножалъ дешевый, но уже слишкомъ умѣренный, столъ и хозяинъ, съ которымъ пришлось мнѣ жить почти въ одной комнатѣ и который половину дня бывалъ пьянъ. Мрачный и молчаливый поутру, послѣ обѣда дѣлался онъ говорливъ и фамиліаренъ, дерзокъ и шутливъ; а вы знаете, какъ несносны шутки Нѣмца-простолюдина! Въ совершенной скукѣ, не зная что дѣлать, пока бывало свѣтло, все бродилъ я пѣшкомъ. Осмотрѣвъ старый замокъ, Русскими по сю сторону Наревы построенный, въ два дня разъ десять побывалъ я въ самомъ городѣ, котораго тѣсныя улицы и древняя архитектура сначала были для меня любопытною новостью; наконецъ я ходилъ къ расхваленному мнѣ водопаду, у котораго вокругъ него построенныя мельницы отнимаютъ всю поэзію. На третій день рано поутру, лишь успѣлъ я встать и одѣться, послышался мнѣ ужасный крикъ. Загорѣлось на чердакѣ, и я нашелъ работниковъ усиливающихся залить огонь. Пока они тушили пожаръ, возгорѣлась жестокая брань между Юргенсомъ и его толстою супругой. Онъ разсудилъ въ этотъ день напиться до свѣту; при видѣ опасности исполнился онъ ярости и страха, началъ упрекать жену въ небрежности, поносить ее; она ему отвѣчала, и кончилось тѣмъ, что онъ прибилъ ее до крови. Въ негодованіи своемъ она сбѣжала внизъ, схватила дѣтей и опроретью помчалась къ какому-то богатому родственнику Гросслуну, давъ клятву никогда не возвращаться.

Я готовъ былъ за нею послѣдовать; мнѣ приходилось уже не въ мочь, какъ вдругъ явился мой Никитинъ и привезъ приглашеніе г. Ребиндера посѣтить его мызу не подалеку отъ станціи Вайвары. Никитинъ поступилъ какъ настоящій дипломатъ: онъ успѣлъ увѣрить Ребиндера, что я очень высоко цѣню честь быть Эстляндскимъ помѣщикомъ, и что въ Петербургѣ занялъ я семь тысячъ рублей серебромъ, дабы выкупную сумму внести всю сполна, тогда какъ присланныхъ матерью моею денегъ не было на то и четвертой доли *). Онъ изъяснилъ также желаніе осмотрѣть имѣніе въ подробности, и самъ Ребиндеръ возилъ его по полямъ и рощамъ: вотъ отчего замедлилось его возвращеніе. Не полѣнись только Русскій человекъ, онъ всегда проведетъ Нѣмца.

*) Суммы, которую по письму и довѣренности моей матери долженъ былъ я получить въ Петербургѣ, мнѣ не дали и очень хорошо сдѣлали.

Я пріѣхалъ на готовое: мнѣ не оставалось солгать ни одного слова. Г. Ребиндеръ старался мнѣ доказать всѣ невыгоды этого владѣнія. «Надобно самому тутъ жить, говорилъ онъ, и заниматься экономіей, чтобы извлечь изъ него какую-нибудь пользу; правда, лѣсу много, но онъ здѣсь не по чемъ; мужики лѣнивы, и составляется проектъ объ ихъ освобожденіи: тогда дворяне лишатся половины своихъ доходовъ». Больше всего испугалъ онъ меня однимъ изъ условій закладной, мною незамѣченнымъ: сказано, что за детеріорацію (ущербъ) наследники ничего не имѣютъ права взыскивать, а за всякую меліорацію (улучшеніе) должны платить; изъ одного этого могъ бы выйти процессъ. Я молчалъ, а послѣ какъ будто сталъ колебаться, и когда онъ мнѣ предложилъ семь тысячъ рублей серебромъ въ наличности, дабы временное владѣніе превратить въ вѣчное, я едва могъ скрыть свою радость: онъ могъ бы не дать мнѣ ни одной копѣйки. Я для пристойности сталъ торговаться, но онъ устоялъ на своемъ. По странности случая, отрицательный мой актъ подписанъ нами, съ приложеніемъ печатей, равно черезъ пятьдесятъ лѣтъ, изо дня въ день, послѣ закладной, 14 Января 1815 года. *)

Всего прожилъ я тутъ дни два, и мнѣ показалось весьма пріятно, особливо послѣ Нарвскаго сраженія, коего былъ я только что зритель. Семейство было доброе, честное и образованное, Нѣмецкое семейство, какихъ нынѣ найти только можно въ романахъ Августа Лафонтена. Сынъ г. Ребиндера, Борисъ Борисовичъ, человѣкъ уже въ лѣтахъ, находился въ отпуску и помогалъ отцу угащивать пріѣзжающихъ. Онъ служилъ въ Морскомъ Министерствѣ и по женѣ своей, урожденной Брунь, былъ своякомъ морскаго министра, маркиза де-Траверсе. Тутъ была еще одна родственница, двадцатипятилѣтняя замужня женщина, госпожа Гернетъ, которая обворожила меня. Полная, но стройная имѣла она прекрасныя черты и блѣдно-здоровый цвѣтъ лица. Она знала одинъ только Нѣмецкій языкъ, на немъ выражалась умно и красно и очаровательнымъ голосомъ своимъ его грубое нарѣчіе умѣла превращать въ небесную гармонію. Чтò, подумалъ я, еслибы наши красавицы захотѣли говорить по-русски! На обратномъ пути, разумѣется, не останавливался я у Юргенса; однакоже не оставилъ, чтобы не освѣдомиться о его домашнихъ дѣлахъ, и узналъ, что неумолимая супруга не поки-

*) Многорѣченный чудакъ Копіевъ, который безпрестанно покупалъ и продавалъ маленькія имѣнія вокругъ Петербурга и для того читалъ всѣ нечестныя объявленія о продажахъ, встрѣясь со мною, воскликнулъ: „Помилуй, братецъ, чтò это ты сдѣлалъ? (тогда кто десятью годами былъ старѣе, позволялъ себѣ говорить *ты*). Я прочелъ въ Эстляндской газетѣ, что ты уступилъ право называться фонъ-Иллукъ, фонъ-Куртна. Да знаешь ли, что это не шутка: у нихъ кто фонъ, тотъ и знатнѣе.»

даетъ своего убѣжища, а онъ продолжаетъ упиваться въ одиночествѣ. Тоже самое было мнѣ подтверждено, когда, три года спустя, случилось мнѣ опять проѣзжать Нарву. Отправивъ Александра Никитина въ Пензу съ вырученною мною суммой, весьма небольшую часть ея оставилъ я себѣ; и это помогло мнѣ въ этомъ году менѣе нуждаться.

Во время десятидневнаго отсутствія моего изъ Петербурга, разумѣется, никакой перемѣны въ немъ произойти не могло. Только я нашелъ, что приближеніе масляницы еще болѣе располагало всѣхъ къ веселостямъ. Въ этомъ шумѣ, кажется, забыли думать какъ о прошедшемъ, такъ и о будущемъ.

Беззаботное тогда Петербургское общество нимало не дивилось продолжительности нескончаемаго Вѣнскаго конгресса. Повторяя чужія слова, онъ не идетъ, говорило оно, оттого что пляшетъ. Немногимъ, однакоже, привыкшимъ разсуждать казалось странно, что дѣло, повидимому рѣшенное торжествомъ Александра и паденіемъ Наполеона, можетъ встрѣчать еще какія-либо препятствія. Франція одна могла бы почитать себя обиженною, но ея участь рѣшена; всѣ царственные изгнанники: Гишпанскій и Сардинскій короли, папа, давно уже воротились въ свои столицы; возстановлены дома, Оранскій, Гессенъ-Кассельскій, Брауншвейгскій. Зачѣмъ же дѣло стало? Терялись въ догадкахъ и не могли совершенно проникнуть тайну, которая покрывала совѣщанія. Никто, можетъ быть, съ такимъ нетерпѣніемъ, какъ я, не ожидалъ окончанія сего конгресса Вѣнскаго, который тогда называлъ я вѣчнымъ: напередъ надобно было рѣшить судьбу Европы, чтобы потомъ рѣшить мою судьбу. Впрочемъ и я, среди всеобщаго пріятнаго усыпленія, менѣе чѣмъ бы въ другое время заботился о своей будущности. Скоро всѣхъ насъ ожидало пробужденіе, произведенное ударомъ, которымъ на нѣкоторое время потрясена была вся Европа.

XII.

У Анны Андреевны Блудовой была меньшая единственная сестра, фрейлина, княжна Марья Андреевна Щербатова. Она по зимамъ жила вмѣстѣ съ нею, а лѣто и осень проводила въ Павловскомъ и въ Гатчинѣ у императрицы Маріи Ѳеодоровны, которой особенною милостію она пользовалась. Дабы понять нижеписанное, надобно знать, что она была права веселаго, но совсѣмъ не живаго; столько флегма ни въ комъ не случалось мнѣ находить. Одинъ вечеръ (это было 6 Марта) провели мы очень весело у старшей сестры ея. Она довольно поздно воротилась изъ дворца отъ Императрицы; входя, очень равнодушно она

сказала намъ: «слышали ли вы, что Наполеонъ бѣжалъ съ острова Эльбы?» Мы съ изумленіемъ посмотрѣли другъ на друга. «Успокойтесь, продолжала она; не знали, куда онъ дѣвался и были въ тревогѣ; но получили хорошее пзвѣстіе: онъ вышелъ на берегъ не подалеку отъ Фрежюса». — «Ну, правда, невольно усмѣхаясь сказалъ Блудовъ, добрыя вѣсти привезли вы намъ!» Мы подвинулись, потолковали и разѣхались.

Въ слѣдующіе дни всѣ бросились на расхватъ читать газеты и ничего не находили въ нихъ ободрительнаго. Вѣчная война въ лицѣ Наполеона быстрыми шагами шла къ Парижу. Возвратившіеся изъ Россіи многочисленные старые солдаты его поступили опять въ полки, и новое правительство имѣло неосторожность послать ихъ къ нему навстрѣчу. Съ хвастливымъ краснорѣчіемъ, приспособленнымъ къ ихъ понятіямъ и сильно дѣйствующимъ на Французское тщеславіе, были написаны объявленія его. Отъ башни до башни, говорилъ онъ, полетятъ его орлы до Парижскаго собора; и онъ сдержалъ слово. Въ тотъ самый день, въ который могли бы мы праздновать взятіе Парижа, 19 Марта, вечеромъ у Оленина я узналъ, что онъ вступилъ въ него и что Бурбоны бѣжали.

Неисповѣдимы пути, избираемые Провидѣніемъ. Доселѣ всегда самихъ враговъ нашихъ превращало оно въ полезныя для насъ орудія. Во время конгресса старый обманщикъ Талейранъ успѣлъ составить союзъ между неблагодарнымъ Людовикомъ XVIII, властолюбивою Англіей, коей всею душой сей послѣдній былъ преданъ, и недовѣрчивою Австріей, противъ того что называлъ завоевательнымъ духомъ Россіи. Незвѣстно, съ какимъ намѣреніемъ онъ это дѣлалъ. Нѣтъ сомнѣнія, что о возникшихъ несогласіяхъ былъ тайно извѣщаемъ Наполеонъ. Неугомоннымъ, вертлявымъ Французамъ между тѣмъ успѣлъ уже надѣсть ихъ благоразумный, важный и толстый король, съ своею подаброй и бархатными сапогами: онъ сдѣлался предметомъ ихъ безпрестанныхъ насмѣшекъ; въ тоже время ихъ краснобаи въ камерахъ пользовались безнаказанно правомъ имъ даннымъ болтать съ дерзостію. Возможно ли было, чтобы Наполеонъ не пожелалъ воспользоваться видимою для него благоприятностію такихъ обстоятельствъ, чтобы душа Корсиканца не алкала мести, чтобы честолюбивѣйшій изъ смертныхъ не захотѣлъ вновь ухватить отъятое у него всемогущество? Онъ былъ не подъ стражей; напротивъ, онъ имѣлъ своихъ тѣлохранителей, однимъ словомъ, онъ все-таки царствовалъ; и не знаю, имѣли ли Англичане право остановить его, еслибы встрѣтили его на морѣ. Гигантскими замыслами и геніальнымъ исполненіемъ, конечно, стоялъ онъ выше всѣхъ предтечей своихъ во всемірномъ величій; но свѣтозарное его поприще

было все выпачкано безстыднымъ вѣроломствомъ Итальянскихъ кондотіери среднихъ вѣковъ; ничего для него не было священнаго, никакая клятва для него не была обязательною. Слава его была безъ благородства *). Вольно же было, зная это, щеголять великодушіемъ, и послѣ рѣшительнаго, смертоноснаго удара, нанесеннаго революціи взятіемъ Парижа, къ истребленію ея, равно какъ и въ отношеніи къ нему, не принять самыхъ рѣшительныхъ мѣръ? Но, впрочемъ, все было къ лучшему.

Русскіе забывчивы, Нѣмцы злопамятны: имъ казалось, что только вчера спало съ нихъ тяжкое ярмо, и оно вновь грозитъ имъ. Появленіе Наполеона произвело на нихъ впечатлѣніе гораздо сильнѣе чѣмъ на насъ, и между ими находился обворожительный Александръ, воинъ-миротворецъ, личный, главный непріятель Наполеона, настоящій его соперникъ, предметъ тайной зависти правительствъ, но тогда кумиръ всѣхъ народовъ. Его могучее, звучное, ласковое слово раздалось на конгрессѣ и всѣхъ ободрило, все примирило, все соединило. Внимая этому слову, всѣ народы Европейскіе вдругъ поднялись, какъ одинъ народъ. Ошибся въ своихъ расчетахъ нетерпѣливый Наполеонъ.

Важное это происшествіе потревожило и Россію; однакоже, въ изъявленіяхъ безпокойства ея жителей видно было болѣе досады, чѣмъ страха. Въ одной только Москвѣ, говорятъ, приостановились было съ новыми постройками, но не долго: дѣло весьма естественное, она болѣе другихъ была настращена, а пуганая ворона, по пословицѣ, и куста боится. Въ Петербургѣ же мнѣ пріятно было видѣть, что лучшее общество заговорило однимъ языкомъ съ простымъ народомъ. Люди, разъ зазнавшись, уже не сомнѣваются въ успѣхѣ. Поступокъ Наполеона въ глазахъ нашихъ былъ ни что иное, какъ возмущеніе противъ Александра, на котораго въ двѣнадцатомъ году всѣ смотрѣли мы съ обиднымъ состраданіемъ и въ котораго черезъ три года вѣровали безпредѣльно. Грозный же повелитель народовъ, законодатель цѣлой Европы, ужасъ Россіи, который имя свое долженъ былъ дать столѣтію, въ которомъ жить, казался намъ отчаяннымъ пройдохой, которому нечего было терять и который въ послѣдній разъ хочетъ испытать свое счастье. Сама Франція, сума переметная, въ мнѣніи нашемъ ниспала до состоянія слабой, вѣчно мятежной Польши, которую Россія столько

*) Не Юлій Кесарь и не Карлъ Великій были сначала его образцами, а Висconti, Галеасъ Сфорца, Скала, Медичи, Малатеста. Въ немъ ожили всѣ эти храбрые, хитрые и счастливые клятвопреступники, которые задушили маленькія республики, неосторожно вручившія имъ власть надъ собою, и которыхъ исторія среднихъ вѣковъ запятнала прозваніемъ тирановъ. Кругъ дѣйствія ихъ былъ только тѣснѣе, но во всѣхъ нихъ можно видѣть микроскопическихъ Наполеоновъ.

разъ безъ труда унимала. Даже простой народъ полагалъ, что съ Бонапартомъ также легко будетъ справиться, какъ съ Костюшкой (Косціюшко), и что казакъ на арканѣ вѣрно притащитъ его въ Русскій станъ. Чтò дѣлать? Видно Небу не угодно наше высокомѣріе; тотъ самый, кто далъ намъ всѣ причины, даровалъ намъ всѣ права возгордиться, увы! послѣ того всемѣрно трудился, чтобы сбавить у насъ свѣси.

Гвардія начала живо приготовляться къ походу и съ открытіемъ весны выступила изъ Петербурга. Радость была написана на лицахъ офицеровъ; они надѣялись опять понатѣшиться въ Пале-Роялѣ, и когда ихъ спрашивали, куда имъ велѣно идти, они очень просто отвѣчали: да куда же? въ Парижъ! Нашу новую столицу болѣе всего можно назвать гвардейскимъ городомъ. Гвардія составляетъ значительную часть Петербургскаго населенія; они родились почти въ одно время и вмѣстѣ росли и расширялись: безъ нея онъ какъ будто сиротѣтъ; я нахожу даже, что безъ нея онъ на себя не похожъ. Это первый разъ могъ я замѣтить только въ 1815 году, ибо во время троекратной отлучки ея изъ Петербурга и меня въ немъ не было.

Какъ ни любопытны сдѣлались опять заграничныя извѣстія, какъ сильно ни возбуждалось всеобщее вниманіе происходящимъ во Франціи, приготовленіями къ возгорающейся войнѣ, это никому не мѣшало заботиться о томъ, какъ бы пріятнѣйшимъ образомъ провести наступающее лѣто. Влудовъ для маленькаго семейства своего нанялъ не весьма большую дачу; а какъ за удобнымъ размѣщеніемъ этого семейства, все еще оставалась одна лишняя комната, то онъ предложилъ мнѣ занять ее, и такъ же, какъ въ 1811 году, раздѣлить съ нимъ лѣтніе веселые досуги.

То, чтò называлъ я дачей, былъ одинъ изъ двухъ деревянныхъ, продолговатыхъ, двухъэтажныхъ домовъ, которые на Крестовскомъ островѣ стоятъ близнецами, вблизи стараго, долговѣчнаго трактира и неподалеку отъ большаго перевоза съ Колтовской. Крестовской островъ былъ нѣкогда уединеннѣйшимъ мѣстомъ въ окрестностяхъ Петербурга, далѣе всѣхъ другихъ острововъ выдвинутый во взморье; трехверстное его пространство со всѣхъ сторонъ окружено широкими протоками Невы и покрыто было дремучимъ непроходимымъ лѣсомъ. Съ удаленнѣйшими частями города имѣлъ онъ сообщеніе только посредствомъ лодокъ. Императрица Елисавета Петровна любила вездѣ ставить маленькіе дворцы; построенное тутъ при ней каменное зданіе имѣло форму Андреевскаго креста, да, сверхъ того, сдѣланы были крестообразно двѣ просѣки, одна вдоль, другая поперекъ острова. Увѣряютъ, что это дало ему названіе Крестовскаго; другіе утверждаютъ, что будто какой-то пайденный въ немъ деревянный крестъ: хорошенько никто не

знаеть. Императрица подарила это мѣсто любимцу своему графу Алексѣю Григорьевичу Разумовскому; отъ него перешло оно къ брату и наслѣднику его Кирилу Григорьевичу, у котораго вездѣ были дворцы и загородные дома. Крестовскій островъ былъ совсѣмъ заброшенъ, и при Павлѣ, когда въ Петербургѣ всякій сбывалъ собственность свою за ничто, былъ онъ проданъ за девяносто тысячъ рублей ассигнаціями расчетливой княгинѣ Бѣлосельской, тогда какъ одного лѣса было въ немъ на полмиліона.

Когда, въ началѣ царствованія своего, Александръ полюбилъ Каменный островъ и твердымъ мостомъ соединилъ его съ Крестовскимъ, тогда вся эта сторона ожила. Мужъ княгини Бѣлосельской, человекъ со вкусомъ образованнымъ, хотя довольно страннымъ, поселившись на островѣ, имъ принадлежащемъ, исправилъ и украсилъ домъ и развелъ подлѣ него садъ. Онъ поселилъ нѣсколько крестьянъ противъ Елагина острова, и уголь между Каменнымъ и Аптекарскимъ очистивъ отъ лѣса, построилъ на немъ увеселительныя приманки, качели и горы, и уже въ 1802 году Французъ Торсі, во Французскихъ стихахъ, воспѣлъ это мѣсто подъ именемъ Жоли-Кантона. Лучшее общество сперва мало посѣщало еще сію прогулку, за то деревенька противъ Елагина съ нововыстроеннымъ трактиромъ сдѣлалась вождѣльнымъ мѣстомъ для Нѣмцевъ и особенно для молодыхъ Нѣмокъ: наканунѣ каждаго лѣтняго воскреснаго дня уже все твердили онѣ про Крестовски. Тамъ, въ трактирной залѣ, можно было найти тогда то, что на провинціальныхъ балахъ, а можетъ быть и на нѣкоторыхъ Петербургскихъ, сдѣлалось нынѣ такъ обыкновенно: табачный дымъ столбомъ и посреди его неутомимую пляску. Когда графъ Строгановъ скончался, въ концѣ 1811 года, дача его покрылась трауромъ, звуки музыки умолкли на ней, открытое мѣсто на Крестовскомъ сдѣлалось средоточіемъ веселостей для всѣхъ окрестныхъ, знатныхъ и незнатныхъ, островитянъ, и княгиня Бѣлосельская, уже вдовствующая, всѣми признана за *Lady des Isles*. Вокругъ новаго гулянья построила она нѣсколько домовъ, и въ одномъ изъ нихъ, по милости Блудова, пришлось мнѣ провести это лѣто.

Житье мнѣ было славное: общество самое для меня пріятное, квартира, столъ,—все даромъ; только это продолжалось недолго. Супруга Блудова была вновь беременна, и не знаю почему, не хотѣла родить на дачѣ. Въ половинѣ Іюля хозяева мои вдругъ переѣхали въ городъ, а я остался и изъ гостя превратился въ хозяина, только безъ хозяйства, ибо некогда и не для чего было мнѣ имъ заводить. По близости отъ меня находился трактиръ, но въ цѣломъ Петербургѣ

нигдѣ нельзя было найти кушанья хуже и дороже. Бѣдѣ этой помогли сосѣди, и я опять долженъ сдѣлаться портретистомъ.

Рядомъ съ нами, домъ совершенно нашему подобный занималъ одинъ прелюбезнѣйшій молодой человѣкъ; живши, такъ сказать, обѣ стѣну, какъ было не познакомиться съ нимъ? Въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ, графъ Михаилъ Юрьевичъ Віельгорскій былъ уже вдовъ; отецъ его, вельможный панъ при дворѣ Екатерины, имѣлъ знатный чинъ и былъ женатъ на богатой наслѣдницѣ, единственной дочери обер-гофмейстерины, графини Анны Алексѣевны Матюшкиной; отъ того-то сосѣдъ нашъ Віельгорскій по вѣрѣ и по сердцу принадлежалъ Россіи. При первой встрѣчѣ поразилъ меня магнетизмъ его глазъ. Съ лицомъ бѣлымъ и румянымъ, онъ только-что былъ не дурень собою; но необычайный блескъ его взоровъ, какъ бы разливаясь по чертамъ его, дѣлалъ его почти красавцемъ. Двойное происхожденіе его, двойная природа образовали изъ него человѣка весьма примѣчательнаго. Въ немъ было пропасть ума, но съ недостатками обоихъ народовъ: Польская живость всегда ослабляема была въ немъ лѣнностію, безпечностію совершенно Русскими, пеосмотрительностію Польская умѣряема Русскимъ здравомысліемъ; вся же эта смѣсь была прелесть. Какими талантами не надарила его природа? Конечно, они не безполезны были собственно ему; но они такого рода, что могли бы еще съ большею пользою посвящены быть государству. Родись онъ безъ состоянія, безъ извѣстнаго имени, изъ него бы вышелъ славный министръ, или извѣстный писатель, или знаменитый композиторъ музыки. Чтò дѣлать! Можно довольствоваться и тѣмъ, чтò есть. Слабости его, пороки даже, милы; достоинства его внушаютъ къ нему общую любовь и уваженіе: ни непріязненнаго, ни обиднаго чувства никогда ни въ одномъ человѣкѣ онъ не возбуждалъ.

Разъ въ недѣлю обѣдали у него знакомые; по сосѣдству онъ и меня пригласилъ и, разумѣется, я не отказался. Посѣтители его были все люди степенные, довольно образованные, но совсѣмъ не любезные и не блистательные. Людми учеными или дѣловыми ихъ опять нельзя было назвать, хотя разговоръ ихъ былъ дѣльный, съ примѣсью, однакоже, нѣкоторыхъ изреченій, мнѣ вовсе непонятныхъ. Моложе ихъ всѣхъ, графъ Віельгорскій хотѣлъ быть между ими, какъ старшій между равными; это было невозможно: разстояніе было слишкомъ велико, и я скорѣе видѣлъ въ немъ маленькаго Нѣмецкаго владѣтельнаго князя, отмѣнно снисходительнаго къ приближеннымъ своимъ подданнымъ. Мнѣ было совсѣмъ пеловко среди сихъ людей, между собою чрезвычайно согласныхъ, и коихъ присутствіе мое какъ будто тяготило; еслибы не любезность хозяина и славный его обѣдъ, я бы прекратилъ свои по-

сѣщенія. Къ повторенію ихъ побуждало меня и любопытство. Загадка сія вскорѣ для меня разрѣшилась. Віельгорскій былъ главою одного тайнаго общества, до того безвреднаго, до того неопаснаго для государства, что въ послѣдствіи и я не убоялся принадлежать къ нему. Лишившись родителей своихъ въ ребячествѣ, онъ слишкомъ рано пользовался независимостію; къ сожалѣнію, никѣмъ не руководимый, его пылкій, испытующій умъ требовалъ пищи, и онъ попалъ на такую, которая для него была вовсе не подрѣпительна.

На Каменномъ острову, съ Крестовскаго перейдя мостъ, былъ у меня другой обѣдъ. Не помню, сказалъ ли я гдѣ-нибудь, что у матери моей была сестра Елисавета Петровна Тухачевская, нѣсколькими годами ея старѣе, которой имѣніе, равно какъ и собственное, умѣлъ промотать въ уѣздномъ городѣ Ломовѣ мужъ ея, Сергѣй Семеновичъ. Во вдовствѣ и въ бѣдности, спокойно и весело доживала она вѣкъ у меньшей сестры, матери моей. Старшій сынъ ея, Николай Сергѣевичъ, былъ человекъ съ высокими притязаніями и низкими пороками, слѣдствіями дурнаго воспитанія и страсти къ забавамъ и роскоши. Счастіе долго улыбалось ему; онъ избранъ былъ опекуномъ груднаго ребенка, роднаго племянника и однофамильца жены своей, Надежды Александровны, урожденной Кирѣевской, у котораго было болѣе пяти тысячъ душъ крестьянъ. Когда мальчикъ осиротѣлъ, у него не было ни одной копейки долгу; когда же вступилъ въ совершеннолѣтіе, оказалось его до трехъ сотъ тысячъ рублей; изъ сего можно видѣть, какъ роскошно и расточительно жилъ его попечитель *). На счетъ малолѣтнаго Кирѣевского супруга его воспитывала дѣтей своихъ. Она была женщина предобрѣйшая; страсть ко всему Французскому была единственно ея смѣшная, слабая сторона. Она обожала Лизаньку, дочь свою, которая была мила какъ ангелъ; но ее начинила она своими заблужденіями, съ помощію мамзелей сдѣлала ее сентиментальною, романическою, и когда маленькой мечтательницею едва исполнилось шестнадцать лѣтъ, выдала ее за миліонера, жирнаго, здороваго купца Кусова. Еслибы она искала ея погибели, то лучше бы сдѣлать не могла.

Старикъ Иваанъ Васильевичъ Кусовъ торговалъ долго, честно, неутомимо и счастливо, и дѣйствительно могъ почитаться Крезомъ. Но потомство его было безчисленное; этого не разочли мои Тухачевскіе. Бѣдная дочь ихъ попала въ семейство, гдѣ ни она никого, ни ея никто не понималъ и, можетъ быть, менѣе всѣхъ мужъ ея, Николай Ивано-

*) Сдавши опеку, онъ не зналъ, чѣмъ жить и для того пошелъ опять въ службу, хотя былъ уже не въ молодыхъ лѣтахъ. Ему и тутъ посчастливилось. Онъ получилъ мѣсто губернатора сперва Архангелогородскаго, потомъ Тульскаго, подѣзъ было въ гору, но съ нея уналъ подъ судъ; не оправданный и не прощенный онъ умеръ съ горя.

впчѣ, котораго смѣшило слово чувствительность. Жаловаться ни на что не могла она: никто не обижалъ ея, всё тѣшилъ, дарили бархатами и камками, жемчугами и алмазами, кормили на убой. А она все скучала, ныла, сердце ея еще не знало любви; но въ головѣ у нея былъ идеаль, который могъ осуществить всякій скорѣе чѣмъ мужъ ея. Свекру ея на Каменномъ острову принадлежала земля, которую обстроилъ онъ, когда Царь въ первый разъ поселился тутъ на лѣто. Александръ весьма искусно умѣлъ соединять величіе съ простотой. Онъ не посѣщаль первыхъ вельможъ своихъ, оставляя между ними и собою почтительное пространство, которое никто не смѣлъ перешагнуть. За то охотно заѣзжалъ онъ иногда къ нѣкоторымъ купцамъ: разстояние было слишкомъ велико, чтобы мысль о какомъ-либо равенствѣ могла придти имъ въ голову. Почитая себя Каменноостровскимъ помѣщикомъ, онъ видѣлъ въ Кусовѣ фермера своего, у котораго старшій сынъ женатъ былъ на красивой Англичанкѣ. Она скоро умерла, но знакомства съ симъ домомъ Государь не хотѣлъ прекратить. Иногда приходило ему въ голову послать къ Кусову сказать, что онъ будетъ къ нему запросто обѣдать: слуги не входили въ столовую, Государь сидѣлъ съ одиными женщинами, женой, невѣстками и дочерью хозяина, который стоялъ за его стуломъ, а зятя и сыновья подавали кушанья и перемѣняли тарелки. Эта простота правилась Царю, и безъ всякаго тайнаго умысла онъ дѣлался веселъ и любезенъ. Очень рѣдко семейство сіе бывало счастливо его присутствіемъ, когда молодая родственница моя вступила въ него. Никакого особаго вниманія не обращалъ онъ на нее; но видъ человѣка, повелѣвающего миліонами людей, еще молодого, прекраснаго, ласковаго произвелъ на нее неизгладимое впечатлѣніе. Окружающее еще болѣе ей опротивѣло, и она втайнѣ мелѣяла мечту свою. Смотри на ея тихую грусть, Кусовы спрашивали у себя: чего недостаетъ ей? Развѣ птичьяго молока. Любовь, особенно безнадежная, рано или поздно всегда даетъ себя угадывать.

По причинѣ этого дальняго родства, лѣтъ пять уже какъ узналъ я Кусовыхъ и ихъ богатое житѣе, но видѣлъ ихъ очень рѣдко; потому что мнѣ казалось у нихъ скучно, и жили они далеко отъ середины города, въ огромномъ домѣ у Тучкова моста. Старики возсѣдалъ съ женой всегда на первомъ мѣстѣ за длиннымъ столомъ, по бокамъ коего два поколѣнія, отъ него происшедшія, перемѣшаны были съ гостями, между коими находились и довольно чиновные. Съ дворянскими понятіями монахи, или пожалуй предразсудками, я находилъ, что купцу не долѣетъ такъ высоко держать себя, забывая, что богатство, а еще болѣе царскія посѣщенія во всякія лѣта могутъ кружить головы.

Старикъ былъ не говорливъ и слишкомъ невнимателенъ къ гостямъ своимъ; онъ былъ правъ: ихъ привлекали къ нему его жирные обѣды. Отъ трехъ женъ сколько имѣлъ онъ дѣтей обоюго пола, этого перечестъ не могъ бы я и въ тогдашнее время; помню только, что между ими были сороканятилѣтнія и пятилѣтнія. Желая пріятнымъ образомъ польстить ему, нѣкоторые изъ посѣтителей называли его патриархомъ; мнѣ же напоминалъ онъ собою старинную оперу Федулъ съ дѣтьми. Не подозрѣвая даже никакой потаенной страсти въ кузинѣ своей, я одинъ понималъ положеніе ея и душевно скорбѣлъ о ней, и когда все другіе видѣли въ ней причудницу, я про себя называлъ ее Бѣдною Лизой. Участіе, прочитанное ею въ глазахъ моихъ, сдружило насъ. Хорошенькая эта женщина, съ нѣжными чувствами, съ умомъ и знаніемъ приличій, могла бы украсить собою всякій аристократическій кругъ. Во время отсутствія моего изъ Петербурга, она съ каждымъ мѣсяцемъ болѣе дичала, уединялась и, наконецъ, получила дозволеніе являться только по праздникамъ къ общему столу; она страдала нервическими припадками и обѣдала одна у себя въ комнатѣ. По возвращеніи моемъ, зимой, не могъ я часто съ нею видѣться; а тутъ, въ столь близкомъ сосѣдствѣ, по возможности старался я развлекать, развеселять ее; иногда въ томъ и успѣвалъ. Я съ собою вносилъ къ ней нѣкоторую отраду, и мы довольно часто обѣдали вдвоемъ, не видя противныхъ ей и мнѣ не совсѣмъ пріятныхъ, широкихъ и раздутыхъ Кусовскихъ лицъ. Въ это время, слава Богу, особенно между среднимъ состояніемъ, дальнее родство почиталось еще наравнѣ съ близкимъ; любовная связь между родными была бы непонятный грѣхъ, которому православные не захотѣли бы повѣрить, и потому-то наша пріязнь въ глазахъ самого Бога, какъ и въ глазахъ человѣковъ, не имѣла ничего предосудительнаго. О несчастной и постыдной развязкѣ этого супружества да позволено мнѣ будетъ здѣсь ничего не говорить.

Предшествовавшюю зимой познакомился я вновь съ Прасковьей Ивановной и Петромъ Васильевичемъ Мятлевыми. Родители, единственный братъ и обѣ сестры Прасковьи Ивановны одинъ за другимъ отошли въ вѣчность, и все Салтыковское имѣніе досталось ей по наследству. Сдѣлать домъ свой почтеннымъ и веселымъ вмѣстѣ никто лучше ея не умѣлъ. Страсть ея къ домашнимъ театральнымъ представленіямъ не уменьшилась лѣтами, и въ одной изъ длинныхъ залъ Салтыковского дома, на большой набережной, воздвигла она сцену, на которой въ эту зиму нѣсколько разъ играли Французскія піесы. Я учтиво отклонился отъ участія въ сихъ представленіяхъ, но не могъ отказаться отъ другаго, нѣсколько на то похожаго. У покойной фельдмаршалши Салтыковой была двоюродная сестра, Наталья Михайловна Строгонова,

которую Мятлева уважала какъ родную тетку; и кто же не уважалъ эту святую женщину, примѣръ всѣхъ христіанскихъ добродѣтелей? Надобно точно думать, что Небо испытуетъ своихъ избранныхъ, насылая имъ смертельныя горести. Оставшись въ молодости вдовой, имѣла она одного только сына, барона Александра Сергѣевича, коего нѣжностію была она счастлива, коего жизнию она дышала. Онъ былъ весьма не глупъ, и добръ, и милъ, и умѣлъ хорошо воспользоваться даннымъ ему аристократическимъ тогдашнимъ воспитаніемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ былъ онъ весьма деликатнаго сложенія, чрезвычайно женоподобенъ, и отъ того въ обществѣ получилъ прозваніе барончика. Это еще идетъ къ первой молодости, но когда онъ достигъ тридцати лѣтъ и былъ гофмейстеромъ при дворѣ, то инымъ казался нѣсколько смѣшонъ. Грозная судьба, вскорѣ его постигшая, заставила умолкнуть смѣющихся. Годъ отъ году сталъ онъ болѣе страдать и сохнуть: сперва лишился употребленія рукъ, потомъ ногъ, наконецъ и зрѣнія, и въ семь ужасномъ положеніи прожилъ нѣсколько лѣтъ. Всѣ родные по возможности старались облегчать ему тягость такого существованія. Когда наступилъ постъ и даже дома нельзя было играть на театрѣ, госпожа Мятлева изобрѣла для него новаго рода спектакль; зрѣлищемъ еще менѣе назвать можно то, что придумано было для слѣпаго. Вокругъ большаго стола садились родные и знакомые, имѣя каждый передъ собою по экземпляру трагедіи или комедіи, которую въ тотъ вечеръ читать собирались; всякій старался голосу своему дать то выраженіе, котораго требовала его роля; бѣднаго слѣпца это забавляло: онъ могъ почитать себя въ театрѣ. Я зналъ тогда хорошо одну только старую Французскую классическую литературу, особенно драматическую ея часть, и любилъ о томъ потолковать: это побудило Мятлевыхъ предложить мнѣ доброе дѣло, быть въ числѣ сихъ чтецовъ-актеровъ и, получивъ мое согласіе, они поспѣшили предупредить Строгоновыхъ о моемъ посѣщеніи.

Состраданіе къ безнадежному состоянію хозяина приязненно расположило меня къ нему. Онъ былъ лѣтъ сорока пяти отъ роду, но весь сѣдой и казался семидесяти; странно было въ старцѣ находить рѣчи и манеры молодой придворной женщины. Онъ много путешествовалъ, все помнилъ, и я находилъ разговоръ его и пріятнымъ, и занимательнымъ. Тогда свѣтскіе люди старались быть лишь вѣжливы, любезны, остроумны, не думали изумлять глубокомысліемъ, которое и въ малолюдныхъ собраніяхъ не совсѣмъ было терпимо. Съ запасомъ дерзости и отвлеченностей (абстракцій, какъ говорятъ нынѣшніе писатели), съ которыми нынѣ въ обществахъ являются и проповѣдуютъ часто невѣжды и глупцы, тогда нельзя было показываться.

Строгоновъ находилъ, что у меня голосъ привлекательный, съ удовольствіемъ слушалъ меня, и эта маленькая лестъ, а можетъ быть искренняя похвала, понравились мнѣ. Мы другъ друга очень полюбили.

Сіе семейство, изъ двухъ лицъ состоящее, переѣхало также на Крестовскій островъ въ небольшой павильонъ, построенный самимъ причудливымъ княземъ Александромъ Михайловичемъ БѢЛОСЕЛЬСКИМЪ, братомъ Натальи Михайловны, котораго тогда уже на свѣтѣ не было. Это малое зданіе находилось и теперь находится на самомъ гуляньѣ, по берегу рѣки, и слѣдственно саженьхъ во ста отъ нашего жительства. Сосѣдство людей хорошо расположенныхъ другъ къ другу еще болѣе сближаетъ въ чувствахъ. Не знаю, какъ узнали они, мать и сынъ, что я, лишившись Блудова, лишился и дневнаго пропитанія, и вслѣдствіе того предложили мнѣ не только всякій день обѣдать у нихъ, но когда почувствую лѣнь или болѣзнь, то присылать къ нимъ на кухню требовать чтò мнѣ угодно. Симъ послѣднимъ предложеніемъ, весьма заманчивымъ, мнѣ ни разу не случилось воспользоваться.

Лѣтомъ Петербургская знать разсыпается по окрестностямъ столицы. Многіе однакоже вблизи живущіе посѣщали этотъ домъ; чаще всѣхъ невѣстка баронессы Строгоновой, вдова БѢЛОСЕЛЬСКАГО княгиня Анна Григорьевна. Спѣсивое родство видѣло въ этомъ союзѣ неровный бракъ, мезалліансъ, ибо на Русскомъ языкѣ для того слова еще не существуетъ. А между тѣмъ предки отца ея, любимаго статсъ-секретаря Екатерины, умнѣйшаго и просвѣщеннѣйшаго человѣка своего времени, Козицкіе, Руссо-украинскаго происхожденія, долго извѣстны были на Волыни своими богатыми владѣніями, и одна изъ нихъ, яже во святыхъ, Параскевія, была основательницею Почаевскаго монастыря. Но зато мать ея, тоже преумнѣйшая женщина, имѣла несчастіе наследовать миліонамъ дяди своего, купца Твердышова. Богатство родителей съ меньшою сестрой раздѣлила БѢЛОСЕЛЬСКАЯ пополамъ; но весь умъ ихъ ей одной уступила она. Встрѣчая меня часто, она не лично меня пригласила, а поручила баронессѣ объявить мнѣ, что въ назначенные дни, разъ въ недѣлю, могу я обѣдать у нея въ замкѣ. Такого рода приглашеніе столь же мало полюбилось мнѣ какъ и особа ея. Никакой пользы не видѣлъ я тогда въ этомъ знакомствѣ; она казалась мнѣ такъ скучна, такъ чванно пришепетывала, что я было отказался; но почтенная старуха сказала мнѣ, что ей сдѣлаю я тѣмъ удовольствіе. И какъ вассалъ у сюзеренши своей, и то не иначе какъ вмѣстѣ съ Строгоновыми, раза два обѣдалъ я у этой владѣтельной княгини. До конца Августа, всего только недѣль шесть, оставался я одинъ на Крестовскомъ, и слѣдственно недолго пожилъ на чужой счетъ.

Осень разлучила меня съ моими обѣдодавцами; и не одна осень, а съ инымъ и смерть. Наканунѣ переѣзда моего въ городъ обѣдалъ я у Бѣлосельской; въ послѣдній разъ, сидя за столомъ, Строгоновъ смѣялся, былъ веселъ; къ вечеру, кресла его поставили на носилки, и слуги повесили его домой; одинъ изъ нихъ поскользнулся и упалъ. Отъ этого паденія расшибся и бѣдный слѣпецъ: потрясеніе его полуразрушеннаго состава было слишкомъ сильно, чтобъ онъ могъ его перенести; черезъ двѣ недѣли прекратились его земныя страданія; уповаю, что незлобіе его души и молитвы матери спасли его и отъ вѣчныхъ. Наслѣдникъ его, двоюродный братъ, Григорій Александровичъ Строгоновъ, предоставилъ его матери пожизненное владѣніе имѣніемъ его; она недолго пользовалась симъ благороднымъ поступкомъ племянника. Зимой раза три я посѣтилъ ее и увидѣлъ, какую твердость можетъ дать вѣра; печаль ея была тиха и спокойна, и даже въ глазахъ ея можно было прочесть надежду на скорое свиданіе; она не обманула ея, ибо не болѣе четырехъ мѣсяцевъ прожила она безъ сына. Къ Бѣлосельской я съ тѣхъ поръ ногой не ступалъ; она меня не узнавала, и при встрѣчахъ съ нею я не находилъ надобности влнаться ей. Любезную мою Кусову мнѣ нельзя было покинуть, и хотя изрѣдка, но я посѣщалъ уединеніе ея.

Въ городѣ графъ Вильгорскій тогда почти никого не принималъ. Онъ былъ женатъ на принцессѣ Биронъ и овдовѣлъ, какъ сказалъ я выше. Потерявъ жену, единственное утѣшеніе находилъ онъ въ единственной сестрѣ ея Луизѣ и всей душой привязался къ ней. Не знаю почему, религія наша, къ которой онъ принадлежалъ, допуская супружество между единобровными не въ дальнихъ степеняхъ, воспрещаетъ его между тѣми, кои по крови другъ другу совершенно чужды. Второй бракъ его, не будучи одобренъ дворомъ, равномѣрно не былъ признанъ и обществомъ, и молодая чета нѣсколько лѣтъ должна была уединяться. Но этотъ бракъ, видно, не противенъ былъ Небу: ибо семейство, отъ нея происшедшее, по всей справедливости всѣми почитается благословеннымъ.

Иные могутъ подумать, что это лѣто, ведя жизнь праздную, хотя и не безпечную (ибо долженъ былъ пещись о прокормленіи своемъ), я мало заботился о важномъ вопросѣ, разрѣшающемся на Западѣ, быть или не быть Наполеону? Напрасно. Сей вопросъ весьма занималъ меня, но, признаюсь, по какому-то предчувствію мало беспокоплъ. Отрѣзанный отъ своего прошедшаго ссылкой на Эльбу, Наполеонъ казался другимъ человѣкомъ, даже въ самой Франціи Очарованіе исчезло; сосудъ, избранный Провидѣніемъ, ударившись о землю, расшибся; склеенный и подъятый вновь, онъ потерялъ большую часть цѣны сво-

ей въ глазахъ народовъ. Какъ утопающій хватается за гнилой сукъ дерева, такъ онъ прибѣгнулъ къ орудію, употребленному противъ него вѣнчанными его противниками: онъ заговорилъ о свободѣ. Онъ созвалъ новыя камеры. Изъ глубины общества, изъ окровавленной грязи его, въ которую онъ умѣлъ его вдавить, показался опять якобинизмъ, во всемъ ужасномъ безобразіи своемъ, и возсѣлъ между новыми законодателями. Казалось, что правительственная власть вся въ рукахъ ихъ; а онъ, участвующій только въ ней, главный полководецъ. За то всѣ старые усачи, всѣ старые брюзги, гроньяры его, какъ онъ называлъ ихъ, съ восторгомъ собрались подъ вновь подъятымъ знаменемъ его, залогомъ для нихъ будущихъ побѣдъ; съ досадою косились они на жестокосердыхъ и неутомимыхъ болтуновъ, которые многорѣчіемъ и часто пустословіемъ своимъ надѣялись уничтожить и замѣнить какъ права, освященныя религіей и древностію, такъ и новѣйшія права, пріобрѣтенныя славою. Нельзя было не замѣтить обмана съ обѣихъ сторонъ; но расчетъ Наполеона быть вѣрнѣе: побѣдивъ непріятелей, могъ онъ легко обратить оружіе на горсть непокорныхъ подданныхъ, осадить ихъ, связать нескромные ихъ языки. А они чего могли ожидать? Въ случаѣ новаго паденія Наполеона и они неизбѣжно должны были убраться въ нечистыя норы свои. Но много ли есть Французовъ, которые размышляютъ о послѣдствіяхъ предпринимаемаго ими даже въ случаѣ успѣха? Двѣ трети изъ нихъ спѣшатъ воспользоваться настоящимъ: *courte, mais bonne*, «на часъ, да въ скачъ». Первый, лучший изъ ихъ ораторовъ, Бенжаменъ Констанъ, тому обрадовался тогда, что можетъ развѣзжать въ каретѣ. Сими господами составленъ наскоро такъ называемый дополнительный актъ, и сію конституцію топорной работы торжественно принялъ бѣдный Наполеонъ на Майскомъ полѣ, гдѣ въ послѣдній разъ воспользовался онъ уроками наставника своего въ царскомъ величій, актера Тальма.

Съ Майскаго поля, на которомъ былъ онъ какъ не свой, поспѣшилъ онъ на другое, ему столь знакомое, на которомъ наконецъ могъ онъ свободно вздохнуть. Среди шумнаго стана воспрянулъ опять упавшій духъ его, пробудился его геній, запыхалъ прежнимъ огнемъ его всевидящій взглядъ. Но все это похоже было только на эпилогъ великой поэмы, писанной потоками крови человѣческой, распѣтой пушечными громами.

Едва успѣли мы узнать въ Петербургѣ о выступленіи его въ походъ, какъ получили извѣстіе о рѣшительномъ, окончательномъ его пораженіи. Въ одинъ Іюньскій вечеръ пріѣхалъ къ Строгоновымъ посланникъ маленькаго возстановленнаго Сардинскаго королевства, графъ Іосифъ Местръ, еще болѣе папистъ, чѣмъ легитимистъ, равносильно

ненавидящій, и безбожниковъ Французовъ, и схизматиковъ Русскихъ. Объ немъ говорю я уже не въ первый разъ. Онъ вошелъ съ видомъ вдохновеннымъ, пророческимъ; помолчавъ съ минуту и вперивъ взоръ свой въ потолокъ, возвѣстилъ онъ обществу, что демонъ палъ, испровергнутъ, истребленъ и что два еретика, Веллингтонъ и Блюхеръ, были исполнителями несповѣдимой небесной воли. Нѣкоторыя подробности не совсѣмъ точныя, не совсѣмъ ясныя, увѣрили насъ однакоже въ истиннѣ имъ объявляемаго. Онъ назвалъ только Бель Алліансъ, и въ семь имени уже увидѣли мы счастливое знаменованіе. Нѣсколько дней прошло, и міру прогремѣвшее имя Ватерлоо достигло и до слуха нашего. Оно заглушило названія Маренго, Аустерлица, Бородина и Лейпцига; они мало-по-малу слабѣютъ въ памяти человѣческой, когда оно послѣ тридцати лѣтъ все еще раздастся по вселенной. Если я позволю себѣ двѣнадцатый годъ сравнить съ Троянскою войною, то, конечно, его можно уподобить Фарзалѣ, и если не Гомеръ, то какой-нибудь Луканъ воспоетъ его. Увы! Русскіе не участвовали въ семь великомъ дѣлѣ: они изъ глубины своей едва поспѣли только къ концу вторичнаго завоеванія Франціи.

Во время этого похода, одно только важное событіе ознаменовало силу Россійскаго оружія, и этой славой обязано отечество генералу Чернышову (послѣ министру, графу и князю), который привыкъ поражать неприятелей неожиданными ударами, который быстро вскакалъ въ Берлинъ и еще быстрѣе и удачѣе выскочилъ изъ него съ отрядомъ казаковъ, который въ томъ же 1813-мъ году вступилъ съ триумфомъ въ опустѣвшій городъ Кассель, столицу великаго Вестфальскаго королевства. Онъ донесъ, что взялъ штурмомъ неукрѣпленный городъ Шалонъ на-Марнѣ, не потерявъ ни одного человѣка, не убивъ ни одного неприятеля, и за сей изумительный, неимовѣрный фе-д'армъ, едва по ошибкѣ не получилъ было Александровскую ленту.

Движенія Французской арміи бывають всегда чрезвычайно быстры. Ретирадѣ учили ихъ Моро, но не выучилъ: послѣ неудачи, знаютъ они только побѣгъ. Какъ изъ-подъ Малаго-Ярославца, какъ изъ-подъ Лейпцига, такъ и тутъ, употребляя Малороссійское выраженіе, утѣкли они. Не переводя духа, Англинская и Прусская арміи пустились за ними въ погоню до самаго Парижа и облегли его. Унялись ли наконецъ въ немъ крикуны? Ни мало; они пуще прежняго начали шумѣть: въ остающіеся имъ не дни, а часы, имъ хотѣлось навратъ. Ихъ бодрость въ палатахъ походила на сумасшествіе. Пощады имъ ждать было не отъ кого: Веллингтонъ былъ холоденъ какъ ледъ и гусаръ Блюхеръ казался разъяреннымъ дикимъ звѣремъ, а въ дали, какъ бури, катили Русская и Австрійская арміи. Но и безъ Александра, послѣ него, при-

мѣръ его еще спасительно дѣйствовалъ. Отправляя къ союзнымъ монархамъ депутаціи съ нелѣпыми предложеніями, въ тоже время, вмѣсто того, чтобы участіемъ утѣшить ими же вызваннаго Наполеона, они упояли его оскорбленіями. Сравненіе съ ослами, лежащими въ умирающаго льва, никому такъ не было прилично, какъ имъ. Жалка и гадка была въ это время Франція!

Не замедлилось рѣшеніе участи ея: стодневное правленіе рушилось, и возвратились опять Бурбоны. Въ судѣ царей рѣшенъ и жребій Наполеона, и въ ссылкѣ, и въ утробѣ земли величіе было суждено этому человѣку. Океанъ сдѣлался его темницей, Великобританія—стражемъ, цѣлый островъ—могилой его и памятникомъ. Малодушіе Французовъ, дважды развѣнчавшее его, не оставляющее въ покоѣ ни живыхъ, ни мертвыхъ, для потѣхи своей, лишило его и сей великолѣпной гробницы. Изъ нея возставалъ онъ привидѣніемъ пловцамъ Англій и минувшими бѣдами еще грозилъ ей самой; она уже натѣшилась его страданіями, прахъ его тяготилъ ее, и она охотно уступила его любовью своей, а еще болѣе покорной, союзницѣ.

Изнуренная длиннымъ и шибкимъ походомъ, Русская армія такъ скоро успѣла выправиться, что подала Александру счастливую мысль пощеголять ея. Лагерь и маневры подъ Вертю стоили выиграннаго сраженія: они равно изумили непріятелей и союзниковъ. Все хорошо на своемъ мѣстѣ, и такая мирная война разъ-два можетъ быть полезна, но, наконецъ, безъ настоящей потеряти свое дѣйствіе. Говоря о подвигѣ Чернышова, я было и забылъ сказать, что въ эту войну Русское войско встрѣтило дѣйствительное упражненіе подъ стѣнами Метца, который довольно долго и упорно защищался. Въ сей осадѣ особенно отличился зять мой Алексѣевъ, и доказательствомъ тому служить данный ему за то чинъ генераль-лейтенанта.

Въ день Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста, 14-го Сентября, тайно подписанъ и впоследствии объявленъ былъ религіозный и политическій актъ, столь извѣстный подъ именемъ Священнаго Союза. Сей залогъ мира для правительствъ и народовъ внушенъ былъ Александру любовію къ Богу и человѣчеству, къ неблагодарному человѣчеству, коего обуздывалъ онъ страсти и которое, обругавъ его за то, и понынѣ не перестаетъ поносить безсмертную мысль, его создавшую. Если Александръ, въ древности прозванный Великимъ, мечемъ разсѣкалъ узлы, то Александръ новѣйшихъ временъ любовію умѣлъ ихъ завязывать.

Переговоры съ новымъ или, лучше сказать, съ возобновленнымъ Французскимъ правительствомъ могли быть не иначе какъ продолжительны. Для собственнаго спасенія своего ему надлежало принять са-

мыя тягостныя условія для націи. Не говоря уже о необъятной контрибуціи, которую наложили на нее, недавно еще столь гордая Франція подвергнута величайшимъ изъ уничиженій. Какъ бы малолѣтняя, или развратная, или ума лишенная, поставлена она подъ опеку союза Европейскихъ государей и отдана подъ караулъ. Стопятидесятитысячная армія, подъ начальствомъ Веллингтона, должна была занять ея сѣверо-восточныя провинціи и всѣ крѣпости въ нихъ находящіяся, и на ея же иждивеніи должна была оставаться тутъ три года. Въ ней было четыре корпуса: Австрійскій, Россійскій, Англійскій, Прусскій, да еще пятый, составленный изъ воиновъ другихъ мелкихъ государствъ, въ каждомъ по тридцати тысячъ человѣкъ. Прославившійся въ послѣднюю войну графъ Воронцовъ назначенъ начальникомъ Русскаго корпуса; новый генералъ-лейтенантъ Алексѣевъ, по собственному выбору Государя, въ этотъ корпусъ начальникомъ кавалерійской дивизіи. Братъ мой Павелъ, полковникъ еще безъ полку, былъ очень радъ, что съ огромнымъ содержаніемъ сдѣлалъ его директоромъ корпусныхъ госпиталей. Итакъ, часть семейства моего, сестра, зять и братъ сдѣлались жителями Франціи, чего имъ прежде и во спѣ не грезилось.

Послѣ Наполеона Европа, какъ будто, Александру была приказана. Множество разнообразныхъ заботъ, распоряженій всю осень удержали его въ Парижѣ, и онъ только зимой могъ воротиться къ намъ.

ХІІІ.

Въ это гремучее время поэзія у насъ не умолкала: ея голосъ иногда громко раздавался, и войны, равно какъ и граждае, съ восторгомъ внимали ему. Жуковскій, Вяземскій, Батюшковъ, Шаховской и многіе другіе литераторы и стихотворцы вступили въ дружины и ополчились на враговъ отечества. Но только первый изъ нихъ, *тыбецъ во станѣ Русскихъ воиновъ*, какъ они называли его, и какъ самъ онъ назвалъ прекрасное стихотвореніе свое, былъ счастливо вдохновенъ ужаснымъ и новымъ для него зрѣлищемъ.

Всѣ журналы гласили только о военныхъ или политическихъ происшествіяхъ. На сценѣ ничего не показывалось новаго, кромѣ небольшихъ патріотическихъ піесъ, приуроченныхъ къ настоящимъ обстоятельствамъ. Изъ-подъ пера славнаго баснописца нашего, Крылова, выходили басни, также къ сему предмету относящіяся. Въ одной изъ нихъ ворона попадаетъ къ Французамъ въ супъ, въ другой ловчій Кулузовъ говоритъ волку Наполеону: «ты сѣръ, а я, братъ сѣдъ, и волчью вашу я натуру знаю».

Когда же, послѣ взятія Парижа, Александръ возвратился въ Петербургъ, тогда вся восхищенная имъ толпа поѣтовъ, въ честь и хвалу его, возвысила свои искренніе, не купленные голоса. Посланіе свое къ нему Жуковскій начиналъ сими словами:

Когда летящіе отсюда шумны клики,
Въ одинъ слываясь гласъ, къ тебѣ зовутъ великій..

Когда раздался всеобщій сей неподобный, трогательный гимнь, то въ немъ различить можно было и умирающіе звуки лиры Державина, и нѣжный, но уже сильный голосъ еще ребенка-Пушкина, который посвятилъ ему первые плоды чуднаго своего таланта. Крыловъ нашелъ средство въ маленькой, премилой баснѣ, *Чижъ и Ежъ*, также воспѣть ему хвалу. Все напоминало первые дни его царствованія; сердца Русскихъ, казалось, еще сильнѣе пылали къ нему, но онъ былъ уже не тотъ.

Пока продолжался Вѣнскій конгрессъ, внутри Россіи, такъ же какъ и въ Петербургѣ начали забывать и прошедшее горе, и минувшую радость; всякій помаленьку сталъ приниматься за прежнее дѣло, и сочинители стали попрежнему пописывать и слегка перебраниваться.

Весьда открыла вновь свои торжественныя засѣданія, но они становились все рѣже и совсѣмъ потеряли великое значеніе, которое имѣли до войны. Разъ вздумалось намъ съ Блудовымъ (помнится, въ Ноябрь 1814 года) изъ любопытства отвѣдать ихъ препрославленной скуки и, можно сказать, были ею пресыщены. Ни забавнаго, веселаго и остроумнаго, ни глубокомысленнаго или ученаго ничего мы не слышали, а все что-то такое, о чемъ бы не стоило говорить. Не одною скукою были мы жестоко наказаны за сію не совсѣмъ благопріязненную попытку. Блудовъ отослалъ домой карету и слугу; они еще не воротились, когда кончилось чтеніе; свѣтъ началъ гаснуть въ залѣ, и она скоро закрылась. Намъ пришлось оставаться въ передней между лакеями, ибо въ гостиную къ Державину, куда переселились чтецы и слушатели, одному незнакомому, а другому извѣстному противнику *Весьды* и Шишкова, явиться было неприлично. Мы предпочли въ однихъ фракахъ идти пѣшкомъ вдоль по Фонтанкѣ, при сильномъ холодномъ вѣтрѣ, и осыпаемые мелкимъ снѣгомъ. Скоро встрѣтилась намъ карета, мы сѣли въ нее и, только согрѣвшись, нашли, что слышавшееся съ нами довольно забавно. Впослѣдствіи Блудовъ весьма искусно помѣстилъ сіе происшествіе въ одномъ шуточномъ произведеніи своемъ.

Во время продолжительнаго отсутствія моего изъ Петербурга произошла въ немъ перемѣна, не смотря на мой патриотизмъ, для меня

весьма непріятная. Французскій театръ для холостыхъ, для молодыхъ людей, большой свѣтъ мало посѣщающихъ, былъ усладительнымъ провожденіемъ времени. Въ 1812 году, по мѣрѣ какъ Французскія войска приближались къ Москвѣ, началъ онъ пустѣть и наконецъ всѣми брошенъ. Государь, который никогда не былъ охотникъ до театральныхъ зрѣлищъ, сямъ воспользовался, чтобы велѣть его закрыть и разсчитаться съ актерами, которые почти всѣ одинъ за другимъ черезъ Швецію уѣхали *). Публика лишилась плѣнительныхъ Филлсъ и Жоржъ, сперва повидимому мало о томъ жалѣла, а наконецъ и со-всѣмъ ихъ забыла. Для меня же безъ нихъ Петербургъ потерялъ болѣе половины своей прелести.

Нѣмецкій театръ замѣнить его не могъ. Онъ, точно такъ же какъ до упраздненія Французскаго, какъ и послѣ него, такъ же какъ и понынѣ существуетъ для особаго міра. Не смотря на предпочтеніе, данное впослѣдствіи духу Германской литературы предъ другими, даже Нѣмцы лучшаго тона никогда не посѣщаютъ его. Онъ остался вечернею отрадой всего своекорыстнаго и трудящагося у насъ Нѣмецкаго населенія. Пасторы, аптекари, профессоры и медики занимаютъ въ немъ кресла; семейства ихъ — ложи всѣхъ ярусовъ; булочники, портные, сапожники — партеръ; подмастерья ихъ, вѣроятно, раекъ.

Итакъ, для общей забавы оставалась одна только Русская труппа, и надобно признаться, она умѣла воспользоваться присутствіемъ Французской, а еще болѣе отсутствіемъ ея. Русскій народъ переимчивъ: наши актеры, насмотрѣвшись на Французовъ, первыхъ актеровъ въ мірѣ, всѣми силами старались замѣнить ихъ, и начали прилежно изучать всѣ тонкости художества своего, когда предстали предъ лучшую публику. Созрѣвшій талантъ Семеновъ изумлялъ и очаровывалъ даже тѣхъ, которые не понимали Русскаго языка; до того черствые стихи Хвостова и другихъ въ устахъ ея дѣлались мягки и пріятны. Она заимствовала у Жоржъ поступъ, голосъ и манеры, но такъ же какъ Жуковскій, можно сказать, творила подражая. Въ комедіи и оперѣ показалось нѣсколько примѣчательныхъ молодыхъ артистовъ; но какъ они долго оставались на сценѣ, то надѣюсь найти случай въ другомъ мѣстѣ поговорить о нихъ.

Мода на трагедіи какъ будто прошла. Новыхъ комедій тоже что-то не было. Ополчившемуся Шаховскому сперва не до того было; но онъ уже замышлялъ вступить въ новый бой, ему болѣе свойственный, а покамѣстъ новымъ, маленькимъ твореніемъ потѣшилъ публику. Его

*) Какъ времена мѣняются! Нынѣ высшій кругъ, совсѣмъ обевропейшійся, такую справедливую мѣру не могъ бы простить правительству.

Казакъ Стигматорецъ очень милый малый и особенно примѣчательнѣе тѣмъ, что первый выступилъ на сцену подъ настоящимъ именемъ водевиля. Отъ него потянулась эта нескончаемая цѣпь сплхъ легкихъ произведеній, которыхъ нынѣ по три и по четыре ежедневно появляется на сценѣ. Въ первые годы появленіе каждаго изъ нихъ было происшествіемъ для любителей театра. Оперы почти всѣ попрежнему были переводныя съ Французскаго; опасаясь сравненія, преимущественно играли тѣ, кои гвардія вновь привезла съ собою изъ Парижа,—*Жана Парижскаго, Жаконду*, именно тѣ, въ коихъ зрители не видали Филисъ.

Въ 1815 году, откуда ни возмись, показался новый комикъ, который въ произведеніяхъ своихъ сдѣлался извѣстенъ не на одномъ драматическомъ поприщѣ. Мнѣ былъ онъ давно знакомъ, равно и тѣмъ, кои съ нѣкоторымъ вниманіемъ прочтутъ меня Никто не подозревалъ въ родственникъ моемъ, Михаилѣ Николаевичѣ Загоскинѣ, тѣхъ рѣдкихъ способностей, которыя труды и время развили въ немъ, а я, можетъ быть, менѣе чѣмъ кто другой. Отецъ его, почтенный чудакъ, исполненъ былъ религіознаго духа и любознательности, жилъ всегда въ деревнѣ и на ярмаркахъ запасался всякаго рода книгами, выходящими на Русскомъ языкѣ; ихъ давалъ онъ читать сыновьямъ своимъ. У старшаго было чрезвычайно много живости въ крови и мыслей въ головѣ; къ тому же съ ребячества имѣлъ онъ любовь (которую назову я страстною) къ истинѣ и справедливости и какой-то свой особенный, но не менѣе того вѣрный и ясный взглядъ на людей и ихъ недостатки. Однимъ словомъ, въ немъ воображеніе сочеталось съ разсудкомъ, а изъ чего же составляется умъ? Проведя отрочество въ деревнѣ и первую молодость въ среднемъ тогдашнемъ кругу, его наблюдательности представились сперва самые низшіе слои общества. Онъ тѣмъ воспользовался, и я готовъ назвать его Крыловымъ въ прозѣ и романахъ. Но кипеть его характера дѣлала его разсѣяннымъ и невнимательнымъ къ этой глазури свѣта, которую посредственностью, а часто и ничтожествомъ, такъ удачно наводитъ на себя умѣютъ. Какъ человѣкъ совершенно Русскій, онъ любилъ подтрунивать; видя зло, горячился, сердился, но никогда до ненависти, и въ сегодняшнемъ врагѣ такъ и хотѣлось ему видѣть завтрашняго друга. Я всегда любилъ его за его доброту и веселонаравіе, но не имѣлъ довольно опытности, чтобы умѣть достойнымъ образомъ оцѣнить качества его души и ума: въ глазахъ моихъ, всякій гостинный эмабелъный дуракъ стоялъ выше его. До 12 года оставался онъ мирнымъ канцелярскимъ чиновникомъ; казалось, что онъ не имѣетъ ничего общаго съ военнымъ ремесломъ, какъ вдругъ любовь къ отчизнѣ вызвала его на поле брани; онъ всту-

пилъ въ Петербургское ополченіе и храбро дрался съ нимъ подъ Полоцкомъ и подъ Данцигомъ. По возвращеніи изъ похода, всегдашняя страсть его къ театру сблизила его съ Шаховскимъ; имъ ободряемый, онъ рѣшился написать небольшую комедію *Проказникъ*, довольно плохую, но которая дала ему почувствовать, что онъ въ состояніи творить лучше.

Весной того же года рѣшился, наконецъ, Жуковскій пріѣхать въ Петербургъ на житье. Ему предшествовала выросшая его знаменитость, и онъ особенно милостиво былъ принятъ у вдовствующей Императрицы, которая любила въ немъ пѣвца обожаемаго ею, могущественнаго, препрославленнаго сына своего. Не смотря на новый образъ жизни, Петербургъ не могъ показаться ему чужбою: вѣдра дружбы ожидали его въ немъ. Тщеславный и лѣнивый Тургеневъ, который выслуживался чужими трудами и плелъ себѣ вѣнокъ изъ чужой славы, конфисковалъ его въ свою пользу и далъ ему у себя помѣщеніе.

Желая имъ похвастаться и имъ угостить, въ одинъ весенній вечеръ созвалъ онъ на него всѣхъ короткихъ знакомыхъ своихъ. Я рано придти не могъ: принадлежа къ Оленинскому обществу, я счелъ обязанностью въ этотъ день видѣть первое представленіе Распновой *Ифигеніи въ Авлидѣ*, коей переводчикъ, Михаилъ Евстафьевичъ Лобановъ, былъ одинъ изъ приближенныхъ къ Алексѣю Николаевичу. Публика приняла трагедію хорошо; а какъ одинъ партеръ съ нѣкотораго времени имѣлъ право изъявлять народную волю (что шалунамъ и крикунамъ было весьма пріятно), то она не упускала случая симъ правомъ воспользоваться, и потому-то, вѣроятно, шумными возгласами вызвали переводчика. Ничтожество и самолюбіе были написаны на лицѣ этого бездарнаго человѣка; переводъ его былъ не совсѣмъ дурень, но Хвостовъ, я увѣренъ, сдѣлалъ бы его лучше, то-есть смѣшнѣе.

Съ Крыловымъ, съ Гнѣдичемъ и съ самимъ, вѣнчанымъ свѣжими лаврами, поэтомъ, послѣ представленія, прямо изъ театра явились мы къ Тургеневу. Но, о горе! приходъ послѣдняго едва былъ замѣченъ. На Жуковскомъ сосредоточивались всѣ любопытные и почтительные взоры присутствовавшихъ: онъ былъ истиннымъ героемъ праздника. Въ помутившихся глазахъ и на блѣдныхъ щекахъ Лобанова выступила досада, которую развѣ одинъ я только замѣтилъ. Быстрый переходъ отъ торжества къ совершенному невниманію дѣйствительно жестокимъ образомъ долженъ былъ тронуть его самолюбіе. Вскорѣ послѣ того неудовольствіе свое выместилъ онъ на мнѣ: осмѣивая пристрастіе мое къ Французскому театру, въ какомъ-то стихотвореніи, необидную, неопасную злость свою излилъ онъ слѣдующими стихами:

Не столько Телемакъ крушился объ Улиссѣ,
Какъ многіе у насъ крушились о Филисѣ.

На этомъ вечерѣ, къ кругу не весьма обширномъ, могъ я ближе разглядѣть одного молодого еще человѣка, котораго дотолѣ встрѣчалъ въ однихъ только большихъ собраніяхъ. Щеголя свѣтскою ловкостью, всякаго рода успѣхами и Французскими стихами, Сергѣй Семеновичъ Уваровъ старался брать первенство передъ находящимися тутъ ровесниками своими, и его откровенное самодовольствіе нѣсколько смирилось только передъ остроуміемъ Блудова и исполненнымъ достоинства разговоромъ Дашкова. Мнѣ показался онъ, нестерпимъ. Человѣкъ этотъ играетъ важную роль въ государствѣ; онъ даетъ направленіе образованію всего учащагося юношества, и благо или зло, имъ посѣянное, отзовется въ потомствѣ. Вотъ почему я полагаю, что всякая подробность, относящаяся до происхожденія его, характера, жизни, достойна вниманія этого потомства и заслуживаетъ быть ему передана.

У одного богатаго дворянина древняго рода, Ивана Головина, женатаго на одной бѣдной Голицыной, сестрѣ оберъ-егермейстера князя Петра Алексѣевича, было двѣ дочери. Старшая Наталья, съ молодая красавица, вышла за упомянутого мною не разъ князя Алексѣя Борисовича Куракина. Меньшая Дарья, слѣдуя ея примѣру, искала также блистательнаго союза...

У князя Потемкина былъ одинъ любимецъ, добрый, честный, храбрый, веселый Семенъ Ѳедоровичъ Уваровъ. Благодаря его покровительству, сей бѣдный рядовой дворянинъ былъ флигель-адъютантомъ Екатерины и подъ именемъ вице-полковника начальствовалъ лейбъ-гренадерскимъ полкомъ, коего сама называлась она полковникомъ. Онъ мастеръ былъ играть на бандурѣ и съ нею въ рукахъ плясать въ присядку. Отъ того-то безъ всякаго обиднаго умысла Потемкинъ, а за нимъ и другіе, прозвали его Сеней-бандуристомъ. Пріятелей было у него много; они сосватали его... Во время короткаго знакомства моего съ г. Уваровымъ, мнѣ случилось съ любопытствомъ смотрѣть на портретъ или картину, въ его кабинетѣ висящую. На ней изображенъ человѣкъ лѣтъ тридцати пяти, пріятной наружности, въ простомъ Русскомъ нарядѣ съ бандурою въ рукахъ, но съ бритою бородою и съ короткими на головѣ волосами. На нескромный вопросъ, мною о томъ сдѣланный, отвѣчалъ онъ сухо: «это такъ, одна фантазія». Я нашелъ однакоже, что на эту фантазію чрезвычайно похожъ меньшей братъ его, Ѳедоръ Семеновичъ. Рано лишился Уваровъ... отца своего. Въ родствѣ съ Куракиными да съ Голицыными, воспитанный на знатный манеръ какимъ-то ученымъ аббатомъ, онъ спозаранку исполнился аристократическаго духа. Признанный вельможею, любимецъ двухъ импе-

раторовъ Павла и Александра, дальній родственникъ его, Федоръ Петровичъ Уваровъ, далъ новый блескъ мало извѣстному дотолѣ его фамильному имени. Мальчикъ былъ отъ природы уменъ, отменно понятливъ въ наукахъ, чрезвычайно пригожъ собою, говорилъ и писалъ по-французски въ прозѣ и въ стихахъ, какъ настоящій Французъ; всѣ хвалили его, дивились ему, и все это вскружило ему голову. Семнадцати лѣтъ не болѣе попалъ онъ ко двору камеръ-юнкеромъ пятаго класса.

Но вдругъ и на него пришла невзгода. Мать его, желая обоимъ сыновьямъ своимъ, особенно старшему, доставить средства для поддержанія себя блистательнымъ образомъ въ свѣтѣ, за большіе проценты отдала все имѣніе свое подъ залогъ по казенному питейному откупу. Она умерла, откупщикъ сдѣлался несостоятеленъ, страшное взысканіе пало на имѣніе, и совершенное раззореніе угрожало Уварову. Чтобы сохранить довольно завидное положеніе, въ которомъ онъ находился, готовъ онъ былъ на все. Одна фрейлина, богатая графиня Разумовская, двѣнадцатью годами его старѣе, которая, не знаю по какому праву, имѣя родителей, могла располагать собою, давно была въ него влюблена; а онъ объ ней думать не хотѣлъ. Узнавъ о крайности, къ которой онъ приведетъ, она безъ обиняковъ предложила ему руку свою, и онъ съ радостью принялъ ее. Этотъ бракъ въ полномъ смыслѣ составилъ фортуна его.

Вскорѣ послѣ совершенія его, тесть его, графъ Алексѣй Кирилловичъ назначенъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія. Онъ тотчасъ доставилъ ему, съ чяномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, мѣста попечителя Санктпетербургскаго учебнаго округа и президента Академіи Наукъ, остававшіяся праздными послѣ удалившагося, прежде всемогущаго, Новосильцова. И ему было тогда только двадцать три года отъ роду.

Вступивъ въ храмъ учености, узпалъ онъ, что одной Французской литературы мало, и устыдился невѣдѣнія своего. Съ большими способностями, сильнымъ желаніемъ приведенными въ движеніе, началъ успѣвать онъ въ наукахъ, даже усердно принялся за Русскій языкъ. Но по мѣрѣ какъ въ сей части дѣлалъ онъ новыя пріобрѣтенія, со врожденнымъ его тщеславіемъ, спѣшилъ ими хвастать. Баричъ и галломанъ во всемъ былъ виденъ; отъ того-то многимъ членамъ Бесѣды онъ совсѣмъ пришелся не по вкусу; нѣкоторые изъ нихъ, болѣе самостоятельные, позволяли себѣ даже подсмѣиваться надъ нимъ. Это его взорвало; но покамѣстъ принужденъ онъ былъ молчать. Пріѣздъ Жуковскаго не нравился большей части Бесѣдниковъ, что и подало Уварову мысль вступить съ нимъ въ наступательный и оборонительный союзъ противъ нихъ.

Онъ обманулся въ своихъ разчетахъ: Жуковскій, такъ же какъ и Карамзинъ, чуждался всякой чернильной брани. Не менѣ того ошиблись въ немъ и Петербургскіе его естественные враги. Въ наружности его дѣйствительно не было ничего вселяющаго особое уваженіе или удивленіе; въ обхожденіи, въ рѣчахъ, былъ онъ скромный и простъ: ни чванства, ни педантства, ни витійства нельзя было найти въ нихъ. Оттого въ одно время успѣхамъ его завидовали, а особу его презирали. Оленинская партія не въ явь, но тайно также не благоволила къ нему. Тогда-то Шаховскому (и кому же иному?) вздумалось однимъ ударомъ сокрушить сіе безобидное, по мнѣнію его, твореніе, его и всю знаменитость и всѣхъ друзей его.

Мы обыкновенно день именинъ Дашкова и Блудова, 21-го Сентября, праздновали у сего послѣдняго; Крыловъ и Гнѣдичъ тутъ также находились за обѣдомъ. Афишка въ этотъ день возвѣщала первое представленіе 23-го числа новой комедіи Шаховскаго въ пяти дѣйствіяхъ и въ стихахъ, подъ названіемъ: *Липецкія воды или Урокъ Кокеткамъ*. Для любителей литературы и театра извѣстіе важное; кто-то предложилъ заранѣе взять нѣсколько нумеровъ кресель рядомъ, чтобы раздѣлить удовольствіе, обѣщаемое симъ представленіемъ; всѣ изъявили согласіе кромѣ двухъ Оленистовъ.

Насъ сидѣло шестеро въ третьемъ ряду кресель: Дашковъ, Тургеневъ, Блудовъ, Жуковскій, Жихаревъ и я. Теперь, когда я могу судить безъ тогдашнихъ предубѣжденій, нахожу я, что новая комедія была произведеніе примѣчательное по искусству, съ какимъ авторъ побѣдилъ трудность заставить свѣтскую женщину хорошо говорить по-русски, по вѣрности характеровъ въ ней изображенныхъ, по веселости, заманчивости, затѣйливости своей и, наконецъ, по многимъ хорошимъ стихамъ, которые въ ней встрѣчаются. Но лукавый дернулъ его, ни къ селу ни къ городу, вклеить въ нее одно дѣйствующее лицо, которое все дѣло перепортило. Въ поэтѣ Фіалкинѣ, въ жалкомъ вздыхателѣ, всѣми пренебрегаемомъ, передъ всѣми согнутомъ, хотѣлъ онъ представить благородную скромность Жуковскаго; и дабы никто не обманулся на счетъ его намѣренія, Фіалкинъ твердитъ о своихъ балладахъ и произноситъ нѣсколько извѣстныхъ стиховъ прозваннаго нами въ шутку баладника. Это все равно что намазывать рожу и подписать подъ нею имя красавца; обмазъ немедленно долженъ открыться, и я не понимаю, какъ Шаховской не разсчелъ этого. Можно вообразить себѣ положеніе бѣднаго Жуковскаго, на котораго обратилось нѣсколько нескромныхъ взоровъ! Можно себѣ представить удивленіе и гнѣвъ вокругъ него сидящихъ друзей его! Перчатка была бро-

шена; еще кипящіе молодостию Блудовъ и Дашковъ спѣшили поднять ее.

Это можно было почитать продолженіемъ литературной войны между Москвою и Петербургомъ, нѣкоторыя подробности которой описаны мною въ предшествующей части сихъ Записокъ, или лучше сказать возобновленіемъ ея, ибо во дни всеобщей борьбы Европейскихъ народовъ сія пустая возня на время прекратилась. Она должна была возгорѣться съ новою силой, когда не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ прочности Европейскаго мира.

Побѣда казалась на сторонѣ Шаховскаго; новая піеса его имѣла успѣхъ чрезвычайный, публика приняла ее съ шумнымъ, громогласнымъ одобреніемъ. Въ тотъ же вечеръ, какъ намъ сказывали, по сему случаю было большое празднество у Петербургскаго гражданскаго губернатора Бакунина, коего супруга, сестра Павла Ивановича Кутузова, надѣла вѣнокъ на счастливаго автора. Крыловъ, съ которымъ на другой день я увидѣлся, сказалъ мнѣ съ коварною улыбкой: «Какъ быть les rieurs sont de son côté» (насмѣшники на его сторонѣ). Торжество Шаховскаго пуще раздражало насъ. Ахъ, юность, юность! Ну, право, какъ будто и смѣшно, и совѣстно за себя и за другихъ, когда вспомнишь, какъ всѣ эти пустяки почитали мы дѣломъ серіознымъ и важнымъ.

Для полученія наслѣдства Блудовъ когда-то ѣздилъ въ Оренбургскую губернію. Дорогой случилось ему остановиться въ Арзамасѣ; рядомъ съ комнатою, въ которой онъ ночевалъ, была другая, куда нѣсколько человекъ пришли отужинать, и ему слышалось, что они толкуютъ о литературѣ. Тотчасъ молодое воображеніе его создало изъ нихъ общество мирныхъ жителей, которые въ тихой, безвѣстной долѣ своей посвящаютъ вечера сужденіямъ о предметѣ, который тогда исключительно занималъ его. Воспоминаніе объ этомъ вечерѣ и о другомъ, проведенномъ со мною, подало ему мысль библейскимъ слогомъ написать нѣчто подъ названіемъ: *Видѣніе въ какой-то оградѣ*. Арзамасскіе любители словесности, въ одно изъ своихъ вечернихъ собраній слышать странный шорохъ въ сосѣдней комнатѣ; Шаховской въ магнетическомъ снѣ бродить по ней; они прислушиваются, а онъ рассказываетъ, какъ въ памятную намъ бурную ночь вздумалось ему остановиться передъ окошкомъ опустѣвшей залы дома Державина, и какія чудеса ему тамъ привидѣлись. Потомъ принимается онъ исповѣдывать всѣ тайные, но всѣмъ извѣстные грѣхи свои. Писано было откровенно забавно, а для Шаховскаго съ товарищами довольно язвительно. Напечатать было невозможно, а рукописи всегда трудно разойтись по рукамъ и получить общую извѣстность; главное было то, чтобъ она

дошла до Шаховскаго, и въ чашу радости его много подлила она горечи.

Дашковъ поступилъ еще лучше, то-есть смѣлѣе. За начинающимся недостаткомъ политическихъ происшествій, слѣдственно и извѣстій, въ *Сынъ Отечества* Гречъ начиналъ уже помѣщать литературныя статьи, но и ими журналъ сей не изобиловалъ. Вѣроятно оттого-то согласился онъ напечатать въ немъ *Письмо къ новѣйшему Аристофану* Дашкова, притворяясь, будто не знаетъ, на чье лицо оно писано. А угадать было не трудно: самымъ пристойнымъ, почти учтивымъ образомъ авторъ письма, какъ палицей, такъ и билъ съ плеча въ Аристофана. Шумъ и великая тревога сдѣлались оттого въ непріятельскомъ станѣ.

Принимая въ этомъ дѣлѣ живѣйшее участіе, не менѣе того видѣлъ я и забавную его сторону. Съ родственникомъ моимъ Загоскинымъ, вѣрно преданнымъ Шаховскому, я не прерывалъ своихъ сношеній; мы часто посѣщали другъ друга. Я любилъ бѣсить его, позволяя себѣ нескромныя шутки и повторяя все колкости, слышанныя мною въ кругу моихъ пріятелей на счетъ его патрона. Съ своей стороны и онъ не слишкомъ щадилъ сихъ послѣднихъ, и въ нетерпѣніи своемъ высказывалъ мнѣ злыя намѣренія нашихъ противниковъ. Такимъ образомъ пламя раздора все болѣе раздувалось, и съ обѣихъ сторонъ готовились къ новымъ битвамъ. Передавая все слышанное мною дружескому обществу нашему, я въ шутку самъ прозвалъ себя его шпиономъ или лазутчикомъ, а тамъ, въ сердито-веселомъ расположеніи духа, находя это названіе слишкомъ жестокимъ, перевели его на слово соглядатай. Роль поджигателя была очень веселая, не совсѣмъ уваженія достойная, но какъ быть? дѣло отъ бездѣлья.

Новое нападеніе противной стороны, возбужденной мною посредствомъ Загоскина, ограничилось его комедіей *Урокъ волокитамъ*, въ трехъ дѣйствіяхъ и въ прозѣ. Она была не дурна, особливо какъ скороспѣлка. Въ ней, хотя не совсѣмъ остроумно, досталось всѣмъ, а болѣе всѣхъ мнѣ. Пожалуй, я могъ бы не узнать себя въ Фольгинѣ, большомъ вралѣ, вѣтреномъ модникѣ, какимъ никогда я не бывалъ, еслибы нѣкоторыя изъ словъ и сужденій моихъ не были вложены въ уста его. Я зналъ чѣмъ отомстить человѣку, который, по всей справедливости, гордился едва ли не болѣе древностію рода своего, чѣмъ новостію своей извѣстности. Я увѣрилъ его, что все пріятели мои не хотятъ вѣрить его существованію, фамильное имя его почитаютъ вымышленнымъ, однимъ словомъ, видятъ въ немъ псевдонимъ, подъ которымъ самъ Шаховской написалъ комедію.

Любопытно въ это время было видѣть Уварова. Онъ слегка былъ задѣтъ въ комедіи Шаховскаго и придрался къ тому, чтобъ изъяснять

величайшее негодованіе. Миѣ кажется, онъ болѣе радъ былъ случаю тѣснѣе соединиться съ новыми пріятелями своими. Мысленно видѣлъ онъ уже себя предводителемъ дружины, въ которой были столь славные бойцы, и на челѣ его долженъ былъ сіять вѣнецъ, въ который какъ драгоценный алмазъ намѣренъ былъ онъ вставить Жуковскаго. Опытъ доказалъ ему, что онъ никакой подчиненности не можетъ ожидать отъ сораствующихъ: все равно, въ Петербургскомъ большомъ свѣтѣ онъ гораздо ихъ болѣе извѣстенъ, и въ глазахъ его можетъ показаться главою партіи. Вѣчно-тщеславные расчеты этого человѣка бывали часто невѣрны, но иногда и удачны и тогда помогали ему высидѣть то въ общемъ мнѣніи, то на поприщѣ службы. Друзья литературы поступили бы безразсудно, еслибъ отвергли помощь зятя министра просвѣщенія, человѣка, который имѣлъ непосредственное вліяніе на цензуру.

Въ одно утро нѣсколько человѣкъ получили циркулярное приглашеніе Уварова пожаловать къ нему на вечеръ 14-го Октября. Въ ярко освѣщенной комнатѣ, гдѣ помѣщалась его библіотека, нашли они длинный столъ, на которомъ стояла большая чернильница, лежали перья и бумага; онъ обставленъ былъ стульями и казался приготовленнымъ для открытія присутствія. Хозяинъ занялъ мѣсто предсѣдателя и въ краткой рѣчи, хорошо по-русски написанной, осуществляя мысль Блудова, предложилъ засѣдающимъ составить изъ себя небольшое общество *Арзамасскихъ безвѣстныхъ литераторовъ*. Изобрѣтательный геній Жуковскаго по части юмористической въ мигъ пробудился: однимъ взглядомъ увидѣлъ онъ длинный рядъ веселыхъ вечеровъ, нескончаемую нить умныхъ и пристойныхъ проказъ. Отъ узаконеній, новому обществу имъ предлагаемыхъ, всѣ помирали со смѣху; единогласно избранъ онъ секретаремъ его. Когда же дѣло дошло до президентства, Уваровъ позналъ, какъ мало готовы къ покорности избранные имъ товарищи. При окончаніи каждаго засѣданія, жребій долженъ былъ рѣшать кому предсѣдательствовать въ слѣдующемъ; для нихъ не было даже назначено постоянного мѣста; у одного изъ членовъ попеременно другіе должны были собираться. Уварову не могло это нравиться, но съ большинствомъ спорить было трудно; онъ остался при мысли, что время подчинить ему эту республику.

Все это знаю я только по слуху, ибо въ этомъ первомъ засѣданіи я не участвовалъ: Уваровъ забылъ или не хотѣлъ пригласить меня на него. Удивленные моимъ отсутствіемъ, всѣ другіе члены изъявили желаніе видѣть меня между собою. Тогда собралось насъ всего семь человѣкъ, которыхъ въ припадкахъ ослѣпленнаго дружелюбія и самолюбія сравнивалъ я съ семью мудрецами Греціи, а общество наше

называлъ то плеядой, то семиствольною цѣвницей. Всѣхъ выводилъ я на сцену передъ читателемъ, одинъ Жихаревъ оставался въ глубинѣ ея. Теперь его очередь.

Изъ деревни привезенъ былъ онъ въ Московскій университетскій пансіонъ и оттуда воротился опять въ провинцію, гдѣ и оставался лѣтъ до восемнадцати. Онъ принялъ всѣ ея навыки; съ большимъ умомъ, съ большими способностями, въ кругу образованныхъ людей, онъ никогда не могъ отстать отъ нихъ. Наружность имѣлъ онъ Азіатскую: оливковый цвѣтъ лица, черные какъ смоль кудрявые волосы, черные блистающіе глаза, но которые никогда не загорались ни гнѣвомъ, ни любовью, и выражали одно флегматическое спокойствіе. Онъ казался мраченъ, угрюмъ, и не знаю, бывалъ ли онъ когда сердитъ или чрезвычайно веселъ. Образъ жизни тогдашнихъ Петербургскихъ гражданскихъ дѣльцовъ имѣлъ великое сходство съ тѣмъ, который вели дворяне внутри Россіи. Тѣхъ и другихъ могъ совершенно развеселить одинъ только шумный пиръ, жирный обѣдъ и безпрестанно опоражниваемая бутылка. Покинутую родину обрѣлъ нашъ Жихаревъ въ Петербургѣ у откупщиковъ, у оберъ-секретарей. Потомъ свелъ онъ дружбу съ Шаховскимъ и Русскими актерами, что и вовлекло его въ литературу и даже въ Бесѣду, куда былъ принятъ онъ сотрудникомъ. Онъ принялся за трудъ, перевелъ трагедію *Атрей*, комедію *Розовый Чортъ*, написалъ какую-то поэмю *Барды*: все это ниже посредственности. Безвкусіе было главнымъ недостаткомъ его въ словесности, въ обществѣ, въ домашней жизни. У него былъ живъ еще отецъ, человѣкъ достаточный, но обремененный долгами; онъ поступалъ съ нимъ какъ почти всѣ тогдашніе отцы, которые къ дѣтямъ не слишкомъ были чивы и требовали, можетъ-быть весьма справедливо, чтобы сынки сами умѣли наживать копѣйку, а Жихаревъ любилъ погулять, поѣсть, попить и самъ поподчивать. Это заставило его войти въ долги и прибѣгать къ разнымъ изворотамъ (*exrédians*, какъ называютъ ихъ Французы), строго совѣстливостію не совсѣмъ одобряемымъ. Дурныя привычки, по нуждѣ въ молодости принятая, къ сожалѣнію, иногда отзываются и въ старости. Богъ вѣсть какъ припелся онъ къ моимъ знакомымъ, вѣроятно черезъ Дашкова, съ которымъ учился; только въ 1814 году нашелъ я его уже водвореннымъ между ними. Я не встрѣчалъ человѣка болѣе готоваго на послуги, на одолженія; это похвальное свойство и оригинальность довольно забавная сблизили его со мною и съ другими.

Арзамасское общество, или просто *Арзамасъ*, какъ называли мы его, сперва собирался каждую недѣлю весьма исправно, по Четвергамъ, у одного изъ двухъ женатыхъ членовъ—Блудова или Уварова. Съ каждымъ засѣданіемъ становился онъ веселѣе; за каждую шуткой

слѣдовали новыя, на каждое острое слово отвѣчало другое. Съ какою цѣлію составилось это общество, теперь бы этого не поняли. Оно составилось невзначай, съ тѣмъ, чтобы проводить время пріятнымъ образомъ и про себя смѣяться глупостямъ человѣческимъ. Не совсѣмъ прошелъ еще вѣкъ, въ которой молодые люди, какъ умныя дѣти, отъ души умѣли смѣяться; но конецъ его уже близился.

Благодаря неистощимымъ затѣямъ Жуковскаго, *Арзамасъ* сдѣлался пародіей въ одно время и ученыхъ академій, и масонскихъ ложъ, и тайныхъ полигическихъ обществъ. Такъ же, какъ, въ первыхъ, каждый членъ при вступленіи обязанъ былъ произнести похвальное слово покойному своему предмѣстнику; таковыхъ на первый случай не было и положено брать ихъ на прокатъ изъ Бесѣды. Самимъ основателямъ общества нечего было вступать въ него; все равно, каждый изъ нихъ въ свою очередь долженъ былъ играть ролю вступающаго, и рѣчь президента всякій разъ должна была встрѣчать его похвалами. Какъ въ послѣднихъ странныя испытанія (впрочемъ не соблюденныя) и клятвенное обѣщаніе въ вѣрности обществу и сохраненіи тайнъ его предшествовали принятію каждаго новаго Арзамасца. Все отвѣчало одно другому.

Вечеръ начинался обыкновенно прочтеніемъ протокола послѣдняго засѣданія, составленнаго секретаремъ Жуковскимъ, что уже сильно располагало всѣхъ къ гиларитету, если позволено такъ сказать. Онъ оканчивался вкуснымъ ужиномъ, который также находилъ мѣсто въ слѣдующемъ протоколѣ. Кому въ Россіи не извѣстна слава гусей Арзамасскихъ; эту славу захотѣлъ Жуковскій присвоить обществу, именемъ ихъ родины названному. Онъ требовалъ, чтобы за каждымъ ужиномъ подаваемъ былъ жареный гусь, и его изображеніемъ хотѣлъ украсить гербъ общества.

Все шло у насъ не на обыкновенный ладъ. Дабы болѣе отдѣлиться отъ свѣта, отреклись мы между собою отъ именъ, которыя въ немъ носили, и заимствовали новыя названія у баладъ Жуковскаго. Такимъ образомъ паречень я Ивиковымъ Журавлемъ, Уварова окрестили Старушкой, Блудова назвали Кассандрой, Жуковскаго Свѣтланой, Дашкову дали названіе Чу, Тургеневу Эоловой Арфы, а Жихареву Громобоя.

Ни Государь, ни Елисавета Алексѣевна въ это время не воротились еще изъ-за границы, а дворъ со вдовствующею Императрицей оставался въ Гатчинѣ. Что удивительнаго если въ Петербургѣ дѣятельно занимались тогда всякимъ вздоромъ. Глухо разнеслась въ немъ вѣсть о существованіи какого-то во мракѣ возникшаго общества. Бѣсѣда первая догадалась, что оно оживлено не совсѣмъ пріизненнымъ

къ ней духомъ; въ ней предполагали, что тайно готовятся на нее сильныя нападенія: кто скрывается, тотъ долженъ имѣть дурной умыселъ, и словесники готовы были приписывать намъ заговоръ противъ правительства. А впрочемъ кому же придетъ въ голову, что порядочные люди собираются еженедѣльно единственно за тѣмъ, чтобъ умно подурачиться! Еслибы нѣкоторые изъ членовъ Бесѣды, изъ тѣхъ которые были поумнѣе, могли подслушать насъ, то вѣрно были бы успокоены и обезоружены. Правда, въ похвальныхъ имъ рѣчахъ дарованія ихъ не слишкомъ высоко оцѣнивались, притязанія ихъ на авторство были осмѣяны, но личности противъ нихъ никто себѣ не позволялъ. Они бы узнали, что, устранивъ всякое педанство, Арзамасцы между собою не чинились и часто позволяли себѣ даже трунить одинъ надъ другимъ.

Не менѣе Бесѣды взволновано было Оленинское общество: Арзамась казался ему загадкою, которой тайну я не смѣшилъ открыть ему. Изъ словъ и обхожденія Крылова и Гнѣдича могъ я замѣтить, что они чуждаются падшихъ и не дерзнуть возстать на торжествующихъ. Вся эта истинно-комическая исторія (ибо комедія Шаховскаго была началомъ ея) должна была имѣть вліяніе на судьбу мою. Въ домѣ у Олениныхъ Жуковскій былъ принятъ съ усиленною ласкою; со мною какъ будто ни въ чемъ не бывало. Не смотря на то, я могъ ясно видѣть, что недавнія связи совершенно разорваны, а все изъ чего? Батюшковъ могъ бы вразумить этихъ людей, но его тогда въ Петербургѣ не было: онъ лѣтомъ уѣхалъ въ армію и оттуда еще не возвращался. По пріѣздѣ онъ вѣрно бы бросился въ открытыя ему объятія Арзамаса, который и по заочности избралъ его своимъ членомъ подъ именемъ Ахилла. Случилось то, чего ожидать надлежало: старикъ Сухтеленъ, по желанію, уволенъ съ чиномъ и пенсіономъ, а на его мѣсто въ бібліотеку опредѣленъ нѣкто Атгинсонъ, ничтожный и ледащій малый, одинъ изъ домочадцевъ Оленинскихъ, сынъ Англинской няньки, воспитывавшей у нихъ дѣтей.

Идя отъ неудачи къ неудачѣ, я какъ будто привыкъ къ нимъ и, какъ Панглось, готовъ былъ сказать, что все къ лучшему. Но пріатели мои сильно вознегодовали: имъ хотѣлось приклеить меня къ какомунибудь вѣдомству, дабы оттуда вѣрнѣе могъ я попасть на стезю настоящей службы. Не говоря мнѣ ни слова, поставили на ноги Жихарева, который имѣлъ связи во всѣхъ правительственныхъ мѣстахъ, канцеляріяхъ, департаментахъ. Также не предупредивъ меня, переговорилъ онъ обо мнѣ съ Дружининымъ, директоромъ канцеляріи министра финансовъ, и въ одинъ разъ привезъ мнѣ и опредѣленіе, подписанное министромъ о причисленіи меня вновь къ канцеляріи его, и о

томъ мою просьбу, которую заднимъ числомъ заставилъ подписать меня. Это опредѣленіе было тѣмъ особенно для меня выгодно, что въ немъ сказано, будто, по окончаніи занятій моихъ въ Пензенскомъ комитетѣ, возвратился я къ прежнему мѣсту служенія. Итакъ, два года съ половиною, проведенные мною въ праздности, зачтены мнѣ въ службу, тогда какъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, по милости Сперанскаго, почитался я два года въ отставкѣ, когда часто являлся на службу. Въ судьбѣ людей такимъ образомъ иногда встрѣчаются вознагражденія.

Меня причислили къ неизбѣжному для меня третьему отдѣленію, по кредитной части, и я не весьма охотно въ него явился. Послѣ Рибоьера имъ управлялъ графъ Ламбертъ, бывшій секретаремъ посольства, отправленнаго въ Китай, читателю извѣстный. Онъ удивилъ меня своимъ приемомъ: тоже едва замѣтное наклоненіе головы, ту же сухость и важность въ манерахъ нашель я; только слова его исполнены были вѣжливости и доброжелательства. Онъ сказалъ мнѣ, что благодарить случай, который свелъ его съ прежнимъ сослуживцемъ и надѣется, что мы не скоро разстанемся. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ объявилъ мнѣ, что слѣдующею весной имѣеть въ виду другое назначеніе, котораго пока открыть онъ мнѣ не можетъ, но что въ предполагаемомъ новомъ управленіи (комиссія погашенія долговъ, какъ послѣ я узналъ) приготовить онъ мнѣ мѣсто, гдѣ выгоднымъ и пріятнымъ образомъ могу продолжать я службу. Между тѣмъ онъ нашель, что посѣщать мнѣ отдѣленіе совсѣмъ не нужно, развѣ только для свиданія и бесѣды съ нимъ.

На минуту возвратимся въ Арзамасъ. слѣдующею зимой, среди морозовъ, онъ все болѣе разцвѣталъ и съ каждымъ мѣсяцемъ обогащался новыми членами, изъ коихъ многими имѣлъ онъ причину гордиться. существованіе его было непродолжительное; онъ прожилъ не съ большимъ два года. Если Богъ дастъ мнѣ написать пятую часть сихъ Воспоминаній, то непременно помѣщу въ ней всѣ занимательныя подробности, до него относящіяся.

XIV.

Въ первыхъ числахъ Декабря (1815) Государь возвратился послѣ вторичнаго продолжительнаго отсутствія; но какое разительное несходство было между первымъ его пріѣздомъ изъ Парижа и послѣднимъ! Совершивъ великое чудо избавленія Европы отъ тягостнаго ига, былъ онъ тогда кумиромъ подданныхъ, союзниковъ и самихъ враговъ. Въ благо-

пріятнѣйшее время года природа за одно съ людьми ликовала, пріѣтствовала его. Онъ вѣровалъ тогда въ добро, въ возможность творить его, дѣлать людей счастливыми, и взоръ его былъ ясенъ, улыбка его была нѣжна и ласкова. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и онъ узналъ все коварство, всю неблагодарность тѣхъ, коихъ помощь его воскресила. Онъ любилъ родъ человѣческой, и тяжело ему было научиться презирать его. Спокойствіе опять восстановлено, но душа его разочарована. Сію кроткую душу не могла радовать жестокая участь изумительнаго и въ паденіи своемъ врага его (онъ подплывалъ тогда къ каменному гробу, въ которомъ немилосердая Англія заживо хотѣла его похоронить). Александръ казался скученъ, говорятъ, даже сердитъ. Никакими восторгамъ Петербургъ его не встрѣтилъ. Казалось, Россія познала, что наступило для нея время тихое, но сумрачное.

Государь началъ показывать себя вновь взыскательнымъ и строгимъ: всѣмъ гвардейскимъ и другимъ военнымъ офицерамъ запретилъ носить гражданское платье, находя сіе вреднымъ для дисциплины. Вскорѣ потомъ явилъ онъ себя даже грознымъ: статсъ-секретарь Молчановъ, столь могущій въ продолженіи трехъ или четырехъ лѣтъ, который заправлялъ дѣлами цѣлаго государства, вдругъ былъ отставленъ и преданъ суду. Сего мало: наряжено слѣдствіе для разсмотрѣнія дѣйствій Военнаго Министерства и самого управляющаго онымъ, князя Алексѣя Ивановича Горчакова, который вмѣстѣ съ тѣмъ и удаленъ отъ должности. Всѣ приближенные его главные чиновники, Самбурскій, Приклонскій и другіе отданы подъ судъ и разсажены по разнымъ гауптвахтамъ столицы, гдѣ и оставались нѣсколько лѣтъ. Всѣ ужаснулись сперва; но когда увидѣли, что за сими суровыми мѣрами, коихъ справедливость, впрочемъ, была доказана, не послѣдовало никакихъ новыхъ, то вскорѣ и успокоились потомъ.

Послѣ удаленія князя Горчакова, управляемое имъ министерство получило новое образованіе. Во время послѣдней войны армія до того увеличилась, что число дѣлъ по военному вѣдомству, конечно, утроилось. Государь нашелъ нужнымъ раздѣлить ихъ на двое, часть денежную, счетную, продовольственную отдавъ военному министру, которому послѣ этого, кажется, слѣдовало бы называться генераль-интендантомъ; всѣ прочія дѣла поступили въ вѣдѣніе Главнаго Штаба его величества.

Примѣрно отличившійся во время послѣднихъ кампаній генераль Петръ Петровичъ Коновницынъ назначенъ былъ военнымъ министромъ. Въ молодости, при Екатеринѣ, начальствуя Старооскольскимъ пѣхотнымъ полкомъ, слылъ онъ лихимъ полковникомъ и отчаянно дрался съ Поляками подъ начальствомъ Суворова. При Павлѣ, какъ и всѣ, былъ въ отставкѣ и не хотѣлъ было опять вступить въ службу, но всеобщій

бравный шумъ пробудилъ въ немъ бодрость. Онъ былъ при Буксгевденѣ дежурнымъ генераломъ во время Шведской войны, и находился начальникомъ штаба при Кутузовѣ въ 1812 году. Должность на него возложенная не была слишкомъ тягостна, и онъ былъ еще не старъ; но военные труды, походы, раны изнурили его, и послѣ назначенія своего министромъ, кажется, не болѣе двухъ лѣтъ онъ прожилъ.

Самый близкій человѣкъ къ Государю, съ малолѣтства при немъ неотлучный, князь Петръ Михайловичъ Волконскій назначенъ былъ начальникомъ штаба его. Не знаю, какъ до сихъ поръ не пришлось мнѣ сказать объ немъ ни слова. Примѣчательно, что при дворѣ почти всѣ случайные люди съ знатнымъ фамильнымъ именемъ принадлежатъ къ носящимъ его обѣднѣвшимъ семействамъ. Такимъ образомъ и этотъ князь, кажется, происходитъ отъ той отрасли, которая все болѣе размножается нынѣ и почти заселяетъ Рязанскую губернію. Родному дядѣ его, князю Димитрію Петровичу, удалось жениться на Катеринѣ Алексѣевнѣ Мельгуновой, племянницѣ Николая Ивановича Салтыкова, воспитателя великихъ князей Александра и Константина. Старый царедворецъ, желая въ будущемъ еще болѣе умножить кредитъ свой, маленькихъ наслѣдниковъ престола умѣлъ окружить малолѣтними же сыновьями своими, близкими и дальними родственниками; въ числѣ ихъ находился и Волконскій.

Онъ болѣе всѣхъ сдѣлался угоденъ Александру. Я помню, какъ, въ ребячествѣ, не смотря на запрещеніе наставника, любилъ я, бѣгая по саду, играть съ холопскими мальчиками. Я право не золь, чтобы ни говорили, а иногда случалось мнѣ тузить ихъ, и тѣ, которые были болѣе покорны и терпѣливы, мнѣ болѣе нравились. Почему же слабость простаго отрока не могла встрѣтиться и въ порфирородномъ? Главная, единственная добродѣтель Волконскаго была собачья вѣрность. Когда во дни Павла самъ наслѣдникъ его долженъ былъ трепетать и окруженъ былъ тайными надсмотрщиками, адъютанту его, Волконскому, никто не подумалъ даже о томъ предложить. Въ день восшествія на престолъ, сдѣланъ онъ флигель-адъютантомъ его, а въ день коронаціи—генераль-адъютантомъ.

Зная, сколь полезна царямъ нравственная власть, какъ избавляетъ она ихъ отъ необходимости часто употреблять матеріальную, Александръ, даже въ кругу самыхъ близкихъ по крови, не переставая быть любезнымъ, старался сохранять всю величественную свою важность. Нельзя, чтобы безпрестанное наблюденіе за самимъ собою иногда не утомляло его; наединѣ съ Волконскимъ любилъ онъ отдыхать; не открывая ему души своей, при немъ становился онъ человѣкомъ, который смѣется, сердится или бранится, какъ всѣ прочіе люди. Точно

также во время частыхъ и быстрыхъ путешествій своихъ, сидя съ нимъ въ коляскѣ, говорятъ, не иначе привыкъ онъ отдыхать, какъ засыпая на плечъ его. Такія удобства объясняютъ продолжительность милостей къ нему Александра, который, не такъ какъ другіе, въ окружающіхъ его любилъ находить просвѣщенный умъ. Говорятъ, что для камердинера нѣтъ великаго человѣка; Александръ угадалъ, что для вѣрноподданничества Волконскаго всякій былъ бы великій мужъ, лишь былъ бы онъ Царь. Долго государствомъ былъ онъ мало замѣченъ въ толпѣ Чарторижскихъ, Строгановыхъ, Голицыныхъ и другихъ любимцевъ, всѣхъ, болѣе его отличенныхъ. Однакоже самую мелкую вещь, поставленную у самаго свѣтильника, нельзя не разглядѣть; но въ глазахъ Россіи все оставался онъ на одномъ планѣ съ метръ-дотелемъ Миллеромъ, медикомъ Вилліе и брадытымъ кучеромъ Ильею. Только въ 1815 году началъ онъ вдругъ выростать до Аракчеева, до соперничества съ нимъ.

Столько же, какъ тотъ, былъ онъ суровъ, но совсѣмъ не такъ золъ. Если Аракчеевъ старался выигрывать у Царя мнимымъ чистосердечіемъ своимъ, то Волконскій—истиннымъ безпристрастіемъ. Онъ никого не хотѣлъ знать: ни друзей, ни родныхъ; не только награды, прощенія, помилованія въ случаѣ вины, никому изъ нихъ не хотѣлъ онъ выпрашивать. До того прославился онъ ненавистію къ nepотизму, что чувство это начали называть уже эгоизмомъ. Въ безпредѣльной преданности Царю у Аракчеева болѣе всего былъ расчетъ, у Волконскаго—привычка; только развѣ у одного Александра Николаевича Голицына было чувство. На одномъ Волконскомъ истощалось иногда все дурное расположеніе духа Государя, къ нему чрезмѣрно милостиваго: онъ все переносилъ со смиреніемъ и вѣроятно полагалъ, что въ свою очередь имѣетъ онъ право показывать себя грубымъ, брюзгливымъ съ подчиненными, даже съ тѣми, къ которымъ особенно благоволилъ. Я не имѣлъ никакихъ сношеній съ симъ вельможею, не видалъ отъ него ни худа ни добра, и меня не станутъ обвинять, я надѣюсь, въ пристрастіи при изображеніи его портрета.

Хотя зима была холодная и мрачная, какъ расположеніе царствующаго, однакоже она была свидѣтельницей нѣсколькихъ необходимыхъ торжествъ, изъ коихъ первымъ былъ вѣздъ Персидскаго посла и свиты его.

О Закавказскомъ краѣ, въ 1812 и послѣдующихъ годахъ, Россія совсѣмъ забыла, какъ будто онъ ей не принадлежалъ, какъ будто онъ никогда не существовалъ. А между тѣмъ война съ Персіей тамъ не прекращалась, и ручьями текла благородная кровь Русскихъ воиновъ. Съ такимъ же самотверженіемъ, съ какимъ братія ихъ внутри оте-

чества гибли тогда, спасая его, они сражались единственно во славу его; вожди ихъ падали съ оружіемъ въ рукахъ, не возбуждая никакого участія въ согражданахъ и не сѣтуя на темный свой жребій. Главнымъ начальникомъ посланъ былъ туда одинъ престарѣлый, увѣчный и хворый генералъ Николай Ѳедоровичъ Ртищевъ, въ военной лѣтописи почти неизвѣстный; изъ Тифлиса, какъ могъ, распоряджалъ онъ дѣйствіями. Но гроза Русскаго имени все еще удерживала горцевъ, и борьба съ Персіянами шла не безуспѣшно.

Изъ глубокаго забвенія, коимъ тогда покрыта была эта часть Россіи, вдругъ вырвалось одно славное имя и ярко блеснуло. Котляревскій, Петръ Степановичъ, съ малолѣтства воинъ, всю жизнь провелъ на Кавказѣ и за Кавказомъ въ бояхъ съ воинственными народами, его обитающими. Достигнувъ генеральскаго чина, онъ безпрестанно поражалъ непріятелей и никому изъ насъ не былъ вѣдомъ, тогда какъ въ то же время имя каждаго партизана повторялось по цѣлой Россіи. Подвиги свои довершилъ онъ взятіемъ неприступной крѣпости Ленкорана, на берегу Каспійскаго моря. По грудамъ тѣлъ Русскихъ и вражьихъ возшелъ онъ въ нее самъ, весь изъязвленный, весь покрытый ранами. Смерть пощадилъ его; но онъ ожидалъ ея, счастливѣе Эпаминонда, видя непріятеля не бѣгущаго, а истребленнаго. Онъ живъ еще и понынѣ, только умеръ для службы, ибо съ трудомъ владѣетъ членами. Щедро и справедливо былъ онъ награжденъ Георгіевскою звѣздой; поэзія поднесла ему также свой вѣнокъ. Славнѣйшій изъ поэтовъ его времени, исполненный сочувствія ко всякой славіи отечества своего, положилъ на него клеймо славы слѣдующими стихами:

О, Котляревскій, бичъ Кавказа!
Куда ни мчался ты грозой—
Твой ходъ, какъ черная зараза,
Губилъ, ничтожилъ племена...

Взятіе Ленкорана понудило Персіянъ искать примиренія. Не весьма задолго до взятія Парижа, миръ, подписанный въ Гюлистанѣ, положилъ конецъ двѣнадцатилѣтней войнѣ и владѣнія Россіи распространилъ до Аракса и Куры.

Въ 1814 году отправленъ былъ отъ Тегеранскаго двора посоль съ поздравленіями къ нашему Царю и съ увѣреніями въ дружбѣ шаха Персидскаго. Опъ пріѣхалъ въ Москву осенью и былъ тамъ задержанъ всю зиму. Весною привезли его въ Петербургъ и помѣстили въ Таврическомъ дворцѣ. Онъ скучалъ, опасался своего правительства и говорилъ: «какъ вы хотите, чтобъ у васъ кто-нибудь повѣрилъ, будто во время столь продолжительнаго отсутствія падишаха не было въ

народъ мятежей и все государство не возмутилось? Это былъ онъ же, который видѣлъ въ Петербургѣ вновь строящійся городъ и наше лѣто, которое тогда дѣйствительно было чрезвычайно дождливо, называлъ зеленою зимой.

Въ разсказахъ о привезенныхъ имъ будто сокровищахъ было много баснословнаго, напоминающаго *Тысячу и одну ночь*. Между прочимъ говорили о какой-то серебряной кадкѣ, вмѣсто земли наполненной жемчугомъ, въ которой посажено было золотое дерево съ изумрудными листьями и алмазными цвѣтами. Всѣ подарки ограничились на повѣрку плохими шаялами для императорской фамилии и главныхъ придворныхъ особъ; важнѣйшими же дарами были два слона обоего пола. На другой день Рождества, 26 Декабря, при сильномъ вѣтрѣ и ужасной мятели, они, одинъ за другимъ, открывали церемоніальное шествіе посольскаго вѣзда. На нихъ надѣты были теплые сапожки; бѣдная слониха потеряла одинъ изъ нихъ и жалобно выла.

Другія торжества происходили внутри дворца: Царь выдавалъ замужъ двухъ сестеръ или, лучше сказать, одну, ибо старшая сама выходила.

Великая княгиня Екатерина Павловна, предметъ обожанія Россійскаго двора, воинства и народа, лѣто 1812 года провела въ Ярославлѣ, а по очищеніи Москвы отъ непріятелей возвратилась въ Тверской дворецъ свой. Тамъ лишилась она супруга, сдѣлавшагося жертвой челоуѣколюбія своего. Онъ часто посѣщалъ въ больницѣ раненыхъ, подвергся заразительному ея вліянію и умеръ отъ госпитальной горячки. Тогда навсегда оставила она Тверь, которая безъ нея опустѣла и поднесъ живеть однимъ ея воспоминаніемъ. Для развлеченія горести уговорили ее отправиться въ Германію, куда силою оружія брата ея открыта была дорога для Русскихъ путешественниковъ. Потомъ явилась она въ Лондонъ; красота ея, умъ и враждебное расположеніе къ Наполеону восхитили Англичанъ. А она, пользуясь симъ и въ виду имѣя одну только пользу любезной ей Россіи, успѣла, говорятъ, разстроить преднамѣреваемый бракъ наслѣдницы престола, единственной дочери принца-регента, съ принцемъ Оранскимъ, наслѣдникомъ не утвердившагося еще Голандскаго престола; все это, говорятъ, съ намѣреніемъ выдать за него меньшую сестру свою, Анну Павловну, а брата своего Николая Павловича женить на невѣстѣ его, Англинской принцессѣ Шарлоттѣ. Первое удалось ей, а послѣднее было дѣломъ несбыточнымъ.

На Вѣнскомъ конгресѣ, или гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ за границей, понравился ей кронъ-принцъ Виртембергскій. Будучи вдовою, имѣла она право собою располагать, и согласилась отдать ему свою руку. Этотъ

союзъ, говорятъ не слишкомъ нравился ея семейству, вѣроятно отъ того, что, по любви ихъ къ ней, братья и мать надѣялись никогда съ ней не разстаться. Женихъ былъ мужчина видный, совсѣмъ не чета первому ея супругу. Другой же, принцъ Оранскій, молоденькій красавчикъ, умный и ловкій и уже знаменитый въ бояхъ, который имѣлъ въ виду владѣть отдѣльнымъ государствомъ и повелѣвать народомъ, прославившимся въ искусствахъ, торговли и мореплаваніи, казался всѣмъ еще выгоднѣйшею партіей. Тѣнь Петра Великаго въ горнихъ селеніяхъ должна была возрадоваться, видя, что потомству его суждено владычествовать въ Сардамѣ.

Сии браки совершены въ Генварѣ и Февралѣ мѣсяцахъ 1816 года, а я намѣренъ былъ воспоминаніями о 1815-мъ заключить четвертую часть сихъ Записокъ; но въ бракахъ сихъ вижу я непосредственныя послѣдствія происшествій, бывшихъ въ предшествующихъ годахъ. Какъ громовыя тучи пронеслись они надъ нами. На политическомъ горизонтѣ все прояснѣло; но воздухъ сталъ ли чище? Здѣсь не мѣсто еще о томъ говорить.

Великія событія временъ Наполеона само собою врѣзывались въ память, и простой рассказъ о немъ могъ быть уже достаточно занимателенъ. Но послѣ него наступили времена иные; первые годы послѣ его паденія не были столько обильны происшествіями, за то показывали гораздо болѣе движенія въ умахъ. Я смотрѣлъ на него равнодушно, разсѣянно; занятія по службѣ, удовольствія не совсѣмъ еще покинувшей меня молодости, при наружномъ спокойствіи, коимъ пользовались тогда всѣ народы, развлекая меня, не допускали меня обращаться на происходящее наблюдательныхъ взглядовъ. Вотъ почему описаніе этой эпохи для меня дѣло многотрудное; оно ужасаетъ меня.

И такъ положу покаместъ перо; пособравшись съ мыслями и съ духомъ, не иначе какъ послѣ зрѣлыхъ размышленій, можетъ-быть, приступлю къ изображенію временъ болѣе новыхъ. Да поможетъ мнѣ Господь Богъ!

Конецъ четвертой части.

ЗАПИСКИ
ФИЛИПА ФИЛИПОВИЧА
ВИГЕЛЯ.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

ИЗДАНИЕ «РУССКАГО АРХИВА».

(ДОПОЛНЕННОЕ СЪ ПОДЛИННОЙ РУКОПИСИ).

МОСКВА.

Университетская типографія. Страстной бульварь.

1892.

I.

Не задолго до Французской революціи, родился я. Ужасы о ней рассказываемые поражали даже ребяческой мой слухъ; ибо граница единственной земли, въ которой повторялось ея безразсудное эхо, находилась только въ тридцати верстахъ отъ мѣста, гдѣ я выросалъ. Исполненный вѣрноподданческаго чувства отецъ, благочестивая, православная мать и честный Нѣмецъ прежнихъ временъ, другъ порядка и законовъ, были первые, которые внушили мнѣ омерзѣніе къ ея неистовствамъ. Въ аристократическомъ домѣ два Франдуза-легитимиста довершили ими начатое. Ослѣпленный предрассудками, отъ которыхъ и понынѣ еще не краснѣю, я не только раздѣлять, ни даже понимать не могъ восторговъ при имени перваго консула республики. Она въ глазахъ моихъ была продолжительнымъ преступленіемъ, а онъ былъ сынъ ея, и долго—ея подпора, ея слава. Скоро всѣ начали думать и говорить согласно съ моимъ образомъ мыслей, скоро похвалы ему превратились въ укорищенную брань, и именно тогда, какъ возстановилъ онъ монархическую власть и всѣ ея формы. Вольнолюбивые видѣли въ немъ тирана, истребителя свободы; царелюбцы называли его хищникомъ престола; Англія, которая тогда безпрепятственно давала направление политическимъ мнѣніямъ въ Россіи, распространяла въ ней ненависть къ нему. Вѣнецъ и порфира казались мнѣ зачаканными его полуцарскимъ прикосновеніемъ. Въ консулѣ, равно какъ и въ императорѣ, видѣлъ я все-таки еще революцію: она сокрушала царства, низвергала царей, она сожгла Москву. Когда человѣкъ заберетъ себѣ что-нибудь въ голову, то трудно доказать ему ошибку его.

Весь этотъ волшебный міръ, который столь яркими красками описывали мнѣ старые Французы, съ коими имѣлъ я сношенія, исчезъ въ ужасной безднѣ, подобно городамъ, поглощеннымъ землею или волнами, Помпей, Геркулануму или Винетѣ. Все это дореволюціонное блаженство, которое не суждено мнѣ было видѣть и которое зналъ я по однимъ лишь преданіямъ, оставалось моею любимѣйшею мечтой; но не оставалось ни малѣйшей надежды, чтобъ этотъ золотой вѣкъ могъ когда-либо возвратиться. И вдругъ крутой переворотъ, и быстро за нимъ

послѣдовавшія происшествія воскресили бывшее, навсегда казавшееся погибшимъ.

Когда, къ неописанной радости моей, громкими молитвами православнаго духовенства оскверненная цареубійствомъ площадь была очищена и освящена; когда потомокъ Святаго Лудовика, принявъ его наслѣдіе, на заблужденія, на злодѣянія минувшихъ лѣтъ набросилъ мантию его милосердія: я думалъ, что все кончено. Нимало. Два чловѣка, одинъ возстановитель законнаго порядка, другой, именемъ его возстановленный, оба движимые различными чувствами, начали создавать нѣчто новое, съ духомъ времени болѣе согласное. Оба льстили себя надеждою—истребить снисходительностію и благодушіемъ силу, затмить славу сверженнаго Наполеона. Возвратившійся Лудовикъ XVIII, на радостяхъ, народу своему октроировалъ, видишь, пожаловалъ хартію. Съ высоты трона, добровольно изливая свободу, онъ могъ надѣяться, что подданные будутъ въ немъ видѣть источникъ вѣчныхъ благъ. Долженъ повиниться въ тогдашнемъ невѣжествѣ своемъ: не обративъ должнаго вниманія на хартію сію, я почиталъ ее новымъ образованіемъ, утверждающимъ королевскую власть. Въ дипломатическихъ сношеніяхъ, въ камерахъ, вездѣ преимущественно стали показываться Ноальи и Граммоны, Монморанси и Роганы, Ларошфуко и Бофремоны, и я былъ предоволенъ. Не прошло года, и Франція доказала, что желѣзный скипетръ и мечъ Наполеона предпочитаетъ она всѣмъ хартіямъ.

Такой урокъ, данный самимъ Провидѣніемъ, кажется, долженъ бы былъ образумить вѣнценосцевъ; но мнѣнія, предразсудки, привитые въ первой молодости, видно, совершенно исцѣлены никогда быть не могутъ. Если рѣшились уже до того унижить, опозорить Францію, что отдали ее подъ караулъ, то, кажется, въ это время можно бы было себѣ все съ нею позволить. Почему же было пропустить сей единственный случай и, для ея же блага, не сжать, не оковать ея вольности, изъ коей кромѣ самаго худаго, она никакого другаго употребленія, никогда не умѣла дѣлать? Ослаблять ее вѣчными внутренними раздорами могло быть полезно не Россіи, а развѣ только ближайшей ея сосѣдкѣ.

Графъ Прованскій, иначе Мосье, не имѣлъ въ нравѣ ничего схожаго съ двумя добродушными братьями своими, старшимъ благочестивымъ и меньшимъ—въ молодости вѣтренымъ шалуномъ. Онъ былъ настоящій Французъ восемнадцатаго вѣка, слегка философъ, волтеріанецъ, слегка англomanъ. Не насъ однихъ можно упрекать въ страсти къ подражанію; этой слабости, кажется, подвержена бѣольшая часть чловѣчества. За нѣсколько лѣтъ до революціи, у Французовъ, точно также какъ и нынѣ у насъ, вошло въ обычай поносить все отечественное,

ругаться надъ нимъ и восхищаться однимъ только иноземнымъ, то-есть Англинскимъ. Слѣдуя общему движенію, королевскій братъ углубился въ разсмотрѣніе образованій всѣхъ государствъ, но преимущественно съ прилежаніемъ сталъ изучать чудный механизмъ Великобританской правительственной машины, верхъ совершенства между изобрѣтеніями людей. Небо Франціи омрачилось, грозило королевской власти, и можетъ тайно надѣялся онъ возстановить ее въ своей особѣ, посредствомъ новыхъ своихъ теорій. Онъ былъ начитанъ, много писалъ, любилъ поавторствовать и, родясь на ступеняхъ трона, походилъ однакоже на нынѣшнихъ профессоровъ и адвокатовъ, всегда замышляющихъ похитить верховную власть. Но онъ былъ скромень, остороженъ, и подобно родственнику своему, развратному герцогу Орлеанскому, не вступалъ въ явную оппозицію. Первые взрывы революціи ее испугали его, и когда послѣ взятія Бастиліи, графъ д'Артуа покинулъ отечество, около двухъ лѣтъ оставался онъ еще спокойнымъ зрителемъ народныхъ бурь. Послѣ долгихъ странствованій, послѣднее убѣжище нашелъ онъ въ Англіи, и тамъ вблизи могъ любоваться искусственнымъ устройствомъ ея, которое, къ несчастію такъ много плѣняетъ знакомыхъ мнѣ умѣйшихъ людей. На гостеприимное лоно любимой имъ земли, казалось, навсегда склонилъ онъ отягченныя тучностію тѣло и думами главу. Въ уединеніи своемъ не переставалъ онъ мечтать объ устройствѣ, которое далъ бы онъ Франціи, еслибъ она соблаговолила его призвать. Возвращаясь въ нее, онъ несъ въ рукахъ любимое чадо свое—плодъ долголѣтнихъ досуговъ, въ тишинѣ Гартвелля имъ взлелѣянное. Оно не спасло Франціи отъ вторженія Наполеона и скорѣе открыло ему путь въ нее; но родительская любовь никогда не позволила ему разстаться съ нимъ.

Въ свободѣ Англіи видятъ обыкновенно главный источникъ ея богатства и могущества. Тамъ, гдѣ вся земля принадлежитъ малому числу большихъ владѣльцевъ и каждый изъ нихъ, по прихоти, можетъ лишить живущаго на ней клочка земли, который питаетъ его съ семействомъ; тамъ, гдѣ съ одной стороны горы золота, а съ другой голодъ, вѣчно ему покорствующій; тамъ, гдѣ содержатель фабрики, высылая изъ нея работника, произноситъ ему смертный приговоръ: не знаю, можно ли почитать тамъ людей свободными? Лорды держатъ народъ, какъ охотники собакъ на сворѣ: онѣ рвутся, лаютъ; а поприyani ихъ немного, они тотчасъ уймутся. Столько же было свободы и едва ли не болѣе въ Венеціанской республикѣ, гдѣ ея вовсе не было. Нѣтъ, Англія сильна безпредѣльною властію, которою пользуются въ ней олигархія рода и аристократія золота; она сильна мѣстностями положенія своего; особенно же она сильна тѣмъ, что всегда свято хранила преданія древности, всегда ихъ держалась, что народная ея гордость всегда

чуждалась подражанія; что всѣ законы, всѣ учрежденія ея суть произведенія собственной почвы и ни у кого не заимствованы. И не безразсудно ли взять за образецъ страну, съ которой другія не могутъ имѣть ничего общаго? Народы, точно также, какъ всякій человѣкъ въ особенности, также какъ звѣри и растенія, имѣютъ различныя сложенія и склонности. Всякому свое: то, что губительно для пальмы, сохраняетъ березу, и наоборотъ. Одинаковая ли температура нужна бѣлому медвѣдю и Африканскому льву?

Высокая ученость почти всегда отдѣляетъ людей отъ дѣйствительности жизни. Вѣнчанная мудрость въ бархатныхъ сапогахъ совсѣмъ не постигла народный духъ Французовъ. Лудовикъ XVIII полагалъ, что подобно Англіи, самые жаркіе споры въ его камерахъ будутъ исполнены достоинства, сопровождаемы приличіемъ. Напрасно: у этого кипучаго народа словопреніе тотчасъ обращается въ безчинство, ругательство, а оппозиція не что иное какъ постоянный мятежь. Десятки лѣтъ прошли, и съ каждымъ годомъ видимъ мы, что оно становится все хуже.

Заблужденія императора Александра истекали изъ самаго чистаго источника. Никогда еще не было на тронѣ монарха, оживленнаго столь горячею, столь искреннею любовію къ человѣчеству. Еще въ отроческомъ возрастѣ наставникъ его, Швейцарецъ Лагарпъ, увѣрилъ его, что совершенная свобода есть высочайшее благо для людей. Но видно, что въ отчизнѣ его не слишкомъ ею дорожили: ибо вольные жители горъ, Альпійскіе пастухи цѣлыми тысячами продавали себя иноземнымъ владыкамъ и за деньги проливали кровь свою. Союзная съ нимъ Англія и окружавшіе его совѣтники, ей преданные, утвердили въ немъ желаніе сдѣлаться благодѣтелемъ Россіи, даровавъ ей представительное правленіе. Тильзитъ, который такъ напрасно клянемъ мы, все пріостановилъ. Коль же скоро стали замѣтны несогласія его съ Наполеономъ, явился Нѣмецкій баронъ Штейнъ уполномоченнымъ отъ многочисленныхъ Нѣмецкихъ тайныхъ обществъ. Черезъ него возносили они мольбы свои къ нему, вопили о спасеніи, увѣряя, что не переставали почитать его свободолубцемъ и видѣть въ немъ будущаго спасителя Германіи. Тогда свобода сдѣлалась для него не только цѣлію, но обратилась и въ средство, и на побѣдоносномъ пути его до Парижа вездѣ встрѣчали его съ вѣнками въ рукахъ. Въ стихахъ и прозѣ превозносили его; поэтъ Раупахъ изобразилъ его въ трагедіи своей *Timoleon der Befreuer*.

Подъ Французскимъ игомъ, для Нѣмцевъ ненавистнымъ, распространились между ними Французскія революціонныя идеи. Очень некусно научились они смѣшивать слово независимость (что предпола-

гаетъ освобожденіе отъ чуждой власти) со словомъ свобода. Нѣмецкіе владѣтельные князья, дабы болѣе возбудить ихъ къ возстанію, обѣщали имъ дарованіе многихъ правъ и вольностей по окончаніи войны. Нужно ли все это было, когда честь и самохраненіе Пруссіи и здравая политика Австріи повелѣвали къ намъ присоединиться, когда не народы, а правительства и войска одинъ за другимъ приставали къ намъ? Наполеонъ на островѣ Св. Елены говорилъ: «Я воевалъ съ Европой для поддержанія монархическаго правила, цари побѣдили меня именемъ народной свободы; они жестоко въ томъ будутъ раскаиваться». И дѣйствительно послѣ его шумно-грозно-созидательнаго вѣка наступило тихо-разрушительное время. Одинъ умный человѣкъ сказалъ, что первые годы послѣ Наполеона были пора посѣва; черезъ пятнадцать лѣтъ все выросло, созрѣло: горе тѣмъ, которые доживутъ до жатвы.

Англія стояла тогда на вершинѣ могущества своего, блистала величіемъ и богатствомъ, сіяла злобною радостію при видѣ нестерпимыхъ мукъ, на кои осудила безсмертнаго своего противника и, дружелюбно улыбаясь неискуснымъ своимъ подражателямъ, не переставала твердить имъ о свободѣ. Въ странѣ, гдѣ именемъ свободы совершены были неслыханныя злодѣйства, попираемо все священное для людей, разрушены алтари, изгнана вѣра Христова, въ этой странѣ единокровные преемники ея жертвъ провозгласили права ея неоспоримыми. И, наконецъ, богоподобный человѣкъ, который сдѣлался первымъ въ Европѣ и въ мірѣ, всенародно исповѣдывалъ любовь свою къ ней! Послѣ того имя ея признано равнымъ именамъ божества и добродѣтели. Что говорю я? Оно стало выше ихъ. Передъ нимъ всѣ преклоняли головы, и оно сдѣлалось священнымъ для всѣхъ, даже для насъ, которые прежде никогда не произносили его не отъ страха, а отъ невѣдѣнія.

Трудно мнѣ изобразить, какимъ неприятнымъ образомъ былъ я изумленъ, оглушенъ новымъ, непонятнымъ сперва для меня языкомъ, которымъ все вокругъ меня заговорило. Молодость всегда легковѣрна и великодушна, и первая вспыхнула отъ прикосновенія электрическаго слова. Довольно скромно позволялъ я себѣ входить въ сужденія съ молодыми воинами; куды тебѣ! Названія запоздалаго, старовѣра, гасильника такъ и посыпались на меня, и никѣмъ не поддержанный я умолкъ. Любопытно и даже забавно было видѣть иныхъ людей, въ характерѣ которыхъ была рѣзкая противоположность съ правилами, которыя вдругъ начали они поддерживать: изъ раболѣпства стали они прикидываться свободомыслящими. Напримѣръ, старый министръ Козодавлевъ, который всегда смотрѣлъ, откуда при дворѣ дуетъ вѣтеръ, находилъ въ Крыловѣ холопскія чувства, въ Крыловѣ, который въ

басняхъ своихъ насказалъ такъ много смѣлыхъ истинъ, едва завѣшивая ихъ наготу полупрозрачными прекрасными своими покровами. На дачѣ у себя, передъ всѣми высшими властями пресмыкающійся Уваровъ слѣдующимъ лѣтомъ принималъ насъ въ павильонѣ, посвященномъ памяти Штейна и названномъ его именемъ. Александръ хлебнулъ, и опьянѣли дворъ, гвардія и столица его.

Вообще съ удивленіемъ замѣтить должно, что почти во всѣхъ земляхъ обыкновенно высшее сословіе или аристократія производили народныя возстанія и направляли ихъ противъ законной высшей власти. Не говоря уже о революціи 89 года, которую раздували дюки и маркизы, во время Фронды, знатныя дамы, даже принцессы Монпансье, Лонгевиль принимали сильнѣйшее участіе въ возмущеніяхъ. Въ Нидерландахъ Эгмонтъ и Горнъ были не простые люди; Польшу всегда волновали магнаты; въ Римѣ причипе, гордые и праздные, всегда непокорны и если въ Венгріи случится бѣда, то навѣрное предсказать можно, что безпокойства произведены будутъ знатнѣйшими ея богачами. Эти люди, ближе другихъ окружая тронъ и ближе другихъ видя слабости сидящихъ на немъ, менѣе всѣхъ уважаютъ ихъ и болѣе всѣхъ завидуютъ имъ. Безразсудные! Стремясь изсушить единственный источникъ ихъ благъ, они неизбежно ведутъ согражданъ къ демократіи, для нихъ губительной, истребительной. А тамъ приходитъ раскаяніе; потерявъ илп, лучше сказать, погубивъ головы Людовика XVI-го и Маріи Антоанетты, роялисты плакали по волосамъ ихъ.

Въ одной Россіи это дѣло кажется невозможнымъ; попытались было бояре, послѣ смерти Петра II-го, облечься въ верховную власть; но царелюбивый народъ Русскій присталъ даже къ Нѣмцамъ, чтобы свергнуть ихъ. Тутъ дѣло было совсѣмъ иное: изъ угожденія къ царской прихоти, можетъ быть, скоро преходящей, нѣкоторые вельможи стали восхвалять свободу. Если первые были преступны, то послѣдніе подлы: одни искали власти, а другимъ хотѣлось только милостей, повышенія.

Важную ошибку на Вѣнскомъ конгрессѣ вижу я въ непризнаніи Австрійскаго императора попережнему Римскимъ и главою Германіи. Нѣтъ сомнѣнія, что сіе сдѣлано вслѣдствіе дружелюбнаго угожденія Пруссіи, которая давно домогается взять первенство между Нѣмецкими государствами и повелѣвать ими. При Оттонахъ, которые по примѣру Карла Великаго приняли титулъ Римскихъ императоровъ, Германія дѣйствительно заняла первое мѣсто въ Европѣ. Италія то возставала на нее, то покорялась ей. Крупныя и мелкія части, на кои была она раздроблена, время переплело въ одинъ большой форматъ, и на главномъ листѣ стояло имя избраннаго императора, болѣе или менѣе

сильнаго. Порядокъ сей, существовавшій нѣсколько столѣтій, былъ нарушенъ Наполеономъ, который самъ себя насильственно поставилъ на мѣсто законныхъ императоровъ. Зачѣмъ же, послѣ паденія его, не возстановить было прежній порядокъ? Всѣ эти владѣнія нажалованныхъ имъ королей и великихъ герцоговъ сдѣлались летучими листками (*feuilles volantes*), на живую нитку пришитыми къ Франкфуртскому сейму. Мелкіе государи сихъ особняковъ не въ силахъ были противиться подданнымъ, которые требовали исполненія данныхъ обѣщаній: подай имъ конституцію, да и только! Одни уступили ранѣе, другіе позже, и началась не сильная, но постоянная борьба народа съ правительствомъ. Нигдѣ не было единства, ни откуда не было главнаго надзора, ни могущаго вліянія. Австрія, единственная твердая блюстительница общенароднаго спокойствія, довольствовалась сохраненіемъ его у себя дома; еслибы дано ей было болѣе власти и правъ, она конечно водворила бы его и въ другихъ Германскихъ странахъ. Непоколебимая въ системѣ управленія своего, Австрія сдѣлалась для всей почти Германіи предметомъ ненависти и презрѣнія, совсѣмъ не ужаса, и съ каждымъ годомъ становилась ей болѣе чуждою. Императорскій титулъ, присвоенный одному небольшому герцогству, около котораго низаны разнородныя королевства гораздо обширнѣе и многлюднѣе его, казался также смѣшною несообразностью. Латинское названіе сіе, пережившее Римское величіе и для потомства служащее его изображеніемъ, прилично только западнымъ и восточнымъ наслѣдникамъ Августовъ и Кесарей. Владѣеть ли онъ старымъ или новымъ Римомъ или довольно силенъ, чтобы имѣть справедливыя притязанія на вѣчные грады, гдѣ временно только господствуютъ тіара и чалма, тотъ только безъ стыда можетъ носить названіе, котораго нѣтъ выше въ мірѣ. Въ столь неопредѣленномъ положеніи, мудрено ли, что Нѣмцы, среди продолжительнаго мира, пользуясь всѣми плодами его, величайшимъ матеріальнымъ благосостояніемъ, все еще недовольны, желаютъ лучшаго и, разъединенные Вѣнскимъ конгрессомъ, ищутъ опять единства? Они волнуются, тоскуютъ, дерзко говорятъ и пишутъ, и замышляютъ что-то недоброе.

Но какъ назвать возстановленіе свободной Польши самодержцемъ Всероссійскимъ? Никогда еще столь великодушнаго ослѣпленія не было видано. Неизвѣстно, кто въ малолѣтствѣ еще успѣлъ увѣрить Аเลสандра, будто возвращеніе Россіи отторженныхъ отъ нея западныхъ ея областей должно почитаться преступленіемъ его бабки. Стоило только поприлежнѣе прочитать Русскую Исторію, чтобы найти въ ней оправданіе, или, по крайней мѣрѣ, извиненіе сему великому злодѣянію. Въ самой цвѣтущей молодости, когда первыя впечатлѣнія такъ

сильно дѣйствуютъ на сердце и на воображеніе, Полька Нарышкина и Полякъ Чарторижскій дали познать ему любовь и дружбу. Привязанность къ нему Польскихъ его подданныхъ представлена ими какъ невольное сердечное влеченіе, тогда какъ въ Русской добродушной преданности видѣлъ онъ простое исполненіе обязанности. Когда на пути въ Берлинъ, въ 1805 году, проѣзжалъ онъ черезъ Варшаву, то съ трудомъ могъ скрыться отъ нескромныхъ изъявленій энтузіазма ея жителей. Ничто не могло изгладить сихъ воспоминаній: ни вражда Поляковъ, съ новою силой обнаружившаяся противъ Россіи, слѣдственно противъ него (еслибы по долгу своему онъ не захотѣлъ отдѣлять себя отъ нея), ни ужасы и опустошенія, которыя ровно черезъ двѣсти лѣтъ повторили они въ Москвѣ и ея окрестностяхъ. Онъ старался увѣрить себя, что, будучи внукомъ Екатерины, онъ обязанъ загладить ея несправедливость. Онъ былъ остороженъ и неторопливъ въ исполненіи важныхъ предпріятій своихъ: пріобрѣтенное имъ по трактатамъ Польское Царство первое хотѣлъ онъ подвергнуть испытанію конституціоннаго правленія. Желая исподоволь новыхъ подданныхъ своихъ ознакомить со свободой, по зная всю невоздержность Поляковъ, зная, какъ готовы они предаваться всякаго рода упоеніямъ и опасаясь, чтобы они не слишкомъ стали упиваться сей сладкой отравой, вмѣсто противоядія поставилъ онъ межъ ними брата своего Константина.

Никто въ Петербургѣ, ни даже настоящіе или мнимые друзья свободы, никто не скрывалъ неодобренія и прискорбія при видѣ сихъ новыхъ опасностей, которыя добровольно создавалъ онъ для Россіи. Это самое, надобно думать, омрачило веселіе, которое безъ того встрѣтило бы его вторичный возвратъ изъ Парижа. Отнюдь не будучи свободомыслящимъ, я, можетъ быть, одинъ въ воспріятіи титула Царя Польскаго видѣлъ событіе счастливое для Россіи и основаніе новаго для нея величія въ будущемъ. Мнѣ казалось, что Польша къ Россіи должна быть въ томъ же отношеніи, какъ при Наполеонѣ Италія была къ Франціи: она граничитъ съ Нѣмецкими владѣніями и, по примѣру Наполеона, Государь можетъ сдѣлаться главою Германскаго союза. Или, думалъ я, Польша будетъ главнымъ звѣномъ той цѣпи, которая потянется отъ нея направо и налево и составлена будетъ изъ единокровныхъ ей и намъ Славянскихъ государствъ. Опираясь на Россію, какъ на огромную скалу, они сами, какъ рядъ твердынь, будутъ защищать ее отъ нападеній западныхъ народовъ.

Какъ ошибался я! И какъ все это далеко было отъ мысли Александра! Слава какъ будто прискучила ему; онъ желалъ еще добра, но не искалъ за него возмездія межъ людей и почиталъ себя стражемъ, котораго Всевышній поставилъ для сохраненія мира мірови. На высотѣ

счастія и успѣховъ внезапно овладѣло имъ уныніе; онъ, весь любовь, испыталъ неблагодарность людей, коимъ благоотворилъ, и правительствъ, коихъ былъ искреннимъ и мощнымъ союзникомъ. Можетъ быть, онъ возненавидѣлъ бы родъ человѣческій; новое чувство, которое тогда наполнило его душу, не допустило его до того. Любовь къ Богу всегда болѣе утверждаетъ въ любви къ человѣчеству. Онъ былъ расположенъ къ религіозной мечтательности и во время послѣднихъ странствованій его, къ сожалѣнію, встрѣтилъ онъ одну краснорѣчивую женщину, которая умѣла передать ему свое нео-христіанское ученіе. Это была знаменитая баронесса Крюднеръ *), урожденная Фитингофъ, вдова Русскаго посланника въ Берлинъ, писательница, великая грѣшница, раскаявшаяся, какъ Магдалина и изъ свѣтской женщины обратившаяся въ площадную проповѣдницу. Въ городахъ и въ селахъ, на открытомъ воздухѣ, на распутіяхъ произносила она трогательныя рѣчи народу, и цѣлыя толпы его слѣдовали изъ мѣста въ мѣсто за новой пророчицей. Изъ многихъ владѣній была она изгоняема и, наконецъ, въ Россіи нашла убѣжище и могилу.

Я старался помѣстить въ этой главѣ все то, что при началѣ 1816 года было, такъ сказать, въ зернѣ и, постепенно развиваясь, въ послѣдствіи причинило намъ такъ много горестей и бѣдствій. Въ сей главѣ объясняется многое, что читатель далѣе можетъ встрѣтить въ сихъ Запискахъ.

II.

Поговоривъ о царяхъ, о важныхъ политическихъ интересахъ Европы, долженъ теперь обратиться къ малозначущей особѣ своей, для которой въ семъ 1816 году пришла эпоха жизни болѣе дѣятельной, не совсѣмъ бесполезной, какъ было дотошъ.

Въ Февралѣ мѣсяцѣ, однимъ утромъ, графъ Ламбертъ прислалъ пригласить меня къ себѣ въ канцелярію. Въ объясненіяхъ, которыя мы имѣли, увидѣлъ я чистосердечное желаніе быть мнѣ полезнымъ. «Вы теперь ничего не дѣлаете; не хотите ли чѣмъ-нибудь заняться? Представляется къ тому случай», сказалъ онъ мнѣ. «Слыхали ли вы о генералѣ Бетанкурѣ? Онъ въ большой довѣренности у Государя и по части механики можно почитать его Европейскою знаменитостью. Число фальшивыхъ ассигнацій умножилось; надобно перемѣнить ихъ форму; для того хотятъ устроить особую фабрику, и Государю угодно было дѣло это поручить Бетанкуру. Черезъ это поставленъ онъ въ близкія сношенія съ министромъ финансовъ, вовлеченъ въ частую пе-

*) Не надобно смѣшивать ее съ другою госпожею Крюднеръ, также великой грѣшницей, Нѣмкой, которая гораздо послѣ нея въ Россію къ намъ пожаловала.

реписку съ нимъ и другими вѣдомствами, а ни языка Русскаго, ни Русскихъ формъ вовсе не знаетъ. Ему нуженъ чиновникъ, который бы хорошо зналъ Французскій и Русскій языки и на котораго бы могъ онъ совершенно положиться. Онъ просилъ меня о присканіи ему такового: я былъ коротко съ нимъ знакомъ въ Мадритѣ, когда я находился тамъ секретаремъ посольства. Я ему назвалъ васъ, но не смѣлъ обѣщать ему вашего согласія. Сегодня вечеромъ поѣдемте къ нему вмѣстѣ; во всякомъ случаѣ это будетъ для васъ пріятное знакомство. Первоначальныя занятія ваши при немъ не будутъ имѣть для васъ ничего обязательнаго, вы будете трудиться почти частнымъ образомъ; пройдетъ недѣли двѣ-три, не болѣе, и вы увидите, полюбились ли вы другъ другу; тогда, продолжая оставаться въ министерствѣ, можете вы официально быть къ нему откомандированы, и изъ суммъ, назначенныхъ на заведеніе и устройство ассигнаціонной фабрики, можно будетъ удовлетворять васъ приличнымъ содержаніемъ. Впрочемъ это нимало не измѣняетъ нашихъ прежнихъ условій; мѣсто съ хорошимъ жалованьемъ и славною квартирой, при службѣ не весьма утомительной, которое предложилъ я вамъ въ Коммисіи погашенія долговъ, откроется вмѣстѣ съ нею не ближе какъ въ концѣ Мая или въ началѣ Іюня. Оно васъ ожидаетъ, и до тѣхъ поръ пройдетъ довольно времени, чтобы вамъ на что-нибудь рѣшиться».

Мы нашли Бетанкура одного въ обширномъ кабинетѣ. Онъ усадилъ насъ вокругъ письменнаго стола своего, разговорился, и знакомство съ нимъ сдѣлалось у меня скоро. Старикъ показался мнѣ живымъ, веселымъ, но не менѣе того почтеннымъ.

Согласно сдѣланнымъ наканунѣ предварительнымъ условіямъ, на слѣдующее утро явился я опять къ нему въ тотъ же кабинетъ. Онъ самъ вынулъ мнѣ небольшую кипу бумагъ, прося меня привести ихъ въ порядокъ. Я разобралъ ихъ и съ удовольствіемъ увидѣлъ, что дѣла у меня будетъ немного. Затруднительно было только каждую бумагу писать вдвойнѣ: Бетанкуръ не хотѣлъ подписывать того, чего не понимаетъ, а казенныя мѣста не обязаны были знать по-французски. И для того, на перегнутомъ по-поламъ листѣ, на одной половинѣ Французское подписывалъ Бетанкуръ, а на другой Русское скрѣплялъ я. Надобно было написать сперва бумагу, потомъ перевести ее, переписать и, наконецъ, занести ее подъ номеромъ въ особую тетрадь. Новый начальникъ мой дивился гениальности моего проворства. Малое количество, самое содержаніе и краткость сихъ бумагъ одни дѣлали трудъ сей неважнымъ.

Долго суждено мнѣ было находиться при этомъ человѣкѣ. По многимъ отношеніямъ былъ онъ лицо весьма примѣчательное, особен-

но же какъ выраженіе духа времени, смѣшенія аристократическихъ предразсудковъ съ плебейскими промышленными наклонностями. Вотъ почему его самого, семейство его, все, что мнѣ извѣстно о его жизни, хочу я изобразить здѣсь съ нѣкоторою подробностью.

Неподалеку отъ Лилля, во Французской Фландріи, и понынѣ можно найти городокъ или селеніе Бетанкуръ. Предки Русскаго генерала были его владѣтелями и сохранили его названіе. Извѣстно, что за люди были эти *сирры*. Когда, при герцогахъ Бургундскихъ, вся эта страна начала процвѣтать, и приняты сильныя мѣры для безопасности жителей ея богатыхъ, торговыхъ и промышленныхъ городовъ, то владѣтели замковъ, лишившись средствъ вооруженною рукою дѣлать поборы на большихъ дорогахъ, грабительство свое по сосѣдству перенесли на другую свободную стихію. Услугами сихъ пиратовъ воспользовалось правительство небольшого Португальскаго королевства, которое, будучи прижато къ Атлантическому океану, на него безпрестанно устремляло взоры свои и на его пространствѣ единственно искало себѣ чести и прибыли. Оно не обманулось: еще до Христофора Колумба и Васко-де-Гамы, смѣлыми Португальскими мореплавателями обрѣтены острова Зеленаго мыса, Мадера и Асорскія острова, и розданы имъ. Морякъ Бетанкуръ одинъ изъ сихъ острововъ съ графскимъ титуломъ получилъ въ свое владѣніе; иные говорятъ—даже Мадеру, но я за это не ручаюсь. Только потомки его, видно, лишились своего острова, ибо сдѣлались Гишпанскими подданными и жителями Канарскихъ острововъ; и нашъ Бетанкуръ родился на счастливомъ Tenerifскомъ Пикѣ, въ счастливые для Гишпаніи дни короля Карла III.

Есть искусство въ время родиться и въ время умирать; въ числѣ другихъ Бетанкуръ имѣлъ и это искусство. Что бы было съ нимъ, еслибы родился онъ ранѣе? Изъ рукъ самой природы вышелъ онъ механикомъ. Заботясь о благѣ государства своего, Карлъ III устраивалъ тогда славныя, покойныя дороги, строилъ мосты, рылъ каналы и чистилъ Гвадалквивиръ, однимъ словомъ создавалъ въ Гишпаніи все то, чего ей не доставало. Ему нужны были инженеры и архитекторы, для нихъ заводилъ онъ школы и, подобно Петру Великому, подданныхъ своихъ посылалъ учиться за границу. Отправленный имъ въ Англію, Бетанкуръ провелъ тамъ молодость свою. Когда Годой, князь постыднаго Мира, ввелъ Бурбона Карла IV въ дружественныя сношенія и союзъ съ Французскою республикой, и Гишпанскимъ подданнымъ открылся свободный путь въ Парижъ, то Бетанкуръ воспользовался тѣмъ, чтобъ посѣтить сей городъ, гдѣ послѣ революціи искусственная часть во всѣхъ отрасляхъ промышленности стала достигать совершенства. Возвратясь въ отечество, сдѣлался онъ нѣчто въ родѣ

начальника сухопутныхъ и водяныхъ сообщеній, полагать должно, не выше того, что у насъ директоры департаментовъ.

Съ нимъ въ Мадридѣ коротко былъ знакомъ посланникъ нашъ Муравьевъ-Апостоль и, желая угодить Государю, который имѣлъ одинаковые вкусы съ Карломъ III, старался подговорить его пріѣхать въ Россію; но онъ никакъ не могъ рѣшиться. Замѣтивъ, однакоже, что Наполеонъ отечество его съ каждымъ годомъ болѣе подбираетъ въ мощныя когти свои и предвидя бѣду неминуемую, самъ, наконецъ, предложилъ себя. За условленную цѣну, по контракту заключенному съ нимъ, какъ съ знаменитымъ художникомъ, не болѣе, пріѣхалъ онъ въ Петербургъ осенью 1807 года. Сумма, по условію ему назначенная, была не маловажная: двадцать четыре тысячи рублей ассигнаціями, что нынѣ составило бы около девяноста тысячъ. Танцовщицы и пѣвицы, на которыхъ деньги сыплютъ нынѣ безъ счета, едва ли столько получаютъ, а онъ тоже нѣкоторымъ образомъ принадлежалъ къ разряду артистовъ: Гишпанскому гравду столько бы не дали. На его бѣду, въ самое время пріѣзда его, курсъ на серебро началъ возвышаться, а на ассигнаціи быстро упадать. Увидѣвъ, что черезъ это лишается онъ болѣе двухъ третей ожидаемаго, сталъ онъ громко роптать; безпрестанно умножая содержаніе его, довели его, наконецъ, до шестидесяти тысячъ рублей. Онъ этимъ не остался совершенно доволенъ: замѣтивъ, что въ землѣ, куда онъ пріѣхалъ, чинъ и военный мундиръ преважное дѣло, сталъ требовать того и другаго, и его приняли въ службу генераль-маіоромъ по арміи. Тогда притворился онъ обиженнымъ, утверждая, что чинъ сей слишкомъ малъ для человѣка, который въ отечествѣ своемъ былъ министромъ; не вдругъ, но черезъ два года произвели его генераль-лейтенантомъ. Не помню за что, Государь пожаловалъ ему Аннинскую ленту; онъ отослалъ ее назадъ, утверждая, что ему, кавалеру св. Іакова Компостельскаго, неприлично принять орденъ ниже его, и на оборотъ Государь прислалъ ему Александровскую ленту. Кто не знаетъ, что орденъ св. Іакова, равно какъ и ордена Ависа, Алкантары, Калатравы, Монтеса, суть военно-монашескія братства, разсѣянные по Португаліи и Гишпаніи, и что Мальтійскій почитается гораздо выше ихъ? Но его ничѣмъ не хотѣли оскорбить.

Я не вишу его: по понятіямъ, которыя имѣютъ на Югѣ и на Западѣ Европы, въ землѣ сѣверныхъ варваровъ иностранцы ничего не могутъ выиграть скромностію, а все могутъ брать смѣлостію, наглостію. Съ такимъ содержаніемъ, въ такомъ чинѣ, не трудно было потомку владѣтельныхъ графовъ Мадеры и его семейству приписаться къ нашей аристократіи. Въ нее такъ и врѣзалась, такъ и засѣла въ

ней жена его, Анна, которой особа имѣла краткость сего имени и совершенно форму небольшой ступки или иготи. Молчаливость почиталась тогда достоинствомъ, а знаніе иностранныхъ языковъ облагораживало каждаго; но еслибъ кто захотѣлъ попристальнѣе взглядѣться въ нее, то легко могъ принять бы ее за кухарку. Занимаясь механикой и посѣщая мастерскія, Бетанкуръ вѣроятно встрѣтилъ ее среди Лондонскаго ремесленнаго народа. Она была католичка, Англичанка съ Французскимъ прозваніемъ, урожденная Жорданъ, какъ она подписывалась, не знаю для чего: ибо кому была до того какая нужда, и чѣмъ могло это умножить ее достоинство? Надобно полагать, что съ молодости была она красива собою; безъ того, кто бы велѣлъ Бетанкуру жениться на бѣдной дурѣ изъ низкаго состоянія? А спѣсива была она такъ, что не приведи Богъ!

Къ счастью, дочери ни съ какой стороны не походили на Анну Ивановну, а скорѣе на родителя, Августина Августиновича. Когда онѣ пріѣхали въ Петербургъ, старшая, Каролина, еще молодая, начинала уже дурнѣть и старѣть, вторая, Аделина, поразила всѣхъ своею красотой, а меньшая, Матильда, была еще ребенкомъ. Жаль было смотрѣть на этихъ милѣйшихъ дѣвицъ, когда переступали онѣ за двадцать лѣтъ. Цвѣтъ лица ихъ вдругъ начиналъ портиться, становиться багровымъ, кожа начинала грубѣть и покрываться угрями. Жаръ въ крови, вырывающійся наружу, былъ у нихъ наслѣдствомъ отъ отца, котораго лицо въ старости безобразилъ густо малиновый цвѣтъ. Когда я началъ ихъ знать, одна только пятнадцатилѣтняя Матильда плѣняла наружностію; а двѣ старшія давно уже перешли за краткій срокъ, который жестокая къ нимъ природа дала ихъ прелестямъ. Но было имъ чѣмъ замѣнить эту великую потерю: каждое слово ихъ выражало грацію ума и сердца; съ восхищеніемъ можно было слушать ихъ, когда онѣ играли на арфѣ и на фортепiano, съ восхищеніемъ любоваться ихъ рисунками и ихъ народною пляскою фанданго и воллерò; о качучѣ тогда еще помина не было. Можно ли было удивляться безпредѣльной нѣжности къ нимъ отца, и кто бы не былъ ими счастливъ?

Въ жилахъ у старика пылалъ еще жаръ раскаленнаго неба, подъ которымъ онъ родился и, какъ всѣ вспыльчивые люди, имѣлъ онъ доброе сердце и веселый нравъ. Ума было у него пропасть, и разговоръ его былъ занимателенъ. Аристократическое чувство, правда, никогда не покидало его даже за станкомъ, за которымъ всегда трудился онъ, когда не было у него другаго дѣла; но онъ принадлежалъ къ восемнадцатому столѣтію, въ которомъ общею поговоркой было: *poli compte un grand seigneur*—учтивъ, какъ великій баринъ. Читатель, съ которымъ какъ можно короче старался я познакомить себя,

не удивится, узнавъ, что съ такимъ человѣкомъ мы скоро и близко сошлись.

Да какая же была его настоящая должность? можно спросить, и вѣдь не самъ же онъ дѣлалъ машины? Для того чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ, нужно за нѣсколько лѣтъ воротиться назадъ и вкратцѣ сдѣлать исторію одной изъ важныхъ отраслей государственнаго управленія. При Екатеринѣ учреждена экспедиція водяныхъ коммуникацій и поставлена на ряду съ коллегіями. При ней весьма благоразумно и успѣшно управлялъ этою частью одинъ гражданскій чиновникъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Сиверсъ. Въ первыхъ частяхъ сихъ Записокъ сказалъ уже я, что при учрежденіи министерствъ поступила она въ вѣдомство министра коммерціи, и что въ 1809 году, преобразованная въ особое министерство, подъ названіемъ Главной Дирекціи путей сообщенія, находилась подъ управленіемъ принца Георгія Ольденбургскаго. Тамъ же упомянулъ я объ образованіи особаго корпуса гражданскихъ инженеровъ, коимъ для поощренія даны были военные чины и мундиры. Для пополненія великаго недостатка въ сихъ инженерахъ, начали набирать въ новый корпусъ людей кое-откуда, по большей части изъ гражданскаго вѣдомства.

Дабы на будущее время не нуждаться въ нихъ, учреждено для нихъ особое высшее училище, подъ названіемъ Института Инженеровъ Путей Сообщенія. Для помѣщенія сего новаго заведенія, купленъ былъ за бездѣлицу, за триста тысячъ рублей ассигнаціями, великолѣпный домъ или скорѣе дворецъ князя Юсупова, на Фонтанкѣ у Обухова моста. Продавецъ построилъ его на славу, по образцу отелей Сенъ-Жерменскаго предмѣстія, между дворомъ и садомъ, съ тою только разницей, что на пространствѣ ими занимаемомъ можно было бы построить три или четыре Парижскіе отеля. Всѣ ученики были своекоштные, и не только ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ жительства въ Институтѣ, ни даже права заглядывать въ садъ, ему принадлежащій. Всѣмъ пользовались завѣдывающіе имъ иностранцы. Онъ состоялъ подъ управленіемъ особаго директора, надъ которымъ были еще принцъ Ольденбургскій, въ видѣ попечителя или покровителя, и генераль Бетанкуръ, подъ названіемъ главнаго начальника Института. Занимаясь разными проектами и планами, сперва потѣпалъ онъ ими только Императора; но тутъ, по учрежденіи Института, коего былъ онъ настоящимъ основателемъ можно сказать, пріобрѣлъ онъ осядлость. Онъ занималъ большую, лучшую часть зданія, которую, находясь при немъ, я посѣщалъ ежедневно. Онъ не принадлежалъ къ корпусу инженеровъ, не носилъ ихъ мундира, числился въ свитѣ Государя и почиталъ себя зависящимъ единственно отъ него. Онъ признавалъ однакоже передъ со-

бою первенство принца, пока тотъ былъ живъ; но послѣ кончины его сдѣлался совершенно независимъ отъ преемника его, инженеръ-генерала Франца Павловича де-Волана. Зданіе Института со всѣми его принадлежностями было какъ бы отдѣльное царство, въ которомъ господствовалъ онъ самовластно.

Я опять вступилъ въ міръ, мнѣ дотолѣ совсѣмъ неизвѣстный. Подчиненные Бетанкура, коихъ число было небольшое, составляли свиту, штатъ и общество его. Я никакихъ сношеній не имѣлъ съ ними по службѣ, но, каждодневно встрѣчаясь, скоро свелъ съ ними знакомство, котораго не искалъ и не избѣгалъ. О нѣкоторыхъ изъ нихъ я не умолчу, ибо почитаю ихъ лицами весьма примѣчательными.

Старый Французъ Сенноверъ, который вступивъ въ нашу службу, официально нареченъ Степаномъ Игнатьевичемъ, былъ директоромъ Института. Онъ былъ уменъ, какъ демонъ, въ котораго конечно нѣкогда вѣровалъ онъ болѣе чѣмъ въ Христа; такъ надобно думать, ибо, принадлежа къ одной изъ благороднѣйшихъ фамилій въ Лангедокѣ и находясь въ королевской службѣ капитаномъ, сдѣлался онъ бѣшенымъ революціонеромъ и санкюлотомъ. Этого бы никакъ нельзя было подозрѣвать, смотря на его спокойный видъ, внимая его безпрестаннымъ шуточкамъ, иногда довольно смѣлымъ, но никогда не переходящимъ за предѣлы благопристойности. Какъ во всѣхъ любезникахъ школы Вольтеровской, нечестіе и безбожіе были въ немъ щеголеваты; но онъ тогда не хвастался ими. Онъ былъ блѣденъ какъ смерть, худъ лицомъ, но полонъ тѣломъ; страждущія отъ подагры ноги его еще болѣе изнемогали отъ тяжести его туловища: онъ съ трудомъ могъ ходить. Я находилъ его не столько пріятнымъ какъ забавнымъ, и во время веселыхъ съ нимъ разговоровъ мнѣ всегда приходилъ на мысль Скарронъ и все повѣствуемое о немъ. О якобинствѣ его я бы умолчалъ и слышанное мною о томъ охотно счелъ бы клеветою, если бъ онъ самъ, увлеченный воспоминаніями о прошедшемъ, какъ объ удалствѣ своей молодости, не рассказывалъ мнѣ иногда о тѣсной дружбѣ своей съ Маратомъ. Мнѣ любопытно было слушать о роскошномъ, раздушенномъ и эпикурейскомъ житѣ этого ужаснаго человѣка во внутреннихъ комнатахъ его и какъ, выходя съ Сенноверомъ, переодѣвались они въ запачканныя, оборванные блузы, чтобы на улицѣ болѣе угодить простому народу и заслужить имя друзей его.

Когда Шарлотта Корде лишила его друга, и терроризмъ началъ пожирать самъ себя, Сенноверу удалось бѣжать изъ Франціи. Какъ потомъ изъ Англій попалъ онъ въ Россію, этого я не знаю; извѣстно только, что въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ торговалъ онъ въ Петербургѣ выписываемымъ Французскимъ табакомъ. Играя изрядно на

скрипкѣ, былъ иногда приглашаемъ на вечеринки къ достаточнымъ молодымъ меломанамъ, между прочимъ къ одному г. Маничарову. По прїѣздѣ изъ-за границы, въ собственномъ домѣ послѣдняго остановился Бетанкуръ, ни съ кѣмъ еще не знакомый; первыми знакомыми его были хозяинъ дома и черезъ него Сенноверъ. Старикъ полюбился другъ другу, можетъ быть, самую противоположностью характеровъ; оба были веселаго нрава, но одинъ весь такъ и кипѣлъ, а въ другомъ страсти совершенно погасли.

Когда нужно было избрать директора для Института Путей Сообщенія, Бетанкуръ предложилъ Сенновера. Какъ это возможно? Королевской службы капитана, котораго къ намъ можно принять не болѣе какъ поручикомъ! Бетанкуръ объявилъ, что достойнѣе его не знаетъ, и что безъ него и самъ онъ не приметъ главнаго начальства. Что было дѣлать? Опредѣлили Сенновера исправляющимъ должность директора, а черезъ шесть мѣсяцевъ утвердили въ семь званіи съ чиномъ генераль-майора. Нарушеніе формъ въ Россіи было какъ будто торжествомъ, услажденіемъ для Бетанкура. Новый успѣхъ скоро долженъ былъ обрадовать Сенновера; на преступныя его заблужденія накинута не мантия, а крестъ Св. Лудовика. По возвращеніи Бурбоновъ, этотъ орденъ данъ всѣмъ тѣмъ, кои до революціи имѣли военные офицерскіе чины во Французской арміи, а ему, не знаю какъ-то, удалось выдать себя за эмигранта. Впрочемъ, въ правилахъ его не оставалось и тѣни республиканизма. Вообще, слово свобода для большей части ея мнимыхъ поклонниковъ есть ломъ, которымъ пробиваютъ, раскалываютъ они преграды, загораживающія имъ путь къ быстрому возвышенію, и который по достиженіи желаемаго, бросаютъ.

Поговоривъ о Сенноверѣ, нельзя же не сказать ни слова о его семействѣ. Также какъ Бетанкуръ, въ Великобританіи нашелъ онъ себѣ подругу, только Англичанку-англиканку, бабу смирную, которая приплелась къ Бетанкуршѣ въ видѣ всепокорнѣйшей собесѣдницы. Я никогда не слыхалъ ея голоса, и въ гостинной у мужа казалась она домашнею утварью, которую забыли вынести. Единственная же дочь ихъ, Стефанія, въ тринадцать лѣтъ изумляла уже живостію и смѣлостію ума и развивающимся кокетствомъ. Можно было предвидѣть, что она пойдетъ далеко, что она будетъ чѣмъ-то, чему тогда не было еще имени. Ожиданія сбылись: Сень-Симонизмъ и всѣ богопротивныя секты видѣли ее сильною своею поборницею.

По открытіи Института, начальствовавшіе въ немъ Гишпанецъ и Французъ не должны были забыть сводчика своего Маничарова. Онъ былъ изъ Армянъ. Люди этой націи въ Русскихъ столицахъ обыкновенно бываютъ ювелиры, или торгуютъ шалими, Персидскими и Ин-

дѣйскими товарами; разбогатѣвши, объявляютъ себя дворянами такой земли, гдѣ ихъ никогда не бывало. Отецъ г. Маничарова до того былъ богатъ, что сыновьямъ его нужно было много времени для разстройства оставленнаго имъ состоянія. Въ старшемъ изъ нихъ, любезномъ моемъ Петрѣ Макаровичѣ, было много оригинальнаго. Главною странностію его, среди завистливаго, себялюбиваго міра сего, почитать можно неистощимую доброту его сердца. Онъ любилъ всѣхъ людей, обожалъ всѣхъ женщинъ, наслаждался всѣми безвредными для чести удовольствіями. Въ шумныхъ, холостыхъ обществахъ, кои предпочтительно посѣщалъ онъ, умѣлъ онъ быть пристоеенъ и тихо-весель, ласковъ и учтивъ безъ приторности. Онъ былъ добрымъ товарищемъ всѣхъ любителей разгульной жизни, но не имѣлъ задушевныхъ друзей, за то и не имѣлъ ни единого врага. Его душевное спокойствіе, слегка тревожимое желаніями, безъ труда удовлетворяемыми, сохранило ему молодость ума и, конечно, продлить его дни. Сколько поколѣній встрѣтилъ онъ на порогѣ юности и приводилъ изъ нея, самъ никогда ея не покидая. Никогда въ голову не приходила ему служба, какъ вдругъ хозяйственныя дѣла его, пришедши въ упадокъ, не отъ мотовства, а отъ безопасности, заставили его о томъ подумать. Уже былъ онъ лѣтъ сорока, когда черезъ покровительство Бетанкура, не имѣя никакого чина, онъ былъ опредѣленъ въ Институтъ, разумѣется, не воспитанникомъ, а экономомъ онаго, прямо съ чиномъ инженеръ-капитана. Ну что уже и была это за экономія! Изъ всѣхъ новыхъ лицъ, съ которыми тутъ свела меня судьба, онъ болѣе всѣхъ полюбился мнѣ своею привѣтливостію, равенствомъ своего характера.

Образованіе Института было довольно странное. Воспитанники носили шляпу съ перомъ и офицерскій мундиръ съ шитьемъ, только безъ эполетовъ; а произведенные въ офицеры, прапорщики, подпоручики, надѣвъ эполеты, продолжали оставаться въ Институтѣ до поручичьяго чина. Въ немъ сперва было четыре только профессора или преподавателя наукъ. Ими ссудилъ насъ Наполеонъ, приславъ Александру четырехъ лучшихъ учениковъ Политехнической Школы: Базена, Потье, Фабра и Дестрема. Это было, какъ изволите видѣть, совершенно Французское училище. Самые первые ученики, коими оно наполнилось, были все молодые графы да князья, также и сыновья Французскихъ, Нѣмецкихъ и Англинскихъ ремесленниковъ, садовниковъ, маляристовъ, портныхъ и тому подобныхъ; однимъ словомъ, все то что управляющимъ пришельцамъ казалось цвѣтомъ Петербургскаго юношества. Въ 1812 году четыре Француза объявили, что не могутъ служить правительству, которое находится въ войнѣ съ ихъ отечествомъ и требовали, чтобъ ихъ отпустили: имъ отвѣчали ссылкой въ Сибирь. Ученіе

на время должно было приостановиться. Дабы по возможности помочь этой бѣдѣ, нарядили въ мундиръ и въ штабъ-офицерскіе эполеты мусью Резимона, учителя въ частномъ домѣ, довольно свѣдущаго въ математическихъ наукахъ; да какъ другаго иностранца на первый случай не встрѣтилось, то по неволѣ должны были взять Русскаго, недавно произведеннаго въ офицеры Севастьянова, который въ познаніяхъ догналъ и едва ли не перегналъ всѣхъ иностранныхъ наставниковъ своихъ. Послѣ общаго зампренія въ 1814 году, сосланные Французы воротились къ своимъ должностямъ; во все время войны сохраняли они жалованье свое и чины: Базенъ — подполковника, а трое другихъ оставались майорами. Двое изъ нихъ, Фабръ и Дестремъ, вскорѣ, согласно желанію своему, получили мѣста въ округахъ Путей Сообщенія; въ Институтѣ же остались только Базенъ и Потье. О нихъ да позволено будетъ сказать мнѣ нѣсколько словъ.

Уживчивѣе Петра Петровича Базена ни одного человѣка не случилось мнѣ видѣть. Онъ родился въ самомъ центрѣ Парижа отъ бѣдныхъ мѣщанъ и, не совсѣмъ будучи уже ребенкомъ, видѣлъ всѣ ужасы революціи. Съ одной стороны, это научило его осторожности въ изъясненіи своихъ мнѣній, съ другой — породило въ немъ омерзѣніе къ отвратительной грубости развратной Парижской черни. Изъ разговоровъ своихъ старался онъ изгнать все то что могло напомнить о навыкахъ его первой молодости, и говорилъ всегда отборными словами. Не только не позволялъ себѣ когонибудь порицать; но обо всемъ и обо всѣхъ находилъ средство говорить съ похвалою. Въ душевномъ умиленіи онъ готовъ былъ пасть на колѣни при имени святаго Лудовика XVI, умѣлъ извинять кровожадныхъ Робеспьера и Дантона, ихъ злодѣянія приписывая добрымъ намѣреніямъ, въ Лафайетѣ видѣлъ самаго Вашингтона, приходилъ въ непритворный восторгъ, когда называли Наполеона, дивился мудрости Лудовика XVIII и благородству, рыцарскому духу меньшаго брата его. Онъ имѣлъ удивительный даръ не только со всѣми соглашаться, но каждаго порознь увѣрять, что онъ совершенно одинаковаго съ нимъ мнѣнія. Я не думаю, чтобъ онъ кого-нибудь обманывалъ: невозможно было льстить цѣлому свѣту; но для борьбы съ заблужденіями его онъ не чувствовалъ въ себѣ довольно убѣжденія и, желая оставаться въ покоѣ, никакого мнѣнія преимущественно не поддерживалъ. Его всѣ чрезвычайно любили, начиная съ меня. Легко было предвидѣть, что по службѣ будетъ онъ имѣть большіе успѣхи въ этой Россіи, которую онъ искренно или притворно любилъ и уважалъ.

Манеры друга его, сотоварища и нѣкогда соученика, Потье, были въ совершенной противоположности съ его тонкою образованностію.

Въ немъ виденъ былъ мужигъ сѣверной Франціи; тоже просторѣчіе и вмѣсто учтивости добродушіе не безъ лукавства.

Петербургъ какъ фирмаментъ: множество большихъ свѣтилъ движится въ немъ; они одни видимы только простыми глазами, тогда какъ небольшія планеты, около нихъ совершающія путь свой, остаются невѣдомы жителямъ другихъ планетныхъ системъ. Перелетая изъ одной въ другую, въ семь совершенно новомъ длѣ меня мірѣ, съ вышепоименованными мною лицами, мнѣ было бы не худо; но, какъ уже выше я сказалъ, кромѣ довольно пріятнаго знакомства, другихъ сношеній я съ ними имѣть не могъ. Тотъ же, съ которымъ служба нѣкоторымъ образомъ связывала меня, какъ объясню я ниже, былъ для меня всеѣмъ не находка.

Для заведенія новой ассигнаціонной фабрики купленъ былъ большой домъ откупщика Чоблокова на Фонтанкѣ, близъ Калинкина моста. Надобно было заказать нѣсколько машинъ, другія выписать изъ Англіи; да сверхъ того нужно было растянуть фасадъ по улицѣ и возвести нѣсколько новыхъ строеній внутри двора. Для того опредѣлено было, начиная съ 1-го Марта 1816 года, въ продолженіи двухъ лѣтъ, изъ Казначейства отпускать ежемѣсячно по шестидесяти тысячъ рублей ассигнаціями въ полное распоряженіе Бетанкура, который брался все устроить экономическимъ образомъ. Еслибы мнѣ предложено было храненіе сихъ суммъ и отчетная часть по нихъ, я бы рѣшительно отказался; но былъ другой человѣкъ, который принялъ на себя эту обязанность, тотъ же самый, которому вмѣстѣ съ тѣмъ и поручено бы смотрѣніе за производствомъ работъ.

Во время проѣзда Государя черезъ Брухсаль, вдовствующая маркграфиня Баденская, теща его, навязала ему одного неимущаго Баденскаго дворянина, который, по словамъ ея, былъ весьма искусенъ по механической части. Изъ уваженія къ такой рекомендаціи, Государь на казенный счетъ велѣлъ отправить искусника къ Бетанкуру, съ тѣмъ, чтобы сей послѣдній сдѣлалъ изъ него употребленіе, какое заблагоразсудить. Когда Нѣмецъ захочетъ угодить начальнику, никто лучше его не сумѣетъ этого сдѣлать. Въ довѣренность къ Бетанкуру совершенно вѣлся г. Василій Карловичъ Третеръ. Онъ поселился въ Чоблоковомъ домѣ и началъ заниматься перестройкой его, не дождавшись еще высочайшаго утвержденія. Оно не замедлило, и онъ принятъ въ службу прямо инженеръ-майоромъ.

Трудно бываетъ говорить объ иныхъ людяхъ. Обыкновенные пороки легко осмѣять; для изъясненія негодованія, которое производитъ въ душѣ сотворенное зло, всегда сыщутся выраженія; но какъ быть, когда нельзя ни подняться до ужаса, ни спуститься до смѣха? Когда

чувствуемое презрѣніе такъ сильно, что для изображенія его нѣтъ другихъ словъ, кромѣ тѣхъ, кои порядочный человѣкъ никогда охотно не употребляетъ? Я поставленъ въ эту необходимость и, говоря о Третерѣ, принужденъ назвать его гнуснымъ плутомъ. Дотогѣ зналъ я однихъ только честныхъ Нѣмцевъ; но видно, эта нація совсѣмъ переродилась, и Третеръ былъ первымъ изъ тѣхъ безчисленныхъ примѣровъ, которые наконецъ заставили меня переменить мнѣніе на счетъ его соотечественниковъ.

Впрочемъ, что касается до меня лично, я не имѣлъ никакой причины быть имъ недовольнымъ. Не знаю, какъ объяснялся онъ съ подрядчиками, только мнѣ сообщалъ онъ дурно, съ ошибками по-французски написанныя, заключенныя съ ними условія, и учтиво просилъ по волѣ Бетанкура, переводя ихъ, облечь въ законную форму, на узаконенной гербовой бумагѣ. Я же изъ собственныхъ денегъ долженъ былъ для того панимать переписчика. Но взаимная наша антипатія была недолжима: отъ рѣчей его, отъ самаго голоса такъ и пахло дерзкимъ, безстыднымъ мошеничествомъ. Быть не только подчиненнымъ его, ни даже начальникомъ, я ни за что бы не согласился, но отказаться имѣть съ нимъ дѣло мнѣ было невозможно. Тоже самое что я, чувствовали къ нему Французы, и самъ Базень съ нимъ однимъ только былъ вовсе нелюбезенъ. Если былъ онъ на руку не чистъ, за то и на руку былъ онъ дерзокъ; у себя дома съ подчиненными бѣдными солдатами былъ онъ настоящій палачъ; да и въ Институтѣ къ Русскимъ служителямъ придирался онъ, чтобы безъ всякой причины и безъ всякаго права ихъ поколотить. За нихъ вступались Французы, и изъ того одинъ разъ чуть было не вышелъ у него поединокъ съ Базеномъ. Тутъ въ первый разъ могъ я замѣтить разницу въ расположеніи къ намъ Нѣмцевъ и Французовъ: первые ненавидятъ насъ, какъ возмужалыхъ и непокорныхъ учениковъ, которыхъ надѣялись они вѣчно держать въ опекѣ; послѣдніе видятъ въ насъ побѣдившихъ, но прежде того побѣжденныхъ ими великодушныхъ противниковъ.

Мнѣ такъ надоѣло возиться съ Третеромъ, что я готовъ былъ, не говоря ни слова, воротиться опять въ Министерство Финансовъ; одно новое обстоятельство заставило меня пріостановиться.

Счастливо окончивъ всѣ войны, Государь захотѣлъ предаться вновь нѣкоторымъ изъ прерванныхъ любимыхъ своихъ мирныхъ занятій. Петербургъ захотѣлось ему сдѣлать красивѣе всѣхъ посѣщенныхъ имъ столицъ Европы. Для того придумалъ онъ учредить особый архитектурный комитетъ подъ предсѣдательствомъ Бетанкура. Ни законность правъ на владѣніе домами, ни прочность строенія казенныхъ и частныхъ зданій не должны были входить въ число занятій сего комитета: онъ дол-

женъ былъ просто разсматривать проекты новыхъ фасадовъ, утверждать ихъ, отвергать или измѣнять, также заниматься регулированіемъ улицъ и площадей, проектированіемъ каналовъ, мостовъ и лучшимъ устройствомъ отдаленныхъ частей города, однимъ словомъ, одною только наружною его красотою. Членами въ него назначены инженеры и архитекторы.

Почти въ тоже время, графъ Ламбертъ, увѣдомляя меня, что штатъ Комиссіи погашенія долговъ утвержденъ, и что она скоро имѣетъ быть открыта, требуетъ извѣщенія: сохраняю ли я желаніе быть однимъ изъ ея директоровъ? ибо только въ противномъ случаѣ будетъ онъ почитать себя въ правѣ располагать мѣстомъ, на которое есть много просящихся. Прежде чѣмъ дать ему отвѣтъ, объяснилъ я Бетанкуру, что въ настоящемъ не видя ничего положительнаго, твердаго, я не могу отказаться отъ мѣста почетнаго, спокойнаго и выгоднаго. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что новому Комитету, который скоро долженъ будетъ открыть свои засѣданія, нужны канцелярія и чертежная, что онъ поручаетъ мнѣ составить первую и штатъ для обѣихъ, что себѣ, какъ правителю этой канцеляріи, могу я назначить жалованья сколько мнѣ угодно, что онъ все это поднесетъ Императору, и знаетъ напередъ, что все будетъ утверждено. Онъ совѣтовалъ мнѣ не быть слишкомъ скромнымъ, также не забыть достаточной суммы для найма квартиры Комитету, въ которой и я могъ бы имѣть удобное помѣщеніе.

Я разсчелъ, что этотъ Комитетъ не что иное, какъ царская забава, что, повидимому, дѣла будетъ въ немъ немного, и что въ небольшомъ участкѣ, службою мнѣ отмежеванномъ, буду я полный господинъ. Къ тому же я всегда былъ немного суевѣренъ: рескриптъ на имя Бетанкура объ учрежденіи Комитета былъ подписанъ Государемъ 3-го Мая, день именинъ и рожденія матери моей, и я видѣлъ въ этомъ счастливое для себя предзнаменованіе. Итакъ, я поѣхалъ къ Ламберту благодарить его за двойныя обо мнѣ попеченія, и объявить, что отъ добра добра не ищутъ, и что я остаюсь доволенъ тѣмъ положеніемъ, въ которое по его же рекомендаціи я поставленъ.

Безъ этого проклятаго Комитета сколько бы провелъ я спокойныхъ годовъ! Винить мнѣ некого, кромѣ самого себя. Другіе промахи свои и неудачи всегда любятъ взваливать на людей и на обстоятельства; этому всеобщему пороку по крайней мѣрѣ не былъ я подверженъ. Но какъ избѣгнуть своего предопредѣленія? У меня, видно, на роду было написано увидѣть вблизи всѣ состоянія; неужели для того, чтобъ изобразить ихъ въ сихъ Запискахъ? Коли такъ, то въ слѣдующей главѣ постараюсь представить художниковъ, съ коими пришлось мнѣ коротко ознакомиться.

III.

Все прежнее поколѣніе архитекторовъ, которые въ концѣ Екаторина вѣка, при Павлѣ и въ началѣ царствованія Александра, украшали Петербургъ: Гваренги, Захаровъ, Старовъ, Воронихинъ, Бренна, Камеронъ, Томонъ, отошли въ вѣчность, иные не достигнувъ еще старости; оставался одинъ только Рускó, и тотъ за ними скоро послѣдовалъ. Возникли новыя строительныя заимности, которыя, по мнѣнію знатоковъ, въ искусствѣ далеко отъ первыхъ отстали. Изъ нихъ четверо посажены членами въ Комитетъ для строеній и гидравлическихъ работъ, какъ я самовольно его назвалъ. Если не портреты съ нихъ, то по крайней мѣрѣ абрисы, крокі хочется мнѣ спать.

Старшій по чану и первый по вкусу и таланту между ними былъ Карлъ Ивановичъ Росси, иностранецъ, родившійся въ Россіи. Кто былъ его отецъ, не знаю; но *chacun sait la tendre mère*, всякій зналъ родительницу его, нѣкогда первую танцовщицу на Петербургскомъ театрѣ. Въ лѣтописяхъ хореграфіи прославленное ею имя Росси согласилась она промѣнять не иначе какъ на столь же знаменитое имя Ле-Пика, которое въ царствованіе Екатерины громко доходило до отдаленнѣйшихъ отъ столицы провинцій. Въ Кіевѣ съ благоговѣніемъ проносили его танцевальный мой учитель Потò, и я затвердилъ его; но мнѣ не удалось восхищаться этою четой: вслѣдъ за смертію Екатерины и она куда-то закатилась. Слава ея однакоже не вдругъ исчезла, и мнѣ въ первой молодости неоднократно случалось читать на афишкѣ: «балетъ сочиненія балетмейстера Ле-Пика.» Дочь госпожи Росси, отъ втораго брака, хотя не поступила на сцену, но и не выступила изъ круга дѣятельности своихъ родителей. Она вышла за Огюста, брата сирены Шевалье, нѣкогда плѣннвишей Павла и любимца его Кутайсова. Этотъ Огюстъ долго, очень долго танцевалъ и леталъ передъ нами зephyромъ, пока время, снабдивъ его чрезмѣрною дебелостію, не заставило его надѣть бороду, нашъ простой крестьянскій кафтанъ и пуститься очень хорошо плясать по-русски.

Для Росси такой сценической знатности было мало: онъ пожелалъ быть артистомъ еще болѣе благороднаго разряда. Слѣдуя внутреннему признанію, онъ сдѣлался архитекторомъ и на семъ избранномъ имъ пути нажилъ деньги, получалъ чины и кресты. Судьба однакоже не вдругъ отдѣлила его отъ родины, отъ мѣста, гдѣ онъ началъ жить и возрастать. Первымъ произведеніемъ его искусства былъ прекрасный деревянный театръ въ Москвѣ на Арбатской площади, который сгорѣлъ въ большомъ пожарѣ 1812 года. Онъ былъ еще красивъ и молодъ,

когда его отравили въ Москву; къ тому же былъ артистъ съ иностраннымъ прозваніемъ. Половины сихъ преимуществъ достаточно, чтобы пользующіеся ими въ Москвѣ обрѣтали рай. Кто знаетъ Московскія общества, тому извѣстно, съ какою жадностію воспринимается въ нихъ молодость людей разныхъ состояній. Успѣхи Росси въ сихъ обществахъ были превыше силъ его. Когда онъ воротился въ Петербургъ, друзья съ трудомъ могли его узнать: до того измѣнился онъ въ лицѣ, до того истощенъ былъ онъ наслажденіями, можетъ быть, душевными. Никогда силы къ нему не возвращались; но сіе тѣмъ полезнѣе было для его генія: при изнеможеніи тѣлесномъ замѣчено, что почти всегда изоцряется воображеніе. Взамѣнъ здоровья, котораго лишился онъ въ барскихъ домахъ, приобрѣлъ онъ большой навыкъ въ свѣтскомъ обхожденіи. Онъ былъ привѣтливъ, любезенъ, и съ нимъ пріятно было имѣть дѣло.

За то, первый послѣ него, Василій Петровичъ Стасовъ, былъ совершеннымъ его контрастомъ. Кто онъ? Что онъ? Откуда онъ? Мнѣ вовсе неизвѣстно. Тотъ же мракъ, который изображали его взоры, покрывалъ и происхожденіе его. Онъ, кажется, былъ человѣкъ не злой, но всегда угрюмый, какъ будто недовольный. Суровость его, которая едва смягчалась въ сношеніяхъ съ начальствомъ, была слѣдствіемъ, какъ мнѣ сдается, чрезмѣрнаго и неудовлетвореннаго самолюбія. Онъ хотѣлъ быть законодательною властію Комитета и все предлагалъ правила, правда, стѣснительныя для владѣльцевъ, за то весьма полезныя въ разсужденіи предосторожности отъ пожаровъ.

Третій членъ, Андрей Алексѣевичъ Михайловъ, былъ настоящій добрякъ; другаго названія ему дать не умѣю. Маленькій, веселый, простой этотъ человѣкъ былъ воспитанъ въ Академіи Художествъ и никогда потомъ съ нею не разставался, ни въ званіи академика, ни въ званіи профессора. Онъ никакъ не гнался за геніальностію, ничего не умѣлъ выдумывать, слѣдовалъ рабски за славными образцами, но, подражая имъ, умѣлъ однакоже изъ произведеній ихъ выбирать всегда лучшее.

Всѣ трое были зодчіе домашняго издѣлія; одинъ только четвертый былъ иноземный, хотя и не выписной. Прежде чѣмъ пріѣхалъ онъ въ Россію, г. Антоанъ Модюи посѣтилъ развалины Греціи; въ ихъ священномъ прахѣ искалъ онъ артистическихъ вдохновеній и, какъ мнѣ казалось, мало привезъ ихъ къ намъ съ собою. Какъ объ архитекторѣ, объ немъ говорить почти нечего; но пребываніе многорѣчиваго Парижанина въ классической землѣ Эсхила и Демосѣена усилило въ немъ даръ краснорѣчія, и онъ сдѣлался ораторомъ нашего Комитета. Скоро открылъ я въ немъ новый талантъ: подобно Перро, былъ онъ и сти-

хотворецъ. Онъ подарилъ мнѣ небольшую тетрадь, по-французски напечатанную въ Петербургѣ подъ названіемъ: *Cirкуль и Лира, le Compas et la Lyre*, содержащую въ себѣ его стихотворенія. И что это такое! Ни одинъ ученикъ теперь во Франціи не позволить себѣ писать такіе стихи; между прочимъ я помню слѣдующіе:

Caulaincourt, ce mortel dont la reconnaissance
A jamais dans mon coeur grava le souvenir,
En parla près du trône et m'y fit parvenir.

То-есть: «благодарность Коленкура, который возвелъ его на престолъ», скажетъ тотъ, кто знаетъ по-французски. Дѣло состоитъ въ томъ, что онъ явился здѣсь во время тѣснаго союза Наполеона съ Александромъ, когда Коленкуръ игралъ у насъ такую большую роль и былъ довольно силенъ, чтобъ и этого шута представить самому Государю. Онъ былъ права совсѣмъ невеселаго, но вообще былъ добрый малый, и какъ Французъ, болтливъ и легкомысленъ.

Болѣе или менѣе всѣ эти великіе наши строители принадлежали къ старой школѣ. Для нихъ Ветрувій былъ тоже что Аристотель для литераторовъ и особенно для драматическихъ писателей. Какъ послѣдніе три единства на сценѣ почитали непреложнымъ для себя закономъ, такъ первые, видѣ четырехъ орденовъ, Дорического, Ионическаго, Тосканскаго и Коринтскаго, видѣли беззаконіе, нарушеніе священнѣйшихъ обязанностей, и композитный орденъ едва только допускали въ своихъ планахъ. Французская революція все ниспровергла, почти все поставила вверхъ дномъ; но, во дни владычества ужасныхъ и смѣшныхъ подражателей древней Греціи и Рима, классицизмъ въ художествахъ, въ наукахъ, во всемъ устоялъ и даже еще болѣе усилился. Въ императорѣ Александрѣ былъ вкусъ артиста, но въ тоже время пристрастіе военнаго начальника къ точности размѣровъ, къ правильности линій; и дабы регулярному Петербургу дать еще болѣе однообразія, утомительнаго для глазъ, учредилъ онъ этотъ Комитетъ. Члены добросовѣстно выполняли его намѣренія; планъ всякаго ново-строющагося домика на Пескахъ или на Петербургской сторонѣ, представленный ихъ разсмотрѣнію, подвергался строгимъ правиламъ архитектуры. Одинъ только Бетанкуръ вздыхалъ, видя невозможность въ этомъ случаѣ не сообразоваться съ волею Царя. Мальчикомъ любовался онъ прелестями Аламбры и фантастическими украшеніями Мавританскихъ зданій въ Севильѣ и всегда оставался поборникомъ кудрявой пестроты.

Три инженера участвовали въ засѣданіяхъ Комитета. Одинъ неизбѣжный для меня Третеръ, другой данный мнѣ въ утѣшеніе

вновь произведенный полковникъ Базень. Третій былъ весьма молодой майоръ Андрей Даниловичъ Готманъ, благородной наружности и пріятнаго обхожденія, болѣе всѣхъ отличившійся въ наукахъ воспитанникъ Инженернаго Института, Нѣмецъ, но католикъ, преимущественно знающій одинъ только Французскій языкъ, сынъ садовника, но ультралегитимистъ, благодаря стараніямъ воспитавшаго его архитектора Томона, а еще болѣе его жены.

Кромѣ одного Росси, никто изъ нашихъ членовъ не могъ тогда назвать публичнаго памятника, который былъ созданіемъ его творческой мысли. Другіе занимались дотолѣ одними частными строеніями, которыя, доставляя имъ небольшую прибыль, мало умножали ихъ извѣстность. Только Модюи, получая отъ казны жалованье, рѣшительно ничего не дѣлалъ и обидѣлся, когда ему предложили совершенную перестройку придворныхъ конюшенъ, въ такомъ видѣ, въ какомъ онѣ нынѣ находятся. Стасовъ не успѣсившись и хорошо сдѣлалъ. Модюи же отвѣчалъ, что можетъ принять на себя возведеніе только тѣхъ зданій, которыя должны увѣковѣчить славу Александра, сдѣлать ихъ обоихъ безсмертными. Онъ нашелъ однакоже средство быть дѣйствительно полезнымъ: этимъ же лѣтомъ принялся онъ за составленіе проектовъ для новаго устройства внутреннихъ населеннѣйшихъ частей города. Въ нихъ было еще много пустырей, обширныхъ кварталовъ, одними садами и огородами занятыхъ; черезъ нихъ сталъ онъ проводить линіи и этимъ способомъ умножать сообщенія и сближать разстоянія. Всѣ его планы были одобрены; но, увы, не ему было поручено ихъ исполненіе. Напримѣръ, по его указаніямъ, по его рисункамъ, на мѣстѣ грязнаго двора передъ Аничковымъ дворцомъ, устроена большая площадь со скверомъ, съ Александринскимъ театромъ и съ высокими вокругъ него зданіями, и пробита улица вплоть до Чернышова моста. По его же проекту съ Невскаго проспекта отъ городской башни открыта новая Михайловская улица, ведущая къ новой площади, въ глубинѣ коей долженъ былъ возвыситься Михайловскій дворецъ, и которой однообразныя большія строенія должны были служить рамой. Все это начато и окончено безъ него и даже послѣ него.

Самоважнѣйшее дѣло, коимъ въ продолженіе перваго лѣта, по высочайшей волѣ, занимался Комитетъ, было постановленіе о тротуарахъ, которыхъ прежде не было въ Петербургѣ. Предметъ, конечно, важный, учрежденіе благодѣтельное для пѣшеходцевъ; но и теперь безъ смѣху не могу я вспомнить сильныя пренія, которыя порождалъ сей вопросъ, важность, съ которою его обсуживали. Казалось, что дѣло идетъ объ узаконеніи, отъ котораго зависитъ благосостояніе государства.

— Не помню, въ Лювѣ или въ Юльѣ мѣсяцѣ этого года пріѣхалъ изъ Парижа одинъ человѣчекъ, котораго появленіе осталось вовсе незамѣченнымъ нашими главными архитекторами, но котораго успѣхи сдѣлались скоро постояннымъ предметомъ ихъ досады и зависти. Въ одно утро нашелъ я у Ветанкура бѣлобрысаго Французика, лѣтъ тридцати не болѣе, разодѣтаго по послѣдней модѣ, который привезъ ему рекомендательное письмо отъ друга его, часовщика Брегета. Когда онъ вышелъ, спросилъ я объ немъ, кто онъ таковъ? «Право не знаю», отвѣчалъ Ветанкуръ: «какой-то рисовальщикъ, зовутъ его Монферранъ. Брегетъ проситъ меня, впрочемъ не слишкомъ убѣдительно, найти ему занятіе, а на какую онъ можетъ быть потребу?» Дня черезъ три позвалъ онъ меня въ комнату, которая была за кабинетомъ его и, указывая на большую вызолоченную раму, спросилъ, чтò я думаю о томъ чтò она содержитъ въ себѣ? «Да, это просто чудо», воскликнулъ я.— «Это работа маленькаго рисовальщика», сказалъ онъ мнѣ. Въ огромномъ рисункѣ подъ стекломъ собраны были всѣ достопримѣчательныя древности Рима, Троянова колонна, конная статуя Марка Аврелія, триумфальная арка Септима Севера, обелиски, бронзовая волчица и проч., и такъ искусно группированы, что составляли нѣчто цѣлое, чрезвычайно пріятное для глазъ. Всему этому придавало цѣну совершенство отдѣлки, которому подобнаго я никогда не видывалъ. «Не правда ли», сказалъ мнѣ Ветанкуръ, «что этого человѣка никакъ не должны мы выпускать изъ Россіи?»— «Да какъ съ этимъ быть?» отвѣчалъ я.— «Вотъ чтò мнѣ пришло въ голову», сказалъ онъ: мнѣ хочется помѣстить его на фарфоровый заводъ, тамъ будетъ онъ сочинять формы для вазъ, съ его вкусомъ это будетъ безподобно; да сверхъ того можетъ онъ рисовать и на самомъ фарфорѣ.» Онъ предложилъ это министру финансовъ Гурьеву, управлявшему въ то же время и Кабинетомъ, въ вѣдѣніи коего находился заводъ. Монферранъ требовалъ три тысячи рублей ассигнаціями, а Гурьевъ давалъ только двѣ тысячи пять сотъ; отъ того дѣло и разошлось. Между тѣмъ онъ все становился со мною любезнѣе, до того что я рѣшился посѣтить его и мнимую его мадамъ Монферранъ, почти на чердакѣ, въ небольшой комнатѣ, въ которую надобно было проходить черезъ швальню портнаго Люиле. Онъ же дѣлалъ для меня прекрасныя маленькіе рисунки, изъ которыхъ, къ сожалѣнію, я ни одного у себя не оставилъ, а всѣ раздарилъ въ альбомы знакомымъ дамамъ. За то я и затѣвалъ для него выгодное мѣсто, которымъ долженъ былъ онъ остаться доволенъ. Но пока оставимъ его, чтобы возвратиться къ Комитету.

Я чрезвычайно ошибся, полагая что дѣла въ немъ мнѣ будутъ очень мало. Надобно было составлять журналы засѣданій его; они сна-

чала были не длинны, и это бы еще не бѣда. Но по примѣру Бетанкура захотѣлъ Модюи, чтобы они писаны были на двухъ языкахъ; къ нему присталъ Третеръ, который также не зналъ по-русски, и Бетанкуръ потребовалъ, чтобы я удовлетворилъ ихъ желаніе. Скоро Модюи принялся витійствовать и подавать нескончаемыя мнѣнія, которыя цѣликомъ долженъ былъ я вносить въ журналъ, переводя ихъ на Русскій языкъ. Съ другой стороны, Стасовъ началъ представлять свои мнѣнія, варварскимъ языкомъ писанныя, и ихъ также осужденъ я былъ переводить на Французскій.

Пусть сыщутъ другую землю, врагами не покоренную, гдѣ иностранцы имѣли бы право требовать, чтобы внутри государства, по ихъ прихоти, дѣла производились не на одномъ отечественномъ языкѣ. Пристрастіе къ тому, что называемъ мы Европейскимъ просвѣщеніемъ, народное самолюбіе наше осуждаетъ на непрерывныя жертвованія; безпрестанно подавляя, оно наконецъ совсѣмъ можетъ истребить его. Что изъ насъ выйдетъ тогда? Россія какъ трупъ будетъ тѣло безъ души. Если я вполнѣ не почувствовалъ тогда, сколь это унижительно для нея, то виною мое себязубіе или эгоизмъ, если угодно. Прежде чѣмъ о ней подумалъ я о себѣ и находилъ обиднымъ, что архитекторы такъ самовольно могутъ располагать моими занятіями, и на этотъ счетъ объяснился съ Бетанкуромъ. «Пожалуста, не смотрите на нихъ, а звайте меня одного», отвѣчалъ онъ; и дѣйствительно иногда случалось мнѣ въ его отсутствіи его именемъ объявлять имъ свою волю. Даже въ напрасномъ обремененіи этомъ видѣлъ я полезное для себя умноженіе труда: мнѣ хотѣлось настоящую жизнь свою, такъ-сказать, оторвать отъ прошедшаго своего бездѣйствія, закалить себя въ работѣ; съ остервенѣніемъ вооружился я противъ своей лѣни и съ безпримѣрнымъ терпѣніемъ сталъ переводить съ языка на языкъ и Французскую болтовню Модюи, и Русское вранье Стасова.

Первые мѣсяца полтора составлялъ я одинъ всю канцелярію Комитета и, не смотря на все рвеніе мое, мнѣ приходилось не въ мочь. Бетанкуръ все твердилъ мнѣ: «да зачѣмъ не наберете вы канцелярію? вы имѣете на то полную власть.» Это легко было сказать; въ надеждѣ на будущее жалованье заманить людей, которые бы, по крайней мѣрѣ, умѣли переписывать по-французски, было дѣло весьма трудное; однакоже и это не знаю какъ-то мнѣ удалось.

Въ департаментѣ горныхъ и соляныхъ дѣлъ служилъ столоначальникомъ нѣкто Николай Яковлевичъ Ноденъ. Не знаю, легковѣріе ли его, или довѣрчивость, которую чистосердечіе мое внушало всѣмъ людямъ, а можетъ быть и слабая надежда сколько нибудь умножить средства къ содержанію бѣднаго семейства, понудили его принять мое предложеніе;

только онъ согласился, не покидая настоящаго мѣста служенія, приходитъ ко мнѣ на помощь. Онъ былъ воспитанъ въ Сухопутномъ Кадетскомъ Корпусѣ, гдѣ мать его, Француженка, вдова танцмейстера той же націи, была инспектриссою при малолѣтнихъ кадетахъ *). Въ немъ не было достаточно ни способностей, ни познаній, чтобы когда-либо занять какое нибудь высокое мѣсто, но въ канцеляріяхъ такіе люди кладъ: онъ былъ точенъ и неутомимъ. Не столько живости, сколько веселости было у него не въ умѣ, а въ характерѣ и необыкновенная кротость въ душѣ; сердиться онъ никогда не умѣлъ, а только иногда морщился, и за такого помощника, право, мнѣ можно было благодарить Бога.

Я не замедлилъ составленный мною штатъ представить на усмотрѣніе Бетанкура. Ни предсѣдателю, ни членамъ никакого жалованья въ немъ не полагалось. Правителю же канцеляріи, то-есть самому себѣ, назначилъ я по двѣ тысячи пяти сотъ рублей ассигнаціями ежегоднаго содержанія, секретарю по тысячѣ пяти сотъ, а двумъ помощникамъ его только по тысячѣ, да сверхъ того, начальнику чертежной тоже самое чтó правителю канцеляріи, и двѣнадцати чертежникамъ отъ пяти сотъ до тысячи рублей ежегодно. Служащимъ въ канцеляріи Комитета выговорилъ я право занимать другія должности въ иныхъ вѣдомствахъ, и Нодену, не отнимая его у департамента горныхъ дѣлъ, предназначилъ высокій титулъ секретаря. Мнѣ удалось завербовать ему и двухъ помощниковъ: въ ожиданіи будущихъ благъ, молодой человекъ Прудниковъ, служащій въ канцеляріи министра финансовъ, и старшій братъ члена Готмана, учитель въ частномъ домѣ, но числящійся въ какомъ-то вѣдомствѣ, согласились нѣкоторое время трудиться при мнѣ безвозмездно.

Должность начальника чертежной берегъ я для Монферрана и чрезвычайно удивился, когда на сдѣланное мною о томъ предложеніе отъ Бетанкура получилъ отказъ. «Онъ для такой должности еще слишкомъ молодъ», отвѣчалъ онъ. Я, однакоже не отступилъ и выторговалъ ему, по крайней мѣрѣ, названіе старшаго чертежника, правда, безъ жалованья, но съ квартирою и съ суммою, равную жалованью, въ видѣ награжденія или пособія ему, отъ Комитета выдаваемою. Я долженъ былъ объяснить это Монферрану, который все съ благодарностію готовъ былъ принять, какъ будто предвидя, что все это скоро должно перемѣниться. Первый наборъ чертежниковъ, изъ воспитанни-

*) Въ перепискѣ съ Великимъ Фредерикомъ извѣстный безбожникъ, баронъ Гриммъ, говоритъ про нее слѣдующее: Эта госпожа Naudin какъ бывало ни пойдетъ къ обѣднѣ, дома у нея случится какое нибудь несчастіе. Когда неоднократно сіе повторилось, она воскликнула: Господи, прости меня, но даю клятву, что отнынь никогда нога моя не будетъ въ церквѣ.

ковъ Академіи Художествъ, сдѣланный съ помощію члена Михайлова, послѣдовавшій, однакоже, не прежде какъ черезъ семь мѣсяцевъ послѣ открытія Комитета, былъ также весьма удаченъ. Въ числѣ ихъ находились нынѣ извѣстные архитекторы: Брюловъ, Тонъ, Штакеншнейдеръ и Щедринъ.

Переписывались мы болѣе всего съ главнокомандующимъ въ Петербургѣ, Вязмитиновымъ; но въ сношеніяхъ съ нимъ Бетанкуръ, чрезвычайно любимый Царемъ, умѣлъ, однакоже, сохранять совершенное равенство; съ перемѣною обстоятельствъ въ послѣдствіи сіе должно было измѣниться. Съ другой стороны, и я, въ частыхъ сношеніяхъ съ двумя правителями канцеляріи его, никакъ не хотѣлъ признавать ихъ передъ собою первенства. Обоихъ громко обвиняли въ издоимствѣ; но я такъ уже привыкъ это слышать, что смотрѣлъ на нихъ безъ малѣйшаго отвращенія. Одинъ изъ нихъ, Адамовичъ, имѣлъ притязанія на образованность и пріятность формъ; другой, Перевощиковъ, былъ веселый и ласковый плутъ; тотъ и другой, повидимому, старались мнѣ быть угодными.

Не выходя изъ скромной роли своей, Монферранъ, между тѣмъ, тайкомъ трудился надъ чѣмъ-то важнымъ. На словахъ Государь просилъ Бетанкура поручить кому-нибудь составить проектъ перестройки Исакиевскаго собора, такъ, чтобы сохраняя все прежнее зданіе, развѣ съ небольшою только прибавкою, дать видъ болѣе великолѣпный и благообразный сему великому памятнику. Бетанкуру пришло въ голову для пробы занять этимъ Монферрана, выдавъ ему планъ церкви и всѣ архитектурныя книги изъ институтской библіотеки. Чтó же онъ сдѣлалъ? Выбирая все лучшее, усердно принялся списывать находящіяся въ нихъ изображенія храмовъ, принаравливая ихъ къ величинѣ и пропорціямъ нашего Исакиевскаго собора. Такимъ образомъ составилъ онъ разомъ двадцать четыре проекта или, лучше сказать, начертилъ двадцать четыре прекраснѣйшихъ миниатюрныхъ рисунка и сдѣлалъ изъ нихъ въ переплетѣ красивый альбомъ. Тутъ все можно было найти: Китайскій, Индѣйскій, Готическій вкусъ, Византійскій стиль и стиль Возрожденія и, разумѣется, чисто Греческую архитектуру древнѣйшихъ и новѣйшихъ памятниковъ.

Въ это время начались ежегодныя, продолжительныя, непрерывныя путешествія Государя внутри Россіи, которыя не должны были прекратиться для него даже самою его смертію. Не знаю, до какой степени знакомили они его съ духомъ его народа и выгодами его государства. По возвращеніи его, въ глухую осень, изъ перваго такого путешествія, Бетанкуръ представилъ ему Монферрановскій альбомъ, прося одинъ изъ рисунковъ удостоить своимъ выборомъ: вѣр-

ный вкусъ Его Величества будетъ служить потомъ руководствомъ для исполнителей его воли. Нельзя было не восхититься искусствомъ рисовальщика, и Государь на время оставилъ у себя альбомъ.

На другой день Бетанкуръ, съ какимъ-то таинственнымъ видомъ, позвалъ меня къ себѣ въ кабинетъ и наединѣ въ полголоса сказалъ мнѣ:

— Напишите указъ придворной конторѣ объ опредѣленіи Монферрана императорскимъ архитекторомъ, съ тремя тысячами рублей ассигнаціями жалованья изъ суммъ Кабинета.

Я изумился и не могъ удержаться, чтобы не сказать:

— Да какой же онъ архитекторъ? Онъ отъ роду ничего не строилъ, и вы сами едва признаете его чертежникомъ.

— Ну, ну, отвѣчалъ онъ,—такъ и быть; пожалуйста помолчите о томъ и напишите только указъ.

Я собственноручно написалъ его, а Государь подписалъ.

А утверженіе нашего штата, не смотря на возвращеніе Императора, все еще день отъ ото дня откладывалось. Наконецъ, только въ Декабрѣ вышло вдругъ милостивое рѣшеніе: на содержаніе Комитета выдать изъ уѣзднаго казначейства всю сумму сполна за весь истекающій годъ, а чиновникамъ—жалованье съ 3-го Мая, со дня подписанія рескрипта Бетанкуру. Сей послѣдній все еще упрямылся и, не смотря на великолѣпный титулъ, имъ доставленный Монферрану, опредѣлилъ его къ намъ только что старшимъ чертежникомъ. Онъ же, какъ мнѣ кажется, съ умысломъ ежился и гнулся передъ нимъ, увѣряя его, что во всѣхъ большихъ постройкахъ настоящимъ архитекторомъ, великимъ строителемъ будетъ онъ самъ, Бетанкуръ, а онъ по возможности будетъ стараться облекать въ формы геніальныя его идеи.

Дабы кончить рассказъ о рѣшительномъ устройствѣ пресловутаго Комитета, необходимо долженъ я выступить за предѣлы 1816 года. Въ Генварѣ 1817 нанялъ я для него, равно какъ и для себя, удобную и помѣстительную квартиру, въ домѣ Шмидта, у Семеновскаго моста, на углу Фонтанки и Апраксинскаго переулка. Поселившись въ этомъ пріютѣ, который, по предчувствіямъ моимъ, столько лѣтъ долженъ былъ я занимать, и который, не превышая скудныхъ средствъ моихъ, какъ могъ, старался я лучше прибрать, ощутилъ я необычайную отраду. Мнѣ уже исполнилось тридцать лѣтъ, и тщетно усиливался я дотолѣ найти постоянное мѣсто и прочую службу, вездѣ встрѣчая неудачи. Оттого-то самая жизнь моя въ Петербургѣ была всегда кочевая; съ одной небольшой квартиркой часто переѣзжалъ я на другую малую. Тутъ было нѣчто похожее на осѣдность, и это единственный домъ, мимо котораго и доселѣ не могу я равнодушно пройти или проѣхать. Мнѣ сожи-

тельствовавль Монферранъ, и первые мѣсяцы сосѣдствомъ его оставался я доволенъ. Послѣ началъ онъ зазнаваться; я долженъ былъ искать средства, чтобы оградить себя отъ непріятностей, которыя готовъ былъ онъ дѣлать; и онъ унялся. Чертежникамъ раздавалъ онъ работу; но они меня гораздо болѣе признавали своимъ начальникомъ. Однимъ словомъ, въ небольшомъ углу своемъ долго оставался я совершеннымъ хозяиномъ.

IV.

Не цѣлюю главу; а нѣсколько страницъ въ каждой части сихъ Записокъ посвящаю я обыкновенно описанію современнаго состоянія Русскаго театра. Здѣсь достаточно мнѣ будетъ на то нѣсколько строкъ; ибо въ предыдущей части довольно говорилъ я объ немъ, и остается только назвать нѣсколько новыхъ молодыхъ талантовъ, тогда показавшихся, изъ коихъ нѣкоторые и понынѣ украшаютъ нашу сцену.

Особенно примѣчательны были два актера, Сосницкій въ комедіяхъ и Рамазановъ въ водевиляхъ. Первому, въ цвѣтуція лѣта, удалось попасть въ общество образованныхъ людей; а какъ сверхъ того имѣлъ онъ и врожденное чувство свѣтской пристойности, то первый явилъ себя на сценѣ молодымъ человѣкомъ, котораго можно пустить въ лучшую гостиную. Другой, Рамазановъ, былъ живчикъ, который пѣлъ пріятнымъ голосомъ и весьма естественно игралъ не въ шутовскихъ, а въ веселыхъ и забавныхъ роляхъ.

Главною актрисою въ комедіяхъ была Валберхова; весьма еще не старая и красивая, но не совсѣмъ однакоже и молодая дѣва, дочь посредственнаго танцовщика Лѣсогорова, который перевелъ себя на Нѣмецкій языкъ, дабы внушить зрителямъ болѣе къ себѣ уваженія. Она была, какъ увѣряли, примѣрной нравственности, скромна, добродѣтельна и отказалась отъ брака, для того чтобы прилежнѣе заниматься воспитаніемъ сиротъ, меньшихъ братьевъ и сестеръ. Такія почтенныя свойства вредили однакоже ея таланту, когда приходилось ей играть въ внутреннихъ кокетокъ. Прикованный не любовію, а сожитіемъ, привычкою и общими выгодами къ другой актрисѣ, Шаховской тѣтено, говорятъ, вздыхалъ у ногъ ея. Катерина Ивановна Ежова (мадамъ Жегова, какъ называли ее Французскіе актеры) была женщина или дѣвица хитрая и смѣлая. Домохозяйка его и мать его дѣтей, она держала его, какъ говорится, въ ежевыхъ рукавицахъ: змѣей обвилась она вокругъ его огромнаго туловища. Въ роляхъ сердитыхъ барынь на сценѣ заступила она мѣсто Рахмановой, которая по старости отошла на покой. Къ тому же и самый характеръ новаго рода крикуньевъ мало походилъ на тотъ, который такъ искусно изображала Рахманова.

Также и въ трагедіяхъ играла Валберхова и, казалось бы, гораздо превосходнѣе, если какой-либо второстепенный талантъ могъ бы выдержать сравненіе съ совершенствомъ игры Семеновой. Ни въ Россіи, ни за границей въ трагедіи я никого выше ея не видалъ. На театрѣ она казалась царицей среди подвластныхъ ей рабовъ, и по моему мнѣнію у насъ не умѣли ей довольно дивиться. Старѣющая Каратыгина иногда дерзала также показываться подлѣ Семеновой; а неблагодарная публика, которая прежде, не выдавъ лучшаго, столько плѣнялась ею, смотрѣла уже на нее съ отвращеніемъ. Ей обѣщано было новое, живѣйшее удовольствіе: Гнѣдичъ и другъ его, Лобановъ, возвѣстили ей, что въ трагедіи, переведенной послѣднимъ, будетъ она изумлена игрой молоденькой актрисы Степановой, въ роляхъ Ифигеніи. Я видѣлъ это первое представленіе и заодно съ публикой восторговъ не ощутилъ и не изъявлялъ.

Въ отсутствіи Французской труппы не одни мелкіе чиновники и гостинодворцы посѣщали Русскій театръ, но и лучшее общество. Дабы видѣть и слышать Семенову, соглашалось оно выносить неистоваго Яковлева, нашего простонароднаго Лекеня, который многія лѣта продолжалъ еще хрипѣть и ревѣть передъ зрителями. Для молодыхъ ролей, за неимѣніемъ лучшаго, былъ нѣкто Щениковъ; совсѣмъ не помню, когда онъ исчезъ и куда онъ дѣвался. Еще одинъ молодой куцчикъ, Брянской, пошелъ въ трагическіе актеры; онъ былъ не безъ дарованій, говорилъ стихи очень внятно и рѣчисто и могъ бы, заступивъ мѣсто Яковлева, избавить насъ отъ него, но, къ сожалѣнію, былъ чрезвычайно холоденъ. Въ это время болѣе десяти лѣтъ уже находился онъ на сценѣ и о сию пору, кажется, не покидалъ ея; послѣ женился онъ на вышереченной Степановой, и она, благодаря сему союзу, и понынѣ еще въ числѣ подставныхъ актрисъ.

Примадонной въ оперѣ все оставалась меньшая Семенова, со столь же пышною красотой и со столь же тощимъ голосомъ. Первый теноръ былъ все тотъ же славный Самойловъ; второй теноръ былъ молодой человѣкъ Климовскій, какъ увѣряли, изъ Малороссійскихъ дворянъ, воспитанный въ придворной пѣвческой школѣ; голосъ у него былъ слабѣе чѣмъ у Сомойлова, но еще пріятнѣе, и музыку зналъ онъ лучше. Послѣ большаго пожара старая Сандунова изъ Москвы бѣжала въ Петербургъ и въ немъ осталась; ибо не было надежды, чтобы въ старой столицѣ театръ могъ скоро быть возстановленъ. Она согласилась играть роли старухъ, однакоже по нуждѣ заставляли ее выполнять ролю Весталки и другія, въ которыхъ былъ необходимъ ея уже не свѣжій, но еще сильный и чистый голосъ. Партію баса

пѣль весьма не худо Зловъ, также въ одно время съ нею изъ Москвы прїѣхавшій пѣвецъ.

Танцовальныя зрѣлища лишились Дюпора, вмѣстѣ съ Жоржъ уѣхавшаго во Францію. Неизмѣнная чета Дидло опять осталась тогда одна, чтобы владычествовать въ балетахъ. Двое молодыхъ мальчиковъ, Люстихъ и Шемаевъ, обѣщали было сравняться съ Дюпоромъ, но не сдержали обѣщаннаго: поджилки скоро отказались имъ служить. Члены у Русскихъ бываютъ гибки только въ первой молодости; до старости всегда готовы они и бываютъ въ состояніи пахать и ратовать, но однимъ Французамъ отъ природы дана привилегія до могилы ловко прыгать и вертѣться. Доказательствомъ тому можетъ служить мусью Андре, котораго въ 1803 году видѣли мы довольно пожилымъ Французскимъ актеромъ и который, дабы не разставаться со сценою, въ это время неутомимо продолжалъ плясать на ней, что, двадцать лѣтъ спустя, дѣлаетъ онъ и понынѣ. Именной списокъ тогдашнихъ Русскихъ артистовъ заключу я названіемъ искусной танцовщицы и извѣстной красавицы, дѣвицы Истоминой, которая въ продолженіе многихъ лѣтъ плѣняла зрителей и сводила съ ума молодыхъ офицеровъ. Она была причиною нѣсколькихъ поединковъ между ними и даже смерти одного изъ нихъ.

Въ самомъ главномъ управленіи театральномъ произошла тогда большая перемѣна. Вмѣстѣ съ княземъ Голицынымъ при Павлѣ сосланъ былъ въ Москву другой камергеръ, находившійся при Наслѣдникѣ, князь Петръ Ивановичъ Тюфякинъ, и вмѣстѣ съ нимъ былъ вызванъ по воцареніи Александра. Какъ въ характерахъ обоихъ князей-камергеровъ, такъ и въ степени довѣренности къ нимъ Государя была великая разница. Голицынъ былъ чловѣкъ добродушный, отменно веселый, но степенный и съ молода склонный къ набожности. Тюфякинъ былъ скучень, несносень, своенравень и зналъ одни только чувственныя наслажденія. Видя себя обманутымъ въ надеждѣ сдѣлаться любимцемъ Царя, онъ съ досады поселился въ Парижъ и выѣзжалъ изъ него только во время разрыва Наполеона съ Россіей, впрочемъ не возвращаясь въ нее. Въ началѣ 1812 года для Русскихъ и въ Европѣ уже не было мѣста; во вниманіе къ прежней, если не службѣ, то преданности, Государь наградилъ воротившагося въ отечество блуднаго Тюфякина званіемъ гофмейстера при дворѣ и вице - директора театральныя зрѣлищъ. Въ концѣ 1814 года Александръ Львовичъ Нарышкинъ долженъ былъ сопровождать императрицу Елисавету Алексѣевну во время заграничнаго ея путешествія, и находя, что безъ Французской труппы ему ничего дѣлать, сохраняя званіе главнаго директора, все управленіе свое передалъ въ руки Тюфякина, а тотъ изъ нихъ его болѣе уже

не выпускалъ. Каждому свое: въ удѣль Голицына поступила церковь, Тюфякину достался театръ.

При начальникѣ, который вечеромъ никогда не бывалъ въ трезвомъ видѣ, власть Шаховскаго должна была умножиться. Его сожительница Ежова каждый вечеръ принимала у себя актрисъ, танцовщицъ и воспитанницъ театральной школы; преимущественно же послѣднихъ, дабы дать имъ болѣе ловкости въ обращеніи. Нѣсколько пожилыхъ и большая часть молодыхъ людей Петербурга добивались чести быть принятыми въ ея салонѣ. Освѣщеніе его и угощеніе, по крайнеѣ мѣрѣ чашкою чаю, сопряжено было съ издержками. Какими средствами вознаграждала она себя за нихъ, мнѣ не извѣстно. Изъ вседневныхъ посѣтителей сихъ составлялись дружины хлопунцовъ, съ которыми авторъ-хозяинъ всегда могъ быть увѣренъ въ побѣдѣ. Если литературная слава его чрезъ то нѣсколько увеличивалась, за то честь его жестоко страдала отъ этого. Эти, сначала, столь послушные посѣтители, видно, приобрѣтая большія права, сдѣлались вдругъ смѣлы и взыскательны. Часто доставалось отъ нихъ бѣдной Ежовой, говорятъ даже самому Шаховскому, до того, что они принуждены были, наконецъ, прекратить свое гостепріимство. Вотъ до чего иногда доводитъ сила страстей, даже самыхъ дозволенныхъ, повидимому, самыхъ полезныхъ просвѣщенію. И теперь безъ душевнаго сожалѣнія не могу вспомнить объ этой эпохѣ жизни слабаго, добраго князя, котораго послѣ пришлось мнѣ такъ много любить.

Пока неуваженіе свѣта и даже знакомыхъ постигало его, избранный имъ спокойный и безотвѣтный его противникъ Жуковскій все болѣе возвышался въ общемъ мнѣніи. Ему, оставшему титулярному совѣтнику, какъ пѣвцу славы Русскаго воинства, по возвращеніи своемъ, Государь пожаловалъ богатый брилліантовый перстень съ своимъ вевзелемъ и четыре тысячи рублей ассигнаціями пенсіона. Такую блестящую награду сочла Бесѣда, не знаю почему, для себя обидною; а Арзамасъ, признаться должно, имѣлъ слабость видѣть въ этомъ свое торжество.

Другое сильнѣйшее горе ожидало Бесѣду. Въ началѣ 1816 года, Карамзинъ, не бывавшій въ Петербургѣ болѣе двадцати пяти лѣтъ, пріѣхалъ въ сопровожденіи Вяземскаго и Василія Львовича Пушкина. Самъ Государь принялъ его отлично, можно сказать, дружелюбно. На изданіе уже написанныхъ имъ восьми томовъ *Исторіи Государства Россійскаго* велѣлъ отпустить ему шестьдесятъ тысячъ рублей ассигнаціями, да, сверхъ того, съ чиномъ статскаго совѣтника, далъ ему прямо Анненскую ленту. Петербургъ — городъ придворный, казенный; примѣръ Царя сильно дѣйствуетъ въ немъ на людей; тутъ подражать было не

трудно: подѣ предлогомъ уваженія къ личнымъ достоинствамъ Карамзина, удивленія къ его талантамъ, всѣ на перерывѣ стали показывать ему почтительныя ласки. Твореніе свое хотѣлъ онъ печатать въ Петербургѣ, и для того, на время возвратясь въ Москву, слѣдующею осенью прибылъ онъ со всѣмъ семействомъ своимъ и остался въ немъ.

Въ этой главѣ хочется мнѣ кстати досказать повѣсть о Бесѣдѣ и Арзамасѣ, хотя для того и долженъ буду выступить за предѣлы 1816 года. Одно будетъ не весьма длинно. Бесѣда въ этомъ году какъ будто исчезла, совсѣмъ пропала безъ вѣсти. Единственное засѣданіе ея, на коемъ я присутствовалъ, было едва ли не послѣднее; если потомъ и были они, то не публичныя и вѣрно очень рѣдко, ибо о нихъ и слуху не было. Единственный свѣтъ, ее озарявшій, слабѣлъ и тихо угасъ на берегахъ Волхова: лѣтомъ Державинъ заснулъ вѣчнымъ сномъ въ деревнѣ своей Званкѣ, невольно осудивъ на то и Бесѣду. Божество отлетѣло, и двери во храмъ его навсегда затворились.

Когда старуха-Бесѣда въ изнеможеніи силъ близилась къ концу, въ тоже самое время молодой соперникъ ея все болѣе крѣпился и мужалъ. Вѣкъ его былъ также коротокъ, но онъ оставилъ по себѣ долгия воспоминанія. Новыхъ членовъ, коими онъ обогащался, да позволено мнѣ будетъ назвать здѣсь по порядку, неизвѣстныхъ же читателю стараться познакомить съ нимъ.

Первые имъ воспріятые были прибывшіе изъ-за границы два дипломата. По лѣтамъ своимъ Петръ Ивановичъ Полетика могъ нѣкоторымъ образомъ почитаться намъ ровесникомъ, но онъ всегда былъ старообразенъ: ему не было еще сорока лѣтъ, а казалось гораздо за сорокъ, и потому онъ не совсѣмъ подходилъ подѣ стать къ людямъ, изъ коихъ составлялась не академія, а общество довольно молодыхъ еще, пристойныхъ весельчаковъ. Онъ родомъ происходилъ отъ одного изъ Греческихъ семействъ, поселенныхъ въ Нѣжинѣ; отецъ его или дѣдъ, если не ошибаюсь, былъ послѣднимъ архіатеромъ, то-есть, тѣмъ, что мы нынѣ называемъ генераль-штабъ-докторомъ. Онъ воспитанъ былъ въ Сухопутномъ Кадетскомъ Корпусѣ при графѣ Ангальтѣ, который такъ много заботился не столько объ умственномъ, какъ о свѣтскомъ образованіи выпускаемыхъ изъ него юношей. Они знали иностранныя языки, всего понемногу, хорошо были выучены верховой ѣздѣ, танцванью, и все это было не худо; по крайней мѣрѣ, преподаны имъ средства, при нѣкоторыхъ способностяхъ, самимъ послѣ дѣлать пріобрѣтенія въ области наукъ, тогда какъ нынѣ въ казармахъ, именуемыхъ корпусами, кадеты, отъ коихъ требуется знаніе одной фронтальной службы, сихъ средствъ съ малолѣтства навсегда лишены.

Нашъ Полетика не безъ пользы употребилъ небольшой запасъ познаній, полученныхъ имъ въ корпусѣ. Не знаю хорошенько, поступалъ ли онъ въ военную службу, только, навѣрное, не долго въ ней оставался. Семейство его находилось подъ особымъ покровительствомъ императрицы Маріи Ѳеодоровны: старшій братъ его нѣсколько времени былъ секретаремъ ея величества; изъ сестеръ, воспитанныхъ въ Смольномъ монастырѣ, одна попала во фрейлины и жила во дворцѣ. Съ такою опорой рано могъ онъ выбратъся на хорошую дорогу, но на ней успѣхами своими обязанъ былъ уже собственному уму. Служа въ Иностранной Коллегіи, состоялъ онъ при разныхъ миссіяхъ и изъѣздилъ почти весь свѣтъ. Мѣсто совѣтника посольства въ Мадридѣ было послѣднее, которое занималъ онъ съ 1813 года; оттуда, послѣ вторичнаго паденія Наполеона, вызванъ былъ въ Парижъ и, по заключеніи мира, причисленный къ дѣламъ коллегіи, прибылъ въ Петербургъ, съ тѣмъ, чтобы получить новое назначеніе. Онъ былъ собою не видѣнь, но умныя черты лица и всегда изысканная опрятность дѣлали наружность его довольно пріятною. Исполненный чести и прямодушія, онъ соединялъ ихъ съ тонкостью, свойственною людямъ его происхожденія и роду службы его; откровенность его, совсѣмъ не притворная, была однакоже не безъ разсчета; онъ такъ искусно, шутиливо, необходимо умѣлъ говорить величайшія истины людямъ сильнымъ, что ихъ самихъ заставлялъ улыбаться. Онъ не имѣлъ глубокихъ познаній, но въ дѣлахъ службы и въ разговорахъ всегда видѣнь былъ въ немъ свѣдуцій чловѣкъ. Не зная вовсе спѣси, со всѣми былъ онъ обходителенъ, а никто не рѣшился бы забыться передъ нимъ. Всѣми былъ онъ любимъ и уважаемъ, самъ же ни къ кому не чувствовалъ ненависти, и если чуждался запятанныхъ людей, то старался и имъ не оказывать явнаго презрѣнія. Къ сожалѣнію моему, одержимъ онъ былъ сильною англоманіей, и этотъ недостатокъ въ глазахъ моихъ, дѣлая его нѣсколько похожимъ на методиста или квакера, придавалъ ему однакоже много забавно-почтенной оригинальности. Вообще, я нахожу, что благоразуміе его никто еще не умѣлъ распорядиться жизнію; онъ умѣлъ сдѣлать ее полезною и пріятною какъ для себя, такъ и для знакомыхъ. Изъ-за морей иногда показывался онъ въ Петербургъ и потомъ вдругъ исчезалъ изъ него; во время сихъ быстрыхъ появленій, коротко познакомился онъ съ сослуживцами своими, Дашковымъ и Блудовымъ; мнѣ также не разъ случалось съ нимъ встрѣчаться и разговаривать. Лишь только узнали о его пріѣздѣ, единогласно, громогласно призывали его въ наше общество. Онъ мало занимался Русскою литературой, хотя довольно хорошо ее звалъ; но, я повторяю, не одни литераторы намъ были нужны. Его бы слѣдовало принять почетнымъ членомъ: тогда ихъ у

насъ еще не было, все были одни дѣйствительные, и нареченный Очарованнымъ Челномъ, не знаю какъ-то, ускользнулъ онъ отъ обязанности произнести вступительную рѣчь. Недолго насладились мы его обществомъ: слѣдующею весной назначенъ былъ онъ совѣтникомъ посольства въ Лондонъ.

Вмѣстѣ съ нимъ изъ Мадрида и Парижа пріѣхалъ одинъ юноша, впрочемъ лѣтъ двадцати пяти, пріятель Дашкова. Отецъ Дмитрія Петровича Северина, Петръ Ивановичъ, служилъ когда-то капитаномъ гвардіи Семеновскаго полка въ одно время съ Иваномъ Ивановичемъ Дмитріевымъ. Во дни добродушной старины нашей достаточно было товарищества по службѣ, чтобы составить дружественныя связи между людьми, совершенно разныхъ свойствъ. Дмитріевъ былъ пріятелемъ Северина и еще болѣе жены его, гораздо умнѣе и просвѣщеннѣе мужа своего. Изъ этого заключали, что онъ былъ ея любовникомъ и даже приписывали ему родительскія права на рожденнаго отъ нея сына, хотя она была горбата и настоящій уродъ. Это была суцая ложь, а не клевета: ибо Дмитріева никто не думалъ осуждать за такое молодечество.

Спросять, почему Северинъ былъ Нѣмецъ, когда въ фамильномъ имени его нѣтъ ничего Нѣмецкаго? Почему капитанъ гвардіи былъ сынъ портнаго? Послѣдній вопросъ никто не сдѣлаетъ нынѣ, когда въ Россіи искусная маршировка доводитъ до высокихъ чиновъ. Во время же оно гвардія была военно-придворный штатъ; для того, чтобы удостоиться чести быть въ ней офицеромъ, нужны были извѣстное имя и большое покровительство. Чье же имя можетъ быть извѣстнѣе, если не людей, прославившихся въ ремеслахъ? Не все же перомъ да мечемъ; игла и шило также доставляли тогда славу. По однимъ преданіямъ и по стихамъ Дмитріева знаю только я Кроля. Швальная же знаменитость Завотлебена, закройщика Зеленкова и особенно сапожника Брейтигама мнѣ очень памяты: молодые франты моего времени ими только и клялись. Кто помнитъ ихъ нынѣ? И сколько преемниковъ ихъ потонуло въ забвеніи! И, кажется, даже самъ мусью Буту, передъ которымъ гораздо позднѣе такъ благоговѣла молодежь. *Sic transit gloria mundi*. По крайней мѣрѣ эти люди умѣли наживать деньги и наживать трехэтажные каменные дома, предоставляя потомкамъ добывать чести. О портномъ Северинѣ могли дойти до меня только темные слухи и то по случаю знакомства моего съ его почтеннымъ внукомъ. Онъ былъ счастливѣе другихъ собратій своихъ, ибо слава имени его, скромно возникшая на каткѣ, сіяетъ нынѣ въ посольствахъ; жаль только, что безплодіе Дмитрія Петровича не дозволяетъ надѣяться, чтобъ она перешла изъ рода въ роды *).

*) Два раза Северинъ былъ женатъ; послѣдній разъ, лѣтъ пятнадцать тому назадъ на

Когда Дмитріевъ назначенъ былъ министромъ юстиціи, то отцу Северину, бывшему при Павлѣ Вѣлорусскимъ губернаторомъ, выпросилъ онъ сенаторство, а сына опредѣлилъ къ себѣ въ канцелярію и далъ у себя квартиру. Хотя мальчикъ вообще былъ чрезвычайно гибокъ передъ начальствомъ, находили на него иногда бѣшенныя мпнуты, въ которыя съ высшими дѣлался онъ также высокомеренъ и дерзокъ, какъ съ низшими. Дмитріевъ не переставалъ быть щекотливымъ, а избалованный Северинъ сталъ забываться и послѣ двухлѣтняго сожитія, въ одно утро, послѣдній былъ внезапно изгнанъ своимъ покровителемъ. Съ его же помощію былъ онъ потомъ опредѣленъ въ Иностранную Коллегію и получилъ мѣсто въ Гипшаніи, откуда воротился съ Полетикой. Что сказать мнѣ о семъ новомъ сочленѣ нашемъ? Въ сокращенномъ видѣ былъ онъ Уваровъ, съ тою, однако, великою разницею, что послѣдній былъ знатнѣе родомъ, гораздо красивѣе, во сто разъ умнѣе и богаче и даже добродушнѣе его. Я думаю оттого, что безмѣрныя притязанія Уварова давно уже обратились въ права, а Северина и понынѣ еще терзаетъ неудовлетворенное честолюбіе. Съ нами по крайней мѣрѣ не могъ и не умѣлъ онъ позволять себѣ ничего рѣзкаго. Кто же въ первой молодости былъ совершенно золъ? Счастіе почти всегда ласкаетъ юность, да и самыя неудачи такъ скоро забываются посреди тысячи развлеченій, тысячи наслажденій. Въ это время худенькій Северинъ былъ точно на мологѣ испеченный и отъ огня слегка подрумяненный сухарь. Съ годами взволнованная желчь, разливаясь по жиламъ и чертамъ его въ самый непріятный цвѣтъ, наконецъ, окрасила его лицо. Вотъ его наружность. Что касается до характера, это было удивительное сліяніе дерзости съ подлостію; но надобно признаться—никогда еще не видалъ я холопство, облеченное въ столь щеголеватыя и благородныя формы. У него были и литературныя права: благоволящій къ нему Жуковскій имѣлъ слабость чью-то басенку въ восьми стихахъ напечатать подъ его именемъ въ собраніи Русскихъ стихотвореній. Онъ былъ совоспитанникъ Вяземскаго, товарищъ по службѣ Дашкова, пріятелемъ обоихъ, и потому-то двери Арзамаса открылись предъ нимъ настезь.

Сейчасъ только что назвалъ я Вяземскаго, а онъ тутъ и является. Онъ и Пушкинъ, какъ сказалъ я выше, пріѣхали въ Петербургъ вмѣстѣ съ Карамзинымъ и мѣсяца черезъ два съ нимъ же воротились въ Москву. Въ сіе короткое время одинъ усладилъ, а другой потѣшилъ Арзамасъ своимъ соприсутствіемъ. Весело и совѣстно вспомнить нынѣ

одной Нѣмкѣ и отъ своихъ браковъ не имѣлъ дѣтей. Онъ былъ нѣсколько времени повѣршеннымъ въ дѣлахъ въ Швейцаріи; теперь давно находится посланникомъ въ Баваріи.

проказы людей, хотя еще молодыхъ, но уже совсѣмъ не мальчиковъ: кто изъ тридцатилѣтнихъ теперь позволить себѣ такъ дурачиться? Въ первой части говорилъ уже я о первой встрѣчѣ моей съ Васильемъ Львовичемъ Пушкинымъ, о метроманіи его, о его чрезмѣрномъ легковѣріи; здѣсь нужно прибавить, въ похвалу его сердца, что всегда вѣрилъ онъ еще болѣе доброму, чѣмъ худому. Знакомые, пріятели употребляли во зло его довѣрчивость. Кому-то изъ насъ вздумалось, по случаю вступленія его въ наше общество, снова подшутить надъ нимъ. Эта мысль сдѣлалась общимъ желаніемъ, и совокупными силами приступлено къ составленію страннаго, смѣшнаго и торжественнаго церемоніала принятія его въ «Арзамасъ». Разумѣется, что Жуковскій былъ въ этомъ дѣлѣ главнымъ изобрѣтателемъ; и сіе самое доказываетъ, что въ этой, можно сказать, семейной шуткѣ, не было никакого дурнаго умысла, ничего слишкомъ обиднаго для всѣми любимаго Пушкина.

Ему возвѣстили, что непосвященные въ тайнства нашего общества не иначе въ него могутъ быть приняты какъ послѣ довольно трудныхъ испытаній, и онъ согласился подвергнуть имъ себя. Вяземскій успѣлъ увѣрить его, что они совсѣмъ не бездѣлица, и что самъ онъ весьма утомился, пройдя черезъ всѣ эти мытарства. Жилище Уварова, просторное и богато убранное, могло одно быть удобнымъ для представленія затѣваемыхъ комическихъ сценъ. Какъ странствующаго въ мірѣ семъ безъ цѣли, нарядили его въ хитонъ съ раковинами, надѣли ему на голову шляпу съ широкими полями и дали въ руку посохъ пелерина. Въ этомъ нарядѣ, съ завязанными глазами, изъ парадныхъ комнатъ по задней, узкой и крутой лѣстницѣ свели его въ нижній этажъ, гдѣ ожидали его съ руками полными хлопушекъ, которыя бросали ему подъ ноги. Церемонія потомъ начавшаяся продолжалась около часа: то обращались къ нему съ вопросами, которые тревожили его самолюбіе и принуждали морщиться; то вооружали его лукомъ и стрѣлою, которую онъ долженъ былъ пустить въ чучелу съ огромнымъ парикомъ и съ безобразною маской, имѣющую посреди груди написанный на бумагѣ извѣстный стихъ Тредьяковскаго:

Чудище обло, озорно, трезвено и лаяй.

Сіе чудище, повергнутое послѣ выстрѣла его на полъ и имъ будто побѣжденное, должно было изображать дурной вкусъ или Шишкова. Потомъ заставили его, поддержаннаго двумя аколитами, пронести на блюдѣ огромнаго замороженнаго гуся, а послѣ того... всего не припомню. Между всѣми этими продѣлками, члены произносили ему рѣчи назидательныя, ободрительныя или поздравительныя. Въ заключеніе, изъ темной комнаты, въ которой онъ находился, въ дру-

гую длинную, ярко освѣщенную, отдернулась огненнаго цвѣта занавѣсъ, ее скрывавшая, онъ съ торжествомъ вступилъ въ собраніе и сказалъ рѣчь весьма затѣйливую и приличную. Когда послѣ я спросилъ его, не досадовалъ ли онъ, не скучалъ ли онъ сими продолжительными испытаніями? Совсѣмъ нѣтъ, отвѣчалъ, *s'étaient d'aimables allégories*. Подите же послѣ того: родятся же люди какъ будто для того, чтобъ трунили надъ ними.

Въ протоколѣ, который прочиталъ потомъ секретарь Жуковскій, прописанъ былъ весь этотъ обрядъ, въ предыдущемъ засѣданіи якобы совершенный надъ Вяземскимъ. При этомъ всѣ члены, исключая новопринятаго, приступили съ требованіемъ на будущее время отмѣнить его, какъ тягостный для вступающихъ, такъ и довольно убыточный для вступившихъ. Не доставало балладъ, чтобъ давать ихъ названія новымъ членамъ; довольствовались тѣмъ, чтобы для того брать изъ нихъ примѣчательныя имена и слова: вотъ почему въ это же, кажется, засѣданіе Вяземскій нареченъ «Асмодемъ», Пушкинъ сталъ называться «Вотъ», а Северинъ удачно прозванъ «Рѣзвымъ Котомъ». И дѣйствительно, этотъ, нынѣ старый, тощій котъ, былъ тогда ласковъ, по крайней мѣрѣ съ пріятелями, и про нихъ держалъ въ запасѣ когти, но не выпускалъ ихъ и въ самыхъ манерахъ имѣлъ еще игривость котенка.

Въ слѣдующее засѣданіе приглашены были нѣкоторые болѣе или мѣнѣе знаменитыя лица: Карамзинъ, князь Александръ Николаевичъ Салтыковъ, Михайлъ Александровичъ Салтыковъ — извѣстные моему читателю и, наконецъ, Юрій Александровичъ Нелединскій Мелецкій. Всѣ они, вмѣстѣ съ отсутствующимъ Дмитріевымъ, единогласно выбраны почетными членами или почетными гусями: титулъ сей, разумѣется, предложенъ былъ Жуковскимъ. Въ это время только удалось мнѣ видѣть Нелединскаго, невысокаго роста, умнаго, веселаго, толстенькаго старичка, исполненнаго нѣжнѣйшей чувствительности и предававшася самой грубой чувственности, написавшаго немного прелестныхъ стиховъ и, къ сожалѣнію, такъ много непотребныхъ.

Въ этотъ же день потѣшили и Пушкина. Нѣкогда пріятель и почти ровесникъ Карамзина и Дмитріева, сдѣлался онъ товарищемъ людей, по меньшей мѣрѣ, пятнадцатію годами его моложе. Надобно имъ было чѣмънибудь отличить его, признать какое-нибудь первенство его передъ собою. И въ этомъ дѣлѣ помогъ Жуковскій, придумавъ для него званіе «Старосты Арзамаса», съ коимъ сопряжены были нѣкоторыя преимущества. Изъ нихъ нѣкоторыя были уморительныя и остались у меня въ памяти; наиримѣръ: мѣсто старосты «Вота», когда онъ на лицо, подлѣ предсѣдателя общества, во дни же отсутствія—въ сердцахъ друзей его; онъ подписываетъ протоколъ... съ приличною размахкой; го-

досъ его въ нашемъ собраніи... имѣть силу трубы и пріятность олейты, и тому подобный вздоръ.

Я полагаю, что еслибъ это общество могло ограничиться небольшимъ числомъ членовъ, то оно жило бы согласнѣе и могло долѣе продлить свое веселое существованіе; но Жуковскій безпрестанно требовалъ новыхъ. Необходимо ихъ представить здѣсь.

Перваго назову я Дмитрія Александровича Кавелина. Гораздо старѣе Жуковскаго, онъ однакоже учился съ нимъ вмѣстѣ въ Московскомъ Университетскомъ Пансіонѣ, который оставилъ онъ нѣсколько годовъ прежде него. Онъ принадлежалъ къ партіи Сперанскаго, находился подъ покровительствомъ и въ тѣсной дружбѣ съ Магницкимъ. Онъ никогда не былъ выскочкою, держалъ себя тихо, скромно, удалялся отъ общества, оттого, можетъ-быть, не увлеченъ былъ ихъ паденіемъ и сохранялъ значительное мѣсто директора Медицинскаго Департамента. Но безъ нихъ онъ какъ бы осиротѣлъ и, какъ кажется, желалъ составить новыя связи, пристать къ чему-нибудь, къ кому-нибудь. Придравшись къ прежнему соученичеству, онъ очень ласкался къ Жуковскому и предложилъ ему печатать его сочиненія въ типографіи своего департамента. Онъ былъ человекъ весьма неглупый, съ познаніями, что-то написалъ, казался весьма благоразумнымъ, ко всѣмъ былъ привѣтливъ, а, не знаю, какъ-то ни у кого къ нему сердце не лежало. Дѣйствующее лицо безъ рѣчей, онъ почти всегда молчалъ, неохотно улыбался и между нами былъ совершенно лишній. Жуковскій наименовалъ его «Пустынникомъ». Безнравственность его обнаружилась въ скоромъ времени; постыдные поступки дѣтъ черезъ семь или восемь до того обезславили его, что всѣ порядочные люди отъ него удалились, и въ Россіи, гдѣ общее мнѣніе ко всѣмъ такъ сходительно, къ нему одному осталось оно немилосердо. Какъ будто сбылось пророчество Жуковскаго: около него сдѣлалась пустыня, и онъ всѣми забытъ.

Одного только члена, предложеннаго Жуковскимъ, неохотно приняли. Не знаю, какія предубѣжденія можно было имѣть противъ Александра Федоровича Воейкова. Я гдѣ-то сказалъ уже, что нашъ поэтъ госпитывался въ Бѣлевскомъ уѣздѣ, въ семействѣ Буниныхъ. Катерина Афанасьевна Бунина, по мужъ Протасова, имѣла двухъ дочерей, которыя, выростая съ нимъ, любили его какъ брата; говорятъ, онъ былъ очарователенъ. Меньшая выдана за сосѣда, молодаго помѣщика Воейкова, который также писалъ стихи, и оттого-то у двухъ поэтовъ составилось болѣе чѣмъ пріязнь, почти родство. Совершенная разница въ наружности, чувствахъ, обхожденіи супруговъ, конечно, бросалась въ глаза: онъ былъ мужиковатъ аляповатъ, неблагороденъ; она же

настоящая Сильфида, Ундины, существо не земное, какъ увѣряли меня (ибо я только вскользь ее видѣлъ). Неужели это ему ставили въ вину? Да какое неуклюжество не простилъ бы я, кажется, за умъ; а въ немъ было его очень много. Въ душѣ его не было ничего поэтическаго, и стихи, столь отчетливо, столь правильно имъ написанные, не произвели никакого впечатлѣнія, не оставили никакой памяти даже въ литературномъ мірѣ. Лучшее произведеніе его былъ переводъ *Демилле-выхъ Садовъ*. Какъ сатирикъ имѣлъ онъ истинный талантъ; всѣ еще знаютъ его *Домъ Сумасшедшихъ*, въ который помѣстилъ онъ друзей и недруговъ: надъ первыми смѣялся очень забавно, послѣднихъ казнилъ безъ пощады. Онъ былъ вольно-практикующій литераторъ, не принадлежалъ ни къ какой партіи, ни къ какому разряду, и потому-то мнѣ не случилось доселѣ упомянуть о немъ. Никто, можетъ быть, такъ хорошо не зналъ Русскую словесность; доказательствомъ любви его къ ней служить принятіе званія профессора ея въ Дерптскомъ университетѣ. Это всѣхъ удивило и многимъ не понравилось; наши дворяне, и особенно старинные, какъ онъ, гнушались тогда всѣмъ, что походило на учительство: они не были современниками Гизо и Шевырева. Воейковъ никакъ не обидѣлся даннымъ ему у насъ названіемъ «Дымной Печурки».

Еще одного деревенскаго сосѣда, во вмѣстѣ съ тѣмъ Парижанина въ рѣчахъ и въ манерахъ, поставилъ Жуковскій въ «Арзамасъ». Въ первой молодости, представленный въ большой свѣтъ, Александръ Алексѣевичъ Плещеевъ плѣнилъ его необыкновеннымъ искусствомъ подражать голосу, пріемамъ и походкѣ знакомыхъ людей, особенно же мастерски умѣлъ онъ кривляться и передразнивать уѣздныхъ помѣщиковъ и ихъ женъ. Съ такою способностію нетрудно было ему перенять у Французовъ ихъ поговорки, всѣ ихъ манеры; и сіе дѣлалъ онъ уже не въ шутку, такъ что съ перваго взгляда нельзя было принять его за Русскаго.

Дочь фельдмаршала графа Ивана Григорьевича Чернышова, фрейлина Анна Ивановна, послѣ смерти отца, передъ цѣлымъ дворомъ обнаружила стыдъ свой; чтобы прикрыть его, строгій, а иногда и свисходительный, императоръ Павелъ велѣлъ скорѣе прискаты ей жениха. Плещеевъ былъ вхожъ въ домъ ея родителя; за него перваго взялись, и онъ тутъ очень кстати случился. Послѣ того молодые супруги удалились въ Орловскую губернію и при жизни ея никогда не возвращались въ Петербургъ.

Въ сельское убожество свое перенесли они часть столичныхъ забавъ, къ коимъ пріучена была ея знатность: сюрпризамъ, домашнимъ спектаклямъ, *fêtes champêtres*, маскарадамъ конца не было. Плещеевъ былъ

отъ природы славный актеръ, самъ игралъ на сценѣ и другихъ училъ; находили, что это чрезвычайно способствовало просвѣщенію того края. Только брачныя узы забавнику, какъ говорятъ, не всегда казались забавны: онѣ были блестящія и столь же тяжкія для него оковы. Графиня не забывала свой титулъ и была чрезвычайно взыскательна съ мужемъ-дворяниномъ. Деревня ихъ находилась въ сосѣдствѣ съ Бѣлевымъ, а сверхъ того и госпожа Протасова по мужу приходилась теткой Плещееву, почему и Жуковскій всегда участвовалъ въ сихъ празднествахъ. Когда, овдовѣвъ, Плещеевъ пріѣхалъ въ Петербургъ, онъ возвѣстилъ намъ его какъ неизчерпаемый источникъ веселій; а намъ то и надо было. Сначала, дѣйствительно, онъ всѣхъ насмѣшилъ, но вскорѣ за предѣлами фарсы увидѣли совершенное ничтожество его. По смуглому цвѣту лица, всеобщій креститель нашъ назвалъ его «Чернымъ Враномъ»; наскучило, наконецъ, слушать этого ворона, даже тогда когда онъ каркалъ затверженое, а своего уже ровно у него ничего не было. Ему было повезло: онъ попалъ въ чтецы къ императрицѣ Маріи, сдѣланъ камергеромъ и членомъ театральной дирекціи; а послѣ Богъ знаетъ, что изъ него вышло.

По заочности были приняты еще два члена: Батюшковъ, какъ уже сказалъ я, подъ именемъ «Ахилла», и партизанъ-поэтъ Денисъ Васильевичъ Давыдовъ, подъ именемъ «Армянина». Первый слѣдующею осенью обрадовалъ насъ своимъ пріѣздомъ, послѣдняго никогда мы межъ себя не видали. Онъ находился въ Москвѣ: тамъ вмѣстѣ съ Вяземскимъ и Пушкинымъ составили они отдѣленіе «Арзамаса», и засѣданія ихъ посѣщали Карамзинъ и Дмитріевъ. Новыхъ членовъ они не набирали безъ согласія горняго «Арзамаса», не имѣя на то права.

Я все откладывалъ говорить о нѣкоторыхъ членахъ, вступившихъ въ «Арзамасъ», какъ нынѣ полагать должно, съ дурными замыслами. Тяжко мнѣ изображать людей, возбудившихъ во мнѣ пріязнь и уваженіе, послѣ прославившихъ себя преступными заблужденіями, но коихъ память, не смотря на то, все еще осталась мнѣ любезна.

Не стану здѣсь повторять того, что говорилъ я о двухъ братьяхъ Тургеневыхъ, Андреѣ и Александрѣ (объ одномъ погибшемъ во цвѣтѣ лѣтъ; о другомъ, погубившемъ въ себѣ способности и знанія чрезмѣрною лѣнностью ума и дѣятельностію тщеславія). У нихъ былъ еще третій братъ Николай, нѣсколькими годами моложе Александра. Искаженная вѣра, мартинизмъ, вольнолюбіе возсѣдали у колыбели сихъ братьевъ, баюкали ихъ младенчество. Честолюбіе между тѣмъ въ каждомъ изъ нихъ развивалось съ лѣтами въ разныхъ видахъ и въ разныхъ степеняхъ. Опредѣленный въ службу по Иностранной Коллегіи, Николай Тургеневъ получилъ безсрочный отпускъ и отправился въ Геттингенъ,

когда всё Нѣмцы кипѣли справедливымъ, но тайнымъ гнѣвомъ на истребителя не только независимости ихъ, но и самаго названія Германіи. Подъ именемъ Рейнскаго Союза, составленнаго изъ подданныхъ корольковъ, она не простиралась даже до Одера, а весь Сѣверъ ея до Любека присоединенъ былъ къ Франціи. Воспрянуть было невозможно: цвѣтъ юношества, всё жизненные силы государства искуснымъ Наполеономъ отрываемы были отъ родины, и мужество ихъ только что болѣе умножало порабощеніе ихъ отечества. Въ университетахъ сильнѣе другихъ профессоры и студенты томилась жаждою свободы и горѣли желаніемъ мести. Среди тайныхъ заговоровъ созрѣлъ и возмужалъ нашъ Тургеневъ, присталъ къ извѣстному либералу барону Штейну, и въ 1812 году пріѣхалъ съ нимъ въ Петербургъ. Съ нимъ опять поѣхалъ онъ въ Германію, чтобы жителей возбуждать къ возстанію, что было весьма нетрудно, но опять повторю, не знаю, было ли это необходимо. Онъ слѣдовалъ за нашею арміею, употребленъ былъ для разныхъ порученій и въ 1816 году окончательно воротился въ Россію.

Онъ не имѣлъ высокихъ дарованій старшаго брата своего Андрея, а замѣнялъ ихъ постояннымъ трудолюбіемъ. Имѣя врожденное чувство любви къ человѣчеству, оно въ немъ было усилено правилами какой-то превыспренней филантропіи, съ раннихъ лѣтъ ему преподаваемыми. По возвращеніи въ отечество, нашедъ, что въ немъ усердно поклоняются кумиру его, свободѣ, расцѣль онъ, что пріспѣло время освобожденія отъ рабства освободителей Европы, — мысль столь же прекрасная, какъ и безразсудная! Съ безчисленными теоріями уже являлось къ намъ множество иностранцевъ, совершенно не знавшихъ народнаго духа Россіи, ни пороковъ, ни доблестей ея жителей, ни доброй, ни худой ихъ стороны, не подозревающихъ неодолимыхъ препятствій, которыя законодатель долженъ встрѣтить, еслибы дерзнулъ приступить къ совершенному ея преобразованію. Всѣ смотря на примѣръ Петра Великаго и полагають, что у насъ стоитъ только приказать, дабы все измѣнилось. Онъ остригъ только верхушки деревъ, а до корней и онъ не смѣлъ коснуться. Къ числу сихъ иноземныхъ можно приписать и Тургенева, который образовался за границею. Но онъ искренно, усердно любилъ Россію, уважалъ своихъ соотечественниковъ и въ разговорахъ со мною сколько разъ скорбѣлъ о томъ, что чужеземцы распоряжаются у насъ какъ дома. Хорошо, еслибъ и другіе Русскіе, подобно ему, перенимали за границей у Европейскихъ народовъ любовь ихъ къ отчизнѣ; но это дается только тѣмъ изъ нихъ, кои по чувствамъ и по мыслямъ стоятъ гораздо выше толпы обыкновенныхъ путешественниковъ нашихъ.

какъ будто всё́мъ предрекая будущій жребій ихъ, далъ Николаю Тургеневу имя убійцы и страдальца «Варвика». Онъ не скрывалъ своихъ желаній и хотя ясно видѣлъ, что ни одинъ изъ насъ серьезно не можетъ раздѣлять ихъ, не думалъ за то досадовать. Вскорѣ, движимый одинаковыми съ нимъ чувствами, вступившій къ намъ **новый** членъ былъ гораздо его предприимчивѣе.

Въ первые годы царствованія Екатерины, престоль ея тѣсно окружали пять братьевъ-младцевъ, изъ коихъ особенно трое были и ея любимцами, и любимцами народа Русскаго. Четверо изъ нихъ были женаты, но или не имѣли дѣтей, или законное ихъ потомство мужескаго пола въ первомъ поколѣннн прекратилось. Одинъ только, холостой **Теодоръ**, воспитанный **Державиннымъ** орелъ

Изъ стаи той высокой,
Котора въ воздухѣ плыла,
Впреди Минервы свѣтлою,
Когда она съ Олимпа шла,

имѣлъ четырехъ сыновей, которые рѣдствомъ и дородствомъ, мужествомъ и красотою могли равняться съ нимъ и съ братьями его. Я видѣлъ ихъ, когда, самъ почти малолѣтний, посѣщалъ я малолѣтнихъ товарищей моихъ Голицыныхъ въ пансіонѣ аббата Николая, гдѣ они вмѣстѣ съ ними воспитывались. Съ двумя меньшими, Григоріемъ и Теодоромъ Орловыми, тогда и послѣ я вовсе не былъ знакомъ; съ двумя старшими, Алексѣемъ и Михаиломъ, весьма мало, но случалось встрѣчать ихъ въ обществахъ и говорить съ ними. Всѣ четверо взяли за военное ремесло, всѣ четверо, не съ большимъ двадцати лѣтъ, украшены были Георгіевскимъ крестомъ; двое же меньшихъ, именно тѣ, съ коими не былъ я знакомъ, остановлены были на пути славы ядрами, оторванными у каждаго по ногѣ; одинъ запропастился въ Россіи, другой поселился, говорятъ, въ Италіи. Итакъ, остается мнѣ говорить лишь о старшихъ, или лучше сказать объ одномъ, и развѣ коснуться только другаго.

Завидна была ихъ участь въ юности; завиднѣе ея не находилъ я. Молоды, здоровы, красивы, храбры, богаты, но не расточительны, любимы и уважаемы въ первыхъ гвардейскихъ полкахъ, въ которыхъ служили, отлично приняты въ лучшихъ обществахъ, вездѣ встрѣчая нѣжныя улыбки женщинъ,—не знаю, чего имъ не доставало. Судьба, къ нимъ столь щедрая, спасла ихъ даже отъ скуки, которую рождаетъ пресыщеніе: они всё́мъ вполне наслаждались. Имъ стоило бы только не искушать Фортуны напрасными затѣями, а съ благодарностію принимать ея дары. Старшій братъ, Алексѣй, это и дѣлалъ. А второму, Михаилу, исполненному доброты и благородства, ими дышащему, каза-

лось мало собственного благополучія: онъ безпрестанно мечталъ о счастья согражданъ и задумалъ устроить его, не распознавъ, на чемъ преимущественно оно можетъ быть основано.

Когда я гляжу на Алексѣя Феодоровича Орлова, нынѣ графа, мнѣ кажется, я вижу раззолоченную, богатыми тканями изукрашенную ладью. Зефиры надуваютъ парусы ея, и она спокойно и весело плыветъ по теченію величественной рѣки между цвѣтущихъ береговъ; и она будетъ столь же безопасно плыть, я увѣренъ въ томъ, до того самаго предѣла, за которымъ исчезаетъ весь родъ человѣческій. Тамъ порузится она только

Au sein de ces mers inconnues,
Où tout s'abîme sans retour.

А бѣдный братъ его, какъ ладья, тяжелымъ грузомъ думъ обремененная, отважно пустился въ море предпріятій и расшибся о первый подводный камень.

Съ перваго взгляда, въ двухъ братьяхъ-силачахъ замѣтно было нѣчто общее, семейное; но при малѣйшемъ вниманіи легко можно было рассмотреть во всемъ великую разницу между ними. Съ лицомъ Амура и станомъ Аполлона Бельведерскаго у Алексѣя примѣтны были мышцы Геркулесовы; какъ лучи постоянного счастья и успѣховъ, играли румянецъ на щекахъ и вѣчная улыбка на устахъ его. Красота Михаила Орлова была строгаго стила, болѣе мужественная, болѣе величественная. Одинъ былъ весь душа, другой весь плотъ; гдѣ же былъ умъ? Я полагаю, въ обоихъ. Только у Алексѣя былъ совершенно Русскій умъ: много догадливости, смыслености, смѣтливости; онъ рожденъ былъ для одной Россіи, въ другой землѣ не годился бы онъ. Въ Михаилѣ почти все заимствовано было у Запада: въ конституціонномъ государствѣ онъ равно блисталъ бы на трибунѣ, какъ и въ бояхъ; у насъ подъ конецъ былъ онъ только что сладкорѣчивымъ, пріятнымъ салоннымъ говоруномъ.

Однакоже и въ Россіи тогда уже былъ онъ хотя самымъ молодымъ, но совсѣмъ не рядовымъ генераломъ. Императоръ имѣлъ о немъ высокое мнѣніе и часто употреблялъ въ важныхъ дѣлахъ. Въ день Монмартрскаго сраженія, его послалъ онъ въ Парижъ для заключенія условій о сдачѣ сей столицы. Послѣ того отправленъ былъ онъ къ Датскому принцу Христіану, объявившему себя Норвежскимъ королемъ, дабы уразумить его и заставить примириться со Швеціей и Бернадотомъ. И такой препрославленный человѣкъ пожелалъ быть съ нами! Съ восторгомъ приняли мы его. Не знаю почему, я думаю, по плавнымъ рѣчамъ его, какъ чистыя струи «Рейна», у насъ получилъ онъ названіе сей рѣки.

Я говорилъ и даже съ похвалою объ отсутствующемъ сынѣ Катерины Θεодоровны Муравьевой, Никитѣ Михайловичѣ. Послѣ войны эготъ юноша воротился къ матери, полонъ радости и надеждъ. Въ званіи офицера генеральнаго штаба года два или три сряду сражался онъ за независимость Европы; тиранъ, ее угнетавшій, палъ, и все обѣщало въ непродолжительномъ времени ей и отечеству его окончательное освобожденіе отъ всякаго повоснаго ига. Бѣдный Муравьевъ! Какъ не быть иногда фаталистомъ, когда видишь людей, которыхъ судьба какъ будто насильно, взявъ за руку, влечетъ къ бѣдамъ и погибели? Добродѣтельный отецъ Муравьева былъ кроткій философъ и другъ свободы, котораго утопіи остались наслѣдіемъ его семейства; злая мать его была недовольна Государемъ и вѣчно роптала на самодержавную власть; наконецъ, нечестивый Магіеръ (котораго прошу вспомнить) съ младенчества старался якобинизировать его *). Случай свелъ его въ Парижъ съ Сіэсомъ и, что еще хуже того, съ Грегуаромъ. Французская революція, точно также какъ исторія Рима и республикъ среднихъ вѣковъ читающему новому поколѣнію знакома была по книгамъ. Всѣ дѣйствующія въ ней лица унесены были кровавымъ ея потокомъ; изъ нихъ небольшое число ее пережившихъ, молніеподобнымъ свѣтомъ, разлитымъ Наполеономъ, погружено было во мракъ, совершенно забыто. Встрѣча съ Брутомъ и Катилиной не болѣе бы поразила нашихъ Русскихъ молодыхъ людей, чѣмъ появленіе сихъ историческихъ лицъ, какъ будто изъ гробовъ возставшихъ, дабы вѣщать имъ истину. Все это сильно подѣйствовало на просвѣщенный наукою, но еще незрѣлый и невыгнанный умъ Муравьева: онъ сдѣлался отчаяннымъ либераломъ.

Слово *либерализмъ* въ это время только что начало входить въ употребленіе. Что значило оно? Въ настоящемъ смыслѣ щедрость; только оно происходило отъ другаго слова, *liberté*, то есть свобода. Наши тогдашніе либералы были дѣйствительно люди щедрые, не то что нынѣшніе, коимъ по большей части нечего грать. Почти всѣ тѣ, съ коими тогда я былъ знакомъ, были молодые люди съ богатымъ состояніемъ, по службѣ на прекрасной дорогѣ, которымъ въ настоящемъ порядкѣ вещей будущее сулило всякаго рода успѣхи; и всѣмъ этимъ готовы были они пожертвовать. Чему? Идеѣ. Однимъ словомъ, они готовы были, вопреки пословицѣ, промѣнять ястреба на кукушку, безсмысленно твердящую одно имя—свобода. Ими населена была гостинная госпожи Муравьевой: а какъ всѣ Арзамасцы были также частыми ея посѣтителеми, то сынъ ея безъ всякаго затрудненія поступилъ въ ихъ обще-

*) Сіе повтореніе мною сказаннаго считаю необходимымъ, дабы привести его на память читателю.

ство. Ему одному только не помню я, какое далъ прозваніе Жуковскій.

Въ началѣ 1817 года былъ весьма примѣчательный первый выпускъ воспитанниковъ изъ Царскосельскаго Лицея; немногіе изъ нихъ остались послѣ въ безызвѣстности. Вышли государственные люди, какъ на примѣръ баронъ Корфъ, поэты какъ баронъ Дельвигъ, военноученные какъ Вальховскій, политическіе преступники какъ Кюхельбекеръ. На выпускъ же молодаго Пушкина смотрѣли члены «Арзамаса» какъ на счастливое для нихъ происшествіе, какъ на торжество. Сами родители его не могли принимать въ немъ болѣе нѣжнаго участія; особенно же Жуковскій, воспріемникъ его въ «Арзамасѣ», казался счастливъ, какъ будто бы самъ Богъ послалъ ему милое чадо. Чадо показалось мнѣ довольно шаловливо и необузданно, и мнѣ даже больно было смотрѣть, какъ всѣ старшіе братья наперерывъ баловали маленькаго брата. Почти всегда со мною такъ было: тѣ, которыхъ предназначено мнѣ было горячо любить, на первыхъ порахъ знакомства нашего, мнѣ казались противны. Спросить: былъ ли и онъ тогда либераломъ? Да какъ же не быть восемнадцатилѣтнему мальчику, который только что вырвался на волю, съ пылкимъ поэтическимъ воображеніемъ и кипучею Африканскою кровью въ жилахъ, и въ такую эпоху, когда свободомысліе было въ самомъ разгарѣ. Я не спросилъ тогда, за что его называли «Сверчкомъ»; теперь нахожу это весьма кстати: ибо въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ Петербурга, спрятанный въ стѣнахъ Лицея, прекрасными стихами уже подавалъ онъ оттуда свой звонкій голосъ. Я здѣсь не буду болѣе говорить объ Александрѣ Сергѣевичѣ Пушкинѣ: глава эта и такъ уже слишкомъ растянута. О, еслибъ я могъ дописаться до счастливаго времени, въ которое удалось мнѣ узнать его короче! Его хвалили, бранили, превозносили, ругали. Жестоко нападавая на проказы его молодости, сами завистники не смѣли отказывать ему въ талантѣ; другіе искренно дивились его чуднымъ стихамъ, но немногимъ открыто было то, что въ немъ было, если возможно, еще совершеннѣе,—его всепостигающій умъ и высокія чувства прекрасной души его.

Показалось Орлову, что свободная стихія достаточно наполняетъ «Арзамасъ», чтобы сдѣлаться въ немъ преобладающею. Онъ задумалъ приступить къ его преобразованію и дать ему новое направленіе. Въ одинъ прекрасный весенній вечеръ собрались мы на дачѣ у г. Уварова; засѣданіе открыто было въ павильонѣ Штейна, какъ въ мѣстѣ особенно вдохновительномъ. Въ приготовленной имъ рѣчи, правильно по-русски написанной, Орловъ, осыпавъ всѣхъ насъ похвалами, съ горестію замѣтилъ, что превосходныя дарованія наши остаются безъ всякаго полезнаго употребленія. Дабы дать занятіе уму cadaго, предложилъ

онъ завести журналъ, коего статьи новостію и смѣлостію идей пробудили бы вниманіе читающей Россіи. Расширивъ такимъ образомъ кругъ дѣйствія общества, онъ находилъ необходимымъ и умножить число его членовъ; сверхъ того, предлагалъ каждому отсутствующему члену предоставить право въ мѣстѣ пребыванія его учреждать небольшія общества, которыя бы находились въ зависимости и подъ руководствомъ главнаго. Изумивъ сочленовъ своихъ неожиданностію предложеній, онъ надѣялся вырвать ихъ согласіе.

Не зная какимъ образомъ о намѣреніи его заблаговременно предупреденный, Блудовъ отвѣчалъ ему также приготовленной рѣчью. Учтивѣе, пристойнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдительнѣе нельзя дѣлать опроверженій; онъ доказывалъ ему невозможность исполнить его желаніе, не пзмѣнивъ совершенно весь первобытный характеръ общества. Касаясь до распространенія свѣта наукъ, о коемъ неоднократно упоминалъ Орловъ, замѣтилъ онъ ему, что сей свѣточъ въ рукахъ злонамѣренныхъ людей всегда обращается въ факель зажигательства; и сіе сравненіе послѣ того не разъ случалось мнѣ слышать отъ другихъ. Когда вспомнишь это преніе, кажется, что будущій жребій сихъ людей былъ написанъ въ ихъ рѣчахъ.

Орловъ не показавъ ни малѣйшаго неудовольствія, вечеръ кончился весело, и всѣ разъѣхались въ добромъ согласіи. Только съ этого времени замѣтенъ сталъ совершенный расколъ: неистощимая веселость скоро прискучила тѣмъ, у коихъ голова полна была великихъ замысловъ; тѣмъ же, кои шутя хотѣли заниматься литературой, странно показалось вдругъ перейти отъ нея къ чисто-политическимъ вопросамъ. Два вѣка, одинъ кончающійся, другой нарождающійся, встрѣтились въ «Арзамасѣ»; какъ при Вавилонскомъ столпотвореніи, люди перестали понимать другъ друга и скоро разсѣялись по лицу земли. И дѣйствительно, въ этомъ году, съ оглучкою многихъ членовъ, и самыхъ дѣятельныхъ, прекратились собранія, и «Арзамасъ» тихо, непримѣтно заснулъ вѣчнымъ сномъ. Но прежде кончины своей породилъ онъ чувство, рѣдко, никогда почти нынѣ не встрѣчаемое,—неизмѣнную, твердую дружбу между людей, которые, оказывая великія услуги государству, въ вѣкъ обмана и златолюбія, служили примѣромъ чести и безкорыстія.

Полагать должно, что въ воздухѣ бывають и нравственныя повальныя болѣзни: даже меня самого въ это время такъ и тянуло все къ тайнымъ обществамъ. Арзамасскія тайнства, совсѣмъ не Элевзинскія, были секретомъ комедіи: мнѣ было ихъ мало. Въ домѣ у Оленина встрѣчалъ я иногда родственника его, одного Московскаго князька Голицына, который стороной, обинякомъ, иносказательно, разъ заговорилъ со мною объ удовольствіяхъ, кои люди весьма разсудитель-

ные наслаждаются вдали отъ свѣта. Я слушалъ его со вниманіемъ, и наконецъ, онъ предложилъ мнѣ быть проводникомъ моимъ въ масонскую ложу. Я далъ ему отвезти себя въ большой домъ на Фонтанкѣ близъ Аничкова моста; тамъ въ передней далъ завязать себѣ глаза и водить сверху внизъ и снизу вверхъ по комнатамъ. Не изъ опасенія казаться нескромнымъ или нарушить клятвенное обѣщаніе, мною данное, не буду я описывать здѣсь обряда, который совершается надъ вступающими въ масонство, а потому только, что всякій можетъ это найти въ печатныхъ книгахъ.

Хорошенько не знаю я исторіи этого ордена; усердные масоны возводятъ начало его до жрецовъ Изиды. Послѣ многихъ столѣтій Рыцари Храма обрѣли въ Іерусалимѣ таящійся его неугасаемый огонь и перенесли его въ Европу. Когда они были казнены и сожжены, слабые ихъ остатки скрылись въ Шотландіи и опять, послѣ столѣтій, возродились подъ именемъ Братства Вольныхъ Каменьщиковъ. Происхожденіе это заслуживаетъ вѣроятія, ибо Іаковъ Моле между ними почитается главнымъ святымъ мученикомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что первоначальною цѣлю ихъ учрежденія были желаніе мести и ниспроверженіе власти католическихъ государей и папы. Пока власть сія была неограничена, и они, закутанные въ аллегоріи, за непроницаемыми завѣсами ковали и изоцряли на нее орудія, ихъ орденъ былъ силенъ и опасенъ. Самая цвѣтущая его эпоха предшествовала Французской революціи. Когда же, послѣ паденія престоловъ, королевская власть хотя опять и возстановлена, но въ камерахъ, въ журналахъ, въ памфлетахъ можно смѣло и явно нападать на нее, существованіе масонства сдѣлалось безсмысленно: народы не такъ уже церемонятся теперь съ царями. Къ намъ вошло масонство во второй половинѣ царствованія Екатерины, и завелись ложи даже въ нѣкоторыхъ губернскихъ городахъ, между прочимъ въ Пензѣ; вскорѣ послѣ начала революціи ихъ велѣно закрыть. Такъ много было еще тогда если не невинности, то невѣдѣнія, что масонство не оставило никакихъ вредныхъ впечатлѣній, ни даже памяти по себѣ. Нашихъ добрыхъ помѣщиковъ и чиновниковъ тѣшило фармазонство, и иногда замѣняло имъ комедь: они играли въ него какъ въ жмурки или въ фанты, прятались, рядились какъ о святкахъ и далѣе ничего не видѣли. Несовершеннолѣтніе народы, коихъ называютъ варварами, какъ дѣти и обезьяны, все охотно перенимаютъ и все скоро забываютъ, пока не выростутъ и не родится у нихъ собственный смыслъ, собственные страсти. На воспитателяхъ лежитъ, кажется, обязанность удалять отъ нихъ дурные примѣры.

Послѣ Тильзитскаго мира, въ концѣ 1808 года, прошелъ слухъ о новомъ появленіи у насъ масонства. Правительство, не поощряя его,

не мѣшало однакоже его распространенію. Оно понравилось своею новизной; любопытство, духъ братства, произведенный тогдашними обстоятельствами и перешедшій къ намъ изъ Германіи, многихъ людей привлекали къ нему. Въ Москву, въ провинціи сначала не скоро оно проникло; вся сила его сосредоточилась въ Петербургѣ. Въ немъ показались два «Востока», или двѣ главныя ложи: одна «Астрея», а другая просто называемая «Провинціальною». Между ними было соперничество, и образовался какой-то схизмъ; не достигнувъ высшихъ степеней ордена, я не могу сказать, какіе догматы произвели ихъ несогласіе. Онѣ назывались также «Ложамп-матерями», и каждая изъ нихъ народила много дочерей,—Русскихъ, Француженокъ, Нѣмокъ и даже Poleкъ.

Я принять былъ въ ложу des Amis du Nord, Французскую, какъ имя ея показываетъ, находящуюся въ зависимости отъ «Провинціальной». Работы производились въ ней, то есть обряды совершались на Французскомъ языкѣ. Великимъ мастеромъ въ ней былъ отсутствующій генераль-маіоръ Александръ Александровичъ Жеребцовъ. Мѣсто его заступалъ служащій въ Пажескомъ Корпусѣ полковникъ Оде де-Сіонъ, предобрѣйшій человекъ, который не имѣлъ ни нахальства, ни буйства паціи, къ которой принадлежалъ, а всю ея веселость и довольно ума, чтобы въ пажахъ и масонахъ вмѣстѣ съ любовію вселять къ себѣ нѣкоторое уваженіе. Дабы дать понятіе о составѣ сей ложи, назову я главныхъ сановниковъ ея, двухъ надзирателей и обрядодержателя.

Прево де-Люмианъ, Иванъ Ивановичъ, уже старикъ, настоящій осель изъ южной Франціи, ко всеобщему удивленію, въ Русской службѣ достигъ до чина генераль-маіора, и что удивительнѣе по артилеріи что, и еще удивительнѣе, при Екатеринѣ. Мужикъ добрый, не спѣсвый, онъ довольствовался мѣстомъ перваго надзирателя, втораго же занято было промотавшимся послѣ сыномъ графа Растопчина, Сергѣемъ. Тутъ свысока смотрѣлъ только Федоръ Федоровичъ, одинъ изъ пяти или шести надутыхъ братьевъ Гернгросовъ, о коихъ, кажется, уже я говорилъ. Онъ нажилъ въ карты довольно большое состояніе и сдѣлался ужаснымъ аристократомъ, во первыхъ потому, что не хотѣлъ посѣщать ни одного второстепеннаго дома въ Петербургѣ, (такъ какъ Дмитрій Львовичъ Нарышкинъ бралъ его иногда съ собою прогуливаться), но болѣе всего потому, что онъ женился на любимицѣ и воспитанницѣ Марьи Антоновны, прелестнѣйшей Англичанокѣ, миссъ Салли, дочери какого-то столяра. Впрочемъ, можетъ быть, я и грѣшу, говоря о немъ всю правду, тогда какъ братъ его, находясь полковымъ командиромъ въ томъ полку, гдѣ зять мой Алексѣевъ былъ шефомъ, жилъ съ нимъ очень дружно; тогда какъ мать моя другому брату его, во время бѣгства его изъ Смоленска, дала убѣжище и приютъ у себя

въ деревнѣ; наконецъ, тогда какъ самъ онъ за мною всегда чрезвычайно какъ ухаживалъ. Секретаремъ былъ отставной актеръ Далмась; всѣ же прочіе члены въ этой Французской ложѣ почти на двѣ трети состояли изъ Русскихъ и Поляковъ.

Главная «Провинціальная» ложа состояла изъ должностныхъ лицъ всѣхъ подчиненныхъ ей ложъ, да изъ нѣсколькихъ эмеритовъ, всѣ степени ордена перешедшихъ и во всѣ сокровенныя его тайнства проникнувшихъ. Великимъ мастеромъ въ ней былъ графъ Михаилъ Вѣльгорскій, съ которымъ за годъ до того я познакомился; вторымъ же мастеромъ—Сергѣй Степановичъ Ланской, котораго слухъ тогда не былъ еще столько тупъ, какъ нынѣ, а понятія—какъ и всегда. Оба они въ томъ же качествѣ предсѣдали въ подвѣдомственной ложѣ *Елисаветы къ Добродѣтели*, въ которой, равно какъ и въ «Провинціальной», работы производились по-русски. Она должна была служить нормой, образцомъ для всѣхъ другихъ сестеръ своихъ; всѣ узаконеніями установленные обряды соблюдались въ ней съ величайшею строгостію. Въ первомъ изъ общихъ собраній, Вѣльгорскій не могъ скрыть удивленія и сожалѣнія своего, увидѣвъ меня принадлежащимъ къ обществу, которое между потомками Храмовниковъ не пользовалось доброю славою; казалось, что нравственности моей грозитъ опасность. Никто изъ Сѣверныхъ Друзей не былъ проникнутъ чувствомъ долга истиннаго, вольнаго, Каменьщика: Сіонъ, Прево и всѣ прочіе были народъ веселый, гулливый; съ трудомъ выдержавъ серіозный видъ во время представленія піесы, свѣрили они понаѣшиться, поѣсть, попить и преимущественно попить; всѣ материскія увѣщанія «Провинціальной» остались безуспѣшны. Но когда я разглядѣлъ пристальнѣе Елисаветинскихъ масоновъ, то нашель, что они ничѣмъ не лучше: они также любили ликовать, пировать, только вдали отъ взоровъ свѣта, въ кругу самыхъ короткихъ. Исключая главы ихъ Вѣльгорскаго, не встрѣтилъ я между ними ни одного человѣка уваженія достойнаго; особенно противенъ мнѣ былъ святоша ихъ, оберъ-прокуроръ Петръ Яковлевичъ Титовъ, отъявленный воръ и безстыдный взяточникъ. Лицемѣріе мнѣ всегда было гадко, а тутъ показалось оно мнѣ и глупо. Изъ чего эти люди бьются, подумалъ-я, и кого они думаютъ морочить? Нѣтъ, лучше остаться съ моими Руссо-Французами.

Теперь трудно мнѣ будетъ вспомнить названія всѣхъ существовавшихъ тогда ложъ; постараюсь, однакоже, сіе сдѣлать. Подъ управленіемъ «Провинціальной», или *Владимира къ порядку*, состояли слѣдующія:

1-я *Елисаветы къ Добродѣтели* и 2-я *Сѣверныхъ Друзей*, мною уже названныя.

3-я *Дубовая Долина*, составленная изъ однихъ Нѣмцевъ разныхъ сословій, только не висшихъ. Они добросовѣстно, усердно занимались работами, а послѣ трудовъ отдыхали съ тою же важностію за кружками и бутылками и упивались, какъ будто не теряя разсудка.

4-я *Трехъ Вѣнчаныхъ Мечей*— Русская, подъ управленіемъ втораго и послѣдняго князя Лопухина, Павла Петровича, единственнаго сына князя Петра Васильевича. Одни только военные имѣли право быть въ нее припята. Тутъ нашелъ я Никиту Муравьева, да еще столь извѣстныхъ послѣ кавалергардскаго Лунина и двухъ Семеновскихъ офицеровъ, братьевъ Муравьевыхъ - Апостоловъ. Для одного только фраконосца, великаго Николая Тургенева, отступлено было отъ общаго правила, и онъ тутъ также находился. Всѣ вышеназванные мною скоро перестали посѣщать ложи: масонство имъ наскучило, надоѣло, и сіе самое, кажется, доказываетъ тогдашнюю его безвинность.

5-я *Александра къ Вѣнчанному Пемкану*, въ которой были ремесленники и всякая Французская сволочь. Были еще и другія ложи, но я ихъ или не зналъ, или не помню.

Подъ управленіемъ *Астреи* было болѣе тишины и согласія, болѣе сходства съ вѣкомъ Астреи. На семь Востоковъ царствовалъ, но не господствовалъ, Русскій вельможа, добрѣйшій человекъ, графъ Василій Валентиновичъ Мусинъ-Пушкинъ-Врюсь; душею же его былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Бѣберъ, коренной старый Каменьщикъ, искусившійся въ дѣлахъ масонства, который умѣлъ сохранять дисциплину и порядокъ. «Астрея» была совершенная Нѣмка, ибо подвѣдомственныя ей ложи, по большей части, состояли изъ Нѣмцевъ; изъ нихъ назову я только тѣ, коихъ помню имена: *Петра къ Истинъ, Михаила Избраннаго* и *Трехъ Добродѣтелей*.

Я бы себѣ не простилъ, еслибы ничего не сказалъ о великомъ мастерѣ первой, Егоръ Егоровичъ Эллизенъ. Сей добродѣтельный и ученый врачъ одаренъ былъ вторымъ зрѣніемъ, съ перваго взгляда угадывалъ болѣзнь каждаго; оттого всѣ удачныя его лѣченія. Въ Кіевѣ, во время малолѣтства моего, подружился онъ съ семействомъ моимъ и полюбилъ мое младенчество, въ Петербургѣ потомъ, въ продолженіе болѣе двадцати лѣтъ, былъ безвозмезднымъ моимъ цѣлителемъ: я смѣло могъ хворать, имѣя всегда готоваго спасителя, въ полдень, въ полночь, во всякое время дня. Не только когда я претерпѣвалъ крайнюю нужду, даже тогда какъ средства мои позволяли мнѣ подносить ему дань благодарности, онъ всегда съ досадою отвергалъ ее. Послѣ наставниковъ къ добру, такихъ людей можно, кажется, почитать благодѣтелями своими.

На волненія въ «Провинціальной» ложѣ спокойно смотрѣла соперница ея, «Астрея», и тайкомъ переманивала къ себѣ недовольныхъ ею. Сѣверные Друзья были весьма многочисленны и бурливы. Чтò удивительнаго? Между ними было много Французовъ и Поляковъ. Сперва послѣдніе взбунтовались и составили изъ себя особливую ложу, подъ именемъ *Благо Ора*; вскорѣ дурному ихъ примѣру послѣдовали и Русскіе и основали ложу *Россійскаго Ора*. Я помаленьку отставалъ отъ масонства и не зналъ, чтò въ немъ происходитъ, какъ въ одно утро пріѣхалъ ко мнѣ Гернгросъ съ объявленіемъ, что большая часть Французскихъ членовъ нашего союза готова отдѣлиться и перейти къ «Астрей», и что онъ главою этого возстанія. Почитая оппозиціей не большія шутки, которыя изрѣдка позволялъ я себѣ надъ педантствомъ «Провинціальной», предложилъ онъ мнѣ быть участникомъ въ этой Французской революціи. Мнѣ показалось довольно смѣшно и забавно; я согласился, и мы завели ложу подъ названіемъ: *des Amis réunis, Со-единенныхъ Друзей*, гдѣ и стали масонствовать по-французски. Великимъ мастеромъ выбранъ Гернгросъ, а на меня взвалили многотрудную должность втораго надзирателя. Сначала это меня нѣкоторымъ образомъ заняло, но скоро наскучило, даже огадилось, и по просьбѣ получилъ я совершенное увольненіе отъ дѣлъ. Слѣдуетъ кончатся исторія моего масонства, коего существованіе скоро прекратилось во всей Россіи; ибо, видя въ немъ непонятную мнѣ опасность, нѣсколько лѣтъ спустя, правительство приказало закрыть всѣ ложи.

Это многочисленное братство продолжаетъ существовать въ западныхъ государствахъ безъ связи, безъ цѣли. Ложи ни чтò иное какъ трактиры, клубы, казино, и ихъ названія напечатаны вмѣстѣ въ *Путеводитель по Европѣ* г. Рейхардта. Нѣкоторая таинственность, не большія затрудненія при входѣ въ нихъ задорятъ любопытство; разнообразныя обряды и мнимое повышеніе нѣкоторое время бываютъ занимательны, и все оканчивается просто одною привычкою. У насъ въ Россіи розгнанная толпа масоновъ разсѣялась по клубамъ и кофейнымъ домамъ, размножила число ихъ, и тамъ, хотя не столь затѣйливо, предается прежнимъ обычнымъ забавамъ.

У.

Мнѣ, право, совѣстно, что въ послѣднихъ трехъ главахъ сряду говорилъ я все о себѣ и о приключавшемся со мною. Какъ быть! Предыдущіе годы были гораздо обильнѣе предметами, болѣе чѣмъ я достойными вниманія читателей моихъ. Во всей Европѣ, какъ и въ Россіи, въ наступившіе годы было или казалось все тихо. У насъ это было дѣйствіемъ успокоенія умовъ, въ другихъ земляхъ слѣдствіемъ

усталости. Самъ императоръ Александръ какъ будто отказался отъ прежней дѣятельности въ отношеніи къ внутреннимъ преобразованіямъ по гражданской части. За то по военной возникли новыя учрежденія, которыя въ отчаяніе приводили войско и народъ.

Неизвѣстно, Аракчеевъ подалъ ли Государю мысль о военныхъ поселеніяхъ, или, усвоивъ ее себѣ, сдѣлался ревностнымъ ея исполнителемъ и черезъ то болѣе чѣмъ когда нужнымъ Царю? Въ древности Римляне на берегахъ Рейна и въ Панноніи заводили вооруженныя колоніи, дабы защитить имперію отъ варварскихъ вторженій. Нынѣ въ Венгріи, вдоль по Дунаю, подъ именемъ Военной Границы поселены храбрые Сербскіе полки. Во дни порабощенія Россіи, ея безсилія и неустройствъ, на южныхъ предѣлахъ ея, безъ ея участія и вѣдома, сама собою встала живая стѣна, составленная изъ ратниковъ, которые удалствомъ своимъ долго изумляли окрестные края. То что мудрость человѣческая сдѣлала для охраненія Рима и не спасла его, Провидѣнію угодно было сотворить для насъ. Отъ обоихъ береговъ Днѣпра, отъ пороговъ его, и вдоль по тихому Дону, перстомъ Всевышняго проведена была блестящая черта; она должна была какъ межа означить будущія владѣнія возвеличенной Имъ Россіи. Когда же онѣ достигли этой грани, то черта сама собою, естественнымъ образомъ, стала передвигаться и тянуться на нескончаемое пространство. Мы находимъ ее на берегахъ Кубани и Терека, Урала и Иртыша и, наконецъ, ее видѣли на Амурѣ, до втока его въ Тихое море. Запасъ самимъ Небомъ для насъ приготовленный, за который мы не можемъ достаточно возблагодарить Его, — казачье войско сберегло намъ половину Украйны, помогло взять обратно другую и теперь въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ стоитъ вездѣ на стражѣ, какъ передовые ведеты силъ Русскихъ. Его заслуги неисчислимы.

Ничего съ нимъ общаго не могло имѣть Аракчеевское созданіе. Для чего внутри государства нужны военныя поселенія, и отъ какихъ внутреннихъ враговъ могутъ они защитить его? Вотъ вопросы, которые многіе другъ другу дѣлали. Надобно полагать, что Государь, во время послѣдняго пребыванія своего за границей, убѣдясь въ непокорномъ расположеніи западныхъ народовъ къ правительствамъ своимъ и предвидя въ будущемъ новыя безпокойства, нашель необходимымъ для обузданія ихъ сохранить многочисленную армію, которая нужна ему была во время общей войны. Онъ думалъ о средствахъ сдѣлать сіе безъ обремененія государства, и несчастная мысль о военныхъ поселеніяхъ представилась ему. Вѣроятно, оны открылся въ ней Аракчееву, который, избранъ бывъ главнымъ орудіемъ въ этомъ важномъ предпріятіи, не посмѣлъ, или, скорѣе думать надобно, не захотѣлъ ее

оспаривать. Сначала, приступая къ дѣлу медленно, Государь, какъ видно, имѣлъ намѣреніе колонизировать всю армію, которая, такимъ образомъ утроенная числомъ, сама бы себя содержала. Первый опытъ сдѣланъ надъ казенными и у помѣщиковъ на сей предметъ скупленными крестьянами въ селеніяхъ Новгородской губерніи, находящихся по близости къ владѣніямъ графа Аракчеева. Заведенный имъ въ до-стопамятномъ съ той поры селѣ его Грузинѣ ужасный порядокъ, превращающій людей въ безчувственные машины, сталъ распространяться на несчастныхъ хлѣбопашцевъ, въ окрестности живущихъ, и даже на воиновъ, посреди ихъ селимыхъ. Въ слѣдующихъ годахъ по этому образцу заведены военныя поселенія въ Бѣлоруссіи, потомъ на Бугѣ и, наконецъ, въ Харьковской губерніи, въ Чугуевѣ. Кажется, что будущая дешевизна содержанія войскъ въ настоящемъ обходилась чрезъ-мѣрно дорого и была раззорительна для казны. Сіе самое остановило распространеніе зла, коего несчастныя послѣдствія были бы неисчислимы. Чего бы не могли сдѣлать полтора милліона людей недовольныхъ, измученныхъ, выведенныхъ изъ терпѣнія, съ оружіемъ въ рукахъ?

Примѣръ казаковъ безъ всякаго пособія, безъ всякаго надзора образовавшихся, первоначально долженъ былъ породить мысль о сѣмъ чудовищномъ учрежденіи. Искусство въ этомъ случаѣ, подражая природѣ, думало превзойти ее. Произведеніе ея, совокупно съ обстоятельствами, казаки были какая-то особая стихія, въ составъ коей вошли всѣ другія. У нихъ все было свободно какъ степной воздухъ, коимъ они дышали; въ сердцахъ и взорахъ ихъ не угасалъ огонь отваги, и движенія ихъ были быстры, какъ теченіе рѣкъ, по коимъ они селились, и между тѣмъ какъ земля ихъ, покорная законамъ той же природы, и они непринужденно повиновались властямъ надъ ними поставленнымъ. А тутъ бѣдные поселенцы осуждены были на вѣчную каторгу. Два состоянія между собою различныя впряжены были подъ однимъ ярмомъ: хлѣбопашца приневолили взяться за ружье, воина за соху. Русскій человекъ, трудолюбивый и безпечный вмѣстѣ, послѣ работы вмѣсто отдыха любитъ погулять на свободѣ. Чтò за дѣло, если изба его не слишкомъ чиста, лишь бы, по пословицѣ, красна она была пирогами. Отъ всего несчастные должны были отказаться: все было на Нѣмецкій, на Прусскій манеръ, все было счетомъ, все на вѣсъ и на мѣру. Измученный полевою работой, военный поселянинъ долженъ былъ вытягиваться во фронтъ и маршировать; возвратясь домой, онъ не могъ находить успокоенія: его заставляли мыть и чистить избу свою и мести улицу. Онъ долженъ былъ объявлять о каждомъ яйцѣ, которое принесетъ его курица. Чтò говорю я! Женщины не смѣли родить дома: чувствуя приближеніе родовъ, онѣ должны были являться въ штабъ.

Жестокости Аракчеева не всѣмъ Русскимъ могли быть понятны: его безсердіе было чисто-Нѣмецкое. Онъ любилъ ломать безсильныя препятствія, неволить человѣческую натуру и все подводить подъ одинъ уровень. Всѣ выше мною означенныя подробности принадлежатъ ему исключительно, про многія изъ нихъ не вѣдалъ Царь. Терпѣніе, коимъ одарены Русскіе, у военныхъ поселенъ иногда лопалось: бывали сильныя возмущенія, за которыми слѣдовали кровавыя усмиренія ихъ *).

Между происшествіями въ мирное время важное мѣсто занимаетъ всякая перемѣна министра, и я долгомъ считаю ихъ означить здѣсь.

Предсѣдателя Государственнаго Совѣта, фельдмаршала князя Салтыкова, не смотря на неудовольствія, которыя имѣли на него, не хотѣли тревожить, не трогали его съ мѣста, со дня на день все ожидая, что, какъ ветхое зданіе, онъ самъ собою разрушится: дѣйствительно, онъ не заставилъ долго ожидать кончины своей. На его мѣсто, въ концѣ 1816 года, назначенъ свѣтлѣйшій князь Петръ Васильевичъ Лопухинъ, умный человѣкъ, опытный и свѣдущій въ дѣлахъ, бывший генераль-губернаторомъ, генераль-прокуроромъ и министромъ юстиціи, но состарѣвшійся и слабѣющій. Такой именно предсѣдатель и нуженъ былъ Аракчееву, который одинъ тогда входилъ съ докладами къ Алексаандру, по Совѣту и по Комитету Министровъ, и который во всѣ остальные годы его царствованія могъ вочитаться первымъ министромъ.

Въ необычайное время, когда сношенія Русскаго правительства съ иностранными державами превратились болѣе въ личные переговоры Императора съ Европейскими государями, нѣкоторымъ образомъ долженъ былъ измѣниться существовавшій по сей части порядокъ. Управление Коллегіей Иностранныхъ Дѣлъ какъ будто отдѣлилось отъ чисто-дипломатической части, и пока старшій чиновникъ первой, Дивовъ, управлялъ ею, два статсъ-секретаря подъ личнымъ наблюденіемъ Алексаандра въ Вѣнѣ и Парижѣ занимались послѣднею.

Я почти мимоходомъ упомянулъ о безпримѣрно-долговѣчномъ министрѣ Нессельроде; здѣсь, кажется, мѣсто подробнѣе говорить о причинахъ возвышенія его и постоянства, съ коимъ сохраняетъ онъ пріобрѣтенное имъ положеніе. Есть люди самые обыкновенныя, коихъ имя слѣпой случай какъ бы на зло природѣ дѣлаетъ всемірно-извѣстнымъ, примѣшивая его ко всѣмъ важнымъ событіямъ исторіи ихъ времени. Ихъ краткая біографія можетъ сдѣлаться занимательною.

*) Въ разныя времена бывають у насъ явленія, нѣкоторымъ образомъ между собою схожія. Напримѣръ устройство Государственныхъ Имуществъ нѣсколько напоминаетъ собою военныя поселенія. Всѣ эти попытки, всѣ эти попытки преобразовать Россію суть настоящая для нея пытка. О, эти Европа и просвѣщеніе! Они для насъ тоже, что свобода для западныхъ народовъ: сколько ужасовъ и мерзостей ихъ именемъ творится!

Одинъ изъ членовъ младшей линіи (на берегахъ Рейна) знаменитѣйшаго дома Нессельроде-Эресговенъ, графъ Вильгельмъ, вступилъ въ Русскую службу при Екатеринѣ. Образованность, любезность его доставили ему много успѣховъ при ея дворѣ, и онъ отправленъ былъ ею чрезвычайнымъ посланникомъ въ Лиссабонъ. Неизвѣстно, нужда ли, бѣдность, или любовь заставили его вступить въ неравный бракъ съ дочерью Франкфуртскаго банкира, Еврея Гонтара. Только надобно полагать, что въ Россіи былъ онъ уже женатъ; ибо во время морскаго путешествія на Англинскомъ кораблѣ, почти въ виду Лиссабонскаго рейда, родился нашъ герой, Карлъ Васильевичъ, сынъ его. По нуждѣ, слабого ребенка посвѣшили на кораблѣ окрестить въ Англиканскую вѣру, въ которой онъ и поднесъ остается. Отецъ его былъ протестантъ Лютеранской вѣры, а мать изъ Іудейской недавно перешла въ Римско-Католическую; жена и дѣти его Православныя. Сіе семейство, также какъ и Невскій проспектъ, можетъ служить доказательствомъ достойной похвалы и уваженія вѣротерпимости въ нашей землѣ и въ нашемъ вѣкѣ. Пожалуй, есть люди, которые находятъ въ этомъ совершенное равнодушіе къ вѣрѣ.

Въ изъявленіе особеннаго благоволенія своего къ отцу, Екатерина новорожденного сына его пожаловала прямо мичманомъ. Какъ бы изъ волнъ морскихъ возникшій маленькій Тритонъ, Нессельроде, еще въ пеленкахъ, посвященъ былъ бурной стихіи, среди коей родился. Павелъ Первый былъ еще милостивѣе къ этому семейству, и почти малолѣтнаго мичмана взялъ къ себѣ флигель-адъютантомъ и перевелъ поручикомъ въ конную гвардію. Но скоро въ юношѣ оказалось совершенное отсутствіе воинственныхъ доблестей, какъ сухопутныхъ, такъ и морскихъ; за то произвели его въ дѣйствительные камергеры, то-есть въ четвертый классъ. Тутъ начинается темная эпоха его жизни; объ немъ ничего не было слышно, какъ вдругъ послѣ Тильзитскаго мира является онъ совѣтникомъ посольства въ Парижѣ. Пробывъ тамъ не болѣе трехъ лѣтъ, предпочелъ онъ находиться въ канцеляріи графа Румянцева. Что могло заманить его туда? Уже вѣрно не ласки канцлера, который о умѣ и способностяхъ его имѣлъ самое невысокое мнѣніе. Можетъ быть, чутье, съ коимъ дѣти Израиля слышатъ близость клада; можетъ быть, тайныя предчувствія ожидающихъ его успѣховъ...

Они не обманули его. Изъ разныхъ свѣдѣній, необходимыхъ для хорошаго дипломата, усовершенствовалъ онъ себя только по одной части: познаніями въ поваренномъ искусствѣ доходилъ онъ до изящества. Вотъ чѣмъ умѣлъ онъ тронуть сердце перваго гастронома въ Петербургѣ, министра финансовъ Гурьева. Зрѣлая же, немного пере-

зрѣлая дочь его, Марья Димитріевна, какъ сочный плодъ висѣла гордо и печально на родимомъ деревѣ и безпрепятственно дала Нессельроду сорвать себя съ него. Золото съ нею на него посыпалось; золото, которое для такихъ людей, какъ онъ, тоже что магнитъ для желѣза.

Зачѣмъ вскорѣ послѣ свадьбы отправился онъ въ армію къ Барклаю? На этотъ вопросъ буду отвѣчать какъ Малороссіяне: «не скажу», то-есть не знаю; вѣроятно по тѣмъ же предчувствіямъ, которыя влекли его въ Петербургъ. Въ предыдущей части рассказалъ уже я, какъ сама судьба всунула его въ руку побѣдоноснаго Александра, и какъ пригодился онъ ему въ Парижѣ, гдѣ передъ этимъ провелъ онъ нѣсколько лѣтъ. Утверждаютъ, что по возвращеніи своемъ оттуда въ 1814 году, Государь на счетъ Нессельроде согласный съ мнѣніями канцлера Румянцова, сказалъ сему послѣднему: «Вы отказались отъ службы; я не хотѣлъ вамъ дать преемника, самъ поступилъ на ваше мѣсто, а по дорогамъ беру съ собою только писца.»

Въ толпѣ уполномоченныхъ на Вѣнскомъ конгрессѣ писецъ игралъ самую низшую ролю. Нельзя было Государю того не замѣтить, и онъ избралъ ему сотрудника, который превосходствомъ своимъ долженъ былъ раздавить Нессельроде; но, по странному стеченію благопріятныхъ для него обстоятельствъ и сей соперникъ былъ для него не опасенъ. По окончаніи послѣдней войны съ Наполеономъ, Нессельроде назначенъ управляющимъ Коллегіей Иностранныхъ Дѣлъ, какъ будто на мѣсто чиновника ея Дивова; заграничная же часть осталась въ рукахъ графа Каподистріи.

Этого человѣка лично я не зналъ, никогда его даже не видывалъ; не со многими былъ онъ коротко знакомъ, но отъ сихъ немногихъ много я объ немъ слышанъ. Боюсь, какъ бы не соврать, говоря о столь важномъ историческомъ лицѣ, но и умолчать о немъ не могу.

Послѣ паденія Венеціанской республики, принадлежавшіе ей Іоническіе острова поступили если не въ подданство, то подъ непосредственное покровительство Россіи, что одно и тоже. Слава этого полезнаго приобрѣтенія принадлежитъ Павлу Первому, и конечно это одно уже должно смягчить приговоръ надъ нимъ нашего потомства. Мои современники столь же равнодушно посмотрѣли на сіе достославное пріиспещеніе его царствованія, какъ и на уступку владычества надъ сими островами Франціи, сдѣланную сыномъ его при заключеніи Тильзитскаго мира: мнѣ не случилось слышать, чтобы кто нибудь пожалѣлъ о томъ. Мы еще были весьма не сильны въ Исторіи и въ дѣлахъ внѣшней политики. Когда Англія, которая вскорѣ потомъ присвоила себѣ Іоническіе острова, съ тѣмъ чтобы никогда не возвращать намъ ихъ, когда

Англія, говорю я, хорошенько проучить насъ, тогда мы будемъ умнѣе и лучше будемъ понимать наши выгоды

Извѣстно, что Венеціанскіе нобли отвергали всякія титла, каждый изъ нихъ почитая себя частицею догатаства или герцогства Венеціанскаго, и что они щедро раздавали графское достоинство подданнымъ республики, живущимъ вдоль Адриатическаго моря*). Уроженецъ изъ Корфу, неимущій графъ Іоаннъ Каподистрія (у насъ Иванъ Антоновичъ), въ Болонскомъ университетѣ, говорятъ, сперва, учился медицинѣ и едва ли не получилъ докторскаго диплома. Ему бы стоило отправиться въ Турцію и практиковать тамъ, чтобы нажить великое богатство; но онъ не имѣлъ склонности къ сему, впрочемъ, столь почетному и полезному дѣлу. Высокій умъ соединялся въ немъ съ благородствомъ чувствъ и безпримѣрнымъ безкорыстіемъ: онъ казался выходцемъ изъ древней Греціи и современникомъ Аристиды. Кажется, въ это время отечество его, освободясь отъ черствяго ига все болѣе ниспадающей республики, познало надъ собою покровительственную власть великой имперіи. Въ это время всѣ восточные христіане, еще не обманутые въ своихъ надеждахъ, видѣли въ Россіи будущую свою спасительницу, а во всѣхъ Русскихъ сердцу милыхъ братій, которымъ одна необходимость препятствуетъ только летѣть къ нимъ на помощь. Каподистрія вступилъ въ Русскую службу, не покидая Корфу.

Ни Итальянское, ни Французское, ни Англинское владычество не приходились по сердцу жителямъ Кефалоніи, Корфу и Занте, кореннымъ Грекамъ. Имъ гораздо радостнѣе было съ сѣверными единовѣрцами своими, которые принесли имъ съ собою жизнь и упованіе. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ они, такъ же какъ и Каподистрія, подъ патронатствомъ Россіи, видѣли въ себѣ починъ, зародышъ новой Греціи. Англія, которая, какъ жадный Ахеронъ, никогда изъ рукъ не выпускаетъ добычи своей, истребила въ нихъ всю надежду. Дабы увидѣть по крайней мѣрѣ тѣнь ея на берегахъ Невы, Каподистрія переселился въ Петербургъ. Онъ не показывался въ большихъ обществахъ, за то въ маломъ кругу, который посѣщаль, возбуждалъ онъ энтузіазмъ. Онъ былъ еще молодъ; не столько красивыя и правильныя черты, сколько благородство ихъ выраженія дѣлали его примѣчательнымъ; высокая наука не пугала въ немъ, а правилась. Канцлеръ Румянцовъ умѣлъ оцѣнить его достоинства и старался о скорѣйшемъ его повышеніи. Въ это время сблизился онъ съ семействомъ Молдавскаго бояра Стурдзы, коего

*) Мнѣ въ Петербургѣ давалъ уроки Итальянскаго языка нѣкто Варука, который, вмѣсто того чтобы хвастать своимъ графскимъ титуломъ, совѣстился признаваться въ неоспоримыхъ правахъ, которыя на него имѣлъ, и сердился, когда ему о томъ напоминали.

жена была Гречанка, а дѣти обоюго пола имѣли столь много разнообразныхъ позпаній, что могли составить изъ себя семейную академію.

Тутъ прерываются свѣдѣнія мои о немъ: гдѣ былъ онъ употребленъ потомъ за границей, какія услуги оказалъ Россіи, мнѣ невѣдомо; знаю только, что въ концѣ 1813 года былъ онъ посланникомъ нашимъ въ Швейцаріи. При императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ находилась тогда за границею любимая фрейлина ея Роксандра Скарлатовна Стурдза, одна изъ умнѣйшихъ и любезнѣйшихъ женщинъ, воторыхъ я знавалъ. Съ воображеніемъ пламеннымъ, имѣла она великую склонность къ мистицизму, что въ Вѣнѣ сблизило ее съ самимъ Александромъ. По связямъ ея семейства съ Каподистріей, она втайнѣ прочила его себѣ мужемъ и рѣшилась говорить о немъ Государю, который до толѣ вовсе его не зналъ. По ея совѣту, для испытанія вызвалъ онъ его на конгрессъ и оставилъ его потомъ при себѣ вторымъ статсъ-секретаремъ иностранныхъ дѣлъ.

Тогда же назначенъ бы онъ былъ министромъ; но, къ сожалѣнію, онъ не зналъ Русскаго языка и, какъ выше я сказалъ, долженъ былъ съ Нессельроде раздѣлять управленіе сею частью. Они оба ходили вмѣстѣ съ докладомъ къ Государю; но послѣдній при немъ присутствовалъ безсловесно. Самолюбіе его должно было жестоко страдать; но не знаю, лестно ли было и Каподистріи сотоварищество его. Безпре-станно сличая сихъ людей между собою, императоръ Александръ невольнымъ образомъ одному изъ нихъ оказывалъ явное предпочтеніе.

По Военному Министерству, коего настоящею главой продолжалъ быть начальникъ штаба князь Волконскій, послѣдовала небольшая перемѣна. Военный министръ графъ Коновницынъ умеръ, и на его мѣсто назначенъ инспекторъ всей артилеріи, баронъ Петръ Ивановичъ Меллеръ-Закомельской, который, вѣрно, былъ добрый человекъ, ибо его никто не бранилъ. Похвалъ ему слышалъ я также мало, а только много насмѣшекъ на счетъ его необъятной толщины и зрителей въ ужасъ приводившаго обжорства.

Въ то же время Министерство Народнаго Просвѣщенія наскучило богатому и гордому графу Разумовскому, который давно уже вздыхалъ о Московскомъ дворцѣ своемъ и о подмосковномъ замкѣ и сталъ проситься въ отставку. Кого было дать ему преемникомъ? Свобода и христіанство были паролемъ и лозунгомъ того времени: одна должна была умѣряема быть другимъ. Дабы дать юношеству нѣкоторымъ образомъ духовное образованіе, избранъ былъ любимецъ государевъ, главноуправляющій духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій, князь Александръ Николаевичъ, который влѣзъ тогда по уши въ мистицизмъ. Мнѣ почти нечего сказать послѣ всего, что уже говорилъ я объ немъ; могу только

прибавить, что даже нашихъ знатныхъ людей прежняго времени, столь образованныхъ для свѣта, превосходилъ онъ любезностію и невѣжествомъ.

Малое министерство, коимъ онъ управлялъ, оставлено ему было въ приданое и въ соединеніи съ большимъ составило Министерство Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, раздѣленное на два департамента. Директоромъ перваго назначенъ уже управлявшій сею частью Александръ Тургеневъ. Въ этомъ департаментѣ положено быть четырьмя отдѣленіямъ: 1-е для дѣлъ православныхъ, 2-е для Римско-католическихъ, 3-е для протестантскихъ, 4-е для магометанскихъ и Еврейскихъ. Итакъ, Голицыну съ Тургеновымъ удалось господствующую вѣру сравнять не только съ другими терпимыми, но даже съ нехристианскими; на негодованіе, на ропотъ нашего духовенства эти люди не обратили вниманія. До полученія званія министра, Голицынъ продолжалъ сохранять должность оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода; тутъ на свое мѣсто избралъ онъ князя Петра Сергѣевича Мещерскаго, нѣкоторымъ образомъ подчинивъ его департаменту духовныхъ дѣлъ. Должности у насъ, такимъ образомъ, часто подвергаются возвышенію и пониженію курса.

Въ департаментъ народнаго просвѣщенія сдѣланъ былъ директоромъ Василій Михайловичъ Поповъ, кроткій изувѣръ, смиренный, простой человѣкъ, котораго однакоже именемъ вѣры можно было подвигнуть на злодѣянія. Забавно подумать (если можно только назвать сіе забавнымъ), что оба директора чуждались ввѣренныхъ имъ частей: Тургеневъ весь занятъ былъ обществомъ и происками, а Поповъ помышлялъ единственно о дѣлахъ религіозныхъ. Онъ былъ слѣпымъ орудіемъ «Библейскаго Общества», которое не скрывало своего намѣренія, разливая свѣтъ Божественной книги, разсвѣять тьму нелѣпостей и суевѣрій, называемыхъ Греко-Каѳолическимъ Восточнымъ исповѣданіемъ. Усердствуя соединенію вѣръ, о чемъ непрестанно молится наша церковь, онъ, вмѣстѣ съ министромъ своимъ, сдѣлался гонителемъ ихъ и покровителемъ всѣхъ сектъ. Размноженіе ихъ послѣдователей, во время управленія Голицына, было неимовѣрное.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, примѣру Разумовскаго послѣдовалъ другой Украинецъ, Трощинскій: онъ былъ правъ. Въ первые полтора года царствованія Александра, по гражданской части былъ онъ ближайшимъ къ нему человѣкомъ. Въ 1806 году вышелъ онъ въ отставку, а въ 1814 опять вступилъ министромъ юстиціи. Но съ 1812 года, исключая двухъ или трехъ, министры никогда не видѣли Царя: всѣ доклады ихъ шли черезъ Аракчеева. Никакая награда, никакое отличіе не ознаменовали тогда вниманія Государя къ Трощинскому; онъ былъ старъ и богатъ

и, можно сказать, бросилъ службу. Кому было поступить на его мѣсто, если не человѣку, для котораго суетливость и нѣкоторый кредитъ при дворѣ были необходимостью. Старикъ, который никогда не бывалъ въ гражданской службѣ, во время послѣдней всеобщей войны занимавшійся только формированіемъ полковъ и послѣ того остававшійся безъ дѣла, бѣшеный Димитрій Ивановичъ Лобановъ, князь Тильзитскаго мира, по рекомендаціи Аракчеева, назначенъ былъ министромъ юстиціи. Не понимаю, какъ рѣшился Государь вручить вѣсы правосудія разъяренной обезьянѣ, которая кусать могла только не впадать.

Въ эти годы одному удачному выбору, сдѣланному Государемъ, съ радостію рукоплескали обѣ столицы, дворяне и войска. Нужно было въ примиренную съ нами Персію отправить посла, поручивъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ главное управленіе въ Грузіи. Избранный по сему случаю представитель Россіи, однимъ видомъ, однимъ орлинымъ взглядомъ своимъ могъ уже дать высокое о ней понятіе, а простымъ обращеніемъ, вмѣстѣ со страхомъ, между Персіянами поселить къ ней довѣренность. Умъ и храбрость, добродушіе и твердость, высокія дарованія правителя и полководца, а паче всего неистощимая любовь къ отечеству, къ отечественному и къ соотечественникамъ, все это встрѣтилось въ одномъ Ермоловѣ. Говоря о семъ истинно-Русскомъ человѣкѣ, нельзя не употребить простаго Русскаго выраженія: онъ на все былъ гораздъ. При штурмѣ Праги мальчикомъ схватилъ онъ Георгіевскій крестъ, при Павлѣ не служилъ, а потомъ вездѣ, гдѣ только Русскіе сражались съ Наполеономъ, вездѣ войска его громилъ онъ своими пушками. Его появленіемъ вдругъ озарился весь Закавказскій край, и десять лѣтъ сряду его одно только имя горѣло и гремѣло на цѣломъ Востокѣ. Его наружность и превосходныя качества изображать здѣсь не буду, въ надеждѣ сдѣлать сіе, когда буду описывать время, въ которое осчастливленъ былъ его личнымъ знакомствомъ.

Желая что-нибудь предоставить Нессельроде, Коподистрія не хотѣлъ входить ни въ какія распоряженія при отправленіи посольства въ Персію. Имя Ермолова было весьма привлекательно; но онъ объявилъ, что возметъ съ собою только тѣхъ дипломатовъ, которыхъ ему дадутъ, не участвуя въ ихъ выборѣ. Дашковъ пожелалъ быть совѣтникомъ этого посольства, и Нессельроде, не выдавъ еще его, далъ было слово назначить его на сіе мѣсто. Но превосходство ума всегда пугаетъ людей ничтожныхъ. Переговоривъ съ Дашковымъ, Нессельроде началъ дѣлать затрудненія, представилъ къ утвержденію совѣтникомъ одного г. Соколова, старѣе его чиномъ, несноснаго невѣжду, а ему велѣлъ сказать: не хочетъ ли онъ быть секретаремъ посольства, зная, что тотъ

откажется. Черезъ полтора года графъ Каподистрія самъ предложилъ ему въ качествѣ совѣтника отправиться въ Константинополь.

Въ первый разъ послѣ пожара, осенью 1816 года, Государь посѣтилъ Москву, которая изъ развалинъ начинала подыматься. Онъ оказалъ себя въ ней чрезвычайно милостивымъ и щедрымъ. Одинъ указъ, имъ подписанный тамъ, всѣхъ крайне удивилъ. Въ немъ было сказано, что по дошедшимъ невыгоднымъ слухамъ о Сперанскомъ и Магницкомъ, они были удалены отъ должностей, но дабы дать имъ возможность оправдать себя, назначаются они: первый гражданскимъ губернаторомъ въ Пензу, а послѣдній вице-губернаторомъ въ Симбирскъ. Они были не только отставлены, они были сосланы, слѣдовательно, наказаны; за что же, неужели по однимъ только подозрѣнямъ? А это походило на право выслуги, дарованное разжалованнымъ. вмѣсто того, чтобъ объясниться, это дѣло стало еще темнѣе.

О Сперанскомъ совсѣмъ почти забыли, а когда вспомнили, то уже начали жалѣть о немъ. Не знаю, назвать ли это добродушіемъ Русскихъ или слабодушіемъ ихъ? Онъ два года прожилъ въ Перми, никѣмъ почти не посѣщаемый; но человекъ съ высокими думами уединеніе всегда предпочтетъ обществу необразованныхъ людей. Въ бездѣйствіи, въ уныніи, онъ обратился, говорятъ, къ Богу, къ Подателю всѣхъ утѣшеній и занялся переводомъ *Подражанія Иисусу Христу* Томы Кемпійскаго. Я стараюсь увѣрить себя, что тутъ не было лицемѣрія, желанія сблизиться вновь съ набожнымъ Императоромъ. Онъ не нажилъ богатства; все имущество его состояло въ небольшой деревнѣ близъ Новагорода, въ которую, по ходатайству сосѣда-Аракчеева, дозволено ему было переселиться. Оттуда, вѣроятно, пошли переговоры. Изъ всѣхъ отдаленныхъ губерній мысль о Пензѣ его менѣе пугала: она находилась внѣ большихъ путевыхъ сообщеній; ея уединеніе, здоровый воздухъ ему нравились; тамъ же находилось преданное ему семейство Столыпинахъ. Теперь нѣсколько словъ о его предмѣстникѣ.

Въ 1815 году скончалась княгиня Варвара Васильевна Голицына. Изъ собственныхъ доходовъ удѣляла она бѣльшую часть сыну своему, дабы онъ могъ княжески поддерживать губернаторство свое; съ ея смертію лишился онъ этихъ средствъ. Дворянамъ между тѣмъ успѣли надобность его совсѣмъ незабавныя проказы. Онъ ничѣмъ не занимался; Арфаловъ же, бывший секретарь отца моего, въ Пензѣ самъ и правилъ, самъ и грабилъ (какъ Вяземскій сказалъ о Пестелѣ), и величался надъ дворянствомъ, которое начало громко роптать и самому губернатору оказывать холодность и пренебреженіе. И безъ того уже скучалъ онъ обязанностію жить въ Пензѣ: у всѣхъ этихъ Голицыныхъ не было никакого постоянства ни въ мысляхъ, ни въ дѣйствіяхъ; однѣ прихоти

всегда смѣнялись другими. Въ началѣ лѣта 1816 года князь Григорій Сергѣевичъ по просьбѣ уволенъ отъ службы, и мѣсто, имъ занимаемое болѣе трехъ мѣсяцевъ послѣ него оставалось празднымъ. Видно, тогда уже намѣрены были назначить Сперанскаго.

Вспоминая прошедшее, мнѣ какъ будто не вѣрилось. По извѣстіямъ изъ Пензы, Сперанскій полюбился тамъ своею кроткою и умѣренною обходительностію. Управление ладью послѣ стопушечнаго корабля не могло казаться важнымъ опытному моряку: оттого-то онъ мало входилъ въ дѣла, подобно предмѣстникамъ своимъ предоставляя большую власть Арфалову, въ которомъ помѣщики начинали уже видѣть неизбежную судьбину. Губернаторское мѣсто почиталъ Сперанскій почетною для себя ссылкой. Въ этомъ случаѣ я согласенъ былъ съ его мнѣніемъ и находилъ, что опредѣленіемъ его оно болѣе унижено чѣмъ возвышено.

Возвращаясь къ Пензѣ, мнѣ самому передъ собой дѣлается совѣстно: ибо, давно не говоря ни слова о моемъ семействѣ, я какъ будто совсѣмъ его забылъ. Въ это спокойное время никакихъ большихъ перемѣнъ въ немъ не послѣдовало, исключая одной, о которой буду говорить ниже. Братъ и вторая сестра моя съ мужемъ продолжали за границей пользоваться огромнымъ содержаніемъ, жили тамъ припѣваяючи, свободно разъѣзжали изъ Мобѣжа и Ретѣля въ Парижъ и Брюссель, однимъ словомъ, катались по Франціи, какъ сыръ въ маслѣ. Все болѣе старѣющая мать моя терпѣливѣе переносила вѣчную разлуку съ единственнымъ другомъ сердца своего. Старшая сестра моя, Елисавета, находясь при ней неотлучно, одна заботилась объ ея успокоеніи. Ей перешло гораздо за сорокъ лѣтъ, и она имѣла уже всѣ маленькія слабости старыхъ дѣвокъ, между коими маленькое тщеславіе занимало не послѣднее мѣсто. На публичныхъ балахъ Сперанскій всегда открывалъ ихъ съ нею Польскимъ, а у себя водилъ къ столу, какъ старшую въ чинѣ по матери. Это дѣлало ее совершенно счастливою, и она осталась понынѣ самою сильною защитницею незабвеннаго Михаила Михайловича.

Меньшая сестра моя, Александра, Москву и Петербургъ видѣла только мелькомъ и всю жизнь провела въ провинціи; въ ней было нѣсколько странностей, но и въ нихъ не было ничего столичнаго. Ей уже исполнилось двадцать пять лѣтъ, и я полагалъ, что ее ожидаетъ одинаковая участь съ старшею сестрой; однакоже она умѣла сыскать себѣ жениха въ Пензѣ.

Отъ времени до времени, на показъ читателямъ, все вытаскиваю я Пензенскихъ дворянъ и все не могу кончить, потому что я дѣлаю сіе только въ случаѣ крайней необходимости. Я не гово-

рилъ еще о семействѣ Юматовыхъ, состоявшемъ изъ матери-вдовы, трехъ замужнихъ дочерей и трехъ сыновей. Старшій, Степанъ Ивановичъ, былъ женатъ, второй, Дмитрій, былъ сумасшедшій; а третій, Петръ, еще чрезвычайно молодъ. У нихъ, вмѣстѣ у матери съ дѣтьми, было болѣе полторы тысячъ душъ въ Саратовской губерніи, гдѣ лѣтомъ жили они въ родовомъ селеніи Юматовкѣ, а на зиму прѣзжали въ Пензу. Анна Дмитріевна Юматова была предобрѣйшая женщина, за то уже чересчуръ проста. Разъ случилось, что одинъ учитель изъ гимназіи, желая похвастаться ученостью, рассказывалъ при ней, какъ городъ Помпею завалило пепломъ изъ Везувія, и она нѣсколько ночей потомъ не могла заснуть въ безпокойствѣ, чтобы подобная бѣда не случилась съ Пензой. Никакого воспитанія дѣтямъ она не дала и не могла дать; только меньшей, семнадцатилѣтній мальчикъ, съ ополченіемъ ходилъ на войну, былъ въ Дрезденѣ, въ Лейпцигѣ и въ Гамбургѣ и между военными за границей немного понатерся. Возвратясь изъ похода, сдѣлался онъ первымъ Пензенскимъ танцовщикомъ и франтомъ. Онъ какъ-то полкбился сестрѣ моей и предложилъ ей руку. Мать моя не хотѣла согласиться по многимъ причинамъ: вопервыхъ потому, что надъ семействомъ Юматовыхъ смѣялся весь городъ, и потому, что женихъ четыремя годами моложе невесты былъ только что коллежскій секретарь, а чинъ въ это время былъ еще преважное дѣло. У насъ пошла о томъ переписка, и я старался склонить мою мать на согласіе, представляя ей, что для дѣвицы, начинающей перезрѣвать, хорошій дворянинъ, добрый человекъ, имѣющій пять сотъ душъ, можетъ почитаться находкой. Въ Іюль мѣсяцѣ 1816 года совершился сей бракъ.

VI.

Лѣто тысяча восемь сотъ-семнадцатаго года ознаменовано было у насъ однимъ событіемъ, которое всѣ почитали тогда весьма обыкновеннымъ, но которое имѣло важныя послѣдствія для Россіи.

Въ началѣ 1814 года молоденькій великій князь Николай Павловичъ, съ меньшимъ братомъ, проѣзжая черезъ Берлинъ, во время отсутствія короля, во дворцѣ его былъ угощаемъ его семействомъ. Тутъ первый разъ въ жизни влюбился онъ въ старшую дочь его и умѣлъ понравиться сей только изъ ребячества выходившей принцессѣ Шарлоттѣ. Дѣтская любовь сія не потухла, а скоро превратилась въ серіозную, въ настоящую. Дружественныя связи Императора съ королемъ брачный союзъ между ихъ семействами дѣлали возможнымъ, и въ 1816 году всѣ говорили о немъ какъ о дѣлѣ полагенномъ. Но главѣ сильнаго госу-

дарства, еще усиленнаго новыми пріобрѣтеніями, королю, искренно привязанному къ Лютеранскому исповѣданію, дать дочери своей дозволеніе оставить оное, конечно, должно было казаться великимъ пожертвованіемъ. Надобно полагать, что въ замѣнъ того тогда же тайно условлено было, чтобы великому князю быть непосредственнымъ наслѣдникомъ Императора, мимо Цесаревича.

Въ Іюнь мѣсяцъ пріѣхала невѣста въ сопровожденіи брата своего, принца Вильгельма; 25 числа, въ день рожденія жениха, было обрученіе, муропомазаніе ея и нарѣченіе Александрой Теодоровной, а 1 Іюля, въ день ея рожденія, была свадьба. Я смотрѣлъ въ открытое окно на торжественный вѣздъ ея: особая честь, которую хотѣли оказать, дабы отличить ее отъ другихъ пріѣзжающихъ въ Россію принцессъ, но которая послѣ, дабы другимъ не было завидно, всѣмъ была отдаваема. Въ открытой коляскѣ сидѣла она между двухъ Императрицъ; миленькое личико ея казалось слегка нахмуреннымъ; вмѣстѣ съ любопытствомъ выражало оно тотъ невольный страхъ, который молоденькія дѣвочки должны испытывать при совершенной перемѣнѣ жизни, при вступленіи въ новое семейство, въ новую отчизну. Всѣ смотрѣли на нее съ вѣжливѣйшимъ участіемъ, вспоминая добродушіе, красоту и несчастія ея матери.

Сзади верхомъ, рядомъ съ Прусскимъ принцемъ, ѣхалъ Государь съ видомъ чрезвычайно-довольнымъ. За нимъ слѣдовалъ Николай Павловичъ. Русскіе тогда еще мало знали его; едва вышедъ изъ отрочества, два года провелъ онъ въ походахъ за границей, въ третьемъ проскакалъ онъ всю Европу и Россію и, возвратясь, началъ командовать Измайловскимъ полкомъ. Онъ былъ несообщителенъ и холоденъ, весь преданный чувству долга своего; въ исполненіи его онъ былъ слишкомъ строгъ къ себѣ и къ другимъ. Въ правильныхъ чертахъ его бѣлаго, блѣднаго лица видна была какая-то неподвижность, какая-то безотчетная суровость. Тучи, которыя въ первой молодости облегли чело его, были какъ будто предвѣстіемъ всѣхъ напастей, которыя посѣтятъ Россію во дни его правленія. Не при немъ онѣ накопились, не онъ навлекъ ихъ на Россію; но природа и люди при немъ ополчились. Ужаснѣйшія преступныя страсти въ его время должны были потрясать міръ, и гнѣвъ Божій справедливо карать ихъ. Увы, буря зашумѣла въ то самое мгновеніе, когда взялся онъ за кормило, и борьбою съ нею долженъ былъ онъ начать свое царственное плаваніе. Никто не зналъ, никто не думалъ о его предназначеніи; но многіе въ неблагоклонныхъ взорахъ его, какъ въ неясно-писанныхъ страницахъ, какъ будто уже читали исторію будущихъ золъ. Сіе чувство не могло привлечь къ нему сердце. Скажемъ всю правду: онъ совсѣмъ не былъ

любимъ. И даже въ этотъ день ликованья царской семьи я почувствовалъ въ себѣ непонятное мнѣ самому уныніе.

Вскорѣ послѣ увеселеній по случаю сего брака, одинъ изъ общихъ друзей нашихъ, Жуковскій, опредѣленъ былъ преподавателемъ Русскаго языка къ молодой великой княгинѣ. На сіе мѣсто императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, и безъ того милостиво къ нему расположенной, рекомендованъ былъ онъ Карамзинымъ, который, съ семействомъ совсѣмъ переселясь въ Петербургъ, начиналъ уже имѣть великій вѣсъ у Государя и у его матери. Жуковскій понравился новобрачной четѣ и сдѣлался близкимъ къ ней человѣкомъ. По его словамъ, ничего не могло быть трогательнѣе какъ видѣть великаго князя въ домашнемъ быту. Лишь только переступалъ онъ къ себѣ за порогъ, какъ угрюмость вдругъ исчезала, уступая мѣсто не улыбкамъ, а громкому, радостному смѣху, откровеннымъ рѣчамъ и самому ласковому обхожденію съ окружающими. Жуковскій скоро и крѣпко прилѣпился къ тѣмъ, кои оказывали ему любовь, и охотно готовъ былъ всѣхъ хвалить. Вотъ отчего, хотя говорилъ онъ сущую истину, не совсѣмъ ему вѣрили. Я вообще замѣтилъ, что всѣ тѣ, кои пользуются семейнымъ домашнимъ счастіемъ, берегутъ его про себя какъ святыню, и блаженствомъ своимъ не спѣшатъ дѣлиться со свѣтомъ. Счастливыи юноша, обожающій брата-Царя, какъ отцомъ имъ любимый, съ такою матерью, каковая у него была, съ доброю, вѣрною и прекрасною подругой, съ которою жилъ онъ душа въ душу, имѣя занятія, согласныя съ его склонностями, безъ заботъ, безъ отвѣтственности, безъ честолюбивыхъ помысловъ, съ чистою совѣстію, чего недоставало ему на землѣ? О, какъ тяжелъ послѣ того долженъ былъ показаться ему вѣнецъ! Не даромъ, когда стоило ему надѣть его на себя, двѣ недѣли колебался онъ его принять. Но что о томъ говорить, что еще далеко у насъ впереди.

Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ Государь со всѣмъ семействомъ, со всѣмъ дворомъ своимъ на цѣлую зиму поѣхалъ въ Москву, дабы болѣе поднять послѣ разоренія оживающую столицу. Жуковскій, невзначай придворный человѣкъ, отправился туда же, и съ его отъѣздомъ навсегда прекратились собранія «Арзамаса».

Въ Москвѣ всю зиму веселились и пировали, въ Петербургѣ тоже не скучали; а для меня эта зима была совсѣмъ не забавна. Первый разъ въ жизни посѣтила меня серіозная хроническая болѣзнь. Я почувствовалъ жестокую, мучительную боль въ лѣвой ногѣ; днемъ она утихала, а ночью будила и съ крикомъ заставляла покидать ложе. На счетъ сей болѣзни врачи были несогласны: одни въ ломотѣ видѣли сильный ревматизмъ; другіе полагали, что боль происходитъ отъ прилива къ одному мѣсту дурныхъ соковъ, которыхъ, право, кажется, во

мнѣ не было. Но всѣ, не исключая Эллизена, находили, что зимой дѣлать нечего, и что я терпѣливо долженъ дожидаться весны, теплаго времени. Нѣкоторые посылали меня за Рейнъ, въ Висбаденъ, утверждая, что тамъ только могу получить я исцѣленіе. Мысль о путешествіи за границу никогда не приходила мнѣ въ голову: для такого предпріятія гдѣ бы взять я денегъ? Тутъ все само собою такъ устроилось, что путешествіе сіе сдѣлалось для меня возможнымъ и пріятнымъ.

Постоянно всю зиму Государь не оставался въ Москвѣ, на нѣкоторое время отлучался въ Варшаву и на нѣсколько дней въ Генварѣ пріѣзжалъ и въ Петербургъ. Его присутвіемъ воспользовался исполненный тогда ко мнѣ нѣжности Бетанкуръ, чтобъ испросить мнѣ полугодовой отпускъ съ сохраненіемъ жалованья, да, сверхъ того, съ пожалованіемъ единовременно, въ видѣ вспомоствованія, годового моего оклада. Государь велѣлъ сдѣлать представленіе черезъ Комитетъ Министровъ и въ Мартѣ мѣсяцѣ его утвердилъ. Съ другой стороны, мать моя, узнавъ о тягостномъ положеніи моемъ, лишила себя четырехъ тысячъ рублей ассигнаціями, изъ числа сбереженныхъ ею денегъ, и ими снабдила меня на дорогу. Но все это было бы недостаточно, чтобы совершенно обезпечить меня на время сего дальняго (по тогдашнему) путешествія, еслибъ одинъ счастливый случай не пришелъ мнѣ на помощь.

Изъ всѣхъ чиновниковъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Полетикъ и Блудову болѣе всѣхъ Каподистрія оказывалъ пріязнь и уваженіе; послѣдняго называлъ даже перломъ Русскихъ дипломатовъ. Первый зимой изъ Лондона былъ имъ вызванъ въ Москву и, по его представленію, назначенъ тамъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при Сѣверо-Американскихъ Штатахъ; Блудовъ же, также призванный въ Москву, на его мѣсто опредѣленъ совѣтникомъ посольства въ Лондонъ. Семейство его въ эти годы нѣсколько умножилось: при малолѣтныхъ дѣтяхъ нужны были няньки, кормилицы, что вмѣстѣ съ прислугой заставляло его взять лишній экипажъ. А какъ мнѣ купить таковой было не подъ силу, и я страшился ѣзды въ diligенсахъ, мнѣ незнакомыхъ, а онъ отправлялся не моремъ, а черезъ Германію и Францію, то и предложилъ онъ мнѣ одно мѣсто въ своемъ, съ тѣмъ, чтобы счетъ издержкамъ на одну мою персону свести по окончаніи сей совмѣстной поѣздки. Сколь ни выгодно было для меня предложеніе сіе, я не отъ всякаго бы его принялъ. Вышло на повѣрку, что дѣло обошлось для меня еще дешевле, чѣмъ я ожидалъ; ибо, когда пришлось мнѣ, окончивъ путь, разставаться съ Блудовымъ, онъ объявилъ мнѣ, что счета потеряны, и что не стоить спорить о такой бездѣлкѣ. Какъ быть? Вся деликатность поступка осталась на его сторонѣ. Однимъ словомъ, я прокатился даромъ.

VII.

Еще въ концѣ Марта уступилъ я даровую, казенную квартиру мою помощнику моему Нодену. За высокую для него цѣну, съ семействомъ, жилъ онъ дотолѣ въ наемной. И такъ, слава Богу, при этомъ случаѣ удалось и мнѣ кому-нибудь сдѣлать одолженіе. Я переселился къ Блудову, въ тотъ самый верхній этажъ купленного имъ потомъ каменнаго дома на Невскомъ проспектѣ, гдѣ за одиннадцать лѣтъ передъ тѣмъ жилъ я такъ печально съ сестрой Алексѣевой. Вскорѣ пріѣхалъ изъ Москвы и Петръ Ивановичъ Полетика и, пользуясь также гостеприимствомъ хозяина моего, поселился со мной рядомъ. У всѣхъ у насъ Апрѣль прошелъ въ сборахъ къ отъѣзду.

Наконецъ, 27-го числа началось второе мое большое и любопытное путешествіе. Такъ же какъ и при описаніи перваго буду я говорить единственно о тѣхъ предметахъ, которые *меня* занимали, которые во *мнѣ* возбуждали вниманіе. Нынѣ размножилась порода туристовъ; изъ самыхъ отдаленныхъ степныхъ губерній нашихъ, провинціалы такъ и валятъ въ чужіе края, и поѣздка за границу сдѣлалась столь обыкновеннымъ дѣломъ, скажу даже столь пошлымъ, что бывало въ старину поѣздка изъ Москвы къ Троицѣ или въ Ростовъ почиталась гораздо важнѣе. Слѣдственно соотечественникамъ рассказывать подробно о томъ, что они всё видѣли, а потомству о томъ, что оно, вѣроятно, увидить, почитаю занятіемъ совсѣмъ излишнимъ.

Въ день выѣзда нашего погода была самая благопріятная; и я довольно радостно отправился въ путь. Такъ стояла она и слѣдующіе дни; не смотря на то, множество затрудненій и непріятностей должны мы были сначала встрѣтить. Отобѣдавъ въ Петербургѣ, до Стрѣльны по гладкой дорогѣ доѣхали мы довольно быстро; на дворѣ было уже не рано, мы перемѣнили лошадей и намѣрены были ѣхать часть ночи. Шести верстъ не доѣзжая до станціи Кипени, подлѣ Ропши, подымаясь на небольшую гору, нашли мы ужасные сугробы снѣга, которые не успѣли еще стаять. Въ это время совершенно смерклось. Нельзя себѣ представить мучительнѣе ѣзды въ лѣтнемъ экипажѣ по глубокому полурастаявшему снѣгу, въ которомъ каждое колесо пробиваетъ новую колею. Положеніе бѣдной Анны Андреевны было ужасное: она сидѣла съ малыми дѣтьми и женщинами въ большой, тяжелой четверомѣстной каретѣ и каждую минуту видѣла опасность быть опрокинутою и расшибиться вмѣстѣ съ ними. Съ мужемъ ея слѣдовали мы въ открытой коляскѣ и также не весьма веселымъ образомъ качались со стороны на сторону; пѣшкомъ идти было тоже невозможно, ибо на каждомъ

шагу надобно было проваливаться. Не менѣе трехъ часовъ подвергнуты мы были этой пыткой, и шагъ за шагомъ, уже за полночь узрѣли мы, какъ обѣтованную землю, красивый, чистый и хорошо прибранный станціонный домъ Кипени.

Мы спокойно переночевали и думали, что тутъ конецъ страданіямъ нашимъ. На слѣдующее утро яркое солнце освѣтило передъ нами ужасную картину: на необозримомъ пространствѣ глубокій снѣгъ покрывалъ землю и ослѣпительно отражалъ лучи его. Намъ объявили, что придется намъ, по крайней мѣрѣ, семьдесятъ верстъ бороться съ нимъ. Для Блудова съ семействомъ сыскали пару саней, женщины помѣстились въ коляскѣ, а я поселился одинъ въ опустѣвшей каретѣ и ѣхалъ въ ней, какъ въ ладѣ по бурнымъ волнамъ. Такимъ образомъ во все утро проѣхали мы одну станцію и въ обѣденное время, достигнувъ Каскова, расположились въ немъ немного отдохнуть. По глупой моей тогда привычкѣ французить и каламбурить, назвалъ я эту станцію *casse-cou*; Блудовъ былъ въ дурномъ расположеніи духа и наморщился. Однакоже, чтобы не захватить ночи, должны мы были отправиться далѣе. Непонятно, откуда взялось такое великое количество снѣгу; вѣроятно зимой со всей Россіи нанесло его на сей несчастный пунктъ. А воздухъ, между тѣмъ, былъ чистъ и усладителенъ; смѣшеніе солнечнаго жара со студеными испареніями земли производило пріятную прохладу. Выѣхавшій черезъ недѣлю послѣ насъ изъ Петербурга и обогнавшій насъ въ Пруссіи, Полетика сказывалъ, что на этомъ пути не встрѣтилъ и слѣдовъ снѣга. Послѣ обѣда съ трудомъ могли мы сдѣлать еще одну станцію до Чирковицъ. Тутъ, при вѣздѣ въ селеніе, не избѣгнулъ я цѣлый день грозившей мнѣ судьбины: карета упала на бокъ; какіе-то ларчики, дѣтскія игрушки полетѣли у меня мимо лица, мимо глазъ, ничего не повредивъ, и вся бѣда ковчилась для меня небольшимъ испугомъ и великимъ затрудненіемъ вылѣзти изъ опрокинутой кареты. Я вхожу въ подробное описаніе непріятностей этого путешествія, потому что я испыталъ ихъ одинъ разъ, а другому можетъ быть, никогда не удастся.

На другой день, 29-го числа, вздохнувъ, отправились мы далѣе. Мы повстрѣчались съ однимъ весьма малоизвѣстнымъ, хотя и превосходительнымъ дипломатомъ, Крейдеманомъ, который возвращался изъ-за границы и проваливаясь шелъ пѣшкомъ за своей коляской. Съ трудомъ могли мы разѣхаться и помѣнялись извѣстіями о дорогѣ. Онъ обрадовалъ насъ, сказавъ, что въ двухъ или трехъ верстахъ не найдемъ мы болѣе снѣгу; а мы принуждены были объявить ему, что онъ вступаетъ только въ снѣжную пустыню. И дѣйствительно, скоро стали показываться большіе потоки воды, потомъ грязь, а подъѣзжая къ Ополю,

нашли совсѣмъ сухую дорогу. Берегъ! берегъ! и на немъ въ умноженіе удовольствія нашего встрѣтила насъ веселая услужливая Нѣмка-трактирщица, которая славно насъ накормила и дешево взяла за обѣдъ. Не замѣшкавшись пустились мы впередъ; въ Ямбургѣ только что перемѣнили лошадей и оттуда какъ бы мигомъ прискакали въ Нарву. Дорога, кажется, была мнѣ знакомая, въ третій разъ проѣзжалъ я тутъ, но ничего не узнавалъ на ней кромѣ красивыхъ почтовыхъ домовъ. Почувствовавъ необычайную усталость, особенно женскій полъ между нами, рѣшились мы остатокъ дня провести въ Нарвѣ, и изъ этого города для меня было настоящее начало нашего путешествія.

Мы въѣхали въ Эстляндію, печальную страну, гдѣ родился отецъ мой, гдѣ природа и люди равно жестоки къ обитающей ее несчастной Чуди, гдѣ послѣдніе завоеватели не могутъ или не хотятъ защитить жителей отъ угнетеній прежнихъ завоевателей. Въмѣсто селеній вездѣ разбросанныя мызы, вездѣ бѣдность, неопрятность и недовольныя лица; кой-гдѣ покажется кирпичилъ, деревянная кирка съ пасторатскимъ строеніемъ. Въ замѣнъ врожденной смѣлости, природнаго смысла и тѣлесныхъ силъ, коими Богъ одарилъ Русскихъ сосѣдей ихъ, бѣднымъ Чухонцамъ послалъ онъ христіанскую вѣру, которая, и въ обнаженномъ лютеранами видѣ своемъ, служитъ имъ утѣшеніемъ и даетъ надежду на лучшій міръ, гдѣ будутъ они равны немилосерднымъ баронамъ своимъ. Они всѣ грамотные, не такъ какъ наши православные мужички, которые знаютъ одни лишь церковные обряды и ихъ только исполняютъ. Чтò бы ни говорили, а эдакъ мнѣ кажется лучше. Сожатымъ трудами и, по лѣнливо-обращающейся крови, тупымъ воображеніемъ Маймистовъ, они не умствуютъ; но у насъ, съ распространеніемъ грамотности, или родится безвѣріе, безнравственность, или размножатся расколы. Нужно только улучшить состояніе священниковъ и быть строже, осмотрительнѣе въ ихъ выборѣ, дабы гласъ Божій изъ устъ сихъ пастырей внятно гремѣлъ между нашими бойкими баранами и велъ ихъ къ благой цѣли. Вотъ меня куда занесло!

Съ дамами и дѣтьми ѣхать скоро невозможно. Проѣхавъ Вайвару, Іеве, мѣста мнѣ знакомыя и на дѣлѣ, и по слуху, сдѣлавъ не болѣе семидесяти верстъ, остановились мы ночевать въ Клейнъ-Пунгернѣ. На другой день, 1-го Мая, подлѣ станціи Ненналь увидѣлъ я въ первый разъ отчизну снѣтковъ, Чудское озеро. Громадныя льдины были еще прибиты къ берегамъ его, и отъ нихъ несло не совсѣмъ пріятною свѣжестію, а само озеро, отражая голубое небо, было красиво и чисто какъ стекло. Сдѣлавъ сто верстъ въ этотъ день, не доѣзжая Дерпта, на послѣдней къ нему станціи Игаферъ, ночевали мы не весьма покойно. Со званіемъ комиссара, то-есть по нашему, станціоннаго смотри-

теля, находился тутъ одинъ молодой еще студентъ, котораго, помню, звали Крейцбергъ. Онъ угощалъ близко отъ насъ прїѣхавшихъ изъ Дерпта товарищей; они курили, пили пиво, пѣли пѣсни, однимъ словомъ предавались Нѣмецкой швермерей. Хотя мы были очень далеко еще отъ Германіи, но все ее уже возвѣщало.

Рано поутру 2 Мая, прїѣхали мы въ Дерптъ и остановились въ деревянномъ одноэтажномъ, чистенькомъ домѣ, который, кажется, назывался гостинница Аландъ. Связи съ Жуковскимъ не только сблизяютъ друзей его, но какъ будто роднятъ ихъ между собою. Въ Дерптѣ находилась часть семейства, въ которомъ былъ онъ воспитанъ. Александру Ѳедоровичу Воейкову, женатому на меньшей Протасовой, пришла охота сдѣлаться профессоромъ Русской литературы въ Дерптскомъ университетѣ. Тамъ посѣтила его теща съ старшею дочерью, и онъ нашелъ средство просватать послѣднюю за профессора медицины Мойера; самъ же, видя, что преподаваемою имъ наукой молодые Нѣмцы не хотятъ заниматься, вскорѣ уѣхалъ обратно въ Петербургъ. Какъ страненъ этотъ бракъ долженъ былъ казаться въ Орловской губерніи, откуда Протасовы прїѣхали: дворянская спѣсь Русской барышни прежде никакъ бы не дозволила выйти за профессора, за доктора. Конечно, это предразсудки старины, но я тогда раздѣлялъ ихъ и, полно, не раздѣляю ли еще и понынѣ? По-заочности давно уже будучи знакомы, не помню, кто изъ насъ кого посѣтилъ первый, только помню, что въ этотъ же день обѣдалъ уже я у г. Мойера съ его женой и тещей, Катериной Аванасьевной, что подавали все Нѣмецкое кушанье и что я, за три дня до того тонувшій въ снѣгу, сидѣлъ за столомъ въ садикѣ подъ распускающимися липами in's grüne. Послѣ обѣда повелъ насъ г. Мойеръ осматривать городъ. Подъ именемъ Юрьева-Ливонскаго построенный Русскими, которые нигдѣ для частнаго употребленія кромѣ деревянныхъ домовъ не ставили, по близости къ границѣ, вѣроятно, часто разоряемый войною, онъ, подобно укрѣпленной Нарвѣ, не сохранилъ вида древности. Единственный остатокъ ея, католическая соборная церковь, въ которую входили мы, обращена уже была въ университетскую библіотеку. Провели мы вечеръ и ужинали у тѣхъ же Мойеровъ. Тутъ случилась одна гостя, учтивая Нѣмка, которая, желая потѣшить меня, сказала мнѣ, что и она была въ Россіи. «Мнѣ кажется, вы и теперь въ ней», отвѣчалъ я. Отъ этого простаго замѣчанія смѣшалась она и не знала, чтò сказать.

Я не могу здѣсь умолчать о впечатлѣніи, которое сдѣлала на меня Марья Андреевна Мойеръ. Это совсѣмъ не любовь; къ сему небесному чувству примѣшивается слишкомъ много земнаго; къ тому же, мимоѣздомъ, въ продолженіи немногихъ часовъ влюбиться, мнѣ ка-

жется, смѣшно и даже невозможно. Она была вовсе не красавица; разбирая черты ея, я находилъ даже, что она болѣе дурна; но во всемъ существѣ ея, въ голосѣ, во взглядѣ было нѣчто неизъяснимо-обворожительное. Въ ея улыбкѣ не было ничего ни радостнаго, ни грустнаго, а что-то покорное. Съ большимъ умомъ и свѣдѣніями соединяла она необыкновенныя скромность и смиреніе. Начиная съ ея имени, все было въ ней просто, естественно и въ тоже время восхитительно. Другихъ женщинъ, которыя нравятся, кажется, такъ взялъ бы да и разцѣловаль; а находясь съ такими какъ она, въ сердечномъ умиленіи, все хочется пасть къ ногамъ ихъ. Ну точно она была какъ будто не отъ міра сего. Какъ не вѣрить воплощенію Бого-человѣка, когда смотришь на сіи хрупкіе и чистые сосуды? Въ нихъ только могутъ западать небесныя искры. «Какъ въ одинъ день все это могъ ты разсмотрѣть?» скажутъ мнѣ. Я выгоднымъ образомъ былъ предупрежденъ на счетъ этой женщины; тутъ повѣрялъ я слышанное и нашелъ въ немъ не преувеличеніе, а ослабленіе истины.

И это совершенство сдѣлалось добычей дюжого Нѣмца, правда, добраго, честнаго и ученаго, который всемирно старался сдѣлать ее счастливой; но успѣвалъ ли? Въ этомъ позволю я себѣ сомнѣваться. Смотрѣть на сей неровный союзъ было мнѣ нестерпимо; эту кантату, эту элегію никакъ не умѣлъ я приладить къ холодной диссертациі. Глядя на госпожу Мойеръ, такъ рассуждалъ я самъ съ собой: «Кто бы не былъ осчастливленъ ея рукой? И какъ ни одинъ изъ молодыхъ Русскихъ дворянъ не искалъ ея? Впрочемъ, кто знаетъ, были вѣроятно какія-нибудь препятствія, и тутъ кроется, можетъ быть, какой-нибудь трогательный романъ.» Она недолго послѣ того жила на свѣтѣ: подобнымъ ей, видно, на краткій срокъ дается сюда отпускъ изъ мѣста настоящаго жительства ихъ.

Разставшись на другой день съ Дерптомъ и Мойерами, дня три ѣхали мы до Риги; оттого что въ иныхъ мѣстахъ не было лошадей, а въ другихъ было много глубокаго песку. Мы первую ночь провели въ Гульбенѣ, другую въ Роопѣ, и видѣли небольшіе города Валкъ и Вольмаръ, которые показались мнѣ замѣчательны въ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ даже деревень. Примѣчательно, что въ странѣ, которая болѣе ста лѣтъ вновь принадлежитъ Россіи, начиная отъ Нарвы, совсѣмъ уже не пахнетъ Русскимъ духомъ, что въ ней не услышишь Русскаго слова. Никто не думалъ у насъ о введеніи тутъ народнаго языка нашего сколько-нибудь въ употребленіе, тогда какъ Нѣмецкіе владѣльцы, преданные отдаленному и раздробленному отечеству своему, всячески стараются сохранить и распространить языкъ его между населеніемъ, совершенно ему чуждымъ. Путешествія за границу въ старину почи-

тались диковинкой, одни знатные господа позволяли ихъ себѣ: имъ удобно и пріятно казалось, выѣхавъ изъ Петергофской заставы, находить тотчасъ преддверіе чужихъ краевъ. Я могу хорошо судить и смѣло говорить о томъ, ибо хотя отнюдь не принадлежалъ къ ихъ сословію, имѣлъ однакоже многія изъ ихъ привычекъ и предрасудковъ. Долженъ покаяться въ томъ: мнѣ наскучило разъѣзжать по Россіи изъ край въ край, и я почувствовалъ неопозволительное удовольствіе, когда нѣкоторымъ образомъ переступилъ ея границу.

Прибывъ въ Ригу 5-го числа къ вечеру, съ трудомъ могли отыскать плохую квартиру въ плохой гостинницѣ, которая однакоже называлась отель де-Пари. Не было ни ярмонки, ни дворянскаго съѣзда, а во всѣхъ трактирахъ номера были заняты. Такъ бывало всегда, когда послѣ случалось мнѣ проѣзжать этотъ городъ: содержатели гостинницъ все еще трепещутъ передъ могуществомъ рыцарей и должны всегда держать про нихъ комнаты въ запасѣ. На другой день пошелъ я гулять по городу; его узкія улицы и высокіе старые дома возбудили бы во мнѣ болѣе любопытства, еслибы я не видѣлъ Нарвы. Всѣ эти древніе города на Западѣ болѣе или мевѣ между собою схожи; въ средніе вѣка всѣ они были укрѣплены: жители окрестныхъ мѣстъ, часто разоряемыхъ огнемъ и мечомъ, укрывались въ нихъ и тѣснились на небольшомъ пространствѣ подъ защитою каменныхъ стѣнъ и рововъ, коими были они окружены. Пока я ни приглядѣлся къ нимъ, они мнѣ очень не нравились: мнѣ все казалось, что я вижу запачканныхъ стариковъ въ морщинахъ, которые жмутся и всѣ на одинъ ладъ и покрой; я выросъ и возмужалъ среди простора Петербурга и Русскихъ городовъ. Мнѣ хотѣлось видѣть что-нибудь примѣчанія достойное, и мнѣ указали на залу Черноголовыхъ или Шварцгейптеровъ, Рижскій Музеумъ. Я не очень помню, въ чемъ состояли сокровища, тутъ собранныя, исключая сапоговъ Карла XII *). Долго оставаться тутъ намъ было не для чего: мы ни съ кѣмъ не были знакомы и 7-го числа отправились далѣе. Наканунѣ это было бы труднѣе, ибо въ этотъ день только навели плавучій мостъ черезъ Западную Двину.

Разстояніе между двумя столицами Лифляндіи и Курляндіи такъ невелико, что одна можетъ почитаться предмѣстіемъ другой. Въ нѣсколько часовъ изъ Риги пріѣхали мы въ Митаву, городъ уже новаго изданія, на осмотръ котораго нужно было посвятить еще нѣсколько часовъ. Вотъ что погубило насъ: какъ грозная тѣнь, возсталъ передъ

*) Хотя бы, по примѣру Ревеля, Нѣмцы держали тутъ изсохшій трупъ какого-нибудь герцога Круа, на показъ проѣзжимъ, для потѣхи своей, для прибыли и для доказательства, что и тѣла грѣшниковъ могутъ быть также нетлѣнны, какъ мощи. Увы, православное и правитель-ство терпѣть такое безчеловѣчное ругательство надъ святостію могилъ.

нами умирающій фельдмаршалъ Барклай и цѣлую недѣлю заслонялъ намъ дорогу. Только вечеромъ узнали мы, что онъ находится въ Митавѣ, и что всѣ почтовые лошади взяты подъ многочисленную свиту его. Настоящимъ образомъ не зная въ какомъ состояніи находится здоровье его, мы разочли, что намъ лучше пустить его впередъ, чтобы не имѣть болѣе затрудненій въ дорогѣ. На другой день выѣхалъ онъ или, лучше сказать, вывезли его не очень рано, и пока самъ Блудовъ, вооруженный казенною подорожной по экстренной надобности, ходилъ къ губернатору за приказаніемъ дать ему лошадей и получилъ его, пошелъ я къ подъѣзду фельдмаршала, котораго прежде не случалось мнѣ видѣть и, стоя въ толпѣ, смотрѣлъ, какъ полумертваго почти выносили его и клали въ карету. Нынѣ не даютъ людямъ спокойно умереть дома; тѣмъ, кои имѣютъ нѣкоторый достатокъ, сіе не дозволяется: по приказанію медиковъ (обыкновенно иностранцевъ), въ предсмертныхъ страданіяхъ должны они напередъ прокатиться по Европѣ.

По прежнему отобѣдавъ, а по нынѣшнему позавтракавъ смотря по часу, въ гостинницѣ г. Мореля, въ которой ночевали, отправились мы. Наканунѣ, въ удовлетвореніе любопытства своего, ходилъ я за городъ посмотреть на замокъ герцоговъ Курляндскихъ, не вѣтхое, даже не старое и совсѣмъ не древнее четверостороннее зданіе безъ укрѣпленій и башенъ, безъ парка и даже безъ сада, посреди чистаго поля; выстроенное не Кетлерами, а Биронами, и доказывающее варварскій вкусъ этого семейства. Туда влекло меня не одно любопытство, но и желаніе поклониться убѣжищу Бурбоновъ, къ величію и несчастіямъ коихъ я тогда считалъ еще какое-то священное уваженіе. Въ этомъ дворцѣ помѣщено было тогда нѣсколько чиновниковъ, а главныя комнаты оставались пусты на случай пріѣзда тогдашняго генераль-губернатора маркиза Паулуччи; теперь помѣщены тамъ всѣ присутственныя мѣста. О сохраненіи историческихъ памятниковъ у насъ немного заботятся. Уходя, сквозь желѣзную рѣшетку заглянулъ я въ подвалы замка, гдѣ находятся гробницы послѣднихъ герцоговъ.

Одного изъ нихъ, знаменитаго Эрнста Іоанна, не защитила рѣшетка отъ поруганія одной бѣшеной женщины; этотъ анекдотъ стѣбитъ, мнѣ кажется, чтобы найти здѣсь мѣсто. При Павлѣ и сначала при Александрѣ, губернаторами въ Остзейскія провинціи опредѣляемы были все Русскіе. Курляндскимъ былъ нѣкто Николай Ивановичъ Арсеньевъ, человекъ смиренный; но жена его, Анна Александровна, урожденная княжна Хованская, была совсѣмъ не смирна. Сошедъ въ подвалы, она велѣла открыть гробъ Бирона и плюнула ему въ лицо. Не знаю до какой степени можно осудить это бабье мщеніе; конечно оно гадко, но тутъ не было личности, а наслѣдственное чувство ненависти

ея соотечественниковъ. Она была женщина не злая, но тщеславная и взбалмошная. Послѣ представленія королевѣ, супругѣ Людовика XVIII, она ожидала отъ нея посѣщенія и, узнавъ, что она совсѣмъ не расположена его сдѣлать, прогнѣвалась. «Чѣмъ эта дура такъ гордится?» сказала она. «Тѣмъ что она Бурбоньша? Да я сама Хованская». Тутъ видны безразсудность и невѣжество, но вмѣстѣ съ тѣмъ и народное самолюбіе, которое мнѣ не противно.

Отѣхавъ одну только станцію до Дoblена, принадлежащаго вдовѣ послѣдняго герцога, мы опять должны были остановиться. Молодой комиссаръ, онъ же и содержатель гостиницы и управляющій имѣніемъ герцогини, малый очень учтивый и почтительный, показалъ намъ конюшни, въ которыхъ не оставалось ни одной лошади: не къ чему было такъ торопиться. Но по крайней мѣрѣ пріятности мѣста, гдѣ мы находились, дали намъ возможность терпѣливѣе перенести нашу невзгоду. Почтовый домъ, въ которомъ мы весьма удобно помѣстились, отдѣленъ былъ отъ развалинъ древняго замка, хорошо сохранившихся, глубокимъ оврагомъ, на днѣ котораго текъ ручей или малая рѣчка. Стараніями комиссара, разумѣется на деньги владѣлицы, все это пространство засажено было деревьями и устроено очень хорошевькій Англинскій садъ. Для насъ тутъ была весьма пріятная прогулка, а для меня особенно занимательно и любопытно было въ первый разъ видѣть настоящія развалины, произведенныя не искусствомъ людей, а ихъ забвеніемъ и дѣйствіемъ времени.

Нашъ передовой, который не заготовлялъ намъ, а отнималъ у насъ лошадей, ѣхалъ сперва довольно поспѣшно. Цѣлыми сутками былъ онъ у насъ впереди, и оттого-то слѣдующіе два дни имѣли мы мало остановокъ. Мы же всегда ночевали; первую ночь провели въ Дрогенѣ, другую въ Рутцау, почти на самой границѣ. Тутъ старикъ комиссаръ, отставной изъ военныхъ, мнѣ чрезвычайно полюбился своею веселостію и не существующимъ уже нынѣ Нѣмецкимъ добродушіемъ. Утѣхой жизни его была золотая табакерка, которую великая княгиня Марія Павловна въ проѣздъ ему пожаловала; памъ, какъ и всѣмъ у него останавливающимся, выписалъ онъ ее на показъ.

Нельзя было не замѣтить намъ великой разницы между двумя сосѣдними провинціями. Въ Курляндіи, которая также населена Латышами, народъ какъ будто смышленѣе, почва земли плодороднѣе и поля лучше обработаны. Зато она гораздо болѣе опѣмечена, чѣмъ Ливонія; тамъ вездѣ еще встрѣчаются Финско-латышскія названія мѣстъ, а тутъ все они окрещены въ Нѣмецкій языкъ. Однимъ словомъ, Курляндіа, кажется, такъ и просится въ Пруссію; и не знаю, хорошо ли дѣлаютъ, оставляя въ пей и понынѣ весь прежній порядокъ.

Наконецъ, 11-го поутру, пріѣхали мы на границу и переѣхали за нее. Тутъ въ Полангенѣ наша Самогиція выдвигается клинышкомъ. Въ этомъ мѣстечкѣ видѣлъ я море, но не видалъ гавани, двѣнадцать лѣтъ спустя найденной тутъ однимъ ученымъ Французомъ, засѣдающимъ въ палатѣ депутатовъ. Ни въ Полангенѣ на нашей границѣ, ни въ Ниммерзатѣ на Прусской не были мы много обезпокоены таможными. Блудовъ ѣхалъ къ должности по волѣ Русскаго императора, и оттого потомъ нигдѣ не подвергались мы жестокимъ обыскамъ.

Вотъ, наконецъ, я въ Мемелѣ, первый разъ въ заграничномъ городѣ. Хотя мы пріѣхали въ него довольно рано, остановясь въ такъ-называемомъ *Нѣмецкомъ Домѣ*, я не успѣшилъ насладиться возрѣпиемъ на него. Боли въ ногѣ съ наступленіемъ теплаго времени у меня какъ будто замерли, и я почти забылъ о нихъ; но во время проѣзда черезъ Курляндію сдѣлалось сыро и холодно, и я вновь началъ страдать, что вмѣстѣ съ усталостію совсѣмъ не располагало меня къ прогулкамъ. Еще солнце не сѣло, когда, почувствовавъ облегченіе, заснулъ я богатырскимъ сномъ и проснулся только слѣдующимъ утромъ. Тогда пустился я ходить; но что примѣчательное можно найти въ Мемелѣ? Прямая улицы, каменные дома порядочные, какъ у насъ, правильно выстроенные. Это какъ разговоръ иныхъ людей небогатыхъ идеями, но благовоспитанныхъ, благопристойныхъ: хорошо говорятъ и ничего не скажутъ. Я пошелъ взглянуть на домъ, въ которомъ нѣсколько мѣсяцевъ жила королева, любезная Русскимъ сердцамъ, когда изъ всего обширнаго, хотя разбросаннаго государства мужа ея этотъ одинъ уголокъ оставался въ его владѣніи.

Рѣка Нѣманъ, вытекаая изъ Славянской земли, при устьѣ своемъ образуетъ тутъ широкій заливъ. Она дала имя свое этому городу, а сама отъ кого получила названіе Мемеля, отъ Нѣмцевъ ли или Самогитовъ—миѣ неизвестно. Вдоль по рѣкѣ сей проѣхали мы, и вотъ отчего: неизбѣжный Барялай выѣхалъ изъ Мемеля только въ день нашего пріѣзда; болѣе двухъ станцій въ сутки, по слабости своей, онъ дѣлать не могъ. Насъ обманули, сказавъ, что онъ выбралъ кратчайшій путь Куришь-Гафомъ по итранду. Мы бросились въ другую сторону и на первой станціи, въ Прокульсѣ, узнали свою ошибку; но уже было поздно, дѣлать было нечего какъ слѣдовать за тѣмъ, коего встрѣчи мы такъ боялись. Съ нимъ были жена и сынъ, адъютанты и медики, и шествіе его походило на триумфальное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и на погребальное. Однакоже надобно признаться, что заграничныя почты устроены лучше нашихъ: на усталыхъ еще послѣ него коняхъ кое-какъ добрались мы на почлегъ въ плохое мѣстечко Шаматкемень.

Мѣста, коими проѣзжали мы, обитаемы народомъ, который игралъ важную ролю въ исторіи нашего отечества; ибо Самогиты или Жмудь, Ятвяги и Литва все одно и тоже. Но что это за народъ? и откуда взялся онъ? Я долго полагалъ, что онъ смѣшеніе Готскаго племени съ Славянскимъ и Финскимъ, но слѣдовъ ихъ нареченій не встрѣчается въ особомъ языкѣ, коимъ говоритъ сей народъ, а по большей части Латинскія слова. Къ тому же въ Славянахъ и въ Финнахъ никогда не было звѣронравія, коимъ сначала отличались сѣи дикіе выходцы изъ лѣсовъ; впрочемъ Маджары, или Венгры, тоже Финскаго происхожденія. Должно полагать, что и вся Пруссія нѣкогда населена была Жмудью; многіе изъ древнихъ князей ея носили имя Прусъ. Недолго Литовцы поблестали и погрѣзли въ мѣрѣ. Сперва завоеванная ими обширная православная Русь начала было поглощать ихъ; потомъ, приставъ къ католической Польшѣ, они затмились и исчезли въ ея объятіяхъ. Такъ будетъ со всякимъ государствомъ, которое, не сохраняя своей самоцвѣтности, не старается между покоренными вводить свои нравы, обычаи, законы, языкъ и вѣру: завоеванія будутъ его гибелью, оно потонетъ въ нихъ. Польша, не смотря на свои безпорядки, на безразсудность свою, хорошо это понимала и спѣшила все окрасить собою. Оттого-то она пережила самое себя, оттого-то находишь ее тамъ, гдѣ бы давно ей не должно быть, оттого-то ея духомъ еще полонъ нашъ юго-западный край, гдѣ, за двѣсти лѣтъ тому назадъ, имя ея было проклинаемо. Съ особеннымъ вниманіемъ смотрѣлъ я на Самогитовъ: лица не хороши, но чрезвычайно выразительны.

Проѣзжая слѣдующимъ утромъ по мосту, черезъ Нѣманъ, при вѣздѣ въ Тильзитъ, взглянулъ я на мѣсто свиданія двухъ императоровъ, на мѣсто, гдѣ стоялъ историческій плотъ. Тильзитъ! при имени его обидномъ теперь не поблѣднѣетъ Россъ, сказалъ Пушкинъ. И дѣйствительно, что нашли мы на почтовомъ дворѣ? Французскаго инвалида, не знаю, какъ тутъ оставшагося, который съ гордымъ еще видомъ просилъ милостыню. Пруссаки въ это время съ нами были отмѣнно услужливы; комиссаръ совѣтывалъ намъ стараться опередить фельд-маршала, далъ свѣжихъ, хорошихъ лошадей и записку къ сосѣду своему, комиссару на слѣдующей станціи въ Остветенѣ, гдѣ, по словамъ его, Барклай долженъ былъ остановиться обѣдать. Моему нетерпѣнію не было границъ; вслухъ пожелалъ я, чтобы герой нашъ на дорогѣ умеръ и чтобы мы проѣхали по трупу его. Услышавъ мои преступныя желанія, Блудовъ даже вскрикнулъ отъ негодованія. Въ Остветенѣ комиссаръ наморщился, почесалъ затылокъ, но видно товарищъ его имѣлъ надъ нимъ большую силу: онъ тотчасъ велѣлъ намъ

дать лошадей. Одной милю не доѣзжая до города Инстербурга, на лѣвой сторонѣ дороги, увидѣли мы небольшую мызу и на дворѣ ея множество каретъ. Мы заключили изъ этого, что вѣрно больной остановился тутъ отдохнуть.

Мы намѣрены были до свѣту выѣхать изъ Инстербурга, но возможно ли это съ дамами? Пога, одѣваясь, мы пили чай, пришли намъ сказать, что фельдмаршалъ въ эту ночь, на видѣнной нами мызѣ, скончался, и что посланный оттуда пріѣхалъ заказывать гробъ. Меня какъ по кожѣ подрало: вмѣсто радости почувствовалъ я угрызеніе совѣсти, точно какъ будто желаніемъ своимъ я уморилъ его. Однакоже карета была у подѣзда: мы не Римскіе католики и, пожелавъ добродѣтельному еретичу царствія небеснаго, пустились въ дорогу. Мы едва могли переводить духъ: такъ скоро перемѣняли намъ лошадей и такъ прытко везли насъ. На каретѣ подъ княжескою короной изображенъ былъ гербъ Блудова вмѣстѣ съ Щербатовскимъ и, сверхъ того, выставлена литера В. Поэтому принимали насъ за семейство или за свиту князя Барклая. Таплакенъ, Велау, Тапіау, Погауенъ,—вотъ станціи или мѣста, черезъ кои вихремъ пронеслись мы до Кенигсберга. Я называю ихъ потому, что они у меня были записаны и что дорога сія въ Тильзитъ, замѣненная другою укороченною, болѣе не существуетъ.

Въ Кенигсбергѣ, на небольшой площади подвезли насъ къ г. Грегори, къ Нѣмецкому Дому, Deutsches Haus, въ которомъ приготовлена была квартира для покойнаго. На площади нашли мы начальствовавшего въ городѣ генерала Штуттергейма со всеѣмъ штабомъ, во всей формѣ и съ рапортомъ въ рукахъ. Онъ очень удивился, когда мы сказали ему, что трудъ его напрасенъ и что Барклая болѣе нѣтъ. Это было засвѣтло 14 Мая.

Не знаю, почему Кенигсбергъ почитаютъ Прусскою Москвою? Какія священныя воспоминанія наполняютъ его? Точно также, какъ Венгрію, какъ Ломбардію, какъ Шлезвигъ, Нѣмцы почитаютъ Пруссію заграничнымъ своимъ владѣніемъ; донынѣ не входила она еще въ составъ Германскаго союза. Да чтò же она такое? Подъ предлогомъ обращенія язычниковъ въ христіанскую вѣру, Тевтоническимъ орденомъ завоеванный приморскій край. Не знаю, по какому праву папы и императоры дали рыцарямъ право владѣнія въ немъ. Они спокойно въ немъ господствовали. Напрасно упрекаютъ Поляковъ въ томъ, что будто бы они добровольно и безопасно дали имъ у себя тутъ утвердиться: добрые католики, они приняли ихъ сначала какъ вспомогательное Христово войско, къ услугамъ ихъ готовое, для обузданія во тьмѣ язычества пребывающихъ, часто непокорныхъ данниковъ ихъ; но скоро, увидя ихъ обманъ, столѣтія воевали съ ними. Съ другой стороны, и

Литва, вдругъ подыавшаяся, угнетенныхъ единокровныхъ возбуждала къ возстанію, сильно вступалась за нихъ и помогала имъ. И нѣтъ сомнѣнія, что владычество ордена было бы тутъ раздавлено, еслибъ у него не было великихъ богатствъ въ цѣлой Германіи, и еслибъ оттуда безпрестанно не приходили къ нему на помощь новыя рати. Ливонскій орденъ Меченосцевъ, дѣтъ за тридцать прежде того и почти одинаковымъ образомъ основавшійся въ Россіи, вмѣстѣ съ магистромъ своимъ призналъ надъ собою власть его, подчинилъ себя ему, и этотъ союзъ обоимъ былъ чрезвычайно полезенъ. Однакоже, по временамъ, гибель грозила обоимъ; Ягелло, Витовтъ и еще прежде нашъ Александръ Невскій до основанія потрясали ихъ могущество. Польша восторжествовала, но тщеславіе ея довольствовалось званіемъ вассала, которое принялъ орденъ; тогда-то, въ честь Польскаго короля, небольшой городокъ, построенный на Прегелѣ, названъ Королевцемъ. При Казимірѣ IV преобладаніе Польши до того умножилось, до того потѣснилъ онъ рыцарей, что оставилъ имъ одну только восточную половину Пруссіи, и что изъ Маріенбурга на Вислѣ, постоянной резиденціи великаго магистра и главнаго мѣста управленія ордена, они должны были въ послѣдней половинѣ XV вѣка перенести его въ Королевецъ, который, кажется, съ тѣхъ поръ началъ называться Кёнигсбергомъ: древность не весьма древняя. Извѣстно, что въ началѣ XVI вѣка лютеранизмъ нанесъ смертельный ударъ воинственно-монашествующимъ орденамъ, и что Альбертъ Бранденбургскій, магистръ Тевтонческаго, и Готардъ Кеттлеръ—Ливонскаго, принявъ новую вѣру, объявили себя независимыми герцогами, первый въ Пруссіи, послѣдній въ Курляндіи. Тотъ и другой отреклись отъ Нѣмецкой или Святой Римской имперіи и поставили себя подъ покровительство католической Польши. Она въ немъ не отказала имъ, ибо въ совершенномъ отдѣленіи ихъ отъ Германіи видѣла ихъ ослабленіе; къ тому же самъ король Сигизмундъ-Августъ имѣлъ склонность къ протестантизму. Разсчетъ былъ плохой: послѣ Альберта Пруссія по наслѣдству досталась маркграфамъ и курфюрстамъ Бранденбургскимъ, изъ коихъ одинъ пожаловалъ ее королевствомъ, а себя произвелъ въ короли, и кончилось тѣмъ, что часть самой Польши сдѣлалась ихъ добычею. Зачѣмъ вклеилъ я тутъ это краткое историческое начертаніе? Да такъ, пришлось къ слову.

Первый вечеръ, проведенный въ Кёнигсбергѣ, было мнѣ нехорошо; я почувствовалъ лихорадку. Не для меня одного послали за докторомъ; явился Англичанинъ Мотерби, прописалъ мнѣ что-то успокоительное, и на другое утро былъ я какъ встрепанный. Пользуясь лучшимъ состояніемъ здоровья и хорошею погодою, пошелъ я по городу и зашелъ къ Павлу Ивановичу Аверину, управляющему ликвидаціонною

комиссіей по заграничнымъ разсчетамъ послѣ войны и оканчивающему тутъ свои занятія, который наканунѣ былъ у меня, чтобы удостовѣриться насчетъ слуховъ о кончинѣ Барклая. Онъ человѣкъ съ необыкновенными, можно сказать, съ несносными странностями, и мнѣ хотѣлось бы его здѣсь представить; но говорить о немъ нельзя иначе, какъ пространно, а мнѣ теперь некогда.

Въ это же утро какой-то Нѣмецкій слуга повелъ меня смотрѣть достопримѣчательности; ихъ было немного. Я побывалъ во дворцѣ или замкѣ и въ соборномъ храмѣ. Первый стоитъ на высокомъ мѣстѣ и имѣетъ четыре фаса или лица, выходящихъ на улицы, а внутри дворъ. Одна изъ сторонъ, старинная, построена еще великими магистрами, которые тутъ жили, а нынѣ помѣщаются какіе-то чиновники и какія-то канцеляріи. Другая сторона, гораздо новѣе, выстроена первымъ Прусскимъ королемъ, горбатымъ Фридерикомъ I. Тутъ вѣнчался онъ на престолъ; разумѣется, не муропомазывался, и въ точномъ подражаніи Реймской церемоніи не доставало Сентъ-Ампули. Тутъ останавливаются короли, и въ несчастное для нея время полтора года прожила тутъ нынѣшняя королевская фамилія. Комнаты высоки, просторны и довольно богато прибраны; одна показалась мнѣ замѣчательною: она оранжеваго цвѣта, по карнизамъ расписана цѣпь Чернаго Орла, а на стѣнахъ изображенъ синій крестъ его. Изъ нея видъ далеко въ поле; говорятъ, будто Наполеонъ смотрѣлъ тутъ изъ окошка, когда ретирующійся аріергардъ, не знаю, Русскій или Прусскій, сражался съ его войсками.

Третья сторона, послѣ пристроенная, довольно безобразная, заключаетъ въ себѣ службы, кухни, конюшни и тому подобное. Четвертая вся состоитъ изъ одной огромной, нескончаемой залы, называемой Московскою. Пруссаки полагаютъ, что названіе сіе дано ей прихотью королей, тогда какъ она построена прихотью Русской императрицы. По сходству именъ, Елисаветѣ Петровнѣ почудилось, что она имѣетъ неоспоримыя права на Пруссію; она хотѣла тутъ короноваться, и во время Семилѣтней войны велѣла для того выстроить эту залу, которая, подобно большому манежу, до сихъ поръ стоитъ не отдѣланная; нынѣ, говорятъ, устроены въ ней гимнастическія упражненія. Провожатый мой никакъ не хотѣлъ мнѣ повѣрить, что Русскіе воздвигли эту залу, когда болѣе двухъ лѣтъ въ Пруссіи они хозяйничали. Что дѣлать! уже такой обычай у этого кочеваго, варварскаго народа: куда ни придетъ, въ виду непріятеля, подъ пушечными выстрѣлами его, вездѣ строить города. Этимъ только въ завоеваніяхъ своихъ отличается онъ отъ Аттилъ и Тамерлановъ. Въ соборной церкви мой проводникъ повелъ меня прямо въ могилѣ Канта. «Что за Кантъ? сказалъ я; я объ немъ

слыхалъ, но никогда не читалъ его; покажи-ка миѣ лучше, гдѣ похоронены послѣдніе великіе магистры». Нѣмецъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ. Для Германіи рѣшительно наступилъ вѣкъ философическихъ бредней.

Продолжаю мой дневникъ. Выѣхавъ изъ Кёнигсберга 16-го числа, мы первый день не сдѣлали даже и одной станціи: ибо, не доѣзжая четверть версты до мѣстечка Бранденбурга, гдѣ почтовый дворъ, мы должны были остановиться. Дышло у кареты переломилось пополамъ, шагу нельзя было сдѣлать далѣе, и мы вошли въ первый попавшійся домишко, въ которомъ было чистенькихъ двѣ комнаты. Но рядомъ съ ними продавались пиво и водка, однимъ словомъ, это былъ кабакъ на берегу моря. Оттуда, къ несчастію, съ самаго утра подулъ сильный сѣверный вѣтеръ, воздухъ сдѣлался вдругъ ужасно холоденъ, а въ жилищѣ нашемъ нѣкоторыя окна были разбиты. Анна Андреевна принуждена была затыкать ихъ подушками, чтобы сколько-нибудь бѣдныхъ дѣтей защитить отъ непогоды. Я былъ въ совершенномъ отчаяніи; одна бѣда дорогой смѣняла намъ другую, и я начиналъ думать, что не попаду къ удобному времени въ мѣсто лѣченія моего. Скуки ради ходилъ я пѣшкомъ въ мѣстечко и видѣлъ барское житье айлмана, который въ одно время содержалъ почту, трактиръ для проѣзжихъ и управлялъ казеннымъ имѣніемъ. Около сутокъ нужно было для сдѣланія дышла, и мы на другой день часовъ въ одиннадцать могли отправиться далѣе.

Дорога, по которой мы ѣхали, нынѣ брошена и проложена другая, гораздо короче. Почему назову я станціи, которыя у меня записаны: Гоппенбрукъ, Браунсбергъ, гдѣ комиссаромъ нашли мы безногаго офицера съ Пуръ-ле-Меритомъ на шеѣ, который бранилъ Французовъ на чемъ свѣтъ стоитъ, а Русскихъ превозносилъ до небесъ (чего нынѣ не услышишь), Мильгаузенъ, гдѣ мы ночевали, потомъ Прейшъ-Голландъ, Прейшъ-Маркъ, городокъ Ризенбургъ и наконецъ Маріенвердеръ. Дорога была вовсе не занимательна; возили тогда тихо, не такъ какъ послѣ возвращенія короля изъ послѣдней поѣздки въ Россію, и разстояніе до Берлина казалось намъ ужаснымъ.

Маріенвердеръ, мѣсто примѣчательное, часто упоминаемое въ исторіи Тевтоническаго ордена, нѣкогда бывшее тоже главнымъ въ Пруссіи, и стоило бы осмотрѣть его; но мы пріѣхали въ него слишкомъ поздно и выѣхали изъ него слишкомъ рано. Мимоѣздомъ видъ его показался намъ пріятенъ, нѣчто въ родѣ Москвы, смѣшеніе красивыхъ, новыхъ домовъ съ древними хорошо сохранившимися зданіями. Въ это время король чрезъ Познань предпринималъ путешествіе, чтобы поклониться Москвѣ, которая всесоуженіемъ искупила независимость

Европы, навѣститъ тамъ любимѣйшую дочь и повидаться съ другомъ-союзникомъ. Въ Маріенвердерѣ нашли мы генерала Борстели, который ѣхалъ куда-то къ нему на встрѣчу; онъ велъ себя съ нами очень любезно и сказалъ, что, опережая насъ, вездѣ будетъ заказывать намъ лошадей. Нынѣ никто не повѣритъ, до какой степени Пруссаки, по примѣру государя своего, были предупредительны съ Русскими и какъ охотно они братались съ нами.

Переѣхавъ широкую Вислу, прибыли мы въ незавидный городъ Нови, который Нѣмцы назвали Нейенбургомъ. Тутъ начинается Западная Пруссія, то есть все то, что по первому раздѣлу отхвачено отъ Польши, и верстъ на сто тянущійся густой, а мѣстами и дремучій Тухельской лѣсъ, Tuschelsche Heide. Тутъ одинъ лишь высшій классъ, комиссары, трактирщики говорятъ по-нѣмецки; прислуга же, почтари, всѣ прочіе жители чистымъ Польскимъ языкомъ. Тагъ же какъ Нови, всѣмъ мѣстечкамъ даны Нѣмецкія имена; оставлено только *Плохочину*, и то съ прибавкою слова *гроссъ*. На обратномъ пути мнѣ пріятно было встрѣтить тутъ почти земляковъ и услышать почти родные звуки, а тогда мнѣ было досадно: мнѣ казалось, что это отдѣляетъ меня отъ Германіи, куда я спѣшилъ. Время между тѣмъ стояло ясное, холодное, несносное, на каждомъ ночлегѣ приходилось топить, мрачный лѣсъ рождалъ мрачныя мысли; въ Тухелѣ, давшимъ ему названіе, сдѣлалось теплѣе, за то пошелъ непрерывный, проливной дождь и сдѣлалось грязно; ничего отраднаго не видѣли мы на всемъ пути. Въ городкѣ Коницѣ конецъ лѣсу и Польскому нарѣчію и начало почтовой дороги, по которой ѣздить и понынѣ. Только видно, что все еще Славянская страна, ибо часто встрѣчаются Славянскія названія мѣстъ и деревень, какъ на примѣръ Ястровъ *). Послѣ того есть Рушенъ-Дорфъ, коего жители Нѣмцы, но предки, говорятъ, были Русскіе, и я охотно повѣрилъ тому, ибо нигдѣ тагъ шибко насъ не везли.

Переночевавъ въ Шлоппе, 22-го числа пріѣхали мы рано въ Гохцейтъ. Утро было радостно, какъ названіе сей деревни (свадьба); день сіялъ, солнце грѣло, а не палило, и на почтовомъ дворѣ, въ небольшомъ саду, какъ роднымъ послѣ разлуки обрадовался я дикимъ кашта-

*) Тутъ уже не Польша, а продолженіе Поморья (Помераніи) или малая Померанія или Померелія, какъ зовутъ ее Нѣмцы, которая болѣе двухъ сотъ лѣтъ имѣла особыхъ князей Самбора, Мстивоя, Вязимира и другихъ. Всѣ они упорно и отчаянно дрались съ орденомъ. Имъ основаны Гданскъ (Данцигъ), гдѣ и была ихъ столица, Сталбо (Стоппе) и монастырь Олива, гдѣ они и похоронены. На малое это княжество попеременно нападали Браденбургъ, рыцари и Поляки; окончательно побѣда осталась за послѣдними. Послѣ смерти послѣдняго князя, по пресѣченіи княжескаго рода, въ четырнадцатомъ вѣкѣ, Польша присоединила этотъ край къ своимъ владѣніямъ. И для чего? для того, чтобы въ восемнадцатомъ его отняли у нея Нѣмцы.

намъ и тополямъ. Около двадцати лѣтъ разставшись съ Кіевомъ, гдѣ ихъ довольно, жилъ я все на Сѣверѣ и на Сѣверо-востокѣ, а тутъ вдругъ неожиданно перенесли они меня въ счастливое мое ребячество. И потомъ сколь часто случалось мнѣ, какъ ребенку, мгновенно забывать продолжительное горе! Здѣсь же вступали мы въ настоящую Германію, въ Неймаркъ, въ Новую Мархію Бранденбургскую, которая, впрочемъ, тоже не иное что какъ отрѣзанный ломоть отъ Помераніи. Наконецъ, я начиналъ прозрѣвать берегъ. Продолжительные дожди испортили однакоже дорогу, и мы не очень поспѣшно могли ѣхать по ней. Въ прекрасной гостиницѣ хорошенькаго города Ландсберга ночевали мы. На другой дець увидѣли мы Одеръ, который всегда былъ и долженъ бы оставаться естественною границей Славянскаго племени; но далеко, далеко за него простерлось Нѣмецкое владычество.

На берегу сей рѣки стоитъ Кюстринъ. Въ крѣпость его тогда не въѣзжали, а останавливались на почтовомъ дворѣ среди обгорѣвшаго во время войны и еще не обстроенаго форштата. Пока приготовляли намъ тутъ обѣдъ и лошадей, взглянулъ я въ зеркало и испугался себя: я весь обросъ бородой. Я спросилъ цырульника; а брить меня привели дѣвку; я нашелъ, что обычай этотъ хорошъ, только довольно страненъ. Въ первый разъ обѣдалъ я тутъ за общимъ столомъ и въ первый разъ увидѣлъ вблизи Прусскихъ офицеровъ, коихъ за нимъ было множество. Какъ назвать то, что отличаетъ ихъ отъ воиновъ другихъ націй? Въ Русскомъ языкѣ нѣтъ для того слова, и на Французскомъ недавно приискано старинное *outrésuidance*. Они говорили мало даже между собою, но каждый изъ презрительныхъ взглядовъ ихъ вызывалъ пощечпу. Отчего именно Прусскіе офицеры такъ нестерпимы въ обращеніи? Оттого что почти все они Славянскаго происхожденія, изъ Помераніи, изъ Польши, изъ Шлезіи, изъ Лузациі. Тщеславіе, врожденное въ Славянахъ, въ другихъ земляхъ смягчается ихъ добросердечіемъ, а тутъ оно облечено и закалено въ Нѣмецкую грубость. Побѣды Фридерика ихъ возгордили, побѣды надъ ними Наполеона раздражили ихъ. Ничто имъ, сказалъ я про себя, и спасибо Французамъ. Народное самолюбіе еще болѣе возбуждало во мнѣ досаду. У меня передъ глазами была неприступная крѣпость, осажденная Русскими въ Семилѣтнюю войну; я находился въ одной миліи только отъ Цорндорфа и въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Кунерсдорфа и Гроссъ-Егерндорфа, отъ мѣстъ, гдѣ Русскіе, подъ предводительствомъ не совсемъ искусныхъ генераловъ, Апраксина и Салтыкова, разбили въ прахъ первѣйшаго полководца своего времени. Названія мѣстъ славныя, нынѣ забытыя, едва извѣстныя Русскимъ, я весь вспоминая тутъ! «Что, подумалъ я, еслибы еще когда нибудь случилось... вѣдь наши

лучше прежняго отколотили бы ихъ; но увы, не нашему поколѣнію это видѣть».

Этотъ день не попали мы еще въ столицу Прусской монархіи. Двѣ мили не доѣзжая Мюнхеберга, гдѣ мы ночевали, началось шоссе, для меня совершенная невидальщина, ибо въ Россіи мы этой роскоши еще не знали. Съ тѣхъ поръ, два вѣщеносца, какъ объятія, начали простирать другъ къ другу шоссе, стараясь по возможности сократить разстояніе, ихъ раздѣляющее.

При самой благопріятной погодѣ, по тополевой аллеѣ, какъ коридоромъ, между двухъ высокихъ зеленыхъ стѣнъ, 24 Мая прибыли мы въ Берлинъ и остановились въ Петербургской гостиницѣ, на Липовой улицѣ, *Unter den Linden*, столь извѣстной всѣмъ проѣзжающимъ чужестранцамъ. Странно, что городъ, гдѣ бываю я лѣтомъ, въ хорошую погоду, всѣ мнѣ нравятся; оттого-то, вѣроятно, полюбился мнѣ для всѣхъ скучный Берлинъ. Онъ далеко простирается на Сѣверъ и на Югъ; одна Фридрихштрассе, пересѣкающая Липовую улицу, имѣетъ три версты протяженія; но кто кромѣ жителей знаетъ тѣ кварталы? Тутъ же, гдѣ мы остановились, на маломъ пространствѣ сосредотчивается вся жизнь Берлина, который послѣ Петербурга регулярностію своею меня удивить не могъ. Липовая аллея, въ четыре ряда деревьевъ занимающая середину улицы, не знаю длины имѣетъ ли болѣе полуверсты, а она начинается у большаго королевскаго дворца и оканчивается у Бранденбургскихъ воротъ, гдѣ застава и выѣздъ изъ города. По обѣимъ сторонамъ аллеи находятся всѣ гостиницы, а изъ середины ея чрезвычайно пріятный видъ на прекрасные ворота, совершенно Греческія Пропилеи, съ возвышающеюся надъ ними бронзовою Викторіей, похищенною Французами и опять тутъ возстановленною. Тотчасъ за воротами начинается Тиргартенъ, звѣривецъ или паркъ, и бѣлизна колоннъ ихъ еще болѣе видѣется на густой зелени его деревъ. Удобство немалое изъ центра города, черезъ четверть часа, быть на свѣжемъ воздухѣ, среди прохлады прекрасной рощи.

Нѣкоторыя починки въ каретѣ и необходимость переменить все бѣлье, ибо на столь продолжительномъ пути мы всѣ обносились, заставили насъ дни на четыре остановиться въ Берлинѣ. Не разъ бывши за границей, Блудовъ успѣлъ сдѣлать нѣкоторыя знакомства; сверхъ того, какъ немаловажный дипломатическій агентъ, нѣкоторымъ образомъ обязанъ былъ посѣщать Русскихъ дипломатовъ и получать отъ нихъ приглашенія. Два дни сряду обѣдалъ онъ у нашего посланника Алопеуса и у Португальскаго Лобо. Я же велъ уличную жизнь, по лѣности моей находя, что на столь короткое время не стоитъ труда представляться и знакомиться. Пользуясь свободою, старался и успѣлъ

я видѣть почти все, что въ этомъ городѣ есть примѣчательнаго; но подробно описывать видѣнное мною не стану.

Дворецъ великъ; насъ водили по комнатамъ его. Ихъ роскошь была старинная, благоразумная, слѣдственно не изумительная, какъ нынѣ въ Русскихъ дворцахъ: широкіе размѣры, штофные обои, хорошіе паркеты, большія зеркала, мѣстами позолота, все какъ слѣдуетъ, безъ преувеличенія. Нашъ чичероне толковалъ все о какой-то драгоценной *кронѣ* Фридерика; я полагалъ, что это алмазная корона его, а вышло, что подъ этимъ словомъ онъ разумѣлъ люстру изъ восточнаго хрусталя, которая впрочемъ стоитъ, говорятъ, 80 тысячъ рейхсгалеровъ. Всего богаче показалась мнѣ комната, убранная по случаю проѣзда императрицы Елисаветы Алексѣевны: всѣ занавѣсы у оконъ и кровати были изъ серебряно-голубаго газета съ золотыми шнурами, кистями и бахромой. Особый домъ близъ дворца, въ которомъ жилъ король, отдѣланъ былъ, какъ намъ сказывали, болѣе въ новомъ вкусѣ; но хотя онъ былъ въ отсутствіи, не знаю почему насъ въ него не пустили. Въ самый день пріѣзда нашего посѣтилъ я театръ, называемый Королевскимъ; играли какую-то Нѣмецкую комедію, и весьма не дурно, но мнѣ показалось скучно. Есть еще оперный домъ, въ которомъ бывають великолѣпныя представленія; при насъ, лѣтомъ, кажется, не играли въ немъ.

Церквами этотъ городъ не богатъ; ихъ мало, и онѣ не красивы, что и доказываетъ и прежнюю бѣдность этого края, и недостатокъ усердія къ вѣрѣ въ правительствѣ и жителяхъ. Домфирхе или соборъ, въ который входилъ я, чтобы посмотришь на могилы послѣднихъ курфирстовъ и первыхъ королей, пространствомъ менѣе всякой Петербургской церкви. Одна католическая, Святой Бригитты, нѣсколько замѣчательна; она построена ротондой по образцу Римскаго Пантеона. Въ воскресный день былъ я у обѣдни въ нашей посольской, домовою церкви, и потомъ у священника Чудовскаго, который показался мнѣ весьма обыкновеннымъ, но весьма порядочнымъ человѣкомъ. Выходя отъ него на Вильгельмштрассе, по близости, завернулъ я на Вильгельмову площадь, на которой, какъ кублы, разставлены мраморныя статуи шести героев Семилѣтней войны, Цитена, Зейдлица, Винтерфельда и другихъ.

Всякій вечеръ гулялъ я по Липовой аллеѣ. Мнѣ сказали, что есть Лустгартенъ, увеселительный садъ позади дворца; захотѣлось мнѣ и тамъ погулять. Я нашелъ тамъ большой, совершенный недостатокъ въ одномъ—въ деревьяхъ, за то простору очень много. Совсѣмъ иное въ Тиргартенѣ, куда въ Воскресенье вечеромъ направилъ я стопы свои, и направлялъ ихъ по многимъ его направленіямъ: весьма пріятная прогулка.

Я поспѣшилъ къ увеселительному мѣсту, гдѣ вдоль рѣчки построены небольшіе домики; какъ сказать трактирцы, кабачки? Французы называютъ это генгетъ. На воздухѣ передъ ними рядами сидѣли чинно женщины и дѣвицы, довольно нарядныя, съ виду совсѣмъ не принадлежащія къ низшему сословію; мужчины тутъ гуляющіе также были очень хорошо одѣты. Ни одна изъ сидящихъ не была безъ рукодѣля, всѣ вязали чулки; не знаю отчего эта милая простота была мнѣ не по вкусу. Между чулочницами благопристойности ничто не нарушало, хотя вблизи ихъ пуншъ, пиво и табакъ стояли на столѣ. Тутъ, на берегу узенькой Шпрее, встрѣтилъ я источникъ будущихъ золь для всѣхъ чувствительныхъ зрѣній и обоняній въ Европѣ: картавые мальчишки кругомъ кричали: *цигагосъ!* и мѣстами разстилались облака табачнаго дыму, конечно, не такъ густо какъ нынѣ въ Павловскомъ воксалѣ, въ виду высокихъ посѣтительницъ, но все таки сильно заражали благо-растворенный, весенній воздухъ парка.

Посреди Тиргартена находится загородный дворецъ принца Августа, называемый Бельвю; по усталости не вошелъ я въ садъ его. Далѣе, съ полмили отъ Бранденбургской заставы, Шарлоттенбургъ съ преобладающимъ садомъ. Такая близость мнѣ нравится; я люблю гдѣ Русь и Урбсъ сходятся, чтобы бѣднымъ людямъ недалеко было ходить за невинными наслажденіями природы. Туда по широкой аллеѣ парка ѣздили мы въ открытой коляскѣ. Дворецъ Шарлоттенбурга невысокъ, но длиненъ и довольно великъ; хорошо сдѣлали, что сохранили простоту внутренняго его убранства, мода на него опять пришла; по большей части стѣны въ комнатахъ покрыты выбѣленнымъ деревомъ съ вычурными позолоченными украшеніями. Въ одной изъ нихъ съ любопытствомъ остановился я предъ изображеніемъ Фридерика Великаго въ восемнадцать лѣтъ; онъ написанъ совершеннымъ красавцемъ, а между тѣмъ схожъ со всѣми извѣстными его портретами. Весьма искусно живописецъ выразилъ быстрый, пронизательный взглядъ его, предъ коимъ на одинъ мигъ опустилъ я глаза и въ коемъ есть нѣчто не земное, хотя и не небесное. Малую только часть сада успѣли мы видѣть; мы ходили смотрѣть великолѣпный памятникъ королевы Луизы. Онъ имѣетъ видъ небольшого Греческаго храма, а внутри на продолговатомъ камнѣ находится бѣлая, мраморная, лежачая статуя ея, чудесное произведеніе знаменитаго ваятеля Рауха. Видѣвъ ее въ Петербургѣ, я нашелъ большое сходство; какъ во снѣ она, кажется, живая; по сторонамъ сходы въ склепъ, въ которомъ положено ея тѣло. Королеву похоронить не въ Божіемъ храмѣ, а въ саду, какъ любимыхъ попугая или моську! Оно такъ и слѣдуетъ, можетъ быть, по-протестантскому, но только что-то нехорошо по нашему по-христіанскому.

Я не видѣлъ общества въ Берлинѣ, я не могу судить о немъ; за то сколько можно поверхностно, въ короткое время, старался разглядѣть Берлинцевъ вообще. Я замѣтилъ въ нихъ претензіи на какую-то особую щеголеватость, чрезвычайныя усилія подражать во всемъ ненавистой имъ Франціи. Самъ Фридерикъ, прозванный Великимъ, во всемъ что касалось до блеска двора, перенималъ у Людовика XV, котораго онъ такъ презиралъ; философы и другіе Французы, его часто поощравшіе, вмѣстѣ съ невѣріемъ старались распространять любезность въ обществахъ; однимъ словомъ, имъ введена галломанія въ Пруссію. Послѣ него, супруга его преемника, одна изъ гордыхъ принцессъ Гессенъ-Дармштатскихъ, родная сестра нашей надменной Натальи Алексѣевны, первой супруги Павла Перваго, умѣла поддержать все величіе королевскаго достоинства. Но лишь только она овдовѣла, молодая, прекрасная, веселая Луиза какъ бабочка вспорхнула на тронъ, и всѣ сердца къ ней полетѣли. Она жила среди забавъ и охотно раздѣляла ихъ со всѣми, безъ большаго различія. Веселость Нѣмокъ выражается обыкновенно смѣхомъ, пляской, нарядами: складу въ рѣчахъ уже не ищи тутъ. Если же которая изъ нихъ приметя за умъ, то она не станетъ попустому тратить его на замысловатость и острословіе въ разговорахъ, не предастся его кокетству столь обворожительному даже въ старѣющихъ Француженкахъ; она ухватится за науку, за сентиментальность, за педантство. Въ этомъ нельзя было упрекать королеву Луизу. Долго изъ чаши жизни пила она однѣ только радости; тогда по голосу ея, какъ отъ звуковъ волшебной флейты, вся Пруссія запрыгала; эпидемія, по преданіямъ въ одной только Германіи извѣстная, танецъ Святаго Вейта, при ней опять появилась. Тряпичная, но не менѣе того разорительная роскошь также при ней доходила до настоящей модоманіи. Въ Парижѣ едва лишь мода успѣетъ тогда провозгласить новый законъ, а Берлинъ спѣшитъ первый привести его въ исполненіе *). Веселость двора уменьшила его важность въ глазахъ

*) Если Нѣмки великія охотницы наряжаться, за то онѣ и великія мастерицы въ этомъ дѣлѣ; оттого-то и вкусъ ихъ къ маскарадамъ. Какъ бывало въ ребичествѣ съ потеряннѣемъ ожидать я святокъ и появленія перереженной дворни, по большей части въ вывороченныхъ тулупахъ, такъ въ первой молодости съ радостнымъ трепетомъ видѣлъ я, многогрѣшный, приближеніе Вторника на первой педѣли поста, когда бывають такъ-называемые Нѣмецкіе маскарады. Но, право, очень безвѣнно вкушалъ я отъ сего запрещеннаго плода; паглядѣться на странныя, чудныя или блестящіе наряды,—вотъ въ чемъ состояла вся моя претензія. Чего, бывало, Нѣмки и Нѣмцы тутъ не выдумаютъ! И какаѣ вѣрность, точность въ сохраненіи костюмовъ! Большая часть изъ нихъ безъ масокъ, пресеріозно разговариваютъ съ встрѣчающимися знакомымъ, а незнакомымъ маскированнымъ просто не отвѣчаютъ. Услышишь, какъ Рейтценштейнбергоферша богато одѣта, или какъ Лисхенъ мила напудреною, или какъ Лоттхенъ въ Amazonскомъ платьѣ хорошо держать шву! Все это степенно тянется церемоніальнымъ

народа. Но въ Германіи это еще не бѣда; тамъ на каждомъ шагу встрѣчаютъ членовъ владѣтельныхъ фамилій, и скорѣе любятъ свободное ихъ обхожденіе. Но худо то, что Пруссія была одна только держава, которая сохранила постоянныя сношенія съ Конвентомъ и Директорією Французской республики. Революціонеры безпрепятственно пріѣзжали въ нее и разсѣвали въ ней духъ якобинизма, къ чему она и приготовлена была безбожіемъ правительства. Сколько мнѣ извѣстно, Пруссаки до войны въ великомъ полководцѣ Франціи видѣли продолженіе революціи, а онъ былъ Наполеонъ, сокрушитель ея. Можетъ-быть, это самое было причиною недостатка въ усиліяхъ всенародно сопротивляться ему. Съ другой стороны, Франція такъ привыкла къ покорности Пруссіи, что разрывъ ея съ нею Наполеонъ почиталъ почти мятежемъ, а побѣды свои усмиреніемъ его. Не похитителя престоловъ, а истребителя свободы народовъ, возненавидѣла въ немъ раздавленная имъ Пруссія; не законнаго монарха, благодушнаго и твердаго, любила она въ Александрѣ, а Штейномъ обѣщаннаго ей либерала; и я увѣренъ, что тайно Пруссаки были заодно съ врагами порядка во Франціи. Шестилѣтнее, потомъ, пребываніе Французовъ и владычество ихъ имѣли также сильное вліяніе на нравы этой земли, и она осталась грубымъ отпечаткомъ непріязненнаго ей народа. Самый Нѣмецкій языкъ наполнился Французскими словами, какъ на примѣръ, *die elegante Welt*, *die Eleganz*, за которою такъ неудачно гоняются. Посвященные въ Пруссіи и въ Прирейнскихъ ея провинціяхъ пагубныя правила по замиреніи стали болѣе развиваться и распространяться по всей Германіи; нынѣ, говорятъ, тамъ великое броженіе въ умахъ. Невольная любовь къ честному, доброму и правдивому королю, непохожему на предковъ своихъ, съ коимъ вмѣстѣ упали они, страдали и возстали, удерживала жителей отъ всякаго покушенія на его власть; но горе Пруссіи, если ораторъ, а не воинъ будетъ ея главою: тогда воспрянуть писаки и говоруны. Въ благоустройствѣ своемъ Пруссія похожа на штучный

маршемъ, и сколько пройдетъ мимо тебя глупыхъ Фигаро, скучныхъ Пьерро и неподвижныхъ Арлекиновъ! Не суйся говорить съ ними: одинъ съ досадою что-то пробормочетъ, другой отвернется, третій, поучивше, поклонится и пойдетъ далѣе: вотъ и все тутъ. Послѣ, когда я былъ постарѣе, мнѣ это не только наскучило, даже опротивѣло. Но когда, съвозъ пеструю толпу, завидишь быструю походку, когда подъ широкимъ простымъ капуциномъ угадася ловкія движенія, будь увѣренъ, что это Француженка, поспѣши къ ней, изъ-подъ маленькой черной маски полюбуйся бѣленькой шейкой, миленькимъ подбородкомъ и какъ звѣзды блестящими глазами, заговори съ ней смѣло: она отвѣтитъ тебѣ умно, оригинально, забавно и пристойно, и если слегка кольнетъ твое самолюбіе, то такъ мило, что скорѣе захочешь смѣяться чѣмъ сердиться. Вотъ наслажденіе! Гораздо болѣе богатства, но право не болѣе ума въ этихъ торжественныхъ шествіяхъ, недавно, какъ великія забавы, введенныхъ въ употребленіе. Да и самыя живныя картины, гдѣ нужно только разодѣться, да съ минуту неподвижно постоять или посидѣть, должны быть непременно выдумкою Нѣможь.

столь: куски, кусочки на немъ искусно подобраны; но все это склеено, все это держится многочисленной, прекрасной арміей. Пока она за правительство,—опасаться нечего; но буде и она приметя умствовать, тогда всему конецъ: Пруссію поминай, какъ звали.

Мнѣ, первый разъ въ жизни увидѣвшему Европейскую столицу, въ лучшее время года, послѣ скучнаго путешествія, могъ еще Берлинъ понравиться. Но и мнѣ чего-то не доставало; душа была какъ будто сжата. Военные смотрѣли дерзкими побѣдителями, гражданскіе люди хотѣли казаться глубокомысленными, всѣ вообще почитали себя отлично образованными. Притязанія на первенство между Нѣмецкими городами, зависть противъ Вѣны и Петербурга, о красѣ и пріятностяхъ коихъ Берлинцы равнодушно не могутъ слышать, наконецъ, изъ-за довольно прихотливой роскоши съвозящая шпарзамкейтъ (что гораздо сильнѣе нашей бережливости) все это, конечно, довольно смѣшно, но то что смѣшно не всегда бываетъ забавно. Берлинъ прослылъ скучнѣйшимъ городомъ въ мірѣ, и даже Русскіе, которые нынѣ вездѣ шатаются, бывають въ немъ только проѣздомъ.

Мы оставили его 28-го числа поутру. Въ Потсдамѣ не удалось намъ посмотрѣть на жилище великаго Фридерика, ни на Сансуси его, а успѣли только что отобѣдать. Въ Трейенбриценѣ, гдѣ мы ночевали, была старая граница, въ послѣднее время далеко за Эльбу передвинутая; но тогда таможня не была еще перенесена. Пьяный чиновникъ ея явился было очень грубо насъ осматривать и былъ весьма недоволенъ, когда ему доказали, что онъ не имѣетъ на то права. На другой день въ Виттенбергѣ такая же неудача, какъ наканунѣ въ Потсдамѣ. Естественной потребности—обѣдать пожертвовали мы благополучіемъ поклониться могиламъ великихъ мужей Германіи. Мощи... что было сказалъ я, окаянный!... прахъ Лютера и Меланхтона былъ близко отъ меня въ большой церкви, а мнѣ не судьба была взглянуть на ихъ памятники. Третій годъ только край этотъ находился во владѣніи Пруссіи, и жители его сохраняли еще прежній простодушный видъ свой. Хозяинъ трактира, гдѣ мы обѣдали въ Виттенбергѣ, добрый старикъ, со слезами на глазахъ говорилъ намъ о другомъ добромъ старикѣ, королѣ Саксонскомъ, коего отеческаго управленія лишились они. Вдругъ онъ спохватился, испугался и, немного наклонясь, сказалъ шопотомъ: die Herren Preussen sind zu nahe (господа - Пруссаки очень близко). Бѣдняжка! Онъ думалъ, что всѣ также ненавидятъ и боятся Пруссаковъ, какъ Саксонцы и всѣ другіе Нѣмцы. По наведенному мосту пореѣхали мы черезъ Эльбу, коей берегъ также тутъ песчанъ, какъ Днѣпровскій; шоссе еще не было, мы часто вьзли и съ Нѣмецкою ѣздой долго тащились до городка Шмидеберга. Это у насъ огняло много времени,

но мы успѣли сдѣлать еще одну станцію до Дюбена и далѣе не поѣхали.

Въ одиннадцатомъ часу утра на другой день увидѣлъ я съ ребячества знакомый мнѣ Лейпцигъ: въ немъ учился учитель мой, добрый Муть, который вѣчно про него рассказывалъ. Этотъ городъ, и ученый, и торговый, всегда оживляемый университетомъ и часто ярмарками, мнѣ показался не великъ. Послѣ того онъ распространился, но въ это время былъ онъ весь сжатъ и вытянутъ вверхъ; улицы преузенькія, а дома въ пять или въ шесть этажей; у самаго же въѣзда его, кругомъ, прелестнѣйшіе сады. Это мнѣ чрезвычайно нравилось въ старинныхъ Нѣмецкихъ городахъ. Зимой, когда воздухъ сдѣлается свѣжъ и перестанетъ быть заразителенъ, всѣ соберутся на небольшомъ пространствѣ. Чтобы посѣтить пріятеля или знакомаго, на улицѣ нужно сдѣлать только два шага; за то, правда, взойти надобно и сойти сотню ступеней по лѣстницѣ. Кареты дѣлаются излишними; въ первый разъ увидѣлъ я тутъ портшезы, одномѣстныя каретки на носилкахъ; для жителя Петербурга зрѣлище довольно странное. Въ Отель-де-Франсъ, на Флейшерской улицѣ, гдѣ остановились мы, я, кажется, и часу не посидѣлъ дома; было гдѣ погулять и на что посмотреть.

Сперва лазилъ я на Плейссенбургъ, остатокъ древняго укрѣпленія: чрезвычайно высокая башня съ обсерваторіей. Оттуда смотрѣлъ я не на небо, а на знаменитое поле Лейпцигской битвы, гдѣ началось рѣшительное паденіе Наполеона. Тутъ все было какъ на ладони, и снисходительный, услужливый смотритель указывалъ мнѣ на мѣста, гдѣ находились какія войска. Кто не бывалъ никогда въ Лейпцигѣ, тотъ только не посѣтилъ Плейссенбурга; въ огромномъ фоліантѣ, гдѣ всѣ вписываются, смотритель заставилъ и меня похоронить свое имя. Оттуда пошелъ я въ загородный садъ Рейхеля, у самыхъ городскихъ воротъ находящійся. Безъ дальнихъ украшеній онъ чрезвычайно великъ и хорошо былъ содержанъ. Въ большомъ каменномъ домѣ была ресторація, а въ каждой куртінѣ, въ густотѣ деревъ спрятанный небольшой домикъ, съ прекраснымъ цвѣтникомъ, и надобно было нарочно заглянуть, чтобъ увидѣть его. Холостые и семейные, смотря по величинѣ домика, нанимали ихъ на лѣто. Въ этомъ случаѣ какъ не отдать справедливости Нѣмцамъ: они лучше насъ умѣютъ наслаждаться природой. Привлеченный названіемъ, заходилъ я въ Розенталь: дубовая роща, гдѣ не видѣлъ я ни одной розы. Окончилъ я бѣготню свою достойнымъ примѣчаніемъ садомъ Рейхенбаха. Хозяинъ, вѣроятно весьма богатый человекъ, со вкусомъ и роскошью изукрасилъ его. На берегу одной изъ двухъ рѣчекъ, Эльстера и Плейссы, между коими онъ находится, построенъ хорошенькій павильонъ. У этого мѣста Французскій

маршалъ, князь Іосифъ Понятовскій, съ лошадыю бросился въ рѣку, когда Французы черезъ сады, огороды, овраги, куда ни попало, опрометью кинулись отъ союзниковъ-побѣдителей. Эльстеръ (по-русски сорока) весьма не широка, но чрезвычайно глубока, берегъ ея не высокъ, но крутъ; и сія сорока-воровка похитила у Поляковъ надежду ихъ: ибо Понятовскаго прочили они себѣ въ короли. Подлѣ павильона, на берегу рѣчки, самъ хозяинъ воздвигъ тутъ небольшой памятникъ погибшему герою. Но другой, гораздо болѣе, въ видѣ продолговатаго могольного камня, поставили Поляки посреди сада; на немъ нашель я много надписей, сдѣланныхъ карандашемъ Польскими патриотами; очень нужно было какому-то Русскому начертать и свои сожалѣнія о его участи! Предокъ Понятовскаго, слѣдуя за Карломъ XII, вездѣ сражался съ нашими войсками, и хотя дядя его, Станиславъ, Россіи былъ обязанъ королевскимъ титуломъ своимъ, племянникъ не отказался отъ наслѣдственной къ намъ ненависти. Нынѣ, подъ Русскимъ управленіемъ, и въ Варшавѣ, если не ошибаюсь, поставленъ памятникъ заклятому врагу нашему. Чтò за добрый народъ! Чтò за великодушное правительство!

Болѣе меня свѣдующій въ Исторіи Блудовъ утверждалъ, что Лейпцигъ построенъ Славянами подъ именемъ Липецка. Мнѣ казалось это невѣроятно; но я не спорилъ, ибо тогда мнѣ было все равно. Впрочемъ и нынѣ я такъ далеко не простираю своихъ видовъ; я гораздо скромнѣе въ желаніяхъ своихъ: лишь бы до Одера могли съ этой стороны дойти Славянскій міръ и Православіе, душа его, я былъ бы совершенно доволенъ.

Во время продолжительной прогулки моей по Лейпцигу и его садамъ—прогулки весьма пріятной—непріятно мнѣ было только часто встрѣчать студентовъ. Въ другихъ мѣстахъ нельзя ихъ различить отъ прочихъ молодыхъ жителей, а тутъ, среди смирнаго населенія Лейпцига, легко было узнать ихъ по ихъ дерзкимъ взглядамъ. Нѣкоторые изъ нихъ, весьма еще немногіе, одѣлись въ странный нарядъ по портретамъ Алберта Дюрера, въ черной шапочкѣ, въ черномъ почти казачьемъ короткомъ платьѣ, съ распущенными волосами. Это, кажется, называлось *алтдейтшиц* и возбѣждало желаніе единства Германіи, чего осудить никакъ нельзя; но призваніе на помощь воспоминаній ея древности, по моему, плохое къ тому средство. Конечно, при прежнемъ раздробленіи ея на мелкія частицы, власть императорская была гораздо сильнѣе; но того ли хотятъ молодые Нѣмцы? Съ свободомысліемъ своимъ они усиливаются ограничить ее въ рукахъ своихъ владѣтелей. По невѣжеству моему привыкъ я почитать студентовъ взрослыми, большими школьниками, подчиненными строгому порядку, ко-

торымъ слѣдуетъ доучиваться, а потомъ, вступивъ на какое либо поприще, присоединять опытность къ приобретеннымъ познаніямъ. Такъ, кажется, оно и было въ Германіи до 1813 г. Страдая отъ владычества Франціи и въ тоже время заражаясь ея идеями, профессеры вводили сихъ несовершеннолѣтнихъ въ тайныя общества, дѣлали ихъ участниками своихъ замысловъ и готовили ихъ быть орудіями освобожденія отечества. Пришли Русскіе, настоящіе избавители: тогда всѣ они, въ товариществѣ съ профессорами, являлись на поляхъ сраженій. Послѣ того возрасли они, какъ въ собственныхъ глазахъ, такъ и въ общемъ мнѣніи, и сдѣлались въ Германіи особою грозною стихіей. Вездѣ слышали они громкое имя свободы, на дѣлѣ же еще мало ее видѣли; а злодѣи профессеры продолжали возбуждать ихъ. Въ нетерпѣннн своемъ кипучая ихъ молодость успѣла тогда уже выказать мятежный духъ свой; въ предыдущемъ году, собравшись изъ разныхъ университетовъ въ Вартбургъ, успѣли уже они, среди непристойной оргіи, пѣть возмутительныя пѣсни и жечь знаки монархическихъ установленій; между ими несчастный Сеидъ, хладнокровно изступленный Зандъ, точилъ уже тогда кинжалъ на Коцебу. Въ слѣдующихъ годахъ, строгія мѣры, принятыя противъ главныхъ виновниковъ профессоровъ, Окена и другихъ, на время усмирили ихъ буйство. Я начиналъ вступать въ тотъ возрастъ, въ которомъ на двадцатилѣтнихъ смотрятъ почти какъ на мальчиковъ, и эти показались мнѣ досадны и несносны.

Кромѣ пріятнаго отдохновенія ничто не удерживало насъ въ Лейпцигѣ, и на другой день, послѣднее число Мая, рано поутру оставили мы его. Цѣлый день видѣли мы мѣста прелестныя, чудесныя, но въ продолженіе послѣднихъ столѣтій часто орошаемая потоками крови человѣческой. Сперва Лютценъ, и еслибы мы забыли о Густавѣ Адольфѣ, о немъ напомнилъ бы намъ поставленный ему тутъ памятникъ. Далѣе Россбахъ, гдѣ Пруссаки вѣчнымъ стыдомъ покрыли Францію; потомъ Наумбургъ, коего имя тѣсно связано съ воспоминаніями о Гусситахъ *) и, наконецъ, Ауэрштадтъ, гдѣ Французы за Россбахъ воз-

*) Въ Англіи, принявъ ученіе Висклѣфа, можетъ быть, заблуждался Иванъ Гусъ; за то и былъ онъ изжаренъ на Константскомъ соборѣ. Жаль, что за догматами вѣры не обратился онъ къ Царюграду, тогда еще (въ 1400 году) Турецкимъ мечемъ не покоренному; Господь Богъ спасъ бы его, а они утвердились бы въ Богеміи. Хотя Нѣмцы и почитаютъ его предтечею Лютера, но поносятъ его, ибо онъ первый съ успѣхомъ дерзнулъ сильно возстать противъ католицизма и германизма, враждебныхъ Славянскоіи породѣ. Не менѣе того, Нѣмецкіе историки стараются затмить славу неукротимаго, неумолимаго предводителя Гусситовъ Ивана Жижки и преемника его великаго Прокопія. Чехи не смѣли дониндѣ вступить за нихъ; авось ли между Чешскими или нашими писателями найдется, наконецъ, защитникъ памяти сихъ трехъ безсмертныхъ мужей.

дали Пруссакамъ сторицею. Я не буду говорить о другихъ примѣчанія достойныхъ мѣстахъ, чрезъ кои въ этотъ день мы проѣхали: о Вейссенфельсѣ, столицѣ уже несуществующаго герцогства, отъ коего остался въ немъ одинъ старинный дворецъ, ни о Экартсбергѣ, гдѣ въ развалинахъ древній замокъ, построенный маркграфомъ Экартомъ, служившій потомъ притономъ многочисленной разбойничьей шайкѣ. Я спѣшу въ Веймаръ, гдѣ въ этотъ же вечеръ простились мы съ Маемъ мѣсяцемъ и встрѣтили Юнь, разумѣется, по нашему, по старинному численію.

Имя Веймара извѣстно всѣмъ состояніямъ въ Россіи, вездѣ провозносится оно въ ней съ любовію и почтеніемъ: въ этомъ городѣ болѣе тридцати лѣтъ живетъ великая княгиня, еще болѣе Русская по сердцу и по чувствамъ, чѣмъ по имени. Покоряясь судьбѣ, живетъ она вдали отъ Россіи, которая осталась ея любимой мечтой. Она часто осуществляется передъ нею проѣзжими Русскими; всѣ они смѣло идутъ къ ней на поклоненіе. Блудовы обязаны были явиться къ Маріи Павловнѣ, особенно Анна Андреевна, которая, нѣсколько лѣтъ находясь при императорскомъ дворѣ, была ей лично извѣстна и знакома. Мнѣ же хотѣлось и можно бы было, и даже слѣдовало, ей представиться; да со мной мундира не было. Но въ этомъ случаѣ какой церемоніаль соблюдается при маленькомъ дворѣ! Съ почтеніемъ и за совѣтами пошли мы съ Блудовымъ къ находившемуся тутъ, на обратномъ пути изъ чужихъ краевъ въ Россію, князю Александрѣ Борисовичу Курагину. Онъ остановился въ Веймарѣ на все лѣто, въ ожиданіи прибытія осенью вдовствующей императрицы, которой всею душой былъ онъ преданъ и которая, въ старости, послѣдній разъ хотѣла еще взглянуть на родину. Достопочтенный и, можно сказать, милый старецъ, нѣкогда мой начальникъ и всегда милостивецъ, встрѣтилъ насъ съ улыбкой радости, казался здоровъ, веселъ, шутилъ, вспоминалъ со мною о Пензѣ и о нашемъ Симбухинѣ и рассказалъ какъ поступитъ въ дѣлѣ представленія *). Въ тотъ же день великая княгиня прислала придворную карету свою за Анной Андреевной, приняла ее у себя за-просто и предложила ложу свою въ театрѣ. Не имѣя права вступить въ нее, я пошелъ въ него за свои деньги, нашелъ, что очень хорошъ, но что играли въ немъ, пусть не спрашиваютъ: совѣстно сказать, не помню.

*) Ровно черезъ двѣ недѣли послѣ того скончался онъ въ Веймарѣ отъ приключившейся ему внезапно болѣзни. Онъ былъ сложенія крѣпкаго и могъ бы долго прожить; но во время пожара, бывшаго въ Царпжѣ, на праздникѣ у князя Шварценберга, по случаю свадьбы Наполеона, гдѣ сгорѣла и невѣстка самого Шварценберга, спасающагося толпой былъ онъ опрокинутъ и истоптанъ. Онъ вышелъ съ обгорѣвшими волосами и руками и никогда въ здоровѣ своемъ послѣ того поправиться не могъ. Согласно желанію его, похоронили его въ церкви Павловскаго, гдѣ императрица поставила ему памятникъ, съ надписью: Другу супругу моего.

Это точно непростительно: Веймаръ почитался Нѣмецкими Аѳинами; Шиллеръ, Гете, Виландъ, Гердеръ долго жили въ семь городкѣ, подѣ покровительствомъ старой герцогини Луизы; слѣдственно и на сценѣ кромѣ изящнаго ничего быть не могло. Поименованныхъ писателей не было уже на свѣтѣ; одинъ Гете былъ живъ и тотъ находился въ отсутствіи. Чиновникъ посольства, или повѣренный въ дѣлахъ, Струве, племянникъ чудака, мною нѣкогда изображеннаго, предложилъ Блудову идти осмотрѣть его жилище; я не сопровождалъ ихъ: такая набожность къ знаменитости въ моемъ мнѣніи не столь высокой, еще живою, чужеземной, показалась мнѣ непонятною и неумѣренною.

Наши путешественники очень хорошо знаютъ теперь, что всѣ эти Нѣмецкія великокняжескія резиденціи точно тоже, ни болѣе ни менѣе, что загородныя, увеселительныя мѣста нашихъ царей. Народонаселеніемъ и тогда Веймаръ былъ богаче Царскаго Села, но пространствомъ и на половину не могъ съ нимъ равняться. Изъ нашихъ комнатъ, въ гостинницѣ Слона, на площади въ срединѣ города, вездѣ не въ дальнемъ разстояніи можно было видѣть выѣздъ изъ него: дома были тѣсно между собою построены, но не высоки и не красивы. Дворецъ герцогскій, который видѣлъ я только снаружи, показался мнѣ обширенъ, а паркъ его, пріятно и искусно расположенный, еще болѣе. Я не замѣтилъ тутъ павильоновъ, памятниковъ и тому подобныхъ обыкновенныхъ украшеній парковъ; видѣлъ въ немъ только продолговатую безъ купола Грекороссійскую церковь нашу, и на другой день, который былъ воскресный, я пошелъ въ нее.

Болѣе всего хотѣлось мнѣ взглянуть на великую княгиню. Во время обѣдни, обыкновенно, замѣчала она всѣ новыя лица, послѣ того спрашивала о нихъ и подзывала къ себѣ; я не намѣренъ былъ представляться и старался такъ стать, чтобы мнѣ ее хорошо, а ей меня совсѣмъ не видать было. Изъ малаго числа присутствовавшихъ примѣтилъ я только одну, мнѣ послѣ столь знакомую княгиню Мещерскую, которая два года какъ тутъ поселилась: это была Катерина Ивановна, жена синодальнаго оберъ-прокурора, сестра будущаго министра Чернышова и мать будущаго Руссо-Французскаго писателя, князя Элима. Послѣ обѣдни, Блудовы переодѣлись, нарядились и поѣхали представляться къ велико-герцогскому двору, послѣ чего получили приглашеніе къ обѣду. По возвращеніи ихъ, я съ любопытствомъ обо всемъ спрашивалъ, и мнѣ не отказано было въ удовлетвореніи. Королевскія повадки герцогини Луизы, подобострастіе придворныхъ, коимъ умѣла она окружить себя, и позаочности мнѣ понравились; жаль только, что не на болѣе возвышенной сценѣ поставлена она была. Сестры ея, Русская, Наталья Алексѣевна, Прусская, вдовствующая королева, уже по-

койная, и маркграфиня Баденская, мать императрицы Елисаветы Алексѣевны, также какъ и она, на самомъ краю поддерживали еще величіе владѣтельныхъ особъ, когда въ цѣлой Европѣ готово оно было рушиться. Послѣ изображенія свекрови, пріятно мнѣ было слышать о любезности невѣстки, не менѣе исполненной достоинства, также о похвалахъ, которыя невольно расточала она отечеству своему, даже блеску и бѣлизнѣ нашихъ снѣговъ. О ихъ мужьяхъ упомянуто было мало; впрочемъ извѣстно, что одинъ былъ старый почтенный воинъ времянь Фридерика, а нынѣ царствующій сынъ и наследникъ его предобрѣйшій простагъ.

Послѣ Веймара, чтò станція, то столица или по крайней мѣрѣ извѣстный городъ. На первой станціи, въ укрѣпленномъ Эрфуртѣ, мы не надолго остановились. Намъ указали домъ, гдѣ жилъ Александръ, а не тотъ, въ которомъ принималъ его Наполеонъ. Тутъ опять увидѣлъ я подъ именемъ Орла Прусскаго чернаго ворона въ бѣломъ полѣ, который такъ мнѣ надоѣлъ, также и синіе мундиры съ оранжевымъ воротникомъ Прусскихъ почтарей, послѣ которыхъ полюбился было мнѣ даже канареечный цвѣтъ Саксонскихъ. Пруссія по всей сѣверной Германіи провела черезполосныя владѣнія свои, съ явнымъ намѣреніемъ при удобномъ случаѣ захватить между ними лежащее и приблизиться къ великой цѣли единства Германіи.

Въ Готѣ, не вѣзжая въ городъ для перемѣны лошадей, останавливаются на горѣ, откуда, впрочемъ, весь онъ виденъ. Онъ обширнѣе и болѣе похожъ на столицу, чѣмъ Веймаръ; жаль мнѣ было, что вблизи не могъ я посмотреть на мѣсто изданія любимаго моего *Готскаго Календаря* и жителство издателя его, всемірнаго путеводителя Рейхардта. Ночевали мы въ другой, только бывшей столицѣ, Эйзенахѣ. Вся эта страна принадлежала нѣкогда къ обширнымъ владѣніямъ ландграфовъ Тюрингенскихъ; когда же досталась Саксонскимъ герцогамъ, они почали дробить ее на удѣлы между сыновьями и внуками; оттого-то такъ много Саксонскихъ линий, изъ коихъ нѣкоторыя пресѣклись. Русскій съ деньгами въ Германіи не умретъ съ голоду, вездѣ накормятъ его дешево и сытно; но это могло случиться съ нами въ Эйзенахѣ. Хозяинъ гостинницы Полулунія, воспитанный на Французскій манеръ, нашедъ вѣроятно, что желудки образованныхъ людей, какъ мы, не могутъ вынести другой пищи кромѣ самой деликатной, подалъ намъ къ ужину легонькій бульонъ, цыплятъ и бисквиты. Извѣстно каковъ аппетитъ у путешественниковъ; намъ было и смѣшно и досадно.

Вѣхавъ оттуда на другой день, мы забыли и голодь, и едва чувствовали жаръ, который безпрестанно увеличивался: до того окрестности дороги, по которой проѣзжали мы, были живописны и очаро-

вательны. Это были остатки знаменитаго Тюрингенскаго лѣса, нѣкогда страшнаго. Мы взглянули на Вартбургъ, гдѣ недавно происходили преступныя проказы университетской молодежи; далѣе подивились двумъ челоѡкообразнымъ скаламъ, извѣстнымъ подъ именемъ монаха и монахини. Мнѣ бы хотѣлось увѣрить по крайней мѣрѣ католиковъ, что это обращенные въ камень Августиніанскій монахъ Мартынъ Лютеръ и клятвопреступная монахиня его Катерина де-Бора, нарушившіе произнесенные ими обѣты; но мы живемъ не въ вѣкъ Овидіевыхъ превращеній. Если не столицы, то небольшіе города за Эйзенахомъ встрѣчались намъ при каждой перемѣнѣ лошадей: Марксулъ, Фахъ, Бутларъ. Первый въ прошедшемъ вѣкѣ пересталъ быть также столицей небольшого Саксонскаго герцогства, коему давалъ свое имя; послѣдніе два находятся уже въ Гессенъ-Кассельскихъ владѣніяхъ.

Мы довольно рано пріѣхали ночевать въ Фульду, чтобъ увидѣть тутъ въ сумерки пребольшой дворець съ большимъ садомъ. Лѣтъ за тридцать до того жительствовадь въ немъ не епископъ, а просто аббатъ, и владѣлъ не однимъ городомъ, а и небольшою областью: онъ имѣлъ дворъ, гвардію и до четырехъ тысячъ войска. Такія чудеса могли творить только Римскій католицизмъ и примѣръ папъ. До реформациі Германія была наполнена такими князьями-аббатами, княгинями-аббатисами; въ нынѣшнія времена всѣ эти *gefürstete Abtei* были упразднены или секулиризованы. Послѣ Аміенскаго трактата Фульда отдава принцу Оранскому въ вознагражденіе за потерю правъ въ Голландіи, и онъ тутъ державствовалъ; теперь она простой Гессенскій городъ. Какъ сѣверный житель, не могъ я не замѣтить въ Фульдѣ, что, начиная отъ самаго Кенигсберга, величина печей, мѣняясь въ формахъ и все болѣе уменьшаясь по мѣрѣ приближенія къ Рейну, достигла тутъ до пропорцій небольшого чугунаго столба, служащаго какъ бы подножіемъ чугунаго вазѣ. Къ удовольствію моему, это доказывало умноженіе теплоты климата, а еще болѣе, какъ на опытѣ я узналъ, горячій темпераментъ жителей. Лѣтомъ до того они раскалятся, что едва достанетъ имъ зимы, чтобы совершенно простыть. За Фульдой пойдутъ опять города Шлюхтернъ, Саальмюнстеръ, Гельнгаузенъ, кои, подобно большей части нашихъ, едва ли заслуживаютъ сіе имя, развѣ потому только, что обведены валящеюся каменною стѣной и при въѣздахъ имѣютъ небольшія башни. Послѣ нихъ Ганау, съ дворцемъ, долженъ былъ показаться намъ большимъ городомъ. Въ немъ прежде имѣлъ пребываніе наслѣдникъ Кассельскаго престола и назывался графомъ Ганаускимъ. Но и этотъ городъ не остановилъ насъ: мы разочли, что еще поспѣемъ во Франкфуртъ на Майнѣ, куда и прибыли 5-го Іюня ввечеру.

Главный изъ оставшихъ четырехъ Вольныхъ Имперскихъ городовъ, мѣстопробываніе Германскаго Сейма, Франкфуртъ нѣкоторымъ образомъ можетъ почитаться столицею всей Германіи, и путешественникамъ нельзя въ немъ не остановиться. Тутъ же приходилось мнѣ разстаться съ любезнѣйшими моими спутниками. Висбаденъ находится въ сторонѣ, въ нѣсколькихъ только миляхъ; но въ жаркое время почувствовалъ я совершенное облегченіе, и мнѣ растолковали, что для полного курса лѣченія нужно мнѣ не болѣе шести недѣль, а около трехъ мѣсяцевъ оставалось еще того, что называютъ воднымъ временемъ года, *saison des eaux*. Я уже не такъ торопился; къ тому же мнѣ чрезвычайно хотѣлось повидаться съ любимой сестрой. На продолжительномъ пути, люди, ѣдущіе вмѣстѣ, обыкновенно подъ конецъ ужасно какъ надоѣдаютъ другъ другу. Тутъ видно этого не было, ибо Блудовы стали уговаривать меня доѣхать съ ними до Шалона, откуда очень близко до Ретеля, гдѣ находились мои родные. Предложеніе это было мнѣ слишкомъ по сердцу, чтобъ я не принялъ его. Но коли уже разъ измѣнился первый планъ мой, сказали мнѣ, почему бы мнѣ не доѣхать до Парижа: другой случай не скоро представится; туда могу я выписать брата и сестру. Какъ сказано, такъ и сдѣлано, и въ тотъ же день о намѣреніи моемъ написалъ я къ брату въ Мобѣжъ.

Коль скоро дѣло рѣшено, что я увижу Парижъ, на Франкфуртъ что-то не хотѣлось уже мнѣ и смотрѣть. А стоило того. Онъ образуетъ полукружіе, коего оба конца упираются въ рѣку Майнъ; также какъ Лейпцигъ онъ не великъ, но гораздо лучше и пышнѣе его; разодѣтъ онъ въ великолѣпные, обширные сады, которые внѣ города тянутся далеко отъ него, въ иномъ мѣстѣ на полмили; примыкая къ нему узкимъ концомъ, они составляютъ вокругъ него какъ бы огромный, разпущенный зеленый вѣеръ. Этого мало: какъ цвѣтною лентой весь опоясанъ онъ бульваромъ, который, обхватывая его, идетъ изъ конца въ конецъ. Мѣсто, которое занимали сломанныя стѣны, срытый валъ и засыпанные рвы, расчищено и засажено деревьями и кустами; подъ скромнымъ именемъ бульвара это преширокій, а еще болѣе длинный садъ, въ которомъ проведены излучистыя дорожки. Преимущественно онъ былъ наполненъ розовыми кустами; а какъ въ это время всѣ они были въ цвѣту, то глазъ могъ любоваться милліонами розановъ. Я пристрастился къ этому мѣсту, и три дня что мы тутъ пробыли, утромъ и вечеромъ ходилъ гулять въ него. Другаго ничего не хотѣлось мнѣ видѣть: ни городскихъ памятниковъ, ни даже знаменитыхъ садовъ, которые у меня были въ виду. Отчего? Самъ не знаю; можетъ быть отъ пресыщеннаго, притупленнаго любопытства. Прогуливаясь тутъ, мнѣ случалось иногда мысленно переноситься не въ темныя, а въ мрачныя

времена Европейской исторіи, не столь отъ насъ отдаленныя. На этомъ мѣстѣ, думалъ я, гдѣ нынѣ благоухаютъ розы, гдѣ столько пріятностей и удобствъ для прогуливающейся безпечности, также какъ и во всѣхъ городахъ Западной Европы, вѣчно-тревожные жители сторожили приближеніе враговъ: ни покоя, ни безопасности не знали люди. Шайки, числомъ разбойниковъ равняющіяся сильному войску, называемыя большими компаніями, нанимаемы были владѣтельными государями, попеременно служили врагамъ и изъ платы губили народъ. Ну если подобныя времена возвратятся? Нѣтъ, не можетъ статья, отвѣчалъ я себѣ. Нынѣ, увы, я менѣе чѣмъ прежде увѣренъ въ этой невозможности.

Мы жили на большой улицѣ Цейль, всѣмъ проѣзжающимъ извѣстной, въ гостиницѣ подъ вывѣской «Римскаго Императора». Большая деревянная человѣческая фигура, вся вызолоченная, въ мантии и съ короной, поставлена была надъ воротами. Нигдѣ принцы такъ не приглядѣлись, какъ во Франкфуртѣ, нигдѣ не обращаютъ на нихъ менѣе вниманія: они безпрестанно пріѣзжаютъ и уѣзжаютъ изъ него. Въ комнатѣ, которую я занималъ, имѣлъ я сосѣдомъ съ одной стороны эрцгерцога-палатина Венгерскаго, съ другой—сосѣдкой моею была герцогиня Генриетта Виртембергская. Тамъ, гдѣ жилъ Русскій посланникъ на улицѣ въ большемъ домѣ, на дворѣ въ нижнемъ этажѣ, помѣщалась бывшая Гиппанская королева, мадамъ Жозефъ-Бонапарте, а въ самомъ верхнемъ—бывшій Шведскій король, именующій себя то Вазой, то полковникомъ Густавсономъ. Изъ любви къ Исторіи и преданіямъ древности, Нѣмцы сохраняютъ еще нѣкоторое уваженіе къ владѣтельнымъ домамъ; неудивительно, если это чувство совсѣмъ исчезнетъ въ нихъ. За то въ торговомъ Франкфуртѣ съ благоговѣніемъ говорили о банкирахъ, вездѣ упоминаемо было имя Бетмана; о Ротшильдахъ тогда что-то еще мало было слышно, также и о Гонтарахъ. Видно, дѣла послѣднихъ не были въ столь цвѣтущемъ состояніи; но ихъ должно было поддержать, утѣшить родство съ Нессельродомъ: онъ отъ нихъ произошелъ; имъ гордятся они, какъ Нарышкины Петромъ Великимъ.

Дорогой не любилъ я бриться и одѣваться; оттого-то никого охотно не посѣщалъ. Я не былъ и не обѣдалъ съ Блудовымъ у нашего посланника при Сеймѣ; только почти въ минуту нашего отъѣзда приневолили онъ меня съ собою къ нему идти. Я нашелъ въ г. Анштетѣ умнаго Нѣмца съ Французскою любезностію, неутомимаго, искуснаго говоруна, который, какъ мнѣ казалось, въ многорѣчии топить заповѣдныя мысли свои.

Съ тѣмъ чтобы ночевать въ Майнцѣ, послѣ поздняго обѣда, 9-го числа выѣхали мы изъ Франкфурта. Я слыхалъ объ этой неприступной

твердынь и думаль, что увижу передь собой высокія, огромныя убрѣпленія; мои желанія были обмануты, но это доказываетъ только невѣдѣніе мое въ фортификаціонной наукѣ. Въ первый, но не въ послѣдній разъ я переѣхалъ тутъ по мосту черезъ Рейнь, который Нѣмцы почитаютъ собственностію, а Французы—законною, естественною границей. Мнѣ не судьба была видѣть эту знаменитую рѣку во всей красѣ ея, между виноградниковъ, навислыхъ скаль и живописныхъ развалинь; гдѣ я ни проѣзжалъ ее, текла она въ ровныхъ берегахъ. Было еще довольно рано, когда мы пріѣхали въ Майнцъ; дѣлать было нечего, и я пошелъ смотрѣть на закатъ солнца. Картина точно прекрасная и величественная, когда пламенное свѣтло тонетъ и гаснетъ въ спокойныхъ волнахъ широкаго Рейна.

Одну только станцію до Алцея ѣхали мы Гессенъ-Дармштатскимъ владѣніемъ, потомъ вступили въ часть Палатината, принадлежащую Баваріи. За Рейномъ нѣтъ еще тутъ Франціи; но все тогда отзывалось ею, все показывало недавнее ея владычество, особенно же чрезвычайно быстрая ѣзда. Какъ нынѣ устроена другая кратчайшая дорога на Ингельгеймъ, мѣсто рожденія Карла Великаго, гдѣ находятся остатки дворца его, и на Сарлуи, то на-скоку назову я только здѣсь мѣста, чрезъ кои мы пролетали: Кирхенполандъ, Стандебюль, Ландштуль. Переночевавъ въ Рорбахѣ, на другое утро въ Сарбрюкѣ опять показался было Прусскій Орелъ, но не успѣлъ я отвернуться, его не стало, и близъ Форбаха мы переѣхали новую Французскую границу. Вездѣ на станціяхъ слышали мы забавный Французскій языкъ, кои говорятъ Нѣмцы, мѣняя *буки на покой, вѣди на фертъ, живете на ша* и наоборотъ. Всѣ тѣ, кои могли на немъ объясняться, какъ бы гнушались природнымъ языкомъ своимъ. Не знаю, можно ли осуждать Французовъ за то, что они неохотно учатся иностраннымъ языкамъ и даже смѣются надъ ними: за то свой въ мѣстахъ ими занимаемыхъ вводятъ въ общее употребленіе и тѣмъ прикрѣпляютъ ихъ къ Франціи.

Излишняя точность въ разсказѣ бываетъ иногда утомительна, и не знаю, хорошо ли я дѣлалъ, называя почти всѣ станціи. Воздержусь отъ того, и на подлежащемъ мнѣ пути за справками отошлю читателя къ печатнымъ маршрутамъ. Въ первомъ Французскомъ, или скорѣе офранцуженномъ, городѣ Метцѣ нельзя было не остановиться. Тутъ рѣзко обозначена была разница между двумя народами; тутъ Гальскій элементъ совершенно подавилъ и поглотилъ Германскій. Мы гуляя пошли смотрѣть какіе то ряды; на улицахъ вездѣ говоръ, хохоть, грохоть, веселые взгляды, быстрая походка. Такая живость оживила и меня. Блудовъ придрался къ случаю посмѣяться надъ моею галломаніей, а я былъ въ такомъ веселомъ расположеніи духа, что самъ

помогаль ему въ томъ. Слѣдующій день ночевали мы въ другомъ изъ трехъ Лотарингскихъ епископствъ, насильственно, но справедливо Лудовикомъ XIV присоединенныхъ къ Франціи, въ Вердёнъ, который славится своими конфектами. Тутъ уже настоящая Франція, и не остается почти слѣдовъ Нѣмецкой чистоплотности. Въ лучшемъ трактирѣ, куда насъ привезли, надобно было проходить чрезъ огромную кухню, высокую, въ два свѣта, чтобы по устроенной въ ней узкой лѣстницѣ войти въ жилые покои. Сии послѣдніе были довольно щеголевато и даже богато убраны; но полъ въ нихъ былъ кирпичный, вымазанный темнокрасною краской и натертый воскомъ, какъ это водится во всѣхъ небогатыхъ домахъ Франціи. Мы неприятнымъ образомъ были симъ изумлены, особенно же Анна Андреевна. Какъ можно не хвалить порядочность? Однакоже я замѣчалъ, что тѣ, которые слишкомъ строго ее соблюдаютъ, бывають обыкновенно люди сердитые, суровые; добродушіе безпечнѣе на этотъ счетъ, и вотъ одна изъ немногихъ чертъ сродства нашего съ Французами.

Не доѣзжая до Шалона, пока запрягали намъ лошадей на станціи Понъ-де-Соммевелъ, разговариваль я со старикомъ - смотрителемъ почты, почтенной наружности, котораго нарядъ меня немного удивилъ. Онъ былъ напудренъ, причесанъ à l'aile de pigeon; съ косою, въ короткомъ черномъ нижнемъ платьѣ, въ черныхъ шелковыхъ чулкахъ и въ башмакахъ съ огромными пряжками, точно такъ какъ одѣвались лѣтъ за тридцать прежде того. По его словамъ, онъ болѣе тридцати пяти лѣтъ находился на одномъ мѣстѣ и никогда не хотѣлъ мѣнять костюма. Онъ рассказываль мнѣ, какъ трудно было ему удержаться отъ изъявленія горести и даже слезъ, когда провозили тутъ захваченнаго въ Вареннѣ Лудовика XVI. Въ скромной долѣ своей онъ оставался недвижимъ среди народныхъ волненій: терроризмъ, война проходили надъ слабою головой его, не коснувшись ея. Насчетъ наряда своего сказалъ онъ мнѣ, что въ Парижъ увижу много ему подобныхъ, а еще болѣе внутри Франціи. Впрочемъ это не должно было бы меня удивлять, когда, начиная отъ Метца, всѣ почтари, а въ иныхъ мѣстахъ и мужики въ блузахъ, носили еще престрашные напудренные катоганы. Сколько странностей въ этомъ непонятномъ народѣ, сколько контрастовъ, сколько постоянства при всей его верченности!

Еще ближе къ Шалону невольно должны мы были остановиться на нѣсколько минутъ въ селеніи, гдѣ не мѣняютъ лошадей, чтобы полюбоваться его церковью. Это пребольшой соборъ называемый Нотр-Дамъ-де-л'Епинъ, и не думаю, чтобы въ цѣлой Франціи нашелся другой ему равный въ красѣ. Сколько искусства, терпѣнія, и какъ много времени нужно было, чтобы изъ камня изсѣчь такое множество кру-

жевь и имп покрыть храмъ Богородицы. Для одной этой церкви стоило бы учредить тутъ городъ.

Въ Шалонѣ на Марнѣ показывается сія рѣчка (рѣкой назвать ее много) и потомъ до самаго Парижа сопутствуетъ ѣдущимъ въ него. Берега ея обсажены виноградниками, изъ за нихъ поднимаются меловыя горы, не весьма пріятныя для вида; самыя дома построены изъ меловатаго и мягкаго камня, который онѣ производятъ. Вообще вся эта страна не очень красива; сами Французы называютъ ее вшпвою Шампаніей и жителей ея попрекаютъ глупостію. Русскіе молодые офицеры говорятъ о ней гораздо болѣе съ уваженіемъ: въ ней источникъ частыхъ для нихъ радостей. Не съ равными ихъ восторгами, но съ достоиннымъ почтеніемъ проѣхали мы Эпернѣ, прилегающее къ нему мѣстечко. Аи п купили бутылку вина, за которую и тутъ заплатили довольно дорого, девять франковъ. Становилось уже темно, когда названіе Дормана еще болѣе расположило насъ ко сну, и на этой станціи имѣли мы послѣдній ночлегъ передъ Парижемъ.

Въ Шато-Тьерри, родинѣ Лафонтена, въ хорошенькомъ городкѣ, лучшемъ изъ всѣхъ, кои видѣли мы во Франціи, по мосту переѣхали мы опять Марну, и съ правой она очутилась у насъ на лѣвой сторонѣ. Почва земли изъ бѣлой превращается тутъ въ черную, и мѣста становятся гораздо пріятнѣе. Отсюда также начинается прежняя провинція Бри, снабжающая Парижъ сыромъ. Отъ Ла-Ферте-су-Жуаръ идетъ вплоть до столицы высокая вязовая аллея, но дорога все не дѣлается лучше. Въ этомъ случаѣ Французы должны уступить Нѣмцамъ: первымъ ѣхать пусть бы больно, лишь бы шибко; а послѣднимъ, хотя-бы тихо, только покойно. Оттого-то въ Германіи почти вездѣ находили мы шоссе, а во Франціи должны были скакать по мостовой изъ крупныхъ каменьевъ, не вездѣ равныхъ. Теперь, говорятъ, сдѣлано тамъ прекрасное шоссе. Опять Французы въ этомъ похожи на насъ: чего сами не выдумаютъ, то удачно переймутъ и перещеголяютъ.

Довольно большой городъ Мо, верстахъ въ сорока отъ Парижа, можетъ уже почитаться предмѣстьемъ его; за нимъ селенія почти безпрерывно тѣснятся въ дорогѣ, а немного проѣхавъ Клэ, предпослѣднюю станцію, увидѣлъ я издали мельницы на высотахъ Монмартра, которыя такъ недавно еще Русскіе взяли штурмомъ.

VIII.

Сильно забилось во мнѣ сердце, когда 14 Іюня, въ шестомъ часу по полудни, сталъ я подѣзжать къ Парижу. Неожиданность побѣдки моей въ него, воспоминанія о побѣдахъ нашихъ, которыя вновь намъ открыли въ него путь, надежда скоро увидѣть въ немъ родныхъ, до

высочайшей степени возбужденное любопытство въ минуту, въ которую должно было оно удовлетвориться, прекраснѣйшая погода, тысяча оживленныхъ предметовъ встрѣчающихся на дорогѣ, все соединялось, чтобы сдѣлать этотъ часъ однимъ изъ радостнѣйшихъ въ моей жизни.

Предмѣстье Св. Мартына чрезъ которое въѣхали мы, мало различается отъ Пантена и Лавиллета, ему предшествующихъ, называемыхъ деревнями, но плотно застроенныхъ двухъ-этажными домами. Когда же, проѣхавъ ворота Сень-Мартена, поворотили мы вправо по бульвару, то увидѣли настоящее волненіе шумнаго Парижа. Вся уличная дѣятельность его выступаетъ на бульвары, коими, также какъ въ Москвѣ, окружена вся главная середина его. Только его бульвары не похожи на Московскіе: они не что иное какъ безконечная, почти единственная широкая въ немъ улица, по обѣимъ сторонамъ которой, близко къ домамъ, стоитъ по одному ряду полуизсохшихъ деревьевъ. Чтобы немногимъ, которые не бывали или не будутъ въ Парижѣ, дать понятіе о суетливости, объ ужасномъ движеніи, какое тутъ царствуетъ, скажу я, что это вѣчная ярмарка, къ которой ежедневно присоединяется гулянье, бывающее у насъ только на Святой недѣлѣ.

Чтобъ лучше отдохнуть, поворотили мы въ улицу Де-ла-Пэ, остановились въ отелѣ Де-ла-Пэ, и какъ цѣлый день были неѣвши, то скорѣе потребовали обѣды. Пока его приготовляли, трактирный слуга, *domestique de place*, какъ ихъ называютъ, мсье Шарль, судя по весьма неблагообразному дорожному костюму моему, принявъ меня за собрата, за Француза, принадлежащаго къ прислугѣ Блудова, обошелся со мной очень дружелюбно, и какъ внизу въ большихъ покояхъ не оставалось для меня помѣщенія, предложилъ онъ мнѣ небольшую комнатку подлѣ своей. Мнѣ было очень весело, и вмѣсто того чтобы разсердиться за такую ошибку, она мнѣ показалась забавна, и я даже принялъ его предложеніе. Онъ повелъ меня въ пятое, въ шестое, или не знаю какое жилье, въ мансарду, по нашему просто на чердакъ; но я нашелъ тутъ чистенькую комнатку съ обоями, съ зеркальцемъ надъ каминомъ и съ хорошею постелью. На первый случай чего мнѣ было болѣе? Немного попозже Шарль долженъ былъ удивиться, увидя меня за столомъ у Блудова, а себя за стуломъ моимъ; можетъ-быть, онъ полагалъ, что въ Россіи существуетъ обычай, чтобы слуги обѣдали съ господами, можетъ-быть тайно и позавидовалъ тому. Какъ бы ни было, я ему обязанъ за первую ночь въ Парижѣ, въ пріятномъ снѣ проведенную. Улица Мира была ни тиха, ни покойна; немного пониже долго бы мнѣ не дали уснуть, но я подъятъ былъ надъ нею подъ облака, и шумъ ея, какъ дальній говоръ морскихъ волнъ, еще лучше усыплялъ меня. Въ этотъ день въѣхали мы почти до свѣту, въ

жаръ по мостовой проскакали болѣе ста верстѣ, и послѣ сильныхъ ощущеній чувствовалъ я большое изнеможеніе, такъ что съ закатомъ солнца покотился и я на постелю свою. На ней улыбаясь вспомнилъ я стихи, коими Дмитріевъ описываетъ путешествіе Василья Пушкина:

Въ шестомъ жильѣ, откуда вывѣски, кареты,
Все, все и въ лучшіе лорнеты
Съ утра до вечера во мглѣ.

Съ этою улыбкой на устахъ заснулъ я, а можетъ-быть и проспалъ всю ночь.

Мнѣ что-то веселое грезилось, когда рано по утру послышался стукъ у дверей моихъ; онѣ отворились, и братъ мой Павелъ Филипповичъ кинулся меня обнимать. Мнѣ показалось, что пріятный сонъ мой еще длится. Получивъ письмо мое изъ Франкфурта, пока мы оставались въ этомъ городѣ и ѣхали до Парижа, онъ выпросилъ въ Мобёжѣ дозволеніе отлучиться и прискакалъ наганунѣ пріѣзда нашего; въ Русскомъ посольствѣ, справляясь о прибытіи Блудова, узналъ даже гдѣ онъ живетъ. Мы пошли внизъ къ Блудову, которому я представилъ брата и который передалъ меня ему съ рукъ-на-руки.

Первымъ дѣломъ нашимъ было идти къ портному Леже, одному изъ знаменитѣйшихъ того времени, чтобы съ ногъ до головы одѣть меня франтомъ. Платье на другой день было готово; когда за него хотѣлъ я расплатиться, портной сказалъ мнѣ, что имѣетъ счета съ братомъ, а не со мной. Тоже самое услышалъ я отъ содержателя гостиницы Де-ла-Мёзъ. На улицѣ Нотръ-Дамъ-де-Виктуаръ, куда перевезъ меня братъ, онъ объявилъ мнѣ, что за квартиру, которую я занялъ, получены деньги впередъ за цѣлый мѣсяць. Чтобъ ознакомиться съ мѣстностями города, первые дни гулялъ я съ братомъ неразлучно. Карманъ былъ у меня не пустъ, и въ щепетильномъ Парижѣ глазѣлъ я на тысячу прекрасныхъ и дешевыхъ бездѣлушекъ, кои въ немъ на каждомъ шагу видны за стеклами. Ни одной не удалось мнѣ купить; лишь только спрошу о цѣнѣ, а уже за нее заплачено, и она моя. Послѣ того въ присутствіи брата долженъ былъ я прекратить изъясненіе желаній своихъ. Въ это время какъ будто судьба опредѣлила мнѣ быть у кого-нибудь на содержаніи. Двадцать четыре тысячи франковъ Русскій полковникъ во Франціи получалъ тогда ежегодно; въ Мобёжѣ прожить ихъ брату было не на что; рѣдко посѣщая Парижъ, имѣлъ онъ благоразуміе лишнія деньги откладывать. Тутъ захотѣлось ему хоть разъ погулять въ немъ, понатѣшить меня и попотчивать имъ.

Почти рядомъ съ нами жилъ искусный докторъ Гарданнъ, знакомый всему Русскому корпусу, цѣлитель его. Братъ повелъ меня къ нему на консультацію. Распросивъ меня подробно о предполагаемыхъ

причинахъ моей болѣзни, о началѣ, ходѣ и слѣдствіяхъ ея, онъ объявилъ, что на воды ѣхать мнѣ не зачѣмъ, что и теперь уже совсѣмъ прекратились мои боли, а онъ постарается возвращеніе ихъ сдѣлать невозможнымъ; а мнѣ только и надобно было. Къ тому же и человѣкъ мнѣ полюбілся: онъ былъ скромнень, вѣжливъ, незамѣтно въ немъ было ни малѣйшаго шарлатанства, откровенная его наружность вселяла довѣренность; я предвидѣлъ, что частыя сношенія съ нимъ должны быть пріятны. Лѣченіе мое, не весьма строгое, началось на другой же день.

Скоро изъ Регеля пріѣхали для свиданія со мною еще новые содержатели мои; сестра съ мужемъ, тогда какъ прежніе содержатели Блудовы не успѣли еще отправиться въ Лондонъ. Какъ слѣдуетъ Русскому генералу, Алексѣевъ занялъ славную квартиру въ отелѣ Де-Бретань, на Ришельевской улицѣ, вблизи отъ моднаго Итальянскаго бульвара и знаменитаго кафе Тортони, насупротивъ знатнаго игрецкаго дома, извѣстнаго подъ именемъ Фраскати. Мы съ братомъ перѣѣхали къ нему, хотя гораздо скромнѣйшая квартира моя осталась все за мной. Тутъ-то мы пожили! Вообще всѣ Русскіе изъ скучныхъ супрефектуръ своихъ пріѣзжали въ Парижъ не за тѣмъ чтобы беречь деньги; Алексѣевъ былъ охотникъ погулять, повеселиться, а какъ это было на короткое время, то жена дала ему полную волю. Помогая ему сорить деньгами, я иногда вспоминалъ Русскія поговорки: «копѣйка ребромъ, хоть часъ да вскачь» и тому подобныя. Никакой издержки не позволено мнѣ было дѣлать: всѣ трое хозяйничали во Франціи, а я былъ у нихъ пріѣзжимъ гостемъ. Дома мы никогда не обѣдали, на дешевые трактиры, на обыкновенный столъ смотрѣть не хотѣли: подавай намъ Бовилье, Вери, Фреръ-Провансо, Роше-де-Канкаль; каждый день попеременно мы у нихъ роскошничали въ особыхъ комнатахъ. Оно было не совсѣмъ хорошо при необходимой для меня діетѣ, но строгое соблюденіе ея все откладывалъ я до ихъ отъѣзда.

Послѣ обѣда уже я становился распорядителемъ остальнаго времени дня, и хотя былъ пріѣзжій, но зналъ Парижъ по-наслышкѣ не хуже ихъ и едва ли не лучше. Многіе изъ отдаленныхъ кварталовъ, которые нынѣ поглощены всепожирающимъ Парижемъ, тогда цвѣли и подъ гостепрійную сѣнь своихъ вѣковыхъ деревьевъ призывали веселиться жителей. Таковы были сады: Руджіери, Белльвю, Тиволи, Фоли-Божонъ; содержатели ихъ истощили Французское воображеніе свое, чтобы для единоземцевъ и иностранцевъ заманчивымъ образомъ украситъ ихъ. Минутнымъ посѣтителемъ нечего было гоняться за большимъ свѣтомъ, который, впрочемъ какъ и вездѣ, жилъ въ это время за городомъ. Въ вышеупомянутыя мѣста почти каждый вечеръ возилъ я моихъ род-

ныхъ, разумѣется въ нанимаемыхъ ими коляскахъ. Въ каждомъ изъ сихъ садовъ еженедѣльно было по три праздника, *fêtes champêtres*, и плата за входъ была весьма умѣренная. А чего на нихъ не было! Искусно освѣщенные горы для катанья, воздушные шары, которые спускались въ видѣ дельфиновъ, орловъ, иногда и людей, препорядочныя фейерверки, небольшія иллюминаціи, но пріятно для глазъ устроенныя изъ разноцвѣтныхъ огней или Китайскихъ фонарей; на все то что называется колифише Французы великіе мастера. Въ разныхъ мѣстахъ находилась музыка, и была зала для танцующихъ. Общество тутъ встрѣчаемое нельзя было назвать отборнымъ или блестящимъ: по большей части состояло оно изъ субретокъ, гризетокъ, писцовъ, комми, парикмахеровъ и тому подобнаго. Но какъ все это было хорошо одѣто, какъ весело и какъ пристойно! Не стыдно было маркизамъ и дюшессамъ посѣщать сіи мѣста, и ихъ малое число было очень примѣтно по снисходительнымъ улыбкамъ, съ которыми смотрѣли онѣ на веселящихся, не мѣшаясь съ ними. Когда вспомнишь это и посмотришь на наши нынѣшнія лѣтнія увеселенія, совсѣмъ не простонародныя, то становится и стыдно, и грустно, и досадно.

Какъ ни весела была такая жизнь, послѣ трехъ недѣль сдѣлалась она для меня утомительна. Когда родные мои разъѣхались по корпуснымъ и дивизионнымъ квартирамъ своимъ, я началъ уже жить собственнымъ умомъ и собственными деньгами. Прежде чѣмъ уѣхалъ братъ, услышалъ я отъ него нѣкоторыя подробности о его служеніи, которыя нѣсколько опечалили меня. Положеніе весьма многихъ изъ находящихся подъ начальствомъ графа Воронцова было совсѣмъ не такъ завидно, какъ въ Петербургѣ полагали и разглашали. Въ характерѣ этого человѣка было смѣшеніе самыхъ любезныхъ свойствъ съ ужаснымъ, всякую мѣру превосходящимъ самолюбіемъ и несносною, несправедливою въ иныхъ случаяхъ взыскательностію. Скоро, часто и много долженъ я буду говорить объ немъ; здѣсь скажу только, что поступки его съ генераломъ Алексѣевымъ, безобиднымъ, всегда покорнымъ начальству, поколебали высокое мнѣніе, которое имѣлъ я о его добротѣ и разсудкѣ. Внимая наговорамъ, разнымъ родственнымъ сплетнямъ, безъ всякой настоящей причины, сталъ онъ вдругъ сильно преслѣдовать человѣка въ равномъ съ нимъ чинѣ. Алексѣевъ не мастеръ былъ на бумагѣ; между его подчиненными нашелся человѣкъ, который сочинилъ ему почтительную протестацію, въ которой смѣло изъяснена вся несправедливость Воронцова. Оскорбленный, раздраженный и отъ ранъ уже хворый воинъ до того былъ встревоженъ, что слегъ въ постель, и всѣ думали, что онъ уже съ нея не встанетъ. Неправосудіе было такъ очевидно, что всѣ дивизионныя и бригадные генералы явно

возроптали. Слухъ объ этой ссорѣ дошелъ и до Варшавы, гдѣ Цесаревичъ, давнишній покровитель и заступникъ Алексѣева, объявилъ, что онъ въ обиду его не дастъ и, если нужно, будетъ за него писать къ Государю. Въ союзной арміи также произвело это нѣкоторый шумъ. Уступая необходимости, Воронцовъ предложилъ мировую и самъ пріѣхалъ въ Ретель навѣстить и утѣшить больнаго, который только что началъ выходить изъ опасности. Все это происходило мѣсяца за два или за три до пріѣзда моего во Францію. Бѣда случилась отъ того, что кавалерія, поставлена будучи далеко отъ Мобѣжа, составляла изъ себя нѣчто отдѣльное, на что корпусная квартира весьма косилась; еще отъ того, что Льву Александровичу Нарышкину, двоюродному брату Воронцова, начальнику казацкой бригады, не хотѣлось оставаться въ зависимости отъ Алексѣева. Дѣла были совсѣмъ полагены, и въ Парижѣ встрѣтилъ я Воронцова въ передней у зятя моего, который, его провожая, мимоходомъ меня ему представилъ.

Оставшись совершенно одинъ въ большомъ городѣ, чужомъ, для меня совсѣмъ новомъ, однакоже я довольно хорошо его узналъ и довольно ко всему въ немъ прицѣнился, чтобы, не тратя лишнихъ денегъ, могъ пріятнымъ образомъ провести въ немъ время. Это, я думаю, одинъ городъ въ мірѣ, въ которомъ одинокая уличная жизнь не скоро можетъ прискучить, особенно въ молодости. Потомъ, каждый, согласно со склонностями своими и образомъ мыслей, можетъ составить себѣ кругъ знакомства, и даже довольно обширный: вотъ что притягиваетъ и прилѣпляетъ къ этому городу. Только нужно на то время тамъ, гдѣ пріѣзжимъ числа нѣтъ, не бросаются иностранцамъ на шею какъ у насъ въ Москвѣ (препрославленное ея гостепріимство по большей части дѣйствіе тщеславія и любопытства ея жителей). Старикъ Шипковъ самъ былъ смѣшонъ, когда насмѣхался надъ Василиемъ Пушкинымъ, утверждая, что въ Парижѣ зналъ онъ однѣ только улицы и дома; а сей послѣдній еще смѣшнѣе, когда въ отвѣтъ къ нему хвастался знакомствомъ Фонтана, Герля, Легувэ. Для Русскаго хорошаго писателя знакомство съ извѣстнымъ Французскимъ, можетъ-быть, большое взаимное удовольствіе, отнюдь не высокая честь. Одинъ только былъ тогда писатель во Франціи, передъ коимъ и по заочности былъ я колѣнопреклоненъ и передъ которымъ въ этомъ видѣ готовъ я былъ предстать: это Шатобріанъ; но его тогда не было въ Парижѣ.

Лѣто—самое невыгодное время для наблюдательныхъ посѣтителей Парижа: общество живетъ за городомъ, камеры бываютъ закрыты, всѣ курсы прекращены, и самый театръ лишается лучшихъ своихъ актеровъ; они разъѣзжаютъ въ это время по большимъ городамъ Франціи и кучами франковъ собираютъ дань удивленія съ жителей. Остаются

однѣ только прогулки въ городѣ и за заставами его и лѣтнія увеселенія самаго веселаго народа въ мірѣ. Ими старался я воспользоваться. По Воскресеньямъ ходилъ я въ Елисейскія поля смотрѣть, какъ въ двухъ ротондахъ, называемыхъ залами Аполлона и Марса, Парижскіе мѣщане и солдаты отчаянно пляшутъ кадрили, съ разряженными, миленькими левжерками и здоровыми кошузами, въ народномъ костюмѣ съ превысокими шлыками и баволетами. Между собой этотъ народъ былъ, право, гораздо учтивѣе, чѣмъ нынѣ иные молодые люди обходятся съ дамами въ хорошихъ обществахъ. Изъ любопытства я разъ былъ и въ загородномъ трактирѣ Ла-Куртиль, по воскреснымъ днямъ многочисленную публикой посѣщаемомъ, гдѣ неоплаченное акцизомъ дешевое вино льется ручьями. Тамъ большой учтивости я не замѣтилъ; слышалъ жаркіе споры, сильную брань, но до драки при мнѣ не доходило. Любимымъ предметомъ моихъ прогулокъ былъ бульваръ Тампля, по обѣимъ сторонамъ котораго тянутся увеселительныя мѣста: сперва театры, о коихъ говорить буду послѣ, потомъ манежъ знаменитаго волтижера Франкони, далѣе небольшая сцена, съ которой шутъ Бобешъ полтора часа, не умолкая, вретъ народу каламбуры; далѣе акробаты. На другой сторонѣ Турецкій садъ, занимающій прострaвство не болѣе сорока квадратныхъ сажень, но который Французское мелочное искусство умѣло поднять въ три этажа, насыпавъ горку на горку, соединивъ ихъ мостиками, во впадинахъ устроивъ гроты, а другіе начинивъ цвѣтничками и выгадавъ мѣсто для галлерей въ Турецкомъ вкусѣ, довольно длинной, въ концѣ коей за конторкой съ напитками сидѣла въ Турецкомъ нарядѣ толстуха. Рядомъ съ этимъ садомъ былъ другой, впятеро его болѣе, называемый «Садомъ Принцевъ». Чего въ немъ не было! И портретъ г-жи Мансонъ, несчастной, невинной женщины, замѣшанной въ уголовномъ дѣлѣ объ убійствѣ Фюалдеса, занимавшемъ тогда всю Францію; и калейдоскопъ-гигантъ, изобрѣтеніе того года; и ученая собака Минутѣ, играющая въ домино; и работающія блохи. Все это послѣ было очень обыкновенно, но, вѣроятно, замѣнено другими причудами. Очевъ хорошо эти сады или садики каждый вечеръ были иллюминированы, и входъ стоилъ въ нихъ бездѣлицу.

Вѣчно одному находиться въ этой толпѣ было бы, наконецъ, скучно. Судьба наслала мнѣ не товарища, не путеводителя, не собесѣдника а, такъ-сказать, согулятеля. Въ жизни этого человѣка было довольно превратностей, чтобы вкратцѣ упомянуть о нихъ. Когда, во избѣжаніе поедивковъ, Александръ офицерамъ своей гвардіи велѣлъ носить въ Парижѣ фраки, каждый полкъ, по своему вкусу, выбралъ себѣ портнаго. На Монмартрскомъ бульварѣ былъ одинъ магазинъ платьевъ, ко-

торый полюбился Измайловскимъ офицерамъ. Красивый и веселый мальчигъ, довольно самолюбивый, изъ него носилъ къ нимъ примѣривать жилеты и панталоны. Онъ всѣмъ имъ чрезвычайно понравился, полкомъ его усыновили и хотѣли увезти съ собой въ Россію; но въ услуженіе онъ ни къ кому идти не хотѣлъ. Какъ быть? Рѣшились на обманъ: отыскали гдѣ-то неимущаго, молодаго легитимиста, кавалера Св. Лудовика, который за двадцать лудоровъ согласился написать и подписать просительное письмо къ Константину Павловичу. Въ немъ объяснялъ онъ, что несчастія революціи заставили роднаго племянника его, древне-благороднаго происхожденія, скорѣе чѣмъ служить хищнику, тирану, приняться за ремесло, но что нынѣ желаетъ онъ посвятить его служенію избавителя Европы. А этотъ мнимый племянникъ былъ сынъ гюиссье (родъ сторожа неважнаго суда въ небольшомъ городѣ Оксеррѣ) и назывался Оже. Извѣстно, что цесаревичъ имѣлъ слабость къ Французамъ: на основаніи этого единственнаго документа молодой человекъ принятъ подпрапорщикомъ въ Измайловскій полкъ и съ нимъ на кораблѣ приплылъ въ Петербургъ.

Неудивительно, что тайна хорошо сохранилась: всѣ были виновны въ подлогѣ. Ипполитъ Оже или г. Оже *де-Сентъ-Ипполитъ*, какъ онъ себя называлъ, содержимъ былъ на счетъ офицерской складчины: «съ міра по ниткѣ-голому рубашка,» говоритъ пословица. Подпрапорщики позволяли себѣ также не носить тогда мундировъ, и онъ введенъ былъ кое въ какія общества. Я увидѣлъ его у двоюродной невѣстки моей Тухачевской, о галломаніи коей я уже говорилъ; она затѣяла домашній Французскій театръ, и онъ игралъ на немъ. Булеварные фарсы въ точномъ смыслѣ не были прежде извѣстны въ Петербургѣ; о Жюкрисахъ, о Каде-Русселѣ зналъ я только по-наслышкѣ; но мнѣ сдавалось, что онъ долженъ на нихъ походить. Это былъ настоящій Парижскій *gamin*, малый очень добрый, но вооруженный чудеснымъ безстыдствомъ; онъ не краснѣя говорилъ о великихъ своихъ имуществвахъ во Франціи, выдавалъ за свои стихи, которые вѣроятно выкапывалъ изъ безчисленныхъ, брошенныхъ и забытыхъ альманаховъ. Послѣ вторичнаго возвращенія Государя, всѣ военные одѣлись опять въ мундиры; а онъ въ продолженіе этого времени не хотѣлъ выучиться ни Русской грамотѣ, ни фронтовой службѣ, не зналъ никакой дисциплины, становился дерзокъ, всѣмъ надоѣлъ, и его просто вытурили изъ полку. Въ это время составила какая-то Французская вольная труппа актеровъ изъ оборышей прежней и вербовала всѣхъ кто ей ни попадался. Государь слышать не хотѣлъ о принятіи ея на казенное содержаніе, и она играла въ манежѣ князя Юсупова на Обуховскомъ проспектѣ; мнѣ сказывали, что ничего нельзя было видѣть хуже. Не имѣя ника-

нихъ средствъ къ существованію, бѣдный Оже рѣшился показаться тутъ на сценѣ и тѣмъ довершилъ паденіе свое во мнѣніи небольшого круга, которому былъ извѣстенъ. Не знаю, послѣ того что бы сталъ онъ дѣлать, еслибы кавалергардскій Луиниъ не вышелъ въ отставку, осенью не поѣхалъ бы моремъ во Францію за новыми либеральными идеями и не взялъ бы его съ собою.

Я нечаянно встрѣтилъ его въ Тюльерійскомъ саду, и онъ мнѣ чрезвычайно обрадовался. Видно, обстоятельства его были не въ самомъ лучшемъ положеніи; ибо, не смотря на нероскошное житье мое, онъ охотно ко мнѣ приписался. Чѣмъ онъ жилъ, право, не знаю; полагать должно, какъ тысячи другихъ въ огромномъ Парижѣ, падающими крупницами. Около меня много поживиться ему было нечего; правда, почти каждый день, хотя умѣренно, но даромъ, онъ обѣдалъ, часто даромъ ѣздилъ гулять и ходилъ въ театръ, а для Француза которому забавы потребны столько же, какъ воздухъ, это уже очень много. Подъ конецъ, однакоже, за его услужливость, за всегдашнюю готовность исполнять мои порученія, нечаянно удалось мнѣ и ему оказать услугу. За нѣсколько времени до выѣзда изъ Пензы, чтобы чѣмъ нибудь развлечь грусть свою и занять умъ, перевелъ я на Французскій языкъ *Марю Посадницу* Карамзина; не знаю, какимъ образомъ рукопись эта была со мною. Оже увидѣлъ ее, нашелъ, что нехудо бы ее напечатать, а я предоставилъ ее въ полное его владѣніе. Кто могъ бы ожидать? За нее книгопродавецъ предложилъ ему полторы тысячи франковъ. Либераламъ полюбилась мысль, что и посреди снѣговъ Сѣвера, въ варварской Россіи, въ отчизнѣ рабовъ, знали нѣкогда свободу, имѣли народное правленіе. Она вышла въ свѣтъ какъ сочиненіе г. Оже и подражаніе Карамзину. Даже слогомъ остались довольны; когда бы знали, что писано Русскимъ, были бы взыскательнѣе: Французы чужестранцамъ неохотно позволяютъ хорошо писать на ихъ языкѣ. Послѣ того корифей оппозиціи, и между прочими, самъ Бенжамень-Констанъ, пожелали узнать Оже; онъ былъ не безграмотенъ, стали употреблять его, заставляли писать въ журналахъ, поправляли его статьи, поддерживали его, и онъ, не думавъ, не гадавъ, попалъ въ литераторы. Съ легкой руки моей пошелъ онъ въ гору, только поднялся невысоко. Гораздо послѣ случалось мнѣ, если не читать, то пробѣгать его печатные романы, и я находилъ, что они ничѣмъ не хуже много другихъ краткожизненныхъ своихъ собратій.

Все споспѣшествовало тому, чтобы пребываніе мое въ Парижѣ сдѣлать пріятнымъ для меня. Давно уже не жилъ такъ я, чтобы мнѣ не нужно было помышлять, заботиться о завтрашнемъ днѣ. Съ самаго начала революціи жерло ея никогда не казалось такъ покойно какъ

въ этомъ году. Всѣ ужасы, въ мое время, какъ будто бы отлетѣли отъ Парижа. Тщетно желалъ я слушать адвокатовъ въ уголовномъ судѣ, *cour d'assises*: ни одного важнаго дѣла въ немъ не производилось, ни одной торговой казни при мнѣ не было. Я любопытствовалъ заходить въ Моргу: ни одного утопленника, ни одного трупа никогда не находилъ. Не знаю, назвать ли это счастьемъ или неудачей.

Квартиры своей не мѣнялъ я до самаго отъѣзда: я такъ былъ ею доволенъ, что не могу отказать себѣ въ удовольствіи здѣсь ее описать. Она была о трехъ окошкахъ на улицу и состояла изъ двухъ высокихъ комнатъ. Первая довольно узкая, раздѣлена была еще на двое: въ одной половинѣ ея, составляющей темную переднюю, за ширмами спалъ привезенный мнѣ изъ Мобѣжа Русскій служитель; другая съ окномъ называлась туалетнымъ кабинетомъ, но я рѣдко въ нее входилъ. Въ большой же широкой комнатѣ была глубокая впадина или ниша, въ которой за занавѣсами находилась роскошная постель; по бокамъ въ двухъ другихъ малыхъ впадинахъ могъ помѣщаться гардеробъ. Комната оклеена была сѣренькими обоями съ черною шерстяною каймой; мебели въ ней, краснаго дерева, обиты были желтымъ Утрехтскимъ бархатомъ; она украшена была двумя большими зеркалами въ позолоченныхъ рамахъ: одно въ простѣвкѣ, другое надъ большимъ мраморнымъ каминомъ, на которомъ стояли бронзовые часы и фарфоровыя вазы съ искусственными цвѣтами *). И за все это въ центрѣ города, въ двухъ шагахъ отъ Пале-Рояля, платилъ я по 75 франковъ въ мѣсяць; нынѣ, говорятъ, не менѣе двухъ сотъ стоитъ такое помѣщеніе.

Мнѣ хотѣлось, пользуясь совершенною независимостью, только-что таскаться по публичнымъ мѣстамъ; однакоже безъ нѣкоторыхъ знакомствъ и посѣщеній дѣло не обошлось. Бетанкуръ и его институтскіе Французы утверждали, что, будучи такъ близко отъ Парижа, нельзя, чтобы я не завернулъ въ него и на всякій случай надавали мнѣ писемъ. Я начну съ описанія знакомствъ въ нисшемъ кругу, которыя они мнѣ доставили.

Отецъ моего любезнѣйшаго Базена былъ предобрѣйшій человекъ, только рѣшительно принадлежалъ къ простонародію. Черезъ покровительство сына получилъ онъ мѣсто надсмотрщика за провозомъ товаровъ, на отдаленнѣйшей изъ заставъ Парижскихъ, называемой Адскою, *Barrière d'Enfer*. Тамъ нашелъ я его совсѣмъ не въ красивомъ нарядѣ, со щупомъ въ рукахъ. Нельзя описать добродушной радости

* Такая роскошь тогда недавно еще распространилась въ Парижѣ; для меня была она предметомъ удивленія въ наемной квартирѣ. Нынѣ, говорятъ, благодаря успѣхамъ промышленности и соревнованію промышленяющихъ, можно найти ее даже въ каморкахъ привратниковъ.

его, когда онъ увидалъ письмо отъ сына: слезы у него показались, и онъ бросился мнѣ на шею. Потомъ громко позвалъ жену, которая хотѣла было тоже сдѣлать, но, къ счастью, остановилась: она что-то стирала, и руки по локоть были у нея въ мылѣ. Она спросила: что́ этотъ мсье знаетъ нашего сына? (*notre fils, le colonel de là-bas*: даже Россіи назвать не умѣла). Они просили меня въ слѣдующее Воскресенье къ себѣ обѣдать. Изъ пріязни къ Базену и изъ любопытства посмотрѣть на житье этого класса людей, я согласился и далъ слово. Я нашелъ тутъ въ хорошей казенной квартирѣ, которую могъ бы занимать и не надсмотрщикъ *ostroï*, одно только семейство его. Старикъ жили одни и по воскреснымъ днямъ только собирали у себя разсѣянныхъ по городу дѣтей своихъ. Тутъ находилась старшая дочь съ мужемъ-портнымъ, двѣ другія дочери, которыя жили гдѣ-то въ швеяхъ, и, наконецъ, премилый молодой человекъ, меньшей сынъ, который оканчивалъ науки въ Политехнической Школѣ. Чего не было напечено, наварено, нажарено! Ремесленные люди во Франціи обыкновенно бываютъ довольно умѣренны въ пищѣ; за то, придерживаясь старины, по прежней привычкѣ, въ первый день новой седмицы, спѣшать вознаграждать себя за воздержаніе. Даже во время революціи они знать не хотѣли декади, десятый день для отдыха ею установленный, и я думаю, что отчасти это сохранило между ними христіанскіе обычаи и слѣдственно вѣрованія. Мнѣ полюбились тутъ и почтительно-свободное обхожденіе дѣтей съ родителями, и ласково-повелительный съ ними тонъ сихъ послѣднихъ. Какая простота царствуетъ между этимъ народомъ представить себѣ нельзя, какое невѣдѣніе зла! Ну, право, въ нашихъ уѣздныхъ городахъ каждый зажиточный мѣщанинъ, каждый мелкій чиновникъ гораздо болѣе обо всемъ имѣетъ понятій. Не знаю, гордиться ли намъ этимъ? Еслибы, безпрестанно возбуждая тщеславіе, какъ въ добродушныхъ Парижанахъ, даны были нашимъ средства къ возстанію: не знаю, не хуже ли было бы у насъ, чѣмъ во Франціи.

Я былъ тутъ какъ посланный, какъ представитель отсутствующаго божества; имя его безпрестанно повторялось. Не знали чѣмъ угодить мнѣ, чѣмъ угостить меня. Я былъ растроганъ: душевное уваженіе мое къ Базену, который не гнушался такихъ родныхъ, въ этотъ день еще умножилось. Десять лѣтъ онъ ихъ не видалъ и оставилъ ихъ въ положеніи гораздо хуже того, въ которомъ я нашелъ ихъ. Я вспомнилъ, съ какою нѣжностью передъ отъѣздомъ мопмъ говорилъ онъ о своихъ родителяхъ, какъ просилъ, въ случаѣ если буду въ Парижѣ, навѣстить ихъ, стараться быть съ ними ласковымъ, неспѣсивымъ. Послѣ этого обѣда, не помню, случилось ли еще разъ мнѣ быть у нихъ.

Также и Монферранъ адресовалъ меня къ родительницѣ своей, мадамъ Коммаріе, по второму мужу. Счастливый случай свелъ эту женщину, вдову безвѣстнаго бѣднаго артиста, съ Русскимъ богачемъ Николаемъ Никитичемъ Демидовымъ. Не знаю какого рода услуги съ самаго начала могла она оказывать ему, только пользовалась полною довѣренностью какъ его самого, такъ и супруги его, урожденной Строгановой, недавно передъ тѣмъ представльшейся. Отъ обоихъ тайно принимала она незаконнорожденныхъ ихъ дѣтей и потомъ въявь воспитывала ихъ; разумѣется, не изъ чести лишь одной дѣлала она такія одолженія. На Русскія деньги нанимала она, въ улицѣ Тетбу, большую и щеголеватую квартиру и въ ней нерѣдко принимала гостей, подчивая ихъ вкуснымъ обѣдомъ. Ея знакомство было для меня весьма пріятно, а для богатыхъ Русскихъ могло быть и полезно. Она имѣла связи во всѣхъ лучшихъ магазинахъ Парижа; вмѣстѣ съ нею можно было покупать въ нихъ лучшія вещи безубыточно, такъ что и продавецъ оставался безъ наклада, и она была съ барышомъ. Такого рода женщины, когда подымутся до порядочнаго общества, дѣлаются несносны чопорностію своею и притязаніями на уваженіе, въ которомъ знаютъ, что всякій въ правѣ отказать имъ. Разговоръ г-жи Коммаріе остался милъ, чрезвычайно живъ и смѣлъ, однакоже слегка подернуть полупрозрачною благопристойностію. Такой животрепещущей старухи мнѣ не случалось еще видѣть; сколько разъ, гуляя съ ней, долженъ я бывало просить ее убавить ходу, когда въ шестьдесятъ лѣтъ, въ капотѣ розѣ, въ соломенной шляпкѣ съ розанами, скорѣе бѣжала чѣмъ шла она со мною по бульвару.

На чернорабочій народъ вскользь посмотрѣлъ я въ Ла-Куртиль, ремесленный видѣлъ у Базеновъ, а у Коммаріе увидѣлъ я особое общество получестное, полуобразованное, въ большихъ сношеніяхъ съ журналистами. Надобно мнѣ было ознакомиться и съ аристократіей промышленности и торговли, и я воспользовался представившимся къ тому случаемъ. Бетангуръ и Брегетъ, друзья-механики, довольно часто переписывались другъ съ другомъ. Первый письмомъ просилъ послѣдняго, въ случаѣ пріѣзда моего, оказать мнѣ возможное пособіе, и если нужда потребуетъ снабдить меня деньгами, сколько бы я ни попросилъ, и что онъ за все ручается. Нечаянно узнавъ о томъ, я поспѣшилъ къ Брегету, а онъ встрѣтилъ меня предложеніемъ услугъ, отъ коихъ я отказался. Въ продолженіе нашего знакомства, онъ не разъ повторялъ свои предложенія, а я, не имѣя нужды въ деньгахъ, все отказывался отъ нихъ; наконецъ, онъ сказалъ, что между Русскими онъ еще не видалъ столь порядочнаго (rangé) молодого человѣка. Ему было за семьдесятъ лѣтъ, и оттого-то онъ такъ и называлъ меня.

У него былъ собственный домъ въ Ситѣ, на этомъ большомъ острову Сены, который составлялъ Парижъ въ первыя столѣтія его существованія. Домъ этотъ въ три этажа, сквозной, одною стороною выходилъ на набережную де л'Орложъ, а другою—на площадь Дофинъ. Ни жилище, ни жите его не имѣли блестящей наружности; за то какъ въ томъ, такъ и въ другомъ замѣтно было нѣчто наслѣдственное, прочно устроенное. Предки его были часовщики, также какъ и онъ самъ; но онъ болѣе ихъ усовершенствовалъ ихъ искусство и умножилъ состояніе свое; домъ, принадлежавшій имъ, оставилъ онъ въ прежнемъ видѣ, не увеличивъ его; только мало-по-малу уменьшая число наемщиковъ, наконецъ, самъ весь его занялъ. Эти полинялые обои, вѣроятно, свѣжими видѣлъ отецъ его; въ эти небольшія зеркала, на этомъ же мѣстѣ, смотрѣлся онъ. Я не могъ надивиться такой неподвижности среди народныхъ бурь, такъ часто тутъ свирѣпствовавшихъ. Самъ Брегетъ занимался мною мало: степенные люди того времени не искали сближенія съ людьми гораздо моложе ихъ. Но единственный его сынъ, тридцати-восьмилѣтній молодой человекъ въ глазахъ его старался быть со мною любезно-гостепріимнымъ, предлагалъ свой кабріолетъ, своихъ верховыхъ лошадей. Въмѣсто умершей жены Брегета хозяйствомъ заправляла старуха, сестра его, добрая дѣвка лѣтъ шестидесяти пяти. По разпросамъ узнала она очень хорошо, что докторъ дозволяетъ мнѣ ѣсть, и всегда заботилась о томъ, чтобъ я былъ сытъ, когда у нихъ обѣдаю, а это, по ихъ приглашеніямъ, случалось почти каждую недѣлю.

Простота нравовъ соединялась въ этомъ семействѣ съ большимъ просвѣщеніемъ. Хозяинъ дома былъ довольно богатъ, чтобы находиться въ короткихъ сношеніяхъ съ банкирами, съ финансовыми князьями, но онъ не искалъ ихъ: его болѣе посѣщали ученые, артисты и литераторы, и самъ онъ былъ членомъ Института по части наукъ. Почти всегда я встрѣчалъ у него двухъ довольно извѣстныхъ людей: Проні, начальника Политехнической Школы, сочинителя многихъ полезныхъ математическихъ книгъ, и другаго—Лемонтѣ, остроумнаго, но лѣниваго писателя. Сей послѣдній приобрѣлъ извѣстность нѣсколькими сатирическими, забавными повѣстями, а болѣе изданіемъ Записокъ маркиза Данжо, съ прибавленіемъ пространныхъ критическихъ замѣчаній, что и составило часть исторіи Людовика XIV. Оба были ко мнѣ очень благосклонны, и еслибъ я остался въ Парижѣ, чрезъ нихъ могъ бы расширить знакомство свое въ ученомъ кругу; но по краткости времени мнѣ о томъ и думать нельзя было. Къ сожалѣнію, всѣ эти господа были очень наклонны къ либерализму; опытъ былъ у нихъ передъ глазами, но не могъ отрезвить ихъ. Особенно Брегеты, отецъ и

сынъ, были въ восторгѣ отъ изобрѣтательной Англи, что, по моему мнѣнію непростительно и даже преступно во Французахъ.

Въ другую атмосферу попасть я не могъ. Мнѣ не слѣдовало бы говорить о мимолетномъ знакомствѣ моемъ съ маркизомъ Де-ла-Мезонфоръ; но это была единственная дверь, которая отворилась передо мною для входа въ общество высшихъ легитимистовъ, и что всего страннѣе, ее отперъ мнѣ бывшій террористъ Сенноверъ. Я уже рассказалъ, какъ умѣлъ онъ прикинуться эмигрантомъ; тамъ свелъ онъ короткое знакомство съ этимъ маркизомъ, который, находясь въ Русской службѣ, занималъ неважныя должности по дипломатической части, какъ на примѣръ, повѣреннаго въ дѣлахъ въ Брауншвейгѣ. Послѣ рестаurationи получилъ онъ важное мѣсто интенданта королевскаго двора, не столь высокое какъ у насъ (министра императорскаго) однакоже, кажется, равное гофмаршальской должности въ соединеніи съ гофмейстерскою; имѣлъ большое содержаніе и обширное помѣщеніе въ придворныхъ зданіяхъ на Вандомской площади. Онъ слылъ за чрезвычайно спѣсиваго и по возвращеніи на родину оказалъ себя таковымъ даже и съ Русскими, но тѣ какъ-то отучили его. Я видѣлъ его въ Петербургскихъ обществахъ, и онъ тотчасъ узналъ меня, когда я завезъ ему письмо Сенновера. Со мною былъ онъ очень привѣтливъ, сказалъ, что мало бываетъ въ Парижѣ, а лѣтомъ большую часть времени проводитъ около Марли, въ Люсиеннѣ, любимомъ мѣстопребываніи извѣстной Дюбарри; сказалъ, что тамъ надѣется познакомить меня со многими изъ благомыслящихъ его соотечественниковъ и записалъ мой адресъ. Черезъ нѣсколько дней прислалъ онъ пригласить меня туда обѣдать; я не могъ, ибо приглашенъ былъ въ другое мѣсто. Я опять засталъ его дома, чтобъ извиниться и поблагодарить за приглашеніе; опять онъ самъ заѣзжалъ звать меня, и опять я не поѣхалъ подъ какимъ-то предлогомъ. Тѣмъ и окончилось наше знакомство; зимой съ пользою могъ бы я возобновить его, но я такъ долго не остался. Послѣ былъ онъ посланникомъ во Флоренціи, а послѣ я уже объ немъ болѣе не слыхалъ.

Изъ Русскихъ довольно часто я видѣлъ двухъ не весьма обыкновенныхъ людей, которые, не будучи вовсе знакомы между собою, едва ли знавшіе о существованіи другъ друга, въ нѣкоторомъ смыслѣ имѣли большое сходство и вели одинаковый образъ жизни. У обоихъ ровно ничего не было, а ихъ житію иной достаточный человекъ могъ бы позавидовать. Карты объясняютъ расточительность иныхъ бѣдныхъ людей, но ни который изъ нихъ не былъ игрокомъ: цѣлый вѣкъ умѣли они скрывать отъ глазъ человѣческихъ тайникъ, изъ коего черпали средства къ постоянному поддержанію своей роскоши. Первый,

Иванъ Петровичъ Липранди, служившій тогда подполковникомъ генеральнаго штаба при дивизіи Алексѣева, часто отлучался изъ Ретеля и всегда останавливался въ отелѣ, въ которомъ я жилъ. Не задолго передъ тѣмъ меньшая сестра его, сиротка, вышла за сына двоюроднаго брата моего Тухачевскаго; все вмѣстѣ сдѣлало для меня знакомство его неизбѣжнымъ. Откуда былъ онъ родомъ и какого происхожденія, мнѣ неизвѣстно; судя по фамильному имени, надобно было почитать его Итальянцемъ или Грекомъ, но онъ не имѣлъ понятія о языкахъ сихъ народовъ, зналъ хорошо только Русскій и принадлежалъ къ православному исповѣданію. Умомъ и даже разсудкомъ былъ онъ отъ природы достаточно награжденъ; только въ послѣднемъ чего-то не доставало. Какими бы средствами человекъ ни собиралъ матеріалы для сооруженія фортуны своей, по крайней мѣрѣ нельзя отказать ему въ предусмотрительности; тутъ этого вовсе не было: добытыя деньги медленно приходили къ нему, чѣмъ уходили. Вѣчно бы ему пировать! Еще былъ бы онъ весельчакъ, ни мало: онъ всегда былъ мраченъ, и въ мутныхъ глазахъ его никогда радость не блистала. Въ немъ было Бедуинское гостепріимство, и онъ готовъ былъ и на одолженія, отчего многіе его любили. Доброга Алексѣева тайно поджигалъ онъ противъ Воронцова, ко всѣмъ распрямъ между военными былъ онъ примѣшанъ, являясь будто примирителемъ, болѣе возбуждалъ ссорящихся и потомъ предлагалъ себя секундантомъ. Многимъ отъ того казался онъ страшенъ; но были другіе, которые увѣряли, что когда дѣло дойдетъ собственно до него, то ни въ ратоборствѣ, ни въ единоборствѣ онъ большой твердости духа не покажетъ.

Всякій разъ чтò, немного поднявшись по лѣстницѣ, заходилъ я къ нему, находилъ я изобильный завтракъ или пышный обѣдъ: на столѣ стояли горы огромныхъ персиковъ, душистыхъ грушъ и добраго винограда, искусственно произрастающаго въ Фонтенбло, подъ названіемъ шассела. Я не принималъ участія въ сихъ Лукулловскихъ трапезахъ: предписанная мнѣ діета служила мнѣ предлогомъ къ отказу. И кого угощаль онъ? Людей съ такими подозрительными рожами, что совѣстно и страшно было вступать въ разговоры. Разъ одинъ изъ нихъ мнѣ понравился: у него было очень умное лицо, на которомъ было замѣтно, что сильныя страсти не потухли въ немъ, а утихли. Онъ былъ очень вѣжливъ, сказалъ, что обожаетъ Русскихъ и въ особенности мнѣ желалъ бы на что-нибудь пригодиться; тотчасъ послѣ того объяснилъ, какого рода услуги можетъ онъ оказать мнѣ. Какъ султанъ, властвовалъ онъ надъ всѣми красавицами, которыя продали и погубили свою честь. Видя, что я съ улыбкой слушаю его, сказалъ онъ: «я не скрою отъ васъ моего имени; васъ, по крайней мѣрѣ, не должно оно пугать:

я Видокъ». И дѣйствительно, оно не испугало меня, потому что я слышалъ его въ первый разъ. Вскорѣ растолковали мнѣ, что я знакомъ съ главою Парижскихъ шпионовъ, мушаровъ, какъ ихъ называли; что этотъ человѣкъ за великія преступленія былъ осужденъ нѣсколько лѣтъ былъ гребцомъ на галерахъ и носить клеймо на спинѣ. Нѣтъ, отъ такого человѣка не захотѣлъ бы я и Магометова рая! Не помню послѣ того, былъ ли я у Липранди. Неприятно же было всегда встрѣчать каторжныхъ. И что за охота принимать такихъ людей? Изъ любопытства, подумалъ я: чрезъ нихъ знаетъ онъ всю подноготную, всѣ тайна Парижа, которыя тогда еще не были напечатаны. Послѣ я лучше понялъ причины знакомства съ сими людьми; также какъ они, Липранди одною ногою стоялъ на ультрамонархическомъ, а другою на ультрасвободномъ грунтѣ, всегда готовый къ услугамъ побѣдителей той или другой стороны.

Другой промышленникъ, Николай Александровичъ Старинкевичъ, былъ давнишній мой знакомецъ. Уроженецъ изъ Бѣлоруссіи, сынъ Шкловскаго священника, онъ хорошо учился въ Московскомъ университетѣ подъ покровительствомъ отца Тургеневыхъ. Изъ нихъ нѣсколькими годами старѣе Александра, сохранялъ онъ съ нимъ связи, а чрезъ него былъ знакомъ и съ нами. Пользуясь природными способностями, быстротою понятія, удивительною легкостью въ работѣ, гибкостью характера, сталъ онъ шибко подвигаться въ чинахъ по юстицкой части и, въ званіи начальника отдѣленія канцеляріи, сдѣлался любимцемъ самаго министра князя Лопухина. Но онъ слишкомъ любилъ житейское, веселія холостыя бесѣды; не имѣя денежныхъ средствъ, чтобы вдоволь натѣшиться, началъ прибѣгать къ займамъ; это много повредило ему, и самые невыгодные о немъ слухи стали доходить до министра, который просто велѣлъ ему оставить службу. Привычка дѣлать долги обратилась у него въ страсть; пока онъ находился въ службѣ, она легко могла быть удовлетворяема: займодавцы его по большей части были просители, коихъ дѣла были ему поручены; они не преслѣдовали его. Но тутъ на свободѣ надобно было видѣть изворотливость его, когда, не отказывая себѣ ни въ чемъ, пришлось ему жить одними долгами; надобно было видѣть ловкость, искусство, съ какими, умножая число кредиторовъ своихъ, умѣлъ онъ защищать себя, убѣгать отъ нихъ. Такая тревожная жизнь другому была бы мукою, но онъ находилъ въ ней наслажденіе. Наконецъ, когда угрожаемъ былъ тюрьмою, онъ рѣшился спастись отъ нея службой и опредѣлился правителемъ канцеляріи къ герцогу Александру Виртембергскому, котораго тогда назначили Бѣлорусскимъ генералъ-губернаторомъ. Подъ его именемъ управлялъ онъ краемъ и, надобно полагать, не нуждался тамъ ни

въ чемъ. Онъ начиналъ уже не ладить съ своимъ герцогомъ, когда послѣдовало нашествіе Галловъ; тогда присталъ онъ къ ретирующей нашей арміи и съ нею болѣе не разставался отъ Витебска до Москвы и отъ Москвы до Париза. Своею вкрадчивостію, всегда веселымъ видомъ, длинными, но искусными рассказами, на половину приправленными краснымъ словцомъ, сей умный и пріятный краснорѣчивецъ всѣхъ нашихъ генераловъ, начиная съ Миларадовича и Платова; находился то при томъ, то при другомъ, въ какомъ качествѣ, не знаю, и жилъ въ изобиліи, беззаботно, на казенный ли счетъ или на непріятельскій, не вѣдаю.

Достигнувъ Париза, долго не могъ онъ оторваться отъ него, да и не думалъ о томъ: какъ рыбакъ въ быстрой и широкой рѣкѣ, было въ немъ ему раздолье. Онъ сдѣлался корреспондентомъ корпуснаго начальника, графа Воронцова, получалъ за то содержаніе изъ экстраординарныхъ суммъ и забавлялъ его исправно не весьма правдивыми, но всегда любопытными извѣстіями. Тутъ-то совершенно разладилъ онъ съ постояннымъ, почтенія достойнымъ, трудомъ, который открывъ ему дорогу по службѣ; мелочной дѣятельности его представилось тысячу предметовъ, изъ коихъ плелъ онъ свои сплетни. Умъ и ласковое обхожденіе всегда привлекають Французовъ, и Старинкевича, въ которомъ вообще было много липкаго, полюбили они, хотя и почитали тайнымъ агентомъ Россіи. Кого не зналъ онъ въ Парижѣ! Журналистовъ, адвокатовъ, депутатовъ, проникнулъ даже въ Сень-Жерменское предмѣстье. Политическихъ мнѣній своихъ онъ рѣшительно не объявлялъ, потому что не имѣлъ ихъ, говоря всегда двусмысленно, и каждая партія почитала его своимъ.

Число такихъ людей, къ несчастію, чрезвычайно размножилось; они суть порожденіе вѣка сомнѣній и эгоизма. Въ прежніе вѣка, когда боролись за религію или за независимость, люди чистосердечно подерживали свои правила сильными, откровенными рѣчами и мощно-вооруженною рукой. Нынѣ, хотя многіе хорошо понимаютъ безразсудность господствующихъ мнѣній, не имѣютъ твердости имъ противиться и надѣются извлечь изъ нихъ личную пользу. Что имъ до отчизны, до ея чести, до ея благодѣянія, лишь бы они насладились всѣмъ. А поглядишь, поздно раскаявшись, они гибнутъ съ нею.

Много непонятнаго, необъяснимаго было тогда въ жизни Старинкевича; самъ онъ искусно накидывалъ на нее таинственность, которая придавала ему нѣкоторую важность. Денегъ, получаемыхъ отъ Воронцова, не могло ему быть достаточно; въ Парижѣ долги дѣлать легко, но отдѣлываться отъ нихъ трудно. Тамъ была неумолимая Святая Педагея, не мученица, а мучительница; тѣ, коихъ заключала она въ

холодныя свои объятія, не скоро могли отъ нихъ освободиться. Чѣмъ же онъ жилъ? И для чего нанималъ онъ въ одно время три квартиры, въ разныхъ частяхъ города, отдаленныхъ одна отъ другой, и прятался въ нихъ отъ посѣтителей? Меня же всегда предупреждалъ о томъ, гдѣ могу его найти, и вообще сохранилъ ко мнѣ прежнюю обязательность *). Его помощь была мнѣ даже полезна въ нижеслѣдующемъ случаѣ.

Разъ, прогуливаясь въ такъ называемомъ саду Пале-Рояля, замѣтилъ я большую толпу подлѣ аркадовъ, коими онъ окруженъ. Приблизившись, подъ аркадами, увидѣлъ я высокаго мушкетера, важно шествующаго въ довольно богатомъ, восточномъ нарядѣ, съ предлинною бородой; нескромныя женщины, которыя населяли тогда Пале-Рояль, нескромными рѣчами, нескромными движеніями изумляли степеннаго мужа, теребили его бороду, тащили за рукава; народъ кругомъ хохоталъ. Я узналъ Каліархи, одного Петербургскаго знакомаго, поспѣшилъ къ нему на помощь и, оборотясь къ зрителямъ, сказалъ, что стыдно Французамъ отдавать на поруганіе прїѣзжихъ почтенныхъ людей. Едва успѣлъ я произнести сіи слова, какъ они прикрикнули на дамъ, которыя всѣ разбѣжались. Г. Каліархи не зналъ, какъ меня благодарить. Мнѣ случалось съ нимъ разговаривать, но я зналъ его мало; онъ убѣдительно просилъ меня навѣстить его, сказалъ, гдѣ его квартира, спросилъ, гдѣ я живу и объявилъ, что, не болѣе трехъ часовъ находясь въ Парижѣ, полюбопытствовалъ онъ взглянуть на Пале-Рояль, гдѣ, какъ сказали ему, найдетъ онъ лучшіе товары и встрѣтитъ лучшее общество. Въ послѣднемъ долженъ былъ онъ разувѣриться.

Но что это за человекъ, нужно объяснить. Онъ былъ изъ числа тѣхъ Фанатныхъ Грековъ, которыхъ Порта черезъ каждыя семь лѣтъ съ господарями отправляла понажить въ Молдавію и Валахію, то-есть немного пограбить сіи княжества. Два семилѣтія Каліархи находился постельничимъ, то-есть оберъ-камергеромъ, при князѣ Ипсилянтіи и каймакамомъ его, то-есть намѣстникомъ на время отсутствія его изъ столицы. Въ 1806 году, вмѣстѣ съ его свѣтлостію, бѣжалъ онъ въ Россію и успѣлъ увезти нажитыя деньги. Въ награду за преданность Ипсилянтіи, четверемъ приближеннымъ къ нему особамъ, между прочими Каліархи, данъ былъ прямо чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Онъ имъ не воспользовался, а продолжалъ величаться прежними, странными для насъ титулами. Снисходительность правительства въ такомъ случаѣ непонятна: какъ было не снять съ него даро-

*) Длинный романъ его жизни оканчивается благополучно: онъ давно живетъ въ Варшавѣ и, кажется, не имѣетъ нужды дѣлать долги.

ванный ему чинъ? Но въ это время графъ Каподистрія покровительствовалъ всѣхъ Грековъ, и они чрезвычайно подняли носъ. При совершенномъ невѣжествѣ, слабый умъ Калиархи былъ еще затемняемъ необычайнымъ тщеславіемъ, и еслибы не присоединялась къ тому маленькая Греческая хитрость, его просто можно было бы почитать дуракомъ. Въ княжествахъ онъ, какъ говорится, не положилъ на руку охулки; ибо, при большой расточительности, капиталы имъ оттуда вывезенные только черезъ двадцать лѣтъ примѣтно начали таять. Болѣе всего тратился онъ на одежду, богатствомъ коей старался превзойти господарей. У него былъ цѣлый магазинъ дорогихъ шубъ; мнѣ показывалъ онъ длинный кафтанъ съ широкими рукавами изъ Турецкихъ шалей, съ широкими золотыми петлицами, къ концамъ коихъ алмазными пуговицами прикрѣплены были жемчужвыя кисти, да еще огромный кинжалъ, украшенный изумрудами и яхонтами. Въ семь нарядѣ представлялся онъ Лудовику XVIII, и этотъ король, который Русскихъ генераловъ, открывшихъ ему путь къ престолу, въ публичныхъ аудіенціяхъ не удостоивалъ ни единымъ словомъ, а только едва замѣтнымъ наклоненіемъ головы, этого шута принималъ приватно и наговорилъ ему много любезнаго. Надобно сказать, что не одинъ восточный нарядъ, но и большая настойчивость и безстыдство помогли въ этомъ случаѣ Калиархи. Во время одного важнаго торжества, о коемъ буду говорить ниже, пробился онъ сквозь царедворцевъ и сталъ у самаго подвожія королевскаго трона.

Я повторяю: какъ человѣка этого, такъ и репутацію его зналъ я мало, и ему легко было обмануть меня. Ему вздумалось меня покровительствовать; онъ увѣрялъ меня, что онъ задушевный другъ находившемуся тогда въ Парижѣ графу Растопчину, что говорилъ ему обо мнѣ, и что онъ на другой день приглашаетъ насъ вмѣстѣ обѣдать къ себѣ. Я былъ въ затрудненіи: зять мой Алексѣевъ, который коротко знакомъ былъ съ графомъ, предлагалъ уже мнѣ представиться ему, и я отказался; тутъ, какъ ни стѣснительно мнѣ казалось, не принять сдѣланной мнѣ чести я не посмѣлъ. Въ открытой коляскѣ отправился я съ Калиархи и его длинною бородой; у подъѣзда слуга объявилъ намъ, что графиня нездорова, а графъ не обѣдаетъ дома, и я замѣтилъ, что слова сіи сопровождались улыбкой. Я почти былъ радъ. Дня черезъ два пришелъ ко мнѣ Старинкевичъ съ жестокими упреками. Онъ часто бывалъ у Растопчина, который ему сказывалъ, что Калиархи хотѣлъ ему навязать какого-то неизвѣстнаго ему человѣка (называя меня) и хотѣлъ привезти къ нему обѣдать; что онъ сперва изъявилъ было согласіе, но послѣ спохватился и велѣлъ отказать. Старинкевичъ вступился за меня, увѣряя, что я единственно по ошибкѣ

могъ дать себя протезировать человѣгу, котораго въ этомъ домѣ только что дурачили, и родилъ въ Растопчинѣ желаніе меня узнать и поправить то что онъ почиталъ своею неучтивостію. Напугавъ меня тѣмъ, что я слабостію своего поступка замаралъ себя, Старинкевичъ, не давъ ни минуты опомниться, утащилъ меня съ собою.

Я не видалъ Растопчина съ той памятной для меня минуты, когда братъ водилъ меня къ нему мальчикомъ съ просьбою объ опредѣленіи въ службу, и я не безъ робости вошелъ въ его кабинетъ. Лѣта, покойное, тихое положеніе, въ коемъ онъ находился, и привѣтливый видъ, который хотѣлъ онъ показать мнѣ, смягчили прежнюю угрюмость лица его. Разговоръ начался о странности моего введенія, и я объяснилъ, сколь мало могу почитаться тутъ виновнымъ въ нескромности. Растопчинъ видно перемѣнилъ мнѣніе свое обо мнѣ, ибо пригласилъ, когда я буду свободенъ, посѣщать его хотя всякій день, отъ одиннадцати часовъ до трехъ по полудни, время, въ которое начиналъ онъ свои прогулки. Такъ какъ скоро послѣ того долженъ былъ я оставить Парижъ, то не болѣе трехъ или четырехъ разъ могъ воспользоваться этимъ дозволеніемъ.

Растопчинъ, какъ всѣ старѣющіе люди, что я знаю по себѣ, любитъ рассказывать о быломъ. Разница только въ томъ, что отъ иныхъ разсказчиковъ всѣ бѣгутъ, а другихъ не наслушаются. Не уважая и не любя Французовъ, извѣстный ихъ врагъ въ 1812 году жилъ безопасно между ними, забавлялся ихъ легкомысліемъ, прислушивался къ народнымъ толкамъ, все замѣчалъ, все записывалъ, и со стороны собиралъ свѣдѣнія, въ чемъ много помогалъ ему Старинкевичъ. Наблюденія его и вслѣдствіе ихъ сужденія о настоящемъ, всегда остроумныя, часто справедливыя, умножали занимательность его разговора. Жаль только, что, совершенно отказавшись отъ честолюбія, онъ предавался забавамъ, неприличнымъ его лѣтамъ и высокому званію.

Регенство, Лудовикъ XV, необузданность и расточительность Маріи Антуанеты, а послѣ нихъ революціонный ужасъ пополамъ съ развратомъ, совершенно превратили Парижъ въ Вавилонъ новѣйшихъ временъ. Старики еще болѣе молодыхъ испытываютъ вліяніе этой нравственной заразы, особенно же тѣ, кои, неохотно оставивъ бремя государственныхъ дѣлъ, чувственными наслажденіями хотятъ заглушить сожалѣніе о потерянной власти. Совсѣмъ несхожій съ Растопчинымъ, другой недовольный взбѣшенный Чичаговъ, сотовариществовалъ ему въ его увеселеніяхъ. Не знаю, могутъ ли Парижане гордиться тѣмъ, что знаменитые люди въ ихъ стѣнахъ, какъ непристойномъ мѣстѣ, почитаютъ все себѣ дозволеннымъ. Разъ получилъ я отъ Растопчина предложеніе потѣшиться съ нимъ забавнымъ зрѣлищемъ, пригото-

нымъ у одной пожилой маркизы д'Эстенвиль, въ пышныхъ ея апартаментахъ, подлѣ королевской библіотеки, подъ аркадою Кольбертъ. Это была настоящая маркиза, не вымышленная; но не только Сень-Жерменское предмѣстіе, всѣ честныя женщины другихъ состояній давно уже чуждались ея общества. Во время революціи, а можетъ-быть и прежде, лишилась она большаго состоянія, но и въ бѣдности сохранила тонъ важной дамы. Знатные, богатые люди, во мзду ея угодливости, старались окружить ее новою роскошью и домъ ея поставить на высокой ногѣ. Къ ней Чичаговъ взялся представить Калиархи, а Растопчинъ съ старшимъ сыномъ своимъ, котораго знавалъ я въ Петербургѣ, Старинкевичемъ и со мною долженъ былъ пріѣхать невзначай, какъ будто въ гости. Особыя почести, особыя церемоніи ожидали тамъ новаго Мамамуши, котораго хотѣли возвести на высокое сѣдалище въ видѣ трона. Ни чести, ни безчестія не видѣлъ я въ посѣщеніи г-жи д'Эстенвиль; меня къ ней чрезвычайно зазывало, но мнѣ больно былобы видѣть Русскихъ вельможъ, которыя, думая дурачить одного человѣка, сами немного бы дурачились, и я нашелъ какой-то предлогъ извиниться, чтобы не участвовать въ этой продѣлкѣ. На другой день посѣщилъ я навѣстить тщеславнаго Калиархи, который не могъ надивиться смѣлому, свободному обхожденію первостатейныхъ дамъ въ Парижѣ. «Удивительно, сказали онъ мнѣ съ самодовольствіемъ, какъ онѣ любятъ восточный костюмъ! Повѣрите ли вы, что эти молодья, прекрасныя графини и виконтессы всѣ въ меня влюбилсь; я не зналъ куда дѣваться отъ стрѣлъ ихъ страстныхъ взоровъ.» Я отвѣчалъ, что мнѣ остается только завидовать его счастью.

Итакъ онъ былъ у Растопчина домашнимъ буффономъ, Старинкевичъ весьма полезнымъ вѣстовщикомъ, я же, кажется, ни на что ему не годился. А онъ оказывалъ мнѣ много благосклонности, я думаю, оттого, что я всегда съ жадностью слушалъ умныя его рѣчи. Послѣ того я уже не видалъ его въ жизни. На прощаніи подарилъ онъ мнѣ литографированный портретъ свой, весьма похожій, съ подписью:

Безъ дѣла и безъ скуки,
Сижу поджавши руки,

который у меня до сихъ поръ хранится.

Я имѣлъ случай узнать тогда, хотя не такъ близко, другаго человѣка, котораго также можно назвать историческимъ лицомъ, именно Русскаго посла, Поццо-ди-Борго. Онъ родился въ одномъ году и въ одномъ городѣ съ Наполеономъ, учился въ одной съ нимъ военной школѣ и былъ потомъ постояннымъ его противникомъ и врагомъ. Это одно уже должно было меня заставить пожелать его увидѣть; лѣнь и

застѣнчивость сперва не допускали меня ему представиться. Онъ жилъ въ отелѣ Телюссонъ, купленномъ Наполеономъ для графа Толстаго, довольно красивомъ, но не весьма великолѣпномъ *), на улицѣ Шантеренъ, называемою нынѣ улицею Побѣдъ. Близъ него помѣстился Петръ Ивановичъ Полетика, былъ почти всedневымъ его посѣтителемъ и нахлѣбникомъ, не спѣшилъ въ Америку и мѣсяца полтора при мнѣ прожилъ въ Парижѣ. Онъ пристыдилъ меня, сказавъ, что на мой счетъ предупредилъ посла, и заставилъ меня къ нему явиться. Посоль былъ откровенно учтивъ, даже разговорчивъ, хотя не такъ фамилярень какъ Растопчинъ. Черезъ три дня карета его остановилась у подъѣзда скромнаго отеля Де-ла-Мёзъ, въ ней кто-то сидѣлъ, разумѣется не самъ онъ, и мнѣ подали его печатную карточку, безъ загнутаго угла, какъ нынѣ водится, а съ надписью en personne. По моимъ Русскимъ понятіямъ я нашелъ даже, что это слишкомъ много для меня чести. Еще черезъ три дня, по его приглашенію, обѣдалъ я у него. За столомъ были только совѣтникъ посольства, предобрѣйшій Андрей Андреевичъ Шредеръ, что нынѣ посланникъ въ Саксоніи, да принадлежащіе къ посольству же: нынѣшній оберъ-гофмаршалъ князь Николай Васильевичъ Долгоруковъ и отвратительный, совершенно офрануженный сынъ бывшаго фаворита, Ермоловъ. Какъ солнце сіялъ между ними Поццо, ярко озаряя все ихъ ничтожество. Разговоръ былъ общій, о самыхъ неважныхъ предметахъ, въ которомъ каждый могъ принимать участіе. Я тоже не хотѣлъ оставаться тутъ безсловесною тварью, но даже слово *здравствуй* въ устахъ такого человѣка какъ Поццо становится умнѣе. Послѣ обѣда сдѣлался онъ словоохотнѣе, особливо когда коснулось до Востока гдѣ онъ долго путешествовалъ. Тѣмъ и окончилось наше знакомство. Что могъ я имѣть съ нимъ общаго, кромѣ того, что я былъ подданный государства, котораго былъ онъ тутъ представителемъ? Онъ соблюлъ со мною всю вѣжливость, которую обыкновенно оказывалъ онъ Русскимъ, которыхъ хотѣлъ отличить. Нѣсколько недѣль спустя, получилъ я общее приглашеніе къ обѣду, который давалъ онъ дипломатическому корпусу и Русскимъ, въ день именинъ Государя; не имѣя мундира съ собою, я не поѣхалъ.

Я, кажется, ничего не дѣлалъ, а на многое не доставало меня у времени; на примѣръ, окрестности Парижа не болѣе четырехъ или пяти разъ удалось мнѣ видѣть. Съ зятемъ и съ сестрою, въ одинъ воскресный день ѣздили мы въ Бургъ-ла-Рень, обѣдать къ Николаю Никитичу Демидову, который жилъ тутъ барски, на чьей-то дачѣ, въ пре-

*) Нынѣ домъ этотъ не существуетъ: его сломали, и на его мѣстѣ построили прекрасную Церковь Лоретской Богоматери.

большомъ домѣ съ обширнымъ садомъ. Онъ пригласилъ меня каждое Воскресенье повторять сіи посѣщенія, но до осени не удалось мнѣ его видѣть. Послѣ обѣда возилъ онъ насъ на пространное поле смотрѣть, какъ пять тысячъ Французовъ обоего пола довольствуются пятью музыкантами, въ разныхъ мѣстахъ поставленными на бочкахъ, и безъ памяти пляшутъ на открытомъ воздухѣ. Все дѣлалось по командѣ, и новѣйшіе менестрели, съ высоты своихъ бочекъ, какъ начальники надъ войскомъ, громогласно повелѣвали танцующими. Что за чудаки, право, эти Французы!

Я какъ будто ни на часъ не хотѣлъ отлучаться изъ Парижа. Для поѣздокъ моихъ изъ него всегда нужна была чужая воля, стороннее побужденіе. Братъ предложилъ мнѣ прогуляться въ Версаль вмѣстѣ съ нимъ, съ однимъ, мнѣ незнакомымъ, товарищемъ его по службѣ и съ женою сего послѣдняго. Въ вѣкъ не забуду я этой ужасной прогулки. Въ четырехмѣстной каретѣ, въ которой отправились мы, могъ я только познакомиться съ четою моихъ спутниковъ. Артилерійскій полковникъ Либштейнъ, Нѣмецъ, который не зналъ другаго языка кромѣ Русскаго, былъ смиренъ какъ ягненокъ; за то жена его всегда находилась въ безпокойномъ движеніи, какъ дикая кошка. Когда онъ былъ еще офицеромъ на Дону, молодая казачка, дочь, кажется урядника, заставила его на себѣ жениться, или лучше сказать насильно на немъ женилась, увезла его и увѣрила, что имъ была увезена. Послѣ того по-казацки осѣдлала она его и цѣлый вѣкъ погоняла. Она была нельзя сказать чтобы дурна собою, но такого жесткаго выраженія я еще никогда въ женскомъ лицѣ не видалъ. Бываютъ у женщины усыки, иногда усы; у этой были даже бакенбарды. Около трехъ лѣтъ находилась она съ войскомъ во Франціи, а точно какъ будто вчера оставила Донскія станицы. Встрѣча двухъ крайнихъ противоположностей, самаго грубаго варварства среди страны почитаемой просвѣщеннѣйшею въ Европѣ, сначала показалась мнѣ забавна, но скоро положеніе мое сдѣлалось мучительнымъ.

Это было въ первые дни пребыванія моего въ Парижѣ: съ любопытствомъ пріѣзжаго вопрошалъ я брата о мѣстахъ ему уже знакомыхъ. Она безпрестанно мѣшалась въ разговоръ, дѣлая съ своей стороны вопросы и заключенія. Когда сперва проѣзжали мы площадь, на которой казненъ былъ Лудовикъ XVI, я воскликнулъ при воспоминаніи сего печальнаго происшествія. «Да можетъ ли это быть?» сказала она. Какъ отрубить царю голову? Да какъ они смѣли, канальи!» Она объ этомъ никогда еще не слыхала. Все было на этотъ ладъ. И, наконецъ, замолчалъ и надѣялся, что по пріѣздѣ избавлюсь отъ нея; а вышло напротивъ. Мы остановились у дворца, въ которомъ, по случаю

праздничнаго дня, народу было множество. Злодѣйка знала, что Европейскій обычай велить мушкетерамъ водить дамъ; звѣрскимъ взглядомъ своимъ окинувъ три предстоящія жертвы, выбрала меня и подала мнѣ руку. Известно, что жены кавалеристовъ, также какъ и сами они, не любятъ пѣшеходства, особенно же казачки, изъ коихъ, отъ того, многія подобно г-жѣ Либштейнъ, перейдя за тридцать лѣтъ, становятся чрезвычайно тучны. Небездѣлица была для меня подниматься съ нею по высокой лѣстницѣ и проходить безконечные ряды огромныхъ комнатъ совершенно пустыхъ, но наполненныхъ историческими воспоминаніями, столь занимательными для человѣка воспитаннаго роялистами. Проводникъ, въ богатой королевской ливреѣ, часто останавливался, чтобы входить въ подробные рассказы; не давая мнѣ даже вслушаться, требовала она, чтобы я все ей переводилъ; я говорилъ наобумъ, она ничего не понимала и ужасно сердилась. Въ залѣ Аполлона спросила: «что это за Аполлонъ, что онъ за человѣкъ?» Въ комнатѣ, называемой Oeil de Voeuf: — «Гдѣ же тутъ бычачій глазъ?» Я не велъ ей, а тащилъ, и она рѣшительно лежала на мнѣ. Изъ толпы другихъ посѣтителей иные съ удивленіемъ, иные почти со смѣхомъ смотрѣли на смуглую рожу ея, выражавшую негодованіе и усталость, а еще болѣе на изнеможенную фигуру мою подъ бременемъ тяжелаго креста, который осужденъ я былъ вести. Даже самому брату, виновнику моего несчастія, не предвидѣвшему такой напасти, смѣшно и жалко было смотрѣть на меня. «Что тутъ увидишь?» повторяла она. «Голыя стѣны? Было зачѣмъ приѣзжать!» Мы оба съ мучительницею моею не захотѣли послѣ того идти въ садъ, а поспѣшили въ ближайшую гостиницу, гдѣ она спросила комнату съ постелью, повалилась на нее, сняла башмаки и готова была снять при насъ чулки, еслибы мужъ не упросилъ ея сего не дѣлать. Подали обѣдъ; она ѣла за троихъ, а по окончаніи его закричала вмѣстѣ со мною: «домой, домой, скорѣе домой!»

Неудачная эта поѣздка съ братомъ возбудила, однакоже, во мнѣ любопытство одному посмотреть на Версаль. Съ десятию, кажется, пассажирами сѣлъ я въ велосиферъ, тогда новаго изобрѣтенія карету, и поѣхалъ не такъ шибко какъ обѣщало названіе экипажа. На свободѣ я могъ подивиться во дворцѣ остаткамъ прежняго великолѣпія его: живописи плафоновъ, позолотѣ карнизовъ, мраморнымъ галлереймъ и лѣстницамъ. Садъ со стриженными деревьями, лишенный тѣни, конечно, не можетъ быть обыкновенною пріятною прогулкою, но на этомъ положена печать величія времени. Всемогуцій и роскошный монархъ могъ одинъ создать его; мраморомъ выложенные бассейны, высоко бьющіе безчисленные фонтаны, цѣлый полкъ бронзовыхъ статуй, все обличаетъ царское житіе: проходя по немъ, мнѣ казалось, что я чи-

таю одну изъ главъ исторіи Лудовика XIV. При Маломъ Трианонѣ, любимомъ мѣстѣ Маріи-Антуанетты, находится иррегулярный садъ въ Англійскомъ вкусѣ ничѣмъ не замѣчательный, не болѣе тѣхъ, кои въ Россіи встрѣчаемъ мы у частныхъ владѣльцевъ. Когда Французы начнутъ перенимать у Англичанъ, то все какъ будто передразниваютъ ихъ, чтобъ не держаться имъ своего.

Опытъ долженъ былъ научить меня развѣзжать по окрестностямъ Парижа не иначе какъ одному; я не послушался его и былъ за то наказанъ. Мнѣ изъ Лондона отъ Анны Андреевны Блудовой привезъ письмо сынъ священника нашей миссіи, Смирновъ, который служилъ тамъ въ канцеляріи посольства. Родившись въ Англіи, отъ Англійской матери, говорилъ онъ по-русски хотя правильно, но съ Англійскимъ выговоромъ, никогда не бывалъ въ Россіи и, можно сказать, наизусть обожалъ ее. Этотъ молодой человѣкъ былъ очень добръ и ласковъ, посѣщалъ меня и мнѣ полюбился. Въ одинъ вечеръ пришелъ онъ ко мнѣ съ приглашеніемъ богатой мистрисъ Литтлтонъ быть у нея слѣдующимъ утромъ въ десять часовъ, дабы вмѣстѣ съ большою компаніей объѣздить нѣкоторыя примѣчательныя мѣста вокругъ Парижа. Она хотѣла этимъ случаемъ воспользоваться, чтобъ сдѣлать мое знакомство, какъ сказалъ мнѣ Смирновъ. Я зналъ мало Англичанокъ, воображалъ, что почти всѣ онѣ должны быть красавицы и, полонъ благодарности за сдѣланное мнѣ приглашеніе, явился въ назначенный часъ и въ указанный мнѣ домъ, на улицѣ Провансъ. Дѣйствительно, въ большой залѣ нашель я собранными до двадцати особъ обоего пола, между коими Русскихъ было только двое: Смирновъ, который казался тутъ домашнимъ, и одна дѣвица Левицкая, которую знавалъ я въ Петербургѣ, въ домѣ князя Салтыкова, и которая не знаю какъ сюда попала. Хозяйка очень вѣжливо привѣтствовала меня по французски; всѣ же другіе вокругъ меня объяснились между собою на языкѣ, который, какъ у насъ говорится, не при мнѣ былъ писанъ. Долго не заставили меня дожидаться; не успѣлъ еще разглядѣть я своихъ сопутницъ, какъ кареты были поданы. Онѣ были для однѣхъ дамъ, а мужчины, о ужасъ! должны были садиться снаружи. У насъ въ Россіи тогда всякій зналъ свое мѣсто: козлы и запятки были собственностью кучеровъ и лакеевъ, и никто изъ господъ не думалъ тогда посягать на нее. Я рѣшительно объявилъ, что лазить не умѣю и ѣхать не могу. Меня посадили въ карету съ четырьмя дамами, изъ коихъ двѣ очень учтиво потѣснились.

Когда я взглянулъ на нихъ, то обмеръ. Изъ семи смертельныхъ грѣховъ, казалось, четверо сидѣло со мною: до того онѣ были дурны собою. Всѣ онѣ говорили по-французски, какъ? О томъ не нужно спра-

шивать; мы могли понимать другъ друга, и этого было бы довольно. Я надѣялся, что любезность ихъ замѣняетъ имъ красоту, и дерзнулъ вступить въ разговоръ. Съ выжатою на устахъ улыбкой, на все отвѣчали онѣ да, нѣтъ или тому подобное. Сначала приписывалъ я это у насъ прославленной скромности Британскихъ женъ и не терялъ бодрости. Немного понимая по-англійски, я ихъ увѣрилъ, что ни слова не знаю, дабы могли онѣ, по крайней мѣрѣ, между собою разговаривать; ни мало: вопросы и отвѣты дѣлались односложными словами; хотя бы для забавы моей при мнѣ немного поругали онѣ меня, и этого не было. Я былъ не одинъ и не въ обществѣ. Такимъ образомъ проѣхали мы Булонскій нѣкогда лѣсъ, тогда Булонскую рощу, нынѣ, говорить, совсѣмъ почти вырубленную. Потомъ пріѣхали въ Сень-Клу, гдѣ очень кстати не было королевской фамилии, и мы могли осмотрѣть дворецъ. Онъ былъ исправленъ и возстановленъ Наполеономъ, который на внутреннее убранство дворцовъ не былъ очень расточителенъ; я видѣлъ двѣ комнаты, богато отдѣланныя для Маріи-Луизы, спальню и кабинетъ; тогда занимала ихъ герцогиня Ангулемская. Въ одной полукруглой комнатѣ остановился я передъ большимъ окномъ, въ которомъ было вставлено цѣльное зеркальное стекло. Изъ него виденъ весь Парижъ, всегда какою-то мглою подернутый, вѣчно дымящійся кратеръ народнаго волкана, котораго взрывы не разъ ужасали владѣльцевъ Сень-Клу. Паркъ и его гигантскій водометъ въ другой разъ видѣлъ я гораздо лучше, когда одинъ пріѣзжалъ на ярмарку, которая бываетъ тутъ въ первое Сентябрьское Воскресенье.

Изъ Сень-Клу отправились мы на королевскій фарфоровый заводъ въ Севрѣ. Можно было полюбоваться тамъ колоссальными его произведеніями—вазами, на которыхъ писаны картины также искусно и тщательно какъ бы на холстѣ, можно было найти и вещи для продажи; но кому было покупать ихъ? Этого рода промышленность болѣе всѣхъ другихъ размножилась во Франціи, и фарфоровая посуда на частныхъ заводахъ дошла до неимовѣрной дешевизны.

Мы кончили наше путешествіе посѣщеніемъ еще двухъ королевскихъ увеселительныхъ замковъ, близко одинъ отъ другаго находящихся, Мёдона и Белльвю. Видъ изъ послѣдняго, какъ названіе его показываетъ, дѣйствительно прекрасенъ. Въ обоихъ замѣтны были свѣжія поправки, которыми хотѣли стереть слѣды губительной руки революціоннаго варварства.

Всѣ издержки этого странствованія взяла на себя госпожа Литльтонъ, которая имъ хотѣла угостить насъ. Одинъ длинный Англичанинъ, кажется, игралъ тутъ роль ея казначея: при выходѣ изъ каждаго зданія или заведенія, проводникамъ совалъ онъ какую-то мелкую

монету. Французы въ этомъ случаѣ очень учтивы, всегда скажугь «мерси», а эти только съ удивленіемъ на него поглядывали. Замѣтивъ это, я немного отставалъ и вручалъ отъ себя пятифранковый экю. «Видно, что мсье не Англичанинъ», говорили проводники; «я Русскій», отвѣчалъ я, и они мнѣ почтительно улыбались. Первые Англичане, которые по заключеніи мира пріѣхали въ Парижъ, хотѣли удивить Французовъ щедростью и сѣяли золото: ихъ всѣхъ величали милордами. Послѣ того люди не столь богатые стали въ близкомъ сосѣдствѣ съ отечествомъ селиться изъ экономіи, и сдѣлались очень расчетливы, даже черезчуръ.

Немало времени потребно было на такіе разъѣзды. Выѣхавъ въ одиннадцатомъ часу утра, воротились мы только въ седьмомъ часу вечера. Въ большой залѣ накрытъ былъ длинный столъ; мнѣ пришло въ голову сосчитать гостей и приборы, и вышло, что одному изъ насъ тутъ мѣста не было. Чтобъ удостовѣриться, я ли назначенъ къ выключкѣ, сталъ я раскланиваться и прощаться, и меня не удержали. Говорятъ, что въ Албїонѣ обычай сажать за обѣдъ однихъ только короткихъ; по я былъ Русскій и въ Парижѣ, а у насъ на Руси отпустить гостя безъ обѣда почиталось тогда неучтивостью и прегрѣшеніемъ; даже на Новгородцевъ въ этомъ случаѣ, мнѣ кажется, былъ одинъ только поклепъ. Съ ранняго утра ничего не ѣвши, можно посудить о состояніи моего аппетита. Одна бѣда никогда не приходитъ на всемъ; разстояніи отъ Шассе д'Антенъ до Пале-Рояля не встрѣтилъ я ни одного извозчика; въ виду у меня проѣзжали кабріолеты, фіакры, но ни одинъ довольно близко чтобъ услышать мой зовъ, и я, голодный, утомленный, пѣшій, въ началѣ восьмага воротился домой. Огонь на кухнѣ погасъ, все было съѣдено, но хозяева и прислуга меня любили; они были тронуты моимъ горемъ, принялись стряпать, и черезъ часъ сколько-нибудь утолилъ я свой голодь. Смирновъ на другой день уѣхалъ въ Лондонъ, и я не могъ даже имѣть удовольствія объяснить ему мое неудовольствіе. Черезъ четыре дня получилъ я отъ г-жи Литтлтонъ записку, гдѣ отъ имени своего и отъ имени бывшихъ со мною мистрисъ, которыя по словамъ ея умѣли одѣнить мою любезность, приглашаетъ она меня къ себѣ на большой вечеръ, прибавляя, что, какъ Русскій, освобождаюсь я отъ обязанности надѣвать башмаки. Я не только не отвѣчалъ, но даже не послалъ извиниться: досада во мнѣ еще не остыла, и вообще желудокъ у меня злопамятнѣе сердца.

Во все время пребыванія моего въ Парижѣ былъ я свидѣтелемъ одного только большаго торжества, именно воздвиженія статуи Генриха IV на самомъ старомъ мосту, который вѣчно называется Новымъ. Этотъ король, храбрый, умный, хвастливый, влюбчивый, довольно раз-

вратный, былъ точнымъ изображеніемъ народа, съ коимъ воевалъ, ко- его побѣдилъ и надъ коимъ царствовалъ, и отъ того болѣе другихъ живетъ въ его памяти. Его потомство на этой народной любви болѣе всего основываетъ силу свою, но не ошибается ли оно? Французы любятъ тѣхъ, кои на нихъ похожи, а не уважаютъ. Генрихъ можетъ быть ихъ любимцемъ, но Наполеонъ въ будущихъ вѣкахъ останется ихъ кумиромъ. Конная статуя Генриха отлита была за городомъ и ввезена на каткахъ въ заставу де-л'Этоаль, гдѣ нынѣ большіе Триумфальные ворота. Оттуда по широкой аллеѣ Елисейскихъ полей народъ потащилъ ее на себѣ; къ тысячамъ веревокъ припрягались тысячи праздныхъ шалуновъ. Мнѣ казалось это пламеннымъ усердіемъ народа къ памяти добраго Діабль-акатра. Зрѣлище было прекрасное; огромная масса всадника, вся покрытая синимъ коленкоромъ, съ вырѣзанными, я думаю, изъ золотой бумаги и наклеенными на немъ лиліями, медленно, шагъ за шагомъ, подвигалась, сопровождаемая и предшествуемая толпами неизчетнаго народа. Болѣе полусутокъ везена была она до угла Тюльерійскаго сада, тутъ оставлена на ночь, а на другой только день, вдоль по Сенъ, привезена къ предназначенному ей мѣсту. Островъ Ситѣ выдается тутъ острымъ клиномъ, который, пересѣкаемъ бывъ мостомъ, образуетъ небольшое пространство, гдѣ поставлена статуя на самомъ выгодномъ мѣстѣ, можно сказать въ виду цѣлаго Парижа. Противъ статуи на мосту устроена была богато украшенная галерея для короля, королевскаго дома, иностранныхъ принцевъ и маршаловъ, другія галереи для иностранныхъ пословъ и двора. На мостъ безъ билета никто пропускаемъ не былъ; но безстыдный Калиархи, какъ я сказалъ выше, добрался до короля, выдавая себя за родственника Русскаго императора.

Это было 25 Августа новаго стиля, въ день Св. Лудовика. Я ходилъ по бульварамъ, по обѣимъ сторонамъ коихъ разставлены были войско и національная гвардія, и смотрѣлъ, какъ разѣзжалъ передъ ними и командовалъ королевскій братъ д'Артуа, еще бодрый старикъ. Потомъ съ церемоніей проѣхалъ самъ король-подагрикъ, въ открытой коляскѣ, съ двумя племянницами, Ангулемскою и Беррійскою. Много любопытства, но никакого энтузіазма не замѣтилъ я между зрителями. Послѣ обѣда ходилъ я въ Елисейскія поля, гдѣ изъ устроенныхъ фонтановъ било красное и бѣлое вино, и я забавлялся, глядя, какъ народъ имъ упивается и пачкается. Бывъ цѣлый день въ движеніи, я не въ силахъ былъ идти ночью, чтобы видѣть самое любопытное зрѣлище: по мосту Pont Neuf, который весь горѣлъ какъ въ огнѣ, не было проѣзда; во всю длину свою превратился онъ въ галерею, гдѣ кучи не маскированнаго, а переряженнаго народа, пользуясь благопріятною

погодой, плясали до разсвѣта. Въ этотъ день между чернью, я думаю, всѣ были роялисты.

Если кто вспомнить, какъ въ это время благоговѣлъ я передъ священнымъ именемъ Бурбоновъ, тотъ пойметъ жажду мою видѣть носящихъ его. Малый чинъ мой не давалъ мнѣ права представляться ко двору, да оно и не было въ обычаѣ. Однакоже, въ первые дни послѣ приѣзда моего, удалось мнѣ взглянуть на стараго короля, который не переѣзжалъ еще за городъ и у котораго былъ большой выходъ; изъ внутреннихъ покоевъ Тюльерійскаго дворца по наружной открытой галлерей, не высоко надъ садомъ, шествовалъ онъ къ обѣднѣ въ церковь, и вмѣстѣ съ другими звѣсками довольно близко могъ я разглядѣть его. Я прислушивался и вглядывался въ окружающихъ меня; на многихъ лицахъ угадывалъ я насмѣшки, но вслухъ никто не позволялъ ихъ себѣ, и даже кой-гдѣ выпаливало *vive le roi*. Графа д'Артуа видѣлъ я одинъ разъ только передъ фронтомъ. Нечаянно попалъ я разъ на герцога и герцогиню Ангулемскихъ въ Ботаническомъ саду, *Jardin des Plantes*. Любопытство дало мнѣ смѣлость вступить въ весьма небольшую толпу за ними слѣдовавшую, состоявшую на половину изъ священниковъ и монаховъ. Не слышно еще тогда было о царубійствахъ, большихъ предосторожностей не брали, меня можно было принять за принадлежащаго къ ихъ свитѣ, и я слѣдовалъ по пятамъ ихъ высочествъ. Разсматривая звѣрей и растенія, они вопрошали профессоровъ, и я могъ не проронить ни одного слова, коихъ произносимо было немного. Стройный станъ герцогини, ея простое платье, простую шляпку, мрачное лицо выражающее спокойствіе и твердость, ея голосъ болѣе грубый чѣмъ нѣжный, однако трогательный, я въ вѣкъ не забуду. Еслибъ съ цѣлымъ свѣтомъ и не зналъ я повѣсти о ея великихъ страданіяхъ, то и тогда пораженъ бы былъ величіемъ и святостию, которыя отличали ее. Къ сожалѣнію не могу я того сказать о ея супругѣ; этотъ малорослый, дряблый Бурбонъ, ни въ походкѣ ни во взглядѣ, ни въ голосѣ не имѣлъ ничего благороднаго и безпрестанно кovyрялъ въ длинномъ носу своемъ. Когда чета сія пошла въ кабинетъ натуральной исторіи, то догадались, и меня за нею не пустили.

Еще страннѣе и неожиданнѣе была встрѣча моя съ другимъ братомъ, герцогомъ Беррійскимъ. Въ увеселительномъ заведеніи Божонъ устроены были превысокія деревянныя горы для катанья, съ площадкою на верху и двумя идущими къ ней довольно широкими лѣстницами. Не знаю по какому случаю былъ тутъ большой фейерверкъ, по окончаніи котораго съ высоты горъ мнѣ захотѣлось взглянуть на иллюминацію, и я съ тѣснящеюся толпою пошелъ вверхъ по лѣстницѣ, ярко освѣщенной. Какой-то толстенькій человекъ, шедшій мнѣ на

встрѣчу, не весьма учтиво толкнулъ меня, и я поднятъ было локоть, чтобы оттолкнуть его. Въ эту минуту кто-то сзади дернулъ меня за полу, и я увидалъ, что онъ ведетъ хорошо одѣтую бѣлокурую даму, которая показалась мнѣ косою, можетъ быть оттого что она покосилась на меня, и я немного посторонился. «Что было вы это надѣлали», сказалъ мнѣ шедшій за мною и со мною молодой Каріонъ-де-Низасъ: «вѣдь это герцогъ и герцогиня Беррійскіе». Онъ былъ древняго рода дворянинъ, но отецъ его былъ сенаторомъ при Наполеонѣ, и онъ остался ужаснымъ бонапартистомъ. «Впрочемъ бѣда бы не велика была», продолжалъ онъ, помирая со смѣху. «вы иностранецъ. Вы бы извинились, и тѣмъ бы дѣло кончилось». Тотъ же самый Каріонъ-де-Низасъ, когда мы разъ подходили съ нимъ къ театру Фаваръ, сказалъ мнѣ: «Хотите ли вы видѣть герцога Орлеанскаго? Вотъ онъ съ женой подъѣзжаетъ въ каретѣ, кажется, къ боковому подъѣзду». Мы остановились, пока Филиппъ выходилъ изъ кареты; ни онъ, ни будущая королева его и тогда красотою хвастаться не могли.

Изъ всѣхъ тѣхъ, кои играли роли во время революціи, республики и при Наполеонѣ удалось мнѣ видѣть только одного, и за то еще обязанъ я Низасу, который, также какъ Оже, часто со мной разгуливалъ. Въ Тюльерійскомъ саду указалъ онъ мнѣ на человѣка, который сидѣлъ на одномъ изъ плетеныхъ стульевъ, за которые платится два су; я поспѣшилъ занять его. Баррасъ былъ человѣкъ весьма пожилой, худощавый, блѣдный, не съ распущенными, а на уши приглаженными волосами, еще не сѣдыми, во фракѣ стараго покроя, въ шляпѣ съ большими полями, и обѣими руками упирался на трость клюкой. Нелегко было войти въ разговоръ съ такимъ собесѣдомъ, онъ смотрѣлъ такъ угрюмо; но я прикинулся простячкомъ, новичкомъ, только что пріѣхавшимъ изъ Россіи и всему дивящимся, и онъ охотнѣе сталъ отвѣчать. Когда я хвалилъ великолѣпіе Тюльерійскаго дворца и красоту его сада, онъ сказалъ мнѣ, что онъ не всегда былъ въ этомъ видѣ, и что нѣкогда большая аллея его была вся засажена капустой. Мнѣ только и надобно было посмотреть на него изъ любопытства и услышать его голосъ: знакомиться съ нимъ было бы трудно, да и не для чего....

Наступила осень, не совсѣмъ такая какъ у насъ на Сѣверѣ; дни были еще жаркіе, но ночи становились сыры и часто дождливы. Надобно было помышлять объ отъѣздѣ. Съ помощью г. Гарданна, самые слѣды ломоты, отъ которой я страдалъ, совершенно исчезли. Но видно, средства имъ употребленныя были слишкомъ сильны, ибо ослабили и разстоили весь составъ мой. Я не виню его; можетъ-быть, я самъ былъ тому причиною, ведя жизнь не весьма строгую, съ правилами гігіены

несогласную. А какъ мнѣ воротиться? Денегъ было у меня еще довольно, но не было экипажа, и меня пугало путешествіе въ дилижансахъ и публичныхъ каретахъ. Сама судьба озаботилась, чтобъ облегчить мнѣ средства къ обратному пути, точно такъ же какъ и къ приѣзду въ Парижъ.

Извѣстно сдѣлалось, что на Ахенскомъ конгрессѣ рѣшено вывести союзныя войска изъ Франціи, дабы показать довѣренность къ благоумію Французовъ: черезъ годъ они оправдали ее. Мои родные предлагали мнѣ, въ случаѣ выступленія корпуса графа Воронцова, ѣхать съ ними; это было бы и покойно, и дешево, за то продолжительно и скучно. Дабы симъ дѣломъ какъ-нибудь поладить, рѣшился я въ концѣ Сентября отправиться въ Мобѣжъ.

Послѣдній мѣсяцъ пребыванія моего въ Парижѣ я часто бывалъ и обѣдалъ у воротившагося рано съ дачи, разслабленнаго Николая Никитича Демидова. Соотечественники упрекали его въ скупости: человекъ, который жилъ съ такою роскошью, что Французы непремѣнно хотѣли видѣть въ немъ владѣтельнаго князя, называя его принцемъ Демидоромъ, а иные Термидоромъ, скорѣе могъ почитаться мотомъ. Но онъ былъ разчетливъ и, при всей пышности своей, находилъ средства умножать состояніе свое. Всѣ жизненныя наслажденія въ Парижѣ сами идутъ на встрѣчу къ тому, кто въ состояніи за нихъ платить; они осаждали Демидова, онъ предавался имъ, и оттого постигла его равновременная старость. За вкуснымъ, изысканнымъ его обѣдомъ онъ почти ни до чего не касался, кряхтѣлъ и что то часто жаловался мнѣ, говорилъ его словами, на барометровской елей. Не знаю, какъ другіе, а я нашелъ въ немъ великую склонность къ одолженіямъ. Я не просилъ у него денегъ, отказывался даже отъ нихъ, а онъ подъ простую росписку навязалъ мнѣ чегыре тысячи франковъ, съ тѣмъ, чтобъ я отдалъ ихъ въ Петербургѣ управляющему его дѣлами. Когда я объяснилъ ему, что не имѣю никакой въ нихъ нужды, онъ указалъ мнѣ на употребленіе, которое могу изъ нихъ сдѣлать. Совѣтъ его былъ очень полезенъ, я послѣдовалъ ему, а между тѣмъ совѣщусь и повинѣ не только говорить о томъ, даже вспоминать. Съ помощію г-жи Коммаріе купилъ я множество хорошихъ вещей, дешевыхъ во Франціи, съ рукажемъ отослалъ ихъ въ корпусную квартиру, откуда въ казенныхъ ящикахъ отправлены были онѣ въ Россію, гдѣ и проданы съ изряднымъ барышомъ. Конечно, это торговля, но вмѣстѣ съ тѣмъ и контрабанда. Находясь тогда въ числѣ тысячи виновныхъ, старался я извинить себя въ собственныхъ глазахъ.

Пробывъ не болѣе трехъ мѣсяцевъ съ половиной какъ бы въ шумномъ водоворотѣ, гдѣ на каждомъ шагу встрѣчалъ я предметы

удовольствія или отвращенія, только на лету могъ я сдѣлать свои замѣчанія и наблюденія. Характеръ Французовъ давно мнѣ былъ извѣстенъ; природа въ каждаго изъ нихъ влила много добра и зла; и все это переболтала, такъ что, еслибы можно было химически разложить ихъ, трудно было бы одно отдѣлить отъ другаго. Сколько могъ, слѣдилъ я за ихъ политическими мнѣніями. Съ каждымъ годомъ они становятся неувимѣе и измѣнчивѣе; отъ абсолютиста тысячью отступенками можно непримѣтно дойти до Якобинца. Меня удивило совершенное забвеніе, которому Парижане предали тогда Наполеона: ни порицаній, ни похвалъ ему не слыхалъ я. Видѣлъ я большое свободомысліе и вмѣстѣ съ нимъ ужасъ, который производили одно слово *революція* и воспоминаніе о ней. Вообще замѣтно было безотчетное; основательное презрѣніе, впрочемъ безъ ненависти, къ королевской фамиліи. Я надѣялся, что время и новыя привычки совершенно возстановятъ порядокъ.

IX.

Еще не совсѣмъ разсвѣтало, 28-го Сентября, когда съ Русскимъ слугою моимъ пришли мы въ заведеніе дилижансовъ, находившееся въ двухъ шагахъ отъ меня и вблизи отъ новостроящейся огромной биржи. Черезъ полчаса отправились мы по дорогѣ, ведущей въ Бельгю. Карета, въ которой самъ шестой сидѣлъ я, была очень покойна, и мы ѣхали шибко. Мнѣ, признаюсь, жалко было разстаться съ Парижемъ: ни малѣйшей личной непріятности не имѣлъ я въ немъ, а напротивъ, вездѣ и во всѣхъ находилъ предупредительность и ласки; жилъ безопасно и болѣе думалъ о забавахъ своихъ, чѣмъ о поправленіи здоровья; въ то же время начиналъ тосковать и по Россіи, куда собирался воротиться. Оттого погрузился я въ мысли, и хотя сидѣлъ подлѣ окошка, не обращалъ вниманія на мѣста, черезъ кои мы проѣзжали и которыя, впрочемъ, долго оставались покрытыми густымъ туманомъ. При перемѣнѣ лошадей выходить и останавливаться долго я не имѣлъ права и не хотѣлъ. Гдѣ мы были, не знаю; помню только, что кто-то называлъ городокъ Санлисъ.

Въ три часа, когда солнце просіяло, совсѣмъ освободясь отъ туманнаго покрывала, остановились мы въ маленькомъ городѣ Руаами провели въ немъ почти часъ за обѣдомъ въ какомъ-то хорошемъ трактирѣ; послѣ того пустились далѣе. Спутниковъ своихъ я не имѣлъ времени разглядѣть: они часто мѣнялись, и дилижансъ безпрестанно выпускалъ ихъ, чтобы принимать новыхъ. Одинъ только отвратительный старикъ, кажется торгашъ, который лысину свою прикрывалъ шитою шапочкой, до слѣдующаго утра постоянно пребывалъ со мною.

Съ нимъ была довольно еще молодая женщина, какъ узналъ я, не жена его и не дочь, которую видимо тяготило вынужденное обстоятельствомъ сожитіе съ нимъ. Осенью дни становятся коротки, скоро смерклось, и скуки ради я не замедлилъ заснуть. За то проснулся до разсвѣта и съ сожалѣніемъ узналъ, что мы проѣхали два города, Перончъ и Камбрé, на которые мнѣ было хотѣлось взглянуть. Въ дилижансахъ ѣздить почти тоже что съ завязанными глазами. Благодаря Французской нетерпѣливости, они вдвое шибче ѣздить чѣмъ въ Германіи. Не съ большимъ въ сутки сдѣлавъ нашихъ двѣсти пятьдесятъ верстъ, рано по утру приѣхали мы въ Валансьенъ. Я остановился въ гостиницѣ Большой Утки, и пока мой Дорооей, звавшій немного по-французски, пошелъ мнѣ отыскивать и нанимать кабриолетъ въ Мобѣжъ, я отправился гулять по городу. Онъ былъ занятъ Англійскими войсками, и тутъ въ первый разъ увидѣлъ я ихъ красные мундиры. Щеголяя опрятностію и бѣльемъ, офицеры выставляли огромныя батистовыя жабо; подражая ихъ примѣру, нижніе чины дѣлали ихъ изъ тонкой, веленовой бумаги, что мнѣ показалось очень забавно.

Лѣто совершенно воротилось въ этотъ день; мнѣ предстояло не болѣе тридцати верстъ по гладкой дорогѣ, и я, сидя въ кабриолетѣ, поѣхалъ какъ будто на прогулку. Отѣхавъ съ полмили, въ небольшомъ селеніи Брикетъ, увидѣлъ я казаковъ; невольно взыграло во мнѣ сердце: я вступалъ въ Русскія владѣнія. Далѣе показался деревянный столбъ, выкрашенный бѣлою и черною краской, съ красными полосками. Не вдругъ разглядѣвъ, что это такое? спросилъ я у ямщика. «Да это проклятые черти Русскіе наставили намъ», отвѣчалъ онъ съ досадой, принимая меня за Француза. Написано было по-русски разстояніе отъ каждаго городка, и я, считая версты, поѣхалъ какъ бы по Московской дорогѣ. Каково было смотрѣть на это войнамъ Наполеона, которые осенью въ двѣнадцатомъ году утверждали, что Смоленскъ во Франціи! Никто изъ другихъ военачальниковъ Веллингтоновой арміи ничего подобнаго не могъ себѣ позволить. За такую наглость спасибо Воронцову, хотя она могла имѣть вредныя послѣдствія. Съ Великобританскою гордостію, врагъ Наполеона и Франціи, онъ по-русски умѣлъ подражать ихъ хвастовству. Тщеславіе жителей не дало имъ понять, сколь унижительно такое хозяйничанье для ихъ національной чести, а я тотчасъ почувствовалъ, какъ оно усладительно для нашего народнаго самолюбія.

Предупрежденный моимъ письмомъ, братъ ожидалъ меня еще наканунѣ. Онъ за дешевую цѣну занималъ изрядный, небольшой домъ въ два этажа. Находящіеся тутъ Русскіе имѣли право жить постоемъ; но у нихъ было много денегъ, и они предпочитали жить шире и показы-

вать себя щедрыми, чего въ сосѣдствѣ не дѣлали ни Англичане, ни Прусаки. Вообще всѣ сіи наши войны, счастливіе другихъ три года сряду наслаждавшіеся плодами побѣды и, слѣдуя примѣру своего начальника, были привѣтливо-горды съ жителями и старались задабривать ихъ ласками и деньгами.

Небольшой и тѣсно застроенный городъ Мобѣжь со всѣхъ сторонъ окруженъ укрѣпленіями, около коихъ обвивается рѣка Самбра. Я нашелъ въ немъ большую суматоху. Въ первой половинѣ Октября назначены были около Валансьена маневры и большой смотръ всей союзной арміи, куда ожидали изъ Аахена Государя и короля Прускаго. По сему случаю всѣ наши войска стянуты были къ Мобѣжу, и сестра съ мужемъ также находились тутъ у брата.

Городокъ, какъ говорится, былъ биткомъ набитъ, а на улицахъ нигдѣ не слышно было ни одного Французскаго слова: на нихъ встрѣчались одни лишь солдаты наши, деньщики, прислуга генеральская и офицерская. Какъ бы волшебнымъ прутикомъ въ одни сутки перенесенъ я былъ въ Россію изъ центра Франціи. Зная мой вкусъ и желая потѣшить меня, за обѣдомъ, къ которому я прибылъ, мои родные велѣли подать щи, кашу, кулебяку, блины и квасъ, о коихъ почти полгода я даже не слыхалъ. Въ квартирѣ у брата нашелъ я вставленные двойныя рамы, печи и даже одну съ лежанкой. Дабы продлить мое очарованіе, послѣ обѣда призваны были полковые пѣсельники, и они дружно грянули круговую. Чѣмъ же кончилось? Одинъ казачій полковникъ завелъ у себя Русскую баню, какъ нарочно въ этотъ день велѣлъ ее вытопить, и я въ ней парился. Нѣтъ, никогда не забыть мнѣ этотъ день—29 Сентября.

Воронцова не было; онъ только-что уѣхалъ въ Аахенъ, и дня черезъ четыре ожидали его обратно. И здѣсь еще не мѣсто говорить объ этомъ человѣкѣ, который на судьбу мою имѣлъ такое великое вліяніе. Надобно однакоже предполагать въ немъ нѣчто необычайное, покоряющее ему людей, не смотря на всѣ его слабости. Мобѣжь былъ полонъ его имени, оно произносилось на каждомъ шагу и черезъ каждыя пять минутъ. Онъ составилъ дружину изъ преданныхъ ему душею, окружающихъ его людей. Для нихъ имѣлъ онъ непогрѣшимость папы; онъ не могъ сдѣлать ничего несправедливаго или неискускаго, ничего сказать неумѣстнаго; безпрестанно грѣшили они противъ заповѣди, которая говоритъ: не сотвори себѣ кумира. Не бывъ царемъ, вѣчно слышалъ онъ около себя лесть, только чистосердечную, энтузіазмомъ къ нему произведенную. Оттого привычка быть обожаемымъ обратилась у него въ потребность; онъ сталъ вѣровать только въ себя и въ приближенныхъ своихъ, а на всѣхъ прочихъ смотрѣлъ съ жесто-

чайшимъ презрѣніемъ. Я вскользь познакомился съ сими Воронцовскими приверженцами; лѣтъ черезъ пять пришлось мнѣ быть съ ними въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ и, можетъ быть, о каждомъ изъ нихъ долженъ я буду много говорить; потому-то здѣсь нѣкоторыхъ только что назову а именно: дальняго родственника его Димитрія Нарышкина, Богдановскаго, Дунаева, Казначеева, барона Франка, Ягницкаго, Русанова и, наконецъ, одного дипломата, меньшаго брата Тургеневыхъ, Сергѣя. Съ послѣднимъ не случалось мнѣ потомъ болѣе нигдѣ встрѣтиться. Не имѣя ума старшихъ братьевъ своихъ, сей впрочемъ добрый малый былъ тщеславенъ, какъ Александръ, и честолюбивъ какъ Николай. Всѣ эти люди, отдавшіе себя въ кабалу къ Воронцову, между тѣмъ ужасно какъ либеральничали.

Чрезвычайно странно было видѣть обращеніе Русскихъ солдатъ съ простыми Французами: они обходились съ ними ласково, и тѣмъ только давали имъ чувствовать превосходство свое надъ ними, что всегда подшучивали какъ большіе съ дѣтьми. Въ ихъ сужденіяхъ о Франціи было много смысла, напримѣръ: «Гдѣ тутъ между этимъ народомъ быть толку, говорили они, когда и мужикъ у нихъ мусью, и царскій братъ мусью». Мнѣ пересказывали вѣчный споръ двухъ унтеръ-офицеровъ, который подслушали. Одинъ стоялъ за Лудовика XVIII, другой за Наполеона. «Ну что твой Дизвитовъ (такъ называли они короля), хорошъ гусь! Ну на что онъ похожъ?» говорилъ одинъ. «Вѣдь нашъ Государь посадилъ его на престолъ, да и велѣлъ Французамъ его слушаться, а безъ того они бы на него и глядѣть не захотѣли. То ли дѣло Бонапартъ? Вотъ ужъ былъ молодецъ: цѣлый свѣтъ заставлялъ плясать по своей дудочкѣ». А другой отвѣчалъ: «Али тебѣ жаль, что онъ мало жегъ, рѣзалъ и грабилъ нашу матушку-Россею? Развѣ ты забылъ, что по милости батюшки Дизвитова мы славно живемъ? Онъ насъ поитъ и кормить. Тотъ былъ больно прытокъ, вездѣ рыскалъ; а мой-то себѣ на умѣ, сидѣлъ у моря, да ждалъ погоды; вотъ и дождался, теперь царствуетъ и благоденствуетъ. А гдѣ твой Бонапартъ скажи-ка? На морѣ на окіянь, на островѣ на Буянѣ, какъ быкъ печеной ѣсть чеснокъ толченой». Городамъ ими занимаемымъ и сосѣднимъ солдаты дали Русскія имена: Като-Камбрезисъ, или просто Като, назвали Коты, Авель—Овиномъ и Валансьенъ—Волосанемъ. Начальники, говоря съ ними, привыкли къ симъ названіямъ и, наконецъ, стали ихъ употреблять и между собою.

Черезъ нѣсколько дней Мобѣжъ началъ пустѣть: войска потянулись на маневры къ Валансьену и далѣе. Мы съ сестрой, оставшись одни, отъ нечего дѣлать собрались прокатиться къ арміи, тѣмъ болѣе что погода стояла прекрасная. Сперва обѣдали въ маленькомъ городѣ

Баве, потомъ ночевали и на другой день обѣдали въ Валансьенѣ. Оттуда, сдѣлавъ четыре льё или 16 верстъ, пріѣхали въ мѣстечко, или бургаду, Солемъ, гдѣ назначена была временная квартира генерала Алексѣева. Домъ ему отведенный былъ порядочный, только тѣсный. Меня же, какъ будто чиновника принадлежащаго къ корпусу, помѣстили постоемъ къ одному, не знаю какъ сказать, мѣщанину или поселянину, только не хлѣбопашцу. Фландрія была искони землею промышленною, отчизною батиста и кружевовъ, и оттого почти всѣ жители ея были люди зажиточные, въ томъ числѣ и мой хозяинъ. Комната, въ которой жилъ я у него, была просторна и опрятна, на постели бѣлье было не самое тонкое, но чистое; одного только не доставало—деревяннаго пола: его замѣняла, какъ въ Малороссіи, битая земля. Пробывъ тутъ сутокъ полторы, воротились мы въ притихшій Мобѣжь.

Скоро онъ опять наполнился и сдѣлался шумнымъ. Маневры кончились, и 13-го Октября, чѣмъ свѣтъ, прибылъ Государь съ королемъ Прусскимъ, съ тѣмъ чтобы пробыть въ немъ цѣлый день. У Воронцова для ихъ величествъ приготавлился обѣдъ и великолѣпный вечеръ, на который я, какъ всѣ другіе, не могъ быть приглашенъ, ибо по случаю безпрестанныхъ его разъѣздовъ не успѣлъ быть ему представленъ.

Мобѣжь до революціи принадлежалъ капитулу какихъ-то канониссъ. Онѣ имѣли въ немъ съ не весьма большимъ садомъ довольно большой домъ въ два этажа, который занималъ тогда Воронцовъ. Онъ не былъ довольно просторенъ, чтобы въ немъ можно было сдѣлать балъ для великаго числа наѣхавшихъ гостей, свиты обоихъ государей, принцевъ, штаба главной и всѣхъ корпусныхъ квартиръ и, наконецъ, цѣлой кучи любопытныхъ леди, присутствовавшихъ на маневрахъ. Для того придумали въ саду придѣлать къ нижнему этажу двѣ большія палатки, внутри богато убранныя, такъ чтобы въ нихъ былъ выходъ прямо изъ комнатъ. У насъ въ Октябрѣ танцовать въ палаткахъ было бы нѣсколько опасно, а тутъ стояла такая погода, что самихъ жителей приводило въ удивленіе. Видно иногда становилось слишкомъ жарко, ибо по временамъ опускались пѣлы, и тогда я, въ небольшой толпѣ разгуливая по саду, могъ смотрѣть и какъ бы участвовать въ увеселеніи. Болѣе всего хотѣлось мнѣ видѣть господина Веллингтона, съ его длиннымъ носомъ. На этомъ балѣ торжествующій Воронцовъ показалъ себя однакоже мелочнымъ человѣкомъ. Приписывая сестрѣ моей, коей умъ былъ всѣми признаваемъ, тотъ искусный отпоръ, который добродушный мужъ ея далъ ему, онъ втайнѣ на нее сердился. Прежде, бывало, когда онъ затѣветъ пиръ и долженъ принимать какую-нибудь важную особу, посылаетъ къ ней адъютанта съ убѣдительнымъ пись-

момъ прѣхать къ нему въ Мобѣжъ и быть хозяйкой у него, холостаго генерала. Тутъ представилъ онъ Государю всѣхъ генеральскихъ женъ, а ее, жену старшаго изъ нихъ, какъ будто позабылъ. Но Веллингтонъ, который не разъ бывалъ въ Ретелѣ, и король Прусскій, который во время разѣздовъ своихъ пробылъ въ немъ двое сутокъ и оба дня обѣдалъ у сестры моей, нашли ее и прошлись съ нею Польскій. Тогда и Государь пожелалъ узнать, кто эта неизвѣстная дама, подошелъ къ ней съ самыми любезными рѣчами и также повелъ ее ходить Польскій. Слѣдственно, маленькое мщеніе Воронцова было совсѣмъ неудачно.

Слѣдующимъ утромъ, отъѣзжая, Государь явилъ нѣсколько милостей, начиная съ корпуснаго начальника. Изъ генераловъ одному только Алексѣеву хотѣлъ онъ дать Александровскую ленту; но Воронцовъ тому воспротивился, представляя, что, какъ нищему человѣку, денежное пособіе будетъ ему пріятнѣе; и Государь къ прежней арендѣ прибавилъ ему другую, въ двѣ тысячи рублей серебромъ. Алексѣеву было подосадовалъ, но благоразумная жена была тому чрезвычайно рада. Послѣ продолжительной масляницы, для нея съ мужемъ наступалъ великій постъ, и надобно было позаботиться о томъ, чтобы сдѣлать его менѣе строгимъ. Вскорѣ потомъ и Французскій король прислалъ ему награду, одинаковую съ Воронцовымъ, военный орденъ Св. Лудовика первой степени. Изъ всѣхъ генераловъ союзной арміи жители мѣстъ, ею занимаемыхъ, ему одному только оказали необыкновенную честь, выбили медаль съ изображеніемъ его имени и изъявленіемъ ихъ благодарности, и на прощаньи одну золотую, нѣсколько серебряныхъ и бронзовыхъ поднесли ему. Брату моему тоже пожалованъ былъ Анненскій брилліантовый крестъ на шею, да отъ короля Французскаго небольшой перстень, солитеръ тысячи въ три франковъ.

Говоря о чужихъ наградахъ, не надобно мнѣ забывать и о собственной, почти въ то же время мною полученной. Пока я былъ еще въ Парижѣ, Бетанкуръ увѣдомилъ меня, что по его представленію произведенъ я въ коллежскіе совѣтники, со старшинствомъ съ 31-го Декабря 1813 года. Этотъ чинъ слѣдовалъ мнѣ за выслугу лѣтъ, слѣдственно милость была не велика; но старшинство мнѣ данное обращало временное служеніе мое въ Пензѣ и потомъ полуторагодовую отставку въ настоящую службу. Если въ продолженіи этого времени не получалъ я наградъ, то моя вина: я всегда отказывался отъ крестиковъ, которые предлагалъ мнѣ Бетанкуръ. Дабы чѣмъ-нибудь усладить вѣчность титулярныхъ совѣтниковъ, началъ имъ давать Владимірскіе кресты и даже Авиньонскіе на шею. Потомъ, во время продолжительной войны, при движеніи огромныхъ армій, необходимо было сыпать ихъ на офи-

церовъ. Наконецъ, для Аннинскаго ордена учредили новую степень въ петлицу. Для щегольства, для того, чтобы наши кресты и медали вмѣстѣ съ иностранными на груди военныхъ людей могли составлять какъ бы пестрые букеты, чрезвычайно уменьшили величину ихъ.... Съ тѣхъ поръ въ глазахъ крестолубивой Россіи потеряли они болѣе половины своей прежней цѣны.

Дни черезъ два послѣ отъѣзда Государя, въ Мобѣжѣ все утихло, пришло въ обыкновенное состояніе. Надобно же было, наконецъ, представиться мнѣ графу Воронцову. Я нашелъ его за завтракомъ, за который посадилъ онъ меня и такъ много явилъ ласки, что показался мнѣ отменно милъ. На другой день онъ опять уѣхалъ и при мнѣ уже не возвращался. Во дни добраго согласія его съ Алексѣевымъ, сестра моя шутя твердила, что пора бы ему жениться и съ большими похвалами говорила ему о меньшей Браницкой, которую знала съ ребячества и года за три передъ тѣмъ видѣла у матери ея въ Бѣлой Церкви. На это отвѣчалъ онъ только смѣхомъ. Въ это самое время старая графиня Браницкая пріѣхала въ Парижъ, а онъ подъ предлогомъ окончанія какихъ-то дѣлъ туда отправился. Тамъ увидѣлъ онъ, если не молоденькую, то весьма молодую суженую свою. Она не могла ему не понравиться; она нельзя сказать, чтобы была хороша собою, но такой пріятной улыбки кромѣ ея ни у кого не было, а глазки ея были еще лучше прекрасныхъ глазъ богатаго ларца ея, какъ говорить Скупой въ Мольерѣ. Къ тому же Польское кокетство пробивалось въ ней сквозь большую скромность, къ которой съ малолѣтства пріучила ее Русская мать, что дѣлало ее еще привлекательнѣе. Мигомъ поворотилъ онъ этимъ дѣломъ, и скоро узнали, что онъ женится. Воротившись въ Мобѣжъ, онъ совершенно переимѣнился къ сестрѣ моей, повторяя, что въ ней видитъ пророчицу своего счастья. Но этотъ бракъ былъ, кажется, причиною, что онъ тогда не воротился въ отечество, а начальствованіе надъ корпусомъ сдалъ Алексѣеву, который и привелъ его въ Россію.

Одного только прежняго знакомаго, Кяхтинскаго и Петербургскаго, нашелъ я въ Мобѣжѣ. Сынъ министра финансовъ (тогда еще не графа) Гурьева, съ Нижегородскимъ ополченіемъ былъ въ одномъ только сраженіи, за что изъ дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ переименованъ въ генераль-майоры, потомъ женился на дочери начальника своего, графа Петра Александровича Толстаго, во Франціи командовалъ пѣхотною бригадою и стоялъ на квартирахъ въ Ландресі. Преслѣдуемый воспоминаніемъ о единственномъ военномъ подвигѣ своемъ, этотъ тяжеловѣсъ всѣхъ имъ преслѣдовалъ: не было у него другихъ разговоровъ, какъ о позиціи, которую занималъ онъ подъ Дрезденомъ между картофелемъ и рѣпою. Въ кратковременное мое тутъ пребываніе мы нѣ-

сколько разъ обѣдали у него съ Алексѣевымъ; славный столъ и пріятности для меня общества жены его давали мнѣ терпѣливо переносить скуку, которую всегда разливалъ онъ вокругъ себя. Говоря объ Авдотѣ Петровнѣ, хотѣлось бы мнѣ перевести Французское слово *câlinerie*, и для того выдумываю Русское слово ластительность: ея было въ ней много, хотя по временамъ очи ея и тогда на минуту загорались сильнымъ гнѣвомъ. Она мнѣ чрезвычайно нравилась. Посмотрите на котенка, когда онъ катаетъ шарикъ или играетъ съ пробкой, какъ онъ забавенъ! Какъ всѣ движенія его милы, хотя съ мурлыканіемъ онъ и выпускаетъ маленькіе когти свои! Посмотрите на него черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, и вы его узнаете въ мрачной, сердитой кошкѣ. Вотъ исторія Авдотьи Петровны Гурьевой.

Еслибъ я зналъ, что Алексѣевъ будетъ начальникомъ корпуса и поведетъ его чрезъ всю Германію, можетъ-быть, пожелалъ бы я идти покойно съ войскомъ; но я не зналъ еще этого и очень торопился. Такъ какъ я часто прихварывалъ, меня свели и поладили съ однимъ докторомъ, Лукой Егоровичемъ Пикулинымъ, къ которому благоволилъ Воронцовъ и которому велѣлъ онъ дать курьерскій пашпортъ въ Россію, слѣдственно и деньги на проѣздъ. Онъ былъ человекъ добрый, веселый, говорили, искусный врачъ, въ случаѣ нужды дорогой могъ мнѣ быть полезенъ и согласился за тысячу рублей ассигнаціями довести меня до Петербурга. Такимъ образомъ не только даромъ, но и съ барышемъ могъ онъ туда доѣхать.

Въ день Казанскія Богматери, 22 Октября, послѣ завтрака, не совсѣмъ ранняго, сѣли мы съ нимъ въ коляску его съ поднятымъ верхомъ и благословясь пустились въ путь. Скоро проѣхали мы Нидерландскую, нынѣ Бельгійскую, границу и пріѣхали въ Монсъ или Бергенъ, большой городъ, который послѣ Мобѣжа показался мнѣ еще больше. Мы остановились на какой-то большой площади, наполненной народомъ; но я не выходилъ изъ повозки: сдѣлалось холодно, пошелъ мелкій дождь, и лошадей намъ очень проворно перекладывали.

Какъ слѣдуетъ курьерамъ, поѣхали мы всю ночь. Мнѣ хотѣлось было взглянуть на Нивель, на Сомбрѣфъ, мѣста, гдѣ было сильное движеніе войскъ, и коихъ касалось самое недавнее знаменитое Ватерлооское сраженіе; но смерклось, и при пасмурномъ небѣ зги было не видать. Довольно поздно проѣхали мы чрезъ неуснувшій еще и весьма оживленный Намюръ; ничего видѣть и замѣтить въ немъ не могъ я, кромѣ весьма хорошаго освѣщенія фонарями, повѣшенными посреди улицъ. Наконецъ началъ я дремать, но скоро пробудился и опять заснуть уже не могъ. Небо выяснилось, заря занялась, и мы ѣхали бѣберегами Малса, дѣйствительно очаровательными. Особенно поразило

меня то мѣсто, гдѣ близъ города Гюи находится замокъ, принадлежавшій принцу Нассау-Зигенъ. Берегами все той же рѣки, при погодѣ совершенно разгулявшейся, въ веселомъ расположеніи духа, пріѣхалъ я въ Литтихъ, прежде столицу богатаго князе-епископства. Намъ, торопящимся домой, что было дѣлать въ этомъ большомъ городѣ, если, не пользуясь временемъ, хорошо въ немъ отобѣдать и тотъ же часъ ѣхать далѣе?

Только-что совсѣмъ смерклося, пріѣхали мы въ Ахенъ, шумный по случаю конгресса, и остановились въ гостинницѣ, кажется, Золотаго Дракона. У Пикулина были какія-то дѣла, какія-то порученія, и онъ объявилъ мнѣ, что намѣренъ тутъ немного пробыть. Наша комната выходила окнами на такую узкую улицу, что у насъ и въ Ригѣ подобной не найдешь. Насупротивъ былъ большой домъ, который внутри весь какъ жаръ горѣлъ. Союзные монархи еще не уѣхали, и живущая въ немъ княгиня Турнь-Таксійская, сестра покойной королевы Прусской, давала имъ прощальный праздникъ. Вечеръ былъ такъ тепелъ, что въ комнатахъ, видно, стало жарко, ибо всѣ окошки были открыты. Но они были выше нашихъ (которыя мы также отворили), и хотя въ двухъ шагахъ мы никого не могли разглядѣть, за то слышали, какъ у себя, знаменитую Каталани, которая раза три принималась пѣть. Нельзя было не подивиться силѣ, гибкости и чистотѣ ея голоса; въ пріятности я въ немъ не нашель (можетъ-быть, отъ удаленія, подумалъ я).

Хорошенько выспавшись, пока Пикулинъ ходилъ по своимъ хлопотамъ, на другое утро пошелъ я посмотрѣть по многимъ отношеніямъ достопримѣчательный городъ. Началъ я, разумѣется, съ древняго собора, въ восьмомъ вѣкѣ построеннаго, и поклонился огромной плитѣ, всю середину храма занимающей, на которой большими буквами простая надпись: Carlo Magno. Подъ этою плитой сидѣлъ въ вѣнцѣ Карлъ Великій, возстановитель Западной Имперіи; не знаю, лежитъ ли онъ даже подъ нею теперь; по крайней мѣрѣ, стулъ его стоитъ на поверхности близъ престола. Потомъ, полюбовавшись большимъ фонтаномъ съ древними украшеніями, вошелъ я въ ратушу, передъ которою онъ стоитъ, и меня пустили въ залу посмотрѣть на хорошо писанную картину, на которой изображены всѣ полномочные, подписавшіе Ахенскій миръ въ 1748 году. Попытался было я поглядѣть на цѣлительныя воды, въ эту пору уже закрытыя, и съ просьбой о томъ обращался къ старой мадамъ Дубикъ, содержательницѣ заведенія при нихъ, къ которой былъ я адресованъ; но она мнѣ ничего не показала, хотя кромѣ минеральныхъ источниковъ я ничего видѣть не хотѣлъ. Навѣстилъ я также единственнаго дипломата, мнѣ тутъ знакомаго, Северина; онъ

былъ, казался, или хотѣлъ казаться печальнымъ, лишившись не долго передъ тѣмъ молодой жены, сестры известнаго Стурдзы. Дѣла Пикулина кончились скорѣе чѣмъ я ожидалъ, и послѣ обѣда тотчасъ опять должны мы были отправиться въ путь.

Въ потьмахъ проѣхали мы Юлихъ, а когда стало свѣтать, то въ Дюссельдорфъ по мосту переѣхали черезъ Рейнъ и тутъ совсѣмъ не красивый. Эти два города я все равно что не видалъ, ибо посматрѣлъ на нихъ сквозь сонъ, не ступая въ нихъ ногою. Къ обѣду, говоря древнимъ Нѣмецкимъ языкомъ, то есть часу въ первомъ, приѣхали мы въ Эльберфельдъ. Вотъ этотъ городъ жаль было бы проѣхать, не взглянувъ на него. Тутъ самая промышленная сторона въ Германіи: окрестности его и онъ самъ застроены фабриками полотняными, шелковыми. Оттого-то во всемъ виденъ чрезвычайный избытокъ; встрѣчаются однѣ только сытыя фигуры. На почтовый дворъ приѣхали мы въ самую пору, чтобы сѣсть за общій столъ. Проѣзжая городомъ, не видалъ я ни одной церкви, а на площади замѣтилъ отдѣланное большое, продолговатое, четверугольное зданіе, обнесенное колоннами, какъ Петербургская биржа. Какой большой отстраивается у васъ театръ, сказалъ я сидящему противъ меня за столомъ содержателю почты и трактира. «Это не театръ», отвѣчалъ онъ мнѣ. «Да что же такое?» Тогда рукой сдѣлалъ онъ мнѣ знакъ, на который отвѣчалъ я, и мы другъ друга поняли. «Это наша главная масонская ложа, радостно молвилъ онъ мнѣ тогда. Оборотясь къ Пикулину, «вѣдь этотъ трактирщикъ мнѣ братъ, сказалъ я по-русски; вы увидите, что онъ съ насъ ничего не возметъ». А вышло, что злодѣй отъ насъ потребовалъ двойную братскую помощь.

Ну, подумалъ я, въ хорошемъ состояніи находится здѣсь религія! Впрочемъ, оно такъ и должно быть въ странѣ совершенно промышленной: въ ней все одно положительное, рассчитанное. Свѣжіе, почти дикіе народы сильнѣе прилѣпляются къ вѣрѣ; они не разсуждаютъ, а чувствуютъ и сердцемъ угадываютъ. Можно ли математически доказать причину всего восторженнаго, глубокаго религіознаго чувства, безумія любовной страсти и поэтическихъ вдохновеній?

Небо было еще свѣтло, воздухъ былъ еще довольно тепелъ 25 Октября, когда, отобѣдавъ, оставили мы Эльберфельдъ; но это было въ послѣдній разъ. Небольшія пріятности, которыя дотолъ представляла мнѣ дорога, прекратились, и начались одни только ея мученія.

Еще въ Аахенѣ съ Пикулинымъ составили мы себѣ маршрутъ; обоимъ хотѣлось скорѣе доѣхать. Я взялъ карандашъ и на карманной почтовой картѣ провелъ кратчайшую линію до Берлина; придерживаясь ея, ѣхали мы сперва по большому тракту, только послѣ начали путаться. Пикулинъ былъ очень добрый малый; воспитанный въ меди

цинской школь, онъ выпущенъ былъ изъ нея лѣкаремъ въ армейскій полкъ; потомъ, все таскаясь по походамъ, заслугами и искусствомъ возвысился до званія дивизионнаго доктора и остался, какъ говорится, совсѣмъ военная кость. Учености по своей части было у него много, просвѣщенія довольно, образованія никакого. Съ самаго начала предложилъ онъ мнѣ ночью поочередно дежурить, на станціяхъ выходить изъ коляски, чтобы осматривать ее. Я рѣшительно отказался; никогда не имѣвъ собственныхъ экипажей, ничего не смыслилъ я насчетъ ихъ прочности и устройства; особенно ночью, легко могъ проглядѣть сломленный винтъ или согнувшуюся рессору, слѣдственно трудъ мой былъ бы напрасенъ. Это не совсѣмъ ему было пріятно. Первый разъ въ жизни рѣшился я ѣхать совсѣмъ безъ слуги, что уже меня чрезвычайно тяготило, а тутъ долженъ бы былъ еще взять на себя часть его обязанностей. Я согласился превратиться въ чемоданъ, какъ онъ не имѣть воли, но съ тѣмъ, чтобы, какъ онъ, лежать неподвижно. Пикулинъ не могъ надивиться тому, что называлъ онъ моею измѣженностью; онъ былъ человѣкъ походный, а я только-что дорожный и съ сожалѣніемъ долженъ признаться, что цѣлый вѣкъ оставался Русскимъ барченкомъ. Въ одномъ согласился я помогать ему, и то только днемъ: расплачиваться, вести счетъ издержкамъ и записывать его.

Въ ночи съ 25 на 26 число вѣхали мы въ ужасную Вестфалію, отчизну окороковъ, гдѣ скоро и люди показались мнѣ свиньями. Въ эту ночь осенній дождь пошелъ ливня и въ воздухѣ вдругъ произвелъ стужу. То по чемъ мы ѣхали, хотя и называлось большою дорогою, но, право, сдѣлалось хуже нашихъ проселочныхъ; развѣ теперь только тамъ шоссе. А что за неопрятность, не говорю въ обывательскихъ домахъ, въ кои не входилъ я, а въ почтовыхъ, на станціяхъ и въ гостиницахъ! Вообще въ Германіи возятъ тихо, не болѣе положенной мили въ часъ; тутъ, ссылаясь на дурную погоду, вдвое тише, несмотря на нашъ Русскій курьерскій нашпортъ. На станціяхъ держали не менѣе полчаса, не оттого, чтобы не было лошадей, а оттого что почтовыми узаконеніями это дозволено. Напрасно горячился Пикулинъ, грозя привести жалобу; ему отвѣчали грубымъ хладнокровіемъ. Такимъ образомъ въ цѣлые сутки могли мы сдѣлать только двадцать миль, или 140 верстъ. нашихъ любезныхъ земляковъ, бредящихъ заграничною жизнію, послалъ бы я сюда пожить и поѣздить. Я могъ мало заснуть и хорошо помню имена городковъ или мѣстечекъ, гдѣ мы мѣняли лошадей: Швельмъ, Унна, Верль, Сѣсть; эти названія не весьма пріятныя, но въ нихъ нѣтъ ничего страшнаго, а я до сихъ поръ безъ ужаса не могу произнести ихъ. Въ полдень прибыли мы въ большой городъ Падерборнъ, основанную Карломъ Великимъ столицу его въ землѣ покоренныхъ имъ

отчаянныхъ сподвижниковъ Витикинда. Въ этомъ городѣ былъ и банкиръ, ибо Пикулинъ пошелъ къ нему за деньгами; были и вывѣшенныя во множествѣ колбасы и сосиски. Изъ этого заключилъ я, что первые Нѣмцы, прибывшіе въ Россію, вѣроятно были Вестфальцы, и что оттого называютъ ихъ у насъ колбасниками и копчеными шмерцами.

Отѣхавъ не болѣе одной станціи отъ Цадерборна, должны мы были остановиться у вѣзда небольшого города Дрибурга. Окрестности его въ глухую осень ужасны: высокія горы, дебри и пропасти; лѣтомъ, когда съѣзжаются на его цѣлительныя воды, должны онѣ быть живописны. Коляска Пикулина была не изъ лучшихъ, ветхая, поѣзженная, не выдержала такой дороги, что-то въ ней изломалось, и надобно было чиниться. Въ первомъ домѣ, куда насъ пустили, спросилъ я особую комнату; мнѣ дали большую, холодную, просто выбѣленную, но неопрятную постель; простой столъ и два стула составляли ея мебелировку; небольшая печь только что дымилась, а не грѣла. Я лежалъ закутанный въ теплую шинель, словно какъ на дворѣ, и въ этомъ положеніи долженъ былъ оставаться ночь и слѣдующее утро. Внезапная совершенная перемена погоды вездѣ случается въ Октябрѣ, даже въ южныхъ странахъ, гдѣ я послѣ бывалъ. Поздняя осень похожа на глубокую старость; ея красные дни тоже чтò крѣпость и здоровье осмидесятилѣтняго: неожиданно подуетъ аквилонъ, пли безъ всякой видимой причины нагрянетъ смерть, и въ мигъ все истребится.

Выбравшись 27-го изъ Дрибурга, потащились мы на Бракель, Гѣкстеръ, Голцминденъ. Названія сихъ мѣстъ я очень помню; они были у меня на картѣ, я ихъ твердилъ и слышалъ, какъ произносятъ, когда мѣняли лошадей. Къ вечеру мнѣ сдѣлалось дурно; я просилъ моего спутника оставить меня въ покоѣ, не говорить даже со мною. Ночью спалъ ли я не знаю, а, кажется, болѣе былъ въ забытїи и не слышалъ, какъ переѣхали черезъ Везеръ, единственную, истинно-Нѣмецкую рѣку. Когда разсвѣтало, и я очнулся, увидѣлъ я, что мы вѣзжаемъ въ узкую улицу между высокихъ домовъ.

— Гдѣ мы? спросилъ я.

— Въ Вольфенбюттелѣ, отвѣчали мнѣ: во второмъ городѣ Брауншвейгскаго герцогства.

— Да какъ мы въ него попали? сказалъ я: намъ слѣдовало быть въ Госларѣ, — это крѣкъ.

— А все по милости вашей мы такъ путаемся, отвѣчалъ Пикулинъ: хотѣли дать прямое направленіе путешествію нашему, а тутъ вдругъ ничего знать не хотите. Лучше бы я сдѣлалъ, еслибы съ самаго

начала поворотилъ на Кёльнъ и на Кассель; тамъ гдѣ нѣтъ шоссе есть по крайней мѣрѣ мостовая.

Онъ былъ правъ, но неделикатно ему было мнѣ о томъ говорить. Отѣхавъ немного далѣе, днемъ замѣтилъ онъ, что у меня довольно сильный жаръ, и обѣщаль остановиться въ первомъ хорошемъ городѣ. Это былъ Гальберштадтъ, до котораго, однакожъ, оставалось еще семь миль.

Мы пріѣхали въ него только что смерклось. Я объявилъ, что, не жалѣя денегъ, хочу остановиться въ лучшей гостинницѣ; мнѣ указали на *Розу*; по слабости моей въ этомъ названіи увидѣлъ я хорошее предзнаменованіе, и ожиданія мои оправдались. Меня ввели въ комнату, красивыми обоями облеенную, хорошо вытопленную, вмѣщающую въ себѣ роскошную постель и все, что нынѣ называется комфортомъ, и въ серебряныхъ подсвѣчникахъ подали восковыя свѣчи. Докторъ-товарищъ далъ мнѣ что-то успокоительное, я укрѣпилъ себя пищею, и съ седьмого часа вечера принялся спать. Вдругъ будить меня немилосердый Пикулинъ, увѣряя будто полсутки провелъ я обнявшись съ Морфеемъ, а мнѣ казалось, что полчаса прошло только, какъ я заснулъ. Дѣлать было нечего; я чувствовалъ себя свѣжѣе и тверже, всталъ, одѣлся и поѣхалъ. На ясномъ небѣ звѣзды такъ и горѣли, хотя на окраинахъ его уже вытянулась багровая, малиновая полоса, предвѣстница бурнаго дня. Дѣйствительно скоро вѣтеръ разыгрался и сталъ свистѣть съ такою яростію, что того и гляди, что онъ опрокинетъ нашу коляску. Странная была погода: ясно, холодно, но безъ мороза, а то что мы называемъ сиверко. Къ полудню опять утихло и потемнѣло. Укрѣпленный Магдебургъ, который вечеромъ проѣзжали мы, не оставиваясь въ немъ, въ темнотѣ показался мнѣ гигантскимъ городомъ.

На слѣдующій день, по выѣздѣ изъ Гальберштадта, 30 Октября, прибыли мы утромъ въ Берлинъ, въ извѣстный уже мнѣ міръ. Названія гостинницы на Липовой аллеѣ, гдѣ мы остановились, не помню; комматой же своею я былъ такъ доволенъ, что первый день не хотѣлъ съ нею разстаться, тѣмъ болѣе что чувствовалъ себя не совсѣмъ еще хорошо. Прогуливаясь, на другой день, по мѣстамъ мнѣ знакомымъ, почувствовалъ я ту скуку и тоску, которую, какъ увѣряютъ, Берлинскій воздухъ производитъ во всѣхъ пріѣзжихъ, и отъ вліянія котораго я лѣтомъ избѣжалъ. У Пикулина были знакомые медики, ему нужно было съ ними видѣться, и онъ располагалъ пробить еще два дни, по 2-е Ноября. Чтобы не ходить со двора и не скучать одному дома, въ книжной лавкѣ купилъ я Французскіе романы, и въ чтеніи ихъ провелъ все время.

Мы отправились по той же дорогѣ, по которой въ Маѣ ѣхалъ я съ Блудовымъ; только на этотъ разъ дѣло шло немного скорѣе: земля подмерзла, ее накатали, дорога стала глаже, и мы болѣе торопились. Повторять названія мѣстъ, чрезъ кои проѣзжалъ я на семь обратномъ пути, означая только день проѣзда моего, считаю излишнимъ. Ничего примѣчательнаго со мною тутъ не случилось. Одно только заслуживаетъ здѣсь быть помѣщеннымъ. Въ городѣ Нови, или Нейенбургѣ на Вислѣ, за столомъ подавалъ намъ кушанье молодой, почтительный услужливый Полякъ. На станціяхъ слышалъ я вездѣ одинъ Нѣмецкій языкъ; тутъ обрадовался Польскому, который немного зналъ съ ребячества, почти какъ Русскому, и съ слугой пустился въ разговоры. Сродство языковъ всегда располагало меня быть снисходительнымъ къ Полякамъ, не смотря на тысячу причинъ, кои имѣю ненавидѣть ихъ.

Послѣ обѣда далъ я слугѣ талеръ, а онъ поцѣловалъ у меня руку. Пикулинъ взбѣсился. «Кто въ Европѣ у господина станетъ цѣловать руку? воскликнулъ онъ. Одни только Поляки и Русскіе умѣютъ быть такъ подлы!» — «И такъ добры, сказалъ я, что не гнушаются продолжительно, просто и ласково говорить съ низшими. На Западѣ, продолжалъ я, младшіе всегда готовы къ возстанію на старшихъ и удерживаемы только ихъ убійственно-холоднымъ обхожденіемъ; всѣ состоянія находятся тамъ въ непріязненномъ между собою расположеніи и когда нибудь дойдутъ до сильной борьбы. У васъ въ Европѣ по возможности воздерживаются отъ всякихъ знаковъ наружнаго почтенія; послѣдователи новыхъ христіанскихъ вѣръ и сектъ, въ ней изобрѣтенныхъ, передъ Божествомъ даже не сгибаютъ колѣнъ; во храмѣ иные сидятъ въ шляпахъ. Подъ именемъ сохраненія человѣческаго достоинства всѣмъ сословіямъ внушили тамъ гордыню, а отъ нея не одни люди, но и ангелы пали. Оставьте же намъ пока наше смиреніе; съ нимъ не погибли мы, а напротивъ недавно спаслись, да еще спасли и другихъ». Такъ говорилъ я; откуда у меня что бралось и когда вспомню теперь, то какъ будто предрекалъ настоящее. Мой добрый Пикулинъ, совершенно-Русскій человѣкъ, въ Воронцовскомъ корпусѣ былъ весь вытертъ либерализмомъ, Европеизмомъ, никогда не слыхалъ ему возраженій и отъ того не имѣлъ случая никогда разсуждать о томъ. Онъ не нашель чѣмъ бы мнѣ отвѣчать и старался обратить все это въ шутку.

Какъ бы ни было, а Кѣнигсбергъ все-таки столица, да по милости Наполеона нѣсколько времени былъ еще и королевскою резиденціей: проѣхать его, не отобѣдавъ въ немъ и не переночевавъ, было бы неприлично. Эту дань уваженія заплатили мы ему 6-го Ноября. Въ томъ самомъ трактирѣ и въ той же комнатѣ, которую занималъ я въ первый

мой проѣздъ, остановился я; въ ней дочиталъ я романъ, купленный и начатый въ Берлинѣ, и болѣе ничего въ Кёнигсбергѣ не дѣлалъ.

Изъ любопытства хотѣлось мнѣ видѣть Штрандъ; до свѣта, 7-го числа, отправились мы на него, а еще не по немъ. Отъ станціи Мюльзенъ, единственной, которую на этомъ пути я видѣлъ, идетъ верстъ на сто песчаная коса, называемая Нерунгъ. Когда показался свѣтъ или скорѣе освѣтилась густая мгла, покрывающая небо, открылось намъ шумящее Балтійское море. Слѣва оно бушевало, а справа песчаная, голая равнина подымалась едва замѣтнымъ откосомъ и образовывала цѣпь низкихъ холмовъ, на вершинѣ которыхъ кой-гдѣ торчали сосны. Никогда столь печальнаго зрѣлища я не видалъ. Плохія, тощія лошади могли везти только по мокрому песку, и для того ямщикъ держался все самаго берега. Море, которое отражало мракъ облаковъ, можно было назвать чернымъ; изъ него высоко подымались бѣлѣющіяся волны и всей этой картинѣ давали видъ совершенно траурный и гробовой. Онѣ безпрестанно досягали до коней и до колесницы и разбивались о колеса; иногда обхватывали всю коляску, какъ бы готовые увлечь ее съ собою, и брызги ихъ попадали намъ въ лицо. Къ счастью, не было мороза, а не то нашъ экипажъ покрылся бы ледяною корою и отяжелѣлъ. Въ иныя минуты шумъ бывалъ такъ великъ, что мы другъ друга слышать не могли. Станціонные дома стоятъ не у берега, не на дорогѣ, а въ верстѣ или болѣе отъ нея на возвышеніи; ямщикъ останавливается, отпрягаетъ одну лошадь, садится на нее, оставляетъ вамъ другихъ, ѣдетъ на станцію и приводитъ вамъ новыхъ лошадей. Въ названіяхъ (кои не забылъ) станцій сихъ (кои не видалъ): Саркау, Росситенъ, Шварцортъ, и понынѣ чудятся мнѣ могильные звуки. Цѣлый день не ѣсть, не видѣть жилья, ничего кромѣ мрачнаго неба, бурнаго моря и песчаной степи, совсѣмъ не было забавно. Я не худо сдѣлалъ, что описалъ эту дорогу; теперь она, говорятъ, совершенно брошена, вѣроятно, скоро будетъ забыта и никому неизвѣстна.

На концѣ ея, проѣхавъ по морю аки по суху, мы должны были совсѣмъ вѣрять себя этой невѣрной стихіи. На какомъ-то большомъ суднѣ, при сильномъ вѣтрѣ и дождѣ, надобно было цѣлыя три мили переправляться черезъ Куришь-Гафъ, чтобы пристать къ Мемелю. Пикублинъ готовъ былъ ѣхать далѣе; но и самъ онъ утомился, да и ночью черезъ границу, которая была въ трехъ миляхъ, насъ бы, можетъ-быть, не пропустили. Въ Мемелѣ повторилось со мною то, что было въ Кёнигсбергѣ; я опять нашелъ знакомую комнату; чистую, хорошо вытопленную: надобно ѣхать на Сѣверъ, чтобы зимой не забнуть въ комнатахъ, и чѣмъ далѣе тѣмъ лучше.

Въ Михайловъ день, 8-го числа, проѣхавъ Ниммерзатъ, увидѣли мы рогатку и казачій пикетъ; одинъ всадникъ отдѣлился отъ него, чтобы проводить насъ до Полангена, и въ тоже время какъ бы нарочно пошелъ первый снѣгъ. Мы переѣхали Русскую границу, мы вступали въ Русскія владѣнія. Давно ли я разстался съ отечествомъ? Но это было въ первый разъ, и въ первый разъ я возвращался въ него. Не буду даже пытаться изображать то, что происходило со мною въ эту блаженную минуту; за все трудности путешествія ею одною былъ я вознагражденъ; языкъ безмолвствовалъ, а рука безъ вѣдома моего, сама собою, по Русско-православной привычкѣ, клала на меня кресты. Придя немного въ себя, обратился я къ моему товарищу, который пять лѣтъ не видалъ Россіи, и спросилъ его: что онъ чувствуетъ? Несчастный, стараясь скрывать сильное ощущеніе, сперва не могъ вымолвить слова, потомъ смѣясь, но задыхаясь, отвѣчалъ: «да ничего». Я съ досадою отворотился: еслибъ онъ подольше пожилъ за границей, то и дѣйствительно ничего бы не чувствовалъ.

На другой день гнилая Пикулинская коляска опять намъ измѣнила, опять надобно было починиваться и останавливаться на Курляндской станціи Дрогденъ. Къ вечеру кое-какъ починили испорченное, и мы не безъ опасенія отправились далѣе. Ночью проѣхали мы Митаву, а 10-го числа по утру прибыли въ Ригу.

Мы остановились въ какомъ-то заѣзжемъ домѣ на берегу Двины, гдѣ пришлось намъ пробыть сутокъ двое и болѣе. По осмотрѣ экипажа г. Пикулина, открылось, что безъ большой реставраціи мы принуждены будемъ бросить его на дорогѣ. Погода была дурная, попеременно дождь и снѣгъ, страшная слякоть, такъ что выйти нельзя было. Мнѣ было скучно, но по крайней мѣрѣ тепло и покойно. На наше счастье опять подморозило, когда мы выѣхали, и мы хорошо проѣхали по пескамъ, которые окружаютъ Ригу; мѣстами на дорогѣ лежалъ уже снѣгъ. Не знаю отчего Пикулину захотѣлось остановиться въ Дерптѣ и переночевать на почтовомъ дворѣ; хотя медикъ, но, кажется, и онъ немного прихворнулъ. Онъ поднялъ меня до свѣту, 14-го Ноября, а какъ погода была весьма неблагопріятная, то мнѣ и не очень хотѣлось. Я вспомнилъ, что я имянинникъ, и что этотъ день никогда не бывалъ я въ дорогѣ.

Подъѣзжая къ Нарвѣ 15-го числа, случилось съ нами небольшое приключеніе, хотя непріятное, а впрочемъ забавное. Чухонецъ-ямщикъ, который насъ везъ, молодой еще мальчикъ, однакоже былъ пьянъ: держалъ не въ попадь, то направо, то налево, и могъ сломить намъ шею. Пикулинъ прикрикнулъ на него; онъ взбѣсился, бросилъ возжи, соскочилъ съ козелъ и пошелъ цѣшкомъ. Тутъ имѣлъ я случай подивиться

присутствію духа и проворству военнаго медика: отдавъ мнѣ вожжи и схвативъ какія-то запасныя веревки, онъ выскочилъ, поймалъ пьянаго, перевязалъ ему руки, посадилъ насильно со мною въ коляску, а самъ сѣлъ на козлы и поѣхалъ. Чухонцы, когда разсердятся, бываютъ ужасно злы: мальчишка въ безсиліи своемъ все смѣялся съ бѣшенствомъ. Такъ пріѣхали мы въ Нарву и на почтѣ сдали виновнаго, которому обѣщано было наказаніе.

Близъ Ропши, ночью, спускаясь съ пригорка, вспомнилъ я, какъ весной на немъ бились мы въ глубокомъ снѣгу, и готовъ уже былъ радоваться тому, что онъ едва покрываетъ землю, какъ ямщикъ нашъ вскрикнулъ:

— Господа, худо!

— Что такое? спросили мы въ одинъ голосъ.

— Да вонъ видите, стоятъ волки.

Они вѣрно были не близко, ибо, по близорукости моей, въ потьмахъ не могъ я разглядѣть ихъ; но лошади были столь же зорки какъ ямщикъ и сопутникъ мой, начали фыркать и безъ памяти понесли было насъ; потерявъ изъ виду враговъ своихъ, они скоро утихли. Это была послѣдняя моя дорожная непріятность. Въ Стрѣльнѣ, куда пріѣхали мы до разсвѣта, 16-го числа, узнали мы, что въ Петербургѣ рѣка стала, и что всѣ начали было ѣздить въ саняхъ, но что опять все распустило, и ледъ на Невѣ едва держится. Пока мы ѣхали дачами по Петергофской дорогѣ, совершенно разсвѣло, и въ 10 часовъ утра въѣхали мы въ заставу.

Х.

Уже болѣе недѣли находился я въ Русскомъ царствѣ; радость моя уже истощилась на границѣ; при въѣздѣ въ него и послѣ кратковременнаго отсутствія, увидѣлъ я Петербургъ довольно равнодушно, какъ будто воротился въ него изъ Пензы. Онъ показался мнѣ печалень и тихъ въ сравненіи съ Парижемъ.

Сопутникъ мой, онъ же и хозяинъ дорожный, Пигулинъ, остановился у пріятели въ Измайловскихъ казармахъ. Мы разстались безъ сожалѣнія: ничего общаго не было у насъ ни въ мнѣніяхъ, ни во вкусахъ, и мнѣ кажется, мы ужасно другъ другу надоѣли; послѣ того не помню, случилось ли мнѣ раза два въ жизни его видѣть.

Я сѣлъ на извозчика и скорѣе поскакалъ къ Семеновскому мосту въ Шмидтовъ домъ, гдѣ нашли мнѣ комнатку, пока Нодень очиститъ въ немъ уступленную мною ему квартиру. Тотчасъ потомъ, о блаженство, явился мой старый слуга Пантелѣй. Я не хвалю въ этомъ случаѣ старинное Русское воспитаніе, которое приучаетъ шагу не дѣлать

безъ прислуги; но я получилъ его, и возвратиться къ привычкѣ, сдѣланной съ малолѣтства, почти мѣсяцъ прерванной во время трудной дороги, было для меня настоящимъ наслажденіемъ. Вообще, болѣе полугода пошатавшись по свѣту, пріятно быть у себя. Въ людяхъ хорошо, а дома лучше, говоритъ пословица, я думаю западнымъ народамъ неизвѣстная.

Моимъ начальникомъ былъ я принятъ, могу сказать, съ радостію: онъ простеръ деликатность до того, что самъ предложилъ мнѣ нѣсколько дней отдохнуть и погулять. Во время отсутствія моего по нашей части произошла важная переменна. Престарѣлому графу Сергѣю Кузмичу Вязмитинову было не подъ силу въ одно время управлять Министерствомъ Полиціи и завѣдывать столицей. Согласно съ его желаніемъ, сохраняя министерство, уволенъ онъ отъ должности Петербургскаго военнаго генераль-губернатора, и на его мѣсто назначенъ графъ Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ. Будучи старѣе чиномъ Бетанкура, почиталъ онъ и имѣлъ право почитать себя его начальникомъ: это можно было замѣтить изъ письменныхъ отношеній. Но какъ Милорадовичъ въ дѣлахъ ничего не смыслилъ, то повелительный тонъ принялъ новый правитель канцеляріи его, Николай Ивановичъ Хмѣльницкой. Добрый Нодень безъ меня всепокорнѣйше принималъ эти приказанія, и мнѣ послѣ немалого труда стоило сколько-нибудь уравновѣсить сношенія наши съ этою канцеляріей. Съ своей стороны Бетанкуръ неохотно бы вошелъ въ состязаніе съ такимъ извѣстнымъ смѣльчакомъ, каковъ былъ Милорадовичъ; я однакоже объяснилъ ему, что если такъ пойдетъ, по неопредѣленности правъ нашихъ, то легко можемъ мы попасть въ разрядъ уѣздныхъ мѣстъ, что гораздо послѣ и случилось. Вслѣдствіе чего Бетанкуръ имѣлъ объясненіе съ Милорадовичемъ, одинъ на своемъ Гишпано-Французскомъ, а другой на Чухонно-Французскомъ языкѣ, которымъ забавлялъ онъ дворъ и публику; а какъ первый былъ человѣкъ умный и тонкій, то дѣло и поладилось. Оба правителя канцеляріи, Адамовичъ и Перевощиковъ, при назначеніи новаго военнаго губернатора, были удалены отъ должности, яко бездѣльники. Мнѣ было ихъ жаль: они конечно пользовались незаконной прибылью, но довольно умѣренно и были люди незлые и весьма обходительные. Опредѣленный на ихъ мѣсто Хмѣльницкой выбранъ былъ на славу, взятъ изъ Иностранной Коллегіи, былъ богатъ, литераторъ, авторъ нѣсколькихъ комедій и долженъ былъ очистить, облагородить званіе начальника канцеляріи. А онъ вышелъ величайшій грабитель, дерзкій, надменный, такъ что и честному бы человѣку было не подъ стать. Черезъ нѣсколько времени самъ Государь приказалъ Милорадовичу его прогнать и отставить отъ службы, съ тѣмъ, чтобы

никуда не опредѣлять. По прїѣздѣ болѣе всего заняли меня мои служебныя дѣла, и оттого съ нихъ и началъ я мой рассказъ.

Большая тишина эту зиму царствовала въ Петербургѣ, только не въ высшемъ кругу. Государь и обѣ Императрицы находились въ отсутствіи за границей. Безъ нихъ молодая чета, Николай Павловичъ съ супругой, на свободѣ, на просторѣ, предавались забавамъ, особенно же молоденькая великая княгиня, которая, по тогдашнимъ лѣтамъ своимъ и по примѣру матери, покойной королевы Прусской, безъ памяти любила танцы. Посѣщеніе бала Государемъ или кѣмъ-либо изъ членовъ его фамиліи почиталось рѣдкимъ, важнымъ происшествіемъ. Тутъ знатные и богатые обрадовались случаю, въ запуски стали давать праздники и счастливыми себя почитали, что могутъ на нихъ угощать у себя почти еще новобрачныхъ. Оно недолго продолжалось. Къ 1-му Генваря 1819 года возвратился Государь; черезъ нѣсколько дней послѣ него императрица Марія Ѳеодоровна; а 9-го числа стараго стили скончалась почти скоропостижно Екатерина Павловна, королева Виртембергская. Многіе были увѣрены, что послѣ втораго ея брака семейство ея охолодѣло къ ней. Тогда глубокая горестъ, которую произвела ея кончина, дала всѣмъ узнать, что нѣжныя чувства къ ней родныхъ никогда не теряли своей силы. Послѣ этого, разумѣется, всякія увеселенія при дворѣ должны были умолкнуть до весны.

Въ половинѣ Января генераль Алексѣевъ привелъ въ Слонимъ корпусъ, находившійся три года во Франціи, который весь былъ набранъ изъ полковъ, принадлежащихъ къ дивизіямъ, внутри государства расположеннымъ. По полученіи донесенія о прибытіи его, велѣно Алексѣеву распустить корпусъ, распорядиться отправленіемъ полковъ къ мѣстамъ квартированія ихъ дивизій, а дѣла представить въ главный штабъ Его Величества. Самому же ему, впредь до новаго назначенія, съ сохраненіемъ всѣхъ окладовъ, дозволено прїѣхать въ Петербургъ или жить въ гдѣ пожелаетъ. Примѣчательно, что, въ продолженіи трехъ лѣтъ, въ этомъ корпусѣ было только три дезертира, а на обратномъ пути ни одного, хотя нижнимъ чинамъ представлялось много средствъ къ побѣгамъ. Несчастные знали, что дома будетъ имъ плохое житье; но тамъ ихъ родина, и она была для нихъ выше всего. Не такъ-то думаютъ наши высшія сословія.

Братъ мой также получилъ отпускъ на годъ съ сохраненіемъ жалованья, и они вмѣстѣ съ зятемъ и сестрой отправились сперва въ Москву, гдѣ Алексѣевъ и остался, а братъ мой поспѣшилъ къ матери нашей въ Пензу. Въ это самое время, два сына сестры моей, Александръ и Николай, взрослые пажи, были выпущены офицерами въ армію. Оба они, особенно въ первой молодости, были очень красивы

собою; къ сожалѣнію не наслѣдовали они ума матери своей. Старшій былъ въ отца: всегда веселъ, живъ, болѣе его образованъ, еще болѣе его ко всѣмъ ласковъ, за что всѣ безъ изъятія любили его, особенно же нѣжный полъ. Меньшой былъ угрюмъ, совсѣмъ несообщителенъ, отчего казался разсудительнѣе брата, чего однакоже вовсе не было. Онъ имѣлъ два порока—чрезмѣрное самолюбіе и себялюбіе, которыхъ смѣшивать не должно; первое всегда было замѣтно, а послѣднее ужасно развилось и открылось послѣ. По несчастію бѣдные мальчики получили самое плохое воспитаніе; имѣя только двухъ сыновей, родители ихъ баловали; въ отрочествѣ таскались они по походамъ или жили по роднымъ; по царской милости въ 1812 году приняты въ Пажескій Корпусъ, который смѣло можно назвать школою разврата. Въ прежнія времена, если ученіе шло дурно и воспитанниковъ мало занимали военной наукой, то по крайней мѣрѣ получали они свѣтскіе навыки и хорошія манеры; а въ это время, также какъ изъ кадетовъ, хотѣли изъ нихъ сдѣлать солдатиковъ, но безъ строгой дисциплины, которой тѣ были подвергнуты. Съ сокрушеннымъ сердцемъ смотрѣлъ я, какъ ребята растутъ безъ всякаго надзора; изъ уваженія къ заслугамъ отца, со старшаго не слишкомъ взыскивали за его вѣтренность, съ меньшаго за его упрямство и неповиновеніе. На счетъ ихъ мнѣ не сдѣлано было никакого довѣрія; я не имѣлъ никакого права мѣшаться въ это дѣло; къ тому же въ тогдашнія лѣта мои мнѣ не совсѣмъ еще прилично было играть роль Ариста и Геронта. Иногда однакоже нехотя принимался я браниться съ ними; меньшой сердито слушалъ меня, а старшимъ милымъ шалуномъ, бывалъ я скоро обезоруженъ. Не понавъ въ камеръ-пажи, вышли они прапорщиками: Александръ въ какую-то артилерійскую роту близъ Тулы, Николай въ гренадерской полкъ императора Австрійскаго, находившійся въ Царскомъ Селѣ. Обоимъ тотчасъ даны были отпуски для свиданія съ отцомъ, только что возвратившимся изъ-за границы въ Москву.

Въ Мартѣ мѣсяцъ по службѣ Бетанкура послѣдовала для него большая переменна. Инженеръ-генераль Францъ Павловичъ Де-Воланъ, главный директоръ путей сообщенія, преемникъ принца Георгія Ольденбургскаго, перваго мужа Екатерины Павловны, умеръ, и Государь для этой важной должности на его мѣсто выбралъ моего начальника. Я этому очень обрадовался, а между тѣмъ не могъ понять, какъ человѣкъ, который ни слова не знаетъ по-русски, будетъ въ Россіи управлять министерствомъ. Когда, узнавъ объ томъ, на другой день поутру пришелъ я поздравить его, съ притворно-печальнымъ видомъ отвѣчалъ онъ мнѣ: «Что дѣлать! Государь непремѣнно того требовалъ». Тщетно говорилъ я ему о великихъ затрудненіяхъ, которыя предста-

вятся при исполненіи возлагаемой на меня обязанности; онъ отвѣчалъ, что «если бы дѣла и пошли не такъ успѣшно какъ онъ желаетъ (хотя онъ ожидаетъ противнаго), не его будетъ вина, ибо его насильно заставили принять должность». Потомъ прибавилъ онъ: «скорѣе должны вы себя поздравить чѣмъ меня; новое назначеніе мое открываетъ вамъ дорогу къ возвышенію». Черезъ нѣсколько дней объявилъ онъ мнѣ, что имѣетъ на меня виды и хочетъ меня представить къ занятію должности директора департамента путей сообщенія, на мѣсто хвораго старика, съ которымъ онъ не можетъ объясняться, потому что тотъ не знаетъ по-французски, но что напередъ хочетъ онъ оглядѣться и не вдругъ приступить къ перемѣнамъ. Я замѣтилъ ему, что при необъятномъ числѣ бумагъ по ввѣренной ему части, вступающихъ и исходящихъ, даже съ удвоеннымъ штатомъ не будетъ возможности сохранить порядокъ, которому дотолѣ мы слѣдовали, и что въ Петербургѣ не сыщется и половины людей въ состояніи переводить для него и переписывать по-французски. «Ужъ это я знаю, отвѣчалъ онъ мнѣ, и для того-то и нуженъ мнѣ человекъ, отъ котораго представляемыя бумаги могъ бы я слѣпо подписывать».

Должность директора департамента занималъ бывший мой начальникъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, Дмитрій Семеновичъ Серебряковъ, съ 1810 года, при принцѣ Ольденбургскомъ, преемникъ Лубяновскаго, тогда уже въ Анненской лентѣ, человекъ кроткій, честный и дѣловой. Его-то Бетанкуръ хотѣлъ сбить съ рукъ. Какая несправедливость! Но удрученный лѣтами, при перемѣнѣ обстоятельствъ, онъ самъ желалъ успокоенія.

По письменной части еще два человека были тутъ замѣчательны. Одианъ, Александръ Павловичъ Хрущовъ, былъ правителемъ канцеляріи совѣта путей сообщенія. Не помню, въ другихъ министерствахъ существовали ли уже тогда общіе совѣты, составленные изъ директоровъ и нѣсколькихъ членовъ. При самомъ же преобразованіи бывшей экспедиціи водяныхъ коммуникацій найдено было необходимымъ сохранить ей хотя призракъ коллегіальнаго управленія. Принцъ, или скорѣе всѣмъ завѣдывавшій тогда Лубяновскій, посылали въ этотъ совѣтъ на разсмотрѣніе только смѣты проектовъ. Въ немъ засѣдали три инженерныхъ генерала, подъ названіемъ инспекторовъ, и директоръ департамента Серебряковъ. Чтò сказать о Хрущовѣ? Онъ былъ человекъ самый безхарактерный, полулитераторъ, полудѣлецъ, не совсѣмъ честенъ, не совсѣмъ плутъ, но скорѣе послѣднее.

Главные директоры, принцъ и послѣ него Де-Волянъ, имѣли сверхъ того особую малую канцелярію и секретаря. При Де-Волянѣ секретаремъ постоянно находился нѣкто Тома Яковлевичъ Рандъ. Нѣмецъ или

Голландецъ, Богъ его знаетъ, родился въ Москвѣ и воспитывался тамъ отъ щедротъ роднаго дяди, Нѣмецкаго учителя моего въ Форсевилевомъ пансіонѣ, Гильфердинга. Имъ отправленъ былъ онъ учиться въ Геттингенскій университетъ; будучи неприлеженъ или неспособенъ, не могъ онъ получить тамъ аттестата, который въ то время давалъ равныя права съ тѣми, кои доставляли выдаваемые отъ Русскихъ университетовъ. По словамъ Николая Тургенева, который вмѣстѣ съ нимъ въ Геттингенѣ слушалъ лекціи, всѣ Русскіе смѣялись надъ нимъ, называя его Омушкой. Но онъ имѣлъ нѣкоторыя способности, пронырство и наглость, съ которыми иные по службѣ далеко уходятъ. Онъ невысоко еще поднялся; лѣтъ тридцати, только-что титулярный совѣтникъ и секретарь при такомъ начальникѣ, который очень хорошо зналъ Русскій языкъ и чрезвычайно былъ опытенъ въ дѣлахъ по своей части, онъ большаго вліянія на нихъ имѣть не могъ. Росту былъ онъ видааго; многіе находили, что онъ недуренъ собой; мнѣ же черты его и выраженіе лица казались даже непріятны. Къ счастью его, черезъ супругу своего начальника, черезъ довольно еще молодую жену, иногда дѣйствовалъ онъ на стараго мужа и, пользуясь симъ искусственнымъ кредитомъ, успѣлъ уже, говорили, нажить капиталу тысячь до тридцати рублей ассигнаціями. Въ откровенной бесѣдѣ со мною Бетанкуръ говорилъ: «Вы не можете себѣ представить, какіе это мошенники, этотъ мосьё Кручковъ и этотъ мосьё Рандъ». Я не поддакивалъ ему, но и не оспаривалъ его, объ этихъ людяхъ не имѣя дотолѣ никакого понятія. «Теперь они мнѣ необходимы», прибавлялъ онъ, «но я надѣюсь, какъ изъ лимоновъ, выжать изъ нихъ сокъ, послѣ того ихъ бросить». Бѣдный Бетанкуръ не могъ предвидѣть, что они прилипнутъ къ его рукамъ, и не только ихъ, всю репутацію его выпачкаютъ. Въ обхожденіи съ Рандомъ, который каждый день являлся къ нему съ бумагами, Бетанкуръ, можно сказать, былъ даже суровъ; а тотъ, по моему, велъ себя очень благоразумно, выслушивая его въ почтительномъ молчаніи и не показывая ни досады, ни трусости.

Въ Главномъ Управленіи Путей Сообщенія всѣ видѣли во мнѣ будущую главную пружину его. Не было любезностей, не было учтивостей, коихъ бы мнѣ ни оказывали инженеры: генералы Саблуковъ, Карбоньеръ, Вельяшевъ (о коихъ подробнѣе говорить предоставляю себѣ послѣ) сами первые посѣтили меня. А между тѣмъ я не почиталъ себя въ правѣ входить явно въ какія-либо дѣла этого управленія: главные должностныя гражданскія лица всемѣрно уклонялись отъ сообщенія мнѣ свѣдѣній, и я могъ только стороною собирать ихъ. Наконецъ, рѣ-

шился я на этот счет объясниться съ Бетанкуромъ. Я представилъ ему, что, не ознакомившись напередъ съ дѣлами департамента, который онъ намѣренъ былъ ввѣрить мнѣ, буду я плохимъ его директоромъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что спѣшить еще не къ чему до возвращенія изъ одного путешествія, которое вмѣстѣ съ нимъ долженъ я совершить. «Къ тому же», прибавилъ онъ, «съ быстротою, съ какою понимаете вы всякое дѣло, вамъ нетрудно будетъ скоро сладить и съ этимъ». Онъ не имѣлъ никакой нужды мнѣ льстить, и я никакимъ скромнымъ опроверженіемъ не отвѣчалъ ему. Вообще же я привыкъ видѣть, что какъ въ Италіи импровизируютъ стихи, такъ у насъ въ Россіи импровизируютъ способныхъ ко всему людей. Еще замѣтилъ я Бетанкуру, что чинъ мой малъ для мѣста, которое занимали дотолѣ одни превосходительные. На это отвѣчалъ онъ мнѣ, что вмѣстѣ съ должностію испросить онъ мнѣ у Государя и чинъ статскаго совѣтника, безъ всякаго университетскаго аттестата. Все пло для меня какъ нельзя лучше.

Еще въ 1816 году отставной канцлеръ, графъ Румянцовъ, путешествуя по Россіи, посѣтилъ и Макарьевскую ярманку. Она привлекла на себя особое вниманіе человѣка, бывшаго столько лѣтъ министромъ коммерціи. Онъ нашель, что весьма было бы выгодно по близости перенести ее изъ Макарьева въ Нижній-Новгородъ и тѣмъ поддержать, украсить и поднять послѣдній, который во мнѣніи многихъ людей почитается настоящимъ средоточіемъ Россіи, долженствующимъ быть и столицей ея. Со всѣмъ уваженіемъ къ памяти государственнаго мужа нахожу я, что онъ ошибался. Положеніе Нижняго-Новгорода со-всѣмъ не центральное. Если въ измѣреніи пространства Россіи не отдѣлять отъ нея Сибирскаго края, тогда середина ея будетъ, по крайней мѣрѣ, за Ураломъ. Если же принять въ соображеніе одну населеннѣйшую часть ея отъ Уральскаго хребта до Калиша, тогда, прилегающая болѣе къ сѣверо-восточнымъ ея странамъ, Нижній-Новгородъ слишкомъ удаленъ отъ западныхъ границъ Имперіи. Находясь на берегу двухъ величайшихъ, судоходнѣйшихъ рѣкъ, онъ съ умноженіемъ народонаселенія и промышленности, самъ собою могъ бы сдѣлаться однимъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ въ государствѣ. Перенесеніе въ него ярманки одинъ только мѣсяцъ въ году могло оживить его. Безъ всякой помощи отъ правительства, безъ всякаго участія его, самымъ естественнымъ образомъ ярманку сію породили взаимныя потребности народовъ, населяющихъ Россію и отдаленнѣйшія Азіятскія страны. Она возросла какъ бы подъ благословеніемъ Св. Макарія, вокругъ обители имъ основанной. Многочисленное стеченіе богомольцевъ въ обычный срокъ встрѣчалось тутъ ежегодно съ проѣзжающими караванами. Набожность, вездѣ сопутствовавшая прежде Русскому народу, указала ему

туть и на торговля его выгоды. Начало прекрасное, коего послѣдствіемъ было самое блистательное, широкое развитіе нашей торговли. Замѣчанія свои графъ Румянцовъ представилъ Государю, который принялъ ихъ въ уваженіе.

Дабы удостовѣриться въ пользѣ предлагаемаго канцлеромъ, въ Іюль 1817 года Бетанкуръ отправленъ былъ въ Нижегородскую губернію. Ему поручено было, обозрѣвъ мѣстности, избрать удобнѣйшую и выгоднѣйшую для учрежденія новаго прочнаго ярманочнаго гостиного двора и донести, въ случаѣ построенія новыхъ каменныхъ лавокъ, доходы съ нихъ будутъ ли достаточны, чтобы замѣнить казнѣ проценты съ капитала, употребленнаго на ихъ сооруженіе: новое доказательство пристрастія и неограниченной довѣренности, которыя имѣлъ Государь къ иностранцамъ. Бетанкуръ менѣе чѣмъ кто могъ тогда судить о выгодахъ и невыгодахъ нашихъ торговыхъ и финансовыхъ дѣлъ: это было первое путешествіе, которое онъ дѣлалъ внутри Россіи, которой дотолѣ онъ вовсе не зналъ, не видавъ даже Москвы. Никакой важности не видѣлъ онъ въ томъ, чтобы, вырвавъ съ корнемъ самую природою произведенное растеніе, посадить его на другой почвѣ, не заботясь о томъ, будетъ ли оно процвѣтать на ней или нѣтъ. Эти господа знать не хотять, что у такъ называемыхъ варваровъ и рабовъ есть повѣрія, навыки, коихъ измѣненія никогда не совершаются безъ сердечной для нихъ боли. Бетанкуру представился прекрасный случай выказать все искусство свое, какъ инженеру, архитектору, механику, и въ самомъ широкомъ объемѣ; какъ было ему не воспользоваться онымъ? Въ виду Нижняго Новгорода, за Окой, близъ втока ея въ Волгу, на луговой ея сторонѣ, каждую весну потопляемой разлитіемъ двухъ великихъ рѣкъ, избралъ онъ мѣсто для сооруженія себѣ памятника. Тутъ надлежало съ большими издержками для казны побѣдить препятствія, поставляемая природой. Надлежало, въ видѣ полукруглаго острова, сдѣлать выскую насыпь, которую вешнія воды не могли бы затоплять, прорыть вокругъ нея судоходный каналъ, соединяющій рѣчку Пыру съ Окой, возводимыя каменные строенія, всё безъ изъятія утвердить на безчисленныхъ сваяхъ. Мнѣ случилось въ послѣдствіи слышать льстецовъ, которые въ разговорахъ съ Бетанкуромъ это гигантское произведеніе его генія называли Египетскою работою и сравнивали его съ ископаннымъ озеромъ Мѣрса и пирамидой Хеопса. Онъ съ своей стороны почиталъ эту мечь слишкомъ грубою и отвергалъ ее съ досадою.

По возвращеніи лично и словесно докладывалъ онъ Государю о своихъ предположеніяхъ. Не знаю, какую уловку употребилъ онъ, чтобы не испугать его огромностью суммъ, на то потребныхъ. Госу-

даръ не жалѣлъ денегъ на все, по мнѣнію его, полезное, но даромъ бросать ихъ не любилъ. Я полагаю, что сперва не открылъ онъ ему всей истины, не объяснилъ, сколько милліоновъ потребуется, ибо представленная имъ вслѣдъ за тѣмъ смѣта была довольно скромная. Разъ втянувши казну въ это предпріятіе, ему легко было послѣ доказывать необходимость безпрестанныхъ прибавокъ,

Въ ту же осень дѣло вскипѣло вдругъ: отправлены инженеры для снятія плановъ, пріисканія подрядчиковъ, объявленія торговъ, заключенія контрактовъ; у насъ же въ Петербургѣ завелась обширная переписка, что чрезвычайно умножило мои занятія и труды. Весной въ 1818 году, ярмоночныя деревянныя строенія перенесены уже были изъ Макарьева на плоское мѣсто, находящееся рядомъ съ тѣмъ, на которомъ предполагалось соорудить прочныя зданія; лѣтомъ въ сихъ временныхъ помѣщеніяхъ открытъ былъ уже и торгъ. Ропотъ былъ великъ: монастырь Св. Макарія лишился богатыхъ приношеній, жители окрестныхъ мѣстъ почитали себя раззоренными, Азіатскіе торговцы жаловались на то, что должны понапрасну дѣлать лишнихъ восемьдесятъ верстъ сухимъ путемъ, хозяева судовъ на то, что принуждены болѣе ста верстъ подниматься вверхъ по Волгѣ; вообще же ярманка съ этого времени потеряла свою оригинальную, Азіатскую фizioномію. Бетанкуръ, который провелъ тамъ все лѣто, пока я былъ въ Парижѣ, остался довольно равнодушенъ къ симъ жалобамъ; однакоже, дабы сколько нибудь утѣшить вопіющихъ, обѣщаль на новомъ мѣстѣ построить славную каменную церковь во имя Св. Макарія: лишняя сотня тысячъ рублей ему ничего не стоила. Не смотря на новое, важное, назначеніе свое, онъ намѣревался провести въ Нижнемъ Новгородѣ и лѣто 1819 года, и пригласилъ меня ѣхать съ собою. Итакъ, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ началъ я приготовляться къ новому пути, не столь длинному какъ въ предыдущемъ году.

XI.

Когда въ 1815 году жилъ я на Крестовскомъ островѣ, въ первый разъ съ нѣкоторымъ вниманіемъ услышалъ я о пароходахъ. Сосѣдъ мой, графъ Віельгорскій, предлагалъ мнѣ ѣхать съ нимъ и съ большой компаніей на чугунный заводъ Англичанина Берда, чтобы подивиться сей новорожденной у насъ невидальщинѣ; не помню, что помѣшало мнѣ воспользоваться его приглашеніемъ. Дотолѣ слушалъ я о томъ довольно разсѣянно, какъ объ одномъ изъ многочисленныхъ Американскихъ или Англинскихъ затѣйливыхъ изобрѣтеній. Берду отъ правительства дана была привиллегія, и его пироскафъ исправно съ тѣхъ поръ ходилъ съ

Матисова острова въ Кронштадтъ; иногда на показъ народу являлся онъ и на Невѣ; мнѣ ни разу не пришлось посмотрѣть на него.

Въ первый разъ случилось мнѣ видѣть не его, а на немъ самого себя. Бетанкуръ собирался отправиться водою, такъ чтобы наши экипажи, не отдаляясь отъ берега, слѣдовали за нами сухимъ путемъ. Бердъ, который почиталъ себя много обязаннымъ Бетанкуру, за то, что всѣ казенныя работы заказывались на его заводъ, предложилъ прокатить насъ даромъ по Невѣ, до самаго истока ея изъ Ладожскаго озера. Отъѣздъ назначенъ былъ 14 Мая въ семь часовъ утра, и пароходъ, ночью прошедъ по рѣкѣ во время снятія мостовъ, причалилъ къ набережной близъ Гагаринской пристани. Я проспалъ, опоздалъ нѣсколькими минутами, меня одного нетерпѣливо дожидались, и едва успѣлъ я перебѣжать по доскѣ, какъ труба задымилась, и колеса зашумѣли.

Я очутился на палубѣ среди многочисленнаго общества. Семейство Бетанкура, состоящее изъ жены его и трехъ дочерей, также два Гишпанца, принадлежащихъ къ посольству, провожали его до Шлисельбурга. Семейство Берда находилось на пароходѣ, чтобы хозяйничать и угощать путешествующихъ. Съ нами отправлялись до Нижняго: единственный сынъ Бетанкура, Альфонсъ, пятнадцатилѣтній бѣлевскій мальчикъ, недавно прибывшій изъ Англій, гдѣ по волѣ отца онъ воспитывался; при немъ наставникъ, Нѣмецъ Рейфъ; старый адъютантъ Бетанкура, Маничаровъ, недавно оставившій должность эконома въ Институтѣ; молодой адъютантъ Варенцовъ и, наконецъ, секретарь Рандъ. Сверхъ того сопутствовалъ намъ до вѣреннаго ему округа инженеръ-генераль-маіоръ Александръ Александровичъ Сабдуковъ. О нѣкоторыхъ изъ сихъ лицъ я буду имѣть случай говорить во время нашего путешествія.

Этотъ первый день странствованія нашего походилъ на веселый праздникъ. Погода была прекрасная, виды по Невѣ были пріятныя и занимательныя, берега ея усеяны дачами, фабриками и деревнями, изъ коихъ жители высыпали толпами, чтобы полюбоваться невиданнымъ зрѣлищемъ, большимъ дымящимся судномъ, быстро поднимающимся по рѣкѣ безъ парусовъ и веселъ. Цѣлый день пили и ѣли, всѣ были разговорчивы, всѣ смѣялись, даже скромныя дѣвицы Бетанкуръ. Вѣроятно вслѣдствіе многократныхъ тостовъ, во время поздняго обѣда возносившихъ, почувствовалъ я сильную дремоту; она одолѣла меня, я спустился въ каюту, заснулъ и проснулся когда уже солнце готово было садиться. Меня всѣ одобряли и поздравляли, пбо во время сна моего, по неопытности рулевого, въ первый разъ тутъ проѣзжающаго, судно сѣло на мель, и болѣе двухъ часовъ билось, чтобы тронуть его съ

мѣста. Хорошо еслибъ и всегда можно было просыпаться такъ горе и узнавать о немъ, когда оно миновалось! Отъ этой остановки опоздали мы и пріѣхали въ Шлуссельбургъ, когда уже совсѣмъ смерклось.

У начальствовавшего тутъ по инженерной части полковника, Ивана Дмитріевича Попова, въ казенномъ обширномъ деревянномъ домѣ, приготовленъ былъ обильный обѣдъ или ужинъ трудно сказать и нельзя назвать того до чего никто не коснулся. Всѣ были чрезъ мѣру сыты, всѣ устали, и всѣмъ хотѣлось спать. И по этой части добрый хозяинъ позаботился; во всѣхъ комнатахъ стояло по двѣ и по три кровати, но и это кромѣ меня никого не прельстило. Не болѣе получаса пробыло тутъ общество наше: Бетанкуръ съ семействомъ и съ гостями отправился на богатую, частную, ситцевую фабрику (имя владѣльца ея ускользнуло у меня изъ памяти), гдѣ ожидало ихъ гораздо удобнѣйшее помѣщеніе; вся свита пошла обратно къ Берду на пароходъ, и остался я одинъ. Въ уединеніи сонъ мнѣ всегда казался слаще; къ тому же мнѣ хотѣлось, чтобы не совсѣмъ пропали труды почтеннаго старика Попова, котораго видъ казался мнѣ смущеннымъ и недовольнымъ. Онъ отвелъ мнѣ постель, приготовленную для самой Бетанкурши.

Едва успѣлъ я, на слѣдующее утро разстаться съ мягкимъ ложемъ своимъ, какъ домъ, въ которомъ ночевалъ, сдѣлался опять сборнымъ мѣстомъ для всѣхъ нашихъ спутниковъ. Подъ предводительствомъ нашего начальника всѣ мы отправились на берегъ Ладожскаго озера, куда перебрался Бердовъ пароходъ. Чтобъ утѣшить бѣднаго Попова, дано ему обѣщаніе воротиться къ нему завтракать. Цѣлою компаніей подѣхали мы къ крѣпости, гдѣ ожидалъ съ рапортомъ комендантъ, котораго пригласили прокатиться съ нами по Ладожскому озеру. Это былъ генераль-маіоръ Григорій Васильевичъ Плуталовъ, почти осьмидесятилѣтній старецъ, маленькій, сухенькой, но еще дюжій и бодрый. Выходецъ изъ старой Екатерининской арміи, сохранившійся обращикъ ея, онъ пользовался привилегіей, прищучивая съ высшими, говорить имъ истину. Ее безъ гнѣва выслушивалъ отъ него даже самъ Павелъ I. Была однако же минута, въ которую отъ него грозила ему гибель, когда онъ рѣшительно отказался быть суровымъ съ насылаемыми къ нему во множествѣ всякаго званія арестантами. «Государь», сказалъ онъ, «дѣлайте изъ меня что вамъ угодно; только я стражъ ихъ, а не палачъ». Изумленный, тронутый такою человѣколюбивою смѣлостью, раздраженный Павелъ бросился обнимать его.

Веселый этотъ старикъ, вступивъ на пароходъ, не подалъ Бетанкуру рапорта, а объявилъ, что онъ почитаетъ себя похищеннымъ и насъ подозрѣваетъ въ зломъ умыслѣ овладѣть крѣпостью, когда мы

похудѣлъ, и я разчелъ, что нѣсколько фунтовъ жиру должно было въ немъ растаять въ жаркую для него ночь. Тутъ же при послѣ былъ и городничій, который сталъ разводить насъ, то-есть далъ по проводнику, чтобы указать назначенную каждому изъ насъ квартиру. Въ этой суматохѣ мы не успѣли порядочно проститься.

Я еще тогда не брился, слѣдственно туалетъ мой не могъ долго продолжаться; помѣстили же меня близко отъ посла, и я поспѣшилъ къ его обѣденному столу, на который сдѣлалъ онъ намъ общее приглашеніе.

Домъ, гдѣ онъ имѣлъ жительство, былъ выстроенъ при Екатеринѣ генераль-губернаторомъ Якоби, который такъ долго начальствовалъ въ Иркутскѣ и еще долѣе находился потомъ подъ судомъ. Его называли дворцомъ, всѣ генераль-губернаторы жили въ немъ, и послѣдній, тутъ находящійся, Силифонтовъ уступилъ его пріѣзжему гостю. Домъ этотъ былъ деревянный, въ одинъ этажъ, но чрезвычайно длиненъ и высокъ; комнаты были огромныя, особенно три: пріемная зала, столовая и большая гостиная; первыя двѣ были пестро расписаны по штукатуркѣ, послѣдняя обита зеленымъ атласомъ въ позолоченныхъ рамкахъ. Посвятивъ нѣсколько дней отдохновенію, посоль первый разъ принималъ въ сихъ чертогахъ; все посольство на лицо, до пятидесяти человѣкъ вмѣстѣ наполняли ихъ и сажались за одинъ столъ, за которымъ находились и мѣстные начальники: генераль-губернаторъ Селифонтовъ, бывший военный губернаторъ генераль-лейтенантъ Лебедевъ, гражданскій губернаторъ Корниловъ, вице-губернаторъ Шишковъ и многіе другіе. Въ боковой комнатѣ гремѣла музыка, отличный поваръ Французъ приготовлялъ обѣдъ, который подавали на богатомъ казенномъ серебрянномъ сервизѣ, и тщеславный графъ Головкинъ сіялъ веселіемъ.

Начиная съ этого дня, сіи торжественныя, сіи пышныя обѣды сдѣлались ежедневными; мы имѣли право, а отнюдь не обязанность, являться на нихъ, хотя впрочемъ въ этомъ только состояла тогда вся служба наша. Мы бы могли въ иные дни пользоваться и приглашеніями Иркутскихъ жителей; мы не получили ихъ, ибо сіи жители были одни чиновники и купцы. Мы часто слышали похвалы какому-то старинному Русскому хлѣбосольству; если оно и существовало когда-нибудь, то въ одномъ только дворянскомъ сословіи: можетъ ли въ мірѣ быть что-нибудь негостепріимнѣе Русскаго купечества? Обычай и тщеславіе заставляютъ нашихъ купцовъ праздновать крестины и именины, свадьбы и похороны; тогда только, безъ мѣры и безъ вкуса, кормятъ они званныхъ на убой; остальное же время, двери на запоръ, въ кругу своего семейства довольствуются они самою умѣренной, простонародною пи-

щею. Въ нашъ разсчетливый вѣкъ и дворяне начинаютъ перенимать у купцовъ. Въ знойныхъ пустыняхъ Аравіи гостепріимство между Бедуинами есть исполненіе долга, предписываемаго Кораномъ; такого гостепріимства мы имѣть не обязаны: у насъ вездѣ постоянные дворы, заѣзжіе дома и гостиницы. Въ Европѣ гостепріимство есть слѣдствіе потребности въ общежитіи; мы его также имѣть не можемъ, ибо сей потребности не чувствуемъ.

Между Иркутскими купцами, ведущими обширную торговлю съ Китаемъ, были миліонщики, Мыльниковы, Сибиряковы и другіе; но все они оставались вѣрны стариннымъ Русскимъ, отцовскимъ и дѣдовскимъ обычаямъ: въ каменныхъ домахъ большія комнаты содержали въ совершенной чистотѣ, и для того никогда въ нихъ не ходили, ежились въ двухъ-трехъ чуланахъ, спали на сундукахъ, въ коихъ прятали свое золото, и при неимоверной, даже смѣшной дешевизнѣ, ѣли съ семейю одну солянку, запивали ее квасомъ или пивомъ.

Совсѣмъ не таковъ былъ купчикъ, къ которому судьба привела меня на квартиру. Алексѣй Ивановъ Полевой, родомъ изъ Курска, лѣтъ сорока съ небольшимъ, былъ весьма не богатъ, но весьма торопавъ, словоохотенъ и любознателенъ. Жена у него была красавица, хотя уже дочь выдана замужъ; онъ держалъ ее на заперти, и мы, кажется, другъ другу очень понравились. Онъ гордился не столько ею самою, какъ ея рожденіемъ: у нихъ былъ девятилѣтній сынишка, Николай, нѣжливый, бѣленькій, худенькій мальчикъ, который влюбленъ былъ въ грамоту и бредилъ стихами. Съ худой ли, съ хорошей ли стороны онъ теперь извѣстенъ всей Россіи. Я всякій день ходилъ обѣдать къ послу и только вечеромъ зналъ хлѣбосоольство моихъ хозяевъ. Можно было подумать, что они хотятъ меня окормить. Насытись отъ Французскаго обѣда, я за ужиномъ безъ пощады опоражничалъ Русскія блюда; не знаю, кого изъ супруговъ мнѣ благодарить или бранить за сіе пресыщеніе. Я думаю однакоже скорѣе жену.

Никакой нужды не имѣлъ я искать въ Иркутскѣ знакомства; я не успѣлъ еще хорошенько свести его въ Петербургъ со многими изъ моихъ товарищей, въ Иркутскѣ сдѣлалось это скорѣе, и мы проводили вечера во взаимныхъ посѣщеніяхъ. Къ счастью, погода не мѣнялась, и пѣшеходство не было для насъ тягостію. Нѣкоторые изъ насъ сочли однакоже неизлишнею учтивостію сдѣлать утренніе визиты двумъ старшимъ начальникамъ, генералъ-губернатору и гражданскому губернатору, о которыхъ необходимо приходится мнѣ здѣсь говорить.

Семидесятилѣтній старецъ, Иванъ Осиповичъ Селифонтовъ, еще дюжій и плотный, хотя не весьма большаго роста, былъ въ молодости

мы по ней до Сомины. Нерѣдко останавливались мы для того, чтобы Бетанкуру осматривать шлюзы, и обѣдали у зрителя ихъ, насъ сопровождавшаго, инженеръ-подполковника Ивана Ивановича Цвиллинга, сухаго, прямаго и молчаливаго Нѣмца.

Три судна неодинаковой величины были куплены на казенный счетъ, чтобы по теченію рѣкъ везти насъ до самаго Нижняго Новгорода, и они дожидались насъ въ Соминской пристани. Самое большое, разумѣется, назначено было для главнаго директора путей сообщенія, и онъ помѣстился въ немъ съ двумя адъютантами, съ сыномъ своимъ и его учителемъ Рейфомъ. Другое, поменьше, досталось намъ съ г. Рандомъ, и мы не имѣли причины быть имъ недовольными; въ чистенькой каютѣ, довольно просторной, были широкія лавки, на которыхъ очень хорошо умѣстились наши постели. Въ третьемъ суднѣ находились экипажи, прислуга, кухня и нѣкоторые необходимые на этомъ пути съѣстные припасы. Вешнія воды не совсѣмъ еще спали, и мы 20 числа могли безпрепятственно поплыть внизъ по рѣчкѣ Соминѣ, которая лѣтомъ не бываетъ столь глубока. Въ тотъ же вечеръ достигли мы ея устья и въѣхали въ рѣчку или скорѣе рѣку Чагодошь или Чагоду, какъ ее просто называютъ.

Хотя мы были въ весьма недалнемъ разстояніи отъ обѣихъ столицъ, но могли почитать себя среди необитаемой части Сѣверной Америки. Надобно полагать, что въ этихъ мѣстахъ земля неудобна для хлѣбопашества, ибо намъ почти не попадались деревни въ густомъ лѣсу, который непрерывно тянется по обоимъ берегамъ Чагоды. По низости ихъ могла бы она почитаться большимъ каналомъ, еслибы ширина ея, глубина и частые изгибы не давали ей видъ рѣки. Во всякой Европейской сторонѣ была бы она препрославлена; у насъ считается она третьеклассною, и въ обществѣ рѣдко сыщется человѣкъ, довольно свѣдущій въ статистикѣ Русскаго государства, чтобы знать ея имя; а она связываетъ низовыя губерніи и Астрахань съ Петербургомъ, то-есть Каспійское море съ Балтійскимъ. Вокругъ насъ царствовала мертвая тишина, изрѣдка показывалось человѣческое лицо; зато слѣды человѣчества встрѣчались на разстояніи каждаго пяти или шести верствъ. Большіе постоянные дворы, никѣмъ не занятые, съ забитыми окнами, появленіемъ своимъ пуще наводили тоску: казалось, что вымерли всѣ жители этой страны, а она должна была педѣли черезъ три на все лѣто чудесно оживиться. Когда приплываютъ низовыя караваны, то хозяева сихъ лѣтнихъ гостиницъ навѣщаютъ въ нихъ изъ ближайшихъ деревень и получаютъ большіе барыши отъ судовниковъ, которые, останавливаясь тутъ, запасаются съѣстнымъ, а иногда и пируютъ, бражничаютъ. Не смотря на торжественность нашего пла-

ванія, мы по части продовольственной въ первый день испытали уже недостатокъ: намъ угрожалъ голодъ, и мы начали чувствовать его ужасы. Хозяйственная часть поручена была доброму Маничарову, который, съ тѣхъ поръ какъ началъ жить на своей волѣ, не зналъ что такое дома обѣдать: вѣчно въ гостяхъ, въ клубахъ или въ трактирѣ. Въ безопасности своей онъ не подумалъ о томъ, чѣмъ мы будемъ кормиться дорѣгой. Бетанкуръ вознегодовалъ, возронталъ. Не я, а тощій желудокъ мой во всеуслышаніе заговорилъ голосомъ сильнымъ и трогательнымъ; тогда Бетанкуръ попросилъ меня вступить въ это дѣло. Маничаровъ хотѣлъ было обидѣться, разсердиться, но никакъ не могъ, обрадовавшись случаю избавиться отъ заботъ по провіантской части. Я потребовалъ, чтобы, по близости первой зажиточной деревни, гдѣ-нибудь часа на два пристали мы къ берегу, и отправилъ для закупокъ комитетскаго сторожа, еще нестарого и проворнаго, котораго по просьбѣ его взялъ я съ собою для свиданія съ родными. Не болѣе какъ черезъ часъ третье судно наше обратилось въ птичій дворъ: явились живыя куры, гуси, утки, даже индѣйки, и все что нужно для ихъ прокормленія. Всѣ дивились моей расторопности; а я, со скромностію отклоняя похвалы, относилъ ихъ къ проворству рядоваго Латухина. Коль скоро изобиліе воротилось къ намъ, наше плаваніе сдѣлалось отменно пріятнымъ. Каждое утро часу въ девятомъ садились мы съ Рандомъ въ сопровождавшія насъ лодки и отправлялись пить чай къ своему начальнику. Потомъ возвращались мы домой, на свое судно, раздѣвались и принимались за чтеніе, пока обѣденный часъ не заставитъ насъ предпринять новую поѣздку. Послѣ обѣда бесѣда дѣлалась продолжительнѣе и веселѣе. Мы шли на веслахъ скорымъ ходомъ внизъ по рѣкѣ, чувствовали движеніе судна, быстрое и вмѣстѣ покойное. Но видно и пріятное утомляетъ; къ вечеру насъ тянуло на твердую землю; гдѣ попадется нѣсколько открытое мѣсто среди лѣса, мы выходили на него и на воздухѣ чайничали, пока сынъ Бетанкура, бойкій и смѣлый мальчикъ, съ учителемъ своимъ Рейфомъ, углублялся въ чащу и стрѣлялъ дичь. Когда смеркнется, мы спѣшимъ опять на воду, и ну спать.

Впрочемъ, все это продолжалось не болѣе двухъ или трехъ дней. Когда мы приблизились къ мѣсту, гдѣ Чагода впадаетъ въ Мологу, сопутствующій намъ отъ самаго Петербурга инженеръ генераль-майоръ Саблуковъ, пригласилъ своего и нашего начальника посѣтить его имѣніе, верстахъ въ шести отъ берега находящееся. Названія этого помѣстья я не забылъ, потому что забылъ о немъ спросить и никогда не зналъ. О самомъ же владѣльцѣ уже два раза упоминалъ я, а въ третій не вижу возможности не войти насчетъ его въ нѣкоторыя подробности.

Отецъ его, также какъ и онъ, Александръ Александровичъ, былъ невысокаго происхожденія, кажется, изъ придворно-служительскихъ дѣтей; но трудами и умомъ, употребляя дозволенные средства, съ помощію царскихъ щедротъ, нажилъ себѣ хорошее состояніе и достигъ довольно высокаго сана. Въ Сенатѣ былъ онъ правосуднымъ и свѣдущимъ членомъ его и управлялъ Петербургскимъ Воспитательнымъ Домомъ. Двухъ сыновей своихъ, по образцу знатныхъ людей, воспитывалъ на иностранный манеръ, однакоже, желая сдѣлать изъ нихъ людей полезныхъ, болѣе на Англійской. Меньшой, казалось, удался; онъ былъ довольно уменъ, свѣдущъ; но какъ со времянь Петра Великаго слѣпое, безотчетное подражаніе всему заграничному и особенно заморскому почти всегда влечетъ насъ къ раззоренію, къ мотовству или къ неудачнымъ предпріятіямъ, то и нашъ Саблукъ бредилъ все проектами, приспособленіемъ иностраннаго земледѣлія и промышленности къ нашему Русскому быту. Изъ камеръ-юнкеровъ и дипломатовъ поступилъ онъ въ инженеры и очень хорошо управлялъ ввѣренною ему частью, вторымъ округомъ путей сообщенія. Только собственная хозяйственная часть шла у него плохо. Тамъ, гдѣ принималъ и угощалъ онъ насъ, былъ у него выстроенъ огромный каменный винокуренный заводъ, коимъ заправлялъ Англичанинъ и который былъ наполненъ дорогими машинами, изъ Англій выписанными. Лѣсу было вдоволь; не доставало бездѣлицы—ржи и воды. Первую за дорогую цѣну покупалъ онъ съ судовъ, послѣднюю съ большими издержками проводилъ къ себѣ, такъ что каждое ведро обходилось ему втрое дороже того, за что могъ онъ его продать. Не знаю послѣ того до какой степени онъ раззорился. Онъ нѣсколько лѣтъ былъ уже знакомъ съ Бетанкуромъ, а подчиненность еще болѣе его сблизила съ нимъ. Это былъ пріятнѣйшій изъ нашихъ спутниковъ, и когда тутъ, на границѣ его округа, онъ разстался съ нами, мы съ бесѣдой его много потеряли.

Въ ту же ночь, съ 23-го на 24-е число, изъ Чагоды въѣхали мы въ рѣку Мологу, еще шире и глубже ея. Около половины дня начали показываться суда, спѣшація насытить всепожирающій въ Россіи Петербургъ; число ихъ потомъ все болѣе и болѣе стало увеличиваться. Недолго продолжалось плаваніе наше по Мологѣ: мимоходомъ взглянувъ на городокъ при ея устьѣ, носящій имя ея, увидѣли мы Волгу, которая, не совсѣмъ еще вступивъ въ берега, показала намъ еще болѣе величественною.

На сто Русскихъ, которые, плавая по Рейну, дѣйствительно или притворно восхищались красотами береговъ его, едва ли сыщется одинъ, который въ этомъ мѣстѣ спускался бы по Волгѣ. И если эта

прекрасная картина и произвела на него какое-нибудь пріятное впечатлѣніе, онъ не сообщалъ о томъ, почитая пошлостію любоваться, такъ сказать, домашними прелестями. Мнѣ бы хотѣлось передать свои ощущенія, но я не буду умѣть и назову только тѣ предметы, коихъ встрѣча тутъ понравилась бы каждому. Ничего общаго съ поэзіей Рейнскихъ видовъ: ни навислыхъ скалъ, ни гигантскихъ развалинъ древнихъ замковъ, ни виноградникомъ усѣянныхъ скатовъ горъ, не имѣетъ наша матушка-Волга; она красуется совсѣмъ инымъ: лѣвый берегъ ея представляетъ необозримыя зеленыя равнины, тучныя пажити, засѣянные поля; на правомъ—подымаются горообразные холмы. На нихъ и подъ ними тѣснятся селы и деревни, среди коихъ часто бѣлѣются Божіе храмы. Эти селенія такъ близки другъ отъ друга, что однимъ взглядомъ можно ихъ окинуть отъ шести до семи. Мы нерѣдко приближались къ берегу, такъ что я хорошо могъ разсмотрѣть ихъ. Избы всѣ на одинъ, но на весьма хорошій ладъ, бревенчатыя, почти всѣ въ два жилья, съ разнѣнными, расписными украшеніями на окнахъ и на кровлѣ: соломенной ни одной не видать. Изъ нихъ, особливо къ вечеру, то и дѣло высыпаютъ молодыя молодушки, красныя дѣвушки, въ малиновыхъ, алыхъ, лазоревыхъ сарафанахъ, отороченныхъ золотыми галунами, пныя въ серебряныхъ фатахъ. Лица свѣжія, полныя, умножаютъ красоту однихъ, замѣняютъ ее другимъ *). Потомъ пристануть къ нимъ нѣсколько молодыхъ парней, съ русыми кудрями, въ синихъ суконныхъ армякахъ, подпоясанныхъ цвѣтными кушаками, ловко подбоченясь и въ шляпѣ на-бегрень. Тотчасъ узнаешь простолюдина-фата по его добродушному ухарству. На встрѣчу намъ тянулась безпрерывная цѣпь низоваго каравана, составленная изъ судовъ разной величины и подъ разными названіями: расшивоѣ, тихвиноѣ, баркасовъ и другихъ. Всѣ они противъ теченія рѣки шли на всѣхъ парусахъ, что и давало имъ видъ безконечной стаи; особенно же тѣ, кои можно было завидѣть въ самомъ отдаленіи, казались окрыленными и летучими. Весьма замѣчательными нашелъ я работниковъ-бурлаковъ на нихъ употребляемыхъ, какъ будто изъ однихъ мускуловъ составленныхъ, усмиранныхъ потомковъ нѣкогда страшныхъ Волжскихъ разбойниковъ.

*) Разумѣется, что въ большой части Россіи между крестьянами нельзя найти такого довольства. Отцы, мужья и братья этихъ женщинъ живутъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ, сидѣльцами въ лавкахъ, половыми въ трактирахъ, другіе извозчиками. Тутъ на самой проѣзжей дорогѣ харчевничаютъ они, а въ свободное время, безъ большихъ затрудненій, ловятъ и продаютъ осетровъ и стерлядей. Все народъ промышленный. Жены ихъ не опалаются лѣтнимъ зноемъ, рано не отдѣваются, не знаютъ утомительной полевой работы, одну только домашнюю: шьютъ, ткутъ, прядутъ, стряпаютъ, да развѣ занимаются коровникомъ. Вотъ почему онѣ скорѣе принадлежатъ къ разряду мѣщанокъ.

Покорная дерзость и понынѣ на лицѣ ихъ написана. Я того и глядѣлъ, что они вскочатъ къ намъ на судно и загремятъ *сарынь на кичу!* *) Живая картина, которая была у меня передъ глазами, являла вмѣстѣ и силу, и красоту, и богатство земли Русской. Всѣ съ удовольствіемъ смотрѣли на это зрѣлище, я одинъ былъ въ восторгѣ. Русская жизнь выражалась тутъ такъ краснорѣчиво, отовсюду ея несло, ея обхватывало меня. Когда же по закатѣ солнца горы, рѣка и долины оглашались пѣснями хороводовъ, я, право, былъ не свой. Кто спорить о томъ, что голосъ Русскихъ крестьянокъ и дикъ, и крикливъ, и вблизи даже отвратителенъ; но издали, въ соединеніи съ мужскими голосами, въ тихую лѣтнюю ночь, на открытомъ воздухѣ, на большомъ пространствѣ, растилаясь по этой Волгѣ, надъ которою и для которой слажены были эти простые напѣвы, они производили чудную гармонію. Ея звуки затихали тогда только, когда на Востокѣ загорался свѣтъ зари. Тогда только и для меня оканчивалось очарованіе, и я отходилъ ко сну.

Отойдемъ и къ прозаической сторонѣ моего путешествія. Не останавливаясь нигдѣ, 25 числа прибыли мы рано въ богатый Рыбинскъ. Десять дней не видавъ большихъ каменныхъ домовъ, онъ мнѣ показался великолѣпнѣе. Я не буду говорить о великомъ значеніи этой извѣстной пристани въ торговомъ отношеніи, о томъ пусть справятся въ статистическомъ описаніи Россіи; но оно было очень важно, ибо на нѣсколько часовъ заставило тутъ остановиться главнаго директора путей сообщенія. Мы пристали на квартирѣ смотрителя судоходства, надворнаго совѣтника Николая Федоровича Виноградова, кажется, изъ нижнихъ воинскихъ чиновъ. Мѣсто имъ занимаемое, видно, было очень доходно; ибо мы въ жилищѣ его нашли не только изобиліе, даже роскошь. Не въ первый разъ и тутъ пришлось мнѣ одному воспользоваться угощеніемъ, приготовленнымъ для моего начальника. Тутъ находилась пѣхотная дивизія, которою начальствовалъ генераль-адъютантъ Николай Мартемьяновичъ Сипягинъ, бывший любимецъ Александра, тогда въ немилости у него. Онъ Бетанкура со свитой пригласилъ къ себѣ обѣдать, а до того усерднѣйше просилъ мимоходомъ взглянуть на ученіе какого то полка. Гишпанцу въ Петербургѣ пришла страсть казаться или даже почитать себя военнымъ, и хогя въ этомъ дѣлѣ смыслилъ столько же какъ и я, онъ пошелъ смотрѣть полкъ, а я остался съ пріятною перспективой—послѣ славнаго обѣда развалиться на широкомъ диванѣ. Къ вечеру мы опять отплыли. Я еще не спалъ, когда

*) Ужасное слово, при которомъ для спасенія жизни всѣ должны были падать ницъ, дабы захватившимъ судно дать время ограбить его.

проѣхали мы мимо города, или лучше сказать, между двухъ городковъ Романово-Борисоглѣбска.

Мнѣ и утромъ что-то не спалось; я всталъ рано, одѣлся, взошелъ на палубу и завидѣлъ въ дали большой городъ; мнѣ сказали, что это Ярославъ. Когда мы довольно приблизились къ нему, чтобы разглядѣть на пристани множество народа и чиновниковъ въ мундирахъ, я поспѣшилъ къ Бетанкуру. Онъ былъ еще въ постели; я велѣлъ доложить ему, что его ожидаетъ встрѣча. Хорошо я сдѣлалъ, потому что едва успѣлъ онъ принарядиться, какъ мы пристали къ берегу, на которомъ ожидалъ его самъ губернаторъ *). Пока онъ водилъ его сперва къ себѣ, а потомъ осматривать богоугодныя заведенія, пошелъ я отыскивать знакомаго мнѣ въ Петербургѣ Петра Яковлевича Писемскаго, женатаго на родной сестрѣ Блудова, а между тѣмъ спросилъ у своего начальника, гдѣ могу найти его, пристать къ его свитѣ и вмѣстѣ отправиться далѣе. Находясь среди семейства почтенно-пріятнаго, я заговорился, забылся, опоздалъ и долженъ былъ бѣжать, чтобы настигнуть своихъ. Извозчиковъ не было, или я ихъ не встрѣтилъ. На мѣстѣ мнѣ назначенномъ, въ городской больницѣ, подлѣ публичнаго сада, нѣкогда насажденнаго генераль-губернаторомъ Мельгуновымъ, я никого не нашелъ. Въ тщетныхъ поискахъ своихъ избѣгалъ я весь городъ, могу сказать, не видавъ его. Еще нѣсколько минутъ, и нетерпѣливый Бетанкуръ уѣхалъ бы безъ меня: онъ спѣшилъ на обѣдъ къ любимому адъютанту своему Варенцову, который намъ сопутствовалъ и у котораго въ двадцати верстахъ отъ Ярослава, близъ Волги, на рѣчкѣ Туношнѣ, былъ собственный ножевый заводъ.

О семь новомъ сослуживцѣ мнѣ не приходилось говорить. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ купеческимъ родамъ, которые, чрезвычайно разбогатѣвъ, такъ охотно и легко переходятъ у насъ въ дворянское состояніе. Нѣкоторые изъ нихъ, поднявшись въ чинахъ; посредствомъ блестящихъ супружествъ, безпрепятственно приписываются къ знатымъ, какъ, на примѣръ, нѣкогда Демидовы, а въ настоящее время Мальцовы, Гончаровы, Устиновы. Но не всѣмъ это удается; многіе изъ нихъ, во второмъ или третьемъ поколѣніи, прогулявъ нажитое родителями, возвращаются къ ничтожеству и къ нищетѣ. Отецъ Варенцова, простой разбогатѣвшій фабрикантъ, нашелъ средство двухъ старшихъ сыновей опредѣлить въ Иностранную Коллегію, а меньшаго Петра Алексѣевича

*) Гаврила Герасимовичъ Политковскій, нѣкогда правитель канцеляріи министра финансовъ, графа Васильева, потомъ директоръ Медицинскаго Департамента, губернаторъ и наконецъ сенаторъ, человекъ умный, тонкій, проворный, но надобно полагать безкорыстный, ибо ничего почти не оставилъ сыновьямъ своимъ, которые за то умѣютъ наживать милліоны или нѣчто на то похожее.

въ Институтъ Путей Сообщенія. Сей послѣдній имѣлъ уже офицерскій чинъ, когда въ 1812 году, слѣдуя общему влеченію, поступилъ онъ въ армію, находился въ сраженіяхъ и получилъ нѣсколько военныхъ знаковъ отличія; потомъ вышелъ въ отставку, а какъ *тогда* былъ онъ еще благоразуменъ, то не полѣзъ въ знатность, сыскалъ невѣсту, равную себѣ по состоянію, и женился на богатой дѣвицѣ Кусовниковой. Чиноплюбіе опять заманило его въ службу, и онъ предложилъ себя адъютантомъ бывшему своему инженерному начальнику; а тотъ, по вышеизъясненной мною слабости казаться военнымъ, во вниманіе къ его армейскому мундиру, крестикамъ и медалямъ, охотно принялъ его предложеніе. Этотъ Варенцовъ былъ золъ, если совершенное отсутствіе добродушія, доброжелательства, можно почитать злостію. Я не замѣтилъ, чтобы онъ кому-либо особенно старался вредить; за то всегда радовался неудачѣ, даже несчастію самаго хорошаго знакомаго. Пріятелей, разумѣется, у него не было. Со всѣмъ тѣмъ его довольно любили, ибо онъ имѣлъ привычку всѣмъ улыбаться — старшимъ подобострастно, младшимъ — коварно, чего немногіе умѣли замѣтить; одни низшіе и особенно ему подвластные всегда видѣли его нахмуренныя брови. Съ умомъ самымъ обыкновеннымъ былъ онъ угодителемъ и проворенъ, и тѣмъ еще болѣе полюбился Бетанкуру. Онъ не мѣшался ни въ чьи дѣла по управленію, а въ послѣдствіи умѣлъ себѣ создать особую часть въ видѣ инспекторской. Заводъ его находился въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, не такъ какъ у Саблукова; не было никакихъ лишннихъ затѣй, ни иностранцевъ, а онъ сбирался уже вырабатывать бритвы. Можно себѣ вообразить, какое угощеніе было тутъ приготовлено имъ для своего начальника и его сопровождавшихъ! Пропировавъ въ Туношнѣ почти вцелотъ до ночи, переѣхали мы на противоположный берегъ Волги. Тутъ нетерпѣливый Бетанкуръ объявилъ намъ о намѣреніи своемъ насъ оставить, сѣлъ въ коляску, взявъ съ собою сына, Рейфа и Варенцова, и поскакалъ по большой дорогѣ.

Мы остались втроемъ съ Маничаровымъ и Рандомъ. Вотъ до чего уменьшилось сначала столь многочисленное наше общество. Повалившись спать, мы преспокойно поплыли далѣе. Кому начальствовать надъ флотиліей, не было сказано; а какъ порядокъ вездѣ нуженъ, то и увидѣлъ я себя въ необходимости при этомъ случаѣ похитить верховную власть, тѣмъ болѣе, что отъ кроткаго, безпечнаго Маничарова не могъ я ожидать никакого сопротивленія, и что Рандъ въ это время былъ ко мнѣ отиѣнно снисходителенъ. Въ слѣдующее же утро, 27-го Мая, пришлось мнѣ на опытѣ явить мое владычество. Подплывши къ Ко-стромѣ, мои спутники хотѣли, не останавливаясь, ѣхать далѣе. Тогда я замѣтилъ имъ, что, не бывъ природными Русскими, они, конечно,

могутъ быть равнодушны къ великой знаменитости этого города въ Русской исторіи; но что я никакъ не соглашусь упустить сей единственный случай посѣтить Ипатьевскій монастырь. Въ тоже время самовольно распустилъ я гребцовъ на полтора часа отдохнуть или погулять по городу. На меня съ минуту посмострѣли съ изумленіемъ, а я, взявъ какого-то провожатаго, отправился пѣшкомъ. Не знаю по какому случаю въ монастырѣ было архіерейское служеніе, чтò задержало меня долѣе, чѣмъ я ожидалъ и лишило возможности увидѣть комнаты, которыя занималъ съ матерью малолѣтній Михаилъ Θεодоровичъ, когда пришли призывать его на царство. На городъ, почти внѣ котораго находился монастырь, едва успѣлъ я взглянуть: нетерпѣливые спутники мои съ нѣкоторою уже досадою ожидали моего возвращенія, и мы тотчасъ отправились далѣе.

Очень рано поутру на другой день, 28-го числа, причалили мы къ городу Кинешмѣ. Я лежалъ еще въ постели и довольствовался сквозь оконце моей каюты (бывшей Бетанкуровской), не вставая, поглядѣть на шумный базаръ, находившійся на низкомъ берегу надъ самую пристанью. Сіи послѣдніе два дня нашего странствованія были отмѣнно пріятны: Волга продолжала быть оживляема и многочисленными судами, по ней плывущими, и картиной непрерывныхъ веселыхъ селеній, по берегамъ ея расположенныхъ. Ночью проплыли мы мимо Балахны, и опять на этотъ городокъ не удалось мнѣ взглянуть. Наконецъ 29-го Мая, когда раждающійся свѣтъ едва позволялъ различать предметы, были мы пробуждены гремучею пѣснію всѣхъ гребцовъ нашихъ. Между ними есть обычай, при входѣ въ Оку или въ которую-либо изъ большихъ рѣкъ въ Волгу впадающихъ, привѣтствовать ихъ громогласнымъ, веселымъ пѣніемъ. Не было возможности унять ихъ; мы принуждены были встать, одѣться и выйдти на палубу. Тогда скоро на горѣ, въ тускломъ свѣтѣ, предсталъ намъ «Новгородъ Низовскія земли». Мы пристали къ деревянному, двухъэтажному, казенному дому, недавно на самомъ берегу построенному, въ которомъ жилъ Бетанкуръ, и тутъ только, дабы не разбудить его, успѣлъ я заставить замолчать пѣвунновъ нашихъ.

ХІІ.

Не буду описывать въ этой главѣ ни города, въ который мы пріѣхали, ни пребыванія моего въ немъ. Не прошло трехъ недѣль какъ мнѣ пришлось сдѣлать новую поѣздку. Четыреста верстъ, отдѣляющихъ Нижній-Новгородъ отъ Пензы, могутъ почитаться въ Россіи разстояніемъ неважнымъ, даже ничтожнымъ, когда оно отдѣляетъ нѣжнаго сына отъ страстной матери, не выдавшей его пять лѣтъ. По возвращеніи изъ сей поѣздки въ Нижній, примусь за него.

Не предвидя, какой вред по службѣ причинять мнѣ въ послѣдствіи сіи кратковременныя разлуки съ Бетангуромъ и свиданіе съ ней, моя бѣдная мать убѣдительно требовала меня къ себѣ. Начальникъ мой неохотно согласился на сію отлучку, однакоже далъ мнѣ своего курьера для сопровожденія меня во время пути и собственную почтовую коляску для совершенія его.

Я выѣхалъ 21-го Іюня послѣ завтрака. Сто верстъ до Арзамаса были только незнакомою мнѣ дорогой; далѣе были все мѣста не разъ въ сихъ Запискахъ упомянутыя. Рано поутру 23-го прибылъ я въ Пензу, но не нашелъ въ ней матери моей. Мнѣ дали почтовыхъ лошадей, я отправился въ Лебедевку и встрѣтилъ ее, выходящую послѣ обѣдни изъ церкви Владимирскія Божіей Матери, которой явленіе въ этотъ день празднуется, также какъ 26 Августа. Кажется, первый разъ еще во вдовствѣ ощутила она полную радость. За недѣлю до меня пріѣхалъ братъ мой Павелъ, котораго не видѣла она семь лѣтъ; послѣ него сестра Алексѣева съ мужемъ, столько времени прожившіе за границей; потомъ два внука, сыновья его, молоденькіе офицеры, только что изъ Пажескаго Корпуса выпущенные; наконецъ, мой пріѣздъ довершилъ ея благополучіе. Для выраженія его у меня не было даже словъ; съ одного на другаго изъ насъ въ молчаніи переводила она глаза, исполненные слезъ благодарности къ Небу. На семь фамильномъ сѣздѣ не доставало только одного члена семейства нашего, малолѣтняго сына покойнаго брата Николая Филиповича, который воспитывался въ Воронежѣ, у родныхъ своихъ Тулиновыхъ. Послѣ обѣда поѣхалъ я въ Симбухино поклониться могилѣ отца моего, воротился ночевать, а на другой день, 24-го, всѣ вмѣстѣ переѣхали мы въ Пензу, гдѣ по сему случаю нанята была для насъ большая, помѣстительная квартира.

Пенза изъ числа тѣхъ городовъ, которые въ спокойно-дѣятельное царствованіе Екатерины, какъ бы изъ нѣдръ земли, подобно лавѣ или нефти, воспрянули, а потомъ остыли, окаменѣли и остались въ томъ видѣ, въ которомъ застала ихъ кончина ея. Черезъ двадцать, черезъ тридцать лѣтъ, кто бы ни пріѣхалъ въ Пензу, увидитъ ее точно въ томъ же видѣ, въ которомъ я нашелъ ее въ началѣ 1802 года. Въ продолженіи почти полулѣтка, пять, много шесть каменныхъ зданій построено только на мѣстахъ сломанныхъ, обветшалыхъ, но величиною имъ равныхъ домовъ. А между тѣмъ городъ довольно красивъ; но, не имѣя ни обширной торговли, ни промышленности, и поддерживаемый единственно барскимъ житьемъ помѣщиковъ, онъ подняться не можетъ. Отчего же, не съ большимъ въ десять лѣтъ, послѣ открытія въ немъ губерніи, онъ такъ внезапно выросъ? Этотъ вопросъ также можно

сдѣлать по отношенію къ самой Москвѣ. Исключая великаго множества старинныхъ церквей, какими великолѣпными зданіями украсилась древняя столица даже во дни Елисаветы? И умножилось ли число ихъ въ царствованіе Павла и Александра? Все, все, принадлежитъ въ ней къ вѣку Екатерины, который безъ преувеличенія былъ для Россіи вѣкомъ Перикла и Августа. Какимъ творческимъ могуществомъ была одарена эта женщина! Какъ бы отъ одного дыханія ея возникало у насъ все громадное, и это безъ разоренія народа, безъ отягощенія казны!

Въ составѣ общества, послѣ пяти лѣтъ, также не нашелъ я никакихъ переменъ. Въ нашихъ отдаленныхъ губерніяхъ дворянскія поколѣнія слѣдуютъ одно за другимъ, но названія ихъ остаются почти все прежнія. Правда, иныя изъ нихъ проматываются, бѣднѣютъ отъ наслѣдственныхъ раздѣловъ; зато другія, часто ихъ сыновья или внуки, посредствомъ женитьбы, откупа или какимъ-либо другимъ дозволеннымъ или нез дозволеннымъ средствомъ опять наживаются. Такимъ образомъ имѣнія, переходя изъ рукъ въ руки, отъ одной фамиліи къ другой, все-таки по большей части остаются собственностію одной касты, освященной временемъ, составленной изъ людей, носящихъ давно извѣстное имя. Они смотрятъ довольно съсиво на чиновниковъ, насылаемыхъ къ нимъ изъ столицъ; передъ одними откупщиками, изъ какого бы состоянія тѣ ни были, готовы они преклонять выю.

Главное вліяніе на общество въ губернскихъ городахъ имѣли нѣкогда губернаторы. Мы видѣли, какъ легкомысленный Голицынъ заставлялъ Пензу наряжаться и плясать, даже во время ужасовъ Отечественной войны; болѣе для ея пользы онъ сдѣлать не умѣлъ. На его мѣсто пріѣхалъ Сперанскій, ненавистный всему Русскому дворянству. Онъ ударился съ собою объ закладъ, что заставитъ его обожать себя, и закладъ выигралъ. Этотъ цвѣтъ бюрократіи былъ въ Александровской лентѣ, слѣдственно вельможа по прежнимъ понятіямъ; недавно управлялъ онъ государствомъ. Къ такому челоуку невольное чувствуется уваженіе; оно ограждало его отъ скучныхъ, безпрестанныхъ посѣщеній людей, ему вовсе не равныхъ по уму и знанію, хотя двери его были всегда на отперти, хотя всѣмъ былъ онъ доступенъ. Такъ иные государи не имѣютъ нужды въ стражѣ, хранимы будучи народною любовію. Дѣйствительно, онъ казался Наполеономъ на островѣ Эльбѣ. Можетъ-быть, къ счастью, немногимъ дано понимать превосходство передъ собою необыкновенныхъ людей, постигать ихъ высоту; число ихъ завистниковъ и враговъ безъ того было бы слишкомъ велико. Одни звѣздочеты могутъ измѣрять небеса и съ точностію опредѣлять разстояніе солнца отъ земли, или, по крайней мѣрѣ, люди имѣющіе нѣкоторое понятіе объ астрономіи. Кому въ Пензѣ было оцѣнить

великія свойства Сперанскаго и всѣ его недостатки? Закатившееся туда солнце, сверхъ того, подернуто всегда было облакомъ задумчивости и тѣмъ еще болѣе скрывало свой блескъ. Его тихій, привѣтливый голосъ и печальный взглядъ до того обезоружили жителей, что они прощали ему явное невниманіе его къ ихъ дѣламъ. Онъ брезгалъ своею должностію, когда бы ему слѣдовало поднять ее до себя; мнѣ кажется, такъ было бы лучше. Подобно Наполеону, не могъ онъ съ своею Эльбы мигомъ шагнуть въ Петербургъ: ему нужно было пять лѣтъ, и то черезъ Сибирь, куда въ началѣ этого 1819 года назначенъ былъ онъ генераль-губернаторомъ, чтобы воротиться въ него, только уже не на прежнее могущество.

На его мѣсто назначенъ былъ также опальный другъ его, Ѳедоръ Петровичъ Лубяновскій, который и прибылъ въ Пензу мѣсяца за полтора до пріѣзда моего въ нее. Онъ никогда такъ выско не поднимался, какъ Сперанскій, былъ неодинаковаго съ нимъ характера; только участь ихъ во многомъ имѣла сходство. Отецъ его (протоіерей Петръ, говорили) принадлежалъ къ Малороссійскому дворянству. Я повторю вопросъ: до Екатерины существовало ли Малороссійское дворянство? Были богатые и небогатые владѣльцы, чиновные и нечиновные, и наконецъ, простые казаки. Родственникъ его (да пою не родной ли дядя?) Захаръ Яковлевичъ Карнѣевъ, весьма умный человѣкъ, въ послѣдствіи сенаторъ, открылъ ему дорогу по службѣ. Будучи въ тѣсной связи съ Мартинистами, онъ поручилъ его милостямъ фельдмаршала Репнина, великаго ихъ покровителя. Послѣдній записалъ его сперва въ Измайловскій полкъ, а потомъ взялъ къ себѣ адъютантомъ. Сначала, при Павлѣ, князь Репнинъ былъ честимъ, но вскорѣ потомъ, какъ и всѣ другіе, попалъ къ нему въ немилость и принужденъ былъ оставить службу со всѣми своими адъютантами. Онъ сохранилъ однакоже довольно кредиту, чтобы внуку своему (что тогда было весьма трудно) выпросить дозволеніе ѣхать за границу; съ нимъ и Лубяновскій путешествовалъ по Германіи и Италіи. Дабы сколько-нибудь умножить благосостояніе свое, онъ съ пользою для себя употребилъ свободное время, сталъ переводить довольно изряднымъ Русскимъ языкомъ тогдашнихъ Нѣмецкихъ мечтателей, Юнга-Штиллинга, Сведенборга и, между прочимъ, *Тоску по отчизнѣ*. По возвращеніи, молодой Репнинъ женился на Разумовской, двоюродной сестрѣ графини Кочубей, жены министра. По всѣмъ симъ Украинскимъ связямъ, Лубяновскій, въ чинѣ коллежскаго ассессора, попалъ къ послѣднему въ секретари. Должность эта была важная, ибо министры тогда не имѣли не только директоровъ, но даже и правителей канцеляріи. Тогда Лубяновскій позналъ истинное призваніе свое: онъ не рожденъ былъ ни богословомъ, ни

сектаторомъ, ни литераторомъ, а весьма искуснымъ администраторомъ и судьей. Безъ службы самыя прежнія произведенія его остались бы неизвѣстны; но какъ всѣ губернаторы имѣли до него дѣло, то всякой изъ нихъ радъ былъ угодить ему покупкою за дорогую цѣну сотни экземпляровъ совсѣмъ не распроданныхъ его твореній. Сіе было слабымъ началомъ сдѣланной имъ огромной фортуны, по примѣру начальника его Кочубея.

Онъ такъ быстро поднялся и такъ много прославился, что уже въ 1809 году самъ Государь избралъ его руководителемъ молодого принца Ольденбургскаго по правительственной части. Онъ пожалованъ статсъ-секретаремъ и вмѣстѣ съ тѣмъ назначенъ директоромъ департамента путей сообщенія. Въ Твери съ Болотниковымъ раздѣлили они между собою власть. Одинъ забралъ къ себѣ въ руки часть придворную, другой началъ почитать себя главнымъ директоромъ путей сообщенія и генераль-губернаторомъ трехъ губерній, забывая, что принцъ только второстепенное тутъ лицо и не угадавъ, что высокоумная Великая Княгиня долго не потерпитъ самоуправной власти двухъ наставниковъ. Болотникова скоро умѣла она спровадить, умомъ же Лубяновскаго уважала и нѣсколько времени выносила его. Но умъ имѣетъ разныя свойства, и въ числѣ ихъ есть тактъ, врожденное чувство приличія, которое иногда приобрѣтается и навыкомъ; а этотъ человѣкъ былъ его вовсе лишень. Съ каждымъ днемъ становясь болѣе дерзкимъ, болѣе повелительнымъ съ свѣтѣйшимъ начальникомъ своимъ, онъ разъ до того забылся, что самой Великой Княгинѣ сказалъ что-то такое, чего бы не могла вынести и жена частнаго человѣка. Вообще замѣчена, какъ между многими изъ коренныхъ жителей Москвы, такъ и, начиная съ архіереевъ, почти во всѣхъ воспитанникахъ Духовныхъ Академій и Семинарій, какая-то безпощадность къ чужому самолюбію. Екатерина Павловна не задумалась и въ тотъ же день отправила курьера къ Государю съ просьбою, чтобы Лубяновскій былъ удалень отъ должности, или ей самой дозволено было оставить Тверь. Во удовлетвореніе ея требованія онъ былъ отставленъ отъ службы съ тѣмъ, чтобы, пока она жива, онъ принять въ нее быть не могъ. Она скончалась во цвѣтѣ лѣтъ, и черезъ четыре мѣсяца послѣ ея кончины онъ назначенъ въ Пензу губернаторомъ.

Я нашелъ его посреди первоначальнаго любезничанья съ помѣщиками. Почитая себя тутъ болѣе осѣдлымъ чѣмъ Сперанскій, онъ замышлялъ слѣдовать совсѣмъ иной системѣ и стараться исправлять всѣ упущенія, сдѣланныя въ управленіе его и Голицына. Онъ началъ жить довольно роскошно и открыто, чему много способствовало большее состояніе Александры Яковлевны, дочери генераль-майора Якова

Даниловича Мерлина, на которой успѣлъ онъ жениться еще до отставки своей. Она была женщина довольно капризная, только добрая и совсѣмъ невзыскательная. Новый губернаторъ казался совершенно доволенъ, ибо могъ говорить высокопарно, обильно и протяжно, вездѣ встрѣчая молчаливыхъ и покорныхъ слушателей. Это происходило не отъ уваженія, не отъ страха, а оттого, что предметы, коихъ касался онъ, хотя довольно обыкновенные, выходили однакоже изъ круга понятій большей части тогдашнихъ дворянъ, кои преимущественно занимались сельскимъ хозяйствомъ, псовой охотой и внутренними политическими Пензенскими извѣстіями. Только дурачества, ребячества, какъ было при Голлицынѣ, слѣдовъ не осталось. Вообще Пенза находилась между пріятнымъ воспоминаніемъ о Сперанскомъ и еще пріятнѣйшими ожиданіями отъ Лубяновскаго; все сулило ей блаженные дни, и если они не пришли, не знаю кого въ томъ винить.

Лубяновскій отменно ладилъ тогда съ моими и, видя во мнѣ какъ бы преемника своего преемника въ департаментѣ имъ образованномъ, Серебрякова, къ ласкамъ своимъ примѣшивалъ особое уваженіе.

На все что живо напоминаетъ намъ бывшее, мы смотримъ съ удовольствіемъ: я нашелъ ту же ярманку, которую зналъ лѣтъ около двадцати, тотъ же воксалъ въ Горихвостовомъ саду, тѣже изъ лубковъ сколоченныя грязныя лавки на нижнемъ базарѣ, встрѣтилъ нѣсколько добрыхъ, давно знакомыхъ мнѣ людей, ихъ посѣтилъ (а не могилы ихъ, какъ лѣтъ двадцать спустя пришлось мнѣ сіе сдѣлать). Наружный видъ добраго согласія и спокойствія, который царствовалъ въ это время, и атмосфера упитанная радостію, которою дышалъ я посреди многочисленнаго тогда семейства моего, дѣлалъ пребываніе мое въ Пензѣ столь необычайно пріятнымъ, что мнѣ желательно было продлить его по крайней мѣрѣ еще на мѣсяць. Но я опасался огорчить и разсердить начальника моего и долженъ былъ 5 Іюля оставить сей городъ, получивъ отъ родительницы моей обѣщаніе пріѣхать дней черезъ десять со всѣмъ семействомъ навѣстить меня и посмотретьъ на Нижегородскую ярманку.

XIII.

По возвращеніи въ Нижній-Новгородъ, я нашелъ Бетанкура не слишкомъ опечаленнымъ моимъ отсутствіемъ. При отъѣздѣ сдалъ я дѣла свои Ранду. Они не имѣли великой важности, ибо касались единственно ярманочнаго строенія, также и раздачи лавокъ во временномъ деревянномъ гостинномъ дворѣ, которая, не знаю почему, отдана была въ наше распоряженіе. Все, что представляетъ какой-нибудь косвенный барышъ, всегда возбуждаетъ живѣйшее участіе въ людяхъ,

которые любятъ наживаться. Будучи мастеромъ докладывать, Рандъ замѣтилъ сверхъ того, что если главное управленіе путей сообщенія почиталъ тогда Бетанкуръ великою для себя тягостью, за то ярманка была любимую его забавой, его игрушкой, посредствомъ которой онъ можетъ болѣе вкратъ въ его довѣренность. Онъ даже всепокорнѣйше предлагалъ мнѣ не столь усердно заниматься такую пустою частью, а болѣе употреблять его на то. Я однакоже отказался отъ его сотрудничества, ибо безъ того что бы оставалось мнѣ дѣлать?

Прямо противъ казеннаго дома, подъ горой, въ которомъ мы всё вмѣстѣ жили, наведенъ былъ длинный мостъ черезъ Оку, по которому ѣздили на ярманку. Правая сторона плоскаго мѣста, къ которому велъ онъ, занята была временными деревянными лавками и балаганами; на лѣвой кипѣли тысячи работающаго народа, и быстро подымалась огромная насыпь, недоступная волнамъ двухъ великихъ рѣкъ во время ихъ разлива. Важность этой операціи доказывается великимъ числомъ инженерныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ, въ Нижній по сему дѣлу нагнанныхъ.

Подполковникъ, баронъ Андрей Карловичъ Боде, не занимался производствомъ работъ: ему поручена была другая вѣтвь общественныхъ доходовъ, постройка, починка деревянныхъ лавокъ и размѣщеніе въ нихъ торговцевъ; тутъ, кажется, онъ на руку охулки не положилъ. Онъ былъ Нѣмецъ тихій, обходительный, изворотливый, какъ въ обществѣ, такъ и въ дѣлахъ старающійся остаться незамѣтнымъ, не позволяющій себѣ входить ни въ какія сужденія, ибо всё помышленія его направлены были къ собственнымъ выгодамъ *). Сестра его, нѣкогда красавица, была въ замужествѣ за Гишпанскимъ консуломъ Колдмби, и великая пріятельница съ семействомъ Бетанкура, отчего и онъ сблизился съ главою этого семейства и изъ артилеріи перешелъ недавно въ вѣдомство путей сообщенія. Боде былъ женатъ на дочери уже умершаго лейбъ-медика барона Моренгейма и сестрѣ извѣстнаго дипломата сего имени, долго употребленнаго въ Варшавѣ. Теща и свояченица-дѣва жили съ нимъ тутъ вмѣстѣ, и домъ его, съ утра до до вечера открытый всей нашей Бетанкурціи, среди до-ярманочнаго безлюдья, подобно другимъ заграничнымъ клубамъ, называлъ я ресурсомъ.

Другой подполковникъ, Гишпанецъ Бауса, слегка либераль, недовольный Фердинандомъ VII, и въ которомъ Кастиланская гордость болѣе походила на Нѣмецкую чопорность, другомъ своимъ Бетанкуромъ, года за два передъ тѣмъ, былъ выписанъ изъ Парижа. Онъ на-

*) Меньшой братъ его, баронъ Левъ Карловичъ, нынѣ въ числѣ Московскихъ вельможъ.

чальствоваль надъ другими инженерами, завѣдываль всѣми работами, и, сколько я могъ понимать, дѣло свое смыслилъ.

Того нельзя было сказать о двухъ другихъ Гишпанцахъ, Віадѡ и Эспехѡ, также недовольныхъ какъ Бауса, и во время заграничной поѣздки моей, подъ его покровительство изъ Парижа прибывшихъ въ Петербургъ. Я удивился наряду ихъ, когда увидѣлъ его. Онъ состоялъ изъ весьма поношенныхъ фрака, горохового или кирпичнаго цвѣта, стараго покроя, и голубыхъ панталонъ съ ботфортами. Почти вслѣдъ за ними пріѣхавъ изъ города, въ которомъ за дешевую цѣну можно было довольно щеголевато нарядиться, я долженъ былъ заключить, что они въ немъ претерпѣвали крайнюю нищету. Вѣроятно многіе изъ нихъ находились въ одинаковомъ съ ними положеніи, оставивъ отечество. Оно же въ это время уже лишлось и Мексики, и Перу, и для сыновъ его Россія, Бетанкуромъ вновь открытая страна, могла нѣкоторымъ образомъ замѣнить ихъ. Мнѣ казалось, что инженерную науку едвали они болѣе меня знаютъ; все равно: какъ великихъ искусниковъ безъ экзамена ихъ приняли въ службу, перваго капитаномъ, послѣдняго поручикомъ, и отіравили въ Нижній-Новгородъ.

Они были ребята добрые, смиренные, безъ претензій; Віадѡ, маленькій, толстенькій, съ небольшимъ ястребинымъ, а Эспехѡ, маленькій, худенькій, съ большимъ орлинымъ носомъ. Оба они напоминали собой героевъ Сервантеса, одинъ Санхо-Пансу, другой Донъ-Кихота. Черезъ три мѣсяца тутъ нашелъ я ихъ не только перереяженными, даже перерожденными. Оливковый цвѣтъ лица ихъ какъ будто выяснился, они смотрѣли весело, въ мундирахъ всегда съ иголки были одѣты, имѣли лихихъ лошадей и славныя дрожки, часто давали у себя завтраки и ваходили, что Нижній—Эльдорадо *).

Тутъ находился еще молодой поручикъ Петръ Даниловичъ Готманъ, меньшей братъ члена строительнаго комитета и служащаго въ немъ подъ начальствомъ моимъ чиновника. Про него точно можно было сказать, что водой не замутить: типе человѣка я не знаваль. Въ разнообразіи своемъ природа создаетъ людей, наружностью и характеромъ болѣе или менѣе схожихъ на всякаго рода животныхъ; между ними встрѣчаются и горлицы, и тигры. Въ Готманѣ еще болѣе видна была прихоть натуры; она образецъ нашла ему между растеніями, она сотворила его плющемъ. Всякій прямой пачальникъ дѣлался для него

*) Подобно росту своему, Віадѡ впоследствии высоко подняться не могъ; а Эспехѡ имѣлъ счастье понравиться старшей дочери Бетанкура, Каролинѣ. Въ аристократической гордости года полтора родители не соглашались выдать ее за него, видя въ немъ Гишпанскаго шляхтича, гidalго. Но гдѣ же было взять града? Бракъ состоялся, и это много послужило къ его повышенію.

необходимымъ деревомъ. Онъ совершенно прильпился, привился къ Баусъ: когда смерть повалила сей небольшой Гишпанскій кедръ, не знаю около какого Русскаго дуба обвился онъ?

Между сими иностранцами можно было, наконецъ, найти и одного Русскаго. И кого же еще? Я люблю употреблять старинныя наши поговорки, по мнѣнію моему, чрезвычайно выразительныя, и потому двадцатипятилѣтняго капитана Алексѣя Ивановича Рокасовскаго назову въ семь случаевъ отметнымъ сободемъ. Одна необычайная его скромность и ослѣпленное самолюбіе его товарищей могли не дать имъ почувствовать великаго превосходства его передъ ними. Отецъ его, отставной Екатерининскій полковникъ, старался дать ему съ братомъ Платономъ самое лучшее образованіе и совершенно въ томъ успѣлъ. Станъ былъ у него самый стройный, лицо, безъ настоящей красоты, самое миловидное, всѣ движенія благородныя, а внутреннія достоинства его превосходили еще сіи наружныя преимущества. Познанія свои выказывалъ онъ въ дѣлахъ, а не на словахъ, былъ дѣятеленъ безъ суетливости и остороженъ, благоразуменъ безъ малѣйшей хитрости. Оттого-то былъ онъ терпимъ всѣми иностранцами и любимъ всѣми Русскими. Судьба будетъ весьма несправедлива, думалъ я, если когда-нибудь этого юношу не поставитъ на высокую степень: спасибо ей, она исполнила мои желанія.

Мнѣ нужно было напередъ представить общество людей, съ которыми почти каждый день я вмѣстѣ долженъ былъ обѣдать, и которыхъ по нѣскольку разъ въ день я видѣлъ.

Съ городскими жителями мы имѣли мало сношеній, исключая одного, именно гражданскаго губернатора, Александра Семеновича Крюкова. Онъ былъ при Екатеринѣ офицеромъ конной гвардіи. Тогда была также, какъ и нынѣ, не весьма похвальная мода раззоряться на содержаніе преимущественно какой-нибудь иностранки или актрисы. Часто эти женщины, по прибрѣтении большой части имѣнія своихъ содержателей, съ этимъ приданымъ за нихъ же выходили замужъ. Я не думаю, чтобы скромная, прекрасная и бѣдная Англичанка, къ которой привязался Крюковъ, была въ числѣ ихъ; только сожитіе ихъ предшествовало ихъ супружеству. Госпожа Бетангуръ, также Англичанка, въ 1818 году посѣтивъ Нижній, познакомилась и сблизилась съ сею единоземкою, женой вице-губернатора. А какъ въ этомъ же году вышли большія непріятности у губернатора Быховца съ ея мужемъ, то вслѣдствіе ихъ первый былъ отставленъ и, по ходатайству послѣдняго, Крюковъ назначенъ былъ губернаторомъ. Устрашенный примѣромъ своего предмѣстника и обязанный новою должностію своею Бетангuru, г. Крюковъ, и безъ того слишкомъ мягконравный, совсѣмъ отдалъ себя ему

въ кабалу. Онъ казался чиновникомъ, принадлежащимъ къ его свитѣ, и со всѣми нами, особенно со мною, былъ не только ласковъ, даже угодливъ. А меня это возмущало: я видѣлъ въ этомъ совершенный упадокъ губернаторскаго званія, которое, вспоминая отца моего, такъ высоко я цѣнилъ.

Мы часто его посѣщали: домъ его вмѣстѣ съ нашимъ и съ домомъ барона Боде составлялъ какъ бы одинъ. За неизмѣнимъ казеннаго губернаторскаго дома жилъ онъ въ собственномъ весьма изрядномъ, пестромъ и довольно изукрашенномъ. Лучшимъ украшеніемъ онаго служила единственная дочь его, очень молодая, но уже замужняя, княгиня Надежда Александровна Черкасская. Она еще болѣе походила на Англичанку чѣмъ мать. Пусть заглянуть въ лучшей Англійскій кипсекъ и выберуть прелестнѣйшее изъ женскихъ лицъ: съ нимъ только можно сравнить красоту ея въ восемнадцать лѣтъ. Старость или безобразіе мужа красивой жены всегда у людей влюбчивыхъ рождаетъ надежды, умножаютъ желанія. Князь Черкасской хотя былъ молодъ, богатъ, но при весьма подлой наружности былъ самая безсловесная тварь. Вотъ отчего, начиная отъ шестидесяти-пяти-лѣтняго Бетанкура до четырнадцати-лѣтняго сына его Альфонса, мы всѣ были влюблены въ его княгиню. Она же смотрѣла такъ невинно и благосклонно вмѣстѣ, что не любить ея было столь же невозможно, какъ ревновать или подозрѣвать въ чемъ-нибудь. Я не понимаю, какъ отецъ ея не попользовался симъ вѣжнымъ расположеніемъ нашего старика, чтобы держать его въ своей зависимости. Напротивъ, сей послѣдній необычайную его снисходительность, по мнѣнію моему, часто слишкомъ употреблялъ во зло.

Еще былъ одинъ человекъ, который прилепился къ нашему обществу: это былъ полиціймейстеръ Владимиръ Савичъ . . . въ Будучи офицеромъ гвардіи въ Преображенскомъ полку, находился онъ въ Аустерлицкомъ сраженіи. Въ этотъ ужасный день онъ такъ много набрался страху, что, по возвращеніи изъ похода, посидѣвши оставить военную службу. Не знаю, замѣчено ли это было, заставили ли его выйти; только послѣ того долго и по гражданской части опредѣлить его не хотѣли. Ему удалось по выборамъ понасть въ исправники—должность, которою отставные гвардіи офицеры брѣзгали; но что ему было до чести, лишь была бы нажива? Зная дѣятельность его, Крюковъ черезъ Бетанкура выпросилъ ему должность, на которой я его нашелъ. Человекъ былъ замѣчательный! Невозможно, чтобы подлость могла идти далѣе, чѣмъ у него: онъ даже не бралъ никакого труда ее скрывать; нужнымъ людямъ дѣлаться нужнымъ, вотъ было его правило. Какъ искусно умѣлъ онъ навязывать всякаго рода услуги тѣмъ, въ коихъ искалъ! Какъ былъ онъ согбенъ передъ высшими! Какъ лицо

его безъ словъ всегда говорило имъ: что прикажете? Какъ дерзокъ и нестерпимъ съ тѣми, кои въ немъ имѣли нужду! Какъ ненавидимъ дворянами и жителями! Увѣряють, что послѣ того, по прїѣздѣ въ Нижній всякаго сильнаго при дворѣ челоуѣка, что-нибудь загоралось въ этомъ городѣ и напередъ приготовленными къ тому средствами тотчасъ потухало; а онъ, вымаранный сажей, какъ бы изъ огня, спѣшилъ явиться къ вельможѣ, чтобы его успокоить. Гадко о немъ вспомнить. Такіе люди вездѣ есть; жаль, что у насъ только имѣють они продолжительные успѣхи *).

Среди сего малаго круга жилъ я до половины Юля. Городъ былъ весьма немногочудень; въ немъ оставались одни только должностныя лица; помѣщики же всѣ разъѣхались по деревнямъ и вмѣстѣ съ толпами иногородныхъ къ началу ярманки должны были только прїѣхать; слѣдственно мнѣ никакого почти не было случая съ ними познакомиться. Съ барабаннымъ боемъ, 15-го Юля, ярманка была открыта; но никого почти еще не было, и купцы только-что начинали раскладывать свои товары. Прежде, бывало, оканчивалась она 25-го числа, въ день Св. Макарія, а съ перенесеніемъ ея въ Нижній-Новгородъ, каждый годъ опаздываютъ съ ея открытіемъ, такъ что 25-го Юля едва начинается она, а торгъ продолжается весь Августъ.

Родные мои сдержали слово. Покойная мать съ братомъ моимъ, съ двумя сестрами и съ зятемъ Ильей Ивановичемъ Алексѣевымъ, прїѣхали въ Нижній-Новгородъ 17-го числа, наканунѣ дня рожденія его и за три дня до его именинъ, отпраздновать ихъ со мною и нѣсколько дней потомъ погостить у меня. Я нанялъ имъ квартиру въ верхней части города, въ домѣ Поляка Зарембы, не знаю какъ тутъ поселившася, и первые дни безотлучно проводилъ съ ними, такъ что не замѣтилъ, какъ ярманочная площадь вдругъ наводнилась тысячами простаго народа на нее нахлынувааго.

Сдѣлать подробное описаніе этой знаменитой ярманки считаю здѣсь ненужнымъ, да и невозможнымъ; ибо изъ бумагъ о семъ предметѣ, бывшихъ у меня въ рукахъ, не сохранилъ я ни одной. Въ изданной о томъ книгѣ г. Зубовымъ видно, что работы, производившіяся пять лѣтъ, стоили казнѣ одиннадцать милліоновъ ассигнаціями, тогда какъ, сколько я припомню, въ смѣтѣ и трехъ не показано было. Изъ этой же книги видно, что каменный гостинный дворъ заключаетъ

*) Послѣ того въ двухъ губерніяхъ былъ онъ вице-губернаторомъ, когда водочная продажа не отдавалась на откупъ, а находилась въ непосредственномъ управленіи казенныхъ палатъ. За то ни одного губернаторскаго мѣста не хотѣли имъ замарать. Теперь онъ управляющимъ Главнаго Казначейства въ Петербургѣ.

въ себѣ 2.520 лавокъ, но сколько получается сбора, того, къ сожалѣнію, не сказано; а желательно бы знать, выручаетъ ли казна хотя шесть процентовъ съ издержаннаго ею капитала? Въ мое время, если не ошибаюсь, съ деревянныхъ лавокъ получаемо было не съ большимъ сто тысячъ рублей ассигнаціями.

Маленькій городъ, съ маленькимъ дворцомъ, съ храмами православнымъ и иновѣрнымъ, въ которомъ полтора мѣсяца кишить до двухъ сотъ тысячъ пріѣзжихъ и пришедшихъ, не удалось мнѣ видѣть, а только возвышеніе грунта для его построенія. Что же касается до временной ярманки, я находилъ, что, въ самомъ большомъ размѣрѣ, она походитъ на Пензенскую. Также изъ досокъ сколоченные ряды, только въ нѣкоторомъ отъ нихъ разстояніи прочныя строенія, театръ, трактиры, бани. Тамъ только во всякое время дозволено было разводить огонь. Не знаю почему одинъ купецъ Колесовъ середъ ярманки пользовался тою же привилегіей. У него, говорили, была молодая жена, которую опъ ко всѣмъ ревновалъ, съ которою не хотѣлъ разлучаться и для того, за большія деньги, выпросилъ себѣ право построить хотя временное, но прочное помѣщеніе. Онъ былъ царемъ Китайской у насъ торговли, черезъ его руки проходилъ весь чай, который распивается въ Россіи, и однихъ пошлинь, говорили, платилъ онъ болѣе ста тысячъ рублей ассигнаціями. Такому человѣку снисходительность оказать можно было. Невидимая часть ярманки была самая важнѣйшая: оптовая продажа и вообще всѣ большія торговыя сдѣлки, которыя, за неизмѣнимъ биржи, совершались на домахъ.

Я упомянулъ о временномъ ярманочномъ театрѣ; былъ еще въ городѣ другой, деревянный, постоянный. Надобно знать, что въ царствованіе Екатерины, когда Русскіе бѣгомъ бѣжали на встрѣчу къ просвѣщенію, они воспринимали преимущественно, какъ народъ молодой, всѣ новыя забавы, которыя представлялъ имъ Западъ: оттого-то такъ много расплодилось домашнихъ оркестровъ и труппъ. Въ каждомъ губернскомъ городѣ былъ обыкновенно одинъ помѣщикъ-забавникъ или, лучше сказать, забавитель публики. Въ одной Пензѣ, какъ видѣли, было ихъ нѣкогда трое. Сего мало: почти въ каждой губерніи былъ еще одинъ помѣщикъ-тиранъ, обыкновенно человѣкъ богатый, а иногда знатный и чиновный. Безотвѣтные крестьяне и дворяне не имѣли никакихъ причинъ на нихъ жаловаться: за то горе сосѣдямъ, не только мелкопомѣстнымъ, даже зажиточнымъ дворянамъ, когда они отказывались исполнять ихъ прихоти. Первыхъ они дарили, послѣднихъ часто угощали у себя грубо-роскошною трапезой. Но коль скоро произойдутъ какія-нибудь несогласія, возбудится въ нихъ досада, они не удовольствуются однѣми обыкновенными непріятностями: потравой полей, по-

рубкой лѣса: они посягали на ихъ личность, съ ватагой врывались въ ихъ селенія, съ тѣмъ, чтобъ иногда предавать ихъ тѣлесному наказанію. Непонятно, какъ такое жестокое самоуправіе могло быть терпимо. Для такой нравственной силы однако богатства было бы недостаточно: нужны были смѣлость и великая твердость воли. За то эти люди всѣмъ располагали на выборахъ: исправники трепетали предъ ними, и сами губернаторы старались обходиться съ ними осторожно.

Учредителемъ Нижегородскаго театра былъ меньшей братъ богатаго въ Москвѣ князя, Бориса Григорьевича Шаховскаго, бѣдный князь Николай Григорьевичъ. Оба одержимы были сильно сцениманіей, но старшій имѣлъ актеровъ для своей забавы, меньшей для прибыли. Странно видѣть человека, когда онъ берется совсѣмъ не за свое дѣло: этотъ Шаховской не имѣлъ никакого понятія ни о музыкѣ, ни о драматическомъ искусствѣ, а между тѣмъ ужаснымъ образомъ законодательствовалъ въ своемъ закулискомъ царствѣ. Все, что ему казалось нѣсколько неприличнымъ или двусмысленнымъ, онъ беспощадно выкидывалъ изъ піесъ; въ труппѣ своей вводилъ монастырскую дисциплину, требовалъ величайшей благопристойности на сценѣ, такъ чтобы актеръ во время игры никогда не могъ коснуться актрисы, находился бы всегда отъ нея не менѣе какъ на аршинъ, и когда она должна была падать въ обморокъ, только примѣрно поддерживалъ ее. Послѣ того можно себя представить, какъ движенія ихъ были свободны и ловки. Я не имѣлъ довольно пристрастія къ Пензѣ, чтобы актеровъ ея предпочесть Нижегородскимъ, однакожь и этимъ передъ тѣми преимущества дать не могу; вообще, трудно мнѣ рѣшить, которые изъ нихъ были хуже. Вотъ еще одна странность Шаховскаго: онъ находилъ (вѣроятно, изъ экономическихъ видовъ), что сцена производитъ гораздо болѣе эффекта, когда она одна только освѣщена, а всѣ другія части театра погружены во тьму. Оттого-то въ партерѣ можно было въ жмурки играть, а въ ложахъ, чтобы разсмотрѣть другъ друга въ лицо, всякой привозилъ съ собою кто восковую, кто сальную свѣчку, а иные даже лампы. Онъ къ намъ былъ чрезвычайно милостивъ, далъ Бетанкуру даромъ ложу и поднесъ билетъ на всѣ лѣтнія представленія; только къ этой щедротѣ хотя бы огарокъ прибавилъ. И этотъ другъ Таліи и Момуса былъ молчаливый, мрачный и невзрачный старичокъ. У него была жена гораздо моложе его, отмѣнно добрая, но безъ всякаго образованія, да три подроставшихъ дочери, которыхъ послѣ, не знаю, кому онъ роздалъ.

Сверхъ того, въ самомъ городѣ была еще зала, не весьма огромная и не весьма красивая, въ которой собирались дворяне выбирать другъ друга въ должности, а зимой играть въ карты и танцовать. Я

видѣлъ ее еще до ярманки, когда дворянство Бетанкуру давало балъ. Постояннымъ старшиной этого собранія былъ тотъ же самый печальный Шаховской, слѣдственно, — источникомъ всѣхъ городскихъ увеселеній.

Я представилъ веселую, забавную (хотя не слишкомъ) сторону тогдашняго Нижегородскаго житья, а затѣмъ вотъ и ужасная. Всеповелительнымъ деснотомъ съ давнихъ поръ проживалъ въ сей губерніи сынъ одного Грузинскаго царевича, князь Егоръ Александровичъ. Я уже означилъ вкратцѣ дѣянія его, когда говорилъ о подобныхъ ему, коихъ число впрочемъ не было велико и изъ коихъ одинъ только Рязанскій Левъ Дмитріевичъ Измайловъ могъ равняться съ нимъ въ необузданности. Не знаю, первые ли шаги его ознаменованы были насиліями или онъ постепенно достигъ до власти, ни на какихъ законахъ не основанной? Царскаго происхожденія, съ полуденною кровью, съ пылкими страстями, съ крутымъ нравомъ, князь Грузинскій точно княжилъ въ богатомъ и обширномъ селеніи своемъ Лысковѣ, на берегу Волги, насупротивъ маленькаго города Макарьева. Всѣ пріѣзжіе, покупатели и торгующіе, находя въ Лысковѣ гораздо болѣе удобствъ и простора, нанимали тутъ квартиры во время ярманки, и это время для Грузинскаго было самое блистательное и прибыльное въ году, такъ что съ каждымъ годомъ, казалось, сила его умножается. Переведеніе этого огромнаго торжища въ Нижній-Новгородъ нанесло первый, но рѣшительный ударъ его могуществу. Я не нашелъ его столь страшнымъ, хотя показалось мнѣ, что глаза его выражаютъ еще утихающую бурю. Видно къ пріѣзжимъ былъ онъ милостивѣе; ибо я не могу нахвалиться его пріемомъ, когда у него обѣдалъ. Онъ былъ въ это время вдовъ: жена его урожденная Бахметева, скончалась во цвѣтѣ лѣтъ, замученная столько же частыми изъявленіями его бѣшеной любви, какъ и порывами его неукротимаго гнѣва, и оставила ему сына и дочь. Сынъ, офицеръ гвардіи, умеръ еще въ молодости; а единственная, прелестная тогда дочь его, убѣгала общества и, вопреки обычаямъ другихъ красавицъ, столь же тщательно скрывала красоту свою, какъ тѣ ее любятъ показывать. Въ послѣдствіи она была замужемъ за однимъ весьма мнѣ знакомымъ графомъ Толстымъ *). Не знаю, какъ нынѣ, а

*) Ея набожность, ея уединенная жизнь до высочайшей степени возбуждали любопытство ираздныхъ провинціаловъ; отъ того множество догадокъ, выдумокъ. Постриженіе въ монахи одного юноши, воспитаннаго въ домѣ отца ея, подало мысль о цѣломъ романѣ. Утверждали, что когда влюбленные признались князю во взаимной страсти, онъ объявилъ имъ, что бракъ ихъ дѣло невозможное, ибо молодой человѣкъ его побочный сынъ и на сестрѣ жениться не можетъ; тогда оба дали обѣтъ посвятить себя монашеству. Одна путешественница, Англійская леди, бывши въ Москвѣ, посѣтила и Троицкую Лавру, гдѣ отецъ Антоній, мнимый любовникъ, былъ тогда намѣстникомъ. Ей рассказали о поэтическомъ началѣ его жизни, она составила

прежде въ нѣкоторыхъ губернскихъ городахъ существовала еще одна особенная должность, не показанная въ высочайше утвержденныхъ штатахъ, а не менѣе того полуофициальная, должность не жены, а подруги губернатора. Въ Нижнемъ исправляла ее тогда одна госпожа Жданова, дочь почтмейстера Руднева. Ей было лѣтъ за тридцать, а она была еще женщина свѣжая, красивая, видная. Лѣтъ восемнадцати вступила она въ нее; съ тѣхъ поръ перемѣнились три или четыре губернатора: она оставалась вѣрна не человѣку, а мѣсту. Всякой новый начальникъ губерніи слѣшилъ утвердить ее въ избранномъ ею званіи. Должно полагать въ ней, также какъ въ Польшахъ и Еврейкахъ, чрезмерную любовь ко власти. Впрочемъ хотя всюду была она принята, но вездѣ съ холодностію. Снисходительнаго супруга, всегда жившаго съ нею въ согласіи, мнѣ не случилось видѣть или, лучше сказать, замѣтить. Желая ничего примѣчательнаго не пропустить въ посѣщенномъ мною городѣ, упомянулъ я и объ ней.

Сначала только, по пріѣздѣ моихъ родныхъ, могъ я нѣсколько дней провести съ ними вмѣстѣ. Вскорѣ цѣлыми гурьбами привалили Пензенцы, Саратовцы и помѣщики другихъ сосѣднихъ губерній. Между ними было много знакомыхъ, частыхъ посѣтителей; я тоже долженъ былъ воротиться къ умножившимся занятіямъ моимъ. Итакъ, будучи развлечены, мы были почти разлучены. Все зашумѣло, все задвигалось въ городѣ; я говорю, въ самомъ городѣ, ибо въ верхней части его можно было только найти помѣщеніе. Кунавинская слобода, примыкающая къ ярманочной площади, состояла тогда вся изъ хижинъ; кой-гдѣ вачинали однакоже подыматься въ ней хорошія строенія. Долго послѣ того перядочные люди не рѣшались въ ней жить: она почиталась мѣстомъ развратныхъ увеселеній.

Кстати о пріисканіи помѣщеній: въ рассказѣ моемъ я не долженъ пропустить одинъ случай, который показываетъ излишнюю снисходительность Русскихъ къ иностранцамъ и оттого ихъ наглость съ ними. Въ числѣ пріѣзжихъ находился одинъ туристъ, самый простой джентльменъ, даже съ весьма ледащею наружностію. Въ дорожномъ платьѣ явился онъ прямо къ Бетанкуру съ письмомъ отъ кого-то и съ требованіемъ, чтобъ ему отыскана была квартира. Начальникъ мой былъ великій энтузіастъ всего Британскаго, былъ колѣнопреклоненъ передъ отчизной механики и жены своей. Онъ немного затруднился; тогда Англичанинъ, указывая на меня, сказалъ: да велите вотъ ему. «И

изъ этого трогательную повѣсть и напечатала ее въ одномъ великолѣпномъ кипсекѣ. А я полагаю, что, наслѣдуя упрямству отца, дѣвица просто отказывалась отъ свѣта, потому что онъ желалъ ее видѣть въ немъ, и того требовалъ.

подлинно, сказалъ Бетанкуръ, «не возьмете ли на себя?» Молча взглянулъ я на него; онъ понялъ нѣмой, исполненный негодованія мой отвѣтъ и прибавилъ: «Или лучше прикажите кому-нибудь этимъ заняться». — «Я поручу этого господина попеченіямъ курьера вашего превосходительства»; а курьеру наказалъ спровадить его въ Кунавинскую слободу.

Видно, онъ былъ не слишкомъ важная фигура; потому что ни Бетанкуръ, ни губернаторъ ни разу не пригласили его къ себѣ, и никто не взялъ труда узнать, какъ онъ прозывается. Наконецъ, явился онъ въ собраніи на балѣ, въ странномъ фракѣ съ длинными фалдами, съ огромною лысиной и съ маленькимъ лорнетомъ на шнуркѣ, въ правый глазъ вставленнымъ, что показалось великою новостію. Онъ остановился посреди залы, вынулъ изъ кармана записную книжку и карандашъ, а потомъ, окидывая взорами общество, сталъ что-то записывать или рисовать. Иные смотрѣли съ уваженіемъ и любопытствомъ на оригинальность, которую всякій подданный великой морской державы, лишь бы не совсѣмъ принадлежалъ къ простонародію, обязанъ на себя накладывать; другіе находили это не совсѣмъ приличнымъ; я одинъ чувствовалъ сильное негодованіе. Но тутъ случился одинъ молодой человѣкъ, который вскипѣлъ гнѣвомъ. Онъ принадлежалъ къ одной небогатой вѣтви Нарышкиныхъ, въ Нижегородской губерніи поселившейся; звали его Петръ Александровичъ. Кромѣ фамильнаго имени въ немъ не было ничего блестящаго, онъ былъ простой Русскій человѣкъ, дорожилъ народною честью и тѣмъ самымъ казался отпадшимъ членомъ отъ знатныхъ родовъ. Онъ съ видомъ ярости подошелъ къ Британцу и, опустивъ голосъ, молвилъ ему нѣчто, вѣроятно, весьма энергическое. Тотъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ, весьма хладнокровно положилъ книжку въ карманъ и скрылся въ толпѣ. И послѣ того этотъ же неучъ будетъ обвинять сѣверныхъ варваровъ въ негостепріимствѣ: попытался бы какою-нибудь Русскій сдѣлать тоже самое въ Англіи!

Уставъ отъ шуму, мать моя начинала собираться въ обратный путь. Изъ знакомыхъ, въ Нижнемъ ею найденныхъ, чаще всѣхъ видѣла она двѣ духовныя особы. Первый былъ епархіальный архіерей Моисей, прежде бывшій епископомъ въ Пензѣ. Онъ былъ добръ, веселъ, еще не старъ и въ церкви весьма краснорѣчиво и назидательно проповѣдывалъ. Жаль только, что въ гостинной было дѣло совсѣмъ иное: онъ всегда любилъ прищучивать и если шутки его не совсѣмъ были неблагопристойны, то по крайней мѣрѣ довольно грубы. Въ глазахъ матери моей святость сана всѣ недостатки его прикрывала; къ тому же и самъ онъ въ разговорахъ съ нею старался быть воздержнѣе. Другая

особа была двоюродная сестра ея, нѣкогда вдова, Дарья Михайловна Новикова, урожденная Мартынова, сестра чудака Федора Михайловича и Натальи Михайловны Загоскиной, ксихъ прошу не забывать. Тогда была она настоятельницей женскаго монастыря, во иноцѣхъ Дорожея. Она одарена была умомъ необыкновеннымъ, характеромъ гибкимъ и твердымъ, предприимчивымъ и терпѣливымъ, и умѣла сливать честолюбіе со смиреніемъ. Послѣ малочиннаго и не весьма любимаго мужа оставшись съ тремя дѣтьми въ недостаточномъ положеніи, ей было душно въ провинціальномъ свѣтѣ, гдѣ никто ея не понималъ и гдѣ презирали ея бѣдностію. Она скрылась отъ него въ стѣнахъ монастыря. Въ это время одинъ духовный вербунъ, архимандритъ Израиль, искусно склонялъ пожилыхъ дѣвицъ и вдовъ къ иноческой жизни; по его совѣту разсталась она съ міромъ. Но простою монахиней она долго оставаться не могла: она въ Пензенскомъ же монастырѣ составила особливую общину; самыя несогласія ея съ другими инокинями обратили на нее вниманіе начальства, и вскорѣ потомъ была она назначена игуменьей Нижегородскаго монастыря. Въ немъ была она совершенною царицей, когда пол-Москвы отъ непріятеля бѣжало въ Нижній. Всѣ барыни, и между ими весьма знатныя, искали ея знакомства, и она всѣхъ надѣляла христіанскими утѣшеніями. Съ этого времени вошла она въ связи съ обѣими столицами и сдѣлалась великимъ авторитетомъ, на который сами архіереи смотрѣли съ уваженіемъ и не безъ страха.

Съ 1-го Августа по 6-е, то-есть отъ перваго Спаса по второй была ярманка, какъ говорили, съ самымъ разгарѣ; куда ни поѣдешь, въ ряды ли, по городу ли, вездѣ скачка, вездѣ суматоха. Роскошнымъ обѣдамъ также конца не было у губернатора, у князя Грузинскаго, а изъ пріѣзжихъ—у богача-генерала Дмитрія Дмитріевича Шелелева, да у Пензенскихъ Хрущовыхъ, и еще у нѣкоторыхъ другихъ. О скучныхъ театрѣ и балахъ въ благородномъ собраніи уже не говорю. Для меня величайшимъ удовольствіемъ было ходить между простыми торговцами, прислушиваться къ ихъ толкамъ, дивиться торговой оборотливости Русскихъ людей. Это дѣлалъ я почти всякій разъ, когда не былъ съ своими. Для нихъ скоро пришелъ день отъѣзда. Отслушавъ въ день Преображенія обѣдню въ старинномъ соборѣ, въ которомъ находились могилы князей и Минина, и который послѣ, по ветхости, должны были разобрать, мать моя съ семействомъ отправилась домой. Отъѣздъ ея былъ какъ будто сигналомъ и для другихъ. Однакоже не всѣ тронулись вдругъ; отливъ совершился постепенно. Только черезъ нѣсколько дней и Бетанкуръ, къ удовольствію моему, началъ поговаривать о Петербургѣ, и даже 1-е Сентября назначилъ послѣднимъ сро-

комъ для отбытія нашего. Мнѣ же судьба не велѣла такъ скоро разстаться съ Нижнимъ, какъ увидимъ далѣе.

XIV.

Лѣченіе мое Парижское, не сопровождаемое должнымъ воздержаніемъ, оставило во мнѣ жестокіе слѣды. Весь физическій составъ мой былъ потрясенъ, и хотя боли, ломота совершенно прекратились, я чувствовалъ изнеможеніе силъ тѣлесныхъ и умственныхъ. Другіе, можетъ быть, не замѣчали сего; я самъ старался обманывать себя на этотъ счетъ и боролся съ возрастающими недугами. Примѣтно исчезла во мнѣ дѣятельность и овладѣвала мною тягостная лѣнь. Одинъ г-нъ Рандъ умѣлъ это подмѣтить и старался поддерживать мое бездѣйствіе. Двухнедѣльная моя отлучка въ Пензу и трехнедѣльное пребываніе родныхъ моихъ въ Нижнемъ, когда онъ увѣрилъ Бетанкура, что на это время надобно оставить меня совершенно свободнымъ, дали ему случай докладывать по дѣламъ моимъ. Когда же я принялся вновь за работу, все валилось у меня изъ рукъ, что и самъ Бетанкуръ могъ уже замѣтить.

Лѣто стояло самое мудреное: несносные жары безпрестанно смѣнялись сырую, холодную погоду и были ею смѣняемы; поле, на которомъ выстроены ряды, на которомъ толпились десятки тысячъ народу, было то чрезмѣрно увлажжаемо проливными дождями, то отъ сильныхъ солнечныхъ лучей издавало зловредныя испаренія, и уже начинали показываться заразительныя болѣзни. Можетъ быть, и это имѣло вліяніе на здоровье мое. Вдругъ безъ всякой причины одолѣла меня тоска неизъяснимая, ко всему получилъ я отвращеніе, и все возвѣщало мнѣ, что со мною случится что-нибудь необыкновенное.

Такъ прошло нѣсколько дней, какъ, наконецъ, въ Воскресенье, 17 Августа, вставъ отъ обѣденнаго стола, за которымъ я ни до чего не касался, мнѣ пришла охота куда-нибудь бѣжать. Я пошелъ на ярманку; тамъ бѣольшая часть лавокъ была заперта, въ другихъ поспѣшно укладывались, воздухъ былъ теплый, но небо мрачное, и все казалось уныло. Во мнѣ родилось такое отчаяніе, что, проходя по мосту, я готовъ былъ броситься въ Оку. Меня внезапно обхватило холодомъ, я бѣгомъ побѣжалъ домой, и хотя скорѣе легъ въ постелю, нѣсколько часовъ не могъ избавиться отъ озноба.

На другое утро, послѣ безпокойнаго сна, при необычной слабости, чувствуя несносный жаръ и холодъ вмѣстѣ, началъ я вставать съ постели и надѣвалъ сапоги, когда нечаянно вошелъ ко мнѣ Маничаровъ. Онъ попятился отъ ужаса: такъ въ одну ночь лицо мое измѣ-

нилось. Тщетно уговаривалъ онъ меня успокоиться; я его не послушался и медленно продолжалъ одѣваться. Тогда побѣждалъ онъ доложить о моемъ упрямствѣ, и вскорѣ пришелъ Рандъ именемъ генерала просить меня, а если нужно требовать, чтобы я легъ въ постелю и послалъ за врачомъ. На первое я согласился, на второе нѣтъ. Какъ Базиля въ *Фигаровой Женитбѣ* укладывали человѣка, въ которомъ все показывало отсутствіе разсудка. Къ вечеру болѣзнь такъ усилилась, что самъ Бетанкуръ привелъ съ собою доктора Либошица. Обнаружилась горячка, и самая злокачественная, гнилая, нервная; не дали ей настоящаго имени тифуса, потому что, кажется, его еще не знали.

Самое жестокое въ этого рода болѣзняхъ есть сохраненіе памяти при мученіи и тоскѣ нестерпимыхъ. Я помню, какъ все тѣло мое изъязвлено было синаписмами и Шпанскими мухами, что, конечно, оттягивая жаръ, умножало однакоже нервныя страданія. Еще болѣе помню я совершенно родственныя, нѣжныя попеченія обо мнѣ людей мнѣ чуждыхъ. Какъ забыть мнѣ и преданность вѣрнаго и пьянаго слуги моего Василья, который въ это время до водки не касался и ни дня, ни ночи вокругъ меня не зналъ покою! Хотѣлось бы забыть мнѣ безчеловѣчную, грубую алчность моего врача. Дѣло естественное: онъ былъ Еврей, и едва ли крещеный; но тяжко-больному изъяслять опасеніе на счетъ уплаты за труды, когда его не станетъ,—мнѣ кажется дѣло неслыханное. Дабы успокоить его, сказалъ я ему, что за то поручится мой начальникъ.

Наступилъ двѣнадцатый, рѣшительный день, 28-ое Августа. Либошицъ пришелъ довольно рано, пощупалъ пульсъ, посмотрѣлъ на языкъ и ни слова не сказалъ. Я спросилъ его, отчего по всей кожѣ моей показавшіяся сперва красныя пятна превратились въ фіолетовыя, а тутъ сдѣлались черными? «Да у васъ и языкъ уже весь почернѣлъ», отвѣчалъ онъ. Кажется, довольно бы сего приговора; онъ, выходя, остановился у дверей и вслухъ сказалъ слугѣ моему и случившемуся тутъ одному изъ инженерныхъ офицеровъ: «Не мучьте его понапрасну, не давайте ему болѣе лѣкарствъ; я думаю, онъ и сутокъ не проживетъ». Я принялъ это довольно хладнокровно; не смѣю назвать это стоицизмомъ, а скорѣе остолбенѣніемъ, какимъ-то душевнымъ онѣмѣніемъ. Пришелъ Бетанкуръ и, забывшись, сталъ при мнѣ умывать руки уксусомъ, которымъ вся комната была накурена, какъ у чумныхъ. Молча, одною рукой взялъ онъ меня за пульсъ, а въ другой держа часы, считать пульсаціи; вдругъ съ гнѣвомъ отбросилъ мою руку и убѣждалъ: добрый старикъ разсердился на болѣзнь. За нимъ, всѣ по одиночкѣ начали приходять, какъ будто прощаться со мною. Не касаясь меня, становились они противъ меня, у ногъ моихъ. Со всѣми говорилъ я

свободно, ласково о близкой кончинѣ мсей, каждому изъявлялъ искреннее желаніе, послѣ себя, всякаго благополучія. Добрѣйшій Маничаровъ плакалъ; даже Рандъ, который ничего не любилъ кромѣ власти и денегъ, говорилъ непритворно - растроганнымъ голосомъ. Мнѣ кажется теперь, что тайная вражда его противъ меня погасла тогда при дверяхъ гроба. Въ полдень открылись двери, и торжественно вступила тетка моя, игуменья Дороея. Она съ важностію сѣла противъ меня, и между нами начался слѣдующій разговоръ:

— Знаешь ли ты, мой другъ, въ какомъ ты находишься положеніи?

— Знаю.

— Знаешь ли ты, что съ часу на часъ ты долженъ ожидать смерти?

— Знаю.

— Чего же ты медлишь послать за священникомъ, въ ту минуту, когда должна рѣшиться участь твоя въ вѣчности?

— Уже поздно, отвѣчалъ я:—теперь покаяніе было бы дѣйствіемъ страха. Я всегда вѣровалъ въ Господа Бога и въ Его милосердіе; оно одно проститъ мнѣ прегрѣшенія мои во мзду немногихъ добрыхъ дѣлъ и чувствъ.

Она продолжала краснорѣчивыя убѣжденія свои, а я вышелъ изъ терпѣнія.

— Вы мнѣ надоѣли, оставьте меня, вскрикнулъ я, выпрямясь передъ нею пугаломъ, привидѣніемъ; огонь, который пожиралъ существо мое, ярко заблесталъ во впавшихъ глазахъ моихъ. Она отворотилась съ ужасомъ, какъ бы видя передъ собою добычу демона; потомъ встала, и уходя промолвила:

— По крайней мѣрѣ, позволь придти священнику со святою водою отслужить молебенъ.

— Хорошо, отвѣчалъ я, только часу въ девятомъ вечера.

Про себя подумалъ я, что тогда уже онъ меня не застанетъ. Это было совершенное безуміе, и неужели Всевышній строго бы осудилъ издыхающаго сумасброда, когда и законы человѣческіе, по большей части столь несправедливые и жестокіе, такъ снисходительны къ умалишеннымъ?

По выходѣ игуменьи, нѣсколько часовъ остался я совершенно одинъ, какъ будто всѣми брошенный; и безпрестаннымъ бдѣніемъ самъ утомленный слуга мой въ боковой комнатѣ предался несольному сну. Икаръ больнаго воображенія сталъ сильнѣе дѣйствовать въ головѣ мсей: одна нелѣпица смѣняла другую. И вдругъ на память пришла мнѣ мать моя, о которой во время болѣзни ни разу я не подумалъ: до

того все перемѣнилось во мнѣ. Я представилъ себѣ горестъ ея, когда обо мнѣ получить она пзвѣстіе. За нею все, чтó мнѣ было любезно, мило, и люди, и мѣста, потянулось передо мною прелестною цѣпью, которая такъ и притягивала меня къ жизни, коей почиталъ уже я себя чуждымъ. Равнодушіе, покорность моя къ судьбѣ вдругъ превратились въ неистовство, въ бѣшенство: я дерзнулъ самого Бога звать на судъ, упрекалъ Его въ жестокости, когда безъ всякой причины, вдали еще отъ старости, внезапно лишаетъ Онъ меня всѣхъ даровъ Своихъ. Я вертѣлся, терзалъ грудь свою, кусалъ подушки; въ душѣ своей чувствовалъ адское мученіе. Изнеможенный перешелъ я къ умиленію. Сквозь опущенныя сторы сіяло мнѣ заходящее солнце. «Его уже болѣе не увижу», подумалъ я; «дай хоть въ послѣдній разъ взгляну на закатъ его, столь величественный за Окой». Откуда взялись у меня силы, я всталъ босой и, держась за стулья, вдоль стѣны, добрелъ до окна. Чуткій слуга мой, къ счастью, услышавъ шорохъ, вскочилъ и входилъ въ двери въ то самое мгновеніе, когда силы меня оставляли; я зашатался и упалъ къ нему на руки. Онъ и донесъ и дотащилъ меня до кровати, на которую уложилъ. Скоро сказали, что пришелъ священникъ. «Хорошо,» вотъ все чтó могъ я отвѣчать. Усадили меня въ кресла, посреди подушекъ, и начался молебенъ. *Холодно, темно*, все повторялъ я слабѣющимъ голосомъ. А небольшая комната моя наполнилась всѣми любопытными, мнѣ сожителями, и по желанію моему, болѣе угаданному, дюжины двѣ свѣчъ горѣло. Громогласное чтеніе іерея мнѣ казалось шопотомъ, густой туманъ носился вокругъ меня, оконечности тѣла моего, руки по локоть и ноги по колѣно, нѣмѣли, остывали; слухъ, зрѣніе покидали меня; я отходилъ. Молебенъ кончился, и священникъ, окропивъ меня святою водою, поднесъ къ устамъ моимъ животворящій крестъ; безсознательнымъ движеніемъ, нѣмѣющими руками ухватился я за него, какъ за спасеніе свое, и прижалъ къ груди. Послѣ того уже безъ памяти положили меня на ложе. Я не умеръ, а погрузился въ мертвый сонъ, тогда какъ передъ тѣмъ рѣдко на полчаса случалось мнѣ забываться.

Надо мной совершилось чудо, точно чудо! Пусть увѣряютъ, что сильное волненіе, чувствуемое мною, къ вечеру произвело переломъ, для меня спасительный. Мнѣ пріятно думать, и я въ томъ твердо увѣренъ, что Провидѣнію угодно было, чтобъ я еще пожилъ, погрѣшилъ, подурачился, пострадалъ и пописалъ. А для чего это? Неразгаданными Его тайнами мы окружены, и бездѣльныя причины какъ часто поражаютъ важныя послѣдствія. Видѣть въ себѣ нѣчто Имъ избранное было бы слишкомъ безразсудно, и я просто думаю, что когда висѣлъ я надъ могилой и не упалъ въ нее, на то была таже самая воля, безъ ко-

торой волосъ не спадеть съ головы человѣческой. Подробное описаніе этой болѣзни инымъ покажется скучнымъ. Но многимъ ли удавалось быть одною узкою чертой отдѣленными отъ вѣчности и круто поворотить отъ нея вспять? И тѣ, съ коими случалось сіе, не забывали ли того? А если и не забывали, то вѣрно уже не изображали. Вотъ почему я думаю, что для иныхъ будетъ сіе любопытно. Я могу сказать, что я отвѣдалъ смерти, и до того, что въ Петербургѣ, въ Москвѣ, успѣлъ прослыть покойникомъ: появленіе мое въ сихъ столпцахъ могло одно поправить сію печальную репутацію.

Утромъ на другой день Бетанкуръ прислалъ узнать, въ которомъ часу я скончался; ему отвѣчали, что я живъ и сплю. Чтобы удостовѣриться въ истинѣ сего донесенія, пришелъ онъ самъ; такъ случилось, что въ эту минуту я проснулся. Онъ повторилъ то, что дѣлалъ наканунѣ, и когда увидѣлъ, что быстрота и число пульсацій на половину уменьшились, забывъ опасность, бросился меня обнимать; это одно должно уже примирить меня съ его памятью. Послѣ того впалъ я въ летаргію, а когда и очнулся, не понималъ уже ничего, что мнѣ говорили, никого почти не узнавалъ и молотъ всякій вздоръ. Чрезмѣрное напряженіе жизненныхъ пружинъ до того ослабило мою голову, что когда мнѣ стало легче, нѣсколько дней я двухъ идей связать не могъ. Къ вечеру въ этотъ день, 29-го числа, пріѣхалъ братъ мой Павелъ Филиповичъ, за которымъ Бетанкуръ посылалъ въ Пензу нарочнаго. Я съ трудомъ и его могъ распознать.

Между тѣмъ начальникъ мой со свитой совсѣмъ собрался въ Петербургъ. Одного въ пустомъ домѣ нельзя было меня оставить. На общемъ совѣтѣ съ братомъ положено на другой же день, 30-го, перевести брѣнное тѣло мое въ наемную квартиру, къ священнику Покровской церкви, на Большой Покровской улицѣ. Ужасныя мученія вынесъ я въ этотъ Александровъ день: инженеры давали Бетанкуру прощальный обѣдъ, у него же самого на верху; полицеймейстеръ Смирновъ хотѣлъ тоже подслужиться и привелъ музыкантовъ, которые загремѣли у меня подъ самыми окнами. Бетанкуръ въ ту же секунду велѣлъ прогнать ихъ. И дѣйствительно, сильные звуки для разслабленныхъ нервовъ—пытка. Пришедъ почти въ себя, я, говорятъ, завопилъ нечеловѣческимъ голосомъ. Пока солнце не сѣло, уложили меня въ четверомѣстную карету и вмѣстѣ съ братомъ потащили вверхъ на гору. Тряска възда была для меня новою казнію; я не понималъ, чего отъ меня хотятъ, что творять со мною, и жалобно вылъ. Бетанкуръ навѣстилъ меня 31-го числа; его узналъ я, понялъ, что онъ пріѣхалъ проститься, и слезы показались у меня на глазахъ. Чтобы успокоить меня, сказалъ онъ, что поручилъ меня попеченіямъ рядомъ живущей со мною чело-

въколюбивой баронессы Моренгеймъ, тещи барона Боде. Еслибъ я и понялъ его, то мало былъ бы утѣшенъ, ибо къ этой дамѣ не чувствовалъ ни малѣйшей симпатіи. 1-го Сентября чѣмъ свѣтъ уѣхалъ онъ.

Выздоровленіе не вдругъ превращается въ пріятное чувство: надобно сперва пройти черезъ тоску, дѣйствіе безмѣрной слабости. Я, бывало, не смѣлъ глаза закрыть: страшныя чудовища, которыя иногда являютъ фантазмагорическія представленія, ничто передъ тѣми, которыя мнѣ мерещились. На другія страданія я жаловаться не смѣю: они были мнѣ полезны; сильный переворотъ въ составѣ моемъ взволновалъ, расшевелилъ въ немъ все дурное и выбросилъ наружу; все тѣло мое открылось нарывами, которые совершенно очистили во мнѣ кровь.

Мнѣ, впрочемъ, было хорошо: со мною былъ братъ мой, котораго хотя всякій день куда-нибудь звали обѣдать, но который остальное время отъ меня не отлучался. Человѣколюбивой Моренгеймъ я въ глаза не видалъ; попеченія ея обо мнѣ ограничивались присылкою жиденькаго супа съ кухни своей. За то другая женщина, Русская, игуменья, часто навѣщала меня; я не гналъ ея уже прочь, а съ наслажденіемъ внималъ рѣчамъ ея, проникнутымъ христіанскою нѣжностію. Я не дожидая совѣта ея, чтобы 14-го Сентября, въ день Воздвиженія Креста, черезъ силу отправиться въ церковь и причаститься Св. Тайнъ. Не покидая жизни, а возвращаясь къ ней, и въ здоровомъ смыслѣ, хотѣлъ я очиститься святыми дарами. По совершеніи сего, вдругъ такъ быстро стали приходять ко мнѣ силы, безъ помощи лѣкарствъ, даже подкрѣпительныхъ, о коихъ давно уже я слышать не хотѣлъ, что братъ мой, не находя болѣе присутствіе свое для меня необходимымъ, черезъ два дня, 16-го числа, отправился въ обратный путь.

Черезъ нѣсколько дней я въ состояніи былъ тоже сдѣлать. Меня удерживали; мало знакомые, а иные вовсе незнакомые желали меня у себя видѣть и въ честь мою давали обѣды, не изъ особаго уваженія какого, а изъ любопытства посмотрѣть на воскресшаго, изъ гроба подъятаго Лазаря. Сверхъ того пугали меня позднимъ осеннимъ временемъ; но я во всемъ полагался на испытанное мною милосердіе Божіе; никогда еще въра моя въ него такъ тверда не бывала. Какіе обѣты давалъ я тогда, и увы, какъ исполнилъ я ихъ!

Итакъ, въ упованіи на помощь Господню, выѣхалъ я 28-го Сентября, ровно черезъ годъ послѣ выѣзда моего изъ Парижа. Новое чудо! Въ воздухѣ сдѣлалось не тепло, а жарко какъ лѣтомъ; только послѣ вечерней похлады скоро наступала осенняя стужа, но я уже былъ въ Озябликовскомъ погостѣ, гдѣ нашелъ теплый и покойный ночлегъ. Нѣсколько дней сряду стояла такая погода; но дорога скоро меня утомила, болѣе семидесяти верстъ въ день я сдѣлать не могъ и всякую ночь

останавливался. Вторую провелъ я въ Муромѣ, третью во Владимирѣ, четвертую, въ день Покрова, въ городѣ Покровѣ, пятую въ Новой деревнѣ. Коротенькую станцію до Москвы сдѣлалъ я 3-го Октября.

Ямщикъ привезъ меня въ трактиръ Лейпцигъ, на Кузнецкомъ мосту, отъ котораго осталось лишь одно только имя: при общей поправкѣ, перестройкѣ, сочли его лишнимъ и уничтожили. По близости я поспѣшилъ къ пріятелю моему Александру Григорьевичу Товарову; но онъ домъ свой продалъ и поселился въ Старой Конюшенной, въ кварталѣ, въ счастливое время Москвы мало кому извѣстномъ, но послѣ пожара вошедшемъ въ моду. Послѣ обѣда Товаровъ пріѣхалъ самъ за мной и перетащилъ къ себѣ. Мнѣ еще очень нужны были дружескія бесѣды и попеченія.

Мнѣ бы слѣдовало не останавливаться, но какъ быть! Тутъ только въ Москвѣ почувствовалъ я вполне то благосостояніе, коимъ пользуются больные вскорѣ по выздоровленіи. Пять лѣтъ передъ тѣмъ оставилъ я ее въ развалинахъ; тутъ не могъ я налюбоваться бѣлокаменной, краснымъ солнышкомъ постоянно освѣщаемой; много было въ ней древняго, живописнаго, ничего стараго, все свѣжо, все ново, все выпрямлено, все изукрашено. Впрочемъ, городъ былъ довольно пустъ; невиданная вешняя теплота въ глухую осень вѣроятно удерживала еще помѣщиковъ по деревнямъ. Хозяинъ мой самъ подговаривалъ меня ѣхать, пользоваться благопріятною погодой, которая со дня на день, съ часу на часъ, можетъ измѣниться. Я ни о чемъ не заботился; про то знаетъ высшій мой Хранитель, думалъ я. На Бога надѣйся, а самъ не плошай, говорилъ мнѣ Товаровъ.

Однакожь я послушалъ его и 11-го Октября оставилъ Москву. Видно, и тутъ силы не совсѣмъ ко мнѣ пришли, ибо я ѣхалъ также медленно какъ изъ Нижняго. Въ самый день моего отъѣзда, небо изъ свѣтло-голубаго превратилось въ сѣренькое, но дождя не было, и дорога была сухая. Только 13 числа, когда ночью въѣзжалъ я въ Торжокъ, пошелъ первый дождикъ, сильный, лѣтній, еще не осенній. На другой день воздухъ вдругъ похолодѣлъ и отсырѣлъ, и я долженъ былъ бороться съ дурною дорогой и съ дурною погодой; но я какъ-то не унывалъ, тепло одѣвался, преимущественно ночевалъ въ теплыхъ ямскихъ избахъ. За Новгородомъ сдѣлалось мнѣ гораздо хуже, когда 16-го числа долженъ я былъ рано остановиться на станціи Чудово. Я думалъ, что не доѣду до Петербурга, и немного трухнулъ. Хотя плоть была немощна, но духъ еще довольно бодръ; съ нимъ собрался я, чтобы до свѣту 17-го оставить грязную избу, въ которую нечаянно попалъ я на ночь. Тутъ нужна была твердость: строилось шоссе, его назначено было слѣдующимъ лѣтомъ проводить по той дорогѣ, по которой над-

лежало мнѣ ѣхать, и ея не чинили. Хотя не совсѣмъ выяснѣло, сдѣлался первый изрядный морозъ, что у насъ называютъ утренникъ; грязь не совсѣмъ застыла по бревенчатой дорогѣ, гдѣ торчали вверхъ оледенѣлыя бревешки, гдѣ образовавшіяся довольно глубокія лужи подернуло льдомъ: и тяжело, и скользко, и опасно. Четыре часа съ половиною нужно мнѣ было, чтобы сдѣлать двадцать пять верстъ до Померанья. И совершенно здоровому трудно бы было вынести; еслибы Богъ помогъ, въ этотъ день хотя бы еще одну станцію отѣхать, сказалъ я.

Лишь только издали завидѣлъ я вновь устроенную, славную станціонную гостиницу Померанскую, какъ все перемѣнилось. Куда вдругъ дѣвались облака? Безъ ихъ дурнаго общества, солнце одно засверкало на небѣ почти съ лѣтнею теплотой, на всю зимнюю разлуку какъ будто нѣжно прощаясь съ землей. Мнѣ стало отрадно; къ тому же, въ эту осень только отъ Помераньи открыто было шоссе, еще твердое, не изъѣженное; съ радостнымъ нетерпѣніемъ помчался я по немъ, и 32 версты до Тосны сдѣлалъ съ небольшимъ въ два часа. Я думалъ, не остановиться ли мнѣ въ Ижорѣ; но когда въ сумерки началъ я подѣзжать къ этой станціи, небо опять заволокло, и въ воздухѣ кой-гдѣ стало показываться что-то похожее на бѣлый пухъ; тогда я рѣшился не дожидаться зимняго пути. Въ Царскомъ Селѣ, чрезъ которое тогда ѣздили, настоящимъ образомъ пошелъ первый для меня снѣгъ. Метеорологическія странности суть дѣло обыкновенное въ Петербургѣ; въ одинъ день видѣлъ я три времени года, и на одной недѣлѣ, послѣ долгой засухи, былъ первый дождь, первый морозъ и первый снѣгъ. На спускѣ Пулковой горы замѣтенъ уже былъ черный слѣдъ колесъ по убѣленной дорогѣ. Лишь только поравнялся я съ Среднею Рогаткой (нынѣ Четыре Руки), поднялся такой вихрь, такая буря, такая метелица, что еслибы въ степи, можно было бы запутаться. По Петербургскимъ улицамъ тяжело было ѣхать; когда же остановился я у подѣзда моей казенной квартиры, прежде чѣмъ вышелъ я изъ коляски, надобно было отгребать снѣгъ, навалившій на кожаный фартукъ ея.

Меня дожидались, и все готово было къ моему пріѣзду. Какое наслажденіе, наконецъ, быть у себя дома, въ теплыхъ, хорошо прибранныхъ и хорошо освѣщенныхъ комнатахъ! По великой усталости я скоро отправился спать. Когда на другое утро, 18-го Октября, я проснулся, всталъ и посмотрѣлъ въ окно, солнце опять еще сіяло, только не грѣло, и весь Петербургъ разѣзжалъ въ саняхъ, съ которыми и не разставался до слѣдующей весны.

XV.

Сначала исполнилъ я первый долгъ: пошелъ помолиться къ Спасу на Сѣнной; потомъ второй: явился къ начальнику своему. Онъ что-то черезчуръ принялъ меня ласково. Тутъ не было ни малѣйшаго притворства, а можетъ быть нѣкоторая совѣстливость. «Послѣ такой тяжелой болѣзни и трудной осенней дороги, вамъ необходимо успокоеніе», сказалъ онъ; «я увольняю васъ, по крайней мѣрѣ, недѣли на три отъ всякихъ заботъ; отдохните, погуляйте на свободѣ, а потомъ опять примемъ за дѣло.» Я всегда былъ отмѣнно довѣрчивъ; мнѣ и въ голову не вошло подозрѣвать тутъ перемѣну намѣреній его на счетъ будущаго служенія моего.

Во время моего отсутствія, лѣтомъ и осенью, произошла одна важная перемѣна въ министерствахъ. Чтобы не забыть, долженъ упомянуть здѣсь о ней. Козодавлевъ, послѣ кратковременныхъ, но жестокихъ страданій, умеръ въ Юлѣ мѣсяцѣ. Государь получилъ извѣстіе о кончинѣ его, если не ошибаюсь, въ городѣ Архангельскѣ. Онъ обзрѣвалъ тогда весь Сѣверъ государства своего и спѣшилъ увидѣть Финляндію. Второпяхъ, на всякій случай, поручилъ онъ временно его Министерство Внутреннихъ Дѣлъ министру просвѣщенія, все тому же князю Александру Николаевичу Голицыну, который какъ будто на все, а между тѣмъ ни на что кромѣ придворной службы, не годился, въ чемъ сознаются нынѣ самые любимцы его. Въ началѣ Октября, въ самый день возвращенія Императора, престарѣлый графъ Вязмитиновъ совсѣмъ одѣлся, чтобъ ѣхать во дворецъ, а пока присѣлъ и сталъ подписывать нѣкоторыя бумаги. Вдругъ рука его остановилась: въ одну минуту прекратились всѣ жизненныя его движенія. Съ нимъ вмѣстѣ скончалось и управляемое имъ Министерство Полиціи.

Оно по прежнему вошло въ составъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и по прежнему поручено управленію графа Кочубея. Онъ занялъ мѣсто выше министерскаго, онъ былъ предсѣдателемъ одного изъ департаментовъ Государственнаго Совѣта, и принялъ только званіе управляющаго, съ сохраненіемъ прежней должности. Одно чадолюбивое чувство могло его заставить вновь посвятить попеченія свои искаженному дѣтищу. Въ кратковременное имъ управленіе, любимцу царскому Голицыну полюбилась въ немъ почтовая часть, и онъ выпросилъ себѣ ее. Изъ нея составилось особое министерство подъ названіемъ главнаго начальства надъ почтовымъ департаментомъ, и въ семь видѣ оно и понынѣ существуетъ. Самъ Кочубей счелъ нужнымъ передать Гурьеву департаментъ мануфактуръ и внутренней торговли. Нѣтъ, навсегда уже прошло блестящее время этого министерства.

Случаются обстоятельства въ жизни, которыя хотѣлось бы забыть; тѣ, въ коихъ находился я въ концѣ 1819 года, изъ числа ихъ; но изобразить ихъ здѣсь для меня необходимость. Тремя недѣлями свободы и даже болѣе, дарованными мнѣ Бетанкуромъ, я охотно воспользовался. Какъ будто новорожденный, я вновь приступалъ къ жизни; все плѣняло меня въ ней, все сіяло мнѣ въ будущемъ. Бетанкуръ и семейство его были со мною любезнѣе чѣмъ когда-либо, звали обѣдать, на вечеръ, а о дѣлахъ съ нимъ ни слова.

Наконецъ, мнѣ стало совѣстно, и я пришелъ объявить Бетанкуру, что чувствую себя совершенно въ силахъ вновь трудиться при немъ. «По прямой вашей должности въ Петербургскомъ строительномъ комитетѣ, вы всегда властны вступить въ управленіе дѣлами его; что же касается до другихъ особыхъ дѣлъ, Государемъ мнѣ порученныхъ, производствомъ коихъ вы, по снисходительности вашей ко мнѣ занимались, то какъ уже разъ они поступили въ канцелярію мою и еѣсколько мѣсяцевъ тамъ находятся, взять ихъ оттуда было бы напрасно: пусть остаются они у секретаря моего».

Что бы это значило? подумалъ я. Это значило, что Рандъ меня оттираетъ, что, пользуясь отсутствіемъ моимъ, онъ, все болѣе втираясь въ довѣренность бѣднаго старика, непримѣтнымъ образомъ овладѣлъ имъ. Не знаю, въ чемъ исподоволь обвинялъ онъ меня передъ нимъ, въ лѣности, въ хворости или въ неспособности? Но уже вѣрно не въ томъ, въ чемъ все главное управленіе путей сообщенія могло уличить его. Я пропустилъ нѣсколько дней, приготовляясь къ новому объясненію: званіе директора департамента все еще оставалось у меня въ виду. Мнѣ однакоже пора было замѣтить, что все перемѣнилось для меня. Обхожденіе со мною инженерныхъ генераловъ осталось вѣжливымъ, какъ слѣдовало; но не было уже той искательной привѣтливости, которую находилъ я въ нихъ до поѣздки въ Нижній-Новгородъ. Вельяшевъ не приглашалъ уже меня обѣдать, Саблуковъ пересталъ быть со мною словоохотенъ. Что еще болѣе должно убѣдить меня въ незамѣченномъ мною паденіи моемъ, была удвоенная со мною любезность любезнѣйшаго изъ Французовъ, генерала Карбоньера, который одинъ противъ Бетанкура составлялъ тогда тайную оппозицію, превратившуюся послѣ въ явную.

Вдругъ сказали мнѣ тайкомъ, что готовится докладная записка къ Императору, въ которой титулярному совѣтнику Ранду, въ награду за его великіе труды и въ поощреніе его великихъ способностей, безъ университетскаго аттестата, не въ примѣръ другимъ, испрашивается чинъ коллежскаго ассессора и съ сохраненіемъ прежней должности—званія правителя канцеляріи. Правитель же канцеляріи совѣта

Но зачѣмъ при такой взрослой дѣвицѣ, подумалъ я, гувернантка четырьмя годами ея только старѣе? Мадамъ Легранъ, какъ замѣтилъ я, принадлежала къ такому роду женщинъ, которыя похищаютъ названіе мадамы, хотя, впрочемъ, онѣ сами съ достовѣрностію не помнятъ эпохи, въ которую лишились права называться мамзелями. Она пустилась рассказывать про мадамъ Браншю и другихъ оперныхъ пѣвицъ въ Парижѣ, какъ будто про какихъ принцессъ; въ вольномъ семь рассказѣ не утаила она ни одной изъ ихъ слабостей, а изъ простонароднаго слога, *жонъ* и *жавонъ*, ея повѣствованія, заключилъ я, что у которой-нибудь изъ нихъ должна она была находиться служанкой. Къ счастью молодой Германъ, была она болѣе повѣренною въ дѣлахъ матери, чѣмъ ея наставницей. Чтобы дать понятіе о непринужденности ея обхожденія съ мужчинами, скажу, что, во время бала, найдя меня въ кабинетѣ, куда зашелъ я отдохнуть, она безъ церемоніи сбланила на колѣни и обѣ руки закинула мнѣ за голову; внезапно показала хозяйка и громоносный взглядъ ея заставилъ ее вскочить.

Не съ одной этой стороны поведена была противъ меня атака: Елисавета Гавриловна все со мной танцевала, и я сначала думалъ, что отъ усталости такъ крѣпко жметъ она мнѣ руку. На этотъ счетъ былъ я отъ природы тушъ, совсѣмъ не избалованъ прекраснымъ поломъ и нескоро могъ догадаться, чего отъ меня хотятъ; но тутъ уже дѣло было очевидное. Въ цѣлыя сутки я почти минуты не имѣлъ отдыха и когда пошелъ къ себѣ въ комнату спать, то заперся; ну что много извиняться, виновать, струсилъ!

Я ожидалъ, что на другое утро встрѣтятъ меня съ холодностію; вмѣсто того, меня просто начали гнать съ двора, говорить, что меня не удерживаютъ, что въ дорогѣ заживаться не должно. Мнѣ стало досадно. Наканунѣ на балѣ одинъ горный чиновникъ, пятаго класса Иванъ Козмичъ Савковъ, подошелъ ко мнѣ и сказалъ потихоньку, что Софья Карловна въ отчаяніи отъ неучтивости своего мужа, что она проситъ меня не уѣзжать, не повидавшись съ нею и не принявъ отъ нея порученій къ родителямъ въ Пермь и что самъ мужъ ея приказалъ принять меня, коль скоро я приду. Этимъ случаемъ не оставилъ я воспользоваться.

Я уже успѣлъ замѣтить, что въ Екатеринбургѣ нѣтъ большаго согласія между двумя вѣдомствами: военнымъ, и горнымъ, и что въ обоихъ станахъ встрѣчаются переметчики. Я гордо возвѣстилъ г-жѣ Германъ, что немедленно уѣду, но что напередъ долженъ увидѣться съ г-жей Пѣвцовой, и пошелъ къ сей послѣдней.

Мужъ ея былъ правъ, она едва могла передвигаться, но и въ семь состояніи была мила и пріятна. Не такъ уже смотрѣлъ я на нее,

какъ за семь мѣсяцевъ передъ этимъ: въ головѣ моей все еще былъ одинъ свѣжій жепскій образъ, при которомъ въ глазахъ моихъ померкли другія женскія прелести. Пѣвцова расхохоталась, когда я съ видомъ горести и смиренія сталъ рассказывать ей о непонятной для меня внезапной переменѣ въ обхожденіи со мною почтенной Елисаветы Гавриловны Германъ. По приказанію генерала, пашли мнѣ квартиру близко отъ его дома.

Скоро пришелъ ко мнѣ молоденькій Германъ *), который никакого не хотѣлъ принять участія въ несправедливомъ на меня гнѣвѣ своей матери и предложилъ мнѣ съѣздить съ нимъ на Березовскій казенный заводъ, гдѣ добывается золото. Тамъ потрапезничавъ, спустились мы въ рудники, и такимъ образомъ разъ въ жизни случилось мнѣ побывать подъ землею. Я былъ слишкомъ разсѣянъ во время сего сошествія въ преисподнюю и ничего особенно любопытнаго не могу сообщить о немъ читателю; только пораженъ я былъ безстыдствомъ и развратомъ работниковъ обоого пола. Вечеръ провелъ я у Пѣвцовыхъ и на другой день уѣхалъ изъ Екатеринбурга, не простясь съ Германшей.

По пріѣздѣ въ Пермь, остановился я у прежняго своего хозяина, часовыхъ дѣлъ мастера Розенберга. Городъ сей имѣлъ видъ еще болѣе унылый чѣмъ лѣтомъ: передъ каждымъ рядомъ низкихъ домовъ стоялъ валъ изъ снѣгу, на широкихъ улицахъ метелями нанесеннаго. Не располагая тутъ долго пробыть, я въ тотъ же вечеръ пошелъ къ Модераху съ письмомъ отъ Пѣвцовой. Жена его была нездорова, дочери не показывались, и я пробылъ съ нимъ наединѣ. Онъ сдѣлался разговорчивѣе; замѣтивъ какое участіе, несмотря на мою молодость, принимаю я въ заграничныхъ происшествіяхъ, пачалъ онъ изъясняться объ нихъ съ чувствомъ, какъ Нѣмецъ времянь Екатерины, который дорожитъ Русскою честію. Съ прискорбіемъ говорилъ онъ о послѣдствіяхъ Аустерлицкаго сраженія и Пресбургскаго мира; съ негодованіемъ о принятіи двумя курфирстами короны изъ рукъ не всѣми признаннаго императора и объ униженіи чрезъ то королевскаго достоинства; по вѣровалъ еще въ могущество Россіи и надѣялся на сильное содѣйствіе Пруссіи. Утѣшенный имъ, преисполненный къ нему уваженія, оставилъ я его.

*) Его зовутъ Федоръ Ивановичъ. Въ немъ были необыкновенный умъ, удивительныя способности и чрезвычайная безправденность. Послѣ перешелъ онъ въ военную службу и находился при Оренбургскомъ (нынѣшнемъ Санктпетербургскомъ) военномъ губернаторѣ Эссенѣ. Въ званіи адъютанта управлялъ онъ всѣмъ краемъ и до того прославился, что изъ Петербурга велѣно было начальнику его удалить сего слишкомъ искуснаго адъютанта.

вкуса. Онъ закидалъ меня словами, отъ другаго весьма бы лестными для моего самолюбія. Когда я сказалъ ему, что, за непмѣнѣемъ аттестата, производство должно встрѣтить неодолимое препятствіе, онъ отвѣчалъ мнѣ, что никакихъ препятствій быть не можетъ, когда дѣло идетъ о столь извѣстномъ человѣкѣ какъ я (я-то тогда извѣстенъ!), представленномъ столь необыкновеннымъ человѣкомъ, каковъ мой генераль. Я тотчасъ увидѣлъ, что изъ этого ничего не выйдетъ кромѣ вздору и вспомнилъ Русскую пословицу: «изъ пустой хоромины или сычь, или сова, или пустыя слова».

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и въ этомъ случаѣ покорный Бетанкуръ послушался совѣта немилостиваго ко мнѣ Ранда. Я не сдѣлалъ ему никакого вреда; а въ это время, если бы и хотѣлъ, то уже не могъ бы. Злоба его ко мнѣ была ничто иное, какъ инстинктивная ненависть, которую всѣ мошенники питаютъ ко всѣмъ честнымъ людямъ. И что же вышло изъ того? Милорадовичъ представилъ обо мнѣ министру внутреннихъ дѣлъ, а тотъ — въ Комитетъ Министровъ, а Комитетъ отложилъ это, какъ говорится, въ длинный ящикъ.

Почти всегда такъ случалось, что когда приготавливались въ Европѣ важныя пропшества, а въ государствѣ нашемъ большія перемѣны, тоже самое послѣдовало и въ скромной участи моей. Четыре года, описанные мною въ сей части, были вездѣ довольно покойны и казались счастливыми послѣ послѣднихъ бурныхъ годовъ Наполеонова владычества. Для меня сіе четырехлѣтіе было дѣятельнѣйшею дотолѣ эпохой въ моей жизни: ихъ заключила жестокая неудача. Но роптать ли мнѣ на то? Сіе увидятъ въ слѣдующей части, если я буду продолжать сіи Записки. Въ этой же, главу сію, кратчайшую изъ всѣхъ, написалъ я вмѣсто эпилога.

СОДЕРЖАНІЕ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

	Стр.
I. Члены Французскаго посольства.—Французы у А. П. Хвостовой.—Графъ А. П. Толстой.—Баронъ А. Я. Будбергъ.—Графъ Н. П. Румянцовъ.—Богатства Кочубея.—Князь Ал-ѣй Борисовичъ Куракинъ.—Графъ Аракчеевъ.—Грузино.—Князь Д. И. Лобановъ..	3
II. Зять Алексѣевъ.—Г. Г. Пшеничный.—Война съ Швеціей.....	17
III. Прѣсенскіе пруды.—П. С. Валувевъ.—Повѣдка въ Пензу 1808.—Колокольцовы.—А. Д. Панчулидзевъ.—Козодавлевъ въ Саратовѣ и Пензѣ.—А. П. Римскій-Корсаковъ.—И. Н. Бѣлоклоковъ.—Чинovníки-хлопотуны.—Н. П. Дубенскій.—Пирѣ въ честь Козодавлева.—На пути въ Саранскъ.—Кожкарковы.....	22
IV. Возвращеніе въ Петербургъ (1 Окт. 1808 г.).—Графъ Н. М. Каменскій.—Зять Алексѣевъ въ Финляндіи.—Князь М. П. Долгоруковъ.—Братъ Павелъ.—Кончина брата Николая.....	40
V. Король и королева Прусскіе въ Петербургѣ.—Русскія войска на льду Ботническаго залива.—Генераль Кнорингъ.—Ансельмъ-де-Жибори.—Графъ П. А. Шуваловъ.....	47
VI. Обѣды у богатыхъ откупщиковъ.—А. Ѳ. Крыжановскій.—Разрывъ съ Австріей (1809).—А. М. Салтыковъ.—Подвиги Алексѣева.—Присоединеніе Финляндіи.—Замыслы Сперанскаго.—Повѣдка Александра въ Тверь и Москву.—Е. В. Карнѣевъ.....	55
VII. Государственный Совѣтъ.—Барклай-де-Толли.—И. И. Дмитріевъ.—Графъ А. К. Разумовскій.—Д. А. Гурьевъ.—1810. Турецкая война.—Князь Багратионъ.—Д. Н. Блудовъ.....	78
VIII. Императрица-мать на пути въ Тверь.—Пензенскій губернаторъ Крыжановскій.....	91
IX. Ассигнаціонный банкъ.—Опочининъ.—А. И. Рибопьеръ.—Графъ Н. М. Каменскій.—Преобразованія Сперанскаго.—А. Д. Балашовъ.—Б. Б. Кампенгаузенъ.—Князь А. Н. Голицынъ.....	99
X. Актриса Жоржъ.—И. А. Крыловъ.—Князь А. А. Шаховской.—В. А. Озеровъ.—Русская словесность.—Русскіе журналы.—Петербургскіе словесники.—Бесѣда Любителей Россійскаго Слова.—Общество Любителей Наукъ, Словесности и Художествъ.....	119
XI. Пожаръ Большаго театра. 1811.—А. У. Болотниковъ.—А. Д. Кошѣевъ.—Повѣдка въ Финляндію.....	155
XII. Турецкая война 1811.—И. К. Лебедевъ.—Тяжба съ Тютчевымъ.	169
XIII. Казанскій соборъ.—Царскосельскій Лицей.—Обособленіе Финляндіи.—Петербургъ въ началѣ 1812 года.....	177

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I. Кончина отца.—Обуза хозяйства.....	1
II. Князь Г. С. Голицынъ.—Русская знать.....	7

III. Причины опалы Сперанскаго.—Графъ И. В. Гудовичъ.—Графъ Ростовчинъ.—П. В. Чпчаговъ.....	33
IV. Наборъ ратниковъ.—Ссылные въ Пензѣ.—Графъ Н. С. Мордвиновъ.—Комитетъ по ополченію.—Смольняне въ Пензѣ.....	41
V. Простонародье въ 1812 году.—Спасающіеся Москвичи.—Пензенское гостепріимство.—Пенза въ 1812 году.....	59
VI. Уходъ Французовъ изъ Россіи.—Балъ у князя Г. С. Голицына.—Основаніе „Сына Отечества“. — Березина. — Библейское Общество.—Князь Кутузовъ.	72
VII. Новый наборъ ополченцевъ.—Представитель кучества.—Ссоры по новому ополченію.—1813 годъ.....	87
VIII. Генераль Алексѣевъ.—Посѣщеніе Зубриловки.—Грозная княгиня.—Младшіе князья Голицыны.—Любовь.....	102
IX. Празднованіе взятія Парижа.—Пензенская депутація къ Царю.—Москва послѣ Французовъ.—Князь и княгиня Вяземскіе.....	113
X. Петербургъ въ 1814 году. — Возвращеніе гвардіи. — Молчановъ.—Аракчеевъ.—Наша Пасха въ Парижѣ.....	127
XI. Е. О. Муравьева.—Декабристъ Н. М. Муравьевъ.—Д. В. Дашковъ.—К. Н. Батюшковъ.—Гнѣдичъ.—Оленины.....	135
XII. Бѣгство Наполеона съ Эльбы.—Занятіе Франціи.....	149
XIII. Русскій театръ.—Возникновеніе „Арзамаса“.—Служба въ Министерствѣ Финансовъ.....	164
XIV. Возвращеніе Государя въ Россію.—Князь П. М. Волконскій.—Персидскій посоль.....	178

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

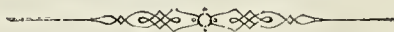
I. Людовикъ XVIII-й.—Заблужденія Александра Павловича.....	3
II. 1816-й годъ.—Бетанкуръ.—Институтъ Путей Сообщенія.—Сенноверъ.—Базенъ.....	11
III. Архитекторы.—Монферранъ.—Исакиевскій соборъ.....	24
IV. Князь Тюфякинъ.—Князь А. А. Шаховской.—Засѣданія „Арзамаса“.—М. О. Орловъ и Д. Н. Блудовъ.—Масонство.....	33
V. Военныя поселенія.—Графъ Каподистрія.—А. П. Ермоловъ.....	57
VI. Пріѣздъ Александры Θεодоровны.—Поѣздка за границу.....	69
VII. Путешествіе за границу.....	73
VIII. Парижъ.....	106
IX. Поѣздка въ Мобѣжъ.—Графъ М. С. Воронцовъ.—Возвращеніе въ Россію.....	137
X. Графъ М. А. Милорадовичъ.—Поѣздка Бетанкура въ Нижній....	153
XI. Плаваніе на пароходъ и путешествіе въ Нижній.....	161
XII. Сперанскій въ Пензѣ. О. П. Лубяновскій.....	173
XIII. Въ Нижнемъ.....	178
XIV. Болѣзнь.—Близость смерти.—Возвращеніе въ Петербургъ.....	190
XV. Кончина Козодавлева и Вязмитинова.—Перемѣна по службѣ....	198

ЗАПИСКИ
ФИЛИПА ФИЛИПОВИЧА
ВИГЕЛЯ.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

ИЗДАНИЕ «РУССКАГО АРХИВА».

(ДОПОЛНЕННОЕ СЪ ПОДЛИННОЙ РУКОПИСИ).

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульваръ.

1892.

I.

Къ началу 1820 года вновь созрѣли плоды, посѣянные еще въ пятнадцатомъ столѣтїи, сперва богословами, потомъ философами. Отъ вѣка до вѣка жатва ихъ дѣлается обильнѣе. Во всѣ времена бывали возстанїя противъ злоупотребленій власти первосвященниковъ и царей; но съ этой поры люди, внимая гласу возмутителей, стали ополчаться для совершеннаго истребленія этой власти. Въ шестнадцатомъ столѣтїи пол-Германїи и весь Сѣверъ Европы отвергли постановленїя Вселенскихъ Соборовъ; въ семнадцатомъ Англія первая подала примѣръ законнаго или скорѣе судебнаго царубійства; въ восемнадцатомъ Франція послѣдовала сему примѣру. Освободясь отъ опеки и вступая такимъ образомъ въ совершеннолѣтіе, человѣческій умъ сталъ дѣйствительно преуспѣвать и расширяться. Онъ все вопросилъ, все подвергнулъ разсмотрѣнію, изслѣдованію: и догматы вѣры, и права, освященные временемъ. Свѣтъ наукъ сталъ быстрѣе распространяться; но по мѣрѣ, какъ новыя изобрѣтенїя съ каждымъ днемъ создавали для человѣка новыя удобства, новыя наслажденїя въ жизни, законы нравственности все болѣе теряли свою силу. Все для ума, все для тѣла; ничего для души, которой и въ существованїи скоро стали отказывать. Не вдругъ, но, наконецъ, таже участь постигла художества и поэзію. Во дни молодости своей, Европа безъ числа производила геніальныя творенїя рѣзца, кисти и пера. Въ эти только дни могла породить она Тасса, Рафаэля и Микель-Анджело, и всѣ эти блестящїя фаланги, которыя подъ названїемъ школъ украшали собою между прочимъ Гишпанїю и Фландрїю. Источникъ всего прекраснаго сталъ, наконецъ, изсякать, воображеніе юныхъ народовъ гасло и уступало мѣсто мрачнымъ и преступнымъ думамъ зрѣлаго возраста. Итакъ, въ Германїи произошла религіозная революція, которая направляла человѣчество къ политической; сія послѣдняя совершилась во Франціи; согласно съ духомъ сего народа началась она шутками и кончилась ужасами. Кажется, непременно насъ поведетъ она къ общественной или соціальной, то есть къ ниспроверженію цѣлаго общественнаго зданїя. Тогда-то человѣчество удодобитъ себя божеству, сокрушая то что создавало,

Молодость, конечно, не есть эпоха чистоты нравовъ, строгаго цѣломудрія. Посмотрите на этого юношу: веселость его невоздержна, иногда даже неблагопристойна; но испорчено ли его сердце? Оно способно слѣдовать всѣмъ благороднымъ побужденіямъ, для дружбы, для любви готово на всякія пожертвованія. Таковою помню я еще мою любезную Россію ¹⁾. Взгляните потомъ на инаго старика: онъ горитъ еще честолюбіемъ и алчностью къ золоту; ко всему другому онъ охолодѣлъ; онъ также развратенъ, только втайнѣ. Подъ личиною мудрой опытности онъ даже улыбается безпорядкамъ, пороку, если ожидаетъ отъ нихъ пользу. Въ немъ есть уже нѣчто демонское; онъ даже любитъ зло для зла. Италія, впрочемъ вѣчно-юная, болѣе ли была преступна, когда восхищалась Аретиномъ и Боккачіо, нежели тогда, какъ гордилась Макиавелемъ?

Въ самомъ началѣ столѣтія казалось, что всесокрушительный духъ обузданъ, остановленъ. Родился человекъ, который долженъ былъ подавить безначаліе, возсоздать устройство. Но онъ самъ возникъ изъ этого безначалія, и многія изъ его дѣйствій носили на себѣ печать сего пагубнаго происхожденія. На высотѣ могущества онъ впадалъ въ заблужденія: помазанникъ Божій, желавшій въ потомствѣ своемъ утвердить наслѣдственное право, вѣнценосецъ, онъ рвалъ вѣнцы съ государей, чтобы возложить ихъ на своихъ родственниковъ и сподвижниковъ, не помышляя, что тѣмъ истребляется вся моральная сила царскаго достоинства. На несокрушимомъ дотолѣ мечѣ своемъ основывалъ онъ собственную; но не выпалъ ли бы онъ изъ рукъ его преемниковъ? ²⁾

Когда онъ былъ побѣжденъ, низверженъ, цари и народы возрадовались, въ немъ одномъ видя корень зла, причину всѣхъ бѣдствій и потрясеній въ мірѣ. Они забыли о революціи, объ оставшейся послѣ него осиротѣвшей матери, которая хотя болѣе другихъ возставала на него, но не могла не питать къ нему нѣжности и для которой остался онъ послѣднимъ упованіемъ, при возвращеніи отчасти прежняго порядка. Они сдѣлали болѣе: увѣренные въ ея ненависти къ нему, они призвали на помощь сію страшную союзницу. Не прошло года, какъ, возвратясь съ своего острова, онъ прямо бросился къ ней въ объятія. Кажется, это должно бы было открыть, наконецъ, глаза Александру. По низложеніи великолѣпнаго ея представителя, славою покрытаго ея произведенія, ему бы надлежало вслѣдъ за тѣмъ устремить на нее всѣ силы Европейскія, которыя тогда двигались по манію руки его, не

¹⁾ Ея добросовѣтный, ребяческій развратъ, сказалъ Лермонтовъ.

²⁾ Тогда во Франціи часто повторялся стихъ Вольтера: «Первый кто попалъ въ ко-роль, былъ счастливый солдатъ».

покидать Франціи, не полагать оружія до истребленія или по крайней мѣрѣ до совершеннаго ослабленія ея. Конечно, Англія и Людовикъ XVIII-й воспротивились бы тому; особенно послѣднему непріятно бы было видѣть, что у него хозяйничаютъ безъ его участія; но втайнѣ онъ обрадовался бы тому, ибо главная отвѣтственность спала бы съ него. Императоръ Австрійскій того только и желалъ; а король Прусскій не имѣлъ другой воли, какъ воля Александра; къ нимъ охотно пристали бы другіе Германскіе владѣтели.

Только надлежало дѣйствовать чистосердечно, откровенно, дѣйствовать ужасомъ, то есть оружіемъ самой же революціи. Кто теперь знаетъ Французовъ, тому извѣстно, что такія только средства бывають съ ними дѣйствительны. Это очень знала лукавая Итальянка, Катерина Медицисъ, которая, что бы ни говорили, Варееомеевой ночью побѣдила Гугенотизмъ. Также хорошо это знали кардиналъ Ришильё, Людовикъ XIV-й, Робеспьеръ и Бонапартъ. Надобно было не пугаться прозванія тирана (симъ именемъ называли и Наполеона; а черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ его смерти даже пострадавшіе отъ него ставили ему статуи). Но какъ было на то рѣшиться? Какъ вдругъ измѣнить постоянно исповѣдуемымъ правиламъ? Какъ, побѣдивъ именемъ свободы, идти противъ нея? Да также какъ сдѣлалъ то Наполеонъ. Воспитанные, такъ сказать, въ школахъ Англиканскихъ учрежденій, Людовикъ XVIII-й и Александръ все мечтали о возможности соединить величіе царское съ народною свободою.

Вмѣсто того, чтобы сколько-нибудь усмириться, чувствовать себя униженной, революція имѣла всѣ причины гордиться происшествіями послѣднихъ лѣтъ. Ее ласкали царственные враги ея; она почитала себя побѣдительницей Наполеона, три мѣсяца потомъ была опорой его; онъ палъ опять, а она устояла въ цѣлости. Присутствіемъ союзной арміи въ настоящемъ дѣйствіи ея были сколько нибудь стѣснены; но въ будущемъ все обѣщало ей новые успѣхи. И какъ была она многолюдна! Названіе Якобинца сдѣлалось постыднымъ, всякій обижался имъ; но чада терроризма, вѣрныя воспоминанію Кутона, Колло-Дербоа, Сень-Жюста, были разсѣяны по всей Франціи и, притаившись въ малыхъ кругахъ своихъ, извиняли и даже восхваляли кровавыя ихъ дѣла. Республиканцы, поклонники памяти Жирондистовъ, были безчисленны. Они совсѣмъ не были чужды правиламъ чести и справедливости, высоко поднимали голову и ни предъ кѣмъ не скрывали своихъ мнѣній. Бонапартисты болѣе чѣмъ кто ненавидѣли Бурбоновъ и, недавно еще орудія деспотизма, болѣе всѣхъ твердили о вольности. У всѣхъ различны были желанія, цѣли различны; но знамя одно. Даже изъ роялистовъ по крайней мѣрѣ двѣ трети, уподобляясь королю,

мѣчанія пригодились бы также потомству? Имъ однимъ могутъ быть извѣстны толки и сужденія партера; прислушиваясь къ шимъ внимательнымъ ухомъ, они въ тоже время могутъ зоркимъ окомъ проникать въ самую глубину сцены, и если они хоть сколько-нибудь одарены умомъ наблюдательнымъ и счастливою памятью, то сколько любопытнаго и неизвѣстнаго могутъ сообщить они своимъ потомкамъ!

Отъ самаго рожденія, природой и фортуной бывъ осужденъ, по мнѣнію моему, болѣе чѣмъ на ничтожество, во всемъ получивъ отъ судьбы посредственность въ удѣлъ, я однакоже бесѣдовалъ много съ мудрѣйшими изъ моихъ соотечественниковъ, былъ въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ съ просвѣщеннѣйшими изъ нихъ; глупцы и невѣжды мнѣ также вовсе не были чужды: я долго жилъ среди ихъ и въ мысляхъ часто мѣрилъ пространство тѣхъ и другихъ отдѣляющее. Я не убѣгалъ также отъ нищеты и не отказывался отъ знакомства съ богатыми: отъ знатнаго до простолюдина, все состоянія мнѣ были извѣстны. Пространнѣйшее государство въ мірѣ проѣзжалъ я отъ Востока до Запада и отъ Юга до Сѣвера и былъ вѣдѣтель предѣловъ его; его блестяція столицы и отдаленнѣйшія отъ нихъ провинціи, непроходимые лѣса Сибири и безлюдныя степи Новороссійскаго края мнѣ равно знакомы. Я пилъ воды Селенги и Сены и отъ вершины Хамаръ-Дабана странствовалъ до Содома Новаго Завѣта, который посѣтилъ я послѣ паденія минутной великой имперіи.

Я родился при Екатеринѣ, записанъ въ службу при Павлѣ, дѣйствительно и дѣятельно продолжалъ оную при Александрѣ и оканчиваю ее при Николаѣ. Еще въ младенческомъ возрастѣ, все окружавшее меня сильно возбуждало во мнѣ вниманіе и любопытство, все врѣзывалось мнѣ въ память, и все въ ней сохранилось. Пока еще лѣта не лишили меня сей способности, желаю я внукамъ моихъ соотечественниковъ, за неимѣніемъ собственныхъ *) завѣщать повѣсть о разнообразныхъ предметахъ, встрѣченныхъ мною на длинномъ пути не совсѣмъ обыкновенной жизни.

О себѣ буду говорить мало: скромность не позволитъ мнѣ хвалиться добрыми, но весьма обыкновенными свойствами, которыя едва могутъ служить перевѣсомъ безчисленнымъ недостаткамъ или даже порокамъ; а стыдъ, который еще знали въ наше время, не допуститъ меня открывать послѣднихъ. Не имѣя великой славы Жанъ-Жака Руссо, не имѣю и правъ на безстыдство его.

Въ описываемомъ мною я буду ничто: я буду только рама или, лучше сказать, маляръ, вставляющій въ нее попеременно картины и

*) Сочинитель женатъ не былъ. П. В.

портреты и многообразіемъ ихъ старающійся замѣнить недостатокъ въ искусствѣ живописномъ.

Но, дѣлаясь провожатымъ читателя сквозь мѣста и происшествія, мною видѣнныя, долженъ я необходимо прежде всего говорить ему о себѣ, даже о томъ, что было до меня, о моемъ происхожденіи.

II.

Я долго почиталъ себя Шведомъ. Одинъ нечаянный случай, а еще болѣе любопытство мое и тщеславіе показали мнѣ мою ошибку, открыли мнѣ горькую истину.

Предки мои въ Эстляндіи, въ Везенбергскомъ округѣ, владѣли мызами Иллукъ и Куртна. Мой дѣдъ заложилъ ихъ въ 1765 году на пятьдесятъ лѣтъ, и мнѣ досталось или выкупать ихъ или за нѣкоторую сумму уступить право на вѣчное ими владѣніе. Я былъ молодъ, жилъ тогда въ Петербургѣ. Эстляндія, которую увидѣлъ я зимой, показалась мнѣ мрачнымъ оледенѣлымъ адомъ; я боялся хлопотъ и радъ былъ за маловажную сумму отказаться отъ права принадлежать къ знаменитому рыцарству. Поспѣшая обратно въ столицу, я не исполнилъ даже священной обязанности посѣтить могилу моего дѣда и не подумалъ заглянуть въ документы, по коимъ фамилія моя владѣла сказанными мызами.

Какое-то аристократическое чувство, дѣйствіе коего я впрочемъ весьма рѣдко ощущалъ, побудило меня гораздо послѣ, лѣтъ шестнадцать спустя, стараться съ точностію узнать эпоху, въ которую могущественные предки мои основали свое владычество за Наровой, тѣмъ болѣе, что представилось къ тому весьма удобное средство: г. Брунъ, шуринъ г. Ребиндера, коему уступилъ я права своей фамиліи, служилъ тогда подъ моимъ начальствомъ. По просьбѣ моей, скоро доставилъ онъ мнѣ копію съ нужныхъ для меня бумагъ, и что же открылось? Первымъ владѣльцемъ помянутаго имѣнія въ моемъ родѣ былъ только дѣдъ отца моего, именемъ Валдемаръ и, что еще ужаснѣе, онъ назывался Вигеліусомъ.

Кому неизвѣстно нынѣ, что въ Финляндіи природные жители имѣютъ обычай, коль скоро получаютъ какую-нибудь ученую степень, облагораживать прозваніе свое Латинскимъ *усомъ*. И потому-то вѣроятно, что прадѣдъ мой—сынъ какого-нибудь пастора или профессора Финскаго племени, который, исходя изъ низкаго состоянія, украсилъ имя свое сею ненавистною для меня окончательною прибавкой. Почему бы кажется, если онъ былъ докторъ богословія или медицины и коли

онъ три года сохранялъ сію должность. Это значило, что всякое государство имѣеть право тайно возбуждать народы противъ правительства ему непріязненнаго, но ни одно не должно осмѣлиться умирять первыхъ; однимъ словомъ, это значило, что государи, въ случаѣ возстанія подданныхъ, лишаются всякой надежды на помощь сосѣдей. Извѣстіе о происшествіи въ Кадиксѣ принято было въ Лондонѣ правительствомъ, какъ всѣ послѣдующія затѣмъ извѣстія о возмущеніяхъ, съ притворно-равнодушнымъ одобреніемъ. Общество же, журнализмъ и всѣ состоянія привѣтствовали его съ непритворно-радостными похвалами. Сколь счастливыми должны были почитать себя Гишпанцы, имѣя столь добрыхъ союзниковъ! Но вскорѣ потомъ отечество ихъ лишилось лучшаго достоянія своего—всѣхъ заокеанскихъ владѣній: Перу, Хили, Мексика отторгнулись отъ нихъ и составили изъ себя новыя республики. Англія первая признала ихъ независимость и поспѣшила войти съ ними въ дипломатическія и торговыя сношенія. Такое безстыдство изумило бы и въ частномъ человѣкѣ, хотя бы онъ былъ признанъ отъявленнымъ мошенникомъ.

Не знаю, до какой степени Гишпанская революція огорчила Людовика XVIII-го; только вѣроятно любимый министръ его, либераль Деказъ, старался въ глазахъ его уменьшить ея важность. Но не прошло шести недѣль послѣ ея взрыва, какъ убіеніе племянника его, герцога Беррійскаго, открыло ему весь ужасъ истины. Старикъ показалъ нѣкоторую энергію, и рѣшительныя мѣры, имъ принятыя, не допустили тогда профессоровъ революціи, Французовъ, послѣдовать примѣру учениковъ своихъ Гишпанцевъ.

На насъ мятежъ, въ странѣ отъ насъ столь отдаленной, первоначально не сдѣлалъ никакого впечатлѣнія. Исключая одного человѣка, и при дворѣ немногіе имъ занялись. Скоро увидѣли, что дѣло идетъ не на шутку: на всемъ протяженіи Европы послышался какой-то гулъ; вездѣ какъ бы глухіе отклики на страшный призывъ. Какъ во время пожара сильнымъ вихремъ далеко иногда заносятся воспламененныя отломки и зажигаютъ зданія, повидимому внѣ опасности находившіяся: такъ и тогда, внезапно тамъ и сямъ показывалось пламя мятежа. Вспыхнули Португалія, Неаполь, Сардинія, а въ слѣдующемъ году и Греція. Еще скорѣе сіе пагубное дѣйствіе можно было сравнить съ электрическимъ проводникомъ, который въ минуту пожираетъ великое пространство; ибо порывы бури, возникшей на берегахъ Таго, къ концу года (хотя весьма слабо) отозвались и на берегу Невы.

Молодая Германія, новое поколѣніе, возросшее среди униженія своего отечества, воспитанное въ университетахъ, вскормленное ненавистью къ насліямъ Наполеона, возгордившееся своимъ освобожденіемъ

емъ, себѣ одному его приписывая, и жаждущее совершенной свободы, ему обѣщанной, смотрѣло съ радостію на происшествія сего года, не рѣшаясь однакоже принять въ нихъ большаго участія. Нѣмцы не то что Французы: глупостямъ, которыя они дѣлаютъ, всегда должны предшествовать продолжительныя и глубокія размышленія.

Но что долженъ былъ восчувствовать императоръ Александръ, увидѣвъ, что основанное имъ такъ непрочно? Священный союзъ, для блага народовъ имъ поставленный, спѣшили они съ бѣшенымъ усиліемъ разорвать. У великихъ душъ всегда и высокая цѣль; общему благу часто жертвуютъ они самолюбіемъ, и когда увидятъ ошибки свои, спѣшатъ ихъ поправить. Одни слабые умы хотятъ, чтобы ихъ почитали непогрѣшимыми. Совершенную перемену въ образѣ мыслей Государя своего увидѣли Русскіе изъ его дѣйствій. Къ сожалѣнію, первое, которое обнаружило то, можно было почитать несправедливостію.

Три года прошло, какъ семнадцатилѣтній Александръ Пушкинъ былъ выпущенъ изъ Лицея и числился въ Иностранной Коллегіи, не занимаясь службой. Сіе кипучее существо, въ самые кипучіе годы жизни, можно сказать, окунулось въ ея наслажденія. Кому было остановитъ, остеречь его? Слабому ли отцу его, который и умѣлъ только что восхищаться имъ? Молодымъ ли пріятелямъ, по большей части военнымъ, упоеннымъ прелестями его ума и воображенія и которые, въ свою очередь, старались упоевать его еиміамомъ похвалъ и Шампанскимъ виномъ? Театральнымъ ли богинямъ, съ коими проводилъ онъ большую часть своего времени? Его спасали отъ заблужденій и бѣды собственный сильный разумъ, безпрестанно въ немъ пробуждающійся, чувство чести, которымъ весь былъ онъ полонъ, и частыя посѣщенія дома Карамзина, въ то время столь же привлекательнаго, какъ и благочестиваго.

Онъ былъ уже славный мужъ по зрѣлости своего таланта и вмѣстѣ милый, остроумный мальчикъ не столько по лѣтамъ, какъ по образу жизни и поступкамъ своимъ. Онъ умѣлъ быть совершенно молодъ въ молодости, то есть постоянно веселъ и безпеченъ: наука, которая нынѣ съ каждымъ годомъ болѣе забывается. Молодежь, охотно повторяя затверженные либеральныя фразы, ничего не понимала въ политикѣ, даже самые корифеи, изъ которыхъ я иныхъ зналъ; а онъ, если можно, еще менѣе, чѣмъ кто. Какъ истый поэтъ, на веснѣ дней своихъ, подобно соловью, онъ только что любилъ и пѣлъ. Какъ опытъ, написалъ онъ уже чудесную свою поэму, *Русланъ и Людмила*, а между тѣмъ какъ цвѣтами безпрестанно посыпалъ первоначальное свое поэтическое поприще прелестными мелкими стихотвореніями.

Изъ людей, которые были его старѣе, всего чаще посѣщалъ Пушкинъ братьевъ Тургеневыхъ; они жили на Фонтанкѣ, прямо противъ Михайловскаго замка, что нынѣ Инженерный, и къ нимъ, то есть къ меньшому Николаю, собирались не рѣдко высокоумные молодые вольнодумцы. Кто-то изъ нихъ, смотря въ открытое окно на пустой тогда, забвенною брошенный, дворецъ, шутя предложилъ Пушкину написать на него стихи. Онъ по матерн происходилъ отъ Арапа генерала Ганнибала и гибкостію членовъ, быстротой тѣлодвиженій, нѣсколько походилъ на Негровъ и на человѣкоподобныхъ жителей Африки. Съ этимъ проворствомъ вдругъ вскочилъ онъ на большой и длинный столъ, стоявшій передъ окномъ, растянулся на немъ, схватилъ перо и бумагу и со смѣхомъ принялся писать. Стихи были хороши, не превосходны; слегка похваливъ свободу, доказывалъ онъ, что будто она одна правителей народныхъ можетъ спасти отъ ножа убійцы; потомъ съ омерзениемъ и ужасомъ говорилъ въ нихъ о совершившихъ злодѣяніяхъ въ замкѣ, который имѣлъ передъ глазами. Окончивъ, показалъ стихи и не знаю, почему назвали ихъ «Одой на Свободу». Объ этомъ экспромтѣ скоро забыли, и сомнѣваюсь, чтобы онъ много ходилъ по рукамъ. Ничего другаго въ либеральномъ духѣ Пушкинъ не писалъ еще тогда.

Замѣтя въ Государѣ наклонность карать то, что онъ недавно поощрялъ, графъ Милорадовичъ, Русскій Баярдъ, чтобы болѣе пріобрѣсти его довѣренность, самъ собою и изъ самого себя, сочинилъ нѣчто въ видѣ министра тайной полиціи. Сія часть, съ упраздненіемъ министерства сего имени, перешла въ руки графа Кочубея, который для нея, можно сказать, не былъ ни рожденъ, ни воспитанъ и который неохотно ею занимался. Для нея былъ нуженъ человѣкъ государственный, хотя бы не весьма совѣстливый, какъ у Наполеона Фуше, который бы понапрасну не прибѣгалъ къ строгимъ мѣрамъ и старался болѣе давать направленіе общему мнѣнію. Отнюдь не должно было поручать ее невѣжественнымъ и пустоголовымъ вѣтреникамъ, коихъ усердіе скорѣе вредило, чѣмъ было полезно ихъ государямъ, каковыми были напримѣръ Милорадовичъ и другой, котораго здѣсь еще не время называть.

Кто-то изъ употребляемыхъ Милорадовичемъ, чтобы подслужиться ему, донесъ, что есть въ рукописи ужасное Якобинское сочиненіе подъ названіемъ Свобода недавно прославившагося поэта Пушкина и что онъ съ великимъ трудомъ могъ достать его. Сіе послѣднее могло быть справедливо, ибо ни авторъ, ни пріятеля его не имѣли намѣренія его распускать. Милорадовичъ, не прочитавъ даже рукописи, поспѣшилъ доложить о томъ Государю, который приказалъ ему, призвавъ виновнаго, допросить его. Пушкинъ рассказалъ ему все дѣло съ величайшимъ

чистосердечіемъ; не знаю, какъ представилъ онъ его Императору, только Пушкина вѣлно... сослать въ Сибирь. Трудно было заставить Александра отмѣнить приговоръ; къ счастью, два мужа твердыхъ, благородныхъ, имъ уважаемыхъ, Каподистрія и Карамзинъ, дерзнули доказать ему всю жестокость наказанія и умолить о смягченіи его. Нашъ поэтъ причисленъ къ канцеляріи попечителя колоній Южнаго края генерала Инзова и отправленъ къ нему въ Екатеринославъ, не столько подъ начальство, какъ подъ стражу. Это было въ Маѣ мѣсяцѣ.

Когда Петербургъ былъ полонъ людей, велегласно проповѣдующихъ правила, которыя прямо вели къ истребленію монархической власти, когда ни одинъ изъ нихъ не былъ потревоженъ: надобно же было, чтобы пострадалъ юноша, чуждый ихъ затѣямъ, какъ послѣдствія показали. Дотолѣ никто за политическія мнѣнія не былъ преслѣхуемъ, и Пушкинъ былъ первымъ, можно сказать, единственнымъ тогда мученикомъ за вѣру, которой даже не исповѣдывалъ. Онъ былъ въ отношеніи къ свободѣ тоже, что иные христіане къ религіи своей, которые не оспариваютъ ея истинъ, но до того къ ней равнодушны, что зѣваютъ при одномъ ея имени. И внезапно, ни за что, ни про что, въ самой первой молодости, оторвать человѣка ото всѣхъ пріятностей образованнаго общества, отъ столичныхъ увеселеній юношества, чтобы погрузить его въ скуку Новороссійскихъ степей! Мнѣ кажется, у меня сердце облилось бы желчью и навсегда въ ней потонуло. Еслибы Пушкинъ былъ постарѣе, его могла бы утѣшить мысль, что ссылка его, сдѣлавшись большимъ происшествіемъ, объявленіемъ войны вольнодумству, придастъ ему новую знаменитость, какъ и случилось.

Если императоръ Александръ имѣлъ намѣреніе поразить ужасомъ вольнодумцевъ, за бездѣлицу не пощадивъ любимца друзей Русской литературы, то цѣль его была достигнута. Куда дѣвался либерализмъ? Онъ исчезъ, какъ будто ушелъ въ землю; все умолкло. Но тогда-то именно и началъ онъ дѣлаться опасенъ. Люди, которые какъ попугаи твердили ему похвалы, скоро забыли о немъ, какъ о брошенной модѣ. Небольшое же число убѣжденныхъ или злонамѣренныхъ нашли, что пришло время отъ словъ перейти къ дѣйствіямъ и подъ спудомъ начали распространять его. И тогда начали составляться тайныя общества, коихъ только пять лѣтъ спустя открылось существованіе.

Вольнолюбивые мнимые друзья Пушкина даже возрадовались его несчастію; они полагали, что досада обратить его, наконецъ, въ сильное и ихъ намѣреніямъ полезное орудіе. Какъ они ошибались! Въ большомъ свѣтѣ, гдѣ не читали Русскаго, гдѣ едва тогда знали Пушкина, безъ всякаго разбора его обвиняли, какъ развратника, какъ возмутителя. Гру-

стили немногіе, молча преданные правительству и знавшіе цѣну не одному таланту изгнанника, но и сердцу его. Они за него опасались; они думали, что отчаяніе можетъ довести его до какихъ нибудь безразсудныхъ поступковъ или до неблагородныхъ привычекъ и что вдали отъ насъ угаснетъ сей яркій лучъ нашей литературной славы. Къ счастью, и они ошиблись.

О дѣлахъ политики говорю я всегда по необходимости и тогда только, когда они находятся въ связи съ внутренними дѣлами нашего государства. Внутри его, даже во дни Наполеона, мало или совсѣмъ почти о нихъ не думали; въ одномъ только Петербургѣ безпрестанно занимались ею, то есть политикой, или лучше сказать имъ, то ест Наполеономъ: другой тогда быть не могло. Смотри по сомнительнымъ или рѣшительнымъ успѣхамъ его, говорили то со страхомъ, то съ надеждой, то съ уныніемъ. Послѣ паденія его, въ провинціяхъ, да я думаю даже и въ Москвѣ, заграничное стали забывать, полагая, что тамъ все покойно и, получая и политическіе журналы, внимательны были къ одному модному. Тоже самое вѣроятно было бы и въ Петербургѣ, еслибы не вошло въ обычай въ образованномъ свѣтѣ хоть что-нибудь да сказать о конституціяхъ, дабы казаться свѣдущимъ. Нѣкоторая часть, и самая малая, новаго возмужавшаго поколѣнія толковала все о теоріи представительныхъ правленій. Не имѣя никакихъ основательныхъ познаній, эти господа (исключая развѣ одного Николая Тургенева) совсѣмъ не понимали этого предмета и сами не знали, чего хотятъ. Во всемъ этомъ было чрезвычайно много дѣтскаго *).

Такъ засталъ насъ 1820-й годъ. Такъ какъ онъ богатъ былъ происшествіями, а служба моя обильна досугами, то вниманіе мое вновь устремилось на Европу. Нѣтъ ничего ни веселаго, ни пріятнаго въ этихъ воспоминаніяхъ; но дабы кончить рассказъ и не прерывать нить его, въ одной этой главѣ хочу помѣстить все примѣчательное изъ тогдашнихъ событій.

Александръ, какъ извѣстно, любилъ лично находиться на конгрессахъ. Тріумvirаты Священнаго Союза согласились для того осенью съѣхаться въ Троппау. Но напередъ отправился Государь въ Варшаву для открытія сейма. Поляки (то есть магнаты-паны, ибо въ Польшѣ народъ всегда шелъ ни по чемъ), почувя распространяющійся въ Европѣ революціонный духъ, были внѣ себя. Засѣданія сейма дѣлались шумны, рѣчи дерзки до того, что, для обузданія ихъ, конституціонный король долженъ былъ призвать на помощь Русское самодержавіе свое. И какое

*) Жуковский, слушая иногда сужденія сихъ господъ, говаривалъ имъ: „Послушайте, ребята; вѣдь вы ребята“.

счастье это было для Россіи! Не разъ доказывалъ я, сколь часто враги ея обращались въ орудія ея спасенія, успѣховъ или славы. Съ самаго начала Александръ не скрывалъ намѣренія отнять у Россіи силою ея оружія возвращенныя ею, отторгнутыя отъ нея западныя ея области (Подолію, Волынь, Минскъ и Литву) и усилить ими Польшу. Нетерпѣливое безуміе этихъ сорванцовъ на неопредѣленное время отдалило тогда исполненіе сего намѣренія, погубнаго для обѣихъ націй.

Съ какимъ стыдомъ, съ какимъ раскаяніемъ благонамѣренный Александръ долженъ былъ внутренно сознаться въ ошибкахъ своихъ! Онъ взялся врачевать человѣчество и увидѣлъ, сколь вредна метода лѣченія его. Впрочемъ не знаю, можно ли обвинять и Поляковъ. Чтѣ сдѣлали они? Пользовались дарованными имъ правами, смѣло выражали свои мысли. По большей части люди, даже опытные и пожилые, остаются вѣчно старыми дѣтьми. Зачѣмъ же ребятамъ давать сласти и требовать, чтобы они ихъ не ѣли? И можно ли съ народомъ обходиться, какъ съ любимой собакой: держать надъ ними лакомый кусокъ и твердить: tout beau? Въ Троппау новая печаль постигнула Государя; но дабы говорить объ ней, нужно объяснить прошедшее.

Любимымъ полкомъ Императора, коего при отцѣ еще былъ онъ шефомъ, Семеновскимъ полкомъ командовалъ генераль-адъютантъ Яковъ Алексѣевичъ Потемкинъ, отлично храбрый офицеръ, но раздушенный франтикъ, который туалетомъ своимъ едва ли не болѣе занимался, чѣмъ службой. Офицеры любили его безъ памяти, и было за чтѣ. Въ обхожденіи съ ними былъ онъ дружественно вѣжливъ и нѣсколько менѣе взыскателенъ передъ фронтомъ, чѣмъ другіе полковые командиры. Дисциплина отъ того ни мало не страдала. При поведеніи совершенно неукоризненномъ, общество офицеровъ этого полка почитало себя образцовымъ для всей гвардіи. Оно составлено было изъ благовоспитанныхъ молодыхъ людей, принадлежащимъ къ лучшимъ, извѣстнѣйшимъ дворянскимъ фамиліямъ. Строго соблюдая законы чести, въ товарищѣ не потерпѣли бы они ни малѣйшаго пятна на ней. Сего мало: они не курили табаку, даже между собою не позволяли себѣ тѣхъ отвратительныхъ, непристойныхъ словъ, которыя сдѣлались принадлежностію военнаго языка. Если котораго изъ нихъ увидятъ въ Шустерклубѣ, на балахъ Крестовскаго острова или въ какомъ нибудь другомъ подозрительномъ мѣстѣ, изъ полку общимъ приговоромъ былъ онъ изринуть. Они составляли изъ себя какой-то особый рыцарскій орденъ, и все это въ подражаніе вѣнчанному своему шефу. Они видѣли въ себѣ частицы его самого, мелкую его монету съ его изображеніемъ, и самое ихъ свободолобіе проистекало изъ желанія ему сколько-нибудь уподобиться. Ихъ примѣръ подѣйствовалъ и на нижніе чины: и простые рядовые

возьимѣли высокое мнѣніе о званіи тѣлохранителей государевыхъ. Семеновецъ въ обращеніи съ знакомыми между простонародья былъ нѣсколько надмененъ и всегда учтивъ. Съ такими людьми тѣлесныя наказанія скоро сдѣлались ненужны: изъявленіе неудовольствія, строгій взглядъ, сердитое слово были достаточными исправительными мѣрами. Все было облагорожено такъ, что, право, со стороны любо-дорого было смотрѣть.

Въ этомъ отборномъ полку примѣчательны были два брата Муравьевы. Отецъ ихъ Иванъ Матвѣевичъ, любезникъ и красавецъ времени Екатерины, былъ двоюроднымъ братомъ не разъ упомянутому Михаилу Никитичу и по женѣ или по матери вмѣстѣ съ имѣніемъ принялъ фамильное имя предка ея, гетмана Давида Апостола. Великая была въ немъ способность къ изученію языковъ: онъ прекрасно, безошибочно говорилъ на всѣхъ Европейскихъ и очень хорошо писалъ по русски. Умный, но легкомысленный человекъ, онъ, кажется, убѣжденій, собственныхъ мыслей не имѣлъ. Такихъ людей, какъ онъ, нынѣ много, и ихъ можно назвать либеральствующими аристократами. Сперва занимать онъ должность посланника въ Мадритъ, а потомъ, чѣмъ-то недовольный, жилъ долго за-границей безъ службы и въ Парижѣ воспитывалъ двухъ старшихъ мальчиковъ своихъ.

Тамъ набрались они идей, которыя такъ благосклонно были принимаемы въ ихъ отечествѣ, когда они начали ему служить. Старшій, Матвѣй, казался угрюмъ и, вѣрно, любезность свою берегъ про пріятелей, ибо они одни его безъ мѣры восхваляли. Другой, Сергій, былъ гораздо живѣе, блистательнѣе, приманчивѣе. Оба были идолами полку своего. Воспитанные во Франціи, они могли если не основательнѣе, по крайней мѣрѣ толковитѣе говорить о предметѣ, о коемъ однополчане ихъ разсуждали, ничего о немъ не понимая, и отъ того были они оракулами ихъ. Муравьевы-Апостолы, равно какъ и другіе Семеновскіе офицеры, охотно посѣщали хорошее общество, гдѣ были отлично приняты. Понятія, которыя имѣли въ большомъ свѣтѣ о любезности молодыхъ людей, въ послѣднее время нѣсколько измѣнились. Быть неутомимымъ танцовщикомъ, въ разговорахъ съ дамами всегда находить что нибудь для нихъ пріятное, въ гостиныхъ при нихъ находиться неотлучно: все это перестало быть необходимою. Требовалось болѣе ума, знаній; маленькое ораторство начинало заступать мѣсто комплиментовъ. Исполняя часть сихъ условій, Семеновскіе офицеры продолжали быть развязны, ловки, учтивы и не совсѣмъ чуждались танцевъ. И вотъ это-то было вовсе не по вкусу ихъ новаго бригаднаго начальника.

Три послѣднія поколѣнія царствующаго дома, какъ всѣмъ извѣстно, имѣли... какъ бы сказать, слабость, страсть или манию къ фронтальной службѣ. Можетъ быть, это самое дало Русскому войску всѣми признанное превосходство передъ другими Европейскими арміями. Я не берусь о томъ судить; только требуемая лишняя исправность совсѣмъ была не въ Русскомъ духѣ. Въ первые дѣятельные годы царствованія Александра, у него на все доставало времени; къ тому же, въ дѣлѣ устройства гвардіи и арміи имѣлъ онъ славнаго помощника, брата своего Константина Павловича. Когда же судьбою поставленъ былъ онъ на стражѣ, дабы блюсти спокойствіе Европы, и всѣ помышленія его были устремлены на сей предметъ, то уже невозможно было ему входить во всѣ подробности, мелочи обмундировки и маршировки; брать же его Цесаревичъ переселился уже въ Варшаву. Но подросли и мужали меньшіе два брата его, изъ коихъ особенно младшій, Михаилъ Павловичъ, какъ будто для этого дѣла былъ рожденъ.

Всѣ старанія благочестивой, просвѣщенной матери, для Россіи вѣчно памятной императрицы Маріи Ѳеодоровны, которая часть времени своего посвящала воспитанію младшихъ дѣтей своихъ, остались тщетны. Ничего ни письменнаго, ни печатнаго онъ съ малолѣтства не любилъ. Но при достаточномъ умѣ, съ живымъ воображеніемъ любилъ онъ играть въ слова и въ солдатикѣ: каламбуры его извѣстны всей Россіи. Отъ гражданской службы имѣлъ совершенное отвращеніе, пренебрегалъ ею и полагалъ, что военный порядокъ достаточенъ для государственнаго управленія. Самое высокое понятіе имѣлъ онъ о военной іерархіи, такъ что званіе начальника полка, бригады, а кольми паче корпуса или арміи, гораздо болѣе льстило его самолюбію, чѣмъ великокняжескій санъ его. И онъ дивился, какъ сами министры съ гражданскимъ чиномъ не вытягивались передъ послѣднимъ генераломъ.

Онъ создалъ себѣ идеалъ совершенства строевой службы и не могъ понять, какъ всѣ подчиненные его не стремятся къ тому. Передъ фронтомъ былъ онъ безпощаденъ, а въ частной жизни былъ добросердеченъ, сострадательнъ, щедръ, особенно же къ жертвамъ своимъ, офицерамъ и солдатамъ.

Сдѣлавшись начальникомъ бригады, въ которой находился Семёновскій полкъ, онъ съ крайнимъ неудовольствіемъ смотрѣлъ на щеголеватыя формы офицеровъ сего полка. По приглашеніямъ они ѣздили на всѣ большіе званые балы. Какъ можно заниматься удовольствіями свѣта людямъ, которыхъ единственнымъ помышленіемъ, жизнію ихъ, должны быть полковыя ученія, караулы, выправка солдатъ? По чрезвычайной молодости своей не позволялъ онъ еще себѣ быть слишкомъ строгимъ съ полкомъ, усыновленнымъ самимъ Государемъ, хотя и самъ

онъ, особенно же по усердію его къ дѣламъ службы, былъ имъ любимъ, какъ сынъ родной.

Видя, какое дѣйствіе произвели на Александра Европейскія происшествія, онъ воспользовался тѣмъ, чтобы представить ему, сколь вреденъ всѣмъ извѣстный образъ мыслей будто бы цѣлаго полка, что доказывалось будто бы пренебреженіемъ его къ фронту. Для исправленія его предложилъ онъ встрѣченнаго имъ во время путешествія по Россіи чудеснаго фронтовика, который, безпрестанно содержа Семеновцевъ въ трудѣ и потѣ, выбьетъ изъ нихъ дурь. Къ сожалѣнію, Государь согласился и, въ самый свѣтлый праздникъ, командира Екатеринбургскаго гренадерскаго полка, полковника Шварца, назначилъ командиромъ Семеновскаго вмѣсто генерала Потемкина, которому оставлена была гвардейская дивизія.

Этотъ Шварцъ былъ изъ числа тѣхъ Нѣмцевъ низкаго состоянія, которые, родившись внутри Россіи, не знаютъ даже природнаго языка своего. Съ черствыми чувствами Нѣмецкаго происхожденія своего соединялъ онъ всю грубость Русской солдатчины. Палка была всегда единственнымъ краснорѣчивѣйшимъ его аргументомъ. Не давая никакого отдыха, дѣлалъ онъ всякій день ученія и за малѣйшую ошибку осыпалъ офицеровъ обидными словами, рядовыхъ—палочными ударами; все страдало нравственно и физически. Не говоря уже о Семеновскомъ полку, другіе смотрѣли на то съ ужасомъ и разсуждали между собою, что если такъ поступаютъ съ любимцами, какая же участь ихъ ожидаетъ?

Конечно, до 1812 года дворянство было недовольно Александромъ и роптало на него; но войско всегда равно оставалось ему преданнымъ; послѣ же взятія Парижа, никто безъ восторга не произносилъ его имени. Но то, чего не могли военныя поселенія и Аракчеевъ, удалось Михаилу Павловичу со Шварцомъ, и то въ одномъ Петербургѣ и только между военными. Явной хулы никто еще не позволялъ себѣ, но при его имени всѣ хранили угрюмое молчаніе. Я видѣлъ, какъ прежній розовый цвѣтъ либерализма сталъ густѣть и къ осени переходитъ въ кроваво-красный, какимъ онъ нынѣ на Западѣ. Разъ случилось мнѣ быть въ одномъ холостомъ, довольно веселомъ обществѣ, гдѣ было много и офицеровъ. Разсуждая между собою въ особомъ углу, вдругъ зацѣли они на голосъ извѣстной въ самые ужасные дни революціи пѣсни: *Veillons au salut de l'Empire*, богомерзкія слова ея, переведенныя надменнымъ и жалкимъ поэтомъ, полковникомъ Катенинымъ, по какому-то неудовольствію недавно оставившимъ службу. Я ихъ не затверживалъ, ни записывалъ; но они меня такъ поразили, что оста-

лись у меня въ памяти, и я передаю ихъ здѣсь, хотя не ручаюсь за вѣрность:

Отечество наше страдаетъ
 Подъ игомъ твоимъ, о злодѣй!
 Коль насъ деспотизмъ угнетаетъ,
 То свергнемъ мы тронъ и царей.
 Свобода! Свобода!
 Ты царствуй отнынѣ надъ нами.
 Ахъ, лучше смерть, чѣмъ жить рабами:
 Вотъ клятва каждаго изъ насъ.

У меня волосы встали дыбомъ. Замѣтивъ мое смущеніе, нѣкоторые подошли ко мнѣ и сказали, что это была одна шутка и что мысли ихъ вовсе не согласны съ содержаніемъ этой пѣсни. Я слышалъ повѣрить имъ и самого себя успокоить.

Въ первой половинѣ Ноября, шедши пѣшкомъ по Гороховой улицѣ, встрѣтилъ я Сергѣя Муравьева съ какимъ-то однополчаниномъ. «Что съ вами? спросилъ я его; мнѣ кажется, вы нездоровы». — «Нѣтъ, здоровъ, отвѣчалъ онъ, только не весель: радоваться нечему». — «И полноте, сказала я: скоро Царь пріѣдетъ; онъ не дастъ дѣтей своихъ въ обиду; потерпите, надѣйтесь». Грустно взглянувъ на меня, промолвилъ онъ: *vivere in sperando, mori in ca. . ndo*, поклонился и пошелъ далѣе. Боюсь, сказалъ я самъ себѣ: онъ что-то недоброе замышляетъ!

Недѣлю спустя послѣ того, въ одинъ изъ Ноябрьскихъ, болѣе осеннихъ чѣмъ зимнихъ дней, 18-го числа, погода была ужасная, такъ что на свѣтъ не хотѣлось бы смотрѣть. Холодный мракъ покрывалъ небо и землю; густой туманъ, разсѣявшись, превратился въ дождикъ со снѣгомъ, и зловонное тѣсто коричневаго цвѣта лежало на мостовой. Я продолжалъ жить близъ Семеновскаго моста и все это утро оставался дома, какъ слуга мой, вошедъ въ нѣкоторомъ замѣшательствѣ, сказалъ мнѣ, что слышалъ въ лавочкѣ, будто бы взбунтовался весь Семеновскій полкъ. «Быть не можетъ, сказалъ я; впрочемъ отсюда близко, сбѣгай и разузнай». Возвратясь скоро, онъ донесъ мнѣ, что дѣйствительно вся площадь передъ госпиталемъ наполнена солдатами, неподвижно стоящими, въ шинеляхъ и безъ ружей; но зачѣмъ и почему они тутъ, этого не могъ дознаться.

Извѣстно сдѣлалось въ продолженіи дня, что на разсвѣтѣ всѣ нижніе чины, въ одинъ часъ и минуту, какъ бы по данному сигналу, высыпали изъ казармъ, собрались и построились на площади, отвѣчая допрашивающимъ ихъ батальоннымъ и ротнымъ командирамъ, что не хотятъ болѣе находиться подъ начальствомъ полковника Шварца и что исключая того готовы исполнять все, что имъ прикажутъ. Тщетно старались обратить ихъ къ порядку корпусный начальникъ, почтенный

Даріонъ Васильевичъ Васильчиковъ, другіе генералы и самъ Великій Князь; они остались непреклонны. Сія мирная демонстрація не менѣе того сильно встревожила жителей Петербурга, особенно же высшее общество; можетъ быть, въ иныхъ людяхъ другихъ сословій и возродила она преступныя надежды. На другой день всѣ успокоились, узнавъ, что три тысячи человекъ, внимая единому повелительному слову, признали себя арестантами и безпрекословно отправились въ крѣпость.

Всѣ были увѣрены, что все было ими сдѣлано по наущенію офицеровъ; но такова была твердость сихъ Русскихъ воиновъ, такое доброе согласіе между ними и такая преданность къ начальникамъ своимъ, что при допросахъ они ни на котораго не показали. Послѣднихъ же похвалить нельзя; въ ихъ поступкѣ видны легкомысліе и нѣкоторая робость: выставляя орудія, они надѣялись скрыть руку.

Любопытно было знать, какъ приметъ это Государь, который находился тогда въ Троппау на конгрессѣ. Рассказывали послѣ, что на какой-то утренней конференціи князь Меттернихъ сказалъ ему: «Государь, да полно, у васъ все ли покойно? По частнымъ свѣдѣніямъ, вчера вечеромъ полученнымъ, одинъ изъ вашихъ гвардейскихъ полковъ, взбунтовался, и именно Семеновскій». — «Не вѣрьте», отвѣчалъ будто Александръ: «это суцая ложь; это мой любимый полкъ». Въ тотъ же вечеръ, въ какомъ-то собраніи, Меттернихъ подтвердилъ ему тоже самое, ибо съ этимъ извѣстіемъ въ самый полдень получилъ курьера отъ Австрійскаго посла въ Петербургъ. Можно посудить о безпокойствѣ Государя и о гнѣвѣ его, когда только въ продолженіи слѣдующаго дня прибылъ адъютантъ Васильчикова съ донесеніемъ о семъ происшествіи.

Пріостановимся. Посланный Васильчикова, этотъ недобрый вѣстникъ, заслуживаетъ быть представленнымъ міру. И хотя онъ имя свое почитаетъ безсмертнымъ, сомнительно однакоже, чтобы безъ употребляемаго мною способа, впрочемъ весьма невѣрнаго, оно могло дойти когда-либо до потомства. Пётръ Яковлевичъ Чаадаевъ былъ красивый мальчикъ, круглый сирота, съ малолѣтства воспитанный родною теткой, старою княжною Анною Михайловною, дочерью историка Щербатова. Она ничего не щадила для его образованія; но женщинѣ, и въ тогдашнее время, нельзя было помышлять о томъ, чтобы дать ему осповательныя познанія. Мальчикъ, какъ и всѣ Русскіе, а можетъ быть еще болѣе чѣмъ кто изъ нихъ, имѣлъ способность выучиваться иностраннымъ языкамъ: по-французски и по-англійски говорилъ онъ бѣгло, чисто и безошибочно; а къ тому же, какъ онъ былъ нрава серьезнаго, то въ семействѣ и въ обществѣ своемъ съ ребячества признанъ и объявленъ маленькимъ чудомъ.

Увѣренный въ своемъ совершенствѣ, во время отечественной войны вступилъ онъ въ военную службу и при взятіи Парижа находился въ Семеновскомъ полку. По возвращеніи изъ похода перешелъ онъ въ лейбъ-гусарскій. Въ мундирѣ этого полка всякому нельзя было не замѣтить молодого красавца, бѣлаго, румянаго, тонкаго, стройнаго; съ пріятнымъ голосомъ и благородными манерами. Сими дарами природы и воспитанія онъ отнюдь не пренебрегалъ, пользовался ими, но ставилъ ихъ гораздо ниже другихъ преимуществъ, коими гордился и коихъ вовсе въ немъ не было: высокаго ума и глубокой науки. Его притязанія могли бы возбудить насмѣшки или досаду; но онъ не былъ заносчивъ, а старался быть скромно-величественъ, и военные товарищи его, разсѣянныя, невнимательныя, охотно предоставляли ему званіе молодого мудреца, рѣдко посѣщающаго свѣтъ и не предающагося никакимъ порокамъ. Онъ былъ первый изъ юношей, которые тогда полѣзли въ геніи. На бѣду, стоя съ полкомъ въ Царскомъ Селѣ, познакомился онъ и сблизился съ лицейскимъ воспитанникомъ Пушкинымъ. Всѣ поэты немного льстецы съ тѣми, коихъ любятъ; Пушкинъ похвалилъ его стихами, а Карамзинъ по добродушію своему ласкалъ его. Это совершенно вскружило ему голову. Никто не замѣчалъ въ немъ нѣжныхъ чувствъ къ прекрасному полу: сердце его было слишкомъ преисполнено обожанія къ сотворенному имъ изъ себя кумиру. Когда изрѣдка случалось ему быть съ дамами, онъ былъ только что учтивъ; онъ же между собою называли его настоящимъ розаномъ, а онъ былъ Нарцисъ, смертельно влюбленный въ самого себя. Чтобы дать понятіе о чудовищномъ его самодовольствіи, расскажу слѣдующее, тогда мною слышанное. Въ наемной квартирѣ своей принималъ онъ посѣтителей, сидя на возвышенномъ мѣстѣ, подъ двумя лавровыми деревьями въ кадкахъ; справа находился портретъ Наполеона, съ лѣвой Байрона, а напротивъ его собственный, въ видѣ скованнаго генія, съ подписью:)

Онъ въ Римѣ былъ бы Брутъ,
 Въ Афинахъ Демосѣенъ,
 А здѣсь лишь офицеръ гусарской.

И такъ не съ большимъ двадцатилѣтній молодой человекъ, который ничего не написалъ, ни на какомъ поприщѣ ничѣмъ себя не отличилъ, ни къ какому роду службы не былъ годенъ и который всю ученость свою почерпалъ изъ новыхъ Французскихъ брошюръ, почиталъ себя однимъ изъ свѣтилъ, озарившихъ начало девятнадцатаго вѣка. Какой бы онъ былъ находкой для насмѣшника-мистификатора; но такового не оказалось, и онъ не поступилъ еще тогда, а развѣ только послѣ, въ нарядныя шуты.

Крайне дивился онъ, что, удостоивъ службу вступленіемъ въ нее, онъ не быстро въ ней возносится, а какъ обыкновенные смертные, производится по старшинству. Въ ожиданіи скорыхъ успѣховъ, принялъ онъ чье-то предложеніе доставить ему мѣсто адъютанта при Васильчиковѣ и въ этомъ упованіи отправился онъ въ Троппау. Онъ былъ увѣренъ, что узнавъ его короче, Александръ, плѣненный его наружностію, пораженный его гениемъ, приблизитъ его къ своей особѣ и на первый случай сдѣлаетъ флигель-адъютантомъ. Надо еще знать, что гусаръ и докторъ философіи въ отношеніи къ наряду былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и совершенная кокетка: по часамъ просиживалъ онъ за туалетомъ, чистилъ ротъ, ногти, притирался, мылся, холился, прыскался духами. Дорогой онъ предавался тѣмъ же упражненіямъ и оттого съ прибытіемъ опоздалъ двумя сутками.

Приемомъ разгнѣваннаго Государя, какъ громовымъ ударомъ въ одно мгновеніе были разрушены воображеніемъ его созданные замки. Всегда умѣренный, Александръ бывалъ ужасенъ въ рѣдкія минуты, когда переставалъ владѣть собою. Разобиженный Чаадаевъ на другой день былъ обратно отправленъ въ Петербургъ и, дабы наказать Царя, отнялъ у него себя, въ ту же зиму вышелъ въ отставку.

Въ присутствіи Государя Семеновской вспышки не могло бы быть: его тихо-повелительный взглядъ все усмирять вокругъ себя. Даже издали ощутительно было его могущество. Гвардія съ трепетомъ ожидала его рѣшенія. Оно получено: приказомъ, въ коемъ дышетъ негодованіе вмѣстѣ съ милостію, полкъ велѣно уничтожить, кассировать, нижніе чины разослать по линейнымъ полкамъ; офицеры же, коихъ виновность не доказана, но на коихъ падало сильное подозрѣніе, переведены также въ армію, только съ повышеніемъ двумя чинами; Шварцъ отставленъ отъ службы. Тѣмъ же приказомъ велѣно набрать новый Семеновскій полкъ изъ лучшихъ офицеровъ и рядовыхъ гренадерскаго корпуса.

Ожидали болѣе. И что же? Мнѣ случилось слышать тѣхъ же самыхъ офицеровъ, которые прежде восхваляли смѣлость Семеновцевъ, читающихъ не только съ одобреніемъ, даже съ восторгомъ грозный приказъ Царя. Надобно подумать, что въ этомъ человѣкѣ было дѣйствительно нѣчто волшебное.

Это происшествіе, которое причинило Петербургу только кратковременный испугъ, имѣло однакоже важныя послѣдствія. Разсѣянные по арміи, недовольные офицеры встрѣчали другихъ недовольныхъ и вмѣстѣ съ ними, распространяя мнѣнія свои, приготовили другія возстанія, которыя черезъ пять лѣтъ унять было труднѣе.

II.

Положеніе семейства моего въ 1820 году походило на то, въ коемъ находилось оно въ послѣдній годъ царствованія Павла, когда всѣ старшіе члены его волею или неволею покинули службу.

Зять мой, генераль Алексѣевъ, командуя корпусомъ на обратномъ пути въ Россію, почувствовалъ, что съ разслабленіемъ тѣлеснымъ онъ лишился и нравственной силы. Онъ забывалъ приказанія имъ отданныя, не помнилъ и часто не понималъ то, о чемъ ему представляли; однимъ словомъ, для начальствованія онъ сдѣлался вовсе неспособнымъ. Хорошо еще, что окружающіе его старались скрывать это за границей какъ отъ подчиненныхъ, такъ и отъ иностранцевъ. Ему еще не было пятидесяти лѣтъ; но раны, походы, биваки, и во время ихъ жизнь не всегда воздержная, изнурили его; особенно же послѣ тяжелой болѣзни, перенесенной имъ во Франціи, онъ совершенно одряхлѣлъ. Покой сдѣлался для него жестокою необходимостію: ибо, исключая обязанностей службы, онъ ничѣмъ не умѣлъ заниматься. Всѣ любили его, начиная отъ Царя, и оттого оставили ему все содержаніе, аренды, эполеты и даже надежду быть дѣятельно употребленнымъ, чего однако никогда не могло уже случиться. Онъ числился по кавалеріи въ безсрочномъ отпуску и жилъ по большей части въ Москвѣ, гдѣ жена его, на сбереженные ею отъ огромнаго Французскаго содержанія деньги, купила ему хорошій деревянный домъ въ Старой Конюшенной.

Братъ мой, Павелъ Филипповичъ, никогда не гонялся за почестями. Фортуна, долго къ нему неблагоклонная, съ 1812 года начала ему улыбаться, но онъ уже не довѣрялъ ей. Ему наскучило таскаться по бѣлу свѣту, и онъ о томъ только и думалъ, гдѣ бы поселиться въ мирномъ убѣжищѣ. Въ Мобѣжѣ вошло въ общее обыкновеніе между холостыми Русскими заводиться молодой хозяйкой изъ иноземныхъ красавицъ. Иныя изъ нихъ заслуживали сіе названіе, другія были только что молоды. Во Франціи, гдѣ со времени революціи стали такъ пренебрегать святостію брака, сожитіе почиталось съ нимъ почти на равнѣ. Въ семь качествъ находилась у брата нѣкая Бабе-Пажель, дочь какого-то Лотарингскаго винодѣлателя, т. е. просто мужика. Не имѣя добродѣтелей соотечественницы своей Жанны д'Аркъ, она, кажется, имѣла ея смѣлость. На оставленные ей братомъ деньги, слѣдующимъ лѣтомъ, безъ его согласія, моремъ пріѣхала она въ Петербургъ съ двумя прижитыми съ нимъ ребятами. Какъ быть? Надобно было гдѣ нибудь пріютить сіе незаконное семейство. Къ тому же во Франціи сильно развилась въ немъ врожденная страсть къ садоводству, особенно къ цвѣ-

тамъ; онъ могъ легко удовлетворить ее въ селѣ Симбухинѣ, которое мать наша во вдовствѣ никогда не посѣщала и которое назначено ему было на часть. Тамъ былъ довольно обширный садъ, и тамъ могъ онъ укрыть грѣхи свои. Все вмѣстѣ заставило его подать въ отставку, и онъ получилъ ее въ Мартѣ 1820 года съ мундиромъ.

Что касается до меня, я какъ будто воротился къ прежнему состоянію: числясь на службѣ, жилъ почти безъ дѣла. Была однакоже великая разница: тогда отъ казны не имѣлъ я ни гроша и изъ дому весьма мало, а тутъ, не считая квартиры и отопленія, я получалъ жалованье и прибавку къ нему изъ остаточныхъ суммъ, всего тысячи четыре ассигнаціями; да по случаю урожайныхъ годовъ и мать моя была ко мнѣ отменно щедра. Первый разъ въ жизни я узналъ сладость синекюры, и она служила мнѣ утѣшеніемъ въ моей неудачѣ. Бетанкуръ не перемѣнялъ со мною обращенія, продолжалъ быть обходителемъ, шутливъ; съ женой и семействомъ его я болѣе сблизился, нерѣдко проводилъ у нихъ вечера и былъ даже въ числѣ немногихъ избранныхъ, приглашенныхъ на свадьбу дочери его Каролины съ господиномъ Эс-пехо, и видѣлъ, какъ въ этотъ самый день послѣ ужина молодые сѣли въ возокъ и отправились прямо въ Нижній-Новгородъ. «Ну, что же, подумалъ, это положеніе пока еще сносно; посмотримъ, что будетъ впередъ.»

А между тѣмъ, пока наше поколѣніе какъ бы склонялось къ за-паду, восходило новое поколѣніе. Признаюсь, не безъ грусти смотрѣлъ я на то. Впрочемъ, старшій племянникъ мой, Александръ Алексѣевъ, былъ только тринадцатю годами моложе меня. Счастливей этотъ юноша тогда совершенно блаженствовалъ. Изъ артилеріи онъ перешелъ въ кавалерію, въ конноегерскій короля Виртембергскаго полкъ, и менѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ выпуска изъ Пажескаго корпуса произведенъ былъ въ поручики. Ни къ какому офицеру начальство не было такъ свисходительно; подъ разными предлогами лѣтомъ разъѣзжалъ онъ по ярманкамъ, а зимой веселился въ Москвѣ: она была его раемъ. Его стройный станъ, его ловкость, его смѣлое обхожденіе съ дамами и дѣвицами и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣжность его взглядовъ и выраженій плѣняли ихъ. На балахъ онъ господствовалъ, самая модная почитала торжествомъ протанцовать съ нимъ; тогда (чего теперь совсѣмъ нѣтъ) въ этой странной Москвѣ, какъ Грибоѣдовъ въ своей комедіи сказалъ, женщины любимому кавалеру ура кричали и вверхъ чепчики бросали; это могло относиться и къ моему Алексѣеву. Меньшой братъ его, Николай, оставался пока въ Царскомъ Селѣ, въ гренадерскомъ полку Австрійскаго императора, и, какъ я уже сказалъ, былъ дикъ, угрюмъ, и оттого казался разсудителемъ, чего однакоже вовсе не было.

Возвратясь отъ родныхъ изъ отпуска, въ Февралѣ этого же 1820 года, привезъ онъ съ собою отправленнаго ко мнѣ третьяго племянника моего, сына покойнаго брата Николая, Филиппа Николаевича. Мальчику не исполнилось еще пятнадцати лѣтъ, а его хотѣли уже отдать на службу. Его дотолѣ воспитывали и баловали родные его Тулиновы. Онъ младенцемъ былъ отданъ имъ въ видѣ уступки, а, по настоящему, попеченія ихъ объ немъ могли почитаться великимъ одоженіемъ для фамиліи, коей сирота этотъ въ послѣдствіи долженъ былъ сдѣлаться представителемъ и единственнымъ продолжителемъ. Кому бы изъ насъ было взять его на руки свои? По стариннымъ понятіямъ матери моей, для него наступило уже время служенія; ей хотѣлось хотя бы передъ смертію видѣть его гвардіи офицеромъ, и потому-то, къ великому прискорбію дѣда и бабушки, былъ онъ оторванъ отъ лона ихъ.

Я осмѣлился воспротивиться волѣ матери моей, представилъ ей, какъ опасно мальчику въ эти годы пользоваться свободой, и что если я, въ тѣже лѣта выпущенный на волю, не погибъ, то должно благодарить за то Бога; потомъ, не дожидаясь разрѣшенія ея, отдалъ его доучиваться въ одинъ Французскій пансіонъ. Содержатель его, г. Курнанъ, былъ преемникомъ барона Шабб, который наслѣдовалъ знаменитому аббату Николю, и все въ томъ же домѣ, на Фонтанкѣ, близъ Обухова моста. По мнѣнію моему, ученіе тамъ было плохое, попрежнему аристократическое: послѣ Французской литературы, только уже новѣйшей, главными предметами были танцы и фектованіе. Смотря по элементарнымъ познаніямъ воспитанника и по краткости срока, намъ даннаго, гдѣ уже было намъ думать объ учености! Мнѣ только хотѣлось, чтобъ онъ, немного похожій на маленькаго медвѣжонка, побольше развязался, приобрѣлъ болѣе навыку и усовершенствовался во всеобщемъ разговорномъ Французскомъ языкѣ, и, наконецъ, чтобы, находясь съ молодыми людьми первыхъ фамилій, онъ составилъ бы полезныя связи и, увлеченный въ лучшее общество, избѣгнулъ бы дурнаго.

Наружность имѣлъ онъ не весьма красивую: былъ невеликъ ростомъ, бѣлъ лицомъ, не по лѣтамъ дюжъ и толстъ, и отъ излишняго употребленія сластей у него попортились и пожелтѣли зубы, которые очернили послѣ курительный табакъ. Ума у него было довольно, сердце имѣлъ онъ мягкое, нравъ веселый, но вслѣдствіе безпрестанныхъ угожденій цѣлаго семейства сдѣлался онъ чрезвычайно своеволенъ. Я надѣялся, что пансіонъ Курнана сколько-нибудь приучитъ его къ порядку и повинновенію.

И вотъ семейная картина, которую счелъ я необходимостію представить читателю.

Въ концѣ Мая Бетанкуръ со всѣмъ семействомъ своимъ и со дворомъ, разумѣется кромѣ меня, опять отправился въ Нижній-Новгородъ. Мы разстались какъ нельзя лучше. Предсѣдательство въ строительномъ комитетѣ, безъ всякаго отъ кого-либо на то дозволенія, поручилъ онъ человѣку, который не былъ въ немъ даже членомъ: директору инженернаго института, генералу Сенноверу, что мнѣ было весьма пріятно. Я выучился у Бетанкура поступать иногда самовольно, а съ Сенноверомъ, весьма умнымъ, но чрезъ мѣру шутливымъ и совсѣмъ непочтеннымъ Французомъ, я давно уже пересталъ церемониться. Я просто объявилъ ему, что лѣтомъ намѣренъ отдохнуть (отъ чего?—отъ покоя), и для того на Крестовскомъ островѣ противъ Елагина, въ деревенькѣ, нанялъ чистенькую избу. «И потому — продолжалъ я — въ засѣданіяхъ комитета вы рѣдко будете меня видѣть: всѣ нужныя бумаги передалъ я помощнику моему Нодену.» Онъ ничего не нашелъ возразить противъ этого, какъ будто бы я дѣло сдѣлалъ *).

Къ счастью, въ Іюнѣ и въ Іюлѣ погода стояла прекрасная, изрѣдка перепадали дожди. Петербургскіе острова не были еще такъ связаны между собою мостами, какъ нынѣ, слѣдственно не было тѣхъ удобствъ для сообщенія, какія мы имѣемъ. Одинъ Каменный островъ посредствомъ мостовъ соединялся съ Аптекарскимъ, съ Крестовскимъ и со Строгоновскою дачей. Елагинъ островъ былъ мѣсто топкое, заглохшее, находившееся въ частномъ владѣніи, и только въ этомъ году сдѣлался собственностію казны. Не было на островахъ обширныхъ увеселительныхъ мѣстъ, съ ихъ повседневыми великолѣпными праздниками, столь привлекательными, разорительными и нѣсколько развратительными для недостаточныхъ людей и ихъ семействъ. Только лишь Крестовскій, съ своими двумя трактирами и деревянными горами, богатымъ и бѣднымъ жителямъ, городскимъ и островскимъ, однимъ именемъ своимъ напоминалъ веселіе. Кто на дешевомъ извозикѣ подъѣзжалъ, кто пѣшкомъ приходилъ къ перевозу на Колтовскую и оттуда за пять копѣекъ мѣдью переносился чрезъ неширокій тутъ Невскій рукавъ. Небогатая семейства, составляя небольшія общества, на сдѣланную складчину, нанимали ялики, приплывали къ берегамъ острова, и сіи маленькія флотиліи окружали западный его уголь. Богатые, разумѣется, пріѣзжали въ каретахъ и въ коляскахъ. Все лучшее можно было встрѣтить на большомъ гуляньѣ, на открытомъ мѣстѣ близъ перевоза и стараго трактира. Средній классъ шелъ густыми толпами по длинной

*) Я было и забылъ сказать, что сумасбродная и неизяснимо-привлекательная единственная дочь его Стефанія еще въ 1818 году вышла за любезнаго моего Базена. Мы очень съ ней подружились, и у нея-то часто встрѣчалъ я забавника отца ея.

и широкой аллеѣ, ведущей къ новому трактиру и деревенькѣ. Дорога была прескверная, песчаная, нерѣдко можно было спотыкаться о высунувшіеся корни деревьевъ; нужды нѣтъ, въ пріятномъ расположеніи духа никто и не хотѣлъ этого замѣтить. Вездѣ было людно, а въ иныхъ мѣстахъ даже и тѣсно. За входъ въ трактиры, гдѣ можно было по-смотреть на пляску Нѣмочекъ, никакой платы взимаемо не было: надобно было только спросить что-нибудь попить или поѣсть; да и этого никто требовать не смѣлъ. Не смотря на то, хозяева, обыкновенно Нѣмцы, получали хорошіе барыши и мало-по-малу наживали изрядное состояніе. Вѣкъ преувеличеній еще не наступилъ, и трактирщики, какъ теперь, не думали запибать милліоновъ. Гулякъ было множество, но до буйства какъ-то никогда не доходило, и пристойности было, ну право, гораздо болѣе чѣмъ нынѣ въ иныхъ воксалахъ, посѣщаемыхъ знатными дамами. Такъ было по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ; но и въ будни, при хорошей погодѣ, Крестовскій бывалъ чрезвычайно оживленъ и многолюденъ.

Имѣя передъ глазами картину, оживотворяемую безпрестанно шумнымъ весельемъ, послѣ прошлогодняго жестокаго кризиса, съ возвратившимися и все болѣе возвращающимися жизненными силами, съ укрѣпленнымъ здоровьемъ, при постоянномъ блескѣ солнца, среди воздуха, упитаннаго бальзамическими испареніями элей, мнѣ было хорошо, и время быстро летѣло для меня. Я много ходилъ, часто купался и пріятнымъ образомъ отдыхалъ съ книгой въ рукахъ; болѣе ничего не дѣлалъ. Это веселое жите въдругъ было прервано самымъ непріятнымъ образомъ.

Я получилъ отъ Курнана записку, въ коей извѣщаетъ онъ меня, что племянникъ мой, за что-то прогнѣвавшійся, наканунѣ вечеромъ бѣжалъ изъ пансіона даже безъ шляпы, ночью не возвращался, и что нѣтъ о немъ никакого свѣдѣнія. Безпокойство мое часа черезъ два немного прекратилось, когда съ городской квартиры моей пришли мнѣ сказать, что дезертеръ въ ней ночевалъ и остался. Я поспѣшилъ туда. Нельзя же было мальчика по шестнадцатому году подвергнуть тѣлесному наказанію; за то на жесткія слова я не поскупился. Онъ показался мнѣ раскаявшимся, и я отправился къ Курнану, дабы испросить прощеніе виновному и склонить къ новому его воспріятію; но въ этомъ дѣлѣ не успѣлъ. Полугодовой срокъ къ новой уплатѣ приближался, но онъ никакъ не хотѣлъ ее принять. Въ этой вознѣ провелъ я цѣлый день 3 Августа и долженъ былъ ночевать въ городѣ.

На другой день, 4-го по утру, къ несказанной радости моей, пріѣхалъ братъ мой Павелъ Филипповичъ для окончанія какихъ-то прежнихъ дѣлъ и расчетовъ и вывелъ меня изъ величайшаго затрудненія.

Ему, яко старшему въ семействѣ, передалъ я дарованную мнѣ власть надъ племянникомъ и всѣ попеченія объ немъ. Квартира моя была просторна для меня одного, но для насъ трехъ довольно тѣсновата, кольми паче маленькая дачка моя, куда я брата пригласить не могъ, а рѣшился дней пять-шесть провести съ нимъ въ городѣ. Лишь только, оставя его у себя, я думалъ было опять перебраться на Крестовскій, какъ накопившаяся влажность, цѣлое лѣто чѣмъ-то удерживаемая, проливными дождями низринулась съ верху. Черезъ нѣсколько дней бѣда миновалась, небо просіяло, и я опять началъ собираться; но воздухъ отсырѣлъ, охолодѣлъ, и по справкѣ оказалось, что утлое жилище мое окружено грязью и прудообразными лужами. Богатые и знатные скромные пріюты наши на островахъ называютъ гренульерами (лягушечницами), и дѣйствительно осенью они неудобобитаемы. Итакъ, лѣтній сезонъ, какъ говорится, кончился для меня въ началѣ Августа. Когда не осталось мнѣ надежды подышать еще загороднымъ воздухомъ, тогда и братъ мой началъ пріискивать себѣ особую квартиру и съ племянникомъ переѣхалъ отъ меня въ концѣ этого мѣсяца.

Въ концѣ Сентября только г-жа Бетанкуръ возвратилась одна съ дочерьми, супругъ же ея еще въ Августѣ водой изъ Нижняго по Волгѣ отправился въ Казань, въ Астрахань и оттуда черезъ Кавказъ и Крымъ долженъ былъ поздно воротиться. Я поспѣшилъ съ моимъ высокопочитаніемъ къ Аннѣ Ивановнѣ и немедленно принять. Она была кисла, даже когда хотѣла быть привѣтлива; а тутъ была она даже груба. Дочери ея казались смущенными и также какъ бы затруднялись со мной говорить. Я еще поспѣшише оставилъ эту дуру, чѣмъ пришелъ къ ней и вышелъ могъ сказать какъ Буффлеръ:

Très satisfait d'ajouter
A l'honneur de l'avoir vue,
Le plaisir de la quitter.

Въ Ноябрь, дни черезъ три послѣ Семеновскаго происшествія, пріѣхалъ и самъ начальникъ мой. Приемъ его былъ немного лучше сдѣланнаго мнѣ его супругой: онъ былъ со мною холоденъ и разсѣянъ. Даже шестнадцатилѣтній сынишка его вздумалъ со мною спѣсиво кланяться. Что бы это все значило? спросилъ я у себя. «Вѣрно кто-нибудь, пользуясь продолжительнымъ твоимъ отсутствіемъ, отработалъ тебя», былъ отвѣтъ. «Да кто же?» — «Да кому же, если не одному и тому же человѣку?». Мнѣ нужно было напередъ обдумать свое положеніе, чтобы къ чему-нибудь рѣшительному приступить. Одно обстоятельство показало мнѣ, какую власть зловредный человѣкъ пріобрѣлъ надъ бѣднымъ Бетанкуромъ. Разъ въ Нижнемъ, въ его пріемной и въ его при-

сутствіи, робко подошелъ ко мнѣ довольно молодой человѣкъ въ губернскомъ мундирѣ, сталъ рекомендоваться и просить о покровительствѣ; не зная кто онъ, отдѣлался я отъ него учтивостями. Замѣтивъ сіе, Бетанкуръ, когда всѣ вышли, сказалъ мнѣ: «Вы говорили съ москѣ Элимъ; какъ можете вы удостоивать вашими разговорами этого вора, этого разбойника? Не понимаю, какъ онъ смѣетъ являться ко мнѣ». Послѣ этого узналъ я, что этотъ г-нъ Ильинъ, люмище бывшаго губернатора Выховца и членъ ярмоночной конторы, дѣйствительно былъ самый безстыдный человѣкъ, грабитель, что купцы запирали лавки, когда издали завидятъ его съ женой, ибо они все забирали даромъ и, наконецъ, что по настоянію Бетанкура онъ удаленъ отъ должности. Можно посудить убъ удивленія моемъ, когда не съ большимъ черезъ годъ послѣ того, передъ его кабинетомъ встрѣтилъ я этого человѣка во фракѣ и безъ шляпы въ рукахъ! Съ насмѣшливымъ самодовольствомъ подошелъ онъ ко мнѣ и объявилъ, что, пріѣхавъ изъ Нижняго по приглашенію генерала, остановился у него. Ранду было мало отдалить честныхъ людей отъ своей жертвы: ему нужно было окружить его мошенниками.

Въ этомъ году, заботясь и по заочности объ умноженіи просвѣщенія въ отечествѣ своемъ, графъ Воронцовъ переписывался съ Петербургскимъ почтъ-директоромъ Константиномъ Яковлевичемъ Булгаковымъ, съ которымъ за-границей сдѣлалъ связи, о томъ, чтобы намъ варварамъ показать, какъ между просвѣщенными народами люди путешествуютъ пріятнымъ и удобнымъ образомъ, однимъ словомъ, чтобы завести дилижансы. Для того предложилъ онъ небольшой капиталъ, а Булгаковъ увидѣлъ тутъ прибыль, а можетъ быть и нѣкоторую славу. Составилось общество на паяхъ, и учредилось первое у насъ въ семь родѣ заведеніе дилижансовъ. Не было довольно денегъ, чтобы соорудить лѣтніе экипажи (зимніе обошлись въ десять разъ дешевле), и потому для первой попытки захотѣли воспользоваться первымъ зимнимъ путемъ, и первое отправленіе назначили 1-го Декабря. Всѣ смотрѣли на то съ нѣкоторою недовѣрчивостію, какъ одинъ смѣльчакъ, Французъ г. Дюпре-де-Севъ-Моръ, эксъ-депутатъ, эксъ-супрефектъ, который въ Петербургѣ за деньги читалъ чужіе хорошіе и продавалъ собственные свои печатные плохіе стихи, захотѣлъ поощрить насъ своимъ примѣромъ. Съ первымъ поѣздомъ, кажется, онъ одинъ-одинехонекъ отправился въ Москву.

Я, конечно, не думалъ подражать ему, а еще менѣе служить кому-либо примѣромъ; но и меня захотило прокатиться. Я объяснилъ Бетанкуру, что престарѣлая мать моя, собравшись съ послѣдними силами, еще въ Августѣ пріѣхала въ Москву, но что далѣе не въ состояніи

будучи ѣхать, тамъ осталась, и что мнѣ желательнѣе бы было для свиданія съ ней отлучиться на 23 дней; онъ нашелъ, что какое-либо желаніе не могло быть справедливѣе. Я взялъ мѣсто и 4 Декабря поѣхалъ по столь знакомой мнѣ дорогѣ.

Сидѣлъ я въ экипажѣ, который казался тогда затѣйливымъ. Это была низкая кибитка, немного подлиннѣе обыкновенной; но она была прочно сдѣлана, хорошо обтянута кожей и разгорожена на двое. Лежать было невозможно: четыре человѣка, раздѣленные перегородкой, сидѣли другъ къ другу спиной и смотрѣли двое впередъ, двое назадъ по дорогѣ. Какъ дотолѣ зимняя кибитка значило лежанье, то наши мужички, глядя на новое изобрѣтеніе, дилижансы прозвали *нележанцами*. Спутниковъ было у меня всего только двое: старый Нѣмецъ-ремесленникъ съ женою; они сидѣли въ одной изъ двухъ отправленныхъ кибитокъ, и я одинъ въ другой, и оттого мнѣ было раздолье. Видѣлся я съ ними только на станціяхъ и даже обѣдалъ вмѣстѣ съ ними. Одна просвѣщенная часть влечетъ за собою другую: дилижансы ввели къ намъ понятія о равенствѣ; надобно надѣяться, что ѣзда по желѣзной дорогѣ еще болѣе разовьетъ ихъ. Что однакоже весьма напоминало мнѣ прежнюю Россію, это была услужливость и покорность проворнаго кондуктора изъ почталіоновъ. Со мною не было слуги, и онъ замѣнялъ мнѣ его, а на Нѣмцевъ и глядѣть не хотѣлъ, почитая ихъ болѣе поклажей, чѣмъ людьми. Снѣгъ выпалъ только-что въ концѣ Ноября, дорога была какъ скатерть, почтъ-директору хотѣлось, чтобы заведеніе его прославилось и быстротой, и оттого рѣшительно мы не ѣхали, а летѣли. Ямщики, не предвидя какой со временемъ будетъ имъ подрывъ, смотрѣли на насъ безъ зависти и досады и усердствовали въ запряжкѣ лошадей. Въ Завидовѣ возопилъ нашъ длинный старикъ; онъ, вѣрно, зналъ одну только Саксонскую медленную ѣзду, захворалъ бѣдняжка, и сказавъ: *«weiter hann ich nicht»*, съ женою остался на станціи. А я чуть разсвѣтало лишь, въ Николинъ день, 6 числа, невступно черезъ двое сутокъ по выѣздѣ, былъ уже у Тверской заставы. Тутъ случился извозчикъ; я сѣлъ къ нему въ сани съ помощію кондуктора, которому далъ бездѣлицу; чемоданъ свой положилъ себѣ въ ноги и поскакалъ въ Старую Конюшенную, сперва къ сестрѣ своей.

Не предувѣдомленные мои родные тѣмъ болѣе были обрадованы моимъ пріѣздомъ. Хотя у сестры мнѣ было просторнѣе, я переѣхалъ къ матери моей, въ небольшой деревянный нанятый ею домъ у дѣвицъ Безсоновыхъ, на Никитской, и помѣстился въ антресоль, почти на чердакѣ. Эти Безсоновы, Катерина и Анна Θεодоровны, были довольно пожилыя, весьма почтенныя и набожныя дѣвки, которыя тутъ подлѣ жили богато въ собственномъ каменномъ домѣ. Общество ихъ все со-

ставлено было изъ подобныхъ имъ особъ женскаго пола, и его нельзя было назвать веселымъ. Не изъ одного угожденія матери моей, но также изъ благодарности за нѣжную внимательность ихъ къ ней и всевозможныя одолженія, посѣщаль я ихъ. У матери моей все было тихо: она рѣдко куда выѣзжала, и то только въ Божіи храмы, и кромѣ дѣтей своихъ мало кого у себя видѣла.

За то у зятя моего Алексѣева бывало очень шумно, всегда много народа и всякаго народа. Въ праздной жизни, на которую былъ онъ осужденъ, безъ людей всегда ему казалось скучно.

Вообще Московская жизнь въ эту зиму напоминала прежнюю ея, старинную, беззаботную, шумную веселость. Какъ въ началѣ двѣнадцатаго года, она мало заботилась о томъ, что происходитъ въ Европѣ, и на этотъ разъ я нахожу, что поступала благоразумно. Лѣтомъ, говорили, можно еще было видѣть кой-гдѣ слѣды разрушенія; но тутъ старуха предстала мнѣ въ праздничномъ видѣ: она какъ будто набѣлилась; снѣгъ покрываль и изглаживаль морщины ея и рубцы, нанесенные ей непріятельскимъ вторженіемъ. За годъ передъ тѣмъ скончался военный губернаторъ графъ Торماسовъ; на его мѣсто назначенъ былъ баричъ, вельможа, князь Димитрій Владимировичъ Голицынъ, преблагороднѣйшій и предобрѣйшій человекъ, который успѣлъ поселить къ себѣ уваженіе и любовь. Знатность новаго градоначальника умножала еще радость и веселіе чванныхъ Москвичей.

Я встрѣтилъ нѣсколько старыхъ знакомыхъ, новыхъ же знакомствъ сдѣлалъ мало. Тутъ находилась Прасковья Юрьевна Кологривова съ своимъ вѣчнымъ смѣхомъ; у нея не было друга Финмуша, а все тотъ же шпицъ, и тотъ же мужъ *). Ее пріѣхала навѣстить дочь ея, княгиня Вяземская, изъ Варшавы, гдѣ оставила супруга своего на службѣ. По ея предложенію, сопровождалъ я ее и меньшую сестру ея Любовь, съ мужемъ, генераломъ Полуектовымъ, на единственный балъ, который я тутъ видѣлъ. Его давалъ Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ, съ которымъ въ 1814 году я мимоѣздомъ познакомился. Между многими хорошенькими лицами поразила меня тутъ необыкновенная красота двухъ княженъ Урусовыхъ, изъ коихъ одна вышла послѣ за графа Пушкина, а другая за князя Радзивила. Тутъ также я могъ полюбоваться танцовательными и волокитными подвигами племянника моего Алексѣева.

Послѣ того г. Пушкинъ пригласилъ меня къ себѣ обѣдать. Съ его умомъ, ему нельзя было не замѣтить, что духъ вѣка совсѣмъ перемѣнился; однакоже онъ продолжалъ кощунствовать и богохульничать, я думаю, болѣе по старой привычкѣ. Супруга его, Елена Григорьевна,

*) Стихи Пушкина, въ *Евгений Онегинъ*.

урожденная Воейкова, какъ замѣтилъ одинъ веселый человѣкъ, любила гнать спиртъ, или, какъ говорятъ Французы, дѣлать умъ и чувствительность; первое было ей изъ чего, а послѣдняго въ ней вовсе не было. Къ тому же она чрезвычайно либеральничала и жестоко нападала на правительство и царя. Чета эта находилась въ постоянномъ возмущеніи противъ властей небесной и земной и, какъ мнѣ казалось, болѣе для тона. Все это мнѣ весьма не полюбилось, и я уже къ нимъ болѣе не возвращался.

У Прасковьи Юрьевны познакомился я также съ графиней Де-Брогю, урожденною Левашовой, бывшею ея невѣсткой, бывшею въ первомъ замужствѣ за братомъ ея, княземъ Трубецкимъ. Эта женщина, подъ именемъ княгини Анны Петровны, была долго слишкомъ извѣстна цѣлой Москвѣ. Въ ней примѣчательны были не красота ея, совсѣмъ не изумительная, ни даже кокетство, а нѣчто болѣе: она измѣняла первому мужу, бросила втораго и осталась вѣрна одному только другу. Смѣшонъ бы я былъ, еслибъ, чрезъ мѣру держась строгой нравственности, отказался отъ знакомства съ старой грѣховодницей, не раскаявшейся, но унявшейся. Это знакомство повело меня къ другому, пріятнѣйшему и любопытнѣйшему.

У нея въ домѣ распорядился, хозяйничалъ одинъ иностранецъ, впрочемъ, у нея не живущій, и о которомъ Московское общество и понынѣ вспоминаетъ съ сожалѣніемъ. Я не назвалъ г. Кристина Французомъ, хотя любезнѣе его, пріятнѣе въ обхожденіи, занимательнѣе въ разговорахъ, я ни одного Француза прежняго времени не знавалъ. Это потому я сдѣлалъ, что онъ родомъ былъ Швейцарецъ, изъ города Ивердюна, на прежней Французской границѣ. Исторія его заслуживаетъ быть разказанною, хотя вкратцѣ; увы, и подробности ея сдѣлались бы извѣстны безъ варварства той женщины, у которой мы съ нимъ обѣдали и познакомились.

Ребачество свое провелъ онъ во Франціи и въ молодыхъ еще лѣтахъ попалъ въ секретари къ извѣстному министру Калонну, видѣлъ начало революціи и вмѣстѣ съ покровителемъ своимъ бѣжалъ отъ нея. Послѣ того въ Кобленцѣ, по его рекомендаціи, употребленъ онъ былъ принцами, братьями короля. Особенно полюбился онъ графу д'Артуа (Карлу X). Отъ него съ тайными порученіями, переодѣтый, неоднократно ѣздилъ онъ въ Парижъ, и тайкомъ, съ опасеніемъ для жизни, проникалъ во внутренность Тюлерійскаго дворца, представлялъ письма, подавалъ утѣшенія плѣнному королю. Эtiquette уже тутъ не могло быть; онъ запросто разговаривалъ съ нимъ, съ королевой, съ принцессой Елисаветой, и ласкалъ молотку, несчастнаго дофина. Когда злодѣяніе свершилось, когда пали головы царскихъ невинныхъ жертвъ, графъ д'Артуа взялъ

его съ собою въ Петербургъ. Извѣстно, какой блестящій пріемъ сдѣлала ему Екатерина; онъ уѣхалъ, а Крестинъ остался въ Россіи. Не управляя Иностранной Коллегіей, графъ Марковъ былъ однакоже главною ея пружиной. Онъ жилъ тогда съ Французскою трагическою актрисой Гюсъ и черезъ нее познакомился, можно сказать, сдружился съ Крестиномъ.

Вдругъ сей послѣдній взбѣсилъ, уѣхалъ въ Швецію и тамъ сталъ явно поносить Россію и Русскихъ. Тогдашній регентъ, герцогъ Зюдерманландскій, послѣ Карль XIII, до конца жизни насъ ненавидѣлъ, и оттого человекъ почти безъ имени началъ принимать, ласкать и даже звать на придворные балы. На одномъ изъ нихъ, какъ вѣтранный Французъ, онъ, какъ будто разбѣжавшись, наткнулся на стоящаго у камина, несовершеннолѣтняго, молоденькаго короля Густава IV; низко кланяясь и какъ будто въ смущеніи извиняясь, понизивъ голосъ, промолвилъ онъ ему: «Ваше величество, васъ обманываютъ, хотятъ женить на уродѣ; позвольте съ вами объясниться.» Едва внятнѣмъ голосомъ тотъ отвѣчалъ ему: «У меня математическій учитель вашъ землякъ, шевалье такой-то: напишите мнѣ черезъ него.» Въ запискѣ своей Крестинъ изобразилъ всѣ прелести великой княжны Александры Павловны и всю пользу отъ родственнаго союза съ Екатериной. Въ это время черезъ мѣсяць ожидали невѣсту, кривобокую принцессу Мекленбургскую. Король вдругъ заупрямился, объявилъ, что сему браку не бывать и, какъ ни старались убѣдить его, онъ поставилъ на своемъ. Никто не могъ понять причины такой внезапной переменны; но король ли проговорился, шевалье ли проболтался, или сами догадались, гроза висѣла надъ главою тайнаго агента. Кто-то по секрету пришелъ ему сказать, что на другой же день хотятъ его взять и отправить въ рудники Далеккарлійскіе. Будучи хорошо знакомъ съ всѣми дипломатами, онъ побѣжалъ къ Англинскому посланнику и объяснилъ ему весь ужасъ своего положенія. У того были бланки, и онъ заднимъ числомъ причислилъ его къ своей миссіи; когда пришелъ его братъ, онъ показалъ предписаніе отправиться курьеромъ въ Берлинъ. Оттуда только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ воротился онъ въ Россію и пріѣхалъ въ самое то время, когда въ Петербургѣ *) находился король Шведскій съ дядей, и шло уже сватовство.

*) Съ нимъ случился тогда презабавный анекдотъ. Екатерина приняла его у себя въ кабинетѣ, осыпала ласками и велѣла ему быть при представленіи въ Эрмитажномъ театрѣ, только въ закрытой ложѣ. Онъ въ ней соскучился, пошелъ бродить за кулисы и забрался на самый верхъ. Уставши, присѣлъ онъ на какое-то сѣдалище, которое вдругъ стало опускаться; онъ закричалъ, его успѣли приподнять, и видны были одиѣ только его ноги. Это было облако, на которомъ былъ долженъ спускаться Меркурій. Чтѣ, еслибъ онъ показался двору и пріѣзжимъ гостямъ? Екатерина очень смѣялась, когда ей рассказали объ этомъ апропо.

Разумѣется, въ то время вѣдѣ нельзя было ему показаться. Хотя предполагаемый бракъ и не состоялся, Императрица щедро наградила его, велѣла опредѣлить въ Иностранную Коллегію прямо надворнымъ совѣтникомъ и пожаловала ему четыреста душъ близъ Летичева, въ Подольской губерніи.

При Павлѣ пришла невзгода на графа Маркова: онъ былъ отставленъ и сосланъ въ Летичевъ, ему принадлежащій. Крестинь, котораго имѣннице было подлѣ, всегда вѣрный дружбѣ и несчастію, также вышелъ въ отставку и четыре года добровольно раздѣлялъ изгнаніе своего мецената.

При Александрѣ Марковъ былъ вызванъ и отправленъ въ Парижъ; къ нимъ поѣхалъ и Крестинь, уже вычеркнутый изъ списка эмигрантовъ. Дѣятельность возвратилась къ нему; онъ еще не унимался. Войдя въ знакомство съ семействомъ Бонапарте, съ сестрами его, приблизившись къ Іозефинѣ и Гортензіи, неизмѣнный роялистъ, онъ тайно переписывался съ графомъ д'Артуа, который находился въ Англии. О томъ провѣдали, исхитили изъ Русскаго посольства, послали въ Лионъ и посадили въ крѣпость Пьеръ-анъ-Сизъ. Это была одна изъ причинъ дерзостей, сдѣланныхъ Марковымъ первому консулу. Вѣрный слуга доставилъ узнику средство бѣжать изъ крѣпости, и онъ скрылся въ Коппѣ, у госпожи Сталь. Не знаю, какъ оттуда пробрался онъ въ Москву, гдѣ и простился навсегда съ романическою жизнію.

Онъ жилъ у Маркова на дружеской ногѣ и занималъ часть дома его; продалъ свое имѣніе, и пользуясь частію процентовъ съ вырученнаго капитала, помаленьку умножалъ его. Большіе вельможи нерѣдко посѣщали его. Надобно было видѣть обхожденіе ихъ съ ними: какъ оно было непринужденно и какъ вѣжливо! Можетъ быть, сперва и былъ онъ любовникомъ графини де-Броглю (не всегда же она походила на стараго мужика, дурно выучившагося по-французски); только когда я ихъ видѣлъ вмѣстѣ, то и тѣни нѣжности между ими не было. Всѣхъ удивляло продолженіе этой связи; надобно было полагать, что они были соединены взаимными денежными интересами.

Мы скоро съ нимъ сошлись; съ такими людьми, какъ онъ, былъ и нескромно вопросителенъ, а онъ снисходительно отвѣтливъ: вотъ отчего узналъ я главныя обстоятельства его жизни. Онъ признался мнѣ, что записываетъ все случившееся съ нимъ, и первый подалъ мысль о составленіи сихъ Записокъ,—намѣреніе, коего исполненіе послѣдовало гораздо позже. Умирая, отказалъ онъ все имущество смѣлой злодѣйкѣ, которая въ старости своей овладѣла его старостію. Какія рукописныя сокровища достались, какіе перлы рассыпались передъ этою. Переписка со множествомъ историческихъ лицъ (чего стоили

одни читанныя мнѣ письма Сталь), самый романъ его жизни, все это, какъ ненужное, рукою невѣжества предано огню.

Съ самой кончины Павла не случилось мнѣ такъ близко разглядѣть Москву, то-есть общество ея и разныя состоянія; тогда, выходя изъ малолѣтства, смотрѣлъ я на все неопытнымъ, отнюдь не наблюдательнымъ окомъ; послѣ того нерѣдко проѣзжалъ я черезъ нее, по большой части лѣтомъ, и останавливался дня на два на три, иногда на пять или на шесть, и она оставалась для меня terra ignota. Тутъ сколько-нибудь могъ я изучить этотъ чудный городъ, ни на какой другой въ мірѣ непохожій. Все было въ немъ для меня занимательною новостью; сколько странностей нашель я, сколько добра и зла! Здѣсь не мѣсто дѣлать тому описаніе; достаточно будетъ сказать, что я отъ души полюбилъ Москву, какъ женщину старую, добрую, умную; веселую, хотя съ большими капризами, и что желаніе спокойно кончить въ ней вѣкъ сдѣлалось постоянною моею мечтой.

Большую часть времени посвящалъ я той, для которой я пріѣхалъ, другую же — тщательнымъ наблюденіямъ; такимъ образомъ три недѣли быстро прошли для меня. Я хотѣлъ быть исправень, и чтобы тѣмъ же способомъ ворогиться къ сроку въ Петербургъ, взялъ я мѣсто въ дилижансѣ на 29-е Декабря.

Назадъ ѣхалъ я не такъ уже шибко: напало снѣгу, были оттепели, и дорога немного попортилась. Кондукторъ, къ удовольствію моему, былъ опять тотъ же; спутниковъ опять имѣлъ только двоихъ, молодыхъ парней — купеческихъ прикащиковъ, которые всю дорогу были очень веселы и немного навеселѣ. Выѣхавъ въ самый полдень, черезъ двое сутокъ съ половиною мы еще не были въ Петербургѣ. Чтобы распрямить немного члены свои, вошелъ я къ станціонному смотрителю въ Тоснѣ; почти въ самую ту минуту на деревянныхъ стѣнныхъ часахъ пробило двѣнадцать; онъ всталъ, вытацилъ бутылку Ренскаго, выпилъ за мое здоровье и пожелалъ мнѣ счастливаго года, на что я отвѣчалъ ему тѣмъ же. Когда въ пять часовъ утра пріѣхали мы въ Петербургъ, на улицахъ не было ни шуму, ни движенія: всѣ видно улеглись; всѣ фонари погасли, и была совершенная темнота. Я могъ бы часа три дожидаться свѣта въ чистой комнатѣ конторы дилижансовъ, которая находилась на почтовой улицѣ. Нетерпѣніе превозмогло; мнѣ скорѣе хотѣлось быть дома, а ни одного извозчика нельзя было встрѣтить. Поручивъ чемоданъ свой знакомому кондуктору, кое-какъ потащился я пѣшкомъ. Разстояніе было не близкое до Семеновскаго моста; въ шубѣ и теплыхъ сапогахъ нелегко мнѣ было, а зги было не видать, снѣгъ такъ и валилъ и покрывалъ невычищенные тротуары. На этомъ тяжеломъ странствованіи однѣ только собаки привѣтствовали меня своимъ

лаемъ. Лишь только добръль, скорѣе повалился спать. Вотъ какъ для меня начался 1821 годъ.

III.

Какъ въ истекшемъ 1820 году, такъ и въ наступившемъ 1821 и въ послѣдующемъ 1822 положеніе мое не мѣнялось. Оно было не пріятно, но покойно. Въ семействѣ моемъ также никакихъ важныхъ переменъ не послѣдовало. Итакъ, мнѣ придется вкратцѣ говорить о томъ лишь что у насъ въ это время происходило въ Россіи, едва касаясь Европы. Тѣмъ лучше, можетъ-быть, скажетъ читатель.

Изъ Троппау, дабы быть ближе къ театру происшествій въ Италиі, конгрессъ зимой перенесенъ былъ въ Лайбахъ. Тамъ на царскомъ съѣздѣ положено Австрійскія войска направить къ Неаполю и къ Пиемонту, для усмиренія бунтующихъ. А на всякій случай, для поддержанія ихъ, велѣно первой нашей арміи подъ начальствомъ Сакена двинуться за-границу.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и гвардія въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ получила приказаніе выступить въ походъ къ Литвѣ. Государь былъ ею недоволенъ, узнавъ о сожалѣніи и участіи, оказанныхъ ея полками товарищамъ своимъ Семеновцамъ. Онъ хотѣлъ ее провѣтрить, надѣясь, что трудности переходовъ разгонятъ чадъ дурныхъ помышлений, которахъ, право, вовсе не было. Во изъявленіе гнѣва своего Государь генерала Васильчикова передъ самымъ выступленіемъ удалилъ отъ начальствованія гвардейскимъ корпусомъ, поручивъ его любимому генераль-адъютанту своему, Федору Петровичу Уварову. Это еще было милостиво: ибо Ларіонъ Васильевичъ сдѣланъ былъ членомъ Государственнаго Совѣта. Начальникамъ же гвардейскихъ дивизій, генераль-адъютанту Потемкину и барону Григорью Владимировичу Розену, въ замѣнъ ихъ, даны простыя пѣхотныя дивизіи.

При составленіи сихъ Записокъ имѣлъ я въ виду сдѣлать изъ нихъ отчасти и фамильную лѣтопись нашу. И потому да позволено мнѣ будетъ здѣсь въ описаніе общественныхъ дѣлъ, кстати или не кстати, включить и вступленіе въ службу младшаго члена нашего семейства. Племяннику моему, бѣжавшему отъ г. Курнава, исполнилось шестнадцать лѣтъ. Согласно съ желаніемъ матери, братъ мой, который давно окончилъ дѣла свои и для него только жилъ въ Петербургѣ, хлопоталъ объ опредѣленіи его подпрапорщикомъ лейбъ-гвардіи въ драгунскій полкъ. Этому нельзя было сдѣлать безъ утворженія шефа полка, находящагося въ Варшавѣ, Цесаревича. На переписку, на соблюденіе всѣхъ формальностей потребовалось много времени, такъ что приказъ объ опредѣленіи его полученъ только на другой день послѣ

выступленія гвардіи; поэтому первоначально долженъ былъ онъ поступить въ находившійся въ Петергофѣ, подъ начальствомъ полковника Штейна, запасный эскадронъ. Также какъ мнѣ, лѣтъ за восемнадцать передъ тѣмъ, братъ нанялъ ему тамъ квартиру, устроилъ его и потомъ отправился домой въ Пензу.

Послѣ девятимѣсячнаго отсутствія, въ половинѣ Маія, Государь возвратился въ Петербургъ, на пути не удостоивъ гвардію свою отеческо-монаршимъ взглядомъ своимъ. Еще болѣе чѣмъ въ протекшемъ году обнаруживалъ онъ твердое намѣреніе противодѣйствовать направленію, которое такъ неосторожно самъ онъ далъ общественнымъ мнѣніямъ.

Прежде всего по религіознымъ дѣламъ замѣтили въ немъ уклоненіе отъ прежнихъ идей. По сей части довѣренную его особу, жалкаго князя Голицына, все болѣе втягивали въ мистицизмъ. Онъ посѣщалъ богослуженіе различныхъ раскольничьихъ сектъ, находившихся въ Петербургѣ и одной изъ нихъ умѣлъ выпросить помѣщеніе въ императорскомъ дворцѣ. Тутъ долженъ я остановиться, чтобы рассказать объ одномъ случаѣ, коего отчасти былъ я свидѣтелемъ и который покажетъ, до какого нелѣпаго изувѣрства былъ доведенъ этотъ человекъ.

По возвращеніи изъ Нижняго Новгорода, въ одинъ воскресный день, разъ посѣтилъ я доброе семейство Лабать-де-Вивансъ, чрезвычайно уменьшившееся, съ которымъ я никогда не прерывалъ давнишнихъ связей моихъ. Оно состояло изъ старыхъ дѣвокъ, ревностныхъ, чтобы не сказать бѣшеныхъ Католичекъ, которымъ, по милости Государя, за службу отца, дана была квартира въ верхнемъ этажѣ Михайловскаго замка. За дружескимъ разговоромъ послѣдовало минутное молчаніе, во время котораго послышалось мнѣ странное пѣніе. «Что это значитъ? спросилъ я.—«Ah, c'est le sabbat», воскликнули онѣ, заливаясь слезами. Окна ихъ выходили на Фонтанку, рядомъ съ округленнымъ выступомъ, во внутрь котораго изъ нихъ съ боку внизъ можно было смотрѣть. Тамъ находилась зала, отведенная себѣ для ея духовныхъ упражненій. Я любопытствовалъ взглянуть и могъ только разсмотрѣть фигуры, какъ бы въ саваны наряженные, съ остроконечными бѣлыми колпаками, которыя, съ неимоверною быстротою кружась молніеобразно, появлялись и исчезали. Дѣвицы Лабать послѣ того предложили мнѣ войти въ темный коридоръ и въ открытую трубу прислушаться къ ихъ пѣнію; на голосъ: «За долами, за горами» могъ я разобрать только слова: «Богъ намъ далъ и Дѣва».

Эти люди были родъ Квакеровъ, называемыхъ въ Англіи Шегерами. Одинъ очевидецъ, допущенный зрителемъ къ ихъ проказливымъ таинствамъ, рассказывалъ мнѣ послѣ слѣдующее. Верховная жрица,

нѣкая г-жа Татарина, урожденная Буксгевденъ, посреди залы садилась въ кресла; мужчины сидѣли вдоль по стѣнѣ, женщины становились передъ нею, ожидая отъ нея знака. Когда она подавала его, женщины начинали вертѣться, а мужчины пѣть, подѣ тактъ ударяя себя въ колѣна, сперва тихо и плавно, а потомъ все громче и быстрѣе; по мѣрѣ того и вращающіяся превращались въ юлы. Въ изнеможеніи, въ изступленіи тѣмъ и другимъ начиналось что-то чудиться. Тогда изъ среды ихъ выступали вдохновенные, иногда мужикъ, иногда простая дѣвка, и начинали импровизировать нѣчто ни на что не похожее. Навонецъ, едва передвигая ноги, всѣ спѣшили къ трапезѣ, отъ которой нерѣдко вкушалъ самъ министръ духовныхъ дѣлъ, умѣвшій подчинить себѣ Святѣйшій Синодъ. Первенствующими членами общества были директоръ департамента просвѣщенія Поповъ и нѣкто Мартынъ Пилецкій, прозванный Мартыномъ Задегомъ, племянникъ бывшаго Пензенскаго губернатора Крыжановскаго. Татарина, Пилецкій и нѣкоторые другіе жительствоваали даже во дворцѣ.

Столкновеніе двухъ фанатизмовъ было ужасное. Мои бѣдныя, набожныя Лабатки вообразили себѣ, что между ими водворился самъ діаволь и что подлѣ нихъ бываютъ сходбища вѣдьмъ. Къ несчастію онѣ должны были ходить по одной лѣстницѣ съ ненавистными имъ существами; встрѣчаясь съ ними, онѣ съ ужасомъ отворачивались, невольно произнося нѣсколько неприятныхъ словъ; сверхъ того самое сосѣдство представляло поводы къ частымъ ссорамъ. Я старался внушить имъ умѣренность и благоразуміе и, говоря ихъ языкомъ, доказывалъ, что они должны съ покорностію нести крестъ, Господомъ имъ посланный. Впрочемъ все ограничивалось болѣе жалобами на такое положеніе, приносимыми посѣщающимъ ихъ. И чѣмъ же кончилось? Бѣдняжки были изгнаны изъ дворца гораздо прежде, чѣмъ онѣ отданъ въ инженерное вѣдомство и переименованъ былъ Инженернымъ Замкомъ.

Совершенно невѣжественный въ богословскихъ наукахъ Голицынъ принадлежалъ ко всѣмъ сектамъ и ни къ одной. Странно было видѣть смирнаго человѣка, сдѣлавшагося жестокимъ гонителемъ за вопросы, которыхъ онъ не умѣлъ ни объяснять, ни даже понимать. А между тѣмъ знаменитѣйшія жертвы падали подѣ ударами его.

Высокопреосвященный Амвросій, болѣе двадцати лѣтъ митрополитъ Петербургскій и первенствующій членъ Синода, умѣлъ соединять уступчивость придворнаго человѣка съ достоинствами верховнаго пастыря церкви. Терпѣніе его истоцилось, когда онъ увидѣлъ неисчислимыя раны, наносимыя господствующей вѣрѣ, и онъ слегка началъ противоборствовать совращеніямъ. Маститая старость его послужила Голицыну предлогомъ къ его удаленію. Для него отдѣлена Новгородская

епархія, онъ сосланъ туда и, удрученный лѣтами, вскорѣ угасъ тамъ въ горести. На его мѣсто призванъ былъ архіепископъ Черниговскій Михаилъ, извѣстный своею кротостію. Но, чего не видали руководители Голицына, онъ былъ самый жаркій поборникъ Православія; это вскорѣ открылось, и несогласія начались. Въ этой борьбѣ скоро истощились силы человѣка, привыкшаго къ уединенной и мирной жизни, и онъ также началъ клониться ко гробу. Чувствуя приближеніе кончины, въ началѣ 1821 года, написалъ онъ къ Государю письмо въ Лайбахъ. Въ немъ краснорѣчиво, убѣдительно, трогательно изобразилъ онъ опасности, коимъ подвергнута Греко-Россійская церковь; о противникѣ своемъ, слѣпотствующемъ Голицынѣ, говорилъ онъ съ сожалѣніемъ. Вообще письмо это, при совершенномъ отсутствіи гнѣва, исполнено было одною глубокою горестію. «Государь, такъ оканчивалъ онъ (какъ сказываютъ), когда дойдетъ до васъ сіе писаніе, вѣроятно меня уже не будетъ на свѣтѣ. Ничего кромѣ истины не вѣщаль я людямъ, наипаче же теперь, когда въ дѣяніяхъ своихъ готовлюсь дать отчетъ Вышнему Судіѣ». Это письмо тѣмъ болѣе поразило Государя, что черезъ двѣ недѣли получилъ онъ извѣстіе о его смерти.

Возвратясь въ Петербургъ, неизвѣстно по чьему внушенію, говорятъ по совѣту Аракчеева, преемникомъ Михаилу избралъ Государь Московскаго митрополита Серафима, умнаго старика, и хитраго, и стойкаго вмѣстѣ. Его назначеніе можно почтять началомъ постепеннаго паденія Голицына, Библейскаго Общества и мистицизма.

Въ слѣдующемъ году высочайшимъ рескриптомъ на имя графа Кочубея велѣно закрыть всѣ Масонскія ложи и тайныя общества и всѣхъ служащихъ, равно какъ и вступающихъ въ службу, обязать подпискою не посѣщать ихъ и къ нимъ не принадлежать. Эта мѣра была бы весьма полезна за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, когда мода и любопытство привлекали въ нихъ множество разнаго званія людей. Тогда злонамѣренные старались вербовать туда неопытныхъ юношей. Я давно пересталъ ходить въ ложи и только по наслышкѣ знаю, что онѣ были брошены большею половиною прежнихъ посѣтителей и продолжали существовать безъ цѣли и значенія.

Въ Августѣ Государь однакоже захотѣлъ показать себя гвардіи. Усилія Австрійскихъ войскъ въ Италіи были увѣнчаны успѣхомъ, и слѣдственно помощь Россіи сдѣлалась болѣе ненужною. Гвардейскій корпусъ былъ остановленъ на дорогѣ въ принадлежащемъ графу Хреbtовичу Бѣлорусскомъ помѣстьи Бѣшенковичахъ; туда отправился Государь. Осмотрѣвъ полки, онъ остался ими совершенно доволенъ, роздалъ нѣсколько наградъ начальствующимъ, но воротиться имъ въ Пе-

тербургъ на зиму не дозволилъ. На лучшія зимнія квартиры должны были они идти не помню въ Литву или въ Минскую губернію.

Желая въ одной этой главѣ соединить происшествія двухъ годовъ по одному предмету, скажу, что, въ слѣдующемъ 1822, къ 22 Іюля, дню именинъ вдовствующей Императрицы и Петергофскаго праздника, гвардія возвратилась изъ продолжительной и затруднительной прогулки своей; тутъ, кажется, послѣдовала совершенная мировая. Однако тутъ же приняты нѣкоторыя новыя мѣры, которыя соблюдаются и понынѣ; напримѣръ, тутъ начали заниматься учрежденіемъ Школы Гвардейскихъ Юнкеровъ и Подпрапорщиковъ. Жизнь сихъ молодыхъ людей была дотолѣ самая праздная и соблазнительная: на нихъ мало взыскивали, на ученѣ ходили они рѣдко, въ караулы никогда. Но какъ всякое дѣло имѣетъ свою худую сторону, то запираеть совершеннолѣтнихъ юношей, какъ малолѣтнихъ учениковъ, не значило ли возбуждать еще болѣе кипящія въ нихъ страсти? Исключая походовъ, гвардейцы не знали дотолѣ другой жизни, кромѣ столичной; съ этихъ поръ начали поочередно выводить батальоны на полгода въ окрестъ лежащія селенія.

Окончу сію главу рассказомъ о случившемся въ сіи два года, ближе ко мнѣ относящемся.

Сдѣлавшись главнымъ директоромъ Путей Сообщенія, сказать правду, мой Бетанкуръ слишкомъ зазнался. Онъ не видѣлъ границъ ни довѣренности къ нему Царя, ни покорности первыхъ лицъ въ государствѣ къ сему послѣднему, и почиталъ все себя дозволеннымъ. Онъ не хотѣлъ сдѣлать никакихъ связей, которыя бы во дни напасти нѣкоторымъ образомъ могли служить ему опорой. Россія казалась ему также неисчерпаемымъ кладеземъ, и оттого предпріятіямъ его, скажемъ лучше, его строительнымъ затѣямъ, не было конца; на все требовалъ онъ милліоны и гнѣвался на министра финансовъ, который не умѣлъ ихъ находить. Въ преувеличенномъ видѣ кредитъ его представлялся Ранду, который внѣ круга дѣйствія своего также не имѣлъ никакихъ связей. Онъ, какъ говорится, смѣло билъ въ его голову, ни отъ чего незаконнаго не предостерегая, не удерживая его; только, для прикрытія собственной отвѣтственности, не скрѣплялъ ни одной изъ бумагъ имъ подписанныхъ. Оттого управленіе шло самымъ безпутнымъ образомъ, а число непріятелей Бетанкура, имъ оскорбленныхъ, въ высшемъ правительственномъ кругу, съ каждымъ днемъ возрастало. За всѣмъ слѣдилъ Аракчеевъ, коего покровительствомъ онъ пренебрегалъ, который не враждебно, но и не слишкомъ пріязненно былъ къ нему расположенъ и который обо всемъ доносилъ въ Троппау и Дайбахъ. Къ веснѣ многіе были увѣрены, что начальнику моему не остаться на

мѣстѣ; тучи собрались надъ его головою, и ихъ не видѣли только онъ да Рандъ, именно тѣ, надъ коими онъ должны были разразиться. Вскорѣ послѣ пріѣзда Государя, въ Маѣ мѣсяцѣ, имѣлъ онъ у него докладъ. Надобно полагать, что пріемъ ему былъ хорошій, ибо на другой день видѣлъ я его веселымъ по прежнему. Всѣ предположенія его одобрены, всѣ представленные имъ инженеры награждены; только представленія о гражданскихъ чиновникахъ Государь, показывая усталость, оставилъ у себя, обѣщая на другой день ихъ утвердить. Кто бы могъ подумать? Безъ всякой просьбы, безъ всякаго напоминанія съ моей стороны, и я попалъ въ число представленныхъ. Я думаю, Бетанкуру хотѣлось честнымъ образомъ отъ меня отдѣлаться, а потомъ распроститься со мною; для того прямо, мимо Милорадовича, испрашивалъ онъ мнѣ чинъ статскаго совѣтника. Онъ даже напередъ поздравилъ меня съ нимъ, а мнѣ не повѣрилось.

Дня черезъ три послѣ доклада, Бетанкуръ, увѣренный въ сохраненіи милости царской, имѣлъ неосторожность опять отправиться въ Нижній-Новгородъ, куда его всегда такъ и зазывало. Такимъ образомъ оставилъ онъ свободное поле проискамъ всѣхъ своихъ недоброжелателей. Скоро послѣ отъѣзда его узнали мы, что представленія объ насъ Государь велѣлъ отправить на разсмотрѣніе въ Комитетъ Министровъ, гдѣ цѣлые годы пролеживали они; ибо Государь въ частыхъ разъѣздахъ, говорили, не имѣетъ времени заняться ихъ утвержденіемъ. Меня это мало огорчило, я того и ожидалъ; но оно служило несомнѣннымъ доказательствомъ упадка моего начальника въ добромъ мнѣніи Царя.

Въ концѣ Сентября Бетанкуръ воротился въ Петербургъ не на радость. Недѣля за недѣлю Государь все откладывалъ испрашиваемый имъ докладъ. Это продолжалось почти три мѣсяца, да какъ вдругъ въ главномъ управленіи его произошла ужасная тревога.

Пензенскій помѣщикъ, мой сосѣдъ, двоюродный братъ упомянутымъ мною Араповымъ и Хрущовымъ, Александръ Петровичъ Вельяшевъ, служилъ или скорѣе числился нѣкогда въ Иностранной Коллегіи. Отецъ его Петръ Адриановичъ, богатый помѣщикъ, въ большихъ долгахъ не отъ мотовства, а отъ предприимчивости, сдѣлалъ изъ него своего повѣреннаго и прикащика. Исполняя волю отца, онъ слѣдовалъ изъ собственной склонности, и въ самыхъ молодыхъ годахъ все занимался отправленіемъ кулей внизъ по Сурѣ и вверхъ по Волгѣ. Когда ровесники и сослуживцы говорили ему о поэзіи, о спектакляхъ, о красотѣ женщинъ, онъ все толковалъ имъ о Василь-Сурскѣ и о Рыбинскѣ. При учрежденіи Главнаго Управленія Путей Сообщенія пожелалъ онъ служить въ его вѣдомствѣ, естественнымъ образомъ переведенъ въ

инженеры по сей части съ переименованіемъ въ равный чинъ и имѣлъ тутъ потомъ постоянные успѣхи. Всѣ поручаемыя ему операціи оканчивалъ онъ къ удовольствію начальства, хотя съ большимъ накладомъ для казны. Въ немъ было и Русское хлѣбосольство, однакоже съ разборчивостію, и нѣкоторая часть тайно или даже открыто дѣлаемыхъ имъ приобрѣтеній поглощалась желудками угощаемыхъ имъ всегда болѣе или менѣе нужныхъ ему людей. Это былъ кладъ, а не человѣкъ. На упрекъ въ умноженіи состоянія отвѣтомъ всегда бывали родительскія спекуляціи.

Бывали и для него тяжелыя времена, именно передъ самымъ назначеніемъ Бетанкура въ должность главнаго директора. Въ чинѣ генераль-маіора между прочимъ завѣдывалъ онъ тогда устройствомъ дороги изъ Чудова въ Грузино. По какимъ-то доносамъ, по какимъ-то недочетамъ грозила ему напасть. Смѣлымъ Богъ владѣетъ, говорится обыкновенно; мнѣ кажется, иногда и чортъ: съ неимовѣрною наглостію Вельяшевъ умѣлъ выпутаться изъ дѣла, обчелъ, обворожилъ Бетанкура и вмѣсто взысканія получилъ ленту. Чтò послѣ того года черезъ два могло разорвать крѣпкія связи его съ Рандомъ, мнѣ доселѣ неизвѣстно; вѣроятно какіе нибудь споры по дѣлежу, какая нибудь неустойка, неисполненіе великолѣпныхъ обѣщаній, только вражда между сихъ людей возгорѣлась ужасная. Нападенія на Вельяшева поведены были сильно; можетъ быть, еслибъ онъ не ожидалъ скорого паденія Бетанкура, еслибъ онъ не твердо надѣялся на Аракчеева (къ которому умѣлъ поддѣлаться, но который никогда не потакалъ мошенничествамъ и его послѣ выдалъ), то не рѣшился бы онъ вступить въ неровный бой. Будучи членомъ Совѣта Путей Сообщенія вмѣстѣ съ генераломъ Карбоніеромъ, постояннымъ недобрителемъ всего происходящаго, составилъ онъ съ нимъ явную оппозицію: они представили бумагу, исполненную самыхъ дерзкихъ выраженій въ видѣ протестаціи противъ дѣйствій главнаго директора. Это было почти наканунѣ Рождества 1821 года.

Когда о святкахъ дошло сіе до Государя, потребовалъ онъ къ себѣ, наконецъ, Бетанкура. Въ первый разъ принялъ онъ его сурово и между прочимъ сказалъ: «Я васъ не виню, а самого себя; я опредѣлилъ васъ въ должность, для которой вы неспособны и отъ которой вы отказывались». Кажется, послѣ этого оставалось только просить объ увольненіи отъ оной; но удовольствія власти сдѣлались уже въ немъ привычкою, и онъ остался. По крайней мѣрѣ, восторжествовалъ онъ надъ своими врагами. Можетъ быть, въ протестѣ двухъ генераловъ было много дѣльнаго, много истины; но онъ сдѣланъ былъ во время неустройствъ на Западѣ и имѣлъ видъ возмущенія противъ началь-

ства; оба были удалены отъ должностей и преданы суду *). Но какъ бы ни было, этимъ нанесенъ рѣшительный ударъ Бетанкуру.

Житіе было плохое потомъ для бѣднаго Вельяшева: обвиненія на нихъ посыпались, и строго начали разсматривать его счеты. Мнѣ только одинъ разъ послѣ того удалось его видѣть. Въ Великую Пятницу 1822 года, гуляя по Невскому проспекту, зашелъ я отдохнуть въ Католическую церковь; въ ней было довольно просторно: всѣ толпились вокругъ декораціи, находившейся въ глубинѣ ея. Издали меня увидѣвъ, Вельяшевъ всталъ, подошелъ и сѣлъ возлѣ меня. Онъ былъ бѣловолосъ, блѣденъ, худъ и чрезвычайно картавъ, даже косноязыченъ. Тутъ на лицѣ его замѣтилъ я желтоватую синеву, и въ поношеномъ мундирномъ сертукѣ подъ поношеною шинелью показался онъ мнѣ очень жалокъ. Почитая меня справедливо недовольнымъ, пустился онъ говорить не столько объ общемъ нашемъ начальникѣ, какъ объ окружающихъ его. Онъ не старался оправдывать себя и кончилъ, сказавъ мнѣ: «Ну чтожъ, кьай, такъ кьай; но язвѣ я одинъ, да язвѣ я не давай Янту и Хьющову, да язвѣ нѣтъ у меня на то вѣйныхъ доказательствъ?» Я думаю, что онъ говорилъ неправду (такими доказательствами онъ бы вѣрно воспользовался); какъ Русскій человекъ, поступалъ онъ смѣло, неосмотрительно, а Рандъ всегда искусно умѣлъ, какъ говорится, хронить концы. Такая наивность привела меня въ совершенное смущеніе; языкъ прильнулъ къ гортани моей, и я съ трудомъ могъ проговаривать: ну, такъ, конечно, оно такъ. Замѣтивъ, что я неохотно его слушаю, онъ почти съ негодованіемъ оставилъ меня.

Еще весной узнали, что назначенъ новый конгрессъ въ Веронѣ и что Государь намѣренъ къ концу лѣта туда отправиться. На этотъ разъ Бетанкуръ не поѣхалъ въ Нижній-Новгородъ, остался въ Петербургѣ, тщетно умоляя объ аудіенціи и ожидая ея съ надеждою представить всѣ собранныя имъ объясненія и оправданія. Онъ получилъ ее наканунѣ отъѣзда Государева, 2 Августа.

Я ничего о томъ не зналъ. На другой день послѣ обѣда явился ко мнѣ вѣстовщикъ Морозовъ съ вопросомъ: «Правда ли, что Бетанкуръ отставленъ?»—Не знаю, отвѣчалъ я; дѣло возможное, только я не слыхалъ. Я не обратилъ особаго вниманія на принесенныя имъ вѣсти, которыя по большей части бывали одно вранье; однакоже слѣдующимъ утромъ полюбопытствовалъ идти къ Бетанкуру. Все нашелъ я въ прежнемъ порядкѣ, адъютантовъ, дежурныхъ, его самого, распоряжающаго, повелѣвающаго, а Ранда не только не встревоженнымъ, ка-

*) Карбоніеръ скоро оправдался и перешелъ въ военно-инженерное вѣдомство; а Вельяшевъ даже умеръ подъ судомъ.

залось, даже болѣе ободреннымъ. Я не рѣшился никого спросить; но отъ новаго адъютанта, гвардіи офицера Бестужева, ко мнѣ пріязненно расположеннаго, узналъ слѣдующее.

Государь принялъ Бетанкура повидимому весьма благосклонно; говорилъ ему съ сожалѣніемъ о множествѣ враговъ, кторыхъ онъ, какъ иностранецъ, имѣеть въ Россіи, и объявилъ, что придумалъ средство дать ему сильную опору. «Генераль-инспекторъ военныхъ инженеровъ—братъ мой Николай Павловичъ, сказалъ онъ, но по молодости лѣтъ онъ только поверхностно занимается этою частію, всѣмъ же завѣдываетъ директоръ инженернаго департамента, ученый и опытный генераль Опперманъ. Въ семействѣ моемъ выбралъ я одного человѣка, съ которымъ хочу поставить васъ въ одинаковыя отношенія; это родной дядя мой, герцогъ Александръ Виртембергскій, который теперь въ Витебскѣ генераль-губернаторомъ; онъ начальствовать будетъ только однимъ именемъ». Сбираясь въ путь, по совершенному недосугу, занятіе представленными ему дѣлами Государь отложилъ до скорого возвращенія своего. Въ приказѣ, тотъ же день отданномъ, ничего не упомянуто о Бетанкурѣ, а герцогъ названъ не главнымъ директоромъ, а главноуправляющимъ путями сообщеній. Понимай, какъ хочешь!

Странно, какъ Бетанкуръ не постигнулъ еще характеръ Александра, какъ онъ не понялъ дипломатической его уловки! Какъ вымышленный соотечественникъ его, графъ Альмавива, онъ не вѣрилъ одной только правдѣ. Между тѣмъ два Александра, Императоръ и герцогъ, дорогой имѣли свиданіе и тайное совѣщаніе. А мой бѣдняга оставался предволенъ и даже съ большимъ нетерпѣніемъ, почти два мѣсяца, ожидалъ прибытія его королевскаго высочества.

Стоитъ поразсказать объ этомъ пріѣздѣ. Зять Бетанкура, маіоръ Эспѣхо, не помню по какому-то нужному дѣлу, былъ у меня часу въ четвертомъ 1-го Октября, въ день Покрова. Въ душевномъ волненіи, подъ сильнымъ впечатлѣніемъ въ то утро имъ видѣннаго, передалъ онъ мнѣ всѣ подробности. Наканунъ 1-го Октября рано пріѣхалъ герцогъ и остановился въ приготовленныхъ для него комнатахъ Зимняго дворца; потомъ отдалъ приказаніе, чтобъ всѣ инженеры, находящіеся на лицо, съ своимъ начальникомъ явились къ нему на другой день 1-го числа. Болѣе часа Бетанкуръ съ гурьбой подчиненныхъ долженъ былъ прождать; его позвали, но не отдѣльно, а вмѣстѣ съ ними. Поочередно началъ онъ ихъ представлять герцогу, какъ тотъ, вдругъ остановивъ его словомъ «довольно», обратился къ нимъ съ слѣдующей рѣчью: «Господа, въ вашемъ корпусѣ тьма безпорядковъ, хищничества, до того, что мундиръ вашъ весь выпачканъ; его стыдно носить, и я не прежде надѣну его, пока новыми поступками вы не очистите его.

Сильными мѣрами постараюсь васъ къ тому понудить». Коротко и ясно. Ничего еще не выдавши, клеймить людей, изъ коихъ многіе были уваженія достойны, и единственно съ умысломъ оскорбить ихъ начальника: это такая безчеловѣчная жестокость, которую могъ себѣ позволить только Нѣмецкій принцъ. Бетанкуръ спросилъ его: когда прикажете представиться гражданскимъ чиновникамъ? «Никогда, отвѣчалъ онъ: они недостойны меня видѣть». Потомъ повернулся ко всѣмъ спиной и вышелъ.

Съ небольшимъ числомъ накопившихся бумагъ долженъ былъ я на другой день идти къ разобиженному, униженному генералу. Старикъ-швейцаръ изъ Нѣмцевъ встрѣтилъ меня съ печальнымъ видомъ и, качая головой, сказалъ: «Идите, все пусто, онъ одинъ, никого нѣтъ». Дѣйствительно я нашелъ его совершенно одного, одѣтаго въ мундиръ, сидящаго за письменнымъ столомъ, сложивъ руки, погруженнаго въ думу. «А, это вы!» сказалъ онъ, приподнявъ голову и, не смотря, сталъ подписывать мои бумаги. Я молчалъ. Вдругъ спросилъ онъ у меня: «Слыпали-ли вы, чтó вчера происходило?» — Слышалъ и едва повѣрилъ, былъ мой отвѣтъ. «Но вы еще не все знаете, продолжалъ онъ; представьте себѣ, что вчера вечеромъ вдругъ онъ послалъ за Эвеніусомъ *) и велѣлъ ему, нанявъ подводы, въ самую полночь подъѣхать къ моей канцеляріи, тамъ выбрать всѣ дѣла и бумаги и привезти къ нему. Когда сегодня пришелъ Рандъ, чтобы приготовить къ докладу дѣла, нашелъ онъ всѣ шкапы пустыми и канцелярію расхищенною и когда узналъ, что все увезено Эвеніусомъ, пошелъ къ герцогу за приказаніями. Тотъ велѣлъ его пустить и встрѣтилъ словами: Зачѣмъ вы пришли? Вы мнѣ вовсе ненужны; ступайте вонъ и не показывайтесь мнѣ на глаза. Разказавъ мнѣ о томъ, передъ вами только что онъ вышелъ отъ меня». Еслибъ я алкалъ мщенія, то какого лучше могъ я ожидать? Бѣдный старикъ до того обезпамятѣлъ, что забылъ, съ кѣмъ говоритъ и съ горестію возвѣщалъ о паденіи Ранда человѣку, котораго оно много опечалить не могло.

Не проходило потомъ недѣли, чтобы Бетанкуръ не испытывалъ новыхъ непріятностей, не претерпѣвалъ новыхъ униженій. Принявъ предложеніе Государя, онъ добровольно подчинилъ себя герцогу; дѣлать было нечего. Положеніе его было совершенно новое: никто еще не видѣлъ министра, сдѣлавшагося вдругъ подчиненнымъ преемника своего.

Ни одинъ изъ прежнихъ главныхъ директоровъ, ни принцъ Ольденбургскій, ни Де-Волянъ не могли входить ни въ какія распоряженія по Институту Путей Сообщенія; согласно волѣ Императора, Бетанкуръ

*) Смирный, честный и трудолюбивый помощникъ Ранда, совсѣмъ на него непохожій.

оставался въ немъ полнымъ властелиномъ и хозяиномъ. Не предупредивъ его, герцогъ вдругъ пріѣхалъ осматривать сіе заведеніе во всѣхъ его подробностяхъ. По учебной части трудно бы было ему найти какое-либо упущеніе; за то по матеріальной ко всему придирался онъ, чтобы все расхулить. Тамъ штукатурка немного отвалилась, тамъ замѣтилъ онъ пятно на стѣнѣ; не смотря на позднее время года, все велѣлъ онъ переправить, перекрасить. Наконецъ, за всѣ таковыя не исправности объявилъ строжайшій выговоръ начальству. Еще гораздо позднѣе, кажется, уже въ Ноябрь, далъ онъ, какъ бы адъютанту, письменное приказаніе предмѣстнику своему отправиться въ Шлиссельбургъ, для осмотра какихъ-то поврежденныхъ въ шлюзахъ, затрудняющихъ прибытіе послѣднихъ транспортовъ.

Я не понималъ, я не узнавалъ Бетанкура; правда, повиновеніе его было молчаливое и сердитое, но не менѣе того безотвѣтное. Въ поступкахъ герцога онъ находилъ нѣчто столь чудовищное, что надѣялся по возвращеніи Царя видѣть сердце его тронутымъ такими противъ него несправедливостями. Какъ онъ ошибался! Немало огорчило его также въ это время изъявленное герцогомъ намѣреніе лишить его великолѣпной квартиры.

Сынъ не короля и даже не курфирста, а только владѣтельнаго герцога Виртембергскаго, прежде князя Монбеліарскаго, отца многочисленнаго семейства, герцогъ Александръ претерпѣвалъ нѣкогда нужду, и состояніе его далеко не равнялось знаменитости его рода. А въ брови всѣхъ членовъ этого владѣтельнаго дома была страсть къ пышности, къ наружному величію. Старшій братъ его, первый король Виртембергскій, коего наслѣдственныя владѣнія, благодаря постоянному союзу его съ Наполеономъ, увеличились впятеро, могъ болѣе удѣлять меньшимъ братьямъ. Однакоже не болѣе пятидесяти тысячъ рублей ассигнаціями ежегоднаго содержанія могъ онъ получать отъ него. Гораздо болѣе имѣлъ онъ отъ щедротъ царственныхъ родственниковъ своихъ въ Россіи. Съ малолѣтства, говорятъ, имѣлъ онъ великую склонность къ математикѣ вообще и къ живописи. Въ первой имѣлъ большіе успѣхи и съ прежнею Нѣмецкою терпѣливостію и въ другихъ частяхъ пріобрѣлъ много познаній. Иногда искусство можетъ исправлять, украшать тощую природу, но никогда одна наука не можетъ вполне замѣнить врожденный умъ. При малыхъ средствахъ, со вкусомъ и бережливостію, герцогъ умѣлъ составить себѣ изящную картинную галерею, которую, за неимѣніемъ имъ осѣдлости, можно было назвать кочевойю. Чтобы разставить ее и жить съ подобающимъ сану его достоинствомъ, мысленно избралъ онъ казенный, прежде Юсуповскій домъ, который безъ всякаго преувеличенія, когда угодно, можно было назвать дворцомъ.

Для занятія его, самъ Бетанкуръ неумышленно приготовилъ ему средства. Еще при принцѣ Ольденбургскомъ значительный капиталъ выданъ былъ изъ казны на покупку въ Петербургѣ дома для департамента и канцелярій. По жительству принца въ Твери капиталъ сей положенъ былъ для приращенія процентами въ Заемный Банкъ. Сверхъ того на тотъ же предметъ по штату отпускалась ежегодно сумма, изъ которой бережливый Де-Волянъ употреблялъ только половину для найма квартиры департаменту, а остальное отсылалъ въ тотъ же Банкъ. Институту принадлежало пустое мѣсто по Обуховскому проспекту; на немъ затѣялъ Бетанкуръ построить большое, славное зданіе и употребить для того найденный имъ накопившійся огромный капиталъ. Докладывая о томъ Государю, сказалъ онъ: «Есть мѣсто, есть деньги, и Вашему Величеству копѣйки это не будетъ стоить». Однакоже строители, инженеры, умѣли такъ сдѣлать, что свыше смѣты пришлось еще до трехъ сотъ тысячъ ассигнаціями доплатить. Строеніе было только что совершенно окончено и отдѣлано и по величинѣ своей не соответствовало своему назначенію, ибо нѣсколько департаментовъ могло въ немъ помѣститься. Герцогъ нашель, что оно весьма удобно для Института, и если вывести его изъ Юсуповскаго дома, можетъ онъ занять его мѣсто. Всѣ сіи перемѣщенія могли быть сдѣланы лишь съ согласія Императора, а возвращенія его ожидали только въ Генварѣ, слѣдственно ближе весны нельзя было приступить къ передѣлкамъ, и хотя на нѣсколько мѣсяцевъ Бетанкуръ могъ сохранить свое жилище.

Черты у герцога, говорятъ, были правильныя (я его никогда не видалъ), но обезображены большимъ наростомъ, шишкою или лупою. Не смотря на грозное его вступленіе, подчиненные не весьма боялись его; при дворѣ его не уважали, особливо молодые племянники, изъ коихъ проказливый Михаилъ Павловичъ называлъ его то титулярнымъ совѣтникомъ Шишкинымъ, то дядюшкой Лупандинымъ (отъ слова *loupe*) и, наконецъ, великимъ Понтифомъ, какъ завѣдывающимъ *ponts et chaussées*. Какъ въ мужѣ почтенной и любви достойной принцессы и отцѣ семейства не одобряли въ немъ также слишкомъ явной страсти къ зрѣлымъ женщинамъ.

Изгнавъ Ранда и Хрущова, управленіе департаментомъ временно поручилъ онъ привезенному съ собою правителю канцеляріи своей, Бѣлорусскому дворянину, статскому совѣтнику Петру Вонифатьевичу Борейшѣ, извѣстнѣйшему плуту, и сохранилъ его директоромъ до конца жизни своей; и такъ, какъ говорятъ Французы, чортъ ничего тутъ не потерялъ. Исключая двухъ первыхъ, вѣроятно пожертвованныхъ послѣднему, со всѣми другими герцогъ былъ отмѣнно хорошъ. Я уже говорилъ объ увертливости и угодливости Варенцова; для него сочи-

нилъ Бетанкуръ дежурство, превратившееся при герцогѣ въ штабъ корпуса Инженеровъ Путей Сообщенія; пользуясь великою довѣренностію новаго начальника, онъ имѣлъ безстыдство и подлость вездѣ поносить прежняго, ему столь благодѣтельствовавшаго. Добрый, честный, любострастный Маничаровъ изъ адъютантовъ попалъ къ герцогу по особымъ порученіямъ, и при семъ обожателѣ прекраснаго пола житье ему было лучше прежняго. Наконецъ, и Бестужева взялъ онъ къ себѣ въ адъютанты и всегда любилъ.

По положенію моему, внѣ совершившихся великихъ переворотовъ, былъ я простымъ ихъ зрителемъ. Наконецъ, съ моимъ Бетанкуромъ остались мы почти съ глазу на глазъ; но все какая то неловкость продолжала существовать въ нашихъ сношеніяхъ; мало-по-малу воротилась прежняя довѣренность, и наши бесѣды сдѣлались откровеннѣе. Странная была моя участь: я былъ чуждъ его торжеству, а раздѣлялъ его паденіе. Въ послѣдніе годы лѣность не до того овладѣла мной, чтобы въ другихъ вѣдомствахъ не искалъ я мѣста, если не равнаго тому, которое имѣлъ въ виду, по крайней мѣрѣ немного ниже. Непріязненность къ человѣку, при которомъ я находился, вездѣ ставила мнѣ препятствія. Наконецъ, я рѣшился все бросить и съ братомъ зарыться въ деревнѣ; зимой непременно бы я сіе сдѣлалъ, еслибъ осенью не послѣдовали для насъ такія важныя перемѣны. Мнѣ стало совѣстно и жалко какъ будто бросить человѣка всѣми покинутаго; однакоже намѣренія моего я не оставлялъ и для исполненія его ожидалъ только весны.

Надобно же сказать, чтò послѣдовало съ Бетанкуромъ по возвращеніи Государя изъ Вероны. Опальный писалъ къ нему, но не получилъ отвѣта. Насилу, какъ бы въ оказаніе особой милости, дозволено ему не числиться болѣе въ Корпусѣ Инженеровъ, не управлять Институтомъ Путей Сообщенія и не зависѣть отъ герцога. Въ завѣдываніи его остались только Петербургскій Строительный Комитетъ, Исакиевскій соборъ и Нижегородская ярманка. По первому предмету раза два или три въ недѣлю официально занимался я съ нимъ; по послѣднимъ бумагами пррватно завѣдывалъ Рандъ, съ которымъ, къ счастью, мнѣ рѣдко случалось встрѣчаться. Ослѣпленіе старца длилось до конца жизни его; а его губитель, уже безъ цѣли, по одной привычкѣ, старался сохранить надъ нимъ приобрѣтенную власть.

IV.

Съ тѣхъ поръ какъ по службѣ обязанъ я былъ заниматься строительною частію въ Петербургѣ, въ Запискахъ сихъ я почти ничего о ней не упоминалъ. Имѣя въ виду скоро разстаться съ нею, нехудо сдѣлаю, если читателю дамъ отчетъ въ ея успѣхахъ.

Одинъ огромный памятникъ обращалъ въ это время на себя особое вниманіе Государя—вѣчно строящійся Исакиевскій соборъ. Въ концѣ 1817 года утвердилъ онъ новый чертежъ и планъ сего зданія и для перестройки его учредилъ комиссію подъ предсѣдательствомъ оберъ-шенка графа Николая Николаевича Головина. Генераль Бетанкуръ назначенъ членомъ сей комиссіи по искусственной части, то-есть настоящимъ строителемъ; именемъ же строителя почтенъ Монферранъ, архитекторъ невзначай.

Найдено, и весьма справедливо, что величина угловатаго, неправильнаго пространнаго поля, которое подъ именемъ площади окружало прежній соборъ, повредитъ колоссальности возводимаго новаго храма, и для того, по волѣ Царя, сдѣланъ новый планъ площади; кусокъ въ видѣ треугольника отрѣзанъ отъ нея для постройки на немъ частнаго строенія, которое могло бы служить частію красивой рамы великолѣпной картинѣ.

Я не видѣлъ начала исполненія сего предпріятія: къ нему приступлено послѣ отъѣзда моего за границу, весною 1818 года. Когда я возвратился, нашелъ я подлѣ собора въ одно лѣто выросшій огромный домъ, который по формѣ своей походилъ на фортеціано и принадлежалъ родному племяннику министра юстиціи, князю Лобанову-Ростовскому. Сей послѣдній разбогатѣлъ отъ женитьбы на графини Безбородко, племянницѣ и одной изъ наслѣдницъ князя Безбородки. Что же касается до самого собора, то кирпичный куполь, построенный при Павлѣ, былъ уже съ него снятъ, и небольшая часть его къ Почтовой улицѣ сломана. Другихъ перемѣнъ я не нашелъ, и въ послѣдующіе годы видѣлъ мало.

А между тѣмъ полтора милліона рублей ассигнаціями ежегодно отпускаемо было для строенія. На что употреблялись они? На постройку существующаго и понынѣ деревяннаго забора и спрятаннаго за нимъ деревяннаго городка для помѣщенія рабочаго народа и смотрителей за работами, на сооруженіе гранитнаго фундамента подъ новое къ Почтовой улицѣ вытягивающееся строеніе, болѣе же всего на заготовленіе драгоцѣнныхъ матеріаловъ. Ими изобиловали въ Финляндіи Рускіальскія каменоломни, и одинъ простой Русскій промышленникъ, Яковлевъ, въ кафтанѣ и бородѣ, нашелъ удобное и легкое средство добывать огромнѣйшія ихъ массы безъ помощи инженеровъ и механиковъ и доставлять ихъ водою въ Петербургъ. Тутъ узналъ я все недоброжелательство и несправедливость западныхъ иностранцевъ къ Русскимъ; немногіе говорили объ этомъ человѣкѣ съ нѣкоторымъ одобреніемъ, только двое или трое дивились его изобрѣтательности. За то Русскіе осыпали его похвалами, когда лѣтомъ 1822 года на Исакиев-

скую площадь съ Невы вывалилъ онъ чудовищный монолитъ, первый изъ тѣхъ, кои поддерживаютъ нынѣ фронтоны собора. Нерукотворная гора подъ стопами Мѣднаго Всадника, воспѣтая Рубаномъ, вблизи его казалась карлицей подлѣ великана. Нуженъ былъ и въ Бетанкурѣ гений механики, чтобы поднять такую тяжесть и какъ простую пазку воткнуть передъ зданіемъ. Выдуманныя имъ машины служили великою помощію Монферрану, а послѣ смерти его сдѣлались его наслѣдствомъ. Все способствовало этому человѣку: искусство и Бетанкура, и Яковлева и, наконецъ, каменнаго дѣла мастера Квадри, который прочно умѣлъ строить, лучше всякаго архитектора. Ему оставалось только рисовать да пока учиться строительной части.

За заборомъ нельзя было видѣть, какъ фундаментъ новаго строенія подымается изъ земли; только всѣ видѣли, какъ каждый годъ что-нибудь отламывалось отъ стараго, такъ что, наконецъ, осталась одна самая малая часть его и, можно сказать, украшала все еще новый Петербургъ, ибо была въ немъ единственною великолѣпною руиною.

Чтобы, между тѣмъ, чѣмъ-нибудь потѣшить Царя, Монферранъ, съ одобренія Бетанкура, затѣялъ сдѣлать деревянный модель новой церкви. Болѣе года отдѣлывался онъ въ надворномъ строеніи того дома, гдѣ мы жили съ Монферраномъ, и стоилъ болѣе восьмидесяти тысячъ рублей ассигнаціями. Когда онъ былъ оконченъ, его перенесли и поставили въ большой комнатѣ, которую онъ всю наполнилъ собою. Она была рядомъ съ моею квартирой, и я могъ досыта налюбоваться этой щеголеватой и великолѣпною игрушкой. Куполь какъ жаръ былъ вызолоченъ; лакированное дерево можно было принять за гранитъ и мраморъ: до того оно имъ уподоблялось. Посредствомъ рукоятки модель раздвигался на двое и давалъ входъ во внутренность храма: тамъ все было, и штучный полъ, и раззолоченый иконостасъ, и миниатюрныя иконы, его украшающія, и все чудесно было отдѣлано. Въ комнатѣ, черезъ которую надобно было проходить, для противоположности нарочно поставленъ былъ довольно грубой работы небольшой модель старой церкви, отъ времени попортившійся и который дотолъ хранился въ Академіи Художествъ. Разница должна была броситься въ глаза, хотя одно было плодомъ воображенія пресловутаго Растрели, а въ сочиненіи другаго, какъ въ иныхъ Французскихъ водевиляхъ, участвовали три автора. Можетъ быть пынѣ посмотрѣли бы снисходительнѣе и безпристрастнѣе, но тогда строго держались чисто-Греческаго стиля, соединяющаго простоту съ величіемъ, не хотѣли слышать о ренесансѣ, о моенажѣ, и слово рококо было вовсе неизвѣстно.

Государю угодно было модель сей удостоить своимъ возрѣніемъ. По сосѣдству миѣ захотѣлось быть свидѣтелемъ сего посѣщенія. Не

предупредивъ Бетанкура, а только условясь съ Монферраномъ, явился я тутъ въ какомъ качествѣ? право, самъ не знаю, ремесленника ли или помощника архитектора. Это было въ Маѣ 1820 года. Насъ было всего трое, ожидавшихъ съ нѣкоторымъ волненіемъ, четвертый—прибывшій Государь. Вотъ первый и единственный разъ, что вдали отъ толпы, на столь небольшомъ пространствѣ и такъ продолжительно, могъ я видѣть и слышать его. Сперва жался я къ двери, но скоро любопытство побѣдило во мнѣ почтительный страхъ (къ счастью, онъ ничего не спросилъ обо мнѣ). Съ величайшимъ вниманіемъ онъ все разсматривалъ, обо всемъ спрашивалъ, дѣлалъ свои замѣчанія, и нѣсколько разъ низко нагибался, чтобы посудить объ эффектѣ, который произведетъ внутренность храма. Какъ онъ былъ еще хорошъ слишкомъ въ сорокъ лѣтъ и съ обнаженнымъ челомъ, и при умножающейся тучности какъ былъ онъ еще строенъ! Не меня дарилъ онъ улыбками, не ко мнѣ обращалъ онъ милостивое слово, а я весь былъ очарованъ. Удаляясь и взглянувъ на оба модели, на пестрый и потускнѣвшій и на тотъ, который блисталъ бѣлизной, обратился онъ къ Бетанкуру и сказалъ ему: «Вы знаете, на счетъ нашего предпріятія какъ много въ городѣ сплетень и пересудовъ; эти модели будутъ лучшимъ на нихъ отвѣтомъ». И дѣйствительно, всѣ художники роптали. Какъ можно для вѣковаго зданія не сдѣлать конкурса? говорили они. Архитекторы ненавидѣли Бетанкура за Монферрана, инженеры—за Ранда, всѣ знатные завидовали его кредиту; другія состоянія видѣли въ немъ иностранца, презирающаго ихъ отчизну, и все возстало на добраго человека, только ослѣпленнаго успѣхами. Европейцы и до сихъ поръ не постигли насъ; они полагаютъ, что въ Россіи нѣтъ другой Россіи кромѣ Царя. Одни Нѣмцы хорошо насъ поняли и оттого, если Богъ попуститъ, долго будутъ они у насъ первенствовать.

Изъ двухъ проектированныхъ замѣчательныхъ зданій одно въ это время было построено, хотя еще не отдѣлано: это новый Михайловскій дворецъ. Покойный императоръ Павелъ, при рожденіи младшаго сына Михаила Павловича, велѣлъ ежегодно откладывать, не помню по скольку сотенъ тысячъ рублей, дабы сей Веніаминъ, коему не суждено было царствовать, достигнувъ совершеннолѣтія, по крайней мѣрѣ могъ жить по-царски. Говорятъ, что накопилось до девяти милліоновъ, коихъ употребленіе молодой человекъ предоставилъ старшему брату Государю. На нихъ-то, подъ наблюденіемъ Росси и по плану его, выстроены дворецъ, для котораго образцомъ, хотя не совсѣмъ удачно, архитекторъ взялъ Лувръ.

Къ исполненію другаго проекта при мнѣ еще не было приступлено; оно послѣдовало немедленно послѣ моего отъѣзда. На дворцовой

площади съ правой стороны находился закругленный такъ называемый Ланской домъ, а съ лѣвой—цѣлый рядъ частныхъ домовъ, образующій какой-то топорокъ, что ей давало видъ совсѣмъ неблагообразный. Дабы сдѣлать ее болѣе регулярною, положено скуинть всѣ дома, сломать ихъ и на ихъ мѣстѣ, въ видѣ неправильнаго полукружія, построить тѣ безконечныя зданія, въ конхъ помѣщаются нынѣ Главный Штабъ и два министерства—Иностранныхъ Дѣлъ и Финансовъ.

Къ этому времени принадлежитъ и перестройка Большаго каменнаго театра, сгорѣвшаго 1 Января 1811 года, хотя она произведена гораздо ранѣе. Французъ Модюи принялъ на себя этотъ трудъ такъ, отъ нечего дѣлать, говорилъ онъ, и дабы доказать Русскимъ, что и въ бездѣлицѣ можетъ выказаться гений. Этотъ первый опытъ его въ Петербургѣ былъ и послѣдній. Не совсѣмъ его вина, если наружность зданія такъ некрасива, если надъ театромъ возвышается другое строеніе не соответствующее его фасаду. Тогдашній директоръ, князь Тюфякинъ, для умноженія прибыли, требовалъ, чтобъ его какъ можно болѣе возвысили. Когда перестройка была кончена, въ началѣ 1818 года, дворъ находился въ Москвѣ, а Государь на нѣсколько дней пріѣзжалъ въ Петербургъ. Онъ осмотрѣлъ театръ, остался доволенъ, но при открытіи его быть не хотѣлъ. Щедро наградилъ онъ Модюи и деньгами, и чиномъ коллежскаго ассессора; а тому болѣе хотѣлось крестика *).

Упомянувъ о театрѣ, кстати приходится мнѣ здѣсь говорить и о театральныхъ представленіяхъ. Въ Русской трупиѣ большихъ переменъ произойти не могло. Цѣлое новое поколѣніе молодыхъ актеровъ—Сосницкій, Рамазановъ, Климовскій,—показалось въ пятнадцатомъ году; въ столь короткое время они не могли состарѣться, а напротивъ возмужали и усовершенствовались.

Опера шла тихимъ шагомъ съ своимъ прежнимъ Самойловымъ и съ меньшою Семеновою. Комедій новыхъ было мало, а новыхъ трагедій и вовсе не было. Но въ старыхъ, и особенно въ драмахъ, явился маленькій феномень, молодой Каратыгинъ. Какъ законный наследникъ престола, заступилъ онъ мѣсто отошедшаго въ вѣчность Яковлева, всѣми почитаемаго отцомъ его. Хотя въ голосѣ двухъ трагическихъ артистовъ было большое сходство, за то въ прочемъ совершенная разница. Рослый и величавый Каратыгинъ, съ благородною осанкой и

*) Въ это царствованіе лянты и звѣзды сохранили еще слою цѣну; ихъ не бросали на всѣхъ медиковъ, профессоровъ, архитекторовъ и тому подобныхъ людей. Если который изъ нихъ, бывало, получить орденъ въ петлицу или на шею, то бывалъ тѣмъ счастливъ на всю жизнь. Когда знаменитому Гваренги дами Владимирскій крестъ 4-й степени, онъ не снималъ его и всегда подписывался съ тѣхъ поръ Cavaliere di Guarenghi.

красивымъ станомъ, умѣлъ пользоваться сими дарами природы; скоро ученіемъ и терпѣніемъ приобрѣлъ онъ и искусство. Онъ женился на дочери танцовщицы Колосовой, дѣвчкѣ благовоспитанной, которая съ нимъ явилась на сценѣ и которой вредилъ только недостатокъ въ произношеніи. Онъ съ нею ѣздилъ въ Парижъ, тамъ примѣръ Тальмы и совѣты умной жены не только развили, даже породили талантъ, котораго отъ природы, какъ утверждаютъ, онъ не имѣлъ. Какъ бы то ни было, послѣ Дмитревскаго, котораго, еле живаго, видѣлъ я въ глубокой старости, выше актера въ этомъ родѣ мы не имѣли.

По какимъ-то несогласіямъ съ Тюфякинымъ Шаховской оставилъ служеніе въ театральнѣй дирекціи, но сохранилъ на нее большое вліяніе, ибо актеровъ и актрисъ, воспитанниковъ и воспитанницъ одинъ училъ декламировать и для нихъ одинъ почти писалъ пьесы. Въ это время сдѣлался онъ неистощимѣе, плодовитѣе чѣмъ когда-либо, только въ легкомъ родѣ: по большей части писалъ онъ хорошенькіе водевили, которые трудно бы мнѣ было здѣсь припомнить и исчислить. Для этого рода образовалъ онъ еще двухъ миленькихъ актрисъ, съ Французскимъ прозваніемъ, Монруа и Дюрову; обѣ были хороши собой, особливо послѣдняя. Въ водевиляхъ былъ также весьма забавенъ Шаховскимъ же образованный шутъ, Величкинъ.

Недочеты, передержки надѣлали князю Тюфякину много непріятностей, которыя и его понудили оставить главную дирекцію. Для поправленія финансоваго состоянія театра, управленіе его, съ сохраненіемъ должности генераль-губернатора, поручено графу Милорадовичу, у котораго, кромѣ неоплатныхъ долговъ, ничего уже не было. Онъ давно добивался этого мѣста и получилъ его какъ одну изъ наградъ за его великіе подвиги. Каррикатурный Баярдъ въ одномъ только былъ схожъ съ подлинникомъ, котораго передражнивалъ: онъ былъ столько же храбръ, какъ и тотъ. Не въ цѣломудріи подражалъ онъ этому рыцарю, когда театральную школу превратилъ въ свой гаремъ. И такъ сильны въ насъ привычки, такъ влечетъ насъ опять къ покинутой власти, что бѣдный Шаховской, по настоянію Ежовой, согласился быть его Кизляръ-агой. Сего ему было мало; онъ захотѣлъ имѣть свой Паркъ-о-Серъ, и давно брошенный Екатерингофскій лѣсокъ избралъ мѣстомъ своихъ увеселительныхъ занятій. На украшеніе его вытребовалъ онъ у города болѣе милліона рублей, для молодыхъ актрисъ и воспитанницъ кругомъ велѣлъ нанять дачки, и въ выстроенной залѣ, подъ именемъ воксала, началъ (разумѣется не на свой счетъ) давать балы, на которыхъ плясали передъ нимъ одалиски, баядерки и алмѣ, и онъ по прихоти бросалъ имъ свой платокъ. Не знаю, при такомъ начальникѣ усовершенствовалось ли драматическое искусство? Только послѣ трех-

лѣтняго управленія его, открылся ужасный дефицитъ какъ въ городскихъ, такъ и въ театральныхъ суммахъ. Онъ безъ счету бросалъ нѣкогда собственныя деньги; когда ихъ не стало, принялся за чужія и, зная, что ему нечѣмъ будетъ заплатить, гдѣ только можно, особенно у подчиненныхъ, вездѣ занималъ. Спрашивается, можно ли назвать это кражей *)?

Долго не могли склонить Государя вновь завести Французскую труппу, тщетно представляя ему, что дипломатическій корпусъ, тысячи иностранцевъ и лучшее общество умираютъ безъ нея со скуки. Наконецъ, согласился онъ, не принимая ихъ на придворное вѣдомство, дозволить прибывшимъ актерамъ явиться на Маломъ театрѣ, гдѣ обыкновенно играли Нѣмцы. Тамъ увидѣлъ я ихъ, по возвращеніи изъ-за границы, въ концѣ 1818 года, и даже послѣ Парижа нашель, что они недурны.

Играли все почти однѣ небольшія комическія оперы: къ нимъ причила Фились Петербургскую публику. Первою пѣвицей была довольно молодая, полная и красивая мадамъ Данжевилъ Вандербергъ, которая пѣніемъ напоминала, но не замѣняла Фились. Первымъ, или, лучше сказать, сперва единственнымъ теноромъ былъ толстый Брисъ; жена его худошавая, почти высохшая, но живая Французенка, игрой, фигурой и манерами нѣсколько напоминала Фились, но отнюдь не пѣніемъ. Сію чету называли у насъ картофелемъ со спаржей. Еще привезли они съ собой одного несноснаго Поляка Валдовскаго, выросшаго, а можетъ-быть и родившагося, во Франціи, и оттого переименовавшаго себя въ Валдоски. Имъ на подмогу играли прежніе оставшіеся здѣсь актеры: Монготье, Андрѣ и братья Мезіеры. Вскорѣ пріѣхалъ и другой теноръ, Женò, красавецъ собой и довольно изрядный пѣвецъ, котораго на сценѣ я видѣлъ въ Парижѣ.

Въ слѣдующемъ году позволено имъ играть на Большомъ и Маломъ театрахъ, а потомъ вскорѣ и совсѣмъ поступили они на казен-

*) Одинъ случай покажетъ всю безчувственность этого безсовѣстнаго человѣка; мнѣ его разсказывали очевидцы. Когда онъ начальствовалъ въ Бухарестѣ, завилъ онъ у одного провіантскаго чиновника до десяти тысячъ казенныхъ денегъ. Вскорѣ другой чиновникъ пріѣхалъ первому на смѣну и сталъ требовать сдачи. Тотъ убѣдительно умолялъ должника о заплатѣ, представляя, что онъ рискуетъ попасть подъ судъ и быть разжалованъ. „Подожди, помилуй, неужели ты мнѣ не вѣришь?“ всегда былъ отвѣтъ; послѣдній же былъ—приглашеніе къ себѣ на балъ. Несчастный явился и въ промежуткѣ танцевъ сталъ посреди залы и воскликнулъ: „Знаете ли, господа, мы у кого? У злодѣя, у вора“. Съ тѣмъ вмѣстѣ вынулъ онъ пистолетъ и тутъ же застрѣлился. «Мой Богъ (извѣстная поговорка Милорадовича), закричалъ онъ, что это значитъ? Велите скорѣе вынести этого сумасброда». А послѣ того, какъ бы ни въ чемъ же бывало, принялся за мазурку.

ное содержаніе. Для удовлетворенія желанія молодыхъ великихъ князей, которыхъ въ Парижѣ такъ потѣшалъ Потье, выписанъ Сень-Феликсъ, вѣрная съ него копія, и нѣсколько другихъ забавниковъ и забавницъ, которые ввели къ намъ піесы съ театра Де-Варіете. Наконецъ, стали показываться комедіи и, вмѣстѣ съ фарсами, мало по-малу вытѣснять Французскую оперу, которая пришлась уже не по вкусу новаго поколѣнія.

За то опять стали мы знакомиться съ Итальянскимъ пѣніемъ. Только о цѣлой оперѣ въ это время и думать было невозможно: стали только появляться залетныя птицы для концертовъ. Первая изъ нихъ, Сесси, куды нехороша была собою; по моему, и пѣла она неприятнымъ образомъ; сила и чистота были въ ея голосѣ, но ничего выразительнаго. Знаатоки велѣли дивиться ей, имъ повиновались и, зѣвая, восхищались и платили деньги.

Почти тоже, что о Сесси можно сказать о прибывшей черезъ годъ послѣ нея одной Европейской знаменитости. У г-жи Каталани въ горлѣ были всѣ ноты отъ тонкаго сопрано до густаго баса, и симъ натуральнымъ инструментомъ владѣла она превосходно: вотъ все что могу сказать о ней. Англичане, которые, какъ извѣстно, не имѣютъ врожденнаго вкуса къ музыкѣ, а изъ тщеславія сыпятъ гинеями на прославленныхъ артистовъ, дивились ея голосу, какъ игрѣ природы, и изъ Альбіона, войною тогда отрѣзаннаго отъ Европы, нѣсколько лѣтъ гремѣли ей хвалы. На такой высотѣ увидѣла она соперника въ Наполеонѣ и объявила ему войну. За Бурбонами послѣдовала она въ Парижъ, гдѣ дворъ и легитимисты старались прославить и поддержать ее. Лондонъ и Парижъ владѣютъ правомъ раздавать дипломы на артистическую славу; вооруженная ими, предшествуемая молвой и замѣтивъ, что число ея слушателей безмѣрно уменьшается, Каталани пустилась по бѣлу свѣту собирать дань съ другихъ народовъ.

Всѣ столицы посѣтила она потомъ, но имѣла осторожность болѣе двухъ, много трехъ или четырехъ, концертовъ нигдѣ не давать; сего было достаточно, чтобъ истощить восторги, произведенные ея пѣніемъ; дѣло шло для нея болѣе объ умноженіи капитала. Я уже сказалъ въ предыдущей части, что въ Аахенѣ, сквозь окно или два окна, черезъ улицу или переулокъ, слышалъ я громогласіе ея и совсѣмъ не былъ обворожень; въ Петербургѣ, послушавъ ея ближе, я надѣялся лучше о томъ посудить. Плата за входъ была не огромная, въ сравненіи съ нынѣшними чудовищными цѣнами, по 25 рублей ассигнаціями; два раза ходилъ я слушать ее, издержалъ пятьдесятъ рублей и, право, на пятьдесятъ копѣекъ не имѣлъ удовольствія. Съ аристократическими затѣями установила она для себя особый церемоніаль: публика съ не-

терпѣніемъ наполняла филармоническую залу; лядащій оркестръ, ея привезенный съ собою, состоявшій изъ двухъ или трехъ музыкантовъ, стоялъ уже на эстрадѣ, а объ ней еще помину не было. Кто-нибудь изъ знатныхъ дожидался ея у подъѣзда, вынималъ изъ кареты, подавалъ руку, подымался съ нею по лѣстницѣ, провожалъ сквозь толпу и возводилъ на возвышеніе, откуда она милостиво взирала на жаждущихъ слышать ея. Концерты ея ограничивались одною ея особой, и это было ей нетрудно: какъ у Цыганокъ, было у нея десять или двѣнадцать годами затверженныхъ арій, между коими вѣчная *la placida sampania*.

Такія почести, признаюсь, меня возмущали, а это было только вступленіемъ въ нынѣшнее безумное время, когда жители на себѣ возятъ артистокъ въ колесницахъ. Когда Римъ властвовалъ надъ міромъ, когда было для него время великихъ мужей и великихъ дѣяній, одни побѣдители, тріумфаторы восходили въ Капитолій; подъ папскимъ владѣніемъ, чести, которой не имѣли ни Вергилій, ни Гораций, удостоивались посредственные поэты, вѣнчаньяые, названные лауреатами. Италия униженная, нѣсколько вѣковъ порабощенная Нѣмцами, никакъ не можетъ забыть своей прежней славы и изъ сыновъ своихъ удѣляетъ ее кому попало. Замѣчено, что когда высокія чувства гаснутъ въ душѣ, когда мелѣютъ народные характеры, тогда люди боготворятъ одни только свои наслажденія. Неужели такъ и у насъ? Нѣтъ, все чтò творится у меня передъ глазами—дѣйствіе нашей подражательности. Намъ несвойственъ фуроръ южныхъ народовъ; одно истинное, великое должно возбуждать въ насъ восторги.

Показавшись разъ пять, чудо Европейское отъ насъ скрылось и не оставило не только сожалѣнія, едва ли воспоминанія между людьми, которые считали обязанностію плѣняться ея голосомъ. Сію обязанность гораздо легче было выполнить, когда черезъ года полтора пріѣхала къ намъ Боргондіо. Вотъ это ужъ была пѣвица: еслибъ она и не очаровала насъ своимъ пѣніемъ, то поразила бы новостью его рода. Въ Италіи прекратился наконецъ жестокой обычай младенцевъ лишать пола; ибо сіи несчастные, какъ бы хорошо ни пѣли, въ слушателяхъ производили нѣкоторое отвращеніе. Възамѣнъ ихъ начали искать контральта между женщинами, и Боргондіо была въ числѣ сихъ счастливыхъ обрѣтений. Мы не слыхали ея въ концертахъ, а нѣсколько разъ въ одной лишь оперѣ, въ которой на подмогу дана ей была Нѣмецкая труппа. Въ ней явилась она Танкредомъ, а цѣлую четверть столѣтія блиставшая передъ Нѣмцами примадонна ихъ г-жа Брюкль Линденштейнъ—Аменаидой; старѣющему тенору Шварцу весьма кстати припала роль Аржира. Тутъ въ первый разъ услышалъ я уследи-

тельную музыку божественнаго Россини, и Боргондіо, для которой написалъ онъ эту оперу, достойна была ознакомить его съ Петербургскою публикой. Судить о музыкѣ я не умѣю, хотя дѣло весьма нетрудное (стоитъ только внимательнѣе прислушаться къ толкамъ знатковъ), за то чувствовать ее такъ сильно, какъ я, не всякому дано.

Говоря о Французахъ, объ Итальянкахъ, я было совсѣмъ упустилъ изъ виду вообще состояніе Русскаго театра, ничего не сказалъ о драматическихъ авторахъ. Ихъ было трое: Загоскинъ, Хмѣльницкій, Грибоѣдовъ, которые тогда состязались съ Шаховскимъ, если не въ плодovitости, то въ искусствѣ. Загоскинъ поставилъ на сцену *Богаинова*, *Романъ на большой дорогѣ*, *Благородный Театръ*, Хмѣльницкій—*Воздушные Замки*, и хотя Грибоѣдовъ написалъ уже извѣстную комедию свою *Горе отъ ума*, она ходила только по рукамъ въ рукописи, а печатать ее и играть, не знаю почему, не было дозволено. Милорадовичъ, который столько тѣшился всѣмъ театральнымъ и такъ презиралъ его, съ правителя канцеляріи своей Хмѣльницкаго взялъ клятвенное обѣщаніе не писать болѣе комедій; лучше запретилъ бы онъ ему воровать. Когда уличенный въ лихоимствѣ Хмѣльницкій былъ съ безчестіемъ отставленъ, то нарушилъ клятву и снова принялся авторствовать.

Въ эти годы я почти совершенно охладѣлъ къ театру и литературѣ. Оттого-то съ прежнею отчетливостію и не могу говорить о первомъ изъ сихъ предметовъ; можетъ-быть, еще менѣе о послѣднемъ. Однако же, сколько могу, слабыя воспоминанія мои о томъ постараюсь сообщить читателю.

Бесѣды и Арзамаса давно уже не стало: первая, кажется, погибла подъ ударами послѣдняго, послѣдній почилъ на лаврахъ. И кому было поддержать Бесѣду? Державинъ отошелъ въ вѣчность, оставивъ по себѣ вѣчную память, Шишковъ совершенно устарѣлъ, Шаховской унялся, прочіе члены разсѣялись, какъ овцы безъ пастырей. Почти тоже можно сказать и объ Арзамасахъ: Влудовъ продолжалъ жить въ Лондонѣ, Дашковъ назначенъ былъ совѣтникомъ посольства въ Константинополь, чувствительному Батюшкову было пагубно пламенное небо Неаполя, подъ которымъ разсудокъ его начиналъ разстраиваться; Жуковскій неоднократно по нѣскольку мѣсяцевъ проживалъ въ Германіи, сопровождая порфирородную чету, при коей находился. Безъ нихъ совершенно ослабли узы, вязавшія прежде наше веселое общество. Многіе другіе члены также находились въ отлучкѣ: Вяземскій служилъ въ Варшавѣ, Михаилъ Орловъ командовалъ дивизіей въ южной арміи, Пушкинъ былъ сосланъ, Жихаревъ женился и поселился въ Москвѣ. Изъ наличныхъ членовъ Александръ Тургеневъ помышлялъ единственно объ

удовольствіяхъ свѣта и о пріобрѣтеніи большихъ выгодъ по службѣ; братъ его Николай съ Никитою Муравьевымъ помышляли совсѣмъ не о литературѣ.

Положеніе Карамзина сдѣлалось самое возвышенное, отъ всѣхъ отдѣльное, недостижимое для интригъ и критикъ. Онъ пользовался совершенною довѣренностью Царя, который, на лѣто помѣщая его у себя въ Царскомъ Селѣ, нерѣдко посѣщалъ его. Тамъ спокойно продолжалъ онъ огромный и полезный трудъ свой, по временамъ издавая новые томы Русской исторіи своей; но уже болѣзни посѣтили его совсѣмъ еще неглубокую старость.

На литературномъ горизонтѣ въ это время показалось великое множество новыхъ писателей, мирными годами порожденныхъ. Но какъ назвать ихъ или какъ различить человѣку, къ появленію ихъ тогда столь равнодушному? Я сравню ихъ со звѣздами, въ бѣлую массу слитыми на млечномъ пути, или со дву тму безплотныхъ въ глубинѣ иныхъ картинъ, образующихъ свѣтлыя облака, и надѣюсь, что симъ сравненіемъ они не обидятся. Отъ этого *fond* (дномъ сего у насъ назвать нельзя, а какъ же иначе?) одна фигура, впрочемъ, совсѣмъ не серафическая, отдѣляясь, выступала на первомъ планѣ, такъ что и мнѣ удавалось видѣть ее простыми глазами.

Это былъ Ѳаддей Венедиктовичъ Булгаринъ, Литовскій дворянинъ, весьма хорошей фамиліи, кажется, Русскаго происхожденія, воспитанный въ Русскомъ первомъ кадетскомъ корпусѣ, выпущенный изъ него въ армію уланскимъ офицеромъ и сражавшійся съ Французами, потомъ подъ Французскими знаменами бывшій въ Гішпаніи и, наконецъ, по пріобрѣтеніи небольшого имѣнія близъ Дерпта, сдѣлавшійся Эсгяндскимъ помѣщикомъ. Кому приличнѣе могъ быть космополитизмъ, какъ не человѣку, прошедшему сквозь огонь и воду, и котораго, употребляя простое Русское выраженіе, можно было назвать тертымъ калачомъ? Онъ сперва сдѣлался извѣстенъ однѣми журнальными статьями, что и сблизило его съ Николаемъ Ивановичемъ Гречемъ, постояннымъ издателемъ *Сына Отечества*. Въ обоихъ было много веселости и злоязычія; но въ Гречѣ, при нѣкоторомъ добродушіи, болѣе остроты, а въ Булгаринѣ одна только язвительность. Они слегка придерживались Оленинскаго общества, которое въ умѣренности своей стояло неподвижно, пока, подобравъ дружину (чтобы не сказать шайбу) молодыхъ, смѣлыхъ пероносцевъ, съ умножившимся силами, они не сдѣлались совершенно независимыми. Дерзость и осторожность были ихъ девизомъ. Первые нападенія ихъ были на обезглавленную Бесѣду, къ которой Гречъ самъ нѣкогда принадлежалъ. *Бесѣда* и *Арзамасъ* тягались за честь, за вкусъ; тутъ сражались за одни барыши. Во дни преобладанія

Англіи, по ея примѣру, и въ литературѣ должны были явиться рагоборствующіе торговцы.

При безпрестанно возрастающемъ числѣ и смѣненіи новыхъ идей философическихъ, политическихъ, религіозныхъ, трудно честному человѣку мимо ихъ идти прямымъ путемъ. Онѣ—какъ подводные камни, возникающіе среди бурнаго моря. Одни искусные люди умѣютъ лавировать между ними: вотъ что дѣлалъ Булгаринъ. Не безкорыстно, какъ утверждали, преданный правительству, которое примѣтнымъ образомъ преслѣдовало либерализмъ, онъ въ тоже время явно подавалъ руку, не выдавая ихъ, людямъ, которые составляли особое литературное общество, распространяющее тайно самыя свободныя мысли.

Адъютантъ начальника моего, гвардіи поручикъ, Александръ Александровичъ Вестужевъ, о коемъ случалось мнѣ упоминать, былъ вмѣстѣ съ извѣстнымъ послѣ Рылѣвымъ однимъ изъ главныхъ членовъ этого общества. Этотъ оригинальный писатель повѣстей мнѣ чрезвычайно нравился своимъ умомъ и пріятнымъ обхожденіемъ. Служба сознакомилла насъ, но короткихъ сношеній у насъ не было; всего раза два-три не болѣе посѣтилъ онъ меня. Мнѣ и въ голову тогда придти не могло, чтобъ у него были вредные умыслы, ибо на счетъ мнѣній своихъ былъ онъ всегда очень скромнень. Онъ говорилъ мнѣ о Булгаринѣ съ участіемъ и уваженіемъ и даже хвалился тѣсными связями съ нимъ. Послѣ паденія Бетанкура, герцогъ Виртембергскій взялъ его къ себѣ въ адъютанты. Участь его, какъ всѣмъ извѣстно, была потомъ весьма печальная, но подъ конецъ, подъ псевдонимомъ Марлинскаго, и довольно блистательная.

Вотъ все что имѣю сказать я о словесникахъ этой эпохи. Вскорѣ потомъ другой образъ жизни, другія занятія на время совершенно изгнали литературу изъ головы моей.

V.

Великимъ постомъ 1823 года новопроизведенный гвардіи офицеръ, драгунскій прапорщикъ, пламяникъ мой, Филиппъ Николаевичъ, воротился изъ отпуска. Онъ ѣздилъ къ роднымъ въ Воронежъ, а оттуда въ Пензу, чтобы потѣшить бабушку своимъ гвардейскимъ мундиромъ. Онъ привезъ съ собою вовсе неожиданную для меня вѣсть.

Братъ мой жилъ потихоньку въ селеніи своемъ Симбухинѣ отцомъ семейства холостымъ; онъ былъ чрезвычайно привязанъ къ малолѣтнимъ дѣтямъ своимъ, а безграмотную Француженку, ему часто надоѣдавшую, любилъ только какъ мать ихъ. Сестры мои, и особенно прибившая съ мужемъ на зиму Алексѣева, исполненныя строгихъ хри-

стіанскихъ правилъ, смотрѣли на то съ грустію и омерзеніемъ. Чтобы не встрѣчаться съ этою тварью, онѣ должны были воздерживаться отъ поѣздокъ въ Симбуховскую церковь, на могилу отца. Онѣ страшились также, чтобы какъ-нибудь сіе не дошло до престарѣлой матери нашей; городское общество, семейство наше и даже дворянъ согласно и тщательнo скрывали отъ нея истину, увѣрены будучи, что она убьетъ ее. На общемъ совѣтѣ сестры положили, чтобы во что ни стало женить брата, что было не весьма легко. Однакоже, чего не сдѣлаютъ женщины въ заговорѣ съ цѣлымъ городомъ?

Не разъ приходилось мнѣ говорить о Ефимѣ Петровичѣ Чемесовѣ, старинномъ другѣ отца моего, предшественникѣ его во гробѣ, о несогласіяхъ, возникшихъ безъ всякой причины между двухъ старцевъ, о надменной сестрѣ его Елисаветѣ Петровнѣ Леонтьевой, о гнѣвѣ ея на брата моего, дерзнувшего свататься за внучку ея Ступишину; говорилъ также о странностяхъ Марѣи Андріановны Чемесовой, супруги покойнаго. Мнѣ желательно, чтобы читатели мои вспомнили о томъ; оно нужно для поясненія нижеслѣдующаго.

Семейство Чемесовское, по старинному обычаю, существовавшему долго между Русскими барынями, было премногочисленное, и оттого разница въ лѣтахъ дѣтей обоего пола была превеликая: Анна и Александра могли бы быть матерями трехъ меньшихъ, Натальи, Марѣи и Варвары. Изъ нихъ четвертая отличалась пріятностію и просвѣщеніемъ ума, миловидностію лица и любезностію характера; но съ тогдашнею взыскательностію невѣсть всѣ эти преимущества въ провинціи оставались напрасными. Представился случай, не скажу, къ выгодному, по крайней мѣрѣ для Пензы блестящему замужеству, и тетя Леонтьева захотѣла имъ воспользоваться. Къ счастью невѣсты, обстоятельства не допустили совершеніе сего брака, и женихъ, князь Павелъ Голицынъ, женился на моей желанной Теофілѣ Крогеръ. Всѣ эти повторенія разсказаннаго считаю здѣсь необходимыми.

Послѣ того годы шли, и дѣвица не молодѣла. На ней-то остановился выборъ моихъ сестеръ. Но какъ приступили онѣ къ этому дѣлу? Какія средства употребили для достиженія своей цѣли? Какъ умѣли склонить къ супружеству два существа, никогда не помышлявшихъ другъ о другѣ? Вотъ что мнѣ, отсутствующему, осталось вовсе неизвѣстнымъ. Чтобы не терять времени, никому не дать опомниться и ковать, какъ говорится, желѣзо, пока оно горячо, еще страдающаго отъ болѣзни брата моего, по разрѣшенію архіерея, въ Крестовой церкви его вѣнчали на масляницѣ. И восемнадцатилѣтній племянникъ былъ шаферомъ на свадьбѣ у старшаго брата отца своего. Изъ новобрачныхъ одному было за сорокъ за пять, а другой, кажется, тридцать

четвертый годъ. Бываютъ супружества по любви, по расчету, а это былъ бракъ по разсудку; богатства не было ни съ какой стороны, но онъ сулилъ домашнее счастье и сдержалъ обѣщанное.

Что же сдѣлалось съ Прелестой? Дерзкая Французенка бросилась съ письменною просьбой къ губернатору Лубяновскому, не зная, что онъ былъ главнымъ сватомъ. Онъ объяснилъ ей, что какъ по кодексу Наполеонову, такъ и по Русскимъ узаконеніямъ, не получивъ никакого обѣщанія, она никакого права жаловаться не имѣеть. Ее удовлетворили нѣсколькими тысячами рублей, и она сама предложила отказать отъ дѣтей своихъ *).

Сіе семейное происшествіе, собственно для меня, было довольно важною вѣстью, привезенною племянникомъ Великимъ постомъ. Въ день же Свѣтлаго Воскресенья узналъ я другія новости, не менѣ важныя для Петербурга и государства—большія перемѣны въ министерствѣ.

Мнѣ, человѣку удаленному отъ свѣта и правительственныхъ дѣлъ, не могли быть извѣстны пружины, приводимыя въ движеніе для сокрушенія могущихъ. Все что совершалось выше гораздо болѣе покрыто было тайною чѣмъ нынѣ. Если же вѣрить молвѣ, и до меня доходившей, то Аракчеевъ, отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, пріобрѣтая все болѣе силы надъ встревоженнымъ умомъ Императора, старался удалить отъ него всѣхъ тѣхъ, кои не признавали его власти и чуждались всякихъ съ нимъ связей, и хотѣлъ замѣнить ихъ людьми ему преданными. Ему хотѣлось, будто говорилъ онъ, поставить дѣловое и опытное на мѣсто знатнаго пусточванства.

Не знаю, слѣдуетъ ли мнѣ здѣсь говорить о перемѣнахъ, послѣдовавшихъ въ предшествовавшихъ годахъ? О паденіи Бетанкура разсказалъ уже я длинную исторію. Военнаго министра я министромъ не признавалъ: онъ находился въ большой зависимости отъ начальника штаба, и скорѣе можно было назвать его генераль-интендантомъ. Не излишнимъ считаю однакоже упомянуть о смерти барона Меллера-Закомельскаго, скончавшагося, какъ утверждали, отъ несваренія желудкомъ излишней пищи, и о назначеніи на его мѣсто генерала кригсъ-комиссара, старика Александра Ивановича Татищева. У морскаго министра, маркиза Де-Траверсе, Нептуновъ трезубецъ совершенно выпадалъ изъ слабѣющихъ отъ старости рукъ; но Аракчеевъ читилъ его, и назначенный начальникомъ морскаго штаба, вице-адмиралъ Антонъ Василье-

*) Послѣ вышла она замужъ за Нѣмецкаго учителя Гимназіи Мауса. По смерти его она, какъ путная, какъ грамотная, сдѣлалась гувернанткой при дѣтяхъ въ одномъ честномъ дворянскомъ семействѣ, въ уѣздѣ живущемъ. О Русь, съ ея алчностью къ Европейскому просвѣщенію!

вичъ Моллеръ, принявъ сію часть въ управленіе свое, до конца жизни маркиза уступалъ ему первенство.

Болѣе тринадцати лѣтъ горделивый графъ Гурьевъ оставался министромъ финансовъ и въ денежный вѣкъ почиталъ себя первымъ министромъ. Никто не ожидалъ его увольненія; на Страстной недѣлѣ при докладѣ какъ-то проговорился онъ о своихъ немочахъ, о потребности отдохновенія, а Государь придрался къ тому, чтобы съ видомъ сожалѣнія сять съ него тяжкое бремя, на немъ лежащее; изъ него оставивъ ему самую легкую часть—Кабинетъ и Удѣлы. Преемникъ ему давно уже приготовленъ былъ Аракчеевымъ.

Генераль-интендантъ первой арміи, Егоръ Францовичъ Канкринъ, не ей одной извѣстенъ былъ умомъ, едва-ли не черезъ мѣру дѣятельнымъ, и обширными познаніями во всѣхъ частяхъ. Наука была наследственное имущество въ его семействѣ. Дѣдъ его, раввинъ Канкринусъ, принявшій не во святомъ, а въ реформатскомъ крещеніи имя Людовика, весьма извѣстенъ былъ не цѣлому, а только всему Нѣмецкому ученому міру. Сынъ его Францъ-Людовиковичъ былъ также, какъ утверждаютъ, хорошій писатель; онъ прибылъ въ Россію и, не такъ какъ иные чужеземцы, былъ ей отменно полезенъ; онъ умеръ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и управляющимъ Старорусскими соляными заведеніями. Наконецъ, сынъ послѣдняго, Егоръ Францовичъ, долженъ былъ далеко превзойти предковъ своихъ.

Онъ сперва долго находился въ гражданской службѣ. Я помню въ 1809 году его длинную фигуру, когда въ чинѣ статскаго совѣтника посѣщалъ онъ соляное отдѣленіе департамента государственнаго хозяйства, къ коему былъ онъ причисленъ и въ коемъ я временно занимался; онъ ни надъ кѣмъ не начальствовалъ, а служащіе изъявляли ему особенное уваженіе. Военный министръ, послѣ главнокомандующій, Барклай открылъ его великія способности, перевелъ въ Военное Министерство и взялъ съ собою въ армію, гдѣ поручилъ ему продовольственную часть. Четыре года сряду въ Россіи, въ Германіи, во Франціи войско наше, благодаря его попеченіямъ, ни въ чемъ не нуждалось. Находясь все между военными, захотѣлось ему надѣть ихъ платье, и генеральскіе эполеты были одною изъ наградъ за труды его.

Когда его назначили на мѣсто вельможи новаго изданія, Гурьева, казалось, что Министерство Финансовъ съ нимъ упадетъ. Ни мало: человекъ съ необыкновеннымъ умомъ всегда будетъ равенъ мѣсту своему, какъ бы высоко оно ни было. При великой учености, хотя онъ любилъ выдавать себя за Нѣмца и отчасти былъ имъ, не показывалъ онъ ни малѣйшаго педантства; живость другаго происхожденія проявлялась не въ дѣйствіяхъ, не въ поступки его, а въ рѣчахъ: онъ былъ

чрезвычайно остеръ. Самолюбіе было въ немъ чрезмѣрное, но спѣси вовсе не было: со всѣми обходился просто, хорошо, хотя слегка и давалъ чувствовать высокое мнѣніе о себѣ. Сей порокъ, если сіе такъ назвать можно, былъ въ немъ источникъ благороднѣйшаго чувства— великодушія: онъ до того презиралъ враговъ своихъ, что даже, когда могъ, никогда имъ не хотѣлъ мстить. Его занимали не одни дѣла и науки: онъ изрядно игралъ на скрипкѣ и любилъ говорить о музыкѣ; но еще лучше судилъ онъ объ архитектурѣ и написалъ книжку подъ названіемъ: *Ueber das Schöne in der Baukunst*. И хотя сіе не входило въ прямыя его обязанности, онъ умѣлъ украсить Петербургъ и его окрестности общественными полезными построеніями, отличающимися и прочностью, и вкусомъ.

Я воображаю себѣ, что должны были почувствовать директоры департаментовъ, когда послѣ важнаго, тупоголоваго Гурьева они начали заниматься съ человѣкомъ, у котораго была такая ясность въ мысляхъ, такая быстрота въ понятіяхъ. Миѣ два раза въ жизни случилось говорить съ нимъ: одинъ разъ просителемъ, не за себя; другой разъ даже бесѣдовать съ нимъ около часу. Я съ большимъ почтеніемъ подошелъ къ министру и не съ меньшимъ удовольствіемъ долго слушалъ разумника.

Онъ женился въ Могилевѣ на Катеринѣ Захаровнѣ, дочери Захара Матвѣевича Муравьева, брата Ивана Матвѣевича Муравьева-Апостола. По матери-Нѣмкѣ, была она двоюродною племянницею женѣ фельдмаршала Барклая и жила у тетки. Сія послѣдняя главную квартиру арміи находила весьма удобнымъ мѣстомъ для сбыта племянницъ. Кажется, съ окончательнымъ *инъ*, женившись на Русской, чего бы стоило Егору Францовичу сдѣлаться совершенно Русскимъ? Нѣтъ, званіе Нѣмца льстило его самолюбію, а званіе Русскаго, въ его мнѣніи, унизило бы его. Кто же виноватъ, если не мы сами, когда безъ всякаго спора такъ постоянно уступаемъ у себя иностранцамъ первенство передъ собою? И оно такъ останется, пока не явится другой Петръ и не подыметъ изъ униженія, въ которое ввергнулъ насъ первый Петръ.

Узнавъ объ увольненіи Гурьева, многіе, встрѣчаясь, произносили: «Христосъ Воскресъ» еще радостнѣе обыкновеннаго.

Въ этотъ же день послѣдовала другая важная перемѣна, но о которой мало говорили, вѣроятно, потому что она не была окончательною. Когда въ концѣ 1818 года возвращался я изъ Мобѣжа въ Петербургъ съ докторомъ Пикулинымъ, дорѣгой мы мало ли кой о чемъ переговорили; между прочимъ, многое узналъ я отъ него о князѣ Петрѣ Михайловичѣ Волконскомъ.... Свойства такихъ людей болѣе открыты бы-

вають ихъ врачамъ и камердинеру, чѣмъ духовнику ихъ. Въ качествѣ мелкаго медика приписанный къ свитѣ Государя, Пикулинъ находился во всѣхъ первыхъ его походахъ и путешествіяхъ, и Волконскій неоднократно прибѣгалъ къ его помощи, требуя скорыхъ, хотя бы сильныхъ, средствъ къ исцѣленію. Тщетно Пикулинъ объяснялъ ему, что одно радикальное леченіе можетъ ему помочь, а что такимъ образомъ зло придавленное въ послѣдствіи жестокимъ образомъ можетъ обнаружиться. «Вы увидите, что рано или поздно (точные слова Пикулина) все это ему отрыгнется». Предсказанія Пикулина сбылись..... Видно, въ этомъ году стало ему не въ мочь; безъ того неужели бы онъ рѣшился разлучиться съ Царемъ подъ опасеніемъ, что отвычка и забвеніе могутъ уменьшить милости его къ нему? Какъ бы ни было, онъ самъ сталъ проситься въ отпускъ за границу къ минеральнымъ водамъ, а недругъ его, Аракчеевъ, подготовилъ уже на его мѣсто одного изъ подручниковъ своихъ, начальника штаба первой арміи, барона Дибича. Черезъ шесть мѣсяцевъ, возвратясь къ должности, онъ уже въ нее не вступалъ, ибо заступающій его мѣсто утвержденъ въ званіи начальника главнаго штаба. Во время оно, когда посѣщалъ я домъ госпожи Танѣевой, видѣлъ я у нея все Аракчеевское общество и раза два его самаго. На балахъ, на вечеринкахъ, встрѣчалъ я семейства Апрѣлевыхъ, Дибичей, Клейнмихелей и другихъ и никакъ не могъ предвидѣть будущаго ихъ величія. Судьба Аракчеева сходствуетъ съ участію Наполеона, когда тотъ и другой гасли въ заточеніи: люди ими взысканные, ими созданные, удерживались, а нѣкоторые и возрастали въ могущество. Но никто изъ нихъ такъ скоро и такъ высоко не поднялся и такъ быстро не исчезъ, какъ Дибичъ.

Отецъ его, также какъ и онъ, Иванъ Ивановичъ, былъ престарѣлый Прусскій полковникъ, родомъ изъ Силезіи, какъ Славянское прозваніе его показываетъ. По призову ли Павла или самъ собою прибылъ онъ въ Россію, по доброй ли волѣ или нѣтъ оставилъ Пруссію, не знаю; если по неволѣ, то тѣмъ болѣе ему дѣлаетъ чести. Онъ слылъ великимъ тактикомъ, только не на практикѣ. Скоро произвели его у насъ генералъ-майоромъ, дали большое содержаніе и помѣстили въ Михайловскомъ замкѣ; и хотя потомъ всѣми признана была его бесполезность, дарованное ему оставлено. Двухъ сыновей его, изъ коихъ меньшей такъ прославился, опредѣлили въ Русскую службу.

Семеновскіе офицеры, какъ уже говорилъ я, старались въ обществѣ отличаться любезностью, ловкостью и щегольствомъ. Между ими молодой Дибичъ примѣчательнъ былъ неуклюжествомъ и невзрачностью. Товарищи однакоже не могли пренебрегать юношей, одарен-

нымъ великою твердостью и благородіемъ, напротивъ, въ своихъ недоумѣніяхъ, несогласіяхъ, всегда прибѣгали къ его совѣтамъ и подчиняли себя его суду. Въ немъ ничего не оставалось Славянскаго, одно только Германское во всемъ было видно. Всегда степенный, разсудительный, хладнокровный въ дѣлахъ обыкновенной жизни, какъ бы равнодушный къ окружающему, онъ исполненъ былъ огня; не сердце кипѣло у него, а горѣла голова и, какъ у всѣхъ Нѣмцевъ новѣйшаго времени, полна была фантазій. Во время первыхъ двухъ Французскихъ кампаній, не оставляя гвардіи, былъ онъ откомандированъ въ армію и не въ большихъ еще чинахъ умѣлъ показать храбрость и искусство. Когда Прусская королева съ супругомъ посѣтили Петербургъ, нѣсколько гвардейскихъ офицеровъ-молодцовъ назначены были для безсѣннаго при нихъ дежурства во время ихъ пребыванія. Какъ-то въ число ихъ попалъ и Дибичъ; кто-то изъ высшихъ вычеркнулъ его имя, промолвивъ: «Какъ можно? *Такую гнусную фигуру!*» Онъ узналъ о томъ, обидѣлся и вышелъ въ генеральный штабъ.

Двѣнадцатый годъ открылъ ему славное поприще, на которомъ онъ славно былъ остановленъ Парижскимъ миромъ. Находясь въ Могилевѣ первымъ лицомъ послѣ фельдмаршала, привыкалъ онъ уже тамъ къ главному начальствованію. Также какъ Канкринъ, женился онъ на племянницѣ госпожи Барклай, баронессѣ фонъ Торнау. Самъ Барклай любилъ его съ вѣжностью отца, однакоже не былъ ослѣпленъ на счетъ его недостатковъ. Я повторю здѣсь слова его, переданныя мнѣ однимъ изъ приближенныхъ: «Нельзя лучше Дибича найти начальника штаба; но горе ему и арміи, если онъ будетъ главнокомандующимъ». Не того ли же мнѣнія былъ Наполеонъ о Бертъе? Многіе полагали, что по привычкѣ трудно будетъ Александру безъ Волконскаго; они не знали Нѣмцевъ: изъ нихъ самый суровый на видъ лучше всякаго Русскаго умѣетъ быть гибокъ и угодителемъ тамъ, гдѣ его польза.

Въ это время и помину еще не было о намѣреніи графа Кочубея оставить должность; черезъ четыре мѣсяца спустя, узналъ я уже въ провинціи объ увольненіи его. Надобно полагать, что онъ надѣялся созданное имъ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ возвысить до прежняго значенія и самому вновь приобрѣсти довѣренность Царя; его ожиданія не сбылись, и онъ видѣлъ приближеніе минуты, въ которую предложить ему успокоиться; онъ не хотѣлъ дожидаться ея. Была еще и другая причина, законная, естественная: тринадцатилѣтняя дочь его, безъ ногъ, страдала всѣмъ тѣломъ до того, что не могла вынести движеніе кареты, а доктора совѣтовали отправить ее въ южный край. Тогда Кочубей едва ли не первый проложилъ путь, которому и теперь мало слѣдуютъ, хотя посредствомъ пароходовъ могъ бы онъ быть удобенъ.

На водахъ, на которыхъ сопровождалъ я Бетанкура, поплылъ онъ до Нижняго Новгорода, оттуда внизъ по Волгѣ поѣхалъ онъ въ Саратовъ и Дубовку; откуда, по краткости вѣлока, дочь его перенесли на рукахъ до Качалинской станицы на Дону. По этой рѣкѣ спустился онъ въ Азовское и Черное моря и къ осени на зиму приплылъ въ Θεодосію.

Управляющимъ министерствомъ на его мѣсто назначенъ былъ государственный контролеръ и можно сказать государственный мужъ баронъ Кампенгаузенъ. Опять Нѣмецъ! Но когда знатныя чада Россіи любятъ себя гораздо болѣе чѣмъ ее, почему не употреблять наемниковъ? Кампенгаузенъ не успѣлъ оглядѣться, какъ одинъ несчастный случай прекратилъ его дни: карета, въ которой сидѣлъ онъ, упала, а какъ человѣкъ былъ онъ тощій, точно хрустальный, то и долженъ былъ расшибиться въ дребезги.

На первый случай, чтобы замѣстить его, взяли за устарѣвшаго Василя Сергѣевича Ланскаго, а потомъ, забывшись, остался онъ на этомъ мѣстѣ. Онъ былъ нѣкогда лихимъ гусарскимъ полковникомъ Сумскаго полка и страстнымъ обожателемъ прекрасныхъ. Видно, было въ немъ что-нибудь еще другое, ибо Екатерина избрала его губернаторомъ въ Саратовъ, и тамъ онъ былъ совсѣмъ не лихимъ, а дѣятельнымъ и искуснымъ правителемъ ввѣренной ему страны. По его желанію, при Александрѣ въ томъ же званіи онъ переведенъ въ Гродну и тамъ, кажется, оставался до 1812 года. Судругъ и отецъ семейства, онъ въ прелестяхъ Полекъ находилъ извиненіе частымъ своимъ невѣрностямъ. По занятіи Русскими Варшавы, находился онъ долго членомъ временнаго тамъ правительства, пока не сдѣлали его членомъ Государственнаго Совѣта. Въ двухъ Капуяхъ, Гроднѣ и Варшавѣ, труды и наслажденія изнурили умственные силы этого старца еще болѣе чѣмъ тѣлесныя. Онъ хорошо понялъ, что слѣпому случаю обязанъ онъ министерствомъ и совершенно предался ему, мало заботясь о дѣлахъ, никогда не имѣя докладовъ у Государя и все почитая себя наканунѣ увольненія.

Въ сихъ Запискахъ стараюсь я по возможности слѣдовать хронологическому порядку, избѣгая всячески анахронизмовъ, но иногда принужденъ ихъ дѣлать, дабы не прерывать нити повѣствуемаго мною объ одномъ предметѣ. Вотъ почему долженъ здѣсь говорить еще объ одной перемѣнѣ въ министерствѣ, случившейся уже въ слѣдующемъ году, тѣмъ болѣе, что она была послѣдняя въ описываемое мною царствованіе.

Мы видѣли, какъ пошатнулся кредитъ князя Александра Николаевича Голицына; недоброжелатели его не упустили тѣмъ воспользоваться. Одинъ умный и смѣлый изувѣръ, архимандритъ Новгородскаго Юрьева

монастыря Фотій, съ грубымъ чистосердечіемъ соединяя большую дальновидность, сильный дружбой Аракчеева, преданностію и золотомъ графини Орловой-Чесменской, дерзнулъ быть душою заговора противъ него. Тайно поддержанный и митрополитомъ Серафимомъ, онъ слѣдилъ за преподаваемымъ въ учебныхъ заведеніяхъ и вопилъ противъ неправославнаго, даже нехристіанскаго направленія, которое оно принимаетъ. Три человѣка, находившіеся подъ начальствомъ Голицына и имъ облагодѣтельствованные, Магницкій, Руничъ и Кавелинъ, имѣли также связи съ противниками его и втайнѣ строили ему ковы. О двухъ изъ поименованныхъ случалось мнѣ говорить и, можетъ быть, еще случится; о Руничѣ не стѣбитъ того.

Когда все было готово, когда все назрѣло, одною книжкой, изданною Библейскимъ Обществомъ и пропущенною цензурой, какъ увѣряли меня, нанесенъ рѣшительный ударъ Голицыну. Въ ней, между прочимъ, сказано было, будто Спаситель нашъ, прежде земли, воплощался уже въ другихъ мірахъ, и что у Богоматери, исключая Его, были другія дѣти отъ Іосифа. Александръ сильно вознегодовалъ: цензоры полетѣли на гауптвахту; оба директора департаментовъ, Поповъ и Тургеневъ, были отставлены, а Голицынъ уволенъ только отъ управленія Министерствомъ Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія. Для препровожденія времени оставленъ ему Почтовый Департаментъ подъ именемъ Главнаго Управленія или министерства. Это одинъ изъ примѣровъ, что у насъ не людей избираютъ для министерствъ, а министерства создаютъ для людей.

Чтобы посадить на его мѣсто, вырыли изъ забвенія полумертваго Шишкова. Тріумвиры, выше названные мною, взяли его къ себѣ въ опеку, и изъ видовъ корысти, личнаго мщенія (а одинъ, Магницкій, по врожденной злости), именемъ его, стали преслѣдовать зло, но, противодействуя ему, творили ужасныя несправедливости. Съ назначеніемъ Шишкова, православная часть отошла отъ Департамента Духовныхъ Дѣлъ и, въ видѣ особой канцеляріи, перешла къ синодальному оберъ-прокурору; доклады же Святѣйшаго Синода Государю представлялись черезъ Аракчеева *. Изъ четырехъ министровъ троемъ (военному, юстиціи и внутреннихъ дѣлъ) было за семьдесятъ лѣтъ, а четвертому, министру просвѣщенія, около осьмидесяти. Сія геронтократія должна была нравиться Аракчееву своимъ безсиліемъ и покорностію. Впрочемъ спасибо ему за трехъ полезныхъ Нѣмцевъ.

*) Шишковъ сталъ называться министромъ народнаго просвѣщенія и главноуправляющимъ духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій.

Трудно изобразить состояніе, въ которомъ находился Петербургъ весною 1823 года. Онъ былъ подернутъ какимъ то нравственнымъ туманомъ; мрачные взоры Александра, болѣе печальныя чѣмъ суровые, отражались на его жителяхъ, и это вліяніе проникало даже до людей, подобно мнѣ, малозначительныхъ. Говорили многіе: «Чего ему надобно? Онъ стоитъ на высотѣ могущества». Всякій объяснялъ по своему причину его неутѣшной грусти. Человѣку, который долженъ былъ жить въ вѣкахъ, прославленному другу свободы, по необходимости сдѣлавшемуся ея стѣснителемъ, тяжело было думать, что онъ долженъ отказаться отъ любви современниковъ и отъ похвалъ потомства. Мнѣ кажется, что примѣръ Наполеона возбудилъ въ немъ сильное честолюбіе; но для удовлетворенія его думалъ онъ употребить не насилие, а совсѣмъ иныя средства. Онъ плѣнился Западомъ и хотѣлъ плѣнить его; вотъ чтò объясняетъ непонятное пристрастіе его къ Польшѣ: она была преддверіемъ Германіи и, подобно Наполеону, надѣялся онъ со временемъ быть ея главою. Мятежный духъ, поднявшійся въ этой странѣ, показалъ ему, что ожиданія его не сбудутся. Многія другія обстоятельства, и нѣкоторыя семейныя, тяготили его душу.

Петербургъ еще болѣе казенный, чѣмъ придворный городъ. Какъ ни говори, а Царь—солнце Петербургское; приближенные, высшее общество или дворъ, суть звѣзды, отражающія только его блескъ; но лучи его разливаются на всѣ состоянія. Примѣръ его дѣйствуетъ на всѣхъ; его добродѣтели или пороки, его бережливость или расточительность, страсть къ роскоши проникаютъ даже въ сословіе мелкихъ чиновниковъ. Послѣдніе годы жизни Александровой можно назвать продолжительнымъ затмѣніемъ.

Мое житіе и безъ того было невеселое, а женитьба брата на особѣ, которую я душевно любилъ и уважалъ, пуще манила меня къ сельской тишинѣ, обѣщающей мнѣ пріятное семейное общество. Въ Маѣ, не ранѣе, приступилъ я къ исполненію давно задуманнаго. Прежде этого времени года дороги внутри Россіи бывали чрезвычайно мучительны.

Я объяснился съ Бетангуромъ; молча и потупя глаза, выслушалъ онъ меня.

— «Какъ мнѣ удерживать васъ? отвѣчалъ онъ наконецъ. Когда я былъ въ силѣ, то не умѣлъ или не успѣлъ ничего для васъ сдѣлать; теперь же служба при мнѣ какую выгоду можетъ вамъ представить? Мнѣ уже говорили о вашемъ намѣреніи и, на всякій случай, я приготовилъ вамъ преемника: это бывший мой правитель канцеляріи Рандъ».

Это было мнѣ весьма не по сердцу: помощникъ мой, секретарь комитета, Нодень, за годъ до того оставилъ меня, получивъ выгодное мѣсто

правителя канцеляріи придворной конюшенной конторы. На его мѣсто поступилъ Александръ Ѳедоровичъ Волковъ, юноша преблагогородный, благовоспитанный, съ большими способностями и, что никогда не испортить, съ весьма хорошимъ состояніемъ. Его я прочилъ на свое мѣсто, которое, по тогдашнимъ лѣтамъ и чину его, могло для него быть лестно. Ну какъ быть! Я началъ собираться къ сдачѣ дѣлъ и къ отъѣзду.

Такъ какъ мнѣ никогда уже не придется говорить о Бетанкурѣ и о Рандѣ, то здѣсь мнѣ хочется досказать ихъ исторію. Старикъ послѣдній разъ отправился въ Нижній лѣтомъ 1823 года, взявъ съ собою одного только г. Волкова, о коемъ сейчасъ была рѣчь: въ униженномъ видѣ Рандъ не хотѣлъ туда являться. Тамъ узналъ бѣдный Бетанкуръ о смерти любимой дочери, г-жи Каролины Эспѣхо, и этотъ ударъ былъ для него чувствительнѣе всѣхъ прочихъ. Возвратясь въ Петербургъ, онъ быстро началъ близиться къ гробу и скончался въ Іюль 1824 года. Рандъ, которому не съ большимъ было тридцать лѣтъ, осужденъ былъ скоро послѣдовать за жертвой своей и умеръ въ Декабрѣ того же года.

Напрасно человѣку даны воля и разсудокъ. Судьба часто располагаетъ нами по прихоти своей или скорѣе по волѣ Того, Кто ею править. Со мною, по крайней мѣрѣ, въ жизни все хорошее и дурное приключалось внезапно, неожиданно. Такимъ же образомъ въ этомъ году вдругъ судьба моя перемѣнилась, какъ читатель увидитъ ниже. Но прежде того долженъ я напомнить ему двухъ юношей-отроковъ, бывшихъ моими товарищами въ Московскомъ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ, особенно объ одномъ, коего имя въ сихъ Запискахъ было разъ упомянуто, но никогда не повторено.

То былъ Константинъ Яковлевичъ Булгаковъ, который вскорѣ послѣ коронаціи Александра, по протекціи отца (нѣкогда посланника въ Константинополь) получилъ мѣсто въ многочисленной Вѣнсской миссіи. Работы ему тамъ было мало, да я думаю и вовсе не было: за то въ семь матеріальномъ городѣ нашель онъ бездну наслажденій. Онъ былъ красивъ лицомъ, крѣпокъ тѣломъ, любилъ безъ памяти женщинъ и умѣлъ имъ нравиться. Успѣхи его по сей части были всеневные, безконечные; увѣряли, что вся Австрійская аристократія перебивала въ его объятіяхъ. Онъ бы вѣкъ прожилъ въ Вѣнѣ, еслибы смерть отца не заставила его воротиться въ Россію. Покойный Яковъ Ивановичъ, выпросивъ двумъ незаконнорожденнымъ сыновьямъ фамильное имя свое, полагалъ, что съ нимъ вмѣстѣ связаны права законныхъ дѣтей, и не заботился о духовной. Племянницы, послѣ смерти его, стали оспаривать наслѣдство у сыновей; тяжба длилась, и положеніе Булга-

ковыхъ было совсѣмъ незавидное. Тогда Константинъ задумалъ отправиться въ Молдавскую армію, въ надеждѣ, что тамъ золото сыплется дипломатическимъ чиновникамъ. Надобно отдать ему справедливость: не однѣмъ красивымъ женщинамъ, но и сильнымъ людямъ умѣлъ онъ нравиться, съ тѣми и съ другими бывъ смѣлъ безъ дерзости и угодителенъ безъ униженія, вообще стараясь принаравливаться ко нраву каждаго. И поочередно былъ онъ любимцемъ Каменскаго, Кутузова и Чичагова; съ симъ послѣднимъ достигнувъ Березины, встрѣтился онъ опять съ Кутузовымъ, другомъ отца своего, который оставилъ его при себѣ. Послѣ того постоянно находился онъ въ большой арміи, или лучше сказать, въ свитѣ Государя до самаго Парижа; былъ также и на Вѣнскомъ конгресѣ. Тутъ много перенесъ онъ трудовъ, переписывая депеши и снимая копіи съ трактатовъ. Для редакціи его употребить никакъ нельзя было. Онъ самъ хорошо это зналъ и, возвратясь въ Петербургъ, сталъ прискивать мѣсто, которое бы представляло пріятную дѣятельность безъ большихъ трудовъ. Онъ сдѣланъ почтъ-директоромъ сперва въ Москву, а потомъ въ Петербургъ.

Это мѣсто, съ коимъ сопряжено было до восьмидесяти тысячъ доходу, было мѣсто завидное, однако-же не столько уважаемое. Оно находилось въ зависимости отъ Почтоваго Департамента и почиталось ниже директора онаго. Занимавшіе его были люди тихіе, образованные, жившіе въ небольшомъ кругу знакомыхъ, благословляя судьбу свою и откладывая ежегодно суммы для обогащенія дѣтей своихъ или родственниковъ. Булгаковъ умѣлъ поставить его на высокую ногу, придать ему какую-то важность министерскую. Греческую хитрость свою прикрывая дипломатическою умѣренною учтивостію и видомъ военной откровенности, которую принялъ онъ во время своихъ походовъ, составилъ онъ связи съ лучшими генералами и особенно съ приближенными изъ нихъ къ Царю. Тоже самое было и съ высшими гражданскими чиновниками; но со всѣми весьма искусно умѣлъ онъ поставить себя на ногу почти совершеннаго равенства. Въ пребольшихъ комнатахъ почтоваго дома, ярко на казенный счетъ освѣщенныхъ, два раза въ недѣлю принималъ онъ гостей. Вечера эти были новостію для Петербурга; соединяя лучшее общество съ нелучшимъ, они привлекали совершенною свободой и равенствомъ, которыя на нихъ царствовали. Самъ хозяинъ являлся въ сюртукѣ и съ трубкою во рту, а курительный табакъ былъ къ услугамъ всѣхъ гостей. Дамы, разумѣется, тутъ не показывались, и это можно было бы назвать холостою компаніей, если бы въ гостинной не сидѣла хозяйка, жена Булгакова, дочь Валахскаго бояра Варлама, которая, впрочемъ, все хохотала, обходилась свободно и нимало не стѣсняла веселья общества. Смѣло

ручаюсь, что усердѣе монархиста, чѣмъ Булгаковъ не могло быть; но судьба влечетъ людей и, освобождая себя и другихъ отъ узъ приличія, сіе поведетъ, можетъ быть, къ разрыву другихъ узъ, болѣе священныхъ.

Что ни говори, это былъ клубъ или трактиръ такого рода, въ которомъ самимъ министрамъ незачемъ было показываться, и входъ въ него ничего не стоилъ. Еще скорѣе залу или билліардную Булгакова можно было назвать биржей для не торговыхъ, а гражданскихъ оборотовъ. Тутъ можно было встрѣтить статсъ-секретарей, сенаторовъ, оберъ-прокуроровъ, директоровъ департаментовъ, которыхъ сперва звали, и которые послѣ сами напрашивались. Между ними были сдѣлки, условія, взаимныя соглашенія объ опредѣленіи чиновниковъ на мѣста. Булгаковъ игралъ тутъ роль главнаго посредника; о комъ бы ни замолвили ему слово, о человѣкѣ, котораго онъ никогда не видалъ, котораго вовсе не зналъ ни честности, ни способностей (объ этомъ онъ мало заботился), спѣшилъ онъ ходатайствовать за него. Отказы получалъ онъ нерѣдко и не сердился за то: вообще покровительство было у него не страстію, а расчетомъ. Всѣ прославляли его гостепріимство, которое ему ничего не стоило, и благодѣянія его, которыя стоили ему нѣсколько разсѣянно сказанныхъ словъ. Что касается до тяжбъ, то просьбы его бывали упорнѣе, настойчивѣе; онъ также не бралъ труда читать бумагъ, входить въ существо дѣла, а просто дѣлался защитникомъ одного изъ просителей... Удовольствіе было цѣлю его жизни... И никто еще изъ смертныхъ не наслаждался столько житейскими благами! Съ самой первой молодости я не чувствовалъ къ нему симпатіи; послѣ того, не имѣя никакой нужды ни въ особѣ, ни въ обществѣ моемъ, онъ едва замѣчалъ меня, а я едва ему кланялся.

Другой человѣкъ болѣе всѣхъ другихъ извѣстенъ читателю. Блюдовъ возвратился изъ Лондона и возвращается въ сіи Записки. Онъ находился въ иностранномъ министерствѣ безъ должности, но не безъ дѣла. Съ высочайшаго соизволенія, по докладу графа Каподистрии, поручено ему было создать Русскій дипломатическій языкъ, то-есть подъ его наблюденіемъ должны были заниматься молодые чиновники переводомъ всѣхъ актовъ Вѣнскаго конгресса. Переводы были дурны, и переправка ихъ ему стоила болѣе труда, нежели еслибъ онъ переводомъ самъ занялся, но дѣло сіе окончено съ желаемымъ успѣхомъ. Вскорѣ потомъ возложено на него другое важное порученіе.

Когда, въ концѣ 1815 года, Государь вторично воротился изъ Парижа, вспомнилъ онъ о сдѣланномъ имъ въ эти шумные годы небольшомъ завоеваніи, на которое дотолѣ онъ не обращалъ вниманія.

Бессарабія была сперва управляема, по гражданской части, престарѣлымъ Молдавскимъ бояромъ, Русскимъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, Скарлатомъ Дмитріевичемъ Стурдзою, по военной генераль-майоромъ Иваномъ Марковичемъ Гартингомъ. Первый скоро умеръ, и обѣ власти соединились въ рукахъ послѣдняго. Неустройствамъ тамъ не было конца, самоуправіе было чрезмѣрное. Сынъ умершаго Стурдзы, столь извѣстный Александръ Скарлатовичъ, находился тогда при уважаемомъ Государемъ статсъ-секретарѣ Каподистріи, былъ его другомъ и сотрудникомъ. Исполненный тогдашнихъ идей и зная склонность Александра отдѣлять отъ Россіи сдѣланныя ею завоеванія, онъ затѣялъ изъ частицы своего отечества сдѣлать маленькое образцовое государство, съ представительнымъ правленіемъ. Черезъ Каподистрію онъ успѣлъ въ томъ: Подольскій военный губернаторъ, Алексѣй Николаевичъ Бахматовъ назначенъ полномочнымъ намѣстникомъ въ Бессарабскую область, и она сдѣлана независимою отъ власти Сената и нашихъ министровъ. Еще хотѣлось ему, чтобы, по примѣру Польши и Финляндіи, назначенъ былъ для нея особый министр-статсъ-секретарь, и это желаніе отчасти исполнилось. Графъ Каподистрія согласился докладывать Государю по дѣламъ новаго края, а Стурдза, заправляя ими, приготовлялъ доклады, и нѣкоторымъ образомъ сдѣлался статсъ-секретаремъ по сей части.

Такимъ образомъ продолжалось до 1821 года, до возвращенія Государя изъ Лайбаха. Когда Греки возстали на Турокъ, положеніе Россіи въ отношеніи къ сему дѣлу было самое затруднительное. Возмущеніе сіе совпадало съ другими совершившимися на Западѣ, казалось въ тайной связи съ ними и какъ бы продолженіемъ мятежной цѣпи отъ Тага до Босфора. Стараясь усмирять однихъ, какъ можно было явно помогать другимъ противъ султана, законнаго владыки, въ нарушеніе святости трактатовъ! Католическій міръ, Французское правительство и особенно Австрія открыто держали сторону Турокъ; Англія, по обыкновению, смотрѣла спокойно на рѣзню народовъ. Намъ же, съ другой стороны, безъ всякаго участія внимать воплямъ нашихъ братій, нашихъ единовѣрцевъ, нашихъ первыхъ наставниковъ и учителей во святой нашей вѣрѣ, было невозможно. Всѣ народы Европейскіе, вся Россія зывали къ Государю; а Турція, тайно подстрекаемая, вѣроятно, самими же либералами, своими дерзкими поступками сама вызывала насъ на бой. Демократическій духъ этого возмущенія одинъ уже долженъ былъ насъ отъ того удерживать. Цѣлому свѣту извѣстна тутъ умѣренность Александра; по моему мнѣнію, никогда не поступалъ онъ столь осторожно, столь благоразумно и, смѣю прибавить, столь справедливо. Греку Каподистріи, котораго Турки подозрѣвали, обвиняли, и который явно по-

казывалъ республиканскія наклонности, оставаться при немъ долѣе было бы трудно. Онъ оставилъ и нашу службу, и Россію; за нимъ послѣдовалъ и Стурдза, вышелъ въ отставку и поселился въ южномъ краѣ.

Но какъ оставить безъ призрачія любезную Бессарабію? Кому завѣщать ее? Упросили графа Кочубея, при другихъ его большихъ занятіяхъ, замѣнить въ этомъ случаѣ графа Каподистрію, а Блудова—принять въ свое завѣдываніе дѣла находившіяся у Стурдзы. Онъ уже приучилъ себя къ трудамъ, а при Нессельроде не могъ онъ ожидать никакого важнаго значенія. Да и въ Лондонѣ бывалъ онъ занятъ только во время отсутствія посла графа Ливена, когда онъ на его мѣстѣ оставался повѣреннымъ въ дѣлахъ. Супруга сего послѣдняго, графиня Дарья Христофоровна, сестра двухъ Бенкендорфовъ, Александра и Константина, при немъ исправляла должность и посла, и совѣтника посольства, ежедневно присутствовала при преніяхъ парламента и сочиняла депеши. Сія женщина умная, сластолюбивая, честолюбивая, всю дѣятельную жизнь свою проводила въ любовныхъ, общественныхъ и политическихъ интригахъ. Веллингтонъ, Каннингъ и весь Лондонскій фашіонъ были у ногъ ея. Куды какую честь эта женщина приносила Россіи, ей чуждой по чувствамъ и по рожденію! Я не одобрялъ согласія Блудова: мнѣ казалось, что, въ превосходительномъ его чинѣ, доклады по одной малой области суть дѣло мелочное. Я не зналъ, что это дѣлаетъ его извѣстнымъ самому Царю.

И вотъ два человѣка, совсѣмъ различныхъ свойствъ, которые нечаяннымъ образомъ въ это время имѣли вліяніе на переворотъ въ судьбѣ моей.

Совсѣмъ собрался я, если не на вѣчный, то на долгій покой. Не болѣе пяти или шести разъ случилось мнѣ въ Петербургѣ посѣтить Нѣмецкій театръ; не понимаю, какъ мнѣ вздумалось вдругъ еще разъ взглянуть на него; я думаю отъ того, что на немъ играли любимую оперу мою—*Деревенскія Пльвицы*, Фіоравенти. Въ креслахъ увидалъ я Булгакова съ постояннымъ наперсникомъ его Маничаровымъ: они тутъ ухаживали за какими-то актрисами. Послѣдній во время между-дѣйствія подошелъ ко мнѣ и сперва началъ было говорить съ сожалѣніемъ о нашемъ бывшемъ начальникѣ и о моемъ положеніи. Но, не смотря на свой серіозный видъ, онъ до печальныхъ рѣчей былъ не охотникъ, любилъ однѣ веселыя. Вдругъ сказалъ онъ мнѣ:

— Знаете ли что? Вамъ предстоитъ случай пріятнымъ образомъ продолжать службу. Графъ Воронцовъ назначенъ Новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ.

Не желая объяснить ему мнѣнія, которое объ этомъ человѣкѣ составилъ я себѣ въ Мобѣжѣ, я отвѣчалъ, что за меня некому его просить,

— Какъ некому? А Булгаковъ-то на что? Вѣдь они съ нимъ страшные друзья.

— Нѣтъ, Булгакова я утруждать не буду; да и онъ самъ меня не очень жалуешь, отвѣчалъ я.

— Какъ вы ошибаетесь на его счетъ! Онъ на всякія одолженія готовъ.

Тѣмъ и кончился разговоръ нашъ.

Дня черезъ три заѣхалъ ко мнѣ Блудовъ, къ удивленію моему, съ упреками: какъ можно искать покровительства человѣка, котораго я не люблю и не уважаю, не предупредивъ о томъ пріятеля, который въ исполненіи моего желанія гораздо лучше могъ бы мнѣ способствовать? Я ничего не понималъ. Еще въ Лондонѣ хорошо былъ онъ знакомъ съ Воронцовымъ, а тутъ, когда назначили того вмѣстѣ и полномочнымъ намѣстникомъ Бессарабской области, то и по дѣламъ долженъ былъ онъ войти съ нимъ въ ближайшія сношенія. Я ничего про то не зналъ, да и мало о томъ заботился. Онъ пріѣхалъ ко мнѣ прямо отъ Воронцова, который, между прочимъ, спросилъ у него, знаетъ ли онъ меня?

— Мнѣ рекомендуетъ его Булгаковъ, сказалъ онъ; но вы знаете, какой онъ добрый, за всѣхъ хлопочетъ: ему трудно повѣрить.

Увлеченный пріязненнымъ чувствомъ, Блудовъ вѣроятно не побранилъ меня.

— О, если оно такъ, то нехудо бы поскорѣе съ нимъ сознакомиться! Да почему бы не завтра часовъ въ двѣнадцать? Я буду его дожидаться.

Я вспомнилъ театральную встрѣчу мою съ добрымъ Маничаровымъ, рассказалъ ее и прибавилъ, что ни намѣренія, ни желанія служить при Воронцовѣ не имѣю.

— Все равно, сказалъ Блудовъ, надобно все-таки сходить къ нему и найти средство учтивымъ образомъ отказаться.

Послѣдняго я никакъ не умѣлъ сдѣлать. Кто не знаетъ нынѣ Воронцова? Кто не знаетъ, какъ увлекателенъ бываетъ его пріемъ тѣмъ, коихъ онъ желаетъ при себѣ имѣть? Развѣ одинъ Александръ бывалъ очаровательнѣе, когда хотѣлъ нравиться. Онъ имѣлъ какую-то щеголеватую неловкость, слѣдствіе Англійскаго воспитанія, какую-то мужественную застѣнчивость и голосъ, который, не переставая быть твердымъ, бывалъ отменно нѣженъ. Болѣе получаса разговаривалъ онъ со мною на-единѣ о разныхъ предметахъ, преимущественно же о краѣ, коимъ собирался управлять. Я, съ своей стороны, ничего не упоминалъ о себѣ, не изъявлялъ никакихъ надеждъ, не указывалъ ни на какое мѣсто. Прощаясь со мной, просилъ онъ меня понавѣдаться къ

нему, дабы пообстоятельнѣе поговорить о нашихъ дѣлахъ. На этотъ разъ нашелъ я его въ какихъ-то хлопотахъ; онъ успѣлъ сказать со мною нѣсколько словъ, еще приголубить меня и пригласить дня черезъ два къ себѣ обѣдать. Потомъ опять присылалъ онъ меня звать къ себѣ, потомъ.... потомъ не знаю, какъ это сдѣлалось, я призналъ себя въ совершенномъ его распоряженіи. Онъ обошелъ меня, да и я, кажется, не совсѣмъ ему былъ противенъ. Даже графъ Кочубей расхвалилъ меня ему. Я нѣкогда служилъ подъ его начальствомъ, но какъ было ему знать меня? Не принималъ ли онъ меня за отца моего? По соглашенію съ Кочубеемъ и Блудовымъ, условлено по прибытіи на мѣсто сдѣлать меня правителемъ особой канцеляріи Бессарабскаго намѣстника.

Я, виновать, не пошелъ благодарить Булгакова: мнѣ не хотѣлось въ этомъ дѣлѣ признавать его участія. Итакъ, едва оставивъ службу, не думавъ, не гадавъ, я опять готовъ былъ поступить въ нее.

Мнѣ оставалось только отправиться надолго и въ долгій путь, ибо непремѣнно надобно мнѣ было заѣхать въ Пензу, гдѣ меня ожидали и куда заблаговременно, не предвидя, что со мной случится, отправилъ я свои пожитки и всю накопленную мною маловажную движимость.

VI.

Взявши мѣсто въ дилижансѣ на 8-е Іюня, я 7-го поѣхалъ въ Царское-Село обѣдать къ племяннику моему, Николаю Алексѣеву, который служилъ тамъ офицеромъ въ гренадерскомъ полку императора Австрійскаго. Тамъ гулялъ я въ саду, провелъ вечеръ, ночевалъ и на другой день рано утромъ, по условію съ кондукторомъ, сѣлъ въ остановившійся противъ квартиры племянника моего дилижансѣ.

По этой части въ два года съ половиной нашелъ я большое усовершенствованіе: когда Русскіе стануть перенимать, всегда стараются перещеголять своихъ образцовъ. Въ покойной четверомѣстной каретѣ, безо всякаго стѣсненія, засѣлъ я съ тремя женщинами. Но, если экипажъ былъ покоенъ, зато не общество, въ коемъ я находился. Оно состояло изъ одной, кажется, мадамъ Ледрю, по торговымъ своимъ дѣламъ отправившейся въ Москву, да изъ одной жены чиновника или помѣщика, Оловяжниковой, съ горничною дѣвкой. Сія послѣдняя сидѣла со мной рядомъ насупротивъ своихъ барынь или дамъ; она была не стара, но толста, черна, глупа и зла; часто грубила даже господамъ своей и при постоянномъ жарѣ природными, а иногда неосторожными испареніями заражала воздухъ. Француженка, какъ почти всѣ ея соотечественницы, была словоохотна, но ни слова не знала по-русски; Русская была молода, скромна и учтива, не говорила по-французски, а почитала необходимою вѣжливостію отвѣчать на безпрестанно обра-

щепныя къ ней рѣчи мадамы. Я нѣсколько времени служилъ имъ переводчикомъ, пока это мнѣ не надоѣло, и я рѣшительно отъ того не отказался, за что мадамъ крайне на меня осерчала; толстая дѣвка во снѣ прищипала меня къ стѣнкѣ, а я локтемъ въ бокъ будилъ ее. Такимъ образомъ провелъ я три дня съ половиной и пріѣхалъ въ Москву, не пользуясь пріязненнымъ расположеніемъ моихъ спутницъ.

Только до Бронницъ, за Новгородомъ, устроено было шоссе; далѣе должны мы были ѣхать прежнимъ, обыкновеннымъ путемъ; подѣзжая къ Москвѣ, послѣднія двѣ станціи по выбитой дорогѣ показались намъ невыносимы. Правительство начинало баловать насъ, но и понынѣ, распространяя по всей Россіи удобства путешествій, не можетъ причесть насъ къ странствованіямъ по своей землѣ.

По старинному обычаю, въ нашемъ семействѣ сохранившемся, въѣхалъ я прямо въ домъ отсутствующей сестры моей, на Старой Бюнюшенной. Она съ мужемъ зажила въ Пензѣ, отпраздновавъ свадьбу брата. Но ихъ со дня на день ожидали, что и задержало меня нѣсколько въ Москвѣ, ибо мнѣ не хотѣлось дорогою съ ними разъѣхаться. Городъ былъ пустъ, по крайней мѣрѣ, для меня; небольшое число моихъ знакомыхъ находилось въ деревняхъ. Но я не скучалъ, совершенно ведя жизнь любопытнаго путешественника. Всякій разъ, что я пріѣзжалъ въ нее послѣ пожара, Москва являлась мнѣ въ новой красотѣ. Въ этомъ году весной былъ открытъ такъ-называемый Кремлевскій садъ: грязная Неглинная, протекавшая черезъ гадкое болото, заключена въ подземный сводъ, а на поверхности ея явился прекрасный садъ или бульваръ, зеленою лентой опоясывающій почти весь Бѣлый Кремль. Въ этомъ мѣстѣ, которому подобнаго нѣтъ въ центрѣ Петербурга, проводилъ я вечера. Наконецъ, воротились мои Алексѣевы; пробывъ съ ними сутокъ двое и съ помощію зятя добывъ хорошую бричку на рессорахъ, я отправился въ дальнѣйшій путь.

Я могъ бы потерять счетъ проѣздамъ моимъ по Владимирской дорогѣ въ Пензу. На этотъ разъ мнѣ ровно нечего было бы о немъ говорить, еслибы не случилось со мной одно происшествіе, которое могло бы кончиться для меня несчастнымъ образомъ и о которомъ упоминаю здѣсь потому только, что нечего другаго сказать. За Муромомъ, проѣзжая лѣсами, около станціи Кулебаки, откуда ни возьмись голодный, чуть ли не бѣшеній волкъ. Сперва гнался онъ издали за повозкой моей, потомъ подскочилъ такъ близко, что я слышалъ, какъ онъ щолкаетъ зубами; не понимаю, чего онъ испугался и скрылся въ лѣсъ. Со мною не было огнестрѣльнаго оружія; въ смирной Россіи почиталъ я это излишнимъ, а испуганный ямщикъ бранилъ меня за то. Во весь опоръ по песку гналъ онъ тройку свою, предвидя новое появленіе волка. Онъ

не ошибся: изъ чащи волкъ стрѣлой прямо бросился на лошадей, но, къ счастью, далъ промахъ, очутился на другой сторонѣ дороги и въ удивленіи остановился. Показался мостъ; проскакавъ его, ямщикъ объявилъ, что опасность миновалась.

Благополучно прибылъ я въ Пензу къ вечеру 22-го Іюня. Еслибы не всегда этотъ городъ вмѣщаль въ себѣ драгоцѣнные для меня залого, я приближался бы къ нему, кажется, столь же равнодушно, какъ ко всякому незнакомому мнѣ уѣздному городу. Тутъ былъ я обрадованъ укрѣпившимися съ виду силами матери моей: лѣтомъ она всегда оживала. Не менѣе насладился я картиной супружескаго нѣжнаго согласія новобрачныхъ, брата моего и невѣстки. «Боже мой, говорилъ онъ мнѣ, какъ счастье было близко, у меня въ глазахъ, подъ руками, и я не понималъ его! Надобно было, чтобы другіе заставили меня вкусить его; сколько лѣтъ ранѣе могъ бы я имъ пользоваться!» Пріятно мнѣ было также увидѣть въ первый разъ небольшое семейство, нарожденное меньшою сестрой моею, Александрой; оно состояло изъ дочери Дарьи и сына Ивана. Въ мужѣ ея, Юматовѣ, было столько же странностей, какъ и въ ней самой; они часто ссорились, зато нѣжнѣе мирились, и оттого, мнѣ кажется, жили они счастливо.

Мнѣ судьба была пріѣзжать въ Пензу къ неизбѣжной Петровской ярманкѣ. На ней было довольно шумно, и я увидѣлъ нѣсколько новыхъ лицъ, въ Пензѣ поселившихся, между прочимъ, молодыхъ, образованныхъ дамъ; какъ знакомство мое съ ними было тогда мимоходное, то и не буду здѣсь говорить о нихъ. Губернаторъ Лубяновскій жилъ въ большихъ ладахъ съ моимъ семействомъ; въ губерніи его не очень уже любили, но онъ умѣлъ заставлять всѣхъ себѣ повиноваться.

Зрѣлищемъ совершенно для меня новымъ въ Пензѣ были войска, въ ней и вокругъ нея расположенныя. Съ незапамятныхъ временъ, кромѣ ополченія 1812 года да внутренней стражи, другихъ воиновъ въ ней не видали. Дивизіей начальствовалъ генералъ-лейтенантъ Иванъ Ѳедоровичъ Эмме, семидесятилѣтній старецъ, совсѣмъ не маститый. Чудесно-крѣпкаго сложенія, онъ еще бѣгалъ въ саду у брата моего, при мнѣ перепрыгивалъ черезъ довольно широкій ровъ, въ четвертый разъ былъ женатъ (у Нѣмцевъ это дозволено), женѣ своей, лѣтъ сорокъ его моложе, начиналъ измѣнять и собирался развестись съ нею. Хотя онъ и смотрѣлъ молодцомъ, о военныхъ подвигахъ его что-то мало знали. Получивъ изрядное образованіе, онъ въ обществѣ бывалъ довольно пріятель и весель. Мнѣ все это въ его лѣта не нравилось, и онъ мнѣ все казался старымъ Мекленбургскимъ жеребцомъ, еще годнымъ подъ сѣдло.

Мнѣ непремѣнно хотѣлось побывать въ Кіевѣ: проѣхать близъ его, на него не взглянувъ, казалось мнѣ и грѣхомъ, и великимъ для меня лишеніемъ. Также нужно мнѣ было поспѣть въ Одессу, въ одно время съ Воронцовымъ, гораздо послѣ меня изъ Петербурга выѣхавшимъ. Я сталъ тропиться, но можно ли скоро вырваться отъ родныхъ? Мнѣ должно было отпраздновать съ братомъ день именинъ его, 29-го Іюня, а потомъ день именинъ новобрачной и матери ея, Марѣы Адриановны Чемесовой, 4-го Іюля. Но на другой же день, 5-го числа послѣ обѣда, оставилъ я Пензу.

Мать моя, съ сестрой, братомъ и невѣсткой, по приглашенію семейства Ступишинныхъ, поѣхали провожать меня до селенія ихъ, Пановки, въ 35 верстахъ близъ Тамбовской дороги находящагося. Съ симъ семействомъ давно уже у насъ послѣдовало примиреніе. Не только Агнія Дмитриевна была жива, но и въ глубокой старости мать ея, воплощенная гордыня, Елисавета Петровна Леонтьева. Дочь ея, Александра Ивановна, бывшая за генераль-маіоромъ Панчулдзевымъ и нѣсколько лѣтъ уже овдовѣвшая, жила съ нею. Итакъ, три поколѣнія вдовъ и двое сиротъ составляли семейство сіе. Любопытно мнѣ было видѣть женатаго брата вмѣстѣ съ обожаемымъ нѣкогда предметомъ, въ близкомъ родствѣ съ тою, съ которою нѣсколько лѣтъ велъ онъ любовную переписку. Ни тѣни прежняго чувства: время все истребило, обхожденіе самое простое и дружественное.

Болѣе двадцати лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ какъ видѣлъ я Пановку и любовался ея господскимъ домомъ: онъ былъ длиненъ, просторенъ и чисто, хорошо отдѣланъ, съ иглочки. Впродолженіи этого времени, владѣльцы его, вдаваясь въ разныя чрезмѣрныя издержки, мало заботились о его поддержаніи; съ другой стороны, въ это время роскошь при убранствѣ комнатъ чрезвычайно увеличилась. Мнѣ предсталъ овъ тутъ съ своими обнаженными внутри стѣнами, въ видѣ клопящагося къ паденію сарая, нищенски прибраннаго. Отовсюду въ этомъ домѣ вѣяло разореніемъ: казалось, что двѣ хозяйки и Фортуна ихъ готовы скоро рухнуть *). Это чувство умножало грусть мою при разлукѣ съ матерью. Переночевавъ, отобѣдавъ и принявъ материнское благословеніе, 6-го числа пустился я далѣе.

Я поѣхалъ шибко ночью и днемъ: чуть разсвѣтало 7-го числа былъ уже я въ Чембарѣ. Не выѣзая изъ брички, съ удовольствіемъ посмотрѣлъ я на соборъ и на небольшія казенныя и частныя камен-

*) Дѣйствительно, не прошло двухъ лѣтъ, какъ обѣ старухи скончались въ неоплатныхъ долгахъ. И нѣкогда богатая невѣста, бѣдная Панчулдзева, должна была искать себѣ пропитанія, опредѣлившись въ Смольный монастырь инспектриссою классовъ.

ныя строенія вокругъ него, и вспомнилъ деревушку, которая лѣтъ за двадцать занесена тутъ была снѣгомъ. Днемъ проѣхалъ я Кирсановъ, а 8-го, рано утромъ, пріѣхалъ въ Тамбовъ. Я остановился въ какомъ-то чистенькомъ домикѣ и пролежалъ весь день: жары становились не-сносны, и я рѣшился днемъ отдыхать и ѣхать только ночью. Для сокращенія пути до Кіева, намѣренъ я былъ слѣдовать особому маршруту, который г. Лубяновскій имѣлъ обязательность мнѣ дать передъ отъѣздомъ моимъ изъ Пензы.

Съ большимъ удовольствіемъ поѣхалъ я изъ Тамбова по совершенно гладкой дорогѣ. Уѣздный городъ Козловъ, хорошо обстроенный, чрезъ который я проѣхалъ ночью, съ просонья показался мнѣ губернскимъ. Солнце начинало уже палить, когда 9-го пріѣхалъ я въ Липецкъ. Небольшой, чистый, хорошенькій городокъ весь былъ занятъ чающими движенія воды. За лощиной, въ которой находится цѣлебный ключъ, въ какомъ-то выселкѣ, нашли мнѣ пріютъ на постояломъ дворѣ. Мнѣ показалось тѣсно, душно, и я поселился въ темномъ чердакѣ. Тамъ было нѣсколько прохладнѣе, но жаръ на дворѣ былъ Африканскій: я мало ѣлъ, за то черезчуръ много пилъ лимонаду, отчего въ желудкѣ моемъ произошла большая революція. Когда къ вечеру она немного поутихла, пошелъ я взглянуть на заведеніе, коему подобнаго еще никогда не видалъ. Небольшой садъ и длинная простая деревянная галерея служили украшеніемъ сборному мѣсту. Такъ какъ уже смерклось, гуляющихъ почти никого не было; я встрѣтилъ, однакожъ, одного знакомаго, младшаго изъ Голицыныхъ, князя Владимира Сергѣевича, тогда кавалерійскаго полковника. Мы съ нимъ побалагурили; кромѣ пустяковъ о чемъ же съ нимъ было говорить? Я пошелъ къ минеральному колодцу отвѣдать его воды; ея желѣзистый вкусъ понравился мнѣ, и я выпилъ три стакана, отчего совсѣмъ прошелъ мой недугъ. Такимъ образомъ, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, я было захворалъ и исцѣлился въ Липецкѣ.

Давно уже извѣстно, что Липецкая вода, подобно Пирмонтской и Нарзану, укрѣпляетъ только совершенно разслабленныхъ, а въ другихъ болѣзняхъ бываетъ вредна. По невѣдѣнію и не ознакомясь еще съ заграничными путешествіями, многіе посѣщали ея источникъ. Теперь число ихъ невелико, но привычка осталась видѣть тутъ увеселительное лѣтнее мѣсто. Изъ околodka всѣ помѣщики съ деревенскими запасами пріѣзжаютъ пожить дешевымъ и пріятнымъ образомъ; даже изъ обѣихъ губерній, на границѣ коихъ стоитъ Липецкъ, кто на недѣлю, кто на двѣ пріѣзжаетъ погулять въ немъ. Являются за барышами игроки, комедіанты, а городокъ богатѣетъ и украшается, и говорятъ, что и понынѣ цвѣтеть.

Отъ Липецка до Ельца слѣдоваль я маршруту Лубяновскаго. Говорили, что тутъ отъ сорока до пятидесяти верстъ; мнѣ показалось, что болѣе полутора. Ночью, на наемныхъ лошадяхъ, безъ перемѣны и по ужаснымъ проселочнымъ дорогамъ, мнѣ приходило не въ мочь. Замѣчательно было одно большущее село, называемое Патріаршимъ; за нимъ по мостику переѣхаль я черезъ узкій Донъ и вступилъ въ Орловскую губернію. Не совсѣмъ было рано утромъ, когда 10-го числа пріѣхаль я въ Елецъ.

По народонаселенію своему и по наружности городъ этотъ больше и красивѣе многихъ губернскихъ. Въ немъ квартировалъ штабъ конноегерской дивизіи подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта графа Павла Петровича Палена, при коемъ, по несчастію, находился адъютантомъ старшій племянникъ мой, поручикъ Александръ Алексѣевъ. Я безъ спросу въѣхаль прямо къ послѣднему, а онъ безъ притворства обрадовался мнѣ. Встроемъ, съ двумя товарищами, занималь онъ довольно большой купеческій домъ, и всѣ потѣснились, чтобы дать мнѣ особую, хорошую комнату. Изъ нихъ старшій адъютантъ Ворожейкинъ, письменный человѣкъ, имѣлъ столь же подлую наружность, какъ и названіе; другой, князь Ухтомскій, былъ записной пьяница. Я ужаснулся, когда разглядѣлъ это житье, а еще болѣе, когда узналъ, что каковъ приходъ, таковъ и попъ.

На поляхъ сраженій Паленъ подружился съ отцомъ Алексѣева и сына взялъ къ себѣ. Узнавъ о пріѣздѣ моемъ отъ своихъ адъютантовъ, онъ въ тотъ же день велѣлъ меня звать къ себѣ обѣдать. Старшій сынъ знаменитаго Палена, онъ совсѣмъ не походилъ на меньшихъ братьевъ своихъ. Это былъ обрусѣвшій въ нашей арміи Прусскій гусарь, неискусный воинъ, а смѣлый рубака, никогда не веселый, хотя всегда навеселѣ. Свѣтская образованность, имъ въ молодости полученная, оставалась въ немъ, какъ облупившаяся позолота, мѣстами выказывающаяся. Сперва былъ онъ женатъ на послѣдней отрасли графовъ Скавронскихъ, въ другой разъ не знаю на комъ, а въ третій на казачкѣ Катеринѣ Васильевнѣ Орловой-Денисовой. Безо всякаго воспитанія, съ однимъ врожденнымъ женскимъ желаніемъ нравиться, умѣла она быть занимательна и любезна; онъ же былъ просто учтивъ, но ни къ кому не внимателенъ. Жену его удавалось мнѣ послѣ того нѣсколько разъ видѣть, его же никогда. Праздная и невоздержная жизнь, которая была у меня передъ глазами, заставляла меня трепетать за бѣднаго моего племянника, и увы! опасенія мои время оправдало.

Чего уже не было нѣсколько дней, согласился я ночевать въ постелѣ. На другой день, 11-го, жаръ опять остановилъ меня, опять обѣ-

далъ я у Палена и выѣхалъ только ночью, не по большой, не по проселочной, а по уѣздной дорогѣ въ городъ Ливны.

И въ этомъ городѣ, который уже совсѣмъ не походилъ на губернский, и куда пріѣхалъ я 12-го рано поутру, ожидало меня гостепріимство. Не знаю, говорилъ ли я гдѣ о двухъ близнецахъ, братьяхъ Беклемишевыхъ, родныхъ племянникахъ зятя моего Алексѣева? Съ самаго ребячества находились они подъ покровительствомъ цесаревича Константина Павловича; онъ записалъ ихъ въ конную гвардію, въ тоже время воспитывалъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ и по производствѣ въ конногвардейскіе офицеры содержалъ ихъ на свой счетъ. Отъ колыбели до полковничьяго чина дня не были они въ разлукѣ и разстались тогда только, когда каждому дали по полку. Одинъ изъ нихъ, Андрей Николаевичъ, у котораго и душа, и кошелекъ были на распашку, командовалъ тутъ конноегерскимъ полкомъ короля Виртембергскаго. Изъ Ельца былъ онъ предувѣдомленъ о моемъ пріѣздѣ, но это было ненужно. Ухвативъ меня, онъ скорѣе уложилъ меня спать и долго дожидался моего пробужденія, чтобы сѣсть за обѣдъ. Когда вечеромъ я готовъ былъ къ отъѣзду, нашли черныя тучи, сдѣлалась сильная гроза, и въ Ливнахъ ливня пошелъ дождь. Не надѣясь переждать его, я остался ночевать.

Ночью лило какъ изъ ведра, а когда поутру, 13-го, солнце выглянуло, и я сѣлъ въ повозку, то совсѣмъ не было грязи: пересохшая, алчная земля поглотила всю влагу. Слѣдуя путевому указателю моему, по какой дорогѣ поѣхалъ я? Право, рассказать теперь не могу; знаю только, что по самой кратчайшей, къ Курску. Въ иномъ мѣстѣ находилъ я почтовыхъ лошадей, въ другомъ обывательскихъ. Разстояніе, вѣрно, также было изрядное; ибо около сутокъ проѣхавъ шибко, 14-го пріѣхалъ я въ Курскъ, когда едва начинало свѣтать. Я остановился тамъ, куда привезъ меня ямщикъ, на постояломъ дворѣ.

Въ Петербургѣ одинъ молодой человекъ, съ которымъ я былъ знакомъ, князь Григорій Петровичъ Трубецкой, просилъ меня на случай проѣзда моего черезъ Курскъ доставить небольшую посылку зятю его, губернатору, Алексѣю Степановичу Кожухову, и далъ къ нему письмо. Порядочно выпавшись, часу въ одиннадцатомъ отправился я къ этому господину. Онъ встрѣтилъ меня въ губернаторскомъ домѣ посреди просителей и залы безъ стульевъ. Важность, съ которою игралъ онъ ролю свою, мнѣ понравилась. Начальнику Русской губерніи, которая народонаселеніемъ равняется Норвежскому королевству, не подобаетъ вести себя наравнѣ со всѣми, какъ, къ сожалѣнію, сіе нынѣ дѣлается. Сила, которую даютъ одни узаконенія, а еще болѣе личная дерзость никогда вполне не замѣнитъ нравственную силу, которую нѣкоторые прежніе губернаторы умѣли давать себѣ. Не столько себѣ, какъ

званію своему, обязаны они возвышать его и наружными формами. Онъ обошелся со мною, какъ съ Петербургскимъ пріѣзжимъ, и сказалъ, что, какъ самъ я вижу, онъ не имѣетъ времени заняться мной, а просить часа въ два пожаловать къ нему обѣдать на дачу.

Она находилась въ верстѣ отъ города, въ узкой, густыми деревьями осѣненной долинѣ, принадлежащей архіерейскому дому. Въ этихъ разѣздахъ могъ я хорошо разсмотрѣть Курскъ, украшенный тогда одною большою, каменными домами обставленною улицей. Я уже былъ въ немъ зимою 1802 года, не выдавъ его (съ замерзшими стеклами, сидѣлъ я закутанный въ возкѣ, и болѣе часу мы съ матерью въ немъ не оставались). Кожуховъ представилъ меня женѣ своей, Аннѣ Петровнѣ, урожденной Трубецкой. Она совсѣмъ не была красавица, но трудно было найти милѣе и нѣжнѣе ея голоса, взгляда и улыбки, стройнѣе и гибче ея стана. Говорили, что императоръ Александръ былъ къ ней неравнодушенъ и заключали изъ того, что, въ проѣздѣ черезъ Курскъ, онъ всегда лишній день съ нею оставался, а она всякую зиму мѣсяца на два ѣздила въ Петербургъ. Ну что за бѣда, еслибы и правда! Самъ Кожуховъ былъ не очень высокаго роста, крѣпокъ тѣломъ, бѣлъ и румянь. Правда, онъ деспотствовалъ въ губерніи; да какъ же иначе тамъ, гдѣ вѣковѣчные беспорядки иногда одною силою придавливаются? При немъ они почти прекратились. Люди, сами не подвергнутые строгости принимаемыхъ мѣръ, даже пользующіеся ихъ дѣйствіемъ, кричатъ противъ нихъ. Какъ быть? Нынѣ уже такъ ведется, чтобы желать невозможнаго; мы хотимъ кататься въ саняхъ среди благоуханія розъ.

За столомъ, за которымъ, считая меня, было насъ всего человѣкъ пять, хозяинъ совѣтовалъ мнѣ, если я тороплюсь, отправиться въ ту же ночь или пробить тутъ весь слѣдующій день.

— За окрестности Курска отвѣчаю я, сказалъ онъ; но въ прилегающихъ къ Малороссіи уѣздахъ нерѣдко бываютъ ночные разбои; не смотря на всѣ мои старанія, я не совсѣмъ могъ ихъ унять. И лучше, и вѣрнѣе мѣста эти проѣхать днемъ.

Я послушался его совѣта, ночью ѣхалъ препокойно и вступилъ въ опасныя, по словамъ его, мѣста, когда совсѣмъ разсвѣтало. Тутъ нѣкогда была Русская граница, чрезъ которую Украинская вольница тайно переходила для хищничества; къ ней приставали и наши бродяги. Все это послѣ поселено съ правами однодворцевъ. И позднѣйшее потомство этихъ людей не совсѣмъ можетъ отстать отъ ремесла предковъ. Я увидѣлъ городъ Льговъ рано поутру, Рыльскъ около полудня, а довольно большой и некрасивый Глуховъ, когда послѣдніе лучи солнца освѣщали его колокольни.

Наконецъ, я опять въ Малороссіи, съ неизъяснимою радостью сказалъ я себѣ, опять на дорогѣ, по которой первый разъ въ жизни проѣхалъ я отрокомъ! Мнѣ хотѣлось наглядѣться на мѣста, чрезъ кои проѣзжалъ, послушаться съ ребячества знакомыхъ рѣчей; темнота ночная скоро покрыла одни, другія умолкли: ибо утомленный дневными трудами народъ скоро предался сну. Въ сердечномъ волненіи, я не скоро могъ заснуть, думаю, передъ разсвѣтомъ; а когда проснулся, 16-го числа, былъ далеко внутри моей любезной Хохландіи. О, горе! На станціяхъ не только смотрители, всѣ ямщики говорили по-русски безошибочно, хотя съ дурнымъ выговоромъ. Мнѣ бы слѣдовало радоваться, видя непринужденное преобладаніе нашего господствующаго народа; но любимыя мѣста пріятно мнѣ находить точно въ томъ видѣ, въ какомъ я ихъ оставилъ. Оттого-то и городъ Нѣжинъ, чрезвычайно много противъ прежняго выигравшій, меня отнюдь не порадовалъ.

Меня тревожилъ дорогой нарывъ на боку. Во снѣ, вѣрно, я неловко какъ-нибудь поворотился, ибо чрезвычайно сильная боль разбудила меня 17-го рано поутру. Скоро забылъ я объ ней: на дальнемъ горизонтѣ сквозь вѣтви деревъ передо мной что-то блеснуло. Я подѣзжалъ къ послѣдней станціи, Броварамъ, и это была Печерская глава, маякъ православной вѣры, которому, завидѣвъ его издали, ежегодно десятки тысячъ богомольцевъ крестясь поклоняются. Очень рѣдко случалось мнѣ плакать отъ печали, почти никогда отъ радости; тутъ откуда ни возьмись слезы. Чувство и родное, и религіозное, и патріотическое вмѣстѣ возбудилъ во мнѣ этотъ минутный блескъ, скрывшійся скоро за деревьями. Въ Броварахъ, на мое счастье, былъ весьма добрый станціонный смотритель, который, замѣтивъ мое умиленное нетерпѣніе, далъ мнѣ тройку лихихъ курьерскихъ лошадей; съ ними восемнадцать верстъ проскакалъ я по сыпучему песку, точно такъ же какъ и по мосту черезъ Днѣпръ.

На Печерскомъ форштатѣ, въ Жидовскомъ трактирѣ, котораго при мнѣ не было, остановился я. Послѣ отсутствія, продолжавшагося болѣе двадцати одного года, увидѣлъ я опять Кіевъ. Несмотря на жаръ и на нарывъ, какъ бы опьянѣлый, пошелъ я ходить и прежде всего посѣтилъ крѣпость, теплое гнѣздо мое, и о радость! ничто въ ней тогда не перемѣнилось. Зашелъ помолиться въ лавру, также въ ближнія и дальнія пещеры. Сталъ спрашивать объ архимандритѣ Кипріянѣ, объ іеромонахахъ Павлинѣ и Трифилиі, часто вхожихъ въ нашъ домъ; ихъ давно не было въ живыхъ. Вступая въ разговоры съ монахами, довольно уже немолодыми, я припомнилъ имъ объ отцѣ моемъ и о нашемъ семействѣ; ни о немъ, ни о насъ никто изъ нихъ и не слышалъ.

И мѣсто, гдѣ подпись цвѣли,
Насъ болѣ не признаеть.

Горько было мнѣ подумать, съ какою быстротой время стираетъ слѣды наши.

Съ утомленными душой и тѣломъ воротился я обѣдать въ свой трактиръ, а потомъ отдохнулъ. Припоминая себѣ всѣхъ простосердечныхъ и добродушныхъ людей, которые любили мое младенчество и которыхъ я самъ любилъ, подумалъ я: неужели ни одного изъ нихъ нѣтъ на свѣтѣ? взялъ дрожки и пустился въ поиски. Въ тотъ же вечеръ сдѣлалъ я пріятныя открытія.

Первый, котораго отыскалъ я, былъ Павелъ Харитоновичъ Зуевъ, весьма умный человекъ, совѣтникъ Главнаго Суда, въ самый годъ послѣдняго выѣзда моего изъ Кіева женившійся на Катеринѣ Петровнѣ, дочери почтенной Іуліаны Константиновны Веселицкой, которую читателю не слѣдовало бы забыть. Когда я назвался, мужъ и жена вскрикнули отъ радости; наслышанныя о моемъ семействѣ, подростія, довольно большія дѣти обошлись со мною какъ съ давно знакомымъ. Стыдно сказать, кому тутъ еще обрадовался я? Арапу, бьющему въ бубны и стоящему на старинныхъ столовыхъ часахъ, принадлежавшихъ покойной Веселицкой: чудо механики, которому дивился я въ ребячествѣ. Какъ объяснить многія изъ нашихъ слабостей?

Скоро потомъ нашелъ я вдову лысаго лѣкаря нашего, Яновскаго, Іуліану Осиповну. Потерявъ мужа, выдавъ дочерей замужъ и давно отпустивъ сыновей въ военную службу, жила она сиротой въ собственномъ небольшомъ домикѣ, который для нея одной казался ей слишкомъ просторнымъ. Она начинала терять зрѣніе и даже по голосу, въ мужчинѣ, приближающемся къ сорокалѣтнему возрасту, не безъ труда могла узнать знакомаго ей мальчика. Но когда узнала, то заплакала, и нѣтъ нѣжныхъ выраженій на Украинскомъ нарѣчій, которыхъ бы она мнѣ не переговорила.

Еще обрѣлъ я старца, отца Степана, священника комендантской церкви. Этотъ съ перваго взгляда узналъ меня, всталъ, обратился къ иконамъ и началъ благодарить Бога, что далъ узрѣть ему хотя сына добродѣтельной матери моей. Онъ жилъ на покоѣ, въ тѣсномъ помѣщеніи, окруженный многочисленнымъ потомствомъ, и уже молодой внукъ его заступалъ его мѣсто въ крѣпости. Одна только добрая Василиса Тихоновна, моя Шехеразада, не дождалась меня, жестокая: умерла за мѣсяць до пріѣзда моего.

На счетъ сихъ лицъ я хотѣлъ было отослать читателя къ первымъ страницамъ сего безконечнаго повѣствованія; но мнѣ и такъ уже совѣстно занимать его совсѣмъ незанимательными для него предметами.

Что же мнѣ дѣлать? Воспоминанія этого новаго пребыванія моего въ Кіевѣ такъ живо мнѣ являются, что подъ перомъ моимъ сами собою выступаютъ на бумагу.

Безъ вышепоименованныхъ лицъ возвратясь, могу сказать, на родину, я увидѣлъ бы ее себѣ вовсе чуждою. Польскіе помѣщиками замѣнили въ ней Малороссійскихъ, но и они жили болѣе въ деревняхъ. Лѣтъ двѣнадцать не было уже въ Кіевѣ военнаго или генераль-губернатора. Первенствующею въ немъ особою находился тогда корпусный командиръ, Николай Николаевичъ Раевскій, прославившійся въ войну 1812 года. Тутъ прославился онъ только тѣмъ, что всѣхъ насильно магнетизировалъ и сжегъ обширный, въ старинномъ вкусѣ, Елисаветою Петровною построенный, деревянный дворецъ, въ коемъ помѣщались прежде намѣстники. Вообще и семейство его только и умѣло, что себѣ и другимъ вредить.

Преемникомъ Масса (преемника отца моего) былъ хворый братъ Аракчеева, Петръ Андреевичъ; но мнѣ никакого слѣда не было къ нему ѣхать. Съ губернаторомъ, нѣкогда Петербургскимъ полицеймейстеромъ, мнѣ знакомымъ, Иваномъ Гавриловичемъ Ковалевымъ, встрѣтился я на улицѣ, и онъ пригласилъ меня къ себѣ обѣдать. Хотя онъ былъ холостой, но жилъ не на холостую руку: у него хозяйничали двѣ старыя дѣвы, сестры его. Связь между сими тремя существами была изумительна и трогательна: нигдѣ я такой братской любви не видалъ. Ковалевъ былъ слишкомъ кротокъ для занимаемаго имъ мѣста, и я тогда же предвидѣлъ, что онъ на немъ долго не останется.

Трехъ дней было мнѣ достаточно, чтобъ осмотрѣть всѣ знакомыя мнѣ мѣста и даже нѣкоторыя изъ окрестностей Кіева. Между прочимъ, заѣзжалъ я и на хуторъ, принадлежавшій моему отцу, гдѣ было наше лѣтнее мѣстопребываніе. Онъ проданъ купцу Киселевскому и брошенъ имъ; старый домъ былъ разобранъ, и на его мѣстѣ построены двѣ-три хаты. Все таки могъ я наглядѣться на то, что сохранилось въ прежнемъ видѣ,—на прудъ, на плотину, на плодovitый садъ и на рощу, по тропинкамъ которой я рѣзвился когда-то. Отъ удовольствія и сожалѣнія, право, иногда замиралъ во мнѣ духъ. Хотя онъ былъ собственностью отца моего, а странное дѣло, и понынѣ всѣ называютъ его комендантскимъ хуторомъ.

Какъ въ Римѣ, такъ и въ Одессу всѣ пути ведутъ изъ Кіева. Мнѣ сказали, что ихъ нѣсколько; какъ мнѣ было выбирать изъ нихъ? У меня было письмо отъ матери къ графинѣ Браницкой, и потому сперва поѣхалъ я въ Бѣлую-Церковь, въ ночь съ 20-го на 21-е Іюля.

Ночи въ это время бываютъ еще коротки, да и путь былъ мнѣ не длиненъ; я совершилъ его до разсвѣта. Въ Бѣлой-Церкви живала

графиня только по зимамъ; лѣтомъ же—въ трехъ верстахъ оттуда, въ своей любезной Александріи, собственными ея стараніями возвращенный огромный паркъ. Туда я прямо проѣхалъ и остановился въ довольно чистой корчмѣ. Выспавшись, часу въ одиннадцатомъ, я принарядился и пошелъ являться.

Проходя садомъ или паркомъ, я подивился его красотѣ; строенія, которыя нашелъ я на концѣ его, меня удивить не могли. Надъ каменнымъ двухъ-этажнымъ домомъ, которому предназначено было вмѣщать въ себѣ гостиницу, большими буквами выставлено было слово Аустеріа, и въ немъ-то помѣщалась владѣтельница замка. Я нашелъ ее послѣ чая или завтрака одну съ дочерью, въ большой комнатѣ нижняго этажа, служащей ей и гостинной, и кабинетомъ, въ черномъ тавтяномъ, довольно-поношенномъ копотѣ, въ бѣломъ довольно-заношенномъ чепцѣ. Она не расточительна была на ласки и привѣтствія; за то простое, доброжелательное обхожденіе ея вселяло уваженіе и довѣренность. Поговоривъ со мной о матери моей, она сказала, что я непременно сколько-нибудь долженъ у нея погостить, а потомъ, позвонивъ, велѣла мнѣ во флигелѣ отвести двѣ или три весьма чистыя комнаты.

Въ этой женщинѣ было такъ много оригинальнаго, что распространиться немного объ ней считаю вовсе неизлишнимъ. При необъятномъ ея богатствѣ, всѣ говорили, что она чрезмѣрно скупа, и я имѣлъ тутъ случай убѣдиться въ томъ; за то на доброе дѣло случилось ей бросать по сту и по двѣсти тысячъ рублей. Въ этой Русской барынѣ, совершенно старинной помѣщицѣ, было такъ много ума, важности и приличія, что ни одинъ Полякъ, даже по заочности, не дерзалъ попрекать ее варварствомъ. Царствованіе Екатерины было на ней напечатано.

За обѣдомъ, исключая хозяйки и меня, сидѣли четыре женщины и одинъ мущина, и вотъ кто они были.

Младшая дочь, графиня Елисавета Ксаверьевна Воронцова, жена моего будущаго вачальника. Ей было уже за тридцать лѣтъ, а она имѣла все право казаться еще самою молоденькою. Долго, когда другимъ могъ надоѣсть бы свѣтъ, жила она дѣвочкой при строгой матери въ деревнѣ; во время перваго путешествія за границу вышла она за Воронцова, и всѣ удовольствія жизни разомъ предстали ей и окружили ее. Со врожденнымъ Польскимъ легкомысліемъ и кокетствомъ желала она нравиться, и никто лучше ея въ томъ не успѣвалъ. Молода была она душею, молода и наружностію. Въ ней не было того, что называютъ красою; но быстрый, нѣжный взглядъ ея миленькихъ небольшихъ глазъ пронзалъ пасквозь; улыбка ея устъ, которой подобной я не видалъ, казалось, такъ и призываетъ поцѣлуй. Сіе изображеніе

служить доказательствомъ моему безпристрастію, ибо въ послѣдствіи была она ко мнѣ черезъ чуръ немилосерда, хотя на этотъ разъ старалась быть откровенно любезна.

Какъ контрастъ, сидѣла подлѣ нея дочь генерала Раевского, Елена Николаевна, дѣва еще не старая, но мрачная и больная. Все семейство ея страдало полножелчіемъ и, смотря по сложенію каждаго изъ членовъ его, желчь болѣе или менѣе разливалась въ ихъ рѣчахъ и дѣйствіяхъ. Графиня Браницкая приходилась двоюродною теткой Николаю Николаевичу, и оттого покровительствовала и поддерживала его семейство, за что не весьма хорошо отблагодарило оно ее.

Третья особа была старая знакомка моя, Наталья Николаевна Ергольская, дочь Кіевскаго совѣтника, Николая Ивановича, о коемъ говорилъ я въ началѣ сихъ Записокъ. Я имѣлъ все право назвать ее пожилою дѣвой, ибо въ малолѣтствѣ моемъ знавалъ я ее совершеннолѣтнею. Она сама себя отлично образовала и своею любезностію точно служила украшеніемъ сему небольшому обществу.

Объ имени, четвертой женщины, какой-то шляхтянки, паньи-экономки, я не только не спросилъ, но даже хорошенько не поглядѣлъ ей въ лицо, хотя она сидѣла рядомъ со мною.

Предметомъ общаго, особаго вниманія гордо сидѣлъ тутъ Англичанинъ-докторъ, длинный, худой, молчаливый и плѣшивый, которому Воронцовъ, какъ соотечественнику, поручилъ наблюденіе за здравіемъ жены и малолѣтней дочери: передъ нимъ только однимъ стояла бутылка краснаго вина. Обѣдъ былъ вкусный и обильный, но вина за нимъ не подавалось. Вдругъ графиня, подозвавъ слугу и глазами указывая ему на меня и на бутылку передъ Англичаниномъ, сказала только: «гостю». Тотчасъ явилась передо мной другая бутылка; я выпилъ изъ нея рюмки двѣ; опорожнить же ее помогла моя сосѣдка, Полька. Замѣтно было, что она пользовалась не всеневнымъ случаемъ.

Порядочно отдохнувъ послѣ обѣда, графиня предложила мнѣ показать сама свое прекрасное созданіе. Она не повезла и не повела меня съ собою. Съ ослабѣвшими и опухшими ногами, она ходить не могла; два казака повезли ее въ креслахъ на колесахъ, а я сопутствовалъ ей пѣшкомъ. «Посмотри, батюшка, сказала она мнѣ: двадцать пять лѣтъ тому назадъ здѣсь было голое поле, прутива не видать было, а теперь мы гуляемъ въ густомъ лѣсу». Быстрая рѣчка Рось, въ иномъ мѣстѣ удержанная, въ другомъ выходящая по волѣ, протекаетъ весь этотъ длинный садъ. Отъ палящаго зноя этимъ лѣтомъ вся трава пожелтѣла; близъ рѣчки сохраняла она только свою свѣжесть, и большіе голубые цвѣты на высокихъ стебляхъ, по берегамъ ея насаженные, казались безконечною сапфировою цѣпью. Всѣхъ прелестей

этого очаровательнаго мѣста я описывать не буду: ихъ было слишкомъ много. Графиня Браницкая сроднилась съ природой; деревья сдѣлались ея обществомъ и друзьями. Проѣзжая мимо иныхъ, проговаривала она: «голубчикъ, красавецъ ты мой!» съ досадою отворачиваясь отъ другихъ, говорила мнѣ: «я этихъ терпѣть не могу»; однакоже не лишала ихъ жизни, не велѣла рубить. Сперва я не чувствовалъ усталости, но, наконецъ, готовъ былъ въ ней признаться моей вельможной путеводительницѣ, когда закатъ солнца заставилъ насъ воротиться.

Слѣдующій день провелъ я почти такимъ же образомъ. Дѣлаясь довѣрчивѣе и смѣлѣе съ графиней, я заговорилъ ей про толки, которые идутъ о ея капиталахъ, и находилъ, что, по моему мнѣнію, счетъ имъ долженъ быть преувеличенъ. «Не знаю, право, батюшка, навѣрное не могу сказать, а кажется, у меня двадцать восемь милліоновъ,» отвѣчала она. Потомъ прибавила: «Меня всѣ бранятъ за то, что я не строю дворца. Я люблю садить, а не строиться; одно потруднѣе другаго и требуетъ гораздо болѣе времени. Послѣ меня, если сыну моему вздумается взгромоздить хотя мраморныя палаты, будетъ ему изъ чего.»

Изъ Бѣлой-Церкви чѣмъ свѣтъ выѣхалъ я 23-го числа по тракту мнѣ тамъ указанному. Первый городокъ, который увидѣлъ я, былъ ледаціей Тарашъ, а послѣ большое мѣстечко Ольшаны, принадлежащее Василью Васильевичу Энгельгардту, племяннику Потемкина и брату Браницкой. Тутъ могъ я немного своротить съ дороги, чтобы взглянуть на Казацкое, гдѣ провелъ я годъ моего отрочества, и мнѣ до смерти того хотѣлось; но время становилось дорого и, околесивъ большую часть Россіи, дорога начинала мнѣ надоѣдать. Отъ Ольшаны и Казацкаго вплоть до Херсонской губерніи: идутъ имѣнья, купленные Потемкинымъ у князя Любомирскаго; изъ нихъ могло бы составиться княжество Потемкинское, пространнѣе и богаче пнаго Нѣмецкаго герцогства. Послѣ его смерти раздѣлены они между потомками трехъ сестеръ, и каждому изъ наслѣдниковъ досталось болѣе пяти тысячъ душъ. Въ тотъ же вечеръ проѣхалъ я Шполу, доставшуюся Дарѣ Николаевнѣ Лопухиной, внукѣ сестры его; рано утромъ — Золотополье, принадлежащее Николаю Петровичу Высоцкому, сыну той же сестры. Тотчасъ послѣ сего мѣстечка вступаешь въ Новороссійскій край.

Не знаю, кѣмъ или при комъ построень Новомиргородъ. Въѣхавъ въ него 24-го числа, я еще искалъ его. Вдали отъ соборной церкви разбросаны небольшія строенія, въ дальнемъ разстояніи другъ отъ друга находящіяся; мнѣ показалось это основой или кадромъ города. Опять не знаю, поступилъ ли онъ тогда въ вѣдомство военныхъ поселеній, только на каждомъ шагѣ встрѣчались въ немъ уланы разныхъ чиновъ. Я пустился далѣе.

Отъ Новомиргорода то, что показалось мнѣ степью, симъ именемъ еще назвать нельзя: являются пригорки, лѣски, вѣроятно, насажденные. Утомленный, гораздо до захожденія солнца, пріѣхалъ я въ Елисаветградъ, или крѣпость Св. Елисаветы, построенную въ царствованіе Елисаветы Петровны. Это было при ней крайнимъ, а въ наше время уже не новымъ, владѣніемъ Россіи. Я остановился тутъ; ибо городъ, хорошо обстроенный, окруженный садами, похожими на рощи, представлялъ мнѣ удобное мѣсто для отдохновенія. Въ деревянномъ трактирѣ, въ которомъ я остановился, былъ длинный рядъ чистенькихъ, бѣленькихъ комнатъ, обнесенныхъ, по южному обычаю, наружною, открытою галереей. Изъ нихъ я завялъ одну, но всѣ остались въ моемъ распоряженіи, ибо всѣ были пусты. Смертельную жажду, которую чувствовалъ, утолялъ я кавунами, по нашему арбузами, которыхъ съ полдюжины принесли мнѣ за полтину. Мнѣ нужно было успокоиться, укрѣпиться для перенесенія трудовъ слѣдующаго дня.

Я не имѣлъ понятія о тоскѣ пополамъ съ ужасомъ, которую чувствуешь, проѣзжая полуденными степями; я узналъ ее 25-го Іюля. Надо мною и подо мною была степь, одна безоблачная, другая безлѣсная. Благотворное въ другое время свѣтило безпощадно горѣло надо мною. Ни малѣйшаго вѣтерка, ну точно штиль среди тропическихъ морей. Ни ручейка, ни деревца, ни хатки, которые бы прервали угрюмое однообразіе сихъ мѣстъ. Во время вешнихъ дождей видъ на безконечное зеленое пространство, говорятъ, дѣйствительно, бываетъ пріятенъ; но тутъ трава не пожелтѣла, а почернѣла, и какъ зола, хрустя, разсыпалась подъ ногами. Какъ нить Ариадны, тянулась цѣпь пирамидообразныхъ столбиковъ, разныхъ величинъ, сооруженныхъ изъ битой земли, выбѣленныхъ и означающихъ версты, полуверсты и четверти версты. Они походили на надгробные памятники, и бѣлизна ихъ на чернотѣ грунта еще болѣе придавала всему траурный видъ.

Растаявшіе снѣга для стока ищутъ небольшія долины, каждый годъ роютъ ихъ глубже и такимъ образомъ вѣками изрыли глубокіе овраги, называемые тутъ балками. Въ нихъ зимой со степи надуетъ болѣе снѣгу, онъ долѣе держится въ нихъ; даже лѣтомъ сохраняютъ онѣ нѣкоторую влажность и отъ безпрепятственно въ полѣ бушующихъ вѣтровъ нѣсколько защищены своими берегами. На днѣ ихъ преимущественно, даже исключительно, построены селенія; но, чтобы ихъ увидѣть, надобно подъѣхать къ нимъ и спуститься въ оврагъ. На станціяхъ, въ нихъ устроенныхъ, находилъ я землянки, которыя меня привлекали своею прохладой и на четверть часа, иногда на полчаса, останавливали меня. Названія сихъ станцій, между прочимъ, Сугоклея, Громклея, суть на языкѣ мнѣ вовсе неизвѣстномъ; не на Печенѣжскомъ

ли, не на Хазарскомъ ли? Отъ Елисаветграда сдѣлавъ 180 версть, гораздо за полночь пріѣхалъ я въ Николаевъ, главный Черноморскій военный портъ.

Куда меня привезли, право не знаю; сказали, что въ трактиръ. Еслибъ я успѣлъ заснуть, то отъ чрезвычайной усталости вѣрно бы такъ крѣпко, что не почувствовалъ бы мученія, на кое былъ осужденъ. Милліоны блохъ, гораздо больше и злѣе нашихъ, осыпали меня; я подумалъ, что постель моя осыпана рубленою щетиной. Я всталъ, велѣлъ подать свѣчку, ужаснулся числу враговъ моихъ, окатился водой и перебрался въ свою бричку. Тамъ уснулъ, но вѣрно не посмотрѣлъ на часы, ибо сказалъ, чтобы, не дожидаясь моего приказа, со свѣтомъ запрягали лошадей, а черезъ часъ онъ показался. Я проснулся и пустился на новую пытку. Когда я въѣхалъ въ Николаевъ, была совершенная темнота; когда выѣхалъ изъ него, мнѣ было не до любопытства, и потому на этотъ разъ я его почти не видалъ.

Во время утренней прохлады, на паромѣ переправился я черезъ широкій Бугъ. Сильное волненіе въ крови моей поутихло, и я опять немного могъ заснуть, но скоро жаръ разбудилъ меня. Степь начинаетъ терять тутъ свое однообразіе. Море выступившее во внутренность земли заливами или лиманами, удаляясь подъ симъ послѣднимъ именемъ, оставило за собою озера, отдѣленные отъ него довольно большимъ пространствомъ, черезъ которое надлежало мнѣ проѣзжать. Наконецъ увидѣлъ я третью степь, влажную, голубую, хотя и называютъ ее Чернымъ моремъ, и это немного развеселило во мнѣ духъ. На семь пути замѣтны не такъ давно совершившіяся превращенія въ этомъ краю. Станціи или селенія носятъ по два имени, одно — прежнее Татарское, другое — полурусское, полуюропейское: такъ, на примѣръ, Тилигуль, принадлежащій Англичанину Коблѣ, бывшему Одесскому коменданту, получилъ названіе Коблевки; Аджеликъ, гдѣ Французъ Дофинѣ, сперва поварь, потомъ дворецкій Потемкина, наконецъ чиновникъ, поселилъ небольшое число крестьянъ, названъ Дофинкой. Солнце уже сѣло, когда съ сей послѣдней станціи пустился я въ Одессу. Прежде чѣмъ я въѣхалъ въ этотъ замѣчательный городъ, долженъ былъ я испытать большое, хотя послѣднее дорожное мученіе. Мнѣ надобно было девять версть ѣхать по такъ-называемой Пересыпи, одно изъ тѣхъ плоскихъ мѣстъ, съ которыхъ море стекло; все одинъ песокъ, но не вездѣ сыпучій; въ иномъ мѣстѣ, связанный, вѣроятно, соляными частицами, былъ онъ твердъ, въ другомъ уступалъ тяжести повозокъ, и отъ того все пространство наполнено было опасными для ѣзды ямами, особенно ночью.

Насилу въ десять часовъ вечера, 26-го Іюля, пріѣхалъ я въ Одессу.

VII.

Среди ночной темноты все показалось мнѣ громадно. Я остановился въ извѣстнѣйшемъ отелѣ Ренд, близъ театра, передъ которымъ горѣла блестящая иллюминація. Она была по случаю пріѣзда графа Воронцова и должна была продолжаться три дня. Подмостки были сдѣланы, шкалики куплены, и хотя въ это самое утро отправился онъ въ Бессарабію, ее все-таки зажгли. Слѣдовательно, какъ будто праздновали его отбытіе.

Никогда еще столь богатыхъ матеріаловъ не имѣлъ я для разработки; никогда столь длинной галлерей замѣчательныхъ портретовъ не представлялось мнѣ для списыванія какъ тамъ, куда въ первый разъ пріѣхалъ я: новый край, молодой еще, но высоко поднявшійся городъ, съ разнороднымъ населеніемъ, можно сказать, въ маломъ видѣ раждающійся цѣлый міръ; наконецъ, настоящій дворъ, сборное, безпрестанно мѣняющееся общество. И когда пришлось мнѣ все это описывать? Когда воображеніе гаснетъ, память тупѣетъ, охота пропадаетъ. Если бы я былъ такъ счастливъ, чтобы въ читателѣ возбудить какое-нибудь участіе собственно къ судьбѣ моей: то продолженіе простаго разсказа о похожденияхъ моихъ достаточно бы было для удовлетворенія его любопытства. А вотъ чѣмъ я долженъ буду ограничиться.

Въ Одессѣ было тогда только два заѣзжихъ дома, подъ именемъ отелей, принадлежащихъ двумъ купцамъ-Французамъ, Сикару и Ренд. Первый изъ нихъ былъ настоящій торговецъ изъ Марсели, умный, веселый и пріятный человекъ. Другой былъ парикмахеръ, который, понажившись, сталъ торговать духами; подъ покровительствомъ Ришелье въ Одессѣ, отъ пудры перешелъ онъ къ крупчатой мукѣ, разбогатѣлъ, завелъ себѣ дачу и построилъ домъ. Въ двухъ небольшихъ комнатахъ одного изъ нихъ помѣстился я надъ конюшнями, что было для меня весьма выгодно, ибо, чувствуя въ нихъ нестерпимый жаръ и духоту и не опасаясь неудовольствія отъ нижнихъ жильцовъ, заплатилъ я за ушаты морской воды и полилъ ею у себя весь полъ. Отъ того стало немного свѣжѣе, и я свободно могъ провести первую ночь въ Одессѣ.

Какъ я пріѣхалъ въ этотъ городъ съ намѣреніемъ служить въ немъ и остаться, то и необходимо мнѣ было явиться къ которой-нибудь изъ властей. Главной, графа Воронцова, не было; оставался градоначальникъ, и я поѣхалъ къ нему. Прежде чѣмъ назову его, надобно мнѣ объяснить причины нѣкоторыхъ перемѣнъ въ управленіи, послѣдовавшихъ въ семь краю. Когда въ 1815 году дюкъ де-Ришелье, Одесскій градоначальникъ и Новороссійскій генералъ-губернаторъ вмѣстѣ,

оставилъ Россію, по указанію его, на оба мѣста назначенъ былъ его землякъ, генералъ отъ инфантеріи, графъ Ланжеронъ, вѣтреннѣйшій и болтливѣйшій изъ всѣхъ Французовъ. Какъ при немъ шли дѣла, этого уже не нужно спрашивать. Не знали, какъ него отдѣлаться. Находя, что одна изъ должностей его не совмѣстна съ высотой его чина, сверхъ того, имѣя желаніе подчинить себѣ всѣ градоначальства, онъ исходатайствовалъ пріятелю своему, тайному совѣтнику Николаю Яковлевичу Трегубову, званіе Одесскаго градоначальника, съ тѣмъ, однакоже, чтобы онъ оставался въ его зависимости. Не прошло года, какъ они ужасно перессорились и стали доносить другъ на друга. Пожертвованъ, разумѣется, былъ подчиненный и удаленъ отъ службы. Открывшееся мѣсто всемогущій тогда Гурьевъ умѣлъ выпросить сыну своему, нерѣдко реченному графу Александру Дмитриевичу, даже съ условіями стѣснительными для Ланжерона. Какъ онъ, такъ и Ришелье жили въ Одессѣ только по званію градоначальниковъ; мѣстопробываніемъ же генераль-губернаторовъ назначенъ былъ скучный Херсонъ, и ему вѣльно было туда переѣхать. Онъ разсердился, но въ отставку не подалъ, чего съ нетерпѣніемъ ожидали. Но, дабы показать неудовольствіе, потребовалъ онъ годовой отпускъ и отправился въ Парижъ. Мѣсто его заступилъ временно-управляющій Бессарабскою областію, генераль-лейтенантъ Инзовъ. Лишь только узнали о предпріятомъ имъ обратномъ пути, какъ поспѣшили назначить Воронцова, и съ этимъ уже не торговались, все отдали ему: и Новороссійскій край, и Бессарабію, и градоначальства, и даже Одессу для жительства. О семъ назначеніи узналъ Ланжеронъ въ проѣздъ свой черезъ Германію; онъ остановился, сильно было прогнѣвался, но съ счастливымъ легкомысліемъ своимъ скоро пересталъ тужить и поѣхалъ далѣе.

На хуторѣ Коблѣ, ближайшемъ къ городу, предсталъ я передъ давнишнимъ знакомымъ моимъ, Петербургскимъ, Кяхтинскимъ, Мобѣжскимъ, и онъ принялъ меня какъ добраго пріятеля, не пустилъ меня, заставилъ у себя обѣдать, и всеневно-славный столъ его пробудилъ во мнѣ апетитъ, потерянный во время сильныхъ жаровъ. Внезапный упадокъ отца его, назначеніе Воронцова, много сбавили съ него спѣси. Его графиня, Авдотья Петровна, какъ и всегда, была гораздо милѣе его. А вотъ на первый случай и знакомый для меня домъ.

Изъ многочисленной свиты Воронцова одинъ только человѣкъ находился въ Одессѣ, состоящій по особымъ порученіямъ, полковникъ баронъ Пфейлицеръ-Франкъ. Бѣдному Курляндскому дворяничку, учившемуся въ кадетскомъ корпусѣ, служившему въ кавалеріи, посчастливилось попасть въ адъютанты къ Воронцову. Не знаю, былъ ли онъ отъ природы веселаго ума, только всегда расположенъ былъ къ шут-

камъ, зная, что ими угождаетъ высшимъ и нравится равнымъ. Шутки его бывали иногда очень остры, особенно приправленные искусствомъ передражниванья. Этого бы, кажется, достаточно; но, сверхъ того, начальника своего наединѣ забавлялъ онъ городскими и всякаго рода вѣстями. Къ чести послѣдняго надобно сказать, что онъ былъ самымъ приближеннымъ его, но не самымъ довѣреннымъ человѣкомъ. Жаль, право; у Франка былъ умъ, хотя никакой способности къ дѣламъ, а многіе видѣли въ немъ просто шута и лазутчика. Раза два прозрѣлъ я въ Петербургѣ особу его, но подробности о ней мнѣ были вовсе неизвѣстны. Неизлишнимъ счелъ я навѣстить его, дабы получить свѣдѣнія о его начальникѣ, еще не моемъ; онъ мнѣ показался очень забавенъ, и я съ удовольствіемъ слушалъ его; онъ это замѣтилъ и, кажется, навсегда остался мнѣ доброжелателемъ.

Пробывъ около недѣли въ Кишиневѣ, намѣстникъ отправился осматривать южную часть Бессарабіи. Отсутствіе его длилось, а я оставался безъ дѣла и даже въ нѣкоторой неизвѣстности на счетъ моего назначенія. Между тѣмъ чиновники, опредѣленные въ штатъ генераль-губернатора, одинъ за другимъ безпрестанно пріѣзжали изъ Петербурга и всѣ останавливались въ трактирѣ Ренд, гдѣ я жилъ, и гдѣ славный поваръ-Французъ, Оттонъ, кормилъ насъ за весьма дешевую цѣну, ибо съѣстные припасы стоили тогда весьма мало. Изъ сихъ чиновниковъ, пріѣхавшій первый и, конечно, примѣчательнѣйшій изъ нихъ, былъ Алексѣй Иракліевичъ Левшинъ, человѣкъ лѣтъ двадцати пяти. У него были и познанія, и способности, и трудолюбіе, вмѣстѣ съ врожденною ко всѣмъ пріѣтливостію, которая, равна будучи и со старшими, не могла имѣть ни малѣйшаго вида подлости, сверхъ того, довольно замѣтное честолюбіе, однимъ словомъ,—всѣ средства къ возвышенію. Мнѣ едва ли случалось встрѣтить человѣка болѣе его благороднаго въ поступкахъ, болѣе одареннаго тѣмъ, что Французы называютъ умомъ поведенія, *esprit de conduite*. Выгораживая себя, по всей истинѣ могу сказать, что это было единственное дѣльное пріобрѣтеніе, сдѣланное Воронцовымъ въ Петербургѣ. О другихъ чиновникахъ, пріѣхавшихъ въ тоже время, буду говорить послѣ, а можетъ быть, и ничего не буду говорить.

Наконецъ, прибылъ гвардіи полковникъ Александръ Ивановичъ Казначеевъ, нѣкогда дежурный штабъ-офицеръ въ Мобѣжскомъ корпусѣ, главное лицо въ Воронцовской свитѣ. Четверти часа разговора съ нимъ было достаточно, чтобы увидѣть въ немъ добрѣйшаго человѣка въ мірѣ. И доброта эта была не апатическая, а живая, огненная, всегда готовая на общее и частное добро. Во всеобщей любви его къ человечеству Русскіе занимали первое мѣсто, если не онъ самъ; но не бу-

демь смѣшивать себялюбіе или эгоизмъ съ самолюбіемъ. Перваго въ немъ вовсе не было, послѣднее преступало за всѣ возможные и дозволенные предѣлы. Твердо вѣруя въ свою непогрѣшимость, онъ ни за что не отступался отъ мнѣнія своего, даже тогда, когда обманъ, въ который онъ былъ вовлеченъ, дѣлался очевиденъ. Правдивые люди всегда бываютъ довѣрчивы; для отклоненія заблужденій такимъ людямъ нуженъ сильный умъ и быстрый, вѣрный взглядъ на людей и на дѣла; а были ли они въ немъ, это остается еще подъ сомнѣніемъ. Я зналъ его въ Мобѣжѣ и полюбилъ; послѣ того находился онъ въ гвардейскомъ штабѣ, но мнѣ не случилось съ нимъ увидѣться. Эти господа военные, занимающіеся въ инспекторскомъ департаментѣ или гдѣ въ иномъ мѣстѣ письменными дѣлами, считаютъ гражданскую службу за сущую бездѣлку и не скоро могутъ понять великой разницы между именными списками, рапортчиками и составленіемъ выписки изъ огромнаго дѣла.

Скоро изъ Кишинева обратно прислалъ Воронцовъ еще одного дѣльца, Никанора Михайловича Лонгинова, брата Николая Михайловича, секретаря императрицы Елисаветы Алексѣевны, потомъ великаго статсъ-секретаря. Онъ не былъ подобно брату воспитанъ въ Англии, а изъ семинаристовъ попалъ въ какую-то военную канцелярію и былъ потомъ полковымъ аудиторомъ въ Мобѣжскомъ корпусѣ. Мужикъ онъ былъ довольно добрый, только что не совсѣмъ глупъ, великой педантъ, сухой, кривой, скучный.

Я былъ призванъ сими двумя господами на совѣтъ касательно новаго устройства генераль-губернаторской канцеляріи. Въ Россіи всѣ хотятъ, возвышая мѣсто служенія своего, поднять свою должность и свою особу; отъ того-то совсѣмъ неважныя управленія успѣваютъ дѣлаться особыми министерствами. Я скоро замѣтилъ, что Казначеевъ намѣренъ создать не только нѣчто въ видѣ департамента, но настоящій департаментъ министерскій и быть его директоромъ.

Департаментъ долженъ былъ состоять изъ четырехъ отдѣленій: первое, по всей справедливости, должно было принадлежать коллежскому ассессору Лонгинову, участвовавшему въ проектѣ; четвертое, въ которомъ должны были находиться Бессарабскія дѣла, назначено было мнѣ. Не знаю, какъ не вскрикнулъ я отъ удивленія и негодованія. Вотъ куда я упалъ! подумалъ я. Надобно было объясниться.

— Еще въ Петербургѣ условлено было, чтобы Бессарабскія дѣла, кои и понынѣ составляютъ отдѣльную часть, находились подъ особымъ моимъ управленіемъ, сказалъ я.

— Это невозможно, воскликнулъ Казначеевъ:—въ высочайшемъ приказѣ сказано, что такой-то назначается правителемъ канцеляріи

Новороссійскаго генераль-губернатора и полномочнаго намѣстника Бессарабской области. Послѣ того какъ же быть? Да и соглашусь ли я съ кѣмъ-нибудь дѣлиться?

— Вы совершенно правы, но и мнѣ да позволено будетъ желать не имѣть другаго начальника кромѣ намѣстника: семь лѣтъ находился я въ непосредственной зависимости отъ одного главнаго начальника.

— Ну, что за важность, и какже можно сравнивать какого-нибудь Бетанкура съ *нашимъ* графомъ?

— Тутъ дѣло идетъ не о лицахъ, а о должностяхъ, и, кажется, что министръ можетъ почитаться, по крайней мѣрѣ, равнымъ генераль-губернатору.

Я старался объяснить ему, что для человѣка, имѣвшаго въ виду департаментъ, и мѣсто правителя канцеляріи не слишкомъ завидно. Мы посчитались; и еслибы въ немъ не было такъ много доброты, и я не зналъ бы ей всю цѣну, то, можетъ быть, и перессорились бы.

Другое небольшое униженіе долженъ былъ я испытать немного прежде, дня черезъ два по пріѣздѣ въ Одессу. Мнѣ принесли съ почты пакетъ, въ которомъ при письмѣ отъ Бетанкура вложенъ былъ Владимирскій крестъ 4-й степени. Представленія его, сдѣланныя по Главному Управленію Путей Сообщенія, Государь велѣлъ бросить Комитету Министровъ; а обо мнѣ шло черезъ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ и было утверждено 14-го Іюня. Спорили въ Комитетѣ о наградѣ сей вмѣсто чина, и я чуть не получилъ было маленькой Аннинской крестикъ. Лучше бы, право, нечего.

Положеніе мое сдѣлалось опять болѣе чѣмъ затруднительно. Безъ ничего воротиться въ Пензу, истративъ на дорогу всё сбереженные крохи и сдѣлавъ небольшой долгъ, было бы очень тяжело. Съ другой стороны, служить, какъ вздумалось Казначееву предлагать мнѣ, я бы ни за что не согласился. Рѣшенія участи своей ожидалъ я отъ возвращенія Воронцова, которое послѣдовало только 10-го Августа. Тогда сдѣлалось еще хуже. Нельзя было мнѣ не замѣтить, что онъ избѣгаетъ объясненій со мною, а я не слишкомъ искалъ ихъ, все опасаясь, чтобы въ нихъ, противъ воли моей, не вскользнулъ какой-нибудь упрекъ.

У него былъ собственный не весьма большой домъ *), единственный тогда на берегу моря. Другой, самый большой въ Одессѣ, принадлежащій богачу Фундуклею, занималъ онъ и приготавливалъ для вельможескаго житія своего. Третій — въ городскомъ саду, гдѣ жилъ, кажется, прежде градоначальникъ Трегубовъ и состоящій изъ трехъ-че-

*) Въ Одессѣ не нужно говорить каменный домъ, ибо въ цѣломъ городѣ однихъ только деревянный, Русскимъ купцомъ за большія деньги на славу построенный.

тырехъ большихъ комнатъ въ верхнемъ этажѣ, занималъ онъ также. Въ первомъ обѣдалъ онъ, во второмъ ночевалъ, въ третьемъ принималъ просителей и занимался дѣлами. Зрѣлище было любопытное: всѣ комнаты набиты всякой день были народомъ, просителями, чиновниками, даже просто любопытными, и посреди ихъ столы, на которыхъ производились дѣла. Намѣстникъ часто выходилъ изъ своего кабинета; возьметъ бумагу, промолвить съ инымъ слова два, удаляется съ тѣмъ, чтобы опять скоро показаться. Сборное мѣсто при походномъ управленіи. Тутъ и я почти каждый день являлся, и на мою долю доставалось нѣсколько ласковыхъ словъ и почти всегда зовъ на обѣдъ; но о дѣлѣ ни полслова.

Оставимъ и мы его на минуту съ тѣмъ, чтобы заняться точно бездѣльемъ: изображеніемъ двухъ лицъ, сопровождавшихъ Воронцова въ Бессарабію. Оба откомандированы были отъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, кажется, болѣе для умноженія блеска маленькаго Одесскаго двора, чѣмъ для пользы службы. Отецъ одного изъ нихъ, *** былъ старикъ, вѣчно служившій въ Константинопольской миссіи; жена у него была красавица. Посланникъ Кочубей былъ молодъ, и ребенокъ, въ то время родившійся, былъ чрезвычайно похожъ на послѣдняго; ни родители, ни молодой посланникъ не думали оспаривать общаго мнѣнія на счетъ младенца. Подъ покровительствомъ графа Виктора Павловича выросъ онъ, опредѣленъ въ службу и представленъ въ первое Петербургское общество. Когда Неаполитанская королева Каролина бѣжала изъ Палермы отъ жестокостей Англичанъ, всегда такъ немилосердыхъ къ несчастію, то въ Константинополѣ нашла убѣжище у г-жи **** Какъ бы подданная, сопровождала она ее и служила ей. Не зная, какъ лучше ее наградить, королева малолѣтнему сыну ея выпросила звѣзду Св. Константина, что въ самой первой молодости и давало ему видъ маленькаго принца. Сходство лица у **** съ отцомъ, природою ему даннымъ, не было еще такъ разительно, какъ сходство характера. Въ немъ была небольшая надменность, соразмѣрная однакоже его положенію, и великая страсть къ спекуляціямъ. Не имѣя большаго состоянія, онъ безпрестанно умножалъ его, не употребляя впрочемъ никакихъ неблагородныхъ средствъ, пользуясь единственно покровительствомъ начальства и удобствами торговаго города. Всегда занятый собственными дѣлами, которыя слегка были сплетены съ служебными, казался онъ дѣятельнымъ. И странная и вмѣстѣ счастливая была судьба его! Никогда не покидая Одессы, не занимая въ ней никакой должности, оставаясь все въ томъ же положеніи, въ коемъ прибылъ въ нее, съ чиномъ надворнаго совѣтника, онъ, до чина тайнаго со-

вѣтника, очень часто получалъ награды, кресты, ленты, подарки, земли, аренды.

Если одинъ показался мнѣ отмѣнно вѣжливымъ, то другой, баронъ Филиппъ Ивановичъ Бруновъ, былъ со мною не только ласковъ, даже искателемъ. Курляндецъ, еще менѣе чѣмъ Лифляндецъ, былъ онъ Русскій. Окончивъ курсъ ученія въ одномъ изъ Нѣмецкихъ университетовъ по юридическому факультету, съ прилежаніемъ и хорошей головой, приобрѣлъ онъ дѣйствительно много познаній по этой части и по рекомендаціи родственниковъ своихъ графовъ Ливеновъ, въ качествѣ дипломата-законовѣдца, прибылъ съ Воронцовымъ въ Новороссійскій край. Но не по этой дорогѣ надѣялся онъ далеко уѣхать; да и не имѣя ни малѣйшей практики, не зная Русскихъ законовъ и весьма плохо языкъ, къ чему бы годился онъ? Наружность имѣлъ онъ непріятную; длинный станъ его, все болѣе вытягиваясь, оканчивался огромной, страшной челюстью; но въ немъ былъ умъ и большой свѣтскій навыкъ, и всѣмъ, кромѣ меня, онъ болѣе или менѣе нравился. Съ самаго ребячества въ Нѣмцахъ привыкъ я видѣть правдивость и честность и хотя было много случаевъ, которые поколебали во мнѣ сію вѣру, Брунову дано было разрушить ее; но онъ принадлежалъ къ новой, юной Германіи, безстыдно-разсчетливой. Мы объяснились, и я былъ столько догадливъ, чтобы не показать ему ни малѣйшаго отвращенія. Обманутый моимъ иностраннымъ прозваніемъ и зная, что Казначеевъ стоитъ передо мной препоной, предложилъ онъ мнѣ противъ него оборонительный и наступательный союзъ. Выслушивая его одобрительно, замѣтилъ я ему, что насъ только двое. «Франкъ будетъ съ нами, отвѣчалъ онъ, и это достаточно будетъ, чтобы свихнуть Русскаго дурака и овладѣть мѣстомъ». Внутренно продолжая смѣяться надъ собой и надъ интригантомъ, «нѣтъ мало, сказалъ я: кабы намъ достать людей изъ Остзейскихъ губерній или изъ самой Германіи и ими наполнить мѣста, дѣло пошло бы иначе». — «Да это можно послѣ», отвѣчалъ онъ. Не служить ли это новымъ доказательствомъ, какъ на всѣхъ важныхъ у насъ пунктахъ Нѣмцы стремятся утвердить свое преобладаніе? Не имѣя прозорливости г. Брунова, я увидѣлъ, однакоже, какъ неосновательны его замыслы, и никакъ не спѣшилъ предувѣдомить Казначеева, не видя для него ни малѣйшей опасности. Еще прежде, чѣмъ этотъ баронъ употребленъ былъ въ Молдавіи, всей Одессѣ извѣстенъ былъ онъ, какъ самая продажная душа; въ Бухарестѣ же былъ овъ пойманъ въ воровствѣ, въ грабежѣ, уличенъ, сознался и, неизвѣстно какъ, былъ спасенъ. Чтò же съ нимъ послѣ? Чтò же было съ нимъ наконецъ? Увы, онъ Русскій посолъ въ Лондонѣ!

Немного лицъ изобразилъ я изъ толпы, приплывшей съ новымъ начальникомъ, какъ уже приходится говорить о разсѣянной его появленіемъ. У Ланжерона было два правителя канцеляріи: Иванъ Ильичъ Гуржеевъ и Павелъ Григорьевичъ Саражиновичъ. Бахметевъ изъ Каменца-Подольскаго въ Бессарабію привезъ съ собою Поляка Николая Андреевича Кривицкаго и сдѣлалъ его правителемъ своей канцеляріи. Все сіе двойное наслѣдство сохранилъ Инзовъ, и все оно свезено было въ Кишиневъ. Три правителя канцеляріи не могли оставаться вмѣстѣ съ Казначеевымъ. Справедливое мнѣніе о нихъ графа Воронцова лучше и короче меня изобразить сихъ людей. «Гуржееву, говорилъ онъ, какъ человѣку умному и дѣльному, доставилъ я почетное и выгодное мѣсто; Кривицкому, умному, хотя не совѣмъ чистому, но бѣдному, выпросилъ я кусокъ хлѣба, нѣсколько тысячъ десятинъ земли; а Саражиновича, какъ глупаго плута, безъ церемоніи просто вытолкнулъ отъ себя». Состоящій по кавалеріи и по особымъ порученіямъ полковникъ Селеховъ и два адъютанта, Мейеръ и Вегелинъ, показались было при намѣстникѣ и вдругъ куда-то исчезли, вѣроятно получили отпуски и потомъ перемѣнили службу.

Чиновники канцелярскіе почти всѣ сохранили свои мѣста. Изъ нихъ былъ примѣчательнѣе одинъ только титулярный совѣтникъ Михайло Ивановичъ Лексъ. Отказавъ ему въ пріятной наружности, прурода въ замѣнъ дала ему много похвальныхъ и полезныхъ качествъ. По дѣламъ быстрота понятія равнялась въ немъ проворству исполненія. Сама судьба сего гражданскаго чиновника какъ бы нарочно ставила всегда подъ начальство къ военнымъ генераламъ. Бахметевъ любилъ его и отличалъ не совѣмъ лестнымъ названіемъ *мой писецъ*. Инзовъ былъ деликатнѣе, заставлялъ его трудиться не иначе какъ въ своемъ кабинетѣ и съ сожалѣніемъ разстался съ нимъ. Величайшую честь дѣлала ему его чрезвычайная бѣдность въ Бессарабіи, гдѣ отъ мірскихъ крупницъ служащіе были болѣе чѣмъ сыты. Откровенный видъ его, всегда умно-веселая улыбка на устахъ, уменьшали дурноту рябаго лица его, а его услужливость всѣхъ хорошо къ нему располагала. Говорять, излишество во всемъ есть недостатокъ; но искреннее желаніе никого не осердить противорѣчіемъ, никого не опечалить отказомъ, ни у кого не отнимать надежды, какъ бы она ни была несбыточна, однимъ словомъ, быть для всѣхъ пріятнымъ, не имѣеть ли источникъ въ добрѣйшемъ сердцѣ? Я знавалъ женщинъ, коимъ такая доброта служила во вредъ; безъ всякой любви часто жертвовали онѣ своей репутаціей неотступнымъ моленіямъ влюбленныхъ. Вотъ каковъ былъ Лексъ. Когда я узналъ его, сказалъ: «находка!» Скоро слово сіе повторилъ Казначеевъ, а за нимъ и самъ графъ Воронцовъ.

Образованіе Казначеевскаго департамента шло весьма поспѣшно. Не могу припомнить распредѣленія дѣлъ между отдѣленіями, а назову только ихъ начальниковъ. Я сказалъ уже, что Лонгиновъ избралъ первое, второе поручено было Левшину; отъ третьяго, суднаго, кто бы могъ подумать, не отказался Бруновъ. Впрочемъ, онъ оставался болѣе консультантомъ и въ казусныхъ, затруднительныхъ дѣлахъ подавалъ выписки Французскія изъ Юстиніанова кодекса. Четвертое, меня столь ужасавшее, по всей справедливости, досталось Лексу.

— Согласитесь, сказалъ я Казначееву, что моимъ отказомъ услужилъ я вамъ, службѣ и Лексу.

Надобно было подивиться числу налетающихъ въ канцелярію бумагъ, а еще болѣе быстротѣ, съ какою вылетали изъ нея рѣшенія и отвѣты. Быстрота — первое достоинство въ глазахъ военнаго начальника, управляющаго гражданскою частію. Что за дѣло, если потомъ окажутся промахи: ихъ такъ легко исправить!

Пока я все искалъ случая, безъ всякаго посредничества, говорить о себѣ Воронцову, съ которымъ я почти каждый день разговаривалъ, только всегда при людяхъ, прошло дней десять. Вдругъ собрался онъ въ новый путь и, взявъ съ собой адъютантовъ и часть свиты своей, поскакалъ въ Крымъ и далѣе. Что мнѣ было тутъ дѣлать? Еслибъ у меня были деньги, я, ни говоря ни слова, поворотилъ бы оглобли свои въ Пензу, тѣмъ болѣе, что и Сентябрь былъ не далекъ; но у меня не достало бы ихъ и на половину дороги; а въ незнакомомъ городѣ кто бы мнѣ далъ займы? Въ это истинно-печальное для меня время, судьба послала мнѣ большое утѣшеніе.

Рядомъ со мной, объ стѣну, жилъ Пушкинъ, изгнанникъ-поэтъ. Изъ первыхъ частей видно, что чрезмѣрной симпатіи мы другъ къ другу не чувствовали; тутъ какъ-то сошлись.

Въ Одессѣ, гдѣ онъ только-что поселился, не успѣлъ еще онъ обрѣсти веселыхъ собесѣдниковъ; въ Бессарабіи звуки лиры его раздавались въ безмолвной, а тутъ только-что въ шумной пустынѣ: никто съ достаточнымъ участіемъ не въ состояніи былъ внимать имъ. Встрѣча съ человѣкомъ, который могъ понимать его языкъ, должна была ему быть пріятна, еслибъ у него и не было съ нимъ общаго званства, и онъ собою не напоминалъ бы ему Петербурга. Вѣрно почитали меня человѣкомъ благоразумнымъ, когда передъ отъѣздомъ Жуковскій и Блудовъ наказывали мнѣ стараться войти въ его довѣренность, дабы по возможности отклонять его отъ неосторожныхъ поступковъ. Это было не легко: его самолюбіе возмутилось бы, еслибъ онъ замѣтилъ, что кто-нибудь хочетъ давать направленіе его дѣйствіямъ. Простое доброжелательство мое ему полюбилось, и съ каждымъ днемъ

наши бесѣды и прогулки становились продолжительнѣе. Какъ не вѣрить силѣ магнетизма, когда видишь дѣйствіе одного человѣка на другаго? Разговоръ Пушкина, какъ бы электрическимъ прутикомъ касаясь моей черными думами отягченной главы, внезапно порождалъ въ ней тысячу мыслей, живыхъ, веселыхъ, молодыхъ, и сближалъ разстояніе нашихъ возрастовъ. Безпечность, съ которою смотрѣлъ онъ на свое горе, часто заставляла меня забывать и собственное. Съ своей стороны, старался я отыскать струну, за которую зацѣпивъ, могъ бы я заставить заиграть этотъ чудный инструментъ, и мнѣ удалось. Чрезвычайно много неизданныхъ стиховъ было у него написано, и между прочимъ, первыя главы *Евгенія Онегина*; и я могу сказать, что я наслаждался примѣрами (на Русскомъ языкѣ нѣтъ такого слова) его новыхъ произведеній. Но одними ли стихами плѣнялъ меня этотъ человѣкъ? Бывало, посреди пустаго, забавнаго разговора, изъ глубины души его или сердца вылетитъ свѣтлая, новая мысль, которая изумитъ меня, которая покажетъ и всю обширность его разсудка. Часто со смѣхомъ, пополамъ съ презрѣніемъ, говорилъ онъ мнѣ о шалунахъ-товарищахъ его въ Петербургской жизни, съ нѣжнымъ уваженіемъ о педагогахъ, которые были къ нему строги въ Лицеѣ. Мало-по-малу открылъ я весь зарытый кладъ его правильныхъ сужденій и благородныхъ помысловъ, на кои накинута была замаранная мантия цинизма. Вотъ почему всѣ заблужденія его молодости, въ послѣдствіи, отъ свѣта разума его исчезли какъ дымъ.

Между тѣмъ Воронцовъ воротился въ Сентябрь изъ втораго путешествія своего. Я не спѣшилъ къ нему являться: онъ прислалъ за мною.

— Послушайте, любезный Ф. Ф., сказалъ онъ мнѣ; мнѣ очень жаль, что желаніе мое имѣть васъ при себѣ не могло исполниться; десятилѣтняя привычка къ доброму товарищу моему, Казначееву, заставила меня ему одному поручить мою канцелярію. Но есть еще для васъ средство быть полезнымъ этому краю. Въ Петербургѣ не имѣютъ настоящаго понятія о Бессарабскихъ дѣлахъ, я самъ жить тамъ не могу; намъ нуженъ человѣкъ, который бы по наблюденіямъ своимъ нѣкоторымъ образомъ могъ замѣнить меня, и я васъ избралъ. Верховный Совѣтъ области не стоитъ такъ высоко, какъ Польскій или Финляндскій Сенатъ, но въ своемъ кругу и онъ имѣетъ большую важность. Въ немъ есть вакантное мѣсто члена отъ короны; хотите ли вы занять его? Чтобы васъ ничѣмъ не связывать, я даже не представлю Государю о вашемъ утвержденіи, а употреблю на то дарованную мнѣ власть. Пробывъ мѣсяца три на мѣстѣ, вы всегда, когда хотите, можете пріѣхать сюда, поотдохнуть, погулять и поголковать со мною. Жалованье

небольшое, шесть сотъ рублей серебромъ, но житье тамъ дешевое; согласны ли вы?

Всѣ эти убѣжденія были напрасны, и графъ Воронцовъ не употребилъ бы ихъ, еслибы зналъ состояніе моего кармана; я, право, готовъ былъ идти въ помощники даже къ Лексу, но только не къ Брунову.

Я имѣлъ порученіе ходатайствовать у начальника Черноморскаго флота о переводѣ изъ Петербурга одного чиновника морскаго вѣдомства. Пospѣшая въ Одессу, я не остановился въ Николаевѣ и думалъ сдѣлать сіе послѣ, на обратномъ, неизбѣжномъ для меня пути въ Пензу. Тутъ, прежде отправления въ Бессарабію, захотѣлось мнѣ исполнить обѣщанное. Я доложилъ о томъ графу *, который вселюбезно далъ мнѣ письмо къ другу своему, вице-адмиралу Грейгу.

Пріятнѣе погоды, какая стояла въ началѣ Сентября, придумать нельзя и желать невозможно. Усадительная теплота разстилалась по землѣ 12-го числа, день выѣзда моего изъ Одессы и пріѣзда въ Николаевъ. На этотъ разъ и квартира была у меня въ немъ готова. Определенный при Бетанкурѣ въ корпусъ инженеровъ путей сообщенія полковникъ Рокуръ, Французъ весьма серіозный, хотя довольно говорливый, встрѣясь со мной въ Одессѣ, взялъ съ меня слово у него остановиться въ такъ-называемомъ Молдаванскомъ домѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ крытыми галлереями. Онъ жилъ только внизу съ капитаномъ Монтеверде, роднымъ племянникомъ Бетанкура и весьма любезнымъ молодымъ человѣкомъ, а верхній этажъ оставилъ въ мое распоряженіе. Надобно признаться, что Французы гостепріимнѣе насъ, ибо не изъ тщеславія, не изъ любопытства какъ мы.

На другой день повезъ меня онъ къ начальнику портовъ и флота, Алексію Самойловичу, который принялъ меня съ важностію Англичанина и вѣжливостію чрезвычайно образованнаго человѣка. Онъ занималъ безконечный одноэтажный домъ, построенный еще Мордвиновымъ, а въ глубинѣ его безчисленныхъ внутреннихъ комнатъ скрывалась (только отъ пріѣзжихъ, а не отъ жительствовающихъ) какая-то дама, которую называли капитаншей Кульчинской. Онъ позвалъ меня обѣдать; но Рокуръ, съ Французскою живостію не давъ мнѣ отвѣчать, объявивъ, что имѣетъ мое обѣщаніе, и что, по праву хозяина, первый день мой принадлежитъ ему. Тогда адмиралъ позвалъ меня на другой день въ загородный домъ и садъ свой, извѣстный подъ именемъ Спасскаго.

* Слѣдуя принятому моими сослуживцами обыкновенію, отнынѣ не иначе буду называть Воронцова. Говоря о другихъ графахъ, прибавляли они ихъ фамильныя имена; этотъ одинъ былъ для нихъ просто графъ настоящій; иногда прибавляли они только слово нашъ,

Легко мнѣ было замѣтить, что между сими людьми, принадлежащими къ двумъ соперническимъ націямъ, не было большаго согласія. Рокуръ говорилъ мнѣ съ уваженіемъ, съ похвалою о Грейгѣ, но съ болѣзнованіемъ о какихъ-то его слабостяхъ, и жаловался на то, что онъ не даетъ ему никакого занятія.

— Чтобы произвести что-нибудь необычайное и полезное вмѣстѣ, сказалъ онъ мнѣ, предложилъ я ему сдѣлать подземный садъ, и онъ согласился.

Замѣтивъ мое удивленіе, да не угодно ли взглянуть? сказалъ онъ: это отсюда въ сотнѣ шагахъ.

Я увидѣлъ вырытую круглую яму, имѣющую восемь сажень глубины и сажень тридцать поперечнику.

— Деревья, которыя будутъ посажены на днѣ ея, сказалъ онъ, какъ вы видите, лѣтомъ будутъ защищены отъ палящаго зноя, а зимой отъ холодныхъ вѣтровъ.

— Это будетъ прекрасно, сказалъ я; да только для прогулки пространства не будетъ ли мало?

— Но вѣдь это будетъ, просто, мѣстомъ пріятнаго соединенія, возразилъ онъ.

И эти затѣи, исключая трудовъ арестантскихъ ротъ, стоили большихъ денегъ.

На слѣдующій день отправился я въ Спасское, тѣмъ же самымъ Мордвиновымъ насажденное мѣсто. Эти оазисы были тогда очень рѣдки въ Новороссійскомъ краю, и тѣмъ пріятнѣе было мнѣ увидѣть свѣжую, весеннюю зелень на деревьяхъ. Въ началѣ лѣта, одно изъ величайшихъ золь посѣтило всю эту сторону: отъ Дунайскихъ береговъ саранча, пролетая вдоль моря, оставила вездѣ опустошительные свои слѣды. Пробывъ не болѣе одной ночи въ Спасскомъ, не оставила она послѣ себя ни одного листка; потомъ въ Августѣ появились дожди, и деревья вновь зазеленѣли. Въ обширномъ домѣ на берегу рѣки, трапеза была для меня украшена пріятною бесѣдою адмирала. Сей скромный человѣкъ, говоря о Рокурѣ, сказалъ однакоже незнакомцу: — Не знаю, зачѣмъ прислали мнѣ этихъ инженеровъ; они мнѣ вовсе не нужны; какъ дѣло отъ бездѣлья, дозволилъ я ему опытъ этого страннаго сада; проектъ былъ написанъ прекрасно, посмотримъ каково будетъ исполненіе. Черезъ годъ или полтора, какъ мнѣ сказывали послѣ, пришлось яму зарывать.

Послѣ обѣда, погулявъ въ саду, отдохнувъ, получивъ отъ адмирала обѣщаніе исполнить мою просьбу и отъ души поблагодаривъ его за лестно-внимательный пріемъ, сѣлъ я въ принадлежащій ему большой катеръ, и въ сопровожденіи адъютанта его, премилого молодого человека, Василья Иваповича Румянцова, поплылъ по рѣкѣ до мѣста, куда

экипажъ мой перевезенъ уже былъ черезъ Бугъ. Такимъ образомъ, не возвращаясь уже въ Николаевъ, 14-го числа, когда не совсѣмъ еще смерклось, отправился я обратно въ Одессу. Тутъ на крутомъ берегу находится Корениха, которая въ отношеніи къ Николаеву тоже самое что Услонъ къ Казани. Она принадлежала г. Рендъ; бывший парикмахеръ успѣлъ уже всѣмъ обзавестись: и толстымъ откормленнымъ брюхомъ, и красавицей-женой, и баронскимъ титуломъ, и Владимирскимъ крестомъ въ петлицѣ, и деревней, населенною Русскими крестьянами.

Воздухъ и ночью былъ тепелъ и пріятенъ; подъ сладкимъ вліяніемъ его я заснулъ; а когда проснулся, то при солнечномъ свѣтѣ увидѣлъ издали Одессу. Это былъ день коронаціи Александра, и въ соборѣ, когда я проѣзжалъ мимо его, производился большой звонъ. Не имѣя мундира, я было не посмѣлъ идти обѣдать къ графу; но мнѣ сказали, что въ первый годъ онъ этотъ день праздновать не будетъ. Съ прощаніемъ и за послѣдними приказаніями являлся я и на другой день къ новому начальнику моему.

VIII.

Не древнее, а прежнее пріобрѣтеніе Россіи, сдѣланное Екатериною,—степи Новороссійскія, отдѣлены были Днѣстромъ отъ новаго пріобрѣтенія, сдѣланнаго Александромъ: обрѣзка Молдавіи, названнаго Бессарабскою областію. Въ 1823 году Днѣстръ былъ еще рѣзкою чертой между двумя различными народонаселеніями и обычаями.

Съ властію князя Потемкина, завоевателя и перваго образователя сего обширнаго края, какъ бы искони обреченнаго кочеванію, ему не такъ трудно было населить его, хотя употребленныя имъ средства къ тому не всѣ одобренія достойны. Раздача земель была безразсудная, безразсчетная: бродяги, бѣглые мужики изъ помѣщичьихъ имѣній цѣлой Россіи стали новыми коренными жителями края. Впрочемъ, по краткости времени и въ продолженіе войны, все, что возможно на первый случай и на скорую руку, было сдѣлано симъ могучимъ и дѣятельнымъ властелиномъ. Нѣтъ сомнѣнія, что по заключеніи мира, которому, къ сожалѣнію, внезапная кончина его предшествовала за нѣсколько мѣсяцевъ, онъ принялся бы за правильную колонизацію, и страна сія гораздо ранѣе начала бы процвѣтать.

Въ управленіи ею, вѣроятно по праву фаворитизма, наслѣдовалъ князь Зубовъ, никогда ее не выдавшій. Онъ сдалъ ее на аренду мужу сестры своей, Екатеринославскому губернатору, Сербу, Осипу Ивановичу Хорвату, который неизвѣстно на что употреблялъ огромныя суммы, на поддержаніе ея отпускаемыя. Павелъ совсѣмъ о ней не забо-

тился, и цѣлыя десять лѣтъ безъ должнаго попеченія изнывали сіи мѣста, только-что оживленныя жаркимъ дыханіемъ великой Россіи. Послѣ того были болѣе искусные правители, но все какъ будто длилось междуцарствіе, которое должно было прекратиться съ Ланжерономъ.

Женатый на внукѣ бездѣтнаго Потемкина, на дочери его племянницы, Воронцовъ вступалъ въ управленіе краемъ, какъ бы въ законное наслѣдство. Многіе такъ думали и были тѣмъ чрезвычайно обрадованы. Я полагалъ, что и въ немъ была эта мысль, но въ послѣдствіи увидѣлъ, что ошибаюсь. Воспитанный въ Англіи престарѣлымъ отцомъ, который безпрестанно съ восторгомъ твердилъ ему объ отечествѣ его, съ Русскими солдатами, при видѣ опасностей, въ первый разъ забилось сердце его желаніемъ славы. Всю молодость свою, до зрѣлыхъ лѣтъ, провелъ онъ посреди Русской рати и съ нею пріобрѣлъ всѣ воинскіе успѣхи свои; болѣе чѣмъ кто изъ нашихъ знатныхъ почувствовалъ онъ достоинство Русскаго имени. Но впечатлѣнія, повѣрія, полученныя имъ въ отрочествѣ и въ самой первой молодости, остались въ немъ на вѣкъ. Чему бы посвятить досуги, которые оставлялъ ему утвердившійся миръ? Еслибъ онъ родился Великобританскимъ подданнымъ, то онъ навѣрное пожелалъ бы сдѣлаться лордомъ-коммиссаромъ на Ионическихъ островахъ; но въ Россіи есть нѣчто подобное—южный приморскій край, и Одесса лучше Корфу. Я увѣренъ, что онъ предпочелъ бы Кавказъ и Закавказье, но мѣсто было занято; нашимъ Амгёрстомъ, нашимъ Эленбору былъ Ермоловъ, и онъ сидѣлъ тогда на царствѣ въ Тифлисѣ, Русской Калькуттѣ.

Исключая Бужацкой степи, Заднѣстровская сторона являла совершенную противоположность тому, что видно было по сю сторону. Тамъ были лѣса и горы, и она густо была населена одними Молдавскими жителями. Въ видѣ отдѣльной части старались сохранить въ ней молдавизмъ; при Пизовѣ случайно, а при Воронцовѣ постоянно присоединена была она къ Новороссійскому краю. Въ ней долженъ былъ я встрѣтить все для меня совершенно новое.

Меня уговорили сожительствующіе мнѣ въ трактирѣ, 17-го Сентября, позавтракать, то-есть отобѣдать у Оттона, отчего я выѣхалъ неравно, въ сопровожденіи мелкаго, однакоже теплаго дождя. Онъ испортилъ дорогу; оттого ѣхалъ я медленнѣе, а ночью сдѣлалось сыро и холодно. Мнѣ все казалось, что еще лѣто; одѣтъ я былъ легко, весь перезябъ и долженъ былъ остановиться на станціи Кучурганѣ, въ самомъ плохомъ состояніи содержимой. Мнѣ принесли два пука соломы, на одинъ я легъ, а другой положили въ печь и зажгли. Едва согрѣвшись, уснулъ я немного, а до свѣту пустился далѣе. Если кто изъ читателей вспомнитъ Парижскаго знакома моего, Липранди, то я скажу

ему, что у него былъ меньшей братъ, Павелъ Петровичъ, старшій адъютантъ при Иванѣ Васильевичѣ Сабанѣевѣ, начальникъ 6-го пѣхотнаго корпуса, котораго квартира находилась въ Тирасполѣ. Братья были сходны между собою точно также, какъ день походить на ночь и зима на лѣто. Къ сему меньшему Липранди, по его приглашенію въ Одессѣ, въѣхалъ я прямо въ Тирасполѣ; съ трудомъ могъ онъ отогрѣть меня камелькомъ и горячимъ чаемъ.

Лѣтъ двѣнадцать передъ тѣмъ городъ Тирасполь былъ пограничный, хорошо заселенный, но только раскольниками и всякимъ сбродомъ. Плавни, то-есть роци изъ ивняка состоящія и растущія на низменныхъ берегахъ Днѣстра, красятъ его и отнимаютъ у него видъ степнаго города.

Когда я въѣхалъ изъ него, увидѣлъ странное зрѣлище: туманъ разорвался на клочки, которые въ видѣ опущенныхъ облаковъ, въ иныхъ мѣстахъ разстилались по землѣ, въ другихъ поднимались вверхъ; говорили, что это возвѣщаетъ ясный день. И дѣйствительно, лишь только переправился я черезъ Днѣстръ, проѣхалъ мимо Бендерской крѣпости и для перемѣны лошадей остановился въ форштадтѣ ея, какъ солнце засіяло и запылало. Было ли сіе добрымъ предзнаменованіемъ въ этотъ памятный для меня день, 18-го Сентября? Не думаю; ибо, начиная съ этого дня, въ продолженіе двухъ лѣтъ съ половиной, много перенесъ я горя и трудовъ.

У самой рѣки встрѣтилъ меня какой-то чиновникъ верхомъ и проводилъ до почтоваго двора; потомъ, когда я отправился далѣе, поскакалъ передо мною. Такая почестъ казалась мнѣ непонятною, а какъ я никогда не любилъ ничего мнѣ не принадлежащаго, то, подозвавъ его, убѣдительно просилъ болѣе не трудиться. Просьба моя была неуспѣшна; тогда я принялъ повелительный тонъ, который произвелъ желаемое дѣйствіе. И теперь не знаю, за какую важную особу принимали меня потомъ на станціяхъ. Меня везли четыре лошади, по двѣ въ рядъ; оборванный суруджи сидѣлъ на одной изъ переднихъ и ужасно хлопалъ бичомъ. Эти люди обычай ѣзды взяли у Запада, подумалъ я, и пожалуй скажутъ, что въ этомъ, по крайней мѣрѣ, опередили они насъ въ просвѣщеніи.

Отъ Бендеръ до главнаго города Кишинева всего 60 верстъ, и я пріѣхалъ въ него, когда солнце было еще высоко. Обшириѣе, безконечнѣе, безобразнѣе и безпорядочнѣе деревни я не видывалъ. Издали онъ похожъ еще на что-нибудь, но въѣхавъ въ него я ахнулъ. Я былъ адресованъ Казначеевымъ ко вновь опредѣленному полицеймейстеру, подполковнику Якову Николаевичу Радичу; отыскивая его, проѣзжалъ я самую нижнюю частію города и принужденъ былъ безпрестанно зажи-

мать носъ, а часто закрывать и глаза. Квартира его — небольшой домикъ посреди двора, обнесеннаго шлетнемъ — состояла изъ двухъ комнатъ, раздѣленныхъ сѣнями. Одну изъ нихъ занималъ онъ самъ, но не успѣвъ ничѣмъ обзавестись, жилъ по-солдатски, такъ что у него и кровати не было. Другую, пустую комнату, за отсутствіемъ хозяйна, отвелъ мнѣ его деньщикъ, и также какъ на Кучурганской станціи, долженъ былъ я расположиться на полу. Явился Жидъ-факторъ и повелъ меня въ трактиръ къ своему единовѣрцу; нѣтъ, и понынѣ еще при воспоминаніи сего ужаснаго обѣда вся внутренность во мнѣ поворачивается. Возвратясь, бросился я на солому и предался размышленіямъ не весьма веселымъ; они походили на совершенное отчаяніе. «И въ этой помойной ямѣ я осужденъ провести, по крайней мѣрѣ, три мѣсяца, тогда какъ я не хотѣлъ бы пробыть въ ней и трехъ часовъ, думалъ я, и живу у человѣка, котораго въ глаза не видалъ». Онъ воротился вечеромъ, былъ тихій, добрый человѣкъ, подъ покровительствомъ Казначеева, и спѣшилъ угостить меня чѣмъ только могъ, утѣшеніями и надеждою на лучшее помѣщеніе.

Онъ далъ мнѣ свои парныя дрожки на слѣдующее утро, и я поѣхалъ дѣлать визиты первостепеннымъ лицамъ: губернатору Константину Антоновичу Катакази, вице-губернатору Матвѣю Егоровичу Крупенскому, предсѣдателю уголовного суда Петру Васильевичу Курику, и областному предводителю дворянства Ивану Михайловичу Стурдзѣ. Исключая послѣдняго всѣ были дома, всѣ жили въ верхней части города на горѣ, и всѣ приняли меня болѣе чѣмъ благосклонно, какъ избраннаго Воронцовымъ. Прекрасная погода и свѣжій воздухъ, коимъ подышалъ я на высотѣ, немного успокоили меня.

Въ первую седмицу пребыванія моего въ Кишиневѣ воздержусь отъ описанія лицъ и мѣстъ, мнѣ представившихся, а буду вести простой дневникъ случавшемуся со мною.

Радичъ повезъ меня 19-го числа въ трактиръ къ какой-то Нѣмкѣ; обѣдъ былъ опрятный и сытный, и я удостовѣрился, что не вездѣ тутъ скверно ѣдятъ. Слѣдующіе дни безпрестанно получалъ я приглашенія на обѣды. Въ продолженіе 20-го наѣхала вся свита и канцелярія графа, Казначеевъ, Марини, Бруновъ, Лексъ и другіе, а къ ночи и самъ онъ прибылъ.

Для него, въ годъ за двѣнадцать тысячъ левовъ, панячь былъ не весьма большой и низкій домъ Вареоломсея, прозваннымъ *Пестрымъ*. Онъ едва могъ вмѣстить толпы пришедшихъ утромъ поклонниковъ, посѣтителей и просителей. Я отправился въ Верховный Совѣтъ и былъ немного смущенъ при первомъ взглядѣ на составъ его: наружностію и величинной сіе высшее судилище походило на сборную избу. Кто-то

ссудилъ меня мундиромъ, и я въ первый разъ прицѣпилъ свой Владимирскій крестъ. Самъ намѣстникъ председательствовалъ и приводилъ меня къ присягѣ. Все это происходило 21-го Сентября, день именинъ Блудова, по милости котораго я тутъ находился.

Въ это время Государь былъ въ Буковинѣ, въ городѣ Черновцѣ, для свиданія съ Австрійскимъ императоромъ. Графъ спѣшилъ встрѣтить его во время проѣзда его въ Хотинѣ и долженъ былъ сопровождать его потомъ въ Тульчинѣ, гдѣ Государь намѣренъ былъ осматривать войска второй арміи. Не болѣе двухъ дней съ половиною пробылъ у насъ графъ; я не смѣлъ ни на что жаловаться, но возропталъ на худое помѣщеніе.

— Если вы хотите, сказалъ онъ, быть хранителемъ моей кватиры, то можете занять часть ея; пожалуй хоть и всю, только на время моего отсутствія.

Онъ уѣхалъ 23-го числа, свита его 24-го, а я 25-го переѣхалъ въ Пестрый домъ Варфоломея, что въ глазахъ жителей придадо мнѣ великую важность.

У Радича спалъ я на соломѣ; тутъ нашель я атласные, бархатные диваны, мебели всѣхъ временъ и фасоновъ, въ Азіятскомъ и Европейскомъ вкусѣ, нѣкоторые предметы роскоши, странные, стародавніе, перемѣшанные съ самыми новомодными, стѣны, расписанныя всевозможными цвѣтами. Хозяинъ этого дома былъ Варфоломей, недоброе вѣстный, запутавшійся въ дѣлахъ откупщикъ, которому помогли за высокую цѣну отдать его со всѣмъ убранствомъ въ наймы для казны.

Надобно было подумать о хозяйствѣ. Трактиры были дурны и далеко. Я накупилъ кой-какой посуды и сталъ искать повара. Мнѣ предложили Француза; не по деньгамъ, отвѣчалъ я. Да онъ не возьметъ болѣе двадцати пяти рублей ассигнаціями въ мѣсяцъ. Въ такомъ случаѣ подавай его сюда! Ко мнѣ пришелъ длинный, сухой старикъ, черно-волосый съ просѣдью. Я Тардифъ, сказалъ онъ. — Какъ Тардифъ? Да не родня ли вы (я говорилъ съ Французомъ и по-французски) Тардифу, который содержалъ славную гостиницу *Европу*, противъ Зимняго дворца? — Да я самъ и есть, отвѣчалъ онъ. — Возможно ли! воскликнулъ я. — Что прикажете дѣлать; ваши гвардейскіе офицеры задолжали мнѣ десятки тысячъ рублей, потомъ неожиданно пошли въ походъ въ двѣнадцатомъ году: гдѣ мнѣ было за ними гоняться? Съ другой стороны, собака (*ma chièppe*) жева моя всего меня ограбила, и я принужденъ былъ идти по міру.

Онъ не прибавилъ, что съ горя началъ пить и, служивъ сперва вельможамъ, между прочимъ, Витгенштейну въ Тульчинѣ, началъ спускаться до бѣдняковъ какъ я. Будучи предупрежденъ, я велѣлъ слугѣ

своему смотрѣть, чтобъ онъ поутру не отлучался, а иногда вечеромъ, когда онъ былъ въ полпьяна, призывалъ его будто за какимъ-нибудь дѣломъ и помиралъ со смѣху отъ его рассказовъ. Самого взыскательнаго гастронома искусство его могло бы удовлетворить, и все это стоило очень недорого. Тогда я зажилъ баринномъ: разукрашенные чертоги и Французъ-поваръ! Но сіе величіе, увы, продолжалось недолго. Не стало возможности удерживать Тардифа: съ утра онъ бывалъ мертвецки пьянъ, и кушанье, коимъ онъ меня потчпвалъ, было немного получше Жидовскаго обѣда въ первый день моего пріѣзда; я привужденъ былъ удалить его отъ себя. Черезъ нѣсколько дней, въ самой большой комнатѣ, куда, къ счастью, я никогда не заглядывалъ, провалился потолокъ и перебилъ множество вещей. Когда донесли о томъ намѣстнику, онъ велѣлъ воспользоваться симъ случаемъ, чтобы нарушить контрактъ, сдѣланный безъ его вѣдома и согласія.

И въ это же время, во второй половинѣ Ноября, сдѣлалось очень холодно, туманно, сыро. Сначала я утѣшался теплою погодой и благословлялъ южный край. Я помню, что 14-го Октября, въ воскресный день, въ одномъ сюртукѣ загулялся я по улицамъ до поздней ночи. Въ этотъ день, видно, было много свадебъ, ибо во многихъ мѣстахъ, отдѣленный отъ веселящихся низкимъ плетневымъ заборомъ, я какъ бы участвовалъ въ брачныхъ празднествахъ: на дворѣ, при свѣтѣ факеловъ, Молдаване и Молдаванки забавлялись любимою національною пляскою своею *мититикой*. Утромъ 15-го я не повѣрилъ глазамъ своимъ, когда увидѣлъ на улицѣ снѣгъ: онъ пролежалъ не болѣе часу, но оставилъ послѣ себя какую-то жесткость въ воздухѣ, и хотя нерѣдко проглядывали еще красные дни, но съ тѣмъ, что называется теплою южною осенью, должны мы были проститься.

Мнѣ постоемъ отвели квартиру въ домѣ одной Молдаванки, вдовы Кешкулясы, недавно вышедшей за молодца — Русскаго офицера, Друга нова. Оба они старались сдѣлать житье у нихъ для меня пріятнымъ, но не могли раздвинуть стѣнъ двухъ узкихъ комнатъ, въ коихъ я помѣщался. Въ Совѣтъ свой ходилъ я только два раза въ недѣлю, когда въ немъ слушались дѣла по правительственной части; отъ занятій же по судебнымъ дѣламъ, производящимся на Молдавскомъ языкѣ, имѣлъ я все право отказываться. Между тяжущимися были однакоже люди, которые, не знаю почему, вѣруя въ мое безпристрастіе, давали большія деньги за переводы дѣлъ своихъ на Русскій языкъ, дабы заставить меня принимать участіе въ сужденіяхъ по нимъ. Съ цѣлымъ городомъ успѣлъ я познакомиться, но ни съ кѣмъ не успѣлъ сдѣлать связей. Книгъ моихъ со мною не было,—всѣ отправлены были въ Пензу, и осенне-

зимніе вечера въ одиночествѣ бывали иногда для меня тягостны и скучны.

Къ счастью, еще въ домѣ Вареоломея, создалъ я себѣ большое занятіе. При отъѣздѣ изъ Петербурга, давъ Влудову слово въ частныхъ письмахъ изображать ему состояніе края, сверхъ того, имѣя отъ Воронцова порученіе сообщать ему о всемъ любопытномъ въ немъ происходящемъ, разсчелъ я, что гораздо лучше будетъ составить изъ всего одну общую записку, въ которой представить имъ картину во всѣхъ ея подробностяхъ. Мнѣ нужны были свѣдѣнія о лицахъ и дѣлахъ; собирать ихъ было нетрудно; во взаимныхъ обвиненіяхъ служащихъ, конечно, было много клеветы, и я старался изъ разсказовъ ихъ отдѣлять одно вѣроподобное. Главный же источникъ, изъ коего черпалъ я, хотя съ осторожностію, былъ Липранди, Парижскій мой знакомый, который находился тутъ въ отставкѣ и въ бѣдности. Я съ усердіемъ принялся за сей трудъ, совершенно новый для меня въ своемъ родѣ, и я смѣло могу похвалиться, что изъ всего касающагося до образа управленія, до порядка, до особыхъ узаконеній края и до исполнителей ихъ, ничто тутъ не пропущено. Этотъ трудъ избавляетъ меня отъ другаго: повторять здѣсь хотя часть тогдашнихъ моихъ замѣчаній и наблюденій. Совершенно противъ воли моей, въ послѣдствіи съ этой тайной моей рукописи было снято много копій. И потому сію отдѣльную записку, у сего прилагаемую, могу почитать частью тѣхъ, кои нынѣ пишу.

Я писалъ тогда въ самомъ дурномъ расположеніи духа, подъ вліяніемъ мрачной погоды и окружающей меня скуки, и безпрестанно внимая мерзостямъ, мнѣ сообщаемымъ. За истину мною писаннаго я могу ручаться, но истина, можетъ быть, и преувеличена. Доходя до причинъ, надобно съ нѣкоторою снисходительностію смотрѣть на шалости ребятъ, на своеравіе стариковъ и на излишнюю запальчивость юношей, а во мнѣ сей снисходительности не было. Главная же ошибка моя состоитъ въ томъ, что на людей и на ихъ нравы въ этомъ новомъ краю смотрѣлъ я съ самой фальшивой точки зрѣнія. Какъ многіе, почти какъ всѣ, былъ я пристрастенъ къ Западу, къ его просвѣщенію, его общежителности, изобрѣтательности, промышленности и до нѣкоторой степени къ его духу свободы, который почиталъ я естественнымъ произведеніемъ разливающагося по немъ свѣта. На отечество свое взиралъ я съ нѣжнымъ, почтительнымъ состраданіемъ и съ совершеннымъ презрѣніемъ на Востокъ. И вмѣсто того, чтобы возрадоваться, обрѣтая въ отдаленной странѣ всѣ слѣды почтенной древности нашей, причудливымъ и жестокосердымъ Петромъ болѣе ста лѣтъ стертой съ

лица земли Русской, я дерзнул встрѣтить ихъ съ презрительно насмѣшкой.

Вслѣдствіе Греческаго возмущенія, не одни эмигранты изъ Константинополя, но и множество перебѣжавшихъ черезъ Прутъ Молдавскихъ бояръ находилось въ Кишиневѣ, предпочтительно Одессѣ, гдѣ имъ казалось гораздо дороже. Почти со всеми я познакомился и могъ изучить духъ Молдаванъ. Румыны или Римляне, какъ они себя называютъ, происходятъ отъ смѣшенія потомковъ Римской колонизаціи съ Славянами-Даками, завоеванными и покоренными Трояномъ. Въ языкѣ, коимъ говорятъ они, Латинскій взялъ рѣшительный перевѣсъ; но литеры у нихъ почти точно тѣже что у насъ, и Славянскія слова на цѣлую треть остались у нихъ въ употребленіи. Въ характерѣ у Молдаванъ не осталось уже ничего Римскаго, и что бы ни говорили, есть много сходства съ нами, — сходство измѣненное однакоже обстоятельствами, въ коихъ они находятся. У простыхъ жителей таже безпечность, не допускающая мысли о приобрѣтеніи вооруженной рукой народной независимости; таже любовь болѣе къ сохраненію чѣмъ къ умноженію собственности. Въ высшемъ сословіи гораздо болѣе тщеславія чѣмъ у насъ. Для потѣхи сего тщеславія нужна роскошь, для поддержанія которой нужно золото; а въ алчности къ сему металлу Молдавскихъ бояръ обвинять нельзя, ибо они добываютъ его, а не берегутъ. Пышные экипажи, наряды нѣсколько разнообразятъ, тѣшатъ сонъ ихъ жизни, посреди невольной праздности, на кою осуждены они своимъ положеніемъ. Волохи и Молдаване были болѣе погружены въ глубокую дремоту чѣмъ подавлены Турецкимъ правительствомъ.

Но тамъ, гдѣ Румынамъ оставалась возможность дѣйствовать, въ Трансильваніи, въ Седмиградской области, блистали они и воинскими доблестями. Имена Яна Запольскаго, Стефана Батори, Рагоцскаго, Бетлема Габора, Михаила Абафи до половины семнадцатаго вѣка были слишкомъ извѣстны Туркамъ, Венграмъ и Полякамъ то по союзамъ съ ними, то по ударамъ, ими наносимымъ. И еслибъ по крайней мѣрѣ Молдовлахія продолжала прозябать въ тишинѣ; но нѣтъ: съ Юга стали насылать въ нее грабителей, развратителей Грековъ, отъ Сѣвера по временамъ стали занимать ее развратители Русскіе. Сколь ни больно для сердца моего, но я долженъ сказать сію истину. Какъ въ диврею, переодѣвшись въ Европейское платье, мы гордились имъ и похожи были на лакеевъ, которые съ пренебреженіемъ смотрятъ на простой и красивый костюмъ нашихъ мѣщанъ и поселянъ. Просвѣщеніе свое, которое, особенно прежде, состояло все изъ заимствованныхъ у Запада пороковъ, старались мы сообщить нашимъ природнымъ союзникамъ. Женщины были первыя увлечены; со врожденнымъ въ нихъ легкомыс-

ліемъ нарядъ составляетъ для нихъ главный предметъ въ жизни и, кажется, нарочно для удовлетворенія ихъ желаній еще Потемкинымъ были выписаны мадамы. Мужчины не такъ скоро согласились на преобразованіе, особенно тѣ, которые были постарѣе; однакоже въ Кишиневѣ нашелъ я почти всѣхъ молодыхъ людей уже во фракѣ. Перемяна одежды совсѣмъ не маловажное дѣло: съ нею вмѣстѣ переменяются совершенно нравы и весь образъ жизни. Нашъ злодѣй очень хорошо это зналъ.

И я, несчастный, позволялъ себѣ съ улыбкою совѣтывать инымъ боярамъ снять съ себя такое неблагообразіе. Они отвѣчали мнѣ весьма благоразумно, находя, что фракъ равняетъ состоянія и ведетъ къ совершенному равенству между людей. И точно, всякій камердинеръ можетъ быть щеголеватѣе перваго вельможи. Наше неуваженіе къ духовному сану умножало еще наше презрѣніе къ боярскому наряду. Говорили: это точно поповская ряса; правда, зато и архіерейская. Подъ длиннымъ кафтаномъ съ чрезвычайно широкими рукавами находилось подпоясанное полукафтанье; молодежь умѣла все это сокращать и открытый тонкій станъ очень ловко сжимать и увивать красивымъ поясомъ. Это со взгляду тяжелое платье давало, не знаю, какую-то особую важность поступкамъ и движеніямъ носящихъ его. Теперь безъ умиленія не могу его вспомнить, особенно когда въ старыхъ книгахъ нахожу печатное изображеніе тронной залы нашихъ царей и возсѣдающаго въ ней сонма бояръ. Ихъ высокія горлатныя шапки невольно напоминаютъ мнѣ Качула Маре.

Одни старики, въ это время, исключая собственнаго языка, знали немного Греческій; бояре же среднихъ лѣтъ, даже съ бородами, слѣдуя примѣру добрыхъ наставниковъ своихъ, Русскихъ, почти всѣ говорили по-французски, иные и по-нѣмецки. Усилія наши совершенно поворотить ихъ на Западъ имѣли и тогда желаемый успѣхъ. Никто изъ нихъ не зналъ по-русски и не полюбобытствовалъ взглянуть на Москву или на Петербургъ; изъ словъ ихъ замѣтить было можно, что нашъ Сѣверъ почитаютъ они дикою страной. Зато многіе изъ нихъ ѣздили въ Вѣну, которая гораздо ближе и гдѣ, дѣйствительно, и теплѣе, и веселѣе. О Парижѣ тогда еще никто не помышлялъ. Какъ было не видѣть (лишь бы только не пало Россійское государство), что Придунайскія княжества, рано или поздно, но неизбѣжно должны, если не войти въ составъ его, то быть прикованы къ участи его неразрывными узами и жить подъ единственнымъ щитомъ его. И какъ никому не пришло въ голову, что жители ихъ, на Западѣ, куда мы имъ указывали путь, прежде всего должны встрѣтить враждебный нашему Православію Римскій Католицизмъ и враждебный самодержавію республиканскій духъ.

Но болѣе ста лѣтъ, рѣдко мы знаемъ, что дѣлаемъ; мы все блуждаемъ, пока Провидѣнію угодно будетъ поставить насъ на прямой путь.

Нѣсколько лѣтъ спустя, подъ управленіемъ Русскаго генерала Киселева, знаменитаго мужа девятнадцатаго столѣтія, довершено начатое. Съ помощію двухъ-трехъ, по мнѣнію его, просвѣщенныхъ людей, состряпалъ онъ для княжествъ вѣчто въ родѣ конституціи. Въ молодости, когда онъ ничего не писалъ и не читалъ, слышался онъ о свободѣ и представительныхъ правленіяхъ; въ совершенно-зрѣлыхъ лѣтахъ захотѣлъ онъ узнать, что это такое, и принялся за дѣло. Со врожденнымъ, необыкновеннымъ, чисто-Русскимъ умомъ, увидѣлъ онъ, что почти все одинъ обманъ, но обманъ, который можетъ быть полезенъ. Онъ изъ числа тѣхъ людей, которые дружатся со свободой, обнимаютъ ее съ намѣреніемъ послѣ оковать ее въ свою пользу, чего они однакоже никогда не дождутся: явятся люди побойчѣе ихъ, которые будутъ умѣть для себя собрать плоды ихъ преступнаго посѣва. А между тѣмъ онъ былъ причиною, что въ нравственномъ смыслѣ Молдоване и Волохи рѣшительно отдѣлились отъ Россіи, въ которой до него все еще видѣли они избавительницу. Юношество толпами поспѣшило въ Парижъ, къ источнику знаній и всѣхъ земныхъ наслажденій; сколько мнѣ извѣстно, сими послѣдними только пресытились они. И что будетъ изъ сихъ несчастныхъ, полныхъ страстей и бѣдныхъ разсудкомъ? Не будутъ ли они со временемъ пагубой своего отечества?

Если сіе историческое возрѣніе покажется здѣсь не у мѣста, то по крайней мѣрѣ оно вѣрно изображаетъ характеръ уроженцевъ Молдавіи и можетъ объяснить причины несогласій, въ послѣдствіи у нихъ со мною бывшихъ. Теперь слѣдуетъ, кажется, сказать нѣсколько словъ о лицахъ, съ которыми тутъ свела меня служба.

Со времени присоединенія области постоянно игралъ въ ней важную ролю Крупенской, принадлежащій къ боярской фамиліи. Онъ былъ тщеславенъ, какъ всѣ Молдоване, роскошенъ, но болѣе ихъ знакомъ съ Европейскимъ житьемъ. У него въ рукахъ всегда находилась казна и, слѣдуя обычаю, принятому въ Яссахъ, онъ полагалъ, что онъ можетъ брать изъ нея все для него потребное. Особенно же въ званіи вице-губернатора при двухъ намѣстникахъ, Бахметевѣ и Инзовѣ, онъ дѣлалъ что хотѣлъ, не думая о днѣ отчетовъ и отвѣтственности. Сей день насталъ для него съ прибытіемъ Воронцова; онъ скоро долженъ былъ оставить службу и полатиться почти всѣмъ наслѣдственнымъ имѣніемъ за неосторожно сдѣланные казенные займы.

На его мѣсто прибылъ Херсонскій вице-губернаторъ Василій Васильевичъ Петрулинъ, добродушнѣйшій и честнѣйшій чловѣкъ въ мірѣ, бывший долго адъютантомъ при дукѣ-де - Ришельѣ. Едва успѣлъ онъ

пріѣхать, какъ, съ наставленія графа, меня, ему прежде неизвѣстнаго, посѣщилъ посѣтитъ онъ въ дорожномъ платьѣ. Мы оба были залетныя птицы въ незнакомой сторонѣ, оба должны были дѣйствовать съ оглядкой, что насъ скоро чрезвычайно и сблизило. Его ужасала бездна безпорядковъ, которые надлежало ему исправить. Дѣятельность его изумляла всѣхъ, его утомляла, а меня заставляла бояться за жизнь его; ибо здоровье у него было самое плохое.

Предсѣдатель Уголовнаго Суда Курикъ совсѣмъ не былъ такъ страшенъ, такъ опасенъ и такъ могущъ, какимъ я вообразилъ себѣ его и какимъ представилъ въ Запискѣ о Бессарабіи. Онъ былъ Украинецъ, ополячившійся во время служенія въ Варшавѣ и пристрастный къ Евреямъ; что же могло оставаться Русскаго въ этомъ провинціальномъ ораторѣ? Въ Совѣтѣ, въ которомъ видѣлъ онъ какой-то парламентъ, надѣдалъ онъ мнѣ своими умствованіями, бесплодною плодovitостію рѣчей. Въ ласковыхъ его со мною разговорахъ не могъ я поймать выраженія ни единого чувства, согласнаго съ моими. Все вмѣстѣ породило во мнѣ преувеличенную антипатію къ нему, и отъ того, можетъ быть, и сказалъ я объ немъ что нибудь лишнее.

О депутатѣ отъ дворянства Иванѣ Константиновичѣ Прункулѣ говорилъ я тоже не съ весьма выгодной стороны, и теперь не буду ставить его примѣромъ добродѣтели. Но въ немъ было много примѣчательнаго; онъ казался выродкомъ изъ тяжеловѣсныхъ Молдаванъ. Его чудный умъ, быстрота, съ какою обнималъ онъ дѣла и способность объяснять ихъ на Русскомъ языкѣ, которому выучился онъ уже не въ молодыхъ лѣтахъ, мнѣ нравились также, какъ и выразительный его взглядъ и проворство тѣлодвиженій. По поставкамъ на армію, во время послѣдней Турецкой войны, имѣлъ онъ расчеты съ казною. Такого рода дѣла предпринимаются не изъ усердія, а изъ барышей, и всякому хочется получать ихъ болѣе. Если требованія его были неумѣренны, не надобно было удовлетворять ихъ. Изъ дѣла, въ которомъ обращались милліоны, извлекъ онъ небольшое состояніе въ Бессарабіи, и это ему ставили въ вину. Не только ничего ему не уплачивали, но тянули и тянуть еще разорительный для него процессъ, и его же еще преслѣдовали. Вообще надлежитъ быть справедливыѣ и такихъ людей беречь для будущаго, дабы ихъ примѣромъ не напугать ихъ соотечественниковъ и не охладить ихъ къ Россіи. Сами земляки необыкновенный умъ его называли плутовствомъ; вездѣ горе отъ ума!

Прежде всего слѣдовало бы говорить о гражданскомъ губернаторѣ Катакази; но изъ главныхъ лицъ онъ оставался такъ мало замѣчательный, что, бывало, всегда между ними его послѣдняго разглядишь. Молоденькимъ Греченкомъ изъ Константинополя въ Молдавію вывезъ его

господарь Ипсиланти, потомъ женилъ на одной изъ дочерей своихъ и по незрѣлости тогда ума его (и съ тѣхъ поръ мало созрѣвшаго) далъ ему только званіе каминара, какъ бы сказать—титулярнаго совѣтника. Послѣ побѣга изъ Яссы привезъ онъ его съ собою въ Петербургъ. Въ награду за преданность Ипсиланти и за понесенныя имъ потери, по его просьбѣ, два зятя его, Негри и Катакази, приняты въ Русскую службу съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, будто бы со-отвѣтствующаго ихъ Молдавскому званію. Когда въ 1818 году утверждено было образованіе области и по штату положенъ былъ гражданскій губернаторъ, то Бахметевъ, или лучше сказать правитель канцеляріи его Криницкій, сталъ прискивать для сего мѣста совершенное ничтожество и ничего не могли найти лучше, какъ случившагося тутъ Катакази; тѣмъ самымъ угодили они и земляку его Каподистріи. Въ мало населенной странѣ, въ присутствіи намѣстника, губернаторъ вообще не можетъ играть большой роли; а этотъ, плохо зная Русскій языкъ и совсѣмъ не зная дѣлъ, на немъ производящихся, долженъ былъ рѣшительно оставаться нулемъ. Съ помощію свѣдущаго секретаря Шульженки могъ онъ еще кое-какъ выходить изъ затрудненій; за то въ разговорахъ плохимъ выговоромъ не оставлялъ часто упоминать о Митріѣ Павловицѣ. Все въ немъ было въ маломъ видѣ: и ростъ, и умъ, и даже Греческая хитрость и злость, всегда подавляемая безсиліемъ и робостію. Обхожденіе съ нимъ Бахметева, говорятъ, было столь же высококомѣрное и грубое, какъ и покорность его къ нему безгранична. Инзовъ, болѣе кроткій, старался быть учтивъ, но по службѣ остался съ нимъ въ тѣхъ же отношеніяхъ, какъ и Бахметевъ.

Нѣчто въ родѣ представительнаго правленія введено было въ Бессарабію подъ названіемъ «Образованія». Съ помощію наставленій, насылаемыхъ изъ Петербурга, его составлялъ Криницкій, который, какъ всякій Полякъ, искренно или притворно любилъ вольность. Поляки, коими многія мѣста наполнилъ онъ въ области, воскликнули: республика! а недовольные Молдаване возмечтали, что могутъ дѣлать все что хотятъ. Бахметевъ, Русскій человекъ и Русскій воинъ, не хотѣлъ повѣрить, что, представивъ проектъ «Образованія», онъ подыметъ на себя руки. Управление его сдѣлалось постоянною борьбой, въ которой, однакоже, онъ всегда одерживалъ верхъ. Но въ Петербургѣ два покровителя новаго порядка, Каподистрія и Стурдза, съ негодованіемъ смотрѣли на его дѣйствія, какъ на наслованіе дарованной ими хартии. Въ 1820 году сдѣлалась настоящая республика, только съ осторожнымъ президентомъ, Инзовымъ, которому помогали прикрываться постановленіями и законами. Вдругъ узнаютъ, что извѣстный либераль, Англичанинъ въ душѣ, назначенъ намѣстникомъ; вотъ тутъ-то пришло

время совершенной свободы. Многие, вѣроятно, мечтали уже и о безначалии съ Катакази, тѣмъ болѣе, что мѣсто областного управления должно было перенестись въ Одессу. Спросили бы они въ Великобританскихъ колоніяхъ, какъ либеральничаютъ тамъ Англичане. Спокойная твердость Воронцова всѣхъ поразила: въ немъ, болѣе чѣмъ намѣстника, увидѣли наперсника царскаго. Какъ бы то ни было, съ самой первой минуты, во все время многолѣтняго управления своего, не встрѣтилъ онъ и тѣни сопротивленія.

Вмѣсто безначалія въ дѣлахъ показалось гораздо болѣе порядка, и дѣятельность необходимая, дабы оживить сихъ неподвижныхъ. Анархію нашелъ я только въ общежительности; въ городѣ, наполненномъ помѣщиками, служащими и эмигрантами изъ Молдавіи и Греціи, всѣ жили порознь, нигдѣ не было точки соединенія. Старый холостякъ, Иванъ Никитичъ Инзовъ, который никогда не приближался къ женщинамъ и до конца жизни сохранилъ цѣломудріе, жилъ по-солдатски; оставшись въ Кишиневѣ по званію попечителя колоній южнаго края, онъ ничего не перемѣнилъ въ образѣ жизни своей. Катакази получалъ большое содержаніе серебромъ, и хотя не справлялъ, какъ говорится, царскихъ торжественныхъ дней, проживалъ его сполна, да еще дѣлалъ долги. Онъ ежедневно принималъ у себя и кормилъ однихъ Грековъ, и они-то объѣдали его сердечнаго. Меня не рѣдко приглашалъ онъ, и тутъ-то познакомился я съ его соотечественниками; главныхъ назову здѣсь.

Вопервыхъ, былъ престарѣлый Григорій Суццо, Бейзаде, господарскій сынъ, отецъ князя Михаила, Молдавскаго господаря, недавно бѣжавшаго въ Германію. При немъ находились два сына, Николай и Гурдаки или Георгій Суццо, женатые, съ малолѣтними дѣтьми. Надобно полагать, что Михайлъ, прежде и послѣ игравшій большія роли, ни въ чемъ не походилъ на двухъ братьевъ своихъ, ибо ничего ничтожнѣ ихъ не могло быть. Изъ двухъ дочерей старика Суццо одна была въ замужествѣ за Маврокордато, высокимъ, красивымъ мужчиной, да вотъ и все. Мужемъ другой былъ съ козлиной бородкой маленькій Скина, главный совѣтникъ Катакази. Онъ былъ любезень, просвѣщенъ, съ нимъ гораздо короче, чѣмъ съ другими, познакомился я, и я скорѣе любилъ его лисій умъ, чѣмъ пугался его. Объ остальныхъ, право, не стоить говорить, развѣ только о добромъ тинисловѣ Плагіано, женатомъ на княжнѣ Мурузи. Начиная отъ губернаторши, во всѣхъ сихъ Гречанкахъ ея общества не было ни красоты, ни любезности; зато нравственностію и пристойностію стояли онѣ гораздо выше Молдаванокъ.

Изъ моихъ соотечественниковъ короче всѣхъ сошелся я съ однимъ молодымъ человѣкомъ, такъ же какъ я, учившимся въ Форсевилевомъ пансіонѣ, только нѣсколько годовъ позже. Николай Степановичъ Алексѣевъ родился въ Москвѣ, воспитывался въ ней, выросъ, возмужалъ и сражался за нее на Бородинскомъ полѣ. Съ безпечною юношп и тогдашняго Москвича приписался онъ къ какому-то вѣдомству и мало заботился о повышеніи. Объ немъ можно было сказать, обращаясь къ прежней Москвѣ:

Твой образъ былъ на немъ означенъ.

Онъ созданъ духомъ былъ твоимъ.

Однимъ только разнствовалъ онъ отъ согражданъ своихъ: въ ихъ добродушной откровенности было много грубаго, а въ немъ и этого не было. Но годы прошли, не вѣкъ было танцовать, надобно было подумать о чемъ-нибудь серіозномъ. Семейство Алексѣева было въ родствѣ, въ свойствѣ или въ тѣсной связи съ Дмитріемъ Ивановичемъ Киселевымъ, котораго сынъ Павелъ Дмитріевичъ, начальникъ штаба второй арміи, былъ очень силенъ на Югѣ. Къ нему прямо въ Тульчинъ отправили неопытнаго юношу, а онъ пристроилъ его къ Бахметеву, въ Кишиневѣ. Съ тѣхъ поръ исторія Алексѣева становится исторіей Бессарабіи въ послѣдніе четыре года. И потому намѣренъ я рассказать ихъ вмѣстѣ.

Въ 1819 году властвовалъ еще Бахметевъ или, скорѣе, супруга его Викторія Станиславовна, разводная жена графа Шоазеля-Гуфье, урожденная графиня Потоцкая. Какъ всякая Польшка, любила она власть и оттого любила начальствовавшего мужа, безногаго, пожилаго и хвораго. Какъ Польшка, любила она деньги и оттого любила дикую еще Бессарабію, въ которой видѣла золотой для себя рудникъ. Какъ Польшка, любила она роскошную жизнь, всякій вечеръ принимала у себя гостей и часто дѣлала балы. Она жила во вновь построенномъ каменномъ домѣ о двухъ этажахъ, въ нижней части города *). Общество при ней процвѣтало, тѣшилось, а земля платила за его увеселенія: вѣдь нельзя же забавлять людей все даромъ. Министромъ финансовъ ея былъ Армянскій архіепископъ Григорій, столь же любезный какъ глубоко и откровенно-безнравственный человѣкъ; я бы его возненавидѣлъ, еслибы онъ принадлежалъ къ православному духовенству, но до чуждой мнѣ вѣры какое мнѣ дѣло? и мы всегда жили съ нимъ по-

*) Въ этомъ домѣ продолжали жить Пизовъ, даже когда оставилъ должность намѣстника: графъ Воронцовъ согласился, чтобы изъ областныхъ доходовъ былъ онъ для него напять. Онъ былъ построенъ весьма непрочо и поврежденъ землетрясеніемъ. Вмѣстѣ съ старѣющимъ жильцомъ своимъ приходилъ онъ въ разрушеніе. Теперь, слышно, онъ въ развалинахъ.

пріятельски. Сей весельчакъ въ архіерейскомъ домѣ давалъ иногда и балы, присутствовалъ при танцахъ, но самъ не принималъ въ нихъ участія. Собираателями не совсѣмъ добровольныхъ приношеній были вызваные ею изъ Подольской губерніи Евреи.

И, такъ, Алексѣевъ съ лощеныхъ паркетовъ, на коихъ вальсировать въ Москвѣ, шагнулъ прямо къ ломберному столу въ гостиной Бахметева. Бѣльшихъ рекомендацій ему было не нужно; его степенный, благородный видъ заставлялъ всякаго начальника принимать его благосклонно. Въ провинціяхъ, кто хорошо играетъ въ карты, скоро становится нужнымъ человѣкомъ, и онъ сдѣлался домашнимъ у Бахметева. Тогдашнее малочиніе его заставляло другихъ канцелярскихъ чиновниковъ смотрѣть на него съ завистію и досадою; но онъ всегда спокойно оставался внѣ сферы ихъ.

Великая потеря, которую сдѣлалъ онъ съ отбытіемъ Бахметева, скоро замѣнена была прибытіемъ дивизіоннаго начальника, Михаила Ѳеодоровича Орлова, который, какъ извѣстно читателю, былъ опасной красой нашего Арзамаса. Сей благодушный мечтатель болѣе чѣмъ когда бредилъ въ явь конституціями. Его жена, Катерина Николаевна, старшая дочь Николая Николаевича Раевского, была тогда очень молода и даже, говорятъ, исполнена доброты, которой черезъ нѣсколько лѣтъ и слѣдовъ я не нашелъ. Онъ нанялъ три или четыре дома рядомъ и началъ жить не какъ Русскій генераль, а какъ Русскій бояринъ. Прискорбно казалось не быть принятымъ въ его домъ, а чтобы являться въ немъ, надобно было болѣе или менѣе раздѣлять мнѣнія хозяина. Домашній пріятель, бригадный генераль Павелъ Сергѣевичъ Пущинъ не имѣлъ никакого мнѣнія, а приставалъ всегда къ господствующему. Два демагога, два изувѣра, адъютантъ Охотниковъ и маіоръ Раевскій (совсѣмъ не родня г-жѣ Орловой) съ жаромъ витійствовали. Тутъ былъ и Липранди, о которомъ много говорилъ я прежде и о которомъ много долженъ буду говорить послѣ. На бѣду попался тутъ и Пушкинъ, котораго сама судьба всегда совала въ среду недовольныхъ. Семь или восемь молодыхъ офицеровъ генеральнаго штаба извѣстныхъ фамилій, воспитанниковъ Московской Муравьевской школы, которые находились тутъ для снятія плановъ по всей области, съ чадолубіемъ были воспріаты. Къ ихъ пылкому патріотизму, какъ полынь къ розѣ, сталъ прививаться тутъ Западный либерализмъ. Передъ своимъ великимъ и неудачнымъ предпріятіемъ нерѣдко посѣщалъ сей домъ съ другими соумышленниками Русскій генераль князь Александръ Ипсиланти, шурина губернатора, когда

На берега Дуная
Великодушный Грекъ свободу вызывалъ.

Передъ нашимъ Алексѣевымъ, тайно исполненнымъ дворянскихъ предразсудковъ и монархическихъ повѣрій, не иначе раскрылись двери, какъ посредствомъ легонькаго Московскаго оппозиціоннаго духа. Для него, по крайней мѣрѣ, знакомство сіе было полезно, ибо оно сблизило его съ Пушкинымъ, который и писалъ къ нему извѣстныя посланія въ стихахъ.

Все это говорилось, все это дѣлалось при свѣтѣ солнечномъ, въ виду цѣлой Бессарабіи. Корпусный начальникъ, Иванъ Васильевичъ Сабанѣевъ, офицеръ Суворовскихъ временъ, который стоялъ на колѣняхъ передъ памятью сей великой подпоры престола и Россіи, не могъ смотрѣть на это равнодушно. Мимо начальника штаба Киселева, даже вопреки ему, представилъ онъ о томъ въ Петербургъ. Орлову велѣно числиться по арміи, Пущину подать въ отставку, Охотниковъ кстати умеръ, а Раевскій заключенъ въ Тираспольскую крѣпость; тѣмъ все и кончилось. Это, кажется, было за нѣсколько мѣсяцевъ до нашего пріѣзда, и безъ настыря нашель уже я безгласныхъ и не блеющихъ болѣе овецъ.

Назначеніе графа Ворошцова, который любилъ выводить своихъ подчиненныхъ, особенно тѣхъ, кои находились при лицѣ его, представляло Алексѣеву много успѣховъ и болѣе пріятное житіе въ Одессѣ: напрасно онъ выпросилъ себѣ какое-то постоянное порученіе въ Кишиневѣ. Страстно влюбленный, счастливый и вѣрный, онъ являлъ въ себѣ неслыханное чудо. Онъ былъ въ связи съ женою одного горнаго чпновника Эйхфельда, милой дочерью боярина Мило; а для милой чѣмъ не пожертвуешь! Я, по крайней мѣрѣ, долженъ благодарить ее: она мнѣ сохранила Алексѣева и утѣшительныя для меня бесѣды его.

Судьба, какъ читатель могъ видѣть, часто, почти всегда вводила меня въ кругъ людей мнѣ вовсе незнакомыхъ. Добрыя ихъ свойства, какъ и недостатки, поражали меня, оставляли сильныя впечатлѣнія. Вотъ почему на память писалъ я ихъ портреты и безъ большаго разбора помѣщалъ здѣсь, можетъ быть, иногда къ негодованію или скукѣ читателя. Но эти безпрерывныя испытанія судьбы, заставляя меня изучать характеры людей, научили и были съ ними осторожнымъ: я не спѣшилъ объявлять собственныхъ мнѣній, а, напротивъ, любилъ выслушивать чужія. Оттого сначала въ Кишиневѣ всѣ полюбили меня, Катакази и Греки, Сгурдза и Молдаване, Курикъ и Жиды, архіерей Григорій и Армяне, полиціимейстеръ Радичъ и Сербы; о Русскихъ и говорить уже нечего; однимъ словомъ, я былъ любимъ всенародно. И этой любовію, этимъ уваженіемъ, могу сказать, былъ единственно обязанъ себѣ, отнюдь не сильной протекціи намѣстника, которою я тогда

пользовался и которую изъ особыхъ видовъ тщательно старался ото всѣхъ скрывать.

Совсѣмъ иначе поступалъ Липранди. Вскорѣ по возвращеніи въ Россію, изъ Генеральнаго Штаба былъ онъ переведенъ въ линейный егерскій полкъ и, наконецъ, принужденъ былъ оставить службу. Все это показываетъ, что начальство смотрѣло на него не съ выгодной стороны. Не зная, куда дѣваться, онъ остался въ Кишеневѣ, гдѣ положеніе его очень походило на совершенную нищету. Графъ Воронцовъ вездѣ любилъ встрѣчать Мобѣжскихъ своихъ подчиненныхъ; Липранди явился къ нему, разжалобилъ его и на первый случай получилъ вспомоствованіе, кажется, изъ собственнаго его кармана. Не смѣя еще представить объ опредѣленіи его въ службу, графъ частнымъ образомъ поручилъ ему наблюденіе за сокращеніемъ и устройствомъ новыхъ дорогъ въ области, чему много способствовало недавнее обмежеваніе ея. Тогда на развѣзды изъ казенной экспедиціи начали отпускать ему суммы, въ употребленіи коихъ ему очень трудно бывало давать отчеты. Очень искусно потомъ умѣлъ онъ выдать себя за перваго любимца графа и всѣмъ, у коихъ занималъ деньги, обѣщалъ свое покровительство. Вдругъ, откуда чтò взялось: въ не весьма красивыхъ и не весьма опрятныхъ комнатахъ карточные столы, обильный и роскошный обѣдъ для всѣхъ знакомыхъ и пуды Турецкаго табаку для ихъ забавы. Совершенно Бедуинское гостепріимство. И чудо! Вмѣстѣ съ долгами возрасталъ и кредитъ его.

Мое скудное житіе въ двухъ каморгахъ служило совершеннымъ контрастомъ его роскоши, и когда онъ вездѣ безъ счегу забиралъ деньги, старался я по возможности уплачивать сдѣланный мною на путешествіе небольшой долгъ. Столь возвышенное надъ моимъ положеніемъ его дало ему, впрочемъ всегда ко мнѣ благосклонному, возможность объявить себя моимъ защитникомъ и покровителемъ, чтò мнѣ показалось очень забавнымъ.

Мнѣ бы не слѣдовало много жаловаться на положеніе свое. Дѣла у меня было еще не слишкомъ много, жизнь была чрезвычайно дешевая; новостъ предметовъ и разнородность общества и жителей, которые были у меня передъ глазами, должны были привлекать мое любопытство, и все это посреди однихъ только доброжелателей. Меня мучило отсутствіе не удовольствій Петербурга, а удобствъ его: комфортъ начиналъ уже становиться необходимостію и небогатыхъ въ немъ жителей. Наконецъ, и съ этой стороны былъ я нѣсколько удовлетворенъ. Областной предводитель дворянства, Стурдза, добрый и правдивѣйшій изъ смертныхъ, человекъ еще довольно молодой и холостой, нанималъ домъ даже слишкомъ обширный для Кишинева. Онъ

предложилъ мнѣ посмотрѣть у него три комнаты довольно просторныя, никѣмъ не занятыя, ему вовсе не нужныя, и поселиться въ нихъ, если онѣ мнѣ понравятся. Затрудненіе было въ томъ, что у него былъ славный поваръ, что онъ всякій день дома обѣдалъ, и что отъ него нельзя мнѣ было посылать въ дрянной своей трактиръ за кушаньемъ, а на хлѣбы мнѣ къ нему идти не хотѣлось. Но предложенія его были такъ убѣдительно, что я, наконецъ, не успѣсившись и переѣхалъ къ нему.

Это продолжалось недолго. Декабрь проходилъ, я неотступно просилъ графа прислать мнѣ бумагу, коею для объясненій потребовалъ бы онъ меня въ Одессу, и получилъ ее. Въ самый Сочельникъ, 24 Декабря 1823 г. рано по утру, оставилъ я Кишиневъ.

IX.

Можно почитать феноменомъ то, что случалось мнѣ замѣчать всякій разъ, что переѣзжалъ я черезъ Днѣстръ, рѣку не весьма широкую: по теченію ея, на правомъ ея берегу всегда бывало нѣсколькими градусами теплѣе, чѣмъ на лѣвомъ. Причиною тому полагать можно то, что на Бессарабской сторонѣ большіе лѣса болѣе защищаютъ землю отъ лучей солнца, тогда какъ по сю сторону оно тирански властвуетъ надъ степями. Еще съ начала Декабря въ Кишиневѣ только кровли, а вокругъ него поля покрыты были снѣгомъ, и я хорошо закутавшись, доѣхалъ до Бендеръ; тутъ, среди небольшихъ льдинъ, на паромѣ переправился я черезъ Днѣстръ. Вдругъ показалось мнѣ теплѣе, и снѣгу нигдѣ не было видно.

Было очень поздно, когда пріѣхалъ я въ Дольникъ, гдѣ послѣдняя перемѣна лошадей до Одессы. Мнѣ казалось, что изъ провинціи ѣду я въ столицу, и я не иначе хотѣлъ въѣхать въ нее какъ днемъ. Станціонный домъ былъ довольно просторенъ, наканунѣ Рождества никто еще въ немъ не спалъ, вездѣ былъ свѣтъ, и женщины оканчивали свою стряпню. Мнѣ отгородили спокойный, чистый уголь, и я заснулъ съ намѣреніемъ въѣхать до свѣта.

Какъ мнѣ было не возблагодарить себя, отчасти за лѣнь свою, которая заставила меня наканунѣ остановиться въ Дольникѣ, когда днемъ только-что проѣхалъ я Тираспольскую заставу! Ночью былъ изрядный морозъ, и меня повезли такъ-называемымъ Греческимъ базаромъ, какъ мѣстомъ, гдѣ дорога глаже. Взрытая и остывшая грязь представляла видъ окаменѣвшихъ морскихъ волнъ. Для проѣзда по Одесскимъ улицамъ мнѣ нужно было столько же времени какъ на сдѣ-

ланіе послѣдней станціи. Измученный пріѣхалъ я въ обычную уже мнѣ гостиницу Ренѳ.

Надобно однако объяснить причины этой, для невидавшихъ ея, баснословной грязи. Когда строился городъ, то, по приказанію Ришелье, съ обѣихъ сторонъ улицъ вырыты были глубокія и широкія канавы. Вынутый изъ нихъ черноземъ высоко поднялся на серединѣ улицы. Сія рыхлая земля, вязкаго свойства, не была еще большимъ неудобствомъ при маломъ народонаселеніи; когда же оно увеличилось, то проѣздъ черезъ эту клейкую землю по временамъ дѣлался невозможнымъ, даже для легонькихъ дрожекъ тройкой. Все отпечатывалось на этомъ липкомъ веществѣ, ступни людей и скотовъ, и увѣряли, что кто-то, упавъ въ него прямо носомъ, надолго оставилъ на немъ свою маску. Сообщенія дѣлались невозможны; дабы посѣтить другъ друга, всѣ должны были идти пѣшкомъ между канавъ и домовъ, а для перехода черезъ улицы надѣвать длинные сапоги выше колѣнъ сверхъ другихъ сапоговъ и панталонъ. Въ такомъ бѣдственномъ положеніи нашелъ я Одессу.

Много еще было въ ней провинціального, и скоро все узнавалось. По случаю великаго праздника, Рождества Христова, въ этотъ день у графа обѣдалъ весь многочисленный его штатъ. Тамъ уже знали о пріѣздѣ моемъ. Черезъ кого-то изъ бывшихъ тутъ, графъ велѣлъ сказать мнѣ, что ожидаетъ меня къ себѣ на другой день поутру. Многіе съ этого обѣда, въ длинныхъ сапогахъ, прибѣжали навѣстить меня. Въ томъ числѣ, разумѣется, былъ и Пушкинъ.

Я обозначилъ всѣ главные лица многочисленной свиты графа. Изображать остальныхъ — дѣло невозможное; но нѣкоторыхъ изъ сихъ, по моему, нижнихъ чиновъ пропустить въ молчаніи какъ-то совѣстно; а дабы не позабыть ихъ, что весьма легко можетъ случиться, здѣсь же спѣшу ихъ назвать.

Два молодыхъ человѣка, пріѣхавшихъ изъ Петербурга, которые были почти ровесниками Пушкина и почти въ однихъ съ нимъ чинахъ, отъ того почитали себя совершенно ему равными. Одинъ по крайней мѣрѣ имѣлъ на то какъ будто нѣкоторое право: онъ пописывалъ стихи. Но какіе? Преплохіе. Стихи не есть еще поэзія; а ни малѣйшей искры ея не было въ душѣ Василя Ивановича, принадлежащаго къ извѣстному въ Малороссіи по надменности своей роду Туманскихъ. Самодовольствіе его, хотя учтивое, дѣлало общество его не весьма пріятнымъ; ему нельзя было совсѣмъ отказать въ умѣ; но, подобно фамильному имени его, онъ свѣтился сквозь какой-то туманъ. Всегда бывалъ онъ пристоеенъ, хладнокровенъ; иногда же, когда вздумается ему казаться веселымъ и онъ захочетъ сказать или рассказать

что нибудь смѣшное, никого какъ то онъ не смѣшилъ. Его кое-куда посылали, ему кое-что поручали, онъ что-то писалъ и казался не совсемъ празднымъ.

Не знаю, зачѣмъ выбралъ онъ себѣ подъ пару другаго юношу, который сотнею сажень стоялъ его ниже. Меня судьба водила по всемъ этажамъ Петербургскихъ домовъ и по всемъ разрядамъ Петербургскихъ обществъ; даже тѣ, кои хъ хозяевами были довольно чиновные люди, а нѣкоторые изъ гостей въ звѣздахъ, не могли еще почитаться второстепенными; въ нихъ могъ я насмотрѣться на тонъ ихъ франтовъ. Излишняя смѣлость нынѣшнихъ молодыхъ людей въ знатныхъ салонахъ была ничто въ сравненіи съ ихъ наглостію. Пожилые люди и женщины вѣроятно смотрѣли на то, какъ на неизбежное послѣдствіе распространившагося образованія. Мнѣ случалось слышать, какъ съ нѣжнымъ, трепетнымъ изумленіемъ, смотря на ухарство котораго либо изъ нихъ, дѣвцы говорили: что за пострѣль! Мнѣ случилось видѣть, какъ одинъ изъ нихъ сталъ посреди дамскаго круга и воскликнулъ: «Кто хочетъ со мною танцовать? Никто, ну такъ я самъ возьму!» Не знаю, изъ котораго изъ сихъ обществъ попалъ въ Одессу Никита Степановичъ Заваліевскій, сынъ отставнаго Петербургскаго вице-губернатора и самъ отставной офицеръ гвардіи сапернаго баталіона. Всемъ показался онъ очень оригиналенъ; меня не могъ онъ удивить: типъ такихъ молодцовъ мнѣ былъ знакомъ, и я тотчасъ увидѣлъ въ немъ выходца изъ Коломны или съ Песковъ. Такихъ людей ничто не останавливаетъ; они ничего не разбираютъ, ничѣмъ не уважаютъ. На примѣръ, когда я спросилъ у него, зачѣмъ онъ оставилъ военную службу? Заваліевскій отвѣчалъ мнѣ: мнѣ нельзя было оставаться, мы безпрестанно ссорились съ Николаемъ. А этотъ Николай былъ великій князь, братъ Императора. Росту былъ онъ небольшого, но хорошо сложенъ, имѣлъ очень ловко выточенную фигурку, одѣвался лихимъ франтомъ по послѣдней модѣ и прекрасно танцевалъ; къ тому же невѣжественныя его глупости были чрезвычайно забавны: сколько достоинствъ! Разъ въ гостиной у графа спросилъ онъ, кто бы таковъ былъ г. Ніагара, изобрѣтатель модныхъ тогда галстуховъ, носящихъ его имя и кои хъ концы ниспадали каскадой? Всѣ засмѣялись и сказали, что онъ никому неизвѣстенъ. Болѣе всего состоялъ онъ подъ покровительствомъ Казначеева, который для сего безграмотнаго создалъ мѣсто экзекутора канцеляріи. Для нея было куплено сто сажень дровъ, и онъ письменнымъ рапортомъ для храненія ихъ требовалъ разрѣшенія купить замокъ во сто сажень *дровъ*; ужъ это былъ бы цѣлый замокъ! Пушкинъ, который чрезвычайно любилъ общество молодыхъ людей, забавлялся имъ болѣе, чѣмъ кто и оттого позволялъ ему всякія

съ собою фамильярности, а Заваліевскій, всегда гораздо лучше его одѣтый, почиталъ сіе знакомство болѣе лестнымъ для Пушкина *).

Если намѣстникъ между опредѣляемыми къ себѣ гражданскими чиновниками искалъ умъ и способности, то конечно не руководствовался онъ симъ желаніемъ при выборѣ новонабранныхъ имъ четырехъ адъютантовъ. Какъ природа бываетъ изобрѣтательна въ своихъ причудахъ и какое разнообразіе было въ умственныхъ недостаткахъ сихъ господъ!

Первый изъ нихъ, князь Валентинъ Михайловичъ Шаховской, былъ добрѣйшій, благороднѣйшій малый, весьма красивый собою; жаль, что остальное тому не отвѣчало. Разсудокъ не допустилъ бы его до тѣсныхъ связей съ людьми, коихъ мнѣній, кажется, онъ совсѣмъ не раздѣлялъ. А впоследствии если сіе не погубило его, то много повредило его службѣ.

Другой, Иванъ Григорьевичъ Снявинъ былъ двоюроднымъ братомъ графу Воронцову. Онъ старался давать всѣмъ это чувствовать и съ нѣкоторой досадой смотрѣлъ на сослуживцевъ, въ коихъ видѣлъ почти подчиненныхъ, себя ему не подчиняющихъ. Онъ былъ виднѣнъ собою, бѣлъ и румянь; но дурь и спѣсь, такъ ясно выражаемая его оловянными глазами, дѣлали всю наружность его непріятною. Можетъ быть, онъ самъ только повѣрилъ бы тогда предсказанію о высотѣ, которая его ожидаетъ. Если долго поживешь, то чего не увидишь у насъ! Я осужденъ былъ видѣть, къ стыду Россіи, какъ сіе, никѣмъ не оспариваемое, совершенное ничтожество, достигнувъ высочайшихъ гражданскихъ степеней, готово было вступить въ званіе министра. Во время революцій высоко поднимаются люди изъ грязи, но по крайней мѣрѣ они всѣ съ головой.

Спѣсь третьяго адъютанта, Константина Константиновича Варлама, была не такъ досадна, за то, если возможно, еще глупѣе, скучнѣе и несноснѣе. А чѣмъ онъ гордился? Тѣмъ, что былъ сыномъ Волоскаго бояра и шуриномъ почтъ-директора Булгакова. Впрочемъ ему много воли не давали, и только можно было замѣтить въ немъ ужасную охоту чваниться.

*) Слѣдующимъ лѣтомъ веселилъ онъ всю Одессу. Ему вздумалось прикинуться влюбленнымъ въ единственную дочь князя Петра Михайловича Волконскаго, которая находилась тутъ съ матерью. Ни той, ни другой не былъ онъ представленъ, а первую преслѣдовалъ онъ на бульварѣ съ апельсинами и конфетами. И хотя они не были приняты, черезъ кого-то предложили онъ свою руку. Отказъ смуглялъ бы другаго; его ни мало, и бѣдная княжна не могла выйти на улицу, на гулянье, чтобы не видѣть его по пятамъ своимъ. Наконецъ, принуждены были его куда-то отправить съ комиссіей.

Четвертаго адъютанта, Преображенскаго офицера, князя Захара Семеновича Херхеулидзева, случалось мнѣ видѣть въ Петербургѣ въ обществахъ, подобныхъ тѣмъ, кои посѣщаль Заваліевскій; но онъ былъ въ нихъ только что добродушнымъ балагуромъ и безвинное ремесло свое перенесъ съ собою въ Одессу. Впрочемъ былъ онъ здоровья плохаго, и сіе заставило его черезъ покровительство великаго князя Михаила Павловича искать мѣста въ тепломъ краю.

Побойчѣе, поострѣе и покрасивѣе его былъ нѣкто Алексѣй Михайловичъ Золотаревъ, маіоръ, состоящій по кавалеріи и по особымъ порученіямъ при графѣ. Олѣ также охотникъ былъ смѣшить, и такимъ образомъ веселіе разливалось повсюду. Баронъ Франкъ своимъ передраживаньемъ, каламбурами чрезвычайно потѣшалъ графиню и все ея приватное общество; Херхеулидзевъ заставлялъ отъ души смѣяться всѣхъ приближенныхъ графа, а Золотаревъ—одну только канцелярію его.

Я не могъ надивиться совершенно доброму согласію, царствовавшему между симъ смѣшаннымъ, перемѣшаннымъ обществомъ, жившимъ нѣсколько отдѣльно отъ городскаго: не было ни зависти, ни интригъ, ни даже пересудовъ, иногда только бывали необидныя насмѣшки. Причиною сему, кажется, было то, что въ добровольной ссылкѣ люди скорѣе сближаются другъ съ другомъ и дѣлаются междѣ взыскательны. Много способствовалъ тому и характеръ главнаго начальника: онъ старался тогда быть безпристрастенъ и неохотно слухъ свой склонялъ къ наушничеству. Исключая прежнихъ своихъ Мобѣжскихъ, и то наединѣ, со всѣми равно умѣлъ онъ обходиться умѣренно-ласково и умѣренно-повелительно. Разъ навсегда всѣхъ пригласилъ онъ хотя бы ежедневно у него обѣдать. Дозволеніе это всѣ почитали честію, пользовались ею, но не употребляли во зло, не столько изъ скромности, какъ изъ предпочтенія другому хозяину, Оттону, у котораго и съ которыми можно было обходиться гораздо повольнѣе. Веселое добродушіе Казначеева (изъ насъ пріѣзжихъ одного только женатаго) также много вязало членовъ общества, которымъ въ другомъ мѣстѣ труднѣе было бы сойтись. У него всякій вечеръ собирались почти всѣ сослуживцы и весело, откровенно, а иные и весьма умно разговаривали. И такъ по-утру передъ кабинетомъ графа, въ канцеляріи, у него же за обѣдомъ, а вечеромъ у Казначеева, безпрестанно встрѣчаясь, люди неволью, непримѣтно свыкались между собою. Меня все это очень радовало. Да проститъ же мнѣ читатель, если, вводя его съ собою въ новый кругъ, я счелъ необходимымъ познакомить его напередъ со всѣми, кругъ сей составляющими. Вмѣсто того, чтобы прямо приступить къ дѣлу, сказать, какой пріемъ сдѣланъ былъ мнѣ начальникомъ и какой результатъ имѣли тайные мои съ нимъ разговоры, я занялся

бездѣльемъ, изображеніемъ мелкихъ тогда при немъ чиновниковъ. Мало важное скорѣе забывается, я хотѣлъ того избѣгнуть. Къ тому же мнѣ хотѣлось обставить малозначущими фигурами любезнаго тогда сердцу моему Воронцова, дабы показать его еще болѣе въ гигантскомъ видѣ.

Я представилъ ему свою Записку о Бессарабіи. Прочитавъ ее, дня черезъ два сказалъ онъ мнѣ: «знаете ли вы, что вы съ глазъ моихъ какъ будто сняли повязку; такъ явственно изображены положеніе края и характеры людей». Можно представить себѣ что я почувствовалъ, услышавъ такія слова изъ устъ человѣка, котораго мнѣніе такъ высоко я цѣнилъ. Надобно знать, что въ это время необыкновенно-умный и хитрый Бруновъ, съ большими, основательными теоретическими познаніями, имѣлъ великое вліяніе на графа. Настроенный Александромъ Стурдзой, съ коимъ имѣлъ тѣсныя связи, онъ настаивалъ, чтобы въ Бессарабіи Молдавскіе права и обычаи были не только сохранены, но еще болѣе распространяемы, и чтобы тамъ введено было какое-то новое судопроизводство; однимъ словомъ, чтобы страна сія еще болѣе отрѣзана была отъ Россіи. Доводы его были такъ сильны и умны, что должны были нравиться человѣку, воспитанному въ конституціонномъ государствѣ.

Онъ не подозрѣвалъ, что два человѣка, по мнѣнію его ничтожные и третій, котораго почиталъ онъ легкомысленнымъ и несвѣдущимъ, могутъ содѣлаться препятствіемъ его видамъ. Изъ Кишинева я часто переписывался съ Казначеевымъ и съ Лексомъ. Первый, Русскій въ душѣ, во всемъ былъ со мною согласенъ. Другому надоѣла Молдавская бессмысленная, тяжелая спѣсь, и онъ охотно подогнулъ бы ее подъ Русскія узаконенія, но въ немъ оставалась нѣкоторая робость. Долго бывъ спрятаннымъ подъ каплуныи крыльями Инзова, онъ конечно ожилъ, какъ бы воспрянулъ, увидя себя осѣненнымъ орлинымъ крыломъ Воронцова. Онъ скорѣе по сей части могъ бы имѣть собственныя мнѣнія, но ему пріятнѣе было поддерживать мои. Со времени втораго пріѣзда моего въ Одессу намѣренія намѣстника, кажется, взяли новый оборотъ.

А въ чемъ состояли мои желанія, цѣль моихъ усилій? Въ томъ, чтобы изъ участка, вновь пріобрѣтеннаго, сдѣлать просто Русскую губернію. Я всегда полагалъ, что вслѣдъ за сдѣланіемъ новыхъ завоеваній, дабы владѣть ими спокойно, надлежитъ стараться припаять ихъ къ общей государственной массѣ, безъ чего они будутъ обременять и ослаблять ее. Тутъ не нужно мнѣ было много выдумывать. Великіе завоеватели-законодатели, Фридрихъ, Екатерина и Наполеонъ, такъ поступали. Укажу на другіе примѣры: Польша, при всемъ безпутномъ

своёмъ управленіи, умѣла однакоже понять, что православную Украйну она не иначе можетъ укрѣпить за собою какъ вводя въ нее все Польское. Употребляя Унію и Католичество и дѣйствуя первоначально и преимущественно на высшія сословія, она достигла до того, что мы, Русскіе, забыли, что эта страна намъ принадлежала, и что въ ней была колыбель нашей вѣры и нашего древняго могущества. И все насильно введенное и о сю пору еще тамъ преобладаетъ. Посреди прежняго варварства Германцевъ могли они употреблять только жесточайшія мѣры, смертную казнь, для преобразованія Славянъ, для обезьязыченія ихъ, какъ сказалъ одинъ поэтъ. И чтò же? Мекленбургъ и Померанія, Лузачія и Силезія, усиливъ Германію, сдѣлались намъ вовсе чужды, едва ли не враждебны.

Отъ дѣльнаго перехожу опять не совсѣмъ къ бездѣльному, къ описанію образа домашней жизни нашего повелителя. Черезъ день, если не каждый день обѣдалъ я у него. Большая зала, почти всегда пустая, раздѣляла двѣ большія комнаты и два общества. Одно, полуплебейское, хотя рѣдко покидалъ его самъ графъ, постоянно оставалось въ биліардной. Другое, избранное, отборное, находилось въ гостиной у графини; туда едва ли я заглядывалъ. Безъ всякой видимой причины графиня оказывала мнѣ убійственную холодность; невидимой же причиною былъ одинъ человѣкъ, живущій безъ службы, котораго воздерживаюсь еще назвать (до того воспоминаніе объ немъ меня тревожитъ и бѣситъ) и который, какъ утверждали послѣ, пользовался дружбою ея... Сей самолюбивый и злой человѣкъ не могъ простить мнѣ явнаго несогласія съ нимъ въ мнѣніяхъ и правилахъ. Исключая его, всегда можно было найти тутъ Марини, Брунова, Пушкина, Франка и близкаго родственника Синявина. Изъ дамъ всеневной посѣтительницей была одна только графиня Ольга Станиславовна Потоцкая, мѣсяца за два передъ тѣмъ вышедшая за Льва Александровича Нарышкина, двоюроднаго брата графа Воронцова. Въ столовой къ обѣду сходились вмѣстѣ, а вечеромъ у Казначеева всѣ опять смѣшивались.

Опять принужденъ сдѣлать отступленіе; но какъ, назвавъ знаменитую у насъ тогда Ольгу Потоцкую, не рассказать чудную исторію о ея матери и о ея семействѣ? Въ одномъ изъ Константинопольскихъ трактировъ была служанкой Гречаночка лѣтъ тринадцати или четырнадцати; секретарь Польскаго посольства Боскампъ сманилъ ее оттуда и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ уступилъ Польскому же посланнику Деболи. Съ симъ послѣднимъ совсѣмъ распустившею розой пріѣхала она въ Варшаву, гдѣ всѣхъ изумила необычайной красотой своею. Она стала жить на свободѣ, и счастливымъ, щедрымъ обожателямъ ея не было числа; но, наконецъ, всѣмъ имъ предпочла она одного пожилаго

Польскаго генерала графа Витта, ибо онъ одинъ предложилъ ей свою руку. Не знаю, когда и гдѣ встрѣтилъ ее князь Потемкинъ, только мужа переманилъ въ Русскую службу съ генеральскимъ чиномъ и назначилъ оберъ-комендантомъ въ Херсонъ, а жену увезъ съ собою въ Яссы. Тамъ щеголялъ онъ ею, какъ великолѣпнымъ трофеемъ, а она гордилась привязанностію челоуѣка, котораго слушалась вся Россія и который совершенно царствовалъ въ двухъ княжествахъ. И великія души, видно, не чужды тщеславію; ибо Потемкинъ на показъ повезъ ее и въ Петербургъ. Сопровождаемый многочисленной свитой, верхомъ для выставки развозилъ онъ ее съ собою въ открытомъ кабриолетѣ по улицамъ и гуляньямъ *). Послѣ смерти Потемкина, чрезъ нѣсколько лѣтъ, сдѣлалась она знатной дамой.

Польскій коронный гетманъ, графъ Станиславъ-Феликсъ Потоцкій посѣщаль мѣстечко свое Тульчинъ въ Подольскомъ воеводствѣ и часто живаль въ немъ. Прекрасная сія страна, вдали отъ Варшавы, была заброшена, и магнать могъ дѣлать въ ней, что хотѣлъ. Недавно еще старики внукамъ своимъ съ ужасомъ рассказывали о несправедливостяхъ Потоцкихъ, которыя можно назвать даже злодѣянiami. У богатыхъ Жидовъ онъ насильно занималь большія суммы; по сосѣдству всѣ имѣнія, коихъ завладѣніе представляло ему выгоды, отхватываль онъ посредствомъ заводимыхъ тяжбъ, и трепещущіе судьи не смѣли иначе рѣшить, какъ въ его пользу. Такимъ образомъ несмѣтное богатство свое успѣлъ онъ удвоить. Грабительства его прекратились только съ поступленіемъ этого края подъ Русское владѣніе; но онъ заблаговременно передался Россіи, и все имъ захваченное осталось за нимъ. Отъ перваго брака было у него четыре сына и нѣсколько дочерей. Объ одной, невѣрной Констанціи, упомянулъ уже я во второй части сихъ Записокъ, когда говорилъ о почтенномъ супругѣ ея графѣ Иванѣ Потоцкомъ же, путешествовавшемъ въ Китай. Другую, Викторію Шоазель-Бахметеву, прославившуюся между прочимъ обжорствомъ, недавно изобразилъ я. О третьей, Розѣ, вѣчно враждебной Россіи, на которой, противъ воли матери, женился графъ Владиславъ Браницкій и которую почтенная свекровь не пускала на глаза, не говорилъ я ни слова. О добродѣтеляхъ другихъ сестеръ и братьевъ лучше умолчать. Скажу только, что коротко знавшіе сіе семейство Польскихъ Атридовъ насчитывали въ ней гораздо болѣе семи смертельныхъ грѣховъ.

Въ совершенной старости хищникъ былъ наказанъ судьбой. Онъ плѣнился графиней Виттъ въ одно время съ Феликсомъ, старшимъ

*) Забавно, что будущій зять ея***, уже женатый на ея дочери, рассказываль при мнѣ будто въ порицаніе нравовъ Екатеринина вѣка, какъ онъ въ ребячествѣ былъ очевидцемъ этого срама.

сыномъ своимъ отъ перваго брака. По условію съ сыномъ, она предпочла отца и вышла за него, студодѣнія свои соединивъ со злочестіемъ Потоцкихъ. Новая Федра, передъ которой древняя жалка, спокойно предалась своему Ипполиту и, какъ та, истерзанная совѣстію и раскаяніемъ, вѣрно не восклицала: *Et des crimes peut-être inconnus aux enfers!* Отъ сего кровосмѣшенія родилось три сына и двѣ дочери, изъ нихъ Ольга меньшая. И безумный Феликсъ не подумалъ о томъ, что онъ себя и братьевъ лишаетъ большей части наслѣдства. Какая была развязка въ этой семейной драмѣ? Старикъ, наконецъ, узналъ всю истину; вскорѣ затѣмъ послѣдовали двѣ внезапныя кончины, сперва сына, потомъ отца. Клевета въ такихъ случаяхъ до нѣкоторой степени извинительна и весьма походить на правду. Польскіе дворяне говорили тогда о черной кавѣ, о черномъ кофеѣ, какъ о вещи весьма обыкновенной.

Пасынки и падчерицы вдовы графини Потоцкой завели съ нею ужасный процессъ, оспаривая законность ея брака, слѣдственно и законное рожденіе ея дѣтей: ибо Виттъ былъ еще живъ и не разведенъ съ нею, когда она вступила во второй бракъ. Сіе понудило ее, наконецъ, пріѣхать въ Петербургъ. Греческія хитрыя уловки замѣнили ей увядшую красоту. Министрамъ и сенаторамъ разсыпала она лесть и ласки, для подчиненныхъ не щадила золота. Главнымъ адвокатомъ въ ея дѣлѣ былъ сумасбродъ графъ Милорадовичъ, который влюбился въ молоденькую дочь ея Ольгу. Сія послѣдняя, съ дозволенія матери, не рѣдко посѣщала его, просиживала съ нимъ наединѣ по часу въ его кабинетѣ и принимала отъ него великолѣпные подарки. Отъ яблони яблочко, говорятъ, не далеко падаетъ. Говорили, что это Польскій обычай; но величественный и строгій въ приличіяхъ дворъ Александра смотрѣлъ на то не весьма благосклонно.

Какъ ожидать было должно, дѣло кончилось въ ея пользу. Она отправилась въ доставшійся ей по раздѣлу городъ Умань, гдѣ, въ подражаніе добродѣтельной Браницкой, и она развела обширный садъ подъ именемъ Софіевки. Ей оставалось спокойно доживать вѣкъ и пользоваться плодами долголѣтнихъ интригъ, какъ вдругъ явилась неумолимая. Ужасна была смерть грѣшницы: въ совершенной памяти, при нестерпимыхъ мученіяхъ, смердящимъ трупомъ прожила она нѣсколько мѣсяцевъ. Весь домъ былъ зараженъ зловоннымъ воздухомъ, все бѣжало отъ него; однѣ дочери остались прикованными къ ея одру. И какъ не похвалить ихъ за сей геройскій подвигъ!

Послѣ ея смерти сіи дѣвѣнцы отнюдь не казались сиротами, меньшая еще менѣе чѣмъ старшая Софія, которая въ тоже время вышла за скользящаго у меня все подъ перомъ начальника штаба второй

арміи, Павла Дмитріевича Киселева. Онъ умѣлъ въ Тульчинѣ приобрѣсти болѣе власти, чѣмъ самъ главнокомандующій Витгенштейнъ. Сіе могущество плѣнило Ольгу, которая пріѣхала погостить къ сестрѣ... Если сіе скопленіе мерзостей дойдетъ до потомства, не знаю, повѣритъ ли оно ему. Пусть вспомнитъ исторію семейства Борджіа; а католическая Польша, едва вышедшая изъ временъ насилій и безначалія, право, стоила Италіи среднихъ вѣковъ.

Еще лѣтомъ въ Одессѣ увидѣлъ я сію столь уже извѣстную Ольгу Потоцкую. Красота ея была тогда во всемъ своемъ блескѣ, но въ ней не было ничего дѣвственнаго, трогательнаго; я подивился, но не восхитился ею. Она была довольно молчалива, не горда, но и невнимательна съ тѣми къ кому не имѣла нужды, не столько задумчива, какъ разсѣянна и въ самой первой молодости казалась уже вооруженною большою опытностію. Все было разочтено, и стрѣлы кокетства берегла она для пораженія сильныхъ *)... Какъ все это уладилось, какъ просватали ее за *, все это покрыто тайной и не могло доходить до меня въ Кишиневѣ... Мнѣ не рѣдко за столомъ случалось сидѣть противъ нея, и мы взоровъ не спускали; я умѣлъ, когда нужно, полагать храненіе устамъ моимъ, но глаза мои всегда были болтливы....

Зато были въ Одессѣ другія графини ко мнѣ весьма благосклонныя. Я уже сказалъ, что градоначальникъ Гурьевъ былъ со мною на ногѣ стариннаго знакомаго и что я нерѣдко посѣщалъ его. Его графиня Авдотья Петровна, при свѣтской образованности, восхищала меня своею совершенно Русскою оригинальнію. Отнятое первенство у нея и мужа ея не могла она простить Воронцовой; замѣтивъ, что и я не имѣю къ ней большой симпатіи, она свою нѣсколько умножила ко мнѣ. Она жила не въ ладахъ съ жительницами Одессы. Въ большихъ торговыхъ городахъ бываетъ всегда коммерческая аристократія; тутъ изъ бѣдности вдругъ поднявшіеся богачи, по большой части иностранцы, Французы, Англичане, Греки (Сикарь, Рено, Моберли, Маразли, Ризничъ) оттого были еще спѣсивѣе. Она не могла растолковать себѣ выскательности ихъ женъ. «Что мнѣ до этой разношерстной компаніи, говорила она, и какъ смѣютъ эти купчихи считаться со мною!» Этихъ купчихъ, хотя изрѣдка, Воронцова приглашала на свои вечера; а ее онѣ совсѣмъ бросили.

*) Нѣтъ сомнѣнія, что Польки заимствовали у Евреевъ сію страсть къ покоренію всемогущихъ. Сколько есть между ими Эсеирей! И сколько бѣдныхъ Русскихъ генераловъ, запутанныхъ въ сѣти даже простонародныхъ Юдифей, какъ Олоферны, теряютъ головы, и отъ того хладѣютъ къ своему отечеству!

Другая графиня была для меня совершенно новымъ знакомствомъ. Меня ребенкомъ знавалъ въ Кіевѣ графъ Ланжеронъ, когда въ полковничьемъ чинѣ бывалъ онъ часто у моихъ родителей. Это воспоминаніе, казалось, заставляло его меня любить; впрочемъ со мною, также какъ и со всѣми, обходился онъ излишне фамильярно для шестидесятилѣтняго Андреевскаго кавалера. Не одна подчиненность моя, но и привязанность къ графу, была однако великимъ порокомъ въ его глазахъ. Изъ исторіи управленія его Новороссійскимъ краемъ составилось бы нѣсколько томовъ, и она была бы весьма занимательна; только вышло бы изъ нея большое собраніе забавныхъ и веселыхъ анекдотовъ. Пересватавъ тщетно всѣхъ богатыхъ и знатныхъ невѣстъ въ Россіи, онъ женился, наконецъ, въ Одессѣ на бѣдной дѣвушкѣ, дочери полковника Бриммера, Елисаветѣ Адольфовнѣ. Онъ представилъ меня ей, а я спѣшу представить ее читателю.

Мнѣ не случалось видѣть красиваго лица столь угрюмаго, какъ у графини Ланжеронъ; однако мнѣ оно всегда улыбалось и, право, этимъ можно похвастать. Прекрасные глаза ея были даже выразительны, но она не чувствовала того, что они выражали. Холодна какъ ледъ, она рѣдко съ кѣмъ открывала уста. Въ Одессѣ, гдѣ она была воспитана, всѣ знали ее дѣвочкой дикой и несообщительной, и когда вдругъ поднялась она на генераль-губернаторство, то, ничего не перемѣняя въ своемъ обхожденіи, отнюдь не казалась горда; за то и ей не оказывали большой внимательности. Довольствуясь наружнымъ уваженіемъ, въ которомъ нельзя было отказывать женщинѣ, выше другихъ поставленной, она ничего болѣе не требовала. Когда она сопровождала мужа своего въ Парижъ, ей было душно въ Сень-Жерменскомъ предмѣстьи, и она все вздыхала по Одессѣ. Красивой женщиной, одаренной твердостью и хладнокровіемъ, не трудно было овладѣть старымъ вѣтреникомъ и, повинуясь только ея волѣ, рѣшился онъ безъ службы воротиться въ Одессу, гдѣ впрочемъ были у него и домъ, и хуторъ. Присутствіе Воронцовой было какъ острый ножъ для бывшей генераль-губернаторши. Къ сожалѣнію, она нечужда была зависти; а богатство, знатность, воспитаніе, всѣ эти преимущества должны были возбуждать ее въ ней. Я не думаю, чтобы это было причиной особенной ея ко мнѣ благоклонности; а впрочемъ, кто знаетъ! Когда съ другими прилично она отмалчивалась, со мной всегда находила о чемъ говорить.

Уже подъ именемъ графини Эделингъ находилась тутъ женщина, которой Каподистрія обязанъ былъ довѣренностью Александра, о чемъ я говорилъ въ пятой части сихъ Записокъ. При дворѣ, гдѣ почти всегда красота предпочиталась уму, въ Роксандрѣ Скарлатовнѣ Стурдзѣ видѣли только безобразнѣйшую изъ фрейлинъ, и всѣ отъ нея отдаля-

лись, какъ нечаянный случай сблизилъ ее съ императрицей Елисаветой Алексѣвной. Тогда ее распознали и невольно стали благоговѣть предъ необыкновеннымъ превосходствомъ ея ума. Государыня взяла ее съ собою за границу, и на Вѣнскомъ конгрессѣ всѣ отличные мужи и многія принцессы искали ея знакомства, а нѣкоторыя и сдружились съ ней. Лишившись надежды выйдти за Каподистрію, встрѣтила она человека, съ которымъ была счастливѣе, чѣмъ бы, можетъ быть, съ этою знаменитостію. Графъ Альбертъ Эделингъ, оберъ-гофмейстеръ Саксенъ-Веймарскаго двора, былъ одинъ изъ тѣхъ старинныхъ Нѣмецкихъ владѣльцевъ - бароновъ, честныхъ, добродушныхъ, благородныхъ, коихъ типъ сохранился нынѣ только въ романахъ Августа Ла-Фонтена, которыхъ также едва ли нынѣ найдти гдѣ можно. Онъ душою полюбилъ дѣвицу Стурдзу, и она его; сочетавшись съ нею бракомъ, онъ согласился оставить отечество и поселиться съ нею въ южной Россіи. Наруженностію ея плѣниться было трудно: на толстоватомъ, нѣсколько скривленномъ туловищѣ, была у нея коровья голова. Но лишь только она заговоритъ, и вы очарованы, и даже не тѣмъ, что она скажетъ, а единственно голосомъ ея, нѣжнымъ, какъ прекрасная музыка. И когда эти восхитительныя звуки льются, льются, что выражаютъ они? Или глубокое чувство, или высокую мысль, или необыкновенное знаніе, облеченное во всю женскую граціозность, и притомъ какая простота! Какое совершенное отсутствіе гордости и злобы! Превосходство души равнялось въ ней превосходству ума. Изъ Бессарабіи, гдѣ у нея были родные, писали къ ней обо мнѣ чудеса, и оттого-то сею четою былъ я принятъ, можно сказать, съ отверстыми объятіями. Во мнѣ оставалось еще довольно греколюбія, филлэлинства, чтобы и съ этой стороны ей угодить. Какъ любилъ я ее въ эти минуты, когда, всегда спокойная, она вдругъ приходила въ восторгъ при имени геройски борющейся тогда Греціи. Ну, право, житье мнѣ было: посмѣявшись съ графиней Гурьевой, наглядѣвшись на графиню Ланжеронъ, спѣшилъ я наслушаться графиню Эделингъ. Лишивши меня полуцарскихъ милостей Воронцовой, судьба послала мнѣ взамѣнъ большія утѣшенія.

Почти также, какъ у г-жи Эделингъ, былъ я принятъ у брата ея, Александра Скарлатовича Стурдзы. Сперва два слова о матери и о женѣ его. Первая казалась весьма умна и всегда сердита, имя ей было Султана. Другая, дочь знаменитаго Нѣмецкаго врача Гуфланда, принадлежала къ числу тѣхъ прежнихъ Нѣмокъ, кои, будучи домашнимъ сокровищемъ, единственно супругами и матерями, не имѣли никакой наружной цѣны и не искали ея. Отца его, Скарлата Димитріевича, лѣтъ десять какъ не было на свѣтѣ. Преданный Россіи, онъ въ послѣднюю войну съ Турками при Екатеринѣ бѣжалъ изъ Молдавіи и,

кажется, лишился части своего имѣнія; за то щедро былъ онъ вознагражденъ богатымъ помѣстьемъ близъ Могилева, чинномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и Владимирской звѣздой. Онъ былъ женатъ на вышереченной Султанѣ, дочери Молдавскаго государя князя Мурузи. Три поколѣнія изъ сей фамиліи за Россію въ Цареградѣ пріяли мученическую смерть. И сія пролитая кровь, налагая на насъ долгъ благодарности, должна бы и въ нихъ возродить привязанность къ нашему отечеству; но не совсѣмъ оно такъ было. Въ глубокой старости на Скарлата Стурдзу возложено было тяжкое бремя управленія новопріобрѣтенной Бессарабіи; онъ, видно, изнемогъ подъ нимъ, ибо вскорѣ умеръ.

Изобразить самого Александра Стурдзу не бездѣлица: въ этомъ человѣкѣ было такое смѣшеніе разнородныхъ элементовъ, такое иногда противорѣчіе въ мнѣніяхъ, такая выпренность въ умѣ; при мелочныхъ разчетахъ въ дѣйствіяхъ, онъ такъ весь былъ полонъ истиннохристіанскихъ правилъ и глубокаго, неумолимаго злопамятства, осуждаемаго нашею вѣрою, что прежде чѣмъ начертать его образъ, надлежало бы, если возможно, химически разложить его характеръ. Грекъ по матери, онъ болѣе сестры принималъ участіе въ судьбѣ Эллиновъ; Молдаванъ по отцу, онъ искренно любилъ своихъ соотечественниковъ и всегда горячо за нихъ вступался, забывая, что они враги его любезнымъ Грекамъ. Едва не сдѣлавшись въ Германіи жертвою преданности своей къ законнымъ престоломъ, онъ обожалъ ея философію и женился на Нѣмкѣ. Желая свѣтильникъ наукъ возжечь на Востокѣ, онъ сей священный огонь хотѣлъ заимствовать у поврежденной уже въ разсудкѣ Европы. Другъ порядка и монархическихъ установленій, онъ мечталъ о республикѣ подъ предсѣдательствомъ Каподистріи. Другъ свободы, онъ ненавидѣлъ Пушкина за его мнимо-либеральныя идеи. Онъ былъ все; къ сожалѣнію только совсѣмъ не Русскій. Воспитанный въ Могилевской губерніи, не понимаю, какъ онъ могъ пріобрѣсти запасъ учености, съ которымъ вступилъ на дипломатическое поприще; въ знаніи языковъ древнихъ и новѣйшихъ могъ бы онъ поспорить съ Меццофанти. Съ 1815 года сдѣлался онъ извѣстенъ вмѣстѣ съ покровителемъ и другомъ своимъ, Каподистріей, въ 1822 вмѣстѣ съ нимъ сошелъ со сцены (какъ гдѣ-то уже я сказалъ), и на покоѣ, также какъ нынѣ я, строилъ историческо-политическіе воздушные замки.

Мнѣ весьма памятны его бесѣды со мной; ибо, вслѣдствіе ихъ, мнѣнія мои о дѣлахъ Европы и Востока начали измѣняться. Онъ не скрывалъ желанія своего видѣть Молдовлахію особымъ царствомъ, съ присоединеніемъ къ ней Бессарабіи, Буковины и Трансильваніи. Освобожденіемъ одной Греціи, по мнѣнію его, дѣло на Востокѣ не должно

было кончиться. Изъ словъ его замѣтить было можно надежду, что Греки, окрѣпнувъ, черезъ нѣсколько лѣтъ одолѣютъ окончательно прежнихъ притѣснителей своихъ, возстановятъ по прежнему императорское достоинство въ Константинополѣ, и что, исключая Молдовляхъ, всѣ народы, живущіе на Сѣверъ отъ сей столицы вдоль по Дунаю, войдутъ въ составъ сей возобновленной имперіи. Угадывая его мысль, я отвѣчалъ на нее тѣмъ, что сіе весьма было бы желательнымъ, но что исполненіе мнѣ кажется невозможнымъ. Въ кратковременное пребываніе мое въ Кишиневѣ (сказалъ я ему), могъ я убѣдиться отъ живущихъ въ немъ Болгаровъ, Сербовъ, Арнаутовъ, какъ всѣ Славянскіе народы не терпятъ Грековъ, и увѣренъ, что ихъ владычеству предпочтутъ они даже Турецкое иго. «Мудрое правленіе—отвѣчалъ онъ—будетъ всегда умѣть заставить полюбить свою власть».

И понынѣ сіи господа увѣрены, что возстановятъ Греческую имперію. Да когда же была Греческая имперія? Былъ новый Римъ, Римская Восточная имперія; и Константинъ, и Θεодосій, и Юстиніанъ, и даже Ираклій были Римляне. Гораздо позже, когда завоеванія Готтовъ, Славянъ и Турецкихъ племенъ сузили сіе царство до того, что во владѣніи своемъ имѣло оно только то, что составляло древнюю Грецію, тогда только начали появляться на престолѣ Комнины, Дукасы и Палеологи. По мнѣнію г. Тютчева, сія Восточная Римская, отнюдь не Греческая, имперія никогда не переставала существовать, а перенесена только съ Босфора на берега Москвы-рѣки, а потомъ на Неву.

Я привыкъ въ сихъ Запискахъ быстро переходить отъ одного предмета къ другому, а чувствую, что ужасно неловко отъ историческихъ вопросовъ переброситься къ Варварѣ Димитріевнѣ Казначеевой. А что же дѣлать! Она была первою моею знакомой въ Одессѣ, всѣхъ чаще ее я видѣлъ и когда много говорилъ о другихъ дамахъ, какъ же ее одну оставить въ покоѣ? Въ восемнадцать или даже въ двадцать лѣтъ молодые люди влюбляются во встрѣчныхъ и въ поперечныхъ, въ первую, которая попадется. Вотъ какимъ образомъ Казначееву, почти мальчику, понравилась въ Рязанской губерніи одна изъ живущихъ тамъ многочисленныхъ бѣдныхъ княженъ Волконскихъ; совершеніе брака не состоялось за происшествіями войны 1812 года. Черезъ семь или восемь лѣтъ, въ 1819 году, воротился онъ, наконецъ, въ Россію изъ Мобѣжа и, говорятъ, что, какъ истый рыцарь среднихъ вѣковъ, онъ поспѣшилъ бросить лавровый вѣнокъ къ ногамъ дамы своихъ помысловъ. Мнѣ что-то не вѣрится, и я скорѣе полагаю, что она сдѣлала воззваніе къ его чести, коей имя всегда было для него священо и такимъ образомъ женила его на себѣ. Впрочемъ онъ, можетъ быть, и дѣйствительно былъ въ нее влюбленъ; но навѣрное можно сказать, что

онъ одинъ только въ мірѣ. Не видя ни съ какихъ сторонъ нѣжныхъ, страстныхъ взглядовъ, она крѣпче прилѣпилась къ законному любовнику своему, къ своей жертвѣ и душила его своею вѣрностію. Она была еще свѣжа, бѣла и румяна, но чрезвычайно толста и кривобока, и непріятное выраженіе лица ея было ничто передъ непріятнымъ ея нравомъ. Не то, чтобы она была съ кѣмъ нибудь неучлива, но всегда какъ бы сердита и недовольна. Отъ того обиднѣе казалась въ гостинной графини Воронцовой вѣчно подобострастная ея улыбка. Она была на колѣняхъ передъ пороками знатныхъ и строга до суровости къ малѣйшимъ слабостямъ равныхъ ей женщинъ и людей. Особенно чтитъ она родъ Потоцкихъ. Разъ сказала она мнѣ: «Что за нужда, если торговля въ Одессѣ упадетъ; есть знаменитая и богатая фамилія, которая ее любить и поддержитъ: она всегда останется градомъ Потоцкихъ».--- Тѣмъ хуже, не вытерпѣвъ отвѣчалъ я: она превратится въ Содомъ и Гоморъ.— Съ ужасомъ посмотрѣла она на меня.

Къ тому же она имѣла претензіи на умъ и на знанія, коихъ въ ней вовсе не было, выдавала себя за великую литераторшу, говорила, что пишетъ стихи, которыхъ никому не показываетъ, и хотѣла было завести маленькое литературное общество. Туманскій на то было подался, но Пушкинъ со смѣхомъ принялъ предложеніе...

По небольшому хотя числу названныхъ мною въ семь провинціальныхъ городѣ высокихъ особъ женскаго пола можно посудить, какъ много еще было въ немъ не названныхъ мною образованныхъ и пріятныхъ женщинъ.

Исключая двухъ столицъ, нѣтъ ни одного города въ Россіи, гдѣ бы находилось столько матеріаловъ для составленія многочисленнаго и даже блестящаго общества, какъ въ Одессѣ; а оно тогда какъ бы не существовало. Вообще Одесса была всегда, или по крайней мѣрѣ долго, невеселымъ городомъ. Настоящій основатель ея, дюкъ-де-Ришелье, былъ человѣкъ серіозный; онъ искалъ одного только полезнаго и думалъ, что пріятное придетъ послѣ само собою: строилъ дома и магазины и не заботился о заведеніи рожицъ, разведеніи лѣсныхъ деревьевъ, какъ бы не зная, что тѣнь въ степи есть райское блаженство. Не столько по его примѣру, какъ по собственной охотѣ, и купцы поступали также: каждый изъ нихъ жилъ особнякомъ, проводя утро въ заботахъ и трудахъ, отдыхалъ въ семейномъ кругу и неохотно изъ него выходилъ. Нѣкоторые изъ жителей имѣли вдоль моря спрятанные хутора; но и тутъ выгодному пожертвовано было пріятное: въ нихъ насадили одни фруктовыя деревья, некрасивыя и высокаго роста не достигающія. Посреди города, на весьма небольшомъ пространствѣ, былъ публичный садъ; на него было отвратительно и жалко смотрѣть. Съ Мая невоз-

можно было въ немъ гулять; видѣлъ ли въ немъ кто зелень когда-нибудь, не знаю: густыя облаки пыли съ окружающихъ его улицъ всегда его обхватывали и наполняли; мелкіе листки акацій и тополей, коими былъ онъ засаженъ, сѣрый цвѣтъ сохраняли все лѣто. И это было единственное мѣсто соединенія для жителей и вечернихъ для нихъ прогулокъ; за то никого въ немъ не было видно. Зимой страшная грязь препятствовала сообщеніямъ; о томъ Одесситы мало заботились: это служило имъ новымъ предлогомъ, чтобы сидѣть дома.

Одно увеселительное мѣсто, въ коемъ собирались люди, былъ Итальянскій театръ. Зачѣмъ именно Итальянскій, не могу сказать. Французскій языкъ во всеобщемъ употребленіи, его почти всѣ понимаютъ, и Французскую труппу достать было бы легче и содержать дешевле. Кто были бѣшеные меломаны, которые подали мысль объ Итальянской труппѣ и упорно поддержали ее? Я, по крайней мѣрѣ, ихъ уже не нашелъ: всѣ мнѣ показались отмѣнно равнодушными къ музыкѣ. Но уже такъ оно завелось, такъ оно и продолжается. Цѣны на мѣста были самыя низкія, и ложи всѣ абонированы, по большей части негоціантами. Лѣтомъ, во время морскихъ купаній, пріѣзжіе, не зная куда вечеромъ дѣваться, посѣщали театръ и наполняли его. Негоціанты, всегда расчетливые, отдавали ложи свои гораздо дороже симъ пріѣзжимъ, такъ что въ годъ приходились онѣ имъ даромъ. Зимой не сами эти господа, а жены ихъ исправно посѣщали театръ: тутъ только могли онѣ видѣться другъ съ другомъ, переходить изъ ложи въ ложу, переговорить кой-о-чемъ, и все это, какъ я сказалъ выше, ничего имъ не стоило. Не будучи музыкантомъ, я съ нѣкотораго времени, благодаря Россини, сдѣлался страстнымъ любителемъ Итальянской музыки, и оттого не могъ терпѣть въ ней посредственности, а тутъ все было ниже ея. Чтò сказать мнѣ о пѣвцахъ и пѣвицахъ? Я видѣлъ въ нихъ кочевой народъ, который, перебивавъ на всѣхъ провинціальныхъ сценахъ, въ Болоньи, Сиеннѣ, Феррарѣ и другихъ мѣстахъ, провозитъ къ намъ свои изношенные таланты. Черезъ годъ, черезъ полтора, ихъ прогоняютъ; но тѣ, коихъ выпишутъ на ихъ мѣсто, не лучше ихъ. Я назову примадонну Каталани, оттого что она носила громкое имя и была невѣсткой (женой брата) извѣстной пѣвицы, да хорошенькую Витали, да тенора Монари, который пѣлъ довольно пріятно, но такъ слабо, что въ серединѣ залы его уже не слышно было. Давали прекрасныя оперы: *Сивильскаго Цирюльника*; *Итальянку въ Алжирѣ*, *Сороку-Воровку*, но чтò за исполненіе! А всѣ согласно хлопали, хвалили. Такъ уже было принято: обычай, мода.

Не Ланжерону было заставить жителей Одессы отстать отъ принятыхъ ими привычекъ: они имъ не уважали, его бы не послушались,

и при немъ сохранили они весь прежній образъ жизни. Улучшеній по устройству города онъ также ввести не былъ въ состояніи. Ему было весело, онъ былъ главнымъ лицомъ, могъ болтать сколько ему было угодно, его всё слушали, а вечеромъ всегда готова ему была партія виста или бостона.

Въ томъ состояніи, въ коемъ Ришельё оставилъ Одессу, нашель ее графъ Воронцовъ. Къ сожалѣнію, должно сказать, что и онъ сначала мало помышлялъ о введеніи въ ней общежительности. Казалось, что знатный помѣщикъ пріѣхалъ въ богатое село свое, началъ въ немъ жить по-барски, судить крестьянъ своихъ по правдѣ, искать умноженія ихъ благосостоянія, но что до забавъ ихъ ему нѣтъ никакого дѣла. Еще скорѣе можно было сравнить сіе съ житьемъ владѣтельнаго Нѣмецкаго герцога въ малой столицѣ: дворъ, его окружающій, достаточенъ для составленія ему пріятнаго общества. Однакоже чиновники, служащіе и отставные, повыше въ классахъ, небольшое число помѣщиковъ и главные негоціанты, равно какъ и жены ихъ, представленныя графинѣ, нѣсколько разъ въ зиму приглашаемы были на полуофициальные вечера, на которыхъ танцовали. Сколь ни лестно было симъ господамъ находиться на такихъ вечерахъ, они охотно отказались бы отъ сей чести. Роскошь, только что приличная сану и состоянію графа, ихъ пугала.

Но что по справедливости должно было приводить ихъ въ ужасъ—это богаты костюмы графини и подруги ея Ольги, которые онѣ безпрестанно мѣняли. Женщинамъ невозможно было не слѣдовать, хотя издали, симъ блестящимъ примѣрамъ. Графиня же безъ памяти любила наряды и не только на себѣ, но и на другихъ, какъ сіе было послѣ, въ другомъ мѣстѣ. Оттого-то столь привѣтливо разговаривала она съ посѣтительницами, и было о чемъ: о цвѣтѣ, о покроѣ ихъ платій. Но каково же было крохоборству, меркантильности отцовъ и мужей? Они, которые дрожали надъ каждымъ рублемъ, видя въ немъ зародышъ сотни тысячъ, должны были сотни сихъ рублей тратить на красное и щеголеватое тряпье. Это болѣе отдаляло ихъ отъ пріятностей общественныхъ, чѣмъ привлекало ихъ къ нимъ.

Прибыль, барышъ были единственною постоянною ихъ мыслию. Конечно, она приводитъ въ движеніе какъ умы, такъ и большіе и малые капиталы, и необходима для первоначальнаго основанія торговаго города. Неужели Одесса не имѣетъ и другаго предназначенія? Давно уже повадились мы ѣздить за границу, тамъ находимъ теплый, благорастворенный климатъ, со всѣми удобствами и пріятностями жизни. Зачѣмъ бы не поискать въ Россіи мѣста, которое все это соединяло бы въ себѣ? Да гдѣ же бы? Въ Кіевѣ; но находятъ, что тамъ еще до-

вольно холодно. Подольская губернія, рай земной; но какъ въ него попасть? Поляки мѣшаютъ Русскимъ въ немъ селиться. Остается только берегъ Чернаго моря: на немъ возникъ и быстро выросъ молодой городъ со всѣми недостатками молодости. Искусный правитель могъ бы ихъ исправить; стоить только приложить хорошенько къ нему руки, и онъ замѣнилъ бы намъ Флоренцію и Ниццу. Объ этомъ послѣ много думали; къ сожалѣнію, поздно; привычка едва ли не сильнѣе природы, и мы болѣе чѣмъ когда таскаемся въ Южную Европу.

Говоря о недостаткахъ города, въ которомъ было болѣе тридцати тысячъ жителей, когда я узналъ его, надобно ихъ означить. Въ немъ не было того, что можно найти во всякомъ даже небольшомъ губернскомъ городѣ: въ немъ не было такъ-называемаго благороднаго собранія или клуба, куда общество зимой еженедѣльно съѣзжается, чтобы повеселиться и потанцевать; не было простаго клуба, гдѣ бы мужской полъ длинные зимніе вечера могъ проводить за картами. Въ немъ не было того, что необходимо для всякаго торговаго города: въ немъ не было биржевой залы: для совѣщаній, сдѣлокъ, установленія цѣнъ на пшеницу, купечество собиралось на небольшой площади передъ театромъ или въ гадкомъ закопченомъ казино, гдѣ ни пройти, нидохнуть отъ сильнаго табачнаго дыму не было возможно. Въ немъ не было того, что находишь на всѣхъ минеральныхъ водахъ и мѣстахъ для морскихъ лѣченій: не было купаленъ, ни галлерей для прогулки. Ни въ городѣ, ни загородомъ не было такого мѣста, гдѣ бы послѣ душливаго, знойнаго дня можно было освѣжиться вечернимъ воздухомъ, и гдѣ бы знакомые и пріѣзжіе могли встрѣтиться и бесѣдовать*). Ничего, кромѣ денегъ, не нужно было жаднымъ и негостеприимнымъ купцамъ Одессы. Изъ свиты графа никого не приглашали они къ себѣ, и такимъ образомъ совсѣмъ отдѣляли городское общество отъ того, которое почитали придворнымъ. Сія новорожденная колонія при Ришелье, а еще болѣе при Ланжеронѣ, была демократическою республикой; Воронцовъ, какъ отблескъ трона, поразилъ и ослѣпилъ ее. Жаловаться никто не смѣлъ, не было къ тому ни малѣйшей причины; но сначала втайнѣ всѣ были недовольны этой перемѣной.

Эту зиму въ Одессѣ находилось нѣсколько важныхъ людей. Всѣ они были равнаго чина съ графомъ, всѣ въ той же Александровской лентѣ, и всѣ начальствовали надъ частями отъ него независящими. Онъ не старался воздыматься надъ ними, а цѣлою головою казался ихъ выше. Оттого ли, что онъ былъ богаче ихъ? Ни мало: отъ природы

*) Все это, говорятъ, нынѣ существуетъ, благодаря неуспыннымъ попеченіямъ молодаго еще и дѣятельнаго градоначальника Левшина.

получилъ онъ счастливый даръ заставлятъ безъ усилій равныхъ себѣ признавать его превосходство.

Двое изъ нихъ были искренними его пріятелями. Одного, вице-адмирала Грейга, зналъ уже я въ Николаевѣ; съ другимъ, корпуснымъ командиромъ Иваномъ Васильевичемъ Сабанѣевымъ, тутъ имѣлъ я честь познакомиться. Онъ былъ маленькій, худой, умный и дѣятельный живчикъ. Не думая передражнивать Суворова, онъ во многомъ имѣлъ съ нимъ сходство. Въ арміи извѣстенъ былъ онъ какъ храбрый и искусный генералъ, во время войны чрезвычайно попечительный о продовольствіи подчиненныхъ ему, которые при немъ ни въ чемъ не нуждались.

Третій, по наружности въ самомъ добромъ согласіи съ Воронцовымъ, былъ тайный недругъ его, графъ Иванъ Осиповичъ Виттъ. Былъ онъ сынъ Гречанки Потоцкой отъ перваго ея брака. Полный огня и предприимчивости, какъ родовитый Полякъ, онъ съ Греческою врожденною точностію умѣлъ умѣрять въ себѣ страсти и давать имъ даже видъ привлекательный. Онъ великій былъ мастеръ притворяться; только въ Аустерлицкомъ сраженіи, въ чинѣ кавалергардскаго полковника, не умѣлъ онъ притвориться храбрымъ, и оттого долженъ былъ оставить службу и скрыться. Изъ сего поноснаго положенія нельзя было выйти болѣе счастливымъ и искуснымъ образомъ. Въ 1812 году, когда вся Россія ополчалась, умѣлъ онъ изъ жителей береговъ Буга на вербовать два или три конныхъ полка. Съ ними пришелъ онъ къ арміи во время совершенной ретирады Французовъ, и они успѣли еще смѣло преслѣдовать бѣгущихъ, за что ему данъ генеральскій чинъ. Послѣ того изъ сихъ всадниковъ образовано регулярное войско подъ его начальствомъ; въ двѣ послѣдующія кампаніи они вездѣ отличились, вѣроятно и онъ съ ними, ибо воротился обвѣшанный лентами и крестами. Учрежденіе военныхъ поселеній было для него счастливымъ событіемъ: онъ полюбился Аракчееву, гораздо еще болѣе самому Царю и назначенъ начальникомъ сихъ поселеній въ Новороссійскомъ краю. Тутъ въ мирное время награды, почести сыпались на него еще обильнѣе, чѣмъ во время войны.

Избалованный первенецъ безиравственной матери, въ ребячествѣ и въ первой молодости, ничему не учился. Тѣмъ удивительнѣе казалось, что при его безграмотности онъ такъ сладко и такъ складно умѣлъ говорить. Всѣмъ изустнымъ умѣлъ онъ пользоваться и въ обществѣ всегда кстати вводить его въ разговоры. Дѣятельность его умственная и тѣлесная были чрезвычайныя: у него ртуть текла въ жилахъ. По наружной части подъ его руками все быстро зрѣло и поспѣвало; за то въ хозяйственную онъ почти совсѣмъ не входилъ, бумаги ненави-

дѣлъ, не только подписывалъ онъ не читавши, но уѣзжая изъ столицы своей, Вознесенска, подчиненнымъ оставлялъ множество бланковъ. Можно себѣ представить, какъ они симъ пользовались и какому расхищенію подвергались казенныя суммы. Оттого необходимо было входить въ большіе долги. Все сходило ему съ рукъ, и онъ вымаливалъ ихъ уплату. Ко всѣмъ и особенно къ женщинамъ, коихъ безъ памяти любилъ онъ, всегда ластился, и многія изъ нихъ плѣнялись его черномазымъ лицомъ, сухотою и малымъ ростомъ. Всякаго рода интриги были стихіей этого человѣка. Преуспѣвая во всемъ, сталъ онъ добиваться званія Новороссійскаго генераль-губернатора. Тайные происки его противъ Ланжерона повели только къ тому, что на сіе мѣсто посаженъ Воронцовъ. Замѣтивъ досаду его, поручили ему наблюдать за поступками послѣдняго, подозрѣваемаго въ либерализмъ; онъ неосторожно согласился, и многіе о томъ узнали. Какія чувства долженъ былъ въ графѣ возбуждать его надсмотрщикъ? Но образованность обоихъ, постоянная учтивость одного и угодливость другаго ничего не давали замѣчать публикѣ. Подчиненнымъ графа это было извѣстно, и они уклонялись отъ всякаго знакомства съ Виттомъ. Я не убѣгалъ его, но ему не для чего было искать меня. Года черезъ три сіе знакомство само собою сдѣлалось, и оно мнѣ было чрезвычайно пріятно.

Еще былъ одинъ Александровскій кавалеръ, членъ Государственнаго Совѣта, графъ Северинъ Осиповичъ Потоцкій, который находился тутъ въ отпуску, на отдыхѣ. Старшій братъ Ивана Осиповича, Сибирскаго нашего спутника, онъ гораздо любезнѣе его былъ въ обществѣ, имѣлъ менѣе странностей, столько же познаній, воображеніе столь же живое и сверхъ того государственный умъ, котораго въ томъ не было. Неподалеку отъ Одессы поселилъ онъ сотни двѣ крестьянъ, сію колонію, деревню назвалъ Севериновкой и затѣялъ въ ней обширныя виноградники. Сколь пріятно было, говорили, посѣщать его тамъ по его приглашеніямъ, столь же ужасно было вкушать предлагаемое имъ и восхваляемое, на мѣстѣ выдѣлываемое, вино. Сія отдаленная вѣтвь Потоцкихъ ничего кромѣ имени и происхожденія не имѣла общаго съ Тульчинскими Потоцкими; къ сожалѣнію, однакоже посредствомъ браковъ соединялась иногда съ ними. Тогда я еще не былъ осчастливленъ знакомствомъ графа Северина; нѣсколько времени спустя, удостоивалъ онъ меня особою благосклонностію.

Всего пробывъ тогда около мѣсяца въ Одессѣ, не видѣлъ я ни одного бала; за то было три маскарада. Погода благопріятствовала городскимъ увеселеніямъ; ночью морозъ сжималъ и сушилъ грязь, днемъ солнцемъ обогрѣтый по ней путь укатывался, сглаживался повозками, телѣгами, экипажами: сообщенія дѣлались возможными.

Первый маскарадъ былъ у графа 31-го Декабря, дабы весело встрѣтить наступающій 1824 годъ. Французы и другіе иностранцы тутъ находившіеся называли его reveillon. Въ другомъ городѣ, внутри Россіи, этотъ многолюдный маскарадъ показался бы великолѣпнымъ и занимательнымъ. Тутъ казалось, что люди въ костюмахъ, по большей части, восточныхъ, съ улицъ и площадей Одесскихъ собрались въ залъ у графа, разумѣется, только въ нарядахъ гораздо богатѣйшихъ.

Другой маскарадъ былъ сюрпризъ, который графиня Ланжеронъ въ день Богоявленія приготовила супругу своему: она никого не хотѣла приглашать, но всѣмъ знакомымъ изъявила желаніе, чтобы въ этотъ день какъ бы невзначай наѣзжали къ ней труппы маскированныхъ, прибавляя, что для нихъ все будетъ готово,—все, даже хорошій ужинъ. Чета Воронцовыхъ, стараясь всячески утѣшить чету Ланжероновъ въ потерѣ мнимаго ея величія, способствовала исполненію сего намѣренія, и сама пріѣхала безъ зову. Г-жа Ланжеронъ прикинулась больною и бѣсила мужа своего, не позволяя ему ѣхать въ гости. Когда явились первыя маски, тогда только освѣтился домъ, и пріятная истина открылась старому Французу.

Начальникомъ Округа Путей Сообщенія находился въ Одессѣ генералъ Потье, товарищъ Базена, о коихъ упоминалъ я въ предъидущей части. Онъ былъ тутъ женатъ на дочери одного богатаго овцеводца, дѣвицѣ Рувье, добренькой, глупенькой и картавой Француженкѣ, которая безъ памяти любила свѣтскія увеселенія и крайне въ нихъ нуждалась. Дабы дать понятіе о простыхъ шуткахъ забавника нашего Зодотарева, скажу я, что онъ прозвалъ ее генеральшей Потѣевой, что прозваніе сіе осталось ей и всѣхъ чрезвычайно забавляло. По знакомству съ мужемъ и во время отлучекъ его посѣщалъ я сію Потѣеву, и мы сговорились вмѣстѣ идти въ этотъ маскарадъ. У нея нашелъ я весьма молодую дѣвицу Фраполи, дочь одного чиновника, никогда изъ Одессы не выѣзжавшую. А со всѣмъ тѣмъ своею привлекательною наружностію, благородной осанкой, приличіемъ въ разговорахъ могла бы она украсить лучшее общество въ Петербургѣ; въ ея характеръ было какое-то смѣшеніе мягкости съ твердостію, смѣлость непорочности соединялась въ ней съ дѣвственною скромностію. Марини влюбился въ нее и послѣ того былъ долго счастливымъ ея супругомъ. Я подаль руку г-жѣ Потье, Марини—своей будущей невѣстѣ, и мы четверо по близости разстоянія отправились пѣшкомъ. На мнѣ сверхъ фрака былъ только тафтяный капуцинъ, другіе столь же легко были одѣты, изъ чего можно видѣть, что Крещенскій морозъ былъ не весьма силенъ. Вечеръ у Ланжерона былъ до того веселъ, что сама хозяйка забыла свою угрюмость и была со всѣми отменно любезна.

Въ день рожденія императрицы Елисаветы Алексѣевны, 13-го Генваря, попытались сдѣлать публичный маскарадъ въ театрѣ за деньги. Графиня Воронцова съ Ольгой своимъ присутствіемъ надѣялись заманить публику и засѣли въ своей ложѣ; но зала была почти совершенно пуста, и выручки не было достаточно на ея освѣщеніе. Разсчетливые Одессане все еще убѣгали отъ шумныхъ забавъ.

Я надѣялся, что представленіемъ Записки о Бессарабіи должна окончиться моя миссія, и что туда уже болѣе я не ворочусь. Напротивъ: къ счастію или къ несчастію, графъ возымѣлъ высокое мнѣніе о моихъ способностяхъ и нашель, что я въ семь краю необходимъ. «Вы на опытѣ показали, говорилъ онъ мнѣ, какъ пристально умѣете вы вникать въ предметы; все болѣе и болѣе приобрѣтаемыя вами свѣдѣнія мнѣ будутъ свѣтить въ этомъ хаосѣ; будьте же тамъ моимъ глазомъ и моимъ ухомъ. Конечно, это сопряжено для васъ съ великими пожертвованіями, но развѣ они не будутъ вознаграждены?» Тогда, хотя не весьма ясно, далъ онъ провидѣть губернаторское мѣсто.

Вскорѣ началъ онъ нудить меня отправиться обратно, ибо самъ намѣренъ былъ на короткое время побывать въ Кишиневѣ (кто знаетъ, можетъ-быть, чтобы повѣрить мои показанія) и хотѣлъ неслучайно меня тамъ найти.

Х.

До Днѣстра, 24-го Генваря, ѣхаль я небольшою грязью. На другой день, переѣхавъ сію рѣку, до самаго Кишинева, видѣлъ поля и пригорки, покрытые снѣгомъ, въ иныхъ мѣстахъ столь глубокимъ, что на саяхъ удобнѣе бы мнѣ было проѣхать чѣмъ на колесахъ. Узкія улицы Кишинева тонули въ грязи, а на площадяхъ лежалъ снѣгъ. Къ вечеру 26-го числа пріѣхаль графъ въ сопровожденіи одного Лекса и остановился въ одномъ частномъ домѣ, наскоро ему приготовленномъ.

Всякій день присутствовалъ онъ въ Верховномъ Совѣтѣ и обѣдалъ со мною и съ Лексомъ, втроемъ. Послѣ обѣда являлся всегда третій заговорщикъ, правдивый и опытный вице-губернаторъ Петрулинъ. Онъ въ короткое время успѣлъ уже въ своей Казенной Экспедиціи ввести совершенный порядокъ, поставить ее на ногу другихъ Казенныхъ Палатъ и наполнить мѣста совѣтничьи людьми Русскими, способными и ему извѣстными.

Мѣры, имъ предлагаемыя, невозможно было отвергнуть. Множество поборовъ, такъ-сказать, косвенные налоги, подъ названіями *дажди*, *вадрарита*, *погонарита* и другими, были чрезвычайно отяготительны для жителей. Едва пятая доля поступала въ казну, прочее оставалось въ рукахъ сборщиковъ. Онъ предложилъ замѣнить все это пря-

мымъ налогомъ, по десяти рублей ассигнаціями съ души. Счетъ на *махмудіе, левы, рубіе, пари*, на коихъ курсъ безпрестанно мѣнялся и часто упадалъ, были чрезвычайно затруднительны и производили большую путаницу; онъ старался перевести его на Русскія деньги и сіи послѣднія по возможности вводитъ въ общее употребленіе. Такимъ образомъ Турецкія и Молдавскія названія и система сборовъ начали исчезать.

Почтовая часть находилась въ самомъ жалкомъ состояніи. Она ужаснула графа, когда лѣтомъ проѣзжалъ онъ Буджакъ: во время засухи, послѣ получасоваго дождя, лошади съ трудомъ могли взвести его на пригорокъ. Срокъ контрактамъ съ содержателями почтъ приближался, и онъ самъ пожелалъ, чтобы Русская ѣзда замѣнила Молдавскую, и чтобы на всѣхъ станціяхъ заведены были тройки и кибитки. Одинъ Тирасполь поставилъ половину ямщиковъ на всю область. Куда дѣвались каруцы и суруджи? Всѣ згнули.

Слѣдуя прежнему порядку, разстоянія рассчитывались по условленнымъ часамъ ѣзды, и по сему счету платились прогоны; а между тѣмъ вся Бессарабія размежевана была уже на версты. Графъ вспомнилъ Мобѣжъ и какъ во Франціи ставилъ онъ Русскіе верстовые столбы, тутъ имѣлъ онъ болѣе права сіе сдѣлать и не преминулъ тѣмъ воспользоваться. Въ одной Буджацкой степи, по безлѣсію, исполненіе встрѣтило нѣкоторыя затрудненія; но и тамъ черезъ полгода явились сіи деревянные знаки Русскаго владычества.

Всѣ эти перемѣны, повидимому, маловажныя, однакоже непримѣтно и неизбежно вели къ другимъ, гораздо важнѣйшимъ. Графъ не имѣлъ еще твердаго, рѣшительнаго намѣренія на счетъ будущаго устройства сего края, но ежедневныя толки и совѣщанія съ тремя совѣтниками сильно его поколебали. Впрочемъ, онъ увлекаемъ былъ и собственными распоряженіями.

Я не упомянулъ объ одномъ важномъ подвигѣ, ознаменовавшемъ начало служенія моего въ Кишиневѣ; здѣсь необходимо говорить объ немъ.

Исключая казенныхъ имѣній, во всей области была вольная продажа вина и водки; казенныя же имущества заключались въ бывшихъ Турецкихъ крѣпостяхъ и въ небольшомъ пространствѣ окружающихъ ихъ земель. Въ 1819 году питейная въ нихъ продажа отдана была Казенною Экспедиціей или скорѣе г-жею Бахметевой на откупъ или на *коммисію*, срокомъ на одинъ годъ, два раза упомянутому мною Варѣоломею. Черезъ три мѣсяца уже онъ былъ совершенно неисправенъ въ уплатѣ откупной суммы, и преобладающая выросла недоимка. Откупъ былъ у него отобранъ, и Казенная Экспедиція сама вошла

въ распоряженіе симъ дѣломъ. При всѣхъ безпорядкахъ, при всемъ хищничествѣ употребленныхъ на то чиновниковъ, въ девять мѣсяцевъ выручена была такая сумма, что еслибы Вареоломей взнесъ сполна съ него слѣдуемое, недоимки бы не было. Не явное ли тутъ мошенничество? Лѣнивый Молдаванъ хотѣлъ какъ можно болѣе захватить денегъ и, немного подѣлввшись съ высшими особами, остаться покойнымъ. Однакоже при Инзовѣ началось о томъ дѣло, но не подвигалось: Вареоломей защищалъ себя словомъ *коммиссія* и утверждалъ, что онъ дѣйствовалъ болѣе какъ комиссіонеръ, нежели какъ откупщикъ, и что только по первому званію представлены были отъ него залого.

Великое движеніе, которое производству дѣлъ дано было пріѣздомъ новаго намѣстника, и сіе дѣло выдвинуло изъ забвенія. Вареоломей, въ домѣ котораго нанята была для графа квартира, первый встрѣтилъ его съ привѣтствіями и первый былъ имъ обласканъ; отъ того ожидалъ онъ себѣ великихъ успѣховъ. Члены Совѣта, почти всѣ изъ бояръ, смотрѣли на него съ пренебреженіемъ, какъ на человѣка, недавно изъ ничего вышедшаго, смѣялись надъ его мѣщанскимъ тщеславіемъ и роскошью, но отнюдь не питали къ нему зависти и злобы; особенно же вице-губернатору Крупенскому было бы выгодно, если бы дѣло его кончилось въ его пользу; а онъ увѣрялъ, что всѣ они его недоброжелатели и что онъ боится ихъ суда. Когда я пріѣхалъ въ Сентябрѣ, моя физіономія ему понравилась, и я, не имѣя о немъ понятія, по зву его, обѣдалъ съ Казначеевымъ въ загородномъ его домѣ, кишлѣ или хуторѣ, Мунчештахъ. Надобно полагать, что онъ видѣлъ во мнѣ простяка, котораго легко можно заласкать и задобрить. Въ просьбѣ, подаваемой графу, изъявилъ онъ желаніе, чтобы дѣло его поручено было особому моему разсмотрѣнію и чтобы по сдѣланной мною о немъ выпискѣ, вмѣстѣ съ мнѣніемъ моимъ, представлено оно было въ Совѣтъ. Графъ, не сказавъ мнѣ ни слова, второпяхъ согласился, подписалъ о томъ приказаніе и ускакалъ въ Хотинь. За отсутствіемъ его, ни отказаться, ни даже отговариваться мнѣ не было возможности.

Я ахнулъ, когда мнѣ о томъ сказали: никогда еще съ откупными дѣлами я не встрѣчался, и по привычкѣ часто говорить Русскія пословицы, я воскликнулъ: «первый блинъ да комомъ!» Я вытребовалъ дѣло, и оно ужаснуло меня своею огромностію. Я сталъ его разсматривать, и оно показалось мнѣ тараторскою грамотой, которой я никогда не разберу. Однакоже чего не одолѣютъ терпѣніе и внимательность? Хотя, какъ и во всякомъ нашемъ судопроизводствѣ, истина была тутъ потоплена въ многословіи, но не такъ глубоко, чтобы не

могъ я ее выудить. Главное затрудненіе для меня состояло въ изложеніи обстоятельствъ дѣла; съ приказною фразеологіей я былъ совсѣмъ незнакомъ; но и тутъ судьба пришла мнѣ на помощь.

Я замѣтилъ въ Совѣтѣ одного молодаго протоколиста, лѣтъ двадцати шести, рябоватаго Украинца, который, за неимѣніемъ тогда секретаря по Русской части, иногда докладывалъ дѣла. Добродушіе было написано на откровенномъ лицѣ Владимира Моисеевича Скляренки, и весь онъ исполненъ былъ живости. Когда онъ входилъ въ объясненія, пріятно было его слушать и понимать легко. Съ отроческихъ лѣтъ употребленъ былъ онъ въ нижнихъ судахъ Малороссіи; съ его понятливостію пріобрѣлъ онъ великій навыкъ въ дѣлахъ и въ молодости могъ уже почитаться въ нихъ дѣкой. Какъ онъ попалъ въ Бессарабію, не знаю; только я замѣтилъ, что ничьимъ покровительствомъ онъ въ ней не пользуется. Я пригласилъ его къ себѣ, показалъ ему бумагу, на которую набросаны были мысли мои о предстоящемъ мнѣ дѣлѣ и попросилъ его составить по нимъ въ законной формѣ записку, на что онъ охотно согласился. Исключая нѣкоторыхъ моихъ поправокъ, выписка изъ дѣла можетъ почитаться болѣе его твореніемъ, чѣмъ моимъ.

А между тѣмъ съ хозяиномъ моимъ, Варѣоломеемъ, прекратилъ я всякія сношенія, что не мало должно было его удивить; я хотѣлъ казаться безпристрастнымъ, а можетъ-быть втайнѣ негодовалъ за взваленный на меня трудъ. Я ни съ кѣмъ не совѣтовался и кромѣ Скляренки никому мнѣнія своего не открывалъ. Какъ ни малосвѣдущъ я былъ, однако меня изумило совершенное отсутствіе мѣръ предосторожности, принимаемыхъ въ такихъ случаяхъ. Съ 1819 года не было наложено запрещенія на представленные залогомъ, сверхъ того, не стоили и половины того, во что были оцѣнены: казна ничѣмъ не была обезпечена. Удивительно, какъ откупщикъ не догадался; какъ, не обременивъ долгами недвижимыя свои имѣнія, движимость и капиталы не перевелъ онъ за границу. На такія упущенія не оставилъ я указать въ донесеніи своемъ. Работа наша была окончена еще къ 20-му Декабря; но я отправлялся въ Одессу, и представленіе ея отложилъ до возвращенія моего.

Весьма кстати случился тутъ графъ, который любилъ дѣйствовать быстро и рѣшительно. Совѣтъ испугался отвѣтственности, которая и на немъ могла лежать, особенно когда съ наросшими процентами сумма, слѣдуемая ко взысканію, оказалась огромною. Всѣ единогласно согласились съ моимъ мнѣніемъ. Полицеймейстеру велѣно въ тотъ же день описать движимое имущество Варѣоломея, которое было не мало важно, ибо отчасти состояло изъ шалей, алмазовъ и жемчуговъ. Какъ

громовымъ ударомъ былъ пораженъ бѣдный Вареоломей; но что мнѣ было дѣлать? Я дѣйствовалъ по совѣсти и законамъ.

Начальникамъ всегда любилъ я говорить сущую правду и не скрывать отъ графа участія, которое въ семь дѣлъ принималъ Складенко. Со времени назначенія Поляка Подгурскаго въ должность областного прокурора, мѣсто секретаря по Русской части въ Совѣтъ шесть мѣсяцевъ оставалось празднымъ. Мѣсто сіе временно занималъ и мѣтилъ на него Полячекъ Михневичъ, человѣкъ самый неспособный, Молдаванами не любимый, но сильно поддержанный Курикомъ и Жидовско-Польской партіей. На сіе мѣсто предложилъ я Складенко, графъ тотчасъ согласился и подписалъ о томъ бумагу. Когда я принесъ ее въ Совѣтъ, то замѣтилъ великое смущеніе между членами. Наконецъ, Прункуль сказалъ мнѣ: «Мы не можемъ не одобрить выборъ графа, мы сами готовы бы были то сдѣлать; но тутъ нарушенъ порядокъ: на мѣста въ канцелярію Совѣта, согласно образованію, чиновники не иначе могутъ быть назначаемы какъ по его опредѣленіямъ». Я было совсѣмъ о томъ забылъ и отвѣчалъ: «Ну что же? Это должно приписать невѣдѣнію графа; а какъ онъ не любитъ сознаваться въ невѣдѣніи, то протестъ Совѣта, еслибы онъ былъ сдѣланъ, можетъ его съ нимъ поссорить». Тѣмъ дѣло все и кончилось.

Не съ большимъ недѣлю прожилъ графъ въ Кишиневѣ, и пребываніе его было полезно для весьма многихъ дѣлъ. Онъ поступалъ благородно, справедливо, но признаться должно, довольно самоуправно. Устройство края, улучшенія во всѣхъ частяхъ кипѣли въ головѣ у новаго намѣстника, и все это отозвалось на мнѣ. Въ продолженіи двухлѣтняго моего тутъ пребыванія, сколько учреждено комитетовъ, и во всѣхъ посаженъ я былъ или предсѣдателемъ или членомъ. Въ дѣйствіяхъ своихъ намѣренъ я здѣсь дать вѣрный отчетъ какъ самому себѣ, такъ и другимъ. Труды свои, совершаемые постепенно, дабы не смѣшивать ихъ съ происшествіями, хочу представить здѣсь разомъ. Но я долженъ напередъ отбросить всю совѣстливость, дабы нахвастаться вдѣволь и потомъ опять за нее приняться.

Во всѣхъ нашихъ губернскихъ городахъ были уже строительныя комиссіи; въ Кишиневѣ было тоже нѣчто подъ симъ названіемъ. Но какъ было строиться? Молдаване были твердо увѣрены, что въ Кишиневѣ не можетъ остаться постоянное мѣстопробываніе Областного Правленія и ставили только небольшіе домики, окружая ихъ плетневыми заборами, хотя многіе изъ нихъ за дорогую цѣну были наняты для казны. Десять процентовъ со всѣхъ областныхъ доходовъ Государь пожаловалъ краю для устройства дорогъ, для общепользныхъ заведеній и для украшенія городовъ. Сумма должна была значительно умножиться;

но Крупенской, дабы скрыть накопившіяся недоимки, къ нимъ причислилъ и сей десятипроцентный сборъ. Когда онъ оставилъ мѣсто, всего на лицо было его только десять тысячъ рублей ассигнаціями и, исключая острога, не было ни одного казеннаго строенія.

Вездѣ губернаторы завѣдываютъ строительною частью; тутъ захотѣлось графу меня назначить предсѣдателемъ такъ называемаго Строительнаго Комитета, и добрый Катакази отнюдь этимъ не обидѣлся. Членами посажены областной землемѣръ, исправляющій должность областного архитектора, Азмидовъ, который свое дѣло очень хорошо звалъ, но въ архитектурѣ ничего не смыслилъ, архитекторъ, котораго Богъ вѣсть какъ я выкопалъ и о которомъ еще рѣчь впереди, да еще одинъ депутатъ отъ дворянства Дониць и другой отъ купечества, котораго названія не помню. Я открылъ первое засѣданіе, а потомъ на неопредѣленное время отложилъ второе.

Во время Молдавскаго управленія, даже въ послѣдніе дни Потемкина, когда тѣло его провозили чрезъ Кишиневъ, былъ онъ небольшое селеніе, съ одною каменною церковью, съ двадцатью вокругъ нея уцѣлѣвшими отъ пожара небольшими домиками и съ сотнею обгорѣвшихъ. Послѣ Яскаго мира народонаселеніе стало опять умножаться; но жители, строя вкривь и вкось, всѣ лѣпились вдоль небольшой рѣчки Быка. Сіе мѣстечко принадлежало Св. Гробу; доходы съ него собираемые были весьма маловажны, и патріаршество Іерусалимское добровольно уступило его Государю. Когда въ смутное для Россіи время приобрѣтенъ сей край, то вся власть надъ нимъ предоставлена мѣстному начальству. Два старика, митрополитъ Гавріиль и губернаторъ Стурдза, избрали Кишиневъ (въ которомъ было уже до полуторы тысячи жителей), по центральному его положенію, мѣстомъ пребыванія своего. Особенно первый на темѣ горы, на монастырскія и другія церковныя деньги, поспѣшилъ выстроить Семинарію въ два съ половиною этажа, да большой каменный архіерейской домъ, который и назвалъ митрополіею. Тѣмъ рѣшилась судьба новаго города. Когда мы пріѣхали въ 1823 году, семь или восемь каменныхъ домовъ торчали посреди сотенъ лачужекъ.

Болѣе всего съ начала привлекъ на себя вниманіе мое городской садъ или, лучше сказать мѣсто, для него отведенное. Извѣстно какъ императоръ Александръ любилъ природу, деревья, какъ вездѣ воспрепятствовалъ онъ ихъ порубку и какъ вездѣ споспѣшествовалъ ихъ насажденію. Всѣ посѣщенные имъ губернскіе города украшались бульварами, скверами, садами. Будучи въ Кишиневѣ, онъ изъявилъ удивленіе, какъ въ столь благоустроенномъ климатѣ никто о томъ не подумалъ. Полька Бахметева нашла что ему отвѣчать: она увѣрила его, будто такое было у нихъ намѣреніе, только, въ тайнѣ ожидая его, надѣялись,

что онъ самъ изволить избрать мѣсто для публичнаго гулянья, которое потомъ останется памятникомъ кратковременнаго его пребыванія. Государь согласился и указалъ на пространную поляну, вблизи отъ архіерейскаго дома и сада. За дѣло взялись горячо, обнесли мѣсто низкимъ заборомъ и засадили деревьями. На бѣду бесплодный Инзовъ, который почиталъ себя великимъ натуралистомъ, у себя въ кабинетъ подъ стеклянными колпаками берегъ разнаго рода и величины растенія и деревцы, о сохраненіи насажденныхъ совсѣмъ не заботился. По волѣ графа, сіе при самомъ рожденіи погибшее дитя отдано было подъ мою опеку.

Съ ужасомъ взглянулъ я на сіе полумертвое чадо. Отъ тридцати до сорока бѣлыхъ акацій и тополей разбросано было на большомъ пространствѣ; овцы и коровы спокойно разгуливали по немъ, ибо по небрежности въ заборѣ сдѣлались отверстія. Я велѣлъ задрать ихъ, а животныя, по доброму согласію у меня съ полицеймейстеромъ, были забираемы и отсылаемы въ острогъ, для прокормленія содержащихся въ немъ. Жители возроптали, вознегодовали; но я устоялъ на своемъ и бѣдный садъ навсегда избавилъ отъ вредныхъ посѣтительницъ. У города ежегодно выпросилъ я по шести сотъ левовъ на поддержаніе и умноженіе плантацій; половину отдалъ я садовнику, Нѣмцу-колонисту, влюбленному въ свое ремесло, котораго самъ Богъ мнѣ послалъ. Въ первый годъ мы задолжали, въ слѣдующій расплатились. Чего не дѣлаетъ бережливость! На небольшую сумму, бывшую у меня въ распоряженіи, въ углу сада поставилъ я избу для жительства садовника, а онъ передъ нею устроилъ великолѣпный цвѣтникъ, роскошь дотолѣ неизвѣстная жителямъ Кишенева. Въ лощинахъ посадилъ онъ липы, и вообще въ первый годъ всѣ аллеи засажены были деревьями, которыя всѣ принялись на другой. Съ необыкновеннымъ удовольствіемъ вспоминаю я объ этомъ мѣстѣ, гдѣ, по словамъ пріѣзжихъ, давно уже теперь прекрасная роща.

Чрезвычайно озабочивала графа чистка рѣчки Быка. По широкой долинкѣ, надъ которой съ одной стороны возвышался Кишиневъ, сей ручей болѣе чѣмъ рѣчка протекалъ медленно безпрестанными большими изгибами, можно сказать метался изъ стороны въ сторону. Сего нельзя было замѣтить, ибо въ двухъ мѣстахъ онъ былъ запруженъ. По Азіатскому обычаю, въ эти пруды валили мертвыхъ кошекъ, собакъ, лошадей, да сверхъ того въ нихъ сливались помой и всякаго рода нечистота изъ нижней части города. Отъ того-то нестерпимый духъ, коимъ поражено было мое обоняніе при первомъ вѣздѣ въ Кишиневъ. Все лѣто и большую часть осени зловредныя испаренія производили ужасныя повальныя лихорадки между прибрежными жителями, и смертность

умножалась. Какъ помочь было этой бѣдѣ? Надлежало въ самой серединѣ долины прорыть не широкій и прямой каналъ: вода, въ него втѣсненная, стала бы быстро протекать чистой струей. Графъ поручалъ Потье и другимъ Одесскимъ инженерамъ исчислить во что можетъ обойтись такая операція, и эти господа, привыкнувъ дѣлать все на широкую руку, составили смѣту въ двѣсти тысячъ рублей ассигнаціями. «Ну гдѣ мы ихъ возьмемъ?» печально сказалъ мнѣ графъ. Черезъ нѣсколько времени доложилъ я ему, что нашелъ артиллерійскаго капитана Эйтнера, который женился, вышелъ въ отставку, живетъ безъ дѣла и берется все это произвести, даже камнемъ выложить каналъ, за весьма умеренную цѣну, всего за восемнадцать тысячъ левовъ. Хорошо графъ сдѣлалъ, что согласился, повѣрилъ мнѣ и поручилъ этимъ заняться. Пришлось уничтожить двѣ мельницы, которыя городу никакого почти не приносили доходу; а жителей между тѣмъ это заставило кричать. Въ Генварѣ нѣсколько дней сряду случайно доходило до двѣнадцати градусовъ мороза; я этимъ воспользовался и велѣлъ пробить первую плотину, на которой съ Эйтнеромъ я самъ находился при спускѣ воды. Не смотря на морозъ, едва могъ я выстоять двадцать минутъ: до такой степени сильно было зловоніе. Когда стаялъ ледъ, начали отъ костей очищать мѣсто; оставшаяся свободная земля, удобренная, унавоженная, отдана подъ огороды и стала приносить городу втрое болѣе чѣмъ сломанныя мельницы. Уже въ Юлѣ, во время жаровъ, число больныхъ уменьшилось болѣе чѣмъ на половину противъ того что было даже зимой. Самое производство работъ началось при мнѣ, но безъ меня уже кончилось. Не знаю, право, хотя единый человекъ сказалъ ли спасибо графу и тѣмъ, коихъ онъ употреблялъ?

Въ самой верхней части города, позади архіерейскаго дома, не знаю по чьему плану, разбиты были большіе кварталы и обозначены обведенною вокругъ нихъ малою канавкою; они оставались почти незаселенными. Въ самой же нижней части владѣльцы не имѣли никакого законнаго права на участки, кои занимали; строились по словеснымъ дозволеніямъ. Странно и жестоко показалось жителямъ воспрещеніе строить вновь и починивать дома безъ письменнаго дозволенія отъ Комитета. Они не хотѣли слушаться, а я съ помощію того же полицеймейстера велѣлъ ломать новыя, самовольныя постройки и между прочимъ одну пивоварню. Въ замѣнъ лачужекъ, кои безъ починокъ года черезъ два должны были повалиться и на доскуткѣ земли, имъ не принадлежащей, предлагалъ я жителямъ пространныя мѣста въ новыхъ кварталахъ, гдѣ могли бы они заводить сады и на владѣніе коихъ получали бы они документы. Только два или три человека на то согласились. Нѣтъ сомнѣнія, что съ соблюденіемъ постоянныхъ мѣръ, а мо-

жетъ быть и съ помощію пожаровъ, сіе переселеніе черезъ нѣсколько лѣтъ могло бы совершиться. Но послѣ меня никто не хотѣлъ о томъ помышлять, и все оставалось въ прежнемъ видѣ.

Отъ областного землемѣра получилъ я составленный имъ самый вѣрный планъ Кишинева. Не касаясь до верхнихъ кварталовъ, безъ большаго труда по прочимъ сталъ я проводить прямыя линіи карандашемъ и поручилъ областному архитектору начертить по нимъ новый планъ регулированія города. Черезъ графа планъ этотъ представленъ былъ Государю, который приказалъ отправить его къ управляющему Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ Ланскому, завѣдывавшему тогда и Бессарабскою частію; а тотъ, не знаю съ чего, передалъ его въ Департаментъ Государственного Хозяйства и Публичныхъ Зданій. Тамъ пролежалъ онъ болѣе семи лѣтъ, и мнѣ не пришлось выручить его оттуда. Онъ утвержденъ, приводится въ исполненіе, по немъ строится Кишиневъ и, какъ увѣряютъ, весьма украшается.

Самое важное порученіе сдѣланное мнѣ графомъ было составленіе проекта постановленія объ обязанности и правахъ Царанъ и помѣщиковъ. Въ Бессарабіи, равно какъ и во всей Молдавіи, хлѣбопашцы суть вольные люди. Утверждали однакоже, что житье ихъ хуже чѣмъ у Негровъ. Дворянское достоинство, тамъ гдѣ нѣтъ дворянъ, не могло давать исключительнаго права на пріобрѣтеніе земель; покупалъ ихъ тотъ, у кого были деньги и къ какому бы состоянію ни принадлежалъ, и живущіе на нихъ были къ владѣльцамъ въ томъ же отношеніи, что наемщики къ хозяевамъ: за землю должны были платить имъ работою и деньгами. Вездѣ слабые подвластны сильнымъ и бѣдные богатымъ. Въ совершенномъ согласіи между собою и съ исправническими, не смотря на законы ограниченныя обязанности Царанъ, владѣльцы угнетаютъ ихъ, обременяютъ тягчайшими работами, иногда не оставляютъ имъ ни копѣйки: такъ гласили наши Европейцы. Съ живостію молодости, не совсѣмъ во мнѣ потухшей, охотно приступилъ я къ новому, мнѣ незнакомому труду. Вотъ случай, подумалъ я, облегчить, можетъ быть, участь тысячей мнѣ подобныхъ людей! Я тогда желалъ уничтоженія крѣпостнаго права и въ этомъ смыслѣ только могъ почитаться либераломъ.

Прилежно началъ я разсматривать въ переводѣ постановленія по сему предмету Молдавскихъ господарей, также проектъ Верховнаго Совѣта и, наконецъ (что не совсѣмъ было) проектъ, составленный самимъ генераломъ Инзовымъ и препровожденный на разсмотрѣніе къ графу Кочубею. Въ этомъ рукописномъ фоліантѣ каждая глава начиналась

проповѣдью и каждая статья содержала въ себѣ длинное нравоученіе *). Я не торопился съ окончаніемъ работы: напередъ старался добывать нужныя свѣдѣнія и не разъ самъ ѣздилъ въ окрестныя селенія. Вездѣ встрѣчалъ я довольство и благосостояніе. Этимъ жители были обязаны не чрезмѣрной снисходительности помѣщиковъ, не собственному трудолюбію, а чрезвычайному плодородію земли. Вообще въ Молдавскихъ крестьянахъ нѣтъ безчувственности Чухонцевъ, а скорѣе лѣнность и флегматическое спокойствіе Малороссіянявъ, съ коими и въ обычаяхъ имѣютъ много сходства. Познавъ всю истину, принялся я за свой проектъ, надъ которымъ хотѣлось мнѣ поставить эпиграфомъ: чтобы волки были сыты и овцы цѣлы. Я представилъ его графу, который продержалъ его нѣсколько мѣсяцевъ, многимъ давая его на разсмотрѣніе, и потомъ безъ всякой перемѣны препроводилъ его въ Совѣтъ, съ которымъ въ это время были у меня ужаснѣйшія несогласія. Члены его полагали, что вѣроятно изъ мщенія принесены мною въ жертву ихъ выгоды; но увидѣли противное и скоро также безъ всякой отмѣны одобрили проектъ. Послали его въ Петербургъ, гдѣ пролежалъ онъ годы, не обращая на себя никакого вниманія. Послѣ того съ перемѣною обстоятельствъ неоднократно подвергался онъ измѣненіямъ. Это дѣло совсѣмъ потерялъ я изъ виду, забылъ объ немъ, не бралъ труда узнавать о его участи и о сую пору ничего о томъ не знаю.

Болѣе хлопотъ, но менѣе труда и соображеній, стоило мнѣ другое немаловажное дѣло, которымъ я долженъ былъ заняться. Учреждена Областная Коммиссія, составленная изъ областного предводителя дворянства, двухъ членовъ Совѣта и меня; и ей поручено сдѣлать первую ревизію жителямъ Бессарабіи. Ей подчинены были шесть цынутныхъ комиссій, и въ каждую изъ нихъ отправлено было по одному Русскому чиновнику, который, по даннымъ ему письменнымъ наставленіямъ и съ помощію исправника, долженъ былъ производить вѣрную и точную перепись поселеннымъ въ цынутѣ. Дѣлопроизводство было на Русскомъ языкѣ, котораго сочлены мои вовсе не знали; отъ того они ни во чтѣ не мѣшались, и не знаю, собирались ли мы всего раза два: слѣдственно и тутъ все возлегло опять на мнѣ. Мнѣ же предоставленъ былъ и выборъ чиновниковъ, въ чемъ не встрѣтилъ я большаго затрудненія: множество военныхъ, весьма порядочныхъ людей, скуки ради, переженились на Молдаванкахъ, въ надеждѣ на бо-

*) Случилось нѣчто забавное: твореніе сіе съ язвительными замѣчаніями Блудова отправлено было обратно къ полномочному намѣстнику. А какъ Низовъ продолжалъ исправлять сію должность до самаго пріѣзда графа Воронцова, а тотъ промѣшкалъ въ дорогѣ, то оно успѣло еще попасть въ руки самаго автора. Можно себѣ представить стыдъ и гнѣвъ послѣдняго!

гатое приданое, и вышли въ отставку. Они ошиблись въ расчетахъ, жили скудно и ничего такъ не желали какъ быть употребленными по гражданской части. Я принялся за нихъ, и всѣ оправдали мои ожиданія. Между ими одинъ особенно оказалъ себя ко всему способнымъ, маіоръ Калакуцкой, человѣкъ умный и благородный; изъ нихъ его только имя и особа сохранились въ слабѣющей памяти моей. Подъ разными наименованіями мазыловъ, рупташей, резешей и другими, люди, принадлежащіе почти всѣ къ одному состоянію, наполняли Бессарабію; при переписи затруднительно было слѣдовать этой классификаціи. Съ согласія графа показаны они всѣ подъ простыми Русскими названіями мѣщанъ и поселянъ; и вотъ еще великій шагъ къ упраздненію Молдавскихъ обычаевъ. Помнится мнѣ, что во всей области, исключая колоній, насчитано жителей до четырехъ сотъ пятидесяти тысячъ обоюга пола; въ одномъ городѣ Кишиневѣ было уже ихъ двадцать шесть тысячъ.

Мало ли куда еще былъ я приткнутъ, но о томъ не стоитъ говорить; ибо по другимъ частямъ я мало или вовсе не занимался. Между прочимъ, напримѣръ, поручена мнѣ была графомъ вмѣстѣ съ вице-губернаторомъ ревизія счетовъ и дѣлъ Казенной Экспедиціи за время управленія его предмѣстника, но въ такомъ случаѣ содѣйствіе мое Петрулину было бы только помѣшательствомъ.

Были однако дѣла, къ коимъ припелся я самовольно. Графъ, какъ и всѣ тогда, плѣнялся успѣхами Европейскаго просвѣщенія и желалъ начала его распространить въ сей полуазіатской странѣ. Для того спѣшилъ онъ завести Ланкатерскія школы взаимнаго обученія и весьма удачно поручилъ сіе дѣло ректору семинаріи, архимандриту Иринею, человѣку пылкому, свѣдущему, исполненному святости безъ изувѣрства. Я свелъ съ нимъ тѣсную дружбу, и не разъ придется мнѣ говорить объ немъ, а можетъ быть и о печальномъ концѣ его духовнаго поприща. Я принялъ въ семъ дѣлѣ живѣйшее участіе, какъ будто бы оно мнѣ было приказано; а отъ чего? Мнѣ хотѣлось убѣдить Иринея (въ чемъ я и успѣлъ), что лучше будетъ молодыхъ Молдаванъ первоначально учить Русской азбукѣ, Русскому чтенію, а Молдавское пока оставить. Вездѣ хотѣлось мнѣ тутъ водворить Россію.

Какъ нѣкогда Кіевъ, въ это время Кишиневъ былъ богатъ высшими духовными сановниками. Не знаю, слѣдуетъ ли называть иновѣрнаго Армянскаго архіепископа; но у него не было никакой вѣры, и онъ по наружности насильно приписывался и прилипалъ къ господствующей. Вездѣ было его видно, и онъ всѣхъ у себя угощалъ. За то, во время совершаемаго ими богослуженія, можно было только видѣть двухъ Григоріевъ, Греческихъ архіепископовъ, Гіерапольскаго и Ире-

нопольскаго, спасшихся бѣгствомъ отъ Турецкихъ гоненій. Третій Леонтій Ламбровичъ, митрополитъ Сербской, какъ увѣряли, мужъ твердаго характера, также преслѣдуемый Турками, жилъ совершенно подъ спудомъ. За отсутствіемъ епархіальнаго архіепископа Димитрія, находившагося въ Петербургѣ на очереди, между ими весьма естественнымъ образомъ важную роль игралъ архимандритъ Иринеи. Архіепископъ же Димитрій, человекъ умный и правдивый, по слабости человеческой, желая угодить Голицыну, господствовавшему до Мая 1824 года, всѣми мѣрами въ Кишиневѣ поддерживалъ Библейское Общество, которое въ Петербургѣ начинало уже разрушаться.

Въ этомъ дѣлѣ не только содѣйствовалъ ему, но и руководствовалъ имъ Иванъ Никитичъ Инзовъ. Разсѣянные въ сихъ Запискахъ черты характера его должны были ознакомить съ нимъ: нахожу однако необходимымъ обстоятельнѣе говорить объ этомъ человекѣ. Глубокая тайна покрываетъ его рожденіе. Приемышемъ выросъ онъ въ домѣ Трубецкихъ, которые дали ему нареченіе *Иной Зовъ* или Инзовъ. Братья князя Трубецкіе, Юрій и Николай Никитичи, люди ума весьма слабаго, увлечены были ученіемъ Николая Новикова, покровительствуемаго фельдмаршаломъ княземъ Репнинымъ. Съ малыхъ лѣтъ воспитанника своего посвятили они въ мартинизмъ, и отъ того при Екатеринѣ былъ онъ долго старшимъ адъютантомъ Репнина. Время открыло важную тайну всѣхъ этихъ Германскихъ философски-религіозныхъ сектъ, которыя дышали чистѣйшею любовію къ человечеству и привели его къ чистѣйшему, грубѣйшему матеріализму. Ослѣпленіе ихъ первыхъ послѣдователей не доказываетъ большаго ума, но не даетъ права подозрѣвать ихъ въ безнравственности. Отъ природы гнѣвный и самолюбивый Инзовъ старался въ себѣ убить сіи страсти, а тѣмъ ослабилъ свой характеръ и остался просто золь и въ тайнѣ раздражителемъ. Слабости однако не показывалъ онъ въ виду непріятеля: въ царствованія Павла и Александра неоднократно бывалъ онъ въ сраженіяхъ, всегда отличался храбростію и самому себѣ обязанъ былъ дальнѣйшими успѣхами по службѣ. По замрениіи его тянуло къ покою и мирнымъ занятіямъ; согласно его желаніямъ, дано ему мѣсто главнаго попечителя колоній Южнаго края, не совсѣмъ соотвѣтствующее его генераль-лейтенантскому чину, и онъ поселился въ Екатеринославѣ, гдѣ находилось центральное управленіе колоній.

Прибытіе къ нему подъ надзоръ вольнодумца Пушкина было какъ бы предвѣстіемъ наступившихъ для него бурныхъ дней. Религіозныя его чувства, которыхъ настоящимъ образомъ не понимали, наружная его кротость были извѣстны Стурдзѣ, ревнителю вѣры, и онъ на мѣсто Бахметева черезъ Каподистрию, а можетъ и съ помощію Голицына,

выпросилъ, чтобы его назначили временно исправляющимъ должность Бессарабскаго намѣстника, не отнимая впрочемъ у него и колониальнаго управленія, которое вмѣстѣ съ собою перевезъ онъ въ Кишиневъ. Не прошло двухъ лѣтъ, какъ, вслѣдствіе отбытія Ланжерона, по сосѣдству поручили ему и весь Новороссійскій край. Душевные силы были давно имъ самимъ придавлены, тѣлесныя силы начали оставлять его, а какъ онъ добросовѣстно принялся за исполненіе своихъ обязанностей, то рѣшительно можно сказать, что изнемогалъ подъ бременемъ дѣлъ и сперва обрадовался назначенію Воронцова.

Тогда въ Кишиневѣ было повѣтріе любить меня; надобно полагать, что и онъ подвергнулся сему не весьма пагубному вліянію: иначе какъ объяснить внезапную его ко мнѣ пріязнь? Я не искалъ его знакомства, не бывалъ у него, встрѣчаясь, только что почтительно кланялся, а онъ осыпалъ меня нѣжнѣйшими ласками. Наконецъ, рѣшился онъ позвать меня къ себѣ обѣдать, что послѣ того нерѣдко повторялось. Сужденія его были правильны, рассказы любопытны, и бесѣды наши бывали пріятны для обоихъ. Иногда скажетъ онъ чтонибудь совсѣмъ несогласное съ моими мнѣніями, я замолчу: съ ребячества пріученъ я былъ уважать старость и не позволять себѣ входить съ нею въ споры. Нынѣ никто не дастъ соврать старику; даже тотъ, кто самъ вовсе ничего не смыслить. Весьма непріятно мнѣ было въ Инзовѣ отвращеніе его ото всего отечественнаго, порождаемое обыкновенно заграничною мечтательностію. Онъ терпѣть не могъ нашъ простой народъ и ненавидѣлъ его нарядъ. Въ то же время говорилъ онъ съ особымъ уваженіемъ о бородахъ Молдавскихъ бояръ, называя ихъ патриархами. «Да вѣдь и у нашихъ мужичковъ есть также борода», замѣтилъ я ему. «О, да это совсѣмъ другое дѣло», отвѣчалъ онъ.

Тайна ласкъ сего совсѣмъ непритворнаго человѣка открылась мнѣ наконецъ. Онъ увидѣлъ во мнѣ чудное орудіе, насланное судьбою въ Бессарабію для поддержанія и усиленія Библейскаго Общества, во мнѣ, которому такъ извѣстна была цѣль его! Я далъ ему себя записать членомъ, но извиняясь множествомъ дѣлъ, не отвѣчалъ ни на одну изъ присылаемыхъ мнѣ бумагъ, дабы нигдѣ и подписи моей не было видно. Я смѣло могу сказать, что совершенно неповиненъ въ дѣйствіяхъ сего общества.

Нерѣдко, разговаривая со мною, вздыхалъ онъ о Пушкинѣ, любезномъ чадѣ своемъ. Судьба свела сихъ людей, между коими великая разница въ лѣтахъ была малѣйшимъ препятствіемъ къ искренней взаимной любви. Сношенія ихъ однако сдѣлались сколько странными, столько и трогательными и забавными. Съ первой минуты прибывшаго совсѣмъ безъ денегъ молодаго человѣка Инзовъ помѣстилъ у себя жи-

тельствомъ, поилъ, кормилъ его, оказывалъ ласки, и такъ осталось до самой минуты послѣдней ихъ разлуки. Никто такъ глубоко не умѣлъ чувствовать оказываемыя ему одолженія, какъ Пушкинъ, хотя между прочими пороками, коимъ не былъ онъ причастенъ, накидывалъ онъ на себя и неблагодарность. Его веселый, острый умъ оживилъ, освѣтилъ пустынное уединеніе старца. Съ попечителемъ своимъ, болѣе чѣмъ съ начальникомъ, сдѣлался онъ смѣль и шутливъ, никогда не дерзокъ; а тотъ готовъ былъ все ему простить. Была сорока, забавница цѣломудреннаго Инзова; Пушкинъ нашелъ средство выучить ее многимъ неблагопрістойнымъ словамъ, и несчастная тотчасъ осуждена была на заточеніе; но и тутъ старикъ не умѣлъ серьезно разсердиться. Иногда же, когда дитя его распроказничается, то болѣе для предупрежденія непріятныхъ послѣдствій, чѣмъ для наказанія, сажалъ онъ его подъ арестъ, т. е. нѣсколько дней не выпускалъ его изъ комнаты. Надобно было послушать, съ какимъ нѣжнымъ участіемъ и Пушкинъ отзывался о немъ.

«Зачѣмъ онъ меня оставилъ?» говорилъ мнѣ Инзовъ, «вѣдь онъ посланъ былъ не къ генераль-губернатору, а къ попечителю колоній; никакого другаго повелѣнія объ немъ съ тѣхъ поръ не было; я бы могъ, но не хотѣлъ ему препятствовать. Конечно въ Кишиневѣ иногда бывало ему скучно; но развѣ я мѣшалъ его отлучкамъ, его путешествіямъ на Кавказъ, въ Крымъ, въ Кіевъ, продолжавшимся нѣсколько мѣсяцевъ, иногда болѣе полугода? Развѣ отсюда не могъ онъ ѣздить въ Одессу, когда бы захотѣлъ и жить въ ней сколько угодно? А съ Воронцовымъ, право, не сдобровать ему.»

Такія печальныя предчувствія родительскаго сердца, хотя я и не вѣрилъ имъ, трогали меня. Я писалъ къ Пушкину, что непростительно ему будетъ, если онъ не пріѣдетъ потѣшить старика, умолялъ его пменемъ всѣхъ женщинъ, которыхъ любилъ онъ въ Кишиневѣ, навѣстить насъ. И онъ въ половинѣ Марта пріѣхалъ недѣли на двѣ, остановился у Алексѣева, и многихъ, разумѣется въ томъ числѣ и меня, обрадовалъ своимъ пріѣздомъ.

Онъ заставилъ меня сдѣлать довольно странное знакомство. Въ Кишиневѣ проживала не весьма въ безъизвѣстности Гречанка-вдова, называемая Полихронія, бѣжавшая, говорили, изъ Константинополя. При ней находилась молодая, но не молоденькая дочь, при крещеніи получившая мнѣологическое имя Калипсо и, что довольно странно, которая нѣсколько времени находилась въ пзвѣстной связи съ молодымъ княземъ Телемахомъ Ханджерп. Она была не высока ростомъ, худощава, и черты у нея были правильныя; но природа съ бѣдняжкой захотѣла сыграть дурную шутку, посреди пріятнаго лица ея прилѣпивъ ей огром-

ный ястребиный носъ. Не смотря на то, она многимъ нравилась, только не мнѣ, ибо длинные носы всегда мнѣ казались противны. У нея былъ голосъ нѣжный, увлекательный, не только когда она говорила, но даже когда съ гитарой пѣла ужасныя, мрачныя Турецкія пѣсни; одну изъ нихъ, съ ея словъ, Пушкинъ переложилъ на Русскій языкъ, подъ именемъ Черной Шали. Исключая Турецкаго и природнаго Греческаго, хорошо знала она еще языки Арабскій, Молдавскій, Итальянскій и Французскій. Ни въ обращеніи ея, ни въ поведеніи не видно было ни малѣйшей строгости; еслибъ она жила въ вѣкъ Перикла, исторія вѣрно сохранила бы намъ имя ея вмѣстѣ съ именами Фрины и Лайсы.

Любопытство мое было крайне возбуждено, когда Пушкинъ представилъ меня сей дѣвѣ и ея родительницѣ. Въ немъ же самомъ не замѣтилъ я и остатковъ любовнаго жара, коимъ прежде горѣлъ онъ къ ней. Воображеніе пуце разгорячено было въ немъ мыслию, что лѣтъ пятнадцати будто бы впервые познала она страсть въ объятіяхъ лорда Байрона, путешествовавшаго тогда по Греціи. Ею вдохновенный, написалъ онъ даже извѣстное, прекрасное посланіе къ Гречанкѣ:

Ты рождена воспламенять
 Воображеніе поэтовъ,
 Его тревожить и пѣнять
 Любезной живостію привѣтовъ,
 Восточной странностью рѣчей,
 Блистаньемъ зеркальныхъ очей, и пр.

Мнѣ не соскучилось у этихъ дамъ, только и не слишкомъ полюбилось. Не помню, ее ли мнѣ завѣщалъ Пушкинъ, или меня ей, только отъ наслѣдства я тотчасъ отказался. Послѣ отъѣзда Пушкина у этихъ женщинъ не знаю былъ ли я болѣе двухъ разъ.

Гораздо болѣе полезнымъ готовъ я былъ находить знакомство съ матерью. По всему городу носилась молва о силѣ ея волшебства. Она была упованіемъ, утѣшеніемъ всѣхъ отчаянныхъ любовниковъ и любовницъ. Ея чары и по заочности умягчали сердца жестокихъ и гордыхъ красавицъ и холодныхъ какъ мраморъ мужчинъ, и ихъ притягивали другъ къ другу. Одинъ очевидецъ, если не солгалъ, рассказывалъ мнѣ, какъ онъ былъ свидѣтелемъ ея магическихъ дѣйствій. Пифіонисса садилась въ старинныя кресла, брала въ руки прямой, длинный, бѣлый пруть и надѣвала на голову ермолку или скуфью изъ чернаго бархата съ бѣлыми кабалистическими знаками и буквами. Потомъ начинала она возиться, волноваться, даже бѣсноваться; вдругъ трепеть пробѣгалъ по членамъ ея, она быстрѣе поворачивала прутомъ, произносила какія-то страшныя слова, и сѣдые волосы становились дыбомъ на челѣ ея, такъ что черная шапочка отъ силы движенія прыгала на поверхности

ихъ. Когда она успокоивалась, просящему о помощи объявляла, что дѣло кончено, что неумолимая отнынѣ въ его власти. Ну какъ было не желать посмотрѣть на такое зрѣлище? Я сталъ умолять старуху Полихронію, называя первое женское имя, которое пришло мнѣ на память; всѣ убѣжденія мои остались тщетны. Она сказала мнѣ: «Въ вашихъ глазахъ читаю я ваше безвѣріе; а въ такихъ случаяхъ, какъ и во всемъ, вѣра есть главное дѣло!» Сіе слово, почитаемое мною священнымъ, въ устахъ такой женщины показалось мнѣ богохульствомъ.

У Калпсо было много ума и смѣлости. Она написала красно-рѣчивое и трогательное посланіе къ Константину Павловичу, и ей посчастливилось: не только прислалъ онъ ей денежное пособіе, но и рекомендательное письмо къ графу Воронцову. Чтобы оказать особое уваженіе къ высокому ходатайству Цесаревича, тотъ самъ середь дня сдѣлалъ ей церемонный визитъ. Онъ ужаснулся, когда ему растолковали, у кого онъ былъ. А между тѣмъ это посѣщеніе произвело важное дѣйствіе на всѣхъ и особенно на ея соотечественниковъ, которые перестали ея чуждаться. Другое обстоятельство еще болѣе сблизило ее съ порядочнымъ обществомъ: узнавъ, что Молдоване вдругъ меня возненавидѣли, принялась она обременять меня проклятіями и выдавать себя за оставленную мною, обруганную жертву. Изъ мщенія, желая досадить мнѣ, и бояре стали приглашать ее къ своимъ женамъ. Куда какъ это мнѣ было больно и какъ лестно даромъ прослыть Тезеемъ носастой Аріадны! Слѣдующей зимой находилъ я ее по вечерамъ у самой губернаторши Катакази. Нѣтъ, даже въ Петербургскомъ высокомъ, самомъ лучшемъ *нынѣшнемъ* обществѣ, гдѣ вездѣ встрѣчаешь дѣвицъ Смирновыхъ, сомнѣваюсь, чтобы этотъ классическій развратъ могъ бы быть принятъ.

Первый разъ въ жизни встрѣчая весну на дальнемъ Югѣ, дѣлалъ я свои метеорологическія наблюденія и хочу ими заключить сію главу. Я думаю, что сіе мнѣ простится: я такъ много имѣлъ предметовъ къ описанію и всѣхъ коснулся; слѣдственно не уподобятъ меня человѣку, который, не зная что сказать, заговорить о погодѣ.

Пустившись гулять 20 Февраля, какъ сѣверный житель, сверхъ обыкновеннаго платья надѣлъ я холодную шинель. Я зашелъ далеко, теплота въ воздухѣ начала увеличиваться до того, что ее можно было назвать жаромъ, и шинель моя сдѣлалась мнѣ не только лишнею, но невыносимою. Я рѣшился зайти въ ближайшее знакомое мѣсто, къ отставному генералу Ивану Марковичу Гартингу, первые годы управляющему Бессарабіей, а тогда живущему въ бѣдности и забвеніи; а какъ слугъ у него было очень мало, то его самого просить о дозволѣніи шинель у него оставить.

Весь Мартъ стояла теплая и ясная погода. Пространное поле на горѣ, примыкающее къ городу, обратилось въ ежедневное, общее гулянье. По срединѣ его всякой день по вечерамъ бывали полковья ученья. Кругомъ въ будкахъ (такъ по-Молдавски называются коляски) медленно танились всѣ тѣ, кои имѣли ихъ; коконы и коконицы, боярыни и боярышни по часамъ останавливались, чтобы посмотрѣть на ученье и поговорить съ знакомыми, въ другихъ коляскахъ, рядомъ съ ними стоящихъ. Обычай сей не гулять пѣшкомъ и не ѣздить, а стоять въ экипажахъ, чтобы поглазѣть и поболтать, называемый у нихъ илимбари, мнѣ показался очень глупъ; я вѣрно ошибся, ибо черезъ нѣсколько лѣтъ переняли его въ Петербургѣ. Тамъ гдѣ на полѣ не было вытоптано и разѣзжено, довольно высоко подымалась уже густая трава, а вдали бѣлѣлись яблонныя деревья, на которыхъ цвѣтъ показывается прежде листьевъ.

Въ день Свѣтлаго Воскресенья, 6 Апрѣля, былъ настоящій свѣтлый праздникъ. Утромъ солнце даже палило; но, дабы день сей сдѣлать совершенно пріятнымъ, въ самый полдень, небо часа на полтора омрачилось, покрылось черными тучами. Великолѣпнѣйшая гроза, съ блестящими молніями, сильными громовыми ударами и проливнымъ дождемъ, не причинивъ никакого вреда, разразилась надъ Кишиневомъ. Потомъ вдругъ все просіяло, все высохло, и остатокъ дня можно было назвать райскимъ.

XI.

Мнѣ извѣстно было въ Бессарабіи только шестидесятиверстное разстояніе между Бендерами и Кишиневымъ, и отъ того хотѣлось мнѣ, да и нужно бы было взглянуть на другія части сей области. Къ тому представлялось легкое средство; стѣло мнѣ выпросить себѣ какую-нибудь комиссію и потомъ разѣзжать на казенный счетъ; но, самъ не знаю зачѣмъ, отъ чего и для чего, всегда жаль мнѣ было казенныхъ и общественныхъ денегъ. Совѣстно мнѣ было предложить о томъ графу, а еще совѣстнѣе принять предложеніе областного предводителя Янко Стурдзы, который, намѣреваясь прогуляться въ помѣстье свое на Австрійской границѣ, упрашивалъ меня ему сопутствовать. Подумавъ немного, я однако согласился, ибо убытка тутъ никому не было. Конечно, не такъ ловко было мнѣ сказаться Совѣту и Катакази, отъ снисходительности котораго получилъ я даже на всякій случай паспортъ за границу, чѣмъ отправиться вслѣдствіе порученія намѣстника. Такъ и быть, дѣло сдѣлано.

Мы отправились во Вторникъ послѣ Свѣтлаго Воскресенія, 8 Апрѣля, не такъ какъ въ дорогу, а болѣе какъ на званый пиръ. Въ

сорока пяти верстахъ отъ Кишинева находится мѣстечко, къ коему столица сія приписана. Бывшій городокъ Оргей даетъ свое имя пре- большому лѣсу, идущему отъ Днѣстра до Прута, вдоль береговъ послѣдняго и въ цынуть своемъ или уѣздѣ заключаетъ и довольно пространнй областной городъ. Въ немъ квартировалъ съ Екатеринбургскимъ пѣхотнымъ полкомъ командиръ онаго, полковникъ Александръ Филиповичъ Остафьевъ, человекъ предобрѣйшій, пріятнѣйшій и благо- разумнѣйшій, котораго, судя по связямъ его, считали либераломъ; если онъ имъ и былъ, то втайнѣ и, какъ мнѣ казалось, даже тайкомъ отъ самого себя. Онъ былъ въ самыхъ хорошихъ сношеніяхъ въ Кишиневѣ со всѣми порядочными людьми, изъ числа коихъ я себя выключить не хочу. До Пасхи увѣдомилъ я его, что мы будемъ къ нему со Стурдзой, и по этому случаю назвалъ онъ и другихъ гостей. Слѣдственно пиръ былъ въ нашу честь; обѣдъ былъ обильный, и вина сколько хочешь. По тогдашнему обычаю между военными, обѣдъ кончился небольшой попойкой. Въ такихъ случаяхъ бывалъ я твердъ и остороженъ, но улыбка чаще стала показываться на устахъ и краска на лицѣ добрѣйшаго, всегда умѣреннаго и благочестиваго Стурдзы. Послѣ обѣда надобно было отдохнуть, то есть повыспаться.

Къ вечеру пошли мы всѣ вмѣстѣ гулять по городу, который вкратцѣ представлялъ нижнюю часть Кишинева, только улицы были чище, шире и привольнѣе. Даже на нихъ простые Молдаване въ кружокъ, подъ Цыганскую музыку, со спокойно-веселымъ видомъ плясали свою вѣчную мититику. Далѣе нашли мы Русскихъ, вѣроятно бѣглыхъ, которые въ числѣ двухъ сотъ душъ нѣкогда тутъ поселились, и, о радость! Я увидѣлъ веревочные качели и мальчишекъ въ красныхъ рубашкахъ, которые съ лубковъ катали красныя яйца. Достигнувъ покойнаго ночлега, любезнымъ Остафьевымъ намъ приготовленнаго, мы поблагодарили его и совсѣмъ простились, ибо чѣмъ свѣтъ хотѣли отправиться далѣе.

Весна на Югѣ походить на счастливую, безпечную юность; наша же весна на Сѣверѣ точно болѣзненная, трудами обремененная молодость. Какъ наслаждался я 9 Апрѣля! Мы все ѣхали лѣсомъ, деревья раскинулись и благоухали, высохшая дорога сдѣлалась гладка, и суруджи, по вновь заведенному строгому устройству, везли насъ шибко. Къ часу поздняго обѣда поспѣли мы въ уѣзднй городъ Бѣльцы, котораго цынуть, не знаю почему, все еще назывался Яскимъ. Онъ былъ лучше и пространнѣе Оргея, но не принадлежалъ казиѣ, а какъ водилось въ Польшѣ, одному богатому владѣльцу Катаржи, члену Совѣта, котораго оставили мы въ Кишиневѣ. Послѣдній былъ мужикъ видный, лѣтъ сорока, почти безъ рѣчей и еще болѣе безъ мыслей, но

котораго изысканное франтовство умѣло дать Молдавскому наряду красоту и щегольство. Мы остановились у исправника Константина Оомича Бодеско. Исправникъ былъ тутъ не то что у насъ, а еще то что въ Молдавіи, или, лучше сказать, то что супрефекты во Франціи. Исключая развѣ одного Прункуля не было Молдавана столь проворнаго, дѣятельнаго и расторопнаго какъ Бодеско.

Когда бояре женили сыновей своихъ на Гречанкахъ, то не иначе какъ на родственницахъ или дочеряхъ господарей и первыхъ сановниковъ. Молдаване нѣсколько пониже соединялись бракомъ единственно со своими соотечественницами. Еще же другіе Молдаване и особенно Молдаванки брачались съ Цыганской породой. Молдаване *pur sang* вѣчно сохраняли свою важность и неподвижность. За то происходящіе отъ вышеупомянутыхъ смѣшеній нѣсколько теряли ее, и многіе изъ нихъ наружностію и нравомъ были совсѣмъ отличные отъ своихъ земляковъ. Не знаю къ какому разряду приписать обязательнаго Бодеско, который упрашивалъ насъ остаться ночевать. Мы оба не согласились, рассчитывая, что среди тихой ночи, на воздухѣ, погруженные въ его сладостную свѣжесть, уснемъ мы еще пріятнѣе.

На другой день, 10 числа, часу во второмъ, пріѣхали мы въ Хотинъ и въѣхали прямо къ ожидавшему насъ Русскому полковнику, князю Георгію Матвѣевичу Кантакузину. У него было неподалеку прекрасное помѣстье Отаки на Днѣстрѣ; не знаю почему предпочиталъ онъ ему пустой и скучный Хотинъ. Это была одна изъ странностей, которыя иногда дѣлали непріятнымъ общество человѣка, впрочемъ всегда веселаго, всегда готоваго на одолженія. Онъ былъ женатъ на одной княжнѣ Горчаковой, сестрѣ графини Сологубъ и чрезъ это былъ въ родствѣ со многими знатными домами въ Петербургѣ. Молдавскую боярскую спѣсь свою соединялъ онъ съ Русскими претензіями на аристократію и кавалерійскими удалыми привычками. Воспитанная въ Петербургѣ княгиня Кантакузина была милая, скромная, привѣтливая женщина, изъ тѣхъ кои долго еще напоминали собою дѣвицъ времени Маріи Феодоровны и Елисаветы Алексѣевны. Ея скромность, ея прстойность была контрастомъ съ вѣчнымъ шумомъ, который наполнял ихъ обитель. Для заѣзжихъ въ гостепріимномъ домѣ былъ онъ довольно увеселителенъ.

Въ эти дни готовилась тутъ свадьба. Кантакузинъ выдавалъ сестру свою за служащаго маіора Гаевского и, какъ богатый помѣщикъ, давалъ ей въ приданое мошію или деревеньку. Все что сказалъ я выше о Молдавскихъ бракахъ относится болѣе ко времени, бывшему до присоединенія Бессарабіи; съ тѣхъ поръ во множествѣ Молдаванки шли охотно за Русскихъ, также за Нѣмцевъ и Поляковъ,

въ Русской службѣ находящихся. Дѣти отъ сихъ смѣшанныхъ браковъ, крещенные въ православную вѣру, по достиженіи совершеннолѣтія всѣ съ гордостію признавали себя Русскими, и это болѣе чѣмъ что другое этотъ край привязывало къ Россіи. Свадьба и прѣ назначены были въ Воскресеніе Тѣмы, слѣдственно три дня надобно было ихъ дожидаться. Стурдза спѣшилъ ѣхать, Кантакузинъ упрасивалъ остаться; но возможно ли было вырваться отъ этого неотвязчиваго, настойчиваго человѣка?

Пользуясь славной погодой я много гулялъ. Сперва посѣтилъ я крѣпость, которая, исключая бывшихъ военныхъ происшествій, сама по себѣ ничего примѣчательнаго не имѣетъ. Но внутри ея на скалѣ находится цитадель въ Турецкомъ вкусѣ, отдѣленная отъ нея не ровомъ, а цѣлой пропастью, надъ которою виситъ подъемный мостъ. Я нашелъ это чрезвычайно живописнымъ. Государь, коего прошлогоднее посѣщеніе было такъ еще свѣжо въ памяти жителей, замѣтилъ, какъ мнѣ пересказывали, что это напоминаетъ ему прекрасную декорацію въ извѣстной тогда оперѣ Лодоискѣ.

Часто посѣщалъ я внѣ крѣпости большой садъ, для всѣхъ открытый, принадлежавшій умершему уже генералу Лидерсу, бывшему комендантомъ въ Хотинѣ, долготѣнными попеченіями коего былъ онъ насажденъ. Онъ шелъ внизъ уступами по большой горѣ до самаго Днѣстра. Что за очаровательные виды были изъ него на противоположный берегъ! Необозримое пространство усѣянное пригорками, густыми лѣсками, цвѣтущими полями, садами, наполненными деревеньками, и посреди ихъ красивый городокъ Жванецъ! Какъ было не восхитить взоръ, разомъ все это обнимавшій. Днѣстръ тутъ узокъ; такъ, взявъ бы весло и лодочку и переплылъ бы его; но увы, какъ говорится, глазъ видить, да зубъ неймаетъ. Стоитъ неумолимый Исаковецкой карантинъ, и тогда какъ съ Херсонской стороны пропускали насъ всегда по одной окуртѣ, такъ что я забылъ о томъ упомянуть, со стороны Подольской соблюдались всѣ строгія мѣры, на сей предметъ предписанныя. Подольская губернія есть настоящій земной рай, но потерянный для прежнихъ и нынѣшнихъ своихъ владѣтелей, Русскихъ. На стражѣ стоятъ не Ангелы съ пламенѣющими мечами, а Поляки, водворившіеся въ немъ и вооруженные всевозможными ухищреніями, чтобы не допускать насъ въ немъ селиться.

Садъ сей и при немъ небольшой каменный домъ достались по наслѣдству двумъ сыновьямъ покойнаго. Одинъ изъ нихъ, тотъ, который послѣ столь прославился, былъ въ отсутствіи; другой, молодой кирасирской офицеръ, находился тутъ въ отпуску. Узнавъ, что я прогуливаюсь въ его саду, молодой Лидерсъ прибѣжалъ меня звать къ себѣ

на завтракъ. Предупредительность его была не совсѣмъ безкорыстна: его увѣрили, что чрезъ мое посредство можетъ онъ выгодно продать свое имущество подъ какой-то госпиталь. Я объявилъ ему, что какъ это, вѣроятно, по военной части, то до меня вовсе не касается. Угощать меня помогаль ему какой-то родственникъ Гордѣевъ, не весьма высокаго роста, толстенкой, рябоватый и по фizioноміи котораго никто не могъ бы почитать его способнымъ на дурныя дѣла. Онъ былъ женатъ на двоюродной сестрѣ Лидерсовъ, дѣвицѣ Кашинцовой; лишившись ея, проживаль онъ у нихъ съ малолѣтними дѣтьми, изъ чего я могъ заключить, что по матери, можетъ быть, и сами Лидерсы Русскіе. Изъ разговоровъ съ Гордѣевымъ узналъ я, что онъ воспитанникъ Академіи Художествъ и былъ употребленъ при строеніи Казанскаго Собора; онъ показываль мнѣ множество собственныхъ рисунковъ и очень хорошо судилъ объ архитектурѣ. Этому съ меня было довольно; не съ другаго слова предложилъ я ему мѣсто областного архитектора, чему онъ чрезвычайно обрадовался. Я написалъ о томъ къ графу, который не замедлилъ утвердить его въ семъ званіи. Какъ долженъ былъ я послѣ раскаиваться въ своей опрометчивости и какіе ужасы открылись потомъ на счетъ этого злодѣя! Когда придетъ время, не знаю, даже въ силахъ ли я буду описать ихъ.

По случаю свадьбы въ Воскресенье Кантакузинъ сдѣлалъ пиръ горой. Утомленные имъ и не успѣвъ даже отдохнуть, 14-го рано поѣхали мы далѣе, то есть въ обратный путь, только по другой дорогѣ.

Черезъ нѣсколько часовъ по выѣздѣ изъ Хотина пріѣхаль я къ почтенному хозяину вмѣстѣ съ нимъ. Мѣстечко его Новоселицы походило на городокъ, а двухъэтажный каменный домъ его былъ точная копія съ такъ называемыхъ дворцовъ между Москвой и Петербургомъ. Съ грустію оставилъ онъ сіе мирное убѣжище, когда выбрали его областнымъ предводителемъ. Вмѣсто его тутъ жилъ и управляль его имѣніемъ пріятель его докторъ медицины Фирихъ, Австрійскій Нѣмецъ, умный и ученый, любезный и образованный человекъ. Того не могу я сказать о другомъ иностранцѣ, котораго я тутъ нашель: я привыкъ всегда видѣть Итальянцевъ живыхъ и общительныхъ, а г. Пагани былъ мраченъ и угрюмъ, и теперь я никакъ не сомнѣваюсь въ томъ, чтобы онъ не оставилъ отечества своего вслѣдствіе гоненій на карбонаризмъ. Онъ чисто говорилъ по-французски, и безвинный Стурдза поручилъ ему воспитаніе какого-то дальняго родственника, сироты, о имени котораго я не спросилъ, мальчика лѣтъ уже семнадцати или восемнадцати. Воспитанникъ, видно, хорошо воспользовался ученіемъ наставника своего: ничего несноснѣе его я не встрѣчалъ. И вотъ какимъ

будетъ все необразованное Молдавское юношество, когда заразится западнымъ духомъ!

Въ Новоселицахъ находилась таможня, и ею управлялъ коллежскій совѣтникъ Иванъ Федоровичъ Рѣдъкинъ. Сладкое его обхожденіе, особенно со мною, было въ противоположности съ горькимъ его имянемъ. Изъ многого множества лицъ, мною встрѣчаемыхъ, упоминаю я о тѣхъ, съ коими впоследствии имѣлъ близкія сношенія, и Рѣдъкинъ былъ въ числѣ ихъ.

И цѣлыхъ сутокъ не прожили мы на границѣ: на другой день, по утру, 15 числа переѣхали мы ее и, сдѣлавъ только двадцать пять верстъ, прибыли въ Черновець, главный городъ Буковины. Въ довольно большомъ домѣ помѣстилъ насъ у себя одинъ Молдавской бояръ, также какъ и многіе другіе, бѣжавшій тогда изъ Яссы. То былъ Григорій Димитріевичъ Стурдза, братъ покойнаго губернатора Скарлата Димитріевича и родной дядя Александра Стурдзы. Съ перваго взгляда плѣнилъ меня сей старецъ, коему по всей справедливости принадлежало названіе маститаго. Его ясный, благосклонности исполненный взоръ вмѣстѣ съ сѣдою бородою внезапно внушали почтеніе. Его супруга, также подъ бременемъ лѣтъ, несла его съ какимъ-то важнымъ добродушіемъ. У сей четы, истинно почтенной, было трое дѣтей, двѣ дочери и одинъ сынъ. Къ сожалѣнію, всѣ они не походили на родителей. Дочери жили обѣ въ Кишиневѣ, гдѣ я знавалъ ихъ. Одна была въ замужествѣ за генераломъ Гартингомъ, о которомъ сказалъ я нѣсколько словъ, но не жила съ нимъ. Другая за богатымъ владѣльцемъ Мавроени и казалась степеннѣе. Обѣ смолода, говорятъ, были красавицы и обѣ отъ живыхъ мужей, Гики и Бальша, вступили во второй бракъ. Сей пагубный обычай, истребитель семейныхъ связей, по крайней мѣрѣ не отъ насъ перешелъ въ Молдавію, а скорѣе изъ сосѣдней Польши.

Что-то лисье, начиная съ цвѣта волосъ, было въ Михаилѣ Григорьевичѣ Стурдзѣ. Онъ былъ какъ эти красавицы, которыя, не внушая ни малѣйшей довѣренности къ словамъ ихъ, заставляютъ однако же себя любить. Сохраненіе національнаго костюма одно уже въ чловѣкѣ довольно еще молодомъ, по моему мнѣнію, было признакомъ ума. Яркій цвѣтъ лица, рыжая бородка, ласковый взглядъ и всегда тонкая, немного лукавая улыбка на устахъ дѣлали наружность его примѣчательною. Не умѣя объясняться съ родителями его, которые кромѣ собственнаго языка другаго, кажется, не знали, съ нимъ однимъ долженъ былъ я вести бесѣду и, право, на то не сѣтую: разговоръ истинно-умнаго чловѣка, на какомъ бы языкѣ и по какому бы предмету ни былъ, всегда будетъ занимателенъ. Молодая, тихая жена его была молчалива: онъ не обращалъ на нее никакого вниманія; за то въ обхож-

деніи съ нею родителей его замѣтна была величайшая нѣжность къ покорной дочери. Я бы никакъ не могъ вообразить себѣ тогда, что сей изгнанникъ черезъ нѣсколько лѣтъ возсядетъ на господарскомъ престолѣ. Не разъ послѣ того видѣлъ я его въ Кишиневѣ и сохранилъ нѣсколько писемъ отъ него, которыя почитаю для себя лестными, и не потому только, что онѣ наполнены лестію.

Мой Стурдза былъ дальнимъ родственникомъ нашихъ хозяевъ, но старики любили его какъ бы ближайшаго, а сынъ былъ исполненъ къ нему уваженія. Двое сутокъ пробывъ въ Черновцѣ, никого въ немъ я не видѣлъ, кромѣ уединеннаго семейства, посреди коего жилъ; за то въ первый разъ еще увидѣлъ Австрійскія владѣнія и Австрійскіе мундиры. Съ завистію смотрѣлъ я на городъ не весьма обширный, но славно обстроенный и гдѣ вездѣ видны были чистота и порядокъ. Мнѣ не слѣдовало бы забывать, что болѣе тридцати лѣтъ симъ малымъ уголкемъ Молдавіи владѣли тогда Нѣмцы, что было имъ время привести все въ устройство и что, если не красотою, то дородствомъ нашъ Кишиневъ бралъ преимущество предъ Черновцомъ.

Посреди площади, на высокомъ пьедесталѣ, поставлена была статуя Богородицы, и по дорогѣ на каждой почти верстѣ встрѣчалось предлинное изображеніе распятія. У всѣхъ правительствъ, исповѣдующихъ католическую вѣру, существуетъ обычай въ мѣстахъ, гдѣ они водворяютъ свое владычество, водружать кресты; между язычниками ли, или между православными и протестантами, все равно, дабы означить торжество христіанства надъ невѣрными. Не обидно ли должно было это намъ казаться? И какъ въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ уже почти весь народъ православный, не снятъ до сихъ поръ сихъ памятниковъ Польскаго владычества? Пусть упрекали бы въ невѣріи насъ, усерднѣйшихъ поклонниковъ Креста: онъ вездѣ намъ сопутствуетъ, и мы можемъ показать наши груди, на которыхъ сіяетъ онъ почти со дня рожденія нашего. Католицизмъ и германизмъ вездѣ показывались въ сей землѣ Православія.

Въ верстѣ отъ города былъ однако и Русской монастырь, только старовѣрческой. Въ 1823 году императоръ Александръ неподалеку отъ стѣнъ его прогуливался одинъ, какъ вдругъ былъ настигнутъ цѣлою стаей ужасныхъ псовъ; онъ сломилъ крѣпкой сукъ и со свойственною ему отважностію сталъ защищаться отъ сихъ новаго рода непріятелей. Жизнь его была въ опасности; это увидѣли изъ монастыря, прибѣжали на помощь и просили посѣтить ихъ обитель. Тогда еще почитался онъ покровителемъ сектъ и его приняли съ глубочайшимъ благоговѣніемъ. На память оставилъ онъ имъ огромную палку, которая служила ему для защиты; они обдѣлали, оковали ее въ серебро съ

надписью. Мнѣ хотѣлось видѣть и монастырь, и палку, но некогда было. Впослѣдствіи вѣрная, постоянная союзница наша Австрія обратила его въ мѣстопробываніе раскольниковъ архіерея и учредила особую епархію, дабы изъ Россіи могли стекаться домашніе противники нашей вѣры. Ей хотѣлось имѣть подъ руками гнѣздо злѣйшихъ враговъ нашихъ.

Мнѣ понравилось уваженіе, коимъ въ Австріи пользовалась гражданская часть. Встрѣтивъ на улицѣ дивизіоннаго начальника генерал-лейтенанта графа Гогенэка въ парадномъ мундирѣ и въ сопровожденіи цѣлаго штаба своего, я спросилъ, что это значить? Мнѣ сказали, что по случаю какого-то императорскаго праздника онъ идетъ съ поздравленіемъ къ гражданскому начальнику барону Мальцегу, у котораго и приготовленъ завтракъ. А какъ въ Буковинѣ всего только два города, Черновець и Сучава, и она немного болѣе одного изъ нашихъ Бессарабскихъ цынутовъ, то и окружной начальникъ ея, крейсъ - гауптманъ Мальцекъ, немного поболѣе нашего исправника.

Я согрѣшилъ: плѣнившись чрезвычайной дешевизной товаровъ, я накупилъ нѣсколько мелочей, да еще полотно для бѣлья. Проѣзжая обратно нашей таможенной, были мы осмотрѣны до нитки. Но на другой день Фирихъ, который тутъ безпрестанно сновалъ, привезъ мнѣ въ Новоселицы все купленное мною.

Въ это время рѣка Прутъ была въ совершенномъ разлитіи, и заливы ея потопляли низкія мѣста по дорогѣ. Мы опять должны были ѣхать на Бѣльцы, а оттуда, своротивъ немного, 20-го числа прибыли въ мѣстечко Скуляны, на берегу Прута. Въ немъ находился центральный карантинъ и главная таможня. Это былъ весьма важный пунктъ въ Бессарабіи; мнѣ хотѣлось его видѣть, и снисходительности Стурдзы обязанъ я за исполненіе сего желанія. Тотчасъ по прибытіи получили мы отъ человѣка, намъ обоимъ незнакомаго, приглашеніе остановиться у него. Престарѣлый дѣйствительный статскій совѣтникъ Степанъ Ѳедоровичъ Навроцкой, главный начальникъ надъ карантинными, былъ Русскій стариннаго покроя; онъ насъ угостилъ хорошо, какъ умѣлъ, т. е. накормилъ, напоилъ и спать положилъ.

Послѣ обѣда любопытствовалъ я взглянуть на одно мѣсто, года за три передъ тѣмъ ознаменованное небольшимъ историческимъ происшествіемъ. Когда возмущеніе въ Молдавіи произвелъ Ипсиланти, то набранное имъ войско было не весьма многочисленно; жители не охотно къ нему приставали, и оно по большей части состояло изъ Арнаутовъ. Тщеславіе всѣхъ бояръ въ Валахіи и въ Молдавіи и даже всѣхъ богатыхъ и зажиточныхъ людей въ двухъ княжествахъ заставляеть ихъ имѣть въ услуженіи по нѣскольку, иногда цѣлый десятокъ, Арнаутовъ,

богато одѣтыхъ и вооруженныхъ; всѣ они, въ надеждѣ на грабежъ, кинулись къ Ипсилянтамъ. Но при первой встрѣчѣ съ вошедшими Турками, сіе слабое и неустроенное войско было разбито на голову. Ипсилянтамъ бѣжалъ въ Австрію, а Хѣтинскій пріятель нашъ Кантакузинъ, съ остаткомъ воиновъ, спасаясь безъ оглядки, сильно преслѣдуемый непріателемъ, былъ имъ припертъ наконецъ къ самому Пруту, въ виду Скуляня. Онъ переплылъ рѣку подъ картечными выстрѣлами и присталъ къ таможеннымъ строеніямъ, среди коихъ упало, говорятъ, непріятельское ядро. Русскій отрядъ былъ вытянутъ по берегу, и начальствующій надъ нимъ послалъ сказать Турецкому начальнику, что если сіе продолжится, то будетъ нарушеніемъ мира; тогда только пальба прекратилась. Помогать симъ возмущеннымъ было столь же невозможно, какъ и предать ихъ. Въ этомъ мѣстѣ, на которое внимательно смотрѣлъ я, Прутъ весьма узокъ, и онъ одинъ спасъ бѣгущихъ отъ совершеннаго истребленія.

Сіе спасеніе имѣло однако нѣкоторыя вредныя послѣдствія. Арнауты разсѣялись по Бессарабіи; нѣкоторые изъ нихъ поступили въ услуженіе къ боярамъ, многіе же стали отдѣльно грабить по дорогамъ, были схвачены и населили острогъ; другіе пристали къ большой разбойничьей шайкѣ, которая страхъ распространяла до самыхъ окрестностей Кишинева.

Не дождавшись пробужденія г. Навроцкаго, 21-го числа оставили мы Скуляны. Черезъ часъ доѣхали мы до одной длинной, отлогой горы, которой откосъ тянется болѣе чѣмъ на три версты. На ней не было ни одного деревца; тѣмъ примѣчательнѣе на ея зелени казался бѣлый, каменный обелискъ, не очень высоко на самой серединѣ ея спуска возвышающійся: это былъ памятникъ, воздвигнутый наслѣдниками князю Потемкину, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ на землѣ и на открытомъ воздухѣ испустилъ онъ духъ. Не знаю къмъ хранимъ этотъ памятникъ, но никакихъ слѣдовъ разрушенія на немъ не было еще замѣтно.

Достигнувъ конца отлогой горы, надобно было вдругъ подыматься по крутой горѣ, густымъ лѣсомъ покрытой. Въ этомъ мѣстѣ, похаживая на трущобу, явились намъ три казака, вооруженныхъ заряженными ружьями и пистолетами. Они обязаны были сопровождать путниковъ и охранять ихъ отъ нападеній разбойничьей шайки, о которой сейчасъ я говорилъ и которая иногда тутъ показывалась. Это было совсѣмъ не весело. Долго ѣхали мы симъ опаснымъ, мрачнымъ лѣсомъ; хранители наши мѣнялись. Наконецъ, благополучно выѣхали мы изъ него и вскорѣ потомъ увидѣли Кишиневъ, куда и прибыли часу во второмъ по полуночи.

Все было въ немъ тихо и спокойно; но дня черезъ три случилось происшествіе, которое наполнило городъ не столько страхомъ, какъ любопытствомъ. Тутъ приходится мнѣ досказать исторію о разбойникахъ, невзначай начатую.

Въ двухъ княжествахъ, гдѣ не было ни войска, ни полиціи, шайки разбойниковъ почти безпрепятственно, безнаказанно могли производить грабежи. Онѣ слились въ одну подъ предводительствомъ извѣстнаго въ тѣхъ мѣстахъ Урсула, медвѣдя на Валахскомъ языкѣ. Появленіе Турецкой арміи разсѣяло сію шайку; остатокъ ея вмѣстѣ съ своимъ атаманомъ перешелъ къ намъ черезъ Прутъ и усилился потомъ пристающими къ нему Арнаутами. Долго не могли совладѣть съ этими людьми; но частыя поимки уменьшили ихъ число, такъ что подъ конецъ состояло оно изъ трехъ человекъ, между коими находился и самъ Урсулъ. Они скрылись въ шести верстахъ отъ Кишинева, въ мѣстѣ, называемомъ Малина.

Въ этомъ мѣстѣ, можно сказать точно, что природа раскапризничалась: это былъ Кавказъ въ самомъ маломъ видѣ. Въ немъ, гнѣвная и прекрасная, какъ возвышенныя мѣста, такъ и ущелья, свраги, пропасти, наполнила она своими прелестями. Привлеченные ими, нѣкоторые изъ жителей Кишинева и окрестныхъ мѣстъ завели тутъ свои хижины или хутора. Ими овладѣлъ Урсулъ и заставилъ живущихъ повиноваться себѣ, объѣдая и опивая ихъ. Военная команда содержала сіе неприступное мѣсто въ осадѣ, но не дерзала проникнуть въ него.

Долго могли бы эти люди въ немъ оставаться; но почувствовали ли они какой недостатокъ, или просто скуку, или лукавый попуталь Урсула, онъ рѣшился его оставить. Онъ имѣлъ тайныя сношенія съ Жидами и другими мошенниками въ нижней части города, и съ ихъ согласія намѣренъ былъ скрыться между ими. Однимъ утромъ вмѣстѣ съ двумя сподвижниками оставилъ онъ свое убѣжище, но подѣвжая къ городу, замѣтилъ сильную за собою погоню. Во всю прыть поскакалъ онъ по широкимъ улицамъ верхней части города, имѣя въ виду, достигнувъ нижней и своротивъ немного, исчезнуть въ ея излучистомъ зловоніи, что, при плохой тогда полиціи, было бы удобно. Народъ толпами бѣжалъ за нимъ, восклицая толгаръ, толгаръ (воръ), но не смѣя приступить къ нему: ибо, имѣя во рту поводья, въ каждой рукѣ держалъ онъ по пистолету, равно какъ и оба товарища его; и раза два должны были они дать выстрѣлы. Со всѣхъ сторонъ преслѣдуемый, доскакалъ онъ подъ горой до мостика черезъ Быкъ. Непривычность полиціи была въ этомъ случаѣ полезна: лошадь его попала ногой въ одну изъ дыръ, находящихся на неочиняемомъ мостикѣ; бѣгущіе за

нимъ товарищи насккали на него, и все это перепуталось; тогда легко было всѣхъ троихъ схватить и перевязать.

Къ сожалѣнію не могъ я быть свидѣтелемъ сего страннаго зрѣлища, среди дня полгородомъ видѣннаго. Но по званію должностнаго лица, захотѣлъ я увидѣть содержащихся подъ стражей, для коихъ отведена была особая тюрьма съ желѣзными рѣшетками на окнахъ. Я нашель Урсула задумчиво сидящимъ на нарѣ, сложивъ руки. Онъ былъ лѣтъ сорока, широкоплечъ, черноволосъ и весь обросъ бородой. Лицо его было не безъ благородства: ни страха, ни злости оно не выражало. Когда я вступилъ съ нимъ въ разговоръ, сказалъ онъ мнѣ, что у него, исключая имени, даннаго ему Волохами, есть еще другое, но объявлять котораго онъ не видитъ нужды. Потомъ прибавилъ: «Буйная молодость завела меня не туда, куда слѣдовало. Какъ быть! И я знаю, что былъ бы отличный воинъ». По показаніямъ сообщниковъ, никогда рука его не обагралась кровью.

Въ углу на соломѣ лежалъ также скованный товарищъ его Богаченко, лѣтъ двадцати шести. Болѣе походить на гіену чловѣку невозможно; какъ у нея, взоръ его сверкалъ наглостію, безпокойствомъ и бѣшенствомъ. Я не подошелъ къ нему, а посмотрѣлъ въ лорнетъ. «Что, баринъ, сказалъ онъ мнѣ, злобно улыбаясь, ты, кажется, не старъ, а видно совсѣмъ ослѣпъ». Потомъ пустился онъ мнѣ доказывать правдъ разбойниковъ вооруженной рукой собирать дани съ господъ, которые безо всякаго труда и опасности грабятъ своихъ крестьянъ. Я взглянулъ на него съ ужасомъ и омерзѣніемъ. «Ну, баринъ, сказалъ онъ мнѣ: хорошо, что меня встрѣтилъ не въ лѣсу, не такъ бы тамъ на меня ты посмотрѣлъ».

Третій на соломѣ былъ оснадцатилѣтній мальчикъ Славичъ, усыновленный Урсуломъ. Этотъ былъ весель и, кажется, никакъ не понималъ своего положенія. Онъ полагалъ, что батько себя и ихъ непременно будетъ умѣть выручить. Всѣ трое были бѣглецы Украинцы: Молдоване за ихъ ремесло не охотно брались.

Судъ надъ ними продолжался все лѣто. Ничего не дознались, а въ это время хитрый и смѣлый Богаченко успѣлъ кого-то подкупить и, перепиливъ свои оковы, бѣжалъ одинъ. Тогда поспѣшили съ исполненіемъ приговора. Всѣ дивились твердости духа Урсула, который во все время казни не испустилъ ни единой жалобы, ни единого вздоха. Мальчикъ Славичъ шелъ бодро, но послѣ перваго удара, даннаго палачомъ, какъ ребенокъ раскричался, приговаривая: простите, виновать, виновать, не буду. Первый послѣ тяжкаго наказанія кнутомъ черезъ два дни умеръ, послѣдняго сослали на каторжную работу.

Къ концу Апрѣля опять дожидались графа, котораго въ первый годъ управленія его чрезвычайно озабочивала Бессарабія и который часто посѣщаль ее. Для него опять былъ нанятъ домъ каменный на верху горы и за туже цѣну, что домъ Вареоламея, отъ котораго однако онъ совсѣмъ отличенъ былъ просторностію, приличіемъ убранства и удобствомъ помѣщенія. Губернаторъ Катакази, сохраняя пріязненные связи съ бывшимъ вице-губернаторомъ Крупенскимъ, удалившимся въ деревню, умолилъ графа нанять домъ его, дабы тѣмъ скорѣе уплатить лежащее на немъ казенное взысканіе. Для меня этотъ наемъ былъ весьма полезенъ, ибо графъ предложилъ мнѣ сдѣлаться мажордомомъ и въ семь новомъ помѣщеніи.

Въ этотъ пріѣздъ послѣдовали новыя распоряженія, которыя не могли повратиться Молдаванамъ. Приписывая неисправности земской полиціи большую часть безпорядковъ въ области, графъ съ самаго начала замышлялъ избранныхъ дворянствомъ исправниковъ и четырехъ комиссаровъ въ каждомъ цынутѣ замѣнить Русскими чиновниками отъ короны. Вся эта исторія объ Урсулѣ, незадолго до его пріѣзда случившаяся, побудила его безотлагательно приступить къ исполненію своего намѣренія. Дѣло было немаловажное, явное нарушеніе образованія. Въ первый разъ мои Молдаване возроптали, заговорили было о протестѣ и, наконецъ, во изъявленіе своего неудовольствія, рѣшились сдѣлать представленіе, въ коемъ хотѣли объяснить, что какъ они думаютъ права избирать чиновниковъ земской полиціи, то дворянство отказывается и отъ права выбирать цынутныхъ казначеевъ, дабы, въ случаѣ растраты имъ денегъ, не имѣть за нихъ никакой отвѣтственности. Пользуясь моимъ вліяніемъ, я старался отклонить ихъ отъ исполненія такого намѣренія. Къ чему это поведетъ васъ? говорилъ я имъ. Конечно это будетъ непріятно намѣстнику; но онъ всесиленъ, просьба ваша будетъ исполнена, и еще менѣе мѣсть останется въ вашемъ распоряженіи. Дѣло такъ ничѣмъ и не кончилось.

Первыхъ исправниковъ хотѣли сдѣлать на славу; графъ самъ назначилъ извѣстныхъ ему отставныхъ Уланскаго полковника Скоробогатова и Конноегерскаго подполковника Тарашкевича, обвѣшанныхъ крестами; Казначеевъ помогъ отыскать другихъ; изъ прежнихъ одинъ только Бодеско оставленъ на мѣстѣ. Множество бывшихъ военныхъ, какъ сказалъ я въ другомъ мѣстѣ, находилось въ Бессарабіи безъ дѣла; намъ съ Лексомъ не трудно было изъ нихъ набрать комиссаровъ. Не полагаясь на Катакази, коего свѣдѣнія всегда опаздывали и не всегда были достовѣрны, графъ требовалъ отъ прежнихъ исправниковъ, чтобы во всѣхъ казусныхъ дѣлахъ относились они къ нему; они писали къ нему по молдавски, ибо у нихъ не было ни одного

писца, знающаго Русскій языкъ. Отъ новыхъ исправниковъ потребовалъ графъ, чтобы они писали къ нему по русски; новое затрудненіе: они сами должны были подписывать бумаги на незнакомомъ имъ языкъ. Но есть наши пословицы, у насъ и шило брѣть, хоть тресни да полѣзай, и тому подобныя, которыя всякую невозможность дѣлають возможною. Эти господа на свой счетъ наняли Русскихъ писарей, Молдавскихъ насильно заставили учиться по русски, и дѣло пошло само собою. И вотъ еще неожиданный для меня важный шагъ къ распространенію того, что уже сдѣлалось постояннымъ моимъ желаніемъ. И это безъ чьего либо настаиванія, просто по необходимости; ибо графъ все еще тѣшился Бессарабіей, какъ особничкомъ, во власть ему отданнымъ.

Не знаю, право, Русскіе исправники менѣ ли Молдованъ сдѣлались падки на наживу. Можетъ быть, я грѣшу; но я всегда смотрѣлъ снисходительнѣе на нашихъ бѣдныхъ земляковъ, которые ничего не имѣя въ родномъ краю, въ завоеванномъ стараются нажить небольшое имущество. Приобрѣтая осѣдность, они привыкають къ краю и, воспитывая дѣтей въ родимомъ духѣ, служатъ началомъ преобладанія его въ немъ. Самому правительству не худо бы было бросать такія сѣмена на всякую новую почву: какіе бы плоды принесли они о сю пору въ Ливоніи, и даже въ Литвѣ!

Мое положеніе въ это время могъ бы я назвать довольно блистательнымъ и нѣкоторымъ образомъ завиднымъ. Я пользовался уваженіемъ и довѣренностію цѣлой области. Начальникъ мой оказывалъ мнѣ болѣе чѣмъ довѣренность; я ошибался, можетъ быть, но мнѣ казалось что самая бесѣда моя сдѣлалась для него особенно пріятною. Это могъ я заключить изъ предложенія имъ сдѣланнаго прокатиться съ нимъ въ Крымъ и погостить у него въ помѣстѣ Гурзуфъ, принадлежавшемъ Ришильѣ и недавно имъ купленномъ на Южномъ берегу. Это сперва чрезвычайно польстило моему самолюбію; но послѣ могъ я замѣтить, что прекрасную эту, приморскую пустыню любилъ онъ, во время пребыванія своего, оживлять приглашенными гостями и, можетъ быть, въ надеждѣ, что подобно ему, плѣнясь ея неисчислимыми красотами, они рано или поздно захотятъ поселиться въ ней. О тогдашнихъ чувствахъ моихъ къ этому человѣку мнѣ нынѣ, право, совѣстно говорить: я безпрестанно грѣшилъ противъ заповѣди, которая воспрещаетъ намъ творить себѣ кумира.

Я уже свыкъся съ Кишиневскимъ житьемъ и, послѣ отъѣзда графа, не очень спѣшилъ ѣхать въ Одессу, тѣмъ болѣе, что оттуда не ближе какъ въ половинѣ Маія намѣренъ былъ онъ моремъ отправиться въ Крымъ. Вдругъ рано поутру, 15 числа, прошелъ слухъ, будто въ

Измаилъ открылась чума. Опасаясь, чтобы на Днѣстрѣ долго не задержали меня въ карантинѣ, гдѣ въ такихъ случаяхъ соблюдается величайшая строгость, я въ тоже утро собрался въ путь. Все было уложено, коляска подвезена къ крыльцу, какъ вдругъ замѣтилъ я на столѣ въ торопяхъ забытую бумагу: это была черновая Записка моя о Бессарабіи. Тутъ случился одинъ только секретарь Совѣта Скляренко. Я попросилъ его взять сію, ему одному известную, бумагу и спрятать у себя. Сіе дѣйствіе торопливости, какъ увидятъ далѣе, имѣло для меня важныя послѣдствія. Я шибко поскакалъ по Бендерской дорогѣ.

ХІІ.

Туже самую разницу въ температурѣ по обѣимъ сторонамъ Днѣстра, которую прежде я уже замѣтилъ, и тутъ я могъ увидѣть. Поля въ Бессарабіи зеленѣлись изумруднымъ цвѣтомъ, но лишь только безъ задержки миновалъ я Парканской карантинъ (куда ложный слухъ о чумѣ не успѣлъ еще дойти), какъ представилась мнѣ зноемъ опаленная степь. Чтò еще болѣе видъ ея дѣлало печальнымъ, это были милліоны, милліарды мухообразныхъ насѣкомыхъ, которыя, покрывая ее, медленно по ней тащились. Это была саранча въ дѣтскомъ возрастѣ, еще не окриленная. Сотни сихъ гадовъ безирестанно давили я своими колесами. Ночью съ 15-го на 16-е Маія пріѣхалъ въ Одессу.

Я нашелъ графа и графиню Воронцовыхъ въ большой печали: четырехлѣтняя, тогда единственная дочь ихъ Александра, премилая дѣвочка сдѣлалась опасно больна. Лысый докторъ, особенно для нея изъ Англіи выписанный, не ручался за ея жизнь, но и не отнималъ надежды у родителей. Они отъ того не могли переѣхать на нанятый приморской хуторъ Ренд, а еще менѣе думать объ отправленіи въ Крымъ, и принуждены были жить среди городской духоты и внезапно увеличавшагося нестерпимаго жара. Я тоже долженъ былъ ожидать выздоровленія малютки, а между тѣмъ ежедневно видѣлъ графа, объдалъ у него и бывалъ чаще чѣмъ когда. Иногда для развлеченія гуляли мы за городомъ въ коляскѣ, или катались по морю въ суднѣ какого-то особаго устройства.

Лѣтомъ въ Одессѣ обыкновенно гораздо веселѣе, чѣмъ въ другія времена года. Торговля оживляется, приплываютъ цѣлые флоты купеческихъ судовъ, наѣзжаетъ множество помѣщиковъ для продажи пшеницы и нѣсколько любопытныхъ путешественниковъ. Изъ послѣднихъ не встрѣчалъ я ни одного прежняго знакомаго, новыхъ знакомствъ между ими дѣлать не хотѣлъ и жилъ посреди того самаго общества, которое узналъ я зимой.

Однаго человѣка, котораго не только въ Одессѣ, но гораздо прежде въ Парижѣ и Мобѣжѣ случалось мнѣ часто встрѣчать, разсмотрѣлъ я въ это время ближе. Но чтобы основательнѣе говорить объ немъ, надлежитъ коснуться всего семейства его.

Внукъ сестры князя Потемкина, Николай Николаевичъ Раевской, изъ огромнаго его наслѣдства получилъ изрядную часть. Онъ не умножилъ сего имѣнія, а, напротивъ, кажется, разстроилъ его съ небрежностію военнаго человѣка. Съ другой стороны родство съ знатными домами и высокій чинъ давали и ему нѣкоторое право на названіе знатнаго. На войнѣ всегда показывалъ онъ себя искуснымъ и храбрымъ генераломъ и къ сему ремеслу съ малолѣтства пріучалъ и двухъ сыновей своихъ. Они находились при немъ молоденькими офицерами во время Турецкой кампаніи 1809 и 1810 годовъ: слѣдственно Жуковскій, пѣвецъ въ станѣ Русскихъ воиновъ, въ 1812-мъ, кажется, напрасно называетъ ихъ младенцами-сынами. Меньшой Николай высоко поднялся по службѣ и пошелъ бы далѣе, если бы смерть не остановила его на славномъ поприщѣ. Обоихъ отецъ не удалялъ отъ опасностей; за то придирался ко всему, чтобы выпрашивать имъ чины и кресты.

Старшій изъ младенцевъ, Александръ, не знавалъ надъ собою иной власти, кромѣ родительской, самой снисходительной; всякую другую, и даже полно не эту ли, онъ презиралъ и ненавидѣлъ. Графъ Воронцовъ по окончаніи войны взялъ его къ себѣ по особымъ порученіямъ и доставилъ ему средство съ большимъ содержаніемъ, безъ всякаго дѣла, три года пріятнымъ образомъ прожить во Франціи. Если бы кто захотѣлъ попристальнѣе всмотрѣться въ чувства Раевскаго, то и тогда могъ бы замѣтить жестокою ненавистью его къ сему начальнику, не смотря на удвоенную съ нимъ любезность сего послѣдняго. Неблагодарность есть врожденное чувство во всякомъ Грекѣ; благоволенія тягостны для его самолюбія. Мать Раевскаго была дочь Грека Константина и единственной дочери нашего знаменитаго Ломоносова: внукъ, видно, уродился въ дѣдушку.

Вообще всѣ члены этого семейства замѣчательны были какимъ-то непріязненнымъ чувствомъ ко всему человѣчеству, Александръ же Раевской особенно между ими отличался онымъ. Въ немъ не было честолюбія, но изъ смѣшенія чрезмѣрнаго самолюбія, лѣни, хитрости и зависти составленъ былъ его характеръ. Не подобныя ли чувства Святое Писаніе приписываетъ возмутившимся Ангеламъ? Я напрасно усиливаюсь здѣсь изобразить его: гораздо лучше меня сдѣлалъ сіе Пушкинъ въ немногихъ стихахъ подъ названіемъ «Мой Демонъ». Но подробности о немъ могутъ болѣе объяснить дѣйствія его, о коихъ приходится мнѣ говорить.

Наружность его сохраняла еще нѣкоторую пріятность, хотя тѣлѣсныя и душевныя недуги уже изсушили его и наморщили его чело. Въ умѣ его была твердость, но безъ всякаго благородства; голосъ имѣлъ онъ самый нѣжный. Не такимъ ли сладкогласіемъ въ Эдемѣ одаренъ былъ змій, когда соблазнялъ праматерь нашу?

Въ Мобѣжѣ онъ либеральничалъ какъ и всѣ другіе, не болѣе, не менѣе; но втайнѣ не раздѣлялъ восторговъ заблужденной молодости. Вѣрноподданничество, привязанность къ монархическимъ правиламъ ему казались отвратительными и ненавистными; на друзей конституціи, въ томъ числѣ на зятя своего Орлова, смотрѣлъ съ величайшимъ пренебреженіемъ, однакожъ съ нѣкоторою снисходительностію: ибо затѣи ихъ, по мнѣнію его безсмысленныя, могли причинить много безпорядковъ, много зла. Послѣ Мобѣжа, въ быстро достигнутомъ чинѣ полковника, чтобы сохранить ему независимость, выпросили ему безсрочный отпускъ. Онъ еще пользовался имъ, когда въ 1823-мъ году нашелъ я его въ Одессѣ, повидимому ко мнѣ столь же невнимательнаго какъ и прежде, но тайными наговорами лишившаго меня гостинной графини Воронцовой, что не могъ я почитать для себя великой бѣдой.

Въ продолженіи послѣднихъ пяти лѣтъ, накопилось число причинъ ненависти его къ Воронцову и его семейству. Графиня Браницкая была только что двоюродная тетка генералу Раевскому, но, всегда покровительствуя его, въ его семействѣ видѣла собственное. Отъ того старшій сынъ его былъ принятъ ею въ Бѣлой Церкви какъ сынъ родной и съ дочерьми ея имѣлъ право обходиться какъ братъ. Когда, по выступленіи Русскаго корпуса изъ Франціи, лишился онъ большихъ средствъ къ поддержанію себя, сія женщина, прослывшая скупою, положила ему по двѣнадцати тысячъ рублей ассигнаціями ежегоднаго содержанія; какъ было не мстить за такое жестокое оскорбленіе? Въ Молдавіи, въ самой нѣжной молодости, говорятъ, успѣвалъ онъ понапрасну опозоривать безвинныхъ женщинъ; извѣстныхъ по своему дурному поведенію не удостоивалъ онъ своего вниманія: какъ кошка, любилъ онъ марать только все чистое, все возвышенное, и то, что Французы дѣлали изъ тщеславія, дѣлалъ онъ изъ одной злости. Я не буду входить въ тайну связей его съ ***; но, судя по вышесказанному, могу поручиться, что онъ дѣйствовалъ болѣе на ея умъ, чѣмъ на сердце и на чувства.

Онъ поселился въ Одессѣ и почти въ домѣ господствующей въ ней четы. Но какъ терзалось его ужасное сердце, имѣя всякій день передъ глазами этого Воронцова, славою покрытаго, этого счастливаго, богача, котораго вокругъ него все превозносило, восхваляло. Онъ могъ бы легко причислиться къ нему и, спокойно дождавшись генеральства,

получить мѣсто градоначальника или гражданскаго губернатора. Но нѣтъ; такія мысли показались бы ему унижительными; его цѣль была выше. Онъ прослылъ опаснымъ человѣкомъ, и всѣ старались учтиво уклоняться отъ него, исключая его Мобѣжскихъ товарищей, которые не любили его, но и не чуждались. Они знали его лучше; они знали что онъ не станетъ тратить времени, чтобы стрѣлять въ простыхъ птицъ, подавай ему орловъ да соколовъ. И дѣйствительно въ Одессѣ, исключая двухъ или трехъ, не было довольно славныхъ жертвъ для закланія въ честь этого божества.

При умѣ у иныхъ людей какъ мало бываетъ разсудка! У Раевского былъ онъ помраченъ завистію, постыднѣйшею изъ страстей. Въ случаѣ даже успѣха, какую пользу, какую честь могъ онъ ожидать для себя? Безъ любви, съ тайною яростію устремился онъ на сокрушеніе семейнаго счастья, супружескаго согласія *** И что же? Какъ легкомысленная женщина, *** долго не подозрѣвала, что въ глазахъ свѣта фамилярное ея обхожденіе, ... съ человѣкомъ ей почти чуждымъ, его же стараніями перетолковывается въ худую сторону. Когда же ей открылась истина, она ужаснулась, возненавидѣла своего мнимаго искусителя и первая потребовала отъ мужа, чтобы ему отказано было отъ дому.

Козни его, увы, были пагубны для другой жертвы. Влюбчиваго Пушкина не трудно было привлечь миловидной ***, которой Раевскій представилъ, какъ славно имѣть у ногъ своихъ знаменитаго поэта. Извѣстность Пушкина во всей Россіи, хвалы, которыя гремѣли ему во всѣхъ журналахъ, превосходство ума, которое внутренно Раевской долженъ былъ признавать въ немъ надъ собою, все это тревожило, мучило его. Онъ стиховъ его никогда не читалъ, не упоминалъ ему даже объ нихъ: поэзія была ему дѣло вовсе чуждое, равномѣрно и нѣжныя чувства, въ которыхъ видѣлъ онъ одно смѣшное сумасбродство. Однакоже онъ умѣлъ воспалить ихъ въ другихъ; и вздохи, сладкія мученія, восторженность Пушкина, коихъ одинъ онъ былъ свидѣтелемъ, служили ему безпрестанной забавой. Вкравшись въ его дружбу, онъ заставилъ его видѣть въ себѣ повѣреннаго и усерднѣйшаго помощника, однимъ словомъ, самымъ искуснымъ образомъ дурачилъ его....

Еще зимой, чутъемъ слышалъ я опасность для Пушкина, не позволялъ себѣ давать ему совѣтовъ, но разъ шутя сказалъ ему, что по Африканскому происхожденію его все мнѣ хочется сравнить его съ Отелло, а Раевского съ невѣрнымъ другомъ Яго. Онъ только что засмѣялся.

Черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ моемъ въ Одессу, встревоженный Пушкинъ вбѣжалъ ко мнѣ сказать, что ему готовится величайшее неудовольствіе. Въ это время нѣсколько самыхъ низшихъ чиновниковъ

изъ канцеляріи генераль-губернаторской, равно какъ и изъ присутственныхъ мѣстъ, отряжено было для возможнаго еще пстреленія ползающей по степи саранчи; въ число ихъ попалъ и Пушкинъ. Ничего не могло быть для него унизительнѣе... Для отвращенія сего добрѣйшій Казначеевъ медлилъ исполненіемъ, а между тѣмъ тщетно ходатайствовалъ объ отмѣненіи приговора. Я тоже занкнулся было на этотъ счетъ; куда тебѣ *)! Онъ поблѣдѣлъ, губы его задрожали, и онъ сказалъ мнѣ: «любезный Ф. Ф., если вы хотите, чтобы мы остались въ прежнихъ пріязвенныхъ отношеніяхъ, не упоминайте мнѣ никогда объ этомъ мерзавцѣ», а черезъ полминуты прибавилъ «также и о достойномъ другѣ его Раевскомъ». Послѣднее меня удивило и породило во мнѣ много догадокъ.

Во всемъ этомъ было такъ много злаго и низкаго, что оно само собою не могло родиться въ головѣ Воронцова, а, какъ узнали послѣ, черезъ Франка внушено было самимъ же Раевскимъ. По совѣту сего любезнаго друга, Пушкинъ отправился и, возвратясь дней черезъ десять, подалъ донесеніе объ исполненіи порученнаго. Но въ то же время, подъ диктовкой того же друга, написалъ къ Воронцову Французское письмо, въ которомъ между прочимъ говорилъ, что дотолѣ видѣлъ онъ въ себѣ ссыльнаго, что скудное содержаніе имъ получаемое почиталъ онъ болѣе пайкомъ арестанта; что во время пребыванія его въ Новороссійскомъ краѣ онъ ничего не сдѣлалъ столь предосудительнаго, за что бы могъ быть осужденъ на каторжную работу (*aux travaux forcés*), но что впрочемъ послѣ сдѣланнаго изъ него употребленія онъ, кажется, можетъ вступить въ права обыкновенныхъ чиновниковъ и, пользуясь ими, просить объ увольненіи отъ службы. Ему велѣно отвѣчать, что какъ онъ состоитъ въ вѣдомствѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ, то просьба его передана будетъ прямому его начальнику графу Нессельроде; въ частномъ же письмѣ къ сему послѣднему поступки Пушкина представлены въ ужасномъ видѣ. Недѣли черезъ три послѣ того, когда меня уже не было въ Одессѣ, полученъ отвѣтъ: Государь, по докладу Нессельроде, повелѣлъ Пушкина отставить отъ службы и сослать на постоянное жительство въ отцовскую деревню, находящуюся въ Псковской губерніи.

Какой нибудь Талейранъ сказалъ бы, что онъ видитъ тутъ болѣе чѣмъ дурное дѣло, что тутъ ошибка, великой промахъ. Такіе люди

*) Разъ сказалъ онъ мнѣ: Вы, кажется, любите Пушкина: не можете ли вы склонить его запягся чѣмъ-нибудь путнымъ подъ руководствомъ вашимъ?—Помилуйте, такіе люди умѣютъ быть только что великими ногами, отвѣчалъ я. Такъ на что же они годятся? сказалъ онъ.

какъ Воронцовъ не должны довольствоваться успѣхами по службѣ, умноженіемъ власти: у нихъ въ предметѣ должна быть народная молва, всеобщая народная любовь, переходящая между соотечественниками изъ рода въ родъ. Вотъ прочная собственность, которой никакая царская немилость лишить не можетъ. Когда разнеслось по Россіи, что одна изъ славъ ея губить другую, блескъ первой примѣтнымъ образомъ началъ меркнуть. Ото всего сердца любилъ я обѣихъ, и оно раздиралось. Теперь когда вспомню, то самому себѣ кажусь смѣшнымъ; а тогда право готовъ былъ какъ Химена воскликнуть:

La moitié de ma vie a mis l'autre au tombeau.

Между тѣмъ малютка полегоньку выздоравливала, такъ что въ половинѣ Іюня можно было везти ее съ собою въ Крымъ. Но для меня срокъ уже миновался, и не стоило дни на два - на три ѣхать. Таково было мнѣніе графа, и я весьма съ нимъ соглашался. Тогда рѣшился я, дождавшись его отъѣзда, пуститься обратно въ Кишиневъ.

Наканунѣ отплытія графа, случилось мнѣ быть съ нимъ наединѣ въ его кабинетѣ. Онъ вынулъ полученное имъ письмо отъ Катакази и, отдавая его мнѣ, сказалъ: «растолкуйте мнѣ что это все значить?» Катакази писалъ, что въ Кишиневѣ всѣ заняты однимъ какимъ-то сочиненіемъ, писаннымъ моею рукою, которое въ Молдаванахъ производитъ крайнее неудовольствіе. Я рассказалъ, какимъ образомъ въ торопяхъ отдалъ я Скляренкѣ рукопись свою на сбереженіе. «Но если онъ выдалъ ее, то это не дѣлаетъ большой чести хваленому вашему Скляренкѣ». — «Я увѣренъ, что ее выкрали у него, отвѣчалъ я. Но послѣ этого, продолжалъ я, согласитесь, что мнѣ трудно будетъ показаться, и лучше возьмите меня съ собою: если эти люди и останутся спокойны, мнѣ совѣстно будетъ на нихъ глядѣть». — «И, полноте, отвѣчалъ онъ, что за бѣда, если эти мошенники узнали наше мнѣніе объ нихъ; они пожалуй могутъ подумать, что вы не смѣете пріѣхать». И это дѣло, подумалъ я.

Не болѣе двухъ сутокъ оставался я потомъ въ Одессѣ. Въ этотъ тѣсный промежутокъ времени хочу вмѣстить изображеніе одного человѣка, о которомъ давно бы мнѣ слѣдовало говорить. Австрійскій генеральный консуль, Венгерецъ Томъ, съ самаго рожденія этого города, былъ радостію и украшеніемъ его общества. Огромный ростъ и могучія плечи одни показывали въ немъ Маджара; но ни въ одномъ изъ образованныхъ государствъ нельзя было сыскать человѣка любезнѣе его въ обхожденіи. Ему было за восемьдесятъ лѣтъ, а онъ казался не болѣе шестидесяти; и это уже старость, а дамы старыя и молодыя, равно какъ и юноши, искали его бесѣду. Онъ всегда былъ веселъ и

всегда степенень, и смѣхъ, который самъ старался онъ производить, всегда смѣшанъ былъ съ невольнымъ уваженіемъ къ сему добрѣйшему и честнѣйшему старцу. Въ рѣдкіе маскарады, которые бывали при Ришельё и при Ланжеронъ, всегда являлся онъ переряженнымъ и разъ огромной книгой, назади которой написано было Томъ I-й. Сграсъ имѣлъ онъ къ каламбурамъ, и они часто бывали у него забавны. Нужно ли говорить, что въ знакомствѣ его видѣлъ я для себя находку, кладъ?

Онъ взялся проводить меня до первой станціи Дольника, или лучше сказать до собственнаго хутора, въ одной верстѣ отъ нея находящагося. Онъ называлъ его *coûteur*, ибо, не принося ему никакого дохода, стоилъ большихъ издержекъ, и онъ, рѣдко разставаясь съ городомъ, пріѣзжалъ въ него попить и угощать пріятелей. Для умноженія удовольствія моего, а можетъ быть и Пушкина, пригласилъ онъ и его на сію загородную прогулку. Я послалъ экипажъ свой прямо въ Дольникъ, и мы въ Ивановъ день 24 Іюня втроемъ отправились въ коляскѣ Тома.

Онъ имѣлъ великое искусство сохранять въ комнатахъ теплоту зимой и свѣжесть въ лѣтнее время: въ этомъ состоялъ его эпикуреизмъ. Все было приготовлено на кутёрѣ: окна вездѣ были открыты, но съ наружи завѣшаны предлинными маркизами, которыя безпрестанно поливались студеной, колодезной водой. Полъ былъ мраморный, и въ четырехъ углахъ стояли кадочки со льдомъ. Въ тоже время множество резеды и туберозовъ распространяли пріятный запахъ по комнатахъ. По приглашенію хозяина мы развалились на диванахъ; и когда полуденное солнце со всею силою горѣло надъ нами, мы находились среди прохлады и благоуханія, и я могъ любоваться яснымъ, теплымъ вечеромъ долгой безукоризненной жизни. Нѣтъ, не забыть мнѣ этого дня! Разные возрасты были веселы и хохотали какъ ребята. Это было не передъ добромъ: мнѣ предстояли довольно тягостные, а Пушкину весьма скорбные дни. Когда жаръ началъ спадать, протился я съ хозяиномъ и съ гостемъ; съ послѣднимъ, кажется, гораздо нѣжниѣе, какъ бы предчувствуя долгую разлуку.

Я не скоро могъ заснуть: все мнѣ мерещилась съ столь пріятными людьми столь весело проведенный день. Заря совсѣмъ уже занялась, когда проснулся я въ Тирасполѣ. Пока перепрягали лошадей, вышелъ я изъ коляски и вдругъ увидѣлъ безъ памяти скачущую тройку. Она остановилась, изъ повозки выскочилъ молодой канцелярской и подаль мнѣ письмо. Господа Лонгиновъ и Лексъ увѣдомляли меня, что, по извѣстіямъ полученнымъ изъ Кишинева, ярость жителей превосходить всякое описаніе, что рукопись моя переведена на Молдавской языкъ,

всюду распускается и что всё другъ друга возбуждаютъ противъ меня, почему они и совѣтуютъ мнѣ воротиться въ Одессу. Словесно поручилъ я посланному отъ всей души благодарить Никанора Михайловича и Михаила Ивановича за принимаемое во мнѣ участіе. «Если бы вы настигли меня прежде, сказалъ я ему, то можетъ быть я воротился бы съ вами; но вы видите, вотъ Бессарабія: право, какъ-то совѣстно бѣжать въ виду непріятели».

Однако признаюсь, я чувствовалъ въ себѣ сильное волненіе, когда переправился черезъ Днѣстръ. Оно еще было умножено въ Бендерахъ на почтовомъ дворѣ письмомъ отъ пріятели моего Алексѣева: онъ не пугалъ, а спѣшилъ предупредить, дабы заранѣе могъ я принять свои мѣры. Узнавъ о внезапной ненависти цѣлаго населенія и испытывая дѣйствія несомнѣнной пріязни нѣсколькихъ человѣкъ, я не могу описать своихъ чувствъ. Вѣроятно утомленный ими, я опять крѣпко заснулъ и проснулся уже въ полдень 25-го числа (нынѣ самый великій изъ торжественныхъ дней, тогда еще не празднуемый), когда пріѣхалъ въ Кишиневъ.

XIII.

Я поѣхалъ прямо къ себѣ въ домъ Крупенскаго. Черезъ часъ явился съ печальнымъ видомъ Скляренко и объяснилъ, какъ все дѣло случилось. Получивъ отъ меня рукопись для храненія, ему показалось, что и для снятія съ нея копій. Онъ поручилъ это сдѣлать въ тайнѣ подчиненному своему, молодому писцу офицерскаго чина Двурѣченцеву; не знаю, какъ подсмотрѣли у него его работу, только Молдаване купили у него подлинникъ за четыре тысячи левовъ; но напередъ получилъ онъ отставку, дабы спастись отъ преслѣдованій начальства. «Какая глупость, сказалъ я, во всякомъ случаѣ это кража; а коли имъ того хотѣлось такъ, то я, имѣющій на то право, уступилъ бы имъ за половину». Но какъ ни шути, а дѣло становилось не совсѣмъ шуточнымъ.

Молдаване оставались покойны, пока не узнали о моемъ пріѣздѣ. Тогда черезъ областного предводителя, недавняго пріятели моего Стурдзу, послали они просьбу къ намѣстнику, требуя удаленія моего изъ области, какъ врага народа Молдавскаго. Я поѣхалъ къ губернатору; онъ принялъ меня сухо и надменно. Я старался объяснить ему, что если эти господа твореніе мое почитаютъ пасквилемъ, то не я, а они были его издателями и распространителями и что желаніе мое хранить его про себя доказывается большою суммою, которую употребили они для подкупа писца. Онъ ничему не внималъ и, явно держа ихъ сторону, пригласилъ меня, въ предупрежденіе неслыханнаго скандала, подъ какимъ-нибудь предлогомъ не ѣздить въ Совѣтъ: ибо члены изъ Молдаванъ

объявили ему, что при первомъ появленіи моемъ въ присутствіе его, они изъ него выйдутъ, и придется его закрыть. Мнѣ ничего не осталось болѣе дѣлать, какъ дожидаться отвѣта изъ Крыма.

Чего мнѣ страшиться? разсуждалъ я самъ съ собою. На смертоубійство Молдаване не рѣшатся, а поединки еще не были у нихъ въ обычаяхъ. Развѣ молодые между ними гдѣ-нибудь изъ-за угла бросятся толпой съ бранными словами, а можетъ быть и съ побоями. Если не для жизни моей, то для чести предстояла нѣкоторая опасность. Но, избѣгая ее, не сидѣть же мнѣ дома? Въ любимомъ саду, моими пощеніями насажденномъ, встрѣчалъ я этихъ молодцовъ; никто мнѣ не кланялся, и всѣ мѣрили меня звѣрскими взглядами; я показывалъ, будто ихъ не замѣчаю. Какое странное, непріятное и вмѣстѣ довольно смѣшное положеніе! Частный человѣкъ имѣетъ противъ себя націю и подобенъ кумиру, сверженному съ подножія, но не разбитому еще въ прахъ.

Нѣкоторые даже изъ моихъ соотечественниковъ и сослуживцевъ сначала трухнули и какъ будто убѣгали меня. За то другіе, и первый между ними вице-губернаторъ Петрулинъ, не дозволяли, чтобы какое-нибудь обидное слово на мой счетъ было произнесено. Липранди, котораго фанфаронство вселяло нѣкоторый страхъ, объявилъ, что, взявши разъ подъ свое покровительство, онъ ни за что меня не выдастъ. Алексѣевъ съ искреннимъ жаромъ вступался за меня. Наконецъ, молодые офицеры генеральнаго штаба, бывшіе либералы, такъ и лѣзли на молодыхъ Молдаванъ и болѣе чѣмъ когда оказывали имъ презрѣніе. За меня, какъ бы за какую-нибудь Елену, готова была возгорѣться война.

Къ вящему горю моему, сожительствовалъ мнѣ одинъ полковникъ, Николай Васильевичъ Арсеньевъ. Старшій братъ его, Дмитрій Васильевичъ, убитый на поединкѣ графомъ Хребтовичемъ, за невѣсту Ренне, служилъ нѣкогда вмѣстѣ съ Воронцовымъ въ Преображенскомъ полку и былъ ему великимъ пріятелемъ. Онъ завѣщалъ ему сіе чадо, и графъ взялъ его къ себѣ въ адъютанты, доставлялъ ему чины и кресты и имѣлъ еще при себѣ въ Мобѣжѣ. По возвращеніи изъ Франціи, какъ многіе другіе, вышелъ онъ въ отставку и женился въ Москвѣ. Онъ опять сталъ проситься въ службу, когда патрона его назначили генераль-губернаторомъ, и весною пріѣхалъ въ Одессу, гдѣ еще я нашелъ его.

Товарищемъ моимъ въ Совѣтѣ, другимъ членомъ отъ короны, былъ военный совѣтникъ Иванъ Алексѣевичъ Логвиновъ, нѣкогда правитель канцеляріи у Прозоровскаго въ Бухарестѣ, человѣкъ смиренный и способный, какъ утверждали, честный и бѣдный. Но онъ сдѣлался хворъ, состарился, спился и одурѣлъ; никогда рта онъ не открывалъ; Христа ради его держали. Его уволили съ половинной пенсіей, дабы очистить

мѣсто его, и посадили на него Арсеньева; служба отъ того ровно ничего не выиграла. Снисходительные люди называли сего послѣдняго ограниченнымъ человѣкомъ; но, право, не было границъ его простоумію. Какъ въ безпредѣльной степи не встрѣтишь куста, такъ въ головѣ его не было ни одной мысли. Съ добрымъ сердцемъ, съ благородными чувствами, сіе безвинное, безобидное существо, не возбуждая ни въ комъ недоброжелательства, могло бы спокойно и незамѣтно прожить цѣлый вѣкъ. Но на бѣду женился онъ на злой толстухѣ Авдотѣ Ивановнѣ, также изъ рода Арсеньевыхъ, и во всемъ ее слушался. Какъ ни выдумывай, какъ ни смягчай выраженія, приличнѣе названія дурищи приискать ей не возможно. До замужества никто ея не видалъ въ Московскомъ лучшемъ обществѣ: она была не Московская барышня, а Замоскворѣцкая, а между ими во сто разъ болѣе необразованности и грубой спѣси, чѣмъ въ уѣздныхъ.

Къ сожалѣнію, пришла графу мысль, что назначеніемъ Арсеньева въ Совѣтъ удвоить онъ силу мою въ немъ. Онъ предлагалъ ему, какъ мнѣ сказывали, всегда держаться моего мнѣнія, не какъ человѣка болѣе его опытнаго въ дѣлахъ, а болѣе ознакомленнаго съ положеніемъ края. Онъ разсказалъ о томъ дурѣ; она обидѣлась, разгнѣвалась и возненавидѣла меня. Еслибъ она знала, какъ охотно отказался бы я отъ этой опеки и какую мучительную скуку терпѣлъ я въ разговорахъ съ симъ питомцемъ!

Другая вина моя была еще важнѣе. Дабы болѣе сблизить меня съ Арсеньевымъ, дабы водворить между нами единодушіе, графъ и ему далъ помѣщеніе въ нанятомъ для него домѣ Крупенскаго. Большая, парадная половина его на улицу, хорошо меблированная, оставалась пустою на случай пріѣзда намѣстника. Я тутъ же имѣлъ двѣ-три небольшія комнаты, порядочно прибранныя, составлявшія кабинетъ хозяина, но въ которыхъ женатому челсвѣку помѣститься никакъ было бы не возможно. Уѣзжая изъ Кишинева и оставляя въ нихъ нѣкоторыя пожитки, я ихъ заперъ. Оставался еще длинный флигель, примыкавшій къ самому дому, и въ немъ было семь или восемь комнатъ чистыхъ, просторныхъ и высокихъ, но ни одного стула. Арсеньевы пріѣхали за недѣлю до меня, должны были ночевать на полу и купить потомъ кой-какія мебели. Дуня крайне взбѣсплась... на меня: я умѣлъ, по мнѣнію ея, захватить для себя все лучшее. Вскорѣ, узнавши о неистовомъ на меня гнѣвѣ Молдаванъ, она къ нему присоединила собственный и объявила, что я человѣкъ безпокойный, опасный, который ничего не умѣетъ дѣлать, какъ только ссорить начальство съ жителями.

Ничего о томъ не зная, поспѣшилъ я посѣтить милую свою сосѣдку; супруги приняли меня холодно, почти неучтиво. За это сер-

даться мнѣ было нечего, оно избавляло меня отъ неяснаго знакомства. Однакоже крайне было непріятно имѣть у себя подь бокомъ ненавистницу, которая привезенной съ собой дворнѣ запретила не только говорить, даже смотрѣть на небольшую мою прислугу, почитая и ее какъ бы зачумленную.

Я увѣренъ, что Молдаване не столько почитали себя обиженными невыгодными объ нихъ отзывами (мнѣ случалось нѣкоторыя истины имъ самимъ иногда говорить), сколько были раздосадованы намѣреніями и желаніями, въ рукописи моей изъясненными. Имъ открылась важная тайна: всѣ быстрыя перемѣны, для нихъ столь непріятныя, совершившіяся по большей части безъ моего участія, всѣ были приписаны однимъ только моимъ внушеніямъ. Уже порядочно начинали они ненавидѣть графа Воронцова, но въ борьбу съ нимъ вступать не дерзали, а во мнѣ надѣялись поразить его, говоря Русскою пословицей: не смоча коровы, да подойникъ о земь. Онъ очень хорошо это понялъ и не заставилъ сихъ господъ долго дожидаться отвѣта на ихъ просьбу. Но по дальнему разстоянію отъ Крыма, болѣе шести сотъ верстъ сухимъ путемъ, отвѣтъ не могъ придти ранѣе половины Іюля.

Официальнымъ предложеніемъ губернатору графъ поручаетъ ему объявить Молдавскимъ дворянамъ: 1-е, что похищеніе рукописи служить доказательствомъ, сколь мало тотъ, кому она принадлежитъ, имѣлъ намѣреніе сдѣлать ее извѣстною; 2-е, что въ копіи, къ нему съ нея присланной, не найдено ничего противнаго религіи, нравственности и монархическимъ правиламъ; 3-е, что ни у кого не отнята воля о другихъ имѣть свое мнѣніе и если онъ самъ явно не обнаруживаетъ его, то нѣтъ никакого повода тѣмъ обижаться; 4-е, что вообще, какъ видно, тутъ хотятъ смѣшать частное дѣло съ общественнымъ и наконецъ, 5-е, что исполненіе намѣренія господъ депутатовъ оставить присутствіе Совѣта при моемъ появленіи было бы явнымъ нарушеніемъ законнаго порядка и что въ такомъ случаѣ онъ озаботился бы о пріисканіи имъ преемниковъ.

Въ частномъ же письмѣ къ тому же Катакази графъ находитъ, что онъ показалъ мало твердости, не стараясь вразумить Молдаванъ и прекратить дѣло, не давая ему никакого хода. Однимъ словомъ, далъ ему напругай *).

Официальнымъ письмомъ изъ Крыма, Казначеевъ по порученію графа увѣдомлялъ меня о распоряженіяхъ имъ сдѣланныхъ. Въѣсть съ

*) Когда вачальникъ въ негодованіи дѣлаетъ подчиненному строгое замѣчаніе, между военными это называлось распекать, а между штатскими дать напругай. Сія слова, кажется: начинаютъ вовсе выходить изъ употребленія, и для того одно изъ нихъ хотѣлъ я здѣсь сохранить.

тѣмъ именемъ его объявлялъ онъ мнѣ хвалу за то, что, не слушаясь Лекса, я поѣхалъ въ Кишиневъ и порицаніе за то, что, послушавшись губернатора, не пошелъ я въ Совѣтъ.

Какъ было не догадаться Молдаванамъ, что дѣло мое намѣстникъ почелъ какъ бы собственнымъ? Я же симъ торжествомъ, признаюсь, не весьма былъ утѣшенъ. Кишиневъ мнѣ вновь опротивѣлъ, и я все надѣялся, что, дабы не поддаваться Молдаванамъ, мнѣ сперва дадутъ какую нибудь комиссію, а послѣ и вовсе уволятъ отъ должности. Когда явился я въ Совѣтъ, никто не вышелъ; но никто изъ Молдаванъ мнѣ не поклонился. Народы, называемые необразованными, сохраняютъ еще сколько нибудь твердости и чистосердія. При семъ воспоминаніи, вмѣсто того чтобы обвинить ихъ, мнѣ хочется ихъ оправдать.

Они жили себѣ по старинѣ даниками Порты подъ управленіемъ собственныхъ воеводъ изъ единоземцевъ, пока Турецкое правительство, для умноженія съ нихъ доходовъ, не стало отдавать княжествъ на откупъ и насылать къ нимъ господарей изъ Грековъ, своихъ драгомановъ. Они познали тогда нужды, имъ прежде неизвѣстныя и алчность къ золоту для удовлетворенія ихъ. Когда же Русскіе повадились приходить къ нимъ съ вооруженной рукой въ видѣ союзниковъ и избавителей, тогда только началась у нихъ настоящая порча нравовъ. Россія съ своими Европейскими затѣями, съ деспотическими навыками и съ либеральнымъ кривляньемъ часто сама не знаетъ чего она хочетъ, а бѣдные завоеванные народы еще менѣе. Нѣтъ ни въ чемъ общей системы, постоянной цѣли. Во время войны изъ главнокомандующихъ арміей иные черезъ мѣру баловали Молдавановъ, другіе слишкомъ круто поступали съ ними. И тутъ въ Бессарабіи, когда дарована имъ была каррикатурная конституція, когда они почитали себя свободными, послѣ безсмысленнаго Бахметева и робкаго Инзова, вдругъ встрѣтили они непреклонную волю Воронцова.

Сами же Русскіе, натолковавши имъ о преимуществахъ Европейскаго просвѣщенія, породили въ нихъ глубокое презрѣніе къ намъ, завоевателямъ ихъ. На простодушныхъ, веселыхъ, храбрыхъ нашихъ армейскихъ штабъ и оберъ-офицеровъ, также на гражданскихъ чиновниковъ, степенныхъ, всегда занятыхъ дѣломъ, смотрѣли бояре какъ на варваровъ. Нѣсколько они уважали тѣхъ, кои одѣвались по модѣ, знали свѣтскіе обычаи и говорили по французски, но въ нихъ видѣли они уже не Русскихъ, а Европейцевъ. Въ Кишиневѣ бояре входящихъ къ нимъ даже Русскихъ совѣтниковъ никогда не сажали у себя: каждый изъ сихъ несчастныхъ находился подъ патронатствомъ котораго нибудь изъ нихъ, и они трепетали передъ ихъ могуществомъ, полагая, что они имѣютъ въ Петербургѣ тѣсныя связи съ Каподи-

стрией и со Стурзой. Въ мое время въ нихъ это было только дѣйствіемъ привычки. Рассказывали, что причудливый, сумасбродный Иванъ Бальшъ, пожалованный камергеромъ и поселившись тогда въ Петербургъ, въ маленькой улицѣ, любилъ забавляться стрѣляніемъ въ цѣль. Съ отчаяніемъ прибѣгалъ квартирный надзиратель, изъ отставныхъ Русскихъ офицеровъ, и умолялъ оставить сіе занятіе, представляя, что въ случаѣ какого либо несчастія, не онъ г. Бальшъ, а онъ полицейской подвергнется жестокой отвѣтственности. «Ну такъ стой же на караулѣ, отвѣчалъ тотъ, и никого не пускай, пока я тутъ»; и приказаніе исполнялось. Всегда бояре обижались, когда отъ Бахметева дежурный полицейской офицеръ приходилъ къ нимъ съ приглашеніемъ на обѣдъ или на вечеръ: такіе люди не должны были касаться порога ихъ. Послѣ того можно посудить, какъ легко было полиціи находиться въ исправности. За то и многіе Русскіе въ глаза смѣялись Молдаванамъ и не весьма пристойно надъ ними подшучивали. Причины къ неудовольствію, даже взаимной враждѣ, были многочисленны.

Вообще иностранцы, находящіеся въ области, старались жителей поставить противъ насъ. Грѣшно было бы упрекнуть въ этомъ случаѣ Нѣмцевъ: они или прилежно занимались дѣлами службы, ни о чемъ другомъ не помышляя, или женившись на Молдаванкахъ спокойно хозяйничали въ ихъ приданныхъ кишлахъ. Поляки и Французы были для насъ вредны: первые вселяли къ намъ вражду свою, послѣдніе презрѣніе. Первыхъ было много; но семейства ихъ, среди православнаго населенія, непримѣтнымъ образомъ превращались въ Русскихъ. Послѣднихъ было мало; эти хвастуны, безъ всякаго дурнаго намѣренія, безпрестанно восхваляли благословенную, цвѣтущую страну свою и сравнивали ее съ нашимъ дикимъ Сѣверомъ и его грубыми нравами, и тѣмъ самымъ у людей высшаго сословія отнимали всю охоту поближе ознакомиться съ государствомъ, къ которому они принадлежали. Веселая, довольно учтивая дерзость нѣкоторыхъ изъ сихъ Французовъ и ихъ легкомысліе были довольно забавны и оригинальны, такъ что я не могу отказать себѣ въ удовольствіи здѣсь изобразить ихъ.

Въ дружественныхъ отношеніяхъ съ богатѣйшими изъ бояръ былъ нѣкто Флѣри, еще до революціи, въ первой молодости сосланный на галеры и бѣжавшій изъ Тулона. Возвратился во Францію ни при которомъ изъ мѣнявшихся тамъ правительствъ ему не было возможно: на лѣвомъ плечѣ у этого г. Флѣри разцвѣтала лилія. Хотя ему было гораздо за пятьдесятъ, но онъ былъ еще бодръ, здоровъ, свѣжъ и румянь, умѣлъ плѣнить одну княгиню Ханджери и не ее одну обиралъ онъ. Когда мнѣ послѣ случилось временно управлять областію, разъ пришелъ онъ ко мнѣ за какимъ-то дѣломъ. Я имѣлъ слабость поса-

дить его, но не могъ удовлетворить его просьбы; онъ, кажется, прогнѣвался и едва вышедъ отъ меня, надѣлъ шляпу. Въ другой комнатѣ стоялъ съ бумагами канцелярской чиновникъ по имени Грибовской, малый молодой и смѣлый. Я перстомъ указалъ ему на шляпу сквозь открытыя двери; онъ бросился, сорвалъ ее и, принимая вѣроятно барина сего за Молдавана, подаль ему ее съ улыбкой, сказавъ: слуга думитале (покорнѣйшій слуга). Съ бѣшенствомъ Флѣри оборотился ко мнѣ и спросилъ, какъ могу я допустить, чтобы въ присутствіи моемъ чинимы были такія дерзости. «Да, я не допускаю, отвѣчалъ я, чтобы кто нибудь у меня въ комнатѣ при мнѣ смѣлъ надѣть шляпу». Онъ пуще разъярился, хотѣлъ еще что-то молвить, но я прервалъ его словами: «полноте, г. Флѣри, пожалуста не горячитесь; я знаю, кто вы и мнѣ нетрудно будетъ приказать обнажить истину». Онъ что-то про-бормоталъ, но съ поникшею головою спокойно удалился.

Другой замѣчательный въ Кишиневѣ Французъ назывался Шевалье де Карро. Онъ былъ красивъ собою, весьма доволенъ собою, всегда одѣтъ франтовски и, можетъ быть, по фамильному имени его мнѣ казалось, что онъ походилъ на бубноваго валета. Одна Богемская графиня Чернина для него покинула родину и семейство, хотѣла куда нибудь по далѣе скрыться, поселилась съ нимъ въ загородномъ домѣ въ верстѣ отъ Кишинева и никому кромѣ него не показывалась.

Еще одинъ Французъ мусью Рене мнѣ отменно полюбился своею скромностію и знаніемъ. Неизвѣстно было, чѣмъ онъ жилъ, но всегда одѣтъ былъ опрятно и вездѣ былъ принятъ. Онъ имѣлъ намѣреніе завести пансіонъ для благородныхъ мальчиковъ, только желалъ, сверхъ позволенія на то отъ правительства, получить отъ него денежное пособіе. Я взялся быть за него ходатаемъ у графа. «Что вы, что вы! воскликнулъ онъ, да вы вѣрно не знаете, что это ужаснѣйшій Якобинецъ». Къ сожалѣнію послѣ оказалось, что свѣдѣнія о немъ не совсѣмъ были ложны.

Никто не назвалъ бы Якобинцемъ сѣдого Шевалье де-Сиво (Sivault), который меня посѣщалъ и очень потѣшалъ. Онъ весь былъ проникнутъ, начиненъ, умащенъ дореволюціонными, аристократическими предразсудками: низшее сословіе, ротюра, по мнѣнію сего, впрочемъ, весьма добраго человѣка, не совсѣмъ принадлежала къ человѣческому роду. Не знаю, гдѣ провелъ онъ первые годы своей эмиграціи, только долго жилъ потомъ въ Одессѣ подъ покровительствомъ дюка де-Ришелье, который и выхлопоталъ ему во Франціи вознагражденіе за сдѣланныя имъ потери. Съ небольшимъ капиталомъ вторично покинулъ онъ родину, гдѣ не былъ возстановленъ прежній порядокъ и гдѣ оставаться онъ не могъ, и воротился въ Новороссійскій край. Тутъ взялъ онъ въ

Хотинскомъ цынутъ двѣ мопин на аренду; какъ онъ заправлялъ ими, не понимаю, ибо большую часть времени проводилъ въ областномъ городѣ. Кто хотѣлъ его молодить, тотъ давалъ ему только что шестьдесятъ лѣтъ, а совсѣмъ тѣмъ былъ онъ веселъ, бодръ и проворенъ. Любимый разговоръ его былъ о его амурахъ, не о стародавнихъ, а о настоящихъ; онъ во всѣхъ дѣвицъ влюблялся, а за одну даже и сватался. Онъ никакъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы онъ не могъ болѣе нравиться женщинамъ, да и никто не старался разуверить его въ томъ. Лишь только заговорить при немъ о фехтованіи и въ руку дать ему палку, онъ пойдетъ сражаться со стѣной, дѣлать тьерсы и кварталы. Если кто-нибудь въ шутку на фортепіано заиграетъ при немъ Французскую кадрили, его сперва начнетъ подергивать, корчить, потомъ онъ вскочитъ и начнетъ бить нога объ ногу; наконецъ, не утерпитъ и одинъ пустится плясать, выдѣлывая шассе-батю и антрапа. Это былъ не человѣкъ, а наслажденіе.

Также легитимистъ, также роялистъ, только пнаго покроя, новаго изданія, былъ молодой Бретанскій дворянчикъ баронъ Ріуфъ де Торанъ, близкій родственникъ женѣ Шатобріана. Этотъ былъ чопоренъ, скученъ, всегда одѣтъ щегольски и обвѣшанъ разными покупными крестиками, между прочимъ Французской серебряной Лиліей и папскими орденами Св. Гроба и Золотой Шноры. Онъ, какъ говорится, былъ голъ какъ соколъ, и гдѣ-то за границей женили его на весьма пожилой дѣвѣ, сестрѣ полоумнаго камергера Бальша, прослывшей богатою. Онъ былъ красавчикъ, а она куда какъ неблагообразна. Богатство ея состояло изъ двухъ небольшихъ деревень въ Бессарабіи и пребольшомъ о нихъ процессѣ. Дѣло производилось въ Совѣтъ, и баронъ такъ часто твердилъ мнѣ названія сихъ владѣній, Александренн и Коболта, что и поднесъ остались они у меня въ памяти. Можетъ быть, придется мнѣ говорить о другой тягостной для меня его тяжбѣ, въ которой, къ несчастію, избралъ онъ меня единственнымъ судьейю.

Въ то время житье мое было такъ непріятно, такъ скучно, что воспоминаніе объ немъ производитъ во мнѣ зѣвоту. Отъ того-то для разсѣянія принялся я за Французовъ. Впрочемъ, громовое посланіе графа разсѣяло вокругъ меня тучи. Исцуганный губернаторъ сдѣлалъ обѣдъ и на него пригласилъ меня и нѣсколько менѣе разгнѣванныхъ Молдаванъ для примиренія; дѣло обошлось очень хорошо, безъ изъявленія неудовольствія съ чьей-либо стороны; но уже нравственная власть моя надъ ними навсегда была потеряна. Замѣтивъ, что въ Совѣтъ на каждое слово мое бываетъ возраженіе, по дѣламъ, въ коихъ принималъ болѣе участія, изъявлялъ я мнѣніе, противное тому, которое имѣлъ: сопротивленіе, которое оно встрѣчало, было согласно съ моимъ жела-

ніемъ, и этой уловкой нерѣдко заставлялъ я сихъ господъ дѣлать, что хотѣлъ. Сочленъ и сожитель мой Арсеньевъ, который живши въ двухъ шагахъ отъ меня, сначала ни разу не хотѣлъ меня посѣтить, также приходилъ съ приглашеніемъ на обѣдъ; но отъ сей мировой, не помню подъ какимъ предлогомъ, я отказался, и съ тѣхъ поръ до конца его жизни остались мы совершенно чужды другъ другу.

Нельзя было сказать, чтобы домъ, въ которомъ мы жительствовавали съ нимъ, находился у городского выѣзда; ибо далеко за него простирались кварталы, назначенные для постройки новыхъ домовъ. Но покамѣстъ тутъ было одно чистое поле, на которомъ не было ни кола, ни двора. Это мѣсто во время вечерней прохлады было моею любимой прогулкой; не встрѣтишь на немъ, бывало, ни одного человѣческаго лица. Я чуждался надоѣвшаго мнѣ Кишиневскаго общества, но дабы не совсѣмъ тратить время по пустому, мнѣ пришло въ голову начать дѣлать новыя знакомства.

Я уже сказалъ, въ какомъ уничиженіи у Молдавскихъ бояръ жили Русскіе совѣтники правленія и палаты. Я на нихъ не обращалъ большаго вниманія, да и они сами держали себя въ почтительномъ отъ меня отдаленіи. Нѣкоторые изъ нихъ были женаты, имѣли добрыя семейства, милыхъ дѣтей, жили же они уединенно, хотя совсѣмъ не скудно. Такъ какъ патроны ихъ бывали въ несогласіи, то и они между собою не имѣли близкихъ сношеній. Почитая меня погибшимъ и опасаясь, чтобы не участвовать въ моемъ паденіи, они еще болѣе отъ меня отдалялись. Но когда побѣда оказалась на моей сторонѣ, и я самъ сдѣлался къ нимъ внимательнѣе, они приняты это не безъ удовольствія. Я началъ посѣщать ихъ, звать ихъ къ себѣ, собирать иногда у себя по вечерамъ и сближать ихъ между собою. Когда я покороче познакомился съ ними, то старался объяснить имъ, сколь постыдно Русскому чиновнику въ завоеванной землѣ отдать себя въ кабалу кому-либо изъ жителей и какъ безразсудно съ трепетомъ поклоняться тѣмъ людямъ, которые, по склонности своей къ тяжбамъ, сами болѣе должны имѣть въ насъ нужду. Мнѣ казалось, что слова мои на нихъ подѣйствовали. Они были очень увѣрены въ благосклонности къ нимъ Михаила Ивановича, то-есть Лекса, но въ случаѣ нужды мало надѣялись на твердость его защиты. Я увѣрилъ ихъ, что при Воронцовѣ онъ совсѣмъ перемѣнился, и обѣщалъ имъ покровительство Казначеева, да и самого графа. Что же касается собственно до меня, я объявилъ имъ, что всегда совершенно готовъ къ ихъ услугамъ. Однимъ словомъ, поступалъ какъ настоящій заговорщикъ.

Усилія мои остались не безуспѣшны; только переворотъ могъ сдѣлаться не иначе какъ постепенно. Еще до наступленія осени, сіи

господа стали посѣщать другъ друга, дѣлать вечеринки безъ претензій и роскоши и на вихъ, какъ говорили, играть въ картишки. Барыни ихъ, скромныя, любезныя безъ Французскаго языка, вкусили наслажденіе общежитія и никогда потомъ отъ него отстать не могли. Чинovníки другихъ вѣдомствъ, нѣкоторые военные, женатыя Нѣмцы, Эйхфельдъ, Эйтнеръ, Метлеркампофъ и другіе, не попавшіе въ высшій кругъ, составленный по большей части изъ Молдаванъ и Грековъ, пожелали участвовать въ удовольствіяхъ сей жизни. Но то ли дѣло было, когда слѣдующей зимой наѣхало нѣсколько вновь опредѣленныхъ чиновниковъ съ хорошимъ состояніемъ (назвать ихъ здѣсь еще не мѣсто), люди, которые умѣли дать себѣ вѣсь, любили принимать и угощать у себя преимущественно земляковъ своихъ. Тогда то рѣшительно составилось особое Русское общество, *status in statu*, которое могло смѣяться надъ боярскою спѣсью. Я же не могъ налюбоваться, глядя на сей, какъ мнѣ казалось, открытый мною новый міръ. Союзъ даетъ силу; ее почувствовали члены безпрестанно умножающагося общества и стали дѣйствовать смѣлѣе. Какъ должны были удивиться Молдавانه, когда встрѣтили упругость въ своихъ прежнихъ кліентахъ?

Когда я говорю о Молдаванахъ и спѣси ихъ, то дѣло идетъ объ однихъ только боярахъ. Поступившихъ въ Россійское подданство было немного; но послѣ разрѣшенія имѣть владѣнія по обѣимъ сторонамъ Прута, многіе изъ нихъ пріобрѣли имущества въ Бессарабіи и спаслись въ нее изъ Бухареста и Яссы во время Турецкаго гоненія. Они почитали себя главами народа, крѣпко стояли за свою народность и возбуждали мелочь противъ тѣхъ, кои смѣли ея касаться. Впрочемъ, ихъ не очень любили тѣ изъ соотечественниковъ ихъ, на коихъ они смотрѣли съ презрѣніемъ, называя ихъ своими прежними слугами, чокоями и трубоподавателями, и которые, купивъ имѣнія и получивъ мѣста, сдѣлались у насъ дворянами и слѣдственно имъ равными. Изъ числа сихъ послѣднихъ братья Стамати, братья Замфираки, Рале, сами пристали къ Русской партіи; ихъ примѣру послѣдовали многіе другіе. Съ возвращеніемъ во свояси запрутскихъ бояръ, совершенно долженъ былъ измѣниться Молдавскій духъ въ Бессарабіи.

Все бы это было очень хорошо, но я чувствовалъ тоску неодолимую и отъ того мучилъ графа просительными письмами объ увольненіи меня отъ должности. Онъ не согласился и изъ Крыма прислалъ мнѣ опять приказаніе пріѣхать въ Одессу по дѣламъ службы. Я и тому обрадовался и 15 Сентября, почти ровно черезъ годъ послѣ перваго пріѣзда моего въ Кишиневъ, оставилъ его.

Передъ этимъ стояли несносные жары, я одѣтъ былъ легко, и въ самую минуту выѣзда моего пошелъ мелкій и частый дождикъ. При

внезапной перемѣнѣ температуры я всегда подверженъ былъ простудамъ; тутъ почувствовалъ я лихорадку, такъ что долженъ былъ остановиться ночевать въ Бендерахъ у полицеймейстера Бароци, весьма добраго человѣка. На другой день я оправился, и за Днѣстромъ встрѣтило меня опять благотворное солнце. Къ вечеру пріѣхалъ я въ обычный мнѣ отель де-Рено..

Еще графъ не воротился изъ Крыма. Въ городѣ и особенно на пристани было много торговой дѣятельности, но веселаго шума нигдѣ. Одинъ театръ занималъ тогда всю публику и даже раздѣлялъ ее. Пріѣхала изъ Петербурга пѣвица Данжевиль-Ванденбергъ, которую я тамъ видѣлъ на сценѣ и о которой говорилъ въ началѣ сей части. Она за что-то поссорилась съ дирекціей, привезла въ Одессу двухъ плохихъ актеровъ, Валдоски и Огюста, еще кой-кого понабрала и пустилась потчивать жителей водевилями. Старожилы, если только могли они быть въ двадцатилѣтнемъ городѣ, видѣли въ этомъ посягательство на священные, исключительныя права, дарованныя Итальянцамъ. Имъ вторилъ старикъ графъ Лавжеронъ, вѣроятно по обязанности бывшаго Одесскаго градоначальника. За то новый, графъ Гурьевъ, ничего не смыслившій въ музыкѣ и всегда отличавшійся галломаніей, всею силою поддерживалъ Французовъ. Конечно въ искусствѣ пѣнія Данжевиль не могла бы состязаться даже съ посредственными Одесскими пѣвицами, за то играла превосходно, была хороша собою и умѣла выбирать веселыя піесы, при представленіи коихъ партеръ всегда бывалъ полонъ. Не доказываетъ ли это, что Итальянская опера была только дѣломъ условнымъ, а настоящею потребностію Французской или даже Русской театр? Но о семъ послѣднемъ никто не смѣлъ даже думать, и нельзя было предвидѣть, что черезъ нѣсколько лѣтъ двѣ Русскія труппы въ одно время будутъ играть на двухъ разныхъ сценахъ и всегда привлекать множество зрителей. Въ такомъ разноязычномъ городѣ какъ Одесса былъ необходимъ общій языкъ; имъ сдѣлался Русской. Грекъ или Англичанинъ, Жидъ или Французъ каждый произносилъ по своему, но всѣ другъ друга понимали. Заведеніе театра еще болѣе распространило употребленіе его между жителями.

Больно мнѣ бывало слышать ругательства противъ Русскаго народа, а еще больнѣе внутренно сознаваться, что они были заслужены. Первое населеніе Одессы состояло изъ Русскихъ бродягъ, людей порочныхъ, готовыхъ на всякое дурное дѣло. Нравы ихъ не могли исправиться при безпрестанномъ умноженіи прибывающихъ подобныхъ имъ людей. Но они служили основой, такъ сказать фундаментомъ новой колоніи. А между тѣмъ, если послушать иностранцевъ, каждая нація приписывала себѣ ея основаніе; во первыхъ Французы, которые столь

много лѣтъ при Ришелье и Ланжеронѣ пользовались первенствомъ; потомъ Итальянской сбродъ, гораздо прежде Рибасомъ привлеченный, въ этомъ дѣлѣ требовалъ старшинства. Жиды, которые съ самаго начала овладѣли всей мелкой торговлей, не безъ основанія почитали себя основателями. Нѣмцы, которыхъ земляки въ Лустдорфѣ и Либенталѣ, были единственными скотоводами, хлѣбопашцами, садовниками и огородниками въ окрестностяхъ и одни снабжали населеніе съѣстными припасами, имѣли равное на то съ ними право. Наконецъ, Поляки, которые привозили свою пшеницу, родившуюся на Русской землѣ, обработанной Русскими руками и поддерживали тамъ хлѣбную торговлю, видѣли въ Одессѣ Польскій городъ. Одна Россія не участвовала въ сооруженіи сего града, развѣ только покровительствомъ царскимъ, милліонами ею на то пожертвованными, да десятками тысячъ рукъ ея сыновъ, не трудолюбивыхъ, но неутомимыхъ. На сихъ сыновъ ея иностранцы смотрѣли какъ на навозъ. Спросить бы у сихъ господъ, что бы сдѣлали они безъ этого навоза, который лучше камня служилъ основаніемъ ихъ фортунамъ. До того этотъ городъ почитался иностраннымъ, что на углахъ улицъ видны были Французскія и Итальянскія надписи, какъ напримѣръ rue de Richelieu, Strada di Ribas. Тогда графъ Воронцовъ былъ одушевленъ самымъ благороднымъ, патриотическимъ жаромъ, и всѣ эти надписи велѣлъ замѣнить Русскими.

Около мѣсяца дожидались мы возвращенія нашего генераль-губернатора. Онъ зажился посреди прелестей природы на Южномъ Крымскомъ берегу и, вѣроятно вслѣдствіе какой-нибудь неосторожности, захворалъ неотвязчивою Крымскою лихорадкою. Дотолѣ я не зналъ челоуѣка здоровѣе его; онъ достигнулъ настоящаго зрѣлаго возраста и былъ самаго крѣпкаго сложенія; съ этихъ поръ болѣзни нерѣдко стали его посѣщать. Онъ воротился изнеможенный, блѣдный, худой, занимался дѣлами, но мало кому показывался. Я не могъ много похвалиться ласкою его перваго пріема; я приписывалъ это дѣйствию лихорадки, а это было дѣйствиемъ наговоровъ. Бруновъ сопровождалъ его во все время этого путешествія и, разъ открывши мои злодѣянія, съ совѣта Александра Стурдзы, пустился мнѣ вредить, чего дотолѣ онъ не дѣлалъ. Главнымъ намѣреніемъ его было убѣдить графа, что послѣ всего происшедшаго мнѣ въ Бессарабіи никакъ оставаться не было возможно; онъ не зналъ, что тѣмъ оказывалъ мнѣ величайшую услугу.

Однакоже послѣ перваго объясненія, ледъ обхожденія со мною графа примѣтнымъ образомъ растаялъ. Почти всякой день видѣлъ я его потомъ, и когда графиня паверху за обѣдомъ принимала гостей, а онъ по слабости здоровья одинъ обѣдалъ у себя въ кабинетѣ, нерѣдко съ глазу на глазъ случалось мнѣ раздѣлять его трапезу. Онъ

съ каждымъ днемъ становился мнѣ любезнѣе, и объ отсылкѣ меня въ Кишиневъ не было и помину. Но куда же дѣвать меня? Во время послѣдняго пребыванія въ Крыму прогнѣвался онъ на Таврическаго вице-губернатора статскаго совѣтника Куруту за одно дѣло, въ которомъ, правду сказать, сей послѣдній былъ вовсе не виноватъ, и просилъ министра финансовъ перевести его въ какую нибудь другую губернію; на его мѣсто прочилъ онъ меня. Но Канкринъ не показывалъ никакого расположенія удовлетворить сіе желаніе графа, а я погамѣстъ оставался какъ бы между двухъ стульевъ. Увы, скоро одно изъ нихъ должно было для меня опорожниться.

За нѣсколько дней до графа прибылъ изъ Крыма другой графъ, еще знаменитѣе его, но который присутвіемъ своимъ его затмить не могъ. Графъ Кочубей, оставя дѣла службы, по болѣзни дочери, провель зиму въ Феодосіи; но пребываніе въ семъ мертвомъ городѣ семейству его показалось слишкомъ унылымъ, и онъ моремъ приплылъ съ нимъ въ Одессу, дабы въ ней провести эту зиму. Онъ такъ высоко стоялъ надо мною, не по званію, не по геніальности, а по горделивому характеру, что я не видѣлъ повода ему представляться. Однакоже, за обѣдомъ у графини Воронцовой, онъ самъ обратился ко мнѣ съ рѣчью, и послѣ обѣда милоостиво разговаривалъ; послѣ того счелъ я обязанностію явиться къ нему. Обыкновенно вельможи въ провинціяхъ на величіе свое накидываютъ тонкое покрывало, дабы блескъ его смягчить для слабаго зрѣнія провинціаловъ и сдѣлаться доступнѣе. Меня графъ Кочубей позвалъ къ себѣ въ кабинетъ и тотчасъ посадилъ; одаренный удивительною памятью говорилъ онъ со мною о Китайскомъ посольствѣ, съ участіемъ вспоминалъ объ отцѣ моемъ и съ любопытствомъ расспрашивалъ о Бессарабіи. У такихъ людей надобно ожидать ихъ сигнала къ отбытію; я не дождался его, всталъ, а онъ меня опять усадилъ. Прощаясь объявилъ онъ мнѣ, что съ такого-то по такой-то часъ, онъ не занятъ дѣломъ, и что въ это время онъ всегда меня охотно приметъ. Мнѣ едва вѣрилось. Маленькое самолюбіе заставило меня еще раза два воспользоваться его дозволеніемъ или приглашеніемъ, и я не имѣлъ причины въ томъ раскаиваться. Не знаю чему обязанъ я за его хорошее расположеніе. Развѣ добрымъ словомъ, за меня замолвленнымъ ему Блудовымъ?

О семъ послѣднемъ давно не имѣлъ я никакого извѣстія. По болѣзни, по неудовольствію ли какому, или просто для прогулки отправился онъ, какъ говорили наши старики, на теплыя воды, а потомъ странствовалъ по Германіи. Огъѣзжая, передалъ онъ Бессарабскія дѣла и, кажется, заботы, въ случаѣ нужды, обо мнѣ пріятелю своему, статскому совѣтнику Аполинарію Петровичу Бутеневу, бывшему впослед-

ствіи посланникомъ въ обоихъ Римахъ, въ нашемъ, и въ католическомъ.

Отъ родныхъ также не часто имѣлъ я извѣщенія; послѣднія дышали радостію. Въ Пензѣ, гдѣ въ четверть вѣка едва ли разъ показывалось регулярное войско, гдѣ народъ съ любопытствомъ бѣжалъ за проходящимъ Башкирскимъ полкомъ, назначенъ былъ смотрѣ двумъ корпусамъ. Пенза, которая никогда не наслаждалась лицеэрѣніемъ ни одного изъ царей своихъ, ожидала Александра. Онъ прибылъ, остался доволенъ войскомъ; погода въ началѣ Сентября стояла безподобная, восторгъ вокругъ него былъ неописанный, и лице его, въ послѣдніе годы его жизни и царствованія, почти всегда унылое и мрачное, на нѣсколько дней просіяло веселіемъ. Подробности пребыванія его въ Пензѣ сохраняются у меня въ письмахъ брата и сестеръ моихъ.

Въ это время Одесское или лучше сказать семейное общество графа умножилось одною прибывшею изъ Петербурга четою. Не слишкомъ богатый Казанскій помѣщикъ, молодой красавчикъ, Димитрій Евлампіевичъ Башмаковъ, служилъ въ Кавалергардскомъ полку. Мундиръ, необыкновенная красота его, ловкость, смѣлость открыли ему двери во всѣ гостиныя большаго свѣта. Онъ получилъ тамъ право гражданства до того, что рѣшился искать руки ввучки Суворова у Марьи Алексѣевны Нарышкиной и получилъ ее. Право, какъ-то совѣстно много толковать о такихъ людяхъ, какъ эти Башмаковы, но по заведенному мною порядку сіе необходимо. Человѣка самонадѣяннѣе, упрямѣе и непонятливѣе Башмакова трудно было сыскать; кто-то въ Одессѣ прозвалъ его *Brise-raison*. Молодая супруга его, Варвара Аркадьевна, была не хороша и не дурна собою, но скорѣе послѣднее; только на тогдашнее Петербургское высшее общество, столь пристойное, столь воздержанное въ рѣчахъ, она совсѣмъ не походила, любила молоть вздоръ и дѣлать сплетни; бывало, совретъ что нибудь мужу, тотъ взбѣсится, и выйдетъ у него съ кѣмъ нибудь непріятность. А *** и Раевской были опять тутъ какъ тутъ и болѣе чѣмъ когда, ненавидѣли другъ друга *). Они не очень сблизались съ Башмаковымъ; за то Синявинъ подружился съ нимъ, и сіи люди, пожаловавшіе себя въ аристократы, были неразлучны. Я было и забылъ сказать, что г-жа Башмакова по матери была двоюродной племянницей графа

*) Разъ на танцевальномъ вечерѣ у графа случилось мнѣ сидѣть между Раевскимъ и графомъ Александромъ Потоцкимъ, братомъ *** и по добротѣ своей вырождающійся изъ Потоцкихъ. Онъ сказалъ мнѣ на ухо: «позвольте мнѣ васъ предостеречь, вы такъ откровенно и пріязненно разговариваете съ нашимъ сосѣдомъ, можетъ быть, не зная, что это самый опасный и ядовитый человѣкъ». Я поблагодарилъ его и сказалъ потихоньку, что съ такими людьми всегда говорю осторожно.

и что мужъ ея, при оставленіи военной службы, получивъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и камергерской ключъ, пріѣхалъ подѣ покровительство дядюшки. Вотъ какая родня дальняя и близкая облѣнила графа и графиню Воронцовыхъ. Последняя сдѣлалась ко мнѣ милостивѣе, и я смотрѣлъ на нее съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ. Можно себѣ представить, какія неудовольствія, толки, пересуды должны были произвести претензіи и несогласія сихъ людей между окружающими графа. Богъ избавилъ меня по крайней мѣрѣ отъ этой напасти: ибо, по возвращеніи его изъ Крыма, судьба не дозволила мнѣ долѣе трехъ недѣль оставаться въ Одессѣ.

Въ первыхъ числахъ Ноября пріѣхалъ изъ Кишинева сперва губернаторъ Катакази, а вслѣдъ за нимъ и товарищъ мой г. Арсеньевъ; сей послѣдній со словеснымъ объясненіемъ вице-губернатора Петрулина, который писать уже не былъ въ состояніи по совершенному изнеможенію силъ. Пока онѣ не совсѣмъ еще оставляли его, напрягалъ онѣ ихъ и истощалъ для занятій по службѣ; тутъ вдругъ принужденъ былъ онѣ ихъ сдать, ото всего отказаться и просить объ увольненіи. Подобнаго примѣра дѣятельности и самоотверженія въ исполненіи обязанностей сыскать почти невозможно. Пріѣздъ Арсеньева значилъ: неуждно ли меня на его мѣсто? Однакоже дни черезъ два съ тѣмъ, съ чѣмъ пріѣхалъ, съ тѣмъ и уѣхалъ онѣ.

Въ Михайловъ день, 8 Ноября, дабы праздновать именины мужа, графиня сдѣлала великолѣпный балъ, украшенный присутствіемъ двухъ Андреевскихъ кавалеровъ, Кочубея и Ланжерона. Не безъ труда на этотъ балъ могла она вытащить графа, все еще страждущаго, въ мундирномъ сертукѣ и безъ эполетовъ. Онѣ отозвалъ меня въ сторону и сказалъ, что имѣетъ кое-что со мной переговорить, но что тутъ не мѣсто и для того приглашаетъ меня къ себѣ на другой день поутру. Лексъ, обыкновенно столь скромный, изъ особой пріязни проговорился мнѣ, что вѣроятно будетъ мнѣ сдѣлано предложеніе занять мѣсто Петрулина, объ ожидаемой кончинѣ котораго, послѣдовавшей 6-го числа, передъ вечеромъ получено извѣстіе. Меня это чрезвычайно смутило; какъ было отказываться, но какъ было и согласиться ѣхать опять въ этотъ ужасный, для меня какъ бы неизбѣжный Кишиневъ?

Однакоже не совсѣмъ безъ бою уступилъ я требованіямъ графа. Два слова меня убѣдили; первое то, что въ настоящую минуту моимъ согласіемъ будетъ онѣ выведенъ изъ величайшаго затрудненія; второе то, что по случаю приближающагося срока для отдачи въ откупное содержаніе выкупной продажи по области, мнѣ одному можетъ онѣ съ полною довѣренностію получить сіе дѣло, и что для общей пользы, кажется, можно на нѣкоторое время пожертвовать пріятностями жизни.

Онъ прибавилъ, какъ смѣшно будетъ смотрѣть на Молдаванъ, изумленныхъ моимъ новымъ появленіемъ съ умноженіемъ власти. Однимъ словомъ, онъ нападалъ и на добрыя и на худыя стороны моего характера. Не знаю какое мнѣніе могъ онъ имѣть обо мнѣ, видя, что всегда воля его была для меня закономъ; можетъ быть, видѣлъ онъ въ этомъ слѣпое подобострастіе къ начальству. Какъ ошибался онъ! Моя безусловная покорность происходила отъ другаго чувства: отъ преданности къ избранному сердцемъ моимъ, мужу знаменитому, готовому всѣмъ жертвовать для отечества, такому, какимъ воображеніе мое тогда создало его.

Онъ хотѣлъ, чтобы, исключая Казначеева и Лекса, временное назначеніе меня въ должность вице-губернатора, по особому праву ему данному, оставалось пока въ тайнѣ даже для находившагося тутъ губернатора Батакази. Нужныя о томъ бумаги въ Совѣтъ были написаны 9-го числа, а я, не сказавъ никому о томъ ни слова, ни съ кѣмъ не простившись, 10-го числа оставилъ Одессу.

XIV.

Погода и дорога были прескверныя. Уставши, въ Тирасполѣ остановился я переночевать на какомъ-то постояломъ дворѣ. Я тутъ оставался не долго: начальникъ 17-й пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенантъ Сергій Ѳеодоровичъ Ж..., въ отсутствіе генерала Сабанѣева исправлявшій должность корпуснаго командира, прислалъ убѣдительно просить меня къ нему переѣхать. У него нашелъ я отличный пріемъ, славный ужинъ и мягкую чистую постель. Все прекрасно; но онъ поразилъ меня ужасною вѣстію, что въ Измаилѣ открылась сильная чума, и что въ слѣдствіе сего извѣстія, только что полученнаго, едва ли по Днѣстру не приняты всѣ строгія карантинныя мѣры. Случись это сутокъ двое или трое прежде, и вѣроятно я не рѣшился бы ѣхать.

Вѣрно изобразить г. Ж... я колеблюсь. Многимъ покажется, что я плачѣу ему неблагодарностію за его гостепрѣимство; да развѣ я не обязался исправно дань платить истинѣ? Если кто захочетъ порыться во второй части этихъ Записокъ, тотъ найдетъ въ Казани родителей Ж...., отставнаго сенатора и супругу его, которые, не смотря на свои ласки, произвели на меня ужасное впечатлѣніе; тутъ мимоходомъ упомянулъ я и объ немъ. Въ самой первой молодости служилъ онъ въ гвардіи, потомъ въ арміи, всегда въ военной службѣ; не понимаю, какъ онъ выбралъ этотъ путь. Я бы могъ умолчать объ его необычайной трусости, если бы въ рѣдкихъ сраженіяхъ, въ коихъ онъ находился, онъ свидѣтелемъ ея не сдѣлалъ все войско. Въ то же

время былъ онъ чрезвычайно жестокъ съ подчиненными, особенно съ нижними чинами, и чрезмѣрно ласковъ съ тѣми въ коихъ полагалъ имѣть надобность: однимъ словомъ, при умѣ болѣе чѣмъ посредственнымъ, имѣлъ все пороки низкихъ душъ. Дивизионная квартира его находилась въ Кишиневѣ; узнавъ объ отпѣнномъ ко мнѣ благорасположеніи начальника своего Сабанѣева, также и графа Воронцова, изъ коихъ первый просто его не любилъ, а послѣдній не могъ скрывать отвращенія своего отъ него, онъ надѣялся черезъ меня попасть къ нимъ въ милость и душилъ меня своими ласками. Какъ умѣлъ, отдѣлялся я отъ нихъ; но во время Молдавскаго гоненія на меня, онъ сталъ чаще меня посѣщать и оказывать все знаки уваженія и дружелюбія; противъ этого не всемѣ я устоялъ, и вотъ какого рода были наши связи.

Долго проспалъ я слѣдующимъ утромъ: и самъ я не очень спѣшилъ выѣздомъ, да и Ж. . . . удерживалъ меня до завтрака, то есть до обѣда. Не весело же мнѣ будетъ въ Кишиневѣ, думалъ я: вѣроятно Катакази прямо изъ Одессы отправится въ Измаиль, а областію управляетъ Курикъ, и мнѣ придется съ нимъ имѣть дѣло; тогда со всехъ сторонъ мы будемъ заперты. Сердце у меня сжалось, когда я переѣхалъ черезъ Днѣстръ: мнѣ казалось, что я вхожу въ тюрьму, и за мной запираются двери. Шестдесятъ верстъ скоро можно сдѣлать, и 11-го числа въ девять часовъ вечера пріѣхалъ я въ любезный Кишиневъ. Я даже не вѣхалъ къ себѣ прямо на квартиру, а остановился въ небольшомъ Нѣмецкомъ трактирѣ, противъ строенія, въ которомъ были засѣданія Совѣта. Тотчасъ послалъ я просить къ себѣ полиціймейстера Радича, ему одному объявилъ свою тайну и просилъ, чтобы о назначеніи и пріѣздѣ моемъ никто въ городѣ не зналъ.

На другой день, 12-го числа, въ день моего рожденія, смотрѣлъ я въ окно и видѣлъ, какъ все члены Совѣта одинъ за другимъ пріѣзжали въ него. Когда все были собраны, надѣлъ я мундиръ и закутанный перешедъ улицу, внезапно явился посреди нихъ. Сіе появленіе Французъ могъ бы назвать *coup de théâtre*: изумленіе и досада изобразились на всехъ лицахъ; я объявилъ, что никогда не возвращусь, и они опять меня видятъ! Болѣе всехъ казался смущеннымъ Арсеньевъ; не садясь и не говоря ни слова, подалъ я ему пакетъ. Его распечатали, прочитали и велѣли написать журналъ о допущеніи меня къ должности. Курика не было; желая показать усердіе и дѣятельность и вѣроятно почитая себя настоящимъ губернаторомъ, также поскакалъ онъ въ Измаиль; должность же сію сдалъ предсѣдателю гражданскаго суда брадатому Молдавану Башоту, предобрѣйшему старику, который, не смотря ни на кого, одинъ протянулъ ко мнѣ свои объятія. Какъ я ни

за что не воротился бы къ званію члена Совѣта, то и возсѣлъ я на вице-губернаторскомъ мѣстѣ.

Прямо изъ Совѣта поѣхалъ я въ Казенную Экспедицію, гдѣ нашелъ двухъ осиротѣвшихъ совѣтниковъ, Кармазина и Билима, честныхъ, добрыхъ и свѣдущихъ людей, сподвижниковъ Петрулина, которые съ нимъ вмѣстѣ по желанію его переведены были съ нимъ изъ Херсона. Объявленіемъ, что я долженъ заступить его мѣсто, были они чрезвычайно утѣшены. Не вступая еще въ должность, я попросилъ ихъ дать мнѣ общее понятіе, въ коемъ находится казенная часть; начиная же съ слѣдующаго утра, исправно и ежедневно присутствовалъ въ экспедиціи.

Между людьми гражданскаго вѣдомства, управляющими какою-либо частью, есть слабость находить дурнымъ все, что сдѣлали ихъ предшественники и все, что дѣлаютъ ихъ преемники; про меня читатель этого не скажетъ. Менѣе чѣмъ въ годъ Петрулинъ успѣлъ казенныя дѣла извлечь изъ хаоса, въ которомъ оставилъ ихъ Крупенской; правда, при разстроенномъ здоровьѣ, какъ ретивый конь, онъ уморилъ себя. Мнѣ же очистилъ онъ путь къ дальнѣйшимъ улучшеніямъ и облегчилъ трудъ, оставивъ хорошее наслѣдство, опытныхъ сотрудниковъ. Всѣмъ онъ казался дикъ: сказывали, что, лишившись любимой жены, онъ началъ чуждаться общества и въ молчаніи все тосковалъ объ ней; можетъ быть, въ упорномъ трудѣ искалъ онъ разсѣянія. Чистая душа его, я надѣюсь, блаженствуетъ теперь въ иномъ мірѣ съ подругой, не опасаясь новой разлуки. Никто даже по заочности не могъ упрекнуть его ни въ чемъ, но вообще его мало понимали и не умѣли цѣнить. Рѣдкій человѣкъ, мало извѣстный и давно забытый, до конца жизни моей останешься ты для меня драгоценнымъ воспоминаніемъ.

Того же дня, 12 числа, переѣхалъ я опять въ сосѣдство къ Авдотѣ Ивановѣ. Всѣ ея окошки были на дворъ; каково ей было видѣть 14-го числа, въ день моихъ именинъ, какъ этотъ дворъ, обыкновенно пустой, покрылся всякаго рода экипажами? Я никого еще не успѣлъ посѣтить, но большая часть жителей, въ томъ числѣ много Молдаванъ, придрались къ случаю, чтобы пріѣхать меня поздравить. Каково было Авдотѣ Ивановѣ узнать, что, для пріема великаго числа гостей, долженъ былъ я открыть парадныя комнаты намѣстника? Ея непріязненные ко мнѣ чувства вѣроятно отъ того не уменьшились.

Возвратился Курикъ, и сутокъ не пробывши въ Измаилѣ, куда пріѣхалъ настоящій губернаторъ. Не позволявъ себѣ никакой личности, по дѣламъ службы искалъ онъ со мною ссоры, а я уклонялся отъ нихъ. Напримѣръ, разъ пріѣхалъ онъ въ экспедицію, чтобы свидѣтельствовать казну: я объяснилъ ему, что сіе дѣлается только въ началѣ

мѣсяца, но что впрочемъ, какъ мнѣ самому желательно знать все ли въ исправности, то я согласенъ исполнить его требованіе. Все найдено цѣло и въ порядкѣ, что ему весьма не понравилось. Сперва не могъ смотрѣть я безъ досады на его управленіе, потомъ казалось оно мнѣ забавнымъ; онъ безпрестанно дурачился, съ утра до полуночи мучилъ себя и бѣдный канцелярскій народъ, проводя всѣ вечера въ областномъ правленіи, гдѣ при свѣчкахъ онъ все писалъ, писалъ и заставлялъ переписывать. Такою дѣятельностію думалъ онъ подслужиться графу, дабы попасть на мѣсто Катакази, а вмѣсто того своими нескончаемыми донесеніями, болтливыми посланіями обо всякихъ мелочахъ надоѣлъ ему до чрезвычайности.

Вскорѣ получено было изъ столицы самое печальное извѣстіе. Я провелъ большую часть жизни въ Петербургѣ и съ сокрушеннымъ сердцемъ узналъ о его потопленіи. Не знаю отчего, но тогда же сіе событіе показалось мнѣ предвѣстникомъ другихъ еще несчастнѣйшихъ. Съ другой стороны близость чумы, мрачное, холодное осеннее время, все располагало меня къ апохондріи. Бывали минуты, въ которыя до того я чувствовалъ себя разстроеннымъ, что съ трудомъ могъ заниматься дѣломъ.

Со всѣмъ тѣмъ мнѣ вдругъ пришло въ голову заняться бездѣльемъ, дабы по возможности разогнать тоску вокругъ меня царствующую въ цѣломъ городѣ. Въ публичномъ саду, уже не по одному имени, для публичныхъ увеселеній выстроена была на улицу большая каменная галлерей или зала съ тремя или четырьмя комнатами вокругъ. Она находилась въ нѣкоторомъ запустѣніи, и мнѣ хотѣлось завести въ ней балы. Я отыскалъ нѣкоего Жозефа, Богъ вѣсть какъ попавшаго къ намъ; изъ бумагъ и атестатовъ его увидѣлъ я, что онъ находился поваромъ и метрдотелемъ сперва у герцога Ангальтъ-Кѣтенъ-Плескаго, а потомъ у принцессы Элизы Бачюки, сестры Наполеона. Это исполнило меня къ нему благоговѣніемъ, и я предложилъ ему сдѣлаться содержателемъ сихъ баловъ съ условіемъ, что сборъ съ посѣтителей будетъ весь ему принадлежать, но за то отопленіе, освѣщеніе и прочая и прочая, даже нѣкоторыя поправки въ залѣ, должны быть на его счетъ. Онъ на все охотно согласился.

Русское общество, весьма умножившееся, когда я объявилъ ему о своемъ желаніи, первое изъявило согласіе содѣйствовать его исполненію. Отъ генерала Ж. . . . , усердствовавшего въ семъ дѣлѣ, получилъ я обѣщаніе не слишкомъ строго взыскивать съ молодыхъ офицеровъ за несоблюденіе формы на сихъ вечеринкахъ и сіе обѣщаніе имъ передалъ. Съ его же соизволенія полковникъ Остафьевъ даромъ

далъ намъ свою полковую музыку. Наконецъ, и съ Молдавской стороны пришла неожиданная помощь.

Была одна добрая, сумашедшая старушка, госпожа Богданъ, которая оставила Яссы единственно потому, что у нея былъ тамъ сынъ съ предливной бородой и внукъ съ изряднымъ усомъ, а ей все еще хотѣлось казаться молодою. Она получила нѣкоторое образованіе и какимъ-то непонятнымъ Французскимъ языкомъ описала путешествіе свое въ Италіи. Она была богата и имѣла большой вѣсъ между земляками. Не знаю какъ ей вздумалось свататься за меня; я, разумѣется, не позволилъ себѣ отказаться отъ ея руки и просилъ только времени на размышленіе. Этимъ временемъ пользовался я, чтобы заставить ее дѣлать чтò хочу. Я увѣрилъ ее, что на этихъ балахъ будетъ она царицей, а какъ царицѣ нуженъ дворъ, то и просилъ ее, чтобъ она склонила молодыхъ коконовъ и коконицъ участвовать въ сихъ увеселеніяхъ; сіе было ей не трудно, ибо имъ самимъ до смерти хотѣлось танцовать. Немногіе однакожь изъ бояръ согласились отпустить женъ и дочерей на сіи вечера; только тѣ, которые искали со мною примиренія и показывали, будто мнѣ изъ уваженія сіе дѣлали. О молодыхъ Молдаванахъ и говорить нечего: имъ бы только поплясать. Во всѣхъ земляхъ, куда проникаетъ Европейское просвѣщеніе, первымъ дѣломъ его бывають танцы, наряды и гастрономія.

Дѣло шло весьма успѣшно: въ первомъ собраніи было до полтораста человѣкъ, а въ продолженіи зимы число посѣтителей обоого пола доходило иногда до трехъ сотъ. Будучи озабоченъ дѣлами одной только Казенной Экспедиціи, было у меня довольно времени, чтобы заниматься такими пустяками, какъ иные называли это. Однакоже все какъ-то смотрѣло веселѣе, бодрѣе по Русской пословицѣ: на людяхъ и смерть красна. Однажды нашель я веселящихся въ нѣкоторой тревогѣ: они почувствовали легкій ударъ землетрясенія, котораго на вѣдѣ, къ сожалѣнію моему, замѣтить я не могъ. Никогда не удалось мнѣ видѣть дѣйствіе сего феномена, не рѣдкаго въ Бессарабіи.

Вотъ какимъ грустнымъ и вмѣстѣ веселымъ образомъ оканчивался для меня 1824-й годъ. Съ неизъяснимымъ чувствомъ непонятнаго страха смотрѣлъ я на приближеніе ужаснаго, для меня столь мучительнаго 1825 года. Опасность для государства въ 1812 году была очевидна, по крайней мѣрѣ можно было, такъ сказать, ее измѣрить; а тутъ что-то мрачное, неугаданное, непостижимое, подымаясь на даль-

немъ горизонтѣ, казалось, грозить тебѣ. Описанію сей суровой эпохи моей жизни, если достанеть силъ, намѣренъ я посвятить слѣдующую часть моихъ Записокъ.

За два дня до Рождества пожаловалъ ко мнѣ г. Курикъ съ видомъ не гнѣвнымъ, однако и не веселымъ. Онъ привезъ мнѣ копію Высочайшаго указа, подписаннаго 1 Декабря, объ утвержденіи меня въ званіи вице-губернатора. Болѣе десяти дней частнымъ образомъ былъ о томъ я увѣдомленъ, но въ Сенатѣ исполненіе указовъ всегда встрѣчаетъ небольшую проволочку. Онъ предложилъ мнѣ по краткости времени и по случаю закрытія присутственныхъ мѣстъ собрать Совѣтъ для приведенія меня къ присягѣ и вслѣдъ затѣмъ согласно постановленіямъ передать мнѣ губернаторскую должность. На первое я тотчасъ согласился, а второе пропустилъ въ молчаніи. Онъ принялъ это за уклоненіе отъ исполненія этой обязанности, съ которой такъ жаль было ему разстаться. Оно дѣйствительно такъ было, но формально отказать я бы не смѣлъ. Нѣсколько времени оно такъ длилось, пока отъ графа не получилъ онъ строгаго замѣчанія и предписанія сдать мнѣ бразды правленія, что было исполнено 5 Января уже 1825 года. Часовое калифатство мое также долженъ я перенести въ слѣдующую часть.

Конецъ шестой части.

ЗАМѢЧАНІЯ

НА

НЫНѢШНЕЕ СОСТОЯНІЕ

БЕССАРАБІИ.

Писано въ Октябрѣ 1823 года.

Сочиненіе Ф. Ф. Вигеля.

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульварь.

1892.

ВЕНА ПРАВА

ВЕНА ПРАВА

ВЕНА ПРАВА

Эти замѣчания составляютъ приложение къ шестой части Записокъ Ф. Ф. Вигеля.

ЗАМѢЧАНІЯ НА НЫНѢШНЕЕ СОСТОЯНІЕ БЕССАРАБІИ.

Бессарабская область составлена изъ двухъ частей, совсѣмъ почти между собою различныхъ. Первая изъ нихъ, заключающая въ себѣ цынуты: Хотинскій, Ясскій и Оргѣевскій, до послѣдняго трактата съ Турками собственно принадлежала Молдавскому княжеству; другая же половина (Буджакъ, т. е. по-турецки Клинь именуемая, и также на три цынута: Бендерскій, Аккерманскій и Измайлскій) раздѣленная, была еще недавно занимаема кочующими Татарами и состоитъ изъ необозримыхъ равнинъ и степей, подобныхъ тѣмъ, кои находятся въ сосѣдственной и прилежащей къ ней Херсонской губерніи. Въ первой изъ сихъ частей живутъ почти одни природные Молдаване, другая же населена Русскими, Болгарскими, Польскими и Нѣмецкими колонистами. Земли и селенія въ первыхъ трехъ цынутахъ принадлежатъ почти вообще помѣщикамъ и разнаго рода владѣльцамъ; въ послѣднихъ же все казенное, за исключеніемъ пожалованныхъ земель и хуторовъ митрополіи Кишиневской, Армянскому архіерейскому дому, отведенныхъ для колонистовъ и вновь пожалованныхъ разнымъ лицамъ.

Весьма трудно опредѣлить число жителей сей области, ибо непосредственныя казенныя подати, биръ и даждія, собираются не поголовно, а съ семействъ, и въ казенно-экономическую экспедицію областного правительства доставляется только исчисленіе сихъ послѣднихъ; примѣрно же полагается жителей обоого пола, разныхъ сословій и происхожденій, до 450 тысячъ. Само собою разумѣется, что число Молдаванъ, въ Бессарабіи живущихъ, превышаетъ число жителей каждой изъ другихъ націй, въ ней поселенныхъ. Но если оныя взять въ сложности, т. е. всѣхъ Русскихъ, Болгаръ, Сербовъ, Нѣмцевъ, Грековъ, Поляковъ, Армянъ, Цыганъ и Евреевъ, то число Молдаванъ едва ли третью долю противъ нихъ составитъ.

Всѣ сіи жители Бессарабіи раздѣлены на слѣдующіе классы: 1) духовенство, 2) дворяне, 3) бояре наши, или личные дворяне, 4) мазылы, что соотвѣтствуетъ нашимъ однодворцамъ, 5) рупташи (поповичи), 6) купцы и мѣщане, которые крѣпостные люди, и 7) Евреи.

Не одни дворяне, но люди всѣхъ состояній и націй, исключая Цыганъ и Евреевъ, могутъ приобрѣтать въ Бессарабіи земли и пользоваться ими на правахъ помѣщиковъ. Обязанности же царанъ, свободныхъ хлѣбопашцевъ, обрабатывающихъ сіи земли, къ владѣльцамъ оныхъ узаконеніями весьма ограничены.

Если преимущества дворянъ въ Бессарабiи не столь велики, какъ въ другихъ частяхъ Россiйскаго государства, то число ихъ и права на сие достоинство также весьма маловажны. Только семь или восемь фамилiй, и именно: Стурдзы, Бальши, Россеты, Доничи, Крупенскiе, Палладiо, Катаржи и Рышкано происходятъ отъ Молдавскихъ бояръ. Все же прочiя, коихъ число полагаютъ до восьмидесяти, были слугами бояръ до послѣдней войны между Россiей и Турцiей. Въ сие время пристали они къ нашей армiи, приняли разныя должности, были комиссiонерами, поставщиками, подрядчиками, шпионами и факторами, разными способами составили себѣ довольно значительные капиталы, выпросили себѣ чины и, наконецъ, воспользовавшись протезмiей или полуторогодовымъ срокомъ, даннымъ для обмѣна или продажи имѣнiя въ той землѣ, которую оставить поданные обѣихъ державъ намѣревались, приобрѣли за безцѣнокъ хорошия имѣнiя по сию сторону Прута.

Букарестскимъ трактатомъ Бессарабiя присоединена была къ Россiи въ несчастномъ, но славномъ 1812 году. Спасая независимость цѣлаго государства, правительству некогда было тогда думать объ устройствѣ вновь приобретенаго лоскута землi. Важнѣйшия пропущенiя наполнили три слѣдующiе года, и когда въ 1816 году во всей Европѣ сдѣлался миръ, то вспомнили тогда и о Бессарабiи. Въ сей области между тѣмъ безпорядокъ успѣлъ установиться. Съ начала управлялъ ею осьмидесятилѣтнiй, едва двигающiйся старецъ Стурдза до тѣхъ поръ, пока силы его не оставили. Преемникомъ его былъ генераль Гартингъ, который усердно принялся за исправленiе не устройствъ сего края и, имѣя весьма мало къ тому средствъ, успѣлъ однакоже ввести нѣкоторый порядокъ въ судахъ, учредить карантинныя, полицiю, госпиталь, острогъ, сдѣлать нѣчто похожее на правленiе. Къ несчастiю, подозрѣнiе въ корыстолюбии лишило его довѣренности Государя, а вскорѣ потомъ и мѣста, имъ занимаемаго. Генераль Бахметевъ, назначенный потомъ намѣстникомъ, долженъ былъ все безпорядки исправить; но сей заслуженный воинъ, честный, добрый, а можетъ быть и умный человекъ, ввѣрился, какъ сказываютъ, недостойнымъ любимцамъ, и надежды на лучшее состоянiе сей землi оиать исчезли. При семъ намѣстникѣ хотѣли существующему въ Бессарабiи безпорядку дать по крайней мѣрѣ какую-нибудь форму, и сдѣланъ былъ проектъ образованiя области. Составленiе проекта поручено было г. Крилицкому, правителю канцелярiи намѣстника, имъ изъ Подольской губернiи привезенному, человеку умному, но какъ видно не имѣющему довольно способностей и познанiй для труда такого рода; къ тому же замѣтить должно, что ему велѣно было сдѣлать оный на срокъ, и времени дано было весьма мало. Недостатки сего образованiя вѣроятно замѣчены были самимъ Государемъ, ибо ему угодно было одобрить только оный, но не утвердить, и подвергнуть испытанiю. Оиить показалъ, кажется, еще болѣе его несовершенства.

Къ нравственному злу присоединилось въ концѣ 1819 года еще и физическое: моровая язва появилась въ нѣкоторыхъ цынутахъ. Два сенатора, Хитровъ и князь Гагаринъ, путешествовали въ сие время для обозрѣнiя соседственныхъ губернiй; хотя уже чума между тѣмъ и прекратилась, имъ

ведѣно было заглянуть въ Бессарабію. Молдаване воспользовались симъ случаемъ, чтобы обвинять начальника своего въ злоупотребленіяхъ. Жалобы ихъ могли быть до нѣкоторой степени основательны, но конечно генераль Бахметевъ былъ безвиннѣе тѣхъ людей, которые изъявили противъ него недовольствіе. Желанія ихъ исполнились: онъ долженъ былъ удалиться.

Бессарабія поручена была временному правленію генерала Инзова, главнаго попечителя колоній Южнаго края. Долговременная служба, рѣдкая честность его и большая дѣятельность въ маломъ кругу его прежнихъ занятій обратили на него вниманіе Государя. Вскорѣ потомъ ввѣрены ему были и три Новороссійскія губерніи. Такое бремя было гораздо выше силъ его. Безпрестанно въ трудахъ, безпрестанно въ заботахъ, не могъ онъ произвести ничего полезнаго; пстощая время свое въ разныхъ мелочахъ, входя во всякія подробности, упущалъ онъ изъ виду всѣ важные предметы. Ходъ дѣлъ останавливался, беспорядки возрастали, все шло къ совершенному разстройству. Такое положеніе не могло быть продолжительно, перемѣна дѣлалась необходима и, не взирая на самолюбіе, сродное всякому человѣку, увѣряютъ, что генераль Инзовъ самъ въ томъ сознавался. Назначили новаго намѣстника, а прежній возвратился опять къ мирнымъ своимъ занятіямъ.

Дѣятельность, вовсе неизвѣстная жителямъ здѣшняго края, ознаменовала первые шаги новаго начальства. Подобно электрическому удару поразила она иныхъ, другихъ оживила. Но какое рвеніе ко благу общему, какія усилія ему потребны, чтобы истребить вѣковое зло, чтобы исправить грубые нравы, дать понятіе о чести людямъ, не подозревающимъ ея существованія, чтобы сотворить все тамъ, гдѣ ничего нѣтъ, однимъ словомъ сдѣлать все возможное добро сей несчастной, хотя изобильной землѣ? Беспорядки въ ней безчисленны. Постараемся означить главнѣйшія и указать потомъ, сколько понятія наши позволяютъ, на способы къ ихъ прекращенію.

О Верховномъ Совѣтѣ.

Слѣдуя природному милосердію и здравой политикѣ, Государь всѣмъ народамъ, покореннымъ его оружіемъ, оставляетъ прежніе законы и обычаи, всѣ права и преимущества, коими пользовались они до завоеванія. Намъ казалось, что счастье сдѣлается подданными великаго и добраго Государя, честь принадлежать къ великому народу, болѣе другихъ въ послѣднемъ столѣтіи прославившемуся, и соединить судьбу свою съ великими судьбами, кажется, Промысломъ ему предназначенными, безопасность отъ вторженія непріятельскаго подъ защитою Великой Державы (ибо ни одинъ сильный завоеватель съ оружіемъ въ рукахъ не ступалъ на священную землю Русскую, чтобы не понести за то жестокаго наказанія и не лишиться вскорѣ потомъ престола и жизни): все сіе должно бы быть достаточно, чтобы утѣшить ихъ и вознаграждать за перемѣну правительства слабаго и иногда чуждаго *). Но удержимся отъ разсужденій, не входящихъ въ предметъ нашихъ замѣчаній.

*) Жители Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи суть Маймисты и Латыши, владѣютъ же ими Нѣмецкія рыцарскія фамиліи. Минская губернія, Вольныя и Подолія населены Русскими

Бессарабская область не только, въ сходствіе съ Отзейскими провинціями и губерніями обратно отъ Польши къ Россіи присоединенными, состоитъ на особыхъ правахъ, но подобно Царству Польскому и Великому Княжеству Финляндскому, имѣетъ какое-то особое политическое существованіе. Она лежитъ между трехъ Имперій, и отъ Австріи и Турціи, равно какъ и отъ Россіи, отдѣляется карантинными и таможенными линіями; но что болѣе отличаетъ ее отъ другихъ нашихъ владѣній: она имѣетъ собственное свое высшее судилище. Сіе судилище украшено великолѣпнымъ титуломъ Верховнаго Совѣта; оно должно состоять изъ мужей опытнѣйшихъ сего края. Самъ намѣстникъ въ немъ предсѣдательствуетъ, первые четыре чиновника области въ немъ засѣдаютъ, приговоры его должны исполняться безпрекословно, не было на него апелляцій и, рѣшая по примѣру парламентовъ прежнихъ Французскихъ провинцій, или лучше сказать, по примѣру Молдавскаго и Валахскаго дивановъ, всѣ дѣла гражданскія, имѣетъ онъ предъ сими послѣдними еще преимущество завѣдывать дѣлами распорядительными, исполнительными, казенными и экономическими, также и апелляціонными (гражданскими), уголовными и слѣдственными; однимъ словомъ, соединяетъ въ себѣ власть исполнительную, законодательную и судебную. Но какъ употребляетъ онъ сію власть, какъ оправдываетъ такую высокую довѣренность и изъ какихъ людей состоитъ онъ, увидимъ мы ниже сего.

Для сужденія по дѣламъ гражданскимъ, производящимся на Молдавскомъ языкѣ, назначены Попедѣльникъ, Среда, Четвертокъ и Суббота: въ сіи дни предсѣдателемъ областный дворянства маршалъ, а присутствуютъ пять депутатовъ отъ выборовъ и два члена отъ короны. По Вторникамъ же и Пятницамъ производство дѣлъ по-русски; бывають намѣстникъ, губернаторъ, вице-губернаторъ и оба предсѣдателя: тогда полное собраніе, и занимаются дѣлами исполнительными и казенными. Но какъ всякаго рода дѣла должны поступать въ Совѣтъ, а только два дни въ недѣлю дается для ихъ разсмотрѣнія: то спрашивается какая медленность должна происходить отъ того, и какъ губительна она, особенно для части полицейской, гдѣ малѣйшее промедленіе часто сопряжено съ великимъ вредомъ для пользы общей?

Видя сіи неудобства, казалось непонятнымъ, какъ могъ бывший намѣстникъ Бахметевъ, подъ наблюденіемъ котораго сочинялся проектъ образованія области и представившій его на Высочайшее утверженіе, какъ могъ онъ такимъ образомъ дать оковать себѣ руки и лишить себя способовъ дѣйствовать безпрепятственно для пользы службы? Болтливость одного хитраго, хотя и неосторожнаго человѣка (г. Курика), большаго пріятеля г. Криницкому, редактору образованія, поенила намъ сію задачу, и вотъ исторія учрежденія Совѣта.

Греческаго исповѣданія, а управляются Поляками-Католиками. Финны населяющіе Финляндію не имѣютъ ничего общаго, ни происхожденія, ни языка со Шведами, которыхъ они не любятъ, но которыхъ законами они управляются. Христіанская Грузія была подъ игомъ Персіанъ-Магометанъ; Польшей до насъ владѣли Савсоицы или Французы, а Молдавіей Греки, по назначенію Турокъ, и первыхъ они еще болѣе ненавидятъ, чѣмъ послѣднихъ.

Генераль Гартингъ, мало свѣдущій въ дѣлахъ до управленія касающихся, и опасаясь отвѣтственности, по самымъ похвальнымъ побужденіямъ, сзывалъ всѣхъ предсѣдателей и совѣтниковъ разныхъ присутствій, чтобы совѣщаться съ ними о дѣлахъ области, узнавать нужды ея и способы къ удовлетворенію, и часто руководствовался ихъ мнѣніями. Сей порядокъ вещей былъ признанъ и одобренъ, и такъ составилось присутствіе подъ названіемъ общаго собранія. Принявъ должность намѣстника, генераль Бахметевъ нашелъ оное затруднительнымъ и неприличнымъ и желалъ перемѣнить при новомъ образованіи. Учрежденіе Верховнаго Совѣта представлено ему было совсѣмъ въ иномъ видѣ; нѣкоторые хитрые Молдаване успѣли его увѣрить, что власть его чрезъ то распространится, что Верховный Совѣтъ будетъ, такъ сказать, находиться при его особѣ и что вліяніе его даже на рѣшенія всѣхъ судовъ будетъ непосредственное. *Властолюбивый, но лекомысленный Бахметевъ* (точные слова Курика) всему повѣрилъ, не подозрѣвая никакой тонкости и, безо всякаго внимательнаго разсмотрѣнія, представилъ проектъ Государю. Ошибку свою замѣтилъ онъ только тогда, какъ съ наступленіемъ 1819 года Совѣтъ воспріялъ свое дѣйствіе; но уже было поздно. Встрѣчая на каждомъ шагу упорство во власти, которую онъ самъ себѣ противопоставилъ, сердился онъ, принималъ строгія мѣры. Ему указывали на точный смыслъ образованія; люди, которые наканунѣ были у ногъ его, приняли видъ защитниковъ правъ народныхъ противъ самовласти; со всѣхъ сторонъ начались жалобы, досады, интриги, вражда*). При семъ случаѣ должно замѣтить, что г. Криницкій, правитель канцеляріи намѣстника и его довѣренная особа, писалъ проектъ образованія. Ему въ умѣ и знаніи дѣлъ отказать нельзя; что же можно подумать о его характерѣ, и какъ не пожалѣть генерала Бахметева, столь несчастливаго въ своемъ выборѣ?

Боже сохрани насъ отъ желанія видѣть въ рукахъ начальниковъ губернской власти неограниченную! Сегодня мы счастливы, сегодня у насъ начальникъ умный, справедливый, просвѣщенный, безкорыстный; но кто можетъ ручаться, что завтра не пришлютъ къ намъ по неспособности къ фронтовой службѣ такого генерала, отъ котораго горько намъ придется, или храбраго и честнаго, но бессмысленнаго рубаку, который, принимая всякое дѣло немного затруднительное за Гордіевъ узелъ, начнетъ рубить его какъ непріятельскія головы? Однакоже въ здѣшней необразованной землѣ видѣть Русскаго генерала почти въ опеку у этихъ варваровъ больно для всякаго Русскаго сердца. Чтобы водворить въ семъ краѣ порядокъ, просвѣщеніе, правосудіе, необходимо еще желѣзнымъ жезломъ вооружить на нѣкоторое время руку намѣстника.

Долго сами жители не могли вѣрить важности Совѣта; изъ областного правительства хотѣли сначала возвратить указы, имъ въ отсутствіе намѣстника насылаемые; но скоро увидѣли, что онъ Ареонагъ не на шутку.

*) Тогда еще не было двухъ членовъ отъ короны. Намѣстникъ имѣлъ голосъ какъ предсѣдатель; но пять депутатовъ, маршалъ и чиновники отъ короны, которые почти всѣ Молдаване, имѣли всегда на своей сторонѣ большинство голосовъ.

Что произошло наконецъ отъ несогласія Бахметева съ Верховнымъ Совѣтомъ? Старался ли онъ доставить какія нибудь выгоды казнѣ, принималъ ли онъ какія нибудь общепользныя мѣры, всегда встрѣчалъ онъ затрудненія, если не явно, то тайно ему враждующимъ Совѣтомъ противопоставляемыя. Чтобы устранить сіи затрудненія, часто долженъ онъ былъ нарушать правила начертанныя въ образованіи; все замѣчалось, все ставилось ему въ вину; не только посылались на него жалобы, депутаціи отправлялись въ Петербургъ, чтобы у престола донести о его несправедливостяхъ.

Съ своей стороны сей намѣстникъ и преемникъ его употребляли всѣ средства, дабы обезсилить или унижить Совѣтъ *). Генераль Инзовъ дѣйствовалъ однакоже осторожнѣе, или лучше сказать, мало дѣйствовалъ, умѣлъ болѣе владѣть собою, въ чрезвычайныхъ случаяхъ испрашивалъ всегда Высочайшее разрѣшеніе и при новыхъ выборахъ (въ началѣ 1822 года) довольно искусно умѣлъ удалить строптивѣйшихъ изъ членовъ. Такимъ поведеніемъ прикрылъ онъ конечно свою отвѣтственность; но какую пользу чрезъ то доставилъ онъ здѣшнему краю?

Маршалъ и депутаты прежняго выбора намъ мало извѣстны; въ похвалу же теперешняго маршала, Янки Стурдзы, скажемъ только, что онъ во всемъ отличенъ отъ своихъ соотечественниковъ. Его почти нельзя считать Молдаваномъ, ибо онъ никогда не заводилъ тяжбъ, не входилъ ни въ какіе подряды, исправно заплатилъ наслѣдственные долги, а самъ ихъ никогда не дѣлалъ, ни предъ кѣмъ не ползалъ и ни противъ кого не интриговалъ, образъ жизни его и образъ мыслей совсѣмъ Европейскіе; непонятно, какъ онъ былъ избранъ! Съ его правилами, но съ болшею живостію въ умѣ и пылкію въ характерѣ, могъ бы онъ быть весьма полезенъ; къ сожалѣнію, довольствуется онъ тѣмъ, что заслуживаетъ уваженіе и любовь общества своимъ кроткимъ, учтивымъ обхожденіемъ и признательность низкаго состоянія людей своими тайными благодѣяніями.

Переходъ отъ сего почтеннаго человѣка къ другимъ членамъ Совѣта весьма неприятенъ. Четверо изъ нихъ, Катаржи, Дониць, Руссовъ и Казимиръ, кажется, щеголяютъ другъ передъ другомъ слабоуміемъ и невѣжествомъ; но дурными людьми ихъ назвать нельзя, напротивъ они довольно добродушны, и здѣшніе дворяне могли бы хуже выбрать: есть изъ кого! Только жаль, что изъ сихъ членовъ есть такіе, которые, не разумѣя совсѣмъ дѣла, слишкомъ хорошо разумѣютъ свои личныя выгоды. Достаточно будетъ упомянуть о сихъ господахъ въ массѣ, но пятый депутатъ заслуживаетъ особенное вниманіе: о Прункулѣ умолчать нельзя.

Человѣкъ сей съ умомъ не совсѣмъ обыкновеннымъ и съ чрезвычайною дѣятельностію. Происхожденіе его неизвѣстно; только знаемъ, что молодость свою провелъ онъ слугой въ домѣ Димитрія Стурдзы; потомъ по растороп-

*) Сіе тѣмъ между прочимъ доказывается, что, для уменьшенія его наружной важности въ глазахъ жителей, самый домъ, для его засѣданій избранный, по тѣснотѣ своей и безобразію едва ли бы приличенъ былъ для помѣщенія нижняго земскаго суда.

ности своей и, выучась грамотѣ, сдѣлался въ семь домѣ писаремъ и наконецъ повѣреннымъ и ходилъ за дѣлами. Въ семь положеніи застала его наша армія, занявшая Молдавію въ 1806 году. Скоро снискалъ онъ покровительство нѣкоторыхъ начальниковъ и свелъ знакомство и дружбу съ комиссіонерами провіантскими; бывъ въ частыхъ съ ними сношеніяхъ, довольно хорошо научился Русскому языку и нѣкоторымъ Русскимъ обычаямъ и сдѣлался наконецъ поставщикомъ на армію. По заключеніи мира, по сю сторону Прута купилъ онъ имѣніе и поселился въ Кишиневѣ; тутъ начинается блестящая эпоха его жизни. Къ природнымъ способностямъ и прибрѣтенной опытности присоединивъ новыя познанія, мудрено ли ему было сдѣлаться оракуломъ Бессарабіи? Онъ одинъ два трехлѣтія съ ряду былъ выбранъ депутатомъ въ Совѣтъ и сохранить, вѣроятно, сіе званіе до конца жизни, если Совѣтъ не будетъ уничтоженъ. Собственнымъ могуществомъ и посредствомъ сыновей, зятя, родственниковъ, сватовъ и кумовей, которыхъ вслѣдъ за собою вытаскилъ онъ изъ грязи, дѣйствуетъ онъ на все, что въ сей области происходитъ. Что касается до его характера и наружности, то ссылаемся на всѣхъ кто его видѣлъ: есть ли въ мірѣ лицо лучше выражающее подлость, лукавство и вмѣстѣ наглость? А на тѣхъ кто имѣлъ съ нимъ дѣло, не живо ли изображаетъ лицо свойства его душевныя?

Разбирательство апелляціонныхъ гражданскихъ дѣлъ происходитъ здѣсь самымъ страннымъ образомъ. Намѣстникъ и первые четыре чиновника области обыкновенно въ эти дни не присутствуютъ, два члена отъ короны не знаютъ Молдавскаго языка, робкій маршалъ не довѣряетъ своему разуму, а депутаты, по выслушаніи дѣла, обращаются къ одному изъ своихъ сочленовъ, который беретъ имъ растолковать оное, и произноситъ наконецъ рѣшеніе; всѣ тотчасъ пристають къ его мнѣнію, рѣдко осмѣливаясь возражать. Но кто же сей верховный судья, отъ котораго зависитъ участь и мнѣніе жителей Бессарабіи? Тотъ самый Прункуль, о которомъ мы выше сего упоминали, тотъ самый, который, посредственно или непосредственно участвуя во всѣхъ тяжбахъ, въ одно время истецъ или отвѣтчикъ и судья. Чудовищная власть сего человѣка не сущій ли позоръ?

Въ производствѣ сихъ дѣлъ нѣтъ ни малѣйшаго порядка, ни настольнаго регистра, ни очереди. Если министръ или намѣстникъ предложитъ Совѣту заняться скорѣйшимъ окончаніемъ какого-нибудь дѣла, или корыстолюбіе Прункула возбуждается сильнымъ интересомъ, или неотвязчивость докучливаго и упорнаго просителя заставитъ пожелать скорѣе отъ него отвязаться, въ такихъ случаяхъ только спрашиваютъ дѣло у секретаря, который, порышисъ дня два (ибо ему съ такими судьями трудно вести порядокъ), выкопаетъ его, потомъ пишетъ докладъ и если дѣло покажется длинно и затруднительно, то оставляетъ его подъ предлогомъ собиранія нѣкоторыхъ нужныхъ справокъ, и оно опять на неопредѣленное время теряется изъ виду, и принимаются за другое дѣло. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, но только весьма рѣдко и по самымъ сильнымъ побужденіямъ, совѣщанія сихъ господъ продолжаются до четырехъ часовъ; но обыкновенно собираются въ десять часовъ съ видомъ неудовольствія,

потомъ слушая дѣло съ видомъ скуки и равнодушія, болѣе шести разъ въ часъ каждый зѣвнетъ; когда же пробьетъ двѣнадцать часовъ, то всѣ взоры помпунтно устремляются на стѣнные часы въ присутствіи находящіяся; въ половинѣ перваго являются уже всѣ признаки нетерпѣнія и аппетита, кто встанетъ, сядетъ, и потомъ опять встанетъ; тѣлодвиженіями, взорами показывают другіе, что имъ несносно и когда, наконецъ, ударитъ часъ, то все съ шумомъ подымается, восклицая: „домой, домой, пора обѣдать“, хотя бы одну страницу оставалось дослушать изъ начатаго дѣла. Сіе зрѣлище можетъ быть забавно, но не для такого человѣка, который осужденъ его всякій день видѣть. Многіе Молдаване признаются сами, что ихъ самолюбіе страдаетъ, видя судьбу свою зависящую отъ сего каррикатурнаго сената.

Изъ сего всякій легко заключить можетъ, какая остановка должна происходить по тяжбынымъ дѣламъ, при такомъ расположеніи Совѣта: она превосходитъ всякое описаніе. Теперь находится, говорятъ, въ Совѣтѣ до шести тысячъ дѣлъ нерѣшенныхъ, всякій годъ поступаетъ болѣе двухъ сотъ новыхъ, а рѣшено въ 1822 году, въ которомъ Совѣтъ былъ дѣятельнѣе всѣхъ прочихъ годовъ, только тринадцать. Если не образъ правленія сей области, ни мода не переменятся, то въ какой ужасной пропорціи будетъ возрастать число неоконченныхъ дѣлъ? Совѣтъ можно теперь сравнить съ плотиною, удерживающей теченіе дѣлъ области; но наконецъ ихъ накопленіе должно плотину сію опрокинуть, и тогда они пойдутъ далеко.

Установить совершенный порядокъ въ дѣлахъ Совѣта и дать имъ поспѣшнѣйшій ходъ, кажется, уже невозможнымъ: даже еслибъ совершилось чудо, умъ его членовъ просвѣтился, и правила ихъ очистились, то и въ такомъ случаѣ весьма трудно бы имъ было исправить всѣ сдѣланныя упущенія. Преобразовать же Совѣтъ будетъ также безполезно, ибо кѣмъ замѣнить теперешнихъ депутатовъ? Люди хорошихъ фамилій и немного просвѣщеннѣе (коихъ число весьма ограничено) уклоняются отъ службы, а прочіе матадоры Бессарабіи были недавно, какъ выше о томъ сказано, слугами у Молдаванъ, подданныхъ Грековъ, которые въ свою очередь были рабами Турокъ. Итакъ, отъ людей стоявшихъ недавно на послѣдней степени сей рабской гіерархіи можно ли ожидать чувствъ благородныхъ, знанія законовъ и усерднаго исполненія обязанностей? Единственнымъ и неизбѣжнымъ средствомъ къ прекращенію возрастающихъ отъ того золъ, кажется, уничтоженіе сего не только безполезнаго, но и вреднаго Совѣта и учрежденіе высшей инстанціи въ столицѣ, чего начало мы и видимъ съ удовольствіемъ въ комитетѣ разбирающемъ дѣла Бальша.

Справедливость требуетъ, чтобы мы, говоря о причинахъ, препятствующихъ успѣшному ходу дѣлъ въ Совѣтѣ, не умолчали и о тѣхъ, кои дѣйствуютъ независимо отъ лѣности и ничтожества его членовъ и даже могутъ имъ служить извиненіемъ. Главнѣйшая изъ нихъ есть недостатокъ въ канцелярскихъ служителяхъ. Всего предвидѣть нельзя. Итакъ удивительно ли, что, при составленіи штата Верховнаго Совѣта, не обращено было вниманія на маловажность суммы, для сего предмета назначенной? Не только число служащихъ,

въ канцеляріи Совѣта ограничено, но и способностями и знаніями они не могутъ сравниться съ тѣми, кои употреблены въ другихъ присутственныхъ мѣстахъ области. Объяснить сіе немудрено. Сіе происходитъ отъ того во первыхъ, что награжденія обыкновенно испрашиваются чрезъ начальниковъ, съ коими Совѣтъ былъ всегда въ несогласіи; въ глупой гордости своей не хотѣли члены унижать себя ходатайствомъ за подчиненныхъ, да и сами намѣстники, желая, можетъ быть, лишить ихъ хорошихъ сотрудниковъ, ни мало о томъ не заботились, такъ что еще не было примѣра, чтобы кто-нибудь въ Совѣтъ могъ получить чинъ, даже за выслугу узаконенныхъ лѣтъ. Къ тому должно прибавить, что депутатамъ не весьма охотно было поощрять Русскихъ въ Бессарабіи служащихъ, ибо они въ нихъ видятъ будущихъ своихъ соперниковъ. Другая причина, отвращающая всякаго служить въ канцеляріи Совѣта, есть обхожденіе Молдаванъ съ подчиненными: по ихъ прежнимъ обычаямъ писцы и самые секретари употреблялись въ домашнюю работу у присутствующихъ и судей; нерѣдко можно было видѣть логовета или писца, который, положивъ перо, становился за каретой своего начальника.

О дворянахъ и дворянскихъ выборахъ.

Въ началѣ сихъ замѣчаній сказали мы, что жители Бессарабіи раздѣляются на семь классовъ. Изъ нихъ одно сословіе дворянъ можно здѣсь подраздѣлить на три разряда: 1) Молдавскіе бояре, 2) набогатившіеся чины и занимающіе нынѣ мѣста въ правленіи, 3) кліенты предыдущихъ, ихъ стараніями изъ мазыловъ и рупташей уже по присоединеніи Бессарабіи въ дворянскую книгу вписанные. Второй классъ пренебрегаетъ, но покровительствуетъ послѣдній, а первый ихъ обоихъ равно ненавидитъ и презираетъ.

Отъ взаимныхъ ихъ худыхъ расположеній произошли великія бури въ Бессарабіи. Боярамъ больно было видѣть прежнихъ своихъ подавателей трубокъ возсѣдающими съ ними рядомъ и даже судьями своими, и потому они составили свою партію, малочисленную, но сильную богатствомъ и давно пріобрѣтеннымъ уваженіемъ. Мѣсть по управленію области было много, кѣмъ было ихъ наполнить? Поневоля должны были взяться за вчерашнихъ дворянъ. Необходимость заставляла молчать, и вражда таилась и возрастала въ сердцахъ, какъ огонь подъ пепломъ. Наконецъ при первыхъ дворянскихъ выборахъ пламя раздора вспыхнуло, и началась междусобная война, еще до нашихъ дней продолжающаяся.

Въ сіе время, какъ обыкновенно бываетъ при великихъ политическихъ переворотахъ, явились на сцену люди, весьма дотолъ неизвѣстные. Первый нихъ, Баланеско Россетъ, историческое лицо новѣйшихъ временъ Бессарабіи, требуетъ, чтобы описанію его посвятить хотя съ полстраницы. Происходя отъ одной изъ первѣйшихъ фамилій Молдавіи, не любилъ онъ, говорятъ, такъ называемыхъ полезныхъ занятій и буйную молодость свою провелъ въ веселіи и удалствѣ. Презрѣніе, оказываемое ему всѣми дальними и близкими родственниками и вообще людьми одного съ нимъ сословія, возмутило гордый

духъ его; онъ поклялся вѣчною ненавистію и мщеніемъ всѣмъ дворянамъ и въ низкомъ классѣ нашелъ довольно развратныхъ людей, чтобы съ ними раздѣлять свои удовольствія. Когда всѣ счастливые мошенники кинулись изъ Молдавіи, чтобы населять и управлять Бессарабіей, то перешелъ онъ Прутъ вслѣдъ за ними ¹⁾. Но тутъ опять встрѣтилъ онъ ненавистныя имена Бальшевъ и Стурдзовъ и долженъ былъ скрываться въ неизвестности до выше-сказаннаго времени. Между тѣмъ съ каждымъ днемъ пріобрѣталъ онъ болѣе народности (popularité): новымъ дворянамъ лестно было видѣть посреди себя знатнаго Молдавана и когда дѣло дошло до выборовъ 1818 года, то былъ онъ какъ съ триумфомъ поднятъ и чуть не попалъ въ предводители.

Сія эпоха будетъ незабвенна въ лѣтописяхъ здѣшняго края. Обѣ партіи явились въ залѣ митрополитскаго дома, явились со страхомъ, съ надеждой, досадою и желаніемъ мести, приняли благословеніе архипастыря и учинили присягу, а потомъ отведены были въ залу для выборовъ, въ другомъ домѣ приготовленную. Тутъ были явленія забавныя и ужасныя. Начался сильный пренія, потомъ самыя подлыя ругательства, наконецъ дѣло дошло до драки и до кровопролитія. Жизнь камергера Бальша и вице-губернатора Крупенскаго была въ опасности: утверждаютъ, что супруга послѣдняго, видя угрожаемые дни его изъ ложи (tribune), въ коей находилась, не могла удержаться отъ восклицанія и упала въ обморокъ. Герою сего дня былъ натурально Баланеско: высокій его ростъ, широкія плеча, звѣрскій взглядъ, громкій голосъ, страшные усы, длинная сабля при бедрѣ его висящая и званіе спатаря (меченосца), имъ на прокатъ взятое ²⁾, все приводило въ трепетъ робкія сердца его противниковъ и придавало новую смѣлость многочисленнымъ его партизанамъ. Побѣда осталась за ними, дерзнувшіе имъ сопротивляться вышли съ окровавленными носомъ и подбитыми глазами, и по большинству голосовъ, друзья ихъ заняли всѣ мѣста въ области. Спмъ кончились первые дворянскіе выборы въ Бессарабіи.

Для сохраненія нѣкоторой благопристойности выбранъ въ предводители дворянства старикъ Рышканъ изъ хорошей фамиліи; въ депутаты же попали, исключая одного, все люди низкаго происхожденія. Изъ нихъ два главные, Прункуль и Баланеско, соединили силы свои, дабы захватить всю власть въ Совѣтъ и, слѣдственно, всѣ дѣла области, и успѣли въ томъ: первый необыкновенною гибкостью, пронырствомъ и знаніемъ дѣлъ, а послѣдній неслыханною дерзостью. Скоро присталъ къ нимъ Самфиракъ Рале, человекъ слабоумный и безо всякихъ правилъ, но пылкій и рѣшительный и тѣмъ полезный ихъ видамъ. Тогда сей триумvirатъ всю Бессарабію заставилъ дрожать передъ

¹⁾ Онъ перешелъ черезъ Прутъ со своими Цыганами и Арпаутами почти вооруженною рукою. Въ то время была чума, и онъ не соглашался выдержать карантинъ, пробился сквозь кордонъ и за то былъ посаженъ тогдашнимъ правителемъ Стурдзовъ въ Измаильскую крѣпость, гдѣ и просидѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ. Сямъ наказаніемъ былъ онъ избавленъ отъ ссылки.

²⁾ Генераль Пизовъ, по самымъ неоспоримымъ доказательствамъ его земляковъ, снялъ съ него послѣ чина спатаря или полковника, имъ самовольно присвоенной, и оставилъ его по прежнему медаличеромъ, то-есть, по нашему, много-много губернскимъ секретаремъ.

собою. Четвертый депутатъ, Сандулаки Θεодосіу, подлець весьма обыкновенный, съ почтеніемъ слѣдовалъ издалека за образцами своими и разными плутнями старался имъ угождать. О пятомъ депутатѣ мало извѣстно; но онъ, видно, былъ тѣхъ же свойствъ.

Когда такого рода люди заняли важнѣйшія должности въ области, то легко можно вообразить себѣ, кѣмъ наполнились другія присутственныя мѣста.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о Баланескѣ Россетѣ, чтобы послѣ болѣе о немъ не говорить. Почитатели его видятъ въ немъ какого-то Мирабо, но возможно ли такъ обижать тѣнь великаго человѣка? „Все обо мнѣ сказано, говорилъ онъ, исключая того, чтобы я былъ дуракъ“; а Россета, по справедливости, называютъ всѣ глупцомъ. Если Мирабо по безнравственности своей лишился уваженія согражданъ, то не былъ никогда жестокимъ кровопійцей; а сей варваръ, называя всякую власть тираническою, самъ потчиваетъ ежедневно фалангами несчастныхъ своихъ Цыганъ, угнетаетъ поселенныхъ на землѣ его хлѣбопашцевъ и въ Хотинскомъ раѣ, недавно занимаемомъ Турками, самихъ Молдавскихъ помѣщиковъ удивляетъ безчеловѣчіемъ и несправедливостію. Неоднократно нападалъ онъ на Русскихъ офицеровъ и всегда оставался побѣдителемъ; въ сихъ случаяхъ не подвергался онъ большой опасности, ибо имѣетъ силу Геркулесову, и кромѣ кулачныхъ боевъ ни на какое другое единоборство не соглашается. Онъ хвастается вездѣ, что билъ Русскихъ офицеровъ, и онъ еще живъ! Противъ двухъ намѣстниковъ воевалъ онъ; но послѣдній успѣлъ удалить его и отъ Совѣта, и отъ областного города, испросивъ на то Высочайшее повелѣніе.

На вторыхъ выборахъ въ концѣ 1821 года соблюдаемо было гораздо болѣе тишины и благопристойности, чѣмъ на первыхъ. Генеральъ Инзовъ разсудилъ за благо лично на оныхъ присутствовать и для предупрежденія безпорядковъ придумалъ, подъ предлогомъ какого-то производимаго по дѣламъ ихъ слѣдствія, удалить изъ залы собранія, трехъ мятежныхъ предводителей, Баланеско, Самфираки и Сандулаки. Они вздумали было сопротивляться, но до того ихъ не допустили. Законно ли поступилъ генеральъ Инзовъ, сказать не смѣемъ, но знаемъ, что онъ поступилъ справедливо. Искусный и смѣтливый Прункулъ, видя необходимость уступить силѣ, заблаговременно присталъ къ партіи правительства и всемогущаго тогда Крупенскаго и успѣлъ вторично быть избранъ депутатомъ въ Совѣтъ. Онъ не сталъ отъ того добросовѣстнѣе, но только на вѣки разстался съ прежними своими сообщниками, которые доселѣ проклинаяютъ и поносятъ его.

Когда въ 1818 году проектъ образованія былъ одобренъ, и много открылось новыхъ должностей отъ выборовъ, надобно было озаботиться, чтобы было кѣмъ ихъ замѣстить. Бывшій тогда намѣстникъ Бахметевъ выдумалъ къ тому очень хорошее средство: онъ приказалъ составить многочисленную дворянскую комиссію и всѣмъ имѣющимъ право на сіе достоинство явиться въ нее съ документами, а приватно поручилъ комиссіи не быть слишкомъ разборчивой и на скорую руку надѣлать побольше дворянъ. Она позволеніемъ симъ умѣла воспользоваться существовала только 24 часа, но времени

не потеряла: вдругъ явилось 260 новыхъ дворянскихъ родовъ. Одинъ предлагалъ своего кучера, и другой соглашался съ условіемъ, чтобы принять его повара; спорить и прекословить было некогда, ибо не дано было времени опомниться. Послѣ того было изъ кого выбирать!

Жалобы и неудовольствія, возникшія противъ такого страннаго и неслыханнаго способа къ пріобрѣтенію благороднаго званія, заставили вполнѣдствіи времени учредить новую комиссію, которой дано гораздо болѣе времени и другія правила въ руководство къ разсмотрѣнію правъ на дворянское достоинство. Симвъ распоряженіемъ обязана Бессарабія генералу Инзову. Но какъ этому человѣку судьбой опредѣлено дѣлать все хорошее противозаконнымъ образомъ, то вздумалъ онъ самъ предсѣдательствовать въ комиссіи. Слѣдствіемъ трудовъ ея было убавленіе числа Бессарабскихъ дворянъ на цѣлую треть, такъ что 170 фамиліямъ только предоставлено пользоваться симъ правомъ. Теперь занимаются составленіемъ родословной книги, и послѣ отошлется она въ герольдію, которая, не взирая на извѣстную ея снисходительность, едва ли еще не сбавитъ половины.

Но тогда, чтò будемъ мы дѣлать? Теперь нуждаемся въ дворянахъ, а тогда половина мѣстъ отъ выборовъ останутся праздыми. Надобно замѣтить, что здѣсь почти столько же особъ дворянскихъ, сколько фамилій, ибо почти все одни только родоначальники. Когда изъ семействъ исключить стариковъ и малолѣтнихъ, не считать тѣхъ, кои по болѣзнямъ или лѣности уклоняются отъ службы, тѣхъ, кои находятся за преступленія подъ судомъ и тѣхъ, кои заслуживаютъ поступками своими быть вскорѣ суду преданы: то мудрено сказать, чтò представится при будущихъ выборахъ. По области 75 избираемыхъ мѣстъ, а на послѣднихъ выборахъ было только 125 избирателей. Можетъ, правительство вынуждено будетъ всѣ должности замѣстить коронными чиновниками по примѣру тѣхъ губерній, гдѣ мало дворянъ. Все къ лучшему!

Объ исполнительной экспедиціи областного правительства и о гражданскомъ губернаторѣ.

Областное правительство состоитъ изъ двухъ экспедицій: исполнительной и казенно-экономической. Каждая изъ нихъ дѣйствуетъ порознь, но нѣкоторыя дѣла подлежатъ общему ихъ сужденію. Первая изъ сихъ экспедицій хорошо названа исполнительной, ибо она только приводитъ въ исполненіе распоряженія намѣстника, совѣта или общаго собранія областного правительства, сама же никакихъ не дѣлаетъ; за то она безвреднѣе всѣхъ другихъ присутствій области и, кажется, не слышать на нее большихъ жалобъ.

Въ сей экспедиціи предсѣдательствуетъ гражданскій губернаторъ. Обязанности его и права весьма распространены уставомъ образованія, но власть его обстоятельствами не только ограничена, почти ничтожна. Здѣсь прежде не было губернатора; съ начала гг. Стурдза и Гартингъ управляли всѣми частями, а потомъ намѣстники, имѣя пребываніе свое въ Кишиневѣ, сами входили во всѣ подробности управленія. Молдаванс, привыкнувъ видѣть власть въ однѣхъ рукахъ, смотрятъ на званіе губернатора, какъ на совершенно из-

лишнее. Характеръ же господина Катакази, кротость его, немало къ тому способствовали. Посреди ужасныхъ раздоровъ бывшихъ между намѣстниками и Совѣтомъ, посреди волненій партій, шелъ онъ постоянно непримѣтной тропой своей, мало дѣлалъ добра, ибо не въ силахъ былъ творить его, но за то не участвовалъ ни въ какомъ злѣ. Безъ претензій, безо всякаго вліянія, честный и благородный Катакази жилъ въ уединенномъ кругу своего семейства и нѣсколькихъ земляковъ, образованныхъ Грековъ, загнанныхъ сюда послѣдними происшествіями въ Турціи. Одно обстоятельство подало ему случай доказать все, что онъ въ состояніи сдѣлать. Когда моровая язва показала въ концѣ 1819 года въ Яскомъ и Хотинскомъ цынутахъ, то онъ немедленно отправился на мѣсто, и тамъ никто узнать его не могъ, любовь къ человечеству воспламенила его, онъ пренебрегалъ всѣми опасностями, переносилъ холодъ и недостатокъ въ пищѣ, около трехъ мѣсяцевъ жилъ въ землянкахъ, самъ являлся въ зараженныя деревни и примѣромъ своимъ ободрялъ и поощрялъ жителей, умѣлъ распоряжаться, дѣйствовать, повелѣвать, награждать и наказывать. Наконецъ успѣхъ увѣнчалъ безпримѣрное его усердіе: зараза не проникнула во внутренность области, и черезъ то спасъ онъ, можетъ быть весь Южный край Россіи. По возвращеніи впалъ онъ опять въ прежнее равнодушіе; но надобно сказать къ его чести, что тамъ былъ онъ облеченъ властію, необходимою при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ и могъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію, а здѣсь долженъ опять находиться въ принужденномъ бездѣйствіи. Вообще нельзя сказать, чтобы онъ былъ человѣкъ твердаго и рѣшительнаго характера или имѣлъ бы отмѣнныя способности; но, живши долго въ Бессарабіи, знаетъ очень хорошо ходъ дѣлъ ея, и потому если когда нибудь учредится для нихъ при Сенатѣ высшая инстанція, то можетъ онъ быть преполезнымъ сенаторомъ.

О казенно-экономической экспедиціи и о Крупенскомъ.

Изъ всѣхъ частей по управленію Бессарабской области нѣтъ, можетъ быть, ни въ одной столько безпорядковъ какъ по дѣламъ казеннымъ. Сіе происходитъ, кажется, болѣе всего отъ сохраненія неблагоприятной системы сборовъ, установленныхъ прежними Молдавскими узаконеніями.

Источниками казенныхъ доходовъ въ области, суть слѣдующіе: 1-е по-семейная подать, называемая *биръ*, со всѣхъ вообще жителей, *даждіа* съ мазыловъ и *аваетъ* съ поселянъ, на казенныхъ земляхъ живущихъ: каждый женатый платитъ ежегодно по одному червонцу или по 15-ти левовъ, а холостой взрослый по получервонцу или 7-ми левовъ 20 паръ; 2-е таможенные пошлины, 3-е продажа питей по казеннымъ городамъ, мѣстечкамъ и селеніямъ; 4-е *гоштина* или сборъ съ овецъ, *дежда* съ пчель и свиней, *вадраритъ*, съ винограднаго вина и *погонаритъ* съ посѣва табаку и, наконецъ, 5-е всѣ поземельныя статьи въ казенныхъ имѣніяхъ.

Изъ вышеписанныхъ податей только первая вносится жителями прямо въ цынутныя казначейства, а послѣднія собираются посредствомъ откуповъ,

Въ началѣ каждаго года дѣлаются чрезъ публикаціи вызовы желающимъ принять на себя откупы; люди являются съ достаточными залогами, другъ передъ другомъ набавляютъ цѣны; за тѣмъ, кто болѣе другихъ дастъ, утверждается откупъ, и казенно-экономической экспедиціи ничего болѣе не остается дѣлать, какъ получать исправно по срокамъ деньги. При началѣ года знаетъ уже она, сколько слѣдуетъ ей получить, а въ случаѣ неплатежа приступаетъ къ продажѣ залоговъ или цѣлаго имѣнія откупщика. Кажется, можно ли сыскать средство легче и простѣе? Но опытъ показалъ всѣ неудобства и злоупотребленія, сопряженныя съ симъ порядкомъ, какъ мы ниже сего увидимъ.

Сверхъ того, собирается еще сумма на земскія повинности, отопливаніе и освѣщеніе, содержаніе лазаретовъ, гаубвахтъ, также для почтовыхъ лошадей и станціонныхъ строеній и прочаго. Для сего положено собирать ежегодно по 9-ти левовъ, и суммы на издержки сіи казенная экспедиція отдаетъ также подрядчикамъ подъ залоги.

Кто не знаетъ, что въ Молдавіи и Валахіи, подъ названіемъ откупа, разумѣется купленное право законнымъ образомъ грабить и обогащаться? Первый откупщикъ и владѣтель есть владѣтельный князь и господарь, отъ самой Порты подлостями и подарками право сіе получившій; востіарь его, вель-логоветъ, вель-банъ и другіе первые чиновники суть его контрагенты, прочая же челядь субъ-арендаторы или, лучше, воры нижняго разряда. Каждый изъ нихъ есть губка, всасывающая въ себя потъ и кровь народныя, которые изъ нихъ опять вышею властію выжимаются. Около трехсотъ лѣтъ сей порядокъ или безпорядокъ такъ существуетъ.

Человѣкъ, взросшій посреди сихъ дикихъ и вмѣстѣ развратныхъ нравовъ, но рожденный съ умомъ, съ чувствительностію и съ понятіемъ о чести, употребленъ былъ въ дѣлахъ Дивана во время занятія двухъ княжествъ нашими войсками, и часто находился въ обществѣ съ образованнѣйшими изъ нашихъ соотечественниковъ. Пристрастясь ко всему Русскому, по заключенію мира онъ съ радостію поселился въ Бессарабіи и обмѣнялъ богатя помѣстья, имъ за Прутомъ оставленныя. Зная хотя мало, но болѣе другихъ Молдаванъ, Русской языкъ и законы, управлялъ онъ почти съ самаго начала присоединенія области казенною частію, сперва въ должности совѣтника, а послѣднія пять лѣтъ въ званіи вице-губернатора.

Можетъ быть, привычки дурныя, примѣромъ безкорыстія и твердости Русскихъ его начальниковъ не исправленныя, тщеславіе его, по которому платилъ онъ снисхожденіемъ за низкіе поклоны земляковъ своихъ, безопасность сродная всѣмъ Молдаванамъ, невѣдѣніе ужасной отвѣтственности, которой онъ можетъ подвергнуться (ибо въ отчизнѣ его слово *отчетъ* неизвѣстно), и самонадѣянность его, происходящая отъ увѣренности, что никто лучше его сею частію управлять не можетъ, произвели, наконецъ, всю запутанность и хаосъ, найденные недавно въ казенно-экономической экспедиціи.

Никто еще не оказалъ новымъ поданнымъ болѣе щедроты и милосердія, какъ нашъ Государь Бессарабскимъ жителямъ. Первые годы избавлены они были отъ всѣхъ податей, а нынѣ областныя доходы обращаются на удов-

летвореніе нуждъ самой же области, на жалованье чиновникамъ, наемъ квартиръ для присутственныхъ мѣстъ и прочее. Десятая доля изъ всѣхъ доходовъ отдѣляется на составленіе капитала для казенныхъ строеній, богоугодныхъ заведеній, школъ и прочаго, а остающаяся затѣмъ уже сумма поступаетъ въ государственныя казначейства.

Сии благодѣтельныя распоряженія существуютъ уже съ 1818 года, а какъ ежегодный доходъ простирается до четырехъ милліоновъ левовъ, то съ тѣхъ поръ такъ называемая десятипроцентная сумма для богоугодныхъ заведеній должна бы возрасти, по крайней мѣрѣ, до двухъ милліоновъ, тѣмъ болѣе, что ничего не заведено, что ничего не построено. Но увы! ея нѣтъ, она вся въ недоимкѣ. Кто бы могъ думать, что при такой умѣренной посемейной подати и при такихъ средствахъ, раковы откупы къ полученію доходовъ, могла быть недоимка? Какъ можно было допустить ее до столь значительнаго накопленія?

Нельзя утаить, чтобы всему не былъ виною вице-губернаторъ Крупенскій; его нельзя извинить даже тѣмъ, что у него не было хорошихъ сотрудниковъ: ибо дѣла, бывъ производимы на Русскомъ языкѣ, онъ могъ бы имѣть достойнѣйшихъ чиновниковъ.

Тутъ есть тайна, которую мы только что подозрѣваемъ; но скоро, можетъ быть, откроется истина нашихъ замѣчаній. Вотъ въ чемъ состоятъ они. Всѣ почти здѣшніе Молдаване суть люди обогатившіеся въ самоскорѣйшемъ времени легкими непозволительными средствами; *не насытится око зрѣніемъ, а умъ богатствомъ*; сдѣлавъ фортуны, желалось бы имъ увеличить ее. На какія средства? Красть не даютъ или даютъ мало; умножить состояніе хозяйственными заведеніями, улучшеніемъ хлѣбопашества, садоводства, скотоводства, имъ кажется слишкомъ медленно и скучно; завести фабрики или что-нибудь подобное, у нихъ нѣтъ ни смысла, ни терпѣнія. Къ тому же число Русскихъ ежегодно умножается, вездѣ ихъ встрѣчаешь, они толкуютъ о чести, о наукахъ, твердятъ, что надобно довольствоваться жалованьемъ или состояніемъ, которое Богъ послалъ, заводятъ балы, прельщаютъ женъ и дочерей, сыновей заманиваютъ въ службу. То-ли дѣло было за Прутомъ? Такъ ли тамъ наживались? Какъ бы избавиться отъ спехъ ненавистныхъ людей, какъ бы можно дороже сбить купленные за безцѣнокъ имѣнія и потихоньку перебраться потомъ въ любимую сторонушку! Такъ, вѣрно, многіе разсуждаютъ, и откупы представляютъ имъ самыя выгодныя средства къ исполненію ихъ желаній. Надобно знать, какъ они происходятъ. Молдаване у Молдаванъ оцѣниваютъ имѣнія и обыкновенно вдвое или втрое дороже настоящей ихъ цѣны; съ сими залогомъ являются они къ торгамъ, и оныя принимаются у нихъ на половину условленной откупной суммы. Напримѣръ, еслибъ у насъ имѣніе стоящее 10 т. рублей оцѣнено было въ сорокъ тысячъ и принято залогомъ по откупу, за который слѣдуетъ заплатить 80 тысячъ, и прибавить къ тому барышъ, который откупщикъ получить: то неужели онъ будетъ такъ простъ, чтобы, получивъ 80 или 85 тысячъ рублей, не предоставилъ правительству владѣть десятитысячнымъ его имѣніемъ? Вотъ какимъ образомъ выросла не-

доимка болѣе нежели на четыре милліона. Тѣхъ, коимъ сужденія наши покажутся неосновательными, спросимъ: какая недоимка была доселѣ строго взыскиваема? Какое имѣніе по неисправному платежу поступило въ публичную продажу? И если теперь будутъ принимать строгія мѣры, то какую цѣну давать будутъ или кто явится къ покупкѣ? Выходить, что казна по неволѣ купитъ за несоразмѣрную цѣну ненужныя ей имѣнія.

Какимъ образомъ поступитъ нынѣ правительство къ удовлетворенію казны, мы не вѣдаемъ; только полагаемъ навѣрное, что если прижать покрѣпче тѣхъ людей, у коихъ описано даже нужное платье, то изъ кармановъ посыпятся червонцы.

Изъ всего вышесказаннаго мы не выводимъ заключенія, чтобы Крупенскій умышленно участвовалъ въ семъ злоупотребленіи; но неосудительна ли его неосторожность въ семъ случаѣ? Онъ долженъ былъ знать своихъ земляковъ и не уважать ихъ колѣнопреклоненіями.

Удаленіе его отъ должности сдѣлалось необходимымъ; чѣмъ далѣе продолжалось бы его управленіе, тѣмъ болѣе увеличались бы беспорядки. Но какъ не пожалѣть о томъ, что человекъ сей, имѣя способности, благородное честолюбіе и необыкновенную приверженность къ Русскому правительству, могъ бы при другихъ начальникахъ сдѣлаться чрезвычайно полезенъ для сего края, но избалованный счастіемъ не умѣлъ имъ пользоваться и такъ дурно оканчиваетъ свой каррьеръ? Впрочемъ мудрено сказать, въ чемъ именно состоитъ вина его и какое можно противъ него имѣть подозрѣніе. Онъ былъ богатъ до вступленія въ должность, съ тѣхъ поръ ничего не купилъ и нажилъ большіе долги. Это всѣмъ извѣстно, а между тѣмъ злоупотребленія при немъ были ужасныя, и онъ самъ одинъ управлялъ всѣми дѣлами экспедиціи, почти безъ всякаго участія совѣтниковъ и другихъ подчиненныхъ. Какъ рѣшить сію задачу? Время все откроетъ; много будетъ труда его преемнику, а еще болѣе тѣмъ, коимъ поручено будетъ его считать. Главное затрудненіе будетъ въ предложенныхъ имъ и генераломъ Иязовымъ одобренныхъ, мудреныхъ распоряженіяхъ на счетъ приѣма и выдачи денегъ по разнымъ курсамъ. Какъ за подати, такъ и за повинности принимаемы были сторублевыя ассигнаціи во 140 левовъ и другія по той же пропорціи, а выдавались по курсу существующему въ Одессѣ и ежемѣсячно перемѣняющемуся, то-есть отъ 160 до 170 левовъ. Разница отъ того выходящая и выгрышъ долженъ былъ на слѣдующіе годы быть зачтенъ въ пользу жителей, съ коихъ подать собиралась; конечно отъ того будетъ имъ послѣ облегченіе, но покамѣстъ видятъ они несправедливости и теряютъ довѣренность къ правительству, а для поправки счетовъ представляются чрезвычайныя затрудненія.

Объ уголовномъ судѣ и о Жидахъ.

Такъ какъ нѣтъ здѣсь ни одного уголовного дѣла, въ которомъ бы Евреи не имѣли болѣе или менѣе участія, и они находятся подъ особеннымъ покровительствомъ предсѣдателя уголовного суда, то, говоря о семъ судѣ, нѣтъ, ка-

жется, приличнѣе мѣста описать вліяніе сего многочисленнаго и вреднаго народа на участь жителей Бессарабіи.

Уголовный судъ заключается въ одномъ предсѣдателѣ его. Занимая нѣсколько комнатъ въ домѣ, нанятомъ для присутствія, въ своемъ кабинетѣ слушаетъ онъ дѣла, по своему усмотрѣнію пишетъ самъ резолюціи, и потомъ остается только совѣтникамъ подписать оныя, а секретарю скрѣпить. Нѣкоторымъ покажется странною такая покорность со стороны соприсутствующихъ и подчиненныхъ; но кто знаетъ властолюбіе г. Курика, долголѣтнюю его опытность, свѣдѣнія въ законахъ, а особливо по части криминальной, и робость его совѣтниковъ, для того не будетъ сіе загадкой. Такъ какъ г. Курикъ играетъ и понынѣ большую роль въ области, входилъ во всѣ дѣла, мѣшался во всѣ интриги и именемъ его полна Бессарабія, то простятъ намъ, можетъ быть, если мы долго займемся описаніемъ сего страннаго произведенія природы.

Онъ родился посреди Малороссійскихъ козаковъ. Въ то время (ибо онъ давно уже живетъ на свѣтѣ) Малороссіяне не гордились еще именемъ Русскихъ, а мы еще не признавали ихъ за братій; подъ словомъ Москаль разумѣли они ненавистныхъ людей, а мы называли ихъ презрительнымъ именемъ Хохловъ. Все перемѣнилось съ тѣхъ поръ, но только не сердце г. Курика: вкоренившаяся вражда его противъ Русскихъ отъ времени еще болѣе умножилась. Долго неблагопріятствующая судьба держала его въ черномъ тѣлѣ, долго пресмыкался онъ въ неизвѣстности, попадалъ подъ начальство къ Русскимъ, раболѣпствовалъ имъ, терзался завистію и злобою, тайно старался вредить имъ, и иногда въ томъ успѣвалъ. Последняя половина его біографіи, имъ самимъ рассказанная, приводитъ въ ужасъ, ибо доказываетъ всю неблагодарность, какую сердце человѣческое вмѣцать въ себѣ можетъ. Какой-то инстинктъ влечетъ его ко всему низкому, ко всѣму нечистому, коварному; изъ людей болѣе всего любитъ онъ Жидовъ, изъ животныхъ кошекъ, но болѣе всего не терпитъ онъ Русскихъ, въ которыхъ видитъ сѣверныхъ варваровъ, наводнившихъ прекрасныя полуденныя страны и которыхъ съ радостью прогналъ бы онъ въ ихъ ледяное царство (собственное его выраженіе).

Онъ ужасно самолюбивъ, и малѣйшее противорѣчіе дѣлаетъ изъ него непріятели; но онъ довольно хитеръ, умѣетъ прикинуться сострадательнымъ къ угнетеннымъ, твердитъ безпрестанно о человѣколюбіи, неопытныхъ или непроницательныхъ людей легко можетъ обольстить и потому могъ бы сдѣлаться опасенъ; къ счастью, онъ вспыльчивъ и болтунъ преестественный, есть минуты, въ которыя у него ничего удержаться не можетъ.

Какъ могъ онъ съ такимъ характеромъ столько время удержаться? Особливо когда онъ не гений, и натура дала ему ума и способностей въ обрѣзъ? Вопросъ сей разрѣшить не трудно. Ко всякому намѣстнику втирается онъ ужомъ и жабой, всѣми мѣрами старается угодить и когда въ томъ успѣветъ, то пользуется кредитомъ своимъ, устраняетъ противниковъ и въ тоже время придумываетъ средства, какъ бы ввести начальника въ заблужденіе и тѣмъ

погубить его ¹⁾). Когда откроется его измѣна и предательство, то вдругъ перебрасывается онъ въ партію возмутителей и принимаетъ видъ противника несправедливой власти. Бахметевъ не успѣлъ, а Инзовъ не умѣлъ выпроводить сего молодца, и его считаютъ вѣчнымъ и необходимымъ.

Говоря о Верховномъ Совѣтѣ, ничего не упомянуто о Курикѣ; надобно было беречь силы для изображенія сего отвратительнаго предмета при описаніи уголовного суда. Въ семъ совѣтѣ имѣетъ онъ также немалый вѣсъ: когда угрожала ему какая-нибудь напасть, то спасался онъ въ него, какъ въ убѣжище, въ коемъ не могла постигнуть его власть намѣстника и тамъ красовался онъ нѣкогда съ Баланескомъ и Прункуломъ. Сей послѣдній отъ нихъ удачно отдѣлился и теперь еще не въ ладахъ съ Курикомъ; но случаются дѣла, въ коихъ видно между ними согласіе: тогда можно навѣрное поручиться, что начало сихъ дѣлъ предшествовало разрыву сихъ бездѣльниковъ, когда они дѣйствовали еще за одно и дѣлили все пополамъ.

Теперь приступимъ къ важному предмету, къ власти Иудейской, распространенной по Бессарабіи посредствомъ Курика и объяснимъ причины, отъ коихъ сіе произошло. Любовь (если только можно употребить сіе слово, говоря о Курикѣ), любовь воспалила престарѣлое его сердце къ женщинѣ, принадлежащей сей націи. Такая слабость можетъ казаться только смѣшною и даже до нѣкоторой степени извинительною, и мы умолчали бы о сей пакости, еслибъ она не имѣла самыхъ дурныхъ послѣдствій для здѣшней земли.

Когда старшій грѣхотворникъ предался всесильной страсти, сердца Иудейскія оживились надеждою; въ старой его Жидовкѣ увидѣли они прекрасную Эсфирь ²⁾), защитницу и подпору Израиля, и тогда, внимая молвѣ о ея могуществѣ, бѣднѣйшіе изъ нихъ тысячами кинулись сюда изъ Польши. Всѣ они прибѣгнули къ Курьку, а онъ, будучи тогда въ тѣсной связи въ Молдавскими дворянами, крещеными Жидами, сблизилъ ихъ и всѣми силами способствовалъ ихъ водворенію; во множествѣ появились тогда и здѣшніе Жиды, дотоле скрывавшіеся во мракѣ.

Прежде того занимались они мелочной торговлей и исправляли нѣкоторыя ремесла, но тутъ начали вступать въ подряды и откупа, брать на посесію имѣнія помѣщиковъ и стали грабить и притѣснять жителей. Бѣдные Молдаване, въ теченіи столѣтій попираемые, умѣли сохранить однакоже чувство челоуѣческаго достоинства: повинуюсь всѣмъ, не позволяли повелѣвать собою Жидамъ, которые не смѣли много шумѣть съ послѣднимъ крестьяни-

¹⁾ Два года сряду проводилъ онъ у генерала Бахметева все свободное отъ службы и плутией время и пользовался неограниченной его довѣренностію. Выходя отъ него, бѣжалъ онъ домой, чтобы сочинить Молдаванамъ на него просьбы. Добродушный и простосердечный Бахметевъ не хотѣлъ тому вѣрить до тѣхъ поръ, пока принесли ему въ доказательство черповья бумаги. Сама природа отличила его цвѣтомъ предателей: у него шерсть рыжая, какъ у Иуды.

²⁾ Законная супруга Курика, горбатая Васти его, живетъ въ заточеніи и умираетъ съ голоду въ Севастополѣ. Проживъ или присвоивъ себѣ приданный ея капиталъ, не хочетъ онъ о ней теперь и слышать.

номъ, а нынѣ вездѣ видимъ бѣдныхъ мужиковъ, стоящихъ предъ Жидомъ съ обнаженной и поникшей головой; судьба опредѣлила имъ испытать и послѣднее сіе униженіе.

Въ другихъ земляхъ, конечно, много есть просвѣщенныхъ Евреевъ, не раздѣляющихъ пороки своихъ соотечественниковъ; но масса сего народа, особливо у насъ, суевѣрна до безумія. Развратить христіанина, довести его до преступленія, помогать ему въ томъ, обворовать его и обвинять его, по ихъ мнѣнію, дѣла пріятныя Іеговъ. И потому всегда видимъ мы ихъ помогающихъ молодежи въ любовныхъ дѣлахъ, хотя бы за бездѣлицу; сребролюбіе, удовольствіе мести и обязанности религіи—все разомъ удовлетворяется. Размноженіе и обогащеніе ихъ въ Бессаравіи настоящая зараза; къ тому же надобно знать, что простые Молдаване едва ли не самый непорочный народъ въ мірѣ; среди рабства сберегли они необыкновенную чистоту нравовъ; не взирая на худые примѣры, не знаютъ воровства, не любятъ пить, смиренны, но упрямы какъ волы, ими пасомые; вѣрность супруговъ и цѣломудріе дѣвъ почитаются самыми обыкновенными добродѣтелями; обольщенную наказываютъ, но жалѣютъ о ней, а обольстителя преслѣдуютъ до гроба, и не было примѣра, чтобы простой мужикъ продалъ честь жены своей или дочери. Посреди сихъ почтенныхъ поселянъ, да представляютъ себѣ Жидовъ, работающихъ безпрестанно, чтобы развратить ихъ, и да пожалѣютъ о ихъ участи!

Пристрастіе г. Курика не есть секретъ, всѣмъ это извѣстно. Они могутъ злодѣйствовать, не опасаясь наказанія: въ уголовномъ судѣ у нихъ есть вѣрный защитникъ, и онъ же за нихъ въ другихъ присутствіяхъ самый сильный и усердный ходатай. Если Жидъ побьетъ или убьетъ христіанина, то все будетъ скрыто; но горе всякому Русскому или Молдавину, дерзнувшему оскорбить Жиду: онъ раскается въ томъ. Приведемъ въ примѣръ нѣсколько случаевъ для подкрѣпленія и доказательства справедливыхъ обвиненій нашихъ.

Генераль Бахметевъ, не умѣвшій ничего Курику отказывать, отдалъ ему мѣсто подлѣ митрополіи, назначенное для построенія губернаторскаго дома. Онъ началъ заготовлять матеріалы, какъ вдругъ преосвященный Гавріилъ, покойный экзархъ, узнавъ тайно, что домъ имъ предполагаемый долженъ быть отданъ подлѣ синагогу, дабы рядомъ поставить ее съ архіерейскимъ домомъ, и ужаснувшись такого ругательства противъ господствующей вѣры, усердно молилъ бывшего уже тогда намѣстникомъ Инзова отнять мѣсто у Курика, что вслѣдствіе просьбы его и исполнено.

Тотъ же самый митрополитъ, замѣтивъ, что въ воскресные дни во всей Бессаравіи бываетъ большой торгъ (ибо по Субботамъ Евреи, главные торговцы, ничего не продаютъ и не покупаютъ) и чрезъ то храмы христіанскіе пустѣютъ, просилъ у правительства запрещенія торговать по Воскресеньямъ. Мнѣніе его поступило на разсмотрѣніе въ Верховный Совѣтъ, въ которомъ тогда владычествовалъ Курикъ; онъ долго не хотѣлъ согласиться и сдѣлалъ сіе только съ условіемъ, чтобы по Субботамъ и христіанскія лавки были заперты. И безумный Совѣтъ подписалъ такое опредѣленіе!

Недавно пять церквей въ Кишиневѣ и окрестностяхъ были обокрадены; пойманы Жиды въ семь воровствъ, уличены и со всеѣмъ тѣмъ оправданы. Желая отомстить христіанамъ, выдумали они, что изъ ихъ школы унесли какую-то утварь. Поймали какого-то несчастнаго и, можетъ быть, безвинно наказали.

Довольно сихъ примѣровъ. Къ дополненію скажемъ: въ іудаизмѣ Курика такъ все увѣрены, что многіе полагаютъ, будто онъ перемѣнилъ вѣру и подвергнулъ себя церемоніи обрѣзанія. Чего добраго!

Неужли небесный гнѣвъ постигъ несчастную Бессарабію? Неужли надъ ней вѣчное проклятіе, и она навсегда осуждена страдать отъ Курика и Жидовъ? Если такъ, то честнымъ людямъ не останется ничего болѣе дѣлать, какъ скорѣе изъ нея ускакать.

О гражданскомъ судѣ.

Мы не имѣемъ достаточныхъ свѣдѣній по части гражданскихъ законовъ, особливо Молдавскихъ, и потому можемъ судить только поверхностно о недостаткахъ здѣшняго судопроизводства; однакоже не упустимъ означить, сколько извѣстно намъ, все злоупотребленія, проистекающія отъ его несовершенства.

Уставомъ образованія предоставлены здѣшней области, по части гражданской, все законы, все права и обычаи земли Молдавской. Въ сей послѣдней основаніемъ законовѣднія служили: 1-е *Іустиніановъ кодексъ* и все узаконенія Греческихъ императоровъ (но въ нихъ никто не заглядывалъ, а совѣтывались иногда съ извлеченіемъ изъ законовъ, извѣстнымъ подъ именемъ *Арменопуло*), 2-е, *Хрисовулы* или господарскія грамоты, и 3-е наконецъ, такъ называемый *Обычай Пымынтулуй*, то-есть обычай земли.

Чтобы дать понятіе о семъ обычаѣ, скажемъ, какъ онъ составился. Когда власть господарская сдѣлалась неограниченною и встрѣчала въ нѣкоторыхъ случаяхъ препятствія къ исполненію воли своей во власти законовъ, то случаи сіи названы чрезвычайными, и по нихъ дѣлались особыя рѣшенія. Мало по малу, всякій случай сдѣлался чрезвычайнымъ, и по всякому было опредѣленіе, несогласное съ законами. Изъ сихъ-то опредѣленій Дивана, утвержденныхъ господаремъ, составилось, наконецъ, собраніе нелѣпостей и несправдливостей подъ именемъ Обычи - Пымынтулуй, и сей памятникъ варварства оставленъ какъ благодѣяніе для Бессарабіи. О Криницкій!

Любопытно также знать, какъ тяжбы дѣла разсматриваются въ Молдавскомъ диванѣ. Онъ не имѣетъ постояннаго пребыванія, но когда есть дѣло, интересующее господара, то созываетъ онъ членовъ его въ тропную свою залу и тамъ, сидя на престолѣ, соблюдаетъ нѣкоторый порядокъ благочинія въ слушаніи дѣлъ. На все же прочія трактація зовутъ первостатейные бояра къ себѣ въ гости, какъ на вечеринку, слушаютъ дѣла, спорятъ о нихъ и подписываютъ приговоры, кушая дучеды среди густаго табачнаго дыма. Бѣдный проситель не знаетъ, гдѣ будутъ рѣшать участь его и бѣгаетъ по городу, высуня языкъ, чтобы узнать о томъ. Архива нѣтъ у нихъ, произ-

водство дѣлъ не сохраняется, всѣ документы возвращаются просителямъ, а остаются только одни опредѣленія въ умноженіе обычаевъ. Такъ точно происходило и здѣсь, когда существовало общее собраніе департаментовъ.

Здѣшніе судьи вздыхаютъ о сихъ прекрасныхъ обыкновеніяхъ; съ умиленіемъ вспоминаютъ они даже объ одномъ ужасномъ и справедливомъ законѣ, предъ коимъ они нѣкогда трепетали и который, къ сожалѣнію, здѣсь болѣе не существуетъ. Этотъ законъ называется *буздурань*, то есть, тяжеловѣсная булава господарская; въ минуты гнѣва его сей законъ ударяетъ виновныхъ членовъ Дивана, ломаетъ кости и ребра, а когда попадаетъ въ голову, то дѣйствительно дѣлается уголовнымъ, ибо лишаетъ жизни.

Но мы слишкомъ удалились отъ нашего предмета; поспѣшимъ къ нему возвратиться. Итакъ здѣшній гражданскій судъ руководствуется обычаемъ земли; изъ сего хранилища варварскихъ узаконеній почерпаетъ онъ правила для сужденій своихъ. А какъ нѣтъ ни одного рода дѣла, по коему не было бы двухъ или трехъ опредѣленій, одно другому противорѣчащихъ: то судья всегда властенъ выбирать любые примѣры, примѣнять ихъ къ своимъ видамъ и дѣйствовать по пристрастію сколько ему угодно. Иногда можетъ онъ раскрывать Арменопуло, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и именно по частнымъ тяжбамъ съ казною, придерживаться Русскихъ законовъ. Какой хаосъ! Какая путаница! Однимъ словомъ, всѣ законы въ здоровомъ смыслѣ и чистой совѣсти судьи, а гдѣ искать этого между Молдаванами?

Такой необыкновенный человѣкъ нашелся однакоже въ особѣ предсѣдателя гражданскаго суда, старикѣ Башотѣ, мужикѣ отмѣнно честномъ и довольно смышленомъ. Обязанъ будучи разбирать чужія тяжбы, онъ старался никогда своихъ не заводить. Къ сожалѣнію, онъ недавно занимаетъ сіе мѣсто, имѣетъ только одинъ голосъ и безпрестанно въ несогласіи съ своими совѣтниками, желающими въ цѣлости сохранить необузданность Молдавскихъ судей.

Дабы показать, какъ доселѣ дѣйствовалъ гражданскій судъ, приведемъ одинъ или два примѣра, по коимъ можно будетъ судить и о прочихъ его дѣлахъ.

Одинъ помѣщикъ, именно Баланеско Россетъ, основываясь на несправедливости раздѣльнаго акта въ 1726 году между прабабкой его, урожденной Стурдзовой и ея братьями, требовалъ, чтобы отданы были ему нѣкоторыя принадлежавшія сей фамиліи помѣстья въ Бессарабіи. Протекло близъ ста лѣтъ, четыре поколѣнія Россетовъ не оспаривали правъ Стурдзовыхъ; отъ братьевъ раздѣлившихъ имѣніе и сестры ихъ народилось множество Стурдзовъ и Россетовъ, владѣющихъ имѣніями по обѣимъ сторонамъ Прута. Слѣдственно какъ можно было доказать, что здѣшніе Стурдзы здѣшнему Россету должны отдать имѣніе? Особливо когда онъ требовалъ именно отъ которыхъ, не домогаясь получить отъ другихъ, также здѣсь живущихъ и также отъ братьевъ его прабабушки происходящихъ. Гражданскій судъ приговорилъ въ его пользу, и до окончательнаго рѣшенія, во ожиданіи вѣрнѣйшихъ справокъ, предписалъ вести Баланеско во владѣніе; сіе было во время владычества его въ Совѣтѣ. Послѣ того сіе дѣло вытребовано въ Верховный Совѣтъ и подъ предсѣда-

тельствомъ самаго Инзова единогласно рѣшено, чтобы отнять у Баланеско имѣніе. Ничего нѣтъ справедливѣе, но увы! Не справедливость тогда имѣли въ виду: тутъ дѣйствовало одно желаніе унижить и обобрать Баланеско. Въ этомъ случаѣ одинъ членъ, г. Курикъ, показалъ свой характеръ. Онъ не согласился ни подписать журналъ противъ Баланеско, ни войти съ особливимъ мнѣніемъ въ пользу его, хотя судимые Стурдзы не хотѣли подавать на него подозрѣнія. Онъ самъ объявлялъ, что онъ другъ Баланеско и потому въ семь дѣлъ участвовать не можетъ. Человѣкъ, который въ одномъ дѣлѣ самъ себя объявилъ пристрастнымъ, не можетъ ни въ какомъ другомъ, по мнѣнію нашему, быть судьей.

Мы видѣли несправедливость, отъ коей пострадали Стурдзовы; скажемъ теперь несправедливость, однимъ изъ членовъ сей фамиліи учиненную. Много деревень, которыя были поселены въ Ясскомъ, Оргѣвскомъ и Хотинскомъ цынутахъ, отъ притѣсненій и разбоевъ опустѣли, жители ихъ разошлись; наконецъ, они совсѣмъ перестали существовать, и остались только одни урочища, сохранившія ихъ имена. Нѣкоторые изъ бояръ купили послѣ мѣста сіи по документамъ; но какъ деревень не находилось, то по выбору брали они любую сосѣдственную деревню, утверждая, что она въ старину тѣмъ именовалась. Изъ того выходили споры, тяжбы, но неправильно отнятыя деревни оставались за новыми владѣльцами, съ тѣмъ, однакоже, что они будутъ возвращены, когда найдутся тѣ деревни, которыя дѣйствительно то имя носятъ. Такимъ образомъ дипломатъ Александръ Стурдза завладѣлъ селеніями Дарабани и Каплювка, принявъ за несуществующую деревню Надабауцы, и г. Круценскій подъ именемъ Косоуць взялъ селеніе Неллипауцы. Первый изъ нихъ устыдился такого насильственного завладѣнія и недавно помпирлся за значительную сумму съ владѣльцемъ Діаманди, не имѣя въ томъ никакой нужды; но послѣдній и понынѣ еще владѣетъ. Всякому, кто не жывалъ въ Бессарабіи, покажется это неимовѣрнымъ; ошибиться дверьми можно, но принять одну деревню за другую и такими кипроко раззорять сосѣдей? Это дурная шутка!

Медленности въ теченіи дѣлъ гражданскаго суда гораздо менѣе замѣтно, чѣмъ въ Верховномъ Совѣтѣ; кто съ нимъ въ этомъ сравняться можетъ! Но и тутъ дѣла накаплиются. Если будетъ усердный и ревностный областной прокураторъ, примется сихъ лѣнивыхъ помыкать и будетъ поддержанъ правительствомъ, то сія часть можетъ еще нѣсколько поправиться.

Главный источникъ тяжбъ въ области есть Резешское право. Резешши не составляютъ особеннаго класса людей. Они владѣютъ въ одной деревнѣ малыми участками земли въ совокупности съ сосѣдами и родными. Всякой можетъ быть резешемъ, дворянинъ, мазылъ или крестьянинъ, но только сдѣлаться имъ было трудно, ибо сосѣди и родные всегда имѣютъ преимущество въ покупкѣ Резешской земли. Какъ многіе бояра заставляли себѣ уступать кусокъ земли въ Резешскихъ владѣніяхъ и потомъ, получивъ право, присвоивали себѣ остальные участки, то въ отвращеніе такой неправедности однимъ мудрымъ господаремъ постановлено, чтобы Резешъ не могъ уступать земли

своей и права иначе, какъ человѣку равнаго съ нимъ или низшаго состоянія. Но какой законъ здѣсь соблюдается? Названіе ихъ происходитъ отъ Славянскаго слова рѣзать, и подлинно нарѣзывается сихъ участковъ до безконечности; а какъ они всѣ въ протяженіи, то бываетъ, что земля шириною въ два дюйма или менѣ тянется на пять или на шесть верстъ. Всякой изъ Резешей знаетъ, что у него есть такой малой участокъ, называемый пармакъ; помѣщикъ какой нибудь старается выманить у него уступку, и тогда уже не зацѣпляй за сію ленту: лишь дотронешься, пойдутъ процессы, во избѣжаніе которыхъ сосѣди начнутъ за безцѣнокъ участки свои уступать, въ противномъ случаѣ должны войти въ раззорительныя тяжбы. Весьма полезно бы было сдѣлать въ разсужденіи сего новое какое нибудь постановленіе по примѣру Валахін и прекратить чрезъ то тысячу поводовъ къ злоупотребленіямъ.

О городѣ Кишиневѣ, о полиціи и строеніяхъ его.

Когда къ Россіи присоединили Бессарабію, то не было въ ней ни одного большаго города, въ которомъ пристойнымъ образомъ можно бы было учредить правительство. Центральное мѣстоположеніе Кишинева и мѣстопребываніе въ немъ митрополита Гавріила, который построилъ тутъ довольно обширный архіерейскій домъ и завелъ большой садъ, заставили въ послѣдствіи времени дать сей деревнѣ преимущество предъ малыми городами. Съ того времени постоянно въ немъ жили оба намѣстника, наѣхало множество чиновниковъ, ремесленниковъ всякаго рода; иностранные купцы открыли лавки, наполненныя предметами роскоши; существовавшій тогда тарифъ и сосѣдство съ Турціей и Австріей способствовали умноженію торговли, строенія распространились во всѣ стороны, и число жителей обоюго пола увеличилось отъ трехъ до 26-ти тысячъ. Сего мало: Государь пожаловалъ, какъ мы сказали, 10 процентовъ изъ областныхъ доходовъ для строенія казенныхъ зданій и общепользныхъ заведеній. Все благопріятствовало основанію Кишинева. Какъ же не подосадовать или подивиться, когда взглянешь на безпорядокъ его расположенія, на безобразіе его домовъ? Что же препятствовало ему сдѣлаться благоустроеннымъ, богатымъ и красивымъ городомъ?

Выборъ Кишинева не нравился генералу Бахметеву: онъ предпочиталъ ему Бендеры и всегда надѣялся перенести туда областныя присутственныя мѣста. Генералъ Инзовъ занимался исключительно обработываніемъ разведеннаго имъ садика; богатѣйшіе жители думали рано или поздно поселиться въ Яссахъ и заводили только временныя строенія и, наконецъ, изъ десятипроцентной суммы не сдѣлано ни малѣйшаго употребленія, да и лучше сказать, она совсѣмъ не существовала. Къ тому же сей городъ недавно поступилъ въ казенное вѣдомство; доселѣ принадлежалъ онъ Галатскому монастырю, зависящему отъ Святаго Гроба; эпитропы, или мірскіе опекуны монастыря, отъ имени его поднесли владѣніе онаго въ даръ Императору, когда онъ въ 1818 году удостоилъ его своимъ посѣщеніемъ. Но какъ онъ прежде того былъ отданъ въ откупъ на двадцать лѣтъ, и срокъ миновался только въ ны-

нѣшемъ 1823 году, то и не пользовался городъ доселѣ никакими почти доходами.

И такъ Кишиневъ, не взирая на свою обширность, въ правильности и чистотѣ едва ли можетъ равняться съ послѣднимъ нашимъ уѣзднымъ городомъ. Первоначально онъ былъ построенъ въ долину, на самомъ берегу мѣстами запруженнаго ручья Быкъ, который удостоиваютъ названіемъ рѣки. Сія древняя часть города и донынѣ существуетъ. Въѣзжая въ нее, равно страдаютъ и взоръ, и обоняніе: она вся состоитъ въ излучистыхъ переулкахъ, наполненныхъ Жидами и униженныхъ лачужками, тѣсно другъ къ другу приклеенными. Помой и нечистота стекаются сюда изъ всѣхъ мѣстъ, отсюда упадаютъ въ Быкъ и въ лѣтніе жары такъ заражаютъ воздухъ, что производятъ повальные лихорадки. Поднявшись немного выше, начинается новый городъ и идетъ отлого вверхъ по горѣ. Улицы и разрывы между домами становятся шире, но неправильность линий и нечистота вездѣ одинаковы. Все сіе оканчивается на высотѣ горы пространномъ полемъ, на которомъ предполагаются со временемъ соборъ и казенныя зданія. Отсюда видны городъ и окрестности: индѣ возвышаются (числомъ не болѣе пяти или шести) каменные двухэтажные дома, доказывающіе варварскимъ вкусомъ своимъ невѣжество строившаго ихъ архитектора; въ пныхъ мѣстахъ показываются церкви, недавно построенныя, длинныя, узкія, съ высокими остроконечными крышами и пмѣющія видъ каменныхъ ящиковъ. Вотъ весь Кишиневъ!

По нерадѣнію ли начальства или по недостатку въ способахъ полиція до сихъ поръ находится въ весьма жалкомъ состояніи. При ней положено по штату быть 40 десятниковъ. Въ сію должность употребляются обыкновенно Жиды, которые, конечно, весьма способны узнавать, гдѣ скрываются воры и краденныя вещи—*кому, какъ не мистъ всѣ мисы плутни знать*; но, кажется, лучше бы было употреблять ихъ шпионами, а сею должностію пользуются они только, чтобы грабить и притѣснять жителей. Неопрятность, о которой мы выше сказали, превосходитъ всякое описаніе; изъ больницъ, изъ боень, изъ прачешныхъ, изъ нужныхъ мѣстъ все выливается на улицу; всякій соръ, лоскутъ, мертвыя животныя валяются по землѣ и никогда не убираются; нѣтъ фонарей, нѣтъ будокъ, нѣтъ заставъ; не только нѣтъ мостовой, но бугры и ямы на улицахъ не сравниваются, и нигдѣ почти по бокамъ не прорыты канавы для спуска воды. Но одно изъ величайшихъ неудобствъ для пѣшеходцевъ въ Кишиневѣ есть чрезвычайное умноженіе собакъ, которыя днемъ и ночью тысячами бѣгаютъ, воемъ своимъ оглашаютъ городъ и нападаютъ на всѣхъ проходящихъ. Молдаване зажиточные лѣнятся и стыдятся ходить пѣшкомъ, а когда изъ народа кто-нибудь искусанъ, то сіе почитается пвеликой бѣдой. Если давно здѣсь не было чумы, если всякое лѣто сотни людей не умираютъ отъ гидрофобіи и середь дня не бываетъ разбоевъ, въ грязныхъ ущеліяхъ Кишинева, то все сіе должно приписать чуду.

По строительной части учреждена здѣсь особая коммисія, видно на смѣхъ: ибо Курикъ въ ней предсѣдателсмъ. Человѣка этого встрѣчаемъ вездѣ: въ Совѣтъ, въ судѣ уголовномъ, въ библейскомъ обществѣ, въ строительной

коммисіи, но чаще всего въ острогѣ, куда увлекаетъ его любовь къ ближнимъ; тамъ почитаетъ онъ себя въ семьѣ родной. Кому пришла въ голову странная мысль поручить такому человѣку наблюденіе за устройствомъ и красотой возникающаго города? Какъ можно было ожидать образованнаго вкуса или малѣйшаго понятія о художествахъ отъ стараго крюкотворца, которому, вѣроятно, неизвѣстны даже имена ихъ? Прямыхъ дорогъ онъ не терпитъ, и потому, при первомъ взглядѣ на новыя улицы Кишинева, весьма ощутительна склонность его къ кривизнамъ. Съ нимъ возсѣдаетъ другой злодѣй, какой-то Азмидовъ, соединяющій въ себѣ два званія, архитектора и землембра *) областн. Никакихъ правилъ въ руководство себѣ они не постановили и даже неизвѣстно, какому они слѣдуютъ плану. Единственное правило ихъ—деньги; если кто вздумаетъ захватить часть улицы и поставить запачканную избу, тотъ дай деньги; если кто захочетъ построить каменный домъ, не выступая изъ линіи, тотъ дай деньги; еслибъ графъ Шереметевъ сонелъ съ ума, поселился въ Кишиневѣ, затѣялъ мраморныя палаты, и Росси нарисовалъ ему фасадъ, то безъ нѣсколькихъ тысячъ левовъ не получилъ бы позволенія строиться. Отъ сей подати увольняются только Жиды: имъ не нужно подавать просьбу въ коммисію и получать планъ, утвержденный подписомъ членовъ ея; они явятся только къ Курику, а онъ на лоскуткѣ бумаги напишетъ имъ позволеніе строиться какъ угодно, хоть поперекъ улицы; сію записку представляютъ они Азмидову, а сей воръ противъ старшаго не осмѣлится сдѣлать возраженій. Мы о томъ утвердительно сказать можемъ, ибо видѣли такія записки.

Одинъ случай ясно покажетъ, какъ поступаютъ здѣсь по строительной части. Двѣ развалившіяся почти и вросшія въ землю хатки стояли внѣ Кишинева, когда еще онъ былъ деревней, и никто не думалъ на владѣніе въ въ немъ домовъ получать документы. Послѣ того мало-по-малу строенія приблизились, и два домика очутились на площади и на землѣ, по плану отведенной какой-то вдовѣ. Нѣсколько лѣтъ сряду она позволяла жить тутъ двумъ Жидовскимъ семействамъ, но наконецъ продала мѣсто свое каретнику Гофману, а сей послѣдній, желая построить на площади хорошій домъ, предложилъ Жидамъ перебраться, съ тѣмъ однакоже, что онъ щедро заплатитъ имъ за домики (имъ впрочемъ не принадлежащіе), за землю и за разстройство при переѣздѣ. Жиды поупрямились, всякое предложеніе отвергнули, и Курикъ самъ пріѣзжалъ страшать Гофмана; не убоясь его, рѣшился сей послѣдній прибѣгнуть къ законамъ и представилъ актъ свой на владѣніе въ цыннутный судъ, въ которомъ и рѣшено дѣло въ его пользу. Курикъ не постыдился самъ пріѣхать въ судъ браниться съ судьей и до сихъ поръ, кажется, удерживаетъ исполненіе приговора.

Кишиневъ и теперь еще можетъ быть прекраснымъ городомъ и сдѣлаться со временемъ соперникомъ Одессы; но тогда необходимо отнять сію

*) Всѣ его строенія отличаются непрочностію, а о знаніи и вкусѣ уже и говорить нечего; всякій тринадцатилѣтній воспитанникъ Академіи Художествъ имѣетъ право осмѣять его.

часть у Курика и Азмидова; по мнѣнію нашему, это первѣйшее условіе, si ne qua pop: съ этими людьми не быть добру. Если призвать изъ Петербурга искусныхъ архитекторовъ, приступить (когда будутъ деньги) къ строенію казенныхъ зданій, составить новую комиссію, начертать строгія правила для партикулярныхъ строеній и наблюдать за выполненіемъ ихъ, запретить безобразные плетневые заборы *) и не позволять каменныхъ домовъ внутри двора безъ хорошей рѣшетки, избавить на нѣсколько лѣтъ строящихся вновь отъ непріятной обязанности постоя и тѣмъ пріохотить жителей къ строенію, обложить другіе дома приличной суммой для постройки казармъ и тѣмъ избавить отъ постоя весь городъ, однимъ словомъ искусно употреблять снисхожденіе и строгость: тогда ручаться можно, что нельзя будетъ узнать Кишинева, основателю его будетъ новая честь и слава, а намъ нестыдно будетъ глядѣть на Черновицъ, главный городъ Буковины Австрійской Молдавіи, который недавно заслужилъ честь быть мѣстомъ свиданія двухъ императоровъ. Кишиневъ сей чести еще заслужить бы не могъ.

О исправничествахъ.

Долго рылся мы съ отвращеніемъ въ навозѣ, лежащемъ на высотахъ Бессарабіи, но не спускались еще въ вертепы, называемые цынутные суды и исправничества. Первые вѣроятно мало разнятся отъ прочихъ судебныхъ мѣстъ; о неистовствахъ же исправниществъ кто не знаетъ? Ропотъ народный слишкомъ громокъ, чтобы не слышанъ сталъ всякому.

Въ Молдавіи исправники суть весьма важные люди; достоинствомъ они равняются съ Французскими супрефектами, но власть ихъ выше. Прежде устава образованія они здѣсь играли ту же роль и соединяли въ себѣ исполнительную и судебную власть, и потому донынѣ еще идутъ въ сію должность люди значительнѣйшихъ фамилій. Въ Молдавіи почитается дуракомъ тотъ исправникъ, который въ годъ не получитъ 100 т. левовъ, но сколько ужасныхъ несправедливостей, грабительствъ здѣшнимъ исправникамъ сдѣлать нужно, чтобъ доказать умъ свой! Увидимъ какія средства они къ тому употребляютъ.

Первая, но не главнѣйшая вѣтвь исправническихъ доходовъ—Каларашн. Въ прежнее время они составляли цѣлыя селенія, не платили податей, а только своекоштно исправляли службу верхомъ и находились при Диванѣ и исправничествахъ для разъѣздовъ и посылокъ, по примѣру нашихъ казаковъ. Нынѣ же положенное ихъ число при исправникахъ содержится на счетъ обывателей и относится къ земскимъ повинностямъ. Выборъ и наемъ ихъ долженъ зависѣть отъ самихъ жителей, и каждый изъ Каларашей обходился бы имъ отъ двухъ до трехсотъ левовъ въ годъ; но сіе было бы слишкомъ невыгодно для исправниковъ, и потому не позволяютъ они входить въ это жителямъ, а

*) Оргѣвскій цынутъ, въ которомъ находится Кишиневъ, отмѣнно изобилуетъ лѣсомъ, а владѣльцы домовъ скупаются сдѣлать деревянные выкрашенныя заборы и огораживаютъ плетнемъ, на который накидываютъ хворостъ такой длины, что подлѣ заборовъ ходить нельзя.

сами избирають обыкновенно всякихъ бродягъ, наемныхъ слугъ своихъ и даже Цыганъ; на содержаніе каждаго изъ нихъ требуютъ они ежегодно отъ пятисотъ до тысячи левовъ и между тѣмъ половины ихъ не держатъ, а изъ сей половины едва ли треть употребляется на службу: всѣ прочіе у пріятелей ихъ или у нихъ самихъ въ услугахъ безъ платы. Сверхъ того, жители должны еще по произволу исправниковъ доставлять для содержанія Каларашей хлѣбъ, всякіе сѣстные припасы, а для лошадей овесъ и сѣно; лошадей же при Каларашахъ никогда не имѣется: они берутъ первую любую лошадь у крестьянина, садятся на нее, скачутъ для исполненія порученности, уморятъ или надорвутъ лошадь, въ первомъ селеніи ее бросаютъ и берутъ другую.

Великое также зло въ цынутахъ происходитъ отъ Околашей. Они родъ головъ или старость волостныхъ, имѣютъ въ своемъ вѣдѣніи нѣсколько селеній и должны быть избираемы самими обывателями между осѣдлыхъ и почетнѣйшихъ поселянъ. Въмѣсто того, исправники предоставили себѣ право назначать въ сію должность людей по своему выбору, а выборъ ихъ падаетъ обыкновенно на праздношатающихся, на самыхъ порочныхъ, на лакеевъ не находящихъ себѣ мѣсть, на писарей за пьянство и воровство выгнанныхъ. Эти люди служатъ имъ агентами и прикащиками, не только не получаютъ никакого жалованья, но еще вносятъ исправникамъ значительныя суммы *) Околаши служатъ въ тоже время повѣренными откупщиковъ, и появленіе ихъ въ деревню почитается настоящимъ бѣдствіемъ. Когда отъ имени сихъ послѣднихъ пріѣзжаютъ они собирать подать съ овецъ, называемую гоштину, то входятъ во всѣ дома, роются вездѣ, осматриваютъ все, не найдется ли забытая и не объявленная хозяиномъ какая нибудь осмушка съ ягненка: тогда онъ пропаль, дорого долженъ онъ будетъ заплатить за то. Нѣсколько времени живутъ они такимъ образомъ въ деревнѣ на счетъ жителей, никто въ это время не долженъ отлучаться, и наконецъ всякой, кому приходится заплатить подати десять или двадцать паръ долженъ по леву платить околашу за квитанцію. Симъ бѣда не кончится, ибо еще пріѣзжаетъ другой повѣренный откупщика ревизовать квитанціи; таже церемонія соблюдается, и другой левъ ему платится. Двойныя посѣщенія сіи, отнимающія драгоцѣнное время у поселянъ, продолжаются во всю рабочую пору; весной когда овцы приносятъ плодъ собирается гоштина, десятина лѣтомъ когда пчелы оброются, погонарить когда созрѣетъ табакъ и наконецъ осенью вадрарить по собраніи вина. Вообще всѣ сіи мелочныя подати, посредствомъ откупа собираемыя, сущее раззореніе для бѣдныхъ крестьянъ; казнѣ прибыли мало, набогачаются исправники и откупщики, а сіи послѣдніе и не платятъ еще откупной суммы. Не лучше ли бы было уничтожить сіи налоги и замѣнить ихъ набавленіемъ на прямую подать бирь, которая безъ всякихъ притѣсненій доселѣ весьма исправно выплачивается?

Исчислить всѣ способы, находящіеся въ рукахъ исправниковъ для притѣсненія народа и обогащенія себя, нѣтъ возможности. Скажемъ только, что

*) Одинъ пріѣзжій, слыша безпрестанно слова: *Семирашъ, Околашъ, Каларашъ*, и получивъ истолкованіе оныхъ, замѣтилъ довольно забавно, что по мнѣнію его все это *Ерлашъ*.

ни одного изъ сихъ средствъ не упускаютъ они, чтобы имъ не воспользоваться. На предписанія намѣстниковъ и указы правительства не обращали они никакого вниманія, иногда ихъ даже и не читали. Такое пренебреженіе къ власти происходитъ отъ безнаказанности, которою они пользуются, благодаря премудрому образованію, по правиламъ коего никакой дворянинъ въ области, даже преданный суду, отъ должности не удаляется, и потому всегда имѣютъ они способы заставить молчать людей на нихъ жаловавшихся. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ начальники не смотрятъ на сію статью; но что за образованіе, если, не нарушая его, нельзя ничего сдѣлать справедливаго? Къ чему же оно годится?

Общія замѣчанія.

Никто еще изъ одного любопытства не пріѣзжалъ въ Бессарабію, хотя въ ней и представляется зрѣлище, единственное теперь въ мірѣ. Путешественники съ удовольствіемъ посѣщаютъ просвѣщенные государства, другія смѣлѣйшіе ѣздятъ за моря, чтобы видѣть народы дикіе и человѣческой родъ еще въ младенческомъ состояніи; но что можетъ быть любопытнѣе для наблюдательнаго ока, какъ рождающееся общество, въ которомъ видны остатки Восточныхъ обычаевъ и начало Европейской образованности? Сіе можно видѣть теперь въ Кишиневѣ и другихъ маленькихъ городахъ Бессарабіи, такъ точно какъ сіе было съ небольшимъ сто лѣтъ тому назадъ въ нашемъ отечествѣ. Сходство между образомъ жизни богатѣйшихъ Молдаванъ и нашихъ предковъ, къ стыду нашему, разительное; и потому Кишиневъ еще болѣе заслуживаетъ вниманія Русскихъ. Названіе бояръ, длинная ихъ одежда, длинныя бороды, высокія шапки, богатые мѣха, кони они покрываются, ихъ невѣжество, грубость, все напоминаетъ древнихъ нашихъ царедворцевъ. Въ домашнемъ быту сходство сіе еще замѣтнѣе: недостатокъ въ самонужнѣйшихъ предметахъ для удобства и пріятности жизни, низкія комнаты, коихъ убранство состоитъ въ широкихъ лавкахъ покрытыхъ коврами; столы отягощенные множествомъ невкусныхъ блюдъ, многочисленная, оборванная и засаленая услуга, между стариками ревность *) и удаленіе женщинъ отъ всякаго участія въ обществѣ, великолѣпные наряды сихъ послѣднихъ, алмазы, жемчуги, и вмѣстѣ съ тѣмъ неопрятность, все какъ было у насъ въ старину. Если бытъ въ судебномъ мѣстѣ, то легко счесть себя въ приказной избѣ; а дѣловыя бумаги, на Молдавскомъ языкѣ съ крючками и подъ титлами писанныя, похожи ни дать ни взять на древніе столбцы Московскаго Архива. Однимъ словомъ, все мысленно переноситъ насъ въ семнадцатое столѣтіе и даетъ болѣе чувствовать всю цѣну просвѣщенія.

Молодые люди обоюга пола принадлежатъ уже къ другому вѣку Россіи, котораго конецъ мы сами видѣли. По мнѣнію ихъ Французскій языкъ, которымъ они очень дурно говорятъ, танцы и нѣсколько нѣсенокъ, мазурокъ и

*) Шестидесятинилѣтній Вашотъ не позволяетъ пятидесятивѣтней жевѣ своей говорить съ мужчинами.

вальсовъ на гитарѣ или фортепiano, составляютъ совершенство воспитанія. Въ сравненіи съ симъ за ничто почитаются умъ, познанія, честность, добродѣтель. Отъ такого образа мыслей родилась безнравственность, которую по крайней мѣрѣ у насъ никогда и не подозревали. Распутство и жадность къ интересу молодыхъ женщинъ, невѣжество и вѣчная праздность молодыхъ людей, ихъ мерзкія интриги, ихъ подлые ссоры и драки представляютъ порокъ въ столь отвратительномъ видѣ, что онъ теряетъ всю силу примѣра. Весьма жаль, если сему ужасному поколѣнію достанется управлять Бессарабіей. Старики все еще лучше!

Тѣмъ, кои будутъ читать сію записку, странно покажется, если мы, упоминая въ ней часто о древнихъ и новыхъ дворянскихъ родахъ, объявимъ наконецъ, что никогда не было въ Молдавіи дворянъ. Признаемся чистосердечно, что мы были въ заблужденіи и чрезъ то выведемъ изъ него и другихъ. Намъ хотѣлось дознаться, какимъ образомъ пріобрѣталось тамъ дворянское достоинство и какія сопряжены съ нимъ были привилегіи; вотъ что мы узнали. Въ Молдавіи, подобно какъ и въ Турціи, коей она подвластна, нѣтъ другихъ отличій кромѣ чиновъ и должностей, нѣтъ никакихъ наслѣдственныхъ достоинствъ, и какъ сынъ верховнаго визиря, простой Турокъ, такъ и сынъ господаря, хотя во время жизни или царствованія отца своего и называется Бей Заде, то есть, княжескій сынъ, но послѣ поступаетъ въ число обыкновенныхъ Грековъ или Молдаванъ. Вообще же жители княжества раздѣляются на два состоянія, *Резеши* или владѣльцы земель, и *Царане*, обрабатывающіе чужія земли и своихъ не имѣющіе. Изъ первыхъ обыкновенно попадаютъ въ члены Дивана и другія должности, но первый бояринъ, равно какъ и послѣдній земледѣлецъ, платитъ бирь. Сыновья бояръ называются бояринашъ, такъ какъ въ Польшѣ сынъ генерала или полковника называется панъ генераловичъ или панъ полковниковичъ; уволенные же отъ должностей именуютъ себя мазылами, что значитъ на древнемъ языкѣ бывшіе, и сіе названіе *fuimus* сохраняютъ и потомки ихъ. Нѣкоторыя фамиліи не растратили, но еще умножили нажитое предками имѣніе, и въ теченіе вѣковъ члены ихъ занимали первыя мѣста въ княжествѣ; вотъ отъ чего считаютъ они себя знатными и не хотятъ съ другими равняться; другіе же, раздѣляя помѣстье свое между дѣтьми, а сіи между внучатами и такъ далѣе, безконечныя подраздѣленія сіи довели потомковъ ихъ до состоянія простыхъ земледѣльцовъ, какъ мы выше сего о Резешахъ сказали.

Нѣсколько времени богатѣйшіе бояре или Резеши умѣли живущихъ на ихъ землѣ Царанъ, разными неправдами, поработить; но благодѣтельный князь Константинъ Моврокордато сіе рабство прекратилъ, состоянія по прежнему сравнялъ и чрезъ то спасъ имя свое отъ забвенія, которому преданы всѣ другіе господари. Съ чего же взялъ г. Криницкій, или лучше сказать сколько взялъ онъ съ получившихъ въ мелкомъ Молдавскомъ княжествѣ мелкіе чины, чтобы въ образованіи своемъ составить длинную табель о сословіяхъ и поставить ихъ выше тѣхъ людей, отъ коихъ отличаются они только безнравственностію и богатымъ одѣяніемъ? Не лучше ли бы было, если непременно дворяне нужны, дать пользоваться симъ званіемъ извѣстнѣйшимъ фамиліямъ,

а впрочемъ и тѣмъ, кои въ Русской службѣ получили штабъ-офицерскіе чины, ихъ потомству и тѣмъ, кои впредѣ таковыя получить могутъ; въ разсужденіи другихъ же сословій, сдѣлать по примѣру Россіи, а Резешей приравнять къ однодворцамъ.

Теперь слѣдуетъ затруднительнѣйшій вопросъ: что такое Бессарабское дворянство, когда его не было въ Молдавіи? И кого признавать здѣсь дворяниномъ? Всѣхъ тѣхъ, которые тамъ или у насъ получили чины. Въ Молдавіи чины раздѣляются ровно на четырнадцать классовъ, такъ какъ у насъ; какъ же поверстать ихъ съ нашими? Особливо когда были примѣры, что Вель-Логоветъ и Вестіаръ, состоящіе у нихъ въ первомъ классѣ, принимались къ намъ только дѣйствительными статскимъ совѣтниками, и послѣ того какъ считать здѣсь Шатраря, который въ 14-мъ классѣ и съ кѣмъ равняется сынъ Молдавскаго регистратора, когда сыновья не дослужившихъ даже въ военной службѣ выше капитанскаго чина почитаются у насъ оберъ-офицерскими дѣтьми, а не дворянами? Какъ все это непонятно и какія глупости въ этомъ образованіи! Тамъ сказано между прочимъ, что дворянскій сынъ, хотя бы и не служилъ прежде того, можетъ по достиженіи 22-хъ лѣтняго возраста быть избираемъ къ должности; но опять спросимъ: что такое Бессарабской дворянинъ? Вотъ что изъ того выходитъ: многіе молодые люди, прельстившись военной службой, изъявили желаніе въ нее вступить, подали просьбы, и отъ полковъ свидѣтельства имъ данныя посланы въ герольдію, которая, не понимая что такое Комисъ, Каминаръ или Пахарникъ, сыновей ихъ не могла признать дворянами, и они должны были поступить унтеръ-офицерами и прослуживать узаконенныя лѣта. Старики на такіе примѣры указываютъ дѣтямъ, а они должны согласиться, что гораздо выгоднѣе сидѣть дома, дожидаться выборовъ, получить мѣсто исправника или выше, понабить себѣ карманъ, да къ тому за ревностную и усердную службу получить чинъ, котораго бы они пятнадцать лѣтъ не дождались. Отъ того именно нѣтъ ни одного дома, въ которомъ бы не было пяти или шести взрослыхъ ословъ, ведущихъ самую глупую и бесполезную жизнь. Надобно непременно съ точностію опредѣлить, что даетъ Молдавану право на дворянское въ Россіи достоинство, закрыть отъ молодыхъ людей всякую дорогу къ повышенію, кромѣ военной и гражданской службы, и быть гораздо снисходительнѣе къ тѣмъ, которые пожелаютъ себя на оныя употребить.

Болѣе всего нужно опредѣлить обязанности поселянъ къ помѣщикамъ или, какъ приличнѣе сказать, работниковъ къ своимъ хозяевамъ: ибо здѣшніе помѣщики, будучи кромѣ состоянія во всемъ равны поселянамъ, не иначе какъ ихъ хозяевами считаются могутъ. Надъ проектомъ устава о Царанахъ работали два члена Совѣта Курикъ и Прункуль; легко можно себѣ представить, какъ бѣдные крестьяне были пожертвованы, хотя при первомъ взглядѣ и покажется инымъ, особливо Русскимъ помѣщикамъ, что обязанности сіи весьма не отяготительны. Надъ подобнымъ же проектомъ много трудился самъ бывшій намѣстникъ Инзовъ; трудъ его былъ напрасенъ; ибо огромная тетрадь, имъ написанная, ничего путнаго въ себѣ не заключаетъ и совсѣмъ не соотвѣтствуетъ цѣли своей. Можетъ быть, благія намѣренія новаго намѣстника въ семъ случаѣ увѣнчаются желаемымъ успѣхомъ.

Мы мало говорили о сихъ жителяхъ низшаго здѣсь состоянія. Ихъ упрекають въ лѣности; но гдѣ тотъ человѣкъ, который бы даромъ и для другаго охотно работалъ? Къ тому же ихъ потребности весьма умѣренны, а теплота климата и плодородіе земли, извѣстно всѣмъ, располагають къ бездѣйствію. Они легковѣрны, какъ дѣти, и владѣльцы не одну силу, но и хитрость употребляютъ, чтобы болѣе и болѣе наложить на нихъ тяжелое ярмо. Глядя на тѣхъ и на другихъ, можно подумать, что видишь два разные народа, побѣдителей и побѣжденныхъ, простодушныхъ дикарей Америки и жестокосердыхъ завоевателей изъ Европейцевъ. Отчего же такая разница? Какъ въ Молдавіи не было ни войска, ни художествъ, ни наукъ, ни промышленности, и единственное средство къ обогащенію и возвышенію были разные подлости и угожденія страстямъ властителей: то всѣ порочныя сими способами пользовались, дабы возвыситься, все лучшее осталось на днѣ. Положеніе сихъ людей становилось день ото дня нестерпимѣе, и хотя они самыя покорныя въ свѣтѣ и взбунтоваться бы не могли, но какъ терпѣніе имѣеть предѣлы, то нельзя исчислить бѣдствій, могущихъ произойти, если бы сіе положеніе еще продолжилось: еще годъ, и Бессарабія обратилась бы въ пустыню; двѣ трети ея жителей, не взирая на гоненія, претерпѣваемыя нынѣ христіанами отъ Турокъ, готовы были перебѣжать за Прутъ и Дунай; тамъ нашли бы они другихъ мучителей, но, вѣрно, менѣе жестокихъ, чѣмъ здѣсь. Судьба къ нимъ смягчилась; счастливая переменѣна въ управленіи области, воспослѣдовавшая въ половинѣ сего года, въ сердцахъ ихъ воскресила надежду, которая ихъ, вѣрно, не обманетъ.

Сколько есть еще предметовъ достойныхъ вниманія, которые описать бы намъ слѣдовало; папримѣръ, надлежало говорить о здѣшнемъ духовенствѣ, о благотворномъ вліяніи его на дѣла мірскія въ Молдавіи и о устраненіи его отъ оныхъ подъ Русскимъ правительствомъ, о способахъ учредить съ помощію его училища во всей области, которая въ этомъ терпитъ совершенный недостатокъ. Надобно бы упомянуть о преосвященномъ Димитріи, добродѣтельнымъ архипастырѣ, котораго, къ сожалѣнію, мы только по слуху знаемъ; о архимандритѣ Иринеѣ, который весь жаръ пылкой души своей и цвѣтущихъ лѣтъ посвятилъ единственно добродѣтели, религіи и образованію юношества; о человѣколюбивомъ протоіерѣ Лончковскомъ, постоянномъ и неутомимомъ защитникѣ простолюдиновъ и утѣшитель ихъ въ горестяхъ. Особенно надлежало бы изобразить то, что всего лучше въ Бессарабіи: прѣкрасную ея природу; сказать, какъ плодоносная земля ея, бывъ, такъ сказать, поцаранана только, сторицею воздаетъ за слабыя труды земледѣльца; означить все, что она производитъ и что при лучшемъ управленіи она бы производила; показать, въ какомъ состояніи находятся хлѣбопашество, садоводство, скотоводство и прочее и до какой степени совершенства все сіе доведено быть можетъ; какъ бы легко было правительству при самомалѣйшихъ попеченіяхъ предупредить несчастія, коимъ сей край бываетъ подверженъ въ неурожайныя годы *).

*) По настоящему, здѣсь голоду никакъ быть не можетъ. Жители сѣютъ единственно для продажи ишеницу и арнаутку, но для собственнаго употребленія кукурузу или пашушой. Мука,

но тогда надобно бы было сдѣлать статистику Бессарабской области. Мы не могли имѣть сего намѣренія, ибо не имѣли ни времени, ни достаточныхъ свѣдѣній, ни довольно способностей для столь обширнаго предпріятія.

Мы не умѣли даже выполнитьъ обѣщаннаго: хотѣли сначала, описывая безпорядокъ, представить и средства къ истребленію его, причину болѣзни и способъ къ ея излѣченію, но вездѣ показали одно бесплодное, хотя сильное и усердное желаніе видѣть конецъ бѣдствіямъ, опечаливающимъ одну изъ прекраснѣйшихъ нашихъ провинцій.

По мнѣнію всѣхъ благомыслящихъ нашихъ соотечественниковъ, нѣсколько лѣтъ уже въ Бессарабіи поселившихся и знающихъ весьма хорошо настоящее ея положеніе, прежде всего должно, разъ навсегда, устроить судьбу Резешей и Царанъ, а потомъ смѣло приступить къ преобразованію образованія. Народъ приметъ все съ благодарностію, ибо несчастные рады всякой перемѣнѣ; стануть кричать сотни двѣ самозванцевъ-дворянъ, губителей народныхъ, но какъ можно слушать ихъ лай? Поднять палку—и всѣ замолчатъ. Сдѣлать преобразование также не весьма трудно: стоитъ только основаніемъ его взять наше учрежденіе о губерніяхъ, область назвать губерніей, а Цынуты уѣздами. Во всѣхъ частяхъ управленія употребляется Русскій языкъ и соблюдается Русскій порядокъ; остается только одна гражданская часть; введеніе въ нее Русскихъ законовъ со всѣмъ ихъ несовершенствомъ было бы благомъ для сей земли и въ тысячу разъ предпочтительнѣе тому сумбуру, который доселѣ царствовалъ. „Мудрые законодатели, говорятъ они, свѣтильники юриспруденціи, образованные въ чужестранныхъ университетахъ, съ Германскимъ хладнокровіемъ разсуждаютъ о благоразумныхъ и осторожныхъ мѣрахъ, кои правительству принять нужно къ постепенному улучшенію всѣхъ отраслей управленія и къ изданію, наконецъ, кодекса, приличнаго народному духу Молдаванъ. Все сіе, конечно, они со временемъ совершить могутъ. Когда мистикъ Стурдза составлялъ дипломатическія фразы, писалъ для графа Каподистрии краснорѣчивыя донесенія о благоденствіи, коимъ наслаждаются новые подданные Россіи, и чрезъ сіе обманывалъ Государя, министра, и, мы хотимъ думать, самого себя: тогда Бессарабія быстрыми шагами шла къ той безднѣ, на краю которой мы теперь ее видимъ. Итакъ время ли теперь дожидаться свободныхъ минутъ и счастливыхъ вдохновеній господина Брунова? (такъ говорятъ сіи старовѣры) Да и къ чему же напрягать всѣ силы ума своего, призывать въ помощь глубокія свои познанія, когда представляются самыя простыя и легкія средства? *А ларчикъ просто отпирался.* Но положимъ (все они же говорятъ), что г. Брунову удастся импровизировать уложеніе. Какая отъ того польза государству, и долго ли намъ будетъ въ каждомъ его углу видѣть особые законы? Теперь Бессарабія въ числѣ доскутковъ, пришитыхъ къ Россіи на живую нитку; не лучше ли во сто разъ, чтобы она приросла къ ней, вошла въ общій составъ государства и раздѣляла отнынѣ участь прочихъ его жителей? Все къ тому готово: исповѣдуя одну съ нами вѣру, имѣя

вымалываемая изъ сего растенія можетъ безвредно сохраняться двадцать лѣтъ, а при хорошемъ урожаѣ, одно зерно производитъ шестьдесятъ. По правительству и помѣщики безсечны, и жители умираютъ иногда отъ недостатка въ пищѣ.

произношеніе совершенно сходное съ нашимъ ¹⁾), имѣя въ языкѣ своемъ множество Славянскихъ словъ, ни одинъ народъ такъ скоро обрусѣть не можетъ какъ Молдаване“. Вотъ какъ сіи господа толкуютъ; мы не беремся опровергать ихъ сужденія, а предоставляемъ сіе людямъ, болѣе насъ свѣдущимъ.

На замѣчаніе, какъ трудно будетъ Молдавскимъ судьямъ разбирать дѣла, а судящимся оспаривать права свои на языкѣ, имъ незнакомомъ, они возражаютъ, что тѣмъ лучше и скорѣе Молдаване выучатся по-русски, а пока мѣстъ можно съ опредѣленій гражданскаго и цынутныхъ судовъ выдавать тяжущимся переводы на Молдавскомъ языкѣ. Что же касается до затрудненія имѣть изъ Россіи достаточное число хорошихъ и способныхъ чиновниковъ и канцелярскихъ служителей для наполненія ими мѣстъ по области при семъ новомъ порядкѣ вещей, особливо, когда пугаетъ одно ея имя и ее считаютъ въ сосѣдствѣ съ Грузіей: то они полагаютъ, и мы тоже, что этой бѣдѣ помочь легко, лишь бы только отъѣзжающимъ сюда для службы поставлены были въ виду нѣкоторыя выгоды, коими доселѣ здѣсь не пользовались. Всякому, кто рѣшается ѣхать въ Сибирь или Грузію, съ условіемъ прослужить тамъ три года, дается при отъѣздѣ слѣдующій чинъ; хотя Бессарабія и не столько отдалена отъ обѣихъ столицъ и въ ней климатъ умѣренный и здоровый, но сосѣдство съ чумой и вообще невыгодные о ней слухи у многихъ отнимаютъ охоту тутъ поселиться и продолжать службу; да къ тому же люди много зависятъ отъ привычекъ, и Бессарабія менѣе Сибири намъ извѣстна, и такъ, удивительно ли, что и безъ полученія чина скорѣе согласятся туда ѣхать? Въ отвращеніе таковаго препятствія, кажется, нужно служащихъ здѣсь, по крайней мѣрѣ на нѣсколько лѣтъ, освободить отъ непремѣнной обязанности выдержать экзаменъ для полученія чиновъ пятаго или осьмаго классовъ; сама справедливость того требуетъ: ибо высочайшій о томъ указъ состоялся въ 1809 году, а Бессарабія присоединена только въ 1812, и долго о семъ постановленіи здѣсь никто и не вѣдалъ. Если Государь окажетъ здѣшнему краю такую милость, то совершеннолѣтніе Молдаване, теперь праздные по неимѣнію надежды къ повышенію, раздѣляющіе непростительную слабость нашихъ земляковъ и столь же чиновлюбивые, какъ и Русскіе, толпами бросятся служить и учиться нашимъ законамъ и языку; тогда и начальнику легко будетъ лучшаго любого чиновника вызвать сюда изъ Петербурга ²⁾).

Есть люди, которые опасаются всякой общей перемѣны въ Бессарабіи и находятъ свою пользу въ разстроенномъ ея теперешнемъ положеніи. Они утверждаютъ, что введеніе здѣсь совершенно Русскихъ обычаевъ и законовъ можетъ имѣть вредныя послѣдствія. Если наше правительство имѣетъ тайное намѣреніе присоединить пѣкогда къ Россіи Молдавское и Валѣхское княжества, которыя столько разъ уже нашими войсками были заняты, то должно

¹⁾ Исключая Русской и Сербской, въ одной только Молдавской азбуцѣ находятся литеры *ша, еръ, еры*, и произносятся точно такъ, какъ у насъ. Оттого-то Молдаване такъ скоро выучиваются по русски и такъ хорошо на семъ языкѣ выговариваютъ.

²⁾ Сама судьба хочетъ показать, что не быть здѣсь добру безъ Русскихъ: какъ нарочно, почти всѣ тѣ, которые здѣсь служатъ, Жадановъ въ исполнительной экспедиціи, Танской въ казенно-экономической, Хотяевъ въ уголовномъ судѣ и многіе другіе отличаются честностію, прилежаніемъ и способностями; или, можетъ быть, они такъ кажутся подлѣ Молдаванъ.

опасаться, по мнѣнію ихъ, чтобы не были мы встрѣчены болѣе какъ непріятелю, нежели какъ спасителю. Напрасно! Когда до Молдаванъ Запрутскихъ дойдетъ слухъ о спокойствіи и безопасности, которыми пользоваться у насъ будутъ единоземцы ихъ, когда собственность будетъ здѣсь ограждаема законами, то Молдавія, можетъ быть, опустѣетъ; тысячи начнутъ перебѣгать къ намъ и станутъ населять обнаженные пустыни Буджака. Конечно, бояре еще болѣе насъ не полюбятъ и будутъ стараться вредить намъ, но что могутъ они сдѣлать? Въ искусствѣ нашихъ генераловъ, въ храбрости нашихъ солдатъ скорѣе найдемъ мы вѣрнѣйшій залогъ нашихъ будущихъ завоеваній, чѣмъ въ содѣйствіи малодушныхъ и безсильныхъ сосѣдовъ нашихъ, обезпеченныхъ и подавленныхъ Турецкимъ игомъ. Но нѣтъ, у насъ и не думаютъ о завоеваніяхъ; мы, видно, устали отъ побѣдъ! О, еслибъ, потерявъ навсегда прекрасный призракъ славы, и въ самыхъ бѣдствіяхъ великіе народы утѣшающій, могли мы сей дорогой цѣною купить внутреннее наше благосостояніе! Еслибъ оживилась у насъ промышленность, торговля, науки и искусства, еслибъ апостолы невѣжества лишлись власти противиться успѣхамъ просвѣщенія, и смѣлая мысль, безъ коихъ нельзя достигнуть ни до чего высокаго, перестали пугать нашихъ цензоровъ; еслибъ въ судахъ нашихъ воцарилось правосудіе, еслибъ въ отечествѣ нашемъ иностранцы не предпочитались бы во всемъ природнымъ жителямъ, и Русскимъ оружіемъ покоренные народы, за великодушіе своихъ побѣдителей, не осмѣливались болѣе платить имъ явною ненавистью и презрѣніемъ; еслибъ наши офицеры научились уважать гражданскую службу, перенесли бы въ судебныя мѣста благородство, неразлучно сопряженное съ званіемъ военнаго человѣка и тамъ сдѣлались бы столь же непричастны гнусному корытолюбію, сколько на полѣ битвы были недоступны страху; еслибъ утвердилось наше древнее Православіе и сердечная, истинная набожность заступила мѣсто всѣхъ смѣшныхъ и отвратительныхъ бредней, намъ за святость выдаваемыхъ; еслибъ мы шли, хотя медленными шагами, но шли къ освобожденію отъ рабства милліоновъ нашихъ соотечественниковъ, и они перестали бы содрогаться отъ ужасной мысли, что сегодня или завтра могутъ сдѣлаться собственностію не только какого-нибудь иностранца, но перваго Армянина или Жюда, довольно богатаго, чтобы купить ихъ свободу, напередъ купивъ себѣ чипъ; еслибъ, еслибъ все сіе исполнилось: тогда могли бы мы не пожалѣть о столь великой потерѣ, и возмужалый Русскій народъ, вступая въ другой возрастъ, нашелъ бы новые пути ко славѣ. Такъ точно молодой человѣкъ, пресыщенный наслажденіями любви, утомленный побѣдами надъ красотой, вступая въ зрѣлыя лѣта и соединяясь брачными узами, въ обязанностяхъ супружества и въ занятіяхъ хозяйственной жизни находитъ новое, неизвѣстное ему блаженство.

Да совершится же хотя часть нашихъ желаній! Да поможетъ Богъ Государю нашему въ благодѣтельныхъ его намѣреніяхъ и да внушитъ ему лучшія средства къ ихъ исполненію! Да возвратятся къ намъ первоначальные прекрасные годы его царствованія, сіе незабвенное время, когда вся земля Русская неполнена была благополучія, веселія, надеждъ! Да сердце его, сокровище Россіи, воспламенится новою любовью къ вѣрному народу, иногда недовольному, но никогда любить его не перестававшему! Да здравствуетъ онъ, хотя бы!

ЗАПИСКИ
ФИЛИПА ФИЛИПОВИЧА
ВИГЕЛЯ.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ.

ИЗДАНИЕ «РУССКАГО АРХИВА».

(дополненное съ подлинной рукописи).

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи, Страстной бульваръ.

1893.

I.

Приближался конецъ перваго двадцатипятилѣтія девятнадцатаго вѣка. Всеобщій миръ, устроенный сонмомъ царей на Вѣнскомъ съѣздѣ или, лучше сказать, тѣмъ, кого почитали всѣ ихъ главою, все еще существовалъ. Безпокойный духъ, слѣдствіе революціонной бури, покушался было его нарушить; но его искусствомъ и могущею волею былъ опять возстановленъ. Двойная побѣда его надъ диктаторствомъ Наполеона и надъ раждающимся послѣ того безначаліемъ должна была наполнить душу его справедливою гордостію и довѣренностію къ самому себѣ. Но, нѣтъ, очарованіе исчезло; какъ онъ, такъ и Европа не могли долѣе обманывать себя. Онъ предвидѣлъ новыя безпокойства и Россію посредствомъ военныхъ поселеній намѣревался обратить въ обширный станъ блюститель всемірнаго спокойствія.

Въ продолженіи болѣе полутора года по выѣздѣ моемъ изъ Петербурга, не случилось мнѣ видѣть ни одного пріѣзжаго оттуда, мнѣ хорошо знакомаго человѣка, ни съ кѣмъ не завелъ я тамъ переписки, и, посреди заботъ моего новаго рода служенія въ новомъ краю, сдѣлался я почти чуждъ городу, въ которомъ провелъ большую часть жизни. Однако, хотя изрѣдка, доходили и до меня свѣдѣнія о томъ, что тамъ происходило. Сія извѣстія мнѣ казались успокоительны. Противодѣйствіе пражному образу мыслей продолжалось, усилилось, удвоилось. Я не зналъ, что, къ сожалѣнію, самыя плохія, даже вредныя орудія были на то употребляемы.

Аракчсевъ, умнѣйшій изъ всѣхъ дѣйствующихъ тогда лицъ, другъ и блюститель порядка, былъ сильнѣе чѣмъ когда. Жестокій его характеръ былъ однако болѣе вреденъ, чѣмъ полезенъ самодержавію.

Тайная полиція, подъ именемъ Особой Канцеляріи, находилась тогда въ завѣдываніи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Графъ Кочубей какъ бы гнушался этою частію, а преемникъ его, престарѣлый и безпечный Ланской, мало объ ней заботился. Подъ ними этою частію управлялъ статскій совѣтникъ Максимъ Яковлевичъ Фонъ-Фокъ, мнѣ знакомый человѣкъ: ибо отцы наши были друзья, и мы оба образованы были однимъ наставникомъ г. Мутомъ, только онъ лѣтъ шесть попрежде меня.

Онъ былъ Нѣмецкій мечтатель, который свободомысліе почиталъ дѣломъ естественнымъ и законнымъ и скорѣе готовъ былъ вооружаться на противниковъ его. Вообще же онъ никакъ не былъ расположенъ подъ кого-либо подыскиваться.

Рыцарь Милорадовичъ добровольно обратился въ главу шпионовъ и каждый вечеръ терзалъ Царя цѣлыми тетрадами доносовъ, по большей части ложныхъ. Спасеніемъ угрожаемыхъ было сердце Александра: онъ медлилъ карать и скоро оказывалась безвинность несчастныхъ жертвъ жестокаго легкомыслія Милорадовича. Къ счастью кругъ дѣйствій его былъ не обширенъ: онъ не простирался за предѣлы Петербурга.

Только по части духовной и особенно въ Министерствѣ Просвѣщенія вводимо было нѣчто совершенно инквизиціонное. Министръ Шинковъ былъ не что иное какъ трупъ однимъ злодѣемъ гальванизированный. Я не берусь осуждать людей, которые съ умомъ подъ личною любезности питаютъ злобу къ каждому человѣку въ особенности: я ихъ не понимаю. Неистощимая природа, создавая куріцу и гіену, творитъ часто и людей имъ подобныхъ. По расчетамъ иногда составляютъ они и дружественныя связи; но коль скоро выгоды ихъ того требуютъ, безъ всякаго повода, безъ всякаго сожалѣнія, всегда готовы они отказаться отъ нихъ.

Таковъ былъ Магницкій. Первые годы молодости своей провелъ онъ въ Эпикурейской Вѣнѣ и въ революціонномъ еще Парижѣ; тамъ рано развратилось сердце его. Когда онъ возвратился въ отечество, то сперва вмѣсто трости носилъ Якобинскую дубинку, съ серебряной бляхой и съ надписью: *droit de l'homme*. Потомъ онъ былъ самымъ усерднымъ Англومانомъ, а послѣ Тильзитскаго мира отчаяннымъ обожателемъ Наполеона, что, кажется, и было причиной ссылки его въ Вологду. Оттуда назначенъ онъ былъ Воронежскимъ вице-губернаторомъ, а вскорѣ потомъ губернаторомъ въ Симбирскѣ. Въ это время сильно присталъ онъ къ мистицизму и тѣмъ угодилъ министру князю Голицыну, который испросилъ ему мѣсто попечителя Казанскаго Университета, а по званію члена Главнаго Правленія Училищъ, держалъ его при себѣ въ Петербургѣ. Онъ совершенно осѣдлалъ Голицына; но, предвидя скорое его паденіе, способствовалъ оному, войдя въ тайныя сношенія съ его противниками. Бзда на Шинковъ показалась ему еще гораздо покойнѣе.

Вотъ первый случай, что въ рукахъ его находилась достаточная власть для преслѣдованій: онъ имъ воспользовался. Болѣе всего нападенія его направлены были на Библейское Общество, къ коему онъ принадлежалъ; вообще, нападалъ онъ на все то, что самъ прежде исповѣдывалъ. Горе профессорамъ, которые на кафедрахъ дерзнутъ выразить

какую-нибудь смѣлую мысль; горе писателямъ, если въ ихъ твореніяхъ ему покажется что-нибудь двухсмысленнымъ; горе ценсорамъ, то пропустившимъ. И еслибъ у него были какія-нибудь убѣжденія! Но онъ никого и ничего не любилъ и ни во что не вѣровалъ.

Подручникомъ себѣ избралъ онъ одного неутомимаго пустомелю Рунича, который въ должности попечителя Петербургскаго Университета занялъ мѣсто умнаго и ученаго Уварова. Этотъ, кажется, былъ чистосердечнѣе, за то уже бессмысленнѣе его ничто не могло быть. Можно себѣ представить, въ какомъ положеніи находилась тогда подрастающая наша словесность.

Знаменитая госпожа Крюденеръ около этого времени испытала также гоненіе правительства. Года три-четыре оставалась она въ Петербургѣ, но ученіе свое мало успѣла въ немъ распространить. Подъ ея предѣдательствомъ составилось только небольшое общество мечтательницъ. Главнымъ изъ нихъ и ей самой въ 1823 году посоветовали выѣхать изъ столицы. Въ числѣ ихъ была и моя любезная, устарѣвшая Александра Петровна Хвостова. Увѣдомляя меня о намѣреніи ихъ избрать мѣстопробываніемъ Южную Россію, она требовала моего совѣта, а я предлагалъ ей Бессарабію. Но какъ она сдѣлалась истинно-набожною, то остановилась въ Кіевѣ, гдѣ и поднесъ находится въ живыхъ.

Въ отвѣтъ моемъ мнѣ вздумалось поэтизировать, въ блестящемъ видѣ представить полуденный берегъ Крыма, который зналъ я только по описаніямъ и наслышкѣ. Письмо мое представила Хвостова на общее сужденіе дамскаго совѣта. Главною распорядительницею въ дѣлѣ переселенія была богатѣйшая изъ сихъ женщинъ, мужественная княгиня Анна Сергѣевна Голицына, урожденная Всеволожская. Описаніе мое, какъ увѣдомляла меня Хвостова, воспламенило ея воображеніе; она начала бредить неприступными горами, стремнинами, шумными водопадами. Какъ всѣхъ на дорогу снабжала она деньгами, то въ капитулѣ имѣла первенствующій голосъ. Какъ леди Стенгопъ на Ливанѣ, избрала она красивое мѣсто надъ моремъ и начала тутъ строить церковь и домъ. Госпожа Крюденеръ съ зятемъ и дочерью, барономъ и баронессой Беркгеймъ, поселилась пока въ маленькомъ городѣ, называемомъ Эски-Крымъ; но вскорѣ потомъ въ 1824 году переселилась въ вѣчность.

За нею скоро послѣдовала привезенная Голицыной одна примѣчательная Француженка. Она никогда не снимала лосинной фуфайки, которую носила на тѣлѣ, и требовала, чтобы въ ней и похоронили ее. Ея не послушались, и оказалось по розыскамъ, что это была жившая долго въ Петербургѣ подъ именемъ графини Гашеть, свѣченая и клей-

менная Ламогтъ, столь извѣстная до революціи, которая играла главную роль въ позорномъ процессѣ о Каролевиномъ ожерельѣ.

Занимая читателя все предметами мнѣ посторонними, медлю говорить ему о себѣ и не знаю, какъ приступить къ тому. Тяжело мнѣ воспоминаніе о мучительномъ, хотя кратковременномъ, губернаторствѣ моемъ.

Всѣ чрезвычайныя обстоятельства, которыя обыкновенно въ губерніяхъ встрѣчаются рѣдко, соединились тутъ, чтобы въ теченіе трехъ мѣсяцевъ задавить меня трудами: дворянскіе выборы, откупа и безпрестанныя заботы о недопущеніи внутрь области распространяющейся заразы. Каждый день обязанъ я былъ находиться по крайней мѣрѣ въ одномъ изъ трехъ присутственныхъ мѣстъ, въ коихъ предсѣдательствовалъ, въ областномъ правительствѣ, въ Казенной Экспедиціи и, наконецъ, въ Верховномъ Совѣтѣ. Изъ первыхъ двухъ дѣлалъ я представленія третьему, который въ присутствіи моемъ могъ ихъ не одобрить, чего однако ни разу не случилось. Въ другихъ губерніяхъ нѣтъ карантинной части, а тамъ, гдѣ она есть, находится подъ управленіемъ градоначальниковъ; тутъ находилась она въ завѣдываніи губернатора. Таможенная и соляная части вездѣ имѣютъ свои особыя управленія, тутъ подчинены были онѣ Казенной Экспедиціи. Если прибавить къ тому довольно обширную заграничную переписку не только съ Буковинскимъ крейстауптманомъ, но и съ Галиційскимъ генераль-губернаторомъ графомъ Таафе, съ самимъ господаремъ Молдавскимъ и съ Задувайскими Турецкими пашами, то можно расчислить, много ли часовъ въ сутки оставалось мнѣ на отдохновеніе. Счастливы, право, эти господа, которыя управляютъ внутренними губерніями: имъ неизвѣстны мученія пограничныхъ губернаторовъ *).

На первыхъ двухъ дворянскихъ выборахъ, въ 1819 и 1822 годахъ, присутствовали сами намѣстники—Бахметевъ и Инзовъ; сіе было не весьма законно, но, можетъ, необходимо для удержанія незнакомыхъ съ порядкомъ. Были весьма буйныя сцены и, не смотря на ихъ присутствіе, дѣло не разъ доходило до драки. Въ 1825 году не было даже и губернатора, а я, въ противность законовъ, не посмѣлъ бы и заглянуть въ залу выборовъ. И между тѣмъ все на нихъ происходило чинно и благопристойно. Начиная съ областного предводителя Янки Стурдзы, раздраженные бояре не хотѣли вновь принимать занимаемыхъ ими должностей, а предоставляли ихъ мелкимъ, новымъ дворянамъ. Сія не-

*) Екатеринославскій гражданскій губернаторъ Петръ Ивановичъ Бергъ, согласно желанію своему, былъ въ томъ же званіи переведенъ въ Подольскую губернію. Черезъ шесть мѣсяцевъ подалъ онъ въ отставку, увѣряя, что если еще полгода, то его на свѣтъ не будетъ.

ожиданность затрудняла послѣднихъ. Не раздѣляя вражды высшихъ противъ меня, нѣкоторые изъ нихъ ежедневно приходили со мною совѣтываться. Я могъ указывать имъ только на немногихъ извѣстныхъ мнѣ людей; другіе же, особенно пріѣзжіе изъ цынутовъ, мнѣ были совсѣмъ незнакомы и уже между собой, безъ всякаго вліянія, безъ всякихъ интригъ и споровъ, могли они избирать достойнѣйшихъ.

Мнѣ самому было смѣшно и нѣсколько совѣстно, когда увидаль я засѣдающими въ Совѣтѣ своихъ новыхъ сослуживцевъ. Ни одной изъ прежнихъ длинныхъ бородъ, которыя присутствіемъ своимъ нѣсколько умножали важность сего Совѣта. На одного изъ новыхъ членовъ, Жигничера Симеона Главче, никогда серіозно не могъ я смотрѣть, а слушать еще менѣе. Его малый ростъ и примѣчательная толщина давали ему видъ шарообразный; казалось, онъ не ходитъ, а всегда катится по полу; сужденія его были столь же странны, какъ и наружность.

Чума продолжала свирѣпствовать, ибо зима стояла теплая, сырая, гнилая. Не въ первый уже разъ сражавшійся съ нею Катакази находился на стражѣ; противъ вторженій ея принималъ онъ самыя строгія мѣры, и за нимъ можно было спать покойно. Но вблизи отъ Дуная находились колоніи; надзоръ чиновниковъ Инзова былъ столь же плохой и слабый, какъ онъ самъ. Съ другой стороны изъ-за Дуная зараза прорвалась и 16 Генваря открылась въ селеніи Бартѣ, между двумя озерами или Дунайскими заливами Ялпухомъ и Кагуломъ. Въ ночи съ 17 на 18 число, въ четыре часа утра, былъ я пробужденъ нарочнымъ, отправленнымъ ко мнѣ отъ Катази. Увѣдомляя меня о семъ несчастіи, какъ говорилъ онъ, ручался только за безопасность мѣстъ, окружающихъ Измаилъ и объявлялъ, что дальнѣйшія мѣры будутъ зависѣть отъ моихъ распоряженій. Вѣсть для меня совсѣмъ незабавная и дѣло совсѣмъ новое. Надобно было немедленно послать приказанія останавливать всѣхъ идущихъ и ѣдущихъ изъ сомнительныхъ мѣстъ и учредить новую карантинную линію. Я не видѣлся съ г. Инзовымъ; тутъ пришлось хотя письменно войти съ нимъ въ сношенія. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что черезъ часъ самъ отправляется на мѣсто. Я тотчасъ послалъ за канцеляріей, и тутъ же у меня съ четырехъ часовъ до десяти утра занимались мы, писали, переписывали и отправляли нарочныхъ.

Когда чума покажется въ какой-либо сторонѣ, то всякой болѣзненной признакъ, котораго въ иное бы время и не замѣтили, производитъ испугъ: сдѣлается ли сильное головокруженіе или распухнеть у кого железа. Не одинъ разъ во второй половинѣ Генваря былъ я тревожимъ неосновательными извѣстіями о появленіи заразы. Между прочимъ донесеніе изъ мѣстечка Теленешть разбудило меня часу въ первомъ ночи, когда только что я началъ засыпать; всю ночь долженъ

былъ я съ канцеляріей проработать и только послѣ трехъ сутокъ безпокойствъ и ожиданій узналъ, что это былъ одинъ ложный страхъ. Наконецъ, разъ вечеромъ, часу въ девятомъ, встревоженный полиціймейстеръ пришелъ мнѣ объявить, что едвали въ самомъ Кишиневѣ не оказалась чума. Въ одномъ изъ домовъ нижней части города захворала молодая Цыганка съ признаками сей болѣзни; онъ тотчасъ велѣлъ оцѣпить домъ и призвалъ на совѣтъ Константинопольскаго врача, доктора Фотино, который долго возился съ моровой язвой и въ этомъ дѣлѣ былъ чрезвычайно опытенъ. На открытую галерею, коими окружена большая часть Кишиневскихъ домовъ, въ нагомъ видѣ вывели больную. Но уже было темно, а Фотино былъ старъ и, при помощи свѣчки и очковъ, ничего не могъ хорошо разглядѣть и рѣшительнаго сказать. Итакъ, дѣло осмотра оставлено до слѣдующаго утра. Не скажу, чтобы эту ночь спалъ я очень покойно. Согласно моему желанію присутствовать при семъ осмотрѣ, рано по утру явился ко мнѣ Радичъ, чтобы сопровождать меня, и я отправился съ любопытствомъ и страхомъ вмѣстѣ. У черномазой не было никакихъ новыхъ припадковъ, и это одно должно было насъ успокоить. Фотино, пристально осмотрѣвъ больную и что-то переговоривъ съ ней по молдавски, радостно засмѣялся и сказалъ, что безпокоиться мнѣ не о чемъ, ибо нарывъ въ лѣвомъ паху этой женщины есть только слѣдствіе ея невоздержной жизни. Съ меня какъ гора съ плечъ свалилась.

Все эти тревоги подали мнѣ мысль карантинной линіей южную степную часть Бессарабіи отдѣлить отъ сѣверной и для большаго удобства сію линію провести вдоль Траянова вала, перепоясывающаго область. Я представилъ о томъ намѣстанку, который однакоже мое намѣреніе не одобрилъ, находя, что опасность не такъ велика и что это будетъ сопряжено съ большими издержками для казны. Почитая меня еще неопытнымъ, онъ, кажется, въ этомъ дѣлѣ мнѣ не слишкомъ довѣрялъ, и я нахожу, что онъ былъ правъ. Впрочемъ, прибавлялъ онъ въ письмѣ своемъ, мы скоро увидимся и можемъ лично о томъ переговорить: я самъ черезъ Кишиневъ намѣренъ ѣхать въ Измаилъ.

Казалось, что у насъ не будетъ зимы, какъ вдругъ 26 Января повалилъ ужасный снѣгъ и охолодилъ воздухъ. Сильныхъ морозовъ послѣ того не было, но въ продолженіи почти шести недѣль каждый день надалъ снѣгъ, падалъ и оставался. Такая переменна въ атмосферѣ была для насъ весьма благопріятна, ибо съ этого дня чума вездѣ примѣтнымъ образомъ начала слабѣть, между прочимъ и въ Яссахъ, откуда Французскій консулъ Танкоэнь (ибо нашего тамъ не было) регулярно сообщалъ мнѣ свѣдѣнія объ ней.

Въ это время, 6 Февраля, въ саняхъ прикатилъ къ намъ намѣстникъ. Наканунѣ предупрежденный о его прїѣздѣ, въ его квартирѣ, мною обитаемой, я все приготовилъ для его прїема. Онъ пробылъ только два дни. Ни въ обращеніи его со мной, ни въ чувствахъ его ко мнѣ, казалось, ничто не измѣнилось. Онъ отправился въ Измаилъ, гдѣ должно было встрѣтиться первое маленькое неудовольствіе его на меня, и оно было началомъ многихъ другихъ непрїятностей.

Дивизионный генералъ Ж. . . ., о коемъ уже я говорилъ, старался, что было весьма легко, возбудить во мнѣ челоуѣколюбіе, котораго въ немъ самомъ не было. Онъ представилъ мнѣ жалкое состояніе бѣдныхъ солдатъ его дивизіи, содержащихъ кордонную стражу въ низкихъ и топкихъ мѣстахъ по рѣчкамъ, увѣрялъ, что они валятся какъ мухи и для того просилъ меня въ мѣстахъ нѣсколько выше приказать построить для нихъ временныя землянки изъ тростника. Полагая, что это ничего почти не будетъ стоить, и ни съ кѣмъ не посоветовавшись, велѣлъ я сіе сдѣлать изъ суммъ земскихъ повинностей. Въ Измаилѣ явилось къ намѣстнику нѣсколько жителей тѣхъ мѣстъ, на коихъ это взвалили, съ просьбою, объясняющею, сколь сіе для нихъ обременительно, и онъ, переговора о томъ съ корпуснымъ генераломъ Сабанѣвымъ, тутъ находившимся, отмѣнилъ мое приказаніе.

На бѣду случись тутъ одинъ бессмысленный цыннутый комиссаръ или засѣдатель, который, затрудняясь, самому графу сказать, что неисполненіемъ моей воли онъ боится навлечь на себя мой гнѣвъ. Это было такъ глупо, что должно было разсмѣшить графа: это похоже на лакея графа Разумовскаго, который потерялъ его шубу и просилъ его не сказывать о томъ управителю. Но нѣтъ, графъ разсердился, и комиссару велѣно сказать, что въ области есть власть выше моей. Неужели онъ думалъ, что я хочу съ нимъ соперничать? Мнѣ кажется, что, когда чиновникъ подчиненный и покорный, въ короткое время, можетъ прїобрѣсть достаточно моральной силы, чтобы заставить себѣ безусловно повиноваться, то начальникъ, любящій порядокъ, можетъ видѣть въ немъ полезнаго сотрудника. Но, видно, другіе иначе думаютъ.

Когда графъ изъ Измаила воротился въ Кишиневъ, я замѣтилъ въ обращеніи его небольшую переменъ. Онъ скоро объяснился со мной и, ничего не упоминая о комиссарѣ, ласково сказалъ: «Что это вы надѣлали? охота же вамъ была послушаться этого мерзавца Ж. . . .: вѣдь это настоящая самовольная реквизиція». Я никогда не искалъ оправдываться, когда почиталъ себя виновнымъ даже въ ошибокѣ. Однако я замѣтилъ, что хотѣлъ сохранить воиновъ Царю, но вижу, что всякой долженъ исполнять только долгъ свой, не дѣлая ничего болѣе, ничего менѣе.

Ну, сказалъ я самъ себѣ, пропало мое губернаторство, и скоро самъ графъ подтвердилъ мнѣ это. Въ откровенной будто и тайной бесѣдѣ объявилъ онъ мнѣ сперва, что какъ зараза уменьшается и, вѣроятно, скоро прекратится, намѣренъ онъ, не дожидаясь конца, отправиться въ Петербургъ. Потомъ сказалъ по секрету, что какъ ни мастерски Катакази справляется съ чумой, на губернаторскомъ мѣстѣ ему остаться невозможно и что къ нему пишутъ изъ Петербурга, будто Государю угодно на его мѣсто назначить одного статскаго совѣтника Тимковскаго. Я тотчасъ понялъ, что этотъ г. Тимковскій кѣмъ-нибудь ему сильно рекомендованъ, что онъ колебался между нами двумя, но что Измаильская встрѣча заставила его дать предпочтеніе человѣку, котораго онъ вовсе не зналъ.

Не напоминая ему объ обѣщаніи его, сказалъ я, что сія вѣсть мнѣ прискорбна, ибо съ Катакази мы уже свыклись, хорошо знаемъ другъ друга, а съ другимъ, можетъ быть, не поладимъ. «Напрасно вы это думаете, сказалъ онъ: умные люди всегда скоро сойдутся; умъ хорошо, а два лучше, по пословицѣ, и съ вами двумя останусь я совершенно покоенъ на счетъ Бессарабіи». Еслибъ я зналъ Тимковскаго, то приравненіе къ нему совсѣмъ бы мнѣ не показалось лестнымъ.

Что дѣлать? Такъ и быть: мнѣ нельзя еще было помышлять объ оставленіи должности. У меня въ предметъ была важная операція, которую хотѣлось съ честію привести къ концу. Я говорю объ отдачѣ въ откупное содержаніе винной продажи въ Кишиневѣ. Сроки для торговъ уже наступили, но по случаю чумы никто не являлся; графъ обѣщаль мнѣ кой-кого прислать изъ Одессы и Тирасполя, а у меня въ виду былъ одинъ только человѣкъ. «Какъ вы думаете, спросилъ меня графъ, сотню тысячъ левовъ можетъ намъ дать этотъ откупъ?—Мнѣ кажется, что и сотни тысячъ рублей ассигнаціями будетъ мало.—А сколько же вы полагаете? Да я не помирюсь менѣе какъ на двухъ стахъ пятидесяти тысячахъ рубляхъ (тогда все считали на ассигнаціи). «Ну полноте, полноте, если вамъ удастся выручить сто тысячъ рублей, я сочту васъ великимъ искусникомъ». Вотъ нашъ послѣдній разговоръ предъ его отъѣздомъ. Разсчетъ мой былъ вѣренъ: изъ двадцати шести тысячъ жителей невозможно, казалось мнѣ, чтобы каждый не выпилъ на десять рублей въ годъ. Барышъ основанный на развратѣ мнѣ всегда казался гнуснымъ; но когда вошло въ употребленіе имъ пользоваться, то надобно стараться получить его болѣе.

Официальнымъ предложеніемъ отъ 4 Марта, намѣстникъ увѣдомилъ меня объ отъѣздѣ своемъ въ Петербургъ. Къ нему насчетъ управленія областію приложена была копія съ инструкціи губернатору, коею, во время отсутствія его, и я долженъ былъ руководствоваться.

Итакъ, хотя на время, остался я единственнымъ повелителемъ въ Бессарабіи.

Еще въ Февралѣ, въ общемъ присутствіи областного правительства и казенной экспедиціи, начались у меня торги на откупъ. Прикащики одного Одесскаго торговаго дома Ризнича, съ которымъ завелись у меня пріязненные связи, торговались робко, для того только, чтобы надбавить цѣну и, не смотря на мои возбужденія, все опасаясь, чтобы за ними не остался откупъ. Настоящимъ же образомъ торговался одинъ богатый купецъ, Еврей Левинсонъ. Онъ былъ изъ Подольской губерніи, гдѣ помѣщики платили ему долги свои ведрами водки, и ихъ такъ много у него накопилось, что онъ не зналъ куда съ ними дѣваться; мнѣ было это извѣстно, и онъ былъ тайнымъ моимъ упованіемъ. Торги кончились, также переторжка; Одесскіе отказались, и вся сумма не доходила и до двухъ сотъ тысячъ.

Я былъ въ отчаяніи. По законамъ слѣдовало утвердить откупъ за Левинсономъ; ни на чемъ не могъ я основывать дальнѣйшихъ претензій, никакихъ не было данныхъ, ибо дѣло было совсѣмъ новое. Я поступилъ противозаконно, самовластно и назначилъ новые торги. Всѣхъ это изумило, меня сочли сумасшедшимъ, а ко мнѣ явилась неожиданная помощь. Наши Бессарабскіе Жиды ненавидѣли единокровнаго пришельца изъ чужой губерніи, завидуя его состоятельности, богатству, кредиту, даже благородству формъ и дѣйствій. Они составили противъ него заговоръ, набрали кой-гдѣ какія-то недостаточные залого, но съ ними не успѣли выступить на бой. Изъ среды своей избрали они въ семь дѣлъ главою величайшаго мошенника, Фроима Віолина. Я узналъ объ этомъ, призвалъ его, обласкалъ, обнадежилъ, и на новыхъ торгахъ состязался онъ съ Левинсономъ.

Я оказывалъ Віолину явное предпочтеніе, когда говорилъ съ нимъ, всѣ видѣли улыбку добраго съ нимъ согласія и, какъ водится, всѣ стали подозрѣвать меня въ корыстолюбивыхъ съ нимъ связяхъ. Сіе побудило Левинсона просить у меня секретной аудіенціи. «Да скажите мнѣ откровенно, г. вице-губернаторъ, сколько вамъ надобно?» спросилъ онъ. Я, какъ будто не понимая смысла его предложенія, отвѣчалъ: да какъ можно больше. — Я дальше того-то не пойду, сказалъ онъ. — Посмотримъ, отвѣчалъ я. Ничего не понимая, онъ бы отказался, еслибъ ему не было крайней нужды. На торгахъ мой Віолинъ ужасно задорился, къ счастью Левинсонъ пуще его, а я внутренно трепеталъ, чтобы не восторжествовалъ первый, ибо въ послѣдствіи сіе могло бы вовлечь меня въ величайшую отвѣтственность. Наконецъ, о, радость! за триста тысячъ рублей ассигнаціями въ годъ откупъ остался за Левинсономъ.

Я сдѣлалъ о томъ представленіе въ Верховный Совѣтъ, и онъ, то-есть я, утвердилъ оное. Мнѣ хотѣлось, чтобы кромѣ меня никто въ этомъ дѣлѣ не имѣлъ участія и я старался, чтобы до возвращенія Катакази были и контракты подписаны. Ну, право, полководецъ, выигравшій сраженіе, едва-ли могъ радоваться болѣе, чѣмъ я этой побѣдѣ надъ всѣми препятствіями. Я успѣшилъ также донести о томъ намѣстнику въ Петербургъ и надѣялся удивить его; какой получилъ отъ него отвѣтъ, о томъ говорено будетъ послѣ.

Съ помощію Божіею чума прекратилась въ Измаилѣ и въ другихъ мѣстахъ, и я нетерпѣливо со дня на день ожидалъ возвращенія Катакази, въ надеждѣ, что онъ избавитъ меня отъ глупыхъ хлопотъ, у меня тогда бывшихъ по двумъ частнымъ дѣламъ. Одно изъ нихъ было довольно серьезно, и мнѣ необходимо говорить объ немъ, ибо оно имѣло для меня если не несчастныя, то довольно непріятныя послѣдствія. О другомъ могъ бы я умолчать, но воспоминаніемъ объ немъ хочется развеселить себя, а можетъ быть и читателя.

Пусть вспомнить онъ человѣка, о которомъ недавно говорено, Француза барона Риуффа де-Торана, женатаго на сестрѣ Бальша. Она за что-то поссорилась съ нимъ и бѣжала отъ него. Онъ явился ко мнѣ съ требованіемъ велѣть схватить ее и засадить въ какой-нибудь монастырь до тѣхъ поръ, пока она не согласится воротиться къ нему. «Это слишкомъ жестоко, да и не въ моей власти, сказалъ я. Спросите у настоящаго губернатора, когда онъ воротится; вы съ нимъ, кажется, хороши, онъ вамъ дастъ тотъ же отвѣтъ». «Да что вы мнѣ говорите о Катакази, вскрикнулъ онъ, это мокрая курица; а съ вашей энергіей вы сдѣлаете что хотите, ваша воля здѣсь законъ; какъ мнѣ этого не видать?» Могу васъ увѣрить, что еслибъ самъ графъ Воронцовъ захотѣлъ исполнить ваше желаніе, его бы не послушалось духовное начальство, былъ мой отвѣтъ. Никакія убѣжденія мои не дѣйствовали на Француза: у этихъ людей страсти всегда помрачаютъ разумъ. Въ надеждѣ склонить меня на жестокой поступокъ, онъ продолжалъ свои посѣщенія. Все жаловался онъ на ея обманъ. «Посудите, говорилъ онъ, она увѣрила меня, что она графиня, тогда какъ у Молдованъ нѣтъ графовъ, увѣряла, что ей двадцать восемь лѣтъ, а ей болѣе сорока пяти; увѣряла, что у нея сорокъ тысячъ левовъ дохода, а едва ли есть и пятнадцать».—Напрасно она это дѣлала, эти прельщенія были не нужны: любя ее, вы и такъ бы женились. — «Я, ее любить, помиуйте; да я женился просто изъ расчета. Да еслибъ вы могли видѣть, какъ она отвратительна, особливо по утру безъ туалета: у нея все фальшивое, и зубы, и волосы, и прочая, и прочая».—Ради Бога перестаньте; когда вы примиритесь, вамъ будетъ жаль, что вы постороннему чело-

вѣку открывали такія супружескія тайны. «Я, примириться съ ней? Ни за что и никогда!»

Узнавъ о частыхъ посѣщеніяхъ мужа и опасаясь Богъ вѣсть чего, г-жа де-Торанъ сама пожаловала ко мнѣ и, входя, бросилась ко мнѣ на шею со словами: «спасите меня». Я ее усадилъ, успокоилъ и началъ выслушивать ея жалобы. Супруга своего называла она разбойникомъ, который неоднократно приступалъ къ ней съ требованіемъ, чтобы она отдала ему ящикъ съ ея брилліантами, и въ послѣдній разъ съ пистолетомъ къ горлу. «Я слабая женщина, будьте моимъ защитникомъ; болѣе того, моимъ отцомъ, говорила она; вы во мнѣ увидите покорность дочери». Какъ всѣ люди не такъ давно, но совершенно вышедшіе изъ молодости, крѣпко за нее хватаются, такъ и я имѣлъ на нее еще нѣкоторыя претензіи: каково же мнѣ было слышать, что старуха предлагаетъ себя мнѣ въ дочери! Тоже что барону говорилъ я и баронессѣ: «вы его еще любите, я въ томъ увѣренъ, и непремѣнно помиритесь; для чего же не сдѣлать того скорѣе и избрать кого-нибудь посредникомъ, только не меня?» Въ эту минуту вошелъ слуга доложить, что въ другой комнатѣ дожидается меня г. де-Торанъ. Съ ужасомъ бросилась она вновь ко мнѣ въ объятія и воскликнула: онъ меня убьетъ! «Не опасайтесь ничего: я увѣренъ, что у меня и при мнѣ онъ воздержится отъ всякаго насилія, а я буду имѣть честь проводить васъ до кареты». Сказавъ сіе, взялъ ее за руку и спокойно провелъ ее мимо мужа, который съ бѣшенствомъ смотрѣлъ на насъ. Возвращаясь, пригласилъ я его къ себѣ въ комнату.

«Должность губернаторская весьма пріятна, сказалъ онъ съ злобной улыбкой: можно на единъ принимать жену, а мужа заставлятъ дожидаться въ передней». — Кажется, вы не долго ждали; а васъ обоихъ вмѣстѣ не могъ я принять. — «Какая мерзавка, продолжалъ онъ самъ съ собою: безъ всякаго стыда посѣщать холостыхъ мужчинъ! И вѣрно (оборотясь ко мнѣ), вы не оставили воспользоваться случаемъ обольстить сію несчастную?» — Вспомните, г. баронъ, все то, что вы мнѣ говорили о прелестяхъ вашей супруги, и послѣ того посудите, могло ли придти мнѣ въ голову, чтобы посягнуть на ея честь? — «Да такъ, изъ тщеславія, и теперь вы будете стоять за нее». — Ни за кого; а если вы непремѣнно того хотите, то должны подать формальное объявленіе о томъ, какія сокровища у васъ похищены и вообще вести дѣло законнымъ порядкомъ. — «Да развѣ въ Россіи есть законы?» — Видно, что есть, когда есть суды.

Насилу могъ я отвязаться отъ этихъ сумасшедшихъ. Черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ Катакази, помирилъ ихъ, и они же, встрѣчаясь со мной, отворачивались, какъ будто меня не видятъ. А можетъ быть,

имъ было совѣстно, вспоминая все то, что они другъ про друга мнѣ говорили.

Величественно-уединенно жилъ въ Кишиневѣ Россеть Рознованъ, который былъ богаче, старѣе и надменнѣе всѣхъ другихъ бояръ, прибывшихъ изъ Яссы. Его высокой станъ, длинная сѣдая борода и шалевый нарядъ внушали къ нему особое уваженіе. Я мало его зналъ: всего по одному разу посѣтили мы другъ друга и разговаривали посредствомъ переводчика. У него было два сына. Старшій Николай, малый видный, красивый собою, не глухой, женатый и уже разведенный съ женою, завѣдывалъ его дѣлами, хлопоталъ по нимъ и объ успѣхахъ доносилъ ему, дабы отецъ оставался совершенно спокоенъ и ни передъ кѣмъ не унижалъ бы себя просьбами. Другой, Алеко, былъ глухой, праздный, мотоватый молодой человекъ. Онъ задолжалъ двадцать три тысячи червонцевъ одному бояру Георгію Гикѣ, также находившемуся въ Кишиневѣ. Въ Бессарабіи, точно какъ и во всей Молдавіи, не было тогда ни банковъ, ни какихъ другихъ кредитныхъ учрежденій: всякой капиталистъ былъ ростовщикъ и нимало не красилъ отъ того. Вѣроятно молодой Рознованъ наличностію получилъ только четвертую долю требуемой съ него суммы, а между тѣмъ Гика подалъ заемныя письма его ко взысканію. Старикъ взялъ сына подъ защиту, объявивъ его малолѣтнимъ, хотя ему было двадцать шесть лѣтъ отъ роду. Тогда Гика сталъ доказывать, что умершая мать все имѣніе свое отказала меньшому сыну, что отецъ имъ владѣетъ, за собою удерживаетъ, и къ нему самому началъ простираť свои претензіи. Дѣло два года пролежало безъ всякаго движенія, и кто бы дерзнулъ чѣмъ-нибудь прогнѣвить всемогущаго Рознована, передъ коимъ сами Катазакъ и Крупенской были колѣнопреклоненны? Еслибъ у него было какое-нибудь законное право, то давно бы Гикѣ отказали въ его искѣ. Извѣстно было, что у меня колѣна не гнутся передъ золотомъ: вотъ отъ чего Гика, въ первые дни исправленія мною губернаторской должности, подалъ мнѣ просьбу съ возобновленіемъ своихъ требованій; у меня было такъ много другихъ заботъ, что я не видѣлъ необходимости спѣшить съ этимъ дѣломъ. Узнавъ о томъ, старшій Рознованъ пріѣхалъ ко мнѣ; ласками, перемѣшанными съ угрозами, хотѣлъ онъ заставить меня бросить его; вѣрно, репутація моя до него не дошла, или онъ ей плохо вѣрилъ, ибо онъ заговорилъ объ деньгахъ, увѣряя, что когда я буду чувствовать въ нихъ нужду, всегда кошелекъ ихъ для меня будетъ открытъ. Въ такихъ случаяхъ я никогда не сержусь, а улыбаюсь только съ презрѣніемъ. Гика меня лучше зналъ: онъ и не заикнулся даже о денежныхъ пожертвованіяхъ, а только до небесъ возносилъ мое безпристрастіе и безкорыстіе и, долженъ признаться, коснулся тѣмъ слабой струны моей. Впро-

чемъ я ничего лишняго для него не сдѣлалъ, а только что пустилъ дѣло въ ходъ, ибо почиталъ это своею обязанностію, никогда не былъ къ немъ судьей, и Рознованамъ не было ни малѣйшаго повода на меня жаловаться.

Они однакоже умѣли изобрѣсти его. Вдругъ получилъ я отъ старика Рознована письмо, коимъ просить меня приказать выдать ему паспортъ за границу, ибо онъ имѣетъ намѣреніе отправить въ Молдавію большой обозъ со *многими сокровищами*. Я велѣлъ исполнить его желаніе, а онъ тайно подослалъ между тѣмъ кого-то къ Гикѣ, чтобы его на этотъ счетъ предупредить. Желая воспрепятствовать сему отправленію и тѣмъ досадить своему противнику, Гика вошелъ ко мнѣ съ прошеніемъ и поставилъ меня въ большое затрудненіе. Я приостановился; тогда Рознованъ прислалъ ко мнѣ какого-то Молдавскаго чиновника со словеснымъ возобновленіемъ своего требованія. Я также словесно объяснилъ ему, что по моему мнѣнію нѣсколько дней ничего не значать и что, оставляя просьбу его безъ отвѣта, разрѣшеніе ея будетъ зависѣть отъ настоящаго губернатора, который на дняхъ непременно долженъ будетъ возвратиться. Послѣ того въ новомъ письмѣ, и довольно грубомъ, Рознованъ требуетъ, чтобы я рѣшительно сказалъ ему да или нѣтъ. Я былъ раздраженъ его неотвязчивостію и сдѣлалъ ему письменный отказъ; однакоже въ немъ сказалъ я, что какъ его нельзя почитать какимъ-нибудь судебнымъ приговоромъ, то губернаторъ по возвращеніи своемъ всегда въ правѣ отмѣнить его, а что касается до меня, то, временно управляя областію, я ничего лишняго не могу взять на свою отвѣтственность. Онъ ничего не думалъ отправлять, а только, говоря простыми словами, ему хотѣлось меня съ Гикой надуть. Онъ выкинулъ сію штуку, говорятъ по совѣту каторжнаго Француза Флѣри, съ тою цѣлію, чтобы, обвиняя меня въ пристрастіи, устранить отъ всякаго участія въ сужденіяхъ по дѣламъ сына своего.

Черезъ два дни послѣ сего отказа 24 Марта пріѣхалъ Катакази и на другой день 25-го, въ день Благовѣщенія, вступилъ въ должность. Еслибъ у него были наши Русскія суевѣрія, онъ сего бы не сдѣлалъ: въ этотъ день, говорятъ, птица гнѣзда не вьетъ, и никто ни къ какимъ начинаніямъ приступать не долженъ. Наконецъ, я вздохнулъ свободно, и даже сама природа, казалось, торжествуетъ со мною избавленіе мое. Феноменальная въ этомъ краю зима продолжалась почти до половины Марта; тогда только накопившіяся горы рыхлаго снѣга вдругъ стали таять отъ вешняго солнца. Я помню, когда въ городъ была ужаснѣйшая грязь, мнѣ, живущему въ домѣ Крупенскаго, по сосѣдству съ полемъ, пришла охота прокатиться по немъ въ саняхъ: я вьзнулъ, я толнулъ въ снѣгу, но изъ числа немногихъ людей, которые могутъ сказать,

что близъ Кишинева развѣзжали въ саняхъ 17 Марта, въ день Алексѣя Божьяго человѣка, съ горъ вода, какъ у насъ говорится. Черезъ два дни этого бы я сдѣлать не могъ: не оставалось ни крохи снѣга, а только слѣды его, шумящiе ручьи, ревущiя потоки; къ концу же Марта сдѣлалось почти лѣто. Сiя запоздалая зима была чрезвычайно полезна для края. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ земля немного промерзла, были убиты сѣмяна, осенью пущенныя въ нее саранчей; въ другихъ мѣстахъ вышли они полтора мѣсяца позже обыкновеннаго и оттого, настигнутыя холодомъ, не могли дойти до того возраста, въ которомъ даютъ жизнь другимъ подобнымъ себѣ маленькимъ чудовищамъ.

Благодаря устройству данному казенной экспедиціи почтеннымъ моимъ предмѣстникомъ и усердію честныхъ и трудолюбивыхъ моихъ сотрудниковъ, дѣла шли въ ней какъ нельзя лучше, и заботъ по сей части было у меня весьма мало. Съ Катакази жили мы въ добромъ согласіи, и мало по малу въ Апрѣлѣ утихало сильное волненіе крови моей; но не совсѣмъ и не надолго.

Изъ Петербурга имѣли мы весьма прiятныя извѣстія: Государь принялъ нашего намѣстника какъ нельзя милостивѣе и, въ послѣдній уже разъ отъѣзжая въ Варшаву, пожаловалъ его 5 Апрѣля генераломъ отъ инфантеріи, въ то же время утвердилъ всѣ представленія его о наградахъ. На Бессарабію они были посыпаны. Между прочимъ Катакази получилъ славную аренду въ Хотинскомъ цынутѣ. Но никто изъ пожалованныхъ не былъ такъ обрадованъ, какъ бывшій предсѣдатель гражданскаго суда, новый областной предводитель дворянства, старикъ Башотъ. Когда въ Совѣтѣ вручили ему Аннинскій крестъ второй степени и подъ длинную бороду стали ему подвязывать его, у него слезы навернулись на глазахъ *). Въ этотъ день 5 Апрѣля и я наконецъ произведенъ былъ статскимъ совѣтникомъ.

Не знаю, слѣдовало ли мнѣ много радоваться сему чину. Конечно, я получилъ его безъ университетскаго аттестата, но тогда не такъ строго уже на это смотрѣли. Но когда вспомню, что я могъ бы легко, безъ всякихъ затрудненій, получить его вмѣстѣ съ опредѣленіемъ въ должность вице-губернатора, какъ мнѣ сказывалъ о томъ Бутеневъ и даже со старшинствомъ съ 1818 года (графъ никакъ этого не хотѣлъ), когда вспомню, что сей чинъ слѣдовалъ мнѣ давно и по старшинству, и за выслугу лѣтъ; когда вспомню, что черезъ полтора года

*) Я ошибся, сказавъ, что въ Верховномъ Совѣтѣ не оставалось ни одной бороды: у Башота была пребольшая. Онъ въ Молдавіи былъ спатаремъ: послѣдній изъ первыхъ шести классовъ дающихъ право носить бороду. У насъ въ Россіи съ Молдавскимъ платьемъ всякой могъ бы отпустить ее; но такова была сила обычая и уваженія къ нему, что, исключая имѣющихъ на то право, никто не позволялъ себѣ того.

толпа прослужившихъ въ чинѣ коллежскаго совѣтника четыре года произведена въ него разомъ, а многіе изъ нея и даромъ; когда вспомню, что это была единственная награда за пятилѣтнее, изнурительное для здоровья моего служеніе въ Новороссійскомъ краю: тогда не вижу великой обязанности много благодарить за то графа Воронцова, и кажется имѣю право вычеркнуть его изъ числа моихъ благодѣтелей.

Въ послѣднихъ числахъ Марта частнымъ письмомъ донесъ я ему объ успѣхѣ торговъ по винному откупу; слѣдственно оно получено имъ было уже послѣ моего производства. Я ничево не просилъ, ничево не требовалъ, но признаюсь ожидалъ за то особую награду. Когда въ Сенатѣ производятся подобные торги, и они идутъ успѣшно съ обращеніемъ государственныхъ доходовъ, то министрамъ и сенаторамъ на нихъ присутствовавшимъ даются щедрыя награды. Тутъ, хотя въ тѣсномъ кругу, распорядился одинъ только человекъ и видимо умножилъ казенную пользу, ибо большая сумма въ этотъ разъ полученная за откупъ должна была служить мѣриломъ для будущаго времени. На письмо мое получилъ я высочайшій, милостивый рескриптъ отъ его сіятельства, даже не собственноручный, въ которомъ онъ говоритъ, что отъ усердія и росторопности моей менѣе и ожидать было нельзя.

За одно изъ условій контракта Левинсонъ былъ весьма благодаренъ. У него накопилось множество мѣдной монеты, а ему предоставлено было треть откупной суммы вносить мѣдью. Всѣ чиновники были тѣмъ съ начала весьма недовольны; всѣ, исключая губернатора, но не исключая меня, треть ежемѣсячнаго жалованья должны были получать сею монетою. Это сдѣлано было совсѣмъ не для облегченія Левинсона, но для того, чтобы Русскія мелкія деньги, которыхъ почти не видать было, ввести въ обращеніе, во всеобщее употребленіе и тѣмъ вытѣснить Турецкія пары, сію посребреную шелуху, на которую каждый день курсъ мѣнялся и падалъ, что и спутывало счеты. Успѣхъ превзошелъ ожиданія: въ Іюнь на базарѣ все покупалось и продавалось на копѣйки, а къ осени о парахъ уже и слуху не было.

По дѣламъ иногда заходилъ ко мнѣ Левинсонъ. Послѣ графскаго отзыва почувствовалъ я сильную досаду и Еврею-откупщику открылъ важную тайну. Я объяснилъ ему, что совершенно отъ моей воли зависило за сто тысячъ рублей въ годъ отдать ему откупъ и если въ три года заплатить онъ лишннихъ шестьсотъ тысячъ, то это моя вина. Помилуйте, воскликнулъ онъ, какъ вамъ не совѣстно?—Ни мало.—Да скажите, изъ чего же вы такъ бились?—Да такъ, мнѣ хотѣлось умноженія казенныхъ выгодъ, въ чемъ я вижу общую пользу.—Воля ваша, я васъ не понимаю.—Да и не вы одни, мой любезный. Послѣ того я его спросилъ, что еслибъ съ самаго начала открылъ бы я ему истину

и потребовалъ третью долю того, чего онъ лишается, то есть двѣсти тысячъ рублей, согласился ли бы онъ мнѣ ихъ уступить? «Я на колѣняхъ поднесъ бы вамъ триста», былъ Жидовскій его отвѣтъ. Передъ читателемъ каюсь въ томъ, что нерѣдко раскаявался въ этомъ, особливо, когда, не смотря на всю мою бережливость, иногда тѣснимъ былъ нуждою. До какихъ постыдныхъ помысловъ не доведетъ несправедливое начальство!

Не изъ Петербурга, а изъ Одессы по секрету увѣдомили меня, что дѣло о Тимковскомъ совсѣмъ полагено, что едва ли уже онъ не назначенъ губернаторомъ и что къ концу Маія навѣрное явится въ Кишиневъ. Тогда рѣшился я изъ него отлучиться; ибо, сколько желалъ и настоящаго губернаторства, столько убѣгалъ временнаго. Никто въ Кишиневѣ о сей преднамѣреваемой перемѣнѣ ничего не вѣдалъ; что всего удивительнѣе, самъ Катагази не подозрѣвалъ того.

Мнѣ необходимо было собрать нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ г. Тимковскомъ, о которомъ дотолѣ я не слыхивалъ. Все что узналъ я въ это время и всѣ подробности о немъ дошедшія до меня послѣ, хочу соединить здѣсь, чтобы представить характеристику и біографію сего страннаго человѣка, съ которымъ, къ счастью, судьба никогда не сводила меня по службѣ.

Онъ, кажется, былъ изъ духовнаго званія, какъ многіе у насъ дѣловые люди; съ большимъ успѣхомъ прошелъ семинарское и университетское ученіе и вступилъ въ Иностранную Коллегію. У него были умъ и способности необыкновенныя, онъ былъ незлобивъ и честенъ; чего же кажется лучше для начальника губерніи? Болѣе всего выигрывалъ онъ между людьми чудеснымъ даромъ слова: всѣ слушали его съ пріятнымъ изумленіемъ. Не зная иностранныхъ языковъ, или зная ихъ плохо, онъ за границей употребленъ быть не могъ; за то Министерство Иностранныхъ Дѣлъ охотно сужало имъ другія гражданскія вѣдомства. На славу, почти въ видѣ помощника, Стурдзой былъ онъ отправленъ къ Бахметеву въ Бессарабію, гдѣ поручили ему огромное дѣло о претензіяхъ извѣстнаго Армянина Манукъ-бея; имъ однимъ занимался онъ болѣе восьми мѣсяцевъ и составилъ выписку, которая, говорятъ, дѣйствительно могла служить образцомъ ясности слога. На сихъ лаврахъ почилъ онъ и никакихъ другихъ порученій отъ Бахметева принимать не хотѣлъ. Не симъ однимъ вывелъ онъ его изъ терпѣнія, но явнымъ къ нему неуваженіемъ и безпрестанными шутками, на счетъ его распускаемыми. По его настаиваніямъ вызванъ былъ онъ изъ Бессарабіи.

Не знаю, зачѣмъ послали его потомъ въ Оренбургъ. Страна тогда забытая, мало извѣстная и тѣмъ болѣе любопытная; страна ле-

жащая за рубежомъ Азии, чрезъ которую, рано или поздно, во внутрь сей части свѣта для нашихъ войскъ должна быть устроена обычная дорога. Въ ней послѣ полумертваго князя Григорія Семеновича Волконскаго начальствовалъ тогда слабоумный Петръ Кириловичъ Эссенъ. Тутъ Василій Федоровичъ Тимковскій не хотѣлъ и за перо взяться; а, кажется, было надъ чемъ потрудиться. Все занятіе его, вся забава его состояли въ томъ, чтобы въ глаза трунить надъ бѣднымъ Эссеномъ. Отъ природы острякъ, какъ человѣкъ никогда не жившій въ порядочномъ обществѣ, онъ бывалъ чрезвычайно дерзокъ на языкъ. Какъ-то удалось наконецъ Эссену, недостойному его сотрудничества, освободиться отъ него.

Послѣ того наслали его на Ермолова. Онъ отправленъ былъ какъ бы въ качествѣ законодателя и образователя Закавказскаго края. Ермоловъ принялъ его очень хорошо и просилъ заняться дѣломъ. Онъ былъ на то весьма готовъ, но впродолженіи болѣе полутора года, всякій день собираясь приняться за него, не написалъ ни строчки. Между тѣмъ онъ возненавидѣлъ Ермолова, а за что? Развѣ за его терпѣніе. Скорѣе, мнѣ кажется, за то, что видъ этого человѣка, рожденнаго повелѣвать, и въ немъ смѣльчакъ производилъ иногда невольное смущеніе, какъ нѣсколько лѣтъ спустя онъ самъ мнѣ въ томъ сознавался. Не только съ нимъ самимъ быть дерзкимъ, ни даже по заочности забавныхъ насмѣшекъ на его счетъ не могъ онъ позволять себѣ: все войско въ Грузіи обожало его, а всѣ жители видѣли въ немъ какой-то могущій духъ. За то послѣ вознаградилъ себя Тимковской. Послѣ доказанной его бесполезности Ермоловъ былъ въ правѣ требовать, чтобы его взяли у него. И тутъ опять, по словамъ его, не постигнули его генія, не умѣли оцѣнить его. Послѣ того жилъ онъ въ Петербургѣ, въ праздности, съ хорошимъ содержаніемъ, и я думаю, цѣлый вѣкъ готовъ бы былъ такъ оставаться.

Трудно объяснить, какъ человѣкъ съ великими способностями, по увѣренію многихъ, могъ принимать на себя важныя обязанности съ намѣреніемъ не исполнять ихъ и думать, что это всегда будетъ сходиться ему съ рукъ. Тщеславія въ немъ вовсе не было; съ равными, съ низшими бывалъ онъ даже слишкомъ обходителенъ. Вѣчно веселый студентъ, въ холостомъ обществѣ, онъ скоро дѣлался его душою, и когда инаго и кольнетъ словцомъ, но такъ умно и забавно, что отыметъ возможность разсердиться. За то самолюбіе въ немъ было ужаснѣйшее; мысленно онъ ставилъ себя выше всѣхъ, не питалъ ненависти къ людямъ, но глубочайшее презрѣніе къ нимъ и къ самымъ серьезнымъ, самымъ важнымъ ихъ предпріятіямъ. Онъ думалъ только забавляться ими и, не думая, забавлялъ ихъ. Всякою дожностью онъ

брезгалъ и чувствомъ превосходства своего пзвинялъ въ себѣ другой порокъ, чрезвычайную лѣность. Родившись въ вѣкѣ филозофизма и либерализма, онъ не вѣровалъ ни въ Бога, ни въ добродѣтель; честь была единственнымъ вѣрованіемъ, которое какъ-то въ немъ уцѣлѣло. Однимъ словомъ, это былъ величайшій эгоистъ, настоящій человѣкъ девятнадцатаго вѣка.

Находясь съ нимъ вмѣстѣ въ Оренбургѣ, трудолюбивый Левшинъ, который въ тоже время написалъ много дѣльнаго и полезнаго о Киргизахъ, плѣнился имъ. Онъ полагалъ, что въ широкомъ объемѣ и съ большею властію послѣдуетъ полное развитіе его высокихъ дарованій. Тихомолкомъ все болѣе входя въ довѣренность графа, онъ часто съ восторгомъ говорилъ ему о чудесномъ Тимковскомъ и указывалъ на него какъ на единственнаго человѣка способнаго устроить Бессарабію. Другаго предстательства за него не было. Вѣроятно, Левшинъ не зналъ еще тогда, что гордыню этого человѣка постигло жестокое наказаніе, самый постыднѣйшій изъ пороковъ: что онъ сдѣлался горькимъ пьяницей.

Какъ легко бы было графу, по приѣздѣ въ Петербургъ, навести небольшую справку о семь человѣкѣ, котораго другимъ навязывали и котораго самъ онъ искалъ. Да и это было бы не нужно: одинъ разъ пьяный приѣхалъ онъ къ нему обѣдать и за столомъ, еще болѣе напившись, сталъ ко всѣмъ придирается и кому-то наговорилъ большія грубости. Надобно полагать, что графъ расхвалилъ его Государю, а послѣ не хотѣлъ сознаться въ своей ошибкѣ. Да и Тимковскому, зная самого себя, какъ можно было принять такую должность? Не доказываетъ ли это, что онъ совсѣмъ не зналъ трудностей и отвѣтственности съ нею сопряженныхъ, не имѣлъ понятія о нашемъ внутреннемъ управленіи, на которое не обращалъ никакого вниманія, и что практическаго ума въ немъ вовсе не было. Самодержавіе нѣсколько спасаетъ насъ отъ подобныхъ людей; но на Западѣ, тамъ, гдѣ представительныя правленія, они блестятъ на каѳедрѣ, самыя нелѣпости говорятъ умно и красно, и мнѣніямъ сіи пагубные болтуны даютъ почти всегда ложныя направленія. И вотъ кладъ, съ помощію Левшина открытый Воронцовымъ!

Я взялся говорить правду; безъ того не сталъ бы такъ строго судить своего соперника, тѣмъ болѣе, что послѣ сдѣлался онъ мстителемъ моимъ. Я сказалъ все, что зналъ о немъ, и не такъ скоро придется объ немъ опять говорить.

Мой Одесскій корреспондентъ былъ въ заблужденіи: дѣло о назначеніи новаго губернатора не такъ скоро должно было кончиться. Намѣстникъ въ Петербургѣ получилъ сильную глазную болѣзнь, отъ

нея лѣчился и не могъ еще выѣхать; къ тому же дожидался и возвращенія Государя изъ Варшавы. Онъ намѣренъ былъ Катакази, за чуму особенно, выпросить Владимирскую звѣзду (Аннинскую ленту онъ уже имѣлъ). Кажется, при этомъ случаѣ могъ бы онъ и мнѣ за откупъ испросить крестъ того же ордена третьей степени: это было бы ему весьма не трудно; но, видно, онъ не хотѣлъ этого сдѣлать. Для Катакази же все ему казалось мало, и аренда, и звѣзда: онъ непремѣнно хотѣлъ, чтобы съ чиномъ тайнаго совѣтника и со всѣмъ получаемымъ имъ содержаніемъ былъ онъ опредѣленъ сенаторомъ; однимъ словомъ, хотѣлъ сдѣлать ему золотой мостъ. Все это должно было отдалить назначеніе Тимковскаго.

Я же между тѣмъ, полагая, что въ началѣ Маія полученъ будетъ указъ объ увольненіи Катакази, а въ началѣ слѣдующаго мѣсяца прибудетъ его преемникъ, хотѣлъ потѣшить Курика временнымъ управленіемъ, а себя позабавить путешествіемъ по южной части Бессарабіи, мнѣ еще неизвѣстной. Совѣту донесъ я о намѣреніи моемъ освидѣтельствовать цынутныя казначейства и осмотрѣть на мѣстѣ соляныя озера и таможенныя заставы, а отъ губернатора безъ всякаго затрудненія получилъ подорожную по казенной надобности.

II.

Въ прекрасное Майское утро 6-го числа выѣхалъ я изъ Кишинева. Мнѣ столь знакомую Бендерскую дорогу едва я могъ узнать: она показалась мнѣ въ праздничномъ нарядѣ. Съ половины Апрѣля черезъ каждые три дня шли періодическіе дожди и, не затопляя, а увлажняя горячую почву, производили на ней чудесную растительность.

Далѣе за Бендерами начинается степь, и она была еще прекраснѣе. Передо мной разстилался безконечный, роскошный зеленый коверъ, весь усѣянный цвѣтами, лиловыми, красными, желтыми, синими. Каждый изъ сихъ полевыхъ цвѣтковъ отдѣльно испускаетъ слабый духъ; но въ совокупности тамъ, гдѣ ихъ бездна, миллиарды ихъ наполняютъ воздухъ такимъ легкимъ, пріятнымъ ароматомъ, что передъ нимъ ничто запахъ нашихъ цвѣтниковъ. Во мнѣ это производило физическое наслажденіе, особенно во время утренней прохлады; которое мнѣ трудно объяснить.

На семь пути до Аккермана встрѣчается одно только мѣсто, сколько-нибудь примѣчанія достойное. Это бѣдное и растянутое селеніе Каушаны. Когда, при Турецкомъ правительствѣ, Татары кочуя занимали весь Буджакъ, то имѣли своего особливаго хана, и тутъ была его столица. Я нашелъ, что сіи народные владыки не были слишкомъ прихотливы на счетъ великолѣпнаго помѣщенія.

Кажется, по близости, въ сторонѣ, находились двѣ Французско-Швейцарскія колоніи Шабò и Драгуль Жители послѣдней были Молдаване, которые тутъ имѣли свои дома, сады и даже православную церковь, на ихъ счетъ построенную. Инзовъ такъ обрадовался Швейцарцамъ, которые не иначе соглашались пріѣхать, какъ на все готовое, что выгналъ прежнихъ жителей, отвелъ имъ другое мѣсто, ихъ недвижимое имущество предоставилъ пришельцамъ и даже церковь обратилъ въ протестантскую. Ненормально, сколько несправедливостей въ отдаленныхъ мѣстахъ начальники иногда позволяютъ себѣ!

На другой день по выѣздѣ изъ Кишинева, пріѣхалъ я въ Аккерманъ, во многихъ отношеніяхъ городскъ примѣчательный. Его знали, имъ владѣли Генуэзцы, подъ именемъ Тираса, которое носилъ тогда Днѣстръ, при устьѣ коего онъ былъ построенъ. Когда Турки завоевали его, то назвали Аккерманомъ, Бѣлымъ Городомъ на ихъ языкѣ, и замокъ, построенный Генуэзцами, еще болѣе укрѣпили. Хотя крѣпость сія нынѣ упразднена, но не въ развалинахъ и служить главнымъ украшеніемъ сему мѣсту. Какъ многія изъ рѣкъ, впадающихъ въ Черное море, Днѣстръ образуетъ тутъ лиманъ или заливъ, который имѣетъ девять верстъ ширины между Аккерманомъ и жалкимъ Овидіополемъ. Отъ сего послѣдняго до Одессы всего только 35 верстъ сухимъ путемъ, и слѣдственно городъ, въ которомъ я находился, для Одесскихъ жителей могъ бы служить пріятной прогулкой. Но никто почти изъ нихъ не посѣщалъ его, ибо сообщенія были весьма затруднительны. Нынѣ, говорятъ, когда исправлена дорога въ Овидіополь, по два раза каждый день отправляется изъ него пароходъ, и карантинная линія совсѣмъ снята; это сдѣлалось почти предмѣстіемъ Одессы.

По приглашенію полицеймейстера, обрусѣвшаго Поляка, Антона Кузьмича Бѣликовича остановился я у него. Онъ былъ очень близорукъ и часто разсѣянъ, что не мѣшало ему быть искательнымъ и дальновиднымъ на счетъ выгодъ по службѣ. Жена его, Теофила Осиповна, также Поляка, довольно молодая старалась быть со мною откровенно любезна. Въ обонхъ было старинное гостепріимство и не для меня одного, а для всѣхъ; въ маломъ кругу своемъ они были чрезвычайно любимы. Я прожилъ у нихъ болѣе недѣли и знаю, что имъ не былъ въ тягость, ибо просилъ ихъ обо мнѣ много не заботиться, и ненормальная дешевизна была тутъ на съѣстные припасы. Въ этомъ благословенномъ мѣстѣ во всемъ было изобиліе. Рѣчной рыбы всегда бездна, а морская наполняетъ лиманъ, когда бываетъ сильный южный вѣтеръ. Владѣльцы земель въ окрестностяхъ никогда не знаютъ неурожая; когда бываетъ дождливое лѣто, пшеницей, кукурузой и сѣномъ могли бы они, кажется, снабдить всю область; жаркое лѣто, даже засуха бываютъ весьма по-

лезны для винограда, которымъ такъ славится Аккерманъ; да и соль въ это время гораздо въ большемъ количествѣ садится на озерахъ: земледѣліе, винодѣліе, соляная промышленность, все тутъ есть!

Я велъ жизнь растительную, пожалуй хотъ назови ее скотскую; старался ни о чемъ не думать, ничего не дѣлать, только ходилъ, пилъ и ѣлъ. Не знаю, для головы послѣ тяжкихъ заботъ не болѣе ли еще нужно отдохновеніе, какъ для тѣла послѣ сильныхъ трудовъ. Въ цынутномъ этомъ городѣ и тогда уже считалось до тринадцати тысячъ жителей разныхъ происхожденій, привлеченныхъ вѣроятно здоровымъ климатомъ и веселыми видами на лиманъ. Отъ того-то, на нѣсколько верствъ весь тянулся онъ неправильнымъ образомъ по берегу его. Тамъ гдѣ кончаются строенія, начинаются сады; ими также усыянъ былъ этотъ берегъ. Турки безъ большихъ усилій насадили ихъ и бросили потомъ, когда Русскимъ должны были уступить крѣпость въ 1806 году. Они наполнены были преимущественно плодовитыми деревьями, нерегулярно насажденными, что по достиженіи ими высокаго роста симъ садамъ давало видъ натуральныхъ рощей. Съ большимъ удовольствіемъ гулялъ я по нимъ; особенно нравились мнѣ въ нихъ большіе каменные гроты, самую природою образованные, въ которые вода шумно вливалась изъ лимана.

Симъ садамъ не было счету. Ихъ раздавали всѣмъ кто пожелалъ ихъ имѣть. Нѣкоторые (и въ томъ числѣ вдова полковника Арсеньева, бывшаго тутъ комендантомъ, которая изъ нихъ составила себѣ славную дачу) имѣли предосторожность записать на нихъ законными документами. Другіе, и самое большое число, владѣли ими безъ всякихъ письменныхъ актовъ. Симъ воспользовался одинъ чудакъ, Сардинскій графъ Паравичини. До Тильзитскаго мира была мода принимать въ нашу службу Піэмонтскихъ офицеровъ; онъ попалъ въ число ихъ и былъ опредѣленъ не менѣе какъ подполковникомъ по арміи. Отсутствіе крестовъ и медалей на груди его показывало, что въ военное время онъ употребленъ не былъ. Потомъ былъ онъ полковникъ; наконецъ, уволенный съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, искалъ мѣста. Графъ сего графа назначилъ областнымъ лѣсничимъ въ Бессарабію, создавъ для него сіе мѣсто, не совсѣмъ соотвѣтствующее его высокому чину. Въмѣсто того, чтобы заботиться не столько еще о сохраненіи лѣсовъ, какъ о разведеніи ихъ въ Буджацкой степи, онъ предпочелъ часть садовую и съ дозволенія намѣстника поселился въ Аккерманѣ. Тутъ началъ онъ отбирать всѣ сады, на владѣніе коими не было ясныхъ доказательствъ; давность тутъ ничего не помогала, все обращено въ казенное имущество. Изъ всего составилъ онъ нѣчто цѣлое, обвелъ

его глубокимъ ровомъ и поставилъ высокіе ворота съ надписью Jardin Impérial.

Не надобно забывать, что по должности своей былъ онъ членомъ казенной экспедиціи, являлся въ нее иногда, но будучи старѣе чиномъ, ни за что не хотѣлъ признавать надъ собою начальникомъ покойнаго Петрулина, который за множествомъ хлопотъ не обращалъ на то вниманія. Съ согласія главнаго начальника входилъ Паравичини въ прямыя съ нимъ сношенія, ему доносилъ обо всемъ, а о распоряженіяхъ своихъ казенной экспедиціи простыми отзывами давалъ знать за извѣстіе. Столь же мало, какъ Петрулинъ, и я гонялся за честію быть его начальникомъ; но, рано или поздно, дѣло сіе должно было объясниться: порядокъ службы того требовалъ. Однимъ словомъ, онъ былъ и не былъ у меня подъ начальствомъ; такія неправильности, чтобы не называть ихъ беззаконіями, часто позволялъ себѣ графъ Воронцовъ. Узнавъ о моемъ пріѣздѣ, Паравичини предоставилъ какому-то чиновнику потчевать меня своимъ садомъ, а самъ куда-то отлучился. Онъ былъ мужичишко невзрачный, малъ, толстовать и глуповать; вельзя было рѣшительно сказать, къ какой націи онъ принадлежалъ: по-французски и по итальянски говорилъ онъ съ Нѣмецкимъ выговоромъ, а по-русски только что выучился подписывать свое имя. Нѣтъ числа бесполезнымъ иностранцамъ, которые пріѣзжаютъ къ намъ покормиться и поуменьчатъ; когда же догадаются, увидятъ, что они даромъ хлѣбъ ѣдятъ и отъ нихъ отдѣлаются, то они сдѣлаются врагами Россіи и начнутъ ругать ее. Тоже самое послѣ меня случилось и съ Паравичини.

Немного часовъ мнѣ нужно было, чтобы съ одного мѣста отдохновенія перевалиться на другое, изъ Аккермана переѣхать въ Тузлы на соляныя озера. Управляющаго на нихъ не было, а вмѣсто его принималъ и угощалъ меня помощникъ его, нѣкто г. Фохтсъ (имени и отчества его не помню), Нѣмецъ добродушный и весьма еще не старъ, служившій въ Русской службѣ офицеромъ. Съ нимъ была добытая во Франціи жена его, Каролина Ивановна, живая, ласковая, какъ почти всѣ Француженки: мнѣ очень весело было съ нею болтать. Ей вздумалось выучиться нашему языку, и она вообразила себѣ, что успѣла въ томъ, говоря по-французски многіе предметы называла по-русски, какъ, напримѣръ, л'озеро, ле лошадь, ле кампшъ, коимъ по безлѣсію топили они. Они жили довольно просторно въ казенной слободкѣ, построенной для управленія у Алибейскаго озера. Я разсматривалъ у Фохтса книги и счета и все нашелъ въ совершенной исправности. Богъ его знаетъ, какъ черезъ нѣсколько лѣтъ потомъ попалъ онъ подъ судъ.

Дни два при благопріятной погодѣ прожилъ я тутъ безъ скуки; зимой это было бы невозможно: видъ на озеро слишкомъ однообразенъ и утомителенъ. Во время жаровъ, говорятъ, какъ льдомъ покрывается оно соляной корой; тутъ видѣлъ я соль только по берегу въ бутахъ; они имѣли видъ огромныхъ кусковъ самаго чистаго, бѣлаго албатра съ лиловыми и пунцовыми отливами и издавали фіалковый запахъ.

Тутъ встрѣтился мнѣ и полюбился цынутный комиссаръ Михаилъ Григорьевичъ Бутковъ, родомъ изъ Харькова. Онъ былъ не совсемъ молодъ и довольно богатъ: одинъ Таганрогской кунецъ, умирая, отказалъ ему до двухъ сотъ тысячъ рублей капиталу. Я изъяснилъ ему удивленіе мое, какъ съ такимъ состояніемъ могъ онъ принять столь мелкую должность; онъ отвѣчалъ, что охота къ службѣ его къ тому понудила. Разговаривая съ нимъ, нашелъ я, что онъ весьма въ состояніи занять другую повыше и предложилъ ему мѣсто областного казначея. Его занималъ тогда одинъ Молдаванъ Кацика, человекъ честный, исправный, рачительный и не бѣдный; но здоровье его до того было разстроено, что онъ службу продолжать не могъ, и я съ трудомъ могъ упросить его остаться, пока приищу ему преемника. Дѣло у насъ съ Бутковымъ скоро положено, и въ эту поѣздку, по крайней мѣрѣ, сдѣлалъ я полезное пріобрѣтеніе.

По дорогѣ къ Измаилу, могъ бы я не заѣзжать въ Килію; но въ исторіи нашихъ войнъ съ Турками такъ часто было упоминаемо объ ней, что возбудило во мнѣ нѣкоторое любопытство ее видѣть. Къ тому же, желая продлить отсутствіе свое изъ Кишинева, я не скупился на время и много тратилъ его по пустому. Крѣпость эта была спрятана между двухъ Дунайскихъ озеръ-заливовъ; чтобы попасть въ нее, надобно было, своротивъ съ большой дороги, сдѣлать пятьдесятъ верстъ, сто лишнихъ взадъ и впередъ. Съ самаго присоединенія сего края къ Россіи, ни одинъ намѣстникъ, ни одинъ губернаторъ не посѣщали ея; появленіе всякаго путешественника почиталось въ ней происшествіемъ, коими паче пріѣздъ по крайней мѣрѣ вице-губернатора.

Кто-то обо мнѣ предувѣдомилъ тамъ. Меня встрѣтилъ полицейскій офицеръ верхомъ; по единственной улицѣ форштата, ведущей къ крѣпости, имѣлъ я торжественный въѣздъ; всѣ жители высыпали изъ домовъ и бѣжали за мной. Меня привезли къ коменданту, подполковнику Чичагову. Запыхавшись встрѣтилъ онъ меня, съ испугомъ увидѣлъ я его: никогда еще столь чудовищной толщины я не видалъ. Вѣроятно при самомъ рожденіи получилъ онъ необычайное расположеніе къ ней, а неподвижная жизнь дала ей ужасное развитіе. Я испросилъ дозволеніе сѣсть, чтобы скорѣе усадить его. Разговоръ у насъ былъ

самый пустой, а не менѣе того, видимо, его тяготилъ: натянутый на него мундиръ и эполеты еще болѣе, и мнѣ показалось даже, что онъ тоскуетъ въ разлукѣ съ халатомъ. Онъ предложилъ мнѣ посмотрѣть на крѣпость, но извиняясь слабостію ногъ, поручилъ офицеру проводить меня. Я взошелъ только на валъ; мнѣ хотѣлось взглянуть на невиданный еще мною Дунай, котораго рукавъ тутъ протекаетъ и называется даже Килийскимъ гирломъ. По возвращеніи нашелъ я накрытый столъ и приготовленный завтракъ; среди нѣсколькихъ сытныхъ блюдъ возвышалась огромная, жирная кулебяка, вѣрное изображеніе самого хозяина. Тутъ явилась на помощь къ отцу молодая дочь его, довольно красивая лицомъ, но тѣломъ слишкомъ рано начинающая уже походить на родителя. Я спросилъ у нея, иногда прогуливается ли она? Никогда, былъ отвѣтъ.—Это было бы весьма полезно для здоровья, замѣтилъ я.—«Да у меня ничего не болитъ, отвѣчала она, развѣ только иногда зубы». Двухчасовое пребываніе въ Килии мнѣ показалось слишкомъ продолжительнымъ. Это не жизнь, а сонъ. Какъ! Въ пятидесяти верстахъ отъ сихъ людей идетъ большая дорога, и у нихъ подъ глазами плывутъ корабли, и все это проходитъ и проѣзжаетъ мимо ихъ, не обращая на нихъ никакого вниманія! Право это унижительно. Съ тою же процессіей, съ какою пріѣхалъ, выѣхалъ я изъ Килии; также бѣжали за мной жители, которые, какъ мнѣ сказывали, состоя по большей части изъ Русскихъ, живутъ однимъ рыбнымъ промысломъ.

По выѣздѣ изъ сего мѣста долженъ я былъ ночевать я на одной станціи и на другой день пріѣхалъ въ Измаилъ. Эта крѣпость была поважнѣе, поизвѣстнѣе и пообширнѣе Килийской. За то комендантъ ея обширностію не смѣлъ равняться съ Килийскимъ. Это былъ старый, длинный, худой, блѣдный генералъ-лейтенантъ Θεодоръ Ивановичъ Сандерсъ, прозванный статуей командора, двоюродный братъ мой, котораго, равно какъ и супругу его, Марину Игнатьевну, изобразилъ я въ самомъ началѣ сихъ Записокъ. Прибавлять къ сему описанію мнѣ почти ничего. Ума у брата моего было немного, за то великій вкусъ ко всему изящному. Если замѣтишь бывало, что онъ улыбается при видѣ какой вибудъ женщины, не взглянувъ на нее можно назвать ее красавицей. Въ комендантской квартирѣ его все было изысканно, опрятно и по возможности щеголевато прибрано. Страсть къ цвѣтамъ была также однимъ изъ примѣчательныхъ его достоинствъ; передъ его домомъ разведенъ былъ пребольшой цвѣтникъ, по дорожкамъ коего трудно было проходить отъ множества благоуханныхъ цвѣтовъ.

О пріѣздѣ моемъ супруги предувѣдомлены были письмомъ отъ меня и встрѣтили меня съ непритворнымъ удовольствіемъ. Самолюбію

моему, а не сердцу пріятно было замѣтить, что они какъ будто гордились моимъ родствомъ и оказывали мнѣ болѣе знаковъ уваженія, чѣмъ простой родственной любви. Марина Игнатьевна была женщина хитрая и мастерица льстить, а кому это бываетъ непріятно? Бѣдшую отвроченность нашель я въ Ольгѣ Ѳеодоровнѣ; но кто она была такова, вотъ вопросъ. Всѣ были увѣрены, что она побочная дочь, но чья? Мужа или жены? Супруги выдавали ее за племянницу, за питомицу, а она называла ихъ паченькой и маменькой. Возросшая подъ шатрами, воспитанная посреди походовъ, она манерами скорѣе походила на молодого флейтщика, чѣмъ на дѣвицу, со всѣми офицерами обходилась свободно и всѣхъ называла ты. Ей было лѣтъ около тридцати, но съ ея живостію и малымъ ростомъ ей казалось менѣе. Для меня была она очень забавна и сопровождала меня въ ежедневныхъ прогулкахъ на двѣнадцативесельномъ катерѣ по Дунаю: единственная такого рода забава, которую имѣлъ я въ городѣ, гдѣ не было не булеvara, ни садовъ.

Въ этомъ мѣстѣ Дунай кажется шире, чѣмъ гдѣ-либо; при близорукости моей, съ трудомъ могъ я разглядывать противоположный берегъ, хотя иные увѣряли, что видать Турецкую крѣпостцу Исакчу. Глубина его соотвѣтствовала тому и была достаточна для прохода большихъ кораблей. Тутъ находилась Дунайская флотилія подъ начальствомъ контръ-адмирала Михайлова, который умеръ незадолго до моего пріѣзда. И офицеры этой флотиліи, желая быть любезными съ Ольгой Ѳеодоровной и со мной, катали насъ по рѣкѣ.

Столь великой крѣпости, какъ Измаильская, я никогда еще не видалъ. И форштатъ былъ довольно великъ, довольно населенъ и порядочно обстроенъ. Черезъ четыре года послѣ того, когда число его жителей утроилось Задунайскими переселенцами, Некрасовцами, Филипонами (отчего Молдаване всѣхъ Русскихъ мужиковъ называютъ Липованами), тогда сдѣлался онъ городомъ Тучковымъ, и учредилось въ немъ градоначальство. Чтò дѣлаетъ привычка и какъ у людей скоро забывается горе! О прекратившейся за два мѣсяца передъ тѣмъ чумѣ и помину не было, а объ ужасномъ Измаильскомъ штурмѣ упоминалъ иногда бывшій на немъ комендантъ. И тутъ прожилъ я болѣе недѣли, начиналъ уже скучать праздностію и совершеннымъ отсутствіемъ занимательныхъ разговоровъ и рѣшилъ пуститься въ обратный путь.

Неподалеку отъ Измаила находится мѣстечко Тобакъ, отданное Болгарамъ подъ населеніе. Но немного подалѣе избрали они другое мѣсто, для нихъ удобнѣе, основали въ немъ главную колонію свою и назвали ее Болградомъ. Черезъ первое проѣхалъ я двемъ, въ послѣднемъ ночевалъ я. Тутъ начальствовалъ со стороны правительства

бывшій адъютантъ Инзова, любимецъ его, подполковникъ Малевинскій; но какъ всѣ Инзовскіе чуждались меня, то и его не имѣлъ я чести видѣть. Другой чиновникъ сего вѣдомства Портицкій пригласилъ меня къ себѣ и доставилъ покойный ночлеги. На мѣстѣ совершенно голомъ, за нѣсколько лѣтъ до того, уже построено было множество домовъ, каменные лавки, составляющія небольшой гостинный дворъ, и приготовлены матеріалы для сооруженія огромнаго соборнаго храма, который могъ бы служить украшеніемъ всякому губернскому городу. И все это на счетъ самихъ жителей.

Что это за славный народъ Болгары! Право, я готовъ назвать его цвѣтомъ Славянскихъ народовъ. Какая дѣятельность въ нихъ, какое трудолюбіе, какой огонь горитъ въ ихъ глазахъ! Какая веселость, смѣлость и добродушіе написаны на смуглыхъ лицахъ ихъ! Въ униженной долѣ, въ которой находятся совершенно, предались они земледѣлю и безъ помощи агрономическихъ сочиненій дошли въ немъ до совершенства. Сверхъ того, какъ Ростовцы въ Москвѣ, такъ и они въ Цареградѣ славятся лучшими огородниками и первые артишокамъ умѣли дать величину капусты. Однако, еслибы случай представился, подобно Цинцинату, отъ сохи быстро перешли бы они къ мечу для защиты родины и собственности. Вотъ чѣмъ отличаются они отъ другихъ южныхъ Славянъ, склонныхъ къ хищничеству, хотя, бы напри- мѣръ отъ Сербовъ. Я любовался ими еще въ Кишиневѣ: ихъ тамъ довольно, и кварталъ, ими занимаемый, называется даже Болгаріей.

Они претерпѣвали отъ Турокъ гоненія за преданность къ Россіи, и многіе изъ нихъ еще до Бухарестскаго мира бѣжали въ Бессарабію. Тутъ преимущественно размѣщались они въ селеніяхъ, примыкающихъ къ степи и за убѣжище, данное имъ жителями, раздѣляли ихъ полевая работы. Когда же послѣ 1812 года другіе Болгары, по приглашенію правительства, начали переселяться въ Буджацкую степь, оставленную кочевыми Татарами, то и они стали переходить къ единоземцамъ своимъ. Никто не могъ и не хотѣлъ ихъ удерживать. Одинъ только сумасбродный камергеръ Бальшь вздумалъ обратить ихъ въ царанъ своихъ (людей впрочемъ тоже свободныхъ) и находя, что съ удаленіемъ ихъ уменьшатся его доходы, ни одного не велѣлъ выпускать. Они рѣшились на побѣгъ; а онъ, узнавъ о томъ, послалъ за ними въ погоню верховыхъ и вооруженныхъ Арнаутовъ своихъ, съ приказаніемъ привести ихъ къ нему *живыми* или *мертвыми*. Догнали немногихъ отсталыхъ, которые стали защищаться, и Арнауты, въ точности исполняя волю своего господина, ихъ головы привезли ему въ торокахъ. Всѣ ужаснулись, начался уголовный судъ. Бальшь отказался отъ словъ своихъ, а Арнаутовъ наказали кнутомъ и сослали въ Сибирь. И послѣ

того онъ же завелъ тяжбу съ казною за лишеніе его якобы хорошихъ работниковъ и прибыли отъ нихъ ожидаемой! У этихъ людей не было сдѣлано никакихъ условій ни съ нимъ, ни прежнимъ владѣльцемъ селенія, ихъ пріютившимъ, кажется, съ заграничнымъ бояромъ Радуканомъ, у котораго съ нимъ шелъ также процессъ объ этомъ же имѣніи: ибо, купивъ у него за низкую цѣну, не уплачивалъ ему ни копѣйки. И этотъ дерзкій и безстыдный человѣкъ поселился въ Петербургъ, гдѣ требовалъ съ казны сотни тысячъ и до того имѣлъ въ немъ успѣхи по дѣламъ своимъ, что по просьбамъ его разсматривались они въ особой комиссіи, для того учрежденной и вытребовывались изъ Бессарабскаго совѣта: однимъ словомъ, въ угожденіе ему сотворили лишнюю инстанцію. Главнымъ его поборникомъ и защитникомъ былъ * . . . , которому займы давалъ онъ большія деньги и потомъ проигрывалъ ему ихъ на биліардѣ. Чѣмъ и когда кончилось дѣло его о претензіяхъ на казну за Болгаръ, я не вѣдаю; кажется, ему бы и начинаться не слѣдовало.

Изъ Болграда учреждена нынѣ прямая, укороченная дорога въ Кишиневъ, черезъ бывшую степь и разныя колоніи; тогда еще не было на ней ни почтовыхъ лошадей, ни станцій. Жаль мнѣ, что не удалось взглянуть на житіе изъ центра Европы, изъ просвѣщенной Германіи переселившихся сюда Баварцевъ и Виртембергцевъ и сравнить его съ бытомъ варваровъ-Болгаровъ; всѣ мнѣ сказывали, что сіе сравненіе было бы утѣшительно для Славянскаго сердца: ибо даже въ опрятности и въ наружномъ порядкѣ послѣдніе превзошли Нѣмцевъ. Теперь путешественникъ можетъ, проѣхавъ Малый Ярославецъ и Тарутино, побывать тутъ въ Кульмѣ и Лейпцигѣ, посѣтить Бриеннъ, Арсисъ, Феръ-Шампенуазъ и, наконецъ, самый Парижъ: сими именами, напоминающими славу нашего оружія въ послѣднюю войну съ Наполеономъ, названы по окончаніи сей войны возникшія тутъ колоніи. Земли было еще вдоволь! Наконецъ, вздумали мы селить тутъ Русскихъ. Началась о томъ переписка, и къ концу слѣдующаго года должны мы были ожидать прибытія двадцати тысячъ семействъ казенныхъ безземельныхъ крестьянъ изъ Калужской и Курской губерній. Заботы объ ихъ принятіи и устройствѣ возложены были на казенную эспедицію, и для этого дѣла Петрулинъ оставилъ мнѣ драгоцѣннаго человѣка, совѣтника Романа Степановича Жилло. Онъ въ это время разъѣзжалъ по полямъ, выбиралъ мѣста и все приготовлялъ для принятія дорогихъ гостей. Въ этомъ пріятномъ для меня, хотя довольно трудномъ, дѣлѣ участвовалъ я только первоначально, но не удалось видѣть пріѣзда сихъ земляковъ и водворенія ихъ.

И такъ я долженъ былъ, слѣдуя почтовому тракту, повернуть на лѣво и приблизиться къ Пруту. Сія рѣка похожа на иныхъ недостаточныхъ людей, которые гоняются за богачами. И она, подражая Дунаю, въ который впадаетъ, изливаетъ воды свои въ сторону и образуетъ заливъ, но это только на малое время и въ маломъ видѣ. Сіе случается тогда только, когда она надувается снѣгами, растаявшими на вершинѣ Карпатскихъ горъ, изъ коихъ она вытекаетъ. Обыкновенно бываетъ сіе въ концѣ Апрѣля, но въ этомъ году отъ запоздалой зимы все запоздало. Отъ того на семь пути долженъ былъ я встрѣтить много препятствій, а въ иныхъ мѣстахъ и опасности. Даже самый воздухъ немного охолодѣлъ по берегу разливагося Прута.

Два мѣста, нѣсколько замѣчательнѣе другихъ, видѣлъ я на семь берегу: Формозу и Леово. Названія сихъ мѣстъ гораздо пріятнѣе для слуха, чѣмъ видъ ихъ для глазъ. Въ Леовѣ были карантинная и таможенная заставы, и я недолго долженъ былъ въ немъ остановиться. Послѣ того нѣсколько времени былъ онъ и цынутнымъ городомъ.

Сдѣлался вдругъ несносный жаръ, когда отъ Прута повернулъ я къ областному городу, такъ что если не ночевать, то по крайней мѣрѣ нѣсколько часовъ отдохнуть принужденъ я былъ въ мѣстечкѣ Гура-Гальбинѣ. Сіе богатое имѣніе принадлежало бѣшеному Бальшу, и отсюда-то направлялъ онъ неистовые набѣги на Болгаръ. Гористое положеніе Гура Сарацки*), послѣдней станціи, гдѣ перемѣнилъ я лошадей, меня поразило вѣроятно отъ того, что нѣсколько времени провелъ я въ степи. Наконецъ, послѣ болѣе чѣмъ трехнедѣльнаго отсутствія, 30 Маія воротился я въ Кишиневъ.

Ни о Тимковскомъ, ни о другихъ какихъ перемѣнахъ ни малѣйшаго слуха не было, и мой Катакази спокойно царствовалъ. Меня удивила холодность его пріема; я никакъ не могъ постигнуть причины такой внезапной перемѣны. «Чѣмъ тебя я огорчила, ты скажи, любезный мой», старинная пѣсня, которую готовъ я былъ запѣть ему. Сердиться на него я никакъ не могъ: онъ былъ мнѣ смѣшонъ и жалокъ, почти наканунѣ того дня, когда, ничего не вѣдая, безъ всякой вины долженъ былъ онъ лишиться мѣста. Дѣло потомъ скоро объяснилось.

Находясь въ Новоселицахъ, на Австрійской границѣ, узналъ я тамъ управляющаго таможеней, коллежскаго совѣтника Рѣдькина и упомянулъ объ немъ въ сихъ Запискахъ, но ничего не сказалъ о почтенной и пріятной молодой еще женѣ его и о милыхъ его дѣтяхъ. Семейство сіе гораздо болѣе мнѣ полюбилось, чѣмъ глава его. Не совсѣмъ

*) Гура по-молдавски значить устье рѣки или рѣчки.

по доброй волѣ оставилъ онъ потомъ должность свою и поселился въ Кишиневѣ. Онъ былъ довольно богатъ и тароватъ, любилъ угасивать у себя и мнѣ много помогаль составлять и поддерживать наше Русское общество. Какъ же послѣ того отказать мнѣ ему было въ мѣстѣ совѣтника казенной экспедиціи, о которомъ онъ просилъ? Не знаю, ошибаюсь ли я, но всегда полагаль, что человекъ, обогатившійся на службѣ, менѣ склоненъ къ воровству, чѣмъ тотъ, кому предлежитъ еще наживаться. Къ тому же подъ моимъ надзоромъ и надзоромъ другихъ честныхъ и смысленныхъ совѣтниковъ большой поживы ему быть не могло, что, можетъ быть, не совсѣмъ ему было пріятно.

Въ Апрѣлѣ, послѣ Святой, сталъ онъ проситься въ отпускъ по дѣламъ своимъ въ Хотинской цынуть; я согласился съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ непременно воротился къ 1 Маія. По прежнимъ моимъ понятіямъ мнѣ казалось какъ то неловко, хотя на время, оставить вице-губернаторское мѣсто титулярному совѣтнику, а выше сего чина, кромѣ его, не имѣлъ ни одинъ изъ совѣтниковъ. Онъ немного просрочилъ, я подосадоваль, и когда онъ пожелаль узнать причину нетерпѣнія моего, я не затруднился открыть ему оную, не какъ человекъ, мнѣ преданному, но черезъ меня получившему мѣсто и отъ меня зависящему; однакоже потребоваль отъ него тайны и не назвалъ Тимковскаго. Во время моего отсутствія по дѣламъ сблизился онъ съ губернаторомъ: видя, что онъ получилъ аренду, узнавъ отъ него, что ему еще обѣщаны звѣзда и чинъ, заключилъ изъ того, что онъ пользуется великимъ кредитомъ у графа. Мѣсто вице-губернаторское ему полюбилось, онъ надѣялся извлечь изъ него большія для себя выгоды и называль меня (какъ узналъ я послѣ) собакой, лежащей на снѣгъ безо всякой пользы для себя и для другихъ. Онъ составилъ себѣ планъ: ему хотѣлось поссорить меня съ Катакази, а потомъ съ его помощію и покровительствомъ ссадить меня и засѣсть на моемъ мѣстѣ. Какъ интриганты иногда бываютъ глупы и недальновидны! О губернаторствѣ онъ ему что-то совралъ, и хотя Катакази не совсѣмъ повѣрилъ ему, однакоже нашель, что кромѣ меня некому искать его мѣста. Тогда зачѣмъ бы мнѣ было почти на мѣсяць удаляться въ пустыню? Но поди же, у такихъ людей спрашивай толку!

Говоря о семъ совѣтникѣ казенной экспедиціи, не забыть бы мнѣ сказать что нибудь о ея новомъ составѣ. Покойнымъ Петрулинымъ представленъ былъ увеличенный ея штатъ, а при мнѣ былъ утвержденъ. Изъ трехъ совѣтниковъ, которыхъ оставилъ онъ мнѣ, одинъ, Кармазинъ, по старости лѣтъ, вышелъ въ отставку съ пенсіей; на другомъ—Билимѣ, возлежали всѣ трудности дѣлопроизводства; третій—Жилло, исключительно занимался частію по переселенію изъ Россіи крестьянъ.

Старшимъ совѣтникомъ при мнѣ почитался лѣсничій Паравичини, прозванный мною лѣшимъ; но онъ никогда не присутствовалъ. Потомъ былъ Рѣдькинъ, потомъ областной казначей Бутковъ, съ которымъ познакомился я въ Аккерманѣ и который вскорѣ послѣ того опредѣленъ въ должность. Наконецъ, самимъ графомъ былъ избранъ въ Одессѣ и назначенъ областнымъ контролеромъ Александръ Ѳедоровичъ Фурманъ, родной братъ Романа Ѳедоровича, бывшего послѣ въ родѣ министра финансовъ Царства Польскаго. Сей контролеръ женатъ былъ въ Одессѣ на одной дѣвицѣ Колонтаевой, отмѣнно миловидной и привлекательной, даромъ что кривая. Изъ Русскихъ домовъ въ Кишиневѣ ихъ домъ почитался самымъ веселымъ и пріятнымъ.

Не довольствуясь тѣмъ, что косится на меня, Катакази сталъ уже придирааться ко мнѣ. Письменно объявилъ онъ, что выдачу мнѣ денегъ на путевыя издержки почитаетъ незаконною, тѣмъ болѣе, что не спросивъ его сдѣлалъ я поѣздку. Я не отвѣчалъ ему, а представилъ Совѣту, во первыхъ, что въ Русскихъ губерніяхъ вице-губернаторы совершенно независимы отъ губернаторовъ, да и въ Бессарабскомъ образованіи о какой-либо подчиненности ихъ ни слова не упомянуто; вовторыхъ, что объяснилъ г. Катакази причину моихъ разъѣздовъ, вслѣдствіе чего онъ самъ велѣлъ мнѣ выдать казенную безошлинную подорожную. Безо всякихъ затрудненій Совѣтъ утвердилъ и разрѣшилъ сію выдачу.

Другимъ образомъ нашелъ онъ средство наказать меня безвиннаго. И ему самому захотѣлось отдохнуть и подышать свободою. Подъ предлогомъ обозрѣнія области, отправился онъ въ мѣстечко Вадулуй-Воды, верстахъ въ сорока отъ Кишинева. Тамъ открылся или, лучше сказать, вымысленъ минеральный ключъ, и были люди, которые ѣздили туда лѣчиться безо всякой пользы. Но мѣстоположеніе было красивое, настроились домики, и многіе посѣщали Вадулуй-Воды для пріятнаго провѣденія времени. Такимъ образомъ злодѣй засадилъ меня и почти весь Іюнь продержалъ на губернаторствѣ.

Но это вторичное управленіе мое не было столь отяготительно для меня. Я уже не рвался исправлять опущенія по областному правительству; въ первый разъ имѣлъ я право думать, что работаю на себя, а тутъ смотрѣлъ я почти равнодушно на медленное теченіе дѣлъ. Одно происшествіе, и то на однѣ только сутки, въ это время нарушило мое спокойствіе. Лпнейныя войска выступили въ лагерь, и острогъ порученъ былъ слабому храненію внутренней стражи. Пользуясь этимъ, содержащіеся въ немъ арестанты задумали бѣжать изъ него, выломали даже ворота; но одинъ неустрашимый барабанщикъ, не смотря на усилія ихъ душить его, не переставалъ бить тревогу; карауль сбѣжался, но человекъ десять успѣли уже выскочить и убѣжать въ близъ-лежа-

щее поле. Казаки погнались за ними, всѣхъ переловили, но человекъ трехъ переранили. Все это, разумѣется, въ городѣ надѣлало большую тревогу.

По возвращеніи Катакази, получилъ онъ, наконецъ, давно ожидаемую Владимирскую звѣзду, но уже въ половинѣ Іюля. Онъ чрезвычайно возгордился, особенно со мной. Миѣ это ужасно наскучило, и я искалъ случая всепокорнѣйше съ нимъ объясниться. Тутъ только могъ я догадаться объ измѣнѣ Рѣдькина, и оправдать себя миѣ не трудно было, но захотѣлось наказать Катакази, сбавить съ него спѣси, и я высказалъ всю ему правду о Тимковскомъ. Онъ остолбенѣлъ отъ удивленія, но вскорѣ началъ улыбаться, какъ бы принимая сіе за выдумку мою. Не вижу, почему графу хотѣлось изъ этого дѣлать государственную тайну; но дотолѣ я хранилъ ее. Къ счастью, дни черезъ два или три губернаторъ получилъ, кажется, отъ намѣстника письмо, коего содержанія я не знаю, но, вѣроятно приготавливающее его къ перенесенію удара: ибо вдругъ упалъ онъ духомъ и смотрѣлъ на меня съ нѣжною грустію.

Между тѣмъ вотъ чтò происходило въ Петербургѣ. Графъ продолжалъ страдать глазами, продолжалъ лѣчиться, чтò и удержало его до самаго возвращенія Государя изъ Варшавы. Онъ имѣлъ у него еще докладъ, въ коемъ испросилъ награду Катакази и вмѣстѣ съ тѣмъ представилъ о необходимости удалить его, не потому, чтобы онъ былъ неспособенъ, а потому, что Грекъ, зять Ипсианти и возбуждаетъ подозрѣніе Турецкаго правительства, съ которымъ, не смотря ни на чтò, усиливались мы ладить. Не дождавшись окончанія дѣла о его сенаторствѣ, графъ оставилъ Петербургъ и, проживъ недѣли двѣ въ Бѣлой Церкви, къ концу Іюля воротился въ Одессу.

Миѣ необходимо было имѣть съ нимъ окончательное объясненіе, и для того, испросивъ у него отпускъ на недѣлю, 5 Августа отправился я на послѣднее, какъ я думалъ, съ нимъ свиданіе.

Для меня наступило время безпрестанныхъ неожиданностей, которыя должны были окончиться самою прискорбнѣйшею.

Первое, о чемъ узналъ я по пріѣздѣ въ Одессу, было намѣреніе графа отправиться осенью на цѣлый годъ въ Лондонъ къ отцу, на чтò и Государь изъявилъ уже свое согласіе. Вмѣсто его управлять Новороссійскими губерніями долженъ былъ другъ его, начальникъ Черноморскаго флота, вице-адмиралъ Грейгъ.

Черезъ нѣсколько дней, наканунѣ выѣзда моего, получено изъ Петербурга извѣстіе, что по совершенно разстроенному здоровью императрицы Елисаветы Алексѣевны должна она провести зиму въ полуденномъ краю Россіи, что мѣстопробываніемъ ея избранъ Таганрогъ,

и что самъ Государь будетъ сопровождать ее. Сіе извѣстіе заставило графа внезапно перемѣнить свой планъ и повѣзку въ Англію отложить до весны.

Я показалъ нѣкоторую твердость въ разговорѣ съ своимъ начальникомъ, котораго, казалось, онъ избѣгалъ и до котораго съ трудомъ я могъ добиться, хотя всякой день ѣздилъ къ нему обѣдать на хуторъ Ренѣ. Я рѣшительно просилъ его избавить меня отъ сослуженія съ Тимковскимъ, прибавляя, что причинъ столь сильнаго желанія я объявить еще не могу, но что опытъ скоро покажетъ всю справедливость его; наконецъ, что не только съ Катакази, со всякимъ другимъ вновь опредѣленнымъ губернаторомъ на нѣкоторое время готовъ бы я былъ остаться. Подумавъ немного, сказалъ онъ мнѣ: «Кажется, есть средство исполнить ваше желаніе. Какъ ни упрямялся министръ финансовъ Канкринъ, но я поставилъ на своемъ, и онъ согласился Таврическаго вице-губернатора Куруту перевести въ другую губернію; коль скоро сіе послѣдуетъ, то вы можете на сіе мѣсто поступить». Я поклонился и поблагодарилъ. Помолчавъ съ минуту, опять сказалъ онъ: «Только я васъ предупреждаю, тамъ губернаторъ родственникъ мой Нарышкинъ, человѣкъ еще молодой и дѣятельный, и его не скоро можно выжить». На это я отвѣчалъ: «Я попросилъ бы ваше сіятельство сказать мнѣ, противъ кого дѣйствовалъ я тайнымъ образомъ, чьего мѣста искалъ я. Смерть любимаго и уважаемаго мною Петрулина открыла мнѣ его мѣсто, которое, какъ вы знаете, я неохотно принялъ. Что же касается до Катакази, то съ самаго пріѣзда нашего сюда мнѣ извѣстно было ваше намѣреніе не оставлять его на губернаторствѣ. И не я съ нимъ, а онъ со мной искалъ иногда ссоры». Не понимаю откуда взялась въ головѣ его мысль о мнимомъ моемъ властолюбіи; онъ полагалъ, что въ губерніи не иначе какъ первымъ мѣстомъ могу я удовольствоваться. Въ Бессарабіи, такъ: съ самаго пріѣзда моего туда, прежде чѣмъ назначенъ вице-губернаторомъ, былъ уже я полугубернаторомъ, многое при мнѣ начато; хотѣлось бы видѣть оконченнымъ и, управляя областію, сіе легче бы для меня было.

Итакъ дѣло рѣшено: я долженъ поселиться въ Крыму и занять тамъ мѣсто привольное, довольно спокойное. Чего же мнѣ лучше? Но дѣло о томъ могло нѣсколько времени продлиться, а мнѣ хотѣлось, если возможно, и не встрѣчаться съ Тимковскимъ; для того сталъ я проситься въ отпускъ на четыре мѣсяца и намѣренъ былъ съѣздить домой въ Пензу и повидаться съ матерью. Графъ сказалъ мнѣ, что безъ Комитета Министровъ сего сдѣлать нельзя, и я подалъ ему формальную о томъ просьбу.

Моего возвращенія съ нетерпѣніемъ дожидался Катакази, чтобы сдать мнѣ должность. Ему также хотѣлось съѣздить на поклоненіе въ Одессу. Не знаю, какіе были у нихъ тамъ переговоры; но черезъ недѣлю воротился онъ, казалось мнѣ, пободрѣе.

Вотъ прошелъ и Августъ, наступилъ Сентябрь. Мы знали, что намѣстникъ поскакалъ въ Таганрогъ, дабы все приготовить для пріятія Царя и Царицы; изъ газетъ, приходившихъ къ намъ изъ Петербурга по экстра-почтѣ въ восемь дней, узнали мы, что и Государь 1 Сентября предпринялъ свой предпоследній путь; а объ дѣлѣ Тимковско-Катаказіевскомъ еще никакого извѣстія не было. Да ужъ не раздумалъ ли онъ? пришло мнѣ на мысль. Ни мало. Государь передалъ сіе дѣло Комитету Министровъ, гдѣ Аракчеевъ нашелъ безпримѣрнымъ чтобы одному человѣку въ четыре мѣсяца дано было четыре награды: аренда, орденъ, чинъ и важное мѣсто. О семъ сообщено было графу, который отвѣчалъ: *ну хоть просто отставить*. При свиданіи съ Катакази вѣроятно увѣрилъ онъ его, что сенаторство отъ него не уйдетъ. Онъ и понынѣ еще дожидается! И вотъ причина всѣхъ промедленій.

Когда въ послѣдній разъ праздновали мы день коронаціи императора Александра, 15 Сентября, и среди поля называемаго площадью горѣло нѣсколько площадекъ, играла полковая музыка и гуляющіе толпились вокругъ, захотѣлось и мнѣ на это взглянуть. Ночь была безподобная, теплая, тихая, небо было усѣяно звѣздами, а я чувствовалъ непонятную для меня тоску и съ особою нѣжностію думалъ о виновникѣ торжества въ этотъ день. Вдругъ мнѣ встрѣтился одинъ человѣкъ, который съ коварною улыбкою возвѣстилъ мнѣ, что въ газетахъ сейчасъ полученныхъ напечатанъ указъ отъ 26 Августа объ увольненіи Катакази и о назначеніи на его мѣсто Тимковскаго. И этотъ человѣкъ былъ Рѣдькинъ. «Для васъ это не должно быть новостью, сказалъ я ему: еще въ Маѣ знали вы, что Катакази не оставаться, да и онъ отъ кого-то узналъ о томъ». И потомъ повернулся къ нему спиной.

Другимъ указомъ отъ того же числа за Высочайшимъ подписаніемъ намѣстникъ графъ Воронцовъ уволенъ въ отпускъ на годъ за границу, а должность его поручена Грейгу.

И до полученія указа изъ Сената могъ бы Катакази, еслибъ захотѣлъ, сдать мнѣ должность; но онъ былъ такъ добръ, что сего не сдѣлалъ. Въ это время между тѣмъ произошла большая путаница: вслѣдствіе Высочайшаго указа выше помянутаго всѣ бумаги изъ министерствъ и Сената посылаемы были въ Николаевъ къ Грейгу, а отъ него отправляемы были въ Таганрогъ къ графу, который, пересмотрѣвъ ихъ, пересылалъ для исполненія въ Одессу, гдѣ оставался Казначеевъ. Между Таганрогомъ и Одессой разстояніе было болѣе шестисотъ верстъ,

слѣдственно сколько времени потребно было на всѣ эти разсылки, такъ что указъ объ увольненіи губернатора отъ службы полученъ былъ только въ первыхъ числахъ Октября.

Къ удивленію и къ удовольствію моему онъ и тутъ не хотѣлъ оставить должности, хотя требовали того не только узаконенія, но и приличіе и здравый смыслъ. Въ случаѣ взысканія, не я бы отвѣчалъ за то. Но вскорѣ сіе должно было меня крайне оскорбить: Катакази всѣмъ объявлялъ, что при послѣднемъ съ нимъ свиданіи графъ убѣдительно просилъ его не покидать должности до прибытія Тимковскаго, давая тѣмъ чувствовать, что сіе сдѣлано было вслѣдствіе недовѣрчивости ко мнѣ.

Весь этотъ мрачный Октябрь прошелъ для меня самымъ непріятнымъ образомъ. Разогорченный своею отставкою и возгордившійся будущимъ сенаторствомъ своимъ, Катакази какъ бѣлены обѣлся: никакъ не можно было съ нимъ сладить. Я тоже почти безпрестанно былъ въ раздражительномъ состояніи, и отъ того въ Совѣтъ наши встрѣчи не совсѣмъ были миролюбивы. Отъ него слышалъ я пререканія и съ своей стороны, виновать, позволялъ себѣ иногда колкости. Два человека, изъ коихъ одинъ оставилъ службу, а другой готовъ былъ оставить мѣсто, могли бы, кажется, на малое время пробыть безъ ссоры.

Въ этомъ Октябрѣ случилось у насъ одно ужасное происшествіе. Рекомендованный мною, областной архитекторъ Г . . . , котораго, если припомнить, встрѣтилъ я въ Хотинѣ въ домѣ Лидерсовъ, оказался на опытъ весьма плохимъ художникомъ; я желалъ замѣнить его другимъ и даже просилъ о томъ графа, при отъѣздѣ его въ Петербургъ. Вдругъ отъ слугъ его поданъ тайный доносъ *исправляющему* должность губернатора Катакази о томъ, что Г . . . , вдовый, имѣетъ связи съ семнадцатилѣтнею, соблазненною имъ дочерью своею, что одинъ уже младенецъ, ею рожденный и лишенный жизни, похороненъ въ Хотинѣ и что такая же участь ожидаетъ другаго готоваго явиться въ свѣтъ. По сдѣланнымъ въ тайнѣ распоряженіямъ полиція вступила въ его квартиру въ самую рѣшительную минуту, доказательства его злодѣянія были явны; но несчастная дѣвица отъ испуга въ одинъ мигъ умерла. Почитая виновнаго моимъ избраннымъ, любимымъ, Катакази сему дѣлу старался дать всевозможную гласность, съ намѣреніемъ очернить меня и въ глазахъ начальства. Въ день похоронъ, когда преступный отецъ вышелъ, чтобы идти за гробомъ своей жертвы, собравшіяся передъ домомъ, а можетъ быть и собранныя кучи народа стали бросать въ него камнями, и онъ долженъ былъ скрыться. Первый разъ въ Кишиневѣ страдалъ я сильною лихорадкою, когда сіе случилось, и хотя этого человека давно уже и не видѣлъ я, не менѣе того

былъ чрезвычайно тѣмъ встревоженъ. Слѣдствіе, судъ, наказаніе, ссылка, все это происходило послѣ меня.

Молдаване не мѣнялись со мною: давно уже жилъ я съ нимъ въ мирѣ. Со стариками былъ я почтителенъ, ласковъ и вѣжливъ со всѣми другими и старался во всѣхъ случаяхъ показывать совершенное безпристрастіе. Толкуя между собою, они не могли понять, въ опалѣ ли я у начальника или по прежнему пользуюсь его благорасположеніемъ. Они видѣли, какъ щедро Катакази награжденъ и вмѣстѣ съ тѣмъ удаленъ отъ службы. Дѣйствительно, трудно было разобрать, гдѣ гнѣвъ его сіятельства и гдѣ милость.

Дѣла вообще по управленію Новороссійскимъ краемъ посреди бывшей тогда суматохи шли не совсѣмъ исправно: все дѣлалось на бѣгу, на лету. Въ Таганрогѣ графъ подаль Государю несчастную мысль прогуляться по Крыму и сопровождалъ его въ семь путешествіи. Лучи осенняго солнца, потерявъ свою поразительную силу, гораздо лучше, если можно сказать, искуснѣе освѣщаютъ прекрасную картину южнаго берега; природа тамъ послѣ лѣтняго зноя, какъ бы отдыхая, улыбается всѣмъ. Это плѣнило Государя; прояснилось задумчивое чело его. Онъ избралъ надъ моремъ большой участокъ земли, велѣлъ купить его и въ тоже время случившемуся тутъ архитектору Англичанину Эльсону велѣлъ наскоро начертить планъ не весьма обширнаго царскаго на этомъ мѣстѣ жилища. Разсматривая планъ и довольный исполненіемъ, при многихъ, говорятъ, вымолвилъ онъ: «ну вотъ тутъ-то домкомъ проживемъ мы съ Елисаветой Алексѣевной». Неужели возымѣлъ онъ намѣреніе тутъ поселиться? Выѣзжая изъ Крымскаго полуострова, графъ разстался съ Государемъ и въ концѣ Октября воротился въ Одессу, гдѣ очень пристально принялся за дѣла.

Письменные жалобы бывшаго губернатора на какія-то мнимыя дерзости мои возбудили его вниманіе, удивили его. Какъ, онъ еще тутъ! Въ тоже время Казначеевъ показалъ ему письмо мое, въ коемъ, убѣдительно упрашивая о скорѣйшемъ доставленіи мнѣ отпуска, изображаю я всю непріятность ложнаго положенія, въ которое поставленъ я управленіемъ неслужащаго человѣка. Тотъ же часъ графъ написалъ къ Катакази частное письмо, о содержаніи коего сообщилъ мнѣ Казначеевъ. Въ немъ было написано, что вѣроятно г. Катакази нехорошо понялъ то, что ему сказано было, что на словахъ не поручается губернаторская должность и что на сей предметъ существуетъ законный порядокъ. Надобно же было дождаться этому человѣку, чтобы ему сказали: пошелъ вонъ!

И такъ 2-го Ноября, въ третій или въ четвертый разъ на одномъ году, вступилъ я въ исправленіе губернаторской должности. Это было

и въ послѣдній, но столько же мучительныхъ заботъ ожидало меня какъ и въ первый. По крайней мѣрѣ своенравная природа въ этомъ Ноябрь яснѣе погодой захотѣла вознаградить насъ за угрюмость, постоянно оказанную ею Бессарабскимъ жителямъ въ предъидущемъ мѣсяцѣ. Никакихъ непріятныхъ происшествій съ начала, слава Богу, тоже не было, и я сколько нибудь ожилъ духомъ.

III.

Находя, что наемъ дому Крупенскаго лишняя трата для казны, намѣстникъ не велѣлъ возобновлять контракта. Нѣтъ худа безъ добра: я лишился квартиры, за то развѣхался съ Авдотьей Ивановной и ея почтеннымъ супругомъ. Еще лѣтомъ по близости на вполѣ, нанялъ я, вмѣсто дачки, небольшой, чистенькій домъ съ садикомъ, что представляло мнѣ большія удобства для моихъ полевыхъ прогулокъ. Осенью и къ зимѣ сталъ онъ мнѣ казаться тѣсень и былъ холодноватъ, но какъ я почиталъ себя на отлетѣ, то и продолжалъ въ немъ жить.

Памятенъ для меня въ немъ день Субботній, 28 Ноября. Я проснулся и всталъ до восхожденія солнца; когда оно поднялось, сдѣлалось довольно тепло, чтобы я дерзнулъ въ одномъ халатѣ выйти въ напосадникъ передъ моими окнами. Цвѣли еще два-три левкоя, и я срѣзалъ ихъ, дабы когда нибудь на Сѣверѣ, какъ диво, показать сѣи Декабрскіе цвѣты. Потомъ принесли бумага, принесли почту, и я принялся за работу. Дѣла много было въ это утро, и едва въ часъ по полудни могъ я окончить свой трудъ.

Въ послѣднемъ мною распечатанномъ пакетѣ находилось письмо Казначеева, отъ котораго пришелъ я въ восхищеніе. Онъ обстоятельно увѣдомлялъ меня объ особенно милостивомъ, почти дружественномъ обхожденіи Царя съ нашимъ начальникомъ и о возросшемъ вдругъ кредитѣ послѣдняго. Какихъ счастливыхъ отъ того послѣдствій, писалъ онъ, не можемъ ожидать для себя мы, его приближенные! Онъ прибавилъ, что хотя Государь не совсѣмъ далъ слово, но вѣроятно, если здоровье Императрицы дозволитъ ему отлучиться, то къ Рождеству пріѣдетъ онъ въ Одессу и побываетъ въ Бессарабіи. «Смотрите, говорилъ онъ, не ударьтесь лицомъ въ грязь; особенно совѣтую вамъ содержать дороги въ лучшей исправности». Письмо это было отъ 18 Ноября и слѣдственно, вѣрно, залежалось гдѣ нибудь, въ канцеляріи или на почтѣ.

Голова моя загорѣлась, я не могъ усидѣть спокойно и быстрыми шагами бросился разгуливать по полю. Не было ни холодно, ни жарко; послѣ продолжительныхъ осеннихъ дождей, земля, около мѣсяца согрѣваемая солнцемъ, произвела новую, густую, довольно высокую тра-

ву, весь лугъ зеленѣлся; не было ни вѣтра, ни облака на небѣ. Безъ всякой цѣли, очарованный три часа не бродилъ я, а бѣгалъ по полю. Я совсѣмъ и забылъ, что дѣйствія графа не разъ уже показывали необъясненную на меня досаду его; забылъ, что Тимковскій со дня на день можетъ пріѣхать: я бредилъ только счастіемъ увидѣть въ близи Александра, можетъ быть говорить съ нимъ. Къ четыремъ часамъ воротился я обѣдать; утомленный и утренними занятіями, и сильными послѣ того ощущеніями, скоро я заснулъ и проснулся когда уже смерклося.

Вечеромъ я не велѣлъ безъ нужды никого къ себѣ пускать, развалился на диванѣ и предался пріятнѣйшимъ мечтаніямъ. Вдругъ послышался мнѣ въ передней небольшой шумъ, и мнѣ пришли сказать, что пріѣхавшій изъ Одессы Липранди непремѣнно желаетъ меня видѣть. О, этого подавай сюда, и ну его спрашивать! Онъ неохотно отвѣчалъ; лице его, всегда довольно мрачное, показалось мнѣ еще мрачнѣе. Послѣ минутнаго молчанія, вотъ короткія слова, которыми обмѣнялись мы: Я привезъ вамъ худыя вѣсти.—Что такое?—Государь опасно боленъ.—Быть не можетъ! И вотъ потомъ нѣкоторыя подробности, которыя услышалъ я отъ него. Болѣзнь, которую почувствовалъ Государь дорбгой изъ Крыма, старались въ Таганрогѣ скрывать отъ всѣхъ. Даже градоначальникъ Таганрогскій, генераль-маіоръ Александръ Ивановичъ Дунаевъ, человекъ преданный графу и имъ посаженный на семь мѣствъ, объ ней ничего не смѣлъ писать къ нему; наконецъ, когда опасность сдѣлалась почти гласною, рѣшился онъ съ нарочнымъ увѣдомить его о томъ. Только 20 числа получено сіе увѣдомленіе, и въ тотъ же вечеръ, неизвѣстно какъ, слухъ разнесся о томъ по городу. Свита намѣстника, 21 рано поутру, съ любопытствомъ и страхомъ собралась передъ его кабинетомъ; но онъ не показался ей, а явился Казначеевъ съ объявленіемъ, что онъ вышелъ другими дверьми и уѣхалъ въ Таганрогъ. Садясь въ коляску и прощаясь съ провожавшимъ его генераломъ Сабанѣевымъ, оба заливались слезами, по словамъ одного свидѣтеля. Послѣ того Липранди и съ нимъ Алексѣевъ шесть дней оставались въ Одессѣ въ ожиданіи вѣстей, но неизвѣстность и печальное молчаніе продолжались тамъ.

И такъ сѣверное сіяніе наше, которое разливало свѣтъ свой на полміра, тихо угасало, исчезало на берегу Азовскаго моря, и мы, ничего не подозревали, ничего о томъ не вѣдали. Мнѣ все еще не вѣрилось: не съ большимъ за мѣсяць передъ тѣмъ и во мнѣ вспылала лихорадка, подобная злой горячкѣ, и я въ четыре дни выздоровѣлъ. Сія мысль утѣшала меня, питала во мнѣ надежду; несчастіе, казалось,

мнѣ слишкомъ велико, чтобы я почиталъ его возможнымъ. Укрѣпя себя упованіемъ, могъ я спокойно заснуть.

Въ одну ночь все переѣнилось: 29-го небо покрылось мракомъ, воздухъ чрезвычайпо охолодѣлъ и наполнился мелкимъ дождемъ. Между посѣтителеми явился ко мнѣ и полиціймейстеръ Радичъ съ утреннимъ рапортомъ и печальнымъ видомъ. Когда всѣ вышли, онъ сказалъ мнѣ, что въ эту ночь воротился Катакази, который Богъ вѣсть зачѣмъ таскался въ Одессу и что сія птица худаго предвѣщанія возвѣстила о кончинѣ Государя. Я былъ пораженъ какъ бы чѣмъ-нибудь неожиданнымъ. Потомъ попросилъ я Радича побывать у г. Катакази и объяснить ему, что съ такими объявленіями торопиться нечего и, кажется, помолчать нетрудно; ну, а если не правда! Мнѣ хотѣлось, чтобы по крайней мѣрѣ не говорили о томъ. Въ продолженіи дня получилъ я другое письмо Казначеева отъ 26-го; слухи прошли, будто Государю лучше, и онъ, голубчикъ, спѣшилъ тѣмъ угѣшить меня. Я было началъ оживать, какъ вечеромъ опять заѣхалъ ко мнѣ Радичъ и сказалъ, что какая-то кучиха сейчасъ пріѣхала изъ Тирасполя, чтобы навѣстить замужнюю дочь, и о царской смерти рассказываетъ, какъ о дѣлѣ известномъ. Заѣдемте къ ней, сказалъ я Радичу. Ее также просилъ я не дѣлать ложныхъ разглашеній; она отвѣчала мнѣ: «Да помилуйте, батюшка, сегодня по утру самъ Пвпъ Васильевичъ (Сабанѣевъ) передъ цѣлымъ фрунтомъ изволилъ разговаривать объ томъ».

На другой день всѣ узнали и всѣ молчали, по крайней мѣрѣ со мною. Не получивъ никакого официальнаго извѣщенія, мнѣ и не слѣдовало говорить; а другіе, можетъ быть, щадили мою скорбь. Греки же и Филэллены не скрывали своей радости: они возлагали великія надежды на Константина Павловича, потому что онъ въ молодыхъ лѣтахъ говорилъ по-гречески, имѣлъ при себѣ Куруту и покровительствовавалъ иногда единоземцовъ ихъ, находящихся въ Россіи. Сии бессмысленные не знали, что никто такъ не вооружался противъ войны съ Турками*). Всѣ они толпились вокругъ вѣстника Катакази и сдѣлались такъ надменны, что встрѣчающимся не хотѣли кланяться.

Молдаване тоже не показывали большой печали и оставались довольно равнодушны; имъ было все равно: не тотъ, такъ другой. Какъ было понять имъ нашу горестъ? Кого могли они боготворить на землѣ? Прикащиковъ ли, на семь лѣтъ надъ ними поставленныхъ для сбора

*) По дошедшимъ послѣ до меня свѣдѣніямъ изъ Константинополя, извѣстіе о смерти государя Александры поразило султана Махмуда. Смутившись, схватилъ онъ себя за бороду и сказалъ: буй-адамъ, добрый былъ человекъ. А наследника его, котораго одно имя его устрашало, называлъ Асланомъ, то-есть разъяреннымъ львомъ.

податей, или естественнаго врага ихъ вѣры, султана? Добрый царь для Русскихъ есть Божій даръ; и когда сей посланный небесъ отлетаетъ отъ нихъ, они повергаются въ отчаяніе. То, что видѣлъ я въ младенчествѣ послѣ смерти Екатерины, тоже самое повторилось передо мною въ сорокалѣтнемъ возрастѣ. Изъ исторіи мы видимъ, что тоже самое было, когда Россія лишилась Александра Невскаго и добраго Феодора Иоанновича. Въ такихъ случаяхъ, какія чувства оживлять будутъ нашихъ потомковъ, того не вѣдаю.

Сама судьба хотѣла послѣдніе дни Александра сдѣлать трогательными въ глазахъ нашихъ. Кто не зналъ, что добраго согласія между нимъ и добродѣтельной супругой его не было, что давно уже почтительный холодъ заступилъ мѣсто первоначальной супружеской нѣжности. Народъ любилъ ее и ропталъ. Вдругъ узнаютъ, что искреннѣйшая дружба, взаимная довѣрчивость вновь соединяютъ ихъ. Всѣ возрадовались. И когда она оживала сердцемъ, душою, тѣло ея, изнуренное, можетъ быть, тайными горестями, преждевременно начало приходить въ разрушеніе. Всѣ дворцы, всѣ блестящія жилища свои покидаетъ онъ, чтобы въ тихомъ уединеніи, въ скромномъ убѣжищѣ заботиться о сохраненіи ея жизни и... умираетъ въ ея объятіяхъ.

Такимъ изумительнымъ образомъ оканчивалось многолѣтнее царствованіе, въ продолженіе коего Россія испытывала превратности счастья. Ей грозила гибель, силы цѣлой Европы разразились надъ нею, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ту же самую Европу повелъ Александръ на великаго своего соперника. Магіей взгляда, ума и слова примиря несогласныхъ, создалъ онъ союзъ, который по всей справедливости называлъ Священнымъ и умирая оставилъ Россіи тотъ повелительно-миротворный характеръ, который, дай Богъ, чтобы она навсегда сохранила. Однимъ стихомъ вѣрно изобразилъ его поэтъ:

Мужъ твердый въ бѣдствіяхъ и скромный побѣдитель.

И смѣло можемъ сказать, что подобнаго ему трудно сыскать въ исторіи. Какъ человѣкъ, имѣлъ онъ слабости, дѣлалъ большія ошибки; но сердце его всегда оставалось пучиной любви къ человѣчеству, а величіемъ души своей умѣлъ онъ постигнуть величіе Божіе и, сколько дозволено смертному, отражалъ его на землѣ.

И были люди въ новомъ краю, куда заведенъ я былъ случаемъ, которые удивлялись, а въ тайнѣ и смѣялись моей горести. И подлинно, если все относить лишь собственно къ самому себѣ, то потеря для меня была неважная. При этомъ государѣ какіе были у меня большіе успѣхи по службѣ? Почти все однѣ неудачи, и самое существованіе мое было ему вовсе неизвѣстно. Но, какъ сызъ отечества, оплакивалъ

я, по тогдашнему мнѣнію моему, погибающее его величіе. Къ тому же лучшіе годы жизни моей проведя подъ симъ правленіемъ, мнѣ казалось, что съ нимъ вмѣстѣ оканчивается и нашъ вѣкъ, пришла и наша пора.

Если въ Кишиневѣ встрѣчалъ я немного сочувствія, за то извѣстія и письма изъ Одессы могли меня утѣшить. Обязанный ему своимъ существованіемъ и богатствомъ, городъ сей въ полномъ смыслѣ покрылся трауромъ. Особенно же женщины, коихъ онъ былъ кумиромъ, не осушали глазъ. Гораздо послѣ узналъ я, что тоже самое было и во всѣхъ другихъ Русскихъ городахъ.

Вся Россія находилась тогда въ странномъ положеніи. Обыкновенно преемникъ усопшаго императора манифестомъ возвѣщалъ намъ въ одно время о кончинѣ его и о своемъ воцареніи. Тутъ болѣе тысячи верстъ отдѣляло наслѣдника престола отъ столицы, и въ дали отъ нея, совсѣмъ въ другой сторонѣ послѣдовала кончина его предшественника. Сколько времени нужно было на разъѣзды, на сообщеніе извѣстій; сей промежутокъ времени имѣлъ видъ междуцарствія. Я ожидалъ свѣдѣній и приказаній изъ Таганрога, изъ Петербурга, изъ Варшавы. Наконецъ, 3 Декабря получилъ я первую формальную бумагу съ черной каймой, подписанную намѣстникомъ 25 Ноября, въ день пріѣзда его въ Таганрогъ. Въ ней, извѣщая меня о несчастномъ событіи, онъ предписываетъ, чтобы во всѣхъ актахъ сохраняемо было имя покойнаго, *впредь до повелѣнія нынѣ царствующаго Государя Императора Константина Павловича*. Я подчеркнулъ точныя слова его предписанія.

По военному вѣдомству дѣло шло проворнѣе. Вслѣдствіе полученныхъ имъ приказаній, генераль Желтухинъ 6 Декабря, въ Николинъ день, на широкомъ дворѣ митрополіи, послѣ обѣдни приводилъ къ присягѣ новому царю всѣхъ воиновъ, на лицо находящихся въ Кишиневѣ. Духовное начальство также не замедлило получить указъ изъ Святѣйшаго Синода, и архіепископъ Димитрій оффиціальнымъ отзывомъ пригласилъ меня на паннихиду 12 Декабря, въ самый день рожденія усопшаго. Однимъ словомъ, я пѣлъ еще за здравіе, когда духовенство и войско пѣли за упокой. Однакоже, вечеромъ того же числа прибылъ ко мнѣ сенатскій курьеръ съ указомъ изъ Сената, и весь этотъ вечеръ просидѣлъ я въ областномъ правленіи, дабы скорѣе привести указъ сей въ исполненіе. Надобно было присяжные листы перевести на Молдаванскій языкъ, печатные указы съ нарочнымъ разо-слать по цынутамъ и повѣстить всѣхъ гражданскихъ и отставныхъ чиновниковъ объ учиненіи присяги. На другой день, 13 Декабря, сіе совершенно мною въ крестовой церкви архіерейскаго дома.

По совершеши сего священнаго обряда, казалось, намъ оставалось только спокойно ожидать распоряженій новаго правительства; но вѣтъ, почти мѣсяць прошелъ послѣ того, что скончался Александръ, а Константинъ хранилъ молчаніе. Царствовалъ одинъ только густой мракъ неизвѣстности, подобный тому, который постоянно покрывалъ тогда наше полуденное небо. Въ потьмахъ всѣ предметы кажутся страшнѣе. И въ близи, и въ дали, казалось, грозить намъ опасность. Неизвѣстно откуда взялись слухи, что во второй арміи (изъ коей двѣ дивизіи занимали Бессарабію) готовъ вспыхнуть мятежь. И дѣйствительно, и солдаты, и офицеры равно не любили цесаревича, почитая его жестокосердымъ, Руссоненавистникомъ. Сии слухи имѣли по крайней мѣрѣ какое-нибудь основаніе, и вѣрноподанный, трусливый генералъ Желтухинъ придавалъ имъ вѣроятность, запершись и нигдѣ не показываясь. Но другіе, самые нелѣпѣйшіе слухи ходили на счетъ Петербурга. Увѣряли, будто Великій Князь Николай Павловичъ, пользуясь смертію одного брата и отсутствіемъ другаго, захотѣлъ возесть на престоль и былъ засажень въ крѣпость; будто у него сильная партія и можетъ послѣдовать междоусобная война. Надобно было жить въ такомъ отдаленіи отъ истины, чтобы повѣрить такому вздору.

На мою бѣду еще въ Ноябрь въ Яссахъ вновь появилась чума, и надобно было заботиться опять усилить кордонъ по Пруту. На этотъ разъ былъ я нѣсколько успокоенъ прозорливствію начальника казаковъ полковника Бегидова, славнаго и въ бояхъ. Въ то же время рассказывали у насъ, будто Турецкое войско приблизилось къ Дунаю и въ случаѣ какихъ-либо у насъ неустройствъ готово перейти его. У страха глаза велики: намѣстникъ оставался въ Таганрогѣ, въ восьми-стахъ верстахъ отъ насъ; правительство, гдѣ оно было? Въ случаѣ тревоги, откуда ожидать мнѣ было наставленій, скорой помощи? Смутное, тяжкое время было для меня. Къ счастью, оно не долго продолжалось. По вечерамъ собирались у меня два-три короткихъ челоуѣка; мы толковали и повторяли: что съ нами будетъ!...

Экстра-почта въ восемь дней изъ Петербурга приходила къ намъ два раза въ недѣлю. По послѣдне-полученной почтѣ, 23-го Декабря къ вечеру, не было ни бумагъ, ни писемъ. Долго ли это будетъ? подумалъ я. На другой день, часу въ двѣнадцатомъ утра, по окончаніи обычныхъ моихъ занятій, пришелъ ко мнѣ отъ архіепископа Димитрія секретарь консисторіи г. Монастырскій съ важными, по словамъ его, бумагами. Преосвященный получилъ ихъ наканунѣ по почтѣ и, сообщая ихъ мнѣ одному, просилъ о содержаніи ихъ никому не говорить. Тутъ были печатные листы, манифестъ покойнаго государя, отреченіе Константина Павловича и, наконецъ, манифестъ о восшествіи на пре-

Эта молоденькая, бѣленькая, полненькая дочь его, Александра Ивановна, имѣла самое пріятное изъ дурныхъ лицъ. Ея воспитаніемъ занималась преимущественно умная бабка ея Леонтьева, и хотѣла имъ прославиться, стараясь одарить ее всѣмъ, чего въ самой недоставало, и не щадя на то денегъ. Внучка оправдала ея ожиданія: отъ всѣхъ другихъ дѣвицъ въ Пензѣ отличалась скромностію, любезностію, знала иностранные языки и по-французски выражалась, какъ говорили тогда на немъ въ большомъ свѣтѣ; много читала, переводила и казалась чуждою даже маленькимъ дѣвичьимъ сплетнямъ. Голосъ ея былъ пріятный и въ согласіи съ нѣжностію, съ чувствительностію, которыя, какъ имѣлъ я случай узнать послѣ, были въ ней не столько врожденныя, какъ внушенныя иностранными гувернантками.

Никто изъ молодыхъ людей (которыхъ, впрочемъ, было немного) не смѣлъ къ ней подступиться, и еслибы маленькое, едва замѣтное предпочтеніе не ободрило старшаго брата моего Павла, которому она чрезвычайно нравилась, то онъ довольствовался бы любить ее въ молчаніи. Однакоже, они поняли другъ друга, воспламенились и объяснились; но дѣвица Ступишина, зная уже виды и надежды, не столько родителей, какъ гордой честолюбивой бабки, просила его до удобнаго случая хранить ихъ взаимную страсть. И дѣйствительно, г-жа Леонтьева, выдавъ глупую бѣдную сироту свою за генераль-поручика и губернатора, могла надѣяться, что такая внука будетъ за канцлеромъ или за фельдмаршаломъ. А между тѣмъ дѣвочкѣ, восторженной отъ чтенія романовъ, довольно пріятно, въ тиши уединенія, на яву длить собственный романъ. Одинъ учитель, Французъ (эти люди всегда мѣшались въ любовныя дѣла), который прежде того давалъ уроки, часто навѣщаль Пановку, отвозилъ туда письма отъ брата и привозилъ оттуда на нихъ отвѣты. Письма ея были по-французски, а какъ братъ мой на этомъ языкѣ говорилъ нехорошо, а писалъ еще хуже, то тотъ же самый Французъ, болѣе со словъ, переводилъ Русскія его письма, а онъ уже потомъ списывалъ. Когда случилось мнѣ послѣ читать эти посланія молодой Ступишиной, то мнѣ казалось, что страсть и искусство выражать ее далѣе идти не могутъ; но еще позднѣе, когда я болѣе начитался романовъ, нашелъ въ нихъ цѣлыя страницы, уже мною читанныя. Какъ все это болѣе переписывалось чѣмъ сочинялось, то никакая любовная *переписка* названія сего такъ не заслуживаетъ.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и оба семейства, ничего не подозревая, продолжали свои дружественныя сношенія и, не смотря на тридцать верстъ разстоянія, довольно часто другъ друга посѣщали. Наконецъ робкая дѣва осмѣлилась признаться во всемъ отцу, который одобрилъ ея желанія, и она успѣшила сообщить о томъ моему брату.

Въ нетерпѣливой радости своей онъ обратился къ родителямъ, и они нашли все это дѣломъ весьма обыкновеннымъ, естественнымъ. Партія была самая выгодная, неравенство могло только быть въ одномъ состояніи; къ тому же въ провинціи это могло казаться соединеніемъ двухъ династій. Но не такъ думали Леонтьева и дочь ея; узнавъ истину отъ неосторожнаго старика, онъ въ два-три дня успѣли совсѣмъ сбить его съ толку, и когда мать моя пріѣхала къ нимъ съ формальнымъ предложеніемъ, то госпожа Леонтьева, отъ имени всѣхъ, не весьма искусно, но довольно учтиво сдѣлала отказъ.

Можно себѣ представить, чтѣ изъ того послѣ произошло, видя съ одной стороны женщину живую, самолюбивую какъ мать моя, а съ другой—раздраженную, бранчивую дуру Леонтьеву и дочь ея, и между ними услужливыхъ сплетчицъ и переносицъ. Болѣе года прошло послѣ этого разрыва, когда во второй разъ пріѣхалъ я въ Пензу, и вражда была тогда во всей силѣ; за то и любовь молодыхъ людей также не угасала, и тайная переписка продолжалась еще года два.

Другое семейство, о коемъ я упомянулъ, было нѣкоторымъ образомъ продолженіемъ перваго. Говоря о молодости отца моего и о первыхъ связяхъ его въ Пензѣ, я назвалъ Ефима Петровича Чемесова, мужа древнихъ временъ. Болѣе тридцати лѣтъ существовала у него съ отцомъ моимъ дружба старинная, непоколебимая. Онъ былъ еще довольно молодъ, когда беспощадный для дворянъ Пугачевскій бунтъ достигнулъ Пензы. Всѣ бѣжали. Онъ остался, примѣромъ своимъ ободрилъ нѣкоторыхъ молодыхъ помѣщиковъ и, пользуясь довѣренностію и уваженіемъ, которыя имѣлъ даже между простымъ народомъ, изъ господскихъ людей, изъ мѣщанъ и изъ нѣсколькихъ поселянъ успѣлъ собрать почти цѣлый полкъ, который вооружилъ наскоро и назвалъ уланскимъ; надобно знать, что ни самъ онъ и никто изъ его сподвижниковъ никогда не бывалъ въ военной службѣ *). Съ этимъ войскомъ онъ выступилъ противъ непріятеля, но къ счастью былъ такъ уменъ

*) Не доказываетъ ли это, что всякій Русскій въ одинъ мигъ изъ мирнаго гражданина можетъ превратиться въ смѣлаго воина? И послѣ того какъ не видѣть, сколь бесполезенъ отяготительный, изнурительный для государства обычай держать въ мирное время полмиліона подъ ружьемъ? Мнѣ кажется достаточно бы было однихъ кадровъ, когда могучій голосъ Царя можетъ въ короткое время и пятаго отъ сохи вызвать къ оружію. Неужели солдаты только для потѣхи и помпы царей? Тогда это тягостиве, чѣмъ роскошь десяти дворовъ. Мнѣ все кажется, что Славянское племя, разумѣется кромѣ Поляковъ (которые въ немъ выродки), имѣетъ въ себѣ что-то молочное, что-то бѣлое, свѣжее, прѣсное. Турки, равно какъ и Нѣмцы, берегутъ его въ погребѣ, въ преисподней; Пруссаки квасятъ его, гноятъ, чтобы сдѣлать изъ него какой-то сыръ; но тамъ, гдѣ оно свободно, появленіе непріятеля кипятитъ его какъ огонь, оно клокочетъ, и горячія его волны какъ лава поглощаютъ враговъ.

одной свѣчки, лежалъ одинъ съ черными думами: вдругъ письмо отъ Липранди. Онъ пишетъ, что, нѣсколько дней будучи нездоровъ, самъ не можетъ явиться и спрашиваетъ, не слыхалъ ли я чего объ ужасномъ происшествіи, бывшемъ въ окрестностяхъ Бѣлой Церкви? На этомъ самомъ письмѣ написалъ я только сіи слова: «ничего не вѣдаю» и отослалъ къ нему назадъ. Разъ уже веселыя мысли мои разогналъ онъ недоброю вѣстію; тутъ мрачныя разсѣялъ онъ, возбудивъ опасенія на счетъ графа, который находился тогда въ Бѣлой Церкви.

Не прошло часу, какъ возвѣстили мнѣ полицеймейстера Радича и съ нимъ присланнаго отъ графа чиновника. Отказать имъ въ приѣмъ я не могъ, да и не захотѣлъ бы послѣ письма Липранди. Чиновникъ сей былъ девятнадцати или двадцатилѣтній юноша, Степанъ Васильевичъ Сафоновъ, только что въ Августѣ поступившій на службу въ канцелярію графа, бывшій при немъ въ Таганрогъ и въ короткое время сдѣлавшійся его первымъ любимцемъ (въ послѣдствіи времени былъ онъ первымъ его министромъ). Онъ подалъ мнѣ двѣ незначительныя бумаги. «Неужели ничего болѣе?» — спросилъ я. «Да», отвѣчалъ онъ; «я проѣздомъ въ Кишиневъ, имѣю секретное порученіе далѣе и только переночую у Якова Николаевича» (Радича). Все это было такъ странно, что крайне меня удивило. На счетъ происшествія сказалъ онъ, что графъ приѣхалъ въ Бѣлую Церковь послѣ онаго. Это было возмущеніе Черниговскаго пѣхотнаго полка подъ начальствомъ бывшаго Семеновца, знакомаго мнѣ Сергѣя Муравьева. 2 Января происходило небольшое, но настоящее сраженіе; Муравьевъ и братъ его Матвѣй взяты въ плѣнъ, третій братъ убитъ, а нѣкоторые изъ офицеровъ разбѣжались неизвестно куда.

На другой день, 11-го числа, рано явились ко мнѣ опять Радичъ съ Сафоновымъ. Они совершили важный подвигъ: арестовали Липранди, опечатали его бумаги, не велѣли никого къ нему допускать, а мнѣ представили отправление его въ Петербургъ. «Такъ какъ все сдѣлано мимо меня, сказалъ я, такъ какъ по сему дѣлу не имѣю я ни строчки отъ намѣстника: то пусть г. полицеймейстеръ возметъ на себя и сей послѣдній трудъ. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, позволено будетъ его видѣть?» Радичъ отвѣчалъ: помилуйте, вамъ вездѣ открытъ входъ. Мнѣ хотѣлось освободить вчерашнее письмо, и я въ томъ успѣлъ. Липранди нашелъ я чрезвычайно упадшаго духомъ, и хотя онъ божился мнѣ, я почиталъ его виновнымъ. Послѣ съ удовольствіемъ узналъ, что я ошибся. На другой день Радичемъ былъ онъ отправленъ съ полицейскимъ офицеромъ.

Какая мысль была у графа устранить меня отъ этого дѣла? Неужели подозрѣвалъ онъ меня въ какомъ-либо соучастіи съ подозрѣ-

ваемыми? Нѣтъ, этого не было; но онъ почиталъ меня большимъ пріятелемъ Липранди и зналъ всю Сербскую вражду Радича противъ него. Вообще, онъ не любилъ церемониться съ губернаторами и часто безъ ихъ вѣдома давалъ свои предписанія исправникамъ и городничимъ. Иные обижались этимъ; въ такомъ случаѣ, что могло быть удобнѣ Катакази, и напрасно онъ удалилъ его. Вездѣ сперва его произволь, а потомъ, пожалуй, и законъ, лишь бы онъ былъ согласенъ съ его видами.

Больно было мнѣ узнать отъ Сафонова, что вновь произведенный надворный совѣтникъ Никаноръ Лонгиновъ, о которомъ уже говорено, Высочайшимъ указомъ назначенъ исправляющимъ должность Таврическаго вице-губернатора на мѣсто Куруты, который переведенъ въ Орловскую губернію. Послѣ того, что оставалось мнѣ дѣлать, если не распроститься навсегда съ Новороссійскимъ краемъ? Завѣса, покрывавшая недостатки человѣка, которому преданъ я душой, вдругъ начала спадать.

Дней черезъ пять послѣ отсылки Липранди, были новыя арестаціи, новыя отправленія. Два бѣжавшихъ офицера Черниговскаго полка находились въ Кишиневѣ подъ чужими именами, и мы того не подозрѣвали. Николаевскій полиціймейстеръ, подполковникъ Павелъ Ивановичъ Федоровъ, человѣкъ тонкій, всевѣдущій, неутомимый *), не Радичу чета, тайно увѣдомилъ насъ о томъ, прибавляя, что одинъ изъ нихъ, подъ новымъ именемъ, ожидаетъ писемъ и денегъ изъ Кременчуга. Посредствомъ мнимой повѣстки съ почты, посредствомъ этой ловушки не трудно было схватить обоихъ. Названій сихъ офицеровъ не помню, да и ихъ самихъ не имѣлъ духу видѣть. Одинъ изъ нихъ былъ раненъ, а согласно предписаніямъ слѣдовало ихъ закованными отправить въ Петербургъ. Сію жестокую операцію предоставилъ я Радичу.

Въ половинѣ Генваря намѣстникъ опять воротился въ столицу свою, Одессу. Обыкновенно три четверти года проводилъ онъ въ разъѣздахъ, внѣ ея, не считая уже годовыхъ и двухгодовыхъ отлучекъ за границу. Тогда, по крайней мѣрѣ, заступающій его мѣсто постоянно оставался на немъ, а это путевое, кочевое управленіе, не знаю, приносило ли много пользы краю. При Екатеринѣ генералъ-губернаторы живали болѣе въ Петербургѣ и въ Москвѣ и только по временамъ посѣщали свои губерніи. За то были они только великолѣпными представителями величія царскаго и въ тоже время постоянными сенаторами-ревизорами. Всякая справедливая жалоба на злоупотребленіе

*) Онъ не ожидалъ тогда, что вѣкогда будетъ управлять Новороссійскимъ краемъ.

власти находила въ нихъ защитниковъ. Такимъ образомъ губернаторы, настоящіе хозяева губерній, были подчинены болѣе ихъ надзору, чѣмъ прямому начальству. Время и обычай это измѣнили. Особенно же при графѣ Воронцовѣ въ губерніяхъ Новороссійскихъ, власть губернаторская основывалась не столько на узаконеніяхъ, какъ на его прихоти. Изъ нея бралъ онъ себѣ любое, а все многотрудное оставлялъ губернаторамъ и былъ отмѣнно взыскателемъ.

Въ это время долженъ былъ я неожиданно испытать всю жестокую несправедливость этого челоуѣка. Чтобы представить дѣло въ настоящемъ видѣ, долженъ я съ рассказомъ моимъ податься недѣль за шесть назадъ.

Отапливаніе дѣло совсѣмъ не маловажное въ безлѣсномъ краю. Посредствомъ подрядовъ, на счетъ земскихъ повинностей, доставлялось войску топливо: дрова, камышъ, бурьянъ или что другое удобное для доставки. Срокъ двухгодоваго контракта оканчивался 1 Января 1826 года; объявлены были торги, желающіе не являлись, и я находился въ большомъ затрудненіи. Только въ концѣ Ноября неутомимый Левинсонъ, который не пренебрегалъ и небольшими барышами, предложилъ мнѣ цѣну гораздо ниже прошлогоднихъ; я представилъ о томъ въ Совѣтъ.

Памятно мнѣ засѣданіе его 4 Декабря. Наканувъ изъ Таганрога получилъ я отъ намѣстника официальное извѣщеніе о кончинѣ Государя. Я зналъ, какъ онъ былъ привязанъ къ покойному, зналъ, что Константинъ Павловичъ весьма не благоволитъ къ нему, и представлялъ себѣ всю горестъ его положенія; откуда ни возмись вся прежняя, глупая моя къ нему нѣжность! Члены Совѣта замѣтили мнѣ, что обыкновенно намѣстники утверждаютъ подобныя подряды. «Да, отвѣчалъ я, когда они на лицо или вблизи. Разсудите сами, господа: еслибы мы и съ нарочнымъ послали представленіе наше въ Таганрогъ за восемьсотъ верстъ, то ближе двухъ недѣль не могли бы ожидать отвѣта. Потомъ вспомните, сколько времени нужно будетъ на соблюденіе формальностей, на составленіе и написаніе контрактовъ, и сіе въ самые праздники; это возметъ у насъ еще двѣ недѣли, слѣдственно, черезъ мѣсяць и послѣ Новаго года можемъ мы окончить сіе дѣло. Вы знаете, что, согласно съ образованіемъ и въ присутствіи намѣстника. единогласіе Совѣта могло бы и безъ его воли утвердить такую сдѣлку, гдѣ выгоды для областныхъ суммъ очевидны. Къ тому же, прибавилъ я со вздохомъ, нашъ бѣдный графъ, до того ли ему теперь?» Всѣ члены со мной согласились.

Какимъ заботамъ, какимъ издержкамъ подвергнута была бы казна, еслибъ принуждена была взяться за сію поставку и еслибъ сутки или

двое пришлось бы солдатамъ зябнуть. Въ это время носились ужасные слухи, будто войско готово было придраться къ первому случаю, чтобы взбунтоваться. Насилу 19 Декабря успѣли мы окончить сіе дѣло, и Левинсонъ готовъ уже былъ отказаться; ибо и ему нужно было время, чтобы сдѣлать свои распоряженія.

И вотъ чтò чрезмѣрно прогнѣвило нашего начальника, когда онъ возвратился въ Одессу. Онъ держалъ кормило Новороссійскаго управленія на берегахъ Финскаго залива, равно какъ и на берегахъ Азовскаго моря, и при всякомъ экстренномъ случаѣ надобно было гоняться за нимъ, чтобы испрашивать его разрѣшенія. Онъ опредѣлялъ, не мнѣ одному, а всему Совѣту въ совокупности объявить строжайшее замѣчаніе, подрядъ оставить пока за Левинсономъ, но сдѣлать новые торги къ 1 числу Маія. О семъ грозящемъ намъ ударѣ письмомъ предупредилъ меня добрѣйшій Казначеевъ, какъ бы вызывая отъ меня предупредительное оправданіе. Я написалъ его со всѣми подробностями здѣсь помѣщенными, винилъ себя одного, выгораживалъ членовъ Совѣта. Оно показано было неумолимому, но ничто не помогло. Я не зналъ, что Казначеевъ уже не въ первый разъ отклонялъ отъ меня удары, наносимые мнѣ начальствомъ и былъ громовымъ для меня отводомъ; послѣ, съ горемъ и съ шуткой пополамъ, я прозвалъ его моимъ парь-а-графомъ. Для самого Воронцова былъ онъ докучливою, но часто весьма спасительною совѣстію, отъ которой мѣсяцевъ черезъ шесть послѣ того захотѣлъ онъ избавиться.

Трудно было понять, за чтò и для чего такія гоненія. Если хотѣли заставить меня выйти изъ службы, то я самъ не скрывалъ желанія своего ее оставить. Я такъ усталъ отъ безплодныхъ заботъ по службѣ, отъ лишенія всѣхъ пріятностей образованной жизни и отъ неровностей характера начальника, что въ этомъ видѣлъ спасеніе свое. Я, однако, ошибался: меня совсѣмъ не хотѣли выпускать изъ рукъ. Мало было моей покорности: къ ней примѣшивалась нѣкоторая самостоятельность, и ее-то хотѣлось Воронцову измять. Только мнѣ казалось неловко подать въ отставку въ самомъ началѣ новаго царствованія.

Надобно объяснить причину многихъ странностей Воронцова. Сынъ богатаго и знатнаго человѣка, онъ воспитанъ въ Англіи, гдѣ многіе лорды богаче и сильнѣе Нѣмецкихъ владѣтельныхъ князей, и если подобно имъ не имѣютъ подданныхъ, за то множество благородныхъ и просвѣщенныхъ людей идутъ къ нимъ въ кабалу, вмѣстѣ съ ними вступаютъ въ службу и оставляютъ ее: это называется патронеджъ. Нѣчто подобное хотѣлось ему завести для себя и въ Россіи, гдѣ царствуетъ подчиненность начальству, а подданство одному только человѣку. Въ первой молодости, подъ видомъ добраго товарищества, поселилъ онъ

въ отцовскомъ домѣ нѣсколько Преображенскихъ офицеровъ, содержаль ихъ, поилъ, кормилъ и, разумѣется, надо всѣми бралъ верхъ. Какъ главный начальникъ Русскаго войска въ Мобѣжѣ, щедротами на Французскія деньги привязалъ онъ къ себѣ много неимущихъ людей: Богдановскаго, Дунаева, Лонгинова, Казначеева, Франка, Арсеньева, Ягницкаго, вышедшаго въ отставку и управляющаго его имѣніемъ. Въ нихъ видѣлъ онъ свою собственность; въ Новороссійскомъ краѣ нѣкоторыхъ посадилъ на высшія мѣста и началъ дѣлать новый наборъ, въ который по невѣдѣнію и я какъ-то попалъ. Замѣтивъ, однако, что я не совсѣмъ охотно признаю надъ собою крѣпостное его право, началъ онъ преслѣдовать меня. Во время послѣдняго моего съ нимъ свиданія просилъ я его объ удаленіи отъ должности одного явнаго вора и грабителя, Аккерманскаго цынутнаго прокуратора или уѣзднаго стряпчаго, нѣкоего Бублейникова, женатаго на сестрѣ любимаго его и уже умершаго адъютанта Русанова. «Да, отвѣчалъ онъ, и до меня доходили невыгодные о немъ слухи; за то вы не знаете, какъ всей душой онъ мнѣ преданъ». Я подивился и замолчалъ. Послѣ понялъ онъ, что въ Россіи одни права начальства даютъ власть надъ людьми, могутъ давать и свиту, и дворъ; оттого такъ крѣпко привязался онъ къ службѣ, безъ которой при его состояніи такъ легко могъ бы онъ обойтись.

Когда грозное его предписаніе получено было членами Совѣта, оно до того изумило ихъ, что они не вдругъ его поняли. «Что мы будемъ дѣлать?» спросили они у меня.—Что хотите, господа, отвѣчалъ я. Между тѣмъ сей самый вопросъ долженъ былъ я и самъ себѣ сдѣлать. Исполнить несправедливое заключеніе намѣстника значило бы признать себя виновнымъ; протестовать въ такое время, гдѣ во всемъ видѣли возмущеніе, было бы идти на явную гибель. Во избѣжаніе сихъ двухъ крайностей, поступокъ свой, не знаю, какъ назвать, робкимъ ли, или смѣлымъ. Дни три оставивъ безъ исполненія помянутое предписаніе, 6 Февраля сказался я больнымъ и сдалъ должности губернаторскую и вице-губернаторскую. Послѣ того заключился въ совершенномъ уединеніи, никуда не выходилъ и никого почти къ себѣ не пускалъ.

Въ Одессѣ сначала повѣрили моей мнимой болѣзни; но какъ она становилась продолжительною, а Тимковской изъ Петербурга и не думалъ ѣхать и дѣла шли Богъ знаетъ какъ, то совѣтывали мнѣ выздоравливать. Я писалъ, что сіе зависитъ отъ полученія мною четырехмѣсячнаго отпуска, о которомъ просилъ еще я въ Августѣ мѣсяцѣ. Онъ давно былъ разрѣшенъ мнѣ Комитетомъ Министровъ, давно находился въ канцеляріи намѣстника, но выслать его хотѣли мнѣ только по прибытіи новаго губернагора. Наконецъ, Левшинъ написалъ мнѣ прелюбезное письмо, въ которомъ, по приказанію Воронцова, убѣди-

тельно приглашалъ меня вступить въ должность, тѣмъ болѣе, что, по извѣстіямъ изъ Петербурга, Тимковской совѣтъ на отъѣздѣ. Тутъ была собственноручная приписка графа, гдѣ въ самыхъ ласковыхъ выраженіяхъ повторялъ онъ сіе приглашеніе. То и другое оставилъ я даже безъ отвѣта. Вотъ тутъ-то прогнѣвались на меня и безо всякаго отзыва прислали мнѣ отпускъ, которымъ и не замедлилъ я воспользоваться.

Прежде чѣмъ выѣхать изъ Кишинева, мнѣ необходимо досказать глупую и жалкую исторію о Левинсонѣ и дровахъ. Покорный Совѣтъ, не дозволивъ себѣ ни малѣйшаго, самаго почтительнаго замѣчанія въ оправданіе свое, поспѣшилъ исполнить волю начальника. Но Левинсонъ не убоился отправить сильную жалобу къ управляющему Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ и нашею Бессарабскою частію Ланскому. Изъ устъ сего послѣдняго, самого Василья Сергѣевича, слышалъ я потомъ, что столь противузаконнаго распоряженія не случалось ему видѣть ни во время многолѣтняго управленія его разными губерніями, ни въ бытность его генераль-интендантомъ арміи. «Контрактъ всегда святъ и ненарушимъ, говорилъ онъ; если онъ неправильно совершенъ, то отвѣтственность падаетъ единственно на мѣсто или лицо, его заключившее». Съ Высочайшаго соизволенія дѣло остановлено въ Бессарабіи и передано на разсмотрѣніе Сената. Не ближе какъ въ концѣ Октября послѣдовало справедливое онаго рѣшеніе. Нимало не осуждая дѣйствій графа Воронцова и приписывая ихъ особенной заботливости его объ общественной пользѣ, Сенатъ однакоже совершенно одобрилъ распоряженія Бессарабскаго Совѣта, находя, что они сдѣланы совершенно на законномъ основаніи и съ явною выгодною для областныхъ суммъ.

Кажется, этимъ и должно бы кончиться сіе неважное дѣло; но Воронцовъ, который въ это время былъ на отъѣздѣ въ Англію, чрезвычайно обидѣлся симъ сенатскимъ опредѣленіемъ. Черезъ одного пріятеля своего, любимца молодаго Государя, представилъ онъ ему, что рѣшеніе Сената вредно для власти его и унижаетъ ее въ глазахъ жителей. Тогда не успѣли еще хорошенько оглядѣться и въ дѣлахъ не слишкомъ придерживались законности: прежнія распоряженія Воронцова, вопреки мнѣнію Сената, утверждены, а сверхъ того членамъ Совѣта велѣно объявить Высочайшій выговоръ съ занесеніемъ его въ формулярные ихъ списки. И вотъ чистый барышъ, который получилъ я отъ усерднаго служенія моего въ Новороссійскомъ краю!

Получивъ согласное съ желаніемъ своимъ царское повелѣніе, въ исходѣ Декабря Воронцовъ отправился за границу и приказалъ вновь назначить торги къ 1 Маія уже 1827 года. На нихъ никто не явился,

и Левинсонъ исправно и спокойно додержалъ свой подрядъ до окончанія двухгодоваго срока. И стоило ли того, чтобы подымать такую большую тревогу, преслѣдовать и обижать честныхъ, полезныхъ и невинныхъ людей!

IV.

Пробывъ болѣе трехъ недѣль въ добровольномъ тюремномъ заключеніи, какъ сладостно мнѣ было увидѣть спасительную бумагу объ отпускѣ, дарующемъ мнѣ свободу! Совершенная весна наступила уже нѣсколько дней, когда 4 Марта оставилъ я Кишиневъ. Все это вмѣстѣ день выѣзда моего сдѣлало радостнымъ для меня днемъ. Узы, которыя прежде мнѣ казались столь легки и даже пріятны, давили уже меня своею тягостію, и я рвался изъ нихъ. Немного времени было нужно, чтобы спастись изъ Бессарабіи: отъ Кишинева до мѣстечка Кріулянъ на Днѣстрѣ всего сорокъ верстъ. Переправившись чрезъ сію рѣку, которая отъ нея, казалось, навсегда меня отдѣлила, я сталъ дышать свободнѣе.

Городокъ Дубоссары до присоединенія Бессарабіи былъ значительнымъ пунктомъ: въ немъ находилась пограничная почтовая контора, черезъ которую проходила вся Русская переписка съ Константинополемъ. Пока линіи таможенная и карантинная не были святы на Днѣстрѣ, городокъ сей все еще казался оживленнымъ; нынѣ же, будучи заштатнымъ, безуѣзднымъ, говорятъ, приходитъ въ упадокъ. Многіе думали, и я въ томъ числѣ, что эта сторона Новороссійскаго края населена выведенными изъ Украины крестьянами; но нѣтъ: въ двухъ уѣздахъ, Ольвіопольскомъ и Тираспольскомъ, остались первобытные жители, Молдавскіе хлѣбопашцы. Послѣ Яскаго мира, съ 1792 года, частыя сношенія ихъ съ земляками Заднѣстровскими должны были прекратиться, и въ то же время начали они сближаться съ сосѣдями своими, Малороссіянами, съ коими и въ обычаяхъ, и въ одѣяннн, и въ образѣ жизни имѣютъ совершенное сходство. Время нынѣ до того уподобило ихъ Украинцамъ, что они забыли Молдавскій языкъ. Вотъ чтò случилось, какъ утверждаютъ, и въ трехъ сѣверныхъ цинутахъ Бессарабскихъ; вотъ чтò неизбежно послѣдуетъ съ цѣлою Молдавіей, если она присоединена будетъ къ Россіи, не составляя особаго, отдѣльнаго княжества.

Я сперва намѣревался отправиться въ Пензу; послѣднія происшествія заставили меня перемѣнить сіе намѣреніе. При началѣ новаго царствованія могутъ быть благопріятные случаи для выгодной перемѣны службы, подумалъ я между прочимъ. Но это не было главною причиною поѣздки моей въ Петербургъ. Прошло почти три года какъ

я разстался съ сею мнѣ столь знакомою столицей, и безъ переписки я всегда имѣлъ мало о ней свѣдѣній. Посреди заботъ службы, сіе меня не такъ тревожило; но во время послѣднихъ трехъ недѣль бездѣйствія любопытство мое было возбуждено до крайности. Дай погляжу на то чтó тамъ творится, а въ Пензѣ пожить всегда еще успѣю. Такимъ образомъ отправился я по совсѣмъ новой для меня дорогѣ.

По выѣздѣ изъ Кишинева на другой день, 5-го числа, рано поутру, проѣхавъ Херсонскую губернію, я былъ уже въ Подольской, которую я такъ любовался издали, но которая въ это время года лишена была большей части своихъ прелестей: сквозь пожелтѣвшую еще траву, мѣстами только проглядывала зелень, за то мѣстами кой-гдѣ разстилался еще снѣгъ. Весь населенный Жидами и оживленный ихъ торговою дѣятельностію, городъ Балта, куда я пріѣхалъ, былъ также нѣкогда пограничнымъ. Вольница казацкая въ окрестностяхъ его не разъ рѣзалась съ Турками. При Екатеринѣ онъ причисленъ былъ къ одной изъ трехъ Новороссійскихъ губерній, два года только существовавшей Вознесенской, и названъ былъ Еленскъ, въ честь Елены Павловны, внуки Императрицы. Имена внучать своихъ любила Екатерина давать нѣкоторымъ мѣстамъ въ пріобрѣтенномъ ею краю и по близости его. Такимъ образомъ небольшое мѣстечко, черезъ которое я проѣхалъ передъ вечеромъ, сдѣлано было уѣзднымъ городомъ Ольгополемъ, въ честь мало пожившей великой княжны Ольги Павловны.

Только рано на другой день, 6-го числа, поспѣлъ я въ Тульчинъ: я рассчитывалъ длину моего путешествія, чрезвычайно усталъ отъ дороги и на сутки остался тутъ отдыхать. День былъ прекрасный, и я попалъ въ довольно чистый, къ удивленію моему, Жидовскій домъ. Хозяйскій сынъ, молодой, проворный Еврей, взялся быть моимъ проводникомъ, но куда? можно спросить. Тульчинъ не городъ, а богатое, обширное мѣстечко, столица Потоцкихъ. Тутъ построены были въ два этажа съ половиной довольно большіе хоромы, которые жители, по обычаю, называли палацомъ или дворцомъ. Жидокъ мой увѣрялъ меня, что тамъ такіа чудеса, которымъ подобныхъ въ мірѣ нѣтъ. Я пошелъ съ нимъ и нашелъ большой господскій домъ, какіе внутри Россіи бываютъ у помѣщиковъ, не совсѣмъ знатныхъ людей. При роскоши, которая и тогда уже царствовала во всѣхъ богатыхъ Петербургскихъ домахъ, на убранство комнатъ Тульчинскаго замка и смотрѣть было нечего. Во всемъ, чтó касалось до этой части, Поляки не знали никакого толку, ни они, ни жены ихъ; мушкетеры тратились на Венгерское вино, на собакъ и лошадей, а женщины на наряды; безвкусіе было общее. Нѣсколько картинъ, совсѣмъ не замѣчательныхъ, изъ тщеславія купленныхъ владѣльцами, нѣсколько мраморныхъ бюстовъ, изобража-

ющихъ, кажется, Потоцкихъ обоого пола; бронзовые часы и подсвѣчники, какіе нынѣ можно найдти у всякаго начальника отдѣленія, составляли богатую, чудную утварь, которой не менѣе того Польскіе дворяне пріѣзжали дивиться. Слуга, который отворялъ мнѣ дверь и водилъ по комнатамъ, былъ весьма недоволенъ данною мною пятирублевою ассигнаціей, увѣряя, что обыкновенно даютъ ему по червонцу. Смѣшны частные люди, которые даютъ показывать жилища свои, какъ бы великолѣпны они ни были, если въ нихъ нѣтъ ни славной картинной галлерей, ни другой какой-нибудь любопытной коллекціи; не менѣе смѣшны и тѣ, которые платятъ за такого рода любопытство. Впрочемъ, врядъ ли найдутся такіе нынѣ, когда одною роскошью никого изумить не можно.

По обѣимъ сторонамъ такъ-называемаго палаца находились большія зданія, втрое длиннѣе его. Въ одномъ помѣщался главнокомандующій второю арміей, графъ Витгенштейнъ, а въ другомъ — главный штабъ арміи. Невозможно было, чтобы кого-нибудь въ главной квартирѣ не имѣлъ бы я знакомыхъ; но я никого не искалъ, только что отдыхалъ, да гулялъ по улицамъ не совсѣмъ уже грязнымъ. Къ сожалѣнію, не могъ я нагуляться въ прекрасномъ саду подлѣ дома: онъ былъ весьма худо содержанъ и только сверху могъ я полюбоваться излучистой рѣчкой, которая, протекая чрезъ него внизу, образовала островки.

Въ слѣдующіе два дни проѣзжалъ я мѣстами, о которыхъ часто и много слышалъ во время малолѣтства моего въ Кіевѣ, ибо они находились уже въ Кіевской губерніи. Надобно упомянуть, вопервыхъ, маленькій городокъ Брацлавъ, который при Польскомъ правительствѣ давалъ свое имя воеводству, а при Екатеринѣ вновь учрежденной ею губерніи: пока собирались его обстраивать, губернскія присутственныя мѣста находились въ городѣ Винницѣ. Съ большимъ любопытствомъ проѣхалъ я Махновку, а еще съ бѣльшимъ мѣстечко Бердичевъ, столь извѣстное своими ярманками.

Дорога въ Мартъ была такъ утомительна, что часто надобно было останавливаться для отдыха. Прибывъ наканунѣ вечеромъ, весь день 9 числа провелъ я въ губернскомъ городѣ Волинской губерніи, Житомирѣ. Онъ былъ весьма некрасивъ, какъ всѣ мѣста нашихъ Западныхъ губерній, Россіей пожалованныя въ званіе городовъ, но не успѣвшія заслужить сей чести.

Въ Житомирѣ находились тогда квартира одного пѣхотнаго корпуса и корпусный начальникъ генералъ-лейтенантъ Ротъ, Логинъ Осиповичъ, съ которымъ въ Петербургѣ случалось мнѣ часто встрѣчаться, съ которымъ даже былъ я знакомъ, но не коротко. Родомъ изъ Альзаса, онъ соединялъ въ себѣ всю дореволюціонную изысканную

учтивость Французовъ съ Нѣмецкою жестокостію и педантствомъ. Будучи другомъ порядка и поборникомъ законной власти, онъ, древній дворянинъ, пошелъ простымъ рядовымъ въ корпусъ принца Кюнде и, неоднократно сражаясь за короля своего, достигнулъ офицерскаго чина. Когда корпусъ сей распустили или, лучше сказать, когда онъ разошелся, Роть поступилъ офицеромъ въ Русскую службу. Во время Турецкой войны въ 1809 году началъ онъ выходить изъ неизвѣстности и быстро подвигаться въ чинахъ. Отечественная наша война въ 1812-мъ и въ послѣдующихъ годахъ представила множество случаевъ отличиться; онъ отчаянно сражался и не разъ былъ раненъ, между прочимъ въ ротъ: фамильное имя его рану эту сдѣлало извѣстною всей Россіи. Судьба опредѣлила этому человѣку быть дѣятельнымъ врагомъ мятежниковъ: войско подъ его начальствомъ и подъ его распоряженіемъ усмирило недавно бунтъ Черниговскаго полка, за что молодой Императоръ и наградилъ его Александровской лентой.

Мнѣ никакого слѣда не было посѣтить генерала Рота, но любопытство взяло верхъ надъ чувствомъ приличія. Проѣздомъ чрезъ городъ, гдѣ онъ начальствовалъ, счелъ я будто бы обязанностію явиться къ нему, хотя это было послѣ обѣда, и я былъ во фракѣ. Довольствуясь и симъ изъявленіемъ глубокаго уваженія, онъ пригласилъ меня съ нимъ побесѣдовать. Онъ сдѣлался словоохотенъ, разговорчивъ, и на счетъ послѣднихъ происшествій узналъ я отъ него много любопытныхъ подробностей. Между прочимъ сказывалъ онъ мнѣ, какъ Шервудъ, получившій въ награду названіе Вѣрнаго, по ночамъ пріѣзжалъ къ нему изъ Махновки. Никому во второй арміи, къ которой онъ принадлежалъ, не рѣшался Шервудъ представить своихъ тайныхъ извѣтовъ, а по сосѣдству съ одной изъ корпусныхъ квартиръ первой арміи рѣшился довѣрить ихъ Роту. Отъ сего послѣдняго донесенія отправлены были въ Таганрогъ, и хотя застали Императора въ живыхъ, но при послѣднемъ издыханіи.

Оставивъ Житомиръ 10 Марта, я не совсѣмъ разстался еще съ полуденной природой: все еще напоминало ее, и вѣшнимъ солнцемъ сильно согрѣваемый воздухъ, и деревья, на которыхъ почки готовы были распусться. Но она постепенно исчезаетъ до Овруча, гдѣ кончается Волынская губернія.

Далѣе вѣзжаешь въ тотъ нѣкогда непроходимый боръ, тотъ вѣками созданный лѣсъ, вѣками сокрушаемый и еще не истребленный, который покрываетъ собою всю Минскую губернію. Онъ былъ обитаемъ Древлянами, а еще болѣе дикими звѣрями, кои витаютъ въ большомъ количествѣ въ немъ и понынѣ; и между прочимъ зубры, которыхъ въ другомъ мѣстѣ нигдѣ уже найти нельзя. Лѣсъ этотъ, мѣстами

дремучій, можетъ служить и ручательствомъ за безопасность нашего отечества. Имѣя по бокамъ двѣ неприступныя крѣпости (Бобруйскъ и Брестъ-Литовской), онъ наполненъ вязкими болотами, изъ коихъ вытекаютъ двѣ большія рѣки, Припеть и Березина, а черезъ него для непріятельскихъ вторженій ближайшій, почти единственный путь во внутреннія области Россіи.

Я ѣхалъ медленно Волянью, по грязной, скверной дорогѣ; за то небо и земля улыбались мнѣ въ этой плодородной странѣ. Когда же я въѣхалъ въ Минскіе лѣса, то воздухъ сдѣлался суровъ, и небо угрюмо. Густая тѣнь деревьевъ сохраняла снѣгъ, а съ нимъ вмѣстѣ и холодъ, отъ чего нарастаявшая на дорогѣ земля была удобнѣе для ѣзды. Этимъ воспользовался я, чтобы ѣхать шибче, даже днемъ и ночью, такъ что 12 числа въ полдень проѣхалъ я весьма незамѣчательный городокъ Мозырь, впрочемъ, единственный, который видѣлъ я въ Минской губерніи. Тутъ также, не безъ опасности, на утломъ, узкомъ паромѣ переправился я черезъ довольно широкую Припеть, за нѣсколько дней передъ тѣмъ покрытую льдомъ. На другой день, 13 числа, близъ станціи Екимовичи, имѣлъ я переправу черезъ другую рѣку, болѣе знаменитую, черезъ Березину, которая, подобно Ватерло, именемъ своимъ будетъ вѣчно напоминать о бѣдствіяхъ Наполеона.

Послѣ того въѣхалъ я въ Бѣлоруссію, мнѣ уже нѣсколько знакомую. Грустно мнѣ подумать, какъ всѣ эти мѣста, отъ самаго Днѣстра, мною проѣханныя, искони Русскія, носили на себѣ тогда и, кажется, носятъ и понынѣ печать Польскаго владычества. Жители почти всѣ остались тверды въ Православіи или выступали изъ него только въ Унію; но гдѣ ихъ было видѣть? Помѣщики богатые и небогатые, шляхтичи, которыхъ, вопреки ихъ притязаніямъ на дворянство, слѣдуетъ почитать мѣщанами, духовенство высшее и низшее, все это были Поляки, были Католики; наконецъ, Евреи, которые въ рукахъ своихъ имѣли всю торговую часть. Всѣ эти слои, какъ бы густою, непроницаемою корою покрывали собою и подавляли чистѣйшую, лучшую часть народонаселенія. Кого путешественникъ могъ встрѣтить въ городскихъ заѣзжихъ домахъ, въ почтовыхъ, на станціяхъ? Съ кѣмъ единственно могъ имѣть онъ дѣло? Съ Ляхами, да съ Жидами.

Туже самую разность, которую внимательный путникъ находитъ между климатами въ областяхъ на Западѣ, возвращенныхъ намъ отъ Польши, встрѣчаетъ онъ и въ наружности, и въ характерѣ ихъ жителей. Въ древней Россіи, въ губерніяхъ Подольской, Волинской, Кіевской, Украинцы, потомки храбрыхъ казаковъ, не смотря на тяготѣющее надъ ними иго Польскихъ помѣщиковъ, сохраняютъ видъ крѣпкій, здоровый, веселый, какое-то молодечество, смѣлость въ движеніяхъ и

рѣчахъ; сохраняютъ также языкъ, которымъ простой народъ говоритъ отъ Харькова до Лемберга. Другое Славянское племя обитало всегда Бѣлую Русь, говоритъ нарѣчіемъ, хотя также Славянскимъ, но менѣе понятнымъ и менѣе пріятнымъ. По крайней мѣрѣ, жители Минской губерніи, имѣя наружность дикую, весьма некрасивую, еще похожи на людей; въ другихъ же губерніяхъ поселяне, живущіе на бесплодной почвѣ и подавленные владѣльцами, начинаютъ сходствовать съ рабочимъ скотомъ, нуждающимся въ пищѣ.

Сіе печальное зрѣлище представилось мнѣ, когда я въѣхалъ въ Могилевскую губернію. Скоро проѣхалъ я незамѣчательные города Рогачевъ и Старой Быховъ, и 14 числа, когда чуть стало свѣтать, пріѣхалъ въ губернской городъ Могилевъ, гдѣ тогда находилась и главная квартира первой арміи.

Самымъ страннымъ образомъ провелъ я въ немъ цѣлые сутки. Чрезвычайно безпокойная дорога не давала мнѣ заснуть передъ тѣмъ двѣ ночи. Въ Жидовскихъ корчмахъ, гдѣ я долженъ былъ остановиться, пища казалась мнѣ столь отвратительною, что едва я касался ея; нечистыя ложа, на которыя отъ усталости иногда спускался я, были наполнены насѣкомыи. Голодный, истомленный, съ волненіемъ въ крови, увидѣлъ я себя съ радостію въ чистой, большой, залообразной комнатѣ лучшаго Могилевскаго трактира, поддерживаемаго щедротами многочисленныхъ воинскихъ чиновъ. Только что успѣлъ пріѣхать я, напившись чаю, обмылся съ ногъ до головы, перемѣнилъ бѣлье, бросился на постель, чистымъ бѣльемъ покрытую, и въ минуту заснулъ. Меня разбудили къ обѣду, опрятно и вкусно приготовленному, во время котораго въ сосѣднихъ комнатахъ слышался мнѣ звукъ шпоръ и сабель, громкій говоръ и смѣхъ безпрестанно приходящихъ офицеровъ, что не помѣшало мнѣ крѣпко заснуть послѣ обѣда. Въ пять часовъ опять разбудили меня къ чаю, опять заснулъ я. Я проснулся передъ ужиномъ, послѣ котораго залегъ спать на всю ночь. Двадцать четыре часа только и дѣлалъ я, что ѣлъ, да спалъ и, совсѣмъ освѣжившись, 15 числа рано поутру оставилъ Могилевъ.

Уже не первый разъ случилось мнѣ въ немъ быть. Въ началѣ 1800 года съ маленькими товарищами моими Голицыными, когда я самъ былъ почти ребенокъ, проѣзжалъ я чрезъ этотъ городъ, который тогда при Павлѣ былъ еще уѣзднымъ. Ни слова не упомянулъ я объ немъ, равно какъ и о предшествовавшемъ ему для меня губернскомъ городѣ Черниговѣ. Я ихъ обоихъ не видалъ: ибо, если припомнить, проѣхалъ ихъ или во снѣ, или отъ жестокой стужи закрытый и закутанный въ кибиткѣ.

Начиная отъ Могилева, я попалъ какъ будто на давно знакомый мнѣ БѢлорусскій трактъ, но на немъ все было для меня ново. Безпрестанно умножающееся Еврейское населеніе наводило тоску, особливо въ Оршѣ, на распутіи стоящемъ городкѣ, одними Жидами наполненномъ. За то безконечныя, высокія аллеи по дорогѣ, еще при Екатеринѣ генераль-губернаторомъ Пассекомъ насажденныя, развеселяли взоръ, и отраднo было отдыхать на станціяхъ, въ чисто содержимыхъ, просторныхъ трактирахъ.

Два раза проѣзжалъ я черезъ Витебскъ и останавливался въ немъ; послѣдній въ 1807 году, когда сестру мою изъ Москвы провожалъ я къ больному мужу ея, генералу Алексѣеву. Въ третій разъ проскакалъ я только черезъ этотъ городъ прямо на станцію и потребовалъ лошадей. Пока мнѣ ихъ запрягали, подѣхалъ гвардейскаго Павловскаго полку полковникъ Семишинъ. По праву мимоходнаго въ Петербургъ съ нимъ знакомства, позволилъ я себѣ сдѣлать ему нѣсколько вопросовъ на счетъ бывшаго тамъ важнаго происшествія; онъ отвѣчалъ мнѣ съ замѣшательствомъ. Когда же спросилъ я его объ участи нѣкоторыхъ лицъ, бывшихъ въ возмущеніи и мнѣ лично знакомыхъ, онъ почти отскочилъ отъ меня со словами: «не совѣтовалъ бы вамъ признаваться, что вы этихъ людей знаете». Видно, тамъ крѣпко напуганы, подумалъ я.

Хотя отъ Витебска далеко еще до Петербурга, а мнѣ казалось, что я уже въ окрестностяхъ сей столицы. Недавно разстался я съ Югомъ и съ вѣшнимъ воздухомъ, и оттого суровость климата поразила меня. Впрочемъ, жители находили, что весна начинается рано: всѣ рѣки прошли, и въ поляхъ оставалось мало снѣга. Я не могу тутъ забыть изумленія и возгласа ѣхавшаго со мною Молдавана при появленіи первой березы: никогда бѣлыхъ деревьевъ, сказалъ онъ, не случалось ему видѣть.

Не доѣзжая до Великихъ Лукъ, съ такою же радостію, съ какою возвращаешься на родину, увидѣлъ я опять Русскія избы и почти все однихъ Русскихъ мужичковъ съ бородами. Я ѣхалъ по этой дорогѣ, если припомнитъ читатель, въ лихорадкѣ и въ бреду, слѣдственно на окружающіе меня предметы не могъ обращать вниманія. И оттого Порховъ съ остатками каменныхъ укрѣпленій былъ для меня новостію. За Лугой, 20 числа, на станціи Долговкѣ, сѣхался я съ однимъ молодымъ Полякомъ, котораго изъ Варшавы везъ фельдъ-егерь, и съ какимъ-то гражданскимъ чиновникомъ изъ Петербурга, отпавленнымъ съ важнымъ, по словамъ его, порученіемъ. Напуганный Семишинымъ, едва отвѣчалъ я на слова перваго; отъ послѣдняго узналъ я, что Императоръ напуганъ, 19 числа, самъ раздавалъ медали въ воспомина-

нѣ взятія Парижа и во славу незабвеннаго брата. Я былъ почти въ Петербургѣ, куда послѣ почти трехлѣтняго отсутствія и пріѣхалъ 21 Марта.

По приглашенію добраго пріятеля моего и прежняго сослуживца Александра Θεодоровича Волкова, недавно женившагося на одной прелюбезной дѣвицѣ, Еленѣ Ивановнѣ Маркеловой, вѣхалъ я прямо къ нему на квартиру въ Большой Милліонной, въ домѣ Гагарина. Никогда Петербургъ не являлся мнѣ въ столь печальномъ, въ столь уныломъ видѣ. Правда, я пріѣхалъ довольно рано, когда на улицахъ бываетъ мало движенія; утро было сырое, холодное, густой снѣгъ такъ и валилъ хлопьями; на Невскомъ Проспектѣ и на Дворцовой площади встрѣтилъ я двѣ или три придворныя, траурныя кареты, совсѣмъ обшитыя чернымъ сукномъ. Все это мнѣ казалось худымъ предвѣщаніемъ.

На другой день поспѣшилъ я посѣтить всѣхъ добрыхъ знакомыхъ моихъ; вѣстей, вѣстей о происходившемъ въ послѣдніе четыре мѣсяца наслушался я до сыта. Сообщать же все слышанное мною тогда нахожу, что здѣсь еще не мѣсто. Этотъ достопамятный 1826 годъ былъ началомъ одного изъ достопамятнѣйшихъ царствованій въ Россіи. Наблюденія въ теченіи его мною сдѣланныя требуютъ особаго описанія. Въ этой главѣ намѣренъ я помѣстить только то что собственно до меня относится.

Какъ находящійся еще на службѣ и занимающій въ провинціи довольно видное мѣсто, долженъ былъ я явиться начальству, то есть къ одному только человѣку, управляющему Министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ, Василью Сергѣевичу Ланскому. Мнѣ показался онъ старикомъ умнымъ, любезнымъ, неспѣсивымъ и нефамиллярнымъ, весьма свѣдушимъ въ дѣлахъ, но какъ бы уставшимъ отъ нихъ и сохраняющимъ важный постъ свой единственно по врожденному всѣмъ людямъ небольшому тщеславію. Я уже говорилъ о его мнѣніи на счетъ распоряженій нашего намѣстника по подряду Левинсона.

Немного времени дала мнѣ судьба на удовлетвореніе любопытства моего касательно бывшихъ въ отсутствіе мое важныхъ и мало-важныхъ происшествій, на счетъ литературы, драматической части и особенно политики, которыя во все время пребыванія моего въ южномъ краю оставались мнѣ чуждыми. Недолго дозволила она мнѣ воспользоваться обществомъ многихъ умныхъ и пріятныхъ для меня людей, насладиться, наконецъ, свободною и беззаботною жизнію. Болѣзнь до-толѣ мнѣ неизвѣстная внезапно посѣтила меня. Не знаю вслѣдствіе ли постоянно сырой, ненастной погоды во время дороги, ранней весны въ Петербургѣ (черезъ два дни по пріѣздѣ моемъ вскрылась Нева),

холодныхъ испареній отъ земли и рѣки, при безпрестанномъ блескѣ: сдѣлалось у меня сильное воспаленіе въ глазахъ.

Это случилось 5 Апрѣля, въ тотъ самый день, въ который отъ Волкова переѣхалъ я на квартиру мною, нанятую въ Малой Садовой между Невскимъ проспектомъ и Семеновскимъ мостомъ. Выборъ, какъ время показало, былъ самый невыгодный для больного. Кто-то присовѣтывалъ мнѣ пригласить къ себѣ лейбъ-окулиста Осипа Ивановича Грубій. Я нашелъ въ немъ человѣка хорошо знающаго свое дѣло, роста невысокаго, нрава мягкаго, не слишкомъ словоохотнаго, но весьма бесѣдолюбиваго; разговоръ мой вѣрно ему понравился, ибо и безъ нужды посѣщаль онъ меня всякій день и просиживаль долго. Овъ принялся лѣчить меня усердно, къ несчастію, кажется, даже слишкомъ усердно. Послѣ Нижегородской моей горячки, съ 1820 года сталъ я непомѣрно толстѣть; въ Бессарабін, при умственно дѣятельной, но почти всегда сидячей жизни, толщина эта умножилась. Это обмануло Грубій: онъ полагаль, что при такомъ твердомъ сложеніи можно безъ опасно употреблять самыя сильныя средства. Въ продолженіи четырехъ недѣль, по два раза въ сутки, за ушми мѣнялись у меня Шпанскія мухи, нерѣдко ставились пиявки, два раза было кровопусканіе, да сверхъ того почти каждый день принималъ я внутрь проносныя лѣкарства. Однимъ словомъ, чтобы спасти глаза мои, губилъ онъ мое тѣло. Едва прошелъ мѣсяць, и я сталъ непохожъ на человѣка. Тѣлесное разстройство было ничто въ сравненіи съ нравственнымъ. Огня мои выходили на улицу и почти на полдень; оттого должно было держать ихъ запертыми и съ опущенными сторонами отъ свѣта, весна была жаркая, какихъ рѣдко бываетъ въ Петербургѣ, а я все находился въ темнотѣ и въ духотѣ. Ничто не могло сравниться съ раздраженіемъ моихъ нервъ; непрерывающійся стукъ колесъ по мостовой съ ранняго утра далеко за полночь умножалъ его: я чувствовалъ адское мученіе.

Не смотря на расслабленіе мое, я все однакоже былъ на ногахъ; погода стояла прекрасная, и я позволялъ себѣ даже пѣшкомъ выходить на улицу, но движенія кареты или дрожекъ я не могъ выносить. Если случится кого навѣстить или захочется погулять, я кое-какъ побреду до перваго моста или канала, и тамъ сяду въ лодку. Глазное лѣченіе кончилось, оставивъ только послѣ себя въ вѣкахъ большую слабость и расположеніе къ раздраженію, отчего не могутъ выносить онѣ долго никакого дыму, чтѣ къ несчастію сохранилось и до сихъ поръ. Я чувствовалъ почти постоянно ту неизъяснимую тоску безъ всякой причины, которая заставляетъ иногда людей бросаться въ окно и которая знакома развѣ только женщинамъ, подверженнымъ сильнымъ нервическимъ припадкамъ. Исцѣленіе такого недуга было

труднѣе, чѣмъ первое лѣченіе; его нельзя было совершить безъ помощи времени и болѣе спокойнаго жилища. И въ этомъ случаѣ пришелъ ко мнѣ на помощь мой добрый пріятель Волковъ, который находился тогда въ созданной мною должности правителя канцеляріи Строительнаго Комитета на мѣсто Ранда. Для сего комитета нанята была новая квартира на концѣ Гороховой улицы; Волкову дано было въ ней просторное и удобное помѣщеніе, большею частію выходящее на дворъ. По случаю болѣзни жены, на лѣто отправлялся онъ въ Ревель, а квартиру свою предоставилъ моему распоряженію.

Въ это время (не помню въ концѣ Апрѣля или въ началѣ Маія), прибылъ графъ Воронцовъ для поклоненія новому Императору. Болѣзнь моя была причиной или, лучше сказать, послужила предлогомъ неявки моей къ нему. Съ нимъ были только Левшинъ да новый любимецъ его Сафоновъ. Левшинъ весьма дружелюбно меня посѣщалъ; мнѣ казалось, что ему совѣстно и что онъ раскаявается въ поступкѣ своемъ противъ меня. Рекомендованный имъ губернаторъ Тимковской выѣхалъ, наконецъ, изъ Петербурга за нѣсколько дней до моего пріѣзда; слѣдственно извѣстны уже стали его проказы въ Кишиневѣ, его недѣятельность, пьянство, совершенное пренебреженіе его къ обязанностямъ своей должности.

Точно также какъ въ предыдущемъ году весной, и въ настоящемъ графъ Воронцовъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, началъ страдать главною болѣзнію. *Qui ne sait comprâtir aux maux qu'on souffre!* Вѣроятно изъ состраданія (другой причины я не постигаю) прислалъ онъ ко мнѣ своего медика, лейбъ-окулиста Лерхе, который встрѣтился у меня очень учтиво съ соперникомъ своимъ Груби. Они потолковали о чемъ-то, дали какіе-то общіе совѣты, и Лерхе удаляясь объявилъ, что, отдавая графу отчетъ о состояніи зрѣнія моего, скажетъ, что я въ хорошихъ рукахъ и ему у меня дѣлать нечего. Это было въ началѣ Іюня. Между тѣмъ Лерхе, будучи племянникомъ престарѣлаго Элизена, упомянутаго мною друга отца моего, рассказалъ ему о моей болѣзни, а тотъ явился ко мнѣ съ гнѣвомъ и упреками, какъ могъ я въ такомъ состояніи не призвать его на помощь. Пріятели мои, впрочемъ согласно съ моимъ желаніемъ, привозили ко мнѣ другихъ врачей и между прочимъ знаменитаго Арендта. Всего вмѣстѣ съ Фабромъ, съ Филиповскимъ, съ Пальчевскимъ, перебывало ихъ у меня семь человѣкъ. Тогда вспомнилъ я пословицу: у семи нянекъ всегда дитя безъ глазу, и ужаснулся. Всѣхъ пережилъ Груби: онъ не переставалъ посѣщать меня дня черезъ три, черезъ четыре, даже тогда какъ главное лѣченіе мое совсѣмъ кончилось, и я съ нимъ совершенно расплатился. Странный былъ онъ человѣкъ: мнѣ не случалось видѣть кого либо ску-

пѣе его, онъ лошадей своихъ иногда оставлялъ безъ корму; а совсѣмъ тѣмъ онъ не былъ алченъ къ прибыли; но что уже попадалось къ нему въ кошелекъ, съ трудомъ изъ него выходило.

Человѣколюбивый поступокъ со мною графа Воронцова требовалъ отъ меня изъявленія благодарности. Къ тому возбуждалъ меня Левшинъ и испросилъ мнѣ дозволеніе, аки больному, явиться въ сюртукѣ и съ зонтикомъ на глазахъ. Итакъ я предсталъ предъ его графскія свѣтлыя очи, подобно моимъ тогда, омраченныя и зонтикомъ осѣненные. Сходство въ болѣзненномъ положеніи растрогало меня; можетъ быть, и его. Легко повѣрять, что тутъ наедши, съ одной стороны вѣжливѣйшая почтительность, съ другой ласковая благосклонность не допустили въ объясненія наши ни малѣйшаго пререканія. Онъ самъ только заговорилъ о дѣлѣ Левинсона и сказалъ: «можетъ быть я и не правъ; но дѣло въ Сенатѣ, и пусть онъ насъ разсудитъ».

Онъ сознался, что, послѣ всего происходившаго со мною въ Бессарабіи, мнѣ воротиться туда не къ стати. И вдругъ не съ другаго слова предложилъ мнѣ новое мѣсто Керчь-Еникальскаго градоначальника. Я въ изумленіи молчалъ. Онъ представилъ мнѣ всю блестящую сторону сего новаго назначенія, власть почти независимую и почти неограниченную, большое содержаніе, начальство надъ флотиліей и казакамп, составляющими таможенную и карантинную стражи, широкое поле для созидательной моей дѣятельности, имя въ исторіи и наконецъ, можетъ быть, статую послѣ смерти. Въ другое время у меня загорѣлось бы въ головѣ, а тутъ я оставался довольно равнодушень. Я не смѣлъ ни отказаться отъ предлагаемаго мнѣ мѣста, ни принять его и выпросилъ себѣ недѣлю на размышленіе.

Мнѣ извѣстно было, что Керчь въ Крыму; я довольно хорошо зналъ географію и исторію Россіи; но далѣе свѣдѣнія мои о семъ городѣ не простирались (я даже почиталъ его на Черномъ морѣ). Мимоходомъ слышалъ я въ Одессѣ, что какой-то Итальянской фигляръ, мошенникъ Скасси, подъ покровительствомъ графовъ Нессельроде и Ланжерова и съ помощію ихъ, склонилъ правительство открыть тамъ портъ и учредить градоначальство. Но было ли сіе исполнено, я не вѣдалъ, пока въ концѣ 1823 года одинъ изъ любимцевъ графа, генераль-маіоръ Андрей Васильевичъ Богдановской не былъ назначенъ туда первымъ градоначальникомъ. Памятно мнѣ также было то что я слышалъ въ младенчествѣ: заключить кого въ мрачную темницу называлось засадить его въ Еникуль, ибо городокъ Еникале, смежный съ Керчью, почитался жесточайшимъ заточеніемъ.

Все это мало располагало меня туда отправиться. Но срокъ четырехмѣсячнаго отпуска моего приближался и мнѣ надобно было на

что-нибудь рѣшиться. Я рассчитывалъ, что, получивъ новую должность, могу я, по примѣру Тимковскаго, по крайней мѣрѣ, мѣсяца три или четыре не занимать ея и проживаться въ Петербургѣ, а тамъ что Богъ дастъ. И не это одно входило въ расчеты мои. Самыя черныя думы осаждали тогда мое воображеніе; я все видѣлъ передъ собою грозящую мнѣ, неизбежную смерть; мысль о ней иногда ужасала меня, иногда я призывалъ ее и жаждалъ. Это весьма похоже было на сумасшествіе. Зачѣмъ, думалъ я, оскорбить мнѣ графа отказомъ, когда скоро смерть возьмется за меня сіе сдѣлать?

Онъ спѣшилъ тогда въ Одессу, ибо въ Аккерманѣ назначенъ былъ конгрессъ, на который ожидали Турецкихъ полномочныхъ: съ ними долженъ былъ онъ стараться устранять всѣ недоразумѣнія, всѣ недовольствія наши съ Портой. Дни за два до его отъѣзда опять явился я къ нему съ изъявленіемъ согласія; онъ обнялъ меня и, уѣзжая, отправилъ къ Государю всѣ представленія свои.

Въ день рожденія новаго Императора, 25 Іюня, ровно черезъ два года послѣ возстанія на меня въ Кишиневѣ, подписанъ указъ, который разлучалъ меня съ нимъ. На мое мѣсто назначенъ Херсонскій вице-губернаторъ Фирсовъ *).

Не смотря на то, что дворъ вскорѣ потомъ уѣхалъ въ Москву на коронацію, что Петербургъ совсѣмъ опустѣлъ, и что я жилъ въ совершенномъ уединеніи, нервы мои исподоволь, хотя очень медленно, начали успокоиваться и мысли мои проясниваться. Совершенное облегченіе почувствовалъ я только въ началѣ Сентября. Мнѣ тогда же слѣдовало бы ѣхать, но я выжидалъ возвращенія главныхъ государственныхъ сановниковъ, въ надеждѣ съ ихъ помощію быть уволеннымъ отъ обязанности отправиться въ Керчь. Они возвратились только въ началѣ Октября.

*) Мнѣ его очень хвалили. Цѣлый вѣкъ прослуживъ по казенно-экономической части и ничего не паливъ, онъ очень хорошо зналъ ее, сохранилъ и умножилъ порядокъ, введенный мною и моимъ предѣстникомъ. Сверхъ того, другая тягость возлегала на немъ: онъ почти безпрестанно обязанъ былъ исправлять губернаторскую должность. Цѣлый мѣсяцъ Тимковскій ничего не дѣлалъ, педѣли по двѣ не распечатывалъ пакетовъ, потому сказывался больнымъ или уѣзжалъ въ область, а Фирсовъ долженъ былъ поправлять сдѣланныя имъ упущенія. И какаѣ была ему за то награда? Въ началѣ 1828 года, передъ Турецкой войной, графъ Воронцовъ, за что, не знаю, прогнѣвленный, написалъ къ нему язвительную бумагу, которою упрекалъ его въ *жидомобіи*. Несчастный, и безъ того находившійся въ болѣзненномъ состояніи, былъ такъ этимъ тронутъ, что пуще заболѣлъ и вскорѣ умеръ. Кто-бы могъ подумать тогда, что этотъ самый графъ сдѣлается главнымъ покровителемъ Евреевъ, и что подъ его щитомъ въ Новороссійскомъ краѣ они до того сдѣлаются надменны и дерзки, что станутъ даже обижать христіанъ?

V.

Это время для меня столь горестное, по расположению души моей даже убійственное, было, однакоже, обильно всѣмъ тѣмъ, что могло меня утѣшить и даже порадовать. Всѣ дѣйствія императора Николая были согласны съ моими правилами и моими желаніями. Либерализмъ, столь намъ несвойственный, обезоруженъ и придавленъ; слова правосудіе и порядокъ замѣнили сакраментальное дотолѣ слово свобода. Строгость его никто не смѣлъ, да и не хотѣлъ, называть жестокостію: ибо она обезпечивала какъ личную безопасность каждаго, такъ и вообще государственную безопасность. Вездѣ были видны веселыя и довольныя лица, печальными казались только родственники и пріятель мятежниковъ 14 Декабря.

Въ послѣдніе годы царствованія Александра безспильная геронтократія дремала у государственнаго кормила: старики, Татищевъ, Лобановъ, Ланской, Шишковъ казались болѣе призраками министровъ, чѣмъ настоящими министрами; всѣми дѣлами заправляли ихъ подчиненные, каждый по своей части, безъ всякаго единства. За всѣхъ бодрствовалъ одинъ, всѣмъ ненавистный, Аракчеевъ. По личному ли на него неудовольствію или, соглашаясь съ желаніемъ, съ общимъ мнѣніемъ, его одного Императоръ удалилъ отъ себя. Всѣхъ прочихъ оставилъ на мѣстахъ, стараясь и нѣсколько успѣвая пробудить, оживить сихъ полумертвыхъ.

Прошлогодней весной, отправившись изъ Одессы за границу, Кочубей, лишившись тамъ дочери, съ наступленіемъ лѣта воротился въ Петербургъ. Онъ былъ принятъ съ отверзтыми объятіями, и всѣ полагали, что онъ будетъ главою министровъ. Тому бы и слѣдовало быть: въ такомъ необъятномъ государствѣ, какъ Россія, необходимъ первый министръ, который облегчалъ бы Царю тяжкое бремя правленія. Кочубей одаренъ былъ чудеснымъ свойствомъ распознавать людей. Подобно недостаточному, но опытному ювелиру, который съ перваго взгляда можетъ вѣрно оцѣнить каждый изъ коронныхъ алмазовъ, Кочубей, чтобы съ точностію опредѣлить цѣну таланту и способностямъ челоувѣка, достаточно, было получасоваго съ нимъ разговора. Всѣ выборы его служатъ тому доказательствомъ; а что можетъ быть полезнѣе для государства, какъ умѣнье выбирать людей?

Другой совѣтникъ, Карамзинъ, не занимая даже никакой государственной должности, могъ также быть полезенъ Царю. Болѣе двадцати лѣтъ онъ весь былъ погруженъ въ изученіе и изображеніе протекшихъ временъ Россіи, въ созерцаніе ея настоящихъ судебъ, весь исполненъ

жара любви къ ней; онъ хорошо зналъ характеръ ея народа и понималъ великое ея предназначеніе. Сокровищами его ума и знаній пользовался Александръ и нерѣдко бесѣдовалъ съ нимъ наединѣ. Новый Царь готовъ былъ явить ему еще болѣе любви и довѣренности и ознаменовалъ ихъ безпримѣрною щедростію, назначивъ ему, а послѣ него семейству его, по пятидесяти тысячъ рублей ассигнаціями ежегодно пансіона. Но уже года три какъ здоровье начало примѣтно ему измѣняться; происшествіе 14 Декабря, коего, къ несчастію, онъ былъ свидѣтелемъ, исполнивъ его скорбію, потрясло, можно сказать, до основанія ослабѣвшей составъ его тѣла. Мнѣ не удалось ни разу его видѣть: когда я пріѣхалъ, лежалъ онъ на смертномъ одрѣ въ зданіяхъ Таврическаго дворца, куда для лучшаго воздуха, по волѣ Царя, былъ онъ перемѣщенъ; а въ Маѣ предалъ онъ Богу чистѣйшую изъ душъ.

Почти въ одно и тоже время получено было въ Петербургѣ извѣстіе о смерти Императрицы Елисаветы Алексѣевны, скончавшейся въ Бѣлевѣ на обратномъ пути изъ Таганрога. Она была примѣромъ всѣхъ скромныхъ добродѣтелей, и всѣ состоянія любили ее и были поражены ея кончиной, даже простой народъ, который по стариннымъ своимъ понятіямъ, пышности и блеску нарядовъ предпочитаетъ въ царицахъ своихъ сіяніе кротости: тогда въ глазахъ его онѣ болѣе сходятъ съ Царицей Небесной. И въ здоровомъ состояніи, не безъ прискорбія узналъ бы я о сихъ двухъ кончинахъ, а тутъ, когда воображенію моему все представлялось въ мрачномъ видѣ, сіе умножило отчаянную тоску мою: мнѣ казалось, что все лучшее въ мірѣ готово покинуть его.

По указанію разслабленнаго и встревоженнаго Карамзина, въ самый день мятежа не имѣвшаго силъ владѣть перомъ, Государь въ тотъ же вечеръ призвалъ къ себѣ друга его Блудова. Онъ поручилъ ему изобразить со всею точностію происшествіе, отъ котораго столица находилась въ ужасѣ, и сдѣлать сіе поспѣшно тутъ же, не выходя изъ его кабинета. На другой день сіе извѣстіе, припечатанное въ газетахъ, должно было разойтись по всей Россіи. По внезапности порученія, не знаю, кто бы въ такомъ случаѣ не потерялся? Блудову посчастливилось. Онъ представилъ истину съ такою ясностію, съ такою откровенностію, къ которой мы въ Россіи тогда не привыкли; всегда раскрашенная въ официальныхъ актахъ, она невольно порождаетъ сомнѣнія, а тутъ, напротивъ, должна была поселить совершенную довѣрчивость къ словамъ новаго правительства. Государь былъ совершенно доволенъ и съ этой ночи человѣка, мало ему дотолѣ извѣстнаго, оставилъ при своей особѣ.

Послѣ того для разсмотрѣнія дѣйствій мятежниковъ учреждена была въ крѣпости, въ которой они находились, слѣдственная коммиссія подѣ предсѣдательствомъ великаго князя Михаила Павловича. Государю угодно было назначить въ нее Блудова производителемъ дѣлъ, что поставило бы его въ необходимость каждый день находиться при допросахъ обвиненныхъ, изъ коихъ нѣкоторые были ему весьма знакомы. Для души его это было бы слишкомъ тягостно, и онъ умолилъ Царя уволить его отъ сей обязанности. За то каждый день лично вручаемы ему были Государемъ протоколы засѣданій коммиссіи, и въ одной изъ сосѣдственныхъ отъ кабинета царскаго комнатъ занимался онъ составленіемъ изъ того общаго дѣла. Часть зимы и всю весну провелъ онъ въ сихъ занятіяхъ и довершилъ трудъ свой извѣстнымъ Донесеніемъ Слѣдственной Коммиссіи за подписаніемъ предсѣдателя и всѣхъ членовъ ея и за его скрѣпою, которое тогда же было напечатано особой книжкой для всеобщаго свѣдѣнія.

Изъ документовъ, находившихся у него въ рукахъ, онъ могъ усмотрѣть, что, исключая Пестеля, Рылѣева и нѣкоторыхъ другихъ, настоящихъ революціонеровъ, понимающихъ цѣль, къ которой идутъ, всѣ заговорщики, по большей части военные, были молодые люди увлеченные примѣромъ обычая и распространившейся моды и почитающіе свободомысліе лучшимъ выраженіемъ ума и познаній, коихъ не было въ нихъ. Замѣтно было, что зачинщики болѣе всего старались дѣйствовать на неопытныхъ и на педальновидныхъ. Какъ же было не пожалѣть о сихъ несчастныхъ. Излагая ихъ сужденія, Блудовъ умѣлъ умалить ихъ значительность и тѣмъ самымъ вѣроятно надѣялся смягчить надъ ними приговоръ суда. Иногда дѣйствія ихъ были такъ смѣшны, что въ описаніи ихъ проглядывала у него невольная иронія. И были люди, которые это ставили, ему въ вину! какъ можно ругаться надъ жертвами готовыми пасть подѣ ударами закона? ихъ слѣдовало бы вѣнчать цвѣтами, представить хотя злодѣями, но великими людьми смѣлыхъ проказниковъ, которымъ хотѣлось только шума и тревоги*) и не помышлявшихъ о послѣдствіяхъ, возбудить не состраданіе къ нимъ, а энтузіазмъ къ ихъ дерзкимъ подвигамъ. Кажется, это не совсѣмъ было бы согласно съ видами правительства. Впрочемъ онъ сказалъ одну только правду и всѣ присутствовавшіе въ коммиссіи подтвердили ее своимъ подписомъ.

*) Въ Пензенской губерніи пойманъ былъ въ заплгательствѣ одинъ четырнадцатилѣтній мальчикъ. При допросахъ сознался онъ, что никогда и никѣмъ не былъ подучаемъ, не въ первый уже разъ случается ему симъ заниматься, ибо онъ не знаетъ лучшаго удовольствія какъ смотрѣть на горячіе дома. Нѣкоторые изъ сихъ молодыхъ людей не схожи ли были во вкусахъ съ этимъ мальчикомъ?

За тѣмъ учрежденъ Верховный Уголовный Судъ, составленный изъ всѣхъ членовъ Государственнаго совѣта, Синода и Сената, къ коимъ присовокуплено было нѣсколько полныхъ генераловъ. Въ числѣ судящихъ находился Сперанскій, въ числѣ подсудимыхъ задушевный другъ его инженерный полковникъ Батенковъ, съ которымъ познакомился онъ въ Сибири (отъ управленія коей онъ давно былъ уволенъ) и котораго удалось ему перевести въ Петербургъ. Тѣсныя связи его съ нимъ ни для кого не были тайной, и въ Слѣдственной Коммиссіи всѣ ожидали, что изъ устъ Батенкова выйдетъ, наконецъ, имя его. Иногда дѣйствительно оно какъ бы скользило по нимъ; но сей скромный и твердый человекъ, говорятъ, чрезвычайно умный и ученый, весь преданный ему, до конца не выдалъ друга. Казалось, что сихъ подозрѣній было бы достаточно, чтобы удалить его по крайней мѣрѣ отъ службы; напротивъ, сей хитрецъ, разгаданный и отвергнутый покойнымъ Александромъ, нашелъ средство войти въ милость къ новому государю. Представивъ ему, что въ Россіи недостатокъ въ законахъ, онъ возбудилъ въ немъ весьма похвальную жажду къ славы законодателя; по словамъ его, имя Николая въ Россіи должно было стать выше имени Ярослава и царя Алексѣя Михайловича, а вообще въ потомствѣ наравнѣ съ именами Юстиніана, Θεодосія и Наполеона. Принимая на себя огромный трудъ составленія свода существующихъ узаконеній и изданія потомъ новаго уложенія, онъ увѣрилъ царя, что сей трудъ не можетъ быть довольно успешно совершенъ безъ личнаго участія и надзора Его Величества. И потому коммиссія составленія законовъ обращена въ II-е Отдѣленіе Императорской Канцеляріи, а онъ назначенъ онаго главноуправляющимъ. Такимъ образомъ открылъ онъ себѣ свободный доступъ въ кабинетъ царской, каждую недѣлю имѣлъ докладъ, сохранилъ довѣренность Николая до самаго конца жизни своей, но не приобрѣлъ того вліянія, которое надѣялся имѣть вообще на дѣла въ цѣломъ государствѣ.

По высочайшей волѣ, Влудовъ отряженъ былъ въ Верховный Уголовный Судъ для доставленія, въ случаѣ нужды, потребныхъ объясненій по дѣлу о подсудимыхъ. Тутъ встрѣтился онъ и хорошо познакомился со Сперанскимъ; но кажется, что взаимной симпатіи сіи господа не восчувствовали. За всѣ труды Влудовъ былъ награжденъ Аннинской лентой и званіемъ статсъ-секретаря, что какъ будто поставило его на путь, ведущій къ занятію министерскаго мѣста.

Въ первыхъ числахъ Іюля, не помню именно въ какой день (ибо мой умъ находился тогда въ такомъ же разстройствѣ, какъ и тѣло), надъ виновными совершенъ приговоръ суда. Полтораosta осужденныхъ выведены на гласисъ передъ крѣпостію, имъ прочтено рѣшеніе суда;

надъ ними переломлены шпаги, сняты съ нихъ мундиры и фраки, они облечены въ крестьянское платье и отправлены въ ссылку. Пять чело-вѣкъ были повѣшаны. Все это происходило вскорѣ по восхожденіи солнца и въ отдаленной части города, слѣдственно зрителей не могло быть много. Не смотря на то, въ этотъ день жители Петербурга исполнились ужаса и печали. Болѣе шестидесяти лѣтъ послѣ Мировича не видѣли они торговой, смертной казни.

Въ тоскливомъ уединеніи моемъ я мало вѣдалъ о томъ, что происходило въ городѣ. Нѣсколько доброжелателей съ намѣреніемъ разве-селить меня, сколько-нибудь разсѣять грусть мою, назвались ко мнѣ обѣдать и условились на счетъ дѣя. Я поручилъ кому-то заказать обѣдъ въ трактирѣ и закупить вина. Надобно же было случиться, чтобы это было въ самый печальный день казни. Тутъ былъ Левшинъ, ко-торый пріѣхалъ объявить мнѣ, что указъ 25 Іюня, о назначеніи меня градоначальникомъ, изъ Сената только что полученъ имъ въ канце-ляріи отсутствующаго уже графа Воронцова и меня съ тѣмъ поздра-вить. Докторъ Груби сообщилъ мнѣ извѣстіе о наградахъ, полученныхъ Блудовымъ. Первое принялъ я почти съ огорченіемъ, послѣднее до-вольно равнодушно: печальное все принималъ я къ сердцу, все ра-достное скользило по немъ. Между прочимъ находился у меня одинъ знакомый мнѣ лейбъ-гренадерскій офицеръ Пересѣкинъ, который со взводомъ гренадеръ въ это утро былъ свидѣтелемъ происходившаго пе-редъ крѣпостію; съ прискорбіемъ и большими подробностями описы-валъ онъ сцены, раздирающія душу. И вмѣсто веселія, гости мои умно-жили мою грусть. Они пили за мое здоровье и, зная пріязнь мою къ новому статсъ-секретарю, и за его здоровье. Я тоже попытался было хлебнуть Шампанскаго; оно показалось мнѣ полынковымъ самымъ горькимъ. Ничего не могло поднять упавшій духъ мой: расслабленная плоть его давила. Не приведи Богъ никому быть въ безотрадномъ со-стояніи души, въ которомъ я тогда находился.

Возвратившійся изъ-за границы Кочубей нашель съ удовольстві-емъ прежняго подчиненнаго своего Блудова; дѣятельно-употребленнымъ мнѣніемъ своимъ онъ еще болѣе утвердилъ Государя въ высокомъ мнѣніи, которое возымѣлъ онъ объ немъ. Дашковъ, управлявшій дотолѣ въ Петербургѣ дѣлами Константинопольской миссіи, мало-по-малу сталъ переходить на другое поприще и также былъ предназначаемъ для высшихъ занятій. Жуковскій по учебной части былъ наставникомъ наследника престола и почти домашнимъ посреди императорской фа-миліи. Полетика, оставившій должность посланника и возвратившійся изъ Америки въ предыдущемъ году, сдѣланъ былъ сенаторомъ. Будучи великимъ княземъ, Николай Павловичъ встрѣтилъ его за границей,

полюбилъ его оригинальный и смѣлый умъ, продолжалъ быть съ нимъ милостивымъ и всё были увѣрены, что онъ будетъ очень силенъ у двора. Все друзья, Арзамасцы! Касательно успѣховъ по службѣ, не тотъ, такъ другой, каждый готовъ былъ протянуть мнѣ руку помощи. И кто бы повѣрилъ? Въ это время никакъ не входило мнѣ это въ голову.

Дабы сколько-нибудь изгладить мрачное вліяніе, которое на всѣхъ имѣли продолжительный трауръ, двойные царскіе похороны, мятежи и казни, въ половинѣ Іюля поспѣшили съ выѣздомъ въ Москву. Въ опустѣвшемъ Петербургѣ вокругъ меня все еще болѣе опустѣло; однако душевный и тѣлесный мой недугъ отъ того не умножился: онъ могъ бы увеличиться только совершеннымъ лишеніемъ разсудка. Въ продолженіи лѣта я рѣдко видѣлся съ озабоченнымъ Блудовымъ; тутъ отправился онъ съ Государемъ въ древнюю столицу и не съ тѣмъ, чтобы погулять въ ней, попировать, а съ тѣмъ, чтобы принимать прошенія на высочайшее имя, тамъ подаваемые. Въ его отсутствіе я немного чаще сталъ посѣщать его семейство, умножившееся двумя дочерьми, Антониной и Лидіей, двумя сыновьями, Андреемъ и Вадимомъ. Всѣмъ казался я несносенъ; одна Анна Андреевна, по неистощимой благодати своей ко мнѣ, принимала меня всегда съ себолѣзнованіемъ, ласкою и участіемъ. Малютки подрастали; въ нихъ уже выказывался весь умъ отца вмѣстѣ съ добродушіемъ матери. Не знаю, по примѣру ли имъ данному, или по врожденному, наслѣдственному чувству, не смотря на мою брюзгливость, они любили меня; за то и мнѣ съ ними бывало какъ будто легче, какъ будто возвращалась мнѣ любовь къ жизни. Тутъ долженъ я упомянуть объ одной дѣвицѣ Дютуръ, которую за ихъ добрыя дѣянія самъ Богъ послалъ семейству Блудовыхъ. Въ малолѣтствѣ, родителями своими, принадлежащими къ одной древней и благородной фамиліи во Франціи и бѣжавшими отъ ужасовъ революціи, увезена была она въ Англію. Тамъ она и образовалась, и всю живость любезнѣйшихъ изъ Француженокъ умѣла она соединять съ благороднымъ, со строгими правилами благовоспитанныхъ Англичанокъ. Въ Лондонѣ Блудовъ узналъ ее и поручилъ ей воспитаніе дѣтей своихъ обоего пола. По твердому и просвѣщенному уму своему она была весьма способна къ занятію званія гувернера при мальчикахъ; еще болѣе была она въ состояніи воспитывать дѣвицъ. Я здѣсь говорю объ ней, потому что ничего ей подобнаго между иностранными у насъ наставницами я не встрѣчалъ; также и потому, что въ это именно время, ея скромно-веселые разговоры часто уменьшали раздраженно-болѣзненное мое состояніе.

Въ продолженіи Августа оно примѣтнымъ образомъ начало улучшаться. Во время отсутствія двора и гвардіи, Петербургъ становится нѣсколько похожъ на провинцію, дѣлается легковѣренъ до неимовѣрности, начинаются въ немъ нелѣпыя толки, распространяются ложныя извѣстія. Ожидали, что коронація будетъ 1 Августа; слабое здоровье молодой Императрицы заставляло откладывать сей величественный и тяжкій обрядъ; изъ этого выводили заключеніе, что будто бы какая-то личная опасность грозитъ самому Императору: нустословію конца не было. 25 Августа передъ захожденіемъ солнца прогуливался я въ Лѣтнемъ саду; съ самаго Апрѣля погода не мѣнялась, день былъ жаркій, обѣщала теплую ночь, и я даже чувствовалъ нѣкоторую отраду. Когда я сталъ подходить къ рѣшеткѣ, выходящей на Неву, раздался пушечный выстрѣлъ. Извѣстно, какое жестокое дѣйствіе всякій залпъ, всякій сильный звукъ, потрясающій воздухъ, производитъ на разстроенные нервы. За мѣсяць до того безъ содраганія не могъ бы я услышать и пистолетный выстрѣлъ; тутъ, напротивъ, почувствовалъ я какое-то удовольствіе, смѣшанное однако съ нѣкоторою болью: вѣрный признакъ перемѣны въ состояніи здоровья. Нескорыми шагами пошелъ я назадъ, изчитывая громовые удары, изъ крѣпости наносимые. У Спміоновскаго моста подлѣ крыльца одного большаго угольнаго дома увидѣлъ я множество экипажей разнаго рода; отъ кучеровъ и лакеевъ узналъ я, что хозяинъ его, генераль-адъютантъ графъ Комаровскій, привезъ извѣстіе о совершившемся 22-го Августа вѣнчаніи на престолъ и муропомазаніи царской четы; тѣмъ опровергались нустые слухи, недоброжелательствомъ распущенные. Весь Петербургъ истинно, искренно возрадовался и радость свою изъявилъ самымъ блестящимъ образомъ. На другой день 26-го числа и послѣдующіе два дня, 27 и 28, онъ загорѣлся изъ края въ край, ночи были темныя и теплыя, и такой чудной иллюминаціи я никогда еще въ немъ не видывалъ.

Мой братъ находился тогда въ Москвѣ и рассказывалъ мнѣ, что 14-го числа, закупаая въ лавкахъ на Красной площади какія-то вещи для отравленія въ Пензу, купцами и сидѣльцами былъ привѣтствуемъ (равно какъ и другіе покупатели) слѣдующими словами: «Батюшка, слышали вы новость?—Чтò такое?—Вѣдь онъ пріѣхалъ.—Да кто?—Да Константинъ Павлычъ». Радость была написана у нихъ на лицахъ. Это было подтвержденіемъ сдѣланнаго имъ отреченія отъ престола; въ глазахъ обманутаго народа казалось это примиреніемъ двухъ никогда не ссорившихся братьевъ. Много было добраго въ этомъ цесаревичѣ; невозможно, чтобы безъ сокрушеннаго сердца могъ онъ смотрѣть на корону, но праву ему принадлежащую, на главѣ меньшаго брата и присутствовать при обрядѣ его вѣнчанія въ видѣ перваго его подданнаго.

Но онъ рѣшился на то для общаго спокойствія и на нѣсколько недѣль пожертвовалъ ему собственнымъ. И пусть сыщутъ мнѣ другой народъ въ мѣрѣ, который бы, подобно Русскому, такъ восхищался бы добродѣтелями своихъ царей, съ такимъ восторгомъ смотрѣлъ бы на ихъ славныя дѣянія, а при видѣ ихъ недостатковъ, пороковъ или жестокихъ несправедливостей, съ такимъ горестнымъ молчаніемъ потуплялъ бы глаза.

Сколько Іюль былъ печаленъ, столько Августъ казался радостенъ; но это было не передъ добромъ.

Особая канцелярія по секретной части со временъ Балашова существовала сперва при Министерствѣ Полиціи, а по уничтоженіи его, при министрѣ внутреннихъ дѣлъ. Дѣйствія ея были незамѣтны, особенно послѣ взятія Парижа. Всѣ говорили смѣло, даже нескромно, всякой, что хотѣлъ: время самое удобное для распространенія вольнодумства. Съ 1820 года начали показываться нѣкоторыя строгія мѣры, но и онѣ были только вслѣдствіе явно-дерзкихъ поступковъ. Похвалы свободѣ продолжались только по принятому обычаю; но горсть недовольныхъ, замышляющихъ ниспровергнуть образъ правленія, сдѣлалась скромнѣе и отъ мечтаній перешла къ сокровеннымъ дѣйствіямъ. Во всякомъ другомъ народѣ сіе могло бы имѣть самыя зловредныя послѣдствія и приготовить всеобщія возмущенія, но у Русскихъ священная власть царская всегда была главнымъ догматомъ ихъ вѣры. И какъ легко было бы тогда правительству, дознавшись до истины, болѣе виновныхъ удалить отъ службы; для обузданія же ихъ, по ихъ малочисленности, достаточно было бы однихъ угрозъ и строгаго присмотра, а совсѣмъ не наказаній. Но секретною частію, какъ сказалъ я, управлялъ Фонь-Фогь, который не имѣлъ съ ними никакихъ связей, а питалъ къ нимъ братскую нѣжность. Происшествіе 14 Декабря и его послѣдствія явно обнаружили, какъ не велико число было людей опасныхъ для государственнаго спокойствія; что значили сотни безпокойныхъ и ничтожныхъ умовъ въ сравненіи съ десятками милліоновъ жителей? Къ тому же виновные всѣ отправлены были въ ссылку, а ужасъ казни долженъ былъ устрашить готовыхъ подражать имъ. Кажется, послѣ того можно бы было, хотя на нѣкоторое время, оставаться спокойнымъ; но не такъ думалъ г. Фонь-Фогь. Онъ часто былъ призываемъ въ Слѣдственную Коммиссію и тамъ познакомился и сблизился съ однимъ изъ членовъ ея, также Нѣмцемъ, генераль-адъютантомъ Бенкендорфомъ, чрезъ котораго надѣялся онъ успѣть въ одномъ важномъ предпріятіи. Первый разъ еще генераль сей является въ моихъ Запискахъ, и потому да позволено мнѣ будетъ въ кратцѣ изобразить его.

Описывая странствованіе мое по Сибири, говорилъ уже я о меньшомъ братѣ его Константинѣ Христофоровичѣ, отлично благородномъ и любезномъ человѣкѣ, котораго съ тѣхъ поръ потерялъ я изъ виду; ибо послѣ того служилъ онъ въ разныхъ посольствахъ, а въ 1812 году поступилъ въ военную службу, сражался въ бояхъ и жилъ внѣ Петербурга. Оба брата, Александръ и Константинъ, въ малолѣтствѣ лишившись матери, которая была другомъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, возросли подъ ея покровительствомъ и были воспитаны въ пансіонѣ аббата Николая. Кажется, гдѣ-то сказалъ я, въ чемъ состояло это воспитаніе: свѣтское образованіе было единственною цѣлію его, а о высшихъ наукахъ тамъ никто не помышлялъ. Для дальнѣйшаго усовершенствованія молоденькаго флигель-адъютанта Александра Бенкендорфа посредствомъ путешествій, подъ разными предлогами и съ разными ничтожными порученіями, сперва безпрестанно разсылали его по всѣмъ концамъ Россіи, потомъ въ чужія государства, также въ Турцію и на Іоническіе острова. Нигдѣ почти долго не останавливаясь, проскакалъ онъ великія пространства, съ невѣжественностію тогдашняго воспитанія, съ вѣтренностію юноши и съ разсѣянностію наслѣдственною въ семействѣ Бенкендорфовъ. Такъ прошли первые годы самой первой молодости его, какъ вдругъ начались Наполеоновскія войны, и десять лѣтъ сряду Россія не могла вложить въ ножны меча своего. Въ сихъ войнахъ онъ вездѣ участвовалъ, былъ отменно храбръ и счастливъ и также, какъ Милорадовичъ, нигдѣ не былъ даже оцарапанъ. Онъ быстро поднялся въ чинахъ; но императоръ Александръ, который такъ хорошо умѣлъ распознавать людей, хотя въ угожденіе матери своей и сдѣлалъ его своимъ генераль-адъютантомъ, но при себѣ никогда не хотѣлъ употреблять, и онъ почти забытый, безвѣстный въ мирные годы командовалъ въ Харьковѣ кавалерійскою дивизіей. Тамъ онъ, говорятъ, ничего не читалъ, совершенно презиралъ гражданскую службу и ея дѣла, а занятіями военной безпрестанно жертвовалъ своимъ забавамъ и любовнымъ интригамъ.

Кто бы могъ подумать тогда, что скоро участь многихъ, премногихъ умныхъ и честныхъ людей будетъ зависѣть совершенно отъ этого пустоголоваго созданія. Новый Царь, конечно, не обманулся на счетъ его безпредѣльной къ нему преданности: за него далъ бы онъ себя изрубить въ куски; но не нужно ли было взять въ соображеніе и способности человѣка? Для занятія важной государственной должности никто менѣе его ихъ не имѣлъ. То и надобно было Фонъ Фоку. Онъ видѣлъ старость, безсиліе и приближающееся паденіе начальника своего Ланскаго и задумалъ часть свою поставить гораздо выше, на болѣе прочномъ и обширномъ основаніи. Вѣроятно онъ представилъ Бен-

кендорфу, какъ выгодно будетъ ему въ рукахъ своихъ имѣть большую власть безъ большихъ заботъ и безъ всякой отвѣтственности и въ тоже время чрезъ то находиться въ ежедневныхъ и непрерывныхъ сношеніяхъ съ Государемъ. Онъ предложилъ ему Министерство Полиціи, но уже въ новомъ видѣ и подъ другимъ именемъ и составилъ оному проектъ. Какъ ведено было это дѣло, былъ ли кто призванъ на совѣтъ? Вотъ что, кажется, никому не было извѣстно, ибо вскорѣ послѣ коронаціи сіе новое учрежденіе было для всѣхъ неожиданною новостію.

Особая канцелярія по секретной части переименована въ III Отдѣленіе собственной Его Величества Канцеляріи; Фонтъ-Фокъ остался онаго управляющимъ, а Бенкендорфъ назначенъ главноуправляющимъ. Но главное состоитъ въ томъ, что онъ назначенъ вмѣстѣ и шефомъ корпуса жандармовъ, которому порученъ былъ надзоръ за порядкомъ въ цѣломъ государствѣ. Этотъ корпусъ составленъ былъ изъ нѣсколькихъ округовъ; къ каждому изъ нихъ принадлежало нѣсколько губерній. Окружными начальниками назначаемы были генералы, а въ губерніи опредѣляемы были одинъ штабъ и нѣсколько оберъ-офицеровъ, и весь этотъ обсервационный корпусъ сформированъ былъ къ концу года, какъ ни трудно было съ начала склонить нѣсколько порядочныхъ людей войти въ него. Голубой мундиръ, ото всѣхъ другихъ военныхъ своимъ цвѣтомъ отличный, какъ бы одеждою доносчиковъ, производилъ отвращеніе даже въ тѣхъ, кои рѣшались его надѣвать.

Учрежденіе сего новаго рода полиціи, кажется, имѣло двоякую цѣль. Жандармы обязаны были открывать всякіе дурные умыслы противъ правительства и если гдѣ стануть проявляться смѣлыя, политическія, вольнолюбивыя идеи, препятствовать ихъ распространенію. Это было немного трудно: ибо число зараженныхъ либерализмомъ и непричастныхъ къ дѣлу 14 Декабря было не велико, и они болѣе чѣмъ когда притаились и съ великою осторожностію сообщали свои мнѣнія. Потомъ всякій штабъ-офицеръ сего корпуса долженъ былъ въ губерніи, гдѣ находился, наблюдать за справедливымъ рѣшеніемъ дѣлъ въ судахъ, указывать губернаторамъ на всякіе вообще безпорядки, на лихоимство гражданскихъ чиновниковъ, на жестокое обращеніе помѣщиковъ и доносить о томъ своему начальству. Намѣреніе, конечно, казалось наилучшимъ, но къ исполненію его гдѣ было сыскать людей добросовѣстныхъ, безпристрастныхъ, свѣдущихъ и прозорливыхъ? Развѣ не было губернаторовъ, городскихъ и земскихъ полицій и, наконецъ, прокуроровъ? Которые должны были наблюдать за законнымъ теченіемъ дѣлъ? Неужели дотолѣ не было въ Россіи ни малѣйшаго порядка? Неужели вездѣ въ ней царствовало беззаконіе? А если такъ, могла ли все исправить горсть армейскихъ офицеровъ, кое-какъ набранныхъ?

Даровать такимъ людямъ полную довѣренность значило лишать ея всѣ мѣстныя власти, высшія и низшія. Многимъ изъ штабъ-офицеровъ, поступившихъ въ жандармскую команду, было любо жить въ губерніи, совершенно независимыми, безъ всякаго постоянного, определеннаго запятія и для всѣхъ быть грозою. Отъ самыхъ неблагонамѣренныхъ людей, изгнанныхъ изъ общества, принимали они извѣты и съ своими дополненіями отправляли въ Петербургъ. Если по слѣдствію окажется, что ихъ донесенія были ложны, что за бѣда? Они отъ усердія могли ошибиться и не подлежали никакой за то отвѣтственности. И гдѣ было искать защиты противъ нихъ губернскимъ начальствамъ, а кольми паче частнымъ людямъ, когда и самъ глава ихъ Бенкендорфъ нѣкоторымъ образомъ поставленъ былъ надсмотрщикомъ надъ другими министрами? Вся спокойная, провинціальная, деревенская жизнь была оттого потревожена. Можно себѣ представить какая..... да пропустятъ мнѣ сіе слово..... какая деморализація должна была отъ того произойти!

Въ Сентябрѣ сія черная туча поднялась надъ Россіей и на многіе годы возлегла на ея горизонтъ. Конечно время ослабило ея дѣйствія и ужась, но она не дала вполнѣ насладиться счастьемъ, которымъ бы безъ нея мы пользовались въ первые годы царствованія справедливейшаго изъ государей. Ея появленіе опечалило даже окружавшихъ его приверженцевъ, и я подъ присягой могу сказать, что не встрѣчалъ ни единого человѣка, который бы учрежденіе сіе одобрилъ, который бы говорилъ объ немъ безъ крайняго неудовольствія.

Одинъ только человѣкъ былъ совершенно доволенъ: разумѣется, г. Фонъ-Фокъ. Онъ хотѣлъ, чтобы просвѣщенный по мнѣнію его образъ мыслей не совсѣмъ погибъ въ Россіи и людей имѣющихъ его намѣренъ былъ защищать отъ преслѣдованій. Вообще же, надобно отдать ему сію справедливость, онъ совсѣмъ не былъ золъ и, повторяю, ни чьей не искалъ гибели. Безграмотный его начальникъ почти всегда не читая подписывалъ бумаги и такимъ образомъ иногда слѣпо и неумышленно губилъ людей, и потому Фонъ-Фоку было весьма удобно большую часть ложныхъ доносовъ, не доводя до его свѣдѣнія, бросать въ каминь, тѣмъ болѣе что безпрестанно увеличивающееся число ихъ было не въ соразмѣрности съ числомъ трудящихся въ канцеляріи. Бенкендорфъ тогда только ускользалъ изъ рукъ его, когда находился подъ какимъ нибудь постороннимъ, сильнымъ вліяніемъ.

Что сказать мнѣ еще о семъ послѣднемъ? Всѣ познали, что воскресъ Милорадовичъ, но только на томъ свѣтѣ въ короткое время выучившійся хорошо говорить по-французки, а впрочемъ все тоже фанфаронство, все тоже пустословіе.

Когда дошли до меня вѣсти о жандармеріи, не понимаю, отчего я не обратилъ на то особаго вниманія. Но вскорѣ я приведенъ былъ ея въ ужасъ; первые ея удары должны были пасть на мое семейство. Это требуетъ подробнаго разсказа.

Не разъ приходилось мнѣ говорить о старшемъ сынѣ сестры моей Алексѣевой, Александрѣ Ильичѣ, котораго оставилъ я въ Ельцѣ адъютантомъ при пьяномъ генералѣ графѣ Палепѣ. Изъ особой милости къ отцу, покойный Государь перевелъ потомъ обоихъ сыновей его въ гвардію: старшаго въ конно-егерскій полкъ, а меньшаго въ новый Семеповскій. Хотя гвардейскій конно-егерскій полкъ стоялъ въ Новгородѣ, однако служившій въ немъ уже штабъ-капитаномъ Алексѣевъ подъ разными предлогами жилъ почти безвыѣздно въ Петербургѣ. Чтò онъ въ немъ дѣлалъ? Почти однѣ шалости. Онъ любилъ поплясать, погулять, поиграть, но отнюдь не былъ буяномъ; напротивъ, какая-то врожденная ластительность (*calinerie*) всегда въ отношеніи къ нему склоняла родителей и начальство къ снисходительности, можетъ быть, излишней.

Я самъ былъ обезоруженъ его ласковымъ и услужливымъ характеромъ, какъ вдругъ въ началѣ Октября я узнаю, что онъ схваченъ и подъ карауломъ отправленъ въ Москву. Вотъ чтò случилось. Кто то еще въ Мартѣ далъ ему какіе-то стихи, будто Пушкина, въ честь мятежниковъ 14 Декабря; у него взялъ ихъ молоденькой гвардейской конно-піонерный офицеръ Молчановъ, взялъ и не отдавалъ, а тотъ объ нихъ совсѣмъ позабылъ. Такъ почти всегда водилось между армейскими офицерами: немногіе знали, чтò такое литература; возмутъ, прочитаютъ стишки выдаваемые за лихіе, отдадутъ другому, другой третьему и такъ далѣе. Тоже самое и съ книгами: тотъ, который имѣлъ неосторожность дать ихъ и кому онѣ принадлежать, никогда ихъ не увидить.

Между тѣмъ лишь только учредилась жандармская часть, нѣкто донесъ ей въ Москвѣ, что у офицера Молчанова находятся возмутительные стихи. Бѣдняжку, который и забылъ объ нихъ, схватили, засадили, допросили, отъ кого онъ ихъ получилъ? Онъ указалъ на Алексѣева. Какъ за нимъ, такъ и за Пушкинымъ, который все еще находился ссылкой во Псковской деревнѣ, отправили гонцевъ.

Это послужило къ пользѣ послѣдняго. Государь пожелалъ самъ видѣть у себя въ кабинетѣ поэта, мнимаго бунтовщика, показалъ ему стихи и спросилъ, гдѣмъ они писаны? Тотъ не обинуясь сознался, что онъ. Но они были писаны за пять лѣтъ до преступленія, которое будто бы они восхваляютъ, и даже напечатаны подъ названіемъ Андрей Шенье. Въ нихъ Пушкинъ нападаетъ на революцію, на террористовъ, кроваваго жадныхъ безумцевъ, которые погубили геніальнаго человѣка. Небольшую только часть его стихотворенія, впрочемъ, одинаковаго содержанія, не-

извѣстно почему цензура не пропустила, и этотъ непрощенный лоскутокъ, который хорошенько не поняли малограмотные офицерики, послужилъ обвинительнымъ актомъ противъ нихъ. Среди безчисленныхъ заботъ Государь вѣроятно не захотѣлъ взять труда прочитать стихи; безъ того при малѣйшемъ вниманіи увидѣлъ бы онъ, что въ нихъ не было ничего общаго съ предметомъ, на который будто они были написаны. Пушкинъ умѣлъ ему это объяснить, и его умная, откровенная, почтительно смѣлая рѣчь полюбилась Государю. Ему дозволено жить гдѣ онъ хочетъ и печатать что онъ хочетъ. Государь взялся быть его цензоромъ съ условіемъ, чтобы онъ не употреблялъ во зло дарованную ему совершенную свободу, и до конца жизни своей остался онъ подъ личнымъ покровительствомъ Царя.

Иная участь ожидала бѣдныхъ офицеровъ. По крайней мѣрѣ Молчанову во мзду его признанія дозволено было оставить службу. Но Алексѣевъ, который не хотѣлъ или, лучше сказать, не могъ назвать того, кто далъ ему стихи, по привезеніи въ Москву, гдѣ нѣтъ крѣпости, посаженъ былъ въ острогъ, въ сырую, только что отдѣланную комнату, въ которой скоро разстроилось его здоровье, и онъ едва не терялъ зрѣніе.

И для родителей его въ тоже время были ужасныя сцены. Отецъ мало выѣзжалъ и рѣдко читалъ письма отъ сыновей, а мать всемѣрно старалась скрыть отъ него постигнувшее ихъ несчастіе, предупреждая посѣтителей, чтобы они ничего ему о томъ не говорили. Вдругъ вбѣгаетъ безъ доклада какой-то адъютантъ и, не поклонясь даже генералу, начинается симп словами: «Вашъ сынъ преступникъ, злоумышленникъ противъ Государя». Какъ громовой ударъ были эти слова для престарѣлаго воина, можно сказать, закаленного въ вѣрноподданнической преданности къ престолу. Какъ, что? и пошатнулся. Адъютантъ продолжаетъ: «Извольте же сейчасъ отправиться со мною къ генералу Бенкендорфу, тамъ увидите вы сына вашего и, можетъ быть, склоните его сказать, наконецъ, правду». Послушенъ страшному адъютантскому призыванію, онъ приказалъ заложить карету. «Нѣтъ, сказалъ тотъ, генералу нѣкогда васъ долго дожидаться; извольте со мною ѣхать на моихъ парныхъ дрожкахъ: они васъ доvezутъ назадъ». Все это въ присутствіи изумленной, отчаянной сестры моей. Вѣроятно слѣдуя въ подобныхъ случаяхъ примѣру начальника своего, новаго генерал-инквизитора, вотъ какъ поступалъ офицеръ съ человѣкомъ, котораго имя извѣстно было всей арміи и который не разъ командовалъ корпусомъ. Совсѣмъ растерянный, Алексѣевъ машинально повповался. Бенкендорфа онъ уже не засталъ, а въ присутствіи дежурнаго генерала Потапова грозилъ сыну проклятіемъ, если не объявитъ истины, а тотъ

клялся Богомъ со всѣми святыми, что рѣшительно не помнитъ, отъ кого получилъ несчастные стихи. Какъ легко можно было видѣть, что тутъ не было ни упрямства, а еще менѣе благородной твердости въ испуганномъ, вѣтреномъ молодомъ человѣкѣ. Истерзанный отецъ воротился домой и въ тотъ же день почувствовалъ первый легкій ударъ паралича.

Нѣтъ любви сильнѣе материнской, а гдѣ любовь, тутъ нѣтъ разсудка: конечно, его было мало въ предпріятіи моей бѣдной сестры. Она рѣшилась пасть къ ногамъ Императора и просить о помилованіи сына, объяснивъ по возможности его безвинность. Въ Москвѣ этого никакъ сдѣлать было нельзя. Узнавъ, что въ назначенный день Государь съ Императрицею намѣренъ посѣтить Воскресенскій монастырь, Новый Іерусалимъ именуемый, въ 45 верстахъ отъ Москвы, она, собравшись съ силами, отправилась туда въ сопровожденіи одного добраго друга нашего семейства Товарова, о которомъ уже мнѣ случалось говорить: одной ей было бы слишкомъ страшно. При выходѣ изъ келій архимандрита, въ сѣняхъ дожидалась она царскую чету. Она сдѣлала шагъ впередъ, но онѣмѣла, не могла вымолвить слова и только что указала на грудь, гдѣ находилась просительная бумага. «Что вамъ надобно? Какъ вы смѣли?» сказалъ ей прогнѣванный Государь. Болѣе не могла она разслышать, ибо дѣйствительно пала къ ногамъ его, только безъ чувствъ. Говорятъ, будто видъ отчаяннаго безумія на лицѣ ея встревожилъ, испугалъ чувствительную Императрицу вмѣсто того, чтобы возбудить въ ней состраданіе. Она очнулась въ какой-то кухнѣ, куда была отнесена; присланный докторъ приводилъ ее въ чувство и старался успокоить, увѣряя, что ея бумага, взятая во время ея безпамятства, находится въ рукахъ у Государя. Она могла опасаться, что ее посадятъ подъ карауль, а такая снисходительность подала ей хотя слабую надежду.

Все было тщетно. Бенкендорфъ не хотѣлъ выпустить изъ рукъ своей жертвы; какъ было ему сознаться, что первое дѣйствіе его было промахомъ? Онъ представилъ обвиняемаго великимъ шалуномъ, что было и правда; но онъ по самомъ себѣ могъ знать большую разницу между либераломъ и libertin. Меньшой Николай Алексѣевъ попросилъ его о дозволеніи повидаться съ заключеннымъ братомъ и за то, яко подозрѣнію подлежащій, изъ Семеновскаго полка тѣмъ же чиномъ переведенъ былъ въ армейскій, находившійся въ Рязани. Тутъ уже видно явное гоненіе. И такъ злополучіе, во образѣ безжалостнаго глупца, вдругъ налегло на все семейство, дотолѣ спокойное и любимое въ Москвѣ.

Чѣмъ же все это кончилось? Обвиняемый былъ отправленъ къ полку въ Новгородъ, гдѣ велѣно содержать его подъ строжайшимъ карауломъ, пока не допытаются отъ него истины. По снисходительности начальства, могли его посѣщать однополчане. Кто-то изъ нихъ назвалъ при немъ одного Леопольдова. Глаза у него засверкали; какъ! что! точно такъ! воскликнулъ онъ: такъ называется человѣкъ, который далъ мнѣ стихи. Этотъ Леопольдовъ, довольно еще молодой, изъ духовнаго званія, былъ учителемъ въ одномъ изъ приходскихъ училищъ Петербурга и въ тоже время преподавалъ Русскій языкъ и Законъ Божій въ частныхъ домахъ, между прочимъ молодому Молчанову. Послѣ того былъ вхожъ въ домъ его родителей, гдѣ мелькомъ видѣлъ его Алексѣевъ. Не знаю, съ чего онъ предложилъ ему стихи Пушкина; тотъ полюбостествовалъ ихъ видѣть, и онъ ему доставилъ ихъ. Потомъ Молчановъ пожелалъ ихъ имѣть, а какъ у Леопольдова не было другаго списка, то онъ сказалъ ему, что можетъ получить отъ Алексѣева, который въ послѣдствіи признавался мнѣ, что ихъ даже не читалъ. Шестъ мѣсяцевъ спустя, не знаю какимъ образомъ, Леопольдовъ находился въ Москвѣ, и онъ-то былъ тайнымъ доносчикомъ на юношу, котораго семейство ему благодѣтельствовало.

Казалось, этимъ объяснялось все дѣло; не могло оставаться ни тѣни подозрѣнія на счетъ дурнаго умысла Алексѣева; но, видно, по законамъ г. Бенкендорфа для обвиненныхъ не было оправданія, а слѣдовало неизбѣжно наказаніе. Несчастнаго молодого человѣка нельзя же было сослать въ Сибирь. Изъ гвардейскаго тѣмъ же чиномъ перевели его въ армейскій конно-егерскій полкъ, съ лишеніемъ права на производство и съ воспрещеніемъ не только подавать въ отставку, но даже проситься во временный отпускъ. Года черезъ два вымолили ему увольненіе отъ службы. А Леопольдовъ? И его недѣли на двѣ посадили подъ караулъ за неосновательный доносъ, а потомъ мѣсяца черезъ три былъ онъ помѣщенъ въ тайную полицію. Это было началомъ ужасныхъ нелѣпостей Бенкендорфовскихъ, которыя быть можетъ еще встрѣтятся подъ перомъ моимъ, какъ ни избѣгать я буду говорить о нихъ.

Если часть семейства моего, живущая въ Москвѣ, много въ это время пострадала, то по крайней мѣрѣ другая, не покидавшая Пензы, продолжала жить въ ней спокойно, согласно, не испытывая горестей. Мнѣ же предстояла если не бѣда, то великая непріятность.

Еще до кончины покойнаго Императора, Сенату дозволено было принимать жалобы на рѣшенія Бессарабскаго Верховнаго Совѣта, не смѣю сказать по наставаніямъ моимъ у Воронцова, по крайней мѣрѣ согласно съ постоянными моими желаніями. Вотъ почему Молдавской

бояръ Николай Рознованъ, еще при началѣ года, пріѣхалъ въ Петербургъ хлопотать по дѣламъ и тяжбамъ отца своего. Я нигдѣ не бывалъ, слѣдственно не могъ его встрѣтить, а только слышалъ, что онъ оспариваетъ долговую претензію бояра Гики на брата его. Такъ какъ въ этомъ дѣлѣ былъ я человекъ посторонній, давъ ему, правда, законный ходъ, но не участвовавшій въ сужденіяхъ по немъ: то и могу сказать, что пропустилъ я это мимо ушей. Въ болѣзненномъ состояніи, въ которомъ я находился, никто не хотѣлъ мнѣ сказать, что и на меня подана отъ него жалоба за то, что я отцу его, если припомнить читатель, отказалъ въ выдачѣ паспорта для вывезенія за границу какихъ-то сокровищъ. Онъ былъ здоровъ, богатъ, всюду развѣзжалъ, гдѣ нужно низко кланялся, гдѣ нужно сыпалъ золото, а я въ одномъ съ нимъ городѣ про то и не вѣдалъ. Главная для меня бѣда была въ томъ, что онъ нашель доступъ къ министру юстиціи князю Лобанову-Ростовскому, который, Богъ вѣсть за что, ненавидѣлъ графа Воронцова, тогда какъ я, не знаю почему, слылъ его любимцемъ. Разъяренная обезьяна (ибо на сіе животное никто такъ не походилъ, какъ Лобановъ) не устыдилась показать тутъ явное пристрастіе. Поочередно приглашалъ онъ къ себѣ сенаторовъ (какъ узналъ я послѣ) дабы склонить ихъ на вопіющую несправедливость. Одинъ только изъ нихъ Павелъ Львовичъ Батюшковъ показалъ нѣкоторое упорство. Исправляющаго же должность оберъ-прокурора, молодого еще Григорія Петровича Митусова, честнѣйшаго и благороднѣйшаго, угрозою лишить его мѣста принудилъ онъ пропустить рѣшеніе Сената.

Я узналъ о немъ только въ началѣ Ноября. Въ удовлетвореніе за великіе убытки, понесенные отцомъ Рознованомъ, въ слѣдствіе отказа моего выдать ему паспортъ за границу, и въ обезпеченіе уплаты за то повелѣно первоначально наложить запрещеніе на все мое имущество, а цынутному, т. е. уѣздному суду, разсмотрѣть, до чего могутъ простираться эти убытки. Розновану хотѣлось только отомстить мнѣ за пренебреженіе къ его Молдавскому величію; далѣе онъ не думалъ простирать претензій своихъ, зная, что съ меня нечего взять. Онъ успѣлъ въ своемъ намѣреніи, ибо въ первую минуту я былъ пораженъ симъ ударомъ. Еслибы онъ направленъ былъ и не на меня, мнѣ все больно было бы видѣть, что первымъ дѣйствіемъ Русскаго Сената въ дѣлахъ Бессарабскихъ, котораго власть такъ усердно я призывалъ, было принесеніе въ жертву злой прихоти Молдавскаго богача безвиннаго Русскаго чиновника.

Стыдно признаться, а досада, которую восчувствовалъ я, меня оживила. Я совершенно упалъ духомъ, ничто меня сильно не тревожило, не печалило, не радовало; тутъ я вдругъ воспрянулъ и, ни съ

къмъ не совѣтуюсь, самъ написалъ длинную просьбу на Сенать. Въ ней, стараясь доказать, какъ поступилъ онъ противузаконно, изъяснялъ я слѣдующее: 1-е, что Рознованъ отнюдь не торговый человекъ и не товары для продажи могъ онъ имѣть намѣреніе отправить въ Яссы, слѣдственно отъ нахождения пожитковъ его въ томъ или другомъ мѣстѣ не могло послѣдовать для него никакихъ убытковъ; 2-е, что вообще онъ ничего не думалъ отправлять; сіе доказывается тѣмъ, что онъ могъ обратиться къ прибывшему черезъ два дни послѣ отказа моего, пріятелю своему губернатору Катакази, и онъ сего не сдѣлалъ; 3-е, что прежде, чѣмъ утруждать Сенать, слѣдовало бы ему жаловаться намѣстнику; 4-е, что департаментъ судный или апелляціонный разсматриваетъ одни только тяжёбныя дѣла, а отнюдь не имѣетъ права входить въ сужденія по жалобамъ на несправедливыя дѣйствія губернаторовъ, ибо сіе подлежитъ разсмотрѣнію одного перваго департамента Правительствующаго Сената; 5-е, что по настоящему дѣлу обвиняемый ни разу не былъ даже спрошенъ; 6-е, что Сенату воспрещено не только отдавать подъ судъ начальниковъ губерній или дѣлать какія-либо съ нихъ взысканія, ни даже объявлять имъ выговоры безъ Высочайшаго разрѣшенія и, наконецъ, 7-е, что я, дѣйствовавшій тутъ, не какъ частное лицо, а какъ управляющій областію, нѣкоторымъ образомъ преданъ былъ сужденію уѣзднаго суда, чему дотолѣ не видано было примѣровъ.

Мнѣ жаль, что я не сохранилъ списка съ этого прошенія на Высочайшее имя. Сколько припомню, въ немъ были выраженія довольно дерзкія и не совсѣмъ почтительныя къ Сенату. Чтò дѣлать? Потухшее воображеніе во мнѣ опять возжглось, остывшая кровь какъ будто закипѣла, и неудивительно, если, не смотря на ясность доводовъ, бумага сія отзывалась какимъ-то бредомъ.

Такого прошенія никакъ принять было нельзя. Къ счастью моему, незадолго передъ тѣмъ назначенъ былъ статсъ-секретаремъ у принятія прошеній предобрѣйшій Николай Михайловичъ Лонгиновъ, родной братъ соперника моего Никанора. Онъ началъ поприще свое въ Лондонской, сперва духовной, потомъ свѣтской миссіи. Оттуда прямо взять онъ былъ секретаремъ къ императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ и оставался въ семъ званіи до кончины ея. При ней могъ онъ заниматься только по части благотворительной и по части женскихъ патріотическихъ заведеній, а съ дѣлами правительственными и судебными никогда дотолѣ не встрѣчался. Но у насъ, какъ говорится, и шило брѣдетъ, и всякій гораздъ на все. Лонгиновъ всѣмъ былъ обязанъ роду Воронцовыхъ, а какъ онъ умѣлъ помнить добро и почиталъ меня великимъ Воронцовистомъ, то и готовъ былъ все для меня сдѣлать. По тогдш-

ней неопытности своей онъ не могъ замѣтить, сколько было неприличнаго въ прошеніи, которое съ авторскимъ самолюбіемъ я самъ ему прочиталъ. Но канцелярія его ужаснулась и требовала, чтобы я иное вымаралъ; иное совсѣмъ измѣнилъ. Я устоялъ на своемъ, и жалоба моя безо всякой перемѣны вмѣстѣ съ другими скоро представлена была Государю, который повелѣлъ разсмотрѣть ее въ Общемъ Собраніи Сената. Вотъ чѣмъ на этотъ разъ кончилось сіе дѣло.

Тѣлесныя недуги мои, какъ уже сказалъ я, совсѣмъ прекратились, но оставили во мнѣ какую-то апатію, умственную лѣнь, которая дѣлала меня ко всему равнодушнымъ и неспособнымъ. Неумышленно Рознованъ оказалъ мнѣ услугу: рѣшеніе Сената, согласно съ желаніемъ его, дало мнѣ толчекъ, который пробудилъ меня. Я началъ разтѣзжать, дѣйствовать, чувствовать жизнь вполнѣ. Все происходившее около меня къ тому способствовало. Приближался конецъ траурнаго года и, какъ увѣряли, молодая царская чета ожидала его съ нетерпѣніемъ, дабы, предаваясь увеселеніямъ, и въ городѣ возбудить охоту къ общественнымъ забавамъ. Въ это время, и именно тогда только, это могло быть даже полезно. Послѣдніе два-три года царствования Александра Петербургъ, казалось, раздѣлялъ его уныніе, а въ истекающемъ году видѣлъ по большей части однѣ мрачныя картины: нужно было шумомъ веселій нѣсколько заглушить и изгладить воспоминаніе о нихъ.

Нѣсколько словъ о нашихъ виѣшнихъ дѣлахъ. Твердость, оказанная Николаемъ, въ рѣшительную минуту вступленія его на престолъ, изумила и Европу: она познала, что сильная Имперія не въ слабыхъ рукахъ и что преемникъ Александра не менѣе его будетъ имѣть вліянія на политическія дѣла ея. И оттого всѣ Европейскія государства съ почтительными привѣтствіями отправили къ нему знаменитѣйшихъ людей: отъ Англіи пріѣзжали Веллингтонъ и герцогъ Devonshire, отъ Австріи эрцгерцогъ Фердинандъ д'Эсте, отъ Франціи маршалъ Мармонъ, отъ Пруссіи принцъ Вильгельмъ, родной братъ Императрицы, отъ другихъ по большей части члены ихъ владѣтельныхъ фамилій. Отчего же, когда всѣ великія державы искали дружественнаго союза съ новымъ Царемъ, когда онъ былъ въ добромъ согласіи съ цѣлымъ свѣтомъ, одна Турція, ослабленная, едва отдохнувшая отъ тяжкихъ ударовъ, послѣднею войною съ Россіей ей нанесенныхъ, озабоченная внутренней кровавой борьбой съ возмущившимися Греками, отчего она такъ неохотно подавалась на миролюбивыя и снисходительныя его предложенія? Отчего Персія, также испытывавшая силу Русскаго оружія, безо всякаго повода дерзнула ворваться во владѣнія его, не убоясь даже страшнаго на Востокъ имени Ермолова?

Я не слыхалъ, чтобы кто-нибудь задалъ себѣ этотъ вопросъ. Нынѣ не трудно бы было разрѣшить сію задачу. Одна многочисленная, могущественная нація, окруженная моремъ и защищаемая цѣлыми рядами пловучихъ крѣпостей, гордится своимъ богатствомъ, своею свободою, безопасностію своего положенія, почитаетъ себя первую въ мірѣ и стремится къ преобладанію въ немъ. Ея правительство, не только раздѣляя сіе мнѣніе и сіи надежды, внушаетъ ихъ всѣмъ жителямъ и тѣмъ болѣе утверждаетъ надъ ними свою власть. Одинъ человекъ, которому примѣра не было въ вѣкахъ, хотѣлъ и умѣлъ ставить преграды ея безпрестанно возрастающей силѣ. Онъ палъ, и соперникъ его на твердой землѣ заступилъ его мѣсто. Не знаю, кто былъ ей ненавистнѣе, великій ли Наполеонъ, распространявшій вездѣ войну, или впоследствии времени величественный Александръ, водворявшій повсюду миръ? Привыкнувъ противъ явнаго врага своего нанимать военныя силы Европейскихъ государствъ, трудно ли ей даже на союзника возставлять непросвѣщенныя Азіатскія правительства, дѣйствуя на нихъ тайными происками и подкупомъ?

Извѣстіе о вторженіи Аббаса-Мирзы въ наши предѣлы получено было въ Москвѣ за недѣлю до коронаціи. Ермоловъ не дремалъ: онъ зналъ о приготовленіяхъ Персіанъ, объ умноженіи ихъ войскъ на границѣ и требовалъ, чтобы и его корпусъ былъ усиленъ нѣсколькими дивизіями, дабы на первый случай дать имъ отпоръ. По какому несчастію сей человекъ, столь монархически самовластный, былъ ненавистенъ придворнымъ и прослылъ злымъ либераломъ, хитрымъ и непроницаемымъ? Надъ нимъ парили подозрѣнія, какъ говорятъ Французы. Казалось, что происшествіе 14 Декабря и его послѣдствія должны были на счетъ его открыть глаза: ни мало, зная безпредѣльную къ нему любовь войска, полагали, что съ умноженіемъ его, онъ тѣмъ удобнѣе можетъ отложиться отъ Россіи и на Кавказѣ, и за Кавказомъ основать для себя особое государство (кому первому могла придти столь нелѣпая мысль?), и отказали ему въ помощи.

Когда узнали о первыхъ военныхъ дѣйствіяхъ Персіанъ, отправили къ нему не войско, а генералъ-лейтенанта Паскевича, въ видѣ помощника, а болѣе въ качествѣ соглядатая, что должно было крайне его оскорбить. Арміи былъ Паскевичъ весьма извѣстенъ, а Россіи со всѣмъ нѣтъ. Онъ отличался необычайнымъ мужествомъ и къ тому имѣлъ страсть читать книги о военномъ искусствѣ; говорили, что онъ проглотилъ всю военную науку. Достаточно ли сего, чтобы быть великимъ полководцемъ? Я полагаю, что достаточно, если присоединится къ тому необыкновенное, постоянное счастье. Я никогда не видалъ Паскевича, а еще до побѣдъ его много слышалъ о немъ. Онъ страдалъ

глазами въ одно время со мной, и насъ лѣчилъ одинъ медикъ. Словоохотный Грубѣ, прїѣзжая отъ него иногда прямо ко мнѣ, рассказывалъ подробно объ образѣ его жизни, о его характерѣ, о способахъ, которые употреблялъ онъ къ его излѣченію; особенно послѣднее выслушивалъ я всегда съ величайшимъ вниманіемъ. Обыкновенно мы принимаемъ большое участіе въ людяхъ, даже намъ незнакомыхъ, когда они одержимы одинакими съ нами страданіями. Если вѣрить Грубѣ, тоже самое было и съ Паскевичемъ, который всегда спрашивалъ о состояніи здоровья ему вовсе неизвѣстнаго человѣка. Памятно мнѣ, что, по словамъ Грубѣ, главною кручиною для генерала была невозможность продолжать чтеніе Кесаревыхъ Комментаріевъ.

Объ этой новой войнѣ сначала у насъ какъ-то мало заботились: она казалась въ расширенномъ кругѣ продолженіемъ нескончаемой войны нашей съ горскими народами. Гораздо болѣе всѣхъ занималъ новый образъ жизни въ столицѣ. Въ знатныхъ домахъ загремѣла музыка, зачались пиршества; на эти балы никто сперва не дерзалъ приглашать Царя и царскую фамилію, но изъ снисходительности и для поощренія они сами стали называться на нихъ. Разумѣется, что одинъ дворъ и высшее общество тогда участвовали только въ сихъ увеселеніяхъ; но можно было думать, что и общей массѣ, развѣвающей на то ротъ, становилось веселѣе. Однимъ словомъ, въ соревнованіи со скучнымъ Берлиномъ, одинаковымъ родомъ забавъ, Петербургъ скоро превзошелъ его.

Гдѣ мнѣ было стараться попасть въ сіи шумныя, блестящія собранія. Они бы меня и утомили. Я былъ счастливъ уже и тѣмъ, что могъ опять проводить вечера въ обрѣтенныхъ мною прежнихъ, короткихъ, пріятельскихъ домахъ. Въ числѣ ихъ былъ одинъ, который пріятельскимъ я назвать не могу. Мнѣ бывало довольно весело на холостыхъ вечерахъ у почтъ-директора Константина Булгакова, который весьма ласково пригласилъ меня на нихъ. Обыкновенно не покидалъ я одной гостиной, гдѣ возсѣдала супруга его Марья Константиновна, женщина чрезвычайно веселая, даже черезъ чуръ, съ которой хорошо познакомился я въ Кишеневѣ, когда она прїѣзжала навѣстить въ немъ родителя своего Варлаама. Эта комната была для меня единственнымъ убѣжищемъ отъ табаку, которымъ всѣ другія были накурены. Мнѣ приходило въ голову: что еслибы привести въ этотъ домъ незнакомаго человѣка съ завязанными глазами и посадить его въ билліардной? Онъ задыхался бы отъ табачнаго дыма, услышалъ бы стукъ ногою иного нетерпѣливаго игрока, который послѣ неудачной били, произносилъ бы слова саперлотъ и сапристи; услышалъ бы громкій хохотъ неизвѣстной ему женщины. Если бы спросить у него,

какъ онъ думаетъ, гдѣ онъ находится? Онъ вѣрно отвѣчалъ бы: въ самомъ простомъ Нѣмецкомъ трактирѣ, и слышу голосъ содержательницы его. Когда спала бы съ него завязка, какъ удивился бы онъ, увидя графа Литту, князя П. М. Волконскаго и другихъ знатныхъ людей, посѣтителей сей аристократической таверны. Примѣтнымъ образомъ мѣнялись нравы; начинали отбрасывать узы пристойности и приличія... Булгаковъ узнавъ, что меня тревожитъ дѣло съ Разнованомъ, предложилъ мнѣ свои услуги, или лучше сказать, свое покровительство; во время отсутствія моего брался онъ записки по сему дѣлу самъ развозить по Сенаторамъ и убѣждать ихъ въ мою пользу. «Да это невозможно, со смѣхомъ отвѣчалъ я ему: на дняхъ узналъ я, что вы тоже самое дѣлали для Рознована, хотя знали, что онъ мой противникъ; какъ уже вамъ дѣйствовать противъ самого себя?» — «Что за важность? Сказалъ онъ. Мнѣ все равно, лишь бы помогать хорошимъ людямъ; положимъ, что я былъ неправъ, то вотъ случай исправить то.» Я его поблагодарилъ и просилъ только объ одномъ: не мѣшаться въ это дѣло...

Я долженъ упомянуть здѣсь еще объ одномъ возобновленномъ въ это время знакомствѣ и вывести на сцену одного человѣка, и прежде того уже сдѣлавшагося извѣстнымъ. Да вспомнятъ найденнаго мною въ Аккерманѣ цынутнаго коммиссара Буткова, по моему представленію опредѣленнаго областнымъ казначеемъ, которому чрезъ графа Воронцова успѣлъ уже я выпросить Аннинской крестъ въ петлицу, не весьма молодаго, хвораго, холостаго, честнаго, хотя и богатаго. У него былъ старшій братъ, Петръ Григорьевичъ, человѣкъ умный, проворный, свѣдущій, не совсѣмъ добродѣтельный. Нѣкогда былъ онъ правителемъ канцеляріи при начальствовавшемъ въ Грузіи генералѣ Кноррингѣ, а въ послѣдствіи находился по аудиторіатской части въ Молдавской арміи. Тутъ составилъ онъ тѣсную связь съ адъютантомъ главнокомандующаго графа Каменскаго, Закревскимъ. Сей послѣдній былъ уже Финляндскимъ генералъ-губернаторомъ, а Бутковъ правой его рукой по управленію симъ великимъ княжествомъ; оба жили одинаково въ Петербургѣ. Отъ младшаго Буткова имѣлъ я письмо къ старшему, отцу довольно большаго семейства, что умножало его братскую нѣжность къ хворому холостяку. Я не могъ довольно нахвалиться его пріемомъ, и когда мнѣ стало лучше и я посѣщалъ его, сказалъ онъ мнѣ, что генералъ Закревской очень желаетъ меня видѣть, и мы вмѣстѣ къ нему отправились. Все вышесказанное вело къ изображенію сего лица и къ краткой о немъ біографіи.

Сынъ самага бѣднаго дворянина Тверской губерніи, Закревской воспитанъ былъ въ Кадетскомъ Корпусѣ и выпущенъ изъ него прапорщикомъ въ Архангелогородскій пѣхотный полкъ. Какая участь мог-

да ожидать офицера малограмотнаго, безъ всякихъ военныхъ познаній и, какъ увѣряють свидѣтели, недареннаго даже отважнымъ, воинственнымъ духомъ? Пробывъ годовъ десятка полтора въ арміи, оканчивалъ бы онъ свое поприще гдѣ нибудь исправникомъ, много что гордоничимъ. Но есть нѣчто непонятное въ мірѣ, всемогущее, слѣпое счастье, на переборъ разсудку, всѣмъ вѣроятностямъ, неотвязчивое отъ однихъ, для другихъ всегда недоступное. Шефомъ того полка, куда попалъ сей юноша, былъ графъ Каменской, немного постарѣе его. Онъ имѣлъ страсть къ игрѣ, а счастье тогда уже начинало ласкать неопытную молодость Закревскаго: отъ нужды принялся онъ за карты и почти всегда оставался въ выигрышѣ. Узнавъ о томъ, Каменской обратилъ вниманіе на едва замѣченнаго имъ дотолѣ офицера, заставилъ его вмѣсто себя метать банкъ, приблизилъ къ себѣ и, наконецъ взялъ къ себѣ адъютантомъ.

Для успѣховъ у Закревскаго было нѣчто гораздо лучше высокаго ума: въ немъ были осторожность, смѣтливость и какая-то искусная вкрадчивость, недопускающая подозрѣнія въ подлости. Для Каменскаго онъ сдѣлался необходимостію; однако къ чему бы повела его милость одного изъ младшихъ генераловъ Русской арміи? Но загорѣлась война неугасимая, и молодому герою, начальнику его, открылся широкій путь къ блестящимъ успѣхамъ; и тотъ, который въ концѣ 1805 года командовалъ полкомъ или бригадой, въ началѣ 1810-го предводительствовалъ арміей противъ Турокъ. Среди сраженій находился ли при немъ любимый адъютантъ его, раздѣлялъ ли его опасность? Это не совсѣмъ извѣстно; по крайней мѣрѣ вслѣдъ за нимъ быстро подвигался онъ въ чинахъ и за отличіе получалъ военныя награды. Впрочемъ для военныхъ подвиговъ много молодыхъ людей окружало Каменскаго, а этотъ былъ болѣе комнатный, домашній адъютантъ и занимался преимущественно его собственными, хозяйственными дѣлами.

Я имѣлъ случай познакомиться съ нимъ въ 1809 году, по окончаніи Шведской войны, когда зять мой раненный генералъ Алексѣевъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Его посѣщалъ Каменской, иногда и адъютанты его. Закревской былъ тогда капитаномъ и въ крестахъ. Главнымъ достоинствомъ показала мнѣ въ немъ скромность его *): онъ лишняго слова даромъ не выпускалъ; въ рѣчахъ его съ малознакомыми была учтивость и пристойность. Отъ того-то мнѣ казалось больно, что Каменской иногда понукаетъ имъ какъ слугой; можетъ быть у армей-

*) У Французовъ для названія скромности есть два слова, *modestie* и *discretion*, коихъ значеніе различно. Закревской былъ *discret*.

скихъ генераловъ такое обращеніе съ любимыми адъютантами было общепринятымъ обычаемъ.

Во время Турецкой кампаніи, игралъ онъ потомъ довольно важную роль правителя военной канцеляріи главнокомандующаго. Тутъ имѣлъ онъ возможность сблизиться съ двумя возникающими знаменитостями, Ермоловымъ и Воронцовымъ. Блудовъ былъ тутъ главнымъ лицомъ по части правительственной и дипломатической; отношенія его къ Каменскому были совсѣмъ инныя, родственныя, почти братскія, чему Закревскій завидовалъ, и отъ того-то между сими господами, кажется, никакой симпатіи никогда не было.

Въ началѣ слѣдующаго года Каменской скончался въ Одессѣ на рукахъ неотлучнаго своего Закревскаго и завѣщалъ ему триста душъ. При составленіи духовной, видно, не были соблюдены всѣ формальности; ибо старшій братъ Каменскаго, графъ Сергій Михайловичъ, который впрочемъ много обязанъ былъ меньшому брату, опровергнувъ ее и не захотѣлъ исполнить его послѣдней воли. Счастіе и тутъ послужило Закревскому. Этотъ Сергій Михайловичъ былъ вообще презираемъ; не деликатность его поступка всѣхъ паче вооружила противъ него, а Закревскаго сдѣлала интереснымъ. Цари въ окружающихъ любятъ находить безпредѣльную преданность и высоко цѣнятъ ее когда она оказывается и начальству. Самъ Государь велѣлъ военному министру Барклаю, въ утѣшеніе Закревскаго, взять его къ себѣ и, кажется, съ чиномъ подполковника перевести въ гвардію. Нѣтъ сомнѣнія, что безъ того, получивъ имѣніе, онъ оставилъ бы службу и покойно зажилъ бы помѣщикомъ; но судьба влекла его выше. Существованіе его въ Петербургѣ было впрочемъ незавидное; я встрѣчалъ его нерѣдко въ домѣ тетки Каменскихъ, вдовы сенатора Поликарпова. Онъ былъ бѣденъ, промышлялъ кое-какъ картишками; какъ говорили, гордиться ему было нечѣмъ, и онъ ни съ кѣмъ не мѣнялся въ обращеніи.

Передъ самымъ открытіемъ отечественной войны 1812 года, великій дѣлецъ при Барклаѣ полковникъ Воейковъ, по подозрѣнію въ связяхъ со Сперанскимъ, былъ удаленъ. Никто на его мѣсто не былъ подготовленъ; на первый случай Барклай приблизилъ къ себѣ Закревскаго и взялъ его съ собою въ армію. Послѣ Бородинскаго сраженія, великія неудовольствія, возникшія между Кутузовымъ и Барклаемъ, заставили сего послѣдняго удалиться. Всѣ находившіеся при немъ захотѣли продолжать принимать участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ; одинъ только Закревскій, можетъ быть оглушенный громомъ сей ужасной битвы, пожелалъ сопровождать начальника своего въ Петербургъ. И это послужило къ его пользѣ. Государь, который особенно любилъ Барклая, увидѣлъ въ этомъ новый опытъ вѣрности и преданности па-

чальству. Послѣдующіе годы находился онъ неотлучно при Барклаѣ и главной квартирѣ; а въ 1815 увидѣли мы его генераль адъютантомъ, въ лентѣ и покровительственно всѣмъ кланяющагося. Между тѣмъ преданъ онъ всепреданнѣйшему князю П. М. Волконскому, который доставилъ ему мѣсто дежурнаго генерала главнаго штаба, т. е. директора инспекторскаго департамента. Лучше ничего нельзя было для него придумать. Ничего кромѣ именныхъ и формулярныхъ списковъ тутъ не было; дѣло не головоломное: нужна была только великая точность, а въ этомъ у Закревскаго не было недостатка. Когда въ началѣ 1818 года дворъ находился въ Москвѣ, его вельможескія замашки внушили къ нему почтеніе Москвитянъ и оттого легко было его сосватать на молодой, богатой наслѣдницѣ, единственной дочери графа Федора Андреевича Толстаго, который, если припомнятъ, былъ начальникомъ Пензенскаго резервнаго ополченія. Всегда вѣрный закону преданности, онъ оставилъ мѣсто свое, коль скоро и послѣдній патронъ его Волконскій, одержимый тяжкими недугами, въ 1823 году принужденъ былъ разстаться съ должностію начальника главнаго штаба и уѣхать за границу. Онъ вѣрно зналъ, что сіе новое пожертвованіе не останется безъ возмездія. Меня не было въ Петербургѣ, когда его сдѣлали Финляндскимъ генераль-губернаторомъ. Какимъ образомъ это случилось, я вовсе не понимаю: жители Финляндіи не знали и не знаютъ понинѣ Русскаго языка, а онъ не зналъ ни одного иностраннаго или, лучше сказать, ничего не зналъ. Но впрочемъ страна сія управлялась особыми законами. Генераль-губернаторъ, какъ конституціонный король, могъ входить въ дѣла только поверхностно. Къ тому же Закревскій, въ видѣ подручника и наперсника, призвалъ къ себѣ на помощь грамотѣя Буткова.

По должности дежурнаго генерала хорошо ознакомился онъ съ молодыми великими князьями Николаемъ и Михаиломъ, бывшими сперва бригадными, потомъ дивизионными начальниками въ гвардіи. По воцареніи перваго, могъ онъ питать честолюбивѣйшія надежды. Предложивъ мнѣ посѣтить его, Бутковъ вѣроятно имѣлъ намѣреніе одолжить меня, и я за то благодаренъ ему; но самъ я никакъ не ожидалъ величія, которое предстоить Закревскому. Одинъ со мною въ кабинетѣ разговаривалъ онъ, можно сказать, пріязненно, жалѣлъ о томъ, что я долженъ отіраться въ отдаленное мѣсто, жалѣлъ и о томъ, что въ Финляндіи нельзя ландсгевдингами (губернаторами) никого опредѣлять изъ Русскихъ: безъ того мнѣ первому предложилъ бы такое мѣсто. Потомъ прибавилъ онъ съ улыбкою: «Теперь я ничто; но кто знаетъ, утро вечера мудренѣе, можетъ быть и я на что-нибудь могу вамъ пригодиться, тогда смѣло обращайтесь ко мнѣ, я радъ буду, что могу, для васъ»

сдѣлать». За столь доброе намѣреніе какъ было его не возблагодарить? Только, подумалъ я про себя, мудрено, чтобъ этотъ человѣкъ могъ подняться еще выше и чтобы я могъ воспользоваться его благотворными обѣщаніями, которыхъ не требовалъ. Я отъ того такъ распространился о Закревскомъ, что и онъ въ послѣдствіи имѣлъ нѣкоторое вліяніе на судьбу мою.

Въ продолженіе истекшихъ лѣтъ и даже осени, куда мнѣ было заниматься тѣмъ, что происходило и при дворѣ, и въ обществѣ, и въ политическомъ и въ словесномъ мірѣ? Всему оставался я чуждымъ. Тѣмъ болѣе возбуждено было мое любопытство, когда опять начали приходиться ко мнѣ силы. По случаю траура, почти цѣлый годъ театры были закрыты. А между тѣмъ для драматическаго искусства наступила счастливая эпоха: оно было особенно покровительствуемо новымъ Государемъ, который любилъ зрѣлища. По раздраженному состоянію, въ которомъ еще находились мои вѣки, не дозволено мнѣ было употреблять лорнета; по близорукости же моей не могъ я, безъ его помощи, ясно различать предметы на сценѣ, а слушать только что говорится. Отъ того, не смотря на сильное желаніе, не спѣшилъ я посѣтить театръ. Одинъ разъ, и всего только одинъ разъ, не могъ я одолѣть сего желанія. Давали Французскую комедію въ пяти дѣйствіяхъ *l'école des vieillards* (Школа стариковъ), сочиненіе Казимира Делавинья, и въ ней главную роль игралъ нововыписанный, весьма хорошій актеръ Женисье. Мнѣ показалось, что она отзывается революціоннымъ духомъ; въ ней были изображены гнусные поступки одного знатнаго человѣка Дюка, а выраженія всѣхъ благородныхъ чувствъ вложены въ уста людей средняго состоянія, которые покрываютъ стыдомъ и срамомъ, преслѣдуютъ убійственными поношеніями порочнаго и терпѣливаго Дюка. Въ своей Бессарабіи, а потомъ въ Крыму, я ничего не читалъ, кромѣ дѣловаго и отъ того никакъ не подозрѣвалъ, что съ нѣкотораго времени, благодаря свободѣ книгопечатанія, всѣ Французскіе романы и драмы наперерывъ старались снабжать всѣми добродѣтелями простонародіе и унижать, топтать въ грязь высшія сословія. Почти вся заграничная литература взяла это направленіе, и немного лѣтъ спустя обнаружались пагубныя ея послѣдствія. *) Въ этой главѣ, и безъ того уже слишкомъ длинной, не мѣсто еще говорить какъ о ней, такъ и о нашей словесности въ особенности.

Всѣ ожидали великихъ перемѣнъ въ министерствѣ, даже цѣлаго возобновленія его. Оно совершилось медленно. Правда, въ этомъ же

*) Въ это время можно было сравнить ее съ началомъ революціи 1789 года, но неизбѣжно затѣмъ должна была послѣдовать эпоха ея терроризма.

году вновь учреждены два министерства: полиціи или корпусъ жандармовъ, о которомъ уже я говорилъ, и другое министерство императорскаго двора, въ вознагражденіе примѣрной, испытанной вѣрности князя П. М. Волконскаго. Всѣ придверныя части, гофъ-интендантская, конюшенная, театральная и другія, не перемѣняя названій, поступили въ вѣдомство его въ видѣ департаментовъ. Высшіе придворные чины также какъ бы обратились въ придворныхъ директоровъ, что кажется не возвысило ихъ званія. Изъ прежнихъ министровъ старики сохраняли свои мѣста и не показывали намѣренія оставить ихъ; дабы склонить ихъ къ тому, придумано было средство и, кажется, что графъ Кочубей подалъ о томъ мысль. Давно уже у министровъ не было товарищей; надлежало воскресить сіе званіе. Каждому изъ тѣхъ, коихъ желали удалить, дано было по товарищу, симъ же послѣднимъ въ руководство инструкція, дающая имъ право входить во всѣ дѣла, и нѣкоторымъ контролировать дѣйствія самихъ министровъ. Выборы были довольно счастливы: назначены люди зрѣлыхъ лѣтъ, нѣкоторые съ большою опытностію, другіе съ достаточнымъ умомъ и познаніями, чтобы скорѣе пріобрѣсти ее.

Перваго назову я генераль-адъютанта князя Александра Сергѣевича Меншикова, знаменитаго потомка знаменитаго предка, хотя онъ и не получилъ званія товарища, а данъ былъ просто въ помощь морскому министру адмиралу Моллеру. Онъ дотолъ находился въ военной сухопутной службѣ, но всегда имѣлъ страсть къ морской части. Онъ только что воротился изъ Персіи, куда отправленъ былъ передъ войной съ чрезвычайнымъ порученіемъ и въ удовлетвореніе желанія его былъ переименованъ контръ-адмираломъ. Я скоро буду имѣть пріятный случай говорить пространнѣе о семъ необыкновенномъ человѣкѣ.

Министру юстиціи князю Лобанову нельзя было дать товарища менѣе чѣмъ князя, и отъ того на сіе мѣсто назначенъ былъ сенаторъ князь Алексѣй Алексѣевичъ Долгоруковъ. До полковничьяго чина находился онъ въ военной службѣ; но, познавъ, что рожденъ онъ болѣе мирнымъ, хотя дѣятельнымъ гражданиномъ, чѣмъ воиномъ, перешелъ въ статскую. Онъ былъ гражданскимъ губернаторомъ въ Симбирскѣ, потомъ въ Москвѣ. Даромъ, что князь, онъ былъ небогатъ и для поправленія состоянія два раза женился на купеческихъ дочеряхъ, что влекло его въ связи не совсѣмъ знатныя. Онъ дружился преимущественно съ людьми дѣловыми, и тяжёбныя дѣла давали пищу его разговорамъ и помышленіямъ. Когда кто изъ сенаторовъ примется усердно за исполненіе своихъ обязанностей (что бываетъ очень рѣдко), когда онъ начнетъ пристально вникать въ существо дѣлъ, его сужденіямъ подлежащихъ, когда онъ сочленовъ своихъ будетъ избавлять отъ труда

читать и мыслить, и они слѣпо будутъ приставать къ его мнѣніямъ, то онъ прослыветъ величайшимъ дѣльцомъ. Когда же онъ изъ знатнаго рода (что почти никогда не бываетъ), то слава его отъ того еще болѣе умножится. Долгоруковъ совсѣмъ онопдѣчился, когда его посадили въ Сенатъ, и тогда уже онъ могъ замѣнить лучшаго оберъ-секретаря. Аристократія смотрѣла на него съ почтительнымъ изумленіемъ: ей казалось сверхъестественнымъ, что человекъ, изъ среды ея, могъ добровольно и исключительно посвятить себя сухимъ и скучнымъ занятіямъ законовѣдѣнія. Молва о немъ доходила до Государя, и онъ самъ избралъ его почти преемникомъ Лобанову.

Много распространяться о Блудовѣ мнѣ нечего: онъ давно и коротко знакомъ моимъ читателямъ. Говорили, что Государь имѣлъ намѣреніе назначить его товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, но что будто бы князю А. Н. Голицыну, премного оскорбленному преемникомъ его Шишковымъ, казалось забавнымъ къ престарѣлому ребенку приставить довольно молодаго еще дядьку, того самаго, который мальчикомъ писалъ на старика эпиграммы и котораго имени тотъ равнодушно слышать не могъ. Увѣряли, будто Голицынъ представилъ Государю, что часть ввѣренная Шишкову, болѣе согласна съ прежними, любимыми занятіями Блудова, и онъ назначенъ былъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія.

Нѣкоторые изъ директоровъ департаментовъ Министерства Внутреннихъ дѣлъ, старѣе въ чинѣ Дашкова, обидѣлись, когда его назначили товарищемъ къ ихъ министру. Но въ этомъ человекѣ было нѣчто равняющее его тотчасъ съ мѣстомъ, которое онъ получалъ, какъ бы высоко оно ни было: какая-то нравственная сила, которой скоро и охотно покорялись ему подчиняемые. Онъ также не вовсе безызвѣстенъ моимъ читателямъ. Имъ предоставляю я посудить о чувствахъ, какія возбудили во мнѣ сіи назначенія. Зависти я никогда не зналъ; правда, иногда сильно досадовалъ я, видя быстрое возвышеніе злыхъ глупцовъ, ибо въ этомъ я видѣлъ вредъ для службы и для общества; за то съ какою искреннею, неописанною радостію смотрѣлъ я на успѣхи людей мною любимыхъ и достойно уважаемыхъ!

Нѣчто странное происходило тогда во мнѣ. Разстройство нервъ производитъ душевную, жестокою болѣзнь которую не испытавшимъ ее трудно, почти не возможно объяснить. Когда эта боль совершенно угасаетъ, остается еще волненіе въ крови, порождающее пріятныя и сильныя ощущенія; они неизвѣстны въ спокойномъ, совсѣмъ здоровомъ состояніи. Два года сряду все болѣе и болѣе прилѣплялся я къ Воронцову, высоко оцѣнивалъ похвальные его свойства, украшалъ его тѣми, коихъ онъ и не имѣлъ. Все что послѣ происходило между нами,

должно было охладить меня къ нему. Горько было для меня разочарованіе и оставило нѣкоторую пустоту въ сердцѣ. Въ первый разъ въ жизни почувствовалъ я въ немъ необходимость новаго обожанія, потребность новаго кумира. Я не искалъ его: онъ самъ собою представился. И это былъ человѣкъ, котораго не болѣе пяти разъ случалось мнѣ издали видѣть, котораго въ этомъ году ни разу я не встрѣчалъ, и это былъ.... Николай Павловичъ. Я отъ всей души любилъ кротость его брата, какъ всякій добрый Русскій гордился его славой и оплакалъ кончину его. Тутъ было совсѣмъ иное: восторженность, энтузіазмъ. Да не подумаютъ однако, что счастливые, всѣмъ сердцемъ мимъ одобряемые его выборы, породили во мнѣ сіи чувства: нѣтъ! Но ясность въ выраженіи желаній, но прямота его дѣйствій, но твердость его воли, но замѣтное его руссолюбіе: вотъ что плѣнило меня, ну, право какъ женщину. Продлилось ли сіе обожаніе? Здѣсь сказать еще не могу. Теперь я вѣрую въ одно Божество, Ему одному въ душевномъ умиленіи поклоняюсь, Тому, Которому молиться учили меня еще съ малолѣтства.

Давно уже наступила пора, прибавить ли? давно уже прошла пора отправиться мнѣ къ должности. Шестъ мѣсяцевъ послѣ моего назначенія я не думалъ еще трогаться съ мѣста. Осуждая Тимковскаго за его медленность, я не предвидѣлъ, что обстоятельства заставятъ меня поступить почти такъ же какъ онъ. Лѣтомъ съ болѣзнію моею мнѣ не было возможности думать объ отъѣздѣ. Въ началѣ осени, когда дворъ воротился изъ Москвы, пытался было я приткнуться къ какому нибудь министерству, чтобы оттуда занять потомъ иное мѣсто; но мнѣ объяснили, что, если не вступая въ должность, къ которой назначенъ, буду проситься объ увольненіи отъ нея, то навсегда долженъ буду разстаться съ службой. Потомъ пугала меня мысль о дальномъ пути, въ глухую осень и со здоровьемъ не совсѣмъ еще исправнымъ. Чтò же болѣе всего останавливало меня—былъ совершенный недостатокъ въ деньгахъ. Небольшая ихъ сумма отъ жалованья, сбереженная въ Бессарабіи на черные дни въ Петербургѣ, была вся истрачена. Однакоже я началъ собираться въ дорогу на обѣщанные мнѣ займы тысячу рублей ассигнаціями.

По службѣ принадлежалъ я тогда къ двумъ министерствамъ, Финансовъ и Внутреннихъ Дѣлъ. Вмѣстѣ со званіемъ Керченскаго градоначальника былъ я и начальникомъ таможеннаго округа. Это поставило меня въ необходимость передъ отъѣздомъ явиться къ министру Канкрину. Я зналъ, что онъ не благоволитъ къ Веронцову и вообще къ Новороссійскому краю, и не безъ труда рѣшился на такое предпріятіе; въ исполненіи его не имѣлъ однакожъ причины раскаиваться. Я давно замѣтилъ, что весьма умные люди почти всегда меня любили. «Отчего бы это было?» спросилъ я себя. «Оттого, что, чувствуя свое

превосходство надъ тобою, они не могутъ видѣть въ тебѣ соперника; а между тѣмъ разстояніе, тебя отъ нихъ отдѣляющее, не такъ велико, чтобы языкъ ихъ для тебя остался непонятнымъ и чтобы ты не въ состояніи былъ дать настоящую цѣну ихъ умственнымъ способностямъ; къ тому же въ разговорахъ съ ними ты всегда наслаждаешься, и это у тебя написано на лицѣ». Этимъ отвѣтомъ самому себѣ даннымъ, остался я доволенъ, хотя онъ и не совсѣмъ польстилъ моему самолюбію. Послѣ обмена нѣсколькихъ словъ съ угрюмымъ Канкринымъ, сдѣлался онъ какъ будто ласковѣе и повелъ меня въ свой кабинетъ, гдѣ посадилъ противъ себя подлѣ камина и началъ пускать ужаснѣйшія облака табачнаго дыма. Глаза мои страдали; но я заговорился, заслушался. Я коснулся Бессарабіи, сказавъ ему, что я былъ въ ней единственнымъ въ Россіи вице-губернаторомъ, который не имѣлъ чести находиться подъ его начальствомъ. Онъ съ любопытствомъ сталъ меня спрашивать о семь краѣ; пользуясь симъ, я старался представить ему, сколь вредно для благосостоянія области положеніе, въ которомъ она находится, будучи стиснута на всемъ протяженіи своемъ двумя таможенными линіями, Прутскою и Днѣстровскою. Съ гнѣвомъ сказалъ онъ мнѣ: «Я вижу, вы хотите лишить насъ большаго таможеннаго сбора; да этому никогда не бывать». Какъ умѣлъ старался я доказать ему, что промышленность и торговля страдаютъ оттого въ Бессарабіи и что когда онѣ оживятся, то гораздо болѣе будетъ пользы для казны. Онъ возражалъ съ жаромъ; оставаясь почтительнымъ, я не уступалъ ему. Чѣмъ же кончилось? Онъ изрекъ: «впрочемъ, патушка *), я не сказалъ послѣдняго слова; я этимъ дѣломъ займусь, подумаю и, можетъ быть, ваше желаніе исполнится». Главное желаніе мое состояло въ томъ, чтобы, со снятіемъ таможенной линіи, маленькая Бессарабія удобнѣе могла быть поглощена огромной Россіей. Дуракъ бы разсердился и, можетъ быть, указалъ бы мнѣ двери; но это былъ Канкринъ. Зная сколь всѣ минуты для него дороги и начиная чувствовать боль въ глазахъ, я хотѣлъ было сократить свое посѣщеніе, но онъ меня удерживалъ. Увидѣвъ столь неожиданное для меня благорасположеніе его, я дерзнулъ обратиться къ нему со всепокорнѣйшей просьбой: объяснилъ ему причины удерживавшія меня въ Петербургѣ и просилъ, чтобы жалованье мое (которое простиралось тогда до десяти тысячъ рублей ассигнаціями) за время просрочки не было задержано. Онъ подумалъ и сказалъ: «это не совсѣмъ въ порядкѣ; но такъ и быть, я не забуду и распоряжусь, чтобы вы были удовлетворены». Съ предовольнымъ сердцемъ и съ распухшими вѣками воротился я домой.

*) Это слово всегда употреблялъ онъ, разговаривая по русски.

Дни черезъ два потомъ отправился я къ министру внутреннихъ дѣлъ за приказаніями и наставленіями. Это было не въ первый разъ, кажется въ третій по возвращеніи его изъ Москвы. Старикъ Василій Сергѣевичъ былъ добръ и ласковъ; заставить, бывало, меня подождать съ минуту, позоветъ потомъ къ себѣ и усадить; но лишь только я зайкнусь о чемъ нибудь дѣльномъ, онъ меня перерветъ и найдетъ средство меня учтиво выпроводить. Въ безконечной Россіи, гдѣ со всѣхъ концовъ дѣла стекаются на одинъ пунктъ, при централизаціи нашей, министру необходимы энергія и дѣятельность среднихъ лѣтъ. Опасаясь быть раздавленнымъ, семидесятилѣтній Ланской весьма искусно должность свою обратилъ въ синеюру. Одинъ онъ изъ министровъ не обидѣлся, когда ему дали товарища. Дашковъ еще довольно молодъ и не довольно чиновенъ, чтобы надѣяться скоро занять мое мѣсто, вѣроятно подумалъ онъ. Передамъ ему власть, свалю на него всю обузу; пусть какъ хочетъ возится съ директорами, а я спокойнѣе буду возсѣдать на высотѣ. По крайней мѣрѣ дѣйствія его были согласны съ этимъ мнѣніемъ. «Ну что вы?» сказалъ онъ мнѣ.—Да пріѣхалъ откланиваться вашему высокопревосходительству.—«Куда же вы спѣшите, поживите еще съ нами».—Я уже и такъ живу здѣсь седьмой мѣсяць послѣ назначенія къ должности и боюсь отвѣтственности.—«О, это дѣло другое!» Вотъ нашъ разговоръ. Потомъ заговорили о чемъ-то другомъ.

Не понимаю и не помню какъ рѣчь зашла о Варшавѣ и о живущемъ въ ней, бывшемъ первомъ секретарѣ Китайскаго посольства Байковѣ, котораго лѣтъ двадцать потерялъ я изъ виду. Одно уже имя этого наглаго человѣка сдѣлалось неблагопріистойностью. Министръ съ веселымъ видомъ и весьма вольнымъ слогомъ пустился мнѣ рассказывать о его похожденияхъ, о его любовныхъ подвигахъ съ Польками. Старый Екатерининской гусарской полковникъ мнѣ весь открылся. Моложе, я бы покраснѣлъ, а тутъ мнѣ даже не стошнилось, и въ свою очередь рассказалъ я два-три анекдота довольно соблазнительныхъ; послѣ того онъ не хотѣлъ меня выпустить. И вотъ человѣкъ, подумалъ я, который извѣстенъ своимъ умомъ и своею опытностію! О старость, старость съ молодыми привычками и желаніями!

О Керчи ни полслова; я зналъ, что все будетъ напрасно. Но за градоначальника ея началъ я ходатайствовать. При опредѣленіи въ должность всѣ губернаторы получаютъ извѣстную сумму на подъемъ и путевыя издержки; о градоначальникахъ на этотъ счетъ ничего положительнаго не было сдѣлано; вѣроятно всѣ были довольно богаты, чтобы не хлопотать о томъ; мнѣ трудно было безъ того обойтись. На просьбу мою отвѣчалъ Ланской: «пришлите мнѣ записку, я представлю ее въ Комитетъ Министровъ; я чай у васъ тамъ есть знако-

мые, да и я самъ васъ поддержу». Въ слѣдствіе того получилъ я пять тысячъ рублей ассигнаціями.

«Да кстати, вдругъ сказалъ онъ, представлялись ли вы Государю?» — Нѣтъ, я не почиталъ себя довольно важной особой, чтобы удостоиться сей чести. «Такъ если не представлялись, то должны по крайней мѣрѣ откланиваться: это необходимо.» Это меня изумило, то есть обрадовало и вмѣстѣ испугало. Съ ребячества, по примѣру Нѣмецкаго учителя моего Мута, зналъ я наизусть генеалогію всѣхъ владѣтельныхъ домовъ въ Европѣ, но судьба не допускала меня находиться вмѣстѣ съ самымъ мелкимъ изъ ихъ многочисленныхъ членовъ. Отъ того высоко стояли они въ глазахъ моихъ: я смотрѣлъ на нихъ почти какъ на историческія лица. И вдругъ долженъ я предстать предъ тѣмъ, который несравненно ихъ выше, передъ державной владыкой своимъ, увидѣть на яву того кѣмъ я бредилъ!

Повинуясь необходимости, напередъ поѣхалъ я къ оберъ-камергеру графу Лигтѣ, который долженъ былъ меня представить. Уже въ старости былъ онъ еще красивымъ геркулесомъ, съ голосомъ стентора, и жепать на одной изъ племянницъ князя Потемкина, сестрѣ графини Браницкой и княгини Голицыной. Я лично былъ съ нимъ знакомъ, много разъ обѣдалъ у него, но нѣсколько лѣтъ какъ отъ вельможескихъ знакомствъ уклонился. Мнѣ совѣстно было явиться къ нему, однако онъ принималъ меня благосклонно, и вскорѣ потомъ былъ я извѣщенъ о днѣ представленія.

Наступилъ для меня сей великій день, Воскресенье 23 Января 1827 года. Въ назначенный часъ явился я въ Аничковскій дворецъ, въ которомъ по временамъ любилъ жить новый Императоръ, какъ вмѣстѣ напоминающемъ ему молодость его и семейное счастье. Прждавъ съ нѣкоторыми другими гражданскими чиновниками первыхъ пяти классовъ болѣе получаса въ какой-то залѣ, насъ позвали въ комнату предъ царскимъ кабинетомъ. Не буду описывать тревожнаго духа, съ какимъ вошелъ я въ нее. Отворилась дверь, и вышелъ человекъ весьма еще молодой, высокаго роста, тоненькій, жиденькій, блѣдный, съ нагнутыми нѣсколько плечами и со взглядомъ совсѣмъ не суровымъ, какимъ ожидалъ я его. Откуда взялись у него черезъ два года спустя, вмѣстѣ съ стройностію тѣла, эти богатырскія формы, эти широкія грудь и плеча, это высокоподъятое величественное чело? Тогда еще ничего этого не было. Надобно было ему обойти напередъ всѣхъ представляющихся, чтобы дойти до меня; ибо я всѣхъ моложе былъ чиномъ: кажется, было мнѣ довольно времени, чтобы ободриться; напротивъ, смятеніе мое все болѣе возрастало. Когда же съ привѣтливою улыбкой онъ обратилъ ко мнѣ нѣсколько привѣтливыхъ словъ,

то въ одну секунду вѣрноподданической мой страхъ превратился въ неизъяснимую радость. Онъ сказалъ, «что Керчь по положенію своему можетъ сдѣлаться большимъ, богатымъ, торговымъ городомъ, и что онъ ожидаетъ того; ибо городокъ сей отданъ въ хорошія руки, прибавивъ, что много слышанъ обо мнѣ съ самой лучшей стороны.» Не помню, что отвѣчалъ я; но помнится только, что не совсѣмъ глупо. Керчь, ужасная ссылка! Послѣ того я такъ бы и полетѣлъ въ тебѣ. И что я говорю? Послѣ этого представленія, опять полюбилъ я жизнь и ею радъ бы былъ пожертвовать для него.

Тотчасъ за тѣмъ въ другой залѣ послѣдовало другое представленіе, молодой Императрицѣ. Я увидѣлъ женщину стройную, хотя не съ веселымъ, однакоже съ наипрѣятнѣйшимъ лицомъ, премиленькую барыньку или барышню, щеголевато одѣтую по послѣдней модѣ. Тогда былъ трауръ по герцогѣ Іоркскомъ, и хотя она была въ черномъ платьѣ, однако бархатномъ съ цвѣтными лентами и въ беретѣ, только что вошедшемъ въ употребленіе головномъ уборѣ, который мнѣ показался весьма страннымъ. Не говоря ни слова, пожаловала она мнѣ ручку, которую я поцѣловалъ. У меня что-то въ сердце стѣснилось: по моимъ стариннымъ понятіямъ, Русскую Царицу хотѣлось бы мнѣ видѣть отличною отъ всѣхъ другихъ смертныхъ женъ, какъ бы онѣ красивы ни были. А все таки, смотря на нее, такъ сказать сквозь супруга ея, я благоговѣлъ передъ нею.

Тѣмъ все еще не кончилось; насъ повезли въ зимній дворецъ представляться Маріи Θεодоровнѣ. Тутъ увидѣлъ я настоящую Императрицу. Она съ головы до ногъ одѣта была въ черное платье, по случаю кратковременнаго траура, но какъ бы въ обычное одѣяніе послѣ потери обожаемаго сына. Врожденная милость свѣтилась въ очахъ этой твердой жены, красота прежнихъ лѣтъ все еще проглядывала изъ за морщинъ, неумолимымъ временемъ наведенныхъ на лицо ея, величавый голосъ ея не терялъ благозвучія отъ картаваго слегка произношенія словъ, и въ старости ея находилъ я нѣчто еще обворожительное. Она удостоила меня разговоромъ по французски, спрашивала о прежней службѣ моей, спрашивала о Крымѣ, о его климатѣ, о его жителяхъ. Ободренный, восхищенный, я пустился вратъ о такой странѣ, которой еще не видалъ; сказалъ, что недѣли черезъ три или четыре надѣюсь найти тамъ розы, а она сказала, что ей пріятно думать о счастіи, коимъ могутъ пользоваться поселяющіеся въ томъ краю. Эти десять минутъ разговора остались самой блестящей точкой въ моихъ воспоминаніяхъ.

Уставши отъ различныхъ сильныхъ ощущеній въ это утро, я какъ не свой воротился къ себѣ и съ того же дня дѣятельно принялся

за сборы къ отъѣзду. Они продолжались около недѣли, и наконецъ, прощаясь съ любезными моему сердцу, я просилъ ихъ не забывать, не оставлять меня, можно сказать въ чужой, дальней сторонѣ.

VI.

Ровно черезъ недѣлю послѣ представленія моего, въ Воскресенье 30 Января въ восемь часовъ утра, оставилъ я Петербургъ. Зима стояла въ немъ такая теплая, какой не запомню; только 14 Декабря, въ день годовщины послѣ бунта, Нева покрылась льдомъ, и въ Январѣ при всякомъ появленіи солнца таяло на мостовой и капало съ крышекъ. Отъ того и мнѣ по шоссе ѣхать было трудно, особливо въ коляскѣ на полозьяхъ. Однако, понадѣясь на возрастающія силы, съ горяча въ первый день сдѣлалъ я 140 верстъ, но въ Чудовѣ принужденъ былъ остановиться и ночевать.

На другой день опять долженъ былъ я остановиться въ Новгородѣ, чтобы отдохнуть, отобѣдать и попытаться увидѣть содержащаго подъ стражей племянника моего Алексѣева; но меня къ нему не пустили, и я поѣхалъ далѣе. За Бронницами прекращалось тогда шоссе, на дорогѣ было гораздо болѣе снѣгу, особенно въ Валдайскихъ горахъ, и отъ того-то могъ бы я ѣхать шибче; но оставшаяся слабость не позволяла мнѣ и ста верстъ сдѣлать въ сутки и каждую ночь заставляла ночевать. Такимъ образомъ по легоньку дотащился я до Москвы, 5 Февраля по утру.

Грустная встрѣча ожидала меня въ ней. Хотя зять мой генераль Алексѣевъ физически и немного пострадалъ отъ перваго удара паралича, но весь нравъ его измѣнился: постоянная задумчивость замѣнила въ немъ бодрость, шутливость, безпечность, которыя прежде никогда его не покидали; а бѣдная сестра моя, укрѣпясь вѣрою, старалась показывать твердость, но глубокая горестъ ее снѣдавшая, всегда была замѣтна. Надъ ихъ первенцемъ все еще висѣлъ мечъ неправосудія. У нихъ остановился я и сколько было возможно старался ободрить, обнадежить и развеселить ихъ. Люди въ слѣдъ за Фортуной бѣгутъ отъ печали; немногіе только короткіе часто навѣщали ихъ, посѣщенія же другихъ знакомыхъ все болѣе рѣдѣли. И по чувству, и по обязанности большую часть времени проводилъ я съ ними, а нельзя же мнѣ было не пожелать увидѣть нѣсколькихъ пріятныхъ или почтенныхъ знакомыхъ въ Москвѣ.

Въ Аглинскомъ клубѣ встрѣтилъ я Ив. Ив. Дмитриева, и въ этотъ пріѣздъ знакомство мое съ нимъ завязалось покороче. Если бы частыя, утреннія посѣщенія мои ему наскучили, я бы тотчасъ замѣтилъ; но,

кажется, было совсѣмъ противное. Онъ былъ всегда степенно веселъ, пока разговоръ не касался недавно умершаго друга его Карамзина. Одинъ разъ позвалъ онъ меня къ себѣ обѣдать вмѣстѣ съ нѣкоторыми литераторами и полулитераторами, коихъ не вижу нужды называть здѣсь. Замѣчательнъ былъ мнѣ сильный споръ, который послѣ обѣда зашелъ о романтизмѣ и классицизмѣ. Въ Бессарабіи и потомъ въ Петербургскомъ уединеніи моемъ едва подозрѣвалъ я существованіе перваго, а тутъ позналъ, сколько силы онъ уже успѣлъ пріобрѣсть.

Еще захотѣлось мнѣ видѣть другаго старика, котораго общество мнѣ было столь же пріятно, хотя въ другомъ родѣ. Швейцарецъ-Французъ Кристинъ помолодѣлъ, сталъ добрѣе съ тѣхъ поръ, какъ патронъ его, графъ д'Артуа, подъ именемъ Карла X, началъ царствовать во Франціи. Душа его рвалась туда, онъ мечталъ о переселеніи; многолѣтнія привычки, удобная, красивая осѣдлость, собственный домъ, старость, а паче всего старая вѣдьма, графиня де-Броль, его околдовывавшая, приковывали его къ Москвѣ. У него часто бывалъ одинъ прескучный, по моему даже нелѣпый, Французъ Декампъ, который пріѣхалъ съ тѣмъ, чтобы на публичныхъ лекціяхъ преподавать новѣйшую Французскую литературу, и Кристинъ помогалъ ему набирать подписчиковъ и слушателей. Онъ съ глубокимъ презрѣніемъ говорилъ о Расинѣ, о Буало и даже о поэтическомъ талантѣ Вольтера, и все называлъ новѣйшихъ писателей, Виктора Гюго и другихъ, которыхъ геніальныя мысли, не стѣсненные узами правилъ Аристота, возьмутъ высокій полетъ и должны удивить міръ своею смѣлостію. «Да вѣдь совершенное безначаліе въ словесности рано или поздно должно повлечь за собою ниспроверженіе законныхъ властей и постановленій», говорилъ я ультра-легитимисту Кристину, и никакъ не могъ того растолковать ему. Французъ, какъ бы умень ни былъ, если нѣтъ основательности въ разсудкѣ, всегда будетъ прельщаться всякой новизной.

Нѣсколько лѣтъ уже тогда завелась въ Москвѣ Итальянская труппа; она играла на небольшомъ театрѣ въ домѣ Ст. Ст. Апраксина, у Арбатскихъ воротъ. Но въ эту зиму онъ умеръ; вмѣстѣ съ его жизнію должно было прекратиться и ея существованіе; послѣднія представленія ея были на Масляницѣ. Истинныхъ любителей музыки, какъ и всегда, у насъ было весьма немного; подражаніе нѣсколькимъ знатымъ домамъ, мода—поддерживали сіе частное заведеніе, которое, впрочемъ, обходилось довольно дешево. Но и тутъ говорили, будто тотъ самый Гедеоновъ, который послѣ управлялъ императорскими театрами, а тогда завѣдывалъ кассой эгой труппы, не всегда держалъ ее въ исправности и часто черпалъ изъ нея. Мнѣ хотѣлось испытать, выдержать ли мои нервы громкіе звуки оперы, и я поѣхалъ слушать Ворону-Воровку,

России; къ большому удовольствію, которое я ощутилъ, примѣшалось еще нѣчто похожее на боль. Примадона мадамъ Анти имѣла препріятный голосъ; тенора звали, кажется, Перуцци, а у Тоззі были славный басъ. Все вмѣстѣ было прекрасно, все было гораздо выше Одесской посредственности, хотя далеко отъ совершенства, которымъ гораздо позже восхищались мы въ Петербургѣ. Тамъ было ужасно дорого и превосходно, а тутъ дешево и мило; послѣднее, мнѣ кажется, лучше, ибо большому числу людей доставляетъ средства часто наслаждаться.

Тутъ въ креслахъ встрѣтилъ я двухъ Одесскихъ знакомыхъ, Пушкина и Завалиевскаго. Увидя перваго, я чуть не вскрикнулъ отъ радости; при видѣ втораго едва не зѣвнулъ. Послѣ ссылки въ Исковской деревнѣ, Москва должна была раемъ показаться Пушкину, который съ малолѣтства въ ней не бывалъ и на неопредѣленное время въ ней остался. Я узналъ отъ него о мѣстѣ его жительства и на другой же день поѣхалъ его отыскивать. Это было почти наканунѣ моего отъѣзда, и оттого не болѣе двухъ разъ могъ я видѣть его; сомнѣваюсь, однако, еслибъ и продлилось мое пребываніе, захотѣлъ ли бы я видѣть его иначе, какъ у себя. Онъ весь еще исполненъ былъ молодой живости и вновь попался на разгульную жизнь: общество его не могло быть моимъ. Особенно не понравился мнѣ хозяинъ его квартиры, нѣкто Соболевскій. Хотя у него не было ни роду, ни племени, однако нельзя было назвать его непомнящимъ родства, ибо недавно умерла мать его, нѣкая богатая вдова, Анна Ивановна Лобкова, оставивъ ему хорошій достатокъ, и незаконный отецъ его, Александръ Николаевичъ Соимовъ никакъ отъ него не отпирался, хотя и не имѣлъ большихъ причинъ его любить. Такого рода люди, какъ уже гдѣ-то сказалъ я, все берутъ съ бою и наглостью стараются предупредить ожидаемое презрѣніе. Тотъ былъ остроумень, даже умень и расчетливъ и не имѣлъ никакихъ видимыхъ пороковъ. Онъ легко могъ бы имѣть большіе успѣхи и по службѣ, и въ снисходительномъ нашемъ обществѣ, но надобно было подчинить себя требованіямъ обоихъ. Это было ему невозможно, самолюбіе его было слишкомъ велико. Оставивъ службу въ самомъ маломъ чинѣ, онъ жилъ всегда посреди такъ называемой холостой компаніи. Слегка уцѣпившись за добродушнаго Жуковскаго, попалъ онъ и на Вяземскаго; безъ увлеченія, безъ упоенія раздѣлялъ онъ шумныя его забавы и сталъ искать связей со всеми молодыми литературными знаменитостями. Какъ Николай Перовскій лѣзъ на знатность, такъ этотъ карабкался на равенство съ людьми извѣстными по своимъ талантамъ. Находка была для него Пушкинъ, который такъ охотно давалъ тогда фамилярничать съ собою: онъ помѣстилъ его у себя, подчивалъ славными завтраками, смѣшилъ своими холодными шутками и забавлялъ

его всячески. Не имѣя ни къ кому привязанности, человѣкъ этотъ былъ желченъ, завистливъ и за всякое невниманіе лицъ, ему даже вовсе постороннихъ, спѣшилъ мстить довольно забавными эпиграммами въ стихахъ, кои для успѣха приписывалъ Пушкину. Сего не совсѣмъ любезнаго оригинала случится, можетъ быть, встрѣтить на полѣ, нѣсколько болѣе обширномъ.

Прошло около двухъ недѣль. Съ самаго пріѣзда, рассчитывая, что зимній путь долженъ прекратиться для меня въ Харьковѣ, на наемныхъ отправилъ я туда коляску свою, а самъ купилъ дешевую, зимнюю кибитку, дабы легче мнѣ было ѣхать. Послѣ обѣда, 19 Февраля, почти въ сумерки, оставилъ я Москву и ночевалъ въ Подольскѣ. На другой день, сколь возможно сберегая силы свои, опять остановился я ночевать на послѣдней станціи не доѣзжая Тулы, куда и прибылъ я 21 числа рано поутру.

По предложенію, сдѣланному мнѣ въ Петербургѣ Тульскимъ губернаторомъ, Николаемъ Сергѣевичемъ Тухачевскимъ, двоюроднымъ братомъ моимъ, и повторенному въ Москвѣ супругой его Надеждой Александровной, въѣхалъ я прямо въ ихъ губернаторскій домъ, гдѣ и былъ встрѣченъ двумя пожилыми дѣвами, сестрами его, Ольгой и Пелагеей Сергѣевыми. Онѣ показали мнѣ письмо, коимъ поручаетъ онъ имъ, въ его отсутствіи, угостить меня какъ нельзя лучше; онѣ и сами готовы были сіе сдѣлать, говорили онѣ, и безъ его предувѣдомленія, по обязанности родства. Ихъ мать, а моя родная тетка, Елисавета Петровна 1821 года скончалась въ домъ сестры своей, а моей матери, и была похоронена въ нашей Симбуховской сельской церквѣ. Съ 1815 года не упоминалъ я объ этомъ семействѣ, а теперь пришлось къ слову. Дѣла бѣднаго Тухачевского были не въ лучшемъ положеніи: вслѣдствіе доноса по дѣлу о какихъ-то расхищенныхъ казенныхъ лѣсахъ въ Архангельской губерніи, гдѣ онъ тогда находился вице-губернаторомъ, былъ онъ вызванъ въ Петербургъ. Слѣдствіе началось за нѣсколько дней до моего отъѣзда и не обѣщало хорошаго конца. Жена его въ Москвѣ отъ нервныхъ припадковъ лѣчила дочь, которая совершенно разошлась уже съ мужемъ, Кусовымъ. Состояніе ихъ было плохое; не знаю, исключая жалованья, какія средства представляло имъ губернаторское мѣсто, чтобы жить открыто; я думаю, болѣе всего средство дѣлать долги. Цѣлые сутки продержали меня двоюродныя сестры мои, закармлили и не иначе выпустили какъ на слѣдующее утро. Никого у нихъ я не видѣлъ; день былъ будничныи, великопостный, и не скажу, чтобы я весело провелъ его.

Послѣдній день, въ который хорошо могъ я ѣхать на саняхъ, былъ 22 Февраля: подморозило и дорога была гладкая. Необходимо мнѣ было

скорѣе воспользоваться ею, и я рѣшился ѣхать день и ночь: только, пріѣхавъ 23 по утру въ Орель почувствовалъ ужаснѣйшую усталость и долженъ былъ остановиться. На постояломъ дворѣ комната была теплая, стѣны ея такъ же чисты и бѣлы какъ и постель, на которую я опустился. Но пока я поѣлъ, выпался, погода перемѣнилась, сдѣлалась большая оттепель, я опять заторопился и въ тотъ же вечеръ пустился далѣе.

Ну ужъ ночь была! Глубокій снѣгъ растаялъ, лошади и повозка безпрестанно проваливались, везущіе и ѣдущіе совсѣмъ выбились изъ мочи, когда показался пасмурный день. Все таки днемъ было виднѣе, слѣдственно лучше ѣхать. Какъ ни старался я въ этотъ день быть неутомимымъ, однако не могъ доѣхать до Курска: за двѣ станціи до этого города остановился я въ каменномъ, чистенькомъ почтовомъ домикѣ. Отъ часу становилось не легче; 25-го яркое солнце освѣтило полурастаявшія снѣжныя равнины. Видно, я спѣшилъ, что въ Курскѣ, остановясь подлѣ огромной гостиницы богатаго Θεодора Марковича Поляторацкаго, я не вошелъ въ нее, не выходилъ изъ повозки и что-то далѣе, дабы мнѣ скорѣе привели лошадей. Цѣлые водопады съ шумомъ лились по бокамъ улицъ этого гористаго города. На ночь однако опять я остановился въ такомъ же чистенькомъ казенномъ строеніи.

Знакомаго мнѣ губернатора Кожухова не было уже въ Курскѣ: въ концѣ истекшаго года онъ былъ отставленъ. На его мѣсто назначенъ тоже знакомый мнѣ генераль-маіоръ Степанъ Ивановичъ Лѣсовскій, который полковникомъ во Франціи былъ подъ начальствомъ Алексѣева и командовалъ Кинбургскимъ драгунскимъ полкомъ; но и онъ еще не пріѣзжалъ. Замѣтить должно, что съ самаго начала этого царствованія строго принялись за губернаторовъ и одного послѣ другаго спѣшили удалить, какъ бы съ тѣмъ, чтобы истребить память незабвеннаго брата ихъ опредѣлившаго. Особенно сей участи подверглись всѣ тѣ, кои были покровительствуемы Аракчеевымъ; всѣхъ называть не буду, а укажу только на Жеребцова въ Новгородъ и на Тухачевского въ Туль. Имъ наследовали люди рѣшительно хуже ихъ и долго не оставались на мѣстахъ. Кожуховъ пользовался особою милостію покойнаго Государя, былъ примѣрнымъ начальникомъ губерніи, былъ строгъ въ этой безпокойной сторонѣ и сохранялъ въ ней порядокъ, который никогда уже послѣ того тамъ водворенъ быть не могъ.

Все болѣе подвигаясь на Югъ и 26-го рано поутру проѣхавъ городокъ Оболянъ, потащился я то по снѣгу, то по голой мокрой землѣ и такимъ образомъ дотащился до Бѣлгорода еще засвѣтло. Не по доброй волѣ остановился я въ семъ довольно большомъ уѣздномъ городѣ, нѣкогда губернскомъ, пограничной крѣпости и мѣстопребываніи

спархіальнаго архіерея, носившаго его имя: мнѣ совершенно отказали дать почтовыхъ лошадей подъ зимнюю повозку. Я былъ въ отчаяніи, не зналъ что предпринять; а между тѣмъ остался въ уютной комнатѣ небольшой гостиницы, напротивъ какого-то богатаго женскаго монастыря. Въ продолженіи вечера успѣлъ я надуматься и рѣшился на отважное дѣло: оставалось еще 73 версты до Харькова; ихъ проѣхать въ двухъ перекладныхъ, хотя крытыхъ телѣгахъ согласился я, живаго или мертваго привезуть меня въ сію спасительную пристань, гдѣ ожидалъ я найти свою коляску. Кибитку свою продать мнѣ нельзя было; я отдалъ ее въ уплату за ночлеги и за кушанье. День былъ пасмурный, сырой, холодный, 27 Февраля, когда рано поутру выѣхалъ я изъ Бѣлгорода. Крохи снѣга не было въ полѣ, за то грязь препорядочная, и я съ какимъ-то остервененіемъ выносилъ получаемые мною толчки. На послѣдней станціи показалось солнце; ему стоило немного усилій и времени, чтобы разогрѣть воздухъ, и совсѣмъ повѣяло весной, когда часу во второмъ по полудни пріѣхалъ я въ Харьковъ.

Спросивъ, гдѣ могу найти я лучшее помѣщеніе, мнѣ сказали, что единственная гостиница находится въ центрѣ города, и что тамъ же и клубъ или зала благороднаго собранія по примѣру другихъ губернскихъ городовъ. Содержателемъ былъ нѣкто Матусковъ, историческое лицо въ лѣтописяхъ Харьковскихъ, котораго значительность возрастала вмѣстѣ съ умноженіемъ народонаселенія и благосостоянія сего города. Сдѣланный Екатериною губернскимъ, онъ все еще походилъ при ней на большую Малороссійскую деревню. При Александрѣ основанъ университетъ его и учреждены въ немъ четыре ярманки, отъ чего онъ быстро поднялся. Множество храмовъ, каменныхъ зданій и правильныя улицы украшали его, когда въ первый разъ я его увидѣлъ. Но, о горе! весенней грязью могъ онъ поспорить съ Одессой. Въ первый день я не обратилъ на то большаго вниманія; ибо, довольный отведеннымъ мнѣ номеромъ, послѣ сильнаго потрясенія, я до слѣдующаго утра съ нимъ не разставался. Я не имѣлъ чести увидѣть самаго г. Матускова, или просто Матуска, какъ служители его называли, и въ томъ не было большой нужды: столъ былъ отличный, дешевый и прислуга самая исправная.

Первой заботой моею по пріѣздѣ въ Харьковъ было послать по всѣмъ постоялымъ и ямскимъ дворамъ узнать о пріѣздѣ моей коляски; но не было объ ней ни слуху ни духу, что повергло меня въ величайшее смущеніе, особенно когда на другой день узналъ я, что всѣ сообщенія затруднены непроходимую грязью. Итакъ я принужденъ на неопредѣленное время оставаться въ мѣстѣ мнѣ совершенно незнакомомъ, или тягаться, переписываться и добиваться своей собственности, или

за дорогую цѣну купить новый вегикуль *), оставаться въ уединенной своей комнатѣ, безъ книгъ, безъ развлеченій и безъ возможности малѣйшей прогулки по улицамъ. Какое неожиданное тюремное заключеніе!

Однако на другое утро захотѣлось мнѣ, хотя на малое время, вырваться изъ него, глядя въ окно на ясное небо. Вышедъ на улицу, увидѣлъ я вдали извозчика съ парюю лошадей и сопровождавшему меня трактирному слугѣ сказалъ, чтобы онъ кликнулъ его. Тотъ закричалъ, видно, знакомцу: Бутковъ, сюда! Подъѣхалъ сей, по мнѣнію моему, похититель славнаго дворянскаго имени; я сѣлъ на его дрожки и велѣлъ ѣхать сперва куда нибудь. Въ послѣдствіи по разспросамъ узналъ я, что многочисленнымъ родомъ Бутковыхъ, отъ единого корня происходящимъ, изобилуетъ Харьковская губернія и частію Екатеринославская и что онъ производитъ въ одно время и воиновъ, и гражданскихъ чиновниковъ, и священниковъ, и церковнослужителей, и ремесленниковъ, и сахарей. Проѣхавъ не безъ труда нѣсколько десятковъ сажень съ моимъ высокоимяннымъ возницею, мнѣ вдругъ пришло въ голову отправиться къ губернатору.

Сію должность занималъ тогда Василій Гавриловичъ Муратовъ, который прежде того долго служилъ по дипломатической части. Я мало зналъ его, хотя нѣсколько разъ мелькомъ встрѣчался съ нимъ въ жизни. Въ Воронежѣ когда-то братъ повезъ меня на балъ, данный по случаю брака его съ дѣвицей Гардениной. Въ первый разъ его увидѣлъ я, когда подавалъ Растопчину просьбу объ опредѣленіи меня въ Иностранную Коллегію; въ послѣдній, когда черезъ него подавалъ канцлеру Воронцову просьбу объ увольненіи меня изъ оной; оба раза показалъ онъ себя учтивымъ и обязательнымъ. И тутъ принялъ меня какъ нельзя лучше, обнадежилъ, что велитъ постараться отыскать экипажъ мой и сказалъ, что самъ ко мнѣ явится съ приглашеніемъ на обѣдъ. Онъ почитался примѣрнымъ губернаторомъ, былъ дѣятеленъ, честенъ, строгъ и справедливъ, но, благодаря особому покровительству Аракчеева, бывалъ иногда нѣсколько самоуправенъ, и я предвидѣлъ, что ему на мѣстѣ нельзя будетъ остаться.

Въ слѣдъ за посѣщеніемъ моимъ засадилъ онъ меня въ карантинъ. Смотря по времени, извозчики брали непомѣрную цѣну за ѣзду; онъ велѣлъ съ 1 Марта положить умѣренную таксу, и ни одинъ изъ нихъ не сталъ являться на улицахъ; нѣшкомъ же ходить не было возможности. Но и тутъ судьба послала мнѣ спасителя, утѣшителя, о коемъ говорить буду ниже. Когда г. Муратовъ посѣтилъ меня, разговоръ нашъ сначала былъ самый пріятнейшій; но лишь только вымолвилъ

*) Vehicule (по дурной привычкѣ я часто употребляю Французскаго слова).

я, что наканунѣ отыскалъ и навѣстилъ меня вице-губернаторъ, мой давнишній знакомый, какъ вдругъ обращеніе его перемѣнилось, чело его наморщилось, и онъ поспѣшилъ меня оставить; о новомъ свиданіи и объ обѣдѣ уже слова не было. Гдѣ же мнѣ было знать, что между сими господами величайшая вражда? И вотъ какъ въ провинціи и умные люди становятся мелочны, раздражительны и забываютъ законы приличія.

Утѣшитель, о коемъ сейчасъ упомянулъ, былъ Димитрій Андреевичъ Донецъ-Захаржевскій, хотя не изъ числа пріятелей, а издавна весьма добрый знакомый. Около года находился онъ тутъ вице-губернаторомъ. Человѣкъ онъ былъ весьма достаточный, не слишкомъ способный къ дѣламъ, и служилъ неохотно, только по мягкосердію своему, изъ угожденія къ родителямъ и роднымъ. По ихъ же настаиванію женился онъ на мужевидной дочери извѣстнаго при Екатеринѣ генераль-прокурора графа Самойлова, Еленѣ Александровнѣ, но скоро долженъ былъ съ нею разстаться, убѣдившись, что она одного почти съ нимъ пола; вообще имѣлъ онъ самыя блистательныя родственныя связи. Онъ рожденъ былъ артистомъ, искусно рисовалъ и прекрасно игралъ на фортепіано; комнаты его всегда были наполнены изрядными картинами, превосходными эстампами и множествомъ рѣдкихъ артистическихъ мелочей, коихъ былъ онъ постояннымъ собирателемъ. Кроткій, уступчивый нравъ его иныхъ обманывалъ; ибо онъ отнюдь не лишенъ былъ самолюбія, которое не допускаетъ даромъ давать себя въ обиду. Онъ былъ довольно дикъ, чуждался общества даже провинціального и въ уединеніи своемъ обрадовался, узнавъ о моемъ пріѣздѣ; а послѣ ему стало меня жаль. Дабы сколько нибудь отогнать отъ меня скуку, предложилъ онъ мнѣ всякой день передъ самымъ обѣдомъ присылать за мной легонькія дрожки, запряженныя лихой тройкой и тѣмъ же образомъ и путемъ каждый вечеръ отвозить меня домой; сверхъ того снабдилъ онъ меня книгами по моему выбору. Такъ провелъ я нѣсколько дней; безъ него не знаю, что бы со мною случилось.

Непонятно, какъ губернаторъ могъ дойти до сильной ссоры съ этимъ человѣкомъ совершенно безъ претензій. Не разсчелъ также Муратовъ, что родная сестра Захаржевскаго, Елисавета Андреевна была въ замужествѣ за всемогущимъ тогда Бенкендорфомъ. Онъ не зналъ за собой никакой вины, шелъ прямымъ путемъ и полагалъ, что сего достаточно, чтобы оставаться на мѣстѣ, даже безъ особой поддержки. Черезъ мѣсяць послѣ того могъ онъ узнать, сколько ошибался: его безъ просьбы отставили отъ службы.

Наконецъ, 4 Марта пришло мнѣ сказать о прибытіи моей коляски; ее нужно было починить, и это задержало меня еще два дни. Напрасно

думаютъ, что на Югѣ въ Мартѣ все цвѣтетъ: тамъ онъ почитается худшимъ мѣсяцемъ въ году. Зима не жестокая, слабая, дремлющая въ предыдущіе мѣсяцы, вдругъ какъ будто пробуждается и вступаетъ въ нервный, не менѣе того лютый, бой съ весною все болѣе возрастающею. Въ южной Франціи кто не страшится *giboulées de Mars*, отъ которыхъ иногда гибнуть сливы и виноградныя лозы? Нѣчто подобное можно встрѣтить и въ нашей полуденной Россіи. Хуже дня для выѣзда не могъ я выбрать какъ Воскресенье 6 Марта: дотолѣ все хорошо было въ воздухѣ, спокойно, свѣтло, и тепло; вдругъ откуда ни возмись ураганъ, который разыгрался не въ одномъ этомъ мѣстѣ; цѣлыя сутки свирѣпствовалъ онъ по всей Украинѣ и въ прилежащихъ къ ней двухъ Новороссійскихъ губерніяхъ, можетъ быть и далѣе, ломалъ деревья, срывалъ крыши и трубы; свистъ и шумъ были оглушительны; холодный дождь шелъ безпрестанно, а порывы бури, иногда удерживая его въ воздухѣ, сильными ручьями ниспровергали его потомъ на землю. Сколько разъ казалось мнѣ, что вѣтеръ готовъ опрокинуть мою коляску; ее качало со стороны на сторону, какъ бы ладью въ морѣ. Мнѣ хотѣлось было середь дня остановиться на первой станціи Мерэфъ: у смотрителя была довольно просторная комната; но въ ней помѣщалось все семейство его, крикливыя дѣти и больная, умирающая, вѣчно охающая мать его; прислониться было негдѣ, и я принужденъ былъ пуститься далѣе. Наконецъ, благополучно доѣхалъ я до второй станціи, изряднаго мѣстечка Водолаги, гдѣ находилось тогда шелковичное заведеніе и гдѣ нашелъ я изрядный пріютъ. Выѣхавъ когда едва только разсвѣтало и пріѣхавъ когда смерклось, въ борьбѣ съ стихіями, всего сдѣлалъ я только 45 верстъ.

Буря утихала и дождикъ унялся на другой день, но грязь сдѣлалась глубже и вязче. Отъ того и въ этотъ день немного болѣе я отѣхалъ и былъ очень доволенъ, когда вечеромъ могъ остановиться въ уѣздномъ городѣ Константиноградѣ у одной старой доброй вдовы, которая комнаты свои за умѣренную цѣну отдавала проезжимъ. Они были такъ опрятны и теплы, что послѣ почевки я не безъ сожалѣнія съ ними разстался. На этомъ пути какъ не замѣтить постепеннаго распространенія Россіи? Бѣлгородъ былъ нѣкогда пограничная крѣпость, около которой поселилась слобода; граница отдалилась, крѣпость упразднена, и слобода, обращенная въ городъ, сдѣлалась мѣстомъ центрального управленія губерніей. Тоже самое было и съ Константиноградомъ: тутъ былъ поселенъ Бѣлевскій пѣхотный полкъ и потому названа Бѣлевская крѣпость, построенная для защиты слободъ Украинскихъ отъ Татарскихъ и Запорожскихъ набѣговъ. Прошло время, и крѣпость, какъ болѣе ненужная, хотя не срыта, но обезоружена и сдѣ-

лалась складочнымъ мѣстомъ для военныхъ припасовъ. Она вмѣстѣ съ преобладающимъ казеннымъ плодовитымъ садомъ, извѣстнымъ во всей стонѣ, придавала нѣкоторую значительность сему городку и способствовала къ умноженію въ немъ населенія. Екатерина любила давать городамъ Новороссійскаго края, къ которому и Бѣлевскъ былъ приписанъ, имена своихъ дѣтей и внуковъ; вотъ почему и этотъ въ честь Константина Павловича названъ Константиноградомъ. Теперь онъ уѣзднымъ въ Полтавской губерніи.

Предъ восхожденіемъ солнца, 8 числа, прояснило и сдѣлался маленькій морозъ; тоненькій ледокъ покрылъ грязь и лужи; но колеса мои прорѣзывали его, и мнѣ отъ того было нелегче. Ужъ я ѣхалъ, ѣхалъ, а когда совсѣмъ смеркло, все еще не доѣхалъ до мѣста назначеннаго мною для отдохновенія. Въ глубокую ночь спустился я пѣшкомъ по крутой, каменистой горѣ, не доѣзжая Новомосковска и, наконецъ, попалъ въ него. Тутъ также была прежде Московская крѣпость, воздвигнутая почти посреди Запорожскихъ куреней. Ея и слѣдовъ нѣтъ, а вмѣсто нея народонаселеніе, состоящее изъ десяти тысячъ душъ, по большой части, говорятъ, старовѣровъ, покрываетъ собою тутъ пространство болѣе чѣмъ на пять верстъ. У каждаго жителя своя усадьба со дворомъ и съ садомъ; и отъ того нескоро могъ я добратъся до убѣжища, которое на эту ночь должно было укрыть меня. Отъ Новомосковска до Екатеринослава оставалось всего тридцать верстъ; я довольно скоро проѣхалъ ихъ 9-го поутру. Тутъ опять предсталъ мнѣ старый другъ мой, Днѣпръ, въ священныя волны котораго столько разъ погружался я отрокомъ. Сердце разыграло во мнѣ, когда проѣзжалъ я по наведенному чрезъ него пловучему мосту.

По выѣздѣ изъ Харькова только въ четвертые сутки пріѣхалъ я въ Екатеринославъ, а всего не съ большимъ двѣсти верстъ. Во всемъ губернскомъ городѣ не было ни одной гостиницы, а какой-то заѣзжий домъ, куда меня привезли, и гдѣ не знаю чѣмъ бы я могъ покормиться. Но иногда хорошо имѣть большое знакомство. Не прошло часу, какъ на заѣзжемъ дворѣ явились дрожки парой, и кучеръ съ запиской отъ полковника Пфейлицера Франка, объ которомъ такъ давно не было помину. Онъ писалъ ко мнѣ, что онъ боленъ, безъ чего самъ бы пріѣхалъ ко мнѣ, что онъ гоститъ у роднаго, женатаго брата, отставнаго полковника же Франка, губернскаго предводителя, и что они всѣмъ семействомъ приглашаютъ меня обѣдать запросто, хотя бы въ дорожномъ платьѣ. Вотъ что было причиною сего внезапнаго приглашенія: обширный домъ господина Франка находился почти у самаго выѣзда и стоялъ на высотѣ, отъ которой садъ шелъ прямо внизъ ко Днѣпру, и откуда въ близи были видны Заднѣпровье и мостъ. Появленіе, на

немъ путешественника въ коляскѣ на почтовыхъ было тогда проишествіемъ. Весьма еще немногіе посѣщали тогда Крымъ, почти никто по этой дорогѣ, и особенно въ это время года; всѣ отправлялись сперва въ Одессу, единственный Новороссійской городъ извѣстный тогда нашему Сѣверу, а оттуда, если вздумается, то пожалуй и въ Тавриду. Жизнь была самая единообразная, скучная и отъ того возбуждала любопытство къ предметамъ, кои въ иномъ мѣстѣ остались бы безъ замѣчанія. Увидѣвъ на мосту незнакомую коляску, послали тотчасъ узнать, кто пріѣхалъ, гдѣ остановился и поспѣшили убѣдительно звать меня къ себѣ. Для этихъ Франковъ я былъ находкой, а они для меня.

Моего Франка нашелъ я дѣйствительно хворающимъ и искренно обрадованнымъ моему пріѣзду. Его звали Отто Романовичъ, а брата его Антонъ Романовичъ, отъ чего многіе путались въ разговорѣ съ ними. Послѣдній былъ въ отсутствіи, гдѣ-то въ деревнѣ, а супруга его принимала меня вмѣстѣ съ деверемъ. Не знаю, какъ завела судьба Курляндца въ Екатеринославскую губернію, и какъ, будучи не въ первой молодости, умѣлъ онъ плѣнить богатую красавицу, вдову Варвару Димитріевну Гавриленкову; это искусство, которымъ владѣютъ у насъ Нѣмцы. Огромное состояніе скоро дало ему первенство между новымъ и недавно образовавшимся дворянствомъ, и онъ игралъ въ губерніи большую роль. Неравную съ нимъ участь имѣлъ знакомецъ мой, и онъ повѣдалъ мнѣ свои горести. Года за полтора передъ тѣмъ изъ расчетовъ не столько корысти, какъ честолюбія, женился онъ на дѣвѣ, которая его и меня по крайней мѣрѣ десятью годами была старѣе. Пусть вспомнятъ въ Бѣлой Церкви Ергольскую, столь любимую и уважаемую семействомъ Браницкихъ, безъ которой старая графиня жить не могла и которая саму Воронцову называла просто Лизой. Вѣроятно Франкъ полагалъ, что за ней будетъ нивѣсть что приданаго и что посредствомъ этого брака онъ поступитъ почти въ родство съ своими покровителями. И какъ онъ ошибся! Графъ и графиня Воронцовы, безъ вѣдома коихъ дѣло было положено и совершено, не знаю почему, нашли сей поступокъ подлымъ и совершенно къ нему перемѣнились; графиня же Браницкой больно бы было разстаться съ своей любимицей, и она умѣла удержать ее при себѣ. Къ тому же, не находя въ супругѣ ожидаемой горячности, и сама Наталья Николаевна скоро къ нему охладѣла; жить имъ вмѣстѣ не оставалось возможности, и онъ женатъ былъ только номинально. Вотъ положеніе! Однако онъ по прежнему оставался въ службѣ; въ началѣ зимы Воронцовъ отправился къ родителю въ Англію, а онъ, пользуясь его отсутствіемъ, пріѣхалъ раздѣлить горе со счастливымъ братомъ. Замѣтивъ, что назначеніемъ въ градоначальники справедливая моя досада не совсѣмъ потушена, сталъ онъ го-

ворить со мною откровеннѣе; боговъ своихъ спустилъ онъ на землю и принялся вычитывать всё слабости сихъ смертныхъ.

Между тѣмъ каждый день ожидалъ меня хорошій обѣдъ, самый ласковый пріемъ, и къ услугамъ моимъ при возвратившейся хорошей погодѣ были парныя дрожки. Тутъ у г-жи Франкъ познакомился я съ губернаторомъ Алексѣемъ Ивановичемъ Свѣчинымъ: новая жертва, обреченная несправедливости Воронцова. Онъ служилъ полковникомъ въ гвардейской артиллеріи и былъ женатъ на какой-то родственницѣ Кочубея; чрезъ его покровительство получилъ онъ мѣста сперва Полтавскаго вице-губернатора, а потомъ и Екатеринославскаго губернатора. Это было уже во время управленія нашего графа, но безъ его спроса и вѣдома; какое преступленіе могло казаться выше самодержавному Воронцову! Гоненія скоро начались, но посреди безпрестанныхъ хлопотъ и развѣздовъ прошлагоднихъ онъ не успѣлъ еще столкнуть его; потомъ уѣхалъ, и до возвращенія его Свѣчинъ могъ еще усидѣть на мѣстѣ. Онъ былъ человѣкъ кроткій, заботливый, безкорыстный, и въ губерніи всё состоянія любили его. За обѣдомъ, на которой онъ позвалъ меня, увидѣлъ я жену и дочерей его, столь же тихихъ, печальныхъ и молчаливыхъ какъ онъ самъ.

За чѣмъ было, казалось, оставаться мнѣ въ городѣ совсѣмъ не веселомъ, почти въ глуши построенномъ? Мнѣ такъ надоѣла дорога, что о продолженіи ея безъ ужаса не могъ я думать; съ часу на часъ, со дня на день откладывая свой выѣздъ, прожилъ я болѣе трехъ дней.

Сорокъ лѣтъ передъ тѣмъ Великая Екатерина въ мѣстѣ почти необитаемомъ лично положила тутъ основаніе города, который Потемкинъ назвалъ ея славою.. Черезъ четыре года онъ умеръ, и съ его смертію прекратились усилія сдѣлать его, если не великолѣпнымъ, то значительнымъ городомъ. Послѣ же смерти Екатерины все устремилось къ потушенію ея славы и къ истребленію, если возможно, воспоминанія объ оной. Павелъ Первый, хотя и оставилъ въ этомъ городѣ главное управленіе краемъ, въ немъ учрежденное, но велѣлъ ему именоваться Новороссійскъ. При Александрѣ сперва Николаевъ, Херсонъ и, наконецъ, Одесса въ дали отъ него нанесли ему смертельные удары: тамъ поселились генераль-губернаторы. Тощее существованіе его продолжалось, и ни разу Императоръ не удостоилъ его своимъ посѣщеніемъ; судьбѣ угодно было, чтобы по крайней мѣрѣ бранные его остатки единый день въ немъ оставались.

Потемкинъ любилъ все дѣлать на слишкомъ широкую руку; отъ того затѣи его иногда не имѣли успѣха. По плану, имъ утвержденному, широкая площадь въ видѣ улицы и подъ симъ названіемъ спускалась съ высокой горы и въ прямомъ направленіи въ низу тяну-

лась черезъ весь городъ; по бокамъ были все низкіе домики. Единственное каменное зданіе во всемъ Екатеринославѣ былъ острогъ: ни одной каменной церкви, всѣ строенія были деревянныя. Онѣ обходились дешевлѣ, ибо строевой лѣсъ изъ Малороссіи весьма удобно сплавлялся только до этого мѣста (далѣе же встрѣчались извѣстные пороги). Въ прочихъ же частяхъ каменистой Аравіи, называемой Новая Россія, нигдѣ деревяннаго болѣе найти нельзя. Возпи меня также смотрѣть достопримѣчательности города. На вершинѣ горы подъ именемъ площади находится пространное, пустое поле; съ трудомъ могъ я разглядѣть на немъ нѣчто выходящее изъ земли: то были выведенныя три или четыре сажени кирпичныхъ стѣнъ собора, который величиною долженъ былъ равняться почти съ церковію Св. Петра въ Римѣ. Въ разстояніи четверти версты оттуда, по склоненію горы къ рѣкѣ, находился Потемкинскій дворецъ; онъ состоялъ изъ одной залы, которую легко можно было бы обратить въ огромный манежъ, да изъ двухъ комнатъ по бокамъ, изъ которыхъ каждую можно было бы назвать пребольшой залой; мелкихъ комнатъ было немного. Все это было безъ половъ, безъ оконъ, безъ дверей, и дождь капалъ сверху сквозь дырявую деревянную крышу. За то садъ при немъ содержался въ исправности и чистотѣ; онъ шелъ внизъ вплоть до Днѣпра и на немъ захватывалъ нѣсколько островковъ, соединенныхъ между собою полу-согнившими мостиками *).

Мнѣ предстоялъ еще предлинный путь. Пониже пороговъ, Днѣпръ круто поворачиваетъ влѣво и оглябаетъ большое пространство земли. Вблизи лѣваго берега его населеніе гуще, и отъ того учрежденъ тамъ почтовый трактъ. Выѣхавъ изъ Екатеринослава, надобно сперва проѣхать неподалеку отъ знаменитаго острова Хортицы, нѣкогда Запорожской Сѣчи, или столицы, откуда казаки распространили свои завоеванія на всю Украйну. Участъ сего мѣста нынѣ гораздо скромнѣе: тутъ Нѣмецкая колонія, кажется Нейенбургъ; sic transit gloria mundi. Далѣе мѣстечко Канцероволь. гдѣ, если не ошибаюсь, надобно переправиться съ праваго на лѣвый берегъ Днѣпра и потомъ кружиться вслѣдъ за нимъ. Добрый губернаторъ, войдя въ мое положеніе, предложилъ мнѣ средство, дабы въ этомъ мѣстѣ на двѣ трети сократить

*) Мнѣ сказывали недавно, что соборъ выстроенъ гораздо, гораздо въ меньшемъ размѣрѣ противъ предположеннаго, что прежнія стѣны служатъ только оградой широкому мѣсту, среди коего онъ построенъ; что Потемкинскій дворецъ приобрѣтенъ городомъ; что повеченіемъ предводителя барона Франка онъ отдѣланъ хорошо и просто, что онъ служитъ дворянству для его выборовъ и его увеселеній и что, наконецъ, на пьедесталѣ возвышающаяся бронзовая статуя Екатерины Великой теряется въ неизмѣримомъ пространствѣ такъ называемой площади.

мой путь. Прямо через степь версть на девяносто шла особая дорога, такъ сказать поперекъ дуги, какъ тетива въ лукѣ, и упиралась опять въ Днѣпръ. По ней гоняли воловъ и ѣздили одни только солевозы. На всемъ пространствѣ, на самой срединѣ дороги, было одно только селеніе, и въ немъ только можно было перемѣнить лошадей. Г. Свѣчинъ послалъ приказаніе мнѣ заготовить ихъ тамъ.

Я на все рѣшился и выѣхалъ 13 Марта послѣ ранняго обѣда. Съ самаго Петербурга ѣхалъ я почти въ потьмахъ, закрывая со всѣхъ сторонъ коляску и сколь возможно оберегая глаза свои отъ вѣтра, солнца и стужи; тутъ предосторожности сіи мнѣ показались не нужны. День былъ пасмурный, но тихій и теплый, земля успѣла высохнуть, лугъ чудесно зеленѣлся, и мнѣ сперва любо было ѣхать, хотя ѣзда была не шибкая, ибо на однѣхъ лошадяхъ долженъ былъ я сдѣлать болѣе сорока версть. Все было пустынно; очень рѣдко, и то издали высовывались изъ земли хутора, то-есть небольшія землянки, около которыхъ паслись немногія овцы. Стало смеркаться, я началъ торопить ямщика и очутился въ одинокомъ и большомъ селеніи Томаковкѣ. По милости губернатора не однѣ лошади, но и квартира была мнѣ тамъ приготовлена, и я напелъ ее совсѣмъ не такъ тѣсной и безпокойной какъ ожидалъ. Слѣдующій день, 14 число, былъ свѣтлѣе за то и свѣжѣе; лугъ казался еще красивѣе и, говорятъ, былъ усѣянъ цвѣтами, подъ именемъ полевыхъ тюльпановъ, но я ихъ не видалъ по близорукости ли своей, или отъ того, что они, подобно фіалкамъ, прячутся подъ травой. Лошади, вѣроятно болѣе привычныя къ длиннымъ упряжкамъ, мчали меня живо и часу въ одиннадцатомъ примчали въ городокъ Никополь.

Тутъ было прежде Запорожское селеніе Никитинъ Рогъ. Русскіе построили тутъ Никитинскую крѣпость, по упраздненіи ея назвали городокъ Никополемъ; не знаю, почему не Никитополемъ. Я этотъ день не ослѣпился своимъ величіемъ, хотя городничій и встрѣтилъ меня въ мундирѣ, проводилъ къ себѣ и накормилъ завтракомъ или обѣдомъ. Я зналъ, что въ городѣ безуѣздомъ и неуроѣздомъ всякій путешественникъ долженъ казаться дивомъ и что отъ губернатора дано было предписаніе на счетъ моего приѣма. Не знаю, было ли въ инструкціяхъ г. городничаго, чтобы онъ самъ на паромѣ провожалъ меня за Днѣпръ или онъ сдѣлалъ сіе изъ особой ко мнѣ учтивости. На противномъ берегу простился я съ нимъ и вступилъ, наконецъ, если еще не въ Тавриду, то по крайней мѣрѣ въ Таврическую губернію.

Меня везли шибко, не смотря на пески, которые встрѣчались часто по сосѣдству съ большой рѣкой. Вечеромъ пріѣхалъ я въ большое, богатое селеніе Каховку надъ Днѣпромъ, основанное начальствовав-

шимъ тутъ графомъ Каховскимъ, но не принадлежащее уже его потомству. Мартъ вдругъ опять сдѣлался угрюмъ и суровъ; воздухъ охолодѣлъ, тучи нависли, когда рано поутру оставилъ я Каховку. Я спѣшилъ въ Крымъ, надѣясь, что тамъ, наконецъ, согрѣетъ меня вѣсное солнце, и опять ошибся.

Глубокій ровъ, прорытый Татарами поперекъ перешейка, отдѣляющаго полуостровъ отъ твердой земли, при самомъ вѣздѣ въ Турецкой Орѣ-Капи (нашъ Русской Перекопъ) существовалъ еще, и на немъ по прежнему была застава, у которой меня остановили. Пока прописывали въ ней мою подорожную, 15 Марта во второмъ часу пополудни, предстали мнѣ вмѣстѣ Югъ и Сѣверъ: проходилъ небольшой табунъ верблюдовъ и большими хлопьями посыпалъ снѣгъ. Грустно мнѣ стало, и еще болѣе, когда остановился я въ бѣдномъ городѣ, состоящемъ изъ одной улицы широкой и грязной. Ничто не можетъ быть отвратительнѣе дороги изъ Перекопа въ Симферополь: безводная степь, на которой все произрастающее мрачнаго оливковаго цвѣта; зимой въ большую грязь по ней нѣтъ почти проѣзда, немного высыхаетъ она къ концу Февраля, лѣтомъ же въ сухое время, если лошади хороши, пространство сіе обыкновенно пролетаютъ. Вотъ отъ чего въ самомъ жалкомъ состояніи находились станціонные домики, на которыхъ никто не останавливался. Я принужденъ былъ однако сіе сдѣлать на второй станціи Дюрмень; мнѣ сказали, что по всей дорогѣ на ней одной могу я найти теплую комнату съ печью, а на всѣхъ же другихъ всю зиму нечѣмъ топить. Писарь уступилъ мнѣ эту конурку, и я прослалъ въ ней на какомъ-то сундукѣ. Снѣгъ выпавшій наканунѣ скоро исчезъ; 16 числа было свѣтло и холодно; земля не довольно увлажилась, чтобы препятствовать моей ѣздѣ, и одинъ предметъ, обративъ на себя мое вниманіе, постоянно развлекалъ меня: въ видѣ бѣлаго пара, не высоко надъ землею, подымался Чатырь-дагъ, по нашему Палатъ, гора; онъ все болѣе густѣлъ, подымался и образовалъ изъ себя большое облако на краю горизонта: скоро заблисталъ онъ отъ солнечныхъ лучей, которые отражалъ снѣгъ покрывающій его вершину, и мнѣ, никогда не бывшему на Кавказѣ, показался онъ наконецъ Эльбрусомъ, *огромнымъ, величавымъ, воспѣтымъ Пушкинымъ*. Я тогда подвѣзжалъ уже къ Симферополю.

Если Чатырь-дагъ подобно Везувію не изрыгаетъ пламени и не такъ извѣстенъ цѣлому міру, то и Симферополь, близъ подошвы его построенный, весьма далеко не сходствуетъ съ Неаполемъ. Переѣхавъ въ бродъ черезъ Салгиръ, который почиталъ я рѣчкой и въ которомъ нашель только быстрый потокъ, увидѣлъ я себя на безконечномъ полѣ, среди коего достроивалась довольно хорошей архитектуры соборъ.

ная церковь; по бокамъ же въ довольно дальнемъ отъ нея разстояніи были два двухэтажныя каменныя зданія: присутственныя мѣста и страннопріимный домъ Таранова - Бѣлозерова. Вотъ весь настоящій Симферополь, или лучше сказать тогдашній. За предѣлами поля находилось Татарское селеніе Акмечеть, подъ Русскимъ управленіемъ обратившееся въ Татарской городокъ. Видъ на него съ наружи былъ довольно пріятенъ; изъ-за красныхъ черепичныхъ кровель подымались пять - шесть минаретовъ, перемѣшанныхъ съ высокими раинами; внутренность же была совсѣмъ не привлекательна: въ немъ были узкія, кривыя, неопрятныя улицы съ домами на дворѣ, съ каменными запчаканными стѣнами или съ грязными лавками на лицо. Впрочемъ, хотя гораздо менѣе оставленнаго мною Кишинева, онъ мнѣ болѣе полюбился: въ немъ была истинно-Азіатская фізіогномія, а въ томъ никакой, какъ на безобразномъ лицѣ безъ всякаго выраженія. Я знаю, что чрезъ нѣсколько лѣтъ поле покрылось правильными улицами и домами, что новый городъ, примкнувъ къ старому, спутался съ нимъ, что имя Акмечети забыто даже между Татарами и что, по мнѣнію нѣкоторыхъ, изъ всего вышла блестящая, новая столица бывшаго Крымскаго ханства, въ чемъ однако я имѣю причины сомнѣваться.

На самомъ рубежѣ предполагаемой Европы и существующей Азіи, стоялъ двухэтажный трактиръ подъ громкимъ названіемъ Одессы; въ немъ я остановился. Мнѣ отвели въ верхнемъ этажѣ цѣлую половину его, которая состояла изъ одной небольшой комнаты и другой преобладающей. О спокойствіи останавливающихся въ ней хозяева, видно, мало заботились: замки были всѣ переломаны, двери плохо притворялись, окна тоже, отовсюду дуло, съ низу сквозъ полъ слышны были голоса, и самыя половицы подъ ногами подымались и опускались какъ клавиши. И въ этой комнатѣ, какъ сказали мнѣ, цѣлую зиму провелъ несчастный Батюшковъ; слѣдственно въ ней осаждали его мрачныя думы, болѣе разстроивались его нервы, усиливалось его сумашествіе, и въ ней посягнулъ онъ разъ на собственную жизнь. Черезъ годъ послѣ него два мѣсяца изнывала въ ней баронесса Крюденеръ, давно безъ обожателей, давно уже и безъ слушателей, въ добровольной ссылке, не менѣе того для нея жестокой; изъ нея съ отчаяніемъ отправилась она умирать въ Старый Крымъ. Я всегда былъ немного суевѣренъ; не имѣя ни извѣстности, ни дарованій сихъ особъ обоего пола, не могъ я и опасаться одинаковой съ ними участи; не смотря на то, исполнился я тоски. Вечеромъ явился ко мнѣ великій плутъ, Итальянецъ Томазини, съ предложеніемъ услугъ, съ большою живостію въ движеніяхъ и съ вѣчно смѣющимся лицомъ, и не могъ развеселить меня. Онъ былъ тутъ въ трактирѣ проездомъ въ

Керчь, гдѣ по подряду строилъ карантинъ и таможеню, и отъ того искалъ моего знакомства, чтобы не сказать покровительства.

На другой день, 17-го, сдѣлалось опять тепло. Когда солнце примется тутъ грѣть, въ какое бы то время года ни было, то скоро начнетъ и печь. Меня это нѣсколько развеселило и я имѣлъ въ этотъ день случай видѣть довольно любопытный феноменъ: пока солнце сияло надъ Симферополемъ, видно было, что на Чатырь-дагѣ идетъ сильный снѣгъ. Пользуясь погодой, отправился я съ посѣщеніемъ къ губернатору, который за неимѣніемъ казеннаго дома жилъ въ собственномъ имъ сампмъ построенномъ, въ четырехъ или пяти верстахъ отъ города, въ прекрасной долинѣ. Деревья еще не распускались, но кустарники тамъ всѣ уже покрыты были листьями.

Мнѣ былъ нѣсколько знакомъ Димитрій Васильевичъ Нарышкинъ; мы съ нимъ видѣлись въ Мобѣжѣ и въ Одессѣ. Будучи сыномъ Анны Ивановны, урожденной гр. Воронцовой, онъ приходился внучатымъ братомъ нашему генералъ-губернатору, который его отменно любилъ. Воспитаніе получилъ онъ Французское, аристократическое, служилъ въ гвардіи, потомъ въ достославную нашу войну три года сряду находился при родственникѣ своемъ, который ни себя, ни окружающихъ своихъ въ сраженіяхъ не щадилъ, за то и старался ихъ быстро повышать. При корпусной квартирѣ въ 1818 году видѣлъ я его уже молоденькимъ полковникомъ; послѣ того получилъ онъ дозволеніе остаться во Франціи, женился на дочери графа Растопчина и вышелъ въ отставку. Въ 1823 году, по представленію Воронцова, съ чиномъ статскаго совѣтника, получилъ онъ мѣсто Таврическаго губернатора. Вотъ вкратцѣ формуляръ его, и что къ тому прибавить? Онъ былъ чрезвычайно добрый малый: похвала умѣренная для правителя области. Но онъ былъ еще довольно молодъ, лѣтъ тридцати пяти, добродушенъ, простъ въ обращеніи, и имѣлъ въ себѣ болѣе военнаго, чѣмъ дворцоваго; съ дѣлами по возможности старался ознакомиться. Онъ принялъ меня, я думаю какъ и всякаго, со врожденною благосклонностію, и пригласилъ на другой день къ себѣ обѣдать. Все напоминало у него лучшій, образованнѣйшій свѣтъ: и умная, любезная, просвѣщенная хозяйка, Наталья Феодоровна, и домъ, который походилъ на небольшой царской загородный дворецъ, и отличное убранство комнатъ; все прочее тому соотвѣтствовало. Посѣтилъ я также и вице-губернатора Никанора Лонгинова; онъ тутъ начиналъ уже жить домкомъ, въ опрятной и хорошей квартирѣ надъ Салгиромъ и раза два звалъ меня обѣдать.

Какъ было мнѣ не позавидовать имъ! Оба были люди не мудреные, а дѣла у нихъ шли какъ нельзя лучше. Отъ чего же такъ? Или

ихъ было очень мало, или они не имѣли большой важности. Надобно также полагать, что у обоихъ были хорошіе подчиненные помощники.

Здоровье мое, еще разстроенное и слабое, какъ бы Божиимъ чудомъ хранилось среди мученій этого продолжительнаго пути. Но отъ безпрестанныхъ перемѣнъ въ температурѣ оно мнѣ измѣнило, я сильно захворалъ и въ той самой комнатѣ, въ которой видѣлъ я преддверіе того свѣта. Долженъ признаться, что я не на шутку струсилъ. Посѣщали меня съ участіемъ Нарышкинъ и Лонгиновъ, посѣщали и два медика, оба Нѣмцы, родившіеся и воспитанные въ Россіи.

Одинъ изъ нихъ, Θεодоръ Карловичъ Мюльгаузенъ, былъ человѣкъ весьма просвѣщенный, свѣдущій во многихъ наукахъ, ученый ли по медицинской части, не думаю, ибо не имѣлъ даже докторскаго диплома и, какъ врачъ въ «Причудницѣ» Дмитріева, въ Симферополѣ почитался знаменитымъ, потому что долго былъ въ немъ одинъ. Онъ имѣлъ прекрасную дачу въ смежности съ городомъ, на ней построилъ каменный домъ и развелъ обширный плодovitый садъ. Отъ искренняго сердца презиралъ онъ варварскую страну, въ которой родился и нажился, никакъ не бралъ труда скрывать это чувство и отъ того казался еще просвѣщеннѣе.

Другой, Андрей Θεодоровичъ Арентъ, былъ родной братъ извѣстному въ Петербургѣ лейбъ-медику. Вотъ этотъ былъ настоящій Русской человѣкъ, который долголѣтней практикой пріобрѣлъ великое искусство. Его лѣченію обязанъ я скорымъ выздоровленіемъ. Однако вмѣсто двухъ дней, которые намѣренъ былъ я провести въ Крымской столицѣ, я долженъ былъ пробыть въ ней восемь и только 24 Марта послѣ обѣда оставилъ ее.

У самага выѣзда въ Карасубазаръ приготовлена была мнѣ для ночевки теплая и чистенькая квартира. Поднявшись до свѣта, 25 числа, я не проѣхалъ черезъ этотъ хорошо населенный и издревле торговый городокъ, по причинѣ великой въ немъ грязи; самъ ямщикъ повезъ меня чрезъ сады, по наружной его сторонѣ. Сквозь сумракъ рождающагося дня, между церковей и мечетей, могъ я однако разглядѣть зданіе новой для меня формы: большой Азіатской каравансарай. Оставалось еще шестьдесятъ верстъ до Θεодосіи; я довольно скоро проѣхалъ ихъ, ибо поспѣлъ еще туда до ранняго обѣда.

Я поспѣшилъ къ градоначальнику, Андрею Васильевичу Богдановскому, предмѣстнику моему въ Керчи. Какъ въ столь отдаленныхъ мѣстахъ мало церемонятся, то онъ оставилъ меня обѣдать, а я потомъ оставался у него до поздняго вечера. Со мной была весьма любезна супруга его, Настасья Александровна, дочь главноначальствовавшаго надъ Московскимъ Воспитательнымъ Домомъ, Александра Михай-

ловича Лунина, чуть ли не фрейлина, Московская барышня, зрѣлая и и даже перезрѣлая, когда вышла замужъ. Она мнѣ рассказывала, какъ въ Керчи умирала съ тоски; и неудивительно: она безъ Французскаго языка ступить не могла, а на немъ не съ кѣмъ ей было тамъ разговаривать; она любила играть на фортепiano, а тамъ некому было ее слушать; въ Θεодосіи же нашлось нѣсколько человѣкъ, которые умѣли ее понимать. Совсѣмъ противное являлъ мужъ ея. Изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей цѣлый вѣкъ прослужилъ онъ въ армейскихъ полкахъ и слѣдственно не получилъ никакого образованія. Мужикъ онъ былъ честный; отъ природы съ умомъ тупымъ, однакоже не безъ смѣтливости и особенно не безъ расчетливости въ денежныхъ дѣлахъ. Съ необычайною бережливостію, отъ скуднаго жалованья, откладывая копѣечку на копѣечку, нажилъ уже онъ небольшой капиталецъ, когда наслѣдовалъ богатому Воронцову въ начальствованіи Нарвскимъ пѣхотнымъ полкомъ, и при сдачѣ онаго, показалъ себя чрезвычайно умѣреннымъ въ требованіяхъ, за чтò, говорятъ, былъ щедро имъ вознагражденъ. Проживая мало во Франціи, когда получалъ тамъ огромное содержаніе и присоединяя къ тому жалованныя аренды и земли, честнымъ образомъ сдѣлался онъ, наконецъ, почти богатъ. Мягкость характера и учтивыя формы нескоро давали замѣнить въ немъ остатки солдатчины. Генеральское званіе не совсѣмъ еще тогда потеряло свою цѣну, и въ Москвѣ не трудно было ему соединиться съ пожилою дѣвою, также съ хорошимъ достаткомъ. Онъ начиналъ жить спокойно, когда Воронцовымъ вновь увлеченъ былъ на службу, съ пожертвованіемъ, особенно для жены, всѣхъ свѣтскихъ удовольствій въ жизни. Къ сожалѣнію, онъ былъ въ числѣ тѣхъ невѣждъ, которые не постигаютъ даже необходимости знанія дѣлъ въ гражданской службѣ.

И вотъ человѣкъ, который подобно мнѣ избранъ былъ градосоздателемъ! Стало быть, и онъ казался способнымъ къ приведенію въ исполненіе великихъ предначертаній Воронцова; стало быть, и онъ удостоенъ былъ высочайшаго довѣрія. О какое разочарованіе! Сколько въ одинъ день сбыло у меня спѣси и какъ умножилось отвращеніе мое отъ Керчи, отъ которой былъ уже я такъ близко. Болѣе чѣмъ когда убѣдился я въ томъ, что Воронцовъ находитъ умъ и способности только въ тѣхъ людяхъ, кои ему угождаютъ и которыхъ почитаетъ онъ себѣ преданными.

Непростительно бы было, посѣтивъ хотя на минуту нѣкогда великолѣпную, богатую Кафу, умолчать о нынѣшнемъ ея состояніи. Надъ моремъ, за горой она скрыта отъ глазъ путешественниковъ. Въ верстѣ отъ нея находится почтовая станція, съ которой надобно спуститься, чтобы въѣхать въ городъ, такъ что проѣзжающіе, перемѣняя

на ней только лошадей, могутъ его и не увидѣть. Проѣхавъ древнюю башню, мѣстами поврежденную, но еще твердо стоящую, подлѣ которой застава, въѣзжаешь въ улицу не Европейскую, и не Азіатскую, а Новорусскую, широкую, правильную, прямую съ двухъ и трехэтажными домами, совершенно по образцу тѣхъ, кои находишь въ нашихъ Великороссійскихъ губернскихъ городахъ. Съ лѣвой ея стороны сперва тянется на небольшомъ пространствѣ широкой съ сухими деревьями бульваръ, и о него какъ бы разбиваются морскія волны. Съ правой идутъ параллельно еще двѣ регулярныя улицы только съ низкими домами. Все это вмѣстѣ на концѣ упирается въ высокую гору, которая становится поперекъ и съ этой стороны никому не даетъ выѣзда. Въ города нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ прежде бывшихъ строеній; симъ доказывается, что прежняя Каффа съ своими двумястами тысячъ жителей тѣснилась на томъ самомъ только мѣстѣ, которое занимаетъ нынѣшняя Ѳеодосія. Вѣроятно Генуэзцы, ее сооружавшіе, брали въ образецъ свой отческій городъ Геную, гдѣ, какъ говорятъ, улицы такъ тѣсны и гдѣ дома, возвышаясь одинъ надъ другимъ, образуютъ террасы до самаго верха горъ. Такъ можно предполагать, ибо Ѳеодосія лежитъ въ одной лоцинѣ, покатости же горъ совершенно пусты, а на вершинѣ виднѣются еще остатки каменныхъ стѣнъ и башенъ, которыя вѣроятно прежнему городу служили границей и защитой. Турки завоевали Кафу, нами послѣ названную именемъ давно несуществующей Ѳеодосіи, и разорили ее. Потомъ большіе ея Христіанскіе храмы обратили въ мечети, настроили множество бань, лавокъ, каравансараевъ, и отъ сочетанія двухъ разныхъ архитектуръ среди разрушенія она долго сохраняла видъ весьма оригинальный. Когда же при Александрѣ въ 1805 году учрежденъ въ ней портовый городъ, то первымъ градоначальникомъ назначенъ былъ прежде бывший, если вспомнить, Кіевскій военный губернаторъ, просвѣщенный Англичанинъ, генералъ отъ инфантеріи Феньшъ: такъ важны еще были мѣста сіи, пока не зависѣли отъ генералъ-губернаторовъ. Онъ ничего лучше не придумалъ для пользы своего города, какъ выпросить у казны огромныя суммы, раздать ихъ займообразно жителямъ и склонять ихъ къ строенію домовъ. Все старое принялся онъ разрушать, а каменья раздавать даромъ; такую дешевизною матеріаловъ Ѳеодосійцы еще болѣе завлечены были къ постройкамъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ городу сему дана, наконецъ, та пошлая фізіогномія, которую нашелъ я въ немъ.

Конечно, наружное устройство давало видъ благосостоянія городу, который годъ отъ году болѣе бѣднѣлъ. Но того ли единственно хотѣлось правительству? Для того ли оно тратилось? Надобно было подумать напередъ, чѣмъ будетъ торговать Ѳеодосія. Одними естественными

Крымскими произведеніями? Но въ Анатолиі, въ Архипелагѣ и другихъ полуденныхъ странахъ они находятся гораздо въ большемъ изобиліи. Чтѣо необходимое для жителей можетъ быть привозимо? Азіатскія издѣлія, шелковыя, шерстяныя и бумажныя ткани, къ которымъ Татары такъ привыкли. Но такимъ образомъ значило оставить ихъ вѣчными данниками Восточной промышленности. Оно такъ и было, пока Московскіе фабриканты не догадались выработывать матерію по Турецкому образцу прочнѣе и лучше и не пустить ихъ тутъ дешевлѣ. Вывоза товаровъ не было, прекратился и привозъ. Какъ никому не пришло въ голову устроить прочную дорогу въ новооткрытый портъ изъ нашихъ внутреннихъ губерній, столь изобильныхъ земными продуктами, даже отягченныхъ ими безъ всякаго сбыта, чтѣо богатило бы ихъ и портовый городъ? Не лучше ли бы великія суммы, пожертвованныя на частныя строенія, обратить было на сей предметъ? А всѣ, наконецъ, стали обвинять бѣдную Феодосію въ безплодіи и осуждать ее на вѣчное ничтожество. Для нанесенія ей послѣдняго удара учрежденъ былъ, почти въ глазахъ у нея, новый портъ, и мнѣ суждено было стараться выситъ его, дабы совершенно ее уронить. О преимуществахъ одного города передъ другимъ долженъ говорить въ слѣдующей главѣ.

VII.

Отъ Феодосіи до Керчи 96 верстъ. Я надѣялся потихоньку пріѣхать туда ночью, но меня везли шибко, и 26 Марта еще засвѣтло имѣлъ я торжественный вѣздъ въ свою Баратарію. Также какъ въ Никополѣ, народъ высыпалъ изъ домовъ, только не бѣжалъ за мной; также по болѣзни полиціймейстера, исправляющій должность его частный приставъ встрѣтилъ меня за городомъ верхомъ у колеса и провожалъ меня до самой квартиры моей. Она мнѣ была отведена у одного Кулисича, Славянина-Далмата, который пытался завести тутъ торгъ и построилъ двухэтажный каменный домъ у подошвы Митридатовой горы. Верхнее жильѣ не было отдѣлано, а въ нижнемъ находилась широкая, длинная, но весьма низкая зала, служащая для зимнихъ увеселеній Керченской публики, для баловъ, на которыхъ не знаю кто танцевалъ и подъ какую музыку.

Въ ней черезъ полчаса послѣ пріѣзда моего предстали мнѣ всѣ чиновники, карантинные, таможенные и нѣкоторые морскіе, также весьма неважные первостатейные граждане.

Впереди всѣхъ стоялъ исправляющій мою должность, начальникъ карантинной конторы, отставный гвардейской артиллеріи полковникъ

Александръ Никитичъ Синельниковъ, обвѣшанный крестами. За одинъ присѣсть хочется мнѣ намарать портретъ его. Ему было 38 лѣтъ, какъ онъ сказывалъ, а мнѣ казалось менѣе, онъ былъ не высокъ и не низокъ, не худъ и не толстъ, стройно сложенъ, но лицо имѣлъ обезьянье. Кадетской Корпусъ, въ которомъ былъ онъ воспитанъ, оставилъ на немъ печать свою, и онъ все казался немолодымъ кадетомъ; ухватки его были солдатскія, всѣ тѣлодвиженія быстры, равно какъ и рѣчь, и я все ожидалъ услышать отъ него: здравія желаю или ради стараться. Черезъ Михаила Павловича, который любилъ такія манеры, получилъ онъ у Воронцова мѣстечко, какъ думалъ онъ, покойное. И вотъ какими людьми Петербургская протекція часто надѣляетъ провинціи! По примѣру предмѣстника своего, Фонъ-Дена, онъ болѣе всего заботился о чистотѣ улицъ: чистоплодіе, какъ я слышалъ, осталось и понынѣ лучшимъ удѣломъ Керчи. На первый случай будетъ пока и его одного; о другихъ буду говорить послѣ.

Сколь мало наружностію своею показала мнѣ привлекательною столица моя, не менѣе того я радъ былъ, что въ нее пріѣхалъ: тутъ по крайней мѣрѣ оканчивалось мое путешествіе, и я могъ почитать себя на мѣстѣ. Успокоиваясь духомъ, хотѣлось мнѣ успокоиться нѣсколько и тѣломъ, и для того попросилъ я г. Синельникова дни на два дать мнѣ отдыхъ и продолжать занимать мое мѣсто, что, кажется, не совсѣмъ ему было противно.

По прошествіи девяти мѣсяцевъ послѣ назначенія моего въ должность, наконецъ, вступилъ я въ нее 29 Марта. Первые бумаги мною распечатанныя не могли мнѣ быть весьма пріятными. Определенный градоначальникомъ въ Одессу, тайный совѣтникъ графъ Паленъ, послѣ отъѣзда графа Воронцова, управлявшій Новороссійскими губерніями, по высочайшему повелѣнію объявлялъ мнѣ высочайшій выговоръ за Левинсоновское дѣло. Съ другой стороны я получилъ увѣдомленіе, отзывъ или предписаніе, не знаю какъ назвать, отъ генерала Паскевича, коимъ объявляетъ онъ о вступленіи своемъ на должность главноначальствующаго въ Грузіи на мѣсто генерала Ермолова. Темрюкъ, Тамань и Бугазскій мѣновой дворъ на Кубани по части карантинной и таможенной были подвѣдомственны Керченскому градоначальству, а находились на землѣ Черноморскихъ казаковъ, зависящихъ отъ главнаго Закавказскаго управленія. Отъ того генераль сей не почиталъ ли и меня своимъ подчиненнымъ?

На другой день послѣ моего пріѣзда былъ у меня почти семидесятилѣтній старецъ, Еникольской комендантъ, генераль-маіоръ Карлъ Яковлевичъ Бухгольцъ, въ которомъ, казалось, и лѣта, и положеніе его должны были погасить страсти и честолюбіе. Онъ на слѣдующій

день пригласилъ меня къ себѣ обѣдать въ Еникале. Надобно было сдѣлать десять верстъ, то есть двадцать взадъ и впередъ, а мнѣ надоѣло уже считать версты; дѣлать было нечего: я не хотѣлъ оскорбить его отказомъ. При вѣздѣ моемъ въ старую уже Турецкую крѣпость, хотя называютъ ее Ени-кале, то есть новою, встрѣтилъ онъ меня въ полной формѣ и съ рапортомъ въ рукѣ. Я не принялъ онаго и, отклоняя отъ себя честь сію, сказалъ, что если это соблюдалось при Богдановскомъ, то вѣроятно отъ того, что онъ самъ имѣлъ прежде военный чинъ. По настоящему тому такъ и слѣдовало быть: во всѣхъ мѣстахъ, подвѣдомственныхъ градоначальникамъ, всѣ служащіе, какого бы они чина ни были, военные, сухопутные и морскіе, имъ были подчинены. Мнѣ хотѣлось оказать только учтивость и уваженіе къ лѣтамъ, а въ послѣдствіи это самое было употреблено противъ меня во зло.

По дорогѣ къ Ени-кале, въ четырехъ верстахъ отъ Керчи, достроивался огромный центральный карантинъ. Чиновники жили пока въ городѣ, а нѣкоторые изъ нихъ въ семи верстахъ отъ него, только съ другой стороны, также надъ проливомъ, въ карантинной заставѣ, которую и называли старымъ карантиномъ. Мнѣ необходимо было ее видѣть. Мѣстоположеніе въ самомъ маломъ видѣ совершенно сходствовало съ Ѳедосійскимъ: также надобно было спускаться съ горы, потомъ ѣхать по узкой долинѣ, и гора на концѣ, круто поворачивая къ проливу, также заслоняла дорогу проходящимъ и проѣзжающимъ. Тутъ были кое-гдѣ деревья, нѣсколько виноградниковъ, разсѣянные домики для карантинныхъ служителей и, наконецъ, одинъ побольше другихъ, совершенно въ Татарскомъ вкусѣ, занимаемый директоромъ карантиннаго дома Бородинымъ. Не далѣе какъ въ началѣ Іюня назначено было всѣхъ живущихъ тутъ перевести въ большой карантинъ, и мѣсто сіе должно было опустѣть. Мнѣ пришло въ голову въ день самаго перваго ему посѣщенія моего сей уголокъ, сей пріютъ обратить въ хуторъ или дачу для градоначальника и на все лѣто поселиться въ немъ: и мнѣ удалось послѣ мысль сію осуществить. Въ тотъ же день имѣлъ я случай познать неудобства величія. Лишь только подѣхалъ я къ горѣ, какъ внезапно былъ поднятъ флагъ, и съ брандвахты, въ близи стоящей, мнѣ въ честь сдѣлано было еѣсколько выстрѣловъ. Лошади испугались, понесли меня внизъ и чуть не сломили мнѣ голову. Тогда я попросилъ на будущее время избавить меня отъ сей чести.

Другая непріятность ожидала меня въ день Свѣтлаго Воскресенья, 3 Апрѣля. Домъ Кулисича, гдѣ я жилъ, былъ во ста шагахъ отъ небольшой каменной крѣпости, тогда еще существовавшей, безъ караульни и безъ часовыхъ. Посреди ея находился соборъ, древній храмъ,

вросшій въ землю, неизвѣстно какимъ-то народомъ построенный. Былъ обычай предоставлять всѣмъ мальчишкамъ въ городѣ право лазить на его колокольню и цѣлый день звонить во всѣ колокола; они безпрестанно мѣнялись, и устали между ими не могло быть: такъ должно было продолжаться всю недѣлю. Съ разстройствомъ нервъ я страдалъ, чувствовалъ муку невыносимую, и молчалъ, уважая обычай. Какъ то однако узнали о претерпѣваемомъ мною, и совсѣмъ не изъ состраданія, а на первыхъ порахъ желая мнѣ всячески угодить, на третій или на четвертый день послѣ праздника жители воспретили звонъ. Я удивился, когда умолкъ голосъ колокола, въ Керчи единственный вѣщатель всеобщей радости. Одинъ только Русской народъ умѣетъ веселиться о Святой; въ эту великую седмицу онъ весь исполняется какимъ-то непонятнымъ для него блаженствомъ. Греки оставались мрачны, какъ и всегда.

Когда я хорошенько началъ заниматься дѣломъ, то увидѣлъ, что покажеть его очень мало. Это давало мнѣ возможность не всякой день имѣть неудовольствіе работать съ найденнымъ мною правителемъ канцеляріи моей Минарскимъ. Откуда взяли этого человѣка? Богдановскій и Синельниковъ почитали его великимъ дѣльцемъ, а онъ имѣлъ только нѣкоторый навыкъ въ самыхъ обыкновенныхъ дѣлахъ. Наружность его была нестерпима: на безобразномъ, болѣе широкомъ чѣмъ толстомъ туловищѣ подымалась столь же широкая голова, какъ у Шумилова въ посланіи Фонъ-Визина. «Тупѣйшаго ума пространная столица». То, что у другихъ людей по-русски называется лицомъ, у него слѣдовало по-русски же назвать образиной. Съ бессмысленными взглядами оно выражало вмѣстѣ и глупость, и злость, и не было наружно обманчиво. Прибавить ли къ тому изо рту несносной духъ перегорѣлой водки? Онъ былъ какъ боченокъ всегда ею весь налитый и никогда не былъ пьянъ. Въ Керчи казалось тогда поживиться было нечѣмъ, а онъ находилъ какія-то тайныя средства, если не богатѣть, то жить вѣсьма безбѣдно. Къ счастію между канцелярскими были порядочные ребята и когда случится что поважнѣе я призывалъ ихъ, чтобы, щадя глаза свои, заставляя писать ихъ подѣ мою диктовку.

И такъ если въ Кишиневѣ осужденъ я былъ на муку, то въ Керчи на скуку. Не знаю, что лучше? Какъ вездѣ, куда я вновь поступалъ на службу, и здѣсь былъ я окруженъ незнакомыми мнѣ лицами, людьми, о коихъ никогда не слыхивалъ. Мнѣ были нужны наблюдательность и осторожность, и долго ни съ кѣмъ не рѣшался я быть довѣрчивымъ. Безъ общества, безъ книгъ, безъ большихъ занятій по службѣ, житье мое было не самое веселое.

Я вспомнилъ первые мѣсяцы пребыванія моего въ Кишиневѣ. Тутъ было у меня еще болѣе свободнаго времени, и одинъ добрый человекъ, котораго назову послѣ, снабдилъ меня книгами, у него хранящимися, имъ некупленными и даже не читанными, въ которыхъ много говорится о Пантикапее и бывшемъ Босфорскомъ царствѣ. Представился случай создать мнѣ себѣ довольно большой трудъ, и я воспользовался имъ. Въ видѣ записки началъ я составлять вкратцѣ исторію классическихъ мѣстъ, куда судьбою заведенъ я былъ во дни ихъ запустѣнія. Все болѣе увлекаемый предметомъ моимъ, я довелъ ее до настоящихъ временъ, все это заключилъ и описаніемъ вѣрнанаго мнѣ города и его окрестностей и взглядомъ на будущую возможную судьбу его. Сочиненіемъ сей записки занялся я все лѣто и въ началѣ осени; въ ней находится множество подробностей, кои повторять здѣсь было бы напрасно; чтеніемъ ея, если угодно, пополнятся все недостающее въ сей главѣ. За вѣрность въ описаніи мѣстъ и происшествій могу я ручаться; только мнѣнія мои насчетъ торговли въ этомъ городѣ должны были измѣниться: время и опытъ показали мнѣ ихъ ошибочность.

Изъ сей записки увидятъ, какъ иностранецъ, начавшій въ Россіи поприще свое съ самаго низкаго ремесла, смѣлостію, дерзостію, предприимчивостію умѣлъ склонить правительство къ открытію новаго порта и надѣялся начальствовать въ немъ изъ видовъ своекорыстія. Имя Скасси должно остаться незабвеннымъ въ Керчи, ибо онъ былъ главнымъ виновникомъ возрожденія сего города. Онъ поселился въ немъ, купилъ небольшой домикъ и по близости построилъ дачу. Назначеніе Богдановскаго только на нѣкоторое время разстроило его планы: онъ увидѣлъ человека, узналъ все отвращеніе жены его отъ сихъ мѣстъ и старанія ея оставить ихъ. Досада и отчаяніе его были велики, когда узналъ онъ о моемъ назначеніи; продолжительное же отсутствіе мое опять воскресило его надежды. А лишь только онъ увидѣлъ въ газетахъ, что я выѣхалъ изъ Петербурга, какъ самъ сталъ собираться туда съ намѣреніемъ вредигъ мнѣ чрезъ покровителя своего графа Нессельрода. Гдѣ-то мы дорогой разъѣхались, и потомъ нигдѣ не случилось мнѣ съ нимъ встрѣтиться.

По званію попечителя несуществующей торговли съ Абазинцами, пустаго мѣста для него созданнаго, получалъ онъ 35 тысячъ ассигнаціями и имѣлъ при себѣ штатъ, изъ нѣсколькихъ чиновниковъ состоящій. Первымъ изъ нихъ былъ коллежскій ассессоръ Дмитрій Федоровичъ Кодионецъ, преблагогородный человекъ, скромный и образованный, который, какъ замѣчалъ я, внутренно стыдился рода службы, въ который нечаянно попалъ. Его общество было для меня утѣшеніемъ,

и онъ-то снабжалъ меня немногими книгами, которыя служили мнѣ развлеченіемъ. Я говорилъ ему откровенно, что въ Керчи надолго никакъ поселиться не могу и что, можетъ быть, не дождусь даже возвращенія Воронцова, чтобы оставить ее, и онъ вѣроятно писалъ о томъ къ Скасси, успокоилъ его и чрезъ то и меня на нѣкоторое время.

Совсѣмъ инаго разряда былъ другой, *) молодой Ашикъ, малый видный собою, вѣчно улыбающійся и полоумный. Его Скасси привезъ съ собою изъ Рагузы, вмѣстѣ съ сестрой и матерью: а послѣдняя, по званію полу-тещи была домоправительницей у его начальника. Еще было два мелкихъ существа при немъ, Грекъ Хартуллярій, величайшій изъ плутовъ, который надувалъ самаго Скасси и подъ конецъ продавалъ его, да мальчикъ Французикъ Люилье, сынъ раззорившагося въ Петербургѣ портнаго. Его безжалостно подвергалъ онъ величайшимъ опасностямъ, безпрестанно посылая его къ Черкесамъ, что послужило однако къ пользѣ юноши: онъ выучился ихъ языку, принялъ ихъ обычаи и одежду и довольно вѣрныя извѣстія привозилъ изъ горъ.

На какомъ бы маломъ пространствѣ люди ни были собраны, сколь бы ни мало было число ихъ, скоро начнутся несогласія и ссоры между ими. Въ Керчи нашель я двѣ партіи: съ одной стороны были правительство и народъ, съ другой слабая оппозиція. Вибалмошный Синельниковъ конечно не по собственному убѣжденію а по настаиванію Скасси и тайнымъ проiscaмъ Грековъ, сталъ преслѣдовать Керченскаго полиціймейстера, отставнаго гвардіи Павловскаго полка подполковника Ивана Даниловича Щиржецкаго, умнаго Поляка, не столько хитраго, какъ осторожнаго. Онъ преступилъ за границы власти своей, удаливъ его отъ исправленія должности и поручивъ ее частному приставу. Безъ всякой видимой причины предметомъ его гоненій сдѣлался также старшій карантинный врачъ Христіанъ Ивановичъ Кельць, Нѣмецъ тупой, болтливый и скучный, притомъ великій добрякъ. Эти два челоуѣка часто видѣлись между собой, и тогда доставалось Синельникову. Щиржецкій оказался здоровымъ, явился ко мнѣ и я предложилъ ему опять вступить въ должность. Скоро опытъ показалъ мнѣ, что я могу имѣть въ немъ преполезнаго сотрудника, даже по письменнымъ дѣламъ. Въ Кельць видѣлъ я жертву и отъ того былъ съ нимъ ласковъ и утѣшалъ его. А вотъ и готовая мнѣ партія. Но я желалъ водворить миръ и согласіе и успѣвалъ въ томъ, стараясь со всѣми быть вѣжливымъ, не показывая впрочемъ слабости и никому не ока-

*) Первый изъ нихъ, Кодионецъ, былъ въ послѣдствіи повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Тегерапѣ, а втораго Ашика къ удивленію моему сдѣлали начальникомъ Керченскаго музеума.

зывая особаго предпочтенія. Вообще все это лѣто былъ я весьма доволенъ своимъ поведеніемъ.

О другихъ служившихъ въ Керчи важныхъ особахъ, право, не стоило бы говорить, еслибъ не было между ими старшаго члена карантинной конторы, надворнаго совѣтника Антона Павловича Пасхали, Грека, бывшаго прежде въ нашей морской службѣ. Онъ имѣлъ наружность непротивную, былъ довольно полонъ собою, тихъ, молчаливъ и весьма сладкорѣчивъ, когда прерывалъ молчаніе. Изошренное долгими наблюдениями чутье мое съ перваго раза угадало ядъ въ медоточивыхъ рѣчахъ его. Мнѣнія о немъ я никому не сообщалъ, а еще менѣе давалъ замѣтить ему самому, и мы пока оставались въ ладахъ. Преданный Скасси, онъ помыкалъ сумасброднымъ Синельниковымъ, настроивалъ его, какъ хотѣлъ по своему усмотрѣнію и былъ величайшій интригантъ. Интриги! И гдѣ? И для чего? Право, при умѣ у этого чловѣка было мало разсудка.

Въ вѣдомствѣ моемъ было еще миниатюрное адмиралтейство, подъ начальствомъ флота капитана 1-го ранга Владимира Васильевича Бурхановскаго, очень порядочнаго чловѣка, большаго домосѣда, который въ постороннія дѣла не мѣшался и съ которымъ я рѣдко видѣлся. Подъ его управленіемъ состояла небольшая флотилія, которая лѣтомъ нѣсколько разъ ходила въ Редуть-Кале.

Мѣсто управляющаго таможеней оставалось долго празднымъ; за мѣсяць до моего пріѣзда назначенъ былъ на него изъ Таганрога нѣкто Василій Θεодоровичъ Гудимъ - Левковичъ, пріѣхавшій только въ Маіѣ. Онъ принадлежалъ къ одной изъ извѣстнѣйшихъ фамилій въ Малороссіи и былъ женатъ на Елисаветѣ Θεодоровнѣ, дочери председателя Таганрогскаго Коммерческаго Суда Шауфуса: чета добродушная, привѣтливая и гостепріемная, которая съ самаго начала мнѣ полюбилась. По совѣту моему г. Гудимъ старался сблизиться съ Синельниковымъ, нѣсколько разъ посѣщалъ его, а тотъ отказывался даже отъ приглашеній его на обѣды и вечера. Онъ хотѣлъ жить особнякомъ, окруженный одними своими подчиненными. Тутъ узналъ я только, что въ портовыхъ городахъ между карантинномъ и таможеней всегда существуетъ какое-то соперничество а иногда большія несогласія. Такимъ образомъ число преданныхъ мнѣ все умножалось.

Гудимъ любилъ жить довольно широко и открыто и потому нанялъ лучшій домъ въ городѣ, принадлежащій гражданину Триполитѣ и занимаемый прежде градоначальникомъ Богдановскимъ, что мнѣ было весьма пріятно. Я жалѣлъ денегъ, имѣя въ виду другія издержки: какъ бы не находя для себя приличнаго помѣщенія, я продолжалъ жить даромъ въ пустомъ нижнемъ этажѣ Кулиспча и питаться тѣмъ,

что мнѣ присылали отъ Нѣмца Шварца изъ вновь заведеннаго имъ перваго трактира; тамъ были и двѣ-три комнаты подъ номерами, стоявшія большую часть времени пустыми. Кушанье было дешевое, не весьма вкусное, по крайней мѣрѣ опрятно приготовленное; оно состояло по большей части изъ картофеля и рѣпы, двухъ произведеній недавно появившихся въ сихъ мѣстахъ. Греки не хотѣли знать другихъ овощей кромѣ потлоджанъ, родъ длинныхъ огурцовъ, которые варили и жарили они въ постномъ маслѣ; оттого предмѣстникъ мой Богдановскій вынужденнымъ нашелся выписать Нѣмцевъ, огородниковъ изъ колоній на Млочныхъ Водахъ, и съ тѣхъ поръ за столомъ его появилась, какъ и вездѣ, всякого рода зелень. Благодареніе ему за то: важная конечно, но единственная услуга, оказанная имъ Керчи.

Когда Гудимъ будто перехватилъ у меня домъ Триполитò, предложено мнѣ отъ города занять домъ, ему принадлежащій, называемый генеральскимъ. Онъ былъ построенъ или купленъ для пріѣзда генералъ-губернаторовъ и другихъ важныхъ лицъ, посѣщающихъ Керчь, но ни мало не соотвѣтствовалъ своему назначенію: на дворѣ, имѣя два этажа и пять оконъ по фасаду, внутреннія его небольшія комнаты были просто выбѣлены, даже безъ карнизовъ, а мебели были самыя простыя, самыя плохія; при немъ находился небольшой флигель.

На это временное помѣщеніе, равно какъ и на чрезъ мѣру скромное житье мое, Греки смотрѣли съ удовольствіемъ: оно показывало имъ, что я болѣе проѣзжій, чѣмъ осѣдлый между ними. Естественнымъ образомъ чувствовали мы взаимную антипатію, хотя я не подавалъ ни малѣйшаго повода къ неудовольствію, и они съ своей стороны оказывали мнѣ всевозможную покорность и почтительность. Это былъ народъ самый негодный, ничтожный и горделивый. Въ семидесятыхъ годахъ графъ Орловъ-Чесменскій съ острововъ Архипелага снялъ, такъ сказать, пѣну ихъ жителей, что было въ нихъ худшаго, и населилъ ими Керченскіе пустыри, только что нами пріобрѣтенные, когда остальные части Крыма намъ еще не принадлежали. Въ этой глуши, пользуясь важными привиллегіями имъ данными, они составили изъ себя нѣчто въ родѣ республики, которая не процвѣтала ни промышленностію, ни нравственностію, ни знаніемъ.

Явился Скасси. Ему легко было показать себя ихъ другомъ и покровителемъ. Когда Русскія начальства принимали какія-нибудь справедливыя мѣры, несогласныя съ ихъ волею, они кидались къ нему съ жалобою; а онъ, съ сожалѣніемъ пожимая плечами, говорилъ, что онъ безвластенъ имъ помочь, но когда онъ будетъ начальствовать, то дѣло пойдетъ инымъ образомъ. Онъ умѣлъ увѣрить ихъ, что учрежденіе порта, по его настаиваніямъ, сдѣлано единственно для ихъ пользы (а

объ общей государственной никто не думалъ), что когда власть будетъ въ его рукахъ, ни одного Русскаго не подпуститъ онъ къ торговлѣ и ея выгодамъ, а привлечетъ другихъ Грековъ изъ Турецкихъ владѣній и что такимъ образомъ составитя отдѣльное богатое Греческое владѣніе. При всей удивительной хитрости сихъ людей какъ мало было въ нихъ понятливости и дальновидности. Все-таки надобно назвать главнѣйшихъ изъ нихъ: Хамарито, Триполито, Корди, Посполитаки, другихъ не помню. Только первый изъ нихъ былъ 3-й гильдіи купцомъ, онъ же и градскимъ главою; всѣ прочіе принадлежали къ мѣщанскому сословію, а Богъ вѣсть, что мечтали о себѣ. Удивительно ли послѣ того, что всякое назначеніе новаго начальника отдаляло исполненіе ихъ надеждъ, которыя могъ только осуществить желанный Скасси?

На бѣду, матушкѣ моей, которая полагала, что царствію моему въ Керчи не будетъ конца, угодно было, чтобы я жилъ въ ней по губернаторски; для того отправила она ко мнѣ большой обозъ сухимъ путемъ до Таганрога, а оттуда въ Керчь Азовскимъ моремъ. Въ немъ находились всѣ пожитки мои и книги, за четыре года предъ тѣмъ отправленные мною изъ Петербурга въ Пензу, также множество всякой посуды, столовыхъ приборовъ и бѣлья; при всемъ этомъ были поварь, лакей и кучерь. Предупредить того я никакъ не могъ, ибо увѣдомленъ былъ послѣ отбытія людей и вещей, и они благополучно привезены въ концѣ Маія.

Другое обстоятельство еще болѣе заставило думать Грековъ, что я намѣренъ засѣсть между ними. Я сказалъ, какъ прельстился я небольшимъ домикомъ въ карантинѣ, который только въ началѣ Іюня долженъ былъ очиститься. Но г. Бородинъ, въ немъ помѣщенный, въ званіи адъютанта Паскевича, получившій нѣкогда Георгіевскій крестъ, пожелалъ опять находиться подъ его начальствомъ, вступилъ въ военную службу и отправился къ нему за Кавказъ въ первой половинѣ Маія; я въ тотъ же самый день принялся за домикъ. Отецъ мой любилъ вѣчно строить, а у меня всегда была страсть отдѣлывать и убирать комнаты, и случай къ тому представился. Нужны были деньги, а для этихъ небольшихъ затѣй и ихъ было у меня достаточно. Первому градоначальнику въ Одессѣ, всемогущему Ришельё, отпускаемо было ежегодно по пятидесяти тысячъ рублей ассигнаціями, что по нынѣшнему курсу составляетъ 50 тысячъ серебромъ, на употребленіе ихъ по усмотрѣнію его для пользы города, даже безъ всякаго отчета, и можно поручиться, что ни одной копѣйки изъ нихъ не обращалъ онъ въ собственную пользу. Таже довѣренность оказана была и Керченскимъ градоначальникамъ на томъ же основаніи, только великая разнища была въ суммѣ: выдаваемо было всего по пяти тысячъ ассиг-

націями. Отдѣливъ изъ нихъ нѣкоторую часть, прибавилъ я къ ней собственныхъ полторы тысячи рублей. Денегъ тогда было у меня въ до-воль; жалованья получилъ я болѣе десяти тысячъ ассигнаціями, которыя со дня опредѣленія по день пріѣзда моего были мнѣ выплачены сполна; не говоря о вспомоствованіи, пожалованномъ мнѣ на подъемъ и обзаведеніе. Я ничѣмъ не заводился, дорогу сдѣлалъ въ одной коляскѣ и жилъ съ начала батракомъ; слѣдственно пожертвованіе, сдѣланное мною, не было слишкомъ значительно. Я началъ небольшія передѣлки для препровожденія времени и для удовольствія моихъ приемниковъ, а Греки вздумали, что я хочу устроить себѣ постоянное жилище.

Неужели не позволено мнѣ будетъ съ нѣкоторою подробностію описать гнѣздо мною свитое, одно свѣтлое пятнышко среди мрачныхъ воспоминаній моихъ о Керчи. Домикъ мой стоялъ у самой подошвы горы крутой въ утесѣ и на нѣкоторой высотѣ надъ взморьемъ или проливомъ. По образцу Татарскихъ строеній, широкая и длинная, низкая и сквозная зала дѣлила его на двѣ равныя половины, и въ каждой изъ нихъ было по двѣ комнаты, узкихъ и длинныхъ. Въ залѣ было шесть дверей; одна изъ нихъ выходила на крыльцо, другая прямо напротивъ къ горѣ, отъ которой только полторы сажени отдѣляли ее; остальные четыре вели въ четыре боковыя комнаты. Вмѣсто крыльца была площадка, гладкимъ камнемъ выложенная подъ навѣсомъ изъ холста трехъ разныхъ цвѣтовъ. Передъ нею терраса, обращенная въ славный цвѣтникъ старавіями любезнѣйшаго Бородина. Это была величайшая рѣдкость. Удивительно, какъ въ полуденныхъ странахъ пренебрегали цвѣтами; только на Сѣверѣ, въ Англинскихъ паркахъ и на Петербургскихъ дачахъ, а еще болѣе въ Гарлемѣ знаютъ цѣну красоты ихъ. Отъ террасы узкая каменная лѣстница шла внизъ до дорожки, ведущей къ морю. Внутренность домика хотѣлось мнѣ отдѣлать самымъ необыкновеннымъ образомъ, и одинъ чиновникъ таможенный, страстно любящій живописное и рисовальное искусство, въ семь дѣлъ явился мнѣ сильнымъ помощникомъ. Одна комната по его рисунку очень красиво была драпирована синимъ флагтухомъ пополамъ съ бѣлымъ коленкоромъ; другую оклеилъ онъ простой, толстой бумагой и по ней очень искусно и мило нарисовалъ онъ рядъ Турецкихъ желтыхъ шалей, будто развѣшанныхъ съ ихъ пестрыми украшеніями, бордюрами, пальмами. Зала была раскрашена полосами всевозможныхъ цвѣтовъ, остальные двѣ комнаты были просто выкрашены. Нужны были мебели, и въ этомъ случаѣ мнѣ посчастливилось. Вслѣдъ за огородниками прибылъ изъ колоній съ береговъ Азовскаго моря хорошій Нѣмецъ-столяръ, который оставался почти безъ работы. Я заказалъ

ему стулья, столы, шкафы изъ орѣховаго дерева, которымъ нерѣдко въ Крыму топятъ печи, и все по рисункамъ того же чивовника, котораго, увы, прозваніе я позабылъ. За довольно высокую цѣну выписалъ я изъ Θεодосія Турецкія шерстяныя матеріи для покрывки дивановъ и обшивки мебели, также нѣкоторыя Турецкія издѣлія, между прочимъ небольшіе столики съ наклейкой изъ перламутра и черепахи. Все вмѣстѣ съ привезенными изъ Пензы вещицами, картинками, эстампами и прочимъ разставлено было, казалось мнѣ, довольно со вкусомъ. Отъ дверей залы, какъ сказалъ я, было шесть или семь шаговъ до горы, въ которой Бороднымъ былъ вырытъ погребъ, съ каменнымъ сводомъ при входѣ. Погребъ велѣлъ я зарыть, превратилъ впадину въ гротъ, а сводъ украсилъ мохомъ и разноцвѣтными разной величины раковинами, коими изобилуютъ берега Босфора. Также какъ во всѣхъ Керченскихъ домикахъ, потолки тутъ были досчатые съ планочками, выкрашенные темною масляною краскою; великое затрудненіе представилось мнѣ, когда въ двухъ комнатахъ, обращенныхъ на Югъ, надобно было пробивать ихъ и надъ отверстиями въ крышѣ дѣлать фонари, дабы свѣтъ проникалъ только сверху. Всѣ окна въ сихъ комнатахъ были совсѣмъ задѣланы, оставлены только въ тѣхъ, кои на Сѣверъ заслонены были высокою горой отъ солнечныхъ лучей. Все это предосторожности противъ жестокостей горящаго свѣтила.

Какъ усладительно мнѣ бывало лежать на диванѣ, въ прохладѣ, подъ защитою толстыхъ каменныхъ стѣнъ отъ палящаго зноя, продолжавшагося во все лѣто. Двѣ комнаты мои весьма похожи были на каюты въ корабляхъ; съ девяти часовъ утра до шести вечера, ежедневно, постоянно дулъ вѣтеръ; онъ не прохлаждалъ воздуха, а высоко воздымалъ волны, которыя съ шумомъ и ревомъ разбивались о берегъ; внимая имъ, мнѣ казалось иногда, что я въ безопасности посреди моря. Однимъ словомъ, я умѣлъ создать себѣ наслажденія даже въ Керчи. Немало удовольствія чувствовалъ я и въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ Грековъ, которыхъ, равно какъ и Минарскаго, видѣлъ я въ городѣ, по утрамъ три раза въ недѣлю: сего достаточно было для принятія ихъ вздорныхъ просьбъ, для полученія и отправленія бумагъ съ почты и на почту.

Когда вскорѣ по пріѣздѣ моемъ прошли слухи о намѣреніи моемъ воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы ускользнуть изъ Керчи (слухи, кои не опровергалъ я и не подтверждалъ), то и тогда Греки плохо имъ вѣрили. Они разсуждали такъ между собою: «Чего здѣсь нѣтъ у этого человѣка? И нѣсколько сотенъ Донскихъ козаковъ, составляющихъ карантинную и таможенную стражу, изъ коихъ двое всякой дець у него на вѣстяхъ, и пребольшой катеръ съ

двѣнадцатью матросами-гребцами, на которомъ сколько ему угодно можетъ онъ разгуливать по проливу (*des superbes droits du Seigneur*), и сколько почестей, и какая власть! Возможно ли съ такими благами добровольно разстаться? Эти варвары не имѣли понятія объ умственныхъ, о нравственныхъ удовольствіяхъ, коихъ я былъ совершенно лишень. Когда же дошло до нихъ о неимовѣрной, по ихъ мнѣнію, роскоши моего лѣтняго мѣстопробыванія, то они еще болѣе убѣдились въ томъ, что я приковался къ своей должности. О томъ скоро увѣдомленъ былъ Скасси въ Петербургѣ, и пошли совѣты о средствахъ положить конецъ сатрапскому житью моему.

О немъ еще нѣсколько словъ. Я хотѣлъ жить въ уединеніи, а не въ совершенномъ отшельничествѣ и для того спѣшилъ населить опустѣвшіе домики. Одинъ изъ нихъ занялъ нанятый мною женатый садовникъ, который подсаживалъ деревцы, ходилъ за виноградомъ и цвѣтами. Ему въ помощь даны были двѣнадцать матросовъ съ катера, которые съ унтеръ-офицеромъ тутъ же были размѣщены и которые работали за умѣренную плату; разумѣется, все это было изъ собственнаго моего кармана. Прислуга у меня состояла изъ семи чловѣкъ, въ числѣ коихъ было два Татарина въ Азіатскихъ костюмахъ; всѣ они по возможности обязаны были заниматься садоводствомъ. Сверхъ того находилось на моемъ иждивеніи двое канцелярскихъ, которые или писали подъ диктовку, или переписывали мои бумаги. Это конечно не составляло мнѣ общества, по крайней мѣрѣ сколько-нибудь оживляло мою пустыню. Имѣя хорошаго повара и все нужное для угощенія, при неимовѣрной дешевизнѣ припасовъ, нельзя мнѣ было не приглашать къ себѣ погулять и пообѣдать людей мнѣ болѣе пріятныхъ. Дабы не возбудить неудовольствій, принужденъ я былъ звать и другихъ; но почти всѣ отговаривались подъ предлогомъ неимѣнія экипажа (какъ будто таратайки и телѣжки не экипажъ), я не настаивалъ и былъ тѣмъ весьма доволенъ. Въ мирномъ убѣжищѣ моемъ мнѣ не очень хотѣлось видѣть непріязненныя лица, и для того я самъ ѣздилъ къ нимъ въ городъ; къ тому же мнѣ казалось смѣшнымъ, принимая тутъ просителей, какъ будто подражать Святому Людовику, когда онъ судилъ и рядилъ подъ Венсенскимъ дубомъ. На горѣ, надо мной, видны были не развалины, а на довольно большомъ протяженіи остатки древнихъ каменныхъ фундаментовъ, что и служило доказательствомъ существованія тутъ нѣкогда городка Нимфеи. Симъ именемъ хотѣлось мнѣ назвать и хуторъ мой; но на немъ не было ни одной Нимфы, исключая матери семейства, довольно пожилой жены садовника. Всѣ эти мелочи, подробности всякому покажутся ничтожными, для меня же онѣ драгоцѣнны тѣмъ болѣе, что, приводя ихъ себѣ на

память, по мѣстѣ семь творю я поминки: пбо, какъ мнѣ сказывали, не осталось на немъ и слѣдовъ того, чтò при мнѣ было; оно по частямъ роздано въ наймы городскимъ жителямъ, которые развели свои хозяйства, прежнимъ домикамъ дали развалиться и на другихъ мѣстахъ настроили себѣ новые.

Пользуясь правомъ, осматривая заставы, развѣзжать по берегамъ, я лѣтомъ два раза отлучался изъ Керчи. Первое путешествіе сдѣлалъ я на Азіатской берегъ, въ Тамань, вмѣстѣ съ Синельниковымъ, не весьма пріятнымъ для меня спутникомъ. Рано по утру 29 Іюня, въ Петровъ день, сѣли мы съ нимъ на мой катеръ и отправились черезъ проливъ. Съ Апрѣля мѣсяца не было ни капли дождя, и около полудня, не смотря на свѣжесть морской влаги, начали мы чувствовать жаръ нестерпимый. Болѣе тридцати верстъ должны мы были проѣхать, а едва сдѣлали двадцать, когда на небѣ показались облака, которыя мы радостно привѣтствовали. Не съ такимъ удовольствіемъ увидѣли мы черныя тучи, которыя вскорѣ потомъ начали подниматься съ Запада; не успѣли мы еще доплыть до противоположнаго берега, когда все потемнѣло, какъ въ сумерки. Счастливыми почли мы себя, вошедъ въ приготовленную намъ квартиру, пбо въ эту самую минуту пошелъ проливной дождь и сдѣлалась гроза, какія можно видѣть только въ жаркихъ климатахъ. Громъ заглушалъ рѣчи наши, а съ огненнаго неба ниспадали цѣлые катаракты.

Хозяинъ, насъ пріютившій, былъ нѣкто г. Арцыбашевъ, дворянинъ старинной фамиліи, очень пріятный и благовоспитанный юноша, съ большимъ состояніемъ, который весьма косвенно принималъ участіе въ дѣлѣ 14 Декабря. За то и не былъ онъ сосланъ въ Сибирь, а изъ кавалергардскаго полка переведенъ тѣмъ же поручичьимъ чиномъ въ Таманскій гарнизонный баталіонъ. Наказаніе немаловажное: онъ велъ тутъ самую томительную жизнь. Онъ нанималъ лучшей домъ, то-есть одинъ только порядочный въ этомъ пригородкѣ, имѣлъ хорошій столъ, и самъ начальникъ его, полковникъ Бобоѣдовъ, почти всякой день приходилъ къ нему обѣдать. Я не вѣрилъ ему, когда онъ утверждалъ, что въ Керчь пріѣзжаетъ какъ бы въ какую столицу; а тутъ имѣлъ я случай убѣдиться въ истинѣ его словъ. Когда прояснѣло, и гроза, продолжавшаяся три или четыре часа, совсѣмъ утихла, пошли мы сперва въ небольшую церковь, соборомъ именуемую, посмотреть на единственную тутъ достопримѣчательность, извѣстный Тмутараканскій камень. Оттуда пошли гулять, а куда?.. въ поле, въ степь. Было почти сухо; алчущая земля съ жадностію поглотила всю дождевую воду, пріятная прохлада смѣнилась зной, а мнѣ стало грустно. Чувствительно было совершенное отсутствіе человѣка; я былъ въ

краю земли давно отжившемъ вѣкъ свой, истощенномъ, отъ котораго давно бѣжали новыя поколѣнія, тогда какъ курганы кругомъ свидѣтельствовали вездѣ о безчисленности племенъ его обитавшихъ. Царствовало угрюмое, могильное молчаніе; не встрѣтишь вспаханнаго куска земли, не услышишь скрипа телѣги, не завидишь вдали появленія всадника: все было пусто и мертво. Не знаю, гдѣ были гарнизонные солдаты, а въ самой Тамани я ихъ почти не видѣлъ. По близости находилась крѣпость Фанагорія; до нея мнѣ не было никакого дѣла, и я не полюбопытствовалъ взглянуть на нее.

Проведя ночь весьма покойно, благодаря доброму нашему хозяину, на другой день рано поутру отправились мы въ коляскѣ, принадлежащей тому же гостепріимному Арцыбашеву, на Бугазскій мѣновой дворъ. Печальная картина вчерашняго вновь представилась намъ и на протяженіи двадцати верстъ: ни хижинки, ни деревца, ни человѣка, ни звѣря не случилось намъ увидѣть. Быстрая ѣзда и утренній холодокъ сколько-нибудь разгоняли неодолимую тоску. Многостоящія каменные зданія, куда мы пріѣхали, только что достроенныя, уже разваливались; тутъ нашли мы чиновника Дю-Брикса, сына одного поганнаго Француза въ Керчи живущаго: какъ нарочно объ эту пору ни одного пассажира не было. По крайней мѣрѣ имѣлъ я удовольствіе въ первый и въ послѣдній разъ увидѣть устье знаменитой рѣки Кубани, въ древности Гипаниса. Давъ лошадямъ отдохнуть и выкормиться, поскакали мы обратно въ Тамань, гдѣ опять ожидалъ насъ хорошей обѣдъ. Тотчасъ послѣ него сѣли мы на катеръ и черезъ нѣсколько часовъ прибыли къ Европейскому берегу. Арцыбашевъ былъ совершенно правъ: увидѣвъ Керчь, намъ показалось, что изъ гробовъ мы возвратились къ жизни.

Въ началѣ Іюля другую прогулку сдѣлалъ я въ Теодосію, съ намѣреніемъ внимательнѣе посмотреть на сію соперницу моей Керчи. Почти тоже впечатлѣніе, которое произвелъ на меня сей послѣдній городъ по возвращеніи изъ Тамани, почувствовалъ я въѣзжая въ Теодосію, гораздо болѣе оживленную, болѣе образованную. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ все это сдѣлалось наоборотъ. Богдановскій принялъ меня какъ добраго сосѣда; супруга его какъ человѣка, съ которымъ до сыта могла наговориться по-французски. Быстрымъ взглядомъ осмотрѣлъ я мѣстности города и уже описалъ ихъ; о живущихъ не сказалъ ни слова, ибо въ первый пріѣздъ не видалъ ихъ, а въ это трехдневное пребываніе нашелъ между ими три лица довольно примѣчательныхъ.

Въ карантинной конторѣ начальникомъ былъ князь Павелъ Ивановичъ Долгорукій, старшій сынъ поэта, бывшаго Пензенскаго вице-

губернатора. Онъ былъ человѣкъ добрый, довольно скучный, который безпрестанно игралъ на фортепіано очень хорошо, но слишкомъ громко, отъ того что былъ почти глухъ. Управлялъ таможней Павелъ Васильевичъ Гаевскій, старожилъ Θεодосійскій, умный, весьма чванный, къ тому же великій хлѣбосоль. Третья особа, на которую обращались всѣ взоры, была крещеная Еврейка Марья Семеновна Гейницъ, вдова послѣдняго комманданта, отчего и прозвана старой коммандантшей. Она слыла очень богатою, не имѣла ни дѣтей, ни родныхъ, и всѣ, надѣясь на ея наслѣдство, угождали ей: вотъ почему всегда говорила она утвердительно и повелительно.

Еще примѣчательнѣе былъ одинъ несчастливецъ, не сосланный, а поневолѣ поселившійся въ Θεодосію, Семенъ Михайловичъ Броневской, много лѣтъ бывшій въ ней градоначальникомъ, человѣкъ честнѣйшій и просвѣщеннѣйшій, конечно немного задорный, часто не въ ладахъ съ Новороссійскими генераль-губернаторами, отъ коихъ градоначальства тогда еще не зависѣли. Сіе поколебало довѣренность къ нему правительства; довершили же его паденіе проски Греческой партіи, которая и тутъ находится и которая клеветами своими умѣла очернить его въ глазахъ всѣхъ министровъ. Еще при Александрѣ былъ онъ уволенъ отъ должности безъ просьбы, безъ вины и безъ копѣйки пенсіона, тогда какъ кромѣ одного сада у него ровно ничего не было. Во дни долгаго управленія своего купилъ онъ въ полторѣ верстѣ отъ города восемь или девять десятинъ удобной земли, небольшой участка, на коемъ построилъ онъ домикъ, состоящій изъ четырехъ или пяти комнатъ и который засадилъ онъ любимыми своими миндальными деревьями. Какъ будто изъ благодарности за его попеченія доставляли они ему пропитаніе: около трехъ тысячъ ассигнаціями давали они ему ежегоднаго дохода *). Какое положеніе! Оставаться безъ всякой власти среди враговъ своихъ, которые при встрѣчахъ явно оказывали ему презрѣніе; за то всѣ Русскіе чиновники и всѣ порядочные люди пріязненнымъ и почтительнымъ обхожденіемъ наперерывъ старались утѣшить его. Двѣ трети года проводилъ онъ въ единственномъ своемъ убѣжищѣ; на зиму же, по недостатку въ дровахъ, удалялся къ старому другу своему генералу Бекарюкову, въ имѣніе его, верстѣ за тридцать находящееся. Я посѣтилъ его, выслушалъ жалобную его исторію и нашель, что подобная участь ожидаетъ и меня, если я долго на мѣстѣ оставаться буду.

*) Послѣ смерти Броневскаго, сія дачка досталась по покупке герою Кавказа Котляревскому, который на ней оканчиваетъ славную, болѣзнями и рапами отягченную жизнь свою.

Вотъ все, что въ Θεодосіи на этотъ разъ могъ я увидѣть и замѣтить.

Числомъ посѣтителей, хотя и не качествомъ, городъ Керчь въ это лѣто не былъ богатъ. Первый, показавшійся въ Іюль, былъ знакомый нашъ полковникъ баронъ Пфейлицеръ-Франкъ, который находился въ сопровожденіи или, не знаю, сопровождалъ окружнаго жандармскаго начальника, полковника Михаила Петровича Родзянку. Въ первый разъ увидѣлъ я голубой мундиръ, для многихъ тогда еще столь страшный, и въ немъ человекъ благороднаго, самаго обходительнаго. Они провели въ Керчи всего полторы сутки и большую часть у меня на хуторѣ. Ни одной жалобы, ни одного доноса подано не было.

Впрочемъ, Греки могли бы имѣть на меня большое неудовольствіе, еслибъ знали истину. Званіе Керченскаго Грека, точно также какъ и Нѣжинскаго, прежде заключало въ себѣ нѣчто важное. Они составляли особое сословіе, особое общество, въ которое не могли входить жители города другихъ націй. Они одни участвовали въ выборахъ, одни пользовались доходами съ поземельныхъ угодьевъ и распоряжали городскими суммами. Желая навсегда удержать за собою права сіи, они неохотно, и то въ маломъ числѣ, допускали Русскихъ и Татаръ селиться на городской землѣ. Весною сотни двѣ бродягъ шатались въ окрестностяхъ по обѣимъ сторонамъ пролива; всѣ они были бѣглые изъ Курской, Калужской, кажется, даже изъ Костромской губерній. Имъ вздумалось подать мнѣ просьбу о дозволеніи поселиться въ Керчи. Будучи о томъ предувѣдомленъ, тайно поручилъ я сказать имъ, что велю всѣхъ ихъ схватить, если въ просьбѣ не назовутъ себя Задунайскими переселенцами. Я очень хорошо зналъ, что не имѣю права приписать ихъ къ городу безъ согласія Грековъ и утвержденія Таврической Казенной Палаты; не менѣе того о семъ причисленіи послалъ я къ ней бумагу. Къ счастью, Минарскій не захотѣлъ предостеречь меня: онъ видѣлъ въ этомъ глупость мою и радъ былъ дать мнѣ ее сдѣлать. Въ отвѣтъ своемъ Палата спросила меня, имѣютъ ли сіи люди паспорта, свидѣтельства объ увольненіи отъ обществъ? Тогда частнымъ, секретнымъ, дружескимъ, ласковымъ письмомъ старался я пристыдить Лонгинова, доказывая, какъ нелѣпо требовать видовъ у людей, спасшихся бѣгствомъ отъ Турецкой сабли, отъ гоненій, даже истязаній, претерпѣваемыхъ тогда Христіанами на Востоку. Утвержденіе Палаты не замедлило затѣмъ послѣдовать.

Вотъ тутъ-то Греки, еще прежде Минарскимъ извѣщенные, съ торжествомъ явились ко мнѣ, дабы показать мнѣ (впрочемъ, въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ) всю противузаконность моего поступка.

Я казался изумленнымъ, смущеннымъ и началъ извпняться невѣдѣніемъ своимъ, происходящимъ отъ новости въ занимаемой мною должности. «Неужели, господа, сказалъ я имъ, захотите вы градоначальника вашего и вице-губернатора уличить въ непростительной опрометчивости? Не лучше ли будетъ, если заднимъ числомъ напишу я вамъ предложеніе, а вы, заднимъ же числомъ, дадите ваше согласіе. Къ тому же, продолжалъ я, что такое эти люди? Они всегда будутъ въ вашей зависимости и умножать только число служителей вашихъ». Сіе послѣднее, кажется, убѣдило ихъ сдѣлать все по моему. Имъ хотѣлось устыдить меня, заставить просить себя, и на первый случай этого было съ нихъ довольно.

Долженъ признаться, я покривилъ тутъ душой, но для собственной ли пользы? Мнѣ хотѣлось какъ можно болѣе на эту почву набросать Русскихъ сѣмянъ, въ надеждѣ (что говорю я? въ увѣренности), что когда добрая трава разросется, то непременно заглушитъ негодную: *le froment étouffera l'ivraie*.

Въ томъ же Юль навѣстилъ меня прелюбезнѣйшій Александръ Ивановичъ Казначеевъ, который тогда безъ дѣла и безъ должности разгуливалъ по Крыму. Въ предыдущемъ году былъ онъ раздосадованъ тѣмъ, что, вмѣсто ожидаемой Аннинской ленты, получилъ только Владимирской крестъ 3-й степени. Правителю канцеляріи лента! Согласіе между чинами, мѣстами и орденами начинало уже разрушаться и понятія о томъ смѣшиваться. Онъ одинъ имѣлъ право смѣло и чисто-сердечно говорить съ Воронцовымъ и по возвращеніи послѣдняго изъ Петербурга, можетъ быть, слишкомъ рѣзко объяснилъ ему свое неудовольствіе; тотъ вышелъ изъ терпѣнія, и они поссорились. Слѣдствіемъ того было удаленіе его отъ должности и назначеніе на его мѣсто въ три года три чина получившаго Лекса, всегда покорнаго, угодливаго, болѣе хитраго и болѣе свѣдущаго въ дѣлахъ. Со всегдашнимъ безпристрастіемъ моимъ въ этомъ случаѣ я не смѣю винить графа, къ которому охолодѣлъ, а скорѣе много-любимаго мною Казначеева. Онъ прогостилъ у меня дни три, если не болѣе. Какъ всѣ люди, недовольные своимъ положеніемъ, и я желалъ возбудить въ немъ состраданіе; но, судя по одной наружности, онъ нашелъ его довольно пріятнымъ. Жестокій, къ сожалѣнію моему, онъ нимало не пожалѣлъ обо мнѣ!

Кстати о Лексѣ. Я давно потерялъ изъ вида Одессу. Сношенія мои съ нею хотя были рѣдки, но пріятны. Въ отношеніяхъ ко мнѣ исправляющаго должность генераль-губернатора господствовалъ такой скромный и вѣжливый тонъ, къ какому Воронцовъ съ Казначеевымъ не пріучали насъ. Замѣтно было, что Новороссійскимъ краемъ управ-

ляетъ дипломатъ и канцеляріей его человѣкъ, который старается со всѣми ладить.

Скоро долженъ былъ я познакомиться съ временнымъ моимъ начальникомъ. Въ Керчи приготовлялись къ важному событію: къ торжественному открытію порта, причемъ самъ онъ долженъ былъ присутствовать. Прежде еще чѣмъ онъ появится, желательно мнѣ въ кратцѣ изобразить жизнь его и характеръ. Третій сынъ Палена, столь извѣстнаго при Павлѣ и въ началѣ царствованія Александра, графъ Ѳеодоръ Петровичъ почти въ малолѣтствѣ Екатериною пожалованъ былъ конногвардейскимъ офицеромъ. Онъ былъ красивъ собою, любезенъ, уменъ, но, какъ говорятъ, плохой наѣздникъ. Разъ Императоръ, прогуливаясь верхомъ съ отцемъ-Паленомъ, встрѣтилъ его въ полной формѣ, также на конѣ. Замѣтивъ его неловкость, Павелъ по-нѣмецки, съ негодованіемъ, спросилъ у отца, кто онъ таковъ? Это мой сынъ, ваше величество, отвѣчалъ онъ, *ein dummer Junge, es wäre besser ihm zum Kammerherren zu machen* (глупой мальчикъ, ему бы лучше быть камергеромъ). Вотъ какъ вдругъ попалъ онъ въ четвертый классъ. Вездѣ, гдѣ потомъ находился въ миссіяхъ, отличался онъ и способностями, и приличіемъ поступковъ; былъ попеременно чрезвычайнымъ посланникомъ въ Соединенныхъ Американскихъ Штатахъ, въ Бразиліи и, наконецъ, въ Мюнхенѣ. Кажется, онъ не поладилъ съ Нессельроде и оставилъ службу.

Будучи съ нимъ пріятелемъ, Воронцовъ предложилъ ему вакантное мѣсто Одесскаго градоначальника, съ тѣмъ, чтобы при отъѣздѣ передать ему на время управленіе Новороссійскаго края. Онъ никогда по административной части не служилъ; оттого дѣйствовалъ осторожно, осмотрительно, ничего лишняго не затѣвалъ, придерживаясь существующаго порядка, и ввѣрился Лексу, въ чемъ и не имѣлъ причины раскаяваться.

При первой съ нимъ встрѣчѣ, онъ мнѣ чрезвычайно полюбился. Съ малыхъ лѣтъ видѣлъ я лучшее общество, а онъ былъ самымъ пріятнымъ его представителемъ и назывался въ немъ милымъ Фрицомъ. Кишучая кровь, добрѣйшее сердце, благороднѣйшія чувства и правила, живой умъ, веселый нравъ, въ немъ было все то, что приходилось мнѣ по душѣ. Были, конечно, и недостатки, принадлежащіе болѣе вѣку и только въ моихъ глазахъ: республиканизмъ, украшенный какимъ-то древнимъ рыцарскимъ духомъ, и безвѣріе, умѣряемое наружнымъ уваженіемъ ко всѣмъ чужимъ вѣрованіямъ.

Я очистилъ и приготовилъ для него генеральскій домъ, а самъ помѣстился въ одной комнаткѣ флигеля. Онъ пріѣхалъ 4 Августа съ намѣреніемъ на другой же день открыть портъ и тотчасъ потомъ

у́хать. Тщетно просилъ я его взглянуть на Еникале, на Тамань и посѣтить мой хуторъ. Однако уговорилъ его отложить наше торжество до 6-го числа, до великаго праздника Преображенія Господня. Онъ все отговаривался тѣмъ, что я тутъ полный хозяинъ и что онъ долго въ гостяхъ оставаться не любитъ, опасаясь обременить собою.

Наше празднество не было довольно великолѣпно, чтобы заслуживать большаго описанія; нѣсколько словъ долженъ я, однако, сказать объ немъ. По совершеніи протоіереемъ молебствія съ водоосвященіемъ на берегу взморья, отправились мы въ самый большой изъ карантинныхъ магазиновъ, въ который свѣтъ проходилъ сквозь верхнія окна и гдѣ былъ накрытъ столъ на шестьдесятъ приборовъ. Не знаю откуда набрали столько народу; издержки были большею частію на счетъ городскихъ суммъ, (Греки разщедрились), частію же изъ карантинныхъ. Синельниковъ всѣмъ распорядился и дѣлалъ приглашенія. Обѣдъ былъ препорядочный, вино лилось съ избыткомъ, и не было конца тостамъ, которые сопровождались выстрѣлами изъ пушекъ. Синельниковъ гдѣ-то досталъ ихъ съ военныхъ судовъ и перевезъ на берегъ. Несчастное приключеніе, бывшее въ продолженіи обѣда, многимъ показалось худымъ предвѣщаніемъ для открывающагося порта. Одинъ молодой человѣкъ, служившій въ карантинѣ канцелярскимъ, имѣлъ страсть къ артиллерійскому дѣлу и выпросилъ себѣ позволеніе находиться при одной изъ пушекъ. Наканунѣ, говорятъ, обвинялъ онъ ее, садился на нее верхомъ, приговаривая: ну, завтра поѣздимъ мы на тебѣ! Тщетно прикладывалъ онъ зажженный фитиль къ орудію, а когда нагнулся къ отверстию пушки, чтобы взглянуть внутрь ея, она выпалила и пыжомъ убила его на повалъ.

Ни графу Палеву, ни мнѣ ничего не сказали о томъ, дабы не нарушить веселаго расположенія нашего, еще умножившагося къ концу трапезы. Палевъ согласился остаться на нѣкоторое время. Къ семи часамъ вечера начали пріѣзжать дамы; я такъ называю ихъ потому, что ихъ мужья и отцы имѣли чины и что сами онѣ кое-какъ выучились тапцовать; вскорѣ явилось нѣсколько морскихъ офицеровъ, и начался балъ, единственный, который видѣлъ я въ Керчи. Онъ происходилъ въ томъ же мѣстѣ, гдѣ мы обѣдали, въ томъ же огромномъ сараѣ, который легко бы можно было обратить въ большую приходскую церковь. Онъ освѣщенъ былъ сотнями свѣчекъ, а не свѣчей, то есть сальныхъ, а не восковыхъ, ибо сихъ послѣднихъ трудно было достать. Въ девять часовъ Палевъ сказалъ мнѣ: Кажется, довольно, и предложилъ воротиться домой. Мы еще кое о чемъ потолковали по возвращеніи, и между прочимъ сказалъ онъ мнѣ: «Я исполнилъ высшее предписаніе; а согласитесь, что мнѣ здѣсь нечего было дѣлать; при васъ дѣло обошлось бы

и безъ меня». Я простился съ нимъ, а на другой день, 7-го Августа, я не успѣлъ еще проснуться, когда онъ поспѣшилъ ускакать отъ насъ.

И такъ, три дня провели мы почти съ глазу на глазъ и успѣли хорошо другъ друга разглядѣть. Хозяйство мое все было на хуторѣ, а онъ по-барски возилъ съ собою собственнаго повара; такимъ образомъ хозяину пришлось обѣдать у гостя втроемъ со старшимъ Сафоновымъ, который одинъ сопровождалъ его. Какъ и со всѣми, былъ онъ учтивъ и ласковъ съ Керченскими Греками и спрашивалъ у нихъ разъ, безъ меня, объ ихъ пуждахъ; они отвѣчали, что всѣмъ совершенно довольны, и ни одной жалобы отъ нихъ не было ни подано, ни заявлено, не только на меня, ни даже на полицію. Вообще, Керчи онъ отмѣнно понравился, но она ему не совсѣмъ полюбилась. У него вырвалось, что безъ глубокаго сожалѣнія онъ не можетъ подумать объ ужасной скукѣ, которая ожидаетъ меня зимой. Улыбаясь, отвѣчалъ я ему, что можетъ быть, умру отъ нея, если онъ не захочетъ спасти меня. Затѣмъ объяснилъ я ему, какъ графъ Воронцовъ подъ предлогомъ дѣлъ службы извлекалъ меня иногда изъ Кишинева въ Одессу, а что тутъ идетъ дѣло о *важныхъ* совѣщаніяхъ по предмету устройства и благосостоянія новаго порта. Онъ поколебался сначала, не будучи очень увѣренъ еще въ правахъ своихъ; наконецъ, былъ мною убѣжденъ и общался по первому отзыву моему доставить мнѣ пригласительную бумагу. Я былъ утѣшенъ сей надеждой и нѣсколько дней послѣ отъѣзда его оставался совершенно спокоенъ.

Вдругъ, 20 Августа, прискакали мнѣ сказать, что къ намъ пожаловали гости еще знаменитѣе Палена, бывшій генераль-губернаторъ графъ Александръ Федоровичъ Ланжеронъ съ супругою, и что онъ остановился въ какомъ-то небольшомъ домикѣ, отказавшись отъ генеральскаго дома. По совѣту обманщика Скасси купилъ онъ негодное имѣньице съ соляными озерами, близъ Кумышъ-Буруна, неподалеку отъ Керчи, и пріѣхалъ взглянуть на свое владѣніе. Я поспѣшилъ ихъ увидѣть и, признаюсь, обрадовался имъ: графиня была ко мнѣ всегда очень добра, а онъ былъ любезнѣе, веселѣе, забавнѣе и каламбуриѣе чѣмъ когда либо. Ужъ я ли не возилъ съ ними, для нихъ цѣлую недѣлю велъ кочевую жизнь, каталъ ихъ по взморью, угощалъ ихъ обѣдами у себя и въ карантинѣ, и въ городскомъ домѣ, и на хуторѣ. Въ день коронаціи, 22 числа, въ мундирѣ пошелъ я къ обѣднѣ; къ молебну явился и графъ Ланжеромъ въ Андреевской лентѣ съ бриллантовой звѣздой. По окончаніи молебствія потребовалъ онъ, чтобы я шелъ передъ нимъ, говоря: *les autorités locales avant tout*. Я церемонился, все ждало, протопопъ былъ въ недоумѣніи, наконецъ, я повиновался, но, подходя къ протоіерею, немного отстранился и глазами

указалъ ему на Ланжерона, къ которому самъ поднесъ онъ крестъ. Въ Керчи другой иллюминаціи тогда не знали кромѣ горящихъ смоляныхъ бочекъ, въ большіе торжественные дни ихъ ставили передъ жилищемъ градоначальника; я велѣлъ зажечь ихъ предъ квартирой Ланжерона. Съ обѣихъ сторонъ недѣлю продолжался обмѣнъ ласкъ и привѣтствій.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Ланжерона, могъ бы я увидѣть нѣкоторую небольшую, едва замѣтную перемѣну въ обхожденіи со мной Грековъ; но я какъ-то не обратилъ на то вниманія. Между тѣмъ мнѣ захотѣлось потѣшить самого себя, а совсѣмъ не ихъ, и для того затѣялъ я большую вечеринку 10 Сентября у себя на хуторѣ. Я былъ намѣренъ проститься съ нимъ, вслѣдъ за тѣмъ разстаться и съ самой Керчью, не возвращаться въ нее болѣе изъ Одессы, а оттуда послать прошеніе объ увольненіи моемъ, мѣсяца два спустя, дабы не столь кратковременнымъ показалось нахожденіе мое въ должности.

На свою вечеринку позвалъ я всѣхъ первостатейныхъ жителей съ ихъ женами, которыхъ только можно было пригласить, также всевозможныхъ чиновниковъ и чиновницъ, что составило болѣе пятидесяти душъ обоего пола; всѣ пріѣхали кто на чемъ попало. Чѣмъ было угостить ихъ? Я долженъ былъ нарочно посылать въ Θεодосію за скалками и восковыми свѣчами; на мѣстѣ же нашелъ я достаточное количество плошекъ и всѣми употребляемыхъ бумажныхъ фонарей, которые таможенный художникъ мой разукрасилъ разноцвѣтными красками. Домикъ мой внутри горѣлъ какъ въ огнѣ; снаружи былъ обвѣшанъ длинными фестонами разцвѣченныхъ фонарей, остальное на довольно большомъ протяженіи освѣщено было всѣмъ, что можно зажечь, даже смоляными бочками. Ночь была тихая, теплая, очаровательная, и морская равнина также иллюминирована была сіяніемъ безчисленныхъ звѣздъ. Ни музыки достать, ни плясать—было негдѣ. Въ комнатахъ и безъ того становилось душно, большая часть посѣтителей предпочитала гулять на воздухъ и возвращаться въ нихъ только для отдохновенія. Все заключилось ужиномъ, и всѣхъ, смѣю сказать, накормилъ я на убой и напоилъ на пропалую. Гораздо за полночь всѣ съ видимою благодарностію оставили меня. Одно удивило меня въ этотъ вечеръ: градской голова Хамаритѣ, всегда полусогбенный предо мною, тутъ подошелъ ко мнѣ смѣло и свободно безъ наклоненія головы, взялъ меня за руку и крѣпко пожалъ мнѣ ее; гостепріимство на этотъ разъ не дозволило мнѣ ее быстро отнять у него. Послѣ того оставался я еще три дня въ пріятномъ, совершенномъ уединеніи; наканунѣ же Воздвиженія, 13 числа, вечеромъ совсѣмъ перебрался въ

генеральской домъ и съ нетерпѣніемъ началъ ожидать бумаги отъ Палена.

Вскорѣ потомъ стало мнѣ весьма очевидно, что противъ меня есть замысль у Грековъ. Они вдругъ сдѣлались дерзки; низшіе изъ нихъ начали буянить, безпрестанно заводили драки на базарѣ, не слушались полиціи, пренебрегали ею, даже обижали ее, и они же приходили ко мнѣ съ жалобами, грубымъ тономъ изъясненными. На улицѣ встрѣчаясь со мной, снимали, правда, шапки, но съ видомъ угрюмымъ, недовольнымъ. Однимъ словомъ, смѣшно сказать, я увидѣлъ начало настоящаго возмущенія.

Что бы это все значило? спросилъ я у себя. А вотъ что. Зимой графъ Воронцовъ долженъ былъ изъ Лондона воротиться въ Петербургъ, а тогда недавно пожалованный статскій совѣтникъ Скасси долженъ былъ лишиться всякой надежды на полученіе давно желаемого мѣста. Надобно было предупредить этотъ пріѣздъ, произвести какой-нибудь большой скандалъ, пустить о немъ молву въ преувеличенномъ видѣ; для того нужно было вывести меня изъ терпѣнія, заставить дѣйствовать самоуправно; потомъ, не теряя времени, нанести мнѣ окончательный ударъ. Паленъ самъ собою не рѣшился бы кого-нибудь представить на мое мѣсто, а Нессельродъ между тѣмъ Государю предложилъ бы Скасси. Какъ все это хорошо было обдуманно! Объ одномъ не помыслилъ г. Скасси, о томъ, что, бывъ опредѣленъ безъ вѣдома и согласія Воронцова, онъ на мѣстѣ усидѣть бы не могъ. Изъ Петербурга письменно чрезъ Пасхали возбуждалъ онъ жителей Керчи вооружиться на меня. Ланжеронъ, во время недавняго пребыванія своего, лаская меня, лично ободрялъ ихъ и поощрялъ къ тому же. Могло ли прійти мнѣ въ голову, что старый воинъ, изъ знатнаго рода, стоявшій на самой высокой степени, спустится до столь пакостныхъ интригъ и будетъ дѣйствовать столь измѣнническимъ образомъ? Тотъ, который всегда хвалился своимъ рыцарствомъ и, плѣвившись новаго рода славой, съ Вашингтономъ въ Америкѣ сражался за свободу! Если, передъ революціей, *des chevaliers français tel était le caractère*: нѣтъ ничего удивительнаго, что она вспыхнула. Всегда покровительствуя Скасси, Ланжеронъ ненавидѣлъ Воронцова и во мнѣ хотѣлъ мстить ему. Странны было отношенія мои къ послѣднему: я осужденъ былъ страдать отъ него и за него.

Также какъ Паленъ былъ временнымъ генераль-губернаторомъ, и я почиталъ себя временнымъ градоначальникомъ; также какъ онъ, хотѣлъ я миромъ и добрымъ согласіемъ ознаменовать краткое мое управленіе. Отъ того, статья можетъ, бывалъ я иногда слишкомъ снисходительнымъ и долженъ былъ казаться слабодушнымъ. Видя почести,

оказанныя мною лѣтамъ и высокому чину Ланжерона, потомъ привѣтливость, съ которою, какъ всякій учтивый хозяинъ, во время пустаго праздника моего на хуторѣ принималъ я ихъ, Греки возмечтали, что я, все болѣе прилѣпляясь къ своей должности и чуя опасность, хочу ихъ умилостивить. Чего же болѣе для подлыхъ душъ! Чтò дѣлать, пришлось мнѣ осадить ихъ.

Много было злоупотребленій, на которыя долженъ былъ я смотрѣть съвозъ пальцы; нѣкоторыя захотѣлось мнѣ исправить. Главнѣйшій изъ нихъ былъ обычай принятый Греками молодыми и среднихъ лѣтъ, послѣ учрежденія градоначальства, вступать въ казенную службу, то-есть числиться по разнымъ канцеляріямъ, не посѣщая ихъ и продолжая торговать по лавкамъ и лавочкамъ: все это для того, чтобы не платить податей и послѣ получить даромъ одинъ или два офицерскихъ чина. Я поручилъ одному человѣку составить ихъ списокъ, потомъ далъ приказаніе всѣмъ вѣдомствамъ исключить ихъ изъ службы, если добровольно ея не оставятъ, или не согласятся заниматься ею, оставя торговлю. Человѣкъ полтора ста возвратилъ я такимъ образомъ въ податное состояніе. Изумленные столь строгою и вмѣстѣ справедливою мѣрою они сначала не смѣли даже возроптать.

Другой ударъ, имъ нанесенный, былъ для нихъ едва ли еще не чувствительнѣе. Больно было для Русскаго сердца моего слышать о жестокомъ обращеніи простыхъ, ничтожныхъ Грековъ съ Русскими крѣпостными ихъ людьми, какъ скотъ купленными на Коренной ярманкѣ. Ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ права владѣть ими, ибо купчія крѣпости совершены были на чужія имена людей, коихъ права были столь же сомнительны; но никакой жалобы до меня не доходило. Кто-то подбилъ одного изъ сихъ несчастныхъ подать мнѣ просьбу объ освобожденіи его отъ незаконнаго ига; видя, съ какою благосклонностію она была принята, другіе и во множествѣ послѣдовали сему примѣру. Чтобы отклонить отъ себя всякую отвѣтственность, велѣлъ я изъ сихъ просьбъ составить дѣло и отправить его въ Θεодосійской уѣздный судъ. Я зналъ, что какъ въ немъ, такъ и въ Таврической гражданской палатѣ Греки выиграютъ тяжбу; за то по крайней мѣрѣ должны будутъ хлопотать и много тратиться. Зналъ я также, что дѣло тѣмъ не кончится, а пойдетъ въ Московскій апелляціонный департаментъ Сената, гдѣ пріятель мой Жихаревъ находился оберъ-прокуроромъ. Въ слѣдующемъ году писалъ я къ нему и умолялъ, именемъ Россіи, чести и нашей дружбы, склонить сенаторовъ къ справедливому рѣшенію. Я просилъ, чтобы, не довольствуясь освобожденіемъ людей, не имѣющихъ пристанища, Сенатъ предписалъ указомъ водворить ихъ на жительство въ Керчи. Все сдѣлалось послѣ согласно съ моимъ

желаніемъ, и болѣе чѣмъ сотнею душъ умножилось Русское Керченское народонаселеніе.

А покамѣсть дни тяжело шли для меня за днями, и я начиналъ уже терять надежду на полученіе отъ Палена обѣщаннаго officialнаго приглашенія. Съ какимъ-то внутреннимъ остервененіемъ, я почти рѣшился, если нужно, остаться часть зимы, не подавая просьбы объ отставкѣ и, воздерживаясь отъ малѣйшей запальчивости, хладнокровно продолжать войну свою съ Греками, въ то время когда Европейскія державы начинали вооружаться за нихъ. Наконецъ, когда уже переставалъ я думать объ Одессѣ, получилъ бумагу изъ нея и поспѣшно собрался въ дорогу. Сдавъ должность свою Синельникову, въ Воскресенье 10 Октября, безъ прощаній и проводовъ, оставилъ я Керчь.

VIII.

Погода была чудесная; казалось, что наступила новая весна. Въ Θεодосіи остановился я только съ тѣмъ, чтобы отобѣдать у Богдановскаго и переночевать: нечего было уже мнѣ въ ней видѣть и узнавать. Утро, въ которое на другой день рано оставилъ ее, не иначе умѣю назвать какъ радостнымъ; физическое наслажденіе, которое я чувствовалъ, объяснить нельзя; оно заставило меня забыть все житейское.

Я пріостановился немного на первой станціи, называемой Кринички, отъ которой влѣво поворачиваетъ дорога въ извѣстную Судакскую долину. Не помню кому тогда принадлежало это имѣніе*), почтовый же домикъ былъ хорошъ и опрятенъ, а за нимъ находился преобширный господскій садъ, хорошо содержанный, и мнѣ захотѣлось по немъ прогуляться. Также былъ тутъ обильный родникъ или криница, давшая названіе сему мѣсту; предупреждали всѣхъ, чтобы не пили изъ нея, утверждая, что часто производитъ она лихорадку; и неудивительно: вода въ ней чрезвычайно студеная, и въ ужасные жары спѣшатъ утолить ею жажду свою. Листья и на половину еще не облетѣли съ деревьевъ, и я упивался не водой, а такимъ бальзамическимъ воздухомъ, какимъ никогда не случалось дышать мнѣ на Сѣверѣ.

Тотъ же день остановился я опять въ Карасу-Базарѣ, который не могъ видѣть въ первый проѣздъ черезъ него. Пока строился и все не достроивался Симферополь, главные военное и губернское начальства въ немъ помѣщались. Любопытенъ мнѣ показался этотъ Азіат-

*) Нынѣ имѣніе сіе сдѣлалось собственностію знаменитаго живописца нашего Айвазовскаго.

ской городокъ, который живетъ своею внутреннею торговлею. Ея душою Караимы еще болѣе чѣмъ Армяне; но что такое первые? Всѣ скажутъ: Жиды. Нынѣ достовѣрно доказано, что они остатокъ древняго, сильнаго Хазарскаго народа, совсѣмъ не Иудейскаго происхожденія, хотя и принявшаго Моисеевъ законъ и сокрушеннаго Византійской имперіей въ X вѣкѣ съ помощію нашего Великаго Владимира. Они одѣты одинаково съ Татарами, говорятъ единственно ихъ языкомъ и болѣе чѣмъ другіе чуждаются Евреевъ-Талмудистовъ. Они слывуть самыми честными людьми; вообще все мнѣ въ нихъ понравилось: и откровенная наружность, и живость взглядовъ, и большая опрятность, отличающая ихъ отъ другихъ жителей Крыма. Одинъ изъ нихъ, довольно богатый, предложилъ мнѣ переночевать у него, но я предпочелъ прежнюю квартирку за городомъ.

Когда 12 числа рано поутру пріѣхалъ я въ Симферополь, то не засталъ въ немъ Нарышкина, который только что уѣхалъ въ Петербургъ на встрѣчу къ графу Воронцову, и я обѣдалъ у любезной его супруги. Управлялъ губерніей Лонгиновъ, и по приглашенію его, въ угожденіе маленькому его тщеславію, 14, въ день рожденія вдовствующей Императрицы, хотѣлъ я быть у молебна въ соборѣ, гдѣ онъ долженъ былъ играть первую роль; но не такъ-то случилось. Еще 13-го, прогуливаясь вечеромъ, зашелъ я на принадлежащій дворянскому собранію преобширный дворъ, на которомъ какой-то пріѣзжій эквилибристъ увеселялъ и удивлялъ публику, состоящую по большей части изъ простонародія, своими прыжками по натянутой веревкѣ. Я сидѣлъ въ одномъ сюртукѣ, и мнѣ было почти жарко.

Зима, равно какъ и предтеча ея осень, въ Крыму всегда является неожиданнымъ несчастіемъ, ибо никогда не знаешь, когда, и все надеешься, что она не скоро придетъ. Весь Октябрь, а иногда весь Ноябрь, стоитъ такая погода, пользуясь которой я тогда не ѣхалъ, не путешествовалъ, а болѣе гулялъ. Вдругъ 14 Октября пошелъ мелкой дождикъ, воздухъ сдѣлался сыръ и небо пасмурно, что и помѣшало мнѣ идти въ церковь. Въ этотъ день обѣдалъ я у одного новаго знакомаго, страннаго человека, о коемъ слѣдуетъ поразсказать.

На окраинѣ площади-поля стояли незамѣтно рядомъ два дома. одинъ довольно большой, другой—премаленькой. Въ послѣднемъ, убѣгая отъ ужаснаго траггира, въ которомъ передъ тѣмъ останавливался, по найму занималъ я двѣ комнатки; другой принадлежалъ отставному поручику, Александру Ивановичу Султану-Керимъ-Гирееву. Судьба его была столь же странна, какъ онъ самъ и сочетаніе имянъ его. Въ Кавказскихъ горахъ, одинъ Англинской миссіонеръ проповѣдывалъ христіанскую вѣру и никого не успѣлъ обратить въ нее, кромѣ одного

молодаго мальчика изъ Черкесовъ. Оттуда едва успѣлъ онъ унести ноги и увезти съ собою юнаго прозелита. Какъ съ трофеемъ явился онъ съ нимъ въ Шотландію и сталъ выдавать его за потомка Гиреевъ, царствовавшихъ въ Тавридѣ; послѣ того женилъ онъ его на милой дѣвочкѣ Нильсенъ, методисткѣ или квакершѣ. Когда Библейское Общество въ Россіи усилилось, то Пинкертонъ, глава его въ Эдинбургѣ, отправилъ молодую чету въ Петербургъ, гдѣ она была принята не только благосклонно, даже милостиво. Мужу данъ прямо чинъ поручика, только отставнаго, а женѣ большой участоѣ земли на Южномъ берегу, вспомогательная сумма на обработываніе ея и по шести тысячъ рублей ассигнаціями ежегоднаго пенсіона. Потомъ послали ихъ въ Крымъ для распространенія вѣры ихъ (право, не знаю какой) не только между Татарами, пожалуй, хотъ между Русскими. Крещеный Султанъ имѣлъ столь же мало успѣха, какъ и креститель его; впрочемъ, онъ мало о томъ заботился. Александръ Ивановичъ занимался болѣе размноженіемъ своего семейства *) и своего состоянія, когда я познакомился съ нимъ и когда по сосѣдству пришелъ онъ ко мнѣ съ приглашеніемъ на обѣдъ.

Это былъ добрый, честный полудикарь, котораго характеръ ни сектеризмъ, ни кротость жены не могли совершенно смягчить, котораго опасно было сердить и трудно унимать; а она, не лишенная еще прелестей, была образъ первобытной христіанки, смиренно готовой на мученичество. Онъ клялся всегда одной Англійей, которой обязанъ былъ полупросвѣщеніемъ, и чуждался Россіи, которая дала ему пріютъ и состояніе (видно, уже наша доля такая); а она отечествомъ, казалось, почитала небо, а землю временнымъ изъ него изгнаніемъ. За столомъ былъ онъ говорливъ, даже шумень, а она молчалива, съ потупленными взорами и пріятной улыбкой, только что отвѣчая на вопросы; въ кушаньѣ также было нѣкоторое смѣшеніе Английскаго съ Татарскимъ. Всѣ эти противоположности показались мнѣ крайне любопытными.

Погода вновь переѣнилась по утру 15 числа, когда я опять долженъ былъ пуститься въ дорогу. Дожда не было, за то ужасный, сильный восточный вѣтеръ, еще довольно теплый, который то нагонялъ, то разгонялъ облака; по крайней мѣрѣ, онъ высушилъ землю, и я могъ не скакать, а летѣть по ней до Перекопа и за него. Въ Керчи завелся я легонькой, двумѣстной каретой; я получилъ ее отъ подрядчика Томазани и, право, не даромъ, а въ промѣнъ за почтовую мою коляску, съ прибавкою трехъ сотъ рублей ассигнаціями. На длинномъ пути изъ

*) Старшая дочь его, весьма красивая собою, гораздо послѣ подъ именемъ Султанши, удостоилась чести быть фрейлиной при Высочайшемъ дворѣ и жить во дворцѣ.

Петербурга какъ скучно, какъ грустно мнѣ бывало сидѣть въ темнотѣ закутаннымъ, закрытымъ отъ дождя, а тутъ могъ я хотя сквозь стекла свободно смотрѣть на Божій свѣтъ. Но на что было глядѣть въ этой отвратительной степи? Высохшая, побѣлѣвшая, высокая, кустообразная трава ковыль, силою вѣтра оторванная отъ корня, по дуновенію его кубаремъ катилась черезъ поле и попадала иногда подъ ноги лошадымъ. Быстрота ихъ бѣга, раздвояя воздухъ, производила другой вѣтеръ, разсѣкающій вихоръ, и оттого бѣдная каретка моя ужаснымъ образомъ качалась. Дни становились коротки, на ночь я всегда останавливался, и потому, не смотря на скорость ѣзды, въ этотъ день могъ я только сдѣлать 160 верстъ и выѣхать изъ полуострова. На станціи Чаплинкѣ нашелъ я дурной ночлеги, но и имъ удовольствовался.

Вѣтеръ утихъ 16 числа; сдѣлалось совершенно ясно, но что-то отмѣнно холодно, какъ иные говорятъ, сиверко. Не останавливаясь въ Каховкѣ, гдѣ я передъ тѣмъ ночевалъ, по мосту переѣхалъ я чрезъ мой любезный Днѣпръ и перемѣнилъ лошадей въ незнакомомъ мнѣ еще городѣ Бериславѣ, бывшемъ Кизикирменѣ. Онъ разбросанъ и разсѣянъ на большомъ пространствѣ, и я только кончикъ его могъ увидѣть. Отъ него еще отѣхалъ я двѣ станціи; въ имѣніи, заселенномъ княземъ Потемкинымъ, доставшемся племяннику его Василью Васильевичу Энгельгардту, называемомъ, кажется, Тягивка, остановился я и попросилъ, чтобы меня куда нибудь пустили ночевать. Мнѣ сказали, чтобы я ѣхалъ на дворъ къ управляющему; онъ былъ въ отлучкѣ, а вмѣсто его приняли меня двѣ хозяйки, жена и теща его, и пригласили меня къ себѣ. Тутъ Польское шляхетное семейство занимало весь господскій домъ, довольно просторный, и я могъ подивиться великолѣпію сдѣланнаго мнѣ приѣма. Всѣ комнаты освѣтились восковыми свѣчами, и два часа (время едва достаточное для приготовленія славнаго ужина) дамы продержали меня у себя въ гостиной, меня, утомленнаго и голоднаго (ибо два дни я ничего почти не ѣлъ). Со свойственною Полькамъ любезностію старались онѣ меня занимать, а я къ тому почти былъ не чувствителенъ. Послѣ ужина, за которымъ не нужно было меня потчивать, повели меня въ особую комнату, положили на роскошную постель съ батистовыми простыней и наволоками и покрыли розовымъ атласнымъ стеганымъ одѣяломъ. Такое гостепріимство должно приписать скукѣ, которую эти бѣдныя женщины претерпѣваютъ въ уединеніи, а вмѣстѣ съ тѣмъ, показываетъ, какъ велики должны быть доходы съ имѣнія, когда и управитель пользуется толикими пріятностями жизни. Вотъ что подумалъ я, сладостно засыпая.

Я забылъ приказать, чтобы меня поранѣе разбудили; оттого проспалъ я до девятаго часа утра; потомъ пошло чайничаніе, что и про-

держало меня еще нѣсколько времени. Первый легонькій морозъ былъ на зарѣ этого 17 числа, и я увидѣлъ кровли ивеемъ покрытыя. Я спѣшилъ въ Херсонъ, до котораго оставалась одна только станція. Мнѣ желательно было въ первый разъ посмотрѣть на городъ, почти мѣсто рожденія моего (ибо черезъ три мѣсяца по оставленіи его родителями моими, явился я въ свѣтъ). Но, о горе! пошелъ ужасный снѣгъ, сдѣлалась просто вьюга, мятель, когда я подѣзжалъ къ нему: зги было не видать, пока на почтовомъ дворѣ перемѣнялъ я въ немъ только лошадей. «Да это по нашихъ, какъ иные говорятъ, и стѣдуетъ ли жить въ Южномъ краю, чтобы видѣть такіе ужасы», сказалъ я себѣ. Шестьдесятъ верстъ оставалось до Николаева, и весь передрогнувъ остановился я въ немъ, хотя было еще свѣтло. Скорѣе велѣлъ я подать себѣ что-нибудь поѣсть и затопить каминъ, случившійся въ комнатѣ трактира, въ которомъ я остановился. На другой день, 18 Октября, проснулся я до свѣта и, не повидавшись ни съ кѣмъ, уѣхалъ изъ Николаева. Не оставалось и слѣдовъ вчерашняго снѣга, но сдѣлалось холодновато и сыро. Часу въ пятомъ вечера пріѣхалъ я въ Одессу и остановился на Итальянской улицѣ, въ большихъ комнатахъ Отелы де-Сикара, какъ подобало званію моему, при довольно хорошихъ денежныхъ обстоятельствахъ. Впрочемъ, всѣ эти квартиры осенью и зимой становятся гораздо дешевле лѣтняго.

Когда, 19-го, явился я къ Палену, встрѣтилъ онъ меня не холодно, но съ примѣтнымъ замѣшательствомъ. Онъ принужденъ былъ объявить мнѣ, что изъ Керчи получена на меня ужаснѣйшая жалоба. Мы стали объясняться, и мнѣ тотчасъ пришло въ голову, что причиною всему былъ Ланжеронъ. Вы точно угадали, сказалъ онъ. Сколько разъ твердилъ онъ ему: это не губернаторъ, а паша, тиранъ. Да давно ли я самъ былъ тамъ, отвѣчалъ Палень, и не могъ замѣтить и тѣни неудовольствія. Погодите, погодите, возражалъ тотъ, вы все увидите изъ просьбы, которую получите (потомъ нѣсколько разъ вѣтреныи старецъ прибѣгалъ справляться о полученіи ея). Послѣ отъѣзда моего Греки могли надѣяться, что я къ нимъ не ворочусь, тѣмъ болѣе, что и все имущество мое безъ себя велѣлъ я укладывать; изъ чего же они бились? Имъ хотѣлось мести, имъ хотѣлось заставить думать, что они меня выжили. Стараясь имѣть и чиновниковъ на своей сторонѣ, Скасси тайно переписывался съ Синельниковымъ и увѣрялъ его, что хлопочеть о назначеніи его моимъ преемникомъ; этотъ болванъ тому вѣрилъ, а Минарскій съ его согласія и вѣдома писалъ просьбу. Въ хорошихъ рукахъ находился я! Обо всемъ обстоятельно послѣ увѣдомленъ я былъ Щиржецкимъ и Гудимомъ.

При формальномъ отношеніи графъ Паленъ препроводилъ ко мнѣ копію съ помянутаго прошенія. Оно было подписано нѣсколькими сотнями *однихъ* Грековъ, и въ главѣ подписчиковъ, разумѣется, находилось имя главы городского, Хамаритѣ, заправлявшаго маленькимъ имѣніемъ Ланжерона. Исторія этого дѣла можетъ показаться не весьма любопытною; для того постараюсь укоротить ее, представивъ единственно содержаніе просьбы, обвиненія на меня и мои отвѣты. Греки утверждали, во первыхъ, будто я, неизвѣстно по какой враждѣ къ нимъ, всѣхъ людей, принадлежащихъ къ ихъ націи, велѣлъ выгонять изъ службы. Въ доказательство противнаго, ссылаясь на недавнія представленія мои объ опредѣленіи иныхъ Грековъ къ мѣстамъ, о повышеніи другихъ чинами, прибавляя, что судьямъ и лавочникамъ дѣйствительно воспретилъ я числиться на службѣ. 2-е, будто бы я, подъ предлогомъ выпрямленія улицъ, безжалостно ломаю обывательскіе дома и, между прочимъ, сломалъ домикъ, единственное достояніе и убѣжище бѣдной вдовы. На это отвѣчалъ я, что въ Строительномъ Комитетѣ, который собиралъ я раза два-три, при разсмотрѣніи Высочайше утвержденнаго плана, случилось мнѣ на немъ указывать мѣста, на коихъ, вѣроятно, со временемъ нѣкоторые строенія должны будутъ подвергнуться сломкѣ, но что по моему приказанію ни одной черепицы дотолѣ не было снято съ кровли; что же касается до хижины бѣдной вдовы, то она безъ двора и призора стоитъ поперекъ улицы въ самомъ тѣсномъ и проходномъ мѣстѣ, безпрестанно угрожая паденіемъ и давно оставлена самой хозяйкой, изъ опасенія быть раздавленною; что я предлагалъ жителямъ купить ее за 140 рублей ассигн., запрошенныхъ владѣлицей, тогда какъ одни матеріалы стоятъ втрое болѣе, но что Дума не изъявила согласія, и домишко стоитъ еще не тронутымъ. Наконецъ, 3-е, что я бросилъ Керчь, поселился на хуторѣ и туда никого не велѣлъ пускать къ себѣ. Оставаясь на городской землѣ, сказалъ я въ возраженіи моемъ, не покидалъ я города; пріѣздъ ко мнѣ на хуторъ никогда и никому не былъ воспрещенъ, разстояніе такъ близко, что безъ большаго труда можно было туда ѣздить, а что, впрочемъ, и сіе было не нужно, ибо три раза въ недѣлю принималъ я всѣхъ въ городскомъ домѣ. Все была одна подобная сему явная ложь, которую такъ легко мнѣ было опровергнуть. Въ заключеніи своемъ говорятъ Греки, что если я не буду удаленъ отъ должности, они всѣмъ населеніемъ оставятъ Россію, и что подобная сему просьба отправлена отъ нихъ и къ управляющему Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ.

Весь этотъ вздоръ встревожилъ графа Палена гораздо болѣе чѣмъ меня. Ничего въ этомъ родѣ не встрѣчалось во время его управленія, коего постоянная типина была тѣмъ нарушена. Такая гадкая дерзость

должна была возмутить чистоту души его; негодование свое едва могъ онъ скрыть отъ Ланжерона. Получивъ отъ меня письменныя объясненія, сколько припомню, слѣдующимъ образомъ отвѣчалъ онъ жителямъ Керчи. Они поступили совершенно въ противность законовъ, не избравъ кого либо между себя для принесенія жалобы, а подписавъ ее цѣлымъ міромъ. Обманъ въ ней столь очевиденъ, что нѣтъ никакой надобности дѣлать по ней какое либо изслѣдованіе. Будучи Русскими подданными, они не могутъ оставить Россію безъ Высочайшаго соизволенія; условія въ этомъ случаѣ съ правительствомъ походятъ на угрозу и показываютъ возмутительный духъ. За это должны бы они быть подвергнуты строжайшему наказанію, но какъ градоначальникъ увѣряетъ, что все сдѣлано ими по невѣдѣнію и по наущенію злонамѣренныхъ людей, то во вниманіе къ его ходатайству за нихъ, онъ, Паленъ, сему дѣлу не хочетъ дать дальнѣйшаго хода. Это, конечно, единственная энергическая, грозная бумага, которую подписалъ онъ во время управленія своего. Копію съ нея отправилъ онъ къ Лаяскому, отъ котораго, то есть подъ именемъ котораго, отъ товарища его Дашкова, мнѣ столь благопріятствующаго, полученъ былъ въ Керчи отзывъ, писанный въ томъ же смыслѣ.

Послѣ того все утихло, все притихло. Скасши соумышленниковъ своихъ пересталъ возбуждать къ новымъ подвигамъ; въ Ноябрѣ со дня на день ожидали въ Петербургъ графа Воронцова.

Итакъ, два раза въ Новороссійскомъ краю восторжествовалъ я надъ несправедливостію моихъ враговъ: въ первый разъ по случаю непріятности у меня съ Молдавскими боярами, мнѣ было это довольно лестно; борьба же съ этою сволочью нѣсколько унижала меня въ собственныхъ глазахъ моихъ.

Но довольно о Керчи; постараюсь на время забыть объ ней, и веселая моя Одесская жизнь поможетъ мнѣ въ томъ.

Прежде всего буду говорить о новыхъ сношеніяхъ моихъ съ Ланжерономъ и желаю, чтобъ и другимъ показались они столь же забавными, какъ и мнѣ самому. Я пошелъ къ нему будто являться; онъ принялъ меня сухо и величаво и вдругъ спросилъ, чтò у васъ хорошаго подѣлывается въ Керчи?—Да, кажется, ничего, все идетъ своимъ порядкомъ.—Какъ ничего, возразилъ онъ съ жаромъ, жалоба цѣлаго города на вопіющія притѣсненія начальства, ничего по мнѣнію вашему? Прехладнокровно отвѣчалъ я: «Сущая бездѣлица, о которой, право, не стоить мнѣ много думать; одна ложь и клевета. Паленъ слишкомъ благодаренъ, чтобы не вступить за меня; Воронцовъ, котораго ожидаютъ въ Петербургъ, сдѣлаетъ тоже, тамъ есть и другіе люди», и я пустился хвастаться предъ нимъ знаменитыми моими связями. Онъ не молвилъ

ни слова, на лицѣ его показалась ужасная досада, и онъ едва поклонился мнѣ, когда я началъ съ нимъ прощаться.

За то Паленъ съ каждымъ днемъ становился со мною любезнѣе. Были у него и нѣкоторые капризы: напримѣръ, онъ ужасно не любилъ, чтобы во время представленія кто-нибудь приходилъ въ его совсѣмъ отдѣльную ложу близъ сцены; всѣ это знали, и онъ всегда сидѣлъ одинъ, дабы безъ развлеченія наслаждаться музыкой, до которой онъ былъ великій охотникъ. Мнѣ сказалъ онъ: Зачѣмъ вамъ понапрасну тратиться? Когда бы вамъ ни вздумалось послушать оперу, приходите ко мнѣ въ ложу; я вамъ даю право живота и смерти въ ней, прибавилъ онъ, улыбаясь. Такой милости никто еще не удостоился, и я спѣшилъ воспользоваться ею. Войдя въ ложу, я только что поклонился ему и сѣлъ близъ него на мѣстѣ своемъ; у насъ не было никакого условія, а во все продолженіе перваго акта я съ нимъ рта не открывалъ, и онъ казался предоволенъ. Началось междодѣйствіе, онъ пошелъ навѣщать другія ложи, и я остался одинъ.

Насупротивъ въ такой же ложѣ сидѣлъ Ланжеронъ съ супругой и также, какъ всѣ, дивился изъявленію столь необычайной пріязни. Я могъ замѣтить, что онъ исчезъ, а минуты черезъ деѣ за мною послышался мнѣ шорохъ. Я обернулся, всталъ и подошелъ къ занавѣскѣ или портьерѣ у дверей; изъ-за угла ея почти въ тѣни показалась голова Ланжерона, который въ полголоса сказалъ мнѣ: «Послушайте, шеръ Вигель, знаете ли вы, что за васъ досталось мнѣ отъ графини? Она не можетъ мнѣ простить, что я не позвалъ ее, когда вы были у меня. Она поручила мнѣ на завтра звать васъ къ себѣ обѣдать. Ко мнѣ бы вы, можетъ быть, не поѣхали; но не будете столь неучтивы, чтобы отказать дамѣ». Я поклонился и сказалъ, что буду. Когда передъ поднятіемъ занавѣсы воротился Паленъ, я успѣлъ рассказать ему о происходившемъ въ его отсутствіе. Возможно ли сердиться на этого человѣка? сказалъ онъ засмѣявшись. Но какъ же и уважать его?

Итакъ, въ слѣдующій день пошелъ я обѣдать въ непріятельскій станъ. Хозяйка, неизмѣнная въ чувствахъ своихъ, какъ и всегда приняла меня съ искреннею ласкою; хозяинъ же старался быть любезнымъ, веселымъ, но все какъ-то не клеилось. Онъ имѣлъ на меня особое неудовольствіе, о причинѣ котораго узналъ я вскорѣ. Соль, добываемую на озерахъ его, близъ Кумышь-Буруна, Хамарито хотѣлъ продавать на Бугазѣ, а Керченская таможня ея не пропустила. Департаментъ внѣшней торговли строго предписалъ ей Горцамъ, нуждающимся въ соли, не иначе отпускать ее за Кубань, какъ самой лучшей доброты, дабы сохранить ихъ довѣренность; а Ланжероновская соль была самаго худшаго качества, вся перемѣшенная съ иломъ и грязью. Меня, не въ-

даваго о томъ, обвинялъ онъ и Французскимъ письмомъ жаловался Палену, которому до того никакого дѣла не было. Въ этомъ письмѣ, которое мнѣ показывали, утверждаетъ онъ, что онъ совершенно знаетъ Русскіе законы и Русскій языкъ, и въ доказательство того выписываетъ по русски законъ на сей предметъ. «Владѣльцовъ земли, указуйтъ Эмператрисъ Екатерины, продайтъ своимъ соли по вольнымъ цѣна».

У графини Ланжеронъ была старшая сестра Генриетта Адольфовна, вдова нѣкоего Аркудинскаго, во второмъ замужествѣ за отставнымъ генераль-маіоромъ Павломъ Сергѣевичемъ Пущиннымъ. Съ своими дебелий природы, была она общительна, весела, гостепріимна, и нерѣдко лучшее Одесское общество собирала у себя на вечерахъ, кой, по ея приглашенію, съ удовольствіемъ я посѣщаль. Мужъ ея принималъ всѣхъ учтиво и весьма приличнымъ образомъ игралъ роль хозяина. О немъ, какъ о бригадномъ начальникѣ въ дивизіи Орлова, некстати попавшемся въ либералы и за то лишившемся службы, мимоходомъ уже говорилъ я; надобно еще что нибудь къ тому прибавить. Нѣкогда камерпажъ, офицеръ и потомъ полковникъ въ Семеновскомъ полку, онъ, разумѣется, часто бывалъ въ Петербургскихъ обществахъ. Держать въ нихъ себя пристойно, не слишкомъ выставлятъ себя, говорить недурно по французски достаточно было тогда, чтобы почитаться образованнымъ человѣкомъ; и всѣ сіи условія выполнялъ онъ, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Одессѣ. Никогда, бывало, ничего умнаго не услышишь отъ него; никогда ничего глупаго онъ не скажетъ. Онъ былъ въ числѣ тѣхъ людей, которыхъ иногда называютъ, но о коихъ никогда не говорятъ. Счастливые люди, какъ безмятежно течетъ ихъ жизнь!

Мы однакоже съ нимъ иногда разсуждали кой о чемъ. Не съ досадою, а съ сожалѣніемъ говорилъ я ему о нападеніяхъ на меня свояка его; притомъ объяснилъ, что къ дѣлу о соли я такъ мало причастенъ, что узналъ о немъ только въ Одессѣ. А онъ возьми да и перескажи Ланжерону. Черезъ нѣсколько дней сей послѣдній, встрѣтивъ меня, осыпалъ упреками: да какъ я могъ повѣрить, да какъ я могъ вообразить себѣ? Потомъ поклялся мнѣ *честію*, что въ этомъ вздорномъ дѣлѣ былъ онъ совсѣмъ постороннимъ. Я уже, право, и не зналъ, что о немъ подумать. Видно, тотъ правъ, который сказалъ о нѣкоторыхъ Французахъ: *criminel sans penchant, vertueux sans dessein*. По крайней мѣрѣ послѣ того мы жили ладно.

Исключая двухъ многореченныхъ графовъ, было тогда еще въ Одессѣ два высокочиновныхъ графа. Графа Северина Потоцкаго и графа Витта зналъ я уже за четыре года предъ тѣмъ, изобразилъ ихъ,

но тутъ только съ ними познакомился. Всѣ вмѣстѣ составляли не только сіятельную, но, по мнѣнію моему, въ разныхъ родахъ блестящую четверку. Всѣ ко мнѣ казались отмѣнно благосклонны, только Палень и Ланжеронъ съ нѣкоторой стороны не совсѣмъ баловали меня; каждый изъ нихъ по одному только разу удостоилъ меня своимъ посѣщеніемъ. Графъ же Потоцкій, погулявши пѣшкомъ, часто заходилъ ко мнѣ отдохнуть и побесѣдовать. Виттъ дѣлалъ тоже, но только рѣже.

Причиною особаго ко мнѣ благоволенія Витта была незаконная связь его съ одною женщиною и ею мнѣ оказываемая пріязнь. Каролина Адамовна Собаньская, урожденная графиня Ржевуская, разводная жена, составила съ нимъ узы, кои бы легко могли быть извиняемы, если бы хотя немного прикрыты были тайной. Сколько разъ видѣли мы любовниковъ, пренебрегающихъ законами свѣта, которые покидаютъ его и живутъ единственно другъ для друга. Тутъ ничего этого не было. Напротивъ, какъ бы гордясь своими слабостями, чета сія выставляла ихъ на показъ цѣлому міру. Сожитіе двухъ особъ равнаго состоянія предполагаетъ еще взаимность чувствъ: Виттъ былъ богатъ, расточителенъ и располагалъ огромными казенными суммами; Собаньская никакой почти собственности не имѣла, а наряжалась едва ли не лучше всѣхъ и жила чрезвычайно роскошно, слѣдственно не гнушалась названіемъ наемной наложницы, которое иные ей давали. Давно уже извѣстно, что у Полекъ нѣтъ сердца, бываетъ только тщеславный или сребролюбивый расчетъ, да чувственность. Съ помощію перваго, завлекая могучихъ и богатыхъ, приобрѣтаютъ онѣ средства къ удовлетворенію послѣдней. Никакихъ нѣжныхъ чувствъ онѣ не питаютъ, ничто ихъ не останавливаетъ; сами матери совѣсть, стыдъ истребляютъ въ нихъ съ малолѣтства и научаютъ ихъ только искусству оболъщать.

Такъ сузу я нынѣ, и мнѣ кажется это довольно гадко; но тогда, ослѣпленный привлекательностію Собаньской, я о томъ не помышлялъ. Ей было уже лѣтъ подь сорокъ, и она имѣла черты лица грубыя; но какая стройность, чтò за голосъ и чтò за манеры! Двѣ или три порядочныя женщины ѣздили къ ней и принимали у себя, не включая въ то число графиню Воронцову, которая приглашала ее на свои вечера и балы, единственно для того, чтобы не допустить явной ссоры между мужемъ и Виттомъ; Ольга же Нарышкина-Потоцкая, хотя по матери и родная сестра Витту, не хотѣла имѣть съ ней знакомства; всѣ прочія также чуждались ея. Въ этомъ унижительномъ положеніи какую твердость умѣла она показывать и какъ высоко подыматься даже надъ преслѣдующими ее женщинами! Мнѣ случалось видѣть въ гостинныхъ, какъ, не обращая вниманія на строгіе взгляды и глухо шумящій женскій ропотъ негодованія, съ поднятой головою она бодро шла мимо всѣхъ

прямо не къ послѣднему мѣсту, на которое садилась, ну право, какъ бы королева на тронѣ. Много въ этомъ случаѣ помогали ей необыкновенная смѣлость (нынѣ ее назвалъ бы я наглостію) и высокое свѣтское образованіе.

Она еще дѣвочкой получила его въ Вѣнѣ, у родственницы своей, извѣстной графини Розаліи Ржевуской, дочери той самой княгини Любомирской, которая во время революціи погибла на эшафотѣ за безпредѣльную любовь свою къ Франціи. Салонъ этой Розаліи нѣкогда слылъ первымъ въ Европѣ по уму, любезности и просвѣщенію его посѣтителей. Нашей Каролинѣ захотѣлось нѣчто подобное завести въ Одессѣ, и ей нѣсколько удалось. Паленъ и Потоцкій часто бывали то на утреннихъ, то на вечернихъ ея бесѣдахъ и веселостію ума оживляли на нихъ разговоръ; Витта считать нечего, онъ имѣлъ собственный домъ, а проводилъ тутъ дни и ночи; Ланжерона строгая жена не пускала къ ней. Вообще изъ мужскаго общества собирала она у себя все отборное, прибавляя къ тому много забавнаго, потѣшнаго, между прочимъ одну г-жу Кирикѣ и одного г. Спада, о которыхъ говорено будетъ послѣ. Изъ Вознесенска, изъ военныхъ поселеній пріѣзжали къ ней ва поклоненіе жены генераловъ и полковниковъ, мужья же ихъ были передъ ней на колѣнахъ. Не смотря на свои аристократическія претензіи, она высватала меньшую сестру свою за одного весьма богатаго, любезнаго и образованнаго негоціанта Ивана Ризнича, который въ угожденіе ей давалъ пышные обѣды, что и составляло ей другой домъ, гдѣ она принимала свое общество. Такое существованіе было довольно пріятно и совсѣмъ не уединенно, и она тѣшила мыслью, что позорный ея триумфъ производитъ зависть въ женщинахъ, вѣрныхъ своему долгу.

Имѣя отъ Витта обѣщаніе жениться на ней, она заблаговременно хотѣла пользоваться правами супруги; онъ же просилъ о разводѣ съ законной женой, которая тому противилась, и съ ея же согласія тайно старался дѣлать тяжбу по этому дѣлу. У Собаньской было много ума, ловкости, хитрости женской и, повидимому, самый вѣрный расчетъ; но былъ ли въ ней расудокъ? Вся жизнь ея прежде и послѣ доказывала противное. Блестящая сторона ея поразила мой умъ, но отнюдь не проникла въ сердце; а какъ къ удивленію, которое производятъ въ насъ женщины, всегда примѣшивается нѣсколько нѣжности, то и сочтено это страстію; дамы жалѣли обо мнѣ, а я внутренно тѣмъ забавлялся. Я такъ много распространился объ этой женщинѣ, во первыхъ, потому, что она была существо особаго рода, и потому еще, что въ домъ ея находилъ большую отраду. Изъ благодарности питалъ я даже къ ней нѣчто похожее на уваженіе; но когда

нѣсколько лѣтъ спустя узналъ я, что Виттъ употреблялъ ее и серіознымъ образомъ, что она служила секретаремъ сему въ рѣчахъ столь умному, но безграмотному человѣку и писала тайные его доносы; что потомъ изъ барышей поступила она въ число жандармскихъ агентовъ: то почувствовалъ необоримое отъ нея отвращеніе. О недоказанныхъ преступленіяхъ, въ которыхъ ее подозрѣвали, не буду и говорить. Сколько мерзостей скрывалось подъ щеголеватыми ея формами!

Болѣе двухъ лѣтъ не былъ я въ Одессѣ и долженъ былъ найти нѣкоторыя перемѣны въ ея обществѣ. Изъ безчисленной свиты Воронцова бѣльшая часть оставалась въ ней; нельзя же было ему весь этотъ длинный хвостъ тащить за собою въ Англію, и при немъ находился одинъ только молодой Сафоновъ. Казначеевъ уѣхалъ въ Петербургъ на встрѣчу къ своему графу, а жена его и безъ него даже принимала гостей. Левшинъ на казенный счетъ путешествовалъ за границей. Изъ числа служившихъ при графѣ Воронцовѣ со времени управленія его четверо успѣли жениться. О неудачной, невыгодной женитьбѣ барона Франка уже говорилъ я. Также намекалъ я, кажется, о болѣе счастливомъ супружествѣ Марини съ дѣвицею Фраполи; сія любезная чета жила уже домкомъ и была посѣщаема короткими и пріятелями.

Какъ назвать мнѣ насильственный бракъ Брунова? Инженерный генералъ Лѣхнеръ, въ чинѣ полковника находясь въ Стокгольмѣ при Сухтеленѣ, женился на хорошенькой, бѣдной Шведочкѣ, по имени Брюсъ, будто бы происходившей отъ Шотландскихъ королей. Въ Одессѣ всѣ плѣнялись ея личикомъ, фигуркою и особенно танцами. Не понимаю, какъ могъ ей понравиться Бруновъ, когда мужъ ея, конечно, невзрачный и неуклюжій во сто разъ былъ его красивѣе. Всѣмъ была извѣстна эта связь, но въ снисходительной Одессѣ мало говорили о томъ, какъ одѣлъ самомъ обыкновенномъ. Когда же секретъ комедіи пересталъ имъ быть для мужа, онъ прогнѣвался. Между протестантами получить разводъ весьма легко; симъ не удовольствовался раздраженный Лѣхнеръ, вызвалъ соблазнителя на дуэль и, такъ сказать, съ пистолетомъ въ горлу, заставилъ его жениться на соблазненной. Жили ли Бруновы потомъ счастливо, сказать не умѣю, только жили уединенно; однако часто, весьма часто посѣщалъ ихъ Паленъ, что было чрезвычайно пріятно неревнивому новому супругу.

Истинно-счастливымъ супругомъ нашелъ я одного Лекса. Нельзя было искать ему невѣсты въ кругу называемомъ блестящимъ; добрые люди нашли ему подругу въ купеческомъ сословіи. Спрота, оставшаяся послѣ довольно богатаго торговца Кленова, въ малолѣтствѣ лишившаяся матери, а вскорѣ потомъ и единственнаго брата, была такъ

счастлива, что наслѣдство ея полученное попало въ руки добросовѣстныхъ опекуновъ, которые умножили его. Говорили послѣ, что у нея до двадцати пяти тысячъ ассигнаціями доходу съ домовъ, лавоѣ, хлѣбныхъ магазиновъ, а что-то о ней и слуху не было, и она, можно сказать, изъ-подъ спуду вышла за Лекса и явилась въ свѣтъ. Премолоденькая, прехорошенькая, премиленькая бабёночка была эта Варвара Евтѣевна, воспитанная въ Одесскомъ пансіонѣ обращенномъ послѣ въ Институтъ благородныхъ дѣвицъ. Жаль только, что въ немъ плохо учили по-русски, а по-французски она, видно, не успѣла выучиться и отъ того ни на одномъ изъ двухъ языковъ порядочно не умѣла говорить. Однако, вѣрно по привычкѣ, на иностранномъ безпрестанно какъ чечоточка болтала, подобно Богданѣвской или Лѣнтягиной въ «Чудакахъ» Княжнина, которая прелестнымъ языкомъ любила забавляться. Точно они были счастливы; послѣ двухлѣтняго супружества Лексъ все еще былъ влюбленъ въ жену свою, а она всѣмъ сердцемъ была къ нему привязана. Она была чрезвычайно молода, мало видѣла удовольствій, и ей хотѣлось повеселиться, а онъ не могъ отказать ей въ удовлетвореніи ея безвинныхъ желаній. Они завели у себя небольшіе балы, столь же скромные и веселые какъ они сами, почти единственные этой зимой въ Одессѣ; а какъ онъ игралъ самую важную роль при Паленѣ, то всѣ, начиная съ высокихъ особъ, охотно на нихъ ѣздили. Фортуна совершенно ему улыбалась, и онъ былъ ея достоинъ, никакъ не забываясь, не пьянѣя отъ ея даровъ.

Никто изъ адъютантовъ Воронцова не находился тогда въ Одессѣ: Шаховской вышелъ въ отставку, Синявинъ по особой протекціи проживалъ въ Петербургѣ, Херхеулидзе въ не знаю гдѣ (я о томъ не спросилъ). Одинъ Варламъ нѣсколько времени состоялъ при генералѣ Ротѣ, временно управляющемъ въ Новороссійскомъ краѣ по военной части, но скоро сошелъ въ могилу: повѣсть о печальной кончинѣ его приходится рассказать.

Самый младшій изъ шести братьевъ Сушковыхъ, Москвѣ и разнымъ губерніямъ извѣстныхъ смѣлостію своихъ поступковъ, которые нерѣдко имѣли для нихъ весьма непріятныя послѣдствія, Николай Васильевичъ, принялся было сперва за поэзію и довольно успѣшно, но вскорѣ потомъ бросилъ ее, чтобы заняться службой. Весьма молодымъ человѣкомъ былъ онъ совѣтникомъ Таврической казенной палаты и сильно поссорился съ вице-губернаторомъ Курутой. Онъ очень полюбился Воронцову, который въ этомъ дѣлѣ весьма несправедливо держалъ его сторону, за что, кажется, былъ онъ преслѣдуемъ Министерствомъ Финансовъ. Гораздо послѣ отъѣзда моего изъ Кишинева, по представленію покровительствующаго ему Воронцова, назначенъ былъ

онъ членомъ Бессарабскаго Верховнаго Совѣта на мѣсто опредѣленнаго при мнѣ и потомъ умершаго статскаго совѣтника Угрюмова. Варламъ въ то время гостилъ у слѣпаго отца. Причиною раздора его съ Сушковымъ была г-жа Фурманъ, равно къ обѣимъ привѣтливая; подробности же непріятныхъ между ими встрѣчъ мнѣ неизвѣстны. Разъ гдѣ-то, не умѣя отвѣчать на колкости Сушкова, глупый, вздорный и вмѣстѣ съ тѣмъ довольно трусливый, Варламъ въ запальчивости при всѣхъ далъ ему пощечину, и потомъ ну бѣжать, оставивъ шляпу и шинель. Тѣмъ не должно было кончиться: на слѣдующее утро вооруженные враги выѣхали за городъ въ условленное мѣсто, но самимъ Варламомъ предупрежденная полиція была въ засадѣ и не допустила ихъ до драки; начальство же вскорѣ подъ предлогомъ комиссіи разошло ихъ въ противоположныя стороны. Дѣло было серіозное, оно сдѣлалось національнымъ. Молодежь Молдаванская съ самодовольствіемъ твердила: вотъ какъ наши бьютъ Русскихъ! Торжество однако не было на сторонѣ Варлама; никто изъ Русскихъ, особенно изъ военныхъ его сослуживцевъ, не хотѣлъ ни говорить съ нимъ, ни глядѣть на него; Воронцовъ изъ Англіи велѣлъ написать къ нему, чтобы онъ искалъ другаго начальника, а что съ такимъ пятномъ онъ при немъ остаться не можетъ. Приведенный въ отчаяніе, онъ тайно согласился, наконецъ, на возобновленіе поединка. Между тѣмъ все казалось забытымъ, какъ вдругъ узнали, что Сушковъ, проѣзжая чрезъ Тирасполь, въ немъ остановился, что господа сіи стрѣлялись въ полѣ и что Варламъ палъ отъ руки своего противника. Кажется, и тутъ ожидалъ онъ помощи; она опоздала, однако успѣла схватить виновнаго на мѣстѣ преступленія. Нѣсколько мѣсяцевъ содержался онъ въ Тираспольской крѣпости, былъ судимъ, осужденъ, прощенъ, и время заключенія его сочтено ему за наказаніе. Потомъ отправился онъ опять на Сѣверъ и довольно счастливо продолжалъ тамъ службу.

Зная, что Воронцовъ иныхъ людей почитаетъ своею собственностію, иногда караетъ ихъ, но всегда готовъ ихъ миловать, Казначеевъ поѣхалъ къ нему въ Петербургъ. Другіе два опальные, Бруновъ и Франкъ, не рѣшились на то: ихъ женитьба была причиною совершенной къ нимъ немилости. Обѣимъ Курлянцамъ и пріятелямъ житье было у Палена. Почитая и меня недовольнымъ, но только осторожнымъ въ рѣчахъ, и мнѣ оказывали совершенное благорасположеніе. Въ день именинъ моихъ 14 Ноября Бруновъ пріѣзжалъ меня поздравить; мнѣ жалъ, что я не успѣлъ предупредить васъ, сказалъ я ему; а онъ отвѣчалъ, что онъ протестантскій Филиппъ и самъ не знаетъ, когда бываетъ именинникъ.

На Франка имѣлъ я небольшую досаду. По его просьбѣ чиновникомъ по особымъ порученіямъ при себѣ съ жалованьемъ, опредѣлилъ я младшаго брата его, отставнаго штабс-ротмистра барона Александра Франка, нѣсколько помѣшаннаго, какъ сказали мнѣ послѣ. Онъ явился ко мнѣ передъ самымъ выѣздомъ моимъ изъ Керчи. Когда же безъ меня поднялась тамъ тревога, онъ почелъ меня погибшимъ, сблизился со злѣйшими изъ моихъ непріятелей, сдружился съ ними и сталъ гласно порицать мои поступки. Узнавъ о томъ, я нашелъ, что тутъ болѣе подлости, чѣмъ сумасшествія. Нельзя мнѣ было брата его не упрекнуть за такой подарокъ. Вы напрасно хорошо его приняли, такихъ людей надобно держать въ ежѣвыхъ рукахъ, сказалъ онъ. Я едва видѣлъ его и никогда не брался его воспитывать, отвѣчалъ я.

Жаль мнѣ, что я обѣщаль читателей моихъ познакомить съ двумя курьезными созданіями, Кирикò и Спада; но какъ быть, надо выполнить данное слово. Находившійся долго въ Бухарестѣ генеральнымъ консуломъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Лука Григорьевичъ Кирикò, Армяно-Католикъ, былъ просто человекъ необразованный и корыстолюбивый. Жена же его, съ молодости красotka, всегда въ обществѣ, изумляла его совершеннымъ невѣдѣніемъ приличій, какою-то простодушною, дѣтски-откровенною неблагопристойностію въ рѣчахъ и дѣйствіяхъ. Она мыслила вслухъ, никогда не смѣялась, за то всѣхъ морила со смѣху своими разсказами. Худенькая, живая, огненная, бѣда бывало, если кто ее раздражить; не смотря на то, мистификаціямъ съ ней конца не было. Изъ анекдотовъ объ ней составила бы книжица, но кто бы взялся ее написать и какая цензура пропустила бы ее? Я позволю себѣ привести здѣсь два или три примѣра ея наивнаго безчинства. Описывая счастливую жизнь, которую вела она среди Валахскихъ бояръ, говорила она мнѣ, какъ и многимъ другимъ: «Всѣ онѣ были отъ меня безъ памяти, а какъ эти люди не умѣютъ изъясняться въ любви, иначе какъ подарками, то и засыпали меня жемчугомъ, алмазами, шалами. Какъ же мнѣ было не чувствовать къ нимъ благодарности? Инымъ скрѣпя сердце оказывала ее; съ другими же, которые мнѣ болѣе нравились, признаюсь, предавалась ей съ восторгомъ». Разъ поутру у Собаньской сидѣли мы съ Паленомъ; вдругъ входитъ мадамъ Кирикò, объявляетъ, что намѣрена провести тутъ цѣлый день и для того привезла съ собою рукодѣлье. Живость разговора не позволила сперва замѣтить, въ чемъ оно состояло; когда же Собаньская на столѣ увидѣла малиновое бархатное мужское исподнее платье, то почти съ ужасомъ вскрикнула: что это такое, моя милая? «Да такъ, отвѣчала она; вы знаете, какой мерзкой скряга у меня мужъ; съ трудомъ могла у него выпросить эту вещь; хочу ее здѣсь распороть и вы-

кроить изъ нея шпенцеры для дочерей». Съ трудомъ могли ее увѣрить, что это уже слишкомъ безцеремонно. Изъ этого можно посудить о прочихъ поступкахъ сей нарядной, даже превосходительной шутихи, которая, впрочемъ, кое-какъ выучилась по французски и давала у себя иногда вечера. Двѣ миленькія, скромныя дочки ея, Констанція и Валерія, перестали уже краснѣть отъ ея словъ, а показывали видъ будто ихъ не слышать. Вообще служила она публичнымъ увеселеніемъ, но Собаньская какъ-то особенно умѣла ея овладѣть.

Тотъ, котораго ставили ей въ пару, былъ совсѣмъ иныхъ свойствъ, чопорный, осторожный, размѣряющій слова свои. Португальскій Жидокъ Спада, мальчикомъ привезенъ былъ во Францію, крещенъ и воспитанъ у Кануциновъ, которые и постригли его монахомъ своего ордена. Во время революціи всѣ монастыри были уничтожены, и онъ явился въ Россію свѣтскимъ человѣкомъ и эмигрантомъ. Онъ одаренъ былъ большою памятью, зналъ числа всѣхъ важныхъ происшествій въ мірѣ, имена всѣхъ владѣтельныхъ государей въ Европѣ, предковъ ихъ и родословную ихъ фамилій; зналъ также наизусть множество стиховъ изъ Французскихъ классическихъ сочиненій. Хронологическія таблицы не суть еще исторія, и вытверженные стихи не доказываютъ еще большихъ познаній въ литературѣ, но и въ тогдашнее время, и особенно въ тогдашнемъ большомъ свѣтѣ, все это принято за ученость. Ему посчастливилось; за высокую цѣну въ знатныхъ домахъ находился онъ то домашнимъ секретаремъ, то чтецомъ, то библіотекаремъ, а болѣе всего собесѣдникомъ. Долѣе всего оставался онъ у князя Бѣлосельскаго, котораго дурные Французскіе стихи онъ переписывалъ и выслушивалъ ихъ съ подобострастіемъ. Раздѣляя мнѣнія Петербургскаго аристократическаго общества, какъ всѣ челядинцы домовъ его составляющихъ, смотрѣлъ онъ съ презрѣніемъ на просвѣщенныхъ, независимыхъ и даже богатыхъ людей, къ тому кругу не принадлежащихъ. По мѣрѣ какъ науки и истинное просвѣщеніе начали проникать и въ высшій кругъ, цѣнность Спады, хотя и не плата ему, стала ниспадать. Подъ конецъ находился онъ при графѣ Кочубеѣ, не знаю въ какомъ качествѣ, и отправился съ нимъ въ Крымъ и въ Одессу. Кажется, наконецъ, надобѣлъ онъ всему семейству, ибо нашли средство благотворнымъ образомъ освободиться отъ него. Для него создали въ Одессѣ мѣсто цензора иностранной литературы, съ довольно хорошимъ содержаніемъ. Тутъ все-таки могъ онъ подышать аристократическимъ воздухомъ: было довольно графовъ и князей съ Европейскимъ образованіемъ. Онъ не чуждался также иностранныхъ негоціантовъ, только самыхъ богатыхъ. Право дурачить его признавалъ онъ единственно въ людяхъ и женщинахъ, имъ знатными признаваемыхъ, и нѣкоторые изъ нихъ поль-

зовались имъ безчеловѣчно. Малаго роста, худенькій, стянутый, всегда опрятно одѣтый фертикъ, онъ могъ бы казаться молодымъ, еслибъ глубокія морщины на лицѣ и лысина во все пространство головы не обнаруживали его лѣтъ; къ тому же и дыханіе его было не весьма свѣжее. А онъ былъ чрезвычайно влюбчивъ и между тѣмъ по этой части довольно хвастливъ. Миѣ случилось подслушать, какъ онъ Собаньской рассказывалъ сцену свою съ графиней Кочубей. Увлеченный неодолимою страстію, одинъ разъ онъ палъ къ ея ногамъ, когда никого не было въ комнатѣ; вдругъ отворяется дверь, входитъ самъ Кочубей, останавливается, съ хладнокровіемъ государственнаго человѣка говорить: «меня это не удивляетъ, я давно того ожидалъ» и выходитъ вонъ.— «Что ты сдѣлалъ, воскликнула графиня, удались несчастный, ты насъ обоихъ губишь». Если это была и правда, то уже навѣрно напередъ приготовленная фарса. Его взяла съ собой Воронцова, когда версть за сорокъ вмѣстѣ съ Ольгой Нарышкиной и Киселевой, сестрой ея, она поѣхала на встрѣчу къ мужу; его посадили въ особую двумѣстную карету, съ весьма некрасивой горничною Ольги. По прибытіи на мѣсто свиданія, въ ожиданіи, остановились они въ довольно тѣсномъ помѣщеніи, куда горничная часто входила съ видомъ смущеннымъ, даже отчаяннымъ. Ее спросили о причинѣ ея горя, а она, указывая на Спаду, сказала: «зачѣмъ вы меня сгубили, зачѣмъ такъ долго оставили на единѣ вотъ съ этимъ извѣстнымъ соблазнителемъ?» Съ нимъ приняли видъ грозный, укоризненный и стали называть человѣкомъ во зло употребляющимъ довѣренность своихъ знакомыхъ. Тщетно клялся онъ и божился, почти плакалъ, увѣряя, что во всю дорогу даже не глядѣлъ на нее. «Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчали ему; она шляхтянка, слѣдовательно дворянка, и васъ будутъ умѣть заставить загладить вашъ проступокъ и женитьбой возвратить честь вашей жертвѣ». Несчастный вопилъ, что эта мерзавка, конечно, влюбилась въ него, къ тому же хочетъ сдѣлать выгодную партію. Нѣсколько дней потомъ трепеталъ онъ при мысли сего совсѣмъ не аристократическаго союза. Ольга Нарышкина, безжалостная, безсердечная, какъ всѣ Потоцкіе, поступала съ нимъ иногда хуже. Прогуливаясь пѣшкомъ, она попріятельски заходила навѣстить его въ опрятной, съ нѣкоторымъ кокетствомъ убранной его квартиркѣ. Желая будто ближе посмотреть на картинки, въ ней развѣшанныя, она съ грязными ногами лазила на канapé, на кресла и какъ бы ненарочно раздирала матеріи, ихъ покрывающія.

Забавные сіи два существа, Кирико и Спада ненавидѣли другъ друга. Онъ съ ужасомъ смотрѣлъ на нее, какъ на дикую женщину, она же видѣла въ немъ подлаго шута, а Собаньская старалась приглашать ихъ въ одно время. Благодаря Палена, находился я въ самомъ

веселомъ расположеніи духа, и оттого сіи каррикатурныя лица доставляли мнѣ иногда минуты блаженства; во дни скорби я увѣренъ, что безъ отвращенія не могъ бы я смотрѣть на нихъ.

Еще два человѣка умножали для меня пріятности тогдашней Одесской жизни, не имѣя, впрочемъ, ничего общаго съ предыдущими. Австрійскаго генеральнаго консула Тома отрекомендовалъ уже я публикѣ въ шестой части сихъ Записокъ. О Бларамбергѣ, директорѣ музеевъ Одесскаго и Керченскаго, не упомянулъ ни слова. Онъ обязанъ былъ каждое лѣто ѣздить въ Керчь, и передъ этимъ въ Іюнѣ онъ цѣлые три дня своимъ присутствіемъ освѣжалъ для меня духоту Керченской скуки. Онъ тоже былъ не молодъ лѣтами, имѣя ихъ около шестидесяти, но молодъ былъ онъ пылкимъ умомъ своимъ: при глубокой учености, особенно по археологической части, не было въ немъ и тѣни педанства. Оба имѣли страсть къ каламбурамъ, и когда бывало сойдутся у третьяго, Лавжерона, то начинается между ними настоящій бой. Хотя праздная, но разсѣянная жизнь моя давала мнѣ возможность только урывками посѣщать ихъ.

Изъ двухъ дамъ, о коихъ говорилъ я, описывая первое пребываніе мое въ Одессѣ, упомянулъ я лишь объ одной, объ Ольгѣ Нарышкиной, о графинѣ же Эделлингъ не сказалъ ни слова. Ту и другую встрѣчалъ я только на вечерахъ у Пуцдиной. Последняя изъ братолюбія почитала обязанностію на меня коситься и мало со мною говорить. Александръ Стурдза продолжалъ ото всей души ненавидѣть меня за Бессарабскія дѣла.

Что касается до мужа Ольги, Льва Нарышкина, то онъ велъ самую странную жизнь, то есть скучалъ ею, никуда не ѣздилъ и двѣ трети для проводилъ во снѣ. Она также мало показывалась, но дабы не отстать отъ привычки властвовать надъ властями, въ ожиданіи Воронцова, задумала плѣнить Палена и, къ несчастію, въ томъ успѣла. Изъ любви и уваженія къ нему никто не позволялъ себѣ говорить о семь маленькомъ его сумасбродствѣ.

Владычество Ольги надъ Паленомъ не простиралось такъ далеко, чтобы поссорить его со мною. Я продолжалъ пользоваться правомъ одинъ сидѣть съ нимъ въ ложѣ. Никогда еще не видалъ въ Одессѣ столь славной Итальянской труппы, какъ въ это время, и никогда послѣ подобной ей не бывало. Примадонна Амѣти была хороша, очень хороша, да и только. Двадцатилѣтняя же Морикони была чудесна, очаровательна и красотой лица, и стройностію тѣла, и искусствомъ играть и пѣть, а паче всего голосомъ контральто, который, я увѣренъ, съ трудомъ бы найти и въ самой Италіи. Мужественная красота Дезирѣ совершенно отвѣтствовала его голосу, густому басу, вмѣстѣ съ тѣмъ

нѣжному и гибкому. Тенора Молинели я только слушалъ, а не глядѣлъ на него; какъ можно было сочетать столь прелестный голосъ съ такимъ гадкимъ лицомъ, несносной игрой и подлой фигурой! Все что было для подставки—было также весьма не худо. Россини былъ тогда во всемъ своемъ могуществѣ, соперниковъ у него не было, и казалось, никогда не будетъ: оперы его, переведенныя на всѣ языки, игрались на всѣхъ театрахъ; въ Одессѣ другихъ тогда знать не хотѣли. Изъ безчисленнаго ихъ множества я назову только тѣ, кои болѣе другихъ меня восхищали: Семирамиду, Танкреда, Отелло. Послѣ жестокихъ нервныхъ страданій въ 1826 году, въ продолженіи лѣта 1827-го бралъ я въ Керчи ванны изъ морской воды; тѣмъ много успокоились мои бѣдные нервы, и оставшееся въ нихъ легкое раздраженіе умножало только мои музыкальныя наслажденія. Можно посудить, какія удовольствія доставлялъ мнѣ тогда Одесскій театръ.

Въ отношеніи къ политическимъ извѣстіямъ и дѣламъ Одесса была также любопытнымъ мѣстомъ. Едва ли мы не первые въ Россіи узнали о Наваринскомъ сраженіи. Оно обрадовало насъ не менѣ Грековъ. Впрочемъ, много гордиться, право, было нечемъ: три сильныя державы неожиданно напали на одну слабую; мы одни были обиженные, а въ этой битвѣ не играли даже главной роли. Въ этомъ однако какъ бы предполагалось намѣреніе раздѣлить Турцію, такъ же, какъ нѣкогда Польшу. Еще въ Керчи извѣстіе о рожденіи порфиророднаго Константина меня восхитило, а отъ чего? Право, самъ бы сказать не умѣлъ; тутъ по крайней мѣрѣ могло оно мнѣ казаться предзнаменованіемъ воздвиженія Креста во градѣ Константиновомъ. Купечество сначала нѣсколько пріуныло, ожидая, что вскорѣ потомъ послѣдуетъ разрывъ, и для иностранныхъ судовъ запрутся Босфоръ и Дарданеллы. Ко всеобщему удивленію однакоже всякій день корабли приходили и уходили въ продолженіи почти всего Ноября, въ самое худое время для мореплаванія. Испуганный султанъ показывалъ видъ, будто случившееся почитаетъ слѣдствіемъ какого-то недоразумѣнія. Между тѣмъ и въ войскѣ замѣтно было сильное движеніе: оно подвигалось къ Дунаю и Пруту, дабы при первомъ знакѣ броситься въ Турецкія владѣнія. И съ Петербургомъ также шла дѣятельная переписка какъ частная, такъ и официальная.

Тамъ удерживали нашего графа Воронцова гораздо долѣе, чѣмъ мы ожидали и чѣмъ самъ онъ намѣренъ былъ оставаться. Его присутствіе почитали необходимымъ для совѣщаній по предмету предпринимаемой войны. И дѣйствительно, его указанія и совѣты могли быть весьма полезны: управляя областями сопредѣльными съ театромъ будущихъ военныхъ происшествій, онъ давно и съ мѣстностями его хорошо былъ знакомъ. Дабы на что нибудь рѣшиться, и я сначала

дождался возвращенія его въ Одессу; но черезъ нѣсколько времени вотъ какъ раздумалъ я самъ съ собою: «Тебѣ извѣстно моральное могущество этого человѣка надъ тобою; нѣтъ сомнѣнія, что онъ будетъ склонять тебя не оставлять должности; ты не устоишь, особливо когда для успокоенія твоего онъ удалитъ нѣсколькихъ чиновниковъ,—и что же? Несчастный, тогда-то совсѣмъ ты будешь осужденъ на Керчь». При сей ужасной мысли волосы мои, тогда еще не сѣдые, стали воздыматься на лбу моемъ. Наконецъ, я предпочелъ написать ему трогательное письмо, въ которомъ изложилъ всѣ мучительныя стороны моего положенія, умоляя его доставить мнѣ нѣсколько приличное содержаніе при временномъ увольненіи отъ службы. На это письмо долго не получалъ я отвѣта.

Сама судьба хотѣла спасти меня. Чтобы болѣе возбудить во мнѣ отвращенія отъ мѣста служенія моего, Одесса въ эту зиму расточала передо мной всѣ увлекательныя удовольствія образованной жизни. Ничего не было въ ней похожаго на то, что я видѣлъ въ началѣ 1824 года: не было взыскательности, предпочтеній, мелочныхъ интригъ маленькихъ Нѣмецкихъ дворовъ; не было той нестерпимой скуки, которую прежде въ ней, какъ и во всѣхъ большихъ торговыхъ городахъ, претерпѣваютъ люди не участвующіе въ торговлѣ; не было безумной роскоши нашей сѣверной столицы, гдѣ удовольствіями называютъ только танцы, карты, многочисленныя собранія въ огромныхъ комнатахъ, ярко освѣщенныхъ; не было разорительнаго и безтолковаго ей подражанія, которымъ отличается не одна Москва, но и бѣольшая часть нашихъ губернскихъ городовъ; не было педантства и негостепримства ученыхъ городовъ Нѣмецкихъ. Я никогда не бывалъ въ Парижѣ зимой, въ другихъ же мѣстахъ, любимыхъ путешественниками, Ниццѣ, Неаполѣ, Флоренціи, и совсѣмъ не бывалъ. По слухамъ и разговорамъ я зналъ, а еще болѣе угадывалъ, удовольствія, коими по зимамъ тамъ пользуются люди просвѣщенные и женщины любезныя. Ихъ салоны суть биржевыя залы, гдѣ вѣрно оцѣниваются умы, гдѣ идетъ безпрестанный промѣнъ идей, гдѣ блестятъ острыя слова, не поражая никакой личности, гдѣ и глубокія мысли, чтобы не пугать, являются въ легкой оболочкѣ; гдѣ споры, поражаемые разностию въ мнѣніяхъ, всегда сопровождаются обоюдными уступками, гдѣ вѣрный тактъ не позволяетъ задѣвать чьего либо самолюбія, гдѣ умѣютъ и говорить, умѣютъ и слушать, гдѣ царствуютъ учтивость и приличіе вмѣстѣ со свободой и веселостию, однимъ словомъ, вся общежительность, которая во Франціи пережила всѣ ужасы ея революцій. Счастливый уголокъ въ Россіи, гдѣ бы можно было это встрѣтить, былъ любимую моею мечтою, и на этотъ разъ она почти осуществилась для меня въ Одессѣ.

Какъ нарочно на этотъ разъ исчезло и обыкновенное ея зимнее безобразіе, глубокая грязь. Наступила сильная зима, которую называлъ я Русскою, а которую жители называли Очаговскою. Выпалъ большой снѣгъ 19 Ноября, а на другой день, 20-го, день восшествія на престолъ, въ соборъ къ молебну и оттуда къ Палену на завтракъ, отправились всѣ мы въ саняхъ, и потомъ съ ними не разставались; слѣдственно, и сообщенія дѣлались совершенно свободны. Многимъ это не полюбилось, между прочимъ и мнѣ сначала. Почти вездѣ было худое устройство печей, и я начиналъ очень зябнуть въ своихъ большихъ комнатахъ отеля Сикара, несмотря на усиленное топление. Одинъ Русскій тутъ трактирный служитель вывелъ меня изъ бѣды. Онъ предложилъ мнѣ перейти въ три небольшія комнаты на дворѣ надъ самой кухней, пока онѣ еще не заняты; смиреніе мое было вознаграждено: въ нихъ рѣдко бывало менѣе 17 градусовъ теплоты, и я скоро могъ обогрѣться. Видъ изъ нихъ на море былъ не весьма пріятенъ: въ продолженіи Декабря весь заливъ покрылся льдомъ, и тамъ, куда глазъ едва могъ достигать, легкій паръ показывалъ, что вода еще не замерзала. Иностранное купечество спряталось по норамъ, а для насъ, людей Русскихъ, по большей части выросшихъ и возмужавшихъ на Сѣверѣ, зима сія совсѣмъ не казалась такъ жестокою. Для меня въ особенности время не шло, а летѣло.

Надобно было однако подумать, что житью этому придетъ конецъ. Графу Палену хотѣлось, чтобы во время управленія его никто бы не оставлялъ должности и никто бы отъ нея удаленъ не былъ, чтобы управленіе сіе сдать точно въ томъ видѣ, въ какомъ онъ его принялъ. Жандармская часть весьма справедливо доносила о безпорядочной, безобразно-позорной жизни Бессарабскаго губернатора Тимковскаго. Дѣланы были по сему предмету запросы, но и его Паленъ старался всячески спасти, предоставляя настоящему хозяину Воронцову дѣлать перемѣны между главными начальствами. Вотъ отчего и меня уговаривалъ онъ возвратиться въ Керчь, хотя бы на малое время, дабы тамошняя сволочь не могла подумать, что она заставила меня выйти изъ службы. Я согласился съ условіемъ, чтобы въ день отъѣзда моего вручить ему просьбу объ отставкѣ, которую по усмотрѣнію своему онъ можетъ отправить, и чтобы это оставалось тайной между имъ, мною и Лексомъ.

Шумныхъ удовольствій не было, и потому новый 1828-й годъ начался весьма тихо, можетъ быть, пріятно для тѣхъ, кои встрѣтили его въ кругу семействъ своихъ и друзей; я же всю эту ночь провелъ въ глубокомъ снѣ. Одна Ольга Нарышкина умѣла начать его забавнымъ образомъ. Она созвала къ себѣ на вечеръ все общество свое, состав-

ленное изъ людей ей поклоняющихся или ее забавляющихъ. Всѣ были костюмированы и замаскированы, и между прочимъ, бѣдную Казначееву, толстую и кривобокую, нарядила она Тирольскимъ мальчикомъ. Мужъ, по обыкновенію своему, въ десять часовъ залегъ спать; но по условію между имъ и женою въ полночь вся гурьба съ шумомъ вошла въ его спальню и заставила его встать съ постели. Будто раздосадованный, будто съ просонья, будто никого не узнавая, принялся онъ всѣхъ бранить; болѣе всѣхъ досталось Казначеевой... На другой день рассказы объ этой продѣлкѣ занимали весь городъ.

Могъ ли я ожидать, что эта знаменитая Ольга будетъ причиною поспѣшнаго моего отъѣзда изъ Одессы? Разговаривая съ Паленомъ, разъ замѣтилъ я ему, что ничего не нахожу въ ней особенно привлекательнаго. «Это отъ того, сказалъ онъ съ жаромъ, что она не удостоиваетъ васъ своего вниманія: займись она вами полчаса — и вы бы были у ногъ ея». Мнѣ бы слѣдовало замолчать, а я спросилъ: да полно, вы не влюблены въ нее, графъ?—«Оно, можетъ быть, и такъ, отвѣчалъ онъ, но только слишкомъ нескромно спрашивать меня о томъ». Онъ повернулся ко мнѣ спиной и вдругъ охолодѣлъ ко мнѣ. Въ цѣлой Одессѣ я одинъ не зналъ о его слабости; ибо никто мнѣ о томъ не говорилъ, и я ихъ вмѣстѣ не видѣлъ. Это было въ первой половинѣ Января.

Я не подосадовалъ на него, а отъ всей души пожалѣлъ объ немъ. Надобно было, однако, чтобы тутъ не узнали о перемѣнѣ его ко мнѣ, а еще менѣе въ Керчи, куда я писалъ о намѣреніи моемъ скоро возвратиться туда и тамъ совсѣмъ остаться. Я сдѣлалъ еще болѣе: добрый сотрудникъ мой въ Бессарабіи, Шкляренко, вскорѣ послѣ отъѣзда моего оттуда, оставилъ должность, не знаю по какимъ причинамъ, и жилъ безъ дѣла у себя на хуторѣ Полтавской губерніи, въ Зеньковскомъ уѣздѣ; я выписалъ его оттуда въ Одессу, опредѣлилъ правителемъ моей канцеляріи на мѣсто Минарскаго, съ которымъ, послѣ происходившаго, я вмѣстѣ служить не могъ и, недѣли за двѣ передъ тѣмъ, отправилъ его въ Керчь.

Дни черезъ два послѣ этой пустой размолвки, пошелъ я къ Палену, зная его благородство и скромность и не опасаясь никакой непріятной встрѣчи. Онъ встрѣтилъ меня если не дружески, то вѣжливо, а я объявилъ ему, что, согласно его совѣту, скоро намѣренъ ѣхать въ Керчь. Вмѣстѣ съ тѣмъ вручилъ ему просьбу объ увольненіи, прося его убѣдительно представить ее по усмотрѣнію, такъ, чтобы могъ я удалиться сколько-нибудь выгоднымъ образомъ. Онъ обѣщался сдѣлать все, что можетъ, и мы разстались какъ нельзя лучше.

IX.

Послѣ веселія почти всегда бываетъ горе. Послѣ пріятно разсѣянной жизни, осужденъ я былъ испытать всѣ непріятности ужасной дороги. Не приведи Богъ никого ѣхать зимой изъ Одессы въ Крымъ! Я располагалъ выѣхать 17-го Генваря по утру; но соблюденіе нѣкоторыхъ формальностей для полученія подорожной, о чемъ надлежало бы мнѣ подумать наканунѣ, задержало меня большую часть дня. Потомъ таможня, желая показать точность и исправность свою передъ начальникомъ таможеннаго округа, продержала меня еще нѣсколько времени, такъ что на первую станцію, Аджеликъ или Дофинку, успѣлъ я пріѣхать, когда давно уже смерклось.

Я ѣхалъ въ двухъ экипажахъ: въ открытыхъ саняхъ и въ двумѣстной каретѣ на колесахъ; иначе нельзя было. Сильные вѣтры на степи въ иныхъ мѣстахъ нагоняли большіе сугробы снѣга, въ другихъ сгоняли его съ земли; въ иныхъ мѣстахъ версты двѣ и болѣе можно было ѣхать хорошимъ зимнемъ путемъ, въ другихъ мѣстахъ съ версту и болѣе тащиться по голой замерзшей землѣ. Я предпочиталъ сани и, въ случаѣ только бури, намѣренъ былъ спасаться отъ нее въ карету. Зги было не видать и продолжать путь сдѣлалось опасно. Изъ двухъ золь я выбралъ меньшее: остановился ночевать на станціи, въ холодной, всю зиму нетопленной комнатѣ. Нужда, говорятъ, великая мастерица на выдумки: я велѣлъ отыскать пребольшой горшокъ, купить поболѣе водки и, вливъ въ него, зажегъ ее. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени, воздухъ сдѣлался теплѣе, и при свѣтѣ пылающаго синеватаго огня, весь окутанный, могъ я довольно спокойно заснуть, приказавъ до свѣту разбудить себя.

Я выѣхалъ 18-го, когда еще совсѣмъ было темно, а карету свою еще ранѣе отправилъ впередъ. Скоро стали показываться море и свѣтъ. Я сдѣлалъ болѣе восемнадцати верстъ, сидя съ слугою своимъ въ саняхъ, къ которымъ изъ предосторожности велѣлъ придѣлать цыновочный верхъ, какъ началъ замѣчать, что ямщикъ мой часто поглядываетъ на море; я самъ увидѣлъ на горизонтѣ, надъ нимъ, узкую багроватаго цвѣта полосу, которая скоро превратилась въ широкую темно-лиловую. «Бѣда, баринъ, сказалъ ямщикъ». — «Что такое?» спросилъ я. — «До станціи почти шесть верстъ; не знаю, успѣемъ ли мы доѣхать; будетъ ужасная буря». — «Да на небѣ все чисто и ясно, и нѣтъ ни малѣйшаго вѣтерка». — «Ну, вы увидите». Не прошло четверти часа, какъ небо стало заволакивать густыми облаками и началъ слегка по-вѣвать вѣтеръ. Въ это время мы поравнялись съ какой-то корчмой;

ямщикъ умолялъ меня остановиться въ ней, но мнѣ хотѣлось догнать свою карету. Спустя еще четверть часа, появился снѣгъ и сильно загудѣлъ вѣтеръ, начиналась гибельная степная вьюга; ямщикъ гналъ лошадей безъ памяти и остановился у другой корчмы, гораздо болѣе первой, у самага вѣзда въ селеніе Тилпгуль или Коблевку. Войдя въ нее, я увидѣлъ длинную комнату, въ доль на двое разгороженную: въ просторной половинѣ спасалось чье-то большое помѣщичье семейство, а за перегородкой тѣснилось Жидовское во всей обычной нечистотѣ. Мнѣ чуть не стошнило, и я спросилъ: далеко ли до станціоннаго дома? Да съ четверть версты будетъ. Ну такъ скорѣе туда! «Что вы, воскликнули всѣ, да посмотрите что на дворѣ происходитъ». И подлинно казалось, что представленіе свѣта: съ верху валилъ снѣгъ, а вѣтеръ, свирѣпствуя, подымалъ его и съ низу, и все вмѣстѣ мѣшая, съ какою-то яростію крутилъ въ воздухъ. Надобно было видѣть шествіе мое по ужасно широкой улицѣ селенія; я сидѣлъ въ саняхъ, а слуга мой и ямщикъ шли подлѣ лошадей; два проводника, мною нанятыхъ, шли по бокамъ; нѣ смотря на близкое разстояніе, они оставались невидимы и только что перекликались съ нами. Но вотъ я и у пристани, гдѣ нашелъ свою карету, заключавшую въ себѣ нѣсколько съѣстныхъ припасовъ. «Какъ васъ Богъ донесъ?» спросилъ смотритель.—«Да какъ видишь, любезный, и хочу ѣхать далѣе».—«Эго невозможно, воскликнулъ онъ, я не могу вамъ дать ни ямщика, ни лошадей; не хочу губить ихъ, да и не смѣю: на этотъ счетъ есть у насъ строгія письменныя предписанія отъ начальства», и въ доказательство пошелъ было ихъ отыскивать. Улыбаясь, я остановилъ его и сказалъ, что за то обязанъ онъ дать мнѣ хорошій пріютъ. Онъ уступилъ мнѣ свою комнату небольшую, но теплую и чистую, и самъ перешелъ въ другую. Буря, мятежь цѣлый день не унимались. Каково мнѣ было скучать въ такомъ уединеніи! Но безопасность, тишина, молчаніе внутри, когда снаружи бунтовали стихіи, имѣли также свою пріятность.

До свѣту 19-го разбудилъ меня своимъ пріѣздомъ курьеръ, къ-то посланный и гдѣ-то также принужденный останавливаться. Онъ объявилъ мнѣ, что все утихло и улеглось: для меня это было сигналомъ отъѣзда. Былъ морозъ, совершенно Русская зимняя ѣзда, и самыя бурныя волны Буга были льдомъ окованы. Глаза мои не вынесли двухдневнаго испытанія холода и вѣтра, надобно было ихъ полѣчить, и я принужденъ былъ остановиться въ Николаевѣ. Прямо поѣхалъ я къ полиціймейстеру, Павлу Ивановичу Ѳедорову, всегда готовому на одолженія, о которомъ разъ случилось уже мнѣ говорить. Надежда на его помощь меня не обманула: онъ помѣстилъ меня постоемъ въ домикѣ, который почитался самымъ теплымъ въ городѣ.

Рѣдко горе бываетъ безъ утѣшенія, и я нашелъ его въ доброй Малороссiянкѣ, хозяйкѣ моей. Она была вдовой не очень богатаго купца, который оставилъ ей малолѣтнюю дочь, домикъ и небольшой капиталъ. Съ нею вмѣстѣ жила родная сестра ея, также вдова надворного совѣтника и прокурора, получающая пенсiонъ; сими средствами жили онѣ не очень скудно. Хоть убей меня, а теперь не буду умѣть назвать ихъ; право, совѣстно: память сердца, видно, была у меня всегда плохая. Я не искалъ въ нихъ просвѣщенія и любезности, а нашелъ лучше того: нѣжное чувство сострадательности, которое такъ понятно однимъ только добрымъ женщинамъ. Комната о трехъ окнахъ, называемая залою, раздѣляла насъ; но и черезъ это небольшое пространство не проходили онѣ, чтобы не потревожить мой покой. А онѣ начиналъ тяготить меня, и только по моему приглашенiю онѣ меня посѣтили. Какъ изобразить всю заботливость сихъ сестеръ милосердiя о здоровьѣ моемъ, о моей пищѣ? Привыкнувъ знаться съ людьми разныхъ состоянiй и какъ прилежный наблюдатель нравовъ съ участiемъ выслушивать ихъ рассказы, бесѣды и сихъ простыхъ и уже немолодыхъ женщинъ бывали для меня занимательны.

Выучившись самъ, наконецъ, лѣчить глаза свои и въ запасъ имѣя нѣкоторыя нужныя лѣкарства, я не призывалъ на помощь врача: терпѣнiе, дiетъ и употребляемая мною средства скоро помогли; все таки однако цѣлюю недѣлю долженъ былъ я выдержать карантинъ. Раза два навѣстилъ меня Федоровъ, а объ адмиралѣ Грейгѣ не было ни слуху ни духу: всякой Англичанинъ болѣе или менѣе почитаетъ себя лордомъ.

Не смотря на то, будучи съ нимъ знакомъ, я не хотѣлъ оставить Николаевъ, не явившись къ нему, и 26 по утру отправился съ моимъ почтенiемъ на дрожкахъ моей хозяйки. У подъѣзда встрѣтилъ меня слуга, который сказалъ, что адмиралъ на *той* половинѣ и пошелъ провожать меня туда. *Та* половина была на дворѣ длинная пристройка къ главному корпусу строенiя. По входѣ въ переднюю, слуга сказалъ мнѣ, что я могу идти далѣе безъ доклада. Не знаю, или часы шли у меня невѣрно или въ приморскихъ городахъ обѣдали тогда гораздо ранѣе даже чѣмъ въ губернскихъ, только въ первой комнатѣ нашелъ уже я накрытый столъ, а въ другой даму и съ полдюжины мужчинъ, все моряковъ. Замѣшательство Грейга было едва ли не сильнѣе того, которое я въ себѣ почувствовалъ. Нахмурясь угрюмо, не сказавъ мнѣ ни слова, онъ обратился къ дамѣ и сквозь зубы называлъ меня по фамильному имени. «Ахъ Боже мой! Ахъ какъ я рада! Какъ много наслышана объ васъ, какъ давно хотѣла съ вами познакомиться и, наконецъ, нечаянный случай, кажется, хочетъ насъ сблизить».

Вотъ восклицанія дамы, на которыя едва успѣвалъ я отвѣчать поклонами. Надобно объяснить причины такихъ странностей.

Въ Новороссійскомъ краю всѣ знали, что у Грейга есть любовница Жидовка и что мало по малу, одна за другой, всѣ жены служащихъ въ Черноморскомъ флотѣ начали къ ней ѣздить, какъ бы къ законной супругѣ адмирала. Проѣзжимъ она не показывалась, особенно пряталась отъ Воронцова и людей его окружающихъ, только не по доброй волѣ, а по требованію Грейга. Любопытство на счетъ этой таинственной женщины было возбуждено до крайности, и отъ того узнали въ подробности всѣ происшествія ея прежней жизни. Также какъ Потоцкая, была она сначала служанкой въ Жидовской корчмѣ подъ именемъ Ліи, или подъ простымъ названіемъ Лейки. Она была красива, ловка и умѣніемъ нравиться наживала деньги. Когда прелести стали удаляться и доставляемые ими доходы уменьшаться, имѣла она уже порядочный капиталъ, съ которымъ и нашла себѣ жениха, прежнихъ Польскихъ войскъ капитана Кульчинскаго. Надобно было перемѣнить вѣру; съ принятіемъ св. крещенія, къ прежнему имени Лія прибавила она только литеру ю и сдѣлалась Юліей Михайловной. Черезъ нѣсколько времени, слѣдуя Польскому обычаю, она развелась съ нимъ и подъ предлогомъ продажи какого-то строеваго корабельнаго лѣса пріѣхала въ Николаевъ. Ни съ кѣмъ кромѣ главнаго начальника не хотѣла она имѣть дѣла, добилась до свиданія съ нимъ, потомъ до другаго и до третьяго. Какъ всѣ люди съ чрезмѣрнымъ самолюбіемъ, которые страшатся неудачъ, въ любовныхъ дѣлахъ Грейгъ былъ ужасно застѣнчивъ; она на двѣ трети сократила ему путь къ успѣху. Ей отмѣнно хотѣлось выказать свое торжество; изъ угожденія же гордому адмиралу, который стыдился своей слабости, жила она сначала уединенно и ради скуки принимала у себя мелкихъ чиновницъ; но скоро весь городъ или, лучше сказать, весь флотъ пожелалъ съ нею познакомиться. Она мастерски вела свое дѣло, не давала чувствовать оковъ ею наложенныхъ и осторожно шла къ цѣли своей, законному браку. Говорили даже, что онъ совершился и что у нихъ есть двое дѣтей; тогда не понимаю, зачѣмъ было такъ долго скрывать его.

Оправдываясь въ неумышленной нескромности, я слагалъ вину на слугу, а Юлія Михайловна сказала, что не бранить его, а благодарить должна. Самъ же Алексѣй Самойловичъ, видя мое учтивое, привѣтливое, хотя свободное, съ нею обхожденіе, началъ улыбаться и заставилъ у себя обѣдать. Въ ея наружности ничего не было Еврейскаго; кокетствомъ и смѣлостію она скорѣе походила на мелкопомѣстныхъ Польскихъ паней, такъ же какъ онѣ не знала иностранныхъ языковъ, а съ Польскимъ выговоромъ хорошо и умно выражалась по-русски. За

столомъ сидѣлъ я между нею и адмираломъ. Неожиданно съ симъ послѣднимъ зашелъ у насъ разговоръ довольно серіозный. Рѣчь коснулась до завоевательницы и создательницы Новороссійскаго края, и онъ вспомнилъ, какъ въ послѣдній годъ ея царствованія, будучи только двадцати-двухлѣтнимъ лейтенантомъ, въ память великихъ заслугъ отца его, былъ онъ на все лѣто приглашенъ въ Царское Село, какъ она милостиво со всѣми и съ нимъ обходилась и какъ въ безпрестанномъ созерцаніи земнаго Божества можно было предугадывать и понимать вѣчное блаженство. Мнѣ не забыть разказа всегда хладнокровнаго, малорѣчиваго Грейга; легкій румянецъ сталъ покрывать его блѣдное лицо; казалось, что камень разогрѣлся, раскалился отъ жара прекраснаго воспоминанія. Какое сладкое могущество эта женщина имѣла надъ людьми! Посидѣвъ еще нѣсколько времени послѣ обѣда, я хотѣлъ раскланяться съ хозяевами; но они не согласились проститься со мною, а требовали слова еще увидѣться; я далъ однако съ намѣреніемъ не сдержатъ его.

На другой день, 27-го, помаленьку я началъ собираться въ дорогу, когда явился ко мнѣ курьеръ съ приглашеніемъ *Алексыя Самойловича и Юліи Михайловны* пожаловать къ нимъ на вечеръ, балъ и маскарадъ 28-го числа. Мнѣ слѣдовало бы отказаться, во первыхъ, потому что это былъ день кончины отца моего, восторыхъ, что я два лишнихъ дня долженъ былъ потерять въ пути; но мнѣ не хотѣлось невниманіемъ платить за учтивость, да и любопытство увидѣть Николаевское общество во всемъ его блескѣ взяло верхъ надъ долгомъ. Дней за десять передъ тѣмъ видѣлъ я Одесское, но не могъ судить о великой разницѣ между ими, не будучи ни съ кѣмъ знакомъ. Мужчины нѣсколько пожилые и степенные, равно какъ и барыни ихъ, сидѣли чинно въ молчаніи; барышни же и офицерки плясали безъ памяти. Масокъ не было, а только двѣ или три костюмированныя кадрили. Женщины были всѣ одѣты очень хорошо и прилично по модѣ, и госпожа Юлія увѣряла меня, что она всѣхъ выучила одѣваться, а что до нея онѣ казались уродами. Сама она, нарядившись будто Магдебургской мѣщанкой, выступила сначала подъ покрываломъ; ее велъ подъ руку адъютантъ адмирала Вавиловъ, также одѣтый Нѣмецкимъ ремесленникомъ, который очень забавно передражничалъ ихъ и коверкалъ Русскій языкъ. На лицѣ Грейга не было видно ни удовольствія, ни скуки, и онъ прехладнокровно расхаживалъ, мало съ кѣмъ вступая въ разговоры. Сильно возбудилъ во мнѣ удивленіе своимъ присутствіемъ одинъ человекъ въ Капудинскомъ платьѣ; онъ былъ не наряженный, а настоящій Капуцинъ съ бородой, отецъ Мартинъ, католической капелланъ Черноморскаго флота, который, какъ мнѣ сказывали

послѣ, тайно вѣнчалъ Грейга съ Юліей. Оттого при всѣхъ случаяхъ старалась она выставить его живымъ доказательствомъ ея христіанства и законности ея брака; только странно было видѣть монаха на балѣ. Мнѣ было довольно весело, смотря на большую часть веселящихся, которые казались совершенно счастливыми.

Наконецъ, 29-го по утру, вырвался я изъ Николаева. Послѣ легкаго мороза безъ вѣтра, примѣтно сдѣлалось теплѣе; солнце ярко засіяло; обрадуясь ему, птички вились по воздуху и щебетаньемъ своимъ радовали мое сердце. Я сдѣлался умнѣе, сидѣлъ въ каретѣ, защищая глаза свои отъ частыхъ перемѣнъ погоды. Скоро пріѣхалъ я въ Херсонъ и на этотъ разъ хотѣлъ непременно его осмотрѣть. Просторная комната низенькаго трактира, въ которой я остановился, имѣла для меня большую привлекательность: въ ней былъ воздухъ какимъ не дышалъ я всю эту зиму; она была вытоплена не по-новороссійски, такъ что въ одной рубашкѣ можно было по ней расхаживать. Подали мнѣ препорядочный обѣдъ, послѣ котораго прилежъ я отдохнуть и нечувствительно заснулъ. Когда я проснулся, начинало смеркаться, и пришелъ навѣстить меня бывший мой сотрудникъ въ Бессарабіи, совѣтникъ Кармазинъ, старикъ, котораго Петрулинъ перетащилъ изъ Херсона и который, при мнѣ получивъ отставку съ хорошей пенсіей, возвратился въ него. Мы потолковали кой о чемъ, и я долженъ былъ до слѣдующаго утра отложить прогулку мою по городу. Погода за ночь опять измѣнилась, и сдѣлалось пасмурно и не холодно, хотя безъ оттепели. Улицы Херсона были правильны, а наружность его не красива и даже печальна. Древнія руины, какъ сильные бойцы, послѣ продолжительной борьбы съ людьми и стихіями устоявшіе, хотя лишенные членовъ и покрытые рубцами, а новыя строенія полуразрушенныя подобны трупамъ тощихъ юношей, обезображенныхъ смертію: вотъ что являлось тогда въ Херсонѣ. Гораздо пріятнѣе было мнѣ взглянуть на крѣпость, въ верстѣ отъ него находящуюся: тамъ все было сохранено и поддержано. Войдя въ соборъ, мнѣ хотѣлось увидѣть мѣсто, гдѣ положено было тѣло князя Потемкина; но мнѣ отвѣчали, что никто о томъ не знаетъ. Увѣряютъ, что, когда по приказанію Павла Перваго должно было вынуть останки основателя Херсона, тайно вырыть былъ трупъ протопопа и вмѣсто Потемкина похороненъ гдѣ-то въ полѣ.

Воротившись домой обѣдать, 30 числа, я предпочелъ ѣхать въ Крымъ по другой дорогѣ болѣе короткой. Въ этомъ мѣстѣ мой родимый Днѣпръ не похожъ на самого себя, не широкъ и не узокъ: прежде превращенія своего въ лиманъ, онъ дѣлится на рукава и образуетъ семнадцать острововъ, между коими плаваніе хотя не опасно, но

затруднительно и продолжительно; отъ того лѣтомъ рѣдко кто по этой дорогѣ ѣздитъ. Все было покрыто льдомъ въ эту зиму. Часа черезъ два пріѣхалъ я на противоположну, берегомъ Таврической губерніи, въ городъ Днѣпровскъ, бывшее селеніе Алешки, коимъ онъ и понынѣ называется. Была уже ночь, и меня привезли къ одному Татарину, зажиточнѣйшему изъ жителей. Мой пріѣздъ не очень долженъ былъ понравиться женскому полу; его тотчасъ куда-то запрятали. Черезъ полчаса пожаловалъ ко мнѣ городничій (стоило бы объ имени его спросить и его не забыть) и объявилъ, что онъ счелъ долгомъ навѣстить пріѣзжаго товарища. Я немного удивился и чужь ли не обидѣлся, когда онъ прибавилъ: «вѣдь вы тамъ у себя, а мы здѣсь у себя градоначальники». Служилъ въ Новороссійскомъ краѣ и не зная разницы между званіями градоначальника и городничаго, это уже становилось забавно. Очень замѣтно было, что онъ даточный, безграмотный солдатъ, во время войны вышедшій въ офицеры и по праву раненаго получившій мѣсто. Нѣсколько времени потѣшился я необыкновеннымъ его невѣжествомъ, но наконецъ соскучился, безъ церемоніи сказалъ, что хочу спать и попросилъ любезнаго собрата оставить меня.

Хорошо, что я поѣхалъ въ каретѣ; ибо въ слѣдующее утро 31 числа сдѣлалось опять ужасно холодно и вѣтрено. Эта сторона, выходящая клиномъ между Днѣпровскимъ лиманомъ и Чернымъ моремъ, весьма богата, какъ увѣряютъ, пастбищными мѣстами, и отъ того многіе иностранцы и между прочимъ герцогъ Ангальтъ-Кетенскій владѣютъ ими и содержатъ меринсовъ и электоралей. Мнѣ было не до наблюдений: я не видѣлъ конца своему странствованію и гдѣ было можно скакалъ безъ памяти. Только что разсвѣтало, когда я пріѣхалъ на первую станцію Костогрызово, коей названіе мнѣ не полюбилось; не знаю почему, я видѣлъ въ немъ худое предвѣщаніе. Однако комната въ каменномъ станціонномъ домѣ была очень велика и очень высока, и въ ней по Русскому обычаю находились палаты и огромная Русская печь. Не успѣлъ я оглядѣться, какъ вошелъ молодой морской офицеръ, весь посинѣвшій отъ холода, въ одной холодной шинели, изъ отпуска возвращающійся въ Севастополь. Надобно было видѣть, съ какимъ проворствомъ бѣдняга вскочилъ на печь; оттуда, съ этой высоты, сказалъ онъ мнѣ, что за три дни передъ тѣмъ видѣлъ меня въ Николаевѣ на балѣ у Грейга. Я тамъ былъ пріѣзжій и, разумѣется, въ толпѣ его замѣтить не могъ. Мнѣ стало жаль его тѣмъ болѣе, что ему отказали въ лошадяхъ: по малому числу ихъ на этой малопрѣзжей дорогѣ всѣ были взяты подъ мои двѣ повозки. Я предложилъ ему чехолъ свой положить въ мои сани, а самому сѣсть

со мною въ карету. Только что хотѣлъ я тоже самое сдѣлать съ однимъ изъ двухъ сопровождавшихъ меня слугъ; въ такихъ случаяхъ тѣснота не бѣда, а умножаетъ только теплоту внутри экипажа. Онъ съ радостію и благодарностію принялъ спасительное мое предложеніе. Бесѣда съ незнакомымъ не могла быть для меня занимательна, но я чувствовалъ какой-то ужасъ среди окружающей меня замершей пустыни, и присутствіе одного лишняго человѣческаго лица уменьшало его. Отъ Днѣпровска до Перекопа девяносто верстъ. Я засвѣтло проѣхалъ сей послѣдній городъ и располагалъ ѣхать всю ночь; но не такъ-то случилось. Нѣсколько верстъ не доѣзжая до первой станціи за Перекопомъ, вѣтеръ завылъ грозящимъ голосомъ; наученный опытомъ, я опустилъ стекла и спросилъ у ямщика, не возвѣщаетъ ли это бурунь (степной вихорь). Да, отвѣчалъ онъ съ примѣтнымъ испугомъ; кажется, быть бѣдѣ. Я предался волѣ Божіей, и тутъ опять она спасла меня. Жестокая вьюга совсѣмъ разъярилась, когда уже я былъ на мѣстѣ. Не весело было мнѣ ночевать точно въ погребѣ, хотя хорошо закутаннымъ, но дышать холоднымъ воздухомъ. Еще хуже меня, вѣроятно, провелъ эту ночь мой сопутникъ въ своей холодной шинели. Я мало заботился о немъ, а онъ бѣдняжка очень ухаживалъ за мною. Въ разстройство духа, въ которомъ я почти два дни находился, забывъ я даже спросить о его имени.

Передъ разсвѣтомъ, 1 Февраля, утихла буря, и я пустился далѣе, только чувствовалъ начало сильной простуды. Часу въ четвертомъ пополудни пріѣхали мы въ Симферополь. Я далъ себя везти куда хотѣли, лишь бы не въ Одесской трактиръ, и попалъ, не знаю, въ какой-то низенькой домикъ съ тремя чистыми выбѣленными комнатами, только всю зиму не топлёный; видно, я былъ безъ памяти, что согласился въ немъ остаться. Офицеръ мой простился со мною и уѣхалъ, спѣша поспѣть къ сроку отпуска; а я безъ всякой помощи, пока затопляли печи, лежалъ уже въ лихорадкѣ. Скоро однако явился спаситель, а читателю являются два лица, ему еще неизвѣстныя.

Нѣсколько разъ пріѣзжалъ ко мнѣ въ Керчь отставной съ мундиромъ уланской ротмистръ Иванъ Алексѣевичъ Забѣлинъ и мнѣ очень полюбился. Получивъ послѣ отца богатое наслѣдство, онъ женился на красавицѣ и вышелъ въ отставку. Онъ былъ влюбленъ, она была щеголиха, мотовка, и разстройство дѣлъ скоро заставило его опять искать службы. У него было имѣньице близъ Феодосіи, и его выбрали исправникомъ. Дѣятельность его, расторопность обратило на него вниманіе губернскаго начальства, и онъ опредѣленъ былъ полиціймейстеромъ въ Симферополь. Привязанность его къ женѣ, кажется, начинала уменьшаться, но не уменьшились ея требованія; а какъ она

умѣла овладѣть имъ, то для удовлетворенія ихъ, какъ полагать должно, прибѣгалъ онъ къ средствамъ не совсѣмъ позволительнымъ. Онъ не рожденъ былъ для лихоимства, неискусные же въ немъ скоро попадаютъ въ петлю. Лишившись мѣста, отданъ былъ онъ подъ судъ; но какъ его всѣ любили, жалѣли объ немъ, то была надежда, что онъ скоро оправдается. Ему очень хотѣлось быть при мнѣ чиновникомъ по особымъ порученіямъ, и мнѣ также хотѣлось; но я объявилъ ему, что сіе невозможно, пока дѣло его не кончится въ судѣ. Узнавъ о моемъ приѣздѣ, поспѣшилъ онъ ко мнѣ и нашелъ меня, послѣ сильнаго озноба, въ жару, почти въ бреду: холодный воздухъ въ комнатахъ всегда производитъ на меня это дѣйствіе. Онъ сталъ меня упрашивать переѣхать къ нему, и я не имѣлъ силы отказаться.

Онъ жилъ даромъ въ домѣ одного изъ богатѣйшихъ Татарскихъ мурзъ, посреди стараго города и его кривыхъ, грязныхъ улицъ. Мегмедъ-мурза-Крымтаевъ былъ въ своемъ родѣ великій чудакъ. Нижнее жилье дома своего, состоящее изъ пяти или шести комнатъ, занималъ онъ самъ. Въ немъ не было половъ, а глиной убитая земля, вся засѣянная табачною золою, заступала ихъ мѣсто; кругомъ были широкіе, низкіе диваны, покрытые изорванной матеріей; вездѣ пыль и паутина, неопрятность и скверный духъ. За то въ верхнемъ этажѣ все отдѣлано было по-европейски, стѣны оклеены красивыми бумажными обоями и всѣ мебели отличныя, выписныя. Тамъ изрѣдка принималъ онъ почетныхъ гостей, никого изъ нихъ не пуская внизъ, а на эту зиму уступилъ онъ сей этажъ четъ Забѣлиныхъ, изъ дружбы къ мужу; злословіе говорило, — изъ любви къ женѣ. Вотъ куда я переселился! Скоро приѣхалъ и докторъ Арндтъ, прописалъ мнѣ что-то; но теплый воздухъ комнатъ, я думаю, мнѣ болѣе помогъ, чѣмъ его лѣкарство.

На другой день, пришедъ немного въ себя, я почувствовалъ, что тутъ мнѣ неловко оставаться и на этотъ счетъ объяснилъ съ Забѣлинымъ, который просилъ меня не оставлять его по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока въ состояніи буду выѣзжать. Предобрѣвшій малый былъ этотъ Забѣлинъ; услуги свои оказывалъ онъ мнѣ не изъ какихъ либо видовъ: ибо мѣсто, о которомъ просилъ онъ меня, было уже занято Франкомъ. Черезъ часъ послѣ нашего разговора, явился и хозяинъ нашъ мурза въ полной формѣ. На немъ былъ богато изукрашенный серебрянными тесемочками синій кафтанъ, а на шеѣ висѣла жалованная золотая медаль съ брилліантами. Онъ пришелъ просить меня, чтобы я почиталъ себя его гостемъ и не обидѣлъ его, отказываясь отъ предлагаемаго гостепріимства; все это было настроено Забѣлинымъ. Многіе смотрѣли на то съ худой стороны и между прочимъ вице-губернаторъ Лонгиновъ, за отсутствіемъ губернатора управлявшій губерніею, кото-

рый велѣлъ мнѣ сказать, что какъ бы ни желалъ меня видѣть, не можетъ рѣшиться навѣстить живущаго у подсудимаго. На то поручилъ я отвѣчать ему, что не только охотно увольняю его отъ посѣщенія, но и своимъ не хочу возмутить его излишнюю деликатность.

Въ этомъ году подвижные праздники были ранѣе обыкновеннаго, и пятница на Масляницѣ пришлась 3 Февраля, черезъ два дни по приѣздѣ моемъ. Климать и образъ жизни не допускали тутъ никакого сродства съ нашей Русской масляницей; никто не зналъ что такое кататься съ горъ, о блинахъ тогда и помину не было, и не знаю даже, встрѣчались ли пьяные. Однако именно въ этотъ день на всѣхъ лицахъ написано было веселіе. Южное солнце одержало совершенную побѣду надъ бывшими непогодами; оно горѣло, озаряло водопады, образованные внезапно растаявшимъ снѣгомъ, которые быстро и шумно по всѣмъ покатосямъ неслись въ Салгирь. Мнѣ чрезвычайно захотѣлось выѣхать, погулять, и гдѣ то достали коляску: были мѣста, гдѣ черезъ бурные потоки въ самомъ городѣ почти невозможно было проѣхать.

Безпрестанно препятствія. На другой день узнали, что по дорогѣ водой снесено множество мостиковъ и что овраги, ею наполнившись, превратились въ глубокія рѣчки. Поневолѣ надобно было отложить свой выѣздъ.

Принужденъ будучи остановиться, я сдѣлалъ нѣсколько посѣщеній и между прочимъ госпожѣ Нарышкиной, которая пригласила меня обѣдать 5-го числа, въ послѣдній день Масляницы. Въ тотъ же день вечеромъ полюбопытствовалъ я взглянуть на костюмированный балъ въ такъ называемомъ Благородномъ Собраніи. Зала была немного повыше, пошире и подлиннѣе Керченской залы въ домѣ Кулишча. То, что называютъ Таврическимъ дворянствомъ, на двѣ трети состоитъ изъ Татарскихъ мурзь, и совершенное ихъ отсутствіе на этомъ балѣ меня удивило. Мнѣ сказали, что они никакъ не хотятъ ознакомиться съ обычаями Запада, и не знаю, осуждать ли ихъ за то. Мнѣ показали на танцующую въ Русскомъ сарафанѣ высокую и плотную дочь знаменитаго Палласа, и я смотрѣлъ на нее съ почтеніемъ къ памяти ея отца. Послѣ тутъ же сказали мнѣ что она только приемышъ живущей въ Крыму вдовы знаменитаго Палласа, и что ей не слѣдовало бы присвоивать себѣ его славнаго имени. Я замѣтилъ на сіе, что по росту и дородству ея, по смѣлости приемовъ и взглядовъ, надобно бы, по крайней мѣрѣ, дозволить ей называться Палладой.

Продолжаю мой дневникъ. Въ Понедѣльникъ 6-го числа воротился изъ Петербурга губернаторъ Нарышкинъ, о чемъ узналъ я вечеромъ. На другой день, пока я собирался къ нему, приѣхалъ онъ самъ ко мнѣ, но можно сказать, только что повернулся. Онъ успѣшилъ меня видѣть,

сказалъ онъ, дабы доказать, что онъ не раздѣляетъ слишкомъ строгихъ правилъ вице-губернатора: видно, они съ нимъ начинали не ладить. На разпросы мои о Петербургѣ не хотѣлъ отвѣчать, увѣряя, что не имѣетъ времени, но готовъ удовлетворить любопытство мое, когда соглашусь на другой день пріѣхать къ нимъ обѣдать.

Погода всѣ эти дни постоянно была теплая, большія воды стекли, дорогу постарались починить, и 9-го числа отправился я изъ Симферополя. Въ Феодосіи на полчаса завернулъ въ Богдановскому, потомъ немного поѣлъ, немного поспалъ и 10-го Февраля въ сумерки пріѣхалъ въ Керчь.

Встрѣчи на этотъ разъ мнѣ не было; доброжелателей своихъ не извѣстилъ я даже о точномъ времени моего пріѣзда. Недѣли за двѣ до выѣзда моего изъ Одессы писалъ я къ полиціймейстеру Щиржецкому, прося его нанять помѣсячно, будто для себя, каменный двухъ-этажный домъ отставнаго генераль-маіора Каламары, который по близости отъ Керчи жилъ у себя на хуторѣ. Онъ построилъ домъ въ надеждѣ, что его будутъ нанимать градоначальники, но совсѣмъ отдѣлалъ его незадолго передъ тѣмъ какъ Богдановскій собирался оставить Керчь; я же не нанялъ его подъ предлогомъ, что онъ долженъ быть сыръ; онъ оставался пустымъ, и хозяинъ за дешевую цѣну уступилъ его. Щиржецкій будто переуступилъ его мнѣ, и въ него были уже перевезены мои люди и вещи. Мнѣ не хотѣлось долѣе жить даромъ и одолжаться Грекамъ; домъ же этотъ имѣлъ для меня особое удобство: онъ находился при самомъ вѣздѣ въ городъ со стороны Феодосіи и даже былъ отдѣленъ небольшимъ пространствомъ отъ первыхъ его застроеній, такъ что я бы могъ, если бы хотѣлъ, и не заглядывать въ Керчь. Онъ былъ довольно просторенъ, исключая флигеля имѣлъ по шести комнатъ въ каждомъ этажѣ, и въ немъ помѣщались канцелярія моя и правитель ея Шкляренко. Сей послѣдній первый явился ко мнѣ и рассказалъ, какъ искусно умѣлъ онъ избѣгнуть малѣйшихъ непріятностей съ Синельниковымъ.

На другой день явились ко мнѣ главные лица. Не показывая никакой ласки, принялъ я ихъ какъ слѣдовало вѣжливымъ образомъ; жителямъ же велѣлъ объявить, чтобы они безъ особой нужды, съ пустяками, подлежащими разбирательству полиціи, впередъ ко мнѣ не ходили. Имъ самимъ не очень хотѣлось встрѣчать всегда угрюмое чело мое.

Потерявъ надежду въ это время сдѣлаться моимъ преемникомъ и ожидая другаго болѣе удобнаго къ тому случая, Скасси изъ Петербурга не подзадоривалъ болѣе Грековъ, и они, склонивъ голову, сдѣлались тихи и послушны. Казенныя строенія приостановлены до наступленія настоящей весны, никакихъ иностранныхъ судовъ въ портъ не пока-

зывалось, и я совсѣмъ почти безъ дѣла началъ вести жизнь покойную, уединенную, но признаюсь весьма скучную. И погода была тогда не весьма благопріятная; правда, еще до пріѣзда моего Босфоръ очистился отъ льда, коимъ покрытъ былъ болѣе трехъ недѣль и въ воздухѣ сдѣлалось тепло, но въ продолженіи Февраля и большей части Марта небо оставалось мрачно и не рѣдко шли холодные дожди.

День Свѣтлаго Воскресенья совпадалъ (да простятъ мнѣ сіе слово, неологами введенное въ общее употребленіе) со днемъ Благовѣщенія 25-го Марта, и въ этотъ то именно день была настоящая слякоть. Главные чиновники въ мундирахъ и Греки отправились въ соборъ, гдѣ богослуженіе было по-гречески; я же въ сюртукѣ пошелъ во временную церковь, неподалеку отъ меня въ большомъ каменномъ сараѣ устроенную, одними канцелярскими служителями наполненную, изъ коихъ нѣкоторые добровольно составили хоръ пѣвчихъ. Отслушавъ тамъ заутреню и обѣдню, не безъ труда по грязи воротился я домой, а по утру, сказавшись больнымъ, никого не принималъ.

Странное дѣло! Когда я не скрывалъ намѣренія своего оставить должность никто не хотѣлъ мнѣ вѣрить; а тутъ, когда я принужденнымъ нашелся лгать и увѣрять, что хочу всю жизнь посвятить Керчи, всѣ мнѣ повѣрили. И даже когда въ Апрѣлѣ получены были письма извѣщающія о моей будто отставкѣ, никто и слушать не хотѣлъ, называя это Апрѣльскими вѣстями. Между тѣмъ этотъ Апрѣль оживилъ меня, погода сдѣлалась опять чудесная, и родились заботы совсѣмъ новыя для меня въ своемъ родѣ.

Еще середь зимы пріѣхалъ въ Керчь неизвѣстно зачѣмъ любимецъ царскій, флигель-адъютантъ полковникъ Василій Алексѣевичъ Перовскій и по приглашенію, сдѣланному Скасси, остановился въ его домѣ. Когда меня о томъ увѣдомили, меня это немного потревожило; но вскорѣ послѣ получилъ я отъ него въ Одессѣ коротенькое письмо съ препровожденіемъ письма врученнаго ему ко мнѣ отъ Дашкова, который совѣтовалъ мнѣ на счетъ положенія моего откровенно съ нимъ объясниться. Въ отвѣтѣ моемъ къ нему не утерпѣлъ я, чтобы не говорить о предубѣжденіяхъ, которыя знакомство со Скасси должно было дать ему противъ меня. На это между прочимъ отвѣчалъ онъ мнѣ. «Возможно ли, чтобы, имѣя съ вами общихъ пріятелей, Дашкова и Жуковскаго, захотѣлъ я вредить вамъ? Я желалъ бы по возможности быть вамъ даже полезнымъ». Въ Мартѣ получилъ я наконецъ и письмо отъ графа Воронцова собственноручное, длинное, ласковое въ отвѣтъ на давно мною къ нему писанное. Вотъ что между прочимъ говоритъ онъ въ немъ: «Вы хотите меня оставить, и я долженъ исполнить ваше желаніе; а еслибы вы знали сколько копій принужденъ я былъ ломать

за васъ съ однимъ здѣсь весьма сильнымъ человѣкомъ». Этотъ сильный человѣкъ не могъ быть иной какъ Нессельроде. На счетъ же обезпеченія существованія моего послѣ отставки выражался очень неясно.

Недолго Перовскій оставался въ Керчи: когда я воротился въ этотъ городъ, онъ находился въ Екатеринодарѣ, главномъ городѣ Черноморскихъ казаковъ. Тамъ наказнымъ атаманомъ былъ генералъ-лейтенантъ Власовъ, человѣкъ всѣми восхваляемый, но обвиняемый, преслѣдуемый доносами интриганта Скасси. Главною цѣлью путешествія Перовскаго, казалось, было изслѣдованіе поступковъ Власова, и къ счастію оно открыло ему истину съ помощью измѣнника Грека Хартуляри, подчиненнаго Скасси, котораго онъ бралъ съ собой. Въ началѣ Апрѣля Перовскій былъ уже въ Тамани, и у насъ черезъ проливъ началась дѣятельная, собственноручная, ото всѣхъ тайная съ нимъ переписка.

Я узналъ, впрочемъ подозрѣвая то и прежде, что вскорѣ и въ моемъ сосѣдствѣ должны начаться военныя дѣйствія. Собравъ небольшой отрядъ войска, порученный его начальству, Перовскій спряталъ его за камышами Кубани, и для перехода черезъ эту рѣку и нападенія на Анапу, дожидался только появленія флота, который атаковать долженъ былъ крѣпость со стороны Чернаго моря. Приготовленія къ симъ дѣйствіямъ, доставленіе ему съѣстныхъ припасовъ и мѣры осторожности, дабы не узнали о томъ непріатели, были содержаніемъ нашей секретной переписки. Согласно съ его письмами и по собственному усмотрѣнію, дѣйствовалъ я довольно самовластно. Напримѣръ, двухъ Армянъ, пріѣзжавшихъ изъ Анапы и выдержавшихъ карантинный срокъ, оказавшихся впослѣдствіи лазутчиками, велѣлъ я задержать и не пускать въ обратный путь. У моихъ любезныхъ Татаръ, рыболововъ, называемыхъ тутъ забродчиками, велѣлъ я отобрать всѣ лодки, дабы прекратить имъ всякое сообщеніе съ противоположной стороной. Это ихъ чрезвычайно прогнѣвало, и чрезъ то на время остановлена была вся рыбная ловля. Чужа приближеніе грозы, которая впрочемъ не надъ ними должна была разразиться, жители Керчи почитали себя какъ бы въ осадномъ положеніи и безъ ропоту повиновались.

Не знаю, право, изъ чего я мучилъ такъ животь свой, когда частнымъ образомъ былъ увѣдомленъ о назначеніи на мое мѣсто новаго градоначальника. Передъ выѣздомъ изъ Петербурга Воронцова, прибывшаго 28 Марта въ Одессу, было подписано нѣсколько указовъ 12 Марта. Однимъ изъ нихъ графъ Паленъ уволенъ отъ должностей настоящей и временной; о предназначеніи его предсѣдателемъ дивана княжествъ Молдавскаго и Валахскаго, разумѣется, ни слова не сказано. На его мѣсто въ Одессу градоначальникомъ переведенъ изъ Θεодосіи

Богдановскій, а на мѣсто послѣдняго назначень въ Θεодосію Казначеевъ. Были еще нѣкоторыя перемѣщенія: Бессарабскій Тимковскій по всей справедливости безжалостно отставлень, безо всякаго содержанія, а на его мѣсто назначень какой-то Тургеневъ, который никогда къ должности не пріѣзжалъ и, чего-то испугавшись, тотчасъ подалъ въ отставку. На мѣсто новаго знакомаго моего Екатеринбургскаго Свѣчина, отставленнаго безъ просьбы и безъ вѣны, опредѣлень мой добрый знакомый Харьковскій Донецъ-Захаржевскій. Наконецъ, отъ того же числа Керчь-Еникальскимъ градоначальникомъ сдѣланъ Иванъ Алексѣевичъ Стемковской, о которомъ буду говорить послѣ. А обо мнѣ въ указѣ не упомянуто ни слова, какъ будто бы меня и на свѣтѣ не было.

Тогда въ гражданскихъ дѣлахъ не было такого быстрого исполненія какъ нынѣ. Для соблюденія всѣхъ формальностей Сенату нужно было дней двѣнадцать, а иногда и недѣли двѣ; когда же встрѣтятся большіе праздники, то и болѣе. Экстра-почта изъ Петербурга въ Одессу ходила тогда въ восемь дней, и оттуда уже по разнымъ мѣстамъ рассылались для исполненія Высочайшіе указы: вотъ отчего я такъ поздно получилъ официальное извѣщеніе о назначеніи Стемковскаго. А между тѣмъ, вѣроятно, по ошибкѣ изъ Петербурга бумаги приходили на мое имя, и между прочимъ предписаніе министра финансовъ о наложеніи амбарго 25 Апрѣля на всѣ Турецкія суда (а ихъ ни одного не было), ибо въ этотъ день должны начаться военныя дѣйствія.

Такъ какъ въ указѣ я не былъ названъ, то по порученію Воронцова приглашали меня не спѣшить отъѣздомъ и сдачею должности; Стемковской также изъ Одессы писалъ ко мнѣ и упрашивалъ дожидаться его пріѣзда. Тутъ, кажется, мѣсто начертать краткую его біографію. Сынъ бѣднаго дворянина и племянникъ жены коменданта генерала Коблѣ, онъ находился при ней въ Одессѣ, когда Ришельё пріѣхалъ начальствовать въ этотъ городъ. Дюку мальчикъ полюбился, онъ воспиталъ его, опредѣлилъ въ службу, взялъ къ себѣ въ адъютанты и дѣятельно употреблялъ по службѣ. Можно сказать, что Стемковской выросалъ вмѣстѣ съ Одессой и принималъ участіе въ устройствѣ новаго портоваго города. Свѣтская образованность была въ немъ отличная, а ученость его по археологической части простиралась до того, что онъ былъ избранъ членомъ Французскаго Института. Въ Парижѣ, въ 1818 году, познакомился я съ нимъ: въ чинѣ полковника числился онъ тогда по арміи и изъ особой любви и уваженія Государя къ состоящему также по арміи генералу Ришельё оставлень былъ при немъ. Умирая, дюкъ завѣщалъ ему все, что имѣлъ въ Россіи, хорошую аренду, городской домъ и хуторъ въ Одессѣ и на Южномъ берегу Крыма дачу Гурзуфъ. Возвратившись въ отечество, онъ нѣсколько

лѣтъ поносилъ еще эполеты, а потомъ перешелъ въ штатскую службу, но не имѣлъ мѣста. Чтò сказать мнѣ еще для изображенія его? Наружность имѣлъ онъ пріятную, а характеръ кроткій и твердый, то есть истинно благородный. Вотъ, наконецъ, выборъ Воронцова, который можно назвать дѣйствительно счастливымъ. Ланжеронъ и Скасси сказали: наша взяла, и какъ они опять ошиблись!

Ничто не останавливало меня въ Керчи. Не то было время, чтобы Греки могли зазнаться передо мной; одинъ только Синельниковъ поднималъ носъ въ нетерпѣніи, хотя временно, заступитъ мое мѣсто. Съ равнымъ нетерпѣніемъ и я ожидалъ 25 Апрѣля. Меня весьма забавляла мысль, что я будто участвую въ военныхъ подвигахъ, и мнѣ хотѣлось ихъ довершить самымъ важнымъ. Въ 45 верстахъ отъ Керчи находится высокая Апухъ-гора, выдвинутая въ море, и съ нея, хотя въ тускломъ отдаленіи, но простыми глазами, можно видѣть Анапу; въ зрительную же трубку можно сосчитать всѣ строенія этой крѣпости. Будучи предувѣдомленъ, что въ вышеозначенное число нашъ флотъ придетъ атаковать ее, мнѣ желательно было воспользоваться единственнымъ случаемъ посмотрѣть на сраженіе изъ безопаснаго мѣста, какъ бы изъ ложи на театральное зрѣлище. Для того по дорогѣ къ горѣ разставлены были у меня казаки съ приказаніемъ, лишь только увидятъ корабли, прискакать меня о томъ увѣдомить.

Дней двѣнадцать какъ всѣ читали въ газетахъ о назначеніи мнѣ преемника, и болѣе недѣли указъ о томъ находился у меня въ рукахъ; а я все медлилъ объявить его. Никто не могъ понять причины такого упорства, и стали подозрѣвать тутъ великую тайну. Между тѣмъ 25-го Апрѣля прошло, и не было никакихъ извѣстій съ Апухъ-горы; Перовской стоялъ притаившись за Кубанью, а флотъ, на которомъ находились князь Меншиковъ и Грейгъ, былъ удерживаемъ противными вѣтрами.

Долѣе 1-го Маія, мнѣ рѣшительно нельзя было оставаться. Въ этотъ день вечеромъ подписалъ я самъ себѣ подорожную до Феодосіи, все еще по званію градоначальника, и потомъ бумагу Синельникову, которою, извѣщая его объ отъѣздѣ моемъ, будто въ округъ, поручаю ему исправленіе моей должности, ни словомъ не упомянувъ Стемпковскаго. Для прощанья посѣтили меня въ тотъ же вечеръ два доброхота моихъ, Щиржецкій и Гудимъ-Левковичъ; мы слышали въ это время шумъ множества фузей, пущенныхъ съ Керченскихъ пригорковъ прибывшими сухимъ путемъ морскими офицерами. Они должны были участвовать въ экспедиціи и радостно привѣтствовали приближеніе ея.

Очень рано по утру, 2-го Маія, простился я съ Шклярenkой и шелъ садиться въ карету, какъ вдругъ прискакалъ казакъ съ извѣ-

стіемъ, что флотъ показался. Но увѣ! уже было поздно, ибо еще наканунѣ отправилъ я бумагу къ Синельникову. На первой станціи узналъ я нѣчто для меня любопытное. Въ околоткѣ всѣ знали о городскихъ несогласіяхъ, и смотритель смѣясь объявилъ мнѣ, что еще наканунѣ вечеромъ Скасси пріѣхалъ изъ Петербурга съ важными порученіями; но, узнавъ, что я нахожусь еще въ городѣ, туда не поѣхалъ, а остановился въ двухъ верстахъ отъ него у себя на хуторѣ.

Въ Θεодосію пріѣхалъ я къ самому обѣду и вѣхалъ прямо ко вновь прибывшему градоначальнику Казначееву, который убѣдилъ меня на нѣсколько дней остаться у него. Мнѣ и самому хотѣлось, ибо по сдѣланному согласію ожидалъ я вѣстей изъ Керчи, какъ о началіи военныхъ дѣйствій, такъ и о томъ, что происходило въ этомъ городѣ въ первые дни послѣ отъѣзда моего. Гудимъ увѣдомилъ меня, что въ то же утро, 2 Маія, когда узнали объ отъѣздѣ моемъ и о прибытіи Скасси, всѣ въ мундирахъ (и онъ въ томъ числѣ изъ любопытства) отправились къ нему на поклоненіе. Великій мужъ, покровитель Керченской торговли, принялъ ихъ ласково и величаво. Привѣтственную рѣчь произнесъ краснорѣчивый Синельниковъ: она ограничилась ругательствами на меня; Скасси въ молчаніи выслушалъ ее съ одобрительной улыбкой. Потомъ стали умолять его удостоить городъ своимъ пребываніемъ въ немъ, тѣмъ болѣе, что онъ очищенъ отъ моего присутствія; на это послѣдовало милостивое согласіе. Какія были у него порученія и какъ исполнилъ онъ ихъ, увидимъ мы послѣ *).

Мнѣ отставному спѣшить было не къ чему, и я дней пять оставался въ Θεодосіи. Куда мнѣ сперва было ѣхать, если не прямо въ Москву. Но Казначеевъ, испытавшій на себѣ незлопамятность Воронцова, убѣдилъ меня, сдѣлавъ небольшой крюкъ, отправиться къ нему въ Одессу, дабы съ его помощію устроить дѣла свои на будущее время. Туда же ожидали Государя съ Императрицей, и онъ могъ имѣть удобный случай доложить обо мнѣ. Я выѣхалъ 7-го, а 9-го, въ Николинъ день, пріѣхалъ въ Симферополь.

*) Такъ какъ мнѣ не придется болѣе говорить о моихъ Керченскихъ друзьяхъ и недрузьяхъ, то здѣсь хочу сказать нѣсколько словъ о ихъ участи. Высокое образованіе не могло сойтись съ самымъ грубымъ варварствомъ; Синельниковъ не могъ ужиться со Стемиковскимъ; если у него былъ недостатокъ въ умѣ и знаніи, за то въ храбрости былъ избытокъ. Онъ вступилъ опять въ военную службу на Кавказѣ, получилъ Георгіевскій крестъ, генераль-маіорской чинъ и вскорѣ потомъ убитъ въ сраженіи съ горцами. Гудимъ давно уже управляющій Херсонскою Палатою Государственныхъ Имуществъ. Щиржецкой вскорѣ послѣ меня переведенъ непремѣннымъ членомъ Екатеринославскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія, но скоро потомъ умеръ. За Шкляренко долго благодарилъ меня Стемковской въ письмахъ своихъ, называя его драгоценнымъ наслѣдствомъ, мною оставленнымъ. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ какъ онъ находится правителемъ канцеляріи Смоленскаго и Вѣлорусскаго генераль-губернатора и, кажется, управляетъ губерніями.

По предварительному предложенію моего добраго мурзы, Мегметъ-Крымтаева, чрезъ Забѣлина, остановился я опять у него. Помѣщеніе было для меня удобное, но лѣтомъ оно не отличалось благовоніемъ. Мнѣ хотѣлось было взглянуть на Южный берегъ, который я не видалъ и о которомъ такъ много слышалъ; но потребовалось бы на то довольно времени, а я его и такъ уже много истратилъ, и я довольствовался двумя поѣздками по близости къ Симферополю.

Первую дѣлалъ я за 15 верстъ, по дорогѣ къ Чатырдагу и морю, въ имѣніе моего хозяина мурзы, называемое Магмудъ-Султанъ, гдѣ находится источникъ Салгира. Надобно было сперва карабкаться верхомъ по высокой и крутой горѣ, а съ вершины ея пѣшкомъ спускаться потомъ въ каменную воронку, цѣпляясь за бока ея. На днѣ ея бьетъ съ чрезвычайной быстротой природный водометъ, пробивается сквозь камни и, выходя изъ ущелья, образуетъ рѣчку. Немного тяжела показалась мнѣ эта поѣздка, за то зрѣлище увидѣлъ я любопытное.

Другую поѣздку сдѣлалъ я за 30 верстъ, въ Бахчисарай, съ которымъ въ цѣлой обширной Россіи всѣхъ познакомили стихи Пушкина. Въ лощинѣ лежитъ городъ, то есть одна улица, длиною болѣе версты; на ней все жарится и варится, все шьется и прядется, но она своей Азіатской фізіогноміей не могла меня поразить послѣ Карасу-Базара и старой части Акмечети. На самомъ концѣ улицы, изъ которой нѣтъ выѣзда, находится нѣчто въ видѣ нашихъ древнихъ Московскихъ монастырей; каменная ограда, широкіе ворота, а надъ ними башня и нѣсколько келій, наружу выходящихъ; это знаменитый ханскій дворецъ. Онъ одинъ привлекаетъ сюда вниманіе путешественниковъ и заслуживаетъ его. Благодаря стараніямъ Воронцова, забытый сей дворецъ исправленъ былъ заново; позолота, живопись были подновлены, даже покрыты тканями, нарочно заказанными въ Царьградѣ по обращеніямъ прежнихъ изорванныхъ кусковъ, и я могу сказать, что нашелъ его въ томъ видѣ, въ которомъ оставили его ханы.

На все это достаточно мнѣ было трехъ дней. Въ Симферополѣ я почти ни съ кѣмъ не видѣлся; лѣтомъ обыкновенно этотъ городъ пустѣетъ: жилищные жители и нѣкоторая часть изъ служащихъ переселяются въ прекрасныя, садами наполненныя долины Альмы, Качи и Бельбека. Тогда начинали уже жить и на Южномъ берегу, и между прочими тамъ находился губернаторъ Нарышкинъ съ семействомъ.

Вечеромъ, 12 Маія, поскакалъ я опять, но нигдѣ не останавливаясь на сей избитой уже мною дорогѣ, ни въ Перекопѣ, ни въ Бериславѣ; по утру 14-го поспѣлъ я въ Херсонъ. Дорога была сухая и гладкая; начинались и жары, однакоже еще весьма сносныя. На одинъ часъ остановился я, чтобы въ дорожномъ платьѣ увидѣть вновь опре-

дѣленнаго и вновь прибывшаго Херсонскаго вице-губернатора, роднаго брата Дашкова, Андрея Васильевича.

Отъ него узналъ я много важныхъ вѣстей, по большому отдаленію до насъ въ Крымъ еще не дошедшихъ. Въ самый день начатія военныхъ дѣйствій и отъѣзда Государя изъ столицы, 25 Апрѣля, послѣдовали великія перемѣны въ министерствахъ: всѣ старики были уволены. Еще въ Сентябрѣ, нетерпѣливый, бѣшенный князь Лобановъ, при товарищѣ находя положеніе свое стѣсненнымъ, бросилъ Министерство Юстиціи; на его мѣсто назначенъ управляющимъ министерствомъ товарищъ его, князь Долгоруковъ. Графа Татищева, кажется, понудили подать въ отставку: на его мѣсто опредѣленъ военнымъ министромъ извѣстный своимъ фанфаронствомъ Чернышовъ; ему же на время отсутствія Дибича въ армію поручено и начальство надъ главнымъ штабомъ. Старцы, Лавской и Шишковъ, изъ коихъ первый былъ еще довольно бодръ, получили тайное приглашеніе также просить объ увольненіи отъ должностей. На мѣсто перваго сдѣланъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, съ сохраненіемъ прежней должности, Финляндской генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ Закревской, о которомъ много говорено въ началѣ сей части Записокъ. На мѣсто послѣдняго, бывший долго въ отставкѣ, генералъ-лейтенантъ князь Карлъ Андреевичъ Ливенъ, попечитель Дерптскаго университета. О дѣйствіяхъ сихъ господъ придется, можетъ быть, мнѣ много говорить.

Пріятнымъ образомъ изумило меня и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько смутило назначеніе статсъ-секретаря Блудова въ должность главноуправляющаго духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій, съ оставленіемъ его товарищемъ министра просвѣщенія. Ливенъ былъ протестантъ и самый усердный, а только православный могъ завѣдывать дѣлами иновѣрцевъ, дабы не давать предпочтенія одной религіи передъ другой. Для того эта часть, въ видѣ особаго министерства, опять отдѣлена была отъ Народнаго Просвѣщенія, какъ было то сначала при Голицынѣ. Но зачѣмъ было при этомъ случаѣ не произвести Блудова въ тайные совѣтники? Это и сдѣлано нѣсколькими мѣсяцами позже. Когда гдѣ-нибудь установится какой-нибудь порядокъ и нѣсколько поколѣній привыкнуть къ нему, то зачѣмъ безъ всякой нужды нарушать его? Всѣ увидѣли въ томъ совершенное измѣненіе всего существовавшаго со временъ Петра Великаго: разрывъ чиновъ съ мѣстами. И мало ли что послѣ увидѣли! *).

*) Одна Московская дама спросила у одного Англійскаго путешественника, какой чинъ имѣеть Питтъ? Тотъ никакъ не умѣлъ отвѣчать ей на это. Тогда генеральство ѣздило цугомъ, а штабъ-офицеры четверней. Ну, сколько лошадей запрягается онъ въ карету? сир-

На нѣсколько часовъ для отдохновенія остановился я въ Николаевѣ, у моихъ добрыхъ сестеръ-хозяевъ, которыя мнѣ обрадовались и меня успокоили. Городъ былъ совершенно пустъ; флотскіе всѣ были на морѣ, а изъ чиновниковъ и жителей, кто только могъ, поскакали въ Одессу, чтобы взглянуть на царскую чету. Даже сама Юлія Михайловна и полицеймейстеръ Федоровъ были въ отлучкѣ.

Ни одного человѣческаго лица не встрѣтилъ я на Одесскихъ улицахъ, когда 15 Маія, въ четыре часа по полудни, чрезъ Херсонскую заставу выѣхалъ я въ этотъ городъ. Между тѣмъ вдали слышанъ былъ звонъ колоколовъ и вслѣдъ за тѣмъ пушечная пальба. Все народонаселеніе хлынуло къ противоположной Тираспольской заставѣ, чтобы встрѣтить Государя. Ихъ Величества, проѣхавъ сквозь шумныя толпы, остановились во вновь богато и прихотливо отдѣланномъ домѣ графа Воронцова, надъ самымъ моремъ. Лишь только Императрица вышла на балконъ, Воронцовъ махнулъ платкомъ, и по этому сигналу началась ужасная трескотня со всѣхъ военныхъ и купеческихъ судовъ, стоящихъ на рейдѣ, равно какъ и съ батареями, окружающими карантинъ. Въ сію минуту подъѣзжалъ я къ отелю Сикара, въ которомъ взяли съ меня за комнаты не такъ дорого, какъ я ожидалъ; ибо пріѣзжихъ не было столь много, какъ сказывали. Какъ рѣзокъ показался мнѣ переходъ отъ пустоты и молчанія къ шуму и суетѣ народной! Удивительнымъ могло показаться и то, что въ этой части лѣтомъ ужасно пыльной Одессы не было ни пылинки: казалось, что хотѣли исчерпать море, чтобы увлажить улицы, чрезъ кои Царю надлежало проѣзжать.

Только и рѣчей было тогда, что о царскомъ путешествіи да о первыхъ военныхъ дѣйствіяхъ. Неизлишнимъ считаю повторить здѣсь мною слышанное. Государь, какъ сказалъ я выше, выѣхалъ изъ Петербурга 25 Апрѣля и отправился прямо къ арміи въ Бессарабію; въ тотъ же день выѣхала Императрица и путешествовала медленнѣе до Бендеръ, гдѣ могла ожидать новыхъ распоряженій. Тутъ случилось нѣчто забавное. Около этого времени управлялъ областію Бессарабской вице-губернаторъ Фирсовъ, мой преемникъ; но вслѣдствіе не грознаго, а извительнаго письма отъ Воронцова заболѣлъ и внезапно умеръ. Тогда должность губернаторская перешла въ руки преждерѣченнаго предсѣдателя Уголовнаго Суда Курика, человѣка самолюбиваго, безтолковаго, суетливаго, которому представился случай выказать себя. Онъ узналъ, что Государь намѣренъ изъ Измаила отправиться въ Бен-

сла она. Обыкновенно ѣздитъ парой, отвѣчалъ онъ. «Ну, хороша же великая держава, у которой первый министеръ только что капитанъ», замѣтила она. Многіе и понынѣ готовы еще такъ думать.

деры, дабы неожиданнымъ прїѣздомъ обрадовать Императрицу. Ему изъ усердія захотѣлось предупредить Ея Величество; для того послалъ онъ особаго чиновника курьеромъ съ донесеніемъ о томъ, и когда Царь прибылъ, то нашель, что его уже ожидали. Можно представить себѣ его гнѣвъ, какъ онъ былъ раздраженъ такою глупою смѣлостію! Послѣ этого, разумѣется, Курикъ не могъ долго остаться на мѣстѣ *). Пробывъ менѣе сутокъ въ Бендерахъ, Государь вмѣстѣ съ супругою 15 Маія имѣлъ въѣздъ въ Одессу.

Извѣстія о малочисленномъ дворѣ, тогда въ Одессѣ находившемся, имѣлъ я почти ежедневно отъ Анны Петровны Юшковой, родственницы и прїятельницы Жуковскаго, вышедшей за Англо-Американца Зонтага, который былъ тогда капитаномъ надъ Одесскимъ портомъ. По рекомендаціи Жуковскаго, Государыня поручила ей преподаваніе иностранныхъ языковъ, равно какъ и Русскаго, маленькой еще дочери своей Маріи Николаевнѣ, ее сопровождавшей. Дитя не очень приневоливали учиться; но г-жа Зонтагъ своею ластительностію умѣла какъ-то привлечь ее къ ученію, что, кажется, очень понравилось.

Военныя дѣйствія ограничивались пока переходомъ войскъ черезъ Дунай у Сатунова, да по сю сторону Дуная осадой Браилова. Михаилъ Павловичъ тутъ съ гвардіей блпстательнымъ образомъ хотѣлъ начать свое военное поприще. Россія дорого заплатила за первый его знаменитый подвигъ. Наскучивъ продолжительной осадой, въ слѣдующемъ мѣсяцѣ взялъ онъ штурмомъ эту крѣпость. Говорятъ, онъ плакалъ при видѣ великаго множества убитыхъ, изувѣченныхъ молодцовъ-гвардейцевъ, какъ ребенокъ, у котораго переломали его игрушки, солдатиковъ его.

Болѣе всего, конечно, занимало меня мое собственное дѣло. Дни три-четыре Воронцовъ былъ неуловимъ для меня: онъ какъ тѣнь слѣдовалъ за Государемъ; наконецъ, мнѣ удалось его найти. Онъ встрѣтилъ меня ласками и проводилъ обѣщаніями, настоящаго же толку я никакъ не могъ добиться.

*) Еще прежде этой продѣлки Курика, Воронцовъ позаботился въ это критическое время о порученіи Бессарабской области вѣрному и надежному человеку. По его избранію управляющимъ на время войны назначенъ приверженецъ его, Тагаврогскій градоначальникъ Дунаевъ, съ сохраненіемъ прежней должности. Онъ прїѣхалъ въ Одессу въ одно время со мной, и я имѣлъ случай многократно съ нимъ познакомиться. Онъ мнѣ показался тоже человекомъ армейскимъ, но гораздо болѣе смышленнымъ, чѣмъ Богдановскій. Пребываніе въ Тагаврогѣ покойнаго Императора, его болѣзнь, кончина, потомъ пребываніе Императрицы отъ начала осени до весны, поставили его въ необычное тревожное состояніе, отъ котораго едва могъ онъ отдохнуть. Управленіе Бессарабіей довершило разстройство его разсудка; въ концѣ, кажется, этого года онъ сошелъ съ ума и вскорѣ потомъ умеръ.

Къ неописанной радости моей, пріѣхалъ въ Одессу Дашковъ. Въ званіи статсъ-секретаря сопровождалъ онъ Государя, а по совершенному знанію дѣлъ Востока, во время этой кампаніи, былъ ему чрезвычайно полезенъ своими свѣдѣніями. Въ продолженіи немногихъ дней, что онъ тутъ оставался, каждый день раза по два видѣлся я съ нимъ. Отъ него узналъ я, что Воронцовъ будто по волѣ Государя, препроводилъ просьбу мою въ Комитетъ Министровъ, гдѣ, какъ дѣло неважное, при множествѣ другихъ, оно залежалось. По сдѣланной однако справкѣ наканунѣ отъѣзда его, Комитетъ положилъ причислить меня въ герольдіи, съ производствомъ трехъ тысячъ рублей ассигнаціями ежегоднаго содержанія, впредь до опредѣленія меня къ другой должности; это бы меня совершенно удовлетворило, и болѣе я требовать не могъ. Но, дабы кончить тутъ же скучный рассказъ о дѣлѣ моего увольненія, прибавлю, что положеніе Комитета, отправленное въ армію, въ Іюль мѣсяцѣ получило всемилостивѣйшее утвержденіе, съ тою только разницею, что вмѣсто трехъ тысячъ содержанія велѣно мнѣ выдать ихъ единовременно, въ видѣ пособія. Со мною все дѣлалось не по людски.

Нашелъ я и Стемковскаго, который, по увѣреніямъ его, дожидался меня. Много бесѣдовали мы съ симъ безпристрастнымъ и благонамѣреннымъ человѣкомъ. Я сообщилъ ему все что зналъ о Керченскихъ дѣлахъ. Они отчасти и ему были извѣстны; хорошо зналъ онъ и Скасси, и очень хорошо понималъ его. Хотя онъ дотолѣ находился съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, не менѣе того, приготовляясь къ оборонительной войнѣ, при мнѣ отправился онъ во ввѣренный ему градъ.

Кажется, давно ли оставилъ я Одессу, а какъ много изъ зимнихъ моихъ знакомыхъ не нашелъ я въ ней! Ланжеронъ какъ-то приплелся къ арміи, гдѣ и безъ него было такъ много главныхъ начальниковъ и полныхъ генераловъ. Паленъ отправился на предсѣдательство въ Бухарестъ и имѣлъ неосторожность правителемъ дѣлъ взять съ собою алчнаго земляка Брунова, въ чемъ послѣ много долженъ былъ раскисываться. Передъ отъѣздомъ сдѣлалъ онъ другой промахъ: палъ къ ногамъ Ольги Нарышкиной, умоляя ее развестись съ мужемъ и выдти за него; она расхохоталась и указала ему двери. Собаньская старалась казаться веселою, любезною; но изъ самыхъ насмѣшекъ ея могъ я замѣтить глубокую досаду, видя, что, по праву чина, шутиха ея, дѣйствительная статская совѣтница Кирикó съ дочерьми представлялась Императрицѣ, а ей къ тому и слѣда не было. Вотъ все что на этотъ разъ могу сказать я объ Одессѣ, въ которой самъ не знаю зачѣмъ, безъ всякой для себя пользы, прожилъ я двѣ недѣли.

Разставаясь съ Новороссійскимъ краемъ надолго, можетъ быть навсегда, на прощаньи мнѣ желательно въ послѣдній разъ о выгодахъ

его для Россіи объяснить мнѣніе мое, плодъ пятилѣтнихъ наблюденій, иногда ошибочныхъ, но въ послѣдствіи исправленное болѣе зрѣлыми размышленіями.

Отъ Иртыша и Амура до Китайской стѣны, отъ рѣки Урала до Хивы, Заволжье до Каспійскаго моря, Донскія равнины до Азовскаго моря и Кавказа, все это одна неизмѣримая степь, огромное кочевье, чрезъ кое густыми толпами неоднократно протекалъ человѣческій родъ. Иногда онъ останавливался, живалъ и живетъ и понынѣ; но нельзя сказать, чтобы онъ когда либо населялъ сію пустыню, ибо никогда и нигдѣ прочныхъ жилищъ въ ней не основывалъ. Не одна страсть къ подвижной жизни, а болѣе естественныя причины тому препятствовали. Новороссійскими губерніями до впаденія Прута въ Дунай дополняется и заключается сія цѣпь пустошей. Великое пространство отъ Тихаго океана вплоть до Чернаго моря можно почитать предѣломъ, раздѣляющимъ двѣ части свѣта, долженствующимъ навсегда отдѣлять Россію отъ настоящей Азіи.

Но еще въ отдаленныя отъ насъ времена, приблизясь къ сему рубежу, Русскіе съ оружіемъ въ рукахъ далеко проходили за него, когда въ сей Западной степи властвовали попеременно Печенѣги, Хазары и Половцы. Рано или поздно суждено ей было сдѣлаться ихъ достояніемъ. Гораздо послѣ, по завоеваніи уже Сибири, приблизились они и къ Восточной, болѣе расширенной части степей, но до настоящаго времени вооруженной рукой не пытались въ нее проникнуть.

Неподалеку отъ Украины, за степями, былъ прекрасный уголокъ, очень извѣстный еще древнимъ. Просвѣщенные Греки, послѣ нихъ промышленные Генуэзцы построили въ немъ города, завели въ немъ торговлю, обогатили и украсили его. Геологи полагаютъ, что Крымскія степи нѣкогда были покрыты моремъ; соляныя озера, солончаки и самыя роды растений подкрѣпляютъ сію догадку. Вслѣдствіе какого нибудь сильнаго переворота на земномъ шарѣ вода вѣроятно утекла въ Азовское море, прорвала цѣпь Кавказскихъ горъ, гдѣ нынѣ Керченскій проливъ, и соединила его съ Чернымъ моремъ. Оторванный отъ Кавказа лоскутъ горъ всей странѣ далъ названіе Тавриды, ибо Тавръ значитъ гора. Сею странюю овладѣли, наконецъ, Татары и превратили ее въ логовище, откуда сіи хищныя звѣри устремлялись на добычу. Екатерина задумала сіе природой облагодѣтельное мѣсто вырвать изъ варварскихъ рукъ и подарить имъ Россію; смѣлый искусный, дальновидный Потемкинъ помогъ ей въ томъ. Оба были увѣрены, что прелести южнаго Крыма заманятъ большое населеніе, привлекутъ и большіе капиталы, коихъ сами не щадили. Въ сихъ пріят-

ныхъ мечтахъ умеръ Потемкинъ, а она успѣла еще увидѣть, что оживанія ея были тщетны.

И неудивительно ли, когда жители Сѣвера, и особенно изъ нихъ просвѣщенный классъ, чувствуютъ столь сильное влеченіе къ Югу? Англичане, когда всеобщій миръ то дозволяетъ, такъ и стремятся въ Италію, Нѣмцы едва ли еще не болѣе ихъ; первые за наслажденіями, другія за наслажденіями и прибылью *in das schöne Land wo die Citronen blühen*, прибавляя: *dahin, dachin wo die goldenen Münzen glühen*. Въ Италіи искусства вмѣстѣ съ пріятностями жизни и роскошной природой. Вслѣдъ за другими и мы повадились туда ѣздить. А что могли мы найти во вновь пріобрѣтенномъ нами полуденномъ краѣ? Надобно бы было жертвовать годами, чтобы чѣмъ нибудь тамъ завестись. Между тѣмъ онъ славился у насъ, и самое отдаленіе украшало его въ глазахъ нашихъ.

Были путешественники, въ то время почитавшіе себя туристами, которые предпринимали трудную поѣздку въ сію какъ бы новообрѣтенную землю и описанія свои объ ней отдавали въ печать, какъ напримѣръ Сумароковъ, Измайловъ и Муравьевъ-Апостолъ.

Вскорѣ послѣ присоединенія Западныхъ губерній не стало Екатерины; при ней не успѣли еще хорошо разглядѣться на счетъ ихъ выгодъ. При Александрѣ сильно возчувствовали потребность, необходимость сбыта земныхъ продуктовъ, даромъ въ нихъ пропадающихъ, начали искать мѣста на Черномъ морѣ между Бугомъ и Днѣстромъ,—и родилась Одесса. Вдругъ оживились губерніи Херсонская, Полтавская, Кіевская, Волынская, Подольская (Бессарабія тогда еще намъ не принадлежала). Раздались громкія, весьма заслуженныя похвалы новорожденному городу и основателю его Римельё.

Послѣ двадцатилѣтнихъ, непрерывныхъ, быстрыхъ, неимовѣрныхъ успѣховъ этого города увидѣлъ я его въ первый разъ. Зачѣмъ повторять здѣсь сказанное мною при описаніи его въ 1823 году? Все показалось мнѣ въ немъ строящимся, недоконченнымъ, недостроеннымъ, хотя въ широкомъ размѣрѣ: абрисъ или эбошъ, какъ угодно, огромной картины. Пять лѣтъ едва прошло, и я нашелъ въ немъ все пріятности общежитія. Приписать ли это присутствію или отсутствію новаго тогда, нынѣ давняго начальника Воронцова? Я по опыту знаю великое мастерство его привлекать людей; онъ употребилъ его для пользы не цѣлаго края, а двухъ мѣстностей, Одессы и Южнаго берега Крыма. На сіи два предмета было постоянно обращено все нѣжное, попечительное его вниманіе. Удачныя предпріятія Воронцова не доказываютъ ли однако, что Русскіе совсѣмъ не чуждаются собственнаго полуденнаго неба, не смотря на ужасное отдаленіе его отъ обѣихъ столицъ, отъ

центра всей Русской жизни и дѣятельности, на всѣ неудобства сообщеній по нескончаемому пути, на всѣ мученія и лишенія, не разъмною описанныя?

Разсматривая карту Черноморскихъ береговъ, можно подивиться, что отъ Днѣпровскаго лимана до устья Кубани на столь великомъ протяженіи находишь только одинъ извѣстный портовый городъ, тогда какъ берега пролива Ламаншъ ими усѣяны. Конечно есть и Θεодосія; но у нея нѣтъ по сосѣдству большихъ судоходныхъ рѣкъ, каковы Днѣстръ, Бугъ, Ингуль и Днѣпръ, нѣтъ небольшой степи, которую на волахъ въ пять дней можно проѣзжать. Безконечная степь отдѣляетъ ее отъ плодородныхъ внутреннихъ нашихъ областей, которыя для отправки могли бы снабжать ее пшеницей; привозъ изъ Азіи прекратился, благодаря успѣхамъ нашей Русской промышленности, какъ объяснилъ я при описаніи сего города. Отдаленный Таганрогъ былъ всегда ея соперникомъ, а тутъ вдругъ по сосѣдству явилась и Керчь. Увидѣвъ онѣмѣніе, оцѣпенѣніе Θεодосіи, я сказалъ ей вѣчную память, а малому муравейнику моему, гдѣ все копошилось, предсказывалъ славную будущность. Это все находится въ запискѣ моей о Керчи, которую въ Одессѣ я представилъ Воронцову. Увы! Не хвастаюсь тѣмъ, а каюсь въ томъ: кажется, она сильно на него подѣйствовала.

Напрасно думаютъ, что Воронцовъ ненавидитъ и преслѣдуетъ Θεодосію; при его умѣ это было бы слишкомъ безразсудно. Но онъ видитъ въ ней нѣчто отставное, слѣдственно бесполезное; поддерживать ее, помогать ей почитаетъ онъ излишнимъ; однимъ словомъ, онъ поступаетъ съ ней точно также какъ со мной поступилъ. Онъ къ ней равнодушенъ, также какъ и къ Таганрогу; изъ портовыхъ городовъ, до него основанныхъ, возлюбилъ онъ только одну Одессу, какъ готовую ему столицу.

Керчь дѣло совсѣмъ иное. Я успѣлъ объяснить ему, что какъ при немъ назначенъ туда первый градоначальникъ, при немъ открытъ въ ней портъ, то она и должна почитаться его созданіемъ. Настоящей торговли въ ней нѣтъ и до сихъ поръ, но благодаря его неуныннымъ стараніямъ она сдѣлалась если не весьма богатымъ, за то красивѣйшимъ городомъ въ Крыму. Многія постороннія причины способствовали первоначальнымъ ея успѣхамъ. Русское населеніе, коему едва положилъ я начало, при Стемковскомъ быстро увеличилось; умноженіе народонаселенія привлекаетъ и ремесленниковъ, а они были подъ рукою въ Нѣмецкихъ колоніяхъ. Азовское море, будучи объявлено практическимъ, всѣ суда въ него идущія должны останавливаться въ Керчи и выдерживать трехнедѣльный карантинный срокъ. Множество судовъ чрезвычайно оживляетъ видъ на ея портъ, но прибыли ей отъ

того мало, все равно что главной заставѣ, чрезъ кою проѣзжаетъ множество экипажей и телѣгъ; изъ привознаго однако кое-что перепадаетъ для ея внутренней торговли. Послѣ удаленія Грейга отъ начальства, князь Меншиковъ выпросилъ повелѣніе изгнать изъ Николаева и Севастополя разбогатѣвшихъ Евреевъ, кои подъ покровительствомъ Юліи захватили тамъ всѣ подряды. Они кинулись въ Симферополь, а еще болѣе въ Керчь, стали селиться, строиться и со врожденною имъ дѣятельностью довольно успѣшно торговать. Сдѣлавшись проѣзжимъ мѣстомъ на установленномъ трактѣ изъ Новороссійскихъ губерній на Кавказъ, Керчь въ тоже время посредствомъ пароходства имѣетъ моремъ еженедѣльное, регулярное сообщеніе съ Θεодосіей, Ялтой, Севастополемъ и Одессой. Наконецъ, въ ней мѣстопробываніе двухъ штабовъ, сухопутнаго и морскаго; одинъ генераль-адъютантъ и одинъ вице-адмиралъ постоянно живутъ въ ней: первый начальствуетъ надъ крѣпостями и войсками, расположенными по Западному берегу Чернаго моря; другой надъ военными судами, вдоль этого берега крейсирующими. Все это я смѣю назвать только искусственною жизнью.

Тамъ гдѣ восчувствуются неодолимыя потребности и представляются способы къ ихъ удовлетворенію, тамъ все совершится простымъ, естественнымъ образомъ. Хлѣбородныя губерніи Курская, Харьковская, Воронежская, Екатеринославская давно искали дешевѣйшаго, кратчайшаго, легчайшаго пути для отвоза своихъ произведеній и отправленія ихъ за море. Ни Таганрогъ, ни Керчь имъ такихъ удобствъ, какія найдены ими на Бердянской косѣ и пристани не представляютъ. Безъ всякой помощи отъ казны, сначала даже безъ всякаго поощренія, сталъ подыматься городъ Бердянскъ, о коемъ въ мое время и помину не было. Я все мечталъ о каботажомъ плаваніи, которое Керчи должно было доставлять продукты нашихъ внутреннихъ губерній; еслибъ могло мнѣ придти на мысль сіе неизвѣстное тогда мѣсто, я бы призадумался, и надежды мои ослабѣли-бъ. Какъ новый памятникъ его управленія, Воронцовъ сильно покровительствуетъ Бердянску, не замѣчая, что онъ будущая гибель его любезной Керчи.

И что съ нею будетъ, когда могучая рука Воронцова отъ нея отодвинется, когда онъ самъ отыдетъ на покой или въ вѣчность? До селѣ единственно была она поддерживаема счастливыми для нея случаями; собственною жизнью, кажется, ей не жить.

Всѣ эти поименованные города, Бердянскъ, Керчь, Θεодосія могутъ процвѣтать, не дѣлая ни малѣйшаго подрыва Одессѣ; развѣ только одна Θεодосія, если она воскреснетъ, и то не въ торговомъ, а въ общежительномъ отношеніи, можетъ съ нею удачно посоперничать. Жаль, что добратся до нея такъ трудно, впрочемъ, какъ говорить въ

настоящее время о затрудненіяхъ, когда при помощи новыхъ изобрѣтеній такъ много препятствій устраняется, когда дѣйствіе пароходовъ съ моря перенесено на сухіе пути и ихъ сокращаетъ? Носятся слухи, что затѣваютъ желѣзную дорогу изъ Петербурга въ Москву. Увѣряли меня, что Англичане предлагали правительству также на свой счетъ устроить желѣзную дорогу въ Теодосію и что имъ будто бы отказано. Тамъ гдѣ есть выгоды, эти люди ведутъ самый вѣрный расчетъ и на нихъ въ этомъ случаѣ положиться можно.

Лишь только про себя началъ я прилежно разсматривать вопросъ о сей новой дорогѣ, какъ тысячу убѣжденій въ пользу проекта объ ней появилось мнѣ. Если проводить ее черезъ узенькой Гениченской проливъ и натуральное шоссе Арабатской стрѣлки, то напередъ пройдетъ она черезъ большую, гладкую степь, на которой не встрѣтитъ она ни горы, которую надлежало бы ей или огибать или прорѣзывать, ни широкой рѣки, чрезъ кою пришлось бы дѣлать мостъ, что чрезвычайно уменьшить расходы на ея построеніе. По ней для отправленія за границу во множествѣ будетъ доставляемо въ Теодосію все то, въ чемъ она для торговли нуждалась. Но чѣмъ же въ замѣнъ будетъ она снабжать Россію? Предметовъ для вывоза такъ много, что вдругъ ихъ изчислить нельзя. Во первыхъ, столовое вино. Отрасль сію насадилъ, возрастилъ и довелъ до возможнаго совершенства Воронцовъ, за что, по всей справедливости, вѣчная ему благодарность. До него не слыхивали о Крымскомъ винѣ, нынѣ во всѣхъ губерніяхъ, до самой Москвы, оно вошло во всеобщее употребленіе; оттого и цѣны на него слишкомъ поднялись, тогда какъ на мѣстѣ отъ соревнованія они чрезвычайно упали; удобное и дешевое сообщеніе установитъ равновѣсіе между ими. И чѣмъ не богатъ чудный вертоградъ, называемый Южнымъ Крымомъ? Сочными грушами, гораздо лучше всѣхъ Французскихъ, крупными абрикосами, фигами, гранатами, миндалемъ и, наконецъ, сотнею сортовъ душистаго винограда. Жалко видѣть при наступленіи осени высокія груды сихъ садовыхъ и лѣсныхъ произрастеній на базарахъ не раскупленными, хотя отдають ихъ почти задаромъ. Еслибъ (это одно только предположеніе) желѣзная дорога проведена была изъ Петербурга до Теодосіи, тогда эти плоды во всей свѣжести своей черезъ трое сутокъ являлись бы на столахъ первыхъ столичныхъ гастрономовъ. Изъ чего разводять теперь плодовые сады, развѣ для собственнаго удовольствія; тогда сдѣлавшись источникомъ великихъ доходовъ для владѣльцевъ, они всюду будутъ размножаться. Нужда, наконецъ, научила Крымскихъ жителей дѣлать то, чего они прежде не умѣли, сушить фрукты, готовить изюмъ, инжиръ и шепталу, лакомства любимыя Англичанами и нашимъ среднимъ состояніемъ, которыя доселѣ изъ дальнихъ странъ

привозились на Петербургскую биржу и Магарьевскую ярманку, а мы можемъ имѣть ихъ дома. Вотъ велика важность, скажутъ иные, фрукты! Да развѣ Мальта и большая часть Португаліи не живутъ апельсинами?

Въ Крыму Русскіе варвары начали сажать туговья деревья и весьма успѣшно разводить шелководство по примѣру варвара Реброва, который симъ промысломъ на Кавказѣ нажилъ милліоны. Также во множествѣ начали они сѣять табакъ; я въ этомъ дѣлѣ не судья, но любители увѣряютъ, что онъ въ родѣ Турецкаго, если еще не лучше. Самая безобразная часть Крыма—степная, приноситъ великую пользу: она съ овецъ доставляетъ мягкую шерсть и Крымскіе тулупы столь извѣстные. Я не говорю уже о Крымскихъ яблокахъ, о дикихъ каштанахъ, о грецкихъ орѣхахъ, которые тамъ почитаются за ничто, ни объ орѣховомъ деревѣ, которымъ, если оно будетъ вывозимо для мебели, перестанутъ топить печи. Паровозы, кажется, съ порядочнымъ грузомъ могутъ отправляться въ обратный путь.

На самой дорогѣ находятся соляныя озера Геническія и Перекопскія; съ нихъ будетъ увозима соль, предметъ отмѣнно важный. Далѣе дорога идетъ черезъ три уѣзда Екатеринославской губерніи, гдѣ недавно открытъ каменный уголь; говорятъ, его такое обиліе, что развѣ въ тысячу лѣтъ онъ истощится. Какая находка! Паровозство снабжать имъ будетъ всѣ наши безлѣсныя губерніи. И при всѣхъ явныхъ сихъ выгодахъ, одобреніе и исполненіе проекта встрѣтило уже и будетъ встрѣчать величайшія затрудненія. Воронцовъ разъ осудилъ Θεодосію на смерть и никогда приговора своего не отмѣнитъ. Завистливые Одессане будутъ всячески интриговать, чтобы никакое мѣсто въ Новороссійскомъ краю не сравнялось съ ихъ великимъ градомъ.

Чего желаетъ Одесса? Чтобы къ ней проведена была желѣзная дорога и чтобы сіе сдѣлано было на казенный счетъ; ни одинъ изъ ея богатыхъ негоціантовъ не будетъ рисковать малѣйшимъ капиталомъ для сего предпріятія. Нынѣ имѣетъ она прямое сообщеніе со всей Европой: пароходы изъ нея, пройдя небольшой уголь Чернаго моря, вступаютъ въ устье Дуная, плывутъ до Галаца и потомъ вверхъ по рѣкѣ поднимаются прямо до Вѣны. Изъ сосѣднихъ губерній получаетъ она въ избыткѣ все то, что требуется для заграничной торговли. Можетъ ли положеніе быть счастливѣе и какія неблагопріятныя обстоятельства могутъ измѣнить его? Но за то какую великую пользу Россія получаетъ отъ нея? Польскіе помѣщики изъ Западныхъ губерній, постоянно ей враждебные, лѣтомъ сами привозятъ пшеницу для продажи, но съ вырученными деньгами рѣдко возвращаются домой: подобно нашимъ инымъ подгороднымъ крестьянамъ, они все на мѣстѣ пропиваютъ и проигры-

вають шулерамъ, во множествѣ собирающимся, по большей части иностраннымъ. Благодатный край, гдѣ эти иновѣрные владѣютъ православными мужиками, ничего не выигрываетъ; ни собственное ихъ благосостояніе, ни благосостояніе жителей не умножается отъ высокихъ цѣнъ на хлѣбъ. Вообще, что сама Одесса можетъ доставить Россіи? И что могутъ производить ея сухія, обгорѣлыя окрестности? Правда, благодаря порто-франко, который не что иное какъ постоянная, хорошо устроенная контрабанда *), изъ нея во множествѣ вывозятся иностранныя ткани и такъ-называемыя галантерейныя вещи. А что это такое? Все то что выходитъ изъ моды, все то что не сходитъ съ рукъ, всякую оборощь, Парижъ для продажи отправляетъ въ Марсель, а тамъ нераспроданное идетъ къ намъ въ Одессу, откуда перескакиваетъ въ наши Юго-западные губерніи. Между тѣмъ, къ сожалѣнію, все свѣжее, лучшее привозится въ Петербургъ, въ Рижской портъ и провозится черезъ всю сухую границу; тамъ по крайней мѣрѣ оплачивается она таможенными пошлинами.

Кто болѣе всѣхъ извлекаетъ пользу изъ Одесской торговли? Во-первыхъ Французы, Рубо и другіе; всѣ они, какъ волки въ лѣсѣ, смотрятъ во Францію; по примѣру многихъ другихъ отбывшихъ своихъ соотечественниковъ, они непременно переведутъ туда огромныя капиталы, у насъ нажитые. Потомъ Греки; у нихъ также есть теперь отечество, куда отплывутъ ихъ богатства. Наконецъ Жиды, которые подъ особеннымъ, даже пристрастнымъ, покровительствомъ главнаго мѣстнаго начальства размножаются и богатѣютъ. Вотъ эти намъ останутся. По дошедшимъ до меня свѣдѣніямъ, они уже и теперь преслѣдуютъ и безнаказанно обижаютъ людей всѣхъ другихъ націй. Говорятъ, имъ будетъ велѣно нарядиться въ Европейское платье; жаль, право, если это случится. Тогда-то они завеличаются передъ нашими брадатыми мужичками, которые доселѣ съ презрѣніемъ смотрѣли на ихъ ермолки, фесики и черное платье, а тогда увидятъ въ нихъ господъ. Если все такъ продлится, какъ мнѣ сказывали, то безъ сомнѣнія Евреи, наконецъ, выживутъ христіанъ и совершенно овладѣютъ Одессой. Можетъ быть, запретъ они церкви, или будутъ пускать въ нихъ за деньги, или обратятъ ихъ въ синагоги; кто знаетъ, можетъ быть, они взбунтуются и

*) Увѣряютъ, будто Воронцовъ сказалъ «что діаволь избобрѣлъ таможи, а Господь Богъ, во благодати Своей, послалъ контрабанду». Можетъ быть, это относится къ Одессѣ, ибо дѣйствительно безъ сей послѣдней она бы много потеряла. Городъ богатѣетъ, но какая отъ того прибыль казны, то-есть государству, то-есть Россіи? Два предмѣстія Пересыпь и Молдаванка населены, красиво обстроены контрабандистами и всякаго другаго рода грабителями. Какъ увѣрили меня, недавно къ ихъ операціямъ присоединились честныя Нѣмцы колоній Гросс-Либенталя и Лустдорфа.

выберутъ себѣ въ короли, кого? Одного ли изъ Ротшильдовъ или... больно для сердца моего вымолвить это имя. И Одесса ожидаетъ еще новыхъ поощреній отъ правительства! О, она твердо полагается на то чего нѣтъ, на его безразсудность!

То ли дѣло Θεодосія! Вотъ это былъ бы Русскій, нашъ собственный портъ. И объ одной ли Θεодосіи идетъ дѣло? О благосостояніи цѣлаго полуострова. Весьма справедливо онъ названъ садомъ Россіи, и для прогулокъ въ него изъ Одессы заведено пароходство. Но зачѣмъ же только гулять въ немъ? Зачѣмъ же не селиться? А возможно ли? И что для того сдѣлано? Я помню, какъ покойный начальникъ мой Бетанкуръ, въ 1820 году, послѣ поѣздки своей по всей Россіи, съ досадой говорилъ мнѣ о южномъ Крымскомъ берегѣ. «Все природа, да природа, говорилъ онъ, а нигдѣ не видать слѣдовъ рукъ человѣческихъ». Теперь бы онъ того не сказалъ, когда на каждомъ шагу встрѣчаются дѣйствія трудовъ людскихъ, за то не увидѣлъ бы лица чело-вѣческаго. Воронцовъ съ большими издержками на высотѣ построилъ шоссе, но только по одному направленію. Онъ умѣлъ заманивать туда и царя, и царицу, и многихъ богатыхъ вельможъ, которые настроили тамъ виллы, дворцы, замки и завели прекрасные сады. Но одинъ придворный воздухъ имъ кажется теплымъ и здоровымъ, и едва ли они въ нихъ заглядывали. И подлинно, кому охота какъ дикой козѣ карабкаться со скалы на скалу, особенно женщинамъ, которыя, какъ дамы среднихъ вѣковъ, не иначе какъ на палефруа могутъ посѣщать самыхъ ближнихъ сосѣдокъ? Конечно это можетъ имѣть свои пріятности весной, лѣтомъ и осенью; но зимой, когда прекращаются сообщенія моремъ, а часто и черезъ горы, когда раздувшіеся водопады уносятъ мосты и обнаруживается совершенный недостатокъ въ самыхъ простыхъ мѣстныхъ припасахъ: тогда житье тамъ становится невыносимо. А зимой-то именно Югъ бываетъ пріятенъ, и туда врачи отправляютъ слабыхъ здоровьемъ. Люди, разсѣянные лѣтомъ, обыкновенно на зиму собираются въ одно мѣсто, въ которомъ пріятно могли бы провести время, найти всѣ удобства образованной жизни. Гдѣ такое мѣсто въ Крыму? Его надобно пріискать; оно даже и найдено, но находится не въ томъ видѣ и состояніи, въ которомъ надлежало бы ему быть.

Θеодосія представляетъ всевозможныя выгоды для учрежденія въ ней большаго портоваго и общежительнаго города. Также какъ южный берегъ, коему служитъ она заключеніемъ, отъ сѣверныхъ вѣтровъ защищается она высокой горой, а къ Керчи идутъ отъ нея цвѣтушіе холмы и долины. Мѣстоположеніе прекрасное и удовлетворяетъ всѣмъ вкусамъ; любители горъ могутъ лазить по нимъ и, пожалуй, созидать на нихъ замки; тѣ которые предпочитаютъ развѣзжаться въ экипажахъ или

спокойно прогуливаться пѣшкомъ могутъ дѣлать сіе безъ всякихъ затрудненій. Когда Керченскій проливъ и Одесскій портъ въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль замерзаютъ, на чудесной Теодосійской рейдѣ не показывается ни одна льдинка. Она имѣетъ форму подковы, коей оконечности близко сходятся, и такъ глубока, что корабли могутъ подходить къ самымъ домамъ, тогда какъ въ Керчи, также какъ и въ Одессѣ, гавань устроена посредствомъ моловъ.

Мы видѣли, какъ люди умные, достаточные, образованные, по службѣ, по необходимости или случайно въ Одессѣ на зиму собравшіеся, умѣли жизнь въ ней сдѣлать пріятною и веселою; въ Одессѣ, гдѣ и зимой такъ печаленъ, такъ грустенъ взглядъ на снѣгомъ не покрытую, тошую, почернѣвшую землю, на деревья, кое-гдѣ торчащіе, полумертвые недоростки, никогда пятнадцати-лѣтняго возраста не достигающіе, гдѣ никогда не знаютъ тѣни. Общество въ ней мѣняется каждую зиму: это волшебный фонарь, въ которомъ то свѣтлѣетъ, то становится мрачно. Изъ людей хорошаго общества кто не посѣщаль Одессу, и многіе ли изъ нихъ оставались въ ней?

Гораздо южнѣе, Теодосія имѣетъ передъ ней преимущество болѣе теплаго климата и роскошной природы, ее окружающей. Она въ одно время можетъ сдѣлаться нашей Марселию и нашей Ниццою, и сотни тысячъ, нашими земляками тамъ проживаемыя, будутъ въ ней издерживаться и оставаться дома; въ Одессѣ этому никогда не бывать. Тогда и Южный берегъ внезапно оживится, когда изъ Теодосіи на пароходахъ въ пять или въ шесть часовъ можно будетъ поспѣвать въ Ялту, когда менѣе смѣлые будутъ проѣзжать по прекрасной дорогѣ усѣянной дачами и садами, съ одной стороны до Севастополя, съ другой, до Керчи. И на сей послѣдней отразился бы блескъ ея; она жила бы ея жизнью, гораздо вѣриѣе, чѣмъ собственной своей мнимой торговлей *). Великолѣпныя построенія на Южномъ берегу, которыя нынѣ владѣльцы готовы отдавать задаромъ, возвысятся въ цѣнѣ или, по крайней мѣрѣ, на лѣто будутъ дорого отдаваться въ паймы.

Съ Европой у насъ сообщеній бездна, въ томъ числѣ и Одесса; съ Азіей они болѣе или менѣе затруднительны, и какъ на сей предметъ не обратить вниманія? Когда не было еще пароходства, я помню, какъ къ Керченской пристани менѣе чѣмъ въ двое сутокъ приходили суда изъ Синопа и Требизонда. Въ послѣднемъ изъ сихъ городовъ находится богатая Англинская контора, тайно снабжающая товарами и нашъ Закавказскій край. Кому неизвѣстно, что Англія совершенно

*) Точно также какъ уѣздный городокъ Аккерманъ, благодаря сосѣдству Одессы, выросъ до шестнадцати-тысячнаго населенія.

убила промышленность въ Малой Азіи, замѣнивъ ее издѣлія собственными, сначала болѣе дешевыми? Удобное и дешевое сообщеніе подало бы, можетъ быть, нашему Московскому предприимчивому и изворотливому купечеству мысль сдѣлать также напередъ пожертвованія, дабы подорвать тамъ Англійское торговое господство; мы видѣли, какъ въ подобномъ случаѣ оно успѣшно дѣйствовало въ Крыму. Еще одно обстоятельство, которое доселѣ осталось незамѣченнымъ: на Черномъ морѣ есть, не знаю, водовороты ли или мѣста, подверженныя особенно сильному дуновенію вѣтровъ, которыя мореплаватели на пути изъ Константинополя въ Одессу и обратно стараются избѣгать и для того двигаются къ самой Феодосіи; меня увѣрили, что несоблюденіе этого объѣзда самаго Государя дней десять на морѣ продержало.

Но довольно. Для кого и для чего я все это пишу? Кто будетъ слушать меня, кто будетъ меня читать? Но пускай никто; по крайней мѣрѣ, довольно съ меня и того, что безкорыстными моими желаніями блага моему отечеству потѣшилъ я свое воображеніе. Громкій, всеобщій голосъ истины по сему предмету непремѣнно когда нибудь услышитъ правительство; дай Богъ, чтобы это было скорѣе!

Х.

Часу въ двѣнадцатомъ по утру 29 Маія оставилъ я Одессу. Я не поѣхалъ, а полетѣлъ изъ нея, ибо, противъ обыкновенія моего, середь ночи перемѣнивъ только лошадей въ Николаевѣ, на другой день, 30-го числа, былъ уже я отъ нея за триста верстъ, въ Елисаветградѣ. Послѣ довольно знойнаго дня наступилъ прохладный, тихій вечеръ; послѣ утомительныхъ для зрѣнія степей увидѣлъ я большіе сады, обширностію своею похожіе на рощи. Ими окруженъ весь городъ, и это расположило меня остановиться на ночь и пріятнымъ образомъ подышать въ немъ.

На слѣдующее утро, 31-го, проѣхалъ я къ военнымъ поселеніямъ принадлежащее, величиной своею примѣчательное мѣстечко Петриковку, которому недавно пожалованъ какой-то новый титулъ. Около обѣденнаго времени, между послѣднимъ Новороссійскимъ городкомъ Крюковымъ и первымъ Малороссійскимъ городомъ Кременчугомъ перѣхалъ я на паромѣ раздѣляющій ихъ, часто упоминаемый Днѣпръ. На берегу встрѣтилъ я ожидающихъ переправы Башкиръ, которыхъ изъ Оренбургской губерніи вели въ Турцію на убійство или на убой. Кременчугъ показался мнѣ лучше многихъ губернскихъ городовъ, пользующихся честію сего названія. Когда онъ былъ пограничнымъ го-

родомъ, говорятъ, былъ онъ гораздо многочислѣе; но онъ снабдилъ первоначальнымъ населеніемъ весь Новороссійскій край. Въ немъ нашелъ я хорошій трактиръ и хорошій обѣдъ. Отъ него проѣзжая Малороссійскими селеніями, не могъ налюбоваться ими. Всѣ они занимаютъ большое пространство, наполненное садами, и имѣютъ видъ роцъ, сквозь деревья коихъ бѣлѣются хаты. Ночевать пріѣхалъ я въ Рѣшетилровку, богатое имѣніе, принадлежавшее Василью Степановичу Попову, и у одного изъ поселянъ нашелъ ночлегъ, который желательно бы было вездѣ находить даже за границей.

Рано по утру, 1-го Іюня, пріѣхалъ я въ Полтаву и пробылъ въ ней цѣлыя сутки. Подъѣзжая къ ней, отъ невѣжественнаго ямщика тщетно требовалъ я указанія мѣста, гдѣ происходила наша знаменитая битва. Вѣроятно, славное воспоминаніе о сей побѣдѣ заставило при Александрѣ избрать мѣстомъ главнаго управленія сей малый городъ. Также какъ Симферополь, онъ дѣлится на-двое, на старыи и на новыи; въ первой я не заглядывалъ, въ послѣднемъ остановился. Широкия въ немъ, правильныя улицы, обставленныя низенькими домиками, съ большими между ими разрывами, ведутъ къ круглому, обширному полю, названному городской площадью; вокругъ него поднимаются высокія, казенныя, каменные строенія, а въ самой серединѣ стоитъ также очень высокій памятникъ Петру Великому. Пустота этой площади, на краю города находящейся, показалась, наконецъ, ужасною, и чтобы наполнить ее, насадили по четыремъ угламъ ея четыре сада или сквера. Городъ этотъ былъ тогда еще весьма небогатъ; въ немъ не было ни одной гостиницы, а низенькій деревянный какой-то заѣзжій домъ, въ которомъ тотъ день кромѣ меня не было ни одного проѣзжающаго. Я занялъ двѣ маленькія выбѣланныя комнатки и долженъ былъ довольствоваться плохой пищею. Послѣ обѣда пошелъ я гулять въ большой, прѣкрасный садъ, казенный или общественный, который спускается по горѣ до живописной рѣчки Ворсклы. По близости отъ него находились два довольно красивыя строенія, Институтъ Благородныхъ Дѣвицъ и собственный домъ попечительницы его, жены генералъ-губернатора князя Репнина; жаль только, что все это запрятано въ уголь, который изъ путешественниковъ, подобно мнѣ, рѣдко къмъ посѣщается.

Начиная съ Полтавы, я намѣренъ былъ останавливаться во всякомъ губернскомъ городѣ, дабы дать себѣ о немъ нѣкоторое понятіе. Во всѣхъ находившихся у меня по дорогѣ неоднократно бывалъ я, почти не видавъ ихъ.

Въ первый изъ нихъ, мнѣ уже нѣсколько знакомый Харьковъ, пріѣхалъ я 3-го Іюня. Въ немъ не нашелъ я ни одного изъ моихъ прошлогоднихъ знакомыхъ; не могъ даже остановиться въ знакомой

мнѣ гостиницѣ Матускова, а въ какомъ-то вновь заведенномъ трактирѣ. Пріятно было смотрѣть на Харьковъ, который, видимо, росъ. Прогуливаясь по его улицамъ, тогда уже не грязнымъ, видѣлъ я множество новыхъ каменныхъ домовъ; одни изъ нихъ начинали отдѣлывать, другіе были только что выстроены, а иные еще строились. Съ удовольствіемъ посѣтилъ я университетскій садъ, съ длинными, прямыми, густыми аллеями, который на концѣ Сумской улицы, почти внѣ города, служить мѣстомъ общественныхъ прогулокъ. На краю его была открытая бесѣдка, откуда очень хорошій видъ на кварталы и сады, находящіеся за рѣчкой Лопанью.

Останавливаясь въ Бѣлгородѣ и въ Обояни только для прокормленія своего и 6-го числа пріѣхавъ въ Курскъ, присталъ я въ великолѣпной тогда гостиницѣ Полторацкаго. Я не знаю, что бы сталъ я дѣлать вечеромъ въ Курскѣ, гдѣ у меня тогда не было ни одного знакомаго, еслибъ попеченіями бывшаго губернатора Кожухова, безжалостно отставленнаго, у выѣзда изъ города не былъ насаженъ славный садъ при строеніяхъ, принадлежащихъ Приказу Общественнаго Призрѣнія. Туда я поспѣшилъ и пріятнымъ образомъ нагулялся. Онъ былъ устроенъ въ угожденіе императору Александру, который такъ любилъ природу и который, проѣзжая черезъ губернскіе города, почти въ каждомъ приказывалъ заводить лѣтнія публичныя гульбища, и такимъ образомъ оставлялъ въ нихъ благодѣтельные слѣды своего присутствія.

Тоже самое нашелъ я и въ Орлѣ, куда пріѣхалъ 8-го поутру. По волѣ покойнаго, большое пространство было засажено молодыми деревьями, не успѣвшими еще много подняться на крутомъ берегу, гдѣ Орликъ впадаетъ въ Оку. Теперь, говорятъ, онъ разросся и служитъ большимъ украшеніемъ городу, который послѣ пожаровъ хорошо выстроился.

Во Мценскѣ долженъ былъ я остановиться противъ воли. Въ ресорахъ и колесахъ моей каретки оказалось довольно сильное поврежденіе, починка ихъ замедлила довольно успѣшную дотолѣ ѣзду мою, такъ что я поспѣлъ въ Тулу только 11-го числа въ полдень.

На семь пространствъ, которое проѣхалъ я, начиная отъ самой Одессы, Тула есть первый старинный губернскій городъ, напоминающій времена еще Татарскія, за то и первый, въ которомъ не нашелъ я бульвара или сада для общественныхъ прогулокъ. Я нашелъ въ немъ небольшой, зубчатый кремль, а посреди его древній, довольно просторный соборъ, и поспѣшилъ посѣтить ихъ. Также пожелалъ я видѣть извѣстный оружейный заводъ. Какой-то чиновникъ взялся быть моимъ проводникомъ и безжалостно во всѣхъ подробностяхъ показы-

валъ мнѣ производство работъ, отчего утомленный вечеромъ я воротился въ свою гостиницу. Тамъ сказали мнѣ, что семейство бывшего губернатора Тухачевского живетъ въ трехъ верстахъ отъ Тулы, въ селеніи своемъ Архангельскомъ, на большой Московской дорогѣ, и я счелъ пріятною обязанностію на другой день навѣстить его. Къ тому же мнѣ показалось кстати памятный день рожденія отца моего 12 Іюня провести въ кругу родственниковъ.

Селеньице Архангельское, изъ 150 душъ состоящее, въ верстѣ отъ большой дороги и въ трехъ отъ Тулы, при большихъ долгахъ было тогда, какъ и прежде, единственнымъ достояніемъ супруговъ Тухачевскихъ. А все въ немъ было на барскую руку: огромный двухъ-этажный домъ съ большими флигелями, довольно богатая по тогдашнему времени отдѣлка его и садъ, идущій внизъ по горѣ до широкаго пруда. Но въ немъ съ двухлѣтняго возраста воспитывался Кирѣевскій, владѣлецъ пяти тысячъ душъ, коего Тухачевскій былъ опекуномъ; слѣдственно на счетъ перваго все это и было сооружаемо. Говорили, что прежде гремѣлъ тутъ оркестръ изъ крѣпостныхъ людей и живало нѣсколько разнаго рода иностранцевъ и шутовъ. Недовольный своимъ опекуномъ, Кирѣевскій однако нѣжно любилъ тетку, жену его. Дабы въ будущемъ обезпечить ея содержаніе, онъ взялъ себѣ Архангельское, требующее издержекъ, а въ замѣнъ принялъ на себя всѣ долги семейства и далъ ей имѣніе въ Орловской губерніи съ равнымъ числомъ душъ, но приносящее большой доходъ. И туда она собралась уже отправиться.

Одни слуги были на ногахъ, а господа только что вставали съ постели, когда рано поутру пріѣхалъ я въ Архангельское. Меня встрѣтила въ гостиной домашняя шутиха, прозванная Марухой, остатокъ прежняго боярскаго житья; я принялъ ее за путную и началъ было серьезно съ нею разговаривать. Вскорѣ однако явилась сама Надежда Александровна съ радостнымъ восклицаніемъ: ah, mon cousin! Я говорилъ уже о ея слабости, о пристрастіи къ иностранному и въ особенности къ Французскому языку, который она знала довольно плохо. Къ ея несчастію и къ несчастію ея семейства, мамзель Питднъ, низенькая, сухощавая и, какъ мнѣ казалось, ядомъ налитая Француженка вселилась къ ней въ домъ и въ душу. Она давала направленіе всѣмъ ея дѣйствіямъ и воспитанію ея дѣтей, имѣя осторожность не мѣшаться въ дѣла самого хозяина, который имѣлъ своего особаго рода забавы. Онъ былъ стариннаго покроя помѣщикъ и чванный хлѣбосоль, который въ это время, несчастный, все еще находился въ Петербургѣ подъ судомъ. Два сына были въ военной службѣ, а единственная дочь Кусова жила въ Москвѣ. Итакъ, съ моей кузиной были только ея зо-

ловки, Ольга и Пелагея Сергѣевны, пожилыя провинціальныя дѣвы, меня въ прошломъ году угощавшія, совершенный контрастъ съ Питоншей, и въ горѣ и въ радости не отступавшей отъ владѣнія своего г-жей Тухачевской.

Разговоры о всякой всячинѣ, воспоминанія о быломъ дали мнѣ нескучно провести этотъ день. Присутствіе Питонши одно мнѣ не всеѣмъ было пріятно, хотя она и старалась быть со мной отчужденно вѣжлива. Еще одно поразило меня непріятнымъ образомъ. Мать владѣлицы Архангельскаго, Кирѣевская жила тутъ долго съ нею и съ малолѣтнимъ внукомъ и своимъ большимъ состояніемъ умножала ей средства жить роскошно. Сказывали, что она была Русская барыня прежняго вѣка, со старинными навыками въ пицѣ и одеждѣ, едва умѣвшая подписывать свое имя. Она жила, жила и умерла; а какъ другой церкви не было кромѣ домовою въ маленькой комнаткѣ господскаго дома, то ее и похоронили въ саду. Мнѣ показали низенькій надъ нею памятникъ, окруженный цвѣтами съ Французскою надписью. Это я нашелъ слишкомъ противнымъ здравому смыслу и религіи нашей.

Пагубнымъ слѣдствіемъ этой галломаніи была низкая доля, постигшая бѣдную Кусову. Злодѣйка Питонъ старалась все болѣе и болѣе умножить въ ней отвращеніе отъ богатаго дома Кусовыхъ и особенно отъ мужа ея. Такъ длилось восемь лѣтъ, пока это отвращеніе не превратилось въ нервическую болѣзнь, отъ которой вылѣчить мать повезла ее въ Москву. Тамъ она мало показывалась въ обществѣ, которому могла бы служить украшеніемъ, а болѣе жила въ кругу модныхъ торговокъ Кузнецкаго моста, куда ввелъ ее злой геній ея семейства. Наконецъ, явился магнетизёръ Делонэ, который взялся ее совершенно исцѣлить. Онъ былъ какимъ-то лѣкаремъ, офицеромъ здоровья, *officier de santé* въ Наполеоновой арміи и взятъ военнопленнымъ въ Москвѣ. Въ ней онъ и остался и хотя не прослылъ знаменитымъ врачомъ, пріобрѣлъ однакоже изрядную практику. Я его видѣлъ гораздо позже; мужикъ былъ онъ дюжій, смѣлый, со всеми грубыми манерами Наполеоновской солдатчины. Магнетизмъ имѣлъ плодотворное вліяніе на Кусову: отъ незаконнаго сожитія ея съ Делонэ родилось шесть человѣкъ дѣтей обоего пола. Разумѣется, ей никуда нельзя было показываться въ свѣтъ, а мать принуждена была смотрѣть на то снисходительно, ибо Делонэ былъ Французъ. Я часто смотрю съ удивленіемъ, видя у насъ такъ много дамъ и дѣвицъ, сохраняющихъ чистоту нравовъ, когда родители берутъ къ нимъ въ гувернантки первую попавшуюся Француженку.

Распростившись съ вечера и вставши на другой день со свѣтомъ, я прибылъ благополучно въ Москву 14 Іюня, часу въ десятомъ утра.

Но въ ней не все нашелъ я благополучнымъ. Домъ зятя и сестры моихъ, гдѣ я остановился, былъ еще гораздо мрачнѣе и печальнѣе чѣмъ тогда, какъ въ предшествующемъ году я его оставилъ. Въ Мартѣ мѣсяцѣ генераль Алексѣевъ вторично получилъ сильный апоплексическій ударъ, отъ котораго лишился онъ почти языка, памяти и не владелъ одной рукой и ногой. Одной улыбкой выразилъ онъ удовольствіе меня видѣть; слова съ трудомъ выходили изъ устъ его, за то обильны были слёзы, которыя потекли у него изъ глазъ. Ихъ не было у сестры моей; казалось, источникъ ихъ изсякъ, не было ни вздоховъ, ни рыданій; всё мученія скрывались въ груди ея; только въ образной облегчала она ихъ молитвами. О вѣра! Ты одна можешь подать такую силу страждущимъ. Для этой бѣдной женщины полна была чаша горестей. Дѣла были въ совершенномъ разстройствѣ, и надлежало скрывать сіе положеніе отъ больнаго, въ которомъ оставалось довольно памяти, чтобы скоро замѣтить совершенную перемѣну въ образѣ жизни. Меньшой сынъ ея, какъ милость, получилъ дозволеніе выйти въ отставку и находился при ней. А старшій, ея любимецъ, находился въ армейскомъ полку, отъ котораго не могъ отлучаться, и неизвѣстно было, чѣмъ и когда кончится его незаслуженное наказаніе. О Бенкевдорфъ!

Все еще надѣясь получить приличное содержаніе отъ казны, я рѣшился остаться съ нею, чтобы раздѣлять ея горести и недостатки. О немилостивомъ рѣшеніи, по моей просьбѣ, узналъ я только въ концѣ Іюля, и тогда уже осталось мнѣ единственнымъ средствомъ отправиться въ Пензу и зарыться тамъ въ деревнѣ. Была еще другая причина, остановившая меня тогда въ Москвѣ.

Мнѣ повторяли врачи и въ Петербургѣ, и на Югѣ, что мнѣ необходимо пользоваться Маріенбадскими минеральными водами, и для того посылали за границу; а съ чѣмъ бы я туда отправился? Старый и знаменитый Лодеръ съ помощію молодаго доктора Епихена завелъ первыя въ Россіи искусственныя минеральныя воды. Они только что были открыты надъ Москвой рѣкой, близъ Крымскаго брода, въ переулкѣ, въ обширномъ домѣ съ двумя вновь пристроенными галлереями и садомъ. Какъ же мнѣ было не воспользоваться симъ случаемъ? Всякой день рано по утру ходилъ я пѣшкомъ со Старой Конюшенной на Остоженку. Движеніе, благорастворенный утренній воздухъ, гремящая музыка и веселыя толпы гуляющихъ больныхъ (изъ коихъ на двѣ трети было здоровыхъ), разгоняя мрачныя мысли, нравственно врачевали меня не менѣе чѣмъ Маріенбадская вода, коей я упивался. Знакомствъ, разговоровъ я избѣгалъ и довольствовался бесѣдой любезнаго старика Кристина, который почти всегда бывалъ здоровъ, а тутъ лѣчился, кажется, отъ неизлѣчимой болѣзни, отъ старости. Новизна, мода

обыкновенно влекутъ праздное Московское общество, какъ сильное движеніе воздуха все гонить его къ одному предмету. Потому-то сіе новое заведеніе сдѣлалось однимъ изъ его увеселительныхъ мѣстъ.

Было еще и другое, куда также отправлялся я по воскреснымъ днямъ. Мѣсто за тремя горами, принадлежавшее графу Толстому, прозванное Трехгорнымъ, было имъ передано зятю его новому министру внутреннихъ дѣлъ Закревскому, который приказалъ открыть его для публики. Слово загородный домъ состарѣлось для Москвичей, его начало замѣнять слово дача. Вотъ, кажется, отъ чего, дача Закревскаго, во что перенявали Трехгорное, какъ бы волшебствомъ всѣхъ привлекала. Всѣ другія гульбища брошены, опустѣли. Новый владѣлецъ дѣйствительно хорошо изукрасилъ сіе мѣсто. Отъ большихъ воротъ шла прямая, широкая и длинная аллея для экипажей, съ двумя боковыми узкими для пѣшеходцевъ, до главнаго дома надъ самой рѣкой. Съ обѣихъ сторонъ сихъ аллей было по три острова, четвероугольныхъ, равной величины, раздѣленныхъ между собою вновь прокопанными канавами, наполненными тогда еще чистой, проточной водой и соединенныхъ деревянными мостиками. Каждый изъ сихъ острововъ былъ посвященъ памяти одного изъ героевъ, подъ начальствомъ которыхъ Закревской находился: Каменскаго, Барклая, Волконскаго и другихъ. На каждомъ посреди густоты деревьевъ находился или храмикъ или памятникъ сказаннымъ воинамъ: необыкновенная, новаго рода правильность, напоминающая нѣчто фрунтовое. Самая чистота, въ которой все это было содержимо, какъ бы заимствована была у Аракчеевскихъ военныхъ поселеній. Недолго сія дача была въ славѣ у Москвичей. Она продана и нынѣ подъ названіемъ уже Студенецъ принадлежитъ Обществу Садоводства, которое мало заботится о порядкѣ и чистотѣ. А какъ мѣсто низкое, сырое и болотистое, то оно и находится въ отвратительномъ запущеніи.

Разъ случилось мнѣ быть и на дачѣ одного г. Ошанина, находившейся не подалеку отъ сгорѣвшаго и вновь еще не исправленнаго Петровскаго дворца, а нынѣ попавшей въ составъ разведеннаго послѣ Петровскаго парка. Изъ нея подымались воздушные шары, только безъ людей, отъ чего стеченіе народа бывало превеликое. Но лучшее общество, и особенно дамы, туда не ѣздило, гнушаясь хозяиномъ, который слылъ презрѣннѣйшимъ негодяемъ.

Обѣ столицы съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе пустѣютъ лѣтомъ. Потребность чистаго воздуха становится все ошутительнѣе, и всѣ разѣзжаются по деревнямъ и по дачамъ. Чтобы кого либо увидѣть, съ кѣмъ нибудь встрѣтиться, надобно ѣхать въ Англійской клубъ, учрежденный по примѣру Петербургскаго, кажется, въ 1805 году. Во

время многократныхъ проѣздовъ моихъ черезъ Москву, не болѣе одного или двухъ разъ удалось мнѣ быть въ этомъ клубѣ. Въ этотъ же пріѣздъ я сдѣлался довольно частымъ его посѣтителемъ, благодаря совсѣмъ не заслуженной мною благосклонности нѣкоторыхъ членовъ, которые каждый день записывали меня гостемъ. Можетъ быть, я этимъ обязанъ былъ званію пріѣзжаго, которыхъ такъ охотно заманиваютъ туда, какъ всякую новость.

Московской Англійской клубъ есть мѣсто предлюбопытное для наблюдателя. Онъ есть представитель большой части Московскаго общества, въ кратцѣ вѣрное его изображеніе, его эссенція. Записные игроки суть корень клуба: они даютъ пищу его существованію, прочіе же члены служатъ только для его красоты, для его блеска. Почти всѣ они люди достаточные, старые или молодые помѣщики, живущіе въ независимости, въ безопасности, въ бездѣйствіи; они не терпятъ никакого стѣсненія, не умѣютъ ни къ чему себя приневолить, даже къ соблюденію самыхъ простыхъ, обыкновенныхъ правилъ общежитія. Членъ Московскаго Англійскаго клуба! О это существо совсѣмъ особаго рода, не имѣющее подобнаго ни въ Россіи, ни въ другихъ земляхъ. Главною, отличительною чертою его характера есть увѣренность въ своемъ всевѣдѣніи. Онъ съ важностію будетъ разсуждать о предметахъ вовсе ему чуждыхъ, незнакомыхъ, безъ опасенія выказать все свое невѣжество. Онъ горячо станетъ спорить со врачомъ о медицинѣ, съ артистомъ о музыкѣ, живописи, ваяніи, съ ученымъ о наукѣ, которую тотъ преподаетъ и такъ далѣе. Я почитаю это не столько слѣдствіемъ невѣжества, какъ весьма необдуманнаго самолюбія. Выслушавъ васъ не совсѣмъ терпѣливо, согласиться—съ вами значило бы въ чемъ нибудь да признать передъ собою ваше превосходство. Эти оспариванія сопровождались всегда не весьма вѣжливыми выраженіями. «Нѣтъ, воля ваша, это неправда, это быть не можетъ, ну кто этому повѣритъ?» такъ говорилось съ людьми мало знакомыми, а съ короткими: «ну полно, братецъ, все врешь; скажи просто, что солгалъ.» Удивительно, какъ все это обходилось миролюбиво, безъ всякой взаимной досады. Не нравилось мнѣ, что эти господа трунятъ другъ надъ другомъ; пусть бы на счетъ преклонности лѣтъ, а то на счетъ паружныхъ, тѣлесныхъ недостатковъ и недостатковъ Фортуны; это казалось мнѣ уже безчеловѣчно. Не доказывается ли тѣмъ, что наше общество было еще въ дѣтствѣ? Дѣти всегда безжалостны, ибо не испытали еще сильной боли; мальчики въ кадетскихъ корпусахъ, въ пенсіонахъ точно также обходятся между собою. Хотя я не достигъ тогда старости, хотя не былъ еще и близокъ къ ней, мнѣ не нравилось также совершенное равенство, которое царствовало въ клубѣ между стариками и молодыми. Но

не то ли же самое мы видимъ въ простонародіи? Такъ обходятся молодые парни съ дядей Θεодотомъ, съ дядей Парфеномъ, говорятъ имъ ты, а слушаются ихъ, и даже съ дѣдушкой Антиномъ, который, когда ему вздумается прикрикнуть, заставить всѣхъ замолчать. Время мало что измѣнило въ рассказанномъ мною, донинѣ все осталось почти по прежнему. Причиной Европа, у которой такъ стараемся мы все перенимать: она также освобождается отъ всякихъ узъ, какъ въ общественной жизни, такъ и въ словесности, и быстрыми шагами идетъ къ варварству, изъ котораго только что мы стали выступать. Вотъ мы и встрѣтились.

Вѣстовщики, ѣдуны составляли замѣчательнѣйшую, интереснѣйшую часть клубнаго сословія. Первые ежедневно угощали самыми неправдоподобными извѣстіями, и имъ вѣрили, ихъ слушали, тогда какъ истина, все дѣльное, разсудительное отвергалось съ презрѣніемъ. Послѣдніе были законодателями вкуса въ отношеніи къ кушанью и были весьма полезны: образованные ими преемники ихъ превзошли, и столъ въ Англійскомъ клубѣ до днесъ остался отличнымъ. Что касается до прочихъ, то право лучше бы было ихъ не слушать. Что за нелѣпости, что за сплетни! Шумимъ, братецъ, шумимъ, какъ сказано въ комедіи Грибоѣдова. Нѣкоторые берутся толковать о дѣлахъ политики, и имъ весьма удобно почерпать объ ней свѣдѣнія: въ газетной комнатѣ лѣжатъ на столѣ всѣ дозволенные газеты и журналы Русскіе и иностранные; въ нее не часто заглядываютъ, а когда кому вздумается присѣсть да почитать, то обыкновенно военные приказы о производствѣ или объявленія о продажѣ просроченныхъ имѣній. Былъ одинъ такой баринъ-чудакъ, который въ вѣдомостяхъ искалъ одни объявленія объ отдачѣ въ услуги, то есть о продажѣ крѣпостныхъ дѣвокъ, какъ за нимъ подмѣтилъ одинъ любопытствующій. Самый оппозиціонный духъ, который тутъ находимъ, совсѣмъ не опасенъ для правительства: онъ, какъ и все прочее, не что иное какъ совершенный вздоръ. Одинъ изъ нашихъ земляковъ, послѣ весьма долгаго отсутствія, воротился въ Россію совершеннымъ Французомъ *), чѣмъ-то оскорбленный въ одномъ изъ Московскихъ клубовъ, въ послѣдствіи размножившихся, сказалъ о дворянскомъ: *c'est de la canaille proprement dite*, а про Англійской: *c'est de la canaille proprement mise*.

Меня можно спросить: да зачѣмъ же ты часто бывалъ въ такомъ мѣстѣ? Да такъ. Я тогда не былъ еще такимъ брезгою какъ нынѣ: ничѣмъ не брезгалъ. Какъ голова, такъ и желудокъ мой все

*) Г. Хлюстинъ, который по имени долженъ бы быть совершенно Русскимъ человѣкомъ; сестра его вышедшая въ Парижѣ за Француза, всегда подписывалась *née de Custine*.

переваривали. Я наслаждался въ разговорѣ съ умнымъ и просвѣщеннымъ человѣкомъ; мнѣ бывало весело съ людьми другаго рода, меня забавляли ихъ глупости, и я тайкомъ любилъ надъ ними смѣяться. За столомъ гастронома, послѣ изысканныхъ кухонныхъ произведеній, готовъ я былъ съ удовольствіемъ хлебнуть щецъ изъ сѣрой капусты. Увы, какъ это время уже далеко! Въ клубѣ никакихъ мнѣній я не предлагалъ, ни чьихъ не оспаривалъ, отъ того со всѣми жилъ въ ладу и даже имѣлъ счастье прослыть добрымъ и простымъ малымъ.

Да не подумаютъ, однакоже, что въ клубѣ не было ни одного человѣка съ примѣчательнымъ умомъ. Напротивъ, ихъ было довольно, но они посѣщали его рѣже и говорили мало. Обыкновенно ихъ можно было находить въ газетной комнатѣ; я назову пока одного Ив. Ив. Дмитриева, не разъ мною упомянутаго, и похвастаюсь тѣмъ, что со мною бывалъ онъ многорѣчивъ. Его холодная, важная наружность придавала еще болѣе цѣны его шутливости и остроумію. Кто бы могъ ожидать? Какъ Аѳинскіе мужики Аристида, хотѣли было исключить его изъ общества, право не помню за что; но вдругъ ономнились и выбрали его почетнымъ членомъ. Но онъ съ тѣхъ поръ, кажется, не являлся къ нимъ.

Кратковременнымъ тогда пребываніемъ моимъ въ Москвѣ воспользовался я, чтобы случайно сдѣлать одно весьма лестное знакомство. Въ заведеніи минеральныхъ водъ встрѣтилъ я Прасковью Ивановну Мятлеву, которая пріѣхала изъ Петербурга не съ тѣмъ, чтобы полюбиться, а чтобы погулять. Она обошлась со мной какъ съ давнишнимъ знакомымъ, узнавъ отъ меня о жалкомъ положеніи сестры моей, послѣшила ее навѣстить, а меня во временную квартиру свою пригласила на чай. Никого почти не нашелъ я у нея кромѣ начальствовавшего въ Москвѣ князя Димитрія Владимировича Голицына, ея двоюроднаго брата, которому она меня представила. Довольно продолжительный съ нимъ разговоръ меня съ нимъ ознакомилъ, а онъ изъявилъ сожалѣніе, что сіе сдѣлалось не прежде. Тогда я испросилъ у него дозволенія къ нему явиться, а онъ назначилъ мнѣ часъ, въ который будетъ совершенно свободенъ. Дни черезъ три послѣ того былъ я у него въ кабинетѣ. Мнѣ показалось, что въ продолженіи цѣлаго часа, на единѣ съ нимъ проведеннаго, онъ не почувствовалъ скуки; прощаясь со мной, сказалъ онъ, что, къ сожалѣнію, его княгиня Татьяна Васильевна находится въ подмосковной деревнѣ, Вязѣмахъ, но что по возвращенію ея, онъ хочетъ меня ей представить. Я же былъ почти на отъѣздѣ и отвѣчалъ, что не надѣюсь скоро имѣть сію честь.

Это былъ человѣкъ примѣчательный, хотя не геніальный. Онъ находился съ матерью въ Парижѣ во время начала первой революціи;

какъ покорнѣйшій сынъ, онъ былъ унитаръ строгими аристократическими правилами гордой княгини Натальи Петровны, а какъ семнадцатилѣтній юноша увлеченъ новыми идеями, которыя сулили міру блаженство. Сіе образовало весьма необыкновенный характеръ; въ немъ встрѣчалось все то, что было лучшаго въ рыцарствѣ со всѣмъ, что было хвалы достойно въ республиканизмѣ. Болѣе чѣмъ кто былъ онъ преданъ, вѣренъ престолу, но никогда передъ нимъ не пресмыкался, никому изъ приближенныхъ къ нему не льстилъ, никогда не былъ царедворцемъ, большую часть жизни провелъ въ арміи и на поляхъ сраженій добывалъ почести и награды. Отъ того-то и въ обхожденіи его была вся прелесть откровенности добраго, Русскаго воина съ любезностію, учтивостію прежнихъ Французовъ лучшаго общества. И это была не одна наружность: подъ нею легко было открыть пучину добродушія. Удивительно ли, что Москва была такъ долго имъ очарована, когда послѣ двухъ свиданій я былъ имъ совершенно плѣненъ?

Къ сожалѣнію, какъ почти всѣ молодые бары его времени, онъ плохо зналъ Русской языкъ, за то очень хорошо постигнулъ онъ Русской духъ. Онъ зналъ, что нѣтъ никакой пользы съ этимъ народомъ капральничать, употреблять излишнюю строгость, дѣйствовать инквизиторіально, вездѣ совать носъ свой, входить во всѣ мелочи, мѣшаться даже въ семейныя, домашнія дѣла, какъ поступалъ одинъ изъ его преемниковъ: бразды правленія держалъ онъ твердою рукою, но нѣсколько опустивши ихъ. Какъ Екатерина, говорилъ онъ: *vivons et laissons vivre*. Онъ не потворствовалъ порокамъ, но и не преслѣдовалъ ихъ; только люди, съ худой стороны замѣченные, какого бы чина и званія они ни были, въ его общество доступа имѣть не могли. Примѣры жестокихъ наказаній у насъ не столько могутъ людей удерживать отъ зла, какъ смѣшеніе угрозъ и ласки. Въ противномъ случаѣ, дворянинъ какъ и мужикъ почувствуетъ въ душѣ какое-то ожесточеніе, скажетъ за семь бѣдъ одинъ отвѣтъ и скоро можетъ дойти до преступленій. Изрѣдка, и то въ чрезвычайныхъ случаяхъ, Голицынъ умѣлъ показывать себя взыскательнымъ начальникомъ, строгимъ исполнителемъ закона. Со всѣми учтивый, даже ласковый, онъ однако умѣлъ безобиднымъ, непримѣтнымъ образомъ давать чувствовать высоту своего сана. Бывало слово: «что-то скажетъ о томъ князь, какъ это князю будетъ досадно» останавливало многихъ.

Надобно замѣтить, что у насъ Москва старое балованное дитя, которому необходимо давать немного проказничать, лишь бы было не совсѣмъ вредно для нравственности общественной. Независимое въ ней житье составляетъ главную ея привлекательность; она оупустѣетъ, если

противъ ея жителей будутъ принимаемы стѣснительныя мѣры. А при Голицынѣ она процвѣтала и все болѣе населялась. Когда въ другихъ частяхъ Россіи трепетали при появленіи свѣтло-синихъ мундировъ жандармскихъ, онъ одинъ Московскую губернію, какъ каменной стѣной умѣлъ оградить отъ Бенкендорфа и его жандармеріи. Въ ней жили также привольно, безъ оглядки, какъ бы ихъ не существовало. Онъ пользовался совершенною довѣренностію обоихъ императоровъ Александра и Николая, которые не только что уважали его, но и сердечно любили, и ни одного изъ приближенныхъ къ нимъ любимцевъ онъ не боялся. Удивительное было въ немъ искусство безъ труда повелѣвать людьми, овладѣвъ ихъ сердцами, искусство, коему научала все таже Екатерина и которое нынѣ такъ рѣдко встрѣчается. Увы, ничего нѣтъ въ мірѣ семъ прочнаго, долговѣчнаго! съ умноженіемъ лѣтъ снисходительность князя Голицына превратилась въ удивительную слабость, отъ которой происходило множество безпорядковъ въ его управленіи. Это было гораздо послѣ, и лучше бы было здѣсь о томъ и не упоминать.

Война близъ мѣсть, въ которыхъ безъ малаго пять лѣтъ провель я, предметъ, который недавно такъ исключительно занималъ меня, началъ я терять изъ виду. Въ дали отъ опасностей, Московское равнодушіе ко всему, что происходитъ на границѣ и за границей, мало по малу стало и мной овладѣвать. И тѣмъ лучше, ибо дѣла наши за Дунаемъ шли довольно плохо. Огромнѣйшія силы были двинуты съ Сѣвера на Югъ, самъ Императоръ, и его братъ, и его гвардія находились при войскахъ; Англія послѣ Наварина отшатнулась отъ насъ, но и не мѣшала намъ; за то Французы намъ помогали, сражаясь въ Моревѣ. Ослабленная Турція, казалось, должна была пасть; но она держалась, защищалась упорно, и мы почти не шли впередъ. Мнѣ случилось въ Англійскомъ клубѣ спросить у кого-то, не помню, о причинѣ сильной пушечной пальбы, которую я слышалъ утромъ. «Да какъ же, развѣ вы не знаете, отвѣчалъ онъ насмѣшливо: совершенно великое дѣло, и мы его празднуемъ, взяли какую то Исачку». И дѣйствительно, послѣ двухъ послѣднихъ побѣдъ при Лейпцигѣ и Парижѣ, которыя мы торжествовали, этотъ успѣхъ не могъ казаться столь важнымъ. Я вспомнилъ тогда, что въ 1810 году, въ одномъ и томъ же донесеніи графа Каменскаго о первыхъ дѣйствіяхъ Задунайской арміи, было сказано о занятіи малыхъ крѣпостей Исакчи, Тульчи и Бабадага, о взятіи штурмомъ Базарджика и о сдачѣ важной крѣпости Силестрин; и мнѣ стало за нашихъ что-то стыдно. Миновавъ Силестрію и Шумлу, все потянулось къ Варнѣ, которую обложили съ моря и съ твердой земли. Осаднымъ войскомъ начальствовалъ князь Меншиковъ, но ему пострѣлили ногу; тогда на его мѣсто изъ Одессы былъ призванъ

графъ Воронцовъ. Все лѣто провозились съ этой Варной и только въ началѣ Октября успѣли войти въ нее. Тѣмъ и кончилась кампанія.

Неуспѣхи этой кампаніи были для всей Россіи загадкой, которая объяснилась слѣдующею зимой. Главнокомандующій арміей былъ фельд-маршалъ Витгенштейнъ, прославившійся въ 1812 году, а послѣ доказавшій, сколь малы были его военныя способности. За то никто не слушался его. Главнымъ же распорядителемъ былъ начальникъ императорскаго штаба, кипучій генералъ Дибичъ, котораго наши солдаты прозвали самоваръ-пашой. Голова его полна была стратегическихъ идей, но какъ отъ того распоряженія его безпрестанно противрѣчили одно другому, то тѣмъ и умножалось неустройство. Подвозъ съѣстныхъ и другихъ припасовъ былъ медленъ и совершенно неисправенъ. Губительныя Молдавскія лихорадки свирѣпствовали въ войскѣ и въ сутки сотнями валили людей. Во многихъ мѣстахъ показала и чума. При столь неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, всякая другая армія, состоящая не изъ Русскихъ солдатъ и не съ Турками имѣющая дѣло, непременно была бы истреблена.

Вотъ и для меня пришла пора собираться въ походъ, отправляться на всегдашнее жительство въ неизбѣжную Пензу, мѣста печальной родины моей, какъ говоритъ стихъ Пушкина. Лучше бы, подумалъ я, отправиться мнѣ куда нибудь на вѣчное жилище: тамъ по крайней мѣрѣ, подъ землею, могъ бы я оставаться совершенно спокоенъ. Только къ концу Юля удостовѣрился я, что мнѣ рѣшительно отказано въ щедротяхъ царскихъ, и намѣревался выѣхать тотчасъ послѣ Успеньева дня; но сестра уговорила меня провести съ ней день ея именинъ, 26 Августа, и я только 28-го Августа оставилъ Москву.

XI.

Въ ночи съ 4-го на 5-е Сентября я остановился на станціи Куглѣ, въ пятидесяти верстахъ отъ Пензы, во вновь построенномъ, весьма помѣстительномъ и порядочно прибранномъ почтовомъ домѣ. Мнѣ стало грустно, когда рано поутру выглянулъ я изъ окна: отъ перваго утренняго мороза побѣлѣли всѣ крыши. Но по мѣрѣ приближенія къ Пензѣ, воздухъ совершенно разогрѣвался, и мнѣ на душѣ стало повеселѣе: я думалъ о моемъ семействѣ и объ удовольствіи, которое пріѣздъ мой принесетъ, между прочими, старшей сестрѣ моей Елисаветѣ, въ тотъ день именинницѣ.

Подымаясь по горѣ Лѣкарскою улицей и приближаясь къ низенькому на ней дому нашему, я вышелъ изъ каретки и пошелъ пѣшкомъ.

У раствореннаго окна увидѣлъ я сидящую мать мою, которая любовалась яркимъ солнцемъ, не обращая вниманія на проходящихъ, и оттого или не узнала меня, или не замѣтила. Черезъ ворота вошелъ я на дворъ и велѣлъ позвать сестру; она бросилась меня обнимать, а потомъ пошла предупредительно обо мнѣ докладывать. Предосторожности напрасныя! Какъ радость, такъ и печаль только скользятъ по сердцу старцевъ: ту и другую сильно чувствовать они уже не въ состояніи. Конечно, мать моя была растрогана моимъ прїѣздомъ, обрадовалась, а во мнѣ умножилась печаль, смотря на признаки разрушенія, обозначенныя на ея лицѣ. Ей былъ семдесятъ седьмой годъ отъ роду, а казалось лѣтъ девяносто.

Въ правѣ ея послѣдовали также большія измѣненія. Она сохраняла твердость воли, попрежнему оставалась главой своего семейства и дома; но прежде свѣтлый разсудокъ ея не допускалъ ни до какихъ излишнихъ, несправедливыхъ требованій, а тутъ лѣтами, болѣзнями и душевными страданіями онъ былъ обезспленъ, и они породили въ ней своенравіе и прихоти почти дѣтскія, съ коими сообразоваться, кои удовлетворять было весьма трудно.

Старшая сестра съ удивительнымъ самоотверженіемъ посвящала ей все свое существованіе, была при ней безотлучно и жила только ея жизнію. Ей было гораздо за пятьдесятъ, а она все называлась Лизанькой и находилась, какъ говорится, на побѣгушкахъ. Ею распоряжались, ее бранили, какъ дѣвочку. Но иногда старушка-мать, взявъ ее обѣими руками за голову, говорила: «сокровище мое, подпора ты моя, что бы я была безъ тебя въ моей слабости?»

Одною изъ главныхъ причинъ мрачности духа моей матери было разстроенное положеніе ея хозяйственныхъ дѣлъ. Въ 1820 году не было у нея ни одной копѣйки долгу, а тутъ не было ни одной принадлежащей ей крестьянской души, которая не была бы заложена. Какъ это случилось? Брату, когда онъ женился, необходимо было къ приданой жены его деревнѣ прикупить душъ полтораста. Денегъ у него не было, онъ заложилъ собственную и уговорилъ родительницу также заложить и часть ея имѣнія. Проценты въ казну выплачивалъ онъ самъ, а долговой капиталъ пока лежалъ на ней. Къ тому же есть слабости весьма извинительныя въ женщинахъ добродѣтельныхъ: ихъ тщеславіе имѣеть предметомъ не себя, а мужа и дѣтей. Мать наша желала, чтобы фамильное имя вѣчно любимаго, незабвеннаго супруга было прославлено сыномъ и внукомъ, носящими сверхъ того имя его, при крещеніи имъ данное. Для того ничего не щадила она, чтобъ одного поддержать на губернаторствѣ, какъ думала она, а другаго въ званіи офицера гвардіи; то и другое по стариннымъ понятіямъ ея было очень

важно. Между тѣмъ были и неурожайные годы; да и умственные силы ея нѣсколько слабѣли, а она хотѣла сама одна управлять своими дѣлами и принуждена была прибѣгать къ займамъ. И вдругъ, тотъ и другой остановились на поприщѣ: одинъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ, другой въ первой молодости.

Я всегда былъ любимымъ ея сыномъ; нѣжность ея ко мнѣ не уменьшилась, за то ея требованія увеличились до чрезмѣрности. Живши съ нею, когда былъ гораздо моложе, я пользовался совершенною свободой въ поступкахъ; тутъ же безъ спроса не смѣлъ я отлучиться со двора. Я могъ посѣщать только тѣхъ, кои были ей угодны. Когда для поддержанія здоровья ходилъ я прогуливаться пѣшкомъ, за мной издали всегда слѣдовалъ слуга, обязанный смотрѣть, чтобы на меня кто-нибудь не наѣхалъ, или чтобы я не зашелъ въ какое-нибудь неприличное мѣсто. Впадая почти въ ребячество, и во мнѣ хотѣла она видѣть мальчика. Можно себѣ представить, какъ мучителенъ былъ для меня такой образъ жизни. Я безропотно покорялся ему и не дѣлалъ никакихъ попытокъ, чтобы отъ него освободиться, зная, что, при ея горестяхъ и хворости, малѣйшее неповиновеніе мое убьетъ ее. Мое поведеніе почти никого не удивляло и казалось самымъ естественнымъ: непреклонность родительской воли и неограниченность дѣтской покорности пока все еще сохранялись въ нравахъ.

Съ приближеніемъ зимы становилось для меня еще тягостнѣе. Остывшая кровь въ жилахъ моей матери требовала большой наружной теплоты: только лѣтнею порой и въ красные дни при началѣ осени открывались ея окна, и она любила грѣться на солнышкѣ. Но коль скоро наступала глухая осень, все закупоривалось, и она никуда не выходила изъ малой горницы, жарко натопленной, гдѣ, лежа на диванѣ, принимала барынь, посѣщавшихъ ее изъ уваженія, можно даже сказать, изъ благоговѣнія. Духота была смертная, невыносимая; а какъ было жаловаться, когда и посторонніе ее переносили? Со мной нерѣдко бывали дурнота и головокруженіе.

Въ началѣ Ноября получено печальное извѣстіе о кончинѣ императрицы Маріи Θεодоровны. Государь успѣлъ еще пріѣхать изъ арміи, чтобы закрыть ей глаза. Благотворная дѣятельность сей незабвенной женщины почти ежегодно населяла наши внутреннія области примѣрными супругами и матерями. Воспитанныя подъ ея личнымъ наблюденіемъ дѣвицы, вмѣстѣ съ хорошею образованностію наученныя всему доброму, распространяли добрые нравы въ семействахъ, въ кои возвращались. Страждущее человѣчество было также предметомъ ея неуспяныхъ заботъ. Изъ множества примѣровъ выберу я одинъ на поддержку. Въ Маріинской больницѣ лежалъ одинъ старый бѣдный мѣщанинъ,

нинь. У него антоновъ огонь показался на ногѣ, ее слѣдовало отнять; но онъ не соглашался и хотѣлъ такъ умереть. Императрица подошла къ его постелѣ и, желая спасти его жизнь, стала увѣщевать къ выдержанію страшной операціи. «Матушка, кабы при тебѣ: я бы, кажется, выдержалъ». Оборотясь къ доктору, спросила она, когда думаютъ къ тому приступить.—Да завтра поутру; позже будетъ опасно.—«Буду», сказала она и сдержала слово. Страдалецъ и тѣмъ не былъ доволенъ и требовалъ, чтобы, во время мученій его, она дозволила бы ему держать ея руку. Она согласилась и на то. Пусть сыщутъ гдѣ-нибудь примѣръ такого мужественнаго человѣколюбія!

Въ концѣ Ноября изъ Москвы былъ я извѣщенъ, что тамъ, наконецъ, получено предписаніе назначенныя мнѣ въ пособіе три тысячи рублей ассигнаціями выдать изъ Московскаго уѣзднаго казначейства. Это подало мнѣ новыя мысли. Я подумалъ: «малый остатокъ сбереженныхъ мною денегъ отъ Керченскаго жалованья присоединивъ къ этой суммѣ, могу я нѣсколько мѣсяцевъ, даже болѣе полугода, провести пріятнымъ образомъ въ Москвѣ на свободѣ; а тамъ что Богъ дастъ, ворочусь опять въ Пензу, поступлю рѣшительнѣе, зарююсь въ деревнѣ у брата и тамъ, по крайней мѣрѣ, обрѣту покой».

Чтобы получить дозволеніе моей матери, мнѣ непременно нужно было скрыть отъ нея мои намѣренія. Я представилъ ей желанія и надежды, конхъ вовсе не имѣлъ, заговорилъ о вступленіи въ службу и безъ затрудненій получилъ ея благословеніе и согласіе.

Итакъ 9-го Декабря отпустила она меня, а 12-го числа прибылъ я въ Москву.

Не смотря на глубокой трауръ по императрицѣ, въ Москвѣ продолжались собранія и вечеринки; только танцевъ еще не было. Но съ Рождества начались балы и спектакли. Въ Петербургѣ дворъ такъ сильно пристрастился къ симъ увеселеніямъ, что въ лишеніи ихъ видѣлъ для себя жестокою обязанность и въ нѣжномъ состраданіи допускалъ ихъ въ другихъ городахъ. Москву нашелъ я въ прежнемъ видѣ, который, кажется, потому не долго она сохраняла. Все также въ широкихъ размѣрахъ, все тоже хлѣбосоольство безъ изысканности, все таже многочисленная, лѣнивая и неопрятная прислуга, зловоніе также наполняло переднія. Однимъ словомъ, старая столица все еще была безпечна, весела и казалась счастливою. Въ послѣдствіи, частыя посѣщенія двора, облегченіе средствъ къ сообщенію съ Петербургомъ болѣе сблизили ее съ нимъ и измѣнили оригинальность ея характера.

Меня взяло раздумье. Время шло для меня быстро, незамѣтно, среди разсѣянной жизни, отъ которой я начиналъ уже уставать. Кончился 1828 годъ, начался 1829 и наступилъ уже Великій постъ. Я жилъ

почти даромъ, издержекъ у меня было мало, исключая экипажа, что обходилось тогда довольно дешево и, по моимъ расчетамъ, я могъ бы продлить мое пребываніе въ Москвѣ до осени. А тамъ... подымался передъ мной ужасный призракъ Пензы. Мысль объ обманутыхъ надеждахъ моей матери также меня мучила.

Тутъ вспомнилъ я лестныя предложенія Закревскаго, когда онъ еще не былъ министромъ, и рѣшился писать къ нему. По слухамъ, Нижегородскаго гражданскаго губернатора, Ивана Семеновича Храповицкаго, съ тѣмъ же званіемъ, переводили въ Петербургъ, и я сталъ проситься на его мѣсто. Я недолго дождался отвѣта: министръ въ самыхъ любезныхъ выраженіяхъ предлагалъ мнѣ пріѣхать въ Петербургъ, ибо по заочности будто бы нельзя было ничего сдѣлать. Сестра присовѣтовала мнѣ воспользоваться случаемъ, и я, не задумавшись, ни съ кѣмъ не простясь, 23-го Марта отправился опять искать счастья.

Снѣгъ лежалъ еще на новомъ шоссе, по приказанію Государя быстро устроенномъ до Твери, и я каретку свою долженъ былъ поставить на полозья. Далѣе, до станціи Хотиловской, сапнымъ путемъ было еще лучше; но оттуда уже я тащился почти по голой землѣ. Въ Валдаѣ, гдѣ опять начиналось шоссе, совсѣмъ обнаженное отъ снѣга, долженъ былъ я остановиться, чтобы сдѣлать кой-какія починки и бросить полозья. Тогда уже я шибко поѣхалъ до самаго Петербурга, куда и прибылъ 27-го Марта передъ вечеромъ.

XII.

Странное дѣло! Въ который разъ Петербургъ встрѣчалъ меня не удачами?

На другой день по пріѣздѣ поспѣшилъ я въ мундирѣ къ Закревскому и былъ имъ тотчасъ ласково принятъ, но съ перваго слова получилъ отъ него отказъ. Въ Нижнемъ-Новгородѣ, по словамъ его, долженъ быть губернаторомъ богатый человекъ, ибо нигдѣ для этого мѣста не требуется болѣе представительности. Къ тому, прибавилъ онъ, самъ Государь на сіе мѣсто выбралъ Бибикова.

«Да развѣ нѣтъ другихъ губерній въ Россіи?» сказалъ онъ мнѣ, «вотъ-таки теперь открывается вакансія въ Екатеринославѣ». — Я бы не желалъ», отвѣчалъ я, «возвращаться въ Новороссійскій край». — «Понимаю, сказалъ онъ, вы не поладили съ Воронцовымъ; ну что за бѣда, не бойтесь, мы васъ отсюда не выдадимъ». Это меня изумило: по послѣднимъ словамъ Воронцова въ Одессѣ, я почиталъ ихъ въ тѣснѣйшей связи. Я объяснилъ ему, что мнѣ желательнѣе начальствовать тамъ, гдѣ нѣтъ генераль-губернатора и находится подъ непосредственнымъ,

милостивымъ его начальствомъ и покровительствомъ. Это ему полюбилось, и онъ сказалъ: «Хорошо, да только въ такомъ случаѣ надобно будетъ немного подождать. А покамѣсть вы у меня навѣдывайтесь, навѣщайте меня, только съ условіемъ, безъ мундира, а во фракъ, какъ вы посѣщаете другихъ знакомыхъ вашихъ». Все это казалось довольно ободрительнымъ.

Былъ я у Блудова, но не охотно согласился онъ говорить за меня Закревскому. Они оба въ Валахїи и за Дунаемъ служили нѣкогда при графѣ Каменскомъ и играли тамъ важныя роли; и хотя не было между ними несогласій, а еще менѣе вражды, но совершенная разность въ характеръ и воспитаніи никогда не допускала ихъ сойтись между собою. Изъ уваженія къ памяти перваго благодѣтеля своего, Каменскаго, Закревскій сохранилъ связи съ двоюроднымъ братомъ его, Александромъ Александровичемъ Поликарповымъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и своякомъ Блудова. Его сей послѣдній просилъ объясниться на мой счетъ съ Закревскимъ. Тотъ изъяснилъ удивленіе и сожалѣніе о томъ, что будто бы я его бросилъ, и поручилъ пригласить меня въ слѣдующій день къ себѣ на вечеръ, часовъ въ восемь.

Это было въ Пятницу на Святой недѣлѣ. Мнѣ сказали, что у министра какая-то тайная конференція съ министромъ двора, княземъ Волконскимъ, и пока провели внизъ, гдѣ принимались просители. Прождавъ около часа и слыша, какъ кареты подъѣзжаютъ къ крыльцу и отъѣзжаютъ отъ него, я послалъ опять доложить о себѣ; мнѣ велѣно быть на другой день въ двѣнадцать часовъ утра. Это было ужасно обидно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ странно, что изъ любопытства узнать, чѣмъ это все кончится, принудилъ я себя поѣхать и на другой день. Я вошелъ въ комнату, аудіенць-камеру, наполненную просителями всякаго рода и состоянія. Скоро явился и самъ министръ; принимая прошенія и коротко отвѣчая на нихъ, онъ раза два прошелъ мимо меня, будто меня не замѣчая; наконецъ къ послѣднему подошелъ ко мнѣ и спросилъ: чтò вамъ надобно? Я взглянулъ на него съ удивленіемъ и отвѣчалъ: «Мнѣ? Ничего. Вы приказали мнѣ вчера явиться къ вечеру, потомъ сегодня поутру, и я явился, дабы узпать чтò вашему высокопревосходительству угодно». Въ примѣтномъ замѣшательствѣ промолвилъ онъ: «Да вѣдь нынѣ еще Святая Недѣля; Христось воскрес!» «Во истину», отвѣчалъ я, и мы облобызались. Потомъ повелъ онъ меня въ боковую комнату, гдѣ былъ его особый кабинетъ, и тамъ сказалъ мнѣ: «Черезъ нѣсколько дней я ѣду въ отпускъ; а вы пока напишите мнѣ записочку, въ которой скажите, что такой-то желаетъ получить губернаторское мѣсто въ такой-то и въ такой то губерніи; я положу ее въ свой портфель, не забуду ея, и когда откроется вакансія, вы

непремѣнно получите желаемое». Поблагодаривъ его за добрыя намѣренія, я отвѣчалъ, что воспользоваться ими не могу, ибо имѣю въ виду другую должность въ Петербургѣ. «Очень радъ», сказалъ онъ, «желаю вамъ счастья», и мы разстались.

Сдѣлавшись товарищемъ Шишкова, совѣстливый Блудовъ щадилъ его старость, оказывалъ всевозможное уваженіе, старался заставить его забыть прежнія литературныя ссоры, прилежно вникалъ во всѣ дѣла министерства, но, при случаѣ несогласія въ мнѣніяхъ, всегда искусно и осторожно склонялъ его на свою сторону, тогда какъ, въ силу данной ему инструкціи, онъ ежедневно могъ бы раздражать его. Впрочемъ и Шишковъ такъ ослабѣлъ, что при докладываніи ему бумагъ почти всегда засыпалъ крѣпкимъ сномъ.

Никогда почти Шишковъ не видалъ Государя; а Блудовъ, имѣя много и особыхъ порученій, нерѣдко бывалъ у него съ докладомъ.

Однажды, между разговоромъ, Государь мимоходомъ вспомнилъ, съ какимъ неудовольствіемъ видѣлъ онъ Уніатскихъ священниковъ когда онъ начальствовалъ гвардейскою бригадою въ Литвѣ.— «Какъ бы ихъ къ намъ присоединить?» сказалъ онъ. — «Дѣло трудное», отвѣчалъ Блудовъ, «надобно дѣйствовать осторожно во всемъ что касается до совѣсти и вѣры и при нашей общей вѣротерпимости. Если бы можно было открыть между ихъ духовенствомъ людей, которые бы согласились намъ способствовать, тогда бы можно ожидать успѣха». — «Да вѣдь я не тороплю», сказалъ Государь, «скоро не требую, а желаю только, чтобъ это дѣло оставалось у насъ въ виду».

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Государь, призвавъ Блудова, сказалъ ему: «пока ты ищешь людей, а я тебѣ нашелъ человѣка; на, возьми, прочитай», и вручилъ ему бумагу, четко и мелко исписанную. Въ ней изображено было все горестное состояніе Греко-уніатской церкви, ея бѣдность, ея уничиженіе, преслѣдованіе Римскихъ католиковъ и упорство, съ какимъ Уніаты стараются сохранить обряды отцовской вѣры. Пробѣжавъ ее, Блудовъ, изумленный силою слога и ясностію изложенія дѣла, воскликнулъ: «да, это точно находка; позвольте мнѣ, В. В., призвать этого человѣка и переговорить съ нимъ». — Ну дѣлай, какъ хочешь», отвѣчалъ Государь. Сія длинная записка приложена была къ коротенькой докладной запискѣ Шишкова.

Сочинителемъ ея былъ Юсіфъ Симашко, Уніатскій каноникъ, сынъ бѣднаго сельскаго священника въ Кіевской губерніи, съ величайшимъ успѣхомъ учившійся въ Виленскомъ университетѣ. Карташевскій, кажется, сначала дѣйствовалъ безъ вѣдома Блудова. Съ его робостію, онъ имѣлъ въ виду только удовольствіе со временемъ нѣсколько ослабить силу Католиковъ. Въ этомъ намѣреніи склонилъ онъ министра

и его товарища поставить преграду дальнѣйшему распространенію Католицизма въ западныхъ губерніяхъ запрещеніемъ строить, подъ именемъ каплицъ (часовенъ), каменные церкви посреди Православнаго населенія. Вотъ что подало Симашкѣ мысль и возбудило въ немъ смѣлость представить свою записку.

Иновѣрная духовная коллегія состояла изъ двухъ департаментовъ, Римско-католическаго и Греко-униатскаго. Въ каждомъ предсѣдательствовалъ митрополитъ и было по одному члену изъ епископовъ и по нѣскольку канониковъ, депутатовъ изъ епархій, отъ выборовъ на три года; въ числѣ послѣднихъ находился и Симашко. Въ ихъ общихъ собраніяхъ большинство голосовъ было всегда на сторонѣ Католиковъ, которые самовластно господствовали надъ бѣдными Уніатами. Чтобы ихъ со временемъ присоединить къ Православію, нужно было напередъ разъединить ихъ съ Католиками. Учрежденіемъ особой Греко-униатской коллегіи положено основаніе сему по истинѣ важному предиріятію. Это было въ 1828 году, передъ самымъ отъѣздомъ Государя въ армію.

Въ тоже время отпущенъ на покой Шишковъ, и Блудовъ тогда же попалъ бы на его мѣсто, еслибы по ходатайству вдовствующей императрицы не былъ опредѣленъ министромъ просвѣщенія сынъ сердечнаго друга ся, княгини Ливенъ, человекъ извѣстный нравственностію и религіозными чувствами. Но онъ былъ протестантъ, и Главное Управленіе духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, какъ оно было первоначально при основателѣ его, Голицынкѣ, передано было въ руки Блудова. Хотя Карташевскій и находился съ нимъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, но мысль о подчиненности человеку равнаго съ нимъ чина ему не нравилась. Къ тому же оставаться директоромъ единственнаго департамента въ министерствѣ подъ главнымъ начальствомъ человека просвѣщеннаго, ознакомленнаго со ввѣренною ему частію, умнаго, дѣятельнаго, иногда и взыскательнаго, значило бы сдѣлаться его правителемъ канцеляріи. Не прошло года, и онъ сталъ просить объ увольненіи; думали привязать его Аннинскою лентой, но онъ отъ намѣреній своихъ не отказывался.

Трудно было приискать ему преемника въ дѣлахъ совсѣмъ особаго рода, въ которыхъ многолѣтнимъ служеніемъ пріобрѣлъ онъ великую опытность. Это дало Блудову мысль предложить мнѣ вступить въ его департаментъ пока ученикомъ и быть отданнымъ на выучку къ Карташевскому. Тутъ не было никакого лицепріятія, желанія сдѣлать мнѣ добро: онъ зналъ, какъ съ давнихъ поръ одержимъ я былъ сильнымъ Православнымъ руссолюбіемъ и видѣлъ, что въ моемъ положеніи мнѣ было не до выбора мѣсть. Мнѣ показалось нѣсколько унизительнымъ, но я долженъ былъ согласиться. Можетъ быть, Блудовъ тогда бы еще

рѣшился представить меня въ должность директора (какого лучшаго руководителя могъ бы я имѣть?); но онъ собирался въ дорогу, опять отправлялся за границу, въ Карлсбадъ. Временно назначили Дашкова на его мѣсто, но онъ не хотѣлъ принять его безъ Карташевскаго, и сей послѣдній согласился остаться еще на нѣкоторое время. При этомъ случаѣ, чтобы пощадить мое самолюбіе, Дашковъ уговорилъ Блудова испросить мнѣ званіе вице-директора департамента съ четырьмя тысячами рублей жалованья изъ экстраординарныхъ суммъ. Конечно, это было идти изъ поповъ во діаконы; но все таки было лучше.

Въ самый день отъѣзда Государя въ Варшаву, 25-го Апрѣля, между прочими подписаны и указы о назначеніи Дашкова временно главноуправляющимъ, о моемъ вице-директорствѣ и о пожалованіи Симашки викарнымъ Полоцкимъ епископомъ.

Болѣе недѣли послѣ царскаго отъѣзда Блудовъ не пользовался даннымъ ему отпускомъ. Онъ приводилъ къ концу нѣкоторыя дѣла, исподоволь заставлялъ меня трудиться и давалъ мнѣ изустныя наставленія. Пріятно ему было видѣть, какъ я вспыхнулъ отъ радости, когда онъ началъ мнѣ открывать тайныя предположенія на счетъ Уніи: это было такъ согласно съ моими политическими и религіозными мнѣніями. Я всегда полагалъ, что нѣтъ узъ, которыя бы крѣпче связывали между собою разные народы, одному правительству подвластные, какъ единовѣріе, и не могъ надивиться, какъ сія простая истина не бросалась въ глаза правительственнымъ лицамъ. Даже Поляки понимали ее и, дабы ополячить Украину, старались ее католицизировать.

Все-таки Блудовъ состоялъ еще товарищемъ министра просвѣщенія и ладилъ съ Ливеномъ, что мнѣ казалось гораздо труднѣе, чѣмъ съ Шишковымъ. Правда, онъ почти исключительно занимался особо ввѣренною ему частію и мало входилъ въ дѣла просвѣщенія, но странности Ливена были невыносимы. Передъ отъѣздомъ своимъ онъ повезъ меня къ нему знакомить, дабы въ случаѣ нужды доставить мнѣ его покровительство. Передъ тѣмъ тоже самое сдѣлалъ онъ съ Карташевскимъ и съ начальникомъ отдѣленія Покровскимъ. Въ старцѣ, которому прямой станъ и генеральскіе эполеты давали еще нѣкоторый видъ бодрости, трудно мнѣ было узнать Карла Андреевича, храбраго полковника съ Егорьевскимъ крестомъ, неутомимаго танцовщика, котораго, будучи малолѣтнимъ, часто видѣлъ я въ Кіевѣ у моихъ родителей. На лицѣ его было написано благодушіе, изображающее совершенно спокойное состояніе духа, плодъ истинно-христіанскихъ чувствованій, коими былъ онъ проникнутъ. Онъ принялъ меня очень ласково, звалъ къ себѣ обѣдать когда хочу, хотя бы всякій день, но о Кіевѣ ни полслова, какъ бы избѣгая воспоминанія о прежнихъ по мнѣнію его за-

блужденіяхъ. Онъ принадлежалъ къ сектѣ Гервугеровъ или Моравскихъ братій, Германскихъ старовѣровъ, которые крѣпко держались Аугсбургскаго исповѣданія, или, лучше сказать, по фанатизму своему и могуществу, былъ ихъ главой. Въ Остзейскихъ губерніяхъ дворянство его ненавидѣло за быстрое распространеніе сей секты между жителями: въ короткое время число сектаторовъ его стараніями отъ трехъ тысячъ возрасло до сорока. Оно могло быть вредно и для государства вообще: между Лютеранами-мужиками Православная вѣра, въ случаѣ ихъ обращенія, встрѣтила бы гораздо менѣ затрудненій, чѣмъ между этимъ отчаяннымъ народомъ. Связанный съ Ливеномъ узамп службы, Блудовъ былъ имъ отменно любимъ и терпѣливо переносилъ непріятное сіе положеніе; да и серіозно сердиться на него было невозможно, а ссориться не безопасно. Я же попытался было раза два у него объѣдать: по добровольно, безъ всякой цѣли, осуждать себя на скуку и сухоядѣніе мнѣ показалось безразсуднымъ. Случалось иногда, что присланный откуда-нибудь чиновникъ, съ важнымъ порученіемъ, застанеть его въ залѣ, громко распѣвающаго псалмы передъ наоемъ. Онъ обернется къ нему, выслушаетъ его, но, не отвѣчая ему, продолжаетъ свою литургію и уже по окончаніи ея примется за дѣло.

Съ удовольствіемъ вспоминаю я лѣто 1827 года; оно было не холодно и не жарко, не дождливо и не сухо. Дѣла наши съ Турками шли гораздо успѣшнѣе, чѣмъ въ предшествующемъ году: весь политическій горизонтъ въ Европѣ, казался, выяснился. Слѣдствіемъ лѣченія минеральными водами въ Москвѣ было самое удовлетворительное состояніе моего здоровья; всѣ лихія болѣсти меня покинули. Голова моя была полна пріятной мысли, что я могу содѣлаться участникомъ въ полезномъ и святомъ дѣлѣ.

Для служащихъ подъ его начальствомъ Дашковъ былъ сокровищемъ: никто лучше его не умѣлъ сдѣлать службу для нихъ пріятною, особенно для тѣхъ, коихъ онъ любилъ и уважалъ; это испыталъ я тогда на себѣ. Докладовъ не принималъ онъ у себя дома, а каждую недѣлю одинъ разъ пріѣзжалъ въ департаментъ для выслушанія ихъ. По окончаніи занятій всегда проходилъ со мною мимо чиновниковъ рука объ руку, дабы показать нѣкоторое равенство между нами, и потомъ мы уѣзжали вмѣстѣ, въ его каретѣ.

Карташевскій, тоже мой начальникъ, былъ со мною взыскателемъ; но какъ же? Требовалъ, чтобы всякій день бывалъ я въ департаментѣ, а когда случится, что лѣность мнѣ помѣшаетъ, онъ позволялъ себѣ самые учтивые, самые нѣжные упреки. Всѣ входящія бумаги прочитывали мы вмѣстѣ. Всѣ важныя, секретныя дѣла прежняго времени для прочтенія давалъ мнѣ на домъ, вводилъ меня во всѣ таин-

ства своей части и поступалъ вмѣстѣ и братски, и учительски. Замѣтно было, что онъ спѣшилъ передать мнѣ свое наслѣдство. Ему было лѣтъ пятьдесятъ, но, будучи сухощавъ и заботливо опрятенъ, онъ казался моложе: нравственная чистота отвѣчала наружной. Главнымъ недостаткомъ его была нерѣшительность. И у меня онъ требовалъ совѣтовъ; когда же я излагалъ мнѣніе, онъ спѣшилъ опровергать его, но лишь только я отъ него отступался, какъ онъ приставалъ къ нему. Онъ былъ сынъ небогатаго дворянина Уфимской губерніи; не знаю гдѣ учился, но хорошо выучился. Женатъ былъ онъ на Надеждѣ Тимоѣевнѣ Аксаковой, женщиной весьма любезной, съ которою онъ меня познакомилъ.

Князь Долгоруковъ не былъ настоящимъ министромъ юстиціи, а только управляющимъ министерствомъ, товарищемъ бывшаго министра Лобанова. Дать ему товарища значило почти тоже, что сказать: выходи вонъ. Крайне тѣмъ оскорбленный, Долгорукій не хотѣлъ допустить своего товарища къ занятіямъ по своему министерству, подъ предлогомъ, что онъ управляетъ особою, отдѣльною частію. Дашковъ повиновался, но представилъ о томъ Государю въ Варшаву. Скоро пришелъ отвѣтъ, въ которомъ, вмѣстѣ съ неприятнымъ замѣчаніемъ, объяснено, что одно для Дашкова временное назначеніе, а другое — прямая его обязанность. Чтобъ изъяснить свое неудовольствіе, Долгоруковъ сталъ проситься въ отпускъ на 28 дней, получилъ его и сдалъ министерство своему товарищу. Время было каникулярное, вакантное, и у нашего временнаго начальника оставалось его довольно, чтобы часть его удѣлить занятіямъ по нашему департаменту. Но лишь только, по окончаніи срока отпуска, Долгоруковъ объявилъ о намѣреніи вступить опять въ должность, какъ былъ уволенъ отъ нея, съ оставленіемъ членомъ Государственнаго Совѣта, а Дашковъ былъ назначенъ управляющимъ министерствомъ.

Это было въ половинѣ Іюля. Тогда, озабоченный дѣлами важной и новой должности, въ которую вступалъ уже полнымъ хозяиномъ, Дашковъ объявилъ, что нашими дѣлами онъ можетъ заниматься поверхностно. Я видѣлъ его рѣдко въ министерскомъ домѣ, куда онъ переѣхалъ, Карташевскій еще рѣже, а прочіе наппи сослуживцы никогда. И это продолжалось также недолго.

Всѣ рекомендаціи Блудова у Ливена имѣли большой вѣсъ. Симъ пользуясь, Карташевскій умѣлъ понравиться министру просвѣщенія, который представилъ объ учрежденіи новаго учебнаго округа въ Бѣлоруссіи и о назначеніи его попечителемъ оного. Указъ вослѣдовалъ о томъ 8-го Августа. Дашковъ не почиталъ себя въ правѣ поручить мнѣ департаментъ, а представилъ о томъ въ Комитетъ Министровъ;

который, съ высочайшаго разрѣшенія, и назначилъ меня исправляющимъ должность директора.

Итакъ, не думавъ, не гадавъ, сдѣлался я почти одинъ главою департамента, который вмѣстѣ съ тѣмъ и составлялъ особое небольшое министерство. Другаго бы на моемъ мѣстѣ обрадовало, а меня испугало: я опасался, чтобы не надѣлать множества глупостей. Дашковъ гораздо болѣе имѣлъ ко мнѣ довѣренности, чѣмъ я самъ къ себѣ. Я сдѣлалъ нѣжное воззваніе къ моимъ сотрудникамъ, обратился къ ихъ опытности, и всѣ они изъявили готовность усердно мнѣ помогать.

Между Протестантскими церквами по обоимъ наименованіямъ, Лютеранскому и Реформатскому, царствовала страшная неурядица, не было единства, каждая консисторія управлялась по своему, ни въ богослуженіи, ни въ нарядѣ пасторовъ не было единообразія, а что важнѣе всего, не было главнаго правительственнаго мѣста, подобно коллегіи у Католиковъ. Для государства вообще тутъ не было никакого вреда, мнѣ кажется, была даже польза; но Ливенъ и Нѣмцы, которые у насъ такъ сильны, воцѣяли и молили объ уставѣ для Евангелическаго исповѣданія. Одинъ видѣлъ въ томъ средство для распространенія своей секты; другіе, напротивъ, надѣялись остановить тѣмъ ея дѣйствія. Блудовъ, уступая общему желанію, испросилъ учрежденіе особаго на сей предметъ комитета, который бы производилъ свои работы подъ наблюдениемъ и руководствомъ департамента духовныхъ дѣлъ. Къ началу осени онъ долженъ былъ собраться и открыть свои засѣданія.

Подъ предсѣдательствомъ сенатора графа Тизенгаузена, комитетъ сей долженъ былъ состоять изъ нѣсколькихъ членовъ свѣтскаго и духовнаго званія. Старшими же членами назначены два епископа: одинъ домашній, единственный С.-Петербургскій епископъ Сигнеусъ, бывшій Абовскій; другой, выписной изъ Пруссіи, Померанскій епископъ Ритшль*). Одни приготовленія къ открытію комитета вовлекли насъ въ большую переписку. Надобно было видѣть, какъ нѣкоторые Протестанты, и въ особенности начальникъ Протестантскаго отдѣленія Фонъ-Поль, засуетились передъ пріѣздомъ Пруссака. Казалось, что ожидаютъ чрезвычайнаго посла отъ какой-нибудь великой державы. Для него отъ казны навято было прекрасное помѣщеніе съ мебелью, на Англійской набе-

*) Не говоря объ Англіи и объ Англиканской вѣрѣ, у Протестантовъ только въ Швеціи и Даніи сохраняется званіе епископовъ. Они тоже, что у насъ генераль-суперинтенденты, съ равными имъ правами. Нельзя себѣ представить, до такой степени имя епископа ненавистно Лютеранамъ. У насъ всего только былъ одинъ, первый и послѣдній, Сигнеусъ, и тотъ въ семь званій переведенъ изъ Финляндіи, послѣ завоеванія ея. Король Прусскій, который такъ любилъ подражать всему тому, что видѣлъ въ Россіи, учредилъ въ своихъ владѣніяхъ два епископства, Бранденбургское и Померанское.

режной. Ко мнѣ приступили, чтобъ я встрѣтилъ его въ сей квартирѣ и самъ вручилъ ему деньги, пазначенныя на его издержки. Разумѣется, я не согласился и предоставилъ эту честь г. Фонъ-Полю. Когда, увидѣвшись съ Дашковымъ, со смѣхомъ разсказалъ я ему о томъ, онъ отъ негодованія страшно нахмурилъ брови.

Я дождался перваго посѣщенія г. епископа въ черномъ фракѣ. Единственнымъ украшеніемъ его былъ наперсный, золотой, совсѣмъ гладкій крестъ на черной лентѣ. Онъ мнѣ показался человѣкомъ весьма хорошимъ и благонамѣреннымъ, только при первой встрѣчѣ разсердилъ меня. Я сказалъ ему, что, вѣроятно, въ его паствѣ есть много овецъ, блеющихъ по-славянски. «Охъ, нѣтъ», отвѣчалъ онъ, «въ городахъ вы ничего не услышите, кромѣ Нѣмецкаго языка; только въ деревняхъ, и то въ отдаленныхъ, еще въ употребленіи сей варварскій языкъ». Обязанность гостепріимства заставила меня замолчать.

Наконецъ мы дождались Блудова. Онъ возвратился ко дню именинъ своихъ, 21-го Сентября, и для отдыха пробывъ нѣсколько дней въ Павловскѣ, посреди своего семейства, пріѣхалъ въ столицу. Онъ одобрилъ все то, что было сдѣлано во время его отсутствія, и у меня какъ гора съ плечъ свалилась.

XIII.

Полгода прошло съ тѣхъ поръ какъ я пріѣхалъ въ Петербургъ, и въ немъ ничто меня такъ не занимало какъ вступленіе мое въ службу и приспособленіе себя къ новой должности, на которую былъ назначенъ. За ходомъ дѣлъ какъ въ Европѣ, такъ и у насъ, я не слѣдилъ и, можетъ быть, тѣмъ лучше: никогда еще въ столь блестящемъ видѣ не представлялся мнѣ міръ.

И я ли одинъ былъ недальновиденъ? Совершенное спокойствіе въ настоящемъ и самыя льстивыя надежды въ будущемъ многихъ ослѣпляли. Государь съ Императрицей, послѣ коронаціи въ Варшавѣ, нѣсколько времени въ ней оставались, потомъ посѣтили родителя въ Берлинѣ и почти все лѣто провели въ путешествіяхъ.

Конецъ траурнаго срока приближался. Исполненная величія Марія Ѳеодоровна и печальные Александръ и Елисавета лежали въ могилахъ. Царская чета начала удостоивать своими посѣщеніями частныхъ людей, разумѣется, только знатныхъ или богатыхъ. Обрадованное сею новизной, высшее общество приготавлило празднества, шумныя зимнія увеселенія. Вездѣ заблестала роскошь. Великолѣпныя казенныя зданія подымались со всѣхъ сторонъ, и театръ никогда еще не находился въ столь цвѣтущемъ положеніи. Передъ нами явились всѣ наружные признаки народнаго благосостоянія.

Дѣла наши съ Турками шли гораздо успѣшнѣе, чѣмъ въ прошедшемъ году. Въ Азіи, перешагнувъ Саганлугъ, наши войска въ первый разъ увидѣли берега Евфрата; въ Европѣ, послѣ великой побѣды при Кулевчѣ, въ первый разъ перешли Балканъ, какъ во времена Олега подступили къ воротамъ Цареграда, и въ Адрианоуполѣ предписанъ былъ миръ, повидимому, самый выгодный для Россіи. Два полководца, два повые фельдмаршала, Дибичъ-Забалканскій и Паскевичъ-Эриванскій, обезсмертивъ свои имена, покрыли новою славой Русское оружіе.

Не знаю, право, какъ приступить мнѣ къ изображенію достопамятной зимы съ 1829 на 1830 годъ, когда, казалось, миръ и тишина водворились въ цѣлой Европѣ, но когда опытные люди чуяли уже приближеніе нескончаемо-бурныхъ временъ, среди коихъ мы живемъ и понинѣ; одни ожидали ихъ съ тайнымъ удовольствіемъ, другіе съ ужасомъ. Что касается до меня, то сквозь полупрозрачную повязку, покрывавшую мои глаза, мнѣ все представлялось въ радужномъ свѣтѣ: я мечталъ о благоденствіи и могуществѣ моего отечества. Долго, долго длилось сіе ослѣпленіе. Сознаю въ своемъ грѣхѣ: въ ошибочное мнѣніе мое входило много эгоизма. Быстрые успѣхи по службѣ, коихъ дотолѣ я никогда не знавалъ, заставляли меня думать, что у насъ все идетъ какъ пельзя лучше. Я почиталъ себя какъ бы въ ковчегѣ, предназначенномъ для спасенія и возрожденія рода человѣческаго, и хотя съ прискорбіемъ, но безъ страха смотрѣлъ на потопъ, готовившійся поглотить весь Западъ.

Весь политическій горизонтъ казался ясенъ, а барометръ его внимательнымъ умамъ уже показывалъ непогоду. Всегда великимъ народнымъ революціямъ въ мірѣ предшествовали сильные перевороты въ правахъ, въ мнѣніяхъ и особенно въ словесности, которая служила вѣрнымъ ихъ изображеніемъ...

Совсѣмъ безъ умысла, съ 1823 года я уклонился отъ точныхъ свѣдѣній о томъ, что происходитъ въ Европѣ. Мой міръ заключался весь въ одной Бессарабіи, а потомъ въ Керчи. Но въ 1829 году, находясь болѣе въ сношеніяхъ съ просвѣщеннымъ міромъ, и съ новымъ, особеннымъ любопытствомъ принялся за литературу, какъ иностранную, такъ и нашу. Какимъ удивленіемъ, какимъ ужасомъ я былъ пораженъ! Тѣ, которые не переставали слѣдить за постепеннымъ развитіемъ пагубныхъ системъ, не могли того восчувствовать. Не помню въ какомъ-то журналѣ я нашелъ большіе отрывки и даже цѣлыя сцены изъ трагедіи Гернани. Вѣроятно, никто изъ насъ никогда не читалъ сочиненій Прадона и Шопелена: только ихъ имена, препрославленные въ твореніяхъ Буало, были извѣстны и мнѣ. Вдругъ мнѣ показалось, что знаменитый Викторъ Гюго взялъ ихъ манеру и присвоиваетъ се-

бѣ ихъ стихи; но нѣтъ, журналы не на смѣхъ ихъ напечатали и превозносятъ до небесъ. Случилось мнѣ также прочесть двухъ извѣстнѣйшихъ тогда поэтовъ, Казимира де-Лавиня и Ламартина: какая сила въ воображеніи и въ выраженіяхъ! Но замѣтна уже была порча въ стихотворномъ языкѣ, и я напелъ какое-то отсутствіе благородства. Скудили меня также романами; героемъ перваго былъ Ганъ Исландскій, болѣе медвѣдь, чѣмъ человекъ. Во второмъ *Les Mauvais Garçons*, коего авторъ скрывалъ себя подъ именемъ Библюфила Жакоба, представлены не ужасы, а всѣ пакости, всѣ мерзости неурядицы, бывшей нѣкогда во Франціи. Въ какомъ отвратительномъ видѣ является тутъ человечество! Все злодѣи или мошенники; первые, разумѣется, въ блистательномъ видѣ. Искусства много, и содержаніе такъ занимательно, что, не смотря на чувствуемую тошноту, я дочиталъ до конца.

Болѣе полтора ста лѣтъ какъ мы живемъ чужимъ умомъ, подражая, передразнивая Европу. До временъ Екатерины всѣ тѣ, кои имѣли притязаніе на просвѣщеніе, говорили и писали по-нѣмецки. При ней показался Французскій языкъ; его произведеніями сперва плѣнилась знать, за нею всѣ молодые благовоспитанные люди. На Парнасѣ тогда господствовалъ Вольтеръ съ собратіей, и обѣ столицы наши наполнились безбожниками. Послѣ революціи, прибывшіе къ намъ, бѣжавшіе отъ нея маркизы и аббаты начали опредѣляться у насъ наставниками къ дѣтямъ. Наученные опытомъ и несчастіемъ, они обратились къ вѣрѣ и стали воспитанникамъ своимъ проповѣдывать христіанство и монархизмъ. Такъ продолжалось до 1815 года, хотя и въ этотъ промежутокъ времени являлись республиканцы, только въ небольшомъ числѣ, для занятія учительскихъ должностей въ частныхъ домахъ и казенныхъ заведеніяхъ. Съ помянутаго же года Россія начала входить въ болѣе частыя и тѣсныя сношенія съ Западомъ. Галлогерманнизмъ съ двойною силой началъ дѣйствовать на читающую у насъ публику, а Нѣмецкія философическія бредни увлекать умы учащихся въ университетахъ.

Отъ театра я почти отвыкъ и рѣдко его посѣщалъ. А никогда еще на него не тратилось такъ много денегъ, никогда еще костюмы, декорации и представленія балетовъ не были такъ великолѣпны, Французская и Русская труппы никогда еще не были такъ многочисленны. Но трагедія и высшая комедія совсѣмъ были брошены; ихъ замѣнили такъ называемыя мѣщанскія драмы и комедіи (*comédies bourgeoises*); особенно же изобиловали мелодрамы и водевили; однимъ словомъ, трогательное или умно-забавное должно было уступить мѣсто ужасному и отвратительному, или непристойно-шутовскому. Это было мнѣ не совсѣмъ по вкусу.....

Уже нѣсколько лѣтъ какъ молодой Каратыгинъ блисталъ на Русской сценѣ въ трагическихъ роляхъ. Природа сама сложила его для нихъ: мужественный голосъ и лицо, высокій и красивый станъ, все дала она ему. Но дала ли она ему способности? Если нѣтъ, то онъ умѣлъ приобрѣсть ихъ прилежнымъ изученіемъ своего искусства и благодаря совѣтамъ умной, образованной и достаточной жены. По ея желанію, съ нею ѣздилъ онъ въ Парижъ, и тамъ, дивясь Тальмъ, какъ переимчивый Русскій, удачно старался подражать ему. Но увы, время классицизма прошло, и онъ могъ только изумлять насъ въ чудовищныхъ роляхъ. Жена его тоже имѣла много таланту въ благородныхъ роляхъ, только картавый выговоръ много вредилъ ей. Старшая Семёнова сошла со сцены и вышла за князя Гагарина; меньшая Нимфодора продолжала все еще плѣнять въ маленькихъ операхъ. Сосницкій, хотя уже весьма въ зрѣлыхъ лѣтахъ, игралъ еще молодыхъ людей въ комедіяхъ. Дюръ, славный буфъ, былъ еще молодъ, но вскорѣ потомъ умеръ. Воротниковъ былъ уморителенъ, когда игралъ деревенскихъ дурачковъ и создалъ роли Филатокъ. Прочіе были все прежніе актеры; а изъ новыхъ, право, назвать некого.

Переходя изъ одной крайности въ другую, я охолодѣлъ къ Французскому театру: онъ опротивѣлъ мнѣ, и я никогда почти его не посѣщалъ. И оттого могу только припомнить себѣ и говорить здѣсь о двухъ главныхъ лицахъ тогдашней труппы. Я уже разъ назвалъ Жениеса; мнѣ случалось видѣть его въ обществѣ; это былъ самый несносный Французъ, за то на сценѣ достоинъ бы онъ былъ играть одинаковыя роли съ Тальмою. Мадамъ Виржини Бурбье, красивая собою, также создана была играть Селимень и Эльмиръ; но все это уже было брошено.

Только одинъ Итальянскій театръ меня тогда еще притягивалъ. Года за два передъ тѣмъ поручено было меломану, знатоку въ музыкѣ и самому артисту, графу Михаилу Вельгорскому на казенный счетъ выписать изъ Италіи пѣвцовъ и пѣвицъ, и онъ сдѣлалъ сіе удачно и дешево. Но такъ какъ это былъ одинъ только высшій капризъ, то первую зиму желаніе угождать, новизна, мода, заставляли лучшее общество посѣщать представленія оперъ плодовитаго и разнообразнаго Россини, который тогда былъ неистощимъ...

ЗАПИСКИ Ф. Ф. ВИГЕЛЯ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

I. Послѣ Наполеона.—Ссылка А. С. Пушкина.—Семеновская исторія.—П. Я. Чаадаевъ.....	3
II. Племянникъ.—Москва въ 1820 году.—Крестинъ.....	21
III. Верчепія въ Михайловскомъ замкѣ.—Закрытіе ложъ.—Паденіе Бетанкура.....	34
IV. Герцогъ Александръ.....Исагіевскій соборъ.—Каталани.—Литература.....	46
V. Женитьба брата.—Е. Ф. Канкринъ.—Дибичъ.—Фотій.—К. Я. Булгаковъ.—Бессарабія (1823).....	57
VI. Липецкъ.—Кіевъ.—Графиня Браницкая.—Новороссія.....	73
VII. Одесскія власти.—Бруновъ.—А. С. Пушкинъ.—У адмирала Грейга.	89
VIII. На пути въ Кишиневъ.—Кишиневскія власти.—М. Θ. Орловъ.—И. П. Липранди.....	101
IX. Польскіе Атриды.—Графиня Эдлингъ.—Одесскій театръ.—Виттъ.—Северинъ Потоцкій.....	118
X. Бессарабскія дѣла.—Царане.—И. Н. Инзовъ.—Полихронія.....	139
XI. Князь Кантакузинъ.—Поѣздка къ Австрійской границѣ.—Разбой.	155
XII. Раевскіе.—Вторая ссылка А. С. Пушкина.—Консуль Томà.....	168
XIII. Озлобленіе Молдаванъ.—Французы въ Кишиневъ.—Графъ Кочубей на Югѣ (1824).....	175
XIV. Желтухинъ.—Вице-губернаторство.....	190

ЗАМѢЧАНІЯ НА СОСТОЯНІЕ БЕССАРАБІИ.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ.

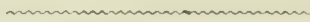
I. Конецъ Александрова царствованія.—Дамская колонія въ Крыму.—Чума.—Торги на откупъ.—Рознаванъ и Гѣка.—В. Θ. Тимковскій.....	59
II. Поѣздка по Бессарабіи.—Иностранныя поселенія.—Одесса (Ноябрь 1825).....	57

III. Характеристика Александра Павловича.—Междупарствіе.—Пріемы Воронцовскаго управленія.....	74
IV. Поѣздка въ Петербургъ.—Глазная болѣзнь.—Осень 1826.....	88
V. Н. М. Карамзинъ.—Д. Н. Блудовъ.—Графъ Бенкендорфъ.—Племянникъ Алексѣевъ.—Графъ Закревскій.—Сборы въ Керчь.—Представленіе Николаю Павловичу.....	100
VI. Москва въ 1827 году.—Тухачевскіе.—Харьковъ.—Екатеринославъ.—Симферополь.—Ѳеодосія.....	132
VII. Сянельниковъ.—Керченскіе чины.—Жизнь въ Керчи.—Графъ Ѳ. П. Паленъ.....	152
VIII. Одесса въ 1827 году.—Собаньская.—Н. В. Сушковъ.—Спада..	175
IX. Ю. М. Кульчинская.—В. А. Перовскій.—Отставка.—(Весна 1828).—Царская чета въ Одессѣ.—Стемпковскій —Преимущества Ѳеодосіи.....	197
X. Подъ Тулою.—Москва въ 1828 году.—Англійскій клубъ.—Князь Д. В. Голицынъ.....	227
XI. Поѣздка въ Пензу.—Одряхленіе матери.....	239
XII. Въ Петербургъ.—Новыя власти.—Поступленіе на службу въ Департаментъ Иностранныхъ Исповѣданій.....	243
XIII. Передъ Польскимъ мятежемъ.—Театръ въ Петербургъ.....	251

ЗАПИСКА О КЕРЧИ.

РОДОСЛОВНАЯ ВИГЕЛЕЙ И ПАНЧУЛИДЗЕВЫХЪ.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

КЕРЧЬ.

СОЧИНЕНІЕ

ФИЛИПА ФИЛИПОВИЧА

ВИГЕЛЯ.

(1827).

ПРИЛОЖЕНІЕ

къ седьмой части его Записокъ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи, Страстной бульваръ.

1893.

*

Записка эта въ первый разъ напечатана, безъ имени сочинителя, въ I-й книгѣ Чтеній Императорскаго Общества Исторіи и Древностей при Московскомъ Университетѣ 1864 года, но по списку невѣрному и неполному. П. Б.

ЗАПИСКА О КЕРЧИ.

I.

Есть мѣсто въ мірѣ, почти совсѣмъ неизвѣстное, или, лучше сказать, почти совсѣмъ забытое, но не менѣе того примѣчанія достойное. Въ семь мѣстѣ, кажется, какъ будто Европа и Азія хотятъ соединиться и тѣмъ воспрепятствовать соединенію двухъ морей, Чернаго и Азовскаго. Кажется, какъ будто въ семь намѣреніи идутъ пространныя равнины, однѣ отъ подошвы Кавказа, а другія отъ подошвы горъ Таврическихъ, и тамъ, гдѣ бы имъ почти сойтись, онѣ отдѣляются Босфоромъ Киммерійскимъ или просто Босфоромъ (ибо Фракійскій знаютъ гораздо болѣе подъ именемъ Константинопольскаго пролива). Такъ-то образуются два полуострова, Керченскій и Таманскій. Сіи послѣдніе предѣлы двухъ частей свѣта, раздѣленные природою, были нѣкогда соединены подъ однимъ правительствомъ и составляли одно царство, не весьма обширное, но долго существовавшее и въ древнія времена весьма извѣстное по образованности и промышленности его жителей, по торговому и вмѣстѣ по воинственному ихъ духу, который въ нихъ сохранялся и выгодами ихъ положенія между морей, и опасностями онаго, ибо со всѣхъ сторонъ было окружено многочисленными хищными варварами.

Тѣмъ, кои чтеніемъ почтять сію Записку желаемъ мы вкратцѣ пересказать все, что знаемъ объ древней исторіи и географіи сей земли, представить потомъ нынѣшнее положеніе ея и объяснить, наконецъ, надежды наши на будущее ея благосостояніе. О давнопрошедшемъ почерпнули мы свѣдѣнія наши не изъ Страбона, Скилакса, или Перпила, безымяннаго автора, не изъ Де-Боза, Вальяна, Кари, или Рауля-Рашета, которые въ новѣйшія времена объясняли древности Босфора (ихъ творенія не имѣли мы еще ни случая, ни возможности достать), но мы слѣдовали тому, что читали въ сочиненіяхъ новѣйшихъ нашихъ соотечественныхъ авторовъ, которые ссылаются на выше-сказанныхъ писателей, и тому, что слышали отъ г. Бларамберга, почтеннаго и любезнаго археолога и нумизмата, который остатокъ дней своихъ посвятилъ ученымъ изысканіямъ о семь краѣ, и все, что о томъ писано, знаетъ наизусть.

Иные сочтутъ, можетъ быть, бесполезнымъ знать то, что происходило здѣсь въ отдаленнѣйшія эпохи исторіи, тогда какъ прежнее положеніе сей

земли не имѣеть ничего общаго съ настоящимъ, когда протекли вѣка и все перемѣнилось въ мѣрѣ, когда открытіе Америки и поваго пути въ Индію и вообще успѣхи просвѣщенія дали новое направленіе торговлѣ. Сіе замѣчаніе, конечно, будетъ справедливо; но при видѣ обнаженныхъ степей тамъ, гдѣ были храмы и вертограды и безмолвія могилы тамъ, гдѣ были жизнь и движеніе, да позволено намъ будетъ стараться возбудить участіе и вниманіе къ симъ опустѣвшимъ, нѣкогда цвѣтущимъ мѣстамъ. Конечно, послѣ сдѣланнаго нами выше сего признанія, не стануть подозрѣвать насъ въ намѣреніи щеголять ученостію, которой не имѣемъ.

Одна Греческая колонія, весьма извѣстная, Милеть, въ Іоніи, была уже за шестьсотъ лѣтъ до Рождества Христова довольно богата, сильна и многочисленна, чтобы самой основывать новыя колоніи. Она послала избытокъ своего населенія на Азіатскій берегъ Босфора, а на Европейскій другихъ поселенцевъ, нѣсколько лѣтъ спустя послѣ того: вотъ начала Фанагоріи въ Азій и Пантикапей въ Европѣ. Сіи два сосѣдственные, новорожденные города-близнецы, безъ зависти, безъ междоусобія, съ самаго начала бытія своего, старались превзойти другъ друга въ успѣхахъ мореплаванія, торговли и въ военномъ искусствѣ, дабы защититься отъ окружающихъ ихъ Скифовъ. По примѣру другихъ городовъ праматери своей Греціи, они имѣли народное правленіе и по опредѣленнымъ временамъ избираемыхъ правителей, судей и военачальниковъ, и цвѣли въ тишинѣ, или, по крайней мѣрѣ, въ безызвѣстности. Сіе причиною было, что происшествія, ознаменовавшія первые годы ихъ существованія, и самое названіе правителей Пантикапей, не дошли до свѣдѣнія потомства. Извѣстно только, что Фанагорія управлялась *Археанактидами*: но какія были границы ихъ власти, на сколько времени избирались они, сдѣлались ли ихъ права, наконецъ, наследственными и когда, сего также не знаютъ. Достоверно то, что одинъ изъ сихъ Археанактидовъ, *Спартакъ* или *Спартакосъ*, управляя Фанагоріей десять лѣтъ, распространилъ въ теченіе сего времени власть свою и завоеванія, переплылъ черезъ проливъ, овладѣлъ Пантикапеей, кою и назначилъ быть столицей, украсилъ вѣнцомъ чело свое, объявилъ себя царемъ и былъ основателемъ царства Босфорскаго или Воспорскаго. Вѣроятно, имѣя духъ властолюбивый и предприимчивый, онъ насильственно овладѣлъ Фанагорійцами, своими соотечественниками; но что Пантикапейцы недобровольно ему покорились, сіе доказывается ихъ защитою и его завоеваніемъ. Его царствованіе началось въ 439 году до Рождества Христова и продолжалось 17 лѣтъ: десять въ Фанагоріи и семь въ Пантикапеей. Ему наследовалъ сынъ его *Селевкъ*.

Съ сего времени исторія Воспора дѣлается извѣстнѣе сношенія его съ Греціей стаповятся чаще и связи тѣснѣе. Діодору Сицилійскому обязаны первые владѣтели Воспора спасеніемъ именъ ихъ и дѣяній отъ забвенія. Нельзя сказать, чтобы владѣтели сіи мелькали только на престолѣ Воспорскомъ, ибо нѣкоторые изъ нихъ царствовали болѣе сорока лѣтъ; но какъ немногіе отличаются особенными чертами характера, и царствованія немногихъ ознамено-

ваны чрезвычайными происшествіями, то довольно будетъ сдѣлать имъ, такъ сказать, поименный списокъ, выбравъ потомъ изъ нихъ тѣхъ только, коихъ память дѣйствительно заслуживаетъ быть сохранена.

Послѣ *Селевка*, втораго царя *Воспорскаго*, былъ 3-й *Спартакъ II-й*, потомъ 4-й *Сатиръ I-й*, 5-й *Левконъ*, 6-й *Спартакъ III-й*, 7-й *Перисадъ*, 8-й *Сатиръ II-й*, 9-й *Пританъ*, 10-й *Эвмилъ*, 11-й *Спартакъ IV-й*. Все сіи цари династіи *Спартака I-го*. Изъ нихъ имя *Левкона* останется навсегда извѣстнымъ по *Демосееновой* рѣчи противъ *Лентина*, гдѣ онъ называетъ его благодѣтельнымъ другомъ *Аѳинской* республики. Онъ имѣлъ право гражданства въ *Аѳинахъ*, и увѣряють, что въ *Пантикапеевѣ* былъ воздвигнутъ мраморный столбъ, на коемъ былъ начертанъ дружественный союзъ *Левкона* съ *Аѳинянами*. Сей царь былъ законодателемъ *Воспора* и распространилъ его предѣлы, завоевалъ древнюю *Феодосію*, которая была верстахъ въ 40 на Западъ отъ нынѣшней. Онъ велъ значительный торгъ хлѣбомъ съ *Греціей* и, по словамъ *Страбона*, изъ одной *Феодосіи* вывезено въ *Аѳны* въ царствованіе его миллионъ сто тысячъ медимновъ жита, то-есть 550 т. нашихъ четвертей.

Перисадъ царствовалъ долго, счастливо и мудро и по смерти своей подданными своими былъ сопричтенъ къ сонму боговъ. Онъ оставилъ престолъ тремъ сыновьямъ своимъ, выше сего поименованнымъ, *Сатиру II-му*, *Притану* и *Эвмилу*. Изъ нихъ меньшій былъ честолюбивый властелинъ, искусный воинъ и тиранъ кровожадный. Онъ съ помощью варваровъ воевалъ противъ братьевъ своихъ, кои, одинъ послѣ другаго, пали въ битвахъ, овладѣлъ престоломъ и, не довольствуясь смертію ихъ, обагрился кровію ихъ женъ, дѣтей и приверженцевъ. Но онъ царствовалъ искусно, славно и мечталъ о покореніи всѣхъ береговъ *Чернаго моря*, когда испуганные кони опрокинули его изъ колесницы и убили его. *Эвмилу* наслѣдовалъ сынъ его *Спартакъ IV-й*, послѣ коего исторія *Воспора* дѣлается неизвѣстною на 160 лѣтъ отъ потерянныхъ мѣстъ въ *Діодорѣ*. Послѣдній царь *Спартакова* рода, другой *Перисадъ*, со всѣхъ сторонъ тѣснимый варварами, добровольно уступилъ престолъ свой великому *Митридату*, царю *Понтскому*, который, къ наслѣственнымъ владѣніямъ присоединивъ многія земли вдоль по восточному берегу *Чернаго моря*, сдѣлался близкимъ сосѣдомъ *Воспора*.

Царствованіе *Митридата* дѣлитъ на двое исторію сего края. До него государство сіе хотя и не было обширное, но пользовалось политической независимостію, которую послѣ него утратило при его преемникѣ и хотя долго еще называлось царствомъ, но дѣйствительно было ни что иное, какъ *Римская провинція*.

Митридатъ-Евпаторъ, шестой въ *Понтѣ* и первый по имени въ *Воспорѣ*, былъ, какъ извѣстно всѣмъ, кто знаетъ исторію, мощный и лютей врагъ *Рима*. Послѣ сорокалѣтней съ нимъ борьбы, побѣжденъ будучи *Пом-*

пеемъ въ Малой Азіи, онъ бѣжалъ въ Воспорекую свою столицу, съ новыми замыслами противъ ненавистнаго ему народа. Отсюда хотѣлъ онъ предпринять походъ черезъ Скиѳію и Паннонію, побѣждая или увлекая съ собою все встрѣчающіяся ему дикія племена и уже мысленно грозилъ истребленіемъ державному, вѣчному граду; но здѣсь судьба положила предѣлъ его жизни и славы. Счастіе, подданные и дѣти, все ему измѣнило; первая Фанагорія возстала противъ побѣжденнаго героя, за нею Херсонъ, Θεодосія, Нимфея отложились отъ него; наконецъ, въ Пантикапеемъ однимъ утромъ, при восхожденіи солнца, увидѣлъ онъ съ горы, доселѣ носящей его имя и гдѣ стояли чертоги его, въ нижней части города, мятежное войско свое подъ предводительствомъ Фарнака, своего сына. Тогда рука одного любимца изъ состраданія избавила его отъ жизни.

Сіе происшествіе, прославившее то мѣсто, на которомъ теперь живемъ и сіе пишемъ, случилось въ 65-мъ году до Рождества Христова.

Тѣло Митридата, посланное отцеубійцею Фарнакомъ въ даръ Помпею, было съ честію предано землѣ въ Синопѣ, Понтской его столицѣ, а Фарнакъ утверждёнъ Помпеемъ на престолѣ Воспорекомъ. Но, пользуясь возникшими потомъ междоусобіями въ Римѣ, онъ овладѣлъ и Понтомъ; вскорѣ же потомъ Юлій Кесарь, явившись послѣ Фарсальской битвы въ Малой Азіи, заставилъ бѣжать его въ Пантикапею, гдѣ оставленный имъ намѣстникомъ *Асандръ* встрѣтилъ его княжаломъ и вмѣсто его воцарился.

Владычество *Асандрово* было продолжительно, съ начала подъ названіемъ этнарха, а потомъ царя, всего 34 года, отъ 40-го до 6-го года до Рождества Христова. Но оно съ начала было потревожено *Митридатомъ II-мъ* Пергамскимъ, коего Юлій Кесарь, наименовавъ царемъ Воспорскимъ, послалъ противъ Асандра, а сей побѣдилъ его. Послѣ же того, умѣвъ угодить Августу, Асандръ былъ утверждёнъ имъ въ царскомъ достоинствѣ. Наконецъ, узнавъ, что Скрибоній посланъ Августомъ начальствовать надъ войсками въ Воспорѣ, лишилъ себя жизни голодомъ, какъ утверждаютъ, но вѣроятнѣе умеръ отъ старости (ибо ему было за 90 лѣтъ).

Прибывъ въ Воспорѣ, *Скрибоній* женился на Динамисѣ, вдовѣ Асандра и дочери Фарнака, и объявилъ себя царемъ. Агриппа, бывший тогда въ Малой Азіи, послалъ противъ него *Полемона*, царя части Понта и Малой Арменіи и сына ритора Зенона. Скрибоній былъ умерщвленъ прежде прибытія Полемона, а сей послѣдній встрѣтилъ сопротивленіе въ народѣ и долженъ былъ побѣдить его.

По смерти Полемона, шестаго Воспорскаго царя по Митридатѣ (если считать Митридата II-го и Скрибонія) были слѣдующіе цари, извѣстные только по оставшимся медалямъ: 7-й *Савроматъ I-й*, 8-й *Гепатирисъ*, супруга предшествоващаго, 9-й *Рискупоръ I-й*, 10-й *Полемонъ II-й*. Сей послѣдній, возведенный на престолъ Калигулою, долженъ былъ, по повелѣнію Клавдія, усту-

пить его 11-му *Митридату III-му*, потомку Великаго, который, прибывъ въ Воспоръ, нашель тронъ свой уже занятымъ 12-мъ *Котисомъ I-мъ*, братомъ своимъ.

Вотъ продолженіе списка сихъ царей:

13-й *Рискупоръ II-й*, при Домиціанъ, въ 83-мъ году по Р. Х.

14-й *Савроматъ II-й*, при Адрианъ.

15-й *Котисъ II-й*, тоже при Адрианъ, который, изъ особеннаго къ нему благоволенія, подчинилъ ему Херсонъ и другія мѣста въ Тавридѣ.

16-й *Римиталкъ*, тоже при Адрианъ, въ 132 году по Р. Х. По смерти сего императора онъ былъ изгнанъ

17-й *Эвпаторомъ*, Антониномъ на царствѣ утвержденный.

18-й *Савноматъ III-й* и } при Коммодѣ.
19-й *Рискупоръ III-й* }

20-й *Котисъ III-й* при Карагалъ и Гетъ.

21-й *Котисъ IV-й*.

22-й *Ининтимій*, при Александръ-Северъ.

23-й *Рискупоръ IV-й*, при Гордіанъ, Филиппъ и до Галиана.

24-й *Тиранъ*, при Пробъ.

25-й *Тоторсъ*, при Діоклитіанъ, слѣдственно, уже въ концѣ третьяго столѣтія по Р. Х.

Всѣхъ сихъ владѣтелей Воспора, вышешоименованныхъ и послѣдующихъ, можно почитать болѣе губернаторами, чѣмъ царями. Царствованіе большей части изъ нихъ извѣстно только по медалямъ, въ великомъ множествѣ отрываемымъ близъ мѣстъ, коими они управляли. На одной сторонѣ видно изображеніе современнаго императора, а на другой владѣльца Воспорскаго, съ надписью: иногда *архонтосъ*, иногда *василевсъ* то есть, старѣйшина или царь. Въ самыхъ посланіяхъ своихъ императоры Римскіе называли ихъ *regulus*, уменьшительное *rex*, то есть, корольками. Однимъ словомъ, ихъ можно примѣнить къ ханамъ Киргизъ-Кайсацкихъ ордъ, утверждаемыхъ нашимъ Государемъ, и кои въ Омскѣ, или Оренбургѣ, украшаются богатымъ одѣяніемъ, шапкою и саблею, отъ нашего двора имъ даруемыми; или къ малозначущимъ князьямъ, коихъ чрезъ каждыя семь лѣтъ Порты посылаетъ управлять малозначущими народами, Молдавскимъ и Валацкимъ, и коимъ, при отправленіи, вручаются отъ Султана шубы, кука и топузъ.

Кажется, въ продолженіи сего времени городъ Пантикапея утратилъ имя свое. Проливъ, царство, на немъ стоявшее, и столица его, все получило общее названіе Воспора. Фанагорія превратилась въ Таматархію, уже позже, при Византійскихъ императорахъ.

Около того же времени началось страшное явленіе въ мірѣ, вооруженное переселеніе дикихъ народовъ съ Сѣвера и Востока на Югъ и Западъ. Еще въ началѣ втораго столѣтія по Р. Х. Алане являются на сѣверной сторонѣ Кавказа и покоряють Воспоръ и Таврію, но скоро потомъ вытѣсняются Го-

тами, около половины сего столѣтія. Какъ Воспоръ былъ въ числѣ крайнихъ предѣловъ великой имперіи съ сей стороны, то первый онъ долженъ былъ принимать удары, ей наносимые варварами. Но какъ первыя сія вторженія можно почитать одними набѣгами, какъ побѣдители столь же быстро удалялись, какъ и приходили, и нигдѣ власти своей прочно не основывали: то земли сіи совершенно не разорялись, и царьки могли опять, подъ щитомъ Рима, продолжать свое владычество. Весьма жаль, что подробности сихъ нашествій въ исторіи не сохранились.

Но возвратимся къ Воспорскимъ царямъ и окончимъ списокъ ихъ.

26-й *Савроматъ IV-й*, при Діоклитіанѣ, имѣлъ духъ завоевательный и, побѣдивъ Лазовъ въ Колхидѣ, дошелъ до границъ царства Лидійскаго, гдѣ былъ встрѣченъ кесаремъ Констансомъ - Хлоромъ, который не могъ побѣдить его, а довольствовался обороною. Между тѣмъ протевонъ города Херсона, Христосъ, по повелѣнію Діоклитіана, собравъ войско, пошелъ къ Воспору, завоевалъ оный и не прежде оставилъ, какъ по отступленіи Савромата и заключеніи мира его съ имперією.

27-й *Савроматъ V-й*, внукъ предыдущаго, желалъ отомстить Херсонцамъ за дѣда, но былъ разбитъ ими при урочищѣ Каффа, вѣроятно, тамъ, гдѣ нынѣшняя Θεодосія.

28-й *Рискупоръ V-й* извѣстенъ по медалямъ съ изображеніемъ Константина Великаго.

29-й *Савроматъ VI-й* велъ войну съ Херсонцами и предложилъ протевону ихъ, Фарнаку, единоборство, который, согласясь, употребилъ хитрость, чтобы убить его. Послѣ того побѣдитель отпустилъ побѣжденныхъ Меотійцевъ - Сарматовъ по домамъ, а Воспорянь заключилъ въ узы, и границу, прежде бывшую въ Каффѣ, отдалилъ до какого-то Киверника, то есть, версть на сорокъ.

Съ симъ Савроматомъ, кажется, кончается Воспорское царство. Еще открываются по медалямъ нѣсколько царей, Рискупоровъ, человека два-три, Ареанзесъ и наконецъ Радамеадъ, коего самое существованіе возрождаетъ споры между учеными археологами. Главное—знать участь Воспора: имъ въ концѣ четвертаго столѣтія овладѣли Гунны и совершенно его разорили.

Чрезъ полтора ста лѣтъ, побѣды полководцевъ императора Юстиніана возвратили Тавриду и Воспоръ Восточной имперіи; возвратилась и къ нимъ тѣнь благоустроеннаго правленія. Юстиніанъ возобновилъ укрѣпленіе городовъ и сдѣлалъ новыя крѣпости: Горзовиту (нынѣшній Гурзуфъ), Алустонъ (нынѣшнюю Алушту) и Лампасъ (нынѣшній Кучюкъ-Лампадъ). Все сіе не надолго: одни варвары смѣнялись другими и довершали разореніе сей благословенной и несчастной страны. Воспоръ исчезнулъ навсегда, и чрезъ

нѣсколько вѣковъ онъ долженъ былъ опять возродиться, но только уже подъ другимъ названіемъ, воскрешенный неизвѣстнымъ до того еще народомъ Русскимъ.

*

Окончивъ, такимъ образомъ, краткое историческое изображеніе древняго Веспора, слѣдуетъ, кажется, приступить и къ географическому его описанію, столько, сколько свѣдѣній нашихъ на то достанетъ.

Полуостровъ Керченскій должно считать отъ перешейка (впрочемъ, не очень узкаго, ибо имѣетъ 30 верстъ ширины), который идетъ отъ Каффы, нынѣшней Θεодосіи, до Арабата, гдѣ начинается коса или стрѣлка сего имени. Сіе мѣсто было, кажется, постоянною границею Веспорскаго царства на Западъ, и Асандръ укрѣпилъ его стѣною, коей остатки и по нынѣ видны. Отсюда полуостровъ идетъ до пролива безъ малаго верстъ на сто, ширины же имѣетъ во многихъ мѣстахъ болѣе шестидесяти. Въ семъ-то заключается Европейско-Веспорское владѣніе; нѣкоторые изъ царей владѣли и Θεодосіей, также Милетинцами основанной колоніей, и отъ нынѣшней Θεодосіи на Западъ лежавшей; иные же простирали свои завоеванія до рѣки Тапсиса, нынѣшняго Салгира, но не далѣе (все это не болѣе, какъ верстъ на двѣсти во внутрь земли отъ Пантикапеи).

Азіятскія владѣнія Веспора были пространнѣе и занимали почти всѣ земли между Палюсомъ Меотійскимъ, нынѣ Азовскимъ моремъ, и Кубанью, тогда называвшеюся Гипанисомъ, то есть всю нынѣшнюю землю Черноморскихъ козаковъ. Говорятъ, что Веспору принадлежали на Азовскомъ морѣ также Греками населенные города: Гермонаса и Діоскурія, но сіе не достовѣрно; Тана же или нынѣшній Азовъ никогда въ его владѣніи не былъ.

Древнѣйшіе обитатели сихъ странъ были Киммеріане, одно и тоже съ Цимбрами, Кимбрами или Кимврами, извѣстными во времена Римской республики. По мнѣнію г. Муравьева-Апостола, Кимвровъ называли Греки Киммеріанами, портя или поправляя пріятнѣйшими для ихъ слуха звуками названія чуждыхъ имъ народовъ, городовъ и людей. Изъ того онъ выводитъ заключеніе, что и Крымъ, или Кримъ, есть ни что иное какъ Татарами испорченное слово Кимвръ или Кимръ. Дѣйствительно, нельзя названію Крима сыскать другаго происхожденія.

Киммеріане были отсюда въ седьмомъ вѣкѣ до Р. Х. изгнаны Тавро-Скиѳами или горными Скиѳами, которые потому и дали имя Тавриды всему полуострову Крымскому. Знающіе же древніе восточные языки утверждаютъ, что и понынѣ въ Азіи Тавромъ называютъ всякую цѣпь огромныхъ горъ, и что гора по-ассирійски называлась Тоира, по-халдейски Тиру и по-сирійски Туро.

Сія варвары, съ коими поселившимся посреди ихъ Грекамъ часто приходилось сражаться, не были однакоже кочующими и совершенно чуждыми искусству зодчества.

Основанные ими города, коими послѣ Греки овладѣли, удивляли огромностію своихъ зданій. Доннынѣ еще видны основанія ихъ; они составлены изъ камней ужасной величины, такъ что можно сомнѣваться, чтобъ сіе было не твореніе природы, а рукъ человѣческихъ, еслѣ бъ они не были правильно положены и обтесаны. Г. Бларамбергъ называетъ сіе циклопскою или гигантскою работою, совершенно отличною отъ произведеній позднѣйшихъ временъ архитектуры, коихъ здѣсь также много находится остатковъ. Все Греческое прельщаетъ легкостію, красотою, вкусомъ, всѣ же творенія глубокой древности изумляютъ огромностію массъ.

Весь Керченскій полуостровъ есть плоская равнина; не доѣзжая Керчи только верстъ за двадцать, начинается цѣпь маленькихъ холмовъ, постепенно возвышающихся къ проливу и оканчивается Митридатовой горой, величайшей изъ сихъ холмовъ и выходящей мысомъ въ самый проливъ. Полуостровъ сей былъ весь населенъ, какъ думать должно; но нѣтъ ни одного извѣстнаго мѣста, ни внутри онаго, ни по берегамъ Чернаго и Азовскаго морей: всѣ города тѣснились около пролива. Причиной сему полагать должно то, что Греки первоначально здѣсь основали свои жилища и потомъ распространили свои владѣнія; другая причина, что мѣсто сіе издревле изобильно было лѣсомъ и родниками лучшей воды, въ чемъ далѣе чувствуютъ недостатокъ.

Вотъ названія примѣчательнѣйшихъ мѣстъ, о коихъ говорятъ Геродотъ, Скилаксъ и Страбонъ весьма подробно, означая даже разстояніе одно отъ другаго:

1-е. *Цитеза* или *Скиѳея*, на самомъ Черномъ морѣ, близъ теперешней Апухъ-горы, въ 45-ти верстахъ отъ Керчи. Сей городъ былъ построенъ Скиѳами, какъ имя его показываетъ. Есть теперь остатки фундамента сего города и въ горѣ пространныя пещеры, гдѣ были гробницы его жителей.

2-е *Киммеріонъ* по-гречески, *Киммеріумъ* по-латыни, въ 17-ти верстахъ отъ Керчи, на проливѣ, близъ теперешняго селенія Камышь-Бурунъ, построенный Киммеріанами; остатки его, равно какъ и Скиѳовъ, суть громады скалъ, какъ бы волшебною силою порядкомъ положенныя. Планы сихъ городовъ сняты и начертаны г. Бларамбергомъ.

3-е *Нимфеза*, любимое мѣсто Митридата, но въ которомъ онъ не окончилъ жизни, какъ тѣ, кои читали Расинову трагедію, его имя носящую, по думать могутъ. Остатки, то есть основанія сего города, видны въ 7-ми верстахъ только на полдень отъ Керчи, на горѣ, надъ старымъ карантинномъ, изъ коего, въ началѣ сего 1827 года, переведенъ карантинъ въ новое строеніе.

4-е. *Пантикапейя*, нынѣшняя Керчь. О семъ городѣ будемъ говорить подробнѣе при описаніи теперешняго его состоянія.

5-е. *Мирмикіонъ*, то есть Муравейникъ, въ 4 верстахъ отъ Керчи на Сѣверѣ. Это было самое промышленное мѣстечко въ Воспорѣ: тутъ были все ихъ фабрики, мануфактуры, и по трудолюбію жителей оно названо Муравейникомъ. Нынѣ построены на семь мѣстъ новый карантинъ.

6-е. *Геракліонъ* или *Иракліонъ*. Тутъ не былъ настоящій городъ, а только храмъ Геркулесовъ и около него священная ограда (*enceinte sacrée*), внутри коей и внѣ ея были жилища; полагать должно, что сіе было посадъ, какъ нынѣ въ Сергіевой Лаврѣ и въ другихъ монастыряхъ сіе встрѣчается. Воспоряне, будучи въ необходимости часто сражаться, изъ всехъ боговъ язычества поклонялись болѣе двумъ героямъ-полубогамъ, Геркулесу и Ахиллу, ихъ имя призывали на помощь въ бояхъ и ихъ заступленію приписывали побѣды надъ врагами.

7-е. *Портеміонъ* или врата Меотійскія, городокъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Еникале, въ 10-ти верстахъ отъ Керчи и въ 6-ти отъ новаго карантина. Тутъ вѣвзаютъ въ Азовское море и тутъ самое узкое мѣсто Босфора.

Древніе историки и географы съ такою точностію означили мѣста, гдѣ существовали города сіи, что съ Страбономъ въ рукахъ и считая по пяти стадій на версту или по сту сажень, весьма легко отыскать ихъ остатки. Только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ по ихъ описанію должны быть заливы и бухты, воды отъ береговъ удалились, и нынѣ остались соляныя озера.

На Азіятской сторонѣ извѣстны два слѣдующіе города:

8-е. *Фанагорія*, о коей часто упоминается въ сей Запискѣ; нынѣ нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ ея существованія, и ея мѣсто занялъ городъ Тамань. Въ двухъ верстахъ же отъ него построена Суворовымъ крѣпость, котрою, изъ уваженія къ древности, дано имя Фанагорійской.

9-е. *Ахиллея*, маленькій городъ при устьѣ или лиманѣ Гипаниса, на томъ мѣстѣ, или близъ мѣста, гдѣ нынѣ Бугазскій мѣновой дворъ съ Черкесами. Городъ сей по набожности Воспорянъ къ Ахиллу, о коей мы выше упомянули, былъ названъ его именемъ.

Въ числѣ народовъ, поработившихъ описываемую нами страну, одинъ народъ мужественный, многочисленный, сильный, на нѣсколько вѣковъ утвердилъ въ ней свое владычество. Хозары или Козары, соплеменные съ Турками, уже гораздо прежде того извѣстны своими походами въ Арменію, Иверію, Мидію, въ началѣ седьмаго столѣтія, пройдя Кавказъ, быстро распространили свои завоеванія отъ устья Волги до Днѣстра, отъ Каспійскаго до Чернаго моря, и основали, подъ управленіемъ своихъ кагановъ, могущественное, знаменитое царство, въ составъ коего вошла и Таврида. Все сіе пространство земли, и въ особенности Крымъ, получили названіе Хозаріи. Сосѣдственныхъ же съ ними Славянъ Хозары обложили данью.

Черезъ триста лѣтъ послѣ того, около 965 года по Рождествѣ Христовѣ, сіи самые данники, Славяне, подъ названіемъ уже Русскихъ и подъ предво-

дительствомъ князя своего *Святослава*, героя древнѣйшихъ временъ Россіи, побѣдили Хозаровъ, взяли столицу ихъ Саркель или Бѣлую Вѣжу на Дону, разбили потомъ Ясовъ и Касоговъ, какъ полагають, Осетинцовъ и Черкесовъ, и покорили все владѣнія Хозарскія на восточныхъ берегахъ Азовскаго моря, въ томъ числѣ и Таматархію, древнюю Фанагорію.

Владимиръ великій и святой, сынъ Святослава, принялъ христіанскую вѣру и былъ крещенъ близъ сихъ мѣсть, въ древнемъ Херсонѣ, все еще остававшемся подвластнымъ восточнымъ императорамъ. Получивъ Таматархію съ лежащими окрестъ ея землями въ наслѣдство отъ отца, онъ передъ смертію, при раздѣленіи своихъ владѣній между двѣнадцатью сыновьями, отдалъ ее въ удѣлъ храбрѣйшему изъ нихъ, Метиславу.

Метиславъ Владимировичъ, прозванный Храбрымъ и Удалымъ, былъ первымъ княземъ Таматархскимъ или (какъ Русскіе по своему переплачили) Тмутараканскимъ. Имя сего витязя славно въ нашихъ лѣтописяхъ: онъ помогъ Греческому императору, въ 1016 году, отнять у Хозаровъ Тавриду и тѣмъ сокрушить и уничтожить навсегда ихъ царство. Потомъ воевалъ онъ съ Касогами, въ единоборствѣ побѣдилъ князя ихъ, Редедю, сильнаго великана, и овладѣлъ его землями. Наконецъ, недовольный малостію своего удѣла, или, можетъ быть, скучая праздностію, собралъ подвластныхъ ему Хозаровъ, Грековъ, Черкесовъ и Касоговъ и пошелъ войною на старшаго брата своего, великаго князя Ярослава, тогда всей Россіей владѣвшаго. Покоривъ Черниговъ и одержавъ послѣ того побѣду надъ братомъ у города Листвена, заключилъ съ нимъ миръ, по коему они раздѣлили государство пополамъ, и Днѣпръ служилъ границею ихъ владѣній. Проживъ потомъ въ мирѣ и согласіи съ братомъ еще 10 лѣтъ, онъ умеръ въ 1036 году бездѣтенъ.

Послѣ кончины Ярослава (въ 1054 году), Тмутаракань и Воспоръ достался въ удѣлъ одному изъ сыновей его, *Святославу*, князю Черниговскому. По отдаленности, поручилъ онъ управленіе сей области сыну своему, Глѣбу Святославичу.

Но въ 1064 году молодой *Ростиславъ* Владимировичъ, сынъ Владимира, умершаго прежде отца своего, великаго князя Ярослава, и не получившій никакого удѣла, рѣшился вооруженной рукою приобрести оный и безъ большаго сопротивленія овладѣлъ Тмутараканью. Его отважность и побѣды надъ горскими народами утрашили коварныхъ Грековъ, съ помощію же Русскаго князя, незадолго предъ тѣмъ Тавридою овладѣвшихъ: одинъ изъ нихъ, по имени Котопанъ, вкравшись въ его довѣренность, отравилъ его ядомъ. Песторія описываетъ сего юношу красивымъ, храбрымъ и добродушнымъ, и его безвременная кончина была несчастіемъ для Россіи.

Призванный потомъ опять жителями Тмутараканской области сынъ Черниговскаго князя, *Глебъ* Святославичъ, прежде ею управлявшій, содѣлался ея отдѣльнымъ княземъ.

Получивъ потомъ княжество Новгородское, *Глѣбъ*, въ 1077 году, уступилъ Тмутаракань другому брату своему, *Роману* Святославичу.

Въ половинѣ сего одинадцатаго столѣтія вышелъ изъ Азіи одинъ народъ, коего имя дотолѣ было неизвѣстно, но останется долго памятнымъ въ нашей исторіи, по бѣдствіямъ, имъ Россіи причиненнымъ. Половцы или Команы, по мнѣнію покойнаго Карамзина единоплеменные съ нынѣшними Киргизами и другихъ варваровъ превосходившіе жестокостію, вѣроломствомъ и безобразіемъ, заняли берега Чернаго моря. Сихъ варваровъ нанялъ вышеименованный князь Романъ Святославичъ, чтобы идти войной противъ дяди своего, великаго князя Всеволода; они заключили миръ со Всеволодомъ и на обратномъ пути умертвили Романа. Тогда великій князь прислалъ управлять Тмутараканью намѣстника своего, Ратибора.

Вскорѣ потомъ два молодыхъ князя, *Давидъ* Игоревичъ и *Володаръ* Ростиславичъ, изъ коихъ первый былъ внукъ великаго Ярослава, а послѣдній правнукъ (будучи сыномъ князя Тмутараканскаго, Ростислава Владимировича, Греками отравленнаго ядомъ) пришли завоевать сію область и овладѣли ею.

Ихъ княженіе также было непродолжительно. Третій изъ Святославичей, *Олегу*, долго находившійся въ плѣну у Грековъ на островѣ Родосѣ, съ помощію ихъ, возвратился въ Тмутаракань, изгналъ князей Давида и Володаря, отмстилъ за смерть брата своего, Романа и получилъ область сію по наследственному праву. Всѣ сіи происшествія были отъ 1078 до 1084 года.

Чрезъ десять лѣтъ послѣ того, *Олегу* Святославичъ, коего гордость и властолюбіе столь извѣстны въ Русской исторіи, взявъ въ помощь Половцевъ, пошелъ съ ними противъ двоюроднаго брата своего, Владимира Всеволодовича Мономаха, который княжилъ тогда въ Черниговѣ. Сей миролюбивый герой, дабы избавить отечество отъ междоусобія и ужасовъ войны съ Половцами, добровольно уступилъ ему Черниговъ, а самъ переѣхалъ въ Переяславль. Съ тѣхъ поръ *Олегу* какъ будто забылъ Тмутараканское свое княжество, вмѣстѣ съ другими Русскими князьями велъ кровопролитныя войны противъ Половцевъ, и когда въ 1111 году одержана Русскими надъ ними знаменитая побѣда, то ничего уже о Тмутаракани болѣе не упоминается; самое имя ея исчезаетъ въ Русской исторіи. Кажется, еще прежде того городъ сей уже сдѣлался добычей Половцевъ.

Итакъ, безъ малаго полтора ста лѣтъ князья Русскаго племени владѣли сею странюю. Ихъ было всего шесть поколѣній: 1-й Святославъ, 2-й Св. Владимиръ, 3-й Мстиславъ и Ярославъ Владимировичи, 4-й Святославъ Ярославичъ, 5-й Ростиславъ Владимировичъ, Давидъ Игоревичъ, Глѣбъ, Романъ и *Олегу* Святославичи, всѣ пятеро внуки Ярослава, и 6-й Володаръ Ростиславичъ, правнукъ его.

Прошли вѣка, имя Тмутаракани и дѣянія ея князей сохранились въ исторіи нашего отечества; но долго, очень долго, не знали у насъ даже мѣста,

гдѣ существовали городъ и княжество сего имени. Писатели наши терялись въ догадкахъ; наконецъ, весьма недавно одинъ нечаянный случай рѣшилъ сію историческую задачу. Мраморная плита необыкновенной длины лежала въ Тамани у дверей казармы Черноморскихъ казаковъ и служила ступенью для входа въ нее; никто не обращалъ вниманія на высѣченную на ребрѣ ея надпись. Одинъ любопытный взоръ открылъ Русскія литеры, началъ разсматривать прилежнѣе и нашелъ то, чего тщетно дотоле искали. Надпись все объяснила; она нижеслѣдующая:

Въ лето с. ф. ѿ. Інд. г. Глѣбъ Князь мѣрилъ ѿ по леду ѿ Тмутарокана до Кърчевѣ а н д. сѣжѣ.

Слѣдственно, въ 6586 году отъ сотворенія міра и въ 1068 отъ Рождества Христова. И разстояніе отъ Тамани до Керчи точно то, что оно и по нынѣ, ровно 30 верстѣ. Сія надпись подаетъ поводъ думать, что городъ Кърчевъ построенъ предками нашими на развалинахъ или изъ развалинъ упавшей и забытой Пантикапеи. Самое названіе его имѣетъ что-то Русское и похоже на Корчеву въ Тверской губерніи.

Столь счастливо найденная плита разсмотрѣна многими учеными, признана законною и положена съ честью въ Таманской соборной церкви *). Не оставалось и тѣни сомнѣнія о мѣстѣ, гдѣ была Тмутаракань, и даже самимъ именемъ названъ городъ Таманъ на многихъ иностранныхъ картахъ, съ тѣхъ поръ изданныхъ. Впрочемъ, удивительно только одно то, какъ сіе прежде не могло войти никому въ голову, какъ можно было полагать Тмутаракань на Окѣ, когда цѣлый рядъ ея князей всегда дѣлалъ союзы или воевалъ съ народами, обитавшими, какъ достоверно извѣстно, на Кавказѣ и на берегахъ Днѣпра, Дона и Азовскаго моря.

Кажется, послѣ всего вышеписаннаго, есть ли какая возможность сомнѣваться въ томъ, чтобы Воспорское царство и княжество Тмутараканское не были одно и то же, и чтобъ найденный камень не былъ дѣйствительно драгоценный остатокъ нашихъ древнихъ временъ? Утверждаютъ, однакоже, что одинъ извѣстный нашъ писатель, г. Свиньинъ, извѣстный по разнообразнымъ твореніямъ своимъ на отечественномъ и иностранныхъ языкахъ, по многократнымъ путешествіямъ, по мореплаваніямъ, дипломатическимъ миссіямъ, журналамъ, рисункамъ, картинамъ, по изданіямъ своимъ и чужихъ сочиненій, по всеобщимъ своимъ познаніямъ, что сей ученый мужъ, художникъ, воинъ и законодатель, отвергаетъ сію истину, и что гдѣ-то сказалъ онъ, написавъ, или напечаталъ, что Тмутараканскій камень есть подложный.

Всѣ тѣ, кои, подобно намъ, видѣли сей камень и его надпись могутъ утвердительно сказать, что онъ имѣетъ всѣ признаки древности. А между

*) Нынѣ въ Керченскомъ музеѣ. См. «Исслѣдованіе Тмутараканскаго камня съ Русскою надписью, Григорія Спасскаго». Спб. 1844 г. II. Б.

тѣмъ опасаться должно, что мнѣніе г. Свиньина, такъ давно и такъ справедливо заслужившаго довѣренность читающей публики, вовлечетъ всѣхъ въ заблужденіе, въ которомъ самъ онъ находится, что совсѣмъ объясненная историческая истина опять сдѣлается загадкой, и мы опять пошли съ гг. Татщевымъ и Свиньинымъ искать Тмутаракани около Муромъ и Рязани.

Со всѣмъ уваженіемъ, которое имѣемъ къ познаніямъ г. Свиньина, не столь глубокимъ, сколь многообразнымъ, осмѣлимся ему замѣтить, что всякій обманъ долженъ быть сдѣланъ съ какимъ-нибудь намѣреніемъ; а какое тутъ можно видѣть намѣреніе? Нѣтъ, мы не дошли еще до такой тонкости, чтобы составлять каменные фальшивые документы, и для того единственно, чтобы доказать древнее право наше на владѣніе уголкомъ земли, котораго у насъ никто не оспариваетъ, о которомъ большая часть нашихъ соотечественниковъ даже и не знаетъ, и тогда, какъ вездѣ лучшія права наши суть могущество Россіи и сила ея оружія

Но, оспаривая г. Свиньина, мы бросили Тмутаракань въ рукахъ у нечестивыхъ Половцевъ; возвратимся же къ нимъ. Не надолго и симъ гнуснымъ варварамъ досталось терзать сію прекрасную землю: участь всей нынѣшней Югозападной Россіи была безпрестанно переходить изъ рукъ въ руки.

Страшная гроза собралась на Востокъ, оттуда прошла она на Западъ съ ужасною быстротою, разрушая многія древнія Азіатскія царства; здѣсь разразилась она и чрезъ нѣсколько лѣтъ распространила опустошенія свои по всему нашему отечеству. Славный завоеватель, Чингизъ-ханъ, основатель сильное Монголо-Татарское царство; сынъ и преемникъ его, Огтай, слѣдуя его примѣру, послалъ племянника своего, Батю, искать новыхъ побѣдъ на Сѣверъ и Западъ Каспійскаго моря. Тутъ встрѣтилъ сей послѣдній всегдашнихъ враговъ нашихъ, Половцевъ. Несмѣтное число воиновъ Батю ихъ устрашило, и они сообщили свой ужасъ сосѣдственнымъ князьямъ южной Россіи. Соединя силы свои съ Половцами, сіи Русскіе князья пошли искать Татаръ, встрѣтили ихъ неподалеку отъ сихъ мѣстъ, и знаменитая съ ними битва при рѣчкѣ Калкѣ (въ нынѣшнемъ Мелитопольскомъ уѣздѣ, немного на Западъ отъ Мариуполя), въ 1224 году, истребила самое имя Половцевъ и была для Россіи первымъ изъ тѣхъ жестокихъ ударовъ, которые въ послѣдствіи времени едва ея не сокрушили.

Свирѣпый Батю, тогда удалившійся, спустя нѣсколько лѣтъ воротился опять, и въ 1239 году покорилъ всю Россію, предавъ ее огню и мечу. Основавъ Кипчакскую или Золотую Орду на берегахъ Волги, въ степяхъ Саратовской губерніи, онъ былъ первымъ ея ханомъ, но подвластнымъ великому хану Большой Орды, и владычество Татаръ простиралось тогда почти до Карпатскихъ горъ. Всѣ остатки народовъ не-Славянскаго племени, и между прочимъ Половцы, смѣшались съ ними.

Послѣ смерти Батяя, въ 1256 году, начался въ Кипчацкой ордѣ, имъ основанной, несогласіа, которыя, однакоже, тогда еще ея не ослабили. Но уже вскорѣ послѣ того, около 1260 года, одинъ смѣлый воевода ханскій, по имени *Ногай*, не только сдѣлался независимымъ владѣтелемъ описываемыхъ нами мѣстъ, но повелѣвалъ въ самой ордѣ и мѣнять хановъ по произволу. Онъ заключилъ союзъ съ Греческимъ императоромъ, Михаиломъ Палеологомъ, женился на побочной дочери его, основалъ свои кочевья или улусы вокругъ всего Азовскаго или, какъ оно тогда уже называлось, Суражскаго моря, въ бывшемъ Воспорѣ и во всей Тавридѣ, властвовалъ болѣе тридцати лѣтъ и по смерти оставилъ Татарамъ, въ Крымскаго полуострова живущимъ, имя свое, которое они и донинѣ сохраняютъ.

При жизни сего Ногая, торговля съ плодами тогдашняго просвѣщенія и промышленности проникнула опять въ сіи мѣста, въ которыхъ они нѣкогда процвѣтали, но гдѣ варварство давно уже постребило и слѣды ихъ. Двѣ знаменитыя Итальянскія республики, Венеція и Генуя, спорили тогда о владычествѣ на моряхъ. Крестовые походы, въ которыхъ онѣ участвовали, познакомили ихъ съ Востокомъ. Венеціане первые на Суражскомъ морѣ основали колонію Азовъ; вслѣдъ за ними явились и Генуезцы на берегахъ Тавриды, сдѣлали выгодныя предложенія владѣвшимъ тогда ею Монголо-Татарамъ и выпросили у нихъ уголокъ земли, гдѣ бы учредить свою контору и складочное мѣсто для товаровъ. Имъ отвели пустое урочище, именуемое Каффа, о коемъ мы выше сего уже говорили: весьма не пространная, узкая долина, какъ бы спрятанная между моремъ и высокими горами, въ которую одинъ только вѣздъ съ Востока; они и тѣмъ остались довольны. Имѣя много золота, большую дѣятельность, искусныхъ зодчихъ, Генуезцы усердно приступили къ строенію домовъ: скоро возникъ новый, прекрасный городъ, своимъ великолѣпіемъ пугнулъ Татаръ и возбудилъ ихъ опасенія и зависть. Дошло до ссоры и войны. Генуезцы подняли съ горной стороны высокія каменные стѣны съ башнями и изъ-за нихъ смѣялись усиліямъ Татаръ. Нѣсколько разъ потомъ въ продолженіи времени воевали они, примырались, но не упускали ни единого случая, чтобъ не дѣлать новыхъ пріобрѣтеній и не распространять свою власть и торговлю. Въ численіи городовъ и мѣстъ, коими республика владѣла тогда въ Тавридѣ, находимъ мы Балаклаву, Судаку и наконецъ *Scrchio, ricciol luogo*, какъ говоритъ Одерико. И такъ Греческая Пантикапея, Русскій Кръчевъ, сдѣлалась Итальянскою Черкію, какъ послѣ обратилась въ Татарскую Керчь.

Здѣсь мѣсто упомянуть о знаменитомъ ханѣ *Узбекѣ*, въ Кипчацкой ордѣ царствовавшемъ съ 1312 по 1341 годъ и возстановившемъ прежнюю силу ея. Его имя кровавыми буквами начертано въ исторіи нашей: онъ князей безпрестанно призывалъ въ орду на судъ и на казнь, и семерыхъ, въ томъ числѣ Михаила Тверскаго и двухъ сыновей его, Димитрія и Александра, предать смерти. Онъ любилъ сіи мѣста и по нѣскольку мѣсяцевъ забавлялся

звѣриною ловлею на великомъ пространствѣ отъ Тавриды до Терека. Первый изъ хановъ принялъ онъ магометанскую вѣру, ввелъ ее между своими подданными, и при немъ начала она имѣть поклонниковъ въ Крыму. Изъ любви и уваженія къ его памяти, многіе Татары приняли имя Узбековъ, коими и до нынѣ называются въ Хивѣ.

Со смертію Узбека началось постепенное паденіе Золотой Орды. Въ Сараѣ, главномъ городѣ ея, одинъ ханъ смѣнялъ и убивалъ другаго, иногда три хана съ многочисленнымъ войскомъ спорили между собою о владычествѣ, возникали новыя царства, Татары рѣзались, и все возвѣщало близкій конецъ чудовищнаго ихъ могущества. Посреди сихъ неустройствъ и междоусобія возсталъ одинъ смѣлый воинъ Темникъ *Мамай*, который, не принимая титула ханскаго, повелѣвалъ ими и который могъ бы замедлить паденіе орды; но въ 1380 году разбитый Дмитріемъ Донскимъ на Куликовомъ полѣ, онъ бѣжалъ къ Азовскому морю, въ сосѣдство древняго Воспора, и на томъ самомъ мѣстѣ, близъ нынѣшняго Мариуполя, гдѣ въ 1224 году была Калковская битва, побѣжденъ вооружившимся противъ него ханомъ *Тахтамышемъ*, потомкомъ Чингисъ-хана. Онъ скрылся въ Каффѣ, но тамъ Генуезцы коварно умертвили его въ угожденіе Тахтамышу.

Въ сіе время явился на Востокъ *Тамерланъ*, новый ужасъ челоѣчества. Подобно Чингисъ-хану возникъ онъ почти изъ ничтожества до степени властелина міра, но, кажется, еще превзошелъ его геніемъ, блестящими качествами и лютостію, владѣнія же свои распространилъ до Египта. Онъ сначала покровительствовалъ Тахтамышу, но чрезъ нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1395 году, озлобленный его неблагодарностію, пошелъ истребить его, настигъ между Терекомъ и Кубанью, разбилъ на голову, обратилъ въ бѣгство и въ слѣдъ за нимъ, съ безчисленнымъ войскомъ ворвавшись въ Россію, дошелъ до самаго Ельца. Бытіе нашего отечества, можно сказать, висѣло на волоскѣ, все было въ ужасѣ... но Провидѣніе, предназначившее великія судьбы сему пароду, избавило его, какъ и въ слѣдующія времена неоднократно чудеснымъ образомъ спасало оно его. Тамерланъ удалился тѣмъ же путемъ, мимоходомъ разрушивъ Сарай, Астрахань и наконецъ сравнялъ съ землею богатый Венеціанскій Азовъ, предавъ, какъ онъ сказалъ, державу Батыеву губительному вѣтру истребленія.

Но оставимъ Кипчацкую орду, безпрестанно въ междоусобныхъ браняхъ идущую къ разрушенію своему. Одинъ Татарскій наѣздникъ и смѣльчакъ, старый князь *Едигей*, долго въ сихъ войнахъ участвовавшій, повелѣвавшій судьбами самихъ хановъ, при концѣ дней своихъ составилъ для себя особое государство изъ Черноморскихъ и Азовскихъ улусовъ, то-есть изъ нынѣшней Таврической и частію Кавказской губерній. Послѣ смерти его, многочисленные его сыновья раздѣлили его владѣнія и вскорѣ потомъ погибли въ междоусобіи; тогда Черноморскіе Татары избрали ханомъ осмнадцатилѣтняго юношу, славившагося происхожденіемъ отъ Чингисъ-хана, который къ

имени своему Ази прибавилъ, изъ благодарности къ воспитавшему его земледѣльцу Гирею, названіе сего послѣдняго. Съ симъ *Ази-Гирею* началась около половины пятнадцатаго столѣтія особенная Крымская орда, разбойничье гнѣздо, которое, отдѣляемо будучи отъ Россіи пространными степями, его ограждавшими въ теченіи двухъ съ половиною вѣковъ, утомляло ее почти періодическими набѣгами.

Около того же времени случилось горестное происшествіе въ мірѣ: Турки въ 1453 году взяли Константинополь. Черезъ двадцать два года послѣ того Магометъ II-й послалъ свой флотъ въ Черное море, подъ предводительствомъ капитана-пашы, который завоевалъ Каффу и всѣ Генуезскія владѣнія въ Крымскомъ полуостровѣ. Такимъ образомъ заключилось въ 1475 году блестящее, но краткое существованіе сего торговаго города, Кучукъ-Стамбула или Маленькаго Царьграда, какъ Турки сами его называли. Крымскіе ханы вскорѣ покорились султану и признали надъ собою его владычество. Таврида и Воспоръ, хотя и остались особливимъ ханствомъ, но вошли въ составъ владѣній Оттоманской Порты, въ зависимости коей были триста лѣтъ, безъ всякой надежды когда-либо опять озариться свѣтомъ вѣры и наукъ.

И въ сію-то эпоху, когда магометанизмъ торжествовалъ на Югѣ, одинъ сѣверный народъ, долго подъ игомъ его стенавшій, раздробленный, униженный, изнуренный, едва не исчезнувшій въ мірѣ, началъ оживать, соединяться и испытывать силы свои противъ мучителей. Любезное отечество наше воскресало. Не вдругъ установились въ немъ порядокъ и спокойствіе: Русскому народу надлежало еще пройти сквозь рядъ бѣдствій, коими Небу угодно было искутить его твердость; но, не смотря на вновь наносимые ему удары, онъ болѣе и болѣе утверждалъ свою независимость, одолевалъ враговъ и безпрестанно шелъ къ невидимой высокой цѣли, какъ будто внимая тайному голосу, зовущему его къ чему-то необыкновенно-великому. Едва прошло сто лѣтъ, и уже при Грозномъ Иванѣ Васильевичѣ всѣ Татарскія царства, порожденныя издыхающею Кипчацкой ордой, одно за другимъ предъ нимъ пали; только прелестный Крымъ остался тогда непокореннымъ: судьба хотѣла позже симъ цвѣткомъ украсить побѣдный вѣнецъ одной безсмертной, долго надъ Русскими царствовавшей.

Мы выше сего сказали, что Крымъ сдѣлался вертепомъ разбойниковъ; почти ежегодно толпы хищниковъ выходили изъ него и бросались на Литву, Польшу и Россію, не для славы и завоеваній, а для грабежа. Атаманы ихъ, именующіе себя ханами, данники Порты и ея покровительствуемые и всѣ изъ роду Гиреевъ, подражали султанамъ въ грубой роскоши; вся исторія ихъ состоитъ изъ вѣроломства, братоубійствъ и дѣяній звѣрскаго мужества. Имя одного только *Менли-Гирея*, сына Ази-Гирея, должны мы произносить съ почтеніемъ и благодарностію; онъ былъ современникъ велкаго князя Ивана Васильевича, царствовалъ, какъ и онъ, сорокъ лѣтъ, всегда былъ постояннымъ другомъ его и Россіи и оказалъ безчисленныя имъ услуги.

Все сіе пространство, между Великороссійскими владѣніями и Крымомъ, бывъ открыто для внезапныхъ вторженій Татарскихъ, наполнилось еще многочисленными вооруженными шайками бѣглецовъ изъ Россіи и Польши, которые, видя въ Черкесахъ (иначе все еще по старому Косогами или Козаками называющихся) удалыхъ наѣздниковъ и подражая ихъ молодечеству, приняли, по мнѣнію своему почетное имя ихъ, Козаковъ. Тогда мирные жители древней Россіи, Литовцами завоеванной и уже называемой тогда Малою Россіею и Украиной, должны были, для защиты семействъ своихъ, собственности и жизни, сдѣлаться вмѣстѣ хлѣбопашцами и воинами, составить родъ военныхъ поселеній и, по примѣру другихъ, также назвали себя козаками. Часть всѣхъ козаковъ сихъ основала жилища свои на Дону, другіе же по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, изъ коихъ нѣкоторыя, ниже пороговъ его поселившіеся, получили названіе Запорожцевъ. Сіи послѣдніе, то союзники, то враги Крымцевъ внутри полуострова, и Ногайцевъ, внѣ онаго живущихъ, имѣли почти одинаковыя съ ними нравы.

Въ такомъ положеніи оставались дѣла сего края до тѣхъ поръ, пока возрастающее безпрестанно могущество Россіи и ея завоеванія къ нему не приблизились.

Еще Россія и Турція только по однимъ слухамъ знали другъ друга; скоро начались однакоже у нихъ нѣкоторыя торговыя сношенія, посреди коихъ были уже замѣтны признаки будущей непримиримой вражды между сими народами. Войны не было, а козаки и Татары, какъ бы передовое войско двухъ державъ, почти никогда не прекращали непріязненныхъ дѣйствій: одни при всякомъ случаѣ нападали и грабили сосѣдственныя имъ мѣста и города, подвластныя Туркамъ; другіе продолжали набѣги свои въ Россію. Взаимныя жалобы царя и султана оставались безъ удовлетворенія; всегда одинъ отвѣтъ, одно извиненіе, что, по отдаленности, самовольства сихъ людей укротить не можно.

А между тѣмъ сіи воины, съ гордостію и удалствомъ именующіе себя *вольными* козаками, свободно избиралощіе своихъ атамановъ, едва признающіе надъ собою владычество царей и великихъ князей, сіи дикіе рыцари, сіи преступные, непокорные и отпадшіе сыны Россіи, всѣ оставались привязанными къ матери своей прелестью воспоминаній, узами и крови, и языка, и вѣры. Въ сраженіяхъ они призывали на помощь святыню Московскую и Кіевскую, изображали ее на знаменахъ своихъ, усердно молились угодникамъ, почивающимъ въ сихъ древнихъ столицахъ, которыя называли святыми мѣстами и почитали наравнѣ съ Іерусалимомъ и Аѳонскою горой. Сама Россія была для нихъ какъ нѣкое божество, которому они издали поклонялись: имени ея ради, во славу и честь ея, творили чудеса и всякое значительное завоеваніе ей, одной ей, приносили въ даръ, какъ бы славою и побѣдами желая купить ея прощеніе.

Такимъ образомъ, когда изнуренный злобою и развратомъ, утопающій въ крови подданныхъ, давно забывшій и добродѣтель и честь, пепстовый Иванъ Васильевичъ приближался ко гробу и равнодушно смотрѣлъ на посрамленіе войскъ своихъ, отважный Ермакъ Тимофѣевичъ, съ горстію своихъ козаковъ, проходилъ непзмѣримое пространство, открывалъ, такъ сказать, новую часть свѣта, покорялъ Сибирское царство, указывалъ Россіи путь до Китая, обремененный добычею падалъ съ нею къ стопамъ недостойнаго государя и блескомъ завоеваній своихъ освѣщалъ мракъ послѣднихъ дней тирана. Такимъ образомъ Донскіе козаки изъ одного удалства въ 1637 году, въ царствованіе воинственнаго Амурата, взяли приступомъ Азовъ (Турками разоренный, но потомъ ими же укрѣпленный городъ), пять лѣтъ держались въ немъ и отсиживались, осаждаемы будучи стотысячною Турецкою арміею и многочисленнымъ флотомъ. изумляли непріятелей почти сверхъестественнымъ мужествомъ и упорствомъ, безпрестанно умоляли Россійскаго государя взять Азовъ за себя, представляя всѣ выгоды сего завоеванія, коимъ удержаны бы были Крымцы и Ногайцы отъ набѣговъ и, наконецъ, не видя никакой помощи, бросили уже удаляющимся Туркамъ однѣ развалины Азова. Добродушный, но слабый Михаилъ Ѳеодоровичъ, первый царь изъ дома Романовыхъ, отецъ великаго челоуѣка и дѣдъ исполина, не имѣлъ чудеснаго ихъ генія, ихъ предприимчивости, ихъ дальновидности, съ удовольствіемъ смотрѣлъ на подвиги козаковъ, милостиво принималъ ихъ посланныхъ, ласкалъ ихъ, дарилъ, но ни на что отважное не могъ рѣшиться.

Но уже наступали времена славы и величія Россіи: царствованіе мудраго Алексѣя Михайловича и правленіе умной и честолюбивой дочери его Софій Алексѣевны приготавливали чудеса Петра Великаго. Уже первому изъ нихъ знаменитый гетманъ козаковъ Малороссійскихъ Богданъ Хмельницкій, устыдясь повиноваться Польшѣ, условіями, заключенными 6-го Января 1654 года въ Переяславлѣ, отдалъ себя, воинственный народъ, имъ предводимый и всѣ земли и города. симъ послѣднимъ занимаемые. Тогда-то и Кіевъ, древній, прекрасный, златоверхій Кіевъ, послѣ долгой разлуки, возвратился ко вздымавшейся по немъ цѣлыя столѣтія и нѣкогда крещенной имъ Россіи. возвратился къ ней во всей чистотѣ православія Русскаго; какъ мученикъ святой, неоднократно опаленный, онъ претерпѣлъ всѣ гоненія господствовавшихъ надъ нимъ язычниковъ Литовскихъ и Татарскихъ и всѣ истязанія еще лютейшихъ изувѣровъ, Римскихъ католиковъ, и ни на часъ не поколебался въ вѣрѣ отцовъ своихъ. Казалось, съ возвращеніемъ его благодать небесная сошла на Россію. Уже во дни правительницы Софій, въ 1686 году, союзнымъ трактатомъ противъ Турокъ, Польша отказалась въ пользу Россіи отъ многихъ правъ своихъ на покровительство Малороссійскихъ козаковъ и Украинъ; при сей же правительницѣ, въ первый разъ Русскія войска начали дѣйствовать наступательно противъ Крыма, и любимецъ ея, князь Василій Голицынъ въ 1687 году подступалъ уже къ Черекопу.

Наконецъ Петръ Великій взошелъ надъ Россіей, и все приняло въ ней новый видъ. Въ дивныя времена его Русское оружіе не проникало еще до мѣстъ, нами описываемыхъ, но кругомъ вездѣ оно уже гремѣло. Одною изъ первыхъ мыслей сего предприимчиваго и творческаго генія была война съ Турками; первый опытъ, который хотѣлъ онъ сдѣлать изъ созданнаго имъ регулярнаго войска и устроивающагося въ Воронежѣ перваго флота, было употребленіе ихъ противъ враговъ просвѣщенія, котораго онъ алкалъ. Онъ началъ первую войну свою и, можно сказать, первую войну Россіи съ Турціей, въ 1695 году, на двадцать третьемъ году своего возраста, походомъ къ устью Дона. Сей походъ былъ не совсѣмъ удаченъ: Петръ Великій еще учился побѣждать; но на слѣдующій 1696 годъ Турки вездѣ разбиты, и взяли приступомъ Азовъ, съ помощію тогда вѣрнаго, но послѣ славнаго измѣною своею, гетмана Мазены. Въ 1698 году городъ сей, вслѣдствіе перемирія, заключеннаго съ Турками на два года и потомъ обращеннаго въ тридцатилѣтній миръ, уступленъ Россіи со всѣмъ округомъ.

Сіе пріобрѣтеніе было отмѣнно важно, хотя заключалось въ весьма небольшомъ пространствѣ. Оно доказываетъ, что Петръ Великій искалъ еще болѣе пользу своего народа, чѣмъ славу его, и тѣмъ въ потомствѣ умножилъ собственную. Это было единственное отверстіе, черезъ которое торговля Россійской открывался тогда морской путь въ отдаленнѣйшія страны. Дабы упрочить и ополезить сіе новое пріобрѣтеніе, Петръ Великій поспѣшилъ умножить укрѣпленія Азова и на сѣверной сторонѣ моря сего имени построилъ новый портовый городъ, Таганрогъ, недавно прославленный кончиною одного изъ его преемниковъ.

Основанный полубогомъ, который населялъ и животворилъ пріобрѣтаемыя имъ безлюдныя степи Юга, равно какъ и непроходимыя лѣса и болота Сѣвера, и вездѣ, гдѣ ни ступалъ, оставлялъ слѣды величія своего, юный Таганрогъ началъ быстро процвѣтать. Торговля для политическихъ тѣлъ столь же необходима, какъ воздухъ для человѣческихъ; безъ нея душно народу, она все живить, свѣжить, и движеть, и обращается туда, гдѣ представляется ей какая нибудь возможность сообщаться. И потому нисколько не удивительно, при взглядѣ на нынѣшній Таганрогскій портъ, что изъ средины Россіи, со всѣхъ сторонъ заслоненной тогда отъ морей, потекли товары къ сей единственной точкѣ, гдѣ могли они выгодно сбываться.

Здѣсь не мѣсто говорить о всѣхъ неудобствахъ сего, такъ называемаго, порта; далѣе постараемся мы объяснить ихъ. Еслибъ Петръ Великій, владѣя Крымомъ и всѣмъ тѣмъ, чѣмъ нынѣ Россія владѣетъ, избралъ Таганрогъ для учрежденія тутъ порта, то со всѣмъ благоговѣніемъ къ священной памяти величайшаго изъ Русскихъ должны бы мы были сказать, что онъ сдѣлалъ ошибку. Но онъ не избиралъ и не предпочиталъ, а основалъ тутъ торговый городъ, какъ Генуезцы въ Каффѣ, не имѣя ничего лучшаго и изъ малаго умѣя извлекать пользу. Въ запискахъ одного Англійскаго морскаго офицера,

во многихъ походахъ его сопровождавшаго, найдено, говорятъ, недавно, что Государь самъ ему въ томъ сознавался и изъявлялъ сожалѣнiе, что не имѣеть въ рукахъ своихъ Керчи и Босфорскаго пролива.

Съ безпокойнымъ духомъ смотрѣли Турки на растущiе Азовъ и Таганрогъ. Недальновидное ихъ правительство, если не умѣло предвидѣть, то, по крайней мѣрѣ, кажется, предчувствовало, куда нѣкогда могутъ довести сіи первые шаги Московъ-гяуровъ, коихъ имя, дотолѣ съ презрѣнiемъ, но тогда уже съ досадою и ужасомъ, они произносить начинали. Болѣе десяти лѣтъ не дерзали они воевать противъ Россiи; но когда низложенный подъ Полтавою, бѣшеннѣй Карлъ XII спасся въ Бендеры, когда всегдашнiй недругъ нашъ, Крымскiй ханъ, Девлетъ-Гирей, началъ имѣть сшибки съ приближающимся войскамъ нашими, то, возбуждаема будучи ими, Порта рѣшилась, въ концѣ 1710 года, объявить войну.

Достопамятный и неудачный походъ 1711 года въ Молдавію есть событіе непріятное для самолюбія народнаго; но оно доказываетъ, какое уваженіе и страхъ Петръ Великій успѣлъ уже поселить во врагахъ своихъ. Стѣсненный между непріятельскою арміею и Прутомъ, обложенный со всѣхъ сторонъ, какъ сѣтями, сей левъ казался имъ еще ужасенъ. Первое слово о мирѣ принято съ удовольствiемъ: не смѣя коснуться его, съ радостію смотрѣли они на его удаленіе. Но миръ, заключившiй сію вторую войну съ Турками, лишилъ Россію плодовъ, прiобрѣтенныхъ первою: Азовъ уступленъ имъ обратно, и разрушенъ недавно построенный молъ въ Таганрогѣ.

Двадцать пять лѣтъ продолжался миръ сей. Между тѣмъ Петра Великаго не стало; но преобразованная имъ Россiя, по направленію, имъ данному, быстрыми шагами пошла къ просвѣщенію. Воцарилась суровая Анна Ивановна, или, лучше сказать, временщикъ ея, Биронъ: при немъ, въ государственномъ управленіи и въ войскѣ первыя мѣста заняли иноземцы. Одни, считая себя наставниками, призванными образовывать младенчествующiй народъ, съ гордымъ презрѣнiемъ смотрѣли на грубые нравы его и, думая исправлять ихъ строгостію, безжалостно Россію терзали; другіе, вводя дисциплину въ войскѣ, начали ломать Русскія кости, чтобы дать имъ Нѣмецкую нраву. Все безмолвно покорствовало въ вѣрности къ престолу и къ священной крови Романовыхъ, въ жплахъ Императрицы текущей. Только одинъ Минихъ изъ всѣхъ чужестранцевъ сихъ думалъ о славѣ, и то о собственной: ему хотѣлось войны съ Турками. Походъ Крымскаго хана, Капланъ-Гирея, къ Кубани, чрезъ земли, Россiи принадлежащія, нарушеніе тѣмъ послѣдняго трактата, разбитіе хана нашими войсками, посланными препятствовать ему, и неудовлетворительные отвѣты султана, все это подало поводъ къ войнѣ, которой противился канцлеръ Остерманъ; но мнѣніе Миниха превозмогло.

Въ первый разъ послѣ ига Татарскаго, Русскія войска, въ 1736 году, вошли въ Крымъ подъ предводительствомъ исуksаго, къ сожалѣнію, не-Рус-

скаго полководца Миниха. Упорство и неустрашимость стодесятитысячной Турецко-Татарской арміи, защищавшей хорошо укрѣпленныя линіи Перекопа, не могли остановить ихъ; они видѣли предъ собою неприступное убѣжище скрывающее толпы злодѣевъ, со столь давняго времени и такъ часто опустошавшихъ предѣлы Россіи, разбили армію, пробились сквозь укрѣпленія и князя местію, кинулись во внутрь полуострова. Ужасовъ сей пестрительной войны нельзя представить; казалось, что время нимало не изгладило изъ памяти бѣдствій, нѣкогда Татарами нашимъ предкамъ нанесенныхъ; казалось, что душа безчеловѣчнаго Бирона, тогда въ Россіи повелѣвавшаго, перешла въ cadaго изъ ея воиновъ; цвѣтущій Крымъ они залили кровію. Погибли тогда въ огнѣ и великолѣпіе Бакчисарая, и богатства Козлова: сады, мечети, бани, равно какъ и беззащитные жители, все предавалось разрушенію или смерти. Надѣлавъ много шума, проливъ много крови, Минихъ къ осени долженъ былъ опять тою же дорогою выйти изъ Крыма.

Въ слѣдующемъ 1737 году Минихъ пошелъ къ Очакову; а другой, также иностранный генералъ, Ласси вступилъ въ Крымъ другою дорогою, идя вдоль Азовскаго моря чрезъ узкой Ениченской проливъ и Арабатскую косу или стрѣлку, пока ханъ стоялъ и ожидалъ его у Перекопа. Арабатская коса идетъ между Азовскимъ моремъ и Гнилымъ или Сивашскимъ; она имѣетъ болѣе ста верстъ длины, а ширины отъ двухъ до четверти верстъ, или и менѣе, и на концѣ ея построена, для защиты Крыма, крѣпость Арабатъ, которая даетъ ей свое имя. Ничего не могло быть отважнѣе сего предпріятія; вѣрно, Ласси зналъ, что онъ ведетъ людей, которымъ стоитъ показать опасности и приказать ихъ преодолѣть, чтобы быть увѣрену въ ихъ повиновеніи. Цѣль нимало не соотвѣтствовала дерзости предпріятія, ибо удержаться въ Крыму намѣренія не было; повторены только ужасы предыдущаго похода: восемь сотъ селеній и многолюдный торговый Карасу-Базаръ сдѣлались жертвою пламени.

Въ 1738 году Русскіе вошли въ Крымъ въ третій и въ послѣдній разъ, опять черезъ Перекопъ, съ тѣмъ же самимъ генераломъ Ласси; но едва сдѣлали три перехода впередъ, какъ должны были воротиться, чувствуя всякаго рода недостатки въ краю, ими же самими разоренномъ. Минихъ симъ временемъ обратился совсѣмъ въ другую сторону: взявши Очаковъ, онъ занялъ Хотинъ и Яссы, и потомъ осаждалъ Бендеры. Одинъ Керченской полуостровъ, уголокъ забытый, не участвовалъ тогда въ бѣдствіяхъ, весь Крымъ постигшихъ.

Въ концѣ слѣдующаго 1739 года приступила Россія къ миру, между Австріей и Турціей заключенному; все, что взято, отдано опять назадъ. Тѣмъ и кончилась сія безчеловѣчная, бесполезная и безславная война, достойная временъ людодѣда Бирона. Не будемъ слишкомъ строго судить воиновъ нашихъ; вспомнимъ, что въ то время почти всѣ народы такъ воевали. Скорѣе должно обвинить всѣхъ генераловъ, сихъ мнимыхъ нашихъ просвѣтителей и

побѣдодавцевъ, всѣхъ этихъ Штокмановъ, Штофельновъ, Шпиглей, Левендалей, Брендалей, Кайзерлинговъ и Ферморовъ, коихъ имена являются въ тогдашнихъ реляціяхъ и среди коихъ замѣтно одно только Русское имя, Аракчеева! Устрашая Русскихъ солдатъ болѣе, чѣмъ непріятелю, имъ легко бы было удержать ихъ отъ жестокостей, но, можетъ быть, не безъ удовольствія смотрѣли они на остервененіе ихъ и тѣшились отчаянной борьбой двухъ храбрыхъ народовъ, какъ медвѣжьей травлей. Кого въ семъ случаѣ варварами назвать можно?

Мы приблизились къ эпохѣ блистательнѣйшей въ исторіи нашего Отечества. Божество, во образѣ женщины, возсіяло въ 1762 году на Россійскомъ престолѣ, и потомъ, въ продолженіи тридцати пяти лѣтъ, лило на народъ, ему поклоняющійся, просвѣщеніе, счастье и славу. Въ золотой вѣкъ Екатерины Второй Русскіе рѣшительно взяли верхъ надъ Турками.

Первая война съ ними началась въ 1768 году; предлогомъ къ оной служило имъ преслѣдованіе нашими войсками Польскихъ конфедератовъ до Балты, города, Турціи принадлежащаго. Мы слишкомъ удалились бы отъ предмета своего, еслибъ позволили себѣ, хотя вкратцѣ, описывать походы Румянцова въ Молдавію и за Дунай. Скажемъ только, что кампанія 1770 года открыта была блестящимъ образомъ: побѣдою его, 21-го Іюля, при Кагулѣ, морскою побѣдою Орлова, 24-го Іюня, при Чесмѣ, и взятіемъ неприступной тогда крѣпости Бендеръ Панинымъ.

Въ 1771 году другая армія, подъ предводительствомъ князя Василія Михайловича Долгорукаго, названнаго за то Крымскимъ, заняла полуостровъ сего имени. Она вошла двумя отдѣленіями: первое, не встрѣтя сопротивленія, переправилось чрезъ Ениченской проливъ и прошло Арабатскую косу, а второе должно было опять пробраться чрезъ линіи Перекопа.

Съ удивленіемъ увидѣли жители Крыма среди себя мирными гостями тѣхъ самыхъ воиновъ, которые съ небольшимъ тридцать лѣтъ предъ тѣмъ, казалось, хотѣли оставить въ цвѣтущемъ ихъ краѣ однѣ могилы и развалины. Такъ времена и люди переменились. Такое поведеніе имѣло послѣдствія самыя выгодныя для Россіи. Татары легко убѣдили сбросить съ себя иго Оттоманской Порты, признать надъ собою покровительство Россіи и свободно пользоваться правомъ самимъ избирать своихъ хановъ, изъ семейства, триста лѣтъ имъ владѣющаго. При радостныхъ восклицаніяхъ и съ большимъ торжествомъ выбрали они и посадили на престолъ молодаго Сагинъ-Іпрея, котораго судьба назначила быть послѣднимъ ханомъ Крымскимъ.

Въ семъ самомъ 1771 году древній Воспоръ или Тмутараканское княжество коего, имена уже давно были забыты въ мѣстахъ, ихъ поселившихъ, увидѣли опять, послѣ шести съ половиною вѣковъ, прежнихъ властителей своихъ, Русскихъ. Отрядъ ихъ, подъ начальствомъ генераль-маіора Николая

Владимировича Борзова, приблизился къ Киммерійскому проливу и занялъ на берегу его двѣ крѣпости весьма не важныя, въ десяти верстахъ одна отъ другой отстоящія, Керчь, старую, и Еникале, новую крѣпость, какъ имя сіе по-турецки означаетъ. Подлѣ каждой изъ нихъ форштатъ, изъ шести или семи Татарскихъ хижинъ состоящій, и вокругъ—безчисленное множество могилъ и кургановъ. Вотъ въ какомъ видѣ предстала имъ тѣнь Воспорскаго царства.

Между тѣмъ безпрестанные успѣхи Румянцова нѣсколько лѣтъ съ ряду, совсѣмъ въ другой сторонѣ, утомили Турецкое правительство и заставили новаго султана, Абдуль-Гамида, приказать верховному визирю своему заключить миръ, во что бы ни стало. Миръ сей подписанъ 10-го Іюля 1774 года побѣдоносною рукою Румянцова въ палаткѣ сего великаго полководца, въ лагерь при деревнѣ Кучюкъ-Кайнарджи. Условія его были умѣреннѣе, чѣмъ Турки ожидать могли. Возвращеніе совсѣмъ уже разореннаго и почти не существующаго Азова, признаніе независимости Крымскихъ хановъ, присоединеніе къ Россіи Керчи, Еникале и Кинбурна ¹⁾, вотъ главныя статьи.

Почему Императрица довольствовалась тогда приобрѣтеніемъ сихъ незначительныхъ мѣстъ, мы того сказать не можемъ; была ли она, подобно Петру Великому, убѣждена выгодами положенія Керчи для торговли? Видѣла ли она въ Воспорѣ древнюю собственность Россіи, которую возвратить надлежало? Или, что всего вѣроятнѣе и что въ послѣдствіи времени опыты показали, она тогда уже имѣла намѣреніе, чтобы, схвативъ съ обоихъ концовъ послѣдній обломокъ огромнаго, нѣкогда наше Отечество подавлявшаго и давно уже погибшаго, Батыева царства и отдѣливъ его отъ Турокъ, послѣ, при первомъ удобномъ случаѣ, безъ успѣй, приставить его къ Россіи?

Промежутокъ времени между первою и послѣднею Турецкою войною при императрицѣ Екатеринѣ миромъ назвать невозможно. Едва прошелъ годъ послѣ заключенія Кайнарджійскаго трактата, какъ уже верховный визирь началъ съ негодованіемъ говорить Русскому послу, князю Репнину, объ уступкѣ, сдѣланной Турціей, и изъявлять надежду на непродолжительность мира. Съ тѣхъ поръ были непрерывныя покушенія Турецкаго правительства, чтобы возстановить власть свою въ Крыму; тайно имъ подосланные старались взбунтовать Татаръ. Селимъ-Гирей, родственникъ хана, явился въ Бакчисараѣ и, по бѣгствѣ сего послѣдняго въ Каффу, сѣлъ на его престолѣ, поддержанный возмущившимся пародомъ. Гарнизоны, оставленные въ Кинбурнѣ и Керчи, и другія войска, вблизи находившіяся, заняли полуостровъ, и все пришло въ прежній порядокъ. Показался Турецкій флотъ, начался

¹⁾ Кинбурнъ или Киль-Бурунъ и Акиль-Бурунъ, то есть, Ахилловъ носъ или мысъ, есть крѣпость, построенная Турками на остроконечности Таврической губерніи, гдѣ кончается лиманъ Днѣпра и начинается Черное море, противъ Очакова и подлѣ длиннаго острова, Тондры, гдѣ, равно какъ и на мысу семь, было Ахиллово ристалище и праздновались игры въ честь сего полубога.

и непріязненныя дѣйствія, былъ уже явный разрывъ; но стараніемъ Французскаго посланника, Сень-При, въ 1779-мъ году, кое-какъ поладили, и новый договоръ подтвердилъ всё прежніе.

Еще за годъ до того явно обнаружилось намѣреніе Екатерины овладѣть Крымомъ и всѣмъ пространствомъ, между имъ и Россіей находящимся. Посреди голой степи, на землѣ, еще трактатами намъ неуступленной, въ виду Ногайцевъ и все еще не совсѣмъ покорной Запорожской Сѣчи, во сто верстахъ отъ Перекопа и въѣзда въ полуостровъ, при Днѣпровскомъ лиманѣ, ея повелѣніемъ родился въ 1778 году и вскорѣ выросъ, новый городъ съ большою крѣпостію, адмиралтействомъ и верфью ¹⁾. Онъ названъ древнимъ именемъ *Херсона*, въ память ли прежняго Херсона, въ которомъ крестился Св. Владимиръ и коего развалины видны близъ Севастополя, или, можетъ быть въ предзнаменованіе владычества Россіи надъ Таврическимъ Херсонисомъ.

Часъ сей, наконецъ, наступилъ. Русскія войска почти не выходили изъ Крыма; въ началѣ 1783 года князь Потемкинъ отправился туда самъ, и волею, или неволею, убѣжденіями, или угрозами, склонилъ Сагинъ-Гирея ²⁾ отказаться отъ ханскаго своего престола въ пользу Россійской Императрицы, которой именованъ Потемкинъ и вступилъ во владѣніе полуострова. Порта замолчала тогда, но начала приготовляться въ войнѣ.

Поспѣвшимъ окончить первую часть сей исторической Записки, въ коей часто поневолѣ должны мы были касаться до происшествій, не прямо къ Керчи относящихся, но которыя, однакоже, на судьбу сего мѣста имѣли великое вліяніе. Чтò остается сказать намъ? Крымъ присоединенъ навсегда къ Россіи, ему возвращено классическое названіе Тавриды, долго потерянное имъ во времена варварства; грубыя Татарскія имена городовъ его, Козлова, Акмечетъ, Ахтиара и Каффы, замѣнены Греческими, для слуха пріятными, названіями: Евпаторіи, Симферополя, Севастополя и Феодосіи. Онъ обращенъ въ губернію, въ коей введенъ гражданскій порядокъ, основанный на общихъ законахъ, въ государствѣ существующихъ; разнороднымъ жителямъ его поданы способы къ просвѣщенію и обогащенію, и если до сихъ поръ они не умѣли тѣмъ воспользоваться, то не вина правительства; по крайней мѣрѣ, нетревожимые въ дѣлахъ вѣроисповѣданія своего, необременные налогами, ведутъ они спокойную и лѣнливую жизнь, подъ сѣнію кроткой державы, еще болѣе милосердой къ покореннымъ народамъ, чѣмъ къ наслѣдственнымъ.

¹⁾ Строить города на непріятельской землѣ и посреди войны есть древній обычай у Русскихъ царей. Еще до Петра Великаго и Петербурга выстроены Иваномъ Васильевичемъ Свияжскъ, въ 30 верстахъ отъ Казани, во время осады сего города.

²⁾ Сей несчастный ханъ согласился ѣхать на житье въ Воронежъ съ 800 тысячъ рубл. жалованья. Недовольный чѣмъ-то онъ послѣ изъявилъ желаніе отправиться въ Константинополь; согласились на то, желая отъ него отдѣлаться, а его въ Турецкой столицѣ ожидала честь быть удушеннымъ шелковой веревкой.

Здѣсь нельзя прейти молчаніемъ достопамятнѣй для Крыма 1787 годъ, въ которомъ осчастливленъ былъ онъ посѣщеніемъ новой своей Владычицы. Много было тогда говорено и писано о семь путешествіи, напоминающемъ времена баснословныя; здѣсь, до сихъ поръ, оно служитъ эпохой: такой-то, говорятъ, родился, такой-то женился послѣ, а такой-то до появленія здѣсь Сѣверной Царицы. Старики и понынѣ съ восторгомъ рассказываютъ дѣтямъ и внукамъ, какъ они видѣли свѣтозарную женщину, окруженную царями и вельможами, величественно плывущую по Днѣпру въ позлащенной яхтѣ, какъ народы изъ дальнихъ мѣстъ бѣжали къ ней на встрѣчу и на поклоненіе, какъ города и села съ жителями минутно являлись на ея пути, чтобы, среди пустыни, развеселить ея взоры, какъ все устроено было для изумленія. Далѣе Θεодосіи она не поѣхала, и во всемъ Крыму одна только Керчь осталась во мракѣ, Керчь, хотя не важное, но самое первое ея завоеваніе и ключъ, открывшій ей Тавриду!

Сей 1787 годъ памятенъ въ Новороссійскомъ краю еще по двумъ происшествіямъ. Въ теченіи его прекратилось существованіе Запорожской Сѣчи и уничтожилось самое пмя Запорожцевъ. Сіе противонатурное общество даетъ понятіе, что такое была Спарта въ древности, въ которой любителямъ ея все кажется прекраснымъ: оно не могло быть терпимо, когда окрестъ его вездѣ начиналось устройство. Съ начала отобранны у него всѣ селенія, лежащія вправо отъ Елисаветграда, пониже Кременчуга, по Днѣпру, куда отсылались тѣ изъ Запорожцевъ, которымъ позволялось жениться, и одно изъ сихъ селеній, *Половица*, сдѣлано губернскимъ городомъ и названо Славою Екатерины; потомъ построено нѣсколько укрѣпленій, которыя, удерживая буйныхъ и мало по малу стѣсняя, лишали ихъ всей отважности. Наконецъ, изречено повелѣніе. . жениться симъ, добровольно безбрачнымъ, и идти спокойно населять землю Кубанскую, между рѣкою сего имени и Азовскимъ моремъ, или Азіятскій Воспоръ, который, вмѣстѣ съ Крымомъ, въ 1783 году, поступилъ во владѣніе Русское и по удаленіи Ногайцевъ совершенно опустѣлъ. Противпться было невозможно: они съ видомъ благодарности должны были принять дарованныя имъ земли, лѣса, соляныя озера, рыболовли, однимъ словомъ, всѣ угоды изобильной страны, которыя, конечно, не могли замѣнить въ глазахъ ихъ потерянной прежней вольности. Иные изъ нихъ поудалѣе, вспомнивъ, какъ нѣкогда предшественники ихъ, спускаясь въ непрочныхъ ладьяхъ по Днѣпру и чрезъ бурныя волны всего Чернаго моря, отваживались брать приступомъ Синопъ, рѣшилсь убѣжать къ Туркамъ чрезъ всѣ опасности, и тамъ, за Дунаемъ, поселиться близъ невѣрныхъ. Оттуда по одиночкѣ, или малыми партіями, выходятъ они въ Валахію и Молдавію и безнаказанно грабятъ и убиваютъ жителей сихъ несчастныхъ княжествъ, не имѣющихъ ни войска, ни полиціи, и подъ словомъ Запорожець разумѣютъ тамъ нынѣ всякаго разбойника. На Кубани это названіе забыто, и Запорожцы переименованы въ войско Черноморскихъ козаковъ, весьма неправильно, намъ кажется: пбо земли ихъ только въ одномъ мѣстѣ приле-

гають къ Черному морю, и то на пространствѣ 25 верстѣ. Въ награду за услуги и мужество, оказанныя ими и кошевымъ ихъ атаманомъ, Чепѣгою, при взятіи укрѣпленнаго острова Березани, противъ Очакова, присоединено къ ихъ нынѣшнему племени Черноморскихъ козаковъ названіе *вѣрныхъ*, котораго, кажется, они стараются быть достойными.

Послѣднее важное происшествіе сего 1787 года было внезапное нападеніе Турокъ на Кинбурнъ, пораженіе, претерпѣнное ими отъ Суворова и, слѣдственно, начало войны. Продолженіе ея и конецъ суть предметы, совсѣмъ посторонніе Керчи: довольно будетъ, если скажемъ, что для Русскихъ побѣда слѣдовала за побѣдой, крѣпость падала за крѣпостью, и что Ясскій миръ, въ 1791 году, съ той стороны еще болѣе распространилъ владѣнія наши.

Недолго послѣ того жила Благодѣтельница Россіи. Годы бѣгутъ за годами, и много прошло уже времени со дня ея кончины. Съ тѣхъ поръ Россія имѣла новыя чрезвычайныя успѣхи во всѣхъ родахъ: ея войны съ побѣдою входили въ столицы Италіи, Германіи и Франціи, много было шума, много славы, много происшествій. Все это между современниками изглаживаетъ память о Екатеринѣ; свидѣтели и участники ея великихъ дѣяній одинъ за другимъ уходятъ въ землю; тѣхъ, коихъ смерть еще пощадилла, слушаютъ новыя поколѣнія съ равнодушіемъ или презрѣніемъ, полагая, что видѣнное ими превосходитъ рассказываемое, и чтобы съ участіемъ слушать и вѣщать о ней, скоро останемся только мы, любезные ровесники, мы, у которыхъ конецъ ея необыкновенно - благополучнаго царствованія и первоначальныя, блаженные дни младенчества нашего, сливаясь вмѣстѣ, остались въ памяти, какъ прелестный сонъ, котораго изъяснить невозможно.

Такъ, въ насъ, по крайней мѣрѣ, неблагодарность къ ней будетъ непростительна; особенно же здѣсь, посреди этого обширнаго пространства земли, какъ бы отъ вѣка обреченнаго заустѣнію и варварству, гдѣ дотолѣ бродили одни дикія племена Скиѣскія, кочевали попеременно Печенѣги, Козары, Половцы, Монголы и Татары, гдѣ торговля и просвѣщеніе не во многихъ мѣстахъ иногда могли приклоняться, и вскорѣ потомъ были изгоняемы, въ этой Новой Россіи, гдѣ все говоритъ объ ней и объ ея мудромъ правленіи, въ краю, завоеванномъ мечемъ ея Румянцовыхъ, Суворовыхъ, Каменскихъ и Кутузовыхъ, населенномъ, обстроенномъ своею волею, но сильною волею ея Потемкина, кто изъ насъ можетъ здѣсь вспомнить объ ней безъ умиленія и восторга, и кто осмѣлится осудить или осмѣять ихъ? Существо чудесное! Великій мужъ и женщина чувствительная, она умѣла соединять всю силу, всю твердость ума, отличающихъ одинъ полъ, съ слабостями, которыя мы любимъ находить въ другомъ, и которыя, по воплощеніи своемъ, сія неземная осуждена была приносить въ дань міру сему, въ который она, для счастья людей, была ниспослана.

Если наши пламенные желанія насъ не обманываютъ, то великій духъ ея не оставлялъ ни ея семейства, ни страну и народъ, ею облагодетворенный, и перешелъ весь во младенца, предъ самою смертію ея, отъ ея сына рожденнаго. Онъ явился въ мірѣ, когда она его покидала; послѣдніе лучи сего заходящаго свѣтила озаряли колыбель его, и она нарекала его именемъ, любезнымъ для Русскихъ воиновъ, и морскихъ, и сухопутныхъ. Теперь онъ царствуетъ надъ нами. Будемъ же молить Всевышняго, чтобы онъ слѣдовалъ по стоиамъ ея въ государственномъ правленіи, не искалъ для себя иныхъ образцовъ, чтобы изъ созданнаго ею сохранилъ все уцѣлѣвшее и возстановилъ все разрушенное, чтобы, подобно ей, всегда любилъ народъ Русскій и, подобно ей, былъ всегда имъ обожаемъ, и какъ она, царствовалъ долго, счастливо и славно!

II.

Желая представить положеніе, въ которомъ нашли мы маленькій городъ Керчь, необходимо нужно будетъ намъ означить напередъ перемѣны, послѣдовавшія съ нимъ съ того времени, какъ онъ вновь поступилъ во владѣніе Россіи.

Когда сіе мѣсто въ 1771 году заняли Русскія войска, и потомъ оно въ 1774 году, по Кайнарджійскому миру, намъ совсѣмъ было уступлено: то, какъ первое завоеваніе, оно много превлекало на себя вниманіе правительства. Не принадлежали тогда Россіи ни Крымъ, ни нынѣшній Мелитопольскій уѣздъ (тогда жилище кочующихъ Ногайцевъ), ни даже Тамань, почти въ виду Керчи стоящая; другаго сообщенія съ Россіей сіе новое владѣніе тогда не имѣло какъ чрезъ Таганрогъ и Азовское море. Находившійся въ то время съ флотомъ въ Архипелагѣ, графъ Орловъ-Чесменскій, предложилъ поселить тутъ болѣе тысячи семействъ Грековъ-островитянъ, которые, боясь ужасовъ Турецкаго мщенія, молили его принять ихъ подъ свое покровительство и увезти съ собою. Такое предложеніе не могло быть отвергнуто: спасти отъ сабли Магометанской несчастныхъ единовѣрцевъ, населить ими отдаленный и отдѣленный отъ насъ край,—и польза и справедливость того требовали; къ тому же воскресеніе Греціи было всегда любимой мечтою Императрицы, какъ оно и донинѣ еще есть заблужденіе умовъ самыхъ просвѣщенныхъ.

Щедрою рукою посыпались милости на сихъ пришельцевъ: двадцать тысячъ десятинъ удобной земли, соляныя озера, многочисленныя привиллегіи и права и тридцатилѣтняя льгота, и все это только въ пользу людей одной Греческой націи, должны были ихъ утѣшить въ новомъ отечествѣ за потерю оставленной ими родины. Соземцы ихъ, въ Крыму живущіе, Татарами какъ Жиды Христіанами, пренебрегаемые, и также, какъ Жиды Христіанъ Татаръ обманывающіе, толпами изъ всѣхъ концовъ полуострова потекли въ сіе убѣжище, въ сію новую Элладу. Въ самое короткое время народонаселеніе въ Керчи и Еникале возросло до шестнадцати тысячъ душъ,

сильный гарнизонъ умножалъ многолюдство, и сѣмъ двѣмъ Греческія колоніи представляли видъ дѣятельный и веселый. До сихъ поръ довольно свѣжія ямы, гдѣ видны остатки камней, служившихъ основаніемъ домовъ, показываютъ, какъ далеко простиралось заселеніе двухъ городовъ.

Сіе цвѣтущее состояніе не было продолжительно. Какъ скоро Крымъ рѣшительно присоединенъ къ Россіи, то Греческіе выходцы изъ разныхъ городовъ и селеній его поспѣшили обратно на прежнія свои пепелища: тамъ представлялось имъ гораздо болѣе удобствъ обманывать и грабить Татаръ съ безопасностію. Керчь и Еникале не опустѣли еще, но почти на половину уменьшилось число ихъ жителей.

Сильнѣйшій ударъ благосостоянію сихъ городовъ былъ нанесенъ двадцать лѣтъ позже. Прежде нежели дойдемъ мы до того, должно объяснить начало величайшаго, богатѣйшаго, торговѣйшаго изъ городовъ Новороссійскихъ, почти столицы всего края, Одессы. Контръ-адмиралу Рибасу, искусному моряку, тонкому и пронырливому Итальянцу, удалось съ гребнымъ флотомъ, которымъ онъ начальствовалъ, взять въ 1790 году Турецкую крепостцу Гаджибей. Это было не что иное, какъ съ небольшимъ числомъ разбросанныхъ вокругъ его землянокъ маленькій шанецъ въ степи, надъ крутымъ берегомъ Чернаго моря, на половинѣ дороги между Бугскимъ и Днѣстровскимъ лиманами. Кажется, завоеваніе это было единственный трофей Рибаса; но какъ иностранцы всегда у насъ мастера выставлять въ большомъ видѣ содѣянное ими и украшать истину, то подвигъ г. Рибаса почтенъ чудеснымъ.

Незадолго передъ симъ чудеснымъ подвигомъ начали строить еще новый городъ. Когда послѣ долговременной осады взять былъ приступомъ Очаковъ 6 Декабря 1788 года, и разрушенныя огнемъ и ядрами стѣны его потонули въ крови жителей, то побѣдитель его князь Потемкинъ захотѣлъ въ память этого великаго дня и въ честь святаго чудотворца Николая, покровителя Русскихъ солдатъ, въ праздникъ коего они Очаковъ штурмовали, поставить новый городъ, не на дымящихся развалинахъ прежняго, а въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи. Основателемъ взялся быть Фалѣевъ, простой гражданинъ, подъ покровительствомъ Потемкина разбогатѣвшій въ подрядахъ: онъ на постройку Николаева истощилъ всю собственную казну свою и за то похороненъ въ соборной церкви сего города.

Князь Потемкинъ не могъ предвидѣть, что возникающій городокъ Николаевъ, въ 60 верстахъ отъ любимаго его Херсона (въ которомъ уже сдѣланы были купеческій и военный порты и которому въ обширныхъ замыслахъ своихъ назначилъ онъ быть столицею Южной Россіи) скоро затмитъ его блескъ и будетъ первою виною его паденія. Но какъ мѣсто, гдѣ находится Николаевъ, при устьѣ судоходной рѣки Ингула и соединенія лимановъ Днѣпровскаго и Бугскаго, гораздо удобнѣе для строенія и храненія ко-

раблей, то тотчасъ послѣ смерти Потемкина и переведено туда главное управленіе Черноморскаго флота.

Главнымъ начальникомъ Черноморскихъ портовъ и флота назначенъ былъ доблестный Мордвиновъ, честь имени Русскаго, который прежде дѣлами, нынѣ же совѣтами съ пользою ревностно служить государству. Онъ сдѣлался вторымъ или, лучше сказать, настоящимъ основателемъ Николаева: въ рукахъ такого человѣка не могъ сей городъ не увеличиться, не усилиться, не украситься. Между адмиралами Русскимъ и Неаполитанцемъ было какое-то соперничество, какія-то несогласія. Дѣло странное! Иностранцы въ Россіи не любятъ, когда Русскіе имѣютъ какіе-нибудь блестящіе успѣхи. Рибасу стало завидно: онъ началъ выдумывать, какъ ему помрачить Мордвинова и, наконецъ, затѣялъ третій большой городъ.

Верстахъ въ осмидесяти отъ Николаева и съ небольшимъ въ сорока отъ теперешней Одессы, на пересохшемъ нынѣ заливѣ Тилигулѣ и рѣчкѣ сего имени, въ древности былъ маленькій Греческій городъ Ордиссоъ или Одиссоъ, построенный въ честь Одиссея-Улисса, въ долгихъ странствованіяхъ своихъ будто бы и сіи мѣста посѣтившаго. Сего было достаточно, чтобы плѣнить, даже въ старости, еще пылкое и цвѣтущее воображеніе Императрицы; Рибасъ зналъ это и поспѣшилъ предложить основаніе Одессы на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ шанецъ Гаджибей и которое было свидѣтелемъ его славы *).

Въ 1794 году указомъ велѣно заложить уѣздный городъ Одессу и позволено иностраннымъ купеческимъ кораблямъ приходить къ его порту съ товарами. Такими портами усѣяны всѣ берега Чернаго моря: гдѣ ни прикнись, вездѣ можно сдѣлать ему подобный, открытый со всѣхъ сторонъ и для всѣхъ вѣтровъ. Какая мысль была у Рибаса, Богъ знаетъ; неужели одно удовольствіе обманывать? Между тѣмъ инженерному генералу Де-Волану, строившему по новой границѣ на Днѣстрѣ новую линію крѣпостей, приказано построить также крѣпость и въ Одессѣ, хотя городъ сей въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Днѣстра находился. Со всѣми средствами, которыя были дозволены Рибасу, со всѣми его усиліями, въ два года едва могло накопиться жителей тысячи полторы, и все почти однихъ бродягъ; впрочемъ, Римъ и Венеція такъ начинались.

При наслѣдникѣ Екатерины Второй Новороссійскій край былъ совсѣмъ почти заброшенъ: изъ трехъ намѣстничествъ, Екатеринославскаго, Таврическаго и Вознесенскаго, его составлявшихъ, сдѣлана одна Новороссійская губернія, коею нѣсколько времени управлялъ военный губернаторъ Бердяевъ. Онъ дѣлалъ представленіе между прочимъ о томъ, чтобы всѣ казенныя зданія

*) Въ 36-ти верстахъ отсюда построенъ былъ въ тоже время Овидіополь въ честь Овидію, который изъ ссылки своей въ древней Мизіи не только за Дунай, но и за Днѣстръ будто бы иногда перебирался. Весьма неравною участію пользуются города Овидія и Улисса.

въ Одессѣ и даже землю, на которой городокъ сей былъ расположенъ, продать съ публичнаго торга, и о томъ въ Совѣтѣ было разсуждаемо. Впрочемъ, предложеніе сіе не столь безразсудно, какъ иные думаютъ.

Съ восшествіемъ на престолъ покойнаго государя Александра Павловича, въ 1801 году, просіяло небо для Великой и Малой, для Старой и Новой Россіи. Время блаженное, радостное утро столь бурнаго дня и столь пасмурнаго вечера! Нѣтъ, подобнаго тебѣ намъ никогда не видать! Молодые министры молодаго царя вмѣстѣ съ нимъ вскипѣли почти невиданнымъ дотошъ желаніемъ блага Отечеству и благородный жаръ свой сообщили всѣмъ сословіямъ народнымъ. Но если молодость есть время успѣховъ и счастья, то она же есть и время заблужденій.

Между сими министрами обширными свѣдѣніями, благородными правилами, острою памятью, рѣдкимъ патріотизмомъ и трудолюбіемъ отличался графъ Кочубей, въ такія лѣта, въ какія немногимъ позволено стать на высокую степень. Онъ въ самой первой молодости былъ посланникомъ въ Константинополь, зналъ хорошо Турцію, и когда управленію его вручено Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, то онъ обратилъ особое вниманіе на провинціи, сопредѣльныя съ областями, Турціи принадлежащими. Его рано созрѣвшій умъ постигнулъ выгоды, какія цѣлое государство получать можетъ отъ Черноморской торговли и вообще какое вліяніе на будущую участь Россіи имѣть должны образованіе и благосостояніе края сего. Онъ умѣлъ объяснить все это Императору, и положено довершить начатое Петромъ и Екатериной.

Къ сожалѣнію, кажется, ошиблись тогда въ средствахъ къ достиженію предположенной цѣли. Учрежденіе трехъ главныхъ портовъ на Черномъ и Азовскомъ моряхъ, Одессы въ 1803, Феодосіи и Таганрога въ 1804 годахъ, назначеніе въ нихъ чиновныхъ и довѣренныхъ градоначальниковъ, хотя и увѣнчаны были быстрыми успѣхами, но сіе служитъ только доказательствомъ взаимной потребности народовъ обмѣнивать произведенія земли своей, и какъ торговля умѣетъ преодолевать препятствія, поставляемыя ей природою: помы смѣло можемъ сказать, выборъ мѣстъ былъ весьма ошибоченъ.

Природа сама указывала тогда на Очаковъ и Керчь. Очаковъ близко отъ Одессы, въ равномъ съ нею находится разстояніи какъ отъ западныхъ и южныхъ губерній Россійскихъ, такъ и отъ Константинополя, но имѣетъ предъ нею преимущество быть на широкомъ устьѣ Днѣпра и Буга вмѣстѣ: когда каналомъ будутъ обходить пороги первой изъ сихъ рѣкъ, то даже изъ Смоленской губерніи могутъ приходить къ нему суда, которыя далѣе къ Одессѣ по Черному морю идти не могутъ. Черезъ лиманъ имѣетъ Очаковъ прямое, близкое и безопасное сообщеніе съ Таврическою губерніею, а уже о преимуществахъ его рейда предъ Одесскимъ и говорить нечего.

Одесса, какъ мы выше сказали, стоитъ на открытомъ морѣ; искусственный портъ ея, съ чрезвычайными издержками сдѣланные два мола, существуютъ только съ небольшимъ двадцать лѣтъ, а уже пространство между молами и вокругъ ихъ заносится пескомъ и пломъ и съ каждымъ годомъ мелѣетъ. Время покажетъ необходимость бросить Одессу или употребить миліоны на продолженіе моловъ.

Первымъ градоначальникомъ Одессы былъ дюкъ - де - Ришелье. Этого человѣка можно назвать цвѣтомъ и перломъ Французскихъ эмигрантовъ: онъ былъ гораздо просвѣщеннѣе другихъ знатныхъ земляковъ своихъ, душа его пылала какимъ-то необыкновеннымъ чистымъ огнемъ, онъ былъ способенъ чувствовать энтузіазмъ, искренно привязался къ второму отечеству своему, Россіи, и умѣлъ привязывать къ себѣ Русскихъ. Безъ семьи, безъ родства, онъ полюбилъ маленькій новый городокъ, порученный ему управленію, какъ нѣжное дитя, которое надлежало ему лелѣять, растить и воспитывать. Способы даны ему были чрезвычайные, для умноженія народонаселенія дозволены ему всѣ средства, сотни тысячъ рублей могъ онъ употреблять, не давая никакого отчета; однимъ словомъ, довѣренность къ нему даже самаго царя была неограниченная, и, къ чести его сказать должно, что онъ никогда ея во зло не употреблялъ.

Отверстіе, сдѣланное произведеніямъ природы и раждающейся промышленности, которыя дотолѣ накоплялись, пропадали и не имѣли, куда вытекать, оживило всю югозападную Россію. Помѣщики ея и крестьяне трудолюбивѣе принялись за хлѣбопашество, видя, какъ часто изъ погорѣлыхъ отъ солнечнаго зноя мѣстъ требовалась пшеница. Все способствовало увеличенію и обогащенію Одессы. Любезный, снисходительный характеръ ея градоначальника, этотъ привольный родъ жизни, который умѣлъ онъ завести, совершенное отсутствіе этикета, неумѣстнаго въ торговомъ городѣ, среди степи раждающемся, все привлекало не только иностранцевъ, но и многихъ нашихъ и Польскихъ богачей. Надобно сказать правду: свой своему по неволѣ другъ, и Французы въ Одессѣ пользовались особеннымъ покровительствомъ и чрезвычайно тамъ поддерживались. Тысячи мелочей, предметы роскоши и потребности прихотей украсили едва построенныя лавочки; вездѣ Французскія вывѣски, Французскія моды, и посреди ихъ полудикіе жители, Азіатскіе наряды и обряды, противоположностію своею еще болѣе поражали. У насъ явились Бордо и Марсель; кто не знаетъ, какое у насъ пристрастіе ко всему Французскому, даже послѣ всего, что было съ нами, и потому-то Одесса вошла въ большую моду.

Такіе необычайные успѣхи и въ столь короткое время заставляли ожидать еще важнѣйшихъ. Надобно было не однимъ городомъ ограничить счастливое управленіе дюка - де - Ришелье, а распространить его на весь край, и онъ сдѣланъ генераль-губернаторомъ Новороссійскихъ губерній. Но Одесса

осталась навсегда исключительнымъ предметомъ его неуспѣшныхъ попеченій, а остальное какъ будто для нея только существовало.

Другія два градоначальства, Феодосійское и Таганрогское, остались независимыми. Между Таганрогомъ, находящимся близъ Великороссійскихъ губерній и отдаленной отъ него Одессой, соперничества быть не могло: одинъ портъ не могъ сдѣлать подрыва другому, а только невольно рождалась зависть въ жителяхъ Таганрога при видѣ быстрыхъ успѣховъ Одессы. Одна только Феодосія, отовсюду удаленная и не имѣющая ничего, кромѣ произведеній Крыма на обмѣнъ привозимыхъ къ ней товаровъ, страдала отъ совмѣстничества съ другими портами. Вообще же между градоначальниками, не зависящими ни другъ отъ друга, ни отъ генераль-губернатора, было соревнованіе, которое имѣло весьма полезное вліяніе на участь вѣрренныхъ имъ городовъ.

Каждое изъ сихъ градоначальствъ имѣло въ вѣдѣніи своемъ не одинъ только портовый городъ, но и большую еще дистанцію вдоль морскаго берега или литтораль, гдѣ устроены были каратинныя, таможенныя заставы и кордоны карантинной и таможенной стражи. Въ дистанцію Феодосійскаго градоначальства вошли сначала маленькіе города Керчь и Еникале и оставались до 1812 года, когда Таганрогскій градоначальникъ, Папковъ, какъ попечитель торговли по Азовскому морю, убѣдилъ правительство, чтобы, по положенію ихъ при входѣ сего моря, они въ его управленіе поступили.

Учрежденіе градоначальствъ и трехъ портовъ было пагубно для Керчи. Прежде того жители его поддерживались нѣсколько заграничной торговлей и была въ немъ нѣкоторая промышленность. Генераль Феньшъ, первый Феодосійскій градоначальникъ, вѣроятно, большой нелюбитель древности, разрушилъ стѣны и башни Феодосіи, еще Генуезцами построенныя, которыя время и варвары пощадил, и потомъ ополчился и противъ Керчи. Онъ выпросилъ указъ, чтобы запретили тамъ всякую выгрузку товаровъ и совершенно уничтожили карантинъ и таможеню, тамъ существующіе. Видя разореніе города своего, бѣдшая, лучшая часть жителей, рѣшилась его оставить; немногіе перешли во враждебную, сосѣдственную Феодосію, откуда ударъ имъ былъ нанесенъ, а почти всѣ, имѣющіе капиталы и опытность въ торговыхъ оборотахъ, переселились въ Таганрогъ и Маріуполь, гдѣ и донинѣ находятся. Все, что осталось, можно назвать оборышью: люди бѣдные, грубые, числомъ въ обоихъ городахъ не болѣе полуторы тысячи, живущіе одной только рыбной ловлей въ проливѣ, пересушиваніемъ ея въ балыки, развозомъ ихъ по всѣмъ ярмаркамъ Южной Россіи и отдачей въ наймы пожалованной земли, изъ коей бѣдшая часть остается не обработанною.

Возгорѣвшаяся въ 1806 году война съ Турками должна остаться памятна для Керчи. Здѣсь снарядилась и отсюда отправилась морская экспедиція къ Анатолійскимъ берегамъ, противъ Требизонда. Вслѣдъ за тѣмъ прибылъ сюда, въ 1807 году, генераль-губернаторъ Ришелье съ отрядомъ

войскъ, переправился чрезъ Босфоръ и подступилъ къ Турецкой крѣпости Анапѣ, за Кубанью, у подошвы Кавказскихъ горъ лежащей. Но онъ нашелъ ее уже занятою взявшимъ ее за нѣсколько дней до того со стороны моря начальникомъ Черноморскаго флота, маркизомъ де-Траверсе, и потому вступилъ въ нее безпрепятственно. Лавры, похищенные маркизомъ у дюка, должны были охолодить сихъ господъ Франгузовъ другъ къ другу; но душа послѣдняго была прѣвыше зависти. Онъ желалъ быть полезень, и обозрѣніе Керченской бухты подало ему самыя счастливыя мысли. Походъ его къ Анапѣ имѣлъ для Керчи важныя послѣдствія, какъ мы ниже сего увидимъ.

Достовѣрно мы не могли дознаться, когда построена Анапа. Она изъ четырехъ Турецкихъ крѣпостей, лежащихъ вдоль восточнаго берега Чернаго моря, есть крайняя и ближайшая къ Русскимъ владѣніямъ. Зачѣмъ онѣ тутъ? Какъ онѣ тутъ? Богъ знаетъ. Правительство наше мало на нихъ обращало вниманія; около нихъ Турецкаго ничего нѣтъ; они на землѣ мнимыхъ данниковъ и явныхъ и тайныхъ враговъ нашихъ, горскихъ народовъ, которымъ чрезъ нихъ Турки подвозятъ орудія и всякаго рода товары и припасы. Въ 1791 году бралъ уже Анапу графъ Гудовичъ, и въ тотъ же годъ, по трактату, отдали ее обратно; въ 1807 году оиять овладѣлъ ею маркизь де-Траверсе, какъ мы выше сказали, потомъ приказалъ взорвать ея укрѣпленія, бросилъ ее и удалился. Въ 1809 году безъ сопротивленія занялъ ее генералъ Панчулидзевъ, а дюкъ де-Ришелье ходилъ далѣе и взялъ другую крѣпость, Суджукъ-Кале. Въ 1812 году, при заключеніи Бухарестскаго мира, повторена прежняя оплошность, и онѣ возвращены Турціи. При нынѣшнихъ обстоятельствахъ чувствуютъ сдѣланную ошибку. Впрочемъ, крѣпости сіи вредны въ мирное время, а въ военное совсѣмъ не опасны: генералы наши ходятъ брать ихъ шутя.

Телерь намъ предстоитъ дѣло весьма затруднительное. Чтобы объяснить причины возрожденія Керчи, надобно нанередъ разсказать повѣсть о двухъ любовникахъ. Герой и героиня сего романа суть лица столь необыкновенныя, что мы не знаемъ, достанетъ ли искусства нашего для изображенія ихъ. Сіе однакоже неизбѣжно. И такъ мы начнемъ съ героя.

Одинъ молодой Генуезецъ, по имени Скасси, за какія-то мерзкія шалости, говорятъ иные, за воровство, былъ выгнанъ изъ дому старшаго брата своего, искуснаго врача. Нѣсколько времени шатался онъ въ Марсели, въ Ливорнѣ и другихъ портовыхъ городахъ Средиземнаго моря и исправлялъ тамъ самыя низкія должности. Но онъ былъ смѣтливъ, проворенъ, весьма не глупъ, успѣлъ узнать всѣ состоянія людей и наблюдательно смотрѣлъ на слабости человѣческія; въ послѣдствіи времени все это много къ успѣхамъ его послужило. Вдругъ узналъ онъ, что въ какомъ-то Русскомъ, новостроющемся приморскомъ городѣ Одессѣ охотно принимаются всякіе бродяги; въ предпріимчивой головѣ его родились тысячи замысловъ, тысячи надеждъ, часть коихъ, къ сожалѣнію, время оправдало. Онъ захотѣлъ испытать счастья и

посмотрѣть, нельзя ли будетъ, преставъ слыть плутомъ, не преставать обманывать людей и самому попасть въ люди. Съ первымъ отплывавшимъ кораблемъ онъ пожаловалъ въ Одессу; тамъ, сначала, въ какомъ-то трактирѣ вступилъ онъ въ скромную должность маркёра (это всё жители Одессы помнятъ) и печально началъ считать билл, въ упованіи, что со временемъ будетъ считать сотни тысячъ собственныхъ рублей. Но Фортуна скоро ему улыбнулась; онъ возвысился въ достоинствѣ и поступилъ счетчикомъ въ контору торговаго дома Ренд. Отсюда ему уже повезло; далѣе и болѣе, наконецъ узналъ его самъ градоначальникъ Ришелье, оцѣнилъ его достоинства и началъ употреблять для тайныхъ порученій. Въ управленіи люди всякаго рода бываютъ нужны.

Какъ бы ни обширны были намѣренія господина Скасс, могъ ли онъ тогда думать, что онъ самъ попадетъ въ создатели градовъ? Чего на Руси не творится! Когда въ 1809 году Ришелье ходилъ къ Суджукъ-Кале, то взялъ его съ собою. Тутъ замѣтилъ онъ рождающуюся взаимную нѣжность между Генуезцемъ и одной дѣвой горъ, бывшей тогда уже женою Русскаго коменданта въ Анапѣ. Желая завести съ Абазинцами сношенія благопріятныя для Россіи, ласковымъ обхожденіемъ привлечь ихъ на нашу сторону и въ Керчи открыть новый источникъ богатства, онъ полагалъ, что можно страсть сихъ молодыхъ людей употребить, какъ полезное къ тому орудіе. Любовь должна была завязать узелъ, который бы въ послѣдствіи времени соединилъ просвѣщеніе съ варварствомъ, образованные народы съ дикими. Мысль прекрасная, достойная рыцаря и Француза. Исполненіе ея не замедлилось; но, прежде нежели о томъ будемъ говорить, должно на время оставить Скасси и обратиться къ его красавицѣ.

Молодая Черкешенка, взятая въ плѣнъ, привезена была, почти въ дѣтствѣ, къ первому губернатору Тавриды, В. В. Каховскому, богатому, старому и холостому. Она была рѣдкой красоты, коей остатки и донинѣ, въ немолодыхъ ея лѣтахъ, еще видны. Прекрасное дитя природы, она усладила, она очаровала старость губернатора; онъ окрестилъ ее и посвятилъ въ свои наложницы: дѣло не совсѣмъ христіанское; но любовь заставляетъ все забывать, и стариковъ еще болѣе, чѣмъ молодыхъ. Въ упоеніи ею, Каховскій прожилъ нѣсколько лѣтъ и, изнуренный ея восторгамъ, умеръ въ объятіяхъ своей возлюбленной, оставя ей большую часть всего своего имуществва.

Привыкнувъ къ Европейскому образу жизни, сія женщина не забывала, однакоже, родину, младенческія свои забавы, пріюты горъ, дикую и величественную природу Кавказа. Сдѣлавшись свободною, поспѣшила она туда. Радость ожидала ее въ кругу ближнихъ; она хотѣла навсегда тамъ остаться, но новыя привычки маняли ее обратно въ Крымъ. Сосѣдство мѣстъ доставляло ей удобность часто удовлетворять потребностямъ, такъ сказать, двойной своей натуры.

Такая жизнь сдѣлала изъ нея существо совсѣмъ необыкновенное и оригинальное. Ея высокій, стройный станъ, какъ уголь черные глаза, смѣлыя хватки, странныя выраженія, показываютъ въ ней горскую породу. Все это, однакоже, умѣряется благопристойностію, вѣжливостію, свѣтскимъ навѣкомъ: она любитъ наряжаться по послѣдней модѣ, являться въ токахъ, въ перьяхъ. Но вдругъ все это бросаетъ ей становится душно, она одѣвается Черкесомъ, накидываетъ на себя бурку, вооружается пистолетами, садится на коня, скачетъ по полямъ и взбирается смѣло на крутизны. Говорятъ, что въ прежнія времена никто не обгонялъ ее на бѣгу, никто не умѣлъ такъ искусно плавать, ни такъ мѣтко стрѣлять изъ лука.

По преданіямъ древности, близъ сихъ мѣстъ жили Амазонки. Она во всемъ на нихъ похожа, но разнится тѣмъ только, что, подобно имъ, не выжигала сосцовъ своихъ и никогда не лишала себя возможности быть супругою и матерью. Напротивъ того, ей слишкомъ знакома любовь; но не это романтическое, платоническое чувство, которое въ большихъ городахъ питается вздохами, надеждами, воспоминаніями: ея ретивому сердцу нужно все положительное, совершенно вещественное, ея любовь есть пламенная, своевольная, даже бѣшеная и неразборчивая иногда въ выборѣ предметовъ.

Сія мужественная жена давно уже извѣстна всему Крыму. Замѣтивъ, что титулы крещеной Черкешенки и вдовствующей любовницы губернатора Баховскаго не даютъ въ немъ большихъ правъ на уваженіе, она задумала приличнымъ супружествомъ и новымъ званіемъ получить ихъ. Дѣло было не трудное: съ достаткомъ и остатками красоты ей легко было сыскать сѣдое и неимущее превосходительство. Она соединилась бракомъ съ генераломъ Бухольцемъ, который былъ послѣ назначенъ комендантомъ въ Анапу, былъ тамъ съ нею во время похода Риншелье къ Суджукъ-Кале, и тутъ-то въ первый разъ встрѣтилась она съ г. Скасси.

Связи Итальянца съ Черкешенкой не могли остаться тайной. Риншелье посредствомъ сихъ связей захотѣлъ положить основаніе другимъ прочнѣйшимъ и полезнѣйшимъ, какъ мы выше сказали. Онъ предложилъ госпожѣ Бухольцъ путешествіе въ горы вмѣстѣ съ Скасси, а ему поручилъ развѣдать о народонаселеніи, о способахъ и о расположеніи къ намъ Натухайцевъ и Шапсуховъ, тѣхъ изъ Кавказцевъ, которые живутъ ближе къ Черному морю и, зная его сладкорѣчіе, его искусство убѣждать, велѣлъ ему представить имъ въ самомъ лучшемъ видѣ торговыя сношенія съ Россіей. Перспектива путешествія на родину вмѣстѣ съ возлюбленнымъ восхитила огненную Черкешенку; но опасности, съ тѣмъ сопряженныя, были не по вкусу робкаго любовника. Отказаться было стыдно: онъ дрожащею ногою вступилъ въ стремя и пустился за нею.

Новая Ариадна, она не довольствовалась тѣмъ, чтобы дать только одну нить Тезею-Скасси: она съ радостію сама хотѣла предшествовать ему въ ла-

вирищѣ Кавказскихъ горъ, среди безчсленныхъ Кентавровъ-Абазинцевъ, отклоняя отъ него или раздѣляя съ нимъ все опасности и готовясь, если нужно, погибнуть съ нимъ вмѣстѣ, *être perdue ou retrouvée*.

Живы и цѣлы возвратились наши любовники чрезъ двѣ или три недѣли. Скасси побывалъ въ странѣ, куда далеко никто не заѣзжалъ, въ странѣ чудесъ; было что ему поразсказать; славные бубны привезъ онъ изъ-за горъ. Въ Европѣ есть нація, самая любезная, самая умная, храбрая и блистательная, но люди сей націи, даже самые степенные, все болѣе или менѣе подвержены легкомыслію и легковѣрію. Между ними одна только грубая ложь почитается ложью, а почти всякая другая—пріятною выдумкой, украшеніемъ истины и дополненіемъ, которое воображеніе дѣлаетъ къ тому, что дѣйствительно существуетъ. Ришелье былъ Французъ, съ нетерпѣливымъ удовольствіемъ слушалъ Скасси, вѣрилъ ему, а онъ... онъ вралъ безщадно. Въ двѣ недѣли онъ все увидѣлъ, все распозналъ, со всеми подружился, началъ выдумывать какія-то мудренныя названія мѣстъ и рѣкъ, тяжелыя для слуха и трудныя для выговора. Какъ водится между иностранцами, бранилъ и порицалъ Русскихъ, сихъ варваровъ, которые не умѣютъ взяться за этотъ прекрасный народъ. Онъ брался менѣе чѣмъ въ годъ завести съ нимъ самыя тѣсныя сношенія, даже отчасти образовать его и такъ, ничѣмъ, однимъ ласковыми рѣчами и обманомъ покорить подъ ноги Русскаго царя сихъ враговъ и супостатовъ. Онъ и поднесъ еще обманывается, но только не ихъ.

Воротившись въ Одессу, дюкъ де-Ришелье не переставалъ думать о новыхъ планахъ своихъ: учреженіе въ Керчи порта и градоначальства, единственно съ цѣлью привлечь туда Черкесовъ, познакомить ихъ съ нашими обычаями, сотворить имъ новыя потребности, однимъ словомъ, сдѣлать первый шагъ къ образованію и поработченію ихъ, было постоянною его мыслию. Времена къ тому не благоприятствовали: не только приводить въ исполненіе, но и предлагать ничего новаго, полезнаго тогда было невозможно. Грозно близился 1812-й годъ; онъ наступилъ, и Россія любовію къ вѣрѣ, храбростію воиновъ, искусствомъ стараго полководца, непоколебимостію царя, единодушными успѣхами, неожиданнымъ патріотизмомъ, пожарами и морозами побѣдила всю Европу, подъ предводительствомъ Наполеона на нес нахлынувшую. Сей 1812-й годъ былъ также бѣдственъ и для Новороссійскихъ губерній: жестокая зима, какой сторожины не запомнятъ, и моровая язва ихъ опустошала; особенно отъ чумы пострадали Одесса, Феодосія и Керченскій полуостровъ.

Но пока все это происходило, пока Наполеонъ побѣждалъ и былъ побѣждаемъ, что дѣлалъ Скасси? Переходъ не великъ отъ Коренки къ Генуѣ. Скасси попеременно жилъ то въ Одессѣ, то въ Анапѣ, собиралъ какія-то свѣдѣнія посредствомъ госпожи Бухольцъ въ Кавказскихъ горахъ (но самъ туда болѣе не дерзалъ, даже и съ нею) и привозилъ свѣдѣнія сии потомъ къ дюку. Когда же Бухарестскимъ миромъ въ 1812 году отдана Анапа Туркамъ

обратно, и Бухольцъ сдѣланъ комендантомъ въ Фанагоріи, то Скасси перевелъ главную квартиру свою въ Керчь. Босфоръ раздѣлялъ тогда постоянныхъ любовниковъ; какъ часто разсѣкали они волны его, спѣша на свиданіе! Случалось иногда, что Черкешенка, горя нетерпѣніемъ, бросалась вплавь съ сѣверной косы къ Еникале (разстояніе болѣе шести верстъ), и Тезей съ Ариадной обратились совершенно въ Геро и Леандра.

Буря въ Европѣ начинала утихать. Дюкъ де-Ришелье прежде вторичнаго занятія Парижа, заплативъ болѣе, нежели кто изъ иностранцевъ долгу благодарности усыновившей его гостепріимной Россіи, поспѣшилъ исполнить первыя свои обязанности и служить отечеству и законному королю своему. Всѣмъ извѣстно, какая блестящая участь ожидала во Франціи сего достойнаго человѣка. На хвостѣ орла сего хотѣлъ взлетѣть и паукъ Скасси, но Парижъ не степи Новороссійскія: много тамъ есть людей, подобныхъ Скасси и поудалѣе его.

Прежде нежели онъ туда пріѣхалъ, посѣтилъ онъ отчизну свою, Геную. Тотъ, кто служилъ ему вмѣсто отца, съ нѣжностію въ объятія свои принялъ блуднаго брата и велѣлъ готовить пиръ; блудный же братъ былъ ни нагъ, ни босъ: онъ одѣтъ былъ франтовски и гремѣлъ тяжелымъ кошелькомъ съ деньгами, разными средствами добытымъ. Съ обыкновеннымъ искусствомъ своимъ представилъ онъ Новую Россію, Тавриду и Кавказъ, какъ обѣтованныя земли, гдѣ текутъ медь и млеко, гдѣ богатая жатва ожидаетъ руки искусныхъ и просвѣщенныхъ людей; увѣрилъ, что онъ тамъ изъ числа почетнѣйшихъ, и что ему предназначено сдѣлать тамъ славное себѣ пмя. Но для великихъ предпріятій потребны капиталы; онъ обѣщался удесятерить ихъ, когда они ему даны будутъ. Словомъ, онъ успѣлъ совершенно ослѣпить доктора, расшевелить его честолюбіе и вкрасться въ его довѣренность, и когда сей бѣднякъ проливалъ слезы радости, слушая его, гордился имъ, злодѣй! онъ замышлялъ его ограбить. Онъ выманилъ у него довѣренное письмо къ банкирамъ на неопредѣленную сумму и поспѣшилъ съ нимъ въ Парижъ.

Тамъ нашелъ онъ покровителя своего Ришелье, который однакоже во Франціи ничего въ пользу его сдѣлать не могъ. Скасси же самъ успѣлъ тамъ сдѣлать слѣдующее: захватить на имя брата 50 тыс. франковъ *), вымучить у дока разные проекты, имъ составленные, о Керчи и Черкеской торговлѣ, и рекомендательное письмо къ графу Нессельроде.

Съ проектами, съ рекомендаціями и съ деньгами явился онъ въ сѣверной столицѣ въ концѣ 1816 г. Россія такъ богата вновь пріобрѣтенными

*) Достоверно знаютъ въ Одессѣ, что изъ сей суммы выплачено старшему брату Скасси только шесть тысячъ франковъ, остальное за нимъ пропадаетъ. Докторъ пишетъ ко всѣмъ, жадуется, называетъ своего едипоутробнаго мошенникомъ, разбойникомъ, а тотъ тому только смѣется.

землям: Русскіе такъ много доселѣ заботились о чинахъ и такъ мало о сдѣланіи себѣ имени; иностранцы такъ у насъ во всемъ предпочитаютъ, что всякій сорванецъ, лишь бы былъ чужеземный, можетъ смѣло выдавать себя за великаго человѣка, предлагать разныя перемѣны въ управленіи частей, ему вовсе незнакомыхъ, браться за все, и министерство, если не всегда будетъ съ нимъ соглашаться, то со вниманіемъ будетъ его выслушивать. Имѣя даръ слова и мѣстныхъ познанія о Керченскомъ полуостровѣ, Черноморіи и Кубани, Скасси началъ толковать объ нихъ въ гостиныхъ, куда онъ втерся, и ему двинулись, какъ человѣку, открывшему совсѣмъ неизвѣстныя земли. На уворованныя у брата деньги онъ угощалъ, давалъ обѣды случайнымъ людямъ и прослылъ богачемъ, который изъ Италіи привезъ большія суммы для важныхъ заведеній въ Южной Россіи.

Надобно было такое усердіе вознаградить. Менѣе нельзя было сдѣлать, какъ пожаловать его прямо въ надворные совѣтники, причислить къ Иностранной Коллегіи, назначить его какимъ-то комиссаромъ какой-то несуществующей еще торговли съ Абазинцами, дать ему хорошее жалованье и мѣстопробываніемъ избрать Керчь, съ правомъ уѣзжать оттуда какъ и когда ему угодно, по его усмотрѣнію. Такимъ образомъ вступилъ онъ въ службу въ 1817 году.

Ему было нужно сдѣлать первый шагъ: онъ на немъ не долженъ былъ остановиться. Послѣ долгаго отсутствія воротился онъ, наконецъ, въ Керчь и нашелъ тамъ госпожу Бухольцъ, уже довольно состарѣвшуюся, а мужа ея комендантомъ въ Еникале. Онъ предложилъ ей дружбу въ замѣнъ любви, уже невозвратно въ обопхъ погаснувшей. Она была неспособна чувствовать и то и другое, а онъ лишь только употреблялъ ихъ для своихъ видовъ. Послушная велѣніямъ дружбы, какъ нѣкогда готовая всею жертвовать для любви, она неоднократно, не щадя покоя своего, въ угожденіе ему ѣздила въ самую глубь Кавказа. Старанія тщетныя! Препятствія остались непреодолимы: они въ обычаяхъ сихъ уединенныхъ, храбрыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣроломныхъ народовъ.

Такія препятствія разохотили бы всякаго другаго, но Скасси они устрашить не могли. Недостатокъ въ настоящихъ успѣхахъ началъ онъ замѣнять вымышленными, удвоилъ, утроилъ въ себѣ безстыдство и болѣе нежели когда пустился лгать. Ни разу не ступалъ онъ ногою за Кубань, а въ донесеніяхъ своихъ министерству онъ успѣлъ уже въ какомъ-то Пшадѣ, котораго отъ роду не бывало, заключить торговый договоръ съ Абазинцами, и господиномъ Теть-Бу-де-Мариньи, Французскій вице-консулъ въ Феодосіи и пріятель его, въ четырехъ литографированныхъ рисункахъ успѣлъ уже передать потомству знаменитые его подвиги: появленіе его между горами, совѣщанія съ старѣйшими, заключеніе этого Пшадскаго трактата и, наконецъ, первую мѣду товаровъ.

Хотя мы много совѣсти и не полагаемъ въ г. Скасси, но вѣрно иногда ему было совѣстно и смѣшно, видя, какъ легко ему дурачить Русскихъ. Его смѣлость, его наглость возрастали съ легковѣріемъ министерства. Впрочемъ и мудрено было дознаться до правды. Кто могъ изобличать его? Кому бы пришла охота ѣхать во внутрь Кавказа съ тѣмъ только единственно, чтобы допросить, знаютъ ли тамъ еще Скасси? Завѣса горъ, пропастей и дебрей и поднесъ еще скрываетъ истину.

Можно было только судить по однимъ послѣдствіямъ. Его спросили, наконецъ: да гдѣ же эта торговля, эта обѣщанная прибыль, эта довѣренность Черкесовъ, эти связи? Тогда онъ началъ извиняться недостаткомъ способствъ, ему данныхъ, обвинять слишкомъ строгія мѣры, принимаемыя командующимъ въ Грузіи генераломъ Ермоловымъ противъ горскихъ народовъ, и самое удаленіе большихъ городовъ, въ которыхъ торговля, роскошь и все наслажденія образованной жизни могли бы прельщать и привлекать сихъ дикарей. И на сей конецъ рѣшился онъ предложить учрежденіе новаго порта въ Керчи.

Онъ вспомнилъ, что землякъ его Рибасъ былъ отцемъ Одессы и что только переменѣ царствованія и обстоятельствъ не допустила его собрать плоды его стараній. Разгорѣлись въ немъ честолюбіе и жадность къ интересу. Милліоны во снѣ ему начали сниться: онъ видѣлъ, какъ они уже отдаются въ его распоряженіе; онъ видѣлъ себя первымъ градоначальникомъ по предложенію его создаемаго города. Съ тѣхъ поръ интриги его, происки имѣли уже постоянную цѣль.

Къ достиженію ея ему нужно было орудіе. Въ Новороссійскихъ губерніяхъ начальствовалъ тогда графъ Ланжеронъ, землякъ, родственникъ дюка-де-Ришелье, пріятель его и товарищъ въ счастіи и несчастіи. По всемъ симъ уваженіямъ избранъ онъ былъ его пріемникомъ; но не въ одну форму природа вышла сихъ людей. Съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ стоитъ, неосновательнѣе графа Ланжерона еще ничего видно не было. Добрый и честный человѣкъ, храбрый на войнѣ, пріятный въ обществѣ, любезный балагуръ, Французъ по превосходству, онъ созданъ былъ для того, чтобы находиться посланникомъ при какомъ нибудь маленькомъ Нѣмецкомъ или Итальянскомъ дворѣ, или управлять гдѣ нибудь придворнымъ театромъ. Революціонною бурей выброшенный изъ своего отечества, онъ беззаботно и весело прожилъ вѣкъ въ чужой землѣ и дослужился у насъ до высокаго чина и голубой ленты. Доживъ почти до семидесяти лѣтъ, онъ все сохранилъ легкій тонъ Версальскаго царедворца, остался двадцатилѣтнимъ Французскимъ полковникомъ: и пишетъ куплеты, и говоритъ каламбуры. Нашли, что онъ не годится командовать корпусомъ и дали ему въ управленіе край, который обширностію своею можетъ почитаться цѣлымъ королевствомъ. Такой человѣкъ былъ находка для Скасси.

Вопервыхъ, будучи твореніемъ дюка-де-Ришелье, онъ имѣлъ наслѣдственное право на покровительство и пріязнь графа Ланжерона. Симъ поль-

зуюсь, безъ церемоніи предложилъ онъ ему способствовать учрежденію въ Керчи центральнаго порта, и себя градоначальникомъ. Чтобы болѣе интересовать его въ семъ дѣлѣ, купилъ онъ для него за безцѣнокъ, въ 25 верстахъ отъ Керчи, маленькую осѣдлость, небольшое помѣстье Тибичикъ, съ небольшимъ при немъ солянымъ озеромъ, и виноградный садъ подлѣ Еяикале, расписалъ самыми блестящими красками будущую торговлю съ Черкесами посредствомъ новаго Керченскаго порта, и наконецъ убѣдилъ его тѣмъ, что учрежденіе порта будетъ дѣлаться подъ руководствомъ и распоряженіями его, графа Ланжерона, что вся честь и слава отъ того къ нему отнесется, а въ удѣлъ Скасси останутся труды, и что, имѣя уже въ своемъ завѣдываніи Одессу, потомъ Керчь, это послужитъ поводомъ къ подчиненію ему остальныхъ двухъ Новороссійскихъ портовыхъ городовъ. „Ma foi, c'est charmant, mon cher Scassi!“ воскликнулъ Ланжеронъ, и началъ дѣйствовать.

Въ Петербургѣ его не очень слушались, особенно же сіе дѣло встрѣтило большія затрудненія. Всѣ министры, исключая графа Нессельроде, упорно тому противились, болѣе же всѣхъ скупой и вмѣстѣ съ тѣмъ неразсчетливый министръ финансовъ Гурьевъ. Къ тому же, пользуясь тишиной, въ Европѣ воцарившейся, и путешествуя впродолженіе послѣднихъ годовъ по отдаленнѣйшимъ сторонамъ своей имперіи, покойный Государь, равно какъ и великіе князья, братья его, удостоили и Керчь своимъ посѣщеніемъ. Взглядъ на сей городъ не имѣетъ ничего привлекательнаго: народонаселенія вокругъ его мало, все представляетъ развалины, могилы и заустѣніе, и онъ имъ отменно не понравился. Жители Феодосіи и Таганрога, провѣдавъ объ умыслахъ Скасси и ожидая отъ нихъ для себя самыхъ вредныхъ послѣдствій послали своихъ депутатовъ и, своей стороны, всѣми мѣрами старались отворотить правительство отъ предлагаемыхъ перемѣнъ. Препятствія со всѣхъ сторонъ возрастали.

Вотъ тутъ-то надобно было Скасси явить себя достойнымъ роли, которую онъ на себя принялъ, и по всей справедливости должно сказать, что онъ превзошелъ себя. Слѣдовать за нимъ во всѣ непрерывныя путешествія его изъ Керчи въ Петербургъ, Москву и Одессу, посреди всѣхъ многосложныхъ и хитросплетенныхъ его интригъ, было бы дѣло невозможное и напрасное. Довольно будетъ сказать, что онъ нашелъ дорогу въ переднія всѣхъ министровъ и въ кабинеты нѣкоторыхъ изъ нихъ, что онъ вошелъ въ милость къ знатымъ дамамъ, старался угадывать и предупреждать ихъ желанія, кланялся, просилъ, убѣждалъ директоровъ канцелярій, дружилъ съ канцелярскими, знакомился съ любовницами и камердинерами, употреблялъ искательства и ласкательства, а гдѣ пужно, то и нахальство, словомъ, приводилъ въ движеніе всѣ пружины и, наконецъ, добился дожелаемаго. Въ Октябрѣ мѣсяцѣ 1821 года изданъ указъ объ учрежденіи въ Керчи порта и градоначальства, и утверждены штаты его.

Покойный Государь неохотно согласился на то: онъ лучше министровъ видѣлъ невозможность этой Черкесской торговли, и хотѣлъ, чтобы сдѣлана

была только проба. Одинъ графъ Нессельроде за это дѣло чрезвычайно горячо принялся. Отчего Керчь и Скасси такъ постоянно пользуются его высокими покровительствомъ? Это осталось загадкой для всѣхъ и тайной между имъ и г. Скасси. Будучи зятемъ министра финансовъ, Гурьева, онъ и его склонилъ на свою сторону; другіе же министры и члены Государственнаго Совѣта дали свое согласіе довольно равнодушно и, вѣроятно, съ тѣмъ, чтобы отвязаться отъ Скасси.

Не совсѣмъ, однакоже, исполнились его желанія: градоначальникомъ его не сдѣлали. Но нѣтъ худа безъ добра: въ Россіи очень часто малый чинъ препятствуетъ достойному человѣку получить мѣсто, которое бы онъ съ пользою для службы могъ занять; но за-то иногда случается, что ни какая протекція помочь не можетъ какому нибудь иностранному шуту къ полученію мѣста повыше, если онъ заблаговременно не подумалъ запасти чинами. Сіе самое случилось съ Скасси. Онъ полагалъ, что всегда можетъ онъ перескакивать черезъ чины, и не зналъ, что у насъ, поавши разъ на дорогу, постепенно надобно по ней идти. Чтобы его утѣшить и не лишить надежды, оставили мѣсто Керченскаго градоначальника вакантнымъ, а его подвинули, произвели въ слѣдующій чинъ, составили для него штатъ, назвали его попечителемъ Керченской торговли съ Абазинцами и Черкесами, дали ему на канцелярію и расходы по 35 т. рублей ежегодно, до 200 тысячъ заимообразно безъ процентовъ (и, вѣроятно, безъ отдачи) на разныя коммерческія заведенія. Сверхъ того, велѣно ему безпошлинно отпускать нѣсколько тысячъ пудъ Крымской соли, для продажи ея горцамъ за самую умѣренную цѣну.

Вотъ какимъ образомъ человѣкъ, родившійся далеко отъ Россіи, завлеченный въ нее слѣдствіями развратной молодости, состоянія низкаго, безъ правилъ, безъ познаній, вооруженный только мѣднымъ лбомъ, пронырствомъ своимъ успѣлъ захватить довѣренность правительства, получить чины и большія суммы, и слыветъ человѣкомъ нужнымъ. Теперь уже онъ статскій совѣтникъ и кавалеръ двухъ Россійскихъ орденовъ; въ отечествѣ своемъ также досталъ онъ нынѣ дешевою цѣною почетные титулы: онъ членъ Академіи Аркадовъ въ Римѣ и кавалеръ ордена, которымъ былъ украшенъ искусный Пинетти, ордена Золотой Шпоры. Приличнѣе всего бы называться ему кавалеромъ Промышленности, въ томъ смыслѣ, какъ слово сіе во Франціи принимается,

Такіе люди, каковъ этотъ кавалеръ де-Скасси, въ старину бывали нерѣдки. Иные изъ нихъ владѣли секретомъ дѣлать золото, иные имѣли сообщенія съ духами и съ невидимымъ міромъ и предсказывали будущее; а иные, среди площадей, взгромоздившись на доски, въ пестрыхъ нарядахъ, непонятнымъ языкомъ, продавали лекарства отъ всѣхъ болѣзней. Волхвы и чародѣи, алхимики, астрологи и шарлатаны, всѣ обманывали народъ. Въ особенности же Италия, которая нѣкогда давала законы міру, въ поработеніи и

безспліи своемъ, изобпловала такими людьми; ея сыны, уже не оружіемъ, а хитростію старались овладѣть другими. Съ умноженіемъ просвѣщенія число такого рода людей уменьшается. Въ новѣйшія времена перемѣнились совсѣмъ ихъ занятія и самое имя: ихъ зовутъ нынѣ во Франціи *aventuriers*. а въ Россіи еще для нихъ названія не приискано; пбо природныхъ въ ней было очень мало или, лучше сказать, до таинственнаго Старинкевича и ни одного въ ней не было.

Не будемъ къ нимъ слишкомъ строги; сознаемся, что для поддержанія себя въ опасномъ положеніи, которое они избрали, имъ потребны умъ, смѣлость и дѣятельность чрезвычайная. Завидовать ихъ успѣхамъ также не должно: какъ дорого они за нихъ платятъ! Они не знаютъ ни покоя, ни дружбы, ни довѣренности, живутъ всегда одни съ собою, всего страшатся, во всякомъ пронидательномъ взглядѣ видятъ обвиненіе, всѣмъ жертвуютъ своею нравною богинѣ, Фортунѣ; вотъ какъ течетъ ихъ несчастная жизнь, и почти всегда какой ужасный конецъ ихъ ождаетъ! Вспомнимъ жребій двухъ славнѣйшихъ изъ сихъ людей въ прошедшемъ вѣкѣ. Феодора Нейгофа, который нѣсколько времени былъ королемъ Корепканскимъ, и Иосифа Бальзани, который, подъ именемъ графа Калиостро, морочилъ всю просвѣщенную Европу. Одинъ изъ нихъ умеръ на соломѣ въ Лондонской тюрьмѣ, куда былъ посаженъ за долги, а другой окончилъ жизнь въ Римѣ, въ тюрьмахъ инквизиціи. Сохрани Боже нашего героя отъ подобной участи! Мы зла ему не желаемъ. а желаемъ ему даже успѣховъ, но только, чтобъ они были не столь позорны и не столь накладны для Россіи.

Мы забыли сказать, что съ утвержденіемъ порта въ Керчи, въ 1821 году, подчинивъ всѣ градоначальства Новороссійскому генераль-губернатору: все равно, еслибъ ихъ уничтожили. Градоначальникъ нуженъ тамъ, гдѣ еще ничего нѣтъ, или гдѣ мало чтò сдѣлано: это не есть постоянная должность, это коммиссія, это довѣренный постъ. Тамъ, гдѣ уже все приведено въ устройство, гдѣ дѣла текутъ своимъ порядкомъ, гдѣ торговыя сношенія совсѣмъ установились, такіе портовые города должны быть вмѣстѣ съ тѣмъ и губернскими, какъ Архангельскъ, Ревель, Рига и Астрахань, или должны быть подчинены мѣстному губернскому начальству, какъ Либава и Нарва. Первые градоначальники назначались послѣ строгаго выбора; за то они облечены были довѣренностію почти неограниченною, имѣли большую власть и могли съ способностями и усердіемъ быть весьма полезны. Нынѣ же Одесскій градоначальникъ есть оберъ-полицеймейстеръ, а прочіе немного повыше обыкновенныхъ городничихъ. Въ другихъ портахъ пусть бы такъ, благосостояніе ихъ отнынѣ будетъ зависѣть отъ политическихъ обстоятельствъ; но въ рождающейся Керчи не знаемъ, хорошо ли это?

Съ исполненіемъ указа объ учрежденіи Керченскаго порта все шло отмѣнно медленно, исподоволь и какъ будто нехотя. Насилу къ концу 1822 года открыты въ немъ портовая карантинная контора и первоклассная портовая

таможня. Инспектором карантиннымъ присланъ армейскій полковникъ фонъ-Депъ, и ему же покаместъ велѣно было исправлять должность градоначальника. Этотъ полковникъ былъ воспитанъ въ одномъ изъ кадетскихъ корпусовъ, зналъ очень хорошо фронтъ, любилъ порядокъ, чистоту, особенно же эту наружную чистоту, которая съ нѣкотораго времени въ Россіи такъ тщательно соблюдалась. Впрочемъ, онъ былъ весельчакъ, любилъ играть въ карты, попить, поѣсть и погулять, въ книги никогда не заглядывалъ, терпѣть не могъ ничего печатнаго и читалъ одни только указы въ Инвалидѣ. Усердствуя, какъ умѣлъ, устройству ввѣренныхъ ему городовъ, онъ тотчасъ приказалъ по дорогамъ и улицамъ срывать и ровнять всѣ бугорки, засыпать ихъ камешками, посыпать песочкомъ и по бокамъ прорывать канавки. Около крѣпостей надолбы и першла началъ тотчасъ красить казенною краской и, съ негодованіемъ видя древнюю церковь, изъ дикаго камня построенную, почернѣвшую отъ столѣтій, мимо ея пролетѣвшихъ, скорѣе велѣлъ ее бѣлить. Словомъ, Керчь и Еникале сдѣлались какъ на показъ: пріѣхавши въ нихъ, можно было почестъ себя въ военныхъ поселеніяхъ.

Легко можно представить себѣ отчаяніе Грековъ, неопрятнѣйшихъ изъ людей. Незадолго передъ тѣмъ воротился Скасси, давно уже покровитель двухъ городовъ и провидѣніе ихъ жителей. На просторномъ полѣ питриги заставляетъ Бомарше говорить Альмавиву: „Надобно все обрабатывать, даже тщеславіе глупца“. Слѣдуя сему правилу, Скасси всегда ласкаетъ Керченскую чернь и питаетъ спѣсь въ сихъ грубыхъ невѣждахъ. Они бросились къ нему съ жалобами; онъ пожималъ плечами и давалъ надѣяться, что при немъ такъ не будетъ.

Все это недолго продолжалось. Чрезвычайная переменна скоро послѣдовала во всемъ краѣ; захотѣли, наконецъ, чтобы Новая Россія обрусѣла, и въ 1823 году прислали управлять ею Русскаго барина и Русскаго воина. Слишкомъ много хвалить графа Воронцова намъ не позволено: съ нѣкоторою основательностію будутъ подозрѣвать насъ въ пристрастіи. Оставляя все, что онъ сдѣлалъ полезнаго вообще, скажемъ только, что онъ такое былъ въ отношеніи къ Керчи. Въ Августъ мѣсяцъ 1823 года посѣтилъ онъ сей городъ; какъ Кесарь, онъ пришелъ, увидѣлъ и... въ мигъ распозналъ истину съ ложью. Химера Черкесской торговли передъ нимъ исчезла и, кажется, онъ первый умѣлъ понять дѣйствительную пользу, настоящія выгоды, которыя государство со временемъ получать можетъ отъ Керченскаго порта.

Съ внутреннимъ убѣжденіемъ поспѣшилъ онъ ходатайствовать у покойнаго Государя за Керчь, и чрезъ два мѣсяца, именно въ Октябрѣ 1823 года, въ городѣ Вознесенскѣ, по докладу его, назначенъ первымъ Керчь-Еникальскимъ градоначальникомъ генералъ Богдановскій, давнишній его сослуживецъ и котораго похвальныя свойства ему коротко были извѣстны.

Какой неожиданный ударъ для надменнаго Скасси! Всѣ его замыслы, какъ дымъ, должны были исчезнуть. Отъ досады онъ не лопнулъ, но глубоко

скрылъ ее въ коварномъ Итальянскомъ сердцѣ своемъ. Привыкнувъ всегда носить личину, онъ ласкался къ графу Воронцову, улыбался Богдановскому и страдалъ безсильнымъ желаніемъ вредить столь благонамѣреннымъ людямъ.

Со всею приверженностію къ графу Воронцову, со всеѣмъ уваженіемъ къ Богдановскому и, прибавимъ еще, съ изряднымъ таимъ самолюбіемъ, скажемъ правду: какъ первый сей выборъ для Керчи, такъ и послѣдующіе были неудачны. По неволѣ людей посылать не должно: генераль Богдановскій, равно какъ и преемникъ его, много въ своей жизни обязаны графу Воронцову, не могли противиться его желаніямъ и пожертвовали пріятностями жизни его полезнымъ намѣреніямъ. Умный и осторожный Богдановскій есть рабъ своего слова и рабъ всеѣхъ обязанностей своихъ: онъ чрезвычайно аккуратенъ, мѣтѣ чѣмъ должно онъ никакъ не сдѣлаетъ, но и болѣе также никогда. Онъ слишкомъ два года терпѣливо перенесъ Керченскую жизнь, какъ птица на вѣткѣ во время непогоды, выжидая лучшаго времени и никакъ не думая вить гнѣзда; онъ ничего тамъ не захотѣлъ завести. Онъ дѣлалъ все, чтò отъ него зависѣло, чтобъ все держать въ порядкѣ, почиталъ себя болѣе исполнителемъ распоряженій вышшаго начальства, былъ правдивъ, никакихъ личностей себѣ не позволялъ. Съ Скасси подъ конецъ былъ онъ въ явномъ несогласіи, но все ядовитыя стрѣлы Итальянца скользили только о непоколебимое его хладнокровіе. Керчь была для него, какъ уродливая жена, которой, давши слово въ вѣрности, онъ, какъ честный человекъ, не могъ измѣнить и которой, кромѣ любви, онъ ни въ чемъ не отказывалъ. Настоящая жена его та, съ которой онъ соединенъ передъ самымъ сюда прибытіемъ, была единственною его отрадой въ сей пустынѣ. Воспитанная въ столицѣ, она любила если не шумныя веселости, то пріятности общегитія, а здѣсь ихъ совсѣмъ была лишена. Ея таланты, любезность и скромность еще болѣе были замѣтны въ кругу этихъ глупыхъ и злыхъ чиновницъ, бывшихъ прачекъ.

Во время управленія г. Богдановскаго, ничто не дѣлалось въ Керчи иначе какъ подъ наблюденіемъ его, но по распоряженіямъ и проектамъ, утверждаемымъ самимъ генераль-губернаторомъ. Въ началѣ 1826 года, согласно съ сильнымъ его желаніемъ, оставилъ онъ здѣшнее мѣсто и переведенъ градоначальникомъ въ Θεодосію. Тогда-то Керчь осталась на жертву Лигурійцу Скасси и одному Вандалу Синельникову, карантинному инспектору, которому поручено было временно градоначальствовать.

Намъ теперь болѣе ничего не остается, какъ описать городъ сей, въ который мы прибыли въ началѣ нынѣшняго 1827 года.

Надобно почти вѣхатъ въ него, чтобы его увидѣть. Дорога изъ Θεодосіи съ послѣдней станціи идетъ все на изволокъ, переломъ дѣлается верстахъ въ двухъ съ половиною отъ Керчи подлѣ такъ называемаго Золотаго Кургана. Этотъ курганъ можно почестъ горой, онъ изъ земли и каменьевъ сложенъ, а Золотымъ названъ потому, что, когда роются въ немъ, почти

всегда въ гробницахъ находятъ золотыя вещи. Суевѣрные рассказываютъ, что подъ нимъ засажена какая-то дѣвица, сотворившая страшное преступленіе, за то проклятая и осужденная сидѣть цѣлыя столѣтія въ подземельѣ. пока не сыщется добрый человѣкъ, который согласится благословить ее. Говорятъ, что по временамъ она является, ночью, печально бродитъ вокругъ кургана, завидя всякаго проходящаго спѣшитъ къ нему съ мольбою; а онъ, не думая давать благословенія, съ ужасомъ отъ нея удаляется.

Отъ этого волшебнаго кургана начинаешь непримѣтно спускаться. Скоро открывается множество разбросанныхъ каменныхъ избушекъ, построенныхъ Русскими поселенцами, и которыя со временемъ, по утвержденному плану, должны составить новые кварталы города. Наконецъ въѣзжаешь и въ Керчь. то есть въ главную и почти единственную улицу сего города, которая отъ первыхъ прочныхъ застроеній до крѣпости имѣетъ длины болѣе версты. Она идетъ по кособогу довольно высокихъ холмовъ и Митридатовой горы; дойдя же до нея, между ею и крѣпостью, у подошвы ея лежащей, поворачиваетъ вправо и ее обходить: можно сказать, весь городъ лежитъ у ногъ Митридата *) По обѣимъ сторонамъ этой главной улицы идутъ еще двѣ другія, не столь длинныя и не столь обстроенныя и соединяющіяся съ нею переулками. Параллельныхъ улицъ болѣе дѣлать невозможно: справа гора, а съ лѣва болото, низменное мѣсто, куда стекаются ручьи изъ всѣхъ фонтановъ и которое, при сильныхъ вѣтрахъ съ моря, затопляется. Первая половина большой улицы довольно широка, идетъ по прямой линіи и отстроилась только съ учрежденія градоначальства; другая же, составлявшая старый городъ, и крива, и коса, и грязна. Пять или шесть вновь построенныхъ каменныхъ двухъ-этажныхъ домовъ даютъ Керчи видъ города.

Народонаселеніе все еще простирается не болѣе какъ до 2,500 душъ въ обоихъ городахъ; если все такъ пойдетъ, какъ шло донинѣ, то трудно ожидать, чтобы оно умножилось. Таврическая Казенная Палата, обязанная отчетностію Министерству Финансовъ, очень строго поступаетъ при перечисленіи жителей изъ другихъ губерній; общества, при увольненіи людей, желающихъ переселиться въ Керчь, неохотно даютъ свое согласіе, а для принятія ихъ здѣсь встрѣчается еще болѣе затрудненій.

Сначала Керчь была многочисленная Греческая колонія; девять-десятихъ изъ ея населенія разошлись, но остальное удержало за собой всѣ привилегіи, права и выгоды, которыя имъ императрицею Екатериною пожалованы. Какая за то отъ нихъ польза государству? Никакой. Всякая Нѣмецкая, или другая какая, колонія съ столь давняго времени и при столь выгодномъ мѣстоположеніи сдѣлалась бы знаменитою. А между тѣмъ сіи Керченскіе Греки воображаютъ, что ихъ однихъ правительство имѣло въ виду, учреждая

*) Народъ называетъ эту гору просто Митридатъ. Говорятъ: „я былъ на Митридатѣ, я пойду на Митридата“.

здѣсь портъ. Скасси ихъ въ томъ увѣрилъ. На смѣхъ, обѣщався онъ имъ хлопотать въ Петербургъ, чтобы дано имъ было муниципальное правленіе, и чтобы всѣ полицейскія власти и даже градоначальникъ были ими и изъ среды ихъ избираемы; онъ тронулъ слабую сторону ихъ, тщеславіе. Эти люди, столь хитрые въ мелочныхъ обманахъ, но которые въ глубокомъ невѣжествѣ своемъ далѣе носа своего ничего не видятъ, охотно вѣрятъ ему. При такомъ расположеніи умовъ, какъ трудно всякому иностранному капиталисту, а кольми паче Русскому, которыхъ также они называютъ иностранцами, да еще и худшими, рѣшиться что нибудь завести и войти въ ихъ сословіе; Они сами всячески тому противятся, а безъ ихъ согласія нельзя быть Керченскимъ жителемъ; когда же они согласятся, то въ какой жестокой надобно быть отъ нихъ зависимости! Ибо какъ они одни избиратели и избираемые, то всегда имъ надобно кланяться.

Русскихъ простолюдиновъ они охотно принимаютъ, зная ихъ проворство и трудолюбіе. Они ихъ за дешевую цѣну панимаютъ, а высокой тѣ отъ нихъ просить не смѣютъ. Но если кто изъ нихъ порасторгнется, поразживется и начнетъ состояніемъ равняться съ Греками, то надобно видѣть, какъ начнутъ всѣ на него нападать, привязываться къ нему, мѣшать ему во всемъ, и всѣ усилія градоначальника едва могутъ его спасти. Этимъ Крымскимъ Грекамъ или Татаро-Грекамъ (ибо они не только исторіи Греціи, или же ученаго Еллинскаго языка, но и того, который нынѣ Греками говорится, не знаютъ, а говорятъ всѣ только по-татарски), этимъ варварамъ сказалъ кто-то, что въ древности былъ какой-то городъ Лакедемонъ, коего жители, Спартанцы, пользовались совершенною свободою и имѣли у себя Илотовъ, съ которыми могли, какъ съ собаками, обходиться. Ихъ увѣрили, что они происходятъ отъ этихъ Спартанцевъ, и что, по примѣру предковъ, должны имѣть своихъ Илотовъ. И эта сволочь, эти люди, изъ коихъ нѣтъ ни одного, который бы могъ понасть въ купцы 3-й гильдіи, между коими тотъ почитается богачемъ, кто до 30 тысячъ рублей имѣетъ въ оборотѣ и на нихъ крохоборствуетъ, каждый изъ нихъ имѣетъ по одной или по двѣ семьи Илотовъ. Каждый годъ вьзять они на ярмарки: Роменскую, Харьковскую и Коренную, и разводятъ балыки; купцы, которые у нихъ покупаютъ, получаютъ отъ мотоватыхъ помѣщиковъ, вмѣсто должныхъ денегъ, живыхъ людей, и ими платятъ Грекамъ за копченую рыбу. Разумѣется, что купція совершается на чужое имя. О стыдъ имени Русскаго! Сердце раздирается, когда услышишь вопли сихъ несчастныхъ единоземцевъ, терзаемыхъ самыми презрѣнными изъ пришлецовъ *). Бывшій градоначальникъ, Богдановскій, не могъ

*) Въ Армянскомъ городѣ Нахичеванѣ, подлѣ Таганрога, жите еще хуже этимъ невольникамъ. Какъ городъ сей многолюднѣе, богаче Керчи и весь населенъ Армянами, то зацигить Русскихъ крѣпостныхъ людей совершенно некому. Послѣдній мясникъ имѣетъ собственныхъ слугъ и обращается съ ними, какъ Европейцы съ Неграми. Жребій ихъ облегчается, когда они принимаютъ Армянскую вѣру.

остаться равнодушнымъ къ неистовствамъ Грековъ: пользуясь указомъ 1823 года, онъ полицейскою властію, безъ церемоніи, началъ отбирать людей у тѣхъ, кои не имѣли права ими владѣть: многихъ избавилъ онъ такимъ образомъ отъ оковъ; но что же вышло? Все его возненавидѣло, и Скасси обрадовался случаю, началъ подстрекать Грековъ; они послали прошенія въ Сенатъ, оттуда потребовались объясненія, и начались дѣла. Чѣмъ они кончатся, неизвѣстно; а извѣстно только то, что старый вѣтреникъ, Ланжеронъ, у сенаторовъ, а Скасси у оберъ-секретарей хлопочутъ за жителей de leur bonne ville de Kertsch.

Началомъ всѣхъ непріятностей и потомъ несчастій для Θεодосійскаго градоначальника Броневскаго было его состраданіе. Двѣ дѣвки, измученныя Грекомъ Качони, у котораго онъ были крѣпостными, не видя никакого спасенія, съ отчаянія бросились въ море; съ тѣхъ иоръ Броневскій началъ принимать строгія мѣры къ обузданію Спартанцевъ. Все соединилось противъ него, ябеды, доносы посыпались, самыя певинныя его дѣянія перетолковывались, все, что ни предпринималъ онъ полезнаго для города, назвалось притѣсненіемъ. всякое оказанное имъ снисхожденіе названо слабостію, а малѣйшая строгость злоупотребленіемъ власти. И онъ погибъ! Лишеніе добраго имени и способностей для того, кто имѣлъ ихъ, есть нравственная смерть, въ сравненіи съ которой физическая ничто. Будучи въ крайней нищетѣ и не имѣя способовъ оставить мѣсто казни, онъ бродитъ, какъ тѣнь среди убійцъ своихъ и учитъ осторожности градоначальниковъ, которые могли бы быть увлечены опаснымъ человѣколюбіемъ.

И эти Греки во всемъ подобны другимъ соотчичамъ своимъ, разсѣяннымъ по Россіи. И эти Греки, минусъ просвѣщеніе, напоминаютъ предковъ своихъ, коихъ характеръ исторія сохранила! И эти Греки возбуждаютъ нынѣ живѣйшее участіе во всей Европѣ! Они коварны, злобны, мстительны, непостоянны, падменны, корыстолюбивы болѣе Жидовъ. Отличительная же ихъ черта есть неблагодарность. Кто ихъ хорошо не знаетъ, тому неизвѣстно, сколько ея вмѣщаться можетъ въ человѣческомъ сердцѣ. Пусть вспомнятъ мужика, который изъ Аѣннъ выгонялъ Аристиду только за то, что онъ слылъ правдивѣйшимъ изъ мужей республики; пусть прочитаютъ записки западныхъ воиновъ, этихъ Крестonosцевъ, которые отъ невѣрныхъ шли освободить гробъ Господень: они дышатъ откровенностію людей неиросвѣщенныхъ и выставляютъ всю черноту Грековъ въ среднемъ вѣкѣ. Можно смѣло сказать, что изо ста спорныхъ дѣлъ, производящихся въ портовыхъ коммерческихъ судахъ, 99 по жалобамъ Грековъ или на Грековъ; никакой вѣры къ нимъ людямъ имѣть невозможно; вездѣ какой-то безпокойный духъ, вездѣ гнусныя обманы. Если гдѣ составитъ пріятельское общество изъ 15 или 16 человѣкъ и замѣшается между ними одинъ Грекъ, то прощай веселіе: тотчасъ рождаются раздоръ и вражда. Ихъ много служить въ Черноморскомъ флотѣ и морскіе офицеры другихъ націй такъ хорошо это знаютъ, что формально ихъ чуждаются и другихъ сношеній, какъ по службѣ, съ ними не имѣютъ.

Конечно, Греція была нѣкогда посреди всеобщаго мрака блестящей точкой, которая, увеличиваясь, сдѣлалась источникомъ свѣта, разлившагося по всему земному шару. Всякая нація имѣла свой славный періодъ, и эти самые Греки заимствовали у другихъ народовъ и потомъ усовершенствовали искусства, науки и изощрили этотъ вкусъ изящнаго, которому мы болѣе всего дивимся. За блистательною, хотя и порочною жизнію послѣдовало продолжительное тлѣніе; воскресенія никогда не будетъ. Еще такого примѣра не было, и Персіяне Фетъ-Али-шаха совсѣмъ не Кировы Персы, и Египтяне Махмедъ Али-паша не построятъ пирамидъ. Магометанское варварство, какъ хладъ, все мертвитъ. Какъ отъ сильнаго мороза притупляется ядъ всѣхъ зло-вредныхъ насѣкомыхъ и растений, такъ и отъ него Греки оковѣли; но пусть они отойдутъ, пусть, согрѣтые свободою, соединятся въ политическое тѣло: тогда мы увидимъ! Развѣ дунеть хорошій вѣтеръ съ Невы или изъ Альбіона, разгонитъ и заглушитъ этотъ смрадъ.

Что намъ толкуютъ безпрестанно о Гомерѣ и Еврипидѣ, о Сократѣ и Платонѣ, о Демосѣенѣ и Есхилѣ, о Солонѣ и Ликургѣ, оThemistocle и Эпанимондѣ? Зачѣмъ указываютъ на другихъ славныхъ Грековъ, которые позднѣе явились, на этихъ святителей, благочестивыхъ, краснорѣчивыхъ и златоустыхъ отцовъ Восточной церкви? А развѣ цари-пророки не были Іудеи, и самъ Богочеловѣкъ развѣ погнушался родиться между ними? А что такое потомство этихъ Іудеевъ? Нѣтъ, что бы ни говорили господа Филеллины, какъ бы ни призывали тѣни великихъ мужей древней Греціи, лучи ихъ безсмертія сквозь тѣму времянь не отражаются на этой вонючей грязи.

Люди, которые любятъ находить сходства, говорятъ, будто Греки характеромъ похожи на Французовъ, а другіе будто на Нѣмцевъ; тѣхъ, кои знаютъ многихъ Грековъ, спрашиваемъ мы: видѣли ли они хотя одного изъ нихъ веселонравнаго? Они всѣ угрюмы, мрачны и улыбаются только содѣланному ими злу. Правда, вмѣстѣ съ тѣмъ они болтливы и легкомысленны; но сей послѣдній недостатокъ производитъ въ Французахъ самыя любезныя качества: обходительность, незлобіе, иногда, такъ сказать, неумышленные одолженія, и въ самомъ простомъ Французѣ нерѣдко встрѣчаются порывы великодушія, о которомъ Греки и понятія не имѣютъ. Какъ Нѣмцы, любятъ они уметь; но все ихъ многорѣчіе для того только, чтобъ скрыть истину, тогда какъ всякій Нѣмецъ отъ чистаго сердца ищетъ находить истину и готовъ показать ее цѣлому свѣту. Народы просвѣщенные, вы, которые такъ усердно вступаете за тѣхъ, коихъ не знаете, вы со временемъ будете обижаться всякимъ съ ними сравненіемъ. А вы, Молдаване и Волохи, которые болѣе двухъ вѣковъ отъ нихъ страдаете, потомки Славянъ и Римлянъ вмѣстѣ, вы, въ которыхъ недавно мы осуждали неосторожно привитые пороки, вы можете всей Европѣ дать отвѣтъ. Самая ненависть ваша къ грабителямъ и развратителямъ вашимъ уже показываетъ въ васъ зародышъ всего добраго.

На такомъ маломъ пространствѣ и съ горстью такихъ людей, подъ вліяніемъ Скасси, всякій градоначальникъ долженъ имѣть болѣе заботъ, чѣмъ при управленіи многолюдной губерніи. Будетъ ли тутъ время ему думать о какомъ-нибудь полезномъ устройствѣ, особливо тогда, какъ въ 700 верстахъ отъ Одессы онъ о всякой бездѣлицѣ долженъ спрашиваться у генераль-губернатора? Къ тому должно еще прибавить, что по отдаленности Керчи порядочные чиновники неохотно туда ѣдутъ (почти всѣ, которые тамъ служатъ, суть люди выгнанные и которыхъ въ другія мѣста не принимаютъ); всѣ они опредѣлены были господиномъ Скасси при началѣ учрежденія градоначальства и ему преданы. Кто же захочетъ остаться тамъ долго градоначальникомъ? Какъ же быть? Назначить самого Скасси? Онъ надѣлаетъ много добра.

Слѣдуетъ вопросъ: если въ Керчи учрежденъ портъ для Черкесской торговли и есть попечитель этой торговли, то зачѣмъ тутъ градоначальникъ? Если назначенъ градоначальникъ, то какого же другаго попечителя надобно? Въ такой карманный городокъ опредѣлить двухъ начальниковъ, почти равныхъ властію, значить тоже, что засадить двухъ вороновъ въ канаресчную клѣтку. Они будутъ драться: другой пользы не будетъ.

Вотъ что есть примѣчательнаго въ этой клѣткѣ и вокругъ нея.

1. *Митридатова гора*. На ней былъ Акрополисъ или верхняя часть города Пантикапея и стояли царскіе чертоги, какъ мы въ началѣ сей записки сказали. Вѣроятно, многія обрушенныя великолѣпныя зданія времени на ней покрыло землемо и ее возвысило; по крайней мѣрѣ, гдѣ ни копнешь, вездѣ обломки колоннъ, капителей и мраморныхъ барельефовъ. Жители Керчи въ невѣдѣніи своемъ и не знаютъ, что это такое за Митридатъ; большая часть изъ нихъ полагаетъ, что онъ былъ гигантъ, превращенный въ каменную гору и засыпанный землемо. Прошло близъ двухъ тысячъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ одинъ великій человекъ погибъ на сей горѣ; она все пазывается его именемъ и вѣками сохраняетъ его. Все великое исчезаетъ въ мірѣ, но долго, долго остается память объ немъ. Сію гору въ нѣкоторомъ отношеніи можно уподобить одной скалѣ, брошенной среди оксана, темницъ и могилъ чудеснаго генія, который въ наши дни водновалъ, мучилъ и восхищалъ вселенную; она назовется его именемъ и въ теченіе многихъ вѣковъ будетъ имъ славиться.

Митридатова гора въ утесъ стоитъ надъ проливомъ, и въ низу подлѣ него самый узкій провѣздъ. На вершинѣ горы стоятъ кресла Митридаковы, на которыхъ, вѣроятно, онъ никогда не сидѣлъ; это нѣсколько довольно-большихъ камней, случаемъ или руками сложенныхъ, между коими есть впадина, въ которую можно сѣсть; видъ съ этого мѣста во всѣ стороны далеко простирается. Одинъ бокъ горы, который къ Керчи, довольно отлогъ, такъ что на немъ поселилась цѣлая матроская слобода, и когда въ хижинахъ вечеромъ зажгутся огни, то съ низу взглядъ на нихъ очень приятенъ.

По неволѣ должно теперь сдѣлать отступленіе и сказать, какая это слобода. Въ Русскій портъ Редуть-Кале, въ Мингреліи, ежегодно привозился изъ Керчи въ значительномъ количествѣ провіантъ, частію для войскъ, тамъ расположенныхъ, частію для всего отдѣльнаго Грузинскаго корпуса, и сіе дѣлалось посредствомъ найма каботажныхъ судовъ, которыя только подлѣ береговъ могутъ плавать, а въ самое море не идутъ. Это было сопряжено съ большими издержками для казны, и Скасси чрезъ Ланжерона предложилъ весьма полезное дѣло по первому взгляду. Согласившись съ симъ предложеніемъ, правительство приказало купить одиннадцать купеческихъ судовъ, оснастить ихъ, снарядить и вооружить, а для управленія ими даны флотскіе офицеры и матросы. Вся эта операція поручена Скасси; а онъ покупалъ суда, по какой цѣнѣ и какой величины хотѣлъ; ему подчинили эту флотилію и онъ попалъ въ адмиралы. Кажется, все это было въ началѣ 1821 года, по отчетовъ онъ до сихъ поръ не отдалъ. Контроль ихъ отъ него требуетъ, а онъ всячески отъ того уклоняется; поживился онъ тутъ, кажется, порядочно, но не соблюдъ никакого форменнаго порядка. Всѣ эти суда онъ перекрестилъ; одному далъ свое имя, другое назвалъ Ланжерономъ. Перевозка провіанта на сихъ транспортныхъ судахъ обходилась казнѣ дѣйствительно гораздо дешевле прежняго; матросы цѣлаго экипажа, по большей части семейные, обзавелись, построили домики, составили слободку, умножилось тѣмъ народонаселеніе Керчи, и съ умноженіемъ потребностей болѣе денегъ пустилось въ оборотъ. Флотилію эту послѣ отдали въ вѣдѣніе градоначальника. Все это до сихъ поръ прекрасно, но вотъ что худо.

Суда были старыя и весьма непрочныя и въ шесть лѣтъ совершенно обветшали, такъ что теперь ихъ надобно бросить. По соглашенію графа Воронцова съ адмираломъ Грейгомъ къ концу нынѣшняго года должно будетъ ихъ перевести въ Севастополь и они тамъ будутъ догнивать. Стростіе каботажныхъ судовъ прежнимъ наймомъ чрезвычайно было поощряемо; оно ежегодно умножалось и по той пропорціи перевозка годъ отъ году становилась бы дешевле. Нынѣ, не взирая на помощь, которую даетъ казна, число каботажныхъ лодокъ въ шесть лѣтъ много уменьшилось; каботажъ есть жизнь Керчи, какъ мы далѣе покажемъ. Теперь опять надобно будетъ нанимать ихъ по прежнему, но уже гораздо дороже прежняго; гдѣ же прибыль? Истрачено много денегъ на покупку судовъ, которыя чрезъ нѣсколько лѣтъ никуда не годились, и разорены бѣдные морскіе солдаты, которые теперь за безцѣнокъ начинаютъ домишки свои продавать. Вотъ какъ надобно быть недовѣрчиву къ обширнымъ планамъ этихъ смѣлыхъ иностранныхъ прожектеровъ, которые всегда одну свою только пользу имѣютъ въ виду.

2. *Курьпость*, построенная Турками, вѣроятно, для обороны со стороны пролива, ибо съ Митридатовой горы весь гарнизонъ можно забросать камнями. Въ ней примѣчательнаго есть одна древняя башня, говорятъ, еще Генуезская и церковь, коей времени основанія никто хорошенько не знаетъ. Она должна быть очень древняя, ибо часть ея вошла въ землю, но остальное

довольно высоко подымается. Куполь ея поддерживается четырьмя мраморными столбами, а помость составленъ весь изъ мраморныхъ плитъ разной величины, на коихъ высѣчены разныя фигуры, кои служили совсѣмъ для другаго употребленія. Эта-то церковь была убѣлена г. фонъ-Деномъ. При Туркахъ она была мечетью: у входа ея стоитъ высокій минареть, который нынѣ служить колокольней.

3. *Музеумъ*. Онъ открытъ только въ 1823 году подъ управленіемъ Бларамберга и покамѣстъ помѣщается въ домѣ одного Француза Шевалье дю-Брюкса. Собраніе древностей дѣлается съ успѣхомъ: теперь находится уже въ музеумѣ большое количество Воспорскихъ медалей, золотыхъ, серебряныхъ и бронзовыхъ, урны съ пепломъ умершихъ, большія амфоры, въ которыхъ древніе хранили вино и деревянное масло, лакриматоріи разныхъ составовъ, формъ и величины, глиняные сосуды и маленькія статуи, очень хорошо сохранившіяся. Пять или шесть колоссальныхъ мраморныхъ торсовъ и множество обломковъ архитектуры и скульптуры, въ которыхъ знатоки находятъ искусство и прекрасную отдѣлку, дѣлаютъ сіе собраніе весьма любопытнымъ. Есть также много очень хорошихъ золотыхъ вещей, вѣнецъ изъ золотыхъ листьевъ, открытый въ могилѣ какой-то царицы, пропасть золотыхъ перстней съ рѣзными камнями, браслеты и проч. и проч.

Директоръ сего музея, г. Бларамбергъ, живетъ въ Одессѣ, рѣдко и на короткое время пріѣзжаетъ въ Керчь, и отъ того-то медленно умножается сія коллекція. За ея храненіемъ имѣетъ присмотръ мѣстное начальство.

Конечно, для любителя древности нигдѣ почти нѣтъ столь богатой жатвы, какъ въ окрестностяхъ Керчи. До сихъ поръ насчитали 1,200 кургановъ; но и половины, кажется, не сосчитали: немногіе изъ нихъ взрыты и всѣ почти не понапрасну, остальное можно почитать неисчерпаемымъ источникомъ. Когда откроютъ курганъ и найдутъ въ немъ разные предметы въ Греческомъ вкусѣ, то надобно рыться еще глубже въ землю: тамъ находишь другія гробницы народовъ, нынѣ уже неизвѣстныхъ. Эти подземелья весьма пространны; обыкновенно въ нишѣ или впадинѣ находишь человѣческія кости, близъ которыхъ, на каменномъ столѣ, почти всегда каменная чаша и желѣзныя орудія, копья и стрѣлы, а жемного поодаль, на каменномъ канапе, скелетъ лошади.

Когда приведутся въ исполненіе намѣренія графа Воронцова построить особое зданіе для музеума, опредѣлить къ тому особливаго чиновника, который бы имѣлъ постоянное пребываніе въ Керчи, и начнутъ систематически, по порядку, разрывать курганы, то собраніе Керченскихъ древностей будетъ одно изъ достопримѣчательнѣйшихъ въ свѣтѣ. Феодосія имѣетъ также свой музеумъ, но только по одному названію; онъ находится подъ надзоромъ доктора Граперона, который столь же мало смыслить въ археологій, какъ и въ медицинѣ, а, какъ Французъ, берется за все, и сей музеумъ только бо

гать вещами, похищенными у Керчи, когда сей городъ былъ подвластнымъ Θεодосіи. Большіе споры идутъ о томъ между гг. Бларамбергомъ и Граперономъ, особливо же за одного грифона *), высѣченнаго на камнѣ. Этотъ грифонъ былъ эмблемою Пантикапей, украшалъ долго ворота Керченской крѣпости, и насильственно завладѣла имъ Θεодосія.

4. *Старый карантинъ* находится въ семи верстахъ отъ Керчи, немно- го повыше того мѣста, гдѣ въ старину была Нимфея, а лѣтъ двадцать тому назадъ большая прекрасная и густая роща фруктовыхъ деревьевъ, на горѣ, по горѣ и подъ горою. Это самое заставило выбрать сіе мѣсто, посреди обнаженной степи для учрежденія на немъ карантинной заставы, хотя тутъ стояніе для судовъ самое невыгодное, по близости къ Черному морю: стрем- леніе вѣтровъ при истокѣ пролива бываетъ ужасное, и нерѣдко гибли ко- рабли.

Небреженіемъ и варварствомъ каторжныхъ чиновниковъ, которые въ карантинную заставу опредѣлялись, роща совсѣмъ истребилась: чтобы не покупать дровъ, они рубили деревья и ими топили печи. Теперь всего оста- лось деревьевъ съ тридцать, грушевыхъ и миндальныхъ, и нѣсколько кустовъ очень хорошаго винограда. Попеченіемъ послѣдняго директора карантиннаго дому, Бородина, который, какъ Цинцинатъ, оставилъ мечъ для мирныхъ за- нятій и обрабатыванія земли, и опять взялся за него и сражается теперь съ Персіянамъ, разведенъ довольно большой разсадникъ молодыхъ деревьевъ и посажена бездна цвѣтовъ. Строенія сего карантина нынѣшнимъ лѣтомъ опу- стѣли, одинъ только домикъ прибранъ и передѣланъ для жительства градо- начальника. Мѣстоположеніе прекрасное, и если сдѣлать тутъ хуторъ или дачу, и попадется оно къ рукамъ, то сдѣлается украшеніемъ для Керчи и весьма пріятной прогулкой.

5. *Новый карантинъ*, построенный по проекту инженернаго генерала Потье и оконченный въ нынѣшнемъ году, находится въ четырехъ верстахъ отъ Керчи, къ Сѣверу, и слѣдственно почти на половинѣ дороги къ Еникале.

Множество большихъ строеній и магазиновъ чрезвычайной величины, на великомъ пространствѣ, окруженномъ двойною каменною стѣною, и хо- рошо укрѣпленная пристань дѣлаютъ сей карантинъ первѣйшимъ въ Россіи и не послѣднимъ въ Европѣ. Допросныя, окурныя, маркитантскія, пассажир- скія комнаты, парлаторіи, чумный кварталъ, все выстроено и отдѣлано пре- красно и на такомъ мѣстѣ, гдѣ суда, какъ на дворѣ, безопасно стоять мо- гутъ. Десять тысячъ погонныхъ сажень или пять верстъ каменной высокой

*) Господня Бларамбергъ, столь страстно любящій древность, имѣетъ еще другую страсть: говорить каламбуры и играть словами. Въ нетерпѣніи своемъ онъ говоритъ: «Il faut absolument que je mette la griffe sur ce griffon», на что ему кто-то отвѣчалъ: «Cela sera difficile, parceque m-r Graperon a mis le grappin dessus».

стѣны, не считая кровель, окончинъ, печей, половъ и дверей, и все это стоило 347 тыс. рублей! Такое чудо дано было сдѣлать графу Воронцову; подъ его личнымъ распоряженіемъ, и его стараніями сдѣланы въ Одессѣ торги и подряды. Хвала ему! Какъ искусному генералу, ему случалось съ малымъ числомъ войскъ бить непріятелей; какъ искусный правитель, онъ умѣетъ съ малыми средствами дѣлать великое. Сей человекъ, столь щедрый на собственные деньги, бываетъ всегда расчетливъ, бережливъ и почти скупъ, когда дѣло идетъ о казенномъ или общественномъ интересѣ.

6. *Буазскій мѣновой дворъ*. Впадая въ Черное море, рѣка Кубань образуетъ обширный заливъ, губу, лиманъ или бугазъ. Отъ Анапы идетъ на сорокъ верстъ узкая коса, которая, отдѣляя сей бугазъ отъ моря, оставляетъ пространство менѣе версты, для соединенія ихъ. На самой сей переправѣ построены Мѣновой Дворъ, говорятъ, будто съ Черкесами. Спрашивается, зачѣмъ онъ тутъ? Съ Кавказскихъ горъ развѣ только птицы могутъ летать къ этому мѣсту, минуя Анапу. Абазинцы пойдутъ ли промѣнивать свои товары сорокъ верстъ далѣе и за границу, когда все потребное могутъ они найти подъ руками, въ Анапѣ? И неужели Турки такъ глупы, что они станутъ способствовать этой мѣнѣ? Они никого и ничего не пропустятъ.

Такъ угодно было Скасси. Мѣновой Дворъ уже нѣсколько лѣтъ существуетъ, хотя въ маломъ видѣ. Никакихъ товаровъ въ немъ нѣтъ, ни одинъ Черкесъ не является, и пассажировъ, кромѣ Грузинъ и Армянъ, захваченныхъ горцами и убѣжавшихъ отъ неволи, тамъ не бываетъ. Доходу съ этого двора получаетъ казна ежегодно отъ 16 до 18 рублей, а что стоитъ его содержаніе? Этого мало. Надобно было быть Скасси, чтобы построить большое зданіе, но для дешевизны, изъ битой земли съ глиной и на топкомъ мѣстѣ. Это зданіе въ одно время и строилось, и разваливалось; чрезъ годъ, или два, все обрушится, а стоитъ оно казнѣ 95 тысячъ рублей. Предвидя сіе, градоначальникъ Богдановскій, хлопоталъ чтобы, на первый случай, сдѣлать для пробы строеніе тысячъ въ пять; Скасси возопилъ противъ того и умѣлъ убѣдить даже самого графа Воронцова, который согласился все строеніе начать въ одно время.

Участіе, которое принимаетъ Скасси въ существованіи Буазскаго Мѣноваго Двора, объясняется слѣдующимъ: чрезъ него онъ имѣетъ сношенія съ Анапскимъ пашей, разумѣется, не клонящіяся ко вреду государства, не для пзмѣны, а только для своей корысти. Получаемую имъ соль, безданно, безошлинно, онъ отправляетъ не къ Черкесамъ, а дорогою цѣною продаетъ Туркамъ, а тѣ еще дороже перепродаютъ ее горцамъ: вотъ весь барышъ этого Мѣноваго Двора.

7. *Темрюкъ*, селеніе Черноморскихъ козаковъ, близъ Азовскаго моря, находится въ 90 верстахъ отъ Керчи и входитъ въ округъ Керченскаго

градоначальства. Окрестности его, болѣе нежели гдѣ, усыпаны курганами; утверждаютъ, что тутъ было удѣльное помѣстье Воспорскихъ царицъ; и дѣйствительно, во множествѣ находимыя тутъ медали и памятникъ какой-то славной царицы Комосаріи подкрѣпляютъ сіе мнѣніе.

8 *Еникале*. Крѣпость и городокъ въ Азіатскомъ вкусѣ, идутъ terra сами съ горы и до самаго моря, съ коего видъ на нихъ живописенъ. Внутренность города весьма неопытна; но строенія, хотя не весьма прочныя, больше чѣмъ въ Керчи, и странностію формъ, равно какъ и цвѣтовъ, коими испещрены, привлекаютъ на себя любопытный взоръ путешественниковъ. Около Еникале болѣе всего ловится рыбы и его можно назвать отечествомъ балыковъ.

9. *Маякъ*, построенный въ трехъ съ половиною верстахъ на Сѣверъ отъ Еникале, у самаго входа въ Азовское море, на счетъ Таганрогскаго купечества: довольно высокая башня, около которой нѣтъ никакого жилья. Ничего не можетъ быть печальнѣе ея окрестности. Маякъ сей освѣщается только въ мрачныя осеннія ночи; онъ зависѣлъ отъ Таганрогскаго градоначальства, но скоро долженъ поступить въ вѣдѣніе Керченскаго.

Ширина Керченскаго пролива или Босфора не во всѣхъ мѣстахъ равная: одинъ Таманскій заливъ входитъ болѣе чѣмъ на тридцать верстъ внутрь земли. Керченская бухта идетъ полумѣсяцемъ отъ Павловской батареи до безыменнаго мыса и имѣетъ въ окружности болѣе двѣнадцати верстъ. Двѣ косы: одна, сѣверная, къ Еникале, а другая южная, къ Павловской батарее, съ противоположнаго берега, подходятъ на разстояніе шести верстъ, а фарватеръ болѣе версты нигдѣ ширины не имѣетъ, такъ что мимо двухъ укрѣпленій ни одно судно прокрасться не можетъ: оно всегда отъ нихъ будетъ на пушечный выстрѣлъ.

Въ сихъ мѣстахъ томлюсь я уже нѣсколько мѣсяцевъ, скитаюсь по берегамъ этого Босфора, не встрѣчаю ни одного давно знакомаго лица, не слышу занимательныхъ разговоровъ, не имѣю съ кѣмъ бы обмѣнять одной мысли. Все вокругъ меня пусто, печально, погорѣло. Не знаю, когда наступитъ минута избавленія моего и не утѣшаюсь даже возможностью быть полезнымъ. Говорятъ, будто я здѣсь начальствую; но люди, съ которыми осужденъ я жить, соединяя варварство съ хитрою злобою и невѣжество ума съ развратомъ сердца, хотя и низко мнѣ кланяются, но къ прямодушію моему питаютъ сильную ненависть. Положиться ни на кого и ни на что не могу. Я не похищалъ небеснаго огня, а какъ Прометей, котораго баснословіе приковало къ Кавказу, я пригвожденъ къ мѣстамъ, ему сосѣдственнымъ, и пушечная ястреба съѣдаетъ меня грусть.

Мысленно переношусь я иногда въ счастливыя мѣста и времена, когда я былъ молодъ, здоровъ и веселъ, когда безопасно текла жизнь моя или въ

кругу родной семьи, или въ кругу друзей и пріятелей, мнѣ Небомъ дарованныхъ. Въ поднебесную возносятъ меня сіи воспоминанія; но за то, какъ тяжело упадаю я опять потомъ въ сію пропасть, въ сію Керчь!

Когда тѣлесныя мои страданія дадутъ мнѣ отдыхъ, когда больное, слабое зрѣніе мое пемного прояснѣтъ, то скорѣе берусь я за перо: оно здѣсь мое единственное утѣшеніе. Безъ всякаго плана, а только для разсѣянія своего принялся я описывать все видѣнное, слышанное и читанное мною о мѣстѣ пребыванія моего и даже о всемъ краѣ. Богъ вѣсть, какъ составилась, наконецъ, толстая тетрадь. Кто будетъ читать ее? По крайней мѣрѣ, я постараюсь скрыть ее отъ всѣхъ глазъ, и развѣ самымъ искреннимъ, самымъ снисходительнымъ знакомымъ рѣшусь когда нибудь ее показать.

О вы, почтенные друзья мои, которые служили мнѣ образцами въ молодости, были опорой и утѣшеніемъ всей жизни моей, и теперь, когда дряхлость меня пришибла, когда въ безлюдномъ, безотрадномъ заточеніи кончается неудачное мое служеніе, остались моимъ послѣднимъ упованіемъ, можетъ быть, дойдетъ до васъ когда нибудь сія записка! Если вы загляните въ нее, то вы не будете слишкомъ строги: вы вспомните, что мнѣ и на мысль никогда не приходило быть авторомъ. Какъ узникъ, для развлеченія, мараетъ углемъ стѣны темницы своей, такъ я симъ нескладнымъ описаніемъ облегчалъ иногда неизъяснимую тоску моего сердца.

III.

Въ сей запискѣ вездѣ хвалили мы намѣренія правительства учредить въ Керчи портъ, указывали на сіе мѣсто, какъ на самое выгодное для торговли, и въ тоже время не совсѣмъ выгодно отзывались о г. Скасси, который подалъ объ этомъ мысль и всѣми силами поддерживаетъ ее. Чтобы не быть обвиняемымъ въ противорѣчій должно объясниться.

Во первыхъ, мысль сія принадлежитъ не Скасси, а дюку де-Ришельё. Онъ гораздо послѣ ее себѣ присвоилъ. и тогда только, когда увидѣлъ совершенную неудачу свою съ Черкесами. Но и тутъ ему только хотѣлось своротить вниманіе правительства и направить его на другой предметъ, гдѣ бы еще нѣсколько лѣтъ ему можно было обманывать.

Надобно напередъ спросить: какая торговля можетъ быть съ Кавказскими народами и въ чемъ она состоитъ? Вотъ отвѣты:

Можно дѣлать условія съ дикими, которые близки еще къ первородному состоянію человѣка: они умѣютъ еще хранить святость слова. Но какой трактатъ, какія клятвы могутъ связать людей, между коими отцы и матери малыхъ дѣтей учатъ воровать; между коими тотъ пользуется уваженіемъ, кто

отличился обманомъ, внезапнымъ нападеніемъ на сосѣда и пріятеля и похищеніемъ его стада и рабовъ, людей, у которыхъ нѣтъ никакой вѣры, а какое-то, перемѣшанное изъ христіанства и магометанства, суевѣріе заступаетъ ей мѣсто?

Взаимныя потребности дѣлають между народами торговлю необходимою. Въ главномъ городѣ Черноморскихъ казаковъ, Екатеринодарѣ, и въ устьѣ Лабинской крѣпости уже давно учреждены мѣновыя дворы съ Черкесами. Что туда привозится и что обмѣнивается? Казаки отпускають имъ одну только соль съ своихъ озеръ, въ которой они имѣють нужду, и получаютъ отъ нихъ олени рога, въ маломъ количествѣ шкуры волчьи и шакаловы, да лѣсъ, и то не строевой, а только для топлива. Вотъ чѣмъ все ограничивается, и безъ совершенной перемѣны въ положеніи сихъ народовъ никакъ умножиться не можетъ. Надобно еще замѣтить, что въ Екатеринодарѣ и Усть-Лабинской крѣпости одна только Кубань отдѣляетъ горцевъ отъ Россіи, и что въ Керчь имъ надобно гораздо далѣе идти.

Все нужды свои могутъ горцы удовлетворять дома: изъ шерсти, которую даютъ имъ стада, ихъ жены ткуть очень порядочное сукно, онѣ же плетутъ такъ искусно серебряныя тесьмы, которыми Черкесы украшаютъ свои наряды. Они сами научились дѣлать обыкновенныя оружія, Турки доставляють имъ стволы ружейныя и сабельныя клинки, а они уже ихъ отдѣлываютъ и натачивають. Какъ быть съ ними? Они въ насъ никакой нужды не имѣють. Одни говорятъ, что надобно напередъ просвѣтить ихъ и познакомить съ нашими обычаями, чтобы послѣ поработить; а другіе, что прежде должно ихъ покорить, а потомъ думать о ихъ образованіи. Намъ кажется, что и то и другое есть дѣло весьма трудное, но возможное, и что оба вмѣстѣ надо начать, искусно и усердно за то пріяввшись.

Прежде всего должно Туркамъ заградить путь, отнять Анапу, Суджукъ-Кале и другія укрѣпленія по восточному берегу Чернаго моря и поставить, если нужно, эскадру, которая бы круглый годъ крейсировала и никому не давала бы приставать къ берегамъ. Раздѣлены будучи ущельемъ, по которому вытекаетъ Терекъ, гдѣ учреждена военная дорога и построена Владикавказская крѣпость, отдѣлены будучи съ Юга отъ Азіятскихъ народовъ вновь пріобрѣтенными Закавказскими провинціями, съ Востока Каспійскимъ моремъ, съ Запада отъ Турокъ Чернымъ и съ Сѣвера имѣя границей Кубань, Куму и Терекъ, надобно, чтобы, куда бы они ни сунулись, вездѣ встрѣтили Россію, карающую, сильную и вмѣстѣ съ тѣмъ милосердную и правосудную къ покореннымъ.

Кажется, это была мысль генерала Ермолова. Его корпусъ былъ малочисленъ, а велико было пространство земель, ему ввѣренныхъ. Присылаемые рекруты нескоро могли быть годными для службы: потребно было время, чтобы пріучить солдатъ къ климату, къ опасностямъ, трудностямъ и образу

тамошней жизни; за то берегъ онъ ихъ, какъ зѣницу своего ока. Сіи недостатки долженъ былъ онъ замѣнять этимъ страхомъ, который разсѣивалъ онъ вокругъ себя между злодѣями, его окружающими. Его грозное имя въ горахъ съ ужасомъ прозносилось, маленькихъ дѣтей имъ матери пугали, и онъ положилъ уже начало покоренія горцевъ.

Заслужить любовь вѣрныхъ слугъ государевыхъ и заставить трепетать враговъ его, кажется, вина еще не столь великая. Но Скасси считалъ это преступленіемъ, не возлюбилъ генерала Ермолова доносить, что онъ тиранствомъ своимъ мѣшаетъ ему въ исполненіи возложеннаго на него дѣла. Этотъ плюгавый червь думалъ состязаться со львомъ, и, можетъ быть, подточилъ славную молву объ немъ.

Ермоловъ имѣетъ всѣ пороки и всѣ блестящія качества Русскихъ: онъ гордъ, властолюбивъ, хитеръ, а иногда жестокъ и неумолимъ, какъ онц; но, какъ онц, онъ храбръ, уменъ и искусенъ. Его можно назвать Русскимъ народомъ вкратцѣ. Онъ никогда не начальствовалъ ни арміей, ни даже корпусомъ во время войны, отличался, какъ и другіе, и самъ ни одной побѣды надъ непріателемъ не одержалъ, а любимъ какъ Суворовъ. Не побѣды и добродѣтели въ немъ любятъ, а сходство и надежды.

Кажется, надобно бы, подобно Ермолову, на нѣсколько времени отказаться отъ филантропіи, вести войну съ этими народами подъ малѣйшимъ предлогомъ и всѣхъ плѣнныхъ отсылать внутрь Россіи, а мужчинъ распределять даже по кавалерійскимъ полкамъ; по прошествіи же нѣсколькихъ лѣтъ возвращать имъ свободу и отпускать домой. Еще есть другое средство. Эти народы почти безпрестанно ведутъ междоусобную войну, стараются захватить семейства своихъ противниковъ и продаютъ ихъ потомъ. Въ Редутъ-Кале можно всегда имѣть пару мальчиковъ или дѣвочекъ за 70 карбованцевъ или серебряныхъ рублей. Пусть правительство воспрещаетъ, по прежнему, частнымъ людямъ дѣлать такую покупку, но пусть возьметъ ее на себя. Дѣло будетъ неразорительное; но надобно стараться покупать плѣнниковъ такого возраста, въ которомъ бы имъ невозможно было забыть родину и нетрудно бы было сдѣлать новыя привычки. Учить ихъ Закону Божию, Русской грамотѣ, какому нибудь ремеслу, женить ихъ даже между собою и лѣтъ чрезъ десять позволять имъ возвратиться въ горы. Невозможно, чтобы потомъ, мало по малу, все тамъ не перемѣнилось. Но филантропіей съ такими людьми ничего не возмешь: они ся и не поймутъ и ей не повѣрятъ.

Впрочемъ, мы ошибаемся, можетъ быть, какъ и г. Скасси, который теперъ уже вѣрно не ошибается, но только не сознается.

Какъ часто обманъ и ложь наводятъ на истину, особенно въ Россіи, и успѣхи Скасси въ разсужденіи Керчи могутъ служить тому примѣромъ. Онъ вѣрно серьезно не думалъ, чтобы посредствомъ мнимой Черкеской торговли могъ бы сей городъ сдѣлаться знаменитымъ портомъ: ему хотѣлось только, поль-

зуюсь легковѣріемъ министерства, имѣть большія суммы въ своемъ распоряженіи, строиться, начальствовать, хвастаться, пожить и повеселиться. Онъ былъ подлѣ истины, а на нее не попалъ; видно, онъ не имѣлъ съ нею ничего общаго.

Главная и первая польза отъ учрежденія Керченскаго порта есть безопасность отъ внесенія чумной заразы. За исключеніемъ Одесскаго градоначальства и его округа, надобно, чтобы въ Керчи былъ единственный центральный карантинъ для всей южной Россіи: если чума заберется въ карантинъ, то тамъ и надобно ее задушить; если она прорвется изъ-за стѣнъ его, тогда отѣпить Керчь; когда и тутъ ея не удержатъ, то весьма легко будетъ запереть Керченскій полуостровъ, проведя линію только на 30 верстъ ниже Феодосіи и до Арабата; когда она пойдетъ далѣе, то необходимо будетъ отдать ей въ жертву весь Крымъ и поставить стражу на узкомъ перешейкѣ Перекопа и узкомъ же Ениченскомъ проливѣ, а Россія все таки спасена, и на каждомъ шагу легкія средства могутъ остановить распространеніе зла. Но когда она пойдетъ за Перекопъ, то надобно уже быть большому несчастію. Крымъ можно почитать обсервационнымъ корпусомъ, Керченскій полуостровъ авангардомъ, а Керчь съ карантинномъ аванпостомъ противъ моровой язвы, сего ужаснаго врага.

Въ Таганрогѣ и по всему Азовскому морю должно бы карантинныя всѣмъ уничтожить: они стѣютъ большихъ денегъ, а на какую они потребу? Положимъ, что Константинополь и всѣ берега Чернаго моря принадлежали бы Россіи, теперь содержаніе портовыхъ карантинновъ и ихъ линій и стражи стѣитъ казнѣ до полутора милліона: во что бы тогда ихъ содержаніе обошлось? Не лучше ли бы во сто разъ было учредить одинъ карантинъ въ Цареградѣ, укрѣпить сей единственный пунктъ, обратить на него все вниманіе, соблюдать въ немъ всю строгость и, по выдержаніи карантиннаго термина, пускать корабли гулять по Черному морю и приставать, гдѣ имъ угодно. Все это было бы и легче, и безопаснѣе. Отъ большаго къ малому: Керчь, въ отношеніи къ Азовскому морю, точно тоже, что Константинополь къ Черному; сама природа поставила тутъ заставу, и суда ходили бы въ Азовское море только на практику.

Какъ трудно на большомъ протяженіи береговъ не просмотрѣть иногда тайно пристающую лодку; какъ трудно положиться на казаковъ, которые обыкновенно содержатъ кордонъ, на сихъ хищныхъ и храбрыхъ людей, которые любятъ деньги и столь же мало боятся чумы, какъ и сабельныхъ ударовъ, чтобы они иногда за рубль всякую всячину не пропустили! Въ Таганрогѣ, можно сказать, одна только мнимая предосторожность отъ чумы: брандтвахта стоитъ далеко отъ города, а еще далѣе отъ нея могутъ стоять корабли, и она видитъ только верхи ихъ мачтъ. Пассажиры, сколько хотятъ, могутъ сообщаться между собою и съ кѣмъ хотятъ.

Вотъ какой ходъ имѣла доселѣ торговля съ Таганрогомъ. Корабли, пройдя Черное море, останавливались въ Керчи, выдерживали шестидневный observationalный только терминъ; тутъ отдѣлялись товары, сомнѣнію не подверженные, и отправлялись въ Таганрогъ, гдѣ людямъ и судамъ все-таки полный карантинъ выдерживать надлежало; товары же, приѣмлющіе заразу, посылались въ Феодосію моремъ, слишкомъ сто верстъ назадъ и, по выдержаніи карантина, или по очищеніи ихъ посредствомъ газа, могли быть отвезены въ Таганрогъ. Изъ Керчи давались по два гвардіона изъ отставныхъ солдатъ на каждое судно, идущее въ Таганрогъ, дабы они наблюдали, чтобъ не было сообщенія между судами и не было бы на нихъ тайно провозимыхъ товаровъ. Эти гвардіоны на самомъ небольшомъ окладѣ, и потому за бездѣлицу готовы сказать и позволить дѣлать, что шкиперу угодно. Еще случается, что, во время бури на Азовскомъ морѣ, суда требуютъ помощи и получаютъ ее отъ береговыхъ жителей, которые потомъ никакъ не объявляютъ о томъ, что имѣли сообщеніе, и кому то видѣть и доказывать? Какія ужасныя затрудненія для торговли, и все по пустому: опасность таже. Одинъ Богъ спасалъ доселѣ Россію: ибо если чума въ Таганрогѣ, то ничто ея не остановитъ, и она въ Москвѣ.

Теперь будетъ иначе: съ открытіемъ порта въ Керчи, могутъ суда выдерживать здѣсь весь карантинный терминъ и очищать товары, не дѣлая въ Феодосію понапрасну взадъ и впередъ двѣсти верстъ. Когда прежде были въ Керчи одна карантинная и таможенная заставы, то представить себѣ нельзя, какіе служили тутъ люди! Немного лучше тѣхъ, которыхъ посылаютъ работать въ рудники; и по сию пору есть еще изъ нихъ оставшіеся. Въмѣсто шестидневнаго observationalнаго термина, и шести часовъ суда не останавливались; товары, безъ соблюденія малѣйшей предосторожности, безъ пошлинъ и самые запрещенные, были впускаемы: это была открытая дверь для контрабанды. По бѣдности края, къ счастью, немного ея требовалось. Керченскіе Греки получали отъ того большую пользу; они вопіютъ теперь противъ строгихъ мѣръ, принимаемыхъ градоначальниками, и говорятъ, что закрыли, а не открыли Керченскій портъ. И здѣсь также Провидѣніе берегло Крымъ.

Еще разъ должно повторить: по всему Азовскому морю и въ Таганрогъ ничего карантиннаго не нужно; это одна лишняя издержка. Лучше и проще будетъ всѣ предосторожности сосредоточить въ Керчи, назначить въ ней карантинъ опытныхъ и надежныхъ чиновниковъ, а потомъ уже возложить на градоначальника самую строгую отвѣтственность. По выдержаніи здѣсь карантина, пускай корабли всякой величины идутъ себѣ въ Азовское море, если хозяевамъ ихъ будетъ охота. Тогда только можно будетъ ручаться за безопасность Россіи.

Азовское море, по увѣренію Дюро-де-Ламала, со временъ Геродотовыхъ, уменьшилось на цѣлую треть. Съ каждымъ годомъ упадаютъ его воды примѣтнымъ образомъ; низкіе берега его, большіе заливы и великое число озеръ,

въ близкомъ разстояніи отъ него находящихся, показываютъ, какъ далеко оно прежде простиралось. Теперь его почтять должно болѣе Донскимъ лиманомъ, чѣмъ моремъ; всѣ морскія карты, которыя съ него снимались, невѣрны, ибо каждый годъ переносятся его мели: гдѣ была прошлаго года подводная песчаная коса, тамъ нынѣ стало глубоко, а гдѣ была глубина, тамъ обмелѣло. Суда, которыя берутъ болѣе двѣнадцати футовъ воды, по немъ ходить не могутъ; бури бывають на немъ сильнѣе, чѣмъ въ самыхъ большихъ моряхъ, пристать почти негдѣ, а болѣе пяти сотъ верстъ должно симъ моремъ идти.

Одна крайняя необходимость заставляетъ бѣдныхъ мореплавателей и купцовъ ежегодно подвергать себя на немъ чрезвычайнымъ опасностямъ. Учрежденіе порта въ Керчи всѣхъ ихъ радуеть: они надѣются, что торговля вся изъ Таганрога перейдетъ сюда, и что всѣ нужные имъ предметы будутъ доставляться къ нимъ оттуда посредствомъ каботажныхъ судовъ. Намъ случилось чрезъ переводчика толковать о томъ съ шкиперами; на вопросъ, не будетъ ли имъ дороже обходиться покупка Русскихъ товаровъ, когда продавцы ихъ должны будутъ дѣлать новыя издержки, платя за транспортъ ихъ отъ Таганрога въ Керчь, и сами они по той пропорціи не будутъ ли возвышать цѣну товаровъ, ими привозимыхъ? Они отвѣчаютъ, что, если счесть опасности, съ плаваніемъ по Азовскому морю сопряженныя, всѣ ихъ риски, большіе проценты, которые должны они платить, застраховывая товары и суда, и болѣе всего время, которое они теряютъ: то теперь-то должны они товары свои гораздо дороже продавать, чтобы получить какой нибудь барышъ. Дѣйствительно, вмѣсто одного рейса, который могутъ они сдѣлать каждый годъ въ Таганрогъ, три раза могутъ они прійти и уйти изъ Керчи: противные вѣтры въ Азовскомъ морѣ, льды, которые долго покрываютъ устье Дона, и ранняя зима мѣшаютъ тому въ Таганрогъ.

Надобно знать, что это такое Таганрогскій портъ. Когда постоянно дуютъ сѣверовосточные вѣтры, то вода на двадцать верстъ отъ него уходитъ, иногда приближается къ нему, но рѣдко посѣщаетъ его берега. Приходятъ корабли въ Таганрогъ. Говорять, пришли въ него тѣ, которые никогда не бывали, спрашиваютъ, гдѣ же портъ, гдѣ же городъ? Имъ указываютъ, и они, съ помощію зрительной трубки едва могутъ ихъ откѣрыть. Многочисленное сухопутное войско могло бы эту гавань обратить въ поле битвы. Царское Село можно также назвать портовымъ городомъ, какъ и Таганрогъ. Хотѣли рыть въ немъ новую гавань, исправить и продлить молы; восемь милліоновъ исчислено на то по смѣтѣ, ихъ будетъ недостаточно, и все будетъ по пустому.

Умершій уже нынѣ государственнй контролеръ, баронъ Кампенгаузенъ, бывшій долго Таганрогскимъ градоначальникомъ, человекъ чрезвычайно умный, ученый и благонамѣренный, былъ ослѣвленъ на счетъ Таганрога, какъ мать, которая не видитъ пороковъ дѣтей своихъ. Онъ такъ сильно былъ убѣжденъ въ выгодахъ Таганрогской торговли, такъ искусно умѣлъ изображать ихъ, что, имѣя доступъ къ покойному Государю, и его заставилъ любить сей городъ, съ пменемъ котораго теперь неразлучны самыя горестныя воспоминанія

Когда съ такимъ портомъ, изъ котораго товары везутся верстъ пять или шесть на тѣлегахъ, грузятся потомъ на маленькія лодки, на нихъ подвозятся къ кораблямъ и тамъ уже окончательно перегружаются, когда со всѣми неудобствами плаванія по Азовскому морю, торговля идетъ довольно хорошо, то чего не можно ожидать, когда умножится число каботажныхъ судовъ и товары на нихъ будутъ привозиться къ безопасному порту, къ которому отовсюду подходитъ будетъ близко и легко? Теперь немногіе смѣльчаки дерзаютъ пускаться къ Таганрогу; тогда число купцовъ и требованій на пшеницу, коровье масло, икру, сало, желѣзо и прочее и прочее утроится. Выгоды, которыя получаютъ отъ него внутреннія Россійскія губерніи, неисчислимы. Если даже каналомъ и не соединять Волгу съ Дономъ, но только чтобъ хорошенько населилось это шестидесятиверстное пространство между Дубовской и Голубинской станицами, и взята бы была привычка возить этимъ волокомъ: то изъ Сибири потекутъ товары въ Черное море и далѣе.

Каботажъ! Каботажъ! На размноженіе его должно быть устремлено все вниманіе мѣстнаго начальства, онъ будетъ новой отраслью народной промышленности. У насъ очень мало купеческихъ кораблей: онъ будетъ основаніемъ купеческаго флота, изъ прибрежныхъ жителей, особливо же изъ Черноморскихъ казаковъ; онъ образуетъ хорошихъ матросовъ для сего флота, а уже о прибыли, которую получаютъ хозяева каботажныхъ судовъ, и говорить нечего. Теперь, говорятъ, таковыхъ судовъ есть до трехъ сотъ; правительство помогаетъ всякому, кто хочетъ строить новыя, ссудою въ 4 т. рублей, число ихъ умножится; но какъ бы ни увеличилась торговля, восьми сотъ будетъ достаточно для всѣхъ торговыхъ операцій по Азовскому морю.

Большую взаимную помощь могутъ ожидать другъ отъ друга Керчь и Мелитопольскій уѣздъ, который заключается между Днѣпромъ и Азовскимъ моремъ. По берегамъ его, лѣтъ съ двадцать тому, поселились Менонисты и составили Нѣмецкія колоніи; трудолюбіе произвело чудеса: колоніи эти похожи на прекрасныя сады, между коими разбросаны опрятныя домики; хлѣбопашество, пчеловодство, садоводство, все въ лучшемъ состояніи, всякія ремесла производятся съ успѣхомъ. Такой примѣръ не могъ остаться безъ подражателей, онъ имѣлъ чрезвычайно полезное вліяніе на сосѣдственныя Русскія селенія весьма зажиточныхъ раскольниковъ, въ великомъ числѣ за наказаніе туда сосланныхъ. Одинъ Французскій эмигрантъ, графъ Мезонъ, изъ малаго числа иностранцевъ, кои принесли Россіи существенную пользу, поселился между кочующими вокругъ Ногайцами, принялъ ихъ образъ жизни, получилъ ихъ совершенную довѣренность и, безпрестанно показывая имъ на счастливую жизнь трудолюбивыхъ Нѣмцевъ, старался и ихъ склонить къ домоводству. Одинъ Богъ знаетъ, какихъ трудовъ ему это стоило; онъ лишился здоровья, и въ одной изъ дракъ между сими бѣшенными, иногда возмущенными противъ своего наставника и благодѣтеля, ему переломили ногу. Но съ постоянною непреклонною волею онъ достигнулъ желаемаго: Ногайцы

бросили кочевать, начали строить дома и пашутъ хлѣбъ. Уже построены и городъ Ногайскъ, а графъ Мезонъ живетъ въ Симферополѣ, въ отставкѣ и бѣдности!

Вся эта сторона, которая примыкаетъ къ Екатеринославской губерніи и Мариуполю, а съ другаго бока къ Ениченскому проливу, населилась чудеснымъ образомъ; все цвѣтеть... но цвѣтеть въ пустынь. Жителямъ сихъ мѣстъ возить свои издѣлія въ Таганрогъ далеко, дорого, и они не сбудутъ ихъ; подвозъ изъ другихъ мѣстъ слишкомъ великъ, а въ Керчь хотя и близко, но не за чѣмъ: тамъ еще ничего нѣтъ. Сообщенія съ другими частями Россіи они имѣютъ мало; все употребляется, все издерживается на мѣстѣ. Однакоже, въ одномъ большомъ селеніи, Молочныхъ Водахъ, завелась ежегодная ярмарка, куда всѣ эти Мелитопольскіе жители съѣзжаются: годъ отъ году она становится богаче, разнообразіе и пестрота нарядовъ чрезвычайно на ней занимательны, и четырнадцатю разными языками говорятъ тамъ торгующіе. Замѣчанія достойны также въ семь уѣздъ: Бердянская коса, весьма населенная и принадлежащая графу Орлову-Денисову, и Обиточная пристань, самая лучшая по всему Азовскому морю. Когда покойный Государь проѣзжалъ чрезъ сіи мѣста, то не могъ ими налюбоваться и до глубины сердца былъ тронутъ непритворнымъ усердіемъ жителей; это было за нѣсколько дней до его кончины.

Многіе думаютъ, что съ возвышеніемъ Керчи упадутъ Θεодосія и Таганрогъ, жалѣютъ о бѣдныхъ жителяхъ, которые отъ того разорятся, жалѣютъ и о потерѣ суммъ, которыя казна уже на строеніе и поддержаніе сихъ городовъ употребила. Если Керчь мѣсто неудобное для торговли, то чего бояться Таганрогу и Θεодосіи? Этотъ новый портъ ихъ не подорветъ. А если выгоды отъ учрежденія сего порта очевидны, то зачѣмъ же упрямитесь, и для того, что уже разъ сдѣлана ошибка, не думать ее исправлять? Θεодосія не упадетъ, ибо уже она давно упала и никогда высоко не подымалась; Таганрогъ не упадетъ, а перестанетъ только быть приморскимъ городомъ (чѣмъ онъ, впрочемъ, и никогда не бывалъ) и останется весьма значительнымъ пунктомъ для торговли, складочнымъ мѣстомъ и богатою рѣчною пристанью, какъ Гжатскъ, Моршанскъ и Рыбинскъ.

Возьмемъ географическую карту, взглянемъ на мѣсто, гдѣ находится Керчь, и внимательно рассмотримъ удивительное положеніе сего города. Вообразимъ себѣ, что уже онъ отстроены, богатъ, и что торговля его въ полномъ дѣйствиіи. На Сѣверозападѣ видимъ мы Донъ, которымъ произведенія природы и искусствъ текутъ изъ самыхъ нѣдръ Россіи въ Нахичевань, Ростовъ и Таганрогъ, а оттуда каботажемъ по Азовскому морю, при попутномъ вѣтрѣ, въ полторы сутки привозятся въ Керчь; прямо на Сѣверъ видимъ мы этотъ Мелитопольскій уѣздъ, которому сосѣдство Керчи даетъ новую жизнь и который безпрестанно съ нею сообщается чрезъ Обиточную пристань, откуда моремъ въ Босфоръ обыкновенно ѣзды бываетъ десять часовъ; Нѣмецкіе ремесленники, всякаго рода мастеравые, приходятъ отсюда и находятъ въ Керчи занятіе и

хлѣбъ. На Востокѣ, въ виду Керчи, на противоположномъ Азіатскомъ берегу, встрѣчаемъ мы Черноморскихъ козаковъ, между Русскими болѣе другихъ въ грубыхъ нравахъ затвердѣвшихъ людей; для нихъ вблизи свѣтитъ новый свѣтъ; долго отворачиваются они отъ него, но, наконецъ, привыкаютъ къ нему, получаютъ навыки къ людкости и чувствуютъ потребность знанія. Немного подалѣе, верстахъ во ста, Турецкая крѣпость Анапа; она взята (или непременно будетъ взята, все равно) и сдѣлалась однимъ изъ рынковъ Керчи. По старой привычкѣ приходятъ въ нее горскіе народы, но находятъ уже все новое, мало по малу осмѣливаются идти далѣе, и въ Керчи узнаютъ, наконецъ, что такое Европейское образованіе. Къ Югозападу сообщеніе съ Редутъ-Кале и Мингреліей бываетъ съ небольшимъ въ сутки, а если будетъ чрезъ горы и лѣса учреждена оттуда дорога къ Араксу, то можно легко будетъ получать товары изъ Персіи; въ два-три дня поспѣваютъ корабли къ Керчи отъ Анатольскихъ береговъ, изъ Синопа и Требизонда, и доставляютъ оттуда все потребное для Азіатской роскоши. Къ Западу весь Крымъ, который, участвуя въ успѣхахъ Керчи, будетъ ей обязанъ улучшеніемъ своего состоянія. Или вся Черноморская торговля одна только мечта для Россіи, или Керчь есть важнѣйшій ея пунктъ.

Но когда все это будетъ? Вотъ чего никто угадать не можетъ. При такомъ положеніи дѣлъ, какъ нынѣ, скоро сего ожидать нельзя. Генераль-губернаторъ живетъ за семь сотъ верстъ и такъ пристально заняться одной Керчью не можетъ, а всякій градоначальникъ скоро восчувствуетъ всю неприятность своего положенія. Лишенный всѣхъ удовольствій жизни, въ сомнительной надеждѣ со временемъ сдѣлать себѣ имя, онъ будетъ за все отвѣчать, со всѣхъ сторонъ будетъ связанъ, никакой почти не будетъ имѣть власти, ничего полезнаго, по мнѣнію своему, онъ предпринять будетъ не въ состояніи, и тѣмъ только будетъ озабоченъ, чтобы обороняться отъ Скасси и безпокойныхъ Грековъ. Скоро все надоѣстъ ему, другой заступитъ его мѣсто и также долго не останется. Въ сихъ частыхъ перемѣнахъ безо всякой пользы будутъ проходить годы.

Если бы кто нибудь изъ военныхъ генераловъ съ достаточными свѣдѣніями, лично извѣстный Государю и пользуясь его Монаршей милостію, согласился принять сіе мѣсто, и хотя остался бы въ зависимости генераль-губернатора, но ему дано бы было болѣе простора, и если бы Скасси ему подчинили, а что еще лучше и того, и совсѣмъ бы удалили: то дѣло пошло бы тогда иначе. Еще бы того лучше, если бы Феодосійское градоначальство все уничтожили, весь округъ его присоединили къ Керченскому и, по примѣру Таганрога, назвали бы градоначальника Керчь-Еникальскимъ и Феодосійскимъ *).

*) Таганрогскій градоначальникъ называется также Ростовскимъ, Нахичеванскимъ и Маріупольскимъ.

На первый случай позволили бы мы себя предложить правительству нижеслѣдующее.

Прежде всего, внушить Грекамъ, что Керчь перестала быть Греческой колоніей съ тѣхъ поръ, какъ она объявлена Русскимъ портовымъ городомъ, что люди всѣхъ націй могутъ въ немъ селиться и имѣютъ съ Греками равныя права на владѣніе земель, озерами и прочимъ, съ чего нынѣ Греки собираютъ доходъ и дѣлятъ между собою, а другіе имъ за то платятъ. Новыми привилегіями должны уничтожиться тѣ, которыя дарованы въ 1775 году. Послѣ того същется много охотниковъ переходить сюда, отъ времени до времени чрезвычайно будетъ умножаться число жителей, и, наконецъ, во всей массѣ поглотится Греческая нечистота.

Потомъ надобно, чтобы правительство озаботилось приискать хотя одного капиталиста, который бы взялся построить домъ, магазины и учредить контору въ Керчи, заблаговременно скупилъ бы въ Таганрогѣ большое количество пшеницы и, при наступленіи навигаціи, нанялъ бы каботажныя суда, чтобы перевезти ее, и здѣсь остановилъ бы корабли и предложилъ имъ продажу: они съ благодарностію согласятся. Отъ этого перваго шага все будетъ зависѣть: обѣднѣвшіе негоціанты Феодосійскіе и такъ уже помышляютъ сюда перейти и дожидаются только, чтобы имъ поданъ былъ примѣръ; Таганрогскіе пришлютъ сюда повѣренныхъ, вотъ и начнется торговля. Большой необходимости нѣтъ, чтобы капиталистъ сей былъ купецъ, онъ можетъ быть дворянинъ и помѣщикъ; напримѣръ, одинъ Русскій богачъ, именно Николай Никитичъ Демидовъ, давно уже живетъ и веселится въ чужихъ краяхъ, но не забываетъ и любить отечество и на всякое общепольное въ немъ дѣло готовъ. Если бъ кто захотѣлъ возбудить его самолюбіе и патриотизмъ, то онъ бы пожертвовалъ на сіе предпріятіе большія суммы; онъ отъ того бы не розорился а напротивъ чрезъ то увеличился бы его золотыя горы; его бы, по всей справедливости, можно было назвать основателемъ Керчи, и онъ оставилъ бы по себѣ славную память. Стоитъ ему только прислать прикащика и деньги,—и Керчь будетъ настоящій портовый городъ.

Надобно будетъ подумать также о томъ, чтобы сократить и облегчить сообщенія Керчи съ близлежащими мѣстами. Для того надобно съ начала устроить хорошій мостъ чрезъ Ениченскій проливъ, который имѣетъ ширины только шестьдесятъ сажень; теперь на немъ самая дурная переправа, которая отнимаетъ охоту обозамъ идти гужемъ чрезъ Арабатекую стрѣлку: но, не смотря на то, болѣе шестидесяти тысячъ телѣгъ ежегодно чрезъ нее проходятъ. Назначивъ самую умѣренную пошлину съ каждой телѣги, можно быть увѣрену, что въ три мѣсяца окупится мостъ, а потомъ казна будетъ получать съ него порядочный доходъ.

Всего нужнѣе будетъ для здѣшнихъ мѣстъ купить пароходъ, который бы два раза въ недѣлю ходилъ изъ Керчи въ Тамань и обратно и перево-

зиль бы почту и проѣзжающихъ. Керчь стоитъ до сихъ поръ въ совершенномъ уединеніи, никто чрезъ сей городъ не ѣздитъ, до него есть почтовыя станціи, опять начинаются они отъ Тамани, но между сими городами сообщеніе прерывается иногда на нѣсколько дней, а иногда болѣе чѣмъ на недѣлю. Потому-то никто не ѣздитъ чрезъ Керчь на Кавказъ, хотя бы сей дорогой, по которой вездѣ есть почтовыя станціи, можно ѣдущимъ изъ Кіевской, Волынской, Подольской и Херсонской губерній на Кавказъ и въ Грузію, выбросить до шестисотъ верстъ. Катера и рыбацкія лодки могутъ идти на греблѣ и противъ вѣтра, но должны употребить очень много времени, никакого экипажа и ничего тяжелаго съ собой взять не могутъ, и при малѣйшей бурѣ подвержены большей опасности; однѣ казенные лансоны могутъ перевозить тяжести, но они должны идти при благопріятной погодѣ, а частными людьми употреблены быть не могутъ. Теперь если изъ Керчи кто вздумаетъ писать въ Тамань и письмо отдастъ на почту, то оно обойдетъ все Азовское море, сдѣлаетъ чрезъ Симферополь, Орѣховъ, Таганрогъ, Черкасскъ, Ставрополь и Екатеринодаръ болѣе 1600 верстъ, и придетъ чрезъ три недѣли, а Тамань въ глазахъ. Пароходъ соединилъ бы столь близкія и въ то же время столь отдаленныя мѣста.

На покупку парохода и доставку его нужно будетъ, по крайней мѣрѣ, сто тысячъ рублей. Гдѣ ихъ взять бѣднымъ жителямъ Керчи? Надобно, чтобы казна дала ихъ взаймы и съ обыкновенными процентами. Остальные пять дней въ недѣли будетъ пароходъ сей расхаживать по Босфору и проводить суда. Надобно знать, что хотя Керченская бухта и чудесная, но входъ въ нее опасенъ: фарватеръ глубокъ, но весьма не широкъ, вездѣ есть подводныя косы, часто суда по неосторожности попадаютъ на мель и даютъ сто, двѣсти и пятьсотъ рублей, чтобы ихъ стащили. Также и выходъ изъ Керченскаго порта, а особливо изъ Босфора, затруднителенъ: изъ тридцати двухъ вѣтровъ только подъ четырьмя можно выбраться въ Азовское море, и надобно выжидать ихъ; хозяева судовъ даютъ Богъ знаетъ что, дабы ихъ выпроводили, и они могли выиграть время, отъ котораго въ торговлѣ очень много зависитъ. Пока иностранные корабли продолжаютъ ходить въ Таганрогъ, да и послѣ круглый годъ, пароходъ бы дѣйствовалъ и въ два года навѣрно выработалъ бы сумму, достаточную, чтобы расплатиться съ казною. Послѣ того остался бы онъ для города Керчи главнѣйшимъ источникомъ его доходовъ.

Сколько еще полезнаго можно предложить, сколько есть еще предметовъ, коихъ усовершенствованіе, не обременяя казны, могло бы быть благодѣяніемъ для рождающагося города! Но кто будетъ слушать наши предложенія? Кто повѣритъ ихъ пользѣ? Искусства Скасси мы не имѣемъ. Намъ не суждено видѣть счастливые дни Керчи, до нихъ еще далеко; въ ожиданіи ихъ будутъ для насъ проходить годы въ одиночествѣ, вдали отъ всего привычнаго, знакомаго, роднаго и милаго, и въ безпрестанной борьбѣ съ злобою и коварствомъ людей; такая убійственная жизнь продлиться не можетъ. Пусть же

другіе, здоровье, терпѣливье и счастливье насъ, предпринимають и дѣйствуютъ; пусть они увидятъ то, чего намъ желать только позволено. Намъ же ничего болѣе не остается дѣлать, какъ окончить сію записку, положить перо и, можетъ быть... скоро проститься съ Керчью. Дай Богъ не видать сего города, пока онъ совершенно не преобразится!

Едва сія записка была окончена, какъ громъ Наваринской побѣды огласилъ Повороссійскій край, и въ то же время, съ другаго конца, прилетѣло извѣстіе о покореніи Эривани и Тавриса. Какое удивительное вліяніе сіи происшествія будутъ имѣть на участь здѣшнихъ мѣсть! Послѣ долгаго, безпокойнаго сна какое счастливое пробужденіе! Какая новая эпоха открывается, и какой рядъ новыхъ побѣдъ сіи первыя побѣды обѣщаютъ! Поклонники Лжепророка опять вездѣ блѣднѣютъ передъ Русскими. О Русскій Богъ и Богъ вселенной, не даромъ Тебя соотечественники мои себѣ присвоили, и сами себя, другъ друга и весь животъ свой Тебѣ предали! Всегда и вездѣ дѣвляешь Ты себя покровомъ избраннаго Тобою народа. О Русскій Богъ, храни же всегда Русскаго царя и Русское царство и лишенаго всѣхъ радостей земныхъ утѣшай хотя благоденствіемъ и славою Отечества его!

Генералъ-Лейтенантъ Алексѣевъ.

РОДОСЛОВІЕ ВИГЕЛЕЙ.

№

№ отцов-
скій.

I.

1. Вольдемаръ Вигель (Вигеліусъ), владѣлецъ мызъ Илукъ и Куртна въ Эстляндіи, въ Везенбергскомъ округѣ.

II.

2. Лаврентій Владимировичъ, р. 1689, ум. 1764, драбантскій капитанъ въ службѣ Карла XII; ж. Гертруда *Бриммеръ*. 1

III.

3. Лаврентій, Прусскій генер.-маіоръ и комендантъ въ Торнѣ; ж. N N *Глазенапъ*.
 4. Оттонъ
 5. Фридрихъ
 6. Вальдемаръ
- } Прусскіе офицеры, убитые въ Семилѣтнюю войну.
7. Иванъ Лаврентьевичъ, премьеръ - маіоръ и комендантъ Орской крѣпости; ж. N N Семенова.
 8. Яковъ Лаврентьевичъ, ум. 1802, Спбургскій судья въ Надворномъ Судѣ; женатъ былъ восемь разъ (на нянькахъ и кухаркахъ) при живыхъ женахъ. 2
 9. Филиппъ Лаврентьевичъ, р. 12 Іюня 1740, ум. Янв. 1812; генер.-маіоръ и комендантъ Кіевскій, потомъ тайн. сов. и Пензенскій губернаторъ. Женатъ былъ 2 раза: 1 ж. Пелагея Андр. *Симбухина*, 2 ж. Мавра Петровна *Лебедева*, р. 1752, вышла замужъ 1773. ум. послѣ 1829 г.
 1. Софія Лаврентьевна, зам. за Иваномъ Сандерсомъ.

IV.

10. Андрей Филипповичъ (отъ 1-го брака, умеръ черезъ недѣлю послѣ рожденія).
 2. Елисавета Филипповна, р. 1774, дожила до глубокой старости.
 3. Наталья Филипповна, р. 1775, замуж. за генер.-лейтен. Ильею Иванов. *Алексѣевымъ* (р. 1773, ум. 1830).
- } 9

11. Александръ Филипповичъ, р. 1776, ум. въ молодости.	}	9
12. Павелъ Филипповичъ, р. 1777, полков., ж. Марѳа Ефимовна <i>Чемсова</i> .		
13. Николай Филипповичъ, р. 1778, супр. Варвара Ивановна <i>Тулинова</i> .		
4. Екатерина Филипповна	}	умерли въ дѣтствѣ.
5. Мавра Филипповна		
6. Анна Филипповна		
14. Филиппъ Филипповичъ, р. 12 Ноября 1786, ум. 20 Марта 1856. Тайн. сов., директ. департ. иностр. исповѣд. Авторъ этихъ Записокъ.	}	13
7. Александра Филипповна, р. 1791, зам. за <i>Юматовымъ</i> .		

V.

8. Наталья Павловна, р. 19 Янв. 1825, зам. за Пензенск. уѣзд. предв. двор. Алексѣемъ Алексѣев. <i>Панчулидзевымъ</i> , р. 1816, ум. 1880.	}	12
9. Софія		
10. Анна		
} Павловны, умерли дѣвцами въ молодыхъ годахъ.		
15. Филиппъ Николаевичъ, ж. Анна Александровна <i>Охотникова</i> .		13

VI.

16. Александръ Филипповичъ, ум. 1875 холостымъ. За его смертью родъ пресѣкъся.	15

Родословная роспись дворянъ Панчулидзевыхъ.

I.

1. Имеретинскій дворянинъ Давидъ Матвѣевичъ Панчулидзе переселился изъ Имеретіи въ Россію въ царствованіе императрицы Анны Ивановны; въ 1764 въ чинѣ кол. ассессора находился въ г. Мценскѣ Бѣлгородской губерціи воеводою; въ 1776 воеводскимъ товарищемъ въ Великомъ Устюгѣ; въ 1780 предсѣдателемъ Великоустюжской Верхней Расправы; въ 1782 совѣтникомъ Саратовской гражданской палаты; Жена Марія Гавриловна? 1818.

II.

2. Иванъ Давидовичъ, ген.-лейт., р. 1760, ум. 1817; жена Марія Андреевна <i>Баратынская</i> , тетка поэта р. 1781, ум. 1845.	}	1
3. Алексѣй Давидовичъ, д. е. с. Саратовскій губернаторъ, р. 1762, ум. 1834; былъ женатъ 3 раза; 1-я жена Марія Александровна		

- Гладкова* (р. 1770, ум. 1799, 2 сына и 2 дочери); 2-я жена Анна Сергѣевна *Мичмеріани* (ум. 1802, 1 дочь); 3-я жена Екатерина Петровна *Демидова* (дочь Петра Евдокимов. Демидова, р. 1782, ум. 1847, 1 сынъ и 3 дочери).
4. Семенъ Давидовичъ, ген.-маіоръ, р. 1770, ум. 1819, жена Александра Ивановна *Ступишина* (ум. 1841).
1. Анна Давидовна, р. 1774, за Кикинымъ.

III.

2. Екатерина Ивановна, ум. дѣвицею.
3. Анна Ивановна, за ген.-маіор. Геркенъ.
4. Елисавета Ивановна, р. 1810, въ 1-мъ бракѣ за княземъ Кугушевымъ, во 2-мъ за Тамбовск. помѣщикомъ Недобровымъ.
5. Марія Алексѣевна, р. 1785, ум. 1845, за Александромъ Михайловичемъ Устиновымъ.
5. Александръ Алексѣевичъ, р. 1790, ум. 7 Янв. 1867, тайн. сов., Пензенскій губернаторъ (съ 1831 по 1859 г.), женатъ былъ два раза: 1-я жена Софія Николаевна *Суикова* (р. 1800, ум. 1843, 4 сына); 2-я жена Варвара Николаевна *Загоскина* (по 1-му мужу Ахлебнина, 1 сынъ).
6. Анна Алексѣевна, р. 1793, ум. 1815, за Львомъ Яковлевичемъ Рославлевымъ.
6. Димитрій Алексѣевичъ, р. 1798, ум. 1822.
7. Ольга Алексѣевна, р. 1802, ум. 1842, за генер.-маіор. Егоромъ Ивановичемъ Пашковымъ
8. Варвара Алексѣевна, р. 1806, ум. 1836, за Парменомъ Ивановичемъ Владыкинымъ.
- 9 Людмила Алексѣевна, дѣвица, р. 9 Мая 1812.
7. Алексѣй Алексѣевичъ, р. 16 Мая 1816, ум. 12 Мая 1880. отст. гвардіи поручикъ, Пензенскій уѣздный предвод. дворянства; жена Наталія Павловна *Висль*, р. 19 Янв. 1825.
10. Софія Алексѣевна, дѣвица, р. 27 Мая 1817.
8. Иванъ Семсновичъ, р. 1814, ум. 1843 (сумасшедш.).
11. Агнія Семеновна, р. 1816, за генер.-лейт. Доббышевымъ.

Примѣчаніе. Изъ всѣхъ лицъ 3-го колѣна въ живыхъ находятся только Людмила и Софія Алексѣевны, которыя проживаютъ на своей виллѣ въ мѣст. Траункирхенъ, на берегу Гмундскаго (или Траунскаго) озера, въ Верхней Австріи.

IV.

9. Алексѣй Александровичъ, р. 1819, ум. 1888; д. с. с., Черниговскій губернаторъ; женатъ былъ два раза: 1-я ж. Зинаида Евгеніевна *Телешва*, р. 1829, ум. 1871; 2-я ж. Марія Владимировна *Сѣбо*.

10. Алексеандръ Александровичъ, отет. гв. полковникъ, р. 1823, ум. 1890, ж. Ольга Дмитриевна *Бухвостова*.
11. Самунъ Александровичъ, кам.-юнк., род. 1825, ж. Екатерина Николаевна *Васильчикова*.
12. Михаилъ Алексеандровичъ, род. 1827, ум. 1847.
13. Давидъ Алексеандровичъ, род. 1850, земекій нач. въ Пензенек. губ., ж. Наталія Петровна *Юматова*, р. 1859.
14. Павелъ Алексеѣвичъ, р. 14 Марта 1847, кам.-юнк., консулъ въ Любекъ; 3 Декаб. 1880 Высочайше разрѣшено ему присоединить къ его фамиліи фамилію *Висль*, пользоваться гербомъ сего рода и именоватьея впредь „Вигель-Панчулидзевъ“, съ тѣмъ чтобы въ нисходящемъ его потомствѣ фамилія Вигель переходила бы только къ одному старшему въ родѣ.; ж. Марія Карловна *Шнейдеръ*, род. 5 Янв. 1862 г.
15. Владимиръ Алексеѣвичъ, р. 24 Февр. 1848, ум. 5 Янв. 1890 г., ж. Наталія Алексеандровна *Королькова* р. 20 Апр. 1854.
12. Екатерина Алексеѣвна, р. 27 Авг. 1849, за кол. регпетр. Фодоромъ Михайл. Обуховымъ, ум. 30 Юня 1882.
13. Марія Алексеѣвна, р. 18 Юня 1851, за мпр. судьею Городищенскаго уѣзда Вае. Васильев. Сабуровымъ, р. 1847.
16. Викторъ Алексеѣвичъ }
17. Левъ Алексеѣвичъ } близнецы, р. 25 Дек. 1852 { ум. 1 Апр. 1854.
ум. 2 Апр. 1854.
18. Сергѣй Алексеѣвичъ. р. 7 Нояб. 1885, ж. Надежда Бориеовна Полторацкая, р. 16 Марта 1861.
19. Николай Алексеѣвичъ. р. 8 Дек. 1856, отет. гв. полков., ж. Анастасія Михайл. Кирьякова, р. 80 Нояб. 1862.
14. Варвара Алексеѣвна, р. 8 Юля 1860.
20. Алексеандръ Алексеѣвичъ, р. 30 Авг. 1866, ум. 8 Юня 1890.

5

7

V.

Отъ 1-го брака:

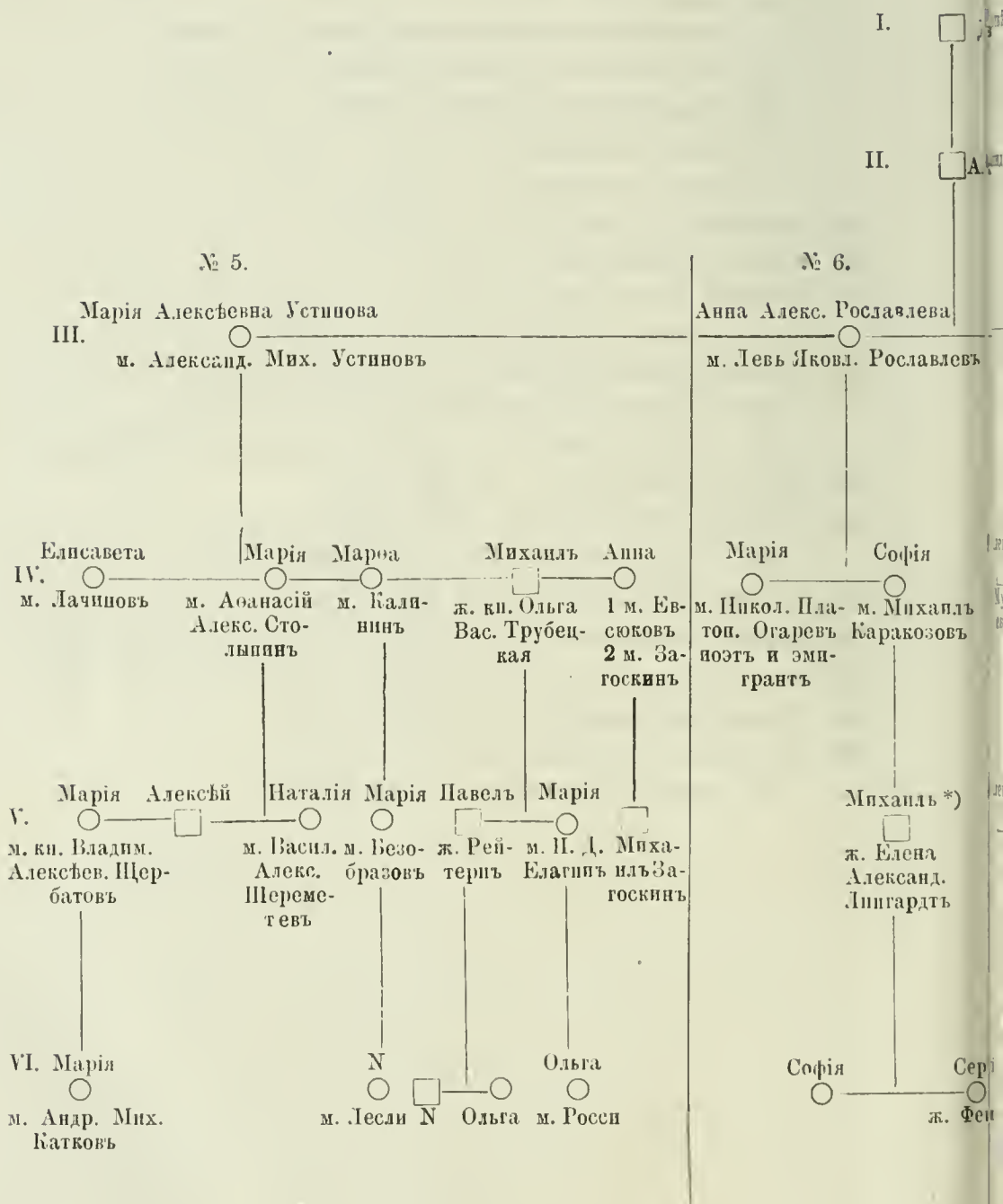
15. Софія Алексеѣвна, р. 1846, ум. 1871, за Викторомъ Франц. Бѣлявекимъ.
21. Алексеандръ Алексеѣвичъ, р. 1847, ж. Екат. Семелов. Смирнова. ум. 30 Дек. 1881.
16. Ольга Алексеѣвна, р. 1848, ум. 1867, за Петромъ Лукичемъ Соколовекимъ.
17. Зинаида Алексеѣвна, р. 1851, ум. 1892, за Бориеомъ Алексеандров. Араповымъ.
22. Алексеѣй Алексеѣвичъ, р. 1852, ж. на *Сѣбо*.
23. Евгенийъ Алексеѣвичъ, р. 1853.

9

Отъ 2-го брака:

24. Владимиръ Алексѣевичъ, р. 1872.	}	9
18. Марія Алексѣевна, р. 1874.		
19. Ольга Алексѣевна, р. 1879.		
20. Вѣра Алексѣевна, р. 1881.		
21. Марія Александровна, р. 1862, въ 1-мъ бракѣ за Gallia,
во 2-мъ за Никол. Александров. Кормилицынымъ.	}	10
22. Софія Самуиловна, р. 1855, ум. 1874, за Евген. Егор. Ко-
локольцовымъ.		
23. Екатерина Самуиловна, р. 1857, ум. 1892.	}	11
24. Елисавета Самуиловна, р. 1859.		
25. Анастасія Давидовна, р. 1878.	}	13
26. Нина Давидовна, р. 1880.		
27. Анна Давидовна, р. 1881, ум. 1888.		
25. Александръ Давидовичъ, р. 1883.		
26. Алексѣй Давидовичъ, р. 1887.	}	15
27. Николай Давидовичъ, р. 1890.		
28. Наталья Владимировна, р. 27 Юля 1874.		
28. Алексѣй Владимировичъ, р. 11 Юля 1875, ум. 20 Нояб. 1877.		
29. Надежда Владимировна, р. 10 Сент. 1877.	}	16
30. Анна Сергѣевна, р. 4 Февр. 1884, ум. 4 Авг. 1885.		
29. Сергѣй Сергѣевичъ, р. 28 Мая 1886.		
30. Юрій Сергѣевичъ, р. 20 Декабря 1887.	}	19
31. Татьяна Сергѣевна, р. 28 Ноября 1891.		
31. Алексѣй Николаевичъ, р. 4 Апр 1884.	}	21
32. Дмитрій Николаевичъ, р. 8 Ноября 1889, ум. 14 Юля 1890.		
33. Алексѣй Александровичъ. 11 Окт. 1874.	}	21
34. Семенъ Александровичъ. 17 ² Нояб. 1876.		
35. Александръ Александровичъ. 10 Авг. 1878.		
32. Анна Александровна. 8 Юня 1880.		

Потомство дочерей Алекс

*) Мих. Мих. Каракозовъ въ 1867 г. получилъ разрѣшеніе принять и посити

Давидовича Панчулидзева.

Давидовичъ

Давидовичъ

№ 7.

Ольга Алексѣевна Пашкова

м. Егоръ Иванов. Пашковъ

Алексѣй — Евдокія — Софія — Ольга
 м. Муравьевъ — м. Дим. — м. Хриш- — м. Алекдръ Петров
 ева — Вас. Пу- тофовичъ — Озеровъ
 тята

Алексѣй — Софія — Ольга — Ольга — Марія — Борисъ — Давидъ
 Ми- Юлія — м. Юр. — м. Кп. — м. Ал. — ж. Гур- — ж. Сте-
 хаилъ — Серг. Кар- Шахов- Иван. — ко — панова
 цевъ — ской — Гонча- ровъ

№ 8.

Барвара Алекс. Владыкина

м. Парменъ Иван. Владыкинъ

Ольга — Адель
 м. Воен- м. Ник. Алекдр.
 скій — Купферъ

Адель — Констан- Марія — Ольга — Алек-
 тинъ — м. Тют- м. Кало-
 невъ — чевъ герпуло

Ольга — Иванъ
 Екатерина

плію своей матери и переименовался въ Рославлева.

УКАЗАТЕЛЬ КЪ ЗАПИСКАМЪ Ф. Ф. ВИГЕЛЯ. *)

- Абафи** Мпх. VI, 108.
Аббасъ-Мирза VII, 118.
Абдуль-Гамидъ К, 23.
Августъ принцъ V, 91.
Аверикъ Пав. Ив. V, 84.
Адамовичъ V, 31, 154.
Адамъ проф., II, 118.
Азмидовъ VI, 144; VII, 27, 28.
Айвазовскій Ив. Конст. VII, 175.
Аксакова Над. Тимоѳ. VII, 249.
Алексадра монахиня I, 54.
Алексадра Павловна в. княжна III, 9.
Александра Теодоровка пмп. IV, 183; V, 69, 70, 159; VII, 131, 215—217, 251.
Александровъ II, 116.
Александръ Михайловичъ князь К, 16.
Алексадръ Невскій V, 84.
Александръ I, I, 28, 41, 107, 177, 180, 183, 190, 208, 215; II, 5—8, 13, 14, 16, 18, 19, 31, 32, 41, 43, 48, 50, 53, 54, 58, 63, 65, 78, 101, 122, 130, 177, 188, 195, 204, 206, 211, 212, 219, 231—233, 238; III, 3, 4, 9—15, 17—30, 40—83, 89, 90, 102, 108, 109, 112, 113, 117, 118, 120, 125, 134, 156, 160, 179, 180—184; IV 9—11, 24, 33—49, 53, 54, 61, 64, 65, 69, 77, 80—84, 87, 89, 96, 98, 99, 114, 115, 121, 126—129, 132, 133, 137, 139, 140, 145, 149—156, 162—166, 170, 176—181; V, 6, 8—14, 16, 19, 21, 26, 31, 32, 35, 36, 49, 50, 58—62, 64—67, 70—72, 79, 93, 100, 111—113, 139, 141—143, 154—160, 170, 175, 177, 198, 201; VI, 4, 5, 9, 11—13, 15, 16, 18, 20, 34, 35, 37, 39—47, 50, 52, 56, 60, 63, 65, 66, 69, 70, 72, 80, 101, 105, 136, 143—145, 147, 158, 161, 172, 188; VII, 5, 16, 25, 34, 35, 40, 52, 70—79, 100, 101, 108—111, 117, 118, 137, 143, 151, 210, 216, 219, 228, 229, 238, 251; К, 30, 42, 62, 64, 65.
Александръ герцогъ Виртембергскій V, 121; VI, 42, 44, 45, 57.
Алексева Нат. Фил. I, 139, 181, 195, 204; II, 222; III, 39, 47, 55, 74; IV, 64, 103, 104, 110, 118; V, 109, 159; VII, 111, 113.
Алексевъ Ал-ъ Ильичъ I, 139, V, 155, 156; VI, 22, 29, 78; VII, 111—114, 132.
Алексевъ Илья Ив. I, 94, 95; 111, 158, 167, 170, 220; II, 64, 65, 112, 128, 204, 217; III, 17, 19, 40—44, 51, 52, 60—64, 114, 176; IV, 36, 64, 81, 103, 104, 117, 163, 164; V, 54, 109—111, 120, 124, 141—144, 155, 183; VI, 21, 29, 57, 152, 175, 176; VII, 94, 112, 121, 132, 136, 232.
Алексевъ Никол. Ильичъ V, 155, 156; VI, 22, 73; VII, 113.
Алексевъ Ник. Ст. VI, 114—116.
Алексевы I, 13; III, 94, 96, 155, 181, 187; VI, 74.
Алекси Михайловичъ царь III, 173; IV, 22, 30, 58; К, 19.
Алмазова Варв. Петр. IV, 67.
Алопеусъ V, 89.
Альбрехтъ Бранденбургскій V, 84.
Алферовъ Сем. Никлф. I, 56.
Амалия принцесса Баденская III, 103.
Амати пѣвица VII, 192.
Амбанъ мапдаринъ II, 178.
Амвросій мптр. VI, 36.
Анакьевскій Ив. Серг. I, 26.
Анастасевичъ III, 149, 154.

*) Римская цифра означаетъ часть, Арабская—страницу, буква К.—записку о Керчи.

- Анастасія** царица IV, 22.
Ангальтъ графъ V, 37.
Ангальтъ-Кётенскій герцогъ VII, 203.
Ангиенскій герцогъ I, 96.
Ангулемская герцогиня V, 131, 133, 134.
Андре V, 35; VI, 52;
Андріе актр. II, 49; III, 121, 131.
Анна Іоанновна I, 93; II, 7, 31, 105; III, 87, 180; IV, 16, 23, 29, 90; K, 21.
Анна Павловна великая княжна III, 74; IV, 183.
Анна Федоровна великая княгиня IV, 68.
Анненкова Ано. Никон. II, 84.
Ансельмъ-де-Жибори III, 52, 53, 61, 62, 106.
Анстеты IV, 134.
Анти дѣвица VII, 134.
Антоанъ III, 6, 7.
Антоній архимандр. V, 186.
Аполлосъ архим. II, 119.
Апостоль Даніиль гетманъ, VI, 14.
Апраксинъ Ст. Ст. III, 101, 102; IV, 169; V, 88; VII, 133.
Апрѣлевы VI, 62.
Аракчеевъ графъ А. А. III, 13—15, 21, 40—46, 50, 60—63, 71, 74, 75, 79, 80, 89, 115, 156; IV, 31, 93, 131, 132, 181, V, 58—60, 65—67; VI, 16, 37, 38, 40, 60, 62, 65, 136; VII, 39, 71, 100, 136, 138.
Аракчеевъ П. Андр. VI, 83.
Арапова Ольга А-др. II, 232; IV, 76, 77, 79.
Араповъ VI, 39.
Араповъ Н. Андр. II, 94, 232; IV, 76, 77, 78.
Араповъ Пимень Никол. IV, 77.
Арбенева Марѳа Ив. II, 36, 37.
Арбенева III, 159.
Арбенева Іосафъ Ивел. II, 36, 37.
Арендтъ Андр. Федор. VII, 149.
Арендтъ Н-й Федор. VII, 97.
Аркіенъ дѣвица I, 86.
Аркудинская Генр. Адольф. VII, 183.
Арднтъ IV, 80.
Арсеньева Ав. И. VI, 177, 192; VII, 59, 74.
Арсеньева Анна Александр. V, 79, 80.
Арсеньевъ Д. В. VI, 176.
Арсеньевъ Н. В. VI, 176, 177, 183, 189, 191.
Арсеньевъ Н. Ив. V, 79.
Арсеньевы VII, 86.
Артуа (д') графъ IV, 139; V, 5, 133, 134; VI, 30, 32.
Арфаловъ II, 90, 91; IV, 15; V, 67, 68.
Арцыбашевъ (въ Таминны) VII, 164, 165.
Аткинсонъ IV, 177.
Ашикъ археол. VII, 157.
Аѳанасій еписк. IV, 2.
Аѳанасій преосвящ. IV, 55.
Аѳанасьевъ Ив. Ефим. IV, 57.

*

Бабе-Пажель VI, 21.
Багратионъ II, 187, 204, 218; III, 41, 50, 51, 62, 88, 89, 170; III, 43, 45, 53.
Баденская маркграфиня V, 21, 100.
Баженовъ архит. II, 41.
Байкова II, 57.
Байковъ Левъ VII, 129.
Байковъ Левъ Серг. II, 107, 111, 112, 119—121, 128, 142, 158, 166, 167, 173, 174, 176, 178, 180, 210—212.
Базень Петръ Петр. V, 19, 20, 22, 27, 115, 116; VI, 24, 138.
Баккаревичъ II, 59.
Бакулина II, 152.
Бакулинъ II, 166; IV, 172.
Баланеско Россетъ VII, 12—13, 20, 22, 24.
Балачанъ IV, 28.
Балашовъ Ал-дръ Дм. III, 114; IV, 7, 127, VII, 107.
Бальзами Іосифъ (Калиостро) К. 44.
Бальши IV 28; VII, 4, 12.
Бальшъ VI, 160, 180, 182; VII, 10, 12 84, 64, 66.
Бантышъ-Каменскій Дм. Ник. I, 164.
Бантышъ-Каменскій Н. Н. I, 159, 161—163, 167, 175, 177, 184, 195, 222, 223; II, 16, 124.
Бантышъ Конст. I, 161.
Баранова Праск. Никол. I, 155.
Барановъ губ. II, 65.
Баратаева А-ра Сем. II, 202.

- Баратаева Ел. Сем. II, 202.
 Баратаевъ Сем. Мих. II, 134.
 Баратынскій Абр. Андр. I, 91.
 Барбишь II, 170.
 Барклай-де-Толли гр. I, 93; III, 50, 51, 60, 80, 89, 98; IV, 4, 39, 43, 45, 49, 50, 53; V, 62, 79, 81—83, 85; VI, 60; VII, 122, 123, 233.
 Барковъ III, 82.
 Бароцци VI, 185.
 Баррасъ V, 135.
 Барятинскій князь Ив. Серг. IV, 79.
 Батенковъ Гавр. Степ. VII, 103.
 Батори Ст. VI, 108.
 Батый К. 15, 16.
 Батюшковъ К. Н. IV, 141—144, 164, 177; V, 45; VI, 55; VII, 147.
 Батюшковъ Пав. Льв. VII, 115.
 Баусъ V, 179—181.
 Бахметева Викт. Стан. V, 186; VI, 114, 020, 144.
 Бахметевъ А. Н. VI, 70, 96, 110, 11^с, 414, 115, 150, 179, 180; VII, 4—8, 13, 11, 21, 25, 42, 54.
 Башиловъ об. прок. I, 50, 55.
 Башмакова В. Арк. VI, 188.
 Башмаковъ Д. Евл. VI, 188.
 Башотъ VI, 191; VII, 23, 30, 52.
 Беберъ V, 56.
 Беверлей врачъ III, 3.
 Бегидовъ полк. VII, 79.
 Безбородко князь А. А. I, 32; II, 4; III, 12; VI, 47.
 Безобразовъ Ал-ть Мих. II, 58.
 Безроднова I, 53.
 Безсонова А. О. VI, 28.
 Безсонова Ек. О. VI, 28.
 Бейзаде VI, 113.
 Бейсъ Китаецъ II, 178—180.
 Бекорюковъ генер. VII, 166.
 Бекетова Анна Матв. IV, 90, 99.
 Бекетова Пр. П. I, 218; II, 77; III, 115.
 Бекетовъ Ал-бй Матв. IV, 99.
 Бекетовъ Ан. Никол. II, 76, 77; IV, 99.
 Бекетовъ прокур. II, 88, 230.
 Беклемишевъ Ан. П. VI, 79.
 Беклемишевы III, 176; VI, 79.
 Беклешовъ Ал-ть Андр. I, 117, 118, 141, 142, 180, 192, 209; II, 3, 8, 11, 63, 65, 123, 218.
 Беклешовъ Серг. Андр. I, 141.
 Бенигсонъ II, 224, 225, 228; IV, 73, 81.
 Бенкендорфъ А-ть Хр. II, 109, VII, 107—110, 112—114, 139.
 Бенкендорфъ К. Хр. II, 161, 173, 174, 177; VII, 108.
 Бенкендорфы II, 109, 110; III, 123; VI, 71; VII, 108, 232, 233.
 Бергъ Петръ Пв. VII, 42.
 Бердъ V, 161—163.
 Бердяевъ К. 30.
 Бережецкая Пастасья I, 53.
 Берилова I, 155.
 Беркгеймъ VII, 41.
 Бернадотъ III, 6, IV, 53, 64, 102, 133, 136; V, 49.
 Бернаденъ-де-Сень-Пьеръ III, 59.
 Беррійская герцогиня V, 133—135.
 Бертенъ III, 121.
 Бертье VI, 63.
 Бестужевъ А. А. VI, 57.
 Бестужевъ губ. II, 136, 137, 139.
 Бестужевъ-Рюминъ Петр. Дм. II, 130, 131.
 Бестужевы VI, 42, 46.
 Бетанкуръ г-жа VI, 26.
 Бетанкуръ Авг. Авг. V, 11—23, 28—32, 72, 115, 117, 142, 154, 156, 164—174, 178—194, 199—201; VI, 24, 26, 27, 38—49, 57, 59, 64, 66, 67, 92; VII, 225.
 Бетанкуръ Альфонсъ V, 162, 182.
 Бетанкуръ Анна Пв. V, 15.
 Бетанкуръ Карол. Авг. V, 15, 180.
 Бетанкуръ Матильда Август. V, 15.
 Бетманъ V, 103.
 Бибииковъ Ал-дръ Ильичъ III, 102, 103.
 Бибииковъ Нижегород. губ. VII, 243.
 Билимъ VI, 192; VII, 67.
 Биронъ герцогъ Эрнестъ-Юганъ II, 7; 105, 109; III, 114, 180; IV, 16, 23, 29; V, 79; VII, 21, 22.
 Биронъ Луиза IV, 160.
 Блакасъ графъ II, 213.
 Бланкъ Бор. Карл. III, 138, 143.
 Бларамбергъ археол. VII, 192; К. 3, 10, 53, 54.

Блудова графиня Анна Андр. III, 90, 91; IV, 20, 136, 137, 149, 153, 165; V, 73, 86, 98, 99, 102, 105, 109, 130; VII, 015.

Блудова гр. Ант. Дм. VII, 105.

Блудова Лидія Дм. VII, 105.

Блудовъ гр. Андр. Дм. VII, 105.

Блудовъ гр. Вадимъ Дм. VII, 105.

Блудовъ гр. Д. Н. I, 67, 165, 166, 222; II, 45, 47, 48, 53—56, 216; III, 3, 40, 89, 91, 106, 127, 149, 150, 169, 171, 175, 177; IV, 20, 136, 137, 141, 142, 144, 150—153, 159, 165, 169, 171—176; V, 38, 52, 72—74, 79, 81—83, 89, 96—99, 102—104, 107—109, 171; VI, 55, 69, 71—73, 97, 105, 107, 142, 187; VII, 101—105, 122, 126, 214, 244—251.

Блюхеръ IV, 103, 162.

Бобешъ шутъ V, 112.

Боборыкинъ Петръ Ив. I, 70.

Бобоѣдовъ полк. VII, 164.

Бобринскій графъ III, 156.

Богаченко VI, 165.

Богдановичъ II, 119; III, 75, 76.

Богдановская Наст. Александр. VII, 149, 187.

Богдановскій Андр. В. V, 140; VII, 86, 98, 149, 154—159, 165, 175, 207, 210, 216; К. 45, 46, 48, 55.

Богданъ г-жа VI, 194.

Боде баронъ Андр. Карл. V, 179, 182, 195.

Боде баронъ Левъ Карл. I, 220; V, 179.

Бодеско К. Оом. VI, 157, 166.

Боіедье III, 130.

Болина III, 131, 132.

Болотникова Елисавет. Христіан. III, 156, 158; IV, 135.

Болотниковъ А. У. III, 155, 156, 158, 161, 167—169; IV, 135; V, 177.

Болтинъ IV, 25.

Большаковы I, 165.

Бонне III, 122.

Бора (де) Екатерина V, 101.

Боргондіо VI, 54, 55.

Борейшъ П. Ваниф. VI, 45.

Борзовъ Никол. Владимір. К. 23.

Борисовъ III, 156.

Бородинъ VII, 154, 160—162; К. 54.

Борстель V, 87.

Боскакпъ VI, 124.

Бофремонъ V, 4—6.

Бошнякъ-Ага III, 106.

Брадке Аппа Оедор. III, 165.

Брамбуръ III, 164.

Браницкая граф. А. В. I, 43—45, 112, 118, 119; III, 103; IV, 118; VII, 130.

Браницкая графиня Елисавет. Ксав. V, 143; VI, 83, 85, 86, 126, 170.

Браницкіе IV, 30; VII, 142.

Браницкій Владисл. I, 45; VI, 125.

Браншю г-жа II, 200.

Брасъ VI, 52.

Бреверны I, 8.

Брегетъ V, 28, 117;

Брейтигамъ V, 39.

Брендаль К. 22.

Бреннъ III, 178; V, 24.

Бриммеръ фонъ, Гертруда I, 8.

Бриммеръ Е. Ад. VI, 128.

Бробекъ г-нъ I, 119.

Бровцына I, 212.

Брогліо гр-я А. II, II, 33; VI, 30.

Брокгаузенъ I, 42.

Брокеръ Ад. Оом. IV, 61.

Броль гр-я VII, 133.

Броневскій Сем. Мих. VII, 166; К. 49.

Бруновъ Ф. II, VI, 95, 97, 99, 104, 123, 124, 186; VII, 34, 186, 188, 217.

Брунъ г-жа IV, 148.

Брунъ I, 7.

Брызгаловъ чудакъ I, 178.

Брюкль пѣвица II, 51; III, 124; VI, 54.

Брюксъ VII, 165.

Брюловъ V, 31.

Брюсъ VII, 186.

Брянскій V, 34.

Бублейниковъ VII, 86.

Будбергъ баронъ Андр. Як. III, 9—11, 16.

Буксгевденъ гр. II, 234, 236; III, 12, 20, 44, 50; IV, 180; VI, 36.

Буксгевдены I, 8.

Булгакова М. К. VI, 68; VII, 119.

Булгакова Нат. Вас. I, 52.

Булгакова Ал-ъ Як. I, 164.

- Булгаковъ** Конст. Як. I. 164; VI, 27, 67—69, 71—73; VII, 65, 119, 120.
Булгаковъ Як. Ив. I, 164; VI, 67.
Булгаковы I, 52; VI, 68.
Булгаринъ Оад. Венед. VI, 56, 57.
Буле III, 143.
Булгигинъ Дм. Алекс. IV, 89, 95, 96.
Бунге аптекарь I, 42.
Бунина Ек. Аѳ. V, 43.
Бунины въ Бѣлевѣ II, 54.
Бурбье Виржини, актриса VII, 254.
Бургоэнь III, 120.
Бурнашевъ Курск. губ. II, 90.
Бурхановскій Влад. Вас. VII, 158.
Бутеневъ Апол. II. VI, 187; VII, 52.
Бутковъ Мих. Гр. VII, 61.
Бутковъ П. Гр. VII, 120.
Бутковы VII, 68, 120, 123, 138
Буть V, 39.
Бухгольцъ г-жа К. 38, 40.
Бухгольцъ Карль Як. VII, 153; К, 37, 39.
Буше II, 40.
Бушень (фонъ) Елсав. Христ. III, 156.
Бушень Софья Никол. III, 158; IV, 135.
Быковъ дядька I, 95.
Быховецъ V, 181; VI, 27.
Бѣгичевъ генер. I, 143—145.
Бѣликовичъ Ант. Кузм. VII, 58.
Бѣликовичъ Теофила Ос. VII, 58.
Бѣлоклоковъ Ив. Никит. III, 33, 37.
Бѣлосельская княгиня Анна Григ. IV, 153, 159, 160.
Бѣлосельскій князь Ал-ъ Мих. II, 227; IV, 159; VII, 190.
Бѣлуга-Коханская Гульяна Конст. I, 197.
Бѣляковъ III, 12, 29; IV, 130.

*

Вавиловъ адм. VII, 201.
Вадновскій Оедоръ Ив. II, 86;
Валберхова V, 33, 34.
Валдовскій VI, 52, 185.
Валуа Генрихъ I. 96.
Валуевъ Петръ Степ. III, 22.
Вальвиль актриса I, 154, 185.
Вальховскій V, 51.
Ванъ мапдаринъ II, 178.
Варенцовъ Петръ Алексѣев. V, 162, 171, 172; VI, 45.
Варламъ К. К. VI, 121; VII, 119, 187, 188.
Варукъ V, 63.
Варѳоломей VI, 104, 140—143, 166.
Василій Дмитріевичъ вел. князь IV, 15.
Васильевъ II, 116.
Васильевъ гр. II, 12, 34, 35, 63; III, 9, 84; V, 171.
Васильчиковъ Лар. Вас. VI, 18, 34.
Васильчиковъ Ил. В. II, 109.
Васильчиковъ А-й Вас. II, 109, 111.
Васильчиковъ II, 161, 173, 179, 182—185, 187.
Васильцовскій I, 163.
Вашингтонъ V, 20.
Вахмейстеръ графъ III, 63.
Вегелинъ VI, 96.
Веллингтонъ IV, 162, 164; V, 141, 142; VI, 7, 71; VII, 117.
Величкинъ VI, 51.
Вельяминовъ-Зерновъ II, 59.
Вельяшевъ II, 93, 94; IV, 6.
Вельяшевъ А. П. V, 158; VI, 39—41.
Вельяшевъ Кириль А-др. II, 93.
Вельяшевъ П. Ард. VI 39.
Веселицкая Гуляна Конст. I, 197, 200; VI, 82.
Вестерманъ пасторъ III, 114.
Вестманъ Илья Карл. II, 16.
Вейсманъ ген. I, 93.
Вейдемеейеръ Ив. Андр. III, 78; IV, 133.
Вигеліусъ Валдемаръ I, 7.
Вигель Фил. Лавр. II, 63; IV, 2, 3.
Вигель Яковъ Лавр. I, 10, 152.
Вигель Фил. Н. VI. 23, 34, 57.
Вигель Пелагея Анд. I, 24.
Вигель Мавра Петр. III, 174, 175.
Вигель Ал-дра Фил. I, 32, 71; III, 37; V, 68.
Вигель Варв. Ив. III, 46.
Вигель Ек. Фил. III, 46.
Вигель Елсавета Ф. I, 25, 32, 66, 196; II, 65; V, 68.
Вигель Иванъ I, 10.
Вигель Нат. Ф. I, 32, 66, 94.
Вигель Ник. Ф. I, 32, 68, 202; II, 62, 121, 205, 221, 229; III, 18, 20; V, 174.

Вигель Пав. Фил. I, 32, 68, 204, 224; II, 121, 205; III, 20, 44; IV, 4, 39, 117, 164; V, 108, 128, 155, 174, 194; VI, 21, 24.
Виклѣфъ V, 97.
Виландъ V, 99.
Вилліе врачъ IV, 181.
Вильгельмъ принцъ Прусск. (вп. императоръ) V, 70, VII, 117.
Виноградовъ Никол. Оедор. V, 170.
Винклеръ II, 175.
Винтерфельдъ V, 90.
Вирстъ II, 30.
Виртембергскій кронъ-принцъ IV, 183.
Витали VI, 132.
Витгенштейнъ графъ IV, 45, 64, 81. 101; VI 105, 127; VII, 90, 239.
Витикиндъ V, 148.
Витовтъ V, 84.
Висковатовъ III, 129, 148.
Витты I, 49.
Виттъ графиня VI, 125.
Виттъ графъ И. О. VI, 125, 126, 136, 137; VII, 183—186.
Вишневская Ульяна Степ. I, 62.
Вишневской Ив. Гавр. I, 62.
Віадо V, 180.
Віельгорскій графъ М. Юр. IV, 154, 155, 160; V, 55, 161; VII, 254.
Віолинъ Фроимъ VII, 47.
Владимиръ Всеволодовичъ кн. К. 13.
Владимиръ Святославичъ кн. К. 12, 25.
Владыкинъ II, 114.
Воеводская II, 37.
Воейкова VI, 30.
Воейковъ полк. VII, 122.
Воейковъ А. О. V, 43, 44, 76; VI, 67; VII, 95—97.
Воланы I, 49.
Волконскіе кн. IV, 24.
Волконская княжна VI, 121, 131.
Волконскій князь Д. II. IV, 180.
Волконская княгиня Ек. Алексѣвна IV, 180.
Волконскій князь П. М. IV, 180, 181, V, 64; VI, 61 — 63; VII, 120, 123, 125; 233, 244,
Волконскій князь Григ. Сем. IV, 144, VII, 55.

Володаръ Ростиславичъ кн. К. 13.
Вольтеръ III, 53.
Волховскіе IV, 21.
Вонифатьевъ Петръ Дм. II, 175—177, 179, 182, 210.
Воронейкинъ VI, 78.
Воронихинъ тракт. II, 41, 42; III, 178; V, 24.
Воробьевъ акт. II, 53; III, 130.
Воронцовы VI, 138, 168.
Воронцовъ гр. Р. Лар. II, 58.
Воронцовъ гр. А-ль Ром. II, 11, 16; VII, 138; II, 4, 11.
Воронцовъ графъ С. Р. II, 4,
Воронцова княгиня Елисавет. Ксав. V, 143; VI, 84, 124, 127 — 129, 132, 134, 138, 170, 171, 187, 189; VII, 142, 184, 191.
Воронцовъ князь М. С. I, 76; IV, 87, 164; V, 110, 111, 120, 122, 136, 138—144; VI, 27, 71, 72, 76, 85, 89 — 107, 110—124, 134—154, 159, 166—169, 172, 173, 176—179, 183—191; VII, 45, 46, 48, 54, 56, 59, 60, 69—71, 82, 84—87, 97—99, 104, 114 — 116, 120, 122, 126, 127, 142, 143, 148, 150, 153, 157, 168, 169, 171, 173, 178, 181, 186—188, 193, 195, 200, 208—211, 214—225, 239, 243; К, 45, 46, 52, 53, 55.
Воротниковъ акт. VII, 254.
Ворцель I, 200.
Востоковъ Ал-дръ Христофор. III, 153.
Войцеховичъ г-жа I, 211.
Войцеховичъ Ив. Андр. I, 210.
Всеволожская Анна Серг, VII, 41.
Всеволожскіе IV, 21.
Всеволожскій воевода I, 27.
Всеволожскій Андр. Алексѣев. I, 23; II, 223.
Всеволожскій А-й Андр. II, 233.
Вяземскіе князья I, 56; IV, 21.
Вяземскій князь Андр. Ив. III, 141.
Вяземскій князь А. А. II, 34; IV, 135.
Вяземская княгиня Елена Никитишна II, 35; III, 5.
Вяземскій князь П. А. I, 50; III, 141—143; IV, 123—126, 164; V, 36, 40—42, 45, 67; VI, 55; VII, 134.

- Вяземская** княгиня В. О. IV, 123—125; VI, 29.
Вязимиръ князь V, 87.
Вязмитиновъ Серг. Кузм. II, 11, 63, 203; III, 13, 16; IV, 127; V, 31, 154, 198, 201.
Высоцкій Н. П. VI, 86.
Вышковскій IV, 138.
 *
Габлицъ Карль Иван. II, 29; III, 75, 77, 116.
Габоръ--Бетлемъ VI, 108.
Гавриленкова Варв. Дм. VII, 142.
Гавриловъ Матв. Гавр. III, 134, 135.
Гаврииль митроп. II, 8; VI, 144; VII, 21, 25.
Гагарины князья IV, 24, 99.
Гагаринъ кн. VII, 4.
Гагаринъ князь I, 150.
Гагаринъ князь VII, 254.
Гагарина княгиня Праск. Юрьевна IV, 70.
Гагаринъ князь Ив. Алексѣев. III, 132.
Гагаринъ князь Пшгол. Серг. IV, 46.
Гагаринъ князь Ѳеодоръ Серг. IV, 70.
Гагарина княг. I, 150; III, 102.
Гагарина княжна I, 202; IV, 59.
Гаевскій Пав. Вас. VII, 166.
Гагеръ I, 37, 69.
Гальяни тракт. II, 102.
Ганаускій графъ V, 101.
Ганнибалъ Ив. Абр. I, 29; VI, 10.
Гарданнъ врачъ V, 108, 135.
Гарденины II, 62.
Гарденина дѣвица VII, 138.
Гарри докт. II, 116, 128.
Гартингъ И. Марк. VI, 70, 154, 160. VII, 4, 7, 14.
Гартунгъ Елисаб. Петр. III, 35.
Гашеть гр-ня VII, 41.
Гваренги II, 41, 42; III, 100; V, 24; VI, 50.
Гедеминъ IV, 15, 22.
Гедеоновъ А-ль Михаил. VII, 133.
Гедеононъ митр. Кіевск. (князь Четвертинскій) IV, 68.
Гейницъ Марья Сем. VII, 166.
Геймъ апт. II, 112.
Гельмеръ архпт. I, 42.
Гельмъ II, 139, 158, 163.
Генрихъ IV-й V, 132, 133.
Генриетта герцогиня Виртембергская V, 103.
Георгій принцъ Ольденбургскій III, 49, 73, 111; V, 16, 157, 158, 177.
Гераковы II, 56.
Гераковъ Гавр. III, 147.
Гердеръ V, 99.
Геркенъ Ѳеодоръ Ѳеодор. II, 139.
Герль V, 111.
Германъ Ел. Гав. II, 200, 201.
Германъ Ив. Фил. II, 199.
Германъ О-ръ Ив. II, 201.
Гермесъ Богд. Андр. II, 195, 196.
Гернгроссъ Анна Ѳеодор. III, 165; IV, 63.
Гернгроссъ Родіонъ Ѳеодор. III, 165.
Гернгросъ О. О. V, 54, 57.
Гернетъ г-жа IV, 148.
Гессенъ-Дармштатскія принцессы V, 92.
Гёте V, 99.
Гизо V, 44.
Гики IV, 28.
Гика Георгій. VI, 160; VII, 50, 51, 115.
Гильфердингъ учнт. I, 111; V, 158.
Гладковъ Н. Вас. II, 69.
Гладковъ Гр. Вас. II, 69, 71.
Глазенапъ I, 9.
Глейхенъ графъ IV, 3.
Глинка Серг. Пшгол. III, 140; IV, 123.
Глѣбъ Святославичъ кн. К. 12, 13.
Гнѣдичъ П. П. III, 129, 146, 154; IV, 143, 144, 168, 171, 177; V, 34.
Гогенекъ графъ VI, 162.
Гогенлое-Кирхбергъ пр. Ек. Ив. II, 36.
Годой V, 13.
Годуновы IV, 22.
Годуновъ Борисъ III, 114.
Голенищевъ-Кутузовъ Н. Логин. II, 11.
Голенищевъ-Кутузовъ Пав. Ив. III, 133, 141, 143.
Голиковъ II, 27.
Голицыны князья III, 74, 86, 116, 179; IV, 10, 15—18, 62, 63, 104, 105, 130, 181; V, 48, VII, 93.
Голицына княжна Анна Петр. III, 32,

Голицына княг. I, 112, 119, 120, 124, 125, 142; IV, 8, 111, 130.
Голицына Анна Серг. VII, 41.
Голицына княгиня Варв. Петр. IV, 105, 106; V, 67.
Голицына княжна Елсав. Петр. III, 32.
Голыцына княгиня Ек. Ив. рожд. Сол-логубъ, II, 76; IV, 11.
Голицына княг. Нат. Петр. I, 138; II, 17; IV, 17; VII, 237.
Голицына княжна М. В. I, 132.
Голицына княг. Т. Вас. VII, 236.
Голицынъ князь Ал-дръ Никол. III, 117, 118; IV, 82, 181; V, 64, 65, 198, VI, 64, 65, 150, VII, 40, 126, 214, 246.
Голицынъ князь А. И. V, 35, 36.
Голицынъ князь А-ъ Мих. I, 175; IV, 16.
Голицынъ кн. А. С. I, 127, 128, 142; II, 75.
Голицынъ кн. Вас. С. I, 128; II, 75; IV, 8, 41, 107, 108, 111, 113; VI, 77.
Голицынъ князь Вас. Вас. IV, 16; К, 19.
Голицынъ кн. Гр. С. I, 121, 125; II, 75; IV, 8—15, 18, 40—42, 76, 79, 91—97, 107, 108; V, 68, 175, 177, 178.
Голицынъ кн. Дм. М. II, 109; IV, 16.
Голицынъ Дм. Вл. VI, 29, 35—37; VII, 236—238.
Голицынъ кн. Д. Н. II, 109.
Голицынъ кн. М. С. I, 121, 127, 132, 140; II, 75.
Голицынъ кн. Пав. С. I, 127, 142; II, 75; IV, 8, 106—108, 110, 113, 118.
Голицынъ князь Петръ Алексѣев. IV, 169.
Голицынъ князь С. М. IV, 18.
Голицынъ кн. С. С. II, 75, 204.
Голицынъ князь Серг. Ѳедор. I, 120—123, 127, 132, 134, 136; II, 204, 223; III, 57, 58; IV, 8, 10, 16, 17, 108.
Голицынъ князь Ѳед. Серг. I, 120, 126, 127; II, 19, 72—76, III, 103, 104; IV, 24, 104—106, 112, 116, 118.
Голицынъ II, 173.
Голицынъ II. VI, 58.
Головина Нат. Ив. IV, 169.
Головина Дарья Ив. IV, 169.
Головинъ Ив. IV, 169.

Головинъ графъ Н. Н. VI, 47.
Головкина графиня I, 150.
Головкина Н. Ю. II, 208.
Головкина Ек. Льв. II, 208.
Головкинъ графъ III, 11, 124.
Головкинъ графъ Гавр. Ив. II, 106.
Головкинъ гр. Ю. А. II, 104—108, 111, 112, 117, 119, 120, 121, 128, 158, 160, 164, 166, 167, 171—176, 178—180, 182, 186, 195, 210—212.
Голубцова М. Богд. II, 34, 35.
Голубцовъ Ив. Александр. II, 34.
Голубцовъ Ѳ. Александр. II, 33, 121; III, 9, 76—78, 84, 91.
Голубцовы II, 35, 36.
Гонтаръ V, 61.
Гонтары V, 103.
Гонзагъ-де-Неверъ Марія I, 86.
Гончаровы V, 171.
Гоппе III, 104.
Горденинъ фабрик. I, 203.
Гордѣевъ VI, 159.
Горемыкинъ III, 164.
Горихвостовъ Петръ Абросим. I, 212; II, 68, 69.
Горнъ V, 8.
Гортензія-Бонапарте VI, 32.
Горчакова княгиня Варв. Юр. IV, 130.
Горчакова княжна III, 144; IV, 50; VI, 157.
Горчаковъ князь Ал-ѣй Ив. IV, 50, 130, 131, 179.
Горчаковъ кн. Вас. Никол. II, 188, 189.
Готманъ Андр. Данил. V, 27, 30.
Готманъ Петръ Данил. V, 180.
Гоферъ III, 58.
Гофманъ VII, 27.
Гофъ г-жа IV, 100, 101.
Граль насторъ I, 42.
Грамадинъ III, 150, 153.
Граммонъ V, 4.
Граперонъ врачъ К, 53, 54.
Графоръ проф. I, 140, 141.
Грегори V, 83.
Грегуаръ V, 50, VI, 6.
Грейгъ адмир. А. С. VI, 99, 100, 136; VII, 199—203, 211, 221; К, 52.
Гречъ III, 152; IV, 80, 173; VI, 56.

Грибовской VI, 181.
 Грибоѣдовъ VI, 55.
 Григорій архіеп. VI, 114, 116.
 Гриммъ баронъ V, 30.
 Гросслупъ IV, 147.
 Грохольскій гр. I, 84.
 Груби Ос. Ив. окул. VII, 96, 97, 104, 119.
 Груберъ патерь II, 105, 173.
 Грузиновъ акт. II, 71.
 Грузинскій царевичъ князь Егоръ Александр. V, 186, 189.
 Губаревъ I, 222.
 Гудимы I, 198.
 Гудимъ-Левковичъ Вас. Оеодор. VII, 158, 159, 179, 211, 212.
 Гудовичъ гр. П. В. I, 101; IV, 35, К, 35.
 Гудовичъ графъ Мпх. Вас. IV, 35, 92.
 Гульяновъ IV, 52.
 Гуляевъ I, 27.
 Гундуropy кн. II, 189.
 Гуржеевъ П. Иль. VI, 96.
 Гурковская I, 82.
 Гурьева Авд. Петр. V, 144; VI, 127, 129.
 Гурьевъ графъ А. Д. II, 13, VI, 60, 61, 90, 127, 185.
 Гурьевъ Д. А. II, 109, 110, 161—163, 173, 207; III, 84—87, 91, 92, 99, 101, 104, 105, 116; V, 28, 61, 143, 198.
 Гурьевы К, 42, 43.
 Гурьева Марья Дм. V, 62.
 Гурьева Праск. Никол. II, 208.
 Густавъ Адольфъ III, 65, V, 97.
 Густавъ Ваза III, 65, V, 103.
 Густавъ IV, I, 179; III, 19, 51; VI, 31.
 Гусъ Ив. V, 97.
 Гуфландъ VI, 129.
 Гюго Викт. III, 108.
 Гюсъ актриса VI, 31.
 *

Давидъ Игоревичъ кн. К, 13.
 Давыдовъ Д. В. IV, 75; V, 45.
 Далмасъ актеръ V, 55.
 Дамасъ II, 33; III, 7.
 Данжевиль-Виндербергъ VI, 52, 185.
 Данжо маркизъ V, 118.
 Данилевскій директ. гимн. I, 211.
 Данилевскій-Михайловскій IV, 87.
 Данилова III, 121.

Дантонъ V, 20.
 Дараганъ Евва Як. I, 43.
 Дашковъ Андр. Вас. VII, 214, 217.
 Дашковъ Д. В. III, 150, 153; IV, 141, 142, 169, 171—176; V, 38—40, 66; VI, 55; VII, 104, 126, 129, 181, 208, 247—251.
 Дашковъ князь Пав. Мпх. I, 56, 61, 75, 101, 102, 117.
 Дашковы князья I, 56.
 Двурѣченцовъ VI, 175.
 Деболи VI, 124.
 Девель I, 37, 69.
 Девлетъ-Гирей ханъ К, 21.
 Девлеткильдѣевы I, 206.
 Деволянъ Францъ Павл. V, 17, 156, 157; VI, 43, 45; К, 30.
 Девонширскій герц. VII, 117.
 Дезирб пѣв. VII, 192.
 Деказъ VI, 8.
 Декампъ VII, 133.
 Делиль III, 59.
 Делонé докт. VII, 231.
 Дельвигъ баронъ V, 51.
 Демейсъ живопис. I, 44.
 Демидова Ек. Алексѣевна I, 149.
 Демидовъ Никол. Пьявт. II, 148; IV, 46; V, 117, 127, 136; К, 66.
 Демидовъ Петр. Гр. I, 149.
 Демидовы II, 32, 236; III, 182; V, 171.
 День VII, 153; К, 45, 53.
 Державинъ Гавр. Ром. II, 12, 63; III, 81, 82, 119, 151, 180; IV, 165, 172; V, 37, 48; VI, 55.
 Дестремъ V, 19, 20.
 Дибичи VI, 62.
 Дибичъ П. П. II, 229; IV, 103; VI, 62, 63; VII, 214, 239, 252.
 Дивовъ Пав. Гавр. IV, 133; V, 60, 62.
 Дидло I, 155; II, 50; III, 121; V, 35.
 Диль I, 42.
 Димитрій Іоанновичъ великій князь IV, 26.
 Дмитревскій акт. II, 52; VI, 51.
 Дмитріевъ Ив. Дм. IV, 88.
 Дмитріевъ Ив. Ив. I, 187; II, 76; III, 80—83, 133—139, 143, 150, 152, 157;

IV, 134, 135, 141; V, 39, 40, 42, 45, 108;
VII, 132.

Дмитрій архієп. VI, 150; VII, 33, 78, 79.

Димитрій Михайловичъ князь К, 16.

Добровольскіе III, 32.

Доброславскій Андр. Михаил. II, 108,
112, 120, 158.

Довре Оедоръ Филли. II, 118, 128, 130—
132, 157, 158, 173.

Докторова Варв. Оедор. II, 85.

Докторовъ Ао. Ао. II, 85.

Долгорукова княжна Варв. Юр. IV, 131.

Долгорукова княг. Ек. Вас. I, 99; II,
70, 71; IV, 41.

Долгорукова княг. Нат. Ив. II, 69.

Долгоруковъ князь Ал-й Алексѣев. VII,
125, 126, 214, 249.

Долгоруковъ князь Вас. Мих. К, 23.

Долгоруковъ князь Вас. Серг. II, 69,
218.

Долгоруковъ князь Ив. Мих. III, 135;
IV, 77, 78.

Долгоруковъ князь Мих. Петр. III, 42—
44.

Долгоруковъ князь Никол. Вас. V, 127.

Долгорукой князь Пав. Ив. VII, 165.

Долгоруковъ князь Петръ Петр. III,
42—44.

Долгоруковъ кн. Серг. Никол. I, 177.

Долгорукой кн. Юрій Владим. I, 175;
II, 223.

Доливо-Добровольскій Флоръ Осип. III,
32.

Дольсть баронъ III, 100.

Донецъ-Захаржевскій Дм. Андр. VII,
139, 210.

Доничи VII, 4.

Доничъ VI, 144; VII, 8.

Дориньи г-жа и г-нъ I, 119.

Дофинé VI, 88.

Дохтуровъ IV, 87.

Древиць полк. I, 28.

Дринскій Владим. Егор. II, 87, 88.

Дружининъ III, 92; IV, 177.

Дрындинъ IV, 55.

Дубенская Анна Егор. II, 90.

Дубенская Елисавет. Петр. III, 35.

Дубенскій Гр. Льв. II, 90.

Дубенскій Ксеноф. Гаврил. III, 35.

Дубенскій Никол. Порф. III, 35.

Дубенскій Порфир. Гаврил. III, 35.

Дубикъ V, 145.

Дудышкинъ купецъ I, 181.

Дульскій гр. I, 84.

Дунаевъ А. П. V, 140; VII, 75, 86.

Дурасова Варв. Як. II, 194.

Дурасова Ек. Никол. III, 45.

Дурасова Стен. Алексѣевна IV, 90.

Дурасовъ Н-й Н-ев. II, 193, 195.

Дюбарри г-жа I, 106; V, 119.

Дюбуа м-ль I, 106—108, 112.

Дюмушель пфвецъ III, 122.

Дюпоръ III, 120, 121; V, 35.

Дюпре-де-Сень-Моръ VI, 27.

Дюронъ I, 188; III, 119.

Дюроръ Альбертъ V, 96.

Дюровъ VI, 51.

Дюро-де-Ламаль К, 61.

Дюръ VII, 254.

Дютакъ II, 50.

Дютуръ Карол. Ант. VII, 105.

Дягилевъ II, 147.

*

Евреиновъ А-ъ Мих. II, 230, III, 95.

Евреиновъ Вас. Вас. II, 127.

Евреиновъ И. В. II, 129.

Евреиновы I, 163, 164; II, 131, 135;
III, 32; IV, 95.

Евсюковъ городнич. III, 38.

Ежова Ек. Ив. V, 33, 36; VI, 51.

Екатерина I-я III, 85, 179.

Екатерина II-я I, 22, 24, 29, 31, 33,
58, 72, 89, 90, 93, 138, 152, 179, 180,
215, 219; II, 7, 13, 27, 89, 94, 105, 106,
166, 215, 219, 226, 236; III, 9, 13, 16,
20—23, 26, 35, 41, 50, 59, 66, 67, 84—
86, 94, 99, 102, 110, 116, 117, 124, 134,
144, 156, 161, 180, 181; IV, 17, 23, 24,
29, 36, 37, 46, 54, 58, 135, 142, 145,
154, 159, 169, 179; V, 10, 16, 24, 48, 53,
54, 61, 174—176, 181, 184; VI, 31, 32,
64, 101; VII, 83, 89, 90, 141, 143, 218,
219, 237, 238, 253; К, 23—30, 47.

Екатерина Медицесъ VI, 5.

Екатерина Павловна великая княгиня

III, 49, 57, 73, 74, 92, 147, 150, 156; IV, 34, 38, 183; V, 155, 156, 164, 177.

Елагинъ Дм. Владим. II, 88, 89.

Елена Павловна в. княжна VII, 89.

Елецніе IV, 21.

Елисавета Алексѣевна имп. II, 18, 76, 219, 221; III, 90; IV, 11, 105, 129, 176; V, 35, 64, 90, 100, 155; VI, 129; VII, 69, 73, 101, 116, 251.

Елисавета Петровна имп. I, 93; II, 7; III, 87, 124, 173, 177, 180; IV, 16, 23, 58, 105, 145, 152; V 85, 175; VI, 87.

Елисавета принцесса VI, 30.

Ельчанинова Над. Карп. III, 159.

Екихенъ докт. VII, 232.

Ергольская Нат. Егор. I, 63.

Ергольская И. И. VI, 85; VII, 142.

Ергольскій Ник. Ив. I, 63; VI, 85.

Ермакъ Тимоѣевичъ К, 19.

Ермолаевъ Ал-дръ Ив. III, 154.

Ермоловъ А. П. I, 76; IV, 87; V, 66, 127; VI, 102; VII, 55, 117, 118, 122, 153; К, 41, 58, 59.

Ермолаевъ Никол. Степ. IV, 97.

Еропкинь П. Д. I, 174.

Еропкины IV, 21.

Есипова I, 212.

Есиповъ Петръ Вас. II, 136, 137, 139.

Ефимовичъ I, 166; II, 16.

*

Ж... С. О. VI, 190, 191, 193.

Жадановъ VII 35.

Жданова V, 187.

Ждановскій I, 163.

Жеваховъ князь I, 220.

Жедринскій Владим. Егор. IV, 55, 56.

Жедринскій Ег. Мих. I, 131; II, 86—88.

Желтухина Ан. Никол. II, 133.

Желтухинъ Ал-й Оедор. II, 91, 132.

Желтухинъ Петръ Оедор. II, 133.

Желтухинъ Сер. Оедор. II, 133, 203.

Желтухинъ Оедоръ Оедор. II, 132, 133.

Желтухинъ VII, 45, 78.

Жекіесъ акт. VII, 124, 254.

Жено VI, 52.

Жерве II, 26.

Жеребцова Ек. Алекс. I, 149.

Жеребцовъ А. А. V, 54; VII, 136.

Жигкичеръ Симеонъ Глав. VII, 43.

Жилло Ром. Ст. VII, 65, 67.

Жихаревъ Ст. Пет. II, 217; III, 129, 152; IV, 171, 175—177; VI, 55; VII, 174.

Жишка Ив. V, 97.

Жозефъ-Бонапарте королева Испанская III, 49; V, 103; VI, 32.

Жозефъ VI, 193.

Жорданъ Анна Ив. V, 15.

Жоржъ III, 119, 120, 123; IV, 166; V, 35.

Жофрекъ г-жа I, 108.

Жуковскій В. А. I, 115, 141, 190; II, 54, 55, 237; III, 40, 136, 137, 139, 143; IV, 87, 112, 164—171, 174, 176, 177, V, 36, 40—47, 51, 71, 76; VI, 55, 97, 169; VII, 104, 134, 208, 216.

Жулковскій тайп. с. VII, 80.

*

Забѣлинъ Ив. Алексѣев. VII, 204, 205, 213.

Забѣлины VII, 205.

Завадовскій гр. П. В. II, 13; III, 79, 152.

Заваліевскій Н. Степ. VI, 120—122; VII, 134.

Загоскина Нат. М. II, 98—101; V, 189.

Загоскинъ М. Н. II, 121; III, 138; IV, 167, 173; VI, 55.

Загоскинъ Н. М. II, 100, 103.

Загряжская Нат. Кир. II, 111.

Загурскій I, 131.

Закревскій графъ А. А. IV, 91; VII, 120—124, 214, 233, 243, 244.

Залуцкій графъ IV, 142.

Залѣсскія I, 82.

Замфораки братья VI, 184.

Закдъ V, 97.

Занфтлебенъ V, 39.

Запольскій Япъ VI, 108.

Захаржевская Елис. Андр. VII, 139.

Захаровъ архит. II, 41; V, 24.

Звекигородскіе IV, 21.

Зейдлицъ V, 90.

Зелекновъ V, 39.

Зеленой Ив. Вас. II, 193.

Зертысъ Камекскій Амвросій I, 161.

Злобикъ В. Алексѣев. II, 21—23, 101, 102, 121, 127; III, 55.

- Зловъ** V, 35.
Золотарева Ек. Алексѣевна IV, 100.
Золотаревъ А. М. VI, 122, 138.
Золотаревъ Дм. Вас. IV, 100.
Зонтагъ Анна П. VII, 216.
Зубова О. А. I, 150; II, 150.
Зубовъ Вас. Нпкол. II, 89.
Зубовъ князь III, 159, 160; V, 183; VI, 101.
Зуевъ П. Хар. VI, 82.
- *
- Иваненки** I, 198.
Ивановъ I, 163; II, 119.
Ивашкинъ полицм. I, 189.
Ивеличева II, 510.
Игумновъ II, 114.
Ижоринъ I, 166.
Измайловъ Ал-дръ Ефим. III, 153;
Измайловъ Владим. Вас. III, 139, 143,
Измайловъ Левъ Дм. V, 186,
Иконина III, 121.
Ильинъ II, 51; VI, 27.
Илья лейбъ-кучерь IV, 181.
Инзовъ И. Н. VI, 90, 96, 102, 110, 112—114, 123, 141, 145, 147, 148, 150—152, 179; VII, 5, 8, 12—14, 18, 20, 21, 24, 25, 32, 42, 43, 58, 64.
Иннокентій III, 73.
Ипсиланти князь V, 123; VI, 112, 115, 162, 163; VII, 69.
Ириней архим. VI, 149, 150; VII, 33.
Исленьевъ Петръ Алексѣев. III, 25, 26.
Истомина V, 35.
- *
- Иеронимъ** Бонапарте II, 49.
Юаннь III-й IV, 21.
Юаннь Васильевичъ Грозный III, 114; IV, 21, 27; K, 17—19, 24.
Юаннь Антоновичъ царь V, 164.
Юсифъ Бонапарте III, 6, 7.
- *
- Кавелинъ** Дм. Александр. II, 27; V, 43; VI, 65.
Каверинъ Павелъ Нпкит. I, 177.
Казасси II, 50.
Казимиръ IV-й V, 84; VII, 8.
Казначеева В. Д. VI, 131; VII, 196.
Казначеевъ А. И. V, 140; VI, 91—97, 103, 104, 120, 122—124, 131, 141, 166, 172, 178, 183, 190; VII, 85, 86, 168, 186, 188, 210, 212.
Калакуцкой VI, 149.
Каламара ген.-м. VII, 207.
Калипсо VI, 152, 154.
Калиархи V, 123, 124, 126, 133.
Калиастро графъ K, 44.
Калло-Дербоа VI, 5.
Калоннъ VI, 30.
Каменская гр. А. П. I, 99, 161; II, 221, III, 90, 91.
Каменскій VI, 68.
Каменскій графъ М. Оед. II, 221, 224; K, 27.
Каменскій графъ Н. М. III, 41, 44—50, 62—64, 75, 169, 171; VII, 120—122, 233, 238, 244.
Каменскій графъ Серг. Мпх. III, 89, 105, 106; VII, 122.
Каменскій фельдм. I, 174.
Камеронъ II, 42; V, 24.
Кампенгаузенъ II, 29; III, 115, 116; VI, 64.
Кандалинцовъ III, 55.
Канкринусъ раввинъ VI, 60.
Канкринъ Ег. Фр. VI, 60, 61, 187; VII, 70, 127, 128.
Канкринъ Фр. Люд. VI, 60.
Каннингъ VI, 71.
Кантакузина княг. VI, 157.
Кантакузинъ Георг. Матв. VI, 157—159, 163.
Кантемиръ князь I, 161.
Кантъ V, 85.
Капланъ-Гирей K, 21.
Капнисть В. В. II, 27; III, 146.
Каподистрія графъ Ив. Авт. V, 62—67, 72, 124; VI, 11, 69—71, 112, 128—130, 150, 180; VII, 34.
Карайкина III, 132.
Карамзина Ек. Андр. IV, 125.
Карамзинъ Н. М. I, 185, 187; II, 48, 53, 54, 56, 228; III, 82, 83, 126, 133—135, 138—143, 150, 152, 184; IV, 25, 86, 125, 139, 171; V, 36, 37, 40, 42, 45, 71, 114; VI, 9, 11, 19, 56, 192; VII, 100, 101, 133; K, 13.

- Каратыгина актр. II, 51, 52; V, 34.
 Каратыгинъ акт. VI, 50; VII, 254.
 Карауловъ Ал-ѣй Гавр. IV, 57, 93, 94,
 97.
 Карауловъ Пав. Петр. II, 110, 173.
 Карбоньеръ V, 158, 199; VI, 40, 41.
 Каріонъ-де-Низасъ V, 135.
 Карлъ Великій V, 104, 145, 147.
 Карлъ III-й V, 13, 14.
 Карлъ IV-й V, 13.
 Карлъ X-й VII, 81, 133.
 Карлъ XII-й III, 19, 65; V, 78, 96; K, 21.
 Карлъ XIII-й III, 51; VI, 31.
 Кармазинъ VII, 67, 202.
 Карнѣвъ II, 112, 120, 128.
 Карнѣвъ Зах. Як. V, 176.
 Каролина королева VI, 94.
 Карташевская Над. Тимоѳ. VII, 249.
 Карташевскій Гр. Пв. VII, 245—249.
 Кастелли ген. II, 134.
 Кастелли Н-й Ст. II, 202.
 Кастелли Софья Вас. II, 134.
 Катакази г-жа VI, 154.
 Катакази К. Ан. VI, 104, 111—113,
 116, 144, 155, 166, 173, 178, 189—193;
 VII, 15, 43, 46, 48—57, 66—73, 76, 83,
 116.
 Каталани г-жа I. 108; V, 145; VI, 53,
 133.
 Катаржи VI, 156; VII, 4, 8.
 Катенинъ VI, 16.
 Катенинъ II. А. III, 129, 148.
 Каховская II, 132.
 Каховскій графъ VII, 146.
 Каховскій В. В. K, 36, 37.
 Кацикъ VII, 61.
 Каченовскій Мих. Троф. III, 141, 143.
 Качони К. 49.
 Качька Елисавета Гавр. II, 199.
 Кашинцова VI, 159.
 Кашкаровъ Никол. Степ. IV, 56, 91, 92.
 Квадри VI, 48.
 Кейзерлингъ К. 22.
 Кекъ Степ. Андр. I, 211.
 Кельць Христ. Ив. VII, 157.
 Кемпенъ Акулина Бор. I, 180.
 Кенсонá I, 130.
 Керлерб I, 131, 140.
 Кеттлеръ Готардъ V, 79, 84.
 Кешкулясы VI, 106.
 Кикина Анна Дав. II, 129.
 Кильдюшевскій II. II. II, 60.
 Кинскіе IV, 30.
 Кипріанъ архим. VI, 81.
 Кирикб г-жа VII, 185, 189, 191, 217.
 Кирикб Лука Гр. VII, 189.
 Кириченко-Астромовъ I, 115.
 Кирѣвская Надежда Александр. IV,
 155; VII, 231.
 Кирѣвскій VII, 230.
 Киселева Софья Стан. VII, 191.
 Киселевскій VI, 83.
 Киселевъ Дм. Ив. VI, 114.
 Киселевъ П. Д. VI, 110, 114, 116, 127.
 Киселевы II, 83.
 Кишенская IV, 47.
 Кишенскій Никол. Ѳеодор. IV, 46, 48, 89.
 Клапротъ II, 118, 179, 182, 187.
 Клейнмихели VI, 62.
 Клементъ II, 120, 139, 142, 143, 158,
 179, 182, 183.
 Кленовъ VII, 186.
 Климовскій V, 34; VI, 50.
 Кноррингъ II, 229.
 Кноррингъ генер. VII, 120.
 Кнорингъ Богд. Ѳеодор. III, 50, 51, 54.
 Княжнинъ III, 69, 82, 124, 127; IV, 115.
 Кoble Генріета Александр. II, 12; III,
 114; IV, 52; VI, 88; VII, 120.
 Кобургскій принцъ III, 121.
 Ковалевъ И. Г. VI, 83.
 Когари III, 49.
 Кодинецъ Дм. Ѳеодор. VII, 156, 157.
 Кожина Ек. Вас. IV, 41—33.
 Кожинъ В. Ив. II, 69—71.
 Кожины II, 71.
 Кожухова А. П. VI, 80.
 Кожуховъ А. Ст. VI, 79, 80; VII, 136,
 229.
 Козицкая IV, 90.
 Козицкіе IV, 159.
 Козицынъ Петръ Вас. IV, 57, 93—95,
 97.
 Козловскіе IV, 21.
 Козловскій князь Петръ Бор. I, 175,
 176, 184; II, 14, 15, 19.

- Козловскій** тайн. сов. I, 198.
Козодавлева Анна Петр. III, 31, 32, 35—38.
Козодавлевъ V, 7, 198.
Козодавлевъ Ос. Петр. 30 39, 54, 77, 88, 112, 113, 154.
Козодавлевы IV, 24.
Коленкуръ III, 8, 48, 49, 52; V, 26.
Колесовъ V, 184.
Колинетъ Роза I, 155.
Коловаты IV, 30.
Кологривова Пракс. Юр. IV, 69, 71, 123; VI, 30.
Кологривовъ Петръ Александр. IV, 71, 74.
Кологривовы IV, 99.
Колокольцова I, 218.
Колокольцова Алек. Богд. III, 27.
Колокольцова Елисавет. Григ. III, 25, 26.
Колокольцовъ II, 197.
Колокольцовъ Апол. Никиф. III, 25, 26.
Колокольцовъ Дм. Апол. III, 27; IV, 56, 91, 96, 97.
Колокольцовъ О. М. IV, 140.
Колѣмби V, 179.
Колонтаева дѣвица VII, 68.
Колосова III, 121; VI, 51.
Колтовская II, 150.
Колунчековы I, 206.
Колычовъ Ст. Ал-сѣв. I, 166, 188; II, 16.
Кокориновъ архит. II, 41.
Коношкина II, 150.
Комаровскій гр. Евгр. Фодот. VII, 106.
Комбурлей Мих. Ив. IV, 49.
Коммаріе г-жа V, 117, 136.
Конде принцъ I, 96; II, 188; VII, 91.
Кондоиди III, 158.
Коновницына III, 115.
Коновницынъ графъ V, 64.
Коновницынъ П. П. IV, 179.
Константинова VI, 169.
Константинъ Николаевичъ в. кн. (его рождение), VII, 193.
Константинъ Павловичъ вел. кн. II, 45, 107, 219; III, 17, 19, 48, 101; IV, 49, 68, 138, 180; V, 10, 70, 111, 113; VI, 15, 79, 154; VII, 76, 79, 81, 84, 106, 141.
Константинъ Палеологъ IV, 21.
Констанъ Бенжаменъ IV, 161; V, 114; VI, 6.
Копіева Ал-дра Данил. IV, 12.
Копіева Над. Гарп. III, 159.
Копіевъ Ал-дръ Данил. IV, 12, 13, 125, 148.
Копіевъ Ал-ѣй Данил. III, 159—163, 182.
Копіевъ Дан. Самойл. III, 159.
Корбе И. М. с. судья I, 63.
Корде Шарл. V, 17.
Корди VII, 160.
Кореневъ подполк. II, 199.
Корецкіе IV, 15.
Корибуть Воронежская княжна I, 83.
Корнилова А-ра Ефр. II, 166.
Корниловъ А-й Мих. губ. II, 164, 166, 187, 196.
Корнѣевъ II, 179, 182.
Корнѣевъ Ег. Вас. III, 75, 76.
Коробчиха купч. II, 66.
Коробьинъ Кіевскій губерн. I, 198.
Королькова Дарья Ив. I, 111, 113; II, 229.
Корфъ баронъ V, 51.
Коссаковскіе IV, 30.
Костровъ Ермилъ Ив. I, 114.
Котляревскій герой Кавк. VII, 166.
Котляревскій Петръ Стея. IV, 182.
Коттень г-жа IV, 13.
Коцебу V, 97.
Кочубей Марья Вас. V, 176; VII, 191.
Кочубей III, 11, 12, 16, 84, 87, 111; IV, 130.
Кочубей графъ В. П. II, 4, 5, 12, 61—64, 83, 103, 104, 206, 229, 230; V, 177, 198; VI, 10, 37, 63, 71, 73, 94, 147, 187, 189; VII, 39, 100, 104, 125, 143, 190; К, 30.
Кошелева О. О. I, 202.
Кошелевъ А-ъ Ив. I, 203.
Кошкарова Ольга Вас. III, 38.
Кошкаровъ Ив. Фодор. III, 37, 38.
Краснокутскій Григ. Ив. I, I, 64.
Красномилашевичъ Вас. Иван. I, 58.
Кребильонъ II, 33.
Крейдеманъ V, 74.
Крейцбергъ V, 76.

Кривская ур. кн. Мещерская I, 14.
 Кривская Марья Григ. III, 174.
 Криницкій Н. Андр. VI, 96, 112; VII, 4, 6, 7, 22, 31.
 Крестинъ Ферд. VI, 30—32; VII, 133, 232.
 Крөгерь Петръ IV, 107, 108, 110.
 Крөгерь Теофила Петр. IV, 108, 111, 113; VI, 58.
 Кроль V, 39.
 Круа герцогъ V, 78.
 Крузенштернь II, 105, 143.
 Крупенскіе VII, 4, 12, 13, 15, 17, 18, 24, 50, 51, 74.
 Крупенскій М. Е. VI, 104, 110, 141, 144, 166, 175, 177, 192.
 Кручковъ V, 158, 200.
 Кршижановскіе III, 32.
 Крыжановская Марья Конст. III, 56.
 Крыжановскій IV, 7—9, 15; VI, 36.
 Крыжановскій Ал-дръ Оедор. III, 56, 57, 94—96.
 Крыловъ И. А. I, 134—136; II, 51; III, 112, 118, 125, 130, 144, 152—154; IV, 81, 143—145, 164—172, 177; V, 7.
 Крюднеръ баронесса V, 11; VII, 41.
 Крюкова Над. Александр. V, 182.
 Крюковскій III, 129.
 Крюковъ Ал-дръ Сем. V, 181, 182.
 Ксавье актеръ III, 120.
 Куденговень графиня IV, 101.
 Кулисичъ VII, 152, 154, 158, -06.
 Кульневъ III, 51.
 Кульчинская Юл. Мих. VI, 99; VII, 200—202, 215.
 Куракина княгиня Пат. Ив. IV, 169.
 Куракинъ князь II, 3, 8, 14—16, 19.
 Куракинъ А. Б. князь I, 119, 181, 192—195, 222; II, 15, 63, 74; III, 16, 87, 88, 111, 112; V, 98.
 Куракинъ князь А-й Бор. II, 8; III, 12, 13, 87, 88, 111, 112; IV, 169.
 Куракины князья I, 175; II, 8; III, 12, 18, 30, 31, 39, 54, 55, 77; IV, 15, 130.
 Курбатовы I, 163.
 Курикъ П. В. VI, 104, 111, 116, 143, 191, 192, 195; VII, 6, 7, 19—22, 24, 26—28, 32, 57, 215, 216.

Курнанъ VI, 23, 24, 34.
 Курута VI, 187; VII, 70, 83, 187.
 Кусова Елис. Пик. IV, 160; VII, 135, 230, 231.
 Кусовъ Ив. Вас. IV, 155, 156.
 Кусовъ Пикол. Ив. IV, 155, 156.
 Кусовникова V, 172.
 Кусовниковъ III, 55.
 Кутайсовъ I, 153, 159, 180.
 Кутайсовъ гр. А-ъ Ив. II, 236, 237, V, 24.
 Кутанъ VI, 5.
 Кутузова Ек. Ильин. III, 103.
 Кутузовъ II, 221, 228.
 Кутузовъ князь Мих. Лар. III, 101, 170, 171; IV, 39, 44, 54, 73, 75, 76, 84, 87, 101, 164, 180; VI, 68; VII, 122; К, 27.
 Кутузовъ Пав. Ив. IV, 172.
 Кюхельбекеръ V, 51.

*

Лабать-де Вивансъ I, 146; II, 32, VI, 35.
 Лабать двѣнцы VI, 36.
 Лабаты II, 37.
 Лабзинъ Ал-дръ Оедор. III, 154 IV, 83.
 Лабордъ I, 110, 111.
 Лагардъ II, 33; III, 7.
 Лагарпъ I, 80; II, 7, 14; III, 53, 183; IV, 139; V, 6.
 Ладыжинская А-ра Оед. II, 78.
 Ламановъ II, 76.
 Ламанскіе III, 105.
 Ламбаль принцесса III, 122.
 Ламбертъ гр. II, 107, 158, 167, 171—173; IV, 178; V, 11, 23, 47.
 Ламбровичъ Леонгій митр. VI, 150.
 Ламоттъ II, 33; VII, 42.
 Лампи I, 44.
 Ланжеронъ графиня VI, 128, 129, 138.
 Ланжеронъ графъ VI, 90, 96, 102, 128, 133, 135, 138, 151, 174, 185, 186, 189; VII, 81, 98, 171—174, 179—185, 192, 211, 217; К, 41, 42, 49, 52.
 Лановъ VII, 81.
 Ланской IV, 130.
 Ланской В. С. VI, 64, 147; VII, 39, 87, 95, 100, 129, 181, 214.
 Ланской Серг. Ст. V, 55.

- Ларошфуко** IV, 35; V, 4.
Ларошъ III, 119.
Ласси К. 22.
Ласси-де генер. I, 120.
Латухинъ V, 167.
Лафайетъ V, 20.
Лафонтенъ V, 106.
Лафонъ г-жа II, 71.
Лебедева I, 25; III, 132.
Лебедева Елисавет. Петр. III, 174, 175.
Лебедева Мавра Петр. III, 174.
Лебедевъ ген.-л. II, 164.
Лебедевъ Евгр. Алексѣев. III, 173;
Лебедевъ Н. И. I, 14; III, 173.
Лебедевъ И. Кондр. I, 14; III, 173.
Лебедевъ Илья Петр. III, 174.
Лебедевъ П. И. I, 13; III, 173.
Лебланъ пѣвецъ III, 122.
Леванда протоіерей I, 65.
Левашова VI, 30.
Леве III, 124.
Левендаль К, 22.
Левинсонъ VII, 47, 53, 81, 85, 87, 88, 95, 98.
Левинъ О. И. IV, 92, 93, 94, 97, 89.
Левицкая V, 130.
Левицкій ген. I, 64.
Левшинъ А. Ир. VI, 91, 97, 135; VII, 56, 86, 97, 98, 104.
Левшинъ Дм. Ир. VII, 186.
Легранъ г-жа II, 200.
Легуве V, 111.
Ледрю г-жа VI, 73.
Лекень V, 34.
Лексъ Варв. Евт. VII, 187.
Лексъ М. И. VI, 96, 97, 99, 104, 123, 139, 166, 174, 179, 183, 189, 190; VII, 168, 169, 186, 187, 195.
Ле-Лорнь III, 6.
Леманъ Елисавет. Христиан. III, 156.
Лемонте V, 118.
Леонтьева III, 97, 98.
Леонтьева Елисавет. Петр. II, 79—83; IV, 106; VI, 58, 76.
Леопольдовъ VII, 114.
Лепикъ V, 24.
Лермонтовъ VI, 4.
Леруа актриса I, 153.
Лерхе окул. VII 97.
Лехнеръ генер. VII, 186.
Либгардъ инженеръ-маіоръ I, 22.
Либошицъ врачъ V, 191.
Либштейнъ V, 128, 129.
Ливенъ графиня Д. Хр. VI, 71.
Ливенъ гр. Ш. К. I, 80, II, 11; III, 156.
Ливенъ графъ III, 13, 15; VI, 71, 95.
Ливенъ княз. Ш. К. I, 80; VII, 246.
Ливенъ князь Карлъ Андр. VII, 214, 247—250.
Лидерсъ VI, 158.
Лидерсы VI, 159; VII, 72.
Линденеръ I, 91.
Линденштейнъ II, 51; III, 124.
Липранди III, 63.
Липранди Ив. Петр. V, 120, 121; VI, 102, 107, 115, 117, 176; VII, 75, 82, 83.
Липранди П. П. VI, 103.
Лисянскій II, 105.
Литльтонъ г-жа V, 130—132.
Литта графъ VII, 120, 130.
Личъ Джонъ I, 132, 137, 142.
Лобановъ князь Дм. Ив. II, 232; III, 16; V, 34, 66; VI, 47; VII, 100, 115, 125, 126, 214, 249.
Лобановъ Мпх. Евстаф. IV, 168.
Лобановы князья III, 12, 115.
Лобкова Ан. Ив. VII, 134.
Лобковичи IV, 30.
Лобо V, 89.
Логвиновъ И. А. VI, 176.
Лодеръ докт. III, 18; VII, 232.
Ложечникова I, 110.
Ломоносовъ М. В. III, 82; IV, 25; VI, 169.
Лонгиновъ Никан. М. VI, 92, 97; VII, 83, 86, 116, 148, 149, 167, 178, 205.
Лонгиновъ Никол. М. VI, 92, 174; VII, 116.
Ланчковскій протоіер. VII, 33.
Лопотевъ III, 164.
Лопухина III, 12.
Лопухина А. П. I, 108.
Лопухина Д. П. VI, 86.
Лопухина княжна I, 150.
Лопухинъ II, 63.
Лунинъ А-ъ Михаил. VII, 149.

- Лопухинъ И. Вл. II, 215.
 Лопухинъ князь III, 54, 79.
 Лопухинъ кн. П. В. I, 119; II, 8; V, 56, 60, 121.
 Лопухинъ князь П. II. V. 56.
 Лопухины III, 12.
 Лоранъ г-нъ I, 103.
 Лоранъ г-жъ I, 100.
 Лораны I, 103.
 Лористонъ III, 8; IV, 40.
 Лошкаревъ III, 76.
 Лубяновская Ал-дра Як. V, 177.
 Лубяновскій Петръ (протоіерей) V, 176.
 Лубяновскій О. Петр. II, 25, 27, 29; III, 73; V, 157, 176—178; VI, 59, 75, 77, 78.
 Луиза герцогиня V, 99.
 Луиза королева (ей стхп) II, 177; V, 91, 92.
 Лунинъ V, 56, 114.
 Лупа герцогъ Гасконскій III, 6.
 Лупандинъ VI, 45.
 Лутовиновъ I, 108.
 Львовъ I, 208, 218.
 Львовъ Пав. Юр. III, 149.
 Львовы II, 56.
 Лѣсовскій Ст. Ив. г. м. VII, 136.
 Лѣсогоровъ танцоръ V, 33.
 Любомирская княгиня VII, 185.
 Любомирская княжна Клементина Ксав. IV, 107.
 Любомирскій князь Ксав. IV, 107.
 Людовикъ король Голандскій III, 90.
 Людовикъ XI-й IV, 47.
 Людовикъ XIV-й IV, 11; V, 105, 118, 130.
 Людовикъ XV-й I, 105, V, 92, 125.
 Людовикъ XVI-й V, 8, 20, 105, 128; VI, 5, 7.
 Людовикъ XVIII й IV, 150; V, 4, 20, 80, 124, 135, 140; VI, 5, 8.
 Людовикъ Святой V, 4.
 Люилье V, 28; VII, 157.
 Люстихъ V. 35.
 Лютеръ IV, 82; V, 94, 97, 101.
 Мавроени VI, 160.
 Маврокордато Конст. VI, 113; VII 31.
 Магіе IV, 50, 62.
 Магіеръ IV, 113, 139, 140; V. 50.
 Магницкій II, 25, 27, 59, 107; V. 43, 67; VI, 65; VII, 40.
 Маджіорлетти пѣв. I, 156.
 Мазепа IV. 30; K. 20.
 Майковъ III, 82.
 Макаровъ Мих. Никол. I, 176; III, 137, 138, 140, 143, 188.
 Макаровъ Петръ Ив. III, 137.
 Макдональдъ IV, 81.
 Малевинскій VII, 64.
 Маленина Ал-ра Вас. II, 89.
 Маленинъ И. Андр. II, 89.
 Малинелли пѣвецъ VII, 193.
 Малиновскій А-ъ Оедор. I, 163. 167; II, 16; IV, 30.
 Мальцекъ баронъ VI, 162.
 Мальцовы V, 171.
 Малютинъ полк. I, 91, 92.
 Маматказина княг. II, 147.
 Маматказины I, 206.
 Мамлѣвы I, 206.
 Мамоновъ графъ IV, 46, 59.
 Мандини Павелъ пѣвецъ I, 156.
 Маничаровъ Петръ Макар. V, 18, 19, 162, 167, 172, 190, 192; VI, 46, 71, 72.
 Мансонъ г-жа V, 112.
 Мансурова г-жа II, 202.
 Мансуровъ Бор. Александр. II, 131, 134, 139, 140, 146, 202.
 Мансыревы I, 206.
 Манукъ-бей VII, 54.
 Манюэль VI, 6.
 Мара III, 122.
 Маразли VI, 127.
 Марать V, 17.
 Марини VI, 94, 104, 124, 138; VII, 186.
 Маринъ С. П. III, 129, 147, 172.
 Марія Антуанета III. 122; V, 8, 125, 130.
 Марія-Каролина королева III, 7.
 Марія-Луиза эрцгерцогиня III, 88; V. 131.
 Марія Николаевна вел. княжна VII, 216.
 Марія Павловна вел. княгиня IV, 39; V, 80, 98, 99.

Марія Теодоровна имп. II, 18, 110; III, 12, 36, 92, 93, 176; IV, 68, 149, 176; V, 38, 45, 71, 98, 155; VI, 15; VII, 108, 131, 241, 242, 251.

Маркелова Елена Ив. VII, 95.

Маркетти III, 122.

Марковъ III, 131.

Марковъ гр. Арк. Ив. II, 107; VI, 31, 32.

Марлинскій VI, 57.

Марміонъ парикм. I, 146.

Марсъ актриса III, 119.

Мартинъ Павелъ VII, 201.

Мартынова Дарья Мих. V, 189.

Мартынова Елисавет. Петр. IV, 119.

Мартынова Нат. Мих. V, 189.

Мартыновъ II, 171, 173.

Мартыновъ Анд. Еф. II, 115.

Мартыновъ Андр. Серг. II, 90; IV, 5, 7, 8, 57.

Мартыновъ Дм. Мих. IV, 119.

Мартыновъ Мих. Ильичъ I, 23; II, 98; IV, 55.

Мартыновъ Савва Мих. IV, 55, 56, 88.

Мартыновъ Феодоръ Мих. II, 98, 99; IV, 119; V, 189.

Мартыновы I, 13.

Марченко полк. I, 84.

Масальскій князь III, 22.

Массъ VI, 83.

Масюковы I, 198.

Матусковъ (въ Харьковѣ) VII, 137, 229.

Матюшкина графиня Анна Алексѣевна IV, 154.

Маусъ VI, 59.

Махмудъ султанъ VII, 76.

Машкова Елисавет. Александр. IV, 76, 77.

Машкова Нат. Павл. IV, 79.

Машкова Ольга Александр. IV, 76.

Мегметъ-мурза-Крыптаевъ VII, 205, 213.

Мегюль III, 130.

Медоксъ I, 172.

Мезіеры VI, 52.

Мезонфоръ (де-ла) маркизь V, 119.

Мезонъ графъ К., 63, 64.

Мейеръ VI, 96.

Мекленбургская принц. VI, 31.

Меланхтонъ V, 94.

Мелиссино П. И. IV, 137.

Меллеръ-Закомельскій баронъ П. И. V, 64; VI, 59.

Мельвиль виконт. I, 131; II, 88.

Мельгунова Анна Школ. II, 132.

Мельгунова Ек. Алексѣевна IV, 180.

Мельгуновъ V, 171.

Меншиковъ князь А. С. I, 202; III, 15, 67; VII, 125, 211, 221, 238.

Мерзляковъ III, 135, 136, 153.

Мерзляковъ А-й Фед. II, 54.

Мерлина Ал-дра V, 177.

Мерлинъ Як. Данил. V, 178.

Мессъ нѣвецъ III, 122.

Местръ графъ Юсифъ II, 227; IV, 161.

Местръ графъ Ксаверій II, 227.

Метлеркамфъ VI, 184.

Меттернихъ VI, 18.

Мехмедъ-Али К., 50.

Мецофанти VI, 130.

Мещерская княгиня Ек. Ив. V, 99.

Мещерская княжна I, 14.

Мещерскій князь П. С. V, 65.

Миклашевскій I, 208.

Милашевичъ I, 74.

Миленинъ III, 96.

Миллеръ IV, 27.

Миллеръ метрдотель IV, 181.

Мило VI, 116.

Милоновъ III, 150, 153.

Милорадовичъ III, 41; IV, 87.

Милорадовичъ графъ М. А. (е го управленіе въ Петербургѣ), V, 122, 154, 201, 202; VI, 10, 39, 51, 52, 55, 126; VII, 40, 108, 110.

Минарскій VII, 155, 162, 167, 179, 196.

Минихъ гр. К., 21, 22.

Мирабо VII, 13.

Мировичъ VII, 104.

Мистивой князь V, 87.

Митусовъ Гр. Петр. VII, 115.

Михаиль арх. черн. VI, 37.

Михаиль Павловичъ всл. князь VI, 15, 16, 122; VII, 102, 123, 153, 216.

Михаиль Палеологъ царь К., 16.

Михаиль князь Тверской К., 16.

Михаиль Феодоровичъ царь V, 173; К., 19.

- Михайловъ II, 112.
 Михайловъ Андр. Алексѣев. V, 25, 31.
 Михайловъ контръ-адмир. VII, 63.
 Михельсонъ III, 88.
 Михневичъ VI, 143.
 Моберли VI, 127.
 Модерахъ Карль Оедор. II. 145—148, 151, 196, 201.
 Модюи Ант. V, 25, 27, 29; VI, 50.
 Моисей архіерей V, 188.
 Мойеръ Марья Андр. V, 76, 77.
 Моле Іаковъ V, 53.
 Моллеръ адмир. VII, 125.
 Моллеръ Ант. Вас. VI, 60.
 Молоствовы Порфирій и Христофоръ Львовичи II, 131.
 Молчановъ VII, 111, 112, 114.
 Мэлчановъ Петръ Степ. III, 12; IV, 130, 131, 179.
 Монари VI, 133.
 Монастырскій VII, 79.
 Монготье III, 121; VI, 52.
 Монморанси V, 4.
 Монпансье герцогиня V, 8.
 Монруа VI, 51.
 Монтеверде VI, 99.
 Монтескю-Фезенсанъ III, 6, 7.
 Монферранъ I, 127; III, 178; V, 28, 30—33, 177; VI, 47, 48.
 Монфоконъ II, 32.
 Мордвинова Вѣра Никол. IV, 96.
 Мордвинова Гевр. Алекс. IV, 52.
 Мордвиновъ VI, 99, 100; К, 29.
 Мордвиновъ II. С. I, 180; II, 11—14; III, 79, 152; IV, 51—53, 62, 63, 105.
 Мэрелли де Розетти II, 37.
 Морель V, 79.
 Моренгеймъ баронъ V, 179, 195.
 Морино г-нь I, 103.
 Моро III, 52; IV, 102.
 Морозовъ VI, 41.
 Морикини пѣв. VII, 192.
 Москотиньевъ преде. палаты I, 62.
 Мотерби V, 84.
 Мошинскій II, 119.
 Мошковская I, 199.
 Мстиславскій князь IV, 16.
 Мстиславъ Владимировичъ К, 12, 13.
 Муравьева Ек. О. IV, 139, 141; V, 50.
 Муравьевъ-Апостолъ Ив. Матв. V, 14; Б, 9.
 Муравьевы-Апостолы V, 56.
 Муравьевъ II. М. VI, 14.
 Муравьевъ М. Никит. II, 13; IV, 139; VI, 44; VII, 82.
 Муравьевъ Никита Мих. IV, 140; V, 50, VI, 56.
 Муравьевъ Н. Н. III, 140.
 Муравьевъ Серг. Ив. VI, 14, 17, VII, 82.
 Муравьевы VI, 14.
 Муратовъ I, 203.
 Муратовъ Вас. Гавр. VII, 138, 139.
 Мурузи VI, 113, 130.
 Мусинъ-Пушкинъ - Брюсъ графъ Вас. Валентин. III, 132; V, 56.
 Мусинъ-Пушкинъ М. Никол. II, 202.
 Муть Христіанъ Ив. I, 37, 39, 41, 42, 95, 129; V, 95; VII, 39, 130.
 Мыльниковъ куп. II, 158.
 Мыльниковы II, 165.
 Мюльгаузенъ Оедоръ Карл. VII, 149.
 Мюратъ IV, 73.
 Мятлева Праск. Ив. I, 170, 183, 185; IV, 157, 158; VII, 236.
 Мятлевъ Петръ Вас. IV, 157.
 *
 Навроцкій С. О. VI, 162, 163.
 Наполеонъ 1-й I, 188; II, 33, 38, 60, 219—222, 224, 232, 234; III, 4—8, 10, 16—21, 40—52, 57—60, 68, 71, 74, 88—90, 111, 112, 120, 123, 125, 128, 184; IV, 8, 34—49, 53—56, 64, 65, 72—87, 91, 95, 101, 102, 112—115, 126, 127, 133—136, 149—151, 160—164, 183, 184; V, 4, 6, 7, 9, 10, 14, 19, 20, 26, 35, 38, 50, 62, 66, 85, 88, 93, 95, 100, 126, 127, 131, 133, 135, 137, 138, 140, 150, 175, 176; VI, 5, 7, 8, 12, 53, 62, 63, 66; VII, 92, 118; К, 38.
 Нартовъ Андр. Андр. III, 151.
 Нарышкина I, 50.
 Нарышкина Анна Никитишна III, 10.
 Нарышкина Ек. Льв. II, 104.
 Нарышкина Марья Алексѣевна II, 104; V, 10, 54; VI, 124, 188.

Нарышкина Марья Антон. IV, 10, 69, 137—139.
Нарышкина Нат. Ѳ. VII, 148.
Нарышкина Ольга Степ. VI, 188; VII, 184, 191, 192, 195, 217.
Нарышкинъ II, 158, 173.
Нарышкинъ А-ъ Льв. I, 146; II, 48, 49, 92, 104, 208; III, 10, 11, 74, 126, 129, 147, 155; V, 35.
Нарышкинъ Дм. Вас. VII, 70, 148, 149, 178.
Нарышкинъ Дм. Льв. IV, 10, 69, 137—139; V, 54, 140.
Нарышкинъ Л. Ал. II, 92, 106, 109, 110; V, 111, VI, 125; VII, 192, 206, 213.
Нарышкинъ Петръ Александр. V, 188.
Нарышкины II, 76, 92, 175; IV, 138; V, 103, 188.
Нассау-Зигенъ принцъ V, 145.
Наталья Алексѣевна великая княгиня V, 92, 99.
Негри VI, 112.
Нейгофъ Ѳеодоръ К, 44.
Неймицъ IV, 12.
Нелединскій-Мелескій Юр. Ал. V, 42.
Нелидова Ек. Ив. III, 12.
Нелидовъ кам.-юнк. II, 139, 142, 143, 146, 156—158, 160, 173, 182.
Нелидовъ Арк. Ив. II, 109, 110, 128.
Нелюбова Софья Вас. II, 134.
Нелюбовъ Вас. Вас. II, 134.
Нессельроде графиня М. Д. V, 62.
Нессельроде графъ IV, 114, 133, 134.
Нессельроде графъ К. В. V, 60—62, 64, 66, 103; VI, 71, 172; VII, 98, 156, 169, 173, 209; К, 42, 43.
Нессельроде-Эресговень графъ Вилг. V, 61.
Нефедьевъ III, 29.
Нечаевъ Анд. Анд. II, 131, 139.
Никитинъ Алекс. I, 40.
Николай I-й III, 179; IV, 183; V, 69, 70, 155; VI, 42; VII, 79—81, 87, 91, 97, 99, 100—106, 108, 109, 111—113, 117, 119, 122, 123, 126, 127, 131, 212, 214—217, 227, 238, 241, 243, 245—251.
Николь аббатъ I, 69, 139; II, 75, 110, V, 48; VI, 23; VII, 108.

Нилусъ генер. I, 41, 53, 61, 201.
Нильсенъ VII, 177.
Ноальи V, 4.
**Новикова Дарья Мпх. (инокиня Доро-
 оея) V,** 189, 192,
Новиковъ Н-й Ив. II, 215; III, 133, 154; VI, 150.
Новосильцова Кат. Александр. II, 36.
Новосильцовъ II, 217; III, 16, 84, 117; IV, 170.
Новосильцовъ Ник. Пик. II, 6, 12.
Новосильцовъ П. И. I, 26; II, 36.
Новосильцовы I, 13.
Ногай К, 16.
Ноденъ Никол. Як. V, 29, 30, 73, 153, 154; VI, 24, 66.
 *
Оболонская I, 59.
Оболонскій Дем. Дем. I, 59.
Оболяниновъ Петръ Хрис. I, 180; II, 8.
Обрѣзкова Пр. В. I, 12, 52.
Обрѣзковъ Мпх. Алексѣев. II, 95.
Огарева Ал-дра Богд. III, 27.
Огарева Варв. Ив. II, 233.
Огаревъ Бог. Ильичъ I, 26; II, 34, 233; III, 27.
Огаревъ Ив. Ил. II, 233.
Огаревъ Плат. Богд. II, 34; IV, 118.
Огаревы II, 34.
Огюсть I. 156; V, 24; VI, 185.
Оде-де-Сіонъ V, 54, 55.
Одинцовы IV, 20.
Одоевская княг. I, 107.
Одоевскій кн. Петръ Ив. I, 104—107.
Одоевскіе IV, 21.
Оже Ипполитъ V, 113, 114, 135.
Озеровъ Владисл. Александр. III, 127, 128.
Озеровъ Сем. Никол. III, 77, 91, 101, 104.
Окенъ V, 97.
Оксенштіернъ III, 65.
Олегъ Святославичъ кн. К, 13.
Оленина Елсав. Марк. IV, 143—145, 168, 177.
Оленинъ Ал-ѳй Никол. III, 153; IV, 142, 144, 168, 177; V, 52.

Олизаръ гр. I, 84.
 Олисовъ Гавр. II, 125.
 Оловянникова VI, 73.
 Олсуфьева Марья Адам. II, 109;
 Олсуфьевъ III, 158.
 Олсуфьевъ Серг. Адам. IV, 118.
 Ольга Павловна в. княжна VII, 89.
 Ольденбургскій принцъ III, 171; VI, 43.
 Опочинина А-ра О. I, 218; II, 78.
 Опочининъ III, 100, 101, 103, 104.
 Опочининъ Петръ Мих. II, 77.
 Опперманъ VI, 42.
 Оранскій принцъ IV, 184; V, 102.
 Орлеанскій герцогъ V, 5, 135.
 Орлова гр. Анна Пв. I, 157.
 Орлова-Денисова Ек. В. VI, 78.
 Орлова-Чесменская граф. VI, 65.
 Орловъ М. О. V, 51, 52, VI, 55, 115,
 116, 170; VII, 183.
 Орловъ графъ Ал-ѣй Гр. V, 48, 49; VII,
 159; К, 23, 28.
 Орловъ графъ Вл. Гр. I, 182.
 Орловъ графъ Мих. Гр. V, 48, 49.
 Орловъ графъ Оедоръ Григ. V, 48.
 Орловъ-Денисовъ гр. К, 64.
 Орловъ-Чесменскій графъ II, 223.
 Орловъ князь I, 22, 25.
 Орловъ князь Ал-ѣй Оедор. V, 49.
 Орловъ князь Гр. Гр. V, 48.
 Осиповъ II, 112, 128, 145.
 Остафьевъ А. Ф. VI, 156, 193.
 Остерманъ гр. II. А. I, 174; III, 74;
 IV, 45; К, 21.
 Оттонъ VI, 91, 102, 122.
 Офренъ актеръ I, 154.
 Офросимова Наст. Дм. IV, 38.
 Охлебининъ Сем. Авдѣв. I, 214.
 Охотниковъ VI, 115.
 Ошанинъ игрокъ I, 214; VII, 233.

*

Павель I-й I, 21, 89—92, 97, 102, 107,
 113, 119, 121, 122, 125, 130, 138, 141,
 153, 162, 168, 169, 176, 177, 179—181,
 190, 193, 194, 208, 215; II, 7, 11, 13,
 17, 18, 28, 37, 40, 43, 53, 130; III, 4, 9,
 12, 14, 15, 22, 23, 26, 54, 55, 59, 67,
 81, 82, 86, 102, 117, 133, 134, 156, 160,

177, 180, 181; IV, 23, 36, 71, 170, 179,
 180; V, 24, 35, 61, 62, 66, 79, 92, 163,
 164, 175; VI, 101; VII, 143, 169, 202.

Павлинъ іеромон. VI, 81.

Павловы I, 13,

Пагани VI, 159.

Паленъ графъ Петръ Алекс. I, 176, 180,
 181; II, 8; III, 78, 123, 160; VII, 111, 169.

Паленъ графъ П. П. VI, 78, 79.

Паленъ графъ О. Петр. VII, 153, 169—
 173, 175, 179—192, 195, 196, 209, 217.

Пали IV, 24.

Палладіе II, 4.

Палласъ г-жа VII, 206.

Пальчевскій VII, 97.

Панина граф. Соф. Влад. I, 182.

Панинъ гр. Ник. Ив. I, 193.

Панинъ графъ П. П. К, 23.

Панкратьевъ I, 208.

Панскеръ проф. II, 118.

Панчулидзе Давыдъ III, 28.

Панчулидзева Анна Дав. II, 129.

Панчулидзева А. И. VI, 76.

Панчулидзевъ К, 35.

Панчулидзевъ Ал-ѣй Давыд. III, 28—31.

Панчулидзевъ Сем. Давыд. III, 97.

Папковъ К, 32.

Паравичини графъ VII, 59, 60, 68.

Паскевичъ гр. Ив. О. VII, 118, 119,
 160, 252.

Пассеки Вас. Вас. III, 198; VII, 94.

Пассекъ Петръ Богд. III, 59.

Пасхали Ант. Павл. VII, 158, 173.

Паулуччи маркизь V, 79.

Пашкова IV, 90.

Перевощниковъ V, 31, 154.

Перекусихина М. Сав. II, 36; III, 117.

Пересѣкинъ VII, 104.

Перетцъ III, 12.

Пермяковъ II, 149.

Перовскіе III, 84.

Перовскій II, 161, 173, 174.

Перовскій Вас. Ал. VII, 208, 209, 211.

Перовскій Л. А. II, 188.

Перовскій И-й Ив. II, 111, 120; VII,
 134.

Перро V, 25.

Перуцци пѣвецъ VII, 134.

- Пестель Ив. Бор. II, 195.
 Пестель Пав. Ив. V, 67; VII, 102.
 Петерсонъ III, 94.
 Петрово-Соловово Фед. Ник. I, 202.
 Петрулинъ В. В. VI, 110, 139, 149, 176, 189, 192; VII, 60, 65, 67, 70, 202.
 Петръ I-й I, 80; II, 7, 31, 150, 181; III, 66, 78, 114, 179; IV, 13, 16, 22, 25, 27—32, 68, 82, 90, 184; V, 13, 46, 103, 168; VI, 107; VII, 228; К, 19—21, 24, 30.
 Петръ II-й IV, 23; V, 8.
 Петръ III-й I, 9, 20, 21, 75, 90, 93; II, 7; IV, 29.
 Пещуровъ Никита Ив. I, 146, 147; III, 98, 99.
 Пикулинъ Лука Егор. V, 144—153; VI, 61, 62.
 Пилецкій Мартынъ VI, 36.
 Пинетти К, 43.
 Пинкертоновъ IV, 83; VII, 177.
 Писемскій Петръ Як. V, 171.
 Питомъ VII, 230, 231.
 Питтъ VII, 214.
 Пиччини III, 121.
 Пюнь IV, 113, 115.
 Плавальщиковъ акт. I, 172.
 Плагіано VI, 113.
 Платовъ IV, 45, 87; V, 122.
 Плещеева Анна Ив. V, 44, 45.
 Плещеевъ А. А. V, 44, 45.
 Плуталовъ Григ. Вас. V, 163.
 Побѣдоносцевъ В. П. III, 143.
 Повало-Швейковская IV, 63.
 Повало-Швуйковскій Кіевскій ген.-губ. I, 199.
 Подгурскій VI, 143.
 Пожарскій князь IV, 16, 22.
 Позняковъ III, 188.
 Познякъ II, 27.
 Покровскій Гав. Сем. II, 59.
 Полевой II, 165, 186, 187.
 Полетина П. И. V, 37, 38, 40, 72—74, 127; VII, 104.
 Поликарпова Елс. Павл. VII, 122.
 Поликарповъ А-ъ А-др. VII, 344.
 Политковскій III, 107.
 Политковскій Гавр. Герас. V, 171.
 Полихронія VI, 152, 154.
 Полтева А-ра Ник. I, 104.
 Полторацкій Конст. Марк. II, 189; IV, 145.
 Полторацкій Маркъ Федор. IV, 145.
 Полторацкій Ф. Марк. VII, 136, 229.
 Поль-фонъ VII, 250, 251.
 Полуектова Л. VI, 29.
 Померанцевъ акт. I, 172.
 Понинскіе гр. I, 83.
 Пономаревъ акт. II, 53.
 Понятовскій Стап. I, 83, 113.
 Понятовскій князь Юсифъ V, 96.
 Поповъ VI, 36, 65.
 Поповъ В. М. V, 65.
 Поповъ Вас. Ст. I, 32; III, 56, 57, 95; VII, 228.
 Поповъ Гавр. Степ. III, 34.
 Поповъ Ив. Дм. V, 163, 164.
 Портицкій VII, 64.
 Посполитаки VII, 160.
 Потановъ II, 112.
 Потемкина III, 103.
 Потемкинъ графъ Серг. Павл. III, 129, 148.
 Потемкинъ князь Гр. Ал. I, 29—33, 43, 44, 119, 124, 139, 219; III, 56, 59, 86, 159, 170; IV, 11, 169; VI, 101, 109, 125, 144, 165; VII, 143, 178, 202, 218, 219; К, 25, 27, 29.
 Потемкинъ Як. Ал. VI, 13, 16, 34.
 Потѣ танцм. I, 52, 53, 61; II, 50; V, 24.
 Потоцкая гр. Констанція II, 117.
 Потоцкая граф. О. Ст. VI, 114, 124, 126, 127, 134, 136, 138.
 Потоцкая гр. Софья VII, 200.
 Потоцкіе гр. IV, 30; VI, 132, 137; VII, 89, 90, 185, 191.
 Потоцкій Ал. VI, 188.
 Потоцкій графъ Ив. Осип. II, 116, 118, 119, 128; VI, 125, 137.
 Потоцкій графъ Сев. Осип. II, 116; VI, 137; VII, 183.
 Потоцкій графъ Ст.-Фел. VI, 125.
 Потоцкій гр. Феліксъ II, 117.
 Потье V, 19, 20; VI, 53, 138, 146; К, 54.
 Поццо-ди-Борго III, 184; V, 126, 127.

- Пражевская Татьяна Еким. I. 63.
 Пражевской Прокоф. Оедор. I. 63.
 Прево-де-Люмианъ Ив. Нв. V, 54, 55
 Прелеста VI, 59.
 Приклонскій IV, 179.
 Прованскій графъ V, 4.
 Прозоровская княжна IV. 24.
 Прозоровскій VI, 176.
 Прозоровскій А. А. II, 223.
 Прозоровскій кн. III. 58, 88, 170; IV,
 10, 106.
 Проколій V, 97.
 Прокоповичъ Оеофанъ IV, 82.
 Прони V, 118.
 Протасова Анна Степ. IV, 36.
 Протасова Ек. Ао. V, 43, 76.
 Протасовы V, 76.
 Прудниковъ V, 30.
 Прункуль IV, 28.
 Прункуль И. К. VI, 111, 143, 157; VII,
 8, 9, 12, 13, 20, 32.
 Пугачевъ III, 163.
 Пукалова В. П. IV, 131.
 Пукаловъ Ив. Ант. IV, 131.
 Пупертова I, 82.
 Пушкина Ел. Гр. VI, 30.
 Пушкинъ Ал. Мих. VI, 29.
 Пушкинъ А. С. III. 181; IV, 86, 99,
 137, 165; V, 51, 82; VI, 9—11, 19, 55,
 97, 98, 116, 119—124, 132, 150, 153, 169,
 171—174; VII, 111, 112, 114, 134, 135.
 Пушкинъ Ал-ѣй Мих. IV, 125.
 Пушкинъ Вас. Льв. I, 187, 188; II, 70;
 III, 136, 181; IV, 125; V, 36, 40—42, 45,
 108, 111.
 Пущина VII, 192.
 Пущинъ И. С. VI, 115, 116; VII, 183.
 Пшеничный Григ. Григ. III, 18.
 Пѣвцова Софья Карл. II, 146, 147, 198,
 200, 201.
 Пѣвцовъ Аг. Степ. II, 146, 151, 198.
 *
 Рагоцскій VI, 108.
 Рагузинскій Сав. Влад. II, 105.
 Радичъ Я. П. VI, 103, 104, 105, 116,
 191; VII, 44, 76, 82, 83.
 Радуканъ боярь VII, 65.
 Радюльфъ IV, 50, 62, 113.
 Раевская Ел. Н. VI, 85, 115.
 Раевскій А. VI, 115, 116, 169, 171,
 172, 188.
 Раевскій Н. П. IV, 87; VI, 83, 169, 170.
 Разумовская графиня IV, 170; V, 176.
 Разумовскіе I, 59; IV, 134.
 Разумовскій гр. Ал-ѣй Григ. IV, 153.
 Разумовскій гр. А. К. II, 111; III, 83,
 84; IV, 170.
 Разумовскій графъ Григ. Кир. III, 83.
 Разумовскій гр. К. Г. I, 82; III, 83;
 IV, 153.
 Разумовскіе графы III, 67, 152; V,
 64, 65.
 Рале-Самфираки VI, 184; VII, 12, 13.
 Рамазановъ V, 33; VI, 50.
 Рандъ О. Як. V, 157, 158, 162, 166,
 167, 172, 178, 179, 190—192, 199—202;
 VI, 27, 38—41, 43, 45, 46, 49, 66, 67;
 VII, 97.
 Ранцовъ И. Ром. II, 58.
 Ранцовы II, 58; IV, 6, 59.
 Растиньякъ II, 33; III, 7.
 Раупахъ V, 6.
 Раутенштернъ II, 86, 87.
 Раухъ V, 91.
 Рахманова актр. II, 53, 98; V, 33.
 Ребровъ шелков. VII, 223.
 Редедя князь К, 12.
 Резимонъ V, 20.
 Рейфъ, V 162, 166, 167, 172.
 Рейхардтъ V, 57.
 Ренне VI, 176, 181.
 Рендъ VI, 89, 91, 101, 119, 127, 168;
 VII, 70; К, 36.
 Репнинъ князь Н. Гр. V, 176, VI, 150;
 VII, 228.
 Ржевуская граф. Розалія VII, 184, 185.
 Ржевускій гр. I, 84.
 Ребиндеръ Бор. Борис. IV, 148.
 Ребиндеръ Бор. Владим. IV, 147, 148.
 Ребиндеръ графъ III, 186.
 Ребиндеры I, 7.
 Редовскій проф. II, 118.
 Реймерсъ II, 67.
 Реманъ II, 116, 121, 158.
 Рёмеръ Пшкол. Оедор. III, 34.
 Репнинская Ел. Вас. II, 134.

- Репнинъ князь II, 5; IV, 117.
 Ржевскіе IV, 21.
 Рибась VI, 186; К, 28, 29.
 Рибопьеръ гр. Алдръ И. III, 102; IV, 116, 130, 178.
 Рибопьеръ И. С. III, 101—105, 109.
 Ризничъ Ив. VI, 127; VII, 47, 185.
 Римскій-Корсаковъ Андр. Петр. III, 33.
 Римскій-Корсаковъ Петръ Вопп. III, 33.
 Рингъ III, 158.
 Ритшль еписк. VII, 250.
 Ришаръ III, 59.
 Ришелье герцогъ VI, 5, 89, 90, 110, 132, 134, 135, 174, 181, 186; VII, 160, 210; К, 31, 32, 34—39, 41, 57.
 Риуфъ-де-Торанъ баронъ VI, 182; VII, 48, 49.
 Робеспьеръ V, 20; VI, 5.
 Роганъ V, 4.
 Роде III, 38.
 Родзянко Мих. Петр. VII, 167.
 Родіоновъ Илья III, 165.
 Розенбергъ ген. I, 96, 101; II, 63.
 Розенбергъ часовщ. II, 136, 201.
 Розенкранцъ II, 35.
 Розень баронъ Гр. Вл. VI, 34.
 Розены I, 8.
 Рокасовскій Ал-ѣй Ив. V, 181.
 Рокасовскій Платонъ Ив. V, 181.
 Рокуръ VI, 99, 100.
 Роланъ г-жа IV, 135.
 Ролленъ-де-Бельвилль I, 129, 140, 218, 219.
 Романовскій II, 203.
 Романіусъ генер.-поруч. I, 28.
 Романъ Святославичъ кн. К, 13.
 Ромодановскій князь I, 202, 203.
 Россетъ Алеко VII, 50.
 Россетъ Разванъ VII, 50, 51, 115—117, 120.
 Россеты IV, 28; VII, 4, 23, 51.
 Росси актриса V, 24.
 Росси живош. VII, 27.
 Росси Карлъ Ив. V, 24, 25, 27.
 Ростиславъ Владимировичъ кн. К, 12, 13.
 Ростопчина граф. Н. О. VI, 148.
 Ростопчинъ Вас. Федор. IV, 36.
 Ростопчинъ графъ С. О. V, 54.
 Ростопчинъ графъ О. В. I, 150—152, 158, 176; IV, 35—38, 44, 45, 61, 91, 134; V, 54, 124—127; VII, 138.
 Росцишевская I, 82.
 Ротшильдъ VII, 225.
 Ротшильды V, 103.
 Ротъ Логинъ Осип. VII, 90, 91, 187.
 Ртищевъ Н. О. IV, 182.
 Рубо VII, 224.
 Рубцовъ Пикадръ Самоил. III, 105.
 Рувье двѣца VI, 138.
 Рудневъ V, 187.
 Румянцовъ В. И. VI, 100.
 Румянцовъ графъ Н. П. I, 76, 192; II, 12, 63, 175; III, 10, 11, 40, 64, 73, 78, 79, 87, 89, 90; IV, 133; V, 159, 160.
 Румянцовъ гр. П. А. I, 72, 75, 77, 78; II, 13; III, 170; IV, 70; V, 61—64; К, 23, 24, 27, 30.
 Румянцовъ гр. С. П. I, 76.
 Руничъ I, 208; VI, 65; VII, 41.
 Руновскій I, 208.
 Русановъ IV, 73; V, 140; VII, 86.
 Руско V, 24.
 Руссель II, 125.
 Руссо Жанъ-Жакъ III, 59, 60.
 Руссовъ VII, 8.
 Рылѣевъ К. О. VI, 57; VII, 102.
 Рышкановъ VII, 4, 12.
 Рыщевская графиня IV, 49, 51, 62, 68, 72, 76, 99—101, 113.
 Рювиль I, 54, 55.
 Рѣдъкинъ И. О. VI, 160; VII, 66, 68, 69, 71.
 Рябининъ Андр. Мих. IV, 67.
 Рязановъ II, 105, 143.
 *
 Сабанѣевъ И. В. VI, 103, 116, 136, 190, 191; VII, 45, 75, 76.
 Саблуковъ Алдръ Александр. V, 158, 162, 167, 168, 172, 199.
 Сабурова Анна Вас. I, 106.
 Сабурова Елсав. Петр. IV, 119.
 Сабуровы I, 13.
 Савари III, 5, 7, 8, 52.
 Савковъ Ив. Кирил. II, 200.
 Сагинъ-Гирей К, 23, 25.

- Сакенъ IV, 114; VI, 34.
 Сальватори IV, 35.
 Салли V, 54,
 Салтыкова гр. Д. П. I, 99—101, 158,
 159, 183, 184; II, 64, 207.
 Салтыкова графиня Праск. Ник. III, 86.
 Салтыковъ Ал-дръ Вас. IV, 46.
 Салтыковъ князь А. П. II, 209; III,
 11; IV, 133; V, 42.
 Салтыковъ гр. Ив. П. I, 78, 82, 93—
 96, 99, 100, 111, 103, 117, 118, 138; II,
 65, 124.
 Салтыковъ Мих. Александр. III, 59, 60;
 V, 42.
 Салтыковъ кн. И-й Ив. П, 11; IV, 130,
 131, 133, 157, 180; III, 11.
 Салтыковъ гр. П. С. I, 182.
 Салтыковъ гр. С. А. I, 182.
 Салтыковъ Серг. Вас. III, 85, 89, 90.
 Салтыковы князья I, 118, 151, 157,
 157, 158, 168, 170, 174, 177, 184, 220;
 II, 218; IV, 46, 98; V, 60, 88, 130.
 Самбурскій IV, 179.
 Самойлова Елена Александр. VII, 139.
 Самойловъ III, 131; VI, 50.
 Саморъ князь V, 87.
 Самуиль Кіевскій митроп. I, 64.
 Сандерсъ Марина Иги. VII, 62, 63.
 Сандерсъ Ольга Феодор. VII, 63.
 Сандерсъ Оед. Ив. I, 11, 12.
 Сандулаки Феодосіу VII, 13, 62.
 Сандунова V, 34.
 Сандуновъ акт. I, 171.
 Сандуновы I, 171.
 Сангленъ (де) Яковъ III, 115.
 Саражиновичъ П. Г. VI, 96.
 Сафоновъ Ст. Вас. VII, 82, 83, 97,
 171, 186.
 Сахарова актр. I, 172.
 Сахновская Татьяна Еким. I, 63.
 Сванъ квакеръ II, 186.
 Сведенборгъ V, 176.
 Свиньинъ Пав. Петр. К, 14, 15.
 Свѣчинъ Ал-й Ив. VII, 143, 145, 210.
 Святославъ в. кн. К. 12.
 Святославъ Ярославовичъ кн. К, 13
 Себастіани III, 170.
 Севастьяновъ V, 20.
 Северинъ Д. П. V, 39, 40, 42, 145.
 Северинъ П. И. V, 39, 40.
 Сеидъ V, 97.
 Селеховъ VI, 96.
 Селимъ-Гирей К, 24.
 Селифонтова А-ра Еф. II, 187.
 Селифонтовъ Ив. Осип. II, 164—166,
 187, 195.
 Семенова Пимфодора III, 132; IV, 166;
 V, 34; VI, 50; VII, 254.
 Семеновъ I, 10; II, 171, 173, 177, 182.
 Семишинъ полк. VII, 94.
 Сенваль III, 122, 123.
 Сенноверъ Ст. Иги. V, 17, 18, 119;
 VI, 24.
 Сенноверъ Стефанія V, 18.
 Сень-Жюсть VI, 5.
 Сень-При II, 33; К, 24.
 Сень-Феликсъ VI, 53.
 Синявинъ адмир. III, 52.
 Серафимъ митр. VI, 37, 65.
 Сердсбинъ II, 15.
 Серебряковъ Дм. Сем. II, 57, 59; V,
 157, 178, 200.
 Серра-Капріола дюкъ II, 35.
 Сеславинъ IV, 75.
 Сесси VII, 53.
 Сестренцевичъ IV, 83.
 Сибилева дѣвица I, 113.
 Сибиряковы II, 165.
 Сиверсъ графъ V, 16.
 Сигаревичъ протоіер. I, 41.
 Сигизмундъ Августъ V, 84,
 Сигнеусъ еписк. VII, 250.
 Сизовъ куп. II, 182.
 Сикстъ V-й IV, 7.
 Симашко Юсефъ VII, 245, 246.
 Симбухинъ Андр. Петр. I, 24.
 Синельниковъ Ал-й Никит. VII, 153,
 155, 157, 158, 164, 170, 175, 179, 207,
 211, 212; К, 46.
 Синявская актр. I, 172.
 Синявинъ П. Г. VI, 121, 124, 188;
 VII, 187.
 Сипягинъ Никол. Маргемьян. V, 170.
 Сиракъ VI, 89, 127.
 Сіесъ II, 220; V, 50.
 Скавронскіе графъ VI, 78.

- Скавронскій** графъ Пав. Марг. III, 85, 86.
Скарронъ V, 17.
Скасси VII, 98, 156—160, 163, 171, 173, 179, 181, 207—212, 217; К. 35, 37—43, 45, 46, 49, 51, 52, 55, 57, 59, 65, 67.
Скина VI, 113.
Скляренко Вл. Моис. VI, 142, 143, 166, 173, 175.
Скоробогатовъ VI, 166.
Скрипкинь штыкъ-юнкеръ I, 41.
Скуратовъ Малыта I, 92.
Скюдери врачъ IV, 67.
Славичъ VI, 165.
Словцовъ II, 26.
Смирновъ Владимиръ Савичъ V, 182, 194.
Смирновъ Никол. Вас. I, 218, 219.
Смирновы V, 130, 132; VI, 154.
Смиттенъ г-жа III, 80.
Сабаньская Карол. Адам. VII, 184, 185, 189, 190, 191, 217.
Соболевскій Серг. Александр. VII, 134.
Собѣсскій Іоаннъ I, 86.
Соймоновъ Ал-ъ Никол. VII, 134.
Соковнина Софья Вас. I, 52.
Соколовскій I, 162.
Соколовъ лакей I, 55.
Соколовъ V, 66.
Солнцева Анна Матв. IV, 99.
Солнцевъ Матв. Мих. IV, 99.
Сологубъ гр. Ек. Ив. II, 76; IV, 11.
Сологубъ гр. Наталья Льв. II, 76.
Сологубъ граф. VI, 157.
Сосницкій V, 33, VI, 50; VII, 254.
Сосновскій II, 35.
Софія Алексѣевна царица IV, 16, К, 19.
Софія Вомишишна царица IV, 21.
Сохацкій III, 143;
Спада VII, 185, 189, 190, 191.
Спаскій II, 159.
Сперанская-Багрѣва Е. М. II, 10.
Сперанскій графъ М. М. II, 7—10, 13, 23—25, 27, 29, 30, 34, 57, 59—61, 63, 103, 206, 223; III, 16, 18, 19, 40, 54, 67—88, 99, 107, 109—116, 183, 184; IV, 33—35, 38, 52, 92, 95, 96, 143, 178; V, 43, 67, 68, 175—177; VII, 103, 122.
Спренгпортенъ I, 188.
Стакельберги IV, 134.
Сталь г-жа IV, 136; VI, 32, 33.
Сталь фонъ-Голстейнъ II, 189.
Стамати братья VI, 184.
Станевичъ Евстаф. III, 149.
Станиславъ V, 96.
Старинкевичъ Никол. Александр. V, 121, 122, 124—126; К, 44.
Старовъ II, 41; V, 24.
Стасовъ Вас. Петр. V, 25, 27, 29.
Стемпковскій Ив. Алексѣев. VII, 210—212, 217, 220.
Стенгопъ VII, 41.
Степанова V, 34.
Степанъ свящ. I, 35, 36; VI, 82.
Стефанъ вовода Молдавскій VI, 21.
Стивенсъ г-жа II, 23.
Стивенсъ дѣвица II, 10, 22.
Столыпина Вѣра Никол. IV, 96.
Столыпинъ А. А. I, 208—215, 216; II, 24, 61, 63, 76, 230; IV, 91—97, 105, 109.
Столыпинъ А. Д. I, 172.
Столыпины V, 67.
Стриттеръ I, 162.
Строганова баронесса Нат. Мих. IV, 157—159, 161; V, 117, 118.
Строгановъ баронъ Ал-дръ Серг. IV, 158—161.
Строгановъ графъ А-ъ Серг. II, 5, 6, 41, 49; III, 177, 179.
Строгановъ Грнт. Александр. IV, 160.
Строгановъ р. Пав. А-др. II, 5, 12; III, 16.
Строгановы графы III, 106, 117, 124; IV, 142, 153, 181.
Струве Хр. Андр. II, 114, 171—173, 174; V, 99.
Студиловская IV, 138.
Ступишина Агнія Дм. II, 75, 79; VI, 58, 76.
Ступишина Ал-дра Ив. II, 80, 81.
Ступишинъ И. Алексѣев. I, 213; II, 79; III, 97, 159;
Ступишины II, 79; IV, 106; VI, 76.
Стурдза А. Ск. 123, 129, 130; VI, 158, 159, 161, 186; VII, 24, 192.

- Стурдза** Гр. Д. VI, 160, 162.
Стурдза Дм. VII, 8.
Стурдза И. М. VI, 104, 112, 116, 117.
Стурдза М. Гр. VI, 160.
Стурдза Рокс. Скорлат. V, 64, VI, 128, 129, 156—160.
Стурдза Скарл. Д. VI, 70, 71, 129, 130, 144, 150, 180; VII, 4, 12, 14, 34.
Стурдза Янко VI, 155; VII, 8, 42, 54.
Стурдзы IV, 28; VII, 4, 12, 23, 24.
Суворовъ князь А. В. I, 76, 77, 96, 179; II, 4, 228; III, 26, 41, 144, 145, 170; IV, 67, 70, 84, 130; K, 26, 27, 59.
Сулима Пр. Аким. I, 211.
Султанъ-Керимъ-Гиреевъ Ал. Ив. VII, 176, 177.
Сумарокова М. П. I, 133.
Сумароковъ Пав. Ив. I, 132, 133.
Сумароковъ Панкрат. III, 82, 127, 143.
Сумароковъ С. П. I, 133.
Сухтеленъ Марья Петр. II, 44.
Сухтеленъ Пав. Петр. II, 45.
Сухтеленъ Петръ Корн. II, 43, 44.
Сухтеленъ гр. Руфь Корн. II, 113, 114, 119, 139—142, 146, 147, 152, 157, 158, 160, 161, 163, 173; III, 41; IV, 136, 143, 177.
Сухтелены I, 49; II, 63.
Суццо гр. VI, 113.
Суццо П. VI, 113.
Сушковъ Илк. Вас. VII, 187, 188.
Сушковы VII, 187.
Сѣдницкіе IV, 30.
Сѣнной Ив. Алексѣев. II, 170, 171.
 *
Таафе гр. VII, 42.
Тавастъ III, 164.
Талейранъ III, 87; IV, 150, VI, 172.
Талуеъ III, 6.
Тальма актръ IV, 161.
Талызина А. П. I, 104; II, 95.
Таманскій кан. I, 137, 142.
Тамара I, 62.
Танкознь Фр. консулъ VII, 44.
Танской VII, 35.
Танѣва Ек. Никол. III, 45, 46, VI, 62.
Танѣвъ Серг. Мих. III, 45.
Танѣвы II, 37.
Тарановъ-Бѣлозеровъ VII, 147.
Тарашкевичъ VI, 166.
Тардифъ VI, 105, 106.
Тарховъ I, 163.
Татаринова VI, 36.
Татищевъ А. И. VI, 59.
Татищевъ графъ II, 223; VII, 100, 214.
Татищевы IV, 21, 25.
Твердышевъ IV, 90, 159.
Тезиковъ II, 230.
Теннеръ II, 119.
Тепловъ сенаторъ II, 111, 120, 171, 173, 174; III, 132.
Теребенева IV, 79.
Терпигоревъ III, 102.
Теслевъ кан. II, 119.
Тизенгаузенъ графъ севат. VII, 250.
Тимковскій Вас. Оедор. VII, 46, 54, 56, 57, 66, 67, 69—72, 75, 81, 86, 87, 97, 99, 195.
Тимофѣевъ II, 190.
Тинькова Анф. Пикан. II, 84, 87.
Тиньковъ Серг. Як. II, 84, 85, 230.
Титова II, 150.
Титовъ П. Я. V, 55.
Тихомировъ Никол. Смир. II, 59.
Товаровъ Ал-дръ Григ. III, 188; IV, 122; V, 196; VII, 113.
Товаровы III, 188.
Този иѣвецъ VII, 134.
Толстая гр. Аграо. Оедор. VII, 123.
Толстая графиня Анна Ег. V, 186.
Толстая графиня Стен. Алексѣевна IV, 90, 91.
Толстой графъ Андр. Ив. IV, 90.
Толстой графъ Ив. Петр. IV, 90.
Толстой графъ Петръ Алексѣев. II, 203; III, 7, 8; IV, 44, 53, 56, 89—91, 93, 95, 97; V, 143.
Толстой графъ Петръ Петр. IV, 90.
Толстой гр. Ст. Оедор. II, 85.
Толстой графъ Оедоръ Андр. IV, 89, 90; VII, 123, 233.
Толстой графъ О. Ив. американецъ II, 143; III, 43, 74, 75.
Толстые графы I, 210; V, 127, 186.
Толь III, 114.
Томазини VII, 147, 177.

- Томонъ II, 41, 42, 48; V, 24, 27.
 Томъ VI, 173, 174; VII, 192.
 Тонъ V, 31.
 Топорковъ д. с. с. II, 16.
 Топорнина Ал-дра Стен. IV, 12.
 Торанъ-(де) г-жа VII, 49.
 Тормасовъ Ал-дръ II. III, 58; IV, 43, 134;
 VI, 29.
 Торнау фонъ, баронесса VI, 63.
 Торси IV, 153.
 Торстенсонъ III, 65.
 Торсуковъ Ард. Александр. II, 36.
 Траверсе (де) маркизь IV, 148; VI, 59;
 VII, 35.
 Треборнъ почтъ-д. II, 66.
 Трегубовъ Н. Я. VI, 90, 93.
 Тредьяковский V, 41.
 Трескина Над. Ив. I, 14; III, 174, 175.
 Трескинъ Ив. Львов. III, 174, 175.
 Трескинъ Петръ Ив. III, 174, 175.
 Третеръ Вас. Карл. V, 21, 22, 26, 29,
 200.
 Триполито VII, 158, 159, 160.
 Трифилий іеромон. VI, 81.
 Трощинскій Дм. Прок. I, 180; II, 63;
 III, 84; IV, 134; V, 65.
 Трубецкая княжна Праск. Юр. IV, 70;
 VI, 80.
 Трубецкіе кн. II, 215, 226; III, 106,
 140; IV, 15, 22, 24; VI, 150.
 Трубецкой князь Гр. II. VI, 30, 79,
 Тугутъ графъ III, 60.
 Тулинова Анна Сем. II, 66.
 Тулинова Вар. И. II, 62.
 Тулиновъ А-й Ив. II, 205.
 Тулиновъ И. И. II, 62, 66.
 Тулиновы II, 62, 65, 205, 223; III, 46
 V, 174; VI, 10, 23; VII, 210.
 Туманскій В. И. VI, 119, 132.
 Туманскій Ив. Гр. I, 63.
 Тургеневъ Ал-дръ II. I, 165, 177; II,
 213—217 (его характеристика); III, 33,
 34, 118, 133, 150, 181; V, 45—47, 65,
 121, 140; VI, 55, 65.
 Тургеневъ Андрей Ив. I, 165.
 Тургеневъ Ив. Петр. II, 214.
 Тургеневъ Никол. II. V, 45—48, 56,
 140, 158; VI, 10, 12, 56.
 Тургеневъ Серг. II. V, 140.
 Турнь-Таксійская княгиня V, 145.
 Турчанинова Фелпцата дѣвца, I, 113 —
 116, 118, 196; II, 150.
 Турчаниновъ А-ъ А-ндр. I, 113.
 Туссень-Мезьеръ III, 119.
 Тутолминъ Тимоф. Ив. II, 218, 223.
 Тухачевская Елис. Петр. III, 174, 175;
 IV, 155; V, 113, VII, 135.
 Тухачевская Над. Александр. IV, 155;
 VII, 135, 231.
 Тухачевскій Н. А. Тульск. губ. V, 120;
 VII, 230.
 Тухачевскій Никол. Серг. IV, 155; VII,
 135, 136.
 Тухачевскій Серг. Сем. III, 174; IV, 155.
 Тухачевскія VII, 135.
 Тучковъ Никол. Алексѣев. III, 40, 41, 43
 Тютчева Над. Ив. III, 174, 175.
 Тютчевъ III, 176; VI, 131.
 Тюфякина княг. II, 38.
 Тюфякинъ князь П. И. III, 22; V, 35,
 36; VI, 50, 51.
 *
 Уварова Дарья Ив. IV, 169.
 Уваровъ С. С. графъ II, 15, 216; III, 106;
 IV, 169, 173—176; V, 8, 40, 41, 51; VII, 41.
 Уваровъ Сем. Оедор. IV, 169.
 Уваровъ Оедоръ Петр. IV, 170; VI, 34.
 Уваровъ Оедоръ Семен. IV, 169.
 Угрюмовъ ст. с. VII, 81, 188.
 Улыбышева Агабья Ив. IV, 78.
 Улыбышева Ел. Александр. IV, 77—79.
 Улыбышевъ Ив. IV, 76—78.
 Унгернъ-Штернбергъ баронъ I, 20.
 Урсулъ VI, 164, 165, 166.
 Урусова княжна Ек. Серг. I, 114; II, 228.
 Урусовы княжны VI, 29.
 Успенскій IV, 25—27.
 Устиновы V, 171.
 Ухтомскій князь VI, 78.
 Ушаковы I, 13.
 *
 Фабръ V, 19, 20; VII, 97.
 Фалѣевъ К. 29.
 Фантаци III, 122.
 Фанъ-деръ-Флитъ А-а Ефр. II, 166.

Феньшъ Кіевск. г. губ. I, 198—201; VII, 151; K, 32.
 Фердинандъ принцъ Кобургскій III. 49.
 Фердинандъ VII-й V, 179; VI, 7.
 Фердинандъ д' Эсте VII, 117.
 Фердинандъ эрцгерцогъ III, 58.
 Ферзенъ гр. I, 92.
 Ферморъ гр. I, 75; K, 22.
 Фетъ-Али-шахъ K, 50.
 Фигнеръ IV, 75.
 Филаретъ М. М. III, 73; IV, 82.
 Филиповскій VII, 97.
 Филисъ актр. II, 48, 49; III, 39, 121, 122, 131, 132; IV, 166; VI, 52.
 Фирихъ VI, 159, 162.
 Фирсовъ в. губ. VII, 99, 215.
 Фитингофъ г-жа V, 11.
 Фіорованти III, 130.
 Флѣри VI, 180, 181.
 Фодоасъ III, 6.
 Фодоръ-Менвіель III, 132.
 Фоксъ II, 6.
 Фокъ Переясл. комед. I, 39, 42, 43.
 Фокъ Макс. Як. I, 39.
 Фокъ Петръ Як. I, 43.
 Фонвизинъ Д. III, 35, 124.
 Фонтанъ V, III.
 Фанъ-Фокъ Макс. Як. VII, 39, 107—110.
 Форсеваль г-жа I, 107—110, 113, 118.
 Форсеваль госп. I, 108, 129; III, 22.
 Фотинъ врачъ VII, 44.
 Фотій архимандр. VI, 65.
 Фохтсъ Каролина Ив. VII, 60.
 Франкони V, 112.
 Франкъ баронъ V, 140.
 Франкъ Апт. Ром. VII, 142.
 Франкъ VII, 144, 188, 189, 205.
 Франкъ г-жа VII, 143.
 Франкъ-Пфейлицеръ От. Ром. баронъ VI, 90, 91, 95, 122, 124, 172; VII, 86, 141, 142, 167.
 Францовъ IV, 73.
 Францъ II, II, 233.
 Фраполи дѣвица VI, 138; VII, 186.
 Фреморъ I, 52.
 Фридрихъ принцъ Виртембергскій I, 31, 32.
 Фридрихъ I-й V, 85.

Фридрихъ Великій V, 30, 88, 91, 92, 94, 100.
 Фрожеръ актеръ I, 156 III, 119.
 Фуа VI, 6.
 Фундуклей VI, 93.
 Фурманъ Ал. Ѳедор. VII, 68.
 Фурманъ г-жа VII, 188.
 Фурманъ Ром. Ѳедор. VII, 68.
 Фуше III, 111; VI, 10.
 Фюалдесъ V, 112.
 *
 Хамаритѣ VII, 160, 172, 180, 182.
 Ханджери княз. VI, 180.
 Ханджери Телемакъ VI, 152.
 Хартуллярій VII, 157, 209.
 Хвостова А-а. Петр. II, 225, 227; III, 6, 7, 59, 155, 158; IV, 131, 135, 136; VII, 41.
 Хвостовъ А-ъ Сем. II, 112, 157.
 Хвостовъ Вас. Сем. II, 156, 193, 196.
 Хвостовъ графъ Д. II. III, 129, 143—146, 149, 154, 161; IV, 50, 131, 166, 168.
 Хвостовъ Дм. Сем. II, 225, 226.
 Хвостовы II, 139, 140, 156, 158, 171, 173, 174.
 Хераскова II, 225.
 Херасковъ М. М. I, 114; III, 133, 135, 143.
 Херескуловъ II, 225.
 Херубини III, 122, 130.
 Херхеулидзеъ князь Зах. С. VI, 122; VII, 187.
 Хилкова княжна Анна Мих. III, 32, 36.
 Хилкова княгиня Елисавет. Петр. III, 32.
 Хитровъ сенат. VII, 4.
 Хлюстинъ VII, 235.
 Хмельницкій Богд. I, 57; IV, 30; K, 19.
 Хмѣльницкій Никол. Ив. V, 154; VI, 55.
 Хованская кн. I, 51, 54, 55, 68.
 Хованская княжна Анна Александр. V, 79, 80.
 Хованская княжна Пат. I, 53, 184, 185.
 Хованскія княжны I, 184.
 Хованскій князь Вас. А. I, 51—53, 55, 57; II, 65, 204.
 Ховрина Ал-дра Степ. IV, 12.
 Ховринъ Левъ Вас. IV, 12.

- Холокевская IV, 49.
 Хомяковъ А. Ст. III, 148.
 Хорватъ О. И. VI, 101.
 Хотяевъ VII, 35.
 Храповицкая IV, 67.
 Храповицкій Ив. Сем. VII, 243.
 Хребтовичъ графъ VI, 37, 176.
 Христина королева III, 65.
 Христианъ принцъ Датскій, V, 49.
 Христіернъ III, 65.
 Хрущова Агафья Ив. IV, 78.
 Хрущовъ Александръ Павл. V, 157,
 200, 201.
 Хрущовъ Ал-дръ Петр. IV, 78, 79.
 Хрущовъ Петръ Петр. IV, 78, 79.
 Хрущовы II, 94; V, 189; VI, 39, 45.
 *
 Цвиллингъ Ив. Ив. V, 166.
 Цейеръ II, 25.
 Цирлейнъ Эд. Карл. II, 112, 113.
 Цитенъ V, 90.
 Циціановъ кн. II, 105.
 *
 Чаадаевъ П. Я. VI, 18, 20.
 Чарторижскіе IV, 30, 181.
 Чарторыжскій кн. Ад. II, 5, 11, 105,
 206; III, 9, 16, 84, 117; V, 10.
 Чацкій гр. I, 84.
 Чегодаевы I, 206.
 Чемесова Марѳа Андр. VI, 58, 76.
 Чемесова Марѳа Ефим. IV, 106, 108.
 Чемесовъ Е. П. I, 26, 213; II, 81, 83,
 84, 125; IV, 106; VI, 58.
 Чемесовы II, 83, 86; VI, 58.
 Челѣга атаманъ К, 26.
 Черкасская княгиня Над. Александр.
 V, 182.
 Чернецкій музык. I, 42.
 Черникова III, 131.
 Чернига гр. VI, 181,
 Чернины IV, 30.
 Чернышова графиня Анна Ив. V, 44.
 Чернышова граф. Д. П. I, 138.
 Чернышовъ граф. А. И. VII, 214.
 Чернышовъ графъ З. Гр. I, 122.
 Чернышовъ графъ Ив. Григ. V, 44, 99.
 Чернышовъ гр. П. Г. I, 99.
 Чернышовы гр. II, 226; IV, 87, 162, 163.
 Четвериковъ I, 198.
 Четвертинская княжна Жанета IV, 68,
 138.
 Четвертинская княгиня Над. Федор. IV,
 67, 68, 70, 113.
 Четвертинскій князь Ант. IV, 68.
 Четвертинскій князь Борисъ Ант. III,
 102; IV, 59, 68, 69, 99, 137.
 Четвертинскій князь Густавъ Антон.
 IV, 68.
 Четвертинскій кн. Конст. Ант. IV, 68.
 Чингисъ-ханъ К, 15.
 Чичаговъ П. В. II, 12; III, 16, 87; IV,
 39, 43, 81; V, 125, 126; VI, 68; VII, 61.
 Чоблоковъ III, 55; V, 21.
 Чороковъ Григ. Петр. II, 234.
 Чудаковской I, 209.
 Чудовской V, 90.
 Чулковъ Вас. Ив. I, 14, 15, III, 173,
 174.
 *
 Шабб баронъ VI, 23.
 Шаликовъ III, 138—140, 143.
 Шапошниковъ III, 129, 148.
 Шардонъ г-жа I, 48, 49, 51, 53, 84,
 200.
 Шардонъ инженер. I, 46, 48, 49, 141;
 II, 43.
 Шаренбергъ III, 164.
 Шатобріанъ V, 111; VI, 182.
 Шатровъ III, 133.
 Шауфусъ Елис. Ф. VII, 158.
 Шаховская княжна IV, 67.
 Шаховской кн. А. А. II, 51, 56; III,
 38, 125, 126, 128—130, 144, 147, 150,
 151; IV, 164, 166, 168, 171—173, 175,
 177; V, 33, 36; VII, 187.
 Шаховской князь Бор. Гр. V, 185.
 Шаховской кн. Вал. М. VI, 51, 55, 121.
 Шаховской князь Никол. Григ. V, 185,
 186.
 Шварценбергъ князь III, 57; IV, 81;
 V, 98.
 Шварцъ И. И. II, 127, 128; III, 114;
 VI, 16, 20, 54; VII, 159.
 Шварцъ тракт. II, 139.
 Шевалье актриса I, 155; II, 48; V, 24.
 Шевалье-дю-Брюкъ К, 53.

- Шевалье-де-Карро VI. 181.
 Шевалье-де-Сизо VI. 181.
 Шеваревъ II, 129.
 Шевелева I, 124.
 Шевыревъ V, 44.
 Шемаевъ V, 35.
 Шёнфогель докторъ I. 60.
 Шепелевъ Дм. Дм. V, 189.
 Шепингъ III, 123.
 Шервудъ VII, 91.
 Шереметева Варв. Петр. IV, 67.
 Шереметева Ек. Вас. IV, 67.
 Шереметевъ гр. Дм. Никол. IV, 67;
 VII, 27.
 Шереметевъ графъ Н. П. I, 146, 193.
 Шереметевъ Серг. Вас. IV, 67.
 Шетарди II, 7.
 Шиллеръ V, 99.
 Шиль III, 58.
 Ширковъ Семень Ерм. I. 58.
 Ширковы I, 58.
 Шишкинъ VI, 45.
 Шишнова жена министра I. 12.
 Шишновъ Ал. Сем. II, 55, 56; III, 144,
 148, 150; IV, 35, 52, 80, 141, 143, 165;
 V, 41, 111; VI, 65; VII, 40, 100, 125,
 214, 245—247.
 Шишковъ в. губ. II, 164.
 Шнляренко VII, 196, 207, 211, 212.
 Шноттъ баронесса III, 160.
 Шлыковъ III, 175.
 Шоазель-Гуфье гр-я VI, 114, 125.
 Шовеленъ VI, 7.
 Шпигель К, 22.
 Шредеръ Андр. Андр. V, 127.
 Штакеншнейдеръ V, 31.
 Штейнбергъ II, 51.
 Штейнгель III, 80.
 Штейнгель Ив. Федор. II, 195, 196;
 Штейнсбергъ III, 124.
 Штейнъ баронъ IV, 80; V, 6, 8, 46,
 51, 93; VI, 35.
 Штиглиць III, 12.
 Штонманъ К, 22.
 Штось ф.-егеръ II, 112, 116, 177.
 Штофельнъ К, 22.
 Штуттергеймъ V, 83.
 Шубертъ А-й Петр. II, 117, 118, 128,
 129, 157, 167, 182, 189.
 Шуберты II, 179, 207.
 Шувалова гр. Е. П. II, 10.
 Шуваловъ графъ Андр. Петр. III, 51,
 53.
 Шуваловъ графъ Пав. Андр. III, 50,
 51, 53, 60, 61, 75.
 Шуйская княг. I, 84; II, 35.
 Шуйскій царь I, 83; III, 65; IV, 22.
 Шульженно VI, 112.
 *
 Щедринъ V, 31.
 Щениковъ V, 34.
 Щербатова княжна I, 202; IV, 24.
 Щербатова княжна Анна Андр. III,
 90; IV, 136.
 Щербатова княжна А. М. VI, 18.
 Щербатова княж. Марья Анд. IV, 149.
 Щербатова княг. Анна Мих. III, 32, 36.
 Щербатовъ князь Андр. Ник. III, 32,
 90; IV, 25.
 Щиржецкій Нв. Дан. VII, 157, 179,
 207, 211, 212.
 Щученковы I, 163.
 *
 Эвениусъ VI, 43.
 Эгмонтъ V, 8.
 Эдлингъ графиня Рокс. Скарл. V, 64;
 VII, 192.
 Эделингъ графъ Альб. VI, 128, 129.
 Эйбенъ баронъ I, 126.
 Эйтнеръ VI, 146, 184.
 Эйхфельдъ VI, 116, 184.
 Экартъ V, 98.
 Элимъ князь V, 99.
 Эллизенъ Ег. Ег. V, 56, 72; VII, 97.
 Эльсонъ архит, VII, 73.
 Эмме П. Ф. VI, 75.
 Энгельгартъ гр. А. В. I, 43.
 Энгельгартъ В. В. VI, 86; VII, 178.
 Энгельгартъ Ив. Мих. II, 146, 147.
 Энгельгартъ III, 86; IV, 58.
 Энгельсонъ IV, 40.
 Эртель I, 168, 169, 177, 180; III, 114.
 Эспехо Каролина VI, 67.
 Эспехо V, 180; VI, 22, 42.

Эссенъ Петръ Кпрпл. II, 201; VII, 55.
Эстенвиль (д') маркиза V, 126.

*

Юматова Ал-дра Фил. V, 69.
Юматова Анна Дм. V, 69.
Юматовъ Дм. Ив. V, 69.
Юматовъ Петръ Ив. V, 69.
Юматовъ Ст. Ив. V, 69.
Юматовы VI, 75.
Юнгъ-Штиллингъ V, 176.
Юни Францъ Александр. II, 111, 112,
120.
Юргенсъ IV, 146--148.
Юсупова княгиня Т. В. I, 131, 143,
III, 103.
Юсуповъ князь V, 113.
Юсуповы IV, 32.
Юшкова Анна Петр. II, 202; VII, 216.
Юшковы II, 140—142.

*

Яблоновская княг. I, 83,
Яблоновскій князь I, 12.
Ягелло V, 84.
Ягницкій V, 140; VII, 86.
Языковъ Дм. Ив. III, 153.
Якоби ген.-г. II, 164.
Яковлевъ акт. I, 159; II, 51—53; V,
34; VI, 47, 48.
Яковлевы I, 13.
Якубовичъ декабр. I, 59.
Яновская Гул. Ос. VI, 82.
Яновскій Евст. Яковл. I, 35.
Яновской шт.-лек. I, 41.
Янъ Казимиръ I, 86.
Ярославъ Владимировичъ кн. К, 12, 13.
Яхонтовъ I, 41.

*

Федоровъ Пав. Ив. II, 51; VII, 83, 198,
199, 215.
Феодоръ Иоанновичъ царь IV, 21.
Феофилактъ III, 73.

*

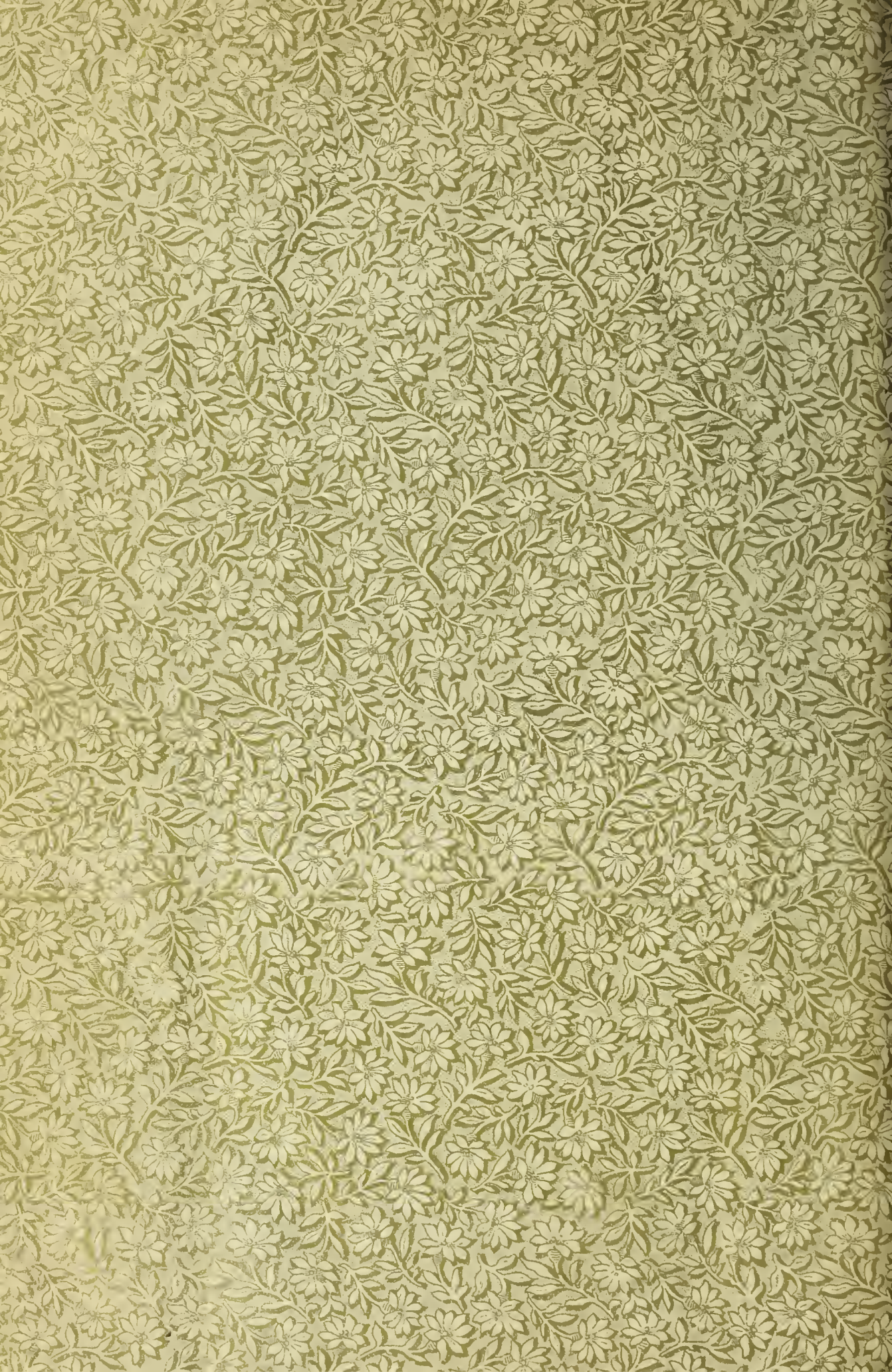
Нынѣ оконченное второе полное изданіе Записокъ Ф. Ф. Вигеля началось съ 6-й тетради «Русскаго Архива» 1891 года.

Къ нему приложено два портрета:

1) Къ четвертой тетради (выпускъ 6-й «Русскаго Архива» 1892 года) портретъ автора, съ акварельнаго рисунка, сохранившагося у родныхъ его.

2) Генераль-лейтенанта Ильи Ивановича Алексѣева (супруга Натальи Филиповны, ур. Вигель), внучка котораго Наталья Николаевна Арапова передала въ «Русскій Архивъ» подлинную рукопись Записокъ Ф. Ф. Вигеля. Портретъ этотъ приложенъ къ седьмой части (тетрадь 4-я «Русскаго Архива» 1893 года); онъ сдѣланъ съ рѣдкой современной литографіи, и за сообщеніе его мы обязаны Василию Константиновичу Попандоуло. П. Б.

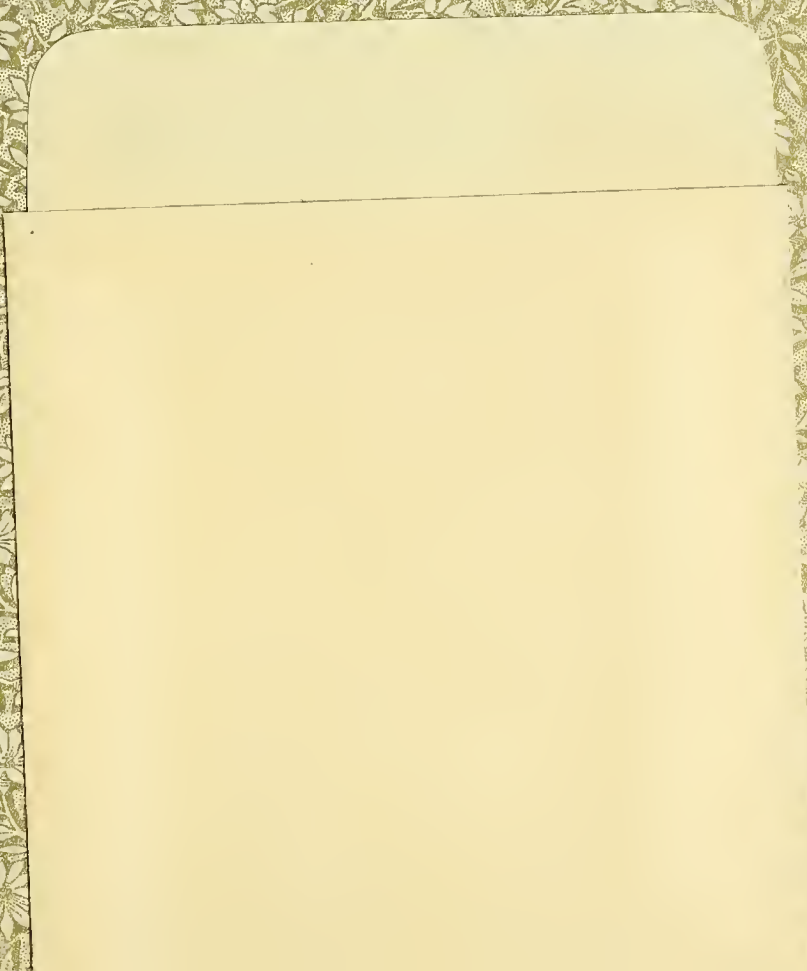

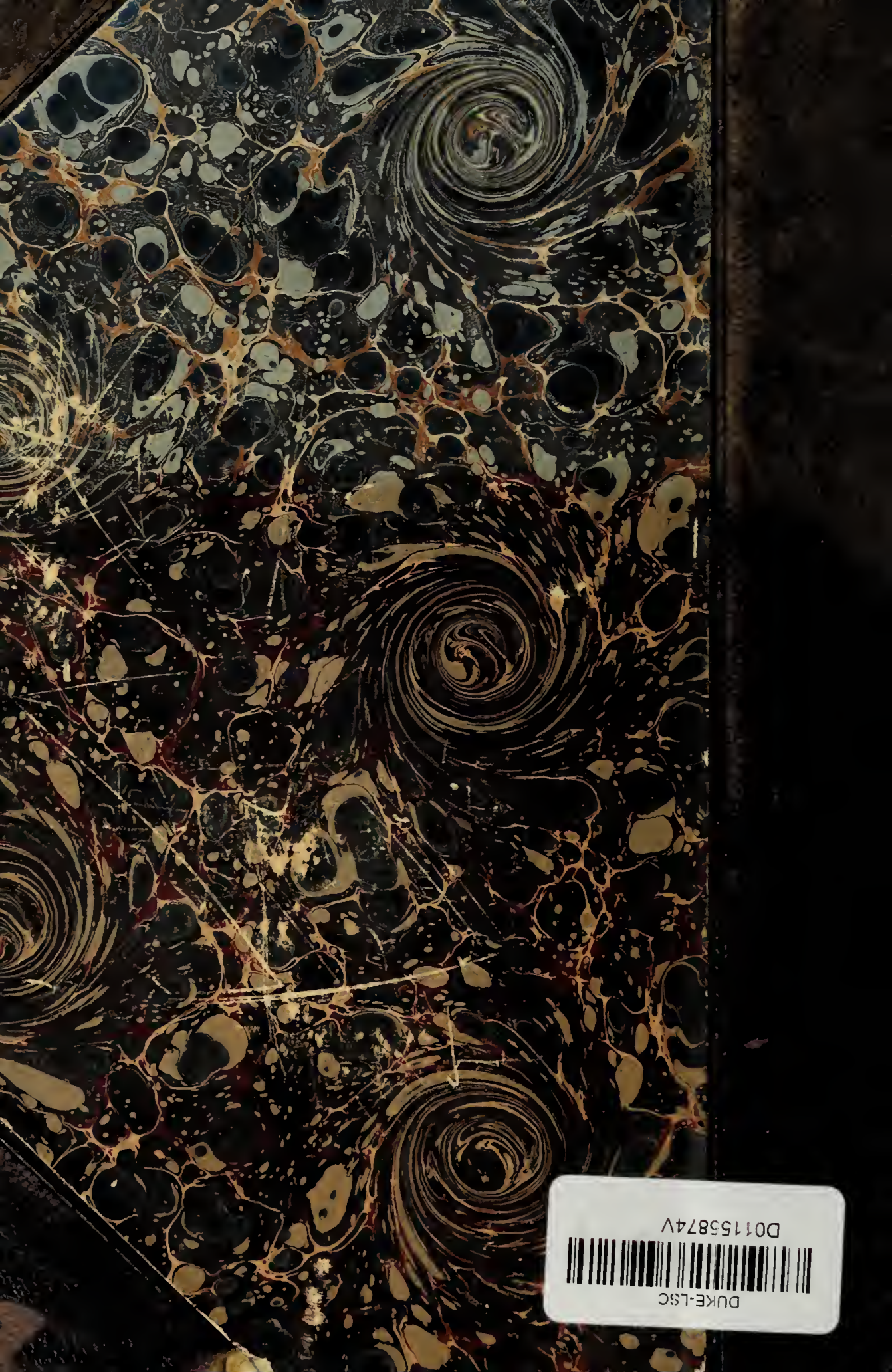

Duke University Libraries

D01155874V

DUKE-LSC
D01155874V

